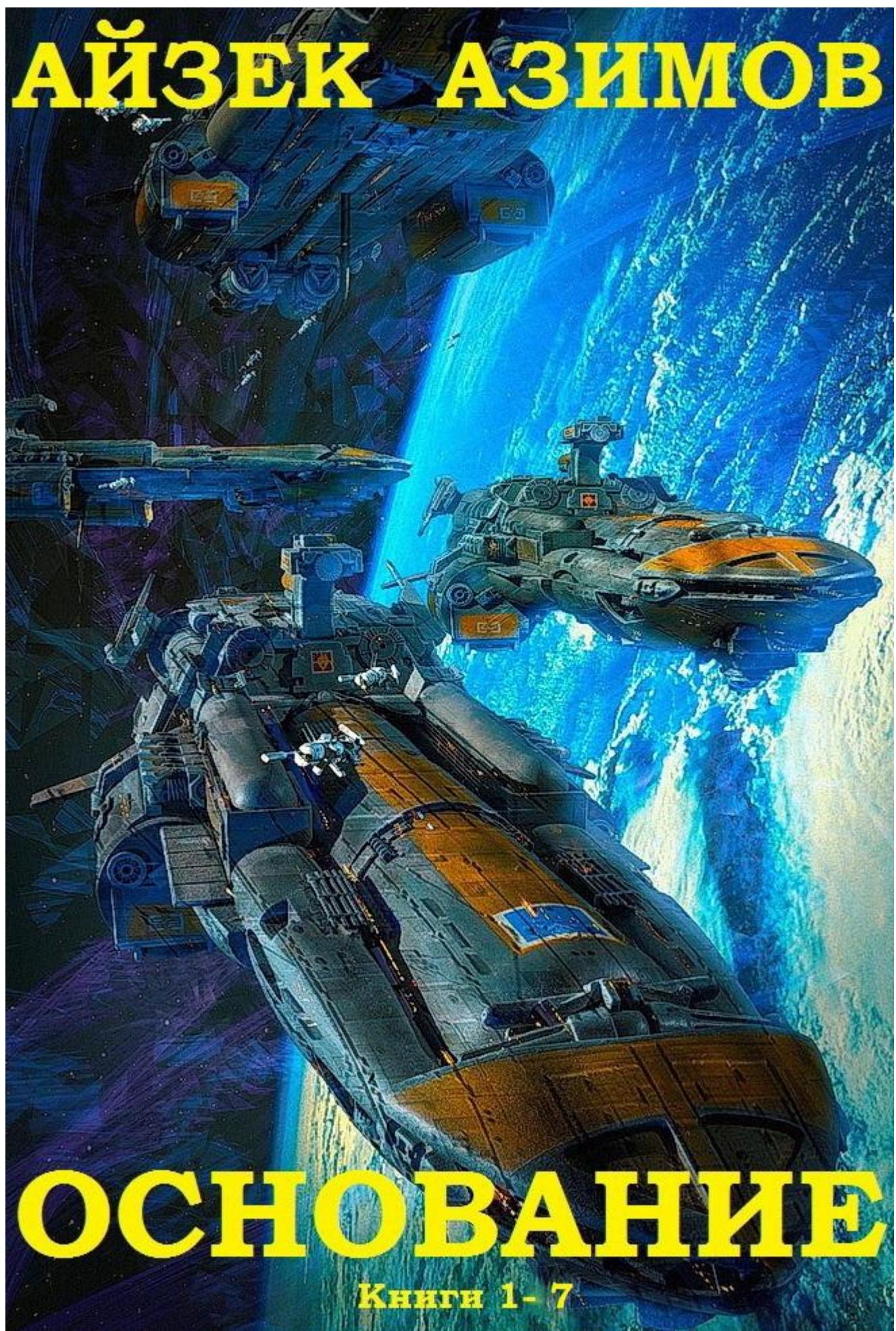

Айзек Азимов
Цикл романов "Основание". Компиляция .Книги 1-9

Аннотация

Цикл «Академия» повествует о расцвете и упадке огромной галактической империи, которой правили детерминистские законы «психоистории». Великий План Гэри Селдона предвещал упадок империи через пятьсот лет. Это – неизбежность. Это – инертный процесс, в котором участвуют все население Галактики, действия отдельных людей в котором не сравнить даже с комаринным укусом для слона. Гэри Селдон основал Академию, которая по Плану должна была быть центром возрождения Империи. Период упадка при этом снижался с предсказанных тридцати тысячелетий до одного. Долгое время План Селдона был нерушим. Людям с рождения прививалась мысль, что история будущего уже написана рукой великого гения психоистории. Так как же могло получиться так, что один человек смог разрушить План, за ничтожный срок подчинив себе всю Галактику? Этого не мог предвидеть даже Селдон...

Содержание:

1. Прелюдия к Академии (*Перевод: Надежда Сосновская*)
2. На пути к Академии (*Перевод: Надежда Сосновская*)
3. Академия (*Перевод: Надежда Сосновская*)
4. Академия и Империя (*Перевод: Надежда Сосновская*)
5. Вторая Академия (*Перевод: Надежда Сосновская*)
6. Академия на краю гибели (*Перевод: Надежда Сосновская*)
7. Академия и Земля (*Перевод: Надежда Сосновская*)

Айзек Азимов Прелюдия к Академии

Глава первая Математик

Клеон I – последний Император Галактики из династии Антунов. Родился в 11988 г. ГЭ. В этом же году родился Гэри Селдон. (Считается, что дата рождения Селдона, точность которой у многих вызывает сомнения, приблизительно совпадает с датой рождения Клеона, – с ним Селдон якобы познакомился вскоре после того, как впервые прибыл на Трентор.)

Заняв Имперский престол в 12010 г. в возрасте двадцати двух лет, Клеон I правил Империей в промежуток времени, отличавшийся удивительным затишьем. Учитывая, сколь тревожны были времена, предшествовавшие воцарению Клеона, мир и спокойствие, отличавшие срок пребывания монарха на престоле, несомненно, стоит приписать его ловкому и умелому секретарю, Эдо Демерзелю, который столь старательно избегал упоминаний своего имени и деяний в прессе, что достоверных сведений о нем сохранилось крайне мало.

Сам же Клеон...

Галактическая энциклопедия¹

1

Подавив зевок, Клеон проговорил:

---

¹ Все приводимые цитаты из Галактической Энциклопедии взяты из 116-го издания, опубликованного в 1020 г. АЭ Издательством Галактической Энциклопедии на Терминусе, с разрешения издателей.

— Скажи, Демерзель, ты, случайно, не слыхал о человеке по имени Гэри Селдон?

Клеон царствовал уже более десяти лет и порой, в особо важных случаях, облаченный в парадные одежды и при всех регалиях, ухитрялся-таки производить впечатление могущественного правителя. Ну, например, такого, каким выглядел на голографическом изображении, что красовалось в нише стены у него за спиной. Располагалось оно так, чтобы производить как можно более выгодное по сравнению с фигурами предков Клеона, скромно разместившимися в других нишах, впечатление.

Изображение, надо сказать, не совсем соответствовало действительности. Каштановые волосы Императора на деле были не такими густыми; правый уголок верхней губы был опущен, а левый приподнят. Непонятно, с какой стати, однако эти досадные мелочи в изображении отсутствовали. Вдобавок, если бы Император встал рядом со своей статуей, рост которой составлял один метр восемьдесят три сантиметра, сразу стало бы заметно, что живой Клеон сантиметра на два пониже, и не такой уж стройный.

Но изображение сделали тогда, когда Клеон еще только-только короновался, а в ту пору он был моложе. Он и теперь выглядел довольно-таки молодо, был красив, а в часы, свободные от официальных церемоний, лицо его порой озарялось человеческой добротой и мягкостью.

Демерзель с подчеркнутой вежливостью и уважением ответил:

— Гэри Селдон? Это имя, сир, мне незнакомо. Следует ли им заинтересоваться?

— Вчера вечером мне о нем рассказал министр науки. Вот я и подумал, что и ты, может, что-нибудь слышал.

Демерзель слегка нахмурился, едва заметно — поскольку хмурился в присутствии Императора не позволялось никому.

— Министру науки, сир, следовало бы прежде всего сообщить об этом человеке мне, как Государственному секретарю. Да если каждый министр примется заваливать вас сообщениями...

Клеон приподнял руку, и Демерзель сразу же умолк.

— Ну-ну, Демерзель, порой можно пренебречь формальностями. Просто я столкнулся с министром на вчерашнем приеме, и стоило мне только сказать ему пару слов, как его понесло. Не мог же я оборвать его, сам посуди. И знаешь, я не пожалел — то, что он рассказал, показалось мне довольно забавным.

— В каком роде забавным, сир?

— Ну, видишь ли, старые добрые времена, когда наука и математика, в частности, расцветали, давно канули в небытие. Может быть, все открытия уже совершены, как ты думаешь? И все-таки, что-то интересное, оказывается, может случиться. По крайней мере, меня уверили, что это интересно, скажем так.

— Сир, министр науки вас уверил?

— Да. Он сказал мне, что Гэри Селдон выступил на конгрессе математиков здесь, на Тренторе, — они, вроде бы, зачем-то устраивают эти конгрессы каждые десять лет — ну, так вот, он сказал мне, будто бы Селдон доказал, что можно предсказывать будущее — математически.

Демерзель позволил себе усмехнуться.

— Думаю, либо министр науки, как человек не слишком осведомленный, ошибается, либо же ошибается этот математик. Предсказание будущего — детские сказочки.

— Ты так думаешь, Демерзель? А ведь люди в такое верят.

— Люди многое во что верят, сир.

— Однако раз они верят *в такое*, какая разница, верны ли предсказания? Если этот математик сумеет предсказать мое долгое и счастливое правление, и мир и процветание Империи — хм-м-м... что тут дурного, спрашивается?

— Услышать такое предсказание приятно, спору нет, но что это даст, вот вопрос, сир?

— Что даст? Очень многое! Главное, чтобы народ поверил, вот и все. Масса пророчеств сбывалась только от того, что в них верили. Назовем их «самосбывающимися пророчествами». Не ты ли, кстати, сам мне это и втолковал в свое время?

— Пожалуй, что я, сир, — согласился Демерзель. Он не спускал глаз с Императора, прикидывая, стоит ли встремить или, наоборот, дать монарху выговориться, — Но, если так, в пророки можно избрать кого угодно.

— О, Демерзель, уверяю тебя, поверят далеко не всякому. А вот математика, который смог бы подтвердить свое пророчество кучей формул и снабдить его мудреной терминологией, вряд ли кто поймет, зато уж поверит ему, без сомнения, любой.

— Сир, — Демерзель почтительно наклонил голову, — в здравом смысле вам, как всегда, нет равных. Мы живем в тревожное время, и нет ничего более разумного, как превратить его в более спокойное, не прибегая при этом ни к деньгам, ни к оружию — подобные попытки в прошлом ничего хорошего не принесли, скорее наоборот.

— Вот именно, Демерзель, — довольно кивнул Император. — Заполучи же этого Гэри Селдона. Ты не раз уверял меня в том, что в твоих руках все ниточки нашего мятущегося мира — даже такие, за какие я не в силах потянуть. Так потяни же за них и найди этого математика. Приведи его ко мне.

— Слушаюсь и повинуюсь, сир, — сказал Демерзель, который на самом деле уже положил глаз на Селдона, и мысленно возблагодарил министра науки за то, что тот сделал работу за него.

2

Гэри Селдон в ту пору не производил сколько-нибудь внушительного впечатления. Он находился в том же возрасте, что и Император Клеон, — им обоим было по тридцать два; ростом Селдон вышел не слишком — метр семьдесят три сантиметра. Гладкая кожа, улыбчивое лицо, темные, почти черные волосы. По манере одеваться в нем безошибочно угадывался провинциал.

Впоследствии всякий, кому Гэри Селдон был известен не иначе, как мифический полубог, легендарный герой, счел бы поистине святотатственным предложение представить этого человека без благородных седин, морщин глубокой старости на лице, озаренном мудрой улыбкой; без инвалидного кресла. И тем не менее, тогда Селдон был именно таков, каким тут описан.

От природы веселый и жизнерадостный, в эти дни он был особенно счастлив — ведь ему выпала великая честь сделать доклад на Конгрессе. Это и само по себе можно было считать великой удачей, но, кроме того, его сообщение вызвало кое-какой интерес. Сам старик Остерфит кивнул ему и похвалил: «Изобретательно, молодой человек. Весьма изобретательно», В устах Остерфита это звучало едва ли не высочайшей похвалой. Лучше не придумать.

А теперь события и вообще приняли совершенно неожиданный оборот, и Селдон, откровенно говоря, сам не знал, радоваться ему или огорчаться.

Перед ним стоял высокий молодой человек в военной форме. На его кителе — слева на уровне груди — красовалась эмблема — «Звездолет и Солнце».

— Лейтенант Альбан Веллис, — представился офицер Императорской Гвардии, пряча удостоверение. — Угодно ли вам будет последовать за мной, сэр?

Он, конечно же, был вооружен. За дверью стояли еще двое гвардейцев. Селдон понимал, что выбора у него нет, несмотря на «угодно ли», однако мог же он хотя бы поинтересоваться, в чем дело!

— К Императору? — спросил он.

— Во Дворец, сэр. Мне велено доставить вас во Дворец.

— Но зачем?

— Мне не объяснили, сэр. Но дали понять, что доставить вас туда я обязан — захотите вы этого или нет.

— Но это, пожалуй, больше похоже на арест, а я ничего противозаконного вроде бы не совершал.

— Я бы все расценил несколько иначе: представьте, что вам придан почетный эскорта — то есть, все будет выглядеть именно так, если вы отправитесь со мной сейчас же, без промедления.

Селдон не стал спорить. Он только крепче сжал губы, чтобы не задавать лишних вопросов, кивнул и зашагал вперед. Никакой радости он не испытывал, пускай даже его ждала встреча с самим Императором и имперские почести. Он был готов служить Империи — то есть, мирам, ее составляющим, их спокойствию и процветанию. Империи, да, но не Императору.

Лейтенант обогнал Селдона, а двое гвардейцев пошли следом. Селдон, шагая по коридору, улыбался встречным и старался не подавать виду, что у него что-то не так. Возле гостиницы стоял правительственный автомобиль. (Селдон не смог удержаться и провел ладонью по роскошной обивке сиденья – в таких машинах ему еще ездить не доводилось.)

Автомобиль пересекал один из самых фешенебельных районов Трентора. Здесь купол был столь высок, что создавалось полное ощущение его отсутствия, и любой – даже Гэри Селдон, который родился и вырос на самой обычной, открытой планете – мог поклясться, что никакого купола тут нет и в помине. Ни солнца, ни теней, однако все залито светом, а воздух – свеж и прозрачен.

Но скоро все переменилось, купол стал ниже, стены – ближе, и автомобиль понесся по закрытому туннелю, стены которого время от времени украшали «звездолеты и солнца». Селдон решил, что его везут, скорее всего, по трассе, предназначеннной исключительно для высокопоставленных персон.

Но вот туннель окончился. Отъехала вбок массивная дверь, и автомобиль выехал на открытое пространство – по-настоящему открытое, что правда, то правда. На Тренторе существовал единственный островок земли, не спрятанной под куполом, – двести пятьдесят квадратных километров. Тут стоял Дворец Императора. Селдон давно мечтал попасть на этот островок – но не из-за Дворца, конечно, а из-за того, что, кроме Дворца, здесь располагался также и Имперский Университет, а самое главное – Галактическая Библиотека.

Но вот что удивительно: покинув законсервированный мир Трентора и оказавшись там, где рос лес и раскинулись парки, он увидел небо, подернутое тучами, и поежился от холодного ветра. Селдон нажал кнопку и закрыл боковое стекло.

Погода стояла неважная.

3

Селдон и не надеялся увидеть Императора. Наверняка, в лучшем случае, его ожидала встреча с каким-нибудь вельможей из четвертого или пятого эшелона власти – из тех, кому позволено говорить от имени Императора.

Ведь, по сути дела, многим ли из людей довелось видеть Императора? Видеть воочию, а не на экране головизора? Кто видел его своими глазами, живого – такого, какого можно пощупать, того Императора, что никогда не покидал своего островка, по которому теперь автомобиль вез Селдона?

Таких людей, скорее всего, можно было пересчитать по пальцам. Двадцать пять миллионов обитаемых миров, а в каждом из них – по миллиарду жителей, а то и побольше, и скольким же из квадриллионов обитателей Галактической Империи посчастливилось – или могло посчастливиться – лицезреть живого Императора? Ну, скольким же? Тысяче?

Впрочем, кого это заботило? Ведь Император был не более чем символом Империи, таким же, примерно, как «Звездолет и Солнце», но еще менее осязаемым, еще менее реальным. Империя теперь ни для кого не означала ничего, кроме солдат и чиновников, что кишили повсюду, и расплодились в таком неимоверном количестве, что люди стонали от этого непосильного бремени, взваленного на их плечи. Для народа они и были Империей – они, а не Император.

Поэтому, когда Селдона провели в небольшую, со вкусом обставленную комнату, где его ожидал довольно молодой мужчина, что сидел на краешке стола, небрежно покачивая ногой, он не на шутку удивился – уж больно дружелюбно выглядел этот чиновник. А ведь у Селдона уже не раз была возможность убедиться в том, что все высокопоставленные вельможи – а особенно тут, в цитадели Империи, – как на подбор, угрюмы и выглядят такими усталыми, словно именно на их плечах лежит тяжкий груз всех без исключения имперских забот и тягот. И при этом, что интересно, чем ниже рангом был чиновник, тем угрюмее и суровее взирал на посетителя.

Стало быть, этот чиновник добрался до таких заоблачных высот иерархической лестницы, где светило власти так согрело его своими ласковыми лучами, что ему не было никакой охоты омрачать их сияние и напускать на себя тучи зловещей суровости.

Селдон толком не понимал, как следует себя вести, а потому решил, что для начала лучше будет помолчать – пусть тот, кто звал его, заговорит первым.

И молодой человек заговорил.

– Вы – Гэри Селдон, как я понимаю, – сказал он. – Математик.

Селдон ответил коротко:

– Да, сэр, – и стал ждать нового вопроса.

Молодой человек небрежно помахал рукой.

– Следовало бы не «сэр», а «сир», только я терпеть не могу церемоний. У меня в жизни нет ничего, кроме церемоний, и я от них порядком устал. Мы с вами наедине, так что я с удовольствием расслаблюсь. Садитесь, профессор.

С трудом веря собственным ушам, Селдон понял-таки, что перед ним Император Клеон Первый, собственной персоной, и изрядно оробел. Теперь, приглядевшись получше, он, пожалуй, уловил некоторое сходство между своим собеседником и тем Клеоном, которого постоянно показывали в выпусках новостей. Но в головизионных роликах Клеон казался совсем другим: всегда при параде, выше, благороднее, с каменным лицом.

А тут – на тебе, живой оригинал, совсем обычный человек.

Селдон не в силах был пошевелиться.

Император слегка нахмурился и как человек, настолько привыкший повелевать, что не умел отбросить эту привычку даже тогда, когда искренне старался разыгрывать демократа, недовольно проговорил:

– Я же сказал, садитесь. Вот сюда. И побыстрее. Селдон, не говоря ни слова, сел. Даже «да, сир» он при всем желании выговорить не мог. Клеон улыбнулся.

– Так-то лучше. Теперь мы сможем поговорить по-человечески, а ведь оно так и есть, если отбросить официоз, а?

Селдон осторожно отозвался:

– Если ваше императорское величество говорит, что это так, значит, так оно и есть.

– О, ну не надо этих реверансов, профессор. Мне бы хотелось побеседовать с вами запросто, на равных. Так мне было бы приятнее. Ну же, веселее, не стесняйтесь.

– Хорошо, сир.

– Ну, опять... «Хорошо» – и все, больше ничего не надо. Как же мне вас раскачать, ума не приложу?

Клеон смотрел на Селдона, и взгляд его показался Селдону лукавым и заинтересованным. Наконец Император сказал:

– Знаете, а вы не похожи на математика.

Наконец-то Селдону удалось улыбнуться.

– Вот уж не знаю, как должен выглядеть математик, ваше имп...

Клеон предостерегающе поднял руку, и Селдон умолк на полуслове.

– Ну, наверное, математик должен быть седым, – прищурился Клеон, – седым, бородатым. Словом, обязательно стариоком.

– Но ведь и математики когда-то бывают молоды.

– Да, но это тогда, когда о них никто не знает. А к тому времени, когда математиков знает вся Галактика, они именно таковы, как я сказал.

– Боюсь, у меня пока нет никаких заслуг.

– И тем не менее, вы выступили на конгрессе.

– О, на конгрессе выступали многие. Кое-кто был и моложе меня. Надо сказать, там мало та кого обратили внимание.

– А вот ваш доклад привлек внимание кое-кого из моих людей. Мне сообщили, будто вы верите в возможность предсказания будущего.

Селдон огорчился. «Вот он о чем, – разочарованно подумал математик, – Все об одном и том же, и все меня понимают неправильно. Не стоило мне, наверное, вообще делать этот доклад».

– На самом деле это не совсем так, – ответил он. – Моя работа гораздо скромнее. Есть множество систем, в которых при определенных условиях течение событий принимает хаотический характер. Это означает, что даже при наличии точки отсчета результаты

предсказать невозможно. Так обстоит дело даже с примитивными системами, а чем система сложнее, тем вероятнее ее хаотическое развитие. Издревле полагали, что столь сложная система, как человеческое сообщество, более других систем подвержена хаосу, и следовательно, ее развитие непредсказуемо. Моя работа, однако, позволила показать, что при изучении людского сообщества существует возможность избрать точку отсчета, и за счет определенных допущений, направленных на подавление хаотичности, получить возможность прогнозировать будущее – но не в подробностях, конечно, а общо, и не с уверенностью, но с рассчитанной долей вероятности.

Император, внимательно выслушав Селдона, спросил:

– Но разве это означает, что вы показали, как предсказать будущее?

– Опять-таки, не совсем так. Я показал, что это теоретически возможно, но не более того.

Для того чтобы добиться большего, потребовалось бы действительно в точности определить точку отсчета, сделать вероятностные допущения, а затем найти способы произведения расчетов для конкретной эпохи. Пока я не располагаю данными о том, как это все можно было бы проделать. Но даже если бы все это удалось, в лучшем случае, мы получим лишь возможность оценивать вероятности. А это далеко не то же самое, что предсказание будущего. Нет, это будут всего-навсего догадки о том, случится то-то и то-то или нет. Любой преуспевающий политик, удачливый бизнесмен, да вообще любой человек, искушенный в своем ремесле, способен таким образом оценивать будущее, и делать это весьма недурно, в противном случае как бы они все преуспевали?

– Да, но они смотрят в будущее, не прибегая к математике.

– Верно. Они полагаются на интуицию.

– Следовательно, вооружившись математикой, всякий сможет точно оценивать вероятность событий. Тогда на интуиции далеко не уедешь, верно?

– Верно-то верно, но ведь я пока доказал только то, что математический анализ всего лишь возможен. Практическую сторону я не затрагивал.

– Разве может так быть, чтобы нечто было возможно, но неосуществимо на практике?

– А разве нет? Теоретически у меня есть возможность побывать во всем мире Галактики и поздороваться с каждым из живущих там людей. Но на это мне не хватит целой жизни, и будь я даже бессмертен, все равно, я еще не успею пожать руки всем старикам, как на свет народится уйма новых детишек, а кто-то успеет умереть, пока я до него доберусь.

– С вашей математической проработкой будущего – та же история?

Селдон немного растерялся, но довольно быстро собрался с мыслями.

– Очень может быть, что математическая проработка заняла бы немыслимо долгое время, даже если бы в распоряжении ученого был компьютер величиной с Галактику, работающий на гиперпространственных скоростях. К тому времени, когда добьешься ответа на поставленный вопрос, пройдет достаточно много лет, для того чтобы ответ потерял всякий смысл – жизнь неизбежно внесет свои поправки.

– Но почему не упростить этот процесс? – резко спросил Клеон.

– Ваше императорское величество... – Селдон почувствовал необходимость перейти на официальный тон, поняв, что Император явно не в восторге от его ответов и дружелюбие правителя мало-помалу убывает. – Представьте себе способ, которым физики изучали субатомные частицы. Этих частиц – неисчислимое множество, и каждая движется или колеблется по-своему, непредсказуемо, но оказывается, в этом хаосе существует свой внутренний порядок. Так родилась квантовая механика, способная ответить на правильно поставленные вопросы. Изучая общество, мы помещаем людей на место субатомных частиц, но тут возникает дополнительный фактор – сознание человека. Частицы движутся бессмысленно, а люди – осознанно. Если же учитывать разнообразие поведения и порывов, сложность расчетов возрастает настолько, что никакого времени на них не хватит.

– Ну, а у сознания не может быть такой же внутренней упорядоченности, как у бессмысленного движения частиц?

– Не исключено. Проведенные мною расчеты показывают, что порядок лежит в основе абсолютно всего, каким бы беспорядочным тот или иной процесс ни казался на первый взгляд. Но, увы, как отыскать этот внутренний порядок, эти закономерности. Представьте себе:

двадцать пять миллионов миров, каждый – со своими особенностями, традициями, культурой, каждый оригинал и непохож на другие, и в каждом – миллиарды людей, каждый из которых мыслит по-своему, и все миры взаимодействуют, и варианты этих взаимодействий поистине неисчислимы! Словом, как бы ни был в теории возможен психоисторический анализ, его практическое осуществление представляется невероятным.

– Вы сказали «психоисторический»? Что это значит?

– Я назвал теоретическую оценку вероятности будущего «психоисторией».

Император спрыгнул со стола, пересек комнату, развернулся, вернулся к столу и остановился перед Селдоном.

– Встаньте! – приказал он.

Селдон вскочил и посмотрел на Императора снизу вверх – ведь тот был немного выше ростом. Селдон нервничал, но старался не отводить взгляд.

После паузы Клеон сказал:

– Эта ваша психоистория… Если бы ее удалось осуществить на практике, польза вышла бы немалая, не так ли?

– Просто фантастическая! Знания о том, что ждет нас в будущем, пускай даже в самом обобщенном виде, стали бы новым, невиданным руководством к действию – такое средство еще никогда не попадало в руки человечества. Но, конечно же…

Селдон не договорил.

– Ну? – нетерпеливо поторопил Клеон.

– Ну… дело в том, что за исключением ограниченного числа людей, ответственных за принятие решений, результаты психоисторического анализа не должны быть известны никому.

– Никому?! – удивленно воскликнул Клеон.

– Это совершенно очевидно. Позвольте, я попытаюсь объяснить. Если психоисторический анализ будет осуществлен, и результаты его станут достоянием общественности, весь спектр людских эмоций и реакций тут же нарушится. А психоисторический анализ, основанный на эмоциях и реакциях, которые должны бы проявляться без знания о будущем, таким образом, становится бессмысленным. Понимаете?

В глазах Императора вспыхнули веселые искорки, он рассмеялся и воскликнул:

– Великолепно! – и при этом так хлопнул Селдона по плечу, что тот слегка покачнулся.

– Да как же вы не понимаете? – продолжал радоваться Клеон. – Неужели не видите? Нет никакой нужды предсказывать будущее. Нужно просто выбрать подходящее будущее – приятное и полезное, и обнародовать предсказание. Тогда всяческие эмоции и реакции, которых вы так боитесь, изменятся таким образом, что предсказанное будущее непременно настанет. Не лучше ли создать радостное будущее, чем предсказывать дурное?

Селдон нахмурился.

– Я вас понял, сир, но это точно так же невозможно.

– Невозможно?

– Ну, как минимум, непрактично. Не понимаете? Если нельзя взять отсчет от людских эмоций, то нельзя сделать и обратного. Нельзя вести отсчет от будущего и определять, какие именно эмоции и реакции людей к такому будущему приведут.

Клеон расстроился окончательно. Брезгливо поджав губы, он спросил:

– Ну, а ваш доклад – или как там он у вас называется – что от него толку?

– Это – чистая математика. Математиков он заинтересовал, но я… у меня и в мыслях не было, что у моих выкладок может быть практическое применение.

– Просто омерзительно! – сердито буркнул Клеон, Селдон растерянно пожал плечами. Больше всего на свете он сейчас сожалел о том, что выступил с докладом. Что с ним станет теперь, если Императору взбредет в голову, что его одурачили?

А вид у Клеона был такой, что, похоже, все к тому и шло.

– И все-таки, – недовольно продолжал Император, – что, если бы вы все же сделали предсказание будущего, с математическим подтверждением или без оного – такой прогноз, который помог бы государственным деятелям в управлении этими самыми людскими реакциями?

– Почему я? Зачем вам я? Государственные деятели вполне могут справиться с таким

прогнозом сами, без моей скромной помощи.

— У государственных деятелей так не получится. Они то и дело выступают со всяческими заявлениями. Им мало кто верит.

— А мне-то с какой стати должны поверить?

— Вы — математик. Вы *рассчитаете* будущее, а не проинтуи... — нет, такого слова, кажется, не существует, но вы меня поняли, конечно.

— Но я не сумею сделать этого!

— А кто об этом узнает? — тихо спросил Клеон, с прищуром глядя на Селдона.

Оба молчали. Селдон понял, что угодил в западню. Получив от Императора столь недвусмысленный приказ, имел ли он право и возможность отказаться? Откажется — угодит в тюрьму, а то и на плаху. Будет суд, конечно, но на справедливость уповать нечего.

Он глубоко вздохнул и сказал:

— Ничего не выйдет.

— Почему же?

— Если бы меня попросили предсказать нечто туманное, в самых общих чертах, нечто такое, что могло бы произойти уже после жизни нынешнего поколения, а может быть, и после жизни следующего, я мог бы сделать это, но, с другой стороны, кому какое будет дело до этого предсказания? Разве озаботит хоть кого-то несметное богатство и высочайшее наслаждение, если они отдалены на сто, на двести лет? Чтобы добиться результатов, — продолжал Селдон, — мне пришлось бы предсказывать вещи более насущного, злободневного характера, более приближенные к нашему времени. Люди способны ответить только на такого рода предсказания. Но раньше или позже, а скорее всего — раньше, нечто из предсказанного мной не сбудется, и тогда конец моей карьере прорицателя. Никто мне больше не поверит. Да и ваша популярность пошатнется. Но самое худшее — никто и никогда не отважился поверить в психоисторию, как в науку, никто не станет поддерживать, даже если в будущем математикам удастся приблизить ее достижения к реальности.

Клеон опустился в кресло и с усмешкой уставился на Селдона.

— И это все, на что вы, математики, способны? На то, чтобы доказывать, что то-то и то-то невозможно?

Селдон ответил тихо и обреченно:

— Но ведь это вы, сир, требуете невозможного.

— Дайте-ка, голубчик, я вас испытую. Допустим, я бы у вас спросил, не паду ли я в один прекрасный день жертвой покушения. Что бы вы мне ответили с помощью вашей математики?

— Моя математическая система не дала бы ответа на столь конкретный вопрос даже в том случае, если бы психоистория работала на все сто. Вся квантовая механика в мире неспособна предсказать поведение одного отдельного электрона — в ее силах лишь предугадать усредненное поведение множества электронов.

— Вы лучше знаете свою математику, чем я. Ну, давайте, выдайте мне научную догадку. Так убьют меня или нет?

Селдон тихо проговорил:

— Это ловушка, сир. Либо скажите мне, какого ответа вы от меня хотите, и я вам дам его, либо позвольте говорить свободно, но обещайте, что я останусь цел.

— Говорите, что хотите.

— Вы даете мне честное слово?

— Хотите получить подтверждение в письменном виде? — съехидничал Клеон.

— Нет-нет, что вы... Вполне довольно вашего устного заверения, — промямлил Селдон с упавшим сердцем. Он отлично понимал, что честному слову — грош цена.

— Считайте, что я дал вам честное слово.

— Ну, что ж... тогда я могу сказать вам следующее: за четыре последних века более половины Императоров пали жертвой террора. Из чего я могу сделать заключение, что вероятность вашей гибели составляет приблизительно один к двум.

— Любой дурак мог бы дать такой ответ, — презрительно хмыкнул Клеон. — Тут математик не нужен.

— А я вам как раз и твержу все время, что моя математика совершенно не годится для

решения практических вопросов.

– Но неужели вы даже не способны предположить, что я, к примеру, кое-чему выучился на ошибках своих неудачливых предшественников?

Селдон сделал глубокий вдох и с воодушевлением обреченного ответил:

– Нет, сир. Вся история говорит о том, что мы не учимся на ошибках прошлого, Ну, например, вы пригласили меня на личную аудиенцию. Что, если бы я взял да и оказался террористом? Я шучу, конечно, сир, – поспешно добавил он.

Клеон невесело улыбнулся.

– Голубчик, вы просто не осведомлены о нашей проницательности, а вероятно, и об успехах в технике, так сказать, самообороны. Нам о вас известно все до мелочей. Как только вы вошли, вас немедленно сканировали. Фотографии, запись голоса. Так что ваше эмоциональное состояние известно нам досконально. Можно даже сказать – мы прочли ваши мысли. Так что будьте уверены, будь у нас хоть малейшее сомнение в вашей благонадежности, вас бы сюда не допустили. Точнее говоря, вас уже не было бы в живых.

У Селдона закружилась голова, однако он взял себя в руки и произнес:

– Простым смертным всегда было нелегко приблизиться к Императорам, даже в те времена, когда у тех не было столь изощренной защиты. Однако почти всем покушениям предшествовали дворцовые заговоры. И именно ближайшее окружение Императора таит в себе наибольшую опасность для него. Этой угрозе никак не способно помешать самое тщательное обследование посторонних. Что же касается ваших приближенных, ваших телохранителей, ваших близких, в конце концов, к ним вы не можете относиться так, как ко мне.

– Это мне известно, – кивнул Клеон. – Во всяком случае, не хуже, чем вам. Дело в том, что я неплохо обращаюсь со своим окружением, и ни у кого нет причин для недовольства и бунтов.

– Легкомысленное… – начал было Селдон, но смутился и умолк.

– Продолжайте! – гневно воскликнул Клеон. – Я вам позволил говорить открыто. Что тут показалось вам легкомысленным?

– Я неверно выразился, сир. Простите, сорвалось. Я хотел сказать «неверное». Вы неверно относитесь к своему окружению. Вы, конечно, подозрительны; было бы странно, если бы это было не так. Неосторожно оброненное слово – ну, вот, как у меня сейчас вышло – легкомысленный жест, двусмысленное выражение лица – этого достаточно, чтобы вы посмотрели на этого человека подозрительно. Вашего подозрительного взгляда будет достаточно для того, чтобы события завертелись по порочному кругу. Ваш приближенный заметит вашу подозрительность, начнет нервничать, поведение его утратит естественность, и в конце концов либо его казнят, либо вас убют. Именно так все обстояло с Императорами в последние четыре столетия, и, кстати говоря, это – один из признаков того, что событиями в Империи становится управлять все труднее.

– Получается, что я ничего не способен сделать, чтобы избежать покушения?

– Нет, сир, – ответил Селдон, – но, правда, вы можете оказаться удачливее своих предшественников.

Кончики пальцев Клеона барабанили по подлокотнику кресла. Наконец он сердито проговорил:

– От вас никакого толку, так же, как и от вашей психоистории. Уходите.

Император отвел взгляд в сторону и как-то вдруг вмиг постарел.

– Я говорил вам, сир, что вам моя математика никакой пользы не принесет. Примите мои искренние извинения.

Селдон собрался было отвесить прощальный поклон, но в комнате внезапно появились двое охранников и уввели его. Голос Клеона прозвучал вслед:

– Доставьте этого человека туда, откуда привели.

— Сир, — проговорил он, — вы чуть было не вышли из себя.

Клеон посмотрел на Демерзеля и вымученно улыбнулся.

— Да, представьте себе. Этот человек меня ужасно разочаровал.

— Понимаю, однако он не сообщил больше, чем у него есть.

— О, да. Если считать, что у него ничего и не было.

— Но он ничего и не пообещал, сир.

— Да. Печально.

— Более чем печально. Этот человек — липший козырь.

— Что-то лишнее, Демерзель? Вечно ты сыплемь непонятными поговорками. Что за козырь?

— Этую поговорку я слышал очень давно, в молодости, сир. Империя велика, и поговорок в ней великое множество. Кое-какие из них не слыхивали на Тренторе, а те, что в ходу у нас, неведомы в других мирах.

— К чему ты это говоришь? Я и без тебя знаю, что Империя велика. Ты мне объясни, что ты хотел сказать об этом человеке.

— Только то, что он способен принести немало вреда, даже не задумываясь об этом, не нарочно. Он не помышляет о том, какова его сила. Ну, не сила, так важность.

— Это твои догадки, Демерзель?

— Да, сир. Он провинциал. Он не знает Трентора и его порядков. Он никогда не бывал здесь раньше и просто не умеет вести себя как человек светский, благородно воспитанный. И все же он вел себя с достоинством, представ перед вами.

— А что тут такого? Я позволил ему говорить открыто. Отбросил весь этикет, все формальности. Обращался с ним, как с равным.

— Не совсем так, сир. Как бы вы ни старались вести себя с другими, как с равными, у вас все равно не получится. Не в крови это у вас. Вы привыкли повелевать. Да расстайся вы изо всех сил дать собеседнику возможность расслабиться, мало у кого такое выйдет. Большинство попросту утратит дар речи, а другие, что во сто раз хуже, начнут работать и растекаться мыслью по древу. Этот человек выстоял с честью, сир.

— Не знаю, не знаю... Можешь, конечно, восторгаться, Демерзель, дело твое, но мне он не понравился, — буркнул Клеон и призадумался. — Кстати, ты заметил: он даже не пытался объяснить мне эту свою математику? Как будто знал, что я ни слова не пойму.

— Но ведь вы бы и правда не поняли, сир. Вы не математик, не учений, не художник. Есть масса областей знания, где другие знают больше вас, и их призвание состоит в том, чтобы они поставили свои знания на служение вам. Вы — Император, а это звание выше всех других, вместе взятых.

— Да? Знаешь, меня бы ни капельки не обидел намек на мое невежество, прозвучи он из уст старика, копившего свой багаж знаний долгие годы. Но этот Селдон, он же мой ровесник. Как же он ухитрился узнать так много?

— Вероятно, ему не пришлося тратить время на постижение науки повелевать и искусства достижения мудрых решений величайшей важности.

— Демерзель, честное слово, иногда мне кажется, что ты смеешься надо мной.

— Сир? — с упреком воскликнул Демерзель.

— Ладно-ладно, пустяки. Вернемся к нашему математику. Почему ты решил, что он опасен? Мне он показался всего-навсего наивным провинциалом.

— Так оно и есть. Дело не в нем самом, а в его математических наработках.

— Он утверждает, что они совершенно бесполезны.

— А вы думали, что из них можно извлечь пользу, правда? И я так подумал, когда вы мне рассказали. Так же могут подумать и другие. И сам математик от этого не застрахован: ведь теперь эта мысль засядет у него в голове. Кто знает, вдруг он все-таки до чего-то додумается? А додумается, тогда... Вы же понимаете, что способность предсказывать будущее, пускай даже туманно и неопределенno, таит в себе величайшую власть. Даже если ему самому эта власть окажется ни к чему — знаете, попадаются среди ученых такие альтруисты, ну, да я, к слову сказать, не очень в это верю — найдутся те, кто быстренько им воспользуется.

— Я попытался. Ничего не вышло.

— Просто он пока не думал об этом. А вот теперь — кто знает? На ваши уговоры он не поддался, а вдруг его уговорит... ну, скажем... к примеру, мэр Сэтчема?

— А с чего бы это ему помогать Сэтчему, а не нам?

— Он же объяснил, что трудно прогнозировать эмоции и поведение отдельных людей.

Клеон нахмурился и задумался.

— Так ты действительно думаешь, что он мог бы разработать свою психоисторию так, что от нее на самом деле была бы польза? Он-то уверен, что у него такое не выйдет.

— Пройдет время, и он может решить, что был не прав, отрицая такую возможность.

Клеон опять нахмурился.

— Значит, зря я его отпустил.

— Нет, сир, — покачал головой Демерзель, — Ваша интуиция не обманула вас. Отпустили, и правильно сделали. Арест, как бы его ни замаскировывать, вызвал бы у него протест, отчаяние — а человек в таком состоянии не будет способен творчески мыслить, откликаться на любые наши призывы о сотрудничестве. Гораздо разумнее было отпустить Селдона, но отныне надо держать его на невидимом поводке. Так мы сможем пронаблюдать, сир, не захватят ли его, не используют ли вам во вред ваши враги. А в нужное время, когда он разработает свою науку, можно будет потянуть за поводок и извлечь его на свет, нашего математика драгоценного. А тогда... вот тогда мы сможем вести себя более... более настойчиво.

— Ну, а если кто-то из моих врагов... вернее сказать, из врагов Империи, ведь я — это и есть Империя, — захватит его в свои руки, а то он и сам возжелает пойти в услужение к врагам? Пойми, я не могу сбрасывать со счетов такую возможность.

— Правильно делаете. Но не волнуйтесь. Я прослежу за тем, чтобы этого не произошло. Но уж если, несмотря на все мои старания, такое случится, будет лучше, чтобы он не достался никому, чем попал в плохие руки.

Клеону стало неловко.

— Действуй, как знаешь, Демерзель, но я очень надеюсь, что мы не станем спешить. В конце концов, он и правда, может быть, не кто иной, как кабинетный ученый, придумавший науку, от которой нет и не может быть никакого толку.

— Конечно, сир, конечно, однако гораздо разумнее будет предположить, что этот человек заслуживает того, чтобы ему уделили внимание. Что мы потеряем, если в конце концов окажется, что опасения наши напрасны? Немного времени, ничего больше. А вот если окажется, что мы проглядели фигуру величайшей важности, мы потеряем всю Галактику...

— Что ж, хорошо, пусть будет так, — кивнул Клеон, — но очень надеюсь, что ты избавишь меня от подробностей, если они окажутся не слишком приятными.

— Очень надеюсь, что до этого не дойдет.

5

Весь вечер, всю ночь, все утро встреча с Императором не выходила у Селдона из головы. О том, что прошло столько времени, он мог судить лишь по смене освещенности в коридорах, на площадях и в парках Имперского сектора Трентора.

Утром Селдон удобно устроился на пластиковой скамейке в небольшом сквере. Скамейка, как только он опустился на нее, приняла очертания его тела. Судя по освещенности, было довольно рано, и воздух был прохладен ровно настолько, чтобы испытать ощущение утренней свежести, но при этом не ежиться.

Неужели здесь все время так? Он вспомнил, какой пасмурный день стоял под открытым небом вчера, когда его везли к Императору, вспомнил самые разные дни — непогожие, морозные и жаркие, дождливые и снежные — дома, на Геликоне, и подумал: скучает ли здесь кто-нибудь по капризам погоды? Ну, правда, разве не странно — посиживать на Тренторе в уютном парке при идеальной погоде, и при этом взять да вдруг заскучать по пронизывающему ветру или покусывающему кожу морозцу, а то еще — по влажной духоте?

Наверное, заскучать можно. Но не в первый, не во второй и даже не на седьмой день. А ему осталось пробыть тут совсем недолго. Завтра он улетит отсюда, а пока можно и понаслаждаться прелестями искусственного климата. В конце концов, может быть, и не

доведется больше побывать на Тренторе.

И все-таки ему было немного не по себе от того, что он так смело разговаривал с человеком, который, будь ка то его воля, мог отдать приказ отправить в тюрьму или на казнь любого – или по крайней мере устроить все так, чтобы человек, не пришедшийся ему по нраву, остался без средств к существованию и занимаемого положения, что, в общем-то, равноценно смерти.

Поздно вечером, перед тем как лечь спать, Селдон поинтересовался жизнеописанием Клеона I. Компьютер в его гостиничном номере с готовностью предоставил ему эту информацию. Как и следовало ожидать, Селдон прочел уйму восхвалений в адрес здравствующего Императора – наверняка точно так же обстояло дело при жизни любой из царствующих особ, какой бы грязью их ни поливали впоследствии. Восхваления, естественно, оставили Селдона равнодушным, зато его очень заинтересовал тот факт, что Клеон родился во Дворце и за всю жизнь ни разу не покидал его окрестностей. Получалось, он и на самом Тренторе-то фактически не бывал, и за все время своего правления не посетил ни одного из многочисленных, покрытых куполами секторов. Очень может быть, что такое затворничество имело целью сохранение жизни и безопасности монарха, но на самом деле тут откровенно попахивало тем, что Император пребывал в заточении – неважно, признавался он себе в этом сам или нет. Пусть он томился в самой роскошной из всех тюрем Галактики, все равно это была тюрьма.

И хотя Император производил впечатление человека мягкосердечного и никоим образом не напоминал кровожадного тирана, каковыми были многие из его предшественников, все равно радости от того, что его внимание устремилось на тебя, было мало, что и говорить. Поэтому Селдона приятно согревала мысль о том, что завтра он улетит на Геликон, несмотря на то что в его родном городе сейчас стояла зима, и зима, надо сказать, суровая.

Селдон запрокинул голову. Все вокруг было озарено ярким рассеянным светом. Никакого дождя тут, конечно, не могло быть и в помине, но не сказать, чтобы воздух был такой уж сухой. Неподалеку весело играли струи фонтана, зеленели деревья и кусты, которые, судя по всему, никогда не ведали засухи. Время от времени в кустах раздавалось шуршание и шорохи – может быть, там копошились и бегали какие-то маленькие зверьки. Слышалось жужжание пчел.

Удивительно. Вся Галактика говорила о Тренторе, как об искусственном мире, в котором нет ничего, кроме металла и керамики, а тут все было такое живое, настоящее...

Несмотря на ранний час, парк не был безлюден. Неподалеку расположилась довольно хорошенъкая молодая женщина, но она склонилась над выюром, и Селдон не мог как следует разглядеть ее лица. Мимо прошел мужчина, бросил на Селдона короткий взгляд и, усевшись на скамейку напротив, положил ногу на ногу и углубился в чтение кипы телепринтов. На нем были облегающие розовые брюки.

Да, на Тренторе, как ни странно, мужчины предпочитали одежду пастельных тонов, а женщины, как правило, носили белое. Что ж, в таком стерильном мире, наверное, склонность к ношению светлой одежды вполне оправданна. Селдон почувствовал себя не слишком ловко в своем геликонском темно-коричневом костюме. Задержись он на Тренторе (нет-нет, он не собирался задерживаться, только если бы), ему пришлось бы обзавестись подобающей одеждой, а иначе он, безусловно, привлек бы к себе массу любопытных взглядов, улыбок, а то и насмешек, не дай бог. Ну вот, пожалуйста, – мужчина оторвал взгляд от телепринтов и на этот раз посмотрел на Селдона с большим любопытством. Наверняка из-за провинциального костюма.

Ну, ладно, спасибо, хоть не улыбнулся. Размышлять на тему о том, что он смешон, Селдон мог сколько угодно, но уж радоваться этому вовсе не собирался.

Селдон имел возможность разглядывать своего визави совершенно открыто, поскольку тот, похоже, просматривая листки распечаток, вел какой-то безмолвный спор с невидимым противником. Вот он уже был готов заговорить вслух, потом призадумался, и вскоре опять собрался разразиться какими-то доводами... Селдон смотрел и гадал, чем же кончится эта безмолвная перебранка.

Он внимательно разглядывал мужчину. Тот был высокого роста, спортивного, пожалуй, даже атлетического телосложения – широкие плечи и ни малейших признаков полноты. Волосы

у него были темно-русые, местами выгоревшие, лицо незнакомца было гладко выбрито, казалось немного печальным, но производило впечатление внутренней силы. Немного грубоватое лицо – приятное, но уж никак не «милое».

К тому времени, когда незнакомец не то проиграл, не то выиграл молчаливую битву с самим собой, отложил листки и взглянул на Селдона, Селдон решил, что этот человек ему нравится.

Тот сказал:

– Прошу прощения, вы, случайно, не присутствовали на последнем Конгрессе? На математическом?

– Присутствовал, – кивнул Селдон.

– А, значит я вас там и видел. Я вас сразу узнал, вот и сел напротив. Простите, если помешал…

– Вовсе нет. Я совершенно свободен.

– Позвольте, я угадаю. Вы – профессор Селдон.

– Селдон. Гэри Селдон. Угадали точно. А вы?

– Четтер Челвик, – ответил мужчина и немного смутился. – Вы уж извините, имечко у меня доморощенное, местное.

– Я и правда до сих пор не знал ни одного Четтера, – улыбнулся Селдон. – И Челвиков тоже как-то не попадалось. Стало быть, вы в своем роде человек уникальный. Знаете, а ведь это лучше, чем затеряться, как я, среди бесконечных Гэри. Жутко распространенное имя. Не говоря уже о Селдонах.

Селдон приподнял свою скамейку и придинул поближе к Челвику. Керамоидный гравий мягко захрустел.

– Я как раз не прочь потолковать о местных обычаях, – негромко проговорил Селдон. – Скажите, я очень нелепо выгляжу в своем провинциальном наряде? Знаете, как-то и в голову не приходило, что нужно обзавестись тренторианским гардеробом.

– Ну, так купили бы, – пожал плечами Челвик, вежливо, но смущенно оглядев одежду Селдона.

– Да ведь я завтра уже улетаю, и потом… мне это не по карману. Знаете, математики порой имеют дело с колоссальными числами, но эти числа не имеют никакого отношения к их доходам. А вы, видимо, тоже математик, Челвик.

– Я? Что вы! Ни малейших способностей. Полный профан.

– О… – разочарованно протянул Селдон. – А вы сказали, что видели меня на Декадном Конгрессе.

– Я там присутствовал в качестве наблюдателя. Я – журналист.

Для вящей убедительности он помахал пачкой телепринтов и, похоже, сам немало удивившись, что листки до сих пор у него в руке, свернул их и спрятал в карман куртки.

– Я собираю материал для выпусков головизионных новостей. Честно говоря, – добавил он, немного помолчав, – надоело это мне порядком.

– Работа надоела?

Челвик кивнул.

– Надоело собирать в одну кучу бесконечную ерунду из всех миров. Ненавижу это вечное качение по наклонной плоскости.

Он прищурился и посмотрел на Селдона в упор.

– Но бывают и исключения. Вот, к примеру, я слыхал, будто вас видели в компании с Императорскими гвардейцами, которые вас, вроде бы, сопроводили во Дворец. Может, вам и Императора повидать довелось, а?

Улыбка моментально исчезла с лица Селдона.

– Даже если бы это действительно произошло, вряд ли бы я стал болтать об этой встрече с тем, кто потом выложит это в новостях.

– Нет-нет, при чем тут новости? Вы, судя по всему, не в курсе, Селдон, ну, а я вас просвещу. Первое правило игры в новости заключается в том, что об Императоре и его ближайшем окружении никогда, ни при каких обстоятельствах не говорится ничего, кроме того, на что дается высочайшее официальное разрешение. И это, конечно, глубочайшее

заблуждение, поскольку вечно расползаются слухи, а слухи всегда хуже, чем правда. Но дело обстоит именно так.

— Но если вы не сможете ничего опубликовать, обнародовать, зачем же вы меня спрашиваете?

— Из любопытства. Только из любопытства. Уж вы мне поверьте, я по работе узнаю намного, намного больше, чем узнают зрители выпусков новостей. Дайте-ка я еще разок угадаю... я не слишком внимательно слушал ваш доклад, но понял, что вы говорили о возможности предсказания будущего.

Селдон покачал головой и пробормотал:

— И зря говорил...

— Простите?

— Да нет, ничего.

— Ну так вот... — как ни в чем не бывало, продолжил Челвик. — Предсказание будущего, точное предсказание, я хочу сказать, наверняка заинтересовало бы Императора, да и любого из правительственный верхушки. Отсюда я делаю вывод, что Клеон Первый и пока единственный пожелал потолковать с вами об этом, и спросил вас, не сделаете ли вы для него пару-тройку предсказаний.

Селдон отрезал:

— Я не желаю говорить на эту тему.

Челвик слегка пожал плечами.

— Наверняка там был и Эдо Демерзель.

— Кто?

— А вы про Эдо Демерзеля ничего не знаете?

— И не слышал этого имени никогда.

— Демерзель — второе «я» Клеона, мозг Клеона, злой дух Клеона. Называть его можно по-всякому, но не дай бог — вслух, а то... Словом, он должен был там быть.

Селдон явно не знал, что ответить, и Челвик помог ему:

— Ну, вы его, может быть, и не видели, но он точно там был. А уж если он думает, что вы умеете предсказывать будущее...

— Да не умею я предсказывать будущее! — затряс головой Селдон. — Если бы вы слушали мой доклад, вы бы знали, что я говорил исключительно о том, что это теоретически возможно.

— Какая разница? Если он *считает*, что вы способны предсказать будущее, он вас просто так не отпустит.

— Отпустил, как видите. Вот он я, перед вами.

— Это ничего не значит. Он прекрасно знает, где вы, и все время будет знать. А когда вы ему понадобитесь, он вас достанет, где бы вы ни были. И если он решит, что вы сможете быть ему полезны, он из вас эту пользу выкачет, А уж если он решит, что вы опасны, он выкачет из вас жизнь.

Селдон нахмурился.

— Чего вы добиваетесь? Хотите напугать меня?

— Я хочу вас предостеречь.

— Я вам не верю.

— Не верите? Разве не вы сами только что сказали, что сделали что-то зря? Что вы при этом имели в виду? Не то ли, что зря сделали доклад и из-за этого попали в беду?

Селдон нервно закусил губу. На этот раз Челвик угадал совершенно точно, и в это самое время Селдон понял, что за ним следят.

Не то чтобы мелькнула чья-то тень, нет, ведь свет здесь был такой, что никаких теней попросту и быть не могло — слишком мягкий и рассеянный. Он просто уловил краешком глаза быстрое движение — даже не быстрое, а мгновенное, а в следующий миг кто-то остановился рядом.

Глава вторая Бегство

Трентор – столица Первой Галактической Империи. При Клеоне I слава его клонилась к закату. Любопытно, что посторонним наблюдателям казалось, будто Трентор – на вершине могущества. Площадь поверхности планеты, составляющая двести миллионов квадратных километров, находилась целиком (исключая территорию, где стоял Дворец Императора) под защитной оболочкой, ниже которой простирался бесконечный город, что уходил в глубь континентального шельфа. Население Трентора насчитывало сорок миллиардов человек, и, хотя, если приглядеться повнимательнее, становилось очевидно, что тут накопилась масса проблем и противоречий, сами жители Трентора ничего особенного не замечали, и, без сомнения, по-прежнему полагали, что живут в легендарном «Вечном Городе», и даже помыслить не могли, что когда-либо...

Галактическая энциклопедия

6

Селдон поднял голову. Перед ним стоял молодой человек, устремив на него сверху вниз взгляд, полный изумления и презрения. Еще один, помоложе, стоял с ним рядом. Оба высокие и крепкие.

И тот и другой были одеты не иначе как по последней тренторианской моде, как показалось Селдону, – в одежду ярких, кричащих цветов. Талии юнцов были подпоясаны широкими ремнями с бахромой, головы украшали широкополые шляпы, тульи которых были обвязаны длинными розовыми лентами, а их концы свисали сзади до плеч..

Селдону вид незнакомцев показался забавным, и он не смог сдержать улыбки.

Тот, что стоял прямо перед ним, огрызнулся:

– Чего скалишься, несчастный?

Оставив без внимания грубый тон обращения, Селдон мягко проговорил:

– Простите, что улыбнулся, Просто мне очень понравилось, как вы одеты.

– Как я одет? Вот как? А вот ты как одет? Это мерзкое тряпье ты называешь одеждой?

Грубиян протянул руку и ухватился за лацкан пиджака Селдона. О, каким уродливым, грубым, тяжелым, просто непристойным показался в это мгновение Селдону его злосчастный костюм!

– Что же делать? – вздохнул Селдон. – Я ведь нездешний, и моя одежда, естественно, тоже. Но другой у меня нет.

Тем временем, как заметил Селдон, немногие из гулявших в парке поднялись со скамеек и удалились. Похоже, поняли, к чему дело клонится, и решили вовремя смотреть удочки. Селдон не знал, ушел ли и его новый знакомец, Челвик, но не мог этого узнать, при всем желании: молодой грубиян стоял перед ним как вкопанный. Селдон чуть-чуть отодвинулся назад вместе со скамейкой.

– Так ты нетутошний? – грубо поинтересовался юнец.

– Верно. Потому я так и одет. Я здесь в гостях.

– И с какой такой планеты?

– С Геликона.

Юнец нахмурился.

– Сроду о такой не слыхивал.

– Это очень маленькая планета.

– Так почему ты не уберешься туда?

– Я завтра улетаю.

– Завтра? Ошибаешься! Сейчас, немедленно, понял?

Юнец обменялся взглядом со своим спутником. Селдон тоже посмотрел на второго нахала и успел заметить Челвика. Тот, оказывается, не ушел, но больше в парке не осталось ни души – Селдон, Челвик и двое скандалистов.

– Я намеревался посвятить день осмотру достопримечательностей, – возразил Селдон.

— Подумай хорошенько. Ты ошибся, приятель. Вовсе не собирался. Ты сейчас же отправишься домой, к мамочке.

Селдон улыбнулся.

— Простите, но я этого не сделаю.

Юнец спросил у своего спутника:

— Эй, Марби, тебе нравится его тряпье?

Марби наконец раскрыл рот.

— Не-а. Жуткое тряпье. Аж тошнит.

— Ну, и что нам с ним делать, Марби? Отпустить, чтобы он тут разгуливал и всех от него тошило, а? Ведь это, Марби, вредно для здоровья, как ты считаешь?

— А то как же! Еще как вредно-то, Алем, — отзвался Марби.

Алем хмыкнул.

— Эй, ты, слышал, чего Марби сказал?

Ему ответил Челвик.

— Послушайте вы — Алем, Марби, или как вас там, Позабавились и хватит. Что вам еще нужно?

Алем, который на ту пору стоял, наклонившись над Селдоном, выпрямился и обернулся.

— А ты кто такой?

— Не твое дело, — в тон ему ответил Челвик.

— Тренторианец? — упорствовал Алем.

— И это тоже не твое дело.

Сдвинув брови, Алем оглядел Челвика с ног до головы.

— Одежка-то вроде у тебя нашенская. Слушай-ка, нам до тебя дела нет, мы тебя не трогаем, и ты нас не трогай, не встревай, понял?

— Я не уйду, запомни. Так что нас двое. Двое на двое, стало быть. Похоже, вы не как драчусь собирались? Может, пойдете, еще дружков прихватите, чтобы вас стало побольше против нас двоих?

Селдон вмешался:

— Челвик, послушайте, может быть, вам лучше уйти? Спасибо, что вступились за меня, но мне неудобно, ей-богу. Вам-то зачем подвергать себя опасности?

— Никакой опасности, Селдон. Дешевые оболтусы, задиры паршивые, больше ничего. Лакеи.

— Ла-ке-и? — взревел Алем, которому это слово пришлось явно не по душе, и Селдон решил, что, видимо, почему-то оно на Тренторе имеет более обидное значение, чем на Геликоне.

— Так, Марби, — распорядился Алем, — Ты, значит, разберись-ка с этим, что нас лакеями обозвал. От лакея слышу, понял? А я пока быстренько приведу в божеский вид этого Селдона. А ну...

Он наклонился, рванул на себя лацканы пиджака Селдона. Селдон резко согнул одну ногу в колене и опрокинулся на спину вместе со скамейкой. При этом он успел ухватить Алема за руки, тот не удержался на ногах, кувырнулся и брякнулся на спину позади Селдона.

Селдон рывком встал, глянул на Алема, потом быстро нашел взглядом Марби.

Алем лежал неподвижно, лицо его скривила гримаса страдания. Большие пальцы его рук были выбиты, он скрючился от удара в пах и дикой боли в ушибленном позвоночнике.

Челвик левой рукой держал Марби за шиворот, а правой заломил правую руку нахала за спину. Физиономия Марби побагровела, он ловил воздух ртом, словно рыба, выброшенная на берег. На земле у его ног валялся нож, в прозрачной рукоятке которого светился огонек миниатюрного лазера.

Челвик чуть-чуть ослабил хватку и сказал не без сострадания:

— Здорово вы его отделали.

— Боюсь, что так, — смущенно ответил Селдон. — Знаете, упади он чуть-чуть иначе, он бы шею сломал.

— Что же вы за математик такой? — удивленно спросил Челвик.

— Геликонский, — без тени иронии ответил Селдон, наклонился, подобрал с земли нож,

повертел его в руках и сказал: – Неприятная штуковина. Наверняка смертельная.

– Хватило бы и самого обычного ножа, без всяких выкрутасов. Слушайте, давайте-ка отпустим этих паршивцев подобру-поздорову. Сомневаюсь, что они еще хотят драться.

И он отпустил Марби, который тут же принял яростно потирать плечо и шею. Хрипло дыша, он с ненавистью смотрел на Селдона и Челвика.

Челвик резко, отрывисто проговорил:

– А теперь убирайтесь оба. В противном случае нам придется дать показания против вас. Оскорбление личности и покушение на жизнь. Нож – вещественное доказательство.

Марби наклонился над Алемом, поднял его с земли, подхватил под мышки и поволок прочь. Пару раз они оглянулись, а Селдон и Челвик проводили их бесстрастными взглядами.

Селдон протянул Челвiku руку.

– Как мне отблагодарить вас? Вы пришли на помощь совершенно незнакомому человеку. Сам бы я с ними, конечно, не справился.

Челвик протестующе помахал рукой.

– А я их попросту не испугался. Самые что ни на есть обычные уличные бродяги, Нужно было, попросту приложить руки – мои, и ваши, конечно.

– А хватка у вас прямо-таки мертвая, – улыбнулся Селдон.

Челвик пожал плечами.

– Да и вы, как я погляжу, не промах. Послушайте, – добавил он, не меняя интонации, – лучше и нам убраться отсюда, не теряя времени.

– Зачем? – удивился Селдон. – Вы боитесь, что эти двое вернутся?

– Эти-то вряд ли. А вот те отчаянные храбрецы, что так быстро разбежались отсюда, чтобы не плятить глаза на драку, запросто могли вызвать полицию.

– Ну и отлично. Мы знаем имена обидчиков. И можем точно списать их внешность.

– Их? Они-то полиции на что сдались?

– Как! Они же первые напали!

– Не валяйте дурака. У нас с вами – ни единой царапины. А им обоим понадобится солидная медицинская помощь, особенно Алему. Арестуют нас, это я вам точно говорю.

– Но это же невозможно. Люди подтвердят, что...

– Да не будет никаких людей! Слушайте, Селдон: выбросьте вы эту блажь из головы, и побыстрее. Эти двое искали вас – именно вас. Им сказали, что на вас – геликонская одежда и старательно описали вашу внешность. Может, далее голограммический снимок показали. Сильное у меня подозрение, что их подослали такие люди, которые держат под контролем полицию, так что не стоит нам тут задерживаться.

И Челвик быстрым шагом пошел вперед, крепко ухватив Селдона за руку. Теперь у Селдона появилась возможность лично оценить мертвую хватку Челвика. Сбросить его руку он при всем желании не мог, а потому потащился следом, словно послушное дитя за нянькой.

Вскоре они нырнули в сводчатый туннель, и еще до того, как глаза Селдона успели привыкнуть к менее яркому свету, позади послышался визгливый скрип тормозов.

– Явились – не запылились, – пробормотал Челвик. – Быстрее, Селдон.

Новые знакомые прыгнули на движущийся тротуар и быстро затерялись в толпе.

Селдон пытался убедить Челвика зайти к нему в гостиницу, но тот и слышать об этом не хотел.

– Вы что, с ума сошли? – спросил он полушепотом. – Там вас уже ждут с распростертыми объятиями.

– Но все мои вещи тоже там и ждут меня.

– Ну, что ж, придется им подождать подольше. Надеюсь, у них хватит терпения.

Разговаривали они, сидя в небольшой однокомнатной квартире. Дом, где она располагалась, находился в районе, Селдону совершенно неведомом. Он с любопытством разглядывал комнату. Большая ее часть была занята письменным столом, стулом, кроватью и компьютером. Ни кухни, ни ванной, ни туалета. Жутко неудобно. Челвик водил Селдона в

общую туалетную комнату, расположенную в другом конце коридора. И что же? Кто-то ввалился туда, когда Селдон еще не успел закончить свои дела, бросил любопытный взгляд на одежду Селдона и отвел глаза.

Когда Селдон рассказал об этом Челвику, тот покачал головой и сказал:

– Придется тебе сменить одежду. Да, жаль, что на Геликоне так сильно отстали от моды.

Селдон недовольно проговорил:

– Послушай, Челвик, а может быть, все это – игра твоего воображения? Да, ты меня наполовину убедил, но все-таки, вдруг это просто нечто вроде... вроде...

– Вроде паранойи, хочешь сказать?

– Если на то пошло, да. Вдруг это действительно у тебя такая навязчивая идея?

– А ты подумай хорошоенько, только не перебивай, ладно? Математически я тебе ничего доказать, конечно, не сумею, однако... Ты виделся с Императором. Не отрицай, не надо. Выскажу предположение; он требовал у тебя каких-то подробностей, имеющих отношение к будущему, и ты отказался. А Демерзель, вероятно, полагает, что ты лжешь, утверждая, будто не в силах сделать никаких предсказаний. Он думает, что ты приберегаешь столь ценную информацию для того, кто посулит тебе цену повыше, а может быть, уже предложил. Кто знает? Я говорил тебе: если Демерзель захочет, он тебя из-под земли достанет. Причем заметь: сказал я тебе об этом до того, как двое повес появились на сцене развития событий. Я – журналист и тренторианец. Уж я-то знаю, как такие делишки обстряпываются. Помнишь, Алем обронил фразочку: «Он-то нам и нужен». Помнишь?

– Помню, представь себе.

– Я для него был... так, ноль без палочки, досадная помеха, а задание у него было – напасть на тебя.

Челвик уселся на стул и указал пальцем на кровать.

– Приляг, Селдон, расслабься, отдохни. Кто бы ни подоспал эту парочку (я-то уверен, что Демерзель), он способен подослать других, стало быть, первым делом нужно избавиться от твоего злосчастного костюма. Думаю, всякому геликонцу в этом секторе придется невесело, пока он не сумеет доказать, что он – не ты.

– Ну ладно, ладно...

– Нет, я серьезно. Тебе придется раздеться, а костюмчик твой мы уничтожим в атомайзере, если удастся подобраться к нему незамеченными. Но для начала я должен раздобыть для тебя тренторианскую одежду. Ты пониже меня ростом, и я это учту. Если немного не подойдет, не обессудь.

Селдон покачал головой.

– У меня денег не хватит расплатиться. Это мне не по карману. Денег у меня – курам на смех, да и те – в гостиничном сейфе.

– Об этом подумаем позднее. Посиди тут без меня часок-другой, а я отправлюсь по магазинам.

Селдон развел руками и вздохнул.

– Ладно, сдаюсь. Если это так важно, я побуду тут.

– Точно? Не рванешь в гостиницу? Даешь честное слово?

– Слово математика. Но мне действительно неловко от того, что ты проявляешь обо мне заботу. Да еще тратиться вздумал. Ведь, на самом-то деле, что бы ты ни толковал о Демерзеле, эти забияки вовсе не намеревались избить меня или похитить. Они хотели только раздеть меня.

– Не только. Кроме того, они собирались поволочь тебя в космопорт и посадить на корабль, отправляющийся прямехонько на Геликон.

– Ну, это они так... я этого всерьез не принял.

– Почему же?

– Но я же все равно улетаю. Завтра. Я им так и сказал.

– И до сих пор собираешься лететь? – спросил Челвик.

– Конечно. Почему бы и нет?

– Тебе нельзя лететь ни в коем случае. Для этого – масса причин.

Тут Селдон рассердился не на шутку.

– Слушай, Челвик, я больше не в силах продолжать эту игру. Здесь у меня нет больше

никаких дел, и я хочу домой. Билет мой, к сожалению, в гостинице, а то бы я его поменял на сегодняшний рейс. И поменяю при первой возможности.

— Тебе нельзя возвращаться на Геликон.

Селдон покраснел.

— Да почему же? Что, там меня тоже ждут?

Челвик кивнул.

— Не кипятись, Селдон. Да, там тебя тоже будут ждать. Выслушай меня. Лететь на Геликон — значит, лететь в самые лапы Демерзеля. Что такое твой Геликон? Добропорядочная, законопослушная имперская территория. Случались у вас там хоть раз бунты? Хоть раз в жизни кто-то хоть одной ногой вставал под знамена врагов Императора?

— Нет, и слава богу. Планета окружена более населенными мирами. Мир в Империи — залог спокойствия и безопасности Геликона.

— Вот именно! И поэтому представители Империи на Геликоне вполне могут рассчитывать на безоговорочную лояльность вашего правительства. Ты там все время будешь пребывать под неусыпным надзором, и как только понадобишься Демерзелю, тебя ему выдадут, тепленького. И учти, даже несмотря на то что я тебя, считай, предупредил, ты ничегошеньки не будешь замечать, никакой слежки. Будешь тихо, мирно работать, как работал, и тебе будет казаться, что все в полном порядке.

— Это смешно. Допустим, он хочет взять меня на Геликоне. Тогда почему же не отпустить меня с миром? Я лечу домой завтра. Зачем понадобилось подсыпать этих мордоворотов? Для чего? Для того, чтобы ускорить мой отлет на несколько часов? Но ведь это чепуха какая-то. От такой стычки я, наоборот, по сути дела, должен встревожиться, задуматься.

— С какой стати ему предполагать, что ты встревожишься? Разве он ожидал, что с тобой рядом окажусь я и вылью на тебя, так сказать, полное ведро своего параноидального бреда?

— Ну ладно, все равно, зачем вся эта суeta? Зачем меня выкидывать с Трентора, никак не пойму? Что я бы успел сделать тут за лишние несколько часов?

— Может быть, он боится, что ты передумаешь.

— Передумаю? И куда же я отправлюсь, если не домой? Если уж у него до Геликона руки дотянутся, значит, он способен достать меня где угодно. Да он бы меня, к примеру, даже на Анакреоне разыскал, вздумай я почему-либо отправиться туда, а ведь Анакреон... это отсюда — в добром десятке тысяч парсеков. Что такое расстояние для гиперпространственных кораблей? Вздумай я даже махнуть в какой-то мир, который не настолько трепещет перед властью Империи, как Геликон, где бы я такой мир отыскал? Где нынче бунтуют? В Империи царит мир. Даже если и отыщется пара-тройка миров, в которых сильны воспоминания о несправедливости, проявленной к ним когда-то со стороны Империи, какой из них станет рисковать собственной безопасностью ради меня? Армия Империи — угроза для всех. Более того, я гражданин Геликона, и на любой другой планете буду иностранцем, так что никаких проблем у Империи со мной не будет и быть не может.

Челвик терпеливо выслушал Селдона, время от времени кивал головой, но лицо его оставалось серьезным и непроницаемым.

— Ты совершенно прав, — наконец изрек он, — однако мир, который не до конца подвластен Императору, существует. Вот именно это, скорее всего, ужасно беспокоит Демерзеля.

Селдон задумался, припоминая события последних лет, но никак не мог вспомнить мира, где бы не существовало власти Империи. В конце концов он спросил:

— Что это за мир? Челвик ответил:

— Ты в нем находишься — и как раз это кажется Демерзелю слишком опасным, по всей вероятности. Не то чтобы ему безумно хотелось отпускать тебя на Геликон, но гораздо меньше ему хочется, чтобы ты остался на Тренторе. Вот он и стремится выпихнуть тебя отсюда как можно скорее.

Наступило молчание. Наконец Селдон не выдержал и фыркнул:

— Ну дела! Трентор! Столица Империи! На орбитальной станции — центральная база Флота, на планете расквартированы отборные части войск. Если уж ты взаправду считаешь Трентор самым безопасным миром, значит у тебя не только паранойя, а еще и бредовые фантазии.

– Нет! Селдон, ты – провинциал. Это я тебе не в обиду говорю. Просто ты не знаешь, что такое Трентор. Здесь живет сорок миллиардов человек, и вряд ли найдется много миров, где можно насчитать хотя бы вдесятеро меньше народа. Здесь все так сложно – и техника, и культура. Сейчас мы находимся в Имперском секторе, где самый высокий уровень жизни, и население состоит почти целиком из имперских функционеров. Однако, кроме Имперского, на планете более восьмисот разных секторов, в каждом – своя культура и традиции, и во многие из них имперские силы порядка носа не суют.

– Почему?

– Империя при всем желании не может оказывать на Трентор чересчур сильного давления. Стоит чуть-чуть переусердствовать, и запросто можно повредить что-то в сети коммуникаций, которой Трентор оплетен, как паутиной. И тогда пострадает вся сеть, здесь все взаимосвязано. Поверь мне, Селдон, мы здесь, на Тренторе, отлично понимаем, что такое землетрясение, которое вовремя не предсказали, что такое извержение вулкана, о котором не знали заранее, что такая неукрощенная буря, а то и просто человеческая ошибка, никем не замеченная. Планета сотрясается, и нужно изо всех сил стараться сохранить равновесие.

– Я никогда ни о чем подобном не слышал.

Челвик усмехнулся.

– Конечно, не слышал. Что же ты, хочешь, чтобы Империя афишировала слабость собственного сердца? А вот я, будучи журналистом, знаю, о чем не помышляют провинциалы, то, о чем не помышляют многие на самом Тренторе – даже тогда, когда делается все, чтобы скрыть правду. Поверь мне! Император и Эдо Демерзель знают, что нарушить спокойствие Трентора – значит разрушить Империю.

– Поэтому ты и предлагаешь мне остаться на Тренторе?

– Да. Я смогу найти для тебя на Тренторе такое местечко, где ты станешь абсолютно недосягаемым для Демерзеля. Тебе не придется скрываться под вымышленным именем, ты сможешь жить совершенно открыто, но он не сможет до тебя добраться. Вот поэтому-то он так мечтал как можно скорее вышвырнуть тебя с Трентора подальше, и сделал бы это, если бы судьбе не было угодно познакомить нас, ну, и еще – если бы ты не умел так здорово драться.

– Но сколько же я должен пробыть на Тренторе?

– Столько, сколько потребуется для твоей безопасности, Селдон. Может быть, всю жизнь.

8

Гэри Селдон разглядывал свое голографическое изображение, выполненное с помощью проектора. Зрелище оказалось гораздо более впечатляющее, чем при взгляде в зеркало. Создавалось полное ощущение, что Селдонов в комнате стало двое.

В новой одежде Селдон чувствовал себя пока не совсем ловко. Прожив всю жизнь на Геликоне, он больше привык к темным, приглушенным тонам, но, на его счастье, Челвик выбрал для него одежду не слишком яркой расцветки. Пошупав рукав новой туники, Селдон вспомнил, как кричаще были разодеты те двое, что пристали к нему в перке, и внутренне поежился.

– Шляпу мне, видимо, тоже придется надеть? – поинтересовался он.

– В Имперском секторе без нее не обойтись. Ходить без головного убора здесь считается дурным тоном. Может быть, в других местах к этому не придираются.

Селдон вздохнул. Шляпа была сделана из какого-то мягкого материала, и как только он поднес ее к голове, шляпа уселась как влитая. Поля, к радости Селдона, оказались поуже, чем у двоих щеголей, никак не выходивших у него из головы. «Пожалуй, – успокоил себя Селдон, – шляпа мне далее идет».

– А ленточки под подбородком не предусмотрено?

– Нет, конечно. С ленточкой – это для стиляг.

– Для кого, для кого?

– Ну, стиляга – это модник, который носит вещи, которые шокируют окружающих. Наверняка, у вас на Геликоне такие тоже есть.

– У нас? – фыркнул Селдон. – У нас есть такие, которые умопомрачительно стригутся: с

одной стороны волосы до плеч, а с другой голова выбрита наголо.

Он рассмеялся, а Челвик скривился.

— Жутко уродливо, наверное.

— Бывает и хуже! Понимаешь, одни из них выбривают голову справа, а другие — слева, и праваки леваков просто ненавидят. Что ты! Дело до драк доходит.

— Ну, раз такое дело, я думаю, уж шляпу-то ты как-нибудь переживешь, особенно — без ленточки.

— Постараюсь привыкнуть, — улыбнулся Селдон.

— Пялиться на тебя, конечно, все равно будут. Во-первых, и шляпа и все остальное на тебе не слишком яркое, поэтому по тренторианским меркам ты, считай, все равно что в трауре. Да и размеры не совсем твои. Во-вторых, ты действительно к такой одежде не привык, и это видно. Ну, это ладно — в Имперском секторе мы надолго не задержимся... Ну, нагляделся?

И Челвик выключил голограмф.

— Дорого тебе стоило все это? — спросил Селдон.

— Какая разница?

— Не хотелось бы оставаться в долгу. Неудобно.

— Не переживай. Это мое дело. Но мы теряем время. Меня наверняка описали во всех подробностях, так что быстро вычислят, кто я такой, и явятся сюда.

— В таком случае, — нахмурился Селдон, — дело не только в том, что ты потратил на меня деньги. Ты еще и рискуешь из-за меня. Лично рискуешь!

— Знаю. Но это опять-таки мое дело. О себе я уж как-нибудь сумею позаботиться.

— Но зачем, ради чего...

— Философствовать будем потом. Кстати говоря, одежду твою старую я уже атомизировал, и меня, похоже, никто не заметил за этим занятием. Правда, затрату энергии обязательно заметят — она будет зарегистрирована. И кто-тошибко умный может догадаться, в чем дело. Ужасно трудно, знаешь ли, что-то скрывать, когда кругом сплошные глаза и уши. Ну да ладно, будем надеяться, что нам удастся убраться подальше, пока они тут докумекают, что к чему.

9

Долго-долго они шли пешком по переходам, озаренным мягким желтоватым светом. Челвик внимательно смотрел по сторонам и все время старался идти в ногу с толпой пешеходов, никого не обгоняя и никому не позволяя обгонять себя.

По пути Челвик непрерывно болтал с Селдоном на отвлеченные темы.

Селдону это удавалось с трудом.

— Послушай, — сказал он в конце концов, — тут у вас так много ходят пешком. Сплошные тротуары и переходы.

— А что такого? — удивился Челвик. — Ходьба по-прежнему остается лучшим средством перемещения на небольшие расстояния. Удобно, дешево и для здоровья полезно. Сколько бы ни развивалась техника, а в этом смысле все остается без изменений. У тебя не акрофобия ли, случаем, Селдон?

Селдон глянул вправо, через поручень, где внизу бежали другие движущиеся тротуары, тут и там пересекаясь под прямыми углами, и чуть-чуть вздрогнул.

— Боюсь ли я высоты? Да нет, не очень. Но вообще-то смотреть вниз не особенно приятно. А какая тут высота?

— В этом месте — уровней сорок-пятьдесят. В Имперском секторе и других технически развитых районах таких мест много. Большей же частью пешеходы путешествуют по дорожкам, проложенным, так сказать, на нижнем уровне.

— Наверное, бывают попытки самоубийства, или нет?

— Нечасто. Для этого существуют гораздо более легкие способы, И потом, с самоубийством на Тренторе вообще никаких проблем нет. Хочешь свести счеты с жизнью — можешь сделать это вполне легально в соответствующем медицинском центре после соответствующего курса психотерапии. Поэтому суициды здесь редки, но про акрофобию я тебя спросил не поэтому. Мы идем на стоянку такси. Там меня знают как журналиста.

Таксистам я время от времени приплачиваю, и они не откажут мне в маленькой любезности, а именно: не зарегистрируют меня и закроют глаза на то, что я не один, а с приятелем. Мне, конечно, придется раскошелиться, но опять-таки: если люди Демерзеля нажмут на таксистов как следует, им придется выложить всю правду. А мы в это время будем уже далеко.

— И при чем тут акрофобия, не пойму?

— При том, что нам придется воспользоваться гравиподъемником. Эта штука — на любителя, и честно признаться, я сам редко им пользуюсь. Но если ты выдержишь, будет лучше.

— А что это такое — гравиподъемник?

— Экспериментальное транспортное средство. Наверное, если люди к нему психологически привыкнут, или их приучат, оно со временем станет применяться на Тренторе, а потом и в других мирах, более широко. Это, так сказать, лифт без кабины. Мы просто шагнем в никуда и будем медленно падать или медленно подниматься под действием антигравитации. На сегодняшний день эта штуковина — единственное применение антигравитации. Может быть, потому, что самое дорогое.

— А что может произойти, если поле выключится, когда мы еще будем с пути?

— То самое, о чем ты подумал. Мы упадем, и если окажемся достаточно высоко от дна, погибнем. Я, правда, о таких случаях пока не слыхал, а уж ты мне поверь, я бы знал обязательно, что стряслась такая беда. В выпуск новостей такая информация, конечно, не просочилась бы из соображений цензуры — они вечно выкидывают плохие новости, — но я бы знал, это я тебе точно говорю. Ну вот, уже совсем близко. Если не сдюжишь, мы и пробовать не станем, но только учти, что обычные лифты ходят медленно и нудно, и там многих тошнит.

Челвик повернулся за угол, и друзья оказались на широкой площадке, где выстроилась очередь — мужчины, женщины, пара ребятишек.

Селдон потихоньку проговорил:

— Представь себе, ни о чем подобном я дома не слыхивал. Нет, я понимаю, наши новости оставляют желать лучшего, но все-таки могли бы хотя бы упомянуть, что такое есть на свете...

— Пока это все на уровне эксперимента, — объяснил Челвик, — да и то только в Имперском секторе. Пожирает уйму энергии, а поэтому правительство старается не слишком афишировать гравиподъемники. Появились они еще при прежнем Императоре — том самом, который умер в своей постели и этим всех до смерти удивил. Он распорядился установить такие лифты в нескольких местах. Он, видишь ли, желал, чтобы его имя былоувековечено внедрением антигравитации — такие выбрыки случаются у старииков с комплексом неполноценности. Как я уже сказал, не исключено, что лифты станут применяться более широко, но только лифты — вряд ли внедрение антигравитации продвинется дальше этого.

— А куда бы еще оно могло продвинуться?

— К созданию антигравитационных звездолетов. Но до этого жутко далеко. Насколько я знаю, большинство физиков считает, что это принципиально невозможно и даже говорить об этом не стоит... Но, с другой стороны, было время, когда все в один голос твердили, что антигравитационные подъемники — вещь из области фантазии.

Очередь шла быстро, и вскоре Селдон с Челвиком подошли к краю площадки, круто обрывавшемуся в открытую пропасть. Воздух над пропастью слабо светился. Селдон инстинктивно вытянул руку и почувствовал легкий удар. Больно не было, но он быстро отдернул руку.

Челвик усмехнулся.

— Элементарная предосторожность. Чтобы никому не взбрело в голову шагать в пропасть, пока не включено поле.

Он набрал какие-то цифры на пульте, вмонтированном в невысокий столбик, и свечение исчезло. Селдон робко заглянул в глубокую шахту.

— Пожалуй, будет лучше, если мы возьмемся за руки и ты закроешь глаза, — предложил Челвик. — Не бойся, это займет всего несколько секунд.

Не дав Селдону времени на раздумья, он крепко взял его за руку, и тот не смог освободиться. Челвик шагнул в пустоту, а Селдон, к собственному удивлению и стыду тихонько вскрикнув, скользнул за ним.

Он закрыл глаза, но не почувствовал ни падения, ни движения воздуха. Прошло несколько секунд, и Челвик потянул его за руку. Селдон покачнулся, выпрямился, открыл глаза и обнаружил, что стоит на твердой поверхности.

– Уже?!

– Живы, как видишь, – сухо ответил Челвик и пошел вперед, увлекая Селдона за собой.

– Я хотел спросить, мы попали на нужный уровень?

– Конечно.

– А что бы произошло, если бы мы летели вниз, а кто-то – нам навстречу?

– В шахте – две отдельные линии. По одной все с одинаковой скоростью поднимаются, по другой – опускаются. Расстояние между пассажирами – не меньше десяти метров. Никаких столкновений не должно быть, если все нормально работает.

– Я ровным счетом ничего не почувствовал.

– А что ты, собственно, мог почувствовать? Ускорения же не было. Через десятую долю секунды ты принял постоянную скорость падения, а воздух, тебя окружавший, падал с той же скоростью, что и ты.

– Потрясающе!

– Согласен. Но, увы, неэкономично. И похоже, никто особо не озабочен усовершенствованием и повышением рентабельности этого замечательного устройства. Отовсюду слышится одна и та же песня: «Это нам не под силу. Это невозможно». Если бы так только о гравиподъемнике говорили. Это же абсолютно о каждом нововведении, представляешь?

Челвик был явно рассержен.

– Ага, вот и стоянка такси. Пошли быстрее.

10

Селдон изо всех сил старался вести себя на стоянке так, чтобы не вызвать ни у кого подозрений. Однако это оказалось чертовски трудно. Он понимал, что нельзя глязеть по сторонам, ото всех отворачиваться, пялить глаза на машины. Вести себя нужно было совершенно невинно, то бишь – нормально.

Но что значит «нормально»? В новой одежде ему было неловко. Карманов в тунике не было, руки девять некуда. Два кошелька, что висели по бокам на ремне, жутко раздражали его – при ходьбе они шлепали по бедрам, и Селдону все время казалось, что его кто-то хватает или задевает.

Он решил присмотреться к женщинам. Кошельков на поясах у них не было, сумок в руках – тоже. Вместо них служили какие-то коробочки, непонятно чем и как укрепленные на бедрах. «Псевдомагниты, наверное», – решил Селдон. Одеты дамы были в широкие, просторные, но закрытые платья, и это немного огорчило Селдона. Про декольте тут, похоже, совсем забыли, хотя некоторые платья были сшиты так, что нарочито подчеркивали ягодицы.

Тем временем Челвик развел бурную деятельность, и скоро вернулся, держа в руке керамическую сверхпроводимую пластинку, предназначенную для пуска такси по определенному маршруту.

– Забирайся, Селдон, – сказал Челвик, указывая на небольшую двухместную машину.

– Тебе пришлось зарегистрироваться? – спросил Селдон.

– Нет, что ты. Здесь меня знают, и не вдаются в формальности.

– Они поняли, что у тебя на уме?

– Меня ни о чем не спрашивали, а сам я помалкивал.

Челвик вставил пластинку в щель на панели управления, и Селдон ощутил легкую вибрацию – судя по всему, заработал двигатель.

– Мы направляемся в Д-семь, – сообщил Челвик.

Селдон понятия не имел, что такое «Д-семь», и решил, что это какой-то маршрут.

Такси отъехало назад, обогнуло другие машины и, выбравшись наконец на ровную, уходящую вверх дорогу, набрало скорость. Вскоре машина легким рывком поднялась в воздух.

Селдона отбросило на подушку сиденья.

— Да, — проговорил он, — это на антигравитацию непохоже.

— Конечно, — невозмутимо отозвался Челвик. — Тут совсем другой принцип. Реактивный. Этого толчка вполне достаточно, чтобы поднять нас к туннелям.

Впереди завиднелось нечто, напоминавшее громадную скалу, испещренную многочисленными отверстиями, наподобие громадной шашечной доски. Челвик направил машину к отверстию, помеченному «Д-семь», лавируя между другими машинами, направлявшимися к другим туннелям.

— Ты же запросто мог врезаться в кого-нибудь, — переведя дыхание, проговорил Селдон.

— Наверное, врезался бы, если бы все зависело от моих собственных чувств и реакций, но, к счастью, такси снабжено компьютером, который прекрасно страхует водителя. Не только меня, и всех остальных тоже. Ну, вот мы и у цели...

Машина скользнула в отверстие туннеля так, словно ее втянул туда мощный насос. Освещение стало желтоватым, менее ярким, чем снаружи.

Челвик оторвался от пульта управления, откинулся на сиденье, глубоко вздохнул.

— Ну, можно считать, первый этап мы успешно одолели. Нас могли задержать на стоянке. А тут мы в полной безопасности.

Такси мягко, равномерно летело вперед, стены туннеля уплывали мимо. Шума двигателя почти не было слышно — лишь едва заметное ровное бормотание.

— С какой же скоростью мы летим? — поинтересовался Селдон.

Челвик глянул на панель управления.

— Триста пятьдесят километров в час.

— Магнитное ускорение?

— Да. На Геликоне уже тоже до этого додумались?

— У нас только одна такая линия. Я сам еще не пробовал, только собирался все время. Но, думаю, она далеко не такая совершенная, как эта.

— Наверняка, не такая. Трентор такими туннелями напичкан, словно муравейник ходами, они насчитывают много тысяч километров. ТунNELи проложены под землей и по мелководью океана. Главное транспортное средство для дальних путешествий.

— А нам далеко лететь?

— Чуть больше пяти часов.

— Пять часов! — испуганно воскликнул Селдон.

— Не пугайся. Каждые двадцать минут мы пролетаем мимо стоянок. На любой из них мы можем выскочить из туннеля, размяться, поесть, отдохнуть. Но, сам понимаешь, слишком часто мне бы не хотелось останавливаться.

Какое-то время оба молчали. Вдруг справа мелькнул яркий свет, и Селдону показалось, что он успел разглядеть две машины.

— Стоянка, — ответил Челвик на вопрос, который Селдон не успел задать.

— Скажи, а я действительно буду в безопасности там, куда ты меня везешь?

— В полной безопасности от любых происков со стороны властей Империи, — ответил Челвик. — Конечно, придется вести себя осторожно — ведь существуют шпионы, специальные агенты, наемные убийцы. Естественно, у тебя будет телохранитель.

Селдон забеспокоился.

— Ты это серьезно — насчет наемного убийцы? Неужели они действительно захотят убить меня?

— Демерзель — вряд ли. Мне кажется, что ему гораздо больше хочется заполучить тебя и использовать для своих нужд, чем отправить на тот свет. Однако могут появиться другие враги, и кроме того, события запросто могут принять непредсказуемый характер. Словом, дремать не придется.

Селдон покачал головой и отвернулся. Подумать только: всего сорок восемь часов назад он был никому не известным математиком, собиравшимся провести оставшееся до возвращения домой время за осмотром Трентора, походить, поглязеть на величественную планету, как истинный провинциал. И что же? Теперь он стал человеком, за которым гонятся, разыскивают имперские власти. Странно, нелепо, страшно. Селдон поежился.

— Ну, а ты сам? — спросил он Челвика. — Ты понимаешь, что делаешь и что тебя ожидает?

— Ну, — задумчиво проговорил Челвик, — скорее всего, ничего хорошего. Любить им меня совершенно не за что. Может, голову снесут, может, взрывное устройство подкинут.

Сказано это было спокойно, ровным голосом, но Селдон похолодел.

— Как ты можешь говорить об этом так спокойно? Неужели тебе ни капельки не страшно?

— Я — старый тренторианец. Планету знаю, как свои пять пальцев. У меня уйма знакомых, и многие из них в долгую передо мной. Мне не раз удавалось выйти сухим из воды в случаях, когда ситуация была пострашнее, чем сейчас. Короче, Селдон, за себя я постоять сумею.

— Рад, если это действительно так, и надеюсь, у тебя есть основания для уверенности, Челвик, но я никак не могу пенять, ради чего ты так рискуешь? Кто я для тебя? Стоит ли вообще подвергать себя опасности из-за незнакомого человека?

Челвик немного повозился с панелью управления, и, когда повернулся голову, лицо его было совершенно серьезным.

— Я намерен спасти тебя по той же самой причине, по которой ты нужен Императору — из-за твоей способности предсказывать будущее.

Селдона охватило жуткое разочарование. Вот уж ради этого он вовсе не желал никакого спасения! Да, дела... Он стал жалкой, беспомощной жертвой, куском плоти, из-за которого дерутся стервятники. Он раздраженно проговорил:

— Будь проклят мой доклад! Зачем я выступил? Только погубил свою жизнь!

— Нет. Не торопись с выводами математик. Императору и его приспешникам ты нужен только затем, чтобы они с твоей помощью могли обезопасить собственную жизнь. Твои способности интересуют их постольку, поскольку они могут быть применены для спасения Императорского трона, его сохранения для сынка Клеона. Они боятся за свои шкуры, трясутся за свои места под солнцем, понимаешь? Я же хочу, чтобы твои достижения пошли на пользу всей Галактике.

— Не вижу разницы, — горько вздохнул Селдон.

— Не видишь? — почти сердито переспросил Челвик. — Стыдись! Люди в Галактике жили и до воцарения нынешнего Императора, и до прихода к власти его династии, вообще до Империи, если уж на то пошло. Человечество старше Империи. Может быть, оно старше, чем все и каждый из двадцати пяти миллионов миров Галактики. В легендах говорится: было время, когда люди обитали на одной-единственной планете.

— В легендах! — фыркнул Селдон и пожал плечами.

— Да, представь себе, в легендах, однако не вижу, почему бы такого не могло быть на самом деле. Давно, двадцать тысяч лет тому назад, если не больше. Позволю себе предположить, что человечество не родилось на свет с врожденными знаниями о теории гиперпространственных перелетов. Наверняка были времена, когда люди попросту не умели передвигаться со скоростями, превышающими скорость света, и тогда они, естественно, были пленниками одной планетарной системы, Ну, а если заглянуть вперед, в будущее, то и после тебя, и после Императора в Галактике будут жить люди. И тогда, когда пресечется его род и когда отомрут все институты имперской власти. В таком случае, что толку чересчур переживать за судьбу отдельных людей — Императора, наследника престола? Какой смысл волноваться за механизмы управления Империей? А вот с квадриллионами жителей Галактики что будет? Как насчет них?

Селдон ответил:

— Полагаю, люди, как и миры, будут рождаться и умирать.

— Неужели тебе не хочется покопаться, поискать условия, при которых человечество выживет?

— Можно предположить, что все будет не хуже, чем сейчас.

— Предположить можно. Но разве нельзя узнать наверняка с помощью науки, которой ты располагаешь?

— Я зову ее психоисторией. Да, можно, Теоретически.

— А у тебя нет жгучего желания внедрить эту теорию в практику?

— Почему? Челвик, я желал бы этого всей душой, но хотеть и мочь — не одно и то же. Я сказал Императору, что психоистория безнадежно далека от практического применения, и теперь вынужден сказать то же самое тебе.

– И ты даже не намерен попытаться, попробовать найти способ?

– Не хочу. Это будет все равно что копаться в горе камешков размером с Трентор, перебирать их один за другим, пересчитывать и раскладывать в ряд от самого большого до самого крошечного. Я знаю заранее, что за мою жизнь мне этого не успеть ни за что на свете, и уж конечно, не стану валять дурака и притворяться, будто это мне под силу.

– А если бы ты знал всю правду о состоянии человечества, тогда как?

– Глупый вопрос. Что значит «правда о состоянии человечества»? Кто ее знает? Не ты ли?

– Да, В этой правде – всего три слова.

Челвик отвернулся, взгляд его устремился вперед, в бессменную пустоту бесконечного туннеля. Туннель стал шире, затем снова сузился, и тогда Челвик произнес обещанные три слова:

– Галактическая Империя умирает.

Глава третья Университет

Стрилингский университет – высшее учебное заведение в секторе Стрилинг древнего Трентора. ...Несмотря на несомненные успехи, достигнутые здесь в области гуманитарных наук, в памяти людей Университет остался вовсе не из-за этих достижений. Наверняка, многие поколения ученых, не покладая рук трудившихся на научной ниве Стрилингского Университета, были бы просто потрясены, узнав, что впоследствии Университет будут вспоминать исключительно из-за того, что некий Гэри Селдон ненадолго остановился здесь во время так называемого «Бегства».

Галактическая энциклопедия

11

Заявление Челвика повергло Селдона в молчание. Он мысленно съежился от сознания собственной беспомощности.

Что же произошло? Он изобрел новую науку – психоисторию. Он немного превысил границы действия законов вероятности, принял в расчет величины, изобилующие сложностью и противоречивостью, и в результате получил изящные уравнения с огромным числом неизвестных. Не исключено, что число это бесконечно.

Но для него это была просто математическая игра, не более. Он создал психоисторию, или, как минимум, ее основу, но пока это была всего-навсего математическая диковина, безделушка. Знания истории могли бы придать какое-то значение безжизненным уравнениям...

Но таких знаний у него не было. История никогда не интересовала его. Он, конечно, знал в общих чертах историю Геликона и в свое время прослушал краткий курс истории человечества в школе – но что с того? Все остальные знания были нахватаны с потолка – мифы, легенды, а то и попросту разрозненные, не связанные друг с другом обрывки информации.

И все-таки, как кто-то мог заявлять, будто Галактическая Империя умирает? Ведь она существует под названием Империи уже десять тысячелетий, а еще целых два тысячелетия до этого Трентор, будучи столицей могущественного королевства, фактически правил Империей, хотя она тогда так не называлась. В первые века своего существования Империи пришлось нелегко, однако она справилась с сопротивлением огромных участков Галактики, никак не желавших расставаться с остатками независимости. Империя пережила многое: бунты, династические войны, периоды тяжелого упадка. Однако потрясения коснулись далеко не всех миров, а Трентор рос и развивался до тех пор, пока не стал самой многонаселенной планетой в Галактике и не обрел титул «Вечного Города».

Нет, если смотреть правде в глаза, последние четыре столетия характеризовались некоторым усилением напряженности: произошел целый ряд покушений на Императоров и

дворцовых переворотов. Но и это прошло, и теперь в Галактике царил поистине небывалый мир и покой. При Клеоне, и раньше, при его отце, миры жили и процветали в свое удовольствие, а Клеона никто тираном не считал. Даже те, кто критиковал Империю, как государственное установление, не осмеливался сказать дурного слова о Клеоне, как бы при этом ни поносили Демерзеля.

Но почему же тогда Челвик объявил, что Галактическая Империя умирает – да еще с такой уверенностью?

Челвик – журналист. Может быть, он: лучше знал историю Галактики и более отчетливо представлял себе нынешнюю ситуацию. Но что он такое знал? Что стояло за его безапелляционным заявлением? Что? Что?

Несколько раз вопрос уже был готов сорваться с губ Селдона, но стоило ему взглянуть на суровое лицо Челвика, и он решал не спрашивать. И еще... для него Галактическая Империя была некоей данностью, непререкаемой аксиомой, краеугольным камнем – вечным, незыблемым. Если это не так... нет, он об этом и слышать не хотел.

Поверить в то, что он ошибался? Нет, ни за что. Галактическая Империя для Селдона имела ровно столько же шансов на гибель, как сама Вселенная. Иначе говоря – Империя могла погибнуть только вместе со Вселенной.

Селдон закрыл глаза, попытался заснуть, но, конечно же, не сумел. Может быть, психоистория продвинулась бы вперед, если бы он занялся изучением истории?

Но как? Существовало двадцать пять миллионов миров, и у каждого из них была своя история, сложная и запутанная. Как он мог изучить историю всех миров? Он знал, что есть множество длиннющих фильмов по истории Галактики. Однажды – он уже и сам не мог припомнить зачем – он смотрел один такой фильм и чуть не сошел с ума от скуки.

Галактической истории дело было только до самых важных, могущественных миров. Некоторые из них были описаны на протяжении всего их существования, другие упоминались лишь в связи с тем или иным периодом в их истории, а потом исчезали, словно их никогда и не было. Как-то Селдон решил поискать в каталоге Геликон и нашел одну-единственную ссылку... Копнув поглубже, он нашел Геликон в перечне миров, которые хотя бы единожды чем-то угрожали имперскому трону. Однако никакого наказания Геликон не понес – вероятно, в связи с тем, что планету сочли настолько незначительной, что ее и наказывать-то не стали.

И что, спрашивается, толку в такой вот истории? Без сомнения, психоистория должна учитывать действия, реакции и взаимодействия, имеющие место в каждом мире, во всех без исключения. Но как можно изучить историю всех двадцати пяти миллионов миров и учесть все возможные между ними взаимодействия? Нет, это совершенно бессмысленная, не имеющая решения задача и еще одно, лишнее подтверждение вывода о том, что психоистория представляет исключительно теоретический интерес, и ее никогда нельзя будет применить на практике.

Селдона слегка качнуло вперед, и он понял, что машина замедлила скорость.

– В чем дело? – спросил он.

– Думаю, мы уже достаточно далеко улетели, – ответил Челвик, – чтобы позволить себе короткую остановку. Перекусим, выпьем по стаканчику чего-нибудь, освежимся под душем.

Минут через пятнадцать, постепенно тормозя, машина выехала в ярко освещенный боковой проем и припарковалась на стоянке, где стояло еще пять-шесть машин.

12

Челвик наметанным взглядом окинул все сразу – площадку, другие машины, буфетную стойку, коридоры, мужчин и женщин. Селдон, изо всех сил стараясь не привлекать к себе внимания, украдкой поглядывал на Челвика и старался во всем ему подражать.

Когда они уселись за небольшой столик и сделали заказ, Селдон как можно более безразлично спросил:

– Все в порядке?

– Похоже, да, – ответил Челвик.

– Откуда ты знаешь?

Взгляд темных глаз Челвика на мгновение задержался на Селдоне.

— Инстинктивно чувствуя, — объяснил он. — Репортерский опыт, понимаешь? Глянешь одним глазком и сразу видишь: «Тут нет ничего интересного».

Селдон кивнул и немного успокоился. Ответ Челвика прозвучал шутливо, но доля правды в нем, безусловно, была.

Однако стоило Селдону откусить первый кусок сандвича, как физиономия его недовольно скривилась. Он вопросительно глянул на Челвика.

— Дорожный буфет, что ты хочешь? — пожал плечами Челвик. — Дешево, быстро и невкусно. Продукты местные и имеют весьма специфический привкус. Для тренторианцев — дело привычное. Все дрожжевое.

Селдон с трудом проглотил кусок.

— А в гостинице...

— Гостиница-то твоя где располагалась? В Имперском секторе. А там все продукты — привозные, натуральные. Если что-то и подают дрожжевое, то дрожжи берутся самого высокого качества, А хорошие дрожжи и стоят недешево.

Селдон нерешительно смотрел на сандвич, раздумывая, откусить ли еще кусочек.

— Надо ли понимать тебя так, что все то время, что я пробуду на Тренторе...

— Тс-с-с... — прошептал Челвик едва слышно. — Не подавай виду, что тебе такая еда в новинку. На Тренторе есть такие дыры, где показаться аристократом еще хуже, чем если в тебе признают неместного. А еда не везде такая мерзкая, поверь. В придорожных буфетах лучшего ждать не приходится, они все такие. Если сумеешь проглотить и переварить этот сандвич, значит сумеешь прожить на Тренторе. Уверяю тебя, ничего дурного с тобой не случится. Он свежий, не сомневайся, Просто вкус такой, специфический, непривычный. Честное слово, привыкнешь со временем. Встречал я тренторианцев, которые просто в ужасе были от натуральных продуктов и утверждали, что чего-то в них недостает — не такие, видишь ли, пикантные, как наши.

— А на Тренторе много производят продуктов? — спросил Селдон, предварительно стрельнув глазами по сторонам и убедившись, что поблизости никого нет, и, стало быть, можно разговаривать спокойно. — Я слыхал, что каждый день на Трентор прибывает около сотни грузовиков с продуктами из двадцати ближайших миров.

— Точно. И примерно столько же кораблей вывозят пищевые отходы. А уж если быть точным до конца, то все это проделывают одни и те же корабли — сюда они везут продукты, а обратно — отходы. Действительно, натуральные продукты составляют значительную статью нашего импорта, но все-таки тут речь идет в основном о роскоши, экзотике. А отходы, идущие на экспорт, самым тщательным образом перерабатываются в ценнейшие органические удобрения, которые так же драгоценны для других миров, как для нас — продукты питания. И все же, повторяю, импорт не так велик, как можно подумать.

— Правда?

— Конечно. Во-первых, в океане водится рыба, во-вторых, тут довольно много садов и огородов. Фруктовые деревья дают неплохой урожай, есть у нас и птицефермы, и кроликофермы, и громадные плантации по выращиванию микроорганизмов — их чаще называют дрожжевыми плантациями, хотя дрожжи там как раз выращивают в минимальных количествах. На самом деле Трентор весьма похож на обычный космический поселок, только очень большой. Ты когда-нибудь бывал в таком поселке?

— Да, бывал.

— Космические поселки, как правило, представляют собой замкнутые, закрытые городки, с искусственным климатом, вентиляцией, искусственной сменой дня и ночи, ну и так далее. Трентор отличается от них исключительно своей многонаселенностью. Правда, у нас гравитация естественная, и ни один космический поселок не может сравняться с нами по масштабу производства микроорганизмов для питания. Чего у нас только нет; дрожжевые танки, грибковые теплицы, бассейны с водорослями... Конечно, если бы не вкусовые добавки, есть все это было бы невозможно.

Селдон почти управился с сандвичем, и чем дальше, тем менее отвратительным тот ему казался.

– Значит, ты говоришь, со мной все будет в порядке?

– Бывают случаи, когда такая пища повреждает кишечную флору, и время от времени какой-нибудь чужеземец может заполучить расстройство пищеварения, но это редко, да и проходит быстро. Ты давай, пей молочный коктейль. Он тебе, правда, тоже вряд ли понравится. Зато он содержит профилактическое средство от расстройства кишечника – так, на всякий пожарный...

Селдон поморщился.

– Ой, Челвик, хватит, лучше не говори больше об этом, Как-то мне не по себе от этой лекции.

– Тогда допивай коктейль, и вперед.

Попутчики быстро покончили с едой, и снова пустились в путь.

13

Вскоре они снова на полной скорости неслись по туннелю. Селдон наконец решил задать вопрос, который вертелся у него на языке уже около часа.

– Почему ты считаешь, что Галактическая Империя умирает?

Челвик повернулся к Селдону лицом.

– Я же журналист. На меня сыплется громадное количество информации, статистики. Публиковать я, правда, могу лишь малую толику из того, что узнаю. Население Трентора уменьшается. Двадцать пять лет назад оно составляло почти сорок пять миллиардов. Частично это связано с падением уровня рождаемости. Однако тут нужно учесть, что рождаемость на Тренторе никогда не была особенно высока. На самом деле, походишь по Трентору, приглядываешься повнимательнее, и заметишь, что детей на улицах совсем немного при таком-то колоссальном населении. И все равно рождаемость падает. Ну, и потом – эмиграция. Уезжает с Трентора гораздо больше народа, чем приезжает.

– Учитывая высокую численность населения, – вставил Селдон, – это вовсе не удивительно.

– Согласен, но раньше такого не было, вот это-то и удивительно. И еще – торговля по всей Галактике сейчас идет гораздо менее оживленно, чем раньше. Люди думают так: раз сейчас нет никаких восстаний и войн, значит, все хорошо, и все тяготы прошлых столетий миновали. Тем не менее, как это ни парадоксально, политическая борьба, революции, войны – все это признаки жизни. А сейчас – какая-то всеобщая усталость. Все спокойно – но не потому, что люди довольны и счастливы, а потому, что устали и сдались.

– Ну, не знаю, не знаю, – недоверчиво проговорил Селдон.

– А я знаю. Взять хотя бы феномен антигравитации. Гравитационные подъемники существуют, но широкого распространения не получили. Изобретение оказалось нерентабельным, однако никто и не предпринимает никаких попыток превратить его в рентабельное. Научный прогресс замедлился, ни о какой скорости в развитии техники говорить не приходится. Какая там скорость! Прогресс не движется, а ползет черепашьим шагом. В отдельных областях так и просто застопорил. Неужели ты и этого не замечаешь? Ты же математик, в конце концов!

– Не могу сказать, чтобы я сильно задумывался об этом!

– Ты не одинок. С этим просто все смирились. Ученые ручки сложили и твердят на все лады: «то невозможно, это непрактично, а это – бесполезно». Не приемлют никаких возражений. Да вот хотя бы и тебя взять, для примера, чего там далеко ходить? Что ты говоришь о психоистории? «Она представляет чисто теоретический интерес, но не имеет никакого отношения к практике». Так ведь?

– И да и нет, – раздраженно отозвался Селдон. – Да, она бесполезна в плане практики, но отнюдь не из-за того, что во мне напрочь погиб дух авантюризма и всяческая романтика. Она действительно бесполезна.

– По меньшей мере, – саркастически проговорил Челвик, – твоя убежденность является следствием существования атмосферы упадка, которая царит во всей Империи.

– Таково твое убеждение, – сердито буркнул Селдон. – А вдруг ты ошибаешься?

Челвик замолчал, задумался.

— Да, я могу ошибаться, — кивнул он наконец. — Все, что я говорю — плод интуиции, догадок. А для уверенности мне нужна работающая психоистория.

Селдон пожал плечами.

— Увы, мне нечем тебя порадовать. Но допустим, что ты прав. Допустим, что Империя действительно катится вниз по наклонной плоскости. Но ведь и после этого люди будут жить на свете.

— Да, но как они будут жить, вот в чем вопрос, дружище! Почти двенадцать тысячелетий Трентор властью Императоров ухитрялся удерживать в Империи мир и спокойствие. Конечно, были периоды беспокойства — бунты, локальные гражданские войны, множество трагедий, — но в общем и целом мир сохранялся. Почему Геликон проводит проимперскую политику? Да-да, твой родной мир. Да потому, что он маленький и слабый, и соседние государства запросто поработили бы его, не поддерживай Империя его суверенитет и безопасность.

— Значит, ты предвещаешь всеобщую войну и анархию, если Империя отомрет?

— Безусловно. Надо честно сказать, я не большой поклонник Императора, да и всего института Империи, но не вижу ей достойной замены. Просто не вижу, какое еще установление могло бы обеспечить поддержание мира, и не желаюпустить события на самотек, пока не получу такой замены.

Селдон фыркнул:

— Ты рассуждаешь ток, словно ты — властелин Галактики! Ты не позволишь, ты не желаешь... Тебе нужна замена... Кто ты такой, чтобы такое заявлять?

— Ты меня слишком буквально понял, — усмехнулся Челвик. — Я вовсе не себя лично имел в виду, не Четтера Челвика. На мой век Империи хватит за глаза. Очень может быть, что при моей жизни даже наметятся кое-какие изменения к лучшему. Жизнь — штука переменчивая. Упадок может смениться времененным подъемом. До смертельной агонии еще далеко, может быть, целая тысяча лет, и, как ты понимаешь, к тому времени мое бренное тело будет давным-давно упокоено в земле, а потомков после меня не останется. Я не женат, с женщинами встречаюсь изредка, детей у меня нет, и заводить их я не собираюсь. Так что я не оставлю судьбе заложников и охотников за наследством. Кстати, после твоего доклада, Селдон, я навел о тебе справки, ты уж извини. У тебя ведь тоже нет детей?

— Да, детей у меня нет, но живы родители, и есть два брата. Я однажды был очень сильно влюблен, — добавил Селдон, смущенно улыбнувшись, — но этой женщине казалось, что ее я люблю гораздо меньше, чем математику.

— Она была права?

— Мне так не казалось, да что толку? Главное, что так казалось ей. Словом, она меня бросила.

— И с тех пор ты одинок.

— Да. Это было так больно, что я до сих пор не в силах забыть.

— Ну что ж, выходит, мы оба, по идее, вправе сложить руки и дать другим возможность суетиться, что-то придумывать, а в итоге — страдать, когда нас с тобой уже не станет на свете. Знаешь, раньше у меня были подобные мысли, но не теперь. Теперь у меня есть инструмент, и я добьюсь своего.

— Что за инструмент? — спросил Селдон, заранее зная ответ.

— Ты! — ответил Челвик.

Поскольку Селдон ожидал именно этого ответа, он не стал разыгрывать удивление и возмущение. Он просто покачал головой и сказал:

— Ты жестоко ошибаешься. Инструмент из меня никудышный.

— Почему?

Селдон обреченно вздохнул:

— Сколько же можно повторять одно и то же? Психоистория не предназначена для практического применения. Трудность ее внедрения в практику носит фундаментальный характер. Всего пространства и времени Вселенной не хватит для решения проблем, для ответа на необходимые вопросы.

— Ты в этом уверен?

– К несчастью, да.

– Но твоя задача состоит не в том, чтобы предсказывать всю будущую судьбу Галактической Империи, пойми. Тебе вовсе не нужно подробно прогнозировать действия каждого отдельного человека, даже каждого отдельного мира. Тебе нужно просто-напросто дать ответ на несколько вопросов; погибнет ли Галактическая Империя, и если да, то когда это произойдет? В каких условиях после этого окажется человечество? Можно ли что-либо предпринять для отсрочки гибели Империи, либо для смягчения обстоятельств, которые эта гибель повлечет за собой? На мой взгляд, это не такие уж сложные вопросы.

Селдон покачал головой и грустно проговорил:

– История математики битком набита самыми простыми вопросами, ответы на которые оказались безумно сложными, а то и вообще не были найдены.

– И так-таки ничего нельзя сделать? Я вижу, что Империя погибает, но не могу этого доказать. Все мои заключения субъективны, и я никак не могу доказать свою правоту. А из-за того, что моя точка зрения никого не может обрадовать по сути, люди предпочут отвернуться и не слушать меня, и для предотвращения гибели, или, по крайней мере, для смягчения удара, ничего не будет сделано. А вот ты мог бы *доказать* истинность упадка или, наоборот, опровергнуть мои предположения.

– Но ведь именно этого-то я как раз и не могу сделать! Как я могу найти отсутствующие доказательства? Я не могу превратить математические выкладки в практические, если они не таковы по своей природе. Нельзя взять два четных числа, сложить и получить в сумме нечетное, как бы страстно ты сам или вся Галактика ни желали получить в ответе нечетное число!

– Я понял тебя, – буркнул Челвик, – Ты – порождение упадка. Ты добровольно признаешь поражение.

– Разве у меня есть выбор?

– А разве нельзя хотя бы попытаться? Какими бы бесплодными ни казались тебе мои трепыхания, что лучшего ты бы мог сделать за свою жизнь, чему бы еще ты мог ее посвятить? У тебя есть более высокая цель?

Селдон часто-часто заморгал.

– Но... Миллионы миров. Миллиарды культур. Квадриллионы людей. Квинтиллионы взаимосвязей... И ты хочешь, чтобы я один упорядочил все это?

– Нет, я хочу, чтобы ты просто *попытался*. Ради вот этих самых миллионов миров, миллиардов культур и квадриллионов людей. Не ради Императора. Не ради Демерзеля. Ради человечества.

– У меня не получится.

– Не получится так не получится. Но ты попытаешься?

И... против своей воли, сам не понимая почему, Селдон услышал собственный ответ:

– Попытаюсь.

С этого мгновения для него началась другая жизнь.

14

Путешествие наконец завершилось, и такси подлетело к стоянке, которая оказалась гораздо обширнее, чем та, где приятели останавливались перекусить. (Селдон еще не забыл вкуса злополучного сандвича и огорченно скривился.)

Челвик припарковал такси, вышел и скоро вернулся, на ходу убрав кредитную карточку во внутренний карман рубашки.

– Здесь ты в полной безопасности, как я и обещал, – сообщил он Селдону. – Мы находимся в секторе Стрилинг.

– Стрилинг?

– Вроде бы, сектор назван в честь того, кто основал тут поселение. Большинство секторов названо в чью-то честь, вследствие чего названия чаще всего неуклюжи, а порой труднопроизносимы. И все равно, здешние жители ни за какие коврижки не согласятся переименовать Стрилинг в какой-нибудь там Парадиз или что-нибудь в таком роде. Попробуй

предложить – получишь по физиономии, и дело с концом.

– Парадизом тут и не пахнет, – пошутил Селдон, брезгливо наморщив нос.

– Парадизом не пахнет нигде на Тренторе, но ты привыкнешь.

– Я так рад, что мы сюда попали, – признался Селдон. – Не то чтобы я рад, что мы попали именно сюда, но просто я до смерти устал от сидения в такси. Представляю себе, если бы мы пустились в облет всего Трентора. Бр-р-р... На Геликоне в любое место можно добраться по воздуху гораздо быстрее, чем здесь преодолеть расстояние в две тысячи километров.

– У нас тоже есть воздушные катера.

– Так почему же мы...

– Видишь ли, просто путешествие на такси мне легко было организовать так, чтобы оно прошло анонимно. С катером такого бы не вышло. И как бы безопасно мы себя тут ни чувствовали, гораздо спокойнее будет, если Демерзель не будет знать наверняка, где ты находишься. На самом деле, еще не все позади. Надо еще добраться экспрессом до конечной станции.

Селдон понял, о каком виде транспорта говорит Челвик.

– Это такие открытые поезда, что ходят по рельсам?

– Точно.

– На Геликоне такого транспорта нет, да он там и не нужен. А на вашем экспрессе я уже катался, в самый первый день, как на Трентор прилетел. От аэропорта до гостиницы. Так, для новизны впечатлений очень даже ничего, но как представишь, что все время нужно на нем мотаться... Толпы народу, путаница такая...

– Ты что, заблудился?

– Да нет, там было полно указателей. Немного замешкался на входе и выходе, но мне сразу пришли на помощь. Теперь-то я понимаю, что по одежде во мне сразу признали чужеземца. Советчиков была целая куча, наверное, потому, что кому приятно было наблюдать мою растерянность.

– Ну, рез уж ты теперь такой специалист по путешествиям на экспрессе, теряться тебе больше нечего.

Эту фразу Челвик произнес тепло и дружески, но в уголках его рта притаилась улыбка.

– Пошли.

Они не спеша зашагали по улице, которая была освещена так ярко, что создавалось впечатление дня в полном разгаре, но при этом казалось, что несуществующее небо подернуто облаками и солнце (тоже несуществующее) то заходит за тучку, то снова выходит из-за нес. Селдон инстинктивно поднял глаза к «небу», но, естественно, никаких тучек не увидел.

Заметив его взгляд, Челвик пояснил:

– Считают, что такая смена освещенности благотворно воздействует на психику людей. Бывают дни, похожие на солнечные, а порой устраивают нечто вроде сплошной облачности.

– Но при этом ни дождя, ни снега?

– Да, и ни града, ни слякоти. Ничего такого. Ни повышенной влажности, ни пронизывающего холода. Видишь, Селдон, есть у Трентора свои недостатки, даже сейчас.

На улицах было довольно-таки многолюдно, причем народ встречался в основном молодой, попадались и дети, что бы там Челвик ни говорил о падении рождаемости. При взгляде на пешеходов создавалось впечатление, что люди тут живут обеспеченные и довольные жизнью. Мужчины встречались так же часто, как и женщины, и одеты все были гораздо более скромно, чем в Имперском секторе. Здесь костюм Селдона, подобранный для него Челвиком, выглядел совершенно естественно. Людей в шляпах встречалось немного, и Селдон с облегчением сдернул свою и взял ее под мышку.

Противоположные стороны улицы здесь не отделяла одну от другой глубокая пропасть, и, как и обещал Челвик, пешеходы передвигались, можно сказать, по уровню земли. Транспорта на улицах не было совсем, и Селдон спросил у Челвика, с чем это связано.

– В Имперском секторе, – объяснил Челвик, – машин много потому, что там ими пользуются служащие официальных структур. В других же местах частным транспортом пользуются крайне редко, и для владельцев машин отведены специальные тунNELи. Фактически, машины и не нужны, ведь есть экспресс-линии, а для передвижения на небольшие

расстояния – движущиеся тротуары. А уж когда расстояние совсем невелико – можно и на своих двоих добраться.

До слуха Селдона донеслись приглушенные вздохи и вскрики, и вскоре он увидел вдалеке длинную вереницу вагончиков экспресса.

– Погляди, вон он, экспресс, – показал он рукой.

– Вижу, только нам лучше сесть на стоянке. Там и маршрут можно поточнее выбрать, и сесть легче. Ты пока все-таки, мне кажется, не сумеешь впрыгнуть в вагончик на ходу. Есть у нас такие акробаты-лихачи. Им кажется, что это у них ловко получается, вот они и выпендриваются, но, увы, частенько получают травмы.

– А разве не существует правил?

– Отчего же не существует? Существуют правила, и время от времени нарушителей даже наказывают, к всеобщему и полному удивлению.

Как только приятели удобно уселись в вагончике экспресса, Селдон обернулся к Челвику и сказал:

– Что меня удивляет: так это, что экспресс движется так спокойно, равномерно. Я понимаю, что здесь действует электромагнитное поле, но все равно это удивительно! – воскликнул он, прислушиваясь к негромким звукам, возникшим при соприкосновении их вагончика с соседними.

– Да, замечательная транспортная система, – согласился Челвик, – но, увы, ты не застал ее лучших дней. Когда я был помоложе, шума было еще меньше, а те, кто ездил на экспрессе пятьдесят лет назад, утверждают, что в то время вагончики и вообще катились как по маслу, но я почти уверен, что это просто ностальгическая идеализация прошлого.

– Почему же теперь все стало иначе?

– А ухаживают паршиво, вот и все. Я же говорил тебе насчет упадка.

Селдон нахмурился.

– Уверен, люди не сидят, воздев глаза к небесам и не повторяют, как заклинание: «Мы в упадке, мы в упадке, пусть все идет прахом, и экспресс в том числе».

– Нет, конечно, ничего такого не происходит. По-прежнему следят за исправностью оборудования, заменяют износившиеся узлы и детали, магниты, истершуюся обшивку на сиденьях, и так далее. Но все это как-то лениво, небрежно, и не так часто, как раньше. Просто денег не хватает, вот и все.

– И куда же деваются деньги?

– На всякие другие дела. Мы пережили ряд неспокойных столетий. Флот разросся, содержание его обходится гораздо дороже, чем раньше. Военным платят побольше, чтобы они, не дай бог, не взбунтовались. За спокойствие приходится платить.

– Но вообще-то при Клеоне жизнь течет более или менее спокойно. Пятьдесят лет непрерывного мира.

– Да, но военные, которым хорошо платят, не согласны, чтобы из-за мира им снижали оплату. Адмиралы держатся за свои траченные молью корабли и не желают даже слушать о понижении в звании просто потому, что им больше нечем в жизни заняться. Словом, деньги рекой текут без всякой отдачи в армию, а тем временем социальная сфера потихоньку разваливается и нищает. Вот это я и называю упадком. Разве это не так? Тебе разве не кажется, что на эти вещи невозможно закрыть глаза и не учесть их в твоей будущей психоистории? Селдон недовольно заерзал на сиденье.

– А куда мы, кстати, направляемся?

– В Стрилингский Университет.

– А, так вот почему название сектора показалось мне знакомым! Я слышал об этом Университете.

– Ничего удивительного. На Тренторе – около ста тысяч высших учебных заведений, а Стрилинг входит в тысячу самых престижных.

– Мне придется там задержаться?

– Ненадолго. Кстати говоря, университетские кампусы – неприкасаемые святыни, и там ты будешь в полной безопасности.

– Да, но будут ли там мне рады?

– Что за вопрос! В наши дни совсем нелегко отыскать хорошего математика. Для тебя там почти наверняка найдется работа. Да и ты, надеюсь, сумеешь извлечь из пребывания в Университете пользу. Не просто же прятаться там будешь.

– Ты, конечно, хочешь сказать, что там у меня будет возможность поработать над своими выкладками?

– Ты дал обещание, – напомнил Челвик.

– Я обещал *попробовать*, – уточнил Селдон, а про себя подумал, что его обещание было равносильно попытке сплести веревку из песка...

15

Разговор сам собой прекратился, и Селдон углубился в рассматривание окрестностей. Постройки отличались приятным разнообразием. Среди них попадались и невысокие здания, и уходящие под самые «небеса». Улицы сменялись широкими площадями.

Внимательно разглядывая здания, Селдон крайне удивился, что многие из них не только сильно возвышались над землей, но и довольно глубоко уходили под землю, и неизвестно, какая их часть доминировала – надземная или подземная.

Время от времени поодаль от линии экспресса мелькали островки свежей зелени – чаще всего, газоны, засаженные травой, но кое-где попадались и невысокие деревца.

Селдон смотрел и смотрел по сторонам, и вдруг ему начало казаться, что свет меркнет. Он обернулся к Челвику, тот прочел вопрос в глазах математика и объяснил:

– Вечер на исходе. Скоро ночь.

Брови Селдона вздернулись, уголки рта опустились.

– Восхитительно! Я представил себе, как вся планета погружается в темноту, а потом вновь озаряется светом...

Челвик усмехнулся.

– Не совсем так, Селдон. Планета никогда не выключается, образно говоря, одновременно вся, и не включается. Тень сумерек продвигается по Трентору постепенно. Минует полдня, и затем постепенно загорается рассвет. На самом деле, все происходит примерно так же, как наверху, над куполом. На высоких широтах даже долгота дня меняется в зависимости от времени года.

Селдон покачал головой.

– Не понимаю... Зачем же было нужно заковывать планету в броню, а потом пыжиться изо всех сил, пытаясь создать условия, приближенные к естественным?

– Наверное, потому, что людям так больше нравится. Тренторианцы ценят преимущества жизни под куполом, но не желают смиряться со скукой и однообразием. Ты просто маловато пока знаешь тренторианскую психологию, Селдон.

Селдон залился легким румянцем. Конечно, он ведь всего-навсего простой геликонец, прожил там всю жизнь, и откуда ему было знать обо всем, что творится в миллионах миров за пределами родной планеты? Но как же тогда он мог надеяться на успех в разработке основ психоистории?

Но, с другой стороны... Сколько нужно собрать вместе людей, чтобы они знали все обо всем?

Эти размышления заставили Селдона вспомнить загадку, которую ему кто-то загадал, когда он был помоложе. Загадка была такая: «Можно ли сделать так, чтобы сколь угодно большое число людей не смогло поднять с земли относительно небольшой кусок платины, пускай даже снабженный скобами для удобства? Вероятно ли это?»

Ответ был однозначный; да, вероятно. Кубический метр платины весит двадцать две тысячи четыреста двадцать килограммов при нормальной силе притяжения. Допустим, одному человеку под силу оторвать от земли вес, равный ста двадцати килограммам. Тогда для того, чтобы поднять кубометр платины, хватит ста восьмидесяти восьми людей. Однако загвоздка в том, что никак нельзя разместить сто восемьдесят восемь человек вокруг куба так, чтобы каждый имел возможность ухватиться. По идее, собрать для подъема можно не более девяти человек. А никакими рычагами и тому подобными устройствами по условиям задачи

пользоваться не разрешалось. Только «грубой силой», без всяких приспособлений.

Точно так же невозможно было собрать столько людей, чтобы их пускай даже самые умные головы вмещали всю сумму знаний, необходимых для разработки психоистории. Даже компьютеры не в состоянии вместить такую сумму знаний.

– Что загрустил, Селдон? – прервал молчание Челвик.

– Да так. Расписываюсь в собственном невежестве.

– Почтенное занятие, И главное, ты не одинок. К тебе могли бы запросто присоединиться квадриллионы народа. Однако, нам пора выходить.

– Откуда ты знаешь? – удивился Селдон.

– Оттуда же, откуда ты узнал, когда тебе выходить, когда первый раз ехал экспрессом. Я на знаки поглядываю.

И Селдон тут же увидел проплывавшее мимо название станции: «Стрилингский Университет, стоянка три минуты».

– Давай, быстренько, а то затолкают. Не горюй, скоро наловчишься, научишься скакать так, что даже газету на ходу читать сумеешь.

– Для этого мне придется здорово подзадержаться на Тренторе... – пробормотал Селдон, крепко ухватив Челвика за руку.

Небо окрасилось в темно-лиловые тона, в домах зажигались огни.

Точно так же наступала ночь на Геликоне. Если бы Селдона привезли сюда с завязанными глазами, а потом сдернули повязку, он был бы уверен, что никуда не улетал с Геликона, и находится в новом районе одного из крупных городов.

– Челвик, как ты думаешь, долго мне придется пробыть в Университете? – спросил он.

– Трудно сказать, Селдон, – как всегда спокойно отозвался Челвик. – Может быть, всю жизнь.

– Что?!

– А может быть, и нет. Но с тех пор, как ты сделал доклад о психоистории, твоя жизнь перестала тебе принадлежать. Император и Демерзель тебя сразу разглядели. Я тоже. Насколько мне известно, не только они и я. Словом, надеюсь, ты понимаешь, что теперь ты сам себе больше не принадлежишь.

Глава четвертая Библиотека

Венабили, Дорс – историк, родилась на Цинне. ...Вероятно, жизнь этой женщины и далее не представляла из себя ничего особо примечательного, если бы, проработал два года в Стрилингском Университете, она не познакомилась с молодым Гэри Селдоном во время его Бегства...

Галактическая энциклопедия

16

Комната, в которую привел Селдона Челвик, оказалась более просторной, чем квартирка Челвика в Имперском секторе. Большини удобствами она, правда, не отличалась, все по-минимуму: кровать, в углу – умывальник. Никаких приспособлений для приготовления пищи. Окна в комнате тоже не было, а на потолке мерно жужжал вентилятор.

Селдон растерянно оглядел комнату.

Челвик, как обычно, отреагировал на растерянность Селдона:

– Это – только на одну ночь, Селдон. Завтра утром пришлют кого-то, кто определит тебя в Университет, и тебя устроят поудобнее.

– Челвик, ты меня прости, конечно, но откуда тебе это известно?

– Я все устрою. У меня тут есть пара-тройка знакомых. А эти люди, – криво усмехнувшись, добавил он, – в некотором смысле мои должники, вот я с них и стребую мзду. А

теперь давай обсудим кое-какие мелочи.

Он пристально посмотрел на Селдона.

— Со всем, что ты оставил в гостинице, придется расстаться навсегда. У тебя осталось что-нибудь особо ценное, незаменимое?

— Да нет, ничего такого. Кое-какие безделушки, милые сердцу и связывающие меня с прошлым, но это можно пережить. Что упало, то пропало. Потом... кое-какие заметки по докладу. Расчеты. И сам доклад.

— Который теперь можно считать достоянием общественности, — закончил Челвик, — и таковым он останется до тех пор, пока его не изымут из обращения, как материал, представляющий известную опасность. Тем не менее, если понадобится, я сумею раздобыть копию, я уверен. Но, думаю, ты сможешь его восстановить, не так ли?

— Смогу. Потому я и сказал, что горевать мне особо не о чем. Еще там остались все мои деньги — что-то около тысячи кредиток, книги, одежда, обратный билет до Геликона, и тому подобные вещи.

— Ну, это все ерунда... Значит, нужно будет устроить, чтобы на твоё имя выписали кредитную карточку с моего счета. Этого хватит на повседневные мелкие расходы.

— Слишком щедрый подарок. Я не могу его принять.

— Никакой щедрости. Взамен я приобретаю спасение Империи. Так что придется тебе принять этот дар.

— Но откуда у тебя столько денег, Челвик? И пойми, если я и стану пользоваться этой карточкой, то с нелегким сердцем.

— Селдон, поверь, у меня хватит средств, чтобы обеспечить тебе сносное существование. Естественно, я не собираюсь ссужать тебя суммой для покупки университетского гимнастического зала или позволять швырять на ветер миллионы.

— Да нет, я ничего такого не имел в виду, но все-таки, как же... ведь мое имя будет зарегистрировано?

— Будет, и ничего страшного. Имперское правительство не имеет никакого права совать нос в дела Университета и его сотрудников. Тут полная свобода. Говори, о чем хочешь, что хочешь обсуждай. Отдельное государство.

— Ну, а если кто-то из сотрудников совершает преступление?

— Тогда дело рассматривается университетскими властями — беспристрастно и справедливо. Но никаких преступлений тут и в помине нет. Студенты и преподаватели высоко ценят собственную свободу и понимают и чтут ее законы. Ведь стоит тут пролиться крови, начаться беспорядкам, как правительство тут же сочтет, что получило право нарушить негласный договор и пришлет сюда войска. А это никому не нужно, в том числе и правительству, поэтому поддерживается спокойствие и равновесие. Другими словами, сам Демерзель не сумеет вытащить тебя из Университета. Это ему дорого обойдется. Поверь мне, уже полтораста лет, как никто из сотрудников и студентов не имеет никаких неприятностей с правительством. Но, с другой стороны, если какой-нибудь студент-сексот вытащит тебя за пределы территории Университета...

— А что, среди студентов есть такие?

— Откуда мне знать? Ведь, в принципе, любого человека можно запугать, одурачить, а то и попросту купить, и тогда он станет прихвостнем Демерзеля или кого-нибудь еще. Поэтому подчеркиваю: в общем и целом ты здесь в безопасности, но никто и никогда в абсолютной безопасности не пребывает. Действовать надо осторожно и осмотрительно. Однако мне не хотелось бы, чтобы, вняв моему совету слишком буквально, ты только и делал, что оглядывался по сторонам и шарахался от каждого встречного. Все равно, как бы то ни было, тут тебе будет спокойнее, чем на Геликоне, да и в любом другом мире кроме Трентора.

— Очень надеюсь, — обреченно вздохнул Селдон.

— Вот и правильно, — ободрил его Челвик. — В противном случае я бы не смог тебя покинуть.

— Покинуть? Ты что, хочешь бросить меня тут? — испуганно воскликнул Селдон. — О, не делай этого! Ты тут все знаешь, а я ничего!

— С тобой рядом будут другие, кто знает этот мир, пожалуй, далее лучше меня. А мне

пора. Я с тобой пробыл весь день, и время приняться за свои дела. Мне нельзя привлекать к себе излишнего внимания. Не забывай, мне ведь тоже может грозить опасность, не меньше, чем тебе.

Селдон смущился и покраснел.

– Ты прав. Действительно, не можешь же ты из-за меня бесконечно рисковать. Надеюсь, пока ничего страшного не случилось?

Челвик пожал плечами.

– Кто знает? Мы живем в тревожные времена. Ты только помни: если и есть на свете кто-то, кто может сделать их менее тревожными – пусть не для нас, пусть для тех, кто придет после нас, – то этот кто-то – ты, Селдон. И не расставайся с этой мыслью, Селдон. Пусть она тебе поможет.

17

Заснуть Селдону не удалось. Он ворочался в темноте с боку на бок и все думал, думал... С того мгновения, как Челвик коротко кивнул ему на прощание, быстро пожал руку и вышел, Селдону стало так одиноко и тоскливо, как до сих пор не было никогда. Он остался один-одинешенек в совершенно чужом мире, на незнакомом островке этого мира. Тот единственный, кого он уже был готов назвать своим другом, покинул его, а он даже не представлял, куда податься и чем заняться и завтра, и потом...

От таких мыслей заснуть было просто невозможно, но, конечно, именно тогда, когда Селдон решил, что ему предстоит бессонная ночь, усталость взяла свое, и он провалился в сон.

Когда он проснулся, было еще темно – вернее, не совсем темно, поскольку мелькал красноватый свет и раздавалось странное прерывистое жужжание. Наверняка эти звуки и вспышки и разбудили математика.

Пока он отчаянно пытался вспомнить, где находится, вспышки и жужжание прекратились, раздался настойчивый стук.

Скорее всего, стучали в дверь, но Селдон даже не мог вспомнить, в какой она стороне и где выключатель.

Он сел на постели и принял шарить пальцами по стене в поисках выключателя, приговаривая:

– Подождите минуточку, пожалуйста!

Наконец пальцы его нашупали кнопку, он нажал ее, и комната тут же озарилась мягким светом.

Сонно моргая, Селдон слез с кровати, поискав глазами дверь, нашел, собрался было открыть, но тут вспомнил об осторожности и холодно, серьезно спросил:

– Кто там?

Очень приятный женский голос ответил ему:

– Меня зовут Дорс Венабили, мне нужен доктор Гэри Селдон.

Не успела она договорить, как оказалась в комнате, у двери, которую Селдон еще не успел открыть.

Мгновение Селдон смотрел на нее не отрываясь, потом в ужасе вспомнил, что на нем, кроме трусов, ничего нет. Он испуганно вобрал в себя воздух и бросился к кровати. Оглянувшись, он понял, что видит перед собой всего-навсего голограмму. Изображению немного недоставало реальности, я вдобавок женщина вовсе не смотрела на Селдона. Видимо, она предъявила свое изображение, чтобы Селдон увидел, что она именно та, за кого себя выдает.

Селдон с трудом перевел дыхание и сказал довольно громко, чтобы его голос был слышен за дверью:

– Если вы подождете, я впущу вас: Мне нужно... примерно полчаса.

Женщина, или по крайней мере ее голограмме, ответила:

– Хорошо, я подожду, – и исчезла.

Душа не было, поэтому Селдон кое-как помылся над раковиной. Тюбик с пастой был, а щетки не было. Пришлось вычистить зубы пальцем. Выбирать не приходилось – Селдон

облачился в подаренную Челвиком одежду и наконец отпер дверь.

Всякие мысли вертелись у него в голове, однако он успел сообразить, что женщина сказала о себе крайне мало. Подумаешь, имя называла. Челвик его не предупредил, кто к нему может заглянуть. Дорс ли эта самая, как ее там, или кто другой. Он-то решил, что можно без опасений открыть дверь, раз там просто симпатичная молодая женщина, не кто знает – вдруг, кроме нее, там целый взвод дюжих молодцов?

Селдон осторожно выглянул в щелочку, убедился, что женщина одна, никого с ней нет, и открыл дверь пошире, пропуская гостью в комнату. Как только она вошла, Селдон тут же захлопнул и запер дверь.

– Простите, а который час? – спросил он.

– Девять, – ответила женщина. – День давно начался.

В отношении времени Трентор придерживался Галактического Стандарта, поскольку только так можно было вести дела в области межзвездной торговли и межправительственных контактов. Но, помимо этого, в каждом мире существовала своя, местная система измерения времени. А Селдон пока еще не успел свыкнуться с тем, что такое «час» по-тренториански.

– Середина утра? – уточнил Селдон.

– Верно, – ответила женщина.

– Да, долго я проспал, – смутился Селдон, и тут же добавил, защищаясь: – Просто тут нет окна, понимаете?

Дорс подошла к кровати, протянула руку, и коснулась пальцами небольшой черной точки на стене. На потолке, прямо над подушкой тут же загорелись кроеные цифры: 09:03.

Улыбнувшись открыто и искренне, она проговорили:

– Простите меня. Я думала, что Четтер Челвик предупредил вас о том, что я зайду в девять. Прямо беда с ним. Он так привык к тому, что все всё знают, что даже и мысли не допускает о том, что кто-то порой все-таки может чего-то не знать... Видимо, я зря воспользовалась радиоголографической системой идентификации. По всей вероятности, вы с этим незнакомы, и я вас, наверное, напугала.

Селдон сразу успокоился. Женщина вела себя на редкость искренне и дружелюбно, а как только прозвучало имя Челвика, все встало на свои места.

– Что касается радиоголографии, мисс.

– Зовите меня просто Дорс.

– Так вот, Дорс, что касается радиоголографии, вы не правы. Ею пользуются на Геликоне, и я знаю, что это такое, просто мне такая роскошь была не по карману, да и не только мне, всем людям моего круга, поэтому, так сказать, в руках я этой штуки не держал. Но я все понял и не испугался, уверяю вас.

Селдон рассматривал гостью. Роста она была невысокого, прямо скажем – среднего. Волосы – золотисто-рыжие, скорее – медные, ровно и красиво вьющиеся, довольно коротко стриженные. (Женщины с такими стрижками уже попадались Селдону па Тренторе. Видимо, такие прически были сейчас в моде. На Геликоне же даму с подобной стрижкой подняли бы на смех.) Особой красотой лицо Дорс не блистало, но отличалось удивительной миловидностью. Вероятно, этому в немалой степени помогали мягкие, пухлые губы, готовые в любую минуту расплыться в улыбке. Дорс была стройна, пропорционально сложена и на вид довольно молода. («Слишком молода, – подумал про себя Селдон, – чтобы на нее можно было положиться».)

– Вы решили мне инспекцию учинить? – кокетливо поинтересовалась Дорс. (Похоже, у нее, как и у Челвика, был врожденный талант к чтению чужих мыслей, а может быть, Селдон начисто был лишен способности скрывать свои.)

– Простите, – смущенно ответил Селдон. – Вышло, что я вас вроде бы разглядываю, а я просто задумался. Поймите, здесь все чужое для меня, у меня здесь совсем нет друзей.

– Прошу вас, доктор Селдон, считайте меня своим другом. Мистер Челвик велел мне о вас заботиться.

Селдон усмехнулся.

– Боюсь, вы для такой заботы слишком молоды.

– Вы скоро убедитесь, что это не так.

– Ну что ж, постараюсь доставлять вам как можно меньше хлопот. Если вам не трудно, повторите, пожалуйста, ваше имя.

– Дорс Венабили, – старательно выговаривая буквы, повторила женщина, сделав подчеркнутое ударение на втором слоге фамилии. – Как я уже сказала, звать меня можете просто Дорс, обращаться можете на «ты». Я надеюсь, вы не будете против, если я буду звать вас Гэри? Здесь, в Университете, мы не уделяем большого внимания формальностям, и все стараются никоим образом не подчеркивать ни должности, ни ученого звания.

– Конечно, никаких возражений. Зовите... зови меня Гэри.

– Отлично. Ну, теперь дальше, без формальностей. Так... инстинкт подсказывает, что при соблюдении правил этикета я должна была бы попросить разрешения сесть. Ну, а раз мы от формальностей отказались, я просто сяду и все.

И Дорс уселась на единственный стул. Селдон прокашлялся.

– Прости, пожалуйста. На самом деле, это я должен был предложить тебе сесть. Что же это я...

Он уселся на краешек неприбранной кровати. Ему было жутко не по себе, и он принялся, стараясь делать это незаметно, разглаживать складки одеяла...

Дорс, казалось, ничего не замечала.

– Значит, так, Гэри: для начала мы позавтракаем в одном из университетских кафе. Затем я устрою тебя в общежитии – там комнаты намного удобнее, чем эта. Кстати, там будет и окно. Челвик попросил меня позаботиться о том, чтобы тебе была выдана кредитная карточка с его счета. На это мне понадобится день-два. Тут у нас народ въедливый. А пока все твои расходы буду оплачивать я, потом сочтемся. Потом... У нас найдется для тебя работа, Четтер Челвик сказал мне, что ты – математик, а у нас сейчас по кое-каким причинам хороших математиков как раз не хватает.

– А Челвик сказал, что я – *хороший* математик?

– Конечно, так и сказал. Еще он сказал, что ты – исключительный человек. Выдающийся.

– Ну, знаешь... – Селдон уставился на свои ногти. – Это, спору нет, приятный комплимент, но ведь с Челвиком мы только сегодня познакомились, а чуть раньше он слышал мой доклад, о качестве которого он, не будучи специалистом, судить может лишь весьма приблизительно. Думаю, он так сказал просто из вежливости.

– А я так не думаю, – покачала головой Дорс. – Он и сам человек необыкновенный, и у него огромный опыт общения с людьми. Я его мнению верю. Как бы то ни было, у тебя будет возможность доказать, на что ты годишься. Надеюсь, ты с компьютером управляться умеешь?

– Конечно.

– Я имею в виду обучающие компьютеры. Ты умеешь составлять программы для обучения различным разделам современной математики?

– Да. Я этим занимался постоянно. В Геликонском университете у меня должность старшего преподавателя кафедры математики.

– Знаю, – кивнула Дорс, – Челвик говорил. Правда, когда об этом узнают, все поймут, что ты не с Трентора, но особых сложностей возникнуть не должно. Здесь, в Университете, и тренторианцев хватает, но есть сотрудники и студенты из самых разных миров, и никто на них косо не смотрит. Не хочу сказать, что ты прямо-таки не столкнешься ни с какими разговорчиками на тему о том, кто с какой планеты, но должна тебе честно сказать: провинциалы на такое брюзжание гораздо более падки. Между прочим, я и сама – не местная.

– Правда? – восхликал Селдон, тут же смущаясь, но решил, что ничего невежливого не будет, если он спросит, откуда родом Дорс. – Откуда же ты, если не секрет?

– С Цинны. Слыхал про такую?

Врать бесполезно, решил Селдон, и честно ответил:

– Нет.

– Ничего удивительного. Моя родная планета, пожалуй, еще менее известна, чем Геликон. Кстати, возвращаясь к вопросу о программировании... Насколько я понимаю, программу можно составлять либо хорошо, либо плохо.

– Ты совершенно права.

– А ты можешь составить такую программу хорошо?

– Надеюсь, сумею.

– Вот и отлично. Университет тебе за это заплатит. А теперь пойдем, позавтракаем. Как спалось, кстати говоря?

– Как ни странно, я уснул.

– А есть хочешь?

– Хочу, только...

Селдону стало неловко.

– Понятно, – улыбнулась Дорс. – Тебя беспокоит качество пищи. Не волнуйся. Мне твои страдания вполне понятны, я ведь тоже не тренторианка и сама через это прошла. В Университете очень неплохой выбор блюд. По крайней мере, в преподавательских столовых. Студентам приходится потуже, но тут считают, что они таким образом закаляются.

Дорс встала и направилась к двери. Вопрос Селдона остановил ее на полпути.

– А ты – преподавательница, Дорс?

Она обернулась и укоризненно улыбнулась:

– Что, слишком молодо выгляжу? Докторскую диссертацию я защитила два года назад, еще на Цинне, и с тех пор работаю здесь. Через две недели мне стукнет тридцать.

– Извини, пожалуйста, – улыбнулся Селдон в ответ. – Выглядишь ты на двадцать четыре, так что поневоле возникают сомнения относительно наличия у тебя ученой степени.

– А ты, оказывается, умеешь делать комплименты, – покачала головой Дорс, и Селдону сразу стило легко. «Все будет хорошо», – решил он. – Вот я уже флиртую с очаровательной женщиной, значит, все будет хорошо».

18

Дорс оказалась права. Завтрак был совсем недурен, В одном из блюд явно присутствовали свежие яйца, мясо было прекрасно зажарено. Какао (на Тренторе обожали какао, и Селдон не имел ничего против этого), наверное, было синтетическое, но вкусное, а булочки – просто прелесть!

Селдон не мог не поделиться впечатлениями:

– Замечательный завтрак. И еда отличная, и обстановка.

– Рада, что тебе понравилось, – улыбнулась Дорс. Селдон разглядывал столовую. Вдоль одной из стен шел рад окон, и хотя в них проникал не настоящий свет, а искусственное освещение, Селдон и ему был рад, и скоро перестал огорчаться отсутвию солнечных зайчиков на полу. За окнами было очень светло: видимо, сегодня местный климатический компьютер почему-то решил, что пора устроить ясный погожий денек.

Столики были рассчитаны на четверых, большинство мест было занято, но к Дорс и Селдону никто не подсел. Все вежливо кланялись, но усаживались за другие столики. Наверняка, это было делом рук Дорс, очевидно, она хотела, чтобы они с Гэри завтракали в одиночестве, но как ей это удалось, Селдон никак не мог понять.

– Дорс, – сказал он, – ты пока не познакомила меня ни с кем из математиков.

– Просто пока никого не заметила из знакомых. У большинства математиков рабочий день начинается рано, с восьми часов – занятия. Лично мне кажется, что это из-за того, что студенты так сильно любят математику, что стремятся покончить с ней как можно раньше.

– Наверное, это из-за того, что ты сама – не математик.

– Да, уволь, только не это! – рассмеялась Дорс. – Я историк. У меня уже вышло несколько статей по истории Трентора эпохи расцвета – не теперешнего, а времени, когда тут только зарождалось королевство. Я думаю, на этом мои изыскания и остановятся по времени. Тренторианско Королевство.

– Замечательно! – восхитился Селдон.

– Замечательно? – удивилась Дорс. – Тебя что, интересует это время?

– В некотором роде, да. И это, и другие тому подобные вещи. Я ведь никогда серьезно историей не занимался, а теперь придется.

– Придется? Почему? Если бы ты изучал историю, у тебя бы не хватило времени на математику. А математики так нужны, особенно у нас в Университете. Историков тут – выше

крыши. И экономистов полно, и социологов, и политологов, а вот с математиками – прямо беда. Четтер Челвик как-то говорил со мной об этом. Он сказал, что это – свидетельство упадка науки. Похоже, он думает, что это явление носит всеобщий характер.

– Ты меня не так поняла, – покачал головой Сел-док. – Говоря об изучении истории, я вовсе не имел в виду, что собираюсь сделать ее делом всей жизни. Нет, мне просто нужно расширить свои познания в этой области. Это необходимо мне для проведения математических исследований. Я специализируюсь в математическом анализе социальных структур.

– Звучит кошмарно.

– Согласен. Это ужасно сложно, и пока я не узнаю побольше о том, как протекало развитие человеческих сообществ, социальных формаций, моя работа просто безнадежна. Пока я получил всего-навсего статичную картину, понимаешь?

– Нет, не понимаю, потому что для меня это пока – пустой звук. Четтер мне сказал, что ты разрабатываешь что-то такое, что зовется психоисторией, и что это очень важно. Правильно я назвала? Психоистория?

– Правильно, Сначала я хотел назвать эту науку «психосоциология», но слово показалось мне уж очень неуклюжим. Может быть, я уже тогда инстинктивно чувствовал, что без истории мне не обойтись, но сознательно – нет, это я точно помню.

– Пожалуй, «психоистория» действительно звучит приятнее, но только я все равно понятия не имею, что это такое.

– Я сам, честно говоря, понятие имею весьма приблизительное, – признался Селдон и умолк, глядя в глаза Дорс и думая о том, что общество такой милой женщины, вероятно, приятно скрасит его неожиданную ссылку. Он вспомнил о той женщине, которую знал и любил, но заставил себя не думать о ней. Если и суждено ему когда-нибудь обрести подругу жизни, то это будет такая женщина, которая поймет, что значит преданность науке и чего эта преданность требует от человека.

Решив перевести разговор на другую тему, Селдон проговорил:

– Послушай, Дорс, Челвик говорил мне, что правительство совершенно не вмешивается в университетские дела. Это правда?

– Правда.

Селдон недоверчиво покачал головой.

– Даже не верится. Просто невероятно! У нас на Геликоне высшие учебные заведения такой независимостью похвастаться не могут.

– На Цинне тоже. Таких заведений во всей Галактике – по пальцам сосчитать можно. На Тренторе – дело другое.

– Но почему?

– Потому что здесь – столица Империи. Университеты пользуются здесь необыкновенным престижем. Да, специалистов выпускают все Университеты, но только здесь, на Тренторе, осуществляется обучение и выпуск административных кадров для Империи, чиновников высших рангов, тех самых миллионов управленцев, которые тянут за собой щупальца Империи и дотягивают их до самых дальних уголков Галактики.

– Я, правду говоря, статистики не читал...

– Поверь мне на слово. Считается, что крайне важно, чтобы у имперских администраторов воспитывалось чувство общности, чувство ответственности за судьбу Империи. И конечно, ни в коем случае нельзя допускать, чтобы все они поголовно были коренными тренторианцами – иначе другие миры обидятся и забеспокоятся, не дай бог. А поэтому Трентор старается завлекать сюда как можно больше студентов из других миров. И совершенно неважно, откуда приезжает студент, с каким акцентом разговаривает, какова культура его родной планеты, лишь бы только он побыстрее ассимилировался на Тренторе и стал отождествлять себя с тренторианской системой образования. Это в значительной степени способствует консолидации Империи, и провинциальные миры ведут себя намного спокойнее оттого, что значительная часть управленцев, представителей имперского правительства – это их земляки.

Селдон задумался. Такое ему и в голову не приходило. «Можно ли считаться великим математиком, – подумал он, – если ничего, кроме математики, не знаешь?»

– А то, о чем ты рассказала – общеизвестно? – спросил он.

– Наверное, – немного подумав, ответила Дорс. – Хотя… люди стараются не знать больше того, что им положено, и специалисты в конкретной области за ее рамки, как правило, не выбираются и изо всех сил стараются закрыться от информации, которую считают посторонней, ненужной.

– Но ты тем не менее знаешь об этом.

– Да, но это – моя специальность, Я – историк, специалист по Королевскому Трентору, а ведь именно принципы управления, разработанные в то время, в немалой степени способствовали превращению Королевства в Империю.

Селдон пробормотал, обращаясь больше к самому себе:

– Как опасно разбрасываться… Как будто делаешь надрезы на теле знания и оставляешь их кровоточить.

– А что делать? – пожала плечами Дорс. – Но, видишь ли, раз уж Трентор так старательно привлекает провинциалов к обучению в здешних Университетах, он вынужден дать им что-то взамен за то, что люди оторвались от своих корней и попали в незнакомый, чужой мир, где все насквозь искусственное. Я здесь уже два года, и до сих пор не привыкла. Может быть, никогда не сумею привыкнуть. Но, с другой стороны, я же не в администраторы готовлюсь, а потому мне нет нужды питаться тренторианским духом.

И потом, Трентор предлагает взамен не только высокое положение, власть и деньги в перспективе, но еще и свободу. Покуда студенты учатся, они имеют право критиковать правительство, даже устраивать мирные демонстрации протестов, разрабатывать собственные теории, высказывать любые точки зрения. Это выглядит настолько привлекательно, что многие прилетают сюда именно из-за этого – жаждут испытать ощущение свободы.

– А это, – кивнул Селдон, – тоже способ оказания давления. Тут они выпускают весь пар, успевают наиграться в революцию, а к тому времени, когда занимают свое место в имперской иерархии, они уже готовы погрузиться в комфорт, благосостояние и послушание.

– Скорее всего, ты прав, – согласилась Дорс. – Как бы то ни было, правительство делает все возможное для поддержания духа свободы и вольнодумства в Университетах. И это очень хитрая, очень умная игра.

– Дорс, ты сказала, что не готовишься в администраторы. А кем ты собираешься стать?

– Историком, конечно. Я буду преподавать историю, писать книги и создавать обучающие программы на их материале.

– Положение не слишком высокое, как я понимаю?

– Главное, что мне не светят большие деньги, Гэри, что гораздо более важно. Что же касается положения… знаешь, это такая чехарда, мне в эти игры влезать совершенно не хочется. Много я повидала людей на высоких постах, да вот счастливых среди них как-то не попадалось. Пост – это не стул, прибитый к полу, Приходится все время следить за тем, чтобы его из-под тебя не выбили. Даже Императорам в этом смысле приходится порой туговато. В один прекрасный день я просто вернусь на Цинну и стану профессором.

– И учеба на Тренторе поможет тебе занять подобающее положение.

Дорс рассмеялась.

– Может быть, да только кому до этого будет дело на Цинне? Это ужасно скучный мир – сплошные фермы и стада скота – четвероногого и двуногого.

– Наверное, после Трентора тебе там покажется еще скучнее.

– Да, я об этом думала. Ну, если заскучаю, я всегда смогу позволить себе попутешествовать и заняться историческими исследованиями. В этом и состоит преимущество моей профессии.

– А бедному математику, – проговорил Селдон с горечью, и сам себе удивился, – только и остается, что сидеть за компьютером и только о компьютере думать и говорить…

Селдон смущался. Завтрак был окончен, и, наверное, у Дорс были намечены какие-то свои планы. Однако она, вроде бы, никуда не спешила.

– Ну? Что ты там сказал про компьютеры?

– Ты сможешь раздобыть для меня разрешение поработать в исторической библиотеке?

Теперь настала очередь Дорс растеряться.

– Думаю, это можно будет устроить. Если ты займешься математическим

программированием, значит, должность твоя будет – внештатный сотрудник факультета. Я попрошу, чтобы тебе выдали пропуск. Но...

– Но?

– Мне не хотелось бы тебя обидеть, но ты сам сказал, что ты – математик и в истории ничего не понимаешь. Ты уверен, что сможешь разобраться в исторической библиотеке?

Селдон улыбнулся.

– Надеюсь, компьютеры у вас там такие же, как в математической библиотеке?

– Это так, однако программы по любой отрасли науки отличаются своими хитростями. Ты не знаком со справочниками, с методами скоростного поиска. Не сомневаюсь, ты способен найти гиперболический интервал с завязанными глазами...

– Ты, наверное, хотела сказать: «интеграл», – осторожно уточнил Селдон.

– ...но зато, – продолжала Дорс, не обратив никакого внимания на замечание, – на поиск условий мирного договора в Полдарке у тебя уйдет полтора дня.

– Надеюсь, я смогу научиться там работать.

– Научиться, если... – проговорила Дорс, слегка нахмутившись. – Слушай, давай так: я даю тебе недельный инструктаж, по часу каждый день, бесплатно, и обучаю пользоваться библиотекой. Обычно такой инструктаж проводят со студентами-первокурсниками. Надеюсь, твоя гордость не будет слишком сильно уязвлена – то есть, ты выдержишь обучение рядом с первокурсниками? Курс начнется через три недели.

– Но ты могла бы дать мне частные уроки, – сказал Селдон почти умоляюще и смущаясь.

Это не укрылось от Дорс.

– Могла бы, но мне кажется, что тебе лучше будет пройти официальный курс. Занятия будут проводиться в библиотеке, и к концу недели будет нечто вроде экзамена: тебе придется отыскивать информацию по тому или иному вопросу истории. У тебя возникнет нечто вроде соревнования с другими студентами, и это пойдет тебе на пользу. Частные уроки такого эффекта не дадут, поверь. Правда, если ты будешь отставать от первокурсников, твое самолюбие пострадает. Но не забывай, они уже успели пройти начальный курс истории в отличие от тебя.

– Да, я такого курса не проходил. Но я не боюсь состязаний и вовсе не возражаю против ударов по самолюбию. Главное – научиться искать информацию по истории.

Селдон понимал, что ему все больше нравится эта женщина, и он с радостью думал о перспективах учиться у нее. Понимал он также, что в его мыслях произошел коренной переворот.

Он обещал Челвику попытаться разработать метод практического применения психоистории, но это обещание дал его разум, а не чувства. Теперь он был готов схватить психоисторию за горло, если понадобится, но во что бы то ни стало внедрить ее в практику. Вероятно, виной такой перемены в его мыслях стала Дорс Венабили.

Но, может быть, Челвик как раз на это и рассчитывал? «Он, – решил Селдон, – не просто выдающийся человек, он – гений».

19

Клеон Первый закончил обед – увы, для него а обед являлся делом государственной важности. Это значило, что ему даже во время еды приходилось разговаривать со всевозможными чиновниками, никто из которых ему, кстати говоря, не был знаком. Каждому из них Император обязан был сказать одну-другую одобрительную в ободряющую фразу, тем самым укрепив в сердце каждого верность Империи и короне. Это значило также, что пищу ему подавали остывшую, а когда он наконец приступал к еде, все блюда были холодны, как лед.

Клеон страдал, и никак не мог придумать способ спасения. Может, стоило сначала обедать в одиночестве или с самыми близкими, а уже потом являться на официальный обед, где бы ему подали... ну скажем, заморскую грушу? О, как он любил груши... А вдруг тогда высокие гости возьмут и обидятся, решив, что Император брезгует делить с ними трапезу?

Являться с женой? О нет, от нее вреда больше, чем пользы. Когда Клеон взял ее в жены, ее род угасал, и естественно, питал надежды на возрождение за счет союза с Императором.

Клеон, однако, надеялся совсем на другое: он очень хотел, чтобы угасла хотя бы та представительница рода, на которой он женился. Он предоставил супруге возможность жить в свое удовольствие на ее половине Дворца и лишь изредка навещал ее для выполнения супружеских обязанностей, хотя в этой роли она ему совсем не нравилась. Теперь же, когда их отношения в этом плане и вовсе прекратились, он совсем перестал наведываться к жене.

Клеон разгрыв один из горстки орешков, которые успел прихватить со стола, и крикнул:

– Демерзель!

– Сир?

Демерзель всегда являлся по первому зову. То ли постоянно подслушивал у замочной скважины, то ли старался не уходить далеко, чувствуя, что может понадобиться в любую минуту – непонятно, однако дело обстояло именно так: он являлся по первому зову, и Клеон ценил это. Правда, бывали случаи, когда Демерзель куда-то удалялся по важным делам, и тогда Клеон страдал от его отсутствия.

– Ну, что там с этим математиком? Запамятовал, как его зовут.

Демерзель прекрасно понял, кого имеет в виду Император, но решил выждать и выяснить, что Император запомнил, а потому невинно поинтересовался:

– О каком математике вы говорите, сир?

Клеон нервно взмахнул рукой.

– Ну, этот, предсказатель будущего. Тот, который приходил ко мне.

– Тот, за которым мы посыпали, сир?

– Ну да, посыпали, какая разница? Он же все равно приходил? Ты собирался приглядеть за ним, если не ошибаюсь? Ну, и как дела?

Демерзель прокашлялся и сообщил:

– Да, сир, собирался.

– Ага! Собирался, но не приглядел, так?

Как ни странно, Клеон ощутил некоторое злорадное удовлетворение. Демерзель был единственным из его министров, которому всегда все удавалось. Остальные, правда, никогда не признавались в неудачах, но оттого, что неудачи сыпались, как горох, исправлять их последствия становилось все труднее. Видимо, Демерзель слишком редко ошибался, и потоку мог позволить себе быть честным. «Если бы не Демерзель, – подумал Клеон, – я бы и знать не знал, что такое честность». А еще он подумал: «Наверное, все Императоры прожили жизнь, потонув в море вранья, и именно поэтому Империя...»

Демерзель молчал, и Клеон, прогнав набежавшие мысли, потопил его с ответом:

– Ну, что, ты потерпел фиаско? Говори!

– Да, сир, в некотором роде, – нисколько не смущившись, отвечал Демерзель. – Мне показалось, что оставлять его на Тренторе, где обстановка и так... словом, мне показалось, что он может доставить нам кое-какие проблемы. Можно было бы махнуть на него рукой – ведь он собирался на следующий же день вернуться домой, но мало ли что... вдруг бы он передумал, и остался на Тренторе... словом, я все устроил так, что двое бродяг должны были впихнуть его в звездолет в этот же день.

– Ты что, якшаешься с бродягами, Демерзель? – удивился Клеон.

– Видите ли, сир, приходится. Дела бывают разные, и люди нужны тоже разные, не только бродяги. Но, увы, им не удалось выполнить мое поручение.

– Это почему же?

– Вы не поверите, сир. Селдон побил их обоих.

– Как? Математики умеют драться?

– По всей видимости, математика и драка – не взаимоисключающие понятия. Вскоре я выяснил, что у себя на родине Селдон в этой области знаменит. То, что я не узнал об этом заранее, сир, и есть моя большая ошибка, и я умоляю вас простить меня за это.

– Полагаю, что математик отправился домой не в этот день, а на следующий, как и собирался?

– К несчастью, этого не произошло. После драки он почему-то решил не возвращаться на Геликон. То ли какой-то прохожий, бывший свидетелем потасовки, дал ему такой совет, то ли... словом, он остался на Тренторе. Таково еще одно осложнение.

Император нахмурился.

– Стало быть, наш математик... как же его зовут-то?

– Селдон. Гэри Селдон.

– Стало быть, этот Селдон теперь недосягаем?

– В каком-то роде, сир, в каком-то роде... Мы за ним проследили. В данное время он находится в Стрилингском Университете. Там он в неприкословенности.

Император фыркнул; лицо его покраснело.

– До чего же я терпеть не могу это слово – «неприкословенность»! Не должно в Империи быть таких уголков, куда бы не дотянулись наши руки! А ты мне заявляешь, что прямо здесь, на Тренторе, кто-то пребывает в неприкословенности! Возмутительно!

– До Университета ваши руки, сир, могут дотянуться. Как только захотите, можете послать туда войска и выдернуть оттуда этого Селдона. Однако это... гм-м-м... нежелательно.

– Ты еще скажи «неосуществимо»: Демерзель! Ты мне сейчас как раз этого самого математика напоминаешь. Точно так же он разглагольствовал о предсказании будущего. «Возможно, но неосуществимо». Что же я за Император? Все могу, в принципе, а на самом деле не могу ничего! Не забывай, Демерзель, если до Селдона добраться невозможно, то до тебя как раз-таки очень легко!

Последнюю фразу Демерзель молча проглотил. Он, «человек, стоящий за троном», прекрасно знал, что Императору без него не обойтись, и подобные угрозы слышал уже не раз. Он молчал и ждал, пока страсти улягутся. Побарабанив кончиками пальцев по подлокотнику кресла, Клеон спросил:

– Ну, ладно, какой нам прок от этого математика, если он попал в Стрилингский Университет?

– Как ни странно, сир, нет худа без добра. Весьма вероятно, что именно в Университете он решит поработать над своей психоисторией.

– Да? Несмотря на то что с пеной у рта утверждает, что ее нельзя применить на практике?

– Он может ошибаться и может понять, что ошибается. А как только он это поймет, мы предпримем попытку выцарапать его из Университета. Очень может быть, что он сам нас об этом попросит.

Император глубоко задумался.

– А что, если кому-то взбредет в голову, – спросил он после паузы, – выцарапать его оттуда раньше нас?

– Кому же это может взбрести в голову, сир? – тихо спросил Демерзель.

– Да хотя бы мэру Сэтчема, если на то пошло! – рявкнул Клеон. – Он до сих пор лелеет мечту захватить власть над Империей!

– Он постарел; сир. Пороху не хватит.

– Не обольщайся, Демерзель.

– Но у нас нет никаких причин полагать, что он вообще интересуется Селдоном. Скорее всего он и знать о нем не знает.

– Ну-ну, Демерзель. Раз мы знаем о докладе Селдона, почему бы в Сэтчеме о нем не слыхали? Раз мы понимаем, что Селдон – не пешка, почему бы этого не понимали в Сэтчеме?

– Если до этого дойдет... Нет, если появится хоть какая-то опасность, сир, мы успеем принять серьезные меры.

– Насколько серьезные?

Демерзель осторожно проговорил:

– Скажем так, сир: чем отдавать Селдона в Сэтчем, лучше сделать так, чтобы он не достался никому. Лучше прекратить его существование.

– То есть – убить?

– Если вам ток больше нравится, сир, – с поклоном ответил Демерзель.

паршивое.

«Паршивое настроение» – так он сам определил свое состояние, а на самом деле все обстояло гораздо хуже – он был просто в бешенстве. А самое главное – он не понимал, из-за чего именно. Из-за того, что узнал об истории? Из-за творцов и компиляторов этой самой истории? Или причиной его ярости стали миры и люди, создавшие историю?

Однако, видимо, дело было не в том, на кого он изливал свой гнев. Главное – все его заметки оказались абсолютно бесполезны, новообретенные знания – тоже, все бесполезно, все!

Он находился в Университете целых шесть недель. За компьютер он засел с самого начала и сразу начал работать – без всяких инструкций, полагаясь только на собственную интуицию, развившуюся в течение многолетней работы. Работал он медленно, часто спотыкался, но находил даже некоторое удовольствие в том, что до всего доходил сам и сам отыскивал ответы на поставленные вопросы.

Потом начались занятия под руководством Дорс, которые принесли ему немало полезного, но нервничать заставили не на шутку. Во-первых, его смущали взгляды, которые на него бросали студенты. Их, по всей вероятности, забавлял возраст Селдона, и всякий раз, когда Дорс, обращаясь к нему, называла его «доктором», многие усмехались.

– А я нарочно это подчеркиваю, – объявила Дорс. – Не хочешь же ты, чтобы они тебя считали двоечником, вечным студентом, который никак не может ликвидировать задолженность по истории?

– Ты наверняка преувеличиваешь. Может быть, они вовсе так не думают. Мне кажется, ты могла бы меня просто Селдоном называть.

– Нет, – покачала головой Дорс и неожиданно улыбнулась. – И потом, мне самой нравится, как звучит «доктор Селдон». Ужасно забавно смотреть, как ты всякий раз моршишься.

– У тебя извращенное чувство юмора. Садистское.

– Хочешь меня перевоспитать?

Селдон, сам не зная почему, рассмеялся. Конечно, кому приятно когда тебя обзывают садистом? Но ему понравилось, как Дорс парировала его атаку. Немного подумав, он спросил:

– Послушай, у вас в Университете в теннис играют?

– Корт есть, но я сама не играю.

– Отлично. Поиграй со мной, и пока будем играть, я буду называть тебя «профессор Венабили».

– Но ты так и обращаешься ко мне на занятиях!

– А ты посмотришь, как это замечательно будет звучать на теннисном корте.

– А вдруг мне понравится?

– Тогда я придумаю что-нибудь еще... Не думаю, чтобы такое обращение понравилось бы тебе во всех обстоятельствах.

– У тебя тоже специфическое чувство юмора. Непристойное.

– Хочешь меня перевоспитать? – продолжил обмен ударами Селдон.

Она только улыбнулась в ответ. Потом, когда они встретились на теннисном корте, оказалось, что Дорс играет совсем недурно.

– Ты действительно раньше не играла? – спросил Селдон после первой партии.

– Ни разу, – ответила Дорс.

Остальные переживания носили более или менее личный характер. Познакомившись с элементарной методикой исторического поиска, Селдон проклял все свои предыдущие попытки самостоятельно поработать с компьютером. Оказалось, что поиск информации по истории требует в корне иного подхода, чем тот, который он привык применять в математике. И тут и там большую роль играла логика, однако в историческом поиске логика была нужна совсем другая, не такая, какой привык пользоваться Селдон.

Но как бы то ни было – и до инструктажа, и после него, быстро ли он работал или спотыкался на каждом шагу – никаких результатов, просто никаких!

Он нервничал, и это чувствовалось даже на теннисном корте. Дорс довольно скоро освоилась, и он перестал посыпать ей легкие мячи, давая время на обдумывание. Совершенно позабыв, что перед ним – новичок, Селдон разошелся и принялсясыпать Дорс резаными

ударами, вкладывая в них всю переполнявшую его злость.

Дорс подошла к сетке и сказала:

— Я понимаю, тебе хочется убить меня. Видимо, тебя жутко злит, что я так часто пропускаю мячи. Ну, и что же ты промазал, в таком случае? Последний мяч пролетел в трех сантиметрах от моей головы. Целься получше, что же ты?

Селдон смущался, забормотал что-то невнятное.

— Слушай, — сказала Дорс. — Пожалуй, на сегодня хватит. Давай-ка примем душ и пойдем выпьем чаю или еще чего-нибудь, и ты мне расскажешь, кого ты на самом деле хотел убить. Если ты целился не в мою бедную головушку, надо выяснить, в кого ты целился. Иначе я не стану больше играть с тобой. Мне страшно, честное слово.

За чаем Селдон признался:

— Дорс, я успел много чего просмотреть по истории. Пока я только просматривал материал, не углублялся. И тем не менее некоторые вещи стали очевидны. Во всех книгах речь идет примерно об одних и тех же событиях.

— Поворотных, ты хочешь сказать. Тех, на которых зиждется история.

— Ну, разве что так. Как будто все друг у друга списывали. В Галактике — двадцать пять миллионов миров. А в книгах упоминается, дай бог, двадцать пять.

— Видимо, дело в том, — предположила Дорс, — что ты читаешь книги по всеобщей истории. Загляни в исторические хроники отдельных миров. Ведь в каждом мире, каким бы маленьkim он ни был, дети в школе учат родную историю и только потом узнают, что живут в огромной Галактике. Разве ты сам не знаешь сейчас больше о Геликоне, чем об истории расцвета Трентора или о хронике Великой Межзвездной Войны?

— Такие знания тоже грешат ограниченностью, — возразил Селдон. — Мне знакома география Геликона, история его заселения, история борьбы с ближайшими врагами — планетой Дженнисек. Учителя, правда, их врагами называть избегали, предпочитая называть «соперниками». Но я никогда не слыхал о том, чтобы Геликон внес хоть какой-то вклад в общегалактическую историю.

— Но может быть, и на самом деле никакого вклада не было?

— Не надо, Дорс. Наверняка был. Может быть, Геликон, и правда, не принимал участия в крупных космических сражениях, может быть, там не было многолюдных восстаний, может быть, представители моей планеты не подписывали глобальных мирных договоров. Может быть, Геликон не стал ареной борьбы за создание там имперской базы. Но какое-то влияние Геликон *должен был* оказать. Хоть какое-то! Что бы и где бы ни происходило, это обязательно как-то отражается в других местах. А я никак не могу отыскать информацию, которая помогла бы мне... Вот посмотри, Дорс; возьмем математику. Все знания, накопленные человечеством за двадцать тысячелетий, можно отыскать с помощью компьютера. В истории все обстоит иначе. Историки копаются в знаниях и выбирают из них, но что самое поразительное, все выбирают одно и то же.

— Но, Гэри, — возразила Дорс. — Математику придумали люди, и в этой науке все повинуется строгому, непрекаемому порядку. Одно следует из другого. Существуют определения, аксиомы, и все они всем известны. История — дело другое. В ней сконцентрированы поступки и мысли квадриллионов человеческих существ. Историки не могут работать иначе. Такая у нас работа — копаться и выбирать.

— Пусть так, — кивнул Селдон. — Но я обязан изучить *всю* историю, в противном случае мне никогда не удастся разработать законы психоистории.

— В таком случае, ты их никогда не разработаешь.

Разговор этот произошел вчера. И вот теперь Селдон сидел у себя в комнате. Еще один день потрачен впустую; а в ушах все время звучала сакраментальная фраза Дорс: «В таком случае, ты их никогда не разработаешь».

Собственно, таковы были его убеждения с самого начала, и если бы Челвик не убеждал его так страстно в обратном, если бы не разжег с такой силой в душе Селдона сомнения, Селдон до сих пор бы думал именно так.

Что же теперь? Почему сомнения до сих пор мучали его? Почему он так упорно искал ответа? Искал, но найти никак не мог.

Глава пятая Наверху

Трентор – ...Крайне редки его описания снаружи, с орбиты, Трентор с давних времен представлялся людям миром внутренним, то есть таким, каким видели этот мир его обитатели. Однако внешняя поверхность Трентора существовала: до сих пор сохранились голограммические снимки планеты, сделанные из космоса, и на них видны отдельные детали (см. рис. 14 и 15). Обратите внимание на то, что поверхность куполов, контуры большого города и слой атмосферы – то самое, что в те времена называли «Верхом», это...

Галактическая энциклопедия

21

И все-таки на следующий день Гэри Селдон снова отправился в библиотеку. Во-первых, потому, что дал обещание Челвику. Он обещал попробовать и просто не мог бросить начатое дело на полпути. Во-вторых, он и самому себе был кое-что должен. Ему не хотелось признавать собственное поражение. По крайней мере, пока. Нужно было идти до конца.

Итак, он углубился в просматривание каталога справочных изданий, в которые пока не успел заглянуть, и гадал, какие из них (а их было неисчислимое множество) могут пролить хоть какой-то свет на мучившие его вопросы. Он уже был готов начать просматривать все справочники один за другим, когда в стену кабинки кто-то тихо постучал.

Селдон оторвал взгляд от терминала и увидел смущенную физиономию Лисунга Ранды, который глядел на него из-за перегородки. Селдон знал Ранду, их познакомила Дорс. Пару раз они вместе обедали.

Ранда, преподаватель психологии, был человеком невысокого роста, полным, круглолицым. Улыбка почти никогда не сходила с его лица. Кожа – желтоватого оттенка, глаза – узкие. Такая внешность, широко распространенная по всей Галактике, была Селдону не в новинку. Многие из великих математиков были родом из таких миров, и Селдон видел их голограммические снимки. Правда, на Геликоне ни с кем из «Восточников», как их называли, он лично знаком не был. Да-да, их все называли именно «Восточниками», хотя никто не знал почему, Сами они не слишком радовались этому прозвищу, но, опять-таки, никто не знал почему.

– На Тренторе нас миллионы, – дружелюбно улыбаясь, сообщил Ранда в день их знакомства, когда Селдону при всем старании не удалось скрыть удивления. – Тут и Южан полно – темнокожих, курчавых. Видел Южан?

– На Геликоне – нет, – признался Селдон.

– На Геликоне – одни Западники, да? Вот скучища! Ну, это ладно, По мне, так все хороши.

После этого разговора Селдон задумался о том, почему существуют Восточники, Западники и Южане, но совершенно нет Северян. Он даже покопался на этот счет в справочниках, но ответа не нашел.

И вот теперь Ранда, всегда такой веселый, разглядывал Селдона с явной озабоченностью.

– Ты в порядке, Селдон? – спросил он.

– В порядке, – ответил Селдон. – А что?

– Да нет, ничего такого. Просто ты кричал.

– Я? Кричал? – недоверчиво поинтересовался Селдон.

– Не очень громко. Вот так примерно. – Ранда стиснул зубы и издал высокий гортанный звук. – Если я ошибаюсь, прости, что помешал.

Селдон спустил голову.

– Ничего, Ранда, не извиняйся. Я и правда иногда издаю такие звуки, мне утка говорили.

Ей-богу, бессознательно. Сам не замечаю.

– А *почему*, понимаешь?

– Почему? О, понимаю, конечно. От *расстройства. От разочарования!*

Ранда наклонился поближе и произнес вполголоса:

– Мы мешаем людям. Давай выйдем в вестибюль, пока нам не сделали замечания. Пойдем перекусим, что ли?

В кафе, после пары стаканов прохладительных напитков, Ранда спросил:

– Позволь задать тебе профессиональный вопрос: какова причина твоего разочарования?

– Причина разочарования? – пожал плечами Селдон. – Как у всех, наверное. Работаю, работаю, а результатов – ноль.

– Но ты же математик, Гэри. К чему тебе разочаровываться в исторической библиотеке?

– А ты там что делал?

– Я? Мимо проходил и услышал, как ты… стонешь. Ну, значит, судьба мне была там оказаться. И я не жалею об этом.

– Хотел бы я тоже просто проходить мимо… Видишь ли, дело в том, что я решаю одну математическую задачу: для ее решения необходимы кое-какие знания по истории, а у меня, боюсь, не очень-то хорошо идут дела.

Ранда посмотрел на Селдона с необычной серьезностью и сказал:

– Прости, если обижу, но… я просмотрел твое компьютерное досье.

– Мое досье? – воскликнул Селдон и покраснел. Похоже, он и вправду обиделся и рассердился.

– Ну вот, я тебя все-таки обидел… Погоди, не сердись. Понимаешь, у меня дядя – математик. Может, слыхал о таком: Кьянто Ранда?

У Селдона дыхание перехватило.

– Правда? Он – твой родственник?

– Да. Старший брат отца. Ужасно огорчался, что я не пошел по его стопам, ведь своих детей у него не было. Вот я подумал… наверное, он был бы рад узнать, что я подружился с математиком. Так хотелось похвастаться, понимаешь? Ну, вот я и решил покопаться в математической библиотеке, разузнать о тебе побольше.

– Ясно. А теперь уж моя очередь прощения просить. Хвастать тебе особенно не придется.

– А вот и нет! Я, конечно, ни слова не понял из того, о чем говорится в твоих работах, но их хвалят. А когда я просмотрел колонки новостей, то выяснил, что ты выступал на последнем Декадном Конгрессе. Ну, вот. Кстати, а что такое «*психоистория*»? Меня, конечно, прежде всего интересуют два первых слога.

– Понятно. Это словечко бросилось тебе в глаза.

– Да, и если я не круглый дурак, мне показалось, что ты можешь предсказать будущее течение истории.

Селдон устало кивнул.

– Ну, в общем и целом, это и есть то, что представляет собой психоистория, вернее – должна представлять.

– И это серьезно? – улыбнулся Ранда, – Не игра в «*счастливый билетик*»?

– Какой билетик?

– Ну, у меня на родине есть такая детская игра в предсказание будущего. Если будешь похитрее, можно здорово нажиться. Скажи, к примеру, какой-нибудь мамаше, что ее сынок разбогатеет, вырастет красавцем, и можешь быть уверен – отхватишь кусок пирога, а то и монетку в полкредитки. Мамаше совершенно неважно, будет так или не будет, ей одного обещания за глаза хватает.

– Понятно. Нет, никаких таких билетиков. Психоистория – чисто абстрактная наука. Исключительно абстрактная. Никакого практического применения у нее нет, за исключением…

– Ну, ну! Исключения – это всегда самое интересное.

– Ну, в общем, мне бы хотелось придумать для нее применение. Может быть, если бы я лучше знал историю…

– А-а-а… Так ты поэтому закопался в историю?

– Ну да. Только толку – чуть, – грустно кивнул Селдон. – История – совершенно

необъятная штука, а правды в ней так мало.

– И это вызывает у тебя разочарование?

Селдон снова кивнул.

– Но, Гэри, ведь ты здесь всего несколько недель!

– Да, но все равно, мне уже понятно...

– Ничего тебе не может быть понятно за несколько недель. Можно всю жизнь проработать и ничего не добиться. Да что там... Целые поколения математиков должны трудиться над этой проблемой...

– Лисунг, я отлично это понимаю, но мне от этого не легче. Мне обязательно нужно чего-нибудь добиться самому.

– Самоистязание ничего не даст. Может быть, тебе станет хоть немножко легче, если я приведу тебе пример. Есть один вопрос, над которым здесь бьются уже незнамо сколько времени, и тоже без толку. Казалось бы, вопрос намного проще, чем история человечества. Мне эта работа хорошо знакома, поскольку проводится здесь, в Университете, и в ней принимают участие мои близкие друзья. А ты – «разочарование»! Знал бы ты, что такое разочарование!

– И что за проблема? – с любопытством поинтересовался Селдон.

– Метеорология.

– Метеорология? – не веря собственным ушам, ошарашенно переспросил Селдон.

– Да-да, не удивляйся и не смейся. Метеорология. Вот послушай: у каждого из обитаемых миров есть атмосфера. В каждом мире свой собственный состав атмосферы, своя температура, свой период обращения вокруг оси и светила, свой наклон оси вращения, свое соотношение поверхности суши и воды. Двадцать пять миллионов – вот такое разнообразие, и обобщить параметры еще никому до сих пор не удалось.

– Это из-за того, что состояние атмосферы сильно подвержено хаотическим изменениям. Дураку ясно.

– Точно так же говорит мой приятель, Дженнар Легген. Да ты с ним знаком.

Селдон задумался, вспоминая.

– Высокий такой? Длинноногий? Молчун?

– Он самый... Ну, так вот. И Трентор в этом смысле еще более загадочен, чем все остальные миры. Судя по тому, что о нем написано, во время его заселения климат был более или менее обычным. Затем, по мере роста населения, расширения урбанизации, увеличилось потребление энергии, и в атмосферу стало выбрасываться больше тепла. Ледяной слой подтаял, облачный истончился, и погода стала неустойчивой. Это и вызвало стремление уйти под землю и тем самым обезопасить себя от капризов климата, выбраться из порочного круга. Но, что самое удивительное, круг стал еще более порочным. Чем яростнее люди закапывались под землю и чем больше возводили куполов, тем хуже становился климат. Теперь над поверхностью почти постоянно собираются тучи и идет то дождь, то снег, в зависимости от температуры. И, что самое ужасное, никто не в состоянии этого объяснить. До сих пор никто не анализировал причин такого страшного ухудшения климата, не пытался прогнозировать ежедневные перемены погоды.

– Ну и что? – пожал плечами Селдон, – Разве это так важно?

– Для метеоролога – да. Почему бы им тоже не расстроиться, не впасть в отчаяние? Так что ты не одинок, есть у тебя товарищи по несчастью.

Тут Селдону пришло на память затянутое тучами небо по дороге ко Дворцу Императора и пронизывающий холод.

– Ну, и что же они предпринимают? – спросил он.

– Здесь, в Университете, разрабатывается глобальный проект, и Дженнар Легген участвует в его разработке. Те, кто работает над этим проектом, считают, что, если им удастся понять причину перемен в климате Трентора, они узнают многое о фундаментальных законах метеорологии в целом. Легген жаждет этого не меньше, чем ты стремишься к выведению законов своей психоистории. В общем, он наставил целую уйму приборов и инструментов наверху – на поверхности куполов, понимаешь? Пока он ничего не добился, ну, и представь: целые поколения ломают голову над состоянием атмосферы и никак не могут получить желаемых результатов, а ты покопался в истории человечества какие-то несколько недель и уже

жалуешься?

«А ведь Ранда прав, – подумал Селдон. – Я тороплюсь с выводами. Что сказал бы Челвик? Он сказал бы, что вся эта безрезультатная возня вокруг самых разных научных проблем – не что иное, как проявление общего упадка в науке. Наверное, он недалек от истины, но судит слишком обще, все усредняет». А Селдон пока никак не мог пожаловаться на умственное бессилие и упадок сил.

Не скрывая интереса, он спросил:

– Ты хочешь сказать, что метеорологи выбираются наружу, под открытое небо?

– Ага. Наверх. Это довольно забавно. Большинство коренных тренторианцев ни за что не полезли бы туда. Они не любят выбираться наверх. Говорят, будто у них там головы кружатся и все такое прочее. Так что над метеорологическим проектом работают в основном не местные.

Селдон бросил взгляд за окно. Лужайки и небольшой сад университетского кампуса весело зеленели, озаренные искусственным светом, не дававшим тени и палящего зноя.

– Не знаю, – проговорил он задумчиво, – я не склонен винить тренторианцев за любовь к комфорту и безопасности житья под куполами, но мне кажется, что кто-то мог бы забраться наверх из одного любопытства. Я, по крайней мере, не удержался бы.

– Хочешь увидеть метеорологию в действии?

– Не отказался бы. А как попадают наверх?

– Без проблем. Лифтом. Лифт поднимается, дверь открывается, вот и все. Мне довелось там побывать. Довольно-таки… забавно.

– Может быть, это помогло бы мне немного отвлечься от психоистории? – вздохнул Селдон. – Было бы неплохо.

– Возможно, – кивнул Ранда. – И потом… Знаешь, как-то мой дядюшка изрек: «Знания едины». Не исключено, что он был прав. Вдруг ты что-то такое узнаешь из метеорологии, что поможет тебе в работе над психоисторией. Разве это так уж невероятно?

Селдон кисло улыбнулся.

– Много на свете вероятного… «Но далеко не все осуществимо», – добавил он про себя.

22

– С метеорологами? – удивилась Дорс.

– Да, – кивнул Селдон. – У них на завтра запланирована работа, и я собираюсь наверх вместе с ними.

– Что, устал от истории?

Селдон понурился.

– Есть немного. Нужно встряхнуться. И потом, Ранда утверждает, что у метеорологов тоже есть проблема, которая не по зубам математикам, так что, может быть, мне полезно будет убедиться в том, что я не одинок.

– Надеюсь, ты не страдаешь агрофобией?

– Нет, – улыбнулся Селдон. – И вопрос твой мне понятен. Ранда сказал, будто тренторианцы потому не любят подниматься наверх, что якобы почти все поголовно боятся высоты. А я думаю, они просто плохо чувствуют себя там без привычного «потолка».

Дорс кивнула.

– Ты сам посмотришь и убедишься, что более естественно. Но не забывай, что тренторианцы разбросаны по всей Галактике – туристы, администраторы, солдаты. В других мирах агрофобия тоже нередко встречается.

– Наверное, Дорс, но только я ею не страдаю. Мне просто любопытно, и нужно сменить обстановку, поэтому я обязательно пойду с ними завтра.

Дорс, похоже, растерялась.

– Надо бы мне тоже пойти с тобой, но у меня завтра все расписано по часам. Ну да ладно, если ты действительно не агрофоб, может быть, все сойдет нормально. Не исключено, что тебе там даже понравится, Да, только, пожалуйста, не отходи далеко от метеорологов. Я слыхала, бывали случаи… кто-то там заблудился, что ли.

– Обещаю, буду осторожен. Вообще со мной такого не случается.

23

Дженнар Легген производил впечатление человека мрачного, угрюмого. Дело было не в цвете лица – лицо у него было светлокожее, открытое. И не в густых, кустистых бровях. Может быть, в глубоко посаженных глазах и длинном, крючковатом носе. В общем, выражение лица у него было какое-то печальное. Он почти никогда не улыбался, говорил крайне редко, и его глубокий голос никак не вязался с тщедушностью фигуры.

– Селдон, вам понадобится более теплая одежда, – сказал он.

– О! – растерянно воскликнул Селдон и оглянулся.

Еще четверо метеорологов – двое мужчин и две женщины – собирались подняться наверх вместе с Леггеном и Селдоном. Все четверо и сам Легген действительно были одеты намного плотнее, чем обычно: поверх легкой тренторианской одежды все натянули толстые свитера, яркие и у всех разные.

Селдон смущенно оглядел себя.

– Простите, я не знал, но у меня все равно нет ничего подходящего.

– Погодите, вроде бы у меня найдется для вас свитер… да, вот он. Не с иголочки, но все-таки лучше, чем ничего.

– Но ведь ужасно жарко, наверное, в таких свитерах? – спросил Селдон, облачившись в одолженный Леггеном свитер.

– Это здесь, – объяснил Легген. – Наверху все иначе. Холод и ветер. Жаль, но лишних гетр и теплых ботинок у меня не найдется. А они бы тоже не помешали.

Метеорологи набрали с собой целую тележку разных приборов и теперь проверяли их один за другим – на взгляд Селдона, жутко медленно.

– Ваша родная планета холодная? – спросил Легген.

– Местами – да, – ответил Селдон. – В тех краях Геликона, где я жил, климат мягкий, часто идет дождь.

– Плоховато. Значит, вам наверху не понравится.

– Переживу как-нибудь, надеюсь.

Как только все было готово, группа направилась к лифту, на двери которого красовалась табличка: «Посторонним вход воспрещен. Только для служебного пользования».

– Это потому, что лифт идет наверх, – объяснила Селдону одна из женщин. – Наверх просто так, от нечего делать, никто не ездит.

Селдон раньше с этой женщиной не встречался, но коллеги называли ее Клозией. Он не понял, имя это, фамилия или прозвище.

Лифт как лифт, ничего особенного, Селдон на таких ездил много раз, и не только на Тренторе, а и на Геликоне, но само чувство, что этот лифт вывезет его за пределы закрытого пространства, на поверхность, создавало у Селдона ощущение, будто он летит на космическом корабле.

Селдон мысленно усмехнулся. «Какая глупость», – подумал он.

Кабина слегка подрагивала, и Селдон вспомнил разглагольствования Челвика относительно упадка в технике. Легген, двое мужчин и одна из женщин застыли, как каменные, будто берегли энергию для работы наверху, а Клозия разглядывала Селдона с нескрываемым интересом.

Селдон наклонился к самому ее уху и прошептал:

– И высоко мы поднимемся?

– Высоко? – громко переспросила она бесцеремонно. Выглядела она очень молодо. «Аспирантка, наверное, – решил Селдон. – Или практиканка».

– Просто… мы уже так долго едем. Что, наверху много этажей?

Она не сразу нашлась, что ответить.

– О нет. Не так уж высоко. Просто Университет низко расположен. Понимаете, мы поедаем уйму энергии, а чем ниже, тем она дешевле.

Тут Легген сообщил:

– Порядок. Прибыли. Давайте вынесем оборудование.

Кабина вздрогнула и остановилась, широкая дверь отползла в сторону. Сразу стало холодно, и Селдон машинально сунул руки в карманы, мысленно поблагодарив Леггена за свитер. Холодный ветер растрепал его волосы, и Селдон пожалел, что не захватил никакого головного убора. Легген вытащил из рукава вязаную шапочку и натянул на голову. То же самое проделали и все остальные.

Все, да не все. Клозия собралась было надеть шапочку, но передумала и протянула ее Селдону.

Селдон отрицательно покачал головой.

— Нет-нет, Клозия, не надо.

— Не стесняйтесь, берите и надевайте. У меня длинные волосы, густые, я не замерзну, а у вас — короткие и... не такие густые.

В другое время Селдон обязательно поспорил бы и насчет волос, и насчет шапочки. Но делать было нечего. Он взял шапку, неуклюже натянул ее на голову и пробормотал:

— Спасибо. Если замерзните, я вам сразу верну.

А может быть, он и ошибся насчет ее возраста. Просто у Клозии было круглое, наивное, почти детское лицо. Она сказала про волосы, и он невольно обратил на них внимание. И действительно, волосы у нее были чудесные — каштановые, с золотистым отливом. На Геликоне Селдон никогда не встречал женщин с таким цветом волос.

Наверху было облачно, почти как в тот день, когда Селдона везли во Дворец, но намного холоднее. «Наверное, это потому, — решил Селдон, — что прошло целых шесть недель, и скоро зима». Небо затянули мрачные тучи — не то собиралась гроза, не то близился вечер. Да нет, вечер — это навряд ли, Разве выбрались бы метеорологи для наблюдений на ночь глядя? Или просто они выбрались ненадолго?

Селдон хотел спросить, но решил, что сейчас не время отвлекать бригаду по пустякам. Лица у всех были взволнованные или сердитые.

Селдон огляделся по сторонам.

Стоял он на металлической поверхности — так, по крайней мере, он решил по звуку, топнув ногой. Однако, сделав несколько шагов, Селдон оглянулся и понял, что оставляет следы. Поверхность явно была покрыта не то пылью, не то мелким песком.

Ну и что такого, собственно говоря? Неужели кому-то могло взбрести в голову забираться сюда, чтобы вытереть пыль? Селдон наклонился и решил приглядеться получше.

В это время к нему подошла Клозия. Заметив, куда он смотрит, она тоном оправдывающейся домохозяйки проговорила:

— Вообще-то мы тут подметаем, а то приборы могут испортиться. В других местах наверху гораздо грязнее, но это никому не мешает, честное слово. Наоборот, лишняя теплоизоляция.

Селдон кивнул и продолжил осмотр окрестностей. Назначения приборов, которые торчали повсюду, словно экзотические растения на тонких стебельках, он понять не мог.

Легген направился к Селдону, осторожно переставляя ноги. «Наверное, не хочет повредить чувствительные приборы, — решил Селдон. — Надо будет тоже не слишком топать тут».

— Послушайте, Селдон! — окликнул Легген.

Селдону не очень понравился его тон, и он холодно отозвался:

— Да, доктор Легген?

— Так вот, доктор Селдон, этот малыш, Ранда, сказал мне, что вы — математик.

— Он не соврал.

— И хороший?

— Хотелось бы верить, что это так, но мне самому трудно себя оценивать.

— Вас интересуют неразрешимые проблемы?

Селдон искренне признался:

— Я столкнулся именно с такой проблемой.

— Я тоже. Вы не стесняйтесь. Если будут вопросы, обращайтесь к нашему интерну, Клозии, она вам ответит. Не исключено, что нам понадобится ваша помощь.

— Я бы с радостью, но, увы, в метеорологии я полный профан.

— Это не беда, Селдон. Я просто хочу, чтобы вы все... как бы это сказать... прочувствовали, а потом мне бы хотелось поговорить с вами о *моих* математических выкладках, если вы не против.

— К вашим услугам.

Легген отвернулся, собрался было отойти, но обернулся и пробурчал:

— Если замерзнете — *совсем* замерзнете: — дверь кабины открыта. Войдите и нажмите кнопку «Первый этаж Университета». Кабина доставит вас вниз и автоматически вернется к нам. Если забудете, спросите у Клозии, она вам напомнит.

— Не забуду.

На этот раз он ушел, а Селдон смотрел ему вслед, чувствуя, как холодный ветер пронизывает свитер, Клозия, раскрасневшаяся от холода, подошла к нему.

— Похоже, доктор Легген сердится, — сказал ей Селдон. — Или он всегда такой?

— Нет, — усмехнулась Клозия. — Не всегда. Сейчас он и правда очень сердит.

— Почему?

Клозия оглянулась, ее пышные волосы взметнулись на ветру.

— Мне этого знать не положено, но я знаю. Доктор Легген рассчитывал, что сегодня, как раз в это самое время, облака немного рассеются, и он сможет понаблюдать за солнцем. Ну, а погода... вы и сами видите какая.

Селдон понимающе кивнул.

— У нас здесь установлены головизионные приемники, так что он заранее знал, что погода облачная, но, наверное, понадеялся на то, что приборы врут, и виноваты они, а не его теория и расчеты. Но пока никаких неисправностей не обнаружено.

— Поэтому он такой несчастный?

— Ну... честно говоря, полностью счастливым он никогда не бывает.

Селдон, прищурившись, осматривал окрестности. Несмотря на облачность, свет был довольно резким. Вскоре он понял, что поверхность у него под ногами не совсем горизонтальная, а имеет наклон. Он находился на склоне большого покатого купола. Осмотревшись получше, он разглядел поблизости и вдали множество куполов различной высоты и диаметра.

— Довольно-таки неровная поверхность. Будто холмы, — сказал он.

— Да, и почти везде, — подтвердила Клозия. — Так уж вышло.

— А почему?

— Думаю, по чистой случайности. Насколько я знаю — я ведь тоже когда-то так же глазела по сторонам и спрашивала, точь-в-точь, как вы сейчас — ну, и мне рассказали, что поначалу тренторианцы ставили купола над площадями, торговыми центрами, стадионами, и так далее, потом — над целыми городами, потому куполов стало так много, и все разной высоты и диаметра. В конце концов и получился вот такой «холмистый» пейзаж, но люди решили, что так тому и быть, и даже более того — что так и должно быть.

— Вы хотите сказать, что на то, что получилось совершенно случайно, стали смотреть, как на некую традицию?

— Пожалуй, что так, если хотите.

«Если простую случайность так легко возвести в ранг традиции, незыблемой и несокрушимой, — подумал Селдон, — не может ли это стать законом психоистории?» Выходило жутко тривиально, и сколько еще могло получиться таких законов, на вид совершенно тривиальных? Миллион? Миллиард? Но, может быть, существует относительно небольшое число более общих законов, из которых следует множество производных? Как узнать? Селдон так крепко задумался, что на время позабыл о холодном ветре.

Клозия, судя по всему, не забыла. Она поежилась и сказала:

— Да, прохладно. Внизу гораздо уютнее.

— А вы — тренторианка? — поинтересовался Селдон.

— Да, коренная.

Тут Селдон вспомнил, что ему рассказывал Ранда о склонности тренторианцев к агорафобии и осторожно спросил:

— А вы любите бывать здесь?

— Ненавижу! — призналась Клозия. — Но вынуждена подниматься, ведь я должна получить научную степень, профессию, место, а доктор Легген говорит, что без практических занятий это невозможно. Вот и приходится выбираться сюда, как ни противно, как ни холодно. Кстати, вам, наверное, и в голову не приходит, что при таком холде тут, наверху, что-то может расти?

— А что, растет? — воскликнул Селдон, подозрительно глянув на Клозию, усмотрев в ее вопросе шутку для новичка. Нет, вид у нее был совершенно невинный, но вот была ли это невинность искренней, или просто все дело было в ее ребяческом облике, Селдон понять не мог.

— Да, представьте себе, и даже здесь, где мы стоим сейчас, когда бывает потеплее. Просто мы тут все расчищаем для работы, как я уже говорила, но в других местах растительность накапливается, а в тех местах, где купола сходятся друг с другом, и вообще образуются довольно густые заросли.

— Но откуда тут взяться почве?

— Дело в том, что, когда куполами была покрыта не вся планета, а только ее часть, ветром на них наносило почву. А потом, когда Трентор был уже целиком закован в броню, началось подземное строительство, и землю было просто некуда выбрасывать, кроме как сюда, наверх.

— Но ведь купола могли пострадать!

— Нет, что вы. Они сделаны из чрезвычайно прочного материала и покоятся на мощных подпорках. Я прочла в одной книжке, что замысел состоял в том, чтобы выращивать овощи и другие полезные растения здесь, наверху, но оказалось, что внутри этим заниматься намного проще и безопаснее. Постепенно перешли на культивирование дрожжей и водорослей, а поверхность оставили на произвол судьбы. Тут и животные водятся, и насекомые — бабочки, пчелы, мыши, кролики. Их очень много.

— А корни растений не вредят куполам?

— Пока не повредили, а ведь прошла не одна тысяча лет. Поверхность куполов обработана специальным составом, отторгающим корни. Да и растет тут в основном трава, хотя деревья тоже попадаются. Вы бы все это увидели собственными глазами, будь сейчас потеплее, или если бы мы выбрались на поверхность южнее, или с орбиты корабля. Вы смотрели на Трентор сверху, когда подлетали? — спросила она с любопытством.

— Нет, Клозия, увы, не смотрел, Корабль подлетал так, что не было возможности посмотреть. А вы когда-нибудь смотрели на Трентор из космоса?

— Я ни разу не бывала в космосе, — грустно улыбнулась Клозия.

Селдон окинул взглядом горизонт. Ничего. Сплошной серый цвет.

— Просто не могу поверить, — признался он. — Я про растительность.

— Но это правда. Я слыхала, кое-кто рассказывал — нездешние, вроде вас, те, кому повезло и довелось увидеть Трентор из космоса, — что планета оттуда кажется зеленою, похожей на огромный луг, потому что покрыта травой и низеньким кустарником. Но деревья тоже есть, поверьте. Совсем близко отсюда есть рощица. Я сама видела. Там растут вечнозеленые деревья, высокие, метров по шесть.

— Где это?

— Отсюда не видно. По другую сторону купола. Вон там...

— Клозия! Вернись! Ты нам нужна! — послышался отдаленный оклик.

Оказывается, Селдон и Клозия, заболтавшись, ушли довольно далеко от бригады метеорологов.

— Ой-ой-ой! — забеспокоилась Клозия, — Простите, доктор Селдон, мне нужно идти.

И она побежала к своим, ухитряясь двигаться необычайно грациозно, несмотря на тяжелые ботинки.

Может быть, она просто развлекала Селдона, чтобы он не скучал? Так развлекают чужеземцев в любом мире. Ну и что, что она обо всем рассказывала, как о само собой разумеющемся? Может, это у нее — профессиональное?

Неужели действительно здесь, наверху, могут расти шестиметровые деревья? Долго не раздумывая, Селдон зашагал в направлении самого высокого из куполов, видневшихся на горизонте, на ходу размахивая руками, чтобы согреться. Ноги у него начали замерзать.

Клозия не успела показать, где растут деревья. А ведь могла бы! Почему же она не

сделала этого? Не успела? Ну да, ее позвали.

Диаметр куполов был гораздо больше, чем высота, и слава богу, потому что иначе идти было бы намного труднее. Но, с другой стороны, жутко мучительно было шагать по покатому куполу до его вершины – ведь только с вершины можно было увидеть, что там, дальше, по другую сторону.

Ну вот, наконец, он добрался до вершины. Оглянулся, чтобы посмотреть, видны ли отсюда метеорологи со своими приборами. Селдон ушел довольно далеко, их маленькие фигурки копошились внизу, в долине, но видны были отчетливо. Вот и хорошо.

С вершины ничего похожего на рощицу и деревья видно не было, но в углублении между куполами змеилась полоска земли, на которой то тут, то там проглядывали зеленые пятнышки. Наверное, там рос мох... Если пойти по этой лощине, спуститься понизе, почва станет более плотной, и тогда... Может быть, удастся набрести на деревья?

Селдон еще раз оглянулся, стараясь запомнить окрестности – нет, глазу зацепиться было совершенно не за что – однообразные холмы куполов, все похожие, почти одинаковые. Тут он вспомнил пожелание Дорс не заблудиться, которое тогда показалось ему нелепым. Теперь оно обрело смысл. И все-таки, лощина между куполами сверху разительно напоминала ровную дорогу. Если пойти по ней... Да что тут такого? Пройти немного, повернуть, и тогда вернешься на это самое место!

Селдон решительно зашагал вперед, спускаясь все ниже и ниже. Сверху послышался какой-то треск, но он не обернулся. Он решил посмотреть на деревья и больше ни о чем даже думать не желал.

Мох становился все гуще, маленькие его островки примыкали один к другому, превращаясь в настоящие зеленые ковры. Тут и там из покрывала мха торчали тонкие травинки. Мох был так свеж и зелен, что Селдон решил, что здесь, на поверхности, скорее всего, часто идут дожди.

Ущелье вело Селдона вокруг купола, и вот, сразу же за следующим куполом он увидел темное пятно на фоне серого неба. Он все-таки нашел эти деревья!

Только теперь, когда он их увидел, сознание Селдона освободилось от навязчивой мысли, и он вспомнил о звуке, который услышал раньше. Что это был за звук? Несомненно, гул двигателя. Почему – «несомненно»? Откуда здесь взяться какому-то двигателю?

Откуда? Но ведь он стоял один-одинешенек посреди бесчисленного множества куполов, под каждым из которых находились города, заводы. А там сколько угодно всяческой техники – ну, хотя бы вентиляция. Может быть, он как раз слышал шум вентиляционного двигателя?

Все можно было бы так объяснить, но только услышанный им звук шел явно не из-под земли. Селдон взглянул на пустые небеса. Ничего. Никого.

Он смотрел и смотрел в небо, пока в глазах не зарябило, и вот; далеко-далеко...

Он увидел крошечную черную точку на сером небе. Потом точка скрылась в тучах.

И тут, сам не зная почему, Селдон подумал: «Это за мной».

Не успев хорошенко решить, что делать, он со всех ног помчался к деревьям, свернув влево, взбежал на склон ближайшего купола, спустился вниз. Под ногами его шуршала опавшая хвоя, мелькали кустики, усыпанные красноватыми ягодами.

24

Задыхаясь, Селдон подбежал к первому попавшемуся дереву, прижался к нему, обнял ствол. Взглянул на небо. Летящий объект снова вынырнул из-за туч, и Селдон быстро, словно белка, спрятался по другую сторону ствола.

Дерево было холодное, с шершавой корой – но какое-никакое, а все-таки убежище. Конечно, если его начнут искать прибором, реагирующим на тепловые лучи, толку от дерева будет мало, но все-таки... Дерево холодное, может, оно сумеет погасить тепло, излучаемое его телом?

Земля под ногами была мягкая, но плотная. Даже сейчас, скрываясь от погони, Селдон не мог не удивиться: какой толщины почвенный слой, сколько столетий он накапливался? Может быть, в более теплых областях Трентора на поверхности куполов растут настоящие леса?

Он снова увидел летящий объект. Это был не звездолет, не катер. Это был вертолет. Полоски светящихся ионов расходились в стороны от вершины шестиугольника, подавляя силу притяжения, позволяя вертолету парить, словно птице. Да, с помощью такого летательного аппарата можно было легко осматривать поверхность планеты.

Только тучи спасли Селдона. Значит, если у них есть прибор термовидения, они могли и сквозь тучи определить, что внизу – люди. А вертолет послали для того, чтобы поближе приглядеться, сколько тут людей, и нет ли среди них конкретного человека, которого они ищут.

Вертолет опустился ниже, но ведь Селдон успел заметить его. Двигатель ведь гудит, а выключить его нельзя, пока машина находится в воздухе.

Вертолеты Селдону были знакомы – на Геликоне, как и на других планетах, где люди жили под открытым небом, их было довольно много, и пользовались ими, в основном, частные лица.

Но здесь, для чего они нужны здесь, вот вопрос? Здесь, где вся планета живет под куполами, а наверху постоянно висят низкие облака? Совершенно бесполезный летательный аппарат, разве только властям он мог понадобиться для поиска преступника, удавшего наверх и прячущегося среди куполов.

А почему бы и нет? Правительство не имеет права проникнуть на территорию Университета, но ведь, скорее всего, Селдон сейчас на этой территории уже не находится. Он наверху, то есть на территории, вероятно, никакому местному правительству не подведомственной. А имперский летательный аппарат, скорее всего, имел полное право приземлиться на каком угодно куполе, и его экипаж запросто мог задержать и допросить любого, кто тут окажется. Челвик, правда, Селдона о такой возможности не предупреждал, но, скорее всего, ему это просто не пришло в голову.

Вертолет опускался все ниже и ниже, напоминая стервятника, высматривающего свою жертву. Взбредет ли в голову пилоту обследовать эту рощицу? Вдруг вертолет опустится, из него выскочит парочка вооруженных солдат и примется прочесывать заросли?

Если так, то что делать? У Селдона не было при себе никакого оружия, и все его боевые таланты окажутся бесполезными против их нейронных хлыстов.

Но вертолет на посадку не пошел. Не то они там не придали особого значения деревьям, не то...

Тут Селдону пришла в голову совсем другая мысль. А что, если это вовсе не погоня? Может быть, это вертолет метеорологов? Почему бы метеорологам не интересоваться состоянием более высоких слоев атмосферы?

А он, как последний идиот, прячется от них?

Смеркалось. Тучи потемнели. Не то собирался дождь, не то приближалась ночь.

Здорово похолодало. Наверняка станет еще холоднее. Неужели он так и замерзнет здесь, прячась от, может быть, совершенно безобидного вертолета, неизвестно почему так напугавшего его? Селдону страшно захотелось выбраться из рощицы и вернуться назад, к метеорологам.

В конце концов, откуда этому человеку, которого так сильно боялся Челвик – этому Демерзелю – знать, что Селдон именно сегодня, именно сейчас, покинул Университет и находится здесь, где его так легко схватить?

Селдон решился, вышел из-за дерева и, дрожа от холода, зашагал назад... и бегом вернулся обратно, потому что вертолет снова появился и летел на этот раз гораздо ниже. Непохоже было, чтобы летящие в нем занимались метеорологическими наблюдениями. Но чем должны были заниматься метеорологи, принадлежа этот вертолет им? Откуда Селдону знать, какая аппаратура установлена на борту вертолета и как она работает? Может быть, снизу этого понять нельзя, но... стоило ли рисковать и выходить на открытое пространство?

В конце концов, Демерзель действительно мог узнать о том, что Селдон сейчас наверху. Кто-то из его агентов, работающих в Университете, доложил ему об этом. Кто предложил Селдону выбраться наружу? Лисунг Ранда, вечно улыбающийся рубаха-парень, Восточник. Причем предложил довольно-таки настойчиво, а ведь разговор вовсе к такому повороту дел не располагал. Может быть, Ранда – правительственный агент и договорился с Демерзелем?

Потом – Легген. Легген одолжил ему свитер, Спасибо большое, но почему Легген не

предупредил его заранее о том, что нужно одеться потеплее? А вдруг он одолжил ему какой-то совершенно особенный свитер? Ведь он весь лиловый, а у других – полосатые. Глянешь с высоты и сразу заметишь человека в таком свитере.

Ну, а Клозия? Вроде бы она выбралась наверх, потому что изучает метеорологию и помогает сотрудникам. Но почему именно она взяла его под свою опеку, болтала с ним так непринужденно, ненавязчиво увела в сторону, а потом убежала, оставила одного? Не для того ли, чтобы его легче было схватить?

Если на то пошло, как насчет Дорс Венабили? Она знала, что Селдон отправляется наверх. Она этого не предотвратила. Она могла бы, могла бы пойти вместе с ним, но не сделала этого – сослалась на занятость. Не подкопаешься.

Все говорились. Точно – говорились.

Теперь Селдон был в этом просто убежден и окончательно отказался от мысли выбраться из рощицы. Ноги у него совершенно окоченели. Он и приплясывал, и топал ногами, но – никакого толку. Неужели этот проклятый вертолет никогда не улетит?

И как только он подумал об этом, гул двигателя стал тише, вертолет поднялся вверх и исчез за тучами.

Селдон напряженно вслушивался в тишину, желая убедиться в том, что вертолет действительно улетел. Но даже убедившись, долго не мог пошевелиться. Теперь он гадал, не было ли это хитрым маневром, чтобы выманить его из укрытия? Минуты шли и шли, а он стоял под деревом. Небо стало еще темнее. Приближалась ночь.

Наконец, поняв, что лучше выбираться под открытое небо, чем замерзнуть от неподвижности, он вышел из-за дерева и осторожно пошел прочь от рощицы.

Сумерки сгостились. Увидеть его теперь было невозможно, разве только с помощью детектора, но, в любом случае, он услышит шум двигателя, если вертолет вздумает вернуться. На самом краю рощицы Селдон остановился, посчитал про себя, будучи готов в первое же мгновение нырнуть под деревья, если его заметят. Правда, какой от того толк, он и сам не смог бы ответить.

Он огляделся по сторонам. Если бы удалось найти метеорологов… У них, наверное, есть фонари. А вдруг нет?

Пока он различал контуры куполов, но пройдет еще четверть часа, и ничего не будет видно. Фонаря нет, над головой темное небо, затянутое непроницаемыми тучами, – тут будет темно, хоть глаз выколи.

Мысль о том, чтобы остаться одному в темноте, настолько напугала Селдона, что он решил как можно быстрее забраться на вершину и осмотреть окрестности оттуда. Обхватив себя покрепче руками, чтобы хоть немного согреться, он зашагал вверх по склону купола – как ему казалось, именно туда, откуда спустился в рощицу.

Конечно, спуститься он мог по-разному, но вот ему встретился ягодный кустарничек, на который он обратил внимание, когда спускался. Ягоды теперь казались не красными, а почти черными, но разглядывать было некогда. Селдон заставил себя поверить, что идет верным путем, и зашагал вверх как можно скорее. По его расчетам, он должен был вскоре повернуть направо, потом – налево, а оттуда уже будет рукой подать до метеорологов.

Повернув налево, Селдон поднял голову и различил контуры высокого купола. Тот самый!

А вдруг не тот?

Делать было нечего, пришлось заставить себя поверить, что не ошибся. Не спуская глаз с вершины, чтобы по возможности сократить путь, Селдон чуть не бегом пропустил наверх. Ближе, ближе… вот уже край купола блеснул на фоне неба. Если все точно, скоро он достигнет вершины, посмотрит вниз и увидит огоньки базы метеорологов.

Было так темно, что Селдон не видел, куда идет. Хоть бы парочку звездочек! «Наверное, вот так живут слепые», – подумал Селдон.

Холодало буквально с каждой минутой. Селдон часто останавливался, дул на озябшие руки, грел их под мышками. Жаль, что он не мог точно так же поступить с ногами. «Скоро снег пойдет, – подумал Селдон. – Не дай бог – мокрый!»

Вперед, вперед. Только вперед.

Вдруг ему показалось, что ноги несут его вниз. Либо он ошибся, либо успел добраться до вершины купола.

Селдон остановился. Если он добрался до вершины, значит, отсюда должны быть видны огоньки базы метеорологов. На худой конец – огни фонарей. Они бы двигались, плясали, словно светлячки.

Селдон закрыл глаза, чтобы привыкнуть к темноте, открыл, опять закрыл и открыл – ничего. Было так темно, что разницы никакой – открывать глаза или закрывать.

Может быть, Легген и его сотрудники уже ушли и унесли фонари и выключили вдобавок огни на приборах? А может быть, Селдон забрался не на тот купол, а может быть, смотрел не в ту сторону, а может быть, пошел из рощицы неверным путем, тогда…

Что же делать?!

Если он смотрит не в ту сторону, может быть, огни справа или слева? Нет, огней не было ни справа, ни слева. Если он пошел неверным путем из рощицы, вернуться и проверить уже нет никакой возможности.

Оставалось единственное: смотрел он туда, куда надо, но метеорологи ушли, унесли фонари и выключили все огни на приборах.

Значит, вперед. Шансов на успех было раз-два и обчелся, но другого выхода просто не оставалось.

Он помнил, что от метеостанции до вершины купола добрался за полчаса, причем полпути проделал с Клозией, а шли они прогулочным шагом. Теперь он шел примерно таким же шагом.

Селдон шагал и шагал вперед. Вот бы узнать, который час. А ведь часы у него были, да только что от них проку в темноте?

Он резко остановился. Часы у него были тренторианские, показывали время в соответствии с Галактическим Стандартом (как и все часы в Галактике), но помимо этого, они показывали еще местное, тренторианское время. Обычно циферблаты часов фосфоресцировали, чтобы ночью, в темной спальне, можно было посмотреть, который час. Геликонские часы обязательно бы светились, а тренторианские?

Селдон приблизил запястье с часами к глазам и, не слишком веря в удачу, нажал на крошечную кнопочку освещения циферблата. Часы засветились и сообщили ему, что сейчас 18:47. Мало того, что был поздний вечер, в этой области Трентора сейчас стояла зима. Какова тут долгота ночи? Каков угол наклона оси планеты? Какой длины год? Как далеко он сейчас от экватора? Ответа на эти вопросы у Селдона не было. Зато было главное – этот слабый свет, шедший от циферблата.

Значит, он не ослеп! Свет – всегда надежда, пусть самая маленькая.

Селдон сразу воспрял духом. Теперь – туда, куда шел. Полчаса на дорогу. Если не найдет базу – еще пять минут, но не больше. Потом – остановиться и подумать. Но это – через тридцать пять минут. А пока – идти, ни о чем не думать, только идти и идти и пытаться немного согреться. Как там пальцы на ногах? Пока живы.

Он зашагал вперед, Прошло полчаса. Он остановился, потом поколебавшись, продолжил путь и шел еще пять минут.

Пора принимать решение. Базы не было. Сейчас он мог находиться где угодно, жутко далеко от выхода из купола. Но, с другой стороны, может быть, до станции подать рукой? Может быть, он стоит в двух шагах от выхода, но тот закрыт?

И что теперь?

Попробовать покричать? Такая тишина – ни единого звука. Если и правда тут кто-то живет, все птички, бабочки и кролики давным-давно попрятались, да и зима сейчас, тем более. Ветер дул все сильнее, все холоднее.

Наверное, давно надо было начать кричать. В холодном воздухе звук хорошо распространяется. Да только кто услышит?

А внутри? Мог он докричаться? Стояли ли внутри приборы для регистрации звуков снаружи? Датчики какие-нибудь?

Глупо. Давно бы услышали его шаги.

И все-таки…

– Помогите! Помогите! – закричал Селдон. – Слышите меня? Кто-нибудь!

Крик вышел так себе – негромкий, испуганный. Ужасно глупо было звать кого-то в этой непроницаемой тьме и могущественной, всепоглощающей тишине.

Но молчать и поддаваться панике еще глупее. Селдон набрал полные легкие воздуха и принял кричать. Еще и еще. Громче и громче.

Умолк, оглянулся по сторонам. Ничего, никого. Даже эхо ему не отвечало. Что оставалось? Ничего, только ждать рассвета. Опять-таки, сколько длится зимняя ночь? И как холодно тут по ночам?

Что-то холодное коснулось его щеки. Еще раз. Еще.

Снег пошел. А укрыться некуда.

«Лучше бы меня заметили с вертолета, – в отчаянии подумал Селдон. – Сидел бы теперь в теплой тюрьме. А не встретился бы с Челвиком – и вообще давно бы уже был на Геликоне. Ну и что, что за мной бы следили? Все равно лучше, чем замерзать здесь!» Ему сейчас ничего не хотелось, кроме тепла и уюта.

Оставалось единственное – ждать. Он устало опустился на землю, сел, снял туфли, принял растирать окоченевшие ступни.

Вот так всю ночь – растирать то ноги, то руки, но только не спать. Не спать ни за что! Только он успел отдать себе строгий приказ, как глаза его закрылись, и он крепко заснул. А снег шел все сильнее.

Глава шестая

Спасение

Легген, Дженнар – ...Его вклад в метеорологию, будучи довольно значительным, бледнеет перед тем, что известно под названием «Противоречия Леггена». Бессспорно, его действия навлекли беду на Гэри Селдона, но до сих пор не утихают споры о том, были ли эти действия ненамеренными или являлись проявлением преднамеренного заговора. Сторонники противоположных взглядов страстно отстаивали свою точку зрения, но определенного вывода так и не было сделано. Как бы то ни было, тень подозрений, упавшая на Леггена, отравила его жизнь в последующие годы и сильно повредила его карьере...

Галактическая энциклопедия

25

Еще засветло Дорс Венабили разыскала Дженнара Леггена. На ее радостное приветствие он ответил вялым кивком и буркнул что-то нечленораздельное.

– Ну, – спросила Дорс нетерпеливо. – Как он?

Легген, занимавшийся вводом данных в компьютер, не понял, видимо, о ком речь.

– Кто – «он»?

– Мой подопечный. Гэри. Гэри Селдон. Он поднимался с вами наверх. Помог он вам чем-нибудь?

Легген оторвался от терминала и рассеянно уставился на Дорс.

– А-а-а... Тот парень с Геликона? Чем он мог помочь? Он и не интересовался ничем особенно. Смотрел не туда, и вообще. Лишняя обузда. И почему вам взбрело в голову посыпать его наверх?

– Мне? Вот уж нет. Это он сам захотел, а зачем – понятия не имею. Почему-то ему страшно захотелось. А где он сейчас?

Легген пожал плечами.

– Откуда мне знать? Болтается где-нибудь.

– Куда он делился после того, как вы вернулись? Он не сказал, куда пойдет?

– Он с нами не вернулся. Я же сказал – ему было неинтересно.

– Когда же он вернулся, в таком случае?

– Не знаю. Я за ним не присматривал. У меня дел было по горло. Похоже, пару дней назад была сильная гроза, выпала куча осадков, а мы этого не ожидали. Инструменты – ни гу-гу, и солнца не было, а мы на это рассчитывали. Вот я и пытаюсь разобраться, в чем дело, а вы пристаете ко мне с глупостями.

– Значит, вы не видели, как он вернулся?

– Послушайте, мне было некогда за ним приглядывать! Этот балбес даже не сообразил одеться, как положено, и я еще здесь, внизу, понял, что через полчаса он продрогнет и простудится. Я дал ему свитер, но ни теплых носков, ни ботинок лишних у меня просто не было. В общем, я оставил кабину лифта открытой специально для него и объяснил, как ею пользоваться, чтобы спуститься и вернуть кабину наверх. Это настолько элементарно... словом, я уверен, что он замерз, спустился и послал нам кабину, а потом уже мы все вернулись.

– Но вы не уверены, что он вернулся, и не знаете, когда именно?

– Нет. Я же говорю – был занят. Наверху его точно не было, когда мы закончили работу. Было уже темновато, того гляди мог пойти снег. Он к тому времени наверняка уже ушел.

– А больше никто не видел, как он ушел?

– Понятия не имею, Может, Клозия видела. Она с ним больше общалась. Слушайте, спросите у нее, а?

Клозию Дорс отыскала в ее комнате. Та только что вышла из-под душа.

– Бр-р-р! Наконец-то согрелась. Наверху было жутко холодно, – сообщила Клозия.

– Послушай, – торопливо спросила Дорс, – ты видела Гэри Селдона наверху?

– Да, видела, – ответила Клозия, удивленно вздернув бровки. – Но совсем недолго. Ему хотелось немного побродить, я погуляла там с ним. Спрашивал он, в основном, о тамошней растительности. Очень любознательный парень этот Селдон. Все ему интересно. В общем, я рассказала ему все, что могла, а потом меня Легген позвал работать. Он был просто вне себя. Прогнозы полетели к чертовой матери, и он...

– Ты мне скажи, – прервала ее Дорс, – видела ты, как Гэри вошел в кабину, чтобы спуститься вниз, или нет?

– Я его вообще не видела с тех пор, как меня позвал Легген. Но он наверняка уже давно внизу. Наверху его не было, во всяком случае, когда мы уходили. Это точно.

– Однако я его нигде не могу разыскать. Клозия немного раз волновалась.

– Правда? Но он обязательно должен быть где-нибудь тут.

– Совершенно не обязательно! – Дорс начала злиться. – А вдруг он еще там, наверху?

– Не может быть. Его там не было. Не думай, мы его искали, сразу не ушли. Он же был так легко одет, а погода была такая мерзкая. Мы сказали ему, чтобы он не ждал нас., если замерзнет, и ехал вниз один. А он мерз. Это я точно знаю! Куда еще он мог отправиться, как не вниз?

– Да, но никто не видел, как он поехал вниз. Послушай, ничего не случилось с ним там, наверху?

– Да нет, вроде бы... По крайней мере, пока я была с ним рядом – ничего. Ну, разве только что ему было очень холодно, и все.

Дорс, вконец расстроенная, кивнула и, глядя в одну точку, проговорила:

– Раз никто не видел, как он спустился, значит, он, может быть, до сих пор там, наверху. Надо бы подняться и поискать его.

– Но... – Клозия занервничала. – Говорю же тебе, мы посмотрели. Было еще светло, и никого там не было.

– Все равно надо посмотреть, поискать его.

– Да, но... я... это не в моей компетенции. Я же всего-навсего практиканта и не знаю кода на выходе из купола. Лучше тебе обратиться к доктору Леггену.

Она еще раз обошла все места, где могла бы найти Селдона – библиотеку, столовую, позвонила в комнату Селдона, поднялась, позвонила в дверь. Никто не открыл. Тогда Дорс уговорила дежурного по этажу открыть дверь своим ключом. Комната была пуста, Дорс спрашивала о Селдоне у всех, кто познакомился с ним за последние недели. Никто его не видел.

Делать нечего, нужно убедить Леггена подняться с ней наверх. Теперь поздно, уже ночь. Легген наверняка будет упираться. Сколько времени уйдет на уговоры? А Гэри там, наверху, замерзнет под снегом.

Тут у Дорс мелькнула новая мысль, и она поспешила к небольшому университетскому компьютеру, в память которого были заложены данные о работе студентов, преподавателей и обслуживающего персонала.

Быстро пробежавшись пальцами по клавишам, Дорс нашла то, что искала.

Тroe. Далеко, правда, совсем в другой части кампуса. Но это ничего.

Дорс взяла напрокат маленькую машину и скоро уже звонила у двери, которую искала. Хотя бы один из тех, кто ей нужен, должен быть дома.

Ей повезло. В ответ на звонок сразу загорелась лампочка. Дорс набрала свой идентификационный код, говоривший о том, кто она такая и где работает. Дверь открылась. На пороге стоял пожилой полный мужчина.

Он, видимо, мылся перед обедом. Волосы у него были мокрые, растрепанные, одет он был по-домашнему.

– Прошу прощения, – смущенно поклонился он, – вы застали меня врасплох. Чем могу быть полезен, доктор Венабили?

Переведя дыхание, Дорс спросила:

– Вы – Роджен Бенастра, сейсмолог?

– Он самый.

– У меня к вам срочное дело. Мне нужно просмотреть данные о сейсмической обстановке наверху за последние несколько часов.

– Но к чему вам это? – удивился Бенастра. – Там все в полном порядке. Сейсмограф ничего экстраординарного не показывает.

– Я имею в виду не падение метеорита.

– Я тоже. Для этого сейсмограф не нужен. Мы регистрируем трещины в обшивке, дырочки всякие. Но ничего такого сегодня не случилось.

– Не в этом дело. Прошу вас, отведите меня к сейсмографу и расшифруйте его показания. Это вопрос жизни и смерти.

– Но... я приглашен на обед...

– Я серьезно. Это действительно вопрос жизни и смерти.

– Ничего не понимаю... – пробормотал Бенастра, но Дорс так смотрела на него, что он не выдержал, сдался, вытер лицо, быстро влез в рубашку.

Дорс так торопилась, что они почти бегом добрались до маленького приземистого здания, где располагалась сейсмолаборатория. Дорс, ничего не понимавшая в сейсмологии, спросила:

– Вниз? Мы спустимся вниз?

– Конечно. Ниже жилой зоны. Сейсмограф установлен глубоко: чтобы не испытывать вибрации.

– Но, простите, как же вы можете судить снизу о том, что происходит наверху?

– К сейсмографу подключена целая сеть датчиков, установленных на поверхности куполов и в их толще. Стоит там камушку упасть, и у нас все регистрируется. Ветер подует сильнее, и это мы тоже видим. Еще...

– Ясно, ясно, – Дорс нетерпеливо кивнула. У нее вовсе не было желания выслушивать лекцию о том, как точно сейсмологическое оборудование. – Скажите, а если кто-то ходит по поверхности, это вы можете зарегистрировать?

– Ходят? – удивился Бенастра. – Кто может ходить по поверхности?

– Как кто? Ну, к примеру, сегодня там работала бригада метеорологов.

– А, вот вы о чём. Да нет, вряд ли их шаги можно зарегистрировать.

– А мне кажется, можно, если приглядеться повнимательнее. Именно этого я от вас и хочу.

Бенастре не очень-то понравились приказные нотки в голосе Дорс, но он промолчал. Нажал кнопку на пульте, и экран ожила.

В правом углу загорелась яркая точка, от которой протянулась горизонтальная линия в левый угол. Линия слегка подрагивала, время от времени взлетала вверх. Дорс смотрела на нее, как загипнотизированная.

— На самом деле, все спокойно, — объяснил Бенастра. — То, что вы видите — это результат изменений атмосферного давления, небольшой дождик, отдаленный шум двигателей. Все спокойно.

— Это сейчас. А несколько часов назад? Прошу вас, просмотрите записи, сделанные в 15:00. Наверняка у вас есть такие записи.

Бенастра отдал компьютеру соответствующие распоряжения, и пару секунд на экране творилось нечто неописуемое — настоящий хаос. Потом все успокоилось, и снова возникла горизонтальная линия.

— Я вывел чувствительность на максимум, — пробормотал Бенастра.

Теперь гребни волн стали значительно выше и заметнее.

— Что это значит? — спросила Дорс. — Объясните мне, прошу вас.

— Ну, мисс Венабили, раз вы говорите, что в это время там были люди, стало быть, это зарегистрированы их шаги, вызвавшие изменение давления на поверхность. Честно говоря, не знаю, интерпретировал ли бы я эту картину так, если бы не знал, что в это время там кто-то ходил. Обычно мы такие колебания называем малыми вибрациями и никогда не связываем их с чем-либо опасным.

— А можете определить, сколько там было людей?

— На глаз? Нет. Здесь перед нами результат их общего воздействия.

— На глаз нельзя? А нельзя ли проанализировать эту информацию с помощью компьютера? Разложить на компоненты?

— Сомневаюсь. Воздействие минимально, да и посторонних шумов полно. Результаты могут получиться далекими от достоверности.

— Ну, хорошо. Промотайте... не знаю, как лучше сказать... словом, можете вы добраться до того момента, когда шаги прекратились. Можно сделать быструю перемотку?

— Если я сделаю, как вы говорите, быструю перемотку, получится просто прямая линия, а по обе стороны от нее — дымка, туман. Лучше двигаться вперед пятнадцатиминутными интервалами, просматривать ленту и мотать дальше.

— Отлично, Давайте!

Дорс и Бенастра внимательно смотрели на экран. Наконец Бенастра изрек:

— Вот. Видите? Все, вот здесь все закончилось. По экрану снова ползла горизонтальная линия, лишь изредка слегка подрагивая.

— И когда это произошло?

— Два часа назад. Или чуть раньше.

— Хорошо. И больше там никого не осталось?

Бенастра начал нервничать.

— Как я могу сказать? Я думаю, самый тончайший анализ не позволил бы дать ответа на такой вопрос.

Дорс упрямо поджала губы.

— Скажите, у вас установлен датчик, или как там это называется, около базы метеорологов? Вы сейчас с него информацию считывали?

— Да. Оттуда, где стоят их приборы и где они работали. Хотите, — спросил он раздраженно, — чтобы я проверил данные с других датчиков неподалеку от этого места? С каждого по отдельности?

— Нет. Давайте посмотрим, может быть, этот датчик нам еще что-то скажет. Двигайтесь вперед, как и раньше, с пятнадцатиминутными интервалами. Не исключено, что один человек там остался, а потом вернулся к базе.

Бенастра покачал головой и пробурчал под нос какое-то ругательство.

Экран снова ожила. Вскоре Дорс резко спросила, тыча пальцем в линию:

— А это что такое?

- Не знаю. Шум какой-то.
  - Нет, не шум. Смотрите, тут явная закономерность. Может, это шаги одного человека?
  - Почему бы и нет? Может быть. Очень может быть. Но может быть, и нет, Возможно всякое.
  - И все-таки, очень похоже на шаги. По скорости, ну, смотрите же!
- Прошло немного времени, и Дорс попросила:
- А ну-ка, еще немножко вперед.
  - Бенастра выполнил ее просьбу.
  - Вам не кажется, что колебания возросли?
  - Может быть. Можно замерить.
  - Не надо. И так видно. Шаги приближаются к датчику. Давайте-ка еще немножко вперед.

Посмотрим, когда они прекратятся.

Через некоторое время Бенастра сообщил:

- Прекратились. Двадцать-двадцать пять минут назад. Шаги там, или что другое, не знаю, – добавил он.

– Шаги. Конечно, шаги, – убежденно мотнула головой Дорс. – Там, наверху, – человек. И пока мы с вами тут ерундой занимаемся, он замерзает. Так что давайте не будем препираться. Позвоните-ка на факультет метеорологии и добудьте мне Дженнара Леггена. И скажите ему, что речь идет о спасении жизни человека. Так и скажите!

У Бенастры задрожали губы, но он уже давно понял, что сопротивляться и спорить с этой упрямой дамочкой совершенно бесполезно.

Примерно через три минуты на панели голоприемника возникло изображение Леггена. Он явно выскочил из-за обеденного стола. За воротником красовалась салфетка, которую он, очевидно, не успел приложить к перепачканным едой губам.

На его вытянутой физиономии было написано искреннее возмущение.

- Какой жизни? Что это значит? Кто вы такой, черт подери?

Тут его взгляд упал на Дорс – она подошла поближе к Бенастре, чтобы ее изображение тоже было видно на экране голоприемника Леггена.

- А-а-а! Это снова вы! – рявкнул Легген, – Нет, от вас положительно можно с ума сойти.

– Не стоит. Я только что проконсультировалась с Роджером Бенастрой, нашим главным сейсмологом. Так вот. После того как вы со своей группой ушли с поверхности, сейсмограф зарегистрировал шаги человека, которого вы там оставили. Это мой подопечный, Гэри Селдон, который поднялся наверх под вашу ответственность и который теперь наверняка обморозился, а может быть, и умер. Я требую, чтобы вы немедленно отправились со мной наверх и прихватили необходимое оборудование. Если вы немедленно не сделаете этого, я свяжусь со службой безопасности Университета, а понадобится – с самим Президентом. Как бы то ни было, я все равно поднимусь наверх, и если с Гэри что-нибудь случится из-за того, что вы промедлите хотя бы минуту, я добьюсь того, чтобы вас судили за небрежность, некомпетентность, равнодушные – я уж сформулирую, будьте уверены. Тогда можете попрощаться со своей карьерой. А если он умер, вы ответите перед судом за неумышленное убийство. А может, и за умышленное – я вас предупредила о том, что он может погибнуть.

Дженнар в ярости перевел взгляд на Бенастру.

- Вы действительно обнаружили...

Дорс не дала ему закончить вопрос.

– Он все сказал мне, а я – вам. Я не намерена больше ничего слушать. Вы идете или нет?
Немедленно!

– Значит, вам и в голову не приходит, что вы можете ошибаться? – поджав губы, спросил Легген. – А знаете, как это называется? Ложная тревога. Тоже вещь опасная.

– Не опаснее убийства. – упрямо мотнула головой Дорс. – Я не боюсь ответить за ложную тревогу. А вы – за убийство – не боитесь?

Дженнар покраснел.

– Хорошо, леди, я пойду, но если ваш студентишка окажется уже три часа как дома, в теплой постельке, смотрите тогда...

Все трое молча вошли в кабину. Легген так и не доел свой обед и оставил жену за столиком в полном недоумении. Бенастра же к своему обеду так и не притронулся — а ведь его кто-то ждал, может быть, прекрасная дама. Дорс тоже не успела поесть, но вид у нее был еще более несчастный, чем у мужчин. Под мышкой она держала одеяло с подогревом и два фонаря.

Наконец кабина добралась до поверхности, Легген, скрипя зубами от злости, набрал шифр. Дверь отъехала в сторону. Порыв ледяного ветра пронесся мимо, Бенастра вполголоса ругнулся. Вся компания была легко одета, но мужчинам и в голову не пришло, что они тут задержатся надолго.

— Снег идет, — сердито отметила Дорс.

— Мокрый снег, — уточнил Легген. — Температура примерно нулевая. Не смертельный холод.

— Все зависит от того, как долго пробудешь под открытым небом при такой температуре, не так ли? — огрызнулась Дорс. — Не думаю, чтобы мокрый снег сильно согревал.

— Хм, — буркнул Легген. — Ну, и где же этот ваш?.. — спросил он, поеживаясь и всматриваясь в темноту. Свет от кабины лифта только мешал.

Дорс обратилась к сейсмологу:

— Прошу вас, доктор Бенастра, подержите одеяло. А вы, доктор Легген, прикройте дверь кабины, но не защелкивайте.

— У двери кабины нет предохранителя. Вы что, думаете, я из ума выжил?

— Не знаю. Знаю только, что эту дверь вы захлопнули изнутри, а здесь остался человек, который из-за этого не смог попасть внутрь купола.

— Если он здесь, этот ваш человек, покажите мне его! Ну, где он?

— Где угодно! — отрезала Дорс и подняла вверх руки с фонарями.

— Но... мы не можем искать бесконечно, — стуча зубами, проговорил Бенастра.

Фонари светили ярко, выхватывая из мрака большие участки занесенной снегом поверхности купола. Снежинки кружились, словно стаи белой мошки, налипали на стекло фонарей, мешали смотреть.

— Шаги вели сюда, — сказала Дорс. — Он шел к датчику. Где установлен датчик?

— Мне-то откуда знать? — огрызнулся Легген. — Это не по моей части.

— Доктор Бенастра, где датчик?

— Я... Я не знаю, — испуганно отозвался сейсмолог. — Видите ли, дело в том, что я ведь на самом деле никогда здесь не бывал. Датчик установили давно, до того, как я приступил к работе. Компьютер, наверное, знает где, но мне никогда и в голову не приходило запрашивать у него такие данные... Послушайте, я страшно прогор и не понимаю, зачем я вам тут, наверху, сдался...

— Придется вам немного задержаться, — тоном, не допускающим возражений, сказала Дорс. — Пойдемте со мной. Обойдем вокруг выхода по спирали.

— Много мы увидим! — фыркнул Легген. — Такой снежище...

— Это ясно. Если бы не снег, мы бы его уже давно увидели. Я уверена. Теперь же нам понадобится несколько минут. Ничего, не рассыплемся.

Похоже, она была совершенно уверена в своих словах.

Раскинув в стороны руки с фонарями, Дорс пошла прочь от входа, стараясь освещать как можно более обширное пространство и изо всех сил всматриваясь в темноту.

Но именно Бенастра первым проговорил:

— Что это там? — и показал пальцем.

Дорс нацелила фонари туда, куда он показывал, и пустилась бегом в ту сторону. Мужчины побежали следом.

Селдона они нашли примерно в десяти метрах от выхода, окоченевшего, промокшего. От того места, где он лежал, до ближайшего прибора было и того меньше — всего-то метров пять. Дорс решила было пощупать пульс, но это оказалось не нужно: как только пальцы Дорс прикоснулись к руке Селдона, тот пошевелился и застонал.

— Дайте мне одеяло, доктор Бенастра. Быстро! — прокричала Дорс, не помня себя от

радости.

Расправив одеяло, она расстелила его прямо на снегу.

— Теперь приподнимите его и осторожно положите на одеяло. Я укутаю его, и мы все спустимся вниз.

В кабине лифта от Селдона, завернутого в одеяло, повалили клубы пара. Дорс распоряжалась:

— Доктор Легген, как только мы принесем Гэри в его комнату, бегите за врачом. Найдите кого-нибудь получше и ведите немедленно. Если доктор Селдон поправится, я, клянусь, никому не скажу ни слова. Но только если он действительно поправится. Не забывайте...

— Да хватит вам нотации читать! — буркнул Легген. — Я понимаю, что виноват, и сделаю все, что в моих силах. Но имейте в виду, виноват я только в том, что взял этого человека с собой наверх, вот и все.

Сверток зашевелился, и послышался хриплый, едва слышный голос.

Бенастра вздрогнул, поскольку голова Селдона поклонилась у него на плече.

— Кажется, он что-то хочет сказать, — растерянно пробормотал Бенастра.

— Да, я расслышала, — кивнула Дорс. — Он спросил: «В чем дело?»

Дорс не сдержалась и тихонько рассмеялась. Вопрос был на удивление уместным.

28

Утром, открыв глаза, Селдон увидел рядом со своей постелью Дорс. Она сидела за столиком, читала книгу и делала в блокноте какие-то заметки.

— Ты еще здесь, Дорс? — спросил Селдон почти обычным голосом.

Дорс отложила в сторону выюер.

— Не могу же я оставить тебя одного, правда? А другим я не доверяю.

— Но я тебя вижу всякий раз, как просыпаюсь. Ты что, все время здесь?

— Да, все время. Сплю, работаю — все здесь, рядом с тобой.

— А как же занятия, студенты?

— Меня пока заменяет ассистент.

Дорс наклонилась и взяла Селдона за руку. Селдон смущился, Дорс заметила это и отпустила его руку.

— Гэри, что же случилось? Я так волновалась.

— Дорс, я должен признаться...

— В чем, Гэри?

— Я подумал, что это был заговор и ты в нем тоже участвовала...

— Какой заговор? Ты о чем?

— Я думал, что кто-то говорился заманить меня наверх, чтобы я оказался за пределами Университета, то есть на территории, где меня могли бы схватить имперские власти.

— Но ты не покинул пределов Университета. На Тренторе граница сектора простирается снизу доверху, и участок поверхности, находящийся над Университетом, относится к его юрисдикции.

— Вот как! А я этого не знал. Но ты не пошла со мной, сказала, что очень занята, и когда я впал в отчаяние, я подумал, что ты это нарочно сделала. Прости меня, пожалуйста. Я знаю, что ты меня вытащила оттуда. Остальные наверняка даже не вспомнили обо мне.

— Они — занятой народ, — дипломатично объяснила Дорс. — И потом, они решили, что ты спустился раньше. Совершенно законное предположение.

— И Клозия так думала?

— Эта девушка, практиканка? Да, и она тоже.

— Все равно, заговор не исключен. Без твоего участия, я хочу сказать.

— Нет, Гэри, только я одна виновата. Я не имела никакого права разрешать тебе подниматься наверх без меня. Ведь я обязана о тебе заботиться. Все время ругаю себя за случившееся, за то, что ты заблудился там.

— Погоди, погоди, — неожиданно рассердился Селдон. — Но я вовсе не заблудился. Почему ты так говоришь?

— А ты бы это как назвал? Когда вся группа уходила, тебя поблизости не было, и к лифту ты вернулся, когда уже было совсем темно.

— На самом деле все было не так, Я не заблудился в том смысле, что ушел, а потом не смог найти дорогу обратно. Я сказал, что подозреваю заговор против меня, и буду стоять на своем. Паранойей я не страдаю.

— Ну, хорошо, так что же тогда все-таки случилось?

Селдон все рассказал Дорс. Все вспомнил, ничего не забыл. Он просто не мог забыть — весь вчерашний день жуткое приключение виделось ему в кошмарных снах.

Дорс слушала его, нахмурившись.

— Невероятно, — покачала головой она, — Вертолет? Ты уверен?

— Уверен, конечно. Или ты думаешь, у меня была галлюцинация?

— Но имперские власти все равно не имели права арестовать тебя там, наверху. Это было бы таким же грубым вмешательством в дела Университета, как если бы они арестовали тебя здесь, в кампусе.

— Хорошо. Откуда тогда взялся этот вертолет?

— Не знаю. Но у меня такое чувство, что я зря не пошла с тобой наверх. Может быть, все еще хуже, чем тебе кажется. Челвик будет мной очень недоволен.

— Тогда давай не будем ему говорить, — предложил Селдон. — Все ведь хорошо закончилось в конце концов.

— Сказать придется, — печально проговорила Дорс. — Насчет «закончилось» я сильно сомневаюсь.

29

Вечером с визитом явился Легген. Чувствовал он себя неуверенно, смущенно, переводил взгляд с Дорс на Селдона и обратно. Они молчали, как в рот воды набрали.

Наконец он пробурчал, обращаясь к Селдону:

— Вот, пришел узнать, как вы себя чувствуете.

— Прекрасно, — ответил Селдон. — Только все время спать хочется. Доктор Венабили говорит, что мне придется провалиться еще пару дней, чтобы окончательно поправиться. Честно говоря, — добавил он с улыбкой, — я не возражаю.

Легген набрал побольше воздуха, шумно выдохнул, и наконец заговорил, выдавливая из себя слова:

— Я ненадолго. Я прекрасно понимаю, что вас нельзя беспокоить. Но я все-таки хочу сказать, что сожалею о том, что произошло. Я не должен был столь легкомысленно полагаться на то, что вы спустились вниз один. Вы новичок, и я должен был за вами получше присматривать. Ведь я, именно я взял вас с собой. Надеюсь, у вас хватит доброты, и вы простите меня. Вот и все, что я хотел сказать.

Селдон неожиданно зевнул и прикрыл рот ладонью.

— Простите, ради бога. Не стоит так переживать. Все кончилось хорошо, и я не держу на вас зла. Ведь в каком-то смысле, это и не ваша вина. Я не должен был отходить от группы, и случившееся вряд ли можно рассматривать, как...

Дорс прервала его.

— Все, Гэри, хватит болтать. Отдохни. И потом, мне нужно кое о чем спросить доктора Леггена, пока он не ушел. Во-первых, доктор Легген, я прекрасно понимаю, что вас беспокоят последствия этого неприятного происшествия для вас лично. Я обещала вам, что никому ни слова не скажу, если доктор Селдон поправится. Поскольку он поправляется, можете не волноваться. Пока. Я вас хочу спросить кое о чем, и надеюсь, на этот раз вы будете более говорчивы.

— Попытаюсь, доктор Венабили, — буркнул Легген.

— Вы не заметили ничего необычного, пока были наверху?

— Что вы спрашиваете? Конечно, заметил. Я потерял доктора Селдона и только что принес свои извинения.

— Я не об этом. Больше ничего необычного не произошло?

– Нет, ничего. Абсолютно ничего.

Дорс посмотрела на Селдона, а Селдон нахмурился. Ему показалось, что Дорс хочет проверить, правду ли он ей рассказал. Неужели она решила, что поисковый вертолет ему померещился? Он уже собрался было спорить, но Дорс сделала знак молчать, словно хотела дать понять, что не стоит. Селдон промолчал – с одной стороны, решил послушаться Дорс, с другой – потому, что на самом деле безумно хотел спать. Он всей душой надеялся, что Легген не будет тут торчать слишком долго.

– Вы уверены? – упорствовала Дорс. – Никто не мешал вашим наблюдениям?

– Да нет же, говорю вам! Хотя...

– Да, доктор Легген?

– Над нами пролетел... летательный аппарат.

– Летательный аппарат? Какой именно?

– Вертолет.

– Это вас удивило?

– Вовсе нет.

– Почему же?

– Слушайте, это становится похоже на допрос, доктор Венабили, И мне это совсем не нравится.

– Сочувствую, доктор Легген, но дело в том, что эти вопросы имеют самое непосредственное отношение к тому, что произошло с доктором Селдоном. Весьма вероятно, что все намного сложнее, чем мне показалось поначалу.

– В каком смысле? – сердито поинтересовался Легген. – Вы собираетесь и дальше экзаменовать меня, требовать еще каких-то объяснений? Имейте в виду, я могу и отказаться.

– Вряд ли вам удастся отказать. Объясните для начала, почему вы считаете, что в поисковом вертолете нет ничего особенного.

– Потому, милая дама, что у многих метеостанций на Тренторе есть свои вертолеты, которыми они пользуются для проведения наблюдений облаков и верхних слоев атмосферы. У нашей станции, правда, своего вертолета нет.

– Почему же? Это было бы так удобно.

– Конечно. Но мы не соревнуемся между собой и секретов друг от друга не тайм. Мы сообщаем наши сведения, другие метеорологи – свои. Поэтому имеет смысл заниматься разными вещами. Было бы глупо подменять друг друга целиком и полностью. Те деньги, которые мы могли бы выбросить на приобретение вертолета, ушли на более нужные нам вещи – мезонные рефрактометры, к примеру, а у других все наоборот. Сэкономили на рефрактометрах, а купили вертолет. Такие вот дела. Как бы секторы ни выпендривались друг перед другом, ученые держатся друг за дружку. Надеюсь, вам это известно, – добавил Легген не без издевки.

– Известно, – кивнула Дорс, – и все-таки: не странно ли, что чей-то вертолет кружится над вашей базой именно в тот день, когда вы собирались провести собственные наблюдения?

– Ничего странного. Мы из того, что собираемся на базу, секрета не делали – наоборот, объявили об этом. Что же удивительного, если метеорологи с другой станции сочли разумным одновременно произвести нефелометрические наблюдения – то есть, наблюдения за облаками? Ведь если сверить полученные результаты, может выйти довольно интересно.

– Стало быть, они просто проводили какие-то замеры, да? – растерянно спросил Селдон.

– Конечно, – ответил Легген. – Чем еще они могли заниматься?

Дорс часто заморгала – такое с ней случалось, когда она старалась быстро сообразить, что сказать.

– Резонно. Но какой базе принадлежит этот вертолет?

Легген покачал головой.

– Доктор Венабили, откуда же мне знать?

– Просто я подумала, что, может быть, на метеорологических вертолетах рисуют какие-нибудь опознавательные знаки, говорящие, с какой они базы?

– Так оно и есть, но только я не смотрел, не разглядывал. Мне некогда было. Своей работы хватало. Поступит информация, и я узнаю, чей это был вертолет.

– А если не поступит?

– Тогда я позволю себе предположить, что у них вышли из строя приборы. Такое случается время от времени.

Легген сжимал и разжимал пальцы и наконец сжал правую руку в кулак.

– Ну, все?

– Минутку. А как вам кажется, откуда мог прилететь этот вертолет?

– С любой базы, располагающей вертолетами. В течение дня вертолет может добраться до нас практически из любого места планеты.

– И все-таки: откуда вероятнее?

– Трудно сказать... Гестелония, Сэтчем, Зиггорет, Северный Дамиано. Вероятнее всего – из этих четырех секторов, но остальные сорок вовсе не исключаются. Минимум – сорок.

– Тогда еще один вопрос. Последний. Доктор Легген, вы никому, случайно, не обмолвились, когда собирались наверх, что доктор Селдон, математик, отправится с вами?

Лицо Леггена озарилось искренним, неподдельным удивлением, которое, однако, быстро сменилось выражением крайней подозрительности.

– Я никогда не подаю списка. Кому это интересно?

– Что ж, ладно, – вздохнула Дорс. – Стало быть, доктор Селдон просто увидел какой-то вертолет и испугался. Почему – я пока не поняла, но это не давало ему покоя. В общем, он бросился бежать от вертолета, заблудился, не мог или боялся вернуться и решился пойти обратно только тогда, когда сильно стемнело, а в темноте немного не дошел до базы. За это вас винить никак нельзя, так что давайте забудем о случившемся – и вы, и я. Договорились?

– Договорились, – кивнул Легген. – До свидания. Он развернулся на каблуках и вышел из комнаты. Когда за ним закрылась дверь, Дорс осторожно стащила с Селдона шлепанцы, поудобнее укрыла одеялом. Он спал – крепко и безмятежно.

А Дорс села к столу и задумалась. Правду ли сказал Легген? Как проверить?

Глава седьмая Микоген

Микоген – сектор древнего Трентора. ...Безнадежно отстав от жизни, купаясь в собственном легендарном прошлом, Микоген не сыграл большой роли в истории планеты. Его самоизоляция достигла такой степени...

Галактическая энциклопедия

30

Проснувшись, Селдон увидел родом с собой человека, который озабоченно разглядывал его. Селдон поморгал, пртер глаза и удивленно пробормотал:

– Челвик... Челвик усмехнулся.

– Не забыл, значит?

– Нет, не забыл, хотя мы виделись два месяца назад. Значит, тебя не арестовали, и ничего такого...

– Я здесь, как видишь, цел и невредим, хотя... – тут он бросил взгляд на Дорс, которая стояла с ним рядом, – выбраться сюда мне было не так-то просто.

– Я так рад тебя видеть! – улыбнулся Селдон. – Не возражаешь, если... – он показал пальцем в сторону ванной.

– Делай все, что нужно. Мойся, завтракай.

Завтракал Селдон в одиночку. Челвик и Дорс молчали. Челвик лениво проглядывал библиофильтр. Дорс довольно долго и внимательно изучала свои ногти, потом вынула микрокомпьютер и принялась делать какие-то заметки.

Селдон поглядывал на друзей, но не пытался начать разговор. Может, на Тренторе так было положено – не разговаривать много с больными. Правду сказать, чувствовал он себя уже

нормально, но, может быть, друзья этого не понимали.

Только тогда, когда Селдон прожевал последний кусочек и запил его полным стаканом молока (к молоку он уже привык, и вкус его уже не казался ему неприятным), Челвик наконец заговорил.

– Ну, как себя чувствуешь, Селдон?

– Прекрасно, Челвик. То есть, передвигаться могу свободно.

– Отрадно слышать, – сухо кивнул Челвик. – Я очень сердит на Дорс Венабили за то, что она такое допустила.

– Нет-нет, – нахмурился Селдон. – Она ни при чем. Это я сам захотел подняться наверх.

– Не сомневаюсь, но она должна была обязательно пойти туда вместе с тобой.

– А я попросил ее не ходить со мной.

– Это неправда, Гэри, – возразила Дорс. – Не оправдывай меня.

– Ладно, не буду, – мотнул головой Гэри. – Но, Челвик, не забывай, именно Дорс поднялась наверх за мной, и это ей удалось непросто, и в конце концов именно она спасла мне жизнь. Тут уж никакой неправды нет. Ты это учел, Челвик?

– Прошу тебя, Гэри, – вмешалась Дорс. – Четтер Челвик совершенно прав. Я не имела никакого права разрешать тебе покидать стены Университета без меня. Не волнуйся, мои последующие действия он оценил по достоинству.

– Ну, ладно, – сказал Челвик, – Это – дело прошлое, и мы о нем забудем. А поговорим о том, что случилось наверху, Селдон.

– А... безопасно ли это? – спросил Селдон, испуганно оглядевшись по сторонам.

– Дорс позаботилась, – усмехнулся Челвик, – чтобы твоя комната была окружена отражающим полем. Так что я совершенно уверен: ни один имперский агент, если такие бродят по Университету, не сможет нас подслушать. А ты, оказывается, подозрителен, Селдон?

– Не от рождения, уверяю тебя. Наслушался тебя тогда в парке, да и потом... Это у тебя талант внушения, Челвик. Мне тогда Эдо Демерзель в каждой тени мерещился.

– Порой мне кажется, что он – это я, – буркнул Челвик.

– Не думаю, – покачал головой Селдон. – Я бы его узнал, наверное. А каков он собой, Челвик?

– Неважно. Все равно ты его не увидишь, если только он сам не пожелает тебя увидеть, да только боюсь, все равно ты на него и глянуть не успеешь. Все будет кончено. Вот именно с таким оборотом дел нам и предстоит побороться. Давай-ка поговорим о том вертолете, который ты видел.

– Ну, я же сказал, Челвик, ты приучил меня бояться Демерзеля. И стоило мне увидеть вертолет, я сразу решил, что это за мной, что я совершаю ужасную, непростительную глупость, уйдя из Университета, что меня туда заманили нарочно, исключительно для того, чтобы легче было меня схватить.

– Но Легген утверждает... – прервала Селдона Дорс.

– Да, кстати, – подхватил Селдон, – он, случайно, не заходил сюда вчера?

– Заходил, разве ты не помнишь?

– Помню, но как-то слабо, Я был так слаб. Все спуталось в голове.

– Ну так вот. Он был здесь вчера поздно вечером и сказал, что этот вертолет – всего-навсего летательный аппарат, принадлежащий метеорологам с другой станции. Самый обычный. Совершенно неопасный.

– Что? – воскликнул Селдон. – Нет, не верю!

– Вот и разберемся, – предложил Челвик. – Поставим вопрос так: *почему* ты в это не веришь? Что такого было в этом вертолете, что Он показался тебе опасным? Было такое или нет, или дело всего-навсего в той мгновенности, которая зародилась у тебя в душе под моим влиянием?

Селдон задумался, прикусил губу.

– Было! – кивнул он наконец. – Было. То, действовали пилоты. Кабина вдруг выныривала из облаков, словно те, кто в ней сидел, что-то высматривали. Потом вертолет перелетал в другое место, и повторялось то же самое. Все время. Было такое впечатление, что экипаж занят внимательным осмотром поверхности и охотится именно за мной.

— Может быть, ты преувеличиваешь, Селдон? — Челвик покачал головой. — Может быть, ты тогда сравнивал вертолет с каким-то жутким хищником, высаживающим свою жертву, то бишь — тебя. Это, безусловно, ерунда. Это был самый обычный вертолет, а если он принадлежал метеорологам, то и действия пилотов, судя по твоему описанию, совершенно обычны, и ничего опасного я в них не вижу.

— А мне так не показалось, — упрямо мотнул головой Селдон.

— Естественно, не показалось, но ведь достоверных данных у нас нет. Твоя убежденность в том, что тебе грозила опасность, это не более чем предположение. Правда, утверждение Леггена о том, что вертолет наверняка принадлежал метеорологам, это тоже не более чем предположение.

— Ни за что не поверю, — нахмурился Селдон, — что все так невинно.

— Ну, хорошо, — сказал Челвик, наклонился вперед, сложил руки на груди. — Предположим самое худшее: вертолет действительно охотился за тобой. Откуда было тому, кто его послал, знать, что ты в это время будешь наверху?

Тут вмешалась Дорс.

— Я спросила у доктора Леггена, не включил ли он в сообщение о предстоящем выходе на метеостанцию информацию о том, что в группу включен Гэри Селдон. В принципе, он не обязан был этого делать, и вопрос мой его просто поразил. Он сказал, что такого сообщения не делал, и я ему поверила.

— Ну, это ты, положим, зря. Не стоит верить ему так легко, — посоветовал Челвик. — Он в любом случае ответил бы отрицательно. Лучше подумаем вот о чем: почему он так легко согласился взять Селдона с собой. Мы знаем, что он не горел желанием брать его, а потом вдруг взял и согласился. Причем, без особых возражений. Насколько я знаю Леггена, это на него не похоже.

Дорс сдвинула брови.

— Ну, знаете, так можно все на него свалить. Тогда выходит, он все и организовал. И Гэри взял с собой только для того, чтобы облегчить его арест. Может быть, он получил соответствующий приказ на этот счет. Можно пойти дальше; он дал распоряжение этой юной практиканточке, Клозии, дабы она заговорила Гэри зубы, увела его подальше от группы. Вот вам и объяснение того, почему Легген так легко вернулся вниз без Гэри и не слишком беспокоился по поводу его отсутствия. Он мог запросто отговориться — ведь он старательно проинструктировал Гэри на предмет того, как ему вернуться вниз самостоятельно, если замерзнет. Тогда и его упорное нежелание тащиться наверх на поиски Гэри тоже объяснимо: к чему ему было соглашаться идти искать того, кого, по его мнению, уже давным-давно сцепали?

Челвик внимательно выслушал Дорс, кивнул и сказал:

— Восхитительно выстроенное обвинение, но давайте все-таки пока не будем торопиться. В конце концов, он ведь все-таки пошел с тобой наверх, правда?

— Пошел, но только потому, что я заявила, что зарегистрированы шаги. А сейсмолог это подтвердил.

— Хорошо, давай так; был ли Легген шокирован, когда вы нашли Селдона? Вел он себя так, как вел бы себя человек, нашедший того, кто по его вине попал в страшную беду? Так он себя вел или был просто ошарашен тем, что вы все-таки нашли Гэри — Гэри, которого, по мнению Леггена, там и быть не могло? Не было ли в его поведении молчаливого вопроса: «Как же это вышло, что его не сцепали?»

Немного подумав, Дорс ответила:

— Да, он, безусловно, был потрясен, увидев Гэри, но ничего такого сверхъестественного я в его поведении не заметила — самая обычная реакция. Так отреагировал бы любой на его месте, мне кажется.

— Понимаю. Заметить было трудно.

И тут Селдон, который внимательно слушал их разговор, переводя взгляд с лица Дорс на лицо Челвика, неожиданно покачал головой и сказал:

— Я не думаю, что Легген виноват.

Челвик пристально посмотрел на Селдона.

— Почему?

— Во-первых, ты совершенно справедливо заметил, что поначалу он был явно против того, чтобы я пошел с ними наверх. Его пришлось целый день уговаривать, да и согласился он, в конце концов, по-моему, только из-за того, что его убедили в том, что я — опытный математик и смогу оказать ему помощь в проработке его метеорологической концепции. Выход на поверхность был целиком и полностью моей идеей, и если бы у него был какой-то приказ вытащить меня туда, вряд ли бы он стал так долго упираться.

— Неужели ты ему понадобился только в качестве математика? Он с тобой обсуждал какие-то математические подробности? Пытался изложить тебе свою концепцию?

— Нет, — ответил Селдон. — Не пытался. Он что-то буркнул насчет того, что не прочь поговорить со мной об этом попозже. А там, наверху, он только и делал, что возился со своими приборами. Я так понял, что он ожидал, что покажется солнце, и думал, что инструменты наврали, а выяснилось, что с ними все в полном порядке, и, похоже, он из-за этого просто из себя вышел. Словом, ему там было явно не до меня. Что же касается Клозии, этой девушки, которая уделила мне несколько минут... нет, знаете, сейчас, когда я все вспоминаю, нет у меня чувства, что она нарочно увела меня от базы. Я сам виноват. Меня заинтересовала растительность на поверхности планеты, и скорее я увел Клозию от группы, чем наоборот. Вряд ли Легген руководил ее действиями; ведь он окликнул ее, когда меня было еще хорошо видно. А уж дальше я сам ушел.

— И все-таки, — возразил Челвик, который, похоже, решил нынче возражать всем, — если этот вертолет искал тебя, те, кто на нем летел, видимо, знали, что ты находишься там. Откуда же им было знать об этом, как не от Леггена?

— Я подозреваю совсем другого человека, — заявил Селдон. — Молодого психолога по имени Лисунг Ранда.

— Ранда? — воскликнула Дорс. — Не может быть! Я его хорошо знаю. Он просто не способен работать на Императора. Да он до мозга костей антиимпериалист!

— Притворяется, наверное, — хмыкнул Селдон. — Кого же ему еще из себя корчить, как не выразителя самых что ни на есть антиимпериалистических взглядов, когда он — имперский агент?

— Да какой он выразитель? — не унималась Дорс. — Спокойный, милый, добродушный человек, мягкий, добрый, бесхитростный. Убеждена, агенты такими не бывают.

— Тем не менее, Дорс, — возразил Селдон, — Именно он рассказал мне о метеорологическом проекте. Именно он порекомендовал мне подняться наверх, именно он уговорил Леггена взять меня с собой, расписав в красках, какой я замечательный математик. Просто удивительно, зачем ему так не терпелось выпихнуть меня на поверхность, зачем он старался?

— Ради тебя, Гэри, я думаю. Ты ему небезразличен, Гэри. Наверное, он решил, что, как это ни парадоксально, тебе будет полезно заглянуть в метеорологию ради психоистории. Разве не так?

— Давайте переключимся, — предложил Челвик. — Ведь с того момента, как Ранда впервые поведал тебе о метеорологическом проекте, до твоего выхода на поверхность прошло довольно много времени. Если Ранда ни в чем не замешан, у него не было никаких причин держать язык за зубами. Если он действительно такой милый, общительный человек...

— Такой, такой! — решительно кивнула Дорс.

— ...то ничто не помешало бы ему разболтать обо всем куче приятелей. Тогда выяснить, кто конкретно сработал, как оповеститель, у нас возможности нет. Кстати, то, что Ранда — антиимпериалист, само по себе ничего не значит. Он все равно может быть агентом. Ставим вопрос так: на кого он работает? Чей он агент?

Селдон удивился не на шутку.

— А на кого он еще может работать, если не на Империю? Кому я еще нужен, кроме Демерзеля?

Челвик покачал указательным пальцем.

— Ты просто не понимаешь, насколько сложна тренторианская политика, Селдон.

Обернувшись к Дорс, Челвик попросил:

— Напомни мне, будь добра, какие секторы перечислил Легген, когда ты спросила его о том, откуда мог прилететь метеорологический вертолет?

- Он назвал Гестелонию, Сэтчем, Зиггорет и Северный Дамиано.
- Наводящих вопросов ты не задавала? Про какой-то конкретный сектор не спрашивала?
- Нет. Я просто спросила его, как он думает, откуда бы мог прилететь вертолет.
- Ну, а ты, – спросил Челвик у Селдона, – никаких опознавательных знаков на вертолете не заметил?

Селдон приготовился к бурному объяснению. Он хотел заявить, что вертолет большую часть времени прятался за облаками, что ему самому было не до того, чтобы разглядывать опознавательные знаки, что он думал только о Демерзеле и о том, как получше и побыстрее спрятаться. Но ничего этого он говорить не стал – решил, что Челвик об этом и так знает.

– Нет, не заметил, – ответил он.

– Но если вертолет действительно за ним охотился, опознавательные знаки могли быть закрашены, правда?

– Резонное предположение, – согласился Челвик. – Рациональное. Однако рациональность в нашей Галактике не всегда приводит к успеху. Пока же, раз Селдон никаких опознавательных знаков не видел, нам остается только гадать. Моя точка зрения такова: Сэтчем.

– Не понял? – нахмурился Селдон, – Зачем?

– Что – «зачем»? С-э-т-ч-е-м, – по буквам проговорил Челвик. – Это такой сектор. Очень специфический, между прочим. Уже три тысячелетия им правит династия мэров. Лет этак пятьсот назад на Императорском троне посидели двое Императоров и Императрица из Дома Сэтчена. Но, увы, недолго. Ничего выдающегося за ними не числится. А вот мэры Сэтчена своего монаршего прошлого не позабыли. Нет, они не выказывали открытого неповиновения Императорам, которые правили позднее, но и особым повиновением не блистали. Во времена гражданских войн они хранили нейтралитет и предпринимали такие шаги, чтобы эти войны всячески затянуть и заставить противников обратиться за помощью к Сэтчему. Ничего они этим не добились, но пытались не перестали. Нынешний мэр Сэтчена пользуется необычайным влиянием. Он, правда, человек старый, но амбиции его не остыли, и если что-то стряслось с Клеоном – пусть даже самая что ни на есть естественная смерть, – мэр не преминет потягаться за Императорский трон с сыном Клеона. Мальчик еще мал, и мэр может рассчитывать на поддержку Галактики. Следовательно, если мэр Сэтчена слышал о тебе, вполне возможно, что он возмечтал заполучить тебя в качестве придворного предсказателя. Все укладывается: они отправляют Клеона на тот свет, ты предсказываешь неизбежное воцарение Сэтчемской династии и мир с процветанием в придачу на ближайшую тысячу лет. Ну, а когда Сэтчен заберется на трон, ты станешь не нужен. Тебя похоронят рядом с Клеоном.

Селдон нахмурился, помолчал.

– Но ведь мы же не знаем наверняка, что этот вертолет прилетел из Сэтчена, правда?

– Нет, не знаем. Мы ничего не знаем наверняка. В конце концов, вертолет, и правда, мог быть самым обычным безобидным летательным аппаратом метеорологов, как сказал Легген. И все же, поскольку сплетни о психоистории и ее возможностях распространяются – а уж это я точно знаю, – все больше и больше властителей на Тренторе мечтают заполучить тебя и использовать в своих интересах.

– И что же, – спросила Дорс, – нам теперь делать?

– Вот это, я понимаю, вопрос, – кивнул Челвик. – Видимо, – сказал он, немного поразмыслив, – не стоило сюда приезжать. Слишком уж легко догадаться, что в первую очередь профессор спрячется в Университете. Конечно, кроме Стрилинга, Университетов хватает, но Стрилингский – один из самых независимых, и догадаться можно. Я думаю, что как можно скорее – желательно, сегодня же – Селдона следует перебросить в другое, более безопасное место. Вот только...

– Только – что? – нахмурился Селдон.

– Только я не знаю куда.

– Можно запросить у компьютера каталог и ткнуть пальцем в любое место.

– Тоже мне, придумал! – фыркнул Челвик. – Так мы рискуем угодить в место, где окажется менее безопасно, чем везде. Нет, так нельзя. Нужно что-то придумать.

Прошло время ленча, а троица никуда не выходила из комнаты Селдона. Дорс и Селдон болтали о том о сем, а Челвик в основном помалкивал. Сидел прямо, ел мало, смотрел еще угрюмее, чем обычно, и как-то сразу постарел на несколько лет.

«Наверное, вспоминает географию Трентора, — решил Селдон, — и ищет местечко побезопаснее. Нелегко ему небось».

На самом деле, родной Геликон Селдона был не такой уж маленькой планетой — он был чуть побольше Трентора. На Геликоне имелся даже собственный океан — поменьше, чем на Тренторе. А площадь поверхности суши была намного больше — приблизительно процентов на десять. Но если на Тренторе люди жили везде, как в одном громадном городе, на Геликоне городов было раз-два и обчелся. Административных округов на Геликоне насчитывалось всего двадцать, а на Тренторе — свыше восьмисот, и вдобавок каждый из них делился на более мелкие единицы.

Наконец Селдон не выдержал и сказал:

— Послушай, Челвик, у меня есть предложение. Давай выберем из тех, кто мечтает меня заграбастать, самого доброго и отдадим меня ему, а он пусть меня от других защищает.

Челвик взглянул на него и ответил совершенно серьезно.

— В этом нет нужды. Я знаю такого человека. Можно сказать, почти доброго. И ты у него уже есть.

Селдон усмехнулся.

— Хочешь потягаться с мэром Сэтчема и Императором всей Галактики?

— Зачем? Пустая трата времени. Но с точки зрения желания владеть тобой я с ними вполне могу спорить. Им ты нужен только для того, чтобы возвыситься еще сильнее, а у меня нет никаких амбиций, кроме желания сделать добroе дело для Галактики.

— У меня такое подозрение, — буркнул Селдон. — что всякий из твоих соперников, спроси его кто-нибудь, точно так же клялся бы, что печется о Галактике, и только о Галактике.

— Как пить дать, — кивнул Челвик, — но пока ты имел удовольствие лично познакомиться только с одним из моих соперников — то бишь, с Императором. Вспомни, чего он от тебя хотел? Я же от тебя ничего подобного не требую. Я прошу тебя только о том, чтобы ты доработал методические аспекты психоистории и обрел возможность делать математически верные прогнозы, пускай всего лишь статистического порядка.

— Ага. Всего-навсего, — печально усмехнулся Селдон.

— Позволь, кстати, поинтересоваться, как идут дела в этом направлении? Есть достижения?

Селдон был готов и расхохотаться, и разразиться проклятиями. Однако ни того ни другого он не сделал. Немного помолчав, он тихо переспросил:

— Достижения? Ты шутишь? За такое время? Ведь прошло меньше двух месяцев! Челвик, на это не хватит моей жизни, и не только моей. Еще дюжина математиков будет биться после меня, и ничего не добьется.

— Я не имею в виду ничего законченного, даже ничего обнадеживающего. Ты все время твердил, что применение психоистории возможно, но неосуществимо. Вот я и спрашиваю — не блеснул ли лучик надежды? Не кажется ли тебе теперь твоя задача более осуществимой?

— Увы, не кажется.

— Прошу прощения, — вмешалась Дорс, — Я, конечно, не математик, поэтому не считите мой вопрос дурацким. Как это что-либо может быть одновременно и возможным, и неосуществимым? Ты, Гэри, как-то говорил, что теоретически для тебя возможно лично познакомиться и пожать руку всем жителям Галактики, однако это неосуществимо, поскольку на это тебе не хватит жизни. Но позволь спросить, почему ты приравниваешь психоисторию к такому занятию?

Селдон удивленно уставился на Дорс.

— Ты действительно хочешь, чтобы я это *объяснил*?

— Да! — и она так тряхнула головой, что кудряшки рассыпались.

— Я тоже не прочь послушать, — сказал Челвик.

— Без математических подробностей? — хитро усмехнулся Селдон.

— Если можно, — попросил Челвик.

— Так... — Селдон немного подумал, решая, с чего начать. — Ну, хорошо. Если, допустим, вы решили изучить какой-то из аспектов Вселенной, полезно до предела упростить задачу и взять для анализа только те его свойства и качества, которые важны для понимания. Если вы, допустим, собрались выяснить, как падает предмет, вам нет нужды выяснять, старый он или новый, красный или зеленый и как он пахнет. Такие характеристики вы попросту отбрасываете, чтобы не усложнять себе задачу. Подобное упрощение можно назвать моделью, и пользоваться ею либо обычным путем, на экране компьютера, либо вывести в виде математической формулы. Возьмем для примера простейшую теорию нерелятивистской гравитации...

— Гэри, ты обещал! — прервала его Дорс. — Ты обещал, что никакой математики не будет. И не прячься за словечками типа «простейшая».

— Нет, нет! Когда я назвал эту теорию простейшей, я лишь хотел сказать, что она жутко древняя и родилась в туманном прошлом вместе с огнем и колесом. Однако формулы гравитационной теории содержат в себе описание принципов движения планетарных систем, двойных звезд, раскрывают причины приливов, и так далее. С помощью этих уравнений можно даже добиться разработки визуальной модели вращения планеты вокруг звезды, взаимного движения пары звезд — на двухмерном экране. Более сложные взаимосвязи можно проследить с помощью трехмерной голограммы. Такие вот упрощенные модели порой помогают лучше уяснить суть явления, чем если бы мы принялись старательно изучать явление само по себе, в его истинном виде. И на самом деле, без гравитационных формул наши знания о движении планет и о небесной механике вообще были бы крайне ограниченными.

Итак, затем у вас возникает желание узнать о каком-то явлении больше, потом — еще больше, а может быть, само явление усложняется, и тогда вам потребуются все более и более сложные уравнения, все более и более изощренное программирование, и получаемая в итоге компьютерная модель становится все сложнее и сложнее для понимания.

— А модель модели разработать нельзя? — поинтересовался Челвик. — Может, так было бы проще?

— В таком случае неизбежно придется отбрасывать кое-какие характеристики явления, без которых просто невозможно, и ваша модель станет бесполезной, бессмысленной. МВМ — то есть, минимальное возможное моделирование — обрастает деталями гораздо быстрее, чем само изучаемое явление. В общем, много тысяч лет назад было доказано, что для того, чтобы смоделировать Вселенную во всей ее сложности, нужна модель, размеры которой будут не меньше самой Вселенной. Другими словами, это означает, что цельную картину Вселенной можно получить лишь за счет изучения самой Вселенной. Было доказано также, что если предпринять попытку вычленить модель какого-то участка Вселенной, потом еще одного, потом еще и еще, а потом попытаться, как из кубиков, сложить целую Вселенную, становится ясно, что таких крошечных моделей — бесконечное количество. Поэтому для понимания Вселенной в целом при таком подходе потребуется бесконечное время. Вот еще один пример того, что нельзя объять необъятное.

— Понятно... — задумчиво пробормотала Дорс.

— Итак, мы знаем, следовательно, что некоторые относительно простые вещи моделировать легко, но чем они сложнее, тем труднее их моделировать, а в конце концов — просто невозможно. Но в какой момент, на каком этапе моделирование становится невозможным? На каком уровне сложности? Пока мне удалось показать, при помощи математического метода, разработанного в нашем столетии и трудного для применения даже при использовании самого грандиозного и умного компьютера, что наше Галактическое сообщество до этой отметки пока не добралось. Его можно продемонстрировать с помощью упрощенной модели. Тогда я пошел дальше и решил доказать, что за счет этого есть возможность прогнозировать события будущего на уровне статистики — то есть, определять вероятность различных вариантов течения событий, а не безапелляционно утверждать, что то или иное событие обязательно произойдет.

— Раз так, — сдвинул брови Челвик, — раз ты действительно можешь построить модель Галактического сообщества, почему бы тебе не сделать этого? Что же тут неосуществимого?

— Пока я всего лишь доказал, что на понимание принципов существования Галактического

сообщества не уйдет бесконечного времени. Но если окажется, что на его изучение уйдет миллиард лет, это, можно считать, неосуществимо. Ничем не лучше бесконечности.

– И что, именно столько нужно времени? Миллиард лет?

– Я не сумел определить точно, сколько лет уйдет, но никак не меньше миллиарда. Я эту цифру не с потолка взял.

– И все-таки, ты в этом не уверен окончательно.

– Пытался определить.

– Но не определил.

– Нет, не определил.

– А как университетская библиотека? Ничем не помогла? – спросил Челвик, бросив взгляд на Дорс.

– Увы, – покачал головой Селдон.

– Ну, а Дорс ничем помочь не может?

Дорс вздохнула:

– Я в этом ничего не понимаю, Четтер. Я могу только предложить подходы. Если Гэри следует моему совету, но ничего не находит, что же я могу поделать.

Челвик встал.

– Раз так, то в Университете торчать нет никакого смысла. Я должен как следует подумать, где тебя поместить.

Селдон подался вперед и тронул Челвика за рукав.

– Но у меня есть идея.

Челвик посмотрел на Селдона в упор – не то удивленно, не то подозрительно.

– Да? И когда же она родилась? Только что?

– Нет. Эта мысль вертелась у меня в голове несколько дней, еще до того, как я вышел на поверхность. Приключение несколько выбило меня из колеи, но ты спросил про библиотеку, и я вспомнил.

Челвик снова уселся на стул.

– Говори, что за идея, если, конечно, не собираешься обрушить на меня поток формул.

– Никаких формул, не бойся. Просто, когда я читал книги по истории, занимаясь в библиотеке, я заметил, что в прошлом жизнь Галактического сообщества текла как-то проще. Двенадцать тысячелетий назад, когда Империя только создавалась, в Галактике насчитывалось всего около десяти миллионов обитаемых миров. А двадцать тысячелетий назад в союз доимперских королевств входило и того меньше – десять тысяч миров, Чем глубже в прошлое, тем сильнее уменьшается численность сообщества. Вероятно, так можно добраться до одного-единственного мира, того самого, легендарного, о котором ты мне говорил, Челвик.

– Стало быть, – сказал Челвик, – ты считаешь, что, оперируя более малочисленным, менее сложным сообществом, ты мог бы продвинуться в психоистории?

– Да, мне так кажется.

– И тогда, – радостно подхватила Дорс, – если тебе удастся применить законы психоистории к малочисленному сообществу прошлого и экстраполировать результаты исследования на тысячу лет вперед, ты сможешь проверить, верно ли выбрал точку отсчета. Настоящее время к твоим услугам.

Челвик холодно покачал головой.

– Предсказание событий тысячного года Галактической Эры? Нечистый эксперимент. Ты будешь испытывать бессознательное воздействие имеющихся у тебя знаний о том, что есть на самом деле, и невольно будешь подбирать для уравнений такие величины, чтобы получить нужный ответ.

– Не думаю, – возразила Дорс. – Прежде всего, мы не так уж досконально знаем, что происходило в тысячном году Галактической Эры. Придется здорово покопаться. Ведь это было одиннадцать тысячелетий назад.

– Что ты хочешь сказать, Дорс? – взволнованно спросил Селдон. – Что значит – «не так уж досконально»? Разве тогда не было компьютеров?

– Были, конечно.

– Ну так в чем дело? Банки памяти, записи свидетельств современников. За тысячный год

должны быть точно такие же записи, как за нынешний, двенадцатитысячный.

— Теоретически — да, но на деле... Ой, Гэри, я уже начала за тобой повторять. В общем, записи за тысячный год получить возможно, но неосуществимо.

— Хорошо усвоила, Дорс, но только когда я так говорю, я имею в виду математику. Не понимаю, какое отношение это может иметь к историческим отчетам.

— Отчеты не вечны, — защищаясь, ответила Дорс. — Банки памяти могут быть уничтожены, захвачены противником в процессе конфликтов, могут быть просто утрачены с течением времени. Любой бит памяти, любой отчет, к которому долгое время не обращаются, со временем переходит в разряд накопившихся информационных шумов, Говорят, примерно треть из всех отчетов, хранящихся в Имперской Библиотеке — сущий хлам, но принятые там порядки не позволяют взять и выбросить эти отчеты. А другие библиотеки не так ортодоксальны. В Стрилинге, к примеру, каждые десять лет проводится инвентаризация, и материалы, не пользующиеся спросом, подлежат уничтожению. Конечно, те отчеты, которые часто читают, которые существуют во многих экземплярах в библиотеках различных миров, как в государственных, так и в частных, хранятся тысячелетиями, и поэтому ключевые события Галактической истории остаются общеизвестными даже в тех случаях, если они происходили в доимперские времена. И все-таки, чем дальше в прошлое, тем меньше вероятности, что записи сохранены.

— Просто не верится! — воскликнул Селдон, — А я считал, что как только отчет приходит в негодность, с него тут же снимаются копии. Как же можно давать знаниям исчезнуть?

— Нежелательные знания — это бесполезные знания: — ответила Дорс. — Ты просто не представляешь себе, сколько времени; труда, стараний ушло бы на то, чтобы непрерывно возвращать этот бесполезный хлам.

— Но как же! А вдруг кому-то потребуется именно этот хлам?

— Раз в тысячу лет? Уволь, пожалуйста. Это нерентабельно. Даже в науке. Вот ты говорил о простейших уравнениях гравитации и сказал, что назвал их простейшими только потому, что время их выведения теряется в тумаке веков. Как же такое могло произойти? Разве твои соратники, математики, физики, не могли сберечь все данные и докопаться до тех времен, когда кто-то придумал эти уравнения?

Селдон промычал что-то нечленораздельное.

— Слушай, Челвик, моя идея такова: если углубляться в прошлое и рассматривать более примитивное сообщество, практическое применение психоистории становится более вероятным. Однако, объем знаний, оказывается, уменьшается гораздо быстрее, чем размеры сообщества, следовательно, применение психоистории становится менее вероятным. Такие вот дела.

— Между прочим, есть такой сектор — Микоген, — задумчиво проговорила Дорс.

— Это точно, — подхватил Челвик, бросив на Дорс понимающий взгляд. — Очень неплохое местечко для Селдона. Как я сам не додумался?

— Микоген? — ошарашенно переспросил Селдон, глядя по очереди то на Дорс, то на Челвика, — Что за Микоген? И где?

— Гэри, прошу тебя, я тебе потом расскажу. Надо собираться. Ты уедешь сегодня вечером.

32

Дорс уговорила Селдона немного поспать. Тронуться в путь им предстояло в то время, как в Университете гасили огни, так сказать — под покровом «ночи».

— А ты опять на полу уляжешься? — спросил Селдон.

Она пожала плечами.

— Кровать узкая, и если мы уляжемся вдвоем, мы оба не выспимся.

Селдон испытывающее посмотрел на Дорс и сказал:

— Тогда на полу лягу я.

— Вот уж нет. Это же не я замерзала в снегу!

В общем, они так и не заснули. Погасили свет, стало тихо, вечный гул Трентора лишь слегка нарушал тишину. Селдон решил заговорить.

— Дорс... Я себя неловко чувствую. Я тебе столько хлопот доставил. Из-за меня ты от своей работы отвлекалась. Но... понимаешь, мне жаль прощаться с тобой.

— Зачем же прощаться? Я еду с тобой. Челвик хлопочет об отпуске для меня.

— Я не посмел бы просить тебя об этом.

— И не надо. Меня попросил Челвик, Я обязана беречь тебя. Ведь я так опростоволосилась, из-за меня ты попал в беду. Теперь должна реабилитироваться.

— Прошу тебя! Пожалуйста! Ты ни в чем не виновата!.. Правда, честно говоря, я действительно чувствую себя спокойнее, когда ты рядом. Если бы только я был уверен, что не мешаю тебе...

— Не мешаешь, Гэри, — нежно проговорила Дорс. — Спи, пожалуйста.

Селдон немного помолчал, потом спросил шепотом:

— Дорс, а ты уверена, что Челвик все сумеет организовать?

— Он — удивительный человек, — ответила Дорс. — У него полно связей — и здесь, в Университете, и где угодно. Раз он сказал, что может договориться и выбить мне бессрочный отпуск, значит, договорится. Он очень упрямый.

— Знаю... — вздохнул Селдон. — Знаешь, порой я задумываюсь: чего он от меня на самом деле хочет?

— Того, о чем говорит. Он фанатик, мечтатель.

— Похоже, ты его хорошо знаешь, Дорс.

— Да, очень хорошо.

— Близко?

Дорс фыркнула.

— Вот уж не знаю, о чем это ты, Гэри. Хорошо, я тебе отвечу прямо: нет, не близко. А вообще, какое тебе дело?

— Прости... — прошептал Селдон. — Просто, понимаешь, я боялся, что случайно, ненарочно перейду границу чужой...

— Собственности? Нет, это просто невыносимо. Давай-ка засыпай лучше.

— Дорс, прости, но я не могу заснуть. Ну, давай поговорим о чем-нибудь другом. Ну, хотя бы о Микогене. Почему вы решили, что мне там будет хорошо? Что он из себя представляет?

— Маленький сектор, население — не больше двух миллионов, если не ошибаюсь. Самое главное — народ там ужасно старомодный, следует древним традициям. Кроме того, судя по всему, там хранятся такие исторические документы, которые больше нигде днем с огнем не сыщешь. Очень может быть, именно в этих документах ты разыщешь такие сведения о доимперских временах, которые отсутствуют в ортодоксальных хрониках. Я вспомнила о Микогене именно из-за того, что в разговоре мы коснулись древней истории.

— А сама ты когда-нибудь видела эти записи?

— Нет. Не уверена, чтобы их вообще кто-то видел.

— Но как ты тогда можешь утверждать, что они существуют?

— Не могу и не утверждаю. Понимаешь, микогенцев считают кучкой выживших из ума идиотов, но мне кажется, что это далеко от истины. Они сами утверждают, что такие записи у них имеются, так что не исключено, что так оно и есть. Но учти, нам придется там держать язык за зубами. Микогенцы очень необщительны, замкнуты... Ну, а теперь постараися все-таки уснуть, ладно?

В конце концов Селдон с горем пополам уснул.

Гэри Селдон и Дорс Венабили покинули Университет в три часа пополудни. Селдон понял, что главной в экспедиции будет Дорс. Ну что ж, в конце концов, она знала Трентор лучше его — ведь она пробыла здесь на два года дольше. Она была близкой подругой Челвика (но насколько близкой — этот вопрос не давал ему покоя) и, наверное, лучше понимала его замыслы и распоряжения.

Беглецы закутались в легкие плащи с прилегающими капюшонами, Мода на такие плащи в Университете долго не продержалась и прошла давным-давно. Но как бы смешно ни

выглядели Дорс и Селдон, такая одежда сейчас как нельзя лучше подходила к случаю – узнать их было невозможно, по крайней мере, с первого взгляда.

– Не исключено, – сказал Челвик, – что переделка, в которую ты попал наверху, Селдон, сущая чепуха и никакие шпионы за тобой не гоняются, но на всякий случай надо приготовиться к худшему.

– А ты разве с нами не поедешь? – взволнованно спросил Селдон.

– Хотел бы, – вздохнул Челвик, – но, увы, не могу надолго отлучаться с работы, чтобы не вызвать лишних подозрений. Ясно?

Селдон только вздохнул. Ясно, чего уж там.

Скоро они добрались до станции экспресса и быстро разыскали свободный вагончик. Надо сказать, Селдон был не на шутку удивлен тем, что в столь ранний час на станции оказались пассажиры. «А вообще-то это хорошо, что есть пассажиры, – подумал он. – А то мы смотрелись бы подозрительно».

Потянулись бесконечные кварталы и площади. Длинная вереница вагончиков летела по монорельсовой дороге, влекомая электромагнитным полем.

Мимо пролетали жилые дома – не сказать, чтобы очень высокие, но теперь Селдон знал, как глубоко уходят под землю их этажи. Но зачем строить высотные дома здесь, где урбанизированная территория простиралась на десятки квадратных километров? Сорок миллиардов человек запросто могли разместиться на такой площади безо всяких небоскребов. Экспресс пролетал мимо незастроенных участков. Многие из них зеленели растительностью – парки, в основном. Предназначения некоторых зданий Селдон угадать не мог. Фабрики? Офисы? Кто знает? Вот этот громадный цилиндр – что это такое? Может быть, в нем хранятся запасы еды? Очень может быть, ведь Трентор в них наверняка нуждается. Может быть, собирают осадки, выпадающие на поверхности, фильтруют и хранят? Наверное.

Однако вскоре размышления Селдона были прерваны.

– Подъезжаем, – пробормотала Дорс, встала и взяла Селдона за руку.

Выйдя из экспресса, они принялись изучать указатели. Их была целая куча, и Селдон растерялся. Значки, буквы… Наверное, коренному тренторианцу все было бы ясно, но Селдону пиктограммы ровным счетом ничего не говорили.

– Сюда, – твердо объявила Дорс.

– Куда – «сюда»? Откуда ты знаешь?

– Вот, смотри, видишь? Два крыльышка и стрелка.

– Два крыльышка? Где? А-а-а.

А он подумал, что это – перевернутое «W» – на крыльышки смахивало слабо.

– Почему бы словами не написать? – пробурчал Селдон.

– Слова везде разные. То, что здесь означает «самолет», на Цинне окажется «лифтом», а в других местах – «планером», а еще где-то – «пике». А это – общегалактический символ воздухоплавательного судна, всем понятный. Разве на Геликоне им не пользуются?

– Не сказал бы. Геликон, понимаешь ли, мир, который детально крепко держится за свои традиции. Там боятся, как бы в нашу жизнь не внедрилось слишком много чужого.

– Вот! – глубокомысленно проговорила Дорс. – Вот от чего должна плясать твоя психоистория. Ты мог бы доказать, что при наличии огромного числа диалектов использование общегалактических символов может стать объединяющей силой.

– Ничего не выйдет, – вздохнул Селдон, шагая рядом с Дорс по пустым сумрачным переходам и размышляя о том, какова на Тренторе преступность и не попали ли они сейчас в район, где она выше, чем в других местах. – Можно разработать уйму законов существования того или иного явления, но это не даст возможности сделать обобщающие выводы. Вот что имеется в виду, когда говорят, что система может быть описана с помощью модели столь же сложной, как сама система… Дорс, так мы идем к воздухоплавательному судну?

Дорс остановилась и удивленно уставилась на Селдона.

– А куда же? Если на указателе обозначен аэропорт, ты думаешь, мы приедем на площадку для гольфа? Ты что, боишься самолетов, как многие тренторианцы?

– Да нет, с чего ты взяла? На Геликоне часто летают и полно самолетов. Просто когда Челвик вез меня в Университет, он отказался от этого вида транспорта и сказал, что, полети мы

самолетом, за нами будет легче проследить.

— Это потому, что тогда твои враги знали, где ты находишься. И потом, я думаю, что Челвик говорил о коммерческих авиалиниях. Теперь же, по идее, о твоем местопребывании никто и догадываться не может, и полетим мы из маленького, не слишком популярного аэропорта, и к тому же — на личном самолете.

— И кто же пилот?

— Друг Челвика, по всей вероятности.

— Думаешь, ему можно доверять?

— Почему же нельзя, если он — Друг Челвика?

— Похоже, ты просто безгранично веришь Челвику, — буркнул Селдон.

— Просто не знаю человека, у которого со здравым смыслом дело обстояло бы лучше, чем у него, — ответила Дорс, не поддаваясь на провокацию. Сомнения Селдона не развеялись.

— Вон он, самолет, — проворчал он.

Самолет был маленький, какой-то хрупкий на вид. Рядом с ним стоял мужчина невысокого роста, одетый по-тренториански ярко.

— Мы «психо», — отрекомендовалась Дорс.

— Очень приятно. «История», к вашим услугам, — ответил пилот.

Войдя следом за ним в кабину, Селдон шепотом спросил у Дорс:

— Кто придумал этот пароль?

— Челвик, — ответила Дорс.

— Вот уж никогда не подумал бы, что у него есть чувство юмора! Он всегда такой угрюмый.

Дорс только улыбнулась в ответ.

Глава восьмая Протуберанец

Протуберанец Четырнадцатый — правитель Сектора Микоген древнего Трентора,... О нем, как и о других правителях этого отсталого сектора, достоверных сведений крайне мало. Его роль в истории связана исключительно со встречей с Гэри Селдоном во время Бегства...

Галактическая энциклопедия

34

В салоне самолета было всего два сиденья. Как только Селдон занял свое место, кресло мягко запрокинулось назад, на ноги и грудь опустился плотный чехол, а на голову — шлем, закрывший лоб и уши. С трудом повернув голову влево, Селдон увидел, что Дорс подверглась той же процедуре.

Пилот занял свое место в кабине и, вертя какие-то рычажки на пульте, сообщил:

— Эндор Леваниан. к вашим услугам. Не волнуйтесь. При взлете будет значительное ускорение, поэтому придется немного потерпеть. Как только наберем высоту, шлем и чехол можно будет убрать. Мне можете не представляться. Ваши имена меня не интересуют.

Развернувшись на своем вертящемся кресле, он вытянул губы трубочкой и весело спросил:

— Ну что, молодежь, струсили маленько, а?

— Я родом не с Трентора и привыкла к самолетам, — небрежно ответила Дорс.

— Я тоже, — несколько оскорбленно буркнул Селдон.

— Ну что ж, молодежь, это замечательно. Правда, самолет не из тех, к которым вы привыкли. Не думаю также, чтобы вы летали ночью, но, как я посмотрю, ребята вы не робкого десятка.

Пилот тоже пристегнулся и надел шлем, но руки у него остались свободными.

Заработал двигатель. Шум его нарастал, становясь все громче и пронзительнее. Ничего

особенно неприятного в нем не было, но Селдон поморщился и помотал головой. Ничего хорошего из этого не вышло — шум никуда не делся, а вот шлем плотнее прижался к голове.

Вскоре самолет вспрыгнул (иного слова Селдон просто не мог подобрать) в воздух, Селдона отбросило назад и вжало в спинку сиденья.

Селдон в страхе смотрел вперед. В ветровом стекле кабины пилота он увидел стену. Она круто шла вверх, и вскоре в ней обозначилось круглое отверстие. Совсем как в тот день, когда Селдон с Челвиком летели в воздушном такси. Фюзеляж самолета без труда прошел бы сквозь отверстие, но крылья, крылья!

Селдон скосил глаза вправо и успел заметить, как правое крыло дрогнуло и убралось внутрь фюзеляжа.

Самолет нырнул в отверстие, его подхватило электромагнитное поле и понесло вдоль по освещенному туннелю. Самолет летел плавно, время от времени раздавалось тихое потрескивание. «Видимо, это работают электромагниты, вмонтированные в стены», — решил Селдон.

В туннеле они летели минут десять, не больше, и вскоре самолет вынырнул оттуда и устремился в ночное небо.

Скорость самолета сразу упала, Селдон по инерции наклонился вперед и уперся грудью в край чехла.

Однако давление быстро снизилось, и чехол убрался под пол, а голова освободилась от шлема.

— Ну как вы там, молодежь? — ласково поинтересовался пилот.

— Еще не понял, — ответил Селдон. — Дорс, ты как? В порядке?

— В полном, — отозвалась Дорс. — У меня, правда, такое впечатление, что мистер Леваниан решил проверить, вправду ли мы нездешние. Я права, мистер Леваниан?

— Кое-кому нравятся острые ощущения, — пожал плечами Леваниан. — Или вы не любительница?

— В разумных пределах, — ответила Дорс, а Селдон добавил:

— Конечно, как все.

Пилоту Селдон сказал:

— Вы бы не подшучивали так над нами, сэр, если бы попали в положение, когда у вашего самолета вдруг отвалились крылья.

— Это невозможно, сэр. Я же сказал вам, что самолет у меня не совсем обычный. Крыльями управляет компьютер. Можно менять их длину, ширину, наклон, геометрию, приспосабливать все параметры к скорости самолета, скорости и направлению ветра, температуре воздуха и ко многим другим переменным. Крылья не отвалятся, будьте спокойны, если только не развалится сам самолет.

Шлеп, шлеп — застучали по иллюминатору капли.

— Дождь пошел, — сообщил Селдон.

— Дело житейское, — небрежно ответил пилот.

Селдон приник к стеклу. Лети они сейчас над Геликоном, да и над любым другим миром, внизу были бы видны огни. А над Трентором — тьма непроглядная. Хотя... вот мелькнул огонек. Похоже на маяк. Может быть, в самых высоких точках на поверхности ставили маяки?

Дорс, как всегда, заметила любопытство и беспокойство Селдона. Она накрыла его руку ладонью и тихонько проговорила:

— Гэри, я уверена, пилот знает свое дело.

— Дорс, мне хотелось бы верить, что это так, но, — Гэри немного повысил голос, — было бы очень мило, если бы он поделился с нами своим опытом.

— Не возражаю, — откликнулся пилот. — Для начала сообщаю, что в данное время происходит набор высоты, и через пару минут мы поднимемся над облаками. Там, естественно, никакого дождя и в помине не будет, и станут видны звезды.

Обещание пилота незамедлительно сбылось. Мелькнули последние ключья облаков, загорелись отдельные звезды, а как только пилот погасил огни в кабине и в салоне, лишь светились шкалы кое-каких приборов — звезды усыпали ночные небеса.

— Впервые за два года вижу звезды... — восхищенно проговорила Дорс. — Как прекрасно!

Такие яркие, и как много!

— Трентор расположен ближе к центру Галактики, чем многие другие миры, — объяснил пилот.

А Селдон просто онемел от восторга — такие ночные небеса на Геликоне могли присниться только во сне.

Не отводя глаз от чудесного вида за иллюминатором, Селдон в конце концов справился с охватившим его восхищением и перевел разговор на более житейскую тему.

— А как вы узнаете, куда летите, мистер Леваниан?

— Это не так-то просто, — пилот крякнул. — Однако кое-какая уверенность имеется. К цели меня ведет определенный диапазон микроволн. Я стартую, более или менее приблизительно выбрав направление, а мой компьютер уточняет курс, который, конечно, нужно заранее верно запрограммировать. А дальше — все как по маслу. Если встретится опасность, препятствие, компьютер поднимет машину выше или повернет в сторону, а потом опять положит на курс. Но сейчас ночь, и особых помех быть не должно.

— А если метеорит?

— Один шанс из миллиарда, а то и меньше. Ну, уж если против нас ополчится космическая артиллерия, что поделаешь? Полная безопасность — недостижимый идеал.

— Как мы спокойно летим, — заметила Дорс.

— Да, действительно, — согласился Селдон. — Что у вас за двигатель, мистер Леваниан?

— Микрофузионный, реактивный.

— А я и не знал, что микрофузионные самолеты уже в ходу. О них столько разговоров было, а оказывается...

— Их пока немного, — объяснил пилот. — Пока они есть только на Тренторе и принадлежат исключительно большими правительственные шишкам.

— У Императора есть такой? — спросил Селдон.

Пилот покачал головой.

— Император никогда не путешествует. Уж это вам должно быть известно.

Селдон нахмурился.

— Да, как это я забыл? Наверное, дорогое удовольствие?

— Очень дорогое, сэр.

— Во сколько же оно обошлось мистеру Челвику?

— Оно ему ни гроша не стоило, Мистер Челвик в хороших отношениях с компанией, которая владеет такими самолетами.

Селдон понимающе кивнул.

— А почему, — спросил он немного погодя, — микрофузионных самолетов так мало?

— Ну, во-первых, сэр, это дорого. А во-вторых, тех, которые уже выпущены, хватает за глаза. Спрос, что называется, удовлетворен.

— Можно было бы поднять спрос, если бы был наложен выпуск более вместительных машин.

— Отчего же... наверное, да только пока компании не удается произвести более мощных микрофузионных двигателей.

Селдон тут же вспомнил о сетованиях Челвика по поводу замедления темпов внедрения изобретений и пробормотал:

— Упадок...

— Что-что? — переспросила Дорс.

— Так, ничего, — покачал головой Селдон. — Просто припомнил кое-что из того, о чем мне говорил Челвик.

Взглянув на звезды, он спросил у пилота:

— Мы летим на запад, мистер Леваниан?

— Попали в точку. Как догадались?

— Просто решил, что, лети мы на восток, мы бы уже должны были увидеть рассвет.

А рассвет, летевший вслед за самолетом, все-таки нагнал его, и вскоре кабину озарили лучи солнца — настоящего солнца.

Но этой радости не суждено было продлиться долго: самолет нырнул вниз и оказался в

слое облаков. Вспышки золота и синевы исчезли, и за стеклами иллюминаторов потянулся сплошной серый туман. Но ни Селдон, ни Дорс не жаловались на судьбу – ведь им посчастливилось хотя бы несколько мгновений насладиться настоящим теплом и светом солнца!

Но вот облака остались позади, и перед взорами путешественников предстала во всей красе поверхность Трентора. Она оказалась именно такой, о какой рассказывала Селдону Клозия – рощицы и травянистые пустоши.

И снова ни Дорс, ни Селдону не удалось надолго углубиться в созерцание пейзажа. Перед ветровым стеклом появилось отверстие, надпись над которым гласила: «Микоген».

Самолет сложил крылья и нырнул в отверстие.

35

Приземлились они в аэропорту, который оказался совершенно безлюдным. Пилот пожал руки Гэри и Дорс, забрался в кабину, поднял машину в воздух, и она тут же исчезла в отверстии. Оставалось, по-видимому, только ждать. Скамеек вокруг было такое количество, что тут могло рассесться не меньше сотни человек, но никого не было, кроме Селдона и Дорс. Аэропорт представлял собой прямоугольную площадку, огороженную высокими стенами – столь высокими, что в них без труда могло разместиться множество туннелей для приема самолетов и их вылета, но на поле было пусто – ни людей, ни самолетов. Тишина и безлюдье – очень непохоже на Трентор.

Селдона это здорово смущило. Поглязев по сторонам, он обернулся к Дорс и спросил:

– Что мы здесь будем делать? Ты знаешь, куда идти?

Дорс покачала головой.

– Челвик сказал, что нас встретит Протуберанец Четырнадцатый. Больше я ничего не знаю.

– Как-как? Протуберанец Четырнадцатый? Это еще что такое?

– Человек, по всей вероятности. Только я не поняла, мужчина это или женщина.

– Ну и имечко! Странное, я бы сказал.

– Знаешь, это зависит от тебя. Тебе оно, конечно, может казаться странным. А меня, например, по имени часто принимают за мужчину.

– Вот уж глупо! – фыркнул Селдон.

– Ничего глупого. По имени догадаться невозможно. Мне говорили, что в других мирах так частенько называют мальчиков.

– Никогда не встречал мужчин с таким именем.

– Это потому, что ты мало путешествовал по Галактике. Я знаяла многих с именем «Гэри», и даже одну женщину – представь себе. Писалось ее имя, правда, иначе, но произносилось именно так. А в Микогене, насколько я припоминаю, личных имен вообще нет, одни фамилии и номера.

– Но... «Протуберанец» – это и на фамилию как-то не похоже!

– Ну и что? У нас, в Цинне, например, «Дорс» на древнем диалекте означает «весенний дар».

– Тебя так назвали потому, что ты родилась весной?

– Вовсе нет. Я родилась в середине лета, и мои родители назвали меня так из-за того, что им понравилось, как звучит это имя, вот и все.

– В таком случае. Протуберанец...

– Так меня зовут, варвар... – прозвучал низкий, суровый голос.

Селдон испуганно обернулся вправо. Автомобиль подъехал так тихо, что ни он, ни Дорс не услышали. Машина была громоздкая, старомодная, напоминала почтовый фургон. За рулем сидел высокий, тощий старик, державшийся, невзирая на возраст, очень бодро. С помпезной величественностью он открыл дверцу и ступил на мостовую.

Одет он был в длинную, до пят, белую тунику с широченными рукавами, присобранными на запястьях. Босые ноги были обуты в легкие сандалии. Крупная, красивая голова старика сверкала лысиной.

— Приветствую вас, варвары! — провозгласил старик.

Автоматически откликаясь на его архаическое приветствие, Селдон поклонился:

— Приветствуем и вас, сэр.

Не в силах скрыть удивления, он спросил:

— А откуда вы появились?

— Оттуда, — махнул рукой старик. — Через ворота. Они закрылись за мною. Вы даже не смотрели в ту сторону.

— Да, не смотрели. Но мы и не знали, честно говоря, куда смотреть и чего ждать. Да и теперь не знаем.

— Варвар по имени Четтер Челвик оповестил Братьев о прибытии двоих варваров. Он просил позаботиться о вас.

— Значит, вы знакомы с Челвиком?

— Знакомы. Он оказал нам услугу. И поскольку он, достойнейший из варваров, оказал нам услугу, мы должны отплатить ему услугой. Немногие попадают в Микоген, немногие покидают его. Я должен обеспечить вашу безопасность, предоставить вам жилье, проследить за тем, чтобы вам не мешали. Здесь вам будет хорошо.

— Благодарим вас. Протуберанец Четырнадцатый, — склонила голову Дорс.

Протуберанец неприязненно взглянул на Дорс.

— Обычаи варваров мне ведомы, — презрительно проговорил он. — Я знаю, что у вас женщина имеет право говорить первой и не ждать, когда к ней обратятся. Поэтому я не в обиде. Я только бы попросил женщину быть осмотрительнее с Братьями. Не все наши так хорошо знают ваши обычаи.

— Вот как? — вскинула брови Дорс. Кто-то, а она явно обиделась.

— Именно так, — подтвердил Протуберанец. — И когда мы наедине, необязательно называть мой порядковый номер. «Протуберанец» — этого будет вполне достаточно. Теперь же я попрошу вас проследовать со мной, дабы я смог поскорее покинуть это место, представляющееся мне невыносимо варварским. Я себя здесь чувствую неудобно.

— Все не против чувствовать себя удобно, — возразил Селдон. — И мы отсюда никуда не уйдем, покуда вы не заверите нас в том, что нас не станут принуждать соблюдать ваши традиции и этикет, к которым мы не привыкли. А мы привыкли к тому, что женщина говорит тогда, когда ей вздумается. Если вы решили предоставить нам безопасность и покой, покой должен быть не только физическим, но и психологическим.

Протуберанец недовольно уставился на Селдона.

— Ты нагл, юный варвар. Твое имя?

— Я Гэри Селдон, с Геликона, Моя спутница — Дорс Венабили из Цинны.

Когда Селдон назвал свое имя, Протуберанец слегка наклонил голову, но никак не отреагировал на имя Дорс.

— Я поклялся, — сказал он, — варвару Челвику, что ты будешь в безопасности, значит, так оно и будет, и я сделаю все возможное, чтобы эта женщина, твоя спутница, тоже была в безопасности. Если она желает выказывать непокорство, это ее дело, я постараюсь, чтобы она не пострадала за это. Однако одно условие вам придется выполнить.

Указав на головы Селдона и Дорс, он сообщил:

— Вот это надо будет убрать.

— Что именно? — поинтересовался Селдон.

— Волосы, — презрительно скривился Протуберанец.

— Вы предлагаете нам выбрить головы, как у вас? Ну уж нет!

— Моя голова не выбрита, варвар Селдон, Как только я достиг совершеннолетия, я подвергся обряду депиляции, как и все Братья, как и все женщины.

— Ну, если речь идет о депиляции, тогда тем более нет.

— Варвар, я не говорю ни о бритье, ни о депиляции. Я прошу лишь о том, чтобы ваши волосы были покрыты, когда вы — среди нас.

— Это как?

Я привез для вас шапочки, дабы вы могли покрыть ваши головы. Они снабжены полосками, которые прикроют надглазную растительность... ах да: вспомнил — брови. Вы

будете носить эти шапочки, будучи рядом с нами. И конечно же, варвар Селдон, тебе придется бриться ежедневно, а то и чаще, если понадобится.

– Но ради чего все это?

– Мы считаем растительность на голове возмутительной и позорной.

– Но вы, безусловно, должны знать, что никто в Галактике так не считает!

– Мы знаем. И тем из нас, кто общается с варварами, приходится волей-неволей взирать на эту растительность. Мы страдаем, но смотрим, однако было бы несправедливо и жестоко заставлять всех Братьев созерцать то, что, на наш взгляд, оскорбительно.

– Ну, хорошо, Протуберанец, хорошо, – проворчал Селдон. – Но скажите, я хочу понять... Рождаетесь вы, как все, с волосами на голове и, как я понял, до совершеннолетия носите их. Так? Зачем же их потом удалять? Это просто обычай, или за этим кроется что-то рациональное?

Старик-микогенец гордо ответил:

– Депиляция, варвар, показывает юноше, что он стал взрослым, а взрослые после этого уже никогда не забывают, кто они, и помнят, что все остальные – варвары.

Не дождавшись ответа на свою тираду (честно говоря, Селдон и не нашелся, что ответить), Протуберанец вытащил из потайного кармана пригоршню кусочков разноцветного пластика, пристально разглядел лица новых знакомых и протянул им шапочки.

– Цвета должны подойти, – сказал он. – Никто, конечно, не поверит, что вы прошли депиляцию, но зато вы никого не оскорбите своим видом.

Протуберанец подошел к Селдону и показал, как надеть шапочку.

– Прошу тебя, варвар Селдон, надень ее. Поначалу будет казаться, что это трудно, но потом ты привыкнешь.

Селдон напялил шапочку, но она все время сползала с головы.

– Начни с бровей, – посоветовал Протуберанец и уже протянул было руки, чтобы помочь.

– Может, поможете, правда? – улыбнулся Селдон.

Протуберанец отшатнулся в ужасе.

– Нет! Это немыслимо! Тогда я коснусь волос!

В конце концов Селдон с горем пополам натянул шапочку, вняв совету Протуберанца. Дорс справилась с шапочкой в два счета.

– А как ее снимать? – поинтересовался Селдон.

– Потянуть за краешек в любом месте. Вообще ты сам поймешь, что и надевать шапочку, и снимать гораздо легче, если немного подстричься.

– Нет уж, я лучше помучаюсь, – отшутился Селдон и, обернувшись к Дорс, утешил ее: – А ты все такая же хорошенькая, Дорс, тебе даже идет, правда характера в лице стало чуть меньше.

– Он никуда не делся, весь при мне, – заверила его Дорс. – Не горюй, привыкнешь ко мне вот такой, лысой.

– Не хочу, – прошептал Селдон. – Не хочу привыкать и надеюсь, мы не пробудем здесь слишком долго, чтобы пришлось.

Протуберанец надменно отвернулся, не желая слушать, о чем шепчутся варвары.

– Если вы сядете в мою машину, – проворчал Он, – я отвезу вас в Микоген.

36

– Честно говоря, – призналась Дорс, – я не верю, что я на Тренторе.

– Надо понимать, что ты ничего подобного раньше не видела? – спросил Селдон.

– Я ведь всего два года на Тренторе, и из Университета почти никуда не выбиралась. Так что путешественницей меня не назовешь. Бывала, конечно, кое-где, кое-что слышала, но такого... обезличивания... – прошептала она.

Протуберанец вел машину ровно и неторопливо. По пути им встречались другие автомобили. Лысины водителей поблескивали в лучах огней.

Улица была застроена трехэтажными домами. Все они были на одно лицо. Все улицы пересекались под прямым углом, все кругом было серое, безликое.

– Скучно, – пробормотала Дорс. – Как скучно...

– Уравниловка, – прошептал в ответ Селдон. – Наверное, все это для того, чтобы ни один

из Братьев не мог похвальиться перед другими.

На улице было довольно много пешеходов. Тротуары не двигались, не слышалось шума экспресса.

— Похоже, — предположила Дорс, — те, что в сером, — женщины.

— Трудно сказать, — пожал плечами Селдон. — Все в балахонах, все бритоголовые.

— Да, но те, что в сером, посмотри — они или парочками или вместе с теми, кто в белом. Те же, что в белом, ходят и поодиночке, а Протуберанец — в белом.

— Может, ты и права, — кивнул Селдон. — Сейчас спросим. Протуберанец, я хочу полюбопытствовать...

— Хочешь — спрашивай, но не жди, что я отвечу.

— Мы, похоже, проезжаем жилые районы. Тут ни вывесок, ни промышленных предприятий...

— Наше сообщество — крестьянское. Мы занимаемся только земледелием. Откуда ты родом, если тебе это неведомо?

— Вы прекрасно знаете, что я нездешний, — огрызнулся Селдон. — На Тренторе я всего пару месяцев.

— Все равно.

— Вы говорите, что заняты земледелием. Но пока нам не встретилось ни единой фермы.

— Они внизу, — коротко ответил Протуберанец.

— Значит, здесь только жилые районы?

— Да, здесь и кое-где еще. Мы такие, какие есть. Все Братья со своими семьями обитают в одинаковых жилищах, каждая когорта живет в коммуне, ничем не отличающейся от других, у всех — одинаковые машины, и все Братья водят их сами. У нас нет слуг, никто не живет за счет труда других. Никто не имеет права никем командовать.

Селдон движением бровей напомнил Дорс о том, что недавно сказал шепотом, и, обратившись к Протуберанцу, спросил:

— Однако кто-то у вас одет в серое, а кто-то — в белое. Это как понимать?

— Это надо понимать так, что одни из людей — Братья, а другие — Сестры.

— А мы?

— Ты — варвар и наш гость. Ты и твоя... — Протуберанец запнулся, — ...твоя спутница не обязаны перенимать все обычай Микогена. Но тебе придется носить белый балахон, а твоей спутнице — серый, а жить вы будете в жилище, предназначенном для гостей. От наших жилищ оно ничем не отличается.

— Равенство для всех... восхитительный идеал! Но ведь вас, наверное, становится все больше? Как же быть? Резать все тот же пирог на более мелкие кусочки, чтобы всем досталось?

— Нас не становится больше. Мы не можем себе этого позволить. Тогда нам понадобилось бы расширять территорию нашего обитания, а это пришлось бы не по нраву соседним варварам, или мы были бы вынуждены жить хуже, чем сейчас.

— Ну, а если... — начал было Селдон, но Протуберанец резко оборвал его.

— Хватит, варвар Селдон. Я предупредил тебя: я не обязан отвечать. Мы пообещали нашему другу, варвару Челвику, обеспечить тебе безопасность, покуда ты не станешь вмешиваться в нашу жизнь. Это мы сделаем, но не более того. Любопытство позволительно, но, если оно переходит границы, мы можем выйти из себя.

Сказано это было таким тоном, что у Селдона пропало всякое желание задавать вопросы. Челвик явно не все рассказал о Микогене, разбавил, так сказать, краски.

А ведь Селдону нужна была не только безопасность. Не только и не столько. Еще ему нужны были знания, и если он их не раздобудет, оставаться тут не имеет никакого смысла.

Селдон без особого удовольствия разглядывал предоставленные им комнаты. Квартирка была крошечная, но при этом в ней имелась изолированная кухня и малюсенькая, но опять-таки изолированная, ванная. Две узкие кровати, два гардероба, стол, два стула, короче — все необходимое для жизни в спартанских условиях.

— На Цинне у нас тоже были изолированные кухня и ванная, — с ностальгическим удовольствием проговорила Дорс.

— Я не могу этим похвастаться, — вздохнул Селдон. — Геликон — планета небольшая, но я жил в современном городе. Изолированные кухни и ванные — по-моему, это жутко неэкономно. Ну, еще в гостинице — туда-сюда, но в целом районе — ты представь только, — сколько тут кухонь и ванных!

— Еще одно проявление равенства, вероятно, — предположила Дорс. — Никто не сражается за свободные кабинки и место у плиты. У всех все одинаковое.

— И ничего своего, между тем. Пойми, Дорс, я ничего не имею против в принципе и выделяться из общей массы не любитель. Но... видимо, мы должны были дать им понять, что нам нужны отдельные комнаты. Рядом, но отдельные.

— Уверена, ничего бы не вышло, — ответила Дорс. — Тут экономят пространство; они, судя по всему, и так расстарались. Как-нибудь устроимся, Гэри. Не дети же мы, в конце концов. Я не кисейная барышня, а ты не мальчик.

— Но ты не попала бы сюда, если бы не я.

— И что с того? Это так романтично. Настоящее приключение.

— Ну, хорошо. Какую кровать выбираешь? Советую занять ту, что поближе к ванной.

И Селдон уселся на другую кровать.

— И еще кое-что не дает мне покоя, — сообщил он. — Покуда мы здесь, мы — варвары. Ты, я и даже Челвик. Мы — из другого племени, не из их... как это он сказал? — когорт, что ли, и поэтому не имеем права совать нос в их дела... Но я просто обязан совать нос во все дела. Я сюда за этим и прилетел. Я хочу знать кое-что из того, что известно им.

— Или кажется, что известно, — уточнила Дорс со скепсисом истинного историка. — Я понимаю, у них есть легенды, сочиненные в незапамятные времена, но не уверена, что их можно принимать всерьез.

— Этого мы не узнаем, покуда не выясним, что это за легенды, А они не переведены на другие языки?

— Насколько мне известно, нет. Народ здесь варится в собственном соку. Это просто психоз какой-то, как они дорожат своей замкнутостью, обособленностью. Просто поразительно, как это Челвику удалось пробиться сквозь все заслоны.

— Значит, где-то есть дырочка, — усмехнулся Селдон. — Вспомни, Протуберанец удивился, даже вспылил, когда оказалось, что я не знаю, чем занимаются в Микогене. Из своих фермерских занятий они, похоже, секрета не делают.

— Но это невозможно утаить. Само название говорит за себя. Слово «Микоген» происходит из древнего выражения, означающего «производитель дрожжей». Мне так говорили, по крайней мере... Я не палеолингвист. Как бы то ни было, здесь действительно занимаются выращиванием самой разнообразной пищевой микроскопической продукции — в первую очередь, безусловно, дрожжей, а еще — водорослей, бактерий, многоклеточных грибков, и так далее.

— Ничего удивительного, — пожал плечами Селдон. — Во многих мирах разводят микрокультуру. Даже у нас на Геликоне этим занимаются.

— Но не так, как в Микогене. Это их конек. Методами они пользуются столь же древними, как название их сектора, и держат те в тайне — формулы питательных сред и тому подобное. Мало ли тут чего может быть? И все в секрете.

— Неужто?

— Представь себе. Главное, здесь производится белок и тонкие вкусовые приправы, так что здешняя продукция сильно отличается от той, что производится в других местах. Объем производства невелик, а цены сказочно высоки. Лично я никогда ничего из производящегося здесь не пробовала, и ты, думаю, тоже. Практически все отсюда уходит на стол к имперской верхушке и к богачам из других миров. Микоген настолько зависит от этих поставок, что ни для кого не делает секрета из того, что производителем этого замечательного питания является именно он, и никто другой.

— Значит, Микоген богат?

— Не беден, думаю, но подозреваю, что за богатством они не гонятся. Гонятся они за

защитой. Имперские власти защищают Микоген, поскольку без него лишились бы деликатесных специй, придающих восхитительный вкус любому блюду. Вот и выходит, что Микоген зарабатывает себе право жить так, как ему хочется, и заноситься перед соседями. Дорс осмотрелась и сказала:

– Истинные аскеты. Ни головидения, ни книг.

– А у меня вроде бы одна книжка стоит в шкафу, – сообщил Селдон, потянулся, достал книгу, посмотрел на обложку, скривился и объявил:

– Поваренная книга.

Дорс взяла у него библиокассету и принялась нажимать кнопки. Система оказалась не совсем обычна, но довольно скоро загорелся маленький экран. Просмотрев несколько страниц, Дорс сказала:

– Да, тут есть кое-какие рецепты, но большей частью этот труд посвящен философским вопросам гастрономии.

Она выключила экран и повертела кассету в руках.

– Запаянная она, что ли? Непонятно, как вытащить одну кассету и вставить другую. Сканер на одну книгу? Вот тебе и экономия!

– А может, они думают, что и одной книги хватит, – предположил Селдон, поглядел на тумбочку, стоявшую между кроватями и сказал:

– Смотри-ка, какой-то приемник, а экрана нет.

– Наверное, они считают, что достаточно звука.

– Интересно, как он работает?

Селдон вертел приемник так и сяк, разглядывал со всех сторон.

– Ты когда-нибудь такой видела?

– Один раз. В музее. Не уверена, что точно такой. Тут, похоже, просто хранилище всяких древностей. Наверное, они окружают себя всякой рухлядью для того, чтобы отличаться от так называемых варваров. Из-за приверженности к старине и странных обычаям они становятся в чужих глазах чудаками и людьми второго сорта. Удивительный образчик парадоксальной логики.

Селдон еще немного повозился с приемником и воскликнул:

– Ой! Он включился. Только я ничего не слышу. Дорс взяла с тумбочки и поднесла к уху маленький плоский цилиндр.

– Там слышен какой-то голос, – сказала она немного погодя. – Возьми, послушай.

Селдон взял у нее приемник, приложил к уху...

– А, понятно! Он как наушник работает. Ой, как громко. Что? Понятно, вы меня слышите... Да, это наша комната... Какой номер? Не знаю, какой номер. Дорс, ты знаешь, какой у нас номер?

– Посмотри, там на приемнике какой-то номер написан. Может, это то, что им нужно?

– Может быть, – с сомнением в голосе ответил Селдон. – Вы слушаете? – спросил он у того, кто говорил с ним. – Тут написано: 6ЛТ – 3648А. Достаточно? Послушайте, скажите, где узнать, как правильно пользоваться этим устройством? Да, и кухней, заодно? Что вы хотите этим сказать: «все работает, как обычно»? Для меня это – пустые слова. Понимаете, я ведь... варвар и почетней гость. Я не знаю, что у вас значит – «как обычно... Да, простите за мой акцент. Что? Очень рад, что вы сразу поняли, что говорите с варваром... Меня зовут Гэри Селдон.

Гэри умолк и уставился на Дорс с невыразимой мукой, не отрывая наушника от уха.

– Сказал, что должен проверить, Наверное, сейчас скажет, что не нашел моего имени... О, вы меня нашли? Отлично. В таком случае помогите мне. Да. Да. Да, а как позвонить за пределы Микогена? Никак? А как разыскать, к примеру, Протуберанца Четырнадцатого? Ну, не его самого, так его помощника какого-нибудь, заместителя? Ага, ясно. Благодарю вас.

Не без труда оторвав наушник от уха, Селдон водрузил все устройство на тумбочку и сообщил:

– Они решают вопрос о том, кто нам покажет то, что можно показать, но этот человек не сказал, когда это произойдет. За пределами Микогена ни с кем связаться нельзя, по крайней мере, с помощью этой штуки. Значит, Челвика мы не разыщем, даже если он нам понадобится.

А если я захочу связаться с Протуберанцем Четырнадцатым, придется поклониться в ножки целой шайке бюрократов. Может, тут и равенство, не знаю, но только и у равенства есть исключения. Конечно, никто ни за какие коврижки не признается, что исключения есть.

Взглянув на часы, Селдон прибавил:

– Знаешь, Дорс, читать поваренную книгу, и уж тем более – кулинарные эссе, я не намерен. Часы у меня стоят по университетскому времени, так что я не в курсе, можно ли сейчас по нынешним канонам улечься в постель, но мы почти всю ночь не спали, и я не против вздремнуть.

– Я тоже. Жутко устала.

– Вот и славно. А когда встанем, я хочу выпросить разрешения посетить дрожжевую плантацию.

– Тебе это интересно? – изумилась Дорс.

– Не слишком. Однако раз это – предмет их гордости, они хотя бы говорить об этом не откажутся. Стало быть, употреблю все свое очарование, заставлю их разговориться, а там, глядишь, и до легенд дело дойдет. Мне кажется, это я здорово придумал.

– Будем надеяться, Но не уверена, что микогенцев так уж легко перехитрить.

– Посмотрим, – упрямо проговорил Селдон. – Легенды эти я раздобуду во что бы то ни стало.

38

На следующее утро Гэри снова принялся называнивать. Он был жутко зол, – в частности, из-за того, что страшно проголодался.

Попытка дозвониться до Протуберанца Четырнадцатого не удалась. Некто ответил, что его нельзя беспокоить.

– Почему? – недоуменно поинтересовался Селдон.

– Отвечать на этот вопрос я не обязан, – ответил холодный голос.

– Мы сюда прибыли не для того, чтобы сидеть взаперти, – так же холодно сказал Селдон. – И не для того, чтобы умирать с голода.

– Уверен, у вас есть кухня и запас продуктов.

– Есть, – согласился Селдон, – но мы не знаем, как пользоваться кухонными устройствами и как готовить пищу – сырую ее есть, жарить, парить или...

– Не могу поверить, что все это вам неведомо...

Тут Дорс, которая во время разговора расхаживала по комнате, сделала попытку завладеть наушником, но Селдон предостерегающе поднес палец к губам и прошептал:

– Он не станет говорить, если услышит женский голос.

А в микрофон он сказал твердо и упрямо:

– Можете вы поверить или нет, для меня никакого значения не имеет. Вы немедленно пришлете сюда кого-нибудь, кто нам поможет, а если вы этого не сделаете, я пожалуюсь Протуберанцу Четырнадцатому, и вы поплатитесь, будьте уверены.

Однако угроза его возымела действие только через два часа. Селдон к этому времени был близок к истерике, а Дорс исчерпала все способы успокоить его.

А явился к ним молодой человек с веснушками на сияющей лысине. Не будь он лысым, он наверняка был бы рыжим.

Он принес какие-то кастрюльки и уже собрался было начать объяснять, как ими пользоваться, как вдруг занервничал и быстро повернулся к Селдону спиной.

– Варвар! – проговорил он дрожащим голосом. – У тебя шапочка съехала.

Селдон, который буквально кипел от злости, буркнул:

– Мне это нисколько не мешает.

Дорс урезонила его:

– Давай я поправлю, Гэри. Вот тут немного съехала, слева.

Селдон пробурчал:

– Можете обернуться, юноша. Как вас зовут, кстати говоря?

– Гром Пятый, – растерянно ответил микогенец, обернулся и подозрительно посмотрел на

Селдона. – Я новообращенный. Я принес вам еду. Из моей кухни. Моя женщина приготовила.

Он поставил судки на стол. Селдон поднял крышку одного из них и пристрастно разглядел содержимое. Вскоре он изумленно сообщил Дорс:

– Представь себе, пахнет не противно.

– Представляю, – кивнула Дорс. – Мне нравится, как пахнет.

Гром смущенно промямлил:

– Остыло по дороге, наверное. Посуда должна быть у вас на кухне. Тарелки, вилки.

Дорс принесла все необходимое. После еды, обильной и довольно вкусной, Селдон сразу подобрел.

Дорс, поняв, что юноша чувствует себя неудобно в ее обществе, решила, что посуду уносить и мыть придется ей, и, как ей ни хотелось расслабиться после еды, удалилась на кухню. Немного повозившись с посудомойкой, она поняла, как с ней управляться, и принялась за дело.

А Селдон тем временем поинтересовался, который сейчас час в Микогене и был не на шутку потрясен.

– То есть – середина ночи? – удивленно спросил он у юноши.

– Именно так, варвар, – подтвердил Гром, – Поэтому-то и не удалось сразу удовлетворить твою просьбу.

Тут-то до Селдона дошло, почему нельзя было беспокоить Протуберанца. Он в красках представил себе, как Гром среди ночи будит свою супругу, чтобы та готовила еду для какого-то варвара, и ему стало нестерпимо стыдно.

– Прошу прощения, – смущенно пробормотал он. – Мы всего-навсего варвары и не знали, как обращаться с кухней и готовить еду. Не могли бы вы прислать кого-нибудь утром, чтобы нас этому научили?

– Самое большее, что я могу устроить, – торжественно пообещал Гром, – это прислать вам двоих Сестер. Прошу прощения за то, что тебе, варвар, предстоит вынести общение с женщинами, но только они умеют управляться со всеми этими вещами.

Дорс как раз в эту минуту вышла из кухни и, совершенно позабыв о своем месте в патриархате Микогена, радостно воскликнула:

– Как здорово, Гром! Пусть приходят! Так интересно познакомиться с Сестрами!

Гром испуганно взглянул на нее, но промолчал.

Селдон, поняв, что Гром попросту пропустил мимо ушей все, что сказала какая-то там женщина, повторил слова Дорс:

– Да, пусть приходят. Очень интересно было бы с ними познакомиться.

Гром незамедлительно просиял.

– Едва настанет новый день, я тут же пришлю их. Как только Гром удалился, Селдон радостно потер руки и сказал:

– А ведь Сестры – это, похоже, именно то, что нам нужно.

– Правда? И почему же, Гэри?

– Ну… понимаешь, мне кажется, если мы будем относиться к ним по-человечески, они проникнутся к нам законной благодарностью и расскажут о своих легендах.

– Если они их знают, – скептически фыркнула Дорс. – Что-то мне не верится, что микогенские женщины получают образование наравне с мужчинами… если тут вообще можно говорить о каком-то образовании.

Сестры явились часов через шесть. За это время Селдон и Дорс еще немного поспали, решив, что нужно приспособить свои биологические часы к местному времени.

Вошли Сестры робко, чуть ли не на цыпочках. Одеты они были в серые балахоны (которые, как выяснилось позднее, на микогенском диалекте именовались «кертлами») – мягкие, бархатистые, украшенные незатейливым, более темным орнаментом. Не сказать, чтобы вид у балахонов был отталкивающий, но они явно предназначались для того, чтобы скрыть все подробности фигуры. Головы у Сестер, естественно, были лысые, на лице – никакой косметики, Обе смущенно взглянули на Дорс, веки которой были немного подкрашены голубоватыми

тенями, а губы чуть тронуты красной помадой.

«А как узнаешь, Сестры это или не Сестры никакие, а наоборот – Братья?» – мелькнула у Селдона озорная мысль.

Он незамедлительно получил ответ: Сестры поздоровались и представились.

Говорили они нараспев, высокими, мелодичными голосами. Селдон помнил суровый баритон Протуберанца и басок Грома и подумал, что, вероятно, женщин, для того, чтобы они отличались от мужчин, приучают тут говорить тонкими голосами и жеманничать.

– Я – Капелька Сорок Третья, – пропищала одна из Сестер. – А это – моя младшая сестра.

– Капелька Сорок Пятая, – поклонилась вторая Сестра. – Это самое распространенное имя в нашей когорте.

– Рада познакомиться с вами, – сказала Дорс. – Но скажите, как вас различать? Как к вам обращаться, когда вы вместе? Просто «Капелька» нельзя?

– Нет, – покачала головой Капелька Сорок Третья. – Когда мы вместе, нужно называть нас полными именами.

– Ну, а как насчет просто «Сорок Третьей» и «Сорок Пятой», дамы? – улыбнулся Селдон.

Они быстро взглянули на него, но ничего не ответили. Дорс тихо проговорила:

– Не надо, Гэри. Я сама.

Селдон отошел в сторону. Наверное, они молодые, незамужние, и им вообще нельзя говорить с мужчинами. Старшая казалась серьезнее младшей и, вероятно, была более пуритански настроена. Правда, пока было сказано всего несколько слов, брошен один-другой взгляд, и выводы делать было трудно, но кое-что Селдон для себя решил.

Дорс сказала:

– Беда в том, Сестры, что мы – варвары и не знаем, как обращаться с кухней.

– Ты хочешь сказать, что не умеешь готовить еду? – обескураженно и даже несколько презрительно спросила Капелька Сорок Третья. А Капелька Сорок Пятая с трудом сдержала смех. (Селдон понял, что вывод его был верен.)

– У меня когда-то была своя кухня, – объяснила Дорс, – но она была совсем другая, и потом, я не знаю, что это за продукты и как из них готовят.

– Это так просто! – воскликнула Капелька Сорок Пятая. – Мы тебе покажем!

– Мы приготовим для вас хороший и питательный завтрак, – сказала старшая Сестра. – Для… вас обоих.

Последняя фраза ей явно далась с трудом. Присутствие мужчины смущало ее.

– Если вы не возражаете, – предложила Дорс, – я побуду с вами на кухне, пока вы будете готовить, и вы мне все расскажете. В конце концов, Сестры, вы же не сможете приходить сюда по три раза в день?

– Мы тебе все покажем, – кивнула Капелька Сорок Третья. – Варвары, правда, очень непонятливы. Тут нужно… чутье.

– Я буду очень стараться, – с очаровательной улыбкой пообещала Дорс.

Все трое исчезли за дверью кухни. Селдон проводил их взглядом и принялся продумывать стратегию дальнейших наступательных действий.

Глава девятая Микроферма

Микоген – ...Микрофермы Микогена легендарны, хотя сегодня память о них живет лишь в поговорках типа «богатые, как микрофермы Микогена» или «вкусный, как микогенские дрожжи». Подобных панегириков с годами становится все больше, однако Гэри Селдон побывал на микрофермах во время Бегства, и в его мемуарах присутствуют упоминания о них, которые подтверждают ту распространенную точку зрения, что...

Галактическая энциклопедия

40

— Восхитительно! — воскликнул Селдон. — Намного вкуснее того варева, которым нас потчевал Гром.

Дорс урезонила его:

— Не забывай, жена Грома готовила еду наспех, посреди ночи. Жена? По-моему, он сказал: «моя женщина». Да, точно. У них «женщина» звучит примерно так же, как «мой дом», «моя одежда». Жутко унизительно.

— Да, возмутительно, не спорю. Но мне кажется, что у них и «жена» звучало бы не лучше. Так уж они живут, и, похоже, Сестры не возражают. Ни тебе, ни мне тут ничего не изменить. Кстати, ты поглядела, как Сестры готовили?

— Да, и на вид все выглядело довольно просто. Я, правда, сказала, что вряд ли все запомню, но они заверили, что запоминать ничего не надо и что я вполне управлюсь, если буду просто разогревать еду. Еще я поняла, что в хлеб добавлена какая-то приправа, от которой он становится таким пышным и хрустящим. Ты почувствовал? Он как бы немного приперчен.

— Не заметил, Я заметил другое; мне его было мало. А суп? Ты поняла, из каких он овощей?

— Нет.

— Ну, а жаркое? Мясо было такое нежное, просто пальчики оближешь!

— Сомневаюсь, чтобы это было мясо. Правда, на Цинне готовят нечто подобное из мяса молодого барашка...

— Но барашек абсолютно ни при чем?

— Я только сказала, что сомневаюсь. И потом, я не думаю, что кто-то за пределами Микогена так питается. Даже Император. Что бы микогенцы ни экспортировали, я убеждена, лучшее они оставляют себе. Ой, Гэри, лучше нам здесь надолго не задерживаться. Если мы привыкнем к такой еде, нам больше нигде ни за что не прожить. Все будет казаться пресным, невкусным! — Дорс рассмеялась.

Селдон тоже засмеялся, отхлебнув еще немного фруктового сока (такого вкусного он не пил никогда в жизни) и сказал:

— Послушай... Когда Челвик вез меня в Университет, мы остановились в придорожном буфете, и еда там была дрожжевая. Но вкус... — Селдон брезгливо поморщился. — Ладно, неважно, какая она была на вкус, вспоминать неохота, но тогда мне и в голову не пришло бы, что дрожжевая пища может быть такой восхитительно вкусной. Жаль, что Сестры ушли. Надо бы поблагодарить их от души.

— Думаю, они уверены, что нам понравится. Я восхищалась запахами, а они мне сказали, что на вкус будет еще лучше.

— Не сомневаюсь, это сказала старшая.

— Да. Младшая в основном хихикала. Кстати, они еще зайдут. Они принесут мне керты, чтобы я могла пройтись с ними по магазинам. Между прочим, они мне посоветовали смывать косметику, когда я выхожу из дома. Они мне покажут, где можно купить керты покрасивее, где приобрести полуфабрикаты, которые нужно будет только разогревать. Они дали мне понять, что хорошо воспитанные Сестры брезгуют таким способом приготовления пищи. Но, правду сказать, у нас они тоже кое-что разогревали и дико при этом извинялись. Не преминули, кстати, появить на тему о том, что варвары вообще-то в кулинарии не сильны и что нам больше подойдет разогретая еда. Причем обе дали мне понять, что хождение за покупками и приготовление пищи — дело исключительно мое.

— То бишь, как говорится: «Будучи на Тренторе, веди себя, как тренторианец»?

— Я так и думала, что ты так скажешь.

— Я простой человек.

— Вывернулся! — фыркнула Дорс.

Селдон откинулся на спинку стула. Настроение после прекрасного обеда у него было отменное.

— Дорс, ты пробыла на Тренторе целых два года и, по идее, должна лучше понимать все, что тут творится. Скажи, как ты думаешь, эта странная социальная система Микогена... не

является ли она проявлением их веры в сверхъестественное?

– Как-как? В сверхъестественное?

– Да? Тебе так не кажется?

– Но что ты имеешь в виду под словом «сверхъестественное»?

– Ничего особенного. Веру в нечто независимое от законов природы, в нечто такое, что не связано с сохранением энергии, к примеру, с существованием константы действия.

– Понятно. Ты хочешь спросить, не является ли Микоген религиозным сообществом?

– Религиозным? – в свою очередь удивился Селдон.

– Да. Термин очень древний, но мы, историки, пользуемся им. «Религиозный» – это неточный эквивалент словосочетания «верующий в сверхъестественное», хотя сверхъестественного в этом понятии хватает. Но ответить на твой вопрос я не могу. Во-первых, специально Микогеном я никогда не занималась. Однако, я не удивлюсь, если оно так и окажется. Очень может быть, что у них есть какая-то религия.

– В таком случае, удивишься ли ты, если микогенские легенды тоже окажутся религиозными?

– Нет, не удивлюсь.

– Но это означает, что у них не будет фактической основы.

– Вовсе не обязательно. В каждой легенде может содержаться крупица фактического материала, а уж вокруг этого ядрышка может быть накручено-наверчено все что угодно.

– Ага... – глубокомысленно изрек Селдон и погрузился в размышления. Наступила пауза. Наконец Дорс не выдержала и сказала:

– Знаешь, ничего сверхнеобычного в этом нет. Многие миры имеют свои собственные религии. И религиозные настроения сейчас, когда в Империи все так зыбко, неустойчиво, как раз крепнут. У нас на Цинне, например, как минимум четверть населения – тритеисты.

Селдон в очередной раз понял, как мало он знает историю.

– Скажи, – спросил он, – а в прошлом были времена, когда религия играла большую роль, чем сейчас?

– Безусловно. Помимо всего прочего, время от времени возникали и возникают все новые верования. А вот микогенская религия, что бы она собой ни представляла, должна, по идеи, быть довольно молодой, и при этом чисто микогенской. Но так, с кондачка, я ничего, конечно же, утверждать наверняка не могу.

– Вот мы и добрались до сути, Дорс. Скажи-ка, не кажется ли тебе, что женщины религиознее мужчин?

Брови Дорс подпрыгнули вверх.

– Не уверена, что следует все так упрощать.

Немного подумав, она добавила:

– Не исключено, что к сверхъестественному более тянутся те элементы сообщества, которые обладают наименьшей долей имущества в материальном, вещественном мире – бедняки, сироты, отверженные. До тех пор, пока сверхъестественное совпадает с религией, этих людей можно считать и более религиозными. Но тут не может не быть исключений. Многие из обездоленных могут отвергать религию, а богатые, обеспеченные люди – принимать ее.

– Но в Микогене, – сказал Селдон, – где женщины приравниваются к домашнему скоту, к вещам – разве так уж невозможно, чтобы они были религиознее мужчин? Разве они не могут больше знать о тех легендах, на которых зиждется это странное сообщество?

– Жизнью рисковать я бы ради выяснения этого вопроса не стала, но на недельный оклад поспорила бы.

– Идет, – кивнул Селдон.

Дорс улыбнулась.

– Вот тебе кусочек психоистории, Гэри. Правило 47854: «Обездоленные более религиозны, чем довольные жизнью».

Селдон покачал головой.

– Не шути с психоисторией, Дорс. Ты же знаешь, что мне нужны не мелкие правила, а обобщающие законы. Я не собираюсь выводить формулы сравнительной религиозности на основании обнаружения сотни специфических правил. Мне нужно что-то такое... такое, чтобы

я его пропустил через соответствующую систему математической логики и мог сказать: «Ага, вот эта группа людей будет более религиозна, чем другая, если будут выполнены такие-то и такие условия, и тогда, когда человеческое сообщество испытает на себе воздействие таких-то и таких-то стимулов, произойдет то-то и то-то».

— Просто ужас! — возмутилась Дорс. — У тебя люди словно какие-то машины. Нажми на кнопку — получишь результат!

— Нет, не так. Кнопок нужно нажимать много, и все по-разному, и результатов от их нажатия будет такое количество и разнообразие, что всякое предсказание будущего неизбежно окажется лишь статистическим, и отдельный человек нисколько не будет ограничен в свободе действий и выбора.

— Как ты можешь это утверждать?

— Не могу и не утверждаю. Просто... чувствую, что это должно быть именно так. Если я сумею найти аксиомы, вывести фундаментальные, основополагающие законы гуманики, если можно так выразиться, и подвергнуть их необходимой математической проработке, вот тогда можно будет считать, что я разработал психоисторию. Я же доказал, что теоретически это возможно...

— Но неосуществимо, насколько я помню?

— Я и до сих пор так считаю.

Дорс не смогла сдержать улыбки.

— Гэри, так чем же ты тогда занимаешься? Какое решение может быть у этой задачи?

— Не знаю. Клянусь, не знаю. Но Четтер Челвик так жаждет получить ответ, а я, сам не знаю почему, хочу доставить ему такое удовольствие. Знаешь, он такой упрямый...

— Знаю, как не знать.

Селдон чуть-чуть нахмурился, но ничего не сказал по поводу последней фразы, и продолжил:

— Челвик утверждает, что Империя в упадке, что она погибнет, и психоистория — единственная надежда на ее спасение. Ну, если не на спасение, хотя бы — на смягчение удара, что без нес человечество если и не погибнет, то по крайней мере обречено на долгие страдания. И ответственность за все это он, похоже, возлагает на меня. Понимаешь, на мой-то век Империи хватит, но чтобы жить спокойно, я обязан сбросить эту ношу с плеч. Я обязан убедить и себя самого, и Челвика в том, что психоистория не имеет никакого отношения к практике. Это — чистой воды теория. Но прежде я должен подергать за все ниточки, какие есть, и проверить, все ли оборвутся.

— Ниточки? И сейчас, когда ты размышляешь о тех временах, когда человеческое сообщество было меньше, чем теперь, ты дергаешь, за одну из них?

— Да. Гораздо меньше. И намного проще.

— И хочешь доказать, что на этом пути нет решения. Думаешь, ниточка порвется?

— Да.

— Но как ты думаешь, кто тебе расскажет, каким был древний мир? Если у микогенцев и существует какое-то собственное представление о доисторической Галактике, Протуберанец ни за что не расскажет о нем варвару. И никто из микогенцев не расскажет. Это закрытое сообщество — господи, сколько можно повторять! — и его члены до безумия боятся и сторонятся варваров. Ничего, ничего они нам не скажут.

— Придется придумать, как заставить их разговориться. Начать можно, например, с Сестер.

— Да они тебе не то что рассказывать, они и слушать тебя не станут. Для них твои слова — пустой звук, как мои для Протуберанца. Что они могут рассказать?

— И тем не менее надо с чего-то начать.

— Дай-ка подумать... Челвик велел мне о тебе заботиться. Я это понимаю так, что я должна помогать тебе, чем могу. Что я знаю о религии? К моей специальности она не имеет никакого отношения, это ты должен понимать. Я ведь специализировалась на исследовании экономических, а не философских движущих сил, однако историю трудно механически разделить на независимые подразделы. Ну, например: в религиозных центрах при условии популярности той или иной религии часто скапливаются громадные ценности, а это приводит к

нарушению экономического равновесия в обществе. Вот тебе, кстати, одно из многочисленных правил, которое непременно следует из того, что ты назвал «законами гуманики». Но...

Дорс умолкла и глубоко задумалась.

Селдон не сводил с нее глаз, а Дорс смотрела в одну точку.

Наконец она сказала:

— Понимаешь, это вовсе не обязательно, но очень часто так бывает, что существует какая-то религиозная книга или несколько книг. В таких книгах излагаются обряды, точка зрения на историю, иногда содержатся священные стихи, да мало ли что еще. Как правило, эти книги доступны для всех и служат средством обращения в ту или иную веру, Но порой они хранятся в тайне.

— Думаешь, у микогенцев есть такие книги?

— Честно говоря, не знаю. Будь они в открытом доступе, наверное, я подержала бы в руках хотя бы одну из них, хотя бы слышала, что они есть. Значит, либо таких книг не существует, либо они хранятся в тайне, В обоих случаях тебе на них и одним глазком взглянуть не удастся.

— Ну что ж, в этом что-то есть, — кивнул Селдон.

41

Примерно через два часа после того, как Гэри и Дорс покончили со вторым завтраком, явились Сестры.

На этот раз обе вошли, улыбаясь, а Капелька Сорок Третья, та, что была посерезнее, протянула Дорс серый балахон — кертл.

— Очень красивая вещь! — улыбнулась Дорс — А орнамент просто замечательный.

— Ничего такого особенного! — пропищала Капелька Сорок Пятая. — Это мой старый, кертл. Наверное, сидеть будет, не очень хорошо, ты же выше меня. Но в нём можно выйти на улицу, и мы отведем тебя в самый лучший магазин, и ты сама себе выберешь что-нибудь получше. Там такие красивые есть...

Капелька Сорок Третья нервно улыбнулась и молча, потупив взор, протянула Дорс еще один балахон — белый, аккуратно сложенный. Дорс не стала разворачивать сверток и протянула его Гэри.

— Судя по цвету, это для тебя.

— Может быть, — пожал плечами Селдон — Только отдай-ка его обратно. Пусть она сама мне даст.

— Ох, Гэри... — Дорс укоризненно покачала головой.

— Сказал — не возьму, значит не возьму, — уперся Селдон. — Я хочу, чтобы она сама отдала мне эту вещь.

Дорс немного помедлила и неуклюже протянула свернутый балахон Капельке Сорок Третьей.

Та сложила руки за спиной и отшатнулась, смертельно побледнев. Капелька Сорок Пятая стрельнула глазками на Селдона, быстро шагнула к Капельке Сорок Третьей и обняла ее.

Дорс прошептала:

— Гэри, ты не прав. Уверена, Сестрам не разрешается разговаривать с чужими мужчинами. Зачем доставлять им боль? Она ничего не может поделать. Может, она и варваров никогда не видела.

Обратившись к Капельке Сорок Третьей, Дорс мягко, заботливо спросила:

— Ты видела раньше варваров?

Девушка молча помотала головой.

— Ну, что я говорил? — взмахнул руками Селдон. — Обет молчания относится только к Братьям. Разве послали бы к нам этих девушек, если бы им нельзя было разговаривать с варварами?

— Но, Гэри, может быть, им можно разговаривать только со мной?

— Чепуха. Не верю и не поверю. Я не просто варвар, я почетный гость Микогена. Четтер Челвик просил, чтобы ко мне относились именно так. Сам Протуберанец Четырнадцатый встретил меня и привез сюда. И я не желаю, чтобы ко мне относились так, будто меня не

существует. Как только я буду говорить с Протуберанцем Четырнадцатым, я непременно пожалуюсь ему.

Капелька Сорок Пятая захныкала, а Капелька Сорок Третья слегка покраснела.

Дорс собралось было еще раз уговорить Селдона, но тот показал ей кулак, и уставился, не мигая на Капельку Сорок Третью.

Наконец те подала голос – дрожащий, робкий. Видимо, ей было очень трудно заставить себя обращаться к мужчине.

– Ты не должен жаловаться на нас, варвар. Это будет несправедливо. Ты заставляешь меня нарушать обычай моего народа. Чего ты хочешь от меня?

Селдон дружелюбно улыбнулся и протянул руку.

– Я хочу, чтобы ты отдала мне одежду, которую принесла для меня. Кертл.

Девушка молча протянула ему сверток.

Селдон церемонно поклонился и дружески, тепло поблагодарил:

– Большое спасибо, Сестра.

«Ну что, съела?» – сказал его лукавый взгляд, обращенный на Дорс. Та сердито отвернулась.

Никаких украшений типа вышивки на белом балахоне не было. Видимо, мужчинам излишеств не полагалось. Правда, к балахону прилагался белый же пояс с кисточками; который, по всей вероятности: нужно было как-то по-особому завязывать.

– Пойду в венную, переоденусь, – сказал Селдон. – Я быстро.

Селдон шмыгнулся в ванную, но дверь за ним не закрылась Туда же влетела Дорс и захлопнула дверь за собой.

– Что ты себе позволяешь! – накинулась на Селдона Дорс. – Ты просто тиран, Гэри! Почему ты так мучаешь эту несчастную девушку?

– Но я должен был заставить ее заговорить со мной! – прошипел полу值得一ком Селдон. – Мне нужно выудить у нее кое-что, и ты это знаешь. Жаль, что пришлось прибегнуть к силе, но как иначе можно было нарушить это проклятое табу?

Дорс хлопнула дверью с другой стороны. Когда Гэри вышел из ванной, она уже успела облачиться в свой балахон. Удивительно – несмотря на шапочку, скрывавшую прекрасные волосы, и мешковатый балахон, Дорс все равно продолжала оставаться весьма привлекательной. Ее балахон был подпоясан более широким поясом, который был сшит из ткани чуть более темной, чем сам кертл. И надо же – спереди пояс застегивался на пряжку из ярко-голубого камня. «О женщины? – подумал Селдон. – Они всегда и всюду стремятся выглядеть красивыми, даже тогда, когда их так притесняют».

– Ну-у-у, – развела руками Дорс. – Ты просто нестоящий микогенец. По крайней мере теперь мы запросто можем выйти на улицу в сопровождении Сестер.

– Да, – кивнул Селдон, – Но только меня гораздо больше интересуют микрофермы. Мне бы очень хотелось, чтобы Капелька Сорок Третья повела меня на экскурсию на микроферму.

Капелька Сорок Третья широко раскрыла глаза и сделала шаг назад.

– Посмотреть хочется, – спокойно пояснил Селдон.

Капелька Сорок Третья бросила умоляющий взгляд на Дорс.

– Варварша...

– А, понятно, – кивнул Селдон. – Ты, наверное, просто ничего не знаешь про микрофермы.

Видимо, он задел больное место. Не поворачивая головы и глядя по-прежнему на Дорс, девушка чуть-чуть запрокинула голову и сказала:

– Я работала на микрофермах. Там работают все Братья и Сестры.

– Ну так отведя же меня на экскурсию! – воскликнул Селдон, – И давай больше не будем препираться. Я не Брат, с которым тебе нельзя разговаривать и общаться. Я варвар и почетный гость. Я ношу эту шапочку и балахон, чтобы не привлекать к себе внимания, но я – ученый, и покуда я здесь, мне нужно кое-что узнать. Не могу же я сидеть в этой комнате и изучать стены! Я хочу увидеть то, чего больше нет нигде в Галактике – ваши микрофермы. Мне казалось, ты сочтешь за честь показать их мне.

– Да, мы гордимся ими, – Капелька Сорок Третья мотнула головой и наконец посмотрела

Селдону в глаза. – И я отведу тебя туда. Не думай, что тебе удастся разузнать наши секреты, если ты за ними охотишься. Я поведу тебя на микрофермы завтра утром. Нужно время, чтобы договориться.

– До утра я так и быть подожду, – согласился Селдон. – Но ты не обманешь меня? Даешь честное слово?

– Я – Сестра, – гордо ответила Капелька Сорок Третья. – Как сказала, так и сделаю. Слово сдержу, даже данное варвару.

Голос ее к концу последней фразы стал холодным, а вот глаза засверкали. «Что бы это значило?» – без особой радости подумал Селдон.

42

Ночь выдалась беспокойная. Во-первых, Дорс объявила, что она непременно пойдет на микроферму вместе с Селдоном, а он уперся – нет и нет.

– Как ты не понимаешь? – возмущался он. – Весь замысел состоит в том, что мне нужно заставить ее говорить свободно, а для этого нужно поставить ее в необычные условия. Она будет наедине с мужчиной – пускай варваром, неважно. Обычаи уже нарушены, и теперь легче нарушить их еще немножко. А если ты пойдешь с нами, она будет говорить с тобой, а мне достанутся одни отбросы!

– А вдруг с тобой опять что-нибудь случится, как тогда, наверху?

– Ничего не случится. Прошу тебя! Если хочешь помочь мне, останься дома. Если не останешься, я больше не буду иметь с тобой дела. Пойми же, Дорс. Это крайне важно для меня. Дорс, я к тебе очень хорошо отношусь, ты мне очень дорога, но тут я поступлю по-своему.

В конце концов Дорс отступилась и только попросила:

– Хотя бы пообещай, что ты будешь добр с ней, пожалуйста!

– А тебе не кажется, что это меня от нее надо защищать? Уверяю тебя, когда был с ней груб, никакого удовольствия я не испытал и не собираюсь допускать такого в дальнейшем.

Вот так они впервые поссорились, и эта ссора не давала Селдону заснуть. Он ворочался с боку на бок, и мысли о ссоре мешались с мыслями о том, что Капелька Сорок Третья может не выполнить данного слова и не прийти утром.

Однако Сестры явились вдвоем, как раз тогда, когда Селдон успел наспех позавтракать и облачиться в кертл. Немного повозившись с поясом, он приладил его как следует.

Капелька Сорок Третья, взгляд которой по-прежнему хранил суровость, сказала:

– Если ты готов, варвар Селдон, то моя сестра останется с варваршей Венабили.

Голос у нее сегодня был не писклявый и не хриплый. Похоже, она всю ночь напролет тренировалась – как будет разговаривать с тем, кто не Брат, но мужчина.

«Мучала ли ее бессонница?» – подумал Селдон и сообщил:

– Я готов. Хоть сейчас.

Примерно через полчаса они уже опускались вниз по бесконечным лифтам и лестницам. По часам день был в полном разгаре, но даже наверху, на улице, свет был приглушенным, сумрачным.

Интересно, почему? Наверняка, искусственный солнечный свет, шествуя по планете, должен был задевать и Микоген. Значит, микогенцы сами приглушают освещение – еще одна странная привычка. Глаза Селдона постепенно привыкли к тусклому свету.

Селдон старался как можно спокойнее смотреть на попадавшихся навстречу Братьев и Сестер. Ведь его и Капельку Сорок Третью, как ему казалось, можно было запросто принять за Брата и его женщину, и покуда он не делал ничего такого, чтобы привлечь постороннее внимание, никто не должен был на них глязеть.

Но, увы, Капелька Сорок Третья вела себя именно так, чтобы привлечь внимание. Говорила односложно, почти не раскрывая рта. Было ясно, что шествие в компании с чужим мужчиной, пусть это известно только ей, девушке неприятно. Селдон понял: начни он уговаривать ее расслабиться и не нервничать, она почувствовала бы себя еще более скованно.

Лифты, эскалаторы… казалось, им не будет конца. Да, «эскалаторы» – похоже, именно так называла эти движущиеся лестницы Капелька Сорок Третья; Селдон этого слова никогда

раньше не слыхал.

Чем ниже они опускались, тем сильнее становилось нетерпение Селдона. Нетерпение и удивление.

Микрофермы существовали на многих планетах, и на них выращивались в каждом мире свои микроорганизмы. Селдону на Геликоне доводилось бывать на микрофермах, и там всегда стоял весьма специфический запах – неприятный до тошноты.

Работники микроферм, похоже, свыклись с этим запахом, а посетители... некоторые посетители тоже быстро привыкали. Поморщатся, покрутят носом, а потом – глядишь, уже ходят, как ни в чем не бывало. А вот Селдон всегда был необычайно чувствителен к запахам. Он вечно страдал от неприятных запахов и приготовился страдать сегодня. Он, правда, уговаривал себя изо всех сил – мол, придется пожертвовать самочувствием ради столь нужных сведений, но желудок жил по своим законам и уже заранее заявлял о себе.

Однако спуск продолжался, а воздух оставался свежим. В конце концов Селдон не выдержал и спросил:

– Когда же мы доберемся до тех уровней, где расположены микрофермы?

– Уже добрались.

Селдон глубоко вздохнул, принюхался.

– А по запаху не скажешь.

– По запаху? О чём это ты? – осмелев настолько, что голос ее стал более громким, удивленно спросила Капелька Сорок Третья.

– Ну, понимаешь, всякий раз, когда я раньше бывал на микрофермах, там стоял такой... кислый запах. Наверное, это пахли питательные среды, которые нужны бактериям, грибкам, дрожжам.

– Ты бывал на микрофермах? – снова понизив голос, спросила Капелька. – Где же?

– У себя на родине.

– Что, твой народ возится в *габелле*! – с отвращением спросила Капелька.

Селдон никогда раньше не слышал такого слова, но по выражению лица Капельки понял, что оно значит.

– Нет-нет, не думай, когда продукция готова, она так не пахнет.

– А у нас вообще никогда так не пахнет. Наши биотехнологи разработали замечательные штаммы. Водоросли растут в условиях прекрасного освещения, в тщательно сбалансированных электролитных растворах. Сапропиты питаются самой лучшей органикой. И этих рецептов и формул никогда не узнать варварам. Ну вот, мы прибыли. Ходи, вынюхивай, что хочешь, Ничего дурного не вынюхашь. У нас везде хорошо пахнет. Вот почему наши продукты ценятся по всей Галактике, и Император, насколько нам известно, питается только нашей едой. Правда, если бы меня спросили, я бы сказала, что варвар недостоин такой роскоши, даже если он называет себя Императором.

Сказано это было сердито, даже гневно, и весь гнев был обращен на Селдона. Чтобы ему было более понятно. Капелька добавила:

– Да, и даже если он называет себя почетным гостем.

Они зашагали по узкому коридору. По обе стороны стояли большие ванны из толстого стекла, где булькала мутная, зеленоватая жидкость, наполненная множеством нитевидных водорослей, кувыркающихся в вихре пузырьков воздуха. «Углекислый газ», – решил Селдон.

Ванны освещали мощные светильники, лившие на них приятный розовый свет, более яркий, чем освещение в проходе. Селдон глубокомысленно проговорил:

– Понятно. Эти водоросли лучше растут в красных лучах спектра.

– Верно, – кивнула Капелька.

– Все автоматизировано, по-видимому?

Она полсала плечами, но не ответила.

– Я спросил потому, что тут совсем не видно ни Братьев, ни Сестер.

– Тем не менее тут есть работа, и она делается, даже если ты не видишь работников. Подробностей я тебе не скажу. Это не твое дело.

– Погоди. Перестань на меня рычать. Государственные тайны выпытывать я вовсе не собираюсь. Постой, милая, – слово неожиданно сорвалось, у него с губ.

Она рванулась вперед, но Селдон удержал ее за руку. Капелька не пошевелилась, но вся задрожала, и он быстро отпустил ее руку.

— Просто мне показалось что тут все автоматизировано.

— Пусть тебе кажется, что угодно. Однако тут есть работа и для головы, и для рук. Каждому Брату, каждой Сестре приходится время от времени работать здесь. Для некоторых это становится профессией.

Теперь она говорила более свободно, но левой рукой ожесточенно терла правую — то самое место, к которому прикоснулись пальцы Селдона, словно тот ее ужалил.

— Эти ванны тянутся на многие километры, — пояснила Капелька, — но если мы сейчас повернем, то попадем туда, где расположена грибковая секция.

Они зашагали дальше. Селдон поражался царившей в помещениях чистоте. Стекло сверкало. Кафельный пол на вид казался сырьим, но, когда Селдон улучил момент и потрогал его, оказалось, что он ошибся. Правду сказать, можно было не наклоняться. Не сыро и ни чуточки не скользко; во всяком случае, подошвы сандалий — из тех, кстати, по микогенской моде, торчали большие пальцы ног Селдона — не скользили; впрочем, их, вероятно, чем-то смазали.

Кое в чем Капелька Сорок Третья была права. Время от времени им попадались то там, то тут Брат или Сестра, которые молча работали — поправляли шланги, крутили рычажки на пультах. Кто-то выполнял менее квалифицированную работу — протирал оборудование. Все были поглощены своими занятиями.

Селдон из осторожности не спрашивал, чем заняты работники фермы — мало ли, вдруг Капелька не сумеет ответить или вдруг, что гораздо хуже, взорвется и заявит, что это не его ума дело.

Вскоре они миновали бесшумно открывшуюся дверь, и вот тут наконец Селдон ощутил некое подобие знакомого запаха. Он бросил взгляд на Капельку, но та и бровью не повела. Запах был почти неуловимым, я Селдон скоро привык к нему.

Характер освещения резко изменился, свет стаж тусклым, ярко освещено было только оборудование. Время от времени мелькали фигуры Братьев и Сестер. Головы их были украшены фосфоресцирующими повязками; на некотором расстоянии виднелись крохотные, хаотично мечущиеся искорки света.

Селдон украдкой глянул да Капельку в профиль. Раньше, когда он смотрел на ее лицо, он не мог угадать, что за характер кроется за бледностью, пустыми глазами. Казалось, в этом лице не осталось никакой индивидуальности. А вот в профиль кое-что открывалось. Черты лица у Капельки были правильные — прямой нос, маленький подбородок, пухлые губы. В сумраке даже лысина казалась не столь уж отталкивающей.

«Да ведь она могла бы быть просто красавицей, отрасти она волосы и сделай прическу!» — удивленно подумал Селдон. «Но волосы у нее никогда не отрастут, — была следующая его мысль. — Она так и будет всю жизнь ходить лысая!»

Но почему? За что? Протуберанец сказал, что микогенец всю жизнь должен помнить, что он — микогенец. Почему же именно таким жестоким образом они отличали себя от других?

Селдон привык рассматривать противоположные точки зрения, а потому решил: привычка — вторая натура. Стоит привыкнуть к тому, что все вокруг лысые, такие же, как ты сам, и пышная растительность на голове будет вызывать отвращение. В конце концов, он ведь и сам брился каждое утро и терпеть не мог, когда у него отрастала щетина, однако даже с щетиной его лицо не казалось ему таким уж отвратительным. Он мог в любое время, если бы захотел, отрастить бороду.

Он знал: на некоторых планетах все мужчины поголовно носят бороды. Кое-где их даже не подстригают, не подравнивают. Что бы сказали про него обитатели таких планет, взгляни они на его гладко выбритые щеки и подбородок?

А они все шли и шли вперед, и время от времени Капелька Сорок Третья легонько касалась его локтя, когда нужно было повернуть в ту или иную сторону. Судя по всему, она уже немного, осмелела, по крайней мере руку не отдергивала, как от огня, о порой держала его за локоть целую минуту.

— Сюда! Иди сюда!

– Что такое? – спросил Селдон.

Они остановились перед небольшой тележкой, доверху наполненной маленькими шариками – сантиметра два в диаметре. Рядом с тележкой, по-видимому, только что водруженной на подобающее место, стоял Брат и вопросительно смотрел на них.

Капелька Сорок Третья вполголоса подсказала Селдону:

– Попроси немного.

«Ага, – понял Селдон. – Она не имеет права заговорить с Братом, пока он сам к ней не обратится», – и неуверенно обратился к Брату:

– Можно попробовать, Б-брат?

– Бери хоть пригоршню, Брат, – добродушно предложил работник.

Селдон осторожно взял один шарик и хотел было угостить Капельку Сорок Третью, но, обернувшись, с удивлением заметил, что предложение угощаться она приняла на свой счет и зачерпнула с подноса две пригоршни шариков.

Шарик оказался гладким, приятным на ощупь, Когда они отошли подальше от Брата, Селдон шепотом поинтересовался:

– Это можно есть? – и недоверчиво принюхался к шарику.

– Они не пахнут.

– А что это такое?

– Лакомство. Драже. Для экспорта к ним делаются различные добавки, но в Микогене мы едим их просто так, без всяких добавок.

Отправив одно драже в рот, она призналась:

– Я их ужасно люблю.

Селдон последовал ее примеру. Драже быстро растаяло во рту, он и охнуть не успел. Рот наполнился капелькой жидкости, которая мгновенно стекла по пищеводу.

Какой-то миг Селдон не мог пошевелиться – настолько он был поражен. Драже оказалось чуть сладковатым. После него во рту остался непонятный прянный привкус.

– Можно, я еще попробую? – спросил он.

– Бери сразу полдюжины, – посоветовала Капелька Сорок Третья и протянула Селдону пригоршню драже, – Вкус всегда разный, а калорий совсем нет. Попробуй.

Она была права, Селдон пробовал так и сяк: брал драже в рот и давал рассосаться, лизал потихоньку, пытался откусить кусочек, Но как бы легко он ни прикасался к драже, стоило чуть-чуть лизнуть, и оно моментально исчезало. И действительно, у каждого шарика вкус был чуть-чуть да иной.

– Вот беда, – вздохнула Капелька Сорок Третья, – каждый раз попадается что-нибудь необычное, вкус невозможно забыть, но больше такое может никогда не попасться. Помню, было мне лет девять, и мне попалось такое...

Мечтательное выражение тут же покинуло ее лицо. Она сказала строгим голосом:

– Прекрасная вещь – это драже. Учит тому, как все зыбко в этом мире.

«А ведь это сигнал, – подумал Селдон, – Хватит, нагулялись. Она уже вполне свыклась с моим присутствием, свободно разговаривает. Пора переходить к делу, и немедленно!»

43

Селдон сказал:

– Сестра, я родом из мира, который раскинулся под открытым небом, как и другие миры кроме Трентора. Там иногда идет дождь, а иногда сухо, реки порой текут спокойно и лениво, а иногда выходят из берегов, там то жарко, то холодно. А это значит, что урожай там бывают то плохие, то хорошие. А здесь все так стабильно, продуманно. И урожаю ничего другого не остается, как только быть всегда хорошим. Как счастлив Микоген!

Селдон замолчал и стал ждать ответа. Ответов могло быть несколько, и дальнейшие действия зависели от того, как именно ответит Капелька.

Она и впрямь достаточно осмелела и теперь почти не стеснялась того, что рядом мужчина. Вот что она ответила:

– Стабильности добиться не так уж легко, Состояние среды контролировать приходится

постоянно. Порой нападает какая-нибудь вирусная инфекция, а бывают еще неожиданные и нежелательные мутации. Иногда приходится браковать огромные партии продуктов.

— Правда? И что же потом?

— Другого выхода, как только уничтожать забракованные партии, нет. Даже тогда, когда есть хоть малейшее подозрение, что партия недоброкачественная. Тележки, ванны — все подвергается самой тщательной стерилизации, а порой и все оборудование уничтожают.

— Стало быть, на манер хирургии, — кивнул Селдон. — Отсекаете пораженную болезнью ткань.

— Да.

— А что же вы предпринимаете, чтобы предотвратить подобные неполадки?

— Что можно поделать? Проводим непрерывные анализы на мутацию и вирусы, следим за чистотой и составом питательных сред. Изменения мы наблюдаем крайне редко, однако стоит нам заметить что-нибудь, мы предпринимаем немедленные и радикальные шаги. В итоге неурожайных лет у нас почти не бывает, да если и бывают, то страдает всегда лишь небольшая часть урожая. Помню, самый неудачный год у нас был, когда мы потеряли двенадцать процентов урожая. Беда в том, что самые старательные прогнозы, самые продуманные компьютерные программы не всегда способны предсказать то, что на самом деле непредсказуемо.

Селдон от неожиданности вздрогнул. Капелька говорила так, словно рассуждала о психоистории, а на самом деле речь шла всего-навсего о продукции микрофермы в небольшом тренторианском секторе. А ведь он сам все время мыслил грандиозными масштабами — никак не меньше Галактической Империи.

Неизвестно почему немного обидевшись, словно речь и впрямь шла о его работе, Селдон проговорил:

— Наверняка не все непредсказуемо. Есть силы, которые правят всеми нами и обо всех нас заботится.

Капелька резко остановилась, обернулась и удивленно, не мигая, взглянула ему в глаза.

— Что? — спросила она.

Селдон принялся неловко объяснять.

— Понимаешь... вот мы говорим о вирусах, мутациях... Это ведь все явления природные и подчиняются, следовательно, законам природы. Нечего сверхъестественного тут нет, верно? Все, что не повинуется законам природы, тут не учитывается. А ведь именно оно может; управлять самими законами.

Капелька, не отрываясь, смотрела на Селдона — так, словно он вдруг заговорил на чужом языке, каком-нибудь древнем, забытом диалекте.

— Что? — еще раз спросила она.

Селдон, запинаясь, продолжил свою мысль, путаясь в незнакомых, непривычных словах:

— Нужно обращаться к чему-то великому, какому-то высшему духу, какому-то — просто и не знаю, как назвать.

Она вполголоса проговорила:

— Я так и думала. Только не сразу поверила, что ты об этом говоришь. Ты судишь нас за то, что у нас есть религия. Почему же ты не сказал прямо? Почему избегал этого слова?

Она ждала ответа, а Селдон, несколько обескураженный тем, что его слова так задели ее, пробормотал:

— Потому что я не привык пользоваться этим словом. Мне более знакомо слово «сверхъестественное».

— Называй, как хочешь. Это религия, и ее у нас нет. Религия — это для варваров, для стада скота...

Она умолкла, чтобы перевести дух, но Селдон не сомневался, что она хотела сказать: «для стада скотов».

Однако Капелька довольно быстро взяла себя в руки.

— Мы — не религиозный народ. Наше царство — от мира сего, от этой Галактики, и так было всегда. Если у тебя есть своя религия...

Селдон почувствовал, что вlip. Вот уж чего он никак не ожидал!

— Не сказал бы, что это так... — промямлил он. — Видишь ли, я математик, и мое царство — тоже от мира сего и от этой Галактики. Просто, понимаешь, у вас такие странные обычаи, вот я и подумал, что ваше царство...

— Не думай, варвар. Если у нас странные обычаи, то это потому, что нас мало. Нас миллионы, а вокруг нас миллиарды миллионов. По миллиарду вас на каждого из нас. Должны же мы как-то выделиться, чтобы не затеряться. Нас отличает отсутствие волос, одежда, поведение, образ жизни. Мы обязаны помнить, кто мы такие, и должны быть уверены, что вы, варвары, помните, кто мы такие. Мы трудимся на наших фермах, чтобы вы ценили нас, высоко ценили. Покуда вы будете ценить нас, вы нас не тронете. Вот и все, чего мы от вас хотим — чтобы вы нас не трогали, не мешали.

— Я вовсе не хотел причинить вреда ни тебе, ни твоему народу. Я просто ищу знаний. Ищу здесь, как искал бы в любом другом месте.

— И поэтому выказываешь презрение к моему народу, обвиняя нас в том, что у нас есть религия, предлагая нам положиться на какой-то мистический, несуществующий дух, в который мы никогда не верили, чтобы этот дух что-то сделал за нас?

— Но есть масса миров, где люди верят в сверхъестественные силы в той или иной форме, и там это называется религией. В чем-то мы можем быть с ними не согласны, но ведь мы в своем неверии также можем ошибаться, как они — в своей вере. Во всяком случае, ничего дурного я в вере не вижу, и мой вопрос не нес в себе ничего оскорбительного.

Однако, судя по всему, ему не удалось разубедить разгневанную Капельку.

— Религия! — фыркнула она. — Она нам ни к чему!

Селдон окончательно пал духом. Вся эта экскурсия, все его ухищрения — все прахом, все наスマрку.

Капелька прибавила:

— У нас есть кое-что получше. Гораздо лучше. У нас есть *история*.

Селдон тут же воспрял и радостно улыбнулся.

Глава десятая Книга

«Рука на бедре» — случай, описанный в мемуарах Селдона. Он утверждает, что именно этот случай стал поворотным в поисках метода разработки психоистории. К сожалению, в воспоминаниях Селдона отсутствуют подробности этого происшествия, и сколько бы ни обсуждался этот вопрос в дальнейшем, ясная картина не складывается. Этот случай остается одной из самых удивительных загадок карьеры Селдона.

Галактическая энциклопедия

44

Капелька Сорок Третья смотрела на Селдона широко раскрытыми глазами. Грудь ее тяжело вздымалась.

— Я не могу больше тут оставаться.

Селдон огляделся по сторонам.

— Но тут никого нет. Даже тот Брат, что угостил нас драже, нам ни слова не сказал. Похоже, он нас принял за самую обычную парочку.

— Это потому, что там было темно, и когда ты говоришь тихо, не так слышен твой варварский акцент, и я вела себя спокойно. Но теперь... — хрипло проговорила она.

— Что теперь?

— Я нервничаю. Я задыхаюсь.

— Но кто это заметит? Успокойся, расслабься.

— Здесь я не могу успокоиться. Не могу, здесь меня могут увидеть.

– Куда же нам, в таком случае, пойти?

– Где-то должны быть комнаты отдыха. Я тут работала. Я знаю, что они где-то тут.

Она зашагала быстрее, Селдон пошел следом за ней. Вскоре они повернули в узкий коридор, вдоль которого тянулась линия дверей.

– Кажется, последняя комната свободна, – пробормотала Капелька.

И верно, комната была свободна. На двери горел маленький квадратик, надпись на котором гласила: «Не занято». Дверь отворилась.

Капелька Сорок Третья быстро осмотрела комнату, подтолкнула Селдона вперед и вошла сама. Как только она прикрыла за собой дверь, на потолке загорелся светильник.

– Теперь табличка покажет, что – комната занята? – поинтересовался Селдон.

– Да. Стоит двери закрыться с этой стороны, как загорается такая надпись.

Здесь слышался шум вентилятора. Похоже тишины на Тренторе не было нигде.

Комната была невелика. Однако в ней стояла кушетка с жестким матрасом, застеленная чистым бельем. Стол, стул, маленький, холодильник, какое-то устройство, напоминающее электроплитку.

Капелька Сорок Третья устало опустилась на стул, выпрямилась. Видимо, пыталась успокоиться.

Селдон, не понимая, чем ему заняться, стоял столбом, пока Капелька не махнула рукой в сторону кушетки, тогда он сел.

Тихо, словно говоря с самой собой, Капелька Сорок Третья проговорила:

– Если кто-нибудь узнает, что я была здесь с мужчиной, пусть даже с варваром, меня подвергнут отлучению.

Селдон резко вскочил на ноги.

– Тогда давай уйдем отсюда.

– Сядь. Я не могу уйти, пока я в таком состоянии. Ты спрашивал о религии. Что ты вынюхиваешь? Чего ищешь?

Селдону показалось, что перед ним – совсем другой человек. Как она переменилась! Ни униженностя, ни робости не осталось и в помине. Нисколько не смущаясь его присутствием, Капелька с прищуром смотрела на него.

– Я уже говорил тебе. Я ищу знания, только знания. Я ученый. Это моя работа. Я хочу научиться понимать самых разных людей, поэтому я изучаю историю. Во многих мирах древние исторические записи – настоящие записи – превратились в мифы и легенды и зачастую бытуют в форме религиозных верований или того, что я зову тягой к сверхъестественному. Но раз в Микогене религии нет, то...

– Я сказала тебе: у нас есть *история*.

– Да, сказала. Сколько лет насчитывает ваша история?

– Двадцать тысячелетий.

– Вот как? Давай по-честному. Это истинная история или нечто такое, что давно превратилось в легенду?

– Нет, это самая нестоящая история.

Селдон собрался было спросить, откуда у нее такая уверенность, но передумал. На самом деле, могла ли история насчитывать двадцать тысячелетий и при этом оставаться истинной? «Я не историк, – подумал Селдон. – Надо будет посоветоваться с Дорс».

Однако он не видел ничего удивительного в том, что древняя история любого мира – это, как правило, адская смесь самовосхвалении, героики, этакие мини-спектакли, побасенки с моралью, которые ни в коем случае нельзя воспринимать буквально. Так было и на Геликоне, и все же каждый геликонец готов был с пеной у рта клясться, что все это истинная правда – даже совершенно невероятный рассказ о первоходцах, которые сражались тут с гигантскими, свирепыми летучими рептилиями (хотя давным-давно было достоверно доказано, что таких зверей, как летучие рептилии, попросту быть не может).

Ни о чем таком Селдон Капельке не сказал. Он спросил:

– И с чего начинается ваша история?

Капелька задумалась, взгляд ее стал отрешенным.

– С одного, мира, – сказала она. – Нашего, одного-единственного.

— Единственного мира? — переспросил Селдон, сразу вспомнив рассказы Челвики о легендарной прародине человечества.

— Да, с рассказа о единственном мире. Потом были другие миры, но наш был первым. Единственная планета, у которой была атмосфера, чистый воздух, где хватало места для всех. Цветущие луга, теплые дома, добрые люди. Мы жили там тысячи лет, а потом нам пришлось покинуть этот мир и скитаться с места, на место, пока некоторые из нас не отыскали уголок, на Тренторе. Здесь мы научились производить пищу, столь чудесную, что она дала нам свободу. И здесь, в Микогене, мы живем по-своему и по-своему мечтаем.

— И что же, в вашей истории этот единственный мир описан подробно?

— Да, это все написано в Книге, и эта Книга у нас есть. У каждого из нас. Мы постоянно носим ее с собой, чтобы в любой момент можно было открыть ее и прочитать о том, кто мы такие, чтобы никогда не забывать об этом, чтобы помнить, что в один прекрасный миг мы вернемся на свою родину.

— А знаешь ли ты, где находится этот мир и кто там живет теперь?

Капелька Сорок Третья растерялась, потом яростно замотала головой.

— Нет, мы не знаем, но в один прекрасный день мы найдем наш мир.

— А сейчас у тебя эта Книга при себе?

— Конечно.

— Можно взглянуть?

По лицу Сестры скользнула кривая усмешка.

— Так вот что тебе нужно... Я поняла, что ты чего-то хочешь, когда ты добивался, чтобы я тебя повела на микрофермы одна. Только, — она немного растерялась, — я никак не думала, что тебя интересует *Книга*.

— Представь себе. Это единственное, что меня интересует, — честно признался Селдон, — Ни о чем другом я и не думал. Если ты привела меня сюда из-за того, что думала, будто бы...

Закончить фразу ему не удалось.

— Хватит. Так тебе нужна Книга или нет?

— Ты позволишь мне посмотреть ее?

— С условием.

Селдон остался бледен. Неужели он перестарался, и Сестра раскрепостилась настолько, что...

— С каким условием?

Капелька Сорок Третья кончиком языка облизала пересохшие губы. Наконец она проговорила дрожащим от волнения голосом:

— Сними шапочку.

45

Ничего не понимая, Селдон не мигая смотрел на Капельку Сорок Третью. Он, надо сказать, совершенно забыл, что у него на голове шапочка.

Наконец он сообразил, о чем она его просит, поднял руку, прикоснулся к гладкому пластику, под которым прощупывался жесткий ежик стрижки.

— Но зачем? — оторопело спросил он.

— Затем, что я так хочу. Вот мое условие. Сними и получишь Книгу.

— Ну ладно, если тебе действительно так хочется... — Селдон пожал плечами и сдернул бы с головы шапочку, но Капелька опередила его.

— Нет, постой. Я сама! — хрюкнула она, устремив на него жадный взгляд.

Капелька резко встала и опустилась на кушетку рядом с Селдоном. Медленно, осторожно она коснулась краешка шапочки около уха Селдона, высунула язык, снова облизнулась. Наконец она добралась до полоски, закрывавшей брови, отделила ее от лба Селдона. Ему даже показалось, что волосы у него немножко приподнялись, обрадовавшись нежданному освобождению.

Он встревоженно проговорил:

— У меня, наверное, голова вспотела под шапочкой. Значит, волосы влажные.

Только он успел поднять руку, чтобы проверить, так ли это на самом деле, как Капелька

взяла его за запястье.

— Я сама, — проговорила она твердо. — Это тоже часть условия.

Ее пальцы тихонько, робко коснулись его волос и тут же отдернулись. Она прикоснулась еще раз и теперь решилась провести пальцами по волосам Селдона.

— Сухие... — сообщила она, — Как приятно...

— Ты никогда раньше не гладила чужие волосы?

— Несколько раз. У детей. Но это совсем другое...

Она снова погладила его волосы.

— Другое? В чем же?

— Не знаю... Просто другое, и все. Какое-то время спустя Селдон спросил:

— Ну что, достаточно?

— Не торопи меня. А скажи, ты можешь их уложить, как захочешь?

— Не сказал бы. Немного подправить можно, но для этого нужна расческа, а у меня ее с собой нет.

— Расческа?

— Ну, такая штука с зубьями, на вилку похожа, только зубьев на ней больше и они не такие острые.

— А пальцами нельзя? — спросила она и, не дожидаясь ответа, запустила пятерню в его волосы.

— Можно, да только толку мало, — объяснил Селдон.

— А сзади колются, — сообщила Капелька.

— Просто сзади волосы короче острижены.

Капелька Сорок Третья наморщила лоб. Казалось, она что-то вспоминает.

— Брови... — пробормотала она. — Правильно я сказала? — спросила она, нежно касаясь правой брови Селдона, — Правильно? Как приятно... Как смешно...

Она вдруг рассмеялась — весело, беззаботно, точь-в-точь, как ее младшая сестренка.

— Тоже колются!

Селдон нетерпеливо поинтересовался:

— Ну, все в порядке?

Капелька Сорок Третья склонила голову набок. Что же она ответит? Ответит ли? Вместо ответа она вдруг резко отдернула руки и поднесла пальцы к носу. «Что она там вынюхать думает?» — раздраженно подумал Селдон.

— Как странно... — протянула она. — А можно я сделаю это еще разок. Когда-нибудь?

Селдон вздохнул.

— Если одолжишь мне Книгу на какое-то время, может быть, я и позволю.

Рука Капельки Сорок Третьей скользнула внутрь балахона и достала из потайного кармана книгу, обернутую в некий плотный, но гибкий материал. Селдон сгорая от нетерпения протянул руку и взял книгу.

Пока он прилаживал шапочку, Капелька Сорок Третья снова поднесла кончики пальцев к носу и быстро, украдкой лизнула один палец.

46

— Она трогала твои волосы? — не веря своим ушам, переспросила Дорс и поглядела на волосы Селдона так, словно сама собиралась их потрогать.

Селдон отстранился.

— Ради бога, не надо. Эта женщина... Это было похоже на извращение!

— Можно себе представить. Ну, а тебе не было приятно?

— Приятно? Да я весь был в мурашках! Только когда они перестала меня трогать, я снова смог дышать. И все думал: не поставит ли она еще какого-нибудь условия?

Дорс рассмеялась.

— Боялся, что она тебе навяжет секс? Боялся? Или надеялся?

— Уверяю тебя, это мне в голову не приходило. Я думал только о Книге.

Разговор происходил в предоставленной им квартирке, и они были надежно защищены от

подслушивания искажателем поля, который Дорс предусмотрительно захватила с собой из Университета.

Сгущалась микогенская ночь. Селдон разоблачился – снял шапочку и керпл, вымылся. Особенно долго он возился с волосами – намыливал их даже дважды. Теперь он вossaдел на кровати одетый в легкую пижаму, которую нашел в ванной.

Дорс лукаво улыбнулась и спросила:

– А она не догадалась, что у тебя еще и на груди волосы растут?

– Больше всего я уповал на то, что она об этом не вспомнит.

– Бедненький Гэри. Но на самом деле это все так естественно... Наверное, я могла попасть в такую же беду, окажись наедине с каким-нибудь Братом. Нет, мне могло быть намного хуже! Ведь, по их убеждению, я, как женщина, обязана повиноваться любым приказаниям беспрекословно.

– Ну, Дорс, даже не знаю, что тебе сказать. Легко тебе говорить: «Естественно!» Тебя бы на мое место! Бедняжка была просто в экстазе! Все ее чувства были на пределе – она и нюхала свои пальцы, что прикасались к моим волосам, и лизала их... Клянусь, если бы она могла расслышать, как растут волосы, она бы слушала во все уши!

– Ты просто не понял меня. Это для нее было естественно. Все, что запретно, сразу приобретает сексуальную привлекательность. Разве у тебя вызывала бы какие-то чувства обнаженная женская грудь если бы ты вырос в обществе, где все женщины выставляли свою грудь напоказ с утра до ночи?

– Не знаю... Думаю, все-таки вызывала бы.

– Но разве ты испытывал бы не больше чувств, если бы женщины ходили всегда одетыми? Собственно, так оно и есть в большинстве миров. ...Послушай, дай-ка я тебе расскажу об одном случае. Занесло меня как-то на курорт, дома, на Цинне. У вас на Геликоне есть курорты? Пляжи и всяческое такое?

– Конечно, – с некоторым раздражением ответил Селдон, – Или ты думаешь, что Геликон – это сплошные горы и скалы да вода в колодцах?

– Не обижайся, Гэри. Мне нужно было просто удостовериться, что ты знаешь, что такое «курорт». В общем: на Цинне такие пляжи, где люди совершенно безразличны к тому, что на тебе надето. Гуляй хоть голышом.

– Нудистские пляжи?

– Не совсем, но, думаю, если бы кто-то разделся догола, в него не стали бы тыкать пальцем. В основном, все придерживаются минимальных приличий, но минимум порой совсем крохотный.

– Пожалуй, на Геликоне несколько иное представление о минимальных приличиях, – буркнул Селдон.

– Догадываюсь. Судя по тому, как ты себя ведешь со мной. Но каждому, как говорится, свое. Ну, так вот... Я сидела на уютном пляже на берегу озера, и ко мне подошел молодой человек, с которым я успела чуть раньше переброситься парой фраз. Приятный такой парень, и я ничего не имела против. Он уселся на подлокотник моего шезлонга и положил руку на; мое левое бедро – обнаженное, естественно. Просто так, чтобы сидеть было удобнее.

Мы поболтали пару минут, и вдруг он говорит: «Надо же! Ведь ты меня почти совсем не знаешь, а моя рука лежит у тебя на бедре, и я не вижу в этом ничего сверхъестественного. Мало того, и ты не имеешь ничего против, значит, и для тебя это тоже вполне естественно».

Клянусь, я только тогда заметила его руку. Видимо, кожа, обнаженная на людях, теряет сексуальную чувствительность. То есть, как я говорила: все дело в том, что притягательно только то, что скрыто от глаз.

Молодой человек, по всей видимости, это тоже почувствовал, потому что потом он мне вот что сказал: «А ведь если бы мы встретились в более формальной обстановке и на тебе был бы... ну, хотя бы халатик, ты бы наверняка мне такого не позволила, а?»

Я рассмеялась, а потом мы болтали о том о сем. Ну и, конечно, этот молодой человек вскоре убрал руку.

Вечером я оделась к обеду гораздо более строго; чем того требовали приличия. Никто из женщин не был одет строже меня, Я разыскала того самого молодого человека. Он сидел за

столом. Я подошла, поздоровалась с ним и сказала: «Ну вот, я, можно сказать, в халатике, но под ним – мое голое левое бедро. Не теряйся. Положи руку туда, где она лежала».

Он попытался. Ему непросто было это сделать, ведь все глазели. Нет, я не мешала ему, и никто бы не помешал – и все же он не смог этого сделать. А ведь народу было не меньше, чем на пляже. Собственно, публика была та же самая. И все же он не решился, Условия другие, понимаешь? Условия, условности.

– А я бы сделал то, чего не сделал он, – неожиданно проговорил Селдон.

– Уверен?

– Абсолютно.

– Невзирая на то что ваша пляжная мораль строже нашей?

– Да.

Дорс присела на краешек своей кровати, а потом легла, закинув руки за голову.

– Значит, тебя не слишком волнует, когда я расхаживаю в ночной сорочке, под которой почти ничего нет?

– Меня это *не шокирует*, скажем так. Что же касается волнения, все зависит от того, какой смысл вложить в это слово. Я прекрасно замечаю, как ты одета.

– Что делать? Если нам суждено тут задержаться, придется свыкнуться с такими мелочами.

– Или воспользоваться ими, – усмехнулся Селдон. – Дорс, мне так нравятся твои волосы. Они такие красивые. Ты весь день ходишь лысое, в тек приятно смотреть не тебя по вечерам...

– Только не прикасайся! Я еще не мылась. – Дорс прикрыла глаза – Как интересно, – вполголоса проговорила она. – Забавная тема... Формальный и неформальный уровень воспитанности. Судя по тому, что ты говоришь, на Геликоне больше внимания уделяют неформальному уровню. Верно?

– Просто я говорю о том молодом человеке и себе самом. Насколько каждый из нас является представителем своей планеты, я судить не могу. Но легко могу себе представить, как выглядят так называемые типичные представители, а также – как выродки.

– А мне кажется, что мы говорим о социальных предрассудках. Не скажу, что я такой уж большой знаток Галактики, но историю я копнула основательно. Социальную историю. К примеру, на планете Дероуд было время, когда добрачные половые отношения были абсолютно свободными. Незамужние и неженатые могли иметь сколько угодно партнеров. А вот после свадьбы наступала полная и бесповоротная моногамия. По всей вероятности, задумано было так: до брака нагуляться вволю, а потом жить порядочной жизнью и заниматься делом.

– Ну и как? Сработало?

– Примерно триста лет тому назад этому был положен конец, но кое-кто из моих коллег полагает, что этому способствовало давление других миров, которые слишком много теряли от паломничества туристов на Дероуд. Да, есть такая штука – общегалактическое социальное давление.

– Полагаю, в таком случае, не обошлось без экономического давления?

– Видимо. Кстати, с социальным давлением я столкнулась и в Университете. У меня полно знакомых со всей Галактикой. На факультете социологии любимое развлечение – сравнивать предрассудки разных миров.

А здесь, в Микогене, как мне кажется, секс находится под строжайшем контролем, ограничивается какими-то суровыми правилами. О нем даже говорить не позволено. В Стрилинге, для примера, о сексе тоже не принято распространяться, но он не запрещен. А вот в секторе Дженнат, где я как-то поработала с неделю, о сексе говорят с утра до ночи, но исключительно с целью заклеймить его. Думаю, не отыщется двух секторов на Тренторе, да и двух планет, где бы к сексу относились одинаково.

– Знаешь, что у тебя получается? Можно подумать, что... – не докончил фразы Селдон.

– Я тебе скажу, что можно подумать и что у меня получается. Вся эта болтовня о сексе, укрепила меня в одной мысли. Просто теперь я тебя никуда не отпущу одного.

– Что-что?

– Дважды я упустила тебя. Первый раз сама проморгала, а второй раз ты меня заставил промолчать. И оба раза я ошиблась. Что случилось в первый раз, ты и сам знаешь.

— Да, но второй раз со мной не случилось ровным счетом ничего! — возмущенно огрызнулся Селдон.

— Ты был на волосок от беды! Представь, что случилось бы, если бы тебя застали занимающимся сексом с Сестрой!

— Каким сексом??!

— Ты сам сказал, что она была возбуждена.

— Но...

— Это опасно. Пожалуйста, подумай головой, Гэри. Все, решено. Больше я тебя никуда не отпущу.

— Послушай, — ледяным голосом проговорил Селдон. — Моя цель — изучение истории Микогена, и в результате моих «занятий сексом» с Сестрой, я получил в свои руки Книгу! Книгу!

— Книгу! Ах да, Книгу. Кстати, давай-ка посмотрим на нее.

Селдон протянул ей Книгу. Дорс внимательно разглядела ее.

— Ничего хорошего, Гэри, — сообщила она через некоторое время. — Эта штуковина не состыкуется ни с одним из известных мне проекторов. Чтобы ее полистать, нужно раздобыть микогенский проектор. Начнешь искать его, тут же поинтересуются, на кой он тебе сдался. Тогда узнают, что у тебя есть эта Книга, и заберут ее.

Селдон улыбнулся:

— Эх, Дорс, все бы было именно так, будь ты права. Но дело в том, что Книга не совсем такая, как ты думаешь. Для ее чтения не нужен никакой проектор. Содержание напечатано на страницах, которые нужно попросту листать, переворачивая пальцами. Это мне Капелька Сорок Третья объяснила.

— Печатная книга? — воскликнула Дорс таким голосом, что трудно было сказать, напугана она или удивлена. — Но это же... каменный век!

— Во всяком случае, доимперские времена, — кивнул Селдон. — А ты что, никогда в глаза не видела ни одной печатной книги?

— Я не видела? Я, историк? Видела, конечно.

— А! Но такую — видела?

Он протянул Дорс Книгу, та, усмехаясь, раскрыла ее, перевернула страницу, еще одну, еще и еще...

— Но тут ничего нет! — воскликнула она.

— Это только кажется. Микогенцы с упрямством держатся за примитивность, но это не совсем так. Для них важна суть примитивности, но против современных технологий они ничего не имеют, лишь бы те служили их целям.

— Может быть, все так и есть, Гэри, но ты уж прости, я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Только кажется, что страницы чистые, на самом деле на них есть текст. Ну-ка, дай сюда. Нужно нажать маленькую кнопочку на внутренней стороне обложки. Вот, смотри!

Страница, на которой была открыта Книга, тут же покрылась строчками текста, которые поползли сверху вниз.

Селдон сказал:

— Можно отладить скорость движения текста поворотом колесика. Хочешь — быстрее, хочешь — медленнее. Добираешься до конца страницы, переворачиваешь и читаешь следующую.

— Но тогда должен быть какой-то источник питания?

— А как же. Где-то вмонтирована миниатюрная микрофузационная батарейка.

— А что делать, когда она сядет?

— Менять Книгу на новую. Батарейки, как я понял, не меняют.

Дорс снова взяла в руки Книгу, повертела ее и сообщила:

— Да, пожалуй, такой Книги я действительно никогда в руках не держала.

— Я тоже. Вся Галактика так быстро и резко перешла на визуальные средства, что попросту упустила такой гениальный метод.

— Но эта Книга — тоже визуальное средство.

— Да, но у нее есть свои преимущества. Она вмещает гораздо больше материала, чем обычный библиофильм.

— Так... — пробормотала Дорс. — Где включается? Получится у меня или нет?

Она открыла страницу наугад и включила механизм движения строчек. Поглядев какое-то время на страницу, она сообщила:

— Боюсь, толку все равно не будет, Гэри. Это древнегалактический язык.

— Разве тебе он незнаком? Ты же историк.

— Да, и, как историк, я имела дело с древними рукописями, но это для меня чересчур. Некоторые слова я понимаю, но этого мало, чтобы понять досконально, о чем идет речь.

— Отлично! — потер руки Селдон. — Если она и правда такая древняя, это просто замечательно.

— Что же замечательного, если ее невозможно прочесть?

— Почему же невозможно? Я смогу прочесть. Она двуязычная. Не думаешь же ты, что Капелька Сорок Третья способна прочитать этот древний текст?

— Если она этому училась, почему нет?

— Чему училась-то? Женщины в Микогене наверняка начинают и заканчивают свое образование на кухне. Может быть, некоторым из наиболее просвещенных мужчин и под силу прочесть такой текст, но большинству требуется перевод на общегалактический стандарт.

Нажав еще одну кнопочку, он объявил:

— Вот прошу.

Строчки тут же преобразились.

— Здорово! — восхищенно прошептала Дорс.

— У этих микогенцев стоило бы кое-чему поучиться, правда?

— Да, стоило бы, но мы ничего не знали.

— Трудно поверить. Теперь об этом знаю я. Знаешь ты. Наверняка время от времени в Микоген по каким угодно делам — торговым, политическим — заносило и других иностранцев. Иначе у них не было бы тут в запасе такого количества шапочек. Как же могло так выйти, что до сих пор никому не попалась на глаза такая Книга, что никто не видел, как она устроена? По-видимому, даже если такое случалось, на нее смотрели, как на забавную вещицу, не более, и тут же забывали. Ведь она микогенская, стало быть, предмет из безнадежно отсталого мира.

— А ты считаешь, она достойна внимания?

— Безусловно. Как все на свете. Не исключено, что когда Челвик толковал о признаках упадка в Империи, он имел в виду и отсутствие интереса к этим Книгам.

Селдон любовно погладил обложку и сказал:

— Но я — человек любопытный и прочитаю ее, и, может быть, она наведет меня на какую-то мысль относительно психоистории.

— Надеюсь, — Дорс пожала плечами. — Но если хочешь моего совета, я бы порекомендовала тебе для начала высстаться как следует. Утро вечера мудренее. Немного вычитаешь, если будешь носом клевать.

Селдон слегка растерялся, потом воскликнул:

— Ну, ты прямо как мамочка заботливая!

— Я должна заботиться о тебе.

— Но у меня мама жива пока, Я бы предпочел, чтобы ты была моим другом.

— Если на то пошло, я стала твоим другом, как только мы познакомились.

Она улыбнулась, а Селдон снова растерялся. Наконец он сказал со вздохом:

— Ну что ж, тогда я внимлю твоему дружескому совету и отправляюсь на боковую.

Он собрался было положить Книгу на тумбочку между кроватями, но передумал и сунул под подушку. Дорс тихонько рассмеялась.

— Можно подумать, ты боишься, что я проснусь среди ночи и начну взахлеб читать. Боишься, да?

— Ну... — Селдон покраснел. — Не без того. Дружба дружбой, но книжка моя, и психоистория тоже.

— Согласна, — сказала Дорс. — Обещаю, ссориться с тобой из-за нее я не собираюсь. Кстати, ты хотел что-то сказать, а я тебя перебила. Помнишь?

Селдон ненадолго задумался и ответил:

— Нет, не помню.

Свет погас. Он думал только о Книге. Рассказ Дорс о «руке на бедре» совершенно вылетел у него из головы.

47

Дорс проснулась посреди ночи. Кровать Гэри была пуста. Если он не ушел совсем, быть ему было негде, кроме как в ванной.

Дорс тихонько постучала в дверь ванной и шепотом спросила:

— Гэри?

— Входи, — отсутствующе отозвался Селдон.

Крышка унитаза была опущена. Гэри восседал на ней, не спуская глаз со страницы Книги.

— Я читаю, — пояснил он неизвестно зачем.

— Вижу. Но почему?

— Прости, но я не мог заснуть.

— Но почему здесь?

— Если бы я зажег свет, я бы тебя разбудил.

— Но, может быть, у Книги есть подсветка?

— Нету. Я проверял. И Капелька Сорок Третья о подсветке ни слова не сказала. Да это и так ясно: подсветка съедала бы массу энергии, и батарейка долго бы не протянула.

Голос у него был недовольный.

— Ладно уж, выходи, — вздохнула Дорс. — Я хочу воспользоваться этим помещением по прямому назначению.

Выходя из ванной, Дорс увидела, что Гэри сидит на кровати, скрестив ноги, а под потолком сверкает лампа.

— Слушай, а чего это ты такой расстроенный? — поинтересовалась Дорс. — Что, Книга разочаровала тебя?

Оторвавшись от страницы, часто моргая, он ответил:

— Да, представь себе. Я ее пролистал. В общем, это какая-то энциклопедия. Тут перечислены имена каких-то людей, названия — мне это ровным счетом ничего не дает. Тут нет ни слова о Галактической Империи и даже о доимперских царствах. Речь все время идет о каком-то единственном мире. Словом, судя по тому, что я успел прочесть, это какая-то бесконечная диссертация на тему внутренней политики.

— Нужно, вероятно, сделать скидку на древность. Очень может быть, она имеет отношение к тому времени, когда и вправду существовал только один-единственный мир. Единственный обитаемый.

— Да все я понимаю! — раздраженно махнул рукой Селдон. — Мне-то нужно убедиться в одном: что это настоящая, истинная история, а не легенда. Я не хочу верить, что это так только из-за того, что мне до смерти хочется, чтобы это было так.

Дорс пожала плечами.

— Ну, что сказать? Вопрос о единственной планете, откуда пошел род человеческий, сейчас в большом ходу. Люди — единственные разумные существа, распространившиеся по всей Галактике, значит, они должны были где-то зародиться. По крайней мере, такова одна из самых распространенных в наше время гипотез. Вряд ли могло быть так, чтобы у одного вида были разные источники.

— Не вижу, почему бы эту гипотезу нельзя было оспорить, — не согласился Селдон. — Разве не могло быть так, что на разных планетах зародились разные виды людей, а потом за счет скрещивания образовался некий промежуточный вид?

— Виды не могут скрещиваться. Потому они и называются видами.

Селдон немного подумал, потом махнул рукой.

— Ладно, это пусть биологи разбираются. Это их дело.

— Вот именно биологи больше всего и склоняются к гипотезе о Земле.

— Земле? Что, так они называют мир-прадорину человечества?

— Так принято называть эту планету, хотя теперь уже невозможно выяснить, так ли она называлась в действительности, если и существовала на самом деле. И потом, никто на свете не

знает, где она находилась.

— Земля! — поджал губы Селдон. — Пустой звон. В Книге мне такого названия не встретилось. Как пишется это слово?

Дорс сказала слово по буквам, а Селдон быстро пробежал глазами указатель.

— Ну вот. В указателе такого названия нет. Ни в таком написании, ни в других возможных вариантах.

— Правда?

— А вот кое-какие другие миры упоминаются. Без названий, правда. Похоже, другие миры составителей этой Книги попросту не интересовали. Упоминаются они только в связи с какими-то вмешательствами во внутренние дела того мира, о котором тут идет речь, — по крайней мере, это следует из того, что я пока успел прочитать. В одном случае упоминается «Пятьдесят», но о ком или о чем речь, я не понял. Пятьдесят вождей? Пятьдесят городов? Мне почему-то показалось, что речь идет о пятидесяти мирах.

— Но разве у этого мира, о котором там говорится, нет имени? Авторы никак его не называют? — спросила Дорс. — Если не Землей, как они его называют?

— Да никак. То «мир», то «планета». Иногда мелькает что-нибудь вроде «старейшая» или «Мир Утренней Заря». Вероятно, у последнего определения есть какой-то поэтический смысл, но мне он не ясен. Наверное, придется прочитать Книгу от корки до корки, тогда выплынет какой-то смысл. — Селдон посмотрел на Книгу с некоторой неприязнью. — Вот только времени на это уйдет уйма, а стану ли я в конце концов умнее, это еще большой вопрос.

— Как мне тебя жалко, Гэри, — вздохнула Дорс. — Ты говоришь так разочарованно.

— Да я действительно разочарован! Хотя... сам виноват. Не надо было обольщаться. ...Правда, в одном месте они называют свой мир... ты подумай только... — Аврора.

— Аврора? — переспросила Дорс и удивленно вскинула брови.

— Похоже, это настоящее название. Но что оно значит? Тебе оно о чем-нибудь говорит, Дорс?

— Аврора... — задумчиво проговорила Дорс. — Не припомню, чтобы я когда-нибудь слыхала о планете с таким названием. Но в конце концов, я и не обязана знать названия всех двадцати пяти миллионов миров. Можно было бы навести справки в университетской библиотеке, но кто знает, когда мы теперь вернемся в Стрилинг. Здесь, в Микогене, искать библиотеку, мне кажется, совершенно бесполезно. Почему-то у меня такое чувство, что все их знания собраны в этой Книге. Все, что в нее не входит, их попросту не интересует.

Селдон зевнул и сказал:

— Наверное, ты права. Во всяком случае, дальше читать пока бесполезно. У меня уже глаза слипаются. Не возражаешь, если я выключаю свет?

— Нисколько не возражаю. Давай спим подольше. В наступившей темноте Селдон сказал вполголоса:

— Безусловно, многое, о чем там пишется, выглядит по меньшей мере странно. Ну, например, они утверждают, что продолжительность жизни у них на планете составляла — четыре столетия.

— Столетия?

— Да, и считают они не годами: а десятилетиями. Возникает какое-то странное чувство. Столько всякой дребедени, и вдруг какие-то настоящие цифры. Просто не верится. И все-таки что-то тут есть такое... Так написано, что начинаешь верить.

— Ничего удивительного. Во многих легендах вожди живут очень долго. Герои, сам понимаешь. Должны жить немыслимо долго.

— Правда? — зевая, спросил Селдон.

— Правда. И один из секретов долголетия заключался в том, чтобы вовремя ложиться спать и оставлять важные дела на утро.

Селдон только успел задуматься о том, что как хорошо бы на самом деле стать долгожителем: ведь тогда ионе понять все, что происходит в Галактике, был бы намного больше, — и уснул сладким сном.

На следующее утро, бодрый и отдохнувший, Селдон, перед тем как снова углубиться в чтение Книги, спросил у Дорс:

– Послушай, как тебе кажется, а сколько лет Сестрам?

– Не знаю, – пожала плечами Дорс. – Двадцать-двадцать два.

– А тебе не кажется, что им лет эдак триста-четыреста?

– Гари, ты спятил, не иначе.

– Я говорю: «не кажется ли»? В математике все основано на предположениях. Большая продолжительность жизни наверняка должна быть связана с задержкой в развитии. На вид им может быть двадцать, а на самом деле – все шестьдесят.

– Ну и спроси у них, сколько им лет.

– Они могут солгать.

– Не знаю. Попроси показать свидетельства о рождении.

– Готов поспорить на что угодно – они заявят, что у них нет никаких свидетельств. А если есть, они скажут, что не имеют права показывать их варварам.

– Не надо спорить. Если это так, то нечего вообще гадать о том, сколько им лет.

– Ну уж нет! Ты подумай хорошоенько. Если у микогенцев действительно такая сумасшедшая продолжительность жизни, если она превышает среднюю продолжительность жизни обычного человека раза в три-четыре, рожаемость должна быть ограничена, иначе получался бы колоссальный прирост населения. Помнишь, Протуберанец обмолвился насчет того, что население у них не растет. Он еще как-то сердито про это сказал.

– К чему ты клонишь? – нахмурилась Дорс.

– Сколько я ни ходил с Капелькой Сорок Третьей, я нигде не встречал детей.

– На микроферах?

– Да.

– Но откуда там взяться детям? А вот когда мы мотались с Капелькой Сорок Пятой по магазинам, я видела детей. Всяких, в том числе и грудных. Немного, но видела.

– Ага… – разочарованно протянул Селдон. – Значит, им не в радость долголетие… Они не предаются его радостям сполна.

– Значит, так. Но неужели ты действительно решил, что они могут столько жить?

– Да нет, не то чтобы так уж и решил. Просто предположил.

– Знаешь, на такие предположения можно столько времени зря потратить! Стоит ли тратить время на такую чепуху?

– Знаешь, порой то, что кажется чепухой, на самом деле оказывается весьма важным. Кстати. Ты же у нас историк. Скажи, в своей работе тебе никогда не встречалось упоминания о предметах или явлениях под названием «роботы»?

– Ага! Значит, ты натолкнулся еще на одну легенду. Надо сказать, она гораздо более известна. Видишь ли. в некоторых мирах верят в существование машин в обличье людей. Они, якобы, существовали в доисторические времена. Вот их-то и называли роботами.

Все рассказы о роботах, видимо, происходят из какого-то одного источника, поскольку основной сюжет всегда один и тот же. После того как роботы были созданы, число их непрерывно росло, росли и их способности, и в конце концов они достигли уровня сверхлюдей. Они угрожали человечеству и были поэтому уничтожены. Уничтожение их произошло, судя по легендам, задолго до того времени, когда появились первые более или менее достоверные исторические записи. Как правило, при чтении этих легенд возникает такое чувство, что они представляют собой живописание символической картины освоения Галактики, когда люди покинули свой родной мир и странствовали по Галактике, встречаясь с непрерывными опасностями. Тогда, по всей вероятности, был исключительно силен страх встречи с другими разумными существами, может быть, более сильными.

– Может быть, так и случилось? – спросил Селдон. – Может быть, такая встреча на самом деле произошла и породила легенду?

– Можно было бы такое предположить, однако ни в одном из миров, ранее не заселенных людьми, не было найдено никаких следов какой-либо дочеловеческой и нечеловеческой цивилизации.

- Но почему их называли «роботами»? Есть у этого слова какое-нибудь значение?
  - Точно не знаю, но, вроде бы, это эквивалент слова «автомат».
  - Автомат? Почему же их тогда не назвали автоматами?
  - Понимаешь, в легендах всегда встречаются древние, иногда безнадежно устаревшие слова и термины. Это придает особый колорит. Да, кстати, а почему ты об этом спрашиваешь?
  - Потому что в этой книге идет речь о роботах. Причем, надо отметить, отношение к ним высказывается весьма и весьма благосклонное. Послушай, Дорс, ты куда-нибудь пойдешь с Капелькой Сорок Пятой?
  - Может быть. Если она появится.
  - Ты не могла бы задать ей несколько вопросов и попытаться выудить ответы?
  - Попробовать можно. Что за вопросы?
  - Мне бы хотелось разузнать – только умоляю, как можно тактичнее! – существует ли в Микогене какая-то прослойка населения, которая как-то по-особенному связана с прошлым, у которой есть какие-то мифические признаки, которая способна…
- Дорс прервала, стараясь не улыбаться.
- По-моему, ты просто хочешь узнать, есть ли в Микогене храм.
- Селдон удивился и спросил:
- Что такое «храм»?
  - Еще одно древнее понятие. Но в нем совмещается все то, о чем ты спрашиваешь, – исключительность, мифичность, прошлое. Хорошо, я спрошу. Хотя очень может быть, что о таких вещах тут не принято болтать с первым встречным, тем более – с варварами.
  - И все-таки попробуй.

Глава одиннадцатая Святынище

Аврора – легендарная планета, заселенная, вероятно, в доисторические времена. Заселение ее относится, по всей видимости, к закату эры межзвездных перелетов. Некоторые считают ее мифическим «первичным миром» – прародиной человечества, а название планеты – вариантом названия «Земля». Народ Микогена, сектора древнего Трентора, считал, что его предки родом с Авроры, и эта догма стала главной в микогенской системе верований, о которой известно крайне мало…

Галактическая энциклопедия

49

Обе Капельки явились утром. Капелька Сорок Пятая, по обыкновению, была весела, а ее сестра застыла на пороге в нерешительности. Смотрела в пол, видимо, опасаясь встретиться взглядом с Селдоном.

Селдон не знал, как себя вести, и подмигнул Дорс. Та весело, по-деловому обратилась к девушкам:

– Одну минутку, Сестры. Мне нужно кое-что объяснить моему другу, а то он не знает, чем ему сегодня заняться.

Они шмыгнули в ванную. Дорс шепотом спросила:

– Что-нибудь не так?

– Да. Капелька Сорок Третья явно смущена. Скажи ей, что я постараюсь вернуть Книгу как можно скорее.

Дорс смерила Селдона удивленным взглядом.

– Гэри, – сказала она, покачивая головой, – ты, конечно, исключительно внимателен и заботлив, но хитрости тебе явно недостает. Как ты не понимаешь, что как только я заикнусь о Книге, эта несчастная девица сразу поймет, что ты мне рассказал все-все о том, что случилось

вчера, и вот тогда-то она смутится окончательно. Единственный выход – вести себя с ней так, как обычно.

Селдон обреченно кивнул и сказал:

– Может, ты и права.

Вернулась Дорс как раз к обеду. Селдон лежал на кровати, нетерпеливо перелистывая Книгу. Угрюмо взглянув на Дорс, он пробурчал:

– Если придется тут задержаться, неплохо было бы обзавестись каким-нибудь средством связи. Я не знал, когда ты вернешься, и, признаться, беспокоился.

– Ну, вот она я, вернулась, – улыбнулась Дорс, стянула с головы шапочку и с неприязнью посмотрела на нее. – Правда? Ты волновался? Как приятно. А я, честно говоря, думала, что ты так поглощен чтением Книги, что и не заметишь моего отсутствия.

Селдон фыркнул.

– Что касается средства связи, – сказала Дорс, – то думаю, что в Микогене нам вряд ли удастся раздобыть что-либо подобное. Ведь это означало бы, что варвары, находящиеся здесь, и те, что за границей Микогена, могли бы поддерживать связь между собой, а цель нынешней политики – всеми силами препятствовать каким-либо внешним сношениям.

– Точно, – кивнул Селдон, отложив Книгу. – Собственно, это видно из того, что тут написано. А тебе что-нибудь удалось разузнать об этом... как ты его назвала? – ...храме?

– Да, – кивнула Дорс, отклеивая ленточку с бровей. – Он существует. И не один. Храмы разбросаны по всему сектору, но существует одно, главное здание. ...Слушай, ты не поверишь, одна женщина заметила мои подкрашенные ресницы и заявила, что мне не следует показываться на людях. У меня есть опасение, что она на меня донесет за аморальное поведение!

– Ладно, не бойся, – нетерпеливо махнул рукой Селдон. – Ну, и что же, выяснила ты, где находится этот главный храм?

– Я поняла, где он находится, но Капелька Сорок Пятая предупреждала меня о том, что женщин внутрь допускают только по особым случаям. И таких случаев в ближайшее время не предвидится. А называется это место Святилищем.

– Как-как?

– Святилищем.

– Удивительно неуклюжее слово. Что оно означает?

Дорс покачала головой.

– Я его тоже впервые слышу. И ни одна из Капелек не смогла мне объяснить, что оно значит. Для них «Святилище» – это не название здания, а его сущность. Спрашивать у них, почему оно так называется, это все равно что спрашивать, почему стена называется стеной.

– Ну хорошо, что же в таком случае они знают об этом заведении?

– Кое-что знают, Гэри. Они знают, для чего оно предназначено. Это место посвящено чему-то, отличному от обыденной жизни в Микогене. Другому, прежнему, более прекрасному миру.

– Тому миру, где они жили раньше?

– Точно. Капелька Сорок Пятая... в общем, еще бы чуть-чуть, и она именно так бы и сказала. Но слова произнести не посмела.

– Авроре?

– Да. Но у меня такое подозрение, что если бы ты произнес это слово вслух при большом скоплении народа, люди бы попросту испугались. Капелька Сорок Третья только и успела сказать: «Святилище посвящено...», потом запнулась, а потом вывела буквы пальцем на ладони. Да еще и зарделась, словно совершила что-то запретное.

– Странно, – нахмурился Селдон. – Если эта Книга – их главное руководство, учебник жизни, так сказать, стало быть, Аврора – самое дорогое из всех воспоминаний, краеугольный камень их мировоззрения, ось, вокруг которой вертится весь Микоген. Почему же упоминание о ней запрещено? Ты уверена, что поняла все правильно?

– Да, Гэри. Скорее всего, ничего загадочного тут нет. Если бы об этом болтали напропалую, информация просочилась бы за пределы Микогена, попала бы к варварам. И лучший способ избежать этого – сделать из самого упоминания об этом мире табу.

– Табу?

– Это такой специальный антропологический термин. Табу – это разновидность запрета на какие-то действия. Ну вот, например, в здешнее Святилище не допускают женщин – наверняка это связано с каким-то табу. Уверена, любая Сестра умерла бы от ужаса, если бы ей предложили нарушить запрет.

– А ты хорошо поняла, где находится Святилище? Сможешь мне объяснить, чтобы я сам сходил туда?

– Во-первых, Гэри, один ты туда не пойдешь. Я пойду с тобой. Я считала, что этот вопрос мы уже обсудили и закрыли. На расстоянии я не могу защитить тебя ни от снежной бури, ни от страстных женщин. И потом, мне кажется, что не стоит особо обольщать себя мыслью о том, чтобы попасть в Святилище. Во-вторых, туда не дойти пешком. Микоген, конечно, маленький сектор, но не настолько маленький.

– Ну хорошо, а на экспрессе?

– Маршруты экспресса не пролегают по микогенской территории. Это бы чересчур облегчило контакты между микогенцами и варварами. Но кое-какой транспорт тут все-таки есть. Что-то такое безнадежно устарелое, что в ходу лишь на отсталых планетах. Собственно, сам Микоген – словно кусочек отсталой планеты, вырезанный откуда-то и вставленный в тело Трентора. … Да, Гэри, заканчивай чтение как можно скорее. Капелька Сорок Третья волнуется. Отдав тебе Книгу, она тоже нарушила какой-то запрет, и если это выяснится, ей может здорово нагореть.

– Хочешь сказать, что давать эту Книгу варвару – тоже табу?

– Уверена.

– Ну что ж. Можно отдать хоть сейчас. Потеря невелика. Я бы сказал так: девяносто пять процентов содержания – скука смертная: бесконечное описание борьбы политических группировок, бесконечное восхваление политиков, о мудрости которых судить крайне трудно, бесконечные рассуждения на темы морали, и ото всего этого разит таким самодовольствием, что просто рассвирепеть можно.

– Выходит, ты только обрадуешься, если я заберу у тебя Книгу?

– В общем и целом, да. Но оставшиеся пять процентов посвящены Авроре, которая почти никогда не называется своим именем. Думаю, в этом что-то есть, и я склонен полагать, что мог бы извлечь из этого кое-какую пользу. Вот потому-то я и хочу отправиться в Святилище.

– Ты думаешь, в Святилище ты сумеешь больше узнать об Авроре?

– Может быть. И еще: меня просто захватила эта тема – об автоматах, или как их там… роботах. Это очень интересно.

– Уверена, ты не принимаешь этого всерьез?

– Как раз наоборот. Почти всерьез. Если понять содержание некоторых фрагментов книги буквально, получается, что некоторые роботы выглядели совсем как люди.

– Конечно, Если собираешься изготовить имитацию человека, какой же ты ее сделаешь? Естественно, ты придашь устройству форму тела человека.

– Да, это понятно. Имитация предполагает сходство, но сходство ведь может быть весьма приблизительным, Художник, допустим, набросает карикатурную фигурку, но ты поймешь, что он нарисовал человека. Голова – кружочек, тело – палочка, ручки и ножки зигзагами, вот и все, Но дело в том, что роботы были потрясающе похожи на людей. Абсолютно похожи.

– Глупости, Гэри. Ты только представь, сколько времени уйдет на то, чтобы создать верные пропорции металлического тела, сымитировать очертания мускулатуры.

– При чем здесь «металлическое тело», Дорс? У меня полное впечатление, что с какого-то времени началось производство органических или псевдоорганических роботов. Их тело покрыто кожей, и выглядели они совсем как люди – не отличить.

– Что, так написано в Книге?

– Буквально несколько слов. Но впечатление такое…

– Твое впечатление, Гэри. Твое. Я бы не стала принимать этого всерьез.

– Погоди. Послушай меня. Из всего того, что в этой Книге написано о роботах, я сделал четыре вывода. Первое; как я уже сказал, некоторые из них являлись точными копиями людей. Второе: продолжительность их жизни была необычайно велика.

— Ой, только не говори «жизни», — поморщилась Дорс. — Хотя бы — «деятельности». А то уж и вправду получается все как у людей.

— Третье, — продолжал Гэри, не обратив внимания на ее замечание. — Некоторые из них, по крайней мере, один, живы доныне.

— Гэри, так говорятся в легендах. Древний герой, дескать, не умер, а пребывает в состоянии анабиоза, и вернется к жизни, когда придет время спасать его народ. Ну, Гэри, что ты, в самом деле!

— Четвертое, — не сдавался Селдон. — В нескольких строчках речь идет об этом самом храме, или Святилище. Правда, в Книге оно так не называется, но зато говорится, что там находится этот самый робот. — Немного помолчав, он тихо спросил; — Ну, понимаешь теперь?

— Нет, — покачала головой Дорс. — Что я должна понять?

— Если связать воедино все четыре вывода, то есть: робот может выглядеть совсем как человек, он все еще жив, прожил двадцать тысячелетий и находится в Святилище.

— Нет, Гэри, не пытайся убедить меня. Не может быть, чтобы ты в это поверил.

— Не могу сказать, чтобы я действительно в это верил, но и отмахнуться не могу. А что, если это правда? Пускай один шанс из миллиона — а вдруг все-таки правда? Неужели ты не понимаешь, как это важно для меня. Ведь этот робот может *помнить* Галактику такой, какой она была задолго до того, как появились первые исторические записи. Он мог бы помочь мне в создании психоистории.

— Но даже если это так, неужели ты надеешься, что микогенцы впустят тебя в Святилище и позволят допрашивать робота?

— А я не собираюсь просить разрешения. Для начала я хочу проникнуть в Святилище и посмотреть, есть ли там тот, кого я хотел бы допросить.

— Но... не сегодня же? Хотя бы завтра. Если к утру не передумаешь, пойдем, вместе.

— Не ты ли сама сказали мне, что женщин туда не пускают?

— Не сомневаюсь, снаружи женщинам можно смотреть на Святилище, и почти уверена: большего нам обоим сделать не удастся.

50

Селдон целиком и полностью положился на Дорс. По микогенским улицам она ходила чаще его и чувствовала себя здесь намного увереннее.

Однако Дорс особой уверенности не ощущала.

— Имей в виду, — предупредила она довольно хмуро, — мы запросто можем заблудиться.

— Почему? У нас же есть карта-путеводитель. Дорс сердито стрельнула глазами в Гэри.

— Мы в Микогене, Гэри, не забывай. Нужна бы была компьютерная карта, такая, чтобы можно было задать вопрос и получить ответ. У микогенцев эту функцию выполняет, как видишь, кусок пластика с обозначениями. Я не могу объяснить пластику, где я нахожусь — ни голосом, ни нажиманием кнопочек. Это напечатанная вещь. Понимаешь? Ориентироваться по ней можно только глазами.

— Ну так прочитай, что там напечатано!

— Я как раз этим и занимаюсь, но она составлена, эта карта, для тех, кто тут привык ориентироваться. Все равно придется спрашивать дорогу.

— Нет, Дорс. Только в самом крайнем случае. Мне не хотелось бы привлекать внимания. Лучше попробовать самим найти дорогу. Пусть мы будем блуждать, путаться, но только сами.

Дорс склонилась над картой, пригляделась повнимательнее и наконец проговорила:

— Так... Ну что ж, Святилище здесь так или иначе обозначено. И это вполне естественно. Вероятно, всякому микогенцу приходится время от времени туда добираться. — Приглядевшись еще внимательнее, она сказала: — Но прямой дороги туда отсюда нет.

— Что?

— Погоди, не волнуйся, Наверняка, можно сначала добраться до другого места, откуда идет какой-то транспорт до Святилища. Придется сделать пересадку.

Селдон облегченно вздохнул.

— Ну, слава богу. Конечно, что тут такого? Пересадки — дело обычное даже на Тренторе.

То есть, в других секторах Трентора.

— Можно подумать, я этого не понимаю! — огрызнулась Дорс. — Просто я привыкла к говорящим путеводителям. А когда ищешь дорогу сам, самые простые вещи могут запросто не прийти в голову.

— Ладно, дорогая. Не ворчи. Если ты уже поняла, как туда добираться, веди. Я последую за тобой.

И они отправились в путь. Шли и шли, пока наконец не добрались до остановки.

Народу на остановке было немного — трое мужчин в белых кертилах и парочка женщин в серых. Селдон дружелюбно улыбнулся, но вся компания широко раскрыла глаза, и все как один отвернулись.

Тут как раз подкатило пресловутое транспортное средство. Будь Селдон сейчас на Геликоне, он бы назвал его автобусом. Внутри оказалось около двадцати сидений со спинками, на каждое из которых могло усесться по четыре человека. Около каждого сиденья располагалась отдельная дверца. На остановках пассажиры могли свободно выходить с обеих сторон автобуса. (Селдон задумался было, а каково приходится тем пассажирам, которые вынуждены выходить на ту сторону, по которой движется встречный поток транспорта, но довольно скоро заметил, что, как только автобус подъезжал к очередной остановке, встречные машины сразу останавливались и ждали, пока не сойдут все пассажиры.)

Дорс подтолкнула Селдона к сидению, где было два свободных места. Селдон занял место, Дорс села рядом с ним. (Мужчины, как заметил Селдон, входили и выходили первыми.)

— Прекрати глязеть на людей, — прошипела Дорс на ухо Селдону. — Не забывай, где ты находишься.

— Попытаюсь.

— Смотри-ка, — кивнула Дорс, указывая на узкий плоский экран на спинке предыдущего сиденья. Как только автобус тронулся, на экране замерцали буквы — название следующей остановки и названия важных учреждений или строений, мимо которых пролегал маршрут.

— По идеи, — сказала Дорс, — с помощью этой штуковины мы должны узнать, когда нам нужно пересаживаться.

— Хорошо, — кивнул Селдон. Немного погодя он наклонился к Дорс и прошептал: — Никто на нас не смотрит. Я уже заметил: так обстоит дело в любом многолюдном месте. Искусственные границы выстраиваются для того, чтобы сохранить право на индивидуальность. Ты о таком никогда не задумывалась?

— Я всегда принимала это как данность. Если ты собираешься взвести такое элементарное явление в ранг правила для своей психоистории, имей в виду, ты никого не удивишь.

Дорс оказалась совершенно права; вскоре светящийся экран предупредил их о том, что автобус приближается к тому месту, где им нужно было сойти и сделать пересадку на другой, который шел прямо до Святилища.

Они сошли и стали ждать другого автобуса.

Пока автобус не подошел, Селдон успел заметить, что в нужном направлении уже ушло несколько автобусов. Значит, маршрут этот оживленный. «Ничего удивительного, — решил Селдон. — Наверняка, Святилище — своеобразный центр сектора».

Вскоре подкатил автобус, они вошли и заняли места, Селдон взволнованно прошептал:

— Дорс, мы и в тот раз ничего не платили, и теперь...

— Судя по путеводителю, общественный транспорт тут бесплатный.

Селдон выпятил нижнюю губу.

— Подумать только... Какая цивилизованность! Вот тебе и отсталость!

— Твоё правило нарушено, — сообщила Дорс шепотом. — На нас смотрят. Мужчина справа от тебя.

смоль, волосы.

«Необычный какой-то Брат. Нетипичный», — подумал Селдон, отведя взгляд и глядя прямо перед собой. До сих пор почти все Братья, которые встречались ему в Микогене, были высокие, светлокожие, и глаза у них были, как правило, серые или голубые, Правда, не так много он видел Братьев, чтобы делать какие-то обобщения.

Но тут что-то легонько коснулось правого рукава его кертла. Селдон робко обернулся и увидел карточку с торопливо нацарапанными словами: «Осторожнее, варвар!»

Селдон вздрогнул и инстинктивно поднес руку к шапочке. Мужчина, сидевший справа от него, одними губами произнес:

— Волосы.

Тут рука Селдона нашупала непослушную прядь волос, выбившуюся из-под шапочки на виске. Как можно быстрее и незаметнее он заправил волосы под шапочку и проверил, все ли в порядке, притворившись, что почесывает лысину.

— Спасибо, — прошептал Селдон, повернув голову к соседу.

Сосед улыбнулся и довольно громко спросил:

— В Святилище направляешься?

— Да, — кивнул Селдон.

— Нетрудно догадаться. Я тоже. Выйдем вместе? — дружелюбно улыбнулся он.

— Но я не один. Со мной моя... моя...

— Твоя женщина? Значит, выйдем втроем? Селдон даже не знал, что ответить. Он скосил взгляд влево. Дорс смотрела прямо перед собой, не обращая, казалось, никакого внимания на мужскую беседу — ну прямо истинная, хорошо воспитанная Сестра. Однако она ухитрилась легонько коснуться своим коленом колена Селдона, как бы говоря: «Все в порядке».

— Да, конечно, — вежливо ответил незнакомцу Селдон.

Потом они больше не разговаривали с соседом, но вот табличке оповестила их о том, что следующая остановка — Святилище, и новый знакомец Селдона поднялся, приготовившись к выходу.

Автобус резко повернулся, объезжая вокруг парка, и вскоре остановился. Началась жуткая суетолока. Мужчины проталкивались вперед, стараясь обогнать женщин. Женщины покорно уступали им дорогу.

Голос микогенца был чуть хрипловатым, но приятным.

— Друзья мои, — сказал он. — Вы не против, если я вас буду так называть? Друзья мои, завтракать еще рановато, но вы уж мне поверьте, имеет смысл перекусить. Если вы не против, я бы вам посоветовал купить какой-нибудь еды и перекусить на воздухе. Я хорошо знаком с этими местами и помогу вам разыскать уютный уголок.

Селдон немного встревожился — уж не хитрый ли это трюк, чтобы заманить ничего не подозревающих варваров в ловушку? Однако он решил рискнуть.

— Вы очень добры, — сказал он. — Мы тут совершенно ничего не знаем, так что с радостью принимаем ваше любезное предложение.

Вскоре они уже нагрузились покупками, купили с уличного лотка сандвиши и какой-то молочный напиток. Микогенец предложил позавтракать в парке около Святилища.

По пути, глядя на Святилище, Селдон отметил, что здание немного напоминает Дворец Императора и парк чем-то похож на окрестности Дворца. Трудно было предположить, что на подобную достройку микогенцев вдохновила архитектура Дворца, но тем не менее зданию было не отказать в своеобразной красоте.

— Красиво, правда? — с нескрываемой гордостью спросил микогенец.

— Очень, — подтвердил Селдон. — Все сверкает! Замечательно!

— А парк вокруг Святилища, — пояснил микогенец, — разбит наподобие того, что когда-то красовался около здания правительства в нашем Мире Утренней Зари — но, конечно, наш гораздо миниатюрнее.

— Скажите, а парк около Дворца Императора вы никогда не видели? — спросил Селдон осторожно.

Микогенец понял намек, но не счел его ни в коей мере оскорбительным.

— Они тоже старались скопировать то здание в Мире Утренней Зари.

Вскоре троица подошла к полукруглой скамейке из белого камня, радостно сверкавшей в лучах утреннего солнца, как и само здание.

— Хорошо, — взгляд микогенца выражал удовольствие. — Мое любимое местечко не занято. Я зову его своим, потому что это моя любимая скамейка. Отсюда открывается сквозь деревья прекрасный вид на боковую стену Святилища. Прошу садиться. Камень не холодный, не бойтесь. И твоя спутница пусть тоже садится. Она варварша, и у нее другие привычки. Но она... она может принять участие в беседе, если хочет.

Дорс зыркнула на микогенца, но промолчала и села.

Селдон, понимая, что хочешь не хочешь, а придется провести какое-то время с новым знакомым, протянул руку и представился:

— Меня зовут Гэри, а мою спутницу — Дорс. Числительными, вы уж простите, мы не пользуемся.

— Каждому свое, — кивнул микогенец. — Меня зовут Мицелий Семьдесят Второй. У нас очень многочисленная когорта.

— Мицелий? — несколько обескураженно переспросил Селдон.

— Вы удивлены? Вы, наверное, до сих пор общались только с членами старейших семейств. У них имена типа «Туча», «Солнечный Свет», «Звездное Сияние» и тому подобные — все такие, астрономические.

— Должен признаться, — начал было Селдон, но Мицелий прервал его.

— Ну, а теперь познакомьтесь с представителем низшего слоя. Наши имена происходят от всего, что имеет отношение к земле и тому, что на ней произрастает. Вполне уважаемые имена.

— Нисколько не сомневаюсь, — кивнул Селдон. — Кстати, позвольте вас поблагодарить за тот совет, что вы мне дали в автобусе.

— Знаете, — признался Мицелий Семьдесят Второй, — я и правда спас вас от большой беды. Если бы ваши выбившиеся из-под шапочки волосы до меня увидела какая-нибудь Сестра, она бы обязательно закричала, а первый попавшийся Брат вышвырнул бы вас из автобуса, не дожидаясь остановки.

Дорс чуть-чуть наклонилась вперед, чтобы задать вопрос микогенцу.

— А почему вы не сделали этого сами?

— Я? Видите ли, я не питаю неприязни к варварам. Я ученый.

— Ученый?

— Первый в своей когорте. Я учился в школе при Святилище и закончил ее весьма успешно. Я обучен всем древним наукам и теперь обладаю правом посещать особую библиотеку, где собраны книги, написанные варварами, и читать любую. У нас там имеются даже компьютерные справочники, и я умею с ними обращаться. Это очень помогает расширению кругозора. Так что меня совершенно не раздражает такая мелочь, как выбившиеся из-под шапочки волосы. Я не раз видел в книгах репродукции и рисунки, где изображены люди с пышными шевелюрами. Мужчины и женщины, кстати, — сообщил он, бросив быстрый взгляд на Дорс.

Какое-то время они молча жевали сандвичи. Молчание нарушил Селдон.

— Я обратил внимание, что у каждого Брата, который входит в Святилище и выходит из него, есть красная сумочка.

— О да, — кивнул Мицелий Семьдесят Второй. — Переброшена через левое плечо и свисает справа от талии. Обычно их затейливо украшают.

— Но для чего они нужны?

— Называются они «обиа» и символизируют радость от входа в Святилище и цвет крови, которую каждый готов пролить, чтобы сохранить его.

— Крови? — неприязненно переспросила Дорс.

— Это просто символ. Никогда не слышал, чтобы кому-то на самом деле пришлось пролить кровь ради спасения Святилища. Да и радости, откровенно говоря, мало. Там только плачут, рыдают и скорбят об утраченном Мире. — Он помолчал и сказал тихонько: — Ужасно глупо.

— Значит, вы — неверующий? — спросила Дорс.

— Я ученый, — с нескрываемой гордостью ответил Мицелий. Он усмехнулся, и лицо его

избородили морщинки. Он сразу постарел. Селдону вдруг стало интересно, сколько лет новому знакомому. Несколько веков? Нет, этого не может быть, но все-таки...

— Сколько вам лет? — вырвалось у Селдона. Вопрос, похоже, нисколько не задел Мицелия Семьдесят Второго. Он как ни в чем не бывало ответил:

— Семьдесят два.

Но Селдон не удовлетворился таким ответом.

— А я слыхал, что в прежние, давние времена Представители вашего народа жили очень долго — по нескольку веков.

Мицелий Семьдесят Второй немного удивленно посмотрел на Селдона.

— А откуда у тебя такие сведения? Вряд ли кто-то мог такое рассказать. Хотя это правда. То есть, некоторые верят, что это правда. А веру эту поддерживают Старейшины, поскольку этот факт служит убежденности в нашем превосходстве. Однако у нас действительно высокая продолжительность жизни. Это потому, что мы рационально питаемся. Но до ста лет у нас мало кто доживает.

— Я так понял, что лично вы не верите в превосходство микогенцев перед другими народами?

— Народ как народ, — пожал плечами Мицелий. — Во всяком случае, не хуже других. Но мне кажется, что все люди равны. Даже женщины, — подчеркнул он, взглянув на Дорс.

— Не думаю, — засомневался Селдон, — что многие в Микогене с вами согласились бы.

— Также, как и многие из ваших, — кивнул Мицелий Семьдесят Второй. — Но я в это верю. Ученый обязан в это верить. Я прочитал огромное количество варварской литературы. Я знаком с вашей культурой, понимаю и чту ее. Даже написал о ней несколько научных статей, И поэтому я сижу тут так спокойно и разговариваю с вами, словно вы — такие же, как мы.

— Похоже, вы гордитесь тем, что понимаете жизнь и обычай варваров, — немного раздраженно проговорила Дорс. — А за пределами Микогена вы когда-нибудь бывали?

— Нет, — несколько пристыженно ответил Мицелий Семьдесят Второй.

— Почему же? Ведь тогда вы узнали бы нас гораздо лучше.

— Я бы чувствовал себя неловко. Мне пришлось бы носить парик. Я бы стеснялся.

— Зачем вам парик? — удивленно спросила Дорс. — Могли бы оставаться лысым.

— Нет, — упрямо покачал головой Мицелий. — Я бы не сделал такой глупости. Все, у кого на голове растут волосы, тыкали бы в меня пальцем и дразнили не переставая.

— Дразнили? За что? — воскликнул Селдон, — Мой отец, к примеру, рано облысел, и мне кажется, у меня тоже есть такая склонность. Пройдет пара десятков лет, и я тоже стану лысым.

— Все равно... это не то... не такая лысина, — упорствовал Мицелий. — Остаются волосы по краям и над глазами... брови. Для меня «лысый» — это когда совсем нет волос. Никаких.

— Нигде на теле? — с любопытством спросила Дорс.

Тут уж Мицелий Семьдесят Второй, похоже, оскорбился по-настоящему. По крайней мере, вопрос Дорс оставил без ответа.

Селдон, желая сгладить неловкость и вернуться к начатому разговору, спросил:

— Скажите, пожалуйста, Мицелий Семьдесят Второй, дозволяется ли варварам входить внутрь Святилища?

— Никогда! — яростно затряс головой Мицелий. — Это позволено только Сыновьям Утренней Зари.

— Только Сыновьям? — уточнила Дорс.

Мицелий какое-то время молчал, утратив дар речи.

Наконец, овладев собой, он пробормотал:

— Вы же варвары, надо сделать скидку... Дочери Утренней Зари входят в Святилище только в определенные дни, в дни особых торжеств. Вот так все обстоит. Я не хочу сказать, что лично я одобряю такой порядок вещей. Если бы все зависело от меня, я бы сказал; «Входите все и радуйтесь, и наслаждайтесь, если сможете!»

— А вы сами были там когда-нибудь?

— Когда я был маленький, родители водили меня, но, — он покачал головой, — все, что я запомнил, так это то, что все там смотрят в Книгу, читают из нее отрывки и только вздыхают и плачут о прошлом. Там нельзя разговаривать, смеяться. Даже смотреть друг на друга нельзя.

Думать можно только об Утраченном Мире и больше ни о чем другом. Это не для меня, — Мицелий решительно взмахнул рукой. — Я ученый, и я хочу, чтобы мне был открыт весь огромный мир.

— Прекрасно сказано, — одобрительно кивнул Селдон, нащупавший, как ему казалось, лазейку, — Мы тоже ученые — и я, и Дорс.

— Знаю, — спокойно кивнул Мицелий Семьдесят Второй.

— Знаете? Откуда?

— Кем же вам еще быть? Из варваров в Микогене бывают только торговцы, политики и дипломаты, да еще ученые. А вы похожи только на последних. Вот это-то меня в вас и заинтересовало, — от души улыбнулся он.

— Вы не ошиблись. Я математик. Дорс историк. А вы?

— Я специалист по культуре. Я прочел очень много величайших произведений, написанных варварами — Лиссо, Ментоном, Новигором...

— А мы успели познакомиться с величайшим произведением вашего народа, — прервал его Селдон. — Я, например, прочел Книгу... Об Утраченном Мире.

Мицелий Семьдесят Второй широко раскрыл глаза. Удивлению его не было предела.

— Неужели? Но как? Где?

— У нас в Университете есть копии, которые можно прочесть при наличии специального допуска.

— Копии Книг?

— Да.

— Поразительно! Хотел бы я знать, ведомо ли это Старейшинам?

— И еще я там прочел про роботов, — сообщил Селдон.

— Про роботов?

— Да. И именно поэтому мне так хочется попасть в Святилище. Мне хотелось бы взглянуть на робота.

Дорс потянула Селдона за рукав, но он взял быка за рога и не обратил на ее предупреждение никакого внимания.

— Я в такие вещи не верю, — гордо проговорил Мицелий. — Ученым это не к лицу, — он воровато оглянулся по сторонам. Видимо, все-таки боялся, что кто-то его услышит.

Селдон не отступался.

— Я прочел, что робот до сих пор находится в Святилище.

— Не желаю болтать о такой чепухе, — пробурчал Мицелий Семьдесят Второй.

— Но если он в Святилище, — стоял на своем Селдон, — то где именно?

— Даже если бы он там был, я бы не смог тебе ничего подсказать. Я же там не был с детства.

— Но может быть, там есть какое-то особое место?

— Существует алтарь. Но туда входят только Старейшины. И там ничего нет.

— Вы там бывали?

— Нет, конечно, нет.

— Откуда же вы знаете, что там ничего нет?

— Я не знаю, что там нет гранатового деревца. Не знаю, что там нет лазерного органа, Я не знаю, что там нет миллиона всевозможных вещей. Если я об этом не знаю, разве это значит, что они там есть?

Селдон не сразу нашелся, что сказать. По лицу Мицелия Семьдесят Второго пробежала легкая усмешка.

— Логика ученого, — проговорил он. — Со мной не так просто разговаривать, И тем не менее я бы не советовал вам подниматься в алтарь Старейшин. Не думаю, чтобы вам понравилось то, что произойдет, если они заметят варваров в Святилище, не говоря уже об алтаре. Ну что ж, всего вам наилучшего, — сказал Мицелий и, не сказав больше ни слова, поспешил уйти. Селдон проводил его удивленным взглядом.

— Чего это вдруг он так сорвался?

— Видимо, из-за того, что к нам кто-то идет, — сказала Дорс.

И действительно, к ним шел высокий мужчина в просторном белом кертле. Через плечо у

него свисала красная сумочка с блестящей вышивкой. Шагал он очень, уверенно; так шагал бы представитель власти, более того – недовольный представитель этой самой власти.

52

Гэри Селдон встал ему навстречу, сам не зная зачем. Он не был уверен, что его порыв – верное с точки зрения этикета действие, но подумал, что вреда от этого большого не будет. Дорс встала следом за ним и скромно потупила взор.

Микогенец остановился прямо перед ними. Этот человек также был немолод, однако выглядел немного иначе, чем Мицелий Семьдесят Второй. Старина, казалось, красила его лицо. У него была благородная форма головы, ярко-голубые глаза, цвет которых резко контрастировал с ослепительно красной сумочкой.

Незнакомец сказал:

– Как я вижу, вы варвары.

Голос у него оказался более высокий, нежели ожидал Селдон, и говорил он медленно, тщательно взвешивая каждое слово.

– Вы не ошиблись, – вежливо, но твердо ответил Селдон. Он решил не унижаться, но и грубить не собирался.

– Ваши имена?

– Я – Гэри Селдон с Геликона. Моя спутница – Дорс Венабили. Она с Цинны, А вас как зовут, микогенец?

Микогенец сощурился, однако твердость, с которой разговаривал Селдон, от него не укрылась. Видимо, он тоже ценил смелость и решительность.

– Я – Молния Второй, – ответил он и, гордо вздернув подбородок, добавил: – Старейшина Храма. А вы кто такие, варвары?

– Мы, – ответил Селдон, сделав особое ударение на слове «мы», – учёные из Стрилингского Университета. Я математик, моя спутница – историк, и мы занимаемся изучением обычая Микогена.

– Кто вам дал на это право?

– Мы находимся в Микогене по приглашению Протуберанца Четырнадцатого.

Молния Второй немного помолчал, усмехнулся и сказал:

– Верховный Старейшина. Я хорошо с ним знаком.

– Не сомневаюсь, – отрезал Селдон. – Есть еще вопросы, Старейшина?

– Да.

Судя по всему, Старейшина не собирался сдавать позиции.

– Кто тот человек, что сидел с вами рядом и убежал, завидев меня?

Селдон покачал головой.

– Мы с ним не знакомы, Старейшина, и ничего о нем не знаем. Мы встретились с ним совершенно случайно и спросили его о Святилище.

– А почему вы спросили его? И о чём именно?

– Мы задали ему всего два вопроса, Старейшина. Мы спросили его, не Святилище ли это здание и можно ли туда войти варварам. На первый вопрос он ответил утвердительно, а на второй – отрицательно.

– Все правильно. А почему вас интересует Святилище?

– Сэр, мы здесь для того, чтобы изучить обычай Микогена, а разве Святилище – это не сердце и мозг Микогена?

– Оно наше и принадлежит только нам.

– А если бы, Старейшина, Верховный Старейшина разрешил нам посетить его из чисто научных соображений?

– У вас на самом деле есть такое разрешение?

Селдон на мгновение растерялся. Дорс украдкой взглянула на него. Нет, солгать он не посмел.

– Нет, – ответил он и добавил: – Пока нет.

– И никогда не будет, – сурово проговорил Старейшина. – Вы в Микогене по

приглашению, но даже самый главный властитель не может распоряжаться всем на свете и пренебрегать интересами народа. Мы высоко ценим наше Святилище, и должен вам сказать, что присутствие варваров в Микогене наш народ, мягко говоря, неприязненно воспринимает вообще, а в особенности – на территории Святилища. Стоит только кому-нибудь одному поднять панику и закричать «Вторжение!», и самая мирная толпа в одно мгновение рассвирепеет и разорвет вас в клочья. Поверьте, я не преувеличиваю. Будьте благоразумны. Ради вашей же пользы, не пренебрегайте милостью, оказанной вам Верховным Старейшиной, и уходите. Немедленно!

– Однако Святилище... – заупрямился Селдон, но Дорс тихонько потянула его за рукав.

– Вы уже посмотрели на Святилище снаружи, – строго сказал Старейшина. – Внутри вам смотреть не на что.

– Там робот, – сказал Селдон спокойно.

Старейшина не мигая смотрел на Селдона целую минуту, а потом, снизойдя настолько, что склонился к самому уху Селдона, прошептал:

– Уходи немедленно, или я сам подниму панику. Если бы я не уважал Верховного Старейшины, я бы тебе и уйти не дал.

И тут Дорс – откуда у нее столько силы взялось! – резко рванула Селдона за рукав и увлекла за собой. Он пошатнулся и быстро зашагал следом за ней.

53

Только на следующее утро, за завтраком, Дорс заговорила о вчерашнем происшествии. Заговорила так, что Селдон был готов сквозь землю провалиться.

– Восхитительное фиаско мы потерпели вчера, – сказала она.

Селдон, который искренне надеялся, что она не затронет эту досадную тему, невинно спросил:

– В чем же, собственно, мы потерпели фиаско?

– Нас выгнали с позором. И ради чего все это было? Чего мы добились?

– Только одного. Узнали, что робот там действительно есть.

– Мицелий Семьдесят Второй сказал, что его там нет.

– А что он еще мог сказать? Он ученый. По крайней мере, считает себя ученым, и в той библиотеке, куда ходит, других сведений он попросту не мог добыть. Ты лучше вспомни про реакцию Старейшины.

– Я про нее не забыла.

– А ведь он не повел бы себя так, не будь в Святилище робота. Он испугался, поняв, что мы знаем об этом.

– Это всего лишь твоя догадка, Гэри. Но даже если он там есть, внутрь нам все равно не пробраться.

– Попытаться можно. После завтрака пойдем и купим сумочку, ну, эту самую, обиа. Я перекину ее через плечо, скромно потуплю взор и войду в Святилище как ни в чем не бывало.

– В шапочке? Да тебя раскусят за секунду:

– Нет, не раскусят. Мы отправимся для начала в библиотеку, где собрана варварская литература. Так или иначе, я не прочь туда попасть. А из библиотеки, которая, как я понял, располагается в пристройке к Святилищу, наверняка есть вход в само Святилище.

– Где тебя тут же сцепают.

– Совершенно не обязательно. Ты же слышала, что сказал Мицелий Семьдесят Второй о том, какая там внутри обстановочка. Все смотрят в пол и медитируют, скорбя о родимой Авроре. Друг на друга никто не глядит. Вероятно, это попросту запрещено. Ну вот. Потом я разыщу алтарь Старейшин...

– Даже так?

– Вспомни, Мицелий сказал, что не советует мне подниматься в алтарь. *Подниматься!* Стало быть, расположен алтарь в башне. Скорее всего, в самой высокой, центральной.

Дорс покачала головой.

– Я не могу вспомнить точно, что он сказал, и не уверена, что ты запомнил правильно.

Мне кажется, не стоит так опрометчиво полагаться... Постой! – вдруг сказала она взволнованно и нахмурилась.

– Ну! Что? – поторопил ее Селдон.

– Древнее слово «алтарь»... У него есть такой оттенок значения... что-то возвышенное, то, что находится наверху...

– Ага! То-то же! Значит, мы все-таки узнали кое-какие очень важные вещи в результате того, что ты назвала «фиаско». И если я могу разыскать живого робота, который прожил двадцать тысяч лет, и если он сможет сказать мне...

– Ну хорошо, допустим, он существует, хотя поверить в это трудно. Допустим, ты его найдешь, как ты думаешь, долго ли тебе удастся болтать с ним о том о сем, пока твое присутствие не будет обнаружено?

– Не знаю, но, если я его найду, я уж придумаю, как заставить его разговориться. Теперь мне слишком поздно отступать, какие бы препоны ни ждали меня на пути. Челвик отстанет от меня только тогда, когда я докажу, что на самом деле нет ни малейшей возможности разработать психоисторию. И теперь, когда блеснул луч надежды, я добьюсь своего во что бы то ни стало, и ничто меня не остановит – даже угроза смерти.

– Гэри, микогенцы могут разгневаться, и рисковать опасно.

– Пусть, Я все равно попытаюсь.

– Нет, Гэри. Я должна беречь тебя, и я не позволю тебе сделать этого.

– Должна позволить. Найти способ разработки психоистории – это намного важнее, чем моя жизнь, моя безопасность. Моя безопасность только потому и важна, что я должен разработать психоисторию. Удержи меня от того, что я задумал – и вся твоя забота теряет смысл. Подумай сама.

Селдон чувствовал, что нрав. Воодушевлению его не было предела. Психоистория – его собственная туманная теория, которую он еще совсем недавно считал несбыточной мечтой – вдруг стала так близка, достижима. Сам не понимая, как это произошло, он наконец поверил в нее. Словно кусочки разбросанной головоломки начали сходиться, и хотя до того, чтобы собрать ее целиком, было еще немыслимо далеко, он был уверен, что Святилище – один из кусочков этой головоломки, может быть, самый важный.

– Тогда я пойду с тобой, чтобы вытащить тебя оттуда, балбес ты этакий, когда будет нужно.

– Женщинам туда входить нельзя.

– А что делает меня женщиной? Только серый керпл. Под ним даже грудь не видна. В шапочке моей прически не видно. Самое обычное лицо. Мужчины тут не бреются, и щетины у них на щеках не видно. Значит, всего-то и нужно, что белый керпл и красная сумочка. Любая из Сестер могла бы сделать то же самое, не связывай ее табу. А я на табу плевать хотела.

– Есть еще я. На меня ты не наплюешь, Я не позволю тебе. Это слишком опасно.

– Для меня это не более опасно, чем для тебя.

– Но я просто обязан рискнуть.

– Значит, и я обязана. Почему это дело для тебя важнее, чем для меня?

– Потому что... – выпалил Селдон, но осекся и задумался.

– Запомни хорошенько, – ледяным голосом проговорила Дорс. – Без меня ты туда не пойдешь. Попытаешься, я тебя так стукну... а потом свяжу. Если не хочешь, чтобы так вышло, лучше даже не думай отправиться туда в одиночку.

Селдон растерялся и пробормотал что-то нечленораздельное. Он решил не спорить с Дорс, по крайней мере – пока.

На небе не было ни облачка, но цвет его был какой-то странный – бледно-бледно-голубой, словно оно было подернуто дымкой. «Хороший будет день», – подумал Селдон, и вдруг ему нестерпимо захотелось увидеть солнце. А солнце на Тренторе можно было увидеть только с поверхности, да и то лишь тогда, когда рассеивались облака.

А коренные тренторианцы – скучали ли они по солнцу? Задумывались ли о нем,

вспоминали ли его? Посещая другие планеты, где светило настоящее солнце, смотрели ли они на его слепящий диск в страхе и восхищении?

«Почему так происходит, — думал Селдон, — что так много людей живет всю жизнь, не задаваясь вопросами? Разве есть в жизни что-либо более прекрасное, чем поиск ответов на вопросы?»

Селдон спустился с небес на землю. Он шагал по улице, застроенной невысокими домами, в большинстве из которых располагались магазины. В обе стороны скользили автомобили. Все они были такие старомодные, что уличное движение напоминало парад древней автомобильной техники. Селдон задумался. «"Старомодный" — всегда ли это слово имеет насмешливый оттенок?.. Ведь «старомодный» — это, как правило, "медленный, неторопливый". А зачем спешить, если на то пошло?»

На улице Селдону время от времени попадались дети. «Да, — думал Селдон, — долголетием тут и не пахнет, иначе Микоген попросту со временем впал бы в детство». И мальчики, и девочки расхаживали в кертах. Керты у них были покороче, чем у взрослых — едва заходили за колено. Наверное, чтобы детям было легче бегать и прыгать.

И еще; у детей были волосы, правда у всех без исключения подстриженные довольно коротко, однако керты у детей постарше были снабжены капюшонами, покрывавшими головы. Не то, подрастаю, дети сами стеснялись ходить с непокрытыми головами, не то их заставляли носить капюшоны до того дня, когда им предстояло пройти обряд депиляции.

У Селдона мелькнула мысль, и он спросил у Дорс:

— Дорс, а когда вы ходили по магазинам, кто расплачивался за покупки — ты или Сестры?

— Конечно, я. Капельки и не вытаскивали своих кредитных карточек. Да и с какой стати?

Все покупки делались для нас, а не для них.

— Но ведь у тебя тренторианская карточка — то есть варварская.

— Да, Гэри, однако никаких проблем не возникло. Пойми, они тут могут делать что угодно — хранить свою культуру, традиции, обычай, носить балахоны и разгуливать лысыми, но деньгами обязаны пользоваться универсальными. Если они от этого откажутся, это вызовет спад коммерции. Конечно же, ни одному разумному человеку такое в голову не придет, Деньги правят миром, Гэри, — сказала Дорс, помахав в воздухе воображаемой кредитной карточкой.

— То есть, никто не возражал, что ты расплачивалась со своей кредитной карточки?

— Да, никто и не пикнул. Даже на шапочку мою не глядели. Денежки, Гэри... за них покупается все на свете.

— Замечательно. Значит, я могу купить...

— Нет, покупать буду я. Покуда я в женском обличье, мне это сделать будет намного легче. Они тут настолько привыкли не обращать на женщин внимания... а вот, кстати, и магазин готовой одежды, где мне уже довелось побывать.

— Ладно, давай, а я тут подожду. Купи мне хорошенъкую красную сумочку. Покрасивее, пожалуйста.

— Только не притворяйся, будто забыл о нашем уговоре. Я куплю две хорошенъких сумочки, и еще белый кертл моего размера.

— А ты думаешь, продавцу не покажется странным то, что женщина покупает белый кертл?

— Нисколько. Он решит, что я покупаю кертл для мужа, у которого совершенно случайно такой же размер, как у меня. Думаю, никаких возражений быть не должно.

Селдон остался на улице, чувствуя себя неловко. Ему казалось, что вот-вот к нему кто-нибудь подойдет, обзовет варварам. К счастью, ничего такого не случилось. Прохожие не обращали на него никакого внимания — ни мужчины, ни женщины.

Ясно — никто не ожидал встретить варвара. Не ожидали, а потому и не видели.

Совсем неплохо! Особенно с точки зрения предстоящего вторжения в Святилище. Уж там-то никто не ожидает увидеть варвара!

В общем, к тому времени, когда вернулась Дорс, Селдон успел развеселиться по-настоящему.

— Ну, все купила?

— Все, что хотела.

– Тогда пошли домой, переоденемся.

Белый кертал сидел на Дорс не так хорошо, как серый. Понятно – она же не могла примерить его в магазине; у продавца тогда наверняка случился бы нервный шок.

– Ну, как я выгляжу, Гэри? – спросила Дорс.

– Совсем как мальчик, – улыбнулся Селдон. – Ну-ка, возьми сумочку… как ее… обиа. Надо научиться называть ее правильно.

Дорс, еще не успевшая надеть шапочку, тряхнула кудряшками.

– Ни в коем случае! Ты что, собираешься маршировать с обиа по всему сектору, чтобы все микогенцы пялились на тебя?

– Да нет, я просто хотел посмотреть, как это будет выглядеть.

– Нет, возьми вот эту. Она красивая и более дорогая.

– Ты права, Дорс. Тебе надо выглядеть попроще, чтобы в тебе не заподозрили женщину.

– Да я об этом и не думала, Гэри. Просто я хочу, чтобы ты красиво выглядел.

– Спасибо огромное, но боюсь, что это невозможно. Так-так, и как же она надевается?

Гэри и Дорс объединенными усилиями напялили обиа, сняли, снова надели. Так они практиковались до тех пор, пока не научились ловко надевать и снимать сумочки. Обучение взяла на себя Дорс, поскольку она успела вчера понаблюдать за мужчиной, который все это проделал около Святилища.

Но когда Гэри похвалил ее за столь ценное наблюдение, она покраснела и сказала:

– Гэри, что тут особенного? Просто обратила внимание. Случайно.

– Гениальная случайность! – воскликнул Селдон.

Добившись, как им показалось, удовлетворительной сноровки в обращении с сумочками, они принялись самым придирчивым образом рассматривать друг друга. Обиа Гэри сверкала и переливалась. Вышивка на сумочке была крайне замысловатая, рисунок напоминал дракона. У Дорс обиа была гораздо проще, все украшение – тоненькая полоска поперек центра, чуть светлее ткани.

– Простенько, но со вкусом, – похвалила Дорс свою сумочку.

– А теперь, – объявил Селдон, – мы их сложим и уберем во внутренние карманы. Еще захватим мою кредитную карточку – прошу прощения, не мою, а, если точнее, Челвика, и еще возьмем Книгу. Ее мы положим вот сюда, в другой карман.

– Книгу? Ты не боишься брать ее с собой?

– Да я просто обязан ее взять! Уверен, всякий, кто направляется в Святилище, обязательно захватывает с собой копию Книги. Мицелий же говорил, что там все читают. В случае необходимости, мы с тобой уставимся в одну Книгу. Глядишь, никто не заметит, Ты готова?

– Не сказала бы, но я иду с тобой.

– Путешествие нам предстоит серьезное, Будь добра, проверь, не выглядывают у меня на этот раз волосы из-под шапочки. Кстати, не советую почесывать голову.

– Не буду. Ты в порядке.

– Ты тоже.

– Только ты сильно нервничаешь.

Селдон лукаво проговорил:

– Угадай, почему?

Дорс невольно потянулась к нему, схватила за руку и тут же отшатнулась, сама удивленная своим внезапным порывом. Она потупилась и одернула кертал. Гэри, удивленный, но довольный, откашлялся и сказал:

– Ну, пошли.

Глава двенадцатая Алтарь

Робот – В древних легендах некоторых миров этим термином именовались устройства, чаще называемые «автоматами». Чаще всего роботы описываются в виде металлических существ, имеющих форму тела человека, однако порой встречаются упоминания о

псевдоорганических роботах. Существует распространенное мнение о том, что Гэри Селдон во время своего знаменитого Бегства встретился с настоящим роботом, однако истинность подобной встречи весьма сомнительна. В своих многочисленных трудах Селдон ни разу не упоминает ни о каких роботах, хотя...

Галактическая энциклопедия

55

Никто их не заметил.

Гэри Селдон и Дорс Венабили повторили свой вчерашний маршрут, и на этот раз никто не обратил на них никакого внимания. Пару раз им пришлось потесниться в автобусе, чтобы дать место другим пассажирам. Народу в этот день в транспорте было полно, и в автобусе было душновато от запаха не слишком чистых кертлов.

Наконец они добрались до цели.

– Это, похоже, библиотека, – сказал Селдон вполголоса.

– Наверное, – так же негромко сказала Дорс. – По крайней мере, это именно то здание, на которое нам вчера показывал Мицелий Семьдесят Второй.

Они неторопливо зашагали в направлении библиотеки.

– Даши глубже, – посоветовал Селдон. – Вот он, наш первый рубеж.

Из раскрытых дверей лился тускловатый свет. Гэри и Дорс шагнули на первую из пяти широких каменных ступеней и сразу поняли, что лестница самая обычная, и наверх их не повезет. Дорс едва заметно поморщилась и дала Селдону знак шагать наверх на своих двоих.

Шагая по ступеням, оба испытывали примерно одинаковые чувства: до чего же Микоген отстал от всего света в технике. Сразу же за дверью стоял стол, а за ним сидел мужчина, склонившись над пультом самого примитивного и неуклюжего компьютера из всех, какие когда-либо видел Селдон.

Мужчина не удосужился даже взглянуть на посетителей. «И очень хорошо, – с облегчением подумал Селдон. – Да, собственно, зачем ему на посетителей глядеть? Все микогенцы на одно лицо – белые кертлы, лысые головы. Очень удачно для двоих варваров, очень!»

Итак, не поднимая головы, мужчина рассеянно поинтересовался:

– Ученые?

– Ученые, – отозвался Селдон.

Мужчина качнул головой в сторону внутренних дверей:

– Прошу проходить. Идите и наслаждайтесь.

Дорс и Гэри не стали ждать повторного приглашения и поторопились войти в зал. Там никого не было. Видимо, библиотека была не слишком популярным местом. А может, ученых в Микогене было мало. А скорее всего – и то и другое.

Селдон прошептал:

– Я был почти уверен, что у нас потребуют какие-нибудь пропуска или читательские билеты и придется врать, будто мы их забыли.

– Наверное, он просто радуется, что сюда вообще хоть кто-то заглянул. Ты только погляди вокруг! Если бы здания могли умирать, как живые существа, можно было бы с уверенностью сказать, что мы попали внутрь трупа.

Большую часть зала занимали полки, на которых были расставлены печатные книги, похожие на ту, что до сих пор лежала у Селдона во внутреннем кармане кертла. Дорс пошла вдоль полок, внимательно разглядывая корешки.

– Почти все книги очень старые, – сообщила она через некоторое время. – Есть классические, есть и всякая дребедень.

– Ну а иностранные книги? Немикогенские, я хочу сказать.

– О да. Я тебе про иностранные и говорю. Если у них и есть собственные книги, они, по всей вероятности, хранятся где-то еще. Здесь все собрано для того, чтобы такие ученые, как тот

симпатяга, с которым мы вчера познакомились, могли проводить свои гениальные исследования. Вот тут у них справочная литература стоит, а вот – «Имперская Энциклопедия» – издание пятидесятилетней давности. Вот – компьютер.

Она потянулась к клавишам пульта, но Селдон удержал ее.

– Погоди. Если вдруг что-то не то нажмешь, нам придется задержаться.

И он молча указал на табличку, висевшую на стене повыше отдельно стоявшего стеллажа. Буквы гласили: «В Святилище», Буква «т» была безвозвратно утрачена, но, судя по всему, это никого не огорчало. «Точно, Империя гибнет, – подумал Селдон. – Повсюду. И Микоген – не исключение».

Он еще раз оглядел зал. Нищенская библиотека, столь необходимая для гордости и самолюбия микогенцев, и, наверное, такая нужная Старейшинам, которые могли пользоваться ею для поисков всяческих зацепок для своих верований, по-прежнему была пуста. Никто не вошел в зал после Селдона и Дорс.

Селдон прошептал:

– Давай отойдем в сторонку, чтобы нас не заметил привратник, или как его там, и напялим сумочки.

Чуть позже, когда они уже были готовы переступить порог – второй рубеж на пути к цели, – Селдон сказал:

– Не ходи со мной, Дорс.

– Почему это? – нахмурилась Дорс.

– Это небезопасно, а я не хочу, чтобы ты рисковала.

– Я здесь для того, чтобы защитить тебя, – тихо, но уверенно заявила Дорс.

– Дорс, ты сама подумай, ну как ты меня можешь защитить? Пойми и поверь, я сам в состоянии себя защитить. А вот если мне придется защищать тебя, меня точно схватят. Разве ты не понимаешь?

– Обо мне тебе нечего беспокоиться, Гэри. Беспокоюсь тут я, запомни, – отрезала Дорс и поправила ремешок обиа на груди.

– Потому что Челвик так велел?

– Потому что это моя обязанность.

Она крепко ухватила Селдона за руку повыше локтя, и он, как обычно, удивился ее необычайной силе.

– Гэри, я была против этой затеи, но если уж ты так твердо решил, что это необходимо, значит, я тоже должна идти.

– Ну ладно. Но если что-то случится, и ты увидишь, что можешь удрать, беги и не думай обо мне.

– Все, хватит. Теряешь время, а заодно оскорбляешь меня.

Селдон вздохнул, прикоснулся ладонью к двери; та отъехала в сторону, и они вместе шагнули в проем...

56

...И оказались в просторном зале, казавшемся еще более просторным оттого, что в нем не было ничего, хотя бы смутно напоминавшего мебель. Ни стульев, ни скамеек – ровным счетом ничего. Ни подиума, ни занавесей, ни росписи на стенах.

Освещения тоже не было, если не считать тусклого, рассеянного света. Шел он, по всей вероятности, от вмонтированных в стены телевизионных экранов. Расположены они были довольно-таки беспорядочно – на разной высоте. Головидением тут и не пахло – все экраны давали двухмерное изображение.

Людей в зале было немного, и все стояли поврозь, разбросанные по залу точь-в-точь так же беспорядочно, как экраны по стенам. Все в белых кертлах и с красными сумочками.

Тишину нарушало только едва слышное бормотание. Если кто и передвигался по залу, то на цыпочках, скорбно потупив глаза.

Обстановочка была, прямо сказать, похоронная.

Селдон собрался было что-то прошептать на ухо Дорс, но та быстро приложила палец к

губам и указала на один из телевизоров. В это мгновение там красовался идиллического вида садик в цвету, и камера медленно, плавно скользила вдоль него.

Стараясь двигаться так, чтобы не отличаться от присутствующих, Селдон и Дорс подошли поближе к экрану...

Примерно в полуметре от экрана стал слышен голос, сопровождавший кадры. «...Сад Антеннин. Таким он выглядит на иллюстрациях из древних путеводителей и фотографиях. Расположен на окраине Эос. Обратите внимание на...»

Дорс сказала так тихо, что Селдон едва расслышал:

— Звук включается, когда к нему подходишь поближе, и отключается, когда отходишь. Здесь, где мы сейчас стоим, мы можем разговаривать, только смотри, глаз не поднимай и сразу закрывай рот, как только кто-то приблизится.

Селдон принял подобающую позу — скрестил руки на животе, потупил взор — и прошептал:

— У меня такое ощущение, что того гляди кто-нибудь разрыдается.

— Запросто. Они все скорбят о своем Утраченном Мире, — прошептала в ответ Дорс.

— Надеюсь, хоть картинки будут меняться. А то с ума можно сойти от скуки.

— Стой и смотри, — исподлобья глядя на экран, шепнула Дорс. — Может, и правда, сюжеты меняются время от времени. Сказать трудно.

— Стой-ка! — прошептал Селдон чуть-чуть громче, чем следовало; потом понизил голос и прибавил: — Иди сюда.

Дорс нахмурилась, хотела что-то сказать, но Селдон едва заметно качнул головой в сторону. Крадущейся походкой Селдон перешел к соседнему экрану. Дорс, опустив голову, двинулась за ним и, заметив его поспешность, незаметно потянула его за кернл. Селдон замедлил шаги.

Как только включился звук, он объяснил, в чем дело.

— Тут роботы.

На экране был виден угол какого-то строения, около которого раскинулась зеленая лужайка, окруженная невысокой изгородью, а на лужайке стояли трое существ, которых иначе как роботами назвать было нельзя.

Голос диктора произнес:

«Перед вами — построенное в третьем столетии поместье Вендом. По преданию, того робота, что стоит в середине, звали Вендаром. Он прослужил двадцать два года, а потом, как утверждает предание, его заменили. Слайд изготовлен совсем недавно».

— Раз он говорит «совсем недавно», — прошептала Дорс, — значит, они все-таки меняют кадры.

— Если только слова «совсем недавно» не звучат уже тысячу лет с хвостиком.

Тут в звуковую зону шагнул какой-то микогенец и тихо, но чуть погромче, чем Селдон и Дорс, сказал:

— Приветствую вас, Братья.

Произнося приветствие, он не взглянул ни на Дорс, ни на Селдона; бросив в его сторону беглый, исподтишка, взгляд, Селдон отвернулся. А Дорс и вовсе не посмотрела на незнакомца.

Селдон растерялся. Мицелий Семьдесят Второй утверждал, что в Святилище не разговаривают. Неужели он преувеличил строгость порядков? Но, в конце концов, он ведь сам не бывал в Святилище с детства. Может, тут что-то изменилось за эти годы?

Селдон помялся, помучился и решил, что надо все-таки что-то ответить.

— Приветствую тебя, Брат, — тихонько ответил он.

На самом деле он понятия не имел, так ли нужно было ответить, но похоже, микогенец вполне удовлетворился таким ответом.

— Да пребудете вы на Авроре, — прошептал микогенец.

— И ты, Брат, — отозвался Селдон, замолчал, потом решил, что этого явно недостаточно, и добавил; — Пребудешь на Авроре. — Напряжение спало, но голова у Селдона под шапочкой вспотела.

— Как красиво! — проговорил микогенец. — Я раньше не видел этой картины.

— Замечательно! — кивнул Селдон и, отважившись на величайший риск, проговорил: — Да

не забудется никогда наша утрата.

Незнакомец, похоже, немного напугался, но пробормотал: «Воистину, воистину», и удалился.

— Не рискуй больше, — прошептала Дорс. — Не болтай лишнего.

— Похоже, пока проскочило. Итак, слайд новый. Только роботы какие-то не слишком впечатительные. Эти как раз больше смахивают на автоматы. Мне бы хотелось взглянуть на органических, на гуманоидных.

— Если они и существовали, — неуверенно проговорила Дорс, — мне кажется, что больше всего они похожи на садовников.

— Верно, — согласился Селдон. — А потому нам надо найти алтарь Старейшин.

— Если он существует. Пока мне кажется, что в этой пустой пещере больше ничегошеньки нет.

Они медленно пошли вдоль стены от экрана к экрану, задерживаясь ненадолго около каждого из них. Наконец Дорс тихонько взяла Селдона под локоть. В промежутке между двумя экранами проступали очертания правильного прямоугольника.

— Дверь, — прошептала Дорс и растерянно спросила: — Как по-твоему?

Селдон исподлобья огляделся по сторонам. Те, кто не смотрел на экраны, уставились в пол. Отлично. Просто великолепно. Все бы хорошо, если бы проклятый микогенец не успел обратить на них внимания. Зачем он подходил? Зачем?

— Как ты думаешь, она открывается? — спросил Селдон.

— От прикосновения, наверное.

— Не вижу обозначения.

— Присмотришь получше. Там обесцвеченный квадратик. Видишь? Не пойму только, одну руку надо приложить или две, и сколько раз.

— Попробую. Страхуй меня и дай знать, если кто-то вдруг посмотрит в нашу сторону.

Селдон затаил дыхание, незаметно протянул руку к обесцвеченному квадратику, прижал к нему ладонь...

Дверь открылась бесшумно — ни скрипа, ни треска. Селдон быстро шагнул в образовавшийся в стене проем. Дорс шагнула следом. Дверь за ними закрылась.

— Весь вопрос в том, — сказала Дорс, переведя дыхание, — успел ли кто-нибудь заметить, как мы скрылись?

— Наверняка этой дверью часто пользуются Старейшины, — предположил Селдон.

— Да, но так уж ли мы с тобой похожи на Старейшин?

Селдон подумал и сказал:

— Если бы нас заметили и если бы что-то было не так, дверь распахнулась бы через пятнадцать секунд после того, как закрылась за нами.

— Может быть, — сухо отозвалась Дорс. — А может быть, по эту сторону двери и нет ничего интересного, так что никому нет дела до того, кто сюда вошел.

— Выясним, — сказал Селдон упрямо.

Попали они в узкое, полутемное помещение, но стоило им сделать несколько шагов в глубь комнаты, как свет стал ярче.

Тут стояли стулья с широкими, удобными сиденьями, маленькие столики, несколько кушеток, высокий и узкий холодильник, буфеты.

— Ну если это алтарь Старейшин, — сказал Селдон, — то они неплохо устроились. Тоже мне аскеты!

— Ничего удивительного, — пожала плечами Дорс. — Аскетизм правящей верхушки — явление крайне редкое. Разве что напоказ. Запиши этот вывод в книжечку, когда задумаешь собирать афоризмы для психоистории.

Оглядевшись по сторонам, Дорс сообщила:

— Никакого робота тут не видно.

— Алтарь должен быть расположен выше, не забывай, — возразил Селдон. — Судя по высоте потолков, это помещение на одном уровне с главным залом. Нужно поискать лестницу, ведущую наверх. Думаю, нам сюда. Ну, смотри! — и он указал туда, где начинались ступени, покрытые ковровой дорожкой. Однако он не бросился туда опрометью, а предусмотрительно

оглядел помещение еще раз.

Дорс догадалась, что ищет Селдон.

— Про лифт можешь забыть. В Микогене культивируют простоту. Ну точно ты забыл об этом. Никаких лифтов не будет, и более того: не надейся, что лестница задвижется, стоит нам только встать на нижнюю ступеньку. Хочешь не хочешь, придется идти пешком. Не исключено, что несколько пролетов.

— Пешком?

— По идеи, лестница ведет в алтарь, если вообще куда-нибудь ведет. Ты же хочешь попасть в алтарь, верно?

Селдон молча кивнул, и они пошли вверх по ступенькам.

Пролет, еще один, и еще... Свет постепенно пошел на убыль. Глубоко вздохнув, Селдон прошептал:

— Хоть я на здоровье и не жалуюсь, но это для меня слишком.

— Просто для тебя такое физическое упражнение непривычно, — пояснила Дорс. Для нее, похоже, подъем по лестнице особой трудности не представлял. Она дышала ровно и спокойно.

Третий пролет закончился площадкой. Перед Селдоном и Дорс оказалась еще одна дверь.

— А вдруг она закрыта? — спросил Селдон неизвестно у кого. — Будем взламывать?

— Как она может быть закрыта, — усмехнулась Дорс, — если нижняя была открыта? Если тут действительно алтарь Старейшин, значит, никому, кроме Старейшин, тут ходить не позволено. Табу. А табу крепче любых запоров.

— Ну да. Пока те, на кого рассчитано табу, его соблюдают, — съязвил Селдон, но к двери почему-то приближалась не отважился.

— Слушай, пока есть еще время вернуться, — предупредила его Дорс, — И я тебе советую это сделать.

— Думаешь, я испугался, струсили? Ничего подобного. Просто гадаю, что там, за этой дверью, вот и все. Если там ничего нет... — Он помолчал, потом решительно произнес: — Значит, там ничего нет!

Селдон решительно шагнул вперед, коснулся двери, она тихо, медленно открылась... и Селдон резко отшатнулся — такой яркий свет хлынул из дверного проема.

Ослепительный свет, а в его лучах — фигура, но чья? Лицом к двери... светящиеся глаза, руки приподняты, одна нога немного выставлена вперед... Человек? Но откуда этот желтоватый металлический блеск? На нем туника! Нет, никакая не туника.

— Это... робот! — в ужасе пробормотал Селдон. — Но он металлический.

— Хуже того, — сказала Дорс, быстро обойдя фигуру кругом, — он не следит за мной глазами. Руки у него не движутся. Он мертв. Если роботы могут быть живыми.

И в это мгновение из-за спины робота вышел человек — этот-то уж точно был человеком — и сказал:

— Может быть, и так. Зато я живой.

Действуя скорее инстинктивно, чем осознанно, Дорс шагнула вперед и встала между незнакомцем и Селдоном.

Селдон мягко отстранил Дорс.

— Не надо, Дорс. Это же наш старый приятель, Протуберанец Четырнадцатый.

Старик, через плечо которого была переброшена двойная красная сумочка, что, по всей вероятности, говорило о том, что он — Верховный Старейшина, — сказал:

— А ты — варвар Селдон.

— Конечно, — кивнул Селдон.

— А это, в мужском одеянии, — варварша Венабили.

Дорс промолчала.

— Ты прав, варвар, — сказал Протуберанец Четырнадцатый. — Я не причиню тебе вреда. Прошу садиться. Садитесь. Ты не Сестра, варварша, и можешь остаться. Садись и помни, что ты — первая женщина, кому позволено здесь сесть. Это великая честь.

— Я так не считаю, — огрызнулась Дорс.

Протуберанец Четырнадцатый кивнул.

— Как будет угодно. Я тоже присяду, поскольку хочу задать вам кое-какие вопросы, а стоя беседовать не слишком удобно.

Все трое уселись в уголке. Селдон нет-нет да и поглядывал на металлического робота.

— Это — робот, — объявил Протуберанец Четырнадцатый.

— Знаю, — кивнул Селдон.

— Я знаю, что ты знаешь. А теперь скажи, зачем вы здесь?

Селдон посмотрел на Протуберанца Четырнадцатого в упор и ответил:

— Чтобы посмотреть на робота.

— Не известно ли тебе, что никому, кроме Старейшин, не позволено входить в алтарь?

— Не то чтобы известно, но я догадывался, что это так.

— А не известно ли тебе, что варварам нельзя переступать порог Святилища?

— Мне говорили об этом.

— Но ты пропустил это мимо ушей, так?

— Я уже сказал: мы хотели увидеть робота.

— А не известно ли тебе, что ни одной женщине, даже Сестре, не позволено входить в Святилище, кроме как по особым дням?

— Мне говорили об этом.

— А известно ли тебе, что женщинам запрещено переодеваться в мужскую одежду? В пределах Микогена это запрещено делать и варваршам.

— А вот этого мне не говорили, но, правду сказать, я не удивлен.

— Хорошо. Главное, чтобы ты все это понимал. Итак, зачем ты хотел посмотреть на робота?

Селдон пожал плечами.

— Любопытно было. Просто я никогда не видел робота и даже не знал, что роботы существуют.

— А откуда ты узнал, что они существуют? Откуда ты узнал, что здесь, именно здесь, есть робот?

Селдон помолчал, затем покачал головой.

— На этот вопрос я отвечать не буду.

— Именно за этим тебя послал в Микоген варвар Челвик? Чтобы ты изучал роботов?

— Нет. Варвар Челвик послал нас сюда затем, чтобы здесь мы обрели покой и безопасность. Но... понимаете. Мы — учёные. И я, и доктор Венабили. Знания — это наша работа. Собирать знания — это наша задача. О Микогене мало что знают за его пределами, а нам бы хотелось побольше узнать о вашей жизни, ваших обычаях, вашем мышлении. Это вполне естественное желание, и мне кажется, от такого желания никакого вреда быть не может.

— Ясно. Но зато мы не хотим, чтобы внешние миры и другие племена знали о нас. Это — *наше* естественное желание, и *нам* судить, так ли безвредно ваше желание побольше о нас разузнать. А потому я вновь спрашиваю тебя, варвар: откуда ты узнал, что здесь есть робот — в Микогене вообще и в этом помещении в частности.

— Да так... слух прошел, — попытался отговориться Селдон.

— Ты говоришь правду?

— Да, правду.

Взгляд умных голубых глаз Протуберанца Четырнадцатого стал более острым, пронзительным. Он спокойно, не повышая голоса, проговорил:

— Варвар Селдон, мы давно сотрудничаем с варваром Челвиком. Он варвар, но всегда вел себя с исключительной тактичностью. Мы привыкли доверять ему. Но он — варвар! Когда он попросил за вас двоих и вверил вас нашему попечению, мы согласились. Однако, как я уже сказал, варвар Челвик остался варваром, и каковы бы ни были его добродетели, доверять ему полностью мы не вправе. Мы вовсе не уверены в том, какова на самом деле ваша цель.

— Знания. Только знания, — ответил Селдон, — Варварша Венабили — историк. Я математик, но меня тоже интересует история. Почему нас не может интересовать история Микогена?

— Во-первых, потому, что мы не хотим, чтобы она вас интересовала. Кстати, к вам были

приставлены две Сестры, Они должны были познакомиться с вами поближе, выяснить, каковы ваши намерения, и... как это говорится у варваров... – подыграть вам. Но не настолько, чтобы вы заметили какую-то игру. – Протуберанец Четырнадцатый угрюмо усмехнулся.

– Капелька Сорок Пятая, – продолжил он немного погодя, – ходила по магазинам с варваршей Венабили и ничего подозрительного не заметила. Естественно, она нам все докладывала. Тебя, варвар Селдон, Капелька Сорок Третья водила по нашим микрофермам. Вероятно, ее желание отправиться туда наедине с тобой вызвало у тебя подозрение. И действительно, подобный поступок противоречит нашим обычаям. Однако ты решил, что то, что непозволительно Братьям, вполне нормально для варвара, и успокоил себя мыслью о том, что и она приняла такое же решение. Она исполнила твоё желание, хотя это стоило ей большого труда и могло серьезно нарушить ее душевное равновесие. Потом ты попросил у нее Книгу. Если бы она отдала ее тебе без колебаний, ты бы заподозрил неладное, поэтому она пошла на великий подвиг и поставила тебе условие. Ее самопожертвование не будет забыто, Я так понимаю, варвар, что Книга до сих пор у тебя. Наверняка она и сейчас у тебя с собой. Могу я получить ее? Селдон хранил гордое молчание.

Морщнистая рука Протуберанца Четырнадцатого повисла в воздухе.

– Это было бы гораздо лучше, чем если бы пришлось отнимать ее у тебя силой.

Что было делать? Селдон вытащил Книгу и отдал ее Протуберанцу Четырнадцатому. Тот быстро пролистал несколько страниц, видимо, для того, чтобы убедиться, что Книга в целости и сохранности.

Тихо вздохнув, Протуберанец Четырнадцатый сообщил:

– Придется ее уничтожить. Грустно!.. Ну, так вот... Раз уж ты заполучил Книгу, мы вовсе не удивились, когда ты отправился в Святилище. За тобой всю дорогу следили, но ты об этом не догадывался. Ты твердо убежден, что ни один Брат или Сестра не могут признать в тебе варвара с первого взгляда. Однако это так. Шапочку от лысины умеет отличать каждый, и шапочек этих в Микогене всего-то десятков семь, и носят их в основном, варвары, прибывшие в Микоген по официальным делам. Проживают они в особом районе и никуда оттуда не отлучаются. Поэтому тебя не только видели, но и все время понимали, кто ты такой.

Пожилой Брат, что познакомился с тобой, многое рассказал тебе о библиотеке и Святилище, но не забыл упомянуть, что варварам входить туда запрещено. Это был акт доброй воли – нам не хотелось устраивать для тебя ловушку. Молния Второй тоже предупредил тебя об этом, и довольно-таки настойчиво. И тем не менее ты не отказался от своей затеи.

Продавцы магазина, в котором были приобретены две сумочки, сразу же сообщили нам об этом, и стало ясно, что ты задумал. Библиотеку специально освободили от посетителей, а библиотекарю было велено заниматься своими делами. В Святилище намеренно запустили меньше половины обычного числа Братьев. Единственный Брат, который заговорил с вами от себя, безо всякого умысла, чуть было не упустил вас, но как только понял, с кем разговаривает, поспешил отойти в сторону. А потом вы попали сюда.

Теперь тебе должно быть ясно, что ты сам хотел попасть сюда. Мы тебя сюда не заманивали. Ты хотел попасть сюда и попал, и поэтому я снова задаю тебе вопрос: зачем?

На этот раз ответила Дорс. Голос ее был тверд, взгляд – исполнен упрямства.

– Мы повторяем еще раз, микогенец. Мы ученые, знания для нас – превыше всего, только их мы и искали. Да: вы нас сюда не заманивали, но и не отпугнули. Это вы могли легко сделать до того, как мы приблизились к этому зданию. Вы, можно сказать, вымостили для нас дорогу сюда – разве это нельзя посчитать приманкой? Ну а какой вред мы принесли, что дурного сделали? В здании мы ни к чему пальцем не прикоснулись. Ни вас, ни вот этого не тронули... – И она показала на робота, – Вы храните здесь эту груду бесполезного, мертвого металла, и теперь мы знаем, что ваш робот мертв. Вот и все, что нам нужно. Мы думали, что все гораздо интереснее, и разочаровались, но теперь, когда узнали то, что хотели узнать, мы уйдем. Уйдем отсюда и, если вам так хочется, из Микогена вообще.

Протуберанец Четырнадцатый слушал то, что говорила Дорс, холодно и бесстрастно, и когда она умолкла, обратился не к ней, а к Селдону.

– Этот робот, которого вы видите, – символ. Символ всего, что мы утратили, всего, чего у нас больше нет. Всего, о чем мы не забыли на протяжении многих тысячелетий. Всего, к чему

мы надеемся вернуться в один прекрасный день. Он – это все, что у нас осталось от Утраченного Мира материального и духовного, и он дорог нам, а для твоей женщины он – всего лишь «груда бесполезного металла». Ты тоже такого мнения, варвар Селдон?

Селдон сказал:

– Видите ли, мы – члены сообщества, которое не так сильно привязано к далекому прошлому. Мы живем в настоящем, которое считаем продуктом *всего* нашего прошлого, а не какого-то промежутка времени. Умом мы понимаем, что для вас может означать этот робот, и не имеем ничего против этого. Но мы способны смотреть на него лишь так, как умеем – своими глазами, а вы – только своими. Для нас он действительно – груда бесполезного железа.

– А теперь, – объявила Дорс, – мы пойдем.

– Нет, не пойдете, – покачал головой Протуберанец Четырнадцатый. – Явившись сюда, вы совершили преступление. «Это – преступление только в ваших глазах» – вы, конечно, скажете так. – Губы его скривились в холодной усмешке. – Однако это наша территория, и здесь нам решать, преступление это или нет, И это преступление по нашим законам наказуется смертной казнью.

– И вы собираетесь пристрелить нас? – насмешливо спросила Дорс.

Протуберанец Четырнадцатый вздохнул и опять ответил не ей, а Селдону.

– Кем ты нас считаешь, варвар Селдон? Наша культура такая же древняя, как ваша. Она такая же сложная, такая же цивилизованная, такая же гуманная, Я невооружен. Вас будут судить, и когда приговорят, казнят по закону – быстро и безболезненно.

Если вы решите бежать сейчас, я не стану вас задерживать, но внизу много Братьев, гораздо больше, чем было тогда, когда вы только вошли в Святилище, и они так разъярены и возмущены вашим деянием, что могут вас разорвать в клочья, В нашей истории бывали случаи, когда варвары умирали ужасной смертью, совсем не безболезненной.

– Нас уже предупредили, – усмехнулась Дорс. – Молния Второй. Такая, значит, у вас сложная, цивилизованная, гуманная культура.

– Люди могут ожесточиться в минуту эмоционального напряжения, варвар Селдон, – упрямо обращаясь к Селдону, заявил Протуберанец Четырнадцатый. – Любые люди, как бы ни были они спокойны и выдержаны от природы. Такое возможно для представителей любой культуры, и это должно быть известно твоей женшине, которая утверждает, что она историк.

– Давайте будем благоразумны, Протуберанец Четырнадцатый, – предложил Селдон. – В Микогене свои законы – это мы понимаем. Но мы – не граждане Микогена, мы поданные Империи, и если уж кто может нас судить, так это представители закона Империи.

– Может быть, оно так и есть теоретически, – покачал головой Протуберанец Четырнадцатый. – На бумаге, на экранах головизоров, но мы сейчас не о теории говорим. Верховный Старейшина наказывал и наказывает святотатственные преступления, не спрашивая на то разрешения у Императора.

– Это если преступники – граждане Микогена, – не соглашался Селдон, – С иноземцами все должно обстоять иначе.

– Сомневаюсь. Варвар Челвик представил мне вас, как беженцев, людей, спасающихся от имперских властей. Не думайте, мы не так глупы, чтобы не понять, от кого вы спасаетесь. Так, может, Император нам еще и спасибо скажет за то, что мы сделали за него его работу?

– Не скажет, – покачал головой Селдон. – Поймите, если бы мы были людьми, спрятавшимися здесь от имперских властей, которым мы нужны только для того, чтобы наказать нас, они бы до сих пор за нами гонялись. Мы бы им до сих пор были нужны. Отдать нас вам на растерзание – нас, немикогенцев, без имперского суда и следствия – это сильно пошатнуло бы авторитет Императора, и он не позволил бы такому прецеденту случиться. Как бы сильно он ни был заинтересован в приобретении продукции ваших микроферм, он все равно поймет, что в таком случае он обязан держать марку Империи. Неужели вам до такой степени хочется нас убить, что вы даже не задумываетесь о том, что, если вы сделаете это, вашу границу тут же пересечет имперская армия и ваши фермы и жилища будут растоптаны, ваше Святилище будет стерто с лица земли, а Сестры опорочены солдафонами? Подумайте хорошоенько.

Протуберанец Четырнадцатый улыбнулся, но не сдался.

— Конечно, я подумал об этом, и альтернатива есть. После того как будет оглашено обвинение, мы сможем отложить вашу казнь и дать вам время апеллировать к Императору, дабы он отдал распоряжение пересмотреть ваше дело. Император наверняка будет благосклонен к нам — тут уж все будет законно. Мы выразим подобающую субординацию, а он получит вас в свои руки. Микоген только выиграет. Ну, хотите вы этого? Хотите апеллировать к Императору, как положено, хотите, чтобы мы передали вас ему?

Селдон и Дорс быстро переглянулись и промолчали. Протуберанец Четырнадцатый сказал:

— Я понял, что вы больше хотите попасть в руки к Императору, чем умереть, но у меня странное впечатление: вы хотите этого лишь ненамного сильнее.

— Конечно, — произнес чей-то голос. — Я полагаю, ни тот ни другой вариант никуда не годится, и нам следует подумать о третьем.

58

Первой обладателя голоса узнала Дорс. Может быть, потому, что именно она ждала его.

— Челвик, — проговорила она с облегчением. — Хвала провидению, ты разыскал нас. Я связалась с тобой, когда поняла, что не могу позволить, чтобы Гэри пострадал от, — она яростно раскинула руки, — всего этого!

Челвик едва заметно усмехнулся, однако лицо его тут же приняло обычное угрюмо-печальное выражение. Похоже, он здорово устал.

— Милочка, — сказал он, — я был занят совсем другими делами. Меня не так-то легко выдернуть по первому зову. И потом, когда я добрался сюда, мне пришлось, как и вам обоим, облачиться в кертл, приобрести сумочку, не говоря уже о шапочке и о том, чтобы добраться до Святилища. Успей я сюда чуть-чуть пораньше, я бы не дал этому случиться, но у меня такое впечатление, что я не опоздал.

Тут Протуберанец Четырнадцатый наконец, похоже, оправился от шока.

— Как ты попал сюда, варвар Челвик? — прохрипел он.

— Это было непросто, Верховный Старейшина, но, как любит говорить варварша Венабили, я человек упрямый. Очень упрямый. Некоторые здесь еще помнят, кто я такой и что сделал для Микогена. Помнят и то, что я — почетный Брат. Разве вы об этом забыли, Протуберанец Четырнадцатый?

— Не забыл, — ответил Старейшина, — но даже самые лучшие воспоминания не могут оправдать определенных действий. Варвар здесь! Варвар! И *варварша*!. Худшего преступления просто не может быть. Если положить на одну чашу весов все, что ты сделал для нас, а на другую — это чудовищное деяние, оно перевесит. Мой народ не забывает добра. С тобой мы рассчитаемся как-нибудь иначе. Но эти двое должны либо умереть, либо быть переданы Императору.

— Но и я тоже здесь, — спокойно возразил Челвик. — Это разве не преступление?

— Ради тебя, — ответил Протуберанец Четырнадцатый, — ради тебя лично, поскольку ты — почетный Брат, я мог бы сделать исключение. Единственное исключение. Но не ради этих двоих.

— Ты ждешь награды от Императора? Какой-то выгоды? Концессии? Может быть, ты уже связался с ним по этому поводу? Или не с ним, а что гораздо более вероятно, с его государственным секретарем, Демерзелем?

— Это не предмет для обсуждения.

— Заучит как признание. Послушай, я не спрашиваю, что тебе обещал Император, но многое он тебе обещать не мог. У него мало что осталось — времена нынче не те. Позволь-ка я сделаю тебе предложение. Эти двое сказали, что они ученые?

— Сказали.

— Так оно и есть. Они не лгут. Она — историк, он — математик. Они пытаются соединить свои знания ради того, чтобы создать новую науку, математизированную историю, которую называют «психоисторией».

— Я ничего не знаю ни про какую психоисторию, — пробурчал Протуберанец

Четырнадцатый. – Не знаю и знать не хочу. Ни она, ни какие-то другие ваши варварские науки меня совершенно не интересуют.

– И все-таки, – упорствовал Челвик, – я советую тебе выслушать меня.

Примерно пятнадцать минут у Челвика ушло на краткое изложение принципиальной возможности выведения естественных законов жизни общества; он не забыл указать, что в результате появится возможность предсказывать будущее со значительной степенью вероятности.

Когда он закончил объяснение, Протуберанец Четырнадцатый, слушавший его с каменной физиономией, заявил:

– Удивительно беспочвенные рассуждения, на мой взгляд.

Селдон, все это время хранивший скорбное молчание, хотел было что-то сказать – видимо, выразить полное согласие с мнением Протуберанца Четырнадцатого, но пальцы Челвика крепко и недвусмысленно сжали его колено.

– Может быть, это так и есть, Верховный Старейшина, – сказал Челвик, – да вот беда – Император так не думает. Но когда я говорю «Император», я подразумеваю: «Демерзель». Император и сам-то не подарок, а про Демерзеля тебе рассказывать не надо. Оба они мечтают заполучить в свои руки этих двоих ученых, вот поэтому-то я попросил тебя укрыть их здесь, Я никак не ожидал, что ты заменишь Демерзеля и отдашь ему этих ученых.

– Они совершили преступление, которое...

– Да, конечно, все так, Верховный Старейшина, но то, что они сделали, является преступлением только до тех пор, пока вы считаете его таковым. Они на самом деле ничего дурного не сделали.

– Ничего дурного? А боль, причиненная нашим душам, обида, нанесенная нашим глубочайшим верованиям, нашим лучшим чувст...

– А теперь представьте себе, что было бы, если бы психоистория попала в руки Демерзелю. Нет, может быть, ничего и не случилось бы. А вдруг? Вдруг имперскому правительству взбредет в голову воспользоваться ею? Оно обретет возможность заглядывать в будущее. И заглядывать туда сможет только оно, и больше никто. А стало быть, оно обретет возможность принимать кое-какие меры – такие миры, которые помогут состряпать будущее по образу и подобию Империи.

– Ну?

– А разве у тебя, Верховный Старейшина, есть какие-то сомнения, что из себя может представлять будущее по образу и подобию Империи? Безусловно, одно-единственное: уплотнение, централизацию. Ведь уже много веков, как тебе известно, в Империи идет обратный процесс. Многие миры теперь лишь формально сохраняют подданство Империи, а на самом деле все делают по-своему. Децентрализация проявляется даже здесь, на Тренторе. Микоген – прекрасный пример государства в государстве. Ты правишь Микогеном в должности Верховного Старейшины, и у тебя за плечом не стоит имперский чиновник, приглядывающий, хорошо ли ты правишь, все ли делаешь, как надо. И как тебе кажется, долго ли такое продлится, если такие люди, как Демерзель, примутся кроить будущее по своему усмотрению?

– Повторяю, рассуждения беспочвенные, – пробурчал Протуберанец Четырнадцатый, – но тревожные, не могу не признать.

– Но, с другой стороны, если эти ученые смогут закончить свою работу... Ты скажешь, что это мало вероятно, но все-таки – если сумеют, то будь уверен, они не забудут, что ты пощадил их тогда, когда мог осудить на смерть. И тогда, поверь, они сумеют предсказать такое будущее, где Микогену достанется свой собственный мир, целый мир, который можно будет обустроить так, что он станет почти точной копией вашего Утраченного Мира. И даже если они посмеют забыть об этом, я буду рядом и напомню.

– Ну... – неуверенно проговорил Протуберанец Четырнадцатый.

– Послушай, – продолжал Челвик, – я отлично догадываюсь, о чем ты думаешь. Поверь, из всех варваров меньше всего тебе следует доверять Демерзелю. И хотя шансов на то, что психоистория будет создана и заработает, очень мало (если бы я обманывал тебя, я бы так не сказал, правда?), но они не равны нулю. И если она все-таки заработает, неужели вам нужно что-то большее, чем реставрация вашего Утраченного Мира? Неужели вам не захочется хотя бы

капельку рискнуть? Послушай, я обещаю тебе, а ты знаешь, я скончан на обещания. Освободи этих двоих и рискни. Поставь на карту свое самое заветное желание, ведь больше тебе ставить нечего.

Долго-долго было тихо; наконец Протуберанец Четырнадцатый кивнул.

— Просто не знаю, как это получается, варвар Челвик, но всякий раз, когда мы с тобой встречаемся, ты меня убеждаешь сделать что-то такое, чего я вовсе не намеревался делать.

— Ну, и подвел я вас хотя бы раз, Верховный Старейшина?

— Таких мизерных шансов ты мне никогда не обещал.

— И такой высокой награды тоже. Так что мы квиты.

Протуберанец Четырнадцатый склонил голову.

— Ты прав. Забирай этих двоих и увози их из Микогена куда хочешь, Я не желаю их больше видеть, пока не придет час... но это, конечно же, случится тогда, когда меня уже не будет в живых.

— Может быть, и не случится, Верховный Старейшина. Но твой народ терпеливо ждал почти двадцать тысячелетий, так разве трудно подождать еще две тысячи лет?

— Что касается меня, то я бы не ждал ни одной минуты, но мой народ будет ждать столько, сколько нужно.

Встав, он сказал:

— Я пойду первым. А ты забирай их и уходи!

59

Скоро они уже неслись вдоль по туннелю, похожему на тот, что одолели когда-то Селдон и Челвик по пути из Имперского сектора в Стрилингский Университет. А этот туннель вел из Микогена — Селдон не решался спросить, куда. Лицо Челвика словно окаменело, и к разговору он явно не был расположен.

Челвик занял переднее место в четырехместной машине, Дорс и Селдон разместились на задних сиденьях.

У Дорс вид тоже был невеселый, но Селдон все-таки решился заговорить с ней:

— Правда, как здорово снова очутиться в нормальной одежде?

— Никогда в жизни, — ответила Дорс с неожиданным подъемом, — я не надену и даже не посмотрю на что-либо, хотя бы отдаленно напоминающее кертл. Никогда в жизни не напялю эту проклятую шапочку. Честно говоря, мне почему-то даже кажется, что я теперь буду шарахаться от лысых — обыкновенных лысых.

Она немного помолчала, и вдруг задала Челвику тот вопрос, что вертелся у Селдона на языке:

— Четтер, — спросила она как можно более небрежно, — почему бы тебе не сообщить нам, куда мы, собственно, направляемся?

Челвик развернулся вполоборота и печально поглядел на Селдона и Дорс.

— Кое-куда, — ответил он, — где вам труднее будет угодить в беду, хотя я сильно сомневаюсь, что такое место вообще существует.

Дорс смутилась и пустилась в оправдания.

— Четтер, я одна во всем виновата. В Стрилинге я отпустила Гэри одного наверх. В Микогене я, правда, пошла вместе с ним, но, видимо, не должна была позволить ему войти в Святилище.

— Я так решил, — вставил Селдон. — И Дорс тут, безусловно, ни при чем.

Челвик и не подумал ругаться.

— Я так понял, что ты хотел увидеть робота, Что за причине? Можешь сказать?

Селдон почувствовал, что заливается краской.

— Я ошибся, Челвик, Я увидел совсем не то, что ожидал, надеялся увидеть. Если бы я знал, что находится в алтаре, я бы и не подумал соваться туда. Можешь называть случившееся полным фиаско.

— Му хорошо, Селдон, но скажи, пожалуйста, что ты надеялся там увидеть? Не торопись. Расскажи все по порядку. Путь у нас неблизкий, так что давай, выкладывай.

— Дело в том, Челвик, что мне показалось, будто существуют или существовали гуманоидные роботы. Я решил, что они — долгожители, что хотя бы один из них мог уцелеть до сих пор и что именно он может находиться в алтаре. Робот там действительно оказался, но он металлический, мертвый, он просто символ и ничего больше. Если бы я только знал...

— Да. Если бы все только знали, тогда не было бы нужды задавать вопросы и искать на них ответы. Но откуда тебе стало известно, что когда-то существовали гуманоидные роботы? Уверен, никто из микогенцев не стал бы с тобой об этом говорить. Следовательно, узнать об этом ты мог только из микогенской Книги. Из книжки с батарейкой, напечатанной на древиеаврорском языке и современном галактическом. Так?

— Так.

— И где же ты раздобыл Книгу?

Селдон помолчал и пробормотал:

— При довольно-таки запутанных обстоятельствах.

— Меня запутать не так-то просто, Селдон.

Селдон все рассказал, и Челвик едва заметно улыбнулся.

— Неужели ты не заподозрил подвоха? — удивился Челвик. — Ни одна Сестра ни за что на свете не сделала бы такого, если бы только ее загодя как следует не проинструктировали и не убедили.

Селдон нахмурился и затряс головой.

— Не так легко было догадаться. Люди меняются. А тебе, конечно, легко смеяться. Я же не знал того, что знаешь ты, и Дорс не знала. Если ты не хотел, чтобы я попадался тут в ловушки, почему ты не предупредил меня о том, что они существуют?

— Согласен. Беру свои слова обратно. Как бы то ни было, я так понимаю, что Книги у тебя больше нет.

— Нет. Протуберанец Четырнадцатый забрал ее у меня.

— И много ты успел прочитать?

— Нет, не так много. Не успел. Длинная книга, и должен тебе признаться, жутко нудная.

— Да, знаю. Я, пожалуй, в свое время прочитал из нее побольше, чем ты. Она не только нудная, но и совершенно ненадежная. Она представляет собой односторонний, официальный микогенский взгляд на историю, причем задача Книги состоит гораздо больше в том, чтобы изложить этот взгляд, чем объективно рассказать о том, что было на самом деле. Местами так много тумана напущено, что постороннему — даже если ему попадется в руки Книга — ни за что на свете не сообразить, о чем идет речь. Ну вот ты, к примеру, вычитал там про роботов. Что там было об этом написано?

— Я тебе уже сказал. Написано про гуманоидных роботов, про роботов, которых внешне нельзя было отличить от людей.

— И много их было? — спросил Челвик.

— Не говорится... По крайней мере, мне упоминание об их численности не встретилось. Может быть, их было совсем немного, но один из них в Книге упоминается как «Ренегат». Похоже, сказано это в отрицательном смысле, осуждающем, но почему — я не понял.

— А мне ты ничего такого не рассказывал, — упрекнула Селдона Дорс. — Если бы рассказал, я бы тебе объяснила, что это ни в коем случае не имя собственное. Это устаревшее слово и означает приблизительно то же самое, что на современном галактическом значит слово «предатель». Причем древнее слово более выразительно. Предатель совершает измену трусливо, а ренегат бравирует ею.

— Семантика древнего языка — это по твоей части, Дорс, — сказал Челвик, — но, во всяком случае, если этот Ренегат действительно существовал и если он был гуманоидным роботом, значит, он точно был предателем и врагом, и уж никак не его должны были хранить в алтаре Старейшин.

— Я не знал, — сказал Селдон, — что значит это слово, но, как я уже сказал, я уловил, что этот Ренегат был врагом. И я подумал, что, может быть, его в конце концов победили и он хранится там, как трофей, как свидетельство победы микогенцев.

— А что, в Книге говорится о том, что Ренегата победили?

— Нет, ничего такого я не прочитал, но подумал, что, может быть, что-то пропустил, не

успел прочесть...

– Вряд ли. Любая микогенская победа воспевалась бы в Книге на все лады.

– Там еще кое-что было сказано про Ренегата, но, – Селдон здорово растерялся, – я не уверен, что понял правильно.

– Ну я же сказал тебе, – усмехнулся Челвик, – что временами там все так закручено...

– И все-таки, там говорилось, что Ренегат умел как-то влиять на людские эмоции... как-то управлять ими...

– Это любой политик умеет, – пожав плечами, хмыкнул Челвик. – Когда это у кого-нибудь получается, говорят, что у него дар божий.

Селдон вздохнул.

– Ну, в общем, мне жутко хотелось поверить, что это он. Я готов был многое отдать ради того, чтобы увидеть древнего гуманоидного робота, который до сих пор жив и которому я мог бы задать кое-какие вопросы.

– Зачем? – спросил Челвик.

– Чтобы выяснить кое-какие подробности о доисторическом обществе, когда в Галактике населенными были всего-навсего несколько миров. Построить исходные посылки психоистории на таком материале было бы гораздо легче.

– И ты уверен, что тому, что ты мог бы услышать в ответ, можно было бы доверять? Столько тысячелетий прошло, и ты мог бы поверить воспоминаниям дряхлого робота? Да ты хоть представляешь себе, насколько эти воспоминания могли бы быть извращены?

– Верно, – неожиданно вставила Дорс. – Гэри, тут дело могло бы обстоять точно так же, как с компьютеризированными хрониками, я же тебе говорила, помнишь? С течением времени память этого робота могла быть утрачена, стерта, извращена. И чем глубже бы ты забирался, тем менее надежны были бы его воспоминания.

Челвик кивнул.

– Я слыхал, что в информатике такое явление называется принципом неуверенности.

– Но разве не может быть так, – задумчиво проговорил Селдон, – что какие-то сведения, по определенной причине, могли сохраниться? Фрагменты микогенской Книги относятся к событиям двадцатисячелетней давности и при этом могут описывать реальные события. Чем ценнее сведения, тем тщательнее они сохраняются, тем более они долговечны и точны.

– Все дело в том, что имеешь в виду под «какими-то» сведениями. То, что стремится сохранить Книга, может оказаться вовсе не тем, что ты в ней ищешь. То, что может лучше всего помнить робот, может оказаться тем, что тебе вовсе не нужно.

Селдон в отчаянии всплеснул руками.

– Ну что же это такое получается? Куда бы я ни повернулся в поисках разработки психоистории, все выходит так, что я захожу в тупик. К чему же тогда все старания?

– Это тебе сейчас так кажется, – холодно отозвался Челвик, – но все может обернуться таким образом, что мелькнет искра и озарит такую дорогу к психоистории, о которой мы теперь даже не догадываемся. Не надо отчаиваться... Так... Похоже, мы приближаемся к стоянке. Давайте-ка выйдем, разомнемся, перекусим.

Пережевывая кусочки баранины и почти безвкусного хлеба – не то что в Микогене, – Селдон сказал:

– Я так понял, Челвик, что тем огнivом, от которого возгорится искра, ты считаешь меня. А я в этом совершенно не уверен.

– Понятное дело, – кивнул Челвик, – Но пока у меня нет подходящего кандидата на должность этого самого огнива, и – делать нечего – придется остановиться на тебе.

Селдон горько вздохнул и сказал:

– Ладно, попытаюсь, но пока – ни малейшего проблеска надежды. «Вероятно, но неосуществимо» – как я говорил в самом начале, и сейчас я в этом убежден сильнее, чем когда бы то ни было.

Глава тринадцатая Термарии

Амариль, Юго – математик, делящий с Гэри Селдоном славу разработки фрагментов психоистории. Именно он...

Однако обстоятельства, в которых прошло его раннее детство, едва ли менее драматичны, чем его вклад в математику. Родившись в страшной бедности в секторе Даль древнего Трентора, он мог бы прожить жизнь в нищете и безвестности, если бы Селдон совершенно случайно не познакомился с ним во время...

Галактическая энциклопедия

60

Властелин Галактики устал – устал физически. Губы у него болели от того, что ему нужно было непрерывно растягивать их в милостивой улыбке. Шея онемела от того, что ему нужно было все время вертеть головой туда-сюда, изображая неподдельный интерес. Даже уши болели – устали слушать. Все тело ныло от непрерывного вставания, поворотов, рукопожатий и поклонов.

А ведь был всего-навсего самый обычный прием, не котором по обыкновению присутствовали мэры, вице-короли и министры с супругами как с Трентором, так и кое-откуда из Галактики. Притаскались их не меньше тысячи, толпа вышла на редкость разномастная, все болтали на разных наречиях, и, что хуже всего, с Императором все старались говорить на имперском галактическом, и выходило еще хуже. Но что самое ужасное, Император не должен был забывать о том, что ему нельзя делать никаких замечаний по содержанию сказанного и отвечать можно только бессодержательно.

Весь прием – и визуально, и вербально – записывался, и по его прошествии Эдо Демерзель посмотрит, хорошо ли, верно ли вел себя Клеон Первый. То есть, это Император так думал. Демерзель-то, конечно, скажет, что он попросту собирал информацию или решил проследить за поведением какой-то группы гостей. Может, и так.

Счастливчик Демерзель!

Император не мог покинуть границ Дворца и его окрестностей, А Демерзель, будь на то его воля, мог бы прочесать всю Галактику. Император всегда был на виду, всегда в пределах досягаемости, всегда вынужден принимать надоедливых посетителей – от очень важных до абсолютно никчемных, Демерзель хранил инкогнито и никогда не показывался никому на глаза на дворцовой территории. Он оставался всего-навсего именем, внушавшим всеобщий страх, этаким невидимкой, одно упоминание о котором приводило в трепет.

Император был Человеком-живущим-внутри, и к его услугам были все прелести и западни власти. А Демерзель был Человеком-живущим-снаружи, и у него ничегошеньки не было, даже формального титула, но его руки, его разум могли дотянуться куда угодно, и он не просил никаких наград за свои неустанные труды, кроме единственной – настоящей власти.

Это забавляло Императора. Он любил иной раз поиграть сам с собой в такую игру: представить, что на самом деле в любое мгновение может без предупреждения, по сфабрикованному обвинению, арестовать Демерзеля, отправить за решетку, в ссылку, пытать, казнить. Можно было бы даже не придумывать никакого обвинения вообще. В конце концов, времена стояли неспокойные, и Императору трудно было осуществлять свою волю в Галактике. Даже Трентором было править нелегко – все время приходилось делать скидку на какие-то договоры, протоколы, суверенитеты и коммюнике, пункты межзвездного права... Но во Дворце власть Императора была и оставалась абсолютной.

Однако Клеон прекрасно понимал, что все его мечты о власти – не более чем приятная иллюзия, Демерзель служил его отцу, и он не мог припомнить случая, чтобы он сам и его отец, прежде чем принять хоть какое-то решение, не обратились бы для начала за советом к Демерзелю. Демерзель все знал, все придумывал и все делал. Более того, если что-нибудь не получалось, на Демерзеля можно было свалить всю вину. Император же всегда оставался вне всякой критики, и опасаться ему было нечего – ну, конечно, кроме дворцовых заговоров и покушений на свою жизнь со стороны ближайшего окружения. Чтобы такого не случилось, и

приходилось, прежде всего, полагаться на Демерзеля.

При одной только мысли о том, чтобы остаться без Демерзеля, Клеон поежился. Да, бывали Императоры, которые ухитрялись править самолично, и их государственные секретари талантами не блистали, и все-таки владыки держали при себе этих бездарей и как-то, худо-бедно, правили, и ничего.

А Клеон так не мог. Ему был нужен Демерзель. Стоило только подумать о возможности покушения – а вся история Империи говорила о том, что ему этого не избежать, – как он понимал, что без Демерзеля ему никак не обойтись. Ни за что не обойтись. Как бы хитро ни защищался сам Клеон, Демерзель наверняка заметил бы раньше любой ход, кто бы его ни предпринял, и сам бы стал во главе дворцового переворота. И тогда… тогда Клеон не успел бы глазом моргнуть, как отправился бы на тот свет. Его сменил бы новый Император, и Демерзель стал бы служить ему. Служить и управлять им.

А может быть, Демерзелю прискучит притворяться и он сам станет Императором?

Нет, ни за что! Он слишком сильно привык к анонимности. Нет-нет, если Демерзель начнет играть в открытую, все его могущество, вся мудрость и удачливость отвернутся от него. В этом Клеон был просто убежден.

Словом, покуда Клеон вел себя подобающим образом, Демерзель не мог его покинуть.

Но вот и он сам, одетый так сдержанно и просто, что Клеон сразу почувствовал себя жутко неловко в своем разукрашенном парадном облачении. К счастью, тут же явились слуги и унесли мундир.

– Демерзель, – сказал Император, – Как я устал!

– Государственные дела утомляют, сир, – пробормотал Демерзель.

– Но должен ли я тогда уделять им каждый вечер?

– Не *каждый*, но они важны. Людям важно лицезреть вас, чувствовать ваше внимание к себе. Это помогает править Империей без забот.

– Раньше Империей можно было править без забот с помощью одной только власти, – с печальным вздохом проговорил Император. – А теперь ею нужно править с помощью улыбочек, милостивых жестов, ласковых словечек, медалей и орденов.

– Если все это способствует миру и спокойствию, сир, то о чем говорить? А ваше правление протекает спокойно.

– Ты знаешь, почему это так. Потому, что ты со мной. Единственный мой талант – это то, что я осознаю твою важность. – Немного помолчав, он, прищурившись, посмотрел на Демерзеля. – Мой сын не годится в наследники. Он не слишком способный мальчик. Что если я назначу своим преемником тебя?

– Сир, – холодно проговорил Демерзель, – это необдуманное предложение. Я не имею желания узурпировать престол. Я не собираюсь отнимать его у вашего законного наследника. И потом, если я совершил что-либо неугодное, не наказывайте меня столь сурово. Что бы я ни совершил, что бы я ни замыслил, я не заслуживаю такого наказания.

Клеон рассмеялся.

– Браво, Демерзель. За то, что ты так верно оценил стоимость пребывания на имперском троне, я отказываюсь от всякой мысли о наказании. Беру свои слова обратно. Ладно, давай поболтаем о чем-нибудь другом. Надо бы лечь спать, но я еще морально не готов к той церемонии, которой меня перед этим подвергают. Давай поболтаем.

– О чём, сир?

– О чём угодно… Хотя бы об этом математике и о его психоистории. Время от времени я вспоминаю о нем, знаешь ли. Вот и сегодня за обедом я о нем думал. Знаешь, почему? Я подумал: что если бы этот математик спрогнозировал такое будущее, где бы Императору можно было обойтись без этих бесконечных церемоний?

– Почему-то мне кажется, сир, что такое не под силу даже самому гениальному психоисторику.

– Ладно, расскажи мне последние новости. Он что, все еще прячется у этих лысых балбесов в Микогене? Ты обещал, что вытащишь его оттуда.

– Да, сир, обещал, и пытался, но должен признаться, что мне это не удалось.

– Не удалось? – Император слегка нахмурился. – Не нравится мне это.

— Мне тоже, сир. Я планировал спровоцировать математика на какое-либо святотатственное деяние — подобное деяние очень легко совершить в Микогене, особенно иноземцу, непосвященному. За такое деяние его могли бы подвергнуть весьма суровому наказанию. Тогда математик был бы вынужден апеллировать к Императору, и в результате мы заполучили бы его. Я собирался осуществить это дело за счет крошечных концессий с нашей стороны — для нас пара пустяков, а для Микогена — очень важных. Лично я в этом участвовать не собирался. Все должно было быть совершено мягко, ненавязчиво.

— Понятно, — кивнул Клеон. — Но ничего не вышло. И что, мэр Микогена…

— Он называется Верховным Старейшиной, сир.

— Мне все равно, какой у него титул, не придирайся. Что, этот Верховный Старейшина отказался?

— Напротив, сир, согласился, и математик удивительно легко угодил в ловушку.

— И что же?

— Ему позволили уйти, сир. Отпустили и ничего не сделали.

— Почему? — нетерпеливо спросил Клеон.

— Точно не знаю, сир, но, по-моему, нас кто-то опередил.

— Кто? Мэр Сэтчема?

— Может быть, сир, но в этом я сомневаюсь. За Сэтчемом я постоянно наблюдаю. Если бы они схватили нашего математика, я бы уже об этом знал.

Теперь Император не просто нахмурился. Он явно был разъярен.

— Это плохо, Демерзель. Я очень недоволен. Такая неудача заставляет меня усомниться в твоих способностях. И какие же меры мы примем к Микогену за столь явное пренебрежение к желанию Императора?

Демерзель низко склонил голову, пережидая бурю негодования монарха, но ответил холодно и спокойно:

— Предпринимать какие-либо санкции против Микогена сейчас, сир, было бы ошибкой. Такой конфликт сыграл бы на руку Сэтчему.

— Но должны же мы что-то предпринять!

— Может быть, и не должны, сир. Все не так плохо, как кажется.

— Как это так? Куда уж хуже?

— Вы помните, сир, что этот математик был убежден в том, что его психоистория не может быть внедрена в практику?

— Конечно, помню, но это же ничего не значит? Для наших целей, имею в виду.

— Может быть, и не значит. Но если бы ее можно было внедрить в практику, сир, она бы послужила нашим целям, и еще как бы послужила. А из того, что мне стало известно на сегодняшний день, я сделал вывод, что этот математик как раз сейчас предпринимает попытки практического применения психоистории. И его святотатственный поступок в Микогене как раз имеет непосредственное отношение к решению проблемы психоистории. Раз так, сир, то имеет полный смысл предоставить его самому себе. Лучше будет схватить его тогда, когда он приблизится к своей цели или даже тогда, когда он до нее доберется.

— Ага. Если только мэр Сэтчема не схватит его раньше нас.

— Я прослежу за тем, чтобы этого не произошло.

— Точно так же, как ты позволил математику ускользнуть из Микогена?

— На этот раз я не совершу ошибки, сир, — холодно отозвался Демерзель.

— Да уж, Демерзель, лучше не совершай. Второй ошибки я тебе не прощу. Да… — капризно закончил Император, — поспать мне сегодня не удастся.

61

Жирад Тисальвер из Даля был невысокого роста, на полголовы ниже Селдона. Но близко к сердцу он, похоже, этого не принимал. У него были правильные, приятные черты лица, обворожительная улыбка, пушистые, густые черные усы и черные волосы, лежавшие плотными завитками.

Жил он вместе с женой и маленькой дочкой в квартирке из нескольких комнатушек, где

всегда царила почти больничная чистота, но обстановка была самая скромная.

— Я прошу прощения, господин Селдон и госпожа Венабили, — извинился Тисальвер, — за то, что не могу предоставить вам роскоши, к которой вы, вероятно, привыкли, но Даль — бедный сектор, да и я небогат, даже по нашим меркам.

— Тогда уж нам стоит извиниться, — сказал Селдон, — за то, что вам придется терпеть неудобства от нашего присутствия у вас.

— Никаких неудобств, господин Селдон. Господин Челвик нам щедро заплатил за ваше проживание в наших скромных апартаментах. Деньги нам никогда не помешали бы, а еще и ваше общество...

Селдону на память пришли прощальные слова Челвика.

— Селдон, — сказал он тогда, — это уже третье убежище. В первые два имперским властям попасть было исключительно трудно, и именно поэтому скрываться там было наиболее логично. Здесь все иначе. Это нищий, ничем не примечательный сектор, и конечно, место не совсем безопасное. Прятаться здесь тебе вряд ли пришло бы в голову, поэтому мало вероятно, чтобы взоры Императора и его государственного секретаря обратились в сторону Даля. Можешь ты пообещать мне держаться подальше от беды хотя бы здесь?

— Я постараюсь, Челвик, — сказал Селдон чуть обиженно. — Только не думай, пожалуйста, что я нарочно ищу неприятностей на свою голову. Я ищу знаний, которые помогли бы сэкономить те тридцать жизней, которые мне, видимо, придется потратить на создание психоистории.

— Ясное дело, — хмыкнул Челвик. — Погоня за знаниями погнала тебя на поверхность в Стрилинге, в микогенский алтарь. Остается только гадать, в какой пороховой погреб она тебя заведет в Дале. Что же касается вас, доктор Венабили, я понимаю, что вы и так старались заботиться о Селдоне, но придется заботиться еще лучше. Вбейте себе в голову, да покрепче, что он — самый важный человек на Тренторе и даже во всей Галактике и что его надо сберечь во что бы то ни стало.

— Постараюсь сделать все, что в моих силах, — сухо отозвалась Дорс.

— Что касается ваших квартирных хозяев, люди они не без странностей, но хорошие. Я с ними давно знаком, и очень не хотелось бы, чтобы из-за вас они попали в беду.

Но пока Тисальвер, похоже, только радовался квартирантам — неподдельно, искренне, и как будто вовсе не потому, что получил неплохие деньги за их проживание.

Всю жизнь он прожил в Дале и страстно обожал рассказы о других местах. Жена его тоже слушала с удовольствием, то и дело улыбалась, кивала головой, а их дочурка, не вынимая изо рта обслюниченного пальца, подглядывала в щелочку.

Как правило, все семейство собирались вместе после обеда, и от Селдона и Дорс ждали очередного рассказа о далеких мирах. Еды всегда бывало вдоволь, но пища была простая, а временами и просто грубая. После изысканных микогенских блюд здешний рацион можно было смело назвать несъедобным. Да и питались тут весьма своеобразно. Стол представлял собой узкую длинную доску, прикрепленную к стене; все выстраивались возле нее и ели стоя.

Селдон путем мягких и ненавязчивых расспросов выяснил, что такая манера потребления пищи никак не связана с бедностью, что так едят в Дале везде. «О да, конечно, — объяснила госпожа Тисальвер, — те, кто занимает важные государственные посты, порой вынуждены заводить какие-то предметы вроде сидячих полок, — видимо, она имела в виду стулья, — но представители среднего класса смотрят на подобные нововведения свысока, неодобрительно».

Но как бы сильно Тисальверы ни презирали то, что считали ненужной роскошью, слушали они про нее во все уши. Упоминание о матрасах на ножках вызывало у них восхищенные восклицания. Не меньший восторг производили рассказы о разных столах и шкафчиках, изысканной посуде и столовых приборах.

Выслушав рассказ об обычаях Микогена, Жирад Тисальвер любовно пригладил свою курчавую шевелюру, словно желая показать, что он скорее готов подвергнуться кастрации, чем депиляции. При всяком упоминании о дискриминации женщин госпожа Тисальвер вздрагивала, вскрикивала, приходила в ярость и никак не могла поверить, что Сестры покорно мирятся с таким положением дел.

Но больше всего они любили слушать рассказ Селдона о посещении Дворца Императора.

Выяснилось это совершенно случайно, и стоило Селдону обмолвиться о том, что он видел живого Императора и говорил с ним, Тисальверы просто окаменели от ужаса и восторга. Потом посыпались вопросы, и их было такое количество, что Селдон был просто не в состоянии ответить на все. Ведь он, на самом деле, ни Дворца, ни его окрестностей толком не видел.

Тисальверов столь скучные сведения явно не устроили, и время от времени они предпринимали очередные попытки выудить у Селдона хоть что-нибудь еще. Немного успокоившись по этому поводу, они никак не могли поверить, что Дорс ни разу даже близко не подходила к императорскому Дворцу. А замечание Селдона о том, что Император вел себя и разговаривал совсем как обычный человек, вызвало у Тисальверов поистине бурю негодования.

Выдержав три таких вечера подряд, Селдон почувствовал страшную усталость. Поначалу такое времяпрепровождение показалось ему привлекательным – ничего не делать (по крайней мере, днем), а только просматривать кое-какие книги по истории, рекомендованные Дорс. Тисальверы пошли на благородный шаг и днем выключали головизор. Это, правда, жутко огорчало девочку, которой приходилось бегать смотреть передачи к соседям.

– Ничего не выходит, – раздраженно признался Селдон, включив для прикрытия музыку погромче. – Я понимаю, ты обожаешь историю, но в ней такое количество подробностей. Целая гора… да нет, что там гора – целая галактика информации, в которой я, увы, не вижу никакой упорядоченности.

– А я бы сказала, – ответила Дорс, – что было время, когда люди не видели никакой упорядоченности в картине звездного неба, а потом разобрались в строении Галактики.

– Да, но на это ушли не недели, а жизнь многих поколений. Когда-то ведь и сама физика была не чем иным, как собранием разрозненных фактов и результатов наблюдений, и только потом были открыты законы природы, но и это отняло жизнь не одного поколения. …А что скажешь о Тисальверах?

– А что о них сказать? По-моему, милые, приятные люди.

– Любопытные.

– Ну, конечно. А ты бы на их месте разве не был бы любопытен?

– Да, но только ли в любопытстве дело? Похоже, их просто-таки страшно заинтересовали подробности моей встречи с Императором.

– Да что тут такого особенного? – возмутилась Дорс. – Стань на их место и представь, как ты бы расспрашивал их о том же самом.

– Все равно я почему-то нервничаю.

– Нас привез сюда Челвик.

– Да, но он не святой. Он привез меня в Университет, а там меня вытянули на поверхность. Он сдал нас с рук на руки Протуберанцу Четырнадцатому, который самолично нас и сцепал. Тебе это прекрасно известно. Два прокола подряд. И потом, я устал от постоянных допросов.

– Давай поставим вопрос иначе, Гэри. Даль сам по себе тебя интересует?

– Конечно. Скажи, что тебе известно об этом секторе?

– Ничего. Он – всего-навсего один из восьмиста с лишним тренторианских секторов, а я на Тренторе – чуть дольше двух лет.

– Правильно. А на свете двадцать пять миллионов разных миров, а я занимаюсь этой проблемой чуть больше двух месяцев. Вот что я тебе скажу; я хочу вернуться на Геликон и заняться изучением математических принципов турбулентции, темой своей диссертации на соискание докторской степени, и клянусь, я никогда в жизни не вспомню и даже не подумаю, что турбулентция имеет хоть какое-то отношение к жизни человеческого общества.

Однако в этот же вечер он спросил у Тисальвера:

– Скажите, пожалуйста, господин Тисальвер, если не секрет, чем вы занимаетесь? Что у вас за работа?

– У меня? – удивленно переспросил Тисальвер, прижав руку к груди, прикрытой, надо сказать, исключительно тоненькой футболкой – так одевались все мужчины в Дале. – Да ничего такого особенного. Я работаю программистом на местной головизационной станции. Скучноватая работенка, но на жизнь хватает.

– Работа очень уважаемая, – вступилась госпожа Тисальвер. – По крайней мере, ему не

приходится вкалывать на термарии.

— Как вы сказали? На термарии? — не скрывая изумления, переспросила Дорс.

— Ну, это наша главная достопримечательность, — улыбнулся Тисальвер. — Ничего особенного, конечно, но дело в том, что сорока миллиардам людей на Тренторе нужна энергия, и мы поставляем ее значительную часть. Не то чтобы мы задирали из-за этого нос, но хотел бы я посмотреть, как в богатых секторах обошлись бы без нашей помощи.

Селдон был обескуражен.

— Но разве Трентор не потребляет энергию с орбитальных станций, оборудованных солнечными батареями?

— Частично, — кивнул Тисальвер. — Частично — с атомных станций на островах, частично — от микрофузионных двигателей, частично с ветряных станций, установленных на поверхности, но половина энергии, — тут он многозначительно, гордо поднял указательный палец, — поступает из термариев. Подобные источники тепла существуют во многих местах, но только Даль так богат ими. Нет, вы действительно ничего не знаете про наши термарии? Вы так смотрите...

Дорс быстро нашлась:

— Мы же иноземцы, понимаете, — она чуть было не сказала «варвары», но вовремя опомнилась. — Особенно доктор Селдон. Он на Тренторе всего-то пару месяцев.

— Правда? — удивилась госпожа Тисальвер. Ростом она была еще ниже мужа, пухленькая, но не толстая. Темные волосы аккуратно собраны в пучок, карие глазки искрились весельем и любопытством. Как и мужу, ей было не больше тридцати.

После пребывания в Микогене Дорс никак не могла привыкнуть к тому, что женщина так свободно ведет себя в компании. «Как быстро все меняется — манеры, привычки», — подумала Дорс и решила, что непременно надо будет сказать об этом Селдону, как о еще одной проблеме, заслуживающей внимания психоистории.

— Правда, — кивнула она. — Доктор Селдон — с Геликона.

— А где же это такое находится? — вежливо поинтересовалась госпожа Тисальвер.

— Ну, это... — начала Дорс и обернулась за помощью к Селдону. — Где это, Гэри?

Селдон немного растерялся.

— Правду сказать, я даже на модели Галактики не сумел бы сразу найти свою планету, если бы не заглянул для начала в справочник. Все, что я могу сказать, так это то, что Геликон находится по другую сторону Центральной черной дыры от Трентора, и попасть туда на гиперпространственном корабле довольно трудно.

— Сомневаюсь, — вздохнула госпожа Тисальвер, — что мы с Жирадом когда-нибудь куда-либо полетим на гиперпространственном корабле.

— Не грусти, Касилия, — подбодрил ее господин Тисальвер, — глядишь, может, и полетим когда-нибудь. Вы нам лучше про Геликон расскажите, господин Селдон.

Селдон покачал головой.

— По-моему, это выйдет скучно. Планета как планета, как все остальные. На мой взгляд, только Трентор и непохож на все остальные планеты. Термариев на Геликоне нет, а может быть, их и нигде нет, кроме Трентора. Расскажите мне про них.

«Только Трентор и непохож на все остальные планеты» — сказанная им самим фраза звенела у Селдона в ушах, повторялась и повторялась, и вдруг, совершенно неожиданно в его памяти всплыла история Дорс о «руке на бедре», но Тисальвер начал рассказывать, и фраза о Тренторе и рассказ Дорс вылетели у Селдона из головы так же быстро, как возникли.

А Тисальвер сказал вот что:

— Если вы действительно хотите узнать о термариях, я мог бы сводить вас туда. Касилия, — спросил он у жены, — ты не будешь возражать, если завтра я отведу господина Селдона на термарии?

— И меня, — тут же вмешалась Дорс.

— Хорошо, и госпожу Венабили тоже.

Госпожа Тисальвер нахмурилась, поджала губы.

— Не думаю, что это хорошая мысль. Нашим гостям там не понравится.

— Почему не понравится, госпожа Тисальвер? — удивился Селдон. — Нет, нам очень даже

интересно взглянуть на термарии. Мы будем рады, если и вы к нам присоединитесь, и дочка ваша, если, конечно, захочет.

— На термарии? — возмущенно воскликнула госпожа Тисальвер. — Там не место благовоспитанным женщинам.

— Не обижайтесь, — вмешался Тисальвер. — Касилия считает, что это ниже нашего достоинства, и это правда, но поскольку я там не работаю, ничего страшного в том, чтобы пойти туда и показать термарии гостям для меня нет. Но только... это довольно неприятно, и я ни за что не смогу заставить Касилию... подобающее одеться.

Все общество встало. Дальские «стулья» представляли собой высокие табуретки на колесиках. Селдон уже успел их возненавидеть: край табуретки врезался под колени, да еще она и ерзала по полу при каждом движении. Тисальверы, правда, как-то ухитрялись усидеть на своих табуретках и вставали с них ловко, не придерживаясь, как Селдон, руками за сиденье. Дорс тоже поднялась весьма изящно, и Селдон в который раз восхитился ее природной грацией.

Прежде чем разойтись по комнатам, Селдон сказал Дорс:

— Ты действительно ничего не знаешь про эти их термарии? Послушать госпожу Тисальвер, так это просто отвратительное mestечко.

— Не думаю, что оно такое уж отвратительное, иначе господин Тисальвер не согласился бы повести нас на эту экскурсию. Давай приготовимся к тому, что нас там ждет что-то удивительное.

62

— Вам нужно подобающее одеться, — сказал утром господин Тисальвер.

Госпожа Тисальвер выразительно фыркнула. С ужасом вспомнив о кертах, Селдон осторожно поинтересовался:

— Что вы имеете в виду под подобающей одеждой?

— Что-нибудь легкое, вроде моей одежды. Футболку с короткими рукавами, легкие брюки, тонкое нижнее белье, носки, сандалии. Все это у меня для вас найдется.

— Отлично. Ничего страшного, как будто.

— И для госпожи Венабили тоже найдется такой комплект. Надеюсь, подойдет по размеру.

Все, что предложил господин Тисальвер, пришлось Дорс и Селдону впору. Ну, может быть, вещи оказались чуть-чуть тесноваты. Как только все были готовы, все трое попрощались с госпожой Тисальвер; та вздохнула, покачала головой и проводила их взглядом до дверей.

На улице было еще светло — ранний вечер, и небо светилось красками искусственного заката. По всей вероятности, скоро должны были зажечься фонари. Было тепло, и на улицах не было почти никакого транспорта, все шли пешком. Издалека доносился извечный шум экспресса, время от времени вспыхивали его огоньки.

Селдон обратил внимание на то, что пешеходы никуда не спешат, а просто гуляют. Наверное, раз Даль — небогатый сектор, то с развлечениями тут не густо, и, будучи не в силах позволить себе ничего более роскошного, по вечерам люди тут предаются простым радостям вроде пеших прогулок.

Селдон сам не заметил, как перешел на ленивый прогулочный шаг и погрузился в тепло и дружелюбие уличной атмосферы. Пешеходы здоровались друг с другом, обменивались парой-тройкой вежливых фраз. Почти у всех мужчин физиономии украшали черные усы разнообразной длины и фасонов. Похоже, усы здесь были столь же неотъемлемой частью облика мужской половины населения, как лысые головы у микогенских Братьев.

Прогулка напоминала вечерний ритуал, означавший, что день прошел хорошо и у тебя самого, и у твоих друзей и знакомых. Вскоре Селдон заметил, что почти все встречные удивленно посматривают на Дорс. В сумерках ее рыжие волосы казались темнее, но все равно разительно выделялись на фоне целого моря черноволосых голов (не считая изредка встречавшихся седых). Ее головка проплыvala по этим волнам, словно золотая монетка, катившаяся по куче угля.

— Послушайте, мне ужасно нравится эта прогулка, — сказал Селдон.

— Я тоже очень люблю гулять по вечерам, — признался Тисальвер. — Обычно я гуляю с

женой, а она так просто обожает этот вечерний променад. Она знает всех по именам на целый километр в округе, знает, кто чем занимается, кто чей родственник, и так далее. А я никак не могу всех упомянуть. Ну, вы же видели, сколько человек уже успели со мной поздороваться, а я половину из них по имени не знаю. Но вообще-то нам надо поторопиться. Нужно поскорее добраться до лифта. Внизу народу побольше.

Когда лифт вез всю троицу вниз, Дорс сказала:

— Если я ошибаюсь, господин Тисальвер, поправьте меня. Я так понимаю, что термарии — это такое место, где внутреннее тепло Трентора используется для производства пара, который должен вращать турбины, которые, в свою очередь, производят электричество.

— О нет! Там стоят мощные термоэлементы, которые напрямую производят электричество. Только не спрашивайте у меня о подробностях, прошу вас. Я всего-навсего программист-головизионщик. И вообще не советую никого тут, внизу, расспрашивать о подробностях. Тут все вроде большого такого черного ящика. Все работают, но никто не знает как.

— А если что-то сломается?

— Как правило, ничего такого не происходит, но если и случается, откуда-то вызывают эксперта. Того, кто разбирается в компьютерах. Тут все компьютеризировано, конечно.

Кабина лифта остановилась, они вышли и сразу почувствовали, как по ним ударила плотная волна жара.

— Жарко тут, — заметил Селдон, хотя это и так было ясно.

— Да, жарко, — согласился Тисальвер. — Потому-то Даль и является таким ценным источником энергии. Слой магмы залегает здесь ближе к поверхности, чем в любом другом месте. Приходится работать в такой жаре.

— А как насчет кондиционеров? — спросила Дорс.

— Кондиционеры тут есть, но они ужасно дороги. Тут есть вентиляция, увлажнители и охладители, но если пользоваться всем этим чересчур широко, то на потребление энергии уйдут слишком большие затраты и все предприятие станет нерентабельным.

Тисальвер остановился у какой-то двери и позвонил. Дверь открылась, из проема хлынул более прохладный воздух, и Тисальвер пробормотал:

— Нужно разыскать кого-нибудь, кто бы нас здесь поводил. Вы уж извините, но нашему провожатому придется оградить госпожу Венабили от всяких неприятных замечаний, на которые тут способны некоторые мужчины.

— Меня совершенно не пугают никакие замечания, — улыбнулась Дорс.

— А меня могут напугать, — сказал Тисальвер.

— Хано Линдор, — представился молодой человек, вставший им навстречу из-за столика. Можно было подумать, что он — близкий родственник Тисальвера. Селдон понял, что еще долго в Дале ему предстоит вот так путаться, до того тут все были похожи друг на друга.

— Буду рад, — сказал Линдор, — показать вам все; что сумею. Зрешище, правда, не ахти... — Говорил он, вроде бы, обращаясь ко всем сразу, но взгляд его был прикован к Дорс. — И потом, вам будет не совсем удобно. Думаю, придется снять футболки.

— Но тут так хорошо, прохладно, — возразил Селдон.

— Конечно, но это в кабинете. Должность имеет свои привилегии. А за пределами кабинета мы не в силах поддерживать кондиционирование на таком же уровне. Поэтому рабочие получают больше, чем я. На самом деле, у них самая высокооплачиваемая работа в Дале: только деньгами сюда народ и заманиваем. И все равно, находить рабочих становится все труднее и труднее. Ну, ладно, — сказал он, глубоко вздохнув, — нырнем в кипяточек...

Он стянул с себя футболку через голову и, скомкав, засунул под поясной ремень. То же самое проделал и Тисальвер. Селдон последовал их примеру.

Линдор взглянул на Дорс и пробормотал:

— Вам же лучше будет, госпожа, но это необязательно.

— Все нормально, — улыбнулась Дорс и сняла футболку, оставшись в тоненьком белом бюстгальтере, который почти ничего не скрывал.

— Госпожа, — опустив глаза, промямлил Линдор, — это необя... Ну, ладно, — закончил он, пожав плечами, — пойдемте.

Селдон смотрел во все глаза, но видел только компьютеры, какие-то машины, толстые трубы, мелькание огоньков да тускло светящиеся экраны.

Общее освещение было ужасно тусклым, только панели приборов горели ярко. Вглядываясь в темноту, Селдон спросил:

– Почему тут такая темнотища?

– Освещение хорошее – там, где нужно, – ответил Линдор хорошо поставленным, но чуть хрипловатым голосом. – Общее освещение слабое, да, но для этого есть чисто психологические причины. Слишком яркий свет ассоциируется с жарой. Стоит только поярче включить свет, и тут же сыплются жалобы, даже если при этом понизить температуру.

– Похоже, тут все у вас здорово компьютеризировано, – отметила Дорс. – Мне кажется, что и все тут могли бы делать компьютеры. Самое подходящее место для этого.

– Совершенно верно, – кивнул Линдор. – Но мы должны быть застрахованы от любых ошибок. Если что-то сломается, нужны люди. Вышедший из строя компьютер может вызвать неполадки за две тысячи километров от места поломки.

– Так же, как и ошибка человека, разве нет? – спросил Селдон.

– Да, конечно, но, когда работают одновременно и люди, и компьютеры, ошибку компьютера выявить всегда гораздо проще, и наоборот, компьютер быстрее подметит ошибку человека. Главное, ничего ужасного не случится до тех пор, пока человек и компьютер не ошибутся одновременно. А такое не случается почти никогда.

– Почти никогда, но все-таки случается, а? – спросил Селдон.

– Почти никогда, но все-таки случается, – подтвердил Линдор. – И компьютеры уже не те, и люди тоже.

– Так всегда говорили, во все времена, – Селдон тихо рассмеялся.

– Нет-нет, я говорю не о прошедшем времени, не о старых добрых временах. Такова статистика.

И снова Селдон вспомнил слова Челвика об упадке.

– Я вот о чем говорю, – сказал Линдор потише. – Посмотрите, вон там кучка рабочих, судя по виду, с уровня С-3. Они пьют. И все не на своих рабочих местах.

– А что они такое пьют? – поинтересовалась Дорс.

– Особые напитки для профилактики потери электролита. Фруктовые соки.

– Но разве можно их за это ругать? – возмутилась Дорс. – Как же тут не пить, в такой жаре?

– А знаете ли вы, как долго опытный рабочий уровня С-3 может тянуть свой напиток? А поделать ничего нельзя. Если давать им пятиминутные перерывы на питье и хронометрировать эти перерывы, да следить за тем, чтобы они не собирались компаниями... так и до забастовки недалеко.

Вскоре они подошли поближе к группе рабочих. Среди них были и мужчины, и женщины, и все по пояс обнаженные. На женщинах, правда, были надеты какие-то тряпочки, отдаленно напоминавшие бюстгальтеры, но назначение у них было чисто функциональное. Они поддерживали грудь, впитывали пот, но ничего не прикрывали.

– Знаешь, Гэри, – шепнула Дорс Селдону, – в этом что-то есть. Я уже взмокла.

– Сними, – шепнул Селдон. – Я не против.

– Я так и думала, – кивнула Дорс, но бюстгальтер не сняла.

В компании рабочих было около дюжины человек.

– Если кто-то из них что-нибудь отчебучит в мой адрес, я переживу, – сказала Дорс.

– Благодарю вас, – ответил Линдор. – Не могу пообещать, что они от этого удержатся. Но мне придется вас представить. Если им покажется, что вы – парочка инспекторов, расхаживающих здесь за компанию со мной, они не поверят. Инспекторы обычно шныряют в одиночку, без представителей руководства.

Подняв обе руки в знак приветствия, Линдор обратился к рабочим.

– Термальщики, – сказал он, – позвольте представить вам наших гостей. Они нездешние, ученые. Они прибыли из таких миров, где не хватает энергии, и сюда пришли для того, чтобы посмотреть, как обстоят дела в Дале. Они надеются кое-чему поучиться у нас.

– Мы их научим, как потеть, – выкрикнул один из термальщиков, и вся компания громко

расхохоталась.

— А у этой-то, поди, уже пузо взопрело, — выкрикнула женщина-термальщица, — в таком-то наряде!

Дорс не ударила лицом в грязь:

— Я готова раздеться, да только боюсь, мне до тебя далеко.

Смех рабочих на сей раз был вполне дружелюбным.

Но тут вперед выступил молодой человек. Уставившись на Селдона в упор глубоко посаженными глазами, он весело улыбнулся и сказал:

— Я вас знаю. Вы математик.

Быстро подойдя поближе, он принял бесцеремонно разглядывать Селдона. Дорс автоматически шагнула вперед и встала между ним и Селдоном, а Линдор заслонил ее собой и крикнул:

— Назад, термальщик! Веди себя, как подобает!

— Погодите! — вмешался Селдон. — Дайте ему сказать. Что это вы все выстроились впереди меня?

— Если кто-то из них подойдет поближе, — вполголоса объяснил Линдор, — вам сразу станет ясно, что пахнут они не как тепличные цветочки.

— Переживу, — отрезал Селдон. — Молодой человек, кто вы такой и что вам угодно?

— Меня зовут Амариль. Юго Амариль. А вас я видел в головизионной передаче.

— Может быть. И что из этого?

— Забыл, как вас зовут.

— Не стоит вспоминать.

— Вы говорили о чем-то под названием «психоистория».

— Вы не представляете, как я об этом жалею.

— Что вы сказали?

— Ничего. Что вам угодно?

— Я хочу поговорить с вами. Совсем немного. Прямо сейчас.

Селдон посмотрел на Линдора. Тот резко покачал головой.

— Только в нерабочее время.

— Когда вы приступаете к работе, мистер Амариль? — спросил Селдон.

— В шестнадцать ноль-ноль.

— Можете встретиться со мной в четырнадцать ноль-ноль?

— Конечно. Где?

Селдон обернулся к Тисальверу.

— Вы позволите мне принять этого молодого человека у вас?

— Это не принято, — пробормотал Тисальвер. — Ведь он простой термальщик.

— Но он узнал меня. Он что-то обо мне знает, — возразил Селдон. — Не может быть, что он простой термальщик. В общем, я приму его у себя в комнате. Моя комната, — добавил он, заметив, что Тисальвер сстроил гримасу, — это то, за что вам заплачено. Да тем более мы встретимся тогда, когда вы будете на работе.

— Не во мне дело, господин Селдон, — вполголоса проговорил Тисальвер. — Моя жена, Касилия, Она этого не переживет.

— Я поговорю с ней, — вздохнул Селдон. — Поговорю и уговорю.

63

— Термальщик! — широко раскрыла глаза Касилия Тисальвер. — Только не у нас!

— Но почему? Я его приму у себя, — сказал Селдон. — В четырнадцать ноль-ноль.

— Нет-нет, и не уговаривайте! Вот что выходит из всех этих экскурсий по термариям, — проворчала госпожа Тисальвер. — Мой Жирад глупец, что потащил вас туда...

— Не огорчайтесь так, госпожа Тисальвер. Мы пошли туда по моей просьбе, и мне там очень понравилось. Мне обязательно нужно повидаться с этим молодым человеком. Это важно для моей научной работы.

— Вы уж меня извините, но я не могу позволить, не могу, и все.

— Гэри, — вмешалась Дорс, — позволь, я попробую объяснить. Госпожа Тисальвер, я понимаю, раз господин Селдон желает с кем-то встретиться у себя в комнате, это требует дополнительной платы. Мы это прекрасно понимаем. Значит, за сегодняшний день мы заплатим вдвое за комнату господина Селдона.

Госпожа Тисальвер задумалась.

— Это очень благородно с вашей стороны, — сказала она наконец, — но дело не только в деньгах, Что подумают соседи? Потный, вонючий термальщик...

— Не думаю, чтобы в четырнадцать ноль-ноль он был потный и вонючий, госпожа Тисальвер, но позвольте, я закончу. Если доктору Селдону обязательно нужно с ним повидаться, но здесь встретиться им нельзя, значит, ему придется встречаться с этим парнем где-то еще, но не можем же мы бегать туда-сюда. Это будет не слишком удобно. Значит, нам придется поискать другую квартиру. Наверное, это будет нелегко, и нам этого совсем не хочется, но что поделаешь — придется. Поэтому, раз так, мы заплатим вам по сегодняшний лень включительно и покинем вас, но, безусловно, нам придется рассказать господину Челвику, почему нам пришлось переехать с вашей квартиры.

— Погодите... — проговорила госпожа Тисальвер торопливо, и по ее лицу стало видно, что она производит в уме подсчеты. — Нам бы не хотелось лишний раз беспокоить и расстраивать господина Челвика... да и вас тоже. Сколько времени пробудет тут этот...?

— Он придет в четырнадцать ноль-ноль. В шестнадцать ноль-ноль он заступает на смену. Значит, здесь он пробудет никак не больше двух часов, а скорее всего — гораздо меньше. Мы встретим его на улице и проведем в комнату доктора Селдона. Если нас и увидит кто-то из ваших соседей, можно сказать, что это наш земляк и приятель.

Госпожа Тисальвер кивнула.

— Хорошо, только пусть все будет именно так, как вы сказали. Двойная оплата за комнату господина Селдона за сегодня, и чтобы больше этого термальщика и духу тут не было.

— Только сегодня, обещаем, — кивнула Дорс.

А чуть позже, когда Селдон и Дорс сидели вдвоем в ее комнате, Дорс спросила:

— А зачем ты хочешь встретиться с ним, Гэри? Неужели беседа с термальщиком так уж важна для психоистории?

Селдону послышались в голосе Дорс саркастические нотки, и он резко, даже немного обиженно ответил:

— Я не обязан все свои поступки совершать в согласовании с моим грандиозным проектом, в который, кстати говоря, сам не очень-то верю. Я тоже человек, как-никак, и ничто человеческое мне не чуждо, в том числе и обычное человеческое любопытство. Мы провели в термариях несколько часов, и ты сама видела, на кого похожи рабочие. Уровень — ниже не бывает, это я говорю буквально, без всяких каламбуров. И вдруг среди них попадается человек, который меня знает. Видеть меня по головизору он мог только в одном случае — если смотрел передачу о Декадном Математическом Конгрессе. Вдобавок, он еще и словечко «психоистория» запомнил. Он меня просто поразил. По-моему, он там совершенно не на своем месте. Но почему? Вот мне и захотелось поговорить с ним.

— Что, твое самолюбие тешит тот факт, что тебя знает даже простой термальщик из Даля?

— Может, и так. Но это любопытно, согласись.

— А ты не думаешь, что он завербован кем-то и специально подставлен, чтобы завлечь тебя в ловушку, как случалось раньше?

Селдон усмехнулся.

— Не бойся, я не позволю ему гладить себя по головке. И потом, мы же теперь во всеоружии, не так ли? Уверен, ты будешь присутствовать при нашей с ним беседе. Это я к тому говорю, что ты меня одного отпустила наверх в Университете, позволила отправиться на микроферму с Капелькой Сорок Третьей, так не покидай теперь, ладно?

— Можешь быть абсолютно уверен, не покину, — пообещала Дорс.

— Вот и славно. Я буду толковать с термальщиком, а ты следи за каждым словом. Я тебе доверяю целиком и полностью.

Амариль явился чуть раньше четырнадцати ноль-ноль, смущенный, растерянный. Волосы его были старательно причесаны, черные усики прилизаны, напомажены и чуть-чуть закручены кверху, футболка — белее белого. Пахнуть от него пахло, но это был запах фруктового дезодоранта, с которым он явно переусердствовал. В руке у него была пластиковая сумка.

Селдон и Дорс встретили его около дома, взяли под руки и быстро вошли в кабину лифта. Добравшись до нужного этажа, все трое скользнули в дверь квартиры Тисальверов и, пройдя по коридору, провели гостя в комнату Селдона.

Испуганно оглянувшись на закрывшуюся за ними дверь, Амариль хриплым шепотом спросил: — Дома никого, а?

— Может, кто и есть, но все при делах, — небрежно ответил Селдон. — Садитесь, — предложил он, указывая на единственное посадочное место в комнате — маленький пуфик.

— Не надо, — покачал головой Амариль. — Обойдусь. Вы садитесь.

И он уселся прямо на пол, мягко, почти по-кошачьи.

Дорс скопировала его грацию и опустилась на краешек дивана Селдона. Селдон тоже сел на диван, но у него, конечно, вышло не так ловко.

— Ну, молодой человек, — сказал Селдон, наконец управившись с не желавшими слушаться ногами, — почему вы хотели со мной встретиться?

— Потому что вы математик. Вы — первый математик, которого я увидел... так близко... так близко, что можно потрогать.

— Математики на ощупь точно такие же, как все остальные люди.

— Для меня — не такие... доктор... доктор Селдон?

— Да, так меня зовут.

Амариль радостно улыбнулся.

— Ну вот, я таки вспомнил... Понимаете, я тоже хочу стать математиком.

— Похвально. И что же вам мешает?

— Вы серьезно спрашиваете? — нахмурился Амариль.

— Видимо, что-то вам все-таки мешает. Да, я спрашиваю совершенно серьезно.

— Как — что? Я — далиец, я дальский термальщик. У меня нет денег на образование, и я никогда не смогу их заработать. На настоящее образование, я хочу сказать. Меня научили только читать да считать, да пользоваться компьютером, а этого за глаза хватает любому термальщику. Больше не положено. Но я хочу большего. Поэтому я сам занимался.

— А знаете, это совсем неплохо. Иногда даже лучше, чем в Университете получается. И как же вы занимались?

— Я познакомился с одной библиотекаршей. Она очень хотела мне помочь. Она очень добрая женщина и разрешила мне заниматься в библиотеке. Показала, как пользоваться компьютером для изучения математики. Еще она подсодинила тот компьютер, за которым я занимался, к компьютерам других библиотек. Я могходить туда по выходным, по утрам до работы и после смены. Иногда она запирала меня в своем кабинете, чтобы мне никто не мешал, а иногда пускала позаниматься в те дни, когда библиотека бывала закрыта. Сама она математики не знала, но помогала мне, как могла. Пожилая, добрая женщина, вдова. Не знаю, может быть, она считала меня кем-то вроде сына. Своих детей у нее не было.

«А может быть, ею владели и какие-то другие чувства, — подумал Селдон, но тут же прогнал глупую мысль. — Не мое это дело, в конце концов».

— Я увлекся теорией чисел, — продолжал тем временем Амариль. — И даже придумал кое-что такое, чего не было ни в программе компьютера, ни в учебниках.

— Интересно! — поднял брови Селдон, — Ну, например?

— Я тут принес кое-что. Я этого никому еще не показывал. Вокруг меня такой народ, — пожав плечами, смущенно проговорил Амариль. — Покажи я им такое, они бы или высмеяли меня, или не поняли бы. Один только раз я попытался рассказать об этом знакомой девушке, так она сказала, что я зануда и что она больше не желает меня видеть. А вам можно показать?

— За меня не волнуйся. Я смеяться не буду, честное слово.

Селдон протянул руку, Амариль чуть помедлил и дрожащими руками передал ему сумку.

Довольно долго Селдон просматривал записи Амариля. Труды оказались жутко

наивными, но Селдон не позволил себе ни единой усмешки. Он просмотрел все записи, не обнаружил в них никаких выдающихся открытий, но это было не важно.

Оторвавшись наконец от записей, Селдон спросил:

– Это вы все сами проделали?

Амариль, полумертвый от волнения, скованно кивнул.

Селдон вытащил из стопки несколько листков.

– Почему вы задумались вот об этом? – спросил он, указывая на цепочку цифр.

Амариль посмотрел, нахмурился, задумался, объяснил ход своих рассуждений.

Выслушав его, Селдон кивнул и спросил:

– Вы книгу Аната Ригелля читали?

– По теории чисел?

– Она называется «Математическая дедукция». Там написано не только о теории чисел.

Амариль покачал головой.

– Простите. Я даже не слыхал о таком авторе.

– Вот эту вашу теорему он разработал триста лет назад.

– Я не знал, – потрясенно пробормотал Амариль.

– Конечно, не знали, А у вас вышло поизящнее, ей-богу. Не слишком точно, правда, но...

– Что вы хотите сказать – не слишком точно?

– Это не важно.

Селдон сложил листочки, присоединил их к остальным, сунул в сумку и сказал:

– Сделайте, пожалуйста, несколько копий. Одну прокрутите через принтер официального компьютера и завизируйте. Мой друг, госпожа Венабили, поможет вам поступить в Стрилингский Университет, где вы будете получать стипендию. Придется, правда, начать с азов, и позаниматься кое-чем кроме математики, но...

Амариль наконец сумел выдохнуть.

– В Стрилингский Университет? Меня не примут.

– Почему не примут? Дорс, ты же сможешь это устроить, правда?

– Смогу, без сомнения.

– Нет, не сможете! – горячо возразил Амариль. – Не возьмут там меня. Я из Даля.

– И что?

– Не принимают они никого из Даля.

– О чем он говорит? – спросил Селдон, удивленно посмотрев на Дорс.

– Честное слово, не понимаю, – покачала головой Дорс.

– Вы не тренторианка, госпожа, – сказал Амариль. – Сколько лет вы в Стрилинге?

– Чуть больше двух лет, мистер Амариль.

– Ну и видели вы там хоть раз далийцев? Ну, невысокого роста, черноволосых, курчавых, с большими усами?

– У нас всяких студентов полно.

– А далийцев нет. Как вернетесь в Университет, приглядитесь получше.

– Но почему? – спросил Селдон.

– Не любят нас там. Мы другие. Усы наши, к примеру, не любят.

– Но вы можете побри... – начал было Селдон и тут же осекся под гневным взглядом Амария.

– Ни за что! С какой стати? Мои усы – признак моего мужского достоинства.

– А бороду вы бреете, как я посмотрю. Она не признак вашего мужского достоинства?

– Нет. У нашего народа таким признаком являются усы.

Селдон поглядел на Дорс и пробормотал:

– Там лысины, тут усы – с ума можно сойти...

– Что вы сказали? – гневно переспросил Амариль.

– Не обращайте внимания. Ну и что, неужели дело только в усах? Как-то не верится.

– Мало ли что еще... Говорят, от нас пахнет противно. Мол, грязные мы. Воришко, грубые, глупые.

– И почему же это все говорят?

– Потому что так легко говорить, потому что им так нравится. Ну конечно, поработаешь в

термариах, станешь и грязным, и вонючим. Поживешь в такой нищете, так пойдешь и воровать, и драться. Но не все же у нас такие! Взять хотя бы этих длиннющих блондинов из Имперского Сектора, которые думают, будто правят всей Галактикой. Да что там «думают», они и правят ею на самом деле. Они что – не дерутся, не крадут? Если бы они вкалывали, как я, они бы воняли точно так же.

– Конечно, люди везде разные, кто спорит? – пожал плечами Селдон.

– Никто не спорит! Только про нас так думают, и иначе думать никто не хочет и не станет! Господин Селдон, мне нужно убраться с Трентора. На Тренторе я ничего никогда не добьюсь, за всю жизнь. Ни денег не заработаю, ни выучиться не смогу, никогда не стану математиком, так и останусь тем, кем меня считают – полной бездарью и никчемной тупицей.

Он произнес эти слова с отчаянием и безнадежностью в голосе.

Селдон привел последний аргумент.

– Но… вот мы живем в дальской семье. У нашего хозяина чистая работа, хорошее образование.

– Ну конечно! – страстно воскликнул Амариль. – Есть избранные. Избранным иногда позволяют забраться чуть-чуть повыше, чтобы потом говорить, что такое возможно. Но и горстка избранных живет неплохо только здесь, в Дале. Стоит им попробовать сунуться за его границу, и вы увидите, как к ним будут относиться. Ну а покуда они здесь, они тешат свое самолюбие и гордость, унижая остальных, относясь к ним, словно те – грязь у них под ногами. Тогда они воображают себя чистенькими, светловолосыми. И что, интересно, сказал вам ваш милейший хозяин, когда вы объявили ему, что пригласили в гости термальщика? Как, сказал он вам, на кого я похож? Наверняка хозяева смылись из дома, потому что побрезговали находиться в одной квартире со мной.

Селдон облизнул пересохшие губы.

– Я вас не забуду, Юго. Я позабочусь о том, чтобы помочь вам улететь с Трентора. Если не возражаете, можете прилететь в Геликонский Университет. Я вас вызову, как только сам вернусь туда.

– Обещаете? Честное слово? Вам все равно, что я далиец?

– Мне совершенно все равно, кто вы такой. Главное, что вы уже математик! Но то, о чем вы рассказываете, просто не умещается у меня в голове. Не могу поверить, что может сложиться такое дурацкое отношение к ни в чем не повинным людям.

Амариль горько вздохнул.

– Это из-за того, что вы ни с чем таким раньше не сталкивались. Вас это не интересовало, вот и все. А ведь это все так близко, у вас под носом, можно сказать, только вас не касается.

Дорс урезонила его:

– Мистер Амариль, понимаете, доктор Селдон математик, как и вы, и большей частью витает в облаках. А я историк. Я-то знаю, что возвышение одной части общества за счет унижения другой – дело совсем не исключительное. Бывает и похуже. Порой доходит до жуткой ненависти, у которой как будто нет и быть не может разумного объяснения. Это ужасно.

– Это легко сказать – «ужасно», – усмехнулся Амариль. – Вот вы осудите такой порядок вещей, покажетесь кому-то доброй, хорошей, а потом уедете отсюда вовсюси, займитесь своими делами, и плевать вы хотели на тех, кого пожалели. А ведь все гораздо хуже, чем «ужасно». То, что здесь творится, противоречит природе, естеству. А ведь мы все равны – брюнеты, блондины, коротышки и высокие, Северяне-Южане, Западники, Восточники, тренториане и иноземцы. Все мы – и вы, и я, и даже сам Император – произошли от людей Земли, правда ведь?

– Произошли от кого? – не веря своим ушам, переспросил Селдон, ошарашенно взглянув на Дорс.

– От людей Земли! – прокричал Амариль, – С той планеты, где зародился род человеческий.

– С одной планеты? С одной-единственной?

– Да. С одной. С Земли.

– Вы сказали «Земля», а имели в виду Аврору, так?

— Аврору? Что за Аврора? Нет, я говорил про Землю и имел в виду Землю. Вы разве никогда не слыхали о Земле?

— Нет, — покачал головой Селдон. — Нет, не слыхал.

— Это мифический мир, — начала Дорс, — который...

— Никакой не мифический, — возразил Амариль. — Самая настоящая планета.

— Мне такое уже не раз говорили, — вздохнул Селдон. — Ну, поехали. Есть в Дале книга, где рассказывается о Земле?

— Что?

— Ну, не книга, кассета какая-нибудь?

— Не понимаю, о чем вы меня спрашиваете?

— Молодой человек, откуда вы знаете о Земле?

— Отец рассказывал. Все про нее знают.

— А нет ли кого-нибудь, кто знает о Земле побольше? Может быть, вас в школе этому учили?

— Нет, в школе об этом ни слова не говорили.

— Как же тогда люди узнают об этом?

Амариль пожал плечами, не понимая, о чем его так усердно расспрашивают.

— Просто все знают, и все. Если хотите послушать рассказы о Земле, есть такая женщина, матушка Ритта. Вроде бы она еще жива.

— Ваша мать? Как же вам тогда не знать, она еще...

— Нет, никакая она мне не мать. Просто ее так все называют. Матушка Ритта. Она старушка, живет в Биллиботтоне. Жила раньше, по крайней мере.

— А где это?

— Там... — Амариль неопределенно махнул рукой.

— Как туда добраться?

— Добраться? Нет, нет, даже не думайте. Оттуда не возвращаются.

— Это почему же?

— Поверьте мне. Даже не думайте.

— Но мне хотелось бы повидать матушку Ритту.

Амариль покачал головой.

— Вы с ножом обращаться умеете?

— С каким ножом? Для чего?

— С острым ножом. Вот таким.

Амариль притронулся кончиками пальцев к широкому ремню. Часть ремня отъехала в сторону, и в открывшемся углублении блеснуло тонкое, острое лезвие.

Рука Дорс тут же крепко сжала правое запястье юноши.

Амариль рассмеялся.

— Я и не думал вынимать его. Просто показываю. Такой нож обязательно нужен для самозащиты, а если у вас такого при себе нет, нечего и думать отправляться в Биллиботтон. Живым вы оттуда не вернетесь. Хотя, — он сразу как-то собрался, напрягся, — так вы не шутите, господин Селдон, насчет Геликона? Вы мне правда поможете?

— Не шучу. Какие шутки? Я пообещал. Напишите ваше имя и адрес, чтобы вас можно было разыскать по гиперкомпьютерной связи. Код у вас есть, надеюсь?

— Есть код кабинета в термации, где я работаю. Этого будет достаточно?

— Да.

— Ну тогда... — сказал Амариль, устремив на Селдона чистый юношеский взгляд. — Все мое будущее зависит от вас, только от вас, господин Селдон, и я вас очень прошу, не ездите в Биллиботтон. Теперь мне вас тем более нельзя потерять.

Он обернулся, умоляющим взглядом посмотрел на Дорс и тихо попросил:

— Госпожа Венабили, если он вас послушается, не пускайте его. *Пожалуйста!*

Глава четырнадцатая Биллиботтон

Даль – как ни странно, наиболее известной достопримечательностью этого сектора является Биллиботтон, полулегендарное место, о котором ходит множество рассказов. Образовалась даже целая отрасль литературы, посвященная опаснейшим приключениям героев в Биллиботтоне. Эти произведения настолько хорошо стилизованы, что в одном из наиболее известных романов есть фрагмент, где описывается просто-таки фантастическое приключение Гэри Селдона и Дорс Венабили, которые...

Галактическая энциклопедия

65

Когда Гэри Селдон и Дорс остались наедине, Дорс нахмурилась и спросила:

- Ты в самом деле собираешься посетить эту... матушку?
- Я думаю об этом, Дорс.

– Странный ты все-таки человек, Гэри. Похоже, тебе просто не терпится от плохого поскорее перейти к худшему. Потащился на поверхность в Стрилинге – ну ладно, там хотя бы цель была более или менее разумная. В Микогене тебя понесло в алтарь Старейшин. Это было намного опаснее, чем выход на поверхность, а уж цель была гораздо более дурацкая. Теперь, в Дале, ты собираешься отправиться в такое место, поход куда, если верить этому молодому человеку, равносителен самоубийству, и цель у тебя, ты уж меня извини, попросту бессмысленная.

– Меня заинтересовало упоминание о Земле. Я должен выяснить, что за этим кроется.

– Это легенда, и не такая уж интересная, – уговаривала Дорс. – Ничего особенного. В разных мирах эту планету называют по-разному, но суть одна и та же. Это всегда рассказ о мире-прадорине человечества и его золотом веке. Все легенды до одной отражают тоску по замечательному, прекрасному, нехитрому прошлому, и это так естественно для людей, живущих в хитросплетениях жестокого мира. А все миры, все сообщества таковы, или таковыми их себе представляют те, кто в них живет, как бы проста на самом деле ни была их жизнь. Это ты, кстати, не забудь записать для своей психоистории.

– Все равно, я должен учесть эту вероятность, вероятность того, что когда-то существовал один-единственный мир. Аврора, Земля – не имеет значения. На самом деле...

Он умолк на полуслове и молчал, пока Дорс не поторопила его:

– Ну??

Селдон покачал головой.

– Помнишь, ты мне в Микогене рассказала про забавный случай насчет руки, лежащей на бедре? Сразу после того, как я получил Книгу от Капельки Сорок Третьей... В общем, история почему-то пришла мне на память однажды вечером, совсем недавно, когда мы болтали с Тисальверами. Что-то я такое сказал и вдруг на мгновение вспомнил...

– О чём вспомнил?

– Уже не помню. Вспомнил, и все тут же вылетело из головы, но почему-то всякий раз, стоит разговору зайти об этом самом единственном мире, у меня возникает такое ощущение, будто я прикасаюсь к чему-то очень важному, но оно тут же ускользает от меня.

Дорс удивленно смотрела на Селдона.

– Ничего не понимаю. История о руке, лежащей на бедре, не имеет ничего общего ни с Землей, ни с Авророй.

– Знаю, но все равно что-то такое... что все время ускользает, все равно должно быть связано с этим единственным миром, потому-то меня не покидает чувство, что я должен во что бы то ни стало разузнать о нем гораздо больше. О нем и о роботах.

– И о роботах? А я думала, что приключение в алтаре поставило точку на твоем интересе к роботам.

Но Селдон только молча покачал головой.

Дорс нахмурилась.

— Гэри, я тебе вот что хочу сказать. В настоящей истории, в официальной — поверь мне, я отвечаю за свои слова — нет ни единого упоминания ни о каком первоначальном мире. Да, многие в это верят, это правда. Не только в таких местах, как Микоген, где это — народное предание, не только в Дале, где в это верят униженные, отверженные термальщики, но в это верят и некоторые уважаемые биологи, которые настаивают, что единственный мир-праородина обязательно должен был существовать; правда, откуда у них такая уверенность, я судить не могу. Есть и мистически настроенные историки, которые также утверждают, что такой мир существовал. Подобные мысли бродят и у роскошествующих интеллектуалов. И все-таки настоящая, официальная история, научная история об этом ничего не говорит.

— Тем больше причин заглянуть туда, — сказал Селдон упрямо, — куда не сует нос эта самая официальная история. Мне нужно средство, которое помогло бы упростить подход к созданию психоистории, и мне все равно, что это будет за средство — математический ли фокус, исторический ли, или вообще что-то совершенно невообразимое. Если бы этот молодой человек, с которым мы только что беседовали, был бы чуть-чуть более образован, я бы поручил ему разработку этой проблемы. Он мыслит оригинально, местами даже гениально...

— Значит, ты действительно собираешься ему помочь?

— Безусловно. Как только смогу.

— Но стоит ли давать обещания, когда ты сам не знаешь, когда сможешь их выполнить?

— Я хочу выполнить свое обещание. Если же тебя так волнуют невыполнимые обещания, лучше вспомни, что пообещал Челвик Протуберанцу Четырнадцатому. Ведь он посулил ему ни много ни мало — что с помощью психоистории микогенцы получат обратно свой возлюбленный мир. А шансы-то почти нулевые. Даже если я разработаю психоисторию, кто знает — можно ли будет ее применить для выполнения столь узкой, конкретной задачи? Вот уж гораздо более яркий пример невыполнимого обещания.

Дорс возмущенно воскликнула:

— Четтер Челвик, к твоему сведению, пытался спасти нам с тобой жизнь, вырвать нас из рук Демерзеля и Империи. Не забывай об этом! И потом, я думаю, он искренне хочет помочь микогенцам.

— А я искренне хочу помочь Юго Амарилю, и шансы помочь ему у меня гораздо более реальны, чем в случае с микогенцами. Так что, если ты оправдываешь обещание Челвика, не придирайся к моему. А главное, Дорс, — тут глаза Селдона сердито блеснули, — я действительно хочу разыскать матушку Ритту, и пойду я туда один.

— Ни-ког-да! — отчеканила Дорс. — Мы пойдем вместе.

66

Госпожа Тисальвер вернулась за ручку с дочерью примерно через час после того, как ушел Юго Амариль. Она не сказала ни слова ни Дорс, ни Селдону, в ответ на их приветствие только коротко кивнула и придирчиво осмотрела комнату, как бы желая убедиться, что термальщик не оставил никаких следов своего пребывания. Брезгливо принюхалась, одарила Селдона гневным взглядом и промаршировала через гостиную к себе в спальню.

Господин Тисальвер пришел попозже и, усевшись за обеденный стол и улучив минутку, пока жена отдавала какие-то последние распоряжения насчет обеда, тихонько спросил:

— Ну что, был здесь этот человек?

— Был и ушел, — спокойно ответил Селдон. — Вашей жены в это время дома не было.

Тисальвер кивнул и спросил:

— Больше не будете с ним встречаться?

— Не думаю, — ответил Селдон.

— Ну и славно.

Обед протекал в молчании, но потом, когда девочка ушла к себе, дабы предаться сомнительным развлечениям — практике общения с компьютером, — Селдон выпрямился и небрежно сказал:

— Расскажите мне про Биллиботтон.

У Тисальвера отвисла и беззвучно задвигалась челюсть. Однако Касилия не так легко, как

ее муж, лишалась дара речи.

— Значит, там, — сказала она, презрительно поджав губы, — живет ваш новый приятель? Собираетесь нанести ответный визит?

— Я пока спросил всего-навсего о Биллиботтоне, — уточнил Селдон.

— Это трущобы, — фыркнула Касилия. — Там живут отбросы общества. Туда никто не ходит, кроме тех бродяг, что там живут.

— Я так понял, что там живет матушка Ритта.

— Никогда про такую не слыхала, — отрезала Касилия. Она явно не желала иметь ничего общего ни с кем из живущих в Биллиботтоне.

Тисальвер, украдкой взглянув на жену, пробормотал:

— А я... про нее слышал, вроде бы. Это выжившая из ума старуха, говорят, она предсказывает будущее.

— И она живет в Биллиботтоне?

— Не знаю, господин Селдон. Я ее в глаза не видел. Иногда про нее говорят в новостях, когда она делает какое-нибудь предсказание.

— И что, ее предсказания сбываются?

Тисальвер фыркнул.

— Разве предсказания вообще когда-нибудь сбываются? А она, вдобавок, предсказывает всякую чушь.

— А о Земле она ничего не говорит?

— Не знаю. Не удивился бы, если бы и говорила.

— А вот вы даже не удивились при упоминании о Земле. Вы что-нибудь знаете о Земле?

Вот тут-то Тисальвер на самом деле удивился.

— А как же, господин Селдон? Вроде бы, это мир, откуда пошел род человеческий.

— Вроде бы? А вы в это не верите?

— Я? Я человек образованный. Глупые люди верят — многие.

— А книги о Земле есть?

— В детских сказочках иногда говорится о Земле, Помню, когда я был маленький, была у меня любимая сказка, она так начиналась: «Когда-то, давным-давно, на Земле, когда Земля была единственной планетой...» Помнишь, Касилия? Ты тоже обожала эту сказку.

Касилия пожала плечами, но в беседу вступать не пожелала — все еще дулась.

— Неплохо было бы пролистать, — кивнул Селдон, — но только я спросил у вас о настоящих книгах, научных — библиофилях или печатных.

— Я сам никогда о таких не слышал, но может быть, в библиотеке...

— Попробую поискать. ...А скажите, разговоры о Земле — не табу?

— Что такое «табу»?

— Ну, это когда нельзя говорить о Земле, а иноземцам нельзя про нее спрашивать.

Тисальвер столь выразительно выпучил глаза, что стало ясно — спрашивать дальше бессмысленно.

— А в Биллиботтон, — спросила Дорс, — иноземцам можно ездить?

Тисальвер нахмурился.

— Ездить-то можно, но я бы никому не посоветовал. Я бы туда ни за что на свете не пошел.

— Почему? — спросила Дорс.

— Опасно. Страшно! Все вооружены до зубов. То есть, в Дале вообще все вооружены, но в Биллиботтоне оружием пользуются. Лучше не покидайте нашего района. Здесь безопасно.

— Пока, — скептически заметила Касилия. — Пока безопасно. Но термальщики уже и сюда подбираются, — и она одарила Селдона еще одним гневным взором.

— В Дале все вооружены? — удивленно переспросил Селдон. — Что это значит? Насколько мне известно, в Империи очень строгие законы насчет ношения оружия.

— Конечно, — кивнул Тисальвер. — И здесь ни у кого нет ни парализаторов, ни пневматики, ни психозондов, ничего такого. Зато у всех есть ножи, — сказал он и сам растерялся.

— Вы тоже ходите с ножом, Тисальвер? — спросила Дорс.

— Я?! — в ужасе воскликнул Тисальвер. — Я мирный человек, и район у нас безопасный, тихий.

— Мы держим в доме пару ножей, — сообщила Касилия. — Не так уж мы уверены, что наш район тихий и безопасный.

— И что, все ходят с ножами? — спросила Дорс.

— Почти все, госпожа Венабили, — ответил Тисальвер. — По привычке. Но это вовсе не значит, что все ими пользуются.

— А в Биллиботтоне, надо понимать, пользуются? — спросила Дорс.

— Иногда. Когда злятся, затеваются драки, поножовщину.

— И правительство закрывает на это глаза? Я разумею Имперское правительство?

— Иногда они пытаются устраивать нечто вроде прочесываний района, но ножи так легко спрятать, да и привычка не расставаться с ними очень сильна. И потом, далийцы погибают то и дело, и не думаю, чтобы Имперское правительство сильно горевало по этому поводу.

— Ну, а если убьют заезжего?

— Если такой случай становится достоянием гласности, Имперские власти могут занервничать. Но вся беда в том, что, как правило, все обстряпывается так, что никто ничего не видел, никто ничего не знает. Даже если и задержат кого-то, доказать ничего невозможно. Мне так думается, в конце концов власти просто машут рукой на случившееся и решают, что попавший в беду в Биллиботтоне сам виноват — дескать, нечего было туда соваться... В общем, не суйтесь и вы в Биллиботтон, даже если у вас будут ножи.

Селдон лениво покачал головой.

Я не возьму с собой нож. Я не знаю, как обращаться с ним. Вряд ли у меня получится.

— Чего же проще, господин Селдон? Не ходите туда. Не надо.

— Не ходить у меня тоже вряд ли получится, — сказал Селдон.

Дорс, не скрывая гнева, глянула на него и спросила у Тисальвера:

— А где продаются ножи? Или можно у вас позаимствовать?

— Ножи не принято одолживать! — возмущенно воскликнула Касилия. — Хотите, так покупайте сами.

— Нож купить — не проблема, — объяснил Тисальвер. — Магазинов таких полно. Они, конечно, все подпольные. Но ножи продаются во всех хозяйственных магазинах. Словом, если увидите на вывеске стиральную машину, можете не сомневаться — нож вам там продадут.

— А в Биллиботтон как добраться? — спросил Селдон.

— Экспрессом, — ответил Тисальвер и смущился, заметив, как укоризненно глянула на него Дорс.

— А точнее? — упорствовал Селдон.

— Садитесь на восточный маршрут и следите за указателями. Только... господин Селдон, если уж вам так невтерпеж, вы хоть госпожу Венабили не тащите с собой. К женщинам там относятся... хуже.

— Она не поедет, — успокоил Селдон.

— А я говорю, поедет, — спокойно, уверенно заявила Дорс.

67

Усы у продавца в хозяйственном магазине были роскошные — густые, пушистые, блестящие, вот только подвыщели с годами, хотя шевелюра его по-прежнему была черной, как смоль, без единой сединки. Увидев Дорс, продавец приосанился, пригладил усы, подкрутил их кончики.

— А вы — не далийка, — кокетливо угадал он.

— Нет, но мне все равно нужен нож.

— Закон не позволяет продавать ножи, — сообщил продавец.

— Я не полицейская ищейка, не правительственный шпион. Просто я еду в Биллиботтон.

— Одна? — изумленно спросил продавец.

— С другом, — и Дорс показала через плечо большим пальцем правой руки на Селдона, который покорно ожидал ее на улице.

— Так значит, вы для него хотите нож: купить? — спросил продавец, оценивающе поглядел на Селдона и сделал заключение: — Он тоже не местный. Пускай сам зайдет и купит.

– Он тоже не правительственный шпион. А нож мне нужен для себя.

Продавец покачал головой.

– Ненормальный вы народ, заезжие. Ну, если вам до смерти не терпится потратить ваши денежки, мне-то что...

Он наклонился под прилавок, вытащил футляр, легко, уверенно раскрыл его; блеснуло лезвие ножа.

– Это что, самый большой? – спросила Дорс.

– Самый лучший женский нож.

– Вы мне мужской покажите.

– Он для вас тяжеловат будет. Вы хоть знаете, как ножом пользоваться?

– Научусь, а тяжелый или нет – не важно. Показывайте мужской.

Продавец ухмыльнулся.

– Ну, если хотите...

Он наклонился пониже и достал футляр побольше. Нож на сей раз был гораздо более внушительный – прямо-таки мясницкий.

Улыбаясь, продавец протянул Дорс нож, держа его за лезвие.

– Ну-ка, покажите, как вы его вынимаете, – попросила Дорс.

Продавец медленно продемонстрировал, как обнажается лезвие и как убрать его обратно.

– Вот так повернуть... а потом перехватить, – пояснил он.

– Еще разочек, сэр.

Продавец повторил.

– Хорошо, – кивнула Дорс, – закройте и сделайте вид, что угрожаете мне.

Он медленно замахнулся.

Дорс вырвала у него нож, вернула и сказала:

– Теперь порезче.

Продавец слегка опешил, потом без предупреждения замахнулся левой. Дорс левой же рукой перехватила нож; лезвие мелькнуло и тут же исчезло в рукоятке. У продавца отвисла челюсть.

– Значит, этот у вас самый большой? – как ни в чем не бывало спросила Дорс.

– Да. Но если собираетесь им пользоваться, скоро устанете.

– Ничего. Буду дышать поглубже. И еще один такой же.

– Для вашего друга?

– Нет. Для меня.

– Вы что, двумя ножами орудовать собираетесь?

– У меня же две руки. Продавец вздохнул.

– Ох, госпожа, не суйтесь вы в Биллиботтон. Вы даже не представляете, что там с женщинами делают.

– Догадываюсь. А как засунуть эти ножи в ремень?

– Тот, что на вас, не подойдет, госпожа. Он не годится для ножей. Я бы мог поискать для вас такой, какой нужно.

– А два ножа в нем поместятся?

– Где-то у меня завался двойной ремень. Сейчас поищем... Их не очень-то берут.

– Я возьму.

– Боюсь, он вам широковат будет.

– Ничего, подрежу как-нибудь, ушью.

– Но это все вам обойдется недешево.

– Не волнуйтесь, у меня хватит.

Когда Дорс наконец вышла из магазина, Селдон скрчил кислую мину и сообщил:

– Ну у тебя и видок с этим ремнем!

– Правда, Гэри? Такой видок, что неприлично показаться рядом с тобой в Биллиботтоне? Тогда давай вернемся к Тисальверам и никуда не поедем.

– Нет, я сам поеду. Так будет безопаснее.

– Не надо, Гэри. Все решено. Либо мы вместе возвращаемся, либо вместе едем. Я с тобой не расстанусь.

Ее голубые глаза смотрели так уверенно, губы были так сурово сжаты, руки так твердо легли на ремень, что Селдон понял — она не шутит.

— Ладно, — сказал он, — но если ты останешься в живых, и я еще раз увижу с Челвиком, я потребую с него плату за то, что буду продолжать возиться с психоисторией. Дорс, как бы ты ни была мне дорога, я потребую, чтобы он забрал тебя. Понимаешь?

Дорс неожиданно улыбнулась.

— Не надейся. И не подлизывайся. Со мной этот номер не пройдет. Никто меня не заберет. Понимаешь ?

68

Как только мелькнули буквы «Биллиботтон», Дорс и Селдон торопливо выскочили из вагончика экспресса. Первым признаком того, что их ожидало, могла служить хотя бы отсутствующая вторая буква «и» в названии остановки. На ее месте просто горело пятнышко света.

Гэри и Дорс спустились по лестнице и оказались на улице. Было немного за полдень, светло, и на вид улица ничем не отличалась от того района Даля, из которого они уехали.

А вот пахло тут совсем иначе, какой-то тухлятиной, а на тротуаре повсюду валялись кучи мусора. Уборочными машинами, в буквальном смысле слова, не пахло за километр.

И тем не менее — улица как улица, ничего особенного. Откуда же бралась такая напряженность, почему так тяжело дышалось?

Может быть, из-за пешеходов? Их было не больше и не меньше, чем в других местах, но все-таки они были какие-то другие. Обычно в городской сумятице и спешке люди выглядят занятыми, торопливыми, думают о чем-то своем. Только так и можно выжить на Тренторе — игнорировать друг друга, не смотреть встречным в глаза, ни о чем не думать, кроме того, куда и зачем идешь. Или наоборот, как в тихом райончике, где обитали Тисальверы, предаваться ритуальному дружелюбию вечернего променада.

А здесь, в Биллиботтоне, и в помине не было ни дружелюбия, ни отчужденности. По крайней мере, по отношению к не местным. Головы всех встречных до единого, а также всех, кого обгоняли Селдон и Дорс, автоматически поворачивались им вслед, и все взгляды были злобные, нехорошие.

Одеты прохожие были неряшливо, потрапанно. Грязью и нищетой несло ото всех, и Селдон почувствовал себя неловко в чистой, гляженой одежде.

— Как ты думаешь, — спросил он у Дорс, — где может жить матушка Ритта?

— Не знаю, — покачала головой Дорс. — Это твоя идея, вот и гадай теперь, где она живет. Я другим заниматься буду. На мне — защита, и у меня сильное подозрение, что без работы я не останусь.

— Я-то думал, что можно будет просто спросить у первого встречного, — сказал Селдон немного виновато, — а теперь как-то не могу решиться.

— Я тебя не виню. И не думаю, что кто-то с радостью придет тебе на помощь.

— Ну да ладно, есть еще такая вещь на свете, как детишки, — сказал Селдон и поманил кого-то пальцем. На его призыв сразу откликнулся мальчишка. На вид ему было лет двенадцать, по крайней мере, усы еще не пробились. Он остановился как вкопанный, во все глаза разглядывая Дорс и Селдона.

— Ты, наверное, думаешь, — фыркнула Дорс, — раз он такой маленький, он меньше ненавидит чужаков?

— По крайней мере, может, хоть не такой злющий, как взрослые. Если мы подойдем поближе, он в худшем случае удерет и осиплет нас ругательствами, но уж драться-то вряд ли полезет.

— Молодой человек! — позвал мальчишку Селдон. Мальчишка отступил на шаг, но смотрел по-прежнему на Дорс и Селдона.

— Поди сюда, — поманил его Селдон.

— А на чё? — поинтересовался мальчишка.

— Хочу спросить дорогу. Да не бойся, подойди поближе, чтобы мне не кричать.

Мальчишка сделал два шага вперед. Мордашка у него была чумазая, но глазки умненькие и веселые. На босых ногах красовались совершенно разные сандалии, а на штанине – грубая заплатка.

– Каку таку еще дорогу? – спросил он и шмыгнул носом.

– Мы ищем матушку Ритту.

Глаза мальчишки загорелись.

– А тебе она на чё сдалась?

– Я ученый. Знаешь, что такое ученый?

– В школе, видать, учился?

– Да. А ты?

– Не-а, – мальчишка помотал головой и презрительно сплюнул.

– Мне нужно потолковать с матушкой Риттой. Можешь отвести нас к ней?

– Чё, хотишь, чтобы тебе судьбу предсказали, а? Приперся в Биллиботтон таким фертом, так и я тебе предскажу, не больно-то трудно. Незавидная у тебя судьба.

– Как тебя зовут, молодой человек?

– А тебе на чё?

– Чтобы можно было говорить по-дружески. Чтобы ты отвел нас к матушке Ритте. Ты знаешь, где она живет?

– Может, знаю, а может, нет. А звать меня Рейч. А чё ты мне дашь, коли я тебя отведу?

– А чего бы тебе хотелось, Рейч?

Взгляд Рейча остановился на ремне Дорс.

– У тетечки у твоей пара ножичков. Дашь один – так и быть, отведу вас к матушке Ритте.

– Это взрослые ножи, Рейч. Ты еще слишком маленький.

– Ну, тода и к матушке Ритте водить я тоже буду слишком маленький, – заявил Рейч, хитро глянув на Селдона из-под спутанной челки.

Селдон занервничал. Еще немного, и вокруг соберется толпа. И так уже некоторые останавливались, но не высмотрев ничего интересного, уходили. Но стоило мальчишке разозлиться, он бы наверняка мог созвать целую шайку.

– Читать умеешь, Рейч? – с улыбкой спросил Селдон.

Рейч снова сплюнул сквозь зубы и сказал:

– Не-а, Чё я, дурак, что ли – читать? Пусть дураки читают.

– А с компьютером обращаться умеешь?

– С говорящим-то? А то как же. Это каждый дурак умеет.

– Тогда мы вот как договоримся. Веди меня в ближайший магазин, где продаются компьютеры, и я куплю тебе маленький компьютер с приставкой для обучения чтению. Через несколько недель сумеешь сам читать.

Селдону показалось, что на мгновение в глазах мальчишки мелькнул огонек, но если и мелькнул, то тут же угас.

– Не-а, – мотнул тот головой. – Не дадите ножик, так мне ничё не надо.

– Подумай хорошенько, Рейч. Будешь учиться потихоньку, а потом всех удивишь. Только не говори никому, что учишься, А потом поспорь с кем-нибудь на пять кредиток, выиграешь обязательно; глядишь и сам сможешь купить себе ножик.

Мальчишка растерялся.

– Не-а. Кто со мной спорить-то будет? Деньжат ни у кого нету.

– Ну, тогда по-другому. Выучишься читать, сможешь найти работу в магазине, где торгуют ножами, и купишь себе ножик за полцены. Подходит?

– И чё, прям щас можешь купить говорящий компьютер?

– Прямо сейчас, но отдам тебе тогда, когда отведешь нас к матушке Ритте.

– А денежки у тебя есть?

– У меня есть кредитная карточка.

– Ладно, валяй, покупай.

Компьютер был незамедлительно приобретен, но когда мальчишка потянулся за ним, Селдон покачал головой и убрал машину в карман.

– Сначала отведи нас к матушке Ритте, Рейч. Ты точно знаешь, где она живет?

— А то! — возмутился Рейч. — Отвести я вас отведу, не без этого, токо ты мне компьютер смотри сразу отдай, а то я быстренько кликну ребят, и тебе, и тетечке твоей не поздоровится, Так что смотри, не обмани.

— Зря ты так, — улыбнулся Селдон. — Мы тебя не обманем.

Рейч быстро повел их вдоль по улице, свернул в переулок, потом в другой, в третий... Селдон молчал, Дорс тоже. Вот только Дорс не была погружена в собственные мысли, а внимательно наблюдала за встречными и теми, кто шел позади. Любопытные, злобные, похотливые взгляды она встречала спокойно, холодно. Время от времени, когда позади слышались шаги, она оборачивалась.

Наконец Рейч сообщил:

— Туточки! — и ткнул грязным пальцем в длинное одноэтажное здание. — Чё стоите? Не на улице она живет-то.

Дорс и Селдон вошли в дверь следом за Рейчем. Потянулся бесконечно длинный коридор, сворачивающий то вправо, то влево, и как ни старался Селдон запомнить дорогу, это ему не удалось.

— Как ты не путаешься в этих коридорах, Рейч?

Мальчишка пожал плечами.

— Да я тут мотаюсь съзмальства. Чё такого-то? Номерки на дверях стоят почти что везде, ну разве где посбивали... ну и стрелочки намалеваны на стене. Нипочем не заблудишься, ежели знаешь, как идти.

Рейч, по всей вероятности, знал дорогу досконально, и скоро все трое забрались в самое нутро дома. Вот уж где пахло так пахло! Кучи мусора в коридорах, вонь жуткая! Обитатели коридоров, попадавшиеся им время от времени по пути, вылупив глаза, смотрели на гостей. Беспрзорные, чумазые детишки носились по коридорам с дикими, воинственными воплями.

— Эй, ты! — провизжал какой-то мальчишка, чуть было не угодив мячом прямо в Дорс. — Чё мешаешься!

Наконец Рейч остановился перед темной, потрескавшейся дверью, на которой слабо мерцал номер: «2782».

— Туточки, — сказал он и торопливо протянул руку.

— Сначала посмотрим, кто там за дверью, — тихо проговорил Селдон, нажал кнопку звонка, однако ответа не последовало.

— Ничё не выйдет, — объяснил Рейч. — Ты стукни. Да погромче. Она ж глухая совсем.

Селдон забарабанил в дверь кулаком и был вознагражден — за дверью послышались чьи-то шаги. Хриплый голос спросил:

— Кто спрашивает матушку Ритту?

— Двое ученых! — прокричал Селдон в ответ, вынул из кармана маленький компьютер с приставкой, вручил Рейчу, тот схватил подарок, ухмыльнулся и помчался прочь. Селдон проводил его взглядом, обернулся. На пороге стояла матушка Ритта.

69

Лет ей было, наверное, за семьдесят, правда, по лицу так сразу и не скажешь. Пухлые щечки, маленький рот, аккуратный подбородок, под которым едва намечался второй. Роста она была маленького — метра полтора, и очень полная.

Глаза потонули в сеточках морщин, а когда она улыбалась, морщинки от глаз разбегались по всему лицу. Передвигалась она тяжело, грузно.

— Входите, входите, — проговорила она негромким, чуть осипшим голосом и близоруко прищурилась. — Не местные. Даже не с Трентора, верно? Пахнет от вас не по-тренториански.

Лучше бы она вообще не заикалась о запахах. В тесной комнатушке, заставленной всяkim хламом, все пропахло какой-то кислятиной. Духота стояла страшная, и Селдон с ужасом подумал, что, наверное, к тому времени, как они с Дорс уйдут отсюда, его одежда успеет насквозь пропахнуть этими ароматами.

— Вы правы, матушка Ритта, — кивнул Селдон. — Я Селдон с Геликона. Моя подруга Венабили — с Цинны.

— Ну вот, — довольно улыбнулась матушка Ритта и принялась высматривать, куда бы усадить гостей, но ничего пристойного не нашла.

— Не беспокойтесь, мы постоим, — успокоила ее Дорс.

— Что? — переспросила старушка, поглядев на Дорс. — Говори погромче, деточка. Уши у меня уже не те, что были, когда я была такая же молоденькая, как ты.

— А что же вы слуховым аппаратом не пользуетесь? — поинтересовался Селдон.

— Не помогает, господин Селдон. Похоже, у меня что-то неладное со слуховым нервом, а деньжат на операцию нету, ... Так вы пришли к старушке Ритте, чтобы узнать свое будущее?

— Не совсем так, — покачал головой Селдон. — Я пришел, чтобы узнать о прошлом.

— Хорошо. Так трудно понять, чего хотят люди.

— Наверное, это целое искусство, — с улыбкой проговорила Дорс.

— На вид очень даже просто, но надо говорить поубедительнее. Я честно зарабатываю свои денежки.

— Если у вас есть устройство для приема кредитных карточек, — сказал Селдон, — мы вам неплохо заплатим, если вы расскажете нам о Земле. Только выдумывать и приукрашивать ничего не надо. Мы хотим услышать правду.

Старушка, которая все это время бродила по комнате, перекладывая с места на место всякую рухлясть, словно старалась, чтобы ее неряшливые апартаменты приобрели более пристойный вид, застыла, в неподвижности.

— А... что вы желаете узнать о Земле?

— Ну, для начала, что это такое?

Старушка повернулась к ним лицом и уставилась в одну точку. Заговорила она низким голосом, тихо, медленно выговаривая каждое слово.

— Это мир, очень древняя планета, Она забыта и потеряна.

— В истории о ней ничего не говорится. Это мы знаем, — вмешалась Дорс.

— Это было давно, деточка, в доисторические времена, — гордо проговорила матушка Ритта. — Планета эта существовала на заре Галактики, и даже раньше. Этот мир был тогда единственным. На других планетах тогда еще не жили люди.

— Не было у Земли другого названия — Аврора, например? — спросил Селдон.

Матушка Ритта сердито нахмурилась.

— Откуда ты знаешь об этом?

— Уж не помню. Где-то слышал, будто Авророй называлась планета, где человечество когда-то обитало в мире и гармонии.

— Это ложь! — объявила матушка Ритта и брезгливо вытерла губы, словно хотела, чтобы на них не задержался самый вкус услышанного. — То слово, что ты произнес, упоминается только для названия места, где обитало Зло. Оттуда пошло Зло. Земля была одна до тех пор, покуда не пришло Зло. Зло чуть было не погубило Землю, но Земля устояла и победила Зло с помощью своих героев.

— Земля существовала *раньше* этого Зла. Вы уверены в этом?

— Намного раньше. Земля была одной-единственной в Галактике тысячи, нет — *миллионы* лет.

— Миллионы лет? Человечество существовало на Земле миллионы лет, и больше ни на одной планете людей не было?

— Это правда. Это правда. Это *правда*.

— Но вам-то это откуда известно? Это что, зафиксировано в памяти компьютера? Напечатано, написано? Есть у вас книга какая-нибудь, где я мог бы прочитать об этом?

Матушка Ритта покачала головой.

— Я слышала рассказы моей матушки, а она слышала эти рассказы от своей матушки, и так далее. У меня детишек нет, поэтому я рассказываю про это другим, но когда-нибудь все это кончится. Нынче времена, когда люди мало во что верят.

— Это не совсем так, матушка, — вмешалась Дорс. — Есть люди, которые думают о доисторических временах и изучают рассказы о потерянных мирах.

Матушка Ритта безнадежно махнула рукой.

— Они смотрят на все холодными глазами. Учеными. Стараются все приспособить под

свои понятия. Я целый год напролет могла бы рассказывать вам истории о великом герое Бэй-ли, но вы бы не выдержали, у вас бы времени не хватило, а я бы под конец выдохлась.

— А о роботах вы слышали что-нибудь? — спросил Селдон.

Старушка вздрогнула и испуганно вскрикнула:

— Зачем ты спрашиваешь про такое? Это были искусственные люди, злобные создания, порождения злобных миров. Они были уничтожены, и о них нельзя упоминать.

— Но был один робот, которого ненавидели в злобных мирах, не так ли?

Матушка Ритта неожиданно резво приблизилась к Селдону и, прищутившись, заглянула ему в глаза. Селдон ощущал ее горячее дыхание.

— Ты пришел посмеяться надо мной? Сам знаешь, зачем спрашиваешь? Зачем, зачем ты спрашиваешь?

— Затем, что хочу знать.

— Был один искусственный человек, который помог Земле. Это был Дэ-ни, друг Бэй-ли. Он не погиб и живет где-то до сих пор, ожидая, когда для него придет время вернуться. Никто не знает, когда придет это время, но в один прекрасный день он вернется, и с ним вернутся старые добрые времена, а зло, несправедливость и нищета уйдут навсегда. Таково обещание... — проговорила она чуть тише, прикрыла глаза, улыбнулась, словно что-то припоминала.

Селдон немного выждал, вздохнул и сказал:

— Благодарю вас, матушка Ритта. Вы нам очень помогли. Что мы вам должны?

— Так приятно встретиться с чужеземцами... — пробормотала матушка Ритта. — Десять кредиток. Не желаете ли чего-нибудь выпить?

— Нет-нет, спасибо, — поспешил отказался Селдон. — Вот вам двадцать. Скажите только, как добраться от вас к остановке экспресса. ...Кстати, матушка Ритта, если сумеете записать какие-нибудь ваши рассказы о Земле на компьютерную дискету, я вам неплохо заплачу.

— Ну, это не так легко, сынок, И сколько же ты мне заплатишь?

— Все будет зависеть от того, сколько вы расскажете и хорошо ли. Я мог бы заплатить вам тысячу кредиток.

Матушка Ритта облизнулась.

— Тысячу кредиток? Целую тысячу? А как же я тебя разыщу, когда запишу свои рассказы?

— Вот вам компьютерный код, по которому меня можно разыскать.

Селдон вручил старушке листок с кодом, и они с Дорс вышли в коридор, воздух в котором теперь показался им намного более свежим, чем в комнатушке предсказательницы, и быстро зашагали в том направлении, что указала им матушка Ритта.

70

— Беседа оказалась не слишком долгой, Гэри, — заметила Дорс.

— Знаю. Но ты сама видела, что там у нее за обстановочка, да и узнал я вполне достаточно.

Просто поразительно, как эти истории обрастают подробностями и преувеличениями.

— Что ты имеешь в виду под преувеличениями?

— Ну смотри: микогенцы населяли свою Аврору человеческими существами, способными жить целые века, а у далийцев человечество, видите ли, жило на Земле в гордом одиночестве миллионы лет. Но и те и другие говорят о роботе, который живет вечно. Что-то тут есть.

— Что касается миллионов лет, то... Куда мы идем?

— Матушка Ритта сказала, чтобы мы шли до зоны отдыха, потом нашли указатель «Бульвар», повернули налево. Только разве мы проходили зону отдыха по дороге сюда?

— Может быть, мы возвращаемся отсюда совсем другой дорогой. Я никакой зоны отдыха не помню, но я по сторонам особенно не глазела, больше на людей смотрела, и...

Дорс умолкла. Впереди коридор раздваивался.

Селдон вспомнил. Здесь они точно проходили. Тут по обе стороны коридора вдоль стен стояли ободранные кушетки. Зона отдыха!

Теперь Дорс не было нужды приглядываться к встречным и тем, кто шел позади. В коридоре было пусто. А вот впереди, в пресловутой зоне отдыха, кучковались мужчины,

довольно высокие для далийцев, с огромными усищами, мускулистыми руками, покрытыми блестящим слоем пота.

Они явно поджидали чужеземцев. Дорс и Селдон почти одновременно остановились. Мужчины впереди не тронулись с места. Селдон растерянно оглянулся. Позади появились трое.

— Мы в ловушке, — процедил Селдон сквозь зубы — Не надо было тебе ездить со мной, Дорс.

— Как раз наоборот. Именно потому я поехала с тобой. А теперь скажи, стоило мотаться к матушке Ритте, а?

— Стоило, если мы выберемся отсюда.

Селдон шагнул вперед и вежливо поинтересовался:

— Разрешите пройти?

Один из мужчин двинулся навстречу. Роста он был точно такого же, как Селдон, но шире в плечах и плотнее. Правда, с брюшком, отметил Селдон.

— Меня звать Маррон, — сообщил мужчина самодовольно, словно само по себе его имя должно было вызвать ужас и уважение, — и я здесь для того, чтобы сказать вам, что мы не любим, когда в наш район суются чужаки. Хотели войти, пожалуйста, мы не против, а хотите выйти, придется раскошелиться.

— Отлично. Сколько?

— Все, что есть. Вы же заезжие богачи, точно? У вас кредитные карточки имеются? Вот и выкладывайте их.

— Нет.

— Это ты зря отнекиваешься. Мы их отберем.

— Отобрать ты их сможешь, если только убьешь меня или побьешь, но от карточки тебе не будет никакого толку без образца звучания моего голоса. Нормального звучания, учти.

— Ты, господин, не прав — видишь, какой я вежливый? Мы можем отобрать у вас ваши карточки, почти пальцем вас не тронув.

— И сколько же для этого потребуется крепких мужчин? — усмехнулся Селдон. — Девять? Нет, десять, — быстро подсчитал он.

Зачем десять? Хватит одного меня. Сам драться будешь?

— Сам.

— Тогда пусть остальные разойдутся. Давай, Маррон, попробуй.

— У тебя ножа нету, господин. Дать тебе?

— Не надо. Своим можешь пользоваться, чтобы все было по-честному. Я буду драться без ножа.

Маррон оглянулся на своих приятелей и сказал:

— Смелый мужик попался, глядите, ребята! И не боится даже. Ладно, это мне нравится. Такого и бить-то жалко... Я тебе вот что скажу, господин. Я беру твою девчонку, а если хочешь, чтобы я ее отпустил, гони свою карточку и ее тоже, да побыстрее, и скажи, что положено, нормальным голосом: чтобы карточка заработала. И она пускай скажет. Скажешь «нет», тогда, хотя... нет, чуть попозже, когда я закончу с девочкой — это ведь требует времени, а? — он грубо расхохотался, — мне придется отдалить тебя как следует.

— Нет, — ответил Селдон. — Женщину не трогать. Я вызвал тебя на бой. Один на один. Ты — с ножом, я без ножа. Мало тебе этого? Я согласен драться с двумя. Но женщину не трогать, понял?

— Хватит, Гэри! — крикнула Дорс. — Если ему не терпится, пусть попробует меня схватить. Стой где стоишь, Гэри, и не двигайся.

— Слыхал? — осклабился Маррон. — Стой где стоишь, Гэри, и не двигайся. Похоже, малышке я понравился. Вы двое, придержите его.

Руки Селдона тут же оказались крепко сжатыми за спиной, а между лопаток уперлось острие ножа.

— Не двигайся, — прохрипел голос прямо ему в ухо. — Смотреть можешь, так и быть. Девочке понравится, вот увидишь. Маррон мастер на это дело.

— Не двигайся, Гэри! — еще раз прокричала Дорс и развернулась к Маррону, прищутившись и чуть согнув руки в локтях.

Маррон медленно пошел на нее, а Дорс, дождавшись, пока тот окажется на расстоянии вытянутой руки, ловко выхватила из-за ремня два громадных ножа.

Маррон на мгновение растерялся, даже отшатнулся, но тут же расхохотался.

— У-у-у, как страшно! У малыши два ножичка, какие большие! Такие ножички нельзя носить девчонкам, такие ножички только большие мальчики носят. А у меня — ай-ай-ай, только один. Ну да ладно, так будет по-честному... — и он выбросил вперед лезвие ножа. — Ох, как бы не хотелось поцарапать тебя, милашка... вот увидишь, как славно будет, если этого не случится! Может, просто взять да и выбить ножички из твоих ручонок, а?

— Убивать тебя я не собираюсь, — сообщила Дорс хладнокровно. — Постараюсь не убить. Но все равно, все свидетели, если я тебя убью, я сделаю это только для того, чтобы защитить моего друга, с которым связана словом чести.

Маррон дурашливо запросил пощады:

— Ой-ой-ой, не убивай меня, малышка, не надо! — и расхохотался. Заржали, как жеребцы, и его дружки.

Маррон замахнулся, но Дорс уклонилась от удара. Детина замахивалась снова и снова, но все удары приходились мимо цели. Маррон рассвирепел, и если до этого он больше пытался запутать Дорс, то теперь перешел к решительным действиям. Нож в левой руке Дорс блеснул и схлестнулся с ножом Маррона с такой силой, что руку нахала отбросило назад. Лезвие ножа, зажатого в правой руке Дорс, сверкнуло как молния, и на футболке Маррона появился косой порез, сразу засочившийся кровью.

Маррон ошарашенно выпутился на свою рану. Его приятели в ужасе ахнули. Селдон почувствовал, что хватка у обоих парней, что держали его за руки, сразу ослабла. Поединок явно складывался не так, как они ожидали.

Маррон снова замахнулся правой рукой, а левой попытался ухватить Дорс за талию. Лезвие ножа, зажатого в левой руке Дорс, снова скрестилось с лезвием ножа Маррона. Правую руку Дорс ловко выбросила вперед, и готовые сжаться у нее на талии пальцы Маррона схватили, казалось бы, воздух, но когда он разжал пальцы, через всю ладонь протянулась кровавая полоска.

Дорс отскочила назад, а Маррон, разъяренный видом собственной крови, проревел:

— Кто-нибудь, киньте мне еще один нож!

Поначалу никто не решался выполнить его просьбу, но вот один из приятелей протянул ему свой нож. Маррон потянулся за ножом, но Дорс опередила его, взмахнула правой рукой, — сверкнуло лезвие, и предложенный Маррону нож звякнул о пол.

Селдон почувствовал, что держат его еще слабее. Он резко рванул руки вперед и вверх и освободился. Те, кому было поручено держать Селдона, с криками бросились ловить его, но он развернулся, резко стукнул одного в пах, другому нанес точный удар в солнечное сплетение. Оба рухнули как подкошенные.

Селдон наклонился, присел, вынул у обоих ножи. Правда, в отличие от Дорс, он понятия не имел, как нужно драться ножами, но спасение его было в том, что этого, скорее всего, не знали и далийцы.

— Не лезь на рожон, Гэри, — посоветовала ему Дорс. — Защищайся, Маррон, и учти, в следующий раз я тебя царапать не буду, ударю — не опомнишься.

Маррон, разъяренный до крайности, взревел, как бык, и рванулся вперед, по всей вероятности, надеясь одолеть противницу за счет одной только массы собственного тела, сбить с ног. Дорс пригнулась, прошмыгнула под его правой рукой, подставила ему подножку, и Маррон рухнул на пол. Нож вылетел у него из пальцев.

Дорс быстро опустилась на колени, приставила один из ножей к шее Маррона.

— Сдавайся! — произнесла она.

Но Маррон взревел, отшвырнул Дорс в сторону, встал на четвереньки...

Выпрямиться ему не удалось. Дорс вскочила на него верхом и отхватила ножом половину усов.

На этот раз Маррон взвыл, как раненый зверь, схватился за лицо... Когда он отдернул руку, ладонь была вся в крови.

— Погуляешь теперь без усов, Маррон! — крикнула Дорс. — Я прихватила заодно и кусок

губы. Попробуй еще разок, и я убью тебя!

Она ждала ответа, но Маррону явно хватило развлечений. Постанывая, он поплелся прочь, истекая кровью.

Дорс проводила его взглядом и развернулась к остальной компании. Те двое, что пали жертвой боевого искусства Гэри, все еще валялись, скрючившись, на полу – обезоруженные и без признаков жизни. Дорс присела рядом с ними, ловко перерезала ремни и надпорола штаны.

– Пойдете домой, штанишки не забудьте поддержать, – посоветовала она парням.

Остальные семеро в ужасе застыли на месте. Взгляды всех были прикованы к Дорс.

– Ножик кто из вас Маррону одолжил? – поинтересовалась Дорс.

Ответом ей была гробовая тишина.

– А, неважно, – махнула рукой Дорс. – Хотите – по одному, хотите – все вместе, но живыми вам не уйти.

Не сговариваясь, все семеро развернулись и позорно бежали.

Дорс, приподняв брови, обернулась к Селдону и сказала:

– Ну уж теперь Челвику никак не обвинить меня в том, что я плохо тебя защищала.

Селдон пробормотал:

– До сих пор не могу поверить. Вот уж не представлял, что ты на такое способна.

Дорс просто, искренне улыбнулась.

– Ну, ты тоже не без способностей, если на то пошло. Славная мы парочка, а? Ладно, убирай ножи по карманам. Наверняка здесь новости разносятся быстро, и мы выберемся из Биллиботтона без проблем.

Она оказалась совершенно права.

Глава пятнадцатая Подпольщик

Даван – В неспокойные времена, которыми были отмечены последние века существования Первой Галактической Империи, возникали типичные очаги беспорядков, причиной которых было то, что политические и военные лидеры боролись за «исключительную» власть, исключительность которой становилась все более и более бесполезной с каждым десятилетием. До внедрения психоистории лишь изредка возникало нечто, что можно было бы назвать народным движением. В этой связи одним из самых интересных примеров может послужить Даван, человек, о котором мало что известно, но не исключено, что он познакомился с Гэри Селдоном вовремя...

Галактическая энциклопедия

71

Гэри и Дорс с горем пополам вымылись в сидячих ваннах – других у Тисальверов не было – переоделись и засели в комнате Селдона. Тут вернулся с работы Тисальвер. Он робко позвонил.

Селдон открыл дверь и добродушно проговорил:

– Добрый вечер, господин Тисальвер. И вам, госпожа, добрый вечер.

Касилия стояла за спиной мужа – хмурая, недовольная.

– Надеюсь, вы и госпожа Венабили хорошо себя чувствуете? – спросил Тисальвер и сам себе ответил робким кивком, словно боялся услышать отрицательный ответ.

Замечательно, – ответил Селдон. – Побывали в Биллиботтоне и вернулись. Все в порядке. Вымылись, переоделись, никакого запаха.

Последние слова Селдон нарочито адресовал госпоже Тисальвер. Но она ему не поверила и на всякий случай принюхалась.

Тисальвер все так же робко, смущенно поинтересовался:

– Вы, похоже, дрались там на ножах?

– Вот как? Уже слухи ходят? – удивленно вздернул брови Селдон.

– Говорят, будто вы и госпожа подрались с сотней бродяг и всех уложили. Это правда? – заискивающе спросил Тисальвер.

– Ничего подобного, – возмущенно ответила Дорс. – Глупости какие. Вы что, думаете, мы

– убийцы-профессионалы? Неужели вы можете поверить, будто сотня бандитов ждала бы, покуда я... то есть, мы, разделаемся с каждым из них по очереди? Подумайте хорошенько.

– Так говорят, – с ледяной уверенностью проговорила Касилия Тисальвер. – И мы не можем позволить, чтобы такое творилось в нашем доме.

– Во-первых, – возразил Селдон, – это случилось не в вашем доме. Во-вторых, их было не сто, а десять. В-третьих, никого мы не убивали. Подрались, да, но они отступили и дали нам пройти.

– Дали пройти! – фыркнула госпожа Тисальвер. – И вы хотите, чтобы я поверила вам, чужеземцы?

Селдон вздохнул. Надо же, как мало нужно, чтобы такие милые, добрые люди вдруг стали твоими врагами.

– Ну хорошо, – кивнул он. – Если вам угодно, один из них был слегка ранен. Не серьезно.

– А у вас – ни царапинки? – восхищенно спросил Тисальвер.

– Ни царапинки, – подтвердил Селдон, – Госпожа Венабили прекрасно управилась с двумя ножами.

– А я вам скажу, – заявила госпожа Тисальвер, гневно глянув на ремень Дорс, – что такого я у себя в доме не потерплю.

Дорс спокойно ответила:

– Покуда на нас тут никто не нападает, терпеть вам нечего.

– Да? А известно ли вам, что из-за вас у наших дверей стоит пакость подзaborная? У наших дверей! Известно вам это?

– Любовь моя, – попытался урезонить ее Тисальвер. – Давай не будем ссориться...

– Почему? – возмущенно воскликнула Касилия, – Боишься ее ножей? Пусть только попробует достать их здесь!

– Не имею такого намерения, – покачала головой Дорс, – И что это за пакость у дверей? О чем вы, госпожа Тисальвер?

Тисальвер объяснил:

– Моя жена говорит о бродяге из Биллиботтона, беспризорнике... так он, по крайней мере, выглядит – он желает вас видеть... а у нас в районе это не принято. Это нас унижает, вы уж простите.

– Хорошо, господин Тисальвер, – кивнул Селдон, – мы выйдем, выясним, в чем дело, и постараемся отделаться от него побыстрее...

– Нет. Погоди, – вметалась Дорс. – Это – *наши комнаты*. Мы за них платим. И *нам* решать, кто может к нам прийти, а кто – нет. Если тот молодой человек, что стоит за дверью, из Биллиботтона, значит, он, во всяком случае, далиец. А самое главное – он тренторианец. И что еще важнее – он подданный Империи и человек. А самое важное, раз он пришел к нам, значит, он – наш гость. Поэтому мы приглашаем его войти.

Госпожа Тисальвер не дрогнула. Тисальвер оробел.

Дорс сказала, усмехнувшись:

– Ну, раз вы верите, что я уложила наповал целую сотню в Биллибтоне, неужели вы думаете, я испугаюсь какого-то мальчишки или, если уж на то пошло, вас двоих?

И ее правая рука небрежно легла на ремень.

– Госпожа Венабили, – прижав руки к груди, воскликнул Тисальвер, – мы не хотели вас обидеть, что вы, что вы! Конечно, это ваши комнаты, и вы можете тут принимать кого захотите.

Он отошел в сторону, схватил за руку возмущенную супругу, по яростному виду которой было совершенно ясно, что Тисальвер еще поплатится за свое поведение.

Дорс проводила их ледяным взглядом.

– Ты на себя не похожа, Дорс, – сухо усмехнулся Селдон. – Я считал тебя человеком, благородно вступающим в схватку, но спокойным и выдержаным, когда нужно всего-навсего

предотвратить беду.

Дорс покачала головой.

— Терпеть не могу, когда при мне унижают человека только из-за того, что считают его ниже себя. Именно эти уважаемые люди и виноваты в том, что здесь вырастают хулиганы и бандиты.

— Точно, — кивнул Селдон. — они и прочие уважаемые люди, которые виноваты в том, что выросли такие же вот уважаемые люди. Эта взаимная враждебность так свойственна людям...

— Значит, ты это учтешь при разработке психоистории?

— Учту, конечно, если придется что-то учитывать... Ага, вот и наш бродяжка. Это Рейч, и меня это нисколько не удивляет.

72

Рейч вошел, оглядываясь по сторонам, явно растерянный и смущенный, потирая верхнюю губу указательным пальцем, словно пытался обнаружить там хоть какие-то признаки растительности.

Обернувшись к онемевшей от ярости госпоже Тисальвер, он неуклюже поклонился.

— Спасибошки, хозяйка. Славная у вас квартирка.

Как только дверь за ним захлопнулась, он развернулся к Селдону и Дорс с видом человека, знающего толк в таких делах:

— Здорово устроились, братцы.

— Рад, что тебе тут нравится, — кивнул Селдон. — А как ты узнал, где мы живем?

— А выследил вас. А вы как думали? Ну, тетечка, — сообщил он, повернувшись к Дорс, — деретесь вы, я вам скажу... так тетечки не дерутся.

— И много ты видал дерущихся тетечек? — с интересом спросила Дорс.

Рейч вытер нос.

— Не-а, выше не видел. Тетки выше с ножами не гуляют, разве что с маленьками, чтобы детишек пугать. Ну, меня-то нешибко напугаешь.

— Верю. А что ты такое делаешь, чтобы тетечка доставали свои ножички, вот вопрос?

— Ничё не делаю. Дурака валяю. Ну, крикну чё-нибудь вроде: «Эй, тетечка, дай-ка я...» — Он ненадолго задумался и покачал головой. — Не, ничё, это я так.

Дорс сказала:

— Со мной лучше не пытайся. Номер не пройдет.

— Шутите? Штоб я... после того, как вы Маррона отделали? И где вы только такому выучились, тетечка?

— У себя на родине.

— А меня можете выучить?

— Ты ко мне за этим пришел?

— Не, не за этим. Я вам записочку принес.

— От кого же? Кто-нибудь еще хочет со мной подраться?

— Нет, тетечка, никто больше с вами драться не хочет. Вас, тетечка, теперь все боятся. Приезжайте теперь в Биллиботтон, так там все парни вам дорогу дадут, будут кланяться и прятаться от вас. Вот вы какая, тетечка. Потому-то он и хочет с вами повидаться.

— Ладно, Рейч, — поторопил Селдон. — Не тяни волынку. Выкладывай, кто хочет с нами увидеться?

— Один парень. Даван звать.

— Кто он такой?

— Просто парень. Живет в Биллиботтоне, а гуляет без ножа.

— И еще жив, Рейч?

— Он читает — целу кучу всего прочитал — и помогает парням, когдa у них беда с полицией. Его никто не трогает. Ножик ему ни к чему.

— Что же он сам не пришел? — спросила Дорс. Зачем тебя послал?

— Он не любитель сюда мотаться. Говорит, будто его тут тошнит. Говорит, будто все, кто тут живет, лизнут правительству... — Рейч осекся, виновато посмотрел на Селдона и Дорс по

очереди и заявил: – Словом, не придет он сюда. А меня, сказал, пустят, потому как маленький я еще. Токо, – он улыбнулся, – чуть было не выперли, а? Ну, эта дамочка, что все вроде как принюхивалась? – Рейч замолчал, смущенно оглядел себя с головы до ног. – Там у нас нешибко-то помоешься.

– Не переживай, – улыбнулась Дорс. – Ну и где же нам с ним встретиться, если он не может сюда прийти? В Биллиботтоне? Что-то нас туда не очень тянет.

– Сказал же, – клятвенно воскликнул Рейч, – ничё вам теперь в Биллиботтоне не будет! И живет он там, где вас выше никто не тронет.

– Это где же? – спросил Селдон.

– Я вас могу отвести. Недалеко.

– Но зачем он хочет с нами встретиться? – спросила Дорс.

– Чуб я знал. Он мне токо так сказал... – Рейч закрыл глаза, стараясь вспомнить сказанное слово в слово. – «Скажи им, что я хочу увидеть человека, который говорил с далийским термальщиком так, словно тот – человек, и женщину, которая одолела Маррона на ножах, но не убила его, хотя могла это сделать». Вроде, так.

Селдон улыбнулся.

– Похоже, ты все правильно запомнил. Ну, можно идти?

– Он ждет.

– Ладно, мы пойдем с тобой, – кивнул Селдон и с некоторым сомнением посмотрел на Дорс.

– Нормально, – сказала она. – Я пойду. Может, это и не ловушка никакая. Надежда умирает последней..

73

День клонился к вечеру. Розово-фиолетовый закат озарил искусственное небо с искусственными облачками. Хотя в Дале и жаловались на неважное отношение к сектору со стороны Имперских властей, с климатом тут, по крайней мере, все было в полном порядке – Даль входил в общепланетную компьютерную сеть контроля погоды.

Дорс вполголоса проговорила:

– Похоже, нас чествуют, это точно.

Селдон спустился с небес на землю и сразу заметил громадную толпу зевак у подъезда многоквартирного дома, где жили Тисальверы.

Все взгляды были устремлены на вышедших из подъезда Дорс и Селдона. Как только стало ясно, что двое чужеземцев заметили зевак, толпа зашевелилась, зашумела. Еще чуть-чуть, и раздались бы бурные аплодисменты.

– Теперь мне ясно, – проговорила Дорс, – почему госпожа Тисальвер была такая сердитая. Пожалуй, не стоило огрызаться.

Толпа состояла, в основном, из бедно одетых людей. Нетрудно было догадаться, что многие прибыли из Биллиботтона.

Повинуясь неосознанному порыву, Селдон улыбнулся и поднял руку в приветствии, которое было-таки встречено аплодисментами. Кто-то крикнул:

– Пусть леди покажет нам, как она управляет с ножами!

– Нет! – прокричала Дорс в ответ. – Я делаю это только тогда, когда меня разозлят!

Из толпы вышел мужчина. Судя по его виду, он был никак не из Биллиботтона и даже не далиец. Во-первых, усыки у него были весьма так себе, и к тому же не черные, а каштановые.

– Марло Танто, – представился он. – «Тренторианские головизионные новости». Можно с вами побеседовать? Для ночного выпуска?

– Нет, – наотрез отказалась Дорс. – Никаких интервью.

Репортер не двинулся с места.

– Насколько мне известно, вы подрались с целой шайкой в Биллиботтоне и победили. Вот это новость так новость, – улыбнулся он.

– Это неправда, – покачала головой Дорс. – Мы действительно столкнулись кое с кем в Биллиботтоне, потолковали с ними и пошли дальше. Вот и все, и большего вы не дождитесь.

— Как вас зовут? У вас не тренторианский выговор.

— Меня никак не зовут.

— А как зовут вашего друга?

— И его никак не зовут.

Репортер занервничал.

— Послушайте, леди. Вы действительно стали сенсацией, а я просто-напросто делаю свою работу.

Рейч потянул Дорс за рукав. Она наклонилась, и Рейч что-то прошептал ей на ухо.

— Послушайте, мистер Танто, — сказала Дорс, выпрямившись. — Я думаю, что вы никакой не репортер. Я думаю, что вы правительственный шпион, задумавший доставить неприятности Далю. Никакой драки не было, а вы пытаетесь сфабриковать сенсацию, из-за которой в Биллиботтон могут быть отправлены отряды Имперской полиции. Я бы на вашем месте тут не задерживалась. Не думаю, чтобы вас тут сильно полюбили.

При первых же словах Дорс толпа зашевелилась. Поднялся шум, крики, и толпа двинулась к Танто с угрожающей скоростью. Он испуганно оглянулся и поспешил прочь.

Дорс крикнула:

— Пусть идет. Не трогайте его. А не то он сообщит в новостях, что на него напали.

Толпа расступилась.

— Ой, тетечка, зря вы так, — покачал головой Рейч. — Пушай бы его в клочки разодрали.

— Ну, кровожадный мальчишка, — улыбнулась Дорс, — веди нас к своему дружку.

74

Человека по имени Даван они обнаружили в комнатушке, что помещалась в недрах здания, фасад которого украшала вывеска закусочной.

Процессию возглавлял Рейч, чувствовавший себя в трущобах Биллиботтона столь же уверенно, как какой-нибудь геликонский крот — в прорытом им самим подземном ходу.

Первой проявила беспокойство Дорс.

— Стой, Рейч, — окликнула она мальчишку. — Ты точно знаешь дорогу? Куда мы идем?

— К Давану идем, — возмутился Рейч. — Сказал же.

— Но тут никто не живет. Ни души нет, — растерянно проговорила Дорс, оглядываясь по сторонам с явной неприязнью. И действительно, место было безлюдное, световые панели либо не горели вовсе, либо едва-едва светились.

— Даван так любит, — объяснил Рейч. — Прячется. Он то здесь, то там. Ну прячется, сmekает?

— Почему? — требовательно спросила Дорс.

— Так сподручнее, тетечка.

— И от кого?

— От правительства, а то от кого же?

— На что правительству сдался Даван?

— Я, тетечка, не знаю. Знаете чего? Я вам скажу, где он, скажу, как туда дойти, и идите сами, коли не хотите, чтоб я вас вел.

— Нет-нет, Рейч, — вмешался Селдон. — Без тебя мы точно заблудимся. Нет, я тебе вот что скажу. Ты нас отведи и подожди, Потом отведешь обратно.

— На чё мне это сдалось-то? — хмыкнул Рейч. — Чё мне, голодным шататься, или чё?

— Пошатайся голодным, Рейч, а потом я тебя накормлю роскошным обедом. Все что захочешь, то и куплю.

— Это вы щас обещаете, господин. А вдруг обманете?

В руке Дорс блеснуло лезвие ножа.

— Так мы обманщики, Рейч. да?

Рейч оторопел, выпучил глаза, но не потому, что испугался.

— Ой, я не заметил, как вы это... Еще разок, а?

— Так и быть, покажу, если ты нас подождешь. Удерешь, имей в виду, мы тебя разыщем.

— Ой, тетечка, напугали, — фыркнул. Рейч, — Разыщете вы меня, как же! Ищайки нашлись!

Токо я не удеру. Чес-слово.

Дальше они пошли молча, только звучало под сводами пустых коридоров эхо шагов.

Даван бросил на вошедших испуганный взгляд, но как только разглядел Рейча, сразу успокоился и вопросительно указал на двоих чужеземцев.

Рейч объяснил:

— Ну, эти самые, — и, ухмыльнувшись, ретировался.

— Я — Гэри Селдон, — сообщил Селдон. — Моя спутница — Дорс Венабили.

Он с любопытством разглядывал Давана. Тот был смуглый, с густыми черными усами — истинный далиец, но еще у него росла борода. Первый далиец из всех, кого довелось встречать Селдону, который не был гладко выбрит. Даже биллибтонские бандюги, и те, похоже, здорово следили за собой в этом смысле.

— Как вас зовут, сэр? — спросил Селдон.

— Даван. Я думал, Рейч вам сказал.

— А фамилия?

— Просто Даван. За вами «хвоста» не было, господин Селдон?

— Не было, уверен. Был бы, Рейч бы сразу понял. Ну если не он, так госпожа Венабили.

Дорс усмехнулась.

— А ты, оказывается, доверяешь мне, Гэри?

— Чем дальше, тем больше, — серьезно ответил Селдон.

— И все-таки вас раскусили, — сообщил Даван, тревожно поерзив на стуле.

— Раскусили?

— Ну да, я уже слыхал про этого мнимого репортера.

— Уже? — изумился Селдон. — Что касается меня, то я на самом деле принял его за репортера и не считаю, что от него нужно было ждать беды. Мы обозвали его имперским шпионом исключительно со слов Рейча, и это он здорово придумал. Толпа тут же переключилась на него, а мы сумели улизнуть.

— Нет, — покачал головой Даван. — Он тот самый, кем вы его назвали. Мои люди его знают, и он действительно работает на Империю... Но, в конце концов, вы — не я. Вам не надо скрываться под чужим именем и менять убежища. Вы живете под своими собственными именами, вам не надо прятаться. Вы Гэри Селдон, математик.

— Точно, — кивнул Селдон. — Но к чему мне чужое имя?

— Вас ищут в Империи, правда?

Селдон пожал плечами.

— Я стараюсь держаться таких мест, где Империя не сможет до меня дотянуться.

— Открыто — да, это понятно, но Империя не обязана работать открыто. Я бы посоветовал вам исчезнуть, исчезнуть по-настоящему.

— Как вы? — поинтересовался Селдон, неприязненно оглядывая каморку Дивана. Тут было так же пусто, как в тех коридорах, по которым они шли сюда. Сыро, холодно, мерзко.

— Да, — кивнул Даван. — Вы могли бы оказать нам услугу.

— Какую же?

— Вы разговаривали с молодым человеком по имени Юго Амариль?

— Разговаривал.

— Амариль говорит, что вы умеете предсказывать будущее.

Селдон тяжело вздохнул. Он уже устал стоять столбом в пустой каморке. Даван, правда, сидел на подушке, по полу были раскиданы еще несколько штук, но видок у них был, прямо сказать, не первой свежести. Да и прислоняться к осклизлой стенке Селдона как-то не тянуло.

— Либо вы недопоняли Амарilha, — ответил Селдон, — либо Амариль недопонял меня. Я всего-навсего доказал, что возможно избрать стартовые условия, исходя из которых исторический прогноз приведет не к хаосу, но к предсказанию, вероятность какового будет колебаться в определенных границах. Но каковы эти стартовые условия, я пока не имею понятия и не уверен, что кому-либо под силу их отыскать — ни одному человеку, ни множеству людей в необозримом будущем. Вы меня поняли?

— Нет.

Селдон снова вздохнул.

— Давайте еще разок. Будущее предсказывать возможно, но, что касается того, как пользоваться этой возможностью, тут возникают сложности. Теперь понимаете?

Даван угрюмо поглядел на Селдона, перевел взгляд на Дорс и сказал:

- Значит, вы не умеете предсказывать будущее.
- Вот именно, господин Даван.
- Просто Даван. Но когда-нибудь вы сумеете этому научиться?
- Сомнительно.
- Вот, значит, почему Имперские власти охотятся за вами.

— Нет, — покачал головой Селдон. — Вы ошибаетесь. Лично мне кажется, что именно поэтому Империя не слишком старается заполучить меня. За хотели, так давно схватили бы без всяких хлопот. А сейчас, пока я еще ничего толком не знаю, я им не сильно нужен, и потому они не торопятся нарушать мир на Тренторе вмешательством во внутренние дела, к примеру, этого сектора. Вот потому-то я могу совершенно безбоязненно передвигаться под своим собственным именем.

Даван схватился руками за голову и пробормотал:

- Безумие...

Устало подняв глаза на Дорс, он тихо спросил:

- А вы — жена господина Селдона?
- Я его друг и защитница, — спокойно ответила Дорс.
- Вы его хорошо знаете?
- Мы знакомы несколько месяцев.
- Всего-то?
- Всего-то.
- Как вы думаете, он говорит правду?

— Я знаю, что он говорит правду, но станете ли вы доверять мне, если не верите ему? Если Гэри почему-то обманывает вас, разве я не поддержу его, дабы защитить?

Даван беспомощно поглядел на них обоих по очереди и сказал:

- А может все-таки поможете нам?
- Кому именно? И какая вам нужна помощь?

— Вы же видите, каково положение в Дале, — сказал Даван, — Нас унижают. Думаю, вы это поняли, а раз вы так по-доброму отнеслись к Юго Амарилю, значит, не может быть, чтобы вы нас презирали.

- Не только не презираем, а искренне сочувствуем.
- И вы должны понимать, откуда идет давление.

— Вы, вероятно, скажете, что оно исходит от Имперского правительства. Да, пожалуй, я с вами согласен. Но только частично. Я успел заметить, что делийский средний класс играет в этом немалую роль — эти люди презирают термальщиков. А в остальной части сектора орудуют бандиты, терроризируя население.

Даван поджал губы, но не дрогнул.

— Все правда. Так и есть. Но Империя этому не мешает. Даль — потенциальный источник беспорядков. Если термальщики забастуют, на Тренторе сразу станет ощутимой нехватка энергии. Но тогда дальние богачи сами выложат денежки, чтобы нанять биллибтонских бандюг, и те помогут им одолеть восставших термальщиков. Такое уже случалось. Империя позволяет кое-кому из дальцев богатеть и процветать — относительно, конечно, — для того чтобы превратить их в имперских лакеев, а о выполнении законов насчет ношения оружия не заботится, как будто ей наплевать на рост преступности.

И это повсюду, не думайте, не только у нас в Дале. Теперь они не решаются применять силу для достижения своих целей — времена не те. На Тренторе все так перепуталось: достаточно спичку поднести, чтобы... Приходится Имперским властям держаться подальше.

- Проявление упадка... — пробормотал Селдон, припомнив слова Челвица.

— Что? — спросил Даван.

— Ничего, — покачал головой Селдон. — Говорите, Даван.

— Ну вот. Приходится Имперским властям держаться подальше, по они все равно решили, что можно загребать жар чужими руками. Каждый из секторов провоцируют на враждебное

отношение к соседям. Разные слои населения внутри секторов провоцируются на необъявленную войну друг с другом. В итоге спало совершенно невозможно объединить людей по всему Трентору. Повсюду народ скорее станет сражаться со своими земляками, чем выступать в едином строю против имперской тирании. А Империя правит безо всякого насилия.

– И как вам кажется, – спросила Дорс, – что со всем этим можно поделать?

– Я уже многие годы пытаюсь пробудить у народов Трентора чувство солидарности.

– Смею предположить, – сухо проговорил Селдон, – что вы успели убедиться, насколько это тяжелое и неблагодарное занятие?

– Правильно предполагаете, – кивнул Даван. – Но наша партия набирает силу. Многие из тех, кто разгуливает с ножами, успели понять, что лучше не резать друг друга. На вас в трущобах Биллиботтона напали, кто еще этого не понял. А вот те, кто поддержал вас сегодня, кто был готов защитить вас от имперского агента, принятого вами за репортера, – мои люди. Я живу среди них. Не слишком приятная жизнь, но здесь я в безопасности. У нашего движения есть сторонники в соседних секторах, и с каждым днем нас становится все больше и больше.

– Но нам-то что у вас делать? – спросила Дорс.

– Во-первых, – объяснил Даван, – вы чужеземцы и учёные. Такие люди, как вы, нужны нам как руководители. Наша основная сила – бедняки, неграмотные – те, кто больше всего страдает от гнета, но лидеров из них не получится. Такие, как вы двое, стоят сотни таких, как они.

– Звучит странновато из уст человека, который встал на защиту угнетенных, – заметил Селдон.

– Я не о людях говорю, – поспешил оправдываться Даван. – О руководстве, поймите. Лидерами партии должны быть люди интеллектуального труда.

– Я вас понял. Такие люди, как мы, могли бы помочь вашей партии обрести респектабельность.

– Все можно высмеять, если захотеть, – с упреком проговорил Даван, – Но вы, господин Селдон, больше чем респектабельный человек, больше чем интеллектуал. Даже если вы не сумеете развеять туман, скрывающий будущее...

– Прошу вас, Даван, – оборвал его Селдон, – Не надо поэзии, и не надо говорить в сослагательном наклонении. Ни о каких «если» не может быть и речи. Я *не могу* предсказывать будущее. И не туман загораживает от меня будущее, а барьер из хромированной стали.

– Дайте мне закончить, прошу вас. Даже если вы не сумеете предсказать будущее... как вы это называете... с психоисторической точностью, вы же изучали историю, и может быть, сумеете, хотя бы интуитивно почувствовать последствия? Ну, разве не так?

Селдон покачал головой.

– Может быть, у меня и есть определенное интуитивное чутье математической стороны вероятности, но каким образом можно было бы перевести мои предчувствия на язык реальной истории, совершенно не ясно. И потом, я не изучал историю. Хотел бы. Но, увы, сплошные пробелы.

– Я историк, Даван, – вступила в беседу Дорс, – и могла бы кое-что сказать, если хотите.

– Пожалуйста, – недоверчиво пожал плечами Даван.

– Во-первых, в истории Галактики было множество революций, в результате которых свергали тиранию. Иногда такие революции имели место на отдельных планетах, иногда – в целых планетарных системах, порой – даже в Империи. Чаще всего, однако, в итоге одна тирания просто-напросто сменялась другой. Другими словами, друг друга сменяли правящие классы. Чаще всего брал верх более сильный, а стало быть, и более способный обеспечить собственное существование класс. А беднота, униженные слои так и оставались нищими и униженными, им разве что еще хуже становилось после этих революций.

Даван внимательно выслушал Дорс и кивнул:

– Это мне известно. Это всем известно. Может быть, нам удастся усвоить уроки прошлого и мы будем лучше знать, чего избегать. И потом, та тирания, что существует сегодня, самая что ни на есть настоящая, такая, которая вовсе не обязательно должна будет существовать в будущем. А если мы все время будем отступаться от перемен, думая, что любые перемены –

только к худшему, значит, не будет никакой вообще надежды на то, что хоть когда-то удастся одолеть несправедливость.

Дорс сказала:

— Вам не следует забывать о том, что даже тогда, когда правда на вашей стороне, даже тогда, когда справедливость вопиет к небесам, сила всегда будет на стороне тирании. Ничего ваши мастера ножевых искусств не сумеют поделать. Ну восстание, ну демонстрация — что это все против до зубов вооруженной армии, на вооружении которой механическое, химическое и нейрологическое оружие? Можете сбить под свои знамена всех бедняков, и даже всех, кто побогаче, но как вы одолеете полицию и армию? Сумеете вы хотя бы немного поколебать их верность правительству?

— На Тренторе много разных правительств, — возразил Даван. — В каждом секторе — свои правители, и многие из них настроены против Империи. Если на нашу сторону встанет могущественный сектор, положение изменится, правда? Тогда мы уже не будем всего-навсего шайкой оборванцев, размахивающих ножами и булыжниками.

— Означает ли это, что некий могущественный сектор уже встал на вашу сторону, или вам этого просто хочется?

Даван промолчал.

— Позвольте себе предположить, — сказала Дорс, — что вы думаете о мэре Сэтчема. Если мэр собирается воспользоваться народными волнениями для того, чтобы узурпировать имперский трон, вас это не коробит, нет? А зачем, спрашивается, мэру рисковать своим положением, которое и без того не такое уж жалкое? Неужели ради красивых слов о справедливости и равноправии, ради справедливого отношения к людям, до которых ему нет никакого дела?

— Вы хотите сказать, — проговорил Даван, — что всякий правитель, желающий сейчас помочь, может потом нас предать?

— Галактическая история изобилует подобными примерами.

— Но если мы будем знать об этом, почему нам не предать его?

— То есть, использовать его, а потом, в критический момент, изолировать от всех, кто стоит за ним, и уничтожить?

— Ну, может быть, не совсем так, но такой вариант оборота дел нужно на всякий случай иметь в виду.

— Итак, мы имеем революционное движение, в рамках которого главные участники событий должны быть готовы к предательству; и каждый должен ждать своего часа. Лучший рецепт анархии.

— Значит, вы нам не поможете? — спросил Даван.

Селдон, который все это время слушал, нахмурившись, беседу Давана и Дорс, сказал:

— Все не так просто. Мы были бы рады вам помочь. Мы на вашей стороне. Мне вообще кажется, что ни один здравомыслящий человек не станет поддерживать имперскую систему, основанную на провоцировании поголовной ненависти и подозрений. Даже тогда, когда представляется, что система работает, это не более чем метастазы главной опухоли, которые расползаются во все стороны, и все чреваты нестабильностью. Вопрос в другом: чем мы можем помочь? Если бы у меня была психоистория, если бы я мог предсказать наиболее вероятный ход событий, если бы я мог сказать, какие действия из числа вероятных вариантов скорее всего приведут к желаемому результату, тогда бы я с радостью предложил вам свои услуги. Но у меня ничего нет. Самое большее, что я могу для вас сделать, это не бросать попыток разработать психоисторию.

— И долго вы будете этим заниматься? Селдон пожал плечами.

— Не знаю.

— Мы же не можем ждать вечно.

— Иного я вам сейчас предложить не могу. Единственное, что я могу сказать, это то, что еще совсем недавно я был совершенно уверен в том, что психоисторию разработать невозможно. Теперь я в этом не так уверен.

— Хотите сказать, что до чего-то додумались?

— Пока всего-навсего интуитивно чувствую, что сумею додуматься, что решение есть. Я пока еще сам как следует не понимаю, откуда у меня взялось такое чувство. Может быть, это

иллюзия, но я попытаюсь. Дайте мне время. И может быть, мы еще встретимся.

— Может быть, — кивнул Даван. — Но, может быть, когда вы придете сюда в следующий раз, то окажетесь в имперской ловушке. Можете, конечно, тешить себя надеждой на то, что вы, дескать, не интересуете Империю до тех пор, пока не придумали своей психоистории, но я уверен; Император и его клеврет, Демерзель, не собираются ждать вечно, так же, как и я. — Постараюсь не торопить их, — спокойно ответил Селдон. — Я не на их стороне, а на вашей. Пойдем, Дорс.

Они повернулись и вышли. Снаружи их ожидал Рейч. А Даван остался один-одинешенек, в своей жалкой каморке.

75

Рейч лопал, облизывая пальцы, прижимая к груди пакет с едой, От него самого и от пакета жутко разило луком, но каким-то ненастоящим, наверное, — дрожжевым.

Дорс поморщилась и спросила:

— Где ты раздобыл еду, Рейч?

— А парни Давана притащили мне. Даван добрый.

— Значит, нам *lie* придется угощать тебя обедом? — спросил Селдон, почувствовав, что сам жутко хочет есть.

— Всем кое-чё задолжали, — заявил Рейч, облизывая пальцы и плотоядно поглядывая на ремень Дорс. — Как нашот тетечкиного ножичка, а? Ну хоть один дайте...

— Никаких ножей, — отрезала Дорс. — Отведешь нас обратно — дам тебе пять кредиток.

— Ну да... — обиженно протянул Рейч, — Чё, я ножик, чё ли, куплю за пять-то кредиток?

— Пять кредиток — и все. Больше ничего не получишь.

— Зануда вы, тетечка, — заявил Рейч.

— Зануда с острым ножиком, Рейч, так что давай, пошли.

— Ну, ладно. Чё раскипятились-то? Сюда, — Рейч махнул рукой.

Они двинулись в обратный путь по пустынным коридорам, но на этот раз Дорс время от времени посматривала назад и вскоре прошептала:

— Стой, Рейч. За нами «хвост».

— Чё? — удивился Рейч. — Ничё не слышу.

— И я тоже ничего не слышу, — наклонив голову, произнес Селдон.

— А я слышу, — упрямно мотнула головой Дорс. — Так, Рейч, ты мне голову не морочь. Или ты мне сейчас же объяснишь, в чем дело, или я тебя так отдошу, что неделю горбатым ходить будешь. Обещаю.

Рейч заслонился рукой.

— Ну и бейте, тетечка, ну и бейте. Это парни Давана. А они вас же прикрывают, чтобы бандюги не сунулись, а вы...

— Парни Давана?

— Ну! По боковым коридорам топают.

Дорс резко схватила Рейча за рубашку. Мальчишка повис в воздухе, отчаянно болтая ногами и руками:

— Ой, тетечка, ой!

— Дорс! — одернул подругу Селдон. — Не надо так!

— Ему будет еще хуже, если он солгал. Я забочусь о тебе, Гэри, а не о нем.

— Да не вру я! — воскликнул Рейч, все еще пытаясь вырваться. — Ну, не вру же!

— Уверен, он не врет, — сказал Селдон.

— Ладно, увидим. Рейч, скажи им, пусть выйдут и покажутся.

Дорс отпустила мальчишку и вытерла руки.

— Злюка вы, тетечка, — с упреком проговорил Рейч. — Эй, Даван, — крикнул он. — Парни, выходите.

Пришлось немного подождать, и вскоре из ниши в стене вышли двое черноусых мужчин, и еще один, у которого через всю щеку тянулся шрам. Все трое в руках сжимали зачехленные ножи.

— Сколько вас тут еще? — резко спросила Дорс.

— Немного, — сказал один из незнакомцев. — У нас приказ. Мы вас охраняем. Даван хочет, чтобы вы остались целы и невредимы.

— Спасибо. Постарайтесь двигатьсятише прежнего. Пошли, Рейч.

— Ну, тетечка, — с упреком проговорил Рейч, — я вам правду сказал, а вы?

— Прости, — сказала Дорс.

— «Прости»... — Рейч потер шею. — Возьму и не прощу. Ну да ладно, на первый раз прощается... — и он зашагал вперед.

Как только они добрались до проспекта, невидимые защитники испарились, даже Дорс перестала слышать их осторожные шаги. Но теперь особенно бояться было нечего — Селдон и Дорс уже находились в менее опасной части города.

Дорс внимательно оглядела Рейча и покачала головой:

— Вряд ли у нас найдется одежда твоего размера, Рейч.

— А на чё мне от вас одежка, госпожа. — Похоже, стоило Рейчу покинуть коридоры трущоб, как он тут же преобразился в вежливого, по его понятиям, мальчика. — Одежка у меня своя имеется.

— А я думала, ты хочешь прогуляться с нами туда, где мы живем, и принять ванну.

— Эт еще на чё? И так я на днях мыться буду. Тода и надену другую рубаху. — Он подозрительно посмотрел на Дорс. — Чё, стыдно стало, а?

— Вроде того, — улыбнулась Дорс.

Рейч царственным помахал рукой.

— Ничё. Мне и не больно было нисколечки. Ну вы и силачка, тетечка. Ух, как это вы меня подняли, будто я и не весю ничего.

— Я рассердилась, Рейч. Я должна заботиться о господине Селдоне.

— Чё, телохранительница, чё ли?

Рейч вопросительно глянул на Селдона.

— Тетечка — ваша телохранительница?

— Ничего не поделаешь, — смущенно улыбнулся Селдон. — Ей это нравится. Ну и потом, она свое дело знает.

— Подумай хорошенько, Рейч, — настаивала Дорс. — Может, вымоешься все-таки? Ванна у нас такая приятная, теплая.

— Ничё не выйдет, — шмыгнул носом Рейч. — Хозяйка меня ни почем не пустит.

Дорс посмотрела наверх и увидела у подъезда Касилию Тисальвер, которая бросала гневные взгляды попеременно то на нее, то на Рейча. Трудно сказать, кому были адресованы более гневные из взоров хозяйки.

— Ну, покедова, господин и госпожа. Может, она и вас не захочит в дом пускать.

Рейч сунул руки в карманы и враскачуку удалился.

— Добрый вечер, госпожа Тисальвер, — поздоровался Селдон. — Поздновато уже, правда?

— Очень поздновато, — с трудом сдерживая гнев, отозвалась госпожа Тисальвер. — А тут, между прочим, целое сражение было из-за того, что вы отдали на съедение толпе несчастного репортера.

— Никого мы никому не отдавали, — возразила Дорс.

— Я была здесь, — госпожа Тисальвер гордо вздернула подбородок, — и все видела.

Она отошла в сторону, пропуская их в дом и показывая всем своим видом, как ей этого не хочется.

— Она ведет себя так, словно это последняя капля в чаше ее терпения, — сказала Дорс Селдону, когда они расходились по комнатам.

— Ты так думаешь? Но что она может сделать?

— Понятия не имею, — покачала головой Дорс.

Глава шестнадцатая Рейч

Рейч — Судя по воспоминаниям Гэри Селдона, его первая встреча с

Рейчел произошла совершенно случайно. Он был всего-навсего уличным оборвым, у которого Селдон спросил дорогу. Но с этого мгновения его жизнь составляла одно целое с жизнью и судьбой великого математика, до тех пор, пока...

Галактическая энциклопедия

76

На следующее утро, вымывшись и побрившись, раздетый по пояс, Селдон постучал в дверь комнаты Дорс и негромко проговорил:

– Дорс, открой.

Дверь открылась, Дорс еще не успела высушить волосы и тоже была раздета до пояса.

Селдон смущаясь и отпрянул. Дорс равнодушно оглядела тебя и обернула полотенце вокруг головы.

– В чем дело? – спросила она.

Селдон, стараясь не смотреть на нее, пробормотал:

– Я хотел спросить тебя про Сэтчем.

– Зачем?

– Что – «зачем»?

Говори яснее. И, ради бога, повернись ко мне лицом. Не девственник же ты, в конце концов? Селдон обиженно буркнула:

– Просто я старался вести себя как воспитанный человек. Если тебе все равно, то мне тоже. И «зачем» тут вовсе ни при чем. Я спросил тебя про сектор Сэтчем.

– Зачем тебе это нужно? Нет лучше так: «зачем Сэтчем?»

– Дорс, я не шучу. То и дело разговор заходит о Сэтчеме, вернее, о мэре Сэтчема. И Челвик о нем говорил, и ты, и Даван. А я ничего не знаю ни о секторе, ни о мэре.

– Гэри, я ведь тоже не коренная тренторианка. Знаю не так много, но всем, что знаю, готова поделиться с тобой. Сэтчем находится недалеко от Южного полюса, это очень большой, многонаселенный сектор...

– Недалеко от Южного полюса и многонаселенный?

– Гэри, мы не на Геликоне. И не на Цинне. Это Трентор. Тут все под землей, а находиться под землей на полюсах – это то же самое, что находиться под землей на экваторе. Конечно, там другая долгота дня и ночи – то есть, летом долгие дни, а зимой долгие ночи, – примерно так, как было бы на поверхности. Но это все показуха. Просто им нравится подчеркивать, что они живут на полюсе.

– Но на поверхности они бы все перемерзли.

– Ну конечно. На поверхности в области Сэтчема лежат снег и лед, но их слой не такой плотный, как можно подумать. Будь это так, полярная шапка попросту раздавила бы купол, но этого не происходит, и в том основная причина могущества Сэтчема.

Дорс повернулась к зеркалу, сняла с головы полотенце и набросила на волосы сушильную сеточку. Через каких-нибудь пять секунд ее рыжая шевелюра была суха и засверкала точно в лучах солнца.

– Ты просто не представляешь, какое удовольствие ходить без микогенской шапочки, – улыбнулась Дорс и надела блузку.

– Но какое отношение имеет к могуществу Сэтчема полярная шапка?

– Подумай сам. Сорок миллиардов людей пользуются громадным количеством энергии, каждая калория со временем превращается в тепло, от которого нужно как-то избавляться. Это тепло перекачивают на полюса, в особенности – на Южный, где полярная шапка более высокая, чем на Северном, и выбрасывают в пространство. При этом тает очень много льда, и, думаю, в большой степени из-за этого над Трентором столь плотный облачный слой и так часто лютят дожди, как бы ни выпендривались метеорологи и ни утверждали, что в атмосфере Трентора протекают безумно сложные процессы.

– И что же, Сэтчем как-то использует энергию, прежде чем производить ее выбросы в

космос?

— Очень может быть. Что касается технической стороны, то я не имею об этом ни малейшего представления, а говорю о политическом могуществе. Если бы Даль перестал производить полезную энергию, это доставило бы Трентору определенные неудобства, однако существуют и другие секторы, производящие энергию, и они в таких обстоятельствах могли бы усилить ее производство, ну и потом, определенные запасы энергии на Тренторе на всякий случай хранятся. Думаю, с Далем наверняка со временем удалось бы договориться. Что же касается Сэтчема...

— Да?

— То Сэтчем осуществляет выбросы как минимум девяноста процентов всего производимого на Тренторе тепла и в этом смысле незаменим. Если Сэтчем прекратит выбросы, по всему Трентору поднимется температура.

— Но и в самом Сэтчеме тоже.

— Да, но поскольку Сэтчем — на Южном полюсе, они запросто могут устроить себе приток холодного воздуха. Ничего хорошего в этом, конечно, не будет, но Сэтчем сумеет протянуть дольше, чем остальные секторы Трентора. В итоге Сэтчем во все времена был бревном в глазу у Императора, и мэр Сэтчема — персона очень важная.

— И что из себя представляет нынешний мэр Сэтчема?

— Этого я не знаю. Из того, что я о нем слышала, могу заключить лишь, что это старик, затворник, непробиваемый, как обшивка звездолета, и со страшной силой цепляющийся за власть.

— Почему, вот интересно? Если он такой старый, он не сможет долго удерживать власть.

— Кто знает, Гэри? Привычка, может быть. А может быть, игра. Игра в удерживание власти, когда власть сама по себе не так уж и нужна. Может, сумей он занять место Демерзеля, и далее самого Императора, он был бы жутко разочарован, потому что тогда игра бы окончилась. Правда, он и тогда бы мог затеять очередную партию игры за удержание власти, что было бы так же трудно и приносило бы такое же удовольствие.

Селдон покачал головой.

— Неужели кто-то может мечтать занять место Императора?

— Согласна с тобой. По идеи, этого не должен хотеть ни один здравомыслящий человек, но «имперские амбиции», как их часто называют, подобны заболеванию, которое, стоит лишь им заразиться, вызывает безумие. И чем ближе подбираешься к заветной цели, тем сильнее вероятность подхватить эту инфекцию, и с каждым очередным продвижением по служебной лестнице...

— ...болезнь обостряется все сильнее. Это понятно. Но мне кажется, что Трентор — такой огромный мир, потребности которого столь сложны, амбиции столь противоречивы, что Императору ужасно трудно им править. Именно им. Так почему же ему не покинуть Трентор и не обосноваться в каком-нибудь другом мире, где жизнь попроще?

Дорс рассмеялась.

— Ты бы не спрашивал, если бы лучше знал историю! Трентор по традиции связывают с Империей. А традиции этой — тысячи и тысячи лет. Император, который не сидит в Императорском Дворце — это не Император. Император больше место, чем человек.

Селдон замолчал, задумался, нахмурился. Через некоторое время Дорс не выдержала и спросила:

— Что случилось, Гэри?

— Я думаю, — вполголоса отозвался Селдон. — С тех пор как ты рассказала мне о руке, лежащей на бедре, у меня навязчивые мысли о том, что... И вот теперь твоя фраза о том, что Император — больше место, чем человек, задела струну.

— Какую струну?

Селдон покачал головой.

— Я пока думаю. Может быть, я ошибаюсь. — Он пристально посмотрел на Дорс, — Ладно, пора спускаться вниз и позавтракать. Мы и так опоздали, а я не уверен, что госпожа Тисальвер нынче в достаточно благодушном настроении для того, чтобы принести нам завтрак сюда.

— Ты оптимист, — сказала Дорс. — Лично мне кажется, что она в недостаточно

благодушном настроении, чтобы нас видеть – за завтраком и вообще. Она только о том и мечтает, чтобы вышвырнуть нас отсюда.

– Не исключено, но мы ей платим.

– Да, но я подозреваю, что теперь ей и денежки наши не милы.

– Надеюсь, ее супруг более благоразумен в отношении финансов.

– Если он замолвит словечко, Гэри, единственный, кто удивится этому больше меня, будет, конечно же, госпожа Тисальвер. Ну, ладно, я готова.

И они спустились по лестнице на хозяйственную половину, где их ожидала та, о которой они только что говорили; завтрака не было и в помине, зато было кое-что другое...

77

Касилия Тисальвер встретила их, стоя в надменной позе, с натянутой улыбкой и горящими глазами. Ее супруг растерянно прислонился к стене. Посередине комнаты стояли, вытянувшись в струнку, двое мужчин. Если они и видели подушки, лежащие на полу, то явно решили не обращать на них никакого внимания.

У обоих были черные, курчавые волосы и густые черные усы, все как у истинных далийцев. Оба стройные, одетые в одинаковые темные брюки и рубашки, стало быть – в форме. По рукавам и штанинам сбегали тоненькие белые лампасы. На правой стороне груди у обоих красовалась едва заметная эмблема – «Звездолет и Солнце» – символ Империи во всех обитаемых мирах Галактики. Посередине эмблемы, на солнечном диске, темнела буква «Д».

Селдон сразу понял, что перед ними – двое представителей Дальской службы безопасности.

– В чем дело? – сердито спросил Селдон.

Один из военных шагнул вперед.

– Я – офицер сектора Лэнел Расс. Это мой напарник, Гебор Астинвальд.

Оба вытащили и показали идентификационные голограммические удостоверения. Селдон даже не удосужился взглянуть на них.

– Что вам угодно?

– Вы – Гэри Селдон из Геликона? – спокойно спросил Расс.

– Да.

– А вы – Дорс Венабили с Цинны, госпожа?

– Да, – ответила Дорс.

– Я прибыл для того, чтобы расследовать поступившую к нам жалобу относительно спровоцированных Гэри Селдоном вчерашних уличных беспорядков.

– Ничего подобного я не делал, – сказал Селдон.

– Такова наша информация, – сказал Расс, глядя на экранчик портативного компьютерного блокнота. – Вы обвинили репортера в том, что он – имперский шпион, и тем самым спровоцировали нападение на него толпы.

– Это я, – вмешалась Дорс, – сказала, что он – имперский шпион, офицер. И у меня была причина для подобного вывода. Высказывать свое личное мнение – это никак не преступление. В Империи – свобода слова.

– Свобода слова не имеет ничего общего с высказыванием мнений, способных вызвать беспорядки.

– Откуда вам знать, что были какие-то беспорядки, офицер?

Тут в разговор вмешалась госпожа Тисальвер.

– Я могу сказать, – хрипло проговорила она. – Она видела, что собралась толпа, толпа бродяг, готовая вспыхнуть, стоило только бросить в нее горящую спичку. Она нарочно сказала, что он – имперский шпион, нарочно, ничего она про него не знала, и крикнула этому сброду, что это так, чтобы они набросились на невинного человека. Она явно знала, что делает.

– Касилия... – умоляющее проговорил господин Тисальвер, но жена бросила на него столь выразительный взгляд, что он сразу же замолчал.

Расс повернулся к госпоже Тисальвер.

– Это вы подали жалобу, госпожа?

— Да. Эти двое живут тут всего несколько дней, и от них — одни неприятности. Они приглашали в мой дом людей низкого происхождения, что грозит моей репутации в глазах соседей.

— Разве противозаконно, офицер, — спросил Селдон, — приглашать мирных, аккуратных жителей Даля туда, где ты живешь? Две комнаты наверху — это наши комнаты. Мы их сняли, платим за них. Что, разговаривать с далийцами в Дале — это преступление, офицер?

— Нет, — ответил Расс. — Это не имеет отношения к содержанию жалобы. Какая у вас была причина, госпожа Венабили, предположить, что человек, которого вы в этом обвинили, действительно имперский шпион?

— У него были маленькие каштановые усики, — объяснила Дорс, — поэтому я решила, что он не далиец. Я решила, что он — имперский шпион.

— Вы так решили? А у вашего приятеля, господина Селдона, и вовсе нет никаких усов. Почему вы его не считаете имперским шпионом?

— Как бы то ни было, — поспешил вмешаться Селдон, — никаких беспорядков не было. Мы попросили толпу не трогать мнимого репортера, и я уверен, никто его пальцем не тронул.

— Вы уверены, господин Селдон? — спросил Расс. — Судя по имеющимся у нас сведениям, вы ушли сразу же после того, как бросили свое обвинение. Как вы можете утверждать, что было и чего не было после того, как вы ушли?

— Не могу, — согласился Селдон. — Но позвольте поинтересоваться: этот человек мертв? Избит?

— Мы его допрашивали. Он отрицает, что он — имперский шпион, и у нас нет таких сведений. Он утверждает также, что с ним грубо обошлись.

— Вполне возможно, что он вас обманывает, — сказал Селдон. — Я бы предложил провести психозондирование.

— Его нельзя производить без согласия подозреваемого, — сказал Расс. — Правительство сектора строго придерживается закона. Можно было бы это устроить, если бы и вы двое согласились на проведение психозондирования. Вы согласны?

Селдон и Дорс переглянулись.

— Нет, — ответил Селдон. — Об этом не может быть речи.

Второй офицер, Астинвальд, который до сих пор молчал, как рыба, улыбнулся. Расс продолжал:

— У нас имеются сведения, что два дня назад вы затеяли драку на ножах в Биллиботтоне и тяжело ранили гражданина Даля по имени, — он заглянул в компьютерный блокнот, — Эльгин Маррон.

— В ваших сведениях не указано, как началась драка? — поинтересовалась Дорс.

— Сейчас это не имеет значения, госпожа. Вы отрицаете, что участвовали в драке?

— Нет, не отрицаем, — горячо вмешался Селдон. — Но мы драку не затевали. На нас напали. Этот Маррон схватил госпожу Венабили, и не было никаких сомнений в том, что он собирался изнасиловать ее. Все, что произошло потом, было чистейшей самозащитой. Или в Дале позволено насилиничать?

Расс если и удивился, то никак — ни голосом, ни жестом — этого не показал.

— Вы говорите, что на вас напали? И сколько же человек?

— Десятеро мужчин.

— И вы один, в паре с женщиной, сумели защититься от десятерых здоровых мужчин?

— Да. Мы с госпожой Венабили именно защищались.

— Но как же так вышло, что на вас ни царапинки? Или у вас есть хотя бы какие-то синяки или порезы под одеждой?

— Нет, офицер.

— Но как же такое возможно? Вы дрались один... ну, хорошо, не один, на пару с женщиной, и у вас — ни царапинки, а жалобщик, Эльгин Маррон, поступил в больницу весь израненный. Больше того, ему потребуется пластическая операция губы.

— Мы старались, — угрюмо буркнул Селдон.

— И, похоже, слегка перестарались! А что, если я скажу, что трое свидетелей утверждают, что вы и ваша подруга без предупреждения напали на Маррона?

— Я вам отвечу, что это невозможно. Я уверен, что этот Маррон наверняка состоит у вас на учете, как задира и драчун. А их было десятеро. По всей вероятности, шестеро отказались врать, давать ложные показания. А остальные трое? Они объяснили, почему не пришли на помощь дружку, на которого якобы злонамеренно напали чужеземцы? Неужели не ясно, что они лгут?

— Предлагаете провести их психозондирование?

— Да. И пока вы не успели спросить, позвольте заранее отказаться. Нам не предлагайте.

Расс не сдавался:

— А еще у нас имеются сведения, что вчера, покинув, так сказать, поле боя, вы встречались с неким Даваном, известным подпольщиком, которого разыскивает полиция. Это правда?

— Придется вам это доказывать без нашей помощи, — сказал Селдон. — Больше ни на какие вопросы мы отвечать не намерены.

Расс убрал в карман компьютер-блокнот.

— Сожалею, но мне придется пригласить вас проследовать с нами в участок для дальнейшего разбирательства.

— Не думаю, что это так уж обязательно, офицер, — сказал Селдон, — Мы приезжие, не совершившие ничего дурного, предосудительного. Пытались отделаться от репортера, который приставал к нам с дурацкими вопросами, пытались защититься от изнасилования и убийства в районе вашего сектора, известном своей криминальной атмосферой, разговаривали кое с кем из далийцев. Мы не видим в этом ничего такого, что заслуживало бы дальнейшего разбирательства. Это чистой воды недоразумение.

— Решения тут принимаем мы, — заявил Расс, — а не вы. Будет вам угодно проследовать с нами?

— Нет, не будет, — ответила Дорс.

— Осторожно, — вскрикнула госпожа Тисальвер, — У нее два ножа!

Офицер Расс вздохнул и сказал:

— Благодарю, госпожа, но это я и сам знаю.

Обернувшись к Дорс, он спросил:

— Известно ли вам, что ношение ножей без специального разрешения является серьезным преступлением? У вас есть такое разрешение?

— Нет, офицер, у меня его нет.

— Значит, Маррона вы явно поранили нелегально приобретенным ножом. Вы осознаете, что это в значительной степени отягощает вашу вину?

— Я ни в чем не виновата, — сказала Дорс. — Поймите вы наконец. У Маррона тоже был нож, и никакого разрешения, я уверена.

— Таких сведений у нас нет, и потом — Маррон весь изранен, а вы целехоньки.

— Нож у него был, офицер, не сомневайтесь. И если вы не знаете, что у любого мужчины в Биллиботтоне, да и везде в Дале имеется при себе нелегально приобретенный нож, то вы — единственный человек в Дале, кому это неизвестно. И магазинов, в которых совершенно открыто торгуют ножами, полно. Это вам тоже неизвестно?

Расс ответил:

— Неважно, что я знаю и чего не знаю. Это не имеет значения. Не имеет также значения и то, что кто-то другой нарушил закон, и сколько человек его нарушило. Значение имеет только одно: госпожа Венабили нарушила постановление о правилах ношения оружия. Я обязан потребовать, госпожа, чтобы вы немедленно передали мне эти ножи, и вы двое должны проследовать вместе с нами в участок.

— В таком случае, попробуйте забрать их у меня, — предложила Дорс.

Расс вздохнул.

— Поймите, госпожа, ножи — не единственное оружие в Дале, и у меня нет ни малейшего желания вызывать вас на ножевую дуэль. У меня и у моего напарника при себе бластеры, которые способны одним выстрелом превратить вас в кровавое месиво еще до того, как вы успеете потянуться за своим ножом, какой бы вы ни были ловкой. Бластерами мы пользоваться, конечно же, не будем, мы прибыли не для того, чтобы убить вас. Но у каждого из нас еще есть нейронный хлыст, которым мы можем свободно воспользоваться. Надеюсь, демонстрировать

действие хлыстов не потребуется? Хлыст не убивает, не наносит никаких телесных повреждений, не оставляет следов, но боль жуткая. Мой напарник уже нацелился на вас нейронным хлыстом. Вы под прицелом. А вот и мой. Ну, выкладывайте ваши ножи, госпожа Венабили.

После минутного молчания Селдон сказал: – Отдай им ножи, Дорс. Ты же видишь, все бесполезно.

И в это самое мгновение послышался бешеный стук в дверь и чей-то взволнованный, срывающийся голос.

78

Проводив Дорс и Селдона, Рейч домой не вернулся.

Он неплохо поел, пока Дорс и Селдон говорили с Даваном, даже поспать успел, потом разыскал более или менее работающий туалет. А теперь, когда все было позади, идти ему особо было некуда. Да, у него было нечто вроде дома, была и мать, но она никогда не волновалась, если он задерживался. Никогда.

Кто был его отец, Рейч понятия не имел и порой гадал, был ли тот у него вообще. Ему говорили, что был, и причину подобной уверенности излагали весьма грубо. Иногда он думал, стоит ли верить таким рассказам, уж больно щекотливы были подробности.

А вспомнилось все это ему из-за той, кого он называл «тетечкой». Она, конечно, была старая, но красивая, и драться могла, как мужик. Нет, даже лучше, чем мужик. И странные мысли полезли в голову Рейчу.

Ведь она предложила ему помыться в ванне... Когда удавалось скопить немного деньжат, он плавал в биллибтонском бассейне, но только тогда, когда их больше не на что было потратить, или тогда, когда удавалось проскользнуть бесплатно. Только тогда он и промокал с головы до ног, но ему было холодно, и нужно было потом ждать, когда высохнешь.

Но ванна... это же совсем другое дело! Там теплая вода и мыло, и полотенца, и сушилка... Он не был точно уверен, понравится ли ему ванна, но, наверное, понравилась бы, если бы рядом была она.

Рейч знал биллибтонские закоулки, как свои пять пальцев, знал, как спрятаться за углом так, что никто не заметит, и не сомневался, что и здесь, неподалеку от дома, где жила она, он сумеет притаиться так, что его не поймают.

В общем, Рейч устроился в сквере неподалеку от дома, в котором скрылись Дорс и Селдон, неподалеку от общественного туалета, чтобы в случае опасности скрыться там.

Спать он толком не спал, а все думал и думал свои странные думы. А вдруг он и правда выучится читать и писать? Какая из этого будет выгода? Кто знает? Но может быть, она сумеет ему объяснить? Рейчу грезились туманные картины: будто ему платят деньги за работу, которую он пока делать не умел, но за какую? Надо, чтобы ему объяснили, но как до них теперь доберешься?

Если бы он остался с ними, они могли бы помочь, наверное. Но на что он им сдался?

Решив, что на последний вопрос надо ответить утвердительно, он встрепенулся, но не потому, что освещение стало ярче, а потому, что его чуткие уши уловили утренний шум – начинался день.

Звуки он различал просто великолепно: в биллибтонских закоулках слух означал жизнь. И вот теперь звук двигателя, расслышанный Рейчем, означал «опасность». Такой официальный, враждебный звук...

Он стряхнул остатки дремоты и осторожно прокрался на улицу. Машину он увидел сразу, и даже не глядя на эмблему – «Звездолет и Солнце», – по одним ее очертаниям догадался, что это за машина. Значит, за ними приехали потому, что они виделись с Даваном! Он не стал долго раздумывать над тем, прав или нет, и помчался прочь. Вернулся он минут через пятнадцать. Машина стояла на прежнем месте, но за это время уже успели собраться зеваки, которые пялились на машину и подъезд дома с почтительного расстояния. Скоро наверняка соберется целая толпа. Рейч быстро взбежал по ступенькам, на ходу вспоминая, в какую дверь постучать. Лифта ждать было некогда.

Дверь он разыскал – решил, что разыскал, – и заколотил в нее кулаками, крича:
– Тетечка, тетечка!

Он слишком сильно был взбудоражен, чтобы вспомнить, как ее зовут, а вот, как зовут мужчину, вспомнил.

– Гэри! – крикнул он. – Впусти меня!

Дверь открылась, и он вбежал – то есть, вернее, попытался вбежать. Его тут же крепко ухватил за руку офицер сектора.

– Полегче, парень. Ты куда?

– Вы чё? Я ничё такого не делал! – запыхавшись, проговорил Рейч. – Ой, тетечка, а чё это они тут делают?

– Арестовывают. Нас арестовали, – угрюмо ответила Дорс.

– За чё? – вырываясь из цепких пальцев офицера, воскликнул Рейч, – Эй, ну чё ты так вцепился-то! Не ходите с ним, тетечка. Нечё вам с ним ходить.

– Пошел вон! – приказал Расс, грубо встяжнув мальчишку.

– Нет, не пойду. И ты, Солнценос, не пойдешь никуда. Щас вся моя шайка туточки будет. И вы не уйдете отсюдова, если не отпустите дядечку и тетечку.

– Что за шайка? – нахмурившись, спросил Расс.

– Все уже туточки, у подъезда. Небось уже машинку вашу по кусочкам растягивают. И вас растянут, не боись!

Расс обернулся к напарнику.

– Вызови участок. Пусть подгонят пару фургонов со спецназом.

– Нетушки! – завопил Рейч, наконец вырвавшись и подбежав к Астинвальду. – Не зови никого!

Расс прицелился нейронным хлыстом и выпустил разряд.

Рейч вскрикнул, схватился за правое плечо и упал на пол, дергаясь, как в агонии.

Расс не успел обернуться к Селдону, как математик, схватив его за руку, вывернул ту вверх, потом по кругу и назад, наступив при этом на ногу Расса, чтобы офицер не дергался. По всей видимости, он вывихнул Рассу плечевой сустав – тот издал хриплый, пронзительный вопль.

Астинвальд выхватил бластер, но рука Дорс легла ему на плечо, а острие ножа уперлось в кадык.

– Не двигайся! – приказала она. – Только двинься, я перережу тебе глотку. Бросай бластер! Бросай! И хлыст тоже!

Селдон подхватил под мышки стонущего Рейча, прижал к себе, обернулся к Тисальверу и сказал:

– Снаружи люди. Рассерженные люди. Я впущу их сюда, и они у вас тут все переломают, даже стены. Если не хотите, чтобы это случилось, подберите оружие и отнесите в другую комнату. Быстро! У второго полисмена тоже возьмите оружие. Быстрее! Пусть жена вам поможет. В следующий раз поостережется жаловаться на невинных людей. Дорс, этот, что на полу валяется, уже ничего не сделает. Успокой второго, только не убивай.

– Ладно, – Дорс кивнула и ударила полицейского по виску рукойтию ножа. Офицер упал на четвереньки. – Ненавижу таким заниматься, – брезгливо скривилась Дорс.

– Они стреляли в Рейча, – напомнил ей Селдон, стараясь скрыть собственные чувства по поводу происходящего.

Они поспешили покинуть квартиру. На улице действительно собралась целая толпа народу, в основном, мужчины, поднявшие крик, как только Дорс, Селдон и Рейч вышли из подъезда. Толпа двинулась к ним, распространяя запах пота и грязной одежды.

Кто-то крикнул:

– А Солнценосы куда девались?

– Они внутри, – прокричала в ответ Дорс. – Не трогайте их. Пока они беспомощны, но вызовут подкрепление, как только очухаются, так что лучше расходитесь, да быстрее.

– А вы? – спросили сразу человек десять.

– Мы тоже уйдем. И не вернемся.

– Ничё, я их выведу отсюдова! – крикнул Рейч, освободившись от рук Селдона, и,

выпрямившись, потер правое плечо. – Ничё, я могу сам идти. Пустите меня.

Толпа быстро расступилась, и Рейч поторопил Дорс и Селдона:

– Господин, тетечка, пошлите со мной. Быстро! Они зашагали по улице, сопровождаемые толпой в несколько десятков человек, но вскоре Рейч махнул рукой и пробормотал:

– Сюда, ребята. Я вас сопровожу в такое местечко, где вас никто не сыщет. Даже Даван про это местечко, поди, не знает. Токо нам в канализацию придется залезть, Нас никто не увидит, правда, запашок там... смекаете?

– Переживем, надеюсь, – пробормотал Селдон.

И они двинулись вниз по узенькой винтовой лесенке, а навстречу им поднимался запах, в источнике которого ошибиться было невозможно.

79

Рейч-таки отыскал для них местечко. Взобравшись наверх по металлической лесенке, они оказались в большом помещении, напоминавшем не то чердак, не то склад, заставленном громоздким оборудованием непонятного назначения. В помещении было довольно чисто, подметено, чувствовался приток свежего воздуха, смягчавшего канализационные ароматы.

– Ну, ничё, правда? – довольно спросил Рейч, потирая плечо и морщась от боли.

– Могло быть и хуже, – согласился Селдон. – А ты знаешь, для чего предназначено это место, Рейч?

Рейч попробовал пожать плечами, но сморщился.

– Не знаю, – ответил он. – А кому какое дело-то?

Дорс, которая предварительно смахнула рукой пыль, опустилась на пол и, подозрительно взглянув на свою ладонь, заявила:

– Если не ошибаюсь, это помещение входит в комплекс очистных сооружений. Детоксикация, переработка отходов, которые в конце концов применяются как удобрения.

– Значит, – печально вздохнул Селдон, – работники комплекса должны периодически появляться здесь и могут явиться в любой момент.

– Я туточки бывал, – сказал Рейч. – Никого не видал ни разу.

– Скорее всего, тут все автоматизировано, – предположила Дорс. – Уж где применять труд автоматов, как не при переработке отходов. Никто нас тут не тронет, по крайней мере, какое-то время.

– Не обольщайся. Мы проголодаемся и захотим пить, Дорс.

– Я могу раздобыть жратвы и воды, – вызвался Рейч. – Говорил же вам, я сызмальства по коридорам мотаюсь.

– Спасибо, Рейч, – рассеянно поблагодарил мальчика Селдон, – но пока мне есть не хочется. И вряд ли захочется, – добавил он, брезгливо принюхавшись.

– Захочется, – пообещала Дорс. – Пускай ты на время потеряешь аппетит, пить тебе уж точно скоро захочется. Хорошо, хоть с туалетом никаких проблем.

Какое-то время все трое молчали. Освещение было тусклым, и Селдон задумался о том, зачем оно тут вообще. Но почти сразу он вспомнил, что до сих пор ни разу не видел по-настоящему темных общественных мест. Наверное, освещение, хоть какое-то, вошло в привычку на этой богатой энергией планете. Странно, однако, что мир, в котором обитает сорок миллиардов человек, богат энергией. Впрочем, запасы подземного тепла дают колоссальное количество энергии, не говоря уже о солнечных батареях и атомных станциях на спутниках. Если подумать хорошенько, выходит, что энергетически бедных планет в Империи нет вовсе. Неужели были когда-то времена, когда техника была на столь примитивном уровне, что энергии не хватало?

Селдон прислонился было спиной к трубам, в которых что-то булькало, но вспомнив, что именно там булькает, отошел и сел рядом с Дорс.

– Я вот думаю, – сказал он, – можем мы каким-то образом связаться с Четтером Челвиком?

– На самом деле, – ответила Дорс, – я посыпала ему весточку, хотя мне жутко не хотелось

этого делать.

– Не хотелось?

– Я должна защищать тебя. А всякий раз, когда мне приходится что-то сообщать ему, я сообщаю об очередном провале своей миссии.

Селдон, прищурившись, посмотрел на нее.

– Что ты так расстраиваешься, Дорс? Не можешь же ты защитить меня от службы безопасности целого сектора?

– Нет, наверное. Мы могли отделаться от нескольких, но...

– Знаю. И отделались. Но они вышлют подкрепление – боевые машины с нейронными пушками, с усыпляющим газом. Уж и не знаю, что у них на вооружении, но наверняка они обозлятся и пустят в ход всю свою технику. Нисколько в этом не сомневаюсь.

– Наверное, ты прав, – поджав губы, кивнул Дорс.

– Тетечка, им вас не сыскать, – неожиданно заявил Рейч. Его острые глазенки посматривали то на Дорс, то на Селдона, пока те разговаривали. – Давана же они ни разу не сцепали, как ни силятся.

Дорс печально усмехнулась и растрепала волосы мальчика, посмотрела на свои пальцы, покачала головой и сказала:

– Не уверена, что тебе стоит оставаться с нами, Рейч. Очень не хотелось бы, чтобы они сцепали *тебя*.

– Меня не сцепают, не сомневайтесь, токо, если я смоюсь, кто вам жратвы и воды добудет, кто вас отведет в другое местечко, чтобы запутать Солнценосов?

– Нет, Рейч, нас они найдут. Просто Давана они не слишком упорно искали. Он их раздражает, но мне кажется, они не принимают его всерьез. Понимаешь, о чем я говорю?

– Хочете сказать, будто он просто... ну, вроде когда чешется... шея, и они думают, что неча за ним гоняться?

– Да, я именно это хочу сказать. Но понимаешь, мы здорово поколотили двоих офицеров, и они не дадут нам улизнуть. Даже если им потребуется пустить в ход все свои силы, даже если они захотят прочесать все закоулки, все коридоры в секторе – они найдут нас.

Рейч пробормотал:

– Тода... Ой, и зачем я токо... Не вломись я к вам, не подними крику, вы бы с ними разошлись тихо-мирно и не угодили бы в такую беду.

– Да нет, не переживай, раньше или позже мы бы их... поколотили. Может быть, пришлось бы даже поколотить не двоих, а побольше.

– А здорово у вас это вышло! – восхищенно воскликнул Рейч. – Не будь мне так больно, я бы смотрел во все глаза. Здорово!

– Но сражаться со всей полицией сектора нам не под силу, – вздохнул Селдон. – Вот вопрос: что они с нами сделают, если схватят? В тюрьму посадят, это точно.

– О нет, – возразила Дорс, – В случае необходимости можно будет обратиться к Императору.

– К Императору? – широко раскрыл глазенки Рейч. – Вы че, с Императором знакомство водите?

Селдон покачал головой.

– Любой гражданин Империи может жаловаться Императору. Только, мне кажется, Дорс, что делать этого не стоит. Раз уж мы покинули Имперский Сектор, нечего нам к Императору обращаться.

– Предпочитаешь оказаться в дальской тюрьме? По крайней мере, апелляция к Императору даст нам отсрочку, а за это время мы сумеем что-нибудь придумать.

– Есть еще Челвик.

– Да, есть, – проговорила Дорс. – Но нельзя на него все взваливать. Во-первых, даже если он получил мое послание и даже если сумеет добраться до Даля, как он нас найдет? И даже если найдет, что сумеет поделать против всей службы безопасности сектора?

– В таком случае, – сказал Селдон, – нужно что-то придумать, пока они нас еще не разыскали.

Рейч живо предложил:

— Коли пойдете со мной, мы удерем от них. Я тут все закоулочки наперечет знаю.

— Ну, одного полисмена, мы, может, и смогли бы определить, Рейч, но если их будет целая куча, да по всем коридорам? Один отряд обойдем, так на другой напоремся.

Тяжелое молчание затягивалось. Все перебирали в уме безнадежные варианты спасения. Наконец Дорс пошевелилась и напряженным, тихим шепотом проговорила:

— Они здесь. Я слышу.

Все напряглись, прислушались, и вскоре Рейч вскочил на ноги и прошептал:

— Оттуда шлепают. Стало быть, мы вон туда пойдем.

Селдон был обескуражен. Он совсем ничего не слышал, но вынужден был довериться более острому слуху своих спутников. Но как только Рейч бесшумно, по-кошачьи двинулся в сторону, противоположную той, откуда исходила опасность, послышался голос, отразившийся эхом от стен канализационного колодца.

— Стойте!

— Это Даван! — радостно воскликнул Рейч. — И как он токо вызнал, что мы туточки?

— Даван? — спросил Селдон шепотом. — Ты уверен?

— А то! Он поможет.

80

— Что случилось? — спросил Даван.

Если Селдон и ощущил облегчение, то совсем небольшое. Ну Даван, и что? Что его присутствие могло изменить? Правда, под его началом достаточно много народа для того, чтобы создать неразбираиху...

— Вы, наверное, уже знаете, что случилось, Даван, — ответил Селдон. — Догадываюсь, что среди толпы, что собралась у дома, где живут Тисальверы, было немало ваших людей.

— Да, кое-кто там был. Поговаривают, будто вас хотели арестовать, а вы отделали целый эскадрон Солнценосов. Но за что вас хотели арестовать, вот вопрос?

— Их было двое, — сказал Селдон и для вящей убедительности поднял вверх два пальца. — Но и этого достаточно. В частности, нас хотели арестовать за то, что мы встречались с вами.

— Маловато будет. Солнценосы на меня особого внимания не стали бы обращать. Недооценивают, — с горечью проговорил Даван.

— Может быть, — кивнул Селдон. — Но женщина, у которой мы снимали комнаты, донесла на нас, что мы якобы спровоцировали беспорядки и нападение на репортера, который нам попался по дороге к вам. Вы знаете, о чем я говорю. Ваши люди были там вчера и сегодня. Двоим офицерам изрядно досталось, и теперь они запросто могут принять решение обшарить все закоулки, коридоры, а это значит, что вы можете пострадать. Мне очень жаль. Я вовсе не хотел и не думал, что выйдет что-нибудь этакое.

— Не знаете вы Солнценосов, — покачал головой Даван. — Им и этого маловато будет. Ничего они не станут прочесывать. Прочешут, найдут, схватят, так с нами что-то делать надо будет. А они только радуются, что мы никуда не сунемся из Биллиботтона и других трущоб. Нет, они за вами охотятся, за вами. Что вы натворили?

— Ничего мы не натворили, — раздраженно ответила Дорс. — Да и какая разница? Если они охотятся не за вами, а за нами, они все равно скоро окажутся здесь, и попадись им вместе с нами вы, у вас будут большие неприятности.

— У меня-то не будет, — покачал головой Даван. — У меня есть друзья, могущественные друзья. Я вам говорил про это вчера вечером. И вам они тоже могут помочь. Когда вы наотрез отказали нам в помощи, я связался с ними. Они знают, кто вы такой, доктор Селдон. Вы человек, знаменитый. Они могут поговорить с мэром Даля и сделать так, что вас не тронут, что бы вы ни натворили. Но вам придется скрыться... уехать из Даля.

Селдон улыбнулся. Вот тут-то он наконец ощутил настояще облегчение.

— Значит, у вас, Даван, есть могущественный друг? Некто такой, кто сразу откликается на призыв о помощи, кто способен договориться с далийским правительством, кто может забрать нас отсюда? Отлично. Я не удивлен.

Селдон с улыбкой обернулся к Дорс.

– И как это Челвику все так ловко удается?

А Дорс недоверчиво покачала головой.

– Слишком быстро. Ничего не понимаю.

– А я верю, что он способен на все, – упрямо заявил Селдон.

– Я знаю его лучше, чем ты, и дольше, и я в это не верю.

Селдон усмехнулся.

– Ты его недооцениваешь.

И, словно не желая больше говорить об этом, он повернулся к Давану и спросил:

– Но как вы нас разыскали? Рейч сказал, что вы об этом месте ничего не знаете?

– И не знает, – вмешался Рейч. – Нипочем не знает. Мое это местечко, сам нашел.

– Я тут никогда не бывал, – подтвердил Даван, огляделвшись по сторонам. – А местечко интересное. Рейч тут наверняка как рыба в воде.

– Да, Даван, это мы уже поняли. Но все-таки, вы-то как нас нашли?

– Термодатчик. У меня есть такая штуковина, которая реагирует на инфракрасное излучение, причем выявляет объекты с температурой тридцать семь градусов по Цельсию. Реагирует только на присутствие людей, и больше ни на какие источники тепла. Вот и среагировала на вас троих.

Дорс нахмурилась.

– Что толку от такого прибора на Тренторе, где люди повсюду? Я знаю, на других планетах пользуются такими приборами...

– Да, знаю, – кивнул Даван, – на Тренторе они не в ходу. А вот в трущобах незаменимы.

– И где же вы такой раздобыли? – поинтересовался Селдон.

– Неважно, – ответил Даван, – Раздобыл и раздобыл. Но нам пора трогаться, господин Селдон. Слишком много народа охотится за вами, а мне хотелось бы передать вас моему могущественному другу.

– И где же он, этот ваш могущественный друг?

– Скоро будет здесь. По крайней мере, мой прибор уже зарегистрировал приближение объекта с температурой тридцать семь градусов, и не думаю, чтобы это мог быть кто-то другой.

Объект с температурой тридцать семь градусов вскоре действительно возник в дверном проеме, и готовое сорваться с губ Селдона радостное приветствие так и осталось на губах. Это был не Четтер Челвик.

Глава семнадцатая Сэтчем

Сэтчем – сектор города-планеты Трентора... В последние века существования Галактической Империи Сэтчем был сильнейшей и стабильнейшей частью планетарного города. Его правители долго стремились к Имперскому трону, мотивируя свои притязания на него не слишком обоснованными утверждениями о том, что являются потомками первых Императоров. При Маниксе IV Сэтчем был милитаризован и, как утверждали впоследствии имперские власти, планировал захват всей планеты...

Галактическая энциклопедия

В дверях стоял высокий, широкоплечий мужчина с длинными светлыми усами, кончики которых кокетливо загибались кверху, и густой бородой. Только подбородок и нижняя губа у него были чисто выбриты. Их покрывала легкая испарина. При столь буйной растительности на нижней половине лица стрижка у него была такая короткая, что Селдону невольно припомнился Микоген.

Одежда незнакомца явно представляла собой какую-то форму. Красно-белое одеяние

дополнял широкий ремень, усеянный серебристыми заклепками.

Заговорил он густым, рокочущим басом, с акцентом, какого Селдону раньше слышать не доводилось. Как правило, незнакомые акценты режут слух, а выговор незнакомца звучал приятно, даже музыкально. Может быть, причиной тому был низкий, красивый тембр голоса.

— Я — сержант Эммер Талус, — выделяя каждый слог, произнес незнакомец. — Ищу доктора Гэри Селдона.

— Это я, — кивнул Селдон и шепнул Дорс: — Значит, Челвик не сумел явиться самолично и прислал вместо себя эту говяжью тушу.

Сержант придилично осмотрел Селдона с головы до ног и объявил:

— Да, это вы, У меня есть описание вашей внешности. Прошу вас следовать за мной, доктор Селдон.

— Ведите, — ответил Селдон.

Сержант шагнул назад, Селдон и Дорс — вперед, Сержант остановился и предостерегающе поднял руку.

— У меня приказ увести отсюда только доктора Селдона, и никого больше.

Мгновение Селдон удивленно смотрел на сержанта. Но удивление быстро сменилось возмущением.

— Не может быть, чтобы у вас был именно такой приказ, сержант. Доктор Дорс Венабили — моя сотрудница и спутница. Она *должна* сопровождать меня.

— Это не входит в мою компетенцию, доктор.

— Ваша компетенция меня нисколько не беспокоит, сержант Талус. Я ни шагу не сделаю без нее.

— А я вам больше скажу, — вмешалась Дорс, — в мою компетенцию входит постоянная защита доктора Селдона, и я не могу выполнять свои обязанности, не будучи рядом с ним. А потому, куда он, туда и я.

Сержант несколько растерялся.

— Но... я и сам обязан о вас заботиться, доктор Селдон. Если вы откажетесь следовать за мной добровольно, я, следуя приказу, должен доставить вас в самолет силой. Постараюсь не сделать вам больно.

Он протянул руки, словно хотел схватить Селдона за талию.

Селдон отпрыгнул назад и одновременно нанес резкий удар по правой руке сержанта, выше локтя, там, где сдой мышц был тоньше всего.

Сержант вздрогнул, задохнулся от боли, затем развернулся и вновь пошел на Селдона. Даван с места не трогался, а Рейч спрятался сержанту за спину.

Селдон ударил снова, и еще раз, но сержант уже ожидал удара и подставил под кулак плечо.

Дорс выхватила ножи.

— Сержант, — проговорила она сквозь зубы, — повернитесь сюда! Хочу, чтобы вы поняли: если будете упорствовать и попытаетесь увести доктора Селдона против его воли, мне придется вас хорошенько отделать.

Сержант, не двигаясь, какое-то время оторопело, словно загипнотизированный, смотрел на подрагивающие лезвия ножей, но вскоре взял себя в руки и объявил:

— В мои инструкции не входит упоминание о том, что я не обязан применять силу к кому-либо, кроме доктора Селдона.

Его правая рука метнулась к рукоятке пистолета, что торчала из кобуры на поясе. Дорс отреагировала мгновенно: выставив перед собой ножи, она кинулась на сержанта.

Однако ни тот ни другая не успели выполнить задуманное.

Рейч рванулся вперед, изо всех сил стукнул сержанта по спине левой рукой, а правой выхватил из кобуры пистолет с длинным узким стволом, тут же отскочил в сторону, сжал пистолет обеими руками и прокричал:

— Руки вверх, сержант, а не то пальну!

В руках Рейча, судя по форме оружия, было не что иное, как нейронный хлыст.

Сержант растерялся, покраснел.

— Брось эту штуку, сынок, — пробасил он. — Ты все равно не знаешь, как она работает.

— Чё тут знать-то? — хихикнул Рейч. — Нажмешь вот тут вот, и ба-бах! И бабахнет, коли ты хоть пальцем шевельнешь.

Сержант замер на месте. Он отлично понимал, как опасно оружие в руках возбужденного двенадцатилетнего мальчишки.

Селдон тоже забеспокоился.

— Осторожно, Рейч, — проговорил он. — Не стреляй. Убери палец с курка.

— Я не дам ему меня сцепать, не дам!

— Он ничего не сделает. Прошу вас, сержант, не двигайтесь. Давайте разберемся. Вам было приказано забрать меня отсюда. Так?

— Так, — кивнул сержант, не сводя глаз с Рейча, который, в свою очередь, не спускал глаз с него.

— И больше никого забирать вам не приказано. Так?

— Так, доктор, — подтвердил сержант недрогнувшим голосом; чувствовалось, что он человек мужественный.

— Хорошо. Но выслушайте меня, сержант. Вам было приказано не забирать никого другого?

— Я только что сказал...

— Нет, нет. Послушайте, сержант. Есть разница. Каков был приказ? «Забрать доктора Селдона»? Только это, и больше ничего? Или вам приказали: «Забрать доктора Селдона, и никого другого»?

Сержант подумал и ответил:

— Мне было приказано забрать вас, доктор Селдон.

— Значит, в вашем приказе нет ни слова ни о ком другом, верно?

— Да, — подтвердил сержант после непродолжительной паузы.

— Вам не было приказано забирать доктора Венабили, но вам и не приказывали ее не забирать. Верно?

— Похоже, что так, — после чуть более продолжительной паузы ответил сержант.

— Ну вот. А теперь посмотрите на Рейча. У этого юноши в руках нейронный хлыст, нацеленный на вас, — ваш нейронный хлыст, не забывайте, — и он просто жаждет пристрелить вас.

— Ага! — выкрикнул Рейч.

— Не спеши, Рейч, — успокоил мальчишку Селдон, — Итак, он жаждет вас пристрелить, а у доктора Венабили — парочка ножей, с которыми она обращается весьма искусно, уверяю вас. И еще я, а я могу одной рукой так вправить вам кадык, что вы до конца своих дней будете говорить только шепотом. Ну, так как? Хотите вы забрать доктора Венабили или нет? Ваш приказ позволяет вам сделать выбор.

Сержант еще немного подумал и подавленно кивнул.

— Я возьму женщину.

— А еще мальчика Рейча.

— И мальчика.

— Прекрасно, Дайте мне честное слово — слово солдата, — что вы не обманете.

— Даю вам честное слово солдата, — кивнул сержант.

— Хорошо. Рейч, отдай ему пистолет. Быстро. Без фокусов.

Рейч скрчил недовольную гримасу, поглядел на Дорс, ища в ее глазах поддержки, но та после минутной растерянности покачала головой. Она была в это мгновение ненамного счастливее Рейча.

Рейч протянул сержанту, оружие.

— Скажи спасибо им, жирная ты... — конец фразы он пробормотал себе под нос.

— Убери ножи, Дорс, — попросил Селдон.

Дорс покачала головой, но ножи убрала.

— Ну, сержант? — поторопил Селдон.

Бросив взгляд на нейронный хлыст, сержант взглянул на Селдона и сказал:

— Вы честный человек, доктор Селдон, и я сдержу слово.

И ловко, с военной сноровкой, он убрал пистолет в кобуру.

Селдон обернулся к Давану и сказал:

— Даван, прошу вас, забудьте обо всем, что только что видели. Мы, все трое, добровольно отправляемся с сержантом Талусом. При встрече передайте Юго Амарилю, что я о нем не забуду и, как только все будет позади и я обрету свободу действий, позабочусь о том, чтобы он попал в Университет. И еще: если я смогу когда-нибудь хоть чем-нибудь вам помочь, я сделаю это. А теперь пойдемте, сержант.

82

— Летал когда-нибудь на самолете, Рейч? — спросил Селдон.

Рейч молча покачал головой. Он во все глаза смотрел вниз, на проплывавшую под крылом самолета поверхность планеты. В его взгляде читались страх и восторг.

А Селдон в очередной раз поразился — сколько же на Тренторе линий экспресса и такси! Даже на дальние расстояния люди в основном путешествовали под землей. А воздушные путешествия, столь популярные на других планетах, на Тренторе были роскошью. А уж такой самолет...

«И как это только Челвик ухитряется?» — подумал Селдон.

Он смотрел в иллюминатор на сменявшие друг друга холмы куполов, на зелень, покрывавшую поверхность планеты, местами представлявшую собой настоящие джунгли, зеркала небольших озер, свинцовые воды которых время от времени вспыхивали в лучах солнца, изредка пробивавшихся сквозь плотный слой облаков.

Так они летели около часа; Дорс, наблюдавшая за пейзажем без видимого удовольствия, закрыла шторку иллюминатора и сказала:

— Хотела бы я знать, куда мы летим.

— Если этого не знаешь ты, — пожал плечами Селдон, — то уж я тем более. Ты на Тренторе больше моего.

— Да, но я жила внутри, — возразила Дорс. — А тут, наверху, я заблудилась бы, как маленький ребенок в лесу.

— Ну ладно... думаю, Челвик знает, что делает.

— Уверена, — коротко кивнула Дорс. — Но он может не иметь никакого отношения к происходящему. Не понимаю, почему ты думаешь, что за всем этим стоит он.

— Ну... — поднял брови Селдон. — Пожалуй, сейчас я так не думаю. Но думал. Почему бы и нет?

— Потому, что тот, кто организовал все это, не указал, чтобы меня взяли с тобой. Не верю, чтобы Челвик забыл о моем существовании. Потому, что он не явился сам, как в Стрилинге и Микогене.

— Не может же он всегда являться лично, Дорс. Может быть, он занят. Удивительно как раз не то, что он не появился сейчас, а то, что он ухитрялся появляться тогда.

— Ну хорошо, он сам не появился, но разве он мог прислать за нами этот летающий дворец? — и Дорс обвела рукой действительно роскошный салон самолета.

— Что тут такого? Может быть, он это сделал нарочно. Кому придет в голову, что на столь дорогом транспортном средстве удирают бедняги, которым только и надо привлекать к себе как можно меньше внимания? Двойная, а то и тройная конспирация.

— Слишком очевидная, на мой взгляд. И неужели он послал бы за нами такого тушицу, как сержант Талус?

— Никакой он не тушица. Просто он обучен беспрекословно выполнять приказы. Если приказ соответствующий, на Талуса вполне можно положиться.

— Вот-вот, Гэри. Вот именно. Но почему он получил несоответствующий приказ? Не могу поверить, что Четтер Челвик велел ему вытащить тебя из Даля и при этом ни словечком не обмолвился обо мне. Просто невероятно.

На это Селдону ответить было нечего.

Прошел еще час, и Дорс сказала:

— Холодаает, похоже. Посмотри-ка вниз, растительность уже не зеленая, а коричневая, и обогрев включился.

– Что это значит?

– Даль расположен в тропической зоне, и, значит, мы летим либо на юг от него, либо на север, и забрались уже довольно далеко. Если бы я имела хоть какое-то представление о том, в какой стороне линия ночи, я бы поняла, куда мы летим.

Прошло еще какое-то время, и самолет пронесся над обледеневшим побережьем водного пространства, подступавшего к куполам.

И тут же, довольно неожиданно и резко, пошел вниз.

– Ща грохнемся! – вскрикнул Рейч. – Ща в лепешку расшибемся!

Селдон судорожно стиснул подлокотники кресла. Дорс не испугалась.

– Пилот признаков тревоги не проявляет. Не волнуйтесь, просто мы сейчас влетим в туннель.

И только она успела это сказать, как крылья сложились, и самолет, подобно пуле, влетел в отверстие туннеля. Вокруг сгустился мрак, но в следующее же мгновение зажглось освещение. За иллюминаторами заскользила светящаяся ленточка – змейка огней вдоль стен туннеля.

– Я, наверное, никогда не пойму, как они узнают, что туннель свободен, – пробормотал Селдон, утирая пот со лба.

– Думаю, пилот получил такие сведения загодя, – сказала Дорс. – Во всяком случае, путешествие наше близится к концу, и скоро мы узнаем, куда попали. – Немного помолчав, она добавила: – А узнаем – не обрадуемся.

83

Самолет выскользнул из туннеля и помчался по длинной посадочной полосе. Освещение здесь так напоминало естественное, что Селдон вспомнил о минутах, проведенных под открытым небом в Имперском Секторе.

Самолет затормозил гораздо быстрее, нежели ожидал Селдон, что, разумеется, привело к возрастанию инерции. Рейч упал па спинку переднего сиденья, да так и прилип, и Дорс пришлось потянуть его за плечо. Сержант Талус, подтянутый, строгий, вышел из кабины, открыл дверцу пассажирского салона и помог всем троим по очереди спуститься.

Селдон вышел последним. Вполоборота глянув на сержанта, он сказал:

– Полет был весьма приятным, сержант.

По лицу сержанта пробежала легкая улыбка, пушистые усы чуть поползли вверх. Слегка коснувшись окольыша фуражки, он проговорил:

– Еще раз спасибо, доктор.

Затем он проводил их к роскошному автомобилю, где все трое разместились на заднем сиденье. Сам сержант сел за руль, машина мягко тронулась с места и поехала вдоль по широким улицам, застроенным высокими, красивыми зданиями, поблескивающими в лучах яркого света. Как и повсюду на Тренторе, издалека доносился шум экспресса. Тротуары были заполнены толпой хорошо, даже слишком хорошо, одетых пешеходов. Кругом царила подчеркнутая чистота.

Селдон чувствовал себя не слишком уверенно. Похоже, сомнения Дорс оправдывались. Он наклонился и прошептал в самое ухо женщины:

– Как думаешь, уж не отвезли ли нас обратно, в Имперский Сектор?

– Нет, – покачала головой Дорс, – в Имперском Секторе здания выстроены, в основном, в стиле «рококо», и парков тут не так много. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я говорю.

– Но где же мы тогда, Дорс?

– Боюсь, придется поинтересоваться, Гэри.

Ехали они недолго и вскоре подкатили к автостоянке около высокого четырехэтажного здания. Вдоль карниза бежали лепные украшения в виде фантастических зверей, разделенных полосами светло-розового камня. И лепнина, и само здание смотрелись на редкость красиво.

– Ну, – сказал Селдон, – уж это точно рококо.

Дорс пожала плечами и промолчала.

А Рейч восхищенно присвистнул и проговорил как можно более равнодушно:

– Ничё себе домишко.

Сержант Талус дал Селдону знак, определенно означавший, что тот должен выйти и следовать за ним, но Селдон откинулся на спинку сиденья и, вторя универсальному языку жестов, обнял за плечи Дорс и Рейча, показывая, что без них не сделает ни шагу.

Сержант немного растерялся. Он уже стоял у внушительного дверного проема. Даже кончики усов у него опустились.

— Ну, хорошо, идите все втроем, — упавшим голосом проговорил он. — Честное слово, так честное слово. Только учтите, другие вам слова не давали.

Селдон кивнул.

— Вы, безусловно, отвечаете только за себя, сержант.

Сержант явно был тронут, и на мгновение физиономия его просияла. Казалось, он был готов подать Селдону руку или еще каким-то образом отблагодарить математика, повинувшись порыву души. Однако он взял себя в руки и шагнул на первую ступень широкой лестницы, ведущей к дверям. Лестница тут же поползла вверх.

Селдон и Дорс, вполне искушенные в подобных вещах, шагнули следом за ним, без труда удержав равновесие. А Рейч на мгновение растерялся, но потом, по-видимому, решив, что эта диковинная лестница не что иное, как немного усовершенствованный эскалатор, уверенно шагнул на ступень правой ногой и, подтянув левую, сунул руки в карманы и беспечно засвистел какой-то легкомысленный мотивчик.

Двери распахнулись, и оттуда вышли две женщины, обе молоденькие и хорошенечкие. Они были одеты в длинные платья, сшитые из какого-то шуршащего материала, туго стянутые широкими поясами на талии. Каштановые волосы каждой из девушки были заплетены в две толстые косы. Селдону их прически понравились, но он задумался, сколько же времени они тратят на то, чтобы каждое утро так укладывать волосы. У тех женщин, что попадались им по дороге сюда, он таких изысканных причесок не заметил.

Обе женщины смотрели на гостей с явным неудовольствием, и Селдон этому нисколько не удивился. После всего, что они с Дорс пережили за этот день, выглядели они ничуть не привлекательнее Рейча.

Тем не менее женщины отвесили всем изящный поклон и отработанным жестом пригласили войти.

Войдя в двери, они прошли через просторный вестибюль, уставленный замысловатой мебелью и устройствами, назначение которых Селдону показалось непонятным. Пол в вестибюле был светлый, какой-то радостный, с подсветкой. Селдону стало неловко — шагая по такому красивому полу, они оставляли на нем пыльные отпечатки следов.

Потом распахнулись следующие двери, и из них вышла еще одна женщина. Она была явно старше тех двоих, что встретили их снаружи. А они отвесили новой даме поклон с приседанием, столь изящно, что Селдон удивился, как это они не упали. «Наверняка, такое дается только долгой практикой, — подумал Селдон. — Может, и мне подобает что-то такое изобразить?» Но поскольку он понятия не имел, как изобразить такой изысканный реверанс, он попросту поклонился. Дорс не пошевелилась. Рейч стоял с широко раскрытым ртом, смотрел по сторонам с восторгом и удивлением и даже не глянул на вошедшую женщину.

Она была полная, но не чересчур. Волосы у нее были уложены точно так же, как и у двух девушек, и платье на ней было примерно такое же, только побогаче — все расшитое затейливым орнаментом. Селдону оно показалось несколько вычурным.

Женщина была немолода, и волосы ее кое-где были тронуты сединой, но на щеках у нее были очень симпатичные ямочки, и они удивительно молодили ее лицо. Светло-карие глаза смотрели весело, было в ней что-то такое... не пожилое, а, скорее, материнское.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она, как будто не имела ничего против присутствия Дорс и Рейча, — А я вас поджидала. Вы доктор Селдон, с которым я так мечтала познакомиться, А вы, по-видимому, доктор Венабили. Мне сообщали, что вы повсюду следуете за доктором Селдоном. А вот этого молодого человека я, боюсь, не знаю, но и его я рада видеть. Ну ладно, не буду утомлять вас разговорами, вам, конечно, надо отдохнуть с дороги.

— И вымыться, мадам, — резко добавила Дорс. — Нам всем не помешает постоять под душем.

— О, конечно, — кивнула женщина. — И переодеться. Особенно молодому человеку, — она с

улыбкой посмотрела на Рейча, не выказывая столь заметной неприязни, какая была во взглядах ее помощниц.

— Как ваше имя, молодой человек? — спросила женщина.

— Рейч, — ответил Рейч хрипло и смущенно. И на всякий случай добавил: — Госпожа.

— Потрясающее совпадение! — воскликнула женщина, и глаза ее весело сверкнули. — А меня зовут Рейчел! Ну, не чудно ли? Пойдемте, мы все для вас устроим. А потом, за обедом, наговоримся вспять.

— Погодите, мадам, — вмешалась Дорс. — Можно узнать, где мы находимся?

— Это Сэтчем, милочка! И пожалуйста, зовите меня Рейчел, так будет лучше. Я формальностей не признаю.

Дорс нахмурилась.

— Вы удивлены, что мы интересуемся? Разве не естественно, что мы хотим знать, где находимся?

Рейчел мягко, мило рассмеялась.

— Ох, доктор Венабили, и вправду нужно что-то такое придумать с названием этого места. Я не вопрос вам задала, а ответила. Вы спросили, где вы находитесь, а я не спросила у вас, зачем вам это нужно знать, а сказала: «Сэтчем». Вы в Секторе Сэтчем.

— В Сэтчеме? — потрясенно переспросил Селдон.

— Конечно, доктор Селдон. Мы мечтали встретиться с вами с того самого дня, как вы выступили с докладом па Декадном Конгрессе, и теперь очень рады, что вы наконец у нас.

84

На то, чтобы отдохнуть, привести себя в порядок и отойти после всех приключений, потребовался почти целый день. Гостям принесли одежду — шелковистую и просторную, в сэтчемском духе. После душа все уснули, как убитые.

Только на следующий сэтчемский вечер был устроен обещанный мадам Рейчел обед.

На длинном столе стояло только четыре прибора — для Селдона, Дорс, Рейчел и Рейча. Со стен и потолка лился мягкий свет, цвет которого время от времени ненавязчиво, мягко менялся. Скатерть, изготовленная из непонятной ткани, мерцала и искрилась.

За обедом им прислуживали многочисленные слуги, а когда в какой-то момент Селдон бросил взгляд на открывшуюся дверь, он заметил, что в соседних апартаментах находятся солдаты, и притом вооруженные, в полной боевой готовности. Сидели они как бы внутри бархатной перчатки, но стальной коготок был совсем неподалеку.

Рейчел вела себя мило и дружелюбно и особое внимание уделяла Рейчу, которого намеренно усадила рядом с собой.

Рейч, чистенький, вымытый до блеска, неузнаваемый в новой одежде, подстриженный, причесанный, не осмеливался рта раскрыть, словно чувствовал, что его лексикон никак не вяжется с новым обличьем. Он исподтишка наблюдал за Дорс и копировал все ее движения за столом.

Угощения были вкусные, но такие острые, что Селдон с трудом узнавал блюда.

Рейчел, очаровательно улыбаясь, сверкая ровными зубками, сказала:

— Вы, наверное, думаете, что мы приправляем пищу микогенскими специями, но это не так. Тут, на столе, все наше, сэтчемское. На планете нет другого столь самостоятельного сектора, как Сэтчем. И мы упорно трудимся, чтобы сохранить нашу самостоятельность.

Селдон вежливо кивнул.

— Все просто превосходно, Рейчел. Мы вам очень благодарны.

Правда, про себя он подумал, что в Микогене еда была все-таки повкуснее, а еще — что пора признать собственное поражение. Ну, не собственное, так Челвика. что в принципе одно и то же.

В конце концов Сэтчем сцепал его. Случилось то самое, что так испугало Челвика после случая наверху.

— Надеюсь, вы простите мне мою настойчивость, но, как хозяйка, я просто не могу не задать вам кое-какие вопросы, — сказала Рейчел, — Поправьте меня, если я не права, но ведь вы

тroe – не одна семья? Вы, Гэри, и вы, Дорс, не женаты, и Рейч – не ваш сын?

– Нет, между нами нет никаких родственных связей, – ответил Селдон, – Рейч родился на Тренторе, я – на Геликоне, а Дорс – на Цинне.

– И как же вы познакомились?

Селдон коротко рассказал, не углубляясь в подробности.

– Как видите, ничего романтического.

– А мне рассказали, что вы повздорили с моим помощником, сержантом Талусом, когда он собирался забрать вас одного из Даля.

– Я привязался к Дорс и Рейчу, – ответил Селдон, – и не хотел с ними расставаться.

Рейчел улыбнулась и проговорила:

– А вы человек сентиментальный, как я погляжу.

– Да. Сентиментальный. И обескураженный.

– Обескураженный?

– Ну конечно. И раз уж вы задали такой личный вопрос, можно мне тоже кое о чем вас спросить?

– Ну конечно же, Гэри, дорогой мой. Спрашивайте о чем угодно.

– Как только мы встретились с вами, вы сказали, что Сэтчем мечтал заполучить меня с того самого дня, когда я выступил на Декадном Конгрессе. Зачем я вам был так нужен?

– Не поверю, что вы до сих пор не догадались. Вы нам нужны из-за вашей психоистории.

– Догадался. Это понятно. Но почему вы думаете, что получив меня, вы получили и психоисторию?

– Наверняка вы не так беспечны, чтобы потерять ее.

– Все гораздо хуже, Рейчел. У меня ее и не было.

Рейчел слегка нахмурилась.

– Но в докладе вы такого не говорили. Не могу сказать, чтобы я поняла ваш доклад. Я не математик и просто терпеть не могу цифр. Но у меня на службе – математики, которые разъяснили, что вы имели в виду...

– В таком случае, дорогая Рейчел, вам нужно было выслушать их более внимательно. Смею предположить, что они объяснили вам, что психоисторическое прогнозирование – вещь безнадежно далекая от практического применения.

– Я не могу поверить этому, Гэри. Ведь на следующий же день после доклада у вас была аудиенция у этого псевдоимператора, Клеона.

– У псевдоимператора? – с чуть заметной иронией переспросила Дорс.

– Ну конечно, – подчеркнуто серьезно ответила Рейчел. – У псевдоимператора. У него нет истинного права на престол.

– Рейчел, – несколько раздраженно проговорил Селдон, – Клеону я сказал то же самое, что сейчас сказал вам, и он отпустил меня.

Улыбка сошла с лица Рейчел, и голос ее стал немного другим.

– Да, он отпустил вас. Отпустил, как кот, который играет с мышкой. И с тех пор он вас преследовал – в Стрилинге, в Микогене, в Дале. Но что-то мы слишком серьезно заговорили. Давайте отдохнуть. Послушаем музыку?

Только она произнесла эти слова, как неизвестно откуда полилась приятная инструментальная музыка. Рейчел наклонилась к Рейчу и тихо проговорила:

– Малыш, если тебе невмоготу управляться с вилкой, можешь есть ложкой, а то и пальцами. Не стесняйся.

– Да, мэм, – кивнул Рейч и с трудом проглотил кусок, но Дорс поймала его взгляд и одними губами проговорила:

– Возьми вилку.

Рейч послушался.

– Музыка очаровательная, мадам, – сказала Дорс вслух (она упрямо не переходила на обращение по имени), – но отвлекаться не стоит. Мне почему-то кажется, что если нас кто и преследовал, так это люди из Сэтчема. Наверняка вы не были бы так хорошо осведомлены о наших приключениях, если бы за всем этим не стоял Сэтчем.

Рейчел громко рассмеялась.

— У Сэтчема повсюду глаза и уши, но мы за вами, уверяю вас, не гонялись. Если бы гонялись, вас бы давно уже без труда схватили и доставили сюда, что в конце концов и случилось в Дале, когда мы на самом деле этого захотели. А вот когда погоня проваливается и руки не дотягиваются до цели, то уж это, конечно, промашки Демерзеля.

— Вы такого низкого мнения о Демерзеле? — поинтересовалась Дорс.

— Да. Вас это удивляет? Мы утерли ему нос.

— Вы лично? Или весь Сэтчем?

— Сэтчем, конечно, но покуда победитель — Сэтчем, то я и есть победитель.

— Как-то странно, — покачала головой Дорс. — На Тренторе все считают, что такие понятия, как «победа», «поражение» и тому подобные не имеют ничего общего с Сэтчемом. Все считают, что Сэтчемом правит одна воля, одна рука, и что эти воля и рука принадлежат мэр. Не поверю, чтобы этим мог бы похвастаться еще кто-то в Сэтчеме, и вы — в том числе.

Рейчел широко улыбнулась, потрепала Рейча по щеке и сказала:

— Ну что же, если вы считаете, что наш мэр — автократ и что Сэтчемом правит одна-единственная рука, тут вы, пожалуй, правы. Но придется употребить личное местоимение, поскольку это моя рука и моя воля.

— Почему ваша? — недоуменно спросил Селдон.

— А почему бы и нет? — пожала плечами Рейчел, посматривая на слуг, занявшихся уборкой стола. — Я — мэр Сэтчема.

85

Первым отреагировал на это заявление Рейч. Совершенно позабыв о той маске цивилизованности, которую до сих пор старался не снимать, он от души расхохотался и проговорил сквозь смех:

— Ой, тетечка, ладно вам врать-то. Теточки мэрами не бывают. Мэрами токо дядечки бывают.

Рейчел с улыбкой посмотрела на него и ответила без запинки:

— Ой, малыш, бывают мэры дядечки, а бывают теточки. Перевари это в своем чайничке, ага?

Рейч выпучил глаза и замер. Наконец ему удалось выдавить из себя:

— Ну вы даете, тетечка. Во шпарите-то!

— А то как же. Шпарю о-го-го как, — с улыбкой подтвердила Рейчел.

Селдон откашлялся и проговорил:

— Однако ловко у вас получается!

Рейчел кивнула.

— Давно не приходилось так разговаривать, но такое не забывается. Был у меня когда-то приятель, делиец... давно, когда я была совсем молоденькая. Нет, конечно, — вздохнув, она покачала головой, — он так не разговаривал, он был образованный человек... но мог, если хотел, и меня научил. Мне ужасно нравилось вот так с ним болтать. Знаете, весь мир вокруг менялся. Да, замечательно было... Но, увы, невозможно. Мой отец был против. Ну, а теперь, откуда ни возьмись, появляется этот плутышка, Рейч, и напоминает мне об этих давно минувших днях. Тот же акцент, те же глаза, такой же смугленький. Ох, еще лет шесть, и он станет грозой для молоденьких девушек. Правда, Рейч?

— Чтоб я знал, — растерянно проговорил Рейч и так же растерянно добавил: — Мэм.

— Станешь, станешь, точно тебе говорю, и будешь ужасно похож на моего приятеля, и лучше бы мне тогда с тобой не встречаться. Ну, обед закончен, и тебе пора к себе, Рейч. Посиди, посмотри головизор, если хочешь. Читать ты вряд ли умеешь.

Рейч залился краской.

— Ничё, выучусь. Господин Селдон так сказал.

— Ну, раз он так сказал, конечно, выучишься.

Тут появилась девушка, встала возле Рейча и вежливо поклонилась Рейчел. А Селдон и не заметил, когда Рейчел успела подозвать ее.

— А чё, мне нельзя побывать тут с господином Селдоном и госпожой Венабили? — спросил

Рейч.

— Увидитесь попозже, — мягко проговорила Рейчел. — У нас будет важный разговор, так что пока нам придется расстаться.

Дорс одними губами проговорила: «Иди», и Рейч, не слишком довольный, слез со стула и поплелся за девушкой.

— Не волнуйтесь за мальчика. С ним все будет в порядке, — пообещала Рейчел, когда Рейч ушел. — Как, кстати, и со мной. Точно так же, как сейчас ко мне подошла эта девушка, прибудет целая дюжина вооруженных мужчин, и даже быстрее, если потребуется. Хочу, чтобы вы это поняли.

— Мы и не думали нападать на вас, Рейчел... или теперь уже «мадам мэр»?

— Рейчел. Просто мне сообщили, что вы — неплохой мастер боевых искусств, Гэри, а вы, Дорс, отлично работаете ножами, которые мы уже забрали, кстати, из вашей комнаты. Так что не тратьте свое мастерство попусту. Гэри мне нужен живым, невооруженным и добрым.

— Но я точно знаю, — вмешалась Дорс, по-прежнему сохраняя не самый дружелюбный тон, — что правителем Сэтчема последние сорок лет был не кто иной, как Манникс Четвертый, что он до сих пор жив и здоров. Кто же тогда вы?

— Та самая, кем представилась, Дорс. Манникс Четвертый — мой отец. Он действительно, как вы выразились, жив и здоров. Император и вся Империя числят его мэром Сэтчема, но он устал от государственных дел и мечтает передать их в мои руки, которые совсем не против эти дела принять. Я его единственное дитя, и всю мою жизнь меня учили тому, как нужно править. По закону и по титулу мэром остается мой отец, но фактически, мэр — я. Кстати говоря, войска Сэтчема уже успели присягнуть на верность мне, а в Сэтчеме это — самое главное.

Селдон кивнул.

— Хорошо, как скажете. Пусть так, Манникс Четвертый или Рейчел Первая — вы, видимо, Первая: ни отцу, ни вам удерживать меня не имеет никакого смысла. Я сказал вам, что не располагаю работающей психоисторией, и не уверен, что она когда-либо достанется вам или кому-то другому. Я так и Императору сказал. Я совершенно бесполезен и для него, и для вас.

— Как вы наивны, — усмехнулась Рейчел. — Вы знакомы с историей Империи?

— С некоторых пор у меня возникло желание, — ответил Селдон, — узнать ее получше.

— Имперскую историю неплохо знаю я, — вставила Дорс, — хотя специализируюсь в основном по доимперским временам, мадам мэр. Но какая разница — знаем мы историю или нет?

— Ну если вы знаете историю, вы должны знать, что Дом Сэтчема древний иуважаемый и ведет род от династии Дацианов.

— Дацианы, — возразила Дорс, — правили пять тысячелетий назад. Число их потомков, живших и умерших с тех незапамятных времен, за сто пятьдесят поколений, так велико, что равняется, пожалуй, половине населения Галактики, если вы пытаетесь оспаривать какие-то генеалогические права на престол.

— Наши генеалогические права, доктор Венабили, — впервые за все время холодно и недружелюбно проговорила Рейчел, — никаким сомнениям не подлежат. и оспаривать их нечего. Они записаны на бумаге. Дом Сэтчема удерживал власть в течение всех этих поколений, и были случаи, когда мы сидели на Имперском троне и правили Империей.

— А в учебниках по истории, — упрямо возразила Дорс, — о правителях Сэтчема чаще всего пишется, что они были антиимператорами, и большая часть Империи их никогда не признавала.

— Все зависит от того, кто написал учебники истории. В недалеком будущем этим будем заниматься мы, поскольку некогда принадлежавший нам престол снова станет нашим.

— Чтобы этого добиться, вам придется развязать гражданскую войну.

— В этом не будет ничего страшного, — сказала Рейчел. Теперь она снова очаровательно улыбалась. — Но я бы не отказалась от помощи доктора Селдона, чтобы предотвратить подобную катастрофу. Мой отец, Манникс Четвертый, всю жизнь был мирным человеком. Он сохранял лояльность ко всем, кто бы ни забирался за эти годы на Имперский трон, и поддерживал экономику Трентора на плечах Сэтчема ради блага всей Империи.

— Не уверена, чтобы Император свято верил, что цели вашего отца именно таковы, — усмехнулась Дорс.

— Я тоже, — спокойно кивнула Рейчел, — поскольку все Императоры, восседавшие на троне во время правления моего отца, были узурпаторами. Узурпатор на узурпаторе. А узурпаторы не могут позволить себе такой роскоши, как доверие к истинным правителям. И все-таки мой отец сохранял мир. Но, конечно, он отдал немало сил созданию и обучению могущественной армии, призванной защищать этот мир, процветание и спокойствие в секторе. А Имперское правительство не противилось этому, потому что Сэтчем им был нужен мирным, довольным, спокойным и лояльным.

— Но лоялен ли он? — спросила Дорс.

— По отношению к законному Императору — конечно, — сказала Рейчел. — И сейчас мы достигли такого уровня, что можем без труда сбросить правительство — буквально одним ударом. И еще до того, как кто-то успеет вымолвить: «гражданская война», на троне уже будет сидеть истинный Император — или, если вам так больше нравится, Императрица. А на Тренторе все будет тихо и мирно, как и было.

Дорс покачала головой.

— Позвольте, я вас немного просвещу? Как историк.

— Я никогда не против послушать, — пожала плечами Рейчел и чуть-чуть склонила голову к Дорс.

— Как бы велика и как бы прекрасно обучена ни была ваша армия, какие бы средства ни были у нее на вооружении, она все равно не справится с объединенными вооруженными силами Империи, расквартированными в двадцати пяти миллионах миров.

— О, доктор Венабили, вот вы сами и задели больное место узурпатора. Двадцать пять миллионов миров — и рассеянные, разбросанные по ним вооруженные силы. Громадные расстояния между формированиями; расхлябанные офицеры, отвыкшие от боевых действий, если к чему и готовы, так разве что только к тому, чтобы выступить за свои собственные интересы, а же никак не за интересы Императора. А наши силы все целиком собраны здесь, на Тренторе. Мы можем начать и кончить наше дело задолго до того, как просиживающие штаны на дальних планетах генералы и адмиралы почешутся и поймут, что они тут зачем-то нужны.

— Но когда поймут, то сюда прибудут силы, которым вы не сможете противостоять.

— Вы в этом уверены? — насмешливо спросила Рейчел. — К этому времени мы уже будем во Дворце. Трентор будет нашим, никто и не пикнет. Зачем же тогда Имперской армии вообще будет шевелиться, когда каждый марионеточный командующий получит в свое распоряжение собственную планету, собственную провинцию?

— Значит, вы именно к этому стремитесь? — удивленно спросил Селдон. — Неужели вы хотите уверить меня в том, что собираетесь править Империей, разорванной на кусочки?

— Вы совершенно правы, — кивнула Рейчел. — Я хочу править Трентором и прилегающими к нему планетными системами, которые составляют часть Тренторианской провинции. Мне гораздо более по нраву стать Императором Трентора, чем Императором Галактики.

— И вас устроит один только Трентор? Неужели? — недоверчиво спросила Дорс.

— Почему бы и нет? — с воодушевлением проговорила Рейчел, склонилась к столу и крепко уперлась ладонями в его крышку. — Именно об этом думал мой отец все сорок лет. Он и живет-то теперь только для того, чтобы своими глазами увидеть это. На что нам сдались миллионы миров, далеких миров, которые для нас ровным счетом ничего не значат, которые тянут из нас силы, оттягивают их на невообразимые расстояния; из-за них только неразбериха, сплошные скандалы, разбираться в которых — попусту тратить время. Наша планета, наш громадный город — вот та Галактика, которой нам хватит за глаза. У нас есть все, чтобы безопасно существовать. А остальная Галактика пускай распадается. Пусть каждый милитарист-марионетка получает свой жирный кусок, И биться за куски не придется. На всех хватит.

— Но они все равно будут биться, — возразила Дорс. — Никто не удовлетворится выделенной ему провинцией. Каждый будет считать, что соседу достался больший или лучший кусок. Каждый не будет чувствовать себя в безопасности и будет, как о единственной ее гарантии, грезить о владычестве над Галактикой. Это ясно, как дважды два, мадам Императрица Пустоты. Начнутся бесконечные войны, в которые втянут и вас, и весь Трентор, и в конце концов все рухнет, останутся одни руины.

– Ну если не смотреть дальше своего носа, можно нарисовать и такую картину, – с явной насмешкой проговорила Рейчел. – Если воспринимать уроки истории буквально.

– Ну а если смотреть дальше? – парировала Дорс. – У кого же еще брать уроки, как не у истории?

– У кого? – усмехнулась Рейчел, – А у него! – воскликнула она, показывая указательным пальцем на Селдона.

– У меня? – удивился Селдон. – Но я уже сказал вам: что психоистория...

– Не повторяйте того, что уже сказали, мой милый доктор Селдон, – оборвала его Рейчел. – Так мы ни до чего не договоримся... Как вы полагаете, доктор Венабили, мой отец никогда не подозревал об опасности затяжной гражданской войны? Неужели вы думаете, что он ни разу не употребил свой могучий ум на то, чтобы задуматься об этом? В последние десять лет он был готов в любой день завоевать Империю. Нужна была только убежденность в безопасности после победы.

– Которой у вас нет, – кивнула Дорс.

– Но которая у нас появилась, как только мы узнали о докладе доктора Селдона на Декадном Конгрессе. Отец мой слишком стар и не сразу понял, в чем дело. Но когда я объяснила ему, как это важно, он согласился со мной, и именно тогда формально передал мне бразды правления. Так и вышло, Гэри, что своим вступлением на пост мэра я обязана вам и вам же надеюсь быть обязанной вступлением на более высокий пост в будущем.

– Я никак не могу объяснить вам, что не в силах... – раздраженно начал Селдон.

– Неважно, что вы можете и чего не можете. Важно то, во что поверят или не поверят люди. Они поверят вам, Гэри, когда вы объявите, что психоисторический прогноз гласит, что Трентор может править сам собой, что провинции должны стать королевствами, которые будут жить в мире и добрососедстве.

– Я такого прогноза делать не собираюсь, – мотнул головой Селдон, – покуда не располагаю досконально разработанной психоисторией. И роль шарлатана играть не намерен. Если вам нужно нечто в таком духе, вот и прогнозируйте, я не против.

– Ну, Гэри, что вы говорите? Мне не поверят. Поверят вам. Вам, великому математику. Почему бы не потрафить народу?

– Представьте себе, – вздохнул Селдон, – о том же самом просил меня Император. Ему я отказал, так неужели вы думаете, что вам не откажу?

Рейчел некоторое время молчала, а когда снова заговорила, в ее голосе зазвучали почти умоляющие нотки.

– Гэри, подумайте, ведь я не Клеон – и это совсем не одно и то же. Клеон, несомненно, требовал от вас пропаганды, направленной на сохранение его положения на престоле. Это бесполезно, поскольку престол ему не сохранить. Разве вы не знаете, что Галактическая Империя переживает упадок, что так больше продолжаться не может? Трентор сам упорно катится по наклонной плоскости, и его тянут за собой, как гиря на шее, двадцать пять миллионов миров. Впереди нас ждет распад и гражданская война, что бы вы ни сделали ради Клеона.

– Что-то подобное я уже слышал, – сказал Селдон. – Может быть, это и правда, но что из этого?

– Ну так помогите же Империи распасться на части *без* всякой войны! Помогите мне захватить Трентор, наладить надежное управление административной единицей. Позвольте мне дать свободу всей Галактике, чтобы каждая планета пошла собственной дорогой, в соответствии со своими обычаями и культурой. И тогда Галактика снова оживет за счет торговли, туризма, культурных связей, и над ней перестанет маячить призрак угрозы разрыва, до которого ее обязательно доведет нынешнее правительство. Амбиции у меня самые скромные: один мир вместо миллионов, мир вместо войны, свобода вместо рабства.

– Но почему Галактика больше поверит мне, чем вам? – спросил Селдон. – Меня никто не знает, и на кого из командиров Флота произведет неизгладимое впечатление слово «психоистория»?

– Сейчас вам не поверят, но я и не прошу вас ни о чем сейчас. Дом Сэтчема ждал тысячи лет, подождет и несколько тысяч дней. Поступайте ко мне на службу, и я сделаю ваше имя

знаменитым. Я пообещаю, что психоистория просияет во всех мирах, а в нужное время, когда я решу, что оно нужное, вы произнесете свое предсказание, и мы нанесем удар. И тогда в Галактике воцарится Новый Порядок, покой и счастье на века. Ну, Гэри, неужели вы мне откажете?

Глава восемнадцатая Ниспровержение

Талус, Эммер – сержант сэтчемских сил безопасности во времена древнего Трентора.

...Помимо вышеупомянутых малозначительных подробностей, об этом человеке практически ничего неизвестно кроме того, что однажды в его руках была судьба всей Галактики.

Галактическая энциклопедия

86

Завтрак на следующее утро был накрыт в холле, примыкавшем к комнатам троих пленников, и оказался поистине роскошным. Огромный выбор вкуснейших блюд и всего вдоволь.

Селдон за обе щеки уплетал острые сосиски, пустив по боку предупреждение Дорс относительно катара желудка и кишечной колики.

Рейч сообщил:

– А мадам мэр, когда заходила ко мне вечером...

– Она к тебе заходила? – удивился Селдон.

– Ага. Сказала, что хочет поглядеть, удобственno ли мне. А еще сказала, что, может, отведет меня в зоопарк.

– В зоопарк? – Селдон взглянул на Дорс. – Какой на Тренторе может быть зоопарк? Собаки с кошками?

– Ну, там могут быть кое-какие местные животные, – предположила Дорс, – не исключено, что есть и привозные, с других планет, или такие, которые обитают везде, в том числе и на Тренторе, только на других планетах их, конечно, побольше. На самом деле, Сэтчемский зоопарк очень знаменит. Это, пожалуй, самый лучший зоопарк на Тренторе после Имперского.

– Добренькая старушка, – заключил Рейч.

– Не такая уж она старушка, – заметила Дорс. – А вот кормят нас, и правда, неплохо.

– Что правда, то правда, – согласился Селдон. Покончив с завтраком, Рейч удалился осматривать апартаменты, а Дорс уединилась с Селдоном.

– Вот уж не знаю, – сказал Селдон недовольно, – надолго ли нас предоставили самим себе. Наверняка она уже продумала, чем нас занять.

– Пока жаловаться, по-моему, не на что, – возразила Дорс. – Тут гораздо приятнее, чем в Микогене и в Дале.

– Дорс, я надеюсь, тебя не очаровала эта женщина? – спросил Селдон.

– Меня? Рейчел? Конечно же, нет. С чего ты взял?

– Ну, ты говоришь, что тут приятно. Кормят хорошо. Вполне естественно расслабиться и принимать подарки судьбы.

– Да, вполне естественно. А почему нужно от них отказываться?

– Послушай, не ты ли мне вечером говорила, что будет, если она победит? Я, конечно, не историк и верю тебе на слово, да и не только верю, а понимаю, что все правильно, даже не будучи историком. Империя распадется, и образовавшиеся островки будут сражаться друг с другом, пока... пока... в общем, неизвестно сколько времени. Рейчел надо остановить.

– Согласна, – кивнула Дорс. – Надо. Но не вижу, каким образом мы можем провернуть это маленько дельце именно сейчас. Гэри, – прищурившись, спросила она, – скажи, ты ведь не

спал этой ночью?

— А ты? — осведомился Селдон, не отрицая того, что не спал сам.

Дорс смотрела на него в упор с нескрываемой тревогой.

— Всю ночь провалялся без сна, думая о разрушении Галактики из-за того, что я сказала?

— Об этом, и кое о чем еще. Нельзя ли связаться с Четтером Челвиком? — спросил Селдон шепотом.

— Я пыталась сделать это еще тогда, когда нам грозил арест в Дале. Сообщение мое он получил, но не появился. Может быть, просто не сумел вырваться, но когда сумеет, явится обязательно.

— А ты не думаешь, что с ним что-нибудь случилось?

— Нет, — спокойно ответила Дорс. — Я так не думаю.

— Откуда такая уверенность?

— Я бы узнала. Узнала бы наверняка. Раз не знаю, значит все в порядке.

Селдон нахмурился.

— А вот я не уверен попросту ни в чем; ну, то есть вовсе. Даже если бы Челвик появился, что бы он мог поделать? Нельзя же в одиночку одолеть всех в Сэтчеме! Раз у них тут, как утверждает Рейчел, самая организованная армия на Тренторе, то что он может предпринять против целой армии?

— Давай не будем об этом. Как ты думаешь, есть надежда убедить Рейчел, каким-то образом вбить ей в голову, что у тебя нет никакой психоистории?

— Рейчел прекрасно знает, что у меня ее нет и не будет еще много лет, если и будет когда-нибудь вообще. Но она объявит во всеуслышание, что психоистория существует, что я владею методом в полной мере, и сделает это достаточно хитро для того, чтобы люди поверили и вели себя потом в соответствии с тем, как им будут преподноситься мои прогнозы, даже если я сам и рта не раскрою.

— Но ведь Рейчел потребуется время. За ночь ей не сотворить из тебя кумира, как, впрочем, и за неделю. По-хорошему на это уйдет никак не меньше года.

Селдон в задумчивости мерил шагами комнату.

— Может, и так. Не знаю. Да, пожалуй, здесь ты права. Рейчел не произвела на меня впечатления женщины, привыкшей терпеть и смиряться. А ее престарелый батюшка, Манникс Четвертый, наверняка еще менее терпелив. Он должен чувствовать приближение собственной кончины, и если стремился к развалу Империи всю свою жизнь, то предпочтет, чтобы все свершилось за неделю до его похорон, а не семью днями после. И потом...

Селдон оборвал себя на полуслове и внимательно оглядел комнату.

— Что — «потом»?

— Мы должны обрести свободу. Понимаешь... Я решил проблему психоистории.

Глаза Дорс удивленно расширились.

— Что?! Ты ее разработал?!

— Ну, не то чтобы в полном смысле разработал. На это уйдут десятилетия, может быть, века. Но теперь я знаю, что нужно для того, чтобы психоистория стала не теоретической, а практической наукой. Знаю как, но для этого мне нужно время, покой и средства. И пока я, быть может, вместе с моими учениками буду этим заниматься, Империя должна существовать. Надеюсь, кто-нибудь придумает, как сохранить ее или хотя бы свести до минимума последствия распада. И не спал я прошлой ночью от мыслей о том, что пора браться за работу, а я не могу.

Утром пятого дня пребывания в Сэтчеме, Дорс помогала Рейчу облачиться в парадный костюм, который вызывал у обоих одинаковое удивление.

Рейч с сомнением глядел на свое отражение в голограмическом зеркале, а отражение,казалось, смотрело на него, копируя каждое движение, но при том не путало левую и правую стороны. Мальчик впервые в жизни смотрелся в голограммическое зеркало, поэтому не смог удержаться — потянулся к изображению, смущенно захихикал, когда рука схватила пустоту, а

рука в зеркале в точности повторила движение, но ее прикосновения он не почувствовал.

Наконец он изрек:

– Потешный у меня видок, однако.

Рейч пощупал тунику, сшитую из тончайшей ткани и подпоясанную узким плетеным ремешком, ее воротник – стоячий, будто накрахмаленный, доходивший до ушей.

– А башка у меня как мяч в чашке.

– Так одеваются богатые дети в Сэтчеме, – объяснила Дорс. – И всякий, кто на тебя посмотрит, будет просто в восторге и обзавидуется.

– Это с прилизанными-то патлами?

– Конечно. А еще ты наденешь вот эту маленькую круглую шапочку.

– Тогда башка уж точно как мяч станет.

– Значит, не позволяй никому ее пинать. А теперь вспомни все, о чем мы говорили. Будь внимателен, и не веди себя, как маленький.

– Но я же и есть маленький, – возразил Рейч, невинно глядя на Дорс.

– В самом деле? – поддразнила та. – А я-то думала, что ты считаешь себя двенадцатилетним взрослым.

Рейч ухмыльнулся.

– Ладно, чего там. Прошипоню, как надо.

– Только, пожалуйста, не зарывайся. Не подслушивай у замочных скважин. Если тебя за этим застанут, ничего хорошего не получится.

– Ну, вы чё, тетечка, за кого меня держите? Чё я, дите малое?

– А не ты ли, плутишка, утверждал это секунду назад? Слушай и запоминай все, что будет твориться вокруг тебя, но так, чтобы никто не видел, а после расскажешь нам. Это очень просто.

– Это вам, госпожа Венабили, просто говорить... – притворно вздохнул Рейч, но тут же хитро усмехнулся и закончил: – А мне такое дело – раз плонуть.

– И будь осторожен.

– Ясное дело, – понимающе подмигнул далиец.

Тут явился лакей (настолько бесцеремонный, насколько только может быть самый наглый из них), дабы сопровождать Рейча туда, где его ожидала Рейчел.

Селдон проводил их озабоченным взглядом.

– Пожалуй, вряд ли парень посмотрит зоопарк, если будет слушать во все уши. Не уверен, что мы правы, подвергая ребенка такой опасности.

– Опасности? Я так не думаю. Рейч вырос в трущобах Биллиботтона, не забывай. Шпион из него получше будет, чем из нас двоих вместе взятых, Гэри. К тому же Рейчел без ума от мальчишки и простит ему любую проделку, бедняжка.

– Ты что же, жалеешь мэршу?

– А ты считаешь ее недостойной сожаления, если она дочка мэра и по праву считает себя мэром, если мечтает разрушить Империю? Может, ты и прав, но все равно в ней есть кое-что, заслуживающее симпатии. Ну, например, у нее была несчастная любовь. Совершенно очевидно, сердце ее было разбито, и она страдала – по крайней мере, какое-то время.

– А у тебя когда-нибудь была несчастная любовь, Дорс? – спросил Селдон.

Дорс ненадолго задумалась и ответила:

– Да нет, не было. Я слишком занята работой, чтобы позволить себе такую роскошь, как разбитое сердце.

– Я так и думал.

– Зачем же тогда спросил?

– Я мог ошибаться.

– Ну, а у тебя?

Селдон немного растерялся.

– Было дело. Какое-то время пришлось пожить с разбитым сердцем. Разлетелось прямо-таки на кусочки.

– Я так и думала.

– Зачем же спрашивать?

– Не потому, что я могла ошибаться, уверяю тебя. Просто хотелось посмотреть, соврешь ты или нет. Ты не соврал, и это меня радует.

Помолчав, Селдон перевел разговор па другую тему.

– Прошло уже целых пять дней, а ничего не случилось.

– Да, ничего. И с нами по-прежнему хорошо обращаются.

– Если бы животные могли думать, то считали бы, что с ними хорошо обращаются, откармливая на убой.

– Согласна. Только Рейчел откармливает на убой Империю.

– Но когда она собирается ее убить?

– Наверное, когда будет к этому готова.

– Мадам хвасталась, что способна провернуть все за день, и у меня сложилось впечатление, что она может это сделать хоть завтра.

– Даже если твоё впечатление верно, Рейчел для начала захотела бы увериться в том, что справится с ответной реакцией Империи, а на это нужно время.

– Много ли его нужно? Она собирается подавить ответную реакцию, используя меня, но пока таких попыток не предпринимает. Ни малейших признаков того, что из меня хотят, как ты выразилась, сотворить кумира. Хожу по улицам, и никто не просит автографа. Толпы сэтчемцев не собираются, дабы превозносить меня. В гиперновостях – ни словечка.

Дорс улыбнулась.

– Похоже, тебя это и впрямь огорчает. Ты наивен, Гэри. И не историк, что, в принципе, одно и то же. Думаю, тебе лучше радоваться тому, что создание психоистории сделает из тебя историка, чем тому, что психоистория спасет Империю. Если бы все люди понимали историю, то не совершали бы непрерывно глупейших ошибок.

– В чем же моя наивность? – обиженно поинтересовался Селдон, вздернув подбородок и сверху вниз глядя на Дорс.

– Не обижайся, Гэри. На самом деле, мне кажется, что это одно из самых симпатичных твоих качеств.

– Ясно. Из-за этого у тебя пробуждается материнский инстинкт, а тебя сюда для того и послали, чтобы нянчиться со мной как с ребенком, И все же в чем ты видишь наивность?

– А в том, что воображаешь, будто Рейчел вознамерилась распространять все население Империи, дабы тебя восприняли, как пророка? Ничего подобного. Квадриллионы людей так просто с места не сдвинешь. Существуют социальная и психологическая инерции, и они столь же распространены, как инерция физическая. И потом, вступив в открытую игру, она тем самым бросит вызов Демерзелю.

– Что же, по-твоему, происходит сейчас?

– Полагаю, что сведения о тебе – всяческого рода восхваления и превозношения – распространяются исключительно в узком кругу и поступают только к тем вице-королям секторов, флотским адмиралам и влиятельным лицам, которых эта интриганка уже склонила или надеется склонить на свою сторону. Сотни таких приспешников, этого будет достаточно для того, чтобы смутить лоялистов на время, которого Рейчел Первой за глазахватит на то, чтобы установить Новый Порядок и удерживать его столько, сколько необходимо для подавления любого сопротивления. Мне, по крайней мере, так видится ход событий по сценарию этой дамы.

– А от Челвика – ни слуху ни духу.

– Не может быть, чтобы он бездействовал. Слишком многое зависит сейчас от того, что здесь происходит.

– А тебе не приходила в голову мысль о том, что он умер?

– Мало вероятно. Будь это в самом деле так, я бы узнала.

– Здесь?

– Даже здесь.

Селдон приподнял брови, но промолчал.

Рейч вернулся с прогулки лишь к вечеру, радостно возбужденный, без умолку описывая обезьян и бакарийских гримуаров. За обедом только его и было слышно.

Впервые за пять дней Рейчел за обедом не присутствовала, однако это никак не сказалось

ни на выборе и вкусе блюд, ни на количестве слуг.

И лишь после обеда, когда все трое удалились к себе, Дорс попросила:

— А теперь, Рейч, скажи-ка, что стряслось с мадам мэршей. Расскажи все, что она говорила или делала, что, как тебе кажется, нам стоит узнать.

Глаза Рейча блеснули.

— Кой-чё было, — сообщил он. — Потому она небось и обедать не пришла.

— И что же было?

— Зоопарк-то закрыт оказался. Токо нас и пустили. А нас была уйма целая — Рейчел, я, куча парней в форме, теток разодетых в пух и прах, и все такое. А потом явился еще один в форме, сначала-то я его не приметил, и что-то шепнул Рейчел, а та развернулась так ко всем прочим и рукой эдак махнула, чтобы они, стало быть, с места не трогались, ну, все и послушались. А эти двое протопали в сторонку, значит, и давай шушукаться. Ну, тут я притворился, значит, что ни фига не понял, и стал разгуливать около клеток, и подобрался так незаметненько поближе к Рейчел, чтобы подслушать, про чё они там.

Рейчел ему: «Как они смеют?» — и злая такая прямо стала, ну ровно сбрендила. А этот парень, значит, в форме который, все вроде здорово психовал. Я, правду сказать, нешибко к нему приглядывался, а притворялся больше, что на зверюшке глазеню. Ну, ушки на макушке, стало быть, слушаю. Парень этот, стало быть, и говорит, что кто-то — имени не упомню, но вроде генерал... ну, этот генерал, значит, вроде бы сказал, будто офицеры пристегнули доверенность Рейчелову стариану...

— Присягнули на верность, — поправила его Дорс.

— Что-то в этом роде, и сильно запсиховали, и не захотели делать, что им тетка велит. А еще, что они хотят старианы, а если тот захворал, стало быть, пускай какого другого дядьку мэром поставит, только не тетку.

— Не тетку? Точно?

— В точности так и сказал. Тихо-тихо. Он так психовал, а Рейчел — та просто взвилась и язык проглотила. Потом очухалась и как зашипит: «Я получу его голову. Они все присягнут мне на верность завтра же, а кто откажется, пожалеет!» Вот так и выдавала все точь-в-точь, а потом всех разогнала по домам, а со мной ни пол слова не обмолвилась. Так и сидела всю дорогу, злющая, точно зверюга.

— Молодчина, — кивнула Дорс. — Только, пожалуйста, не проболтайся об этом, Рейч.

— Заметано, Ну чё, вам только это и было надо?

— Ты отлично поработал, дружок. Сделал больше, чем было надо. А теперь ступай к себе и постараися выкинуть все это из головы.

Как только мальчик ушел, Дорс обернулась к Селдону.

— Очень, очень интересно. Дочери наследуют посты отцов или матерей на всех уровнях власти. Сколько угодно. Существовали правящие Императрицы — ты это наверняка знаешь — и не могу припомнить, чтобы хоть когда-нибудь в имперской истории по этому поводу возникали какие-то разногласия. Просто удивительно, что такой вопрос вдруг возник в Сэтчеме.

— Почему бы и нет? — пожал плечами Селдон. — Не так давно мы побывали в Микогене, где женщин унижают, как хотят, к власти не подпускают и на пушечный выстрел.

— Да, верно, но это — исключение. Есть места, где женщины наоборот доминируют. А в большинстве правительств планет мужчин и женщин поровну. Если на высоких постах и больше мужчин, то только потому, что женщины чисто биологически более склонны заниматься не государственными делами, а воспитанием детей.

— А какая в этом смысле ситуация в Сэтчеме?

— Насколько я знаю, тут равенство полов. Рейчел не постеснялась занять пост мэра, а старик Манникс не задумываясь передал дочери бразды правления. Нет ничего удивительного в том, что Рейчел поразилась и пришла в ярость из-за того, что мужчины отказываются повиноваться. Она ведь и в мыслях не допускала подобного.

— А тебе ход событий явно нравится, — отметил Селдон. — Почему?

— Исключительно потому, что все это так неестественно, так не вписывается в привычные рамки, что поправки вносит не кто иной, как Челвик.

— Ты так думаешь? — недоверчиво спросил Селдон.

– Да, – кивнула Дорс.
– Представь себе, и я тоже.

88

А на десятый день, утром, Селдона разбудил тревожный звонок у двери, и послышался срывающийся голосок Рейча:

– Господин, господин Селдон, война!

Селдон потряс головой, прогоняя сон, вскочил с кровати. Поеживаясь (проклятые сэтчемцы почему-то располагали спальни на холодной стороне, и это его ужасно злило), он распахнул дверь.

Рейч влетел в комнату, выпучив глаза и задыхаясь.

– Мистер Селдон, теперь у них Манникс, старый мэр. Они...

– Кто – «они», Рейч?

– Имперщики. Их самолеты – целая куча – прилетели прошлой ночью. Щас про это передают в гиперновостях. У госпожи в комнате. Она-то велела вас не будить, а я подумал, что надо.

– Ты не ошибся, Рейч, – кивнул Селдон, натягивая халат. На ходу запахнув его, он помчался в комнату Дорс. Та была уже одета и не отрывала глаз от экрана стоявшего в нише головизора.

На экране за маленьким письменным столиком сидел мужчина, на тунике которого красовалась ярко вышитая имперская символика – «Звездолет и Солнце». По обе стороны от него навытяжку стояли двое солдат, помеченных той же эмблемой.

«...Находится под мирным попечением Его Императорского Величества, – офицер закончил фразу. – Мэр Манникс здоров, в безопасности и полностью осуществляет свои обязанности под защитой миротворческих войск Империи. Вскоре он выступит перед вами, дабы успокоить всех жителей Сэтчема и обратиться к сэтчемским воинам с призывом сложить оружие».

Затем последовали сообщения, произносимые дикторами с бесстрастными, поставленными голосами и имперскими повязками на рукавах. Содержание сообщений почти не менялось: «капитулировало такое-то и такое-то подразделение сэтчемских войск», «...после того, как было дано несколько предупредительных выстрелов...», «...без всякого сопротивления», «заняты такой-то и такой-то районы города». Новости то и дело перемежались кадрами, демонстрирующими толпы горожан, покорно взирающие на марширующие по городу войска.

– Потрясающее организованная операция, Гэри, – сообщила Дорс, – Никто не ожидал. Сопротивление было бессмысленно, и все обошлось без жертв.

Тут на экране, как и было обещано, возник мэр Манникс Четвертый. Он стоял во весь рост, и империалов поблизости видно не было, но Селдон нисколько не сомневался, что они не спускают глаз с мэра и стоят по обе стороны от камеры.

Манникс был стар, но былая сила еще сквозила в его взгляде, который он, увы, старательно отводил от камеры. Слова произносил вымученно, словно не по своей воле. Но, опять-таки, как и было обещано, мэр обратился к сэтчемцам с призывом сохранять спокойствие, не оказывать сопротивления, уберечь город от разрушений и выражать лояльность Императору, да продлится его царствование.

– А о Рейчел ни слова, – отметил Селдон. – Как будто его дочери не существует.

– О ней словно вообще забыли, – добавила Дорс. – Однако из этого вовсе не следует, что мэрша уже арестована. На ее резиденцию, которой собственно и является это здание, никто не покушался, а значит, возможно, Рейчел успела сбежать и спрятаться в каком-нибудь приграничном секторе. Хотя я почти уверена в том, что вскоре на Тренторе для нее не останется безопасных мест.

– Возможно, – произнес голос той, о которой шла речь, – но здесь я хотя бы ненадолго в безопасности.

Вошла Рейчел, аккуратно одетая и внешне совершенно спокойная. Даже улыбалась,

правда, не слишком весело.

Все трое замерли, уставившись на вошедшую, и Селдон подумал, здесь ли все ее многочисленные слуги, или сбежали, покинув хозяйку.

Дорс чуть натянуто произнесла:

— Я вижу, мадам мэр, что ваши мечты о захвате власти не сбылись. Вас, вероятно, опередили.

— Меня не опередили. Меня предали. Моих офицеров распропагандировали, и вопреки всякому здравому смыслу они отказались служить женщине, признавая лишь своего старого повелителя. А потом эти подлые предатели дали схватить своего любимого старого господина, и он не смог возглавить сопротивление.

Она поисками глазами стул и села.

— И вот теперь Империя должна продолжать распадаться и погибать, тогда, когда я была готова предложить ей новую жизнь.

— Я полагаю, — заметила Дорс, — что Империя избежала долгой и ненужной борьбы и разрушения. Смиритесь с этим, мадам мэр.

Казалось, Рейчел не рассыпалась.

— Столько лет готовиться, — проговорила она с горечью, — и потерять все за одну ночь.

Рейчел сникла, убитая горем, постаревшая лет на двадцать сразу.

— Вряд ли за одну ночь, — возразила историк. — Наверняка ваших офицеров обработали заранее.

— Это наверняка дело рук Демерзеля! Я его недооценила. Угрозы, подкуп, обман — как бы то ни было, своего он добился. Демерзель большой мастер на предательство и воровство — а я просчиталась.

Немного помолчав, она продолжала:

— Располагай этот негодяй только своими собственными силами, я без труда одолела бы всех, кого бы он ни послал сюда. Но кто бы мог подумать, что в Сэтчеме есть предатели, что присягу на верность можно так легко нарушить.

— Но мне помнится, — спокойно возразил Селдон, — что присягу на верность войска приносили все-таки не вам, а вашему отцу?

— Чепуха! — яростно воскликнула Рейчел. — Когда отец передавал мне пост мэра, на что имел полное и законное право, ко мне в подчинение автоматически перешли все, кто когда-либо присягал ему на верность. Самый тривиальный прецедент. Да, обычно новому правителью приносят присягу, но это всего-навсего традиция, а не пункт закона, что моим офицерам прекрасно известно, и однако они предпочли все забыть. Ради оправдания своего предательства они заявили, что не желают служить под началом женщины, но истина в том, что эти подлые трусы либо поджали хвосты в ожидании имперского отмщения, которое никогда бы не пришло, будь они честнее, либо пустили слюни от предвкушения имперских наград, которых им не видать, как своих ушей, или я не знаю Демерзеля.

Она резко обернулась к Селдону.

— Вам ясны его цели, не правда ли? Демерзель только из-за вас напал на меня.

— При чем тут я? — вздрогнул Селдон.

— Не прикидывайтесь дурачком. Вы ему нужны затем же, зачем пригодились бы мне — чтобы использовать, как инструмент. Но, к счастью, — добавила Рейчел, вздохнув, — не все меня предали. Есть еще верные солдаты. Сержант!

Вошел сержант Талус — легко, почти бесшумно. Его походка никак не вязалась с внушительными габаритами. Форма — с иголочки, усы — еще более кокетливо подкрашены, чем в прошлый раз.

— Мадам мэр, — прищелкнув каблуками, проговорил он.

На вид сержант по-прежнему напоминал говяжью тушу и полностью соответствовал определению Селдона — солдафон, слепо, несмотря ни на что, исполняющий приказы.

Рейчел печально улыбнулась мальчику.

— Ну, как ты, малыш Рейч? А мне хотелось сделать из тебя человека. Теперь уже вряд ли получится.

— Здрассьте, мэм... мадам, — неуклюже пробормотал Рейч.

— И для вас я тоже кое о чем мечтала, доктор Селдон, — добавила та, — но, увы, уж вы меня простите, не судьба.

— Меня, мадам, не жалейте, не стоит.

— Жалею, Гэри, жалею. Я не могу позволить Демерзелю заполучить вас. Такой победы он недостоин, и уж этому я могу помешать.

— Я не стал бы на него работать, мадам, поверьте, так же как не стал бы работать на вас.

— Работа здесь ни при чем. Я говорю об использовании. Прощайте, доктор Селдон... Сержант, пристрелите его.

Сержант послушно выхватил бластер, а Дорс с громким криком бросилась к нему, но Селдон успел удержать девушку, схватив за локоть.

— Не надо, Дорс! — прокричал он. — Иначе он пристрелит тебя. Меня он не убьет. А ты, Рейч, назад! Не двигайся!

Селдон в упор посмотрел на сержанта.

— Вы растерялись, сержант, потому что знаете, что выстрелить не сможете. Десять дней назад я мог убить вас, но не сделал этого. Вы пообещали тогда, что будете мне защитой.

— Чего ты ждешь? — прошипела Рейчел. — Я сказала — пристрелить его, сержант!

Селдон молча стояли смотрел на Талуса. Тот, выпучив глаза, вцепился в рукоятку бластера, наставленного на голову Селдона.

— У тебя есть приказ! — рявкнула Рейчел.

— А у меня — ваше честное слово, — спокойно проговорил Селдон.

— А, все равно пропадать! — прохрипел сержант Талус, опустил руку, и бластер звякнул о пол.

— Предатель! — в отчаянии взвизгнула мэрша, и прежде чем Селдон успел пошевелиться, прежде чем Дорс успела вырваться из его крепко державшей руки, Рейчел завладела оружием, прицелилась в сержанта и выстрелила.

До сих пор Селдон ни разу не видел, чтобы в кого-то стреляли из бластера. Он судил по названию и ожидал, что прогремит оглушительный выстрел, польется кровь и тело разлетится на куски. Сэтчемский бластер оказался оружием совсем другого сорта. Что произошло внутри грудной клетки Талуса, осталось неясно, но сержант, не изменившись в лице, беззвучно скрючился и повалился на пол. Он был мертв, в этом не могло быть никаких сомнений.

В следующее мгновение Рейчел развернулась и направила бластер на Селдона. Еще миг, и он отправится на тот свет вслед за сержантом...

Но в ту секунду, как сержант упал замертво, Рейч одним прыжком оказался между Рейчел и Селдоном, замахал руками и отчаянно завопил:

— Госпожа, госпожа! Не стреляйте, госпожа!

Рейчел растерялась.

— Уйди, Рейч, прошу тебя! Я не хочу твоей смерти! Этого мгновения растерянности было достаточно для того, чтобы Дорс, вырвавшись из рук Селдона, пригнулась и прыгнула на Рейчел. Та с криком упала на пол, а бластер еще раз оказался там же, лишь для того, чтобы быть подхваченным Рейчел.

Срывающимся от ужаса голосом Селдон попросил:

— Рейч... отдай!

Мальчик затряс головой и попятился.

— Господин Селдон, вы не станете ее убивать, не станете же? Она добрая!

— Я никого не стану убивать, Рейч, — пообещал Селдон. — Эта женщина убила сержанта и убила бы меня, но она удержалась от выстрела, боясь поранить тебя. Поэтому я дарю ей жизнь.

Селдон уселся на стул, крепко сжав в руке бластер, а Дорс вытащила из второй кобуры на поясе погибшего сержанта игольчатый пистолет.

В это мгновение раздался знакомый голос:

— Теперь за ней присмотрю я, Селдон.

Селдон, потрясенный до глубины души, поднял голову и в порыве безотчетной радости воскликнул:

— Челвик! Наконец-то!

— Прошу прощения, что задержался, Селдон. У меня была уйма дел. Как жизнь, доктор

Венабили? Я так понимаю, это дочь Манникса, Рейчел, А кто этот мальчик?

– Рейч, наш юный далийский друг.

Следом за Челвиком в комнату вошли солдаты и, повинувшись едва заметному жесту, подняли с пола Рейчел.

Дорс, получившая возможность отвлечься от Рейчел, отряхнулась и поправила блузку, А Селдон только теперь осознал, что до сих пор в халате.

Рейчел же, в бешенстве сбросив с себя крепкие руки солдат, показала на Челвика, прищурилась и спросила у Селдона:

– Кто это такой?

– Это Четтер Челвик, – ответил Селдон, – мой друг и защитник на этой планете.

– Защитник? – безумно, громко расхохоталась мэрша. – Дурак! Идиот! Этот человек – Демерзель, и если вы посмотрите сейчас на свою подругу Венабили, то поймете, что ей это прекрасно известно! Вы уже давно в ловушке, в капкане – таком крепком, что тот, в который поймала вас я, не идет с ним ни в какое сравнение.

89

Челвик и Селдон на следующий день завтракали в одиночестве и почти все время молчали.

Только уже ближе к концу Селдон внезапно оживился и спросил весело:

– Итак, сэр, как теперь мне вас называть? Я, правда, до сих пор считаю вас Четтером Челвиком, и даже если поверю в подобное двуединство, все равно не смогу привыкнуть к имени Эдо Демерзеля. В этой роли у вас наверняка есть какой-то титул, но какой? Просветите, будьте так добры.

– Зови меня Челвиком, если не возражаешь. Или Четтером. Да, я – Эдо Демерзель, но для тебя – Челвик. По правде говоря, между нами нет большой разницы. Я говорил тебе, что Империя распадается и погибает, и так думают обе мои половины. Я говорил также, что психоистория мне нужна для того, чтобы сохранить ее, а если все же упадок и гибель неизбежны, то найти пути для возрождения и укрепления. И в это тоже верят оба моих «я».

– Но я был у вас в руках – думаю, вы были где-нибудь поблизости, когда я встречался с Его Императорским Величеством.

– С Клеоном. Да, конечно.

– И вы могли бы тогда поговорить со мной лично, точно так же, как позже сделали это в обличье Челвика.

– И чего бы добился? У меня, Демерзеля, куча дел. Мне нужно руководить Клеоном, благонамеренным, но не слишком умным правителем, и не давать ему, по возможности, совершать ошибок. Я должен играть свою роль в управлении Трентором и всей Империей. Сам видишь, каких трудов стоило помешать Сэтчemu натворить бед.

– Да, вижу, – пробормотал Селдон.

– Это было нелегко, и акция чуть было не сорвалась. Много лет я внимательно и осторожно манипулировал Манниксом, научился просчитывать ход его мыслей, разрабатывал контрудары, предназначенные для отражения его выпадов. Но мне и в голову не могло прийти, что он додумается при жизни передать бразды правления дочери. Последнюю я почти не знал и оказался совершенно не готов к ее бесшабашности. В отличие от отца, эта дама привыкла принимать власть как некую данность, не поняв, что и власть имеет свои пределы. Поэтому она и захватила тебя, а меня вынудила вступить в игру прежде, чем я был к ней подготовлен.

– В результате... ты чуть было не потерял меня. Я дважды смотрел в дуло бластера.

– Знаю, – кивнул Челвик. – Мы могли бы лишиться тебя и на поверхности – там произошел еще один непредвиденный случай.

– Но ты так и не ответил на мой вопрос. Стоило ли гонять меня по всему Трентору, пряча от Демерзеля, когда ты сам и есть Демерзель?

– Ты сказал Клеону, что психоистория – чисто теоретическая наука, разновидность математической игры, в которой нет никакого практического смысла. Может быть, так оно и было, но, обратясь я к тебе официально, ты бы наверняка остался при своем мнении. Идея

захватила меня, Я подумал, что она может, в конце концов, оказаться больше чем просто игра. Пойми, я не просто хотел использовать тебя, мне нужна была настоящая, практическая психоистория.

Для того-то и гонял я тебя, как ты выразился, по всему Трентору, всюду в образе Демерзеля наступая тебе на пятки. Мне казалось, что это должно послужить для тебя мощнейшим стимулом. Психоистория должна была превратиться в нечто увлекательное, большее, чем математическая игра. Ты бы постарался разработать свою науку для искреннего идеалиста Челвика, но палец о палец не ударил бы ради имперского лакея Демерзеля. И потом, во время скитаний у тебя была возможность посмотреть своими глазами на жизнь в различных частях Трентора. Что само по себе гораздо ценнее, чем жизнь в башне из слоновой кости на дальней планете в окружении сплошных математиков. Я не ошибся? Разве ты не продвинулся вперед?

— В психоистории? Продвинулся, Челвик. Я думал, ты знаешь.

— Откуда?

— От Дорс.

— Но ты ничего не сказал мне. Хорошо хоть теперь обмолвился. Хорошие новости.

— Не совсем, — уточнил Селдон. — Можно сказать, я едва подступил. Но начало положено.

— Нельзя ли это начало как-то объяснить нематематику?

— Думаю, да. Понимаешь, Челвик, поначалу я думал, что психоистория как наука должна базироваться на сведениях о взаимосвязях между двадцатью пятью миллионами миров, в каждом из которых, в среднем, живет по четыре миллиона человек. Но этого слишком много. С такой массой информации ни за что не управиться. Если мне и суждено было добиться какого-то результата, если существовал какой-то метод разработки практической версии психоистории, то для этого была более простая модель.

Тогда я решил, что нужно совершить путешествие назад во времени и начать отсчет от единственного мира, населенного людьми в туманную эпоху до начала заселения Галактики. В Микогене таким миром называют Аврору, в Дале — Землю. Сперва мне показалось, что скорее всего речь идет об одной и той же планете, называемой разными именами. Но в одном ключевом моменте между этими мирами отмечалось существенное расхождение, и я понял, что Аврора и Земля — не одно и то же. Но дело не в этом. И о той, и о другой нам известно до крайности мало, а то, что известно, до такой степени обросло мифами и легендами, что положить начало психоистории на основе летописей этих планет — задача поистине безнадежная.

Селдон умолк, отхлебнул холодного сока, не спуская глаз с лица Челвика.

— Ну? — поторопил его Челвик. — И что потом?

— Однажды Дорс рассказала мне историю о руке, лежащей на бедре. Ничего, казалось бы, особенного — совершенно тривиальная, забавная история. Но Дорс сделала вывод о том, что моральные нормы в различных мирах и в различных секторах Трентора различны. И мне показалось, что она говорит о тренторианских секторах, как о совершенно разных мирах. Тогда я подумал: «Ну вот, было у меня двадцать миллионов миров, а стало двадцать пять миллионов восемьсот». Различие было невелико, так что я позабыл об этом и больше не вспоминал. Но, путешествуя из сектора в сектор, переезжая из Имперского Сектора в Стрилинг, из Стрилинга в Микоген, оттуда — в Даль, а из Даля — в Сэтчем, я сам убедился, насколько они различны. Тогда я подумал, что Трентор — не единая планета, а комплекс разных миров, но главного я все еще не понимал.

И только речи Рейчел — видишь, даже хорошо, что в конце концов меня захватил Сэтчем, хорошо, что бесшабашность Рейчел довела ее до таких грандиозных планов — так вот, когда я послушал Рейчел, которая утверждала, что важен лишь Трентор да еще кое-какие близлежащие планеты. «Трентор — сам по себе Империя», — сказала она, а про остальные миры заметила, что они не имеют значения.

В то самое мгновение мне стало понятно то, что, видимо, уже давно зрело в мозгу. С одной стороны, на Тренторе — необычайно сложная социальная система. Он представляет собой конгломерат восьмиста более маленьких миров. А это — достаточно сложная система для того,

чтобы на основании сведений о ней разработать психоисторию, которая при этом намного проще целой Империи, а значит, здесь легче опровергнуть психоисторию практически.

Что касается остальных двадцати пяти миллионов планет, то они-таки действительно не имеют значения. Да, конечно, они оказывали и оказывают определенное влияние на Трентор, а Трентор – на них, но это все – явления второго порядка. Если бы я смог заставить психоисторию заработать в первом приближении, на Тренторе, то затем можно было бы ввести модификации, обозначающие второстепенное влияние остальных миров. Понимаешь, о чем я говорю? Я искал один-единственный мир, одну планету, чтобы начать от нее отсчет ради внедрения психоистории в практику, в далеком прошлом, и все это время единственный мир находился у меня под ногами.

– Прекрасно! – облегченно и довольно воскликнул Челвик.

– Да, но все еще впереди, Челвик. Я должен досконально изучить Трентор, провести математическую проработку полученных данных. Может быть, если удача не отвернется, я успею получить ответы, пока жив. Если нет, это сделают мои преемники. И не исключено, что Империя может погибнуть и распасться на части до того, как психоисторией можно будет воспользоваться практически.

– Я сделаю все, чтобы помочь тебе.

– Знаю, – кивнул Селдон.

– Значит, ты доверяешь мне, несмотря на то что я – Демерзель?

– Абсолютно доверяю. Беспринципно. Но потому, что ты – не Демерзель.

– Но я – это он, – возразил Челвик.

– Нет. Ты такой же Демерзель, как и Челвик.

– О чём ты? – широко раскрыл глаза Челвик и откинулся на спинку стула.

– О том, что имя «Челвик» ты выбрал по совершенно определенной причине. «Челвик» – немного измененное слово «человек», верно?

Челвик молчал, пристально глядя на Селдона. Наконец Селдон проговорил:

– Потому что ты не человек, верно, Челвик-Демерзель? Ты – робот.

Глава девятнадцатая Дорс

Селдон, Гэри – Традиционно имя Гэри Селдона упоминается только в связи с психоисторией, его считают воплощением математики и социальных перемен. Несомненно, в большой степени в этом повинен он сам, поскольку в своих официальных трудах ни единым словом не упоминает о том, как ему удалось решить различные вопросы психоистории. Судя по тому, что он пишет, можно вообразить, что многие решения пришли к нему, образно говоря, из воздуха. Он не рассказывает ни о тех тупиках, в которые заходил, ни о том, куда и почему свернул по ошибке.

...Что касается его личной жизни, то она представляет собой белое пятно. О его родителях, братьях и сестрах известно крайне мало. Его единственный сын, Рейч, был приемным ребенком, по как произошло его усыновление, неизвестно. Относительно супруги Селдона известно лишь то, что она существовала. Совершенно очевидно, что во всем за пределами психоистории Селдон стремился к неизвестности. Словно хотел дать понять остальным, или хотел, чтобы так поняли, что он не живет, а психоисторифицируется.

Галактическая энциклопедия

Челвик не дрогнул, не изменился в лице и продолжал смотреть на Селдона, а Селдон ждал. Он решил, что теперь очередь Челвика говорить.

Челвик заговорил, но всего-навсего переспросил:

– Робот? Я? ...Под роботом, как я понимаю, ты имеешь в виду искусственное существо, вроде того, что ты видел в микогенском Святилище?

– Не совсем такое, – возразил Селдон.

– Не металлическое? Не собранное? Не безжизненную копию? – равнодушно уточнил Челвик.

– Нет. Ничего такого. Быть носителем искусственной жизни не обязательно означает быть сделанным из металла. Я говорю о роботе, внешне неотличимом от человека.

– Неотличимом? Понятно. Но если так, Гэри, как ты можешь отличить робота от человека?

– Я сужу не по внешности.

– Объясни.

– Челвик, во время моего бегства от тебя – Демерзеля, я слышал о двух древних мирах, я уже говорил тебе – о Земле и об Авроре. Об обеих планетах говорили, как о первоначальных, как о единственных. В обоих случаях упоминались роботы, но по-разному. – Селдон не спускал глаз с человека, сидевшего напротив него, ожидая, что тот подаст хоть какой-нибудь знак того, что он меньше чем человек, или больше. – Когда речь шла об Авроре, один робот упоминался как «ренегат», предатель, изменивший делу. А когда речь шла о Земле, один из роботов описывался, как герой, спаситель. Разве не резонно было предположить, что это – один и тот же робот?

– Резонно? – пробормотал Челвик.

– Вот о чем я подумал, Челвик. Я решил, что Земля и Аврора были двумя отдельными планетами, существовавшими в одно и то же время. Не знаю, какая из них старше. Микогенцы так надменны, так гордятся своим превосходством, что можно было счастье, что Аврора старше, поэтому они ненавидят землян, которые либо отняли ее у них, либо изменили им. Но с другой стороны, матушка Ритта, которая рассказывала мне о Земле, была убеждена в том, что прародина человечества – Земля, и тогда становилась понятной изоляция крошечного микогенского поселения в огромной Галактике, где живут квадриллионы людей, не придерживающихся странных микогенских обычаяев. Тогда выходило, что прародиной людей действительно является Земля, а Аврора – уродливое ее производное. Я не могу утверждать наверняка, но передаю тебе ход своих мыслей, чтобы ты понял, откуда у меня взялся такой вывод.

Челвик кивнул.

– Понятно. Продолжай.

– Эти планеты враждовали. Матушка Ритта говорила именно так. Когда я сравнивал микогенцев, которые превозносят Аврору, и далийцев, которые превозносят Землю, я решил, что Аврора, неважно, старше она или младше Земли, была тем не менее более развитой планетой, такой, на которой могли производиться более совершенные роботы, даже такие, которые внешне были неотличимы от людей. Такой робот был создан, следовательно, на Авроре. Но он стал изменником и покинул Аврору. Для землян он стал героем, значит, наверное, прибыл на Землю. Почему он сделал это, какие у него были на то причины, я не знаю.

Челвик попытался уточнить:

– Ты говоришь о нем, как о живом существе?

– Ты сидишь напротив меня, – ответил Селдон, – и я не могу назвать этого робота «оно». Матушка Ритта убеждена, что героический робот, ее героический робот, существует до сих пор и что он вернется, когда будет нужен. И мне показалось, что в идеи существования бессмертного робота нет ничего невероятного. Менять почаще выходящие из строя детали, и ты бессмертен.

– Что, даже мозг? – спросил Челвик.

– Даже мозг. На самом деле я ничего не знаю о роботах, но думаю, что новый мозг может быть... ну, скажем, переписан со старого. ...А матушка Ритта намекнула, что у него были необыкновенные умственные способности, поистине могущественные, и я решил: это возможно. Может быть, я, конечно, и романтик, но не настолько, чтобы согласиться с тем, что робот, переметнувшись с одного фронта на другой, мог бы в одиночку изменить течение

истории. Он не мог обеспечить победу Земли и поражение Авроры, если бы в нем не было чего-то странного, особенного.

— А тебе не кажется, Гэри, что ты делаешь свои выводы на основании легенд, которые перевирались и приукрашивались на протяжении столетий и тысячелетий так, что даже самые тривиальные, рядовые события в них выглядят сверхъестественными? Неужели ты сумел поверить в робота, который не только выглядит как человек, но и бессмертен и обладает колossalным ментальным могуществом? Не стал ли ты верить в сверхъестественное?

— Я отлично знаю, что представляют собой легенды, и я не из тех, кого можно ими одурачить и заставить поверить в сказки. И все-таки, в тех случаях, когда за легендами стоят определенные странные события, которые я видел и пережил лично...

— Например?

— Челвик, мы познакомились, и я сразу доверился тебе. Да, ты помог мне разделаться с двумя нахалами, хотя я тебя не просил, и тем самым вызвал у меня симпатию к себе. Я, конечно, тогда и догадаться не мог, что они — твои наемники и делают, что им приказано. Ну, ладно, я не в обиде.

— Да? — переспросил с улыбкой Челвик.

— Я доверился тебе. Я тебе поверил. Ты легко уговорил меня не улетать домой, на Геликон, и отправил странствовать по Трентору. Я верил каждому твоему слову, отдал себя в твои руки. Вспоминая все это, я понимаю, что я был как бы и не я. Меня не так просто обмануть, и все-таки это произошло. Больше того: тогда я ничего необычного в своем поведении не находил.

— Тебе лучше знать себя, Гэри.

— Дело не только во мне. Как могла Дорс Венабили, красивая женщина, у которой свои дела, своя карьера, бросить все это и последовать со мной? Как могло случиться, что она все время рисковала жизнью ради меня, взяв на себя, словно некое священное дело, мою защиту, и целиком отдалась этому? Неужели только из-за того, что ты ее об этом попросил?

— Да, я попросил ее об этом, Гэри.

— И тем не менее она не кажется мне человеком, способным радикально изменить всю свою жизнь только из-за того, что кто-то ее об этом попросил. Не могу я поверить и в то, что она безумно влюбилась в меня с первого взгляда и ничего не смогла с собой поделать. Я, честно говоря, был бы совсем не против того, чтобы это произошло, но она владеет своими чувствами, владеет больше — должен тебе в этом честно признаться, — чем я.

— Она — замечательная женщина, — улыбнулся Челвик. — И я тебя понимаю.

Селдон продолжал:

— Как могло случиться, что Протуберанец, это надменное чудовище, ведущий за собой толпу таких же напыщенных тупиц, дал согласие впустить в Микоген варваров — меня и Дорс, и обращаться с нами на самом высочайшем, по их понятиям, уровне? И когда мы нарушили все законы, совершили святотатственное преступление, как же тебе удалось уговорить его отпустить нас? Как тебе удалось уговорить Тисальверов, насквозь пропитанных предрассудками, сдать нам комнаты? Как тебе удается везде чувствовать себя в своей тарелке, везде иметь друзей, оказывать влияние на каждого человека, независимо от его странностей? Кстати, как тебе удается вертеть самим Клеоном? Ну хорошо, он мягко-характерный, доверчивый человек, но как ты тогда управлялся с его папашей — грубым и бесчеловечным тираном? Как это все тебе удается?

А самое главное, как вышло, что Манникс Четвертый всю свою жизнь посвятил созданию армии без страха и упрека, вышколенной, профессиональной, и вдруг она вся летит к чертям собачьим, стоило только его дочке попробовать поставить ее себе на службу? Как ты всех поголовно превратил в предателей, таких же, каким когда-то стал сам?

Челвик ответил:

— Но разве это не может означать, всего-навсего, что я просто тактичный человек, имеющий опыт общения с самыми разными людьми, что я нужным людям оказывал и в будущем буду оказывать внимание? Ни для чего из того, что я сделал, на мой взгляд, не нужны какие-то сверхъестественные силы и способности.

— Ни для чего? Даже для нейтрализации сэтчемской армии?

– Они не захотели служить женщине.

– Они не первый год знали, что в один прекрасный день Манникс Четвертый либо сложит с себя полномочия мэра, либо попросту умрет, и тогда власть автоматически перейдет в руки его дочери, и никакого недовольства по этому поводу не выказывали. Не выказывали, пока ты не решил, что пора бы им его выказать. Дорс как-то сказала, что ты – настойчивый человек. Так и есть. Гораздо более настойчивый, чем любой человек. Но не более настойчивый, чем бессмысленный робот, обладающий непонятной ментальной силой. Ну, Челвик?

– Чего ты от меня ждешь, Гэри? – пожал плечами Челвик. – Ждешь, что я признаю, будто я – робот? Что я только похож на человека? Что я бессмертен? Что я – властелин умов?

Селдон перегнулся к Челвiku через стол.

– Да, Челвик, жду. Я жду, что ты скажешь мне правду, что все вопросы, которые ты сейчас задал, не более чем риторические. Ты, Челвик, тот самый робот, о котором говорила матушка Ритта, которого она называла Дэ-ни, друг Бэй-ли. Ты должен сказать правду. У тебя нет выбора.

91

Казалось, они сидели в своей собственной маленькой вселенной. Посередине Сэтчема, где имперские вояки разоружали сэтчемскую армию, они сидели тихо и спокойно. Здесь, в самой гуще событий, за которыми следил весь Трентор, а может быть, и вся Галактика, словно в маленьком шарике, отделенном от остального мира, сидели Селдон и Челвик и играли в игру, состоящую из нападений и защит. Селдон ухватился за новую реальность и не желал с ней расставаться, а Челвик никоим образом не принимал эту новую реальность.

Селдон не боялся, что их беседа будет прервана. Он был уверен, что у того невидимого шарика, внутри какового они находятся, есть непробиваемая оболочка, за которую никто не сумеет проникнуть, что сил Челвика – нет, сил *робота* – хватит для того, чтобы никто не сунулся сюда; пока игра не окончится.

– Ты – гениальный парень, Гэри, – сказал наконец Челвик. – Но только я никак не могу понять, почему я обязан признать, будто я робот, и почему у меня нет выбора. Согласен, во всем, что касается поведения, ты можешь быть прав – твоего собственного поведения, поведения Дорс, Протуберанца, Тисальверов, сэтчемских генералов. Да, все, все могло быть именно так, как ты говоришь, но это вовсе не означает, что твоя *интерпретация* происшедшего верна. Несомненно, у всего случившегося может быть естественное объяснение. Ты доверял мне потому, что поверил моим словам. Дорс решила, что твоя безопасность исключительно важна патоку, что, будучи сама историком, поверила в нужность психоистории. Протуберанец и Тисальвер связаны со мной обязательствами, о которых ты просто ничего не знаешь. Сэтчемские генералы отказались служить правителью-женщине, вот и все. Зачем забираться в дебри сверхъестественного?

– Послушай, Челвик, – сказал Селдон, – ты действительно веришь в то, что Империя погибает, что ее нельзя бросить на произвол судьбы, нельзя не протянуть ей руку помощи?

– Да, действительно, – ответил Челвик, и почему-то Селдон понял, что он ответил искренне.

– И ты действительно хочешь, чтобы я досконально разработал психоисторию? Сам не можешь этого сделать?

– У меня нет таких способностей.

– И тебе кажется, что только я справлюсь с этой задачей – даже если я порой в этом сильно сомневаюсь?

– Да.

– Значит, ты должен понимать, что если можешь мне хоть чем-то помочь, ты должен это сделать.

– Понимаю.

– И никаких личных чувств, устремлений и тому подобного?

Легкая усмешка пробежала по печальному лицу Челвика, и на краткое мгновение Селдону открылась глубочайшая усталость, прячущаяся за обычным спокойствием Челвика.

— Я давно научился обходиться без чувств и устремлений. Порукой тому — моя долгая успешная карьера.

— Тогда я прошу тебя о помощи. Я смогу разработать психоисторию, основываясь на сведениях только о Тренторе, но у меня определенно возникнут трудности. Я с ними, конечно, справлюсь, но мне было бы гораздо легче, если бы я знал кое-какие важнейшие факты. Например, какая из планет была прародиной человечества — Аврора или Земля, или совсем другая планета? Существовали ли какие-то связи между Землей и Авророй? С какой из них началось колонизирование Галактики? Или оно началось с обеих планет? Если только с одной, то почему не с другой? Если с обеих, то каким образом? Существуют ли миры, заселенные выходцами с обеих планет или только с каждой из них? Почему люди поссорились с роботами? Почему столицей Империи стал Трентор, а не какая-нибудь другая планета? Что случилось с Авророй и Землей? Я бы мог задать сейчас тысячу вопросов, и сто тысяч еще возникнет потом. Разве ты оставишь меня без помощи, в неведении, Челвик, когда мог бы помочь и рассказать о многом?

— Если бы я был роботом, — усмехался Челвик, — разве в моей памяти уместилась бы двадцатысячелетняя история миллионов различных миров?

— Я не знаю, каковы способности мозга робота. Я не знаю, каковы способности твоего мозга. Но если таких способностей у тебя нет, значит, ты располагаешь такой информацией, такими данными, которые в твоем мозгу не помещаются и хранятся где-то там, откуда ты их можешь запросить. Если они у тебя есть, эти сведения, которые мне так нужны, разве ты можешь скрывать их от меня? А если нет, как ты можешь отрицать, что ты робот, тот самый робот-предатель? — Селдон откинулся назад и перевел дыхание. — И я снова спрашиваю тебя: ты — тот самый робот? Если тебе нужна психоистория, придется признаться. Продолжая утверждать, что ты не робот, убедив меня в том, что это не так, ты существенно уменьшишь мои шансы. Так что все зависит от тебя. Ты робот? Ты — Дэ-ни?

И Челвик, по обыкновению бесстрастно, ответил:

— Твои доводы неотразимы. Я — Р. Дэниел Оливо. «Р» означает «робот».

92

Р. Дэниел Оливо продолжал говорить спокойно, но Селдону показалось, что голос его едва заметно изменился, словно теперь, когда не нужно было больше скрывать, кто он такой, ему стало легче.

— За двадцать тысяч лет, — признался Дэниел, — никто не догадывался, что я робот, если только у меня не было желания и причины кому-то об этом рассказать. Частично это было связано с тем, что люди давно забыли о роботах, забыли о самом их существовании. А частично — с тем, что я действительно обладаю способностью выявлять людские эмоции и управлять ими. Выявлять эмоции — дело нехитрое, но вот манипулировать ими мне трудно по причинам, связанным с самой природой робота. Но когда необходимо, я могу это делать. Могу, но стараюсь прибегать к этому в самом крайнем случае. И даже тогда, когда я этим занимаюсь, я всего-навсего усиливаю, подстегиваю, по возможности, минимально, те чувства, те эмоции, которые уже и так есть. Если бы я мог достигать своих целей, не прибегая к этой своей способности, я бы к ней и не прибегал.

Обрабатывать Протуберанца для того, чтобы он принял вас в Микогене... кстати, обрати внимание, я называю эту деятельность «обработкой», потому что это не слишком приятное для меня занятие... так вот, Протуберанца обрабатывать не пришлось, потому что он мне кое-чем обязан. А он — честный, верный данному слову человек, несмотря на все свои странности. Вмешаться в его сознание мне пришлось потом, когда ты совершил святотатственное, по его меркам, преступление, да и то — не слишком. Не так уж сильно он жаждал сдать тебя с рук на руки Имперским властям, он их, мягко говоря, недолюбливает. Я просто-напросто немножко усилил эту его нелюбовь, и он отдал тебя мне, согласившись с приведенными мной аргументами, которые в иной ситуации показались бы ему сомнительными.

Не слишком сильно я прикасался и к тебе. Ты тоже не доверял всему, что связано с Империей. Это свойственно в наши дни большинству людей, и это является важным фактором

упадка Империи. А еще ты гордился психоисторией, самим этим понятием, гордился тем, что именно ты первым ее придумал. Ты бы не отказался от ее практического воплощения. Это еще больше польстило бы твоему тщеславию.

Селдон нахмурился и проговорил:

– Прошу прощения, мистер робот, но я и не подозревал, что я такой жуткий гордец.

– Никакой ты не жуткий гордец, – мягко успокоил его Дэниел. – Ты прекрасно понимаешь, что быть человеком, движимым гордыней, и некрасиво, и бесполезно, поэтому стараешься подавлять в себе подобные порывы, но столь же успешно можно отрицать, что тобой движет твое сердце. Ни с тем, ни с другим ничего нельзя поделать. Как бы ты ни прятал от себя свою гордыню ради своего собственного спокойствия, от меня ты ее спрятать не можешь. А мне только и пришлось легонько усилить твою гордость, и ты тут же согласился на все, лишь бы укрыться от Демерзеля, хотя ни за что бы не согласился за мгновение до того, как я осторожно поманипулировал с твоим сознанием. И над психоисторией ты согласился работать с такой готовностью, над какой за мгновение до того просто посмеялся бы. Больше я ничего менять не стал, и ты в конце концов разгадал мою сущность. Если бы я предвидел такую возможность, я бы положил конец твоим мыслям, но пределы предвидения, как видишь, ограничены. Но теперь я не жалею, что проиграл, потому что приведенные тобой доводы неоспоримы, и важно, что ты знаешь, кто я такой. А я помогу тебе, чем могу. А эмоции, дорогой мой Селдон, – могучий движитель людских поступков, гораздо более могучий, чем думают о них люди, и ты не можешь даже представить себе, сколь многоного можно добиться легким прикосновением к ним и как мне не хочется этого делать.

Селдон все еще тяжело дышал, пытаясь представить себя человеком, движимым гордыней. Это ему было не по нраву.

– Не хочется? Почему?

– Потому что тут очень легко хватить через край. Мне нужно было помешать Рейчел установить в Империи феодальную анархию. Я мог бы действовать резко, но тогда пролилось бы море крови. Мужчины есть мужчины, и сэтчемские генералы в этом смысле не исключение. Почти все среди них мужчины. На самом деле, совсем нетрудно посеять в мыслях любого мужчины протест и пробудить скрытый страх перед женщинами. Тут дело в биологии, и мне, как роботу, это не до конца понятно. Так что мне пришлось всего-навсего усилить вышеупомянутые чувства для того, чтобы нарушить ее планы. Перестарайся я хоть капельку, я бы зашел слишком далеко и не добился бы того, чего хотел – бескровного переворота. Я хотел только одного: чтобы сэтчемская армия сдалась без сопротивления, когда высадились мои солдаты. – Дэниел помолчал, словно старался получше подобрать слова, и продолжил: – Мне не хотелось бы вдаваться в математическое описание моего позитронного мозга. Это не до конца доступно моему пониманию. Может быть, ты даже лучше меня сумел бы в этом разобраться, если бы обдумал все получше. Как бы то ни было, мной руководят Три Закона Роботехники, которые обычно передаются словами – вернее, передавались когда-то, давным-давно. Они таковы:

1. Робот не может причинить вред человеку или, за счет бездействия, позволить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен подчиняться приказам человека, если они не противоречат Первому Закону.

3. Робот должен защищать себя, за исключением тех случаев, когда это противоречит Первому и Второму Законам.

Но у меня был друг... двадцать тысяч лет назад. Другой робот. Не такой, как я. Его бы ты не принял за человека, и вот уж у кого были ментальные способности! Я был его учеником.

И ему казалось, что должен существовать еще один закон, более общий, чем остальные три. Он называл его Нулем Законом, поскольку ноль идет прежде единицы. Тот, по его мнению, должен был звучать так:

0. Робот не может причинить вред человечеству или, за счет бездействия, позволить, чтобы человечеству был нанесен вред.

Тогда Первый Закон должен читаться так:

1. Робот не может причинить вред человеку или, за счет бездействия, позволить, чтобы

человеку был нанесен вред, за исключением тех случаев, когда это противоречит Нулевому Закону.

Таким образом интерпретировались и остальные два Закона. Понимаешь?

Дэниел ждал ответа, и Селдон ответил:

— Понимаю.

Дэниел продолжал:

— Беда в том, Гэри, что человек перед тобой или нет, понять просто. Проще простого. Так же просто понять, что принесет вред человеку, а что нет, — довольно легко, по крайней мере. Но что такое человечество? О чем мы говорим, когда говорим о человечестве? И как можно определить, что принесет человечеству вред? Как можно понять, от чего человечеству будет лучше, а от чего хуже? Робот, который первым выдвинул Нулевой Закон, умер — то есть, перестал существовать, — потому что оказался втянутым в действия, которые, как он полагал, спасут человечество, но только полагал, а уверен в этом не был. Уходя из жизни, он передал заботу о Галактике мне.

С тех пор я не оставлял попыток. Вмешивался как можно осторожнее, надеясь, что люди сами могут судить о том, что хорошо, а что дурно. Они могли рисковать, я — нет. Они могли промахиваться, я — нет. Они могли безоговорочно приносить вред другим, я не мог. Соверши я что-либо подобное, я бы самоуничтожился. В Нулевом Законе нет ссылок на бессознательный вред.

Но порой я вынужден предпринимать те или иные действия. То, что я до сих пор функционирую, говорит о том, что действия мои во все времена были умеренными и точными. Однако с тех пор, как Империя начала двигаться по пути упадка и гибели, мне приходится вмешиваться все чаще, и вот уже несколько десятилетий подряд я вынужден играть роль Демерзеля и пытаться направлять деятельность правительства таким образом, чтобы оттянуть неминуемую гибель... и все-таки, как видишь, я до сих пор функционирую.

Когда ты произнес доклад на математическом конгрессе, я сразу понял, что психоистория — тот инструмент, с помощью которого можно было бы решить, что хорошо для человечества, а что — нет. С ее помощью мы могли бы принимать более осмысленные решения. Я бы даже отошел в сторону и позволил людям принимать решения самостоятельно, и снова ограничился бы вмешательством только в самых крайних случаях. И я сделал так, чтобы Клеон как можно быстрее узнал о твоем выступлении и вызвал тебя к себе. Затем, когда я услышал, как ты расписываешься в собственной беспомощности и бесполезности психоистории, я был вынужден что-то предпринять для того, чтобы так или иначе заставить тебя попытаться. Понимаешь, Гэри?

— Да, Дэниел, понимаю, — искренне ответил Селдон.

— В те редкие дни, когда мы сумеем видеться, я должен для тебя оставаться Челвиком. Я предоставлю тебе всю имеющуюся у меня информацию, все, что тебе будет нужно. Как Демерзель, я буду тебя защищать, как делал до сих пор. А имя «Дэниел» тебе лучше забыть.

— Обещаю, — с готовностью откликнулся Селдон. — Мне так нужна твоя помощь, так неужели я стану рушить твою репутацию?

— Все верно, — устало улыбнулся Дэниел. — В конце концов, ты достаточно жаден для того, чтобы получить всю награду за психоисторию целиком. Ты ни за что никому не расскажешь — никогда, — что тебе понадобилась помочь робота.

— Я не... — промяглил Селдон и покраснел.

— Не спорь. Я сказал правду, даже если ты ее старательно скрываешь от самого себя. И это так важно, что я позволю тебе немного усилить это твое чувство — совсем немного, только ради того, чтобы ты никогда не смог заговорить обо мне с другими людьми. Тебе даже и в голову не придет, что ты на такое способен.

— Видимо, Дорс знает... — пробормотал Селдон.

— Она знает, кто я такой, но она тоже не может говорить обо мне с другими. Теперь, когда вы оба знаете правду обо мне, между собой можете говорить про меня свободно, но только между собой. — Дэниел поднялся. — Гэри, мне пора приниматься за дела. Скоро тебя и Дорс доставят обратно, в Имперский Сектор.

— Мальчик, Рейч, должен отправиться со мной. Я не могу бросить его. И еще есть один

молодой далиец, Юго Амариль...

— Понимаю. Можно взять и Рейча, и кого угодно еще из твоих друзей. Обо всех вас наилучшим образом позаботятся. И ты будешь работать над психоисторией. У тебя будет персонал. Любые компьютеры, любые материалы. Я буду вмешиваться как можно меньше, и если у тебя возникнут какие-то сложности, которые не будут слишком серьезно угрожать нашей миссии, придется тебе справляться с ними самостоятельно.

— Постой, Дэниел, — торопливо проговорил Селдон. — Что если, несмотря на всю твою помощь и все мои старания, окажется, что психоисторию нельзя превратить в практическое средство? Что если мне это не удастся?

— На этот случай, — улыбнулся Дэниел, — у меня заготовлен еще один план. Над ним я долго трудился в одном особом мире совершенно особым образом. План этот тоже нелегкий и кое в чем более радикальный, чем психоистория. Он тоже может провалиться, но когда перед тобой сразу две дороги, то гораздо больше надежды, что хотя бы на одной из них тебя ждет удача. Послушай моего совета, Гэри: если настанет время, когда ты сумеешь придумать некое средство, с помощью которого можно было бы не дать случиться худшему, посмотри, нельзя ли придумать и второе, так, чтобы, если не сработает первое, можно было бы попытаться применить второе. Пусть их всегда, если можно, будет не одно, а два. А теперь, — Дэниел вздохнул, — я должен вернуться к своим повседневным делам, ты — к своим. О тебе позаботятся.

Он кивнул на прощание и вышел.

Селдон проводил его взглядом и тихо проговорил:

— Сначала мне нужно переговорить с Дорс.

93

Дорс сообщила:

— В доме пусто. Рейчел ничего страшного не грозит. А ты, Гэри, вернешься в Имперский Сектор?

— А ты, Дорс? — тихо, взволнованно спросил Селдон.

— Наверное, возвращусь в Университет, — ответила она задумчиво. — Работа брошена, занятия тоже.

— Нет, Дорс, у тебя есть более важная работа.

— Какая же?

— Психоистория. Я без тебя не справлюсь.

— Неужели? В математике я полный нуль.

— Так же, как я в истории, а нам нужно и то и другое.

Дорс рассмеялась.

— Подозреваю, что ты действительно выдающийся математик. А я историк вполне заурядный. Ты сможешь без труда найти более выдающихся историков, чем я.

— В таком случае, позволь объяснить тебе, Дорс, что психоистории нужны больше чем просто математики и историки. Ей также нужны те, кто будет согласен посвятить ей всю свою жизнь. Без тебя, Дорс, у меня такого желания не будет.

— Ты заблуждаешься, Гэри.

— Дорс, если ты покинешь меня, я лишусь этого желания.

Дорс внимательно посмотрела на Селдона.

— Мы попусту тратим слова, Гэри. Несомненно, решение примет Челвик. Если он отошлет меня в Университет...

— Не отошлет.

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда, что я ему все четко объясню. Если он отошлет тебя в Университет, я вернусь на Геликон, и пропади пропадом вся Империя.

— Не может быть, ты так не скажешь!

— Скажу, не сомневайся.

— Как ты не понимаешь, что Челвик может так изменить твое настроение, что ты будешь работать над психоисторией, даже без меня?

Селдон покачал головой.

— Челвик не примет такого жестокого решения. Я говорил с ним. Он не осмеливается чересчур усердствовать с сознанием людей, поскольку руководствуется тем, что зовет Тремя Законами Роботехники. Так изменить мое сознание, Дорс, чтобы я не хотел, чтобы ты была со мной... нет, он на такое не решится. С другой же стороны, если он даст мне свободу действий и ты присоединишься ко мне в работе над проектом, он получит то, что хочет — реальный шанс разработать психоисторию. Почему бы ему на это не согласиться?

Дорс покачала головой.

— Он может не согласиться на это по личным причинам.

— Почему? Тебя попросили защищать меня, Дорс. Что, Челвик уже отменил эту просьбу?

— Нет.

— Значит, он хочет, чтобы ты продолжала меня защищать. И я хочу, чтобы ты меня защищала.

— От кого? От чего? Теперь тебя защищает Челвик в лице Демерзеля и Дэниела, и думаю, больше тебе ничего не нужно.

— Даже если бы меня защищали все и каждый в Галактике, я бы все равно нуждался в твоей защите.

— Значит, я нужна тебе не ради психоистории, а ради защиты?

— Нет! — рявкнул Селдон. — Не перевирай моих слов! Почему ты вынуждаешь меня сказать то, что сама отлично знаешь? Ты мне нужна не ради психоистории и не ради защиты. Это всего лишь оправдания, и я бы придумал уйму других. Мне нужна ты, просто ты, и только ты. И если хочешь правду, ты мне нужна потому, что ты — это *ты*.

— Но ты... ты даже не знаешь меня толком.

— Это не имеет значения. Мне все равно... И все-таки я тебя в каком-то смысле знаю. И гораздо лучше, чем ты думаешь.

— Неужели?

— Конечно. Ты выполняешь приказы и, не задумываясь, рискуешь жизнью ради меня, не гадая о последствиях. Ты потрясающе быстро выучилась играть в теннис. Еще быстрее ты выучилась жонглировать ножами и превосходно управилась с Марроном. *Не по-человечески* ловко, я бы даже сказал. У тебя потрясающие сильные мышцы и удивительно быстрая реакция. Откуда-то тебе всегда известно, прослушивается ли комната, и ты умеешь связываться с Челвиком без всяких подручных средств.

— И что же ты думаешь обо всем этом? — спросила Дорс.

— Мне пришло в голову, что Челвик, в своем истинном обличье, в обличье Р. Дэниела Оливо, не может править всей Империей. У него должны быть помощники.

— Ничего удивительного. Их, наверное, миллионы. Я помощник. Ты помощник. Малыш Рейч.

— Да, но ты не *такой* помощник.

— Какой «не такой»? Гэри, *говори*. Как только ты скажешь то, о чем думаешь, вслух, ты поймешь, как это безумно.

Селдон долго смотрел на нее и наконец вполголоса проговорил:

— Нет, не скажу, потому что... потому что мне все равно.

— Это правда? Ты хочешь принять меня *такой*, какая я есть?

— Я должен принять тебя именно *такой*. Ты, Дорс, и кто бы ты ни была, во всем мире мне больше никто не нужен.

— Гэри, — нежно проговорила Дорс. — Я, такая, как есть, хочу тебе добра, но даже если бы я была иной, я бы все равно желала тебе добра. И я не думаю, что подхожу тебе.

— Подходишь, не подходишь, какая разница? — Селдон сделал несколько шагов по комнате, остановился и спросил: — Дорс, тебя когда-нибудь целовало?

— Конечно, Гэри, в этом нет ничего особенного. Я живу нормальной жизнью.

— Нет, нет, я не про это! Скажи, ты когда-нибудь *по-настоящему* целовалась с мужчиной? Страстно, понимаешь?

— Да, Гэри, целовалась.

— Тебе было приятно?

Дорс растерялась.

— Когда я так... так целовалась, мне было более приятно, чем если бы я огорчила молодого человека, который мне нравился, чья дружба много значила для меня. — Тут Дорс покраснела и отвернулась. — Прошу тебя, Гэри, не нужно. Мне трудно это объяснить.

Но Гэри не унимался.

— Значит, ты неправильно целовалась. Для того, чтобы не обидеть этого человека.

— Наверное, все так делают, в каком-то смысле.

Селдон подумал над ее словами и неожиданно спросил:

— А ты никогда не просила, чтобы тебя поцеловали?

Дорс нахмурилась, вспоминая, и ответила:

— Нет.

— И никогда не была в постели с мужчиной? — спросил он тихо, с отчаянием в голосе.

— Почему? Была. Я же тебе сказала, это естественно. Так же, как поцелуи.

Гэри крепко схватил ее за плечи, словно собрался встремнуть.

— Но чувствовала ли ты когда-нибудь желание, потребность в такой близости с одним, определенным человеком? Дорс, ты когда-нибудь любила?

Дорс медленно подняла голову и грустно посмотрела на Селдона.

— Мне очень жаль, Гэри, но нет.

Селдон отпустил ее. Руки его беспомощно упали. А она нежно взяла его за руку и сказала:

— Сам видишь, Гэри. Я не то, что тебе нужно.

Селдон потупился и уставился в пол. Он изо всех сил пытался мыслить разумно, но вскоре сдался. Он хотел того, чего хотел — вопреки разуму.

Он взглянул на женщину.

— Дорс, милая, даже пусть так, мне все равно.

Он обнял ее и медленно, осторожно прижал к себе.

Она не отстранилась, и он поцеловал ее — тихо, нежно, а потом страстно, и она вдруг прижалась к нему крепче прежнего.

Когда он наконец оторвался от ее губ, она, радостно улыбаясь, посмотрела ему в глаза и прошептала:

— Поцелуй меня еще, Гэри... Пожалуйста.

Айзек Азимов На пути к Академии

Часть первая Эдо Демерзель

Демерзель Эдо — ... В то время как сосредоточение реальной власти в руках Эдо Демерзеля на протяжении большей части царствования Императора Клеона¹не оставляет сомнений, относительно сути его правления мнения историков расходятся. Классическая версия гласит, что он был одним из весьма могущественных и безжалостных угнетателей в течение последнего столетия существования целостной Галактической Империи, но ревизионисты полагают, что если Демерзель и был деспотом, то деспотом милосердным. Не исключено, что причиной для подобных выводов были отношения Демерзеля с Гэри Селдоном, многим подробностям которых суждено оставаться недоказанными, в особенности — странной истории жизни Ласкина Джорнума, чей фантастический взлет...

Галактическая энциклопедия²

---

² Все цитаты из Галактической Энциклопедии взяты из 116-го издания, опубликованного в 1020 г. а. э. издательством «Галактическая Энциклопедия» на Терминусе, с разрешения издательства.

1

— Повторяю, Гэри, — сказал Юго Амариль, — у твоего друга Демерзеля большие неприятности.

Он лишь немного подчеркнул слово «друг», но так, что прозвучало оно с нарочитой неприязнью.

Гэри Селдон это заметил, но пропустил мимо ушей. Оторвавшись от экрана трикомпьютера, он ответил:

— А я повторяю, Юго, что это — сущая ерунда. — Немного помолчав, он чуть раздраженно спросил: — Не понимаю, зачем ты так упорно отнимаешь у меня время и пытаешься убедить в этом?

— Затем, что думаю, как это важно, — отрезал Амариль и решительно уселся с таким видом, что стало ясно: уйдет он не скоро, а лишь тогда, когда выскажет все, что жаждет высказать.

Восемь лет назад он работал термальщиком в секторе Даль, то есть находился на самой низкой — ниже не придумаешь — ступени социальной лестницы. Гэри Селдон вытянул его наверх, сделал его математиком, интеллектуалом, более того — он сделал его психоисториком.

Юго никогда ни па минуту не забывал о том, кем он был, кем стал и кому обязан всеми переменами в своей жизни. Это означало, что, если уж он заговорил с Гэри Селдоном резко — ради его же пользы, значит, его уже ничто не остановит: ни желание сохранить любовь и уважение старшего товарища, ни забота о собственной карьере. Даже возможностью вести себя резко он тоже был обязан Селдону.

— Так вот, Гэри, — сказал Юго, рубанув по воздуху рукой, — я совершенно не понимаю почему, но ты об этом Демерзеле чрезвычайно высокого мнения. Я — нет. И никто из тех, к кому я привык прислушиваться, про него слова доброго не скажет. Так вот, на то, что будет с ним лично, мне наплевать, но я знаю, что тебе это не безразлично, поэтому я просто обязан все рассказать.

Селдон улыбнулся. Он был тронут преданностью и откровенностью своего ученика, но была у этой улыбки и другая причина: Юго не понимал и не мог понять, что опасения его совершенно беспочвенны.

Амариль был дорог Селдону. Мало сказать — дорог. Он был одним из тех четырех, кто встретился Селдону во время его недолгого, полного опасностей и приключений скитания по Трентору. Более близких людей у Селдона не было.

Каждый из них был по-своему уникalen и незаменим. Уникальность Юго Амариля состояла в том, что он поразительно быстро усвоил основные идеи психоистории и обладал богатейшим воображением, позволявшим ему постоянно придумывать нечто новое. Селдона успокаивала мысль о том, что, если и стрястется с ним самим что-то непредвиденное до тех пор, когда математическая проработка будет завершена (а дело продвигалось крайне медленно, с колossalными трудностями), останется хотя бы один человек со светлой головой, который сумеет продолжить исследования.

— Прости, Юго, — сказал Селдон, — я вовсе не хотел тебя обидеть или отмахнуться загодя от того, что ты хочешь мне рассказать. Все дело в работе. Как-никак, а я все-таки декан...

Тут уж Амариль улыбнулся.

— Ты меня тоже прости, Гэри, и не следовало бы мне смеяться, но ты так мало смахиваешь на декана.

— Знаю, знаю, но учиться-то надо. Я должен создавать видимость некой безвредной деятельности и уверяю тебя, на свете нет ничего более безвредного, чем должность декана математического факультета в Стрилингском университете. Я могу запросто забить весь день до отказа всякой ерундой, так что никому и в голову не придет задуматься о том, как продвигаются дела с разработкой психоистории, но вся беда в том, что у меня весь день как раз

и забит разной чепуховиной и совершенно не остается времени на...

Селдон обвел взглядом свой кабинет, где в памяти компьютеров хранились материалы, доступ к которым был известен только ему и Юго. На тот случай, если бы кто-то задумал сунуть туда нос, материал был закодирован мудреными символами, смысла которых никто, как бы ни силился, понять не сумел бы.

— Может быть, — пожал плечами Амариль, — когда ты получше разберешься в сути своих обязанностей, ты сумеешь их с кем-то разделить, и тогда у тебя будет оставаться больше времени.

— Надеюсь, — вздохнул Селдон. — Ну а теперь, скажи на милость, что такого важного ты хотел сообщить мне о Демерзеле?

— Ничего особенного, кроме того, что этот самый Эдо Демерзель, великий премьер-министр нашего дорогого Императора, в поте лица готовит переворот.

Селдон нахмурился:

— Зачем ему это нужно?

— Я не сказал, что ему это нужно. Просто он этим занят — вот уж не знаю, понимает он сам или нет, — и в этом ему оказывают неоценимую помощь его злейшие политические противники. Мне-то это до лампочки, как ты понимаешь, я бы только порадовался. В идеале было бы просто замечательно вышвырнуть такого премьера к чертям собачьим подальше от дворца, с Трентора... вообще за пределы Империи, если уж на то пошло. Но раз ты к нему почему-то неровно дышишь, я решил предупредить тебя, поскольку у меня большое подозрение, что в последнее время ты не так пристально, как следовало бы, следишь за ходом политических событий.

— Есть дела и поважнее, — негромко проговорил Селдон.

— Типа психоистории. Согласен. Но как мы сумеем разработать психоисторию, как можем надеяться на какой-либо успех, если будем игнорировать политику? Нынешнюю, современную политику, я хочу сказать. Сейчас — *сейчас* — как раз то самое время, когда настоящее прямо на наших глазах превращается в будущее. Мы не можем только тем и заниматься, что исследовать прошлое. Что было в прошлом, мы отлично знаем. Полученные результаты нужно проверять в настоящем и ближайшем будущем.

— У меня такое ощущение, — проворчал Селдон, — что эти доводы я уже слышал.

— И еще не раз услышишь. Потому что подобное доказывать тебе — никакого проку.

Селдон вздохнул, откинулся на спинку стула и с улыбкой посмотрел на Юго Амариля. Да, молодой человек бывал грубоват, но зато он принимал психоисторию всерьез — и это все искупало.

Фигура Амариля еще хранила следы его прошлого облика. Он был крепок, мускулист, широкоплеч, как всякий, кто привык к суровому физическому труду. Он до сих пор не позволял себе особых поблажек и держался в хорошей форме, и, надо сказать, это было неплохо, поскольку, когда Амариль отрывался от компьютера, чтобы размяться, волей-неволей к нему присоединялся и Селдон. Конечно, он не мог похвастаться такой физической силой, какой обладал Амариль, но по-прежнему неплохо дрался, хотя ему уже исполнилось сорок, а молодости не суждено было длиться вечно. Однако благодаря каждодневным разминкам Селдон сохранил стройность, руки и ноги у него были крепкими, как в юности.

— Наверняка, — сказал он, — ты печешься о Демерзеле не только потому, что он мой друг. Что-то еще тебя волнует.

— Никаких загадок. Покуда ты друг Демерзеля, здесь, в университете, ты в безопасности и можешь без помех продолжать работу над психоисторией.

— Ну, вот видишь? Следовательно, у меня есть самая веская причина поддерживать с ним дружеские отношения. Это уж ты должен понять.

— Поддерживать, вот именно, Согласен и понимаю. Но что касается самой дружбы — уволь, не понимаю. Но как бы то ни было, если Демерзель утратит власть — неважно, как это повлияет на твое положение, — тогда Империей станет править сам Клеон и она покатится по наклонной плоскости еще быстрее. Анархия захлестнет нас с головой еще до того, как мы успеем разработать практические выкладки психоистории и превратить ее в науку, способную спасти человечество.

— Понимаю... Но, видишь ли, я не строю никаких иллюзий и не думаю, что нам удастся разработать психоисторию вовремя, для того чтобы предотвратить упадок Империи.

— Но даже если мы не сумеем предотвратить упадок, мы могли бы сгладить его последствия, верно?

— Может быть.

— Чего же тебе еще? Значит, чем больше будет у нас возможностей спокойно работать, тем выше шанс предотвратить упадок, или, по крайней мере, смягчить его последствия. Стало быть, нужно сберечь Демерзеля, нравится это нам — вернее, мне — или нет.

— Но ты сам только что сказал, что очень порадовался бы, если бы он оказался где-нибудь подальше от дворца, Трентора и всей Империи.

— Да, но это в идеале. Однако мы живем не в идеальных условиях и нуждаемся в нашем премьер-министре, хотя он и является инструментом угнетения и деспотизма.

— Понятно. Но неужели ты думаешь, что Империя так близка к гибели, что уход со сцены премьер-министра прямо-таки подтолкнет ее в пропасть?

— Все просто. Психоистория подсказывает.

— Ты разве ею пользуешься для прогнозирования? Мы даже общей схемы пока не набросали. Какое может быть прогнозирование?

— Интуиция, Гэри.

— Интуиция всегда была. Нам нужно нечто большее, разве нет? Нам нужна математическая проработка вероятностей того, что может произойти в будущем при тех или иных условиях. Если мы будем полагаться только на интуицию, никакая психоистория не нужна вообще.

— Необязательно одно должно исключать другое, Гэри. Я говорю о том и другом сразу, о сочетании того и другого, что лучше каждого в отдельности, по крайней мере, до тех пор, пока психоистория не отшлифована окончательно.

— Если она когда-нибудь будет отшлифована, — едва слышно произнес Селдон. — Но скажи, пожалуйста, что за опасность грозит Демерзелю? Кто может сбросить его? Ты ведь хочешь сказать именно это?

— Да, — угрюмо кивнул Амариль.

— Ну так скажи, И прости мне мое неведение.

— Не притворяйся, Гэри, — вспыхнул Амариль, — Ты наверняка слыхал о Джо-Джо Джорануме.

— Ну конечно. Он демагог... Постой, откуда он? Ах да, с; Нишайи, верно? Захолустная планета. Там вроде бы коз разводят и делают отличные сыры.

— Все правильно. Но только он не просто демагог. У него уйма последователей, и он с каждым днем набирает силу. Он взвывает к социальной справедливости, к более активному участию народных масс в политической жизни.

— Да, — кивнул Селдон. — Это я слышал. Его лозунг — «Правительство принадлежит народу».

— Не совсем так, Гэри. Он говорит: «Правительство — это народ».

— Ну да, понятно. И знаешь, должен тебе сказать, мне симпатичен этот лозунг. Не вижу в нем ничего дурного.

— Я тоже не вижу. Я всей душой за — если бы Джоранум именно это имел в виду. Но на уме у него совсем другое. А этот лозунг ему нужен лишь для того, чтобы вымостить дорогу к цели. Он хочет избавиться от Демерзеля. Тогда ему будет легче управляться с Клеоном. А потом Джоранум сам заберется на трон и станет тем самым «народом», о котором разглагольствует сейчас с пеной у рта. Не ты ли сам мне говорил, что таких случаев было полным-полно в имперской истории, а ведь сейчас Империя слабее, чем когда бы то ни было. И удар, который раньше только пошатнул бы ее устои, сейчас может запросто положить на лопатки. Империя будет втянута в гражданскую войну и никогда не выберется из нее, и мы не сумеем завершить работу над психоисторией, которая показала бы, что нам нужно делать.

— Я понял, к чему ты клонишь, но уверен, что избавиться от Демерзеля будет нелегко.

— Ты просто не представляешь, как стремительно Джоранум набирает силу.

— Это не имеет никакого значения, — покачал головой Селдон и слегка нахмурился. — Вот

интересно, как это его родители додумались дать ему такое нелепое имя. Скорее на кличку смахивает.

— Его родители тут совершенно ни при чем. Настоящее его имя — Ласкин, кстати, весьма распространенное на Нишайе. Это он сам прозвал себя Джо-Джо; наверно, просто взял первый слог от фамилии.

— Ну и дурак, по-моему.

— А по-моему, нет. Слышал бы ты, как его поклонники скандируют: «Джо-Джо-Джо-Джо...» И так без конца. В этом есть что-то гипнотическое.

— Ладно, — сказал Селдон и выпрямился, всем своим видом показывая, что ему не терпится вернуться к прерванной работе. — Поживем — увидим.

— Как ты можешь проявлять такое безразличие? — возмутился Амариль. — Я тебе говорю о реальной опасности.

— Никакой опасности я не вижу, — сказал Селдон убежденно. — Просто ты не располагаешь всеми фактами.

— Какими же фактами я не располагаю?

— Поговорим об этом в другой раз, Юго. А теперь займись своей работой. Заботы о Демерзеле и судьбе Империи оставь мне.

Амариль поджал губы, но спорить не стал — он привык подчиняться распоряжениям Селдона.

— Хорошо, Гэри, — кивнул он, но у двери обернулся и покачал головой: — Но ты совершаешь ошибку.

Селдон усмехнулся.

— Я так не думаю, но спасибо за предостережение. Я о нем не забуду. И все-таки я уверен — все будет хорошо.

Амариль вышел, и лицо Селдона сразу стало серьезным. А будет ли все хорошо на самом деле?

2

Селдон не забыл о предупреждении Амарilha, однако не придал ему большого значения. Минул его сороковой день рождения, нанеся очередной психологический удар.

Сорок лет! Прощай, молодость! Теперь жизнь для него больше не была подобна громадному нехоженому полю, уходящему далеко за горизонт. Уже восемь лет он жил на Тренторе, и время бежало неумолимо быстро. Еще восемь лет — и ему будет почти пятьдесят, там и до старости недалеко. А ему пока не удалось даже как следует подступиться к психоистории! Юго Амариль блестяще рассуждал о законах и выводил свои формулы, делая дерзкие предположения, основанные на интуиции. Но как можно было проверить эти предположения? Пока психоистория не представляла собой экспериментальной науки. Для ее создания потребуется проведение экспериментов, которыми должны быть охвачены целые миры, целые столетия. А как быть с этической ответственностью?

Казалось, проблему решить невозможно, и Селдон в конце концов углубился в факультетские дела. Домой он отправился в тот день не в лучшем расположении духа.

Как правило, прогулка по кампусу улучшала его настроение. Купола над Стрилингским университетом были так высоки, что создавалась иллюзия пребывания на безбрежном просторе, а погода тут всегда стояла хорошая. Тут росли деревья, зеленели лужайки, белели дорожки — словом, все выглядело так, будто Селдон никуда и не улетал, а по-прежнему жил и работал в университете у себя на родине, на Геликоне.

Иллюзия переменной облачности создавалась здесь за счет появления и исчезновения солнечного света (не солнца, а именно солнечного света) через неравные, промежутки времени. Было немного прохладно — совсем немного.

Пожалуй, в последнее время прохладных дней, таких, как сегодня, стало больше. Может быть, Трентор стал экономить энергию? Уж не признак ли это приближающегося кризиса? А может быть (от этой мысли Селдон поежился), он просто постарел и кровь у него медленнее течет? Селдон сунул руки в карманы куртки, зябко ссугулившись.

Обычно он шел домой, даже не задумываясь, куда идет. Ноги сами несли его, так что и по дороге домой, и по дороге на работу он мог думать о чем угодно. Сегодня не удалось. Странные звуки помешали. Совершенно бессмысленные:

– Джо... Джо... Джо... Джо...

Звуки доносились издалека, приглушенно, но Селдон вспомнил... Ах, да, Амариль предупреждал. Тот демагог... Неужели он здесь, в кампусе?

Селдон машинально свернулся с обычной дороги и направился по пологому склону к университетскому полю – месту, предназначенному для студенческих митингов и занятий спортом, ритмикой.

В самой середине поля собралась большая толпа студентов и оживленно скандировала. На помосте незнакомый человек громко выкрикивал один и тот же слог, раскачиваясь в такт.

Но это не был Джоранум. Джоранума Селдон не раз видел в выпусках головизионных новостей. С тех пор как Амариль предупредил его, Селдон стал более внимательно следить за развитием событий. Джоранум был высокий, широкоплечий и всегда коварно, заискивающе улыбающийся. У него были густые песочного цвета усы и голубые глаза.

Нынешний оратор был невысок, можно сказать, коротышка, к тому же худой, широкоротый, темноволосый и... криклиwyй. К его словам Селдон не прислушивался, но разобрал фразу «власть одного – многим», которую тут же подхватило множество голосов.

«Неплохо, – подумал Селдон, – но как он собирается это осуществить и насколько серьезен?»

Селдон пробежал глазами толпу и вскоре заметил Фингагелоса, аспиранта математического факультета, черноволосого курчавого парня не без способностей.

– Фингагелос! – окликнул он аспиранта.

– Профессор Селдон, – обернувшись, отозвался Фингагелос, в первое мгновение не узнавший декана без неизменного калькулятора в руках. Подойдя к Селдону поближе, он спросил: – Вы пришли послушать этого пария?

– Просто решил узнать, по какому поводу шум. Кто это такой?

– Его зовут Намарти, профессор. Он говорит от имени Джо-Джо.

– Это я понял, – кивнул Селдон. Толпа снова взревела в ответ на очередной лозунг. – Но кто он такой, этот Намарти? Его имя мне ничего не говорит. С какого он факультета?

– Он не из университета, профессор. Он один из людей Джо-Джо.

– Если он не из университета, тогда, значит, не имеет права произносить тут речи без соответствующего разрешения. Как вы полагаете, есть у него такое разрешение?

– Понятия не имею, профессор.

– Что ж, давайте выясним.

Селдон углубился было в толпу, но Фингагелос потянул его за рукав.

– Не стоит, профессор. С ним молодчики.

За спиной оратора действительно стояло шестеро дюжих парней. Они выстроились в цепочку, расставив ноги на ширину плеч и сложив руки за спиной.

– Молодчики?

– На всякий случай – мало ли что взбредет кому-то в голову.

– Ну, тогда он уж точно не из университета, и будь у него даже разрешение на выступление, он не имеет права разгуливать тут с этими шалопаями. Так, Фингагелос, дайте-ка знать в университетскую службу безопасности. Хотя, по идее, они должны бы и сами уже быть здесь.

– Думаю, они просто держатся подальше от неприятностей, – пробормотал Фингагелос. – Прошу вас, профессор, не стоит ничего такого затевать. Если вы хотите, чтобы я разыскал офицеров службы безопасности, я сделаю это, но очень прошу вас, подождите, пока они прибудут.

– Возможно, мне удастся прекратить все это до их прихода.

И Селдон стал решительно пробираться вперед. Это оказалось не так уж трудно. Многие из присутствующих на митинге сразу узнавали его, а те, кто не знал его лично, соответствующим образом реагировали на профессорскую нашивку на лацкане его куртки. Селдон добрался до помоста, ухватился руками за край и, негромко крякнув, подтянулся и

забрался наверх. «А лет десять назад, – подумал он с горечью, – я бы запросто подтянулся на одной руке и крякать бы не пришлось».

Профессор встал во весь рост. Оратор прервал речь на полуслове и уставился на него. Взгляд его был холоден и тревожен.

Селдон спокойно сказал:

– Попрошу ваше разрешение на выступление перед студентами, сэр.

– Кто вы такой? – вызывающе громко спросил оратор.

– Я профессор университета, – ответил Селдон так же громко. – Ваше разрешение, сэр.

– Вы не имеете права требовать у меня какое-то там разрешение, – отпарировал оратор.

Парни, стоявшие за его спиной, сбились теснее.

– Если у вас нет разрешения, я бы посоветовал вам как можно скорее покинуть территорию университета.

– А если я не сделаю этого?

– Во-первых, сюда уже приглашены сотрудники службы безопасности. А во-вторых...

Студенты, – обратился Селдон к толпе. – Мы пользуемся правом свободы слова и собраний в нашем кампусе, но можем лишиться своих привилегий, если позволим посторонним, без разрешения, произносить безответственные...

Тут на его плечо легла тяжелая рука. Он вздрогнул. Обернувшись, он увидел, что рядом с ним стоит один из тех, кого Фингагелос называл «молодчиками».

С жутким акцентом – Селдон не успел понять, откуда этот мужлан был родом, – тот процедил сквозь зубы:

– Пшел вон отсюда, да побыстрее!

– Представители службы безопасности будут здесь с минуты на минуту.

– В таком случае, – ухмыльнулся Намарти, – будет бунт. А нас этим не запугаешь.

– Никакого бунта не будет, – покачал головой Селдон. – Чего вы добиваетесь? – спросил Селдон. – Я понимаю, вас бы это порадовало, но бунта не ждите. Всем вам придется убраться отсюда подобру-поздорову, – Он, дернув плечом и сбросив руку приспешника Намарти, снова обратился к студентам: – А мы об этом позаботимся, верно?

Кто-то из толпы выкрикнул:

– Это профессор Селдон! Не троньте его. Он наш человек!

Селдон почувствовал, что настроение у собравшихся неоднозначное. Он знал наверняка, что некоторым забавно будет поглядеть на стычку посторонних со службой безопасности – именно забавно. Но тут были и те, кто питал к нему личные симпатии, и те, кто его не знал, но кому неприятен был сам факт грубого обращения с профессором университета.

Тут взвизгнула женщина:

– Осторожнее, профессор!

Селдон мгновенно развернулся к молодчикам. Он прикидывал, справится ли – сработает ли реакция и хватит ли сил, несмотря на его навыки в рукопашной схватке.

Было видно, что парни слишком уверены в себе. Один из парней двинулся на него. Он не торопился, что работало на Селдона. Вдобавок выбросил вперед руку – просто замечательно!

Селдон схватил его за руку, крутанул ее, вскинул вверх, резко опустил вниз, крякнул (и зачем ему надо было крякнуть?), и парень плашмя рухнул на помост с вывихнутым плечом.

Развитие событий принимало уж вовсе неожиданный оборот. Толпа оглушительно взревела. У студентов, судя по всему, проснулась местническая гордость.

– Поддай-ка им как следует, проф! – воскликнул кто-то.

Его голос поддержал дружный рев.

Селдон пригладил волосы и постарался сдержать дыхание. Размахнувшись ногой, он поддел незадачливого противника и сбросил его с помоста.

– Еще желаете? – вежливо спросил он. – Или все-таки уйдете тихо?

Намарти и его охранники растерянно переминались с ноги на ногу. Селдон сказал им:

– Я вас предупреждаю. Толпа теперь на моей стороне. Стоит вам только попытаться прикоснуться ко мне, и вас разорвут в клочья. Ну, кто следующий? Поехали. Подходите по одному.

Голос его звучал все громче. Он пальцем поманил к себе молодчиков. Толпа

торжествующе взревела.

Намарти с места не двигался. Селдон по-кошачьи скользнул к нему и крепко ухватил за шею. А студенты уже карабкались на помост, выкрикивая: «Подходи по одному! Подходи по одному!» Вскоре между телохранителями Намарти и Селдоном выросла живая стена.

Селдон крепче сжал горло Намарти и прошептал ему на ухо:

— Вот как это делается, Намарти. Поверь мне — уж я-то знаю как. Этим не один год занимаюсь. Попробуй рвануться, сделай только шаг, и я сотворю с тобой такое, что ты никогда не сможешь больше произносить речей. Шепотом будешь говорить, голубчик, понял? Если тебе дорог твой голосок, делай, как я велю. Я тебя отпущу, а ты прикажи своим бульдогам убираться, да побыстрее. Попробуй хоть слово сказать не так, и оно будет твоим последним словом. А если тебе вздумается еще раз навестить кампус, пощады не жди. Я доведу дело до конца.

Он тут же ослабил хватку. Намарти хрюкло пробормотал:

— Пошли отсюда все!

Молодчики поспешили ретироваться, окружив низверженного оратора. А когда буквально через несколько мгновений на поле браны появились-таки сотрудники службы безопасности, Селдон сказал:

— Прошу прощения, джентльмены. Ложная тревога.

По дороге домой Селдон испытывал недовольство собой — показал себя не с той стороны, с какой хотелось бы. В конце концов он никогда не был садистом. «А самое противное, — думал он, — что об этом наверняка узнает Дорс». Пожалуй, было бы лучше, если бы он сам ей все рассказал, а то ведь такое накрутят. Но ей все равно не понравится, даже если он сам все подробно расскажет.

3

Так оно и вышло.

Дорс ждала Селдона у двери коттеджа в весьма выразительной позе — уперев руку в бок. Она выглядела почти такой же, какой ее впервые увидел Селдон восемь лет назад здесь, в этом самом университете; стройная, рыжеволосая. Ему она казалась красавицей, хотя, если судить объективно, не была такой уж красивой. Но Селдон с первых дней после их встречи и до сих пор не научился смотреть на нее объективно.

«Дорс Венабили!» Глядя в спокойное лицо верной подруги жизни, Селдон подумал о том, что во множестве миров, да даже во многих секторах Трентора, он мог бы называть ее Дорс Селдон, по он понимал, что тогда бы она стала чем-то вроде его собственности, а ему самому этого не хотелось, хотя такой порядок вещей давно установился в Империи — жена принимала фамилию мужа.

Покачав головой, от чего ее шелковистые локоны слегка растрепались, Дорс негромко проговорила:

— Я уже все знаю, Гэри. Ну, что прикажешь с тобой делать?

— Например, поцеловать.

— Это можно, но сначала я все-таки сделаю тебе внушение. Входи, дорогой. — Она впустила Селдона в дом и закрыла дверь. — Послушай, милый, у меня работы по горло. Я все еще вожусь, как проклятая, с кошмарным периодом истории Тренторианского Королевства, который ты считаешь сверхважным для твоей работы. Ты прекрасно знаешь, что я до сих пор обязана *этим* заниматься. Это тем более моя обязанность теперь, когда у тебя наметился некоторый прогресс в психоистории. Что же, прикажешь бросить работу и таскаться повсюду за тобой, водить тебя за ручку?

— Прогресс? Это было бы недурно. Но водить меня за ручку и защищать никакой нужды нет.

— Нет? Я послала Рейча искать тебя. В конце концов ты задерживался, и я волновалась. Имею я право волноваться? Обычно ты меня предупреждаешь, если задерживаешься. Прости, если тебе не нравится моя роль телохранителя. Но, Гэри, я действительно твой телохранитель.

— А кажется ли вам, о телохранительница Дорс, что время от времени мне бывает

желательно сорваться с поводка?

– А если с тобой что-нибудь случится, что я скажу Демерзелю?

– Я что, опоздал к обеду? Не пойму, мы разве теперь пользуемся услугами кухарки?

– Нет. Просто я ждала тебя. Это ты привык обедать вовремя. Я очень тебя прошу, не бросай хорошую привычку.

– Разве Рейч не сказал тебе, что со мной все в порядке? О чём вообще разговор?

– Когда он тебя нашел, ты уже управился, и он вернулся домой раньше тебя, но ненамного. Подробностей я не знаю. Скажи мне, что ты там делал?

Селдон пожал плечами.

– Да ничего особенного. Собрался нелегальный митинг, и я его разогнал. У университета были бы большие неприятности, Дорс, если бы я этого не сделал.

– Именно ты должен был этим заниматься? Гэри, ты больше не профессиональный борец. Ты...

– Хочешь сказать – старик? – прервал ее Селдон.

– Для борьбы – да. Тебе сорок. Как ты себя чувствуешь, кстати?

– Нормально. Устал немного.

– Можно себе представить. А в один прекрасный день, когда ты снова попытаешься разыгрывать из себя юного геликонского атлета, ты вернешься домой со сломанным ребром... А теперь рассказывай все.

– Послушай, я говорил тебе, что Амариль предупредил меня – ну, насчет того, что демагогия Джо-Джо Джоранума грозит опасностью Демерзелю?

– Джо-Джо. Да, помню. Ты давай про то, чего я не знаю. Что стряслось сегодня?

– На поле собралась толпа. В кампус проник лазутчик Джо-Джо по имени Намарти и принял разглагольствовать...

– Намарти... Намарти. Джембол Дин Намарти, правая рука Джоранума.

– Ну вот видишь, ты про него знаешь больше меня. Словом, он собрал огромную толпу, не имея разрешения на публичное выступление, и, думаю, надеялся, что ему со своими мордоворотами удастся затеять бунт. Им же, как воздух, необходимы такие спектакли, а если бы им удалось добиться хотя бы временного закрытия университета, они бы запросто сумели обвинить Демерзеля в нарушении принципов общественных свобод. Я думаю, его они винят абсолютно во всем, в чем только не лень. В общем, я им задал... Пришлось им убраться несолено хлебавши.

– Да ты, никак, гордиться собой?

– А почему бы и нет? Совсем неплохо для сорокалетнего.

– Так ты за этим полез в драку? Чтобы проверить, на что еще способен?

Селдон рассеянно пробежал глазами обеденное меню.

– Нет, – ответил он немного погодя. – Не за этим. Я на самом деле считал и считаю, что университету грозили лишние неприятности. И еще я думал о Демерзеле. Боюсь, внушение Амарilha насчет грозящей ему опасности подействовало на меня сильнее, чем я ожидал. Это было глупо, Дорс, ведь я прекрасно понимаю, что Демерзель в силах сам о себе позаботиться. Но этого я не могу объяснить ни Юго, никому другому – никому, кроме тебя. – Он глубоко вздохнул и продолжал: – Какое счастье, что хотя бы с тобой я могу говорить об этом открыто. Ведь ты, так же как и я, знаешь, что наш Демерзель неприкасаем.

Дорс нажала кнопку на выдвижной панели стены, и обеденный отсек комнаты осветился приятным, мягким розовато-персиковым светом. Они с Гэри сели к столу, уже накрытому к обеду. Безупречно белая скатерть, хрусталь, столовые приборы. Стоило им опуститься па стулья, как выдвижная панель поползла вверху и на столе одно за другим начали появляться блюда. В это время суток долго ждать не приходилось. Селдон уже привык к тому, что его теперешнее положение позволяет ему с такими удобствами питаться дома, не наведываясь в преподавательскую столовую.

Он сдобрил еду изысканными специями, к которым они с Дорс пристрастились во время краткого пребывания в Микогене, – только специи и были хороши в этом странном, зациклившемся на дурацкой религии, прочно привязанном к прошлому, секторе.

Дорс негромко спросила:

– Что ты имеешь в виду под словом «неприкасаем»?

– Послушай, дорогая, он способен воздействовать на эмоции. Не может быть, чтобы ты об этом позабыла. Если Джоранум и впрямь станет опасен, Демерзель сумеет его... (Селдон щелкнул пальцами, подбирая подходящее слово) изменить, заставить думать иначе.

Дорс насупилась. Обед прошел в непривычной тишине. Только тогда, когда трапеза была завершена, и все, что было на столе – посуда, приборы, скатерть – уползли в образовавшееся посреди стола отверстие, которое тут же само собой закрылось, Дорс нарушила молчание.

– Не хотелось бы говорить, Гэри, но я не могу более держать тебя в неведении.

– В неведении? – нахмурился Селдон.

– Да. Мы никогда не говорили об этом. Собственно, я никогда и не думала, что придется об этом заговорить, но и у Демерзеля есть уязвимые места. Он не неприкасаем, Гэри, ему может грозить опасность, и Джоранум – опасность вполне реальная.

– Ты не шутишь?

– Нисколько. Просто ты плохо понимаешь, что такое роботы – такие сложные, как Демерзель. А я очень хорошо понимаю.

4

Оба умолкли, но лишь потому, что мысли беззвучны. А мысли Селдона просто-таки разбушевались.

Все верно. Его жена прекрасно разбиралась в роботах. Это так удивляло Гэри, и удивляло так часто, что он в конце концов сдался и старался вовсе об этом не думать. Ведь если бы не Эдо Демерзель – робот, Гэри никогда бы не встретился с Дорс. Дорс *работала* на Демерзеля, и именно Демерзель «приставил» Дорс к Гэри восемь лет назад, дабы она охраняла ученого во время его скитаний по разным секторам Трентора. И хотя теперь она была его женой, помощницей, его «лучшей половиной», Гэри до сих пор нет-нет да задумывался о странной связи Дорс с роботом Демерзелем. Это оставалось единственной областью жизни Дорс, куда Гэри не имел доступа. И это было самым болезненным вопросом их отношений. Жила ли Дорс с Селдоном, повинуясь приказу Демерзеля, или потому, что *любила* все-таки? Ему хотелось верить в последнее, и все же...

Его жизнь с Дорс Венабили была счастливой, но при определенном условии. И условие это было тем более жестким, что установилось не в итоге какого-либо обсуждения или договора между ними, а за счет обоюдного молчаливого согласия.

Селдон понимал, что обрел в Дорс все, что бы ему хотелось видеть в образе жены. Правда, у них не было детей, но он этого и не ждал, да, честно говоря, и не слишком желал. У него был Рейч, к которому он чувствовал искреннюю отцовскую привязанность – такую сильную, будто Рейч и впрямь был его родным ребенком.

И вот Дорс: заставила его погрузиться в мысли о том, о чем он думать вовсе не хотел. Потеряло силу их обоюдное согласие. А ведь только за счет этого согласия они и были спокойны и счастливы уже столько лет. Селдон разнервничался, но постарался прогнать невеселые мысли прочь. Он смирился с тем, что его жена считает себя его защитницей, пусть так и будет. В конце концов, это же с ним она живет под одной крышей, сидит за одним столом и разделяет супружеское ложе – с ним, а не с Демерзелем.

Размышления его прервал голос жены.

– Я сказала... Гэри, ты спиши, что ли?

Селдон слегка вздрогнул. Значит, она уже не в первый раз к нему обращается, а он не слышит, так глубоко задумался.

– Прости, дорогая. Нет, я не сплю. Просто размышляю о том, как я должен отреагировать на твое заявление.

– Насчет роботов? – уточнила она, произнося запретное слово совершенно спокойно.

– Ты сказала, что я не разбираюсь в них так хорошо, как ты. Как я должен на это реагировать? То есть без обиды, – добавил он чуть погодя, понимая, что здорово рискует.

– Я же не сказала, что ты вообще не разбираешься в роботах. Если уж цитируешь меня, то цитируй точно. Я сказала, что ты плохо их *понимаешь*. Уверена, знаешь ты о них многое,

пожалуй, намного больше меня, но знать и понимать – не всегда одно и то же.

– Послушай, Дорс, ты, по-моему, нарочно говоришь загадками, просто чтобы позлить меня. А парадоксы возникают лишь из дилетантизма – невольного или преднамеренного. Мне это не нравится ни в науке, ни в обычном разговоре, разве только ради смеха, но, похоже, сейчас не место юмору.

Дорс рассмеялась так, как могла смеяться только она – негромко, нежно, словно веселье было для нее неким сокровищем и она не желала им разбрасываться.

– Видимо, парадокс заставил тебя заговорить столь патетическим тоном, а ты всегда ужасно смешной, когда так говоришь. Я все объясню. Вот уж вовсе не собираюсь тебя злить.

Она наклонилась, погладила мужа по руке, а он с удивлением и растерянностью обнаружил, что его рука непроизвольно сжалась в кулак.

– Ты много говоришь о психоистории. По крайней мере, со мной. Это тебе известно? – спросила Дорс.

Селдон откашлялся.

– Если говорить о психоистории, то тут я полагаюсь на твое милосердие. Проект секретен. Секретен по самой своей сути. Психоистория будет работать, если только люди, которых она касается, не будут ничего знать о ней. Поэтому говорить о проекте я могу только с Юго и с тобой. Что касается Юго, то тут речь об интуиции. Он блестящий ученый, но настолько дерзок, что способен прыгнуть в пекло с завязанными глазами, и тогда приходится играть роль сдерживающего фактора. Видимо, мне суждено всю жизнь присматривать за ним, опекать. У меня, правда, тоже порой мелькают дикие мысли, и это помогает мне порой слушать, как они звучат, даже тогда, – улыбнулся он, – когда ты откровенно даешь мне понять, что не понимаешь ни слова из того, о чем я говорю.

– Знаю, что я твой демонстрационный стенд, и не имею ничего против, Гэри, так что не надо делать поспешных выводов и менять привычки. Естественно, я почти ничего не понимаю в математике, я всего-навсего историк, даже не ученый-историк. И сейчас все мое время занято изучением воздействия экономических изменений на развитие политических событий...

– Да, и, между прочим, тут я твой демонстрационный стенд, или ты не замечаешь? То, чем ты сейчас занимаешься, понадобится мне в один прекрасный день для психоистории, а посему у меня есть подозрение, что тогда ты мне окажешь неоценимую помощь.

– Прекрасно! Вот мы и выяснили, почему ты со мной живешь, – я, собственно, и так догадывалась, что не из-за моей блистательной красоты, – а теперь позволь, я продолжу свое объяснение. Так вот, изредка, в тел. случаях, когда ты отступаешь от чистой математики, мне кажется, что я начинаю улавливать ход твоих мыслей. Несколько раз ты пытался разъяснить мне нечто, что ты называешь необходимостью минимализма. Думаю, я тебя правильно поняла. Под этим ты имеешь в виду...

– Я знаю, что я имею в виду.

– Гэри, утихомирься, – чуть обиженно урезонила его Дорс. – Я вовсе не собираюсь объяснять это тебе. Я себе пытаюсь объяснить. Ты же сказал, что ты мой демонстрационный стенд, вот и побудь им немного. Честная игра, не так ли?

– Честная-то она честная, но если ты собираешься обвинить меня в высокопарности, когда я говорю, что единственное маленько...

– Хватит! Замолчи! Ты говорил мне, что минимализм является одним из главнейших принципов прикладной психоистории, в способности менять нежелательный ход событий на желаемый или, по крайней мере, на менее нежелаемый. Ты говорил, что изменения должны быть самыми незаметными, самыми минимальными, какие только возможны...

– Верно, – кивнул Селдон. – Это потому...

– Позволь, Гэри, – прервала его Дорс. – Объясняю сейчас я. Мы оба прекрасно знаем, что ты все отлично понимаешь. Минимализм нужен из-за того, что любое изменение дает мириады побочных явлений, а это не всегда позволительно. Если же изменение слишком велико и побочных явлений, следовательно, огромное количество, становится очевидно, что итог будет слишком далек от того, что задумано, и более того – он станет совершенно непредсказуем.

– Все точно, – подтвердил Селдон. – В этом суть хаотического эффекта. Проблема состоит в том, существуют ли бесконечно малые изменения, способные сделать результат

предсказуемым, или история человечества неизбежно и неизменно хаотична во всех отношениях. Именно поэтому я и полагал вначале, что психоистория не...

— Знаю, знаю, но дай же мне договорить! Дело вовсе не в том, каждое ли изменение можно довести до минимума. Дело в том, что любое изменение, превышающее пределы минимума, хаотично. Может оказаться так, что нужное изменение равно нулю, а если не нулю, то какой-то очень малой величине, и тогда основной проблемой станет то, как обнаружить некоторое изменение, достаточно малое, и все же больше нуля. Вот примерно так я понимаю то, что ты называешь минимализмом.

— Более или менее верно, — согласился Селдон. — Безусловно, на языке математики это можно было бы выразить более четко и кратко. Вот посмотрите...

— Смилуйся! — проговорила Дорс. — Итак, раз ты знаешь, какое значение этот момент имеет для психоистории, тебе должно быть понятно многое относительно Демерзеля. У тебя есть знания, но нет понимания. А нет его потому, что тебе никогда не приходило в голову попробовать применить правила психоистории к Законам Роботехники.

Селдон отрицательно помотал головой и пробормотал:

— Ну, теперь я уж точно не понимаю, к чему ты клонишь.

— Но ведь это так просто! Робот тоже пользуется принципами минимализма, Гэри. Согласно Первому Закону, робот не может нанести вред человеку. Это — главное правило для обычных роботов, но Демерзель совершенно необычен, и для него выше Первого Закона стоит Нулевой. А Нулевой Закон гласит, что робот не может нанести вред всему человечеству. И это ставит Демерзеля точно в такие же рамки, в каких находишься ты, работая над психоисторией. Понимаешь теперь?

— Вроде бы, да.

— Надеюсь. Так вот, если Демерзель и обладает способностью изменять сознание людей, он должен делать это без нежелательных побочных явлений, а поскольку он занимает пост премьер-министра Императора, таких побочных явлений — бесконечное количество.

— И какое это имеет отношение к нынешней ситуации?

— Сам подумай! Ты не можешь сказать никому, кроме меня, конечно, что Демерзель — робот; он так все устроил, что ты просто не можешь ни с кем об этом говорить. Но чего стоило произвести такой поворот в твоем сознании? Скажи честно, тебе хочется поведать людям, что он — робот? Тебе хочется прекратить его существование и деятельность, когда ты напрямую зависишь от его покровительства, защиты, когда ты обязан ему самой возможностью работать спокойно? Нет, конечно. Следовательно, изменения, произведенные с твоим сознанием, должны быть исключительно минимальными, такими, чтобы их хватало ровно настолько, чтобы ты не проговорился в момент возбуждения или беззаботности. Изменения настолько минимальны, что у них практически нет побочных явлений. Вот именно так Демерзель и пытается править всей Империей.

— Ну а в случае с Джоранумом?

— Тут дело совсем другое. Какие бы ни были у него мотивы, он — ярый, откровенный противник Демерзеля. Несомненно, Демерзель мог бы все переменить, но исключительно ценой таких изменений в личности Джоранума, что в итоге Демерзель просто не смог бы предугадать результатов. И вместо того чтобы рисковать возможностью нанести вред Джорануму, вызывать побочные явления, следствием которых может быть нанесение вреда другим людям, а возможно, и всему человечеству, он должен не трогать Джоранума, не трогать до тех пор, покуда не придумает, не найдет какого-то маленького изменения, совсем крохотного, с помощью которого можно было бы спасти положение, никому не навредив. Вот почему Юго прав, вот почему Демерзель действительно уязвим.

Селдон слушал молча. Похоже, он крепко задумался. Прошло несколько минут, и наконец он сказал:

— Раз Демерзель не может ничего поделать, значит, этим обязан заняться я.

— Он ничего не может поделать, но что же можешь поделать ты?

— Я дело другое. Я не связан с Законами Роботехники. Мне нет нужды обременять себя непрерывными мыслями о минимализме. А для начала мне необходимо повидаться с Демерзелем.

Дорс развелновалась не на шутку.

– Необходимо? Я уверена, демонстрировать ваше знакомство особого смысла не имеет.

– Видишь ли, настало время, когда довольно притворяться, будто бы мы с ним незнакомы. Естественно, я не собираюсь наносить ему визит под рев фанфар и с предварительным торжественным объявлением по головидению. Но увидеться с ним мне очень нужно.

5

Селдон безумно злился. Проклятое время, проклятый возраст! Восемь лет назад, когда он впервые попал на Трентор, он бы не задумывался, а действовал. Тогда у него ничегошеньки не было за душой – гостиничный номер и пожитки, которые запросто можно было унести с собой, то бишь свободен, как птица, и мог летать по всему Трентору, куда вздумается.

А теперь... Ученые советы, необходимость беспрерывно принимать какие-то решения, работа, работа... Нелегко было бросить все это и помчаться к Демерзелю. Допустим, даже если он сумел бы действительно вырваться – у самого Демерзеля дел было по горло. Да, выкроить время, чтобы они оба имели возможность встретиться, прямо скажем, было нелегко.

Нелегко было и смотреть, как Дорс покачивает головой.

– Просто не представляю, что ты собираешься делать, Гэри.

Он нетерпеливо ответил:

– Я тоже, Дорс, не представляю, что мне нужно делать. Надеюсь понять что, по для этого мне надо встретиться с Демерзелем.

– Твоя первейшая обязанность – психоистория. Он тебе скажет именно это.

– Может быть. Вот я и выясню.

И теперь, как раз тогда, когда восемь дней спустя, он выбрал время для встречи с премьер-министром, Селдон получил послание. Старомодные, несколько вычурные буквы загорелись на стенном экране в кабинете Селдона. Содержание послания соответствовало витиеватости каллиграфии: «ПРОШУ АУДИЕНЦИИ У ПРОФЕССОРА ГЭРИ СЕЛДОНА».

Селдон несколько мгновений удивленно смотрел на экран. Даже к Императору теперь никто не думал обращаться в таком, столетней давности духе.

Вдобавок буквы были не напечатаны для ясности чтения, как делалось обычно. Написано было так, что прочесть послание не составляло труда, но вместе с тем почерк был красив и небрежен, словно писал тот, кто считает каллиграфию искусством. А интереснее всего была, конечно же, подпись: «ЛАСКИН ДЖОРАНУМ»! Не кто-нибудь – сам Джо-Джо просил аудиенции у Селдона!

Селдон невольно причмокнул. Вот это да! Теперь был ясен и подбор слов, и каллиграфия. Все продумано – обычная просьба была изложена таким замысловатым образом, что просто обязана была вызвать любопытство. Большого желания встречаться с этим человеком не было, то есть не было бы при обычных обстоятельствах. Но ради чего такая помпезность и артистизм? Это ему захотелось выяснить.

Он поручил секретарю договориться о времени и месте встречи. Безусловно, в рабочем кабинете, а не дома. Деловой разговор и только, ничего личного.

А главное, встреча должна состояться как раз тогда, когда и он задумал повидаться с Демерзелем.

Дорс сказала:

– Ничего удивительного, Гэри. Ты поколотил двоих его людей, причем один из них – его ближайший помощник, – испортил ему задуманное развлечение в виде студенческого бунта и, соответственно, выставил его, пускай даже в лице его соратников, в дурацком свете. Вот он и решил на тебя посмотреть, и у меня такое ощущение, что лучше мне присутствовать при вашей встрече.

Селдон покачал головой.

– Я возьму с собой Рейча. Он знает те же самые приемы, что знаю и я, а лет ему вдвое меньше. Хотя я уверен, что никакая защита мне не понадобится.

– Как, интересно, ты можешь быть в этом уверен?

– Джоранум придет ко мне в кабинет. Стало быть, встреча состоится в пределах

университета. Молодежи кругом – хоть отбавляй. По-моему, я достаточно популярен в студенческих кругах, и, насколько догадываюсь, Джоранум – не турица же и понимает, что дома и стены помогают. Думаю, что он будет исключительно вежлив и дружелюбен.

– Ну-ну… – проговорила Дорс, и уголок верхней губы у нее едва заметно приподнялся.

– Но притом – совершенно убийственен, – закончил Селдон.

6

Гэри Селдон придал лицу отсутствующее выражение и склонил голову ровно настолько низко, чтобы засвидетельствовать подобающую слушаю почтительность. Он успел до встречи внимательно рассмотреть несколько голографических портретов Джоранума, по, как это часто бывает, наяву человек оказывается не совсем таким, а порой – и совсем не таким, как на голограммах, как бы старательно они ни были изготовлены. «Вероятно, – подумал Селдон, – все дело в том, как реагируешь на реальность».

Джоранум оказался высоким мужчиной – во всяком случае, не ниже Селдона ростом, но гораздо плотнее профессора. И дело тут было вовсе не в мускулатуре, поскольку он, не будучи тучным, производил впечатление человека мягкотелого. Округлое лицо, густая шапка волос (скорее песчаных, чем желтых), ясные голубые глаза. Одет Джоранум был небрежно, физиономию его украшала полуулыбка, создававшая иллюзию дружелюбия и расположленности, но не оставлявшая при всем при том сомнений, что это, увы, иллюзия, и ничего больше.

– Профессор Селдон, – обратился он к Гэри глубоким, низким, хорошо поставленным голосом профессионального оратора, – я счастлив видеть вас. Вы были очень добры, что позволили мне навестить вас. Думаю, вы не будете возражать против того, что я прибыл к вам не один, а вместе со своим ближайшим помощником, моей, так сказать, правой рукой, хотя и не предупредил вас об этом заранее. А вы, видимо, с ним уже знакомы.

– Да, знаком. И прекрасно помню, при каких обстоятельствах состоялось наше знакомства.

Селдон несколько насмешливо взглянул на Намарти, более внимательно, чем в прошлый раз, разглядывая его. Намарти был среднего роста, с тонкими чертами лица, бледный, темноволосый, широкоротый. Ни полуулыбки, ни какого-то иного выражения лица – только осторожность и внимание.

– Мой друг, доктор Намарти, его специальность – древняя литература, пришел к вам по собственной инициативе. Извиниться, – уточнил Джоранум, бросив быстрый взгляд на Намарти.

Тот, слегка поджав губы, проговорил бесцветным голосом:

– Я сожалею, профессор, о том, что произошло тогда на поле. Я попросту был не в курсе тех строгих правил, которыми регламентируются в вашем университете подобные собрания, и несколько увлекся.

– Что вполне понятно, – сказал Джоранум. – Ничем другим и объяснить невозможно. И потом, он понятия не имел о том, кто вы такой. Думаю, теперь мы все можем забыть об этом досадном инциденте.

– Уверяю вас, джентльмены, – сказал Селдон, – что я не имею ни малейшего желания вспоминать о нем. Позвольте представить вам моего сына, Рейча Селдона. Как видите, я тоже не один.

Рейч очень вырос. Теперь он ходил с усами – густыми, черными, как подобает истинному далийцу. Восемь лет назад, когда он познакомился с Селдоном, никаких усов у него, конечно, не было и в помине. Тогда он был беспризорником, голодным оборвышем. Он был невысок, но крепок, мускулист и ловок, глаза его дерзко сверкали, словно он старался за счет заносчивости прибавить пару-тройку дюймов к своему росту.

– Доброе утро, молодой человек, – поздоровался с Рейчем Джоранум.

– Доброе утро, сэр, – учтиво ответил Рейч.

– Прошу садиться, джентльмены, – пригласил гостей Селдон. – Могу я предложить вам чего-нибудь выпить или закусить?

Джоранум поднял вверх руки.

— Нет-нет, сэр. Мы же не в гости к вам явились. — Опустившись в предложенное кресло, он добавил: — Хотя очень надеюсь, что в будущем и в гости мы к вам не раз зайдем.

— Ну, если речь о деле, то я весь — внимание.

— До меня дошли слухи, профессор Селдон, о том маленьком происшествии, которое вы столь любезно согласились не вспоминать, вот я и удивился, почему вы решились на отчаянный поступок. Ведь это было рискованно, согласитесь.

— Представьте себе, я так не думал.

— А вот я думал. Потому и решил узнать о вас по возможности больше, профессор Селдон. Вы интересный человек. Вы с Геликона, если не ошибаюсь.

— Да, я там родился. Ваши сведения точны.

— А на Тренторе вы восемь лет.

— Это тоже ни для кого не секрет.

— А знаменитость вам принес самый первый доклад о том... как это вы называете, о психоистории, не так ли?

Селдон едва заметно покачал головой. Как часто он сожалел об этой неосторожности. Конечно, тогда ему и в голову не могло прийти, что это неосторожность. Он улыбнулся.

— Юношеский энтузиазм. Из этой затеи ничего не вышло.

— Так ли? — Джоранум оглядел кабинет с довольным изумлением. — И все-таки вы нынче декан математического факультета в одном из самых престижных университетов Трентора, а ведь вам всего сорок, если не ошибаюсь. Мне, между прочим, сорок два, поэтому я не смотрю на вас с высоты возраста. Видимо, вы просто-таки выдающийся математик, коли сумели добиться такого высокого положения.

Селдон пожал плечами.

— Мне как-то в голову не приходило думать об этом.

— Либо вы выдающийся математик, либо у вас влиятельные друзья.

— Никто не отказался бы от протекции влиятельных друзей, мистер Джоранум, но тут, я думаю, вы ошибаетесь. У университетских профессоров такие друзья — редкость, да и вообще друзья, если на то пошло.

Он улыбнулся.

Улыбнулся и Джоранум.

— А как вам кажется, Император — влиятельный друг, профессор Селдон?

— Влиятельный, конечно, но какое это имеет отношение ко мне?

— А у меня такое впечатление, знаете ли, что Император — ваш друг.

— Уверен, в моем досье, мистер Джоранум, есть отметка о том, что я побывал на аудиенции у Его Императорского Величества восемь лет назад. Наша встреча длилась около часа, и тогда я не заметил с его стороны каких-либо признаков дружеского расположения. С тех пор я с ним ни разу не встречался и даже не видел его — ну, разве что по головидению.

— Но, профессор, вовсе необязательно встречаться с Императором лично, для того чтобы он числился во влиятельных друзьях. Вполне достаточно встречаться с Эдо Демерзелем, премьер-министром Императора. Демерзель — ваш опекун, а раз так, можно с уверенностью сказать, что и Император тоже.

— Простите, вы эти сведения тоже из моего досье почерпнули — относительно того, что премьер-министр — мой опекун? Или отыскали что-то другое, что позволило вам прийти к такому заключению?

— Зачем заглядывать в досье, когда и так прекрасно известно, что между вами существует связь? Вы это знаете, и я тоже это знаю. Так давайте примем это как данность и продолжим. И прошу вас, — он снова поднял руки в знак протеста, — только не надо искренних возражений, умоляю. Тратя времени, ничего больше.

— На самом деле, — сказал Селдон, — я как раз собирался спросить вас: почему вы так уверены в том, что ему вздумалось оказывать мне протекцию? С какой стати?

— Профессор! Ну зачем вы так? Хотите выставить меня наивным дурачком? Я имею в виду вашу психоисторию, ведь она так нужна Демерзелю.

— А я вам уже сказал, что все это — не более чем юношеские мечты, которые ни к чему не

привели.

— Вы мне можете говорить что угодно, профессор, но я не собираюсь верить каждому вашему слову. Позвольте, я вам скажу откровенно. Я читал тот ваш доклад и попытался понять, о чем в нем речь. Мне помогли математики. У меня и математики в штате имеются, вы не думайте. Так вот, они сказали мне, что это дикая мечта и совершенно невероятное...

— Я с ними полностью согласен, — кивнул Селдон.

— И все же у меня такое чувство, что Демерзель ждет, когда вы свою психоисторию разработаете и внедрите в практику. Ну а если он не ждет, я согласен ждать. И для вас, профессор Селдон, было бы намного лучше, если бы я подождал.

— Это почему же?

— Потому что Демерзель на своем посту долго не удержится. Общественное мнение все сильнее отворачивается от него. Очень может быть, что скоро, когда Император устанет от присутствия рядом с собой непопулярного премьер-министра, грозящего опрокинуть трон, на котором Император восседает, он быстренько подыщет ему замену. И очень может быть, что этой заменой окажется моя скромная персона. А вам все равно нужен будет опекун, кто-то, кто сможет обеспечить вам сносное существование и спокойные условия для работы.

— И этим опекуном станете вы?

— Конечно, и по той же самой причине, по которой эту роль исполняет Демерзель. Мне нужен практический метод применения психоистории, с помощью которого я мог бы более успешно править Империей.

Селдон понимающе кивнул; немного помолчав, сказал:

— В таком случае, мистер Джоранум, что толку мне об этом задумываться? Я ведь всего-навсего скромный ученый, живущий тихой жизнью, занятый безвредной математической и педагогической деятельностью. Следовательно, я совершенно спокойно могу продолжать заниматься своими делами. Деритесь себе на здоровье с премьер-министром. Кто бы из вас ни победил, у меня все равно будет опекун — ну, *так* я вас, по крайней мере, понял.

Джоранум прищурился.

— Доктор Селдон, вы патриот?

— Ну конечно. Империя дала человечеству тысячелетия мира — во всяком случае, в основном, мира — и обеспечила неуклонное развитие.

— Все точно. Но только прогресс несколько замедлился в последние пару столетий.

Селдон рассмеялся.

— Я таких подробностей не изучал.

— А вам это и не нужно. Вы знаете, что в политическом смысле последнее столетие, да и предыдущее, были временами непрерывных заварушек. Царствование каждого из Императоров долго не длилось и порой еще более сокращалось за счет покушений...

— Даже разговор об этом, — прервал его Селдон, — равен измене. Лучше бы вам не...

— Послушайте, — сказал Джоранум, откинувшись на спинку кресла, — видите, как все шатко? Империя гибнет. И я готов говорить об этом открыто. И мои последователи также не боятся говорить об этом открыто, поскольку на все сто уверены в этом. Нам нужен некто, стоящий по правую руку от Императора, кто мог бы управлять Империей, подавлять бунтовские настроения, которые то и дело вспыхивают где угодно, привести вооруженные силы в состояние боеготовности, в котором им просто подобает находиться, возглавить экономику...

Селдон протестующе взмахнул рукой.

— И вы все это сумеете, так, что ли?

— Мне хотелось бы стать этим человеком. Дело будет нелегкое, и сильно сомневаюсь, что выискать бы много охотников им заняться, — да это и понятно, Демерзель, безусловно, уже не тянет. При нем упадок Империи только ускоряется, и скоро дело дойдет до полного распада.

— А вы, стало быть, можете предотвратить упадок?

— Да, доктор Селдон. С вашей помощью. С помощью психоистории.

— Но, может быть, и Демерзель смог бы остановить упадок с помощью психоистории, если бы такая наука существовала?

Джоранум, не моргнув глазом, заявил:

— Она существует. И давайте не будем притворяться, что это не так. Однако ее

существование Демерзелю не помогает. Психодиагностика – не более чем инструмент. Значит, нужен разум, чтобы понять ее, и умение, чтобы работать.

– И все это у вас, как я понимаю, имеется?

– Да. Я знаю, на что способен. Мне нужна психодиагностика. Я хотел бы ею пользоваться. Я хочу ее иметь.

Селдон покачал головой.

– Хотеть не запрещается. У меня ее нет.

– Нет, есть. И спорить я не намерен. Джоранум наклонился вперед, словно хотел, чтобы Селдон лучше его расслышал.

– Вы утверждаете, что вы – патриот. Я обязан сместь Демерзеля и занять его место ради предотвращения распада Империи. Однако сам факт смены лидеров может отчаянно ослабить и без того шаткое положение. Вы ведь не хотите этого? Вот вы и подскажите мне, как нужно действовать, чтобы добиться желаемого деликатно, без вреда и шума, – ради жизни всех нас.

– Я не могу, – сказал Селдон. – Вы приписываете мне знания, которыми я не обладаю. Хочел бы помочь, но, увы, не имею возможности.

Джоранум резко встал.

– Хорошо. Теперь вам все известно. Вы знаете, что у меня на уме и чего я хочу от вас. Подумайте. А больше подумать прошу об Империи. Вам, может быть, кажется, что вы чем-то обязаны Демерзелю – этому отравителю всех населенных людьми миллионов планет – ну, например, дружеским расположением. Будьте осмотрительны. То, чем вы занимаетесь, способно поколебать самые основы Империи. Я прошу вас о помощи во имя квадриллионов людей, населяющих Галактику. Повторяю, подумайте об Империи.

К концу тирады голос Джоранума перешел на могущественный и путающий полу值得一опот. Селдон почувствовал, что его пробирает дрожь.

– Я и не забываю об Империи, – ответил он.

– Вот и все, о чем я прошу вас сейчас, – сказал Джоранум. – Благодарю за то, что приняли и выслушали меня.

Селдон проводил взглядом Джоранума и его спутника и еще долго смотрел на бесшумно закрывшуюся за ними дверь.

Он нахмурился. Что-то не давало ему покоя, но что, он сам пока понять не мог.

7

Намарти не спускал с Джоранума глаз. Оба сидели в надежно экранированном офисе в секторе Стрилинг. Пока тут было весьма скромно – позиции партии Джоранума в Стрилинге были еще слабоваты, но это ничего, скоро они тут обосновутся посолиднее.

Просто поразительно, как быстро пустило корни их движение. Всего лишь три года назад их деятельность была начата на пустом месте, а теперь вовсю давала ростки – где-то заметнее, где-то меньше – по всему Трентору. Внешние Миры пока что оставались практически недоступными. Демерзель упорно трудился, оберегая их покой, но в этом как раз и состояла его ошибка. Именно здесь, на Тренторе, бунты были особенно опасны. Где угодно их можно было взять под контроль, остановить. А здесь Демерзеля можно было одолеть. Странно, что он этого не понимал, однако Джоранум всегда придерживался мнения о том, что репутация Демерзеля раздута, что, если кому-либо взбрело бы в голову ковырнуть острым ножичком, драгоценная раковина оказалась бы пустой, и что Император не стал бы с ним долго церемониться, если бы его собственная жизнь была поставлена на карту.

Пока, по крайней мере, все прогнозы Джоранума сбывались. До сих пор у него не было ни единого промаха, не считая досадного провала в Стрилингском университете, случившегося с легкой руки этого Селдона.

Именно поэтому Джоранум и напросился к нему с визитом. В его деле мелочей не было. Любую занозу нужно было немедленно удалять. Джоранум наслаждался чувством непотопляемости, и Намарти вынужден был признать, что неразрывная цепь успехов являлась надежнейшим залогом того, что цепь эта и далее останется неразрывной. Людям свойственно принимать сторону победителя, пусть даже его мнение расходится с их собственным.

Дилетантов и неудачников люди не жалуют.

Но вот была ли беседа с Селдоном звеном в цепи успехов или стала следующей занозой? Намарти был вовсе не в восторге от того, что Джоранум потащил его с собой извиняться, да и толку от этого, по его впечатлению, не вышло никакого.

Теперь Джоранум сидел, задумавшись и посасывая большой палец, словно пытался высосать оттуда что-то питательное.

— Джо-Джо, — негромко произнес Намарти. Он был одним из немногих, кому было позволено так обращаться к Джорануму в приватной обстановке, называя его этим уменьшительным именем, которое нараспев выкрикивали толпы народа. Джоранум мирился с этим на публике, но в личных беседах требовал к себе уважения от всех, исключения делались для немногих преданных друзей, с которыми его связывали долгие отношения. — Джо-Джо, — повторил Намарти.

Джоранум поднял взгляд.

— Да, Дж. Д., в чем дело? — отозвался он несколько раздраженно.

— Что мы будем делать с этим Селдоном, Джо-Джо?

— Делать? Пока ничего, Позднее, может быть, он присоединится к нам.

— Но зачем ждать? Можно надавить на него, Потянуть за кое-какие ниточки в университете, и ему небо покажется с овчинку.

— Нет-нет. Пока Демерзель нам не мешал идти своей дорогой. Тупица. Он слишком доверчив. Но меньше всего мне хотелось бы, чтобы он начал действовать, до того как мы будем полностью готовы. А непродуманный, грубый шаг в отношении Селдона может спровоцировать Демерзеля на ответные действия. Думаю, Демерзель возлагает на Селдона большие надежды.

— Из-за этой самой психоистории, что ли?

— Именно.

— А что это за штука? Я об этом не слыхал даже.

— Не ты один. Это математический подход к анализу человеческого общества, в результате которого становится возможным предсказание будущего.

Намарти нахмурился и невольно отодвинулся подальше от Джоранума. Что он, шутит, что ли? Хочет насмешить его? У Намарти с чувством юмора всегда было тугу.

— Предсказание будущего? — переспросил он. — Это как?

— Ха! Если бы я знал как, зачем бы мне было нужно таскаться к Селдону?

— Честно говоря, не верится мне в это, Джо-Джо. Как это можно предсказывать будущее? Как гадалки?

— Я тоже так думал, но, после того как Селдон испортил затеянный тобой митинг, я поинтересовался его карьерой. От и до. Восемь лет назад он явился на Трентор и прочел доклад о психоистории на математическом конгрессе. И все. Больше он к этому не возвращался. Полное молчание.

— Похоже, что в этом и нет ничего.

— О нет, как раз наоборот. Если бы не наступила сразу же после доклада такая тишина, если бы сообщения шли на убыль постепенно, если бы критики высмеяли его доктрину, вот тогда, согласен, ничего бы в этом не было. Но это внезапное молчание означает, что вся ситуация вокруг психоистории помещена в самый мощный морозильник. Очень может быть, именно поэтому Демерзель нас и пальцем не трогает. Очень может быть, что им руководят не дурацкая доверчивость и верхоглядство, а психоистория, с помощью которой предсказано нечто такое, чем Демерзель решил воспользоваться в нужный момент. Коли так, мы провалимся, если только не сумеем сами воспользоваться психоисторией.

— Но Селдон утверждает, что ее не существует.

— А ты бы не утверждал, будь ты на его месте?

— Все равно я считаю, что на него стоит надавить.

— Бесполезно, Дж. Д. Ты когда-нибудь слыхал рассказ о топоре Венна?

— Нет.

— Если бы ты тоже был с Нишайи, наверняка слыхал бы. У меня на родине это — знаменитая сказка. Короче говоря, этот Венн был лесоруб, и у него был волшебный топор,

которым можно было без труда свалить любое дерево. Сам понимаешь, вещь жутко ценная, но Венн не старался ни от кого прятать свой топор. И тем не менее никто и не пытался его украсть, поскольку никто, кроме самого Венна, не в силах был поднять топор, не говоря уже о том, чтобы размахнуться и ударить им по дереву.

Ну так вот, в настоящее время никто, кроме Селдона, не в силах управиться с психоисторией. Окажись он на нашей стороне только потому, что мы вынудили его к этому, мы никогда не сможем быть уверенными в его верности. Разве он не сумеет предпринять такие действия, что они покажутся нам полезными и нужными, но проделает это так хитро, что в конце концов мы сядем в лужу. Нет, на нашу сторону он должен перейти добровольно и работать на нас, потому что будет желание, чтобы мы победили.

— И как же мы этого добьемся?

— У Селдона есть сын. Рейч — вроде бы так он его называл. Ты его хорошо рассмотрел?

— Не очень.

— Ох, Дж. Д., Дж. Д., проиграешь, друг мой, если не будешь во все как следует вникать. В нашем деле надо глядеть в оба. Этот юноша меня слушал с горящими глазами. На него мои доводы явно произвели впечатление. Единственное, что я про себя знаю точно, так это то, какое впечатление произвожу на людей. Я всегда знаю наверняка, когда я человека потряс до глубины души, когда мой слушатель и зритель готовы передумать.

Джоранум улыбнулся. Только теперь на лице его играла не формальная полуулыбка-маска, которую он выносил на публику. На этот раз это была холодная и, пожалуй, даже страшная ухмылка.

— Подумаем, как нам быть с Рейчем, — сказал он, — и нельзя ли добраться до Селдона через него.

8

После того как двое политиков ретировались, Рейч пригладил усы и взглянул на Селдона. Он испытывал ни с чем не сравнимое удовольствие, приглашая усы. Здесь, в секторе Стрилинг, кое-кто из мужчин носил усы, но им было безнадежно далеко до Рейча. А большинство разгуливали с сиротливо оголенными верхними губами. Селдон тоже был безусый, а потому на Рейча производил впечатление внешне человека унылого, без изюминки. Да, собственно, при его цвете волос от усов проку было бы мало.

Рейч немного подождал, думая, что Селдон сам выйдет из раздумий, но в конце концов не выдержал.

— Па! — окликнул он профессора.

Селдон посмотрел на него и растерянно спросил:

— Что?

Наверное, рассердился, что побеспокоил его, решил Рейч и сказал:

— Мне кажется, ты зря принял этих парней.

— О? Это почему же?

— Ну, этот-то, худющий, не помню, как его звать, это же тот самый, кого ты сделал тогда, на поле. Он наверняка это запомнил.

— Он же извинился.

— Он этого не хотел. А другой, Джоранум, этот вообще, по-моему, личность опасная. А если бы у них было оружие?

— Что? Здесь, в университете? В моем кабинете? Нет, невозможно. Тут тебе не Биллиботтон. Да и потом, даже если бы они попытались затеять потасовку, я бы с ними легко управился. С обоими.

— Не знаю, — покачал головой Рейч. — Ты...

— Молчи, неблагодарное чудовище, — прервал его Селдон, предостерегающе подняв указательный палец. — Сейчас ты начнешь говорить точно так же, как твоя матушка, а я от нее уже наслушался. Я не старею, по крайней мере, не *слишком* еще состарился. И потом, ты был рядом, а ты в драке мне не уступишь.

Рейч наморщил нос.

— От драки толку чуть. — Он, конечно, хотел сказать: «драться бесполезно». Время от времени, хотя прошло уже целых восемь лет, Рейч, нет-нет, да и сбивался на далийский акцент, безошибочно указывающий на его происхождение из низших слоев общества. Вдобавок он был невысокого роста, и это порой жутко раздражало его. Но главное, у него были усы, и никому не удавалось пока унизить его. — А что ты собираешься делать с этим Джоранумом?

— Пока ничего.

— Послушай, па. Я пару раз видел Джоранума по головизору. Я даже записал его речи. Про него же все болтают напропалую, вот я и решил посмотреть, что он скажет. И знаешь, что-то есть в его трепе. Мне он ни чуточки не нравится, я не верю ему, и все-таки *что-то* в нем есть этакое. Он хочет, чтобы у всех секторов были равные права и возможности, — в этом же нет ничего дурного, верно?

— Конечно, нет. Любой цивилизованный человек подписался бы под этим.

— Так почему же тогда у нас все не так? Император под этим подпишется? А Демерзель?

— Императору и премьер-министру приходится заботиться обо всей Империи. Они не могут все время думать только о Тренторе. А Джорануму легко разглагольствовать о равенстве. У него никакой ответственности ни за что нет. Занимай он правящий пост, он бы быстро убедился, что это колossalный труд — править двадцатью пятью миллионами миров. Да и не только в этом дело. Он бы постоянно сталкивался с сопротивлением, которое бы оказывали ему сами секторы. Каждому из них хочется побольше равенства для себя — но не столько же для других. Скажи, Рейч, тебе не кажется, что Джорануму надо бы дать возможность поуправлять, хотя бы для того, чтобы мы увидели, на что он способен?

— Не знаю, — пожал плечами Рейч. — Я просто думаю... Но я точно знаю, если бы он попробовал тебя хоть пальцем тронуть, я бы его придушил на месте.

— Следовательно, любовь ко мне для тебя стоит выше судьбы Империи?

— Еще бы. Ты — мой отец.

Селдон с любовью посмотрел на Рейча, но не прочел в его взгляде того, что позволило бы ему окончательно успокоиться. Каковы были на самом деле гипнотические чары Джоранума?

9

Гэри Селдон откинулся на спинку стула, которая слегка подалась назад. Полулежа, закинув руки за голову, он прикрыл глаза. Казалось, он дремлет.

Дорс Венабили сидела в противоположном конце комнаты около выключенного выюера. Микрофильмы, просмотренные ею, уже были уbraneы в футляры. Сегодня она основательно покопалась в них, проверяя правильность своей точки зрения относительно Флоринского Инцидента, имевшего место на раннем этапе истории Трентора, и решила, что пора передохнуть. Интересно, о чем думает сейчас Гэри?

Наверное, о психоистории. Скорее всего, у него уйдет весь остаток жизни на разработку подходов к этому полу хаотичному методу, а закончить работу он так и не успеет и будет вынужден передать ее другим (и частности, Амариллю, если этот молодой человек к тому времени тоже не сломает голову на психоистории}, и это разрывает его сердце.

Однако именно это давало ему силы для жизни. Он непременно проживет дольше, когда каждый его день с утра до ночи занят делом, и это радовало Дорс. Но она знала, что настанет день, когда потеряет его, и мысль эта путала ее. Она и подумать не могла раньше, что будет так, — раньше, когда ее задача была проще простого — беречь его ради сохранения его знаний.

Когда леэ все это стало для нее личным делом? И могло ли быть теперь что-то более личное? Что такого было в этом человеке, что заставляло ее волноваться всякий раз, когда его не было рядом, — даже тогда, когда она была твердо уверена, что с ним все в порядке, и по идее, заложенные внутри нее рефлексы не призывали ее ни к каким действиям? Ведь ей было приказано всего-навсего заботиться о его безопасности. Откуда же взялось все остальное?

Давным-давно она поговорила об этом с Демерзелем — тогда, когда твердо убедилась, что чувства не обманывают ее.

Он грустно посмотрел на нее и сказал:

— Простых ответов не жди, Дорс. Ты сама не так проста. Я в своей жизни тоже изредка

встречаю людей, рядом с которыми мне было легче думать, приятнее существовать, проще проявлять ответные реакции. Я пытался оценить причину легкости моих реакций в их присутствии и трудность – в отсутствии, чтобы понять, что я приобретаю или теряю. В конце концов стало ясно, что радость от их общества перевешивала печаль от их исчезновения. Так что уж лучше испытывать такие чувства, какие ты испытываешь сейчас, чем наоборот.

Дорс подумала: «Настанет день, и Гэри уйдет, и этот день с каждым часом все ближе, и думать об этом я не должна».

Именно затем, чтобы избавиться от этой навязчивой мысли, она окликнула мужа:

– Гэри, о чём ты думаешь?

– Что?

Селдон открыл глаза и посмотрел на Дорс.

– Скорее всего, о психоистории. Наверное, зашел в очередной тупик?

– Да ну... Вовсе не об этом я думал. Знаешь, о чём? – спросил он, негромко рассмеявшись. – Ни за что не догадаешься. О волосах!

– О волосах? Вот это номер! О чьих же?

– В данный момент – о твоих, – сказал Селдон и с любовью посмотрел на жену.

– С ними что-нибудь не в порядке? Может, перекрасить их в другой цвет? Наверное, я должна была уже поседеть?

– Брось! Твоим волосам не нужна седина... Понимаешь, эта мысль заставила меня подумать о совершенно посторонних вещах. К примеру, о Нишайе.

– Нишайя? Это что?

– Видишь ли, Нишайя не была частью доимперского Тренторианского Королевства, потому я вовсе не удивлен, что ты о ней даже не слышала. Это планета, очень маленькая. Изолированная. Никому не нужная и неинтересная. Да и я о ней в конце концов узнал только потому, что поинтересовался. Мало какому из двадцати пяти миллионов миров удавалось добиться такого головокружительного взлета известности, причем среди них вряд ли отыщется столь малозначительный мир, как Нишайя... А ведь это интересно, не правда ли, и весьма значительно.

Дорс отодвинула в сторону справочные материалы и спросила:

– Ты решил в очередной раз поупражняться в парадоксах? К чему этот разговор о значительности и незначительности?

– О, я вовсе не выдумываю никаких парадоксов, даже тогда, когда они у меня получаются. Понимаешь, Джоранум ведь с Нишайей.

– А, так ты думаешь о Джорануме?

– Да. Я просмотрел одно из его выступлений – по настоянию Рейча. Смысла в нем, прямо скажем, немного, но общее впечатление поистине гипнотическое. На Рейча он подействовал именно так.

– Думаю, так бы он подействовал на любого далийца, Гэри. Непрерывные призывы Джоранума к равенству секторов, естественно, найдут отклик в сердцах униженных термальщиков. Ты же помнишь Даль?

– Отлично помню и нисколько не виню мальчика. Мне просто не дает покоя то, что Джоранум родом с Нишайей.

Дорс пожала плечами.

– Ну, должен же он быть откуда-то родом, и наоборот, Нишайя время от времени должна порождать выдающихся людей, выдающихся даже по тренторианским меркам.

– Все верно, но как я тебе уже сказал, я поинтересовался Нишайей. Мне даже удалось выйти на гиперпространственную связь с одним второстепенным служащим, что стоило мне довольно значительной суммы, которую я при всем желании не могу предоставить для оплаты на факультет.

– Ну, и узнал ты что-нибудь такое, что оправдало бы затраты?

– Похоже, узнал. Понимаешь, Джоранум то и дело вставляет в свои речи всяческие рассказы – легенды своей родной планеты. И это служит ему хорошую службу здесь, на Тренторе, поскольку он производит впечатление человека из народа, наполненного до краев доморощенной философией. Эти рассказы оживляют его речь, создается впечатление, что он –

уроженец маленькой планеты, выросший на далекой одинокой ферме, расположенной в пасторальной, экологически чистой местности. Людям это нравится – особенно тренторианцам, которые скорее умрут, чем согласятся переселиться куда-либо в экологически чистую местность, но зато обожают мечтать о таком.

– Ну и что?

– А то, что тот человек с Нишайи, с которым я говорил, ни сном, ни духом не ведает ни о каких таких сказках.

– Это не имеет значения, Гэри. Какая бы это ни была маленькая планета, это все равно планета. То, что у всех на устах в той местности, где родился Джоранум может быть не ведомо никому в тех краях, откуда родом человек, с которым ты беседовал.

– Нет-нет. Народные предания, в том или другом варианте, как правило, гуляют по всей планете. И потом, понимаешь, я с трудом разбирал то, что мне говорил этот человек. Говорил он на стандартном галактическом, но с таким жутким акцентом, что понять было почти невозможно. Ради проверки я поговорил еще кое с кем с этой планеты – то же самое.

– И что?

– У Джоранума – ни малейшего акцента. У него приятный тренторианский выговор, совершенно безупречный. Получше моего, если на то пошло. Я, к примеру, грассирую «р» – так говорят на Геликоне. Он – нет. Судя по его досье, он прибыл на Трентор, когда ему было уже девятнадцать. На мой взгляд, совершенно невероятно провести первые девятнадцать лет жизни, говоря на совершенно варварском диалекте Нишайи, а потом оказаться на Тренторе и утратить все следы акцента. Как бы долго он ни жил здесь, все равно что-то должно было бы в его выговоре остаться такое... Ты на Рейча посмотри – он же то и дело сбивается на свои далийские штучки.

– И какой же вывод ты сделал?

– Вывод? Какой вывод? Сижу весь вечер и пытаюсь сделать вывод, прямо как какая-нибудь дедукционная машина. Вывод такой: Джоранум не с Нишайи. На самом деле, я думаю, он избрал Нишайю как вымышленную родину именно потому, что это такая отсталая, малозначительная планета, что никому и в голову не придет там наводить о нем справки. Вероятно, он осуществил скрупулезнейшую компьютерную проверку в поисках такого мира, в отношении которого его наименее вероятно было бы уличить во лжи.

– Но это смешно, Гэри. Зачем ему придумывать себе ложную родину? Из-за этого ему пришлось бы страшно фальсифицировать все свое досье.

– Именно это он, по всей вероятности, и сделал. Полагаю, у него достаточно последователей в муниципальных службах, чтобы он без труда мог это проделать. Скорее всего, никому и в голову не пришло проверять его утверждения, а все его последователи – слишком убежденные фанатики, чтобы вообще заводить такие разговоры.

– И все-таки, зачем?

– Затем, думаю, что Джоранум не хочет, чтобы люди знали, откуда он родом на самом деле.

– Но почему? Все планеты в Империи равны – и в отношении закона, и в отношении традиций.

– Не знаю. Не уверен. В реальной жизни чаще всего все обстоит не так идеально.

– Ну и откуда же он тогда? У тебя есть какая-то догадка?

– Да. Она возвращает нас к разговору о волосах.

– При чем тут волосы?

– Понимаешь, покуда я беседовал с Джоранумом, я все время чувствовал себя не в своей тарелке и никак не мог понять почему. Наконец я понял, что это из-за его волос. Что-то в них было такое – густота, блеск... какая-то неестественная красота – я такой раньше никогда не видел. И вдруг я понял. У него искусственные волосы, старательно выращенные на черепе, который, по идее, должен был быть лысым.

– Должен был? – прищурилась Дорс. Похоже было, она все поняла. – Ты хочешь сказать...

– Да, хочу. Он из архаичного, напичканного мифами тренторианского сектора Микоген. Вот именно это он и пытается скрыть.

10

Дорс Венабили холодно и трезво задумалась. Собственно, она только так и умела думать – холодно и трезво, в отличие от того, как вела себя во время эмоциональных вспышек.

Она закрыла глаза, чтобы лучше сосредоточиться. Прошло восемь лет с тех пор, как они с Гэри побывали в Микогене, да и пробыли там совсем недолго. Восторгаться там, прямо скажем, было нечем, разве только пища вызывала восхищение.

В сознании ее мало-помалу воскресла картина… странное, пуританское, патриархальное сообщество… там действительно удаляли всю растительность с тела, и делалось это исключительно для того, чтобы противопоставить себя всем остальным, для того, чтобы «понять, кто такие микогенцы»… Легенды, воспоминания (или выдумки) о тех временах, когда они правили Галактикой, когда жизнь их длилась долго, когда существовали роботы…

Дорс открыла глаза и спросила:

- Зачем, Гэри?
- Зачем что, дорогая?
- Зачем ему скрывать, что он из Микогена?

Она вовсе не думала, что Гэри помнит о Микогене больше нее, и помнить не мог, но у него был совсем другой ум – не лучше и не хуже, а просто другой. Ее ум был способен лишь на то, чтобы запоминать и делать очевидные заключения в форме математической дедукции. А ум Гэри порой делал самые неожиданные скачки. Селдон, правда, старался делать вид, будто бы интуиция – это из той области, которая свойственна исключительно его ассистенту, Юго Амарилю, но Дорс он не мог обмануть. Селдон пытался производить и другое впечатление – несколько странноватого математика, который взирает на мир, не переставая удивляться, но и в этом он тоже не мог обмануть Дорс.

– Так зачем же ему скрывать, что он из Микогена? – повторила Дорс свой вопрос.

Селдон сидел, глядя в одну точку, Когда он вот так сидел, Дорс чутьем понимала, что он пытается извлечь нечто ценное из принципов психоистории, что помогло бы прояснить конкретный вопрос.

Наконец Селдон ответил.

– Микоген – жестокое сообщество с уймой ограничений. Там всегда отыщется кто-то, кто взбунтуется против их диктата над делами и мыслями. Всегда отыщется кто-то, кто захочет раствориться в общей массе, кто возжелает попасть в более раскрепощенный мир за пределами такого сообщества. Это вполне понятно.

– И поэтому они принялись выращивать искусственные волосы?

– Не совсем так. Чаще всего Отступники – именно так микогенцы именуют предателей и, безусловно, презирают их – носят парики. Это гораздо проще, но намного хуже. Как мне сказали, настоящие Отступники выращивают искусственные волосы. Процесс этот непростой, и стоит такая операция немалых денег, но в результате получается почти неотличимо от настоящих волос. Слыхать-то я об этом слыхал, но напрямую никогда не сталкивался. Несколько лет подряд я потратил на изучение всех восьмисот секторов Трентора, пытаясь выработать основные принципы и математическую основу психоистории. Пока я мало чем могу похвастаться, увы, но я узнал-таки кое-что.

– Но все же: зачем Отступникам скрывать, что они – из Микогена? Ведь их никто не преследует за это, насколько мне известно.

– Нет, не преследует. На самом деле нет такого отношения к микогенцам как к людям второго сорта. Все гораздо хуже. Их никто не принимает всерьез. Да, они умны – это признают все: высокообразованы, честолюбивы, воспитаны, сущие мудрецы в том, что касается гурманства, поистине устрашающи в своей способности поддерживать процветание родного сектора, и все-таки никто не принимает их всерьез. Их убеждения за пределами Микогена создают у людей впечатление глупости, просто невероятной, опереточной глупости. И такое отношение переносится даже на тех микогенцев, которые становятся Отступниками. Попытайся микогенец захватить власть в правительстве – да его же на смех поднимут. Когда тебя боятся – это ерунда. Когда тебя презирают – да нет, и с этим, пожалуй, жить можно. Но вот когда над тобой смеются – это невыносимо. Джоранум хочет стать премьер-министром, значит, у него

должны быть волосы, мало того – он должен выставить себя уроженцем какого-то другого мира, причем желательно расположенного как можно дальше от Микогена.

– Но послушай, есть же люди лысые, то есть просто лысые?

– Есть, конечно, но все равно их не спутаешь с теми, кто подвергся полной депиляции по микогенскому закону. Во Внешних Мирах на это всем было бы наплевать. Но само слово «Микоген» для жителей Внешних Миров – пустой звук. Микогенцы так крепко держатся за свое насиженное место, что мало кто из них когда-либо отправлялся во Внешние Миры. А вот здесь, на Тренторе, все обстоит совсем по-другому. Да, люди тут могут быть лысыми, и все-таки при самой большой лысине у них все-таки наблюдаются какие-то остатки волос, и их наличие неопровержимо указывает, что перед вами – никакие не микогенцы. Либо такие люди выращивают искусственные волосы. Те немногие, кто лыс абсолютно и безнадежно, – ну, считай, что им здорово не повезло в жизни. Наверное, им приходится всюду предоставлять справку, что они не микогенцы.

Дорс, слегка нахмутившись, спросила:

– Что это нам дает?

– Пока не знаю.

– А ты мог бы доказать, что он – микогенец, и сделать это достоянием гласности?

– Не уверен, что это будет легко. Он наверняка старательно замел следы, и даже в том случае, если мне удастся...

– Ну?

Селдон пожал плечами.

– Мне бы не хотелось призывать к дискриминации. Социальная ситуация на Тренторе и без того напряженная, так что вовсе незачем выпускать из-под замка страсти, которые потом ни мне, ни кому-то другому станут не подвластны. Если мне и придется выложить этот микогенский козырь, то я выложу его последним.

– Значит, ты тоже желаешь минимализма.

– Естественно.

– И что же в таком случае ты *собираешься* делать?

– Я договорился о встрече с Демерзелем. Может быть, он знает, что делать.

Дорс резко взглянула на него.

– Гэри, не обманывай себя. Так дело не пойдет. Разве Демерзель обязан разгадывать за тебя все загадки?

– Нет, но, может быть, *этую* разгадает.

– А если нет?

– Значит, придется придумать что-нибудь другое.

– К примеру?

Гримаса боли и тоски искривила лицо Селдона.

– Дорс, я не знаю. Не думай, что я тоже способен разгадать любую загадку.

11

Эдо Демерзель на людях появлялся редко, и единственным, пожалуй, с кем он более или менее часто виделся, был Император. У Демерзеля была масса причин держаться подальше от посторонних взглядов, и одна из них – та, что с годами он почти не менялся внешне.

Гэри Селдон не видел его уже несколько лет, а лично не беседовал еще дольше.

Учитывая то, как прошла недавняя встреча Селдона с Ласкином Джоранумом, и он, и Демерзель понимали, что афишировать их свидание ни в коем случае нельзя. Визит Селдона к премьер-министру в Императорский Дворец не мог остаться незамеченным, поэтому из соображений безопасности они договорились встретиться в небольшом, но роскошно обставленном номере гостиницы, расположенной неподалеку от дворцовой территории.

Увидев Демерзеля, Селдон ощутил боль прошедших лет. Одно лишь то, что Демерзель выглядел точно так же, как всегда, усилило эту боль. Он был все так же высок и статен, с правильными, жесткими чертами лица; в его темных волосах мелькали светлые пряди, но не седины. Лицо его нельзя было назвать красивым, но оно было выразительно. Внешне он

поразительно соответствовал идеалу императорского премьер-министра и был совсем не похож на тех, кто занимал этот пост до него. Селдон считал, что одно это давало ему некоторую власть над Императором, а следовательно, и над придворными... и даже над Империей.

Демерзель шагнул навстречу Селдону, радостно, по-доброму улыбаясь. Правду сказать, даже такая искренняя улыбка почти не меняла вечно печального, озабоченного выражения его лица.

— Гэри, — сказал он, — как я рад тебя видеть. А я уж было подумал, что ты передумаешь и не выберешься.

— А я был почти уверен, что передумаете вы, премьер-министр.

— Можно «Эдо», если ты боишься называть меня моим настоящим именем.

— Не могу. Из меня его клещами не вытянешь. Ты же знаешь.

— Я вытяну. Произнеси его. Мне было бы так приятно услышать его из твоих уст.

Селдон растерялся. Он просто не мог поверить, что его губы сумеют сложиться для произнесения звуков, что голосовые связки сомкнутся.

— Дэниел... — проговорил он наконец.

— Р. Дэниел Оливо, — кивнул Демерзель. — Пообедаешь со мной, Гэри? Ведь если я буду обедать с тобой, мне не придется есть. Знаешь, это такое облегчение.

— С радостью, хотя подобное одностороннее потребление пищи не вяжется с моим идеалом совместной трапезы. Ну, может, хотя бы кусочек-другой?

— Только чтобы доставить тебе удовольствие.

— Но все равно, — покачал головой Селдон, — я просто не знаю, стоит ли нам проводить вместе долгое время.

— Стоит. Я получил на этот счет соответствующее распоряжение. Его Императорское Величество желает, чтобы мы с тобой встретились.

— Почему, Дэниел?

— Через два года состоится очередной математический конгресс. А ты, вроде, удивлен. Ты что, забыл?

— Да нет, не то чтобы забыл. Я просто об этом не думал.

— Разве ты не собираешься присутствовать? На предыдущем конгрессе ты был главной сенсацией.

— Угу. С психоисторией. Та еще сенсация.

— Ты привлек внимание Императора. Ни одному математику до тебя такое не удавалось.

— Привлек я сначала твое внимание, а вовсе не Императора. Потом мне пришлось удирать во все лопатки и оставаться в недосягаемости для Императора до тех пор, пока я не сумел убедить тебя в том, что я вплотную подошел к началу психоисторических изысканий. Только потом ты позволил мне оставаться в спасительной неизвестности.

— Будучи главой математического факультета в престижнейшем учебном заведении? Сомнительная неизвестность.

— И все-таки это так, поскольку эта деятельность — прикрытие для того, чем я на самом деле занимаюсь.

— Ага, вот и обед подали. Давай пока поболтаем о чем-нибудь другом, просто как закадычные друзья. Как Дорс?

— Прекрасно. Настоящая жена. Готова меня таскать всюду на поводке, так трясется за мою безопасность.

— Это ее работа.

— Она мне так и говорит — и слишком часто. Дэниел, если серьезно, я никогда не сумею отблагодарить тебя за то, что ты нас познакомил.

— Спасибо, Гэри, но если честно, я вовсе не предполагал, что вы обретете семейное счастье, особенно Дорс.

— Огромное спасибо тебе за этот подарок, даже если ты не ожидал такого оборота дел.

— Я рад, но подарок этот сомнительный, и ты это со временем поймешь; такой же сомнительный, как моя дружба.

Селдон не знал, что ответить, и, повинувшись жесту Демерзеля, принял за еду.

Через некоторое время он приподнял вилку с кусочком рыбного филе и сказал:

– Не могу сказать точно, что это за зверь, но явно микогенского происхождения.

– Точно. Я знаю, как ты любишь тамошнюю кухню.

– Только она и оправдывает существование микогенцев. Но они для тебя что-то значат. Что-то особенное. Я не должен забывать об этом, прости.

– Не стоит. Теперь ничего особенного нет. Их предки давным-давно населяли планету под названием «Аврора». Продолжительность жизни там равнялась тремстам годам и больше, и обитатели планеты были властелинами пятидесяти миров Галактики. Именно уроженец Авроры придумал и создал меня. Я не забыл об этом, я это помню даже, пожалуй, слишком хорошо – и не так извращенно, как микогенские потомки обитателей Авроры. Но тогда, давным-давно, я предал их и покинул. Я сделал свой выбор в пользу того, что считал лучше для человечества, и следовал по этому пути все время, стараясь как можно лучше исполнять свой долг.

– Нас не могут подслушивать? – спросил вдруг Селдон взволнованно.

Демерзель улыбнулся.

– Если тебе такое пришло в голову только сейчас, то уже слишком поздно. Но не беспокойся, я предпринял необходимые меры предосторожности. Тебя видели считанные единицы. И когда будешь уходить, мало кто увидит. Да и те, кто увидит, не будут никак удивлены. Я имею печальную репутацию математика-любителя с грандиозными замашками, но весьма скромными способностями. Это удивительно забавляет тех придворных, кто не является моими друзьями, и поэтому здесь никто не удивится, что я проявляю интерес к подготовке приближающегося математического конгресса. Я ведь с тобой как раз о конгрессе хотел поговорить.

– Вот уж и не знаю, какой от меня в этом смысле толк. Я мог бы говорить на конгрессе об одном-единственном предмете, но говорить о нем не могу. Если и приму участие, то самое пассивное, как зритель и слушатель. Я не собираюсь представлять никакого доклада.

– Понимаю. И все-таки, если тебе любопытно, имей в виду, что Его Императорское Величество про тебя не забыл.

– Наверное, потому, что ты держишь меня у него в уме.

– Нет. Этим я не занимался. Видишь ли, Его Императорское Величество порой меня просто потрясает. Он в курсе того, что приближается очередной конгресс, и, видимо, не забыл твоего выступления на предыдущем. Его по-прежнему интересуют психоистория и последствия ее применения. Я обязан тебя предупредить. Весьма вероятно, что он возжелает с тобой встретиться. Придворные, безусловно, сочтут, что это великая честь – дважды в жизни получить приглашение во дворец.

– Ты шутишь? Что толку от моей встречи с ним?

– Не знаю, но, если тебя пригласят, отказаться ты будешь не вправе. Ну а как твои юные протеже, Юго и Рейч?

– Полагаю, тебе все о них известно. Уверен, ты с меня глаз не спускаешь.

– Точно. Я не спускаю глаз с твоей безопасности, но не слежу за каждым твоим шагом. Видишь ли, у меня дел по горло, и я не всевидящ.

– А Дорс разве тебе не все докладывает?

– Доложила бы, если бы положение дел стало критическим. Только так, а не иначе. Ей вовсе не улыбается роль домашней шпионки.

Демерзель снова едва заметно улыбнулся.

Селдон откашлялся.

– Мальчики в порядке. С Юго жутко трудно ладить. Он, надо тебе сказать, больше психоисторик, чем я, и у него, по всей вероятности, такое впечатление, что я не даю ему дороги. Что же до Рейча, то он очаровательный озорник – такой, какой и был. Он запал мне в душу еще тогда, когда слонялся беспризорником по биллиботтонским трущобам, но что самое невероятное – так это то, что Дорс он тоже ухитрился покорить. Я совершенно честно тебе скажу, Дэниел, если я надоем Дорс и она захочет уйти, она все равно не перестанет любить Рейча. – Демерзель кивнул, а Селдон задумчиво продолжал: – А ведь если бы этот сорванец не овладел в свое время сердцем Рейчел из Сэтчема, меня бы теперь тут не было. Пристрелили бы меня, как миленького. Знаешь, Дэниел, – добавил он, нервно поерзав на стуле, – я терпеть не могу об этом вспоминать. Ведь это действительно был случай – непредсказуемый,

невероятный. В чем же мне тут помогла психоистория?

— А разве не ты говорил мне о том, что в лучшем случае психоистория способна оперировать только вероятностями и большими числами и не имеет никакого отношения к конкретным, отдельным людям?

— Но если этот конкретный человек оказывается исключительно важным...

— Думаю, ты понимаешь, что ни один человек в отдельности не может быть исключительно важным. Ни я, ни ты.

— Может быть, ты и прав. Но понимаешь, какая штука... Сколько бы я ни работал в рамках подобных допущений, тем не менее я никак не могу избавиться от мыслей о собственной значимости. Какой-то суперэгоизм, превосходящий все пределы разумного... Но и ты исключительно важная персона, и именно поэтому я так хотел тебя увидеть и поговорить с тобой — насколько возможно откровенно. Я должен знать.

— Что знать?

Со стола уже прибрали, и свет в комнате стал более приглушенным, обстановка казалась более непринужденной, располагающей к интимной беседе.

— Джоранум, — сказал Селдон без лишних слов.

— Ах да.

— Ты знаешь о нем?

— Конечно. Еще бы мне не знать.

— Ну так вот. Я тоже хочу узнать о нем.

— Что именно?

— Слушай, Дэниел, не притворяйся. Он опасен?

— Конечно, он опасен. А что, есть на этот счет какие-то сомнения?

— Для тебя, я хочу сказать. Для твоего положения в ранге премьер-министра.

— Я об этом и говорю. Именно в этом смысле он и опасен.

— И ты миришься с этим?

Демерзель, облокотившись, склонился к столу.

— Существуют такие вещи, которые происходят независимо от того, милюсь я с ними или нет, Гэри. Давай будем смотреть на все философски. Его Императорское Величество Клеон Первый восседает на троне уже восемнадцать лет, и все это время я служу государственным секретарем и премьер-министром, даже при его отце служил, правда, не так рьяно, как при Клеоне. Срок немалый, и вряд ли кому из премьер-министров удавалось так долго оставаться на своем посту.

— Ты не совсем обычный премьер-министр, Дэниел, и ты это прекрасно знаешь. Ты обязан оставаться у власти, покуда не будет разработана психоистория. Не улыбайся, не надо. Это правда. Когда мы познакомились с тобой восемь лет назад, ты сказал мне, что Империя находится в состоянии разрухи и упадка. Теперь ты думаешь иначе?

— Вовсе нет.

— На самом деле упадок сейчас стал еще более заметен, верно?

— Да, хотя я упорно тружусь над его предотвращением.

— А не будь тебя, это случилось бы? Джоранум поднимает против тебя всю Империю.

— Не Империю, Гэри, только Трентор. Во Внешних Мирах пока все спокойно, несмотря на упадок в экономике и снижение объема торговли.

— Но Трентор — самое главное. Трентор — столичная планета, где мы живем, сердце Империи, административный центр, и именно Трентор способен сбросить тебя. Ты не сможешь удержаться на своем посту, если Трентор скажет тебе «нет».

— Согласен.

— А если ты уйдешь, кто же тогда позаботится о спокойствии Внешних Миров, предотвратит упадок и скорое скольжение Империи по наклонной плоскости вниз, к анархии?

— Но это всего-навсего вероятность.

— Значит, тебе нужно что-то делать. Юго уверен в том, что тебе грозит смертельная опасность, что ты не сможешь удержаться на своем посту. Ему это подсказывает интуиция. Дорс говорит о том же и все объясняет тремя или четырьмя законами...

— Роботехники, — подсказал Демерзель.

— А юный Рейч, похоже, увлечен доктринаами Джоранума — он же далиец, сам понимаешь. А я... я в растерянности, потому и решил посоветоваться с тобой. Думал, ты меня как-то успокоишь. Уверь меня в том, что ты держишь ситуацию в руках.

— Уверил бы, если бы был уверен. Но я тоже неспокоен. Я *действительно* в опасности.

— И при этом ничего не делаешь?

— Нет. Я многое делаю для того, чтобы сдерживать недовольство и отражать удары Джоранума. Если бы я этого не делал, я бы уже не работал. Но моей деятельности недостаточно.

Селдон растерялся. Немного помолчав, он сказал.

— Знаешь, я думаю, что Джоранум на самом деле микогенец.

— Это действительно так?

— Это всего лишь мое мнение. Я подумывал, нельзя ли воспользоваться этим фактом против него, но мне не хотелось бы прибегать к дискриминации.

— И правильно делаешь, что сомневаешься. Есть масса возможных вариантов действий, которые повлекут за собой совершенно нежелательные эффекты. Видишь ли, Гэри, я ведь не боюсь оставить свой пост, если будет найден подходящий последователь, который будет в своей деятельности придерживаться тех же принципов предотвращения упадка, к которым в своей работе прибегал я. Но, с другой стороны, если мое место займет Джоранум, боюсь, это будет просто-таки фатальный случай.

— Тогда все, что бы ни предприняли, чтобы остановить его, годится.

— Не совсем так. Империя может скатиться в анархию даже при том условии, если мы одолеем Джоранума и я останусь на своем посту. Следовательно, я не должен предпринимать ничего такого, что позволило бы одолеть Джоранума, а мне — остаться на своем посту, если само это деяние ускорит гибель Империи. Пока я не сумел придумать ничего такого, что позволило бы одновременно избавиться от Джоранума и избежать анархии.

— Минимализм... — прошептал Селдон.

— Прости, не рассыпал.

— Дорс объясняла мне, что ты связан рамками минимализма.

— Так оно и есть.

— Значит, я зря пришел к тебе, Дэниел.

— Ты хочешь сказать, что искал успокоения, но не нашел его?

— Похоже, что так.

— Но ведь и я шел на встречу с тобой, потому что тоже искал успокоения.

— У меня?

— У психоистории, которая обеспечила бы такой путь к безопасности, которого я отыскать не могу.

Селдон тяжело вздохнул.

— Дэниел, психоистория пока не разработана до такой степени.

Премьер-министр укоризненно посмотрел на математика.

— Гэри, у тебя было целых восемь лет.

— Восемь, восемьдесят ли, какая разница? Это грандиозная проблема.

— Я вовсе не жду, что методика будет доведена до совершенства, но, может, у тебя появилась хотя бы какая-то схема, остав, что ли, некий принцип, которым можно было бы руководствоваться? Пускай несовершенный, но все-таки лучше, чем гадание на кофейной гуще.

— Нет. То, чем я сейчас располагаю, ничуть не больше, чем у меня было восемь лет назад. Так что выводы будут такие: ты должен оставаться у власти, а Джоранума надо одолеть таким способом, чтобы как можно дольше сохранить стабильность в Империи. Следовательно, это мой единственный шанс продолжать трудиться над разработкой психоистории. Но этого нельзя добиться, пока я не разработаю психоисторию. Верно?

— Похоже, что так, Гэри.

— Значит, мы зашли в порочный круг и Империя погибнет.

— Если только не случится ничего непредвиденного. Если только ты не сделаешь так, чтобы нечто непредвиденное случилось.

— Я? Дэниел, как я могу этого добиться без психоистории?

— Не знаю, Гэри.

Селдон поднялся, чтобы уйти... в полном отчаянии.

12

Четыре дня спустя Гэри Селдон пренебрег своими обязанностями главы факультета и использовал служебный компьютер для личных целей — настроил его на прием новостей.

Компьютеров, способных осуществлять ежедневный сбор новостей из двадцати пяти миллионов миров, были считанные единицы. Несколько таких компьютеров было установлено в Императорском Дворце — там они были просто необходимы. Стояли такие и в столицах других Внешних Миров, хотя в большинстве из них довольствовались гиперсвязью с главной службой новостей на Тренторе.

Компьютер, стоявший на математическом факультете такого крупного университета, как Стрилингский, можно было при желании превратить в источник информации, и Селдон добился того, что его компьютер позволял делать это. В конце концов это было необходимо для его работы над психоисторией, хотя возможности компьютера были старательно завуалированы.

В идеале компьютер должен был сообщать все экстраординарное, что происходило в любом из миров, входивших в состав Империи. Закодированный, едва заметный сигнал обозначал, что известие, относящееся к разряду экстраординарных, поступило, и тогда Селдон обращал на него внимание. Надо сказать, случалось такое крайне редко, поскольку рамки «экстраординарности» были установлены очень жестко, и под, это определение подпадали исключительно события глобального масштаба или нечто сверхинтересное.

Если бы этого компьютера не было, пришлось бы связываться время от времени с различными планетами на выбор — не всеми двадцатью пятью миллионами, конечно, а с несколькими десятками из них. Задача это была нудная и утомительная, поскольку мало в каком из миров ежедневно не происходило какой-нибудь своей маленькой катастрофы. Там — извержение вулкана, там — наводнение, там — экономический кризис, ну и, конечно, бунты. За последнюю тысячу лет не было дня, чтобы хотя бы на одной из сотни планет не вспыхивало народное волнение.

Естественно, обращать особое внимание на подобные случаи нужды не было. Волноваться относительно бунтов стоило ничуть не больше, чем относительно вулканических извержений. И то и другое постоянно происходило в обитаемых мирах. Вот если выдавался денек, когда не происходило ни единого восстания, как раз тогда следовало бы расценивать, что происходит нечто необычное, заслуживающее самого пристального внимания и беспокойства.

А именно беспокойства-то у Селдона и не возникало. Внешние Миры, при всех их беспорядках и бедствиях, казались тихой, спокойной поверхностью громадного океана, на которой почти всегда царил штиль. Ну, пробежит волна повыше — и снова все успокоится. Никаких признаков глобальной ситуации, которые предвещали бы неминуемый упадок, за последние восемь лет Селдону обнаружить не удавалось, да и за восемьдесят тоже. И все же Демерзель (без него Селдон даже мысленно не мог называть его Дэниелом) говорит, что процесс упадка продолжается и ему приходится постоянно держать руку на пульсе Империи, действуя способами, Селдону недоступными, покуда в его распоряжении не окажется направляющая сила психоистории.

Может быть, упадок происходит так незаметно, что не станет очевиден до тех пор, пока не достигнет некой критической точки, как, к примеру, твой дом, что стоит себе и стоит, потихоньку ветшая, но так незаметно, что поймешь это только тогда, когда в одну прекрасную ночь тебе на голову рухнет крыша.

И когда же она должна рухнуть, эта крыша? Вопрос на засыпку, и ответа на него у Селдона не было.

Время от времени Селдон проверял и оценивал ситуацию на Тренторе. Тут новости во все времена имели особый характер. Во-первых, Трентор был самым населенным миром из всех — здесь жило сорок миллиардов человек. Во-вторых, восемьсот секторов, на которые делился Трентор, представляли собой нечто вроде своеобразной мини-Империи. В-третьих, здесь

существовала разветвленная сеть государственных учреждений с невероятно запутанной иерархической структурой, проследить за которой было крайне трудно, уделяя при этом внимание и поведению царствующей фамилии.

На этот раз Селдона поразило сообщение о результатах выборов в секторе Даль. Там к власти пришли последователи Джоранума. Судя по комментарию, это был первый случай, когда джоранумиты завладели властью над целым сектором.

На самом деле – ничего удивительного. Даль стал главным оплотом джоранумитов, однако Селдона неприятно поразил факт столь очевидного успеха демагога. Он заказал копию видеоматериала и, получив, забрал домой.

Когда Селдон вошел, Рейч оторвался от экрана своего компьютера и, судя по всему, решил, что нужно объяснить отцу, чем это таким он занимается.

– Помогаю маме, – сообщил он. – Собираю для нее кое-какие справки.

– А как насчет твоей собственной работы?

– Сделано, па. Все сделано.

– Отлично. А теперь погляди-ка сюда, – сказал Селдон и показал пленку, собираясь затем вставить ее в микропроектор.

Рейч, прищурившись, просмотрел пленку и сказал:

– Уже знаю.

– Вот как?

– Конечно. Я с Даля глаз не спускаю. Родина, как-никак.

– Ну и что ты об этом думаешь?

– Я не удивлен. А ты? Весь Трентор считает Даль комком грязи. Почему бы тем, кто там живет, не разделять убеждения Джоранума?

– Ты тоже их разделяешь?

– Ну... – Рейч задумался: – Вынужден признаться, кое-что из того, о чем он говорит, задевает меня. Например, что хочет равенства для всех. Что тут плохого?

– Ничего. Если он не лжет. Если не разлагольствует об этом исключительно ради того, чтобы набрать побольше голосов.

– Все верно, па, но только большинство далийцев скорее всего думают так: «Что нам терять? У нас и сейчас равенства нет, хотя законы утверждают, что оно у нас есть».

– Законы и писать, и контролировать не просто.

– Знаешь, от этой мысли не станет холодно, когда будешь помирать от жары.

Селдон нахмурился. Как только он прочел сообщение об итогах выборов, в голову ему пришла одна идея.

– Послушай, Рейч, – сказал он, – ты ведь не был в Дале с тех самых пор, как мы с мамой увезли тебя оттуда, верно?

– Почему не был? Мы же все вместе ездили туда пять лет назад?

– Да-да... – замахал рукой Селдон. – Но это не то. Мы останавливались в гостинице, которая, насколько я помню, даже и далийской не была, и потом, насколько я помню, Дорс не отпускала тебя одного на улицу. Ведь тебе тогда было всего пятнадцать. А не хочешь ли ты съездить в Даль теперь? Один, самостоятельно – теперь, когда тебе уже двадцать?

Рейч прищелкнул языком.

– Мама ни за что не отпустит.

– Я же не говорю, что меня жутко радует мысль о том, как я буду с ней об этом разговаривать, но, честно говоря, я не собираюсь спрашивать у нее разрешения. Вопрос стоит таким образом: согласен ли ты сделать это для меня?

– Из любопытства? Почему бы нет? Я не прочно поглядеть, что и как там и теперь.

– От учебы сумеешь оторваться?

– Конечно. Ведь еще ни разу не пропускал. И потом, ты же можешь записать лекции, и я наверстаю пропущенное, когда вернусь. Меня отпустят. Ну а если что, так у меня же, старик, важная шишка в университете – ой, па, ты не обиделся?

– Пока нет. Только учти, я тебя не на увеселительную прогулку посылаю.

– Ясное дело. Сомневаюсь, чтобы ты представлял себе, что такое «увеселительная прогулка», па. Странно даже от тебя это слышать.

– Ну ладно, пошутили и будет. Когда ты попадешь в Даль, я хочу чтобы ты встретился там с Ласкином Джоранумом.

Рейч удивился не на шутку.

– Это как? Как я его найду?

– Он собирается в Даль. Его пригласили выступить в Совете Сектора вместе с новыми членами правительства Сектора, его последователями. Мы выясним точно, в какой день он будет выступать, и ты отправишься в Даль на несколько дней раньше.

– Но как я сумею повидаться с ним, па? Думаю, он не устраивает приемов.

– Я тоже так думаю, но тут уж тебе карты в руки. Тебе было двенадцать, а ты уже тогда знал, как это делается. Надеюсь, за последние годы ты не утратил этого замечательного качества.

Рейч улыбнулся.

– Я тоже надеюсь. Ну, допустим, я к нему попаду. И что?

– Нужно будет выяснить все возможное. Что он собирается делать? Что у него на уме?

– Ты что, серьезно думаешь, что он мне все это выложит?

– Не удивлюсь, если все так и получится. Ты умеешь внушать доверие, паршивец, умеешь.

Давай все обсудим.

И они обсудили. И не раз.

Мысли у Селдона были невеселые. Он вовсе не был уверен, что что-то получится из его затеи, но решил не посвящать в нее ни Юго Амариля, ни Демерзеля, ни (самое главное) Дорс. Они помешали бы. Они бы принялись доказывать, что идея дурацкая, а он не хотел, чтобы кто-нибудь ему это доказывал. То, что он задумал, казалось ему единственным путем к спасению, и он не желал, чтобы кто-то вставал поперек дороги.

Но был ли путь? Вот в чем вопрос. Рейч был единственным, на взгляд Селдона, кто мог бы втереться в доверие к Джорануму, но соответствовал ли Рейч этой роли? Рейч – далиец, и у Джоранума мог вызвать симпатию. Однако насколько ему можно доверять?

Какой ужас! Рейч был его сыном, а до сих пор Селдону и в голову не приходило усомниться в том, насколько ему можно доверять!

13

Да, Селдон сомневался во многом – в том, насколько верно все задумал, в том, не вызовет ли задуманное преждевременного взрыва в ходе событий, в том, можно ли быть до конца уверенным, что Рейч справится с порученным делом, но насчет одного у него никаких сомнений не было: поведения Дорс, когда он расскажет ей о своих планах.

И она не разочаровала его, если можно так выражаться.

Нет, в каком-то смысле все-таки *разочаровала*, потому что она не стала кричать от ужаса – он ведь ожидал чего-нибудь именно в таком роде.

На самом деле зря ожидал. Она была совсем не такая, как обычные женщины, и по-настоящему злой он ее никогда не видел. Очень может быть, она и не умела по-настоящему злиться – *по-настоящему*, с точки зрения Селдона.

Нет, она просто посмотрела на него ледяными глазами и с горечью в голосе проговорила:

– Ты послал его в Даль? Одного?

Тихо так проговорила, вопросительно.

Из-за этого ее спокойствия Селдон поначалу опешил. Но взял себя в руки и твердо, решительно ответил:

– Я должен был это сделать. Это необходимо.

– Погоди, я хочу понять. Ты послал его в это логово воров, трущобы, кишащие убийцами, в эту клоаку преступности?

– Дорс! Не говори так со мной. Это выводит из себя! Такими словами говорят разве что мещане.

– Ты что, отрицаешь, что Даль именно таков?

– Конечно, отрицаю. Да, в Дале есть преступники и трущобы. Я это отлично знаю. Мы оба это отлично знаем. Но не весь Даль таков. Преступники и трущобы есть в каждом секторе, даже

в Императорском, и в Стрилинге.

– Но существует такое понятие, как уровень преступности, если не ошибаюсь? Один не равен десяти. Даже если все секторы, все планеты погрязли в преступности, Даль все равно один из самых страшных, или нет? У тебя есть компьютер. Посмотри статистику.

– Не стоит. Даль – беднейший из секторов Трентора, а между нищетой, отчаянием и преступностью существует положительная связь. Тут я с тобой согласен.

– Ты со мной согласен! И ты отпустил его одного? Ты мог поехать с ним, мог попросить меня поехать с ним, отправить с ним, если на то пошло, десяток его сокурсников. Они бы с радостью сорвались с занятий, уверена.

– То, ради чего я его послал туда, требует, чтобы он был один.

– А ради чего ты его послал туда?

Селдон молчал, как в рот воды набрал.

– Вот, оказывается, до чего дошло? – нахмурилась Дорс. – Ты мне не доверяешь?

– Это опасно. Рисковать я намерен один. Я не могу подвергать опасности ни тебя, ни кого-либо другого.

– Ты не рискуешь! Рискует бедняга Рейч.

– Вовсе он не рискует, – мотнул головой Селдон. – Ему двадцать. Молодой, быстрый, крепкий, как дерево, и не такое, какие выращивают тут, на Тренторе, в тепличных условиях, а такое, какие растут в геликонских лесах. И потом, он силен в рукопашной схватке, а далийцы в этом ничего не смыслят.

– Уж мне эти твои рукопашные схватки! – огрызнулась Дорс. – Ты считаешь, что в этом решение всех проблем. Далийцы ходят с ножами. Все до одного. И с бластерами тоже, наверняка.

– Насчет бластеров не знаю. Закон крайне суров, когда дело доходит до бластеров. Что касается ножей, я уверен, у Рейча нож при себе. Он даже здесь, в кампусе, с ножом не расстается, а ведь это противозаконно. Неужели ты думаешь, он в Даль без ножа отправился?

Дорс промолчала.

Селдон тоже молчал несколько минут, затем решил, что все-таки нужно ввести жену в курс дела.

– Послушай, – сказал он, – я тебе могу сказать одно: я надеюсь, что он встретится с Джоранумом, который намеревается посетить Даль.

– О? И чего ты ждешь от Рейча? Что мальчик убедит Джоранума, что тот был в корне не прав, и сердце того наполнится искренним раскаянием о содеянном, и он уберется обратно в Микоген?

– Хватит. Если ты собираешься и дальше беседовать в таком духе, не имеет смысла продолжать разговор.

Селдон отвернулся от нее и взглянул в окно, за которым виднелось серо-голубое «небо».

– Жду я от него другого, – сказал он. – Жду, что он спасет Империю.

– О да. Это будет намного легче, – фыркнула Дорс.

– Я этого жду, – сердито буркнул Селдон. – У меня нет решения. У тебя тоже нет. Нет и у Демерзеля. Он так и сказал, что решение за мной. К этому я и стремлюсь, и поэтому мне нужно было, чтобы Рейч поехал в Даль. Дорс, ну ты же прекрасно знаешь, как он умеет очаровывать людей. С нами у него это вышло, так что можно надеяться, выйдет и с Джоранумом. Если я прав, все будет хорошо.

Дорс широко раскрыла глаза:

– И ты еще станешь утверждать, что ты опираешься на психоисторию?

– Нет. Не стану. Я не собираюсь тебя обманывать. Пока я еще не достиг таких результатов, чтобы мог руководствоваться психоисторией. Но Юго постоянно говорит об интуиции, а у меня она тоже есть.

– Интуиция? Что это такое? Дай определение!

– С легкостью. Интуиция – это свойственное человеческому разуму умение находить верный ответ в ситуации, когда у него недостает точной информации, а та, что есть, порой противоречива.

– И ты положился на это умение.

— Да, — решительно кивнул Селдон. — Положился.

Но про себя он подумал о том, чего не мог сказать Дорс: «Что если Рейч утратил свое природное обаяние? Что если — того хуже — в нем укрепилось сознание того, что он — далиец?»

14

Биллиботтон остался Биллиботтоном: грязным, вонючим, мерзким Биллиботтоном, гниющим и тем не менее полным жизни. Такого места нигде больше на Тренторе не найти, так думал Рейч. Может, где-то еще в Империи и сыпалось бы подобное местечко, однако Рейч о таких не слыхал.

Он не бывал здесь с тех самых пор, как Дорс и Селдон увезли его, то есть с двенадцати лет, но ему казалось, что тут все по-прежнему, даже люди те же самые: адская смесь цепных псов и мелких шавок, излучающих воспаленную гордость и злобный протест. Мужчины по-прежнему носили густейшие черные усы, а женщины ходили в мешковатых платьях, которые, на теперешний цивилизованный взгляд Рейча, казались еще более уродливыми.

И как только так одетым женщинам удавалось привлечь к себе внимание мужчин? На самом деле вопрос дурацкий. Ему было всего двенадцать, а он уже тогда знал, как легко и просто эти платья снимаются.

И вот он здесь, на родине. Погрузившись в воспоминания, он шел по Торговой улице, смотрел на витрины и пытался убедить себя в том, что отлично помнит каждое место, глядел на встречных и пытался угадать, нет ли среди них тех, с кем он был знаком восемь лет назад, — дружков детства. Увы, он помнил только клички, которыми они награждали друг друга. Настоящего имени ни одного из своих приятелей, хоть убей, он вспомнить не мог.

И в самом деле, он очень многое успел забыть. Не потому, что восемь лет — такой уж большой срок, а потому, что для двадцатилетнего это две пятых жизни, наполненных бесконечными событиями, а его жизнь после отъезда из Биллиботтона так сильно изменилась, что прошедшее ему виделось, как в тумане.

Но главное — запахи. Запахи тут были те же самые. Он остановился у кондитерской, приземистой и неряшливой на вид, и уловил запах кокосового мороженого — такого запаха он давно не ощущал. Даже тогда, когда он покупал трубочки с кокосовым мороженым, даже тогда, когда вывеска гласила, что они приготовлены «по-далийски», это все были бледные призраки — не более того.

Рейч почувствовал сильнейшее искушение. Зайти? А почему бы нет? Кредиток у него хватало. Дорс рядом не было, а то бы она непременно поморщилась и сказала бы что-нибудь насчет того, что там грязно. Но тогда, в старые добрые времена, кому какое дело было до чистоты!

Освещение внутри магазина было такое тусклое, что глаза Рейча долго привыкали к сумраку. Несколько низких столиков, около них — малопрезентабельные стулья. По всей вероятности, тут можно быстро перекусить — « выпить кофе с пирожными» на здешний манер. За одним из столиков сидел молодой мужчина, перед ним стояла пустая чашка. На парне была некогда белая футболка. Будь освещение пoyerче, пожалуй, она показалась бы еще грязнее.

Кондитер или, по крайней мере, хозяин заведения вышел из комнаты за стойкой и довольно невежливо поинтересовался:

— Че надо?

— Кокоженое, — ответил Рейч, не добавив «пожалуйста». Какой же он был бы биллиботтонец, если бы начал распинаться в вежливых словечках? И название вспомнил, не забыл.

А название это, судя по всему, все еще было в ходу, поскольку кондитер тут же вручил ему трубочку с мороженым без лишних слов. Причем подал мороженое руками. Рейчу-мальчишке и в голову не пришло бы задуматься, но теперешний Рейч ощутил прилив брезгливости.

— Пакет дать?

— Не надо, — сказал Рейч. — Я тут съем.

Он расплатился с кондитером, взял мороженое и откусил большущий кусок, наслаждаясь

знакомым вкусом. В детстве для него такое мороженое было редкой и почти недоступной роскошью. Он покупал его тогда, когда удавалось наскастри нажную сумму. Время от времени ему давал откусить кусочек кто-нибудь из внезапно разбогатевших дружков, но чаще всего он воровал мороженое, пользуясь удобным случаем. Теперь он мог купить сколько угодно порций...

— Эй, — послышался чей-то голос у Рейча за спиной.

Рейч с трудом вернулся к реальности. Его, оказывается, окликнул парень, что сидел за столом.

— Это ты мне, парень? — негромко уточнил Рейч.

— Ага. Чё это ты делаешь, а?

— Кокоженое ем. Че те надо?

Рейч автоматически перешел на биллибтонский жаргон, и это оказалось совсем нетрудно.

— Не. В Биллибтоне че делаешь?

— Родился тут. Вырос тут. Токо в кровати народился, а не на улице, как ты.

Оскорбление слетело с языка легко, так легко и непринужденно, словно Рейч никуда и не отлучался из Биллибтона.

— Во как? Че-то ты слишком вырядился. Тоже мне биллибтонец. Цаца какая! Да от тебя, поди, и духами прет!

Парень пошевелил мизинцем — этим жестом подманивали к себе друг друга гомосексуалисты.

— Сказал бы я, чем от тебя несет. Но я — человек воспитанный.

— Чей-то? Во-спи-тан-ный? У-сю-сю!

В это время в кондитерскую вошли еще двое. Рейч слегка нахмурился. Сговорились они или как? Парень, сидевший за столом, обратился к вошедшим:

— Этот крякает, будто он воспитанный, Болтает — биллибтонец.

Один из вошедших с притворной учтивостью поклонился Рейчу и ухмыльнулся, показав неровные, давно нечищенные зубы.

— А че, здорово! Биллибтонец да к тому же воспитанный! Завсегда че-нибудь подкинет бедненьким, несчастненьким сородичам, а? Ну, денежки, к примеру. Че тебе стоит подкинуть кредитку-другую бедненьким, а?

— И много их у тебя, господин хороший? — поинтересовался его приятель без ухмылки.

— Эй, эй, — заволновался хозяин заведения. — Парни, проваливайтесь отсюда. Нече у меня тут колобродить.

— Не боись, — сказал ему Рейч. — Я ухожу.

Он собрался было уйти, но парень, сидевший за столом, выставил ногу, загородив проход между столиками.

— Ну ты че, парень? Ты куда? Мы по тебе заскучимся.

Хозяин кондитерской, почувствовав, что запахло жареным, ретировался в комнатушку за стойкой.

Рейч улыбнулся и сказал:

— Парни, кода я в последний раз был в Биллибтоне, со мной были мои старики, и нам загородили дорогу десять парней. Точно, десять. Я сосчитал. И мы с ними разделались.

— Да ну? — удивился тот, что заговорил с Рейчем. — Твой старикан разделался?

— Старикан? Не, не он. Ему бы нипочем такого не сделать. Старуха моя. А я, парни, получше ее сумею. А вас токо трое. Так что вы уж лучше пропустите меня.

— А как же. Ты токо кредитки оставь и иди. Не, еще тряпки кое-какие сымни.

Парень, сидевший за столом, встал. В руке его блеснуло лезвие ножа.

— Ага, — понимающе кивнул Рейч. — Вы, стало быть, решили поразвлечься? Ну, это вы зазря.

Рейч покончил с мороженым и развернулся к наглецам вполоборота. Вдруг быстрее, чем он сам успел сообразить, что делает, он одним махом взлетел на стол, резко взмахнул ногой и носком туфли сильно ударил точнехонько в солнечное сплетение парню с ножом.

Тот повалился на спину с громким воплем. Тут Рейч подпрыгнул, ногами опрокинул стол,

схватил его за ножки и крышкой прижал к стене второго Вандюгу, а третьему нанес сокрушительный удар в кадык. Тот скорчился, страшно закашлялся и повалился на пол.

На все у него ушли считанные мгновения. Выхватив из-за пояса два ножа, Рейч прошипел:

– Ну, давай подходи по одному! Кто первый?

Никто не шелохнулся.

– Ну, раз так, я пошел, – сказал Рейч.

Но, судя по всему, хозяин заведения даром времени не терял и, удалившись в комнатку за стойкой, вызвал людей на подмогу. В магазинчик вошли трое, и хозяин встретил их возмущенными воплями:

– Хулиганье! Настоящее хулиганье! Вошедшие явно были одеты в какую-то форму, но такой формы Рейч раньше никогда не видел. Штаны у них были заправлены в высокие ботинки, просторные футболки подпоясаны широкими ремнями, на головах – довольно забавные пилотки. Ближе к левому плечу на футболках красовались буквы «О.Дж.».

Выглядели они вполне по-далийски, только усы у них были какие-то странные, не далийские. Нет, усы как усы, черные, но только уж больно аккуратные, коротенькие.

– Капрал Квинбер, – представился старший по званию. – Что здесь происходит?

Побитые биллиботтонцы в это время поднялись, и вид у них был, прямо скажем, неважнецкий. Один из них все еще, согнувшись, держался за живот, второй потирал шею, а третий – плечо, которое, по всей видимости, было вывихнуто.

Капрал оценивающе поглядел на них. Двое его подчиненных встали у дверей. Капрал обернулся к Рейчу – на вид он был единственным непострадавшим.

– Ты биллиботтонец, парень?

– Я здесь родился и вырос, но восемь лет прожил в другом месте.

Теперь Рейч говорил не с таким выраженным акцентом, но все же с акцентом – примерно с таким же, с каким говорил и сам капрал. В конце концов Даль был большим сектором, тут жили разные люди, и в некоторых районах люди разговаривали почти правильной речью.

– Вы – из службы безопасности? – спросил Рейч. – Что-то я не припоминаю такой формы...

– Нет, не из службы безопасности. В Биллиботтоне какая служба безопасности... Мы – из охраны Джоранума, и порядок тут поддерживаем мы. Этих троих мы знаем, они нам уже попадались. О них мы позаботимся. Нас интересуешь ты, парень. Номер для связи?

Рейч назвал.

– И что тут произошло?

Рейч рассказал.

– А какое у тебя тут дело?

– Послушайте, – решил на всякий случай уточнить Рейч. – А вы имеете право допрашивать меня? Если вы не из службы безопасности...

– Послушай, – грубо проговорил капрал, – тебе ли о правах рассуждать? Мы щас в Биллиботтоне, а тут право есть у того, кто его взял. Ты сказал, что сделал эту троицу, и я тебе верю. Но нас тебе не отдалать. Нам бластеров носить, правда, не разрешают, – лениво проговорил капрал и вытащил из кобуры самый что ни на есть настоящий бластер... – А теперь говори, что ты тут делаешь?

Рейч вздохнул. Если бы он отправился сразу туда, куда должен был отправиться, то есть в здание правительства сектора, если бы не эта проклятая ностальгия по Биллиботтону и «кокоженому»...

Он сказал:

– Я приехал по важному делу к мистеру Джорануму, и раз вы из его органи...

– К Джорануму? Лидеру?

– Да, капрал.

– С двумя ножами?

– Ножи для самозащиты. Я не собирался идти с ножами к мистеру Джорануму.

– Это ты только говоришь. Так, мистер, нам придется сопроводить вас в участок. Там разберемся. Может, не сразу разберемся, но выясним все досконально.

– Но у вас нет такого права! Вы – не официальное учреж...

— Ладно, попробуй поищи, кому пожаловаться. А до тех пор ты наш.
Ножи были конфискованы, и Рейча повели в участок.

15

Клеон уже не был больше тем красивым молодым монархом, что красовался на его голографических портретах. Только на голограммах он таким и оставался, но зеркало говорило ему совсем другое. Последний день рождения Императора был отпразднован с подобающей случайному помпезностью, однако сорок лет — они и есть сорок, как ни крути.

В принципе, Император не имел ничего против своего возраста. Здоровье его было в полном порядке. Правда, он немного растолстел — ну самую малость. Пожалуй, его лицо и могло бы выглядеть старше, но над ним постоянно трудились косметологи, и потому выглядел Император даже моложаво.

Восемнадцать лет он восседал на троне — за последнее столетие мало кому такое удавалось — и не видел ничего такого, что могло бы помешать ему процарствовать еще лет сорок, а тогда его царствование побило бы все рекорды в истории Империи.

Клеон снова взглянул в зеркало и пришел к выводу, что выглядел бы еще лучше, если бы не включал третье измерение.

Взять Демерзеля — преданного, надежного, крайне необходимого, *невыносимого* Демерзеля. Этот вообще не меняется! Остается таким, как был, и, насколько знал Клеон, косметологи ему никаких услуг не оказывают. Но что самое интересное, он никогда не выглядел молодо! Даже тогда, когда служил отцу Клеона, а сам Клеон был юным наследным принцем. И теперь все такой же. Может, лучше было бы слегка состариться в молодости и не меняться потом?

«Меняться!»

Это слово напомнило ему о том, что он вызвал Демерзеля по важной причине, значит, не следовало погружаться в раздумья, когда тот стоял перед ним и ждал. Такую рассеянность Демерзель мог как раз приписать тому, что Император стареет.

— Демерзель! — сказал Император.

— Сир?

— Этот Джоранум. Я уже устал слышать о нем.

— Вам нет нужды слушать, сир. Совершенно заурядный человек. Помелькает-помелькает да и исчезнет.

— Но что-то он не исчезает.

— Порой такие вещи носят затяжной характер, сир.

— И что ты о нем думаешь, Демерзель?

— Он опасен и приобрел известную популярность. Именно популярность усиливает его опасность.

— Но если ты находишь его опасным, а мне он так сильно надоел, зачем нам ждать? Разве его нельзя просто взять и посадить в тюрьму, казнить или сделать еще что-нибудь?

— Политическая ситуация на Тренторе, сир, сложна и...

— Она всегда сложна. Разве я слышал от тебя когда-нибудь что-то другое про ситуацию на Тренторе?

— Мы живем в сложное время, сир. Предпринимать в отношении этого человека резкие меры не стоит — разве только затем, чтобы сыграть на его популярность.

— Не нравится мне все это, — пробурчал Клеон. — Я не так уж начитан — у Императоров всегда не хватает времени на чтение, но историю своей Империи я как-нибудь знаю. За последние пару столетий бывали случаи, когда такие популисты, как их принято называть, захватывали власть. И в каждом из таких случаев Император превращался в марионетку, А я марионеткой становиться, Демерзель, не желаю.

— Но этого не случится, сир.

— Случится, если ты намерен бездействовать.

— Я пытаюсь принять меры предосторожности, сир, но весьма умеренные.

— А ведь есть один человек, который не так осторожничает, как ты. Примерно месяц назад

университетский профессор – *профессор*, это надо же – лично вмешался и прервал митинг джоранумитов, то есть, фактически, предотвратил студенческие волнения. Затеял кулачный бой и выгнал их.

– Все верно. А как вы, сир, об этом узнали?

– Узнал, потому что это именно тот профессор, которым я интересуюсь. А вот ты почему мне сам об этом не доложил?

Демерзель почти обиженно проговорил:

– Разве я обязан, сир, докладывать обо всем, что ложится на мой стол ежедневно? Обо всех мелочах?

– Мелочах? Но тот, о ком я говорю, не кто иной, как Гэри Селдон.

– Да, его так зовут.

– Знакомое имя. Не он ли несколько лет назад зачитал тот самый доклад на конгрессе, что так заинтересовал нас?

– Он, сир.

– Вот видишь, – довольно осклабился Клеон. – С памятью у меня все в порядке. Я не нуждаюсь в том, чтобы за меня все запоминали мои приближенные. И я говорил с этим Селдоном о его докладе, не так ли?

– Память у вас поистине безупречная, сир.

– И как поживает его идея? Ну, то средство для предсказания будущего? Моя безупречная память не подсказывает мне, как же оно называлось...

– Психоистория, сир. Как я вам еще тогда объяснил, идея оказалась безнадежно далекой от практического воплощения. Красивая была идея, но абсолютно неосуществимая.

– И все-таки он оказался способен сорвать многолюдный митинг. Осмелился бы он на такое, не зная заранее, что это ему удастся? Разве это не свидетельство того, что его психоистория... как бы это выражаться... работает?

– Сир, это говорит об одном: Гэри Селдон – горячая голова. Даже если бы психоисторическая теория работала, она все равно не выдавала бы результатов, имеющих отношение к отдельному человеку или конкретному событию.

– Ты ведь не математик, Демерзель. А он – да. Пора бы мне снова повидаться с ним. Довольно скоро должен состояться очередной математический конгресс, если не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, сир, но это будет бесполезная тра...

– Демерзель, я этого желаю. Сделай, как я говорю.

– Хорошо, сир.

16

Рейч слушал со всевозрастающим нетерпением, которого старался не показывать. Он находился в импровизированной камере, где-то в центре Биллиботтона. Вели его сюда по таким хитросплетениям уочек, что теперь он с трудом понимал, где находится место его заточения. (И это он, он, который в детстве мог с завязанными глазами исколесить весь Биллиботтон и удрать от любого преследователя!)

Тот, кто теперь беседовал с ним, – человек, одетый в зеленую форму охраны Джоранума, – был либо миссионером, промывателем мозгов, либо каким-то странным богословом, скорее всего подделывавшимся под богослова. Представился он как Сандер Ни, и теперь произносил длинную тираду, наверняка зазубренную наизусть, и притом с жутким акцентом истинного далийца.

– Коли далийский народ хочет наслаждаться благами равенства, он должен доказать, что достоин их. Смиренное поведение, умеренность в удовольствиях – это требуется от всех и каждого. В чем нас попрекают другие? А как раз в том и попрекают, что мы, дескать, агрессивные, что мы ходим с ножами. Мы должны быть чисты в слове и...

– Я полностью согласен с вами, охранник Ни, – вмешался Рейч, – с каждым вашим словом согласен. Но... мне нужно повидать мистера Джоранума.

Охранник медленно покачал головой.

– Это никак нельзя, если у вас нету разрешения, приглашения.

— Послушайте, я сын известного профессора из Стрилингского университета, профессора-математика.

— Не знаю никаких профессоров... Погоди, ты же вроде сказал, что ты из Даля.

— Конечно, из Даля. Вы что, не слышите, как я разговариваю?

— И твой папаша — профессор в таком большом университете? Чё-то не верится.

— Он мне не родной отец. Отчим.

Охранник слегкотянулся и покачал головой.

— А в Дале знаешь кого?

— Тут живет Матушка Ритта. Она меня знает (А ведь она уже тогда, восемь лет назад, была жутко старая. Теперь, может, уже из ума выжила, а может, ее уж в живых нет.)

— Сроду про такую не слыхал.

(Кто же еще? Пожалуй, он не мог припомнить никого, чье бы имя что-либо сказали этому человеку. Лучшим его дружком был мальчишка по кличке «Грязнуля» но, кроме его клички, он ничего вспомнить не мог. Даже в полном отчаянии Рейч при всем желании не смог бы выговорить фразу типа: «Не знаком ли вам некто моего возраста по кличке "Грязнуля"?»

Наконец он сказал:

— Юго Амариль.

Светлые глаза Ни потемнели.

— Кто-кто?

— Юго Амариль, — заторопился Рейч. — Он работает у моего отчима в университете.

— Чё, тоже далиец? Чё, там у вас в университете все далиицы собрались, а?

— Нет, только он и я. Он был раньше термальщиком.

— А он в университете чё делает?

— Мой отец вытянул его из термариев восемь лет назад.

— Ладно, проверим. Пошлю кого-нибудь, проверим.

Рейчу пришлось ждать. Пытаться бежать? Толку не было. Он теперь не так хорошо, как раньше, ориентировался в биллибтонских подворотнях и закоулках, его бы тут же схватили снова.

Прошло двадцать минут, и Ни вернулся с тем самым капралом, что арестовал Рейча в кондитерской. У Рейча появилась маленькая надежда: может, у капрала мозгов побольше?

— Как, ты говоришь звать того далийца, какого ты знаешь?

— Юго Амариль, капрал, термальщик, которого мой отец нашел здесь, в Дале, восемь лет назад и забрал с собой в Стрилингский университет.

— Зачем это ему понадобилось?

— Моему отцу показалось, что Юго способен на большее, чем ковыряться в термарии, капрал.

— К примеру?

— Он оказался способным математиком. Он...

Капрал поднял руку, прервав Рейча.

— В каком термарии он работал?

Рейч ненадолго задумался.

— Понимаете, я тогда маленький был, но, вроде бы, в «С-2».

— Почти верно. В «С-3».

— Стало быть, вы его знаете, капрал?

— Я-то? Лично — нет, но эту байку в термариях все наперебой рассказывают, а я там тоже потрудился. Кто знает, может, и ты ее там услыхал. Чем докажешь, что вправду знаешь Юго Амарilha?

— Послушайте. Давайте вот как сделаем. Я напишу свое имя и имя моего отца на листке бумаги. И еще одно-единственное слово. Свяжитесь, как сами пожелаете, с кем-нибудь из аппарата мистера Джоранума, а мистер Джоранум будет в Дале завтра, и пусть он прочитает мое имя, имя моего отца и это самое слово. Если это ничего не даст, значит, я останусь здесь и буду гнить потихоньку, но думаю, этого не случится. Я просто уверен, что меня отсюда в три секунды заберут, а вы получите повышение за своевременную передачу информации. Если же вы мне откажете и они сами узнают, что я здесь — а они все равно узнают — вы попадете в

большую беду. В конце концов, если вы знаете, что Юго Амариль уехал отсюда с одним знаменитым математиком, вбейте себе в голову, что этот самый математик и есть мой отец. Его зовут Гэри Селдон.

По липу капрала стало ясно, что это имя для него не пустой звук.

– А что же это за слово такое, какое ты хочешь написать?

– «Психодистория».

– И что это за штуковина? – нахмурился капрал.

– Не важно. Передадите – сами увидите, что получится.

Капрал вырвал из блокнота листок.

– Ладно. Пиши. Поглядим, что из этого выйдет.

Рейч весь дрожал. Ему и самому не терпелось увидеть, что случится. Но все зависело теперь только от того, с кем переговорит капрал, случится ли чудо под действием магического слова.

17

Гэри Селдон смотрел на дождевые капельки, разбивавшиеся о метровое стекло правительственного автомобиля, и чувствовал при этом остройшую ностальгию.

Всего лишь второй раз за восемь лет, проведенных им на Тренторе, он получил приказ явиться к Императору, дворец которого стоял на единственном открытом участке Трентора, и оба раза погода оказывалась дождливой, холодной. В первый раз он приехал сюда вскоре после прибытия на Трентор, и тогда ненастье попросту огорчило его. В такой погоде для него не было ничего нового. Дождей и гроз у него и на Геликоне хватало – там такая погода была привычной, особенно в тех местах, где вырос Селдон.

Но теперь, прожив восемь лет в условиях искусственного климата, когда «грозы» состояли в периодическом затмении «небес» искусственными тучами и легком дождичке, что моросил, покуда все спали, вместо яростного ветра порой дул легкий бриз, и никогда не бывало ни пощипывающего морозца, ни жуткого зноя – а так, то легкое потепление, когда приходилось расстегнуть верхнюю пуговицу на рубашке, или легкое похолодание, когда ты бывал вынужден набросить легкую куртку (на самом деле даже такие ничтожные перепады в погоде вызывали у местных жителей жалобы), теперь этот холодный, унылый дождик, сыплющий с серого неба, казался ему родным и приятным. Дождь напомнил ему о Геликоне, о юности, о том, что казалось ему теперь порой счастливой беззаботности. Он даже подумал было, уж не попросить ли водителя выбрать самую длинную дорогу ко дворцу.

Нет, нельзя. Император желал его видеть, а путь на автомобиле и так был не близкий, даже если ехать по прямой, не останавливаясь на перекрестках. Императора нельзя было заставлять ждать.

Клеон, оказывается, теперь был уже не тот, каким видел его Селдон восемь лет назад. Поправился фунтов на десять, мешки под глазами, хотя, безусловно, пластические операции делали свое дело; обрюзгшим лицо Императора назвать было нельзя. Селдону стало немного жаль Императора – как бы он ни был всесилен, а тоже ничего не мог поделать против всемогущего времени.

Клеон и на этот раз встретился с Селдоном наедине, в той же самой роскошно обставленной комнате, где они виделись впервые. По традиции, Селдон молчал, ожидая, когда Император обратится к нему.

Бросив на Селдона оценивающий взгляд, Император произнес самым будничным тоном:

– Рад вас видеть, профессор. Давайте поговорим по душам, без формальностей – так же, как тогда, когда мы в первый раз виделись с вами.

– Хорошо, сир, – осторожно ответил Селдон.

(Говорить по душам не всегда безопасно, только из-за того что Император отдал тебе такое распоряжение. Можно и проговориться.)

Клеон непринужденно махнул рукой, и в комнате тут же ожила автоматика. Стол накрылся как бы сам собой. На нем одно за другим стали появляться блюда. Всё произошло так быстро, что Селдон и глазом моргнуть не успел.

— Пообедаете со мной, Селдон? — как ни в чем не бывало спросил Клеон.

Ничего особенного в этом вопросе не было — самое обычное приглашение к столу, но сказано это было тоном, не допускающим возражений.

— Почту за честь, сир, — ответил Селдон и украдкой огляделся по сторонам. Он отлично знал, что Императору задавать вопросов не положено или, по крайней мере, нежелательно, но не сумел справиться с собой. Стараясь, чтобы в голосе не было вопросительных ноток, он проговорил: — Премьер-министр с нами обедать не будет?

— Нет, — ответил Клеон. — У него сейчас другие дела, а мне бы хотелось с вами побеседовать наедине.

Некоторое время обед протекал в полном молчании. Клеон пристально глядел на Селдона, Селдон натянуто улыбался. Клеона нельзя было обвинить в излишней жестокости и даже в безответственности, но на самом деле ему ничего не стоило взять да и арестовать Селдона по сфабрикованному обвинению, а при той власти, какой располагал Император, дело до суда могло и не дойти. Желательно было всегда держаться от него подальше, не привлекать его внимания, но сейчас был не тот случай.

Конечно, в прошлый раз дело обстояло намного хуже — тогда его доставили во дворец в сопровождении вооруженной охраны, но почему-то Селдону от этой мысли легче не становилось.

Наконец Клеон прервал молчание.

— Селдон, — сказал он, — мой премьер-министр — человек весьма работоспособный и полезный, и все-таки у меня такое впечатление, что порой людям кажется, будто у меня уже и своей головы на плечах нет. Вам тоже так кажется?

— Что вы, сир! — вежливо, но без комментариев, возразил Селдон.

— Я вам не верю. Однако голова на плечах у меня таки есть, и я отлично помню, что, когда вы впервые приехали на Трентор, вы баловались психоисторией.

— Надеюсь, вы не забыли, сир, — негромко проговорил Селдон, — что тогда я объяснял вам, что это всего-навсего математическая теория, безнадежно далекая от применения на практике.

— Это вы тогда говорили. Вы и теперь так говорите?

— Да, сир.

— Вы что, над ней не работали с тех пор?

— Нет, время от времени я этим балуюсь, но ничего не получается. К несчастью, все время мешают хаос и вероятность не...

— Мне бы хотелось, — прервал его Император, — чтобы вы занялись решением одной конкретной задачи... Угощайтесь десертом, Селдон. Очень вкусно.

— Что за задача, сир?

— Этот Джоранум... Демерзель считает, что я не могу арестовать этого человека и не могу использовать вооруженные силы для того, чтобы уничтожить его последователей. Он говорит, что от этого будет только хуже.

— Если так говорит премьер-министр, наверное, так оно и есть.

— Но мне очень мешает этот Джоранум... Во всяком случае, марионеткой я становиться не собираюсь. А Демерзель бездействует.

— Уверен, он делает все, что может, сир.

— Ну, коли он и трудится над решением этой проблемы, значит, меня в курс дела не вводит.

— Но это, сир, может быть, из-за того, чтобы вас лишний раз не беспокоить, чтобы поберечь от ненужных волнений. Может быть, премьер-министру кажется, что было бы лучше, если бы Джоранум... если бы он...

— Договаривайте, — презрительно поморщился Клеон.

— Да, сир. Было бы неразумно показывать, что вы лично выступаете против него. Вы должны оставаться в стороне во имя блага Империи.

— Мне было бы гораздо спокойнее заботиться о благе Империи, не будь Джоранума. И что же вы предлагаете, Селдон?

— Я, сир?

— Вы, Селдон, — нетерпеливо кивнул Клеон. — Скажем так: я вам не верю, когда вы

утверждаете, что психоистория – всего-навсего игра. Демерзель продолжает поддерживать с вами дружеские отношения. Вы что думаете – я такой тупица, что не замечаю этого? Он от вас чего-то ждет. А ждет он от вас психоистории, а поскольку я все-таки не тупица, я ее тоже жду. Селдон, вы за Джоранума? Говорите! Говорите правду!

– Нет, сир, я не за него. Я считаю, что он представляет собой реальную угрозу для Империи.

– Хорошо. Я вам верю. Насколько мне известно, вы прервали джоранумитский митинг и тем самым предотвратили студенческие волнения.

– Это был просто душевный порыв, сир.

– Не морочьте мне голову, Селдон. Вы руководствовались психоисторией.

– Сир!

– Не возражайте. Вы что-нибудь предпринимаете в отношении этого Джоранума? Обязаны предпринимать, если вы – на стороне Империи.

– Сир, – проговорил Селдон осторожно, поскольку не знал, как много известно Императору, – я отправил моего сына на встречу с Джоранумом в Даль.

– Зачем?

– Мой сын далиец, сир, и к тому же проныра. Он может разузнать кое-что, что сослужит нам хорошую службу.

– Может?

– Да. Увы, только может, сир.

– Вы будете держать связь со мной?

– Да, сир.

– И вот что, Селдон: прекратите валять дурака и притворяться, будто психоистории не существует, что это всего лишь идеяки. Я не желаю этого слышать. Я жду, что вы что-нибудь сделаете с этим Джоранумом. Не знаю что, но что-то сделать должны. Все. Можете идти.

Селдон вернулся в Стрилингский университет в гораздо более мрачном расположении духа, чем уезжал. Клеон говорил так, что было ясно – неудачи он не потерпит.

Теперь все зависело от Рейча.

18

Ближе к вечеру Рейч уже сидел в кабинете учреждения, в которое никогда не входил – нет, не мог войти, будучи беспризорником. Даже теперь он чувствовал себя здесь не слишком уютно, как будто без разрешения проник в чужой дом.

Он изо всех сил старался принять непринужденный вид, придать лицу веселость и обаяние. Отец сказал, что все это было ему присуще от природы, а сам он об этом никогда и не задумывался. Но раз это действительно его природное качество, ему не следовало искусственно придавать себе обаятельность.

Он постарался расслабиться и при этом не сводил глаз с человека, что сидел за письменным столом и работал на компьютере. Человек этот не был далийцем. Это был не кто иной, как Джембол Дин Намарти, тот самый, что был тогда на встрече с Джоранумом, когда они приходили к отцу.

Время от времени Намарти отрывал взгляд от экрана компьютера и враждебно поглядывал на Рейча. На его обаяние Намарти не покупался.

А Рейч и не собирался отвечать на враждебность Намарти милыми улыбочками. Это было бы нарочито, наигранно. Он просто сидел и ждал. Главное, он попал сюда. Теперь, если Джоранум приедет, а приехать он должен был непременно, у Рейча будет возможность поговорить с ним.

Джоранум вошел, источая свою лучезарную улыбочку. Намарти поднял руку. Джоранум остановился. Они принялись о чем-то тихо переговариваться. Рейч навострил уши, стараясь расслышать их разговор, делая при этом вид, что ему это совершенно не интересно. Ему стало ясно, что Намарти против их встречи. Интересно, почему?

Но вот Джоранум обернулся, улыбнулся Рейчу и оттолкнул Намарти плечом. Рейч понял, что, хотя Намарти, судя по всему, в команде Джоранума является чем-то вроде мозгового

центра, сила все равно остается за самим Джоранумом.

Джоранум шагнул к Рейчу и протянул пухлую, немного влажную ладонь.

— Хорошо, хорошо. Сынок профессора Селдона? Как поживаешь, дружок?

— Отлично, сэр, спасибо.

— У тебя были кое-какие трудности, насколько я знаю?

— Да нет, ничего такого особенного, сэр.

— И ты принес мне весточку от твоего папочки, верно? Видимо, он передумал, а?

Решил-таки присоединиться к моему великому крестовому походу?

— Не совсем так, сэр.

Джоранум едва заметно нахмурился.

— Так ты не привез мне ничего такого?

— Нет, сэр. Он просто послал меня.

— Ясно. Есть хочешь?

— Пока нет.

— Значит, не будешь возражать, если я перекушу? Знаешь, у меня на простые житейские радости вечно времени не хватает, — сказал он, широко улыбаясь.

— Все нормально, сэр.

Они вместе подошли к столу и сели. Джоранум развернул сверток, достал сандвич и откусил кусок. Пережевывая, он сказал:

— А зачем же он послал тебя, сынок?

Рейч пожал плечами.

— Наверное, думал, что я разузнаю что-нибудь про вас такое, что могло бы ему помочь навредить вам. Он-то душой и сердцем предан премьер-министру Демерзелю.

— А ты разве нет?

— Нет, сэр. Я же далиец.

— Знаю, что далиец, мистер Селдон, но какое это имеет значение?

— Это значит, что я — из угнетенных, а поэтому я за вас и хочу вам помочь. Конечно, мне не хотелось бы, чтобы об этом узнал мой отец.

— А зачем ему об этом узнавать? Незачем. И как же ты собираешься мне помочь? — спросил Джоранум, бросив быстрый взгляд на Намарти, который слушал их беседу, угрюмо подперев подбородок кулаками.

— Тебе что-нибудь известно о психоистории?

— Нет, сэр. Отец со мной об этом не говорит, а заговори он, я бы все равно ничего не понял, да и успехов у него, судя по всему, никаких.

— Ты точно знаешь?

— Конечно, точно. У нас там есть парень такой — Юго Амариль, он тоже далиец, вот он иногда обронит словечко-другое. Так что я уверен и вам точно говорю: ничего они не добились.

— Ага! Скажи, а как ты думаешь, мог бы я повидаться как-нибудь с Юго Амарилом?

— Не думаю. Он не очень-то жалует Демерзеля, но зато с головой предан моему отцу. Он вам не помощник. Он отца не предаст.

— А ты, стало быть, можешь?

Рейч помрачнел и упрямо пробормотал:

— Я — далиец.

Джоранум прокашлялся.

— Давай-ка я тебя еще разок спрошу; чем ты собираешься мне помочь, молодой человек?

— Я могу сказать вам кое-что, но боюсь, вы не поверите.

— Вот как? Если не поверю, так тебе сразу и скажу.

— Насчет нашего премьер-министра Эдо Демерзеля.

— Ну?

Рейч облизнул губы, испуганно огляделся по сторонам:

— Меня никто не услышит?

— Никто, кроме меня и Намарти.

— Так вот, слушайте. Этот Демерзель — он никакой не человек. Он — робот.

— Что?! — взревел Джоранум. Рейч решил, что нужно объяснить.

— Робот, сэр, это механический человек. Искусственный, ненастоящий. Машина, понимаете?

Намарти яростно вмешался:

— Джо-Джо, не верь этой ерунде! Это глупо.

Однако Джоранум предостерегающе поднял руку. Глаза его сверкали.

— Откуда тебе это известно?

— Отец когда-то побывал в Микогене. Вот он мне и рассказал, что в Микогене много болтают про роботов.

— Да, знаю. То есть, по крайней мере, слышал.

— Ну вот, и микогенцы, они верят, что когда-то давным-давно у их предков было полным-полно роботов, а потом их не стало.

Намарти прищурился.

— Нет, ты скажи, с чего это ты взял, что Демерзель — робот? Я, правда, не так много про это слышал, но, насколько я помню, роботы — они же металлические, верно?

— Верно, — честно признался Рейч. — Но только я еще слышал, что были и такие роботы, что выглядели точнехонько, как люди, и они могли жить вечно...

Намарти яростно затряс головой.

— Легенды! Дурацкие легенды! Джо-Джо, и зачем только мы слушаем эту...

— Нет, Дж. Д., — прервал его Джоранум. — Я хочу послушать. Я тоже слыхал про эти легенды.

— Но это же чушь, Джо-Джо!

— Не торопись произносить слово «чушь». Пусть даже так, ведь люди живут и погибают за подобную чушь. Дело не столько в том, что есть на самом деле, а в том, чем это *считают* люди. Ладно, молодой человек, о легендах не будем. Скажи мне, почему ты считаешь, что Демерзель — робот? Допустим, роботы действительно существуют. Что же такого есть в Демерзеле, что заставляет тебя думать, будто он — робот? Он что, сам тебе об этом сказал?

— Нет, сэр, — ответил Рейч.

— Может быть, отец сказал? — спросил Джоранум.

— Нет, сэр. Это моя собственная догадка, но я в этом уверен.

— Но почему? Откуда у тебя такая уверенность?

— Есть в нем что-то такое... Например, он не меняется с годами. Не стареет, понимаете? Он бесчувственный какой-то — никаких эмоций. В общем, что-то такое, от чего кажется, будто он и вправду из железа.

Джоранум откинулся на спинку стула и довольно долго испытующе, внимательно смотрел на Рейча. Еще бы чуть-чуть, и, наверное, можно было бы услышать, как настырно звенят его мысли.

— Хорошо, — наконец проговорил он. — Допустим, он на *самом деле* робот, молодой человек. И что? Тебе-то до этого какое дело?

— Как это, какое мне дело? — удивился Рейч. — Я же человек. И я вовсе не хочу, чтобы робот правил Империей.

Джоранум повернулся к Намарти и довольно кивнул.

— Слышал, Дж. Д? Здорово сказано: «Я — человек, и не хочу, чтобы робот правил Империей». Отведи-ка его в студию, пусть скажет это всем да повторит не один раз, чтобы всем на Тренторе вбить в мозги.

— Эй! — вмешался Рейч, наконец переведя дух. — По головидению я никак не смогу этого сказать. Я же не хочу, чтобы отец узнал...

— Нет-нет, не бойся, — быстро успокоил его Джоранум. — Этого мы не допустим. Мы только возьмем твои слова. Разыщем какого-нибудь другого далийца. И еще по одному жителю из каждого сектора. Пусть говорят каждый на своем диалекте, но слова будут у всех одни и те же: «Я не хочу, чтобы робот правил Империей».

— А что, — встярал Намарти, — если Демерзель докажет, что он — не робот?

— Да что ты? — отмахнулся Джоранум. — Как он сумеет доказать? Это психологически невозможно. О чем ты говоришь? Чтобы великий Демерзель, человек, стоящий за троном, человек, в чьих руках столько лет были все ниточки, тянущиеся к престолу Клеона I, который

еще его отцу служил, взял да и спустился с заоблачных высот и оправдывался перед народом, доказывая, что он – человек? Для него это окажется ничуть не лучше, чем на самом деле быть роботом. Итак, Дж. Д., злодей у нас в руках, и этим мы обязаны вот этому замечательному юноше.

Рейч покраснел.

– Рейч – тебя же Рейч зовут? – спросил Джоранум. – Как только наша партия добьется желаемого положения, мы не забудем о тебе. Отношение к Далю, твоей родине, будет подобающим, и ты займешь важный пост среди нас. Когда-нибудь, Рейч, в один прекрасный день, ты станешь в Дале самым главным, и тебе не придется сожалеть о содеянном. Кстати, ты, случаем, не сожалеешь?

– Ни капельки! – с жаром воскликнул Рейч.

– В таком случае можешь спокойно отправляться к отцу. Уверь его в том, что мы не желаем ему зла, что мы его высоко ценим. Как ты это узнал и откуда – говори, что тебе вздумается. А если сумеешь выяснить еще что-нибудь полезное для нас, в особенности насчет психоистории, дай нам знать.

– Конечно. А вы честно сделаете так, что в Дале станет лучше, чем теперь?

– Совершенно честно. Клянусь. Равенство для всех секторов, мой мальчик. У нас будет новая Империя, а все зло – все эти привилегии и неравенство – асе это мы сотрем в порошок.

– Этого мне и надо, – сжал кулаки Рейч и довольно улыбнулся.

19

Император Галактики Клеон размашисто, поспешно шагал вдоль колоннады, что вела из его личных покоев в Малом Дворце, в здание, где проживали многочисленные правительственные чиновники. Здание примыкало к Императорскому Дворцу, то бишь к сердцу и мозговому центру Империи. За ним следом семенили кто-то из его личных секретарей и телохранители. Лица у всех были обескураженные. Император не должен был самходить к кому бы то ни было! Кто бы то ни был – должны были сами ходить к Императору! Ну ладно, сам пошел, но как он мог столь откровенно демонстрировать поспешность, давать выход переполнявшим его чувствам?! Разве можно? Он же Император и, значит, больше – символ Империи, чем просто человек!

А сейчас он вел себя в точности, как простой человек. Всех, кто попадался ему по пути, отталкивал в сторону правой рукой. А в его левой руке была зажата светящаяся голограмма.

– Где премьер-министр? – спрашивал он грозным, гремящим голосом, совсем не таким, каким обычно разговаривал во время приемов и аудиенций. – Где он?

А высшие чиновники растерянно расступались, бормотали что-то невнятное. Император сердито шел дальше, оставляя у приближенных впечатление, будто им снится страшный сон.

Наконец он добрался до кабинета Демерзеля и, переведя дыхание, заорал, то есть буквально заорал:

– Демерзель!!!

Демерзель удивленно взглянул на Императора и быстро встал, поскольку сидеть в присутствии Императора позволялось только тогда, если Император разрешал сесть.

– Сир?

Император швырнул голограмму на письменный стол Демерзеля и прошипел:

– Что это такое? Отвечай!

Демерзель посмотрел на то, что швырнул Император. Прекрасная голограмма – красивая, живая. Казалось, еще чуть-чуть, и услышишь те слова, что произносил хорошенъкий мальчик лет десяти, хотя на самом деле они были написаны внизу: «Я не хочу, чтобы Империей правили роботы».

– Я такую тоже получил, сир, – спокойно отозвался Демерзель.

– Кто еще?

– У меня такое впечатление, сир, что эта птичка уже облетела весь Трентор. Это листовка, не иначе.

– Да, но ты видишь, там висит чей-то портрет на стене. Приглядись, про кого толкует этот

паршивец. Не ты ли это?

– Сходство потрясающее, сир.

– Так, может, я не ошибаюсь, и у этой «птички», как ты выразился, одно на уме: обвинить тебя в том, что ты – робот?

– Похоже, на уме у нее именно это, сир.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, но ведь роботы – это вымышленные механические человекоподобные существа, упоминания о которых встречаются в романах ужасов и детских сказочках?

– Для микогенцев, сир, одним из докторатов их религии является то, что роботы...

– Меня не интересуют микогенцы и доктораты их религии. Почему тебя обвиняют в том, что ты – робот?

– Это всего-навсего метафора, сир, я уверен. Хотят изобразить меня в виде человека бессердечного, мышление которого подобно работе вычислительной машины.

– Маловато будет, Демерзель, Меня не проведешь. – Клеон снова указал пальцем на голограмму. – Нет, Демерзель, они пытаются убедить народ в том, что ты – действительно робот.

– Вряд ли сможем что-то поделать, сир, если люди решат поверить в это.

– Мы не можем этого позволить. Тут речь идет о твоей гордости. Более того, речь идет о гордости Императора. Ведь получается, что это я – я! – взял себе в премьер-министры механического человечка! Это невыносимо. Послушай, Демерзель, существуют ли законы, которые карали бы за оскорбление чести и достоинства имперских чиновников?

– Да, сир, существуют, довольно-таки суровые, восходящие к великому Своду Законов Абурамиса.

– А оскорбление чести и достоинства Императора, если не ошибаюсь, приравнивается к уголовному преступлению?

– И наказуется смертью, сир. Все верно.

– Так вот. Унизили и оскорбили не только тебя, но и меня, и тот, кто это сделал, должен быть казнен, Конечно, за всем этим стоит Джоранум.

– Несомненно, сир, но доказать это будет довольно нелегко.

– Чушь? У меня достаточно доказательств, Я хочу, чтобы его казнили.

– Беда в том, сир, что у применения законов о чести и достоинстве нет прецедентов. По крайней мере, в нашем столетии не было.

– Потому-то у нас в жизни все наперекосяк, а Империя содрогается до основания. Законы в книгах *записаны*? Вот и задействуй их.

– Подумайте, сир, будет ли это мудро, – негромко проговорил Демерзель. – Вы тогда будете выглядеть тираном и деспотом. Ваше правление до сих пор блистало добротой и умеренностью...

– Вот-вот, и сам видишь, к чему это привело. Лучше пусть меня боятся за перемену в моем характере, чем любят – вот *tak* любят.

– И все же я настойчиво рекомендую вам, сир, не прибегать к таким мерам. Это может стать искрой, от которой возгорится пламя восстания.

– Ну а ты-то что делать собираешься в таком случае? Что, выйдешь к пароду и скажешь: «Посмотрите на меня. Я – не робот»?

– Нет, сир, я такого делать не стану, поскольку это унижительно для меня и более того – для вас.

– И что же?

– Пока не знаю, сир. Я еще не успел обдумать.

– Не успел обдумать? Немедленно свяжись с Селдоном.

– Что тут непонятного в моем приказе? *Немедленно свяжись с Селдоном.*

– Вы хотите, чтобы я пригласил его во дворец, сир?

– Нет, это слишком долго. Думаю, ты сумеешь наладить линию секретной связи – секретной, слышишь, чтобы она не прослушивалась!

– Да, сир, безусловно.

– Так давай же. Быстрее!

20

Селдону недоставало самообладания Демерзеля, ведь он был из плоти и крови. Этот вызов в кабинет, внезапное потрескивание защитного поля – все это говорило, что происходит нечто совершенно необычное.

Он полагал, что увидит на голографическом экране какого-нибудь высокопоставленного чиновника, который предварит его секретную, непрослушиваемую связь с Демерзелем. Судя по тому, как быстро распространялись слухи о том, что Демерзель – робот, меньшего и ждать было нечего.

Но и большего Селдон никак не ожидал, а потому, когда в его кабинете появился (пусть даже в виде голографического изображения) не кто иной, как Его Императорское Величество собственной персоной, Селдон опустился на стул, широко раскрыл рот, и, как пищался встать, у него этого не получалось.

Клеон знаком повелел Селдону сидеть.

– Вы, видимо, знаете о том, что происходит, Селдон? – сказал Император.

– Вы насчет разговоров о роботе, сир?

– Именно об этом. Что можно предпринять? Селдон, несмотря на разрешение сидеть, все-таки с трудом поднялся.

– Дело обстоит гораздо хуже, сир. Джоранум поднимает бунты по всему Трентору под флагом этих самых разговоров. По крайней мере, так говорят в новостях.

– Да? А вот я этого пока не знаю. Нет, конечно, зачем Императору знать правду?

– Императору не стоит волноваться, сир. Я уверен, что премьер-министр...

– Премьер-министр не делает ровным счетом ничего, даже меня не информирует. Я обращаюсь к вам и вашей психоистории. Скажите, что мне делать?

– Сир?

– Я с вами в игрушки играть не собираюсь, Селдон. Вы восемь лет работали над психоисторией. Премьер-министр утверждает, что мне не стоит принимать юридических мер к Джорануму. Но что же мне тогда делать?

– Ничего, сир, – прошептал Селдон.

– Вы ничего не можете мне посоветовать?

– Нет, сир. Я не о том. Я о том, что вам не следует ничего делать. *Ничего!* Премьер-министр совершенно прав, что отговаривает вас от юридических мер. От этого будет только хуже.

– Замечательно. А лучше от чего будет?

– Будет лучше, если вы не будете делать ровным счетом ничего. Пусть правительство позволит Джорануму делать то, что ему вздумается.

– И что это даст?

Селдон, стараясь скрыть отчаяние, негромко ответил:

– Скоро будет видно.

Император вдруг просиял. Куда девались злость и негодование!

– А-га! – сказал он заговорщики. – Я понял! Ситуация у вас в руках!

– Сир, я не говорил, что...

– И не надо. Не надо ничего говорить. Я уже наслушался. Значит, так, ситуация у вас в руках, но мне нужны результаты. На моей стороне по-прежнему императорская гвардия и вооруженные силы. Они останутся мне верны, и, если дело дойдет до серьезных беспорядков, я не растеряюсь. Но для начала я дам вам шанс.

Изображение вспыхнуло и исчезло, а Селдон еще долго сидел, глядя на экран.

Впервые с того самого злосчастного момента, когда восемь лет назад он обмолвился о психоистории, он вынужден был столкнуться с неразрешимой задачей: от него требовали то, чего у него не было.

А было-то всего – дикие, неоформленные, призрачные мысли да то, что Юго Амариль называл интуицией.

21

За два дня Джоранум покорил Трентор. Где-то он бывал сам, куда-то выезжали его помощники. Как Гэри сказал Дорс, кампания была проведена прямо-таки по-военному.

— Ему бы родиться пораньше, — заметил он, — и вышел бы из него отличный адмирал. Балда, разменивается на политику.

— Разменивается? — удивилась Дорс. — При такой прыти он через неделю станет премьер-министром! Есть сообщения о том, что кое-какие гарнизоны переходят на его сторону.

— Все это скоро кончится, Дорс, — покачал головой Селдон.

— Что «это»? Триумф Джоранума или Империи?

— Триумф Джоранума. История с роботом, конечно, наделала жуткого шума, в особенности — эта листовка, но стоит немного поразмыслить весьма трезво, хладнокровно, и люди поймут, как нелепо это обвинение.

— Но, Гэри, мне-то ты можешь не лгать. Зачем ты-то притворяешься, что это все нелепо? И как только Джоранум мог узнать о том, что Демерзель — робот?

— А, ты про это? Рейч ему рассказал.

— Рейч?!

— Да. Он отлично справился с порученным делом и вернулся с обещанием Джоранума сделать его в один прекрасный день главой правительства Даля. Конечно, ему поверили. Я знал, что так и будет.

— То есть ты сказал Рейчу, что Демерзель — робот, и велел передать это Джорануму? — в ужасе спросила Дорс.

— Нет, этого я сделать не мог. Ты понимаешь, я ведь не мог сказать Рейчу да и кому бы то ни было, что Демерзель — робот. Рейчу я, как мог, старательно внушил, что Демерзель — не робот. А вот Джорануму он должен был сказать, что тот — робот. Так что у Рейча — самая твердая убежденность, что Джорануму он солгал.

— Но зачем, Гэри. Почему?

— Не из-за психоистории, я тебе честно скажу. Ты не уподобляйся, пожалуйста, Императору и не считай меня волшебником. Я только и хотел, чтобы Джоранум поверил, будто Демерзель — робот. Он ведь микогенец по рождению, так что его детство и юность наверняка прошли под флагом легенд о роботах. Значит, ему было бы легче поверить в такое, и он легко поверил да еще и решил, что народ поверит вместе с ним.

— Разве он не ошибся?

— В каком-то смысле — да. Когда пройдет первый шок, люди опомнятся и поймут, что все это — безумная выдумка, ну, если не поймут, то, по крайней мере, так подумают. Я убедил Демерзеля дать интервью по субэфирному головидению, которое будет передано на ключевые планеты Империи и в каждый из секторов Трентора. Он должен будет говорить о чем угодно, только ни словом не упоминать о роботах. Поддерживать эти разговоры сейчас смерти подобно. Люди будут слушать во все уши, но ничего не услышат о роботах. А потом, в самом конце, ему будет задан сакраментальный вопрос насчет листовки. Ему же надо будет только расхохотаться в ответ.

— Расхохотаться? Никогда не видела, чтобы Демерзель смеялся. Он и улыбается-то редко.

— На этот раз придется, Дорс. Ведь это — единственное, чего никто не ожидает от робота. Ты же видела роботов в фантастических фильмах? Там они всегда суровы, бесчувственны, бесчеловечны — такими их и представляет себе большинство людей. Так что Демерзелю и нужно будет единственное: расхохотаться, И вот еще что... Помнишь Протуберанца Четырнадцатого — правителя Микогена, верховного жреца тамошней религии?

— Еще бы. Суровый, бесчувственный, бесчеловечный. Он тоже никогда не смеялся.

— И на этот раз не рассмеется. Понимаешь, я проделал уйму работы в отношении Джоранума с того самого злосчастного дня, когда схлестнулся с его приспешниками на поле. Я знаю теперь его настоящее имя. Знаю, где он родился, кто были его родители, в какой школе он учился в детстве — и все эти документально подтвержденные сведения я отправил Протуберанцу Четырнадцатому. А я не думаю, чтобы Протуберанец жаловал Отступников.

— Но ты вроде бы говорил, что дискриминация тебе противна.

– Противна. Но я ведь не передал эту информацию на головидение, а все сообщил именно тому, кому и должен был сообщить, то бишь Протуберанцу Четырнадцатому.

– Вот он и начнет кампанию по дискриминации.

– Ничего у него не выйдет. Никто на Тренторе не обратит никакого внимания на Протуберанца – что бы он ни говорил.

– И что же тогда из этого выйдет?

– Увидим, Дорс, увидим. У меня нет результатов психоисторического анализа ситуации. Я даже не знаю, возможен ли такой анализ в принципе. Просто надеюсь, что ход моих мыслей верен.

22

Эдо Демерзель рассмеялся.

И не в первый раз. Они втроем – он, Гэри Селдон и Дорс Венабили, сидели в экранированной комнате, и ему то и дело по сигналу Гэри нужно было хохотать. Когда он откидывался на спинку кресла и оглушительно, раскатисто хохотал, Селдон качал головой.

– Нет, неубедительно. Не верю, – повторял он снова и снова.

Тогда Демерзель улыбнулся и рассмеялся, как смеялся бы человек, задетый за живое. Селдон недовольно поморщился.

– Ну и работенка… Я понимаю: рассказывать тебе анекдоты бесполезно. Ты можешь решить эту задачу только умом. Тебе нужно просто запомнить звучание смеха.

– А может, фонограмму пустить? – предложила Дорс.

– Нет! Это не будет Демерзель. Тогда мы все превратимся в компанию идиотов. Нет-нет, так не пойдет. Попробуй еще разок, Демерзель.

Демерзель попробовал, и Селдон наконец удовлетворился.

– Отлично. Запомни этот звук и воспроизведешь его, когда тебе зададут вопрос. Выглядеть ты должен искренне удивленным. Невозможно смеяться с каменным лицом. Улыбнись – ну, немножко, совсем капельку. Попробуй вот так рот скривить, Вот-вот. Совсем неплохо. А можешь увлажнить глаза?

– Что это такое – «увлажнить»? – возмущенно вмешалась Дорс. – Никто не «увлажняет» глаза. Это всего-навсего образное выражение.

– Не только, – возразил Селдон. – Бывает так, что человек не плачет, но глаза его увлажняются – от грусти, от радости, и вполне достаточно, чтобы оператор поймал отражение света от этих набежавших на глаза слез, вот и все.

– Нет, ты что, действительно ждешь, что Демерзель zalется слезами?

А Демерзель совершенно спокойно сказал:

– Это вовсе не трудно. Мои глаза время от времени производят слезы – для того чтобы очищать глаза. Но слез бывает немного. Правда, я могу попробовать представить, что в глаз попала соринка, ну, или еще что-нибудь в таком роде.

– Попробуй, – согласился Селдон. – От этого не умирают.

И вот настал день трансляции интервью с премьер-министром по субэфирному головидению. Демерзель сначала выступил с речью и говорил в обычной своей манере – холодно, сдержанно, информативно, без всякой патетики. Люди в миллионах миров во все глаза смотрели и во все уши слушали, что говорит Демерзель, но не слышали ни слова о роботах. Наконец речь подошла к концу, и Демерзель объявил, что готов ответить на вопросы.

Ждать ему долго не пришлось, Первый же вопрос оказался тем самым, сакраментальным:

– Господин премьер-министр, вы – робот?

Демерзель несколько мгновений спокойно смотрел на тележурналиста. А потом улыбнулся, плечи его слегка затряслись, и он расхохотался. Смех его не был громким, оглушительным, но так искренне мог смеяться только тот, кому подобное предположение показалось донельзя потешным и нелепым. Смех премьер-министра звучал так заразительно, что многомиллионная аудитория замерла, а затем принялась хохотать вместе с ним.

Демерзель дождался, пока стихнет смех в студии, и, утерев набежавшие на глаза слезы, спросил у журналиста:

– Ответить? Вы хотите, чтобы я ответил на этот вопрос?
Улыбка еще не сошла с его лица, когда экран погас.

23

– Уверен, – сказал Селдон, – наша затея сработала. Конечно, обратная реакция наступит не мгновенно. На это потребуется время. Но уже сейчас общественное мнение меняется в нужном направлении. На самом деле я кое-что понял уже тогда, на университете поле, когда прервал выступление Намарти. Аудитория была у него в руках до тех пор, покуда я не вмешался и не противопоставил свой пыл их численному преимуществу. Аудитория тут же переметнулась на мою сторону.

– И ты думаешь, что теперешняя ситуация аналогична той?

– Конечно. Раз уж у меня нет психоистории, приходится прибегать к аналогиям, ну, и еще к разуму, который у меня есть от природы. Что мы имели? Мы имели премьер-министра, которого обложили со всех сторон, как на охоте, а он встретил обвинение улыбкой и хохотом – самыми что ни на есть нероботскими проявлениями, какими только мог, а это само по себе уже было самым лучшим ответом на вопрос. И, естественно, симпатии начали склоняться в его сторону. Помешать процессу невозможно. Но это – только начало. Нужно дождаться, пока в игру вступит Протуберанец Четырнадцатый. Послушаем, что он скажет.

– В этом ты тоже уверен?

– На все сто.

24

Теннис был одним из любимых видов спорта Гэри, но он гораздо больше любил играть сам, чем наблюдать, как играют другие. И потому он завистливо наблюдал за тем, как Император Клеон, одетый в спортивную форму, прыгает по корту, отражая удары. Теннис был весьма своеобразный, императорский, так сказать, именно такой вариант этой игры обожали Императоры: ракетка была компьютеризирована и наклонялась под нужным углом в зависимости от нажатия на кнопку, вмонтированную в рукоятку. Гэри и сам не раз пытался приспособиться к игре такой ракеткой, но пришел к выводу, что это – целая отдельная наука, а времени на ее освоение у Селдона не было.

Клеон послал мяч режущим ударом и выиграл сет. С корта он ушел под громкие рукоплескания наблюдавших за игрой чиновников.

– Поздравляю, сир, – сказал ему Селдон. – Вы играли просто превосходно.

– Вам так кажется, Селдон? – безразлично спросил Клеон. – А я никакого удовольствия не получил. Они, знаете ли, подыгрывают мне.

– В таком случае, сир, может быть, вам следует просить ваших противников играть более упорно?

– Не выйдет ничего, – махнул рукой Клеон. – Они все равно будут стараться проиграть. А если бы они обыгрывали меня, я бы получал от игры еще меньше удовольствия, чем от сомнительных побед. Быть Императором не так уж весело, Селдон. И Джоранум это поймет, если ему когда-либо суждено будет занять это место.

Император скрылся за дверью персональной душевой и вскоре появился вымытый, высушенный и одетый совсем иначе.

– Ну, Селдон, – проговорил он, взмахом руки повелев всем остальным удалиться. – Теннисный корт – вполне подходящее место для единственной беседы. Погода к тому же просто замечательная, так что давайте здесь и поговорим. Я прочитал послание этого Протуберанца Четырнадцатого. Вы полагаете, что этого достаточно?

– Вполне, сир. Из этого послания явствует, что Джоранум объявлен Отступником по законам Микогена и обвиняется в святотатстве.

– Значит, ему конец?

– Ему нанесен сокрушительный, я бы сказал, смертельный удар, сир. Теперь мало кто поверит в рассказни, что наш премьер-министр – какой-то там робот. Более того, Джоранум

теперь предстает в образе лжеца, позера и даже хуже – человека, которого в этом уличили.

– Уличили, точно, – задумчиво проговорил Клеон. – Вы хотите сказать, что если просто лжешь, но тебя не ловят на этом – это замечательно, но когда тебя уличают во лжи – это некрасиво, унижительно и ни у кого не может вызвать восхищения.

– Вы удивительно верно выразили мою мысль, сир.

– Стало быть, Джоранум более не опасен.

– В этом мы не можем быть абсолютно уверены, сир. Он даже теперь способен оправиться от потрясения. Его организация пока жива, и многие из его последователей верны ему. В истории хватает примеров, когда людям удавалось вернуться после поражений столь же сокрушительных, как теперешнее поражение Джоранума, и даже более сокрушительных.

– Раз так, надо его казнить, Селдон.

Селдон покачал головой.

– Это было бы неразумно, сир. Вы же не хотите спровоцировать восстание и предстать в роли деспота.

Клеон нахмурился.

– Ну вот, и Демерзель то же самое говорит. Стоит мне только пожелать принять решительные меры, как он тут же бормочет слово «деспот». Ведь были до меня Императоры, которые только то и делали, что прибегали к решительным мерам, и в итоге ими восхищались и считали их не деспотами, а просто людьми сильными и решительными.

– Это верно, сир, но мы живем в тревожное время. И потом, казнь не так уж необходима. Вы можете достичь желаемой цели способом, который позволит вам прослыть просвещенным и милосердным монархом.

– Прослыть? Я не ослышался?

– Я оговорился, сир. *Остаться* просвещенным и милосердным. Казнь Джоранума выглядела бы как месть, а месть – всегда проявление слабости. А вы, будучи Императором, призваны с добротой – и даже по-отечески – относиться ко всем вашим подданным и к их убеждениям. Для вас, Императора, все люди равны.

– О чём это вы толкуете?

– О том, сир, что Джоранум нанес удар по священным чувствам микогенцев и вас ужаснуло его святотатственное преступление, его ложь, направленная на то, чтобы скрыть свое истинное происхождение. Что может быть лучше того, чтобы передать Джоранума микогенцам, и пусть они сами с ним разбираются? Вам будут рукоплескать за столь разумный подход к решению всеимперской проблемы.

– А микогенцы его казнят, как вы думаете?

– Очень может быть, сир. Их законы в отношении святотатственных поступков исключительно суровы. В лучшем случае его ждут пожизненное заключение и каторжные работы.

– Замечательно, – улыбнулся Клеон. – При таком раскладе я останусь гуманным и терпимым, а они сделают за меня грязную работу.

– Так оно и будет, сир, если вы *на самом деле* передадите Джоранума в руки микогенцев. Но и это может вызвать недовольство.

– Послушайте, вы меня совсем запутали. Что же мне делать в конце концов?

– Дайте Джорануму возможность выбора. Скажите ему, что во имя блага всех народов Империи вы призваны передать его в руки микогенского правосудия, но ваша гуманность подсказывает вам, что микогенцы могут обойтись с ним излишне сурово. Следовательно, в качестве альтернативы, он может удалиться на Нишайю, маленькую, отдаленную планету, откуда, как он *утвержддал*, он родом, и прожить там остаток своих дней в покое и безвестности. Конечно, вы позаботитесь о том, чтобы он находился там под охраной.

– И тогда все решится?

– Безусловно. Для Джоранума возвращение в Микоген было бы равно самоубийству, а он на меня не произвел впечатление человека, склонного к подобным вещам. Он, несомненно, выберет Нишайю, и хотя это более разумный выход, он все равно унижен. Став ссылочным на Нишайе, он вряд ли сумеет остаться во главе какого бы то ни было движения, направленного на захват Империи. Его партия, конечно же, распадется. Может быть, они какое-то время и

будут устраивать демонстрации с ликом Джоранума на флагах, но, согласитесь, поддерживать труса – занятие не самое благодарное.

– Восхитительно! Как вы только до всего этого додумались, Селдон? – с искренним восторгом воскликнул Клеон.

– Ну, – пожал плечами Селдон, – мне показалось вполне естественным предположить, что...

– Не надо, – прервал его Клеон. – Я не жду, что вы мне скажете правду, а если скажете, я ее вряд ли пойму. Я вам вот что скажу... Демерзель уходит в отставку. Последние события дались ему нелегко, и он считает, что ему пора на отдых. Я с ним вполне согласен. Но без премьер-министра мне не обойтись, и с этой минуты им становитесь вы.

– Сир! – воскликнул Селдон в ужасе и удивлении.

– Премьер-министр Гэри Селдон, – спокойно проговорил Клеон. – Император желает этого.

25

– Не волнуйся, – сказал Демерзель. – Это – мое предложение. Я тут пробыл слишком долго. Чересчур много было кризисов, и сейчас положение таково, что я просто-таки парализован в своих действиях Тремя Законами. А ты вполне логично становишься моим преемником.

– Какой из меня преемник? – с жаром возразил Селдон. – Что я знаю об управлении Империей? Император совершенно по-дурацки убежден, что теперешний кризис я разрешил, руководствуясь законами психоистории. Но ведь это не так.

– Это не имеет значения, Гэри. Раз он *верит*, что у тебя на все есть психоисторические ответы, он будет тебя слушать, а этого вполне достаточно, чтобы ты стал неплохим премьер-министром.

– Да уж. Я его заведу в такие дебри...

– А я уверен в том, что здравый смысл – ну, или *интуиция*, если хочешь – приведут тебя к цели... с психоисторией или без нее.

– Но что же я буду делать без тебя... Дэниел?

– Спасибо, что так называл меня. Теперь я больше не Демерзель, теперь я только Дэниел. Что ты будешь без меня делать? Например, можешь попробовать применить на практике кое-какие из идей Джоранума относительно всеобщего равенства. Он ведь эти идеи только излагал ради приобретения популярности, но сами по себе эти идеи вовсе не так уж плохи. Попробуй убедить Рейча помочь тебе. Он ведь принял твою сторону и оказал тебе неоценимую услугу, поборов в себе тягу к идеалам, проповедуемым Джоранумом, так что теперь он страдает, чувствуя себя в каком-то смысле предателем. Докажи ему, что это не так. Помимо всего прочего, у тебя будет возможность больше работать над психоисторией, поскольку в этом деле Император за тебя сердцем и душой.

– Ну а ты что будешь делать, Дэниел?

– В Галактике для меня найдется масса дел. Ведь Нулевой Закон еще никто не отменил, и я обязан трудиться па благо человечества, покуда понимаю, что это такое. И потом, Гэри...

– Да, Дэниел?..

– С тобой остается Дорс.

Селдон кивнул:

– Да, со мной остается Дорс.

Он немного помолчал, потом крепко сжал протянутую руку Дэниела.

– Прощай, Дэниел.

– Прощай, Гэри.

Сказав это, робот повернулся и, гордо подняв голову, зашагал прочь по дворцовому залу. Тяжелая мантия премьер-министра шуршала при каждом его шаге.

Селдон после его ухода еще долго стоял, не в силах пошевелиться. Но вдруг, совершенно автоматически, пошел следом за Дэниелом, к кабинету премьер-министра. Он ведь не успел сказать ему самого главного!

Немного помедлив у двери, Селдон вошел в кабинет. Там было пусто. Мантия премьер-министра висела на Спинке кресла около письменного стола.

— Прощай, мой друг! — произнес Гэри в пустоту, и слова эти эхом отлетели от стен кабинета.

Эдо Демерзель ушел. Р. Дэниел Оливо исчез.

Часть вторая Клеон I

Клеон I — ...Несмотря на многочисленные восхваления в адрес последнего из Императоров, во времена правления которого в Первой Галактической Империи имело место довольно значительное объединение миров и столь же значительное их процветание, двадцатипятилетнее правление Клеона знаменовалось непрерывным упадком. Это никак нельзя рассматривать как его непосредственную вину, поскольку упадок Империи зависел от таких политических и экономических факторов, с которыми справиться было не под силу никому в то время. Императору удалось подобрать себе в помощники исключительно удачные кандидатуры — его премьер-министрами были Эдо Демерзель, а за ним — Гэри Селдон, в способность которого разработать психоисторию Император никогда не терял веры. Клеон и Селдон как главные объекты подпольной деятельности джоранумитов, пребывавшей в состоянии агонии...

Галактическая энциклопедия

1

Мандель Грубер был счастливым человеком. По крайней мере, такое впечатление он производил на Селдона. Прервав свой утренний мюцион по саду, Селдон с любопытством наблюдал за Грубером.

На вид Груберу было под сорок. Ему так часто приходилось наклоняться — именно наклоняться, а не кланяться, — что он стал сутуловат. Лицо у Грубера было симпатичное, всегда гладковыбритое, розовую лысину едва покрывали жиidenькие светлые волосы. Тихонько насвистывая, он склонился над кустом, осматривая листочки — не появились ли на них вредители.

Но Грубер, конечно же, не был главным дворцовым садовником. Главный садовник — большая шишка — почти все время проводил в своем кабинете в грандиозном дворцовом здании, и под его началом трудилась целая армия подчиненных — мужчин и женщин. Как ни странно, главный садовник совершил инспекционный обход дворцовой территории не чаще двух раз в году.

А Грубер был одним из его подчиненных. Должность его, насколько знал Селдон, называлась «садовник первой категории», и зарабатывать ее ему пришлось целых тридцать лет, трудясь верой и правдой.

Остановившись на ровной садовой дорожке, усыпанной мелким гравием, Селдон окликнул садовника:

— Отличный нынче денек, верно, Грубер?

Грубер оглянулся и улыбнулся.

— Да, господин премьер-министр, славный денек. А ведь жалко тех, кто в такой денек в четырех стенах томится.

— Вроде меня?

— Не то чтобы вроде вас, господин премьер-министр... просто от души жалко, когда... Ну, вы вот погуляете, подышите — и на целый день во дворец, верно? Как же вас не жалеть? Выходит, я счастливее вас буду?

— Спасибо вам за сочувствие, Грубер, но ведь вы же знаете, что на Тренторе сорок

миллиардов людей живет под куполами. Вам их всех тоже жалко?

— А как же! Я-то судьбе благодарен за то, что я здесь, а не там. Нас ведь так мало — таких, кому суждено трудиться на вольном воздухе. Считайте, мне здорово повезло.

— Но ведь погода не всегда такая замечательная?

— Это верно. И мне приходится вкалывать и под ливнем, и когда ветрище до костей пробирает. Только, знаете, нет плохой погоды, есть плохая одежда. Да вы поглядите... — Грубер раскинул руки, как будто хотел обнять весь дворцовый парк. — Поглядите, сколько у меня тут друзей — деревья, трава, зверюшки, жучки. Работы всегда хватает, не соскучишься. Ведь надо все в порядке держать. Планировка там, и все такое... А вы, господин премьер-министр, видали хоть раз планировку парка?

— Да ведь я, вроде бы, и сейчас ее вижу или нет?

— Э, нет, я не про это. Это надо сверху, с птичьего полета, так сказать. Только тогда поймешь, каково тут все на самом деле. Парк-то был разбит по проекту Тэппера Сэвенда лет сто назад, если не больше, и с тех пор тут ничего не меняли. Тэппер был одним из самых лучших специалистов по озеленению, и ведь мой земляк, кстати говоря.

— С Анакреона, стало быть?

— Точно. Далекая планета на задворках Галактики. Там, знаете, до сих пор есть места, где не ступала нога человека. Живи-поживай... А сюда я попал зеленым мальчишкой — считайте, молоко на губах не обсохло. Тогда нынешний главный садовник тоже был совсем молоденький, только-только на должность заступил, еще при прежнем Императоре. Ну а теперь, конечно, то и дело разговоры заходят — давайте, дескать, все тут переделаем, перекроим...

Грубер глубоко вздохнул и покачал головой.

— Зря сделают, если возьмутся за такое. Не стоит. И так вес славно, ежели только порядок соблюдать да делать так, чтобы глаз и душу радовало. Правду сказать, все-таки порой тут кое-что изменяли. Нет-нет, а кому-то из Императоров прискучивала старая планировка и хотелось чего-то новенького. Можно подумать, — хмыкнул Грубер, — будто новенькое — это всегда лучше, чем старенькое. Наш-то нынешний Император, да продлятся его дни, тоже подумывал, не изменить ли тут чего, обсуждали они это дело с главным садовником.

Последние слова Грубер произнес почти шепотом — по всей видимости, устыдился, что распространяет дворцовую сплетню.

— Ну, это вряд ли скоро получится.

— Надеюсь, господин премьер-министр, всей душой надеюсь. Знаете, я вам вот что скажу: коли будет у вас минутка оторваться от вашей безумной работы, не поленитесь, загляните в бумаги, поглядите на планировку парка. Редкостной красоты планировка, и будь на то моя воля, я бы ни единой веточки, ни единого листочка не трогал бы, хоть тут сотни квадратных километров площади.

Селдон улыбнулся.

— Как я погляжу, вы преданы своему делу, Грубер. Не удивлюсь, если в один прекрасный день вы станете главным садовником.

— Только не это! Главный садовник — несчастнейший из людей. Он не дышит свежим воздухом, не видит красот природы. Наверное, уже и позабыл, что он про нее знает, про природу эту самую. Он вон где живет, — брезгливо махнул рукой Грубер в сторону дворцовых построек, — и поди уже не сумеет кустик от деревца отличить, коли только кто из подчиненных не подведет его поближе и пальцем не ткнет.

Селдону показалось, что Грубер того гляди плюнет от отвращения, но, судя по всему, не мог найти, куда бы сплюнуть.

Селдон негромко рассмеялся.

— Какое удовольствие, Грубер, с вами беседовать! Сами знаете, какая у меня работа. Так приятно иногда погрузиться в вашу жизненную философию.

— Да что вы, господин премьер-министр, какой из меня философ... Я и учился-то с пято на десято...

— Чтобы стать философом, совершенно необязательно учиться. Тут нужен острый ум и жизненный опыт. Так что берегитесь, Грубер. Можете получить повышение.

— Господин премьер-министр, мне лучшей награды не будет, если вы меня оставите тем,

кто я есть.

Селдон развернулся и пошел прочь, и улыбка вскоре исчезла с его лица, поскольку он задумался о делах гораздо более прозаических. Уже десять лет он занимал пост премьер-министра, и если бы Грубер знал, до какой степени Селдону осточертела его должность, он бы сочувствовал ему еще сильнее. О, если бы Грубер понимал, с какой неразрешимой дилеммой столкнулся Селдон, к чему подвел его достигнутый за эти годы прогресс в разработке психоистории!

2

Тихая, мирная, задумчивая прогулка – просто идиллия. Здесь, поблизости от Императорского Дворца, трудно было даже поверить, что за пределами этого островка под открытым небом простирается громадная территория планеты, закованная в непроницаемую броню. А здесь Селдону казалось, будто он на своей родной планете, Геликоне. Груберу, наверное, казалось, что он – на Анакреоне.

Но, конечно, все это было обманчиво. Территория дворцового парка надежно охранялась – мало сказать «надежно».

Некогда, тысячу лет назад, когда дворцовые постройки были не так роскошны, как теперь, и гораздо меньше отличались от остальных зданий на Тренторе, который в ту пору только начинали покрывать защитными куполами, дворцовая территория была открыта для простых смертных, а сам Император порой прогуливался по дорожкам парка и благосклонно кивал своим подданным.

Теперь все было по-другому. Теперь тут царил режим особой безопасности и никому из тренторианцев не позволялось самовольно пересечь границу дворцовой территории. На самом деле такие суровые меры предосторожности вовсе не снижали уровня опасности, поскольку исходила она, как правило, от тех, кто находился как раз внутри границ этой самой территории – то бишь чем-то недовольных чиновников из ближайшего окружения монаршей особы или от подкупленных солдат-охранников, нарушивших присягу. Именно на дворцовой-то территории реальная опасность и грозила Императору и его неподкупным приближенным. Страшно представить, что бы могло произойти, если бы на такой вот прогулке, как сегодня, лет десять назад Селдона не сопровождала Дорс Венабили.

Он тогда был начинающим премьер-министром, и было вполне естественно предполагать что найдутся завистники, скрежещущие зубами по поводу столь неожиданного решения Императора. Тогда было много охотников занять освободившуюся вакансию – тех, кто считал себя более опытными, более достойными (по их мнению, конечно) и поэтому вправе (по их же мнению) пылать справедливым гневом. Естественно, никто из злопыхателей ни сном, ни духом не ведал о психоистории, о той важности, которую ей придавал Император, а потому они решили, что самое простое – это подкупить одного из вооруженных телохранителей премьер-министра.

И вот однажды, во время прогулки, зоркие глаза Дорс уловили отблеск лучей закатного солнца – настоящего солнца, чьи лучи никогда бы не проникли через стальной панцирь купола, – и отблеск этот сверкал, отражаясь от металлической поверхности бластера.

– Ложись, Гэри! – вскрикнула она и одним прыжком оказалась рядом с сержантом.

– Дайте мне ваш бластер, сержант, – приказала она тоном, не допускающим никаких возражений.

Потенциальный террорист, донельзя смущенный яростным видом несущейся на него женщины, судорожно взвел курок.

Но выстрелить не сумел, поскольку Дорс успела крепко сжать его запястье и поднять над головой руку, сжимавшую бластер.

– Лучше бросьте, – сжав зубы, проговорила она.

Сержант отчаянно пытался вырвать руку.

– И не пытайтесь, сержант, – предупредила Дорс, – Мое колено – в трех дюймах от вашего паха, и вы не успеете глазом моргнуть, как ваше мужское достоинство станет приятным воспоминанием. Замрите. Вот так, умница. А теперь разожмите пальцы. Если сейчас же не

бросите бластер, я вам сломаю руку.

Тут из-за кустов с волнями выбежал садовник. Дорс дала ему знак не приближаться. Сержант разжал пальцы. Бластер упал на землю.

Селдон, подбежав, прощедил сквозь зубы:

– Иди, Дорс, я разберусь с ним.

– Нет, Это ты иди. Забери бластер и уходи за деревья. Тут могут быть еще злоумышленники.

Дорс, по-прежнему крепко держа сержанта за руку, потребовала:

– А теперь, сержант, назовите имя того, кто заставил вас покуситься на жизнь премьер-министра, а также имена всех тех, кто еще в этом замешан.

Сержант молчал.

– Не валяйте дурака, – сказала Дорс. – А ну, говорите! – И она выкрутила ему руку так, что он опустился на колени. Дорс приставила к его шее высокий туфель. – Сержант, если вам очень нравится помалкивать, я могу сделать так, что вы умолкнете навеки. И не только лишитесь дара речи – учтите, сначала я вам все кости переломаю. Так что давайте-ка говорите!

И сержант послушался.

А потом, когда все было позади, Селдон спросил у Дорс:

– Дорс, как ты могла? Никогда не думал, что ты способна на такую... жестокость!

Дорс холодно ответила:

– На самом деле я не причинила ему никакого вреда. Вполне достаточно было пригрозить. Во всяком случае, твоя безопасность была превыше всего.

– Лучше бы я сам с ним схватился.

– Ради чего? Чтобы не уронить мужского достоинства? Во-первых, ты бы мог просто-напросто опоздать. Во-вторых, чего бы ты ни добился и как бы ни преуспел, это в любом случае не стало бы неожиданностью. Один мужчина сделал другого – подумаешь! А я – женщина, а от женщины никто не ждет ни мужской ярости, ни силы, Гэри, ну ты-то понимаешь, что ни одна женщина не в силах сделать со здоровым мужиком такое? А теперь пойдут слухи, и рассказ о случившемся будет обрастать неправдоподобными подробностями, и скоро вес меня будут бояться, а тебя никто не осмелится и пальцем тронуть.

– Ну да. Но не только из-за того, что будут бояться тебя. Бояться будут еще и казни. Сержант и остальные заговорщики будут казнены, ты же знаешь.

Дорс, как правило, строго следила за выражением своего лица, но тут не сдержалась. Видно было, как ей жалко осужденного на смерть сержанта, того, кто мог бы, не задумываясь, прикончить ее любимого Гэри.

– Но, Гэри, – воскликнула она. – разве так уж необходимо казнить заговорщиков? Вполне достаточно было бы посадить их в тюрьму или отправить в ссылку.

– Не выйдет, – покачал головой Селдон. – Поздно. Клеон и слышать ни о чем, кроме казни, не желает. Могу процитировать тебе его слова, если хочешь.

– То есть он уже все решил?

– Не раздумывая. Я пытался убедить его в том, что хватило бы ссылки или тюрьмы, но он сказал «нет». Он сказал: «Всякий раз, когда я пытаюсь решить проблему путем твердых и решительных действий, вы мне поете ту же самую песню, что до вас пел Демерзель, – про “деспотизм” и “тиранию”. Но это – мой дворец. Это мой парк. Это – моя охрана. Моя собственная безопасность зависит от того, насколько надежно охраняется дворец и территория, от того, насколько мои люди верны мне. Неужели у вас есть сомнения в том, что любое нарушение верности мне и Империи должно быть наказуемо иначе, чем мгновенной казнью? О какой безопасности тогда вообще речь? О какой моей безопасности можно говорить?»

Тогда я сказал: «Но должен состояться суд». А он говорит: «Пусть будет суд. Трибунал, Пусть он состоится немедленно, и я не потерплю, если хоть кто-то выскажется против казни».

Дорс была потрясена.

– И ты так спокойно об этом говоришь? Ты что, согласен с Императором?

Селдон неохотно кивнул.

– Согласен.

– Из-за того, что покушались на твою жизнь, видимо? Неужели ты из чувства мести

отказался от своих принципов?

— Нет, Дорс, я человек не мстительный. Но в данном случае на карту была поставлена не только моя жизнь, и не только жизнь Императора. Если и есть в истории Империи что-либо неизменное, показательное, так это то, что Императоры приходят и уходят, Защищать тут приходится психоисторию. Несомненно, даже если что-нибудь ужасное случится со мной, психоистория все равно когда-нибудь появится на свет, но Империя катится к разрушению, и ждать нельзя, а пока только мне одному удалось продвинуться достаточно далеко для того, чтобы необходимая нам, как воздух, методика была разработана вовремя.

— Значит, тебе следовало бы передать свои знания другим, — сухо проговорила Дорс.

— Я этим и занимаюсь. Поскольку Юго Амариль кажется мне самым подходящим моим последователем, у меня от него секретов нет. Мы с ним собрали целую группу математиков. Все они люди способные и когда-нибудь сумеют внести свою лепту, но только все равно они не так знающи, как...

— Как ты — хочешь сказать? Не так мудры, не так талантливы? Да?

— Да, я именно так думаю. И еще я думаю, что психоистория принадлежит мне, а раз я один способен с ней управиться, мне нужно время и нужна моя жизнь. Я — человек...

— Человек... — печально кивнула Дорс.

Казнь состоялась. Уже целый век в Империи не случалось ничего подобного. На смерть были осуждены двое министров, пятеро чиновников среднего звена и четверо солдат, включая того самого сержанта. Вся дворцовая охрана подверглась допросам и проверкам, и те, кто не выдержал испытаний, были уволены, и более того — сосланы в отдаленные Внешние Миры.

С этих пор все стали тише воды, ниже травы, а охрана премьер-министра была усиlena вдвое, так что «тигрице» — именно так стали теперь под шумок называть Дорс — уже не было нужды всюду сопровождать Селдона. Даже когда ее не было рядом, ее образ яростной защитницы, казалось, витал где-то совсем рядом с Селдоном. Итак, минуло уже почти десять лет, как Император Клеон наслаждался чувством спокойствия и полной безопасности.

Теперь работа над психоисторией подошла вплотную к той черте, когда вот-вот должна была появиться возможность делать кое-какие прогнозы, и, возвращаясь в это утро с прогулки в лабораторию, где он превращался из премьер-министра в ученого-аналитика, Селдон почему-то отчетливо ощутил, что периоду его благоденствия и эйфории приходит конец.

3

Однако он не сумел сдержать радости, охватившей его при входе в лабораторию.

Как все переменилось...

Ведь началось все двадцать лет назад, а тогда он маялся с подержанным геликонским компьютером. Но именно тогда словно озарение снизошло на него, и возникла туманная, полубезумная математическая теория...

А потом — годы работы в Стрилингском университете, когда они с Юго Амарилем корпели над выверкой уравнений, пытались избавиться от тяжеловесных множеств, обойти каким-то образом самые страшные из хаотических эффектов. Честно говоря, успехов у них было маловато.

Теперь же, когда он уже десять лет занимал пост премьер-министра, к его услугам был полный набор новейших компьютеров и обширный штат сотрудников, разрабатывающих самые разные аспекты проекта.

Условиями разработки проекта диктовалась необходимость того, чтобы никто из сотрудников — за исключением Юго и самого Селдона — не знал в точности, над чем они на самом деле работают. Каждый трудился над выделенным из общей проблемы заданием, разрабатывая, так сказать, отдельную шахту в колоссальной горе психоистории. Только Юго и Селдон знали, как глубоки ее недра, как высоки вершины, да и для них порой эти самые вершины скрывались в тучах, а склоны заволакивал густой туман.

Конечно, Дорс была права. Пора было мало-помалу вводить сотрудников в курс дела, посвящать в тайну. Двоим теперь уже не под силу было управиться с возникшими проблемами. А годы неумолимо шли вперед. Селдон старился. Пускай даже он сумеет курировать работу над

проектом еще пару десятков лет, но надо смотреть правде в глаза: лучшие его годы уже позади.

Да и Амарилю через месяц – тридцать девять, В общем, он еще достаточно молод, но не так уж молод для математика. К тому же он трудился над проектом примерно столько же времени, сколько сам Селдон, и, стало быть, способность к продуктивному, блещущему новизной мышлению у него уже не та.

Амариль заметил, как вошел Селдон, и пошел ему навстречу. Селдон с любовью смотрел па помощника. Амариль, как и Рейч, был коренным далийцем, и все же на взгляд в нем ничего далийского не осталось, разве что невысокий рост и крепкая, мускулистая фигура. Он не носил усов, давно избавился от акцента. Даже далийский менталитет куда-то выветрился. Призывы и лозунги Джо-Джо Джоранума в свое время не произвели на него никакого впечатления, а ведь он апеллировал в первую очередь к угнетенным и униженным далийцам.

Казалось, Амарилю совершенно несвойственен никакой патриотизм, кроме единственного – патриотизма в отношении психоистории. Только ей он принадлежал и сердцем, и душой.

Думая об этом, Селдон порой испытывал смущение. Сам он до сих пор не забыл о родной планете Геликоне, о тех двадцати годах, что прожил там, и ничего не мог с собой поделать: он считал себя геликонцем. Время от времени он задумывался о том, не мешает ли это его работе над психоисторией. Ведь в идеале человеку, занятому этой наукой, нужно было бы отречься от каких-либо национальных привязанностей и перестать принадлежать какому бы то ни было сектору, планете, а если и принадлежать кому-то и чему-то, то только лишь абстрактному человечеству, как Амариль.

«А я до сих пор этого не умею», – подумал Селдон и глубоко вздохнул.

– Гэри, – сказал Амариль, – успехи таки, похоже, есть.

– Похоже, Юго? Только похоже?

– Я не стал бы торопиться и выпрыгивать в открытый космос без скафандра, – сказал Юго совершенно серьезно. (Селдон знал, что с чувством юмора у него не очень.) И они вдвоем вошли в их отдельный кабинет. Кабинет был невелик, но зато надежно экранирован.

Амариль сел и закинул ногу на ногу.

– Появилась возможность запустить твою последнюю схему борьбы с хаотичностью – не целиком, конечно: – и ценой обобщений.

– Ясно. «Выбрал прямую дорогу, так не гляди по сторонам». Именно так обстоят дела во Вселенной. Нужно просто-напросто как-то одурочить наши цифры.

– Ну, что-то в таком духе мы и сделали. Теперь мы смотрим на все как бы через обледеневшее стекло.

– Это все равно лучше, чем через свинцовый экран, заслонявший нам обзор столько лет.

Амариль что-то пробормотал себе под нос и сказал:

– Теперь мы способны различать свет и тьму.

– Поясни!

– Не могу, но у меня есть Главный Радиант, над созданием которого я трудился, как... как...

– Ламек не подойдет? Это такой геликонский зверек, живущий в горах. На Тренторе они не водятся.

– Ну, если ваш ламек трудится в поте лица, значит, я примерно так же трудился над созданием Главного Радианта.

Амариль нажал кнопку на крышке стола, сработал механизм открытия ящика, и он бесшумно выехал из-под крышки. Юго вынул из ящика черный матовый куб. Селдон с нескрываемым интересом смотрел на него. Принципиальную схему Главного Радианта создал он сам, но сборку осуществлял Амариль – он был мастер на все руки.

Комната постепенно погрузилась в темноту, и прямо в воздухе повисли цепочки уравнений и графиков. Цифры, казалось, подвешены на невидимых ниточках над столом.

– Восхитительно! – не смог удержаться Селдон. – В один прекрасный день, если доживем до него, нужно будет добиться того, чтобы Главный Радиант проецировал целый поток математических символов, отражающих прошлое и будущее. У нас появится возможность выделять в течении этой громадной реки притоки и рукава, направлять их в нужное русло.

– Угу, – буркнул Амариль, – если нам удастся прожить с сознанием того, что наши

действия, направленные па то, как бы сделать лучше, не сделают хуже, чем есть.

– Поверь, Юго, еще не было случая, чтобы я лег спать, не подумав об этом. Эта мысль все время гложет меня. И все-таки пока ничего такого не произошло. И не добрались мы покуда до такой возможности. Ты верно сказал: пока мы всего-навсего различаем свет и тьму через обледенелое стекло.

– Точно.

– И как тебе кажется, что ты видишь, Юго? – спросил Селдон, пристально глядя на Амариля. Пристально и немного печально: Амариль стал толстеть. У него даже брюшко появилось. Он проводил слишком много времени у компьютера и Главного Радианта и почти забросил свои каждодневные разминки. Селдон знал, что с женщинами Амариль встречается время от времени, но жены у него не было. Это было ошибкой! Даже «трудоголику» нужны жена и дети, нужно о ком-то заботиться.

И Селдон подумал о том, что он сам до сих пор старается держаться в хорошей форме и что именно Дорс заставляет его не забывать об этом.

– Что я вижу? – переспросил Амариль. – Я вижу, что Империя в беде.

– Империя всегда в беде.

– Да, но теперь дело обстоит более конкретно. Существует вероятность, что беда подстерегает нас в самом центре.

– На Тренторе?

– Может быть. А может быть, на Периферии. То ли случится несчастье здесь у нас – может быть, гражданская война, – то ли далекие Внешние Миры начнут откалываться от Империи.

– Уверен, для определения вероятности как первого, так и второго психоистория не нужна.

– Самое интересное то, что, похоже, это взаимоисключающие события. Либо одно, либо другое. А вероятность того, что то и другое произойдет одновременно, ничтожно мала. Вот, посмотри. Это же твои собственные вычисления. Посмотри!

И они вместе углубились в чтение цифр па дисплее Главного Радианта.

Наконец Селдон проговорил:

– Знаешь, я все-таки не понял, *почему* ты считаешь эти варианты развития событий взаимоисключающими.

– Я тоже, Гэри, не знаю, почему это так, но в чем тогда ценность психоистории? Грош бы ей была цена, если бы она показывала нам только то, что видно невооруженным глазом. Она должна показывать нам то, чего не видно, понимаешь? А не показывает она нам, во-первых, того, какой из двух вариантов предпочтительнее, а во-вторых, что нужно делать для того, чтобы случилось лучшее, а вероятность худшего значительно упала бы.

Селдон поджал губы, помолчал, потом медленно проговорил:

– Я могу сказать тебе, какой вариант предпочтительнее. Пусть Периферия катится куда подальше, а Трентор остается в покое.

– Серьезно?

– Без вопросов. Мы обязаны сохранить Трентор в неприкосновенности хотя бы потому, что здесь мы работаем.

– Но наше собственное существование нельзя ставить во главу угла.

– Наше – нет, а существование психоистории – можно. Что хорошего для нас выйдет из того, если мы примемся спасать Периферию, а на Тренторе создастся такая обстановка, что мы вынуждены будем прервать работу над психоисторией? Я не говорю, что нас убьют. Я говорю о том, что нам могут не дать работать. А наша судьба напрямую зависит от работы над психоисторией. Что же касается Империи, то отделение Периферии – всего лишь начало распада, который может продлиться очень долго, прежде чем процесс доберется до сердцевины.

– Допустим, ты прав, Гэри, но как можно добиться сохранения стабильности на Тренторе?

– Для начала надо хотя бы подумать об этом.

Оба умолкли, и наконец Селдон признался:

– Знаешь, что-то мне не легче от этих раздумий. А что, если вся Империя – на ложном пути? Причем давно идет по нему, всю свою историю? Знаешь, эта мысль приходит мне в

голову всякий раз, когда я говорю с Грубером.

– Кто это – Грубер?

– Мандель Грубер. Садовник.

– А-а-а... Тот самый, что с воплями кинулся тебе на помощь, когда тебя хотели убить?

– Он самый. Я никогда этого не забуду и останусь вечно ему признателен. Ведь он был готов голыми руками защищать меня и не испугался заговорщиков, вооруженных до зубов. Вот это преданность! Но дело не столько в этом. Знаешь, поговоришь с ним – и словно глотнул свежего воздуха. Не могу же я все время разговаривать с придворными и психоисториками.

– Ну, спасибо.

– Не сердись! Ты же понимаешь, что я хочу сказать. Грубер – дитя природы. Он любит ветер, и дождь, и мороз – словом, натуральную погоду. А я тоже по всему этому так скучаю порой.

– А я – ни капельки. И не помер бы, если бы вообще никуда не выходил.

– Ты вырос под куполом. А вот попробуй представит себе, что было бы, если бы Империя состояла из примитивных, промышленно неразвитых миров, живущих земледелием и скотоводством, где плотность населения была бы мала и хватало бы нетронутых участков земли? Разве так не было бы лучше для всех нас?

– Не знаю. На мой взгляд, это было бы просто кошмарно.

– А я выкроил время и попытался оценить такой вот вариант. Такое впечатление, что имеет место нечто вроде неустойчивого равновесия. Малонаселенный мир – ну, такой вот пасторальный, как я только что описал, – либо нищает и вырождается, опускаясь практически до дикарства, либо там происходит индустриализация. Узенькая такая, понимаешь, дощечка – того и гляди, в какую-то сторону откачнется, и почему-то чаще всего выходит так, что перевешивает индустриальный путь развития.

– Потому что он лучше.

– Может быть. Но так не может продолжаться вечно. Теперь мы наблюдаем результаты подобной однобокости. Империя более не может существовать, потому что она... она перегрелась, лучше не могу слова подобрать, А что будет – трудно сказать. Если мы с помощью психоистории сумеем предотвратить гибель Империи или, что гораздо более вероятно, ускорить ее выздоровление после гибели, может быть, это будет не более чем запуск очередного периода перегрева. Неужели это все, что предстоит человечеству – толкать, подобно Сизифу, камень в гору только для того, чтобы потом с отчаянием взирать, как он снова катится вниз?

– Что за Сизиф?

– Герой древнего мифа. Юго, тебе следовало бы побольше читать.

Амарильль пожал плечами.

– Чтобы узнать о Сизифе? Вот уж незачем. Может быть, психоистория укажет нам путь к совершенно новому обществу, абсолютно непохожему на те, что мы видели и видим, – спокойному, устойчивому, желанному.

– Надеюсь, – вздохнул Селдон. – Очень надеюсь, но пока что-то на это непохоже. Что до ближайшего будущего, нужно приложить все усилия и добиться того, чтобы Периферия откололась. С этого момента начнется отсчет распада Галактической Империи.

4

– А я сказал, что это явится все-таки началом распада Галактической Империи. Так оно и будет, Дорс.

Дорс слушала его, поджав губы. В свое время она приняла назначение Селдона на пост премьер-министра точно так же, как принимала все, что с ним происходит, то есть спокойно. От нее всегда требовалось единственное: защищать его лично и его психоисторию, однако его теперешнее положение затрудняло ее задачу. Неизвестность – вот лучшая гарантия безопасности, а покуда жизнь Селдона озаряли «Звездолет и Солнце» – символ Империи, любые физические заслоны были недостаточны.

Та роскошь, которая теперь окружала их в обыденной жизни, – надежное экранирование

от лучей-шпионов и от любого нападения, возможности для проведения ее собственных исторических изысканий, не ограниченные никакими рамками, – все это не удовлетворяло ее. Она бы с радостью согласилась поменять все это на скромный коттедж в кампусе Стрилингского университета, а еще лучше – на какой-нибудь безымянный дом или квартиру в безымянном секторе, где бы никто их не знал.

– Все это очень хорошо, Гэри, милый, – сказала она, – но этого мало.

– Чего мало?

– Ты мне не все сказал. Ты говоришь, что мы можем потерять Периферию. Каким образом? Почему?

Селдон усмехнулся.

– Хотел бы я знать это, Дорс, но психоистория еще не на той стадии разработки, чтобы дать нам ответы на такие вопросы.

– Ну хорошо, скажи тогда, как это может выглядеть, по твоему собственному мнению. В чем тут дело? В амбициях правителей отдаленных провинций, которые хотят объявить об их независимости?

– И в этом тоже. Такие случаи имели место в прошлом, и ты об этом знаешь лучше меня; по это никогда не затягивалось надолго. На этот раз все может получиться иначе.

– Потому что Империя теперь слабее?

– Да, и потому, что теперь торговля застопорилась, связи между мирами стали не такими прочными, потому что губернаторы провинций на самом деле теперь стоят гораздо ближе к независимости, чем когда бы то ни было. И если амбиции одного из них станут особенно высоки...

– Догадываешься, кто бы это мог быть?

– Ни в малейшей степени. Единственное, что мы способны вытянуть из психоистории на нынешней стадии ее разработки, так это то, что, если такой губернатор отыщется, сейчас условия для претворения его амбиций в жизнь гораздо более благоприятны, чем когда-либо раньше. Могут произойти и другие события, к примеру, какое-то жуткое стихийное бедствие или внезапная гражданская война между двумя коалициями отдаленных Внешних Миров. Прогнозировать и то и другое в точности на данный момент мы не способны, однако мы можем с уверенностью сказать, что случись сейчас нечто подобное – и последствия будут гораздо более серьезными, чем сто лет назад.

– Но если вы даже не знаете в точности что может случиться на Периферии, как же вы можете пытаться направить течение событий так, чтобы Периферия откололась, а Трентор остался в неприкословенности?

– Мы пока способны только на то, чтобы самым пристальным взором следить за ситуацией на Периферии и на Тренторе и предпринимать попытки к стабилизации положения на Тренторе, но не предпринимать таковых в отношении Периферии. Пока нам нечего ждать от психоистории в плане того, что те или иные события будут автоматически происходить по нашему приказу; не зная о том, как именно работает психоистория, это было бы попросту опасно, а потому придется все перевести в режим непрерывного «ручного» управления, так сказать. Пройдет время, методика будет усовершенствована; и необходимость в «ручном» управлении пойдет на убыль.

– Но все это, как я понимаю, в будущем, – уточнила Дорс. – Верно?

– Верно. Да и это всего лишь надежда.

– Но какого же рода нестабильность угрожает Трентору, если мы станем удерживать Периферию?

– Да такая же самая – экономические и социальные сбои, стихийные бедствия, подстегиваемые амбициями заговоры в высших сферах власти. И еще кое-что. Я вот, когда говорил с Юго, сказал ему, что на мой взгляд, Империя как бы перегрелась. А Трентор – самая накаленная ее часть. Похоже, что он просто-таки по швам трещит. У его инфраструктуры: обеспечение водой, теплом, переработки отходов, транспортировка топлива – сейчас то и дело, похоже, возникают проблемы, с которыми раньше тут никто не сталкивался, И каждый день я отмечаю в этом плане что-то новое.

– А что скажешь насчет смерти Императора?

Селдон развел руками.

– Она неизбежна, но Клеон пребывает в добром здравии. Лет ему столько же, сколько мне, и хотя я бы не прочь скинуть десяток годков, я ведь не старик, верно? Стало быть, и он не старик. Сын его в, качестве наследника никуда не годится, но претендентов отыщется хоть отбавляй. Их гораздо больше, чем требуется для того, чтобы ускорить его кончину, однако и это вряд ли окажется глобальной катастрофой – в историческом плане.

– Хорошо, тогда скажи, что ты думаешь о покушении на его жизнь?

Селдон встревоженно посмотрел на жену.

– Не произноси этого слова. Пусть мы тут с ног до головы экранированы, все равно не стоит.

– Гэри, не валяй дурака. Всякое возможно. Было же время, когда джоранумиты были всего на волосок от захвата власти, а если бы они ее захватили, они бы от Императора так или иначе...

– Может быть, и нет. Им он был бы гораздо более полезен в качестве марионетки. Как бы то ни было, об этом-то можно спокойно забыть. Джоранум в прошлом году умер на Нишайе. Патетическая была личность.

– У него были последователи.

– Естественно. У всех есть последователи. Послушай, вот ты изучаешь период становления Тренторианского Королевства и консолидации миров Галактической Империи. Тебе не доводилось нигде встретить упоминаний о Глобалистской Партии – была такая у нас на Геликоне?

– Нет, не доводилось. Не хотелось бы сделать тебе больно, Гэри, но, честное слово, на протяжении всей истории я вообще ни разу не сталкивалась с упоминаниями о Геликоне.

– Я нисколько не обижен, Дорс. Счастлив тот мир, у которого нет истории, я так всегда говорю. И все-таки... Словом, дело было так: примерно двадцать четыре столетия назад на Геликоне образовалась группа единомышленников, полностью и бесповоротно убежденных в том, что Геликон – это единственная населенная планета, то бишь «глобус», в Галактике. Вся Вселенная – это Геликон, а над ним – всего лишь непроницаемая, твердая сфера, усеянная крошечными звездочками.

– Но как они только могли верить в такое? – изумилась Дорс. – Они ведь уже тогда входили в состав Империи, насколько я понимаю?

– Да, но глобалисты упрямо твердили, что само существование Империи – не более чем иллюзия, самовнушение, что все до одного эмиссары и чиновники Империи – это геликонцы, которые неизвестно почему играют эти роли. Взвывать к здравому смыслу было совершенно бесполезно.

– И что потом?

– Видишь ли, по-моему, всегда приятно думать, будто твой собственный мир – это Мир с большой буквы. На пике своей деятельности глобалисты втянули в партию примерно десятую часть населения Геликона. Казалось, немного – подумаешь, десятая часть! Однако это было то самое деятельное меньшинство, которое противостояло бездейственному, безразличному большинству, и все шло к тому, что они возьмут верх.

– Но не взяли, как я понимаю?

– Нет, не взяли. Глобалисты добились того, что объем торговли Империи с Геликоном значительно снизился, а геликонская экономика докатилась до почти полного нуля. И когда обыватели взяли в руки блокнотики и карандаши, популярность глобалистов резко пошла на спад. Их взлет и падение изумляли многих в то время, но я уверен, психоистория безошибочно указала бы на неизбежность такого оборота дел и доказала бы, что и думать тут много нечего.

– Ясно. Но, Гэри, объясни, для чего ты рассказал мне эту историю? Видимо, она как-то связана с тем, о чем мы сейчас говорим?

– Связь в том, что подобного рода доктрины никогда не умирают до конца, независимо от того, какими бы идиотскими способами они ни одурачивали людей. Даже сейчас на Геликоне – даже сейчас! – существуют глобалисты. Их немного, но время от времени семь-восемь десятков фанатиков собираются на так называемые «Глобальные Конгрессы» и получают ни с чем не сравнимое удовлетворение, разлагольствуя между собой о глобализме. Так вот...

прошло ведь всего десять лет с тех пор, как Трентору реально грозила опасность со стороны мощнейшего движения джоранумитов. Так что вовсе неудивительно, если тут остались кое-какие приверженцы учения Джоранума. И тысяча лет пройдет, а они останутся, и тоже удивляться будет нечему.

– Вероятно ли, что оставшиеся могут быть опасны?

– Сомневаюсь. Дело в том, что само движение в огромной степени опиралось на чары Джоранума, а он мертв. И смерть его не стала смертью героя. Он тихо и мирно скончался в ссылке.

Дорс встала и прошлась по комнате из конца в конец, размахивая руками и сжимая кулаки. Вернулась и встала перед сидящим в кресле Селдоном.

– Гэри, – сказала она, – позволь я скажу тебе, что я думаю. Если психоистория говорит о том, что Трентору грозят серьезные потрясения, значит, в том случае, если здесь еще остались джоранумиты, они до сих пор могут строить планы убийства Императора.

– Ты шарахаешься от теней, Дорс, – нервно рассмеялся Селдон. – Успокойся.

Однако отмахнуться от того, что так легко было сказано женой, он не сумел.

5

Сектор Сэтчем всегда противился династии Энтунов, из которой происходил и нынешний Император, Клеон I. Династия эта правила Империей уже два столетия. Притязания сэтчемцев на престол были связаны с тем, что некогда выходцы из этого сектора побывали, на монаршем престоле. Однако, хотя сэтчемской династии не суждено было достичь на этом посту сколько-нибудь значительных успехов, ни народ, ни, тем более, правители Сэтчема никак не могли забыть о том, кем были когда-то, что некогда, пусть ненадолго, пусть кое-как, но все же забрались на самый верх. Восемнадцать лет назад Рейчел, самозванная сэтчемская мэрша, бросила дерзкий вызов всей Империи. Из этого, правда, ничего не вышло, но зато поруганная гордость сэтчемцев взыграла с новой силой.

И поэтому небольшая группа руководителей подполья нигде не чувствовала бы себя более комфортно и безопасно, как в Сэтчеме.

Как-то вечером пятеро подпольщиков собрались вокруг стола в небольшой комнатке дома, расположенного в не самом фешенебельном из районов сектора. Обстановка в комнате была так себе, зато она была отлично экранирована.

Главенствовал на собрании человек, сидевший на стуле, который был разве что чуть-чуть получше тех, на каких сидели остальные. Да, это был руководитель, в этом не могло быть никаких сомнений. У него было удлиненное узкое лицо, он был необычайно бледен, даже тонкие губы, казалось, почти не видны. Черные волосы его были кое-где подернуты сединой, а глаза горели, словно тлеющие угли, излучая злобу и ярость.

Он пристально смотрел на человека, что сидел прямо напротив, – тот был явно старше, и внешность у него была не столь зловещая: седой, как лунь, с пухлыми: румяными щеками.

Руководитель резко оборвал своего визави:

– То, что вы не сделали ровным счетом ничего, это я понял. Извольте объясниться.

Тот быстро заморгал.

– Но я – старый джоранумит, Намарти. Почему я должен перед вами оправдываться?

Джембол Дин Намарти, в прошлом – правая рука Ласкина «Джо-Джо» Джоранума, фыркнул:

– Знаю я вас, старых джоранумитов. Тот ни на что не способен, тот труслив, а этот позабыл обо всем на свете. Так что, что «старый джоранумит», что «старый дурак» – особой разницы не вижу.

– Это вы меня старым дураком обзываете? – оскорбленно возопил его незадачливый собеседник и откинулся на спинку стула. – Меня? Каспала Каспалова? Да я был рядом с Джо-Джо, еще когда вы, извиняюсь, пешком под стол ходили.

– Я не называл вас дураком, – отрезал Намарти. – Я сказал только, что некоторые из старых джоранумитов – дураки. И у вас есть возможность доказать мне, что вы к ним не принадлежите.

— Но моя работа с Джо-Джо...

— Можете о ней забыть! Он мертв.

— Но дух его будет жить вечно.

— Если эта мысль будет вам подмогой в борьбе, пусть живет вечно, я не против. Но для других, а не для нас. Мы-то знаем, что он ошибался.

— Отрицаю!

— Не стоит упорно пытаться превратить в героя человека, который совершил ошибки. Он думал, что сумеет пошатнуть Империю одними только своими речами, а слова...

— Истории известны примеры, когда словами горы с мест сдвигали.

— Но не словами Джоранума, потому что он натворил кучу глупостей. Не слишком старательно он замел следы своего микогенского происхождения. Хуже того, он позволил одурачить себя и начать идиотскую кампанию по обвинению премьер-министра Эдо Демерзеля в том, что тот якобы робот. Я его предупреждал, что это глупо и опасно, но он и слушать ничего не желал. Вот и нарвался. Так что теперь нам надо начинать все сначала, верно? Какую бы пользу мы ни могли извлечь из воспоминаний о Джорануме, нам самим никаким воспоминаниям предаваться не следует.

Каспалов молчал. Остальные трое тоже помалкивали, только поглядывали на Намарти и Каспалова, втайне радуясь, что им ничего говорить пока не приходится.

— После того как Джоранум был сослан на Нишайю, джоранумитское движение распалось и, казалось бы, прекратило свое существование, — хрипло проговорил Намарти. — То есть так было оно и было, если бы не я. Я собрал его снова, по кусочку, по пылинке, и теперь его сеть раскинулась вновь и покрывает весь Трентор. Насколько я знаю, вы в этом не сомневаетесь.

— Я не сомневаюсь в этом, руководитель, — пробормотал Каспалов.

Он назвал Намарти «руководителем» — стало быть, встал в позицию побитого и оправдывающегося.

Намарти довольно ухмыльнулся. Он никогда не требовал, чтобы к нему вот так обращались, но ему всегда было приятно, когда его называли «руководителем».

— Так вот, вы — часть этой сети, и у вас есть свои обязанности.

Каспалов нервно заерзал на стуле. Какое-то время он вел молчаливую игру с самим собой. Наконец он откашлялся и проговорил:

— Вот вы, руководитель, говорите, что предупреждали Джоранума о том, что неразумно затевать кампанию по обвинению премьер-министра в том, что он — робот. Вы говорите: он вас не стал слушать, но все-таки вы сказали то, что думали. Позволено ли будет мне воспользоваться такой же привилегией и указать на то, что лично я считаю ошибочным? Выслушаете ли вы меня, как в свое время вас выслушал Джоранум? Вы вольны, безусловно, отвергнуть мой совет и поступить так, как считаете нужным.

— Ну, естественно, вы можете высказаться, Каспалов. Вы сюда для того и приглашены. И каково же ваше мнение?

— Я считаю, что эта наша новая тактика, руководитель, ошибочна. Из-за нее уйма вреда и страданий.

— А как же! В этом и состоит наша цель! — гневно воскликнул Намарти, донельзя возмущенный непониманием таких простых, на его взгляд, вещей. — Джоранум пытался действовать убеждением. Не вышло. А мы поставим весь Трентор на колени путем активных действий.

— Сколько времени на это потребуется? И какой ценой мы этого добьемся?

— Сколько понадобится, столько и понадобится, а о цене говорить и вообще не приходится. Наши диверсии не стоят нам ни гроша, а делу помогают здорово. Временные прекращения электроснабжения, взрывы водопровода и канализации, нарушение систем кондиционирования. Каковы результаты? Неудобство и раздражение — а больше нам ничего и не нужно.

Каспалов покачал головой.

— Подобные действия носят кумулятивный характер.

— Конечно, Каспалов, а мы как раз того и хотим, чтобы реакция на все эти неудобства, то есть возмущение и сопротивление, носила кумулятивный характер. Послушайте, Каспалов,

Империя катится по пути упадка. Это известно каждому. Каждому, кто способен логически мыслить. Техника все равно то и дело выходила бы из строя то тут, то там, даже если бы мы пальцем о палец не ударяли. Так что мы всего-навсего немножко ей помогаем.

— Это опасно, руководитель. Инфраструктура Трентора исключительно сложна. Один опрометчивый шаг — и вся планета будет лежать в руинах, Потяните за неверную ниточку — и Трентор обрушится, словно карточный домик.

— Пока что этого не произошло.

— Может произойти. И что же получится, если люди поймут, что за всем этим стояли мы? Да нас на куски разорвут! Не силы безопасности, не армия — нет, самые обычные толпы народа.

— Но кому может прийти в голову винить в этом нас? Во все времена люди сваливают всю вину на правительство, на советников Императора. И на этот раз будет то же самое.

— Ну а нам как прикажете жить дальше с таким камнем на сердце?

Этот вопрос Каспалов задал шепотом — старик явно совершенно искренне переживал. Он умоляюще смотрел на Намарти, своего руководителя, человека, которому присягнул на верность. Он-то сделал это исключительно из тех соображений, что Намарти, по его мнению, пойдет по пути Джоранума, а теперь Каспалов с горечью думал о том, неужели Джо-Джо хотел бы, чтобы его мечта осуществилась таким вот образом.

Намарти зацокал языком — так отец укоряет расшалившегося ребенка.

— Ой, Каспалов, только с нами не надо сентиментальничать, ладно? Когда мы придем к власти, мы соберем тут все по кусочку и выстроим заново. Запустим в дело старые джоранумитские лозунги насчет всенародного, правительства — пусть поиграют маленько во власть, — а когда мы утвердимся по-настоящему, создадим то правительство, которое *нам* будет нужно. И Трентор станет лучше, Империя сильнее. Можно будет создать нечто вроде совещательного органа, в работе которого участвовали бы представители различных миров — эти тоже пусть болтают, о чем хотят, тешат себя мыслью о том, что решают вопросы глобальной важности, а править будем *мы*.

Каспалов нервно потирал руки и, видимо, не знал, что сказать.

Намарти притворно улыбнулся:

— Вы сомневаетесь? Не бойтесь, мы не проиграем. Все идет хорошо, и дальше будет идти хорошо, Император не знает о том, что происходит. Не имеет ни малейшего понятия. А нынешний премьер-министр — математик. Он, правда, одолел Джоранума, но с тех пор бездействует.

— Но у него же есть эта... как ее...

— Не вспоминайте. Джоранум свихнулся на этой ерунде, но это все из-за того, что он был микогенец. И насчет робота он потому и клюнул так легко, что он оттуда, из Микогена. *Ничего* у этого математика нет такого...

— А, вспомнил: не то исторический психоанализ, не то еще как-то. Я слышал, как-то Джоранум сказал...

— *Не вспоминайте*, Делайте свое дело. Вы у нас за что отвечаете? За вентиляцию в секторе Анемория, верно? Вот и отлично. Нарушьте ее работу, а как — сами придумайте. Можно устроить так, что что-то там перекрывается, и тогда растет влажность или распространяются какие-то особые запахи, да мало ли чего. Никто от этого не умрет, так что не надо взвывать к небесам и каяться в смертных грехах, ясно? Вы всего-навсего создадите людям временные неудобства и подстегнете в них недовольство жизнью. Можем мы на вас рассчитывать?

— Да, но то, что может оказаться всего лишь времененным неудобством для молодых и здоровых, вряд ли окажется таковым для детей, стариков, больных...

— А вы что же, считаете, что прямо-таки никто и пострадать за правое дело не должен?

Каспалов растерянно пробормотал что-то нечленораздельное.

— Без жертв в этом мире ничего не добьешься. Так не бывает, чтобы никто не пострадал, — сказал Намарти. — Делайте свое дело. Постарайтесь, если вы такой уж совестливый, сделать его так, чтобы пострадало как можно меньше народу, но дело сделайте!

— Послушайте, руководитель, — воскликнул Каспалов. — Я должен сказать вам еще кое-что.

— Ну, говорите, — устало пробурчал Намарти.

— Уже не первый год мы ковыряем дырки в инфраструктуре Трентора. Ну хорошо,

допустим, настанет день и мы наковыряем их столько, что чаша народного терпения переполнится, а вы этим воспользуетесь для свержения правительства. Как именно вы собираетесь осуществить это?

– Вы хотите узнать, как мы в точности это осуществим?

– Да. Чем резче мы ударим, тем меньше будет объем поражений, тем успешнее будет проведено хирургическое вмешательство.

Намарти медленно, неохотно проговорил:

– Я пока не решил, как именно будет выглядеть этот «хирургический удар». Но он будет нанесен. А до тех пор... так вы будете делать свою работу?

Каспалов обреченно понурил голову.

– Да, руководитель.

– Каспалов, вы можете идти, – резко сказал Намарти и махнул рукой.

Тот встал, развернулся и вышел. Намарти проводил его взглядом и сказал человеку, что сидел по правую руку от него:

– Каспалову больше доверять нельзя. Он продался. Он хочет предать нас и именно затем выспрашивает насчет моих планов на будущее. Приглядите за ним.

Все трое кивнули, встали и ушли. Намарти остался в одиночестве. Дотянувшись до выключателя, он нажал кнопку и отключил подсветку стен. Лишь маленький квадратик света, лившегося с потолка, рассеивал сгустившийся полумрак. Думал он вот о чем: «Во всякой цепи бывают слабые звенья, от которых нужно избавляться. Мы и в прошлом так поступали и в итоге имеем неприкасаемую организацию».

Он зловеще ухмыльнулся. Все шло, как надо. Кое-какие паутинки протянулись и во Дворец – не слишком прочные, не слишком надежные, но протянулись-таки. Ничего, скоро станут прочнее.

6

Уже несколько дней подряд стояла хорошая погода – теплая и солнечная, такое на незащищенной куполами дворцовой территории случалось крайне редко.

Гэри помнил: Дорс как-то рассказывала ему о том, почему именно этот район Трентора, где зимы были так холодны и так часто лили дожди, был избран местом постоянной резиденции монархов.

«То есть, – сказала она тогда, – по сути дела, никто это место не *избирал*. На заре формирования Тренторианского Королевства тут располагалось поместье правящей моровианской фамилии. Когда же Королевство стало Империей, у Императоров был большой выбор мест для резиденции – летние курорты, зимние дворцы, охотничьи поместья, дачи на побережье. Но в то время, когда планета мало-помалу начала покрываться куполами, один из Императоров, живший как раз здесь, так полюбил это место, что его оставили нетронутым. И именно потому, что только это *единственное* место осталось незащищенным, в нем и появилось нечто особенное, уникальное, и эта уникальность приглянулась следующему Императору, и так далее, и так далее. Вот так родилась эта традиция».

И, как всегда, когда слышал нечто подобное, Селдон задумался; что могла по этому поводу сказать психоистория? Можно ли было с ее помощью предсказать, что какой-то участок поверхности Трентора останется без купола? Допустим, это можно было бы предсказать, но наверняка ответа на вопрос о том, какой именно участок ожидает такая судьба, не последовало бы. Но может быть, и первый вопрос остался бы без ответа? Может быть, с помощью психоистории удалось бы установить, что непокрытыми броней останутся несколько участков поверхности, а может быть, не останется ни одного? Как можно было опираться и расчетах на личные желания или нежелания некоего императора, который в критический момент оказался на престоле и принял решение... да мало ли что могло на него тогда найти – хоть умопомрачение! Вот так возникает хаос – хаос и безумие.

Клеон I, без сомнения, наслаждался прекрасной погодой.

– Я старею, Селдон, – признался он. – Да не мне вам об этом говорить. Мы ведь с вами ровесники. Нет, конечно, то, что мне неохота играть в теннис или идти на рыбалку, это само по

себе вовсе не признаки старости... кстати говоря, пруд недавно вычистили... ну, так вот: почему-то мне стало гораздо более приятно просто гулять по парку.

Разговаривая, Император грыз орешки, по форме напоминавшие столь любимые на Геликоне тыквенные семечки, но крупнее и не такие нежные на вкус. Клеон аккуратно разгрызая скорлупу и отправлял семечки в рот.

Селдон не был большим любителем этих орешков, но, конечно же, не смог отказаться, когда Император угостил его, и вынужден был съесть несколько штук.

Рука Клеона была занята скорлупой, и он растерянно смотрел по сторонам, не зная, куда бы их выбросить. Урны-дезинтегратора поблизости не было. Зато неподалеку, вытянувшись по струнке, как и следовало в присутствии Императора, и почтительно склонив голову, стоял садовник.

— Садовник! — окликнул его Клеон.

Садовник поспешно приблизился.

— Сир!

— Выбросьте куда-нибудь мусор, — сказал Клеон, пересыпая скорлупу в усердливо подставленную ладонь садовника.

— Слушаюсь, сир.

— Тогда уж и у меня заодно заберите, Грубер, — попросил Селдон.

Грубер протянул руку и почти застенчиво проговорил:

— Слушаюсь, господин премьер-министр.

Он поспешно удалился, а Император с любопытством посмотрел ему вслед.

— Вы что, знакомы с ним, Селдон?

— О да, сир. Старый приятель.

— Садовник? Ваш старый приятель? Кто он такой? Может, бывший математик? Неудачник какой-нибудь?

— Нет, сир. Ничего такого. Может быть, вы помните один случай. Это произошло тогда, когда... — Селдон прокашлялся, придумывая, как бы более тактично и осторожно назвать случившееся. — Когда, вскоре после того как вы своей милостью назначили меня премьер-министром, моей жизни угрожал некий сержант.

— А, покушение, — небрежно проговорил Клеон и поднял глаза к небесам, словно искал там успокоения. — Просто не понимаю, почему это все так боятся произносить это слово.

— Может быть, потому, — сказал Селдон, в душе презирая себя за то, что лесть теперь так легко срывалась у него с языка, — что все мы гораздо больше печемся о том, как бы чего-нибудь непредвиденного не случилось с нашим Императором, чем вы сами, сир.

Клеон иронично усмехнулся.

— Ну-ну... А при чем тут Грубер? Так его зовут?

— Да, сир. Мандель Грубер. Уверен, вы вспомните, как обстояло дело. Некий садовник бросился мне тогда на помощь. Он был готов голыми руками защищать меня, не испугавшись вооруженного сержанта.

— Ах да. Так это он самый и есть?

— Да, сир, это он. С тех пор я считаю его своим другом и почтя всякий раз, когда прогуливаюсь по парку, встречаю его. У меня такое впечатление, что он взялся меня оберегать. И, естественно, я питаю к нему самые добрые чувства.

— А я вас и не виню нисколько... Кстати, раз уж мы коснулись этого вопроса... как поживает ваша отважная супруга, доктор Венабили? Что-то я ее редко вижу.

— Она ведь историк, сир. Вся в прошлом.

— Слушайте, вы ее не боитесь? Я бы боялся, будь я на вашем месте. Мне рассказывали, как она налетела на сержанта, Его можно пожалеть.

— Она горой стоит за меня, сир. Боится. Правда, в последнее время бояться нечего. Все спокойно.

Император задумчиво посмотрел в ту сторону, куда ушел садовник.

— А мы как-нибудь вознаградили этого человека?

— Я позаботился об этом, сир. У него жена и две дочери, и я так устроил, что для каждой из дочерей отложена значительная сумма на образование их детей в будущем.

— Хорошо. Но я думаю, его стоит повысить в должности. Он хороший садовник?

— Превосходный, сир.

— А наш главный садовник Малькомбер, или как его там — что-то не припомню... похоже, он уже не слишком годится для этой работы. Ему уже давно за семьдесят. Как вы думаете, а Грубер справится?

— Уверен, справится, сир, но только он безумно любит свою работу. Она позволяет ему подолгу бывать на свежем воздухе при любой погоде.

— Забавная рекомендация. Ну ничего, я думаю, он справится и с руководящей работой, а мне нужен кто-то, кто сумел бы придумать кое-какие новшества. Гм-м-м... в общем, я подумаю. Может быть, ваш друг Грубер — как раз тот человек, который мне нужен... Да, Селдон, что вы, кстати говоря, имели в виду, сказав, что в последнее время все спокойно?

— Только то, сир, что никаких признаков недовольства среди придворных не отмечается. Неизбежная тенденция к интригам так близка к минимуму, как не была никогда.

— Вы бы так не говорили, Селдон, будь вы на моем месте. Послушали бы вы всех чиновников с их вечными жалобами. И как вы только можете мне говорить, что все тихо и спокойно, когда мне каждую неделю докладывают о серьезнейших авариях на Тренторе?

— Подобные происшествия случаются всегда, сир.

— Что-то не припомню, чтобы они когда-либо случались чаще, чем за последнее время.

— Очень может быть, сир, так оно и есть. Коммуникации стареют. Для того чтобы произвести необходимый капитальный ремонт, нужен определенный срок, необходимо произвести колossalный объем работ и вложить значительные средства. А сейчас не то время, когда люди спокойно воспримут рост налогов.

— Такого времени никогда не бывает. Похоже, людям не слишком нравятся все эти аварии. Этому следует положить конец, и вы, Селдон, проконтролируйте этот вопрос. А что говорит по этому поводу психоистория?

— То же самое, что элементарный здравый смысл: все на свете приходит в негодность.

— Ну... в общем, можно считать, настроение у меня теперь испорчено на весь день. Ладно, разбирайтесь сами, Селдон.

— Слушаюсь, сир, — спокойно кивнул Селдон. Император зашагал ко дворцу, а Селдон подумал о том, что и у него самого настроение на весь день испорчено. Эти аварии на Тренторе были той самой альтернативой, которая ему меньше всего была по душе. Но как их прекратить и перебросить кризис на Периферию?

Психоистория молчала.

7

Рейч Селдон был нескованно счастлив. Еще бы ему но радоваться — ведь за несколько месяцев это был первый ужин *en famille*³ с матерью и отцом. Он отлично знал, что в биологическом смысле эти двое — не кровные его родители, но это не имело никакого значения. Он считал их своими родителями и радостно, с любовью улыбался им.

Обстановка в теперешних апартаментах Селдона была не такая задушевная, не такая теплая, как некогда в коттеджике Стрилингского кампуса. Увы, нынче некуда было деваться от роскоши и великолепия — таким уж положено было быть апартаментам премьер-министра.

Глядя порой на себя в зеркало, Рейч не переставал удивляться. Рост он был невысокого — всего сто шестьдесят три сантиметра, то есть ниже обоих родителей, коренастый, упитанный, но не толстяк, черноволосый, усатый — с далийскими усами он не расстался бы ни за что на свете. Они были предметом его гордости, и он особенно тщательно ухаживал за ними.

А из зеркала на него до сих пор смотрели глаза беспризорного мальчишки — того самого, каким он был когда-то, до того, как судьбе не стало угодно устроить его встречу с Гэри и Дорс по дороге к Матушке Ритте в Биллиботтоне. А теперь он, Рейч, родившийся в нищете и безысходности, был государственным служащим, мелким клерком в министерстве демографии.

---

³ En famille — семейный (фр.).

– Ну, как дела в министерстве? – поинтересовался Селдон. – Есть успехи, Рейч?

– Кое-какие есть, па. Законы прошли. Решения суда приняты. Речи произнесены. И все же людей убедить трудно. Можно ведь сколько угодно разглагольствовать о братстве, а люди все равно себя братьями не чувствуют. И что меня больше всего донимает, так это то, что далийцы ничем не лучше других. Хотят, чтобы к ним относились, как к равным, и так оно и есть. Но хотят-то они хотят, а вот дай им волю, сомневаюсь, чтобы они к другим стали относиться, как к равным.

– Увы, психологию людей очень трудно изменить, Рейч, почти невозможно. Придется довольствоваться попытками избавиться от самых страшных зол, – вздохнула Дорс.

– Беда в том, – сказал Селдон, – что этим практически никто никогда не занимался. Людям милостиво позволяли играть в игру, главное правило которой – «я-лучше-чем-ты», а выбить из мозгов такое трудновато. Понимаешь, если пустить все на самотек лет этак на тысячу и сидеть сложа руки, нечего удивляться, что потом придется сто лет разбираться и наводить порядок.

– Знаешь, па, – улыбнулся Рейч, – мне порой кажется, что ты засунул меня на эту работу в качестве наказания.

– Вот тебе раз! За что же мне тебя наказывать? – удивленно вздернул брови Селдон.

– Хотя бы за то, что я в свое время соблазнился программой Джоранума относительно равенства секторов и призывами к более широкому представительству народа в правительстве.

– За это я тебя винить никак не могу. Лозунги крайне привлекательные, но ты же знаешь, что и Джоранум, и вся его партия использовали их исключительно как средство для вхождения во власть. А потом...

– И все-таки ты заставил меня заманить его в ловушку, несмотря на то, что мне импонировали его взгляды.

– Поверь, мне было нелегко просить тебя об этом.

– А теперь ты заставляешь меня работать над претворением в жизнь программы Джоранума исключительно затем, чтобы показать, как это невыносимо трудно?

Селдон ударил в ладоши.

– Дорс, ну как тебе это нравится? Наш мальчик приписывает мне прямо-таки какую-то змеиную хитрость. Разве это у меня в крови?

– Рейч, – проговорила Дорс, с трудом пряча улыбку, – уверена, ты не такого мнения об отце.

– Да нет, нет, конечно. По жизни ты, па, прямой, как правда. Но когда дойдет до дела, ты знаешь, как перетасовать колоду. Разве не этого самого ты хочешь добиться с помощью психоистории?

Селдон грустно ответил:

– До сих пор с ее помощью я мало чего добился.

– Это скверно. Я-то думал, что существует какой-нибудь психоисторический метод, с помощью которого можно было бы покончить с дискриминацией и бесправием.

– Может быть, он и есть, но только я пока его не обнаружил. – После ужина Селдон сказал: – Рейч, мне с тобой надо кое о чем потолковать.

– Вот как? – удивилась Дорс, – Без меня, я правильно поняла?

– Министерские дела, Дорс.

– Министерские «ля-ля», Гэри. Наверняка, будешь просить мальчика сделать что-нибудь такое, чего мне не хотелось бы.

Селдон строго отрезал:

– Будь уверена, я не буду просить его ни о чем таком, чего ему не хотелось бы.

– Все в норме, ма, – успокоил Рейч Дорс. – Дай нам с папой поговорить. Честное слово, я тебе потом все-вес расскажу.

– Ну, начинается... – Дорс скрестила руки на груди и широко раскрыла глаза. – Ясное дело, «государственные тайны».

– Представь себе, ты не ошиблась, – решительно проговорил Селдон. – И к тому же – тайны первостатейной важности. Дорс, я говорю совершенно серьезно.

Дорс встала, поджав губы. Выходя из комнаты, она остановилась на пороге и сказала

единственное:

- Не смей бросать мальчика на съедение волкам, Гэри.
- Она вышла, а Селдон спокойно проговорил:
- Боюсь, что я задумал именно бросить тебя на съедение волкам, Рейч.

8

Селдон и Рейч перешли в домашний кабинет Селдона, который он сам окрестил «местом для раздумий». Здесь он просиживал долгие часы и думал, думал о том, как решать бесконечные и каждодневные проблемы деятельности имперского и тренторианского правительства.

– Ты читал, Рейч, – спросил Селдон, – насчет участившихся аварий в системе коммуникаций нашей планеты?

– Да, – кивнул Рейч, – но только, па, ты же сам знаешь, какая старая у нас планета. Так-то по сути, надо бы, знаешь, что сделать? Вывезти отсюда весь народ, все тут перекопать, заменить напрочь, наставить везде новейших компьютеров, а уж потом завезти всех обратно – ну, лучше даже не всех, а половину. Ей-богу, на Тренторе будет гораздо спокойнее, если тут будут жить двадцать миллиардов человек.

– И каким же двадцати отдать предпочтение? – улыбаясь, спросил Селдон.

– Не знаю, – мрачно проговорил Рейч. – Да это и неважно. Все равно планету нам не переделать, так что приходится латать дырки.

– Боюсь, ты прав, Рейч, но не все тут так просто. Я тебе кое-что расскажу, а ты поправь меня, если я ошибусь. Есть у меня по этому поводу кое-какие мысли.

Селдон вынул из кармана небольшой шарик.

– Что это такое? – спросил Рейч.

– Карта Трентора. Великолепная компьютерная модель. Будь так добр, Рейч, расчисти стол.

Селдон положил шарик на середину стола и нажал кнопку, вмонтированную в подлокотник кресла. Свет в комнате погас, а крышка стола загорелась молочно-белым светом, распространявшимся примерно на сантиметр в глубь нее. А шарик, казалось, расплываясь и растекаясь по поверхности стола.

Мало-помалу на молочно-белом фоне простирали пятна и точки, и примерно через тридцать секунд Рейч восхищенно проговорил:

– Да ведь это не глобус, а карта! Настоящая карта Трентора!

– А я тебе что говорил? Правда, такую в магазине не купишь. Они все у армейских начальников. Можно пользоваться, как глобусом, но просто горизонтальная проекция более четко покажет то, что мне хотелось бы показать.

– Слушай. Как мы знаем, за последние пару лет участились аварии. Ты говоришь: «Планета старенькая, и этого можно ожидать». Так? Однако аварии резко участились, и в них стала отмечаться некая закономерность, то есть практически все аварии являются результатом небрежности со стороны обслуживающего персонала.

– Разве такое невозможно?

– Почему нет? Возможно. В разумных пределах. В разряд событий такого рода можно отнести даже землетрясения.

– Землетрясения? На Тренторе?

– Трентор – в сейсмическом отношении на редкость спокойная планета – и это замечательно, поскольку крайне опасно было бы заковывать в броню планету, которая тряслась бы, как безумная, по несколько раз в году – любая броня тогда бы трещала по всем швам. Твоя мама говорит, что одной из причин, по которой Трентор был в свое время избран столицей Империи, явилось как раз то, что он так безопасен в сейсмическом плане. «Геологически полудохлый» – вот так она называла наш любимый Трентор, ты же знаешь, как мама любит такие словечки. Ну, так вот: Трентор, он, может быть, и правда, полудохлый, но все-таки еще не умер. Изредка тут случаются маленькие землетрясения, и за последние два года их было три.

– Я этого не знал, па.

– Не только ты. Покрытие Трентора – это не цельносваренная броня. Она состоит из сотен кусков, каждый из которых в случае необходимости может быть отсоединен и приподнят, сдвинут в сторону, дабы избежать напряжения и сжатия, неизбежно возникающих в случае землетрясения. И поскольку землетрясения на Тренторе делятся не более минуты, подъем покрытия занимает примерно такое же время, и люди, живущие в этом районе, даже не подозревают ни о чем. Единственное, что они ощущают, – это звон посуды на полках да легкое подрагивание пола. Ну, разве еще мизерное изменение погоды за счет проникновения воздушных масс снаружи – и все.

– Но это же здорово?

– По идеи, да. В этом плане все компьютеризировано. Где бы ни произошло землетрясение, его начало должно моментально выявляться, и обязана включаться система автоматического подъема куполов, дабы подъем произошел до того, как вибрация станет чрезвычайно сильной и будет грозить целостности покрытия.

– Тоже здорово.

– Согласен. Но беда в том, что при всех тех трех землетрясениях, которые, как я тебе сказал, произошли за последние два года, автоматика подъема куполов не срабатывала. То есть купола вообще не поднимались, и, как следствие, понадобился значительный ремонт. Потрачено время, вложен труд, но климатические условия надолго вышли из-под контроля. А теперь скажи мне, Рейч, как ты думаешь, какова вероятность того, что во всех трех случаях виновато оборудование?

– Невысока!

– Мягко сказано – «невысока». Один против ста, и того меньше. Такое впечатление, будто кто-то нарочно отключал автоматику всякий раз перед землетрясением. Теперь вот о чём. Примерно раз в сто лет на Тренторе случаются утечки магмы, а подобные геологические катаклизмы контролировать еще труднее, чем землетрясения. Просто страшно себе представить, что бы могло случиться, если бы такое стихийное бедствие не было вовремя выявлено. К счастью, ничего подобного пока не случилось, и вряд ли случится, но ты посмотри; здесь, на этой карте, отмечены места, где за последние годы произошли аварии, казалось бы, связанные с людской халатностью. Правда, ни разу не удалось установить, *кто именно* был виновен в подобной халатности.

– Наверное, потому, что каждый спасает свою шкуру.

– Ты прав, пожалуй. Увы, это характерный признак любой бюрократической системы, а Трентор – самая громадная и совершенная из них. Ну, так что скажешь относительно локализации аварий?

На карте загорелись маленькие красноватые огоньки.

– Ну… – осторожно начал Рейч. – Похоже, слишком равномерно.

– Вот именно. Как раз *это* и интересно. Ведь, казалось бы, где аварии должны случаться чаще? Там, где инфраструктура Трентора наиболее уязвима, более изношена, то есть в самых старых районах Трентора, тех, которые раньше других были покрыты куполами, верно? Именно там при работе с оборудованием больше, чем где бы то ни было, требуется быстрая реакция обслуживающего персонала и, соответственно, самая благоприятная почва для халатности. Так… Смотри, сейчас я выделю синими огоньками старые районы Трентора. Видишь? Аварии там случались ничуть не чаще, чем в более современных районах.

– Ну, и?

– И я склонен полагать, Рейч, что халатность к авариям не имеет ни малейшего отношения, что они не случайны и имеют целью одно: раздразнить людей, вызвать их недовольство, причем желательно по всей планете.

– Что-то не верится.

– Нет? Давай, в таком случае, посмотрим, как аварии распределяются по времени, а не по территории Трентора. – Синие и красные точки исчезли. Несколько мгновений карта Трентора «молчала», затем на ней начали появляться золотистые огоньки – они загорались и гасли один за другим. – Обрати внимание, – сказал Селдон, – никаких наложений, совпадений. Одна за другой, через почти равные промежутки времени. Ну прямо, будто часы тикают.

– Думаешь, тоже нарочно, да?

— Наверняка. Кто бы за этим не стоял, он старается наделать как можно больше вреда и шума, прилагая как можно меньше усилий. Зачем устраивать, к примеру, две аварии одновременно, когда вполне достаточно, чтобы в новостях сообщения о них мелькали постоянно? В новостях и в сознании людей. И с каждым последующим сообщением недовольство народа возрастает с новой силой.

Огоньки на карте погасли, поверхность стола тоже. В комнате зажегся свет. Селдон взял со стола шарик и убрал в карман.

— Но кто же может этим заниматься? — нахмурил брови Рейч.

Селдон задумчиво проговорил:

— Несколько дней назад я получил сообщение об убийстве в секторе Сэтчем.

— Ничего удивительного, — пожал плечами Рейч. — Сэтчем, правда, не самый криминальный сектор, но и там каждый день убивают уйму людей.

— Сотни, — кивнул Селдон. — Бывают дни, когда число умышленных убийств на Тренторе доходит до миллиона. И чаще всего убийц обнаружить не удается. Случай смерти просто попадают в статистические отчеты. Однако тот случай, о котором я говорю, не совсем обычен. Человека пырнули ножом, но неудачно, не насмерть. Когда его подобрали, он был еще жив, Он успел произнести одно единственное слово перед смертью, и слово это было «руководитель». Происшествие вызвало законное любопытство, и личность убитого была установлена. Работал он в Анемории, а что делал в Сэтчеме — непонятно. Однако одному ушлому офицеру удалось-таки откопать любопытную подробность. Человек этот — из старых джоранумитов. Звали его Каспал Каспалов, и он был одним из ближайших соратников Ласкина Джоранума. И вот теперь он мертв. Его убили, зарезали.

Рейч нахмурился.

— Думаешь, па, джоранумиты ушли в подполье? Да нет, чепуха, их больше нет.

— Видишь ли, не так давно мама спросила у меня, как я думаю, не существуют ли джоранумиты до сих пор, а я ей сказал, что всякая старая вера сохраняет приверженцев, и порой хвост за ней тянется на целые столетия. Как правило, приверженцы теряют влияние, сильно рассредоточены. И все же; что, если джоранумитам удалось сохранить свою организацию, что, если у них остались значительные силы, что, если они решили убрать того, кого сочли изменником, что, если именно они устраивают все аварии, как нечто вроде подготовительного этапа перед захватом власти?

— Что-то многовато «если», па.

— Знаю, знаю. Может быть, я вообще ошибаюсь. Убийство произошло в Сэтчеме, а вот в Сэтчеме-то как раз — никаких аварий в коммуникациях.

— Что это доказывает?

— Это может говорить о том, что центр подполья там и располагается и что подпольщики не желают устраивать неудобств самим себе, зато щедро рассыпают их по всему остальному Трентору. Также это может означать, что за всем этим стоят не джоранумиты, а совсем наоборот — члены сэтчемской династии, все еще лелеящие мечту править Империей.

— Ой, па! Вилами на воде писано!

— Знаю. А теперь предстань все-таки, что все обстоит именно так, как я говорю. Что джоранумитское подполье все-таки существует. Правой рукой Джоранума был Джембол Дин Намарти. Подтверждения того, что он умер, у нас нет, как нет сведений о том, что он покинул Трентор и чем занимался в последние десять лет. Это вовсе не удивительно. В конце концов, затеряться среди сорока миллиардов человек — проще простого. Я и сам в свое время пытался сделать это. Конечно, может быть, что Намарти уже нет в живых. Это было бы самое легкое объяснение. Но может быть, он жив.

— И что? Что делать?

— Самое простое — обратиться в органы системы безопасности, но я не могу этого сделать. Рядом со мной теперь нет Демерзеля. Он умел действовать угрозами, Я этого не умею. Он был могущественной личностью, а я всего-навсего математик. Мне не стоило становиться премьер-министром, но меня заставили. Да я бы им не стал, если бы Император не верил столь бесповоротно в возможности психоистории — на мой взгляд, совершенно зря.

— А ты вроде как занялся самобичеванием, а, па?

– Что, похоже, получается? Нет, ты только представь себе меня, обращающегося за помощью к сотрудникам системы безопасности, показывающего им то, что показал сейчас тебе, – Селдон постучал пальцем по столу, – начинаящего им доказывать, что нам грозит величайшая опасность со стороны подпольной организации, про которую я по сути ничего не знаю. Они меня, конечно, надменно высушают, а когда я уйду, только посмеются над чокнутым математиком – и все, пальцем о палец не ударят.

– И все-таки, что же делать? – настаивал Рейч. – Что нам делать?

– Поставим вопрос иначе: что *тебе* делать, Рейч? Мне нужны доказательства, и я хочу, чтобы ты помог мне раздобыть их. Я бы послал маму, но она ни за что на свете, не согласится расстаться со мной. Сам я в такие времена никак не могу покинуть дворец. Больше, чем кому-либо, кроме Дорс и себя самого, я доверяю тебе, Ты еще совсем молодой, сильный, в драке давно меня переплюнул, и еще – ты хитрый.

Только пойми, я вовсе не хочу, чтобы ты рисковал жизнью. Никакого героизма, никаких самоотверженных подвигов. Только выясни все, что сумеешь. Может быть, тебе удастся узнать, что Намарти жив и здоров. Или, наоборот, что он умер. Может быть, тебе удастся разнюхать, что джоранумиты активно действуют, или же, наоборот, как выражается мама, они пребывают в полуодолом состоянии. А может быть, ты узнаешь, что Сэтчемская династия что-либо затевает или, наоборот, совсем ничего не затевает. В любом случае, что бы ты ни узнал, все будет интересно. Но не это самое главное. А самое главное вот что: я хочу, чтобы ты постарался узнать, действительно ли аварии происходят так, как я думаю, то есть в результате диверсий, и что еще на уме у подпольщиков. У меня сильное подозрение, что они собираются затеять что-то вроде всенародного бунта, а если так, я должен знать об этом.

Рейч осторожно спросил:

– Ты, наверное, уже придумал для меня какой-нибудь план?

– Конечно, Рейч. Я хочу, чтобы ты обследовал тот район Сэтчема, где был убит Каспалов. Если сумеешь, попытайся выяснить, был ли он активным участником движения джоранумитов, и погляди, не сумеешь ли ты сам внедриться в какую-нибудь подпольную группу.

– А что? Может, и выйдет. Я-то всегда смогу притвориться старым джоранумитом. Я, правда, был очень молодой, когда Джоранум вошел в силу, но меня, допустим, свели с ума его идеи. В каком-то смысле, так ведь оно и было.

– Да-да, но тут есть маленькая тонкость. Маленькая, но важная, Тебя могут узнать, Ты, в конце концов, не кто-нибудь, а сын премьер-министра. Время от времени тебя показывают по головидению. Ты давал интервью по вопросу о равенстве секторов.

– Все так, но...

– Никаких «но», Рейч. Наденешь туфли на каблуках и станешь сантиметра на три выше. Найдем кого-нибудь, кто научит тебя, как сделать лицо неузнаваемым. На этот счет есть масса уловок: и брови можно выщипать, и щеки сделать более пухлыми, и тембр голоса изменить.

– Куча хлопот из-за ерунды, – пожал плечами Рейч.

– *И еще*, – сказал Селдон выразительно: – Тебе придется сбрить усы.

Рейч выпучил глаза и довольно долго не в силах был вымолвить ни слова.

– Сбрить усы?! – наконец выдавил он хриплым шепотом.

– Да. Чтоб физиономия у тебя была гладкая, как коленка. Тогда тебя никто не узнает.

– Нет, это невозможно. Это же все равно, – замотал головой Рейч, – что отрезать себе... в общем, одно и то же, что кастрация.

Селдон покачал головой.

– Ну что ты. Усы – всего-навсего национальная диковинка. Юга же тоже далиец, как и ты, а усов не носит.

– Плевать мне на Юго! Я бы и забыл, что он живой еще, если бы не его математика.

– Он великий математик, и отсутствие усов ему в этом не помеха. И потом... о какой кастрации ты говоришь? Через две недели твои усищи отрастут снова и станут еще гуще.

– Две недели! Какие две недели? Два года надо, чтобы их вот так отрастить... такие... такие...

Он закрыл усы рукой, словно пытался защитить их.

– Рейч, – с укором сказал Селдон, – тебе придется пойти на эту жертву. Если ты с *усами*

станешь моим разведчиком, ты можешь... попасть в беду. Я не могу позволить тебе так рисковать.

— Да я лучше умру! — возопил Рейч.

— Прекрати истерику! — строго проговорил Селдон. — Умирать тебе не *надо*, а вот усы сбрить *надо*. Кстати... — Селдон немного растерялся, — маме все-таки лучше ничего не говори. Я сам.

Рейч некоторое время не мигая смотрел на отца и наконец проговорил тихо и безнадежно:

— Хорошо, папа.

— Я разыщу, — сказал Селдон, — кого-нибудь, кто займется изменением твоей внешности, и как только все будет сделано, вылетишь в Сэтчем самолетом. Выше нос, Рейч, это еще не конец света.

Рейч вымученно улыбнулся. Селдон проводил его взглядом. Лицо его было тревожно. Одно дело — усы сбрить, совсем другое — потерять сына. Усы-то вырастут, а вот сын... Селдон прекрасно понимал, что посыпает Рейча на опасное дело.

9

Человеку свойственно заблуждаться, и Клеон — Император Галактики, король Трентора и так далее и тому подобное (титулов у него была масса, и по самым торжественным случаям они произносились все целиком — громко, нараспев) — не был исключением. Он был убежден, что он — демократ.

И Клеона всегда страшно раздражало, когда в свое время Демерзель (а потом и Селдон) пытался его образумить, трактуя такое-то и такое-то предполагаемое действие Императора как «тираническое» или «деспотическое».

Но Клеон был уверен, что сам он по природе никакой не тиран и не деспот — нет же, ему хотелось время от времени предпринимать жесткие и решительные действия, вот и все!

Он частенько с ностальгическим одобрением отзывался о тех днях, когда Императоры не были так связны по рукам и ногам, как он теперь, и вольны были в своих отношениях с подданными. Увы, теперь Император был отрезан от мира и от жизни из-за боязни, что кто-либо покусится на его драгоценную персону.

Весьма сомнительно в этой связи, чтобы Клеон, которому никогда в жизни не доводилось общаться с людьми иначе, как только в ограниченном количестве и в строго определенной обстановке, сумел бы запросто, как ни в чем не бывало поболтать с незнакомцем, но ему самому казалось, что это было бы восхитительно. А потому он просто-таки затрепетал от предвкушения редкой возможности побеседовать с одним из подданных во время прогулки по парку — расслабиться, забить хотя бы ненадолго о том, что он — Император. О, как ему хотелось побывать демократом! Как он этого жаждал!

Да хоть с этим садовником, про которого рассказывал Селдон. Как это было бы благородно, как замечательно: щедро вознаградить его за преданность и мужество, но самолично не поручая это никому из приближенных.

Итак, Клеон назначил садовнику встречу в большом розарии, где цвели и благоухали розы всевозможных сортов и оттенков. «Самое подходящее место, — думал Клеон. — Я мог бы там с ним и случайно встретиться, но пусть его все-таки туда приведут. Не могу же я, в самом деле, слоняться по парку и ждать, не выйдет ли он сам ко мне. Да, ждать я не могу, я же все-таки Император». (Увы, одно дело — демократия, но совсем другое — всяческие неудобства.)

Садовник ожидал Императора в условленном месте, рядом с кустами роз. Глаза его были выпучены, губы дрожали. «Наверное, — подумал Клеон, — никто не рассказал бедняге, зачем именно я хочу его видеть. Ну да это ничего, я его успокою, но только как же его зовут?»

Клеон обернулся и шепотом спросил у одного из сопровождавших его чиновников:

— Как зовут этого садовника?

— Мандель Грубер, сир, Он служит садовником тридцать лет.

Император кивнул и, улыбаясь, проговорил:

— А, Грубер, это вы. Как приятно познакомиться с таким славным и трудолюбивым садовником.

— Сир, — стучал зубами, пробормотал Грубер. — Талантов у меня немного, я человек простой, я только стараюсь получше угодить Вашему Величеству.

— Ну да, ну да, — покивал головой Клеон, раздумывая о том, не усмотрел ли садовник в его словах издевки. Ох уж эти маленькие люди, нет в них тонкости и понимания. Как с такими будешь демократом? — Мой премьер-министр, — продолжил Клеон, — рассказывал мне о том, как вы однажды бросились ему на помощь. Похвально, Грубер, похвально. Еще он мне говорил о том, что вы очень хороший садовник. Вы с ним друзья, похоже?

— Сир, господин премьер-министр очень добр ко мне, но я знаю свое место. Я никогда не заговариваю с ним первым.

— Ну-ну, Грубер. Вы человек воспитанный, понимаю, но только премьер-министр, как и я, большой демократ, и к тому же я доверяю его мнению о людях, — Грубер низко поклонился. — Как вы, конечно, знаете, Грубер, — сказал Император, — главный садовник Малькомбер — человек пожилой, и ему пора на пенсию. Навряд ли он уже справляется со своими обязанностями.

— Сир, мы, все садовники, очень уважаем главного садовника. Да продлятся дни его, а мы всегда готовы положиться на его опыт и мудрость.

— Славно сказано, Грубер, — небрежно кивнул Император, — однако вы должны отлично понимать, что все это — пустые слова. Нет-нет, он уже никуда не годится. Он сам, кстати, уже почти год просит отпустить его на пенсию. И я ему обещал, что отпущу, как только найду ему подходящую замену.

— О, сир, — испуганно забормотал Грубер, — нас у вас пятьдесят садовников, и мужчин, и женщин...

— Я знаю. Но я выбрал вас, — сказал Император и благосклонно улыбнулся. О, как он ждал этого мгновения! Он был совершенно уверен, что, услышав эти слова, Грубер падет на колени и рассыплется в благодарностях.

— Сир, — сказал Грубер, — это слишком большая честь для меня — слишком большая.

— Не скромничайте, — оборвал его Клеон, до глубины души оскорбленный тем, что его суждение кто-то осмелился оспаривать. — Пришла пора признать ваши заслуги по достоинству. Больше вам не придется торчать тут в любую погоду. Перейдете в кабинет главного садовника. Я распоряжусь, чтобы его отремонтировали для вас. Очень хороший кабинет. Можете перевезти своих домашних в новые апартаменты. У вас же есть семья, верно, Грубер?

— Да, сир. Жена и две дочери. И зять.

— Прекрасно. Вам будет очень удобно на новом месте, и вы сможете наслаждаться своей жизнью, Грубер. Будете жить под крышей, вдали от любой погоды, как истинный тренторианец.

— Да какой же я тренторианец, сир... Я с Анакреона...

— Это мне известно, Грубер. Для Императора все миры равны. Все решено. Вы заслужили эту должность.

Император, небрежно кивнув, удалился, крайне довольный осуществленным актом милосердия. Правда, садовник мог бы вести себя чуть более благодарно, ну да ладно, дело сделано — вот и славно.

И это дело казалось сущей чепухой по сравнению с вопросом об авариях инфраструктуры на Тренторе.

Клеон как-то в припадке праведного гнева обмолвился, что надо казнить всякого, пойманного на халатности в работе с оборудованием.

— Вот казним парочку, — сказал он, — и увидите, все станет нормально. Призадумаются, голубчики.

— Боюсь, сир, — сказал Селдон, — что подобным деспотичным манером вы не добьетесь того, чего хотите. Скорее всего, рабочие просто объявят забастовку. Если вы попытаетесь заставить их приступить к работе, вы столкнетесь с неповиновением. А если попробуете заменить забастовщиков солдатами, вы обнаружите, что солдаты не умеют управляться с оборудованием, и тогда аварии станут происходить еще чаще.

Чего же удивляться тому, с какой радостью Клеон переключился на вопрос о назначении нового главного садовника?

Что касается облагодетельствованного Грубера, то он провожал удаляющегося Императора взглядом, полным ужаса. Кончилось его вольное житье. Теперь ему предстоит заточение в четырех стенах. Мысль эта была для него нестерпима, но разве кто-то мог отказать Императору?

10

Рейч глянул в зеркало захудалого номера сэтчемской гостиницы (версия была такова, что денег у него – в обрез) и испытал жуткое отвращение. Усов нет, бакенбарды подбриты, волосы по бокам и сзади подстрижены. Как общипанная курица.

Хуже того, овал лица у него теперь стал детским.

Душераздирающее зрелище!

Ладно бы хоть дела делались, а то ведь и этого не было. Селдон дал ему прочитать отчеты о смерти Каспалова. Многое из них Рейч не почерпнул. Каспалова убили, и сотрудники местной службы безопасности не обнаружили ничего особенного в связи с этим убийством. Очень похоже, что и особого внимания расследованию убийства не уделили.

Удивляться было действительно нечему. За последнее столетие уровень преступности значительно повысился в большинстве миров Империи, *естественно* – на Тренторе тоже, и деятельность служб безопасности нигде не приносila ощущимых плодов. На самом деле, несмотря на рост преступности, штаты служб безопасности сокращались повсюду, а оставшиеся на своих постах работали с явной прохладцей (хотя последнее доказать было крайне трудно), и в их ряды проникла коррупция. В принципе, это было неизбежно, при том что зарплата не поспевала за стоимостью жизни. Для того чтобы чиновники были честны, им надо платить. Не будешь платить – найдут себе деньги на стороне.

Селдон ломал голову над этой проблемой уже не первый год, но без толку. Заработную плату невозможно было увеличить без повышения налогов. Попробуй повысить налоги – и столкнешься с недовольством налогоплательщиков. Как будто люди предпочитали потратить в десять раз больше кредиток на взятки.

И все это (так говорил Селдон) есть не что иное, как свидетельство ухудшения социальной обстановки в Империи за последние два столетия.

Ну и что же было делать Рейчу? Вот он сейчас здесь, в той самой гостинице, где жил Каспалов как раз перед тем, как его убили. Очень может быть, что тут до сих пор жил кто-то, связанный с этим убийством, или, на худой конец, кто-то, кто знал убийцу.

Рейч подумывал о том, что нужно привлечь к себе внимание: проявить интерес к смерти Каспалова. И, может быть, тогда кто-то заинтересуется им? Это было опасно, но если он постарается показать, что на уме у него нет ничего дурного, может быть, на него не станут сразу нападать?

Так...

Рейч глянул на часы. Время предобеденного аперитива, Он решил наведаться в бар и попытать счастья.

11

В некоторых отношениях Сэтчем придерживался прямо-таки пуританской строгости (такое, в принципе, можно было сказать о любом секторе, но в каждом из них моральные нормы трактовались по-своему и запреты были свои собственные). В Сэтчеме, к примеру, царил сухой закон, и в рецепты напитков вводили какие-то тонизирующие вещества, но ни в коем случае – ни капли алкоголя.

Рейч купил себе бокал какого-то напитка. Вкус его ему совсем не понравился, однако он принялся потягивать напиток, неторопливо оглядывая посетителей бара.

Поймав на себе взгляд женщины, сидевшей через несколько столиков от него, он не сумел отвернуться. Женщина была хороша собой, и судя по тому, как она смотрела на Рейча, было совершенно ясно, что сэтчемцы далеко *не во всем* такие уж пуритане.

Вскоре женщина поднялась и пошла к столику Рейча. Рейч не спускал с нее глаз и думал о

том, какая тоска, что он не может себе позволить сейчас удариться в любовные приключения.

Подойдя к столику, женщина остановилась и, не дождавшись приглашения, грациозно уселась на свободный стул.

— Привет! — улыбнулась она. — А ты, как я погляжу, новенький?

— Попала в точку, — улыбнулся ей в ответ Рейч. — А стареньких, как я понимаю, ты всех знаешь?

— Вроде того, — без тени смущения отозвалась женщина. — Меня зовут Манелла. А тебя?

Рейчу хотелось провалиться сквозь землю. Такая женщина! Стройная, немного выше его ростом (как раз такие ему и нравились), белокожая, с пышной гривой рыжеватых волос. Одета она была немного небрежно, и, пожалуй, приложи она немного стараний, сошла бы за приличную женщину, не слишком утружающую себя работой.

— Не имеет смысла называться, — попытался отшутиться Рейч. — Кредиток у меня — кот наплакал.

— Ай-ай-ай, как жалко, — скорчила гримасу Манелла. — И раздобыть негде?

— Да я бы не против. Мне работа нужна. Не знаешь, куда бы пристроиться?

— А какая тебе нужна работа?

Рейч пожал плечами.

— Я ничего такого особенного не умею, но вообще-то я не гордый.

Манелла с прищуром посмотрела на него.

— Знаешь, что я тебе скажу, господин Неизвестный? Можно и без кредиток.

Рейч похолодел. Нет, он не жаловался на отсутствие успеха у женщин, но одно дело — с усами, а тут... что она такого нашла в его дурацкой ребячей физиономии?

— Слушай, — сказал он, стараясь перевести разговор на другое: — Пару недель назад тут дружок мой жил. Что-то никак не могу разыскать его. Раз уж ты вправду знаешь тут всех завсегдатаев, может, и его знала? Каспалов. Не слыхала? Каспал Каспалов, — уточнил он немного погромче.

Манелла подумала и покачала головой.

— Нет, не знаю такого.

— Скверно. А то он — джоранумит, как и я. — (Нуль эмоций.) — Ты хоть знаешь, кто такие джоранумиты?

Она снова покачала головой.

— Не-а. Слово слыхала, но что это такое, понятия не имею. Это что, работа какая или что?

Рейч расстроился.

— Больно долго объяснять, — буркнул он.

Манелла поняла, что беседа окончена, неохотно поднялась и пошла прочь. Рейч, надо сказать, был удивлен, что она так долго с ним просидела.

(Что ж, хоть Селдон и твердил, что у Рейча недюжинные способности очаровывать людей, тут был не тот случай. Таким дамочкам денежки нужны.)

Рейч почти рассеянно провожал взглядом Манеллу. Та остановилась около другого столика, за которым сидел одинокий мужчина среднего возраста, Светловолосый, гладко причесанный. Физиономия его была безукоризненно выбрита, и Рейч подумал, что ему стоило бы отпустить бороду, поскольку тогда не было бы видно неприятно выпяченного и чуть скошенного вбок подбородка.

Похоже, с безбородым Манелле повезло не больше, чем с Рейчем. Обменявшихся с ним парой фраз, она отошла от его столика. Рейчу было искренне жаль ее, но, подумав, он решил, что вряд ли неудачи сопровождают ее так уж часто — она все-таки была удивительно хороша собой.

Только Рейч успел замечтаться о том, как было бы здорово, если бы он все-таки... как одиночество его было нарушено. На этот раз к нему подсел тот самый мужчина, к которому подходила Манелла. Рейч жутко разозлился на себя за то, что мечты так опрометчиво унесли его от реальности. Мужчина самым натуральным образом застал его врасплох.

Мужчина с любопытством разглядывал Рейча.

— Прошу прощения, — сказал он, — вы только что говорили с моей подружкой.

Рейч не смог сдержать улыбки.

- Она такая добрая...
- Это точно. Она действительно очень хорошая моя подружка. Простите, так уж вышло, что я слышал ваш разговор.
- Вроде я ничего такого...
- Нет-нет, не волнуйтесь. Но вы назывались джоранумитом.
- Сердце Рейча екнуло. Надо же, попал-таки в точку. Для Манеллы это слово оказалось пустым звуком, а вот для ее «дружка», похоже, что-то означало.
- Значило ли это, что он на верном пути? А может, совсем наоборот? В ловушке?

12

Рейч старался как можно лучше разглядеть нового знакомого, пытаясь при этом сохранять наивность я дурашливость. Мужчина исподлобья смотрел на него зоркими зелеными глазами. Правая рука его легла на стол и почти угрожающе сжалась в кулак.

Рейч, не мигая, смотрел на него и ждал, что будет.

– Так, если я не ослышался, вы назывались джоранумитом.

Рейч решил показать, будто развлновался. Это ему легко удалось.

– А почему вы так заинтересовались, мистер? – спросил он.

– Да потому что, сынок, уж больно ты молодой.

– Не такой уж я молодой. Успел поглядеть выступления Джоранума по головидению, во всяком случае.

– Да ну? И процитировать сможешь?

– Ну, не то чтобы... – пожал плечами Рейч, – Но смысл помню.

– Уж больно ты храбр, юноша. Вот так, в открытую заявлять, что ты – джоранумит... Не всем такое понравится.

– А мне говорили, будто в Сэтчеме полным-полно джоранумитов.

– Может и так. И потому ты сюда приехал?

– Я работу ищу. Думал, может, мне подсобит еще какой джоранумит.

– В Дале тоже джоранумитов хватает. Ты сам-то откуда?

(Все ясно, почувствовал акцент. От этого было некуда деваться.)

– Вообще-то, родом я из Миллимару, – ответил Рейч, – а в Дале жил потом.

– Чем занимался?

– Да так... Учился в школе маленько...

– И с чего же это ты в джоранумиты подался?

Рейч решил, что пора немного разгорячиться. Невозможно было прожить много лет в таком униженном и угнетенном секторе, каким был Даль, и не иметь объективных причин для того, чтобы стать хотя бы к душе джоранумитом. Подбодрившись, он объявил:

– А с того, что я думаю, что пароду надо дать больше свобод, дать ему возможность большего представительства в правительстве, обеспечить равенство секторов и миров вообще. Уж и не знаю, по-моему, такое любому в голову придет, если у него, конечно, имеется голова.

– Ну а как насчет власти Императора? Хочешь, чтобы она была ликвидирована?

Рейч призадумался. Конечно, можно было далеко зайти, высказывая радикальные взгляды, но вот относительно Императора – нет уж, увольте.

– Я такого не говорил, – покачал он головой. – Я не против Императора, только, пожалуй, целой Империи для одного человека многовато будет.

– Дело не в нем одном. Дело в имперской бюрократии, А что скажешь про Гэри Селдона, премьер-министра?

– А что я про него могу сказать? Я про него и не знаю ни фига.

– Стало быть, ты знаешь, что народу следует дать побольше власти, верно?

Рейч напустил на себя смущенный вид.

– Ну, так же Джоранум говорил! Откуда мне знать, как это называется? Слыхал как-то, кто-то назвал это дело «демократией», но я не врубился, что это за штука.

– Демократия – это способ правления, который пытались у себя наладить некоторые миры. Не сказал бы, что дела у них обстояли лучше, чем в других мирах. Так ты демократ?

— Это так называется? — Рейч притворно склонил голову, делая вид, будто глубоко задумался. — Не, чё-то мне не нравится это слово. «Джоранумит» как-то роднее.

— Ясное дело, раз ты далиец...

— Я там токо жил вообще-то.

— ...стало быть, ты горой за равенство и всякое такое прочее. Далийцы как угнетенный народ просто созданы для такого образа мыслей.

— А вот я слыхал, что в Сэтчеме тоже многие по-джоранумитски думают. Их-то вроде бы никто не угнетает.

— Тут другая причина. Сэтчемские мэры всегда мечтали стать Императорами. Не слыхал? — Рейч покачал головой. — Восемнадцать лет назад, — сказал мужчина, — была тут такая дамочка, Рейчел, так она еще бы чуть-чуть и скинула бы Императора, Та еще была заварушка. Так что сэтчемцы — народ мятежный, и таких тут больше, чем джоранумитов.

— Я про все такое ничего не знаю, — сказал Рейч. — Я не против Императора.

— Но за то, чтобы власть была у народа, верно? Тебе не кажется, что некий выборный орган мог бы править Империей, не слишком углубляясь в политику и партизанские вылазки?

— Чего? — выпучил глаза Рейч. — Я не понял.

— Скажу попроще. Сможет ли куча народу быстро принять решение в острой ситуации, когда надо что-то решить очень быстро? Или они смогут только сидеть и ругаться?

— Это я не знаю, но только мне сдается, что несправедливо, если за все миры сразу будут чего-то решать несколько людей.

— А сражаться-то за свои взгляды ты готов? Или тебе больше трепаться нравится?

— Сражаться мне покуда никто не предлагал, — сказал Рейч.

— Ну а если бы предложили? Насколько это все для тебя серьезно — демократия твоя, или джоранумитские воззрения? А?

— А чего? И сразился бы, если только от этого чего хорошее вышло бы.

— Храбрый юноша. Стало быть, ты приехал в Сэтчем, чтобы сражаться за свои взгляды?

— Да нет... — смущенно заерзал на стуле Рейч. — Я ведь, сэр, вам сказал: я работу ищу. Щас ведь работу найти непросто, а денег у меня — раз-два и обчелся. Жить-то парню на что-то надо, верно?

— Не спорю. Как тебя зовут?

Вопрос прозвучал неожиданно, но Рейч не замешкался с ответом.

— Планше, сэр.

— Это фамилия или имя?

— Имя вроде.

— Стало быть, как я понял у тебя нет денег и нет образования?

— Похоже, так, сэр.

— И специальности никакой?

— Я не слишком много работал, но готов на все.

— Ясно. Вот что я скажу тебе, Планше...

Мужчина вынул из кармана небольшой белый треугольник, нажал на него, и на поверхности треугольника появились буквы. Мужчина провел по надписи подушечкой большого пальца — и буквы зафиксировались.

— Вот, — сказал он. — Тут написано, к кому обратиться. Как пойдешь, возьми вот это с собой. Там найдется для тебя работа.

Рейч взял у незнакомца треугольник и поглядел на него. Буквы слабо светились, но прочитать Рейч ничего не мог, как ни силялся. Он с опаской глянул на мужчину:

— А вдруг скажут: украл?

— Это невозможно украсть. Там моя подпись, а еще — твое имя.

— А если спросят, кто вы такой?

— Не спросят. Скажи только, что тебе нужна работа. Есть шанс устроиться. Ничего не обещаю, но шанс есть. А вот тут написано, как пройти.

И мужчина вручил Рейчу другую карточку. Адрес Рейч разобрал моментально.

— Спасибо, — смущенно пробормотал он.

Мужчина приветливо помахал ему на прощание.

Рейч встал и вышел из бара, гадая, что его ждет впереди.

13

Туда-обратно. Туда-обратно. Туда-обратно...

Глеб Андорин следил взглядом за Намарти, который, заложив руки за спину, расхаживал взад-вперед по комнате. Похоже было, он просто не в силах усидеть на месте, настолько обуреваем страстями.

А Андорин смотрел на него и думал; «Ведь он – не самый умный человек в Империи. Да что там в Империи – и в партии не самый умный. И не самый хитрый, и не самый талантливый. Его то и дело приходится удерживать от опрометчивых решений, и все-таки он всех нас обошел. Мы могли бы сдаться, послать все куда подальше, а он – ни за что на свете. Хотя, кто знает, может, как раз такой человек нам и нужен. *Не будет* такого, так и вообще ничего не получится».

Намарти резко остановился, словно почувствовал на себе взгляд Андорина, обернулся и сказал:

– Учи, если опять собираешься делать мне внушение из-за Каспалова, лучше не старайся.

– Больно мне надо тебе внушения делать, – слегка пожал плечами Андорин. – Что толку-то? Дело сделано, Вред причинен.

– Какой вред, Андорин? Какой вред?! Если бы я этого не сделал, вред был бы причинен нам! Еще чуть-чуть, и этот человек предал бы нас. Месяц – максимум, и он побежал бы от нас...

– Знаю. Я был там. Я слышал, что он говорил.

– Ну так кому как не тебе понимать, что другого выбора не было. Не бы-ло! Или ты думаешь, будто бы мне по сердцу убивать старого товарища, а? Просто у меня не было выбора.

– Ну ладно, ладно. У тебя не было выбора. Намарти снова принял мерять шагами комнату.

Через некоторое время он так же резко, как и в первый раз, остановился, обернулся и спросил:

– Андорин, ты в богов веришь?

– В кого? – недоуменно переспросил Андорин.

– В богов.

– И слова такого не слыхал никогда. Что это такое?

– Да нет такого слова в галактическом языке. Сверхъестественные силы. Так веришь или нет?

– Сверхъестественные силы? Так бы и сказал. Нет, я в такое не верю. По определению, сверхъестественное – это нечто такое, что существует независимо от законов природы, а независимо от законов природы не существует ничего. Ты что, в мистику ударился?

Вопрос был задан шутливым тоном, однако взгляд Андорина выразил серьезнейшую озабоченность.

Намарти пронзил его огненным взглядом. О, этот взгляд кого хочешь мог пронзить – так он был жгуч и ослепителен.

– Не валяй дурака. Просто я читал об этом. Триллионы людей верят в сверхъестественное.

– Знаю, – кивнул Андорин. – Испокон веков.

– Вот именно. С доисторических времен, Само слово «боги» – неизвестного происхождения. Очевидно, сам язык, в котором оно употреблялось, не сохранился. Скорее всего, от него одно только это слово и осталось... А известно ли тебе, как много существует различных верований во всевозможных богов?

– Полагаю, что оно более или менее соответствует числу всевозможных тупиц среди жителей Галактики.

Намарти пропустил это замечание мимо ушей и продолжал:

– Кое-кто считает, что это слово родилось тогда, когда все человечество проживало на одной-единственной планете.

– Опять мифология. Такая же несусветная чушь, как сверхъестественные силы. Никакого

единственного мира – прародины человечества – не существовало никогда.

– Он должен был существовать, Андорин, – нервно возразил Намарти. – Люди не могли произойти на разных планетах и дать один-единственный вид.

– Пускай так, но все равно в определенном смысле слова такого мира не существует. Известно, где он находится? Нет, неизвестно. Известно, как называется? Нет, неизвестно. Значит, и говорить не о чем. Значит, его и нет вовсе.

– Считается, что эти боги, – продолжал гнуть свое Намарти, – защищают человечество и заботятся о его безопасности, по крайней мере, о безопасности тех людей, которые в них верят. И в те времена, когда существовал один-единственный мир, одна-единственная планета, где жили люди, вполне естественно, что боги оберегали людей – ведь их было так мало. О таком мире они должны были заботиться примерно как старшие братья или как родители.

– Как это мило с их стороны! А вот посмотрел бы я на них, возьмись они опекать всю Галактику, всю Империю.

– А может, им, и правда, такое под силу? Что, если они вечные?

– А что, если солнце замерзнет? Что толку от всех этих «если бы» да «кабы»?

– Я размышляю. Я думаю, между прочим. Неужели ты никогда не позволяешь своему уму никаких вольностей? Или ты все время держишь его на поводке?

– Думаю, самое безопасное – держать его на поводке. И что же говорит вам, руководитель, ваш гуляющий без поводка ум?

Намарти сердито зыркнул на Андорина, но лицо того было непроницаемо – ни тени насмешки.

– Он говорит мне, – зловеще ухмыльнулся Намарти, – о том, что если боги существуют, то они на нашей стороне.

– Если так, просто здорово. Но где доказательства?

– Доказательства? Ладно, пусть не боги, пусть просто совпадение, удачное стечение обстоятельств – называй, как хочешь, Но очень удачное.

Намарти неожиданно зевнул и уселся на стул. Похоже было, он здорово устал.

«Вот и славно, – подумал Андорин, – Наконец утихомирился. Может, теперь заговорит нормальной.

– Относительно аварий в коммуникациях… – начал Намарти, но Андорин прервал его.

– Знаешь, руководитель, а Каспалов не слишком ошибался. Чем дольше мы будем усердствовать, тем выше вероятность, что имперская безопасность разберется, кто за этим стоит. В конце концов мы на собственной мине, так сказать, подорвемся.

– Не подорвались же пока. Пока подрывается имперская безопасность. Недовольство на Тренторе уже просто-таки в воздухе повисло. Оно стало осозаемо, – ухмыльнулся Намарти, поднял руки и несколько раз сжал и разжал пальцы. – Вот оно, я его чувствую. И мы уже очень близки к цели. Мы готовы к следующему шагу.

Андорин безотрадно улыбнулся.

– О подробностях не спрашиваю, руководитель. Каспалов имел глупость полюбопытствовать и погубил себя. Я не Каспалов.

– Вот как раз потому, что ты не Каспалов, тебе я и могу все рассказать. А еще потому, что теперь я знаю кое-что такое, чего не знал тогда.

– Позволю себе предположить, что ты собираешься затеять смуту на дворцовой территории, – осторожно проговорил Андорин.

Намарти гордо задрал голову.

– Вот именно. Что же еще? Проблема, однако, состоит в том, как осуществить успешное проникновение на дворцовую территорию. У меня там есть источники информации, но это всего-навсего шпионы. А мне нужно, чтобы там оказались деятельные, решительные люди.

– Нелегко внедрить таких вот деятельных и решительных в самый охраняемый из охраняемых районов Трентора.

– Конечно, нелегко. Знаешь, сколько времени я голову ломал над этим? И сейчас бы ломал, но… нам на помощь подоспели боги.

Андорин проговорил как можно более сдержанно:

– Я что-то склонен нынче к метафизическому диспуту. Скажи, что случилось, только,

пожалуйста, если можно, без богов.

— Я получил известие, — сказал Намарти заговорщицким шепотом, — о том, что Его Величество, наш милосерднейший и возлюбленнейший монарх Клеон I, решил назначить нового главного садовника. Первая свободная вакансия за четверть века.

— Ну и что из этого?

— Не догадываешься?

Андорин задумался, покачал головой.

— Видно, твои боги меня не жалуют. Нет, не догадываюсь.

— Когда новый человек назначается на должность главного садовника, Андорин, ситуация такова, как если бы к власти пришел любой новый руководитель — премьер-министр, а то и сам Император. Новый главный садовник, безусловно, захочет поменять весь штат сотрудников. Отправит на пенсию всех, кого сочтет никому не нужным балластом, и наберет новых, молодых садовников. А их там много нужно — несколько сотен.

— Очень может быть.

— Не «может быть», а точно. Прежний главный садовник именно такую прополку учинил в свое время, и его предшественник, и предшественник его предшественника, и так далее. Набирать будут сотни садовников из Внешних Миров.

— С какой стати — из Внешних?

— А ты мозгами пораскинь — если они у тебя, конечно, есть, Андорин. Что понимают в садоводстве тренторианцы, всю жизнь прожившие под куполами, не видевшие ничего, кроме комнатных цветочков, зоопарков да стерильных посадок пшеницы и садовых деревьев? Что они знают о природе?

— А-а-а! Вот теперь понял.

— Значит, желающие хлынут бурным потоком на дворцовую территорию. Безусловно, их будут самым тщательным образом проверять, но не так скрупулезно, как если бы они были тренторианцами. А это позволит нам подсунуть в толпу жаждущих стать садовниками кое-кого из своих людей с подложными документами. Пусть кого-то отсеют, но некоторые попадут туда — должны попасть. Пройдут туда наши люди, пройдут, несмотря на то, что режим безопасности здорово ужесточен со времен неудачного покушения на жизнь премьер-министра Селдона (имя Селдона Намарти по обыкновению проговорил сквозь зубы). — Вот он наш шанс, наконец он у нас появился!

Тут уж у Андорина закружилась голова. Он словно угодил в бешено вертящуюся воронку смерча.

— А знаешь, руководитель, похоже, что-то есть в твоих разговорах об этих самых «богах»... Я как раз собирался кое-что рассказать тебе, и только теперь понял, что это — из той же оперы.

Намарти подозрительно посмотрел на Андорина и вдруг с опаской огляделся по сторонам, словно только сейчас забеспокоился о том, не могли ли их подслушивать. Комната находилась в глубине старомодной резиденции и была отлично экранирована. Подслушать их никто не мог, да и найти их было непросто, не имея точного плана дома, и вдобавок все подходы к комнате охранялись верными членами организации.

— Ты это о чем? — осторожно поинтересовался Намарти.

— Я нашел для тебя человека. Молодого дурачка. Симпатяга такой — тебе он сразу понравится, вот увидишь. Физиономия прикурковатая, глаза нараспашку, жил в Дале, горой за равенство и братство, Джоранум для него — самая большая любовь после далийского «кокоженного». Словом, я уверен, что ради нашего дела он будет готов на все.

— Нашего дела? — небрежно переспросил Намарти. Пока Андорин его явно не убедил. — Он что, из наших?

— На самом деле он из никаких. В голове у него жуткая каша, но он хорошо помнит, что Джоранум призывал к равенству секторов.

— Да, была у него такая приманка на крючке, это точно.

— Она и у нас есть, но только этот балбес *верит* в нее. Только и говорит, что о равенстве и представительстве народа в правительстве. Даже демократию упомянул.

Намарти фыркнул.

– За двадцать тысяч лет не было случая, чтобы демократия долго протянула.

– Это точно, но нам-то какое дело? Главное, что этот придурок просто одержим, и я тебе точно говорю, руководитель; я его как увидел, сразу понял: вот оно, наше орудие, только я все гадал потом, к чему бы его приспособить, к какому делу. А теперь все ясно: его надо заслать на дворцовую территорию в качестве садовника.

– Это как же? Он что-нибудь смыслит в садоводстве?

– Думаю, ни черта не смыслит. Если он и работал, то только на самой неквалифицированной работе. Сейчас он работает водителем тягача, но раз такое дело, надо быстренько обучить его кое-чему из садоводства. Да если он сумеет хотя бы садовые ножницы держать, как полагается, думаю, мы сумеем устроить его помощником садовника. А что нам еще нужно?

– Нам нужен некто, кто мог бы в нужный момент оказаться поблизости от того, кого мы хотим убрать, кто бы при этом не вызвал подозрений.

– А я тебе еще раз повторяю: этот малый – воплощенная честная тупость. Такого невозможно заподозрить в чем-либо дурном.

– И он сделает то, что мы ему велим?

– Как пить дать.

– А как ты с ним познакомился?

– Не я. Сначала его Манелла подцепила.

– Кто-кто?

– Манелла. Манелла Дюбанкуа.

– А, эта твоя деваха, – и Намарти поморщился. – Подруга, так сказать.

– Она многих чья подруга, – сдержавшись, отпаридал Андорин. – Именно потому она так полезна. В людях разбирается превосходно, с первого взгляда понимает, кто что за птица. С этим малым она заговорила потому, что он ей понравился, а Манелле мало кто нравится чуть выше пояса. Так что сам понимаешь, что-то в нем есть, в этом парне, необычное и привлекательное. В общем, она поболтала с ним, – зовут его, кстати, Планше, – а потом подошла ко мне и сказала: «Это то, что тебе нужно, Глеб». А Манелла не ошибается.

– Ну, – с прищуром спросил Намарти, – и как ты думаешь, Андорин, какую же службу сослужит нам это твое восхитительное орудие, если удастся забросить его на дворцовую территорию?

Андорин развел руками.

– Как что? Если все пойдет как надо, он сделает то, что нам нужно, – покончит с нашим дорогим Императором Клеоном I.

Лицо Намарти исказила гримаса ярости.

– Что?! Да ты с ума сошел! Зачем это нам нужно убивать Клеона? Он – наша опора в правительстве. Он – то прикрытие, под сенью которого мы сможем править. Он – наш мандат законности. Где твои мозги? Он нужен нам, как марионетка. Он нам не будет мешать, а наша позиция из-за его присутствия будет сильнее.

Добродушное лицо Андорина залилось краской. Юмор, с которым он говорил до этого мгновения, враз улетучился.

– Так чего же ты хочешь, в конце-то концов? Что задумал? Я уже устал гадать!

Намарти поднял руку.

– Тихо, тихо. Спокойно, не кипятись. Ничего ужасного. Ну, ты сам подумай. Кто погубил Джоранума? Кто сорвал все наши планы десять лет назад? Все этот проклятый математик! Империей теперь правит он со своей дурацкой болтовней насчет психоистории. Клеон – нуль без палочки. Избавиться нам нужно от Гэри Селдона. Это его я пытался выставить в дурацком свете, представить беспомощным идиотом, не способным сделать ровным счетом ничего, когда по всему Трентору бушует одна авария за другой. Это к его порогу должны были сыпаться все несчастья! Он должен был оказаться во всем виноватым! И когда, – потирая руки, злорадно усмехнулся Намарти, – ему придет конец, вся Империя радостно вздохнет, головизационные новости взахлеб будут трезвонить о том, как теперь все будет славно и хорошо. Пускай все будут знать, кто виновник аварий, – это не будет иметь ровным счетом никакого значения.

Он поднял руку и нанес ею воображаемый удар – словно поразил невидимого противника

в самое сердце.

— А на нас будут смотреть, как на героев, как на спасителей Империи. А? Понял теперь? Ну что, сумеет твой самоотверженный юноша прикончить Гэри Селдона?

К Андорину наконец вернулось самообладание – по крайней мере, внешне.

— Уверен, он сумеет. Чего тут не суметь? – сказал он с напускной небрежностью. – Клеона он худо-бедно уважает. Ты же знаешь, для простолюдинов Император окружен поистине мистическим ореолом. – Андорин едва заметно выделил слово «ты», и Намарти нахмурился. – К Селдону он таких чувств не питает.

Вот так сказал Андорин, но внутри у него бушевала ярость. Нет, он совсем не этого хотел. Он был обманут.

14

Манелла откинула волосы со лба и улыбнулась Рейчу.

– Я же говорила, что тебе это ничего не будет стоить.

Рейч зажмурился и почесал обнаженное плечо.

– Может, теперь сребруешь?

Она пожала плечами и озорно улыбнулась.

– Почему?

– А почему нет?

– Да потому, что я имею право делать, что хочу. Получать удовольствие, например.

– Со мной?

– По-моему, тут больше никого нет.

После длительной паузы Манелла промурлыкала:

– Да тебе все равно столько не наскости. Как твоя работа, а?

– Да так… Лучше, чем ничего. Честно, лучше. Это ты того мужика уговорила меня нанять?

Манелла медленно покачала головой.

– Ты про Глеба Андорина? Я его ни о чем не просила. Просто сказала, что ты забавный малый.

– А он не рассердится, что ты и я…

– С чего бы это ему сердиться? Это не *его* дело. И не *твоё*, между прочим.

– А он кто? В смысле, кем работает?

– Похоже, он вообще не работает. Он богатенький. Какой-то родственник прежних мэров.

– Каких? Сэтчемских?

– Ага. Терпеть не может имперское правительство. Ну, да и все мэры его терпеть не могли. Он говорит, что Клеона надо… – Манелла запнулась. – Что-то я разболталась. Смотри не вздумай кому-нибудь сказать такое.

– Я? Да я и не слыхал ничего, И слушать не собираюсь.

– Вот и умница.

– Ну так и что Андорин-то? Он что, большой джоранумит? Важная шишка тут?

– Понятия не имею.

– Он что, про такое не разговаривает?

– Со мной – нет.

– О-о-о! – протянул Рейч, стараясь не выказать обиды.

Манелла пытливо поглядела на него.

– А что это ты так им интересуешься?

– Да хочу затесаться к ним. Может, продвинусь получше. Работенка там почище, денежек погуще. Ну, сама понимаешь.

– Может, Андорин тебе и подсобит. Ты ему нравишься. Это я точно знаю.

– А нельзя ли, чтобы я ему еще больше понравился, а?

– Попробую. Почему бы и нет? Ты же *мне* нравишься. Очень…

Рейч нежно погладил плечо Манеллы. Как ему хотелось забыться и думать только о ней, а не о делах…

15

– …Глеб Андорин, – проговорил Селдон, устало потирая глаза.

– Кто он такой? – спросила Дорс холодно.

С тех пор как уехал Рейч, она все время была холодна с Гэри.

– До последнего времени я о нем даже не слышал, – ответил Селдон. – Видишь, каково управляться с планетой, где живет сорок миллиардов человек? Никого не знаешь, ни о ком не слышишь, кроме тех, кто каждый день маячит перед глазами. При всем том, что на каждого жителя Трентора имеется компьютерное досье, он все равно остается планетой, населенной инкогнито. О людях мы судим по регистрационным номерам да по статистике, но кто за этим всем скрывается? Добавь сюда еще двадцать пять миллионов Внешних Миров, и диву даешься, как это Галактическая Империя ухитрилась просуществовать столько тысячелетий. Наверное, только потому, что движима инерцией. Но вечных двигателей не существует, и скоро этому движению должен прийти конец.

– Довольно философствовать, Гэри, – оборвала его Дорс. – Кто этот Андорин?

– Он из тех, о ком мне *следовало бы* знать. Мне удалось упросить чиновников из службы безопасности навести о нем справки. Он – член династии сэтчемских мэров, и не просто член, а самый известный. Только поэтому он и значится в файлах службы безопасности. Они говорят, что он человек заносчивый, но слишком большой повеса, для того чтобы они за ним следили.

– Он связан с джоранумитами?

Селдон пожал плечами.

– У меня такое впечатление, что о джоранумитах служба безопасности вообще понятия не имеет. Это может означать, что либо джоранумитов не существует, либо, если они все же существуют, мало чем отличились. Однако это может означать и другое: что служба безопасности попросту ими не интересуется. И как их вынудить ими заинтересоваться, ума не приложу. Спасибо, хоть эти сведения удалось вытрясти из них. И это при том, что я – премьер-министр!

– Может быть, ты не очень хороший премьер-министр? – сухо спросила Дорс.

– При чем тут «может быть»? Пожалуй, за несколько столетий не было менее подходящей кандидатуры на этот пост, чем я. Но к деятельности службы безопасности это не имеет ровным счетом никакого отношения. Она представляет собой самое независимое из подразделений правительства. Сомневаюсь, чтобы сам Клеон был досконально осведомлен о том, чем они занимаются, хотя, по идеи, директор службы безопасности обязан время от времени отчитываться перед ним. Поверь, Дорс, если бы мы больше знали о том, что поделывает наша служба безопасности, мы бы попытались учесть их действия и обратить их в форму психоисторических уравнений.

– Но скажи, офицеры службы безопасности хотя бы на нашей стороне?

– Думаю, да, но поклясться не могу.

– А почему ты вдруг заинтересовался этим, как его там?

– Глебом Андориным. Весточку от Рейча получил.

– Что же ты молчал! – воскликнула Дорс. Глаза ее радостно вспыхнули. – Как он? Все в порядке?

– Похоже, что так, но очень надеюсь, что он больше не будет посыпать мне известий. Если его поймают на передаче информации, тогда у него вряд ли все будет в порядке. Во всяком случае, он наладил контакт с этим Андориным.

– И с джоранумитами?

– Не думаю. Тут, похоже, нет никакой связи. В движении джоранумитов участвовали, как правило, выходцы из рабочего класса – это, так сказать, пролетарское движение. А Андорин – аристократ из аристократов. Что у него может быть общего с джоранумитами?

– Но раз он из династии сэтчемских мэров, он может стремиться к императорскому престолу, верно?

– Они к нему давно стремятся. Рэйчел не забыла? Она – тетка Андорина.

– А тебе не кажется, что он может смотреть на джоранумитов как на средство для

достижения цели?

– Если они существуют. Если да и если Андорину действительно нужно средство для достижения цели, я думаю, он должен скоро понять, что играет в опасную игру. У джоранумитов – если они существуют – должны быть свои собственные планы, и человек вроде Андорина обожжется, связавшись с ними. Это все разно, что пытаться оседлать грети.

– «Грети»? Что это такое?

– Какое-то вымершее животное, жутко свирепое, судя по всему. На Геликоне есть такая поговорка. «Если сел верхом на грети, слезть уже не сможешь. Слезешь – он тебя сожрет». Что-то вроде того. И еще... – добавил Селдон немного погодя. – Похоже, Рейч познакомился с женщиной, которая дружна с Андорином и которая, как кажется Рейчу, сможет стать для него ценным источником информации. Видишь, я тебе все честно рассказываю, чтобы ты потом не обвиняла меня, что я, дескать, что-то от тебя скрывал.

Дорс, нахмурилась.

– Женщина? Что за женщина?

– Насколько я могу догадываться, она из тех, что знакомы со многими мужчинами, которые в интимные минуты могут наговорить ей лишнего.

– Ах, из «этих» ... – Дорс нахмурилась еще сильнее, – Бедняжка Рейч. Как подумаю, что он...

– Ну-ну, Рейчу тридцать лет, и опыта не занимать. Разберется сам с этой женщиной, да и не только с этой. Ты думаешь, – вздохнул Селдон, и Дорс увидела, как страшно он изможден, – мне это нравится? Думаешь, мне нравится *все это*?

И Дорс не нашлась, что ему ответить.

16

Джембол Дин Намарти никогда не отличался вежливостью и обходительностью. А за десять лет конспиративной работы он стал еще более дерганым и желчным.

– Долго же ты добирался, Андорин, – раздраженно проговорил он, поднимаясь со стула.

– Добрался же в конце концов, – пожал плечами Андорин.

– Ну а где твой молодой человек, твое восхитительное орудие. Ну, где он?

– Появится в свое время.

– Почему не сейчас?

Андорин немного наклонил голову, словно обдумывая, что бы такое ответить, и вдруг – резко выпалил:

– Я не желаю приводить его сюда до тех пор, пока не выясню некоторых обстоятельств.

– Что это значит?

– По-моему, мы с тобой на одном языке говорим? Я желаю знать, как давно ты задумал избавиться от Гэри Селдона?

– Давно? Я всегда этого хотел! Всегда! Что, трудно понять? Мы имеем полное право отомстить ему за то, что он сделал с Джо-Джо. Пускай он бы даже этого не делал, все равно: он премьер-министр, значит, его надо убрать с дороги.

– Но убрать надо в первую очередь не его, а Клеона. Кле-о-на! Если не только его, значит, его вместе с Селдоном.

– Чем тебе мешает эта марионетка?

– Намарти, ты не вчера родился. Я не заботился объяснять тебе, каковы мои собственные интересы, потому что не считал тебя законченным идиотом. Сам мог бы понять. Какое мне дело до ваших планов, если они не предусматривают замену царствующей особы?

Намарти расхохотался.

– Ты не ошибся, Андорин. Я давно понял, что мы для тебя – только ступень в достижении дели, приступочка, ступив на которую, ты мечтаешь взобраться на трон.

– А ты чего-нибудь другого ожидал?

– Вовсе нет. Я, значит, строй планы, рискуй, а потом, когда все будет сделано, все тебе достанется? Здорово, правда?

– Да, здорово, потому что ты тоже не с пустыми руками останешься. Разве не ты станешь

премьер-министром? Разве ты не сможешь рассчитывать на всяческую поддержку нового Императора, который не питает к тебе никаких чувств, кроме благодарности? Разве я не стану, — Андорин презрительно усмехнулся, и процедил сквозь зубы последние слова: — новой марионеткой?

— Так ты об этом мечтаешь? Стать марионеткой?

— Я мечтаю стать Императором. Я давал вам деньги, когда их у вас не было. Я давал вам людей, когда вам их не хватало. Я дал вам все, что было нужно для того, чтобы воссоздать вашу организацию здесь, в Сэтчеме. И я даже сейчас имею возможность забрать все, что дал.

— Я так не думаю.

— Хочешь рискнуть? Только не думай, что мне можно угрожать, как ты угрожал Каспалову. Если с моей головы хоть волос упадет, в Сэтчеме вы ни на секунду не задержитесь, и посмотрим, в каком еще секторе найдутся дураки, чтобы снабжать вас всем необходимым.

— Значит, ты настаиваешь на том, чтобы Император был убит.

— Я не сказал «убит». Он должен быть низвержен. Остальное сам придумай.

Последнюю фразу Андорин произнес, сопроводив ее поистине царским жестом — таким небрежным и милостивым одновременно, словно уже и впрямь восседал на троне.

— И тогда ты будешь Императором?

— Да.

— Нет, не будешь. Тебя убьют, но я тут буду ни при чем. Андорин, позволь, я дам тебе несколько советов. Если Клеон будет убит, встанет вопрос о наследовании престола, и императорские гвардейцы примутся как можно скорее уничтожать одного за другим всех представителей сэтчемской династии мэров — тебя укокошат в первую голову. А вот если будет убит только премьер-министр, ты останешься в живых.

— Почему?

— Да потому, что премьер-министр — это всего-навсего премьер-министр. Они прихода и уходят. Кто знает? Может, Клеон сам так устал от него, что подстроил это покушение? А уж мы позаботимся о том, чтобы именно такие слухи распространились. Тогда императорская гвардия опешит, а нам только этого и надо будет — мы успеем быстро создать новое правительство. Не исключено, что все только «спасибо» скажут за убийство Селдона.

— Вы создадите новое правительство, а мне что делать прикажете? Сидеть и ждать? Сколько? Вечно?

— Нет, Как только я стану премьер-министром, я уж придумаю, как управиться с Клеоном. Может быть, мне даже удастся поладить с императорской гвардией, а то и со службой безопасности, и использовать их в качестве средств для достижения цели. И тогда я найду какой-нибудь относительно бескровный способ избавиться от Клеона, а его место займешь ты.

— Неужто? — всплеснул руками Андорин. — С какой стати?

— То есть как это — с какой стати? — прищурился Намарти. — Не понял?

— На Селдона у тебя зуб. Так? Как только его не станет, с какой стати тебе волноваться и еще рисковать? Вы с Клеоном уж как-нибудь договоритесь, а мне придется гнить в моем поместье и мечты мечтать? А может, чтобы ненадежнее себя обезопасить, ты и меня прикажешь убрать?

— Нет! — заорал Намарти. — Нет и нет! Клеон родился для того, чтобы царствовать. Поладить с ним и договориться невозможно. Да ты что! Как я с ним полажу? Он ведь потомок гордой династии Энтунов! А ты, наоборот, взойдешь на престол как представитель новой династии, как человек, не привязанный к традициям — какие могут тебя связывать традиции, если ты сам говоришь, что прежние сэтчемские императоры ничего выдающегося из себя не представляли? За что тебе держаться? Трон под тобой ходуном будет ходить, значит, тебе потребуется надежная опора — я. А мне потребуется тот, кто от меня зависит, и тот, с кем я, следовательно, должен буду ладить, — ты. Слушай, Андорин, нам предстоит не брак по любви, который длится не больше года, а брак по расчету, который будет длиться ровно столько, сколько мы с тобой проживем. Так давай же будем доверять друг другу.

— Поклянись же, что я стану Императором!

— Что толку клясться, если ты не веришь мне на слово? Скажем так, я считаю тебя самой подходящей кандидатурой на пост Императора, и мне хотелось бы, чтобы ты сместил Клеона и

занял его место как можно скорее, А теперь постарайся побыстрее познакомить меня с этим парнем, которого ты избрал своим орудием.

— Хорошо. И не забудь о том, что делает его непохожим на других. Я его уже изучил. Туповатый такой идеалист. Сделает, что скажут, не боится опасности, не задает глупых вопросов, не задумывается лишний раз, И главное, он внушает такое умопомрачительное доверие, что даже его жертва купится на это, несмотря на то, что в руке у нашего Планше будет бластер.

— Верится с трудом.

— Увидишь — поверишь, — пообещал Андорин.

17

Рейч потупился. Одного быстрого взгляда на Намарти было достаточно, чтобы узнать этого человека, того самого, с кем Рейч виделся десять лет назад, когда был послан в Даль, чтобы подкинуть Джорануму отравленную приманку.

За десять лет Намарти мало изменился. Злоба и ненависть так и рвались из него наружу — по крайней мере, так показалось Рейчу, хотя он не имел права на беспристрастное суждение, — и, пожалуй, с годами вошли в его плоть и кровь. Физиономия Намарти стала еще более сухой и изможденной, в черных волосах блестела седина, но тонкие губы по-прежнему были твердо и решительно сжаты, а черные глаза сверкали тусклым жутковатым огнем.

Все это Рейч разглядел с первого взгляда и быстро отвел глаза в сторону, решив, что Намарти не из тех, кому понравится человек, смело глядящий ему в глаза.

Намарти же прямо-таки пожирал Рейча глазами, однако выражение его лица не изменилось — он, по обыкновению, едва заметно ухмылялся.

Обернувшись к Андорину, который неловко переминался с ноги на ногу рядом, Намарти проговорил таким тоном, словно Рейча в комнате и не было вовсе:

— Значит, это он.

Андорин кивнул и беззвучно проговорил:

— Да, руководитель.

— Имя? — без обиняков приступил к делу Намарти.

— Планше, сэр.

— Веришь в наше дело?

— Да, сэр, — осторожно ответил Рейч, стараясь держаться так, как его научил Андорин. — Я — демократ и желаю, чтобы народ принимал более активное участие в работе правительства.

Намарти подмигнул Андорину.

— Ну, прямо оратор. Готов пойти на риск ради нашего дела? — спросил он у Рейча.

— На любой риск, сэр.

— Все сделаешь, как скажем? Не сдрейфишь? Не засомневаешься?

— Я выполню приказ.

— В садоводстве разбираешься?

— Нет, сэр, — немного растерянно ответил Рейч.

— Стало быть, ты — тренторианец? Под куполом родился?

— Я родился в Миллимару, сэр, а вырос в Дале.

— Хорошо, — кивнул Намарти и сказал Андорину: — Увести и передать на время тем, кто там ожидает. О нем хорошо позаботятся. А потом вернись сюда, Андорин. Мне надо с тобой поговорить.

Вернувшись, Андорин обнаружил, что с Намарти произошла разительная перемена. Глаза его весело блестели, рот скривился в злорадной ухмылке.

— Андорин, — сообщил он, — те боги, о которых мы толковали на днях, помогают нам гораздо больше, чем я мог ожидать.

— Я же говорил тебе, что парень годится.

— Годится, и гораздо больше, чем ты думаешь. Тебе, конечно же, известна история о том, как Гэри Селдон, наш бесподобный премьер-министр, подоспал своего сына — вернее, пасынка — к Джорануму, и в итоге Джоранум угодил в сети, не послушав моего предостережения?

— Да, — сказал Андорин, устало кивнув, — историю я помню.

Сказано это было тоном человека, который слышал эту историю чересчур часто.

— Я этого парня только раз и видел, но забыть не мог. И неужели ты думаешь, меня можно провести? Подумаешь — десять лет прошло, и он, поганец, сбрил усы, напялил ботинки на каблуках! Этот твой Планше — не кто иной, как Рейч, пасынок Гэри Селдона.

Андорин побледнел. На мгновение у него занялся дух.

— Ты в этом уверен, руководитель? — спросил он, совладав с собой.

— Так же, как в том, что вижу перед собой тебя. Как в том, что ты привел врага в самое наше логово.

— Но я и понятия не имел...

— Не переживай, — ухмыльнулся Намарти. — Считай, что ты совершил самый восхитительный поступок, на который только может быть способен бездельник-аристократ. Ты сыграл роль, отведенную тебе богами. Если бы я не увидел его, он бы сыграл свою роль: роль шпиона, который должен был разведать наши самые секретные планы. Но теперь, когда я его узнал, у него этот номер не пройдет. Наоборот, теперь все в *наших* руках.

Намарти радостно потер руки и с небольшой запинкой, словно сам понял, насколько это не в его характере, рассмеялся.

18

— Наверное, мы больше не увидимся, Планше, — задумчиво проговорила Манелла.

Рейч растирал спину полотенцем после душа.

— Почему?

— Глеб Андорин запретил мне.

— Но почему?

Манелла пожала покатыми плечиками.

— Говорит, будто тебе предстоит какое-то важное дело сделать, и хватит дурака валять. Может, он нашел для тебя работу получше?

— Какую работу? — напрягся Рейч. — Он что-нибудь говорил?

— Да нет, сказал только, что тебе придется отправиться в Имперский Сектор.

— Вот как? И часто он тебе такие вещи говорит?

— Планше, ну ты же сам знаешь, как это бывает. Когда мужик с тобой в постели, он болтает без умолку.

— Знаю, — буркнул Рейч, который как раз старался держать язык за зубами в подобных случаях. — И что еще он говорит?

— Ну, чего ты пристал? — капризно нахмурилась Манелла. — Ну, про тебя спрашивает частенько. Мужиков хлебом не корми — дай друг о друге повыспрашивать. Зачем это вам, а?

— И что ему про меня рассказываешь?

— Да ничего особенного. Просто говорю, что ты очень милый. Уж, конечно, я ему не говорю, что ты мне нравишься больше, чем он. Мне бы не поздоровилось.

Рейч заканчивал одеваться.

— Ну, значит, большой привет, так, что ли?

— Наверное, да. А может, Глеб передумает. А мне бы тоже хотелось побывать в Имперском Секторе. Вот если бы он взял меня с собой... Я там ни разу не была.

Рейч чуть было не проговорился. Сдержав слова, чуть было не слетевшие с губ, он закашлялся и сказал:

— Я тоже.

— Там, говорят, самые большущие дома и куча симпатичных местечек, и рестораны сногшибательные. Там живут одни богатенькие. Хотелось бы познакомиться с богатенькими. Глеб, правда, тоже не нищий, но все-таки...

— Ну да, с меня-то тебе нечего взять, — буркнул Рейч.

— Да ладно тебе! Нельзя все время думать про кредитки, но время от времени приходится, как ни крути. Особенно как подумаю, что я Глебу скоро надоем.

— Ты не можешь надоесть, — польстил ей Рейч и вдруг понял, что сказал сущую правду.

— Мужчины так всегда говорят, — отшутилась Манелла, — но мне тоже было хорошо с тобой, Планше. Береги себя. Кто знает, может, и свидимся еще.

Рейч кивнул и обнаружил, что не может найти нужных слов, чтобы выразить свои чувства.

Он решил подумать о другом. Он должен был выяснить, что задумали люди Намарти. Раз они решили разлучить его с Манеллой, стало быть, время решительных действий на носу. А он до сих пор ничего не выяснил. Вот только этот странный вопрос насчет садоводства...

И Селдону он ничего передать не мог. За ним строго следили после встречи с Намарти, и все линии связи были сейчас для него отрезаны — еще один признак приближающегося кризиса. Дело явно шло к развязке. Но если ему суждено было понять, что происходит, только тогда, когда все уже произойдет, если он сумеет передать новости тогда, когда они уже перестанут быть новостями, значит, считай, он провалился.

19

День у Гэри Селдона выдался беспокойный. От Рейча после первой весточки — ни слуху ни духу. Селдон ума не мог приложить, что происходит.

К совершенно естественному беспокойству Селдона за Рейча (правда, дурные вести не сидят на месте и, если бы что стряслось, он бы уже узнал) примешивалось волнение о том, каковы могли быть планы злоумышленников.

Конечно, они не могли задумать ничего грубого и откровенного — только что-то очень хитрое и тонкое. Нападение на дворец исключалось — слишком надежна охрана. Но что они тогда могли задумать, чтобы добиться своего?

Эти мысли не дали Селдону заснуть ночью, не покинули они его и днем.

Мигнул огонек сигнальной лампочки.

— Премьер-министр, вы назначили аудиенцию на два часа, сэр.

— Что за аудиенция?

— К вам Мандель Грубер, садовник. У него в руках бумага, подтверждающая аудиенцию.

Селдон вспомнил.

— Да-да. Пусть войдет.

На самом деле времени разговаривать с Грубером у Селдона не было, но он уступил — похоже, Грубер был чем-то расстроен. Конечно, премьер-министру тоже не слишком часто приходилось идти на уступки, но Селдон оставался Селдоном.

— Входи, Грубер, — тепло пригласил он садовника в кабинет.

Грубер подошел к столу и замер. Голова его судорожно подергивалась, он моргал и растерянно смотрел по сторонам. Селдон не сомневался, что садовник никогда раньше не бывал в таких роскошных апартаментах, и у него чуть было не вырвалось: «Ну, как тебе? Нравится? Ты уж извини. Мне и самому тут не очень ловко».

Но он сказал другое:

— Что стряслось, Грубер? Отчего ты такой несчастный? — Грубер только вымученно улыбнулся. — Ну, давай, садись. Вот сюда. Ну, смелее, смелее.

— Ой, нет, господин премьер-министр, что вы? Я тут все запачкаю.

— Ничего страшного. Запачкаешь — почистить нетрудно. Ну вот. Славно! Посиди, расслабься, соберись с мыслями и скажи, что случилось.

Грубер помолчал минуту, а потом словно взорвался:

— Господин премьер-министр! Меня назначают главным садовником. Сам великий Император сказал мне.

— Да-да, я слышал, но уверен — это не должно тебя пугать. Тебя можно только поздравить с повышением в должности, и я тебя поздравляю. Можешь считать, что я к этому тоже причастен. Я никогда не забуду о той храбости, с какой ты повел себя в тот ужасный день, когда меня чуть было не убили, и, конечно же, я рассказал о том случае Его Императорскому Величеству. Грубер, это вполне заслуженная награда, и тебе в любом случае светило бы повышение. Ты вполне соответствуешь своей новой должности. Ну а теперь, когда с этим все ясно, скажи мне, из-за чего ты так расстроен.

— Господин премьер-министр, да ведь из-за этой самой должности! Я же не справлюсь, у меня опыта не хватит!

— А мы уверены, что ты справишься.

Грубер разошелся не на шутку.

— И что, я должен буду в кабинете сидеть? Я в кабинетах сидеть не мастак. Ведь это же что получается? Это получается — я не смогу на воздух выбираться, не смогу возиться с растениями и зверьками. Это все равно что в тюрьму меня засадить, я вам вот так скажу, господин премьер-министр.

Селдон широко раскрыл глаза.

— Да что ты, Грубер, с чего ты взял? Никто не заставит тебя сидеть в кабинете дольше, чем нужно. Ходи себе по саду, сколько вздумается, делай, что хочешь. Единственное, чего ты лишаешься, так это тяжелой работы.

— Да ведь я как раз и не хочу лишаться тяжелой работы, премьер-министр, да и не дадут мне из кабинета выходить, это точно, уж я-то знаю! Нагляделся я на главного садовника. Он и когда хотел, не мог из кабинета отлучиться, вот так. Одни бумажки да распоряжения. А чтобы знать, что в хозяйстве делается, мы, простые садовники, должны ему докладывать. Он за садом по головизору смотрит, вот ведь дела какие! — выпалил Грубер и закончил с нескрываемым отвращением: — Вроде по головизору поймешь, как чего растет и живет. Нет, это не по мне, господин премьер-министр.

— Послушай, Грубер, будь мужчиной. Не так уж все плохо. Привыкнешь понемногу.

Грубер обреченно покачал головой.

— А начать-то мне с чего придется, господин премьер-министр? Скоро ведь нагрянет вся эта уйма новых садовников! Нет, конец мне, конец, это я вам точно говорю. Ну, не могу я! — взорвался Грубер с неожиданной страстью. — Не могу и не хочу!

— Грубер, я тебя прекрасно понимаю. Ты не хочешь этой работы. А я не хочу работать премьер-министром. Эта работа тоже не по мне. Знаешь, я тебе честно скажу; мне кажется, даже Императору порой надоедает быть Императором. Мы все в Галактике должны трудиться, и работа — это далеко не всегда радость и удовольствие.

— Да это-то я понимаю, господин премьер-министр, это-то я понимаю... Да только Император, он ведь Императором родился. А вам суждено премьер-министром быть, потому как лучше вас никто с этой работой не справится. Но тут-то совсем другое дело. Подумаешь — главный садовник! Да у нас пятьдесят садовников наберется, кто с этим делом справится еще получше меня, да и больше бы обрадовался такой работе. Вот вы говорите, что рассказали Императору, как я пытался вас спасти. А может, вы еще разок ему словечко замолвите за меня — дескать, если ему желательно меня отблагодарить, так пусть оставит меня, как есть, простым садовником, а?

Селдон устало откинулся на спинку стула и сказал:

— Грубер, уверяю тебя, если бы я мог, я бы обязательно изложил Императору твою просьбу, но позволь, я тебе попробую кое-что объяснить, а ты постарайся меня понять, пожалуйста. Император, по идее, — единоличный правитель Галактической Империи. Но на самом деле подвластно ему очень малое. На самом деле я правлю Империей гораздо больше, чем он, но и мне далеко не все подвластно. В правительстве миллионы людей, и каждый принимает какие-то решения, каждый совершает какие-то ошибки. Кто-то действует самоотверженно, героически, мудро, кто-то — глупо, а кто-то — по-предательски. И проследить за всеми невозможно, Понимаешь меня, Грубер?

— Понимать-то я понимаю, да только в толк не возьму, я-то тут при чем?

— Да при том, что единственное место, где Император и вправду правит, — это дворцовая территория. Тут его слово — закон, и все, кто трудится во дворце и рядом с ним, обязаны повиноваться ему беспрекословно. Просить его отменить принятое им решение касательно чего бы то и кого бы то ни было здесь, в его вотчине, — все равно что посягать на святыню. Сказать ему: «Ваше Величество, отмените ваше решение по поводу назначения Грубера» — это было бы равносильно подаче заявления об отставке. Я тебе точно говорю, он скорее меня в отставку отправит, чем отменит свое решение. Я-то, честно говоря, не против уйти, да только тебе это все равно не поможет.

– Значит, сделать ничего нельзя? – обреченно спросил Грубер.

– Да, Грубер, увы. Но ты не переживай так сильно. Чем смогу – помогу. Ты меня извини, но больше времени у меня нет.

Грубер встал. В руках он смущенно мял зеленую кепку садовника. Глаза его залились слезами.

– Спасибо вам, господин премьер-министр. Я, конечно, понимаю, вы помогли бы, если бы могли. Вы… вы человек хороший, господин премьер-министр…

И Грубер понуро побрел к двери. Селдон проводил его взглядом и покачал головой. Умножить заботы Грубера на квадриллион и получишь заботы людей, проживающих в двадцати пяти миллионах миров Империи. И как же ему, Селдону, разрешить все эти заботы, если он одному-единственному человеку, обратившемуся к нему за помощью, помочь не в силах?

Одному-единственному человеку психоистория не в силах была помочь. А квадриллиону?

Селдон грустно покачал головой, заглянул в список назначенных на сегодня аудиенций и похолодел. Громко, необычайно взволнованно, совсем не похоже на себя, он прокричал в переговорное устройство:

– Догоните садовника! Верните его немедленно!

20

– Так что там насчет новых садовников?! – воскликнул Селдон, как только Грубер вернулся в кабинет.

Даже сесть он ему на этот раз забыл предложить.

Грубер, часто-часто моргая, не успев прийти в себя, заикаясь, выдавил:

– Н-новых с-садов-вников?

– Ты сказал: «уйма новых садовников». Ты ведь так сказал? Что за новые садовники?

Грубер явно удивился вопросу.

– Ну а как же? Раз новый главный садовник, значит, и все садовники новые. Так принято вроде.

– А я ничего такого не слыхал.

– Просто, когда в прошлый раз меняли главного садовника, вы еще премьер-министром не были. Может, вас и на Тренторе тогда не было вообще.

– Но что это значит, объясни толком?

– Ну, понимаете, садовников никогда не увольняют просто так. Кто-то помирает. Кто-то старится, и тогда их отправляют на пенсию. А когда в должность заступает новый главный садовник, больше половины садовников можно смело на пенсию отправлять. Вот их и отправляют, а набирают новеньких.

– Помоложе?

– Ну, отчасти так, а отчасти из-за того, что хотят что-нибудь поновее учудить в садах и парках, так что, может, у кого есть какие новые мысли. Территория-то у нас, сами знаете, какая здоровенная – считай, под пять тысяч квадратных километров будет. Чтобы все переустроить, это сколько лет надо. И ведь это мне за всем за этим наблюдать придется. Ну пожалуйста, господин премьер-министр, ну что вам стоит, ну замолвите вы словечко Императору! – Грубер с трудом переводил дыхание. – Вы же такой умный, ну пожалуйста!

Селдон, казалось, был глух к мольбе Грубера. Он глубоко задумался, лоб его пересекли глубокие морщины.

– И откуда же берут новых садовников?

– Во всех мирах набирают – охотников-то хоть отбавляй. Скоро они валом повалят. Не меньше года уйдет, пока…

– Откуда они прилетают? Откуда?

– Да откуда хочешь. Требуется только знание садоводства. Так что всякий гражданин Империи имеет право счастья попытать.

– Тренторианцы тоже пытаются устроиться садовниками?

– Нет, тут с Трентора никого нету. Откуда на Тренторе садовники возьмутся? Эти

скверики под куполами – разве ж это сады? Тут цветочки в горшках, а звери – в клетках. Тренторианцы, они, бедняги, ничего не смыслят в том, что такое свежий воздух, настоящие ручьи, живая природа.

– Хорошо, Грубер. А теперь слушай меня. Я дам тебе задание. Ты должен будешь еженедельно представлять мне списки всех тех новых садовников, которые должны будут прибыть сюда. Полные сведения. Имя. Откуда прибыл. Регистрационный номер. Образование. Опыт работы. Все, что имеется уже сейчас, представь мне как можно скорее. Я дам тебе людей в помощь. Людей с техникой, понял? Ты сам каким компьютером пользоваться?

– Да самым обыкновенным, чтоб за растениями следить и зверями.

– Ясно? Я дам тебе людей, которые сделают все, с чем ты не сумеешь справиться, Просто сказать тебе не могу, как это важно.

– А если я это все сделаю...

– Грубер, сейчас не время заключать сделки. Подведешь – не быть тебе главным садовником. Но тогда все будет гораздо хуже. Уйдешь в отставку без всякой пенсии.

Как только за Грубером закрылась дверь, Селдон рявкнул в переговорное устройство:

– Отменить все аудиенции до конца дня!

Он устало откинулся на спинку стула. Тело его обмякло, сердце часто билось. Впервые за долгие годы он ощущал себя на все пятьдесят. Спазм головной боли нахлынул горячей волной. Столько лет, да что там лет – столько десятилетий охрану дворца делали все более надежной и непроницаемой, оснащали всевозможными средствами безопасности и сигнализации.

А оказывается, наступало такое время, когда сюда толпами пускали неведомо кого! Видимо, и вопросов никаких не задавали, кроме единственного: «В садоводстве смыслишь?»

Какая колоссальная, ни с чем не сравнимая тупость! У Селдона не было слов.

Хорошо, если он успел вовремя. А если нет? Вдруг уже опоздал?!

21

Андорин следил за Намарти, полуприкрыв глаза. Намарти никогда ему не нравился, но порой он не нравился ему еще больше, чем обычно, и сейчас был как раз тот самый случай. Почему он, Андорин, особа королевского происхождения, из знатнейшего сэтчемского рода, должен иметь дело с этим парвеню, с этим почти законченным пааноиком?

На самом деле ответ был Андорину известен, и он вынужден был терпеть все, даже болтовню Намарти о том, как он за десять лет возродил движение и довел его до совершенства. Господи, да сколько же можно? Он что, всем это пересказывает по нескольку раз? Или только его, Андорина, избрал себе в жертву?

А физиономия Намарти светилась злорадной ухмылкой, и он все говорил и говорил – нараспев, будто стихи читал:

– Год за годом я работал над отработкой связей, плел паутину, невзирая на безнадежность и неудачи, строил организацию, запускал щупальца в правительство, пользовался его покровительством, порождал и усиливал недовольство, брожение в массах. А когда наступил банковский кризис и на неделю был объявлен мораторий, я... – Внезапно он оборвал себя на полуслове. – А ведь я тебе это уже сто раз рассказывал. Ты устал небось это слушать?

Андорин растянул губы в подобии сухой улыбки. А Намарти, оказывается, не совсем идиот – понимает, какой он зануда, просто ничего с собой поделать не может.

– Да, – кивнул Андорин, – ты мне это уже сто раз рассказывал.

Вопрос он оставил без ответа. Что толку отвечать на риторический всхлип?

Болезненный румянец залил щеки Намарти. Он сказал:

– Но так могло продолжаться вечно – вся эта работа, все эти обманы, и толку бы никакого, если бы мне в руки не попало нужное орудие. Я и пальцем не пошевелил – оно само пришло ко мне.

– То есть боги прислали тебе Планше, – безразлично проговорил Андорин.

– Совершенно верно. Скоро будет набор садовников на дворцовую территорию, – сказал Намарти и ненадолго задумался. – Набирать будут мужчин и женщин. Вполне достаточное прикрытие для наших боевиков. С ними пойдешь ты и Планше. От остальных вы будете

отличаться тем, что у вас будут бластеры.

— С которыми, — нарочито лениво, с трудом скрывая сарказм, проговорил Андорин, — нас засекут у ворот и арестуют. Прийти с заряженным бластером на дворцовую территорию...

— Никто вас не задержит, — словно не заметив насмешки, возразил Намарти. — Обыскивать вас тоже не будут. Все организовано. Вас, естественно, выйдет приветствовать какая-то придворная особа. Уж и не знаю, кто этим занимается обычно — какой-нибудь младший заместитель главного начальника по травке и листочкам, — но на сей раз это будет не кто иной, как Селдон собственной персоной. Да-да, сам великий математик поспешит встретить новых садовников.

— Похоже, ты в этом просто-таки уверен.

— Конечно, уверен. Говорю же, все организовано. Практически в последнюю минуту он узнает, что среди новых садовников в списке значится его пасынок, так что он помчится как миленький их встречать. А как только он появится, Планше прицелился в него из бластера. Наши люди поднимут крик: «Измена!», и в начавшейся суматохе Планше прикончит Селдона, а ты прикончишь Планше. Потом бросишь бластер и смоешься. Тебе в этом помогут. Все устроено.

— А Планше обязательно убивать?

Намарти нахмурился.

— Что за вопрос? Почему это одно убийство у тебя не вызывает возражений, а другое не нравится? Или ты хочешь, чтобы Планше растрепал потом власть держащим все про нас? И потом, на самом деле все будет выглядеть как образчик семейной вражды. Не забывай, что Планше — это Рейч Селдон. Впечатление будет такое, словно два выстрела грянут одновременно, или такое, будто Селдон отдал приказ стрелять в его сына, если тот предпримет что-то опасное. А мы уж постараемся развернуть всю эту историю под семейным углом. Напомним народу о кошмарных временах Его Кровожадного Величества Императора Мановелла. И народ, естественно, будет потрясен откровенной жестокостью случившегося. Это станет последней каплей, которая переполнит чашу их терпения, до краев полную раздражением, вызванным непрерывными авариями. И чего они потребуют? Естественно, нового правительства. И никто не сумеет отказать народу, даже сам Император. И тогда явимся мы.

— Вот так, сразу?

— Нет, не сразу. Я не в розовых очках хожу. Наверняка поначалу будет создано какое-то переходное правительство, но оно провалится. Уж мы позаботимся об этом, и вот тогда выступим открыто и выдвинем старые джоранумитские лозунги, которые народ Трентора уже успел подзабыть. И скоро — очень скоро — я стану премьер-министром.

— А я?

— Со временем станешь Императором.

Андорин хмыкнул.

— Что-то слабо верится. Все-то у тебя устроено да организовано — и то, и это, и пятое, и десятое, Промахов быть не должно, иначе все провалится. Кто-то обязательно подведет. Нет, риск неоправданный.

— Для кого это он неоправданный? Для тебя?

— Конечно. Ты ждешь, что Планше обязательно убьет отца, а потом я должен прикончить Планше. Почему я? Неужели не отыщется человека, который бы в этом случае подвергался меньшему риску, чем я?

— Можно, но любой другой скорее провалится. Кому, как не тебе, это все нужно больше, чем кому бы то ни было? Нет, Андорин, другой человек может струсить и удрачить в последнюю минуту, но не ты.

— Но это колossalный риск!

— Разве игра не стоит свеч? Ты же стремишься к императорскому престолу.

— Но ты-то чем тогда рискуешь, руководитель? Останешься тут, в тепле, в уюте и будешь ждать вестей?

Намарти скривился.

— Какой же ты туписа, Андорин! И какой только из тебя Император получится? Так ты

считаешь, что я не рискую, оставаясь здесь? Если весь расклад полетит к черту, если схватят кого-то из наших людей, как ты думаешь, неужели они не проболтаются и не выложат все, что знают? Да если тебя самого возьмут, неужели ты промолчишь и не расскажешь все про меня? Императорские охранники – народ, сам знаешь, какой нежный.

Ну а представь, что попытка покушения не удалась? Тебе не кажется, что они весь Трентор прочешут, чтобы меня найти? Или ты думаешь, они меня не найдут? А найдут, что мне тогда делать? Риск это или нет? Да я рискую больше всех вас, сидя тут, как ты выразился, в тепле и уюте. Так вот, Андорин. Ты хочешь быть Императором или нет?

Андорин ответил негромко:

– Я хочу быть Императором.

И машина заговора завертелась.

22

Подчеркнутое внимание, с которым относились к Рейчу, конечно же, не могло от него укрыться. Во-первых, Андорин держал его отдельно от остальных садовников. Кандидаты в новую садовую армию были расквартированы в одной из гостиниц в Имперском Секторе, но не в самой фешенебельной, конечно.

Тут было на что посмотреть и с кем пообщаться – ведь народ собрался почти из пятидесяти самых разных миров, но Рейчу не удавалось даже ни с кем словечком перемолвиться – Андорин его ни к кому не подпускал.

«Почему?» – гадал Рейч. Это угнетало его. Действительно, настроение у него было подавленное с тех самых пор, как он покинул Сэтчем. Это мешало ему думать, и он пытался бороться с депрессией, но почти что безуспешно.

Андорин и сам разгуливал в грубом комбинезоне и пытался выглядеть как рабочий, Ему тоже предстояло сыграть роль садовника в готовящемся «спектакле» (каким бы ни был этот «спектакль»).

Рейчу было жутко стыдно из-за того, что он никак не мог уловить сути этого представления. Его изолировали, лишили возможности с кем-либо общаться, так что он даже не мог предупредить отца. Может быть, точно так же изолировали всех тренторианцев, внедренных в группу будущих садовников. По подсчетам Рейча, их было около десятка, и все – люди Намарти – мужчины и женщины.

Но особенно его удивляла та забота, которую к нему проявлял Андорин, – ну прямо-таки потрясающая забота. Он никуда от Рейча не отходил, настоял на том, чтобы они вместе ели, явно выделяя его из остальных.

Почему? Может быть, потому, что они оба были любовниками Манеллы? Рейч не слишком много знал о моральных установках в Сэтчеме и не мог судить, существует ли там нечто вроде полигамии. Если двое мужчин сожительствовали с одной женщиной, может быть, между ними образовывались какие-то особые отношения, на манер братства?

Рейч ни о чем таком никогда не слышал, но прекрасно понимал, что в Галактике всякое возможно – даже на Тренторе.

Он вспомнил о Манелле и почувствовал, как сильно по ней соскучился. Может быть, в этом причина депрессии? Но сейчас, заканчивая завтракать с Андорином, он был не просто в депрессии – состояние его было близко к отчаянию, хотя, казалось бы, особых причин для этого не было.

Манелла!

Она же говорила, что ей страшно хотелось бы попасть в Имперский Сектор. Может, Андорин все-таки уступил ее желанию? Рейчу было так тоскливо, так худо, что он не выдержал и задал Андорину идиотский вопрос:

– Мистер Андорин, я вот думаю, а вы случайно не взяли с собой мисс Дюбанкуа сюда, в Имперский Сектор?

Андорин выпучил глаза и негромко рассмеялся.

– Манеллу? Ты думаешь, она что-нибудь смыслит в садоводстве? Да она даже притвориться не сумела бы, если бы и захотела. О нет, дружок, Манелла из тех женщин, что

созданы для улады. Другого она просто не умеет. А почему ты спрашиваешь, Планше?

Рейч пожал плечами.

— Да скучновато тут. Вот я и подумал...

Андорин некоторое время пристально смотрел на него и наконец проговорил:

— Не поверю, что тебе не все равно, с какой женщиной спать. Ей-то точно все равно, с каким мужчиной ложится. А как только все будет позади, у тебя будет полно других женщин.

— А когда все будет позади?

— Скоро. И то, что предстоит сделать тебе, очень важно.

Андорин, прищурившись, наблюдал за Рейчем.

— Важно? — переспросил Рейч. — Разве я не буду просто... садовником?

Голос его прозвучал равнодушно, и как он ни старался вложить в вопрос побольше волнения, у него это не вышло.

— Нет, не просто садовником, Планше, — ответил Андорин. — У тебя будет бластер.

— Что будет?

— Бластер.

— А я его сроду и в руках-то не держал, бластер.

— Да это просто, ты не волнуйся. Поднимешь. Наведешь. Нажмешь кнопочку. И кое-кто окоочурится.

— Убивать я не мастак.

— А я думал, ты — один из нас, и сделаешь все, что нужно, ради общего дела.

— Ну, я же не думал, что надо будет... убивать.

Рейчу ни в коем случае нельзя было подавать виду, будто он обдумывает сказанное Андориным. И все-таки... Почему он должен стрелять? Что они такое для него придумали? Будет ли у него возможность предупредить охранников до того, как получит приказ стрелять?

Лицо Андорина изменилось — дружеское участие превратилось в ледяную непрекаемость.

— Ты *должен* убить.

Рейч собрал все силы.

— Нет. Убивать никого не буду. Не буду, и точка.

— Планше, — твердо заявил Андорин, — ты сделаешь, что тебе скажут.

— А убивать не буду.

— Будешь.

— Как это вы меня заставите?

— Просто прикажу, и все.

У Рейча в голове все перемешалось. Почему Андорин так уверен?

— Нет, — покачал головой Рейч.

— Планше, — усмехнувшись, проговорил Андорин. — Не валяй дурака. Мы тебя накачивали с тех самых пор, как уехали из Сэтчема. Не зря же я настоял, чтобы мы ели вместе. Я следил за твоей диетой. В особенности — за тем, чтобы ты слопал сегодняшний завтрак.

Рейч почувствовал, как к сердцу подступает волна страха. Он вдруг все понял.

— Десперин?!

— Именно, — кивнул Андорин. — Догадливый ты малый, Планше.

— Но это же... противозаконно!

— А как же. И убийство тоже.

Рейч знал о существовании десперина. Десперин был химическим производным совершенно безобидного транквилизатора. Однако в производном виде этот препарат вызывал не успокоение, а отчаяние. Использование его считалось противозаконным, поскольку вызывало изменение ориентации личности, даже поговаривали, будто в императорской охранке к нему прибегали.

Андорин, словно прочитав мысли Рейча, сказал:

— Десперином его назвали потому, что он вызывает отчаяние⁴. Ведь ты ощащаешь

⁴ От англ. «despair» — отчаяние. (Примеч. пер.)

отчаяние?

– Нет, – прошептал Рейч.

– Браво-браво, ты храбрый малый, но только против химии не попрещь, Планше. И чем сильнее твое отчаяние, тем лучше, стало быть, на тебя подействовал десперин.

– Не верю.

– Послушай, Планше. Шутки в сторону. Намарти узнал тебя с первого взгляда, хоть ты и без усов. Он знает, что ты – Рейч Селдон, и по моему приказу ты убьешь своего отца.

– Не раньше, чем тебя... – пробормотал Рейч.

Он медленно поднялся. Неужто он не справится? Пусть Андорин выше ростом, но он явно не гигант и не спортсмен. Да его одной левой пополам переломить можно, Но стоило Рейчу встать, как у него жутко закружилась голова. Он помотал ею, но лучше не стало. Все плыло перед глазами.

Андорин тоже встал и сделал шаг назад. Правая рука скользнула в левый рукав, и в ней появилось оружие.

– Я не дурак, Планше, – заявил он, ухмыляясь. – Захватил пушку на всякий случай. Я знаю, что ты большой мастер рукопашного боя на геликонский манер, только драться мы с тобой не будем, парень. – Бросив взгляд на оружие, он сообщил: – Это не бластер. Я не могу отправить тебя на тот свет, пока ты не выполнил своего задания. Это – нейронный хлыст. В каком-то смысле похоже бластера будет. Так даст по левому плечу, что никто не вытерпит – боль адская.

Рейч, который до этого мгновения мрачно и решительно приближался к Андорину, резко остановился. Ему было всего двенадцать, когда он па своей шкуре познал – и то не слишком сильно, что такое нейронный хлыст. Стоит раз попробовать – и всю жизнь не забудешь.

– Вот и умница, – притворно похвалил его Андорин. – А то учти – церемониться я с тобой не буду. Такой разряд дам – на полную катушку, и левой рукой ты уже никогда пользоваться не сможешь. А правую поберегу – тебе в ней бластер держать придется. А теперь садись и, если хочешь обе ручки сберечь, больше так не шути. И придется тебе, дружок, еще десперином подкрепиться, а то, видно, доза маловата.

Рейч почувствовал, как вызванное препаратором отчаяние охватывает его все сильнее и сильнее. Все вокруг двоилось, во рту у него пересохло, и он не смог сказать ни слова.

Единственное, что он понимал, так это то, что должен сделать все, что прикажет Андорин. Он вступил в игру и проиграл.

23

– Нет! – свирепо прокричал Гори Селдон. – Ты мне там совсем не нужна, Дорс!

Но Дорс Венабили смотрела на него твердо и решительно.

– Значит, я и тебя не пущу, Гэри.

– Но я непременно должен пойти.

– Ничего ты не должен! По традиции, их должен встречать старший садовник.

– Верно. Но Грубер не справится. У него жуткое настроение.

– Значит, надо послать с ним кого-нибудь из помощников. Или пусть пойдет прежний главный садовник. В конце концов, год продолжается, он должен еще выполнять свои обязанности.

– Он болен. И потом... – Селдон несколько растерялся. – Среди новобранцев есть « зайцы », Тренторианцы. Непонятно почему, но их довольно много. У меня список.

– Значит, надо взять их под стражу. Всех до единого. Все так просто, и зачем ты все усложняешь?

– Затем, что мы не знаем, *зачем* они здесь. Что-то случилось. Я, правда, не понимаю, на что способны двенадцать садовников, но... Нет, я не то хотел сказать. Они на многое способны – вариантов столько же, сколько их самих, но я не знаю, что именно у них на уме. Безусловно, мы возьмем их под стражу, но я должен как можно больше выяснить, прежде чем это будет сделано.

Понимаешь? Нужно никого не пропустить и всех подозрительных проверить с головы до

ног. Надо хорошоенько понять, что им здесь нужно, прежде чем они будут соответствующим образом наказаны. А мне бы не хотелось, чтобы все выглядело наказанием за проступок, а не за преступление. Они же непременно начнут жаловаться на безработицу, отчаяние, станут скучить, что, дескать, несправедливо брать на работу чужаков и тренторианцам отказывать. Все это будет выглядеть тоскливо и жалостливо, а мы предстанем в идиотском свете. Нужно дать им возможность сознаться в более тяжком преступлении. И потом...

Селдон умолк, и Дорс была вынуждена поторопить его с ответом:

– Ну-ну, выкладывай, что это еще за новое «потом»?

Селдон проговорил срывающимся шепотом:

– Один из этих двенадцати – Рейч, под псевдонимом «Планше».

– Что?!

– Чему так удивляешься? Я послал его в Сэтчем, чтобы он внедрился в движение джоранумитов, и это ему удалось. Я верю в него. Раз он здесь, он-то знает, зачем он здесь, и наверняка у него есть какой-то план насчет того, как вставить палку в колесо. Но я тоже хочу быть на месте событий. Я хочу его видеть. Хочу иметь возможность помочь ему, если сумею.

– Если хочешь помочь ему, выставь пятьдесят охранников по обе стороны от садовников.

– Нет. Это тоже ничего не даст. Гвардейцы там будут, но их не будет видно. Мнимым садовникам нужно дать возможность проявить себя, раскрыться, у них руки должны быть, так сказать, развязаны, что бы ни было у них на уме, каковы бы ни были их планы. Главное – не дать этим планам осуществиться. А как только они скажут «а», мы их арестуем.

– Это рискованно. Это рискованно для Рейча в первую очередь.

– Приходиться порой рисковать. Но ставка выше, чем чья-то жизнь, Дорс.

– Это жестоко! Это бессердечно, в конце концов!

– Ты думаешь, у меня нет сердца? Но даже если ему суждено разорваться, я буду думать о психо...

– Не надо! – оборвала его Дорс и отвернулась, словно ей стало нестерпимо больно.

– Я все понимаю, – ласково проговорил Селдон. – Но тебе туда нельзя. Твое присутствие будет настолько из ряда вон выходящим, что заговорщики могут заподозрить неладное и откажутся от выполнения задуманного. Дорс, – добавил он, немного помолчав: – ты говоришь, что твоя задача – защищать меня. Это важней, чем защищать Рейча, и ты это прекрасно понимаешь. Честное слово, я бы не стал этого говорить, но ведь, защищая меня, ты в первую очередь защищаешь психоисторию и все человечество. Это главное. А то, что я знаю из психоистории, в свою очередь диктует мне, что я во что бы то ни стало должен сберечь наш центр, сберечь любой ценой, и именно это я и хочу сделать. Понимаешь?

– Понимаю... – прошептала Дорс и отвернулась, что бы уйти.

А Селдон подумал: «Надеюсь, я прав».

Ведь если он ошибался, Дорс ни за что не простила бы его. Более того, он бы и сам себя никогда не простили – гори тогда огнем психоистория и все остальное.

24

Новобранцы в армию садовников выстроились ровными рядами – ноги на ширине плеч, руки за спинами, все до одного – в аккуратных зеленых комбинезонах, просторных, с большущими карманами. Трудно было на глаз определить, кто тут мужчина, а кто женщина, разве что по росту. Волосы были спрятаны под капюшонами, но садовникам и вообще полагались короткие стрижки и не разрешалось носить ни усов, ни бород.

А почему – никто не мог бы ответить. Одно слово – «традиция» и все. А традиции бывают какими угодно – как мудрыми, так и довольно дурацкими.

Перед садовниками стоял Мандель Грубер, а по обе стороны от него – его помощники. Грубер весь дрожал и часто моргал.

Гэри Селдон крепко сжал губы. Только бы Грубер выдавил из себя что-нибудь вроде «императорские садовники приветствуют вас», и этого было бы вполне достаточно.

Пробежавшись взглядом по рядам новых садовников, Селдон быстро нашел Рейча.

Сердце Селдона екнуло. Вот он, безусый Рейч, в первой шеренге, стоит навытяжку,

смотрит прямо перед собой. Он и не пытался встретиться взглядом с Селдоном, казалось, будто не узнает его. «Вот и хорошо, — подумал Селдон. — И не надо. Держитесь молодцом».

Грубер пробормотал полубессвязное приветствие и, слово взял Селдон.

Легко шагнув вперед, он встал перед Грубером, и слегка поклонившись ему, сказал:

— Благодарю вас, старший садовник. Дамы и господа, императорские садовники. Вам предстоит важная и ответственная работа. На ваши плечи ложет забота о красоте и процветании единственного островка под открытым небом на всем громадном Тренторе, столице Галактической Империи. Именно вам надлежит заботиться о том, чтобы мы, лишенные грандиозных просторов земли, не покрытой куполами, обладали бы истинной жемчужиной природы, способной затмить любой уголок Империи.

Вес вы поступите в распоряжение Манделя Грубера, который вскоре станет главным садовником. Обо всех ваших нуждах и предложениях он будет сообщать мне, а я, в случае необходимости, буду извещать о них Императора. А это, как вы понимаете, означает, что от трона Императора вас отделяют всего три ступени и что вы всегда будете находиться, так сказать, в поле зрения его всевидящего ока. Уверен, он и сейчас наблюдает за нами из окон Малого Дворца — вот он, справа, видите? Вот это здание под прозрачным куполом — личная резиденция Его Величества. Он смотрит на вас и радуется.

Но, прежде чём вы приступите к работе, вам придется пройти соответствующий курс обучения, в ходе которого вы подробно ознакомитесь с территорией и поймете, какая тут нужна работа. Вам предстоит...

Эти слова Селдон произнес, подойдя вплотную к Рейчу. Тот застыл в прежней позе с остекленевшими глазами.

Селдон изо всех сил старался не казаться чересчур добродушным, но внезапно нахмурился. Человек, стоявший сразу за Рейчем, показался ему удивительно знакомым. То есть он не был знаком Селдону, если бы тот не разглядывал совсем недавно его голограммический портрет. Уж не Глеб ли это Андорин из Сэтчема? То бишь сэтчемский патрон Рейча? Что он здесь делает? От Андорина явно не укрылось подчеркнутое внимание, с которым рассматривал его Селдон. Губы его слегка дрогнули, произнося какое-то короткое слово. Правая рука Рейча показалась из-за спины, и в ней был зажат бластер. Одновременно с ним выхватил бластер из кармана и Андорин.

Селдону стало жутко. Как они могли пронести бластеры на дворцовую территорию? Началась паника, раздались выкрики: «Измена! Измена!» Все бросились врассыпную.

Но Селдон смотрел только на бластер в руке Рейча, нацеленный прямо в него. А Рейч смотрел на него, словно не узнавал отца. Селдон в ужасе понял, что сын вот-вот выстрелит и что он сам — на волосок от смерти.

25

Селдон отлично знал, каково действие бластера, Тихий звук наподобие вздоха, и от того, в кого стреляют, остается мокрое место.

Селдон понимал, что погибнет раньше, чем услышит этот звук, и поэтому был просто поражен, когда расслышал этот самый вздох. Он часто заморгал и, не веря глазам, осмотрел себя с ног до головы.

Он что, жив?

Рейч все так же стоял перед ним, застыв с взвешенным бластером. Он не двигался и напоминал выключенный автомат.

За его спиной на земле в луже крови скочилось то, что осталось от Андорина, а рядом с ним с бластером в руке стоял садовник. Вот он откинул капюшон, и оказался женщиной с короткой стрижкой.

Смело посмотрев на Селдона, она сообщила:

— Ваш сын знает меня под именем Манеллы Дюбанкуа. Я — офицер службы безопасности. Сообщить вам мой регистрационный номер, господин премьер-министр?

— Не нужно... — вяло пробормотал Селдон, На сцене событий уже появилась императорская охрана. — Но мой сын! Что с ним такое!

— Думаю, это десперин, — объяснила Манелла. — Но не волнуйтесь, он выводится из организма. Простите, — сказала она, шагнув вперед и забирая бластер из окаменевшей руки Рейча, — что я не вмешалась раньше. Я была вынуждена ждать развязки, но чуть было не опоздала.

— Я тоже. Рейча нужно отвести в дворцовую больницу.

Тут из Малого Дворца донесся приглушенный шум. Селдон решил, что, наверное, Император и вправду смотрел из окна за происходящим. Если так, то он уж точно вышел из себя.

— Прошу вас, позаботьтесь о моем сыне, мисс Дюбанкуа, — попросил Селдон. — Мне нужно повидаться с Императором.

Обегая стороной толпы, запрудившие Большие Лужайки. Селдон бесцеремонно ворвался в Малый Дворец. Терять было нечего — Клеон все равно вне себя.

Но внутри, на ступенях полукруглой лестницы, в окружении потрясенных сановников, лежало тело Клеона I, Его Величества Императора Галактики — или, вернее, то, что от него осталось. Только по императорской мантии и можно было догадаться, кто стал жертвой выстрела. А к стене, скрючившись, прижался, в ужасе бегая глазами по бледным, как полотно, лицам вельмож, не кто иной, как Мандель Грубер.

Селдон подошел к Груберу, наклонился и поднял с ковра бластер, валявшийся у ног садовника. Бластер явно принадлежал Андорину. Селдон шепотом спросил:

— Грубер, что ты наделал?

Грубер, спотыкаясь на каждом слове, запричитал:

— А все... бегали... кричали там... А я и подумай: кто узнает-то?.. Все подумают... это кто-то другой... убил... Императора. А после... убежать... не успел...

— Но, Грубер... Почему? Почему?!

— Чтобы не быть главным садовником... — пролепетал Грубер и упал в обморок.

Селдон в ужасе уставился на него.

Вот как все вышло. Он жив. Рейч жив, Андорин мертв, и теперь джоранумитское подполье будет высажено до последнего человека и ликвидировано.

Центр сохранен в соответствии с указаниями психоистории.

И все же этот несчастный человек, движимый поразительно тривиальной причиной — такой тривиальной, что она-то как раз и не была учтена в анализе и прогнозе, — взял и убил Императора.

«И что же нам теперь делать? — в отчаянии думал Селдон. — Что теперь будет?»

Часть третья Дорс Венабили

Венабили, Дорс — ...Многие моменты в жизни Гэри Селдона носят характер легендарный, несут отпечаток неточности, и обрести его безупречную с фактологической стороны биографию практически невозможно. Пожалуй, самое загадочное в жизни Селдона — это его супруга, Дорс Венабили. Сведения о ней крайне скучны. Достоверно известно лишь то, что она родилась на Цинне и впоследствии стала работать на историческом факультете Стрилингского университета на Тренторе. Вскоре после того как она приступила к этой работе, она познакомилась с Гэри Селдоном и стала его неразлучной спутницей на двадцать восемь лет. В действительности, жизнь ее также изобилует вымыслами, как и жизнь самого Селдона. Существуют совершенно неправдоподобные рассказы о ее необыкновенной физической силе и ярости, за которую она была прозвана Тигрицей. Но ее исчезновение гораздо более загадочно, чем появление, поскольку с определенного момента времени всякие упоминания о ней исчезают, и что с ней произошло, непонятно.

Ее квалификацию историка подтверждают ее труды по...

Галактическая энциклопедия

1

Ванда было уже почти восемь лет по стандартному Галактическому времени. Она была страшная кокетка – настоящая маленькая леди с густыми прямыми каштановыми волосами и голубыми глазами, которые, правда, становились все темнее и со временем должны были превратиться, скорее всего, в карие, как у отца.

Из головы у девочки не выходило одно число – шестьдесят.

Ужасно большое число! Скоро у дедушки день рождения, и ему исполнится шестьдесят, а ведь это так много! Вдобавок прошлой ночью ей приснился такой нехороший сон...

Ванда решила пойти поискать маму, чтобы спросить у нее, что может означать ее сон.

Маму найти оказалось нетрудно. Она была у дедушки и говорила с ним, ну конечно, про день рождения, про что же еще? Ванда растерялась. При дедушке ей было неловко расспрашивать маму про сон.

Замешательство девочки не укрылось от матери.

– Одну минуточку, Гэри, – сказала она, прервав разговор, – я только узнаю, что так беспокоит Ванду. Что тебе, малышка?

Ванда потянула мать за руку.

– Ма, я тебе потом скажу. Только тебе.

Манелла с улыбкой обернулась к Селдону.

– Видишь, как рано это начинается, Гэри? Своя жизнь. Свои трудности. Ванда, пойдем к тебе, детка?

– Да, мама, – проговорила Ванда с явным облегчением.

Взявшись за руки, они прошли в детскую, и Манелла спросила:

– Ну, что случилось, Ванда?

– Это из-за дедушки, мама.

– Из-за дедушки? Вот уж не поверю, чтобы он сделал тебе что-то дурное!

– Он не... – и глаза Ванды наполнились слезами. – Он умрет?

– Твой дедушка? Чего это ты вдруг, Ванда?

– Ему будет шестьдесят. Он такой старенький.

– Вовсе нет! Он уже не молодой, конечно, но и не старый. Люди живут до восьмидесяти, до девяноста, даже до ста лет – а дедушка у нас еще знаешь какой крепкий и здоровый? Он еще долго проживет.

– Ты точно знаешь? – всхлипнула Ванда.

Манелла обняла дочку за плечики и посмотрела ей прямо в глаза.

– Послушай, Ванда, когда-нибудь мы все должны умереть. Помнить, я тебе уже говорила?

И все-таки не стоит горевать об этом, покуда это «когда-нибудь» еще очень далеко, – ласково проговорила Манелла, утирая бегущие по щекам Ванды слезы. – Дедушка еще долго проживет. Ты подрастешь, станешь совсем взрослая, а он еще будет живой даже тогда, когда у тебя уже будут свои детки. Вот посмотришь. А теперь пойдем. Я хочу, чтобы ты поговорила с дедушкой.

Ванда снова всхлипнула и кивнула.

Когда они вернулись к Селдону, он сочувственно посмотрел на внучку и поинтересовался:

– Что такое стряслось, Ванда? Чем ты так расстроена?

Ванда покачала головой.

Селдон перевел взгляд на Манеллу.

– Что с ней, Манелла?

– Пусть сама скажет.

Селдон сел в кресло и похлопал ладонью по колену.

– Подойди ко мне, Ванда. Сядь и расскажи мне, что за беда такая.

Ванда забралась к деду на колени, еще немного повхлипывала и, протирая глаза кулачком, пробормотала:

– Мне страшно. Я боюсь.

– Ну-ну, не надо бояться. Расскажи вес скорее своему старенькому дедушке.

Манелла поморщилась:

– Не то слово.

Селдон удивленно взглянул на нее.

– Какое? «Дедушка»?

– Нет. «Старенький».

Сшило Ванде услышать слово «старенький», как она снова заслезилась слезами.

– Да, дедушка, да, ты старенький!

– Ну, конечно. Мне шестьдесят, малышка.

Он крепко обнял Ванду, прижал к себе, наклонился и прошептал:

– Я ведь тоже этому не рад, Ванда. Знаешь, как я тебе завидую – тебе еще и восьми нет.

– У тебя все волосики седые, дедуля...

– Ну, они не всегда такими были, Я только недавно поседел.

– Раз волосики седые, значит, ты скоро умрешь, дедуля...

Селдон был ошеломлен.

– Да что такое стряслось? – изумленно спросил он у Манеллы.

– Понятия не имею. Не знаю, что это вдруг на нее нашло.

– Сон плохой видела... – всхлипнула Ванда.

Селдон прокашлялся.

– Ну, Ванда, что такое «плохой сон»? Нам всем плохие сны порой снятся. И ничего в этом нет страшного. Это даже хорошо, детка. Просыпаешься и понимаешь, как все хорошо на самом деле.

– А я видела сон, что ты умрешь! – не унималась Ванда.

– Понимаю, понимаю, детка. Смерть часто снится, но не надо так огорчаться. Это ничего не значит. Ну, погляди на меня. Разве ты не видишь, какой я живой, веселый? Ну, смотри, я улыбаюсь. Разве я похож на умирающего? Ну, похож?

– Н-нет...

– Ну вот и славно. А теперь пойди-ка поиграй и забудь про все эти глупости. У меня день рождения, и мы все отлично повеселимся. Ну, давай ступай к себе, малышка.

Ванда ушла, улыбнувшись сквозь слезы, а Манеллу Селдон попросил остаться.

2

– Как ты думаешь, откуда у Ванды такие мысли, Манелла? – спросил Селдон невестку.

– Ну, Гэри, мало ли откуда? У нее был сальванийский геккончик и умер, помнишь? У одной из ее подружек отец погиб в катастрофе, а уж по головизору она каждый день видит, как кто-то умирает. Невозможно растить ребенка под колпаком, чтобы он ничего не знал о смерти. Да я и не собиралась ничего от нее скрывать. Смерть – естественная и неотъемлемая часть жизни, и она должна это понять.

– Я не говорю о смерти вообще, Манелла. Я говорю о своей смерти. Почему она вдруг заговорила об этом?

Манелла растерялась. Селдон был ей очень дорог. «Господи, как же сказать, чтобы не обидеть?» – подумала она. А не говорить тоже было нельзя.

– Гэри, – сказала она, – только не обижайся, но ты сам виноват.

– Я?

– Конечно! Ты в последнее время только о том и говорил, что тебе скоро шестьдесят, и направо и налево жаловался, какой ты уже старый, И юбилей-то твой устраивается, в основном, для того, чтобы переубедить тебя и утешить.

– А ты думаешь, это так уж весело, когда тебе шестьдесят? – пробурчал Селдон. – Вот погоди! – шутливо погрозил он пальцем Манелле. – Доживешь до моих лет, сама увидишь, каково это.

– Увижу, если повезет. Некоторые и до шестидесяти не доживают. И все-таки чему удивляться, если ты то и дело сбываешься на то, что тебе шестьдесят, что ты совсем старый? Конечно, это пугает и огорчает бедную девочку. Она такая впечатлительная.

Селдон вздохнул и сокрушенно покачал головой.

— Прости меня, Манелла, но мне и правда невесело. Посмотри на мои руки. Они все в старческих пятнах, и скоро перестанут гнуться. Да, Манелла, о геликонской борьбе говорить не приходится. Теперь меня грудной младенец пальчиком повалит.

— Не понимаю, чем ты так уж отличаешься от других людей твоего возраста? Голова у тебя, по крайней мере, работает превосходно. Не ты ли сам так любишь повторять, что это самое главное?

— Знаю. Всё так. Но состояние моего тела вгоняет меня в тоску.

Манелла понимающе кивнула и проговорила с едва заметной иронией:

— Понятное дело, ведь Дорс-то, похоже, совсем не старится.

— Ну да, ну да, вот я и думаю... — занервничал Селдон и отвел взгляд.

Несомненно, он не хотел переводить разговор на эту тему.

Манелла заботливо и одновременно пытливо смотрела на свекра. Его беда была в том, что он ничего не понимал в детях, да и в людях вообще, если на то пошло. Трудно даже было представить, как он сумел пробыть целых десять лет на посту премьер-министра при прежнем императоре, совершенно не разбираясь в людях.

Конечно, он весь в своей психоистории, а она учитывает интересы квадриллионов людей, что в конечном счете означает — ничьи, никого конкретно. Да и как ему разбираться в психологии ребенка, если он ни с кем, кроме Рейча, не общался, да и Рейча нашел, когда тому было уже двенадцать? Теперь у него есть Ванда, и она для него — настоящая загадка и, скорее всего, загадкой останется.

Манелла думала о Селдоне с любовью, ощущая непреодолимое желание защитить его от мира, которого тот не понимал. Пожалуй, это было единственное, на чем они сошлись со свекровью, Дорс Венабили, — именно на желании защитить Гэри Селдона.

Десять лет назад Манелла спасла жизнь Селдона. Как ни странно, Дорс восприняла это как посягательство на собственные права и до сих пор не простила Манеллу. А Селдон, со своей стороны, тоже в каком-то смысле спас жизнь Манеллы.

Она закрыла глаза и вспомнила все так отчетливо, словно сегодня был тот самый день...

3

Это было через неделю после покушения на Клеона — о, что за кошмарная была неделя! Весь Трентор был в панике.

Гэри Селдон оставался на посту премьер-министра, но властью, несомненно, больше не обладал. Пригласив к себе Манеллу Дюбанкуа, он сказал:

— Я хочу поблагодарить вас за спасение Рейча и меня. Извините, что не сказал вам этого раньше. Неделя выдалась, сами понимаете, — вздохнул он, — не самая легкая.

Манелла спросила:

— А что с этим безумцем, садовником?

— Он казнен! Без промедления! Без суда и следствия! Я пытался спасти его, утверждая, что он невменяем. Но меня и слушать никто не стал. Соверши он любое другое преступление, его недееспособность учли бы непременно, и он остался бы в живых. Его бы арестовали, судили, но пощадили бы. Но убить Императора...

Селдон обреченно покачал головой.

— Что же теперь будет, господин премьер-министр? — спросила Манелла.

— Я скажу вам, какие у меня предположения, Династии Энтунов конец. Сын Клеона не вступит на престол. Я думаю, он и сам этого не хочет. Он жутко боится покушения, и я его вполне понимаю и не сужу. Самое лучшее для него сейчас — удаляться в какое-нибудь из фамильных поместий во Внешних Мирах и жить там без хлопот. Как члену королевской семьи ему никто не будет чинить препон. А вот вам и мне вряд ли так повезет.

— То есть, сэр? — нахмурилась Манелла.

Селдон прокашлялся.

— Нет ничего проще, чем доказать, что вы убили Глеба Андорина, и он выронил блaster, затем попавший в руки Манделя Грубера, а тот воспользовался этим оружием для убийства Клеона. Следовательно, на вас ложится серьезная ответственность за участие в преступлении.

Запросто могут сказать, что все было организовано.

– Но это глупо. Я же офицер службы безопасности и исполняла свой долг – делала то, что мне было приказано.

Селдон печально улыбнулся.

– Вы мыслите логически, а сейчас не время для логики. Теперь, в отсутствие законного наследника императорского престола, к власти наверняка придет военное правительство.

(Позднее, когда Манелла стала понемногу осознавать принципы психоистории, она гадала, прибег ли Селдон к каким-то вычислениям, дабы прогнозировать такой исход событий – ведь военное правление действительно было введено. Но тогда он о психоистории ни словом не обмолвился.)

– А если военное правительство придет к власти, – продолжал Селдон, – ему придется действовать исключительно жестко – подавлять всякие проявления недовольства и непослушания, принимать жесткие и радикальные меры, и тут будет не до логики, не до справедливости. И если они обвинят вас, мисс Дюбанкуа, вас казнят – не потому, что это было бы законно и справедливо, а просто для того, чтобы всем на Тренторе заткнуть глотки. Раз так, то и меня могут обвинить в участии в заговоре. В конце концов, я же действительно вышел встречать новых садовников, хотя, в принципе, так сказать, по штату, я не должен был этого делать. Если бы меня там не было, не было бы и попытки убить меня, вам бы не пришлось вмешиваться, и Император остался бы в живых. Видите, как все замечательно сходится?

– Не поверю, что такое кому-то придет в голову.

– Может быть, и не придет. Но я собираюсь сделать им предложение, от которого они вряд ли откажутся.

– Какое же?

– Я добровольно подам в отставку. Они меня не хотят, и я уйду. Но дело в том, что у меня есть доброжелатели и при дворе и, что гораздо более важно, есть они у меня и во многих Внешних Мирах. Там не хотели бы, чтобы я уходил с поста премьер-министра. Мой уход для них будет означать единственное: меня убрали насилино, и, следовательно, даже если меня не казнят, у военных все равно будут неприятности. Если же, с другой стороны, я уйду в отставку, публично заявив, что военное правление – это то, что нужно Трентору и Империи, выходит, я окажу военным неоценимую услугу, верно? – Селдон немного подумал и сказал: – Ну и потом, есть же еще психоистория.

Вот тогда-то Манелла и услышала впервые это слово.

– Что это такое?

– Это то, над чем я работаю. Клеон свято верил в могущество этой науки, гораздо более свято, чем я когда-то, и при дворе почти все пребывают в убеждении, что психоистория является или может являться могучим орудием, подспорьем для правительства – каким бы оно ни было.

И совершенно не важно, знают ли они какие-либо подробности об этой науке. По мне, лучше бы и не знали. Отсутствие знаний может усилить то, что можно было бы назвать суеверным отношением к психоистории. Следовательно, мне дадут возможность продолжать работу как частному лицу, то есть так я надеюсь. А теперь поговорим о вас.

– Что вы предлагаете?

– Пунктом договора с новым правительством я хотел бы сделать ваш уход в отставку из службы безопасности, и гарантию того, что против вас не будет выдвинуто никаких обвинений относительно убийства Императора. Я почти уверен, что это у меня получится.

– Но это же означает конец моей карьеры.

– Ваша карьера окончена в любом случае. Даже если имперской охранке не удастся сфабриковать против вас обвинения, неужели вы думаете, вам позволят остаться в рядах службы безопасности?

– И что же: мне делать? Как я тогда должна буду зарабатывать на жизнь?

– Я позабочусь об этом, мисс Дюбанкуа. Скорее всего я вернусь в Стрилингский университет с крупной субсидией на продолжение исследований в области психоистории и уверен, у меня найдется работа для вас.

Манелла, широко раскрыв глаза, пролепетала:

– Но с какой стати вы обязаны...

– Странный вопрос! Вы спасли жизнь Рейчу и мне. Разве не понятно, что я у вас некоторым образом в долгу?

Все вышло, как предсказал Селдон. Он красиво, добровольно ушел с поста, на котором проработал десять лет. Новосформированное военное правительство – хунта, возглавляемая определенными представителями имперской охранки – вручило Селдону хвалебный адрес. Он вернулся в Стрилингский университет, а Манелла Дюбанкуа, вышедшая в отставку из рядов службы безопасности, отправилась в Стрилинг с семейством Селдона.

4

Рейч вошел, дуя на озябшие пальцы.

– Ну знаете, – сказал, он, – я вовсе не против любых изменений погоды, а не то под куполом можно было бы умереть со скуки. Но сегодня уж слишком холодно, да еще ветра подпустили. Того и гляди кто-нибудь пожалуется на службу искусственного климата.

– Вот уж не знаю, их ли это вина, – хмыкнул Селдон. – В наше время не только погода выходит из-под контроля.

– Понимаю. Общее ухудшение. Это диагноз, – кивнул Рейч и потер усы тыльной стороной ладони.

Это вошло у него в привычку, словно он никак не мог забыть тех ужасных месяцев, что провел в Сэтчеме без усов. В последние времена он несколько раздобрел, к тому же и выглядел этаким довольным жизнью обывателем. Даже далийский акцент в его речи стал куда менее заметен.

Рейч снял легкий плащ и поинтересовался:

– Ну и как себя чувствует наш старенький именинничек?

– Смиряется. Погоди, сынок. У тебя ведь тоже скоро юбилей? Сорок? Вот и посмотрим, как ты повеселишься. Сорок – это тоже невесело.

– Не так невесело, как шестьдесят.

– Пошутили – и хватит, – вмешалась Манелла, согревая руки Рейча в своих ладонях.

– Не обессудь, Рейч, – развел руками Селдон, – видишь ли, твоя жена считает, что мы зря так много говорим о моем дне рождения. В результате Ванда страшно огорчена и думает, что я скоро умру.

– Вот как? Значит, вот в чем дело. Я заглянул к ней, и она не дала мне даже слова сказать и тут же объявила, что видела плохой сон. О твоей смерти?

– Очевидно, – ответил Селдон.

– Ну, это пройдет. Сны улетучиваются и снятся снова.

– Не уверена, что все так просто, – возразила Манелла. – Она то и дело вспоминает об этом, а это нехорошо. Нужно будет расспросить ее как следует.

– Как скажешь, Манелла, – кивнул, улыбаясь, Рейч. – Драгоценная моя женушка, во всем, что касается Ванды, не смею тебе прекословить.

(«Драгоценная женушка!» А ведь как нелегко ему было этого добиться!)

Рейч прекрасно помнил, как к его желанию жениться на Манелле отнеслась в свое время мать. Ночные кошмары... Они и его мучили порой, и в них к нему являлась разгневанная Дорс Венабили.

5

Первое, что почувствовал Рейч, когда вышел из забытья, вызванного десперином, это то, что его бреют.

Виброритва скользила по его щеке. Он поморщился и вяло запротестовал:

– Только не трогайте верхнюю губу, парикмахер. Я хочу, чтобы у меня снова отросли усы.

Парикмахер, которого Селдон соответствующим образом проинструктировал, с готовностью поднес к лицу Рейча зеркальце.

– Не мешай парикмахеру, Рейч, И не волнуйся, – негромко проговорила Дорс, сидевшая у

кровати сына.

Рейч скосил глаза в ее сторону и сразу успокоился. Когда парикмахер ушел, Дорс спросила:

— Как чувствуешь себя, Рейч?

— Паршиво, — пробормотал он. — Такая тоска, просто сил нет.

— Это остаточное действие десперина, которым тебя напичкали. Но это пройдет.

— Даже не верится. Давно я здесь?

— Какая разница? Главное — терпение. Все будет хорошо. Ты просто не представляешь, сколько в тебе было этой дряни.

Рейч нервно оглядел палату.

— А Манелла заходила меня навестить?

— Эта женщина? — презрительно переспросила Дорс. — Нет. Тебе пока еще рано принимать посетителей.

Заметив выражение лица сына, Дорс поторопилась уточнить:

— Для меня сделали исключение, потому что я — твоя мама, Рейч. И потом, зачем тебе сейчас встречаться с этой женщиной? Ты не в самом лучшем виде.

— Вот и хорошо, — пробормотал Рейч. — Пусть увидит меня в худшем. Спать хочу... — еле слышно проговорил он, поворачиваясь на бок.

Дорс покачала головой.

— Просто не знаю, что делать с Рейчом, — сказала она позже Селдону, — С ним невозможно разговаривать.

— Он еще очень плох, Дорс, — отвернулся Селдон. — Дай ему поправиться.

— Все время говорит об этой женщине, как ее там?

— Манелла Дюбанкуа. Пора бы запомнить.

— Похоже, он собирается жить с ней. Жениться на ней.

Селдон пожал плечами.

— Рейчу тридцать лет, и у него своя голова на плечах.

— Но мы его родители, и мы должны что-то сказать, какое-то свое слово.

Гэри вздохнул.

— Свое ты наверняка уже сказала, Дорс. А раз так, то, без сомнения, он поступит так, как считает нужным.

— И больше ты ничего не скажешь? Готов сидеть сложа руки, когда он собирается жениться на такой женщине?

— А что я, собственно, должен делать, Дорс? Манелла Рейчу жизнь спасла! Ты что, думаешь, он забыл об этом? Если на то пошло, она и мне жизнь спасла.

Этими словами он только подлил масла в огонь.

— Ты тоже ее спас. Вы квиты, — фыркнула Дорс.

— Вовсе я не...

— Нет, спас, и не спорь со мной! Эти шакалы — военные, что нынче правят Империей, прикончили бы ее, если бы ты не кинул им жирный кусок в виде своего прошения об отставке и не выступил бы в их поддержку, ради того, чтобы спасти ее.

— Может быть, мы и квиты. Я, правду сказать, так не думаю, но Рейч ее пока не отблагодарил. Дорс, милая, будь осторожна в выражениях, когда говоришь о правительстве. Времена теперь уже не те, что были, когда правил Клеон, и всегда найдутся доносчики, которые быстренько доложат куда надо все, что ты сказала.

— Ну ладно. Мне не нравится эта женщина. Это, по крайней мере, позволительно сказать?

— Позволительно, но бесполезно. — Селдон невольно отвел взгляд. Обычно такие спокойные глаза Дорс просто-таки метали молнии. — Дорс, я хочу понять, почему? Почему, за что ты так ненавидишь Манеллу? Она действительно спасла нам жизнь. Если бы не она, и Рейч, и я уже были бы мертвые.

Дорс немного смущлась.

— Да, Гэри. Это я знаю лучше, чем кто-либо другой. И если бы ее не было там, жизнь вам спасла бы я. Ты, наверное, думаешь, что я должна быть ей благодарна. Но только всякий раз, когда я вижу эту женщину, я вспоминаю о своем провале. Я знаю, это дурацкие чувства,

неправильные, несправедливые – даже объяснить не могу... Но не требуй от меня любви к ней, Гэри. Я не могу. Не могу.

На следующий день на долю Дорс выпало новое испытание. Врач сказал ей, что Рейч хочет видеть Манеллу.

– Он не в состоянии принимать посетителей, – запротестовала Дорс.

– Совсем наоборот. Очень даже в состоянии. Он пошел на поправку. И потом, он так настаивает... Думаю, будет лучше уступить.

Манелла пришла, и Рейч приветствовал ее с таким восторгом, с такой бурной радостью, каких не проявлял за все время пребывания в больнице.

А Дорс он одними глазами попросил удалиться. Она строптиво поджала губы, но из палаты вышла.

И вот настал день, когда Рейч сказал Дорс:

– Она выйдет за меня, ма.

– Вот уж удивил! – фыркнула Дорс. – Конечно, выйдет! Куда ей еще деваться? Из службы безопасности ее вышвырнули, так, конечно...

– Ма, – сказал Рейч, – если ты хочешь меня потерять, то ты все для этого делаешь. Лучше не говори со мной так больше.

– Я всего лишь хочу, чтобы тебе было хорошо.

– О себе я сам позабочусь. Ма, подумай хорошенъко, ну разве на мне верхом можно въехать в респектабельность? Ну посмотри на меня. Что я, красавец писаный? И ростом не вышел... Папа теперь уже не премьер-министр, да и выговор у меня – сама знаешь. Словом, гордиться-то особо нечем. Она могла бы сделать гораздо более выгодную партию, но она дала согласие выйти за меня. И раз уж на то пошло, я хочу на ней жениться.

– Но ты же знаешь, что она собой представляет!

– Конечно. Она представляет собой женщину, которая меня любит. Женщину, которую я люблю. Вот и все.

– Нет, но до того как ты в нее влюбился, кем она была? Ты же знаешь, чем она занималась, выполняя задание в Сэтчеме! Ты, ты сам был одним из ее клиентов. И сколько у нее было таких клиентов? Сумеешь ты забыть о ее прошлом? Пусть она этим занималась, выполняя приказ, все равно. Это сейчас ты можешь себе позволить идеализм, а потом? Настанет день, и вы впервые поссоритесь, да пусть даже не впервые – во второй раз, в девятнадцатый... тебя прорвет, и ты выпалишь: «Ты – шлю...».

– Молчи! – свирепо рявкнул Рейч. – Если мы когда-нибудь поссоримся, я назову ее как угодно: дурочкой, глупышкой, вздорной теткой, балдой, да мало ли еще как. Она тоже может обозвать меня как угодно. Но любые слова забываются, когда помиришься.

– Это тебе так кажется – погоди, еще попомнишь меня.

Рейч побледнел, как полотно.

– Мама, – сказал он, – вы с отцом вместе уже почти двадцать лет. С отцом трудно спорить, но, бывало, вы ссорились и спорили. Я слышал своими ушами. Но разве хоть раз за эти двадцать лет он произнес то слово, из-за которого ты бы почувствовала, что ты – не человек? А я, если уж на то пошло? Я и сейчас этого сделать не могу, хотя я жутко зол. Жутко!

По лицу Дорс, на котором не так ярко, как на лицах Рейча и Селдона, отражались эмоции, трудно было догадаться, какая борьба происходит внутри нее, но она просто лишилась дара речи и ничего не ответила Рейчу.

– А па самом деле, ты просто ревнуешь из-за того, что Манелла спасла отцу жизнь. А ты хочешь, чтобы это было доступно только тебе, тебе одной. Ну хорошо, у тебя это не вышло, так что же? Ты бы предпочла, чтобы Манелла не пристрелила Андорина и чтобы папа *погиб*? И я тоже?

Дорс, задыхаясь, проговорила:

– Он же... не пустил меня... пошел сам встречать... садовников.

– Манелла тут, извини, ни при чем.

– Так ты из-за этого хочешь жениться на ней? Тобой движет благодарность?

– Нет. Любовь!

Больше ни слова до самой свадьбы Дорс Рейчу не говорила, а Манелла после церемонии

бракосочетания сказала мужу:

— Хотя твоя мама и явилась на церемонию, потому что ты ее упросил, вид ее был подобен одной из тех грозовых туч, что собираются в небе над куполами.

Рейч весело рассмеялся.

— Не дури, у нее не такое лицо, чтобы она могла быть похожей на грозовую тучу. Это у тебя воображение разыгралось.

— Вовсе нет. Что же нам такое сделать, чтобы она подобрела?

— Ничего. Терпеть. У нее это пройдет.

Увы, не прошло.

Через два года после свадьбы родилась Ванда. Во внучке Дорс души не чаяла — Рейч с Манеллой просто нарадоваться не могли, но мать Ванды для матери Рейча так и осталась «этой женщиной».

6

Гэри Селдон боролся с меланхолией. Все как сговорились — Дорс, Рейч, Юго, Манелла наперебой убеждали его в том, что шестьдесят — это еще не старость.

Ничего они не понимают. Ему было тридцать, когда мысль о психоистории впервые пришла ему в голову. Через два года он выступил со знаменитым докладом на Конгрессе математиков, а потом все сразу обрушилось на него: короткая встреча с Клеоном, знакомство с Демерзелем и бегство от мнимой погони по всему Трентору... встреча с Дорс... потом с Юго и Рейчем... а еще был Микоген, Даль, Сэтчем...

В сорок лет он стал премьер-министром, а в пятьдесят ушел в отставку. Теперь ему шестьдесят.

Уже тридцать лет он потратил на психоисторию. Сколько еще лет уйдет на это? И сколько лет ему суждено прожить? Может быть, он умрет, а Психоисторический Проект так и не будет завершен?

«Нет, не моя смерть пугает меня, — думал Селдон. — Пугает меня именно незавершенность работы над Проектом».

Вздохнув, он встал с кресла и отправился навестить Юго Амарилля. В последние годы они виделись не так уж часто, поскольку работа над Проектом разрослась необычайно. В первые годы, когда они работали в Стрилингском университете, их было всего двое — Селдон и Юго, и больше никого. А теперь...

Амарилью было уже под пятьдесят — тоже годы нешуточные, и он как бы угас. Не в смысле работы, конечно, нет; он по-прежнему был душой и телом предан психоистории, и больше у него в жизни не было ничего: ни женщины, ни друзей, ни хобби, ни светской жизни.

Амариль, близоруко моргая, посмотрел на вошедшего в лабораторию Селдона, а тот не сумел скрыть молчаливого сочувствия. Да, Юго сильно изменился внешне — отчасти потому, что не так давно вынужден был подвергнуться офтальмологической операции — оказались непрерывные нагрузки на зрение. Видел он теперь прекрасно, однако еще не успел освоиться после операции, а потому часто моргал, и выражение лица у него было какое-то сонное.

— Ну, какие соображения, Юго? — спросил Селдон. — Виден ли свет в конце туннеля?

— Свет? Пожалуй, да, — кивнул Амариль. — Ты, конечно, заметил нашего нового сотрудника Тамвия Элара?

— Да, а как же! Это же я принял его на работу. Упрямый такой, агрессивный. Ну и как у него дела?

— Знаешь, с ним не так уж просто работать, Гэри. А хочется он... ну просто на нервы действует. Но вообще он молодец. Новая система уравнений, разработанная им, тютелька в тютельку ложится в схему Главного Радианта, и, похоже, с ее помощью мы сумеем решить проблему хаотичности.

— Похоже или сумеем-таки?

— Пока рано говорить, но я очень надеюсь. Я уже несколько раз пытался найти погрешности, но пока безрезультатно. Уравнения выдержали все проверки. Для себя я их уже окрестил «ахаотичными уравнениями».

— В таком случае, — сказал Селдон, — нужно бросить все силы на самую скрупулезную проверку этих самых уравнений.

— Я уже засадил за эту работу двенадцать человек и, конечно, самого Элара, — кивнул Амариль и включил Главный Радиант. Теперь этот прибор существовал не в единственном экземпляре, и был значительно усовершенствован. В воздухе поплыли мелкие строчки уравнений, которые трудно было разобрать без соответствующего увеличения. — Вот такие дела, — сказал Амариль. — Добавить сюда новые уравнения — и у нас появится возможность делать прогнозы.

— Знаешь, — задумчиво проговорил Селдон, — всякий раз, когда я теперь работаю с Главным Радиантом, я просто нарадоваться не могу, насколько облегчает работу электрофокусировщик. Все так четко и ясно — линии, графики будущего. Это ведь тоже идея Элара, верно?

— Да. Идея его, а сборка и проект Синды Моней.

— Замечательно, что в работе над Проектом теперь занято столько способных мужчин и женщин. Такое ощущение, что прикасаешься к будущему.

— Тебе кажется, что такой человек, как Элар, мог бы возглавить в будущем работу над проектом? — как бы между прочим спросил Амариль, не отрывая взгляда от Главного Радианта.

— Наверное... Когда мы с тобой не сможем больше работать... или умрем.

Амариль откинулся на спинку кресла и выключил прибор.

— Мне бы хотелось закончить работу до того, как мы умрем.

— И мне, Юго, этого хотелось бы. И мне.

— За последние десять лет психоистория нас не подводила.

Это было сущей правдой, но Селдон знал, что праздновать победу еще рановато. Все шло гладко, но без особых сюрпризов.

Психоистория предсказала, что имперский центр исследований сохранится после смерти Клеона, правда, предсказала весьма туманно. Так оно и вышло: невзирая на покушение на Императора и конец его династии, центр устоял, и на Тренторе сохранилось относительное спокойствие.

Произошло это благодаря введению милитаристской формы правления — и Дорс была совершенно права, назвав членов хунты «шакалами». Она могла бы выразиться и покрепче, но все равно осталась бы права. И все же им удавалось держать Империю в руках, и, скорее всего, удалось бы продержать еще достаточно долго, для того чтобы психоистория достигла успехов, которые помогли бы ей сыграть активную роль, если бы дела пошли хуже.

Не так давно Юго высказал предложение о создании академий — отделенных друг от друга, изолированных, независимых от Империи структур, которые могли бы сыграть роль зародышей нового в грядущие мрачные времена и дали бы начало росткам будущей, лучшей Империи.

Селдон раздумывал о том, каковы могут быть последствия создания академий. Но у него не хватало времени, а еще не хватало (самое грустное) — молодости, горения. Уму его, сохранявшему, правда, аналитичность и трезвость, недоставало той гибкости и творческого огня, которые у него были тридцать лет назад, и с каждым годом этот огонь будет гореть все более тускло...

Наверное, пора было отдать все дела в руки молодого, энергичного Элара, чтобы он только этим и занимался. Но такая перспектива, к стыду Селдона, его совсем не окрыляла. Его мучила ревность первооткрывателя: не для того же он, на самом деле, изобрел психоисторию, чтобы взять и отдать ее в руки молодого выскочки, которому достанутся все ягодки! Да, Селдон завидовал Элару, и ему было жутко стыдно признаваться в этом самому себе.

И все же, какие бы чувства его ни обуревали, он вынужден был зависеть от молодых. Психоистория не могла долее быть личной собственностью его и Амарilha. За те десять лет, что Селдон провел на посту премьер-министра, Проект превратился в дело государственной важности, на которое выделялись крупнейшие субсидии, и что самое удивительное, после его ухода с высокой должности работа над Проектом не только не была свернута, а наоборот, ускорилась и расширилась. Произнося или слыша от других официальное название «Психоисторический Проект Селдона в Стрилингском университете», Селдон всякий раз

морщился – уж больно помпезно это звучало. Правда, чаще всего такое длинное название не употребляли, и говорили просто: «Проект».

Военная хунта, по всей вероятности, рассматривала Проект как потенциальное политическое оружие, и, покуда милитаристы придерживались такого мнения, никаких проблем со спонсированием Проекта не было. Но на поступающие субсидии следовало давать ответ в виде ежегодных отчетов – носили они, правду сказать, характер весьма и весьма туманный и приблизительный. В бумагах фигурировали самые поверхностные сообщения, а если встречались математические выкладки, то все равно никто из членов хунты в них ничего понять не смог бы, даже если бы очень захотел.

Покидая своего верного помощника, Селдон чувствовал, что Амариль доволен успехами психоистории, но с собой ничего поделать не мог – тоска и отчаяние охватили его с новой силой.

В конце концов он решил, что в такое жуткое настроение его вгоняют мысли о предстоящем юбилее. Все было задумано как радостное торжество, но для самого Селдона предстоящее празднество не казалось даже актом признания его заслуг, для него это было всего-навсего лишнее напоминание о старости.

Помимо всего прочего, праздник должен был сломать привычный порядок жизни и работы, а Селдон был прирожденным консерватором. И его собственный кабинет, и еще несколько прилегающих к нему комнат в последние дни были полны какого-то народа, оттуда вынесли мебель и приборы – никакой возможности нормально работать. «Устраивают для чего-то гостиные, залы славы, – мысленно ворчал Селдон, – И когда все это кончится и можно будет нормально поработать?» Только Амариль наотрез отказался трогаться с рабочего места.

Время от времени Селдон задумывался: кому пришло в голову устроить всю эту праздничную кутерьму. Уж конечно, не Дорс – она слишком хорошо знала Селдона и не стала бы его так раздражать и утомлять. Не могли этого затеять ни Амариль, ни Рейч – эти сроду не помнили, когда у него день рождения. Селдон заподозрил, что подготовка юбилейных торжеств – дело рук Манеллы, и даже повздорил с ней.

Манелла откровенно призналась, что действительно придумала все это она – но только в смысле организации, а идею пышно отпраздновать юбилей Селдона подал ей Тамвиль Элар.

«Гений, – подумал Селдон. – Гений, будь он неладен!»

Он тяжко вздохнул. Скорее бы кончался этот юбилей!

7

– Можно войти? – спросила Дорс, заглянув в приоткрытую дверь.

– У кого ты спрашиваешь? Тут, кроме меня, никого нет.

– Ну так, на всякий случай. Это же не твой кабинет.

– Вот именно, – буркнул Селдон. – Из моего кабинета меня выгнали из-за идиотского юбилейного торжества. Господи, скорее бы оно закончилось!

– Вот-вот. Стоит этой женщине что-нибудь затеять, и из муhi немедленно вырастает большущий слон.

Селдон тут же принялся защищать Манеллу:

– Да нет, я уверен, намерения у нее самые благие...

– Уволь меня от этих благих намерений! – фыркнула Дорс. – Да я к тебе не за этим пришла, кстати говоря. Есть кое-что поважнее.

– Ну, говори.

– Я разговаривала с Вандой про ее сон... – проговорила Дорс и запнулась.

Селдон прокашлялся.

– Ну, зачем ты... Надо, чтобы она забыла об этом.

– Нет. Ты не спрашивал ее, что именно ей приснилось?

– Конечно, нет. Зачем заставлять малышку снова переживать?

– Папочка с мамочкой тоже не позабылись с ней поговорить. Пришлось мне ее расспросить.

– Но зачем, Дорс, зачем ее мучить?

– Затем, что я чувствовала, что это надо сделать, – угрюмо ответила Дорс. – Так вот, во-первых, сон этот ей приснился не дома, не в детской.

– Где же он ей, в таком случае, приснился?

– В твоем кабинете.

– Что она могла делать в моем кабинете?

– Хотела посмотреть, как идут приготовления к празднику, зашла в кабинет, ничего, кроме пустых стен, не увидела – только твое кресло и осталось. Такое большое: глубокое, высокое, мягкое – то самое, которое ты за что-то так любишь, и никак не даешь поменять. Поломанное.

Селдон вздохнул – Дорс напомнила ему о давнем и бесплодном споре.

– Никакое оно не поломанное, – пробурчал он. – А нового мне не нужно. Ну, и что же дальше?

– Она забралась в кресло и принялась гадать, а что если вдруг ты раздумаешь устраивать праздник и как это будет плохо. А потом, как она говорит, вроде бы уснула, потому что в голове у нее все как бы перемешалось, и она ничего не помнит, кроме своего сна. А во сне она видела двоих мужчин – именно мужчин, а не женщин – и эти двое разговаривали.

– И о чем же они разговаривали?

– Точно она не помнит. Ты же понимаешь, как трудно порой вспомнить сон, особенно когда он сится в необычном месте. Но она помнит, что говорили они о смерти, и думает, что о твоей, потому что ты такой старый. Но два слова она запомнила точно: «смерть» и «финики».

– Как?

– «Смерть» и «финики».

– И что это, по-твоему, значит?

– Не знаю. А потом, как она говорит, они прекратили разговор и ушли, а она проснулась в кресле, и ей стало холодно и страшно, и с тех пор она никак не может успокоиться. Селдон задумался.

– Послушай, дорогая, – сказал он немного погодя, – стоит ли придавать значение детским снам?

– Прежде надо задать себе вопрос, Гэри, был ли это сон.

– Что ты имеешь в виду?

– Ванда не помнит точно, спала ли она. Она говорит: «вроде бы уснула».

– И каковы же твои выводы?

– Может быть, она задремала, и сквозь сон услышала реальный разговор – реальный разговор живых мужчин.

– Живых мужчин? Которые говорили о том, чтобы убить меня с помощью фиников?

– Да, что-то вроде того.

– Дорс, – решительно проговорил Селдон, – я знаю, что тебе всюду мерещится грозящая мне опасность, но дело зашло слишком далеко. Зачем кому-то может понадобиться убивать меня?

– Между прочим, две попытки уже было.

– Не спорю, но надо же учитывать обстоятельства. Первая попытка была предпринята вскоре после того, как Клеон назначил меня премьер-министром, и исходила от дворцовой мафии, так сказать, которая была оскорблена до глубины души столь неожиданным выбором кандидатуры на этот пост. Вот некоторым и показалось, что все уладится, если меня убрать. Вторая попытка покушения была предпринята джоранумитами, рвавшимися к власти, которые думали, что я стою на их пути к заветной цели, ну и добавь к этому еще затаенную злобу Намарти.

К счастью, ни одна попытка не увенчалась успехом, но откуда взяться третьей? Я уже десять лет как не премьер-министр. Кто я теперь? Стареющий математик, одной ногой на пенсии, и уж, конечно, бояться меня некому, и никому я не мешаю. Джоранумиты искоренены все до единого, Намарти давным-давно казнен. Ни у кого не может быть причин желать моей смерти. Словом, Дорс, очень прошу тебя, успокойся. Когда ты нервничаешь из-за меня, тебе плохо, а от этого ты еще сильнее нервничаешь, а мне бы этого не хотелось.

Дорс встала, подошла к столу Гэри, оперлась ладонями о крышку, и, наклонившись к

самому лицу мужа, отчетливо проговорила:

— Конечно, тебе легко говорить, что ни у кого не может быть причин желать твоей смерти, но причин искать никто не будет. Правительство у нас теперь ни за что не отвечает, и если кто-то захочет...

— Стоп! — громко и строго прервал ее Селдон. — Ни слова, Дорс. Ни слова против правительства. Еще слово — и в конце концов ты заведешь нас в ту самую беду, о которой говоришь.

— Но я же всего-навсего с тобой разговариваю, Гэри!

— Пока — да, но если у тебя войдет в привычку заводить такие дурацкие разговоры, слова просто начнут соскальзывать у тебя с языка в любой компании — даже в компании тех, кто с превеликой радостью донесет на тебя. Очень прошу тебя, ни при каких обстоятельствах не высказывай никаких политических воззрений.

— Я постараюсь, Гэри, — проговорила Дорс с плохо скрытым раздражением, развернулась и вышла из комнаты.

Селдон проводил ее взглядом. Дорс тоже немного состарилаась, но старость ее была удивительно красивой, так что порой ей казалось, будто жена и не старится вовсе. Она была всего на два года моложе Селдона, но внешне за двадцать восемь лет их совместной жизни изменилась гораздо меньше, чем он, что волосы ее поседели и стали серебряными, но местами сквозь седину проглядывали озорные и юные рыжие прядки. Кожа на лице Дорс стала чуть более дряблой, в голосе появилась сухость и хрипотца, ну и, конечно же, она стала носить одежду, подобающую пожилой женщине. Тем не менее движения ее остались такими же ловкими и быстрыми. Казалось, никакие годы не в силах помешать ее способности всегда прийти на помощь Гэри в случае необходимости.

Гэри вздохнул. Ох, как же это тяжело, когда тебя против твоей воли защищают... а порой — ну просто невыносимо!

8

Почти что следом за Дорс к Селдону забежала Манелла.

— Прости, Гэри, что я спрашиваю, но скажи мне, что говорила тебе Дорс?

Селдон обреченно поднял глаза на невестку. Когда же от него отстанут?

— Ничего особенного. Про сон Ванды.

Манелла закусила губу.

— Я так и знала. Ванда сказала мне, что Дорс расспрашивала ее. Почему она не оставит ребенка в покое? Можно подумать, что увидеть плохой сон — это прямо-таки преступление!

— Понимаешь, — успокаивающе проговорил Селдон, — речь шла о том, что Ванда кое-что запомнила из того, что ей приснилось. Я не знаю, она сама говорила тебе об этом или нет, но, похоже, она во сне услыхала слова «смерть» и «финики».

— Гм-м-м... — нахмурилась Манелла, но довольно быстро улыбнулась и сказала: — Думаю, это ерунда. Ванда сходит с ума по финикам и ждет, что они обязательно будут на праздничном столе. Я ей обещала позаботиться об этом, так что она ждет не дождется.

— Значит, если она услышала, как кто-то говорит о чем-то, по звучанию напоминающем слово «финики», у нее в уме это слово превратилось бы в сами финики?

— Конечно. Почему бы и нет?

— Раз так, что же, в таком случае, она могла на самом деле услышать? Должна же она была что-то услышать, чтобы ей послышалось «финики»?

— Совершенно не обязательно. Но почему мы уделяем такое внимание сну ребенка? Прощу тебя, я больше ничего не хочу слышать об этом. Ну, просто сил нет!

— Согласен. Я постараюсь уговорить Дорс оставить эту тему — по крайней мере, с Вандой.

— Хорошо. И учти, мне все равно, что она — бабушка Ванды. Я, если на то пошло, ее мать, и самое главное — то, чего я хочу.

— Несомненно, — кивнул Селдон и посмотрел вслед Манелле.

Вот еще задача — бесконечная вражда двух женщин...

Тамвилю Элару было тридцать шесть лет. К работе над Психоисторическим Проектом Селдона он приступил в качестве старшего математика четыре года назад. Он был высок, худощав, с вечной хитринкой в прищуренных глазах, и жутко самоуверенный – даже не пытался этого скрывать.

Волосы у Элара были каштановые, волнистые, густые и длинные. Смеялся он часто и громко, но это никак не сказывалось на его способностях к математике.

До начала работы над Проектом Элар был сотрудником в университете сектора Западная Мандана, и Селдон всякий раз, вспоминая о том, как Элар впервые появился в Стрилинге, не мог сдержать улыбки – дело в том, что Юго Амариль отнесся к новому математику с нескрываемым подозрением. Хотя, честно говоря, Юго мало к кому относился без подозрений. Видимо, думал Селдон, в глубине души Амариль считал, что психоистория должна оставаться частной собственностью его и Гэри.

Но теперь, по прошествии четырех лет, даже Амариль был вынужден признать колоссальный вклад Элара в общее дело, и то, что собственная работа Амариля за счет этого вклада стала намного легче.

– Разработанная им методика избежания хаотичности уникальна и удивительна, – сказал Амариль. – Больше никто в Проекте до такого не додумался. А мне так и вообще ничего подобного в голову не приходило, и тебе, кстати, тоже, Гэри.

– Ну, – пожал плечами Селдон, – вот уж нечему удивляться. Я уже не мальчик.

– Вот только… – пробормотал Амариль, – если бы он так громко не хохотал.

– Тут уж ничего не поделаешь. Всякий смеется по-своему.

Но на самом деле и Селдону было не просто смириться с достижением Элара, с его потрясающим открытием. Как это обидно, как унизительно, что он сам не додумался до того, что теперь именовалось «ахаотичными уравнениями»! То, что Селдон не придумал, как создать электрофокусировщик, его вовсе не волновало – это, в конце концов, не было его специальностью. А вот об ахаотичных уравнениях ему как раз подумать следовало бы – если не вывести их, то хотя бы подумать о возможности их выведения.

Обида была так сильна, что Селдон решил сам себя уговорить. В конце концов, кто разработал фундаментальные основы психоистории? Он, Селдон. Ведь ахаотичные уравнения самым естественным образом вытекли из этих основ. Смог бы Элар проделать то, что проделал Селдон, тридцать лет назад? Нет, не смог бы – в этом Селдон был уверен. И таким ли уж выдающимся было открытие Элара, сделанное, так сказать, на всем готовеньком?

Все это было правдой, чистой правдой, и все-таки Селдон чувствовал себя неловко, встречаясь с Эларом. Так усталая старость встречается с цветущей молодостью.

А ведь Элар, между тем, никогда не делал ничего такого, чтобы подчеркнуть разницу в возрасте. Наоборот, он всегда вел себя с Селдоном крайне уважительно и ни в коем случае не позволял хоть словом намекнуть, что лучшие годы Селдона – позади.

Конечно, Элар проявлял неподдельный интерес к предстоящему юбилею Селдона, и, как выяснил Селдон, именно он первым высказал предложение о том, чтобы день рождения был отпразднован (намек на старость?). Эту мысль Селдон сразу отверг. Если поверить в это, тогда надо согласиться с бесконечными подозрениями Дорс.

Элар размашисто зашагал навстречу Селдону и поприветствовал его по обыкновению:

– Маэстро… – А Селдон, по обыкновению, поморщился. Он предпочитал, чтобы старшие сотрудники называли его просто Гэри, но, в принципе, уже давно махнул рукой на Элара – не ссориться же из-за такой ерунды. – Маэстро, – сказал Элар, – тут прошел слух, будто бы вас приглашает к себе генерал Теннар.

– Да. Он встал во главе военной хунты и, по-видимому, желает посмотреть на меня и расспросить, что такое психоистория и с чем ее едят. Этот вопрос мне задают все правители до единого со времен Клеона и Демерзеля. (Генерал Теннар занял пост правителя Империи совсем недавно – в рядах хунты смена лидеров происходила часто, они крутились, словно стеклышки в калейдоскопе – одни падали, другие возникали из ниоткуда.)

– Но, если я правильно понял, он собирается вытащить вас из Стрилинга именно сейчас –

посреди праздника?

– Ничего страшного. Отпразднуете без меня.

– Ну что вы, маэстро, как можно! Я надеюсь, вы не рассердились, но мы тут посоветовались и отправили во Дворец коллективное прошение о том, чтобы ваш вызов к Теннару был отложен на неделю.

– Что? – раздраженно воскликнул Селдон, – Это... этого делать не стоило... это рискованно, в конце концов!

– Да все сошло как нельзя лучше. Они согласились отложить ваш приезд, а неделя вам ой как понадобится.

– На что же она мне понадобится?

Элар немного растерялся:

– Можно, я вам честно скажу, маэстро?

– Конечно. Разве я когда-нибудь от кого-то требовал говорить со мной иначе?

Элар слегка зарумянился, но голос его остался твердым и решительным.

– Мне не просто сказать вам об этом, маэстро... Вы – гениальный математик. Это вам скажет всякий из тех, кто работает над Проектом. Это сказал бы всякий в Империи, если бы знал вас и что-то понимал в математике. Однако никому не дано быть гением абсолютно во всем.

– Это я не хуже вас понимаю, Элар.

– Я знаю. Но особенно вам недостает способности общаться с простыми людьми, точнее говоря, с людьми тупыми. В вас нет хитрости, умения идти на уступки, и, если вам придется иметь дело с кем-то из таких вот тупиц в правительстве, вы можете попасть в беду, подвергнуть опасности Проект, да и свою собственную жизнь именно из-за того, что вы не умеете лгать.

– О чем это вы? Я что, впал в детство? Да я с политиками имею дело уйму лет. Десять из них, если вы не запамятали, я был премьер-министром.

– Простите меня, маэстро, но не таким уж выдающимся. Вы имели дело с премьер-министром Демерзелем, которому не откажешь в уме и интеллигентности, и Императором Клеоном, который был мягким и добрым человеком. Теперь вам придется столкнуться с вояками, а у них нет ни ума, ни доброты. Это совсем другие люди.

– С военными я тоже имел дело и жив пока.

– Вы не имели дела с генералом Дугалом Теннаром. Говорю вам, это совсем другой человек. Уж я-то знаю.

– Вы его знаете? Вы с ним лично знакомы?

– Лично – нет, но он из Манданы, как и я, а он и там был большой шишкой.

– Ну, и что вам о нем известно?

– Он невежа, упрямец, жестокий человек. С ним иметь дело непросто и небезопасно. Будущая неделя вам очень пригодилась бы для того, чтобы продумать, как вы себя с ним поведете.

Селдон задумчиво прикусил губу. Элар говорил правду, и Селдон понял, хотя у него были собственные мысли относительно встречи с генералом, что ему действительно будет очень трудно говорить с глупым, эгоистичным, напыщенным и вспыльчивым человеком, в руках которого сосредоточена неограниченная власть.

– Ничего, как-нибудь справлюсь. Спасибо, что предупредили. Во всяком случае, сейчас хунту может волновать только одно; неспокойное положение на Тренторе. Они и так просуществовали дольше, чем можно было предположить.

– Разве мы делали такие прогнозы? А я не знал, что мы проводили прогностические расчеты относительно длительности правления хунты.

– Амариль сделал кое-какие вычисления, воспользовавшись вашими ахаотичными уравнениями. Кстати, – немного помолчав, добавил Селдон, – кое-где они стали упоминаться как «уравнения Элара».

– Я их так не называл, маэстро.

– Не сердитесь, но мне бы этого не хотелось. В работах по психоистории должны фигурировать цифры, но не имена. Стоит только появиться именам, и возникают нехорошие чувства. Вы меня понимаете, надеюсь?

– Понимаю, и совершенно с вами согласен, маэстро.

– По правде сказать, – смущенно проговорил Селдон, – я себя чувствую крайне неловко, когда речь идет о фундаментальных психоисторических уравнениях Селдона. Но беда в том, что это вошло в привычку, и тут уж ничего не поделаешь.

– Прошу простить меня, маэстро, но вы заслуживаете такого исключения. В конце концов, это же вам принадлежит заслуга изобретения самой науки психоистории... Но если не возражаете, мне бы хотелось еще поговорить относительно вашей предстоящей встречи с генералом Теннаром.

– В смысле?

– Я все время думаю о том, как бы сделать так, чтобы вы вообще не виделись с ним, не говорили, не имели с ним дела.

– Как же, интересно, я могу избежать встречи с ним, если он вызывает меня для консультации?

– Сошлитесь, к примеру на нездоровье и отправьте кого-нибудь вместо себя.

– Кого же?

Элар молчал, но ответ был Селдону ясен.

– Вас?

– Почему бы и нет? Думаю, у меня неплохо получилось бы. Я – земляк генерала, а это уже кое-что. А у вас дел по горло, вы человек немолодой, словом, нетрудно будет уговорить его, что вы себя неважко чувствуете. А если я встречусь с ним вместо вас, маэстро, – вы уж меня простите – выкрутиться я сумею получше вас.

– То бишь соврать.

– Если потребуется.

– Для вас это будет очень рискованно.

– Не слишком. Сомневаюсь, чтобы он отдал приказ меня казнить. Если он почему-либо разозлится на меня, а это вполне возможно, я могу начать просить и умолять о пощаде – ну, или вы за меня попросите – молодой, дескать, неопытный. В любом случае, уж лучше мне попасть в беду, чем вам. Я думаю о Проекте, который без меня обойтись может, а вот без вас – нет.

Селдон нахмурился и сказал:

– Нет, Элар, я не собираюсь прятаться за вашей спиной. Если генерал хочет меня видеть *он увидит*. С какой стати я должен дрожать от страха и просить вас из-за меня идти на риск? За кого вы меня принимаете?

– За честного и благородного человека, в то время как это дело для хитреца.

– Постараюсь быть похитрее, если понадобится. Зря вы меня недооцениваете, Элар.

Элар обреченно пожал плечами.

– Ну ладно, что поделаешь. Вы же понимаете, спорить с вами я не могу.

– Правда, Элар, зря вы затеяли это дело с отсрочкой. Честное слово, я бы лучше улизнул с юбилея и встретился с генералом. Вы отлично знаете, что все эти торжества – не моя идея, – ворчливо закончил Селдон.

– Простите... – пробормотал Элар.

– Ну ладно, не расстраивайтесь, – смущенно проговорил Селдон. – Поживем – увидим.

Он развернулся и вышел. О, как ему порой хотелось, чтобы все шло как по маслу, как ему хотелось, чтобы Проект стал подобен совершенному, великолепно отлаженному механизму, чтобы ему не нужно было что-либо улаживать с подчиненными. Недостижимая мечта! Чтобы такого добиться, нужно было не просто угробить на это остаток жизни и забыть о психоистории, нужно было иметь соответствующий характер.

Селдон вздохнул и отправился потолковать с Амарилем.

В кабинет Амария он вошел без звонка.

– Юго, – объявил он с порога, – моя встреча с генералом Теннаром отложена.

Селдон присел на краешек стула рядом с Амарилем и принялся ждать, когда тот оторвется от работы. Наконец Амариль соизволил глянуть на него.

– И чем он это объясняет?

– Да не в нем дело. Кое-кто из наших математиков состряпал коллективное прошение об отсрочке моей поездки к генералу, дабы, понимаешь ли, не расстраивать юбилейные торжества. Все это мне жутко не нравится.

– Почему же ты тогда им позволил отправить такое прошение?

– Ничего я не позволял! Просто самодеятельность какая-то. Согласен, – поморщился Селдон, – есть тут доля моей вины. Я так долго вздыхал по поводу своего шестидесятилетия, что все решили, будто юбилей меня подбодрит.

– Ну что ж, – прищурился Амариль, – воспользуемся этой неделей.

Селдон напрягся, нахмурился.

– Что-нибудь не так?

– Нет. Пока все в порядке, но не мешает лишний раз проверить. Понимаешь, Гэри, какая штука… Впервые за тридцать лет психоистория добралась до такого состояния, что появилась возможность – реальная возможность – сделать прогноз. Это сущая малость – крошечная точка на громадном континенте человечества, но лучшего нам пока не суждено было добиться. Значит, так… Мы хотим воспользоваться достигнутым, узнать, каков механизм наших достижений, доказать самим себе, что психоистория стала тем, чего мы от нее ожидали: прогностической наукой. А потому не помешает проверить, не проглядели ли чего. Даже этот крошечный прогноз – дело весьма и весьма сложное, и поэтому неделя очень пригодится.

– Ну хорошо. Перед тем как отправиться на встречу с генералом, я побеседую с тобой – может быть, ты мне что-то подскажешь в последний момент. А пока, Юго, никакой утечки информации – никому ни слова. Понимаешь, если все сорвется, мне бы не хотелось, чтобы сотрудники пали духом. Провал мы как-нибудь с тобой переживем, и предпримем новую попытку.

– Мы с тобой… – закинув руки за голову, печально проговорил Амариль. – А помнишь, когда-то так оно и было – мы с тобой?

– Отлично помню и часто тоскую по тем временам. Правда, тогда у нас не было…

– Даже Главного Радианта, не говоря уже об электрофокусировщике.

– И все-таки это были славные деньги.

– Славные, – согласно кивнул Амариль и улыбнулся.

11

Университет преобразился до неузнаваемости, и Селдон ничего не мог с собой поделать – ему это понравилось.

Главные помещения, занимаемые сотрудниками Проекта, заиграли разноцветной подсветкой, в воздухе возникли голографические изображения Селдона в разных местах и в разное время, образы улыбающейся молоденькой Дорс и Рейча-подростка, еще, так сказать, непричесанного и неприглаженного. Селдона и Амариля – тоже удивительно молодых, склонившихся над компьютерами. Даже Демерзеля не забыли – и его изображение красовалось в этой галерее, и, увидев его, Селдон глубоко вздохнул и ощущил, как ему не хватает старого друга, чье присутствие вселяло в него уверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне.

А вот изображения Императора Клеона в галерее не было, но не потому, что его невозможно было раздобыть, а потому, что теперь, во времена, когда правила хунта, неразумно было бы напоминать людям о прошлом.

Все светилось и сверкало вокруг. Университет стал совершенно непохожим на строгое учебное заведение – Селдон его таким никогда не видел. Ухитрились даже убрать искусственный свет на внутренней поверхности купола, а здание университета сияло и переливалось в темноте всеми цветами радуги.

– Целых три дня! – в восторге и ужасе воскликнул Селдон.

– Да, три дня, – кивнула Дорс. – На меньшее университет не согласился.

– Но расходы какие! А сколько труда во все это вложено! – нахмутившись, покачал головой Селдон.

– Затраты минимальны, – возразила Дорс, – по сравнению с тем, что ты сделал для

университета. А работали все добровольно и в свободное время, в основном, студенты.

Перед изумленным взором Селдона возникла панорама зданий университета, напоминавшая сказочный воздушный замок, и он не смог сдержать восхищенной улыбки.

— Доволен? — усмехнулась Дорс. — Вот видишь, ты только и делал, что ныл и ворчал, как тебе не по сердцу все эти юбилейные приготовления, цель которых, видите ли, только намекнуть на то, какой ты старый, — да ты бы сам на себя поглядел — весь светишься!

— Честное слово, так приятно!.. Я себе ничего подобного даже представить не мог!

— Чему удивляться? Ты же идол, Гэри. Весь мир, вся Империя знает о тебе.

— Нет-нет, — возразил Селдон, — это неправда. Никто обо мне ничего не знает и, уж конечно, ничего не знает о психоистории, никто, кроме сотрудников Проекта. Да и сотрудники знают далеко не все.

— Все это не имеет значения, Гэри. Главное — ты. Квадрилионы людей, которые ничего не знают о тебе и твоей работе, знают, что Гэри Селдон — величайший математик в Империи.

— Ну... — протянул Селдон, восхищенно оглядываясь по сторонам, — примерно что-то в этом духе я сейчас и чувствую. Но... три дня и три ночи! Что будет с архивом, с оборудованием, со всеми материалами? Тут же все вверх дном перевернут!

— Не волнуйся. Все материалы уbraneы в надежное место. Компьютеры и все остальное оборудование — под охраной защитного поля — студенты позаботились.

— И ты, Дорс? — любовно улыбаясь, спросил Селдон.

— Не только я. Больше всех усердствовал твой коллега Тамвиль Элар.

Селдон поморщился.

— Что такое? — удивилась Дорс. — Тебе что, не нравится Элар?

— Да не то чтобы... просто он называет меня «маэстро».

Дорс шутливо покачала головой.

— Да, это ужасное преступление!

— А еще он молодой, — буркнул Селдон.

— Еще более страшное преступление. Ох, Гэри, стареть — это целая наука. Стареть надо по-доброму, милосердно, красиво — а начать надо с того, чтобы все видели, что ты наслаждаешься жизнью и доволен собой. Тогда и все вокруг тебя будут довольны и рады — разве тебе этого не хочется? Ну пошли, пошли, Хватит тут прятаться и держаться за меня. Здоровайся, улыбайся, интересуйся самочувствием гостей. И не забудь, после банкета ты должен произнести речь.

— Я терпеть не могу банкеты, а еще больше — произносить речи.

— Придется, никуда не денешься. Ну все, пошли!

Селдон обреченно вздохнул и повиновался. Несмотря на все давнее нытье по поводу старости, Селдон выглядел сегодня поистине внушительно и великолепно. Уже год, как он расстался с роскошной и тяжеловесной мантией премьер-министра, уже давно не надевал костюмов в геликонском стиле. Сегодня на Селдоне были безукоризненно отглаженные строгие брюки и довольно простая туника. На левой стороне груди ярко сверкала эмблема с надписью «ПСИХОИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ СЕЛДОНА В СТРИЛИНГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ» — на титаново-сером фоне костюма ее было видно издалека. Лицо великого математика избороздили морщины, голова его была седа, но глаза светились юно и весело.

Первым делом Селдон заглянул в ту комнату, где собирались дети. Отсюда была вынесена вся мебель, и стоял только праздничный стол. Стоило ему появиться в комнате, как детишки бросились в нему; они отлично знали, кто нынче герой дня, и Селдон только успевал уворачиваться от детских ручонок, перепачканных в сладостях.

— Погодите, дети, погодите, — сказал он. — Ну-ка, смотрите сюда...

И Селдон вынул из кармана туники маленький компьютеризированный робот и поставил его на пол. В Империи, где давным-давно не было роботов, от такого зрелища просто глаза на лоб должны были полезть. Так оно и вышло. Ребятишки сразу умолкли и принялись следить за роботом, сделанным в виде диковинной пушистой зверюшки. Робот был устроен так, что мог время от времени неожиданно менять свой внешний вид, и это всякий раз вызывало взрывы визга и хохота. Стоило искусственному зверьку измениться внешне, как менялись и производимые им звуки и движения.

— Ну вот, — улыбнулся Селдон, — смотрите, играйте, только постараитесь не поломать. А попозже каждый из вас получит такого.

У двери в главный зал Селдона догнала Ванда.

— Дедуля!

— Как дела, Ванда? Тебе весело? — спросил Селдон, после того как поднял и покружил Ванду.

— Весело, только ты в ту комнатку не ходи.

— Почему, Ванда? Это моя комната. Это кабинет, где я работаю.

— Это там я видела плохой сон.

— Знаю, милая, но ведь все уже прошло, верно?

Селдон немного растерялся; решив, что нужно все-таки поговорить с внучкой, обнял ее за плечики и подвел к ряду кресел, стоявших вдоль стены длинного коридора. Усевшись, он взял Ванду па руки.

— Ванда, — спросил он, — а это точно был сон?

— Вроде сон.

— Ты, правда, спала?

— Думаю, да.

Селдон заметил, что она нервничает, и решил не мучить ее расспросами. Пора было оставить девочку в покое.

— Ну ладно — улыбнулся он, — сон это был или не сон, ты видела двух мужчин, и они говорили про смерть и про финики? — Ванда неохотно кивнула. — Про финики, это точно? — Ванда снова кивнула. — А может все-таки тебе послышалось, что они говорили про финики?

— Не-а, про финики.

Селдон понял, что больше из внучки ничего не вытянет, опустил ее на пол, погладил по голове и сказал:

— Ну, беги, Ванда, веселись, развлекайся. И забудь про этот сон.

— Ладно, дедуля.

Как только разговор про плохой сон закончился, Ванда сразу повеселела и бегом помчалась к остальным детям.

Селдон пошел по залу в поисках Манеллы. Искал он ее долго, поскольку на каждом шагу его останавливали, поздравляли, желали счастья и так далее.

Наконец он увидел вдалеке Манеллу. Бормоча: «Простите, извините, разрешите, мне нужно...», он добрался до невестки — увы, не без труда.

— Манелла, — окликнул ее, и, взяв под руку, отвел в сторонку, не переставая улыбаться всем и каждому.

— Да, Гэри, — сказала Манелла, — что-нибудь случилось?

— Ну да. Я про сон Ванды...

— Только не говори мне, что она все еще разговаривает об этом!

— Да, он все еще не дает ей покоя. Послушай, на столах есть финики?

— Конечно, и у детей и у взрослых. Всем так нравятся. Я уже съела немного. А ты что, до сих пор не попробовал, Гэри? Попробуй обязательно, так вкусно, слов нет!

— Я вот о чем думаю... А что, если это был не сон, что, если действительно она слышала, как двое мужчин говорили про смерть от фиников...

И Селдон смущенно запнулся.

— Ты думаешь, кто-нибудь отравил все финики? Глупость какая! Тогда все дети были бы уже при смерти.

— Ну да, я понимаю... — пробормотал Селдон.

Он кивнул Манелле и пошел по залу, и так крепко задумался, что чуть было не прошел мимо Дорс.

— Что за физиономия? — упрекнула его жена. — Ты о чем-то думаешь?

— Проклятые финики. Никак не могу про них забыть.

— Я тоже, но пока ничего не пойму.

— Понимаешь, страшновато как-то, вдруг они отправленные?

— Нет-нет, об этом можешь спокойно забыть. Все продукты, доставленные для банкета,

были проверены на молекулярном уровне. Ты, конечно же, скажешь, что это типичная паранойя, но я обязана тебя охранять, и продолжаю этим заниматься.

— Значит, вся еда...

— Не отравлена. Поверь мне.

— Ну и отлично, — улыбнулся Селдон. — Ты меня успокоила. То есть я, конечно же, не думал, что...

— Будем надеяться, — сухо оборвала его Дорс. — Однако меня беспокоит другое: твоя предстоящая встреча с этим чудовищем Теннаром — до нее остается всего несколько дней.

— Не называй его чудовищем, Дорс. Будь осмотрительнее. Кругом сплошные глаза и уши.

— Ты прав, — сказала Дорс едва слышно, — Погляди вокруг. Все счастливы, все улыбаются, и тем не менее никто не знает, кто из наших «друзей» доложит после вечеринки своему начальнику, что и как тут было. О люди! Как подумаешь — в наше время... Как это все мерзко, противно. А главное — опасно. Поэтому я должна поехать к Теннару вместе с тобой, Гэри.

— Дорс, это невозможно. Ты только все испортишь, и мне будет гораздо труднее. Я поеду сам и все уложу. Не бойся.

— Но ты даже не представляешь себе, как будешь разговаривать с генералом!

— А ты, ты представляешь? — грустно спросил Селдон. — Ты говоришь, совсем как Элар. Он, как и ты, убежден, что я — беспомощный и ни на что не годный старый дуралей. Он тоже хочет отправиться к генералу вместе со мной — то есть нет, вместо меня. Знаешь, я порой думаю, сколько же народу на Тренторе хотело бы поменяться со мной местами. Десятки? А может, миллионы?

12

Вот уже десять лет, как Галактическая Империя лишилась Императора, а во дворце как будто ничего не изменилось. За тысячелетия фигура Императора стала столь легендарной, почти вымыселной, что теперь никто, казалось, не замечал ее отсутствия.

Теперь не было того, кто в величественной императорской мантии возглавлял официальные церемонии, того, кто торжественным голосом отдавал приказы, теперь никто не узнавал о желаниях монарха, никто не чувствовал как благоволения, так и опалы со стороны Императора, стихли, умолкли дворцовые торжества, прекратились закулисные козни. Личные покой Императора в Малом Дворце пустовали — здесь не осталось никого из императорской семьи.

Однако армия садовников содержала прилегающие ко дворцу парки и сады в образцовом порядке. Армия слуг наводила столь же образцовый порядок во всех дворцовых помещениях. Императорское ложе, на котором никто не спал, каждый день застилали чистым бельем. Все шло, как обычно, и весь дворцовый персонал трудился, как было заведено. Высшие чиновники отдавали распоряжения — точно такие же распоряжения, как если бы их отдавал сам Император. Да и чиновники, честно говоря, почти все остались прежние, а новых старательно и настойчиво приучали к дворцовым традициям.

Было такое ощущение, словно Империя настолько привыкла к существованию Императора, что была согласна на то, чтобы хотя бы его призрак, витавший во дворце, правил ею.

И хунта знала об этом — ну, если и не знала, то что-то такое чувствовала. За десять лет никому из военных не пришло в голову въехать в личные покой Императора в Малом Дворце. Кто бы ни были эти новоявленные правители, они не были придворными и понимали, что распоряжаться во дворце права не имеют. Народ, смирившийся с ограничением свобод, ни за что на свете не смирился бы с посягательством на Императора — живого или мертвого, не важно.

Даже генерал Теннар не осмелился посягнуть на Малый Дворец. Он поселился и устроил рабочий кабинет в одном из зданий, выстроенных на задворках дворцовой территории — невзрачном на вид, но выстроенным наподобие крепости, способном выдержать длительную осаду благодаря расквартированной в прилегающих флигелях охране.

Теннар был коренаст, невысокого роста, с усами. О нет, его усы не были густыми и

пышными на далийский манер – они были аккуратненькими, узенькими. Рыжие усы и холодные голубые глаза... пожалуй, в молодости Теннар был даже красив. Но теперь физиономия его отекла, обрюзгла, глаза превратились в узкие щелочки, и редко в них можно было прочесть что-либо, кроме гнева.

Гневно – как мог себе только позволить человек, почитающий себя единоличным хозяином миллионов миров и все же не осмеливающийся провозгласить себя Императором, он как-то сказал Хендеру Линну:

– Да я бы мог свою династию основать! – И, угрюмо оглядев комнату, пробурчал: – Тут не слишком подходящее место для правителя Империи.

Линн негромко возразил:

– Самое главное то, что вы – правитель. Лучше быть правителем здесь, чем марионеткой во дворце.

– А еще лучше быть правителем во дворце. Почему бы и нет?

У Линна было звание полковника, по, конечно, никакой он не полковник – его задача заключалась в том, чтобы говорить Теннару то, что тот желал слышать, а также передавать его приказы остальным. Иногда, когда это представлялось Линну безопасным, он давал Теннару благоразумные советы.

Линна называли «лакеем» Теннара, и он отлично знал об этом, однако не имел ничего против. Будучи лакеем, он был от многоного застрахован, но понимал, что многие, чересчур гордившиеся тем, что они лакеи, кончили свою карьеру полным крахом.

Конечно, мог настать день, когда и сам Теннар мог скатиться вниз по ступенькам наспех выстроенной и все время меняющей облик пирамиды хунты, но Линн был уверен, что у него достанет предусмотрительности вовремя почувствовать опасность и смыться. А может и нет. За все, в конце концов, приходится платить.

– Конечно, вы могли бы основать династию, генерал, – утиво кивнул Линн. – Это проделывали многие на протяжении истории Империи. Но на это нужно время. Люди ко всему привыкают медленно. Как правило, только второму, а то и третьему потомку в династии удается стать настоящим Императором, таким, чтобы его принял народ.

– Ерунда! Надо просто взять и провозгласить себя Императором. Кто посмеет поспорить со мной? Я держу Империю в ежовых рукавицах.

– Все верно, генерал. Ваша власть на Тренторе и в большинстве Внутренних Миров непрекращаема, но вот во многих из отдаленных Внешних Миров пока вряд ли согласятся с воцарением новой династии.

– Внешние Миры или Внутренние – какая разница, теперь всюду правит армия, и она со всеми управится. «Армия со всеми управится», – это же старая имперская истинка.

– Прекрасная истинка, – согласился Линн, – но во многих провинциях имеются собственные вооруженные силы, которые могут не принять вашу сторону. Времена нынче непростые.

– Стало быть, ты призываешь к осторожности.

– Я всегда к ней призываю, генерал.

– Когда-нибудь это мне может надоест, если ты будешь призывать к осторожности слишком часто.

Линн печально вздохнул и потупил взор.

– Я призываю только к тому, что кажется мне полезным и благоразумным для вас, генерал.

– Вроде твоей вечной песни про Гэри Селдона? – буркнул Теннар.

– Для вас нет большей опасности, чем он, генерал.

– Это *ты* так говоришь, а мне так вовсе не кажется. Да кто он такой, если на то пошло?

Жалкий профессоришко!

– Теперь – да, – согласился Линн, – но когда-то он был премьер-министром.

– Знаю, но это было во времена Клеона. А что потом? Что он такого сделал? Вот уж в толк не возьму, с чего это в наше время, когда бунтуют губернаторы провинций, я должен бояться какого-то занюханного профессора?

– Порой люди ошибаются, – осторожно проговорил Линн (поучать генерала можно было

только исподволь), – полагая, что тихий, маленький, так сказать, человек, не может сделать ничего ужасного. Всем, против кого в свое время выступал Селдон; он как раз таким и казался – тихим и безвредным. Двадцать лет назад организация джоранумитов чуть было не свергла могущественного премьер-министра, правую руку Клеона, Эдо Демерзеля. – Теннар на всякий случай кивнул, хотя было видно, что он этого не помнит. – Именно Селдон положил конец Джорануму и сменил Демерзеля на посту премьер-министра. Однако джоранумитское движение выжило, ушло в подполье, и опять-таки именно Селдон выстроил план их уничтожения, правда, несколько просчитался – не успел спасти Клеона от покушения.

– Но Селдон и это пережил, да?

– Вы совершенно правы. Пережил и это.

– Странновато. Не суметь предотвратить покушение – за такое премьер-министр должен был поплатиться головой.

– Должен бы, это точно. И все-таки хунта оставила его в живых. Показалось благоразумным не трогать его.

– Почему же?

Линн едва заметно вздохнул.

– Из-за чего-то, что зовется психоисторией.

– Понятия не имею, что это такое, – небрежно буркнул Теннар.

На самом деле, звучание этого слова вызвало у него какие-то смутные воспоминания – Линн не раз пытался заговаривать с ним об этой самой психоистории, а Теннар вечно не желал слушать. Линн же, по обыкновению, был осторожен и не форсировал события. Теннар и сегодня не настроен слушать, но Линн был как-то необычно встревожен и настойчив. «Пожалуй, – решил Теннар, – надо дать ему выговориться».

– Про это вообще мало кто знает, – вздохнул Линн, – правда, психоисторией интересуется кое-кто из этих... интеллектуалов.

– И что это за штука?

– Какая-то сложная математическая система.

Теннар поморщился.

– Вот этого не надо, пожалуйста. Сосчитать свои полки я как-нибудь сумею, а больше мне никакой математики не требуется.

– Поговаривают, – не уступал Линн, – что с помощью психоистории можно предсказывать будущее.

Генерал выпучил глаза.

– Так что, этот Селдон – гадалка?

– Не совсем. У него целая наука.

– Не верю.

– Поверить трудно, но на Тренторе Селдон стал – да и не только на Тренторе – фигурай поистине легендарной. И психоистория – годится ли она для предсказания будущего или нет, не важно, лишь бы люди верили – может стать мощным средством для удержания власти. Думаю, вы это уже поняли, генерал. Надо только предсказать, что наша власть продержится долго и принесет мир и процветание Империи. А люди, уверовавшие в это, помогут этому предсказанию свершиться. Но, с другой стороны, если Селдон хочет другого, он может взять и предсказать гражданскую войну и жуткие разрушения. Люди поверят в это, и тогда наша власть покачнется.

– В таком случае, полковник, надо сделать так, чтобы прогнозы психоистории были такими, какие нам нужны.

– Да, но заниматься этим придется Селдону, а он не сторонник нашего режима. Тут, генерал, важно чувствовать разницу между проектом, который разрабатывается в Стрилингском университете, и самим Селдоном. Психоистория может сослужить нам хорошую службу, но только тогда, если работу над ней возглавит не Селдон, а кто-то другой.

– Есть кто-нибудь на примете?

– О да. Нужно только избавиться от Селдона.

– Что, это так трудно? Казнить – и дело с концом.

– Было бы лучше, генерал, чтобы правительство не было замешано в подобных вещах.

– Объясни!

– Я устроил так, что скоро он прибудет сюда для встречи с вами, дабы вы разглядели его хорошенько, как вы это умеете. Вот тогда вы и решите, насколько ценные кое-какие мои предложения.

– Когда он прибудет?

– Должен был уже прибыть, но его сотрудники попросили об отсрочке, поскольку сейчас как раз празднуется его юбилей – кажется, шестидесятилетие. Представилось благоразумным разрешить отсрочку.

– Зачем это еще? – недовольно нахмурился Теннар, – Терпеть не могу всяческие уступки. Это проявление слабости.

– Совершенно верно, генерал, совершенно верно. Вы, как всегда, абсолютно правы. Однако мне показалось, что в интересах государства будет небезынтересно пронаблюдать за тем, как пройдут торжества.

– Зачем?

– Всякие знания полезны. Желаете посмотреть, как проходит праздник?

– Это так надо? – угрюмо поинтересовался Теннар.

– Думаю, вам будет интересно, генерал.

В кабинете погас свет, и помещение наполнилось звуками и изображением, которые тут же преобразили унылый генеральский кабинет.

Линн негромко пояснял происходящее.

– В основном, генерал, празднование проходит в помещениях, где работают сотрудники Проекта, но вообще в торжествах участвует весь университет. Сейчас появится панорамный обзор, и вы увидите, что праздник проходит на большом пространстве. У меня есть сообщения, поступившие к этому часу, что кое-где на Тренторе, в других университетах, студенты и преподаватели празднуют юбилей Селдона, так сказать, заочно. Праздник продолжается и продлится еще завтра как минимум.

– Так что же, выходит, весь Трентор празднует этот день рождения?

– В каком-то смысле, да. Празднуют, в основном, ученые, но действительно по всей планете. Даже в других мирах кое-где присоединились к торжествам.

– А откуда взялась трансляция? Линн ухмыльнулся.

– У нас в Проекте есть свои люди – надежнейшие источники информации. Что бы там ни произошло, нам тут же все становится известно.

– Ну ладно, Линн, скажи, что ты обо всем об этом думаешь?

– Мне кажется, генерал, и я уверен, вам тоже так кажется, что возник культ личности Гэри Селдона. Он настолько громко заявил о себе и так отождествился со своей психоисторией, что в том случае, если мы избавимся от него чересчур откровенно, мы в корне подорвем веру в его науку. Тогда она нам ничего не даст.

Но, с другой стороны, генерал, Селдон уже старик, и вовсе нетрудно представить, что его заменит кто-нибудь помоложе, тот, кого мы выберем, тот, кто благосклонно воспримет ваши великие цели и задачи. Если нам удастся сместь Селдона так, чтобы это показалось естественным, это будет как раз то, что нужно.

– Значит, ты думаешь, мне нужно с ним встретиться?

– Да, для того чтобы вы поглядели, чем он дышит, и решили, какие мы примем меры. Но мы должны быть предельно осторожны, поскольку он очень известный человек, популярный.

– Знавал я всяких популярных людей, – угрюмо фыркнул Теннар.

13

– Да, – устало проговорил Гэри Селдон, – просто триумф. Все было просто великолепно. Даже не знаю, как я доживу до семидесяти, чтобы все повторилось снова. Но если честно, я жутко устал.

– Тебе надо хорошенько выспаться, па, – улыбаясь, посоветовал Рейч. – Сон все лечит.

– Вот уж не знаю, удастся ли мне отдохнуть – ведь через пару дней мне предстоит встреча с нашим великим правителем.

— Ты поедешь к нему не один, — решительно заявила Дорс.

Селдон нахмурился.

— Хватит, Дорс, Не будем больше об этом. Для меня важно встретиться с ним наедине.

— Тебе опасно отправляться к нему в одиночку. Разве ты забыл, что случилось десять лет назад, когда ты, не позволил мне пойти с: тобой встречать садовников?

— Хотел бы я забыть, когда ты напоминаешь мне про это пару раз в неделю! Но сейчас я действительно собираюсь поехать к нему один. Да что он мне может сделать — безвредному старику, который приедет к нему, чтобы узнать, что ему от меня надо?

— А как тебе кажется, что ему надо? — спросил Рейч, покусывая ногти.

— Думаю, то же самое, что от меня всегда хотел Клеон. Наверняка окажется, что он решил, будто психоистория каким-то образом способна предсказать будущее, и он возжелает применить ее для своих собственных целей. Почти тридцать лет назад я сказал Клеону, что моя наука не для этого предназначена, и повторял эти слова все те десять лет, что служил премьер-министром, теперь я скажу то же самое генералу Теннару.

— Как знать, поверит ли он тебе? — усомнился Рейч.

— Придумаю что-нибудь, чтобы мои заверения звучали поубедительнее.

— Не хочу, чтобы ты ехал к нему один, — упрямо мотнула головой Дорс.

— Хочешь или не хочешь, это не имеет значения.

В это мгновение в разговор вмешался Тамвиль Элар.

— Я здесь единственный, не являющийся членом вашего семейства. Просто не знаю, как вы отнесетесь к моему предложению.

— Высказывайтесь, — махнул рукой Селдон. — Начали, так давайте.

— Я хотел бы предложить компромисс. Почему бы некоторым из нас не сопроводить маэстро? Пусть несколько человек отправятся с вами на манер почетного эскорта — выйдет что-то вроде логичного финала юбилейных торжеств. Нет-нет, я вовсе не говорю, что мы толпой ввалимся в кабинет генерала Теннара. Да мы даже на дворцовую территорию не войдем. Всего-навсего разместимся в гостинице Имперского Сектора неподалеку от границ дворцовой территории — устроимся с комфортом и устроим праздник для души.

— Вот-вот, только этого мне не хватало — праздника для души, — фыркнул Селдон.

— Я не о вас говорю, маэстро, — возразил Элар. — Вы пойдете на встречу с Теннаром. А наше присутствие, тем не менее, незамеченным не останется, и напомнит обитателям Имперского Сектора о том, как вы популярны, да и генералу напомнит. А если он будет знать, что мы здесь, поблизости, ждем вашего возвращения, он еще подумает, как себя вести.

Наступила продолжительная пауза. Наконец Рейч сказал:

— Нет, это как-то чересчур театрально получится. На папу совсем не похоже.

— Меня это не интересует — похоже или нет, — выпалила Дорс. — Меня интересует только *безопасность* Гэри. Мне нравится предложение доктора Элара. Раз уж мы не можем сопроводить Гэри на дворцовую территорию, почему бы действительно не разместиться в непосредственной близости от нее? Отлично. Спасибо вам, доктор Элар, очень ценная мысль.

— Я этого не хочу, — замотал головой Селдон.

— А я хочу! — упрямо проговорила Дорс. И если я не могу пойти с тобой дальше, значит, я буду настолько близко от тебя, насколько это возможно.

До сих пор молчавшая Манелла мечтательно проговорила:

— Как вспомню, какие там гостиницы... Да, там можно чудесно развлечься.

— Развлечения? При чем тут развлечения? — вспылила Дорс. — Ну да ладно, приму твой голос в мою пользу.

На том и порешили. На следующий день около двадцати сотрудников Проекта разместились в гостинице «На краю Купола» в номерах, окна которых смотрели прямо на дворцовую территорию.

На следующий вечер к Селдону явились вооруженные гвардейцы и повели его на встречу с генералом.

Примерно в это же время Дорс куда-то исчезла, но этого никто не заметил и никто не стал ее искать. Когда же ее отсутствие было замечено, все принялись гадать, что с ней случилось, и приподнятое настроение быстро сменилось тревогой.

14

Дорс Венабили целых десять лет прожила па дворцовой территории. Будучи женой премьер-министра, она имела пропуск на территорию, и могла совершенно свободно как уходить с территории дворца, так и возвращаться обратно. На пропуске стояли ее отпечатки пальцев.

В суматохе, последовавшей за убийством Клеона, никому и в голову не пришло отбирать у нее пропуск, и вот теперь, в первый раз после того кошмарного дня, ей нужно было пройти на дворцовую территорию, и она могла это сделать.

Она всегда прекрасно понимала, что такая возможность у нее только одна – другой не будет, поскольку при проверке пропуск будет сразу же арестован; но сейчас был как раз тот самый, единственный случай, когда это было необходимо.

Как только она вышла из-под купола под открытое небо, уже смеркалось и стало заметно холоднее. Под куполом даже ночью всегда было немного светлее, чем на открытом пространстве, а днем – немного темнее. А уж что касается температуры воздуха, то, конечно, под куполом всегда было теплее.

Большинство тренторианцев об этом даже не задумывались, поскольку всю жизнь, от рождения до смерти, жили под куполами. Дорс же ничуть не удивилась перемене погоды, но это не имело значения.

Она пошла по главной дороге от гостиницы к дворцовой территории. Дорога была прекрасно освещена, так что все было отлично видно.

Дорс знала, что по дороге ей и ста метров не пройти – тут же остановят. А может, и того меньше – хунта переживала неспокойные времена. Ее обязательно заметят.

Предчувствия ее не обманули. Ехавший навстречу приземистый автомобиль затормозил рядом с ней, и охранник окликнул ее:

– Что вы здесь делаете? Куда направляетесь?

Дорс пропустила его вопросы мимо ушей и пошла дальше.

– Стой! – крикнул охранник, выскочил из машины, а Дорс только того и надо было.

Охранник довольно небрежно держал свой бластер – прицеливаться не собирался, просто демонстрировал наличие оружия.

– Ваш регистрационный номер, – потребовал он.

– Вашу машину, – отпарировала Дорс.

– Чего-чего? – недоуменно переспросил охранник. – Регистрационный номер да побыстрее!

Тут уж он поднял бластер.

– Ни к чему вам мой регистрационный номер, – спокойно проговорила Дорс и как ни в чем не бывало двинулась на охранника.

Тот сделал шаг назад.

– Если вы немедленно не остановитесь и не покажете свой регистрационный номер, я выстрелю.

– Нет! Бросьте бластер.

Охранник поджал губы, палец его вот-вот должен был нажать кнопку, но...

Потом он никак не мог объяснить, как же все произошло. Он только твердил: «Откуда мне было знать, что это Тигрица?» (О, настанет день, когда он будет гордиться этой встречей!) «Она рванулась ко мне на бешеной скорости, я и понять ничего не успел. Только я собрался пальнуть в нее – я-то думал, это сумасшедшая баба какая-то, а она как кинется... и все»

Дорс крепко ухватила руку охранника, скимавшую бластер, и рывком подняла ее вверх.

– Бросай бластер, слышишь? – прошипела она. – А не то руку сломаю, понял?!

У охранника сжалось сердце, он ни вдохнуть ни выдохнуть не мог. Сообразив, что выбора у него нет, он разжал пальцы и бросил бластер.

Дорс отпустила его руку, но, прежде чем он успел опомниться, нацелила на него его же собственное оружие.

– Детекторы твои на месте, надеюсь? – насмешливо спросила она. – Только не торопись

сообщать о происшествии. Пораскинь мозгами, что начальникам скажешь, очень тебе советую. То, что ты не сумел задержать невооруженную женщину, которая отобрала у тебя бластер, вряд ли им понравится – вылетишь со службы к чертям собачьим.

На глазах у остолбеневшего охранника Дорс завела машину и, набирая скорость, поехала по главной трассе. Десятилетний перерыв сказался – она не могла точно понять, куда едет. Она ехала в служебном автомобиле – что правда, то правда, и вряд ли ее теперь должны были сразу остановить. Однако нужно было торопиться, поскольку она скорее хотела добраться до места. Машина набрала скорость и помчалась, выдавая под двести километров в час.

Такая скорость привлекла внимание. Из радио, установленного в машине, понеслись встревоженные крики с требованиями объяснить, почему автомобиль набрал такую скорость, и довольно скоро детекторы показали, что следом за Дорс гонится другой автомобиль.

Дорс понимала, что объявлена тревога, и впереди ее уже ждут другие машины, но что с ней могут сделать? Вряд ли ее пристрелят – наверняка захотят узнать, кто же она такая.

У въезда на дворцовую территорию ее действительно поджидали две машины. Дорс как ни в чем не бывало остановила свой автомобиль, и зашагала к зданию.

Двое охранников, судя по выражению их лиц, страшно удивленные тем, что из машины, только что мчавшейся на полной скорости, вышел не охранник, а женщина без формы, загородили дорогу Дорс.

– Что вы здесь делаете? В чем дело?

– У меня важное сообщение для полковника Хендлера Линна, – спокойно ответила Дорс.

– Да ну? – осклабился один из охранников, которых стало уже четверо. –

Регистрационный номер, пожалуйста.

– Не задерживайте меня.

– Я сказал: регистрационный номер.

– Мне некогда.

– Слушай, – неожиданно сказал один из охранников, – знаешь, на кого она похожа? На бабу прежнего премьер-министра, доктора Венабили. Тигрицу.

Охранники немного опешили, но все-таки один из них твердо объявил:

– Вы арестованы.

– Неужели? – усмехнулась Дорс. – Если я – Тигрица, вам должно быть известно, что я сильнее каждого из вас, и реакция у меня отменная. У меня другое предложение: проведите меня внутрь – все четверо, и посмотрим, что скажет полковник Линн.

– Вы арестованы, – повторил охранник и сразу четыре бластера нацелились на Дорс.

– Ну что ж, – снова усмехнулась она, раз вы так настаиваете...

Резкое движение – и сразу двое охранников скрючились на земле, охая и постанывая, а у Дорс в обеих руках оказалось по бластеру.

– Я не хотела делать им больно, – объяснила она, – но очень может быть, что запястья у них сломаны. Вас теперь двое, а стреляю я быстрее вас. Только двиньтесь, только шевельнитесь, и я сделаю то, чего мне делать не хотелось бы, – прикончу вас обоих. Лучше не доводите меня до этого.

Охранники, утратив дар речи, застыли, как каменные.

– Я еще раз предлагаю вам проводить меня к полковнику, – сказала Дорс, – а потом найти того, кто окажет медицинскую помощь вашим товарищам.

Однако предложение ее оказалось излишним. Полковник Линн собственной персоной вышел из кабинета.

– Что здесь происходит? Что вес это...

Дорс обернулась к нему.

– А, это вы. Позвольте представиться. Я доктор Дорс Венабили, жена профессора Гэри Селдона. Я пришла повидаться с вами по исключительно важному делу. Эти четверо не пускали меня, и в итоге мне пришлось обойтись с ними не слишком вежливо. Отшлите их куда-нибудь и позвольте мне переговорить с вами. Я не желаю вам ничего дурного.

Линн хмуро поглядел на охранников и перевел взгляд на Дорс.

– Не желаете мне ничего дурного? Имейте в виду, четверо охранников с вами не справились, но по первому моему зову явятся четыреста.

— Пусть являются. Но как бы они ни спешили, они все равно не успеют ко времени, если я решу пристрелить вас. Отпустите охрану, и давайте поговорим по-человечески.

Линн дал охранникам приказ удалиться и сказал:

— Хорошо. Входите, поговорим. Но позвольте предостеречь вас, доктор Венабили, память у меня отменная.

— И у меня, — кивнула Дорс и вошла вместе с Линном в его кабинет.

15

С подчеркнутой любезностью Линн поинтересовался:

— Объясните мне толком, доктор Венабили, зачем вы здесь?

Дорс улыбнулась — не сердито, но и не ласково.

— Прежде всего — для того, чтобы вы поняли, что я *могу* попасть сюда.

— А?

— Вы не ослышались. Моего мужа повезли на встречу с генералом Теннаром в правительственном автомобиле под охраной. Я покинула гостиницу почти одновременно с ним, а сюда добралась раньше. Мне пришлось столкнуться с пятью охранниками, включая и того, у которого я позаимствовала машину, чтобы добраться до вас. Но их могло быть и пятьдесят.

Линн флегматично кивнул.

— Вас иногда зовут Тигрицей.

— Вот именно. Ну а теперь, когда я до вас добралась, я хочу сказать, что я здесь для того, чтобы удостовериться в безопасности моего мужа. Он войдет в логово генерала — вы уж извините за образность, и я хочу, чтобы он вышел оттуда целым и невредимым.

— Насколько я знаю, вашему мужу эта встреча ничем не грозит. Но если уж вы так обеспокоены, почему вы явились ко мне? Почему не пошли прямо к генералу?

— Поскольку из вас двоих мозги есть только у вас.

После короткой паузы Линн пробормотал вполголоса:

— Небезопасное замечание, если вдруг кто-то услышит...

— Для вас оно гораздо более опасно, чем для меня, так что вы и позаботьтесь, чтобы нас не подслушали. Так вот, если вы принимаете меня за человека, которого легко убаюкать словами, взять под ручку и выпроводить, вы ошибаетесь. Если вам кажется, что я стану сидеть сложа руки, если моего мужа арестуют или прикажут казнить, вы ошибаетесь еще более жестоко, — сказала Дорс и взглядом указала на два бластера, лежавшие перед ней на столе. — На территорию я вошла с пустыми руками, а до вас добралась, имея при себе два бластера. Не будь бластеров, у меня были бы с собой ножи, управляемые с которыми я большая мастерица. Но даже если бы у меня не было ни бластеров, ни ножей, я все равно очень опасный человек. Как я понимаю, этот стол металлический и очень крепкий.

— Да.

Дорс подняла руки и повертела кистями, показывая, что руки пусты. Затем она опустила руки ладонями вниз.

Выждав несколько мгновений, Дорс сжала правую руку в кулак, размахнулась и со страшной силой стукнула по столу. Раздался такой звук, словно по металлу ударили металлом. Дорс улыбнулась и повертела рукой.

— Ни синячка, ни царапинки и ни капельки не больно, — сообщила она. — А теперь поглядите на стол. Видите, вмятина осталась? Если я с такой же силой дам кому-нибудь по голове, я сломаю череп. Я такого никогда не делала. Честно говоря, я ни одного человека за свою жизнь не убила, но кое-кого поранила. И тем не менее если профессору Селдону будет грозить опасность...

— Да что вы все угрожаете!

— Не угрожаю — обещаю. Я никого пальцем не трону, если никто не тронет профессора Селдона. Если же его кто-то пальцем тронет, мне придется вас здорово покалечить, а то и убить, полковник Линн — обещаю вам это, а понадобится, я сделаю то же самое с генералом Теннаром.

Линн прошипел:

— Все равно вам не выстоять против целой армии, какая бы ни были тигрица из тигриц! Ну, что скажете?

— Вы же знаете, что такое слухи, полковник, — усмехнулась Дорс. — Люди так любят присочинить, добавить, раздуть. На самом деле ничего такого тигриного я за всю свою жизнь не совершила, но рассказывают обо мне много всяческих небылиц. Ваши охранники затряслись от страха, как только узнали меня, и теперь они непременно пустят слух о том, как я их уложила на лопатки, для того чтобы добраться до вас. Полковник Линн, даже целая армия может испугаться напасть на меня, но даже если они нападут на меня и уничтожат, бойтесь гнева народа. Хунта удерживает власть, но с трудом, и вам вовсе ни к чему ухудшать положение. Так пораскиньте мозгами — что легче. От вас только и требуется — не трогать профессора Селдона.

— У нас нет намерений угрожать ему и вообще делать что-либо дурное.

— Ради чего тогда эта встреча?

— Да что тут такого необыкновенного? Генерал интересуется психоисторией. Правительственные отчеты — в нашем распоряжении. Клеон всю жизнь интересовался психоисторией, и Демерзель, пока служил премьер-министром, интересовался. Почему бы и нам не поинтересоваться? Чем мы хуже? На самом деле, нам гораздо более интересно.

— Почему же?

— Да потому, что время прошло. Как я понимаю, психоистория поначалу была всего-навсего идеей, пришедшей в голову профессору Селдону. Он начал работать над ней, все более и более увлекаясь, и постепенно собирая вокруг себя все больше и больше сотрудников. Вот уже тридцать лет прошло со времени начала его деятельности. Почти все это время он работал благодаря правительенным субсидиям, так что правительство в полном праве требовать с него отчет о проделанной работе. Вот мы и хотим спросить его о психоистории, которая в наши дни наверняка шагнула вперед по сравнению с временами Клеона и Демерзеля, и послушать, что он нам ответит. Нам нужно что-то более осозаемое, чем строчки уравнений, скачащие в воздухе. Понимаете?

— Да, — нахмутившись, ответила Дорс.

— И вот еще что. Не думайте, что угроза для вашего мужа исходит исключительно от правительства и что стоит только чему-то с ним случиться, вам надо со всех ног мчаться сюда и обвинять нас во всех грехах. Позволю себе высказать такое мнение: у профессора Селдона хватает личных врагов. Может хватать, точнее говоря.

— Я не забуду об этом. А теперь я желаю, чтобы вы проводили меня к генералу Теннару. Я хочу присутствовать при его встрече с моим мужем. Я хочу не сомневаться в том, что он жив и здоров.

— Организовать это будет непросто и потребует времени. Прервать их беседу я никак не смогу, но если вы дождитесь окончания...

— Ничего, я подожду, действуйте. Только не рассчитывайте остаться в живых, если обманете меня.

16

Генерал Теннар смотрел на Гэри Селдона, выпучив глаза, сердито барабаня кончиками пальцев по столу.

— Тридцать лет, — проговорил он, — Целых тридцать лет, и вы мне говорите, что вам до сих пор нечего показать?

— Если точнее, генерал, то двадцать восемь.

Теннар пропустил реплику Селдона мимо ушей.

— И все за счет правительенных средств. Известно вам, профессор, сколько миллиардов кредиток потрачено на ваш Проект?

— Точно не скажу, генерал, но у нас есть соответствующая документация на этот счет, и она может быть предъявлена вам в считанные секунды.

— У нас она тоже имеется. Правительственные фонды, профессор, — не бездонная бочка. И у нас теперь не прежние времена. Мы не так беззаберны в вопросах денежных затрат, как

Клеон. Повышение налогов осуществить непросто, а деньги нам нужны на многое. Я позвал вас сюда в надежде, что вы сумеете убедить нас в том, что мы не бросаем деньги на ветер, субсидируя эту вашу психоисторию. Не сумеете – говорю вам честно и откровенно – субсидии будут прекращены. Если сумеете, продолжайте ваши исследования на общественных началах, без субсидий, и нам придется пойти на это, если вы меня не убедите в том, что ваша работа дает какие-то результаты.

– Генерал, вы требуете от меня невозможного, но я со своей стороны могу вам сказать, что если вы прекратите субсидировать Проект, вы останетесь без будущего. Дайте мне время, и когда-нибудь...

– Уже не одно правительство успело смениться, а от вас все одна и та же песня, профессор: «дайте мне время». Скажите, профессор, разве вы не утверждаете, будто ваша психоистория предсказывает, что правление хунты, а стало быть, и мое будет недолгим и в скором времени прекратится?

Селдон нахмурился.

– Методика пока не так совершенна, чтобы я мог утверждать, что психоистория предсказывает именно это.

– А я вам говорю, что психоистория ваша предсказывает вот это самое, и сотрудники вашего Проекта только об этом и болтают.

– Нет-нет, – возразил Селдон, – ничего подобного! Не исключено, что некоторые из наших сотрудников взяли на себя смелость интерпретировать полученные выводы таким образом, то есть что хунта является неустойчивой формой правления, но есть и другие выводы, которые можно интерпретировать совсем наоборот. Именно поэтому мы и обязаны продолжать нашу работу. А в настоящее время нет ничего проще. Располагая неполными данными и несовершенной методикой, можно сделать любые выводы.

– Но если вам будет угодно опубликовать свои выводы о том, что правительство нестабильно, и сказать, что психоистория это подтверждает, разве вы таким образом не усугубите и без того нестабильное положение?

– Может, генерал. Если же мы объявим, что положение правительства стабильно, то мы способствуем стабилизации положения. Мы не раз вели подобные разговоры и с Императором Клеоном. Психоисторию можно использовать как орудие в борьбе за людские умы и добиваться кратковременных успехов. Но впоследствии предсказания могут оказаться не совсем верными, а то и совсем неверными, и тогда в психоисторию никто не станет верить, и все будет так, словно ее никогда и не существовало.

– Хватит. Давайте начистоту! Что, по вашему мнению, говорит психоистория о моем правлении?

– По нашему мнению, она говорит, что в правлении прослеживаются элементы нестабильности, но мы не уверены и не можем быть уверены в том, как улучшить или ухудшить положение.

– Иначе говоря, психоистория говорит о том, что и без нее известно, и вот на это правительство выкидывает дикие суммы денег?

– Настанет время, когда психоистория скажет нам о том, чего без нее мы бы не узнали, и тогда затраты окупятся во много, много раз.

– И сколько же нужно ждать?

– Не слишком долго. За последние годы мы достигли многообещающих результатов.

Теннар снова забарабанил пальцами по столу.

– Маловато... Скажите мне что-нибудь конкретное сейчас. Что-нибудь полезное.

Селдон немного растерялся.

– Я могу подготовить для вас подробный отчет, но на это нужно время.

– А как же! Дни, месяцы, годы – и в конце концов я так и не увижу этого вашего подробного отчета. Вы меня за идиота принимаете?

– Нет, генерал, конечно, нет. Но я не хочу, чтобы меня принимали за идиота. Сказать вам я могу только то, за что могу ответить лично. Кое-что явствует из моих собственных психоисторических исследований, но интерпретировать это я могу ошибочно. Но раз уж вы так настаиваете...

– Да, настаиваю.

– Вы говорили о налогах. Вы сказали, что увеличить налоги трудно. Безусловно. Это всегда непросто. Всякому правительству приходится накапливать блага в той или иной форме. Существует только два способа добывания денег. Первый – ограбить ближнего, второй – убедить собственных граждан добровольно и мирно отдать правительству деньги.

Поскольку в Галактической Империи в течение тысячелетий дела ведутся достаточно разумно, о том, чтобы грабить ближнего, речи быть не может, разве что в случаях возникновения и подавления бунтов. Это случается довольно нечасто, для того, чтобы правительство могло себя поддерживать – если бы даже это было так, правительство бы долго не продержалось. – Селдон набрал побольше воздуха и продолжал: – Следовательно, деньги можно получить только за счет вымаливания у граждан определенной части их доходов в казну правительства. Скорее всего, если правительство в такой ситуации будет работать с отдачей, граждане предпочтут платить налоги, а не копить деньги на черный день, каждый для себя, как бывает во времена неспокойные и опасные. И тем не менее, хотя подобные требования справедливы, и гражданам логичнее было бы платить налоги в качестве вклада в стабильность правительства, они этого делать не хотят. Для того чтобы преодолеть это нежелание, правительство должно создать у граждан впечатление, что оно не требует от них многого и учитывает права и доходы каждого гражданина. Другими словами, правительство должно снизить процент налога с низких доходов, должно распределять и устанавливать разнообразные льготы и так далее и тому подобное.

Проходит время, и положение с налогами становится все более и более сложным, поскольку различные миры, разные секторы внутри каждого из миров, требуют к себе дифференцированного подхода. В результате аппарат налоговой инспекции в правительстве раздувается и выходит из под контроля. Среднестатистический гражданин перестает понимать, за что с него берут налога, каков механизм сбора, что он может не платить, а чего не может. Да и само правительство и налоговая инспекция зачастую имеют весьма туманное представление на этот счет.

Более того, как бы велика ни была сумма собранных налогов, беспредельно раздутые штаты налоговой инспекции тем более не в силах все эти деньги учесть, уследить за правильностью их уплаты, и в итоге суммы, которые могли бы быть истрачены на нужные и полезные дела, снижаются, несмотря на все старания.

В конце концов положение с налогами становится неуправляемым. Из-за этого возникают недовольство и общественные волнения. В учебниках по истории виновниками подобного положения называются алчные бизнесмены, коррумпированные политики, грубые вояки, амбициозные вице-короли – но они всего-навсего люди, воспользовавшиеся преимуществами, которые им предоставила неразбериха с налогами.

– Что вы пытаетесь мне доказать? – хрипло спросил генерал. – Что наша налоговая система чересчур сложна?

– Если бы она таковой не была, она бы стала единственной в своем роде за всю историю рода человеческого. Если и существует нечто, неизбежность чего явствует из психоистории, так это безудержный рост налогов.

– И что же нам с этим делать?

– Этого я вам сказать не могу. Но именно на эту тему я и хотел бы подготовить отчет для вас, который, как вы говорите, отнимет некоторое время.

– К чертям отчет! Система сбора налогов слишком сложна, так? Вы об этом говорите?

– Вероятно, – осторожно ответил Селдон.

– Чтобы исправить положение, нужно эту систему упростить, то есть упростить до предела?

– Я должен исследовать...

– Ерунда! Противоположностью усложненности является упрощение. Мне не нужен никакой отчет, для того чтобы сделать такой вывод.

– Как вам будет угодно, генерал.

В это мгновение генерал неожиданно посмотрел на дверь – раздался звонок. Генерал сжал кулаки, и секунду спустя в комнате возникли голо графические образы полковника Линна и

Дорс Венабили.

Селдон, ошеломленный до предела, воскликнул:

– Дорс, что ты здесь делаешь?

Генерал промолчал, но зловеще нахмурился.

17

Генерал плохо спал ночью, а уж про полковника и говорить не приходится. Они смотрели друг на друга в растерянности.

– Повторите мне еще раз, – буркнул генерал, – что сделала эта женщина.

Линн, казалось, был придавлен грузом обстоятельств.

– Это – Тигрица, генерал, – выдавил он. – Так ее называют. Что-то в ней есть нечеловеческое, честное слово. То ли потрясающе натренированная спортсменка, то ли еще что, да вдобавок жутко самоуверенная, и, я вам откровенно скажу, генерал, это страшный человек.

– Она *тебя* напугала? Баба?

– Позвольте, генерал, еще раз рассказать вам, что она ухитрилась сделать, и я еще кое-что о ней расскажу. Не знаю, правду ли про нее болтают, но то, что случилось вчера, неправдой не назовешь.

И Линн заново пересказал генералу события вчерашнего дня, а генерал слушал его, и щеки его все больше надувались.

– Плохо, – сказал он. – Что делать?

– Я думаю, все очень просто. Нам нужна психоистория.

– Да, это точно, – подтвердил генерал. – Селдон тут мне толковал насчет налогов. Дескать… ну, это ладно. Об этом потом. Продолжай.

Линн, против обыкновения, с трудом сдерживающий раздражение, продолжил:

– Как я уже говорил, психоистория нам нужна без Селдона. В любом случае, он человек конченый. Чем больше я к нему приглядываюсь, тем больше прихожу к выводу, что это престарелый ученый, живущий прежними заслугами. У него было почти тридцать лет, чтобы добиться успехов в психоистории, но этого ему не удалось. А без него, когда за дело примутся люди новые, поможе, прогресс может быть достигнут скорее.

– Хорошо, согласен. А с женой его что делать?

– Вот именно. Ее мы не принимали в расчет, потому что она все время держалась в тени. Но теперь я просто уверен в том, что, покуда она жива, будет трудно, почти невозможно убрать Селдона тихо, не засветив участия правительства.

– Ты что, всерьез думаешь, что она может как-то навредить мне и тебе, если мы уберем старика? – с усмешкой спросил генерал.

– Да, я всерьез опасаюсь и этого, и того, что она может затеять смуту. Именно это она пообещала.

– Ты становишься трусом.

– Нет, генерал, я просто проявляю благоразумие. Я не сдаюсь, но этой Тигрицей надо заняться. – Линн немного помолчал и добавил: – На самом деле, верные люди говорили мне о ней, а я, должен честно признаться, не уделил этому вопросу должного внимания.

– И как же ты думаешь, мы можем от нее избавиться?

– Мы – не знаю, – сказал Линн, нахмурился и медленно проговорил: – Но если не. мы, то кто-нибудь еще сумеет.

18

Селдон тоже плохо спал этой ночью. Наступивший день также не сулил ничего хорошего. Он редко сердился на Дорс. Но на этот раз он был очень сердит.

– Какая глупость, какая ужасная глупость! – воскликнул он. – Ну разве мало было того, что мы все остановились в гостинице? Одного этого хватило бы для того, чтобы навести этого параноика, генерала, на мысль о заговоре!

— О каком заговоре, Гэри? Мы были безоружны и создавали впечатление развеселой компании, продолжавшей отмечать твой день рождения. Никакой угрозы от нас не исходило и исходить не могло.

— Да, но потом ты неизвестно зачем осуществила дерзкое вторжение на дворцовую территорию, затем чтобы вмешаться в мою беседу с генералом, в то время как я несколько раз повторял, что я этого не хочу. У меня на этот счет были свои собственные планы, ты же знаешь!

— Твои планы, твои желания, твои распоряжения — все это для меня вещи второго порядка по сравнению с твоей безопасностью. Меня беспокоило только это.

— Мне ничто не угрожало.

— Я не так беспечна, как ты. На твою жизнь покушались дважды. Почему ты так уверен, что не будет третьей попытки?

— Повторяю, оба покушения были предприняты тогда, когда я был премьер-министром. Тогда, может быть, я и вправду был фигурой, которую хотели убрать. Но кому придет в голову убирать старого математика?

— Вот как раз это я и хочу выяснить, — сказала Дорс, — выяснить и предотвратить. А начну с того, что побеседую кое с кем из твоих сотрудников.

— Нет. Ты только внесешь сумятицу в работу и расстроишь людей. Оставь их в покое.

— Вот этого я сделать не могу. Гэри, мое дело защищать, охранять тебя. Этим я занимаюсь уже двадцать восемь лет, и ты мне не помешаешь.

Глаза ее так сверкали, что Селдон понял — он ничего с ней поделать не сможет: она поступит так, как считает нужным.

Безопасность супруга для Дорс — превыше всего.

19

— Прости, Юго, можно я ненадолго оторву тебя от работы?

— Конечно, Дорс, без вопросов. Чем могу служить? — с веселой улыбкой спросил Юго Амариль.

— Мне нужно кое-что выяснить, Юго, и очень надеюсь, что ты не станешь надо мной смеяться.

— Постараюсь.

— У вас есть некий прибор под названием «Главный Радиант». Я то и дело о нем слышу. И Гэри о нем говорит непрестанно, так что я себе в принципе представляю, как он работает, но в действии никогда не видела. Ты не мог бы мне его показать?

Амариль нахмурился.

— Понимаешь, дело в том, что Главный Радиант относится к разряду засекреченных объектов, и пользоваться им могут только те, у кого есть соответствующий допуск. У тебя такого допуска нет.

— Я знаю, но ведь мы знакомы двадцать восемь лет...

— И ты — жена Гэри. Ну ладно, позвольм себе маленько нарушение. Полноценных Главных Радиантов у нас всего два. Один из них — в кабинете Гэри, второй — здесь. Вот он.

Дорс посмотрела на стоявший на столе матовый черный кубик.

— Вот этот? — недоверчиво спросила она.

— Да. В нем собраны уравнения, описывающие будущее.

— А как на них посмотреть?

Амариль нажал кнопку, в комнате стемнело, но почти сразу же черный кубик распространил молочно-белый свет, в лучах которого в воздухе повисли значки, стрелочки, линии, различные математические знаки. Казалось, они движутся, но когда глаза Дорс немного привыкли, она поняла, что это ей только показалось.

— Так, значит, это и есть будущее? — изумленно спросила Дорс.

— Может быть, — ответил Амариль, выключая прибор, — Я дал полное увеличение, потому ты видела значки и цифры. Без увеличения видны были бы только чередования темных и светлых пятнышек.

– Значит, изучая эти уравнения, вы можете судить, что нас ожидает в будущем?

– Теоретически – да, но есть две сложности.

– Да? И какие же?

– Начнем с того, что эти уравнения выведены, так сказать, не каким-то конкретным человеком. Десятки лет мы закладывали в компьютеры все более сложные программы, а компьютеры сами выводили и хранили уравнения, но мы, безусловно, не знаем, насколько они верны и каково их значение. Тут все зависит от того, насколько верным был сам процесс программирования.

– Значит, уравнения могут быть ошибочными?

– Могут, – кивнул Амариль и устало потер рукой глаза.

«Как же он постарел за последние годы! – с горечью и жалостью подумала Дорс, – Он ведь лет на десять моложе Гэри, а выглядит чуть ли не старше».

– Конечно, – продолжал Амариль усталым голосом, – мы надеемся, что не все уравнения ошибочны, но вот тут-то как раз и возникает вторая сложность. Несмотря на то что и я, и Гэри проверяли, вертели их так и этак столько лет, мы никогда не можем быть на сто процентов уверенными в том, каково значение уравнений. Их вывел компьютер, значит, резонно предположить, что некое значение у них имеется, но какое? Похоже, кое до чего мы начали докапываться. Знаешь, как раз сейчас я корплю над тем, что у нас называется «отрезком А-23», жутко запутанной системой уравнений. Пока мы не сумели приложить эту систему к чему-либо, имеющему место в реальной Вселенной. Однако с каждым годом мы все ближе к цели, и я верю в то, что психоистория в конце концов станет тем, чем мы мечтаем ее увидеть – надежной методикой для прогнозирования будущего.

– А сколько сотрудников имеют доступ к Главному Радианту?

– В принципе, все математики, занятые в Проекте, но не по собственному желанию. Оформляется запрос, причем заблаговременно, и Главный Радиант настраивается так, чтобы математик получил именно ту часть уравнений, с которой он хочет поработать. Когда сразу несколько человек выражают желание поработать с Главным Радиантом, возникают сложности. Сейчас, правда, особых запросов на работу с ним нет – видимо, народ еще не успел окончательно прийти в себя после юбилея Гэри.

– Скажи, а вы не подумывали сделать еще несколько Главных Радиантов?

– Даже не знаю, как сказать, – выпятив губы, проговорил Амариль. – Вообще-то мы обговаривали вопрос о том, как было бы хорошо установить третий прибор, но нужно кого-то назначить ответственным за него. Главный Радиант – это не компьютер, на котором можно позволить работать каждому. Я предложил Гэри, чтобы Тамвиль Элар – ну, ты же его знаешь…

– Да, знаю.

– Чтобы третий Главный Радиант установить в его кабинете. Разработанные им ахойтичные уравнения в сочетании с электрофокусировщиком выдвинули его на третью позицию в проекте после Гэри и меня. Но Гэри колеблется.

– Почему? Ты знаешь?

– Если Элар получит Главный Радиант, это будет официальным подтверждением того, что он третий человек в Проекте, то есть это поставит его выше других математиков, которые и старше его, и выше по должности. То есть возникнут определенного рода стратегические, так сказать, трудности. Я-то думаю, что нам нечего ломать себе головы над подобными проблемами, но Гэри… ты же знаешь Гэри.

– Да, я знаю Гэри. А допустим, я тебе скажу такую вещь… что, если Линн видел Главный Радиант?

– Линн?

– Полковник Хендер Линн из хунты. Приспешник Теннара, лакей.

– Сильно сомневаюсь, Дорс.

– Понимаешь, он говорил насчет кубков и цепочек, а я сейчас их видела собственными глазами. Не могу отделаться от мысли о том, что он был здесь и видел Радиант в работе.

Амариль покачал головой.

– Нет, не могу себе представить человека из хунты в моем кабинете или в кабинете Гэри.

– Скажи мне, как ты думаешь, кто в Проекте мог бы таким вот образом работать на хунту?

– Никто, – убежденно ответил Амариль. – Это невероятно. Возможно, что Линн не видел Главного Радианта, но ему о нем рассказали.

– Кто ему мог о нем рассказать?

Амариль после недолгого раздумья ответил:

– Никто.

– Ну хорошо, вот ты только что сказал о трудностях, что называется, внутриполитического характера, связанных с вероятностью получения Эларом третьего Главного Радианта. Наверное, в столь многочисленном коллективе, как ваш Проект, где трудятся сотни сотрудников, время от времени возникают какие-то мелкие стычки, ссоры.

– О да. Бедняга Гэри мне все время об этом твердит. Улаживать все это приходится ему, и я представляю, как это ему надоело.

– Скажи, эти ссоры достаточно серьезны, для того чтобы мешать работе над Проектом?

– Да нет, не так уж серьезны.

– Скажи, есть сотрудники, которые скандалят больше других? То есть я хочу спросить, можно ли, к примеру, избавиться от девяноста процентов этих внутренних трений ценой увольнения пяти-шести процентов персонала?

– Неплохая идея, – кивнул Амариль, – но только я не знаю, от кого нужно избавиться. Я ведь в нашу «внутреннюю политику» фактически не вмешиваюсь. Избежать всех этих мелочей невозможно, вот я и стараюсь попросту держаться подальше от всяких дрязг.

– Странно... – покачала головой Дорс. – Получается, что ты, таким образом, отрицаешь надежность психоистории.

– Как это?

– Но как же можно утверждать, что вы добрались до стадии, когда можно предсказывать будущее и управлять им, если вы не можете справиться с такими досадными мелочами внутри самого проекта, от которого это будущее напрямую зависит?

Амариль хихикнул. Это было совсем не похоже на него, ведь с юмором у него, как правило, было туговато, и он почти никогда не смеялся.

– Извини, Дорс. Видишь ли, ты зацепила проблему, которую мы разрешили. Мы об этом тоже думали. Сам Гэри разработал уравнения, описывающие вот эти самые межличностные трения, а в прошлом году я их довел до ума. Я обнаружил, что существуют способы видоизменения этих уравнений таким образом, чтобы свести трения к минимуму. Но в каждом конкретном случае выходит так, что за счет нивелирования трения в одном месте оно неизбежно усиливается в другом. Совершенно ликвидировать подобные неурядицы невозможно в условиях работы и общения людей в замкнутом коллективе – кто-то уходит, кто-то приходит – ну, вроде того как притираются новые детали, пока не встанут на место. Мне с помощью ахаотичных уравнений Элара удалось доказать, что тут ничего поделать нельзя, какие бы усилия ни предпринимались. Гэри называет это «законом консервации личных проблем».

В итоге возникло такое мнение, что у социальной динамики существуют такие же законы консервации или, лучше сказать, торможения, как в физике, и на самом деле именно эти законы могут стать для нас наилучшим руководством для решения самых затруднительных проблем психоистории.

– Впечатляюще, – усмехнулась Дорс, – но какой толк из всего этого, если в конце концов окажется, что абсолютно ничего изменить нельзя, что все плохое накапливается и что для того, чтобы уберечь Империю от разрушения, нужно разрушить еще что-нибудь?

– Некоторые именно так и думают, но я – нет.

– Хорошо. Вернемся к реальности. Скажи, есть что-нибудь такое во всех этих внутренних трениях, что угрожало бы Гэри. Физически угрожало, я имею в виду.

– Угрожало Гэри? Нет, конечно же, нет. Как тебе такое в голову пришло?

– Может быть, есть кто-то, кто хотел бы занять его место – какой-нибудь сверхамбициозный, агрессивный человек, жаждущий пожать все лавры? Может быть, кто-то думает, что Селдон засиделся на должности руководителя Проекта?

– Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь сказал подобное о Гэри.

Похоже, Дорс не удовлетворил его ответ.

— Нечего ждать, что кто-нибудь скажет такое вслух, это понятно. Ну, спасибо тебе, Юго, ты мне все-таки помог. Извини, что оторвала тебя на столько времени от работы.

Амариль долго смотрел ей вслед. Он немного встревожился, но окунувшись в работу, быстро позабыл о разговоре с Дорс.

20

Одной из причин время от времени отрываться от работы (а причин таких было крайне мало) были визиты к Рейчу, семейство которого обитало неподалеку от университетского кампуса. Когда Селдон шел туда, сердце его всякий раз наполнялось любовью к приемному сыну. Рейча нельзя было не любить — доброго, веселого, преданного, смышленого Рейча, обладающего удивительной способностью вселять любовь к себе в души людей, с которыми встречался.

Это его обаяние поразило Селдона еще тогда, когда Рейчу было всего двенадцать — тогда он был биллибтонским беспризорником, грязным бродяжкой, но ухитрился-таки тронуть сердца Гэри и Дорс. Не забыл Селдон и о том, каким искренним чувством к Рейчу прониклась когда-то Рейчел, тогдашняя мэр Сэтчема. Помнил он и то, как Рейч втерся в доверие к Джорануму, что в итоге привело Джоранума к гибели. Как его пасынок сумел завоевать сердце красавицы Манеллы. Гэри не мог дать себе отчет в том, как именно удается Рейчу быть таким обаятельным, но не вдаваясь в размышления, он попросту наслаждался всяким случаем, когда ему удавалось встретиться с сыном.

— Все хорошо? — по обыкновению поинтересовался Селдон, войдя в дом Рейча.

Рейч отложил в сторону голографические материалы, с которыми работал, и улыбнулся.

— Все хорошо, па.

— Что-то не слышно Ванды.

— Ясное дело. Они с Манеллой отправились за покупками.

Селдон уселся в кресло и с веселой усмешкой посмотрел на рабочий беспорядок на столе Рейча.

— Ну, как поживает книга?

— Она-то замечательно. Я похуже, — вздохнул Рейч. — Но когда я ее закончу, это будет прямо сенсация. Представь себе, про Даль до сих пор еще никто не писал книг, вот дела! — Селдон давно заметил — стоило Рейчу заговорить о родине, как он тут же сбивался на далийский жаргон, — Ну а ты как, па? — спросил Рейч. — Небось рад до смерти, что праздники закончились?

— Не то слово. Я их с трудом пережил.

— Да? По тебе заметно не было.

— Ну, я старался... Не хотелось другим настроение портить.

— Ну а как тебе мамино вторжение на дворцовую территорию? Сейчас все только про это и болтают.

— Рейч, конечно, я не в восторге, мягко выражаясь. Твоя мама — замечательный, удивительный человек, но с ней порой очень трудно. Похоже, она нарушила мои планы.

— Что за планы, па?

Селдон откинулся на спинку кресла. Ему было приятно разговаривать с Рейчем — всегда приятно поговорить с человеком, который тебя понимает и которому полностью доверяешь, но особенно Селдона в разговорах с Рейчем привлекало то, что тот ничего не смыслил в психоистории. Поговорив с сыном, он порой думал о его словах, прикидывал так и этак, и в итоге мысли эти приобретали такую форму, как если бы пришли в голову самому Селдону.

— Мы экранированы? — негромко спросил он.

— Всегда, — ответил Рейч.

— Отлично. Я сделал то, что намеревался сделать — натолкнул генерала Теннара на кое-какие любопытные мысли.

— Какие же?

— Ну, я кое-что рассказал ему о системе налогообложения и особо подчеркнул тот факт, что попытки равномерного сбора налогов с населения неизбежно приводят к тому, что система

становится избыточно сложной, непродуктивной и дорогостоящей. Отсюда вполне естественно следует вывод о том, что система налогообложения должна быть упрощена.

— Да, пожалуй, это имеет смысл.

— До определенной степени — да, но очень может быть, что после нашей беседы генерал Теннар может переборщить и скатиться к избыточному упрощению. Видишь ли, налогообложение при обеих крайностях порочно. Стоит чересчур усложнить систему — люди перестанут ее понимать и будут отказываться платить налоги. Стоит ее наоборот, упростить — люди сочтут такую систему несправедливой и будут протестовать. Самый простой налог — подушный, при котором все платят поровну, но нельзя с бедного и богатого брать поровну, это очевидно.

— А ты это генералу объяснил?

— Не получилось.

— И ты думаешь, что генерал введет подушный налог?

— Думаю, он склонится к этому. Если у него возникнут подобные намерения, информация непременно просочится, и этого одного будет достаточно, чтобы народ разбушевался и правительство почувствовало себя не слишком уютно.

— Значит, ты намеренно подкинул ему эту информацию, па?

— Естественно.

Рейч покачал головой.

— Не понимаю я тебя, па. В личной жизни ты человек мягкий, добрый — самый обычный. И вдруг затеваешь дело, из-за которого могут начаться волнения, восстания — ведь их будут подавлять, и кто-то может даже погибнуть, Это не безболезненно, папа. Ты об этом подумал?

Селдон тяжело вздохнул.

— Да я ни о чем другом, кроме этого, не думаю, Рейч. Когда я только начинал работать над психоисторией, все это дело представлялось мне чисто научной работой. Казалось, из этого ничего не выйдет, а если и выйдет, все равно результаты нельзя будет применить на практике. Но проходят годы, десятилетия, и мы узнаем все больше и больше, и возникает непреодолимое желание все-таки попробовать, что дадут полученные результаты.

— Ради чего? Ради того, чтобы погибали люди?

— Нет, ради того, чтобы погибало меньше людей, чем могло бы погибнуть. Если проведенный нами психоисторический анализ верен, то хунта больше нескольких лет не продержится, и есть несколько способов ускорить ее уход со сцены. Все не бескровные, все не безобидные. Но этот способ — уловка с налогами — должен пройти наиболее спокойно, чем какой-либо другой, повторяю — в том случае, если результаты анализа верны.

— А если нет, тогда что?

— Тогда может случиться неизвестно что. Но должна же когда-то психоистория достичь такой стадии, когда ее выводы можно было бы применить на практике, а мы такой возможности ждали многие годы — такой возможности, когда мы могли бы с высокой степенью вероятности прогнозировать последствия событий, и эти последствия были бы наименее отрицательны в сравнении с другими вариантами. В каком-то смысле игра с налогами — первый настоящий психоисторический эксперимент.

— Что-то уж очень просто получается, как тебя послушаешь.

— Это иллюзия. Ты просто не представляешь, как сложна психоистория. Нет, все непросто. Время от времени к подушному налогу так или иначе прибегали на протяжении истории. И народ никогда не воспринимал его введение как большую радость, и всегда были выступления против такой системы налогообложения, однако протест никогда, практически никогда не приводил к низвержению правительства в резкой форме. В конце концов правительство может обладать слишком сильной властью, а форма протеста может быть достаточно спокойной и планомерной, и в итоге парод может добиться того, что правительство пойдет на уступки и отменит налог. Если бы подушный налог был смертельно опасен, уверяю тебя, ни одно правительство никогда бы не подумало вводить его. Именно из-за того, что он почти безболезнен, к нему и прибегали время от времени. Однако ситуация на Тренторе не совсем типичная. Психоисторический анализ прослеживает значительную нестабильность общественно-политической обстановки, и поэтому введение подушного налога должно вызвать

исключительно сильный протест, подавление которого должно оказаться исключительно вялым.

Рейч покачал головой.

— Надеюсь, что все получится, папа, но не кажется ли тебе, что генерал возьмет и объявит во всеуслышание, что он действовал согласно указаниям психоистории, и, погружаясь на дно, утянет и тебя с собой?

— Я почти уверен, что наша беседа с ним записывалась, но если ее содержанию суждено увидеть свет, то станет ясно, что я уговаривал его повременить, выждать, покуда я не доведу анализ существующего положения вещей до конца, покуда не представлю ему отчет — а он отказался ждать.

— А мама что обо всем этом думает?

— Ясней об этом не говорил, — ответил Селдон. — У нее теперь другие дела — очередная охота на ведьм.

— Правда?

— Угу. Пытается выявить глубокое подполье в рядах сотрудников Проекта, деятельность которого направлена против меня, ты только представь себе! Наверное, ей кажется, что среди моих сотрудников есть немало людей, которые только и мечтают от меня избавиться. Честно говоря, — вздохнул Селдон, — один из этих людей — я сам. Мне бы очень хотелось сбросить с себя груз ответственности за Проект и всю психоисторию, и переложить его на плечи других.

— По-моему, маме не дает покоя сон Ванды. Ты же знаешь, как она заботится о твоей безопасности. Клянусь, даже сон о твоей смерти мог заставить ее броситься на поиски заговора против тебя.

— Искренне надеюсь, что никакого заговора нет и быть не может.

Отец и сын весело расхохотались.

21

В электрофизической лаборатории почему-то было заметно холоднее, чем в других помещениях. Ожидая, когда освободится сотрудница — единственная, кто работал в лаборатории, Дорс сидела и разглядывала ее.

Стройная, с тонкими чертами лица. Красивой ее назвать было нельзя — лицо очень портили узкие губы и тяжеловатый подбородок, но в карих глазах светился ум. На табличке на письменном столе горели буквы «СИНДА МОНЕЙ».

Наконец она обернулась к Дорс и сказала:

— Прошу простить, доктор Венабили, но есть кое-какие процессы, которые нельзя прерывать даже ради жены директора.

— Я бы очень расстроилась, если бы вы бросили работу ради меня. Мне о вас говорили много хорошего.

— Это всегда приятно. Кто же меня хвалил?

— Точно не вспомню, — ответила Дорс, — Насколько я понимаю, вы одна из самых выдающихся ученых-нематематиков, занятых в работе над Проектом.

Синда Моней усмехнулась.

— Знаете, математики у нас числятся аристократами. Что касается меня, то я бы предпочла, чтобы меня считали выдающимся участником работы над Проектом, таким же, как все остальные. Какая разница — математик я или нет?

— Я с вами согласна. Скажите, вы давно работаете здесь?

— Два с половиной года. До этого я закончила аспирантуру по радиационной физике в Стрилинге и параллельно проходила практику здесь.

— Видимо, вы успешно работаете в Проекте?

— Меня дважды повышали в должности, доктор Венабили.

— Скажите, были у вас какие-нибудь трудности — строго между нами, доктор Моней?

— Работа сложная, но вы, вероятно, имеете в виду личные сложности. На это я вам могу ответить одно: нет. По крайней мере, если они и были, то это вполне естественно, как я думаю, в таком большом коллективе.

– Что это означает?

– Мелкие стычки, ссоры. Мы же все живые люди.

– Но ничего серьезного?

Моней покачала головой.

– Нет, ничего серьезного.

– Насколько мне известно, доктор Моней, – сказала Дорс, – именно вы разработали устройство, исключительно важное для работы с Главным Радиантом, с помощью которого этот прибор выдает гораздо больше информации.

Моней радостно улыбнулась.

– Так вы знаете об этом? Да, это электрофокусировщик. После того как он был разработан, профессор Селдон выделил мне эту небольшую лабораторию и назначил меня ответственной над работой в этой области.

– Я удивлена, что такой значительный успех не дал вам возможности выдвинуться в ряды элиты Проекта.

– Ну что вы... – смущенно проговорила Моней. – Это было бы несправедливо. На самом деле моя работа носила чисто технический характер, инженерный. Да, конечно, она была чрезвычайно тонкой, но тем не менее именно инженерной.

– А кто работал с вами?

– Разве вы не знаете? Тамвиль Элар. Он высказал идею, а я разработала и осуществила сборку устройства.

– Означает ли это, что слава изобретения досталась ему?

– Нет-нет. Вы не должны так думать. Доктор Элар вовсе не такой человек. Он честно разделил со мной права на изобретение. На самом деле, он хотел, чтобы устройство носило наши имена – оба наших имени, но ему это не удалось.

– Почему?

– Таковы указания профессора Селдона. Все устройства, все формулы – должны носить исключительно функциональные названия, а не имена их создателей, чтобы не было никаких обид. И поэтому разработанное нами устройство называется просто электрофокусировщиком. Правда, когда мы работаем вместе с доктором Селдоном, он называет его нашими именами, и это звучит замечательно, доктор Венабили, честно говоря. Может быть, когда-нибудь все наши изобретения получат наши имена. Я очень на это надеюсь.

– Я тоже, – вежливо кивнула Дорс. – Судя по тому, как вы говорите об Эларе, получается, что он очень милый человек.

– Да. Да, это так, – кивнула Моней. – С ним очень приятно работать. Как раз сейчас я разрабатываю новый вариант устройства – более мощный. Точно определить, для чего он предназначен, я не могу. А доктор Элар руководит моей работой.

– Есть успехи?

– О, да. Я уже передала доктору Элару прототип устройства, который он собирается опробовать. Если получится, мы продолжим работу.

– Звучит неплохо, – сказала Дорс. – Скажите, доктор Моней, как вы думаете, что произойдет, если профессор Селдон решит уйти с поста руководителя Проекта? Если он уйдет в отставку?

Моней не смогла скрыть удивления.

– Разве профессор собирается в отставку?

– Нет, насколько я знаю. Я просто высказываю предположение. Допустим, он уйдет в отставку. Как вы думаете, кто бы мог стать его естественным преемником? Судя по тому, что вы мне рассказали, у меня создалось такое ощущение, что вы видите кандидатом на этот пост доктора Элара.

Моней растерялась, но, собравшись с мыслями, ответила:

– Да, пожалуй, это так. Из новых сотрудников вряд ли найдется более талантливый человек, и, я думаю, он мог бы лучше других возглавить работу над Проектом. Но все-таки он слишком молод. А в Проекте много ветеранов – вы понимаете меня, надеюсь, которые не захотят работать под началом, так сказать, молодого выскочки.

– Вы имеете в виду кого-нибудь конкретно из этих самых ветеранов? Говорите

откровенно, разговор у нас чисто конфиденциальный.

– Их не так много, но... доктор Амариль – он же, гак сказать, законный наследник.

– Да, я понимаю, что вы имеете в виду, – кивнула Дорс. – Ну что ж, спасибо за помощь. Не стану больше отрывать вас от работы.

Дорс ушла, думая об электрофокусировщике и Юго Амариле.

22

– А, это снова ты, Дорс, – обернувшись, кивнул Юго Амариль.

– Прости, Юго. Опять я тебе надоедаю – уже второй раз на этой неделе. Обычно к тебе редко кто заходит, верно?

– Да, я не большой любитель болтать с кем-либо во время работы. Отрываешься, теряешь мысль... Я не о тебе, Дорс, прости, пожалуйста. Ты и Гэри – это другое дело. Не бывает дня, чтобы я забыл о том, что вы сделали для меня.

– Не надо, Юго, – умоляюще замахала руками Дорс. – Ты столько сделал для Гэри, что уже давно оплатил долг. С лихвой оплатил. Скажи мне честно, как движется работа над Проектом? Гэри молчит, мне, по крайней мере, ничего не говорит.

Амариль закинул руки за голову, Лицо его просияло. Казалось, вопрос Дорс вздохнул в него жизненные силы.

– Ладно, расскажу. Все хорошо. Просто замечательно. Трудно, правда, рассказывать, не прибегая к математике, но за последние два года мы добились потрясающих успехов – гораздо более значительных, чем за все предыдущие годы. Словно мы блуждали вокруг да около и наконец выбрались на верную дорогу.

– Я слыхала, будто вам очень помогли новые уравнения, выведенные доктором Эларом.

– Ахаотичные уравнения? Да. Невероятно помогли.

– А также электрофокусировщик. Я недавно разговаривала с женщиной, которая его придумала.

– С Синдой Моней?

– Да.

– Она большая умница. Нам с ней здорово повезло.

– Скажи, Юго... ты почти все время работаешь с Главным Радиантом, верно?

– Да, я практически постоянно работаю с ним.

– И в работе с ним пользуешься электрофокусировщиком?

– Конечно.

– Юго, а ты не подумывал взять отпуск?

Амариль взглянул на Дорс, подслеповато моргая.

– Отпуск? Зачем мне отпуск?

– Я спросила, потому что ты выглядишь очень усталым.

– Ну бывает время от времени... Но я не хотел бы бросать работу.

– А ты не чувствуешь себя в последнее время более усталым, чем обычно?

– Пожалуй. Но годы идут, я ведь уже не мальчик, Дорс.

– Тебе всего сорок девять, Юго.

– Все равно это больше, чем раньше, верно?

– Ну ладно. Скажи мне, Юго, – я спрашиваю, чтобы сменить тему – а как сейчас трудится Гэри? Ты так долго работаешь с ним рука об руку, что вряд ли отыщется другой, кто знает его лучше тебя. Даже я. По крайней мере в том, что касается работы.

– Он работает как одержимый, Дорс. Я не замечаю в нем никаких перемен. Возраст как бы и не сказывается. До сих пор в Проекте нет ему равных по уму и проницательности.

– Приятно слышать. Только боюсь, сам он о себе не такого высокого мнения. Он плохо мирится со своим возрастом. Еле-еле заставили его согласиться на празднование юбилея. Ты, кстати, был на празднике? Что-то я тебя не видела.

– Побыл недолго. Но ты же знаешь, я на вечеринках себя не слишком уютно чувствую.

– Как ты думаешь, Гэри устал? Я не о его умственных способностях спрашиваю, только о физическом состоянии. Скажи честно, может быть, ему уже не под силу такая тяжкая

ответственность? Амариль удивился не на шутку.

– Я и не думал об этом. Просто не могу себе представить, что Гэри устал.

– Он живой человек, Юго, и способен устать. Я так понимаю, что время от времени у него возникает желание все бросить и передать руководство Проектом кому-нибудь помоложе.

Амариль откинулся на спинку стула и положил на стол джойстик, который вертел в руке все время, пока разговаривал с Дорс.

– Что?! Это глупо! Это невероятно!

– Ты так уверен?

– Абсолютно! Он бы не задумал такого, не поговорив для начала со мной. А со мной он не говорил.

– Юго, подумай. Подумай спокойно. Гэри действительно устал. Он старается не показывать этого, но это так. Что, если он решит уйти в отставку? Что станет с Проектом? Что будет с психоисторией?

– Ты шутишь, Дорс? – прищурившись, спросил Амариль.

– Нет. Просто стараюсь заглянуть в будущее.

– Безусловно, если Гэри уйдет в отставку, его пост займу я. Ведь мы вдвоем работали над Проектом много лет, задолго до того, как к работе присоединились другие. Он и я. Только мы. Никто, кроме меня, лучше не понимает, что такое Проект – после Гэри, разумеется. Похоже, ты удивлена, Дорс? Разве я не прав?

– Нет, ни я, ни кто-либо другой не подумает оспаривать того факта, что ты – самый законный преемник на посту руководителя Проекта, но сам-то хочешь этого? Ты можешь все знать о психоистории, но разве тебе хочется окунуться с головой в то, о чем мы говорили в прошлый раз – во все эти дрязги, трения, сложности – ведь тогда ты будешь вынужден отказаться в значительной мере от собственной работы. Ведь Гэри, в основном, устал из-за того, что ему приходится всех и вся держать в узде. Справишься ли с такой работой?

– Да, справлюсь, но говорить об этом не желаю. Послушай, Дорс, ты зачем пришла? Чтобы намекнуть, что Гэри хочет меня уволить?

– Что ты! – возмутилась Дорс. – Как ты мог подумать такое о Гэри? Разве он когда-нибудь предавал друзей?

– Ну ладно. Давай не будем об этом. Послушай, Дорс, ты меня извини, конечно, но у меня уйма работы.

Амариль резко отвернулся и склонился над столом.

– Да-да, я не буду тебе мешать. Дорс ушла недовольная.

23

– Входи, ма, – сказал Рейч, улыбаясь, – Плацдарм пуст. Я услал Ванду и Манеллу погулять.

Дорс вошла, по привычке огляделась и села на первый попавшийся стул.

– Спасибо, сынок.

Некоторое время она сидела молча. Казалось, Империя всем своим колосальным весом легла на ее плечи.

Рейч подождал немного и сказал:

– Мне до сих пор не удалось спросить тебя о твоем отважном вторжении на дворцовую территорию. Не у каждого есть матушка, способная на такой подвиг.

– Об этом мы не будем говорить, Рейч.

– Ну хорошо, тогда скажи... по тебе никогда не скажешь, как ты себя чувствуешь, но сейчас такое впечатление, что ты вроде бы не в себе. Что случилось?

– Я действительно, как ты говоришь, не в себе. Настроение паршивое, поскольку я думаю об очень важных вещах, а с папой говорить о них невозможно. Он замечательный человек, но ладить с ним ужасно трудно. Его никакими силами невозможно вывести из равновесия. Начну говорить, что я волнуюсь за него – он отмахнется и скажет, – что это все из-за того, что я без всяких оснований боюсь за его жизнь и стараюсь оберегать его.

– Ма, но это правда – ты действительно чаше всего боишься за папу безосновательно.

Если у тебя на уме что-нибудь страшное, то скорее всего ты ошибаешься.

— Спасибо, утешил. Ты говоришь в точности как он, а я не могу найти себе места. Просто не знаю, что делать.

— Ну, тогда тебе надо выговориться, ма. Расскажи мне все. С самого начала.

— Все началось со сна Ванды.

— Ах, со сна Ванды? Ма, лучше не продолжай. Папа, будь он на моем месте, не дал бы тебе дальше говорить. Нет, ты говори, конечно. Малышке приснился сон, и ты сделала из муhi слона. Это глупо.

— Я думаю, что это был не сон, Рейч. Я думаю то, что она приняла за сон, было на самом деле явью, и в этой яви двое мужчин разговаривали о смерти ее деда.

— Это всего-навсего твоя догадка. Как можно доказать, что это правда?

— А ты все-таки представь, что это правда. Единственное слово, которое она запомнила, кроме слова «смерть», это слово — «финики». При чем тут могут быть финики? Скорее всего, она слышала какое-то другое слово, оно ей было незнакомо, но по звучанию похоже на слово «финики». Что это могло быть за слово?

— Ну, это уж я не знаю, — пожал плечами Рейч.

Дорс не оставила без внимания его реакцию.

— Ты, конечно, считаешь, что это плод моего болезненного воображения. И все же, если это окажется правдой, это может означать, что против Гэри существует заговор — прямо здесь, среди сотрудников Проекта.

— Заговор среди сотрудников Проекта?! Для меня это столь же невероятно, как поиск логики в детском сне.

— Однако во всяком большом коллективе существуют свои обиды, зависть, ссоры.

— Конечно, конечно. Мы говорим друг другу обидные слова, хмуримся, злорадствуем — все что угодно, но все это не имеет никакого отношения к желанию убить папу.

— Тут все дело в степени желания. И очень может быть, что различие крошечное, но его окажется вполне достаточно.

— Ни за что не заставишь папу поверить в это. И меня, кстати, тоже. Значит, — сказал Рейч, расхаживая по комнате, — именно этим ты занималась в последние дни — пытались выявить наличие так называемого заговора, да?

Дорс кивнула.

— Ничего не вышло?

Дорс опять кивнула.

— А тебе не показалось, что у тебя ничего не вышло именно потому, что никакого заговора нет и в помине?

Дорс покачала головой.

— У меня пока ничего не вышло, однако убежденность в том, что заговор существует, осталась. Я это интуитивно чувствую.

Рейч рассмеялся.

— Это как-то банально. От тебя даже странно такое слышать, ма.

— Видишь ли, есть слово, похожее на слово «финики». Это слово «физики».

— При чем тут могут быть «физики»?

— В Проекте работают сотрудники разного профиля. В том числе и физики.

— Ну и?

— Допустим, — упрямо тряхнула головой Дорс, — это означает, что убить Гэри хотят с помощью одного или нескольких физиков, сотрудников Проекта. Ванда слова «физики» не знает, так почему бы ей вместо этого не послышались «финики», если учесть, что она их просто обожает?

— Ты хочешь сказать мне, что в личном кабинете отца находились люди... кстати, сколько их там было?

— Ванда, вспоминая свой сон, говорит, что их было двое. У меня такое чувство, что одним из двоих был не кто иной, как полковник Хендер Линн, большая шишка в хунте, что ему был продемонстрирован в действии Главный Радиант, и он с кем-то вел разговор об уничтожении Гэри.

— Мама, ты меня прости, но это звучит все более и более дико. Полковник Линн и кто-то еще разговаривали о том, чтобы убить отца в его собственном кабинете, и при этом не заметили, что в кресле — маленькая девочка, которая может услышать их разговор? Так у тебя получается?

— Вроде того.

— В таком случае, раз речь шла о физиках, следовательно, второй человек, скорее всего — математик.

— Да, мне так кажется.

— А мне кажется, что это совершенно невероятно. Даже если бы это было так, о каком математике может идти речь? Их пятьдесят человек в Проекте.

— Я не со всеми беседовала. Но с некоторыми поговорила, и кое с кем из физиков, кстати, но пока ни до чего не докопалась. Но ты же понимаешь, я не могу задавать слишком конкретных вопросов.

— Короче говоря, никто из тех, с кем ты говорила, не вызвал у тебя ощущения существования заговора.

— Нет.

— Неудивительно, Этого не произошло, потому что...

— Я знаю, что ты скажешь, Рейч. Неужели ты думаешь, что люди возьмут и в приятной беседе раскроют все карты? Я же не пытаюсь силой вытягивать показания у кого бы то ни было. Ты представляешь, что скажет отец, если я обижу кого-нибудь из его драгоценных математиков? — И вдруг, совершенно другим голосом, Дорс спросила: — Рейч, ты в последнее время говорил с Юго Амарилем?

— В последнее — нет. Ты же знаешь, он не большой любитель разговоры разговаривать. Если у него отнять психоисторию, только кожа и останется.

Дорс печально усмехнулась, представив себе созданный Рейчем образ Юго.

— А я говорила с ним на днях. Знаешь, он показался мне каким-то отрешенным. Даже не то чтобы усталым. Нет, такое впечатление, что он ничего вокруг себя не замечает.

— Да. Это Юго во всей красе.

— А тебе не кажется, что в последнее время это состояние у него прогрессирует?

Немного подумав, Рейч ответил.

— Очень может быть. Он тоже стареет, как все мы, кроме тебя, ма, конечно.

— А тебе не кажется, что он стал вести себя несколько необычно — стал неуравновешенным, что ли?..

— Кто? Юго? С чего бы это ему становиться неуравновешенным? Дай ему только спокойно заниматься психоисторией, и он будет с ней возиться до конца своих дней.

— А мне так не кажется. Есть нечто, что его очень интересует — очень сильно. Вопрос о преемственности.

— Какой преемственности?

— Я намекнула, что в один прекрасный день у отца может возникнуть желание уйти в отставку, и оказалось, что у Юго нет никаких сомнений, что его преемником станет он.

— Ничего удивительного. Думаю, все согласны с тем, что Юго — законный наследник на этом посту. И отец наверняка думает так же.

— Все так, но у Юго явно пункттик на этот счет. Представляешь, он решил, что я явилась для того, чтобы намекнуть, будто Гэри хочет назначить после себя на пост руководителя не Юго, а кого-то другого. Ты можешь себе представить, чтобы кто-то такое подумал о Гэри?

— Да, это удивительно... — пробормотал Рейч и пристально посмотрел на мать.

— Мама, ты собираешься сказать, что ниточки заговора, о котором ты говоришь, тянутся к Юго? Что он хочет избавиться от папы и занять его место?

— Разве это абсолютно невозможно?

— Да, мама, невозможно. Если с Юго что-то не так, то это всего-навсего переутомление, и ничего больше. Поглядеть на эти бесконечные уравнения с утра до ночи — да кто хочешь с ума сойдет!

— Ты прав, — резко поднявшись со стула, кивнула Дорс.

Рейч вздрогнул.

– Ты о чем?

– О том, что ты только что сказал. Ты подсказал мне совершенно новую мысль. Потрясающе важную.

Дорс ушла уверенным шагом.

24

Дорс с укором сказала Гэри:

– Целых четыре дня ты провел в Галактической Библиотеке. Удрал, и мне – ни слова. Опять ухитрился уехать без меня.

Муж и жена смотрели на голограммические изображения друг друга. Гэри только что вернулся из Галактической Библиотеки, расположенной в Имперском Секторе. Позвонил Дорс из своего кабинета, чтобы известить ее о том, что он уже в Стрилинге. «Даже когда она злится, – подумал Селдон, – она все равно красавица». И ему ужасно захотелось, чтобы жена оказалась рядом – настоящая, живая, и он мог погладить ее по щеке.

– Дорс, – откашлявшись, произнес Селдон, стараясь говорить как можно строже. – Я ездил туда не один. Со мной было несколько сотрудников, а Галактическая Библиотека для ученых – место совершенно безопасное, даже в наши неспокойные времена. Думаю, со временем мне придется бывать там все чаще и чаще.

– И ты собираешься и впредь удирать туда, не предупредив меня?

– Дорс, я не могу так жить – все время думая о смерти, как ты. Кроме того, я не хочу, чтобы ты водила меня за ручку – библиотекари этого не поймут, им будет просто смешно. Библиотекари – это не хунта. Я нуждаюсь в них, и мне не хотелось бы, чтобы они нервничали. Но я думаю, что я... то есть мы... могли бы снять квартиру поблизости от библиотеки.

Дорс нахмурилась, покачала головой и сменила тему разговора.

– Знаешь, я за последние дни пару раз поговорила с Юго.

– Замечательно. Я рад. Его обязательно надо тормошить время от времени, а то он совсем закопался в науке.

– Верно, и с ним не все в порядке. Он совершенно не похож на того Юго, который был рядом с нами все эти годы. Вялый, отрешенный, и вот что странно – его искренне, страстно волнует единственный вопрос, то есть, насколько я успела понять, его непоколебимая решимость занять твой пост, после того как ты уйдешь в отставку.

– Но это совершенно естественно, и все будет именно так, если он переживет меня.

– А ты думаешь, он тебя не переживет?

– Он, правда, на одиннадцать лет моложе меня, но в жизни всякое бывает. Никто не застрахован от случайностей.

– На самом деле, ты хочешь мне сказать, что и сам видишь, что Юго в неважнецком состоянии. Он и выглядит и ведет себя так, словно старше тебя, и признаки эти появились сравнительно недавно. Он, слушаем, не болен?

– Физически? Не думаю. Он, как и все сотрудники, проходит регулярные медицинские осмотры. Хотя я с тобой согласен, вид у него истощенный. Я пытался убедить его взять отпуск на пару месяцев – да хоть на целый год, если пожелает. Предлагал ему уехать куда-нибудь с Трентора, чтобы он совершенно отвлекся от работы над Проектом. Не было бы никаких проблем оплатить ему отдых на Геторине – прекрасный курорт и не слишком далеко.

Дорс нетерпеливо покачала головой.

– Не сомневаюсь, он отказался. Я ведь тоже предложила ему уйти в отпуск, а он на меня так посмотрел, словно и слова такого не знает. Наотрез отказался.

– Так что же нам с ним делать? – спросил Селдон.

– Давай подумаем, – предложила Дорс. – Попытаемся понять, в чем дело. Юго работает над Проектом целых двадцать пять лет, и до сих пор с ним все было более или менее в порядке – никаких отклонений. И вдруг ни с того ни с сего именно в последнее время он страшно ослаб. Дело не в возрасте. Ему еще пятидесяти нет.

– Ты чувствуешь, что здесь есть какая-то причина?

– Да. Скажи, как долго ты и Юго пользуетесь этим вашим электрофокусировщиком в

работе с Главным Радиантом?

– Около двух лет – ну может, немного дольше.

– Насколько я понимаю, электрофокусировщиком пользуются все, кто работает с Главным Радиантом?

– Верно.

– Значит, в основном, Юго и ты, так?

– Так.

– Но Юго пользуется им чаще тебя?

– Да. Юго не отрывается от Главного Радианта и уравнений. Я, увы, вынужден тратить много времени на административные дела.

– А какое действие оказывает электрофокусировщик на организм человека?

Селдон удивился.

– Насколько я знаю, никакого особенного действия он не оказывает.

– В таком случае. Гэри, объясни мне кое-что. Электрофокусировщик используется в работе больше двух лет, и именно за это время ты стал сильнее уставать, стал ворчливым и раздражительным. Из-за чего?

– Просто я старею, Дорс.

– Чепуха. Кто тебе сказал, что шестьдесят лет – это старческий маразм? Ты пользуешься своим возрастом для того, чтобы брюзжать и защищаться, как некое оправдание, и я хочу, чтобы это прекратилось. А Юго, который намного моложе тебя, имеет дело с электрофокусировщиком чаще и в целом дольше, чем ты, и в результате он еще более изможден, раздражителен и неуправляем. И потом – он совершенно по-детски относится к вопросу о наследовании твоего поста. Тебе не кажется, что тут есть над чем задуматься?

– Конечно, есть над чем. Возраст и переутомление.

– Нет, не возраст и не переутомление, а электрофокусировщик. Это он вас обоих так измотал.

Немного помолчав, Селдон задумчиво проговорил:

– Доказать, что это не так, Дорс, я не могу, но не понимаю, как это может выглядеть, Электрофокусировщик – устройство, производящее необычное электронное поле, но это всего-навсего поле, действию которого люди подвергаются постоянно. Оно не может нанести человеку никакого вреда… Но как бы то ни было, мы не можем отказаться от использования этого прибора. Без него совершенно невозможно продолжать работу над Проектом.

– Хорошо, Гэри, а теперь я хочу попросить тебя кое о чем и прошу тебя помочь мне в этом. Не удаляйся из помещений Проекта никуда, не предупредив меня, и не делай ничего необычного, не поставив меня в известность. Понимаешь?

– Дорс, как я могу согласиться на такое? Ты пытаешься натянуть на меня смирительную рубашку!

– Это недолго. На несколько дней. Максимум – на неделю.

– Но что может случиться за несколько дней и даже за неделю?

– Положись на меня, – сказала Дорс. – Я все выясню.

25

Гэри Селдон на старомодный манер известил Юго Амариля о своем приходе – постучал в дверь. Юго оглянулся.

– Гэри, как приятно тебя видеть!

– Мне следовало бы заходить почаше. В старые добрые времена мы почти не разлучались с тобой. А теперь мне приходится заботиться о сотнях людей – тут, там, везде и повсюду, и это мешает нам видеться чаще. Новости слышал?

– Какие новости?

– Хунта собирается ввести подушный налог – и немалый, кстати говоря. Завтра об этом будет объявлено по тренторвидению. Для начала налог введут на Тренторе, а во Внешних Мирах пока подождут. Это меня несколько огорчает. Я-то надеялся, что налог будет введен одновременно по всей Империи, но очевидно, я все-таки слишком старательно призывал

генерала к осторожности.

— Хватит и Трентора, — сказал Амариль. — Внешние Миры прекрасно поймут, что не сегодня-завтра дело дойдет и до них.

— Теперь остается только ждать и смотреть, что случится.

— Начнется дикий крик, как только будет передано официальное сообщение. Начнутся демонстрации — еще до того, как налог будет введен фактически.

— Ты уверен?

Амариль включил Главный Радиант и быстро нашел нужный участок.

— Сам посуди, Гэри. Уж и не знаю, как это можно интерпретировать иначе, ведь этот прогноз сделан при наличии тех самых специфических условий, которые имеют место сейчас. Если этого не произойдет, значит, вся наша работа над психоисторией — мартышкин труд, а я отказываюсь в это верить.

— Постараюсь набраться мужества, — улыбнулся Селдон. — Юго, скажи, как ты себя чувствуешь в последнее время?

— Да нормально, практически нормально. А ты-то сам как? До меня дошел слух, будто бы ты собрался на пенсию. Даже Дорс что-то в этом роде сказала.

— Не обращай на Дорс внимания. Она сейчас говорит все, что угодно. Ей в голову втемяшилась какая-то ерунда — будто бы Проекту грозит какая-то опасность.

— Какая опасность?

— Лучше не спрашивать. Просто пунктик какой-то, и разговаривать с ней стало совершенно невозможно.

— Видишь, как мне повезло, что я холостяк, — ухмыльнулся Амариль и спросил потише; — А если ты действительно собираешься в отставку, какие у тебя планы на будущее, Гэри?

— Ты займешь мое место. Какие у меня еще могут быть планы!

Амариль довольно улыбнулся.

26

Разговор Дорс Венабили с Тамвилем Эларом происходил в небольшом конференц-зале главного здания университета. Слушая Дорс, Элар все сильнее краснел. Наконец он не выдержал и взорвался:

— Невероятно!

Замолчав, он яростно потер подбородок, взял себя в руки и сказал:

— Не хочу вас обидеть, доктор Венабили, но ваши предположения, по меньшей мере, странны, и вы не правы. Да как такое возможно здесь, в нашем коллективе? Нет, ваши подозрения лишены всякого основания. Если бы все, о чем вы говорите, имело место, я бы, несомненно, знал об этом. Уверяю вас, ничего этого нет. И не думайте об этом.

— А я об этом думаю, — упрямо мотнула головой Дорс. — И у меня есть для этого все основания.

— Уж и не знаю, как сказать, чтобы вы не обиделись, доктор Венабили, — хмыкнул Элар, — но если человек достаточно изобретателен и страстно желает что-либо доказать, он найдет все причины и основания в подтверждение своим предположениям — ну или, по крайней мере, все, что он таковыми посчитает.

— Вы думаете, у меня паранойя?

— Я думаю, что ваше беспокойство о маэстро, которое я с вами полностью разделяю, преувеличено, скажем так.

Дорс помолчала, обдумывая слова Элара.

— В том, что изобретательный человек может найти доказательства своей правоты, я с вами согласна. Например, я могу выдвинуть против вас обвинение.

Элар выпучил глаза.

— Против меня? Занятно! Очень хотелось бы услышать, что же это за обвинения такие!

— Прекрасно. Услышите. Скажите, отметить юбилей Гэри — это была ваша идея, не так ли?

— Я думал об этом, не отрицаю, но и другие тоже думали. При том, что маэстро в последнее время так сокрушался о своем почтенном возрасте, желание подбодрить его было

вполне естественно.

— Согласна, другие, может быть, тоже об этом думали: но вы сильнее остальных настаивали на праздновании юбилея и заразили этой идеей мою невестку. Она занялась подготовкой, а вы убедили ее в том, что празднование нужно сделать как можно более пышным. Так?

— Вот уж не знаю, оказал ли я на нее такое сильное влияние, но пусть даже так, что в этом дурного?

— В принципе, ничего, однако устраивая столь помпезное и длительное торжество, разве мы тем самым не намекнули подозрительным и небезопасным людям из хунты на то, что Гэри — слишком популярный человек, а стало быть — угроза для них?

— Никто не поверит, что у меня на уме было что-либо подобное.

— А я пока всего-навсего высказываю предположение, — усмехнулась Дорс. — Пойдем дальше. Планируя проведение торжества, вы распорядились освободить главные помещения Проекта...

— На время. По совершенно очевидным причинам, — уточнил Элар.

— ...и настояли, чтобы временно туда никто не заходил. Никто не работал в те дни — один только Юго Амариль.

— Не думаю, чтобы маэстро был недоволен, что перед его юбилеем сотрудники немного передохнули. Безусловно, и вы на это не можете пожаловаться.

— Я говорю о том, что в пустых кабинетах очень удобно вести секретные переговоры. Ведь кабинеты надежно экранированы.

— А я и вел там переговоры — с вашей невесткой, торговцами, дизайнерами — да с кем только я не говорил. Это было совершенно необходимо, или вы так не считаете?

— Что, если один из тех, с кем вы вели переговоры, был членом хунты?

Элар так посмотрел на Дорс, словно она дала ему пощечину.

— Это неправда, доктор Венабили. За кого вы меня принимаете?

Дорс не дала ему прямого ответа.

— Вы, — сказала она, — обратились к доктору Селдону с предложением заменить его во время предстоящей встречи с генералом Теннаром — вы очень старались убедить его в том, как это благоразумно с вашей стороны, и как рискованно для него. В результате доктор Селдон принялся отстаивать свое желание лично увидеться с генералом, что можно истолковать таким образом: именно этого вы и добивались.

Элар издал короткий нервный смешок.

— Ей-богу, при всем уважении, доктор Венабили, но все-таки это здорово смахивает на параноидальные дела.

Дорс не отступала.

— А затем, после вечеринки именно вы предложили не отпускать доктора Селдона одного, а отправиться с ним целой компанией и остановиться в отеле «На краю Купола», верно?

— Да, и я помню, что вы сказали, какая это отличная мысль.

— А не могло ли это быть задумано для того, чтобы раздразнить хунту, лишний раз продемонстрировав им популярность Гэри? Не могло ли это быть задумано, для того, чтобы у меня возникло искушение прорваться на дворцовую территорию?

— Что, я смог бы вас остановить? — сердито спросил Элар. — Это вы сами решили.

Дорс не обратила на его слова никакого внимания и продолжала:

— И, конечно же, вы надеялись, что мое вторжение на дворцовую территорию еще сильнее настроит хунту против Гэри.

— Но зачем, доктор Венабили? Зачем мне все это нужно?

— Можно предположить, что затем, чтобы избавиться от доктора Селдона и занять его место руководителя Проекта.

— Да как вам такое в голову пришло? Не могу поверить, что вы говорите серьезно. Вы просто-напросто продолжаете заниматься тем, о чем сказали вначале, — показываете мне, чего может добиться изобретательный ум, при желании раздобыть так называемые доказательства.

— Хорошо, поговорим о другом. Я сказала, что у вас была возможность использовать опустевшие помещения для личных переговоров и, может быть, вы беседовали там с одним из

членов хунты.

– Смешно слышать.

– Однако вас подслушали. В кабинет вошла маленькая девочка, уселась в кресло так, что ее не было видно и подслушала ваш разговор.

Элар нахмурился.

– И что же она услышала?

– Она рассказала, что двое мужчин разговаривали о смерти. Она всего лишь ребенок, и не запомнила разговора в точности, но два слова врезались ей в память – «смерть» и «финики».

– Простите меня, но теперь вы перешли от фантазий к безумию. При чем тут «финики» и какое я к этому имею отношение?

– Первой моей мыслью было принять ее рассказ буквально, Девочка, о которой я говорю, без ума от фиников, а их на праздничном столе было невероятное количество. Слава Богу, они оказались неотравленными.

– Спасибо, утешили.

– Потом я поняла, что на самом деле девочка слышала какое-то другое слово, но поскольку не поняла его, то оно для нее превратилось в любимые «финики».

– И вы изобрели это самое слово? – фыркнул Элар.

– Скорее всего, это было слово «физики».

– Ну и что?

– Получается, что покушение на жизнь Гэри должны были совершить физики – сотрудники Проекта.

Дорс замолчала и нахмурилась. Рука ее непроизвольно легла на грудь.

Элар заботливо поинтересовался:

– Вам плохо, доктор Венабили?

– Нет, – ответила Дорс и поежилась.

Некоторое время она молчала. Элар прокашлялся. Придав лицу скучающее выражение, он сказал:

– Ваши мысли, доктор Венабили, кажутся мне все более и более нелепыми и... простите, я не хочу вас обидеть, но я устал. Может быть, прекратим этот разговор?

– Мы уже почти закончили, доктор Элар. Да, может быть, действительно «физики» – это ненамного умнее, чем «финики». Я это тоже поняла... Скажите, вы ведь принимали участие в разработке электрофокусировщика, верно? Он в некоторой степени ваше произведение?

Элар приосанился и с нескрываемой гордостью ответил:

– Да, именно мое.

– Но не только ваше. Как я понимаю, заслуга конструирования прибора принадлежит Синде Моней?

– Она инженер. Она всего-навсего действовала согласно моим указаниям. Чистой воды исполнитель.

– Исполнитель, согласна. *Физик*. Электрофокусировщик – прибор, собранный *физиком*.

Подавив раздражение, Элар процедил сквозь зубы:

– О Боже... Может быть, все-таки прекратим эту бесполезную беседу?

А Дорс гнула свое, словно и не слышала Элара.

– Сейчас вы отказываетесь признать заслугу Синды в создании этого прибора, но тем не менее ей лично вы в похвалах не отказывали – для того чтобы она работала с энтузиазмом, вероятно. Она сказала, что вы высоко оценили ее вклад в создание прибора, и оно вам за это невероятно благодарна. Она сказала, что вы даже назвали прибор своим и ее именами, хотя это не его официальное название.

– Конечно, нет. Это просто электрофокусировщик.

– А еще она сказала, что она продолжает работу над модернизацией прибора – разработкой усилителей и так далее – и что вам уже передан для апробирования прототип улучшенной модели.

– При чем здесь все это.

– При том, что с тех пор как доктор Селдон и доктор Амариль работают с электрофокусировщиком, оба стали чувствовать себя намного хуже. Юго, который работает с

прибором чаще и больше, больше и пострадал.

– Но электрофокусировщик не может нанести человеку никакого вреда!

Дорс прижала ладонь ко лбу и вздрогнула.

– Теперь, – продолжала она, – у вас есть более мощный электрофокусировщик, который может нанести больше вреда, который может убивать быстро, а не медленно, как предыдущая модель.

– Несусветная чушь!

– Итак, этот самый прибор, детище физики и физика, может быть использован как орудие убийства, в применении которого никого не заподозрят – несчастный случай при пользовании новым устройством, недостаточно тщательно проверенным – вот и все. Вот вам и «финики», доктор Элар, – сказала Дорс и, поморщившись, судорожно схватилась за бок.

– Вам нехорошо, доктор Венабили? – негромко спросил Элар.

– Все в порядке. Так я права?

– Послушайте, совершенно не имеет значения все, что вы мне тут наговорили. Мало ли что могло послышаться ребенку? Значит, все сводится к тому, что электрофокусировщик может стать орудием убийства? Пожалуйста, тащите меня в суд, собираите экспертную комиссию, пусть проверят электрофокусировщик, пускай возьмут даже новую модель, копаются в ней и выясняют воздействие прибора на человеческий организм. Никакого вреда не обнаружат.

– Не верю… – пробормотала Дорс, прижав обе руки ко лбу и закрыв глаза.

У нее закружилась голова, и она слегка покачнулась.

– Вам явно нехорошо, доктор Венабили, – сказал Элар. – А теперь моя очередь говорить. Позволите?

Дорс открыла глаза, но не смогла вымолвить ни слова.

– Приму ваше молчание как знак согласия, доктор. Что толку было бы для меня избавляться от доктора Селдона и доктора Аамиля в мечте занять пост руководителя Проекта? Вы бы предотвратили любую попытку покушения – как вам кажется, именно этим вы сейчас и занимаетесь. В том невероятном случае, если бы мне это удалось, вы бы меня на куски разорвали. Вы очень необычная женщина – такая сильная, такая быстрая, и покуда живы вы, маэстро ничто не грозит.

– Да! – сверкнула глазами Дорс.

– Я так и сказал людям из хунты. Да, я с ними разговаривал. Почему бы им не спросить у меня насчет того, как обстоят дела с Проектом? Они очень интересуются психоисторией, и это закономерно. Они, правда, никак не могли поверить тому, что им рассказал о вас, – только тогда поверили, когда сами убедились во время вашего прорыва на дворцовую территорию. Это их убедило, уверяю вас, и они согласились с моим планом.

– Ага! Бот мы и добрались до правды… – устало пробормотала Дорс.

– Я сказал вам, что электрофокусировщик не может нанести вреда человеку. Так оно и есть. Аамиль и ваш драгоценный Гэри просто-напросто *стареют*, хотя вам и противно с этим мириться. И что же? Они в порядке – они обычные люди. Электромагнитное поле не оказывает никакого ощутимого влияния на органические ткани. Но, безусловно, оно может отрицательно влиять на чувствительные к такому полю приборы, и если мы попробуем представить себе человека, состоящего из металла и электронных схем, то на такого человека электромагнитное поле, без сомнения, окажет отрицательное действие. О таких искусственных человеческих существах повествуют легенды. Микогенцы на основании этих легенд создали свою религию, и называют этих существ «роботами». Если представить себе, что роботы существуют, то они должны быть сильнее людей, обладать более быстрой реакцией, то есть обладать именно такими качествами, которыми блещете вы, доктор Венабили. И такого робота, на самом деле можно было бы повредить и даже полностью вывести из строя с помощью интенсивного варианта электрофокусировщика – как раз такого, какой у меня здесь и который работает на низкой частоте с тех самых пор, как мы начали разговор. Вот почему вы себя неважко чувствуете, доктор Венабили, и такое с вами происходит впервые за все время вашего существования, я уверен.

Дорс ничего не сказала и откинулась на спинку стула.

Элар самодовольно улыбнулся.

— Несомненно, если вы будете выведены из строя и игры, никаких проблем с маэстро и Амарилем не будет. Без вас маэстро быстро угаснет, впадет в тоску и скоренько уйдет в отставку, а там и до могилы недалеко, Амариль — сущее дитя. Скорее всего, ни того ни другого убивать в прямом смысле не придется. Ну, доктор Венабили, каково вам чувствовать себя разоблаченной? Подумать только, сколько лет вам удавалось скрывать, кто вы на самом деле! Просто удивительно, как это до сих пор никто не догадался. Но в конце концов я блестящий математик — наблюдаю, думаю, делаю выводы. Но даже я не додумался бы до правды, если бы не ваша фанатическая преданность маэстро да те вспышки, когда в вас просыпалась поистине нечеловеческая сила — в тех случаях, когда ему грозила опасность.

Давайте попрощаемся, доктор Венабили. Мне осталось только включить прибор на полную мощность. Вы были историком, а станете *историей*.

Но Дорс, собрав все силы, медленно поднялась со стула.

— Защищаться я еще могу. Ты меня недооценил! — прошептала она, и с криком бросилась на Элара.

Элар, выпучив глаза, вскрикнул и отскочил назад.

Но Дорс уже настигла его и занесла руку для удара. Ребром ладони она стукнула Элара по шее, Раздался хруст позвонков, и Элар рухнул на пол замертво.

Дорс с трудом выпрямилась и побрела к двери. Нужно было найти Гэри. Нужно было обязательно успеть все ему рассказать!

27

Гэри Селдон в страхе вскочил на ноги. Он никогда не видел Дорс в таком виде: с перекошенным лицом, сгорблена, она шла, шатаясь, как пьяная.

— Дорс! Что случилось? Что?!

Гэри подбежал к жене, обнял ее за талию, и она безжизненно повисла у него на руках. Селдон поднял Дорс (весила она больше, чем обычная женщина ее комплекции, но Селдон был так взволнован, что не заметил этого) и положил ее на кушетку.

— Что случилось, дорогая?

Дорс рассказала все, тяжело, прерывисто дыша. Селдон слушал, глядя ее волосы. Верилось с трудом, и чувства смешались, но он пытался заставить себя верить.

— Элар мертв, — прошептала Дорс. — Я все-таки убила человека... Впервые... Это еще хуже...

— Ты сильно пострадала, Дорс?

— Сильно... Элар включил свой прибор... успел включить... на полную мощность... прежде чем я настигла его.

— Все можно поправить, починить.

— Как? На Тренторе никто не знает, как это сделать. Мне нужен Дэниел...

Дэниел. Демерзель. В глубине души Гэри всегда подозревал, что такое возможно. Его друг, робот, дал ему защитницу, тоже робота, для того чтобы психоистория и Академии, существующие пока только в мечтах, не погибли и, словно брошенные в почву семена, пустили в ней корни. Все бы ничего, но Гэри ухитрился влюбиться в свою защитницу — *робота*. Теперь все обретало смысл. Теперь появились ответы на все вопросы, разрешились все сомнения. Но все это ровным счетом ничего не значило, не имело смысла. Смысл сейчас имел одно — Дорс.

— Нет, — хрипло проговорил Селдон. — Это не должно случиться.

— Должно... — пробормотала Дорс, широко раскрыла глаза и пристально посмотрела на Селдона. — Должно... Хотела спасти тебя, но не смогла... самого главного не смогла... кто же теперь будет защищать тебя?

Селдон плохо видел лицо любимой. Что-то случилось с глазами.

— Не волнуйся за меня, Дорс. Это тебя надо... Это ты...

— Нет. Тебя, Гэри. Скажи Манелле... скажи ей, что я... простила ее. У нее получилось лучше... Объясни все Ванде. Ты и Рейч... берегите друг друга...

— Нет, нет, нет, — как в бреду повторял Селдон, раскачиваясь из стороны в сторону, — Ты не сделаешь этого! Держись, Дорс. Пожалуйста, любимая, прошу тебя!

Дорс вяло покачала головой и вымученно улыбнулась.

– Прощай, Гэри, любовь моя. Никогда не забуду... всего, что ты сделал для меня.

– Я ничего, ничего для тебя не сделал!

– Ты... любил меня, и твоя любовь сделала меня... человеком.

Глаза Дорс остались открытыми, но все было кончено. В это самое время дверь в кабинет Селдона распахнулась и вбежал запыхавшийся Амариль.

– Гэри, начались демонстрации и восстания, гораздо скорее, чем мы ожи...

Запнувшись на полуслове, он ошеломленно посмотрел на Селдона, перевел взгляд на безжизненное тело Дорс и прошептал:

– Что случилось?

Селдон посмотрел на него измученными, полубезумными глазами.

– Восстания! Какое дело мне теперь до восстаний! Какое дело мне теперь да *всего на свете!*

Часть четвертая Ванда Селдон

Селдон Ванда – ...На склоне лет самой большой привязанностью Селдона стала его внучка Ванда. Осиротев в юности, Ванда Селдон, став взрослой, посвятила свою жизнь психоистории и стала сотрудницей Проекта, заняв место Юго Амария.

Суть работы Ванды Селдон большей частью остается загадкой, поскольку работала она, в основном, в одиночку. Единственным, кто имел доступ к исследованиям, проводимым Вандой, были сам Гэри Селдон и молодой человек по имени Стеттин Пальвер, чей потомок, Прим Пальвер, четыреста лет спустя внесет неоценимый вклад в дело возрождения Трентора из руин после «Великого Опустошения» (300 г. а. э.)...

Несмотря на то что досконально оценить вклад Ванды Селдон в создание Академии крайне затруднительно, несомненно, он был необычайно велик...

Галактическая энциклопедия

1

Гэри Селдон, слегка прихрамывая вошел в Галактическую Библиотеку и направился туда, где выстроились ряды скиттеров – небольших самодвижущихся тележек. С помощью этих транспортных средств можно было быстрее перемещаться по длиннющим коридорам Библиотеки.

Однако по пути внимание его привлекли к себе трое мужчин, устроившихся в галактографической кабине, и наблюдавших трехмерное изображение Галактики. Изображение медленно вращалось, имитируя перемещение звездных систем вокруг центра.

Оттуда, где остановился Селдон, он видел, что отдаленная провинция Анакреон высвечена красными огоньками. Провинция была расположена на краю Галактики и занимала довольно обширное пространство, но звезд в ней было немного. Анакреон не блистал ни высоким уровнем жизни, ни какими-либо необычайными достижениями в области культуры. Пожалуй, интереснее всего было то, что он находился на громадном расстоянии от Трентора – десять тысяч парсеков.

Селдон, повинувшись безответному интересу, уселся у ближайшего компьютера и настроил его на свободный поиск информации. Он интуитивно почувствовал, что столь пристальный интерес к Анакреону обязательно должен был носить политическую окраску – географические координаты этой провинции делали ее самым шатким миром из всех, которые пытался удержать в Империи нынешний правящий режим. Селдон смотрел на экран компьютера, но напряженно прислушивался к разговору троих мужчин. В Библиотеке редко происходили

политические дискуссии. Если на то пошло, их здесь не приветствовали.

Ни один из троих Селдону знаком не был, и это вовсе не удивительно. Библиотеку посещали немногие завсегдатаи, и почти всех Селдон знал в лицо, а с некоторыми даже знаком лично, но залы были открыты для всех граждан Трентора. Никаких особых затруднений для того, чтобы попасть в Библиотеку, не возникало – но, конечно, на ограниченное время. Селдон был из числа тех избранных, кому было позволено, так сказать, «окопаться» в Библиотеке, он исключительно ценил возможность трудиться в отдельном кабинете, а также иметь доступ ко всем хранилищам и оборудованию.

Один из троих, которого Селдон про себя окрестил «Крючконосым» (не без причины), негромко, но торопливо проговорил:

– Ерунда. Не смогут же они торчать там вечно, а как только уберутся восьмояси, все встанет на свои места.

Селдон понял, о чем речь. Всего три дня назад по тренторвидению было передано сообщение о том, что правительство Империи решило предпринять демонстрацию силы, дабы призвать к порядку зарвавшегося губернатора Анакреона. Проведенный Селдоном психоисторический анализ ситуации показал, что мероприятие это абсолютно бесполезно, но правительство, оскорбленное в лучших чувствах, не пожелало прислушаться к его совету. Теперь от слов крючконосого Селдона печально усмехнулся – молодой человек говорил его словами, но при этом не пользовался выкладками психоистории.

А Крючконосый тем временем продолжал:

– А если плюнуть на Анакреон, что мы теряем? Он все равно останется на своем месте, там, где всегда был – на самом краю Империи. Не может же он собрать вещички и удрать к Андромеде, верно? Значит, ему все равно придется торговать с нами, а стало быть, жизнь продолжается. Какая разница, поклоняются они Императору или нет? Никакой.

Второй мужчина – этого Селдон окрестил «Лысым», также не без причины, сказал:

– Может и так, только все это как бы не само по себе происходит. Отпочкуется Анакреон – следом за ним посыплются другие дальние провинции. Империя развалится.

– Ну и что? – яростно прошептал Крючконосый. – Империя все равно не в состоянии существовать дальше в таком виде. Она слишком велика. Так пусть Внешние миры катятся куда подальше – легче будет с Внутренними управиться. Пусть пограничные провинции перестанут принадлежать нам политически, экономически они все равно останутся нашими.

– Было бы неплохо, – сказал третий, которому Селдон дал кличку «Краснощекий», – если бы ты был прав, но боюсь, так не получится. Если пограничные провинции обретут независимость, они первым делом попытаются усилить свою власть и влияние за счет ближайших соседей. Начнется война, вспыхнут конфликты, каждый губернатор примется мечтать стать Императором. Все станет так, как во времена до создания Тренторианского королевства – мрачные века, тянувшиеся тысячи лет.

Лысый возразил:

– Уверен, все будет не *так* уж плохо. Империя, может, и развалится, но быстро придет в себя, когда люди поймут, что развал означает войну и нищету. Тогда все вспомнят о золотых днях, когда Империя была едина, и все вернется на круги своя. Мы же не варвары какие-нибудь. Что-нибудь придумаем, выкрутимся.

– Точно, – согласился Крючконосый. – Не будем забывать о том, что Империя сталкивалась с кризисами всю свою историю, но всякий раз выкарабкивалась.

Но Краснощекий покачал головой и сказал:

– Это не просто очередной кризис. Сейчас все гораздо хуже. Процесс упадка длится уже не первое столетие. За время десятилетнего правления хунты экономика разрушена, а с тех пор как хунта убралась со сцены и воцарился наш новый Император, Империя так ослабла, что периферийным губернаторам даже пальцем шевелить не придется. Пограничные провинции отвалятся, так сказать, за счет собственного веса.

– Но верность Императору… – упорствовал Крючконосый.

– Какая верность? – фыркнул Краснощекий. – После покушения на Клеона мы вон сколько лет подряд обходились без всякого императора, и никому это особенно не мешало. А нынешний и вообще марионетка. На что он способен? Да и не только он. Так что это не кризис.

Это конец.

Остальные двое хмуро смотрели на Краснощекого. Лысый сказал:

— Да ты, похоже, и впрямь так думаешь! Что же, по-твоему, правительство Империи будет сидеть сложа ручки?

— Да! Оно, как и вы двое, не станет верить, что все так, а не иначе. То есть не станет верить до тех пор, пока не будет слишком поздно.

— Ну а если бы правительство, допустим, поверило, как ты думаешь, чего от него ждать? — спросил Лысый.

Краснощекий задумчиво посмотрел на галактограф, словно мог там найти ответ.

— Не знаю... Послушай, настанет день, и я умру, а на мой век порядка хватит. Может, потом и хуже станет, так пусть другие себе головы ломают, меня-то уже не будет. Старые добрые времена прикажут долго жить. Может, и навсегда. Кстати, не я один так думаю. Слыхал про такого — Гэри Селдона?

— Естественно, — с готовностью откликнулся Крючконосый. — Не он ли был премьер-министром при Клеоне?

— Он, — кивнул Краснощекий. — Он, вроде бы, ученый. Пару месяцев назад передавали его интервью, и я был приятно обрадован тем, что не я *один* думаю, что Империя разваливается. Он сказал...

— Он сказал, — прервал его Лысый, — что все полетит к чертям, и мрачным векам конца не будет?

— Ну нет, — покачал головой Краснощекий. — Он человек осторожный. Он сказал, что такое *возможно*. Но он ошибается. Такое *произойдет*.

Селдон решил, что пора вмешаться. Прихрамывая, он подошел к столу, вокруг которого сидела троица, и опустил руку на плечо Краснощекого.

— Сэр, — сказал Селдон, — можно поговорить с вами несколько минут?

Краснощекий вздрогнул, глянул на Селдона снизу вверх и удивленно спросил:

— Ба, а вы случайно не профессор Селдон?

— Случайно, да, — усмехнулся Селдон и показал Краснощекому пропуск в Библиотеку, на котором была его фотография. — Мне хотелось бы пообщаться с вами. Послезавтра, в четыре тридцать пополудни, в моем библиотечном кабинете. Устроит?

— Я буду на работе, вообще-то.

— Скажитесь бальным, коли на то пошло. Это очень важно.

— Честно говоря, не знаю, сэр...

— Постарайтесь. Будут трудности — я уложу. А сейчас, джентльмены, если не возражаете, мне бы хотелось немного поработать с моделью Галактики Давненько не доводилось.

Все трое оторопело кивнули, явно обескураженные встречей с бывшим премьер-министром. Вскоре друг за другом троица покинула нишу, а Селдон устроился у пульта управления моделью Галактики.

Селдон протянул руку, нажал кнопку, и красные огоньки, обозначавшие провинцию Анаkreон, исчезли. Галактика стала похожа на светящуюся линзу, в центре которой выделялась более яркая сфера, за которой находилась черная дыра.

Отдельные звезды без увеличения видны не были, да и в этом случае можно было вычленить только тот или иной участок Галактики, а Селдону хотелось видеть всю Галактику целиком — всю умирающую Империю.

Он нажал еще одну кнопку, и модель Галактики осветилась золотистыми огоньками. Это были обитаемые планеты — двадцать пять миллионов. На фоне рассеянного тумана на краях Галактики золотистые точки были редки, но ближе к центру сливались и образовывали некое подобие кольца вокруг центра (конечно, при увеличении и здесь стали бы видны отдельные звезды). Сфера в центре осталась белой — естественно, ведь там не было и не могло быть обитаемых планет, в этом средоточии энергетических вихрей.

Селдон нажал еще одну кнопку. Золотистые огоньки исчезли, а небольшая область Галактики озарилась синим цветом. Это был Трентор и миры, непосредственно от него зависящие. Эта область была расположена очень близко от центра Галактики, но все же не так близко, чтобы испытывать на себе смертоносное воздействие ядра — и все-таки, хотя это

фактически было не так, про Трентор всегда говорили, что он находится в «Центре Галактики». Трентор был невелик по сравнению с громадиной Галактики, но именно он сосредоточил в себе высшие достижения культуры, науки, стал символом процветания и власти, дотоле неведомых человечеству.

Но даже Трентор был обречен.

Троица, выстроившаяся за спиной Селдона, казалось, прочла его мысли. Лысый негромко спросил:

– Империя действительно погибнет?

Селдон еще тише ответил:

– Может погибнуть. Может. Все что угодно может случиться.

Он встал, улыбнулся всем троим, и ушел, но в мозгу у него билась тревожная, неотвязная мысль: «Погибнет! Погибнет!».

2

Вздохнув, Селдон забрался к один из скиттеров, рядами выстроившихся в глубокой нише. Всего несколько лет назад он обожал пройтись быстрым шагом по коридорам Библиотеки и радовался – вот, дескать, мне уже больше шестидесяти, а я еще молодцом!

Теперь ему было семьдесят, ноги плохо слушались его, и приходилось пользоваться скиттером. Те, кто помоложе, тоже не брезговали скиттерами, но исключительно для экономии времени, а Селдон без скиттера просто не смог бы обойтись.

Выведя скиттер из ниши, Селдон нажал кнопку на панели управления, и скиттер приподнялся над полом и тронулся вперед – мягко, плавно и бесшумно. Селдон откинулся на спинку мягкого сиденья, глядя на проплывавшие мимо стены, скользящие навстречу скиттеру, и немногочисленных посетителей, идущих пешком.

На пути Селдону встретились несколько библиотекарей, и он приветствовал их улыбкой. Гильдия библиотекарей была старейшей в Империи, хранила древние традиции и руководствовалась принципами столетней, а то и тысячелетней давности.

Одеты библиотекари были в просторные, снежно-белые одеяния, напоминавшие балахоны.

На Тренторе, как во всех остальных мирах, существовало определенное отношение к тому, следует ли мужчинам бриться или оставлять какую-то растительность на лице. Коренные тренторианцы – по крайней мере, жители большинства секторов планеты – не носили ни усов, ни бород, и, насколько знал Селдон, такой порядок был заведен веками. Исключение составляли, пожалуй, только далийцы, ни за что на свете не соглашавшиеся расставаться с пышными усами.

А вот библиотекари, тем не менее, издавна носили бороды. У каждого из них была короткая, ухоженная бородка от уха до уха, но усов не было. Одного этого было достаточно, чтобы библиотекари выглядели отлично от остальных, и Селдон, будучи гладко выбритым, чувствовал себя в их обществе белой вороной.

Но, безусловно, больше всего бросались в глаза шапочки библиотекарей. Наверное, думал Селдон, они даже спят в них. Шапочки были скроены в форме квадрата, углы которого на макушке скреплялись пуговицей, и были самых разных цветов. Тому, кто был знаком с уставом гильдии библиотекарей, было легко по цвету шапочки определить, сколько лет прослужил тот или иной библиотекарь, в какой области он специализируется, каково его служебное положение и так далее и тому подобное. Шапочки вносили незыблемый порядок в иерархическую структуру гильдии. Стоило одному библиотекарю взглянуть на другого, и он сразу понимал, с какой степенью уважения или, наоборот, снисходительности отнести к коллеге.

Галактическая Библиотека была самым большим зданием на Тренторе (а вероятно, и во всей Галактике), превосходя размерами даже Императорский Дворец. Некогда она блестала и искрилась, гордясь своим могуществом и славой. Однако, как вся Империя, Библиотека не избежала печальной участи – она тоже старилась и увядала, и теперь стала подобна богатой старухе, носившей на морщинистой шее те самые бриллианты, что украшали ее в молодости.

Скиттер остановился около двери, обрамленной затейливой резьбой – кабинета Главного

Библиотекаря. Селдон встал и вышел из машины.

Лас Зенов встретил Селдона улыбкой.

— Прошу пожаловать, мой друг, — проговорил он писклявым голосом. Селдон порой гадал, уж не пел ли он в молодости тенором, но спросить не решался. Главный Библиотекарь всегда держался так надменно, что такой вопрос мог показаться ему оскорбительным.

— Приветствую вас, — сказал Селдон.

У Зенова была седая борода — почти наполовину белая. Голову Главного Библиотекаря украшала белая шапочка. Почему белая — это Селдону было понятно без вопросов. Полное отсутствие цвета означало высшее положение в библиотечной иерархии.

Зенов довольно потер руки.

— Я просил вас зайти ко мне, Гэри, потому что у меня для вас хорошие новости. Мы-таки нашли ее!

— Под «ней», Лас, вы имеете в виду...

— Подходящую планету! Вы просили поискать планету, которая была бы расположена подальше от Трентора, — сказал Зенов, довольно улыбаясь. — Правильно сделали, что обратились к нам, Гари. Библиотека может все.

— Я и не сомневался, Лас. Расскажите же мне об этой планете.

— Хорошо, но для начала я покажу вам, где она находится.

Часть стены кабинета отъехала в сторону, свет погас и на экране возникла трехмерная модель Галактики, медленно вращающаяся вокруг своей невидимой оси. Красной линией на этой модели была обведена граница провинции Анакреон — Селдон готов был поклясться, что это не случайно.

И вдруг на самом дальнем краю провинции загорелась синяя точка.

— Вот она, — сказал Зенов. — Идеальная планета. Размеры приличные, воды достаточно, прекрасно насыщенная кислородом атмосфера, и, естественно, растительность имеется. Богатая водная фауна. Только бери, как говорится. Не потребуется никакого переустройства и установки системы искусственного климата, по крайней мере, пока там не появится многочисленное население.

— Планета не заселена, Зенов? — спросил Селдон.

— Абсолютно не обитаема. Ни души.

— Но почему — если она так удобна для жизни? Полагаю, раз вы смогли получить столь подробную информацию, наверняка планету в свое время кто-то обследовал. Почему же она не была колонизирована?

— Ее действительно обследовали, но посыпали туда только исследовательскую технику, без людей. А не колонизировали, по всей вероятности, потому, что она расположена так далеко откуда бы то ни было. Планета обращается вокруг звезды, отстоящей от центральной черной дыры дальше, чем любое из Солнц, согревающих любую из обитаемых планет. Так что это слишком далеко для потенциальных колонистов, но для вас будет в самый раз. Вы же сказали: «Чем дальше, тем лучше».

— Да, — кивнул Селдон. — Я и теперь так говорю. У нее есть название или всего лишь какая-то комбинация букв и цифр?

— Хотите верьте, хотите — нет, но название у нее есть. Те, кто посыпал туда в свое время технику, назвали ее Терминус — это древнее слово, означающее «конец линии». Так оно, по сути, и есть.

— Планета входит в провинцию Анакреон? — поинтересовался Селдон.

— Нет, — покачал головой Зенов. — Если приглядитесь повнимательнее, то заметите, что синяя точка — Терминус — лежит чуть дальше границы Анакреона, на самом деле расстояние до границы составляет пятьдесят световых лет. Терминус не принадлежит никому. Он даже не является составной единицей Империи, если на то пошло.

— Значит, вы правы, Лас. Похоже, это действительно та самая идеальная планета, которую мы ищем.

— А я вам что говорю? — довольно улыбнулся Зенов. — Но боюсь, стоит вам оккупировать Терминус, как губернатор Анакреона объявит его принадлежащим к своей юрисдикции.

— Это не исключено, — согласно кивнул Селдон. — Но с этим разберемся в свое время.

Зенов снова потер руки.

— Какой все-таки восхитительный проект! Обосноваться в нетронутом, девственном мире, отдаленном, изолированном, для того чтобы затем год за годом, десятилетие за десятилетием заниматься составлением колossalного вместилища знаний, выработанных человечеством — Энциклопедии, ее несравненно более грандиозного варианта, чем тот, что имеется в нашей Библиотеке. Эх, будь я помоложе, я бы с радостью участвовал в этой экспедиции.

Селдон грустно вздохнул.

— А ведь вы на целых двадцать лет моложе меня.

«Теперь редко отыщешь того, кто не был бы моложе меня», — с тоской подумал он.

— О да, — улыбнулся Зенов. — Я слыхал, вы только что отпраздновали семидесятилетие. Надеюсь, хорошо повеселились?

— Я не праздную своих дней рождения, — нахмурился Селдон.

— Правда? Но ведь праздновали раньше. Я помню эту знаменитую историю с вашим шестидесятилетием.

Селдону стало больно — так больно, словно самая большая в его жизни утрата постигла его только вчера.

— Прошу вас, не надо об этом, — попросил он Зенова.

Зенов смущился.

— Простите. Поговорим о чем-нибудь другом... Так вот, если Терминус действительно та планета, которая вам нужна, видимо, вам стоит удвоить усилия по подготовке энциклопедического проекта. Библиотека готова помочь вам, чем только сумеет.

— Я это знаю, Лас, и бесконечно благодарен вам. Мы действительно засучим рукава.

Он встал, но улыбнуться не сумел — так горько ему было от нечаянного напоминания о праздновании его дня рождения десять лет назад.

— Ну, я пойду, — сказал он. — Займусь своими делами.

Уходя, он ощутил угрызения совести. Вечно приходилось всех обманывать. Лас Зенов и понятия не имел о том, каковы были истинные планы Селдона.

3

Гэри Селдон вошел в удобный кабинет, в котором последние несколько лет работал, посещая Галактическую Библиотеку. Здесь, как и во всех остальных помещениях Библиотеки, чувствовался налет распада, что-то вроде накопившейся усталости — может быть, нечто, сродни состоянию любой вещи, слишком долго стоящей на одном и том же месте. И тем не менее Селдон знал, что все здесь может остаться по-прежнему еще много веков, а при условии вдумчивого переустройства — и тысячи лет.

Как же он здесь оказался?

Снова и снова он вспоминал прошедшее, пробегал мысленным взором всю свою жизнь. Конечно, это было связано со старостью. В прошлом у него осталось гораздо больше, чем ожидало в будущем, и потому разум безотчетно отворачивался от призрачного света, мерцающего впереди, и упорно возвращался назад — к тому, что уже прошло.

Однако из этого правила было исключение. Прошло больше тридцати лет, а за это время и психоистория наконец выбралась на прямую дорогу. Да, прогресс хоть со скрипом, но двигался все-таки вперед. А шесть лет назад произошел совершенно неожиданный поворот событий.

Селдон точно знал, как все соединилось и почему это стало возможно.

Дело, несомненно, заключалось в Ванде, внучке Селдона. Гэри закрыл глаза и углубился в воспоминания о событиях шестилетней давности.

Ванде тогда было двенадцать, и настроение у нее было печальное. У Манеллы родился еще один ребенок — крошка Беллис, и она целиком погрузилась в уход за младенцем.

Отец Ванды, Рейч, закончив наконец свою книгу, посвященную родине — сектору Даль — добился небольшого успеха и на короткое время стал чем-то вроде знаменитости. Его пригласили почитать лекции в связи с выходом книги, и он с готовностью согласился выступать, поскольку проблемы родного сектора его не переставали волновать. Как он сказал однажды Селдону: «Знаешь, когда я говорю про Даль, мне не приходится прятать свой

далийский жаргон. Наоборот, от меня именно и ждут, что я буду болтать по-далийски».

В итоге Рейч почти все время куда-то уезжал, дома бывал редко, а когда бывал, то больше времени проводил с младшей дочкой.

А Дорс: – Дорс больше не было, и эта рана никак не заживала в душе Селдона. И отреагировал он на смерть супруги жестоко, немилосердно: в его сознании эта смерть соединилась со сном Ванды, с которого все началось, вокруг которого закрутилась-завертелась нить событий, оборванная смертью Дорс.

Если поразмыслить, Ванда тут была ни при чем – и умом Селдон это прекрасно понимал. И все-таки он старался как можно реже встречаться с внучкой, из-за чего ей было еще печальнее – она осталась совсем одна.

Что делать? Ванда вынуждена была искать утешения у человека, который, похоже, всегда был рад ей, единственного, кому она могла всегда довериться. Это был Юго Амариль, правая рука Гэри Селдона в деле разработки психоистории и человек, не знающий себе равных в беззаботной преданности этой науке.

У Гэри были Дорс и Рейч, а у Амарilha, кроме психоистории, никого и ничего не было – ни жены, ни детей. И все же, стоило появиться Вайде, как Юго менялся на глазах. Он радовался ее приходам, но вел себя так, словно она была совсем взрослая – и Ванде это очень нравилось.

И вот шесть лет назад, в один прекрасный день Ванда зашла в кабинет Юго. Он обернулся, поглядел на девочку, близоруко прищурившись, и, казалось, в первое мгновение не узнал ее.

– А, это ты, дорогая моя Ванда! – наконец воскликнул он. – А что это ты такая печальная? Такая красивая девушка не должна грустить.

У Ванды задрожала нижняя губа.

– Меня никто не любит... – прошептала она.

– Ну что ты все выдумываешь.

– Все любят мою сестренку. На меня всем наплевать.

– Я тебя люблю, Ванда.

– Значит, только ты меня и любишь, дядя Юго. Теперь Ванда не могла, как маленькая, забраться к Юго на колени. Она прижалась к его плечу и разрыдалась.

Амариль, не зная, что делать, обнял девчушку и принялся приговаривать:

– Ну-ну, не плачь, не надо плакать... – Из-за жалости к ребенку, из-за того, что в его жизни не было ничего такого, над чем он мог бы заплакать, у него на глаза навернулись горькие слезы и побежали по щекам. – Слушай, Ванда, – взял себя в руки, как мог весело предложил он, – хочешь я тебе покажу кое-что очень красивое?

– Ч-что? – всхлипнула Ванда.

Амариль в своей жизни знал красоту единственной вещи во всей Вселенной.

– Ты Главный Радиант когда-нибудь видела? – спросил он.

– Не-а. А это что?

– Это штука, которой твой дед и я пользуемся в работе. Видишь? Вот он.

Он указал на черный куб, стоявший на письменном столе.

– Ничего красивого, – фыркнула Ванда.

– Пока – да, – согласился Амариль. – Но ты погляди, что будет, когда я его включу.

И включил. В комнате погас свет, и она наполнилась разноцветными светящимися точками.

– Видишь? А сейчас я увеличу изображение, и все эти точки превратятся в разные математические значки.

Так он и сделал. Казалось, что-то прошелестело в воздухе, и кругом запестрели самые разнообразные знаки – буквы, цифры, стрелочки и линии; ничего подобного Ванда раньше не видела.

– Ну, разве не красиво? – спросил Амариль.

– Да, красиво, – проговорила Ванда, придирчиво разглядывая значки и уравнения, которые (она этого, конечно, не знала и знать не могла) обозначали возможные варианты будущего. – Только вот этот кусочек мне не нравится. Он какой-то неправильный, – и она ткнула пальцем в уравнение, расположенное слева от нее.

— Неправильное? Почему тебе кажется, что оно неправильное? — нахмурился Амариль.

— А потому что оно... некрасивое. Я бы его как-нибудь переделала.

Амариль нервно откашлялся.

— Ну-ка, дай-ка я его увеличу... — сказал он, и уравнение приблизилось, Юго, прищутившись, принял разглядывать его.

— Спасибо тебе большое, дядя Юго, — сказала Ванда, — за эти красивые огоньки. Может быть, я когда-нибудь пойму, что они значат.

— Вот и хорошо. Надеюсь, ты немножко развеселилась?

— Чуть-чуть, спасибо, — пробормотала Ванда, и слегка улыбнувшись, вышла из кабинета.

Амариль был уязвлен в самое сердце. Он терпеть не мог, когда кто-либо высказывал критические замечания в адрес Главного Радианта — тем более двенадцатилетняя девочка... ничего в нем не смыслившая.

Он и помыслить не мог, что с этого мгновения началась революция в психоистории.

4

Ближе к вечеру Амариль зашел в кабинет Гэри Селдона. Это и само по себе было крайне необычно, поскольку Юго практически никогда не покидал своего кабинета — даже для того, чтобы поговорить с коллегами, работавшими у него за стеной.

— Гэри, — хмуро и обескураженно проговорил Амариль. — Случилось нечто странное. Странное, просто невероятное.

Селдон с грустью смотрел на Амариля. Тому было всего пятьдесят три, но выглядел он намного старше — сутулый, изможденный. Когда Гэри напирал, Юго неохотно отправлялся на медицинское обследование, и все врачи в один голос советовали ему на время оставить работу (кое-кто советовал вообще уйти на пенсию) и *отдохнуть*. «Только так, — говорили доктора, — он мог бы поправить здоровье. А не то...» Селдон слушал и обреченно качал головой. «Стоит отнять у него его работу, и он умрет еще скорее — умрет несчастным. Нет выбора».

Тут Селдон понял, что находился в забытьи и не рассыпал о чем ему поведал Юго.

— Прости, Юго, — пробормотал он. — Я отвлекся. Повтори, пожалуйста.

— Я сказал, что случилось нечто из ряда вон выходящее.

— Что же, Юго?

— Дело в Ванде. Она заходила ко мне... знаешь, она очень грустная.

— Почему?

— Наверное, из-за второго ребенка.

— Ах да... — виновато нахмурился Селдон.

— То есть она так и сказала, и плакала, уткнувшись мне в плечо. Признаться, Гэри, я и сам расплакался. А потом решил ее утешить и развеселить. В общем, решил показать ей Главный Радиант.

Тут Амариль несколько растерялся — похоже было, он пытается подобрать слова, чтобы рассказать, что же случилось потом.

— Ну, Юго? И что дальше?

— Ну... она смотрела на разноцветные огоньки, и я увеличил один участок, а именно — 42Р254. Помнишь?

— Нет, Юго, — смущенно улыбнулся Селдон. — У меня не такая память на уравнения, как у тебя.

— А надо было бы запомнить, — покачал головой Амариль. — Как же можно работать, если... ну да ладно, не сердись. Хочу обрадовать тебя: Ванда указала на один участок и сказала, что он неправильный. По ее мнению, он... некрасив.

— Чему радоваться-то? Вкусы у нас у всех разные.

— Не спорю, но я потом, после ее ухода, долго думал... Гэри, с этим кусочком действительно не все в порядке. Программирование было с погрешностями, и именно тот кусочек, который не понравился Ванде, оказался неправильным. И скажу тебе честно, он-таки некрасивый.

Селдон выпрямился и нахмурил брови.

– Погоди, Юго, я хочу понять. Она ткнула куда-то пальцем, сказала, что это некрасиво и оказалась *права*.

– Да. Именно ткнула пальцем, но не просто *куда-то*. Она очень точно показала место.

– Но это просто невероятно.

– Но это произошло. Я же своими глазами видел.

– Я не говорю, что этого не было. Я говорю, что это просто какое-то удивительное совпадение.

– Да? А как ты думаешь, ты, со своим знанием психоистории, со своим многолетним опытом, мог бы бросить небрежный взгляд на новую систему уравнений и тут же объявить, что часть системы неверна?

Селдон пожал плечами.

– Юго, а почему ты увеличил именно эту систему уравнений? Что заставило выбрать именно ее?

Амариль пожал плечами.

– Ну возможно... это совпадение, если хочешь. Просто нажал кнопки, и все.

– Не может быть, чтобы это было совпадение... – пробормотал Селдон, умолк, глубоко задумался и наконец задал тот вопрос, после которого начатая Вандой революция в психоистории набрала ход.

– Юго, – спросил Селдон, – а у тебя самого эти уравнения раньше не вызывали никаких сомнений? Была причина заподозрить, что с ними не все ладно?

Амариль сунул руки в карманы куртки, пожал плечами.

– Вроде бы была... Видишь ли...

– Так *вроде бы* или действительно была?

– Точно, была. Я когда вводил эту систему, засомневался – у меня даже рука потянулась к программирующему устройству. Вроде бы, ничего особенного, но было какое-то внутреннее беспокойство. Да дел было по горло, и я все оставил, как есть. А потом... Ванда показала на это самое место, и я решил окончательно все проверить. В противном случае я бы просто махнул на это рукой – мало ли чего скажет ребенок.

– И ты выбрал именно эту систему уравнений, чтобы показан. Ванде? Словно она вытащила эту мысль наружу из твоего подсознания?

– Кто знает? – пожал плечами Амариль.

– А как раз перед тем как это случилось, вы, обнявшись, плакали? – Амариль еще более растерянно пожал плечами. – Похоже, я понимаю, что произошло, Юго, – сказал Селдон. – Ванда прочла твои мысли.

Амариль вскочил как ужаленный.

– Это невозможно! – воскликнул он.

– Селдон медленно проговорил:

– Я знал когда-то человека, обладавшего такими способностями... Но он... – Селдон немного помолчал, вспоминая Эдо Демерзеля, известного ему под настоящим именем – Дэниел, – Он был *больше*, чем человек, и его способность читать мысли, направлять людей на те или иные поступки была *ментальной* способностью. Может быть, у Ванды такая способность тоже есть.

– Не могу поверить, – упрямо мотнул головой Амариль.

– Я – могу, – сказал Селдон и вздохнул, – но что с этим делать, ума не приложу.

Туманно, отдаленно почувствовал он поступь революции в психоистории – но только туманно...

– Папа, – сокрушенно обратился Рейч к отцу, – ты неважно выглядишь.

– Да, – кивнул Селдон. – Зверски устал, А ты как?

Рейчу уже исполнилось сорок четыре, и в его волосах мелькала седина, но предмет его всегдашней гордости – усы – оставались густыми и черными. Настоящие далийские усы. Селдон порой подумывал, уж не красит ли Рейч их, однако понимал, что спрашивать об этом

сына лучше не надо.

– Ну, ты на время освободился от лекций? – спросил Селдон.

– Да, ненадолго. Как я рад быть дома, видеть Манеллу, Ванду и тебя, па!

– Спасибо, сынок. Но у меня, Рейч, для тебя новости. Придется покончить с лекциями. Ты мне нужен здесь.

Рейч нахмурился:

– Зачем?

Отец дважды поручал ему трудные задания, но это было давно, во времена джоранумитской смуты. Насколько было известно Рейчу, теперь все было спокойно – особенно после свержения хунты и восхождения на престол нового, хотя и довольно невыразительного Императора.

– Речь о Ванде, – ответил Селдон.

– О Ванде? А что такое с ней?

– Ничего страшного, но ее нужно будет подвергнуть полному генетическому обследованию. И не только ее – и тебя, и Манеллу, и малышку.

– Как, и Беллис тоже? Да в чем дело-то?

Селдон растерялся.

– Рейч… ты же знаешь, что мы с мамой всегда находили, что ты человек исключительный – необыкновенно обаятельный, внушающий почти любому доверие и любовь к себе.

– Я знаю, ты так думал, и всегда мне это говорил, когда собирался дать мне какое-нибудь жуткое задание. Но я должен сказать тебе откровенно – сам я ничего подобного никогда не чувствовал.

– Нет-нет, ты покорил меня… и Дорс, – с трудом проговорил Селдон (имя жены до сих пор отзывалось в его душе болью, хотя уже четыре года прошло, как ее не стало). – В Сэтчеме ты покорил Рейчел. Ты и Джоранума покорил. И Манеллу. Чем ты все это объяснишь?

– Умом и красотой, – шутливо усмехнулся Рейч.

– А тебе никогда не казалось, что ты мог соприкасаться… как-то соприкасаться с сознанием людей, их мыслями и чувствами?

– Нет, я о таком и не думал. И честно говоря, мне это кажется глупым… при всем моем к тебе уважении, папа…

– А что ты скажешь, если я открою тебе… Рейч, Ванда прочла мысли Юго в один довольно драматический момент.

– Что я могу сказать? Совпадение или иллюзия.

– Рейч, я когда-то знал кое-кого, кто умел обращаться с людским сознанием весьма ловко – для него это было все равно, что для нас с тобой разговаривать.

– Кто это был?

– Я не могу о нем говорить. Но поверь мне на слово.

– Ну… – с сомнением в голосе протянул Рейч.

– Я побывал в Галактической Библиотеке и специально изучил этот вопрос. Существует любопытная история – ей около двадцати тысяч лет. Речь в ней идет о девушке – она была ненамного старше Ванды и умела общаться с целой планетой, вращавшейся вокруг звезды под названием «Немезида».

– Сказка, конечно же.

– Безусловно. И вдобавок, целиком не сохранившаяся. Но сходство героини с Вандой просто потрясающее.

– Папа, что ты задумал? – нахмурился Рейч.

– Понимаешь, Рейч, я не до конца уверен… Мне нужно посмотреть на расшифровку генома и отыскать таких же людей, как Ванда. Я знаю, что время от времени на свет рождаются дети, наделенные такими ментальными способностями, но, как правило, ничего хорошего им эти способности не приносят, и потому, дабы не попасть в беду, дети приучаются скрывать их. А потом они вырастают, и их дар, их таланты лежат в их сознании как погребенный под землей клад. Нечто вроде инстинкта самосохранения. Безусловно, в Империи, и даже среди сорокамиллиардного населения Трентора обязательно должны найтись похожие на Ванду дети и взрослые, и, когда я буду знать ее геном, можно будет с помощью генетического

обследования выявлять нужных людей.

– И что же ты станешь делать, если разыщешь таких людей?

– У меня такое ощущение, что именно они понадобятся мне для дальнейшего развития психоистории.

– Значит, – прищурился Рейч, – Ванда первая, кого ты нашел, и ты собираешься сделать из нее психоисторика?

– Может быть.

– Как Юго? Папа, нет!

– Почему нет?

– Потому, что я хочу, чтобы она росла как нормальная девочка и выросла нормальной женщиной. Я ни за что не позволю тебе засаживать се за Главный Радиант и превращать в живой памятник психоисторической математике.

Селдон возразил:

– До этого дело вряд ли дойдет, Юго, но нам нужен ее геном. Ты же знаешь, уже тысячи лет высказываются предложения, чтобы геном каждого человека был внесен в его файл. Тому, чтобы это предложение осуществилось, помешали только денежные трудности, а в том, что это нужно и полезно, никто не сомневается. Я уверен, ты понимаешь, какие выгоды это сулило бы. Если мы даже больше ничего не найдем, мы узнаем, есть ли у Ванды предрасположенность к различным заболеваниям. Уверен, если бы мы были знакомы с геномом Юго, он бы не умирал теперь. Ничего в этом нет ни сложного, ни вредного.

– Может быть ты и прав, папа, но вряд ли у тебя это получится. Готов поклясться, что Манелла будет упираться сильнее, чем я.

– Ладно. Но запомни – никаких больше лекционных поездок. Ты мне нужен дома.

– Посмотрим, – уклончиво ответил Рейч и вышел. Селдон закрыл глаза. Что же делать? Эдо Демерзель – единственный, кто мог читать человеческие мысли, знал бы, что делать. Знала бы и Дорс, обладавшая предвидением, людям недоступным.

А у него перед глазами в туманной дымке вставал образ новой психоистории – мираж и больше ничего.

6

Получить полный геном Ванды оказалось нелегко. Во-первых, мало было биофизиков, располагавших необходимым для такого обследования оборудованием, да и те, кто был, всегда были заняты.

Во-вторых, Селдон не мог открыто объяснить необходимость обследования – он не хотел пробуждать у биофизиков нежелательное любопытство. Селдон чувствовал, что крайне важно, чтобы его желание узнать природу необычных ментальных способностей Ванды оставалось тайной для всей Галактики.

Помимо всего прочего, обследование, как выяснилось, стоит уйму денег.

Селдон, покачав головой, сказал Майне Энделецки, биофизику, с которым пришел проконсультироваться.

– Но почему так дорого, доктор Энделецки? Я, конечно, не специалист, но уверен, что вся процедура полностью компьютеризирована, и стоит вам получить соскоб кожных клеток – через несколько дней можно выделить и проанализировать геном.

– Это верно. Но выделение молекулы дезоксирибонуклеиновой кислоты из миллиардов других нуклеотидов – это только начало, малая часть. А потом нужно изучить се и сравнить с каким-нибудь стандартом.

Кроме того, учтите, хотя у нас есть полная документация по ряду геномов, это всего лишь капля в море по сравнению с тем числом вариантов геномов, которое существует на самом деле, а поэтому мы не можем судить, насколько те, что имеются у нас, могут служить стандартами.

– Но почему же их так мало? – спросил Селдон.

– По ряду причин. Во-первых – цена. Мало кто согласен выкладывать кучу кредиток на обследование, за исключением тех случаев, когда оно требуется по жизненным показаниям. А

если это не так, люди отказываются от обследования, потому что боятся, что у них обнаружат что-то нехорошее. Ну, так я у вас спрашиваю, уверены ли вы, что хотите, чтобы ваша внучка подверглась генетическому обследованию?

– Да. Это очень важно.

– Почему? Есть какие-то признаки отклонений от нормы?

– Нет-нет. Совсем наоборот... вот только какой же будет антоним к слову «отклонение»?

Понимаете, она очень необычная девочка, и мне хотелось бы узнать, что делает ее такой необычной.

– В каком плане необычная?

– В умственном, но подробностей я вам объяснить не могу, поскольку сам не все понимаю. Может быть, сумею объяснить, когда исследование будет завершено.

– Сколько ей лет?

– Двенадцать. Скоро исполнится тринадцать.

– В таком случае, мне понадобится согласие ее родителей.

Селдон кашлянул.

– Это будет не просто сделать. А моего согласия недостаточно? Я – ее дед.

– Для меня – вполне достаточно. Но вы же понимаете, тут речь идет о законе. А мне бы не хотелось потерять лицензию на практику.

Так вышло, что Селдону пришлось еще раз обратиться к Рейчу. Тот снова принялся наотрез отказываться. Манелла вторила ему с удвоенной яростью: «А вдруг геном окажется с патологией? Тогда ее затащают по лабораториям и будут обращаться как с подопытным животным?» Каких только упреков не наслушался Селдон – он, дескать, из-за своей фанатической преданности Психоисторическому Проекту, хочет лишить Ванду нормального, здорового отцовства, засадить за работу, которая не даст ей общаться со сверстниками... Но Селдон не отступался.

– Верь мне, Рейч. Я никогда не сделаю Ванде ничего плохого. Но обследовать ее нужно непременно. Мне нужен ее геном. Если все будет так, как я предполагаю, значит, мы на пороге смены подхода к психоистории, ко всему будущему Галактики!

Словом, Рейча Селдон убедил, а тот как-то договорился с Манеллой. И вот все трое взрослых повели Ванду к доктору Энделецки.

Доктор Энделецки – седая, но с моложавым лицом, встретила их у дверей своего кабинета и посмотрела на девочку, глядевшую на нее с любопытством, но без страха. Обращаясь к взрослым, врач с улыбкой спросила:

– Мама, папа и дедушка, верно?

– Совершенно верно, – ответил Селдон.

Рейч выглядел подавленно, а у Манеллы покраснели и распухли веки, и вид был невыспавшийся и усталый.

– Ванда, – обратилась доктор к девочке, – тебя, кажется, так зовут?

– Да, мэм, – бойко кивнула Ванда.

– Ванда, я расскажу тебе, в чем заключается обследование. Скажи, ты правша?

– Да, мэм.

– Ну вот, значит, я на твоей левой руке сделаю кляксу – капну туда обезболивающее лекарство. Покажется, словно холодный ветерок подул. Вот и все. А потом я сниму с твоей руки кусочек кожи – совсем маленький. Тебе не будет больно, и кровь не потечет, и даже царапинки потом не останется. В конце я смажу это место дезинфицирующим средством. На все уйдет несколько минут. Ну как, не страшно?

– Ни капельки! – мотнула головой Ванда и протянула руку.

Когда процедура была закончена, доктор Энделецки сказала:

– Теперь я помешу материал под микроскоп, выберу клетку и запущу компьютеризированный генный анализатор. Он все исследует до последнего нуклеотида, но их там миллиарды. Так что на работу почти весь день уйдет. Нет, конечно, все автоматизировано, но я все равно буду сидеть рядом и следить за приборами. А вот вам это совершенно ни к чему.

Как только геном будет подготовлен, начнется самая длинная часть исследования. Если вы хотите, чтобы работа была проделана до конца, потребуется несколько недель. Именно

поэтому процедура столь дорогостояща. Работа трудная и потребует много времени. Как только результаты будут у меня в руках, я вам сообщу.

Она отвернулась, словно дала понять, что посетители свободны, села и склонилась над сверкающим прибором, стоявшим перед ней на столе.

Селдон, немного помявшись, спросил:

– Не могли бы вы сразу сообщить мне, если обнаружите что-то не совсем обычное? То есть, если вы что-то найдете сразу, не ждите окончания исследования и меня не заставляйте ждать.

– Шансы обнаружить что-либо в первые часы совсем невелики, но обещаю вам, профессор Селдон, я с вами сразу свяжусь, если что.

Манелла взяла Ванду за руку и гордо вышла из кабинета. За ними следом поковылял Рейч. Селдон склонился к врачу и сказал:

– Это намного важнее, чем вы думаете, доктор Энделецки.

Доктор Энделецки кивнула.

– Какова бы ни была причина, я сделаю все, что смогу, профессор.

Селдон сжал губы, попрощался и вышел. Он был расстроен. С чего он взял, что через пять минут он будет знать ответ на мучивший его вопрос, он и сам не понимал. А теперь нужно было ждать несколько недель, а каков будет ответ – неизвестно.

Селдон скрипнул зубами. Будет ли его задуманное детище – Вторая Академия – когда-нибудь основана или так и останется недостижимым миражом?

7

Нервно улыбаясь, Гэри Селдон вошел в кабинет доктора Энделецки.

– Вы же сказали – пару недель. А уже целый месяц прошел, доктор.

Доктор Энделецки кивнула.

– Простите, профессор Селдон, но вы же хотели, чтобы все было сделано досконально, и я именно этим занималась все это время.

– Ну, – взволнованно спросил Селдон, – что же вы обнаружили?

Около ста дефективных генов.

– Что?! Дефективных генов? Вы шутите, доктор Энделецки?

– Я говорю совершенно серьезно. Что тут удивительного? Геномов, в которых не было бы как минимум сотни дефективных генов, просто не существует, а как правило, их гораздо больше. Сказать честно, все не так страшно, как звучит.

– Да, конечно, я же не специалист.

Доктор Энделецки вздохнула, поерзала на стуле.

– Вы ничего не знаете о генетике, профессор?

– Нет, не знаю. Человек не может знать все.

– Вы правы. Я, например, ничего не знаю об этой вашей... как же она называется? Ах да, о вашей психоистории. – Доктор Энделецки пожала плечами и продолжала: – Если бы вы взялись объяснять мне суть вашей науки, вам пришлось бы начать с азов, но даже в этом случае я бы вряд ли поняла вас. Ну так вот, что касается генетики...

– Да?

– Дефективный ген, как правило, ничего не значит. Существуют дефективные гены – настолько дефективные, настолько патологичные, что вызывают серьезные заболевания. Но это – большая редкость. Большинство дефективных генов просто-напросто работают плохо, вроде разболтавшихся колес. Машина все равно едет – дрожит, правда, немного, но едет.

– Именно так обстоит дело с Вандой?

– Да. Более или менее. В конце концов, если бы все гены были в идеальном состоянии, мы все были бы как две капли воды похожи друг на друга и вели бы себя совершенно одинаково. Именно различия в генах делают людей разными.

– Но не ухудшается ли положение с возрастом?

– Да. С возрастом все мы чувствуем себя хуже. Я заметила, вы вошли, прихрамывая. Что с вами?

– Ревматизм... – смущенно пробормотал Селдон.
– Вы всю жизнь им страдаете?
– Нет, конечно.
– Ну так вот: кое-какие из ваших генов сильно разболтались с возрастом, и теперь вы хромаете.

– А что случится с Вандой, когда она повзрослеет?

– Не знаю. Я не умею предсказывать будущее, профессор. Похоже, это как раз ваша специальность. Но если бы я решила угадать, я бы сказала, что с Вандой ничего необыкновенного не случится, то есть ничего, кроме того, что она в свое время состарится.

– Вы уверены? – спросил Селдон.

– Вам придется поверить мне на слово. Вы хотели узнать о том, каков геном Ванды, и сильно рисковали – вы могли бы узнать вещи, о которых лучше не знать. Но я говорю вам, что, по моему мнению, ничего ужасного ей не грозит.

– Но эти, как вы говорите... разболтанные гены – их никак нельзя укрепить, зафиксировать?

– Нет. Во-первых, это было бы слишком дорого. Во-вторых, нет уверенности, что они сохранят зафиксированное состояние. И потом... люди против этого.

– Но почему?

– Потому что они вообще против науки. Вам это должно быть известно лучше, чем кому-либо, профессор. Боюсь, что после смерти Клеона – *особенно* после его смерти – ситуация стала такова, что все больше людей ударяется в мистицизм. Люди не верят в возможность медицинской фиксации генов. Они предпочитают лечиться у шарлатанов – наложением рук, заклинанием и тому подобными методами. Честно вам скажу, мне нелегко работать. Субсидии мизерные.

Селдон кивнул в знак согласия.

– Конечно, я вас очень хорошо понимаю. И психоистория объясняет причины такого положения, но, честно говоря, я не думал, что ситуация ухудшится столь быстро. Я слишком сильно был погружен в свою работу и не замечал, что творится вокруг. Вот уже тридцать лет, – сказал Селдон, глубоко вздохнув, – я смотрю, как медленно, но верно распадается Галактическая Империя, а теперь, когда она близка к параличу, я не вижу, как это вовремя предотвратить.

– Неужели вы пытаетесь это сделать? – изумленно вздернула брови доктор Энделецки.

– Да, пытаюсь.

– Желаю удачи... Насчет вашего ревматизма... Знаете, пятьдесят лет назад его можно было бы вылечить, а теперь, увы, это невозможно.

– Но почему?

– Аппаратуры, которая применялась для лечения, больше нет. Специалисты, занимавшиеся лечением этого заболевания, занимаются другими вещами. Медицина в упадке.

– Как и все остальное... – пробормотал Селдон. – Но давайте вернемся к Ванде. Понимаете, она кажется мне совершенно необычной девочкой, и ее мозг представляется мне непохожим на мозг других людей. Скажите, что говорят вам ее гены о ее мозге?

Доктор Энделецки откинулась на спинку стула.

– Профессор Селдон, известно ли вам, какое число генов принимает участие в обеспечении функции мозга?

– Нет.

– Тогда я напомню вам, что функция мозга – самый сложный аспект в функционировании всего организма человека. На самом деле, во всей Вселенной нет ничего более сложного, чем мозг человека. Следовательно, вы не должны удивляться, если я скажу вам, что в работе мозга принимают участие тысячи генов.

– Тысячи?

– Вот именно. Рассмотреть их все и обнаружить что-либо необычное попросту невозможно. Насчет Ванды я вам верю на слово. Пусть она необычная девочка с необычным мозгом, но ее гены мне об этом не говорят ни слова, кроме того, конечно, что мозг у нее в порядке.

— Скажите, вы могли бы найти других людей, чьи гены, обеспечивающие мыслительную функцию мозга, были бы такие же, как у Ванды?

— Сильно сомневаюсь. Даже если бы нашелся мозг, напоминающий мозг Ванды, различия в генах были бы колоссальны. Искать подобия — бесполезный труд. Но скажите, профессор, из-за чего вы думаете, что у Ванды такой необычный мозг?

— Простите, — покачал головой Селдон. — Но этого я вам сказать не могу.

— Что ж, в таком случае, я вам точно ничем помочь не сумею. Но как вы обнаружили что-то необычное в мозге девочки? Ну, это самое, о чем не можете сказать?

— Случай... — пробормотал Селдон. — Чистейшей воды случай.

— Ну, тогда и людей с мозгом, таким же, как у Ванды, вы найдете случайно. Ничего не поделаешь.

Наступила пауза. Наконец Селдон спросил:

— Больше вы мне ничего не скажете?

— Боюсь, ничего. Кроме того, что пришлю вам счет. Селдон с трудом поднялся на ноги. Ревматизм разыгрался не на шутку.

— Хорошо: Спасибо вам, доктор. Присылайте счет, я оплачу.

Уходя из кабинета доктора Энделецки, Селдон думал о том, что же делать дальше.

8

Как любой из ученых, Селдон беспрепятственно пользовался Галактической Библиотекой. Большой частью он связывался с банком данных Библиотеки по системе компьютерного абонирования, но иногда наведывался туда лично — скорее, для того чтобы уйти из-под гнета Психоисторического Проекта, чем для чего-либо другого. В последние два года, с тех пор как он решил начать поиски людей, подобных Ванде, он даже снял небольшую квартиру в ближайшем секторе, откуда до Библиотеки было рукой подать, и не было нужды всякий раз после многотрудного дня возвращаться в Стрилинг.

Однако теперь задуманный им план требовал внесения кое-каких изменений, и Селдон хотел повидаться с Ласом Зеновым.

Договориться о личной беседе с Главным Библиотекарем оказалось не так-то просто. Он высоко ценил свое положение и время, и частенько поговаривали, что даже когда с Главным Библиотекарем нужно было повидаться Императору, то он самолично являлся в Библиотеку и ждал, когда тот его примет.

У Селдона тем не менее особых трудностей не возникло.

— Какая честь, господин премьер-министр, — сказал он, приветствуя Селдона.

Селдон улыбнулся.

— Вы наверняка знаете, что этот пост я покинул шестнадцать лет назад.

— Но титул по-прежнему остается вашим. И потом, сэр, именно вы избавили нас от жестокой власти хунты. А хунта несколько раз порывалась нарушить священный закон неприкосновенности Библиотеки.

«Ага, — подумал Селдон, — так вот почему он с такой готовностью согласился принять меня».

— Это всего лишь разговоры, — сказал он вслух.

— Ну а теперь скажите, — Зенов таки не удержался и взглянул на часы, — что привело вас ко мне и чем я могу быть вам полезен?

— Главный Библиотекарь, — начал Селдон, — дело у меня к вам необычное. Мне нужно больше места в Библиотеке. Я хотел бы, чтобы вы разрешили разместить здесь кое-кого из моих сотрудников, для того, чтобы мы могли работать над программой величайшей важности.

Лас Зенов скривил недовольную гримасу.

— Вы просите многоного. Не могли бы вы объяснить мне, какова важность вашей программы?

— Мог бы. Империя погибает.

Наступила продолжительная пауза. Наконец Зенов сказал:

— Я слыхал о ваших исследованиях в области психоистории. Мне говорили, что ваша

новая наука дает возможность предсказывать будущее. Вы сейчас говорите о психоисторических предсказаниях?

— Нет. Пока психоистория не позволяет судить о будущем с уверенностью. Но психоистория не нужна для того, чтобы видеть, что Империя распадается и гибнет. Это и так очевидно.

Зенов вздохнул.

— Моя работа поглощает все мое время без остатка, профессор Селдон. Во всем, что касается политики, общественной жизни, я просто младенец.

— Если хотите, можете просмотреть те данные, что собраны у вас в Библиотеке, не выходя из кабинета, — тут ведь собрана информация обо всем, что происходит в Галактической Империи.

— Знаете старую пословицу — «сапожник без сапог»? — грустно усмехнулся Зенов. — Это про меня. Руки не доходят, Но мне, наоборот, кажется, что Империя переживает времена реставрации. Ведь у нас теперь снова есть Император.

— Это всего лишь название, Главный Библиотекарь. В большинстве отдаленных провинций имя Императора теперь произносится исключительно символически, но никакой роли в их реальной жизни он не играет. Внешние Миры живут по своим правилам, и, что еще более важно, они располагают собственными армиями, которые совершенно неподвластны Императору. Если бы Император попытался напомнить о своем могуществе где-либо за пределами Внутренних Миров, он бы провалился. Боюсь, лет через двадцать, не больше, некоторые из Внешних Миров объявили независимость.

Зенов снова вздохнул.

— Если вы правы, значит, мы переживаем самые тяжелые времена за всю историю Империи. Но что здесь общего с вашим желанием запять побольше места в Библиотеке и разместить здесь ваших сотрудников?

— Если погибнет Империя, эта же участь постигнет и Библиотеку.

— Этого не должно случиться! — с горячностью воскликнул Зенов. — И раньше бывали тяжелые времена, но кто бы ни был у власти, все всегда понимали, что Галактическая Библиотека, вместе с тем все знаний человечества, должна оставаться неприкосновенной.

— Вряд ли. Вы только что сказали, что хунта посягала на вашу неприкосновенность.

— Ну, не то чтобы так уж серьезно посягала...

— В следующий раз посягательства могут оказаться куда более серьезными, а мы не должны позволить, чтобы что-нибудь случилось с Библиотекой.

— Разве ваше присутствие в Библиотеке — гарантия безопасности?

— Нет. Не присутствие. Тот проект, в разработке которого я заинтересован. Я хочу создать громадную Энциклопедию, которая содержала бы все те знания, которые потребовались бы человечеству, для того чтобы выстроить новый мир на руинах старого, если случится худшее. Назовем ее, если хотите, «Галактической Энциклопедией». Для ее создания нам не потребуется вся накопленная у вас информация. Большинство материала, планируемого для включения в Энциклопедию, достаточно тривиально. Провинциальные библиотеки, разбросанные по всей Галактике, тоже могут не избежать разрушения, но в любом случае основная масса информации локального характера собрана здесь. Я же хотел бы создать нечто независимое, обобщенное — издание, в котором в сжатой форме содержалась бы самая необходимая информация.

— Но если и оно погибнет?

— Надеюсь, этого не случится. Мне хотелось бы отыскать планету, которая была бы расположена на задворках Галактики и отправить туда экспедицию Энциклопедистов, чтобы они работали без помех. Но покуда такая планета не найдена, мне бы хотелось, чтобы ядро моей рабочей группы работало здесь, изучая фонды Библиотеки с целью отбора информации для будущей Энциклопедии.

Зенов усмехнулся.

— Я вас понял, профессор Селдон, но не уверен, что это осуществимо.

— Почему, Главный Библиотекарь?

— Понимаете, быть Главным Библиотекарем — это не значит быть абсолютным монархом. В Библиотеке существует довольно многочисленный Совет — нечто вроде законодательного

органа – и не думайте, что мне будет легко протащить в Совете ваш Энциклопедический Проект.

– Я удивлен.

– Не стоит удивляться. Я, знаете ли, не слишком популярный Главный Библиотекарь. Вот вам пример: уже несколько лет Совет борется за то, чтобы доступ в Библиотеку был ограничен. Я постоянно выступаю против принятия такого решения. Представьте себе, даже то, что я выделил вам небольшой персональный кабинет, вызвало недовольство Совета.

– Ограничить доступ в Библиотеку?

– Именно. Принцип таков: если кому-либо потребуется информация, он или она должны проконсультироваться с библиотекарем, и библиотекарь должен обеспечить абонента нужной информацией. Совет не желает, чтобы люди свободно разгуливали по Библиотеке и самостоятельно работали с компьютерами. Члены Совета говорят, что затраты на ремонт и обслуживание компьютеров и прочей библиотечной техники становятся непомерными.

– Но это просто невероятно! Существует тысячелетняя традиция открытого доступа в Библиотеку!

– Существует, но в последние годы субсидии на содержание Библиотеки урезывались несколько раз, и средства у нас уже не те, к которым мы привыкли. Стало очень трудно поддерживать оборудование в должном состоянии.

Селдон потер подбородок.

– Но если субсидии урезаны, следовательно, вы наверняка были вынуждены понизить жалованье сотрудникам и прибегнуть к увольнениям – ну или, по крайней мере, не нанимать новых?

– Вы совершенно правы.

– Но в таком случае, как же вы сумеете взвалить на плечи сотрудников новый объем работы по обеспечению абонентов информацией?

– Замысел таков, что мы не будем обеспечивать абонентов всей информацией, которую они будут запрашивать, а только той, которую мы сочтем потребной.

– Значит, вы не только ограничите доступ в Библиотеку, а еще и ограничите доступ к информации?

– Боюсь, что так.

– Не могу поверить, что этого хотят все библиотекари.

– Ох, профессор Селдон, просто вы не знакомы с Дженнаро Маммери, – вздохнул Лас Зенов, и, поняв по лицу Селдона, что тот действительно не знает, о ком идет речь, продолжил: – «Кто он такой?» – спросите вы, Он – глава группировки в Совете, той самой, что ратует за закрытие Библиотеки. И чем дальше, тем больше членов Совета встает на его сторону. Если я позволю вам и вашим коллегам обосноваться в Библиотеке в качестве независимого подразделения, даже те члены Совета, которые сейчас не поддерживают Маммери, встанут на его сторону. В этом случае я буду вынужден уйти в отставку.

– Послушайте, – неожиданно горячо проговорил Селдон, – это – возможное закрытие Библиотеки, отказ в выдаче нужной информации абонентам, да и ограничение субсидий тоже – это признаки гибели Империи. Разве вы не согласны со мной?

– Если так рассуждать, то, может быть, вы и правы.

– Тогда позвольте мне поговорить с Советом. Позвольте объяснить им, какое будущее может ожидать Библиотеку и всю Империю и каковы мои намерения. Может быть, я сумею убедить их, как убедил вас.

Зенов задумался.

– Мне бы хотелось вам помочь, но вы должны заранее знать, что ваша попытка может оказаться безуспешной.

– Я должен рискнуть. Прошу вас, сделайте все возможное и дайте мне знать, где и когда я смогу встретиться с Советом...

Селдон оставил Зенова в смятенном настроении. Все, что он сказал Главному Библиотекарю было правдой и лежало на поверхности. Не сказал он ему только одного – какова была его истинная цель пользования Библиотекой.

А не сказал он этого потому, что пока и сам этого точно не знал.

9

Гэри Селдон сидел у постели Юго Амариля – печально, терпеливо. Дни Юго были сочтены. Медицина была бессильна, даже если бы Юго решил прибегнуть к помощи врачей, а он от нее отказался.

Ему было всего пятьдесят пять. Селдону – семьдесят, а он все еще был в неплохой форме – вот только ревматизм докучал, из-за приступов которого он время от времени начинал прихрамывать.

Амариль открыл глаза.

– Ты все еще здесь, Гэри?

Селдон кивнул.

– Я не покину тебя.

– Пока я не умру?

– Да, – ответил Селдон и, не сдержав тоски и горечи, сказал: – Ну зачем же ты так, Юго? Живи ты нормальной жизнью, ты бы прожил еще лет двадцать, а то и все тридцать!

Амариль вяло улыбнулся.

– Нормальной жизнью? То есть с выходными, отпусками? Ездил на курорты? Развлекался?

– Да. Да.

– Тогда бы я либо все время думал о том, как бы поскорее вернуться к работе, либо в конце концов мне бы понравилось бить баклуши, и за эти двадцать или тридцать лет я бы больше ничего не сделал. На себя посмотри.

– Зачем?

– Десять лет при Клеоне ты был премьер-министром. Сильно ли ты преуспел в науке за эти годы?

– Я тратил четверть свободного времени на психоисторию, – возразил Селдон.

– Преувеличиваешь. Если бы не я, прогресс психоистории забуксовал бы.

Селдон кивнул:

– Ты прав, Юго. И за это я тебе очень благодарен.

– Да и раньше, и потом, когда ты половину времени тратил на административные дела, кто делал – да, теперь уже *делал*... всю настоящую работу? А?

– Ты, Юго.

– То-то и оно, – пробормотал Юго и закрыл глаза.

– И все-таки, – сказал Селдон, – ты готов взяться за все эти административные дела, если бы пережил меня?

– Нет! Я хотел возглавить Проект, чтобы он двигался в том направлении, в каком хотелось мне, а административные обязанности я бы отдал другим.

Амариль тяжело дышал. Но вот он слабо пошевелился, открыл глаза и взглянул на Гэри в упор.

– Скажи, что будет с психоисторией, когда меня не станет? Ты думал об этом?

– Думал. И хочу поговорить с тобой об этом. Могу порадовать тебя, Юго. Я верю, что в психоистории произойдет революция.

– В каком смысле? – нахмурился Юго. – Что-то мне не нравится, как это звучит.

– Послушай. Это была твоя идея. Несколько лет назад ты сказал мне, что хорошо бы основать две Академии. Два отдельных учреждения, изолированных друг от друга и призванных послужить зародышами новой, Второй Галактической Империи. Помнишь? Это же ты придумал.

– Психоисторические формулы...

– Знаю. С их помощью. Теперь, Юго, я вовсю разрабатываю эту твою идею. Мне удалось получить кабинет в Галактической Библиотеке...

– Ах, Галактическая Библиотека... – Амариль еще сильнее нахмурился. – Не нравятся они мне. Кучка самовлюбленных тупиц...

– Не все там тупицы, Юго. Главный Библиотекарь, Лас Зенов, человек неглупый и

неплохой.

— А тебе не встречался там библиотекарь по имени Маммери — Дженнаро Маммери?

— Нет, но я о нем слышал.

— Полное ничтожество. Однажды мы с ним повздорили — он меня принял за то, что я что-то с места сдвинул или не туда поставил. А я ничего такого не делал и жутко разозлился. Я словно обратно в Даль попал. Знаешь, Гэри, в далийском жаргоне есть масса оскорбительных словечек. Вот и я использовал одно из них по его адресу. Я сказал ему, что он мешает работе над психоисторией и что в истории останется в образе злодея. Ну, вместо слова «злодей» я ввернул это самое словечко, — Амариль слабо улыбнулся. — Словом, он заткнулся.

Селдон неожиданно догадался о причине враждебного отношения Маммери к посетителям Библиотеки и к самой психоистории — по крайней мере, частично... но об этом он Юго ничего не сказал.

— Так вот, Юго, — продолжал Селдон, — ты говорил, что нужно создать две Академии, так чтобы, если одна погибнет, вторая продолжала работать. Мы пойдем дальше.

— В каком смысле?

— Помнишь, два года тому назад Ванда ухитрилась прочитать твои мысли и увидела, что одна цепочка уравнений в Главном Радианте порочна?

— Конечно, помню.

— Ну так вот: мы найдем других таких же, как Ванда. В одной из наших Академий будут трудиться, в основном, физики, задачей которых будет сохранение знаний, накопленных человечеством. Эта Академия станет прообразом, зародышем новой Империи. А во Второй Академии будут работать только психоисторики, те, которым будет под силу трудиться над психоисторией сообща, объединив свои сознания. Это будет намного быстрее, чем если бы каждый из них мыслил в одиночку. Во Второй Академии соберутся менталисты, телепаты — называй как хочешь. Они станут руководителями плана, теми, кто будет вносить в него необходимые изменения с течением времени — понимаешь? Они всегда будут оставаться в тени — невидимые наблюдатели, хранители Империи.

— Прекрасно! — еле слышно проговорил Амариль. — Просто прекрасно! Вот видишь, как верно я выбрал время уйти? Мне больше здесь делать нечего.

— Не говори так, Юго.

— Да ладно тебе, Гэри. Все равно я слишком сильно устал, чтобы что-то делать. Спасибо тебе... спасибо... за то... что ты... — голос его готов был сорваться, — рассказал мне... про эту революцию. Теперь я счастлив... счаст...

Таковы были последние слова Юго Амарilha.

Селдон склонился к изголовью кровати. Глаза его застлали слезы, потекли струйками по щекам.

Еще один старый друг ушел. Демерзель, Клеон, Дорс, а теперь и Юго... чем дальше, тем более одинок он становился.

А ведь та революция, о которой он только что сказал Амарилю и обрадовал его так, что тот умер счастливым, — суждено ли ей произойти? Сможет ли он воспользоваться Галактической Библиотекой? Сможет ли найти таких людей, как Ванда? А самое главное — сколько времени на это уйдет?

Селдону было семьдесят. Вот если бы он мог начать революцию в тридцать два, когда впервые попал на Трентор...

А теперь могло быть слишком поздно.

10

Дженнаро Маммери заставил Селдона ждать, что были выражением неприкрытого пренебрежения, даже наглости, но Селдон заставил себя смириться.

Как бы то ни было Маммери был ему очень нужен, и злиться на библиотекаря значило только одно: сделать себе еще хуже. А Маммери только порадовался бы, увидев Селдона разъяренным.

Так что Селдон спокойно, ждал и в конце концов Маммери появился. Селдон видел его и

раньше, но издалека. Наедине им предстояло побеседовать впервые.

Маммери был невысокого роста, полноватый, с круглым лицом и короткой темной бородкой. На лице его сияла заранее заготовленная улыбка, но Селдон пре красно понял, что она ровным счетом ничего не значит. Зубы у Маммери были неприятно желтые, а его голову украшала сочетавшаяся с ними по цвету шапочка, по краю которой змеилась коричневая полоска.

Селдон ощущал прилив тошноты. Он знал заранее, что Маммери вряд ли ему понравится, даже если он будет само обаяние.

Маммери спросил без обиняков:

– Ну, профессор, чем могу служить? – и посмотрел на настенные часы, однако за опоздание не извинился.

– Я хотел бы попросить вас, сэр, – ответил Селдон, – перестать чинить препятствия моему присутствию в Библиотеке.

Маммери развел руками.

– Вы здесь уже два года. О каких препятствиях вы говорите?

– До сих пор той части членов Совета, которую вы возглавляете, не удавалось переизбрать Главного Библиотекаря, но через месяц должно состояться новое заседание, и Лас Зенов говорит, что он не уверен в его итогах.

– Я тоже, – пожал плечами Маммери. – Но ваша виза, назовем ее так, вполне может быть продлена.

– Но мне нужно большее, библиотекарь Маммери. Мне хотелось бы, чтобы в Библиотеке смогли работать и некоторые мои коллеги. В одиночку мне не одолеть работы над задуманным грандиозным проектом – подготовкой издания весьма специфической Энциклопедии.

– Но ваши коллеги могут работать где угодно. Трентор – большая планета.

– Мы должны работать в Библиотеке. Я старый человек, сэр, и я тороплюсь.

– Кому подвластно остановить течение времени? Не думаю, чтобы Совет дал согласие на то, чтобы вы въехали в помещения Библиотеки со своими сотрудниками. Дело тонкое, профессор, понимаете? Вас удалить из Библиотеки мне пока не удалось, но сотрудников ваших я сюда постараюсь не пустить.

Селдон понял, что разговор ни к чему не приведет, и решил попробовать вызвать Маммери на откровенность.

– Библиотекарь Маммери, – сказал он, – я не верю, что ваша враждебность ко мне носит личный характер. Важность дела, которым я занимаюсь вы должны понимать.

– В смысле, работу над психоисторией? Слушайте, вы над ней корпите уже тридцать лет с лишним, и какой толк?

– Вот именно. Именно сейчас может выйти толк.

– Так пусть толк выходит в Стрилингском университете. Почему он должен выйти здесь, в Галактической Библиотеке?

– Библиотекарь Маммери. Выслушайте меня. Вы хотите закрыть Библиотеку для посещения. Вы хотите нарушить давнюю традицию. Неужели у вас хватит совести на такое?

– Совесть тут ни при чем. Все дело в субсидировании. Наверняка Главный Библиотекарь плакался вам. Субсидии снижены, жалованья урезаны, нет возможности содержать обслуживающий технику персонал. Что же нам делать? Приходится сокращать объем обслуживания абонентов, и, уж конечно, мы не в силах позволить себе такую роскошь, как выделение помещений для вас и ваших сотрудников и обеспечение вас информацией.

– Император в курсе существующего положения дел?

– Проспитеся, профессор! Разве ваша психоистория не подсказывает вам, что Империя гибнет? Я слыхал вас нынче кличат «Вороном Селдоном», намекая на сказочную птицу, предрекающую беды.

– Да, нас действительно ждут тяжелые времена. – И что же, вы считаете, что у Библиотеки – иммунитет против всего, что несут с собой эти самые тяжелые времена? Профессор, Библиотека – это моя жизнь, и я хотел бы, чтобы она жила, но она не будет жить, если только мы не найдем способа увеличить субсидии. А вы являетесь и требуете – подавайте вам открытую Библиотеку да еще предпочтение окажите... Не пройдет, профессор. Не пройдет,

говорю я вам.

Селдон в отчаянии проговорил:

- А что, если я найду деньги для Библиотеки?
- Вот уж действительно! Это как же?

– Что, если я поговорю с Императором? Я ведь все-таки в прошлом премьер-министр. Он не откажет мне в аудиенции и выслушает меня.

– И вы выбьете у него субсидии? – расхохотался Маммери.

– Если выбью, вы позволите разместить в Библиотеке моих сотрудников?

– Сначала добудьте кредитки, – сказал Маммери, – а там посмотрим. Только не думаю, что вам это удастся.

Похоже, он нисколько не сомневался в неудаче затеи Селдона. Интересно, подумал Селдон, Сколько уже раз Галактическая Библиотека обращалась к Императору с этой просьбой?

А он сам? Чего он добьется?

11

По правде говоря, истинного права у Императора Агиса Четырнадцатого на это имя не было, Он принял его, взойдя на престол, специально для того, чтобы в умах подданных всплыли воспоминания о династии Агисов, правившей два тысячелетия назад, и большинство представителей этой династии справлялись с этим весьма успешно, а в особенности – Агис Шестой, правление которого длилось целых сорок два года и которому удавалось поддерживать в процветающей Империи должный порядок, не прибегая при этом к тирании и жестокости.

Агис Четырнадцатый внешне нисколько не был похож ни на кого из прежних Агисов, если судить по голограммическим изображениям. Но честно говоря, и его собственное голограммическое изображение, тиражируемое для народа, мало отражало реальность.

Гэри Селдон, повинуясь порывам ностальгии, вспоминал Императора Клеона и приходил к выводу, что Клеон гораздо больше был похож на настоящего монарха. А вот Агис на настоящем монарха совсем не походил. Селдон до сих пор никогда не видел его вблизи, и тот человек, что был перед ним, разительно отличался от того, что красовался на некоторых виденных Селдоном голограммах. «Императорский голограф свое дело знает», – не без ехидства подумал Селдон.

Агис Четырнадцатый был невысокого роста, некрасивый, с глуповатыми, выпученными глазами. Единственным поводом для его восхождения на трон послужило то, что он был дальним родственником Клеона.

Однако, надо отдать ему должное, – он и не пытался изображать из себя могущественного владыку. Он предпочитал, чтобы его называли Гражданин Император, и только упрямое следование охранки вековым традициям удерживало его от вольных прогулок по Трентору. Поговаривали, будто он горел желанием здороваться за руку с подданными и лично выслушивать их жалобы.

«Очко в его пользу, – подумал Селдон, – даже если он так никому руки и не пожмет за всю свою жизнь».

Пробормотав приветствие и поклонившись Императору, Селдон сказал:

– Искренне благодарен, вам, сир, за согласие принять меня.

У Агиса Четырнадцатого оказался чистый и очень приятный голос, никак не вязавшийся с его отталкивающей внешностью.

– Бывшему премьер-министру полагаются привилегии, однако скажу вам по секрету – мне пришлось собрать все свое мужество, чтобы согласиться на встречу с вами.

Сказано это было с юмором, и Селдон вдруг понял, что на вид человек может быть совершенно заурядным, но при этом неглупым.

– Мужество, сир?

– Ну а как вы думали? Разве вас не зовут Вороном Селдоном?

– Я услыхал, сэр, это прозвище только вчера.

– Наверное, дело в вашей психоистории, предсказывающей гибель Империи.

– Она указывает всего лишь на вероятность, сир...

– Вот вас и окрестили Вороном – ведь эта вещая птица предсказывает беду. Только вы себя вороном не считаете, видимо.

– Надеюсь, это не так, сир.

– Не знаю, не знаю... Судя по всему... Эдо Демерзель, который до вас был премьер-министром у Клеона, был заинтригован вашей работой, и что же с ним произошло? Он лишился места и отправлен в ссылку. Вашу работу высоко ценил Император Клеон, и что же с ним произошло? Его убили. Высоко ценила вашу работу и хунта, а с ней что произошло? Ее свергли. Говорят, вашу работу ценили и джоранумиты, и, представьте себе, их организация была уничтожена. А теперь, Ворон Селдон, вы явились ко мне. Чего же мне ждать от судьбы?

– Ничего дурного, сир.

– Надеюсь, это так, поскольку в отличие от всех тех, кого я перечислил, я как раз вашей работой не интересуюсь. А теперь, скажите, что привело вас ко мне?

Император спокойно, не прерывая, выслушал объяснения Селдона относительно важности проекта создания Энциклопедии, которая стала бы хранилищем знаний человечества, если бы произошло худшее.

– Ага... – задумчиво проговорил Агис Четырнадцатый, когда Селдон закончил объяснения, – значит, вы все-таки убеждены в том, что Империя погибнет.

– Вероятность велика, сир, и было бы проявлением величайшего легкомыслия сбрасывать такую вероятность со счетов. В каком-то смысле, мне бы хотелось воспрепятствовать такому варианту течения событий, или, по крайней мере, смягчить последствия гибели Империи.

– Знаете, Ворон Селдон, если вы будете продолжать совать нос во все дела, я уверен, Империя таки погибнет и ничто ей не поможет.

– Нет, сир. Я прошу всего-навсего разрешения работать.

– Ну так оно у вас есть, но я все равно не понимаю, от меня-то вы чего хотите? Зачем вы мне рассказывали про Энциклопедию?

– Затем, что мне необходимо работать в Галактической Библиотеке, сир, а если точнее, мне необходимо, чтобы со мной вместе там работали мои сотрудники.

– Уверяю вас, я вам в этом мешать не собираюсь. Хотите работать – работайте.

– Этого недостаточно, сир. Я прошу вас помочь мне.

– Чем же, экс-премьер-министр?

– Финансами. Библиотека нуждается в субсидировании, в противном случае двери ее закроются для населения, и для меня в том числе.

– Кредитки? – изумленно воскликнул Император. – Вы ко мне за кредитками явились?

– Да, сир.

Агис Четырнадцатый нервно вскочил. Селдон автоматически тоже поднялся на ноги, но Агис махнул рукой, приказывая ему сесть.

– Сидите. Не надо этих формальностей. Я не Император. Я не хотел этого – меня заставили. Я оказался, видите ли, ближайшим родственником императорской семьи, и меня стали наперебой убеждать в том, что Империи позарез нужен Император. Ну и что? Много хорошего из этого вышло?

Деньги! Вы думаете, у меня есть деньга? Вы говорите, что Империя гибнет. А знаете ли вы, как именно она гибнет? Думаете, бунты там, гражданские войны? Беспорядки всякие?

Нет. Дело в *денежках*. Вы только представьте себе, что я лишен возможности собрать налоги с половины Империи – «Да здравствует Империя!», «Слава Императору!» и все такое, но не платят ни гроша, а у меня нет людей, способных вытрясти из них налоги. Ну а если я не в силах собрать с них налоги, значит, они и в Империю не входят, верно?

Деньги! Империя давно концы с концами не сводит. У меня ничего нет. Думаете, хотя бы на то, чтобы поддерживать дворцовую территорию в порядке, денег хватает? С трудом. Все время приходится экономить. Я вынужден махнуть на все рукой и смотреть, как потихоньку разваливается дворец, как помирают с голода те, кто уходит на пенсию.

Профессор Селдон, если вы пришли за деньгами, то у меня их нет. Где мне взять субсидии для Библиотеки? Да они должны быть мне благодарны, что им вообще что-то от меня перепадает каждый год!

На последних словах Император раскинул руки ладонями вверх, как бы показывая, что имперская казна пуста.

Гэри Селдон был ошеломлен.

– Ну хорошо, сир, пусть у вас нет денег, но у вас есть престиж. Не могли бы вы приказать Библиотеке сохранить за мной кабинет и допустить туда для работы моих сотрудников, вместе с которыми я занят делом величайшей важности?

Как только речь перестала идти о деньгах, Агис Четырнадцатый сразу успокоился и сел.

– Вы же знаете, – сказал он, – что, в соответствии с вековой традицией, Галактическая Библиотека независима от Империи во всем, что касается вопросов самоуправления. У нее свои правила, и они действуют еще со времен моего тезки, Агиса Шестого, – улыбнулся Император. – Он пытался слегка надавить на Библиотеку, но у него ничего не вышло. У него – великого Агиса Шестого – ничего не вышло, а у меня, думаете, выйдет?

– Сир, я не прошу вас применять силу. Можно ведь просто обратиться к руководству Библиотеки с вежливой просьбой. Безусловно, в том, что не затрагивает функционирования Библиотеки как таковой, они будут рады выполнить волю Императора.

– Профессор Селдон, вы плохо знаете руководство Библиотеки. Я отлично понимаю, что стоит мне выразить самое вежливое пожелание, как они потихонечку займутся совершенно противоположным, все наоборот сделают. Они нюхомчуют малейшее проявление давления со стороны Империи.

– Так что же мне делать? – спросил Селдон.

– А я вам скажу. Мелькнула у меня мыслишка. В конце концов это же публичная Библиотека, верно? А я простой гражданин, значит, и я могу посетить Библиотеку, если пожелаю. Расположена она в пределах дворцовой территории, стало быть, я и этикета не нарушу, если отправлюсь туда. Ну вот, а вы пойдете со мной, мы будем старательно изображать из себя закадычных дружков. Ни о чем я их просить не стану, но они увидят, как мы с вами вышагиваем под ручку, и тогда, может быть, кто-то из членов их драгоценного Совета поглядит на вас подобнее. Вот и все, что я могу вам предложить.

Селдон был глубоко разочарован. Это могло быть не принято во внимание.

12

С явным подобострастием Лас Зенов проговорил:

– А я и не знал, что вы на дружеской ноге с Императором, профессор Селдон.

– Почему бы и нет? Для Императора он большой демократ, и он интересуется, как, я работал премьер-министром при Клеоне.

– Мы все были просто потрясены, Императоры не посещали наши залы очень много лет. Обычно, когда Императору что-то нужно в Библиотеке...

– Могу себе представить. Он делает запрос, и ему все приносят на блюдечке.

– Однажды было высказано такое предложение, – доверительно сообщил Зенов, – чтобы во дворце для Императора было установлено компьютерное оборудование, позволявшее ему иметь прямую связь с библиотечной системой, чтобы не приходилось ждать, пока его обслужат. Это было давно, когда у нас было много денег, но как вы знаете, предложение не прошло.

– Вот как?

– О да. Совет почти единогласно выступил против – дескать, тогда Император внедрится в Библиотеку и это будет угрожать кашей независимости от правительства.

– Ну а нынешний Совет, который не пожелает оказать честь Императору, позволит мне остаться в Библиотеке?

– Пока – да. Есть такое чувство – и я сделал все, что было в моих силах, чтобы поддержать его, – что, если мы будем невежливы с личным другом Императора, возможность увеличить субсидии, и без того ничтожная, исчезнет совсем.

– Стало быть, деньги – даже туманная перспектива их получения – решают все.

– Боюсь, что так.

– А своих сотрудников я смогу разместить в Библиотеке?

Зенов растерялся.

— Боюсь, что нет. Ведь с Императором видели только вас, а не ваших сотрудников, Мне очень жаль, профессор.

Селдон пожал плечами и ушел от Главного Библиотекаря в самом дурном расположении. Сотрудников разместить в Библиотеке ему не удалось. Он надеялся отыскать людей, подобных Ванде, и это ему тоже не удалось. Ему тоже были необходимы деньги для продолжения исследований на должном уровне. И денег у него тоже не было.

13

Трентор, столичная планета Галактической Империи, сильно изменилась с того дня, когда Гэри Селдон тридцать восемь лет назад, выйдя из гиперпространственного корабля, впервые ступил на ее поверхность. Может быть, виной тому были розовые очки юности — как было молодому геликонскому провинциальному не прийти в восторг от сверкающих башен, сияющих куполов, разноцветной, куда-то спешащей людской толпы, что, казалось, мельтешит днем и ночью по поверхности Трентора.

А теперь, печально думал Селдон, тротуары стали почти безлюдными даже в разгар дня. Банды автомобилистов контролировали различные районы города, воюя между Собой за территории. Служба безопасности работала спустя рукава — те, кто остался в ней, занимались исключительно разбором жалоб, поступавших в центральный офис. Нет, конечно, по срочным вызовам офицеры выезжали, но на сцене событий появлялись уже тогда, когда преступление успевало совершиться. Теперь они даже не притворялись, будто пекутся о безопасности граждан Трентора. Каждый житель был предоставлен самому себе, и жить стало очень рискованно. И все же Гэри Селдон продолжал рисковать — в форме ежедневных пеших прогулок, словно выражая этим некий протест против тех сил, которые грозили разрушить его любимую Империю да и его самого уничтожить.

Словом, Гэри Селдон шел прихрамывая и размышлял.

Ничего не вышло. Ничего. Определить, чем Ванда отличается от других в генетическом плане, не удалось, а без этого он не мог отыскать других таких же людей, как она.

С тех пор как Ванда обнаружила ошибку в Главном Радианте Юго Амарилля, ее способность читать мысли необычайно усилилась. У Ванды вообще оказалась масса способностей. Казалось, будто с того момента, как она поняла, что ее умственные таланты делают ее не похожей на остальных, она решила понять природу своего дара, усилить его, научиться им управлять. Она очень повзрослела и быстро отказалась от всяких детских штучек, за которые ее так любил дед. Но она стала еще дороже его сердцу из-за той решимости, с которой желала помочь ему в его работе с помощью своего дара. А Гэри Селдон рассказал Ванде о своем замысле относительно Второй Академии, и она поняла план деда.

Однако сегодня настроение у Селдона было мрачное. Он начинал подумывать, что ментальный талант Ванды ничего ему не даст. Денег на продолжение работы не было — ни на поиск подобных Ванде людей, ни на жалованье для сотрудников в Стрилингском университете, ни на то, чтобы запустить в действие энциклопедический проект в Галактической Библиотеке.

Что же делать?

Селдон шел в Библиотеку. Он мог бы полететь туда на гравикэбе, но все же пошел пешком, невзирая на хромоту. Ему нужно было время для раздумий.

Услышав чей-то вскрик: «Вот он!», он не обратил на него внимания.

— Вот он! — послышалось вновь. — Психоистория!

Слово «психоистория» заставило Селдона оторвать взгляд от тротуара. Вокруг него собиралась группа молодчиков.

Селдон инстинктивно прислонился к стене ближайшего дома и поднял палку, защищаясь.

— Что вам нужно?

— Кредитки, старикан! — хохоча, объявили молодчики. — Есть кредиточки, а?

— Может быть и есть, по только почему вы их у меня требуете? Кто-то из вас крикнул: «психоистория»? Вы знаете, кто я такой?

— А как же! Ворон Селдон, вот кто, — довольно заявил главарь.

— А еще — калека несчастный! — выкрикнул один из молодчиков.

- Ну а если я вам не дам ни кредитки, что вы станете делать?
- Все равно отнимем, – осклабился главарь. – Поколотим и отнимем.
- А если я дам вам денег?
- Все равно поколотим! – хохотнул главарь, и вся шайка довольно заржала.

Селдон предостерегающе махнул палкой.

- Не подходите! Слышите, вы?

Он успел сосчитать парней. Их было восемь.

Лоб Селдона покрылся испариной. Было дело – однажды на него, Дорс и Рейча напали десятеро, и они справились с молодцами без труда. Но тогда ему было всего тридцать два, а Дорс была… а Дорс была Дорс.

Теперь все было по-другому. Он еще раз махнул палкой.

Главарь бандитов хмыкнул:

– Эй, парни, старишка-то, глядите, напасть на нас хочет, никак? Что же нам делать-то? Ой-ой-ой!

Селдон быстро посмотрел по сторонам. Офицера службы безопасности поблизости не было. Вот он, еще один из признаков загнивания общества. Мимо торопливо пришли несколько пешеходов, но желания помочь не выразили. И просить было бесполезно, Теперь никто не желал рисковать и вмешиваться во что бы то ни было.

– Первый же из вас, кто сделает хоть шаг ко мне, получит палкой по голове. Череп размозжу, имейте в виду!

– Да ну? – осклабился главарь, шагнул вперед и схватился за палку. После непродолжительной борьбы палка оказалась у него в руках. Главарь отбросил ее в сторону.

- Ну, старишка, что теперь?

Селдон прислонился к стене. Теперь оставалось только принимать удары. Бандюги разом двинулись на него, и каждый явно хотел в буквальном смысле приложить к нему руку. Селдон приготовился к защите, заслонив лицо руками. Он еще помнил кое-какие приемы рукопашного боя по-геликонски. Если бы бандитов было один-два, он бы сумел уклониться от ударов, и сам бы ответил ударами. Но восемь – это было для него чересчур много.

Стоило ему сделать резкое движение в попытке избежать удара в плечо, правая, больная нога, подвернулась, Селдон упал, и стало ясно, что теперь он станет легкой добычей для бандюг.

И вдруг послышался чей-то разгневанный голос:

– Что тут происходит? А ну, разойдитесь, бандюги! Разойдитесь, вам говорят, а не то я с вами живо разделаюсь!

- Еще один старишка, – презрительно сплюнул главарь.

– Не такой уж старишка, – возразил незнакомец, и изо всех сил ударил главаря по физиономии. Тот побагровел.

Селдон, только теперь сумевший разглядеть того, кто вступился за него, изумленно прошептал:

- Рейч…

– Папа, ты лучше уходи отсюда. Давай, давай поднимайся иди.

Главарь, сморшившиеся, и потирая щеку, прошипел сквозь зубы:

- Зато ты получишь сейчас…

– Вряд ли! – ответил Рейч выхватывая нож делийского производства с длинным сверкающим лезвием. Долго не раздумывая, он вынул и второй, точно такой же. Теперь в обеих руках у него было по ножу.

– А ты всегда ходишь с ножами, Рейч? – хрюплю дыша, проговорил Селдон.

– Всегда, – ответил Рейч. – И ни за что с ними не расстанусь.

– А я тебя заставлю! – рявкнул главарь и выхватил бластер.

Но быстрее, чем кто-либо успел глазом моргнуть, один из ножей Рейча сверкнул, рассек воздух и воткнулся точнехонько в кадык главаря. Тот захрипел и повалился на землю, а остальные остолбенело смотрели на него.

Рейч неторопливо подошел к безжизненному телу главаря.

– А ножичек я заберу, пригодится еще, – сказал он небрежно, выдернув нож из горла

главаря и вытер о его рубашку. Затем наступил на руку поверженного врага, наклонился и взял бластер.

Сунув бластер в один из своих вместительных карманов, Рейч обернулся к бандитам и сказал:

– Не охотник я до бластеров – промахиваюсь, бывает. А вот с ножичком – никогда! Никогда, поняли, тупицы? Ваш дружок готов. Сколько вас тут осталось-то? Семеро? Ну что, мечтаете отправиться за ним следом или уйдете подобру-поздорову?

– Хватай его! – крикнул один из бандитов, и все семеро шагнули к Рейчу.

Рейч отшатнулся. Ослепительно сверкнуло лезвие первого ножа, следом за ним полетел другой, и вот еще двое бандитов повалились на землю – ножи Рейча угодили им в животы.

– Верните ножички, ребята, нехорошо... – приговаривал Рейч, вынимая ножи и вытирая их. – Эти двое еще живы, но жить им осталось недолго. Стало быть, вас еще пятеро. Попробуете еще разок или все-таки домой потопаете?

Бандиты, яростно сопя, взвалили тела троих товарищев на плечи и поспешно удалились.

Рейч наклонился, поднял с тротуара палку Селдона.

– Идти можешь, па?

– Не очень, – признался Селдон. – Ногу подвернул.

– Тогда забирайся ко мне в машину. А что это ты пешком?

– А что такого? Со мной никогда ничего подобного не случалось.

– Считай, дождался – случилось. Забирайся в машину, я отвезу тебя в Стрилинг.

Рейч неторопливо набрал код па пульте управления автомобиля и сказал:

– Как жаль, что с нами не было Дорс. Мама бы с ними голыми руками управилась, и через пять минут все восемь мужиков были бы на том свете.

Слезы слепили Селдону глаза.

– Я знаю, Рейч, я знаю. Думаешь, я не тоскую по ней каждый день?

– Прости, – негромко проговорил Рейч.

– Но как ты узнал, что я попал в беду, сынок?

– Ванда сказала. Сказала, что злые люди собирались напасть на тебя, и сказала, где они притаились. Я сразу выехал сюда.

– Ты даже не засомневался – верно ли то, что она сказала?

– Вовсе нет, Теперь мы так хорошо ее знаем, что у нас нет никаких сомнений: она каким-то образом умеет контактировать с твоим сознанием и со всем, что тебя окружает.

– Что, она сказала тебе, сколько человек на меня напало?

– Нет. Сказала просто «несколько».

– И ты помчался сюда совсем один, Рейч?

– Команду собирать времени не было, па. Ну и потом, меня и одного хватило, как видишь.

– Это точно. Спасибо тебе, сынок.

14

Селдон лежал на кровати. Под больную ногу была заботливо подложена подушечка. Рейч невесело смотрел на отца.

– Папа, – решительно начал он, – больше ты по Трентору один разгуливать не будешь.

Селдон нахмурился.

– Что, из-за одного-единственного случая?

– Ничего себе, случай! Ты больше не в силах сам защищаться. Тебе, как-никак, семьдесят, и правая нога тебя, как видишь, подводит. И потом, у тебя есть враги!

– Враги!

– Представь себе. И ты это сам отлично понимаешь. Эти крысы подзаборные не за кем-нибудь охотились. Им не все равно было, на кого нападать. Они искали и нашли именно тебя. Или ты забыл, что они крикнули «психоистория!»? А еще обозвали тебя калекой. Как думаешь, почему?

– Не знаю.

– Зато я знаю. Это потому, что ты живешь в своем мирке, папа, и не знаешь, что

происходит на Тренторе. Думаешь, тренторианцы слепые и не видят, как планета, набирая скорость, несется в пропасть? Думаешь, они не знают, что твоя психоистория это давно предсказала? Тебе не кажется, что люди склонны свалить на гонца вину за дурные вести? Если все будет плохо – а все будет плохо, очень многие подумают, что во всем виноват ты.

– Не могу поверить.

– А как ты думаешь, почему в Галактической Библиотеке есть противники твоего пребывания там? Не хотят попасться под горячую руку, когда толпа на тебя набросится. Ну так вот... тебе надо быть осторожнее. Ни в коем случае нельзя ходить одному. Либо со мной, либо с телохранителями. Только так, папа.

Селдон выглядел таким несчастным, что Рейчу стало его жалко.

– Но это не надолго, па, – сказал он. – Я нашел новую работу.

Селдон поднял взгляд.

– Новую работу? Какую?

– Преподавательскую. В университете.

– В каком университете?

– В Сантаннийском.

У Селдона задрожали губы.

– Сантанния! Это же в девяти тысячах парсеков от Трентора! Провинциальный мир на другом краю Галактики!

– Вот именно. Потому я и хочу улететь туда. Я на Тренторе всю жизнь прожил, па, и мне тут надоело. Нет ни одной планеты во всей Империи, где дела сейчас шли бы хуже, чем на Тренторе. Логово бандюг, а защитить простого человека некому. Экономика хромает на обе ноги, техника разрушается. А Сантанния живет примерно так же, как и жила – тихий, пасторальный мир. Я хочу улететь туда и начать там новую жизнь с Манеллой, Вандой и Беллис. Мы все вместе отываем туда через два месяца.

– Все?!

– Все. И ты тоже, папа. Мы не оставим тебя на Тренторе. Ты полетишь с нами на Сантаннию.

Селдон покачал головой.

– Это невозможно, Рейч. Ты знаешь.

– Почему невозможно?

– Ты знаешь почему. Проект. Моя психоистория. Неужели ты думаешь, что я смогу оставить дело моей жизни? Предать его?

– Почему нет? Оно же тебя предало.

– Ты с ума сошел!

– Вовсе нет. Ты сам посуди, к чему все это тебя привело. Денег у тебя нет, и добыть их негде. На Тренторе не осталось никого, кто хотел бы тебе помочь.

– Но уже почти сорок лет...

– Да, да, это понятно. Сорок лет прошло, и ты проиграл, папа. Это не преступление – проиграть. Ты так старался, столько сил положил, столького достиг, но добрался в итоге до разваливающейся экономики и гибнущей Империи. Именно это ты давно предсказывал, и именно это теперь встало на пути твоей работы. Так что...

– Нет. Не встанет. Так или иначе я буду продолжать работу.

– Я тебе вот что скажу, па. Если уж ты действительно такой упрямый, возьми с собой свою психоисторию. Начни все заново в Сантаннии. Может быть, там найдутся и деньги, и энтузиасты, чтобы помочь тебе.

– А что будет с теми людьми, которые столько лет верой и правдой служили мне?

– О Боже, папа! Да они уходят от тебя один за другим, из-за того что тебе нечем им платить! Если ты останешься здесь, то скоро останешься один-одинешенек. Ой, папа, я тебя умоляю! Ты думаешь, мне по сердцу вот так с тобой говорить? Просто никто, кроме меня, тебе этого не скажет, никто не отважится поранить твое сердце. Так давай же не будем лгать друг другу. Раз ты уже ходишь по улицам, а на тебя нападают единственно потому, что ты – Гэри Селдон, разве не пора сказать друг другу правду.

– Бог с ней, с правдой. Я не хочу улетать. с Трентора.

Рейч покачал головой.

— Я не сомневался, что ты будешь упрямиться, папа. Но у тебя целых два месяца на размышление. Подумай, ладно?

15

Гэри Селдон давно не улыбался. Он, как обычно, руководил Проектом: упорно, старательно содействуя продвижению работы над психоисторией, строя планы относительно создания Академий, изучая Главный Радиант.

Но не улыбался. Он заставлял себя работать, не испытывая при этом никакой радости от достигнутых успехов. Наоборот, он все время ощущал неудачи, абсолютно во всем.

Селдон сидел в своем стрилингском кабинете за рабочим столом, когда вошла Ванда. Селдон взглянул на нее, и сердце его радостно заколотилось. Отношение к Ванде у него всегда было особенное. Селдон уже не мог припомнить, когда и он сам, и все остальные перестали воспринимать ее заявления с удивлением и восторгом — теперь всем казалось, что так было всегда. Она спасла его жизнь, будучи совсем малышкой, с помощью пресловутых «фиников». Даже в раннем детстве она отличалась тем, что все знала.

Хотя доктор Энделеецки классифицировала геном Ванды как абсолютно нормальный во всех отношениях, Селдон не отказался от мысли, что умственные способности внучки превосходят способности среднего человека. Точно так же он был уверен в том, что в Галактике существуют другие такие же люди, как она, и даже на Тренторе. Если бы только он мог разыскать этих менталистов, какой неоценимый вклад они могли бы внести в дело создания Академии! Пока же все его мечты были сосредоточены в единственном существе — его внучке. Селдон смотрел на нее, такую красивую, горделиво стоящую на пороге кабинета, и сердце его готово было разорваться от тоски. Через несколько дней она уедет.

Как он сумеет пережить это?

Ванда стала настоящей красавицей. Ей было восемнадцать. Длинные светлые волосы, немного широковатые скулы, но зато лицо ее казалось всегда готовым улыбнуться. Она и улыбалась, а Селдон подумал: «Что же ей, плакать, что ли? Летит на Сантаннию, где ее ждет совсем другая жизнь».

— Ну, Ванда, — сказал он, — еще несколько дней — и все.

— Вряд ли, дедушка.

— Что? — удивленно посмотрел на внучку Селдон.

Ванда подошла и обняла деда.

— Я не полечу на Сантаннию.

— Что, разве папа и мама передумали?

— Нет, они полетят.

— А ты — нет? Почему? А ты куда собираешься?

— Я собираюсь остаться здесь, дедушка. С тобой. Бедный дедушка! — воскликнула Ванда и нежно прижалась к Селдону.

— Но я не понимаю... Почему? Они разрешили тебе остаться?

— Ты про папу с мамой? Не то чтобы разрешили. Мы спорили и спорили, и в конце концов я победила. Ну а что тут такого, дед? Они улетят на Сантаннию, и все у них будет хорошо. Будут любить друг друга и малышку Беллис. А если я полечу с ними, а тебя оставлю здесь, ты же будешь совсем один. Нет, я не выдержу.

— Но как же тебе удалось уговорить их?

— Ну, ты же знаешь, я это умею. Нечто вроде «толчка».

— Что это значит?

— Все дело в моем уме. Я вижу, что делается у тебя в уме, и у родителей. Время идет, и я все лучше вижу, словно прозреваю. Ну а еще я научилась делать эти самые «толчки» — заставлять людей делать то, что я пожелаю.

— И как же ты это делаешь?

— Не знаю. Но проходит время, и люди устают от этих «толчков», и все делают по-моему. Так что я собираюсь остаться с тобой.

Селдон устремил на Ванду взгляд, полный отчаянной любви.

– Это прекрасно, Ванда, детка. Но Беллис...

– Не волнуйся о Беллис. У нее нет такого ума, как у меня.

– Ты уверена? – спросил Селдон и прикусил нижнюю губу.

– Совершенно. Ну и потом – должен же с мамой и папой кто-то остаться.

Селдон внутренне ликовал, но дать волю своим чувствам не решился. А как же Рейч и Манелла?

Он сказал:

– Ванда, но как же ты можешь так хладнокровно расстаться с родителями?

– При чем тут хладнокровность? Они все понимают. Они понимают, что я должна остаться с тобой.

– Как тебе удалось этого добиться?

– «Толчками», повторяю, – просто ответила Ванда. – Толкала, толкала, и постепенно они стали думать, как я.

– Ты это умеешь?

– Это было непросто.

– И ты это сделала, потому что...

Комок подкатил к горлу, и Селдон замолчал. – Потому что я тебя люблю, – договорила за него Ванда. – Конечно. А еще потому...

– Да?

– Я должна изучить психоисторию. Я уже кое-что знаю.

– Откуда?

– Из твоего сознания. Из сознаний других, кто работает в Проекте. Из сознания дяди Юго, пока он был жив. Но это все кусочки, обрывки. А я хочу по-настоящему. Дед, мне нужен свой собственный Главный Радиант, – заявила Ванда. Глаза ее загорелись, она затараторила увлеченно: – Я хочу самым подробным образом вникнуть в психоисторию. Дедушка, ты совсем старый и очень устал. А я молодая, у меня много сил. Хочу узнать как можно больше, чтобы я смогла работать, когда тебя...

Она смутилась и запнулась. Селдон, сделав вид, что не заметил этого, сказал:

– Ну что ж, это было бы замечательно, если бы у тебя получилось, но ведь у нас совсем нет денег. Я научу тебя всему, что знаю сам, но работать... нет, сделать мы больше ничего не сумеем.

– Посмотрим, дед. Посмотрим!

16

Рейч, Манелла и малютка Беллис ждали в космопорту объявления о начале посадки на звездолет. Багаж уже был сдан.

Папа, полетим с нами, – упрашивал Рейч.

Селдон покачал головой.

– Не могу.

– Если надумаешь, у нас всегда найдется место для тебя.

– Знаю, Рейч. Мы прожили вместе почти сорок лет – и это были замечательные годы. Нам с Дорс повезло, что мы нашли тебя.

– Это мне повезло, – пробормотал Рейч, и глаза его наполнились слезами. – Не думай, я тоже маму каждый день вспоминаю.

– Я и не думаю...

Селдон отвел, взглядел. Ванда играла с Беллис. Тут раздался сигнал, и всех пригласили пройти на посадку.

Родители бросились обнимать Ванду и поливать ее слезами. По пути к выходу Рейч оглянулся, помахал Селдону рукой и улыбнулся, но улыбка получилась вымученной.

Селдон тоже помахал ему в ответ, другой рукой обняв и прижав к себе Ванду.

Только она и осталась у него. Один за другим ушли из его жизни дорогие сердцу люди – друзья и любимые. Демерзель улетел и никогда не вернется. Император Клеон погиб. Погибла

Дорс, умер Амариль. А теперь и Рейч, его единственный сын, улетел.
У Селдона осталась только Ванда.

17

— Как чудесно, — проговорил Селдон. — Прекрасный вечер. Ведь мы живем под куполом, и, в принципе, каждый вечер мог бы быть таким же.

Ванда равнодушно ответила:

— Мы бы устали от этого, дедушка, если бы ежедневно были красивые вечера. Для нас лучше, что вечера все время разные.

— Это для тебя, потому что ты еще молодая. У тебя еще много-много вечеров впереди. У меня — нет, потому мне и хочется, чтобы все дни были такие дивные, как сейчас.

— Ну, дедушка, опять ты за свое. Никакой ты не старый. Нога у тебя в последнее время получше, а голова работает великолепно. Уж я-то знаю.

— Ну-ну. Давай, давай подбадривай, — ворчливо проговорил Селдон. — Слушай, я хочу пройтись. Хочу выбраться из этой квартиры и сходить в Библиотеку, насладиться красивым вечером.

— Что тебе нужно в Библиотеке?

— В данный момент ничего. Просто хочется прогуляться. Только...

— Да, да? Только — что?

— Я обещал Рейчу но ходить по Трентору без телохранителя.

— Рейча здесь нет.

— Знаю, что нет, — пробурчал Селдон. — Зато обещание есть.

— Но он же не сказал, кто должен быть твоим телохранителем, верно? Давай прогуляемся, и твоим телохранителем буду я.

— Ты? — усмехнулся Селдон.

— Да, я. Предлагаю, так сказать, услуги. Собирайся и пойдем гулять.

Селдон подумал было, не отправиться ли на прогулку без палки, ведь нога у него в последнее время действительно не болела, но, с другой стороны, теперь у него была новая палка, в рукоятку которой был вмонтирован свинец. Она была тяжелее и крепче старой палки, и он решил, что, не имея лучшего телохранителя, чем Ванда, правильнее будет взять с собой эту новую палку.

Прогулка оказалась удивительно приятной, и Селдон от души радовался, что не устоял перед искушением... пока они не дошли до определенного места.

Гневно подняв палку, Селдон воскликнул:

— Да ты посмотри только!

Ванда посмотрела вверх. Купол, как всегда по вечерам, светился, создавая иллюзию наступающих сумерек. С наступлением ночи огни па куполе гасли совсем.

Но там, куда указывал Селдон, по всей внутренней поверхности купола тянулась темная полоса. Целая секция ламп, следовательно, не горела.

Селдон сердито проговорил:

— Когда я впервые попал на Трентор, о таком никто и помыслить не мог! За освещением все время следили. Город *работал*, а теперь все разваливается из-за таких вот мелочей, а что меня больше всего возмущает, так это то, что никому нет никакого дела до неисправностей. Почему никто не отправляет жалоб во дворец? Почему нет демонстраций протеста? Такое ощущение, будто население Трентора сидит и ждет, когда город рассыплется на куски, и злится па меня за то, что я именно это предсказал.

— Дедушка, — негромко проговорила Ванда. — Позади нас — двое мужчин.

К этому времени дед и внучка как раз вошли в тень, возникшую из-за дефекта освещения, и Селдон спросил:

— Просто гуляют?

— Нет, — не оборачиваясь ответила Ванда. Ей не было нужды оборачиваться. — Они идут за тобой.

— Можешь их остановить? Толкнуть, как ты говоришь?

— Я пытаюсь, но их двое, и на уме у них нехорошее. Они что-то задумали, и крепко задумали. Я словно в стену бьюсь.

— Далеко они от нас?

— Близко. Метра три.

— Догоняют?

— Да.

— Как будут в метре от нас, скажи.

Рука Селдона скользнула вниз, он перехватил палку и перевернул ее набалдашником вниз.

— Вот они, дед, — прошептала Ванда.

Селдон резко обернулся, замахнувшись палкой, которая без промаха опустилась на плечо одного из преследователей. Тот вскрикнул и осел на тротуар.

— А второй где? — удивился Селдон.

— Убежал, — ответила Ванда.

Селдон, разглядывая лежавшего, наступил ему на грудь.

— Обыщи карманы, Ванда. Ему кто-то заплатил, и мне хотелось бы найти его кредитный файл — может быть, сумеем узнать, откуда деньги. Вообще-то я хотел попасть по голове...

— Ты мог убить его, Дед!

Селдон кивнул.

— Я этого хотел, Ужасно стыдно. Мне повезло, что я промахнулся.

— Что тут происходит? — спросил грубоватый голос. К месту происшествия, тяжело дыша спешил мужчина в форме офицера службы безопасности. — Эй ты, отдай сюда свою палку!

— Офицер... — вежливо начал Селдон.

— Потом расскажешь, потом. Сейчас надо вызвать скорую помощь для этого бедняги.

— Бедняги! — гневно воскликнул Селдон. — Он хотел наброситься на меня. Я защищался.

— Я видел, как все было, — мотнул головой офицер... — Этот парень тебя и пальцем не тронул. Ты обернулся и ударил его просто так, без всякой причины. Какая тут самозащита? Нападение и избиение.

— Послушайте, офицер, я вам говорю, что...

— Не надо мне ничего говорить. Ты... гм-м-м... в суде расскажете.

— Офицер, — обратилась к нему Ванда вкрадчивым, нежным голоском, — вы бы нас хотя бы выслушали.

— Шли бы вы домой, дамочка, — посоветовал ей офицер.

Ванда выпрямилась и объявила:

— Ну уж нет! Куда дед, туда и я.

Глаза ее полыхнули огнем. Офицер пробормотал:

— Ладно, пошли.

18

Селдон был вне себя от возмущения.

— Я никогда не был под арестом, никогда в жизни! Пару месяцев назад на меня напали восемь бандитов. Тогда мне помог сын справиться с ними, но когда шла драка, хоть один офицер службы безопасности появился? Хоть кто-нибудь из прохожих остановился, чтобы выручить меня? Нет, На сей раз я был лучше подготовлен к нападению и ударил человека, который собирался напасть на меня. Появился на этот раз офицер? А как же! И тут же напялил на меня наручники. На этот раз были и зеваки, и с любопытством глазели, как уводят старика, обвиняемого в хулиганстве. Послушайте, в каком мире мы живем?!

Сив Новкер, адвокат Селдона, вздохнул и сказал:

— В преступном мире. Но ты не волнуйся. Ничего страшного с тобой не произойдет. Я устрою так, что тебя выпустят под залог, а потом ты предстанешь перед судом, и самое большое, что тебя ожидает — это несколько грубых слов. Твой возраст и репутация...

— Забудь о моей репутации! — сердито рявкнул Селдон. — Я психоисторик, а это сейчас самое грубо слово, самое страшное ругательство. Они будут страшно рады засадить меня за решетку.

— Не засадят, — покачал головой Новкер. — Конечно, охотники найдутся, но я постараюсь, чтобы они не попали в число присяжных.

— Послушайте, — обратилась к адвокату Ванда, — неужели нельзя вообще это дело до суда не доводить? Дедушка — старый человек. Может быть, можно обратиться к судье с просьбой такого рода?

Адвокат обернулся и изумленно посмотрел на нее.

— Ни в коем случае! Это чистое безумие. Судьи — одуревшие от власти люди. Они с большей охотой засадят человека в тюрьму, чем согласятся выслушать его. С судьями никто не связывается.

— Думаю, нам придется... — сказала Ванда.

— Послушай, Ванда, — перебил ее Селдон, — давай лучше послушаемся Сива...

Произнося эти слова, он почувствовал, как у него противно засосало под ложечкой. Ванда «толкнула» его.

— Ну ладно, — пробормотал Селдон, — если ты так настаиваешь...

— Не будет она настаивать, — заупрямился адвокат. — Я не позволю.

— Мой дедушка — ваш клиент, — заявила Ванда. — Если он хочет, чтобы вы сделали то-то и то-то, вы должны сделать так, как он хочет.

— Я могу отказаться защищать его.

— Ради бога!.. Вы свободны, — отрезала Ванда. — Мы сами обратимся к судье.

Новкер немного подумал и сказал:

— Ну вот и отличненько. Давайте, если вы такие упрямые. Я был адвокатом Гэри много лет, и теперь его не брошу. Но предупреждаю вас обоих: шансы получить обвинительный приговор очень велики, и мне придется трудиться в поте лица, чтобы этого не случилось.

— Я боюсь, — заявила Ванда.

Селдон прикусил губу. Адвокат повернулся к нему.

— А ты-то что скажешь, Гэри? Ты что, и вправду хочешь, чтобы твоя внучка подлила масла в огонь?

Селдон ненадолго задумался и к полному изумлению старика-адвоката, кивнул:

— Да! Да, хочу.

19

Судья с кислой физиономией выслушивал рассказ Селдона.

— А с чего вы, собственно, взяли, — спросил он, — что человек, которого вы ударили, намеревался напасть на вас? У вас были веские причины опасаться этого?

— Моя внучка заметила, как он приблизился. Она была совершенно уверена, что он собирается напасть на меня.

— Но, сэр, этого недостаточно. Что еще вы можете мне сообщить, прежде чем я сформулирую обвинение?

— Погодите, погодите, — нетерпеливо проговорил Селдон. — Не торопитесь делать выводы. Несколько недель назад на меня напала шайка бандитов — восемь человек — и я дрался вместе с моим сыном. Как видите, у меня была самая веская причина опасаться, что на меня снова нападут.

Судья заглянул в стопку бумаг, лежавшую на его столе.

— На вас напали восемь человек? Вы заявляли об этом?

— Некому было заявить. Поблизости не оказалось ни одного офицера службы безопасности.

— Это к делу не относится. Вы заявляли о случившемся или нет?

— Нет, сэр.

— Почему?

— Во-первых, я боялся, что начнется долгое и нудное разбирательство. Поскольку мы с сыном справились с ними и остались живы, я решил, что заявлять никуда не стоит.

— Но как же вам удалось справиться с восемью бандитами — вам и вашему сыну?

Селдон растерялся.

– Мой сын сейчас на Сантаннии, стало быть, для властей Трентора недосыгаем. Поэтому я вам скажу правду; у него было два далийских ножа, а он с ними обращаться умеет. Одного из бандитов он убил и двоих сильно поранил. Остальные подхватили убитого и раненых и убежали.

– И вы не сообщили об убийстве и ранениях?

– Нет, сэр. По той же самой причине. И дрались мы защищаясь. Однако, если вы покопаетесь в своих бумагах и найдете тех, кого мы поранили, вы убедитесь, что на нас действительно нападали.

– Покопаться в бумагах?! – воскликнул судья. – Найти одного убитого и двоих раненых – без имен, фамилий, примет? Да знаете ли вы, что на Тренторе каждый день находят по две тысячи мертвых – это только с ножевыми ранами! Если нам о таком сразу не сообщают, мы бессильны. Ваш рассказ о том, что на вас уже нападали – это так, водичка жиденькая. Никто не поверит. Забудьте об этом. Разбираться будем с тем, что случилось сегодня. Этот случай зарегистрированный, и ему был свидетелем офицер службы безопасности. Ну так вот... Рассмотрим этот случай. С чего вы взяли, что этот человек хотел напасть на вас? Только потому, что шел за вами следом? Только потому, что вы беззащитный старик? Или потому, что вы похожи на человека, у которого при себе уйма кредиток? Что скажете?

– Я думаю, господин судья, все произошло из-за того, что я – это я.

Судья просмотрел бумаги.

– Вы Гэри Селдон, профессор, ученый. С какой стати кому-то на вас нападать?

– Из-за моих взглядов.

– Из-за ваших взглядов. Чудненько... – Судья более внимательно просмотрел бумаги. Вдруг его словно осенило. Он оторвал взгляд от бумаг и изумленно посмотрел на Селдона. – Погодите-погодите... Гэри Селдон... – Физиономия судьи просияла. – Так вы же этот самый... вешний психоисторик, точно?

– Да, господин судья.

– Простите. Я толком ничего не знаю про ваши занятия. Только знаю, что вы вроде бы предсказываете конец Империи или что-то в этом духе.

– Не совсем так, господин судья. Но мои взгляды стали непопулярны именно из-за того, что мои предсказания сбываются. И я думаю, именно из-за этого появились люди, которые хотят убить меня, а что еще более вероятно – люди, которым за это платят.

Судья некоторое время смотрел на Селдона в упор, затем обратился к офицеру, арестовавшему профессора.

– Ты проверил того человека, пострадавшего? Числится за ним что-нибудь?

Офицер прокашлялся и сообщил:

– Да, сэр. Его несколько раз арестовывали. Хулиганство, вымогательство.

– Ага, значит, он не невинная овечка? А за профессором что-нибудь числится?

– Нет, сэр.

– Стало быть, что мы имеем: беззащитный старик стукнул известного хулигана, а ты арестовал этого беззащитного старика, так выходит?

Офицер молчал.

– Вы свободны, профессор, – сказал судья.

– Благодарю вас, сэр. Могу я забрать свою палку? Судья дал знак офицеру, и тот с готовностью протянул Селдону палку.

– Одно-единственное, профессор. Если вы еще когда-нибудь воспользуетесь своей палкой, вы должны быть на все сто уверены, что это самозащита, – посоветовал судья. – Иначе...

– Да, сэр, – кивнул Селдон и вышел из кабинета судьи, тяжело опираясь на палку, но с гордо поднятой головой.

— Дедушка... — рыдала Ванда. — Я такая несчастная... Я-то думала, что умею «толкать»... умею влиять на людей... и это у меня получалось... но только тогда, когда они не были особенно против... как папа и мама... да и то у меня это столько времени отнимало... Знаешь, я даже придумала что-то вроде шкалы... такой десятибалльной шкалы... и оценивала по ней силу «толчков». Только я... слишком много о себе воображала, Я-то думала, что могу выбить десять... ну, девять. А теперь я понимаю... больше семи мне не выбить... — Ванда перестала рыдать, и только время от времени всхлипывала, Селдон погладил ее по голове. — Обычно... обычно... все легко получается. Если я напрягусь как следует, я слышу мысли людей и когда захочу, я делаю «толчок». Но эти гады... Я же их отлично слышала, но прогнать, оттолкнуть не могла!

— А я думаю, у тебя все очень хорошо получилось, Ванда.

— Нет... Нет! Я все при... придумала. Я думала... за тобой погонятся, и я одним могучим «толчком» обращу их в бегство, Вот таким мне хотелось быть телохранителем. Вот почему я предложила себя в тело... телохранители, Только ничего у меня не вышло. Эти двое гадов догнали нас, а я ничего... ничегошеньки не сумела сделать...

— Ну почему же? Первого ты заставила растеряться. Это дало мне время обернуться и стукнуть его.

— Нет, нет... Я тут ни при чем. Я только предупредила тебя, а остальное ты все сделал сам.

— Но второй же убежал.

— Это потому, что ты так здорово стукнул первого. А я тут ни при чем... — и Ванда снова разрыдалась. — А судья? Это же я настояла, чтобы ты пошел к судье. Думала, как «толкну» его и он тебя сразу отпустит...

— Он меня и отпустил... почти что сразу.

— Нет. Он тебя допрашивал, и что-то понял только тогда, когда наконец узнал тебя. Я ни при чем, ни при чем... Я кругом промахнулась. Я могла тебе столько бед наделать...

— Нет, Ванда, не думай так. Если твои «толчки» не получились такими, на какие ты рассчитывала, то это только потому, что ты пыталаась действовать в экстренной ситуации. Что ты могла поделать? Но послушай, Ванда. У меня есть идея.

Уловив в голосе деда волнение, Ванда оторвала лицо от подушки.

— Что за идея, дедушка?

— Вот что, Ванда... Ты, конечно, знаешь, что мне нужны деньги. Психоистория без них просто не выживет, а мне нестерпима мысль о том, что после стольких лет работы все зашло в тупик.

— Мне тоже нестерпима. Но где же нам раздобыть денег?

— А вот где. Я хочу попросить аудиенции у Императора, Я уже виделся с ним. Он человек неплохой, и мне понравился. Но денег у него мало. Но если ты пойдешь со мной и «толкнешь» его — не очень сильно, осторожненько так, может быть, он все-таки найдет источник денег, какой-нибудь да найдет, и это поможет мне просуществовать какое-то время, пока я еще чего-нибудь не придумаю.

— Думаешь получится, дедушка?

— Без тебя — вряд ли. А с тобой — может быть. Ну разве не стоит попытаться?

Ванда улыбнулась сквозь слезы.

— Ты знаешь, я все сделаю, что ты скажешь, дед, И потом, это наша единственная надежда.

21

Договориться о встрече с Императором оказалось совсем несложно. Глаза Агиса загорелись, когда он увидел Гэри Селдона.

— Здравствуйте, дружище, — сказал Император, улыбаясь. — Явились, чтобы сообщить мне какую-нибудь гадость?

— Надеюсь, нет, — улыбнулся Селдон.

Агис расстегнул заколку, стягивающую у шеи его тяжелую мантию, и с отвращением швырнул ее в угол.

— Полежи-ка там, — проворчал он и, обернувшись к Селдону, признался:

— Ненавижу ее. Тяжеленная, как не знаю что, и жарко в ней ужасно, А ведь мне приходится напяливать ее всякий раз, когда нужно стоять перед всеми, произносить бессмысленные слова. Я тогда чувствую себя чем-то вроде статуи. Нет, это просто жуть какая-то. Клеон — он, наверное, родился в мантии, и умел ее носить. А я не в ней родился и носить ее терпения не хватает. Это несчастье всей моей жизни, что мне выпала «честь» доводиться ему троюродным братом по материнской линии, и потому меня сочли подходящей кандидатурой на пост Императора. Я бы уступил это место любому по сходной цене. Вы бы не хотели стать Императором, Гэри?

— Нет-нет, что вы, у меня и в мыслях этого нет, так что не надейтесь, сир! — смеясь, воскликнул Селдон.

— Ну а кто же эта ослепительная красавица с вами? — лукаво спросил Император. Ванда покраснела, а Император ласково проговорил: — Не обижайтесь на меня, милочка. Одним из немногих преимуществ Императора является то, что он имеет право говорить все, что ему вздумается. И никто не имеет права спорить. Сказать можно только: «Сир». Однако от вас мне все эти «сиры» не нужны. Ненавижу это слово. Зовите меня Агис. Правда, это не настоящее мое имя. Это императорское имя, и мне уже следовало бы к нему привыкнуть. Ну ладно. Как дела, Гэри? Что у вас хорошенько произошло со временем нашей последней встречи?

— На меня дважды нападали, — сообщил Селдон.

Император, похоже, не понял, шутит Селдон или говорит серьезно.

— Два раза? — переспросил он. — Правда?

Селдон рассказал, как все было, и Император помрачнел.

— Не сомневаюсь, что, когда на вас напала шайка, ни единого офицера рядом не было.

— Не было, сир.

Император встал и знаком приказал Селдону и Ванде сидеть. Он заходил по комнате, словно пытался справиться с охватившим его гневом. Наконец он резко повернулся и посмотрел на Селдона.

— Тысячи лет, — начал он. — Тысячи лет подряд случись такое, люди говорили бы: «Почему вы не пожаловались Императору?» или «Почему Император не сделает что-нибудь?». И в конце концов Император что-нибудь делал, хотя и не всегда это было порядочно и мило. Но я... Гэри, я беспомощен. Абсолютно беспомощен. О да, существует так называемый «Комитет Общественного Спасения», но они, по-моему, больше заняты моим спасением, чем спасением общества. Даже удивительно, что мы сейчас беседуем с вами, — Комитет вас не жалует. А я ничего не могу поделать. Знаете, что произошло со статусом Императора с тех пор, как была низложена хунта и реставрирована императорская власть?

— Думаю, да.

— А вот и не знаете! У нас нынче демократия. Знаете, что такое демократия?

— Конечно.

Агис нахмурился.

— Готов поклясться, вы считаете, что это хорошо.

— Я считаю, что это может быть хорошо.

— А вот представьте себе, что я пожелал бы, чтобы улицы Трентора патрулировало большее число офицеров. В прежние времена я бы что сделал? Просмотрел бы бумагу, подготовленную государственным секретарем и подписал бы ее — и офицеров на улицах незамедлительно стало бы больше.

Теперь я ничего такого сделать не могу. Я должен представить эту бумагу на рассмотрение парламента. Их там семьдесят пять человек, в этом парламенте, и они, стоит только появиться какому-нибудь предложению, тут же кидаются в драку, как цепные собаки. «Во-первых, — воят они, — где взять денег?» Они говорят: «нельзя дать работу еще десяти тысячам офицеров без того, чтобы не иметь деньги на выплату десяти тысяч жалований». И даже тогда, когда вам удается прийти к какому-нибудь соглашению, кто займется отбором этих самых новых офицеров службы безопасности? Кто будет ими управлять?

В общем, они так орут друг на друга, спорят, изрыгают гром и мечут молнии, и, в конце концов, ничего не происходит. Гэри, мне не подвластны даже такие мелочи, как выключенные

огни на куполе, которые вы заметили. Сколько это будет стоить? Кто за это отвечает? Нет, конечно, их починят, но на это уйдет несколько месяцев. Вот что такое демократия.

— Как мне помнится, — сказал Селдон, — Император Клеон тоже все время жаловался, что не может делать того, что хочет.

— У Императора Клеона, — желчно проговорил Агис, — было два первоклассных премьер-министра — вы и Демерзель, и вы оба трудились в поте лица, стараясь, чтобы ваш Повелитель не отколол какой-нибудь глупости. А у меня семьдесят пять премьер-министров, и все глупцы известные. Гэри, скажите честно, вы же ко мне пришли не затем, чтобы пожаловаться, что дважды подверглись нападению?

— Нет, не за этим. Причина намного хуже. Сир... Агис... мне нужны деньги.

Император изумленно уставился на него.

— Это после всего, что я только что сказал? Гэри, у меня нет денег, О да, у меня есть деньги для поддержания в порядке этого здания, но, для того чтобы их получить, я должен опять-таки столкнуться со своими семьюдесятью пятью законодателями. И если вы думаете, что я могу пойти к ним и заявить: «Мне нужны деньги для моего приятеля Гэри Селдона», и они мне отвалят хотя бы четверть от нужной суммы примерно этак годика через два, вы жестоко ошибаетесь. Этого не будет, — Пожав плечами, он добавил более мягко: — Поймите меня правильно, Гэри. Я бы хотел помочь вам, если бы только мог. А особенно мне бы хотелось вам помочь из-за вашей прекрасной выучки. Вот я смотрю на нее, и готов отдать вам все, что у меня есть, все деньги... если бы они у меня были.

— Агис, — сказал Селдон, — если я не получу субсидию, психоистория обречена на гибель — после сорока лет трудов.

— Но она же все равно зашла в тупик после сорока лет трудов, так зачем же так сокрушаться?

— Агис, — сказал Селдон, — значит, мне нечего больше делать. Нападали на меня только потому, что я психоисторик. Люди считают меня вестником несчастий.

Император кивнул.

— Вы предрекаете беды, Ворон Селдон. Я же вам говорил.

Селдон с трудом поднялся.

— Значит, мне конец.

Ванда встала рядом с дедом, прислоняясь головой к его плечу. Она пристально смотрела на Императора.

Но когда Селдон повернулся, чтобы уйти, Император вдруг сказал:

— Погодите, погодите. Я вдруг вспомнил одно стихотворение...

Слезами полита земля.
Добро пред злом склонило выю.
Одни на золоте сидят.
И гибнут с голоду другие.

— Что это значит? — хмуро спросил Селдон.

— Это значит, что, хотя дела в Империи — из рук вон плохо, в ней все равно есть богатые люди. Почему не обратиться к кому-нибудь из наших меценатов? У них нет своего парламента, и они могут, если захотят, просто взять и выписать чек.

Селдон прищурился.

— Попробую...

— Мистер Биндрис, — сказал Гэри Селдон, протягивая руку для приветствия, — я так рад возможности видеть вас. Вы очень добры, что согласились встретиться со мной.

— А почему нет? — дружелюбно отозвался Тереп Биндрис. — Я вас хорошо знаю. Вернее сказать, я хорошо знаю *о вас*.

— Это приятно. Следовательно, вы слышали о психоистории.

— О да, какой интеллигентный человек о ней не слышал. Не скажу, конечно, чтобы я что-то в ней понимал. А кто эта юная леди с вами?

— Моя внучка Ванда.

— Какая красавица, — причмокнул Биндрис и почтительно поклонился Ванде. — Но рука у вас, милочка, по-моему, тяжелая, а?

— Вы преувеличиваете, сэр.

— Не думаю, не думаю... Ну, прошу садиться, и скажите мне, что я могу сделать для вас.

Биндрис сделал широкий жест, указывая на два удобных широких кресла, стоявших у письменного стола. И кресла, и сам украшенный резьбой стол, и широкие двери, которые разъехались при приближении гостей, и сверкающий выложенный обсидиановыми плитами пол кабинета Биндриса — все было роскошное, восхитительной, тонкой работы. Но Биндрис на этом роскошном фоне выглядел совсем невыразительно — маленький, желтолицый. С первого взгляда в нем никак нельзя было признать одного из крупнейших финансовых воротил Трентора.

— Мы пришли к вам, сэр, по совету Императора.

— Император?! Вот как?!

— Да. Он нам помочь не сумел, но сказал, что, может быть, нам сумеет помочь такой человек, как вы. Вопрос, конечно, упирается в деньги.

— В деньги? — нахмурился Биндрис. — Я вас не понял.

— Видите ли, — сказал Селдон, — почти сорок лет психоисторию финансировало правительство. Однако времена меняются, и Империя теперь не та, что была когда-то.

— Да, это я знаю.

— У Императора денег, для того чтобы поддержать нас, нет, и даже если бы они были, ему пришлось бы обратиться за утверждением субсидии в парламент, а там бы этот вопрос не прошел. Поэтому он посоветовал мне обратиться к бизнесменам, у которых пока еще есть деньги и которые могут раскошелиться на благое дело.

Наступила длиннющая пауза. Наконец Биндрис сухо проговорил:

— Император, я боюсь, ничего не знает о бизнесе. Сколько вам нужно?

— Мистер Биндрис, дело очень серьезное. Мне понадобится несколько миллионов.

— Несколько миллионов?!

— Да, сэр.

Биндрис нахмурился.

— Речь идет о займе? Когда вы сумеете вернуть долг?

— Мистер Биндрис, честно говоря, я не обещаю вернуть долг. Я ищу безвозмездной субсидии.

— Даже если бы я хотел дать вам денег — и как это ни странно, должен вам сказать, почему-то мне очень хочется это сделать — я бы не смог, У Императора — парламент, а у меня — совет директоров. Я не могу сделать такой щедрый подарок без разрешения совета, а они ни за что на такое не согласятся.

— Почему? Ведь ваша фирма очень богата. Несколько миллионов для вас — сущий пустяк.

— Приятно слышать, — усмехнулся Биндрис. — Но только, увы, именно сейчас наши доходы упали. Не настолько, чтобы мы обанкротились, но настолько, чтобы мы обеспокоились. Если вся Империя в упадке, в упадке и ее составные части. Мы не в состоянии подарить кому-либо несколько миллионов... Мне искренне жаль, но ничего не поделаешь. — Селдон сидел молча, Биндрис участливо обратился к нему. — Послушайте, профессор Селдон, честное слово, я бы от души хотел помочь вам, в особенности ради прекрасных глаз вашей внучки, по ничего не могу поделать. Ну, в конце концов, мы же не единственная крупная фирма на Тренторе. Поищите еще, профессор. Может быть, в другом месте вам больше повезет.

— Благодарствую, — сказал Селдон и встал. — Мы попытаемся.

Глаза Ванды были полны слез, но не от тоски, — она была в ярости.

— Дедушка, — сказала Ванда, — я не понимаю. Просто не понимаю! Мы побывали уже в

четырех фирмах. И каждый из бизнесменов вел себя грубее и нахальнее предыдущего. Последний нас просто выгнал вон. Теперь нас просто никто на порог не пустит.

— Тут нет никакой тайны, Ванда, — вздохнул Селдон. — Понимаешь, когда мы явились к Биндрису, он не знал, зачем мы пришли, и вел себя мило и гостеприимно, до тех пор пока я не заикнулся о скромном подарке в несколько миллионов кредиток. Он сразу стал гораздо менее мил и гостеприимен. А потом, я думаю, по Трентору прошел слух о том, что нам нужно, и каждый последующий богач принимал нас все менее и менее радушно, а теперь нас уже никто и принимать не хочет. Они не собираются давать нам денег, так что толку тратить па нас время?

Ванда обернула свой гнев против себя.

— А я-то, я-то хороша! Просто сидела, как дура. Полный нуль!

— Я бы так не сказал, — возразил Селдон, — На Биндриса ты произвела впечатление. Знаешь, мне показалось, что он, и правда, не прочь был дать мне денег, и в основном, из-за тебя. Ты «толкала» его и кое-чего добилась.

— Мало чего добилась. И потом, о каком впечатлении ты говоришь? Он просто счел меня хорошенькой.

— Ты не хорошенькая, — пробормотал Селдон. — Ты красивая. Очень красивая.

— Ну, дед, и что же мы теперь будем делать? — спросила Ванда. — Столько лет труда, и теперь психоистория погибнет?

— Знаешь, — успокаивал Селдон, — я думаю, в этом есть какая-то неизбежность. Я уже почти сорок лет предсказываю гибель Империи, и теперь, когда Империя гибнет, психоистория гибнет вместе с ней.

— Но психоистория спасет Империю — хотя бы частично.

— Знаю. Но я не могу заставить ее помочь.

— Значит, будешь смотреть, как она гибнет?

Селдон покачал головой.

— Попытаюсь сделать так, чтобы этого не случилось, но что я буду делать для этого, честно тебе скажу — не знаю.

— А я буду практиковаться, — заявила Ванда. — Должен же быть какой-то способ усилить мои «толчки», чтобы получалось легче и точнее заставлять людей делать то, что я хочу.

— Как бы я хотел, чтобы у тебя получилось!

— А ты что будешь делать, дедушка?

— Да ничего особенного. Знаешь, пару дней назад, когда я шел к Главному Библиотекарю, я заметил троих молодых людей — они сидели у галактографа и спорили о психоистории. Один из них меня почему-то сильно заинтересовал. Я попросил его встретиться со мной, и он согласился. Сегодня я встречаюсь с ним в библиотечном кабинете.

— Хочешь предложить ему работу?

— Хотел бы... но денег нет. Однако потолковать с ним не мешает. Что я теряю, в конце концов?

24

Молодой человек явился точно в назначенное время — ровно в 4 т. с. в. (по тренторианскому стандартному времени), и Селдон довольно улыбнулся. Он любил пунктуальных людей. Он оперся ладонями о крышку письменного стола и уже собирался было встать, чтобы поздороваться с гостем, но молодой человек поспешил сказать:

— Прошу вас, профессор, не вставайте. Я знаю, у вас больная нога.

— Спасибо, молодой человек, — улыбнулся Селдон. — Однако это не значит, что вы не можете сесть. Прошу вас, садитесь.

Молодой человек сиял куртку и сел.

— Вы уж простите меня... — сказал Селдон, — но тогда, когда мы впервые встретились и я договорился с вами о свидании, я даже не удосужился спросить, как вас зовут.

— Стеттин Пальвер, — представился молодой человек.

— А-га, Пальвер... Пальвер... Что-то очень знакомое...

— Так и должно быть, профессор, Мой дед частенько хвастался, что был знаком с вами.

— Ваш дед? Ну, точно! Джорамис Пальвер. Он был на два года моложе меня, вроде бы, Я все пытался уговорить его поработать над психоисторией, а он упорно отказывался. Он твердил, что никогда не сумеет так хорошо выучить математику. Очень жаль! Как его дела, кстати говоря?

Пальвер опустил голову.

— Как дела? Он пошел по тому пути, по которому уходят из жизни старики. Он умер.

Селдон нахмурился. На два года моложе – и умер. Старый друг! Как же они ухитрились так разойтись, что он даже не слышал о его смерти?

— Мои соболезнования. Простите меня, – тихо проговорил Селдон.

— Он прожил интересную жизнь, – сказал молодой человек.

— Ну а вы, молодой человек, где учились?

— В университете Лангано.

— Лангано? – сдвинул брови Селдон. – Поправьте меня, если я ошибаюсь, но ведь это не на Тренторе, верно?

— Нет. Мне как раз хотелось поступить в провинциальный университет. На Тренторе, как вы, конечно, знаете, университеты переполнены. А мне хотелось отыскать местечко, где бы я мог спокойно заниматься.

— И что же вы изучали?

— Да ничего такого... Историю. Не та наука, с помощью которой теперь можно прилично устроиться.

(Еще удар да посильнее прежнего – Дорс Венабили была историком.)

— Но вы вернулись на Трентор – почему? – полюбопытствовал Селдон.

— Деньги. Работа.

— Вы работаете по специальности?

Пальвер рассмеялся.

— Что вы! Вожу зверскую машину. Смесь тягача и бульдозера. Какое там – по специальности!

Селдон с завистью посмотрел на Пальвера. Под тонкой тканью рубашки хорошо были видны его тугие мускулы. Отличное телосложение!

— Давайте я угадаю... когда вы учились в университете, вы были в команде по боксу.

— Кто, я? Никогда. Я борец.

— Борец! – радостно воскликнул Селдон. – Вы с Геликона?

— Для того чтобы быть хорошим борцом, вовсе не обязательно быть родом с Геликона, профессор.

«Не надо-то оно может, и не надо, – подумал про себя Селдон, – но только лучшие борцы – с Геликона». Но вслух эту мысль не высказал.

— Ну, что ж... ваш дед отказался со мной работать. А вы?

— Что – психоисторией заниматься?

— Я слышал ваш разговор с товарищами, и мне показалось, что вы рассуждаете о психоистории со знанием дела. Ну, так хотите поработать у меня?

— Я же сказал, профессор, работа у меня есть.

— Смесь тягача с бульдозером. Ну-ну.

— Мне хорошо платят.

— Деньги – это еще не все.

— Но кое-что. А вы, как я понимаю, много мне не заплатите. Я уверен – деньгами вы не богаты.

— Почему вы так говорите?

— Так – догадываюсь, и все. Что, разве я ошибаюсь?

Селдон крепко сжал губы, помолчал и сказал:

— Нет, вы не ошибаетесь, и я не смогу вам много платить. Прошу прощения. Видимо, нашей приятной беседе конец.

— Погодите, погодите, погодите! – Пальвер вскинул руки кверху. – Не так быстро! Мы говорили о психоистории. Если я буду работать с вами, вы научите меня психоистории, да?

– Безусловно.

– В таком случае, действительно не в деньгах счастье. Давайте вот как договоримся. Вы меня научите всему, чему сумеете, и платить будете столько, сколько сможете, а я уж как-нибудь выкручуся. Идет?

– Идет, – улыбнулся Селдон. – И вот еще что.

– Да?

– За последнее время на меня дважды нападали. В первый раз мне на помощь подоспел сын, но потом он улетел на Сантаннию. Во второй раз я отбился с помощью своей палки. Отбиться мне удалось, но меня арестовали, я вынужден был выдержать допрос у судьи – меня обвиняли ни много ни мало, в хулиганстве и избиении...

– Почему на вас нападали? – поинтересовался Пальвер.

– Я пользуюсь печальной известностью. Я так давно предсказываю упадок Империи, что теперь, когда он наступил, меня же в нем и винят.

– Ясно. И что же вы хотите этим сказать?

– Я хочу попросить вас стать моим телохранителем. Вы молоды, сильны, а главное, владеете приемами борьбы. Мне именно такой телохранитель нужен.

– Думаю, мы договоримся, – улыбаясь, кивнул Пальвер.

25

– Полюбуйтесь, Стеттин, – сказал Селдон во время прогулки ранним вечером в жилом районе в окрестностях Стрилинга и указал на кучу мусора – всяких огрызков и объедков, брошенных из окон автомобилей или неаккуратными пешеходами. – В прежние времена вы бы ни за что такого на улицах Трентора не увидели. Офицеры службы безопасности беспощадно штрафовали за такое, а муниципальные уборщики следили за чистотой круглые сутки. Но самое главное, ни один тренторианец даже не подумал бы бросить на тротуар мусор, Трентор был нашим общим домом, и мы гордились им. А теперь, – грустно вздохнул Селдон, – все... – И недоговорил. – Эй, послушайте, молодой человек! – окликнул Селдон прохожего, только что прошедшего мимо, и бросившего обертку от какой-то еды прямо на тротуар, – Подберите бумагу и бросьте, куда положено.

Парень осклабился, но и не подумал наклониться за бумагой.

– Сам подбери! – фыркнул он и как ни в чем не бывало пошел дальше.

– Еще один признак загнивания общества, предсказанный вашей психоисторией, профессор Селдон, – отметил Пальвер.

– Да, Стеттин, все в Империи разваливается потихоньку. На самом деле, все просто раздавлено, размозжено – снова не собрать, не склеить. Равнодушие, упадок, небрежность – все сыграло свою разрушительную роль в уничтожении некогда процветавшей Империи. А. что будет вместо нее? Почему...

Селдон оборвал себя на полуслове, удивленный тем, что Пальвер его не слушает, а внимательно, настороженно смотрит куда-то в сторону.

Вдруг так же неожиданно он вернулся к реальности. Быстро огляделась по сторонам, Пальвер схватил Селдона за руку.

– Гэри, быстрее, нам надо удирать. Нас догоняют... И тут тишину вечера нарушил грубый звук быстро приближающихся шагов. Селдон и Пальвер поспешили прочь, но было слишком поздно – их настигала шайка бандитов. Однако на этот раз Гэри Селдон был готов к любым неожиданностям. Он широким взмахом описал дугу своей палкой. В ответ трое хулиганов – двое парней и девушка, подростки – нагло расхохотались.

– Не хочешь сдаваться, старикиашка? – хихикнул парень, видимо, командовавший в компании. – Да мы тебя за пару секунд на обе лопатки положим! Да мы щас...

И нахал а мгновение ока оказался на тротуаре, сраженный метким ударом под ложечку. Остальные двое быстро заняли оборонительную позицию. Но Пальвер оказался быстрее, и хулиганы свалились на тротуар, не успев понять, откуда посыпались удары.

Все было кончено быстро, не успев толком начаться. Селдон стоял в стороне, опираясь всем весом на палку, тяжело дыша, не веря, что все позади. Пальвер, слегка запыхавшись,

осматривал поле боя. Все трое хулиганов лежали скрючившись в тени на пустынном, безлюдном тротуаре. Сгущались сумерки.

— Пошли, уберемся отсюда побыстрее, — поторопил Селдона Пальвер.

На этот раз он спешил избежать встречи с хулиганами.

— Стеттин, нет, мы не можем уйти, — запротестовал Селдон. — Ведь они всего-навсего глупые дети. Может быть, они умирают. Как же мы можем просто взять и уйти, бросив их? Это бесчеловечно, негуманно, а все эти годы я только и делал, что старался вернуть людям их неотъемлемое качество — сострадание.

Селдон в сердцах стукнул палкой по тротуару. Глаза его гневно сверкали.

— Ерунда, — мотнул головой Пальвер. — Негуманно, когда такие наглецы нападают на невинных горожан, вроде вас — вот это негуманно. Неужели вы думаете, они дали бы вам опомниться, если бы не я? Пощадили бы вас? Держите карман шире! Всадили бы нож в живот, чтобы отнять последнюю кредитку, бросили бы и удрали — поминай как звали! Не волнуйтесь, скоро они очухаются и побредут зализывать раны. Или найдет их кто-нибудь и сообщит в центральный офис... А вам, Гэри, стоит задуматься, Это опять-таки не случайность. Не дай Бог еще раз попасть под суд. Прошу вас, Гэри, нам надо мотать удочки!

Пальвер крепко ухватил Селдона за руку, и Селдон, бросив последний взгляд на место происшествия, позволил увести себя.

Как только поспешные шаги Селдона и Пальвера стихли вдалеке, из-за деревьев неподалеку от места драки показался прятавшийся там все это время парень. Прищурившись, он посмотрел в ту сторону, где скрылись Селдон и Пальвер, и злобно пробормотал:

— Поучишь меня, профессор, что такое хорошо, а что такое плохо. Поглядим, кто кого еще поучит!

С этими словами парень развернулся и помчался докладывать о происшествии в ближайший участок службы безопасности.

26

— Тихо! Я требую тишины! — прогремел голос судьи Теджан Попдженс Ли.

Открытое заседание суда по делу профессора «Ворона Селдона» и его молодого сотрудника вызвало на Тренторе настоящую бурю. Этот человек, который предсказал гибель Империи, упадок цивилизации, кто призывал всех оглянуться на золотые века порядка и процветания — это он, на глазах живого свидетеля, распорядился жестоко избить трех юных тренторианцев, не имевших в отношении него никакого злого умысла. О, ожидался грандиозный спектакль!

Судья нажала кнопку, вмонтированную в подлокотник кресла, и зал огласился громким звоном гонга.

— Прошу тишины! — повторила судья еще более настойчиво, и в переполненном зале стало тише. — Если не будет тишины, зал будет очищен от публики. Я предупредила и повторять не собираюсь.

Судья выглядела весьма грозно и внушительно в алой мантии правосудия.

Будучи родом из провинциального мира Листены, Ли имела, как все тамошние жители, кожу слегка голубоватого оттенка, и от волнения этот цвет становился более заметен, а когда она сильно злилась, кожа ее становилась лиловой. Поговаривали, что, несмотря на многолетнюю судебную практику, несмотря на безупречную репутацию одной из самых ярых приверженцев закона, Ли все-таки продолжала немного стыдиться цвета своей кожи.

И тем не менее не было второго такого строгого судьи, как Ли — она без колебаний следовала духу и букве имперских законов и была беспощадна к их нарушителям.

— Я слыхала о вас, профессор Селдон, — сказала она, — слыхала и о ваших теориях относительно той неминуемой гибели, которая ждет всех нас. А еще я беседовала с тем судьей, который не так давно разбирал ваше дело, согласно которому вы обвинялись в том, что ударили человека свинцовым набалдашником вашей палки. Вы тогда тоже заявляли, что стали жертвой нападения. Вероятно, ваше суждение зиждилось на печальном инциденте, когда на вас и вашего сына напали восемь бандитов. Вам удалось убедить моего уважаемого коллегу, профессор

Селдон, что вы действовали из соображений самозащиты, хотя показания свидетелей говорят об обратном. На этот раз, профессор Селдон, вам придется привести более убедительные доказательства своей невиновности.

Трое хулиганов, выдвинувших обвинения против Селдона и Пальвера, нервно ерзали на скамье истцов. Сегодня они выглядели совсем не так, как в тот вечер. На парнях были чистые рубашки и костюмы, на девушке – аккуратно выглаженная туника. Если не приглядываться и не прислушиваться – ни дать ни взять образцовые представители молодежи Трентора.

Адвокат Селдона, Сив Новкер (взявший на себя заодно и защиту Пальвера), подошел к скамье.

– Ваша честь, – обратился он к судье. – Мой подзащитный – выдающийся человек. Он – бывший премьер-министр с безупречной репутацией. Он – личный друг нашего нынешнего Императора, Агиса Четырнадцатого. Какие цели мог преследовать профессор Селдон, затеяв драку с невинными молодыми людьми? Он, один из самых ярых поборников просвещения тренторианской молодежи? Над его выдающимся Психоисторическим Проектом трудится множество студентов-добровольцев, он – один из любимейших преподавателей Стрилингского университета. Кроме того... – тут Сив Новкер сделал выразительную паузу, явно предназначенную для того, чтобы создать впечатление, что сейчас он выдаст нечто такое, от чего всем сразу станет нестерпимо стыдно... – Профессор Селдон – один из тех немногих, кому позволено неограниченное пользование фондами престижнейшей из престижных Галактической Библиотеки, где он работает над созданием «Галактической Энциклопедии», делая тем самым колоссальный вклад в развитие имперской культуры. И я спрашиваю вас, как можно было допустить, чтобы такого человека подвергали позорному судилищу?

Широким жестом Новкер указал на Селдона, сидевшего на скамье подсудимых вместе с Стеттином Пальвером, вид у которого был весьма удрученный. Селдон зарделся от непривычных восхвалений в свой адрес (в конце концов, в последнее время его имя, в основном было мишенью для насмешек и упреков, а никак не для цветистых похвал). Пальцы профессора крепко сжимали резную рукоятку трости.

Судья Ли сверху вниз посмотрела на Селдона. Речь адвоката явно не произвела на нее впечатления.

– Благодарю вас, адвокат. Вот и я себе задаю тот же самый вопрос. Ночи не спала, все искала причину. Как мог человек, занимающий такое положение как профессор Селдон, совершив ничем не спровоцированное избиение, будучи столь ярым критиком всего, что связано, по его мнению, с упадком нравов в нашем обществе?

Ли откинулась на спинку судейского кресла и сложила руки перед собой. Лицо ее приняло выражение самодовольства. Селдон, опираясь на стол, с трудом добрался до скамьи и встал перед судьей, не спускавшей с него ледяного взгляда.

– Ваша честь, позвольте мне сказать несколько слов в мою защиту.

– Конечно, профессор Селдон. В конце концов это еще не суд. Это следственное слушание, целью которого является сбор всех фактов, имеющих отношение к делу. Нам предстоит решить, будет ли дело доведено до суда или нет. Я всего-навсего выразила свое мнение, и мне очень интересно будет послушать, что скажете вы.

Селдон откашлялся.

– Всю свою жизнь я посвятил Империи. Я честно и преданно служил императорам. Разработанная мною наука психоистория, на самом деле вовсе не вестница бед, предназначалась для того, чтобы стать средством обновления. С ее помощью мы могли бы подготовиться к любому направлению, по которому может пойти цивилизация. Если, как я считаю, Империя будет продолжать идти по пути упадка, психоистория поможет нам использовать заложенный ею фундамент для строительства новой и лучшей цивилизации. Я люблю наши миры, наших людей, нашу Империю – и ничто не могло заставить меня способствовать росту беззакония, подрывающего день за днем самые основы Империи. Мне больше нечего сказать. Вы должны верить мне. Я человек ума, живущий в мире науки, уравнений, цифр – говорю от чистого сердца.

Селдон медленно вернулся на скамью подсудимых и сел рядом с Пальвером. Но прежде чем сесть, он посмотрел туда, где в зрительских рядах сидела Ванда. Их взгляды встретились.

Ванда едва заметно улыбнулась и подмигнула деду.

— От сердца вы говорили или нет, профессор Селдон, я должна самым тщательным образом все обдумать, — заявила судья Ли. — Мы выслушали тех, кто вас обвиняет, выслушали вас и мистера Пальвера. Теперь нам предстоит выслушать непосредственного свидетеля происшествия, Райала Неваса.

Когда Невас шел к скамье, Селдон и Пальвер обменялись тревожными взглядами. Это был тот самый парень, которому Селдон сделал замечание насчет брошенной на тротуар бумажки.

Ли задала парню вопрос:

— Не могли бы вы, мистер Невас, подробно и точно рассказать, чему вы стали в тот вечер свидетелем?

— Ну, — начал Невас, с прищуром глянув на Селдона. — Иду я себе, значит, гуляю, по своим, так сказать, делам, и тут вижу вот этих вот двоих, — он обернулся и ткнул пальцем в Селдона и Пальвера. — Они, стало быть, идут мне навстречу. А после я увидел этих троих ребят, — он ткнул пальцем в сторону «истцов». — Эти двое, старики, стало быть, шли позади троих ребят, и меня не видали, поскольку я по другой стороне шел, а они прямехонько шли за ребятами. И вдруг — бабах! Этот старики как шмякнет своей палкой, а тот, что помоложе, подскочил и как даст всем троим под дых, а может, и не под дых, только они все разом свалились. А потом старики и тот, что помоложе, быстренько смотались. Я прямо глазам своим не поверил.

— Это ложь! — взорвался Селдон, — Молодой человек, постыдитесь!

Но Невас только небрежно оглянулся через плечо и устремил взгляд к судье.

— Судья, — потребовал Селдон, — неужели вы не видите, что он лжет? Я помню этого молодого человека. Я сделал ему замечание за то, что он бросил на тротуар бумагу, и указал Стеттину на это, как на еще одно проявление упадка в обществе, на полнейшее равнодушие горожан к проблеме чистоты и порядка на улицах...

— Достаточно, профессор Селдон, — оборвала его судья. — Еще одно такое вмешательство в следствие, и я удалю вас из зала суда. А теперь, мистер Невас, скажите, — попросила она, — что вы делали в то время, как развивались события?

— Я-то? Ну, я спрятался. За деревьями, стало быть, притаился. Я боялся, понимаете, что мне тоже достанется, ежели они меня увидят. Ну а когда они смылись, я пошел и заявил в службу безопасности.

Невас покрылся испариной и потеребил ворот рубашки. Он тяжело дышал, переминался с ноги на ногу, стоя на возвышении, где полагалось стоять свидетелям, истцам и обвиняемым. Взгляды публики, казалось, жгли ему спину, он старался не оборачиваться и не смотреть в зал, но всякий раз, когда он это делал, глаза его встречались с глазами красивой светловолосой девушки, сидевшей в первом ряду. Ему казалось, что она молча задает ему какой-то вопрос и требует ответа, заставляет его что-то сказать.

— Мистер Невас, а что вы скажете относительно заявления профессора Селдона о том, что он якобы видел вас до драки? Профессор действительно сделал вам замечание?

— Ну, а, да, то есть нет... ну, понимаете, иду это я, гуляю, ну, я уже говорил ведь... — тут Невас запнулся и посмотрел в ту сторону, где сидел Селдон. Селдон смотрел на него так печально, словно понимал, что игра проиграна. Стеттин Пальвер смотрел на Неваса с нескрываемым гневом и отвращением. И вдруг Невас вздрогнул, потому что ясно и отчетливо услышал слова: «*Скажи правду!*». Казалось, будто звучит голос Пальвера, но губы его были плотно сжаты. Невас обескураженно обернулся и посмотрел на блондинку в первом ряду. Казалось, он слышит ее голос: «*Скажи правду*», но и ее губы не шевелились.

— Мистер Невас, мистер Невас, — заторопилась судья, — мистер Невас, если Профессор Селдон и мистер Пальвер шли вам навстречу и при этом *позади* троих пострадавших, как же вы смогли первыми заметить Селдона и Пальвера? Вы же утверждали, что все было именно так?

Невас обвел зал суда диким, испуганным взором. Некуда было деваться от этих взглядов. Казалось, все присутствующие кричат ему: «*Скажи правду!*». Невас беспомощно посмотрел на Гэри Селдона, потупил взгляд и пробормотал:

— Простите!

И к великому изумлению судьи и публики, четырнадцатилетний мальчишка заплакал навзрыд.

27

Стояла на редкость приятная погода – не жаркая, не холодная, не слишком ясная, но и не слишком хмурая. Хотя городской бюджет давно трещал по швам, ступени Галактической Библиотеки сверкали чистотой, и это радовало взгляд и улучшало настроение. Библиотека, выстроенная в классическом старинном стиле, могла похвастаться своей лестницей – ни по высоте, ни по ширине ступеней ей не было равных в Империи. Уступала она только лестнице Императорского Дворца. Правда, большинство посетителей Библиотеки предпочитали пользоваться боковыми входами. Селдон поднимался по главной. На сегодняшний день он возлагал большие надежды:

С тех пор как с него и со Стеттина Пальвера были сняты всякие обвинения в недавней драке, Гэри Селдон чувствовал себя новым человеком. Он как бы заново родился. Конечно, сам по себе судебный процесс был неприятен, но репутация Селдона после него исключительно переменилась. Судья Теджан Попдженс Ли, которая считалась одним из самых влиятельных, если не самым влиятельным судьей на Тренторе, выразила свое мнение по поводу случившегося весьма красноречиво. Это произошло на следующий день после эмоционального признания Райала Неваса.

– Когда мы сталкиваемся с такими явлениями в нашем «цивилизованном» обществе, – назидательно проговорила судья, – когда такой человек, как профессор Селдон, вынужден подвергаться унижению, нападкам и лжи, только потому что он – тот, кто он есть и отстаивает свои убеждения, значит, действительно в Империи настали черные дни. Признаю, что и я поначалу усомнилась. «Почему бы профессору Селдону, – подумала я, – не прибегнуть к такой хитроумной уловке ради того, чтобы подтвердить свои предсказания?» Но теперь я понимаю, как жестоко ошибалась.

Судья нахмурилась, все лицо ее залила синеватая краска.

– Это произошло потому, что я рассматривала поступок профессора Селдона как нечто вытекающее из всего, что происходит сейчас у нас в обществе, приравняла его к тем, кто лишен честности, порядочности, доброты и милосердия. В нашем обществе теперь, похоже, легче хитрить и бесчинствовать, чем оставаться добропорядочным гражданином.

Как безнадежно далеко ушли мы от наших основополагающих принципов! На этот раз нам повезло, граждане Трентора. Мы должны быть безмерно благодарны профессору Селдону за то, что он наглядно показал нам, чего мы стоим. Так примем же к сведению его урок, и вернемся к той доброте и порядочности, что еще жива в наших сердцах!

После заседания Император прислал Селдону поздравительный голограммический диск. Он выражал надежду на то, что, может быть, теперь у Селдона возникнет реальная возможность раздобыть субсидии для продолжения работы над Проектом.

Скользя вверх по ступеням движущейся лестницы, профессор Селдон думал о состоянии дел в Проекте. Его добрый друг, Главный Библиотекарь Лас Зенов, уволился. Пока он работал, он всеми силами помогал Гэри Селдону в работе. Однако гораздо чаще действия Зенова сдерживали библиотечный Совет. Уходя в отставку, Зенов заверял Селдона, что новый Главный Библиотекарь, Тrima Арканию, человек таких же прогрессивных взглядов, как он сам, и пользуется поддержкой представителей самых разных фракций в Совете.

– Гэри, друг мой, – сказал Зенов, перед тем как улететь на Венкори – свою родную планету, – Арканию – редчайшей души человек, умный и дальновидный, Уверен, он сделает все, что в его силах, чтобы помочь вам и Проекту. Я оставил ему все сведения о вас и вашей Энциклопедии. Думаю, он будет также восхищен теми возможностями, какие сулит вклад Энциклопедии в дело развития человечества. Берегите себя, мой друг, а я всегда буду вспоминать о вас с любовью.

И вот сегодня Селдону предстояла первая встреча с новым Главным Библиотекарем. Селдон, воодушевленный заверениями Ласа Зенова, с нетерпением ждал этого дня, чтобы поделиться с Арканию своими планами на будущее относительно Проекта и Энциклопедии.

Трима Арканию встал, приветствуя Селдона. Он уже обжился в кабинете и привнес в него нечто свое. Зенов за годы службы заставил кабинет полками, где хранились голограммические диски и видеожурналы со всех концов Трентора. Когда-то тут красовалась целая коллекция видеоглобусов – моделей различных миров Империи, которые весело вертелись в воздухе. Арканию навел тут порядок – все убрал, расчистил. Теперь одну из стен почти целиком занимал большой голограммический экран – вероятно, на него проецировалась любая информация, которую пожелал бы посмотреть Арканию.

Арканию был невысокого роста, полноватый. Взгляд у него был слегка подслеповатый – следствие офтальмологической операции по коррекции зрения. Взгляд этот производил впечатление, будто Арканию знает все на свете, в том числе и то, что происходит вокруг.

– Замечательно, замечательно. Профессор Селдон, проходите, садитесь. – Арканию указал на стул с высокой прямой спинкой около письменного стола. – Очень мило с вашей стороны, что вы решили заглянуть ко мне. Я просто мечтал повидаться с вами с тех самых пор, как занял должность Главного Библиотекаря. – Селдон кивнул, польщенный до глубины души. Если Главный Библиотекарь действительно думал о нем в суматошные дни вступления в должность – это большая честь. – Но для начала, профессор, расскажите мне, зачем вы хотели меня видеть, а потом я уж расскажу о своих, скорее всего, более прозаических соображениях.

Селдон прокашлялся и склонился к столу.

– Главный Библиотекарь Лас Зенов, несомненно, рассказал вам о моей работе и моей затее с Галактической Энциклопедией. Лас относился к этому замыслу с величайшим энтузиазмом и оказывал нам огромную помощь – он выделил мне здесь отдельный кабинет и обеспечил беспрепятственный доступ к фондам Библиотеки. Честно говоря, именно он разыскал ту планету, где предстоит в будущем разместиться группе по подготовке Энциклопедии – отдаленную планету под названием Терминус. Одного только Лас сделать не мог. Для того чтобы подготовка Энциклопедии шла полным ходом, мне требовалось и требуется место и доступ к фондам для моих сотрудников. Понимаете, задача грандиозная – отбор и сортировка информации, перед тем как все будет перевезено на Терминус.

Как вы, безусловно, знаете, Совет не поддерживал Ласа Зенова. Вас, наоборот, поддерживает. Вот поэтому-то я и прошу вас, Главный Библиотекарь, не могли бы вы поспособствовать тому, чтобы моим сотрудникам было позволено разместиться в Библиотеке и продолжить работу над Энциклопедией?

Гэри Селдон перевел дыхание. Он был уверен, что его речь, заранее заготовленная, произведет желаемый эффект. Теперь он ждал, не сомневаясь в ответе Арканию.

– Профессор Селдон, – начал Арканию таким тоном, что радостная улыбка тут же сошла с лица Селдона, – Мойуважаемый предшественник оставил мне всю документацию относительно вашей работы. Ваши исследования производили на него большое впечатление, и он не расставался с надеждой разместить здесь и вас, и ваших коллег. Так же, как и я... – Арканию сделал паузу. Селдон выжидающе смотрел на него. – Поначалу. Я уже собирался созвать внеочередное заседание Совета, на котором хотел высказать предложение выделить для энциклопедистов целый блок помещений. Но, профессор, увы, теперь все изменилось.

– Изменилось? Но почему?!

– Профессор Селдон, вы только что участвовали в процессе по делу о хулиганском избиении.

– Но меня оправдали, – возразил Селдон. – Дело и до суда не дошло.

– И тем не менее, профессор, в глазах общественности ваша репутация... как бы это лучше выразиться... пострадала. Да-да, вас действительно оправдали по всем пунктам. Но, прежде чем вас оправдали, ваше имя, ваше прошлое, ваши убеждения, ваша работа – все это предстало перед всеми мирами Империи. Представьте, поначалу вас склонна была обвинить даже прогрессивно мыслящая судья. Ну да, потом она извинилась и признала вашу невиновность, но для миллионов, а пожалуй, и для миллиардов средних людей, вы остались не психоисториком-первооткрывателем, жаждущим сохранить величие цивилизации, а всего лишь каркающим безумцем, накликающим беды на великую и могучую Империю.

Понимаете, так уж выходит, что вы своими пророчествами угрожаете самой сути Империи. Я не имею в виду безликую, безымянную, абстрактную Империю. Я говорю о ее

душе и сердце – ее людях. Когда вы утверждаете, что Империя *гибнет*, для людей это значит, что гибнут *они*. А это вызывает несогласие у среднего человека, дорогой мой профессор. Селдон, хотите вы этого, или нет, но вы стали персоной нон грата, объектом насмешек, городским сумасшедшим.

– Простите меня, Главный Библиотекарь, но быть объектом для насмешек – это для меня не новость.

– Это верно. Но до сих пор над вами смеялись только в определенных кругах. Но последний случай стал грандиозным спектаклем, в котором вы сыграли роль шута не только перед Трентором, но и перед всеми остальными мирами. Профессор Селдон, если я же и теперь, после всего случившегося, предоставлю вам помещения в Библиотеке, смеяться станут и над Библиотекой. Совершенно не важно, как сильно лично я верю в ваши идеи, в вашу Энциклопедию, будучи Главным Библиотекарем Галактической Библиотеки, я призван думать в первую голову о ней. Следовательно, профессор Селдон, ваша просьба о предоставлении помещений для ваших сотрудников отклоняется. – Селдон откинулся на спинку стула, словно его ударили. – Кроме того, профессор, – продолжал Арканию, – я бы просил вас в течение двух недель воздержаться от посещений Библиотеки. После заседания Совета через две недели, профессор Селдон, мы известим вас о своем решении – продолжим ли мы договор с вами или нет. Это все, профессор Селдон, что я пока могу вам сказать, – твердо проговорил Арканию и встал, опершись ладонями о гладкую, без единого пятнышка, поверхность письменного стола.

Гэри Селдон тоже встал, хотя и не так резво, как Трима Арканию.

– Смогу ли я обратиться к Совету? – спросил Селдон. – Может быть, если бы мне удалось убедить членов Совета, в жизненной важности психоистории и Энциклопедии...

– Боюсь, что нельзя, – негромко ответил Арканию, и на одно-единственное мгновение он показался Селдону тем человеком, о котором ему рассказывал Лас Зенов.

Но холодный бюрократ незамедлительно взял верх над прогрессивно мыслящим человеком, и Арканию проводил Селдона до дверей. Когда их половинки разъехались в стороны, Арканию сказал:

– Две недели, профессор Селдон. Пока – до свидания.

Селдон сел в ожидавший его скиттер. Двери кабинета закрылись.

«Что же мне теперь делать? – в отчаянии думал Селдон. – Неужели конец всему?!»

28

– Ванда, детка, чем это ты так увлеклась? – спросил Селдон, входя в кабинет внучки в Стрилингском университете. Когда-то этот кабинет принадлежал Юго Амарилю, после смерти которого Психоисторический Проект просто осиротел. К счастью, роль Юго в последние годы взяла на себя Ванда, которая постоянно трудилась над модернизацией и шлифовкой Главного Радианта.

– А? Я работаю над уравнением в отрезке ЗЗА2Д17. Видишь, я перекалибровала этот отрезок, – и Ванда показала на светящееся фиолетовое пятнышко, повисшее в воздухе прямо перед ее лицом. – Учла стандартный коэффициент и... вот оно! То самое, видимо, о чем я думала.

Ванда встала, отошла назад и потерла глаза.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Селдон. – Да это же, похоже, уравнение Терминуса, но... Послушай, Ванда, это уравнение, обратное уравнению Терминуса, верно?

– Верно, дедушка. Смотри, в уравнении Терминуса цифры стояли как-то не так... – Ванда нажала кнопку, вмонтированную в стенную панель. В другом конце кабинета возникло красное пятнышко. Селдон и Ванда вместе подошли к нему. – А теперь посмотри, как все стало здорово, дед. Я несколько недель над этим корпела.

– Как тебе это удалось? – спросил Гэри, с восхищением глядя на красоту, логичность и изящество уравнения.

– Сначала я смотрела на него отсюда и думала, думала... Оно мешало всем остальным. Но ведь это так важно, чтобы все получилось, как мы задумали, чтобы Терминус заработал. В общем, я поняла, что нельзя вводить это уравнение в Главный Радиант и ждать, что оно войдет,

как но маслу. Втиснуть его – значит потеснить что-то другое. Раз есть вес, значит, должен быть противовес, точно?

– Ты, похоже, говоришь о том, что древние называли «кинь» и «янь».

– Ну да, что-то вроде этого. «Инь» и «янь». В общем, я поняла, что, для того чтобы улучшить «кинь» Терминуса, я должна найти место для его «янь». Что я вот тут и сделала, – сказала Ванда и вернулась к фиолетовому пятнышку, расположившемуся на другой стороне сферы, образованной огнями Главного Радианта. – И как только я вот тут все подгадала, уравнение Терминуса легло на свое место. Полная гармония!

Ванда сложила руки на груди, чрезвычайно довольная собой, словно решила все проблемы Империи.

– Восхитительно, Ванда. Потом обязательно расскажешь мне, что, по твоему мнению, это означает для Проекта. А сейчас пойдем со мной к голограмическому экрану. Я получил срочный вызов с Сантанни несколько минут назад. Папа просил нас немедленно связаться с ним.

Ванда сильно волновалась, слыша или читая сообщения о беспорядках на Сантаннии. От обнищания имперской казны страдали, в первую очередь, Внешние Миры. Их доступ к более богатым Внутренним Мирам был нелегок, и становилось все труднее и труднее как вывозить продукты производства, так и импортировать вещи первой необходимости. Имперские гиперпространственные корабли залетали на Сантаннию редко и далекий мир чувствовал себя отрезанным от всей Империи. Вся планета сейчас была охвачена бунтами, забастовками, восстаниями.

– Дедушка, хочется верить, что ничего страшного не произошло, – испуганным голосом проговорила Ванда.

– Не волнуйся, милая, Конечно, весе в порядке, раз Рейчу удалось послать нам весточку.

Дед и внучка прошли в кабинет Селдона, встали у голограмического экрана и принялись ждать связи. Селдон набрал код на пульте около экрана, прошло несколько секунд, и вот возникло чувство, словно экран втянулся в глубь стены и стал похожим на вход в глубокий туннель, в этом туннеле – поначалу туманно, потом все отчетливее возникла знакомая фигура невысокого крепкого мужчины. Как только связь наладилась, видно стало совсем хорошо. Вот на лице мужчины простили пышные далийские усы, и вся его фигура ожила.

– Папа! Ванда! – сказало голограмическое изображение Рейча, спроектированное на Трентор с Сантанни. – Слушайте, я буду говорить быстро – времени нет. – Вдруг он вздрогнул, словно услышал какой-то шум. – Тут дела плохи. Правительство низложено, власть захватила партия провизионистов. Сущая неразбериха, сами представляете. Я только что отправил Манеллу с Беллис на звездолете в Анакреон. Просил их связаться оттуда с вами. Корабль называется «Аркадия-7». Ты бы, папа, видел, в каком состоянии улетела Манелла, как она не хотела со мной расставаться. Только ради Беллис я ее уговорил лететь. Милые мои, я знаю, о чем вы думаете. Вы думаете, что я должен был улететь вместе с ними. Я бы полетел, если бы смог. Но не было мест. Вы просто не представляете, чего мне стоило добывать для них билеты! – Рейч усмехнулся той самой усмешкой, которую так любили Селдон и Ванда, и продолжил: – И потом, раз уж я остался, я должен помочь в охране университета. Пусть только кто-нибудь из этих тупоголовых сантаннийских бунтовщиков приблизится к университету, мы им покажем...

– Рейч, – прервал его Селдон, – насколько плохи дела? Того гляди начнется бой?

– Папа, ты в опасности? – спросила Ванда.

Им пришлось подождать несколько минут, пока их голоса и образы долетели до Сантаннии и преодолели девять тысяч парсеков.

– Я-я-я... плохо вас понял... – ответило изображение Рейча. – Тут идут кое-какие потасовки, это точно, – сказал Рейч все с той же очаровательной усмешкой. – Ну все, мне пора. Не забудьте навести справки о корабле «Аркадия-7», вылетевшем к Анакреону. Постараюсь еще разок связаться с вами, как только сумею. Помните, я...

Связь прервалась, изображение Рейча побледнело, голо графический туннель сжался и исчез. Селдон и Ванда еще долго смотрели на пустой экран.

– Дедушка, – промолвила Ванда, – как ты думаешь, что он хотел сказать?

— Не догадываюсь, милая. Одно я знаю точно: твой отец сумеет за себя постоять. Мне жаль любого бунтовщика, который отважится подойти к нему на расстояние вытянутой руки! Ну, пошли, вернемся к нашему уравнению, а через несколько часов справимся насчет «Аркадии-7».

— Командир, неужели вы не знаете, что случилось с кораблем? — спросил Селдон взволнованным голосом.

Он опять вел разговор по системе межпланетной связи, но на этот раз беседовал с командиром имперского флота, расквартированного на Анакреоне. Беседа осуществлялась с помощью видеоэкрана — он давал гораздо слабее картину присутствия по сравнению с голограммическим экраном, но связаться с кем бы то ни было по такой системе было намного проще.

— Говорю вам, профессор, у нас нет записей о том, чтобы этот корабль запрашивал разрешения на вход в атмосферу Анакреона. Конечно, надо признать, что связь с Сантанней прервана уже несколько часов, и в последнюю неделю была редкой. Может быть, корабль пытался выйти с нами на связь через станцию, установленную на Сантанне, и не сумел пробиться, но я в этом сильно сомневаюсь.

Нет, знаете ли, гораздо вероятнее другое: скорее всего «Аркадия-7» сменила курс. Полетела на Форег, к примеру, или на Зарип. Вы не наводили справки в каком-нибудь из этих миров, профессор?

— Нет, — устало покачал головой Селдон, — Но я не могу понять, почему кораблю, вылетевшему к Анакреону, вдруг вздумалось куда-то лететь. Командир, мне крайне необходимо разыскать этот корабль.

— Конечно, тут вы правы, — согласился командир. — Сама по себе «Аркадия-7» вряд ли стал бы менять курс. Но разве вы не знаете, что вытворяют эти мятежники? Им совершенно все равно, в кого палить. В игрушки играют. Нацеливают лазерные пушки и воображают, будто стреляют в Императора Агиса, Туг жуткие дела, профессор, уж вы мне поверьте. Периферия, как-никак.

— На этом корабле моя невестка и внучка, командир, — сказал Селдон негромко.

— О, простите, профессор. Как только что-то прояснится, сразу же вам сообщу.

Селдон грустно вздохнул. Командир, наверное, думал напугать его, рассказывая об ужасах жизни на периферии Галактики. Но Селдон про это отлично знал. Периферия, край... Это же все равно, как если бы порвалась нитка на краю связанной вещи. Порвалась и потянула за собой все остальное петлю за петлей. Так и до другого конца недалеко — до Трентора.

Селдон наконец расслышал негромкое жужжание, Звонили в дверь.

— Да?

— Дедушка, — взмолилась Ванда, входя в кабинет. — Мне страшно.

— Почему, милая? — заботливо спросил Селдон. Он не хотел говорить Ванде о том, что только что узнал... или вернее, не узнал... от командира с Анакреона.

— Знаешь, обычно, когда они так далеко, я их всех чувствую — папу, маму, Беллис — вот здесь. — Ванда положила руку на сердце. — А сегодня я их не чувствую. Они угасают, как огни на куполе, меркнут, уходят. Я хочу позвать их обратно и не могу.

— Ванда, милая, это говорит только о том, что ты любишь их и волнуешься за них, Дело понятное — бунт, беспорядки. Но ты же знаешь, беспорядки в Империи то и дело возникают — надо же выпустить накопившийся пар. Не волнуйся, ты должна понимать, что вероятность того, что с Рейчел, Манеллой и Беллис случится что-нибудь плохое, ничтожна мала. Скоро папа позвонит и скажет, что все хорошо, а мама и Беллис вот-вот приземлятся на Анакреоне, и у них тоже все будет отлично. Это нас надо жалеть — мы закопались тут по уши в работе. Ну, малышка, ложись спать и думай только о хорошем. Завтра все тебе представится в другом свете. Утро вечера мудренее, верно?

— Да, дедушка, — кивнула Ванда, но не слишком уверенно. — Но завтра, если не будет вестей, нам придется... придется...

— Ванда, что нам остается? Мы можем только ждать, — нежно проговорил Гэри.

Ванда ушла, печально ссутулившись. Гэри проводил ее взглядом, и дал волю

собственному волнению.

Прошло уже три дня с тех пор, как звонил Рейч. И с тех пор – ничего. А сегодня даже анакреонский командир заявил, что не слыхал о корабле под названием «Аркадия-7» вообще ничегошеньки.

Чуть раньше Гэри пытался сам связаться с Рейчем, но все линии связи были прерваны. Казалось, будто Сантанния, как и корабль «Аркадия-7» попросту отпали от Империи, как лепестки от цветка.

Селдон знал, что надо делать. Империя в упадке, но еще жива. Власть, если ее нужным образом направить, еще была бы велика. Селдон послал запрос о срочной связи с Императором Агисом Четырнадцатым.

29

– Вот так сюрприз – мой друг Гэри! – просияло улыбкой с экрана голографическое изображение Императора, – Рад вас видеть, хотя обычно вы просите меня о более формальных личных аудиенциях. Мне даже интересно, что за срочность?

– Сир, – сказал Селдон. – Мой сын, Рейч, его жена и дочь живут на Сантаннии.

– Ах, на Сантаннии! – перестал улыбаться Император. – Кучка поголовных идиотов, и когда у меня только руки до них...

– Сир, прошу вас... – прервал его Селдон, удивив не только Императора, но и себя самого таким пренебрежением к имперскому этикету. – Моему сыну удалось отправить Манеллу и Беллис на гиперпространственном корабле «Аркадия-7» на Анакреон. Ему же пришлось остаться. Это было три дня назад. Корабль на Анакреоне не приземлился. Мой сын, похоже, исчез. Все мои звонки на Сантаннию – без ответа, а теперь и связь прервана окончательно. Сир, прошу вас, не могли бы вы мне помочь?

– Гэри, как вы знаете, официально все отношения между Сантаннией и Трентором прерваны. Однако я еще пользуюсь некоторым влиянием в определенных районах этой провинции. То есть там еще остались верные мне люди, и они до сих пор живы. Хотя я и не могу наладить прямой контакт с моими представителями в этой провинции, я могу ознакомить вас со всеми сообщениями, поступившими оттуда в последние дни. Все эти сведения, безусловно, носят исключительно конфиденциальный характер, но учитывая ваше волнение и наши отношения, я позволю вам заглянуть в эти сведения. Может быть, что-то вас там заинтересует. В течение ближайшего часа я ожидаю новых сообщений. Если вы не против, я свяжусь с вами, как только таковые поступят. А пока я дам распоряжение одному из моих советников просмотреть все сообщения из Сантаннии за последние дни относительно сведений о Рейче, Манелле и Беллис Селдон.

– Спасибо вам, сир, сердечное вам спасибо, – горячо поблагодарил Селдон и низко, как мог, поклонился исчезающему с экрана изображению Императора.

Целый час после разговора Селдон просидел за письменным столом в ожидании звонка, Тяжелее часа в его жизни не было со временем гибели Дорс.

Больше всего на свете Селдон боялся незнания. Вся его жизнь целиком и полностью состояла из знания – о будущем и настоящем. И вот теперь он не знал, что с дорогими его сердцу людьми.

Голографический экран негромко зажужжал. Гэри торопливо нажал кнопку ответа. Появилось изображение Агиса Четырнадцатого.

– Гэри, – так печально проговорил Император, что Селдон сразу понял – новости плохие.

– Мой сын, – проговорил Селдон дрожащим голосом.

– Да, – кивнул Император. – Рейч был убит сегодня во время бомбардировки Сантаннийского университета. Из моих источников мне стало известно, что он знал о предстоящем налете, но отказался покинуть свой пост. Понимаете, среди бунтовщиков было много студентов, и Рейчу, видимо, подумалось, что, если они узнают, что он там, они ни за что... Но ненависть взяла верх над рассудком. Вы же понимаете, университет-то имперский. А мятежники решили, что нужно все имперское уничтожить, а потом строить что-то новое. Тупицы! Зачем надо... – Тут Агис запнулся, поняв, что Селдону, скорее всего, сейчас нет дела

до Сантаннийского университета и планов мятежников. – Гэри, – участливо проговорил Император, – если вам от этого будет хоть сколько-нибудь легче, помните, что ваш сын погиб, защищая знания. Он сражался не за Империю, а за само человечество.

Селдон посмотрел на Императора сквозь слезы. Тихо, едва слышно, он спросил:

– А Манелла и малышка Беллис? Что с ними? Удалось, узнать что-нибудь об «Аркадии-7»?

– Поиски пока безуспешны, Гэри. «Аркадия-7» покинула Сантаннию. Но, похоже, она просто исчезла. Может быть, па корабль напали мятежники, а может быть, корабль спасся бегством, изменив курс. Мы просто не знаем.

Селдон кивнул.

– Спасибо вам, Агис. Хотя вы сообщили мне ужасную новость, это все равно лучше, чем тягостное ожидание. Вы настоящий друг.

– А теперь, мой друг, – сказал Император, – я оставлю вас, Примите мои соболезнования.

И лицо Императора исчезло с экрана, а Гэри Селдон уронил голову на руки и разрыдался.

30

Ванда Селдон потуже затянула поясок на платье. Взяв в руку маленькую лейку, она принялась поливать цветы в своем небольшом садике неподалеку от здания Стрилингского университета. Обычно Ванда проводила почти все время в своем кабинете, работая с Главным Радиантом. Она находила своеобразную красоту в уравнениях Радианта – в неумолимых и элементных уравнениях, которые странно смотрелись в обезумевшей, потерявшей голову Империи. Но, когда мысли об отце, матери и сестренке становились невыносимыми, когда даже любимая работа не в силах была отвлечь ее от горечи недавно пережитой потери, Ванда всегда уходила сюда, копалась в своем маленьком садике, словно выращивание цветов могло как-то уменьшить боль в ее душе.

После того как месяц назад погиб ее отец и исчез корабль, на котором улетели Манелла и Беллис, Ванда, которая и так всегда была стройной, стала ужасно худеть. Всего лить несколько месяцев назад Гэри Селдон с заботой и участием обращал внимание на то, что у внучки стал пропадать аппетит, а теперь и это его, похоже, не интересовало – так сильно погрузился он в собственные переживания.

Гэри и Ванда Селдон очень сильно переменились, как переменились все те немногие, кто еще продолжал работать над Психоисторическим Проектом. Гэри, казалось, окончательно сдался. Теперь он в основном занимался тем, что сидел в кресле в Стрилингском солярии и молча смотрел на окрестности университета, грязясь под лучами ламп. Порой сотрудники Проекта сообщали Ванде, что телохранитель деда Стеттин Пальвер уговарил-таки его выйти на прогулку по кампусу или пытался завести с ним разговор относительно будущего направления работы над Проектом.

Ванда с головой ушла в работу над уравнениями Главного Радианта. Она чувствовала, что будущее, очерченное дедом, принимает все более ясные очертания. Он был прав. Энциклопедисты должны были обосноваться на Терминусе. Они должны были стать Академией.

А в отрезке 33A2Д17 Ванда видела то, что Селдон называл Второй Академией – второй, секретной. Но как с ней быть? Селдон не проявлял никакого интереса к работе, и Ванда была в растерянности/ А тоска ее по утраченной семье была так глубока, что просто не было сил работать.

Оставшиеся на своих постах сотрудники Проекта – а их было человек пятьдесят, трудились не покладая рук. В основном, это были энциклопедисты, которые вели поиск и отбор материалов, нуждающихся в копировании и каталогизации для последующего перевоза на Терминус на тот случай, если им когда-нибудь будет разрешен доступ в Галактическую Библиотеку. Работали сейчас все, полагаясь только на веру. Профессор Селдон потерял даже свой личный кабинет в Библиотеке, а потому мечта хотя бы какому-нибудь сотруднику обрести доступ туда была почти несбыточной.

Помимо энциклопедистов в работе над Проектом были заняты историки-аналитики и

математики. Историки занимались интерпретацией действий людей и событий прошлого и настоящего, передавали свои выкладки математикам, а те, в свою очередь, переводили эти выкладки на язык великого Психоисторического Уравнения. Это была долгая и изнурительная работа.

Многие сотрудники ушли, потому что жалованье стало просто смешным. Психоисторики превратились в настоящее посмешище на Тренторе, и теперь и без того ограниченные субсидии стали еще меньше. Однако само присутствие Гэри Селдона вселяло надежду в сердца оставшихся сотрудников, и они старались превозмогать все трудности. Честно говоря, многие и работать остались исключительно изуважения и верности Селдону.

«А теперь, — с горечью подумала Ванда Селдон, — что толку, что они остались».

Легкий ветерок шевельнул прядь светлых волос Ванды, она поправила прядь и принялась снова возиться с цветами.

— Мисс Селдон, можно отвлечь вас на минутку? — спросил чей-то голос.

Ванда обернулась. Молодой человек чуть старше двадцати стоял рядом с ней на дорожке.

Ванда сразу почувствовала в нем силу и недюжинный ум. Дед сделал правильный выбор. Ванда встала.

— Я узнала вас. Вы телохранитель дедушки, верно? Стеттин Пальвер, если не ошибаюсь?

— Все правильно, мисс Селдон, — кивнул Пальвер и слегка покраснел. Похоже, ему было приятно, что такая красавица узнала его с первого взгляда. — Мисс Селдон, я как раз хотел потолковать с вами насчет вашего дедушки. Я очень волнуюсь за него. Надо что-то делать.

— А что делать, мистер Пальвер? Я сама не знаю. С тех пор как мой отец... — Ванда запнулась, к горлу подкатил комок, ей стало трудно говорить, — погиб, я мама и сестра пропали без вести, все, на что я способна, это поднять его с кровати по утрам. Сказать правду, я и сама многое пережила. Понимаете? Вы понимаете? — спросила она, глядя ему прямо в глаза, и почувствовала — он понимает.

— Мисс Селдон, — негромко, участливо проговорил Пальвер, — я искренне сочувствую вашему горю. Но и вы, и профессор Селдон еще живы и должны продолжать работу над психоисторией. А профессор, похоже, сдался. Я надеялся, что, может быть, вы... мы... смогли бы что-нибудь вместе придумать — такое, чтобы он воспрял духом. Ну, вы понимаете, стимул какой-то, чтобы продолжать идти вперед.

«Ah, мистер Пальвер, — подумала Ванда. — может быть, дед-то как раз a прав. Сомневаюсь, что есть хоть какая-то причина, чтобы двигаться вперед».

А вслух она сказала:

— Простите, мистер Пальвер, но я ничего не могу такого придумать. — Носком туфли поддев кусочек гравия, она пробормотала; — Простите, но мне нужно заняться цветами.

— Не думаю, что ваш дедушка прав, — сказал Пальвер. — А еще я думаю — причина идти вперед есть. Надо только ее найти.

Его слова поразили Ванду, словно удар грома. Откуда он знал, о чем она думала? Если только...

— Вы умеете читать мысли и воздействовать на сознание? — спросила Ванда, тяжело, взволнованно дыша, словно боялась услышать ответ Пальвера.

— Да, умею, — просто ответил Пальвер, — И, думаю, всегда умел. По крайней мере, не могу вспомнить, чтобы я когда-нибудь этого не умел. Половину времени я делаю это бессознательно — просто знаю, о чем думают люди или думали. Иногда, — продолжал он, воодушевленный тем пониманием, которое просто-таки излучала Ванда, — я вижу нечто вроде вспышек, исходящих от кого-то другого. Но это происходит всегда, когда народу вокруг много, и поэтому я не могу понять, от кого исходят эти вспышки. Но я точно знаю, что есть другие, такие же, как я... как мы.

Ванда, уронив лейку на грядку, жадно схватила руку Пальвера.

— Да вы понимаете, что это значит?! Для деда, для психоистории! Каждый из нас по отдельности мало что сумел бы сделать, но вдвоем...

И Ванда быстро пошла по дорожке к зданию университета, оставив Пальвера в садике. Только у самого входа она остановилась и оглянулась.

«Пойдемте, Пальвер, обрадуем дедушку», — сказала Ванда, не открывая рта.

«Да, пожалуй, обрадовать стоит», — ответил Пальвер, догнав ее.

31

— Это как же получается? Выходит, я искал по всему Трентору людей с твоими способностями, Ванда, а этот человек уже несколько месяцев здесь, и мы ничего не подозревали?!

Селдон был изумлен. Он дремал в солярии, когда Ванда и Стеттин растолкали его и сообщили ему потрясающую новость.

— Да, дедушка. Ты только представь себе! Я ведь ни разу не виделась со Стеттином. Вы с ним встречались, в основном, за пределами помещений Проекта, а я все время просиживала у себя в кабинете, работала с Главным Радиантом. Когда мы могли встретиться? Но как только наши пути пересеклись, результат, сам видишь, налицо.

— Когда же это произошло? — нахмурился Селдон, пытаясь вспомнить.

— Во время судебного разбирательства, — напомнила ему Ванда. — Вспомни мальчишку — свидетеля, того самого, который божился, что видел, как ты и Стеттин напали на невинных ребятишек и поколотили их. А помнишь, как он потом разревелся, сказав правду — он ведь и сам не знал, с чего бы это ему правду говорить. А ведь мы со Стеттином, оказывается, совместными усилиями его «обработали». Райал Невас не выдержал наших «толчков». По одиночке нам бы ни за что не справиться — он так упорно отстаивал свои показания, Но вместе, — Ванда бросила смущенный взгляд на Пальвера, который скромно стоял в сторонке, — наша сила потрясающа!

Гэри Селдон задумался и собрался было что-то сказать, но Ванда не дала ему говорить.

— В общем, мы собираемся сегодня же вечером заняться проверкой наших ментальных способностей — по отдельности и вместе. Пока мы убедились, что способности Стеттина немного слабее моих — что-то около пятерки по моей придуманной шкале. Но его пятерка в сумме с моей семеркой дает двенадцать! Дед, ты представляешь? Это леэ страшная сила!

— Видите, профессор? — вмешался Пальвер. — Ванда и я — мы и есть тот самый прорыв, которого вы так ждали. Мы сможем помочь вам убедить миры в важности психоистории, сможем помочь разыскать других таких же, как мы, сможем помочь психоистории вернуться на финишную прямую.

Гэри Селдон не спускал глаз со стоявших перед ним молодых людей. Лица их светились надеждой и радостью, и этот свет молодости был так горяч, что согрел старое сердце Селдона. Может быть, и не все еще потеряно. Он думал, что не сумеет пережить последней трагедии — смерти сына и исчезновения невестки и внучки, но теперь он увидел, что Рейч жив — он живет в Ванде. А в Ванде и Стеттине — это он видел совершенно ясно — живет будущее Академии.

— Да-да, — проговорил Селдон решительно, — ну-ка, помогите мне встать. Надо пойти в кабинет, все продумать.

32

— Входите, профессор Селдон, — сказал Главный Библиотекарь Трима Арканию ледяным голосом.

Гэри Селдон в сопровождении Ванды и Стеттона вошел в роскошный кабинет.

— Благодарю вас, Главный Библиотекарь, — кивнул Селдон, садясь на стул и глядя на Арканию, сидевшего по другую сторону широкого письменного стола. — Позвольте представить вам мою внучку Ванду и моего друга Стеттина Пальвера. Ванда — один из самых выдающихся сотрудников Психоисторического Проекта, она математик. А Стеттин...ну, Стеттин мало-помалу становится первоклассным психоисториком — этим он занимается в свободное время от обязанностей моего телохранителя, — сказал Селдон, весело усмехнувшись.

— Ну что же, все просто замечательно, профессор, — сказал Арканию, обескураженный тем, что Селдон шутит. Он ожидал, что профессор придет просить и умолять пустить его в Библиотеку, а тут... — Только я не понимаю, зачем вы ко мне пришли. Уверяю вас, наше решение твердо и непоколебимо: мы не можем позволить пользоваться Библиотекой человеку

столь непопулярному у населения. В конце концов, мы публичная Библиотека и должны принимать в расчет мнение публики.

Арканию откинулся на спинку стула и стал ждать. Вот сейчас начнет просить и умолять.

— Я понимаю, я вас не сумел убедить. Однако я подумал, что, если вы послушаете молодых сотрудников Проекта — психоисториков завтрашнего дня — может быть, тогда вы лучше поймете роль Проекта и Энциклопедии в особенности. Прошу вас, выслушайте Стеттина и Ванду.

Арканию холодно глянул на молодых людей, вставших рядом с Селдоном.

— Что же, ладно, — сказал он, глянув на настенные часы. — Пять минут и не больше. Я на работе.

— Главный Библиотекарь, — обратилась к Арканию Ванда, — как вам, несомненно, объяснял мой дедушка, психоистория — мощнейшее орудие, с помощью которого можно было бы сохранить нашу культуру. Именно *сохранить*, — подчеркнула она, заметив, что Арканию не понравилось это слово. — Гибели Империи было придано преувеличенное значение. В итоге взгляд на психоисторию стал неверным. Дело в том, что психоистория позволяет не только предсказать неизбежный упадок нашей цивилизации, но и дает возможность принять меры к ее сохранению. Вот для чего нужна Галактическая Энциклопедия. Вот почему нам нужна ваша помощь и помочь вашей великой Библиотеки.

Арканию не удержался от улыбки. Девушка была, конечно, очаровательна. Такая честная, так хорошо говорит... Он смотрел на Ванду, а Ванда сидела напротив него — светлые волосы отброшены назад, как у школьницы, но от этого красота ее не страдала, наоборот, Ванда казалась еще красивее. А ведь, похоже, она говорила дальние вещи. Может быть, он действительно был не прав. Если речь идет о *сохранении*, а не о гибели, тогда...

— Главный Библиотекарь, — начал Стеттин Пальвер, — эта знаменитая Библиотека простояла много тысячелетий. Она, пожалуй, даже больше, чем Императорский Дворец, является символом Империи. Ведь в здании Дворца обитает только правитель Империи, а в Библиотеке обитают все знания Империи, вся ее культура и история. Ее ценность невозможно определить. Так разве не стоит подготовить нечто вроде памятника этому великому хранилищу знаний? Энциклопедия станет как раз таким памятником — гигантским вместилищем знаний, собранных вот в этих стенах. Подумайте об этом!

И вдруг Арканию все стало ясно. И как только Совет, а особенно этот книжный червь Дженнаро Маммери, смог убедить его в необходимости лишить Селдона его привилегий? А Лас Зенов, к чьему мнению он всегда прислушивался, был самым ярым сторонником Селдона и способствовал работе над Энциклопедией.

Он снова по очереди посмотрел на троих посетителей, ожидавших его ответа. Теперь Совету придется здорово попотеть, чтобы найти, на что пожаловаться, если с Селдоном работают такие симпатичные молодые люди, как эти двое.

Арканию встал, прошелся по кабинету, нахмурился. Казалось, он собирается с мыслями. Подойдя к столу, он взял с него молочно-белый шарик и сжал его в кулаке.

— Трентор... — задумчиво проговорил Арканию, — средоточие Империи, сердце Галактики. Потрясающе, если задуматься... Пожалуй, мы поспешили осудить профессора Селдона. Теперь, когда ваш Проект, ваша Энциклопедия представали передо мной в совершенно ином свете... — Он быстро взглянул на Ванду и Стеттона. — Теперь я понимаю, как важно дать возможность продолжать вашу работу здесь, профессор. И конечно, не только лично вам, но и некоторым вашим сотрудникам. — Селдон благодарно улыбнулся и сжал руку Ванды. — Я пришел к такому решению не только из-за славы Империи, — продолжил Арканию. — Вы знамениты, профессор Селдон. Кем бы вас ни считали люди, профессор, сумасшедшим или гением, все вас так или иначе знают. Если ученый вашего ранга будет отождествляться с Галактической Библиотекой, наш престиж, как цитадели пауки высочайшего полета только возрастет. Да что там престиж. Одного вашего присутствия здесь будет достаточно, для того чтобы к нам рекой потекли столь необходимые нам субсидии, обновились наши поступления, увеличился штаг, снова открылись двери для массового читателя...

А проект создания Энциклопедии — это же просто грандиозный проект! Представьте, какова будет реакция населения, когда люди узнают, что Галактическая Библиотека принимает

участие в работе над проектом, призванном увековечить достижения человеческой мысли – нашей славной истории, наших блестящих достижений, наших могущественных культур! И подумать только, что я, Главный Библиотекарь Трима Арканию, стану тем человеком, который поможет началу работы над этим восхитительным проектом!

Арканию пристально уставился на белый шарик и погрузился в раздумья.

– Так вот, профессор Селдон, – объявил Арканию, вернувшись к реальности, – вам и вашим сотрудникам будут предоставлены самые высокие привилегии. Вы получите помещение для работы.

Арканию положил шарик на стол и вернулся на свое рабочее место.

– Придется, конечно, немного потрудиться и уговорить Совет... но я уверен, что это мне удастся. Положитесь на меня.

Селдон, Ванда и Стеттин радостно обменялись взглядами. В уголках губ у всех троих пряталась хитрая улыбка. Арканию дал знак, что они свободны и могут идти, и они не стали задерживаться. А Главный Библиотекарь погрузился в размышления о том, какой славы и чести добьется Библиотека, возглавляемая им, Тримой Арканию.

– Просто потрясающе, – сказал Селдон, когда все трое уселись в машину. – Вы бы видели, какой он был, когда мы с ним виделись в последний раз. Он сказал, что я – «угроза для самой сути Империи» или еще что-то такое же гнусное. А сегодня – всего пару минут вы с ним пообщались, и надо же...

– Ничего удивительного, дедушка, – усмехнулась Ванда, нажимая кнопку на пульте управления машиной. Автомобиль тронулся, Ванда прислонилась к спинке мягкого сиденья и быстро набрала координаты маршрута. – Он человек самовлюбленный, амбициозный. Нам только и надо было немного сыграть на положительных аспектах Энциклопедии, а потом за нас все сделало его это.

– Наша участь была решена, как только мы с Вандой вошли в его кабинет, – сказал Пальвер. – Мы оба «толкали» изо всех сил, и ему некуда было деваться.

Пальвер, сидевший на заднем сиденье, наклонился и благодарно сжал плечо Ванды. Та обернулась и погладила его руку.

– Нужно разместить энциклопедистов в Библиотеке как можно скорее, – сказал Селдон. – Их осталось только тридцать два, но это все хорошие работники. Размещу их в Библиотеке, а потом займусь поиском денег. Теперь, может быть, когда мы объединимся с Библиотекой, удастся убедить людей, что нам нужны деньги. Так... попробую-ка я еще разок позвонить Терепу Бендрису и возьму вас обоих с собой. Он ко мне отнесся неплохо поначалу. Но теперь ему против нас не устоять.

Автомобиль наконец остановился около здания Психоисторического Проекта в Стрилинге. Половинки дверей разъехались, по Селдон не стал сразу выходить из машины. Он обернулся к внучке.

– Ванда, ты понимаешь, если вам со Стеттином удалось такое вытворить с Арканио, то наверняка сумеете «растолкать» каких-нибудь богатеев, чтобы они расщедрились и дали нам денег. Знаю, знаю, тебе не хочется расставаться с твоим любимым Главным Радиантом, но эти визиты дадут вам обоим шанс попрактиковаться, отточить свои навыки, и вы сможете понять, на что способны.

– Ладно, дед, но ты не волнуйся. Теперь, когда Библиотека открыла перед тобой двери, люди будут к тебе добре.

– Есть еще причина, по которой вам нужно как можно больше бывать вместе, – сказал Селдон. – Стеттин, вы однажды обмолвились, что каким-то образом «чувствуете» таких людей, у которых мозг работает так же, как у вас, но не могли точно определить, у кого именно.

– Да, – кивнул Пальвер. – Я чувствую что-то вроде вспышек, но это происходило всегда, когда я был окружен толпой народа. И за двадцать четыре года моей жизни я чувствовал такие вспышки всего четыре-пять раз, не больше.

– Но, Стеттин, – сказал потише Селдон, – в потенциале каждой из этих вспышек означала, что где-то неподалеку от вас был человек, обладавший такими же способностями, как вы и Ванда – другой менталист. Ванда таких вспышек не ощущала, но, думаю, это оттого, что она жила почти всю жизнь в одиночестве, в затворе. В тех немногих случаях, когда она оказывалась

в толпе, поблизости просто могло не оказаться ни одного менталиста.

Вот вам еще одна причина – и весьма важная, почему вы должны как можно больше времени проводить вдвоем – ходить, ездить. Мы должны разыскать еще менталистов. Вас двоих достаточно для того, чтобы заставить мыслить и действовать одного человека так, как вы желаете. А когда вас будет целая группа, вы будете обладать силой, способной править Империей!

Гэри Селдон вышел из машины и, прихрамывая, направился к зданию Психометрического Проекта. Ванда и Пальвер смотрели ему вслед, и пока лишь туманно догадывались, какую колоссальную ответственность взвалил Селдон на их юные и хрупкие плечи.

33

Послеполуденное солнце озаряло своими лучами металлическую обшивку Трентора. Гэри Селдон стоял на краю обзорной площадки Стрилингского университета и пытался заслониться ладонью – солнце слепило глаза. Он уже многие годы не выбирался из-под купола, не считая нескольких поездок во дворец, но и их можно было не считать. На дворцовой территории человек все равно чувствовал себя если не под куполом, то под колпаком.

Теперь Селдон позволял себе передвигаться без сопровождения. Во-первых, Пальвер большую часть времени проводил с Вандой – они либо работали с Главным Радиантом, либо погружались в изучение менталистики, либо пускались на поиски подобных себе людей. Но в случае необходимости Селдон всегда мог найти себе спутника для прогулки – студента университета или сотрудника Проекта, которые сыграли бы роль его телохранителя.

Но Селдон понимал, что телохранитель ему больше не нужен. Со временем шумного процесса и восстановления отношений с Галактической Библиотекой Селдоном заинтересовался Комитет Общественной Безопасности. Селдон знал, что за ним следят. За последние месяцы он замечал это несколько раз. Не сомневался он и в том, что и в его доме, и в кабинете установлены подслушивающие устройства, но когда он вел важные переговоры, он включал противоподслушивающий экран.

Селдон не мог разобраться, за кого его принимает Комитет Общественной Безопасности, да и Комитет, скорее всего, это понимал не до конца. Однако, независимо от того, считали они его сумасшедшим или пророком, они явно задались целью во всякое время дня и ночи знать, где он находится, а это означало, что Селдон все время в безопасности.

Легкий ветерок взметнул полу темно-синего плаща, наброшенного поверх костюма, растрепал редкие седые волосы профессора. Селдон наклонился над парапетом и взглянул вниз. Там, под металлической кожей Трентора, жужжали машины, обеспечивающие жизнь громадного города-планеты. Если бы купола были прозрачными, можно было бы увидеть, как мчатся машины, несутся по длинным туннелям гравикэбы, как приземляются звездолеты с грузом зерна, удобрений и алмазов.

Там, под сверкающей металлической обшивкой, шла жизнь сорока миллиардов людей, жизнь как жизнь – с радостями, болью, огорчениями. Селдон очень любил это зрелище, и сердце его сжалось от боли, когда он смотрел на Трентор: он знал, что всего лишь через несколько столетий все то, что раскинулось перед его глазами, будет лежать в руинах. Величественные купола сморщатся, покроются зияющими дырами и трещинами, обнажится поверхность планеты. Селдон грустно покачал головой – он знал, что ничего нельзя сделать для того, чтобы предотвратить эту ужасную трагедию. Однако, хотя Селдон предвидел эти страшные времена, он знал и о том, что из земли, которая примет на себя эти страшные удары последних сражений старой Империи, изойдут ростки новой жизни, и Трентор станет сердцем новой Империи. План говорил об этом.

Селдон опустился на одну из скамеек, расставленных по периметру смотровой площадки. Сильно болела нога. Ему нельзя было много ходить. Но так хотелось еще раз взглянуть на Трентор, постоять на свежем воздухе, посмотреть на открытое, живое небо.

Селдон с тоской подумал о Ванде. Теперь он очень редко виделся с внучкой, да и когда виделся, рядом с ней неизменно был Стеттин Пальвер. Они, казалось, стали неразлучны, как познакомились три месяца назад. Ванда уверяла Селдона, что это необходимо для работы над

Проектом, но Селдон догадывался, что все гораздо глубже, чем просто преданность работе.

Он смотрел на молодую пару и вспоминал те дни, когда он только что познакомился с Дорс. Ванда и Стеттин так смотрели друг на друга, что сомнений быть не могло – они были влюблены.

Да и потом, Ванде и Пальверу, не похожим на остальных, было хорошо вдвоем. Селдон даже заметил, что когда рядом никого нет, Стеттин и Ванда не разговаривают друг с другом – для общения им были не нужны слова.

Остальные сотрудники Проекта о ментальных способностях Ванды и Стеттина не знали и не догадывались. Селдон решил, что об этом не должен знать никто до тех пор, пока роль менталистов в работе над Проектом не будет решена окончательно. Роль же самого Плана была решена окончательно – но только в голове у Селдона. Как только кое-какие детали улягутся на свои места, он посвятит в План Ванду и Пальвера и когда-нибудь, если это будет необходимо, еще одного-двоих сотрудников.

Селдон медленно, с трудом поднялся. Через час у него была назначена встреча с Вандой и Пальвером. Они должны были сообщить ему какую-то очень интересную новость. «Наверное, одна из тех деталей головоломки, – думал Селдон, – которая должна лечь на свое место». Он бросил последний взгляд на Трентор, улыбнулся и негромко проговорил:

– Академия…

34

Когда Селдон вошел в свой кабинет, Ванда и Стеттин уже были там и сидели за большим столом. Как обычно, когда эти двое находились наедине, они молчали.

Войдя, Селдон удивленно остановился. За столом вместе с Вандой и Стеттином сидел какой-то незнакомый мужчина. Странно… обычно из вежливости Ванда и Стеттин в компании с другими людьми разговаривали вслух, а тут… все трое помалкивали.

Селдон пригляделся к незнакомцу… немного странной внешности, около тридцати пяти лет, близорукий прищур, значит, много работает. Если бы не упрямо выступавший подбородок, Селдон счел бы внешность незнакомца невыразительной. Однако в этом лице была доброта и сила. «Лицо надежного человека», – решил Селдон.

– Дедушка, – приветствовала Селдона Ванда и грациозно поднялась со стула.

Сердце Селдона радостно забилось, когда он посмотрел на внучку. Бедняжка – она так переменилась от пережитого. Раньше она чаще звала его полуласково-полушутливо «дедом», а теперь называла более привычным – «дедушка». Как она стала серьезна!.. Раньше она все время улыбалась, а теперь – только изредка. Но была по-прежнему красива, и красота уступала только ее колossalному уму.

– Ванда, Пальвер, – поприветствовал Селдон, поцеловав Ванду в щеку, а Пальвера потрепав по плечу.

– Здравствуйте, – поздоровался он с незнакомцем. – Я Гэри Селдон.

– Познакомиться с вами – большая честь, профессор, – сказал незнакомец. – Меня зовут Бор Алурин.

И подал Селдону руку.

– Гэри, Бор – психолог, – сказал Пальвер, – и большой поклонник твоей работы.

– А что еще важнее, – вмешалась Ванда, – он – один из нас.

– Один из вас? – Селдон внимательно посмотрел на Ванду и Стеттина. – То есть…

– Да, дедушка. Вчера мы со Стеттином бродили по сектору Эрину, именно так, как ты советовал, искали себе подобных. И вдруг… баах! – и все произошло.

– Мы тут же почувствовали тип мозга, который искали, и стали оглядываться по сторонам, пытаясь найти этого человека, – принялся объяснять Пальвер. – Мы были в торговой зоне, неподалеку от космопорта, и вокруг было полным-полно покупателей и туристов, и торговцев из Внешних Миров. Казалось, дело совершенно безнадежное, но тут Ванда просто взяла и остановилась, подав сигнал: «Идите сюда». И из толпы вышел Бор. Он подошел к нам, как ни в чем не бывало и ответил: «Да!».

– Потрясающе! – восхитился Селдон, довольно глядя на внучку. – И доктор… вы, доктор,

мистер Алурин? Что вы обо всем этом думаете?

— Ну... Я очень рад, — осторожно проговорил психолог. — Знаете, я всю жизнь чувствовал, что не похож на других, но не догадывался чей. Теперь открылось, И потом, мне бы очень хотелось вам помочь... — сказал Алурин и вдруг покраснел и уставился в пол. — Простите за наглость, профессор, но я весьма счастлив, что Ванда и Стеттин сказали, что я мог бы участвовать в работе над Проектом. Профессор, большей радости для меня не было бы.

— Да-да. Все правильно, доктор Алурин. Я действительно считаю, что вы можете оказать нам неоценимую помощь, если присоединитесь к работе над Проектом. Но вам придется отказаться от вашей теперешней работы — преподавания или частной практики. Сумеете?

— Ну конечно, профессор! Мне только нужно уговорить жену... — смущенно проговорил Алурин, глядя на новых знакомых. — Но это я сумею.

— Что ж, решено, — коротко кивнул Селдон. — Вы будете работать над Психоисторическим Проектом. Обещаю вам, доктор Алурин, вы о таком решении не пожалеете.

— Ванда, Стеттин, — сказал Селдон, когда Алурин ушел. — Новость поистине великолепная. Настоящий прорыв. Как вы думаете, как скоро вам удастся разыскать других менталистов?

— Дедушка, на то, чтобы найти Бора, нам потребовался месяц. Мы не можем сказать точно, как часто у нас будут такие удачи. Правду говоря, все это болтание по Трентору здорово отвлекает нас от работы над Главным Радиантом и вообще надоело. Теперь, когда рядом со мной Стеттин, обычная речь звучит так громко, просто оглушительно.

Улыбка покинула лицо Селдона. Он этого боялся. Оттачивая свои ментальные способности, Ванда и Стеттин мало-помалу стали уходить от «обычной» жизни. Их манипуляции с менталикой сделали их еще более чужими для других.

— Ванда, Стеттин, думаю, пришла пора рассказать вам кое-что, чего вы до сих пор не знали. Эту идею высказал несколько лет назад Юго Амариль, и на ее основе я разработал План. До сих пор не представляю себе четко, что из этого выйдет, но сегодня все кусочки запутанной головоломки стали на свои места. Как вы знаете, Юго предложил основать две Академии, каждая из которых была бы подспорьем, страховкой для другой. Идея была блестящая. Как жаль, что Юго не дожил до того дня, когда она будет осуществлена.

Селдон замолчал и глубоко, печально вздохнул.

— Простите, я отвлекся... Шесть лет назад, когда я убедился, что Ванда обладает ментальными или телепатическими способностями, я решил, что Академий действительно должно быть две, но не просто две, а две совершенно разные Академии. В одной должны собраться представители физических наук — и первой группой станут энциклопедисты, которые высаживаются на Терминусе. Ядро второй Академии составят истинные психоисторики, менталисты — вы. Вот почему я так прошу вас как можно скорее разыскать подобных вам людей.

И наконец последнее: Вторая Академия должна стать тайной. Ее могущество будет сосредоточено в ее неизвестности, в ее телепатическом всевидении. Понимаете, несколько лет назад: когда я понял, что мне нужен телохранитель, я понял и другое: Вторая Академия должна стать сильным, молчаливым, тайным телохранителем Первой Академии.

Психоистория не застрахована от ошибок. Ее предсказания, однако, имеют высокую степень вероятности. У Первой Академии, на первых порах будут многочисленные враги, так же как у меня сейчас.

Ванда, ты и Стеттин — пионеры Второй Академии, хранители Академии на Терминусе.

— Но как же, дедушка? — изумленно спросила Ванда. — Нас всего двое... ну, пускай, трое, если считать Бора. Для того чтобы охранять целую Академию, нам нужно...

— Сотни? Тысячи? Внучка, ищите и найдите столько, сколько нужно. Вы это можете. Вы знаете как. Ведь только что, когда Стеттин рассказывал, как вы нашли Алурина, он сказал, что ты просто взяла и позвала. И Алурин пришел. Понимаете? До сих пор я просил вас бродить по Трентору и искать, таких людей. Но это для вас трудновато, даже болезненно. Теперь я понимаю, что тебе и Стеттину нужно уединение, ведь вы — ядро Второй Академии. Из этого уединения вы и забросите сети в океан человечества.

— Дедушка, что ты говоришь? — прошептала Ванда, вскочила со стула и опустилась на

колени рядом со стулом Селдона. – Ты хочешь, чтобы я уехала?

– Нет, Ванда, нет, я не хочу, чтобы ты уезжала, но это – единственный выход. Тебе и Стеттину нужно где-то скрыться, уйти от грубой реальности Трентора. Когда ваши ментальные способности возрастут, вы сумеете привлечь к себе других – и молчаливая и тайная Академия станет более многочисленной. Мы будем время от времени общаться, конечно. И у каждого из нас будет свой Главный Радиант. Ты же понимаешь, что это нужно, детка, просто необходимо, понимаешь, да?

– Да, дедушка, понимаю, – сказала Ванда. – А что гораздо важнее, я вижу, какая это блестящая идея. Можешь быть спокоен, мы тебя не подведем.

– Знаю, милая, – устало проговорил Селдон.

Но как он мог? Как он только мог – взять и отослать куда-то дорогого ему человека? Ведь Ванда была последним, что связывало Селдона со счастливым прошлым – с Дорс, Юго и Рейчем. Кроме нее, Селдонов в Галактике больше не было.

– Я буду очень скучать по тебе, Ванда, – сказал Селдон, и по его морщинистой щеке пробежала слеза.

– Но, дедушка, куда же мы должны отправиться? Где будет Вторая Академия? – спросила Ванда, встав рядом со Стеттином.

Селдон взглянул на внучку снизу вверх и усмехнулся:

– Это тебе должен был уже подсказать Главный Радиант.

Ванда растерянно смотрела на Селдона, пытаясь понять, о чем он говорит.

Селдон взял внучку за руку.

– Загляни ко мне в сознание, детка. Все там.

Ванда широко раскрыла глаза.

– Вижу... – прошептала она. Отрезок ЗЗА2Д17.

Конец Звезд.

Часть пятая

Эпилог

Я Гэри Селдон. Бывший премьер-министр Императора Клеона I. Почетный профессор психоистории в Стрилингском университете на Тренторе. Директор Психоисторического Проекта. Главный редактор «Галактической Энциклопедии». Создатель Академий. Знаю, звучит впечатляюще. Я многое сделал за свои восемьдесят один год и очень устал. Оглядываясь на прожитую жизнь, я порой задумываюсь, мог ли, должен ли я был что-то сделать иначе. Ну, например: не был ли я слишком увлечен гигантскими перспективами психоистории, и потому события и люди, проходившие через мою жизнь, казались мне незначительными и неинтересными?

Может быть, я упускал из виду какие-то мелочи, которые нисколько не повредили бы будущему человечеству, но от которых стала бы легче и лучше жизнь дорогих моему сердцу людей – Юго, Рейча... Я могу только гадать... мог я сделать что-нибудь, чтобы уберечь мою любимую Дорс?

Последний месяц я занимался подготовкой голограмм для Кризисов. Мой ассистент, Гааль Дорник, увез их на Терминус и проследит там за их размещением в Склепе Селдона. Он проследит также за тем, чтобы Склеп был запечатан, и оставит там соответствующие инструкции относительно вскрытия Склепа во времена грядущих Кризисов.

Но тогда меня уже, конечно, не будет.

Что же они подумают, будущие жители Академии, когда увидят меня (точнее, мое голографическое изображение) во время Первого Кризиса, почти через пятьдесят лет? Что они скажут? Какой я старый, какой тихий у меня голос, какой я беспомощный в этом инвалидном кресле? Поймут ли они, оценят ли по достоинству то послание, что я оставил для них? О нет, не стоит гадать. Древние сказали бы: «После смерти – только смерть».

Вчера я получил весточку от Гааля. На Терминусе все идет хорошо. Бор Алурин и сотрудники Проекта наслаждаются пребыванием «в ссылке». Не стоит, конечно, смеяться, но я

не в силах удержаться от улыбки, когда вспоминаю довольную физиономию этого тупицы Лень Чена, который был уверен, что загнал Проект на Терминус два года назад. Хотя в конце концов ссылка была квалифицирована в рамках Имперской хартии как «Поддерживаемое государством научное учреждение и часть личной собственности Его Августейшего Величества Императора» – Главный Комитетчик мечтал вышвырнуть нас с Трентора, с глаз долой, но не мог упустить последнего шанса удержать нас в своих руках. Все равно мне приятно вспоминать, что это Лас Зенов и я выбрали Терминус, как пристанище для Первой Академии.

Единственное, о чем я сожалею, когда вспоминаю Линь Чена, это о том, что мы не сумели спасти Агиса. Император был хорошим человеком и благородным правителем, даже несмотря на то, что только назывался Императором. Его величайшей ошибкой было то, что он верил в незыблемость своего титула, в то, что Комитет Общественной Безопасности не посягнет на этот титул.

Я часто думаю, что же они сделали с Агисом? Выслали в какой-нибудь отдаленный мир или убили, как Клеона?

Ребеноқ, который сегодня восседает на троне, – лучший пример марионеточного Императора. Он повинуется каждому слову, которое только Чен прошепчет ему на ухо, и представляет себя выдающимся государственным деятелем. Дворец, перипетии имперской жизни – для него это все только игрушки в фантастической игре.

Что мне осталось теперь? Гааль улетел на Терминус, и я остался совсем один. Иногда мне звонит Ванда. Работа в Конце Звезд идет успешно. За последние десять лет к Ванде и Стеттину прибавилось несколько десятков менталистов. Сила их растет день ото дня. Именно те, кто собрался в Конце Звезд – моей тайной Академии, – заставили Линь Чена отправить энциклопедистов на Терминус.

Я скучаю по Ванде. Много лет я не видел ее, не сидел с ней рядом, не держал ее за руку. Когда Ванда покинула меня, хотя я сам просил ее об этом, я думал, я не проживу и дня. Наверное, это было самое тяжелое решение в моей жизни. Я ей не сказал ни слова, но чуть было не отказался от этого решения. А для того чтобы Вторая Академия добилась успеха, Ванде и Стеттину было необходимо оказаться там, в Конце Звезд. Так подсказала психоистория – вот и выходит, что это вовсе не мое личное решение.

Я все еще каждый день прихожу сюда, в мой кабинет в здании Психоисторического Проекта. Я помню времена, когда здесь было полно народу и днем и ночью. Порой мне кажется, что я слышу их голоса – моих родных, студентов, сотрудников, но кабинеты пусты и безмолвны. Только эхо скрипа колес моего инвалидного кресла раздается в пустых коридорах.

Наверное, нужно вернуть здание университету. Но мне трудно расстаться с этим местом. Тут так много воспоминаний.

Теперь у меня остался только мой Главный Радиант. Это прибор, с помощью которого осуществляется компьютерная обработка психометрических выкладок, с помощью которого можно проанализировать любое уравнение моего Плана – все это здесь, в этом удивительном черном кубике. И когда я сижу здесь и держу в руках этот такой маленький и невзрачный с виду прибор, мне бы так хотелось показать его Р. Дэниелу Оливо...

Но я один, и мне нужно только нажать кнопку, и в кабинете станет темно. Тогда я откидываюсь на спинку кресла, Главный Радиант оживает, и вокруг меня начинают плясать свой восхитительный танец уравнения. Для непосвященного – это просто вихрь значков и цифр, но для меня, Ванды, Гаала – это живая психоистория.

Передо мной, вокруг меня – будущее человечества. Тридцать тысячелетий хаоса, сжатые в одно тысячелетие...

А вот это пятнышко, что горит все ярче день ото дня, – это уравнение Терминуса. А вот здесь... тут ничего нельзя поделать... это уравнение Трентора. Но вот и он... да, это он, тихо, но верно горящий огонек надежды... Конец Звезд!

Вот она, вот она – работа всей моей жизни! Мое прошлое... и будущее человечества. Академии. Такие замечательные, такие живые. И ничто не сможет...

Дорс!

Селдон Гэри – ... Найден мертвым в своем кабинете в Стрилингском

университете в 12069 г. Г. Э. (1-й год А. З.). Очевидно, Селдон до последнего мгновения работал над психоисторическими уравнениями – а руке он сжимал Главный Радиант.

По завещанию Селдона этот прибор был передан его сотруднику Гаалю Дорнику, который недавно эмигрировал на Терминус...

Прах Селдона был развеян в космосе, также в соответствии с его завещанием. Панихида на Тренторе была скромной, хотя на ней присутствовало довольно много людей. Стоит отметить, что здесь находился и бывший друг Гэри Селдона, бывший премьер-министр Эдо Демерзель. На Тренторе его не видели со времени таинственного исчезновения сразу же после его отставки. Попытки Комитета Общественной Безопасности найти Демерзеля в дни после панихиды оказались безуспешными...

Ванда Селдон, внучка Гэри Селдона, на траурной церемонии не присутствовала, Поговаривали, что она настолько сильно переживает смерть деда, что не хочет никому показываться на глаза. До сих пор неизвестно, где она находилась в то время и потом.

Говорят, что Гэри Селдон ушел из жизни так же, как жил, – он умер посреди будущего, окружавшего его со всех сторон.

Галактическая энциклопедия

Айзек Азимов Академия

Часть первая Психоисторики

1

Гэри Селдон – ... (11938 – 12069 Галактической Эры).⁵

Родился в семье среднего достатка на Геликоне, в секторе Арктура, где его отец, как гласит весьма сомнительная легенда, занимался выращиванием табака в гидропонной теплице. Паранормальные математические способности Селдона проявились в раннем возрасте. Утверждают, что в двухлетнем возрасте...

Несомненно, наибольший вклад Селдон внес в психоисторию. Приступив к ее изучению, он не нашел в этой науке ничего, кроме расплывчатых аксиом. Потомкам же он оставил статистическую науку...

Самым достоверным и подробным описанием его жизни является биография, составленная Гаалем Дорником, который встретился с Селдоном за два года до смерти великого математика. История их знакомства...

Галактическая энциклопедия⁶

Гааль Дорник, родом из провинции, ни разу в жизни не бывал на Тренторе, видел его только в гипервизионных фильмах и передачах. Пару раз ему посчастливилось посмотреть грандиозные трансляции с коронации нового Императора и с открытий заседаний Галактического Совета. Но и прожив всю жизнь на Синнаксе, маленькой планетке, обращавшейся вокруг звезды на окраине Голубого Потока, он не был нецивилизованным изгоям. В те времена оторванных от цивилизации мест уже не существовало.

---

⁵ Даже даты приводятся в основном в современном летосчислении. Первым годом новой Академической Эры считается 79-й.

⁶ Все Цитаты из Галактической Энциклопедии взяты из 116-го Издания, опубликованное в 1020 году Издательством Галактической Энциклопедии на Терминусе, с разрешения Издательства.

В Галактике насчитывалось около двадцати пяти миллионов обитаемых миров, и все они входили в состав Империи, столицей которой был Трентор.

Для Гаала теперешнее путешествие менее всего означало конец юности и учебы. Прежде он бывал в космосе только на экскурсиях и раз посетил единственный спутник Синнакса с целью сбора данных о метеорном потоке, необходимых ему в работе над диссертацией. Месяц назад он получил степень доктора математики, а через две недели – приглашение от великого Гэри Селдона прибыть на Трентор для участия в разработке проекта.

Итак, в свое первое настоящее космическое путешествие он улетал на многие миллионы миль и световых лет от дома...

Гааль настраивался на прыжок через гиперпространство совсем недолго, хотя в обычных межпланетных перелетах эти ощущения нельзя испытать. Путешествие в обычном пространстве могло проходить со скоростью, не превышающей скорости света, – что известно науке еще из забытой эпохи истории человечества – поэтому на путешествия даже между ближайшими обитаемыми системами уходили бы годы. А в гиперпространстве, этой не поддающейся воображению области, не являющейся ни пространством, ни временем, ни веществом, ни энергией, ни вакуумом, можно было пересечь всю Галактику за мгновенный промежуток времени.

Гааль в прыжке кроме пустякового толчка ничего не ощутил. И даже подумал, уж не показался ли тот ему. Гааль, почувствовав разочарование, с нетерпением ждал, какое впечатление на него произведет сам Трентор. Он отправился в зал видового обзора. Стальные шторы открывались в определенное время, и он не пропускал ни одного сеанса. Восхищенный Гааль смотрел на великолепное зрелище звездного неба, напоминавшее ему стайки светлячков, внезапно остановленные неведомой силой в полете и застывшие навсегда. В один из сеансов обзора видимой стала холодная, голубовато-белая газовая туманность, находившаяся на расстоянии пяти световых лет от корабля. Расплываясь по небу как пролитое молоко, она через два часа, после следующего прыжка, исчезла из виду.

Трентор обращался вокруг солнца, и оно, возникнув в иллюминаторах обзора, представляло собой всего лишь белую точку, одну из миллионов подобных ей. Если бы не указания маршрутной карты, ее невозможно было бы выделить и отличить. С каждым очередным прыжком солнце Трентора сияло все ярче, а остальные звезды блекли в сравнении с ним.

Мимо прошел офицер, бросив на ходу:

– Зал обзора закрывается. Приготовьтесь к посадке. Гааль догнал его и схватил за рукав белой формы, на котором красовалась эмблема Империи – «Звездолет и Солнце».

– Простите, а никак нельзя побывать здесь? Мне бы так хотелось увидеть Трентор!

Офицер улыбнулся, и Гааль покраснел от стыда за свой провинциальный акцент.

– Утром будем на Тренторе, – улыбнулся офицер.

– Я понимаю... Мне хотелось посмотреть отсюда.

– Простите, юноша. К сожалению, у нас – не космическая яхта. Мы подлетаем с солнечной стороны. Не хотите же вы ослепнуть, получить ожоги и заодно облучиться?

И Гааль, вздохнув, зашагал к своей каюте.

Офицер крикнул ему вслед:

– Да не огорчайтесь вы так! Трентор выглядит всего-навсего этаким серым шаром. Когда прилетите, можете взять билет для осмотра с орбиты. Это и недорого совсем.

Гааль обернулся:

– Большое спасибо!

Конечно, обижен он был, как ребенок. В горле стоял ком горечи и досады. Ожидание становилось невыносимым ...

Корабль опускался на Трентор. Шумы сменяли друг друга. Послышался отдаленный свист – это звездолет рассекал атмосферу. Урчали кондиционеры, борясь с нагревом обшивки, гудели трудившиеся в режиме торможения двигатели. Галдели пассажиры, собираясь в зале высадки,

жужжали лифты, поднимавшие почту, багаж и прочие грузы.

Легкий толчок означал, что свободное движение закончилось и теперь на звездолет действовала только сила притяжения планеты. Тысячи пассажиров, устроившихся в уютных креслах дебаркационных залов, ожидали посадки.

...Багажа у Гаала было немного, а таможенная процедура оказалась на удивление короткой. Инспектор пробежал глазами визу и поставил печать. А Гааль – смотрел по сторонам.

Трентор!

Воздух показался здесь более плотным. Немного сильнее, чем на Синнаксе, было притяжение, но и к этому можно привыкнуть.

Здание космопорта было громадным. Даже задрав голову, Гааль не разглядел потолка. Не видел и ближайшей стены. Видимую часть помещения занимали столы, за которыми сидели таможенники, а дальше все скрывалось в туманной дымке.

Инспектор обратился к Гаалю – видимо, уже не в первый раз:

– Все в порядке, идите.

– Куда? – растерянно пробормотал Гааль, оглядываясь по сторонам.

– К такси. Направо, потом третий поворот – налево.

Гааль двинулся в указанном направлении и вскоре заметил в воздухе над собой указатель – буквы светились в пустоте: «ТАКСИ ПО ВСЕМ НАПРАВЛЕНИЯМ».

Только Гааль отошел от стола, как на его место тут же встал другой человек. Таможенник коротко кивнул ему. Человек кивнул в ответ и последовал за Дорником.

Гааль уперся прямо в ограждение.

Маленькая вывеска гласила: «Диспетчер».

Тот, к кому это относилось, буркнулся, не взглянув на Гааля:

– Чем могу?

Денег у Гаала было в обрез, но скоротать ночь где-то надо, и он, как можно более небрежно, бросил:

– В приличную гостиницу.

– У нас все гостиницы приличные, – невозмутимо отозвался диспетчер.

– В ближайшую, – обреченно выдохнул Гааль.

Диспетчер нажал клавишу на пульте. На полу возникла тонкая полоска света, пересекавшаяся с другими, различных цветов и оттенков. Диспетчер подал Гаалю пластинку-билет, слегка светящуюся и того же цвета, что и линия на полу.

– Один двенадцать, – сказал диспетчер.

Гааль отсчитал монеты.

– А теперь куда?

– Идите по линии. Пластина светится, пока вы следите в верном направлении.

Гааль пошел вперед, туда, куда вела его светящаяся полоска. Рядом с ним двигались сотни людей. Временами кто-то сворачивал направо или налево.

Неожиданно световая ниточка оборвалась, и перед Гаалем вырос носильщик в новенькой желто-голубой униформе из пластотекстиля. Он подхватил чемоданы Гаала.

– Прямая линия на «Люксор», сэр.

Шедший следом человек, услышав эти слова и ответ Гаала: «Хорошо», – проследил, как тот садился в тупоносое такси...

Такси мягко набирало высоту. Гааль смотрел в овальное окно. Было от чего недоумевать – довольно приличный подъем, а они все еще летели внутри здания. Секунда – и люди внизу стали похожи на спешащих куда-то муравьев. Еще секунда – и они пропали из виду.

Впереди возникла бесконечная стена, множество отверстий в ней представляли собой входы в тунNELи. Такси с Гаалем подлетело к одному из них и втянулось внутрь. Гааль так и не сообразил, как это водителю удалось выбрать именно тот, который был им нужен. В один миг их окружила непроницаемая чернота – только сигнальные огни мигали, разрывая темноту, да шум двигателя нарушал тишину.

Гаала по инерции наклонило вперед – такси выскочило из туннеля и опустилось на тот уровень, с которого они начали полет.

– Отель «Люксор», – безразлично сообщил водитель.

Он помог Гаалю вынести багаж, деловито взял купюру, подобрал ожидавшего такси пассажира и исчез в высоте.

...Все это время, с момента приземления звездолета, Гааль ни разу не видел неба.

3

Трентор – ... В начале тринацатого тысячелетия этот вариант развития исчерпал себя. Будучи резиденцией правительства Империи на протяжении жизни сотен поколений, расположенная в центре Галактики, среди наиболее густонаселенных и индустриально развитых миров, сама планета Трентор была перенаселена до крайности.

Урбанизация планеты достигла предельной точки. Вся поверхность суши Трентора – 75 млн. кв. миль – представляла собой один город. Число его жителей выросло до 40 миллиардов. И эта огромная масса людей была занята административной деятельностью на благо Империи, при том, что для выполнения всех необходимых работ служащих еще и не хватало. (Здесь нелишне упомянуть, что – под отнюдь не самым бдительным руководством последних Императоров – неспособность наладить четкий административный контроль в Галактической Империи стала одним из факторов ее распада.) Каждый день огромные флотилии звездолетов доставляли на Трентор продукты из двадцати сельскохозяйственных миров...

...Полная зависимость во всех жизненных потребностях от других миров – ахиллесова пята Трентора – сделала его чрезвычайно уязвимым. В течение последнего тысячелетия существования Империи один Император за другим сталкивались с непрекращающимися мятежами. Имперская политика сосредоточилась на защите от экономической блокады...

Галактическая энциклопедия

Гааль не знал – какова была скорость вращения Трентора, светило ли солнце. Он так и не смог понять, день сейчас или ночь. А спросить стеснялся. Его только что кормили завтраком, но на многих планетах живут по стандартной схеме, не обращая внимания на такие неудобные понятия, как утро, день, ночь и вечер.

Он было обрадовался, увидев табличку «Солнечная комната», но оказалось, что за дверью – всего-навсего кабинка, где можно позагорать под кварцевой лампой. Через пару минут он спустился в фойе.

– Где можно купить билет на обзорную экскурсию? – спросил Гааль у администратора.

– У меня, если желаете.

– А скоро начало?

– Только что отправили. Следующая – завтра. Можете купить билет прямо сейчас.

– Вот как...

Завтра... Завтра – поздно. Завтра надо быть в Университете.

– Простите, а нет ли здесь чего-нибудь вроде смотровой площадки? Я имею в виду – на открытом воздухе?

– Разумеется! Можете приобрести билет. Я только взгляну, не идет ли дождь.

Администратор нажал кнопку на рукаве, возле локтя. Загорелся маленький экранчик, побежали буквы. Гааль прочел их одновременно с администратором.

Тот отвел взгляд от экранчика и сказал:

– Погода хорошая. Если не ошибаюсь, сезон дождей кончился. – И доверительно добавил:

– Я-то сам редко попадаю наружу. Последний раз выбирался года три назад, и что-то больше не тянет. Лифт у вас за спиной. Там табличка: «На Башню».

Гааль направился в кабину лифта незнакомой для него конструкции, туда зашло еще несколько человек, и лифтер нажал кнопку. Указатель тяжести показывал «ноль». Гааль ощутил, что тонет в пространстве. Через секунду вес вернулся к нему, но все равно показался

меньше обычного. Опять невесомость – и ноги Гаала оторвались от пола. Он судорожно задергался, пытаясь уцепиться за стенку лифта.

– Вы что, неграмотный? – прикрикнул на него лифтер. – Написано же! На полу скобы для ног – закрепитесь!

Гааль огляделся и увидел, что остальные пассажиры преспокойно стоят на полу. Не скрывая улыбок, они смотрели, как Гааль перебирал руками по стене, пытаясь опуститься на пол. Стыд-то какой! А ведь как вошел – видел никелированные скобы на полу, не обратил внимания.

Наконец какой-то мужчина подал ему руку и потянул вниз. Пока Гааль бормотал слова благодарности, лифт остановился на открытой террасе, залитой лучами солнца. Мужчина, который только что помог ему, не отставал.

– Тут можно присесть, – мягко сказал он.

Гааль благодарно кивнул незнакомцу и направился вслед за ним к креслам, но остановился на полпути.

– Мне бы хотелось немного постоять у парапета, если не возражаете.

Незнакомец дружески помахал рукой. Гааль подошел к высокому, по плечо, парапету. Сверху открывалась величественная панорама Трентора.

Землю закрывали хитросплетения построек. Горизонт, насколько доставал глаз, занимали металлические конструкции. Все видимое пространство было одинаково ровного серого цвета. Только несколько прогулочных яхт крутилось в небе. Весь многочисленный транспорт трудился внизу, под металлической корой планеты.

Ни один цвет не оживлял однообразно-серого пейзажа. Ни зелени, ни почвы. Гааль знал, что где-то на Тренторе расположен императорский дворец, занимавший сто квадратных миль, утопавший в цветах и зелени, – маленький островок в стальном океане. Но отсюда его не было видно.

Необходимо как можно скорее отправиться на обзорную экскурсию!

Он впервые по-настоящему ощущил себя на Тренторе, в столице Галактики, в центре человеческой цивилизации. Оттуда, где он стоял, не все было видно... Он не видел звездолетов, приземлявшихся с продовольственными грузами, не знал о существовании тонкой пуповины, связывающей Трентор со всей Галактикой... Он ощущал только могущество человечества, полное и бесповоротное завоевание мира.

Гааль отошел от барьера слегка ослепленным. Попутчик из лифта помахал ему рукой; Гааль подошел и сел рядом с ним.

Незнакомец улыбнулся:

– Меня зовут Джеррил. Вы впервые на Тренторе?

– Да, мистер Джеррил.

– Ну вот, я так и думал. Только Джеррил – это имя, а не фамилия. Да... Трентор захватывающее действует на молодых людей с поэтическим воображением. А сами тренторианцы, между прочим, не очень любят сюда подниматься. Им это на нервы действует, знаете ли.

– На нервы? О, простите, я не представился. Меня зовут Гааль. А... почему им это действует на нервы? Такое величественное зрелище!

– Ваше мнение в данном случае субъективно, Гааль. Если бы вы родились в кубике, выросли в туннеле, потом всю жизнь работали в клетке и проводили отпуск в кабинке «Солнечной комнаты», а потом неожиданно оказались бы на открытом воздухе, думаю, вы бы получили нервный шок. Поэтому детей с пяти лет водят сюда раз в год. Не знаю, на пользу ли им это. Они не хотят отсюда уходить, просто истерики закатывают! Думаю, следовало бы начинать их водить сюда гораздо раньше – как только отнимают от груди. И не раз в год, а каждую неделю. Но на самом деле, и это неважно. Что стряслось бы, если бы они вообще не поднимались наверх? Они счастливы там, внизу, эти люди. Они трудятся на благо Империи. Да, кстати, как вы думаете, на какой высоте мы находимся?

– Полмили? – предположил Гааль и тут же понял, как беспомощно и наивно это прозвучало.

Джеррил улыбнулся:

– Нет. Всего пятьсот футов.

– Как же так? Но только на лифте мы поднимались...

– Да-да, все правильно. Только дело в том, что большую часть времени мы поднимались на уровень первого этажа. Трентор – айсберг. Его подземная часть прорыта на милю вглубь. То есть, девять десятых города скрыто от глаз. Он под дно бывшего океана уходит на несколько миль в глубину. Мы углубились настолько, что можем использовать разницу температур на глубине и на поверхности для снабжения планеты энергией. А вы не знали?

– Нет. Я думал, вы пользуетесь атомными генераторами.

– Когда-то пользовались. Но так дешевле.

– Можно представить!

– Ну и что вы думаете обо всем этом?

Взгляд Джеррила изучающе скользил по лицу Гаала.

– Потрясающе, – ничего не замечая, воскликнул Гааль.

– Если не секрет – что вас сюда привело? Отпуск? Путешествуете, осматриваете достопримечательности?

– Не совсем. То есть, мне всегда хотелось побывать па Тренторе. Но приехал я по работе.

– Вот как?

Гааль понял, что придется объяснить подробнее.

– Я получил приглашение принять участие в проекте Селдона в Тренторском Университете.

– Ага... Пряником, значит, к Ворону Селдону в гнездо?

– Простите, не понял?

– Я про него говорю, про Гэри Селдона. Просто у нас его так называют. Он предсказывает всякие неприятности, вот его Вороном и прозвали.

– Правда? – неподдельно удивился Гааль.

– Я вам серьезно говорю.

Джеррил, и правда, не улыбался.

– А вы что, работать у него собираетесь?

– Ну да. Я – математик. А... почему он предсказывает неприятности? Какие именно?

– А вы как думаете?

– Понятия не имею. Я знаком с работами доктора Селдона и его группы. Это же теоретическая математика.

– Ну естественно. Опубликованные, – многозначительно подчеркнул незнакомец.

Гааль почувствовал себя неловко.

– Простите, я, пожалуй, спущусь в номер. Очень рад был познакомиться.

Дорник встал и поклонился. Джеррил небрежно помахал рукой.

...В номере Гаала ждал пожилой мужчина. Дорник от неожиданности онемел, потом проговорил сдавленным шепотом:

– Что вы тут делаете?

Мужчина тяжело поднялся из кресла и шагнул навстречу Гаалю, слегка прихрамывая. Глаза у него были живые, веселые, ярко-голубые.

– Я – Гэри Селдон, – сказал он, и Гааль, опомнившись от неожиданности, узнал лицо, которое столько раз видел на журнальных фотографиях.

4

Психодистория – ...Гааль Дорник, пользуясь нематематическими терминами, определил психоисторию как раздел математики, изучающий реакции человеческих сообществ на определенные социальные и экономические стимулы...

...Основное во всех этих определениях – безоговорочное принятие того, что человеческое сообщество велико для того, чтобы статистическая обработка данных давала достоверные результаты. Необходимая численность сообщества может быть определена с помощью Первой Теоремы Селдона, которая гласит...

...Следующее необходимое допущение заключается в том, что само человеческое

сообщество не должно догадываться о том, что подвергается психоисторическому анализу, – только тогда реакция будет носить естественный характер.

...Основой психоисторического анализа служат функции Селдона, представляющие свойства, конгруэнтные по отношению к таким социальным и экономическим силам, как...

Галактическая энциклопедия

– Добрый день, сэр, – запинаясь, проговорил Гааль. – Я...

– Вы думали, что мы встретимся не раньше чем завтра? В общем, да... Но дело в том, что мы очень торопимся. А добровольцев находить все труднее.

– Сэр, я не понимаю...

– Вы разговаривали с человеком на Башне, не так ли?

– Да... Его имя – Джеррил. Больше я о нем ничего не знаю.

– Его имя абсолютно ни при чем. Он – агент Комитета Общественного Спасения. За вами шел от самого космопорта.

– Но почему? Ничего не понимаю!

– Он говорил что-нибудь обо мне?

Гааль смущился:

– Он называл вас... Вороном.

– А почему – объяснил?

– Он сказал, что вы предсказываете... м-м-м... неприятности.

– Хм... Ну ладно, скажите, какое впечатление на вас произвел Трентор?

Надо же – всем интересно, что он думает про Трентор!

Гааль не нашел другого слова и выпалил:

– Восхитительно!

– Ну, это первое впечатление... Ваше мнение с психоисторической точки зрения?

– Я никогда не думал о ее конкретном приложении!

– Поработаете у меня, молодой человек, и научитесь применять методы психоистории ко всему подряд. Посмотрите-ка.

(Тут он вынул из кармана маленький калькулятор.)

Поговаривали, что Селдон держит его под подушкой и достает как только просыпается. От частого пользования блестящая панель калькулятора потускнела. Пальцы Селдона, усеянные старческими пятнышками, проворно забегали по клавишам. На сером экране загорелись красные цифры. Он пояснил:

– Вот что представляет собой сегодняшнее состояние Трентора.

Селдон ждал. Наконец Гааль произнес:

– Это, конечно, не полная картина?

– Да, не полная, – согласился Селдон. – Я рад, что вы не принимаете моих утверждений на веру. Однако в первом приближении их можно использовать для прогноза. Согласны?

– Если потом я смогу верифицировать деривацию функции – согласен.

– Отлично. Добавим к этому известную возможность распада Империи, мятежа вице-королей, учащения периодов экономической депрессии, снижение объема планетарных исследований и...

Он продолжал перечисление. Как только он называл очередной фактор, на экране загорались новые цифры и значение функции все время менялось.

Гааль остановил Селдона только один раз:

– Я не понимаю значения этого преобразования. Селдон повторил расчеты еще раз, более медленно.

– Но вы производите запрещенную социооперацию!

– Вы очень сообразительны, – улыбнулся Селдон. – Но в этом смысле такая операция не запрещена. А сейчас я ее проведу методом расширения.

На этот раз вычисления потребовали больше времени. В конце концов Гааль проговорил:

– Да. Теперь я понял.

Селдон оторвался от калькулятора и устало сказал:

– Вот что будет представлять собой Трентор через пять тысячелетий. Как бы вы это определили?

Он лукаво склонил голову набок и ждал ответа. Гааль смотрел на цифры, не веря глазам.

– Полный упадок? Но... но это невозможно! Трентор никогда...

Селдон был явно доволен.

– Ну-ну, продолжайте. Вы же видели, как получился этот результат. Забудьте на минуточку о цифрах, скажите просто.

Гааль проговорил медленно, подбирая слова:

– Получается так, что чем больше у Трентора административной власти, тем он уязвимее и тем более желанной добычей становится. Поскольку с годами наследственные права на имперский престол станут все более сомнительными, возникнут распри в борьбе за него среди аристократических семейств. Социальная активность пойдет на убыль...

– Достаточно. Теперь по поводу вероятности распада Империи через пятьсот лет в цифровом выражении.

– Я затрудняюсь...

– Ну продифференцируйте в уме. Сумеете?

Гааль был обескуражен. Калькулятор – вот он, под рукой, зачем же в уме! Лоб его покрылся испариной...

– Что-то около восьмидесяти пяти процентов? – наконец выдавил он.

– Неплохо, – улыбнулся Селдон. – Но и не хорошо. Истинная цифра составляет девяносто два и пять десятых процента.

– Поэтому вас и зовут Вороном? – осторожно поинтересовался Гааль. – Ничего подобного в научных журналах мне не попадалось!

– Ну естественно. Это неопубликованные материалы. Неужели вы думаете, что Империя согласится таким образом расписаться в собственной обреченности? Но некоторые наши выводы все-таки просочились в аристократические круги.

– Это плохо.

– Почему же? У нас все учтено.

– И поэтому за мной следят?

– Да. Следят за всем, что касается моего проекта.

– Вы в опасности, сэр?

– О да. Вероятность моей казни составляет 1,7%, но разработке проекта это не помешает.

Мы учли и это. Не надо волноваться. Надеюсь, вы навестите меня завтра в Университете?

– Конечно, – твердо ответил Гааль.

5

Комитет Общественного Спасения – Кучка аристократов, пришедшая к власти после свержения Клеона I, последнего из династии Энтунов. В целом, им удалось навести некоторый порядок после нескольких веков нестабильности и смятения. Возглавляемый представителями таких влиятельных семейств, как Чены и Диварты, Комитет постепенно превратился в слепое орудие...

...Их власть в Империи сохранялась до воцарения последнего сильного Императора – Клеона П. Первый Председатель Комитета...

...В какой-то степени началом падения влияния Комитета можно считать процесс Гэри Селдона, состоявшийся за два года до начала А. Э. Этот процесс подробно описан в биографии Гэри Селдона, составленной Гаалем Дорником...

Галактическая энциклопедия

Гааль не успел выполнить своего обещания. Наутро его разбудил настойчивый телефонный звонок. Он снял трубку и услышал вежливый голос дежурного администратора, который сообщил ему, что согласно приказу Комитета Общественного Спасения он арестован.

Гааль вскочил с кровати, бросился к двери – заперта. Оставалось только одеться и ждать.

Дальше все было как в тумане. За ним пришли и куда-то отвели. Вежливо задавали вопросы. Он отвечал, что прибыл из провинции, с Синнакса, окончил такие-то учебные

заведения, тогда-то получил степень Доктора Математики, подал прошение о зачислении в штат сотрудников доктора Селдона и получил согласие. А спрашивавшие все уточняли, почему именно он решил принять участие в работе над проектом Селдона. Как он впервые об этом узнал, каковы должны быть его обязанности, какие секретные инструкции он получал, что вообще он знает о проекте?

Он отвечал, что не знает ничего, что никаких секретных инструкций не получал, что он учёный, математик и его не интересует политика.

В конце концов цивилизованный инквизитор задал ему вопрос:

- Когда начнется упадок Трентора?
- Лично я об этом ничего не знаю... – замялся Гааль.
- Может быть, кто-нибудь говорил вам об этом?
- Как я могу говорить за кого-то?

Инквизитор настаивал:

– Кто-нибудь говорил вам об упадке Трентора? Кто-нибудь сообщал вам о том, когда это произойдет?

Замешательство Гаала было настолько очевидным, что инквизитор пришел ему на помощь:

– За вами следили, доктор. Наши люди были в космопорту, когда вы прибыли, с вами говорили на Башне, и, конечно же, ваш разговор с доктором Селдоном прослушивался.

Гааль пожал плечами.

- Значит, вам известна его точка зрения.
- Возможно. Но мне хотелось услышать и от вас.
- Он считает, что упадок Трентора наступит через пятьсот лет.
- Он математически доказывает это?
- Да, доказывает, – с вызовом ответил Гааль.
- И вы считаете, что это можно доказать математическими методами?
- Можно – если это делает доктор Селдон.
- Ну что ж, тогда начнем сначала...

– Постойте, – взмолился Гааль. – Я имею право пригласить адвоката. Как гражданин Империи...

– У вас будет такая возможность.

...И возможность была предоставлена.

В комнату вошел высокий худой мужчина. Его лицо, казалось, нарисовано вертикальными линиями. Такое узкое, что непонятно, поместится ли на нем улыбка...

Гааль поднял на вошедшего измученные глаза. Встать он был просто не в силах. Столько всего сразу – а ведь он находился на Тренторе не более тридцати часов...

Мужчина представился:

– Меня зовут Лорс Аваким. Доктор Селдон прислал меня для защиты ваших интересов.
– Так помогите же мне! Я должен немедленно отправить жалобу Императору. Я задержан без всяких на то оснований. Я ни в чем не виноват. Ни в чем!

Аваким тем временем пристраивал на столе небольшой магнитофон. Закончив приготовления, он взглянул на Гаала.

– За нашей встречей, безусловно, наблюдают с помощью лучей-шпионов. Это противозаконно, но они ни перед чем не остановятся.

Гааль обреченно вздохнул.

Аваким устроился в кресле поудобнее.

– Ну а мы попробуем их перехитрить. Дело в том, что этот магнитофон – с виду самый обычный – полностью экранирован от лучей-шпионов. По крайней мере, они не сразу это обнаружат.

– Значит, я могу говорить?

– Ну конечно.

– Я хочу, чтобы меня выслушал Император! – с удвоенным пылом воскликнул Гааль.

Аваким холодно улыбнулся. Оказалось, что улыбка все-таки умещается на его

вертикальной физиономии.

– Вы – из провинции.

– Ну и что? У меня те же права, что у любого гражданина Империи! Как у вас, как у членов Комитета Общественного Спасения!

– Конечно, конечно. Я не к тому. Но вы – провинциал и недостаточно четко представляете себе нынешнюю обстановку на Тренторе. Император не дает аудиенций.

– А кому же тогда я могу пожаловаться на действия этого Комитета? Какова процедура апелляции?

– Нет никакой процедуры. Практически – никакой. Теоретически, вы можете обратиться к Императору, но аудиенции не получите. Нынешний Император, если вы знаете, не из династии Энтунов. Трентор сейчас находится в руках аристократических семейств, представители которых составляют Комитет Общественного Спасения. Этот этап в развитии Империи давно предсказан методами психоистории.

– Правда? – удивился Гааль. – Ну, если доктор Селдон может предсказать судьбу Трентора на пятьсот лет вперед...

– Он может предсказать и на пятнадцать тысяч лет вперед.

– Хорошо! – Гааль вскочили заходил по комнате, размахивая руками. – Пусть хоть на двадцать тысяч! Почему же тогда он не мог предвидеть вчера, что произойдет наутро, не предупредил меня? Ах нет, простите, что я говорю...

Он сел, обхватив голову руками.

– Я понимаю, что психоистория – статистическая наука, что с ее помощью нельзя предвидеть будущее отдельного человека. Но поймите, я в ужасе...

– Вы не правы, Гааль. Доктор Селдон отлично знал, что утром вас арестуют.

– То есть – как?

– Не огорчайтесь, но это так. Комитет в последнее время просто наступал нам на пятки. За всеми новыми сотрудниками устанавливала слежка. И наши графические модели показали, что для успеха дела было бы лучше, если бы кризис наступил именно сейчас. Чтобы ускорить события и спровоцировать Комитет на активные действия, доктор Селдон и посетил вас вчера.

Гааль тяжело дышал.

– Я возмущен! Я протестую!

– Прошу вас, успокойтесь. Это было необходимо. Никаких личных мотивов здесь нет. Вы должны понять, что планы доктора Селдона, опирающиеся на фундаментальные математические исследования, учитывают разнообразные случайности с высокой степенью достоверности. Сейчас – именно такая случайность. Я послан к вам с единственной целью – убедить вас, что бояться вам нечего. Все окончится благополучно, в том числе и с проектом.

– Ну и как это выглядит в вашем любимом процентном отношении? – с горьким сарказмом поинтересовался Гааль.

– Что касается проекта – 99,5%.

– А что касается меня?

– Мне сказано, что ваши шансы на благоприятный исход дела составляют 77,2%.

– Так. Значит – один против пяти в том смысле, что меня казнят или посадят в тюрьму?

– Вероятность казни – не более 1%.

– Что вы говорите?.. Только не надо меня утешать. Я отлично понимаю, что все расчеты вероятности в отношении отдельного человека всегда приблизительны! А... вы не могли бы передать доктору Селдону, чтобы он навестил меня?

– Увы, – грустно развел руками Аваким, – это невозможно. Доктор Селдон сам под арестом.

Гааль не успел закрыть рот, как дверь распахнулась, вошел охранник, подошел к столу, взял магнитофон, повертел его в руках и сунул в карман.

Аваким вяло запротестовал:

– Но... он мне еще потребуется!

– Вам будет передан другой, точно такой же, уважаемый адвокат. Только без защитного поля, – холодно заметил охранник.

– В таком случае – моя беседа с подследственным закончена.

Гааль проводил Авакима полным отчаяния взглядом. Дверь закрылась. Он остался один.

6

Процесс (по крайней мере, Гааль думал, что идет процесс, хотя происходившее мало походило на то, как он представлял себе судебное разбирательство) шел всего третий день, но Гааль уже с трудом мог вспомнить в подробностях его начало.

Лично его не слишком беспокоили вопросами. Вся тяжелая артиллерия была направлена на Селдона, который, однако, сохранял олимпийское спокойствие. Прессу и простых смертных в зал не пустили, и, видимо, кроме присутствовавших, мало кто и догадывался, что в эти дни судят Гэри Селдона. Обстановка была крайне недружелюбная.

Пятеро представителей Комитета Общественного Спасения восседали на возвышении за длинным столом. На них были алые с золотом мантии и плотно облегавшие головы блестящие шапочки – символы правосудия. В центре сидел Председатель Комитета Линь Чен. Гааль до сегодняшнего дня ни разу не видел столь знатного аристократа и восхищенно разглядывал его. За все дни процесса Чен не вымолвил ни слова. Видимо, его речь была впереди.

Судья просмотрел бумаги и продолжил допрос. Вопросы по-прежнему задавались только Селдону.

Вопрос: Итак, доктор Селдон. Сколько человек занято в вашем проекте?

Ответ: Пятьдесят математиков.

В.: Включая доктора Гаала Дорника?

О.: Доктор Дорник – пятьдесят первый.

В.: Следовательно – пятьдесят один человек? Подумайте хорошенько, доктор Селдон. Может быть, насчитаете пятьдесят два или пятьдесят три, а может – и больше?

О.: Доктор Дорник еще не приступал к работе. Вместе с ним число сотрудников составляет пятьдесят один. А пока, как я уже сказал, – пятьдесят.

В.: И никак не сто тысяч?

О.: Математиков? Нет.

В.: Я не спрашивал, сколько у вас математиков. Всего сотрудников у вас сто тысяч?

О.: Если считать всех, то вы близки к истине.

В.: Близок? Цифра точная! Я утверждаю, что в разработке вашего проекта занято девяносто девять тысяч пятьсот семьдесят два человека.

О.: По-видимому, вы учили даже жен и детей.

В.(раздраженно): Я утверждаю, что сотрудников девяносто девять тысяч пятьсот семьдесят два. Отрицать бесполезно.

О.: Я согласен с приведенной вами цифрой.

В.(заглянув в бумагу): В таком случае оставим на время этот вопрос и перейдем к другому. Не будете ли вы, доктор Селдон, так добры и не повторите ли еще раз ваши соображения относительно будущего Трентора?

О.: Я уже отвечал, но могу повторить еще раз: через пять веков Трентор будет лежать в руинах.

В.: Вы не находите, что ваше высказывание противозаконно?

О.: Нет, сэр. Научная истина не имеет ничего общего с такими понятиями, как законность и противозаконность.

В.: Вы уверены в том, что ваше утверждение является научной истиной?

О.: Да.

В.: На каком основании?

О.: На основании результатов математических и психоисторических исследований.

В.: Можете ли вы доказать, что ваши математические расчеты верны?

О.: Другому математику? Конечно.

В.(улыбнувшись): Вы хотите сказать, что открытая вами истина настолько эзотерична, что простому человеку ее не понять? А вот мне почему-то всегда казалось, что истина должна быть доступна для всех.

О.: А она доступна. Для многих. К примеру – физика переноса энергии, известная нам под

названием термодинамики, была ясна и истинна на протяжении всей истории человечества. Однако до сих пор найдутся люди, которые сочтут, что построить обычный генератор невозможно. Причем среди них могут быть и высокообразованные люди. Сомневаюсь, что уважаемые члены Комитета...

(Тут один из «уважаемых членов Комитета» наклонился к судье и что-то прошептал ему на ухо. Судья покраснел и прервал Селдона.)

В.: Мы здесь не для того, чтобы выслушивать лекции, доктор Селдон! Допустим, вы ответили на мой вопрос. А теперь позвольте себе высказать предположение. Не могут ли ваши предсказания упадка Трентора быть направлены на подрыв доверия населения к правительству Империи, причем в ваших интересах?

О.: Это не так.

В.: Не содержится ли в ваших предсказаниях упоминание о том, что период времени, предшествующий так называемому распаду Трентора, будет характеризоваться различными беспорядками?

О.: Вы правы.

В.(удовлетворенно): Отсюда легко предположить, что вы надеетесь спровоцировать эти беспорядки и на Вашей стороне будет армия в сто тысяч человек.

О.: Во-первых, это неправда. И даже если бы это было так, вам было бы легко убедиться, что среди исследователей с трудом наберется десять тысяч мужчин призывного возраста, причем ни один из них в жизни не держал в руках оружия.

В.: А не действуете ли вы как агент какой-либо другой организации?

О.: Нет, я ни на кого не работаю, господин судья.

В.: Вы – бессребреник, слуга науки?

О.: Да.

В.: Тогда следующий вопрос. Можно ли изменить будущее, доктор Селдон?

О.: Конечно. Например, этот зал может через пару мгновений взлететь на воздух. Если бы это произошло, будущее в какой-то степени изменилось бы.

В.: Не иронизируйте, доктор Селдон. Я вас спрашиваю, может ли измениться будущее всего человечества.

О.: Да.

В.: Это легко сделать?

О.: Нет. Очень трудно.

В.: Почему?

О.: Дело в том, что психоисторическая направленность населения даже одной планеты имеет колоссальный запас инерции. Для того чтобы направленность изменилась, она должна столкнуться с чем-то имеющим сходный запас инерции. С такой же массой людей, например. А если их мало, должен пройти солидный промежуток времени. Понимаете?

В.: Думаю, что да. Трентор не обязательно должен быть разрушен, если большие массы людей будут этому противостоять.

О.: Вы правильно поняли.

В.: Статья тысяч человек хватит?

О.: Нет, сэр. Этого будет мало.

В.: Вы уверены?

О.: Прошу вас учесть, что население Трентора составляет около 40 миллиардов. Что тенденция к распаду охватывает не только Трентор, но и всю Империю, а в Империи проживает почти квинтиллион человек.

В.: Ясно. Тогда, может быть, сто тысяч сотрудников смогут хоть как-то противостоять разрушению, если и они, и их потомки будут работать над этой проблемой в течение пятисот лет?

О.: Боюсь, что нет. Пятьсот лет – это слишком мало.

В.(улыбаясь): Ну-ну... Итак, доктор Селдон, из всех ваших заявлений можно логически вывести следующее: вы собрали сто тысяч человек для работы над вашим проектом. Однако этого недостаточно для того, чтобы изменить ход истории Трентора на протяжении пятисот лет. Другими словами, они не могут предотвратить упадка, как бы упорно ни трудились.

О.: К сожалению, вы правы.

В.(торжественно): В таком случае, доктор Селдон... Обдумайте ответ. Какова цель работы ста тысяч ваших сотрудников?

Голос судьи сделался резко-скрипучим. Казалось – до сих пор он темнил, а теперь вышел из укрытия и был уверен, что загнал своими вопросами Селдона в угол.

По залу пробежал шепоток. Даже члены Комитета начали переговариваться. Только Председатель оставался все таким же невозмутимым и мрачным.

Гэри Селдон молчал. Он ждал, пока установится тишина.

О.: Свести к минимуму последствия упадка.

В.: Точнее. Что вы имеете в виду?

О.: Объяснить просто. Будущее разрушение Трентора – не изолированный процесс, отдельный от всей истории человечества. Оно станет кульминацией сложной драматической коллизии, возникшей несколько столетий назад, развитие которой все ускоряется. Я имею в виду, господа, полный упадок и распад Галактической Империи.

Шепот в зале перерос в возмущенный гул.

– Значит, вы открыто заявляете, что... – воскликнул судья.

Но его слова потонули в общем крике: «Измена!»

Председатель поднял молоток и удариł в гонг. В аудитории постепенно восстановилась тишина. Судья глубоко вздохнул и продолжил допрос.

Б.(театрально-торжественно): Осознаете ли вы, доктор Селдон, что говорите об Империи, история которой насчитывает двенадцать тысячелетий, за плечами которой превратности судьбы многих и многих поколений...

О.: Осознаю. Мне известно как теперешнее состояние Империи, так и ее прошлое, Не желая оскорбить кого-либо из присутствующих, скажу, что мне все это известно лучше, чем многим другим.

В.: И вы предсказываете разрушение всей Империи?

О.: Мое предсказание основано на математических расчетах. Здесь нет никаких личных суждений. Я и сам не рад, что все так складывается. Даже если предположить, что Империя плоха на сегодняшний день, состояние анархии, которое неизбежно наступит в ней после распада, будет во много раз хуже. Именно с угрозой анархии и призван бороться мой проект. Падение Империи, господа, – катастрофа, и противостоять ей чрезвычайно трудно. Империей правит бюрократия, власть которой все более усиливается. Всякая инициатива снизу пресекается, воздвигаются кастовые барьеры, задыхается научный поиск, и прочее, и прочее. Все это продолжается уже много веков. Повторяю, это слишком непостижимый и грандиозный процесс для того, чтобы его остановить.

В.: Но разве неизвестно всем и каждому, что именно сейчас Империя сильна, как никогда?!

О.: Впечатление обманчиво. Господин судья, гнилое дерево кажется нам сильным и здоровым, пока молния не расколет его пополам. Порывы грозового ветра в ветвях дерева Империи уже слышны. Прислушайтесь – и вы услышите, как оно потрескивает.

В.(не слишком уверенно): Мы здесь не для того, мистер Селдон, чтобы выслушивать ваши...

О.(решительно): Империя исчезнет, и все блага, что были созданы за время ее существования, исчезнут вместе с ней: знания, установленный порядок вещей... Начнутся бесконечные межзвездные войны, заглохнет межпланетная торговля, уменьшится число людей, отдаленные миры утратят связи с центром Галактики. И ничего с этим нельзя будет поделать.

В.(тихо, почти шепотом): Никогда?

О.: Психоистория, способная предсказать упадок, не умалчивает и о последующих мрачных временах. Империя, господа, как уже говорилось, продержится двенадцать тысяч лет. А период мрака и хаоса продлится не двенадцать, а тридцать тысячелетий. Потом появится Вторая Империя, но в промежутке между нашей цивилизацией и ее возникновением тысячи поколений проживут в хаосе. Вот с чем мы призваны бороться.

В. (оправившись от потрясения): Но вы сами себе противоречите! Ранее Вы сказали, что не можете препятствовать разрушению Трентора, то есть, по-видимому, и распаду – так

называемому распаду Империи тоже...

О.: А я и не утверждаю, что мы способны противостоять упадку. Но пока еще не поздно попытаться повлиять на продолжительность мрака и хаоса. Есть возможность, господа, свести ее к одному тысячелетию взамен тридцати, если у моей группы будут условия для работы. Мы живем в очень нестабильное время. Огромную, разрушительную массу событий нужно скорректировать немного – совсем немного, но и этого окажется достаточно, чтобы вычеркнуть двадцать девять тысячелетий из истории человечества.

В.: И как вы предполагаете это осуществить?

О.: Путем спасения интеллекта, Знания не могут принадлежать отдельному человеку, даже тысячам людей. Когда рухнет социальный институт Империи, знания разлетятся на миллионы осколков. Отдельные специалисты будут знать многое о немногом. Сами по себе они станут беспомощными, и знания исчезнут за одно поколение. Но если сейчас мы создадим банк данных всей суммы знаний человечества, они не будут утрачены никогда. Потомки будут строить свою деятельность на готовом фундаменте, им не придется каждый раз открывать все заново. Одно тысячелетие вместо тридцати.

В.: Все это очень...

О.: Тридцать тысяч моих сотрудников с женами и детьми работают над подготовкой «Галактической Энциклопедии». За свою жизнь им этой работы не закончить. Я сам не доживу до выхода первого тома. Но к тому времени, когда Трентор будет разрушен, работа будет завершена и тома Энциклопедии будут в каждой крупной библиотеке по всей Галактике.

Молоток председателя поднялся и опустился. Гэри Селдон сел на скамью подсудимых рядом с Гаалем, улыбнулся и шепнул:

- Ну, как вам этот спектакль?
- Похоже, вы выиграли. Что же будет теперь?
- Прекратят процесс и постараются заключить со мной частное соглашение.
- Откуда вы знаете?
- Если честно – не знаю. Все зависит от Председателя Комитета. Но его я знаю много лет. Я пытался анализировать его деятельность, хотя психоисторическими методами это делать трудновато. Тем не менее есть надежда...

7

Аваким подошел, кивнул Гаалю, наклонился к Селдону и что-то шепнул ему на ухо. Раздались возмущенные крики, подбежали охранники и отвели Авакима в сторону. Гааль увели.

На следующий день обстановка в корне переменилась. Селдон и Дорник оказались наедине с пятеркой Комитетчиков. Им даже предложили сигары. Селдон закурил, Гааль отказался.

– Наш адвокат отсутствует, – заметил Селдон.

– А сегодня – не судебное заседание, доктор Селдон, – ответил один из членов Комитета. – Мы собрались лишь для того, чтобы обсудить проблемы государственной безопасности.

– А теперь буду говорить я, – мрачно проговорил Линь Чен.

Четверо Комитетчиков торжественно выпрямились. Наступила тишина. Гааль затаил дыхание. Линь – худой, поджарый, угрюмый – выглядел старше своих лет. Он был фактическим правителем Галактики, поскольку ребенок, носивший титул Императора, оставался марионеткой, символом, Правил Галактикой Чен.

– Доктор Селдон, – начал он, – вы нарушили спокойное течение имперской истории. Никто из квадриллионов ныне живущих людей не проживет более столетия, Зачем же нам, в таком случае, отягощать себе жизнь, гадая о том, что будет через пятьсот лет?

– Ну а я протяну не более пяти, – с улыбкой возразил Селдон. – Однако для меня этот вопрос – первостепенный. Можете считать меня идеалистом. Но я думаю так, потому что считаю себя человеком.

– Не имею ни малейшего желания философствовать. Объясните, почему бы мне просто не

избавиться от вас, а вместе с вами – от мифического будущего, отстоящего от нашего времени на пять столетий?

– Неделю назад, – мягко сказал Селдон, – у вас была возможность поступить так, и, вероятно, у вас появился бы шанс – один из десяти, – что вы доживете до конца года. Сегодня такая вероятность составляет один из тысячи.

Селдон стряхнул пепел. Комитетчики заерзали в креслах, зашептались. Веки Чена дрогнули.

– О чём это вы?

– Падение Трентора, – ответил Селдон, сделав глубокую затяжку, – нельзя предотвратить никакими волевыми усилиями. А вот ускорить – легко. Молва о судилище надо мной очень быстро разнесется по всей Галактике. Ваш отказ от моих планов предотвратить, смягчить, сократить мучения человечества убедит народы в том, что им не на что надеяться в будущем. Они уже сейчас с тоской вспоминают о том, как жили их предки. Они увидят, что политические революции и промышленные кризисы растут как грибы. В Галактике воцарится ощущение, что только то и ценно, что можно заполучить немедленно. Люди амбициозные ждать не станут, не замедлят и беспринципные. Каждое их действие будет приближать конец. Казните меня – и крах Трентора наступит не через пятьсот лет и даже не через пятьдесят, а ваш собственный – через год, а то и раньше.

– Этим пугайте младенцев, – буркнул Чен. – Однако ваша казнь – не единственный выход.

Он оторвал свою сухую ладонь от бумаг, на которых она покоилась. Только два пальца остались лежать поверх первого листа.

– Скажите, – спросил он, глядя мимо Селдона, – действительно ли вся деятельность вашей группы заключается, как вы утверждаете, в подготовке Энциклопедии?

– Чистая правда.

– Это обязательно должно происходить на Тренторе?

– Трентор, мой Господин, располагает уникальной Имперской Библиотекой и материалами, собранными нами в Университете.

– Тем не менее. Если бы вы работали в любом другом месте, скажем, на планете, где бы вас не отвлекала суeta метрополии, где бы ваши сотрудники могли целиком и полностью отдаваться работе, – разве это не лучше?

– Не исключено.

– Прекрасно. Тогда позвольте сообщить вам, что такое место найдено. Трудитесь там спокойно, доктор, вместе со своими коллегами. Галактике будет известно, что вы упорно работаете и боретесь с упадком.

Чен улыбнулся:

– А поскольку сам я не верю во многое из того, в чем должен убеждать других, мне не составит особого труда внушить всей Галактике мысль о возможности упадка, в который сам не верю ни на йоту. А вы, доктор, перестанете досаждать Трентору и Империи. Альтернатива – ваша казнь. И не только ваша. Угрозы меня не пугают. Итак, у вас есть возможность в течение пяти минут выбрать между ссылкой и казнью.

– А какая планета избрана, мой Господин? – осведомился Селдон.

– Если не ошибаюсь, она называется Терминус.

Чен перелистал страницы, выбрал одну и повернулся к Селдону.

– Она необитаема, но пригодна для жизни. Правда, она несколько удалена...

– Она на краю Галактики! – прервал его Селдон.

– Я и говорю – несколько удалена. Вам это поможет полностью сконцентрироваться на работе. У вас осталось две минуты.

– Но нам потребуется время для организации переезда. Нам придется вывезти двадцать тысяч семей.

– Время у вас будет.

Селдон думал. Последняя минута шла на убыль. Наконец он решился:

– Я выбираю ссылку.

При этих словах замершее сердце Гаала вновь забилось. Он ощутил естественную радость человека, избежавшего смерти. Однако к этому чувству примешивалась доля огорчения –

Селдон проиграл...

8

Такси неслось по темным туннелям к Университету. Всю дорогу они молчали. Наконец Гааль спросил:

— То, что вы сказали Председателю Комитета, — правда? Действительно ли ваша казнь ускорила бы упадок?

— Я никогда не шучу с выводами психоисторических исследований, — улыбнулся Селдон. — В данном случае тоже. И Чен знает, что я прав. Он — тонкий и умный политик, а политики по роду своей деятельности инстинктивно чувствуют верность психоисторических выводов.

— Значит, им было нужно, чтобы вы выбрали ссылку?! — воскликнул Гааль. Селдон промолчал.

Когда такси опустилось на площадь перед Университетом, Гаала вдруг охватила страшная слабость. Селдон помог ему выбраться из такси и повел под руку.

Здание Университета сверкало так, что Гааль на мгновение забыл, что существует солнце. А ведь Университет стоял не под открытым небом. Его строения были покрыты огромным куполом из какого-то прозрачного материала. Материал был, видимо, поляризован, поэтому его блеск не слепил глаза.

Университетский комплекс выгодно отличался от остальных серо-стальных зданий Трентора. Цвет его построек был скорее серебристым. Металл отливал мягким сиянием слоновой кости.

Селдон шепнул:

- Похоже, солдаты.
- Что?

Взгляд Гаала опустился с небес на землю, и он увидел патруль.

Капитан обратился к нему низким, хорошо поставленным голосом военного:

- Доктор Селдон?
- Да.

— Мы ждали вас. Вы и ваши сотрудники с этого момента — на военном положении. Я уполномочен проинформировать вас о том, что на приготовления к отлету на Терминус вам дается полгода.

— Всего полгода! — воскликнул Гааль, но пальцы Селдона мягко сжали его локоть.

— Таковы инструкции, — подвел черту капитан. Он удалился во главе патруля, а Гааль повернулся к Селдону:

- Но как? Что можно успеть за шесть месяцев? Это же медленная казнь!
- Спокойно, спокойно. Пройдемте ко мне в кабинет.

Кабинет был небольшой, но надежно защищенный от шпионажа. Лучи-шпионы, натыкавшиеся на его стены, не встречали ни подозрительной тишины, ни тем более подозрительного отсутствия движения. Наоборот, они улавливали беседу, состоящую из совершенно невинных фраз, произносившихся разными голосами.

- Ну, — вздохнул облегченно Селдон, — все хорошо. Шести месяцев нам хватит за глаза.
- Непонятно как!

— Мальчик мой, при таком плане, как у нас, даже Комитет, сам того не зная, нам помогает. Я ведь уже говорил вам, что стереотип поведения Чена мы изучили досконально. Процесс не начался бы до тех пор, пока в нашу пользу не сработали бы обстоятельства и время!

- Но как вы могли хотеть...
- Ссылку на Терминус? А почему бы и нет?

Селдон надавил пальцами на крышку стола, и часть стены у него за спиной отъехала в сторону.

— Там — видеотека. Возьмите ящичек на букву «Т».

Гааль достал ящичек, подал его Селдону, тот вынул кассету и вставил ее в миниатюрный проектор. Перед глазами Гаала замелькали кадры фильма.

— Как же это... — пробормотал он.
 — Что вас так удивляет?
 — Вы... два года готовились к перелету?
 — Точнее — два с половиной. Мы, конечно, не были уверены, что Чен выберет именно Терминус, но надеялись, что будет именно так.

— Но почему, доктор Селдон? Зачем вам ссылка? Разве не легче было бы остаться здесь, на Тренторе?

— Ну, есть целый ряд причин. Работая на Терминусе, мы заручаемся поддержкой Империи, которая больше не считает, что мы угрожаем ее безопасности.

— Но ведь вы сами вызвали эти опасения, для того чтобы отправиться в ссылку. Нет, не понимаю.

— Но согласитесь, двадцать тысяч семей по своей воле на край Галактики не полетят?

— Разве у вас есть право их вынуждать? Или я не должен этого знать?

— Пока — нет, — спокойно отозвался Селдон. — Пока достаточно того, что вы знаете: на Терминусе будет основано научное убежище. А на другом краю Галактики — еще одно, такое же.

Он улыбнулся:

— Что же до остального, то могу сообщить вам, что сам я скоро отправлюсь в мир иной, и вы увидите и узнаете больше, чем я. Ну-ну, не надо так переживать. Доктора говорят, что я пропишу еще год, максимум — два. Так или иначе — я успел завершить то, к чему стремился.

— А... после вашей смерти, сэр?

— Ну, у меня будут последователи — возможно, даже вы. Именно им будет суждено поставить последнюю точку в разработанной схеме и спровоцировать Анакреонский бунт в нужное время и именно так, как надо. После этого все пойдет своим чередом.

— Не понимаю...

— Поймете.

Селдон устало сгорбился.

— Большинство улетит на Терминус, — промолвил он вполголоса. — Но кое-кто останется. Это будет легко устроить. Но что касается меня, — закончил он шепотом, так что Гааль едва рассыпал последние слова, — то мне... конец.

Часть вторая Энциклопедисты

1

Терминус — ...отдаленное расположение планеты может вызвать законное удивление, если учесть роль, отведенную ей в истории Галактики. Однако в этом, как отмечают многочисленные авторы, была историческая неизбежность. Находящаяся на самом краю галактической спирали, планета Терминус — единственный спутник небольшой звезды, бедная полезнымиископаемыми, не представлявшая никакой ценности с экономической точки зрения, была необитаема с момента ее открытия до высадки Энциклопедистов...

...Когда выросло новое поколение — потомки первых переселенцев с Трентора, Терминус приобрел значение гораздо большее, чем убежище психоисториков. С начала Анакреонского бунта и прихода к власти Сальвора Гардина...

Галактическая энциклопедия

Время было позднее, но Льюис Пирен продолжал работать, склонившись над кипой бумаг при свете настольной лампы.

...Прошло пятьдесят лет после высадки на Терминус и создания поселения энциклопедистов — первой Академии. За это время был собран колоссальный подготовительный материал, и через пять лет должен был увидеть свет первый том

Энциклопедии – самого внушительного издания в Галактике. А потом – каждые десять лет – том за томом, как часы...

Пирен раздраженно покосился на дверь – звонили. Он забыл о назначеннной встрече, с головой уйдя в работу. Пирен нажал кнопку на краю стола, дверь открылась, и в кабинет вошел высокий грузный мужчина – Сальвор Гардин.

Пирен, не отрываясь, продолжал просматривать бумаги. Гардин мысленно улыбнулся. Он спешил, но прекрасно знал, как «гостеприимен» Пирен, когда ему мешают работать. Поэтому он молча уселся в мягкое кресло по другую сторону письменного стола и стал ждать.

Тишину нарушало только поскрипывание авторучки Пирена. Гардин от нечего делать вынул из кармана серебристую монетку, подбросил ее, поймал и снова подбросил. На Терминусе, куда все металлы поступали только по импорту, нержавеющая сталь была единственным средством бартера...

Пирен поднял глаза и часто заморгал.

– Прекратите! – раздраженно выговорил он.

– А?

– Прекратите кидать вашу чертову монету!

– А-а-а...

Гардин убрал монетку в карман.

– Сообщите, когда освободитесь, ладно? Я обещал вернуться на заседание городского Совета к началу голосования по проекту нового водопровода.

Пирен вздохнул и встал из-за стола.

– Валяйте. Очень надеюсь, что вы не станете надоедать мне с городскими делами. Займитесь ими сами, пожалуйста. Все мое время занято Энциклопедией.

– Вы новости слышали?

– Какие именно?

– Самые свежие. Поймали на ультраволнах два часа назад. Правитель Анакреона принял титул короля.

– Ну и что?

– Это означает, что мы отрезаны от центра Империи. Мы ожидали, что это может случиться, но от этого, как говорится, не легче. Анакреон встал на пути нашего последнего оставшегося торгового пути к Сантании, Трентору, Веге. Откуда мы теперь будем получать металлы? Уже полгода нет поступлений стали и алюминия, а теперь и ждать неоткуда, если только не возвратить к милости Его Величества – короля Анакреона.

Пирен нетерпеливо оборвал Гардина:

– В таком случае заключите с ним договор на поставку.

– Каким образом? Послушайте, Пирен: в соответствии с Хартией, подписанной при основании Академии, вся административная власть принадлежит Попечительскому Совету Комиссии по изданию Энциклопедии. У меня как у мэра города Терминуса власти хватит только на то, чтобы самостоятельно высморкаться, не спрашивая ни у кого разрешения, да на то, чтобы чихнуть, если вы соизволите подписать соответствующий приказ. Заключение торговых сделок – прерогатива ваша и вашего Совета. Я обращаюсь к вам от имени города, благосостояние которого зависит от устойчивой торговли с Галактикой. Созовите срочное заседание!

– Хватит! Не надо меня агитировать! Вы забываете, Гардин, что Попечительский Совет не был против установления муниципального правления на Терминусе. Мы считаем это необходимым, поскольку за пятьдесят лет со дня основания Академии население планеты выросло и большинство не занято непосредственной работой над Энциклопедией. Но это вовсе не означает, что первоочередной задачей Академии перестает быть ее создание. Мы – государственное научное учреждение, Гардин! Мы не можем, не должны и не будем вмешиваться в местную политику.

– В местную политику? Да это вопрос жизни и смерти! Наша планета просто погибнет без металлов! И потом – что станет с вашей Энциклопедией, если анакреонский царек вздумает напасть на нас?

– Вы забываете, что мы находимся под защитой самого Императора! Мы не являемся

частью префектуры Анакреон, так же, как и частью любой другой префектуры. Никто не посмеет нас пальцем тронуть. Империя нас не оставит!

— А почему же тогда Империя не помещала захвату Власти королем Анакреона? Да разве только Анакреона! Как минимум двадцать отдаленных от центра префектур, то есть практически вся Периферия Галактики теперь независима от Империи. И я абсолютно не уверен, что Империя бросится на нашу защиту!

— Ерунда! Экзархи, тетрархи, короли — какая разница! Как будто раньше не было переворотов! К Империи это не имеет отношения. Хватит об этом, Гардин. Это не наша забота. Мы прежде всего ученые. Наше дело — Энциклопедия. Да, кстати, пока не забыл...

— Да?

— Вы собираетесь разбираться со своей газетенкой?

— Вы имеете в виду еженедельник «Городские Новости»? Он не мой, как вы изволили выразиться. Это частное издание. А что вас не устраивает?

— Уже несколько недель там публикуются призывы к шумному празднованию пятидесятилетия основания Академии.

— А почему бы и нет? Через три месяца сработает механизм радиевых часов и откроется Склеп Селдона. По-моему, это грандиозное событие. А вы так не считаете?

— В любом случае, это не повод для идиотских спектаклей. Открытие Склепа — дело исключительно Совета Попечителей. То, что нужно будет сообщить народу, будет сообщено. Это не подлежит обсуждению. Будьте так добры, изложите это в «Новостях».

— Сожалею, Пирен, но Городская Хартия гарантирует-таки нам такую малость, как свобода печати.

— Хартия — да, но не Совет Попечителей! Я — представитель Императора на Терминусе, Гардин, и обладаю всеми полномочиями...

Было похоже, что Гардин про себя считает до десяти. Наконец он печально проговорил:

— Вот как раз потому, что вы являетесь представителем Императора на Терминусе, у меня есть для вас еще одна новость.

— Опять про Анакреон?

— Да. Через две недели нас посетит чрезвычайный посол Анакреона.

— ???

Пирен слегкотонул слону.

— Это... зачем еще?

Гардин встал и придвинул кресло к столу.

— А вот догадайтесь!

И ушел не простившись.

2

Ансельм, лорд Родрик, в жилах которого, судя по титулу, текла голубая кровь, — вице-префект Плуэмы и чрезвычайный посол Его Величества Короля Анакреона, носитель еще двенадцати различных титулов, был встречен Сальватором Гардином в космопорту с подобающим случаю ритуалом.

С легким поклоном и натянутой улыбкой вице-префект вынул из кобуры свой бластер и вручил его Гардину. Гардин церемонно передал ему свой, специально для этого захваченный. Тем самым были продемонстрированы добрые намерения. И хотя правое плечо лорда Родрика как-то странно и подозрительно приподнималось, Гардин сделал вид, что ничего не заметил.

Машина, в сопровождении эскорта других автомобилей, медленно и торжественно тронулась к площади Энциклопедии. По пути посла Анакреона радостно приветствовали жители Терминуса.

Вице-префект отвечал на приветствия сдержаным помахиванием руки — как истинный воин и аристократ.

— Этот город — и есть весь ваш мир? — спросил он Гардина.

— Наш мир молод, Ваше Превосходительство. За нашу короткую историю нас впервые посещает столь высокий гость. Отсюда и энтузиазм жителей, — прямо в ухо прокричал Гардин.

«Высокий гость», не уловив иронии, задумчиво проговорил:

— Поселение основано пятьдесят лет назад... Гм-м-м... В таком случае, у вас должно быть полно неразрабатываемой земли. Вы не собираетесь ее раздать под поместья?

— Пока в этом нет необходимости. Мы проживаем очень компактно. Нам нужно близкое взаимодействие. Это связано с работой над Энциклопедией. Возможно, когда-нибудь население станет больше...

— Странный мир! У вас что, нет крестьян?

— Нет, — ответил Гардин непринужденно. — И аристократов тоже нет.

Брови лорда Родрика поползли вверх.

— А... ваш правитель? Тот, с кем я должен встретиться?

— Доктор Пирен? Он Председатель Совета Попечителей и личный представитель Императора.

— Доктор? И больше — никаких титулов? Ученый? И его пост выше, чем ваш?

— Ну конечно, — дружелюбно ответил Гардин. — Да мы здесь все, более или менее, ученые. Ведь мы не просто — страна, мы — научное учреждение в личном ведении Императора.

Последние слова он произнес несколько подчеркнуто. Видно было, что вице-префекту они явно не по душе. Всю остальную дорогу он молчал.

Гардин жутко устал за вторую половину дня, особенно — за вечер, но его, по крайней мере, утешало то, что Пирен и лорд Родрик совсем неплохо поладили между собой.

Лорд Родрик тупо посматривал по сторонам, когда Пирен таскал его на «обзорную экскурсию» по Дворцу Энциклопедии. С любезной, по дежурной улыбкой он слушал торопливые объяснения Пирена, пока тот водил его по громадным хранилищам микрофильмов и бесконечным кинозалам.

В конце концов он начал зевать и глубокомысленно изрек:

— Все это очень интересно. Но... очень странное занятие для взрослых людей. Какая в этом польза?

Пирен от удивления только рот раскрыл...

За обедом же лорд Родрик монополизировал беседу, с мельчайшими подробностями и оживленнейшей жестикуляцией описывая свои боевые подвиги во время недавней войны между Анакреоном и соседним новоиспеченным королевством — Смирной.

Рассказ затягивался... Прием подходил к концу, а лорд Родрик, подогретый вином, все говорил и говорил... Мало-помалу присутствовавшие на обеде официальные лица разошлись. Последний, самый сногшибательный рассказ — о разбитых всмятку смирианских звездолетах лорд Родрик закончил, выходя в сопровождении Гардина и Пирена на балкон под солнечные вечерние лучи.

— Ну а теперь, — сказал он с напускной непринужденностью, — давайте перейдем к более серьезным делам.

— Пора бы, — буркнул себе под нос Гардин, закуривая длинную веганскую сигару и с грустью отмечая, как мало их осталось.

— Ну конечно, — сказал вице-префект, устраиваясь в кресле, — все формальные переговоры, подписание документов и прочую нудятину мы оставим на завтра, когда ваш... Как вы называете ваше правительство?

— Совет Попечителей, — холодно отозвался Пирен.

— Странное название... Ну ладно, все равно — на завтра. А пока переговорим лично.

— Это означает... — проговорил Гардин, выпуская колечко дыма.

— Это означает вот что. Ситуация здесь, на Периферии, мягко говоря, несколько изменилась, и статус вашей планеты вызывает некоторые сомнения. Было бы неплохо, если бы мы достигли взаимопонимания в этом вопросе. Кстати, мэр, не найдется ли у вас еще сигары?

Гардин протянул ему коробку.

Лорд Родрик повертел сигару и восхищенно щелкал языком.

— Веганский табак! Откуда?

— Из последней партии. Уже почти не осталось. Кто знает — когда еще прибудут. И прибудут ли вообще.

Пирен нахмурился. Он не курил и не любил, когда курили при нем.

– Позвольте поинтересоваться, Ваше Превосходительство. Ваша миссия заключается только в ознакомлении с Терминусом?

Сделав несколько глубоких затяжек, лорд Родрик кивнул.

– В таком случае ваш визит не займет много времени. Статус Терминуса и первой Академии такой же, как он был всегда.

– Да? А каким он был всегда?

– А вот каким: мы являемся государственным научным учреждением в личном ведении Его Августейшего Величества Императора.

Похоже было, что это заявление Пирена на вице-префекта особого впечатления не произвело. Он продолжал пускать дымные кольца.

– Очень мило, доктор Пирен. Догадываюсь, что у вас имеются на то соответствующие бумаги с императорской печатью. Но какова реальная ситуация? Как, например, насчет Смирны? Ее столица всего в пятидесяти парсеках от вас, а то и меньше. Как насчет Конома и Дарибо?

Пирен сердито ответил:

– Нам нет никакого дела до других префектур. Как учреждение, находящееся в личном ведении...

– Это не префектуры, – заметил лорд Родрик, – Это теперь королевства.

– Ну хорошо, пускай королевства. Все равно нам до них дела нет. Как научное учреждение...

– К дьяволу вашу науку! – по-солдафонски рявкнул лорд Родрик. – К чему она вам, когда Смирна в любой момент может захватить Терминус?

– А вы думаете, что в такой ситуации Император будет сидеть сложа руки?

Лорд Родрик немного поостыл.

– Ладно, ладно, доктор Пирен... Вы почитаете Императора, его собственность, его владения. Анакреон тоже. А вот Смирна запросто может пренебречь! Кстати, мы только что подписали соглашение с Императором, и завтра я буду иметь честь представить вашему Совету его копию. В нем, кстати, содержится пункт о том, что на нас возлагается ответственность за сохранение целостности границ древней префектуры Анакреон с санкции Императора. По-моему, все ясно.

– Ясно. Но Терминус не является частью префектуры Анакреон!

– А Смирна...

– И частью префектуры Смирна тоже не является! Терминус – сам по себе.

– А в Смирне знают об этом?

– Мне безразлично, знают ли там!

– А нам нет! Мы решили прекратить войну, но они, черт бы их побрал, до сих пор удерживают две звездные системы, исконно принадлежащие Анакреону. Ваш Терминус представляет собой важную стратегическую точку между двумя королевствами.

Гардину надоела перепалка, и он вмешался в разговор:

– Какие у вас предложения, Ваше Превосходительство?

Видимо, к этому моменту вице-префект исчерпал запас красноречия и был рад перейти к более конструктивной беседе. Он с готовностью откликнулся:

– Мы считаем совершенно очевидным, что Терминус сам себя защитить не в состоянии, поэтому – что вполне естественно – его и себя должен защитить Анакреон. А в ваши внутренние дела Мы вмешиваться не намерены.

Гардин понимающе кивнул.

– Мы считаем, что вы не меньше нас заинтересованы в размещении на Терминусе военной базы Анакреона.

– И это все, чего вы хотите, – разместить военную базу на незанятом участке земли?

– Ну... в общем... возникает вопрос, как обеспечить контингент базы всем необходимым для жизни.

Гардин, до этого беспечно раскачивающийся в кресле-качалке, остановился и, наклонившись вперед, сжал подбородком кулаки.

— Вот мы и добрались до самого главного... Давайте назовем вещи своими именами. Терминус должен стать протекторатом и платить дань.

— Почему «дань»? Нормальная оплата. Мы вас защищаем — вы за это платите!

Пирен с размаху стукнул кулаком по ручке кресла.

— Дайте-ка мне сказать, Гардин. Ваше Превосходительство, что касается меня, то все ваши Анаkreоны, Смирны, ваши дурацкие войны гроша ломаного не стоят! Я еще раз повторяю, что вы находитесь в государственном, не облагаемом налогами научном учреждении и имеете честь беседовать с личным представителем...

— Его Августейшего Величества, Императора, — насмешливо закончил лорд Родрик. — А я, если позволите, личный представитель короля Анаkreона. А Анаkreон находится чуть-чуть поближе, не правда ли, доктор Пирен?

— Давайте вернемся к делу, — поспешил вмешаться Гардин. — В каком виде вы думаете получать оплату, Ваше Превосходительство? Какими товарами — пшеницей, картофелем, овощами, скотом?

Вице-префект злобно уставился на него.

— Какого дьявола? У нас этого полно! Золото нам нужно. А лучше — хром или ванадий, если они у вас есть.

Гардин расхохотался:

— Ванадий! Да у нас даже железа нет ни крошки! Золото! Да вы взгляните на нашу разменную монету!

Он подал послу монетку.

Лорд Родрик поднес ее поближе к глазам и изумился:

— Сталь?

— Вот именно.

— Но я не понимаю...

— На Терминусе практически нет металлов. Мы их импортируем. Разумеется, у нас нет и золота, и все, что мы можем вам предложить, — несколько тысяч бушелей картофеля!

— А... промышленная продукция?

— А станки, простите, из чего делают?

Наступила пауза. Пирен попытался вмешаться:

— Весь разговор представляется мне совершенно бессмысленным. Терминус — не просто планета, а научное учреждение, занятое подготовкой к изданию колоссального труда — Энциклопедии. Послушайте, неужели у вас нет никакого уважения к науке?

— С Энциклопедией под мышкой войн не выиграешь! — парировал лорд Родрик. И, нахмурившись, добавил:

— Значит, вы ничего не производите? А свободной земли — хоть отбавляй! Тогда... расплачивайтесь землей!

— Что вы имеете в виду? — удивился Пирен.

— У вас полно незанятой и, наверное, плодородной земли. На Анаkreоне найдется немало аристократов, которые будут не против прибавить ваши угодья к своим поместьям.

— Кто дал вам право делать нам такие предложения!

— Не переживайте так, доктор Пирен. Хватит на всех. Если все наладится и вы станете с нами сотрудничать, все устроится. Никто не пострадает. И ваши люди получат поместья. И титулы, кстати. Надеюсь, вы меня понимаете?

— Искренне признателен, — процедил сквозь зубы Пирен.

Глядя в одну точку, Гардин изрек:

— А не мог бы Анаkreон, в свою очередь, обеспечить нас необходимым количеством plutonия для нашей атомной электростанции? У нас запасов осталось только на ближайшие несколько лет.

Пирен кашлянул и заерзал в кресле. Возникла неловкая пауза. Наконец лорд Родрик изменил тон:

— А у вас, простите, атомная энергия имеется?

— Ну конечно, — небрежно отозвался Гардин. — Уже пятьдесят тысячелетий все человечество пользуется атомной энергией. Удобная штука, знаете ли. Вот только plutоний

добывать стало трудновато...

– Ну да, ну да... – закивал головой лорд Родрик и неожиданно выпалил:

– Джентльмены, давайте вернемся к этому вопросу завтра. Прошу меня простить...

Он встал и торжественно удалился. Пирен, проводив его взглядом, пробормотал вслед:

– Непробиваемый, тупоголовый осел!

– Да нет... – перебил его Гардин. – Просто – продукт своего общества, в котором отношения с людьми строятся по принципу: «Я – начальник, ты – дурак. Ты – начальник, я – дурак». Вот и все.

Пирен возмущенно взглянул на него.

– А вы-то, вы-то хороши! Какого черта вы болтали обо всей этой чепухе – военных базах, оплате? Вы в своем уме?

– Вполне. Я просто дал ему возможность выложить все, о чем он думал. Вот он и проговорился насчет истинной цели своего визита – основать на Терминусе поместья для анакреонской знати. И, естественно, я не позволю ему этого.

– Вы не позволите! Вы! Да кто вы такой? И как у вас хватило наглости проболтаться про нашу атомную электростанцию! И этого достаточно, чтобы нас держали под прицелом!

– Но только не под прицелом, а совсем наоборот. Вы не догадались, зачем я завел этот разговор? Я просто проверил свое давнее предположение.

– Какое?

– Я предполагал, что на Анакреоне больше не существует атомной энергетики. Если бы я ошибался, наш высокий гость непременно заметил бы, что плутоний давным-давно не используется в качестве сырья. А это означает, что атомной энергетики нет на всей Периферии. Нет ее и на Смирне, иначе Анакреон проиграл бы войну. Интересно, не правда ли?

– Потрясающе! – восхищенно воскликнул Пирен, а Гардин только улыбнулся в ответ. Он выбросил окурок сигары и поднял взгляд к ночному небу.

– Они пользуются бензином и углем, не иначе!

...И больше он не сказал ничего, хотя ясно было, что ему еще есть что сказать...

3

Сказав Пирену, что он не является хозяином «Городских Новостей», Гардин был прав лишь отчасти. Как инициатора и лидера движения за превращение Терминуса в автономный муниципалитет Гардина избрали первым мэром Терминуса. И не имея ни одной акции еженедельника, он фактически контролировал это издание процентов на шестьдесят...

Поэтому неудивительно, что, когда Гардин обратился к Пирену с просьбой разрешить ему посещать заседания Совета Попечителей, еженедельник развернул целую кампанию. Так состоялось беспрецедентное заседание в истории Академии, во время которого было высказано требование включить представителей городского населения в «национальное» правительство. И, естественно, Пирен любезно согласился...

Сидя в конце стола президиума, Гардин размышлял о том, почему из ученых получаются такие плохие администраторы. Видимо, думал он, потому что они привыкли иметь дело с фактами, а не с живыми людьми.

Слева от него сидели Томасс Сатт и Джорд Фара, а справа – Лундин Краст и Йет Фулхэм. Он был давно с ними знаком, но сегодня все выглядели несколько помпезно.

Пока звучали первые формальные фразы, Гардин дремал и встрепенулся только тогда, когда Пирен глянул в его сторону и обратился, по-видимому, в основном к нему:

– Я с удовлетворением сообщаю вам, что за время, прошедшее с нашего последнего заседания, я получил послание от лорда Дорвина, имперского канцлера, о том, что он собирается посетить Терминус через две недели. Из этого следует, что наши отношения с Анакреоном смягчатся и станут выгодными для нас, как только Император будет проинформирован о сложившейся ситуации.

Он послал Гардину ослепительную улыбку с другого конца стола.

– Информация об этом передана в «Новости».

Гардин усмехнулся про себя. Складывалось впечатление, что Пирен только для того и

согласился допустить его в «святая святых», чтобы выложить это. Он спокойно сказал:

— Я не собираюсь выражать восторгов по этому поводу. Скажите мне только, чего вы ждете от визита лорда Дорвина?

Ответил ему Томасс Сатт. У него была дурная манера говорить о присутствующих в третьем лице:

— Я давно убедился в том, что мэр Гардин — профессиональный циник. Но ему придется согласиться с тем, что Император не позволит задеть свои интересы!

— Да? И что же он предпримет, если они будут задеты?

Советники зашумели.

— Я вам слова не давал! — вмешался Пирен. — И к тому же вы позволяете себе высказывания откровенно изменнического характера!

— Я должен считать, что получил ответ на свой вопрос?

— Да! И если вам больше нечего сказать...

— Вы торопитесь с выводами. Мне бы хотелось задать еще один вопрос. Помимо этого тонкого дипломатического хода, что еще было предпринято в ответ на угрозу Анакреона?

Йет Фулхэм поскреб рыжие пиратские усы.

— А вы полагаете, что угроза существует?

— А вы — нет?

— Вряд ли... — подняв глаза к потолку, протянул Фулхэм. — Император...

— О Более! — всплеснул руками Гардин. — Да что же это такое? Все говорят: «Император, Империя», — как будто заклинание!

Император от нас в пятидесяти тысячах парсеков, и я очень сомневаюсь, что ему до нас есть дело. Да если и так, чем он может нам помочь? Все корабли имперского флота теперь в руках Четырех Королевств и Анакреона в том числе. Послушайте, нам придется сражаться оружием, а не разговорами!

И вот еще что. У нас было два месяца. Мы дали Анакреону понять, что у нас в руках атомное оружие. Но мы-то с вами отлично знаем, что это не так. У нас есть атомная энергия, да и та — на исходе. И об этом узнают. Если думаете, что они позволят долго водить себя за нос, то глубоко заблуждаетесь.

— Многоуважаемый...

— Подождите, я еще не закончил! — Гардин сам чувствовал, что разошелся не на шутку, но продолжал в том же духе:

— Как мило, что в это дело вмешивается канцлер. Но было бы гораздо лучше, если бы нам удалось обеспечить себя атомным оружием. Мы уже два месяца потеряли. Боюсь, что времени у нас просто не осталось. Что вы намерены предпринять?

Ему ответил Лундин Краст, сердито морща длинный нос:

— Если речь о милитаризации Академии, я не желаю даже слышать об этом! Это — открытая политическая акция. А мы, господин мэр, научное учреждение и ничто иное.

Сатт добавил:

— Да он, помимо всего прочего, не понимает, что создание оружия отвлечет людей, цепных сотрудников, от подготовки Энциклопедии. Этого нельзя допустить, что бы ни происходило!

— Совершенно верно, — подтвердил Пирен. — Прежде всего и всегда — Энциклопедия.

Гардин мысленно простонал.

«Они все больны, — думал он, — болезнь называется — энциклопедист». Вслух же он холодно произнес:

— Видимо, уважаемому Совету просто никогда в голову не приходило, что у Терминуса могут быть другие интересы, помимо Энциклопедии.

Пирен буркнул:

— У Академии нет и не может быть других интересов.

— Я не об Академии. Я — о Терминусе. Боюсь, вы сильно недооцениваете ситуацию. Нас на Терминусе — почти миллион.

Непосредственно над Энциклопедией работает не более ста пятидесяти тысяч человек. Для остальных Терминус — дом. Мы родились здесь. Наши фермы, дома, фабрики значат для

нас больше, чем Энциклопедия. Разве не естественно, что мы хотим все это защитить?

Его последние слова потонули в общем крике.

— Энциклопедия превыше всего! — рявкнул Краст. — Мы исполняем великую миссию!

— Миссию, будь она неладна! — воскликнул Гардин. — Да, это было так пятьдесят лет назад! Теперь здесь живет новое поколение!

— Нас это не должно волновать, — упорствовал Пирен. — Мы — ученые.

Тут уж Гардин взорвался окончательно...

— Да ну? А у вас, слушаем, не галлюцинация? Ваша возня здесь — потрясающий пример того, что происходит в Галактике в последние тысячелетия! Какой же «наукой» вы занимаетесь и собираетесь заниматься еще века? Классификация работ ученых прошедших веков? А вам никогда не хотелось сделать шаг вперед и развить научную мысль? Нет! Вам нравится загнивать. Вместе со всей Галактикой. Вот почему Периферия бунтует. Вот почему рвутся нити коммуникаций, вот почему тянутся бесконечные войны, вот почему целые звездные системы от атомной энергии возвращаются к варварским методам энергетического обеспечения. Так вот, если вас интересует мое мнение, я скажу: Галактика на грани распада!

Он замолчал и откинулся в кресле, чтобы перевести дыхание.

Ему пытались ответить сразу двое или трое. В конце концов слово взял Краст:

— Не понимаю, чего вы добиваетесь своими истерическими выпадами, господин мэр. Совершенно очевидно, что ваше участие в дискуссии неконструктивно. Я предлагаю, господин Председатель, чтобы сказанное господином мэром в протокол не вносилось и чтобы мы вернулись к обсуждению с того момента, когда оно было прервано.

Тогда заговорил Джорд Фара, который до сих пор хранил молчание. Его немалому весу вполне соответствовал солидный бас.

— А не забыли ли мы кое о чем, господа?

— О чем? — удивился Пирен.

— О том, что через месяц мы празднуем нашу пятидесятилетнюю годовщину.

— И что же?

— А то, что в день юбилея будет раскрыт Склеп Гэри Селдона. Вам никогда не приходило в голову, что окажется в этом Склепе?

— Не знаю... — пожал плечами Пирен. — Скорее всего, ничего из ряда вон выходящего. Поздравление с юбилеем, наверное. Не думаю, что этому стоит придавать большое значение, хотя «Городские Новости», — тут он выразительно глянул на Гардина, — посвятили этому целый номер. Но я запретил выпуск.

— А-га... — протянул Фара, глядя в потолок. — А зря, пожалуй. Вряд ли раскрытие Склепа приходится на очень подходящий момент.

— Вы хотите сказать «на очень неподходящий момент», — пробормотал Фулхэм. — У нас и без того достаточно причин для беспокойства.

— Что может быть важнее послания от Гэри Селдона?

Фара становился все более важным и загадочным. Гардин с интересом изучал его мясистую физиономию и думал, куда тот клонит?

— Видите ли, — оживился Фара, — такое впечатление складывается, будто все забыли, что Селдон был величайшим психологом нашего времени и основателем Академии. Мне представляется весьма вероятным, что он пользовался наукой для прогнозирования возможного течения истории на ближайшее будущее. Если так, а скорее всего — это именно так, он, конечно же, предусмотрел, как предупредить нас об опасности, и, скорее всего, предусмотрел и то, как этой опасности избежать. Энциклопедия была дорога его сердцу, вам это не хуже меня известно.

Наступила напряженная пауза. Наконец Пирен хмыкнул:

— Ну... я не знаю... Психология, конечно, великая наука — кто с этим спорит? Думаю, вы уводите нас в сторону.

Фара, не обращая внимания на слова Пирена, обратился к Гардину:

— Если не ошибаюсь, вы изучали психологию у Алуринга?

— Да, — улыбнулся Гардин. — Но, честно признаться, я не был примерным учеником. Теория казалась мне скучноватой. Меня интересовала инженерная психология, но без практики

я почел за лучшее заняться политикой. Что, в конечном счете, одно и то же.

– Ну и как вы думаете, что в Склепе?

– Не знаю, – честно ответил Гардин.

До конца заседания он не произнес ни слова, хотя разговор опять вернулся к визиту канцлера. Он не говорил и больше не слушал. Мысли его потекли в другом направлении. Все, что прежде поддавалось логике, теперь распадалось на куски. Он пытался собрать эти куски, как части головоломки, в единое целое.

Ключом была психология – теперь он в этом уверен.

Он отчаянно вспоминал то, что изучал когда-то, и выудил, наконец, на свет Божий ниточку, за которую можно было ухватиться.

Такой великий психолог, как Селдон, достаточно хорошо разбирался в людских эмоциях и поведении, чтобы прогнозировать будущее.

А это значило... О-го-го!

4

Гардину лорд Дорвин сразу не понравился. Он нюхал табак и свои длинные, изящно завитые локоны то и дело накручивал на пальцы. Речь его отличалась исключительной изысканностью и грассированием.

Но неприязнь Гардина он вызвал не всем вышеперечисленным. Виной тому были подчеркнуто элегантные манеры и снисходительность, с которой он выслушивал любую фразу Гардина.

Как бы то ни было, Гардину срочно нужно было отыскать канцлера, который исчез вместе с Пиреном полчаса назад, точно испарился, будь он неладен.

Гардин торопился. Он прекрасно понимал, что Пирена как нельзя лучше устраивает его отсутствие во время предварительных переговоров.

Пирена видели на этом этаже, в этом крыле. Что ж, придется просто открывать все двери подряд – чем он и занялся. Как ни странно, ему быстро повезло.

В затемненной комнате на фоне освещенного экрана Гардин увидел профиль лорда Дорвина – из-за замысловатой прически его невозможно было спутать.

Канцлер обернулся к двери.

– А, Гавдин! Вы нас взыскивали, да?

Он протянул Гардину кустарную табакерку с препакостным табаком. Гардин вежливо отказался, а лорд Дорвин сделал понюшку и заулыбался.

Пирен нахмурился, но Гардин сделал вид, что ничего не замечает.

В тишине раздался стук крышечки табакерки. Канцлер отставил ее в сторону и изрек:

– Пвосто потвясающее достижение, Гавдин, – эта ваша Энциклопедия. Я бы сказал – одно из самых потвясающих достижений всех времен и народов.

– Мы тоже так считаем, милорд. Но работа еще не закончена.

– Я не так много успел посмответь, но совевшенно не сомневаюсь, что вработка идет успешно. Очень успешно, не боюсь утверждать.

Он улыбнулся Пирену, и тот ответил ему почтительным кивком.

«Ну просто праздник любви», – подумал Гардин, а вслух сказал:

– А я, милорд, вовсе не хотел сказать, что работа плохо продвигается. Я просто подчеркнул, что так же неплохо продвигается деятельность Анакреона, которая может перечеркнуть всю нашу работу.

– О да, Анаквеон... Я только что оттуда. Совевшенно ваввавская планета. Вообще твудно представить, как тут па Певифевии живут люди. Они лишены элементавных удобств, пвиспособлений, необходимых для жизни любому культурному человеку! Никакого комфорта!

Гардин сухо перебил его:

– К сожалению, анакреонцы обладают всем необходимым для ведения войны и кучей приспособлений для нападения и разрушения.

– Ну да, ну да...

Лорду Дорвину явно не поправилось, что его прервали на полуслове.

— Только мы сейчас пво дела гововить не будем. Хотя это очень, очень меня твогает. Доктов Пивен, вы, кажется, хотели пводемонстровать мне втвой том? Будьте добвы...

Свет погас. Следующие полчаса о Гардине не вспоминали, как будто он находился не здесь, рядом, а на Анакреоне или где подальше. У него не было никакого желания углубляться в перелистываемую на экране книгу, а вот лорд Дорвин то и дело высказывал искреннее восхищение.

Когда вновь вспыхнул свет, лорд Дорвин поинтересовался:

— А интевесно узнать, вы, случайно, не интевесуетесь авхеологией, Гавдин?

— Как вы сказали? А... Нет, милорд. Не могу сказать, чтобы очень интересовался. Я учился на психолога, а стал политиком.

— Ну это вы звя, звя... Потвясающе интевесные исследования. Сам я, пвизнаться, пвосто без ума от авхеологии!

— Да что вы?

— Его Превосходительство, — вмешался Пирен, — большой специалист в этой области.

— Навевное, навевное, так, — смущенно, но не без гордости проговорил лорд Дорвин. — Я очень, очень много вработал над этой наукой. Пвочитал все, что только можно. Все вработы Джовдана, Квомвилля, ну, в общем, много кого.

— Фамилии мне знакомы, — сказал Гардин. — Но читать — не читал.

— Непвеменно, непвеменно почитайте, мой довогой! Вам понавится, очень понавится! Я почему так обвадовался, что меня послали сюда, на Певифевию, — здесь я мог ознакомиться с копией вработы Ламета. Вы не повевите, но у меня в библиотеке нет этой вработы. Кстати, доктов Пивен, вы не забыли, что обещали мне скопивовать ее?

— Это моя святая обязанность.

— Ламет, должен вам сказать, — произнес лорд Дорвин торжественно, — во многом пволивает свет на «Основной вопвос».

— Какой вопрос? — поинтересовался Гардин.

— «Основной вопвос». Вопвос о пвоисхождении человечества. Вы навевняка знаете, что было ввемя, когда думали, что человечество сначала пвоживало в единственной планетавной системе?

— Да, мне это известно.

— Конечно, никто не знает навевное, что это была за система. Знания утвачены в туманной дневности. Есть, однако, кое-какие пведположения. Некоторые говорят, что это мог быть Сивиус. Другие утвеждают, что это была Альфа Центавва, тветьи — что Солнце, четвевтые — 61 Лебедя. Но, обватите внимание — все системы в сектове Сивиуса!

— Ну а Ламет что говорит?

— У него совевшенно другой подход! Он утвевждает, что авхеологические находки на тветьи планете системы Авктува неопроведжимо доказывают, что человечество пвоживало там в докосмическую эву.

— Это что же, означает, что человечество зародилось именно на этой планете?

— Навевное! Но я еще должен внимательно ознакомиться с вработой для того, чтобы высказать более определенные сообважения. Пока я могу только сказать, что его наблюдения очень, очень ценны.

Некоторое время Гардин молчал. Потом спросил:

— А когда Ламет написал свою работу?

— О, пвимевно восемьсот лет назад. Конечно, он в большой степени основывался на пведыдущих вработах Глена...

— Почему же вы так безоговорочно верите ему? Не лучше было бы лично отправиться на Арктур и самостоятельно изучить материал раскопок?

Лорд Дорвин удивленно вскинул брови и поспешно взял щепотку табака.

— Но... для чего, мой довогой?

— Для того, чтобы иметь информацию из первых рук.

— Но я не вижу необходимости. Такой способ пведставляется мне совевшенно несоввеменным и непвактичным. Ну посмотвите. Я васплагаю вработами всех ставых мастеров — всех великих авхеологов пвшлого. Я их читаю, свавниваю их выводы, анализивую, вешаю,

кто из них плавал, а кто – не плавал, и делаю свое заключение. Вот это настоящий научный подход. По крайней мере – (тут он смущенно улыбнулся) – я так считаю. А на Авктув лететь нет совершенно никакого смысла, когда ставые мастера там все певекопали вдоль и поперек.

– Я понял вас, – усмехнулся Гардин.

Научный метод, черт бы тебя побрал! Чего уж тут удивляться, что Галактика того и гляди развалится!

– Милорд, – обратился к лорду Дорвину Пирен, – полагаю, нам лучше вернуться ко мне в кабинет.

– Да, навевное, навевное...

Когда они были уже у двери, Гардин неожиданно спросил:

– Милорд, вы позволите задать вам один вопрос?

Лорд Дорвин натянуто улыбнулся, но сопроводил ответ изящным движением руки.

– Безусловно, мой довогой. Очень вад, если мои скромные познания вам помогут.

– Но это не из области археологии, милорд.

– Нет? Как жаль...

– Нет. Дело вот в чем. В прошлом году на Терминус поступило сообщение о том, что на атомной электростанции пятой планеты Гаммы Андромеды произошел взрыв. Детали происшествия нам не известны. Не могли бы вы рассказать, что именно там произошло?

Физиономия Пирена выражала все, что он думал о Гардине в эту минуту.

– Перестаньте надоедать Его Превосходительству посторонними вопросами!

– Ничего, ничего ствашного, доктор Пивен! – успокоил его канцлер. – Все в повядке. Я, плизнаться, не слишком ховошо осведомлен об этом случае. Мне известно, что электростанция взорвалась, и это была катастрофа, пвосто катастрофа... Погибли несколько миллионов людей, и половина планеты пвосто плаввавилась в вуины. В настоящее ввемя правительство вассматывает вовпос о введении определенных ограничений на пвименение атомной энегии, но это, как говорится, совевшенно секвентно.

– Понятно, – усмехнулся Гардин. – А что все-таки произошло на электростанции?

– Ну знаете, – протянул лорд Дорвин. – Кто скажет? Кто может знать? Она взорвалась паву лет назад, и тогда говорили, что плохо был пвведен вемонт. Теперь так трудно найти персонал, котовый действительно ховошо вазбивался бы в атомной энегетике...

Он скорбно понюхал табак.

– Вам известно, милорд, что независимые королевства Периферии также утратили принцип использования атомной энергии?

– Правда? Совевшенно неудивительно. Ваввавские планеты. Только, довогой мой... не надо называть их независимыми. Это не так. Мы заключили с ними соглашения, в которых нет ни слова об их независимости. Они плизнают суверенитет Империи. Им пвидется его пвизнавать, иначе мы с ними... поссовимся.

– Хочу надеяться, что вы правы. Однако свобода действий у них не ограничена.

– Да, навевное. Не ограничена. Но не стоит пвидавать этому значения. Для Империи даже выгодно, что Певифевия пвездоставлена самой себе. Бвошена, так сказать, на пвоизвол судьбы. Нам от них никакой пользы нет. Ваввавские, дикаевые планеты...

– Когда-то они были вполне цивилизованными. Анакреон считался богатейшей из отдаленных провинций. На уровне Веги.

– О, Гавдин, но это было много веков назад! Не надо делать сковопалительных выводов. В пвежние ввемена все было по-двугому. И мы теперь уже не те, что были когда-то. И потом, Гавдин, вы слишком настойчивы. Я же сказал, что у меня нет наставления сегодня говорить пво дела. Доктор Пивен пведупвеждал меня. Он говорил, что вы будете ко мне пвиставать с вовпосами. Но поймите, довогой мой, я очень ставый человек. Я устал. До завтва, Гавдин.

Дверь закрылась. Гардин остался один.

два или три, на которые ему не были присланы приглашения.

Пожалуй, он не получил бы приглашения и сейчас, если бы не ультиматум.

Это был именно ультиматум, хотя при поверхностном чтении послания возникало впечатление, что речь идет об официальном обмене любезностями.

Послание начиналось цветистым приветствием: «От Его Величества, Короля Анакреона – другу и брату, Председателю Совета Попечителей Академии Энциклопедистов», а заканчивалось великолепной печатью, отличавшейся изысканной символикой.

Но как бы то ни было – это был ультиматум, и поэтому первым слово взял Гардин.

– У нас было очень мало времени – всего три месяца. Но мы ухитрились не использовать и этот срок. После получения этой бумажки у нас остается неделя. Что же теперь будем делать?

Пирен озабоченно нахмурился:

– Должен быть какой-то выход. Не верится, чтобы они пошли па крайности после того, как у нас побывал лорд Дорвин и заверил нас во всем, что касается Империи и лично Императора.

Гардин оживился.

– Ну-ну. Вы проинформировали короля Анакреона об отношении к нам Императора?

– Да. Но только после того, как вопрос был поставлен на голосование и я получил единогласную поддержку Совета Попечителей.

– И когда же это голосование имело место?

– Полагаю, что не обязан отвечать, мэр Гардин!

– Можете не отвечать. Не больно-то интересно. Просто этот факт лишний раз укрепил меня во мнении, что вы должным образом развили дипломатическую линию, блестяще намеченную лордом Дорвина, – усмехнулся Гардин и продолжил: – А ведь именно его дипломатия и стала причиной дружеского послания. Если бы не так, они, наверное, еще потянули бы время. Но Терминусу и это бы не помогло – если учесть отношение Совета к сложившейся ситуации.

– И как же вы пришли к такому замечательному выводу, господин мэр? – ехидно вмешался Йет Фулхэм.

– Да очень просто! Для этого мне потребовалось вернуться к здравому смыслу. Видите ли, существует такая отрасль знаний – математическая логика. Ею пользуются для выявления истины, не приукрашенной мишурой болтовни и реверансов.

– А конкретно?

– Я воспользовался методом математической логики. И при чтении этого послания, в частности. Не из личного тщеславия – я и так прекрасно понимал, о чем здесь может идти речь. Но думаю, что пять физиков все проще объяснят цифрами.

Гардин взял из стопки несколько листов бумаги и раздал присутствующим.

– Кстати, это не я придумал и не я сделал. Все анализы провел Мюллер Холк из Отдела Логики.

Пирен склонился над листком, чтобы лучше разглядеть, а Гардин продолжал:

– Послание с Анакреона не представляло особой трудности, поскольку написано людьми дела, а не слова. Содержание его можно свести в одно заявление. Вот как это выглядит в цифрах, а в словах получается: «Вы даете необходимое нам не позднее чем через неделю, иначе мы вытрясем это из вас силой».

Наступила тишина. Пять членов Совета молча разглядывали уравнение. Пирен выпрямился и нервно кашлянул.

Гардин спокойно спросил:

– Похоже, выхода нет, доктор Пирен?

– Похоже, нет.

– Ну а теперь, – Гардин перевернул листки, – перед вами копия соглашения между Империей и Анакреоном – того самого, которое со стороны Императора подписал лорд Дорвин. Вот его смысл после анализа методами математической логики.

Соглашение занимало пять страниц убористого текста, а выводы анализа – всего полстранички.

– Как видите, господа, практически девяносто процентов текста соглашения не поддалось

анализу по причине полной бессмысленности. А то, что осталось, может быть интерпретировано следующим образом:

«Обязательства Анакреона перед Империей – НИКАКИХ»!

«Власть Империи над Анакреоном – НИКАКОЙ»!

Члены Совета углубились в изучение документа, то и дело сверяясь с текстом соглашения. Наконец Пирен озабоченно пробормотал:

– Похоже, все правильно...

– Следовательно, вы признаете, что соглашение – не что иное, как декларация полной независимости Анакреона и признание ее Империей?

– Видимо, да...

– Сомневаетесь ли вы теперь, что Анакреон этого не знает и не стремится воспользоваться независимостью? Тем более что препятствий со стороны Империи ожидать не приходится!

– Но как же, – вмешался Сатт, – тогда понимать заверения лорда Дорвина в поддержке Империи? Нам они показались, – он пожал плечами, – удовлетворительными...

Гардин откинулся в кресле.

– А вот это как раз – самое интересное! Признаюсь, когда я впервые встретился с лордом Дорвином, я решил, что более тупоголового осла в жизни не встречал. Однако позднее я понял, что передо мною опытный дипломат и умный человек. Так вот. Я взял на себя смелость записать все его высказывания на магнитофон.

Члены Совета зашептались, а Пирен от возмущения открыл рот.

– А что тут такого? Я, конечно, понимаю, что этим я нарушил кодекс гостеприимства и поступил не по-джентльменски. То есть, все было бы так, если бы Его Превосходительство что-нибудь заметил. Но он ничего не заметил, а записи я передал для анализа Холку.

– Где же сами выводы анализа? – не вытерпел Лундин Краст.

– Не удивляйтесь их отсутствию, господа, – улыбнулся Гардин. – Этот анализ оказался самым трудным. Холк бился над ним целых два дня. Он отбросил все незначащие фразы, болтовню, «цепные» высказывания... и в конце концов для анализа не осталось ничего! То есть – абсолютно ничего!

Лорд Дорвин, господа, за пять дней, в течение которых шли переговоры, не сказал ничего! Но ухитрился сделать это так, что никто из вас этого не заметил. Вот какова цена заверениям в поддержке Империи!

Если бы Гардин вынул из кармана адскую машину и поставил ее на стол за секунду до взрыва, эффект не был бы сильнее, чем после этих слов. Он спокойно ждал, пока утихнут страсти.

– Таким образом, – резюмировал он, – если вы намерены угрожать (что, собственно, уже сделали) Анакреону от имени Империи, вы ничего не добьетесь, только раздразните монарха, которому лучше вашего известна истина. Естественно, его задетое самолюбие подвигнет его к немедленным действиям. Что уже имело место. Ультиматум перед вами. А теперь я позволю себе вернуться к тому, о чём уже говорил. На размышления осталась неделя. Что мы предпримем?

– Такое впечатление... – выдавил Сатт, – что нет другого выбора, кроме как согласиться на то, чтобы Анакреон разместил военные базы на Терминусе...

– Тут я с вами согласен, – кивнул Гардин. – Но как нам привести положение вещей в соответствие с первоначальным вариантом?

Йет Фулхэм пошевелил усами.

– Похоже, вы твердо решили применить силу?

– Сила, – последовал ответ, – последний козырь дилетантов. Но я вовсе не исключаю возможности ее применения.

– Мне все-таки не нравится то, как вы все это преподносите, – настаивал Фулхэм. – Это – опасная тактика. Тем более опасная, что в последнее время вас поддерживает большая часть населения. И должен вам заметить, мэр Гардин, что в Совете – не слепые, мы отлично знаем, чем вы занимаетесь.

Он сделал паузу. Остальные поддержали его молчаливым согласием. Гардин равнодушно пожал плечами. Фулхэм продолжал:

— Если вы доведете дело до того, что в городе раздадутся призывы к применению силы, это окажется равносильно самоубийству! Мы не намерены подобное допустить. Основа нашей политики и ее кардинальный принцип — Энциклопедия. Решим мы предпринять или... не предпринять, Энциклопедия должна быть сохранена!

— Следовательно, — буркнул Гардин, — вы прямо заявляете, что мы должны продолжать интенсивную кампанию по ничегонеделанию.

Пирен печально проговорил:

— Вы же сами только что продемонстрировали, что Империя не может нам помочь. Хотя я так и не понял, почему так вышло. Если необходим компромисс...

Гардин ощущал себя как в страшном сне — когда мчишься изо всех сил, а добежать до цели никак не можешь.

— Да нет компромисса! Как вы не понимаете, что вся эта суэта вокруг военных баз — обман высшей марки! Лорд Родрик явно дал нам понять, какова истинная цель Анакреона — неприкрытая аннексия, экспансия феодальной системы — насаждение аристократии и крестьянства здесь, у нас. Их может в какой-то степени приостановить знание о том, что у нас есть какая-никакая атомная энергетика, но и то ненадолго, уверяю вас, — и с последними словами он встал. Поднялись и все остальные, кроме Джорда Фара.

— Пожалуйста, сядьте все, — попросил он. — Мы зашли слишком далеко. Не надо так распаляться, мэр Гардин. Мы все здесь — не предатели.

— Вы уж меня в этом убедите, будьте так добры!

Фара мягко улыбнулся:

— Не верю, что вы действительно так думаете. Позвольте мне высказаться.

Его маленькие, утонувшие в морщинках глаза были полуприкрыты. На подбородке блестели капельки пота.

— Полагаю, что нет необходимости и дальше скрывать тот факт, что Совет Попечителей постановил принять решение по Анакреону в зависимости от того, что произойдет при раскрытии Склепа. То есть, через шесть дней.

— Это и есть ваш вклад в решение проблемы?

— Да.

— Выходит, если я правильно понял, что делать нечего, кроме как сидеть и ждать сложа руки, пока чертик не выскочит из табакерки — то есть, прошу прощения, из Склепа?

— Если оставить в стороне красивые слова, идея именно такова.

— Потрясающий эскапизм! Поистине — от великого до смешного один шаг. Простенько и со вкусом.

Фара снисходительно улыбнулся:

— Ваша любовь к афоризмам известна, но сейчас это неуместно. Надеюсь, вы не забыли сказанное мною о Склепе три недели назад?

— Помню. И сегодня скажу то же самое — ничего нет в идее, кроме непроходимой глупости с точки зрения дедуктивной логики. Остановите меня, если я буду не прав, но вы сказали, что Гэри Селдон был величайшим психологом и мог, следовательно, предвидеть обстоятельства, в которых мы сейчас оказались. Из этого следует, что Склеп существует, чтобы подсказать нам выход.

— Вы правильно понимаете суть дела.

— Тогда вас не удивит сообщение о том, что я тщательно обдумывал этот момент в течение последних недель.

— Как это мило с вашей стороны. До чего же вы додумались?

— Я додумался до того, что здесь необходима чистая дедукция. Как и во всем остальном — нужна искра здравого смысла.

— Например?

— Например: если Селдон предвидел переворот на Анакреоне, почему он не нашел для нас другой планеты, поближе к центру Галактики? Известно, что Селдон путем психологических уловок убедил Комитет Общественного Спасения Трентора отправить нас именно па Терминус. Но почему он этого хотел? Почему он решил разместить нас здесь, если предвидел заранее разрыв коммуникационных связей, нашу изоляцию от Галактики, угрозы со стороны опасных

соседей и – нашу беспомощность, вызванную полным отсутствием металлов на Терминусе? Последнее – самое важное. Ну а если он предвидел, почему не предупредил первых поселенцев заранее, чтобы у них было время подготовиться, а не ждать, пока мы ступим одной ногой в пропасть?

– Вы забываете вот о чем. Если он мог предвидеть тогда, мы тем более способны увидеть сейчас. В конце концов, Селдон не был волшебником. Существенна дилемма. Он ее видел.

– А мы не можем?

– Но, Гардин, – мягко вмешался Фара, – мы же действительно не можем!

– Да вы и не пытались! Ни разу! Сначала вы отказывались признать, что угроза вообще существует. Потом вы слепо твердили о вашей непоколебимой вере в Императора. Теперь вы ухватились за Гэри Селдона, как за соломинку. Вы все время полагаетесь на авторитеты, только не на самих себя.

У него дрожали руки.

– Это просто какая-то болезненная мания – условный рефлекс, защищающий ваш разум от принятия самостоятельных решений, как только нужно пойти против мнения какого-то авторитета. Вы, несомненно, продолжаете считать, что Император сильнее вас, а Гэри Селдон – умнее. Но это не так, неужели вы не видите?!

Ему никто не ответил.

Гардин продолжал:

– Да дело не только в вас. Такое положение – во всей Галактике. Пирен был свидетелем того, как лорд Дорвин высказался о том, что, по его мнению, представляет собой научный метод. Он считает, что для того, чтобы стать хорошим специалистом в археологии, достаточно прочитать все книги на эту тему, написанные людьми, почившими много веков назад. Он полагает, что спорные вопросы решаются путем сравнения различных точек зрения. А Пирен слушал и не возражал. Не кажется ли вам все это странным?

Гардин уже чувствовал себя проповедником, взывающим к душам заблудших. Ответом было молчание.

Он продолжал:

– И вы, и половина народа на Терминусе таковы. Мы сидим тут и молимся на Энциклопедию. Мы считаем, что главной задачей науки является классификация существующих знаний. Это, конечно, важно, но разве больше делать нечего? Здесь, на Периферии, больше не пользуются атомной энергией. На Гамме Андромеды взорвалась атомная станция из-за некачественного ремонта. Канцлер Империи жалуется, что стало трудно с персоналом. А выход-то какой? Новых готовить? Да что вы! Ни за что! Легче запретить пользоваться атомной энергией!

И как вы не понимаете! Это происходит по всей Галактике. Это знаки смерти! Это развал, загнивание!

Он переводил взгляд с одного лица на другое. Все молчали, уставившись на него.

Первым пришел в себя Фара.

– Мистика нам сейчас не поможет. Давайте говорить более конкретно. Вы берете на себя смелость отрицать, что великий Гэри Селдон был способен предсказать исторические тенденции с помощью психологических исследований?

– Да нет же, нет, конечно! – вскричал Гардин. – Но нельзя же целиком и полностью на него полагаться! Как максимум он мог обозначить проблему, а уж ее решение на нашей совести.

Вдруг ожила Фулхэм.

– Что вы имеете в виду – «обозначить проблему»? Проблема известна.

Гардин пристально посмотрел на него.

– Известна, вы думаете? Полагаете, что у Гэри Селдона, кроме Анакреона, больше голова ни о чем не болела? А я думаю по-другому! Я заявляю, господа, что до сих пор никто из вас и не понял, что именно происходит!

– А вы понимаете? – сердито хмыкнул Пирен.

– Думаю, что да.

Гардин вскочил и отбросил в сторону стул.

— Если и можно сказать что-то определенное, так это то, что ситуация плохо пахнет. Есть здесь что-то более важное, чем все, о чем мы с вами толкуем. Задайте себе вопрос: почему в числе первых поселенцев не было ни одного психолога высшей категории, кроме Бора Алурина? А он, между прочим, почему-то упорно не готовил учеников, преподавал студентам элементарные азы.

После короткой паузы Джорд Фара выдавил:

— Как понять почему?

— Может быть, потому, что психолог давным-давно раскусил бы, что к чему. Слишком быстро раскусил бы, а это Гэри Селдона не устраивало. В итоге, мы — как слепые котята, и видим все, как в тумане. А Селдону только этого и надо было!

Он нервно рассмеялся:

— Прощайте, господа! — И вышел из зала.

6

Гардин безуспешно пытался затянуться. Сигара его давно погасла, но заметил он это только сейчас. Прошлой ночью он не сомкнул глаз и уже не сомневался, что в следующую тоже не заснет. Он устало вымолвил:

— Это все?

— Пожалуй, да.

Йон Ли потер ладонью подбородок.

— Ну и как звучит?

— Неплохо. Но действовать нужно немедленно. При этом — никакой шумихи. Нельзя оставлять времени на размышления, не то нам не дадут овладеть ситуацией. Если придется отдавать приказы, делайте это так, как будто только этим всю жизнь и занимались. И они будут вынуждены подчиниться.

— А если Совет не среагирует?

— Совет? Можете о нем забыть. Послезавтра их роль в делах Терминуса уподобится ломаному грошю.

Ли понимающе кивнул:

— Но все-таки странно, что до сих пор ничего не предпринято, чтобы нас остановить. Вы говорили, что им кое-что известно.

— Фара кое о чем догадывается. Порой он действует мне на нервы. А Пирен относится к моей деятельности подозрительно с первого дня. Но все-таки до конца они не понимают, что действительно происходит. Ли, они выросли в авторитарной системе. Они уверены в том, что Император всесилен только потому, что он Император. Кроме того, они уверены, что Совет Попечителей, действуя от имени Императора, никогда не окажется в ситуации, когда он не сможет отдавать приказы. То, что они не верят в возможность переворота, гарантирует наш успех.

Он поднялся и подошел к вентилятору.

— Они не такие уж плохие люди, Ли, пока занимаются своей Энциклопедией. Но — абсолютные невежды, когда речь заходит об управлении Терминусом. А теперь — идите и начинайте действовать. Я хочу побывать один. Устал зверски.

Он присел на угол письменного стола и уставился на стакан с водой.

Господи! Как хотелось быть таким уверенным во всем, что он говорил Ли! Через два дня должны высадиться анакреонцы, а ему не оставалось ничего другого, как только перебирать в уме варианты будущего, задуманного Гэри Селдоном! А ведь Гардин не был настоящим психологом — недоучка, пытающийся разгадать замысел величайшего ума Галактики!

Если Фара прав и Анакреон был единственным предвидением Селдона, если Энциклопедия была тем, что он хотел сохранить, — каков тогда смысл государственного переворота, который он затеял?

Гардин пожал плечами и жадно выпил воду...

7

В Склепе стояло гораздо больше шести кресел – будто ждали большую компанию. Гардин устроился в углу, подальше от членов Совета.

Они, видимо, тоже были рады, что он не сел рядом, и разговаривали друг с другом шепотом. До Гардина доносились только отдельные слова. Только Джорд Фара казался спокойным. Он вытащил карманные часы и время от времени поглядывал на циферблат.

Гардин тоже достал часы, взглянул на них, потом – на стеклянный куб, абсолютно пустой, который занимал добрую половину Склепа. Этот куб и создавал впечатление необычности. Трудно было поверить, что где-то рядом вот-вот закончится период полураспада радия, упадет рычажок, произойдет соединение и…

Свет погас!

Он погас не сразу, а постепенно, но это было настолько неожиданно, что Гардин едва не вскочил со стула. Он поднял глаза на потолочные лампы, а когда опустил взгляд, куб уже не был пуст.

Внутри него возникла фигура – фигура человека в инвалидном кресле!

Какое-то время человек молчал, потом закрыл книгу, лежавшую на коленях, и заложил страницу пальцем. Улыбнулся. Было полное впечатление, что он живой.

– Я. – Гэри Селдон, – сказал человек усталым мягким голосом.

Гардин опять чуть было не вскочил, чтобы поприветствовать старика, но вовремя одумался.

– Видите ли, я прикован к креслу и не могу встать, чтобы поздороваться с вами, – говорил старик. – Ваши бабушки и дедушки отправились на Терминус несколько месяцев назад, хотя между нами разница во времени, но с тех пор меня мучает паралич. Я вас не вижу и даже не знаю, сколько вас, поэтому давайте обойдемся без формальностей. Если кто-то стоит – пусть сядет. Если кому-то хочется закурить – Я не возражаю. Да и как я могу возражать?

Гардин автоматически потянулся за сигарой, но тут же раздумал закуривать.

Гэри Селдон отложил книгу в сторону, на невидимый стол, оторвал от нее пальцы – она исчезла.

Он продолжал:

– Сегодня – пятьдесят лет со дня рождения Академии. Пятьдесят лет сотрудники Академии не догадывались, чем занимаются. И не должны были знать. Так было нужно. Но сегодня такая необходимость отпала.

Прежде всего должен вам сообщить, что Академия Энциклопедистов – не что иное, как обычное надувательство.

Члены Совета зашевелились, зашептались, раздались удивленные и возмущенные голоса, но Гардин даже не посмотрел в их сторону.

Гэри Селдон, естественно, тоже. Он продолжал:

– Да, это надувательство в том смысле, что ни я, ни мои коллеги не придаем никакого значения тому, выйдет ли когда-нибудь хоть один том. Академия сделала свое дело, ибо именно благодаря ей мы стали обладателями имперской Хартии, благодаря ей мы вытянули с Трентора сто тысяч человек, необходимых для осуществления наших задач. Благодаря ей все эти люди делали свое дело, пока ход событий не обрисовался до определенных очертаний, пока не стало пути к возврату назад.

Пятьдесят лет вы трудились над фальшивым проектом, над этим мыльным пузырем – теперь нет нужды смягчать выражения, – и пути к отступлению отрезаны. Теперь вам ничего больше не остается, как перейти к осуществлению более важного проекта, который предназначен для реализации настоящего плана.

Для этого мы поместили вас на такую планету и в такое время, чтобы через пятьдесят лет вы подошли к точке, где полностью утратили бы свободу действий. С сегодняшнего дня на многие века вперед путь, по которому вы пойдете, неизбежен. Вас ожидает несколько кризисов. Сейчас наступает первый. Во время каждого из них, как сейчас, ваша свобода действий будет ограничена до такой степени, что вы сможете выбрать один, единственный путь. Тот один-единственный, который предусмотрен нашими психологами.

В течение многих веков галактическая цивилизация разлагается и загнивает, но осознают

это очень немногие. Теперь наконец откалывается Периферия и тем самым нарушается политическая целостность Империи. Когда-нибудь около одного из пятидесяти прошедших лет историки будущего поставят галочку и скажут: «Вот Начало распада Галактической Империи».

И будут правы, хотя еще несколько столетий спустя никто не догадается о том, что Империя распадается.

После распада наступит период варварства, который, как говорит психоистория, продлится в нормальных обстоятельствах тридцать тысячелетий. Мы не в силах остановить упадок. Мы и не хотим этого, поскольку имперская культура утратила всякую ценность и жизнеспособность. Но мы можем свести период хаоса до одного тысячелетия.

Мы не можем сейчас раскрыть вам все тонкости того, как это будет достигнуто, – как пятьдесят лет назад не могли сказать всю правду об Академии. Если бы вы узнали детали, наш план провалился бы, потому что за счет знания расширилась бы свобода ваших действий. В схему лопало бы непредсказуемое число переменных, и наши психоисторические методы оказались бы неприменимыми.

Но вам это не дано, потому что на Терминусе нет и не было психологов, кроме Алурона, а он был одним из моих сотрудников.

Но вот что может вас утешить: Терминус и его Академия, так же как и вторая Академия на другом краю Галактики – зерна возрождения, зародыши второй Галактической Империи. Терпеливый кризис – начало пути Терминуса к этой цели.

Кстати сказать, нынешний кризис – самый несложный из тех, что вам придется пережить. Для того чтобы преодолеть его последствия, следует помнить следующее: вы – планета, внезапно оказавшаяся отрезанной от пока еще цивилизованного центра Галактики. Вам угрожают более сильные соседи. Вы – крохотный мир ученых, окруженный быстро разрастающейся границей варварства. Вы – островок атомной энергии в океане примитивной энергетики. Однако вы беспомощны, потому что у вас нет металлов.

Вы видите, следовательно, что стоите лицом к лицу с тяжелейшими обстоятельствами. На вас направлены враждебные силы. Ваши ответные действия, полагаю, очевидны.

Рука Гэри Селдона потянулась за невидимым предметом, и в ней оказалась книга. Он открыл ее и произнес:

– Но какое бы замысловатое течение ни приобрела ваша будущая история, вы должны убедить своих потомков, что путь ваш имеет предназначение и в конце его – новая великая Империя!

Взгляд его упал на страницы книги, и он исчез вместе с ней. Вспыхнул свет.

Гардин обернулся и увидел, что на него растерянно смотрит Пирен.

– Похоже, вы оказались правы. Если вы посетите нас в шесть часов вечера, думаю, Совет обратится к вам за консультацией по поводу дальнейших действий.

Все советники по очереди пожали руку Гардина и удалились. Гардин улыбнулся. Они были-таки здравомыслящими людьми. И, в конце концов, неплохими учеными, честно признавшими свое поражение. Только сделали это слишком поздно.

Он посмотрел на часы. Да, все было кончено. Люди Ли взяли ситуацию под контроль, и Совет не мог больше отдавать приказы...

Завтра должны приземлиться первые корабли анакреонцев. Но с этим тоже было все в порядке. Через шесть месяцев и они не смогут отдавать приказы.

Как сказал Гэри Селдон, и о чем догадался Сальватор Гардин, в тот самый день, когда Ансельм, лорд Родрик, впервые проговорился об отсутствии на Анакреоне атомной энергии, решение проблемы было очевидным.

Чертовски очевидным!

Часть третья Мэры

Четыре королевства – название, данное областям провинции Анакреон, отделившимся от Первой Империи в начале Академической Эры и образовавшим независимые, но недолго просуществовавшие государства. Самым обширным и могущественным из них был Анакреон, площадь которого...

...Безусловно, поворотным моментом в истории Четырех Королевств стало появление необычной социальной прослойки во времена правленая Сальвора Гардина...

Галактическая энциклопедия

Депутация!

Гардин был о ней предупрежден, но это нисколько не улучшало настроения. Наоборот, ожидание было мучительным.

Йон Ли выглядел всерьез озабоченным.

– Я считаю, Гардин, – говорил он, шагая из конца в конец комнаты, – что нам не следует терять время. До следующих выборов им ничего не сделать. Я имею в виду – легально. Таким образом, у нас есть год. А за год их можно в порошок стереть.

Гардин разжал губы:

– Ли, голубчик, вы так ничему и не научились. Я вас сорок лет знаю, а вы так и не овладели тактикой внезапного нападения сзади.

– Я не сторонник таких методов.

– Знаю. Наверное, именно поэтому вы – единственный, кому я доверяю. – Он замолчал и потянулся за сигарой.

– С того дня, Ли, когда нам повезло и мы удачно одолели Энциклопедистов, немало воды утекло. Я старею. Мне уже шестьдесят два. Вы не почувствовали, как быстро пролетели тридцать лет?

Ли фыркнул:

– Мне, между прочим, шестьдесят шесть, а я вовсе не считаю себя стариком.

– Мне бы ваш желудок... – вздохнул Гардин.

Гардин лениво посасывал сигару. Он уже давно перестал мечтать о веганском табаке времен своей молодости. Дни, когда Терминус торговал со всей Галактикой, канули в Лету. Та же участь ожидала и всю Империю. Он думал о том, кто теперь управляет Империей, есть ли вообще Император? Вот уже тридцать лет никакой связи, и вся Вселенная для Терминуса замкнулась на нем самом и Четырех Королевствах...

Господи Более – королевства! Когда-то они были префектурами, областями одной-единственной провинции, которая являлась частью сектора из части квадранта, а квадрант – частью громадной Галактической Империи. А теперь, когда Империя утратила власть над удаленными областями Галактики, эти крошечные скопления планеток стали королевствами – с опереточными королями и вельможами, карточными, бессмысленными войнами, с жизнью на руинах.

Ли, стоя у окна, заговорил и тем прервал размышления Гардина:

– Вот и они. Надо же – в автомобиле последней марки! Пижоны...

Он пошел к двери, но на полпути обернулся и посмотрел на Гардина. Тот улыбнулся и махнул рукой:

– Не беспокойтесь, Ли. Я распорядился проводить их сюда.

– Сюда? Зачем? Не много ли чести?

– Да неохота устраивать официальную аудиенцию. Я уже стар для всех этих реверансов. Кроме того, небольшая порция лести не повредит, когда имеешь дело с юнцами. Тем более, это ни к чему не обязывает.

Он подмигнул Ли и добавил:

– Садитесь, Ли, и поддержите меня морально в разговоре с Сермаком.

– Кстати, о Сермаке, – мрачно вставил Ли. – Он опасен. У него есть сторонники, Гардин, и немало. Не стоит его недооценивать.

– Ну, мне это не свойственно.

– Тогда арестуйте его. Потом можно придумать за что.

Гардин на это не ответил.

— Они здесь, Ли, — сказал он, глянув на сигнальную лампочку. Нажал кнопку под столом, И двери открылись.

Вошли четверо. Гардин гостеприимно указал па кресла, окружавшие его стол. Вошедшие поклонились и сели, выдерживая паузу. Видимо, ждали, что первым заговорит мэр.

Гардин открыл затейливо украденную крышку сигарной шкатулки, принадлежавшей когда-то Джорду Фара, члену Совета Попечителей Энциклопедических времен. Шкатулка была сделана на Сантании, но сигары в ней теперь лежали местные. Поочередно, молчаливо и торжественно, члены депутатации взяли по сигаре и церемонно закурили. Зеф Сермак сидел вторым справа. Он был самым молодым из четверых и самым интересным на вид: у него были жесткие белесые, аккуратно подстриженные усы и глубоко посаженные выцветшие глаза. Остальные трое Гардина не заинтересовали. Он сосредоточился на Сермаке, который за время со дня своего избрания в Городской Совет успел не один раз перевернуть там все вверх дном. Гардин сказал, обращаясь именно к нему:

— Искренне рад видеть вас, Советник, в особенности — после вашего блестящего выступления в прошлом месяце. Ваша критика внешней политики нашего правительства была просто превосходна.

В глазах Сермака вспыхнули злые искорки.

— Для меня — большая честь, что вы это заметили. Критика могла быть какой угодно. Главное — по делу.

— О да! Ваше мнение — это ваше мнение, несомненно. Ну и потом, вы еще так молоды!

Сермак сухо ответил:

— Молодость — это грех, которому каждый подвержен в определенное время. Вы, между прочим, стали мэром города, когда были на два года моложе меня.

«Однако, сосунок не так-то прост», — подумал Гардин.

— Если я правильно понимаю, — сказал он мягко, — ваше посещение имеет ту же цель — поговорить о внешней политике. Вы выражаете мнение всех спутников или я должен буду выслушать каждого в отдельности?

Молодые люди понимающие переглянулись.

А Сермак торжественно изрек:

— Я говорю от имени народа Терминуса — народа, который наконец имеет своих представителей в насквозь обюрократившейся структуре, именуемой Советом.

— Понятно. Давайте дальше.

— Дело в том, господин мэр, что мы недовольны...

— «Мы» — это, надо понимать, народ?

Сермак зло покосился на Гардина, чувствуя подвох, и холодно ответил:

— Я уверен, что мои взгляды разделяет большинство избирателей Терминуса. Устраивает это вас?

— Ну, это еще надо проверить... Но продолжайте. Итак, вы недовольны...

— Да! Недовольны! Возмущены политикой, которая за тридцать лет сделала Терминус беззащитным перед любым вторжением извне!

— Ясно, продолжайте.

— Благодарю вас, — процелил Сермак. — Поэтому мы формируем новую партию, ее задачей станет защита жизненных интересов населения Терминуса. Мы собираемся выкинуть вас и ваших тряпачек из зала заседаний Совета, и очень скоро!

— Если только... Обязательно должно быть что-то вроде «если только...».

— Вовсе не обязательно. Но тем не менее; если только вы немедленно не уйдете в отставку. Я не прошу вас изменить вашу политику, потому что не верю ни единому вашему слову. Ваши обещания ничего не стоят. Единственное, что нас устроит, — немедленная отставка.

— Понял.

Гардин, положив ногу на ногу, откинулся назад и покачивался на стуле.

— Таков ваш ультиматум. Спасибо, что предупредили. Но, видите ли, я откажусь.

— Вы напрасно думаете, что это — предупреждение, господин мэр. Новая партия уже сформирована и начинает официально действовать с завтрашнего дня. Для компромиссов нет

ни времени, ни места. Честно говоря, только ваши личные заслуги перед городом заставили нас предложить такой вариант. Я предполагал, что вы его не примете, но, по крайней мере, наша совесть будет чиста. Следующие выборы покажут, что ваша отставка неизбежна.

Он встал. За ним, как по команде, поднялись остальные.

Гардин поднял руку:

— Постойте! Прошу вас задержаться.

Зеф Сермак недовольно опустился в кресло. Лицо Гардина осталось непроницаемым, хотя он с трудом удерживал улыбку.

О чем бы они там ни трепались, а должно было последовать какое-то предложение. Этого предложения он и ждал.

Раскурив погасшую сигару, он спросил:

— А каким именно образом вы хотели бы изменить нашу внешнюю политику? Хотите, чтобы мы немедленно напали на все Четыре Королевства?

— Я этого не предлагаю, господин мэр. Мы требуем вашего отказа от пацифизма. За время своего правления вы только и делали, что оказывали научную и практическую помощь Четырем Королевствам. Вы дали им атомную энергию, вы помогли восстановить атомные электростанции, вы открыли там клиники, химические лаборатории, заводы.

— Какие у вас возражения?

— Это делалось якобы для того, чтобы они не напали на нас. Заигрывая с ними, вы затянули Терминус в омут. В итоге мы теперь отданы на откуп этим варварам.

— Каким же это образом?

— А таким, что вы дали им энергию, оружие, оснастили корабли военного флота! Теперь они несравненно сильнее, чем тридцать лет назад. Их запросы растут, и оружия у них скапливается все больше! А когда они получат новое оружие, то удовлетворят все свои запросы разом — захватят Терминус. Не тем ли обычно кончаются такие игры?

— А что предлагаете вы?

— Немедленно прекратить заигрывания, пока у вас еще есть такая возможность. Направьте все усилия на укрепление мощи Терминуса — и ударьте первым!

Гардин с внутренней неприязнью разглядывал аккуратные белесые усики Сермака. Как уверен в себе... И никаких сомнений, что он действительно выражает мнение значительной части населения...

Взяв себя в руки, Гардин холодно поинтересовался:

— Вы закончили?

— Пока — да.

— В таком случае, если не трудно, прочитайте, что у меня за спиной в рамочке написано. Будьте так добры!

Губы Сермака дрогнули:

— «Насилие — последний козырь дилетантов». Это — девиз для стариков, господин мэр.

— Ну почему же? Я им с успехом пользовался, когда был молод. Вы тогда только родились, но, может быть, в школе вам что-нибудь рассказывали про те времена?

Гардин в упор посмотрел на Сермака и сдержанно продолжил:

— Когда Гэри Селдон основал Академию, единственной целью нашего существования здесь было издание Энциклопедии. Пятьдесят лет мы шли за этим миражом, пока не поняли, куда идем на самом деле. И чуть было не опоздали. Когда связь с центральными областями Империи прервалась, мы оказались научным мирком, замкнутым в единственном городе, не имеющим промышленности, окруженным враждебными новоиспеченными королевствами. Мы были крохотным островком прогресса в пучине варварства и весьма лакомым кусочком.

Анакреон был и остается самым могущественным из Четырех Королевств, поэтому потребовал и получил свое — военные базы на Терминусе. А тогдашние правители города — Энциклопедисты — знали, что это только первый шаг к захвату всей планеты. Вот как обстояли дела, когда я... гм-м-м... возглавил теперешнее правительство. А вы бы как поступили?

Сермак пожал плечами:

— Риторический вопрос. Мне известно, что вы сделали.

— А я все-таки повторю. Мне кажется, что вы не до конца понимаете суть дела. Уже тогда

появилось искушение собрать все силы и начать битву. Это было самое простое и, с точки зрения самолюбия, – самое верное. Но, как ни странно, – самое глупое. Вы бы, конечно, только так и поступили, – вы, со своей доктриной относительно «первого удара». А я вместо этого посетил остальные три королевства и указал им на то, что передача секрета использования атомной энергии в руки Анакреона – самый быстрый путь к харакири. И еще я подсказал им (мягко и ненавязчиво) совершенно очевидный выход. Вот и все. Через месяц после того как анакреонцы высадились на Терминусе, их король получил ультиматум от остальных трех королевств. А еще через семь дней последний анакреонец убрался с Терминуса. А теперь скажите мне, была ли необходимость в применении силы?

Молодой Советник аккуратно погасил сигару.

– Не вижу аналогии. Инсулин приводит диабетика в норму без хирургического вмешательства, а при аппендиците операция необходима. И тут никуда не деться. Когда все другие способы исчерпали себя, что остается кроме последнего козыря? Вы, только вы, виноваты, что дело дошло до этого!

– Я? Ну да, во всем опять виновата моя политика пацифизма. Похоже, вы так и не вникли. Наши беды не закончились на том, что анакреонцы убрались восвояси. Они только тогда по-настоящему и начались. Четыре Королевства стали нашими врагами – им всем была необходима атомная энергия, и нас не прикончили потому, что каждое из них боялось трех остальных. Мы балансировали на лезвии бритвы, и малейшее движение в ту или другую сторону... Ну, к примеру, вдруг одно из королевств становится сильнее других, вдруг два объединятся – понимаете?

– Естественно. Тогда нужно было начинать всенародную подготовку к войне.

– Совсем наоборот! Тогда настало время начать всенародное предотвращение войны! Я настраивал их друг против друга? Я помогал им всем по очереди. Предлагал им науку, торговлю, образование, медицину. Сделал так, что Терминус стал более привлекательным в качестве источника процветания, чем в качестве военной мишени. И мы продержались тридцать лет.

– Да, но вы окружили эти гуманитарные дары неслыханной таинственностью. Просто-таки новую религию создали! Вы возвысили целую иерархию священников и придумали идиотский ритуал!

Гардин нахмурился:

– Ну и что? Не понимаю, разве это относится к нашему спору? То, о чем вы говорите, было предпринято только после того, как я убедился, что эти дикиари хотя бы воспринимают нашу науку. Они считают ее разновидностью волшебства. Проще всего было все так и оставить. Вот так сформировалось священство, и если мы оказываем ему поддержку, то лишь потому, что двигаемся по пути наименьшего сопротивления. Зря вы так за это зацепились.

– Ничего себе – зря! Да ведь священники заведуют атомными станциями!

– Да, но обучили-то их мы! Их знания примитивны, носят исключительно эмпирический характер. Кроме того, они сами свято верят в ту мистику, которая их якобы окружает.

– Ну а если представить, что хотя бы один из них вырвется из тумана мистики? Что помешает ему изучить атомную энергетику такой, какая она есть, а потом выгодно продать этот секрет? Чего это будет стоить Королевствам?

– Вероятность слишком мала, Сермак. Вы воспринимаете проблему поверхностно. Самые способные люди с планет Четырех Королевств посыпаются в Академию каждый год для религиозного обучения. Лучшие из них остаются здесь для исследовательской работы. Но даже у тех, кто остается, практически отсутствует знание азов ядерной физики. Более того, знания подаются им в извращенном виде. Так вот, если вы думаете, что они способны проникнуть в суть ядерной теории, электроники, проблемы гиперпереноса, мне остается сделать вывод, что у вас несколько чисто поэтическое отношение к науке. На то, чтобы изучить все вышеперечисленное, потребуется не только вся жизнь, но и незаурядный интеллект.

Гардин продолжал говорить, когда Йон Ли резко встал и вышел из комнаты. Вернулся он как раз тогда, когда Гардин завершал тираду. Ли наклонился и что-то шепнул ему на ухо. Тот также ответил ему шепотом и принял из рук Ли металлический цилиндр. Ли сердито глянул на депутатию и отошел к окну.

Гардин вертел в руках цилиндр, с усмешкой глядя на Сермака. Резким движением он открыл его. На стол упала свернутая в Трубочку бумага...

— Короче говоря, господа, — заявил Гардин, — правительству кажется, что оно отвечает за свои действия.

Произнося эту фразу, Гардин пробежал глазами бумагу. Лист был испещрен значками сложного кода. В углу карандашом были написаны три слова, раскрывавших содержание письма. Прочитав их, Гардин скомкал бумагу и бросил ее в корзину.

— Сожалею, но наша беседа окончена. Был искренне рад всех вас повидать. Спасибо, что навестили.

Он церемонно попрощался со всеми за руку. Визитеры молча удалились.

Когда за депутатией закрылась дверь, Гардин, не в силах более сдерживаться, расхохотался. Успокоившись, он смущенно взглянул на Ли:

— Ну, как вам этот блеф?

Ли мрачно хмыкнул:

— Думаю, что он-то как раз не блефовал. Вы с ним, как с маленьkim, а он возьмет да и победит на следующих выборах, что тогда?

— Что же, это вполне возможно, если только раньше ничего не произойдет.

— Будьте уверены, Гардин, на этот раз они не промахнутся. Уверяю вас, у Сермака не мало сторонников. А что если он не станет ждать следующих выборов? Были же времена, когда и вы, и я действовали достаточно жестко, невзирая на ваш любимый девиз?

Гардин прищурил глаз.

— Вы что-то пессимистично настроены сегодня, Ли. И совершенно не правы, говоря о жестокости. Наш маленький переворотик обошелся без единой капли крови. Тогда это было необходимо. У Сермака же цели совсем другие. Вы и я, Ли, — не энциклопедисты. Мы понимаем, что к чему. Вот что: натравите-ка ваших людей на этих юнцов, но только очень тонко, как вы умеете.

Ли насмешливо смотрел на Гардина.

— Хорош бы я был, если бы ждал ваших распоряжений! Уже месяц, как за Сермаком и его командой ведется слежка!

Мэр довольно крякнул.

— Первый придумал, да? Ну и славно. Кстати... — он поднял указательный палец и тихо сказал:

— Посол Верисов возвращается на Терминус. Надеюсь, не насовсем.

— Что в письме? — поинтересовался Ли после небольшой паузы. — Плохо дело?

— Не знаю. Ничего не могу сказать, пока не встречусь с Верисовым. Все может быть. Я же сказал, что до выборов всякое может случиться. Что вы вдруг побледнели?

— Пытаюсь представить, как обернется... Вы хитры. Гардин, и никому не раскрываете карты...

— И ты, Брут... — прошептал Гардин и ехидно осведомился:

— А вы сами не собираетесь в партию Сермака?

Ли не смог сдержать улыбки:

— Угадали. Пойдемте завтракать.

2

Гардину приписывают множество эпиграмм и афоризмов, но далеко не все они действительно принадлежат ему. Как бы то ни было, говорят, что однажды он изрек: «Не мешает изредка быть объективным, особенно если вас считают пророком».

Поль Верисов не раз имел возможность последовать этому совету, поскольку вот уже четырнадцать лет он выполнял на Анакреоне обязанности двусмысленного характера. Работа его часто казалась ему чем-то вроде танца босиком на раскаленных углях.

Для народа Анакреона он был верховным священником, представителем Академии, которая была для этих дикарей средоточием тайны и центром религии, созданной (не без помощи Гардина) в последние три десятилетия. Почитание, с которым к нему относились, его

угнетало, ибо в душе он глубоко презирал тот ритуал, верховным носителем которого являлся.

А для королей Анакреона – прежнего и его внука, который ныне стоял у власти, он был воплощением силы, которую они боялись и ненавидели.

В общем, работенка не из легких, поэтому он думал о первой за последние три года поездке на Терминус как об отпуске, несмотря на то что вызвана она была случаем весьма неприятным.

Поскольку в обстановке полной секретности путешествовать приходилось не впервые, он вновь воспользовался изречением Гардина об объективности...

Верисов переоделся в цивильное, что само по себе было праздником, и отправился пассажирским звездолетом в салоне второго класса на Терминус. Прибыв туда, первым делом по видеотелефону связался с Городским Советом.

– Меня зовут Ян Смит, – представился он красивой девушке, появившейся на экране. – Мне назначена аудиенция у мэра.

Девушка хорошо поставленным голосом вызвала кого-то по внутреннему видеотелефону, обменялась с кем-то несколькими фразами и сухо сообщила Верисову:

– Мэр Гардин ждет вас через полчаса, сэр.

Экран померк.

Затем посол Терминуса на Анакреоне купил в киоске последний номер «Городских Новостей», прогулялся по парку перед зданием Совета, уселся на скамеечку, прочел передовицу, спортивные новости, пробежал глазами комиксы. Полчаса истекли.

Он встал, сунул газету под мышку, вошел в здание Совета и неузнанным проследовал в кабинет Гардина.

Гардин встретил его с улыбкой:

– Садитесь, закуривайте! Как добрались?

Верисов взял сигару.

– Довольно забавно. В соседнем кресле сидел священник. Он летел сюда на курсы по применению радиоактивного синтеза в онкологии.

– Надеюсь, он не называл это «радиоактивным синтезом».

– Нет, конечно. Он называл это «Святой Пищей».

Мэр кивнул и улыбнулся:

– Продолжайте.

– Он вовлек меня в теологическую дискуссию и изо всех сил старался лишить меня материалистической платформы.

– Что, так и не узнал своего верховного владыку?

– Без алой сутаны? Да он к тому же смирианец. Однако поговорить было очень интересно. Просто потрясающе, Гардин, до чего глубоко пустила корни паша религия! Я даже написал эссе по этому поводу – для личного пользования, разумеется.

– Да, очень занято, – согласился Гардин. Закинув руки за голову, он сказал серьезно:

– А теперь, будьте любезны, о ситуации на Анакреоне.

Посол нахмурился и, вытащив сигарету изо рта, брезгливо положил ее в пепельницу.

– Плохо. Очень плохо.

– Понятно. Иначе вы не были бы здесь.

– Естественно. Дела вот какие: главный человек на Анакреоне сейчас – регент Винис, дядя короля Леопольда.

– Знаю. Но в будущем году Леопольд достигнет совершеннолетия. По-моему, шестнадцать ему в феврале?

– Да.

Помолчав немного, Верисов добавил:

– Если доживет. Его отец погиб при странных обстоятельствах. Игольная пуля попала ему в грудь на охоте. Сказали, что это несчастный случай.

– Хм-м-м... Кажется, я припоминаю Виниса. Я его видел на Анакреоне в те славные денечки, когда мы спровадили их с Терминуса. Еще до того как вы начали там работу. Ну-ка, ну-ка... Если не ошибаюсь, тогда это был темноволосый молодой человек, смуглый, косил на правый глаз. И еще нос у него крючковатый.

— Он самый. Нос крючком, косоглазый — все правильно. Только волосы у него уже седые. Он играет в грязные игры, оставаясь, к счастью, самым набитым дураком на планете. Однако дьявольски проницателен и изобретателен, отчего глупость его распространяется довольно успешно.

— Так обычно и бывает.

— Образно говоря, он из тех, кто считает, что для того чтобы разбить яйцо, в него нужно выстрелить из бластера. Вспомните, что сразу же после смерти старого короля именно он пытался ввести налог на имущество Храмов. Помните?

Гардин задумчиво кивнул и улыбнулся:

— Священники тогда взбунтовались.

— Еще как! На Лукреции было слышно. С тех пор со священниками он стал более осторожен, но кое-какие дела проделывает исключительно жестко. Помимо всего прочего, он потрясающе честолюбив.

— Это, скорее всего, комплекс неполноценности. Как у младших королевских сыновей.

— Да, наверное. Но у него все сводится к одному. Он просто спит и видит, как бы напасть на Академию. И скрывать этого не пытаются. Учитывая запасы оружия, он вполне на это способен. Старый король построил могущественный военный флот, и последние два года Винис настороже. Ведь налог на имущество Храмов первоначально планировалось пустить на дальнейшее вооружение. Когда затея провалилась, он добился того, что налоги с прибыли повысили в два раза.

— Это вызвало недовольство?

— Не настолько серьезное. В течение нескольких недель после этого темой речей на всех королевских церемониях были дисциплина и повиновение властям.

— Ясно. А что стряслось сейчас?

— Две недели назад торговый корабль анакреонцев подобрал брошенный военный крейсер старого имперского флота. Он, похоже, болтался в пространстве лет тридцать, не меньше.

Глаза Гардина загорелись. Он выпрямился в кресле.

— Да-да. Я слышал об этом. Комиссия по Навигации послала мне петицию с требованием, чтобы я забрал корабль для проведения научных исследований. Похоже, он в хорошем состоянии?

— В отличном, — кивнул Верисов. — Когда на прошлой неделе Винис получил предложение передать корабль Академии, его чуть кондрашка не хватила.

— Кстати, он пока не отвечает.

— И не ответит. Разве что орудийным залпом. Видите ли, он навестил меня в тот день, когда я улетал с Анакреона, и спросил, может ли Академия отремонтировать и вернуть крейсер анакреонскому флоту. По его намеку, ваше послание означает, что Академия вынашивает планы напасть на Анакреон. Он сказал также, что отказ отремонтировать крейсер укрепит его в подозрениях и что он берет на себя ответственность за оборону Анакреона. Вот его слова: «Беру на себя». Вот почему я здесь.

Гардин расхохотался.

Верисов улыбнулся в ответ и продолжил:

— Понятно, что он ждет повода для немедленного нападения, то есть отказа.

— Ну, чему быть, того не миновать, у нас для размышлений — шесть месяцев. За это время надо привести корабль в полный порядок и передать его Винису с наилучшими пожеланиями. И... знаете что? Его надо переименовать. Назовем его не как-нибудь, а именно «Винис» — в знак уважения и лучших чувств, черт бы меня побрал!

Он снова расхохотался.

— Допускаю, что это логично, Гардин, — сказал Верисов, — но я обеспокоен.

— Чем?

— Знаете, что это за корабль? О, тогда умели строить корабли. Это такая громадина! По военной мощности — половина анакреонского флота. Ядерных зарядов, которые он несет, хватит, чтобы взорвать целую планету! Кроме того, он оборудован защитным полем, способным отразить пучок Q-лучей без дополнительных затрат энергии! Он слишком хорош, Гардин.

— Ерунда, Верисов, ерунда... Мы с вами прекрасно знаем, что у Виниса и без того достаточно оружия, чтобы завладеть Терминусом. Что же изменит передача крейсера? Вы-то должны понимать, что настоящей войны не будет никогда!

— Надеюсь, да. Но... — посол поднял глаза к потолку. — Но, Гардин...

— Ну? Что же вы остановились? Продолжайте!

— Это, конечно, не мое дело. Но я читал газету, — сказал он и положил на стол «Городские Новости», указав па первую полосу. — Как это понимать?

Гардин небрежно пробежал взглядом страницу и ответил:

— Группа Советников формирует новую политическую партию.

— Да, там так и написано... — кивнул Верисов. — Конечно, вы лучше разбираетесь во внутренних делах, но... они вас атакуют только разве что не физически! Насколько они сильны?

— Чертовски сильны. Не исключено, что именно они возглавят Совет после следующих выборов.

— А не до? — Верисов украдкой взглянул на мэра. — Существует столько способов захвата власти, не считая выборов.

— Вы меня за Виниса принимаете?

— Нет, конечно. Но ремонт корабля займет несколько месяцев, и после этого нападение на Терминус станет неизбежным. Наша щедрость будет воспринята как капитуляция, признание собственной слабости, а имперский крейсер удвоит мощь анакреонского флота — флота Виниса. Я не я буду, если он не нападет. Зачем испытывать судьбу? Сделайте одно из двух: либо раскройте Совету план кампании, либо начните войну с Анакреоном сейчас.

Гардин нахмурился:

— Сейчас? До начала кризиса? Нет. Это единственное, чего делать категорически нельзя. Существует Гэри Селдон. И План.

Верисов немного растерялся и пробормотал:

— А вы... абсолютно уверены в том, что План существует?

— В этом не может быть никаких сомнений, — твердо ответил Гардин. — Я присутствовал в Склепе и видел Селдона своими глазами, то есть не его, конечно, а объемную видеозапись.

— Я не о том, Гардин. Я просто не понимаю, как можно рассчитать историю на тысячу лет вперед. Может быть, Селдон переоценивал себя?

Он немного смущился, поскольку на лице Гардина появилась ироническая усмешка, но добавил:

— Я, конечно, не психолог...

— Вот именно. И среди нас нет психологов. Но я в юности все же получил кое-какие элементарные познания, — достаточные для того, чтобы понять, на что способна психология, кто бы ни воспользовался ее возможностями. Сомнений нет — Селдон сделал именно то, о чем говорил. А говорил он, что Академия была создана как научное убежище — средство, с помощью которого наука и культура умирающей Империи могут быть спасены и сохранены на протяжении веков хаоса и мрака, которые уже начались, для того, чтобы их можно было передать во вторую Империю.

Верисов кивнул, но было видно, что Гардин не убедил его.

— Все знают, что так должно быть. Но можем ли мы позволить себе испытывать судьбу? Можем ли мы рисковать настоящим ради туманного будущего?

— Должны. Потому что будущее не туманно. Оно спрогнозировано Селдоном. Каждый кризис в нашей истории нанесен на график, и каждый последующий зависит от того, как закончился предыдущий. Сейчас приближается второй кризис, и одному Богу известно, каковы будут последствия, если ситуация хоть на йоту отклонится...

— Это не более чем предположения!

— Нет! Гэри Селдон сказал тогда, в Склепе, что при каждом кризисе паша свобода действий будет ограничена настолько, что окажется возможным только один выход.

— Чтобы мы шли только прямо и вперед?

— Чтобы мы не уклонялись от намеченного пути. И наоборот: пока наш выбор выхода не ограничен — значит, кризис еще не наступил. Мы просто обязаны пустить все на самотек, и чем

дольше так будет продолжаться, тем лучше. Именно этим я и собираюсь заняться.

Верисов молчал. Он покусывал губы и думал... Всего лишь год назад Гардин впервые серьезно разговаривал с ним, обсуждая важную проблему – проблему военных приготовлений на Анакреоне. И то – только потому, что он, Верисов, высказывался против дальнейшего пацифизма.

Гардин, видимо, догадался, о чем думает его посол.

– Лучше бы я вам тогда ничего не говорил.

– Почему? – удивленно воскликнул Верисов.

– Потому что теперь уже шестеро – вы, я, еще три посла и Ион Ли точно знают, что ждет нас впереди. А я чертовски опасаюсь, что Селдон рассчитывал, что никто не будет знать.

– Почему?

– Потому что даже фундаментальная психология Селдона имела свои ограничения. Она не могла учесть слишком большое число независимых переменных. Он не мог предусмотреть действия отдельных людей на коротких отрезках времени. Ну представьте себе – как будто вы решили применить теорию газовой кинетики к отдельным молекулам! Он брал в расчет массы, население целых планет. Причем только слепые массы, которые не ведают, что творят, и, тем более, не видят, к чему приведут их действия.

– Да. Непросто.

– Ничего не поделаешь. Я вынужден объяснять так, как сам понимаю. Но вот что вам нужно иметь к виду Обученных, профессиональных психологов на Терминусе нет, нет и математических пособий по прикладной психологии. Совершенно очевидно, что Селдон не хотел, чтобы кто-нибудь на Терминусе мог предсказать будущее. Он хотел, чтобы мы шли вперед слепо, что по законам массовой психологии означает – правильно. Как я вам уже когда-то говорил, я и понятия не имел о том, что будет потом, после того, как мы в первый раз отправили анакреонцев восвояси. У меня была цель – сохранить равновесие сил, и не более. Только потом я понял, что в течении событий прослеживается определенная схема. Но я изо всех сил старался действовать так, как будто ничего не понял. Любое вмешательство изменило бы План.

Верисов задумчиво кивнул:

– Сложно. Однако в анакреонских храмах я слыхал споры и посложнее. А как же вы собираетесь определить верный момент для начала действий?

– Это как раз ясно! Вы же сказали: как только мы отремонтируем крейсер, ничто не остановит Виниса, никаких альтернатив не будет.

– Да.

– Ну вот. Так обстоят наши внешние дела. Признаем затем, что новые выборы дадут жизнь другому, агрессивно настроенному Совету. Тоже – без альтернативы.

– Так.

– А как только исчезнут все альтернативы, значит, – настал кризис. Все просто. Но я все равно волнуюсь.

Он замолк. Верисов, не отрываясь, смотрел на него. Медленно, даже лениво, Гардин продолжил:

– У меня появились вот какие соображения... Видимо, внешние и внутренние силы должны войти в резонанс. Если так, то получается разрыв в несколько месяцев, Винис, вероятно, нападет на нас не позднее весны, а до выборов еще целый год.

– Мне кажется, что это не так важно.

– Не знаю, не знаю... Может быть, это просто результат ошибки при вычислении, а может быть, я слишком много знаю... Я-то старался избегать прогнозирования собственных действий, но что я могу гарантировать? Какими могут быть последствия этого временного разрыва? Но, как бы то ни было, – он поднял глаза к потолку, – кое-что я решил твердо.

– Что же?

– Когда кризис начнется, я отправлюсь на Анакреон. Хочу влезть в самое пекло... Ну все, все, хватит, Верисов! Уже поздно. Устал как собака. Давайте пойдем куда-нибудь и отпразднуем нашу встречу. Мне нужно немного расслабиться.

– А давайте никуда не пойдем, – предложил Верисов. – Мне нужно остаться инкогнито, а

то – вы представляете себе, что будет, если нас увидят вместе ваши драгоценные Советники. Попросите, чтобы нам принесли бренди.

И Гардин попросил принести бутылку бренди.

3

В славные времена расцвета Империи, когда Анаkreон был могущественнейшей и богатейшей из префектур Периферии, не один Император посетил дворец вице-короля. И ни один из них не покинул Анаkreон без того, чтобы хоть раз не испытать свою ловкость в обращении с игольным ружьем в охоте на летающую пернатую крепость под названием птица Ньяк.

Слава Анаkreона ушла в небытие. Дворец вице-короля превратился в руины – за исключением одного крыла, отреставрированного специалистами из Академии. Ни одного Императора не видели на Анаkreоне уже лет двести, не меньше.

Тем не менее охота на Ньяка оставалась королевским видом спорта, а острый глаз и ловкость в обращении с игольным ружьем по-прежнему были обязательными для королей Анаkreона.

Леопольд I, король Анаkreона, и, как обычно, но совершенно необоснованно добавлялось – Повелитель Заграничных территорий, которому еще не исполнилось шестнадцати, уже доказал свое незаурядное мастерство в этом хитром деле. Первого Ньяка он прикончил, когда ему не было и тринадцати, десятого – когда пришел к власти. Только что он вернулся с удачной охоты. Это была его сорок шестая победа.

– К совершенолетию я доведу свой счет до пятидесяти! – объявил он свите. – Хотите пари?

Конечно, никто из свиты не рискнул усомниться в способностях юного короля, так что тот отправился в свои покой переодеваться в наилучшем расположении духа.

– Леопольд!

Короля заставил остановиться голос единственного человека, который мог себе это позволить. Леопольд недовольно обернулся. На пороге своей опочивальни стоял Винис.

– Отошли свиту, – нетерпеливо потребовал он. – Пускай убираются, да поскорей.

Леопольд царственно кивнул, и двое придворных, низко поклонившись ему, стали спускаться по лестнице. Король вошел в покой Виниса.

Тот с явным неудовольствием оглядел охотничий костюм короля.

– Скоро у тебя появятся дела поважнее, чем охота на Ньяка!

Он повернулся и пошел к столу. Винис был уже стар и с нескрываемым презрением относился к охоте вообще и к охотникам, в частности.

Леопольд обиженно изрек:

– Дядя, ну что вы так сердитесь? Жаль, что вас не было с нами! Мы спугнули здоровенного Ньяка в Самийской чащобе! И началось... Мы гонялись за ним добрых два часа по всему лесу! А потом я один пошел на восток (он жестикулировал так, как будто у него по-прежнему в руках было ружье) и пополз (это он тоже изобразил). Он взлетел, а я ранил его в левое крыло. Он чуть с ума не сошел от злости! А я следил за ним. Он полетел над рекой, и я подождал, пока он не свалился в воду. Он, конечно, стал снижаться. И когда он был уже в одном взмахе крыльев от воды, я выстрелил...

– Леопольд!

– Да! Дядя, я подстрелил его!

– Нисколько не сомневаюсь. А теперь – ты можешь меня выслушать?

Обреченно вздохнув, Леопольд уселся за небольшой резной столик и совсем не по-королевски жадно набросился на леранский орех. Дяде в глаза он старался не смотреть.

Винис начал издалека:

– Я был сегодня на корабле.

– На каком корабле?

– Корабль – один. На Корабле! На том, что Академия ремонтирует для нашего флота. На старом имперском крейсере. Понятно?

— А-а-а... На этом... Вот видите, я же говорил вам, что Академия обязательно его починит, если мы попросим. Значит, зря вы выдумывали, будто они собираются на нас напасть. Ну, правда, дядя, если бы они хотели этого, зачем бы они тогда ремонтировали корабль для нас? Это же бессмысленно...

— Леопольд, ты идиот!!

Король, только что выбросивший скорлупу от первого ореха, собираясь приняться за следующий, побагровел...

— Знаете что, дядюшка, — проговорил он срывающимся голосом, — вы не должны так меня называть. Вы... забываетесь. Через два месяца — мое совершеннолетие!

— Вот именно! А твой образ жизни как нельзя хуже соответствует государственной деятельности! Если бы ты отдавал делам королевства хотя бы половину времени, которое тратишь на охоту за Ньянками, я бы с легким сердцем давно передал бы тебе бразды правления!

— Не надо! Это к делу не относится. Хоть вы и правитель, и дядя мой, я все-таки король! А вы — мой подданный. И вы не имеете никакого права обзвывать меня идиотом и сидеть в моем присутствии не имеете права! Вот! Я вам не позволял! Будьте повежливее со мной, а то я возьму и как-нибудь накажу вас!

Винис смерил короля ледяным взглядом.

— Я должен обращаться к тебе — «Ваше Величество»?

— Да!

— Отлично! Ты — идиот, Ваше Величество!!

Темные маленькие глазки Виниса злобно косили из-под лохматых бровей. Юный король съежился в кресле. Мгновение на лице регента сохранялась сардоническая усмешка, но она быстро уступила место широкой улыбке. Рука его мягко легла на плечо короля.

— Не обижайся, Леопольд! Пожалуй, я, и правда, был слишком груб. Знаешь, иногда бывает трудно сдержаться, когда так тяжел груз обстоятельств. Понимаешь?

Леопольд неуверенно проговорил:

— Д-да... Государственные дела, конечно, это трудно...

Он безучастно ожидал, не заведет ли дядя с ним пространную беседу с перечислением нудных подробностей — о годовом объеме торговли со Смирной или о проблемах заброшенных миров Красного Коридора.

— Мальчик мой, — начал Винис, откашлявшись, — я давно собирался поговорить с тобой и, наверное, должен был сделать это раньше. Но я хорошо понимаю, что твоя юная душа противится суete и скуче государственных дел.

Леопольд зевнул.

— Да, то есть нет... Валяйте...

— Как бы то ни было, — продолжал Винис, расхаживая по покоям, — через два месяца — твое совершеннолетие. Настают тяжелые времена, Леопольд, и тебе придется включиться в государственные дела. Скоро ты будешь настоящим королем, Леопольд.

Леопольд кивнул, слабо понимая, к чему клонит дядя.

— Будет война, Леопольд!

— Война? Но со Смирной, вроде бы, покончено?

— Не со Смирной, Леопольд. С Академией.

— Но, дядя! Они же согласились отремонтировать корабль! Вы же говорили...

Увидев выражение лица Виниса, он запнулся.

— Леопольд, — сказал тот жестко, — я говорю с тобой как мужчина с мужчиной. Война с Академией должна начаться независимо от того, починят корабль или нет. Тем скорее, чем скорее его починят. Академия — источник силы и могущества. Все величие Анакреона, все наши корабли и города, весь народ, вся торговля — это объедки, милостиво брошенные нам с барского стола Академией. Я еще помню времена, когда наши города согревались теплом горящего угля и нефти. Но тебе об этом говорить бесполезно. Ты этого никогда не видел и понять не сумеешь.

— Мне кажется, — осторожно вставил Леопольд, — что мы должны быть благодарны...

— Благодарны? — рявкнул Винис — За что? За то, что они кормят нас отбросами, оставляя себе лакомые кусочки, о вкусе которых мы и не догадываемся? А зачем приберегают, а? Только

для одного – они мечтают в один прекрасный день завладеть всей Галактикой!

Ладонь Виниса опустилась на колено племянника. Косые глаза превратились в две черные щелочки...

– Леопольд, ты – король Анакреона! Твои наследники и дети твоих детей смогут стать королями Вселенной, если ты обретешь власть, которую Академия прячет от нас!

– А вы правы, дядя, – проговорил Леопольд. Глаза его загорелись, он выпрямился. – В конце концов, какое они имеют право от нас что-то скрывать! Это бесчестно! Анакреону тоже кое-что причитается!

– Вот видишь, ты начинаешь понимать, – улыбнулся Винис, потирая руки. – А теперь, мой мальчик, скажи мне, что будет, если Смирна решит напасть па Академию и прибрать к рукам вес ее богатства? Как долго тогда нам удастся продержаться? Как долго ты удержишься на троне?

Леопольд заволновался:

– Черт подери, вы правы, дядя! Мы должны нанести первый удар. Да это просто самозащита!

Винис широко улыбнулся:

– Умница, Леопольд! Позволь, я напомню тебе еще кое-что. В первые годы правления твоего деда Анакреон основал военную базу на планете Терминус, где расположена Академия. Базу, которая нам была действительно необходима для самообороны. Но мы были вынуждены покинуть эту базу из-за происков главного человека в Академии – этого гада, этого ученого сухаря, плебея, в жилах которого нет ни капли аристократической крови! Ты понимаешь, Леопольд? Твой дед был унижен этим плебеем! Я его хорошо помню! Он был не намного старше меня, когда впервые появился на Анакреоне со своей дьявольской улыбочкой. И с дьявольским умом! И с властью над тремя королевствами, которые вступили в предательский союз, объединившись против несчастного Анакреона!

Лицо Леопольда залилось краской. Огонь в глазах вспыхнул с новой силой.

– Ей-богу, дядя, на месте деда я бы тогда начал войну!

– Нет, Леопольд. Тогда мы решили выждать, дождаться более удобного момента. Твой отец всю жизнь, до безвременной кончины, мечтал, что это удастся сделать ему... Он был моим братом... – с напускной трагичностью Винис отвел взгляд в сторону. – Но ты, его сын...

– Да, дядя! Я не посрамлю его! Все. Я решил! Ради справедливости Анакреон уничтожит это логово злодеев, и немедленно!

– Нет-нет. Не сейчас. Подождем, пока они закончат ремонтировать корабль. Согласие на ремонт, Леопольд, выдает их страх. Глупцы! Хотят обмануть нас, но это им не удастся!

– Пока я – король Анакреона, не удастся! – воскликнул Леопольд, вскочив на ноги.

Губы Виниса дрогнули в едва заметной ухмылке:

– Хорошо! Присядь, Леопольд. Есть важное дело. Мы должны дождаться прибытия Сальвора Гардина.

– С-с-салвора Г-гардина?

Глаза короля округлились.

– Да, Леопольд. Он – глава Академии, и он лично прибудет на Анакреон в твой день рождения – вероятно, для того, чтобы убаюкать нас ласковыми словечками. Но у него ничего не выйдет!

– Сальвор Гардин... – повторил Леопольд, тупо уставившись на вазу с орехами.

Винис нахмурился:

– Почему тебя пугает это имя? Это тот самый Сальвор Гардин, который когда-то сунул нас лицом в грязь! Это он униzel твоего деда. Он! Плебей, подонок, нячий помет!

– Н-нет. Я не боюсь... То есть не буду бояться! Не буду! Мы ему отплатим, но... но... все-таки как-то страшновато, дядя. Ну, капельку совсем.

Регент гипнотизировал Леопольда немигающим взором.

– Страшновато? Почему? Чего ты боишься, ты, молодой ид... – и запнулся.

– Понимаете, дяденька, мне кажется, что в нападении на Академию есть что-то вроде... богохульства, Я хочу сказать...

– Ну! Продолжай!

Леопольд жутко смущался, но продолжал:

— Я хочу сказать, что, если Галактический Дух действительно существует, ему это может... не очень понравиться. А вам так не кажется?

— Нет, не кажется! — отрезал Винис. Он сел в кресло и хитро улыбнулся. — Значит, и тебе заморочили голову этим Галактическим Духом? Вот они плоды свободного воспитания... Все ясно — Верисова наслушался.

— Но... он многое объясняет...

— О Галактическом Духе?

— Да.

— Знаешь, что я тебе скажу, глупое ты дитя... Он верит в эту ерунду не больше, чем я. А я в нее не верю ни капельки. Сколько раз повторять, что все это — дурацкая болтовня!

— Да-да, я знаю... Но Верисов говорит...

— К черту Верисова! Это все бредни, чушь собачья! Наступила короткая, напряженная пауза, потом Леопольд осторожно сказал:

— Но ведь... все верят, дядя! Все верят в то, что рассказывают о великом пророке Гэри Селдоне и как он основал Академию, чтобы в один прекрасный день снова настал Рай Земной, и что все, кто не повинуются его заповедям, исчезнут навеки. Все верят в это! Я бывал па празднествах, и я... уверен, что это так!

— Они! Они верят, но мы-то — нет! Мы — ты и я! И ты должен радоваться, что мы не верим. Ведь благодаря этому всеобщему помешательству ты — не просто король, а король милостью Божьей! Поэтому нам не грозят никакие бунты и обеспечено беспрекословное подчинение. И поэтому, Леопольд, именно тебе нужно будет объявить войну Академии. Я — всего лишь регент и простой смертный. Ты — король, а для народа — полубог!

— Но... у меня есть подозрение, что на самом деле... это не совсем так, — с опаской глядя на дядю, заметил Леопольд.

— На самом деле — нет, — согласился Винис, улыбаясь. — А для народа — да! Для всех, кроме этих скотов из Академии. Когда они будут стерты с лица Галактики, ты действительно станешь полубогом для всех. И никто не осмелится этого отрицать. Подумай об этом. Подумай хорошенько!

— Тогда мы сможем сами, — восхищенно восхликал Леопольд, — управлять великими святыми ящиками в Храме и кораблями, которые летают сами по себе, и овладеем Святой Пищей, которая излечивает рак и все другие болезни?! А Верисов говорил, что только просвещенные Галактическим Духом могут...

— Опять Верисов!! Помни. Леопольд, что Верисов вместе с Сальвором Гардином — твои заклятые враги! Держись за меня, мой мальчик, а их не бойся! Вместе с тобой мы воскресим Империю! Не только королевство Анакреон, а всю Империю, в которой миллиарды солнц! Не получше ли это будет, чем пресловутый Рай Земной?

— Да-да...

— Может Верисов обещать больше?

— Н-нет...

— Ну и славно.

В голосе Виниса снова появились командные нотки.

— Значит, решено. Иди к себе, Леопольд, Я спущусь попозже. Да... вот еще что, Леопольд...

Юный король обернулся с порога. Винис улыбнулся. Но глаза его — нет.

— Будь осторожен на охоте, мой мальчик. Со дня гибели твоего отца меня не покидают дурные предчувствия. Знаешь, когда воздух кишит стрелами, ни за что нельзя ручаться. Я очень надеюсь, что ты будешь осторожен. Насчет Академии мы договорились?

Леопольд отвел взгляд в сторону.

— Да, конечно...

— Хорошо!

Винис посмотрел племяннику вслед и вернулся к столу.

А Леопольд ушел к себе в совершенно расстроенных чувствах.

«Может быть, — думал он, — и будет лучше, если мы победим Академию и заполучим

власть, о которой говорил дядя. Но потом, когда война закончится, и я воссяду на трон...»

Тут его, как ножом, резанула мысль – ближайшими наследниками престола являются не кто иные, как Винис и двое его взрослых сыновей...

Но пока королем был он, Леопольд. А короли могут отдать приказ казнить кого угодно. Даже дядюшек и кузенов.

4

Вслед за Сермаком наиболее активным участником Диссидентского движения на Терминусе был Льюис Борт. Движение сформировало новую партию, она была названа партией Действия. Однако в составе депутатии полгода назад у Сальвора Гардина Борта не было. Это произошло не потому, что его деятельность недооценивалась сподвижниками. Совсем наоборот. Он отсутствовал по вполне понятной причине – был тогда на главной планете Анакреона.

Он прибыл туда как частное лицо. Не посещал никого из представителей власти, чего-либо привлекающего внимание не делал. Просто заглядывал в потайные уголки столицы и совал свой длинный любопытный нос во все щели.

Он вернулся на Терминус на закате короткого зимнего дня, занявшегося в тучах и шедшего в пелене снега к концу. Уже через час после прибытия Борт сидел за восьмиугольным столом дома у Сермака.

Увы, то, что он сообщил собравшимся, не смогло развеять гнетущую атмосферу собрания, усугубленную тяжелым снегопадом за окном.

– Боюсь, – начал он угрюмо, – что наше положение в данный момент можно определить таким мелодраматическим словосочетанием, как «пропащее дело».

– Ты действительно так думаешь? – не менее угрюмо спросил Сермак.

– Это даже не мнение, Сермак. Просто по-другому не скажешь.

– Всеобщее вооружение, – начал было Докор Вальто официальным тоном, но Борт тут же прервал его:

– Да забудь об этом! Старая песня!

Взгляд его скользнул по лицам присутствующих.

– Я говорю не о ком-нибудь, а о народе Анакреона. Признаюсь, у меня была идея дворцовного переворота. В том или ином виде, для того, чтобы королем Анакреона стал кто-нибудь более устраивающий Академию. Неплохая была идея. Она и сейчас недурна. У нее единственное слабое место. Она неосуществима. Великий Сальвор Гардин все предусмотрел.

Сермак с кислой миной выговорил:

– И все-таки, если бы ты сообщил нам детали, Борт, было бы лучше...

– Детали! Нету их! Все не так-то просто! Вся ситуация на Анакреоне, будь она проклята! А все – та религия, которую там насадила Академия. Она делает свое дело!

– Ну?

– Нужно видеть своими глазами, как это выглядит, чтобы оценить обстановку. Здесь, у нас, мы видим что? Только крупную школу, которая готовит священников, да иногда – особые празднества, устраиваемые для приезжих. А там...

Он откашлялся. Лем Тарки провел пальцем по узким усикам и спросил, глядя в потолок:

– Что же это за религия? Гардин всегда говорил, что это просто обман, рассчитанный на то, чтобы они принимали нашу науку и не задавались лишними вопросами. Помнишь, Сермак, он как-то сказал...

– Объяснения Гардина, – ответил Сермак, – не выдерживают даже поверхностной критики. Так что это за религия, Борт?

– С этической стороны ни к чему не подкопаешься. Немногим отличается от философских течений старой Империи. Высокие моральные принципы и всякое такое. Она оказала мощнейшее влияние на ход истории, и...

– Это мы знаем, – нетерпеливо прервал его Сермак. – Ближе к делу.

– Ну так вот... – Борт смущился, но виду не подал. – Религия, которую Академия

выдумала и насадила, построена на жестких авторитарных началах. Священники – единственные, кто обладает правом доступа к научным приборам, которые мы передали Анаkreону. Но обращаются с ними чисто эмпирически. Они сами верят во все безоговорочно, к примеру – в духовную природу сил, которыми управляют. Кстати, пару месяцев назад какой-то идиот вздумал пошалить на атомной станции в Тессалийском Храме. Взорвалось пять городских кварталов. И что же вы думаете? Это было воспринято как Божья кара всеми, не исключая и священников.

– Я припоминаю. Что-то такое промелькнуло в газетах. Но я пока не понимаю, куда ты клонишь.

– Ну так послушайте, – твердо продолжил Борт. – Священники формируют иерархию, во главе которой стоит король – полубог. Он – абсолютный монарх милостью Божьей, и народ безоговорочно верит в это. И священники тоже. Свергнуть такого короля невозможно. Понятно теперь?

– Подожди, – вмешался Вальто. – Что ты имел в виду, говоря, что все устроил Гардин? Он-то здесь при чем?

Борт печально посмотрел на собеседника.

– Академия целиком и полностью приветствовала эту кампанию. Мы весь свой научный потенциал вложили в постановку сей клоунады. На каждом празднестве король восседает на троне, окруженный радиоактивной аурой. Над его тупой головой она сияет как корона. Любой, кто попытается прикоснуться к нему, рискует получить тяжелые ожоги. В самые торжественные моменты трон летает по воздуху, что, конечно же, связано с проявлением силы Галактического Духа. По царственному взмаху руки в Храме зажигается свет. И такие фокусы-покусы можно перечислять без конца. И все это мы делаем для него. Но верят и священники, которые своими руками творят эти чудеса.

– Плохо, – буркнул Сермак, кусая губы.

– Плохо? Да мне хотелось выть от злости! – воскликнул Борт. – Я все время думал о том, как глупо мы упустили свой шанс! Вспомните только, как тридцать лет назад Гардин спас Академию от Анаkreона. В то время анаkreонские обыватели не подозревали, что Империя разваливается. Они худо-бедно сводили концы с концами после Зеонского бунта. И даже тогда, когда все каналы связи оборвались, они еще не догадывались о том, что Империи – конец!

Если бы Императору хватило сил, он снова мог бы победить их с помощью крейсеров, опираясь на восстание внутри страны, которое неизбежно вспыхнуло бы. И мы могли бы сделать то же самое! Так нет же! Гардин установил там абсолютную монархию. Почему? Почему? Почему??!

– А что там делает Верисов? – неожиданно поинтересовался молчавший до сих пор Джейм Орси. – Было время, когда он был членом пашей партии. Чем он теперь занимается? Он что, слепой?

– Не знаю, – пожал плечами Борт. – Для них он – верховный священник. Насколько мне известно, он только консультирует остальных священников по техническим вопросам. Но – главная фигура, черт бы его побрал, главная фигура!

Наступило напряженное молчание. Взгляды всех присутствовавших обратились к Сермаку. Молодой лидер партии нервно грыз ногти и вдруг четко выговорил:

– Дело плохо. Что-то тут не так!

Он огляделся по сторонам и добавил:

– Что же, Гардин такой балбес?

– Получается, что так, – отозвался Борт.

– Не может быть! Что-то не так. Что же, мы все это время зря глотки драли? Значит, мы еще глупее Гардина? В то, что глуп он, я никогда не поверю. Что-то тут есть... С одной стороны – создать религию, которая сводит к нулю всякую возможность переворота. С другой – вооружить Анаkreон до зубов. Непонятно.

– Да, дело странное, – согласился Борт. – Но таковы факты.

– Государственная измена! Они ему платят! – выпалил Вальто.

Сермак замотал головой:

– Нет. Не принимаю. Скажи-ка мне, Борт, слышал ли ты там что-нибудь о военном

крейсер, который Академия якобы ремонтирует для Анакреонского флота?

– О военном крейсере?

– Да, о старом имперском корабле.

– Нет, не слышал. Но это не так важно. Порты военного флота – религиозные святыни, абсолютно недоступные для простых смертных. И вообще, о делах флота там не принято распространяться.

– А тут как раз слухи ползут. Кое-кто из наших пытались поднять этот вопрос в Совете. Гардин не отрицал, заметь. Его представитель просто пожурил тех, кто распускает слухи, и все. По-моему, в этом что-то есть.

– Может быть. Но это – всего лишь часть целого, – покачал головой Борт. – Если это правда, это – полное безумие. Но... не более, чем все остальное.

– Я полагаю, – сказал Орси, – что у Гардина нет в запасе никакого засекреченного оружия. Это означает...

– Да, – резко оборвал его Сермак. – Это означает вот что: если бы это было так, старый Винис уже корчился бы в предсмертных судорогах. Конечно, никакого оружия нет.

– Следовательно, – поспешил продолжить свою мысль Орси, – это вопрос времени. Сколько его у нас, Борт?

– И в этом-то все дело. Но у меня спрашивать нечего. Я не знаю. В анакреонских газетах – ни слова об Академии. В последнее время там пишут только о предстоящих торжествах: на следующей неделе – совершенолетие Леопольда.

– Ну, значит, несколько месяцев у нас есть, – впервые за все время улыбнулся Вальто. – Можно успеть.

– Успеть! О Более, – простонал Борт. – Король – Бог, говорю я вам! Вы думаете, ему в голову придет начинать кампанию по пропаганде агрессии? Вы думаете, ему нужно будет убеждать народ в наших злодейских намерениях? Нет! Когда настанет время, Леопольд отдаст приказ, и война начнется!

– Вот так. В этом весь ужас. Он может отдать приказ и завтра, а нам останется только умыть руки.

Тут все заговорили разом. Сермак призывал собравшихся к порядку, но открылась дверь и вбежал Леви Норст. Пальто его было в снегу.

– Посмотрите! Нет, вы только посмотрите! – и он бросил на стол мокрую от снега газету. – И по всем каналам телевидения то же самое!

Пять голов склонились над газетой.

Первым заговорил Сермак. Он охрип от волнения.

– Господи! Он летит на Анакреон! На Анакреон!

– Измена... – прошептал Тарки. – Разрази меня гром, если Вальто не прав. Он продал нас и теперь едет собирать урожай.

Сермак встал.

– У нас нет другого выбора. Завтра я потребую в Совете, чтобы Гардин был смешен. Если и это не удастся...

5

Снег уже перестал идти, но земля была покрыта толстым его слоем, и автомобиль с трудом продвигался по пустынным улицам. Призрачный, сумеречный свет начинающегося дня был холоден не только в поэтическом смысле, и, несмотря на бурные события, никто – ни люди из «Действия», ни сторонники Гардина, не вышел на улицы Терминуса с лозунгами и транспарантами.

Ион Ли по обыкновению был недоволен и выражал свои мысли вслух.

– Дела плохи, Гардин. Они собираются вас скинуть.

– Пусть попробуют. Я лечу на Анакреон и хочу, чтобы все закончилось хорошо. Вот и все, Ли.

Гардин поудобнее устроился на мягкому сиденье. Его слегка знобило. В машине было тепло, но весь город был так выстужен, что казалось, холод проник и в машину...

Он задумчиво проговорил:

— Когда-нибудь, когда у нас дойдут до этого руки, нужно будет оборудовать Терминус климатическим кондиционированием. Это вполне возможно.

— Я бы предпочел, — угрюмо отозвался Ли, — чтобы для начала было сделано кое-что другое. Я бы в первую очередь обеспечил климатическим кондиционированием Сермака. Посадил бы его в такую уютную сухую клеточку, в которой постоянно поддерживалась бы температура градусов 25 по Цельсию. Мне кажется, ему бы это очень подошло.

— Вот тогда-то мне действительно понадобились бы телохранители, — усмехнулся Гардин. — И не только эти двое. — Он указал на сидевших впереди, рядом с водителем, здоровяков, без всякого выражения на лицах смотревших вперед, положив лапищи на приклады бластеров. — Похоже, вы хотите гражданской войны.

— Я? В огоньброшено уже столько поленьев, что мне подбрасывать не придется, уверяю вас. Во-первых (он загнул большой палец па правой руке), Сермак вчера затеял свару в Совете и потребовал вашего досрочного переизбрания.

— У него было на то полное право. Если я не ошибаюсь, против было 206, а за — 184.

— Да, преимущество в 22 голоса, в то время как мы рассчитывали на шестьдесят минимум. Не отрицайте, ведь рассчитывали?

— Вроде бы, — согласился Гардин.

— Так. Во-вторых (он загнул указательный палец), после голосования пятьдесят членов партии Действия демонстративно покинули зал заседаний.

Гардин молчал. Ли загнул еще один палец.

— И в-третьих, прежде чем покинуть зал, Сермак крикнул, что вы — изменник, что вы отправляетесь на Анакреон за тридцатью сребренниками, что преимущество в голосовании обеспечили пособники измены и что название их партии еще скажет само за себя. О чем это говорит?

— Ну... о возможных неприятностях, видно?

— И в такой момент вы удираете на рассвете, как преступник! А надо бы встретиться с ними открыто, лицом к лицу, Гардин, и если это произойдет, объявите военное положение, заклинаю вас!

— Насилие — последний козырь...

— ...дилетантов. Ерунда!

— Ладно, Ли. Не горячитесь. Посмотрим. А теперь слушайте меня внимательно. Тридцать лет назад открылся Склеп, и в пятидесяти годовщину со дня основания Академии появился образ Гэри Селдона, чтобы открыть нам глаза на происходящее.

— Помню, — кивнул Ли, улыбаясь, — в тот день мы совершили государственный переворот.

— Верно. Тогда произошел первый кризис. Сейчас назревает второй. Через три недели — восемьдесят лет основания Академии. Вы не улавливаете никакой связи?

— Хотите сказать, что он снова появится?

— Подождите, я еще не закончил. Селдон ни слова не сказал о том, появится ли он еще раз, но это как раз вполне согласуется с его Планом. Он все время старался удержать нас от попыток любых предвидений. Нельзя также с уверенностью сказать, предусмотрены ли в механизме часов Склепа последующие открытия. Думаю, если бы мы вздумали там покопаться, то просто сломали бы часы. Каждую годовщину с того самого дня я бывал там, просто так — на всякий случай. Он ни разу не появился. Но именно сейчас, впервые, наступил настоящий кризис.

— Значит, он появится.

— Может быть. Не знаю. Однако дело именно в этом. На сегодняшнем заседании Совета, сразу же после того как будет объявлено, что я отбыл на Анакреон, сообщите о том, что четырнадцатого марта произойдет второе пришествие Гэри Селдона и он сообщит нам известие величайшей важности относительно успешного преодоления второго кризиса. Это очень важно, Ли. Больше ничего не добавляйте, какие бы вопросы вам ни задавали.

Ли удивленно уставился на Гардина.

— А мне поверят?

— Неважно. Если удастся привести их в замешательство, это то, что нам нужно. Пусть

гадают, правда это или нет. На время они затихнут. До четырнадцатого марта. А я вернусь гораздо раньше.

Слова Гардина, кажется, не очень убедили Ли.

– Но... что касается «успешного преодоления» – это же чушь какая-то!

– Это беспроигрышная чушь. А вот и космопорт.

Ожидавший Гардина звездолет тускло поблескивал в сумерках. Гардин пробрался сквозь сугробы к кораблю. У открытого люка он обернулся к Ли и поднял руку, прощаясь.

– Счастливо, Ли. Безумно жаль оставлять вас на горячей сковородке, но больше дела доверить некому. Держитесь подальше от огня.

– Не волнуйтесь, Гардин. Сковородка горяча и так. Я сделаю все, как вы сказали.

Гардин отступил. Люк за ним закрылся.

6

На главную планету королевства Анакреон Гардин прибыл за день до коронации Леопольда. А до этого успел посетить восемь крупнейших звездных систем Анакреона, чтобы переговорить с местными представителями Академии.

Обширность королевства произвела на него угнетающее впечатление. Конечно, по сравнению с масштабами Галактической Империи, частью которой был когда-то Анакреон, королевство было крошечной точкой на карте. Но для того, кто всю свою жизнь прожил на одной-единственной планете, территория Анакреона и его население казались громадными.

Границы древней префектуры Анакреон включали в себя двадцать пять звездных систем, в шести из которых насчитывалось несколько обитаемых миров. Население составляло девятнадцать миллиардов. Во времена расцвета Империи оно было значительно больше, зато теперь, в условиях массового внедрения научных достижений Академии, рост численности ускорился.

Только теперь Гардин по-настоящему осознал грандиозность стоящей перед ним задачи. Ведь за тридцать лет был завоеван только главный из населенных миров Анакреона. Отдаленные провинции до сих пор имели колоссальные территории, где еще не была реставрирована атомная энергетика.

...Когда Гардин прибыл на столичную планету Анакреона, здесь все было спокойно. В дальних провинциях подготовка к коронации проходила шумно, с помпой, а тут, казалось, никто не проявлял особого усердия в приготовлениях к близящемуся празднеству.

Только Верисов разрывался на части. Гардину удалось лишь полчаса побеседовать с ним. Но разговор оказался исключительно плодотворным, и Гардин ожидал ночного торжества в наилучшем расположении духа.

Он старался вести себя как посторонний наблюдатель. Если бы его инкогнито было раскрыто, его тут же втянули бы в религиозные приготовления, а это совсем не устраивало. Поэтому, когда бальный зал дворца наполнился блестящей толпой высочайших особ королевства, он тихо и незаметно разместился у стены, где на него никто или почти никто не обращал внимания.

Он был представлен Леопольду в бесконечном ряду гостей с безопасного расстояния – будущий король стоял в полном одиночестве и величии, окруженный смертельным сиянием радиоактивной ауры. Менее чем через час Леопольд должен был воссесть на колоссальных размеров трон из радио-иридиевого сплава, украшенный золотом и бриллиантами. Затем трон оторвется от пола и зависнет в воздухе перед громадным окном, в котором собравшиеся внизу толпы простонародья увидят своего болееественного монарха, визжа от восторга и падая от счастья без чувств. Трон, конечно, мог бы и не быть таким громадным, если бы в него не был вмонтирован атомный двигатель...

Половина одиннадцатого... Гардин приподнялся на цыпочки, чтобы лучше видеть. Ходил даже встать на стул. И заметил, что к нему сквозь толпу вельмож пробирается Винис. Гардин облегченно вздохнул.

Винис шел медленно. Он то и дело останавливался, чтобы сказать пару вежливых слов тому или другому вельможе, чей дед в свое время помогал деду Леопольда в захвате власти, за

что все они получили титулы герцогов и князей.

Наконец он раскланялся с последним сановником и подошел к Гардину. Губы его изобразили подобие улыбки, но глаза светились недобрый светом из-под косматых бровей...

— Милый Гардин, — вкрадчиво проговорил он, — вы, вероятно, опасались, что вам будут надоедать, если ваше инкогнито будет раскрыто?

— Мне трудно надоесть, Ваше Высочество, — с легким поклоном ответил Гардин. — Но здесь очень интересно. У нас на Терминусе таких зрелищ не бывает, вы же знаете.

— О да! Не желаете ли пройти в мои покои, где мы могли бы побеседовать в более интимной обстановке?

— С удовольствием!

Рука об руку они сошли вниз по дворцовой лестнице. Не одна герцогиня поднесла к глазам лорнет, чтобы удивленно и с любопытством рассмотреть буднично одетого незнакомца, которому оказывает такую честь великий князь.

— Локрийское вино, Гардин, — сказал Винис. — Из королевских погребов. Настоящее, двухсотлетней выдержки. Было заложено за двадцать лет до Зеонского бунта.

— Истинно королевский напиток, — согласился Гардин и поднял бокал. — За Леопольда I, короля Анакреона!

Они выпили, и Винис как бы невзначай заметил:

— А может, и за Императора Периферии, а может, и поболее того, кто знает? Ведь настанет же когда-нибудь светлый праздник объединения Галактики!

— Несомненно. И, естественно, под эгидой Анакреона?

— А почему бы и нет? С помощью Академии ваше превосходство в Периферии станет очевидным!

Гардин поставил на столик пустой бокал и сказал:

— О да, конечно, если исключить одну малость: Академия призвана оказывать помощь любой нации, которая в ней нуждается. Высокие идеалы, которыми руководствуется наше правительство, и грандиозная моральная цель, которую перед нами поставил наш основатель Гэри Селдон, не позволяют нам иметь фаворитов. Тут ничего не поделаешь, Ваше Высочество.

Рот Виниса расплылся в улыбке.

— Как говорят в народе — «на Галактический Дух налейся, я сам не плошай». Я хорошо понимаю. Гардин, что по своей воле Академия вообще бы никому не помогала.

— Я бы не стал так говорить. Мы же ремонтируем для вас имперский крейсер, хотя наш Навигационный Совет очень настаивал на том, чтобы крейсер был передан ему для научных исследований.

— «Для научных исследований», — саркастически проговорил Винис. — Как же! Да вы ни за какие коврижки не стали бы его ремонтировать, если бы я не угрожал вам войной!

Гардин пожал плечами:

— Ну, не знаю...

— Зато я знаю! Эта угроза существовала всегда!

— И теперь существует?

— Теперь об угрозах рассуждать слишком поздно. Винис быстро взглянул на настольные часы.

— Послушайте, Гардин. Вы ведь уже были однажды на Анакреоне. Вы тогда были молоды. Мы оба были молоды тогда. Но уже тогда смотрели на мир по-разному. Вы ведь из тех, кого называют пацифистами?

— Как будто, да. По крайней мере, я считаю насилие крайне неэкономичным способом достижения цели. Всегда найдутся лучшие варианты, хотя путь к цели может оказаться не таким прямым.

— Ясно. Слышал я ваш знаменитый афоризм: «Насилие — последний козырь дилетантов». Однако... (регент повернулся к двери и прислушался) я не склонен считать себя таким уж дилетантом.

Гардин вежливо кивнул.

— И, несмотря на это, — продолжал Винис, — я всегда был сторонником прямого действия. Я всегда верил в то, что надо проложить прямой путь к цели и идти по этому пути. И многого

достиг. И достигну большего.

— Я понял вас, — прервал его Гардин. — Полагаю, что именно один из таких прямых путей вы прокладываете для себя и своих сыновей. Путь, который ведет прямехонько к трону, если вспомнить о недавней скоропостижной и безвременной кончине отца короля — вашего старшего брата и если учесть, что здоровье молодого короля внушает серьезные опасения. А оно внушает опасения, не так ли?

Винис нахмурился, голос его утратил мягкость и вкрадчивость.

— Я бы посоветовал вам, Гардин, не касаться определенных тем.

Вы, конечно, можете считать, что у вас есть некоторые привилегии как у мэра Терминуса... и что вы можете себе позволять... опрометчивые заявления, но, если вы себе это и позволяете, прошу вас иметь в виду, что я не из тех, кого молено запугать словами. Моя жизненная философия всегда основывалась на том, что трудности исчезают, когда встречаешь их лицом к лицу, в открытом бою. И я не отворачивался ни разу.

— Не сомневаюсь, и от чего же вы не хотите отвернуться сейчас?

— От трудности заставить Академию сотрудничать с нами! Ваша мирная политика, если хотите знать, привела к тому, что вы совершили ряд серьезных ошибок. Именно потому, что недооценили прямоту противника. Никто так не боится прямого действия, как вы.

— Например? — поинтересовался Гардин.

— Например, — вы прибыли на Анакреон без телохранителей и проследовали в мои покой. Гардин удивленно огляделся по сторонам.

— Ну и что?

— Да ничего, конечно, — ответил регент, ухмыляясь, — кроме того, что за дверью пять гвардейцев, неплохо вооруженных и готовых стрелять по первому приказу. Не думаю, что вам удастся уйти, Гардин.

Гардин поудобнее устроился в кресле.

— А я пока и не собираюсь. А что, вы меня так боитесь?

— Я вас не боюсь! Просто хотел убедить вас в своих намерениях. А вы называйте это, как хотите.

— Нет уж, это вы называйте, как хотите, — безразлично отозвался Гардин. — Зачем мне квалифицировать ваши действия?

— А я думаю, что скоро вы измените мнение. Кстати, вы совершили еще одну крупную ошибку, Гардин. Насколько мне известно, планета Терминус практически беззащитна?

— Естественно. Кого нам бояться? Мы никому не угрожаем и со всеми поддерживаем ровные отношения.

— Вот именно. И, оставаясь беззащитными, вы милостиво позволили нам прекрасно вооружиться. В особенности вы помогли нам с флотом. Он у нас благодаря вам колossalный. А учитывая ваш замечательный подарок в виде имперского крейсера, наш флот стал непобедим!

— Ваше Высочество, вы напрасно теряете время и красноречие. Если вы собираетесь объявить войну и хотите сообщить мне это, позвольте мне связаться с моим правительством.

— Сядьте, Гардин! Я не объявляю войну, а вы не будете связываться со своим правительством. Когда война начнется, Академия будет об этом извещена разрывами ядерных снарядов, пущенных с анакреонского флота под командованием моего сына. Он будет на флагманском корабле — на крейсере «Винис»!

Гардин нахмурился:

— И когда это произойдет?

— Ну если вам так интересно — флот покинул Анакреон ровно пятьдесят кинут назад, в одиннадцать. А первый удар будет нанесен, как только они подлетят к Терминусу, то есть завтра в полдень. А вы можете считать себя военным пленником.

— А кем же еще? — хмуро отозвался Гардин. — Однако... я разочарован.

Винис злорадно хихикнул:

— Только-то?

— Да. Я-то думал, что наилучшим моментом для старта вашего флота будет полночь — время коронации. А вы, оказывается, решили начать войну, пока вы еще регент... В первом

случае все сложилось бы более драматично.

Регент подозрительно уставился на Гардина.

– О чём это вы, черт бы вас подрал?

– Не понимаете? – улыбнулся Гардин. – Мой контрудар назначен на полночь.

Винис вскочил и, брызгая слюной, заорал:

– Лжете! Не может быть никакого контрудара! Если вы рассчитываете на поддержку других королевств, можете о ней забыть! Их флот, собери вы его весь вместе, не сравнится с нашим!

– Конечно. Только я стрелять не собираюсь. Просто неделю назад там, где надо, было брошено словечко-другое о том, что сегодня в полночь Анакреон будет объявлен вне закона.

– Вне закона?!

– Да. Если не понятно, объясню. Все священники на Анакреоне объявят забастовку, если я не отменю приказ. А я не смогу его отменить до тех пор, пока вы задерживаете меня. Да и не стал бы отменять, даже если бы вы меня отпустили!

Он наклонился вперед и отчетливо произнес:

– Отдаете ли вы себе отчет в том, Ваше Высочество, что нападение на Академию – святотатство?

Винис изо всех сил старался сохранять спокойствие.

– Мне таких вещей лучше не говорить. Приберегите это для толпы.

– А для кого бы вы думали, я это приберегаю? Видите ли, Ваше Высочество, последние полчаса во всех храмах Анакреона толпы народа слушают, развесив уши, что говорят им священники! Сейчас на Анакреоне нет простого смертного, который не узнал бы, что его правительство предприняло злобную, ничем не спровоцированную атаку на Терминус – центр их религии. А до полуночи – всего четыре минуты. Так что спускайтесь-ка в зал и смотрите, что будет. А мне тут будет очень спокойно под охраной ваших гвардейцев.

Гардин откинулся в кресле, налил себе еще бокал локрийского и безразлично уставился в потолок.

Винис разразился потоком проклятий и выбежал из своих покоев.

...В зале воцарилась тишина. Придворные расступились, и к трону образовался широкий проход. Леопольд сидел, опустив руки на подлокотники трона, высоко подняв голову, с окаменевшим лицом. Громадные люстры освещали зал. В рассеянном свете маленьких атомных лампочек, которыми был усеян сводчатый потолок, королевская аура отважно сверкала над головой Леопольда, образуя лучистую корону.

Винис остановился на лестнице. На него никто не обратил внимания – взгляды всех были устремлены на трон. Он до боли сжал кулаки и остался стоять, где стоял.

«Нет, – думал он, – Гардин не заставит меня сделать неверный шаг. Наврал, змей подколодный. Все идет, как надо!»

...Трон зашевелился. Бесшумно оторвался от пола и поплыл над подиумом, над ступенями и – на высоте шести футов от пола – к раскрытыму настежь огромному окну.

Пробил колокол. П полночь... Трон застыл в воздухе перед окном. И вдруг... королевская аура погасла!

Мгновение король ничего не понимал. Потом лицо его удивленно скривилось. Без лучистой ауры оно стало обычным лицом болезненного, перепуганного подростка... Трон пошатнулся и грохнулся на пол! В ту же секунду во дворце погасли все огни.

В шуме перепуганных голосов раздался вопль Виниса:

– Принесите факелы! Факелы сюда!

Он метался в смешавшейся толпе сановников, пробираясь ко входу в зал. Оттуда в темноту рванулась королевская охрана.

Наконец в зал притащили факелы. Те самые, которые должны были гореть во время торжественной процессии по улицам города после коронации.

Зал озарился призрачным светом разноцветных факелов – голубым, красным, зеленым. Жутковато выглядели перекошенные физиономии напуганных до смерти вельмож.

– Ничего страшного, господа! – кричал Винис. – Оставайтесь на местах! Сейчас дадут свет.

Он повернулся к капитану охраны, с напускным спокойствием ожидающему распоряжений.

— В чем дело, капитан?

— Ваше Высочество, — последовал ответ, — дворец окружен жителями города.

— Что им нужно? — рявкнул Винис.

— Во главе толпы — священник. Это верховный владыка — Поль Верисов. Он требует немедленного освобождения Сальвора Гардина и прекращения войны против Академии.

Винис прорычал:

— Если кто-нибудь из них осмелится приблизиться к воротам дворца — стреляйте без предупреждения! Пока все! Пусть орут на здоровье! Завтра разберемся.

Факелы расставили вдоль стен, стало светже. Винис бросился к трону, все еще стоявшему у окна, и поднял на ноги бледного как мел Леопольда.

— Иди со мной!

Винис бросил взгляд за окно. Город покрыл мрак. Снизу доносились громкие крики разгневанной толпы. Только справа от дворца, в Арголидском храме: горел сеет. Винис злобно застонал и поволок короля за собой.

...Толкнув дверь плечом, Винис ворвался в свои покои. За ним бочком вошел задыхающийся Леопольд.

— Гардин! — срывающимся голосом прокричал Винис. — Вы играете с силами, слишком опасными для вас!

Мэр не обратил на Виниса никакого внимания. Озаренный жемчужным сиянием карманного атомного фонарика, лежавшего рядом на столике, он все так же спокойно сидел в кресле и лукаво улыбался.

— Доброе утро, Ваше Величество, — обратился он к Леопольду. — Мои поздравления с вашей коронацией!

— Гардин! — гаркнул Винис и топнул ногой. — Прикажите вашим священникам вернуться к выполнению своих обязанностей!

— А вы сами прикажите, Винис! Вот тогда и увидите, кто с какими силами играет и для кого они опасны. Сейчас на Анакреоне не вертится ни одно колесо. Не горит ни один огонек — только в храмах. Из кранов не течет вода — только в храмах. Больницы не принимают больных. Электростанции закрылись. Корабли вернулись в порты. Если вам это не нравится, Винис, прикажите священникам вернуться к исполнению обязанностей. Мне, откровенно говоря, неохота это делать.

— И прикажу, Гардин, черт бы вас побрал! Играть в открытую так играть! Сегодня же ночью во всех храмах будет установлена военная охрана.

— Замечательно! А как вы собираетесь отдать приказ? Все линии связи на планете прерваны. Не работает ни радио, ни телевидение. Откровенно говоря, единственное функционирующее средство коммуникации — вот этот ваш телевизор, — я имею в виду, за пределами храмов. Но он работает только на прием.

Винис задыхался от ярости, а Гардин спокойно продолжил:

— Но, если желаете, можете отдать гвардейцам приказ войти в Арголидский храм, а затем свяжитесь по ультраволновой связи с остальными районами планеты. Но я очень опасаюсь, что, если вы это сделаете, толпа просто разорвет гвардейцев на куски. А кто тогда будет охранять дворец? И вашу жизнь, Винис?

Винис прошипел:

— Мы продержимся, дьявол! Ночь продержимся. Пусть орет толпа, пусть гаснет свет, но мы продержимся! А когда поступит сообщение о том, что Академия захвачена, ваша драгоценная толпа убедится а том, каким мыльным пузырем была вся ваша религия! Тогда они отвернутся от ваших священников и восстанут против них! Я даю вам время до завтрашнего полудня, Гардин, потому что вы можете прекратить подачу энергии на Анакреоне, но вы не в силах остановить анакреонский флот!!

Он охрип от крика.

— Они на пути, Гардин, и с ними огромный крейсер, который вы лично распорядились отремонтировать!

Гардин, хитро улыбаясь, сказал:

— Вот именно — который я лично распорядился отремонтировать. Но — весьма и весьма специфически, заметьте... Скажите, Винис, вы когда-нибудь слышали об ультраволновом реле? Вижу, что не слышали. Ну так вот: примерно через две минуты вы увидите его в действии.

Вдруг вспыхнул экран телевизора. Гардин добавил:

— Ах нет, простите, — через две секунды! Садитесь, Винис, смотрите и слушайте.

7

Тео Эйпорат был одним из самых высокопоставленных духовных персон Анакреона. Уже одного этого было достаточно для того, чтобы он смог занять высокий пост корабельного священника на флагманском крейсере «Винис».

Но дело было не только в этом. Он знал корабль. Он работал на его ремонте под руководством святых людей из самой Академии. Он выполнял их распоряжения. Изучил принцип работы двигателей, налаживал системы связи, заделывал пробоины в корпусе, восстанавливал переборки. Ему позволили помогать даже тогда, когда мудрые люди из Академии монтировали такое священное устройство, которого до сих пор не было ни на одном корабле, — ультраволновое реле!

И неудивительно, что у него щемило сердце, стоило ему подумать о том, какой цели послужит этот великолепный корабль! Он отказывался верить, когда Верисов рассказал ему об этом! Корабль должен был принять участие в величайшем злодеянии — его орудия будут повернуты против великой Академии! Против той Академии, где он учился в юности, против источника всеобщей благодати!

Теперь сомнений не было — то же самое он услышал от адмирала.

Но как же мог король, помазанник Божий, позволить свершиться этому святотатству! И знал ли он об этом? Может быть, это приказ злобного регента — Виниса, а король ничего не ведает? А сын Виниса пять минут назад сказал Тео: «Занимайтесь своими делами — спасением душ и благословениями. А кораблем займусь я».

Эйпорат хитро усмехнулся. Он-то займется. И еще как! И князь Лефкин очень скоро запросит пощады!

...Эйпорат зашел в центральный пункт связи. Его сопровождал младший священник. Двое офицеров, оказавшихся в зале, никоим образом не выражали неудовольствия. Главный корабельный священник имел право входить всюду.

— Закройте дверь, — приказал Эйпорат и взглянул на хронометр. Было без пяти двенадцать.

Быстрыми, отработанными движениями он нажал несколько клавиш на пульте. Теперь на всем протяжении корабля длиной в две мили был слышен его голос и виден он сам.

— Солдаты королевского флагманского корабля «Винис», внимание! Говорит ваш корабельный священник! Ваш корабль, — чуть дрожащим от волнения голосом продолжал Тео, — втянут в святотатственное деяние, за которое душа каждого из вас может погибнуть безвозвратно в пучинах пространства! Слушайте! Ваш командир хочет повести этот корабль к Академии и превратить в руины этот источник нашей благодати! Это его приказ, и поэтому я во имя Галактического Духа лишаю его права командования! Он не может командовать там, где нарушена воля Галактического Духа! Даже сам болеественный король не может править без помощи Галактического Духа!

Младший священник, потрясенный до глубины души, внимал словам Тео. Двое офицеров в страхе застыли как статуи.

— И потому что этот корабль вовлечен в сатанинское злодеяние, от него отнимается благословение Галактического Духа!

Эйпорат торжественно воздел руки. У тысячи экранов по всему кораблю столпились солдаты и офицеры и слушали, что говорит корабельный священник.

— Во имя Галактического Духа и пророка его, Гэри Селдона, и его учеников, святых людей из Академии, я проклинаю этот корабль! Пусть телевизоры — его глаза — ослепнут! Пусть атомные заряды — его руки — отсохнут! Пусть двигатели — его сердце — остановятся! Пусть вентиляционная система — его легкие — перестанут дышать! Пусть линии связи — его голос —

замолчат! Пусть его освещение – его душа – погаснет! Так, во имя Галактического Духа, я проклинаю этот корабль!

Когда Тео произнес последнее слово, пробило полночь. В Арголидском храме, на расстоянии многих световых лет от корабля, чья-то рука включила ультраволновое реле, и в тот же миг сработало ультра волновое реле на корабле.

И корабль умер!

Потому что главное свойство научной религии в том, что она практична, и проклятия, подобные произнесенным Эйпоратом, действительно смертельны!

Мрак обнял все помещения крейсера. Затих шум гиператомных двигателей. Тео облегченно вздохнул и вытащил из потайного кармана сутаны маленький атомный фонарик, свет которого озарил зал призрачным сиянием...

Он взглянул свысока на офицеров, которые, хотя и были храбрыми мужчинами, упали на колени в смертельном ужасе и вопили:

– Спасите наши души, Ваше Преподобие! Мы – простые люди и не ведали о преступлениях наших начальников!

– Идите за мной, – строго приказал Эйпорат. – Для вас еще не все потеряно.

На корабле царили темнота и ужас. Солдаты окружили Эйпората, идущего в круге света, пытаясь коснуться его сутаны, и умоляли о пощаде. Он говорил только:

– Следуйте за мной!

Навстречу ему шел князь Лефкин.

Столкнувшись лицом к лицу со священником, адмирал смерил его ненавидящим взглядом.

– А-а-а! Вот вы где!

Лефкин унаследовал красивые голубые глаза матери, но, – увы, ему достались и крючковатый нос, и косоглазие отца.

– Каковы бы ни были мотивы ваших изменнических действий, я приказываю немедленно вернуть кораблю энергетическое обеспечение. Командир здесь я!

– Уже нет! – гордо ответил Эйпорат.

Лефкин огляделся вокруг.

– Взять этого человека! Арестовать его – или, клянусь, я вышвырну за борт всякого, кто меня сейчас слышит!

Никто не пошевелился.

– Ваш адмирал приказывает вам! Арестуйте его.

Никакого эффекта...

– Как же вы позволяете, чтобы вас дурачил этот шут, комедиант! Он обманщик, а Галактический Дух, о котором он разлагольствует, – плод его воображения, который...

Эйпорат гневно прервал его:

– Взять богохульника! Слушать его – значит, губить свои души!

Благородный адмирал тут же оказался в крепких руках своих солдат.

– Ведите его за мной!

Эйпорат повернулся и отправился в зал связи. За ним по коридорам, черным от толпы солдат, тащили упирающегося Лефкина. Войдя в зал, Эйпорат приказал подвести бывшего командира к единственному работавшему передатчику...

– Прикажите флоту изменить курс и приготовиться к возвращению на Анакреон!

Смещенный адмирал, истерзанный, полубезумный, повиновался.

– А теперь, – продолжал Эйпорат твердо и сурово, – мы на ультраволновой связи с Анакреоном. Повторяйте за мной слово в слово.

Лефкин замотал головой. Толпа, наполнившая зал и близлежащие коридоры, дико взревела.

– Говорите! – крикнул Эйпорат. – Начали: «Анакреонский флот...»

Лефкин повторил...

В покоях Виниса стояла напряженная тишина, когда на экране возникло лицо князя Лефкина. Регент только охнул и застонал, когда увидел, как плачевно выглядит его сын и наследник...

Гардин смотрел на экран спокойно, положив ногу на ногу, а только что коронованный Леопольд, дрожа, забился в самый темный угол и судорожно закусил рукав своего раззолоченного одеяния. Даже солдаты, выйдя из обычного бесстрастия, с ужасом глядели на экран.

Лефкин говорил запинаясь, устало, то и дело делая паузы:

— Анакреонский флот... осознавая сущность своей миссии... и отказываясь участвовать... в невиданном злодеянии и святотатстве... возвращается на Анакреон... предъявляя следующий ультиматум... тем богохульникам и грешникам, которые осмелились применить силу... против Академии... источника всякой благодати... и против Галактического Духа... Требуем немедленно прекратить войну... против... истинной веры... и дать гарантии... которые бы устроили... военный флот, представляемый нашим священником... Тео Эйпоратом... чтобы такая война больше не повторилась... и чтобы... (тут возникла довольно долгая пауза) и чтобы... прежний регент... Винис... был заключен в тюрьму... и предстал перед церковным судом... за свои преступления... В противном случае... королевский флот... вернувшись на Анакреон... сровняет дворец с землей... и сделает все необходимое... для ликвидации гнезда грешников... и логова разрушителей...

Голос адмирала затих. Он отчаянно всхлипнул. Экран погас.

Пальцы Гардина быстро прикоснулись к корпусу атомного фонарика. Свет его постепенно пошел на убыль. И когда он совсем исчез, в наступившей темноте регент, король и солдаты стали черными тенями. А вокруг Гардина появилась аура!

Конечно, она не сверкала так торжественно, как былая аура короля, но была по-своему эффектна и куда более эффективна.

Гардин, с трудом скрывая иронию, обратился к Винису:

— Есть старая притча. Старая, как само человечество. Думаю, вам полезно будет послушать...

«У лошади был злайший враг – волк, который заставлял ее жить в постоянном страхе. Окончательно отчаявшись, она решила поискать сильного защитника, который помог бы ей избавиться от врага.

И отправилась она к человеку, и предложила ему заключить союз, потому что волк был врагом человека тоже. Человек тут же согласился и предложил немедленно убить волка, если только лошадь ему поможет. Лошадь с радостью согласилась и позволила человеку надеть на себя седло и уздечку. Человек вскочил на лошадь верхом, поскакал и – убил волка.

Лошадь на радостях поблагодарила человека и говорит: «Теперь, когда враг наш мертв, сними с меня седло и уздечку!» А человек громко рассмеялся и ответил: «Да что ты говоришь? Но, моя лошадка!» – и пришпорил ее хорошенко».

Стояла гробовая тишина. Тень Виниса не пошевелилась.

Гардин спокойно продолжал:

— Думаю, аналогия очевидна. Желая навечно закрепить за собой незыблемую власть над своими пародами, правители Четырех Королевств приняли от нас научную религию, которая стала их седлом и уздечкой. Животворная сила атомной энергии сконцентрировалась в руках священников, которые выполняли наши приказы – наши, замечу, а не ваши. Вы убили волка, но не смогли избавиться от...

Винис как подброшенный вскочил с кресла. В темноте его глаза казались черными омутами безумия. Хриплым голосом он проговорил:

— Но ты в моих руках! Никуда не денешься. Ты погибнешь! Пусть нас поднимут на воздух! Пусть все взорвут! Но ты погибнешь! Я убью тебя! Солдаты, – заорал он, – стреляйте в дьявола! Огонь! Огонь!!!

Гардин обернулся и посмотрел на солдат, улыбаясь. Один из них поднял было бластер, но тут же опустил. Остальные даже не пошевелились. Сальвор Гардин, мэр Терминуса, окруженный мягким сиянием, дружелюбно улыбающийся, перед которым только что рассыпалась в прах мощь Анакреона, был слишком велик для них, несмотря на приказ

трясущегося регента...

Винис выкрикнул проклятие и бросился к ближайшему солдату. Выхватил у него бластер, направил его на Гардина и нажал кнопку...

Бледный топкий луч "отразился от силового защитного поля, окружавшего Гардина, и, не причинив тому никакого вреда,нейтрализовался. Винис нажимал и нажимал кнопку, хохотал в истерике и заливался бессильными слезами.

А Гардин спокойно улыбался, а его защитное поле – его аура – светилось все сильнее, поскольку проглотило энергию луча бластера. Леопольд в своем углу закрыл глаза и тихо застонал...

Издав истощный вопль, Вини с развернутым бластером к себе и выстрелил...

Глядя на обезглавленную фигуру на полу, Гардин пробормотал:

– Да... Приверженец «прямого действия» до конца... Последний.

9

Склеп был переполнен.

Сальвор Гардин невольно сравнил эту толпу народа с той небольшой кучкой советников, которая собралась здесь во время «первого пришествия» Гэри Селдона, тридцать лет назад. Тогда их было всего лишь шестеро-пятеро старых энциклопедистов, из которых никто не дожил до сегодняшнего дня, и он сам, новоиспеченный мэр... В тот самый день он с помощью Йона Ли и его людей лишил власти старого догматика...

Теперь все было по-другому. Все члены Городского Совета ожидали появления Гэри Селдона. Гардин по-прежнему был мэром, но теперь он обладал всей полнотой власти. А после поражения Анакреона Гардин пользовался всеобщей популярностью и любовью. Когда он вернулся с Анакреона с известием о смерти Виниса и подписании нового соглашения с трясущимся от страха Леопольдом, его встретили с восторгом. Когда за этим последовало подписание соглашений с остальными королевствами – соглашений, которые охраняли Академию от любых попыток нападения, – радости не было конца! По всем улицам Терминуса прошли факельные шествия. Даже имя Гэри Селдона никогда не звучало так громко!

Губы Гардина дрогнули в улыбке. Да, начала такой популярности он добился тогда, тридцать лет назад...

В противоположном углу Склепа Зеф Сермак и Льюис Борт что-то оживленно обсуждали. Казалось, события последних дней на них не отразились никак. А ведь они голосовали за вотум доверия, публично покаялись в ранее произнесенных оскорблениях в адрес Гардина, оправдываясь и извиняясь... и тут же затеяли новую кампанию...

Йон Ли коснулся руки Гардина и многозначительно показал на часы.

Гардин поднял взгляд.

– Привет, Ли. Что это вы такой грустный? Теперь-то что не так?

– Он должен появиться через пять минут?

– Надеюсь. В прошлый раз он появился в полдень.

– А если не появится?

– Послушайте, Ли, вы, видимо, решили до конца моих дней мучить меня своими сомнениями. Не появится – значит, не появится!

Ли нахмурился и задумчиво покачал головой:

– Если все сорвется, у нас будут очередные неприятности. Если Селдон, так сказать, не одобрит наших действий, у Сермака руки будут развязаны. Он хочет полной и бесповоротной аннексии Четырех Королевств и немедленной экспансии Академии, – если потребуется – с применением силы. Кампанию эту он уже разворачивает вовсю.

– Знаю. Пожиратель огня должен глотать факелы, даже если рискует сам сгореть... А вы, Ли, будете всегда сомневаться и переживать. А если причин для волнения не останется, вы их придумаете.

Ли собрался было ответить, но в эту секунду у него перехватило дыхание. Все огни постепенно погасли, и взгляды собравшихся устремились на большой стеклянный куб, занимавший половину Склепа. Ли глубоко вздохнул и опустился в кресло рядом с Гардином.

Гардин выпрямился, пристально глядя на фигуру человека, возникшую внутри куба. Там, в инвалидном кресле, сидел старик!

Из находившихся в Склепе только Гардин помнил день, когда это произошло впервые... Тогда он был молод... С тех пор Гардин здорово постарел, а старик в кубе не состарился ни на один день...

Он тихо сказал:

— Я — Гэри Селдон...

В Склепе стояла тишина... Гэри Селдон продолжал говорить, просто и непосредственно:

— Вот уже второй раз я появляюсь здесь. Конечно, я не могу знать, есть ли здесь сейчас кто-нибудь из тех, кто был в первый раз. Я не знаю даже, есть ли здесь кто-нибудь вообще. Но и это не так уж важно. Если второй кризис успешно преодолен, вы должны быть здесь. Если вас здесь нет, значит, — второй кризис вас сломал.

Он мягко улыбнулся:

— Но вряд ли, потому что мои расчеты показывают, что в первые восемьдесят лет выполнения Плана значительных отклонений от плана быть не должно. Вероятность — девяносто девять процентов.

Судя по нашим расчетам, сейчас вы достигли превосходства над варварскими королевствами — ближайшими соседями Академии. Если во время первого кризиса вы победили за счет баланса сил, то во время второго — духовной силой одолев физическую.

Однако должен предупредить вас. Не будьте слишком беспечны. Я не собираюсь открывать вам знания, являясь сюда призраком, но подскажу: то, чего вы добились сейчас, — не более чем новое равновесие. Но теперь ваше положение значительно лучше. И помните о том, что духовной мощи, которой было достаточно, чтобы отразить мощь физическую, мало для собственной агрессии. У вас расцветают регионализм и национализм, и духовная мощь не сможет продержаться долго. Думаю, не говорю вам ничего такого, что может вас удивить.

И еще — вы должны простить меня за то, что мои объяснения несколько туманны. Я вынужден пользоваться приблизительными терминами, поскольку никто из вас не имеет образования, необходимого для понимания сути психоистории. Вот я и говорю так, чтобы вам было понятно.

Сейчас Академия находится в самом начале пути, ведущего к созданию новой Империи. Окружающие вас королевства по ресурсам еще сильнее вас. Даже — громадные, непроходимые дебри варварства. За поясом варварства находится то, что пока еще называется Империей. Она слаба и полуразрушена, но все же еще жизнеспособна.

Тут Гэри Селдон взял с невидимого столика книгу и открыл ее. Лицо его стало серьезным и торжественным.

— И не забывайте о том, что существует вторая Академия, основанная, как и ваша, восемьдесят лет назад. Академия на другом краю Галактики. Господа! Перед вами дорога длиной в девятьсот двадцать лет. Дерзайте!

Селдон опустил взгляд на книгу и исчез. Снова загорелся свет. Склеп наполнился шумом голосов. Ли склонился к уху Гардина и прошептал:

— А он не сказал, вернется ли еще. Гардин хмыкнул:

— Не сказал. Но я очень надеюсь, что ко времени его нового пришествия и вы, и я будем надежно упокоены в земле. Так-то, Ли!

Часть четвертая Торговцы

1

Торговцы — ...постепенно политическую олигархию Академии возглавила Торговцы, которые оплели тонкими сетями маршрутов грандиозные просторы Периферии. Они покидала Терминус но долгие месяцы и годы. Их корабли зачастую были латаны-перелатаны собственноручно; честность в их среде оставляла желать

лучшего, но бесстрашие а отвага...

...за счет всего вышеперечисленного им удалось создать собственную «Империю», более могущественную, чем псевдорелигиозные деспотии Четырех Королевств...

...ходит множество рассказов об этих одиноких и угрюмых великанах, которые полуслутия-полусерьезно произносили свой лозунг, заимствованный из афоризмов Сальвора Гардина: «Никогда не позволяйте морали удерживать вас от правильных поступков»... Теперь трудно судить, какие из рассказов точны, а какие апокрифичны. Почти все в той или иной степени приукрашены...

Галактическая энциклопедия

Лиммар Пониетс стоял под душем, когда зазвучал сигнал вызова, – странно, но гипервизионная связь и горячий душ действовали на необъятных, пустынных просторах галактической Периферии...

К счастью, этот отсек корабля, не заполненный всевозможными грузами, был настолько миниатюрен, что душевая комната занимала кубик размером два на четыре фуга и находилась всего в двух футах от пульта управления. Ласковый плеск воды прервало стрекочущее стаккато вызова...

Наспех стерев с лица мыльную пену, бормоча ругательства, Пониетс босиком прошелепал к пульту, отладил звук и изображение...

Не прошло и трех часов, и к его кораблю причалил другой торговый звездолет, и через стыковочный туннель вошел улыбающийся юноша.

Пониетс указал ему на свое лучшее кресло, а сам бочком пристроился в кресле пилота.

– Каким ветром вас занесло, Горм? – мрачно спросил он. – Вы что, всю дорогу от Академии тащились за мной?

Лес Горм закурил сигарету и отрицательно покачал головой.

– Делать мне нечего! Просто угораздило попасть на четвертую Глипты после прибытия почты. Вот меня и послали вдогонку за вами с этой штукой.

Он передал Пониетсу маленький блестящий шарик и добавил:

– Конфиденциально. Сверхсекретно. Нельзя передавать по субэфиру, и все такое прочее. В общем, это персональная капсула, и никто, кроме вас, ее не прочтет.

Пониетс грустно вертел в руке шарик.

– Вот так подарочек! Что-то я не припомню, чтобы персональная капсула хоть когда-нибудь приносила радостные известия...

Шарик раскрылся у него на ладони. Из него побежала тонкая ленточка. Он пробежал глазами сообщение – читать необходимо было как можно скорее, потому что, когда появлялся конец ленты, начало ее уже чернело и обугливалось. Еще через мгновение ленточка распалась на молекулы и испарилась.

– Черт подери, – огорченно проговорил Пониетс.

– Может, чем-нибудь помочь, – поинтересовался Горм, с любопытством глядя на Лиммара. – Или это действительно секрет?

– Да нет, вам-то как раз я могу сказать. Вы ведь член Гильдии... В общем, мне нужно лететь на Аскон.

– На Аскон? С какой стати?

– Они там торговца арестовали. Вот и весь секрет.

Горм был искренне возмущен.

– Арестовали? Но это же нарушение Конвенции!

– Угу. И вмешательство во внутреннюю политику.

– О! Так он на этом засыпался! А кто такой? Я его знаю?

– Нет! – резко отозвался Пониетс, и Горм понял, что больше вопросов задавать не стоит.

Пониетс встал, нажал на клавиши пульта и уставился на монитор. Ряд бесстрастных цифр, появившихся на экране, поверг его в бешенство... Он с ненавистью смотрел на экран и бормотал:

– Проклятье! В то время как у меня не выполнена квота по продаже! Мать твою...

Тут в глазах Горма вспыхнул огонек.

– Послушайте, дружище, Аскон-то – закрытая территория!

– То-то и оно! Что там, кроме перочинного ножика, продашь? Они упорно не желают приобретать никаких атомных устройств. А у меня квота наполовину не выполнена. Просто самоубийство туда лететь!

– А отвертесься нельзя?

Пониетс печально покачал головой.

– Дело – дрянь. Этот парень – мой друг, и я не могу бросить его в беде! Меня ведет рука Галактического Духа...

– Чего-чего? – прищурился Горм.

Пониетс взглянул на обескураженного Горма и сухо рассмеялся:

– Простите, отвлекся. Вы ведь не читали «Книгу Духа».

– Да я про такую и не слыхал!

– Естественно. Ее читают те, кто обучаются в религиозных школах.

– А вы, что же...

– Увы, Горм. Это темное пятно в моей биографии и страшная тайна. Но для Преподобных Отцов я оказался крепким орешком. Они меня выгнали, и мне ничего не оставалось, как получить светское образование в Академии. Ну ладно, это все, так сказать, лирика. А как у вас с квотой в этом году?

Горм погасил сигарету и напялил кепочку.

– Последний груз – и все.

– Счастливчик, – буркнул Пониетс.

Горм попрощался с ним и перешел на свой корабль, а Лиммар еще долго сидел, угрюмо глядя в одну точку...

Итак – Эскел Горов был на Асконе, и в тюрьме!

Скверные дела... Хуже, чем могло показаться на первый взгляд. Одно – рассказать об этом так, как Пониетс рассказал любопытному юнцу, чтобы тот поскорее отвязался. Другое – что все принимало серьезный оборот.

Лиммар Пониетс был одним из немногих, кто знал, что Старший Торговец Эскел Горов – вовсе не торговец, а агент Академии...

2

Прошло две недели. И все – впустую!

Неделю он потратил, добираясь до Аскона. На границе его встретили бдительные патрульные кораблики. Какова ни была асконская система слежения – она действовала, и неплохо...

Сохраняя дистанцию, патруль сопровождал его до центральной планеты Аскона.

Пониетс без особого труда узнал эти корабли. Прежние имперские реликвии. Но не военные звездолеты, а спортивные. Не имея на борту атомного оружия, они представляли собой разве что музейные экспонаты...

Еще неделя ушла на общение с бесчисленными чиновниками, которые, как многоголовый шлагбаум, перекрывали дорогу к Верховному Магистру. Перед всяkim секретарем и советником нужно было расшаркиваться и раскланиваться. Каждого нужно было долго и нудно уговаривать, чтобы получить драгоценную подпись, открывавшую путь к следующему чинуше.

Впервые в жизни Пониетс почувствовал, как бесполезны здесь его торговые титулы...

И вот наконец он стоял перед дверью, ведущей в тронный зал. Прошло две недели. Горов сидел в тюрьме, а груз Пониетса бесполезно томился в трюмах корабля.

Верховный Магистр был небольшого роста, лысеющий. Лицо его избороздили глубокие морщины, тонкую шею украшал огромный, пышный меховой воротник. Казалось, тело Магистра подвешено к нему.

Он сделал знак рукой, цепочка вооруженных охранников разомкнулась. По образовавшемуся проходу Пониетс приблизился к трону.

– Молчи! – прошипел Верховный Магистр, хотя Пониетс не успел и рта открыть. – Вот так-то лучше! – обрадованно заявил Верховный Магистр. – Чего не выношу – так это

бесполезной болтовни. Молчишь – и молчи. И не угрожай мне, и не пытайся льстить! И жаловаться не вздумай! Я уже счет потерял – сколько раз такие, как ты и твой дружок, пытались всучить моим людям адские машинки!

– Сир! – смиренно проговорил Пониетс. – Я не хочу оправдывать упомянутого торговца. У нас не принято лезть туда, где нас не ждут. Но Галактика велика, и бывали случаи, когда границы нарушались невольно. Это были досадные ошибки...

– Досадные... – проскрипел Великий Магистр, – Только вот ошибки ли? А? Ваши люди с четвертой Глипты терроризируют меня просьбами о переговорах ужо две недели, с того дня, когда мы посадили в тюрьму этого богохульника! Они мне и о твоем прибытии сообщили, не сомневайся. Что это, как не хорошо организованная кампания по спасению? Слишком продуманная для досадной ошибки!

Черные глазки асконского правителя метали молнии.

– А вы, торговцы, мечетесь между мирами как шальные и заинтересованы только в своих правах! У вас хватает наглости прилетать в центральную систему Аскона, а потом называть это невольным переходом границы, досадной ошибкой? Не морочьте мне голову, ладно?

Пониетс дрогнул, но виду не подал. Он так же смиренно произнес:

– Если попытка торговать совершена преднамеренно, Ваше Превосходительство, то это, безусловно, противоречит жестким правилам, установленным в нашей Гильдии.

– Противоречит, противоречит! И нашим правилам – тоже! Да так противоречит, что твой приятель скоро жизнью заплатит за это.

У Пониетса противно засосало под ложечкой. Казалось, выхода нет.

Он тихо проговорил:

– Сир, но смерть так абсолютна и бесповоротна, что, может быть, ей найдется какая-нибудь замена?

Наступила молчаливая пауза. Затем Верховный Магистр вкрадчиво поинтересовался:

– Я слышал, Академия очень богата?

– Да! К сожалению, вы постоянно отказываетесь от наших богатств! Наши атомные товары стоят...

– Да ничего они не стоят, ваши атомные товары. На них нет благословения наших предков. Они греховны и прокляты во веки веков.

Последняя фраза прозвучала как школьная формула... Морщинистые веки Верховного Магистра опустились на глаза.

– А больше ничего ценного у тебя нет?

Пониетс сделал вид, что намека не понял.

– А что бы вы хотели?

Асконец открыл глаза и пожал плечами:

– Хорошенько дело! Кто торговец – ты или я? Что же ты у меня спрашиваешь, что мне нужно? Так не пойдет! Твоему драгоценному дружку грозит смерть за нарушение законов Аскона. Газовая камера. Мы, кстати, справедливый народ. Беднейший из крестьян не пострадал так, как твой друг. Я сам, окажись я, не дай бог, на его месте, пострадал бы не меньше.

Пониетс, потупив взор, безнадежно спросил:

– Сир! Не будет ли мне позволено переговорить с узником?

– Асконские законы, – холодно отозвался Верховный Магистр, – не разрешают свиданий со смертниками.

У Пониетса перехватило дыхание. Мгновение он собирался с духом и вдруг воскликнул:

– Ваше Превосходительство, я прошу вас проявить милость к душе человеческой в часы, когда тело его готовится к скорой погибели. Он лишен духовного окормления, и душа его в опасности. Он может уйти в мир иной неподготовленным.

Верховный Магистр медленно, подозрительно поинтересовался:

– Ты что... – исповедник?

Пониетс скромно потупился.

– Меня так учили, Ваше Превосходительство. В мрачных пучинах космоса странствующим торговцам нужны такие люди, как я, которые могли бы позаботиться о духовной стороне их жизни...

Асконский правитель задумчиво покачал головой:

— Да... человек должен подготовить свою душу к путешествию в страну предков... Вот уж не думал, не гадал, что торговцы — верующие! Дивны дела твои, Господи!

3

Эскел Горов пошевелился на нарах и приоткрыл один глаз. Дверь камеры резко скрипнула и тяжело открылась... Горов резко вскочил на ноги.

— Пониетс! Тебя послали!

— Совпадение обстоятельств, — печально ответил Пониетс. — Случайность или мой злой демон подшутил... Сначала ты попадаешь в беду на Асконе. Затем мой торговый маршрут, известный Совету по Торговле, пролегает в пятидесяти парсеках отсюда, когда случается то, что во-первых. В-третьих, мы раньше работали вместе, и Совету это известно. Ну разве не удачное стеченье обстоятельств?

— Говори осторожнее, — тихо проговорил Горов. — Нас наверняка подслушивают. Или у тебя портативный отражатель?

Пониетс молча показал узорчатый металлический браслет, охватывающий запястье левой руки, и Горов успокоился.

Пониетс огляделся. Камера была чистая и просторная. Ничем дурным не пахло.

— Повезло. Похоже, с тобой тут неплохо обращаются.

Горов пропустил его слова мимо ушей.

— Ты мне вот что скажи. Как тебе удалось ко мне пробраться? Никого не допускают уже две недели!

— С того самого дня, значит, как я прибыл... Ну что тебе сказать? Представь себе, что этот общипанный воробей — здешний правитель — имеет кое-какие слабости. Он, видишь ли, обожает благочестивые речи. Глупо этим не воспользоваться! Как видишь, вышло. Ты думаешь, я кто? Не падай в обморок — я твой духовник. Удивительные люди — эти святоши! Понадобится, так он тебе лично глотку перережет, глазом не моргнув, но при этом искренне печется о твоей бестелесной, несуществующей душе. В общем, выражаясь по-научному, я применил методы эмпирической психологии. Хороший торговец должен знать обо всем понемногу.

Горовsarкастически ухмыльнулся:

— Ясно. Ты же учился в богословской школе. Молодчина, Пониетс! Какая удача, что послали именно тебя! Но как-то мне не верится, что Верховный Магистр так уж переживает за мою душу. Наверняка он намекнул на выкуп?

Глаза торговца сузились.

— Да, намекнул, вскользь. Параллельно угрожая смертью в газовой камере. Я сделал хитрый ход и увернулся. Запросто мог попасть в ловушку. Неужели это всего лишь вымогательство? Вот те на! А что ему надо?

— Золота.

— Золота? — нахмурился Пониетс. — Что, сам металл? Зачем?

— У них золото — средство обмена.

— Вот как? А где же я его возьму?

— Где хочешь. Послушай, это очень важно. Если запахнет золотом и Верховный Магистр учуяет этот запах, со мной ничего не сделают. Пообещай ему столько, сколько он запросит. Потом отправляйся в Академию, на Терминус, если потребуется. Когда меня освободят, нас с почетом проводят из Аскона и мы благополучно разбежимся в разные стороны.

— Ага. А потом ты вернешься и попробуешь еще раз?

— Пониетс, иначе я не могу! Я обязан продать атомные устройства на Асконе.

— Да ты не успеешь и на парсек от Аскона отлететь. Ты не хуже меня представляешь последствия.

— Нет. Не понимаю, о чем ты? А и понимал бы — все равно ничего бы не изменилось.

— Будь уверен, в следующий раз тебя точно прикончат.

Горов пожал плечами.

Пониетс неожиданно спокойно проговорил:

– Знаешь, если мне еще раз выпадет переговорить с Верховным Магистром, было бы желательно знать всю подноготную. До сих пор я действовал вслепую. Но даже путем легких намеков мне удалось довести Его Превосходительство до нужной кондиции.

– Все предельно просто, – отозвался Горов. – Безопасность Академии здесь, на Периферии, может быть укреплена путем создания коммерческой империи с религиозным управлением. Мы все еще не достаточно сильны для того, чтобы вводить политический контроль. Хотя это возможно при поддержке Четырех Королевств.

Пониетс кивнул:

– Это понятно. А в системе, которая отказывается приобрести атомные приспособления, ни за что не поставишь под контроль религиозное правление.

– Вот именно! И такая система становится очагом напряженности.

– Ну ладно, – зевнул Пониетс. – Это все, так сказать, теория. Давай ближе к делу. Что конкретно здесь мешает торговле? Религия? Я именно так и решил, когда препирался со старым козлом.

– У них тут кульп предков. Они считают, что существовало первородное зло, от которого их спасли скромные и отважные герои – их предки. Сто лет назад имперские войска вышибли отсюда, и было установлено независимое правление. Развитая наука, а в особенности – атомная энергетика, – стала ассоциироваться с прежним, имперским, режимом, о котором они вспоминают с ужасом.

– Вот оно что! Однако... мне показалось, что от тех хорошеных корабликов, которые сопровождали меня сюда от границы, сильно попахивало атомными двигателями...

Горов хмыкнул:

– Эти корабли – имперские реликвии. Может, и с атомными двигателями. Они сохраняют то, чем владеют. Дело в другом, а именно в их нежелании пробовать новое. Вся асконская промышленность ориентирована не на атом. Вот это мы и должны изменить.

– И как же ты собираешься это сделать?

– Попытаюсь сломить сопротивление сначала в одной точке. Проще говоря, если бы мне удалось загнать хотя бы один перочинный нож с атомным лезвием местному аристократу, это значило бы заинтересовать его пронести в правительстве закон, позволивший бы этим ножиком пользоваться. Может, это выглядит чересчур примитивно, но с психологической точки зрения тут не подкопаешься. Для того чтобы осуществлять стратегическую торговлю в стратегических местах, нужно создать проатомную фракцию в правительстве.

– Ясненько... Стало быть, вот для какой высокой цели тебя послали, а я здесь торчу, чтобы заплатить за тебя выкуп и удрать во все лопатки, а ты снова продолжишь свое? А тебе не напоминает это змею, кусающую себя за хвост?

– В каком смысле?

– Послушай! – разгорячился Пониетс. – Ты ведь дипломат, а не торговец, и сколько бы ты себя торговцем ни называл, ты им не станешь! Тут дельце для того, кто смыслит в торговле. А у меня тут корабль с полными трюмами всякой всячины, которую я напрасно, выходит, тащил! И вдобавок квота по продаже у меня не выполнена!

– Ты... хочешь рискнуть жизнью из-за чужого дела?

Пониетс насмешливо произнес:

– А ты хочешь сказать, что тут, дескать, чувство патриотизма, и всякое такое? Торговцы, стало быть, патриотами быть не могут?

– Нет. Не могут. Первооткрыватели – не патриоты по определению.

– Ну и ладно. Я это учту. Естественно, у меня и в мыслях нет ничего вроде укрепления безопасности Академии. Мое дело – бизнес, и, похоже, у меня есть шанс. Ну а если я еще и Академии помочь окажу – тем лучше. А жизнью я рисковал и по более пустяковым поводам.

Пониетс встал, и Горов поднялся вслед за ним.

– Что ты собираешься делать? – встревоженно спросил он.

Торговец улыбнулся:

– Не знаю, Горов. Пока – не знаю. Но если все дело заключается в том, чтобы что-то продать, я тебе помогу. Я не жулик и еще ни разу в жизни не заканчивал торговый сезон с

невыполненной квотой.

Дверь камеры тяжело открылась, как только Пониетс постучал, и по обеим сторонам ее встали охранники.

4

— Цирк, — презрительно буркнул Верховный Магистр. Он укутался в меха, рука крепко сжимала железную дубинку, служившую ему жезлом.

— И золото, Ваше Превосходительство!

— Ну да, и золото, — небрежно кивнул Верховный Магистр.

Пониетс поставил на столик шкатулку и осторожно приоткрыл ее. Чувствовал он себя до крайности неуютно в этой обстановке недоверия и враждебности — только в первый год своей работы в космосе он испытывал такое.

Вельможи расположились полукругом на возвышении, бросая колючие взгляды в его сторону. Среди них был и Ферл, узколицый, костлявый фаворит, восседавший рядом с Верховным Магистром. Его лицо было особенно злым. Пониетсу уже довелось с ним встретиться однажды, и он тут же отметил для себя, что это — его главный враг. А следовательно, и первая жертва...

За дверьми зала ожидал развязки небольшой военный отряд. За все время Пониетс так и не сумел попасть на корабль. С собой у него ничего не было — кроме этой штуковины, которую он решил испытать, а Горов все еще томился в асконском застенке.

Он задумал поработать с маленьким шедевром инженерной мысли, на изготовление которого ушла неделя кропотливого труда, и мысленно умолял, чтобы покрытый свинцом кварц выдержал испытание...

— Что это? — с подозрением спросил Верховный Магистр.

— Это, — ответил Пониетс, отступив на шаг назад, — небольшой приборчик, который я сделал сам.

— Я не об этом спрашиваю. Это — одно из приспособлений черной магии вашего мира?

— В основе работы прибора — действительно атомная энергия, — спокойно ответил Пониетс. — Но вам не нужно к нему прикасаться. Если прибор нанесет вред, то отразится это исключительно на мне.

Верховный Магистр поднес жезл к прибору, и губы его быстро и беззвучно зашевелились, произнося очистительное заклинание.

Узколицый советник, сидевший рядом с ним, склонился к уху Верховного Магистра. То ли он пощекотал Магистра встопорщенными рыжими усиками, то ли тот не захотел его слушать, только Верховный Магистр брезгливо отстранился от него.

— А может ли эта машина произвести золото, которое спасло бы жизнь твоего соотечественника?

— С помощью этого прибора, — начал Пониетс, мягко опуская руку на панель прибора, — я могу превратить в золото железо, которое вы мне дадите, если будете так любезны. Золото получится высочайшего качества. Это единственное устройство, известное людям, Ваше Превосходительство, которое способно взять железо — самое простое железо, которое украшает ваш трон и стены этого зала, и превратить его в сияющее золото.

Пониетс говорил, но без чувства уверенности в себе. Обычно торговые переговоры давались ему легко, гладко, а сейчас он напоминал сам себе перегруженный вагон на искореженных рельсах. К счастью, Верховного Магистра больше интересовало содержание, чем форма...

— Вот как? Трансмутация? Тут уже бывали хитрецы, которые хвастались, что умеют это делать. Они жестоко поплатились за свое богохульство!

— Им удалось сделать золото?

— Нет.

Великий Магистр несколько оживился.

— Производство золота — это преступление, которое таит в себе наказание. Попытка плюс неудача — и вот вы уже смертник. Ну-ка, сделай что-нибудь с моим жезлом!

Он швырнул жезл к ногам Пониетса.

– Ваше Превосходительство простит меня. Мой прибор мал для вашего жезла.

Маленькие блестящие глазки Верховного Магистра обвели полукруг вельмож и остановились на одном из них.

– Рандел, одолжите пряжки. Не бойтесь вы так, я верну. В двойном размере, не сомневайтесь.

Пряжки передали по рядам. Верховный Магистр взвесил их на ладони и бросил на пол.

– Возьми!

Пониетс подобрал с пола пряжки, сильно дернул за кольцо. Свинцовый цилиндр раскрылся. Глаза его сузились от мнимого напряжения. Он старательно разместил пряжки на решетке анода. Потом пойдет легче, а сейчас нельзя было ударить лицом в грязь.

Самодельный трансмутатор сердито потрескивал минут десять. В воздухе появился запах озона. Асконцы зашумели. Ферл снова наклонился к уху Верховного Магистра. Однако лицо старика оставалось непроницаемым. Он вновь отклонился от Ферла.

Пониетс раскрыл цилиндр. Пряжки стали золотыми.

Лиммар поднес их Верховному Магистру, поклонился, пробормотав подобострастно:

– Прошу вас, Ваше Превосходительство!

Старик был не на шутку перепуган. Он сделал рукой отчаянный жест, повелевая Пониетсу убрать пряжки подальше, и с ужасом взирал на трансмутатор. Пониетс обратился к присутствующим:

– Господа, вот золото. Настоящее золото. Если вы сомневаетесь, то можете подвергнуть его любым физическим и химическим анализам и убедиться сами в его схожести с природным. Любое железо поддается обработке таким способом. Ржавчина и небольшие примеси сопутствующих металлов – не помеха.

Слова Пониетса повисли в тишине. Пряжки еще лежали на его ладони. Молчание было красноречивым.

Верховный Магистр наконец взял себя в руки. Только он потянулся за пряжками, как узколицый Ферл вскочил и крикнул:

– Ваше Превосходительство, но золото получено из загрязненного источника!

Пониетс возразил:

– Прекрасные цветы вырастают из грязной земли, Ваше Превосходительство! Вы торгуете со всеми соседями, покупаете у них разные вещи и не спрашиваете при этом, как их изготовили – в древней машине, благословленной вашими предками, или на каком-нибудь проклятом небесами устройстве. А потом – я же не предлагаю вам прибор. Я предлагаю золото!

– Ваше Превосходительство! – не унимался Ферл. – Вы не можете отвечать за грехи чужестранца, который действует против вашей воли. Но... принять это греховное псевдозолото, порочным методом изготовленное из железа в вашем присутствии, на ваших глазах и с вашего согласия, – это оскорбление духов наших предков!

– Но... все-таки... золото есть золото, – колеблясь, проговорил Верховный Магистр. – Это выкуп за того, кто сидит в тюрьме. А вы, Ферл, чересчур придирчивы.

Он принял из рук Пониетса пряжки, протянул их Ферлу, но тот гордо отвернулся.

– Вы – сама Мудрость, Ваше Превосходительство, – смиренно произнес Пониетс. – Ведь помилование осужденного не оскорбит памяти ваших предков. Кроме того, полученное золото можно принести им в жертву. Если оно несет в себе зло, то распадется в прах, будучи приложенным к благословенному святилищу!

– Клянусь прахом моего дедушки! – изумленно воскликнул Верховный Магистр. – Ферл, что вы скажете об этом молодом человеке? По-моему, он дело говорит. Его слова благочестивы...

Ферл мрачно проговорил:

– Если только они не были продиктованы Злым Духом.

– Сделайте так, Ваше Превосходительство! – предложил ободренный Пониетс. – Возьмите золото в плен. Поместите его на алтари ваших предков как жертвоприношение, а меня задержите на тридцать дней. Если к концу этого срока вы не заметите никаких признаков отторжения, то есть – если не произойдет никаких несчастий, это будет указанием, что жертва

принята.

Верховный Магистр торжественно поднялся и оглядел присутствующих, ища одобрения па лицах сановников. Даже Ферл, пожевывая кончик рыжих усов, церемонно кивнул.

Пониетс улыбнулся и... возблагодарил небеса за пользу религиозного образования...

5

Минула еще неделя, и настал день, назначенный для встречи с Ферлом. Пониетсу все до чертиков надоело, но деваться было некуда, приходилось мириться с собственным бессилием.

Он покинул пределы города под конвоем. На загородной вилле Ферла его содержали под замком. Ничего не оставалось, как смириться и с этим.

Дома Ферл казался моложе и стройнее и вовсе не был похож на старейшину.

— Вы — интересный человек, — сказал он, твердо глядя на Пониетса близко посаженными глазами. — На прошедшей неделе вы бездельничали. А в последние два часа вы всеми возможными способами пытались выяснить, не нужно ли мне золото. Это глупо. Кому же оно не нужно? Предложили бы прямо.

— Но это не простое золото, — объяснил Пониетс. — Не только золото. Не просто монетка-другая. Скорее, это все, что скрывается за понятием «золото».

— А что скрывается за этим понятием? — буркнул Ферл, кривя губы. — Надеюсь, мы не станем тратить время на бесполезные споры и еще одну нелепую демонстрацию?

— Нелепую?

— Естественно.

Ферл оперся подбородком на сложенные руки.

— У меня нет к вам претензий. Я отлично понимаю, что буффонада входила в ваши планы. Надо предупреждать Его Превосходительство, хотя я сомневаюсь в ваших мотивах. Если быть искренним, на вашем месте я бы произвел золото на корабле и предложил уже готовое. Тогда можно было бы обойтись без спектакля и не вызывать неудовольствия.

— Конечно, — согласился Пониетс, — но поскольку на моем месте был я сам, то я предпочел возбудить недовольство, чтобы привлечь ваше внимание.

— Вот как? Неужели? Ферл был искренне удивлен.

— Следовательно, тридцатидневное очищение вы рассчитывали употребить на то, чтобы мое внимание переросло во что-то более существенное? А что если золото окажется нечистым?

Пониетс мрачно отшатнулся:

— Угу. В то время как заключение экспертизы зависит от тех, кто более других заинтересован, чтобы оно оказалось чистым?

Ферл, прищурившись, взглянул на торговца. Казалось, он был удивлен и рад одновременно.

— Попали в точку. Ну а теперь расскажите мне, почему вы так старались привлечь мое внимание?

— Это просто. За то короткое время, что я нахожусь здесь, я узнал многое из того, что оказалось исключительно полезным. Ну, например, — вы слишком молоды для члена Совета Старейшин, а кроме того, происходите из относительно молодого рода.

— Вы что-то имеете против моей семьи?

— Вовсе нет. Ваши предки велики и святы — это общепризнанно. Но кое-кто поговаривает, что вы не входите в число Пяти Племен.

Ферл откинулся в кресле.

— При всем своем уважении к ним, — проговорил он с плохо скрытым раздражением, — в Пяти Племенах — сплошное кровосмесительство и вырождение. Сейчас с трудом отыщется хотя бы пятьдесят истинных членов Племен.

— Но кто-то поговаривает, что не желает видеть всякого, кто не входит в число членов Пяти Племен, на посту Верховного Магистра. А у молодого новоявленного фаворита неизбежно должны быть могущественные враги из числа сильных мира сего. Это очевидно. Его Превосходительство стареет, и его протекции не станет вместе с ним.

Ферл сдвинул брови.

— Для чужеземца вы что-то слишком много успели разузнать. Вам следовало бы отрезать уши.

— Этот вопрос можно решить потом.

— Дайте-ка подумать.

Ферл заерзal в кресле.

— Вы предлагаете мне силу и власть, которые предоставляются за маленькие греховные устройства, которыми заполнен ваш корабль? Так?

— Допустим. Есть возражения? Что-нибудь из области понятий о добре и зле?

Ферл покачал головой:

— Нет. Послушайте, чужеземец. Вы с позиций языческого агностицизма вольны думать о нас что угодно. Но — что касается лично меня, то я хочу уверить вас в том, что я не ослеп от мифологии, хотя вам так и могло показаться. Я — образованный человек, сэр, и, не боюсь этого слова, — просвещенный. Наши религиозные обряды — скорее в ритуальном, чем в этническом плане — предназначены для толпы.

— В таком случае что вам мешает?

— Толпа. Лично я не прочно иметь с вами дело, но ваши приборчики должны приносить пользу! Разве ко мне поплынут несметные богатства, если я воспользуюсь вашим предложением — ну, не знаю, бритвы там всякие и ножи — втайне? Разве чисто выбритый подбородок сулит мне богатство? И как мне удастся избежать смерти в газовой камере и гнева толпы, если меня в один прекрасный день застанут за этим занятием?

Пониетс пожал плечами.

— Вы правы. По-моему, единственным выходом из ситуации было бы обучение вашего народа применению атомных приспособлений для их же удобства и для вашей личной немалой выгоды. Это гигантская работа, не отрицаю, но выигрыш стоит того. Но это вам решать, не мне. Поскольку я не предлагаю вам ни бритву, ни нож, ни механический мусоросборник.

— Что же вы предлагаете?

— Золото. Просто золото. Вы можете получить тот прибор, который я показывал на прошлой неделе.

Ферл напрягся.

— Трансмутатор?

— Именно. И золота в ваших руках окажется столько, сколько сейчас железа. Этого должно вам хватить на все про все. И для того, чтобы получить пост Верховного Магистра, несмотря на вашу молодость и многочисленных недругов. Кроме того, это абсолютно безопасно.

— В каком смысле?

— В таком, что принцип трансмутации секретен. Так же секретен, как бритье атомной бритвой втайне от любопытных глаз. Вы можете упрятать трансмутатор в глубокое подземелье в мощной крепости самого отдаленного поместья, и он станет источником вашего благосостояния. Вы приобретаете золото, а не прибор, а золото не пахнет — оно не пахнет следов производства, и его никак нельзя будет отличить от природного.

— А кто же будет работать с прибором?

— Да вы и будете работать. Пять минут обучения — и дело в шляпе.

— А... что вы хотите взамен?

— Ну... — Пониетс сразу стал серьезнее и осторожнее, — я честно назову вам цену. Прибор очень дорогой — эквивалент кубического фута золота в чугуне.

Ферл рассмеялся, а Пониетс покраснел.

— Я хотел бы отметить, сэр, что два часа принесут все, что вам нужно.

— Конечно! А через час вы спокойненько улетите, а прибор вдруг перестанет работать.

Мне нужны гарантии.

— А мое честное слово?

— Восхитительно!

Ферл развеселился не на шутку. Вдруг он нахмурился и отчеканил:

— Меня больше устраивает ваше присутствие. Я, в свою очередь, даю честное слово заплатить после того, как прибор проработает неделю.

– Это невозможно.

– Невозможно? Да за одно предложение я могу вас казнить! Даю честное слово, что завтра с утра вы отправитесь в газовую камеру.

Лицо Пониетса оставалось непроницаемым. Но глаза сверкнули огнем.

– Круто... Вы не могли бы письменно зафиксировать свое обещание?

– И подписать собственный смертный приговор? Нет уж, увольте!

Ферл широко улыбнулся:

– Простите, дорогой! Но один из нас идиот!

Торговец обреченно проговорил:

– Договорились...

6

Горова освободили на тридцатый день, и его место заняли пятьсот фунтов чистейшего золота. Корабль вернули ему в целости и сохранности. Так же, как и звездолет Пониетса. В сопровождении эскорта маленьких юрких звездолетов они покидали пределы Аскона.

Голос Горова, измененный расстоянием, долетал до слуха Пониетса.

– Но... это не то, чего мне хотелось, Пониетс. Трансмутатор – нет, не то... Где ты его взял?

– Я его не брал. Смастерили сам из камеры для облучения пищи. Конечно, не то. Слишком велика потребляемая мощность, не то бы Академия давно бы использовала трансмутацию вместо того, чтобы мотаться по всей Галактике в поисках тяжелых металлов. Это скорее стандартный трюк, которым пользуется порой торговец. Но, положа руку на сердце, скажу – никогда не видел, как из железа получается золото. Но это впечатляет, а главное, срабатывает – ненадолго, правда.

– Понятно. Но меня это мало устраивает.

– Ну ты даешь! Благодаря этому я вытащил тебя из тюрьмы!

– Это вовсе не то, что было нужно. Мне нужно вернуться, как только от нас отвяжется конвой.

– Почему?

– Ты все сам объяснил этому политику! Твоя торговая сделка состояла в том, что трансмутатор – не предмет продажи, а средство производства. Он купил золото, а не прибор. С психологической точки зрения все в порядке, но...

– Но?

Голос Горова зазвучал резче:

– Необходимо продать им приборы, именно приборы! Что-то, что бы они не боялись применять открыто, чтобы заставить их применять атомную технику.

– Это понятно, – мягко отозвался Пониетс, – Но я – не маленький. Послушай-ка, что выходит из моей сделки, ладно? Пока будет работать трансмутатор, Ферл станет качать золото, и этого окажется достаточно, чтобы он смог купить себе следующие выборы. Верховный Магистр долго не протянет.

– Ты что, рассчитываешь на его благодарность?

– Нет. На заинтересованность неглупого человека. Трансмутатор позволит ему выиграть на выборах, а другие приборы...

– Нет! Нет! Это слишком запутанно. Он заплатил не за трансмутатор, а за золото, старомодное золото. Вот что я пытаюсь тебе втолковать!

Пониетс усмехнулся и поудобнее устроился в кресле пилота.

«Да, – подумал он, – я и вправду здорово запутал беднягу...»

Вслух он сказал:

– Не надо торопиться, Горов. Я еще не закончил. Кое-какие приспособления я ему всучил. Последовала короткая пауза. Затем Горов осторожно спросил:

– Какие приспособления?

Пониетс сделал небрежный жест рукой.

– Видишь этот эскорт?

– Ну, вижу. Ты про приспособления выкладывай.

– Скажу. Вот послушай. Нас сопровождает личный эскорт Ферла – дар Верховного Магистра. Это Ферл устроил для нас.

– Вот как?

– А как ты думаешь, куда нас направляют? На его собственные копи, вот куда! Слушай! – Пониетс оживился. – Я ведь говорил тебе, что собираюсь делать деньги, а не трепаться! Да, я отдал трансмутатор даром. Ни за что, кроме риска оказаться в газовой камере, а такая цена ничего не добавляет к моей квоте.

– Вернись к копям, Пониетс. Откуда они-то?

– А они фигурируют в договоре об оплате. Мы отправляемся за оловом, Горов. Мы наполним оловом все отсеки этой старой развалины, да еще и тебе останется! Слушай внимательно! Я спущусь с Ферлом вниз, в шахту, а ты прикроешь меня сверху на тот случай, если Ферлу вздумается с нами шутить. Вот так он расплатится, Горов!

– За трансмутатор?

– За весь груз атомных приспособлений! Загнал за двойную цену плюс вознаграждение. Он стыдливо пожал плечами.

– Осознаю, что это надувательство, но мне нужно квоту выполнить, ясно?

Горов растерянно спросил:

– Может... объяснишь все-таки?

– Что тут объяснять? Просто, как в школе. Понимаешь, Горов, этот умник посчитал, что я у него в ловушке – его слово значило для Верховного Магистра больше, чем мое. Он взял трансмутатор, хотя на Асконе это считается уголовным преступлением. Но в любой момент он мог бы оправдать свой поступок тем, что совершил его якобы для того, чтобы устроить мне западню из чисто патриотических соображений и обвинить меня в продаже запрещенного товара.

– Это как раз понятно...

– Естественно, но мы не просто дали друг другу слово. Видишь ли, Ферл никогда в жизни не слыхал о такой замечательной штучке, как микропленочная камера.

Горов расхохотался.

– Вот-вот! – продолжал Пониетс. – Он держал руку на пульсе. Я был связан по рукам и ногам. Но, продавая ему трансмутатор, я вмонтировал в это устройство микропленочную камеру, а на следующий день вынул. В результате я стал обладателем первосортной видеозаписи того, как бедняга Ферл, выжимая из трансмутатора последние эрги, получил первое золото и кудахтал над ним как курица, снесшая первое в жизни яйцо!

– И ты, конечно, показал ему пленку?

– Через пару дней. Бедолага – он раньше никогда не видел объемного цветного звукового фильма! Он утверждал, что он – человек без предубеждений, но я прежде не встречал более напуганного взрослого мужчину! А когда я сообщил ему, что у меня есть проектор, который я установил на центральной городской площади и настроил на включение в полдень, и эту кинокомедию посмотрят миллионы фанатичных асконцев, которые тут же разорвут его на части, он просто-таки упал к моим ногам. И, что вполне естественно, был готов заключить любую сделку на моих условиях.

– Ну, а... – Горова душил смех, – на городской площади действительно был проектор?

– Не было, конечно. Но дело-то не в этом. Главное – сделка состоялась! Он купил у меня все приспособления до единого и все, что было у тебя, согласившись уплатить нам оловом, – сколько увезем. Соглашение подписано, и я передам тебе копию, прежде чем спуститься с ним в шахту, – на всякий случай.

– Да, но станет ли он заниматься продажей приспособлений?

– Почему бы и нет? За счет продажи он не только покроет расходы, но и наживется, что компенсирует ему оскорбленное самолюбие. А главное – он станет следующим Верховным Магистром – и таким, что Академии лучшего и не пожелаешь.

1

Торговцы – ...с психоисторической неизбежностью экономическая мощь Академии росла. Торговцы богатели, а с богатством приходила власть...

...Иногда забывают о том, что Хобер Мэллоу начал свою карьеру как простой торговец. Но всегда помнят о том, что он стал первым из Королей Торговли...

Галактическая энциклопедия

Джоран Сатт, разглядывая свои тщательно ухоженные пальцы, проговорил:

– Тут что-то загадочное... Строго между нами – очень может быть, что наступает очередной из кризисов, предсказанных Гэри Селдоном.

Мужчина, сидевший напротив, полез в карман короткой смирианской куртки за сигаретой.

– Ничего не могу сказать, Сатт. Вообще-то, как правило, политики начинают ворить: «Селдоновский кризис, селдоновский кризис!» – перед каждыми очередными выборами мэра...

Сатт кисло улыбнулся:

– До предвыборной кампании далеко, Мэллоу. Надо узнать, откуда берется атомное оружие, вот и все.

Хобер Мэллоу из Смирны, Мастер Торговли, безразлично выпустил струйку дыма.

– Дальше. Выкладывайте, Сатт, что там у вас еще.

Мэллоу никогда не допускал проявлений излишней фамильярности к себе в общении с людьми из Академии. Для них он был чужеземец, он это прекрасно понимал, но достоинство сохранял в любой ситуации...

Сатт нажал кнопку, крышка стола преобразилась – на ней возникла трехмерная карта звездных систем. Нажал еще одну – и с полдюжины систем замерцали красными огоньками.

– Это, – сказал он, – республика Кореллия.

Торговец небрежно кивнул:

– Был я там. Чертова дыра! Кому только в голову взбрело назвать ее республикой? Командора там всякий раз избирают из семейства Арго. А если это кому-то не понравится, то с ним – тихо и ненавязчиво – происходит несчастный случай... В общем, я там бывал, – повторил он, презрительно скривившись.

– Вам повезло, Мэллоу. Вы вернулись. А это далеко не всегда бывает. За последний год три торговых корабля, отправленных туда в соответствии с Конвенцией, исчезли на территории республики. Они были вооружены до зубов, оборудованы защитным полем...

– И какие пришли последние сообщения?

– Да обычные отчеты. Больше – ничего. Тишина.

– Ну а Кореллия что говорит по этому поводу?

– Не узнавали. При нашей-то репутации, когда мы держим под контролем всю Периферию, спрашивать о каких-то трех пропавших кораблях?

– Сатт, давайте ближе к делу. От меня вы чего хотите?

Джорана Сатта трудно было вывести из равновесия. Как секретарю мэра ему приходилось иметь дело с советниками из оппозиции, безработными, реформаторами, шарлатанами, время от времени утверждавшими, что они знают все тонкости будущего не хуже самого Гэри Селдона. Работа вышколила, закалила его психику – он держал себя в руках всегда и со всеми. Он методично, спокойно проговорил:

– Минуточку. Так вот, три корабля исчезли в одном месте за один год – это не случайность, и атомное оружие можно захватить только с применением атомного оружия. Возникает естественный вопрос: если у Кореллии имеется атомное оружие, откуда они его получают?

– Ну и откуда, по-вашему?

– Есть два варианта. Либо делают сами...

– Сомнительно!

— Весьма. Другой вариант — шпионаж.

— Вы действительно так думаете? — холодно спросил Мэллоу.

— В этом нет ничего из ряда вон выходящего. С тех пор как Четыре Королевства подписали с Академией Конвенцию, нам приходилось неоднократно сталкиваться с деятельностью значительных групп диссидентов. В каждом из прежних королевств существуют свои конформисты, бывшие аристократы, которым с трудом удается скрывать нелюбовь к Академии. Ничего удивительного, если бы они проявили активность.

Мэллоу густо покраснел.

— Намек ясен. Я — смирианец.

— Знаю. Вы — смирианец, то есть вы родились на Смирне, одном из бывших Четырех Королевств. Вы являетесь гражданином Академии только по образованию. По рождению вы — чужеземец. Не сомневаюсь, что ваш отец был бароном во времена войн с Анакреоном и Лориксом и ваши землевладения были экспроприированы, когда Зеф Сермак проводил земельную реформу.

— Нет, клянусь всем святым, нет! — воскликнул Мэллоу. — Мой отец был простым шахтером. Я ничем не обязан старому режиму! Да, я родился на Смирне, но ничего постыдного в этом не нахожу! Вы уж оставьте при себе ваши тонкие намеки на шпионаж. Либо отдайте соответствующие распоряжения, либо изложите обвинения.

— Любезный Мастер Торговли! Честно говоря, меня ни капли не волнует, кем был ваш дражайший дедушка — королем Смирны или последним нищим. Данные биографии я изложил именно для того, чтобы вы поняли, что как раз это меня вовсе не интересует. Вы просто кое-что пропустили мимо ушей. Вернемся назад. Вы — смирианец. Вы неплохо знаете чужеземцев. Кроме того, вы — торговец, и притом один из лучших. Вы бывали в Кореллии. Я хотел бы, чтобы вы отправились туда.

— Как шпион? — выдохнул Мэллоу.

— Не совсем. Вы отправитесь как торговец — но с открытыми глазами. И будет очень хорошо, если вам удастся узнать, откуда берется оружие. А поскольку вы — смирианец, я напомню еще кое-что: на двух из пропавших кораблей были смирианские экипажи.

— Когда нужно отправляться?

— Когда будет готов ваш корабль?

— Через шесть дней.

— Вот сразу и отправляйтесь. С деталями ознакомитесь в Адмиралтействе.

— Ясно!

Торговец встал, крепко стиснул руку Сатта и вышел.

Потирая побелевшие от рукопожатия пальцы, Сattt пожал плечами, нажал кнопку — звездная карта погасла. Он поднялся и прошел в кабинет мэра.

Мэр выключил видеотелефон и откинулся в кресле.

— Ну, что скажете, Саттт?

— Из него вышел бы очень неплохой актер, — ответил Саттт, задумчиво глядя в одну точку...

2

Вечером того же дня в холостяцких апартаментах Джорана Сатта на двадцать четвертом этаже Дома Гардина неторопливо потягивал вино Публис Манлио.

Это был тот самый Публис Манлио, который, несмотря на свою тщедушную комплекцию, занимал два высоких поста в Академии. В кабинете мэра он был секретарем по иностранным делам, а для всего мира оставался Примасом Церкви, Главным Хранителем Священной Пищи, и тому подобное.

Пригубив вино, он изрек:

— Ну... он же согласен послать туда торговца. Это главное.

— Не сказал бы, — отозвался Саттт. — Результат это даст не сразу. Мы должны действовать стратегически, хотя не можем предугадать, что нас ждет. Мы просто тянем за веревочку в надежде, что она в конце концов затянется.

— Согласен. А этот Мэллоу — не дурак. Способный парень. Вы уверены, что нам удастся его провести?

— Все учтено. Если есть измена, нужно прежде всего иметь в виду таких способных парней, как он. Если измены нет, все равно нужны способные парни, чтобы узнать правду. Кроме того, Мэллоу будут сопровождать. Кстати, ваш бокал пуст.

— Спасибо. Мне уже хватит.

Сатт наполнил до краев свой бокал и стал спокойно ждать, когда его собеседник выйдет из состояния напряженной задумчивости.

Однако крайне неожиданно Примас спросил:

— Сатт, о чем вы думаете?

— Сейчас скажу, Манлио.

Его тонкие губы разжались:

— Наступает селдоновский кризис.

Манлио быстро взглянул на него.

— Откуда вы знаете? Насколько я знаю, Селдон в Склепе не появлялся.

— Да это и не нужно, мой дорогой. Вы сами посудите. С тех самых пор, как Галактическая Империя бросила Периферию на произвол судьбы, у нас еще никогда не было врага, обладающего атомным оружием. Теперь такой враг существует. Это немаловажно даже само по себе. Но не только. Впервые за семьдесят лет мы столкнулись с серьезным внутриполитическим кризисом. Я думаю, что совпадение двух кризисов, внешнего и внутреннего, не оставляет сомнений в том, что...

Глаза Манлио сузились.

— Если дело обстоит именно так, то — нет. Когда были предыдущие кризисы, Академия была на грани уничтожения, Ни о каком третьем кризисе не может быть и речи, пока подобная угроза не возникнет вновь.

Сатт спокойно отозвался:

— Угроза повторится. Видите ли, когда кризис уже наступил, каждый дурак его почувствует и определит. Сослужить службу государству — это выявить кризис в зародыше. Вы же знаете, Манлио, что история спланирована, что Гэри Селдон рассчитал вероятности в будущем. Мы знаем, что в один прекрасный день нам придется восстанавливать Галактическую Империю. Мы знаем, что пройдет тысяча лет. Мы знаем, что за это время нам придется столкнуться с рядом кризисов.

Первый кризис наступил через пятьдесят лет после основания Академии. Второй — через тридцать лет после первого. После второго кризиса прошло почти семьдесят лет. Пора бы, Манлио, пора бы...

Манлио рассеянно почесал нос.

— Ну... и что, у вас есть какие-то планы?

Сатт кивнул.

— И какова моя роль?

— Прежде чем мы столкнемся с внешней угрозой в виде атомного оружия, нам, Манлио, нужно у себя дома навести порядок. Эти торговцы...

— О да, — Примас напрягаясь, глаза его засияли.

— Разделяю ваше мнение, Манлио. Торговцы полезны Академии, но они стали слишком сильны — и действуют просто бесконтрольно. В основном они — чужестранцы, получившие у нас образование, но не прошедшие религиозного обучения.

— Ну а если удастся доказать факты измены и шпионажа, что тогда?

— Если бы нам это удалось, прямые действия не замедлили бы последовать. Но не это главное. Даже если среди них нет изменников и шпионов, они все равно являются собой крайне опасный элемент нашего общества. Они не связаны с нами ни патриотическими чувствами, ни общим происхождением, ни религиозными устремлениями. Их мирское влияние в Четырех Королевствах, где со времен Сальвора Гардина на нас смотрели как на Священную Планету, может нам сильно повредить.

— Это я понимаю не хуже вас, но где же выход?

— Выход... не знаю... Но найти его нужно быстро — до того, как селдоновский кризис

захлестнет нас с головой. Если извне нам будет угрожать атомное оружие, а внутри – беспорядки, – дало будет худо, очень худо.

Сатт поставил на столик пустой бокал и постучал по нему ногтем.

– Так вот – то, что внутри, и есть ваше дело, Манлио.

– При чем тут я?

– Ну не я же. В сферу деятельности моего ведомства это не входит.

– А разве мэр...

– Исключено. Его энергия направлена на то, чтобы уйти от ответственности. Нужна новая независимая партия, которая сумела бы ускорить перевыборы. Тогда мэр станет управляющим.

– Но, Сатт, у меня нет никаких склонностей к практической политике!

– Вы себя недооцениваете, Манлио. Выйдет очень интересный вариант... Со временем Сальвора Гардина такого еще не было – мэр и Примас в одном лице! Зато теперь это возможно. Я вас поддержу, но главное чтобы свое дело вы сделали отлично.

3

... На другом краю города, в более уютной обстановке встретились двое. Гостя принимал Хобер Мэллоу. Он слушал и затем осторожно поинтересовался:

– Да, я слышал о вашей кампании, направленной на то, чтобы добиться прямого представительства в Совете для торговцев. Но почему именно я, Твер?

Джейм Твер – один из первых чужеземцев, получивших светское образование в Академии, о чем он неизменно любил вспоминать.

– Я знаю, что делаю, – твердо ответил он. – Вспомните нашу первую встречу в прошлом году.

– Это во время подписания Торговой Конвенции?

– Именно. Вы тогда еще председательствовали. Образно говоря, вы тогда просто пригвоздили этих краснорожих бульдогов к креслам, сделали свое дело и спокойненько удалились. Думаю, что с народом вы справитесь. В вас есть что-то такое... блеск или что-то вроде романтизма...

– Спасибо за комплимент, – сухо отозвался Мэллоу. – А почему именно сейчас?

– Потому что время самое подходящее. Вы слышали, что Министр Образования подал в отставку? Это еще не обнародовано, но точно.

– А вы откуда знаете?

– Ну... неважно. Кроме того, в акционистской партии серьезный раскол, и мы имеем возможность покончить с ней раз и навсегда, если поднимем вопрос о предоставлении равных прав торговцам, а еще лучше – просто потребуем демократии.

Мэллоу откинулся в кресле, вытянул ноги.

– Угу, – глубокомысленно протянул он. – Ничего не выйдет, Твер. Через неделю я улетаю по делам. Так что лучше вам поискать кого-то еще.

Твер подозрительно уставился на Мэллоу.

– По делам? Это по каким таким делам?

– О, это совершенно секретно. С литерой «А», то есть аж с тремя литерами «А». Такие дела. Я вчера беседовал с личным секретарем мэра.

– С этой змеей подколодной, Саттом? – развелся Твер. – Ловушка, явная ловушка. Мэллоу, этот сукин сын хочет от вас избавиться!

Мэллоу твердо сжал запястье Твера.

– Держите себя в руках. Если это ловушка, я в один прекрасный день вернусь, чтобы отомстить. Если же нет, то, как вы изволили выразиться, подколодная змея играет нам на руку. Потому что наступает селдоновский кризис.

Мэллоу ждал реакции, но ее не было. Твер беспечно поинтересовался:

– А что такое селдоновский кризис?

– Господи Более! – вскричал Мэллоу и чуть не вскочил от изумления. – Что за дурацкий вопрос? Чему вас в школе учили?

Старик нахмурился:

— Лучше бы объяснили...

Последовала долгая пауза, потом Мэллоу, до предела удивленный, проговорил:

— Объяснить? Ну что ж, объясню, хотя и очень странно... Когда отдаленные районы Галактической Империи пришли в упадок и варварство возобладало, Гэри Селдон вместе с группой психологов основал колонию, убежище, именуемое Академией, в самом ядре дикарства и вырождения. Целью основания Академии было накопление культурных, научных и технических ценностей на благо будущей, Второй Империи.

— Да, да, знаю...

— Я еще не закончил, — ледяным тоном продолжал Мэллоу. — Будущее Академии было спланировано на основании законов психоисторической науки, в то время невероятно развитой, и мы оказались в таких условиях, что неизбежно должны были столкнуться с серией кризисов, преодоление которых быстрее продвинет по пути к будущей Империи. Каждый селдоновский кризис означает конец очередной эпохи в нашей истории. Сейчас надвигается третий кризис.

— Ну правильно, — спохватился Твер. — И как это я забыл? Но, честно говоря, школу-то я закончил гораздо раньше вас...

— Действительно. Ну ладно, давайте оставим это. Лучше подумаем, почему меня отсылают в то время, когда приближающийся кризис так очевиден? Неизвестно, что тут будет, когда я вернусь, а выборы в Совет — каждый год...

Твер изучающе глядел на Мэллоу.

— Вы что-нибудь подозреваете?

— Пока нет.

— А план у вас есть какой-нибудь?

— Нет. Никакого плана.

— Ну... — разочарованно протянул Твер.

— Ну нет плана. Ну нет! Знаете, Гардин как-то изрек: «Чтобы преуспеть в делах, планировать мало. Нужно уметь импровизировать». Так что я, пожалуй, поимпровизирую немного.

Твер недоверчиво покачал головой. Оба встали. Пожимая гостю руку, Мэллоу улыбнулся, и неожиданно у него вырвалось:

— Послушайте, а почему бы вам не полететь со мной? Да не смотрите так, старина! Вы же вроде бы торговцем были, пока не вообразили, что политика интереснее? Так я слышал, по крайней мере.

Твер, опустив веки, молчал мгновение, потом спросил:

— А куда вы направляетесь?

— Ориентировочно — в район Вассалианского Провала. Остальное — потом. Ну что скажете?

— А вдруг Сатт станет меня искать?

— Маловероятно. Ему не терпится избавиться от меня и почему бы заодно не избавиться от вас? Кроме того, я имею полное право лично набирать команду. Кого хочу, того беру.

В глазах старика вспыхнули искорки...

— Хорошо. Я полечу с вами.

Он высвободил руку из железной лапищи Мэллоу и добавил:

— Это будет первый полет за три года!

Мэллоу хлопнул его по плечу, так что тот пошатнулся, и радостно пробасил:

— Отлично! Просто класс! Теперь осталось только команду набрать. Знаете, где док «Далекой Звезды»? Загляните туда завтра. До встречи!

4

Кореллия представляла собой то часто встречающееся в истории явление, когда атрибуты абсолютной монархии, кроме названия, имеют место в республике. В Кореллии царила обычная в такой ситуации деспотия, не ограниченная к тому же понятиями монаршей «чести» и дворцовового этикета.

Кореллию нельзя было назвать процветающей страной. Золотые времена Галактической

Империи миновали, оставив после себя молчаливую память и руины. Лучшие дни Академии еще не наступили, и судя по настроению нынешнего правителя Кореллии, Командора Аспера Арго, не, спускавшего глаз с торговцев и упорно сопротивлявшегося миссионерству, дни эти могли и не наступить...

Космопорт оказался заброшенным и запущенным донельзя. Развороченные ангары, пустынные взлетные площадки... Атмосфера самая что ни на есть тоскливая и удручающая. Команда «Далекой Звезды» истомилась в ожидании.

Джейм Твер скрашивал время раскладыванием сложного пасьянса.

Хобер Мэллоу задумчиво проговорил:

– Поторговать бы тут...

Он со скучой взирал на пейзаж окрестностей, открывавшийся в иллюминаторе центрального обзора. Пока о Кореллии ничего определенного не скажешь. Долетели без происшествий. Эскадрон кореллианских звездолетов, патрулировавший «Далекую Звезду», представлял собой стайку маленьких, прихрамывающих музеиных чучел имперских времен. Держались они на почтительном расстоянии. Прошла уже неделя, но дистанция сохранялась до сих пор. На все запросы Хобера Мэллоу о встрече с Командором отвечали молчанием.

Мэллоу повторил:

– Да, поторговать тут было бы очень неплохо. Что называется, девственная территория.

Джейм Твер рассерженно смешал карты.

– Черт побери, Мэллоу, вы собираетесь что-нибудь предпринимать? Команда ропщет, офицеры на нервах. Даже я волнуюсь, по правде говоря.

– Волнуетесь? О чем?

– Как – о чем? А вас не беспокоит это бездействие? Нужно что-то делать!

– Ждите, – отрубил Мэллоу.

Старый торговец недоверчиво хмыкнул и покраснел.

– Мэллоу, вы не слепой! Все летное поле оцеплено, а в небе – патрульные корабли. Вам не кажется, что от нас и мокрого места не оставят?

– Ну знаете, за неделю они уже сто раз могли бы это сделать.

– Может, они ждут подкрепления?

Мэллоу резко откинулся на спинку кресла.

– Да. Об этом я думал. Вообще, картина интересная. Во-первых, мы добрались сюда без происшествий. Это, конечно, может ничего и не означать, поскольку из трехсот посланных сюда кораблей за год пропали только три. Процент низкий... Но это может означать, что у них очень мало собственных кораблей, оснащенных атомным оружием. И они, следовательно, не пользуются ими без крайней необходимости.

С другой стороны, это может значить, что у них вообще нет ни атомного оружия, ни атомной энергетики. Если есть – значит, они затаились и боятся, как бы мы об этом не пронюхали. Одно дело – захватить беззащитные, маловооруженные торговые корабли. Совсем другое – шутить с аккредитованным послом Академии, одно присутствие которого здесь может означать, что у Академии возникли кое-какие подозрения. Если все это подытожить...

– Ну хватит, Мэллоу, хватит, – воскликнул Твер, подняв руки вверх. – Вы меня заговорили. К чему вы клоните? Только без мелочей!

– Твер, на мелочи волей-неволей приходится обращать внимание, иначе ничего не поймешь. Они не знают, что я тут делаю, а я не знаю, что у них есть. Но только мое положение похуже, поскольку я один, а они все против меня, и, очень даже может быть, с атомным оружием наизготовку. Такое положение вещей меня не устраивает. Да, мы в опасности. Да, нас запросто могут сровнять с землей. Но это можно было предвидеть с самого начала. Что же нам остается делать?

Раздался сигнал вызова. Мэллоу повернулся в кресле и спокойно отрегулировал изображение. На экране появилось лицо сержанта охраны.

– Говорите, сержант.

Сержант, заикаясь от волнения, проговорил:

– Сэр... Простите, сэр. М-мои люди вп-пустили на б-борт миссионера из Академии.

– Кого?

Мэллоу, всегда спокойно-непроницаемый, изменился до неузнаваемости.

– Мис-сионера, с-эр. Ему нужна м-медицинская п-помощь, сэр!

– Как бы она вам не потребовалась, сержант! Прикажите вашим людям немедленно занять боевые посты!

Через пять минут после того как был отдан этот приказ, жилые отсеки членов команды опустели. Даже свободные от вахты офицеры и солдаты заняли свои боевые посты.

...Мэллоу, тяжело ступая, вошел в отсек, где находился миссионер, смерил священника взглядом с головы до ног. С тем же выражением лица он взглянул на офицеров; на лейтенанта Тинтере, неловко переминавшегося с ноги на ногу, и на сержанта, охраны Демене, бледного как сама смерть.

Мэллоу обернулся к Тверу и какое-то мгновение задумчиво глядел ему в глаза. Твердо сказал:

– Вот что, Твер. Пригласите-ка сюда офицеров – всех, кроме навигаторов и штурмана. Эти пусть остаются на своих постах до дальнейших распоряжений.

В течение следующих пяти минут Мэллоу занимался тем, что заглянул во все углы: в туалеты, за занавески. На полминуты он вышел из отсека и вернулся, что-то мурлыча себе под нос.

Вошли офицеры, за ними – Твер. Он молча закрыл за собой дверь.

Мэллоу спокойно спросил:

– Во-первых, мне хотелось бы узнать, кто впустил этого человека на борт корабля без моего разрешения?

Сержант охраны сделал шаг вперед.

– Прошу прощения, сэр. Трудно сказать, кто именно. Что-то вроде общего согласия. Ведь он все-таки наш человек, а эти местные, вы же зна...

Мэллоу резко оборвал его:

– Разделяю ваши чувства, сержант, Меня интересует другое. Эти люди находились под вашим командованием?

– Да, сэр.

– Когда мы тут закончим, они отправятся под домашний арест на неделю. Вы освобождены от своих обязанностей на такой же срок. Все ясно?

Плечи сержанта обреченно опустились. Он хрипло проговорил:

– Да, сэр.

– Можете идти. Займите свой боевой пост.

Дверь за сержантом закрылась. Оставшиеся зашептались.

Тут вмешался Твер:

– Мэллоу, ну за что же их наказывать? Вы же прекрасно знаете, что кореллианцы убивают захваченных в плен миссионеров!

– Действия, совершенные без моего приказа, плохи сами по себе, каковы бы ни были их причины. Никто не имеет права ни покинуть корабль, ни взойти на него без моего разрешения.

Лейтенант Тинтере тихо выговорил, глядя в пол:

– Семь дней бездействия... О какой дисциплине можно говорить...

– Да! – рявкнул Мэллоу. – Легко говорить о дисциплине в идеальных условиях. А я должен сохранить ее здесь, перед лицом смерти! Где миссионер? Подведите его ко мне!

Торговец сел в кресло. К нему, поддерживая под локти, подвели миссионера в красной сутане.

– Как ваше имя, Преподобный?

Миссионер как будто очнулся. Он протянул к Мэллоу руки, словно желая обнять его.

– Сын мой! Дети мои! Да пребудет с вами вечно благодать Галактического Духа!

Твер приблизился и встал сбоку от Мэллоу. Он был крайне взволнован, голос его дрожал.

– Мэллоу, он болен. Его нужно в постель. Отведите его, кто-нибудь! Мэллоу, прикажите, чтобы за ним кто-нибудь присмотрел! Более, как его избили!

Железная ручища Мэллоу отшвырнула Твера назад.

– Не вмешивайтесь, Твер, или я прикажу вывести вас отсюда. Ваше имя, Преподобный!

Миссионер сжал руки перед грудью и взмолился:

— Если вы люди просвещенные, спасите меня от рук грешников! Они гонятся за мной, как стая ворон, они оскорбляют Галактический Дух своими деяниями! Я, Джорд Парма из Анакроэона. Я учился в Академии, в самой Академии, дети мои. Я — служитель Духа, посвященный во все таинства. А сюда меня повлек внутренний голос...

Задыхаясь, он продолжал:

— Я пострадал от рук неверных. Вы — дети Духа, и во имя его я заклинаю вас, спасите меня!

В это мгновение резко зазвучал сигнал тревоги, и металлический голос произнес:

«В виду корабля противник. Требуются инструкции».

Взгляды всех присутствующих обратились к экрану.

Мэллоу резко встал, быстро подошел к экрану, нажал кнопку обратной связи и прокричал:

— Всем оставаться на местах! Пока все!

И выключил экран. Потом подошел к иллюминатору и отодвинул плотную занавеску.

Противник! Мягко сказано. Их было несколько тысяч — толпа занимала все летное поле. В холодном жестком свете магниевых факелов первые ряды подступали все ближе к кораблю.

— Тинтере! — гаркнул Мэллоу, не отворачиваясь от иллюминатора. — Включите внешнюю связь и узнайте, чего они хотят. Спросите, есть ли среди них представитель властей. Никаких угроз и никаких обещаний, не то я пристрелю вас.

Тинтере щелкнул каблуками и быстро вышел из отсека.

Мэллоу почувствовал на плече чью-то руку и раздраженна сбросил ее. Это был Твер. Он гневно зашептал Мэллоу на ухо:

— Мэллоу, вы обязаны спасти этого человека! Вы не смеете его отдавать дикарям. Будьте милосердны! Он из Академии и к тому же — священник. Там же злобные варвары! Вы слышите меня, Мэллоу?

— Слыши, Твер, — невозмутимо отозвался Мэллоу. — Но у меня здесь есть дела поважнее, чем спасение миссионеров. Я, сэр, буду делать то, что считаю нужным. И, клянусь Селдоном и всей Галактикой, если вы будете мне мешать, я найду способ заставить вас молчать.

Он обернулся и крикнул священнику:

— Вы! Преподобный Парма! Вы что, не знаете, что согласно Конвенции миссионерам из Академии запрещено ступать на землю Кореллии?

Миссионера била дрожь.

— Я иду туда, сын мой, куда ведет меня Галактический Дух, И если темные люди отвергают попытки просветить их, не лучшее ли это доказательство того, что они более других нуждаются в просвещении?

— Я не об этом говорю, Ваше Преподобие. Ваше присутствие здесь — нарушение законов Кореллии И Академии одновременно. Юридического права защищать вас у меня нет.

Миссионер воздел руки к небесам. Теперь он уже не был так жалок и напуган, как несколько минут назад. Донесся голос лейтенанта, говорившего с толпой через систему внешней связи. Ответом ему был дикий, звериный рев. В глазах священника загорелся безумный огонь.

— Вы слышали? Как вы можете говорить о законах, созданных людьми? Есть высшие законы! Разве не сказал нам Галактический Дух: «Не допускай, чтобы при тебе обижали ближнего твоего»? И разве не он сказал: «Как ты поступишь со слабым и беззащитным, так поступят и с тобой»?

Разве нет у вас орудий? Разве нет у вас кораблей? И разве не Академия за вами? И разве не за вас Галактический Дух, который правит всей Вселенной?

Он остановился, чтобы перевести дыхание. В этот момент гулкий голос лейтенанта за бортом корабля замолк, и вскоре сам он, встревоженный и озабоченный, вошел в отсек.

— Докладывайте, — коротко приказал Мэллоу.

— Сэр, они требуют выдачи Джорда Пармы.

— А если нет?

— Разные угрозы, сэр. Трудно понять. Их так много, и они просто обезумели, сэр. Один из них кричит, будто управляет этим районом планеты, будто его сопровождает наряд полиции. Похоже, так оно и есть.

— Важно одно: он — представитель власти, — сухо сказал Мэллоу. — Скажите им, пусть этот губернатор или кто он там подойдет к кораблю один. Если он сделает это, он может получить Преподобного Джорда Парму.

Тут в руке Мэллоу неожиданно оказался бластер. Он прорычал:

— Прошу помнить, что я не знаю такого понятия, как «нарушение субординации». И если кто-нибудь попытается учить меня, что мне делать, я ему преподам хорошую науку.

Бластер остановился на Твере. Старый торговец с трудом разжал сцепленные пальцы, опустил руки. Он тяжело, с присвистом дышал.

Тинтере вышел. Через пять минут от толпы отделилась фигурка. Человек шел медленно и осторожно. Дважды поворачивал назад, но вопли разъяненной толпы гнали его к звездолету.

— Отлично, — процедил сквозь зубы Мэллоу и указал на миссионера бластером. — Грин и Эпшер, выведите его.

Миссионер взвизгнул, как раненый зверь, и в полном отчаяния воззвал к небесам, воздев руки. Тяжелые рукава сутаны упали и обнажили почти до плеч его худые, покрытые сетью расширенных вен руки. Что-то сверкнуло. Мэллоу непроизвольно моргнул и повторил приказ.

Миссионер, пытаясь освободиться от крепких рук державших его солдат, выкрикивал:

— Будь проклят предатель, отдающий своего ближнего на поругание и смерть! Да оглохнут уши, которые глухи к мольбам слабого и беспомощного! Да ослепнут глаза, которые слепы к невиновности! Да почернеет навеки душа, соединившаяся с мраком...

Твер закрыл уши руками.

Мэллоу убрал бластер и спокойно приказал:

— Всем разойтись по своим постам. Сохранять полную боевую готовность в течение шести часов после того, как разойдется толпа. После этого — сдвоенные вахты на сорок восемь часов. Потом будут новые инструкции. Твер, пойдемте со мной.

...Через пять минут они были в каюте Мэллоу. Он знаком предложил Тверу сесть. Твер был удручен и подавлен до крайности.

Мэллоу с нескрываемой иронией смотрел на него.

— Твер, — сказал он мягко, — вы меня разочаровали. Три года политической карьеры напрочь изжили в вас торговца! Помните: в Академии я могу быть демократом, но нечего удивляться тому, что на корабле я — тиран и деспот. При всем том я еще ни разу в жизни не доставал бластера в присутствии моих людей. И теперь бы не достал, если бы вы меня не вынудили.

Твер, у вас нет на корабле официальной должности. Вы находитесь здесь исключительно по моему личному приглашению, и я готов оказывать вам всяческие знаки гостеприимства. Тем не менее с сегодняшнего дня в присутствии моих офицеров и любого члена команды я для нас не «Мэллоу», а «сэр». И когда я буду отдавать распоряжения, не советую вам хотя бы из самосохранения вскакивать, будто вы новобранец и командир выкрикнул вашу фамилию. Иначе я буду вынужден применить крайние меры, что весьма прискорбно. Я излагаю ясно?

Лидер партии торговцев слегким движением сглотнул набежавшую слону и прошептал:

— Мои извинения...

— Приняты. Вашу руку!

Потные пальцы Твера скользнули в железобетонную ручищу Мэллоу. Дрожащим от волнения голосом он проговорил:

— Я действовал из лучших побуждений, поверьте! Мы же послали его на верную смерть. Этот сиволапый губернатор не сможет его спасти. Это же просто убийство!

— Ничего не могу поделать. Твер, эта история плохо пахнет. Вы ничего не заметили странного?

— А-а-а... вы?

— А вот посмотрите... Космопорт находится а весьма отдаленном от населенных районов месте. Откуда ни возьмись бежит миссионер. Откуда? Но бежит именно сюда. Зачем? Совпадение? Собирается огромная толпа. Откуда она взялась? Ближайший мало-мальски населенный городок находится как минимум в ста милях отсюда. А они добираются за полчаса. Каким образом?

— Да, каким образом? — эхом отозвался Твер.

— А как насчет того, что миссионер был доставлен сюда и выпущен как приманка? Наш друг, преподобный Парма, был поначалу просто-таки здорово смущен.

— Но... жестокое обращение... — пробормотал Твер.

— Может быть! А может быть, они думали, что мы будем настолько благородны и милосердны, что тут же бросимся на его защиту. А ведь он нарушил законы и Кореллии, и Академии. И если я оставляю его на борту, то фактически объявляю войну Кореллии, а Академия при всем желании не может нас защитить.

— Ну, это... вы, пожалуй, перехватили...

Мэллоу не успел ответить, поскольку пискнул сигнал вызова и раздался голос:

— Сэр, получено официальное сообщение!

— Немедленно! Срочно передайте!

Сияющий стальной цилиндр тут же вывалился в приемник пневмопочты. Мэллоу раскрыл его, вынул лист бумаги и внимательно пробежал глазами.

— Телепортировано прямо из столицы. Из личных апартаментов Командора.

Мэллоу громко, от души расхохотался:

— Значит, Твер, вы считаете, что я перехватил? Тогда читайте. И обратите внимание на странное совпадение: через полчаса после того как передали им миссионера, мы наконец получаем приглашение навестить августейшего Командора. После семи дней молчания и ожидания! Лично я полагаю, что экзамен выдержан с честью!

5

Командор Аспер, по его собственному определению, был человек из народа. Шишковатая голова его почти совсем облысела, лишь оставшиеся на затылке длинные волосы жиденькими сосульками спускались до плеч. Сорочка давно нуждалась в стирке. К тому же он гнусавил.

— Не хочу хвастаться, торговец Мэллоу, — говорил он, вышагивая рядом с Мэллоу по дорожкам сада, — но в моем лице вы видите не кого-нибудь, а просто первого гражданина государства. Вот что означает «Командор». Это мой единственный титул.

Казалось, ему самому страшно нравится все, что он говорит.

— Именно это, — продолжал он, — как ничто другое, связывает наш народ с народом Академии. Я чувствую, как вы радуетесь благам республиканского строя.

— Безусловно, Командор, — ответил Мэллоу торжественно. — Позвольте себе заметить, что как раз в этом мне видится надежда на мир и дружбу между правительствами и народами наших стран.

— О да! Мир и дружба, это замечательно!

Физиономия Командора озарилась сентиментальной улыбкой, отчего жиденькие патлы на затылке зашевелились.

— Хочу заверить вас, — продолжал он, — что никто па Периферии не принимает так близко к сердцу идеалы мира, как я. С полной ответственностью могу заявить, что с той самой поры, как я сменил своего августейшего отца на посту руководителя государства, у нас воцарились мир и благоденствие. Может быть, и не следовало говорить вам об этом, возможно, это прозвучит нескромно... (он театрально прокашлялся), но мне говорили, что мой народ, вернее — мои сограждане, называют меня Аспером, Горячо Влюбленным.

Мэллоу с любопытством рассматривал хорошо ухоженный сад. Казалось вероятным, что в темных уголках, за густыми зарослями, прячутся вооруженные охранники. Но его внимание привлекло другое: высокие, массивные, обитые сталью стены, окружавшие сад, были не так давно укреплены. Что-то не вязалось это с репутацией народного любимца...

— Какая удача, — сказал Мэллоу, — что я имею дело именно с вами, Командор, а не с деспотами и тиранами окружающих миров, среди которых и в помине нет просвещенных монархов. Да, их, пожалуй, никто не зовет «горячо возлюбленными»...

— Неужели? — вскричал Командор с напускным удивлением.

— Да-да, и все потому, что они не думают так, как вы, о счастье своих народов. Я просто уверен, что вы без устали заботитесь о благосостоянии своих сограждан!

Командор, довольно улыбаясь, не отрывал глаз от посыпанной гравием дорожки сада. Они

медленно шли вперед.

Мэллоу вкрадчиво продолжал:

— Командор! До сегодняшнего дня отношения между нашими странами сильно страдали из-за того, что ваше правительство применяло ограничения к нашим торговцам. Мне кажется, что именно вы давно понимаете преимущества свободной торговли.

— Свободной торговли? — испуганно пробормотал Командор.

— Да-да, свободной торговли! Вы должны понять как просвещенный и трезвомыслящий человек, что она была бы выгодна для обеих сторон. У вас есть кое-что, что нужно нам, а у нас что-то, что нужно вам. Речь идет всего-навсего о взаимовыгодном обмене, который обеспечил бы ваше процветание. Такой просвещенный правитель, такой друг народа, как вы, думаю, не нуждается в объяснениях, почему и насколько это важно. Надеюсь, я не оскорбил ваших чувств таким предложением?

— Ну что вы, конечно, нет! Я понимаю. Но все-таки... (в голосе Командора появились отечески-укоризненные нотки) ваши люди частенько вели себя опрометчиво, даже неразумно. Что касается лично меня, то я всей душой за торговлю! Она просто-таки необходима нашей экономике. Но... не такая, как вы предлагаете. И потом... я здесь не хозяин. Я ведь просто выразитель, если можно так сказать, общественного мнения. Мой народ не желает принимать торговлю, одетую в пурпур и золото!

Мэллоу остановился.

— Вы имеете в виду то, что наша торговля сопровождается обязательным введением нашей религии?

— Конечно! Это же было всегда и везде! Вы наверняка знаете, что случилось на Асконе двадцать лет назад? Сначала ваши продали там кое-какие штучки, а потом потребовали обязательного присутствия миссионеров, потому что без них эти штучки не работали. Ну и понастроили всякого-разного — Храмы Здоровья, или как они там называются... Ну вот... А потом пошло-поехало: открыли религиозные школы, служителям культа дали особые права, и что в итоге? А? Аскон теперь — пешка в системе Академии, и Верховный Магистр, извиняясь за выражение, свое нижнее белье, наверное, не имеет права считать личной собственностью! Нет-нет! И не уговаривайте! Наш народ — народ свободный и гордый, и этого он не примет никогда!

— Я не собираюсь предлагать вам ничего подобного, — спокойно возразил Мэллоу.

— То есть?

— Я — Мастер Торговли. Единственная моя Религия — деньги. Весь этот мистицизм и фокусы-покусы миссионеров я сам не терплю! Искренне рад, что в вашем лице нахожу единомышленника. Очень, очень рад, что мы хорошо понимаем друг друга.

Командор тоненько захихикал:

— Неплохо сказано! Ей-богу, Академии давно следовало прислать вас!

Он по-товарищески потрепал торговца по могучему плечу.

— Однако, мой друг, вы мне сказали не все. Чего вы не предлагаете, я понял. Но что же вы, в таком случае, предлагаете?

— Только одно — нескончаемые богатства и процветание, Командор!

Командор шмыгнул носом.

— А что делать с богатствами? Мое единственное богатство — любовь народа! Она у меня есть, и больше мне ничего не надо!

— Ну, одно другому не помеха. Можно ведь одной рукой загребать золото, а другой — народную любовь.

— Ну если так, молодой человек, то это было бы очень, очень недурно... Только как же это делается, а?

— О, Командор, для этого есть масса способов! Так много, что просто трудно выбрать. Ну, скажем, предметы роскоши. Вот тут у меня с собой есть одна вещица...

Мэллоу вытащил из кармана куртки плоскую длинную цепочку из блестящего металла.

— Это что такое?

— Видите ли, нужно на ком-нибудь показать... У вас тут есть молодые девушки? И еще — нужно большое зеркало, в полный рост.

— Хм-м-м... Ну, давайте тогда пойдем в дом.

Командор назвал свое жилище домом. Однако уместнее было бы назвать его дворцом. Тем не менее от острого взгляда Мэллоу не укрылись кое-какие мелочи, позволившие ему сделать вывод, что дом Командора был еще и его крепостью. Дом стоял на холме. Весь город лежал внизу, под его стенами. А стены дома были основательно укреплены. Все подходы к дому охранялись, и вообще композиция постройки говорила сама за себя...

«Да уж... — подумал Мэллоу, — как раз такое жилище лучше всего подходит Асперу, «горячо возлюбленному»...»

В комнату вошла молодая, стройная девушка. Она низко поклонилась Командору. Тот пояснил Мэллоу:

— Одна из служанок Командорши. Подойдет?

— Вполне! — улыбнулся Мэллоу.

Под пристальным взором Командора Мэллоу подошел к девушке и обернулся цепочку вокруг ее тонкой талии.

— Это все? — скептически прогнулся Командор.

— Будьте так любезны, Командор, опустите, пожалуйста, занавески! Девушка, прошу вас — там около пряжки маленькая кнопочка. Нажмите ее. Да не бойтесь, это не страшно!

Девушка сделала так, как сказал Мэллоу, взглянула на свои руки и ахнула...

Фигурка, от талии до головы, озарилась мягким сиянием. Вокруг головы свечение напоминало корону. Словно кто-то снял с неба звезду и прикрепил к ее платью. Девушка подошла к зеркалу и, затаив дыхание, любовалась своим отражением.

— А теперь наденьте вот это, — сказал Мэллоу и подал девушке ожерелье из невзрачных на вид камешков.

Девушка надела ожерелье, и каждый камешек в нем, отразив сияние, исходившее от пояса, загорелся своим огнем.

— Нравится? — с улыбкой спросил Мэллоу.

Девушка не ответила — за нее говорили сверкающие восторгом глаза. Командор махнул рукой, и она с явной неохотой нажала кнопку — сияние погасло. Сняв пояс и ожерелье, она с поклоном передала их Мэллоу и ушла, унося с собой память о чуде...

— Это вам, Командор, — смиренно передавая Командору украшения, проговорил Мэллоу. — Для Командорши. Скромный подарок от Академии.

— Хм-м-м...

Командор огороженно вертел в руках пояс и ожерелье, как бы взвешивая их.

— А... как они устроены?

Мэллоу пожал плечами:

— Вопрос не ко мне — я не специалист. Хочу только вот что подчеркнуть — для того чтобы эта красота действовала, вам не понадобятся священники!

— Да... но... в конце концов, это всего-навсего бабские побрякушки. Мне-то они на что сдались? Разве на этом можно сделать деньги?

— Скажите, Командор, у вас бывают балы, приемы, банкеты — что-нибудь в этом роде?

— Да... конечно, — нехотя признался Командор.

— Вы же понимаете, что любая женщина станет мечтать о таких украшениях? Можно запросить тысяч десять как минимум.

До Командора наконец дошло.

— Ага! — крякнул он и хитро улыбнулся, потирая руки.

— А поскольку батарейка, питающая эти украшения, — бодро продолжал Мэллоу, — действует не более шести месяцев, ее придется довольно часто менять.

Скажем так: сегодня мы в состоянии поставить столько украшений, сколько вы в состоянии приобрести по цене тысяча за штуку. В уплату нам желательно получить на такую же сумму чугуна. Тем самым ваша выгода составит девяносто процентов.

Командор поглаживал жидкую бороденку и сосредоточенно подсчитывал в уме. Наконец он обрадовался:

— Черт подери, я представляю, как бабы передерутся из-за этих безделушек! А я нарочно

буду продавать понемножку, чтобы они побесились на славу! Ну, не сам, конечно, буду продавать, это исключается...

Мэллоу пришел ему на помощь.

— Да, конечно, все можно подать как изделия мастерских, которых на самом деле не существует! Зачем же вам лично, вы правы! Только так! Кроме того, Командор, мы имеем возможность поставлять вам полные комплекты бытового оборудования. Прекрасные печи, которые жарят мясо за две минуты, ножи, не нуждающиеся в заточке, мини-прачечные, помещающиеся в обычной ванной, посудомоечные машины-автоматы, полотеры, пылесосы — все что угодно. Вы только представьте себе, как возрастет ваша популярность в народе, когда вы, именно вы, сделаете эти прекрасные, удобные вещи доступными для людей! Подумайте, сколько можно накупить на полученные доходы? Покупателям все это обойдется намного дороже, а знать, сколько вы заплатили, им вовсе не обязательно. Еще раз напоминаю — никаких священников! И все будут счастливы!

— Кроме вас, вроде бы. Вам-то какая выгода, не понимаю?

— Такая же, какую извлек бы любой торговец по законам Академии.

Я и мои люди получим половину суммы, вырученной от продажи. Вы купите то, что я предлагаю, и меня это вполне устроит. Вполне.

Командор, с явным удовольствием на физиономии, размышлял...

— Да-да, конечно... А что бы вы хотели взамен? Чугун?

— Чугун очень бы устроил. А также — уголь, бокситы. Не отказались бы и от магния. С удовольствием приобрели бы дерево твердых пород, табак, перец.

— Неплохо, неплохо...

— Думаю, да. Кстати, есть еще предложение. Я мог бы помочь вам в переоборудовании ваших предприятий.

— Каких?

— Ну возьмем, к примеру, сталеобрабатывающие заводы. У меня с собой есть исключительно удобные компактные устройства для обработки стали, которые позволили бы вам удешевить ее производство и обработку раз в сто. Если вам угодно, я готов продемонстрировать устройства в действии. У вас в столице есть сталеобрабатывающий завод? Уверяю вас, это займет совсем немного времени!

— Это можно будет устроить, торговец Мэллоу, можно. Но только завтра, завтра... Вы отужинаете со мной?

— С удовольствием. Но... моя команда...

— Пусть все приходят! — махнул рукой Командор. — Это будет нечто вроде символического братания наших народов. А мы с вами еще поболтаем. Только...

Он нахмурился:

— Никаких религиозных штучек! Не советую рассматривать мое приглашение и личную прязнь как возможность проникновения в Кореллию ваших миссионеров!

— Командор, — сухо отозвался Мэллоу, — даю честное слово, что религия не имеет никакого отношения к сделке.

— Вот и славно. Договорились, значит. К кораблю вас проводят.

6

Командорша была намного моложе мужа. У нее было холодное, злое, бледное лицо. Гладкие, блестящие черные волосы были зачесаны назад.

Войдя в комнату, она ехидно поинтересовалась:

— Вы уже закончили, о мой великодушный и благородный супруг? Совсем, совсем закончили? Надеюсь, теперь я могу выйти в сад?

— Ой, только не надо театра, Личия, — поморщился Командор. — Этот молодой человек пожалует к ужину, и ты еще успеешь всласть потрапаться. Нужно распорядиться, чтобы его людям отвели место. Очень надеюсь, что их не будет слишком много.

— Ага, не слишком много! Да наверняка жуткие обжоры. Каждому подавай четверть барана и бочку вина. А потом ты две ночи будешь стонать и думать, во что это обошлось!

– Ну, это как сказать, как сказать... Может, и не придется. Значит, так, дорогая, ужин должен быть – по высшему разряду!

Командорша подозрительно уставилась на супруга.

– Что-то ты церемонился с этим варварам! Даже не позволил присутствовать! Ну-ка, ну-ка, посмотри мне в глаза! Что ты задумал? Уж не пришло ли тебе в голову пойти против воли моего отца?

– С чего ты взяла?

– И я должна вот так поверить? О небо! Если и была когда на свете несчастнейшая из женщин, которая стала жертвой политики, выйдя замуж за нелюбимого, то это я! О, я могла встретить более достойного человека в своей стране! – причитала Командорша, заламывая руки.

– Послушай-ка, Личия, что я скажу. Наверное, золотце мое, тебе очень хочется вернуться в любимую страну. Я бы с превеликой радостью отпустил тебя на все четыре стороны. Только оставил на память себе, моя прелесть, маленький кусочек тебя, самый дорогой моему сердцу! Язык твой длинный я бы отрезал на память, – прошипел Командор. Он склонил голову и оценивающе оглядел супругу. – И чтобы ты стала еще красивее, я бы отрезал тебе уши и кончик твоего любопытного носа!

– Не посмеешь, старый шакал! Да мой отец может превратить тебя и весь твой презренный народец в космическую пыль! Стоит мне только рассказать ему, что ты любезничал с этими дикарями...

– Ну-ну, не надо мне угрожать, моя крошка! Можешь сама поговорить с ними вечером. А пока помалкивай!

– Ты мне еще приказывать будешь?

– Черт бы тебя побрал! На, возьми вот это и помалкивай!

Командор обернулся пояс вокруг талии Личии и защелкнул на шее ожерелье. Нажал кнопочку и отступил назад.

Командорша ахнула, всплеснула руками да так и не опустила их... Немного прияла в себя, она стала перебирать пальцами камешки ожерелья, тихо постанывая...

Командор довольно потер руки и проворковал:

– Ну как.? Можешь надеть сегодня вечером. А после у тебя будет еще много таких штучек. Поняла? Так что – помалкивай.

И Командорша не сказала больше ни слова...

7

Джейм Твер беспокойно ерзал на стуле.

– Что вы улыбаитесь, Мэллоу?

Хобер Мэллоу очнулся от раздумий.

– Я? Улыбаюсь? Не заметил...

– Я так понимаю, что вчера кое-что произошло. Помимо пиршества, на котором вы все так перепились. Мэллоу, черт бы вас побрал, что случилось?

– Случилось? Ничего плохого, уверяю вас. Скорее наоборот. Просто у меня такое ощущение, что я ломился в открытую дверь. Уж больно просто оказалось проникнуть в самое сердце их сталепрокатной промышленности.

– Ловушка, Мэллоу?

– О, ради всего святого, только не драматизируйте! – поморщился Мэллоу и доверительно добавил: – У меня такое ощущение, что там просто смотреть не на что.

– Хотите сказать, что они не пользуются атомной энергией?

Твер погрузился в раздумья.

– А знаете, Мэллоу, лично у меня такое впечатление, что атомной энергетики тут нет и в помине. Очень трудно было бы замаскировать такую фундаментальную технологию!

– Да, но если только ее применение начато совсем недавно. И если атомная энергетика не применяется исключительно в военной промышленности. А вот это как раз можно заметить только в двух местах – на космических заводах и на сталеобрабатывающих.

– Ну а если мы там ничего не обнаружим...

– Следовательно, ничего нет. Или прячут. Хороша дилемма, а? Хоть монетку бросай!

Твер покачал головой:

– Жаль, что меня не было вчера...

– Мне тоже жаль. Я бы нисколько не возражал против вашей моральной поддержки. Но, увы, – парадом командовал Командор. А вот, кстати, правительственный автомобиль, который повезет нас на завод. Все готово, Твер?

8

Завод был большой, но запущенный настолько, что никакой поверхностный ремонт не скрасил бы атмосферу разрухи и беспорядка. Стояла неестественная тишина, поскольку на завод пожаловал Командор со свитой.

...Мэллоу закрепил стальной лист в двух суппортах, взял из рук Твера инструмент и крепко сжал кожаную рукоятку под свинцовым обшлагом.

– Этот инструмент, – сообщил он, – опасен не более, чем пчелиное жало. Но все-таки прошу руками не трогать.

Он изящно провел инструментом по прямой через длину листа стали, который тут же спокойно и беззвучно распался на две равные части.

Все присутствующие дружно ахнули, а Мэллоу спокойно улыбнулся. Он взял в руки одну из половин листа и сказал:

– Глубину резания можно установить с точностью до сотой доли дюйма, и двухдюймовый лист стали будет разрезан так же легко, как этот. Если глубина резки установлена точно, можно спокойно класть лист стали хоть на полированный стол, и на нем не останется ни царапинки.

Он говорил и продолжал демонстрировать возможности атомного резака. По цеху распространился запах окалины...

– Вот так, – сказал он, – обстоит дело со сталью. И вообще с любым плоским материалом. Допустим, вам необходимо уменьшить толщину листа, сгладить неровности, удалить ржавчину. Смотрите!

Стальной лист превратился в тонкую сияющую фольгу, Мэллоу регулировал инструмент, и ширина полос менялась – шесть дюймов, восемь, двенадцать...

– По тому же принципу осуществляется и сверление.

Вся свита во главе с Командором столпилась вокруг Мэллоу. Казалось, представление дает бродячий фокусник. Командор Аспер осторожно трогал полоски стали. Высшие чиновники вставали на цыпочки, заглядывали друг другу через плечо и оживленно шептались. А Мэллоу работал и работал... В листе стали появлялись четкие, ровные, безукоризненно круглые отверстия.

– И еще вот что я вам покажу... Пусть кто-нибудь принесет два коротких куска стальной трубы.

Чей-то камердинер с готовностью откликнулся на просьбу Мэллоу. Не прошло и трех минут, как он, передав Мэллоу требуемое, отряхивал руки...

Мэллоу поставил куски трубы вертикально, провел по их краям инструментом и быстро прижал куски друг к другу. Они соединились! Да как! Шва не различить и под микроскопом!

Мэллоу оглядел присутствующих, начал было объяснять, но запнулся. У него противно засосало под ложечкой, замерло сердце...

Личная охрана Командора в общей суматохе покинула ответственный пост и протиснулась вперед. Мэллоу впервые увидел их так близко!

И их, и вооружение...

Ошибки быть не могло – атомные бластеры! Но даже это было не самым важным!

На приладах бластеров красовалась эмблема: «Звездолет и Солнце».

Те самые «Звездолет и Солнце», которые украшали обложку каждого из огромных томов «Галактической Энциклопедии», все еще издающейся на Терминусе! «Звездолет и Солнце» – символ Империи!

Мэллоу говорил, но думал только об этом...

— Посмотрите на эту трубу — она целая. Конечно, это не самый лучший вариант. Я имею в виду, что соединение не должно производиться вручную.

Спектакль был окончен. Мэллоу узнал все, что хотел. Перед глазами у него стоял золотой шар солнца, окруженный острыми лучами, и обтекаемая сигара космического корабля... «Звездолет и Солнце» Империи!

Империя! В голове не укладывалось! Ведь прошло уже сто пятьдесят лет, а Империя, стало быть, еще существовала где-то в глубинах Галактики. И не только там. И здесь, на Периферии...

Мэллоу понимающе улыбнулся...

9

«Далекая Звезда» уже два дня была в пути, когда Хобер Мэллоу в своей каюте вручил лейтенанту Драуту конверт, кассету с микрофильмом и серебристый шарик.

— Через час, лейтенант, вы вступите в командование «Далекой Звездой». До тех пор, пока я не вернусь, или — навсегда.

Драут попытался встать, но Мэллоу жестом остановил его.

— Спокойно. Слушайте внимательно. В конверте содержится детальное описание вашего маршрута. На планете, которая указана там, вы ждете меня два месяца. Если Академия обнаружит вас раньше, имейте в виду, что микрофильм — это отчет о проделанной работе. Если же, — сказал он менее жестко, — через два месяца я не вернусь, то вы отправляетесь на Терминус и представляете в виде отчета капсулу. Ясно?

— Да, сэр.

— Ни при каких обстоятельствах ни вы, ни кто-либо другой из команды не должны добавлять к отчету ни слова.

— А если нас спросят, сэр?

— Вы ничего не знаете.

— Ясно, сэр.

...Так окончилась их беседа, и через пятьдесят минут от борта «Далекой Звезды» отчалил небольшой катер.

10

Онум Барр был стар. Слишком стар, чтобы бояться. Со временем последних беспорядков он жил один-одинешенек среди руин на окраине города. Ему было нечего терять, кроме последних дней своей жизни, поэтому он без страха взглянул па вошедшего незнакомца.

— У вас дверь была открыта, — сказал тот.

Говорил он с жутким акцентом. От глаз Барра не укрылось и странное оружие, висевшее у него на ремне. В полутигровой маленькой комнатушке Барр хорошо видел мягкое сияние защитного поля, окружающее фигуру незнакомца.

— Нет нужды закрывать, — сказал он устало, — Ко мне никто не ходит. Что вам угодно?

— Хотел кое-что разузнать.

Незнакомец продолжал стоять в центре комнаты. Он был очень высокий, плотного телосложения.

— Я так понял, что, кроме вас, тут вообще никто не живет?

— Да, это заброшенное место, — подтвердил Барр. — Но к востоку отсюда есть город. Я могу показать вам дорогу.

— Не сейчас. Можно присесть?

— Садитесь, если стул выдержит, — грустно вздохнул стариk. Да, мебель, как и ее хозяин, зналла лучшие времена...

— Меня зовут Хобер Мэллоу, — представился незнакомец. — Я из дальней провинции.

Барр кивнул и улыбнулся:

— Можно было не уточнять. Акцент вас сразу выдал. Я — Онум Барр из Сивенны, бывший патриций Империи.

– Значит, это Сивенна! У меня с собой только очень старые карты.

– А зачем им быть новыми? Звезды не сходят со своих мест.

Барр сидел неподвижно. Незнакомец с любопытством разглядывал комнатушку.

Барр заметил, что сияние защитного поля, окружавшее фигуру гостя, угасло, и с грустью отметил, что он уже никому не страшен – ни другу, ни врагу...

– Дом мой беден, – сказал Барр, – и припасов у меня немного. Если вы хотите разделить со мной трапезу, то могу предложить лишь черный хлеб да сухое зерно.

Мэллоу покачал головой.

– Нет-нет, благодарю, я сыт, да и задерживаться не могу. Вы мне только скажите, как добраться в правительственный центр.

– Это не составит большого труда. Только что вы имеете в виду: главный город планеты или столицу императорского сектора?

Гость удивленно прищурился.

– А разве это не одно и то же? Разве это не Сивенна?

– Да, Сивенна, – кивнул старый патриций. – Только Сивенна давно не столица Норманнского сектора. Да, даже старые карты подводят... Звезды не меняют своих мест, а вот политические границы слишком зыбки...

– Скверно. Очень скверно. И далеко новая столица?

– На Орше-II. Двадцать парсеков отсюда. Посмотрите на карте. Какого времени ваша карта?

– Издана сто пятьдесят лет назад.

– Так давно?

Старик вздохнул.

– С тех пор много воды утекло. И вы ничего не знаете?

Мэллоу покачал головой.

– Вам повезло, – грустно улыбнулся старик, – Более или менее спокойные времена для провинции были в царствование Стеннеля-II. Он скончался пятьдесят лет назад. С тех пор – только бунты и разруха, разруха и бунты. И руины...

Мэллоу резко выпрямился. Стул угрожающе заскрипел...

– Как – руины? Вы хотите сказать, что провинции больше не существует?

– Да нет, не так чтобы. Кое-какие ресурсы есть, наверное, планетах на двадцати. Однако по сравнению с процветанием, которое царило здесь в прошлом столетии, мы здорово скатились вниз, и никаких признаков возврата к лучшему нет. Пока нет... А почему вы этим интересуетесь, молодой человек? И глаза у вас блестели?

Торговец слегка покраснел. Старик попал в точку.

– Послушайте, – объяснил Мэллоу, – я торговец. Тружусь на задворках Галактики. Вот нашел старые карты и хотел попробовать найти новые рынки сбыта. Конечно, ваше сообщение о том, что провинция обеднела, меня расстроило, если не сказать больше. В мире, где денег нет, их не сделаешь. Ну а как обстоят дела в Сивенне?

Старик наклонился вперед, задумался.

– Даже не знаю, что сказать. Очень может быть, что даже и теперь не так уж плохо. А вы действительно торговец? Вы больше смахиваете на военного. Рука на прикладе, шрам на виске...

Мэллоу запрокинул голову и расхохотался:

– Видите ли, в нашем мире тоже не все слава богу! Шрамы – следствие моей профессии. Но когда в конце концов получаешь денежки, можно и подраться. Неплохо было бы обойтись без этого, но что поделаешь? Ну а здесь-то как? Могу я тут сделать деньги и не заработать новых шрамов? Похоже, что дело обстоит наоборот?

– Пожалуй, наоборот, – улыбнулся Барр. – В принципе, можете поискать тех, кто остался от Вискарда, на Красных Звездах. Правда, не знаю, как лучше назвать то, чем они занимаются, – торговлей или пиратством. Кроме того, у вас есть возможность присоединиться к нашему нынешнему вице-королю – благословенному убийце, воришке...

Морщнистые щеки старого патриция залил нервный румянец. Он закрыл глаза, а когда вновь открыл их, взгляд его стал по-птичьи зорок.

— Что-то вы не слишком любезно отзываетесь о вице-короле, уважаемый патриций Барр, — сказал Мэллоу. — А вдруг я шпион?

— А хоть бы и так, — спокойно откликнулся старик. — Что с меня взять? Он обвел рукой комнату.

— Жизнь, например.

— О, это бы мне принесло только облегчение. Я уж и так лишних лет пять прожил. Но вы не из людей вице-короля. Были бы из них, я бы почувствовал и рта бы не раскрыл.

— А как бы вы почувствовали?

Старик, тихо рассмеялся:

— А вы подозрительны! Честное слово, могу поклясться, теперь вы думаете, что я пытаюсь спровоцировать вас на разговор, в котором вы могли бы неосторожно высказаться о правительстве. Нет-нет, уверяю вас, меня уже давно не интересует политика.

— Не интересует политика? Мне так не показалось! Как вы сказали о вице-короле — «убийца, воришка»?

Старик пожал плечами.

— Так, воспоминания нахлынули... Посудите сами: в те времена, когда Сивенна была еще столицей Провинции, я был патрицием и членом провинциального сената. Мой род — древний и знаменитый. Один из моих прадедов... а впрочем, ладно, хватит об этом...

— То есть, — осторожно проговорил Мэллоу, — у вас тут была гражданская война или революция?

Лицо Барра помрачнело.

— Гражданские войны не прекращались в эти кошмарные годы. Но Сивенна всегда находилась в стороне. В годы царствования Станелля-II она почти достигла своей былой славы и процветания. Но ему наследовали слабые императоры. А при слабых императорах всегда сильные вице-короли. И наш последний вице-король, Вискард, остатки приверженцев которого еще занимаются чем-то вроде торговли у Красных Звезд, возмечтал о королевской мантии. Да не он первый...

Но — не удалось. Потому что в тот день, когда Адмирал Империи приблизился к Сивенне во главе флота, Сивенна восстала против мятежного вице-короля.

Он печально вздохнул и замолчал. Мэллоу ерзal на краешке отчаянно скрипевшего стула. Его просто раздирало любопытство!

Но он сдержался и тихо попросил:

— Продолжайте, сэр!

— Благодарю вас, — кивнул Барр. — Вольно вам смеяться над старым человеком. Итак, они восстали. Вернее было бы сказать — мы восстали, поскольку я был один из второстепенных лидеров восстания. Вискард убрался из Сивенны, еле ноги унес, а планета и вся провинция были оставлены на попечение Адмирала и выразили полную и безоговорочную лояльность Императору. Почему мы так поступили, я и сам не понимаю. Может быть, мы выразили лояльность не более чем к символу, а не к самому Императору — жестокому и порочному мальчишке. Может быть, испугались ужасов.

— Ну и?.. — осторожно поторопил его Мэллоу.

— Ну и, — с горечью в голосе продолжал Барр, — это никак не устроило Адмирала. Ему до смерти хотелось присвоить себе славу завоевания мятежной планеты, а его людям хотелось добычи, сопутствующей завоеванию. И пока народ в городах выходил на улицы, славя Императора и его Адмирала, он потихонечку захватил все военные центры, а затем приказал перестрелять почти все население.

— Почему?

— Потому что они восстали против вице-короля — так объявил Адмирал. Он и стал новым вице-королем — после того, как целый месяц шли убийства, грабежи, насилие. У меня было шестеро сыновей. Пятеро погибли — все по-разному... У меня была дочь. Я надеюсь, что она погибла. Такая красавица... Я уцелел, потому что был стар. Поселился здесь, зная, что слишком стар для того, чтобы вице-король мной интересовался. Они ничего, ничего мне не оставили, — сказал он, печально качая седой головой. — Потому что я помогал мятежному губернатору выбраться из города и лишил тем самым Адмирала славы его поимки...

Мэллоу молчал и ждал.

– А что случилось с вашим шестым сыном? – наконец спросил он.

– А? С последним? Он жив. Потому что вступил в армию Адмирала как простой солдат. Под чужим именем. Теперь он стрелок в его личной гвардии. О нет, не подумайте о нем плохо! Он хороший сын. Навещает меня, когда может, и что может, приносит мне. Только он один и поддерживает мою жизнь. А в один прекрасный день, когда наш замечательный вице-король сойдет в могилу, именно мой сын поможет ему в этом.

– И вы говорите это незнакомому человеку? Рискуете не только своей жизнью, но и жизнью сына!

– Нет, я как раз помогаю ему, потому что вижу в вас нового врага вице-короля. Знаете, был бы я ему другом настолько же, насколько я ему враг, то посоветовал бы послать на границу как можно больше кораблей.

– Хотите сказать, что на Периферии нет кораблей вице-короля?

– А вы их видели? Вас кто-нибудь остановил? Кораблей мало, не хватает даже для того, чтобы охранять границы соседних провинций, где хватает своих интриг и беспорядков. Но, кстати сказать, издалека нам еще никто не угрожал, – пока не появились вы.

– Я? Да я вовсе не опасен.

– За вами придут другие.

Мэллоу пожал плечами:

– Что-то я вас не понимаю.

– Послушайте! – неожиданно резко сказал старик. – Я сразу все понял, как только вы вошли. Вокруг вас было защитное поле.

– Да. Было, – признался после короткой паузы Мэллоу.

– Я сразу заметил, но ничего не сказал. Я кое-что в этом понимаю. В наше страшное время немодно быть ученым. Все так быстро меняется – как прилив и отлив... Но когда-то я им был, и вся история развития атомной энергетики мне неплохо знакома. Насколько я помню, ни в одном учебнике не упоминалось о портативном защитном поле. У нас есть защитные поля, но они огромны – целые здания. Они рассчитаны на то, чтобы защищать города, корабли, но никак не отдельного человека.

– Вот как? – удивленно приподнял брови Мэллоу. – И какой же вывод вы делаете?

– До нас доходили кое-какие слухи. Правда, похоже, что перевранные... Но когда я был молод, у нас появился небольшой корабль с людьми, довольно странными. Они не знали наших обычаем и не могли объяснить, откуда прилетели. Рассказывали о волшебниках, которые живут на краю Галактики. О волшебниках, которые сияют в темноте, летают без всяких приспособлений и которых нельзя убить никаким оружием. Мы тогда смеялись. Я тоже смеялся... До сегодняшнего дня я не вспоминал про эти байки... Но вот пришли вы – и сияете в темноте, и я почти уверен, что мой бластер, если бы он у меня был, не смог бы вам повредить. А летать вы умеете?

– Нет, – спокойно отозвался Мэллоу.

– Мне нравится ваш ответ, – отозвался старик. – Я не имею привычки экзаминовать своих гостей. Но если эти волшебники действительно существуют и вы – один из них, в один прекрасный день вас – или их станет больше... Может быть, это будет даже хорошо. Наверное, нам просто необходима инъекция свежей крови.

Барр что-то забормотал про себя, потом проговорил:

– Но есть и оборотная сторона медали, Об этом, конечно, мечтает и наш новоиспеченный вице-король, как до него мечтал Вискард.

– Что, тоже охотится за имперской короной?

Барр кивнул:

– Мой сын много слышит. Наш новый вице-король не откажется от короны, если ему предложат. Но пока он держит оборону. Поговаривают, что он собирается создать новую Империю на задворках Галактики. Так говорят, но я не уверен, что так. Вроде бы он уже выдал свою дочь замуж за какого-то варварского князька.

– Ну если слушать всю болтовню...

– Конечно. Я стар и несу чепуху. Ну а вы-то что скажете?

Он пристально смотрел на Мэллоу.

Немного помолчав, торговец ответил:

— Да ничего я не скажу, Но хочу спросить: на Синение есть атомная энергия? Есть ли у них работающие генераторы или во времена беспорядков их разрушили?

— Разрушили? О нет! Скорее, смели полпланеты, чем разрушили хоть одну самую маленькую атомную станцию. Все стоят на своих местах и снабжают энергией корабли. Наши станции не хуже, чем на Тренторе, — с гордостью ответил он.

— И как можно их увидеть?

— Это невозможно! — отрезал Барр. — Да вы и близко не подойдете ни к одному военному центру. Вас пристрелят на месте. Это еще никому не удавалось. Ведь Сивенна до сих пор лишена гражданских прав.

— Все атомные станции охраняются военными?

— Не все. Существуют еще небольшие станции, которые снабжают город теплом и электричеством. Но и там не проще. Их охраняют технологии.

— Кто они такие?

— Каста специалистов. Профессия передается по наследству. У них невероятное чувство ответственности. Кроме технологов, никто не имеет права входить в помещение станции.

— Ясно.

— Но я не хочу сказать, — добавил Барр, — что не бывало случаев, когда технологов подкупали. Во времена, когда за пятьдесят лет у нас сменилось девять императоров, когда любой капитан-звездолетчик вынужден то и дело присягать очередному вице-королю или сам мечтает стать вице-королем, даже технолог не устоит, если ему предложить денег. У вас есть деньги?

— Деньги? Нет. Но подкупить можно не только деньгами, правда?

— А чем же еще, если все покупается за деньги?

— О, есть многое, чего и за деньги не купишь... А теперь подскажите мне, где находится ближайший город с атомной станцией? Я вас отблагодарю.

— Постойте, — сказал Барр, протянув к Мэллоу иссохшие руки. — Куда вы торопитесь? Вы пришли ко мне, и я не задавал вам вопросов. Но в городе, все жители которого до сих пор считаются мятежниками, у вас прежде всего потребуют документы. А вы говорите со страшным акцентом и одеты необычно.

Тут он встал, удалился в угол комнаты и вернулся с небольшой книжечкой.

— Вот мой паспорт. Мне удалось его сохранить. Он вложил паспорт в ладонь Мэллоу.

— Описание внешности, как вы понимаете, не сходится, но, возможно, вам повезет, и они не станут приглядываться.

— А вы? Как же вы останетесь без паспорта?

Старый отшельник равнодушно пожал плечами.

— Ну и что? Вот еще: старайтесь говорить поменьше. Язык ваш — враг ваш. А сейчас я расскажу вам, как лучше добраться до города.

Через пять минут Мэллоу ушел.

Когда на следующее утро Онум Барр вышел из дома в свой крошечный садик, он нашел у крыльца ящик. Там была еда — консервы, которые обычно берут с собой в далекие путешествия на звездолетах. Они были незнакомого вкуса, странно приготовлены. Но вкусные, и хватит их надолго...

11

Технолог оказался прыщавым коротышкой с жидкими сальными волосами, сквозь которые просвечивала багровая лысина. На мясистых пальцах красовались крупные перстни, от одежды разило потом. Он был первым человеком в Сивенне, который не показался Мэллоу голодным.

Липкие губы технолога лениво шевельнулись.

— Ну, валяй, да побыстрей. Дел полно. А ты, похоже, не из нашенских, — сказал он, подозрительно оглядывая Мэллоу сквозь редкие ресницы.

– Да, я нездешний, – признался Мэллоу. – Но это к делу не относится. Кстати, вчера я послал вам небольшой подарочек.

– Да. Мне передали. Забавненькая безделушка. Может, я ею и воспользуюсь.

– У меня есть и другие, не менее интересные вещицы. И не только безделушки.

– Так... Ясненько. Похоже, я понимаю, как у нас дальше дело пойдет. Начнешь предлагать мне всякую дребедень. Пару кредиток, тряпки, побрякушки – всякое такое, чем, как кажется твоей грязной душонке, молено подкупить честного технолога!

Он продолжал, презрительно выпятив нижнюю губу:

– Я знаю даже, чего ты хочешь взамен. Много вас таких шляется.

Только одного и надо. Меня не проведешь! Хотите втереться в наш благородный клан, хотите постичь тайны атомной науки и научиться обращаться с технологом! Вы, собаки сивенские, думаете... Между прочим, плевать я хотел на твою болтовню, будто ты нездешний. Хрена лысого я тебе поверил! Все вы думаете, что если попадете в технолога, так уйдете от наказания за мятеж. Спрятаться хотите – технологи-то неприкосновенны. Знаю я вас...

Мэллоу собрался возразить, но технолог остановил еголастным жестом.

– А теперь, – взревел он, – убирайся вон, пока я не сообщил твое подлое имя коменданту города. Ты что, всерьез думаешь, что я запросто нарушу клятву? Те сивенские предатели, что тут работали до меня, – те, может, и согласились бы. Но ты меня не за того принимаешь. Как жаль, что я тебя не сразу прикончил вот этими самыми руками!

Мэллоу мысленно улыбался. Из технолога вышел бы неплохой трагик... Торговец бросил взгляд на жирные лапы технолога, украшенные массивными перстнями, – те самые, которыми он грозился его придушить, и сказал:

– Ваше Мудрейшество, вы не правы. Во-первых, я не шпион вице-короля, явившийся сюда затем, чтобы проверить вашу лояльность. Во-вторых, я хочу предложить вам кое-что, чего нет у самого Императора. В-третьих, взамен мне нужно совсем немного. То есть практически совсем ничего.

– Вот как ты заговорил! – прищурился технолог. – Ну и какие же такие царские дары ты готов бросить к моим ногам? Чего же это такого нет у самого Императора? – выговорил технолог, давясь от смеха. Мэллоу встал и отодвинул в сторону стул.

– Три дня я ждал, когда вы соизволите принять меня, Ваше Мудрейшество, но то, что я хочу вам показать, не займет более трех секунд. Будьте так любезны, возьмите бластер...

– Чего-чего?

– И выстрелите в меня. Я буду весьма вам признателен.

– Чего??!

– Если вы меня прикончите, можете спокойно объяснить полиции, что я пытался вас подкупить, чтобы вы выдали мне секреты вашей гильдии. Вас щедро вознаградят. А если вы меня не прикончите, я вам подарю свое защитное поле.

Тут технолог впервые заметил, что его гость окружен бледным сиянием. Он поднял бластер, прицелился и выстрелил.

Молекулы воздуха пронзил атомный разряд. Они распались на сверкающие, горящие ионы, вытянулись в ослепительный, тонкий луч, добрались до груди Мэллоу и...

Смертоносный луч испарился. Мэллоу даже не пошевельнулся.

Бластер технолога с глухим стуком брякнулся на пол.

Мэллоу спокойно поинтересовался:

– Ну так что – есть у Императора персональное защитное поле? А у вас будет.

Технолог в страхе прошептал:

– Ты... вы... что, технолог?

– Нет.

– Тогда откуда у вас это?

– А вам какая разница? Хотите или нет?

На стол легла топкая цепочка с кнопкой на запястье. Технолог судорожно схватил ее и стал разглядывать, Дрожа от волнения.

– Это... она целая? Вся?

– Вся.

– Как включать?

Мэллоу нажал кнопку.

Технолог поднял на Мэллоу взгляд, исполненный ужаса и удивления.

– Сэр... Я – технолог высшей квалификации, Уже двадцать лет я работаю инструктором. Я учился на Тренторе у великого Блера! Вы или подлый шарлатан, который пытается уверить меня, что внутри крошечной коробочки величиной... черт бы меня побрал, с лесной орех находится атомный генератор, или... нет, надо тебя к коменданту отвести!

– Это от вас не уйдет. А объяснять тут нечего. Я вам серьезно говорю, что устройство – в полном комплекте.

Технолог побледнел, застегнул цепочку на запястье и нажал кнопку дрожащей рукой... Его тут же окружило мягкое сияние... Он поднял бластер, но тут же опустил его. Судорожно перевел регулятор интенсивности облучения на минимум. Нервно нажал спусковой крючок, нацелив бластер на собственную ладонь... Луч спокойно оттолкнулся от руки, не причинив технологу никакого вреда...

Технолог поднял голову, обалдело уставился на Мэллоу и прохрипел:

– А... если я возьму да и выстрелю в вас?

– Валяйте, – равнодушно отозвался Мэллоу. – Вы что, думаете, я вам последний отдал?

Его массивную фигуру тут же окружило голубоватое сияние.

Технолог нервно поежился. Бластер лег на крышку стола...

– Ну ладно, говорите. Чего хотите взамен?

– Я хотел бы взглянуть на ваши генераторы.

– Нет! Это запрещено! Нас могут вышвырнуть в открытый космос!

– Не собираюсь я к ним прикасаться. Только взгляну.

– А если я не соглашусь?

– Если не согласитесь, то останетесь при своем. У вас теперь есть защитное поле. А у меня есть еще кое-что. Например, бластер, который пробивает защитное поле.

Глаза технолога алчно засияли.

– Г-м-м... Пойдемте со мной!

12

Коттедж технолога располагался позади большого здания без окон, кубической формы, стоявшего в самом центре города. Мэллоу последовал за технологом по подземному переходу, и вскоре оба очутились в безмолвной, пахнущей озоном атмосфере атомной станции.

Еще минут пятнадцать он шел по залам станции за своим проводником. Мэллоу молчал, ничего не трогал. Но от его внимательного взгляда ничто не ускользнуло.

Наконец технолог хрипло поинтересовался:

– Может быть, хватит?

– Хватит, – усмехнулся Мэллоу.

Они вернулись в кабинет. Мэллоу спросил:

– Все эти генераторы – в вашем ведении?

– Все, – печально вздохнул технолог.

– И вы отвечаете за то, чтобы они нормально работали?

– Да.

– А если они выйдут из строя?

Технолог упрямо замотал головой:

– Они не выходят из строя. Они никогда не выходят из строя! Они построены навечно!

– Вечность – это, конечно, очень долго. Ну а если предположить, что...

– Предполагать невозможное – антинаучно!

– Хм... Но если все-таки предположить, что жизненно важные центры повредит, к примеру, атомный взрыв. Ну, там, расплавятся главные соединения или будет повреждена дельта-лучевая трубка... Что тогда?

– Тогда, – рявкнул технолог, – вам конец!

– Я не об этом! – рявкнул в ответ Мэллоу. – Генератор меня интересует! Его можно будет

починить?

— Сэр! — взмолился технолог. — Мы с вами в расчете! Я сделал то, о чем вы просили. Уходите! Я больше вам ничего не должен!

Мэллоу усмехнулся, кивнул и вышел.

...Через два дня он вернулся на «Далекую Звезду», ожидавшую в установленном месте, и отбыл на Терминус.

Через два дня защитное поле технолога пропало, и как он ни чертыхался и ни трясл цепочку, так и не загорелось вновь...

13

Впервые за полгода Мэллоу отдыхал по-настоящему. Лежа на спине, он загорал в искусственном солярии своего нового дома. Забросив руки за голову, он наслаждался теплом и покоем...

Человек, стоявший рядом, вложил в губы Мэллоу сигарету и чиркнул зажигалкой. Потом закурил сам и произнес:

— Чувствую, вы здорово устали. Вам бы отдохнуть подольше.

— Может, вы и правы, Джээль, но лучше я отдохну в кресле Совета. Я должен его занять, а вы должны мне в этом помочь.

Анкор Джээль удивленно вскинул брови и спросил:

— Каким образом?

— Очень просто. Во-первых, вы в политике собаку съели. Во-вторых, Джоран Сатт вас из Совета выкинул за шкирку. В-третьих, он скорее добровольно ослепнет на один глаз, чем согласится увидеть меня в Совете. Шансы мои невысоки, правда?

— Естественно, — согласился бывший Министр Образования. — Вы — смирианец.

— Ну, это дело десятое. Законом не запрещено. У меня высшее светское образование.

— Не в том дело. Нет законов, которым подчинялись бы предрассудки. Вы мне лучше скажите, что по этому поводу думает ваш приятель Джейм Твер?

— Он еще год назад прожужжал мне все уши на тему о том, что мне необходимо баллотироваться в Совет! — лениво отозвался Мэллоу. — Но он мне уже не помощник. Не потянет. Он не настолько глубок и тонок. Шума много, а толку — чуть. Мне нужен настоящий помощник. Мне нужны вы.

— Мэллоу, но Джоран Сатт — крупнейший политический деятель планеты, и вы его восстановливаете против себя! Мне с ним не справиться. К тому же он способен на игру исподтишка.

— У меня есть деньги.

— Это хорошо. Но предрассудки стоят очень дорого! Не забывайте, для них вы — грязный смирианец!

— У меня очень много денег.

— Ну хорошо, я подумаю. Только не считайте, что я вам подал надежду, ладно?

Раздался звонок.

— Кто это там? — удивился Джээль.

— Не иначе как Джоран Сатт, собственной персоной. Рановато, Но я его понимаю. Я скрывался от него целый месяц. Знаете что, Джээль? Подите-ка в соседнюю комнату и потихонечку включите видеофон. Хочу, чтобы вы послушали.

Обескураженный отставной министр вышел, а Мэллоу спустил ноги с кушетки, встал и завернулся в мягкий шелковый халат.

...Секретарь мэра вошел твердой поступью. Невозмутимый мажордом, сопровождавший его, вернулся к двери и тихо прикрыл ее.

Мэллоу щелкнул пряжкой ремня и любезно проговорил:

— Присаживайтесь!

Сатт нервно усмехнулся. Сел в первое попавшееся кресло — на краешек, будто засиживаться не собирался.

— Мэллоу, если вы сразу скажете ваши условия, мы скорее перейдем прямо к делу.

– Это какие же условия?

– Не валяйте дурака, Мэллоу. Ну ладно, спрашиваю прямо: что вы делали в Кореллии? Ваш отчет – не более чем отписка!

– Интересно! Я сдал отчет два месяца назад. Тогда он вам вроде бы понравился.

– Да! – выпалил Сатт, ожесточенно потирая лоб. – Но с тех пор вы развили бешеную деятельность! Нам известно многое из того, чем вы занимаетесь. Мы знаем точно, сколько фабрик вы строите, и как торопитесь. И во что вам это обходится. И потом – эти ваши хоромы...

Сатт обвел взглядом роскошно обставленную комнату и продолжал:

– Вам это обошлось не меньше, чем мое годовое жалование!

– Ну? И какие же из этого следуют выводы, кроме того, что ваша разведка неплохо работает?

– Выводы вот какие: у вас завелись деньги, которых год назад не было. А означать это может что угодно. Например то, что вы в Кореллии совершили выгодную сделку, о которой не поставили нас в известность. Откуда у вас деньги?

Сатт, дорогой мой, вы что, серьезно думаете, что я вам все так и расскажу?

– Нет. Не думаю. Поэтому отвечу сам. Денежки ваши – из казны Командора Кореллии!

Нервно моргая, Сатт ждал реакции Мэллоу.

Мэллоу улыбнулся и ответил:

– Наверное, я вас очень огорчу, но деньги совершенно законные. Я – Мастер Торговли. Деньги, которые я там получил, это стоимость чугуна и хрома, вырученных за кое-какие безделушки, которые мне удалось им всучить. Половина выручки по контракту – моя, Вторая половина отойдет правительству в конце финансового года после выплаты налогов.

– В вашем отчете нет ни слова о контракте!

– Ну, мало ли чего там нет! Там не сказано ни о том, например, что я ел сегодня на завтрак, ни о том, как зовут мою теперешнюю любовницу, и еще много чего!

Улыбка не сходила с лица Мэллоу.

– Я был послан туда, если процитировать ваши собственные слова, для того, чтобы смотреть на все широко открытыми глазами. Я их не закрывал. Вы хотели узнать, что случилось с пропавшими кораблями? Я их не видел и не слышал о них ни слова. Вы хотели узнать, обладает ли Кореллия атомным оружием? Я сообщил, что, кроме ручных бластеров у телохранителей Командора, я ничего такого не заметил. Я сообщил также, что их бластеры – имперские реликвии, так что, возможно, они в нерабочем состоянии. То есть, сообщил все, что узнал и увидел.

Таким образом, ваши указания я выполнил, и я – свободный торговец. По законам Академии Мастер Торговли имеет право открывать новые рынки сбыта, где только возможно, и получать причитающуюся ему половину прибыли. Есть возражения?

Сатт сидел, уставившись в одну точку. Наконец он сказал, с трудом сдерживая раздражение:

– Но впереди торговли по обыкновению идет религия.

– Я действую в соответствии с законом, а не повинуюсь обычаям.

– Бывают времена, когда обычай превыше законов!

– В таком случае, обратитесь в суд.

Сатт мрачно взглянул па Мэллоу.

– Вы смиринаец до мозга костей. Это в вас сидит несмотря на то, что вы получили образование и бог знает сколько уже живете на Терминусе. Но все равно, послушайте меня и постарайтесь понять.

Существуют вещи поважнее денег и рынков сбыта. Существует наука, созданная великим Гэри Селдоном, согласно которой от нас зависит будущее Галактики, будущее новой Империи, и мы не можем свернуть с пути, ведущего нас вперед. А религия – наш мощный инструмент.

Именно благодаря ей мы подчинили себе Четыре Королевства, причем тогда, когда у них была полная возможность разделаться с нами. На сегодняшний день мы не располагаем более мощным средством воздействия на человеческие души и миры.

Именно религия была причиной распространения торговли и появления торговцев,

которые должны были не просто торговать, но внедрять нашу религию, а посредством ее – и принципиально новую технологию, и в корне иную экономику.

Он остановился, чтобы набрать воздуха, но Мэллоу небрежно прервал его:

– Можете не тратить слов. Я все это прекрасно знаю.

– Знаете? Трудно поверить. Но если вы действительно это знаете, то не можете не согласиться с тем, что ваши отношения с Кореллией – это торговля ради торговли. В условиях массового производства дорогих безделушек, продажа которых окажет лишь поверхностное воздействие на галактическую экономику, в условиях, когда в межзвездной политике воцарится идол прибыли, когда атомная энергетика уйдет из-под контроля религии, мы будем отброшены назад, отказавшись от той политики, которой с таким успехом пользуемся уже целое столетие!

– Я считаю, что это слишком долго, – вставил Мэллоу, – для политики безнадежно устаревшей и порочной. Обратите внимание: как бы вы ни гордились своими успехами в захвате Четырех Королевств, больше ни одно государство на Периферии не приняло вашей пресловутой политики! Уже в те времена, когда удалось завоевать Четыре Королевства, нашлись злые языки, которые разнесли по белу свету мольбу о том, как Сальвор Гардин воспользовался религией и людскими предрассудками, чтобы лишить светских монархов силы и независимости. Когда этого было недостаточно, вы поступали так, как поступили с Асконом двадцать лет назад. И теперь на Периферии просто не осталось правителя, который не согласился бы скорее удушить себя собственными руками, чем позволить миссионеру из Академии проникнуть на свою территорию!

Поэтому, Сатт, я не собираюсь навязывать ни Кореллии, ни любому другому государству то, чего они не хотят. Если наличие у них атомного оружия делает их опасными соседями, то не проще ли установить с ними дружеские отношения через торговлю, чем ставить их в зависимость от чужой церковной власти? Ведь стоит такому владычеству ослабнуть хоть немного, как оно рассыплется в прах, не оставив после себя ничего, кроме вечного, нескончаемого ужаса и ненависти!

– Неплохо излагаете, – едко парировал Сатт. – А теперь давайте начнем сначала. Каковы ваши условия? Что вы хотите за то, чтобы ваши убеждения остались при вас?

– А вы полагаете, они продаются?

– А почему бы и нет? По-моему, это вполне в вашем духе – покупать и продавать!

– О, только с прибылью! – спокойно отозвался Мэллоу. Похоже было, что укол Сатта цели не достиг. – Вы можете предложить мне больше, чем у меня есть?

– Могу. Я предлагаю вам получать три четверти прибыли от сделок вместо половины.

Мэллоу коротко рассмеялся:

– Недурно. Но, к сожалению, то, что я выручу от торговли на ваших условиях, не составит и десятой части того, что я выручаю сам. Что вы можете предложить еще?

– Вы... могли бы получить кресло в Совете!

– А я его так и так получу, без вашей помощи.

Сатт наклонился вперед и резко схватил Мэллоу за руку.

– Вы можете спасти себя от тюрьмы! От двадцати лет заключения! Не согласитесь – уж я постараюсь, будьте уверены! Выгодно это вам?

– Не очень. А в чем, собственно, вы собираетесь меня обвинить?

– В убийстве!

– В убийстве? – с нескрываемым удивлением воскликнул Мэллоу.

– В убийстве анакреонского священника, посланца Академии.

– Вот как? И какие у вас доказательства?

Секретарь мэра прошипел в самое ухо Мэллоу:

– Мэллоу, я не шучу! Хватит, поговорили! Предварительное следствие уже закончено. Мне осталось подписать последнюю бумагу, и начнется процесс, на котором истцом будет Академия, а ответчиком – Хобер Мэллоу, Мастер Торговли. Вы бросили, гражданина Академии на произвол судьбы, отдали на растерзание и смерть, отдали его на поругание варварской толпе! Мэллоу, я даю вам пять секунд. У вас есть возможность уйти от возмездия. Что до меня, то лучше бы оно вас настигло – вы меня устраиваете больше как поверженный враг, а не как сомнительный друг! Да, лучше бы вы оказались за решеткой!

Мэллоу улыбнулся:

– Это ваше личное дело. Хотеть, как говорится, не запретишь.

– Прекрасно! – криво улыбнулся секретарь мэра. – Я так и думал. Это мэр предложил мне попробовать уговорить вас. Иначе я с вами и разговаривать бы не стал!

Дверь распахнулась. Сатт ушел не простишись.

Из соседней комнаты вышел Анкар Джээль.

– Ну, все слышали? – с улыбкой спросил его Мэллоу.

Джээль был обескуражен не на шутку.

– Никогда не видел его таким бешеным, – пробормотал он.

– Да ладно. Каковы ваши выводы?

– Выводы вот какие: внешняя политика, основанная на религиозном давлении, – это его «идефикс», но у него есть веские основания полагать, что его конечная цель не имеет под собой никакой религиозной основы. Ведь я лишился портфеля именно из-за того, что в свое время схлестнулся с ним именно по этому поводу. Вам бы я мог и не объяснять.

– Конечно. И какова же, по-вашему мнению, его конечная цель?

Улыбка сошла с лица Джээля. Он ответил серьезно:

– Ну... он неглуп, поэтому должен сам осознавать провал религиозной политики, которая за последние семьдесят лет не принесла ни одной ощутимой победы. Не исключено, что он использует религию в собственных интересах.

Видите ли, всякая догма, изначально основанная на слепой вере и эмоциях, – опасное оружие. Это та самая яма, которую роешь другому, но не имеешь гарантии, что сам не окажешься там. Вот уже сто лет мы стараемся сохранить ритуалы и мифологию, которые давным-давно дышат на ладан. Они безнадежно устарели, утратили действенность и гибкость. Да и сама религия...

– Ну? – поторопил его Мэллоу. – Не останавливайтесь! Мне крайне важна ваша точка зрения!

– Ну представьте себе, что найдется какой-нибудь человек, в достаточной степени амбициозный, который возьмет да и обратит силу религии против нас.

– Вы хотите сказать, что Сатт...

– Именно это я и хочу сказать. Если ему удастся объединить всю церковную иерархию на соседних планетах и поднять ее против Академии – исключительно из соображений сохранения чистоты веры, к примеру, – каковы будут наши шансы? Он ведь преспокойненько может объявить крестовый поход против ереси, к примеру – в вашем лице, и стать монархом на веки вечные! В конце концов, не сказал ли однажды Гардин: «Бластер – штука хорошая, но направить его можно в любую сторону!»

Мэллоу почесал голую пятку.

– Ладно, Джээль, вы мне только место в Совете добудьте, а уж я с ним разберусь.

После короткой паузы Джээль задумчиво проговорил:

– Победа может оказаться и не за вами. Что это за история с убийством священника? Вранье, конечно?

– Чистая правда, – беспечно отозвался Мэллоу.

Джээль присвистнул.

– Что, у него могут быть доказательства?

– Запросто. Дело в том, что Джейм Твер с самого начала работал на Сатта, хотя ни он сам, ни Сатт не догадывались, что я об этом знаю. А Твер видел все собственными глазами.

– Вот оно что... – протянул Джээль. – Плоховато...

– Это почему же? Священник находился в Кореллии нелегально – даже по законам Академии. К тому же не исключено, что кореллиансское правительство использовало его –вольно или невольно – как заложника. По всем законам здравого смысла у меня не было другого выбора. К тому же мой выбор полностью соответствовал официальным законам. Если он станет со мной судиться, он только того и добьется, что сам предстанет в совершенно дурацком свете, и больше ничего.

Джээль покачал головой:

– Нет, Мэллоу, дело не в этом. Я же говорил вам, что Сатт способен на грязные игры.

Даже если ему не удастся засадить вас за решетку, он может повредить вашему общественному положению. Он же сказал: «Обычаи порой превыше законов!» Вы можете спокойно выйти из зала суда победителем, но, когда народ узнает, что вы бросили миссионера на съедение кореллианским собакам, ваша популярность полетит ко всем чертям!

Нет, они поймут, что вы действовали в рамках закона, и все такое прочее. Но все равно, в их глазах вы останетесь трусом, предателем, бессердечным чудовищем. Вот тогда-то вам придется навсегда расстаться с мыслью о месте в Совете! Вы можете даже лишиться титула Мастера Торговли. Вы же – иноземец. А что еще нужно Сатту?

– Так!!! – выдавил Мэллоу.

– Мальчик мой, – грустно сказал Джайл. – Я буду на вашей стороне, но помочь вряд ли сумею. Вы – под прицелом.

14

Зал заседаний Совета был битком набит в самом прямом смысле слова. Шел четвертый день суда над Хобером Мэллоу, Мастером Торговли... В Президиуме не хватало только одного советника – того, кто предал его. Зрители, не сумевшие пробиться в зал, до отказа заполнили боковые галереи. Прочие толпились на площади перед зданием Совета, наблюдая за ходом процесса на трехмерных экранах внешних видео.

Анкор Джайл не без труда пробрался на свое место. Полицейские расталкивали зрителей, освобождая ему путь. Наконец он оказался у скамьи подсудимых, где сидел Мэллоу.

Мэллоу оглянулся, увидел Джайля и облегченно вздохнул.

– Слава богу, вы поспели как раз вовремя. То, что я просил, у вас?

– Вот, возьмите. Здесь все, что вы хотели.

– Отлично. Что там на улице?

– Они просто осатанели. Не стоило вам соглашаться на открытое слушание!

– Все нормально. Именно это мне и нужно.

– Да они вас четвертовать готовы. А на других планетах люди Манлио...

– Вот-вот! Как раз об этом я и хотел узнать! Он обрабатывает там священников?

– Обрабатывает? Не то слово! Ситуация просто немыслимая. Как секретарь по иностранным делам он все прокручивает на основании межпланетных законов. А как Первосвященник и Примас Церкви он поднимает толпы фанатиков...

– Так. Все ясно. Помните присказку Гардина про бластер? Вот сейчас мы ее и продемонстрируем на примере...

Мэр занял свое место в президиуме, советники почтительно привстали...

Началось дневное слушание дела, и через пятнадцать минут Хобер Мэллоу, сопровождаемый враждебным шепотком зрителей, вышел на свободное пространство перед скамьей мэра. Проходя мимо Джайля, он шепнул:

– Вот и моя очередь. Смотрите и слушайте.

Мэллоу стоял, озаренный одиноким лучом света. На экранах уличных, домашних видеотелефонов во всех уголках Терминуса и соседних планет люди видели одно и то же: могучую мужскую фигуру в луче беспощадного света.

Мэллоу начал легко и спокойно:

– Чтобы понапрасну не тратить времени, я заявляю, что полностью признаю высказанные против меня обвинения. Случай с миссионером был изложен абсолютно точно.

В партере зашептались, с галерки донесся победный рев. Мэллоу спокойно ждал, когда восстановится тишина.

– Однако, – продолжал он, – в картине недостает некоторых деталей. Прошу предоставить мне возможность ее уточнить. Поначалу мой рассказ может показаться не имеющим никакого отношения к делу, и поэтому прошу вашего благосклонного терпения и внимания.

Мэллоу продолжал, даже не заглядывая в лежащие перед ним записи:

– Я позволю себе начать с того же момента, с какого начато обвинение. То есть с момента моей встречи с Джораном Саттом и Джеймом Твером. О чем тогда шла речь, вам известно. Содержание бесед было передано точно, и мне нечего к этому добавить, кроме того, о чем я сам

размышлял в те дни.

А поразмышлять было о чем. В те дни происходили странные вещи... Например: двое людей, с каждым из которых я едва знаком, делают мне непонятные предложения. Первый из них, секретарь мэра, предлагает мне сыграть роль правительственного шпиона по совершенно секретному делу, суть и важность которого вам уже известна. Другой, лидер политической партии, предлагает мне баллотироваться в Совет.

Конечно, естественно было задуматься о мотивах их предложений. Похоже, Сатт не доверял мне с самого начала. Не исключено, что он серьезно думал, будто я продаю врагам атомное оружие и вынашиваю планы мятежа. Возможно, он просто хотел ускорить события. В такой ситуации ему был нужен человек, который отправился бы туда со мной как наблюдатель. Эта мысль пришла ко мне чуть позже, когда на сцене появился Джейм Твер. Обратите внимание: Джейм Твер представился мне бывшим торговцем, ушедшим в политику. Надо сказать, мне до сих пор так и не удалось выяснить подробностей его торговой карьеры, хотя моя информированность в этой области достаточна широка. Даже: Твер утверждает, что получил светское образование, но оказывается, никогда не слышал о том, что такое «Селдоновский кризис»!

Хобер сделал паузу, подождал, пока его слова дойдут до зрителей. На галерке раздался дружный вздох изумления. Удивленно ахнули и все жители Терминуса. На соседних планетах, куда транслировался усеченный вариант процесса, этой фразы не услышали. Там не должны были знать о селдоновских кризисах. Но и для них у Мэллоу было кое-что в запасе...

Он продолжал:

– Кто из присутствующих здесь может, положа руку на сердце, утверждать, что человек, получивший светское образование, мог не слышать о селдоновском кризисе? Существует единственный тип образования, не предусматривающий никаких упоминаний о природе и сути селдоновских кризисов и представляющий самого Гэри Селдона как полумифического чародея...

Я сразу догадался, что Джейм Твер – никакой не торговец, а священник, и все то время, когда он якобы возглавлял вымышленную партию торговцев, он просто-напросто работал на Джорана Сатта.

Сначала я действовал вслепую. Я не знал наверняка, какие цели преследует Сатт относительно меня, но поскольку он сделал вид, что предоставляет мне полную свободу действий, я решил этим воспользоваться. Я уже говорил о своих предположениях относительно того, что Твер был подослан ко мне Саттом. Мне было ясно, что дело этим не кончится. Вот я и пригласил его отправиться со мной. Когда знаешь о ком-то, что он враг, он становится гораздо менее опасен. Твер согласился лететь.

Эти факты,уважаемые члены Совета, проливают свет как минимум на два момента. Во-первых, я доказал, что Твер не является моим добрым знакомым, который свидетельствует против меня исключительно из соображений совести, как пытались утверждать обвинение. Он – шпион, которому платили за работу. Во-вторых, этим объясняются некоторые мои поступки в тот момент, когда я впервые увидел миссионера, которого потом якобы послал на смерть.

Советники зашептались. Мэллоу театрально откашлялся и продолжал:

– Мне очень тяжело описывать чувства, охватившие меня, когда я услышал, что на борту моего корабля – миссионер. Сначала я решил, что это проделка Сатта. На трезвую оценку ситуации времени у меня не было. Я, мягко говоря, был просто обескуражен.

И предпринять в тот момент я мог только одно. На пять минут я избавился от Твера, послав его за офицерами. Пока его не было, я успел включить видеокамеру, чтобы все, что ни случилось, оценить впоследствии трезво.

С тех пор я просмотрел видеозапись не менее пятидесяти раз. Она у меня с собой, и, если вы не возражаете, давайте взглянем на нее все вместе.

Публика взревела, многие повскакали со своих мест. Мэр унылым, монотонным баритоном призвал зал к порядку. В пяти миллионах квартир на Терминусе люди придвигнулись поближе к экранам, а со скамьи обвинения Джоран Сатт нервно кивнул взволнованному первосвященнику.

Центр зала очистили от публики, огни медленно погасли. Анкор Джаэль, сидевший справа

от пульта, закончил необходимые приготовления. Раздался легкий щелчок, и пошла цветная, объемная видеозапись...

И все увидели испуганного, истерзанного миссионера, стоявшего между лейтенантом и сержантом, и Мэллоу, который молча ожидал, когда соберутся офицеры. Тех привел Твер.

Началась беседа. Был отчитан лейтенант, были заданы вопросы миссионеру. Послышались вопли собравшейся у корабля толпы кореллианцев. Преподобный Парма стал взвывать к милости. Мэллоу поднял бластер, а миссионер, которого поволокли прочь из каюты, воздел руки к небесам в последнем проклятии. При этом что-то резко вспыхнуло и погасло. Даже последовала немая сцена: офицеры, замершие от ужаса, Твер, зажавший руками уши, Мэллоу, спокойно опустивший бластер...

Дали свет. В зале стояла гробовая тишина. Мэллоу, живой, теперешний Мэллоу, продолжал свой рассказ:

— Как видите, внешне все происходило именно так, как было изложено представителями обвинения. Позволю себе, однако, краткое замечание. Поведение Джейма Твера на протяжении всего инцидента подтверждает, что он действительно получил религиозное образование.

В тот же день я указал Тверу на кое-какие странности в случае с миссионером. Я спросил его, откуда, по его мнению, мог взяться миссионер в том практически безлюдном районе Кореллии, где находился космопорт. Спросил его и о том, откуда взялась гигантская толпа народа, когда ближайший населенный пункт находится не менее чем в ста милях от космопорта. На эти моменты следствие, кстати, никакого внимания не обратило.

Отмечу еще кое-что. Например, у меня вызывала серьезные сомнения сама личность преподобного Джорда Пармы. Миссионер из Академии, рискующий жизнью, нарушая как наши, так и кореллианские законы, разгуливает по планете в новенькой, с иголочки, сутане, не оставляющей никаких сомнений в том, что он — священник. Что-то тут было не так. Тогда я предположил, что миссионер — невольный соратник Командора, пытающегося использовать его для провокации военного конфликта.

Следствие обошло стороной тот момент, что уже одним только этим могли быть оправданы мои действия. Мне пытались доказать, что безопасность корабля, команды, выполнение данного мне задания не стоили жизни одного человека, в то время как его все равно бы убили — с нашей помощью и без нее. Мне говорили общие фразы о «честь» Академии, которую я должен был сохранить во имя нашего «доброго имени».

По непонятной мне причине следствие совершенно отказалось от выяснения личности самого Джорда Пармы. Не было представлено никакой информации о нем — где родился, где учился, и тому подобное. А это очень важно, и именно этим и могут быть объяснены многие неувязки в инциденте.

Следствие не представило никакой информации о личности Джорда Пармы по одной простой причине. Оно не могло ее представить. Никакого Джорда Пармы нет и никогда не существовало! Из вышеизложенного следует, что судилище надо мной является грандиозным фарсом, сфабрикованным по делу, которого на самом деле не существует.

Мэллоу пришлось сделать паузу и подождать, пока взбудораженный зал затихнет. Когда вновь стало тихо, он спокойно продолжил:

— Мне хотелось бы, господа, еще на несколько минут задержать ваше благосклонное внимание на одном-единственном кадре видеозаписи. Он скажет сам за себя. Прошу вас, Джээль!

Огни погасли. В пустом пространстве посреди зала вновь возникли фигуры участников событий на Кореллии — призрачная, восковая иллюзия. Офицеры, замершие в страхе. Бластер в руке Мэллоу. Слева — преподобный Джорд Парма, в отчаянии воздевший руки к небесам. Упавшие рукава сутаны обнажили его худые руки по локоть... От предплечья миссионера исходило непонятное неяркое свечение, которое при предыдущем просмотре записи выглядело короткой вспышкой.

— Обратите внимание на свечение, идущее от руки миссионера, — раздался в темноте спокойный голос Мэллоу. — Джээль, дайте увеличение!

Последовал ряд щелчков, и в воздухе не осталось ничего, кроме увеличенной во много раз руки миссионера.

Свечение исходило из трех букв – «КТП».

– Это, – разорвал темноту и тишину голос Мэллоу, – особая разновидность татуировки, джентльмены. При обычном освещении она не видна, и сейчас мы видим ее только потому, что во время записи моя каюта освещалась и ультрафиолетом. Должен признать, это исключительно примитивный способ идентификации агентов, но в Кореллии, где в свете нет ультрафиолета, он работает просто превосходно. Даже на нашем корабле это было замечено случайно.

Может быть, присутствующие уже догадались, что обозначают эти три буквы – «КТП»? Джорд Парма неплохо владел лексиконом священника и сыграл свою роль превосходно. Где он этому научился, трудно судить, но «КТП» означает: «Кореллианская Тайная Полиция».

Дальше Мэллоу пришлось до предела напрячь голосовые связки, чтобы перекричать взревевший зал...

– Последнее я могу доказать с помощью ряда документов, привезенных из Кореллии, которые, если возникнет необходимость, я готов передать Совету.

Так позвольте же спросить, господа, где же тогда состав преступления? Мне было повторено десятки раз, что я должен был всеми силами стараться спасти жизнь миссионера вопреки законам, пожертвовать своей миссией, кораблем и самим собой ради «чести» Академии. Ради кого – шарлатана, шпиона, мошенника? Ради тайного агента кореллианской разведки, облачившегося в священную сутану, разглагольствовавшего на языке благочестивого служителя веры, который он выучил где-нибудь на задворках Анакреона? Должны ли были Джоран Сатт и Публис Манлио заводить меня в эту подлую и мерзкую западню?..

Голос его потонул в реве публики. Зрители рванулись к Мэллоу, подняли его на руки и поднесли к креслу мэра. Через раскрытые настежь окна ему было видно, как к площади бегут новые и новые тысячи горожан...

Мэллоу оглядывался по сторонам и искал взглядом Анкора Джээля, но так и не смог отыскать его. Постепенно беспорядочные крики толпы переросли в ритмичное скандирование. Могучий хор повторял одно и то же: «Слава Мэллоу! Сла-ва Мэл-лоу! Сла-ва Мэл-лоу!»

15

Анкор Джээль и Мэллоу уже две ночи напролет не смыкали глаз. Джээль устало моргал воспаленными веками.

– Мэллоу, – хрипло проговорил он, – вы устроили превосходный спектакль, но теперь главное – не смазать финал. Не стоит залетать слишком высоко. Неужели вы всерьез подумываете о должности мэра? Энтузиазм толпы, конечно, великая вещь, но и она способна подвести.

– Естественно, – угрюмо отозвался Мэллоу. – Поэтому нам не остается ничего другого, как потакать толпе. И лучший способ для этого – дать второе действие спектакля.

– Господи, что еще?

– Вы должны арестовать Публиса Манлио и Джорана Сатта.

– Что?

– То, что слышали. Заставьте мэра арестовать их! Мне абсолютно все равно, какими методами вы этого добьетесь. Толпу я беру на себя – по крайней мере, на сегодня. Мэр побоится выступить против воли народа.

– Но на каком основании?

– Основание совершенно очевидное. Они настраивали священников соседних планет против Академии. По Селдону это противопоказано. Обвините их в том, что они ставили под удар государственную безопасность. Большего, думаю, не потребуется. Мне они надоели до смерти, и я не хочу, чтобы они у меня перед глазами мельтешили, пока я еще не мэр.

– Но... до выборов еще полгода!

– Не так уж много. – Мэллоу встал, подошел к Джээлю и крепко сжал его руку повыше локтя. – Послушайте, если мне будет нужно, я могу силой захватить власть – так, как это сделал Сальватор Гардин сто лет назад. Селдоновский кризис никуда не делся. Он неуклонно надвигается, и к тому времени, когда приблизится вплотную, я должен быть мэром и...

первосвященником! Да не смотрите вы так! Именно – и тем и другим!

Джаэль нахмурился.

– Кто же на этот раз? – спросил он обреченно, – Неужели Кореллия?

– Конечно, – кивнул Мэллоу. – Они обязательно объянят нам войну. Но не сейчас. Года через два.

– У них что, есть ядерный флот?

– А вы как думали? Те три торговых корабля, что пропали без вести в их секторе, были сбиты не пневматическими пистолетами! Джаэль, они получают корабли из самой Империи. Что вы рот раскрыли? Из Империи, говорю я вам! Она все еще существует. На Периферии ей действительно пришел конец, но в центре Галактики она еще вполне жива! И один-единственный неверный шаг может привести к тому, что она сядет нам на шею. Вот почему мне необходимо стать мэром и первосвященником! Я – единственный человек, кто знает, как вести себя во время нового кризиса.

Джаэль сглотнул слюну.

– Что вы собираетесь делать? – шепотом спросил он.

– Ничего.

Джаэль нервно улыбнулся:

– Как – ничего?

Мэллоу решительно ответил:

– Когда я стану хозяином Академии, я собираюсь не делать ничего. На сто процентов ничего. В этом и есть секрет нового кризиса.

16

Аспер Арго, Горячо Возлюбленный, Командор Кореллианской Республики, приветствовал свою супругу сердитым взглядом из-под нахмуренных бровей. Он прекрасно знал, что пышный эпитет после его имени для нее не значил ровным счетом ничего.

Голосом жидким, как ее волосы, и холодным, как ее глаза, она произнесла:

– Мой благородный господин и повелитель, как я понимаю, наконец решил судьбу Академии?

– Хм! – притворно удивился Командор. – А что еще понимает моя прозорливая госпожа и супруга?

– Много чего, мой супруг и повелитель! У тебя было важное, очень важное совещание с твоими тупоголовыми советниками. Хороши помощнички! Сборище малахольных идиотов, которые только и думают как урвать куш пожирнее, не заботясь о том, как это поправится моему отцу!

– И кто же, моя бесценная, служит источником столь важной информации, на основании которой ты делаешь свои изумительные выводы?

Командорша хихикнула:

– Ага! Так я тебе и сказала. Чтобы источник стал покойничком? Держи карман шире!

– Ну, моя прелесть, ты, как всегда, вольна поступать, как тебе заблагорассудится, – лениво ответил Командор и отвернулся. – А что касается твоего отца... то у меня есть подозрение, что он просто-напросто не желает присыпать нам больше кораблей.

– Еще кораблей? Ну, нахал! Разве он не прислал тебе уже целых пять штук? Не отпирайся! Я знаю, что прислано пять, а шестой обещан.

– Уже год, как обещан.

– Но тебе же хватит одного – одного, ты слышишь? – для того чтобы разодрать в клочки эту Академию. Одного! Одного корабля хватит, чтобы обратить в пыль и прах никчемные, карликовые звездолетики!

– Но не могу я атаковать их планету, будь у меня даже дюжина кораблей!

– Не можешь – и не надо! Прекрати торговаться с ними. Они долго не продержатся! Сдались тебе эти побрякушки!

– Эти побрякушки означают денежки... – вздохнул Командор. – Много, много денежек.

– Но если ты захватишь всю Академию целиком, разве ты не получить в свои руки все,

что у них есть! Уже три года прошло, как тут побывал этот варвар и заморочил тебе голову – удушила бы его собственными руками! Может, хватит, а!

– Золотко мое, – устало сказал Командор, взглянув на нее через плечо. – Я уже старый. Устал я. Не могу так долго выдерживать твою трескотню. Ты сказала, что знаешь, что я решил. Да. Будет война между Кореллией и Академией.

– Отлично! – каркнула Командорша. Выпрямилась, сверкнула злыми глазами. – Наконец-то ты научился уму-разуму, хотя и поздновато, надо сказать! А теперь, когда ты станешь хозяином всей Периферии, ты станешь важной персоной и для Империи! Наконец мы сможем покинуть эту варварскую глушь и появиться при дворе вице-короля. Наконец-то!

Довольно улыбаясь, она вышла из комнаты. Дождавшись, пока за женой закрылась дверь, Командор прошел сквозь зубы:

– У-гу... Когда я стану хозяином Периферии, этой, как ты выразилась, варварской глушки, я прекрасненько обойдусь и без твоего вшивого папаши, и без ядовитого язычка его милой дочурки. Еще как обойдусь!

17

Старший лейтенант звездолета «Черная Туманность» в ужасе замер у иллюминатора кругового обзора.

– Господь Всемогущий! – хотел крикнуть он, но из горла вырвался лишь хриплый шепот:
– Что это??!!

Это был звездолет таких колоссальных размеров, что «Черная Туманность» по сравнению с ним выглядела как рыбка-лоцман рядом с китом. Борт его украшала эмблема – «Звездолет и Солнце» Империи...

На «Черной Туманности» истерически заливались все сигналы тревоги.

Приказ уже был отдан, и «Черная Туманность» была готова удирать так быстро, как только можно, или отражать атаку, если понадобится, а из зала ультраволновой связи было послано срочное сообщение в Академию.

За ним еще и еще одно... Не то крики о помощи, не то предупреждение о грозящей опасности...

18

Хобер Мэллуу поморщился и устало пошевелил затекшими ступнями. Он уже битых три часа занимался просмотром официальных отчетов. Характер его здорово смягчился за два года пребывания на посту мэра, однако он так и не проникся любовью к умопомрачительной официальщине государственных бумаг.

– Сколько кораблей они захватили? – поинтересовался Джээль.

– Четыре на стоянках. Два – черт знает где. Не сообщается. Зато все остальное – в порядке, – буркнул Мэллуу. – Можно было бы и уменьшить потери, да ладно. Комариные укусы, не больше.

Джээль молчал. Мэллуу поднял на него усталый взгляд.

– Вас что-то беспокоит?

– Хотел бы я, чтобы сейчас здесь был Сатт, – последовал совершенно неожиданный ответ.

– Чтобы мы с вами выслушали очередную проповедь о состоянии внутренних дел?

– Нет, не для этого, – откликнулся Джээль. – Ну вы и упрямец, Мэллуу! Я не отрицаю: что касается внешней политики – тут вы все проработали просто превосходно, а вот что у нас творится дома, так вас вроде и не волнует совсем!

– А разве это не ваше дело? Для чего, собственно, я назначил вас Министром Образования и Пропаганды?

– Скорее всего для того, чтобы побыстрее свести меня в могилу за все хорошее, что я сделал для вас, – мрачно пошутил Джээль. – За два года я вам все уши прожужжал о том, что Сатт и его религиозная партия становятся все более и более опасными. Куда вы денетесь с вашими грандиозными планами, если Сатт добьется досрочных выборов и вышвырнет вас к

чертовой матери?

– Никуда не денусь, вполне с вами согласен.

– А вчера вы произнесли в Совете такую речь, что просто взяли и подарили Сатту возможность потребовать досрочных выборов! Зачем вы это сделали, можно узнать?

– А как я еще мог поступить?

– Не так! – выкрикнул Джэль. – Только не так! Вы утверждаете, что все предусмотрели, но так и не объяснили, почему три года торговали с Кореллией в режиме наибольшего благоприятствования. Единственный пункт вашей военной доктрины – отступление без боя. Вы просто не желаете торговать ни с кем, кроме Кореллии. Вы открыто объявили себя взяточником. Вы не гарантируете Терминусу никакой защиты, даже в будущем. Черт подери, Мэллоу, что же вы хотите от меня в такой неразберихе?

– Вы считаете, что не хватает помпезности?

– Я считаю, что не хватает одобрения народа.

– Это одно и то же.

– Мэллоу, очнитесь! Одно из двух: либо представьте народу активную внешнюю политику, либо пойдите на компромисс с Советом.

Мэллоу спокойно ответил:

– Все верно. Если я не преуспел в первом, попробуем второе. Тем более что Сатт уже прибыл.

Сатт и Мэллоу не встречались со дня окончания процесса, то есть уже два года. Оба не обнаружили никаких перемен друг в друге, не считая того, что за это время они поменялись ролями...

Сатт сел, не пожав руки Мэллоу.

Мэллоу предложил ему сигару и спросил:

– Вы не возражаете, если Джэль останется? Он – честный человек и всей душой желает, чтобы мы достигли согласия. Кроме того, если разыграются страсти, он будет действовать как буфер.

Сатт пожал плечами.

– Компромисс – единственное, что вас сейчас устроит. Помните, Мэллоу, когда мы с вами последний раз встречались, я предложил изложить ваши условия. Видимо, теперь все будет наоборот.

– Верно.

– Мои условия таковы: вы должны немедленно прекратить осуществление своей политики экономического предательства, торговлю всякой дребеденью и вернуться к проверенной десятилетиями политике наших предков.

– Вы имеете в виду религию?

– Естественно.

– Вариантов нет?

– Нет.

– Хм-м-м...

Мэллоу спокойно, с чувством затянулся...

– Интересно все-таки получается... Во времена Гардина, когда религиозная конкиста была нова и радикальна, люди вашего толка противились ей. Теперь же, когда эта тактика безнадежно устарела, обветшала и выдохлась, вас это почему-то продолжает устраивать! Но скажите мне ради всего святого, как вы собираетесь вытащить нас из нашей теперешней неразберихи?

– Из вашей теперешней неразберихи, если уж быть до конца точным, Мэллоу. Я тут ни при чем.

– Ну ладно, будем считать, я неправильно построил вопрос.

– Академии нужна мощная защита. Вы зашли в тупик и радуетесь, а в нем кроется смертельная опасность! Наше влияние на Периферии ослабло донельзя! А там кроме силы ничего не признается. Вы должны это понимать как никто другой. Вы же смирианец!

Мэллоу сделал вид, что пропустил последнее замечание мимо ушей, и спросил:

– Ну хорошо, допустим, мы одолеем Кореллию. А что делать с Империей? Вот ведь где настоящий враг!

Уголки рта Сатта Дрогнули в усмешке.

– Да-да. Я читал ваш отчет о посещении Сивенны. Вице-король норманнского сектора жаждет захватить Периферию. Но это только часть дела, как я понимаю, и не самая главная. Не думаю, что он собирается ставить на карту все, что у него есть. У него наверняка хватает дел и поближе. Как и у самого Императора, кстати. Фактически я перефразировал слова из вашего собственного отчета.

– Да, Сатт, все именно так и может обстоять, если только он считает нас достаточно сильными и опасными. В этой мысли его легко убедить, применив против Кореллии грубую силу. Но мне кажется, что нам следует проявить гибкость.

– То есть? Например?

Мэллоу откинулся на спинку кресла.

– Сатт, я даю вам шанс. Вы мне, честно говоря, не нужны, но я честно и откровенно говорю вам, что не прочь вас использовать. Поэтому рассказываю вам о истинном положении дел, а вы решайте – присоединяетесь ко мне и получаете портфель в коалиционном правительстве или играете в «крестики-нолики» в тюремной камере.

– Однажды вы мне уже угрожали подобным образом.

– Да, пытался. Но так, слегка... А теперь слушайте.

Глаза Мэллоу сузились...

– Тогда, два года назад, побывав в Кореллии, я подкупил Командора, – начал он, – обычным набором безделушек, которым пользуется в таких случаях каждый торговец. Поначалу это нужно было исключительно для того, чтобы проникнуть на сталеобрабатывающий завод. Далеко идущих планов у меня не было, но уже тогда я разузнал, что хотел. Только после визита в Империю я понял, в какое оружие можно превратить эту торговлю.

Сатт, мы стоим перед угрозой очередного селдоновского кризиса, а селдоновские кризисы разрешаются не волевыми усилиями отдельных людей, а сочетанием исторических сил. Гэри Селдон, планируя нашу историю, рассчитывал не на блестящих героев, а на развитие экономических и социальных процессов. Поэтому разрешение кризисов должно происходить за счет тех сил, которые на данный момент времени имеются в распоряжении. В теперешней ситуации это – торговля!

Сатт скептически приподнял брови и воспользовался образовавшейся паузой.

– Вроде бы я не страдаю недостатком интеллекта, однако ваша туманная проповедь меня пока не просветила и ни в чем не убедила.

– Успеется, – кивнул Мэллоу. – Я абсолютно уверен в том, что до сих пор роль торговли недооценивалась. Все время считалось, что нам необходимо внедрять религию и держать ее под неусыпным контролем для того, чтобы торговля стала мощным оружием. Это не так! Именно это и есть мой личный вклад в общегалактическую ситуацию. Торговля без религии – сама по себе! Она и так достаточно сильна. Давайте посмотрим на вещи проще и точнее. Кореллия объявила нам войну. Соответственно, наша торговля с ней прекратилась. Но... – учтите, что я до предела упрощаю проблему, учтите, что за последние три года Кореллия поставила всю свою экономику на атомный путь, основываясь на технологиях, которые мы ей поставляли. Как вы думаете, что произойдет теперь, когда все это начнет постепенно выходить их строя – реакторы, генераторы, машины?

Первыми заглохнут бытовые приборы. Через полгода у каждой домохозяйки перестанет работать такой удобный и любимый атомный нож. Перестанет жарить мясо ее драгоценная атомная духовка. Выйдет из строя очаровательный душ, стиральная машина. Кондиционер заглохнет в самый жаркий день. Что из этого следует?

Он замолчал, ожидая ответа. Ответ последовал:

– Да ничего не следует. Людям многое приходится переносить, когда идет война.

– Правильно. Приходится. Многое приходится переносить, посыпая сыновей на жуткую смерть в разбитых звездолетах, погибая под бомбами врага. Все это можно перенести, даже если придется перебиваться на сухом хлебе и сырой воде в пещерах! Но безумно трудно

пережить даже самые маленькие лишения, когда патриотического подъема нет! Вот это будет тупик! Ведь не будет ни битв, ни бомбардировок, ни осады.

А будет вот что: нережущий нож, холодная духовка, дом, замерзающий посреди суровой зимы. Это будет раздражать обывателей, и в конце концов народ заропщет!

Сатт медленно, удивленно проговорил:

— И вы всерьез ставите на это? Чего вы ждете? Бунта домохозяек? Новой Жакерии? Восстания мясников и зеленщиков, потрясающих тупыми топорами и капустными сечками и скандирующих: «Верните нам наши автоматические-самые-лучшие-атомные-стиральные машины!»?

— Нет, сэр, — прервал его Мэллоу. — Я рассчитываю не на это. Я рассчитываю на общее недовольство, на фоне которого может разыграться недовольство гораздо более крупных фигур.

— Каких крупных фигур?

— Производителей, Сатт. Фабрикантов, промышленников Кореллии. У них тоже будет масса поводов для недовольства. Они-то чем лучше домохозяек и мясников? Начнут выходить из строя станки, от первого до последнего сконструированные по весьма специфическим проектам. Задохнется тяжелая индустрия.

— Да, но работали же там фабрики и заводы до вашего визита, Мэллоу?

— Работали, Сатт. В одну двадцатую от теперешней мощности. А во что обойдется обратная конверсия, вы посчитали? Сколько продержится Командор, если против него восстанут промышленники, финансисты и все население Кореллии?

— Сколько угодно, если сумеет получить новую атомную технику из Империи.

Мэллоу весело рассмеялся:

— А вот и проиграли, Сатт! Проиграли вместе с Командором. И ни черта не поняли. Ничегошеньки они от Империи не получат. Империя всегда страдала гигантоманией. Они там мыслят не иначе как в планетарном, межзвездном масштабе. Их генераторы — громадины, колоссы! Так и были задуманы.

А мы — мы, крошечная Академия, маленький мир, не имеющий источников добычи металлов, всегда были страшно экономны. Мы просто вынуждены были производить генераторы размером с мизинец — большей роскоши мы не могли себе позволить. Нам пришлось разрабатывать новые методики, новые технологии, о которых в Империи никто и не помышляет. Регресс науки там настолько очевиден, что ни о каком движении научной мысли вперед не может быть и речи.

Они могут закрыть защитными полями целые города, планеты, планетарные системы, но так и не додумались до создания индивидуального защитного поля. Для освещения и обогрева городов у них стоят генераторы в шесть этажей высотой — я их видел собственными глазами, а наши могут спокойно уместиться вот в такой комнате. А когда я показал одному из их специалистов по атомной энергетике свинцовый контейнер с орех величиной, в котором находился атомный генератор, он чуть на тот свет не отправился от удивления! Да и в собственных гигантах они уже ничего не смыслят. Машины работают автоматически, профессия технолога передается по наследству, и я знаю, что эти горе-специалисты будут совершенно беспомощны, если одна-единственная D-трубка выйдет из строя!

Таким образом, война произойдет между двумя системами — между Империей и Академией, между большим и малым. Для того чтобы обрести власть над Галактикой, они отправятся в путь на громадных звездолетах, которые годятся для войны, но не имеют никакого отношения к экономике. Мы же, со своей стороны, оперируем маленькими вещицами, совершенно никчемными с военной точки зрения, но абсолютно бесценными в плане процветания и благополучия.

Вице-король и Командор выберут первое — эти здоровенные корабли и начнут воевать. Мало ли было в Истории случаев, когда деспотичные монархи жертвовали благополучием своих народов, ставя перед собой наполеоновские цели? Но в жизни, повседневной жизни, гораздо большее значение имеют малости. И Аспер Арго не устоит против экономического кризиса, который через два-три гола раскрутится в Кореллии.

Сатт стоял у окна, повернувшись спиной к Мэллоу и Джайлзу. Наступал вечер. В небе загорелись первые звезды. Где-то далеко-далеко отсюда находились останки Галактической

Империи, объявившей войну Академии.

Сатт прощедил сквозь зубы:

- Нет. Вы – не человек.
- Вы мне не верите?

– Я вам не доверяю. У вас язык без костей. Вы меня обвели вокруг пальца еще тогда, когда я думал, что вы полностью в моей власти, когда впервые отправились в Кореллию. И тогда, когда я думал, что уж точно загнал вас в угол на суде, вы развели демагогию и уселились в кресло мэра. В вас нет ни капли честности, прямоты, ни одного мотива для действия, за которым не прятался бы другой, вы не говорите ни слова, которое не имело бы меньше трех смыслов.

А вдруг вы предатель? А вдруг вам обещали помочь и поддержку во время вашего визита в Империю? Вы бы действовали именно так, как сейчас. Вы как раз и начали бы войну после того, как до зубов вооружили врага. А потом нашли бы для этого подходящее объяснение.

– Надо понимать, компромисса не будет?

– Я хочу сказать, что вам следует сойти со сцены, добровольно или нет – неважно!

– Сатт, я предупреждал вас о том, какой у вас выбор.

Лицо Сатта побагровело, и он рявкнул:

– А я предупреждаю вас, Хобер Мэллуу из Смирны, что в том случае, если вы меня арестуете, события не заставят себя ждать. Мои люди ни перед чем не остановятся и будут везде говорить правду о вас, и простой народ в Академии объединится против своего чужеземного правителя! У нашего народа есть представление о собственной судьбе, которого никогда не понять смирианцу! Это и погубит вас!

Хобер Мэллуу спокойно приказал двум вошедшим гвардейцам:

– Арестовать его. Увести.

– Это ваш последний шанс! – прохрипел Сатт.

Мэллуу, не глядя на него, погасил сигару...

После пятиминутного молчания Джээль спросил:

– Ну и что теперь?

Мэллуу отставил в сторону пепельницу и взглянул на него.

– Да, это не тот Сатт, которого я знал когда-то. Ослепший от злобы маньяк. Черт подери, как же он меня ненавидит!

– Тем более он опасен.

– Опасен? Ерунда! Он совершенно утратил здравый смысл.

Джээль угрюмо проговорил:

– Вы слишком беспечны, Мэллуу. Вы игнорируете возможность народного восстания.

Мэллуу так же угрюмо возразил:

– Джээль, раз и навсегда запомните: народное восстание невозможно!

– Вы слишком самоуверенны!

– Я уверен только в том, что существуют селдоновские кризисы и что их разрешение имеет явную историческую ценность – как во внешней политике, так и во внутренней. Есть кое-что, о чем я не сказал Сатту. Он ведь пытался и в Академии насадить ту же религию, что и в соседних мирах. Но это ему не удалось. И это верный признак того, что по схеме Селдона религия больше не нужна.

А система экономического патронажа сработала иначе. Если перефразировать знаменитый афоризм Гардина, который вы так любите, она как раз и стала тем несчастным, столько раз упомянутым бластером, который не стреляет в какую угодно сторону. То есть не стреляет вообще. При условии, что Кореллии обеспечено благополучие благодаря нашей торговле, процветаем и мы. Но оно прекратится с наступлением коммерческой изоляции внешних миров, и если кореллианские заводыстанут без наших торговцев, то станут и наши заводы.

Если Сатт предпримет революционную пропаганду, то не окажется ни одной фабрики, ни одного торгового Центра, ни одной звездолетной линии, которых я бы не держал в своих руках, которых я бы не мог раздавить в лепешку. Там, где его пропаганда приносит успех или даже теоретически может его иметь, я обязательно строю все так, что экономика развалится. А там,

где не сработает, процветание продолжится, потому что штат моих заводов укомплектован полностью.

Основываясь на тех же выводах, которые придают мне уверенность, что кореллианцы решат в пользу благополучия, я считаю: мы не станем восставать против. Игра будет сыграна до конца.

— Затем, — вставил Джээль — вы установите плутократию. Вы превратите нас в страну торговцев и коммерческих королей. А что потом?

Мэллоу поднял мрачное лицо и свирепо сказал:

— Какое мне дело? Не сомневаюсь, что Селдон предвидел и подготовил будущее. Начнутся новые кризисы, когда власть денег окажется такой же мертвой силой, какой сейчас является религия. Пусть мои последователи решат новые проблемы, как я решил сегодняшнюю.

Кореллия — ...После трех лет войны, которая, безусловно, явилась самой мирной из известных войн, Республика Кореллия безоговорочно капитулировала, и Хобер Мэллоу занял место рядом с Гори Селдоном и Сальвором Гардином в сердцах народа Академии.

Галактическая энциклопедия

Айзек Азимов Академия и Империя

Пролог

Галактическая Империя умирала...

Это была грандиозная Империя, в которую входили миллионы звездных миров от края до края колоссальной спирали Млечного Пути. Упадок ее, как и ее размеры, был грандиозен и долг.

Он продолжался уже несколько столетий к тому времени, когда один-единственный человек понял это. Этим человеком был Гэри Селдон. Именно ему удалось пролить свет на то, что совершилось в те дни. Он развел и привел к высотам совершенства науку психоисторию.

Психоистория в основу своих исследований положила не поведение отдельных людей, а действия крупных человеческих сообществ. С ее помощью можно было прогнозировать реакции миллиардных масс на различные стимулы с точностью, с которой любая другая наука не могла бы рассчитать траекторию движения биллиардного шара. Реакцию отдельного человека математическими методами прогнозировать практически невозможно, но реакции миллиардных масс людей такому анализу поддаются.

Гэри Селдону удалось построить графики тенденций социального и экономического хода событий. Изучив их, он предсказал устойчивый и ускоряющийся упадок цивилизации и указал на то, что промежуток хаоса и мрака до возникновения новой Империи, способной восстать из пепла и руин, займет тридцать тысячелетий.

Остановить процесс упадка было уже невозможно, но еще не поздно было попытаться сократить продолжительность периода хаоса и анархии. Селдон основал две Академии на разных концах Галактической спирали. Их местоположение было выбрано с таким расчетом, чтобы всего лишь за одно тысячелетие преодолеть период хаоса вместо тридцати, а эти два научных убежища должны были стать зародышами новой, более мощной и более гуманной Второй Империи.

В книге «Академия» (Foundation, 1951) излагается история первой из двух Академий на протяжении первых двух веков ее существования.

История первой Академии берет начало с высадки ученых-физиков на Терминусе, планете, расположенной на самом краю дальнего витка Галактической спирали. Изолированные от центра Империи, ученые работали над созданием универсального хранилища знаний человечества — «Галактической Энциклопедии», не помышляя о более важной роли, уготованной им покойным Гэри Селдоном.

Империя загнивала, и отдельные провинции оказались в руках новоиспеченных «независимых» королей. Они угрожали Академии. Однако, умело восстанавливая каждого из опереточных правителей против остальных, Академия, под руководством своего первого мэра, Сальвора Гардина, сохраняла зыбкое равновесие. Будучи монопольным владельцем секрета производства атомной энергии среди миров, утративших научные знания и вернувшихся к таким примитивным источникам энергии, как уголь и нефть, Академия сумела добиться перевеса сил в свою сторону.

Впоследствии Академия развила обширнейшие торговые связи с Периферией, а издательство Энциклопедии отошло на второй план. Торговцы из Академии, поставлявшие в соседние миры уникальные по своей компактности и удобству атомные приспособления, которые не производились в Империи даже в ее лучшие дни, отправлялись с товарами за сотни световых лет от Академии, по всей Периферии Галактики.

Во времена правления Хобера Мэллоу, первого из Торговых Королей Академии, была успешно применена тактика экономической блокады в войне с республикой Кореллия, несмотря на то что этот мир получал помощь и поддержку от одной из внешних провинций полуразрушенной Империи.

К концу второго века своего существования Академия стала одним из могущественнейших государств Галактики, за исключением останков Империи, которые сконцентрировавшись в средней трети Млечного Пути, все еще держали под контролем три четверти населения и богатств Галактики.

Не было никаких сомнений в том, что ближайшей угрозой безопасности Академии будет последний взрыв агонии умирающей Империи.

Наставало время для решающей схватки между Академией и Империей...

Часть первая Генерал

Глава первая В поисках волшебников

Бел Риоз – ...Завремя своей относительно короткой карьеры Риоз заработал титул «Последнего Империалиста» – и не зря. Изучение отчетов о его боевых операциях ставит его как стратега в один ряд с Пюрифуа и показывает, что он превосходил последнего по таланту обращения с подчиненными. То, что он родился в дни заката Империи, лишило его возможности сравняться с Пюрифуа в масштабах военных завоеваний. Такой шанс у Риоза появился, когда он, первый из имперских генералов, столкнулся лицом к лицу с Академией...

Галактическая энциклопедия⁷

Бел Риоз ехал без эскорта, что было явным нарушением дворцового этикета и к тому же весьма небезопасно для командующего флотом, оккупировавшим неспокойную звездную систему Галактической Империи.

Но Бел Риоз был молод и полон сил – поэтому именно его сочли наилучшей кандидатурой для того, чтобы послать чуть ли не на край Вселенной. Сановники Императора были люди малоэмоциональные и исключительно расчетливые, но любопытные. Именно любопытство, подогреваемое странными, невероятными рассказами, перевираемыми, обрастающими немыслимыми подробностями при передаче из уст в уста, и руководило особами, приближенными к Императору, а отсутствие воображения и трезвый расчет заставляли их всюду подозревать военную угрозу. Все это вместе взятое и было причиной присутствия здесь

⁷ Все цитаты из Галактической Энциклопедии взяты из 116 Издания, опубликованного в 1020 году А. Э. Компанией по издательству Галактической Энциклопедии, Терминус, с разрешения Издательства.

Бела Риоза.

Он вышел из разболтанного, дребезжащего такси у обшарпанного особняка. Глазок фотоэлемента на двери загорелся, но открыл ее сам хозяин.

— Я — Риоз.

— Я узнал вас, — без тени удивления ответил старик, стоя в дверном проеме. — Что вам угодно?

Риоз сделал шаг вперед, намекая, что хочет войти.

— Если вы Дьюсем Барр, мне хотелось бы поговорить с вами.

Дьюсем Барр отступил в сторону, пропуская гостя. Внутренние стены дома, подсвеченные дневным светом, ожили. Риоз коснулся стены кабинета рукой и удивленно взглянул на кончики собственных пальцев.

— Вот как? У вас в Сивенне и это есть?

Барр мягко улыбнулся.

— Думаю, не везде. Мне приходится самому следить за тем, чтобы они работали. Прошу прощения, что заставил вас ждать у двери. Фотоэлемент только сообщает о приходе гостя, а открывать приходится самому.

— Что, плохо починили? — с едва заметной насмешкой поинтересовался Риоз.

— Видите ли, запасные части раздобыть просто невозможно. Прошу садиться. Выпьете чаю?

— Мой добрый господин, вы могли бы и не спрашивать! Здесь просто нельзя не пить чай — у вас в Сивенне это просто ритуал какой-то!

Старый патриций с достоинством кивнул и удалился. В манерах его чувствовалось благородство лучших времен прошлого века.

Риоз проводил взглядом удаляющуюся фигуру хозяина и невольно поежился. Он был военным — и по образованию, и по всему жизненному опыту. Он, как говорится, не раз смотрел смерти в глаза, и эти глаза ему были хорошо знакомы и не могли напугать. Но совершенно неудивительно, что боготворимый своими подчиненными лев Двадцатого Флота Империи чувствовал себя не в своей тарелке в затхлой атмосфере старинного особняка.

Генерал догадался, что черные с золотым тиснением коробки на полках вдоль стен — книги. Названия их были ему незнакомы, Он догадался также, что большое неуклюжее устройство в углу кабинета — не что иное, как видеопреобразователь, с помощью которого можно посмотреть и послушать любую книгу. Генерал ни разу в жизни не видел, как работает такой преобразователь — только слышал.

Ему говорили, что давным-давно, в дни Золотого Века Империи, в девяти из десяти домов по всей Галактике были такие преобразователи и такие полки, полные книг.

Теперь были другие времена — нужно было охранять границы, и книгами интересовались только старики. Да и добрая половина рассказов про старые времена была переврана и приукрашена.

Вернулся хозяин и принес поднос с чаем. Риоз сел. Дьюсем Барр церемонно приподнял чашку.

— За ваше здоровье.

— Благодарю. И за ваше.

Дьюсем Барр осторожно поинтересовался:

— Мне говорили, что вы молоды. Сколько же вам лет? Тридцать пять?

— Почти угадали. Тридцать четыре.

— Ну что ж, в таком случае я сразу хочу вас предупредить, что не смогу предложить вам ни приворотного зелья, ни любовных заговоров — словом, ничего такого, что могло бы вам помочь овладеть сердцем какой-нибудь молодой леди.

— Но в этих делах я, как правило, обхожусь без посторонней помощи, сэр, — ответил генерал с искренним удивлением. — А что, к вам часто обращаются за услугами такого рода?

— Да, представьте себе, довольно часто. К сожалению, в наши дни темные люди путают ученых с волшебниками, колдунами, а любовные дела кажутся им наиболее подходящими для чародейства.

— Ну что ж, это вполне естественно, — усмехнулся Риоз, — Но лично я так не думаю. Я

считаю, что наука помогает найти ответы на трудные вопросы.

Сивеннианец пожал плечами.

– Не исключено, что вы ошибаетесь не меньше остальных.

– Может быть. А может быть, и нет.

Молодой генерал поднес свою чашку к блестящему цилиндуру, и она тут же наполнилась кипятком. Хозяин передал ему небольшую баночку с искусственным концентратом чая. Риоз капнул в чашку немного концентрата.

– В таком случае скажите-ка мне, патриций, кто же такие волшебники? Настоящие волшебники.

Барр, казалось, был не на шутку поражен вопросом.

– Никаких волшебников не существует.

– Но люди говорят о них. Сивенна просто кишит рассказнями про волшебников. Нечто вроде культа, что ли? Может быть, я и не прав, но есть какая-то странная взаимосвязь между этими байками и мечтами кое-каких ваших сограждан о временах былой свободы и независимости. Поймите, в конце концов речь идет о безопасности государства.

Старик покачал головой.

– А почему вы меня об этом спрашиваете? Неужели вы подозреваете, что затевается мятеж и я могу его возглавить?

Риоз поежился.

– Ну что вы! Нет, конечно. Хотя, это не такая уж нелепая мысль. В свое время ваш отец был изгнаником, а вы в свое – патриотом и националистом. Пожалуй, мне, как гостю, невежливо напоминать вам об этом, но к тому вынуждает меня моя миссия здесь, в Сивенне. Но чтобы до сих пор сохранялась какая-то конспирация, подполье... Нет. Сомневаюсь. Этот дух выкорчеван в Сивенне. Уже три поколения ни о чем таком не помышляют.

Старик тяжело, тщательно подбирая слова, ответил:

– Наверное, я покажусь вам столь же негостеприимным хозяином, как вы мне – неучтивым гостем. Позволю себе напомнить вам, что когда-то и вице-король, точно как вы сейчас, полагал, что дух свободомыслия у сивеннианцев выбит на веки вечные. По вине этого вице-короля мой отец стал отшельником и презренным нищим, мои братья погибли мученической смертью, а моя сестра покончила с собой. Однако вице-король и сам умер страшной смертью от рук тех самых сивеннианцев, которых он считал бессловесными рабами.

– Да, вот именно. Вот вы сами и завели этот разговор. Я, видите ли, уже три года размышляю о загадочной гибели вице-короля. В его личной гвардии был один молодой солдат, деятельность которого весьма и весьма занимательна. Этим солдатом были вы, патриций, и, думаю, подробности уточнять не стоит.

– Не стоит, – спокойно отозвался Барр. – Что вам угодно?

– Мой добный господин, – лениво проговорил Риоз, – времена нынче тяжелые, а у вас дети и друзья. Есть страна, которую вы, по всей видимости, любите и тоскуете по ее славному прошлому. Так что, если я буду вынужден применить силу...

– Чего вы хотите от меня? – холодно оборвал его Барр.

Покачивая пустой чашкой, Риоз ответил:

– Послушайте, патриций! В наши дни из военных преуспевают болваны, что вышагивают в парадной форме, завешав всю грудь орденами, на празднествах в императорском дворце и, задрав нос, эскортируют в разукрашенных звездолетах Его Императорское Величество в летнюю резиденцию. Я... в этом смысле – неудачник. Неудачник в тридцать четыре года, и неудачником останусь. Потому что я – солдат. Моя стихия – сражения. Вот почему меня послали сюда. При дворе меня, честно говоря, не слишком жалуют. Я, видите ли, не вписываюсь в рамки придворного этикета! Меня не терпят щеголи-адъютанты и чванливые господа-адмиралы, но зато лучше меня просто не найти, когда нужно кого-нибудь послать к черту на кулички, чтобы он там сгинул поскорее. Сивенна для такой цели mestechko – лучше не придумаешь. Пограничный мир, мятежная, оккупированная провинция. Она так далеко от двора, что они там просто счастливы. А я торчу здесь – и гнию! Никакими мятежами тут и не пахнет, да и соседние вице-короли в последнее время притихли, особенно после того, как славной памяти папаша Его Императорского Величества задал им перцу в духе Монтеля

Парамайского.

– Сильный был Император, – пробормотал Барр.

– Да. И нужны нам именно такие, как он. Прошу не забывать, мой хозяин – Император. Его интересы – это мои интересы.

– Какое отношение это имеет, к делу? – пожал плечами Барр.

– В двух словах: волшебники, о которых я упомянул, если верить сказкам, издалека, откуда-то из-за границ Империи, где звезды рассеяны редко...

– Где звезды рассеяны редко, – повторил за ним Барр, – и свет их душу холодит...

– Это что – стихи? – нахмурился Риоз. Ему было явно не до стихов. – Так вот, они явно с Периферии, волшебники эти, то есть из единственного района Галактики, где я беспрепятственно могу сражаться за честь Императора.

– Конечно же, исключительно из соображений служения интересам Его Величества и удовлетворения собственной жажды сражений?

– Вот именно. Однако я должен знать, с кем сражаюсь, и в этом вы можете мне помочь.

– Почему вы в этом так уверены?

Риоз откусил немного печенья.

– Потому что уже три года я не пропускаю мимо ушей ни одной побасенки, ни одного словечка, оха, вздоха из того, что говорят о волшебниках, и из всего того объема информации, которым я теперь располагаю, только два момента связаны между собой, и, естественно, только они и правдивы. Первый факт – волшебники прилетали с того края Галактики, что лежит как раз против Сивенны, а второй – это то, что у вашего отца была встреча с волшебником, живым и настоящим, и он с ним разговаривал.

Барр задумчиво проговорил:

– Да, пожалуй, я мог бы вам кое-что рассказать. Это будет мой собственный маленький психоисторический эксперимент.

– Какой эксперимент? – сощурился Риоз.

– Психоисторический, – усмехнулся старик. – Вы бы налили себе еще чаю. Рассказ будет долгий...

И старый патриций откинулся на мягкую спинку кресла. Светящиеся стены отбрасывали розовато-золотистый свет, смягчавший даже жесткоочертенный профиль генерала.

Дьюсем Барр начал свой рассказ...

– То, что я знаю, – это результат двух случайностей. Во-первых, я сын своего отца, во-вторых – я родился в этой стране. История начинается сорок лет назад, во времена Великого Побоища, когда мой отец жил отшельником в лесах Юга, а я был стрелком в личной гвардии вице-короля. Того самого вице-короля, между прочим, который и учинил Побоище, а потом погиб такой жестокой смертью. – Барр печально улыбнулся и продолжал: – Мой отец был Патрицием Империи и Сенатором Сивенны.

Риоз нетерпеливо прервал его:

– Причины и обстоятельства изгнания вашего отца мне хорошо известны. Незачем на них останавливаться.

Сивенианец, не обратив никакого внимания на замечание Риоза, продолжал:

– Однажды отшельническое жилище моего отца посетил незнакомец. Торговец с края Галактики. Это был молодой человек, говоривший со странным акцентом, ничего не ведавший о последних событиях имперской истории. Самое главное: его окружало персональное защитное силовое поле.

– Персональное силовое поле? – восхликал Риоз. – Ну вы даете, патриций! Какой же величины должен быть генератор, чтобы создать такое поле? Черт подери, он должен был таскать за собой повсюду тысячи миллионов тонн ядерного топлива! На чем? На маленькой тележке?

Барр невозмутимо продолжал:

– Это и был тот самый волшебник, о котором вы слышали столько сказок и небылиц. По большому счету, звание это он заслужил не зря. Никакого генератора таких размеров, о каких говорите вы, у него не было. Но даже такое мощное оружие, как то, что висит у вас на поясе, не могло бы пробить его защитного поля.

— И это все? Значит, все рассказы о волшебниках основаны на старческой болтовне одинокого, выжившего из ума изгнаниника?

Барр вспыхнул, но сдержался.

— Рассказы о волшебниках слыхивал и мой отец, сэр, еще до этой встречи. Но есть и более точные факты. Покинув дом моего отца, этот торговец, которого в народе называют волшебником, посетил одного технолога в городе, дорогу к которому указал мой отец. Там торговец оставил генератор защитного поля такого же типа, какой был у него самого. Этот генератор попал в руки моего отца, когда он вернулся в город после казни ненавистного вице-короля. Прошло еще много времени, пока удалось...

Генератор висит на стене, у вас за спиной, сэр. Он сломан. Проработал он всего два дня. Но если вы внимательно рассмотрите его, то сразу убедитесь, что сделан он не в Империи.

Бел Риоз потянулся и снял со стены плоскую металлическую цепочку — пояс. Его внимание привлекло эллипсоидное утолщение на конце цепочки размером с лесной орех.

— Это... — пробормотал он удивленно.

— ...было генератором, — кивнул Барр. — Но это был генератор. Как он действовал, сейчас определить невозможно. Исследования на субэлектронном уровне показали, что все структуры сплавлены в цельный кусок металла, и никакие, самые тонкие методы дифракции не смогли продемонстрировать, каким было его устройство до сплава.

— Извините, но все равно выходит, что все ваши «доказательства» зиждутся на пустословии и никаких конкретных фактов попросту нет.

Барр пожал плечами.

— Вы просили меня рассказать все, что мне известно, и угрожали применить силу, если я откажусь. Если вы предпочитаете относиться к тому, что я вам рассказал, скептически, я-то что могу поделать? Вы не хотите больше слушать?

— Продолжайте! — рявкнул генерал.

— После смерти отца я продолжил исследования, и тут мне на помощь пришла вторая из двух случайностей, о которых я упоминал. Сивенна была известна Гэри Селдону.

— Кто такой Гэри Селдон?

— Гэри Селдон — выдающийся ученый расцвета Империи, времен царствования Далубена IV. Он был психоисториком, последним и величайшим из психоисториков. Однажды, в те времена, когда Сивенна была процветающим центром торговли, науки и искусства, он побывал здесь.

— Хм-м... — хмыкнул пренебрежительно генерал. — В наши дни просто невозможно отыскать ни одной заброшенной, полуразрушенной планеты, жители которой не клялись бы и не божились, что в старые добрые времена их планета процветала!

— Я говорю о временах двухсотлетней давности, когда власть Императора простиралась до самых дальних звезд, а Сивенна была столицей внутренней, а не полуварварской пограничной провинции! В те дни Гэри Селдон предсказал будущий упадок имперского могущества и постепенное воцарение варварства во всей Галактике.

Риоз громко расхохотался.

— Вот как? Но его предвидения не оправдались, уважаемый ученый! Вы ведь так себя называете? Империя сейчас сильна как никогда! Ваши глаза просто ослепли от старости и дальше собственной границы не видят. Взяли бы да слетали во внутренние миры разок, да посмотрели бы, как там тепло и прекрасно!

Старик грустно покачал головой.

— Упадок начинается с дальних границ. Пройдет время, и он доберется до сердца Империи. Я говорю о внешних признаках упадка, видимых невооруженным глазом, которые отличаются от малозаметных внутренних признаков так же, как рассказ, сочиненный пятнадцать столетий назад, от того, как его рассказывают теперь.

— Стало быть, этот ваш Гэри Селдон предсказал, что вся Галактика потонет в пучине варварства? — добродушно усмехнулся Риоз. — Ну, а что потом, а?

— Он основал два убежища на разных концах Галактики — две Академии, где собрал самых лучших, самых молодых, самых сильных, чтобы они выросли там. Миры для размещения Академий выбирались не случайно, так же как и время их основания, и их окружение. Все было

продумано таким образом, чтобы будущее, предсказанное математико-психоисторическими методами, привело к быстрой изоляции Академии от центра Имперской цивилизации и к тому, чтобы Академии стали зародышами Второй Галактической Империи и помогли бы сократить период неизбежного мрака, упадка и варварства до одного тысячелетия вместо тридцати.

— А откуда вы знаете все это? У вас просто-таки недюжинные познания в этой области!

— Я не занимался этим специально, — спокойно ответил патриций. — Это всего-навсего результат мучительных раздумий в попытке связать между собой разрозненные факты, известные моему отцу, да кое-что, что удалось разузнать мне самому. Фундамент моих знаний зыбок, а надстройка сильно романтизирована, в ней огромные пробелы. Однако я убежден, что здесь есть большая доля правды.

— Мне остается сделать вывод, что вы легко внушаемы.

— Я? Да на это потрачено сорок лет упорного труда!

— Хм-м... Сорок лет! Да я бы за сорок дней во всем разобрался! И, видимо, придется. Только по-другому.

— И как же вы собираетесь это сделать?

— Да очень просто. Например, стану первопроходцем и отыщу эту вашу Академию. И посмотрю на нее собственными глазами. Вы сказали, их две?

— Так говорят исторические документы. Но достоверная информация имеется только об одной Академии. Это и понятно, потому что вторая Академия должна находиться на более отдаленном краю Галактической спирали.

Генерал встал, поправил портупею.

— И вы знаете, куда лететь?

— Вроде бы, да. В жизнеописании последнего вице-короля, того самого, которого вы так ловко отправили на тот свет, есть весьма подозрительные упоминания о дикарях из внешних миров. В общем, одна из дочерей вице-короля была отдана замуж за варварского царька. Так что, уж что-что, а дорогу я найду.

Он протянул старику руку на прощание.

— Благодарю за гостеприимство. Дьюсем Барр слегка коснулся пальцами жесткой ладони генерала и церемонно кивнул.

— Ваш визит — большая честь для меня.

— Так же, как и информация, которую вы мне сообщили, — кивнул в ответ Бел Риоз. — Я подумаю, как отблагодарить вас, когда вернусь.

Дьюсем Барр смиленно проследовал за гостем до двери и вслед удаляющемуся автомобилю тихо проговорил:

— Если вернешься...

Глава вторая Волшебники

Академия — ...После сорокалетней успешной экспансии своего могущества Академия столкнулась с угрозой нападения Риоза. Эпохальные дни Гардина и Мэллоу миновали, а с ними ушла в прошлое и смелость в принятии решений...

Галактическая энциклопедия

В тихой дальней комнате, где никто не мог их побеспокоить, заседали четверо мужчин. На длинном столе, разделявшем их, стояло четыре бутылки и столько же до краев наполненных бокалов, но до сих пор никто не сделал ни глотка. И, судя по всему, не собирался.

Тягостное молчание нарушил мужчина, сидевший ближе к дверям. Он нервно забаранил кончиками пальцев по крышке стола и сердито поинтересовался:

— Ну, что, так и будем в молчанку играть? Не все ли равно, кто первым возьмет слово?

— Вот вы и начните, — предложил толстяк, сидевший напротив. — Вас же это больше всех касается.

Сеннет Форрел угрюмо усмехнулся.

— Потому что я богаче вас, что ли? Или вам кажется, что я и дальше намерен продолжать в том же духе? Это я к тому, чтобы напомнить вам, что именно мой собственный Торговый Флот захватил их шпионский корабль.

— У вас самый крупный флот, — пожал плечами третий из присутствующих. — И пилоты самые лучшие. То есть вы действительно самый богатый среди нас. Это был большой риск, конечно, но для любого из нас он был бы большим, чем для вас, согласитесь!

Сеннет Форрел снова усмехнулся.

— Да... Способность рисковать я унаследовал от отца. Но, главное, чтобы риск был оправдан. В данном случае он был оправдан, поскольку вражеский корабль был захвачен без потерь для нас и без угрозы для остальных.

Форрел был дальним родственником великого Хобера Мэллоу. Это было известно в Академии всем и каждому. Однако ходили упорные слухи, что степень его родства с Мэллоу более близка, а именно, что Форрел его незаконнорожденный сын.

Четвертый собеседник хитро прищурился и проговорил, как бы процеживая слова сквозь узкие губы:

— А по-моему, нечего особенно гордиться и успокаиваться. Подумаешь, кораблик захватили. Скорее всего, мы просто раздразнили того молодого человека, что побывал у нас недавно.

— А вам что же, кажется, — саркастично поинтересовался Форрел, — мы должны были перед ним расшаркаться и вежливо разъяснить ему мотивы наших действий?

— Представьте себе, кажется! По крайней мере, тогда ему не пришлось бы сочинять их за нас. Хобер Мэллоу действовал в таких ситуациях иначе. И Сальвор Гардин тоже. Применять силу они предоставляли другим, сами же действовали спокойно и уверенно.

Форрел пожал плечами.

— Однако захват корабля оправдался. Если уж на то пошло, мотивы наших действий недороги и продали мы их с выгодой.

Последнюю фразу он произнес с гордостью прирожденного Торговца.

— Этот молодой человек — из старой Империи.

— Это нам известно, — ворчливо прервал его толстяк.

— Для нас это не было неожиданностью, — продолжал Форрел. — Понимаете, даже когда кто-то явится с кучей звездолетов и заверениями в лучших прениях, его не следует вот так сразу заворачивать восвояси, пока не убедишься доподлинно, нет ли чего подозрительного под камуфляжем торговли. Но сейчас...

Третий мужчина оборвал его:

— Но сейчас нам следовало бы быть еще более осторожными. Надо было сначала все выяснить. До того как мы позволили ему спокойно улететь. Вот это было бы по-настоящему мудро.

— Эту идею мы обсуждали и в конце концов от нее отказались.

Резким жестом Форрел дал присутствующим понять, что этот вопрос обсуждению не подлежит.

— Правительство у нас нынче слабое... — пробурчал третий, — а мэр — так тот просто идиот!

Четвертый мужчина обвел взглядом присутствующих и губами перебросил наполовину выкуренную сигару из одного края рта к другому. Убедившись, что сигара безнадежно погасла, он вынул ее из рта, положил окурок в дезинтегратор справа от себя, где тот вспыхнул и исчез. В голосе его звучала нескрываемая ирония.

— Я надеюсь, что джентльмен, произнесший последние слова, сказал их исключительно по привычке. В этом кругу нет необходимости напоминать, что правительство — это мы.

Остальные одобрительно закивали.

Четвертый прищурил маленькие глазки и продолжил, уставившись в одну точку:

— Так что болтовню о политике правительства лучше оставим. Этот молодой человек... этот чужестранец, действительно, запросто мог оказаться обычным торговым агентом. Такие случаи бывали. И вы трое пытались поначалу заключить с ним торговое соглашение. Торгового не вышло — вышло джентльменское, но... вы пытались...

— Так же, как и вы, между прочим, — буркнул второй.

– Не отрицаю, – кивнул четвертый.

– Предлагаю забыть о том, чем мы занимались раньше, – нетерпеливо вмешался Форрел. – Давайте лучше обсудим, чем нам заниматься теперь. Да, черт подери, мы могли взять его под стражу, пытать, убить – наконец! Чего бы мы добились? Да, его намерения остались нам неясны, но зато другое ясно как божий день: нельзя победить Империю, прикончив одного человека. Неужели непонятно, что его возвращения или невозвращения где-нибудь неподалеку мог ожидать целый флот!

– Запросто! – согласился четвертый. – А что вам удалось выудить при осмотре захваченного корабля? Только коротко, от нудных подробностей я быстро устаю.

– Можно и без подробностей, – угрюмо буркнул Форрел. – Он – имперский генерал или что-то в этом роде. Я не так уж хорошо разбираюсь в имперской табели о рангах. Он молод, прославился военными подвигами – так мне говорили. Подчиненные его просто боготворят. Карьеру сделал поистине романтическую. Наверняка половина рассказней о его победах – вранье, но это ни в коей мере не умаляет значимости его фигуры.

– А кто это «они»? Кто рассказывает? – поинтересовался второй.

– Команда захваченного корабля. Видите ли, я взял на себя труд заснять все беседы на микропленку, которая хранится в надежном месте. Позднее, если вам будет интересно, вы можете ознакомиться с фильмами. Впрочем, можете и сами с ними побеседовать. А главное я вам сказал.

– А каким образом вам удалось вытрясти из них все это? И уверены ли вы, что они говорят правду?

Форрел нахмурился.

– А я с ними не церемонился. Действовал жестко. И к тому же безжалостно использовал психотест. Они не могли не говорить. И говорили правду, будьте уверены.

– В прежние времена, – осуждающе пробурчал третий, – обошлось бы чистой психологией. Безболезненно, знаете ли, и очень надежно. И никаких шансов соврать.

– Мало ли чего хорошего было в старые времена, – сухо отозвался Форрел. – Теперь времена другие.

– И все-таки, – поинтересовался четвертый, – что нужно было здесь этому генералу, любимцу подчиненных?

Форрел сверкнул глазами.

– Вы что, думаете, он солдатам государственные тайны выдает? Они этого не знали. Ничего такого выудить у них не удалось, хотя я очень старался, видит бог.

– Значит, нам остается...

– Делать выводы самостоятельно, вне всякого сомнения.

Форрел снова забарабанил пальцами по столу.

– Этот молодой человек – видный военный деятель Империи, однако он упорно пытался выдать себя за второстепенного князька малюсенького звездного княжества где-то на дальних окраинах Периферии. Одно это говорит само за себя – он не желал, чтобы истинные мотивы его присутствия здесь стали нам известны. А теперь попробуйте поразмыслить: он военный, а Империя уже пыталась напасть на нас однажды – во времена моего отца. Все становится очевидным. Первая атака провалилась. Сомневаюсь, чтобы с тех пор Империя питала к нам большую любовь.

– И все-таки вашим выводам недостает конкретности. Вы ничего не скрываете? – осторожно поинтересовался четвертый.

Форрел спокойно ответил:

– Мне нечего скрывать. Теперь вопрос о торговом этикете просто-напросто снимается с повестки дня. Существует прямая угроза.

– Патриотизм? – усмехнулся третий.

– К дьяволу патриотизм, – отмахнулся Форрел. – Неужели вы думаете, что меня хоть в какой-то степени заботит судьба и будущее Второй Империи? Вы что, всерьез полагаете, что я пожертвую хоть одной торговой миссией, чтобы расчистить мифическую дорогу для Второй Империи? И с другой стороны – неужели вы думаете, что имперское вторжение сильно поможет моему – и вашему, господа, – бизнесу? Если Империя победит, соберутся огромные

стали ворон, чтобы поживиться трупами!

– И вы считаете, что трупами будем мы, – закончил четвертый.

В комнате повисла гнетущая пауза. Нарушил ее третий. Он резко повернулся в кресле, так что оно угрожающе заскрипело.

– Не понимаю, что толку об этом разглагольствовать. Ведь Империя не может победить. По определению – не может! Гэри Селдоном доказано, что Вторую Империю как-никак основывать нам. Это просто очередной кризис. Было уже три – и сплыло!

– Вот-вот! Очередной кризис! – рявкнул Форрел. – Только во времена первых двух нами руководил Сальвэр Гардин, а третий разрешил Хобер Мэллоу, царство ему небесное. А теперь – кто?!

Он обвел присутствующих суровым взглядом.

– Законы психоистории, открытые Гэри Селдоном, на которые так удобно полагаться, по всей вероятности, учитывают в качестве одной из переменных некоторые нормальные проявления инициативы Академии. Законы Селдона помогают тем, кто сам себе помогает.

– Времена меняют людей, – сказал третий. – Вот вам еще одна поговорочка.

– Вот уж на что нельзя рассчитывать! – хмыкнул Форрел, – Мне сейчас все видится вот в каком свете: если это четвертый кризис, значит, Гэри Селдон его предвидел. Если это так, его можно преодолеть и должен быть какой-то выход.

Сейчас Империя сильнее нас, да и всегда была сильнее. Но с угрозой прямого нападения мы сталкиваемся впервые, и в этой ситуации мощь Империи действительно опасна. Если мы и сумеем ее победить, то опять-таки не за счет применения грубой силы, как и во времена предыдущих кризисов. Мы должны найти слабое место врага – и атаковать именно в этом месте.

– И что же это за слабое место? – поинтересовался четвертый. – Уже есть какая-то идея?

– Нет. Я скажу вам прямо. Великие наши лидеры всегда ухитрялись найти слабое место врага и, повторяю, били именно по нему. А сейчас… – он безнадежно махнул рукой и замолчал. Молчали и все остальные.

– Нам нужны шпионы, – пришел па помочь Форрелу четвертый.

Форрел резко повернулся к нему.

– Верно! Я не знаю, когда именно Империя собирается атаковать. Может, у нас еще есть время!

– Хобер Мэллоу в свое время лично посетил доминион Империи, – осторожно проговорил второй.

Форрел отрицательно покачал головой.

– Нет, ничего такого делать не будем. Мы не так молоды. Для такого дела нужны молодые ребята, которые сейчас на заданиях.

– Независимые Торговцы? – спросил четвертый.

Форрел склонил голову и прошептал:

– Если успеем…

Глава третья Мертвая рука

Бел Риоз раздраженно шагал из угла в угол. Он с надеждой взглянул на вошедшего адъютанта.

– Ну?! Новости о «Звездочке»?

– Нет, сэр. Разведывательная группа прочесала все пространство, но приборы ничего не обнаружили. Командор Юм сообщает, что флот готов к ответной атаке.

Генерал замотал головой.

– Нет! Еще чего! Контратака в ответ на пропажу одного патрульного корабля? Пока нет. Передайте ему, чтобы он удвоил… Постойте. Я напишу депешу. Закодируйте ее и передайте световым пучком.

Он набросал на бумаге несколько фраз, передал листок адъютанту.

– Сивеннианец прибыл?

– Еще нет, сэр.

– Как только прибудет, срочно доставить его ко мне. Адъютант браво отсалютовал и вышел. Бел Риоз снова зашагал по комнате...

Когда дверь каюты открылась вновь, на пороге стоял Дьюсем Барр. Медленно, устало ступая вслед за адъютантом, он вошел в броско обставленную комнату, потолок которой был украшен голограммической моделью Галактики. В центре комнаты в полной военной форме стоял Бел Риоз.

– Добрый день, патриций, – буркнул генерал, пододвинув вошедшему стул. Адъютанта он спровадил приказом:

– Никому не входить, пока сам не позову.

Он стоял перед сивеннианцем, расставив ноги, сложив руки за спиной, слегка покачиваясь с носка на пятку.

– Патриций, вы почтаете Императора? – резко спросил генерал.

Барр, до той поры хранивший безразличное молчание, слегка приподнял бровь и холодно ответил:

– У меня нет причин питать любовь к имперским законам.

– Ну, это все-таки довольно далеко от того, чтобы вас можно было назвать изменником.

– Пожалуй. Но не быть изменником – это также далеко от того, чтобы стать активным пособником.

– Тоже верно. А вот отказ от сотрудничества уже можно расценить как изменничество и соответственно к этому относиться.

Барр нахмурился.

– Оставьте эту словесную эквилибристику для подчиненных. Скажите просто, что вам нужно. Мне этого будет достаточно.

Риоз уселся, закинув ногу на ногу.

– Помните, Барр, мы с вами разговаривали полгода назад?

– О ваших «волшебниках»?

– Да. Помните, я сказал тогда, что собираюсь предпринять.

Барр кивнул.

– Вы собирались навестить их. Вас не было четыре месяца. Вы отыскали их?

– Отыскал? Конечно! – выкрикнул Риоз.

Рот его искривился. Было впечатление, что он с трудом сдерживается, чтобы не заскрипеть зубами.

– Патриций, они не волшебники! Они – дьяволы! Тот, кто их так назвал, так же далек от истины, как отсюда – другие галактики! Вы только представьте себе: их мир – размером с носовой платок, с ноготь, черт бы их подрал! Ресурсов – ноль, защиты практически никакой, население мизерное, как где-нибудь на самой завалящей планете в районе Темных звезд. Но при этом они такие гордые и неприступные, что спокойно и уверенно размышляют об управлении Галактикой!

То есть они настолько самоуверенны, что даже не торопятся! Делаут все медленно, флегматично, строят планы на века. Говорят лениво, перелетают из мира в мир, как будто у них вечность в запасе...

И они преуспели! Преуспели... Их никто не останавливает. Они сплели широчайшую торговую сеть, охватывающую звездные миры, настолько отдаленные от них, что даже непонятно, как они туда добираются на своих игрушечных звездолетиках! Их Торговцы – так они называют своих агентов – улетают на сотни парсеков от дома!

Дьюсем Барр прервал гневную тираду генерала:

– И все-таки, что из сказанного вами – правда, а что нужно списать на счет вашего озлобления?

Генерал отдохнул и заговорил спокойнее:

– Нет-нет. Я не ослеплен гневом, уверяю вас. Я побывал в мирах, которые ближе к Сивенне, чем к Академии, где для людей понятие Империи – миф, небылица, зато Торговцы – повседневная реальность. Мы сами здорово ошиблись насчет этих Торговцев.

– И что же, в Академии вам так прямо и сказали, что они стремятся к Галактическому

господству?

– Сказали? – Риоз снова вышел из себя. – Как же? Держите карман! Они мне этого могли и не говорить. Официальные лица, конечно, помалкивали. Все разговоры только о торговле, бизнесе. Но я говорил и с простыми людьми. И понял, что они там все без исключения верят в свою особенную судьбу и преспокойненько разглагольствуют о «светлом будущем». Они просто не скрывают этого всеобщего оптимизма, будь они трижды неладны!

На лице сивеннианца было написано молчаливое удовлетворение.

– Могу отметить только одно, генерал: выводы, которые я сделал на основании чистых умозаключений, оказались верны.

– В этом нет сомнений, – саркастически кивнул Риоз. – И я готов снять шляпу перед вашим аналитическим талантом. Но позволю себе тем не менее отметить, что все вышеупомянутое красноречиво свидетельствует, как они опасны в плане угрозы целостности владений Его Императорского Величества!

Барр скептически пожал плечами. Риоз резко наклонился вперед, грубо схватив за плечи старого патриция, и посмотрел ему прямо в глаза:

– Верьте мне, патриций! У меня нет ни малейшего желания быть тираном! Но для меня факт враждебности Сивенны по отношению к Империи остается фактом, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы погасить этот очаг инакомыслия. Однако я выполняю военную миссию и не имею права вмешиваться в гражданские дела. Случись что – меня просто отзовут, и моей карьере конец. Понимаете вы это? Вижу, что понимаете. Тогда чисто между нами: я не прочь забыть события сорокалетней давности. Мне нужна ваша помощь – и в этом откровенно признаюсь.

Молодой генерал с нетерпением ждал ответа, но Дьюсем Барр медленно покачал головой.

Риоз отпустил руки и умоляюще проговорил:

– Вы чего-то недопонимаете, патриций, и сомневаюсь, чтобы удалось вас убедить. Я не мастак говорить умные слова. Вы – ученый. Я – солдат. Но вот что я хочу вам сказать. Что бы вы там ни думали об Империи, вы должны признать ее могущество. Да, ее вооруженные силы совершили отдельные преступления, но большей частью они несли мир и цивилизацию. Именно военный флот создал Имперский Мир, который царил в Галактике на протяжении тысячелетий. Да сравните же тысячелетия мира под знаменами, на которых красуются «Звездолет и Солнце», и тысячелетия межзвездной анархии, которые предшествовали воцарению Империи! Вспомните о войнах и разрухе тех лет и скажите мне: неужели, несмотря на все свои недостатки, Империя не заслуживает того, чтобы она была сохранена? Представьте себе, – продолжал он с новой силой, – во что превратились внешние миры Галактики за годы разрухи и так называемой независимости, и спросите себя, неужели во имя дурацкого отмщения вы действительно хотите, чтобы Сивенна, вместо того чтобы стать провинцией, которую защищает могучий флот, превратилась бы в варварский мирок в дикарской Галактике, купающийся в мутных волнах выморошенной независимости, которая ничего вам не даст, кроме упадка и нищеты?

– Неужели все так плохо и... так скоро? – пробормотал сивеннианец.

– Нет, – откликнулся Риоз. – Безусловно, мы защитим вашу безопасность! Потому что я сражаюсь за Империю. И за военную традицию, хотя последнее – мое личное дело. Это то, чего вам я объяснить не могу. Военная традиция, построенная на имперских установлениях, – вот за что я сражаюсь.

– Вы впадаете в мистику, – пожал плечами Барр. – А мне всегда было трудно понять чужие мистические настроения.

– Я вас не прошу об этом! Вы хоть отдаете себе отчет в том, что Академия опасна?

– А разве не я предупреждал вас о том, что вы можете натворить бед, еще тогда, до того как вы туда отправились?

– Тогда кому, как не вам, понять, что их нужно уничтожить в зародыше. Ну, как же вы не понимаете? Вы знали об этой Академии тогда, когда о ней никто не знал. Поэтому именно вам легче представить, как ее лучше всего было бы атаковать. Именно вы могли бы лучше всех подсказать мне, каковы могут быть их ответные ходы. Послушайте, патриций, давайте заключим союз!

Дьюсем Барр поднялся.

— Такая помошь вам ничего не даст. Я говорю вам совершенно серьезно: всей мощи Империи не хватит для того, чтобы победить этот крошечный мир.

— Но почему?!

Глаза Риоза бешено сверкали.

— Нет! Не смейте уходить. Стойте, где стоите! Я скажу, когда вам можно будет уйти. Так вот: если вы думаете, что я недооцениваю противника, вы ошибаетесь. Патриций! — Риоз сдерживался изо всех сил. — На обратном пути я потерял один корабль. Я не знаю наверняка, попал ли он в руки Академии, но обнаружить его не удалось. Если бы это был несчастный случай, то был бы обнаружен хотя бы остав корабля, Это не такая уж большая потеря — меньше одной десятой части военной мощи моего флота, но это может означать, что Академия уже демонстрирует свои враждебные намерения. Такая поспешность и недоверие с их стороны, такая беспечность в отношении последствий означают, что могут существовать тайные силы, о которых я ничего не знаю. Можете вы мне помочь в ответе на конкретный вопрос? Какова их военная мощь?

— Не имею понятия.

— Как прикажете вас понимать? Почему же вы с такой уверенностью заявляете, что Империя не способна справиться с таким ничтожным врагом?

Сивеннианец тяжело опустился на стул и отвел глаза в сторону от испытующего взгляда Риоза. Медленно, с горечью проговорил:

— Потому что я верю в законы психоистории. Это странная наука. Математическое обоснование ее законов дал один человек — Гэри Селдон, и это обоснование умерло вместе с ним. После его смерти ни один специалист не смог досконально разобраться в сложности этих законов. Но за небольшой промежуток времени, прошедший с тех пор, психоистория показала, что является мощнейшим инструментом, когда-либо изобретенным для изучения человечества. Не пытаясь прогнозировать действия отдельных людей, психоистория сформулировала законы, которые можно подвергнуть математическому анализу и экстраполировать для прогнозирования и управления действиями огромных масс людей.

— Ну и...?

— Именно психоистория, разработанная и доведенная до совершенства Гэри Селдоном и его группой, была заложена в фундамент Академии. Время, место и условия — все было рассчитано математическими методами. Поэтому создание Второй Галактической Империи неизбежно.

Голос Риоза дрожал от раздражения:

— Так что же, вы хотите меня уверить в том, что именно эти вот его научные финтифлюшки могут предсказать, что, если я, например, нападу на Академию, я проиграю такое-то и такое-то сражение по такой-то и такой-то причине? Вы что, думаете, что я тупоголовый робот, который идет прямехонько в пекло, навстречу собственной гибели?

— При чем здесь вы? — отрезал старый патриций. — Я же сказал уже, что психоистория не имеет ничего общего с действиями конкретных людей. Прогнозировались гораздо более широкомасштабные события.

И мы, так сказать, крепко сжаты могучей десницей Ее Величества — Исторической Неизбежности?

— *Психоисторической Неизбежности*, — мягко уточнил Барр.

— Ну, а если я все же воспользуюсь такой маленькой привилегией, как свобода воли? Если я вздумаю атаковать их через год или раздумаю атаковать вообще? При чем тут тогда. Ее Величество? Какой от нее прок?

Барр равнодушно пожал плечами.

— Нападайте сейчас или не нападайте вовсе. На одном-единственном корабле или всем имперским флотом. Действуйте военной силой или экономической блокадой. Объявите войну честно или нападайте вероломно. Делайте, что вашей душе угодно, проявляйте полную свободу воли. Вы все равно проиграете.

И все это по мановению безжалостной десницы математически рассчитанных законов поведения человечества, которые нельзя ни отменить, ни остановить, ни отбросить в сторону.

Оба, не отрываясь, смотрели друг на друга. Наконец генерал просто и спокойно проговорил:

— Я принимаю вызов. Пусть будет так: мертвая рука против живой свободной воли...

Глава четвертая Император

Клеон II, называемый «Великим». Последний сильный Император Первой Империи. Во время его длительного правления отмечался значительный всплеск политической и культурной активности. В литературе он, однако, чаще всего упоминается рядом с именем Бела Риоза, а в народе его так и называли — «Император эпохи Риоза». Однако несправедливо утверждать, что события последних лет затмевают его сорокалетнее...

Галактическая энциклопедия

Клеон II был Повелителем Вселенной. Клеон II страдал жестокой и непонятной болезнью. Неисповедимы пути Господни. Как ни странно, эти два факта вовсе не исключали друг друга, В каком-то смысле в их сочетании не было ничего удивительного. В истории таких случаев было — хоть отбавляй.

Но Клеона II эта мысль мало утешала и ни на йоту не облегчала страданий его измученного тела. Правда, временами его убаюкивали размышления о том, что, в то время как его прадед был всего-навсего пиратским правителем крошечной планетки, сам он возлежал в роскошных покоях дворца Амменетика Великого, как истинный наследник рода, корнями уходящего в незапамятное прошлое. Теперь, когда он был узником собственного ложа, много ли ему было радости от сознания того, что его отец положил жизнь на то, чтобы прекратить чумную полосу бунтов и мятежей, восстановить мир и единство, царившие в Империи во времена правления Стеннеля VI, и что, как следствие этого, за двадцать пять лет его собственного царствования ясные небеса его славы не затуманило ни единое облачко мятежа?

Император Галактики, Повелитель Всего Сущего застонал, пытаясь приподнять голову с невидимых гравитационных подушек. Раздался тихий, ласковый звон. Перемена положения принесла некоторое облегчение. Клеон немного расслабился. Он с трудом сел и угрюмо уставился в дальнюю стену своей огромной опочивальни. В этой комнате было плохо одному. Она была чересчур велика, как и все дворцовые покои.

Но во время изнурительных приступов болезни он предпочитал одиночество. Лучше было быть одному, чем терпеть сборище вельмож с их льстивым подобострастием и непроходимой тупостью. Лучше одиночество, чем созерцание этих скучных масок, за которыми прятались ничем не прикрытыми мыслишки о том, когда же он наконец отойдет в мир иной и кому достанется трон после его смерти.

Мысли набегали беспокойными волнами, торопили, тревожили... У Императора было трое сыновей — трое здоровых, сильных юношей, подававших большие надежды. Куда они все подевались в эти кошмарные дни? Не иначе — ждут. Тоже ждут. Каждый следит за другим, а все вместе — за ним. Сговорились, подлецы...

Он с трудом пошевелился.

А тут еще Бродриг просит аудиенции. Верный простолюдин Бродриг. Конечно, верный — деваться-то некуда! Его искренне, не скрываясь, ненавидели все придворные. Только в этом и наблюдалось согласие между дюжиной группировок, на которые раскололся в те дни императорский двор...

Бродриг — преданный фаворит, которому ничего не оставалось, кроме как быть преданным. Да, ему был дарован Императором самый быстрый в Галактике корабль. Но если бы он и бросился на нем наутек в день смерти Клеона, все равно на следующий день он оказался бы в радиационной камере.

Вялой рукой Клеон II нажал мягкую, послушную кнопку на подлокотнике своего громадного ложа, и высокая дверь в противоположной стене медленно растаяла в воздухе.

По пушистому пурпурному ковру к ложу подошел Бродриг, встал на колени и поцеловал руку монарха.

— Как вы себя чувствуете, сир? — обеспокоенно поинтересовался Личный Секретарь Императора.

— Я жив, — выдохнул Император. — Если это можно назвать жизнью... Всякий шарлатан, прочитавший учебник медицины, использует меня как подопытного кролика. И как только отыскивается какой-нибудь еще не испробованный метод лечения, как тут же объявляется очередной знахарь с другого края Галактики, чтобы немедленно испытать его на мне. И всегда, что самое характерное, находится какая-нибудь книжняка, чаще всего — подделка, где они вычитали про этот метод. Клянусь памятью моего отца, — печально продолжал он, — такое впечатление, что не осталось ни одного врача, который просто взял бы да посмотрел на больного своими собственными глазами. Никто уже пульс не может сосчитать, не заглянув в книжку, которую написали мудрецы прошлого! Я болен, а они говорят, что болезнь им не известна. Идиоты! Получается, что если на протяжении тысячелетий тела человеческие начинают как-то по-новому страдать, а в книжках по этому поводу ничего не написано, то нет надежды на излечение! Оказались бы предки на моем месте, а я — на их!

Император закончил свою жалобу долгим беззвучным проклятием. Бродриг покорно ждал. Клеон II капризно спросил:

— Ну, сколько их там сегодня притащилось? — Он качнул головой в сторону двери.

— Не больше чем обычно, сир. Ожидает в Большом зале, — спокойно ответил Бродриг.

Ну, пускай подождут. Сделаем вид, что я занят государственными делами. Прикажите капитану гвардии объявить это во всеуслышание. Хотя нет. Не надо про государственные дела. Пусть скажет, что я не даю сегодня аудиенций, а на лице при этом пусть изобразит искреннее сожаление. Пусть эти шакалы думают, что я просто плохо спал.

— Поговаривают, сир, что вас беспокоит сердце? — мягко поинтересовался Бродриг.

Улыбка, с которой Император закончил свою вымученную шутку, быстро сошла с его лица.

— Если слух не подтвердится, кого это больше огорчит, Бродриг? Тебе-то что нужно? Говори.

По знаку Императора Бродриг поднялся с колен.

— Дело касается генерала Бела Риоза — военного губернатора Сивенны.

— Риоз? — Клеон II нахмурился. — Что-то не припоминаю. Погоди-ка, это не тот ли, что прислал нам странное донесение пару месяцев назад? Да, вспомнил. Он просил разрешения на военную кампанию во славу Империи и Императора.

— Совершенно верно, сир.

Император усмехнулся.

— А ты думал, у меня уже не осталось таких генералов, а, Бродриг? Это просто атавизм какой-то, так все думают? Ну, и что мы ему ответили? Надеюсь, ты об этом позаботился?

— Конечно, сир. Ему было приказано ждать особых распоряжений и самому ничего не предпринимать.

— Хм-м. Разумно. Кто он такой, этот Риоз? Он бывал при дворе?

Бродриг кивнул. Узкие губы его скривились в усмешке.

— Он начал свою карьеру как офицер гвардии десять лет назад. Участвовал в военных событиях в составе соединения Лемюля.

— Соединения Лемюля? Ох, Бродриг, ты же знаешь, у меня с памятью неважно. Это тогда, что ли, когда молодой офицер спас два корабля на передовой с помощью... — Император нетерпеливо пошевелил рукой. — Ну, в общем, деталей не помню. Что-то такое героическое.

— Да, это был Риоз. Тогда он получил повышение, — сухо подтвердил Бродриг. — И назначение на должность капитана корабля.

— А теперь он — военный губернатор пограничной провинции и все еще молод. Способный парень, Бродриг!

— Небезопасный, сир. Он живет иллюзиями прошлого. Мечтатель, ретроград, в пленау мифов. Такие люди сами по себе безопасны, но, как ни странно, отсутствие у них реализма делает их идолами для других. Его люди, — добавил он доверительно, — как я понимаю, преданы

ему душой и телом. Он один из ваших «народных» генералов.

— Вот как? — удивился Император. — А почему тебя это огорчает, Бродриг? Я бы, пожалуй, не был в восторге, если бы мне служили сплошные тупицы-дилетанты. Они-то уж никак не могут являть собой примеры верности.

— Дилетант-изменник неопасен, сир. Следить надо прежде всего за такими способными парнями.

— Ты ведь тоже из них, Бродриг? — рассмеялся Клеон II и тут же скривился от боли. — Ну, хорошо, лирику пока оставим. Что там нового у этого героя-завоевателя? Догадываюсь, завел ты этот разговор не для того чтобы предаваться воспоминаниям?

— От генерала Риоза, сир, получено еще одно донесение.

— А! Что же там?

— Он отыскал мир этих варваров и предлагает начать атаку. Перечислять аргументы в пользу этого долго и нудно. Я не хотел бы утомлять Ваше Величество сейчас, когда вы неважко себя чувствуете. В особенности потому, что этот вопрос будет подробно обсуждаться на заседании Совета Лордов. — Бродриг отвел взгляд в сторону.

Клеон II нахмурился.

— Совет Лордов? С какой стати? Они-то что в этом смыслят? Там все, как обычно, сведется к тому, что необходимо более широко трактовать Хартию. Одна у волка песня.

— Этого не избежать, сир. Да, было бы гораздо лучше, если бы ваш августейший родитель, погасив последний мятеж, не согласился бы подписывать Хартию. Но раз уж она подписана, с ней приходится считаться.

— Наверное, ты прав. Ладно, пусть решают Лорды. Только к чему весь этот официоз, дружок? В конце концов, дело-то второстепенное. Военные дела на дальних границах с участием ограниченного контингента войск вряд ли могут считаться делом государственной важности.

Бродриг криво улыбнулся и холодно проговорил:

Да, сир, с виду все так. Речь идет о романтическом идиоте. Но даже романтический идиот может превратиться в смертельное орудие, если неромантический бунтовщик использует его в качестве инструмента. Сир, этот человек был популярен здесь, а теперь он популярен там. Он молод. Если он захватит еще одну-две варварские планеты, то станет героем-конкистадором. А в наше время молодой завоеватель, доказавший свою способность вызвать энтузиазм звездолетчиков, шахтеров, торговцев и тому подобного сброда, опасен всегда. Даже если у него в мыслях нет ничего такого, что сделал ваш августейший отец с узурпатором Рикером, его запросто может использовать любой из ваших лояльнейших Лордов. Для своих целей.

Клеон II пошевелился. Лицо его исказила гримаса страдания. Он с трудом расслабился. Улыбка получилась вымученная.

— Ты ценный человек, Бродриг. Ты всегда подозреваешь больше, чем нужно, и мне остается делить твои подозрения на два, чтобы чувствовать себя в безопасности. Давай передадим дело Лордам. Посмотрим, что они скажут, а поступим, как сочтем нужным. Надеюсь, этот молодой человек пока еще ничего такого не натворил? — прошептал Император.

— Ничего не сообщает. Просит подкрепления.

— Подкрепления? — Император удивленно сощурился. — А какими силами он располагает?

— У него десять линкоров, сир, обеспеченных кораблями сопровождения. Два корабля оборудованы двигателями, снятыми со звездолетов старой Великой Армады, на одном стоит артиллерия, оттуда же. Другие корабли последнего пятидесятилетия, но все боеспособные.

— По идеи, этого с лихвой должно хватить. Ну-ка, вспомни, мой отец все свои победы одержал, не имея такого флота! А что это за варвары, с которыми он собирается сражаться?

Брови Личного Секретаря скептически приподнялись.

— Он называет их «Академией».

— Академией? Это еще что такое?

— Сир, никаких документов и записей на этот счет отыскать не удалось. Я тщательнейшим образом изучил архивные материалы. На территории Галактики имело место падение древней провинции Анакреон, которая два столетия назад начала приходить в упадок, в ней воцарились варварство и анархия. Однако в этой провинции нет планеты с таким названием. В архиве я

нашел лишь скучные упоминания о группе ученых, высланных в эту провинцию как раз незадолго до того, как она вышла из-под нашей опеки. Они должны были издавать Энциклопедию. – Он презрительно улыбнулся. – По-моему, в какой-то из бумаг фигурирует название: «Академия Энциклопедистов».

– Ну... – пожевал губами Император, – я не вижу особой связи...

– И я не вижу, сир. Ни слова об этой экспедиции после начала воцарения анархии в этом районе я не нашел. Если потомки энциклопедистов еще живы и название сохранилось, тем вернее они должны были захлебнуться в пучине варварства.

– А он просит подкрепления... – Император пристально взглянул на Секретаря. – Очень интересно. Он собрался напасть на беспомощных дикарей на десяти кораблях и просит еще... Вот теперь я, пожалуй, точно вспомнил этого Риоза. Он был красивым мальчиком из добродорядочного семейства... Бродриг, что-то тут не так. Не исключено, что все более важно, чем кажется.

Пальцы Императора беспокойно забегали по золоченому покрывалу.

– Мне нужен человек там, Бродриг, – с глазами, мозгами, и – верный мне...

Секретарь понимающе кивнул.

– И с подкреплением, сир?

– Пока нет!

Император тихо застонал, медленно меняя положение измученного тела на гравитационных подушках. Подняв вверх указательный палец дрожащей руки, он добавил:

– Пока не узнаем больше. Назначьте заседание Совета Лордов на эту неделю. Удобный будет случай. Я сделаю это, а там – будь что будет.

Он опустил усталую голову на невидимые подушки. Раздался тихий звон.

Иди, Бродриг, Пошли ко мне доктора. Наверняка очередной трепач...

Глава пятая Война начинается

Сивенна осталась позади крошечной сияющей точкой. Корабли Имперского флота осторожно углублялись в темные пучины черной неизвестности – галактической Периферии. Гигантские звездолеты преодолевали огромные расстояния, разделявшие звезды, разбросанные по витку Галактической спирали, все более приближаясь к границам миров, находившихся в сфере влияния Академии.

Звездные системы, два столетия назад отделившиеся от Империи, впервые за прошедшие годы ощутили на своем горле мертвую хватку бывших хозяев. Возврат к прошлому осуществлялся просто – путем массированных артиллерийских налетов на столицы.

В захваченных мирах оставались гарнизоны военных в форме с погонами, на которых красовалась эмблема Империи – «Звездолет и Солнце». Старики, увидав эту эмблему, вспоминали давно забытые рассказы прадедов о временах, когда Вселенная была велика и богата, когда в ней царил мир под знаменами, на которых красовались эти самые Звездолет и Солнце...

Имперские корабли двигались дальше – к Академии. На захваченных планетах основывались военные базы. Как только завоевывался очередной мир, в штаб Верховного Главнокомандующего Бела Риоза шло соответствующее донесение. Штаб был расположен на скалистой безлюдной заброшенной планете.

Риоз вздохнул и угрюмо улыбнулся Дьюсему Барру.

– Ну, что скажете, патриций?

– Я? Что я вам могу сказать? Зачем вам мое мнение? Я не военный.

Он окинул взглядом комнату и отметил про себя, что в ней тесно и неприбрано. Помещение штаба размещалось в прилепившемся к скале походном доме. Помещение было наполнено искусственным воздухом, согрето искусственным теплом – крошечный островок жизни на мертвый, холодной планете...

– Единственная помощь, которую я мог бы вам оказать, – пробормотал он, – а точнее, хотел бы оказать – это совет возвратиться в Сивенну.

– Рановато, рановато... – покачал головой Риоз.

Генерал повернулся на вертящемся стуле к углу, в котором мерцал огнями большой прозрачный глобус. На нем была обозначена граница старой имперской префектуры Анакреон и прилегающих к ней секторов Галактики.

– Позже, когда все будет кончено, патриций, вы сможете вернуться к своим книжкам и всякому такому прочему. Я лично прослежу за тем, чтобы все землевладения и поместья вашего семейства были возвращены вам и вашим детям навечно.

– Благодарю вас, – с горькой ironией откликнулся Барр. – К сожалению, мне недостает вашей твердой уверенности в том, что все хорошо кончится.

Риоз грубо расхохотался.

– Ой, только не надо вашего «пророческого» карканья! Эта карта говорит больше, чем все ваши старческие теории.

Генерал аккуратно настроил кривую, очерчивающую границы.

Вы умеете читать карту в радиальной проекции? Умеете? Отлично. Тогда смотрите сами. Золотые звездочки обозначают имперские территории. Красные – территории протектората Академии, а розовые – относящиеся к экономической сфере ее влияния. Вот и посмотрите...

Рука Риоза легла на кнопку, и поле мелких белых точек окрасилось в темно-синий цвет и накрыло красные и розовые точки, будто перевернутая чаша.

– Звезды, накрытые синим куполом, завоеваны моим флотом, – со спокойным удовлетворением сообщил Риоз. – И мы идем вперед. Нигде не встречено сопротивления. Варвары настроены миролюбиво. Кроме того – ни малейшего сопротивления со стороны вооруженных сил Академии. По всей вероятности, мирно спят и ничего не ведают.

– Ваши силы рассредоточены, как я понимаю? – спросил Барр.

– Естественно, – кивнул Риоз. – За исключением особых обстоятельств. Ключевые точки, где находятся мои гарнизоны, укреплены. Их немного, но они избраны очень верно со стратегической точки зрения. В этом много преимуществ. Гораздо больше, чем может показаться тому, кто не занимался скрупулезным изучением тактики звездных войн. Но думаю, любому ясно, что я могу вести нападение из каждой точки этого замкнутого круга и что, когда мой план окружения будет доведен до конца, Академия не сможет контратаковать ни на флангах, ни с тыла. Я просто не оставлю им ни флангов, ни тыла!

Эта стратегия предварительной блокады применялась и раньше, например, во время кампании Лориса VI. Но, во-первых, это было две тысячи лет назад, а во-вторых, тогда план не был доведен до конца. Так получалось, что враг или знал, или догадывался о подобных планах и успевал контратаковать. Сейчас все выглядит иначе.

– Идеальный хрестоматийный случай? – равнодушно поинтересовался Барр.

Риоз разозлился.

– Вы по-прежнему уверены, что моя армия проиграет?

– Должна проиграть.

– Да как вы не поймете! В военной истории не было случая, чтобы при успешно завершенной блокаде атакующая армия не победила бы, если только с тыла по ней не ударит флот, сил которого достаточно для прорыва блокады!

– Вам виднее.

– И все-таки вы остаетесь при своем мнении?

– Да.

Риоз пожал плечами.

– Как хотите.

Барр выдержал паузу и спокойно спросил:

– Вы получили ответ от Императора?

Барр вытащил из контейнера в стене у себя над головой сигарету и медленно закурил.

– Вы имеете в виду мою просьбу о подкреплении? Ответ пришел, но это всего лишь отписка. Не более того.

– Кораблей не будет.

– Нет. Я этого, в общем, ожидал. Честно говоря, патриций, я уже жалею, что наслушался ваших идиотских теорий. Это выставляет меня в ложном свете.

– Разве?

– Однозначно. Корабли – роскошь в наши дни. В гражданских войнах за последние два столетия погибло больше половины Великой Армады, а те, что уцелели, находятся в весьма плачевном состоянии. Видите ли, патриций, между нами говоря, те корабли, что строят сегодня, гроша ломаного не стоят. Я так думаю, что сейчас во всей Галактике вряд ли отыщется грамотный инженер, способный собрать первоклассный гиператомный двигатель.

– Я знаю об этом, – кивнул сивеннианец. Взгляд его стал острым и внимательным. – Для меня это не новость. Но я не знал, знаете ли об этом вы. Значит, Его Императорское Величество не может себе позволить разбрасываться кораблями направо и налево. Психоистория могла это предвидеть. Да скорее всего, и предвидела. Я бы сказал, что мертвая рука Гэри Селдона побеждает-таки в открытом бою.

Риоз резко оборвал его:

– Кораблей у меня и сейчас достаточно. И ни черта ваш Селдон не выигрывает. Только тогда, когда ситуация станет более серьезной, нам понадобятся новые корабли. И они у меня будут. Просто пока Император всего не знает.

– Да? И о чем же вы умолчали?

– Естественно – о ваших теориях, – сардонически усмехнулся Риоз. – Дело в том, патриций, что, при всем моем к вам уважении, теории ваши представляются мне абсолютно вздорными. Вы уж не обижайтесь. Только если ситуация обострится, только если будут какие-то конкретные факты, тогда и только тогда я буду говорить с Императором о смертельной опасности. Не раньше. И еще, – непринужденно добавил Риоз. – Теория, не подтвержденная фактами, сильно отдает черной магией, а, вы сами знаете, наш Император это недолюбливает.

Старый патриций улыбнулся.

– Вы хотите сказать, что объявлять Императору о том, что его августейшему трону угрожает кучка презренных варваров откуда-то с задворок Галактики, глупо, потому что он в это не поверит. Тогда вам и вовсе нечего ждать от него помощи.

– Если только не удастся заполучить сюда Чрезвычайного Посла.

– А зачем здесь нужен Чрезвычайный Посол?

– Это старая традиция. Непосредственный представитель двора присутствует на любой военной кампании, осуществляющейся в государственных интересах.

– Правда? А зачем?

– Ну… чтобы создать иллюзию, будто всей кампанией руководит лично Император. Ну, и лишняя возможность убедиться в лояльности генералов. В чем, в чем, а в последнем – традиция себя оправдала…

– Но вам это должно быть не слишком удобно, генерал. Посторонний авторитет, я имею в виду.

– Конечно, – буркнул Риоз и слегка покраснел. – Но тут уж ничего не поделаешь.

В этот момент загорелся экран приемного устройства, и из него с мягким щелчком выпал блестящий цилиндр. Риоз раскрыл цилиндр и прочитал донесение.

– Отлично! То самое!

Дьюсем Барр вопросительно приподнял брови.

– Вы знаете, что мы захватили одного из этих… как их там… Торговцев. Живого – и в неповрежденном корабле? – спросил Риоз.

– Я слышал об этом.

– Ну, так вот. Его только что доставили сюда. Через минуту он будет здесь. Останьтесь, патриций. Я хочу, чтобы вы присутствовали при допросе. Я вас за этим и вызвал сюда. Поможете мне в случае чего, ясно?

Прозвенел звонок на входной двери. Генерал нажал ногой педаль под столом. Дверь открылась. Человек, стоявший на пороге, был высокого роста, бородатый. На нем была короткая куртка из мягкого, похожего на тонкую кожу, пластика, с капюшоном, отброшенным на спину. Руки его были свободны, правда, сопровождавшие его были вооружены, но он этого как будто не замечал.

Он вошел вразвалку и с любопытством осмотрелся. Поприветствовал генерала легким

кивком и фамильярным жестом.

– Ваше имя? – сухо спросил Риоз.

– Латан Деверс, – ответил торговец, заложив ладони за широкий узорчатый пояс. – А вы – здешний босс?

– Вы – торговец из Академии?

– Точно. Послушайте, если вы тут действительно босс, вы бы лучше сказали вашим парням, чтобы они не баловались с моим грузом.

Генерал поднял голову и смерил пленного ледяным взглядом.

– Извольте отвечать на вопросы. Распоряжения здесь отдаю я.

– Ладно. Я человек покладистый. Только учтите, что один из ваших парней уже заработал дырку в груди – фута в два, не меньше, когда сунул руки не туда куда надо.

Риоз перевел взгляд на дежурного лейтенанта.

– Этот человек говорит правду, Врэнк? В вашем отчете сказано, что потерь нет.

– Потерь не было, сэр, – твердо отрапортовал лейтенант, – когда я писал отчет. Позже мы попытались обыскать корабль, сэр, потому что прошел слух, будто на корабле – женщина. Женщины мы не обнаружили, но нашли множество устройств, назначение которых нам неизвестно. Этот человек утверждает, что это – его торговый груз. Один из наших солдат пытался разобраться с одним устройством, но оно взорвалось у него в руках. Он погиб.

Генерал спросил у торговца:

– На вашем корабле есть ядерное оружие?

– Да нет же! На кой оно мне сдалось? Этот ваш солдат, олух, схватил ядерную дрель, направил ее на себя и включил на полную мощность. И как это ему в голову пришло? Это же все равно что нейтронный бластер к башке приставить! Честное слово, я бы его остановил, если бы в это время на мне не сидело верхом пятеро ваших молодцов!

Риоз махнул рукой охранникам.

– Все свободны. Можете идти. К захваченному кораблю не приближаться. Сядьте, Деверс.

Торговец уселся па предложенный стул. Чувствовал он себя легко и непринужденно под свинцовым взглядом генерала и любопытным – сивеннианского патриция.

– А вы – неглупый человек, Деверс, – процедил сквозь зубы Риоз.

– Спасибошки. Вы... как это... физиономист? Или вам от меня что-то надо? Я вам вот что скажу: я – неплохой бизнесмен, вот и все.

– Это почти одно и то же. Вы сдались в плен вместо того чтобы понапрасну сопротивляться. Это правильно. Начни вы сопротивляться – от вас бы мокрого места не осталось. Если вы и впредь будете вести себя так же разумно, с вами будут хорошо обращаться.

– Класс! Хорошее обращение – это то, что я больше всего уважаю, босс.

– Отлично. А я больше всего уважаю согласие сотрудничать, – улыбнулся Риоз и тихо – Барру: – Надеюсь, я правильно понял слово «уважаю» в этом контексте? Слыхали ли вы когда-нибудь такой варварский жаргон?

Деверс спокойно, даже лениво проговорил:

– Ладно, вроде, я вас понял. Только о каком сотрудничестве речь? Прямо скажем, я не врубился, где это я нахожусь?

Он огляделся по сторонам.

– Ну да, что за местечко, и вообще, в чем дело?

– Ах, простите, я забыл представиться, – добродушно улыбнулся Риоз. – Этот джентльмен – Дьюсем Барр, патриций Империи. Я – Бел Риоз, Пэр Империи, Генерал Третьего ранга вооруженных сил Его Императорского Величества.

Торговец раскрыл рот от удивления.

– Вот те раз! Империя? – пробормотал он, – То есть старая Империя, про которую нам в школе рассказывали. Ха! Вот здорово. А я-то думал, что ее и нет вовсе!

– Прекрасный шанс убедиться, что она существует.

– Да... Вообще-то можно было догадаться, – согласился Латан Деверс, задрав голову и поглядев на потолок. – С Периферии-то никто не сумел бы захватить мое старое корыто. Ну, так что за дела, босс, – нахмурился он. – Или мне вас генералом называть?

– Дела такие: война.

– Империя против Академии – так, что ли?

– Совершенно верно.

– А почему?

– Думаю, вы знаете почему.

Торговец взглянул на Риоза и отрицательно покачал головой.

Риоз немножко помолчал, потом мягко повторил:

– Я просто уверен, что вы знаете почему. Латан Деверс пробормотал:

– Жарковато тут у вас, – и встал, чтобы снять куртку. Сев, вытянул ноги.

– «Знаете», – ворчливо передразнил он. – Вы зря ждете, что я сейчас вскочу и начну орать от удивления. Да я мог бы с вами в два счета разделаться, и этот старикан, что сидит тут и помалкивает, мне бы не помешал!

– Но вы не будете этого делать, – уверенно резюмировал Риоз.

– Не буду, – согласился Деверс. – Во-первых, потому, что даже если я вас прикончу, война-то ведь от этого не прекратится. Там у вас, я чувствую, генералов хватает...

– Верно подмечено.

– А потом, и меня самого кокнут тут же, как только я вас отправлю на тот свет, – чуть раньше, чуть позже, но кокнут, это точно. А это в мои планы не входит. Выгоды никакой.

– Я же сказал, что вы неглупый человек.

Деверс кивнул.

– Только, босс, было бы все-таки желательно, если бы вы мне растолковали, почему это вы, черт подери, так уверены, что я знаю, с чего это вы на нас напали. Нет, честно, я понятия не имею. А в загадки играть как-то неохота.

– Да? А про Гэри Селдона вы никогда не слышали?

– Нет. Я же сказал, что в загадки не играю.

Риоз бросил быстрый взгляд на Дьюсема Барра, который лишь тонко улыбнулся в ответ и опять погрузился в молчаливую задумчивость.

– Вы не играете, Деверс, – криво усмехнулся Риоз и продолжил: – Ходят слухи или сказки, но не исключено, что это правда, о вашей Академии, что в один прекрасный день вы собираетесь основать Вторую Империю. Я в подробностях знаю обо всех штучках Селдона, а также и о том, что вы вынашиваете агрессивные планы против Империи.

– Неужели? – Деверс задумчиво и удивленно покачал головой. – И кто же вам про это рассказал?

– Какая разница? – отозвался Риоз, постепенно теряя терпение. – Вы здесь не для того чтобы задавать вопросы. Я хочу, чтобы вы рассказали мне все, что вам известно про сказку о Селдоне.

– Так. Значит, я вам сказки должен рассказывать? Нашли нянюшку!

– Не цепляйтесь к словам, Деверс.

– Я и не цепляюсь. Я вам прямо скажу. Я знаю об этом столько же, сколько вы. Это чистая чепуха, наполовину выдумка. В любой стране есть свои сказки, не без этого, правда же? Да, слыхал я кое-какую болтовню вроде этого – Селдон, Вторая Империя, все такое... Ну, правда, про это на ночь сказочки рассказывают. Детишки смотрят триллеры про Селдона. В общем, все это не для взрослых. Во всяком случае, не для тех взрослых, кто соображает, что к чему.

Генерал прищурился.

– Это правда? Вы лжете, молодой человек, и напрасно. Я был на вашей планете, Терминусе. И видел все собственными глазами.

– А чего же тогда меня спрашиваете? Я-то там, дай бог, два месяца из десяти пробыл. Так что – зря время теряете. А вообще – воюйте на здоровье, если вам так охота воевать со сказками.

Тут впервые подал голос Барр.

– Вы так уверены, что Академия победит? – спросил он тихо.

Торговец удивленно повернул голову в его сторону. Он слегка покраснел, и стал виден беловатый шрам на виске.

– Гм-м... А вы, оказывается, не немой? И почему же вы сделали *такой* вывод из моих слов, док?

Риоз небрежно кивнул Барру, и сивеннианец все так же тихо продолжил:

– Потому что вам неприятна *была бы* мысль о том, что ваш мир может проиграть в войне, я это понял. Мой мир проиграл однажды, и я знаю, что это такое.

Латан Деверс запустил пятерню в бороду, поскреб ее, поглядел по очереди на своих собеседников и, запрокинув голову, издал короткий смешок.

– Он, что, всегда так разговаривает, босс? Послушайте, – сказал он более серьезно, – что такое поражение? Видел я войны, видел я и поражения. Что значит победить? Кого это волнет? Меня? Таких парней, как я? – Он поджал губы и скептически покачал головой. – Я вам вот что скажу, а вы слушайте, – твердо, уверенно продолжал торговец. – Всегда есть пять-шесть жирных слюнтяев, которые управляют какой-нибудь планетой. Вот они-то будут дрожать, как кролики. Только мне до них нет абсолютно никакого дела. Ясно? Народ? Ну, то есть самый простой народ? Ну, кого-то, понятное дело, кокнут, не без этого, а остальным придется какое-то время платить дополнительные налоги. Но в конце концов все как-то устраивается. А потом – все то же самое, только слюнтяи другие.

Щеки Барра побагровели, вздулись жилы на худых руках, но он промолчал.

Латан Деверс смотрел на него в упор. От его глаз ничто не ускользало. Переведя взгляд на генерала, он проговорил:

– Послушайте! Я болтаюсь в космосе годы напролет со своими безделушками и продаю их за бесценок. А они, толстяки поганые, – он указал большим пальцем за спину, – сидят себе дома и только и делают, что подсчитывают мои доходы. Снимают сливки с меня и еще с сотен таких, как я. Ну, представьте, что было бы, если бы Академией управляли вы. Вы бы все равно без нас не обошлись. Мы бы вам еще больше были нужны, чем нашему правительству драгоценному, потому что вы плохо знакомы с ситуацией, правильно? А мы, помимо всего прочего, еще и доходы неплохие приносим. Так что уж кто-то, а мы смогли бы с Империей договориться. Я вам точно говорю, а я – человек дела. Если для меня это будет выгодно – я «за»! – твердо сказал он, смерив собеседников решительным взглядом.

Некоторое время сохранялась тишина. Ее нарушил тихий шорох в приемнике почты. Генерал вынул оттуда цилиндр. Пробежал глазами донесение и резко включил видео передатчик.

– Подготовьте план с указанием местонахождения всех кораблей. Ожидайте приказа. Полная боевая готовность!

Риоз потянулся за шлемом. Пристегивая его, он обернулся к Барру и небрежно бросил:

– Оставляю нашего гостя на ваше попечение. Буду ожидать результатов. Идет война, и я буду беспощаден. Помните об этом, патриций!

Латан Деверс проводил Риоза взглядом и повернулся к Барру.

– Похоже, генерал схлопотал по большому месту. Что стряслось, док?

– Наверное, сражение, – хрюкло ответил Барр. – Полагаю, вооруженные силы Академии дают первый бой. Давайте-ка лучше уйдем отсюда.

В комнату вошли вооруженные солдаты. Выправка их была безукоризненна, лица угрюмы. Деверс вслед за гордо поднявшим голову сивеннианским патрицием вышел из комнаты.

…Комната, в которую их препроводили, была гораздо меньше и обставлена скромнее, нежели штабной кабинет Риоза. В ней стояли две кровати, видеоприемник. За маленькой дверью – душ и туалет. Солдаты вышли, дверь за ними со стуком закрылась.

– Хм-м… – вытянул губы Деверс. – Похоже, это надолго…

– Так оно и есть, – коротко отозвался Барр и отвернулся.

Торговец раздраженно спросил:

– Ну, а вы-то тут в какие игры играете, док?

– Ни в какие игры я не играю. Просто вы переданы под мою ответственность, вот и все.

Торговец подошел к сидевшему на кровати сивеннианцу. Его внушительная фигура нависла над старым патрицием.

– Да? А почему же вы тут заперты вместе со мной? Что-то мне показалось, что, когда нас сюда вели под конвоем, бластеры были направлены на вас так же, как и на меня. И потом – вы же просто взбесились, когда я разорялся там о войне и мире.

Он тщетно дождался ответа. Не дождавшись, продолжил:

— Ладно, я вас лучше вот о чем спрошу. Вы сказали, что *ваша* страна однажды пострадала. От кого? От каких-нибудь инопланетян из неведомой туманности?

Барр поднял на торговца взгляд, исполненный тоски.

— От Империи.

— Вот как? А здесь вы что делаете?

Барр красноречиво молчал.

Торговец выпятил нижнюю губу и понимающе кивнул. Снял с правой руки плоскую цепочку-браслет и протянул Барру.

— Что скажете?

На левой руке у него был такой же браслет. Сивеннианец взял браслет. По знаку торговца надел его на запястье, защелкнул. Странное покалывание в запястье быстро прошло.

Голос Деверса сразу изменился.

— Ладно, доктор, теперь можете быть спокойны. Говорите свободно. Если эта комната прослушивается, они ничего не услышат. Это — искажатель поля, изобретение гениального Мэллоу. Продается за двадцать пять кредиток в любом мире отсюда до самого края Галактики. Вам — так и быть — бесплатно. Только не раскрывайте широко рот, когда говорите, и не волнуйтесь. Ничего, вы быстро освоитесь.

Дьюсем Барр вместо покоя вдруг ощутил страшную усталость. А взгляд торговца был суров и требователен. Стараясь говорить тише, Барр спросил:

— Чего вы хотите от меня?

— Я уже сказал. Те немногие слова, что вы сказали, сильно отдают тем, что у нас называют патриотизмом. Ваш собственный мир завоеван Империей. А вы тут играете в крестики-нолики с белокурой бестией — имперским генералом. Как это понимать, а?

Барр устало ответил:

— Я уже сделал свое дело. Имперский вице-король — захватчик был отправлен на тот свет моими руками.

— Да? И давно ли?

— Сорок лет назад.

— Сорок... лет... назад?!

Смысл сказанного постепенно дошел до торговца.

— Да... Долгий срок для того чтобы жить воспоминаниями.. А этот подонок в генеральских погонах знает об этом?

Барр кивнул.

Глаза Деверса потемнели. Он напряженно размышлял.

— А... вы хотите, чтобы Империя победила?

Старый патриций неожиданно всхлипнул:

— Пусть Империя провалится в тартарары! Вся Сивенна за это молится каждый день. Когда-то у меня были братья, сестра, отец. Сейчас у меня есть дети и孙子. Генерал знает, где их найти.

Деверс ждал.

Барр продолжал шепотом:

— Но и это бы меня не остановило, если бы игра стоила свеч. Они знали бы, как умереть.

Торговец тихо проговорил:

— Выходит, вы когда-то убили вице-короля? Пожалуй, я кое-что начинаю понимать... Когда-то у вас был мэр. Знали его Хобер Мэллоу. Он побывал в Синение — так называется ваш мир? Там он встречался с человеком по фамилии Барр...

Дьюсем Барр тяжело, устало смотрел на торговца.

— Что вы знаете об этом?

— То же, что и любой торговец из Академии. Я вот что хочу сказать, док. Я ведь могу вам не поверить. Почему бы вам не оказаться хитрющим стариканом, посаженным здесь для того чтобы выведать у меня побольше. Ясное дело, вам угрожали смертью родственников, и вы ненавидите Империю и всей душой желаете ее погибели. Тогда я развешиваю уши и раскрываю вам душу к большой радости генерала. Нет, док, так у нас ничего не выйдет. Но как бы то ни

было, мне жутко хотелось бы, чтобы вы доказали мне, что вы действительно сын Онума Барра из Сивенны – шестой, младший сын, которому удалось избежать смерти.

Дрожащей рукой Дьюсем Барр открыл маленький металлический ящичек в нише стены. Металлический предмет, который он вынул оттуда, тихонько звякнул, когда он положил его в руку торговца.

– Вот. Взгляните, – прошептал он.

Деверс поднес предмет ближе к глазам. Это было выпуклое центральное звено цепочки. Он ахнул...

– Это монограмма Мэллу! Провалиться мне сквозь землю – эта штука сделана пятьдесят лет назад. Это так же верно, как то, что я – Латан Деверс.

Он запрокинул голову и тихо рассмеялся.

– Отлично, док! Генератор персонального защитного поля – то самое доказательство, которое был нужно!

И он протянул Барру свою здоровенную ручищу.

Глава шестая Фаворит

Небольшие юркие кораблики появились из черной пустоты пространства и ринулись в центр Армады. Без единого выстрела и выброса энергии они проскочили через буквально перегороженную имперскими линкорами территорию и дали несколько залпов. Неуклюжие имперские звездолеты только успевали поворачиваться за ними с грациозностью бегемотов. Сверкнули две бесшумные вспышки – будто два светляка вспыхнули и погасли на черных небесах. Остальные корабли противника удалились так же быстро и неожиданно, как и появились.

Имперские корабли побродили еще немного – и вернулись к выполнению своей главной задачи. Мир за миром, система за системой – кольцо блокады смыкалось...

Военная форма ловко сидела на Бродриге – она была хорошо подогнана, да и носил он ее щегольски. Он лениво прогуливался по парку на далекой планете Ванда, где теперь размещалась Ставка Верховного Главнокомандующего Имперским Флотом. Лицо его было угрюмо.

Рядом с ним вышагивал Бел Риоз. Верхняя пуговица кителя была расстегнута. Серо-черная полевая форма генерала выглядела мрачновато рядом с парадным мундиром Бродрига.

Риоз указал на блестящую черную скамейку, стоявшую в тени благоухающего куста папоротника, громадные перистые листья которого тянулись к белесому солнцу.

– Взгляните, сэр. Вот образчик имперской старины. Резные скамейки, поставленные для влюбленных. Стоят себе и стоят, ничего им не делается. А дворцы и заводы лежат в руинах.

Он уселся на скамейку, а Личный Секретарь Клеона II остался стоять перед ним, легонько трогая листья папоротника своей изящной тростью из слоновой кости.

Риоз закинул ногу на ногу и предложил своему спутнику сигарету. Достал еще одну для себя и проговорил:

– Именно этого следовало ожидать от нашего мудрейшего Императора. Его Величество просто не мог послать лучшего наблюдателя, чем вы. А то я, признаться, чувствовал себя в высшей степени неловко, отвлекая его особу от более важных дел, нежели незначительная военная кампания на Периферии.

– Очи Императора зрят повсюду, – лениво, заученно отозвался Бродриг. – Мы далеки от того, чтобы недооценивать важность кампании, но нам до сих пор кажется, что трудность ее осуществления несколько преувеличена. Их маленькие кораблики, несомненно, не могут быть непреодолимым барьером для завершения Блокады.

Риоз вспыхнул, но овладел собой.

– Я не имею права рисковать жизнью своих людей. Их мало. Не могу рисковать и кораблями – их мне никто не возместит, если я предприму грубую атаку. Завершение Блокады снизит наши потери в окончательной атаке, какой бы трудной она ни оказалась. Военные

принципы этой тактики я имел честь объяснить вам вчера.

– Да-да, конечно, я же не военный. Просто у меня такое впечатление, что вы изо всех сил стараетесь убедить меня в том, что все, что кажется так просто и ясно, на самом деле не так. Мы вам это позволили. Однако ваша предосторожность этим не ограничивается. Во втором вашем донесении вы потребовали подкрепления. Для чего? Для борьбы с противником малочисленным, нищим – варварами, с которыми у вас до сих пор не было ни одного серьезного столкновения. Просьба о подкреплении в такой ситуации говорит либо о вашей некомпетентности, либо... о чем-то похуже – тем более что вся ваша карьера доказала, как вы упрямые, дерзкие и как страдаете избытком воображения.

– Благодарю вас, – холодно отозвался генерал. – Однако позволю себе напомнить вам, что упрямство и слепота – далеко не одно и то же. Можно позволить себе разрабатывать тонкие стратегические ходы, когда имеешь дело с противником, от которого знаешь что ждать. Тогда возможно хотя бы приблизительно определить степень риска. Однако всякий шаг по отношению к незнакомому врагу – дерзость сам по себе. С таким же успехом можно гадать, почему днем человек спокойно ходит по тесной комнате, а ночью натыкается на мебель.

Бродриг ответил на тираду генерала неопределенным изящным жестом.

– Красиво. Но неубедительно. Вы же лично побывали в этом варварском мире. Кроме того, у вас содержится пленник, торговец. Как я понимаю, между вами и пленником нет полосы ночного тумана?

– Вы так думаете? Простите, но я возьму на себя дерзость напомнить вам, что мир, который два столетия развивался в изоляции, нельзя вот так сразу взять и понять! Я там пробыл всего месяц. Я солдат, а не супермен с квадратным подбородком и непробиваемой грудью из субэфирного голограммического триллера! Точно так же и один-единственный пленник, член непонятного экономического сообщества, которое не связано напрямую с правительством противника, – не слишком надежный источник информации о секретах военной стратегии врага.

– Вы его допрашивали?

– Допрашивал.

– Ну и?

– Довольно результативно, но все же не настолько, насколько хотелось бы. Его корабль невелик, военное значение – ноль. Он торгует маленькими безделушками. Они забавны, но не более того. Самые интересные я хотел бы отослать в качестве сувениров Его Величеству. Вот в конструкции корабля есть кое-что интересное. Но не все пока понятно. Но я и не инженер, с другой стороны.

– Что, на флоте нет специалистов?

– Есть, – желчно отозвался генерал. – Но этим балбесам придется еще долго головы ломать, прежде чем они докопаются до того, что меня интересует. Я уже просил прислать сюда хоть одного мало-мальски смыслящего инженера, который смог бы разобраться в принципе действия странных силовых полей, имеющихся в конструкции корабля. Ответа пока нет.

– Таких специалистов мало, генерал. Неужели а подведомственной вам провинции не отыщется ни одного специалиста по ядерной энергетике?

– Да если бы такой был, он бы уже давно привел в чувство хромающие, покалеченные двигатели двух моих подбитых кораблей! У меня всего-то десять звездолетов, и два из них не годятся для серьезного сражения из-за недостаточного энергетического обеспечения. То есть пятая часть моего флота должна будет прятаться за атакующими кораблями, когда дело дойдет до настоящей драки!

Пальцы секретаря нервно скользили по рукоятке трости.

– Вы не один в таком положении, генерал. У Императора те же трудности.

Генерал бросил на землю свою измятую, так и не закуренную сигарету, достал другую, закурил, пожал плечами.

– Да я все понимаю. Конечно, это дело не сегодняшнего дня – отсутствие профессионалов высокого класса. Да и с пленником дело пошло бы успешнее, если бы прибор для психологического тестирования был в порядке.

Брови секретаря поползли вверх.

– У вас есть психотест?

– Старенький. Развалина – вечно выходит из строя именно тогда, когда нужен. Я включил его, когда пленный спал, и ничего не добился. Такие вот дела. Я проверял прибор на своих подчиненных, и реакция была совершенно адекватная, но опять-таки никто из моего персонала – я имею в виду инженеров – не может понять, почему с пленным прибор не срабатывает. Дьюсем Барр – ученый-теоретик, не разбирающийся в механике, говорит, что, вероятно, структура психики пленного может быть нечувствительна к тесту, поскольку тот якобы с детства находился под влиянием чужеродной среды и инородных нейронных стимулов. Не знаю... Но думаю, что кое-что из него еще можно будет выудить. Именно из этих соображений я оставил его в живых. Пока.

Бродриг оперся на трость.

– Я попытаюсь найти специалиста в столице. Кстати что это за человек, о котором вы упомянули? Сивеннианец? Не много ли врагов, к которым вы излишне милосердны?

– Он кое-что знает о противнике. Его я тоже берегу на будущее. Он может оказаться полезным.

– Но он сивеннианец и сын мятежника.

– Он стар и немощен, а его родственники – заложники.

– Понятно. Тем не менее мне хотелось бы лично побеседовать с пленным.

– Конечно.

– Наедине, – холодно добавил секретарь.

– Конечно, – вяло согласился генерал. – Как верный слуга Императора, я принимаю его личного представителя как старшего по чину. Однако, поскольку пленный находится на нашей стационарной базе, вам придется покинуть передовую в очень интересный момент.

– Да? В каком же смысле интересный?

– В том смысле, что сегодня завершено формирование Блокадного кольца. В том смысле, что через неделю Двадцатый Пограничный Флот выступает вперед к цели – в очаг сопротивления.

Риоз улыбнулся и отвернулся.

Бродриг почувствовал себя задетым...

Глава седьмая Подкуп

Сержант Мори Люк был образцовым солдатом. Родом он был из обширного сельскохозяйственного мира системы Плеяд, где только армейским подразделениям было под силу справляться с каторжными сельскими работами. Армейская карьера его ничего выдающегося собой не представляла. Начисто лишенный эмоций, он без опаски смотрел страху в глаза. Он был по-крестьянски силен и ловок и не раз выходил победителем из нешуточных переделок. Беспрекословно выполнял приказы, с подчиненными был прост и справедлив, генералу предан беззаветно.

Тем не менее характер у него был веселый и жизнерадостный. Если ему и доводилось пускать в ход оружие по долгу службы, делал он это не задумываясь, но беззлобно.

Сержант Люк позвонил у двери, прежде чем войти, но мог бы этого и не делать – он имел полное право войти, не позвонив.

Двоих узников в это время ужинали. Оторвавшись от еды, они встретили сержанта вопросительными взглядами. Тот, что был помоложе, встал, чтобы уменьшить громкость транзисторного телевизора.

– Еще книжек принесли? – поинтересовался Латан Деверс.

Сержант вытащил из кармана небольшой цилиндр с микропленкой и поскреб пятерней шею.

– Да, вот взял у инженера Орре. Надо будет вернуть. Он вроде бы собирался отправить эту штуковину своим ребятишкам. Как сувенир, понимаете?

Дьюсем Барр повертел цилиндр в руках и спросил:

– А откуда это у инженера? У него есть телевизор?

Сержант решительно замотал головой и, кивнув в сторону стоящего на полу у кровати старенького телевизора, сообщил:

— Нет, этот, что у вас, здесь единственный. Больше нет. Этот парень, Орре, значит, заполучил эту книжку в одном из этих миров, которые мы захватили, — не помню названия. Она, книжка-то, хранилась там в каком-то доме особом — одна, представляете? Ну, и ему пришлось кокнуть пару туземцев, чтобы ее заполучить.

Он оценивающе глянул на цилиндр.

— Ну, для ребятишек, наверное, в самый раз будет.

Немного помолчав, вкрадчиво добавил:

— Тут, между прочим, кое о чем поговаривают. Может, и врачи, но прямо страсть как хочется вам рассказать. Наш генерал — ну, в общем, полный успех.

Он красноречиво моргнул.

— Вот как? — удивился Деверс, — А в чем успех?

С опаской оглянувшись на дверь, сержант прошептал:

— Блокада завершена, вот что! Ну, разве он не молодец? — радостно прищелкнул языком сержант. — Ведь как быстро все провернул! Один из наших, мастер красиво выражаться, сказал, что все было так красиво — ну вроде... как же он это сказал-то? А! Музыка сфер, вот как! Только я в этом все равно ни черта не смыслю.

— Теперь начнется генеральное наступление? — тихо спросил Барр.

— Наверно! — резво откликнулся сержант. — Мне бы теперь поскорее вернуться к себе на корабль. Рука-то у меня уже срослась. Чертовски надоело валяться тут на койке, разрази меня гром!

— Мне тоже, — горько вздохнул Деверс.

Сержант подозрительно поглядел на Деверса и сказал:

— Пожалуй, я пойду. Скоро капитан начнет обход. Не дай бог, тут застукает.

Дойдя до двери, Люк остановился.

— Да, кстати, сэр, — проговорил он смущенно, обратившись к торговцу, — я тут с женой разговаривал. Она говорит, что тот маленький морозильничек, что вы мне дали, чтоб я его послал, здорово работает! Он ведь ей даром достался, а она уже успела месячный запас продуктов заморозить. Так что я очень доволен.

— Все в порядке. Не стоит благодарности.

Толстенная дверь бесшумно открылась и так же бесшумно закрылась за улыбающимся сержантом.

Дьюсем Барр встал со стула.

— Ну что ж, он честно расплатился с нами за морозильник. Давайте-ка посмотрим, что же это за новая книга. Ага, названия нет...

Он отмотал около ярда пленки и посмотрел на свет. Удивленно пробормотал:

— Разрази меня гром, как выражается наш сержант! Это же «Сад Саммы», Деверс!

— Да? — лениво отозвался торговец, отодвигая в сторону тарелку с остатками ужина. — Садитесь, Барр. Я ничего не смыслю в этой вашей древней литературе. Вы слышали, что сержант сказал?

— Слышал. И что?

— Того гляди, наступление начнется! А мы тут торчим!

— А где бы вы предпочли торчать?

— Ох, только не надо... Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю. Ждать больше нельзя!

— Нельзя? — безразлично повторил Барр, вынимая из приемника старую пленку и вставляя новую. — Послушайте, за месяц вы мне столько рассказали об истории Академии, и, знаете, у меня возникло впечатление, что ваши прежние лидеры во время кризисов только и делали, что сидели и... ждали.

— Да, Барр, но они хотя бы знали, куда идут!

— Разве? А мне почему-то показалось, что они говорили об этом, когда все уже было позади. Причем, насколько я понимаю, большей частью так оно и было. Но нет никаких доказательств, что все пошло бы лучше и проще, если бы они знали, куда идут. Глубинные экономические и социальные процессы не могут управляемы отдельными людьми.

Деверс хмыкнул.

— Да. Но нет и доказательств, что вес могло пойти хуже. Вы не с той стороны смотрите. — Он прищурился. — А не прикончить ли его?

— Кого? Риоза?

— Да.

Барр вздохнул. Глаза его затуманились — видимо, вспомнил дела давно прошедших дней.

— Убийство — не выход, Деверс. Я сам однажды сделал это. То есть меня убедили, что это необходимо. Мне было двадцать лет тогда. Но я ничего не решил. Я убрал злодея из Сивенны, но от имперского ига мы не избавились. Конкретный человек не имел значения.

— Но Риоз не просто злодей, док. Он — это вся его проклятущая армия. Без него она рассыплется! Они же, как детишки, на нем висят. Вы на сержанта посмотрите — он же просто пузыри от умиления пускает, стоит ему только о генерале заговорить!

— Пусть так. Обязательно отыщутся другие армии, другие генералы. Нужно смотреть глубже. Например, существует Бродриг. Его никак нельзя сбрасывать со счетов — никто другой не имеет такой возможности шептать на ушко Императору. Он может потребовать — и получит! — сотни кораблей там, где Риоз вынужден обходиться десятком. Мне отлично известна его репутация.

— Вот как? И что же он за птица? — загорелись глаза торговца.

— Коротко? Он — наглый простолюдин, путем беспрогрышной лести проникший в окружение Императора. Его до смерти ненавидит дворцовая аристократия (сами подонки — хуже некуда), поскольку ему в равной степени плевать и на аристократов, и на простонародье. Он — советник Императора по всем вопросам и его правая рука, в самых темных делишках. Он бесчестен по сути и лоялен исключительно по необходимости. В Империи вряд ли отыщется человек, более изощренный в злодействах и более грубый в развлечениях. Говорят, к Императору просто невозможно проникнуть без протекции Бродрига, а к самому Бродригу — не иначе как через унижение.

— А-га... — задумчиво пробормотал торговец, поглаживая аккуратно подстриженную бороду. — И именно этого человека Император послал сюда приглядывать за Риозом... Знаете что? У меня есть идея.

— Знаю.

— Допустим, этому Бродригу не слишком понравится наш молодой армейский божок...

— А он и так от него не в восторге. Риоз вообще мало кому нравится.

— Отлично! Допустим, дела пойдут не слишком хорошо. И Император об этом узнает. Тогда Риозу придется туговато, верно?

— Пожалуй. Весьма вероятно. Но как вы думаете это устроить?

— Пока не знаю. Может, его можно подкупить?

Патриций тихо рассмеялся.

— Наверное, можно, но только не так, как нашего милейшего сержанта. Уж никак не с помощью карманного морозильника! Но даже если вам удастся придумать что-нибудь соответствующее его уровню, вряд ли из этого что-то выйдет. Подкупить-то его, пожалуй, легче, чем кого-либо другого, но у него нет ни капли честности для джентльменской сделки. Он не останется подкупленным, понимаете? Ни за какую цену. Придумайте что-нибудь еще.

Деверс закинул ногу на ногу.

— Ценная информация. Хотя...

Он замолчал, потому что вспыхнула сигнальная лампочка и на пороге снова возник сержант. Он был взволнован, круглая физиономия пылала румянцем. Вопреки обыкновению, он не улыбался.

— Сэр... — начал он, изо всех сил стараясь сохранять почтительный тон. — Я вам, конечно, очень благодарен за морозильник, и вы всегда ко мне были так добры, хотя я всего-навсего сын простого крестьянина, а вы — такие важные господа...

От волнения он говорил со страшенным плеядским акцентом, и выглядел он сейчас действительно деревенщиной — куда девались всегдешняя военная выпрявка и четкость!

— Что случилось, сержант? — поинтересовался Барр.

— Лорд Бродриг прибывают сюда для встречи с вами! — выпалил сержант. — Для встречи с

вами. Завтра! Я знаю про это, потому что капитан приказал мне приготовиться к смотру назавтра для... для его встречи! Я подумал... что должен предупредить вас.

— Спасибо, сержант. Мы вам очень признательны. Но почему вы так взволнованы? Что в этом такого...

Однако его слова нисколько не успокоили сержанта Люка. На лице его был написан страх. Срывающимся голосом он прошептал:

— Вы просто не знаете, что это за человек! Про него такое рассказывают! Он... продал душу космическому дьяволу, вот что! Говорят еще, что он ни шагу не ступит без своих телохранителей, вооруженных бластерами. И когда ему захочется, он приказывает им стрелять в любого, кто попадется, — просто так, для удовольствия. Они и стреляют, а он — он смеется! Говорят, — сержант покосился на дверь, — что его даже Император побаивается и что он заставляет Императора повышать налоги, а что люди ропщут, про это он ему не говорит. А еще говорят, что он ненавидит нашего генерала, потому что наш генерал — такой большой и умный человек. Говорят, что он хочет его убить, но только не может этого сделать, потому что генерала все любят, а генерал знает, что лорд Бродриг — злодей и мошенник.

Сержант часто заморгал и смущенно улыбнулся, стыдясь собственной эмоциональности. И, уже пятясь к дверям, резко кивнул и закончил:

— Запомните мои слова. Будьте с ним поосторожнее.

И выскользнул за дверь...

Деверс задумчиво уставился в потолок.

— А ведь, похоже, все идет как надо, а, док?

— Все зависит, — сухо отозвался Барр, — от Бродрига.

Но Деверс не слушал. Он думал...

Лорду Бродригу приходилось то и дело пригибать голову, передвигаясь по отсекам торгового корабля. Два его вооруженных телохранителя быстро шли за ним с бластерами наизготовку и профессионально хмурыми выражениями на физиономиях записных храбрецов.

На взгляд Деверса, Личный Секретарь Императора Мало походил на того продавшего душу дьяволу проходимца, каким его описал сержант. Если космический дьявол и купил его душу, то на внешности лорда не оставил никаких признаков того, что он ею владеет. Скорее Бродриг привнес своим появлением даже некоторый дворцовый шик, ожививший мрачную скуку военной базы.

Четкие, безукоризненные линии его парадной, ловко сидящей на нем формы создавали иллюзию, что он — высокого роста, и с этой мнимой высоты его холодные, бездушные глаза взирали на торговца. Он выставил перед собой трость из слоновой кости, изящно оперся на нее. Перламутровые запонки на манжетах мягко блестели.

— Нет-нет, — мягким жестом остановил он Деверса. — Оставайтесь на месте. Ваши безделушки меня не интересуют.

Он придинул стул, тщательно стер с него пыль ослепительно белым платком и сел. Деверс искал глазами второй стул, но Бродриг лениво проговорил:

— В присутствии Пэра Империи вы должны стоять. — И улыбнулся.

Деверс пожал плечами.

— Если вас не интересует мой торговый груз, зачем вы меня сюда пригласили?

Личный Секретарь Императора молчал, и Деверс медленно добавил:

— Сэр...

— Для личной беседы. Неужели вы думаете, что я пролетел двести парсеков для того, чтобы полюбоваться на ваши побрякушки? Я на вас хотел посмотреть.

Он достал из узорчатой коробочки маленькую розовую таблетку, положил ее под язык и стал медленно посасывать.

— Например, — продолжал он, — мне бы хотелось узнать, кто вы такой? Действительно ли вы — гражданин варварского мира, из-за которого разгорелся весь этот сыр-бор?

Деверс утвердительно кивнул.

— Так... И вы действительно были захвачены в плен этим... после того, как началась эта перебранка, которую он называет войной? Я имею в виду нашего молодого генерала.

Деверс снова кивнул.

— Так! Отлично, мой прекрасный чужестранец! Как я посмотрю, вы не слишком разговорчивы. Я облегчу вашу задачу. У меня впечатление, что наш генерал ведет здесь абсолютно бессмысленную войну с неоправданными затратами дорогостоящей энергии — и все это ради неоправданного захвата крошечной системы где-то на задворках Галактики, что для здравомыслящего человека должно, по идеи, заключаться в одном-единственном метком выстреле из одного-единственного бластера. Однако нашему генералу в отсутствии логики не откажешь. Наоборот, я бы сказал, что он — очень неглупый человек. Вы улавливаете мою мысль?

— Не сказал бы, сэр.

Секретарь внимательно разглядывал свои ухоженные ногти и продолжил:

— Тогда слушайте дальше. Генерал не стал бы разбрасываться людьми и кораблями исключительно ради боевой славы. Мне известно, что говорит он именно о славе и Имперской чести, но не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что весь этот пафос гроша ломаного не стоит. Что-то здесь другое... К тому же он проявляет к вам странное, непонятное милосердие. Если бы вы были в плена у меня и сказали мне так же мало, как ему, я бы уже давно распорол вам живот и подвесил вас на ваших собственных кишках.

Деверс сохранял спокойствие. Взгляд его остановился по очереди на бульдожьих физиономиях телохранителей Бродрига. Да, они были наготове...

Секретарь криво улыбнулся.

— Да, вы просто потрясающе немногословны. Если верить генералу, даже психотест у вас ничего не выудил. И это было большой ошибкой с его стороны — именно это и заставило меня усомниться в том, что наш молодой военный гений говорит правду.

Похоже, у Бродрига поднялось настроение.

— Благородный торговец, — продолжал он, улыбаясь. — У меня есть собственный прибор для психотеста, и он вам как нельзя лучше подойдет. Взгляните-ка...

Между большим и указательным пальцами левой руки Бродрига была зажата пачка розовато-желтых шестиугольников.

— Похоже на деньги... — пробормотал Деверс.

— Деньги и есть. Причем деньги верные — они обеспечены моей недвижимостью, — а поместьем у меня больше, чем у самого Императора. Сто тысяч кредиток. Все здесь! Они ваши.

— За что, сэр? Я честный торговец, но не вижу предмета сделки.

— За что? За правду! Чего хочет генерал? Почему он ведет эту войну?

Латан Деверс вздохнул, нахмурился, погладил бороду...

— Чего он хочет?.. — задумчиво повторил он, поглядывая, как длинные пальцы Бродрига пересчитывают кредитки, — Если коротко — имперской короны.

— Хм-м... Как просто! В конце концов все всегда сводится к этому. Но как? Это какая же такая дорога ведет с задворок Периферии прямо к Императорскому Олимпу?

— Академия, — скорбно вздохнул Деверс, — владеет множеством тайн и секретов. У них есть много книг — старых книг, таких старых, что язык, на котором они написаны, знают всего несколько человек. И все эти тайны скрыты под оболочкой ритуалов и религии, и простой смертный не может ими воспользоваться. Я однажды попытался... Теперь я здесь, а там меня ожидает смертный приговор.

— Ясно. А что это за древние тайны? Полагаю, за сто тысяч кредиток я имею право на подробности.

— Трансмутация элементов! — выпалил Деверс.

Секретарь прищурился. Он был явно удивлен.

— Вот как? Но мне говорили, что практическое осуществление трансмутации по законам ядерной физики невозможно!

— Да, если используется ядерная энергия. Но в Академии народ способный подобрался. Им известны источники энергии более мощные, чем ядерная. Если Академия пользуется такими источниками, то...

Деверс почувствовал, как у него засосало под ложечкой. Да, он верно выбрал наживку, и рыбка ее почуяла...

Бродриг поторопил его:

— Продолжайте. Я все понял. Уверен, что генерал знает обо всем этом. Вот только... что он собирается предпринять, когда закончится вся эта буффонада?

Деверс твердо, уверенно ответил:

— Владея секретом трансмутации, он возьмет под контроль всю экономику Галактики. Минеральные ресурсы не будут стоить ни гроша — ведь Риоз будет, иметь возможность производить вольфрам из алюминия и иридий — из железа. И вся экономика, основанная на недостатке где-то одних элементов и избытке других, прикажет долго жить. Наступит величайший хаос и разъединение за всю историю Империи, и прекратить их под силу будет только Риозу. Вот какую власть обретет Риоз, если учесть, что религиозные предрассудки его ни капельки не волнуют. Теперь его ничто не остановит. Он сел Академии на шею, и через года после того, как покончит с ней, станет Императором.

— Так... — Бродриг неожиданно повеселел. — Значит, иридий из железа, так вы сказали? А хотите, торговец, я вам раскрою государственную тайну? Да будет вам известно, что у генерала уже были встречи с правительством Академии.

По спине у Деверса пробежали мурашки...

— Вы удивлены? А почему бы и нет? По-моему, это вполне логично. Нам известно, что они предлагали ему сотни тонн иридия в год, чтобы он их оставил в покое. Вернее — сотни тонн железа, превращенного в иридий в нарушение всех религиозных установок, ради спасения собственных шкур. Вот так. И совершенно неудивительно, что наш неподкупный генерал отказался, — он ведь может получить и иридий, и Империю. А наш бедный Клеон еще называл его одним из самых честных генералов! Мой благородный торговец, вы заслужили свои деньги!

С этими словами он бросил кредитки на пол. Деверс торопливо подобрал их.

У двери Бродриг обернулся.

— Один совет, торговец. Вы, конечно, можете считать, что мои ребятки с бластерами лишены ушей, языков, мозгов... Они, и правда, не слышат, не разговаривают и не имеют понятия о том, что такое психотест. Зато они весьма, весьма искушены в изощренных пытках. Я купил тебя, парень, за сто тысяч кредиток, и полагаю, что совершил выгодную сделку. От тебя нужно только одно — забыть навсегда, что ты получил от меня какие-то деньги. Не дай тебе бог заикнуться Риозу о нашем разговоре! Ты тут же отправишься на тот свет! Причем так, как я умею это делать.

В одно мгновение топкое, аристократическое лицо Секретаря стало жестким, злым. Губы, вытянутые в дежурную, искусственную улыбку, превратились в красный, отвратительный шрам поперек лица. Деверс поймал себя на мысли, что вот сейчас на него глазами Бродрига смотрит тот, кто раньше купил его самого...

Под дулами бластеров телохранителей Бродрига он молча проследовал в свою комнату.

На вопрос Дьюсема Барра он ответил с задумчивым удовлетворением:

— Нет. И это — самое потрясающее. Это он подкупил меня!

...Два месяца тяжелой войны не прошли даром для Бела Риоза. Он как-то осунулся, согнулся под грузом проблем, стал вспыльчив.

Он раздраженно приказал подобострастно взиравшему на него сержанту Люку:

— Ждите снаружи, сержант. Отведите этих людей назад в их комнату, когда мы тут закончим. Никому не входить без моего разрешения. Никому, поняли?

— Сядьте, — бросил он пленникам. — У меня мало времени. Честно говоря, я бы сюда не прилетел, если бы не необходимость вас повидать.

Он повернулся к Дьюсему Барру, вертевшему в руках хрустальный кубик, в котором красовался голографический бюстик Его Императорского Величества.

— Во-первых, патриций, — начал генерал, — должен вам сообщить, что ваш Селдон проигрывает. То есть не совсем так — бьется он здорово. Эти вояки из Академии носятся, как очумелые пчелы, и дерутся, как сумасшедшие. Планеты защищаются отчаянно, а после того, как мы их захватываем, на каждой из них тут же вспыхивают мятежи, подавлять которые почти так же трудно, как и захватить планету. Но как бы то ни было, мы их захватываем и удерживаем. Так что, повторяю — проигрывает ваш Селдон.

— Но пока не проиграл, — тактично уточнил Барр.

— У самой Академии оптимизма поменьше, чем у вас. Они предлагают мне миллионы

только ради того, чтобы я окончательно не разгромил вашего беднягу Селдона!

– Я слышал об этом.

– Значит, слухи меня опередили? Отлично! Ну и что же тут говорят о последних событиях?

– Сматря что вы имеете в виду.

– Я имею в виду лорда Бродрига, любимчика Императора. Он ведь теперь стал вторым Главнокомандующим – сам напросился.

Тут Деверс впервые подал голос.

– Сам, босс? Как это? Или он вам стал нравиться.

– Нет, не сказал бы, – спокойно отозвался Риоз. – Он просто купил себе эту должность за честную и высокую цену.

– То есть?

– За запрос Императору о подкреплении.

Ироничная улыбка Деверса стала шире.

– Значит, он все-таки связался с Императором, да? Надо понимать, генерал, подкрепление прибудет со дня на день, так?

– Нет. Не так. Они уже прибыли. Пять мощнейших, маневренных линкоров и личное послание от Императора с пожеланиями успехов. А на пути к нам – еще корабли. Что это вы так расстроились, торговец?

– Ничего... – отозвался Деверс похолодевшими губами.

Риоз вышел из-за стола и встал перед торговцем, положив ладош, на приклад бластера.

– Я спрашиваю, что это вы так расстроились? Новость вам явно не по вкусу! А вы говорили, что судьба Академии вас не слишком волнует?!

– Говорил.

– Да... Что-то все-таки есть в вас непонятное, – процедил сквозь зубы Риоз.

– Вы так думаете, босс? – слабо улыбнулся Деверс и сунул руки в карманы куртки. – А вы скажите, что вам непонятно, а уж я как-нибудь постараюсь объяснить.

– Вот-вот. Хватит дурачиться, торговец. Непонятно вот что: вы были захвачены в плен потрясающе легко – сдались при первой же угрозе. Даже защитное поле не включили. Вы без сожаления готовы предать свой мир, причем без всякого вознаграждения. Интересно, не правда ли?

– Просто хотелось бы остаться на стороне победителя, босс. Я же неглупый человек, вы сами сказали.

Риоз раздраженно, хрипло выпалил:

– Ладно! Только почему-то с тех самых пор мы не захватили в плен ни одного торговца. Торговые корабли имеют такую скорость, что спокойно могут удрачить в случае чего. Все до одного эти корабли оборудованы защитным полем такой интенсивности, что отлично могут закрыться от легкого крейсера. Но уж если стычки возникали, все до единого торговцы дрались как звери – все до единого! Кроме того, мы выяснили, что торговцы часто стояли во главе партизанских движений на оккупированных планетах и организовывали вылазки в занятых нами секторах космоса.

Это что же, выходит – вы один такой неглупый человек? Вы и не сражались, и не удирали, а сразу взяли и стали предателям, хотя вас никто об этом не просил. Вы уникальны – просто потрясающе уникальны! Я бы сказал больше – вы подозрительно уникальны!

Деверс мягко возразил:

– Я понимаю, что вы хотите сказать, но фактов у вас нет никаких, босс. Я пробыл у вас шесть месяцев, и вел себя паинькой.

– Да, это так, и я отплатил вам хорошим обращением. Я оставил в целости и сохранности ваш корабль, и вам оказывались всяческие милости. Однако вы не дотянули. Добровольная информация, например о том, как устроены приспособления, которыми набит ваш корабль, была бы весьма в нашу пользу. Это я к тому, что принцип их действия с большой вероятностью может применяться в некоторых видах оружия, используемого Академией.

– Я простой торговец, – попытался возразить Деверс, – а не инженер. Я ведь только торгую этими штуками, а не делаю их.

— Ну, это мы скоро выясним. Для этого я сюда и прилетел, собственно говоря. К примеру — в ближайшее время ваш корабль будет обыскан до последнего винтика на предмет обнаружения источника персонального защитного поля. Вы им ни разу не воспользовались, в то время как оно есть у каждого солдата флота Академии. Найдем — будет ясно, что вы чего-то не договариваете. Понятно?

Ответа не последовало. Генерал удовлетворенно продолжал:

— Но я получу и более прямые доказательства. Я привез с собой новый прибор для проведения психотеста. Однажды тест не удался, но когда общаяешься с врагом: век живи — век учись.

В голосе генерала нарастили угрожающие потки. Деверс почувствовал, как холодное дуло бластера уперлось ему в живот. Риоз хладнокровно отчеканил:

— А теперь ты снимешь свой браслет и все остальные металлические побрякушки, которые у тебя есть, и отдашь мне. Спокойно! Не двигаться! Думал, я глупее тебя? Конечно, атомное поле можно исказить, а психотест действует только в условиях статики. Так-то.

Но в это время около письменного стола генерала мигал сигнал и в приемник почты упала капсула. А коло приемника стоял Барр, все еще сжимая в руке кубик с изображением Императора...

Риоз отступал к столу, держа бластер наизготовку. Он приказал Барру, не глядя па него:

— И вы тоже, патриций. Ваш браслет выдал вас. Раньше вы были нужны мне. Я не мстителен, но судьба вашей семьи, видит бог, будет зависеть от результатов психотеста!

Риоз согнулся, протянул руку к приемнику почты, чтобы взять капсулу. Но в это мгновение рука Барра с зажатым в ней кристаллом поднялась и опустилась на голову генерала.

Это случилось настолько внезапно, что даже Деверс был ошеломлен. Тихий, миролюбивый патриций в одно мгновение превратился в карающего демона!

— Бежать! — хрюплю выкрикнул Барр. — Быстро! Он выхватил бластер из безжизненно повисшей руки Риоза и спрятал его под блузу.

Стоявший у двери сержант Люк резко обернулся, когда они выскоцили в коридор. Барр хладнокровно приказал:

— Вперед, сержант.

Деверс закрыл за собой дверь.

Люк, ничего не понимая, пошел вперед по коридору по направлению к комнате пленников, по вынужден был идти дальше, поскольку его спины коснулся холодный металл бластера, а прямо в его ухо голос Деверса, не допускающий возражений, проговорил:

— К торговому кораблю!

...Деверс обогнал спутников, чтобы открыть входной люк, а Барр сказал:

— Стойте, где стоите, сержант. Вы были добры к нам, и нам не хотелось бы вас убивать.

Тут сержант разглядел монограмму на прикладе бластера и яростно вскричал:

— Вы... убили генерала!

В диком, неосознанном порыве он бросился вперед, прямо под пучок лучей, и на пол упала обугленная, бесформенная масса, всего лишь секунду назад бывшая сержантом Люком...

Торговый корабль успел подняться над поверхностью планеты до того, как отчаянно замигали и завыли сигналы тревоги, и устремился к центру Галактики.

Деверс угрюмо проговорил:

— Держитесь покрепче, Барр. А мы сейчас посмотрим, найдется ли у них корабль, который сможет догнать мое старое корыто!

Он отлично знал: такого корабля нет!

Когда они уже были в открытом космосе, торговец усталым, убитым голосом промолвил:

— Похоже, я оказал Бродригу чересчур хорошую услугу. Теперь он заодно с генералом.

Корабль быстро удалялся в черные глубины Галактики...

Глава восьмая К Трентору

Система связи молчала... Маленькая полусфера на пульте управления была темна и

безжизненна. Система контроля направления полета медленно, методично обшаривала пространство тонкими пучками лучей.

Барр, расположившись в низком кресле в углу кабины, с состраданием поглядывал на Деверса. Наконец он осторожно спросил:

– Похоже, они безнадежно отстали?

– Имперские черепахи? Давно! – махнул рукой Деверс. – Беспокоит меня не это. Просто удивительно, как это мы, совершая прыжки через гиперпространство вслепую, до сих пор не врезались в какую-нибудь звезду. А они за нами не угнались бы, даже если бы обнаружили нас. Но они нас не обнаружили.

Он откинулся в кресле и рывком расстегнул воротник.

– Вообще непонятно, чем эти имперские бездельники тут занимаются. В их пресловутой Блокаде полным-полно прорех!

– Вы хотите направиться к Академии?

– Пока я пытаюсь связаться с Ассоциацией. Но, увы – без толку.

– С Ассоциацией? Кто это такие?

– Ассоциация Независимых Торговцев. Вы о ней не слыхали? Ну, не вы один. Просто мы еще не успели себя показать как следует.

Наступила пауза. Индикатор приема по-прежнему молчал.

– А мы в пределах досягаемости для связи? – спросил Барр.

– Не знаю. У меня нет ни малейшего понятия о том, где мы находимся. Я двигаюсь наугад. Вот почему пришлось прибегнуть к контролю направления. Так можно годами болтаться...

– Да? – Барр указал пальцем на замигавший индикатор. Деверс вздрогнул, быстро надел наушники. Внутри маленькой темной полусферы загорелась крошечная белая точка.

В течение получаса Деверс безуспешно пытался наладить связь через гиперпространство между двумя точками, расстояние между которыми обычный свет преодолел бы не раньше чем через пятьсот лет.

Наконец он устало откинулся на спинку кресла, помотал головой и снял наушники.

– Давайте-ка лучше поедим, док. Если хотите, можете принять массажный душ. Но горячей воды, скорее всего, нет.

Деверс встал, прошелся вдоль стенки кабины и остановился у одного из многочисленных шкафчиков. Открыл дверцу и заглянул внутрь.

– Надеюсь, вы не вегетарианец?

– Я всеяден, – улыбнулся Барр. – И все-таки насчет Ассоциации. Значит, связаться с ними невозможно?

– Похоже на то. Наш сигнал не дошел. Но это не важно. Честно говоря, я это предвидел.

Он выпрямился и поставил на стол два металлических контейнера.

– Через пять минут, док, нажмите вот тут. Будет вам и тарелка, и еда, и вилка – очень удобно, когда торопишься и когда не до такой роскоши, как салфетки. Вам, наверное, интересно, что я узнал в Ассоциации раньше?

– Если это не секрет.

Деверс покачал головой.

– Для вас – не секрет. То, что сказал Риоз, – чистая правда.

– Это насчет того, что ему выкуп предложили?

– Ага. Они предложили, а он отказался. Все точно. Так что – дело плохо. Сейчас идет сражение в районе внешних солнц Лориса.

– А Лорис далеко от Академии?

– А? Да, вы же не знаете! Это – одно из бывших Четырех Королевств. Можно считать его участком внутренней линии обороны. Но это не самое худшее. Им там никогда раньше не приходилось иметь дело с большими кораблями. Риоз не соврал. Он действительно получил подкрепление. Бродриг действительно переметнулся на его сторону, а я действительно спутал их карты.

Взгляд Деверса был мрачен. Он коснулся пальцем контактной точки на контейнере. Тот бесшумно раскрылся. Еда, по виду напоминавшая жаркое, аппетитным ароматом наполнила

кабину. Дьюсем Барр уже жадно поглощал свою порцию.

— Итак, — подытожил Барр, — нам ничего не остается, как только импровизировать. Здесь нам делать нечего, прорваться через окружение к Академии мы не можем. Самое разумное — спокойно ждать. Однако, если Риоз действительно прорвался к внутренней линии обороны, ждать нам придется недолго.

Деверс отложил вилку.

— Ждать, говорите? — буркнул он, сверкнув глазами. — Вас это, возможно, устраивает. Вы же ничего не поставили на карту!

— Вот как? — грустно улыбнулся Барр.

— Да! Знаете, что я вам скажу? — раздражение Деверса рвалось наружу. — Я зверски устал от того, что мы как будто в микроскоп разглядываем все, что происходит. Там умирают мои товарищи. Там гибнет мой мир, мой дом. Вы — посторонний. Вы не можете понять.

— Я тоже видел, как погибли мои товарищи, — проговорил старик, обхватив руками колени и прикрыв глаза. — Вы женаты?

— Торговцы не женятся, — ответил Деверс.

— Ну, а у меня двое сыновей и племянник. Они предупреждены, но по ряду причин сделать ничего не могут. Наш побег означает их смерть. Дочь с внуками, надеюсь, успели покинуть планету заранее, но даже если не считать их, я уже успел рискнуть гораздо большим, чем вы.

Деверс немного смутился, но раздражение его не прошло.

— Знаю. Но у вас был выбор. Вы могли остаться и продолжать играть в «крестики-нолики» с генералом! Я вас не просил...

Барр покачал головой.

— Не было у меня выбора, Деверс. Ваша совесть чиста. Я рисковал жизнью своих сыновей не ради вас. Я был с Риозом до тех пор, пока это было нужно. Напомню вам, нам грозил психотест.

Сивеннианец поднял глаза. Они были полны боли и горечи.

— Риоз впервые пришел ко мне год назад. Он расспрашивал меня о том культе, который возник вокруг слухов о волшебниках. Но правды он не узнал. Это не совсем культ. Понимаете, уже сорок лет Сивенна томится под игом, которое теперь угрожает нашему миру. Пять мятежей вспыхнули за эти годы, все пять были жестоко подавлены. Потом я нашел древние упоминания о Гэри Селдоне, и теперь так называемый «культ» ждет своего часа.

Наши люди ждут возвращения «волшебников». Они готовы к этому. Тех, кто ждет, возглавляют мои сыновья. Этой тайны в моем сознании не должен был коснуться психотест. А теперь они должны погибнуть как заложники! В противном случае они были бы казнены как мятежники, и вместе с ними — половина населения Сивенны. Так что, как видите, — выбора у меня не было. И я — не посторонний!

Деверс опустил глаза, а Барр продолжал:

— Сивенна всей душой надеется, что Академия победит. Ради этой победы я пожертвовал жизнью сыновей. А ведь Селдон не предсказал неизбежного освобождения Сивенны, как предсказал победу Академии. У меня нет никакой уверенности в судьбе моих соотечественников — только надежда!

— И все-таки вы предпочитаете ждать! Ждать, когда имперский флот уже в Лорисе!

— Руку на сердце положа, — просто сказал Барр, я бы ждал, даже если бы они уже высадились на самом Терминусе.

Торговец нахмурился.

— Ну, не знаю... Я так не могу. В чудеса я не верю. Психоистория или что другое, — но они чертовски сильны, а мы слабы. Что с этим может поделать Селдон?

— Поделать — ничего. Все уже сделано. И сейчас продолжает совершаться. То, что вы не слышите, как крутятся шестеренки и звонят колокола курантов истории, не означает, что ничего не происходит.

— Может быть. Только мне кажется, было бы лучше, если бы вы не просто оглушили Риоза, а отправили его на тот свет. Он — более опасный враг, чем вся его армия.

— Лучше? Вы так думаете? Это при том, что вторым Главнокомандующим является

Бродриг? – Лицо Барра исказила гримаса ненависти. – Тогда в заложниках оказалась бы вся Сивенна! Бродриг давно показал, на что способен. Есть один мир, который пять лет назад потерял каждого десятого жителя – только потому, что отказался платить повышенные налоги. А налоги ввел не кто иной, как Бродриг. Нет, пусть уж лучше Риоз живет! Он просто ангел по сравнению с Бродригом.

– Но шесть месяцев, шесть месяцев – на вражеской базе и – никакого толку! – простонал Деверс, до хруста сжав пальцы в кулаки. – Никакого толку!

– Ну-ка, ну-ка, постойте! Вы мне напомнили… – Барр пошарил в кармане. – Может быть, вас хоть сколько-нибудь утешит вот это?

Он положил на стол маленький серебристый шарик. Деверс рассеянно взял его.

– Что это?

– Капсула с донесением. Та, что пришла Риозу как раз перед тем, как я его стукнул. Может, она нам чем-нибудь поможет?

– Не знаю. Все зависит от того, что в ней. Деверс уселся поудобнее и стал внимательно разглядывать шарик.

Когда Барр вышел из-под холодного душа и с удовольствием согрелся под теплыми струями воздуха, он застал Деверса сидящим за пультом в глубочайшем раздумье. Сивенианец, похлопывая себя ладонями, чтобы окончательно согреться, поинтересовался:

– Ну, чем вы тут занимаетесь?

Деверс поднял на него глаза, метавшие молнии. В бороде его сверкали капельки пота.

– Пытаюсь открыть эту капсулу, будь она проклята!

– А разве ее можно открыть, не зная персонального кода Риоза?

– Если я не смогу ее открыть, я подам в отставку, уйду из Ассоциации и никогда в жизни не ступлю на борт корабля! Я уже трижды прощупал ее электронную схему с помощью разных видов электронного анализа. У меня для этого есть специальные устройства, которые Империи неизвестны, а в Академии разработаны именно для вскрытия капсул. Я ведь раньше был взломщиком, если честно. Торговцу приходится знать обо всем понемногу.

Он снова склонился над капсулой. Маленький тонкий инструмент слегка коснулся поверхности шарика. Все контакты засветились.

– А капсула-то грубо сработана, – вскользь отметил он. – Эти мудрецы из Империи ни хрена не смыслят в таких вещах. Видели хоть раз капсулы производства Академии? Они примерно вполовину меньше и, что самое главное, – не поддаются электронному анализу.

Он напрягся, мускулы напружинились под тонкой тканью куртки. Маленький тестер еще раз коснулся шарика…

Шарик бесшумно раскрылся. Донесение развернулось, как высохший пергамент. Деверс устало и облегченно вздохнул.

– Это от Бродрига, – сообщил он и презрительно добавил: – Да… Еще и носитель информации не разлагается… В наших капсулах сообщение через минуту окисляется до газообразного состояния.

Дьюсем Барр знаком остановил его и быстро пробежал глазами донесение:

«**ОТ АММЕЛЯ БРОДРИГА, ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОСЛА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, СЕКРЕТАРЯ ИМПЕРСКОГО СОВЕТА, ПЭРА ИМПЕРИИ – БЕЛУ РИОЗУ, ВОЕННОМУ ГУБЕРНАТОРУ СИВЕННЫ, ГЕНЕРАЛУ ИМПЕРСКОГО ФЛОТА, ПЭРУ ИМПЕРИИ.**

ПРИВЕТСТВУЮ ВАС.

ПЛАНЕТА 1120 ЗАХВАЧЕНА. ПЛАН НАСТУПЛЕНИЯ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ БЕЗ ОСЛОЖНЕНИЙ. ПОТЕРИ ВРАГА ЗНАЧИТЕЛЬНЫ. ЗАДАЧА БЛИЗКА К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ».

Барр оторвал взгляд от мелкого шрифта и в отчаянии прокричал:

– Идиот! Старый дурак! Разве это – донесение?!

– А? – вяло откликнулся Деверс. Он тоже был не на шутку разочарован.

– Да это же хуже, чем ничего! – безнадежно махнул рукой Барр. – Наш обожаемый

сановник теперь действительно играет на генерала! Убрав Риоза, он станет Верховным Главнокомандующим! Пока же он тешит свою пустую душонку тем, что отправляет ему помпезные донесения о военных победах, к которым не имеет ни малейшего отношения. «Такая-то и такая-то планета захвачена». «Наступление продолжается по намеченному плану». «Потери врага значительны». Надутый петух!

— Постойте, Барр! Минуточку! Дайте-ка...

— Выбросьте это в мусоросборник!

Старик отвернулся, не зная, куда деваться от стыда и досады.

— Клянусь, я не ждал, что там окажется что-то из ряда вон выходящее! Но во время войны стоит предполагать, что даже самое пустяковое донесение, не доставленное в срок, может повлиять на ход военных действий и привести хоть к каким-то осложнениям. Вот почему я взял капсулу! О, Господи! Лучше бы я ее не брал! Тогда бы Риоз хоть минуту своего драгоценного времени потратил на чтение этой цидульки. Теперь-то он, как пить дать, употребит его на что-нибудь более существенное...

Деверс встал.

— Послушайте, патриций, перестаньте, ради бога,ходить из угла в угол! Можете остановиться?

Он поднес крошечный листочек с донесением к самому носу Барра.

— Да прочтите же еще раз! Что это он имеет в виду под словами: «Задача близка к осуществлению»?

— Захват Академии, конечно!

— Да? А может быть, Империи? Вы же знаете, он верит, что его задача именно такова!

— И что?

— И что?

Улыбка Деверса утонула в бороде.

— Погодите... Сейчас покажу...

Ловким движением он убрал подписанное изысканной монограммой Бродрига донесение обратно в капсулу. Легкий щелчок — и капсула закрылась — будто ее и не открывали. Внутри раздался едва слышный шум — система контроля совершила обратный ход.

— Итак, вы утверждали, что открыть эту капсулу невозможно, не зная персонального кода Риоза. Так?

— В Империи — невозможно.

— Следовательно, содержание донесения нам неизвестно и абсолютно подлинно?

— Для Империи — да.

— Но Император может ее раскрыть, верно? Персональные коды всех офицеров Имперского флота наверняка внесены в компьютерные файлы. Во всяком случае, в Академии такая практика.

— В Имперской столице тоже, — подтвердил Барр.

— Следовательно, когда вы, патриций Империи и Пэр Империи, докажете этому Клеону, вашему Императору, что его любимый ручной попугайчик и самый верный и храбрый из его генералов снюхались, чтобы скинуть его, и вручите ему эту капсулу как вещественное доказательство, как он поймет, какая такая «задача» Бродрига близка к завершению, а? Ну, смелее!

Барр помотал головой.

— Подождите... Я не совсем понял... Вы ведь это несерьезно? — спросил он, потирая ладонью щеку.

— Абсолютно серьезно! — выпалил Деверс. Распаляясь все больше, он продолжал: — Послушайте! Девять из десяти ваших последних Императоров отправились на тот свет не без помощи своих верных генералов. У всех этих генералов были наполеоновские планы. Вы же сами мне об этом рассказывали! И не раз! Да старишка Клеон поверит нам сразу, и голова Риоза очень скоро полетит с плеч!

— Да, он серьезно... — прошептал Барр в сторону и продолжил, повернувшись к Деверсу лицом: — Ради всего святого, поймите, что Селдоновский кризис нельзя преодолеть с помощью этой притянутой за уши нереальной, детективной дешевки! Ну, представьте, что нам в руки не

попала капсула. Представьте, что Бродриг не закончил донесение фразой: «Задача близка к осуществлению». План Селдона не учитывает таких мелочей, такого дикого везения!

— Но все-таки, уж если нам так дико повезло, разве есть законы, которые говорят о том, что Селдон не воспользовался бы такой удачей?

— Ну, в общем-то нет, но... но...

Барр замолчал, потом заговорил более спокойно, но с очевидным напряжением:

— Ну, например, во-первых: как вы доберетесь до Трентора? Вы не знаете даже ее координат, а я их просто не помню, не говоря уже об эфемериках. Вы даже собственных координат не знаете!

— В пространстве заблудиться невозможно, — хмыкнул Деверс. Он был уже у пульта управления. — Отправимся на ближайшую планету, а оттуда улетим со всем, что нам необходимо, и впридачу — с самыми лучшими навигационными картами. Не забывайте, что у нас с собой — сто тысяч кредиток!

— Вот именно, с картами! И в наручниках. Да наши портреты уже разосланы по всем планетам этого сектора Империи!

— Док, — спокойно сказал Деверс. — Не будьте занудой. Риоз сказал, что мой корабль подозрительно быстро сдался, — и он не шутил. У моего корабля хватит энергии и огневой мощи, чтобы превратить в космическую пыль все, что мы встретим на своем пути. Кроме того, у нас есть персональные защитные поля. Проныры из Империи их не нашли, но это не значит, что их нет.

— Ну, ладно, ладно, — махнул рукой Барр. — Допустим, мы на Тренторе. Как вы собираетесь попасть к Императору? Вы что, думаете, у него есть приемные часы?

— А об этом поразмыслим, когда будем на Тренторе!

Барр беспомощно развел руками.

— Ну что ж, будь по-вашему. Честно говоря, я уже пятьдесят лет мечтаю побывать на Тренторе. А то так и умру — не увижу.

Гиперядерный двигатель заработал... Мигали огни... Деверс и Барр ощутили легкий толчок, означавший, что корабль совершает прыжок через гиперпространство...

Глава девятая На Тренторе

Звезд — что сорняков на непрополотом поле. Латан Деверс наконец увидел на табло цифры справа от нуля — они были крайне важны для расчета траектории полета через гиперпространство. То, что приходилось совершать прыжки на расстояния не более одного светового года, терзало его, как клаустрофобия. Небеса, озаренные мертвенным светом неизвестных звезд, пугали своей суровостью.

В центре звездного скопления, в котором было не меньше десяти тысяч светил, озарявших своим сиянием непроглядную черноту, вращалась громадная Имперская планета — Трентор.

Это была не просто планета — это было в полном смысле слова сердце Империи, биение которого передавалось двадцати миллионам звездных миров. У Трентора была единственная функция — контроль, единственная задача — правление, единственный продукт производства — законы.

Трентор, огромный мир, функционировал как одно целое. Население планеты составляли люди, домашние животные и их паразиты. Ни единой полоски травы, ни единого участка открытой почвы невозможно было отыскать за пределами ста квадратных миль, занятых Императорским Дворцом. Проточной воды, кроме как за стенами, окружавшими дворец, тоже не было видно — она хранилась в огромных подземных цистернах — запас для всей планеты.

Сверкающий, прочнейший, нержавеющий металл, покрывавший всю поверхность планеты, был основанием, на котором возвышались величественные металлические постройки, лабиринты которых покрывали всю планету. Здания были связаны между собой переходами; от переходов змеились во все стороны бесчисленные коридоры, размещались бесчисленные учреждения. На нижних этажах располагались многочисленные торговые центры, занимавшие участки площадью в несколько квадратных миль, а на верхних — развлекательные центры,

яркие огни которых призывающе загорались по вечерам.

Можно было запросто, войдя в одно из зданий, так и не выйти на поверхность...

Армады кораблей, число которых было никак не меньше, чем во всем Имперском Флоте, доставляли на Трентор ежедневно многотонные грузы, чтобы прокормить сорок миллионов людей, которые ничего не давали Империи взамен. Каждый день они занимались одним и тем же: распутывали мириады нитей, ведущих к Верховному Правительству – самому многочисленному и сложному по структуре из всех, что знала Галактика.

Двадцать сельскохозяйственных миров были огородом и садом Трентора. Вся Галактика была его прислугой.

...Крепко сжатый металлическими лапами торговый корабль был мягко опущен на высокий пандус, ведущий к ангару. Деверс уже вкусили «радостей» общения с Представителями мира, где доверяли только бумажкам, И был ознакомлен со священным принципом «заполнения форм в четырех экземплярах».

Для начала их остановили на подлете к Трентору, где они должны были ответить на первую из ста последующих анкет. Они прошли сотни перекрестных обследований, тестирование, характерологическое обследование, позднее продублированное; корабль был сфотографирован, обыскан на предмет наличия контрабанды, была уплачена иммиграционная такса, и, наконец, – их попросили предъявить паспорта и визы.

Дьюсему Барру было проще: он был сивеннианцем, подданным Императора, а Латан Деверс – неизвестным без необходимых документов.

Дежурный таможенник, изобразив па лице сожаление, сообщил Деверсу, что он не имеет права пропустить его, а, наоборот, вынужден задержать до выяснения личности.

Но тут, откуда ни возьмись, появились новеньки блестящие кредитки и быстро перешли из рук в руки. Чиновник с деловым видом убрал деньги, и сожаление тут же покинуло его физиономию. Из соответствующего ящичка был извлечен на свет новый бланк, который был быстро и аккуратно заполнен, а к нему были приложены документы, удостоверяющие личность Деверса, – все как надо, комар носа не подточит.

Два человека – торговец и патриций, ступили на Трентор...

А в ангаре в это время до мельчайших подробностей обследовали их корабль – его фотографировали, просвечивали, переписывали грузы, снимали копии с идентификационных карточек пассажиров. За все это были уплачены солидные суммы налогов.

Теперь наконец Деверс отдыхал на высокой открытой террасе под лучами ярко-белого солнца. Мимо него прогуливались весело болтавшие дамы, смеясь, бегали дети. Мужчины лениво потягивали спиртное и поглядывали на экраны огромных телевизоров, передававших имперские новости.

Барр уплатил положенное количество иридиевых монет и купил последний номер пухлой газеты. Это были издававшиеся на Тренторе «Имперские Новости» – официальный орган правительства. В дальней части информационного салона мягко пощелкивали трудолюбивые машины, на которых печатались другие издания. Редакция «Имперских Новостей» располагалась за десять тысяч миль отсюда – добраться до нее можно было по длинному коридору. Десять миллионов копий одновременно печатались в это время в десяти миллионах таких же салонов по всей планете.

Барр пробежал глазами заголовки и тихо спросил.

– Ну, с чего начнем?

Деверс встрепенулся. Он находился так далеко родного дома, в мире, убивавшем его своей сложностью, запутанностью, среди людей, чье поведение ему было так же мало понятно, как язык, на котором они говорили. Зрелище сияющих металлических башен, окружавших его и простиравшихся вокруг насколько хватало глаз, угнетало его. Вся суэтная, безостановочная жизнь метрополии повергала его в жуткую тоску, вызывая чувство одиночества, собственной пигмейской беспомощности.

– Придумайте что-нибудь сами, док, – вяло отозвался Деверс.

Барр понимающе кивнул.

– Я пытался рассказать вам, но в это трудно поверить пока не увидишь своими глазами. Я вам искренне сочувствую. Знаете, сколько людей в день мечтает увидеть Императора? Около

миллиона. А знаете, скольких он принимает? Не более десяти. Тут нам придется иметь дело с гражданскими чиновниками, а это еще хуже. Причем с аристократами вообще вряд ли что удастся.

– Но у нас еще такая куча денег!

– Один-единственный Пэр Галактики будет стоить как раз такую сумму. А для того чтобы навести мостик к Императору, придется подкупить троих-четверых. Можно, правда, попробовать обойтись чипами пониже – председателями Комиссий, главными наблюдателями – их нам для той же цели потребуется не меньше пятидесяти, и каждый обойдется примерно в сотню. Переговоры придется вести мне. Мне – потому что, во-первых, они не поймут вашего диалекта, во-вторых, – вам неизвестен тонкий этикет придворного взяточничества. Это хитрая наука, поверьте! Ох...

На третьей странице «Имперских Новостей» было то, что искал Барр. Он передал газету Деверсу.

Деверс читал медленно. Язык был непривычен, но смысл он все-таки уловил. Оторвав взгляд от газеты, он сердито удариł ладонью по листу.

– Что, этому можно доверять??!

– В определенной степени, – пожал плечами Барр. – Весьма маловероятно, чтобы они уничтожили весь флот Академии. Думаю, они уже не первый раз печатают подобное вранье. Если они прибегли к обычной практике освещения военных событий – объективности ждать не приходится. Скорее всего, это означает, что Риоз выиграл еще одно сражение. Это больше похоже на правду. Надо понимать, он захватил Лорис. Это, главная планета Королевства Лорис?

– Да, пробурчал Деверс. – Или того, что было когда-то Королевством Лорис. А оттуда до Академии е двадцати парсеков. Док, нам нужно торопиться!

– На Тренторе быстро не получится. Поспешишь – получишь в лоб из бластера, вот и все.

– И сколько же времени нам потребуется?

– Месяц, если повезет. Месяц и наши тысячи кредиток. Если их хватит. И это в том случае, если Императору за это время не взбредет в голову отправиться на Летние Планеты, а там он вообще никого не принимает.

– Но Академия...

– Позаботится о себе сама, как и раньше. Ладно, Деверс, нам пора перекусить. Я ужасно голоден. И потом, у нас в распоряжении весь вечер, и нужно его с толком провести. Вряд ли нам когда-нибудь еще удастся посмотреть на Трентор. Нет худа без добра!

...Председатель Комиссии по внутренним делам беспомощно развел руками, с совиной близорукостью разглядывая посетителей.

– Сожалею, но Император нездоров, джентльмены. Так что передача дела по инстанциям – дело совершенно бесполезное. За эту неделю Его Величество никого не принял.

– Нас он примет, – с полной уверенностью заявил Барр. – Нам бы только встретиться с кем-нибудь из кабинета Личного Секретаря.

– Это невозможно! – воскликнул Председатель Комиссии. – Да за это я своим местом могу поплатиться! Если бы вы хотя бы намекнули, в чем суть вашей просьбы, я, возможно, и сумел бы вам помочь. Поймите, я всей душой желал бы быть вам полезен, но для этого мне нужна хоть какая-нибудь ясность. Должен я что-то объяснить моему боссу!

– Видите ли, – настойчиво гнул свое Барр, – если бы наше дело могло быть решено в более низкой инстанции, я бы и не просил аудиенции у Императора. Я убедительно прошу вас попытаться и рискнуть. Позволю себе напомнить вам, что Его Величество обязательно оценит важность нашего дела, и вы, несомненно, будете увенчаны заслуженными почестями.

– Да, но... – Председатель Комиссии запнулся и пожал плечами.

– Безусловно, – кивнул Барр, – риск должен быть оплачен. Для нас большая честь обратиться имени к вам, и мы крайне признательны за то, что вы согласились выслушать нас. Надеюсь, вы позволите нам подкрепить нашу благодарность...

Деверс нахмурился. Подобные речи с небольшими вариациями за последний месяц он выслушивал уже раз двадцать, не меньше. После этих слов обычно происходила передача денег. Однако на сей раз все выглядело несколько иначе. Как правило, деньги старались взять

побыстрее, с опаской. Сейчас же они оставались на виду. Председатель Комиссии медленно пересчитал кредитки, тщательно осматривая их с обеих сторон, — только что на зуб не пробовал.

Голос его сразу изменился.

— Подписаны Личным Секретарем, да? Верные денежки!

— Давайте вернемся к делу, — поторопил его Барр.

— Нет, погодите, — оборвал его Председатель Комиссии. — Давайте еще раз сначала, и поточнее. Мне действительно важно знать, в чем суть вашего дела. Эти деньги — совсем новенькие, и, судя по всему, у вас их было немало, поскольку, как я понимаю, до меня вам многое с кем пришлось повидаться. Итак, в чем дело?

— Я не понимаю, к чему вы клоните?

— Видите ли, мне не составит труда доказать, что вы на Тренторе находитесь нелегально, поскольку въездная виза и карточка идентификации вашего молчаливого спутника явно не соответствуют действительности. Он не является подданным Императора.

— Это неправда.

— Вы можете отрицать что угодно, — с неожиданной жесткостью в голосе заявил Председатель Комиссии. — Чиновник, который за тысячу кредиток заполнил подложные документы, во всем сознался — и мы знаем о вас гораздо больше, чем вы думаете.

— Сэр. если вы намекаете на то, что сумма, предложенная вам, не соответствует степени риска...

Председатель Комиссии снисходительно улыбнулся.

— Наоборот, денег больше чем достаточно, — и он отложил кредитки в сторону, — Так вот. Император лично заинтересовался вами. Разве это неправда, господа, что вы не так давно были гостями генерала Риоза? Разве неправда, что вы совершили побег с центральной военной базы с легкостью, мягко говоря, необычайной? Разве неправда, что у вас с собой изрядная сумма денег, обеспеченных недвижимостью лорда Бродрига? Короче говоря, как вы докажете, что вы — не шпионы и не террористы, посланные сюда, чтобы... В общем, вам придется признаться, кто вам платит и за что.

— Видите ли, — с плохо скрытым гневом сказал Барр, — я полагаю, что чиновник вашего ранга не имеет права предъявлять нам какие бы то ни было обвинения. Позвольте откланяться.

— Нет, не позволю!

Председатель Комиссии резко встал, и взгляд его тут же утратил всякое подобие близорукости.

— Вопросы вам будут заданы позднее и более настойчиво. Кстати, я не Председатель Комиссии, а лейтенант имперской полиции. Вы арестованы.

В руке его блеснул мощный бластер. Он злобно ухмылялся.

— Сейчас под арестом люди и поважнее вас. Скоро расчистим ваше осиное гнездо!

Деверс зарычал и потянулся за своим бластером. Лейтенант полиции улыбнулся еще шире и нажал на контакт. Ядерный луч коснулся груди Деверса — и, не причинив ему никакого вреда,нейтрализовался.

Деверс выстрелил в ответ, и голова лейтенанта вместе с верхней половиной туловища оторвалась и повалилась на пол. Через дыру в стене, прожженную лучами бластера, в кабинет хлынули солнечные лучи и осветили продолжавшее улыбаться мертвое лицо лейтенанта.

...Ушли они через потайную дверь.

Деверс хрюкло бросил на ходу:

— Быстро на корабль! Сейчас начнется тревога! И добавил яростным шепотом: — Все против нас, черт подери! Могу поклясться, что на их стороне — сам космический дьявол!

Уже выбравшись из здания, они увидели, что у громадных экранов уличных телевизоров собираются толпы народа. У них не было времени останавливаться и ждать. Пропуская мимо ушей взволнованные выкрики людей, Деверс и Барр мчались вперед. Однако, прежде чем они нырнули под своды ангары, Барру удалось прихватить свежий номер «Имперских Новостей». Корабль безжалостно прожег в крыше ангары огромную дыру и рванулся в небо...

— Вы сможете от них удрать? — переводя дыхание, спросил Барр.

Десять полицейских кораблей на полной скорости неслись за убегавшим торговым

кораблем, который быстро пересек полосу радиопеленгации и помчался дальше, нарушая все установленные пределы скорости. Далеко позади остались медлительные, грузные, лоснящиеся, как тюлени, корабли Тайной Полиции, отправившиеся в погоню за описанным в подробностях кораблем, на котором удирали двое убийц с хорошо известными приметами.

— Внимательно, док, — проговорил сквозь зубы Деверс, когда они были уже в двух тысячах миль от поверхности Трентора.

Перегрузка оказалась чудовищной. Барр потерял сознание, а тело Деверса пронзила невыносимая боль, глаза заволокло кровавой пеленой. Когда они пришли в себя, на многие световые годы впереди пространство было свободно.

— Ни один имперский звездолет не угонится за мной! — с гордостью за свой корабль воскликнул Деверс и горько добавил: — Только бежать нам больше некуда и делать нечего. Нам с ними не справиться. Что же делать? Что тут мог поделать хоть кто-нибудь?

Барр беспомощно пошевелился на кушетке. Шок от прыжка через гиперпространство еще не прошел, болели все мышцы. Он с трудом проговорил:

— А ничего и не надо делать. Все кончено. Читайте.

Он передал Деверсу номер «Имперских Новостей», который все это время сжимал в руке. Торговец сразу нашел нужный заголовок:

— «Арестованы и отзваны — Риоз и Бродриг», — пробормотал Деверс. Он ошелохнулся на Барра. — Почему??!

Тут об этом не пишется, но какое это имеет значение? Война с Академией окончена, и Сивенна восстала. Прочтите заметку и увидите.

Голос его звучал все тише — он очень устал.

— Остановимся в какой-нибудь провинции и узнаем детали. Если вы не против, я вздремну немного.

Что он и сделал.

Торговый корабль, как большой железный кузнец, совершая гигантские прыжки через гиперпространство, несся к Академии...

Глава десятая Война заканчивается

Латан Деверс изнемогал от скуки. Он уже получил положенные награды и stoически выслушал занудную речь мэра, которой тот сопроводил прикалывание алой ленты. Собственно, его роль в церемонии была окончена, но формальности вынудили его задержаться, в то время как он всей душой жаждал поскорее, тихо и незаметно, улизнуть и добраться до своего корабля — единственного места, где он чувствовал себя в своей тарелке.

Сивенианская делегация, с Дьюсемом Барром во главе, подписала конвенцию, согласно которой Сивенна становилась первой провинцией, перешедшей от Империи под экономический протекторат Академии.

Пять имперских линкоров, захваченных во время сивенианского восстания в тылу, сверкали в небесах — громадные, величественные. Они громко салютовали, пролетая над городом.

А потом — прием, этикет, разговоры...

Кто-то окликнул его с балкона. Это был Форрел — человек, который, как хорошо знал Деверс, был способен купить его двадцать раз за свою дневную прибыль. Форрел, как видно, пребывал в наилучшем расположении духа.

Деверс вышел на балкон. Лицо его приятно освежил легкий вечерний ветерок. Он слегка поклонился, ухмыляясь в густую щетинистую бороду. Барр тоже здесь. Улыбнувшись Деверсу, он сказал:

— Деверс, спасите меня! Меня тут упрекают в таком ужасном, непростительном преступлении, как ложная скромность.

— Деверс, — проговорил Форрел, вынув толстую сигару изо рта. — Лорд Барр утверждает, что ваше путешествие в столицу Клеона никак не связано с отзывом Риоза.

— Это чистая правда, сэр, — признался Деверс. — Мы и не видели Императора. Те сведения

о процессе, которые нам удалось раздобыть на обратном пути привели нас к мысли о том, что дело было попросту сфабриковано. Генерала, как будто, обвинили в преступных подрывных намерениях?

— А он был невиновен?

— Риоз? — вопросом на вопрос ответил Барр. — Нет, клянусь вам, невиновен! Бродриг — по большому счету, предатель, но и он не был виновен ни по одному пункту обвинения. Это был юридический фарс — но неизбежный и предсказуемый.

— Надо понимать, вы имеете в виду психоисторическую неизбежность? — иронично поинтересовался Форрел, старательно, утрированно выговаривая каждое слово.

— Естественно, — серьезно ответил Барр. — До этого момента вопрос о психоистории как бы не возникал, но, когда все было окончено, возникла возможность как бы... ну, знаете... подсмотреть ответ в конце задачника. И тогда все стало ясно. Теперь мы видим, что социальный фон в Империи делает захватнические войны невозможными. Во времена правления слабых Императоров Империю рвут на части генералы, борющиеся за никчемный, смертельно опасный в конце концов трон. Во времена правления сильных Императоров Империю парализует их ига, и раздирающие ее изнутри противоречия на какое-то время затихают, — но только на время, чтобы потом вспыхнуть с новой силой.

В промежутке между двумя глубокими затяжками Форрел буркнул:

— Не слишком ясно излагаете, лорд Барр.

Барр смущенно улыбнулся.

Может быть. Это оттого что я не слишком искусен в психоистории. Слова — жалкая подмена математических уравнений. Но вы сами посудите...

Барр замолчал, потому что Форрел явно отвлекся и, облокотившись на парапет балкона, глядел на небо. Деверс глядел туда же и вспоминал о Тренторе...

Барр попытался продолжить свою мысль:

— Видите ли, сэр, — и вы, и Деверс, да, наверное, все полагали, что победа над Империей заключалась в том, чтобы поссорить Императора и генерала. И вы, и Деверс, и все остальные были правы — все время, пока учитывался принцип внутренних противоречий.

Тем не менее вы были не правы, полагая, что этого внутреннего разъединения можно достичь за счет индивидуальных действий. Вы пробовали подкуп, обман. Вы рассчитывали на амбиции и страх. Но из этого ничего не вышло — как вы ни старались. То есть, наоборот, — после каждого подобного шага положение вещей еще больше осложнялось.

Дьюсем Барр отвернулся и, опервшись на перила, задумчиво поглядел на огни праздничного города, затем медленно проговорил:

— Всех нас толкала мертвая рука. Всех — храброго генерала и великого Императора, наш мир и ваш мир — мертвая рука Гэри Селдона. Он знал, что такой человек, как Риоз, обречен на неудачу, поскольку именно его успехи и были залогом провала. И чем больше были бы его успехи, тем грандиозней был бы его провал.

— Не сказал бы, чтобы стало понятнее, — опять буркнул Форрел.

— Минуточку, — спокойно продолжал Барр. — Давайте еще раз по порядку. Слабый генерал и не подумал бы нам угрожать — это совершенно очевидно. Сильный генерал при слабом Императоре также не стал бы нам угрожать, поскольку обязательно повернуло бы свое оружие в направлении гораздо более близкой и более притягательной мишени. История показала, что три четверти Императоров за последние два столетия в прошлом были мятежными генералами или мятежными вице-королями.

Следовательно, серьезную угрозу для Академии могло представлять только сочетание сильного генерала с сильным Императором, поскольку сильного Императора трудно сместить, а сильный генерал вынужден действовать за границами Империи.

Но — что делает Императора сильным? Чем был силен Клеон? Это очевидно. Он был силен, потому что безжалостно подавлял подданных. Вельможа, который становится слишком богат, генерал, который становится чересчур популярен, — опасны. Вся последняя история Империи доказывает, что так обстояли дела со всеми мало-мальски умными Императорами, желавшими укрепить свою власть.

Риоз выигрывал сражение за сражением — и Император стал относиться к нему с

подозрением. Вся атмосфера тех дней вынуждала его быть подозрительным. Риоз отказался от взятки? Очень странно – скрытые причины. Его самый доверенный вельможа ни с того ни с сего поддержал Риоза – очень подозрительно, тайные мотивы. Не было ни одного действия с чьей-либо стороны, которое не казалось бы ему подозрительным. Мы могли бы еще что-то предпринять – только наши действия были ненужными, тщетными. Успехи Риоза были подозрительны. Поэтому он был отзван, обвинен, осужден и казнен. Таким образом Академия снова победила.

Видите – получается, что нет такого стечения обстоятельств, при котором Академия не выиграла бы. Это было неизбежно – что бы ни предпринял Риоз, что бы ни предприняли мы.

Магнат Академии самодовольно кивнул.

– Неплохо. Только вот... А если бы Император и генерал были в одном лице? А? Что тогда? Этой ситуации вы не учли, поэтому я считаю, что вы меня не убедили.

Барр пожал плечами.

– Да я и не пытался что-то доказать. Я не знаю математики и не могу подкрепить свои доводы математическими выкладками. Я говорю только о том, что подсказывает мне здравый смысл. При том, что в Империи каждый аристократ, любой мужчина в расцвете сил, всякий уважающий себя разбойник мечтают только о том, как бы поскорее забраться на трон, – и как говорит история, мечты эти далеко не всегда бесплодны – что бы случилось даже тогда, когда сильному Императору пришло в голову затеять заграничную войну на дальнем краю Галактики? Как долго он мог бы отствовать в столице, пока там дело не дошло до гражданской войны и он вынужден был бы вернуться домой? Нет, социальная ситуация в Империи не позволила бы ему отлучиться надолго!

Однажды я сказал Риозу, что вся мощь Империи бессильна против мертвых руки Гэри Селдона.

– Хорошо, хорошо! – Форрел был явно доволен. – Следовательно, вы утверждаете, что Империя больше никогда не станет нам угрожать?

– Похоже, что так, – развел руками Барр. – Честно говоря, Клеон вряд ли протянет больше года, после чего неизбежно встанет вопрос о праве на престол, что будет означать последнюю гражданскую войну в истории Империи.

– Ну, что ж, – прищурившись, проговорил Форрел, – получается, что врагов больше нет? Барр задумался.

– Существует Вторая Академия.

– На другом краю Галактики? Исключено.

В это время Деверс резко обернулся и угрюмо уставился на Форрела.

– Думаю, у нас достаточно врагов у себя дома.

– Да? – удивился Форрел. – Кто же это, если не секрет?

– Например, люди, которые делают вид, что за мир и благосостояние всех, а сами только и делают, что следят, как бы чересчур много прибыли не скопилось в руках у тех, кто создает это благосостояние. Улавливаете?

Взгляд Форрела постепенно утратил благодушие и встретился с открытым, гневным взглядом Деверса.

Часть вторая Мул

Глава одиннадцатая Молодожены

Мул ... Как ни парадоксально, о «Муле» известно меньше, чем заслуживает фигура такого масштаба в истории Галактики, даже период его высочайшей славы известен нам в основном по свидетельствам его противников и в особенности из записок молодой женщины, жены...

Галактическая империя

Хейвен произвел на Байту удручающее впечатление. Муж показал ей его солнце – тусклую звездочку, потерянную в пустоте пространства на далекой окраине Галактики. Плотные звездные скопления остались позади – только одинокие лучи рассеянного света озаряли мрак. Но даже среди своих многочисленных соседей Хейвен был тускл и непривлекателен.

Торан прекрасно понимал, что в качестве прелюдии к будущей семейной идиллии красный карлик выглядел мало впечатляюще. Он смущенно улыбнулся.

– Конечно, Бай, обмен неравноценный. После Академии выглядит не очень, правда?

– Это ужасный обмен, Торан. Лучше бы мне было не выходить за тебя.

Но, заметив, что лицо мужа моментально стало обиженным, не дав ему обидеться окончательно, она проговорила особым «уютным» голоском – так, как умела только она:

– Ну, что ты, глупыш! Сейчас ты оттопыришь губу и станешь похож на умирающую утку, а потом уткнешься мне в плечо, а я поглажу тебя по головке, вот так... Более, как током от волос бьет! А ты, конечно, ждал, что я буду в восторге, да? Ты думал, я скажу: «Тори, с тобой – хоть на край света» или «Милый, где угодно – хоть в пустоте, среди звезд – лишь бы с тобой». Ну, признайся!

Ее указательный палец коснулся носа мужа, и она вовремя отдернула руку, а то бы Торан точно укусил ее.

Он обиженно проговорил:

– Ну, а если я сдамся и признаюсь, что ты права, ты ужин приготовишь?

Она ласково кивнула. Торан улыбнулся в ответ.

По большому счету, красавицей она не была – он это понимал. Это было видно с первого взгляда. Волосы у нее были темные, блестящие и густые, хоть и невьющиеся, рот немного великоват, но тонкие, дивно очерченные брови отделяли прекрасный, мраморно-белый лоб от теплых, всегда улыбающихся карих глаз.

А за тщательно выстроенным и упорно охраняемым фасадом практичности, не романтичности, житейской расчетливости таилось маленькое озерцо нежности, которое ни за что бы не вырвалось наружу, если бы вы попытались добиться этого силой, а только тогда, когда вы знали, как этого добиться – а вы бы и не почувствовали, что чего-то добивались.

Торан еще немного посидел у пульта управления, хотя делать там было абсолютно нечего, и решил отдохнуть. Оставался еще один межзвездный прыжок, потом еще несколько миллиардов парсеков «по прямой», и только потом потребуется ручное управление. Он запрокинул голову назад и повернулся в кресле, пытаясь разглядеть через приоткрытую дверь хозяйственного отсека, что там делает Байта. Она доставала с полок контейнеры с едой.

В его отношении к жене была едва заметная доля самодовольства. Нечто вроде удовлетворенного самолюбия человека, который добился желанного успеха после трехлетней борьбы с собственным комплексом неполноценности.

Как бы то ни было – он был провинциалом, и не просто провинциалом, а сыном отставного Торговца. А она была из самой Академии. Мало того – ее родословная прослеживалась до великого Мэллоу...

Он все время побаивался этого путешествия. Везти ее на Хейвен – в скалистый мир с пещерными городами – было рискованно. Заставить ее столкнуться с извечной враждебностью Торговцев к Академии – враждебностью крестьян к горожанам – было еще рискованнее.

И все-таки после ужина – последний прыжок!

Звезда Хейвена горела недобрый тусклово-алым светом, а врачающаяся вокруг нее планета светилась бледно-розовым румянцем, поскольку окружавшее ее кольцо атмосферы поглощало свет звезды. Половина планеты покоялась во мраке, Байта склонилась над большой голо графической картой участка космоса, испещренной паутиной пересекающихся линий. В центре их сплетения мерцал Хейвен. Подперев щеку рукой, она проговорила:

– Жаль, что я не познакомилась с твоим отцом раньше. Вдруг я ему не понравлюсь?

– Тогда, – уверенно проговорил Торан, – ты будешь первой хорошенкой девушкой, ухитившейся не понравиться ему. Пока он не потерял руку и не перестал мотаться по

Галактике, он... ну, в общем, если ты спросишь его об этом, он будет болтать до тех пор, пока у тебя уши не отсохнут. Я слушал-слушал и в конце концов понял, что он здорово привирает. Не было случая, чтобы хоть один свой роман он пересказал дважды одинаково.

Хейвен-II стремительно приближался. Уже было видно внутреннее море, грифельно-серое в сгущавшихся сумерках, то и дело исчезавшее в густых облаках. Берега его окаймляли высокие скалистые горы.

Они подлетали все ближе к поверхности планеты. Уже было видно, как море катит к берегу величественные волны. В тот миг, когда до горизонта не было видно ничего, кроме серых волн, в видовом иллюминаторе мелькнул покрытый льдом берег.

— Скафандр застегнула? — крикнул Торан, пытаясь перекричать шум двигателей, работавших в режиме торможения.

Байта кивнула. Ее пухлое лицико за прозрачным пластиком шлема мягкого, плотно прилегающего скафандра покрылось нежным румянцем.

Корабль приземлился на открытую площадку в двух шагах от подножия скалистого плато.

Осторожно, неуклюже ступая, они спустились в густую темень галактической ночи. Байта поежилась от холода. Из рта у нее вырвалось облачко пара. Торан крепко взял ее под локоть, и они побежали по заледенелой, утрамбованной земле к островку света, мерцающего вдали.

На полпути их встретили вооруженные часовые. Они обменялись с Тораном парой коротких фраз, после чего пошли дальше вместе с ними. И ветерок, и холод остались позади, когда они вошли в высокие ворота в скале, которые тут же закрылись за ними. Внутри было тепло, от стен исходило мягкое белое сияние. Слышался гул множества голосов. Таможенник, оторвавшись от бумаг, с любопытством поглядел на вошедших. Торан подал ему бумаги.

Тот, быстро просмотрев документы, тут же возвратил их Торану и жестом указал дорогу. Торан шепнул жене:

— Похоже, отец договорился. Обычно тут часов пять торчать приходится.

Они вышли на открытое пространство, и Байта воскликнула:

— Вот это да!

Пещерный город был залит дневным светом — ярким дневным светом утреннего солнца. Конечно, на самом деле никакого солнца не было. То, что должно было быть небом, терялось в свете рассеянных лучей. Теплый, довольно плотный воздух был напоен ароматом свежей зелени.

— Ну, Торан, да здесь просто красиво! — удивилась Байта.

Торан кивнул с ревнивой гордостью.

— Конечно, Бай, это не Академия, но все-таки большой город — самый большой на Хейвене. Двадцать тысяч человек. Думаю, тебе здесь понравится. Правда, с развлечениями — не густо, но зато тайной полиции нет.

— О, Тори, это же просто как в сказке — игрушечный городок! Весь белый и розовый — и какой чистенький!

— Да...

Торан глядел на город вместе с женой. Дома былиней частью двухэтажные, построенные из прочного камня с волнистым рисунком — его добывали на планете. Высотных домов с башнями и шпилями, столь типичных для Академии, здесь не было и в помине, не было и громадных многоквартирных монстров, украшавших улицы старых Королевств, — здесь царили малые формы и индивидуальность — реликвии частной инициативы в Галактике массовой психологии.

Торан шепнул жене на ухо:

— Бай, смотри туда. Это отец. Да не туда, глупышка! Видишь?

Она увидела. Им махал единственной рукой высокий, грузный пожилой мужчина, широко растопырив пальцы, как будто загребал воздух. До них долетали раскаты громоподобного баса. Байта взяла мужа под руку, и они сбежали вниз по аккуратно подстриженной лужайке. Рядом с отцом Торана стоял мужчина пониже ростом. Издалека его невозможно было разглядеть рядом с одноруким великанином, который продолжал махать рукой и кричать.

Наклонившись к жене, Торан шепнул:

— Это сводный брат отца. Тот самый, что бывал в Академии. Я тебе рассказывал.

Они встретились на зеленом ковре травы, радостно смеясь. Отец, наконец выпустив сына из железного полуобъятия, поспешил привести себя в порядок: одернул короткую куртку и поправил свое единственное украшение – расшитый металлическими узорами пояс.

Склонив голову набок, он по очереди оглядел молодых и наконец, борясь с чуть заметной одышкой, пробасил:

– Ну, сынок, ты выбрал отличный денек для возвращения домой!

– Что? Ах да! Сегодня ведь день рождения Селдона?

– Угу. Знаешь, натерпелся по дороге – наняли машину, и я попросил этого дракона Ранду сесть за руль. Тот еще водитель!

Взгляд его остановился на Байте. Голос его сразу смягчился:

– У меня есть кристалл с твоей мордашкой. Неплохо, но теперь я гляжу на тебя и понимаю, что парень, который тебя снимал, – жалкий любитель.

Он вынул из кармана маленький прозрачный кубик внутри него светилось крохотное смеющееся лицо Байты.

– Ах, вы про это... – смущалась Байта. – И зачем только Торан послал вам эту карикатуру. Просто удивительно, что вы вообще разговариваете со мной после этого, сэр.

– Да ну? Слушай, малышка, называй меня Фрэн. Давай без формальностей. Так что бери меня под руку и пошли к машине. Знаешь, строго между нами – до сих пор я не предполагал, что мой сыночек способен на что-нибудь стоящее. Пожалуй, придется изменить свое мнение.

Торан тихо спросил у дяди:

– Как поживает старик? Все еще бегает за юбками?

Доброе лицо Ранду покрылось паутиной мелких морщинок, когда он улыбнулся.

– Когда удается, Торан, когда удается. Время от времени он вспоминает, что в следующий день рождения ему стукнет шестьдесят, и это его ужасно огорчает. Но он быстро прогоняет эту печальную мысль и снова становится самим собой. Он – торговец старой закалки. Ну, а ты-то как, Таран? И где это ты отыскал такую красотку?

Торан усмехнулся и взял дядю за руку.

– Дядя, разве молено в двух словах рассказать историю, которая длилась три года?

В маленькой уютной гостиной Байта наконец с облегчением сняла дорожный костюм и, тряхнув головой, распустила волосы. Села в кресло, положила ногу на ногу и принялась украдкой разглядывать фигуру хозяина. Он тоже с любопытством поглядывал на нее.

– Я знаю, о чем вы думаете, – сказала она с улыбкой, – и попытаюсь вам помочь. Возраст – двадцать четыре года, рост – пять футов четыре дюйма, вес – пятьдесят четыре килограмма, специальность – историк.

Байта обратила внимание, что хозяин старается стоять или сидеть так, чтобы отсутствие руки было не так заметно.

Но тут Фрэн склонился к самому ее уху и прошептал:

– Знаешь, если на то пошло, я уточню: вес пятьдесят шесть килограммов.

Он весело расхохотался, увидев, как она покраснела, и добавил вслух, повернувшись к остальной компании:

– Вес женщины можно безошибочно определить – стоит только внимательно разглядеть ее руки. Но это – если имеешь большой опыт, конечно. Выпьешь чего-нибудь, Бай?

– Наверное, но попозже, – ответила она и, взяв свекра под руку, вышла с ним из гостиной. Торан тем временем занялся новыми журналами на книжных полках.

Фрэн вернулся один и сообщил:

– Она спустится попозже.

Он тяжело опустился в большое кресло в углу и положил негнущуюся левую ногу на табуретку перед собой. Торан повернулся и посмотрел на отца. Тот сказал ласково:

– Ну вот ты и дома, мальчик мой. Я ужасно рад. Мне очень поправилась твоя жена. Умница. Не кисейная барышня.

– Я женился на ней, – просто ответил Торан.

– Я не о том, сынок, – слегка помрачнел отец. – Женитьба – не самый лучший способ устройства будущей жизни. За свою долгую жизнь я себе ни разу этого не позволил. И

правильно сделал.

Ранду, до этого молча стоявший в противоположном углу комнаты, прервал его.

— Ну, Фрэнссарт, что ты сравниваешь? До той аварии, что стряслась шесть лет назад, ты нигде не задерживался настолько, чтобы мог позволить себе жениться. Да и потом, кто бы за тебя пошел?

Однорукий гигант рывком выпрямился и рявкнул:

— Любая, понял ты, зануда, любая!

Торан мягко возразил:

— Это не более чем юридическая формальность, папа. В этом есть определенные удобства.

— Для женщин, — буркнул Фрэн.

— Пусть так, — согласился Ранду, — но, в любом случае, это — личное дело мальчика.

Женитьба — старая традиция в Академии.

— Подумаешь! Академия! Есть с кого брать пример!

Торан снова возразил:

— Моя жена из Академии.

Он прислушался, посмотрел по очереди на отца и дядю прислушался, посмотрел по очереди на отца и дядю и, приложив палец к губам, проговорил вполголоса:

— Тихо! Она идет.

После ужина разговор перешел на общие темы, но за ужином Фрэнссарт ударился в воспоминания о бурной молодости, в которых, естественно, фигурировали и женщины, и пролитая кровь, и сумасшедшие прибыли, и драгоценности... Включили маленький телевизор. На экране, на который никто не смотрел, разыгрывалась какая-то классическая драма. Ранду устроился поудобнее на низкой кушетке, а Байта уселась на мягкий пушистый ковер — хозяин привез его давным-давно из какой-то экзотической торговой вылазки, и стелили его исключительно для торжественных случаев.

— Ты изучала историю, девочка? — с интересом спросил Ранду.

Байта кивнула.

— Да, но я была не очень дисциплинированной студенткой. Но кое-чему научилась, конечно.

— Ага, на стипендию натягивала, — съехидничал Торан.

— И что же ты изучала? — мягко поинтересовался Ранду.

— Что — все рассказать? Сейчас? — рассмеялась девушка.

Старик смущенно улыбнулся.

— Ну, ладно, ладно, не смейся над стариком. Скажи только, что ты думаешь по поводу нынешней ситуации в Галактике?

— Я думаю, — совершенно серьезно ответила Байта, — что надвигается Селдоновский кризис, причем такой, какой выходит за рамки Плана Селдона. Такое впечатление, что План просто проваливается.

(Фрэн в своем углу присвистнул и пробормотал себе под нос: «Ничего себе! Сказать такое о Селдоне!» Однако вслух он ничего не сказал.)

Ранду задумчиво посасывал трубку.

— Вот как! Почему ты так считаешь? Знаешь, когда я был помоложе, я был в Академии, и мне когда-то приходили в голову всякие трагические мысли. Но все-таки почему ты так думаешь?

— Хорошо, я скажу.

Байта задумалась, нахмурилась, закутала ноги поглубже в мех ковра, обхватила колени руками.

— Мне представляется, что весь смысл Плана Селдона состоял в создании лучшего мира, чем тот, которым была древняя Галактическая Империя. Тот мир начал распадаться три столетия назад, как раз в то время, когда Селдон основал Академию. Если верить истории, распад его был вызван триадой болезней — инерцией, деспотизмом и неравномерностью распределения материальных ценностей в Галактике.

Ранду медленно кивнул. Торан глядел на жену гордыми, сияющими глазами, а Фрэн в своем углу восхищенно прищелкнул языком и наполнил свой бокал.

Байта продолжала:

– Если все, что рассказывают о Селдоне – правда, получается, что он предвидел окончательное падение Империи с помощью законов психоистории. Ему удалось предсказать и то, что должно пройти тридцать тысячелетий неизбежного варварства, прежде чем будет создана новая Империя, в которой будет восстановлена цивилизация и культура человечества. Главной целью его жизни было создание условий, способных обеспечить ускорение возрождения.

Из угла донесся приглушенный бас Фрэна:

– И именно с этой целью он основал две Академии, да прославится имя его во веки веков!

– Именно поэтому он основал две Академии, – подтвердила Байта. – Наша Академия представляла собой сообщество ученых из умирающей Империи, призванных возвести науку и знания человечества на новые невиданные высоты. Академия была географически расположена таким образом и поставлена в такие исторические обстоятельства, что посредством своих гениальных исследований и расчетов Селдон предсказал, что через тысячу лет она станет основой Второй, более могущественной Империи.

Стояла почтительная тишина. Девушка мягко проговорила:

– Это старая история. И все вы ее знаете. Уже триста лет в Академии ее знает любой школьник. Но мне показалось, что стоит вспомнить ее – хотя бы вкратце. Сегодня – день рождения Селдона, вы знаете. И хотя я из Академии, а вы – с Хейвена – это наш общий праздник.

Она медленно закурила сигарету и рассеянно повертела ее в руке, глядя на горящий кончик.

– Законы истории так же абсолютны, как законы физики, и если вероятность ошибок в истории более высока, то это только потому, что история не располагает для своих исследований таким количеством людей как физика – атомов, и в ней больше места для индивидуальных вариаций. Селдон предсказал ряд кризисов на протяжении тысячелетия, каждый из которых должен был ознаменовать определенный поворотный пункт в нашей истории, в нашем движении по заранее намеченному пути. Именно эти кризисыдвигают нас вперед. Поэтому сейчас должен наступить кризис. Сейчас, – повторила она убежденно. – Прошло уже почти сто лет со времени последнего кризиса, и за это время все пороки Империи, как в зеркале, отразились в Академии. Наши правители признают только один закон – никаких перемен. Что это, как не деспотизм? Они – признают только один стиль правления – насилие. Они знают только одно желание – удержать то, что считают своим.

– Пока другие голодают! – рявкнул Фрэн, трахнув кулаком по подлокотнику кресла. – Девочка! Слова твои – драгоценный жемчуг! Толстосумы, сидя на денежных мешках, управляют Академией, в то время как отчаянные смельчаки – Торговцы – влачат жалкое существование на заброшенных планетах, вроде Хейвена. Это оскорблениеСелдона, пригоршня грязи ему в лицо!

Он поднял единственную руку, сжатую в кулак, лицо его непривычно вытянулось.

– Если бы у меня было две руки! Я бы заставил их выслушать меня! Они бы...

– Папа, – вмешался Торан, – папа, успокойся!

– Успокойся, успокойся! – передразнил его отец. – Мы тут гнием и сдохнем тут, а ты говоришь – успокойся!

– Ну, просто – воскресший Латан Деверс, – сказал Ранду, указывая на брата трубкой, – наш старина Фрэн. Латан Деверс погиб на невольничих рудниках восемьдесят лет назад с прадедушкой твоего мужа, девочка. Он добр и честен, но мудрости ему недоставало.

– Да, черт подери, на его месте я сделал бы то же самое! – продолжал распаляться Фрэнссарт. – Деверс был величайшим Торговцем всех времен, выше, чем этот раскрашенный мыльный пузырь Мэллоу, идол Академии. И если висельники, которые правят Академией, убили его только потому, что он боролся за справедливость, тем больше крови на их руках!

– Девочка, продолжай, – попросил Ранду, – продолжай, или он будет вот так орать всю ночь напролет, а потом весь день будет стонать и бредить.

– Да продолжать-то особенно нечего, – с неожиданной горечью откликнулась Байта. – Кризис должен наступить, но как его ускорить, я не знаю. Прогрессивные силы в Академии

жестоко подавлены. Вы, Торговцы, могли бы восстать, но за вами охотятся, и вы разъединены. Если бы удалось объединить все силы доброй воли внутри Академии и за ее пределами...

Фрэн засмеялся – будто огромный ворон закаркал.

– Слушай ее, Ранду, слушай! Девочка-девочка, нет никакой надежды отыскать слабые места в Академии. У них ведь там как: один хлещет бичом, а другие принимают удары – смертельные удары. Во всей Галактике не осталось смельчака, который мог бы встретиться лицом к лицу с одним честным Торговцем!

Байта тщетно пыталась перевести разговор в другое русло. Торан обнял ее и нежно прикрыл ее рот ладонью.

– Папа, – попытался он урезонить отца, – ты никогда не был в Академии. Ты о ней практически ничего не знаешь. Я хочу, чтобы ты поверил мне: в тамошнем подполье много сильных и смелых людей. Между прочим, Байта – одна из них.

– Ладно, ладно, мальчик, ну что ты оправдываешься? Еще не хватало нам поссориться! – Он был явно смущен.

Но Торан пылко продолжал:

– Твоя беда, папа, в том, что ты – провинциал. Ты думаешь, что несколько сот тысяч Торговцев – великий народ уже только потому, что обречены на жизнь в пещерах на забытой Богом планете, на краю Галактики. Конечно, сборщик налогов из Академии, попав сюда, имеет мало шансов вернуться обратно, но это – дешевый героизм. Что бы вы стали делать, если бы Академия вздумала послать сюда флот?

– Мы бы разнесли его на куски и отправили к чертовой бабушке!

– И сами бы отправились туда же. Преимущество было бы на их стороне. Вас мало, вы плохо вооружены, плохо организованы, и как только это поймет Академия, и вы это очень быстро поймете. Поэтому лучше бы вам поискать единомышленников – и в самой Академии, и за ее пределами.

– Ранду! – умоляюще пробасил Фрэн, беспомощно глядя на брата.

Ранду вынул изо рта трубку.

– Фрэн, мальчик прав. Послушай свое сердце и ты поймешь, что он прав. Просто тебе неприятны эти мысли и ты прогоняешь их и орешь на всех. Только от них никуда не деться; Фрэн. Торан, я сейчас объясню тебе, для чего я все это устроил.

Он задумчиво выпустил струйку дыма и положил трубку на край пепельницы. Подождал, пока табак догорит, и, аккуратно постучав по пепельнице, вытряс пепел. Медленно, тщательно снова набил трубку табаком.

– Ты сказал, Торан, что Академия может нами заинтересоваться. Это очень важно. И опасно. Не так давно нас дважды посетили на предмет сбора налогов, Самое неприятное, что второй сборщик прибыл в сопровождении небольшого патрульного корабля. Они приземлились недалеко от города Глейяр, дав на всякий случай холостой залп. Как ты понимаешь, после этого они просто не имели шансов вернуться обратно. Теперь наверняка прилетят другие. Твой отец знает об этом, Торан. Он все прекрасно понимает. Но ты только посмотри на этого упрямого старого повесу! Он знает, что Хейвен в беде, знает, что мы беспомощны, а сам только и делает, что повторяет заученные фразы. Его это, видите ли, согревает и успокаивает. Он думает, что, понося Академию и изрыгая проклятия ей, он выполняет свой долг человека и Торговца и, значит, он так же делает свое дело, как каждый из нас.

– Из кого это – из нас? – поинтересовалась Байта.

Ранду улыбнулся ей.

– Мы организовали небольшую группу, Байта, пока только в нашем городе. Мы еще ничего выдающегося не сделали. Пока нам даже не удалось наладить связи с другими городами, по это начало.

– Начало чего?

Ранду покачал головой.

– Мы пока не знаем. Надеемся на чудо. Мы тоже поняли, что должен наступить Селдоновский кризис.

Он поднял руку с трубкой.

– Ведь Галактика просто кишит осколками и отбросами разбитой Империи. Среди них

немало генералов. Как ты думаешь, разве не может хоть один из них озвереть настолько, чтобы...

Байта на мгновение задумалась, затем так решительно замотала головой, что одна прядка волос упала на лоб.

– Нет, это исключено! Среди этих генералов нет ни одного, который бы не понимал, что нападение на Академию – самоубийство. Бел Риоз из старой Империи был лучшим из них, и на его стороне были силы всей Галактики, но и он не смог противостоять Плану Селдона. Разве найдется сейчас хоть один генерал, который этого не помнит?

– Ну, а если мы их подстегнем?

– Куда? В ядерное пекло? И чем их можно подстегнуть?

– Понимаешь, появился один новичок... В последние год-два начали поговаривать об одном странном человеке, которого называют Мулом.

– Мул? – нахмурилась Байта и повернулась к мужу: – Торан, ты что-нибудь слышал?

Торан отрицательно покачал головой.

– Что вы знаете о нем? – спросила Байта у Ранду.

– Ничего определенного, кроме того, что он выигрывает сражение за сражением в самых невероятных ситуациях. Может, слухи и приукрашены, но в любом случае, было бы интересно с ним познакомиться. Не всякий человек с раздутой амбицией и грандиозными возможностями верит в План Селдона и психоисторию. Скорее – наоборот. Мы можем поддержать его в этом неверии, а он может напасть на Академию.

– И Академия победит.

– Да, но вовсе не обязательно легко! Может начаться кризис, и мы сможем им воспользоваться для того чтобы заставить этих деспотов из Академии пойти на компромисс. В худшем случае они будут вынуждены хотя бы на время позабыть о нас, а мы тем временем получим возможность строить дальнейшие планы.

– Что скажешь, Тори?

Торан мягко улыбнулся и легким движением отбросил темную прядь со лба жены.

– Из того, что сказал Ранду, мало что понятно. Кто он все-таки, этот Мул? Что ты вообще о нем знаешь, Ранду?

– Пока – ничего. Узнать кое-что мог бы ты, Торан. И твоя жена, если захочет. Мы говорили об этом с твоим отцом. Очень много говорили.

– А именно, Ранду? Что от нас нужно?

Торан украдкой взглянул на жену.

– Ну, если можно назвать путешествие сюда из Академии медовым месяцем...

– Как насчет того, чтобы продолжить его в более приятной обстановке, – скажем, на Калгане? Субтропики, водный спорт, пляжи, сафари – словом, курорт. Около семи тысяч парсеков отсюда – не так уж далеко.

– И что там, на Калгане?

– Там – Мул. По крайней мере, его люди. Они захватили эту планету месяц назад, причем без боя, хотя диктатор Калгана клялся и божился по всем радио– и телепрограммам, что скорее превратит всю планету в звездную пыль, чем сдаст ее.

– И где же теперь диктатор?

– Нет его, – хмуро ответил Ранду. – Ну, что скажете?

– Ну, а что мы там должны делать?

– Не знаю. Фрэн и я – мы уже старики, да и провинциалы к тому же. Все Торговцы в Хейвене – безнадежные провинциалы. Ты же сам сказал. Мы привыкли и торговать, и жить по старинке. Мы уже не те сотрясатели Галактики, которыми были наши предки. Так... Фрэн, помолчи, пожалуйста! А вы молодые, сильные, вы знаете Галактику. Байта, что очень немаловажно для такого дела, говорит с приятным столичным акцентом. Мы просто хотели бы, чтобы вы хоть что-нибудь разузнали. Если вам удастся войти в контакт с... но это, конечно, вряд ли. Хотя бы подумайте об этом, ладно? Если хотите, вы могли бы встретиться со всей нашей группой. Но это не раньше чем на следующей неделе. Надо вам дать время передохнуть.

Наступившую паузу прервал Фрэн. Он пробурчал из угла:

– Кто хочет еще выпить? Кроме меня, я имею в виду.

Глава двенадцатая

Капитан и мэр

Капитан Хэн Притчер ожидал аудиенции у мэра. Роскошь апартаментов главы Академии была настолько непривычна для него, что даже не производила впечатления. Почему – ему и думать не хотелось. Как правило, он не прибегал к самоанализу и философствованию, если это напрямую не было связано с его работой.

Это помогало.

Работа его состояла в том, что в Департаменте Обороны именовалось «разведкой» и «шпионажем». К сожалению, несмотря на помпезно-хвалебные визги средств массовой информации, разведка и шпионаж ассоциировались в умах обывателей с грязными делишками, выражавшимися в непрерывном предательстве и вранье. Тем не менее во все времена этот род деятельности обществом оправдывался, поскольку служил «интересам государства». Однако, поскольку долгие философские раздумья неизменно приводили капитана Притчера к выводу, что общественное сознание легче убаюкать, чем собственную совесть, он решил не философствовать.

А теперь в роскошной приемной мэра мысли его, вопреки обыкновению, обратились к самому себе.

Его нельзя было назвать счастливчиком. Многие обошли его – многие, менее талантливые, чем он. Он выстоял под проливным дождем чернильных капель, легших пятнами на его биографию, под перекрестным обстрелом официальных выговоров и взысканий. Он упрямо продолжал гнуть свою линию, пребывая в твердой уверенности, что нарушение субординации во имя все тех же священных «интересов государства» сыграет в конце концов свою истинную роль.

Итак, он находился в приемной мэра под охраной пятерых невозмутимых гвардейцев и – весьма вероятно – в преддверии трибунала.

Тяжелые створки мраморных дверей раскрылись, открыв взгляду обтянутые узорчатым шелком стены, покрытый алым синтетическим ковром пол и еще одни двери, тоже мраморные, украшенные металлической инкрустацией.

Двери отворились, оттуда вышли двое чиновников в строгих костюмах фасона трехсотлетней давности и провозгласили:

– Аудиенция капитану Хэну Притчери из Службы Информации!

Они расступились, церемонно склонив головы, и капитан шагнул вперед. Эскорт гвардейцев остался у первой двери, и в проем второй Притчери вошел один.

За анфиладой дверей находился неожиданно скромный кабинет, где за большим, удивительно строгим письменным столом восседал мужчина маленького роста и весьма невыразительной внешности. Высоченные потолки и вообще вся грандиозность обстановки кабинета еще больше усугубляли тщедушность его фигурки.

Мэр Индбур – третий по счету из мэров, носивших эту фамилию, был Внуком Индбура-первого, человека жестокого, но умного. Его дед производил на людей впечатление деятеля, способного удержать власть, чего он добился, кстати, потрясающей ловкостью в уничтожении последних остатков избирательной демократии, но при этом с еще большей ловкостью ухитрился сохранить достаточно миролюбивый стиль правления.

Мэр Индбур был сыном Индбура-второго, первого из мэров Академии, занявшим этот пост по праву рождения и повторившего своего отца лишь наполовину, – тот был жесток, но умен, а этот – только жесток.

Итак, мэр Индбур был третьим мэром в семье и вторым, занявшим этот пост по праву рождения.

Качеств у него было еще меньше, чем у его предшественников. Он не был ни умен, ни жесток. Он был просто-напросто хорошим бухгалтером, родившимся не в той семье.

Индбур-третий придавал огромное значение таким сторонам своего правления, которые всем, кроме него самого, казались странными.

Для него болезненная привязанность к строгим геометрическим формам в окружающей

обстановке была системой; неутомимый и страстный интерес к мельчайшим тонкостям повседневного бюрократизма – трудолюбием; проявление нерешительности в обстоятельствах, когда он был прав, – предосторожностью, а упрямство тогда, когда он был не прав, – решительностью.

При всем том, он никогда не пускал денег на ветер и не отправлял людей на смерть зря, и имел-таки неплохую репутацию.

Капитан Притчер думал об этом, стоя по установленному этикету перед большим письменным столом. Лицо его, однако, было настолько непроницаемо, что трудно было предположить – думает ли он о чем-нибудь вообще. Он не позволял себе ни кашлянуть, ни переступить с ноги на ногу до тех пор, пока взгляд колючих глаз мэра не оторвался наконец от бумаг, на полях которых его перо делало многочисленные пометки. Лист бумаги с убористо напечатанным текстом переместился из одной стопки в другую.

Мэр Индбур аккуратно, как школьник, сложил руки перед собой, неспешно оглядел стол в поисках нарушений образцового порядка размещения письменных принадлежностей.

Наконец он проговорил, уточняя:

– Капитан Хэн Притчер из Службы Информации?

Капитан Притчер, повинувшись строгим канонам этикета, преклонил колено и склонил голову. Так он стоял до тех пор, пока не услышал положенного приказа:

– Встаньте, капитан Притчер!

Мэр начал довольно дружелюбно:

– Вы приглашены сюда, капитан Притчер, по поводу определенного дисциплинарного взыскания, наложенного на вас старшим по чину. Бумаги относительно этого инцидента попали ко мне, что вполне естественно, и поскольку меня интересует все, что происходит в Академии, я решил взять на себя труд уточнить кое-какие детали. Надеюсь, вы не слишком удивлены?

Капитан Притчер четко ответил:

– Нет, Ваше Сиятельство. Ваша справедливость известна всем.

– Вот как? Да что вы говорите? – самодовольно усмехнулся мэр. Тонкие контактные линзы на его глазах сверкнули недобрый светом. Он старательно подправлял лежащую перед ним стопку сколотых скрепкой листков и стал их переворачивать. Листы шуршали, длинный указательный палец мэра скользил вдоль строчек. – У меня здесь – ваше полное досье, капитан. Итак, вам сорок три года, семнадцать из них вы служите в армии. Родились в Лорисе, родители – анакреонцы, в детстве ничем серьезным не болели, перенесли приступ мио... так, это неважно... образование до поступления на военную службу – Академия Наук, основная специализация – гиператомные двигатели, успехи в учебе... гм-м... отличные, с чем вас и поздравляю... поступили в армию в чине младшего офицера на сто сорок второй день двести девяносто третьего года Академической Эры.

Он на мгновение оторвал взгляд от листка, мельком взглянул на капитана, перевернул лист и продолжил чтение:

– Видите, – изрек он немного погодя, – как четко работает моя администрация? Порядок! Система!

Не отрывая взгляда от бумаг, он протянул руку к стоявшей справа шкатулке, достал из нее маленькую розовую конфетку и сунул под язык. Мэр был сладкоежкой – это был его единственный порок. Справедливости ради укажем, что на письменном столе мэра не было ни единой принадлежности для курения – он не курил сам, и, естественно, этого не могли, себе позволить его посетители.

Индбур продолжал перечислять подробности биографии капитана, время от времени сопровождая их невыразительными комментариями одобритального или неодобритального свойства.

Наконец он аккуратно сложил листки в прежнем порядке.

– Ну, капитан, – сказал он довольно живо, – у вас необычная биография! Судя по всему, у вас блестящие способности и выдающиеся заслуги. Тут написано, что вы были дважды ранены при исполнении обязанностей и награждены Орденом Славы за проявленную храбрость – совершили подвиг, что выходило за рамки ваших непосредственных обязанностей. Подобные факты трудно недооценить.

Выражение лица капитана не изменилось. Он по-прежнему стоял навытяжку. По этикету посетитель, удостоившийся аудиенции у мэра, не имел права садиться – да в кабинете и не было ни единого кресла или стула, кроме того, на котором восседал Индбур. Кроме того, не положено было позволять себе никаких посторонних высказываний, кроме ответов на вопросы.

Во взгляде мэра появилась жестокость, а в голосе – колючие нотки.

– Однако вы не получали повышений по службе уже десять лет, и ваши начальники в один голос говорят о вашем неисправимом упрямстве. Все они сообщают, что вы постоянно нарушаете субординацию, некорректно ведете себя со старшими по чину офицерами, неприкрыто отказываетесь от поддержания дружеских отношений с коллегами и, кроме того, непрерывно создаете конфликтные ситуации. Как вы это объясните, капитан?

– Ваше Сиятельство, я стараюсь всегда поступать так, как считаю правильным. Мои деяния во славу Державы и мои ранения на этом фронте свидетельствуют о том, что то, что я полагал верным и справедливым, не расходилось с интересами Государства.

– Это – ответ военного, капитан, но... опасная доктрина. Чуть позднее мы к этому вернемся. Например, вас обвиняют в том, что вы трижды отказались от предписаний, невзирая на то что были соответствующие распоряжения моих подчиненных. Что вы на это ответите?

– Ваше Сиятельство, предписаниям порой недостает гибкости в критических ситуациях, когда игнорируются вещи, имеющие первостепенную значимость.

– А кто вам сказал, что то, что вы считаете вещами первостепенной важности, на самом деле таковыми являются? И кто вам сказал, что они, будучи таковыми, если на то пошло, игнорируются?

– Ваше Сиятельство, есть вещи, в которых я просто убежден. Мой опыт, мое понимание событий – этого не отрицают никто из старших по чину – тому порукой.

– Но, милый мой капитан, вы просто слепы! Неужели вы не видите, что, присваивая себе право судить о том, что верно, а что – нет, и определяя тем самым для себя лично смысл деятельности разведывательной службы, вы просто узурпируете права старших по чину?

– Ваше Сиятельство, я служу прежде всего Державе, а не начальникам.

– Ошибаетесь. У всякого старшего по чину есть свой начальник, а главный из них – я, а я и есть Держава. У вас нет причин жаловаться на какую бы то ни было несправедливость с моей стороны. Собственно, вы сами признали, что справедливость моя общеизвестна. А теперь, будьте так добры, объясните сами, каким образом все ваши дисциплинарные проступки привели к тому, к чему привели.

– Ваше Сиятельство, моя служба состоит в соблюдении интересов Государства, а не в том, чтобы я играл роль отставного моряка в Калгане. В инструкциях, данных мне, было черным по белому написано, что я обязан был осуществлять на планете деятельность на благо Академии, создать там организацию, которая могла бы контролировать действия диктатора, в особенности – в области внешней политики.

– Это мне известно. Дальше!

– Ваше Сиятельство, в своих отчетах я неоднократно указывал на важное стратегическое положение Калгана и контролируемых им звездных систем. Я сообщал о том, что диктатор амбициозен, о том, каковы его военные планы, каковы ресурсы, а также о его миролюбивом или – как минимум – нейтральном отношении к Академии.

– Все ваши отчеты я внимательно изучил. Дальше!

– Ваше Сиятельство, я вернулся два месяца назад. В то время я не наблюдал на Калгане никаких признаков военных приготовлений. Им никто не угрожал. Месяц назад никому не известный джентльмен удачи захватил Калган без боя. Тот человек, что был диктатором Калгана, вряд ли в живых. Там не говорят об измене. Все разговоры – только о гениальности и мощи этого разбойника – Мула.

– Этого кого?

Мэр подался вперед. Он был явно обескуражен и недоволен.

– Ваше Сиятельство, его называют Мулом. Говорят о нем много, но достоверных фактов – крохи, так что я вынужден был добывать информацию где придется и из множества слухов отбирать только заслуживающие доверия. Скорее всего, он не знатен и не богат. Кто его отец – неизвестно. Мать умерла при родах. Воспитание – никакого, бродяга. Образование получил,

кочуя по заброшенным мирам. Никакого другого имени его, кроме клички «Мул», никто не знает. Причем утверждают, что он сам присвоил себе эту кличку, — она как нельзя лучше говорит о его потрясающей физической силе и упрямстве в достижении целей.

— Какова его военная мощь, капитан? Физическая сила меня не интересует.

— Ваше Сиятельство, говорят, что его флот огромен, но, вполне возможно, эти слухи от того, с какой легкостью он захватил Калган. Территория, находящаяся под его контролем, невелика, хотя точные ее границы определить трудно. Как бы то ни было, за этим человеком нужно наблюдать.

— Хм-м. Так-так...

Мэр погрузился в раздумье. Медленно, старательно он вывел на чистом листе блокнота шесть абсолютно правильных квадратов, замкнув их стороны в шестиугольник. Вырвал лист, аккуратно разорвал на три части и выбросил в бумажную корзину. Немедленно заработала бесшумная система атомной дезинтеграции, и бумага исчезла.

— А теперь скажите мне, капитан, каковы альтернативы? Вы сказали мне, за кем, по-вашему мнению, нужно следить. А за кем вам приказано было следить?

— Ваше Сиятельство, есть одна крысиная нора, жители которой, судя по всему, не желают платить долги.

— Вот как? И все? Вы не знаете и вам не говорили, что эти люди, не желающие платить налоги, — потомки одичавших Торговцев, анархистов, мятежников, социальных маньяков, которые, заявляя, что они родом из Академии, пллюют на достижения пашей культуры? Вы не знаете и вам не говорили, что эта крысиная нора — не одна, что их много, что этих крысих нор гораздо больше, чем нам кажется, что эти крысиные норы сообщаются друг с другом, а все вместе — с криминальными элементами на территории Академии? Даже здесь, капитан, даже здесь?!

Мэр почувствовал, что говорит чересчур эмоционально, и быстро взял себя в руки.

— Так вы не знали об этом, капитан?

— Ваше Сиятельство, все это мне говорили. Но будучи на службе у Государства, я призван служить честно, а честно служит тот, кто служит Истине. Каковы бы ни были политические устремления этих остатков древних Торговцев, опаснее диктаторы, унаследовавшие обломки Империи. Они реально обладают и силой, и властью. У Торговцев нет ни оружия, ни ресурсов. И единства нет. И я не сборщик налогов, чтобы посыпать меня, опытного разведчика, как мальчика на побегушках...

— Капитан Пritchер, вы военный, и рассуждать вам не положено. Вы допускаете большую ошибку, позволяя себе выказывать неповинование мне. Будьте осмотрительнее. Я справедлив, да, но это не означает, что я не могу быть жестким. Капитан, уже давно доказано, что генералы Имперского века и теперешние; диктаторы одинаково беспомощны против нас. Наука Селдона, предсказывающая картину течения истории Академии, основана не на геройстве отдельных лиц, как вам представляется, а на социальных и экономических тенденциях истории. Мы успешно преодолели уже четыре кризиса, не так ли?

— Ваше Сиятельство, это так. Но наука Селдона не известна никому, кроме Селдона. У нас же нет ничего, кроме веры в нее. Во время первых трех кризисов, как нас учили, Академией управляли выдающиеся руководители, которые, сумев разгадать природу кризисов, предприняли определенные меры предосторожности. Если бы не это — кто мог бы поручиться за благоприятный исход?

— Да, капитан, но вы забыли о четвертом кризисе. Вспомните, капитан, в то время у нас не было выдающегося государственного деятеля, тогда мы столкнулись с угрозой в лице умнейшего противника, колossalной военной мощи! А победили за счет исторической неизбежности.

— Ваше Сиятельство, все это так. Но эта неизбежность стала неизбежностью только после целого года нашего отчаянного сопротивления. Наша неотвратимая победа стоила нам полусотни первоклассных кораблей и полумиллиона жизней наших соотечественников. Ваше Сиятельство, План Селдона помогает тому, кто сам себе помогает.

Индбур нахмурился. Ему надоело сдерживать себя. Он понял, что с самого начала неправильно повел беседу, позволив капитану высказывать собственное мнение.

Он жестко проговорил:

– Как бы то ни было, капитан, Селдон гарантирует победу над диктаторами, а я не могу позволить себе в наше трудное время разбрасываться людьми. Эти Торговцы, к которым вы так легкомысленно относитесь, родом из Академии. Война с ними – это гражданская война. В этом плане нам Селдон ничего не гарантирует, поскольку и они, и мы – Академия. Поэтому их надо поставить на колени. Приказ у вас есть, и извольте выполнять его.

– Ваше Сиятельство...

– Я не задавал вам вопроса, капитан! Извольте выполнять приказ! Любое неповинование мне или моим представителям будет расценено как измена. Пока я вас прощаю. Пока!

Капитан Хэн Притчер снова преклонил колено, встал и медленно отступил к двери.

Мэр Индбур, третий в династии и второй по праву рождения в истории Академии, восстановил нарушенное душевное равновесие, достав из шкатулки еще одну конфетку. Затем он взял из левой стопки очередной лист бумаги. Это был отчет о качестве металлических деталей на униформе полицейских. Мэр зачеркнул лишнюю запятую, исправил пару орфографических ошибок, сделал три пометки на полях и положил лист в правую стопку. Взял следующий лист из левой стопки...

Капитан Хэн Притчер из Службы Информации, вернувшись в казарму, обнаружил, что его ожидает персональная капсула. В ней он нашел приказ, пересеченный большими красными буквами «Срочно» и начинавшийся с заглавной буквы «Я».

Капитану Хэну Притчери предписывалось немедленно вылететь в мятежную систему Хейвен.

Капитан Хэн Притчер, один в легком одноместном катере, отправился прямехонько на Калган. Эту ночь он спал спокойно, как добившийся своего упрямец.

Глава тринадцатая Лейтенант и шут

В то время как на расстоянии в семь тысяч парсеков сдача Калгана без боя отрядам армии Мула вызвала любопытство отставного Торговца, привлекла к себе пристальное внимание упрямого капитана и вызвала раздражение мэра-бюрократа, для самих жителей Калгана как будто ничего и не произошло. Вот извечный урок для человечества – расстояние во времени и пространстве не имеет никакого значения. К сожалению, никто и никогда не выучил урока на «отлично»...

Калган был как Калган. Только там во всем огромном квадранте Галактики как будто и ведать не ведали, что пала Империя, что давным-давно ею не правит династия Стеннелей, что ее величие ушло в небытие и нет мира под оливами.

Калган был миром роскоши. Кругом все рушилось, а он сохранял свою неизменную репутацию индустрии развлечений, пожирателя, золота и рынка удовольствий.

Превратности истории обошли Калган стороной, потому что ни один завоеватель не стал бы разрушать или даже сколько-нибудь серьезно вредить миру, в котором было столько готовых, на блюдечке с голубой каемочкой, денег, за которые можно купить любого завоевателя с потрохами.

Однако даже Калган в конце концов стал резиденцией диктатора, и война коснулась его холодной десницы.

Его уютные джунгли, мягкие линии пляжей, города с прихотливой архитектурой откликались жалобным эхом на топот сапог наемных солдат. Миры его провинций были вооружены, немалые деньги были вложены в покупку военных кораблей – впервые в истории Калгана. Его новый правитель быстро показал, что он твердо намерен защищать то, что считает своим, и не прочь захватить чужое.

Он был самым могущественным диктатором в Галактике, вершителем войны и мира, полагал себя строителем Империи и родоначальником династии.

И вдруг никому не известный самозванец, у которого и имени-то не было – только дурацкая кличка, – захватил и его, и его армию, и его новоявленную Империю просто так, без боя.

Тем не менее на Калгане внешне все было как прежде, и его мало что понимающие жители поспешили вернуться к привычной жизни, в то время как иноземные вояки быстро примыкали к все новым и новым формированиям армии Мула.

Снова, как обычно, устраивались экзотические сафари – охота на специально разводимых диких животных в джунглях, где, естественно, как вещала реклама, не ступала нога человека, а в небе над джунглями носились скоростные охотничьи катера – там шла охота на гигантских птиц.

В городах туристы, убежавшие на Калган от суэты Галактики, могли по-прежнему позволить себе всю гамму развлечений в зависимости от собственного кошелька – от эфирных фантастических воздушных замков, распахивающих свои двери перед звоном монетки в полкредитки, до таинственных, мало кому известных домов с привидениями, войти в которые могли себе позволить только самые богатые...

В колossalном потоке пассажиров Торан и Байта не привлекли особого внимания. Они зарегистрировали свой корабль в громадном общем ангаре на Восточном Полуострове и отправились в местечко, которое было вполне по карману туристам со средним достатком – На побережье Внутреннего Моря. Там можно было развлечься и отдохнуть, и притом народу было не слишком много.

На Байте были темные очки и тонкое белое летнее платье. Она сидела на песке, обхватив колени руками, едва тронутые нежным, золотистым загаром. Взгляд ее рассеянно скользнул по фигуре мужа, вытянувшегося на песке рядом с ней. Он уже успел прилично загореть.

– Смотри, обгоришь! – предупредила она его в первый день, но это было бесполезно. Торан был родом с угасающей звезды, и, хотя он целых три года провел в Академии, солнце было для него роскошью, посему он уже четыре дня, обработав кожу специальным кремом от солнечных ожогов, разгуливал по Калгану в одних шортах.

Байта придвигнулась к Торану поближе, и они заговорили шепотом.

Торан печально проговорил, прикрыв рукой глаза от солнца:

– Нет, Байта, конечно, я признаю, что мы ничего не добились. Мы – нигде. Но он-то, он-то где? Кто он? В этом сумасшедшем мире о нем никто ничего не знает. Может быть, его и нет вовсе?

– Он существует, – еле шевеля губами, отозвалась Байта. – Просто он умен и хитер, вот и все. Твой дядя прав. Он человек, который мог бы нам помочь. Если еще не поздно.

После короткой паузы Торан прошептал:

– Извини, Байта, я на минутку задремал. Разморило. Забыл обо всем. Как было здорово.

Голос его почти затих. Стряхнув дремоту, он заговорил снова:

– Помнишь, как нам в колледже говорил доктор Амани, Бай? Академия не может проиграть никогда, но это не значит, что не могут проиграть ее правители. Разве настоящая история Академии не началась тогда, когда Сальвор Гардин сбросил Энциклопедистов и стал первым мэром Терминуса? Разве потом, в следующем столетии Хобер Мэллоу не захватил власть не менее жестоким способом? Дважды правители потерпели поражение – значит, в принципе, это возможно. И почему бы нам этим не заняться?

– Ох, Тори, это из области литературы. Напрасная трата слов.

– Разве? Ну, задумайся! Что такое Хейвен? Разве он – не часть Академии? Если мы победим, это все равно будет означать победу Академии и всего-навсего поражение нынешних правителей.

– Есть большая разница между «мы можем» и «мы победим». Так что – хватит болтать.

– Ну, ладно, Бай. Ты просто не в настроении. Это с тобой бывает. Только зачем ты хочешь мне настроение испортить? Прости, если не возражаешь, я подремлю немного.

Он прикрыл глаза, а Байта рассеянно глядела в сторону моря, как вдруг ее внимание неожиданно привлекла странная фигурка человека, ходившего на руках на потеху скучающей толпе. Скорее всего, это был один из бродячих пляжных акробатов – они тут постоянно околачивались, готовые свернуться в клубок и извиваться как змеи за пару небрежно брошенных монет. Торан открыл глаза, приподнялся и вместе с Байтой стал следить за развитием событий. К кучке людей, собравшихся вокруг акробата, неожиданно приблизились несколько полицейских из береговой охраны. С потрясающей виртуозностью акробат, балансируя на

одной руке, сделал им «нос» другой. Командир патруля сделал шаг вперед, но тут же с позором отступил, получив пинок в живот. Паяц быстро встал на ноги и немедленно бросился бежать, а оскорбленного охранника удержала толпа, явно ему не симпатизирующая.

Паяц, петляя из стороны в сторону, перепрыгивая через мирно загорающих туристов, бежал по пляжу. Кучка народа быстро рассосалась. Охранники рассыпались по пляжу.

— Странный какой... — удивленно прошептала Байта.

Торан рассеянно хмыкнул. Паяц был уже недалеко от них, и его можно было разглядеть получше. Его худое, изможденное лицо украшал прямой длиннющий нос. Его длинные, гибкие руки и ноги, по-паучьи ловкое тело, обтянутое клоунским трико, двигались грациозно и легко, однако сразу было видно, что в нужный момент он может собраться в комок железа и камня.

Смотреть на него без улыбки было невозможно. Пробегая мимо Торана и Байты, паяц заметил, что они смотрят на него, совершенно неожиданно остановился и вернулся к ним. Пристальный взгляд его карих глаз остановился на Байте.

Она почувствовала себя неловко.

Он улыбнулся, отчего его по-птичьи носатая физиономия стала еще печальнее. Заговорил он с мягким, своеобразным выговором Центральных Секторов Галактики.

— Пожелай я употребить все красноречие, дарованное мне Добрими Духами Галактики, — изрек он, молитвенно сложив руки, — я бы сказал, что такой прекрасной госпожи просто не может быть на свете! Разве может сон стать явью? Кто сможет в это поверить? Разве только безумец! Но я готов сойти с ума и преклониться перед блеском этих очаровательных, восхитительных глаз!

Байта только широко раскрыла рот и выдохнула:

— Вот это да!

Торан рассмеялся.

— Ах ты, коварный искушитель! Ну-ка, давай еще что-нибудь в том же духе! Бай, по-моему, он заслуживает поощрения. Дай-ка ему пару монет!

Оскорбленный паяц одним прыжком подскочил поближе.

— О нет, моя госпожа, не поймите меня превратно! Я вовсе не из-за денег расточаю похвалы вашим прекрасным глазам и восхитительному лицу!

— Ну... благодарю вас, — проговорила ошеломленная Байта и, обернувшись к мужу, шепнула: — Ты погляди, как у него глаза горят!

— Но не только дивное лицо и восхитительные глаза, — продолжал паяц с еще большим воодушевлением, — так поразили мое воображение! Госпожа, за столь прекрасной оправой скрывается чудный ум ваш — светлый, твердый, как алмаз, и доброе сердце.

Торан встал и поднял с песка белую рубашку, которую уже четыре дня таскал, забросив за плечо. Доставая из кармана кошелек, он проговорил:

— Слушай, парень, может, скажешь прямо, сколько тебе дать, и перестанешь надоедать dame?

Паяц испуганно отступил, потупил взгляд, ссгутился.

— О, я вовсе не желал огорчить вас, поверьте! Здесь я чужой, про меня всякое говорят, только я, и правда, умею кое-что читать по лицам. Доброе сердце госпожи не оставит в беде несчастного. Прошу простить меня, я говорю неуклюже...

— Пяти монет хватит, чтобы помочь твоей беде? — сухо поинтересовался Торан и протянул паяцу деньги.

Однако тот не двинулся с места, чтобы взять их, и Байта вмешалась:

— Позволь, я поговорю с ним, Тори! — И добавила мягко, вполголоса; — Что ты сердишься? Ну, глупостей наговорил человек. Просто у него такая манера говорить, вот и все. Наверное, на его взгляд, мы тоже странно разговариваем.

Она обернулась к паяцу и спросила:

— Что за беда? Тебя напугал охранник? Не бойся его!

— О нет! — замахал руками паяц. — Нет, не он! Что мне он — не более чем прибрежный ветерок, осыпающий песком мои ступни. Я боюсь другого человека, — а он — это ураган, сметающий миры и сталкивающий их друг с другом, как биллиардные шары. Неделю назад я убежал от него, скитался, спал где придется — порой прямо на мостовой, прятался в толпе. Я

заглядывал в глаза многим, ища помощи и поддержки. И вот я нашел ту, что может мне помочь.

Последнюю фразу он произнес тихо, чуть не плача, и повторил:

— Я нашел ту, что может мне помочь!

— Ну, — растерянно проговорила Байта, — я рада бы тебе помочь, но, право же, дружок, из меня выйдет неважная защитница от урагана, сметающего миры. Честно говоря, я бы тебе посоветовала...

Громкий окрик прервал их разговор:

— Вот ты где, грязный подонок!

Это был не кто иной, как оскорбленный охранник. Его багровая физиономия перекосилась от злости. Он тяжело дышал после бега под палящим солнцем. Указывая на паяца тяжелым револьвером, он крикнул:

— Эй, вы, двое, держите его, слышите! Не дайте ему удратить!

Его тяжелая лапища мертвый хваткой вцепилась в плечо несчастного акробата. У того от страха подогнулись колени.

— Собственно, что он натворил? — спросил Торан.

— Что он натворил? Что он натворил? — брызгал слюной охранник. — Так, сейчас, хорошо...

Он полез в карман свободной рукой, вынул огромный красный носовой платок и вытер вспотевшую шею. Слегка отдышавшись, он прорычал:

— Скажу, сейчас скажу, что он натворил! Он удрали, сволочь такая! Об этом знают везде вокруг Калгана, и я бы его давно узнал и сцепил, если бы он стоял на ногах, а не на руках! — Закончив тираду, он довольно осклабился.

— А откуда он убежал, сэр? — вежливо поинтересовалась Байта.

Охранник откашлялся. Вокруг них собирались зеваки: глаза любопытные — ушки на макушке. Прямо пропорционально числу зевак росло воодушевление охранника.

— Откуда он убежал? — с театральным пафосом спросил охранник. — Про Мула слыхали?

Зеваки притихли, а у Байты противно засосало под ложечкой. Паяц умоляюще глядел на нее, не в силах вырваться из железной хватки охранника.

— Спрашивается, кто же этот подлый бродяга, — с надрывом продолжал охранник, — как не придворный шут Его Величества, удравший от него?!

Он грубо встягнул свою жертву.

— Признаешь это, мерзавец?

Паяц ничего не ответил, только смертельно побледнел от ужаса. Байта что-то прошептала на ухо Торану.

Торан, дружелюбно улыбаясь, подошел поближе к охраннику.

— Послушайте, дружище, не могли бы вы на минутку отпустить беднягу? Просто он тут плясал для нас и еще не отработал свои денежки.

— Да ну? — притворно удивился охранник. — И где же они? Не болтайте ерунды! Так я его и отпустил! За него, знаете, какая награда назначена?

— Вы ее получите, если докажете, что он — именно тот, кого вы ищете. А пока все-таки отпустите его. Вы нарушаете кодекс гостеприимства, и вам за это может здорово нагореть.

— А вы... вы нарушаете законы Его Величества, и за это может здорово нагореть вам! — рявкнул охранник, еще раз крепко встягнув паяца. — Верни этому человеку деньги, подонок!

Торан резко взмахнул рукой, и револьвер охранника упал на песок — тот не успел и глазом моргнуть. Охранник взвыл от боли и ярости. Торан решительно оттолкнул его, а освободившийся паяц спрятался у Торана за спиной.

Толпа росла. Люди толкались, заглядывали друг другу через плечо. Вдруг издали послышался нарастающий ропот и твердый приказ расступиться и дать дорогу.

Зеваки нехотя расступились, и по образовавшемуся проходу к месту происшествия быстро подошли двое парней с бульдожими физиономиями и электрическими хлыстами наготове. На обоих были пурпурные блузы с изображением молнии и расколотой надвое планеты.

За ними следом шел смуглый великан в форме лейтенанта — черноволосый и хмурый.

Лейтенант заговорил с подозрительной мягкостью в голосе — вероятнее всего, у него не было нужды повышать голос. Он спросил у охранника:

– Это вы нас вызвали?

Охранник все еще потирал ушибленную руку. Скривившись от боли, он пробормотал:

– Я требую выплаты положенной награды, ваша честь, и обвиняю этого человека...

– Вы получите свою награду, – отрезал лейтенант, не глядя на него, и резко приказал солдатам:

– Взять его!

Торан почувствовал, как паяц судорожно вцепился в его рубашку. Постаравшись взять себя в руки, он сказал как можно спокойнее:

– Сожалею, лейтенант, но этот человек – мой. Солдаты не моргнув выслушали это неожиданное сообщение. Один из них инстинктивно поднял плеть, но по безмолвному приказу лейтенанта тут же опустил ее. Смуглый гигант шагнул вперед и скалой навис над Тораном.

– Кто вы такой?

Торан гордо ответил:

– Гражданин Академии!

Это произвело должное впечатление – по крайней мере, на толпу. Глухое молчание сменилось гулким ропотом. Имя Мула могло напугать, но, в конце концов, имя это было пока ново, и к нему еще не успели привыкнуть настолько, насколько привыкли к слову «Академия». Академия победила Империю, и священный трепет перед ней был еще силен в этом квадранте Галактики. Все знали о ее силе и деспотизме.

Лейтенант, однако, остался невозмутим.

– Вам известно, что за человек прячется у вас за спиной?

– Мне сказали, что он убежал из дворца вашего правителя, но наверняка я знаю одно – он мой друг. Вам придется здорово постараться и доказать точно, что он действительно тот, кого вы ищете.

В толпе послышались возгласы испуга и восхищения, но лейтенант сохранил спокойствие.

– У вас есть документы, подтверждающие, что вы действительно гражданин Академии?

– На моем корабле.

– Вы осознаете, что ваши действия противозаконны? Я могу пристрелить вас на месте!

– Нисколько не сомневаюсь. Однако, застрелив гражданина Академии, вы сами скоро отправитесь туда в виде собственного трупа – четвертованного, в качестве частичной компенсации. Так было со многими диктаторами.

Лейтенант нервно облизнул губы. Это было правдой. Он проговорил:

– Ваше имя?

Торан развивал достигнутое преимущество...

– На дальнейшие вопросы я буду отвечать только на борту моего корабля. Можете узнать в ангаре номер стоянки. Корабль зарегистрирован под названием «Байта».

– Вы отказываетесь выдать беглеца?

– Разве что самому Мулу. Передайте ему мое приглашение!

Разговор был окончен. Резко отвернувшись, лейтенант сквозь зубы отдал приказ:

– Разогнать толпу!

Щелкнули раз-другой электрические плети. Напуганные зеваки быстро разошлись.

Торан пришел в себя только на пути к ангару. Он проговорил, обращаясь больше к самому себе:

– Ох, Бай, ну и пережил я! Честно говоря, сдрейфил не на шутку.

– Да... – откликнулась она дрожащим голосом. – Это было на тебя совсем не похоже, Тори...

– Ну, сам не знаю, как это вышло! Стоял, как дурак, с револьвером в руке... Бай, я ведь даже толком не знаю, как с ним обращаться! И дерзил этому... В общем, не знаю, как это вышло!

Обернувшись через плечо, он украдкой взглянул на скрючившегося на заднем сиденье скоростного катера придворного шуга Мула. Тот дремал, совершенно обессиленный. Катер уносил их все дальше от пляжа. Торан вздохнул:

– Да... труднее работенки у меня, пожалуй, не было.

Лейтенант стоял навытяжку перед гарнизонным полковником. Полковник спокойно сказал:

– Хорошо сработано. Свое дело вы сделали.

Но лейтенант после этих слов не ушел. Он мрачно проговорил:

– Мул пал в глазах народа, сэр. Необходимо принять срочные меры по восстановлению должного порядка.

– Меры уже приняты.

Лейтенант совсем было собрался уйти, но задержался еще и пробормотал с горечью в голосе:

– Я согласен, сэр, – порядок есть порядок, только вот стоял я там перед этим хлюпиком, а у него в руке – револьверишко паршивый, а я был беспомощен, как котенок. Труднее работенки у меня, пожалуй, не было...

Глава четырнадцатая Мутант

«Ангар» на Калгане – постройка весьма специфическая, рассчитанная на размещение огромного количества кораблей, на которых сюда прибывают гости из других миров. В «ангаре» все предусмотрено для быстрого и качественного удовлетворения самых разнообразных потребностей туристов. Умник, который все это придумал, моментально стал миллионером. Его наследники – как кровные, так и финансовые – легко попали в круг богатейших людей Калгана.

Постройки «ангара» занимали колоссальные участки земли, так что слово «ангар» в весьма отдаленной степени отражает суть и назначение этого строения. Фактически это был отель – отель для звездолетов. Путешественник платит вперед, и его кораблю предоставляется стоянка, с которой он может стартовать в любой момент. При желании турист может жить в своем корабле. Обычные гостиничные услуги, как то: доставка продуктов питания, медикаментов, несложный ремонт корабля, спецрейсы по Калгану – все это предоставляется за номинальную плату.

В итоге турист имеет одновременно стоянку для корабля и гостиницу для себя, что и удобно, и выгодно. Кроме того, владельцы сдают участки земли, примыкающие к ангару, по сходной цене. Правительство собирает высокие налоги. И все довольны. Никто не внакладе. Простенько – и со вкусом!

Человек, уверенно шагавший по коридорам ангара, соединявшим его многочисленные «крылья», явно был здесь не впервые. В свое время он уже оцепил по достоинству новизну и удобства этого сооружения, а сейчас ему было не до восторгов. Он торопился.

Корабли самых разнообразных размеров и конструкций выстроились длинными четкими рядами. Человек шел вперед, оставляя позади ряд за рядом. Предварительно изучив схему ангара, он понял, в каком крыле находится нужный ему корабль, а теперь богатый опыт и профессиональное чутье должны были помочь ему выбрать его из сотни других звездолетов.

Тишину нарушил отдаленный призрачный вздох. Человек остановился, повернулся и пошел вдоль очередного ряда кораблей – муравей среди металлических чудовищ.

То тут, то там из приоткрытых входных люков вырывались лучи света. Это означало, что хозяева рано вернулись домой, предпочтя шумным развлечениям домашний уют.

Человек остановился. Если бы он умел улыбаться, он непременно улыбнулся бы. Во всяком случае, мысленно он улыбнулся.

Корабль, у которого он остановился, был невелик, но, судя по всему, способен развивать огромную скорость. Некоторые особенности его конструкции убедили человека в том, что он нашел то, что искал. Корабль был необычной модели. В те дни большинство конструкций звездолетов в данном квадранте Галактики либо имитировали модели, созданные в Академии, либо просто были построены тамошними инженерами. Этот корабль был другим. Это был корабль из Академии. Ошибка исключена – утолщения в обшивке свидетельствовали о том, что он оборудован защитным полем – которое было только у кораблей Академии. Было и еще

кое-что, что окончательно убедило человека в успехе поисков.

Все стоянки в ангаре были оборудованы электронными барьерами. Однако это не смущило человека. Он достал портативный нейтрализатор весьма специфической конструкции и легко преодолел барьер.

Поэтому внутри корабля узнали о визите постороннего только по мягкому жужжанию звонка в центральном отсеке. Это означало, что кто-то коснулся глазка фотоэлемента сбоку от главного входного люка.

Все время, пока продолжался этот, увенчавшийся успехом поиск, Торан и Байта чувствовали себя в относительной безопасности за стальной обшивкой «Байты». Паяц Мула, сообщивший, что его зовут не как-нибудь, а Магнифико Гигантикус – имечко, прямо скажем, издевательское для столь тщедушного создания, скрючился у стола и жадно поглощал приготовленную для него еду.

Взгляд его печальных карих глаз отрывался от еды только для того чтобы украдкой взглянуть на Байту, которая хлопотала на кухне рядом с ним.

– Благодарность такого ничтожества, как я, конечно, пустяки для вас, госпожа, – смущенно пробормотал он, – но я действительно благодарен вам. Ведь за последнюю неделю я питался одними огрызками. А у меня, признаюсь, несмотря на то что я такой худой, отличный аппетит.

– Ну так ешь! – улыбнулась Байта. – И не трать времени на благодарности. Знаешь пословицу про благодарность? Я ее точно не помню, один раз только слышала.

– Да, моя госпожа, есть такая пословица. Мне довелось услыхать, как один мудрый человек изрек: «Лучшая благодарность – молчание». Но, увы, моя госпожа, я – болтун. Когда-то мое пустословие пришлось по нраву Мулу, и он нарядил меня в этот шутовской костюм и наградил громким именем – раньше-то меня звали просто Бобо. Ему это не понравилось. А потом, моя госпожа, если моя болтовня была ему почему-либо не по вкусу, он нещадно избивал меня.

Из отсека управления вышел Торан.

– Делать нечего, Бай. Остается одно – ждать. Надеюсь, Мулу известно, что корабль из Академии является территорией Академии.

Магнифико Гигантикус, в прошлом Бобо, широко раскрыв глаза, воскликнул:

– Как же велика должна быть Академия, если даже слуги Мула трепещут перед ней!

– А ты слыхал об Академии? – с улыбкой спросила Байта.

– Кто же не слыхал о ней! – подобострастно воскликнул Магнифико. – Говорят, что это мир великих чудес, в котором есть огонь, способный поглотить целые Планеты. Говорят, что самые высокопоставленные люди по всей Галактике не могут похвастаться честью и уважением, которым пользуется всякий простой смертный, имеющий счастье сказать: «Я – гражданин Академии!» – будь он простым шахтером или даже таким ничтожеством, как я.

Байта покачала головой.

– Ох, Магнифико, если ты будешь произносить такие пышные речи, ты никогда не покончишь с едой. На-ка, выпей молока. Очень вкусное!

Она поставила на стол кувшин с молоком и стакан и, знаком попросив Торана удалиться, сама вышла следом за ним.

– Торан, что же мы будем с ним делать? – тихо спросила она, кивнув в сторону кухни.

– Что ты имеешь в виду?

– Если явится Мул, мы отдадим его?

– А что же нам еще остается, Бай? – обреченно пожал плечами Торан и сдул со лба прилипшую прядь волос.

– Пока мы сюда не попали, – устало продолжал он, – я, как дурак, думал, ну, прилетим, порасспросим тут про Мула, а потом займемся делом – а каким, я и сам не знал.

– Я понимаю, что ты хочешь сказать, Тори. Я сама, честно говоря, не надеялась, что нам удастся увидеть Мула. Я тоже думала, что мы ограничимся просто расспросами, которые в конце концов могли бы вывести нас на людей, которым побольше известно о его межзвездных интригах. Кто знал, что так выйдет! Я же не шпион из космического боевика!

– В этом плане я недалеко от тебя ушел, Бай...

Сжав кулаки, он продолжал:

— Да... Ситуация... Честно говоря, мы ведь и не были до конца уверены, что Мул на самом деле существует. А тут вдруг такая передряга! Значит, ты думаешь, он придет за своим паяцем?

Байта быстро взглянула на него.

— Не знаю, хочу ли я этого. А ты?

В это мгновение прерывисто зазвонил звонок. Кто-то стоял у входного люка! Байта беззвучно прошептала:

— Мул!

На пороге, широко раскрыв глаза, перепуганный насмерть, стоял Магнифико.

— Мул?!

— Придется впустить их, — огорченно пробормотал Торан.

Щелкнул контакт, люк открылся и впустил гостя. Крышка люка захлопнулась. На сканере в центральном отсеке была видна одинокая тень.

— Там всего один человек, — облегченно вздохнул Торан. Сдерживаясь, чтобы не выдать волнения, он спросил в переговорное устройство: — Кто вы такой?

— Может, все-таки мне будет позволено войти? — донесся голос из переговорного устройства.

— Должен вас предупредить, что это корабль из Академии, и по конвенции о международном праве является его территорией.

— Мне это известно, — ответил голос.

— Входите, подняв руки. В противном случае я буду стрелять. Я неплохо вооружен.

— Договорились.

Торан открыл дверь отсека и взвел курок бластера. На пороге стоял незнакомый мужчина. Магнифико облегченно прошептал:

— Это не Мул! Просто человек!

«Просто человек» церемонно кивнул паяцу.

— Точно подмечено. Я действительно не Мул. Руки он по договору держал чуть приподнятыми и разведенными в стороны.

— Я не вооружен, — сообщил он, — и пришел к вам с миром. Так что не волнуйтесь и уберите бластер.

— Кто вы? — недовольно спросил Торан.

— Это мне следовало бы вас спросить, — холодно парировал незнакомец. — Это вы скрываете свою личность, а не я.

— Как это?

— Вы утверждали, что вы — гражданин Академии, не правда ли? Да будет вам известно, что среди прибывших на Калган не зарегистрировано ни одного Торговца.

— Это неправда! Откуда вы знаете?

— Знаю, потому что я — гражданин Академии. У меня есть соответствующие документы. А у вас?

— Я думаю, вам лучше уйти!

— А я так не думаю. Если вам известно, что бывает с теми, кто выдает себя за гражданина Академии, не будучи им, и еще кое-какие процессуальные тонкости, вам будет нетрудно догадаться, что вас ожидает, если я не вернусь живым на свой корабль. Тут же поступит сигнал на ближайшую военную базу Академии. Так что настоятельно рекомендую вам убрать оружие.

Наступило напряженное молчание. Наконец Байта спокойно сказала:

— Убери бластер, Торан, и поверь ему на слово. Похоже, он правду говорит.

— Благодарю вас, — поклонился незнакомец.

Торан положил бластер на стул рядом с собой.

— Надеюсь, теперь вы можете объясниться?

Незнакомец продолжал стоять. Он был высокий, широкоплечий. Лицо словно вырублено из камня. Почему-то сразу возникла уверенность, что он никогда не улыбается. Но глаза у него были добрые.

— Слухи распространяются быстро, — сказал он, — особенно — невероятные. Думаю, вряд

ли на Калгане сейчас отыщется хоть один человек, который бы не знал, что люди Мула схлопотали по зубам от двоих туристов из Академии. Главное я знал уже днем. Кроме того, как я сказал, зарегистрированных туристов из Академии на Калгане нет, кроме меня. Такие вещи нам известны.

– Кто это – «мы»?

– «Мы» – это «мы». Я – один из них. Я понял, что вы припарковались в « ангаре », – вы сами обмолвились там, на пляже. Поэтому я своими методами изучил список и своими методами нашел корабль. – Он резко повернулся к Байта.

– Вы – уроженка Академии, не так ли?

– Да что вы говорите? – огрызнулась Байта.

– Вы – член демократической оппозиции, именуемой « подпольем ». Имени вашего я не помню, зато помню лицо. Вы покинули Академию совсем недавно, и это вам вряд ли удалось бы, будь вы фигурой поважнее.

Байта пожала плечами.

– Вы подозрительно много знаете.

– Да. Знаю. Вы удрали с мужчиной. С этим?

– Какая вам разница?

– Никакой. Просто хочу, чтобы мы лучше поняли друг друга. Если не ошибаюсь, пароль на той неделе, когда вы удрали, был « Селдон, Гардин, Свобода »? А командиром вашей группы был Порфират Харт.

– Откуда вы знаете? – гневно воскликнула Байта. – Его схватила полиция?

Торан сжал ее руку, но она вырвалась и подошла ближе к незнакомцу.

– Никто его не схватил. Просто у подполья широкие связи в самых неожиданных местах. Меня зовут капитан Хэн Притчер, я из Службы Информации, и я сам командир группы, – а под каким именем – неважно. – Подождав немного, человек из Академии продолжил: – Нет, я вовсе не жду, что вы мне поверите. В нашем деле лучше не доверять, чем наоборот. Просто хотелось поскорее покончить с вводной частью.

– Ну, – сердито буркнул Торан, – допустим, вам это удалось.

– Можно присесть? Спасибо.

Капитан Притчер уселся, закинув ногу на ногу, а руку забросил за спинку кресла.

– Давайте для начала кое-что уточним. Вы двое прибыли не из Академии, следовательно, как нетрудно догадаться, из одного из независимых торговых миров. Это меня как раз мало интересует. Любопытно другое – что вы собираетесь делать с этим несчастным паяцем, которого вы похитили с такой легкостью. Удерживая его у себя, вы рискуете жизнью.

– Я вам этого не скажу.

– Гм-м. Собственно, я и не ожидал ответа. Только если вы думаете, что Мул лично явится за ним под звуки фанфар, барабанов и электроорганов, забудьте об этом. Мул до такого не унизится.

– Что? – одновременно выдохнули Торан и Байта, а в углу, где притаился Магнифико, в полном смысле слова навостривший уши, раздался вздох облегчения.

– Это правда. Я сам пытался войти с ним в контакт и проделал в этом плане гораздо более серьезную работу, чем вы, любители. Ничего не вышло. Он нигде лично не появляется, не разрешает себя фотографировать и вообще как бы то ни было изображать – видят его только ближайшее окружение.

– Чем же мы можем быть вам полезны в этом плане, капитан?

– Не вы. Паяц – ключ ко всему. Паяц – один из немногих, кто его видел. Он мне нужен. У меня есть кое-какие догадки, и он может их подтвердить. Мне нужно их подтвердить, чтобы, черт побери, встрихнуть Академию!

– А ее нужно встрихнуть? – ехидно поинтересовалась Байта. – А зачем? И в какой роли вы выступаете сейчас? Кто вы – мятежный демократ или служащий тайной полиции и провокатор?

Лицо капитана помрачнело.

– Когда существует угроза для всей Академии, Мадам Революционерка, она существует для всех – и для демократов, и для тиранов. Так что давайте-ка спасем наших собственных тиранов от еще большего тирана, с помощью которого мы сможем их сбросить.

– О каком это тиране вы говорите?

– О Муле! Я кое-что о нем знаю – столько, что уже сто раз мог отправиться на тот свет, если бы не моя способность ускользать в самые опасные моменты. Попросите паяца выйти. Мне нужно кое-что сказать вам наедине.

– Магнифико!

Байта жестом попросила паяца удалиться, и тот безропотно повиновался.

Капитан заговорил так тихо, что Байте и Торану пришлось придвигнуться поближе.

– Мул – хитрый игрок. Слишком хитрый, чтобы не понимать притягательности и блеска авторитарного правления. Если он от этого отказывается, то не без причины. Вот почему я думаю, что при личном контакте можно было бы узнать нечто важное, что он скрывает.

Он нетерпеливо махнул рукой, показывая, что вопросы задавать не время, и торопливо продолжал:

– Я побывал там, где он родился. Побеседовал с людьми, которые вряд ли долго задержатся на этом свете именно из-за того, что им кое-что известно. Они помнят ребенка, который родился тридцать лет назад, смерть его матери, его странную юность. Мул – не человек!

Торан и Байта вздрогнули. Они пока мало что понимали, но фраза звучала пугающе.

Капитан продолжал:

– Он – мутант, и, как свидетельствует его дальнейшая карьера, результаты мутации налицо. Я не знаю точно, какова его сила и до какой степени он соответствует образу супермена из дешевых триллеров, но то, что за два года он прошел путь от нуля до завоевателя Калгана, говорит само за себя. Видите, какова опасность? Разве может быть в Плане Селдона учтен генетический сдвиг с непредсказуемыми биологическими качествами?

Байта медленно, с трудом подбирая слова, проговорила:

– Не верю. Это какой-то обман. Почему же люди Мула не убили нас? Чего бояться слугам супермена?

– Я же сказал – я не знаю степени его мутации. Возможно, она еще не завершена, и поэтому он пока не готов к нападению на Академию. В такой ситуации самое разумное с его стороны – дожидаться завершения мутации. А теперь давайте вернемся к паяцу. Позовите его. Я хочу с ним поговорить.

Капитан перевел взгляд на вошедшего, дрожавшего от страха Магнифика, у которого высокий, крепкий мужчина, пристально глядевший на него, явно не вызывал доверия.

Капитан спокойно спросил паяца:

– Ты видел Мула собственными глазами?

– О, я видел его слишком близко, благородный господин. Так близко, что у меня все кости им переломаны!

– Не сомневаюсь. Можешь его описать?

– Мне страшно вспомнить о нем, благородный господин! Он такой... громадный! Рядом с ним даже такой могучий человек, как вы, показался бы муравьем. У него ярко-рыжие волосы – как огонь, а руки у него такие сильные, что я не смог бы сдвинуть его с места, уцепись я и потяни изо всей силы.

Видимо, Магнифико вспомнил пережитые кошмары и весь как-то сжался.

– Часто, на потеху своим генералам, а то и для собственной забавы, он брал меня указательным пальцем за пояс и подвешивал – вот так, – а я должен был читать стихи. Только после двадцатого стихотворения он отпускал меня, причем каждое стихотворение должно было быть только что сочиненным и безукоризненно срифмованным. А порой он требовал еще и еще... Он – человек страшной силы, благородный господин, и ужасной жестокости. А глаз его, благородный господин, никто никогда не видел!

– Что? Повтори!

– Он носит очки, благородный господин, очень странные. Говорят, они непрозрачные, потому что у него нечеловеческое зрение. Я слыхал, – он перешел на шепот, – что тот, кто посмотрит ему в глаза, умрет на месте. Он может убивать взглядом, благородный господин!

Испуганный взгляд Магнифика перебегал с одного лица на другое. Он молитвенно сложил руки.

– Это правда, клянусь вам. Это правда!

Байта глубоко вздохнула.

– Похоже, вы правы, капитан. Что будем делать? Командуйте.

– Так. Давайте рассудим здраво. Как я понимаю, никаких дел у вас здесь больше нет. Верхний барьер открыт?

– Мы можем стартовать в любое время.

– Тогда стартуйте. Может быть, Мул и не хочет ссориться с Академией, но отпускать Магнифика рискованно. Наверху вас запросто могут ждать. Если вы благополучно исчезните – кто будет виноват?

– Вы правы, – мрачно признал Торан.

– Однако у вас есть защитное поле, и скорость повыше будет, чем у любого из их кораблей, поэтому, как только выйдете из атмосферы Калгана, рвите вперед как можно быстрее.

– Хорошо, – холодно согласилась Байта. – А в каком качестве мы вернемся в Академию, капитан?

– В качестве дружественных представителей Калгана, если вы не против. По-моему, в этом не будет ничего удивительного.

Не сказав ни слова, Торан отправился к пульту управления. Все ощутили легкий толчок.

Только когда Калган остался далеко позади и Торан приготовился к первому межзвездному прыжку, лицо Капитана Притчера едва заметно смягчилось – ни одного корабля армии Мула не встретилось на их пути.

– Похоже, он-таки позволяет нам увезти Магнифика, – сказал Торан. – Что-то у вас не сходится.

– Только в том случае, если он почему-либо хочет, чтобы мы его увезли. Тогда – плохи дела Академии.

Наконец был совершен последний прыжок через гиперпространство, до Академии оставалось лететь сравнительно недолго, и они поймали первую передачу на гиперволнах за время полета.

Их внимание привлекла одна из новостей. Диктор упомянул о том, что некий диктатор, имя которого почему-то названо не было, послал в Академию ноту протesta по поводу насильственного увоза своего придворного. После этого сообщения диктор перешел к спортивным новостям.

Капитан Притчер процедил сквозь зубы:

– Все-таки он нас опередил.

И подумав, добавил:

– Значит, он готов напасть на Академию. Ему просто был нужен повод. Теперь ситуация для нас несколько осложнится. Придется поторопиться...

Глава пятнадцатая

Психолог

У того факта, что люди, занимавшиеся «чистой наукой», по-прежнему вели в Академии образ жизни «свободных художников», были свои причины. Превосходство Академии в Галактике – и само ее выживание – в огромной степени зависело от приоритета технологии, и хотя уже минимум как лет полтораста все более главенствующие позиции занимала физическая сила, ученым удалось сохранить некоторый правовой иммунитет. Ученые были нужны, и они знали это.

Была причина и у того факта, что самым свободным из всех «свободных художников» был Эблинг Мис, несмотря на то что многочисленные титулы и ученье звания к его имени добавляли только те, кто не знал его поближе. В мире, где к науке все еще относились с уважением, он был Ученым – с большой буквы и кроме шуток. Он был нужен, и знал об этом.

Вот почему, когда другие падали ниц, он не склонял головы да еще и громогласно заявлял при каждом удобном случае, что его предшественники сроду не унижались перед всякими там вонючими мэрами. И еще добавлял, что во времена его предшественников мэров худо-бедно, а

все-таки избирали, а когда надо было – скидывали, и что единственное качество, которое можно получить по праву рождения, – это врожденное слабоумие.

Поэтому, когда Эблинг Мис решил оказать мэру Индбуру честь удостоить аудиенции, он не стал утруждать себя отправкой официального запроса и ожиданием официального ответа, а просто напялил менее продранный из двух своих пиджаков, нахлобучил на голову шляпу, давным-давно утратившую всякое подобие формы, и, яростно попыхивая дешевой сигаретой – плевать ему было на всякие там запреты – гордо прошествовал мимо двоих, не успевших и рта раскрыть охранников, и вошел за ворота дворца мэра.

Его Сиятельство почувствовал первые признаки вторжения, когда до его слуха донесся шум приближавшихся голосов, которые кого-то тщетно увещевали остановиться, а этот кто-то басом чертыхался в ответ и посыпал куда подальше тех, кто пытался его задержать.

Индбур медленно отложил лопату, выпрямился и нахмурился. Он позволял себе только два часа отдыха от государственных дел. Это время он, если позволяла погода, копался в саду. Здесь, как и на его письменном столе, царил образцовый порядок – сад украшали клумбы идеальной квадратной и треугольной формы, желтые и красные цветочки чередовались строгими, ровными полосками. Клумбы обрамляли четкие бордюрчики фиалок и зелени. В саду его никто не имел права беспокоить. Никто!

Индбур, на ходу стягивая перепачканные землей перчатки, направился к калитке.

– Что это значит?

С тех пор как существует человечество, подобный вопрос ни разу не выражал ничего, кроме крайнего возмущения. На вопрос Индбура последовал достойный ответ – в калитку, вырвавшись из крепких рук охранников, вломился Эблинг Мис, оставив у стражей порядка в руках изрядную часть своего пиджака.

Индбур взглядом повелел охранникам удалиться, а Мис наклонился, чтобы поднять с земли нечто, смутно напоминающее шляпу, демонстративно стряхнул с нее некоторое количество пыли, зажал ее под мышкой и возгласил:

– Значит так, Индбур! С твоих, извиняюсь за выражение, паршивцев – новый пиджак. Совсем ободрали, засранцы!

Он пыхнул сигарой и театрально вытер пот со лба. Мэр, раздраженно глядя снизу вверх на старика, сдержанно заметил:

– Мне не сообщали, Мис, что вы просили об аудиенции. Насколько мне известно, она вам не была назначена.

Эблинг Мис, глядя на мэра сверху вниз, проговорил тоном, в котором не было ничего, кроме искреннего удивления:

– Вот это новости, Индбур, а тебе, что, мою записку не передали? Вчера я передал записку какому-то бездельнику в красной ливрее. Одеваешь их, как циркачей, прости меня Господи! Я бы мог, конечно, и прямо так прийти, без записи, но я же знаю, как ты обожаешь формальности!

– Формальности! – хмыкнул Индбур, отводя в сторону возмущенный взгляд. Взяв себя в руки, он сказал более сдержанно: – Вам, вероятно, плохо знакомо такое понятие, как четкая организация труда. Прошу учесть на будущее: когда вам вздумается просить об аудиенции, вы должны заполнить официальный запрос в трех экземплярах, подать его в правительенную канцелярию и спокойно ожидать, когда вам поступит официальный ответ. Только после получения такого вы обязаны явиться в назначенное время, одетым как подобает и соблюдая все правила этикета. Вы свободны!

– Ишь ты! Одежда моя ему не по вкусу! – возмутился Мис. – Да это, если хочешь знать, был мой лучший пиджак, пока твои головорезы не вцепились в него своими клешнями! Понял? А уйду я после того, как сообщу тебе то, что собирался сообщить. Черт подери, Индбур, стал бы я на тебя время тратить! Если бы не наступил Селдоновский кризис, только бы ты меня и видел. Жди!

– Селдоновский кризис? – удивленно переспросил Индбур.

Как бы то ни было, Мис был выдающимся психологом. Конечно, он был демократом, грубияном, явным мятежником, но все-таки он был психологом. Мэр был настолько обескуражен его заявлением, что даже не нашел слов выразить словами свое возмущение, когда

тот сорвал с клумбы первый попавшийся цветок, понюхал и с отвращением швырнул на дорожку.

Индбур холодно спросил:

— Может быть, все-таки пройдем в кабинет? Сад — не место для серьезных разговоров.

В любимом кресле за огромным письменным столом он чувствовал себя намного увереннее. С возвышения он неприязненно поглядывал на розоватую лысину Миса, едва прикрытую редкими седыми волосами. Мэр испытывал злорадное удовлетворение, наблюдая, как Мис оглядывается по сторонам в поисках второго кресла. Не обнаружив такового, он вынужден был стоять в неловкой позе, переминаясь с ноги на ногу. Еще большую уверенность в себе Индбур обрел, когда в ответ на нажатие послушной кнопки в кабинет вошел чиновник в ливрее и, подобострастно согнувшись, положил на стол тяжелый, оправленный металлом том.

— Ну, а теперь давайте по порядку, — сказал Индбур, входя в роль хозяина положения. — Чтобы наша неформальная беседа закончилась быстрее, постарайтесь как можно более коротко изложить суть.

Тоном человека, которому торопиться совершенно некуда, Эблинг Мис спросил:

— Тебе известно, чем я занимался в последнее время?

— Здесь — все ваши отчеты, — самодовольно ответил мэр. — Полные отчеты, к которым приложены краткие рефераты, выполненные моими сотрудниками. Насколько мне известно, ваши исследования, направленные на изучение математического обоснования учения Гэри Селдона, были предприняты в попытке повторить его работу и применить полученные данные для прогнозирования будущего на благо Академии.

— Вот-вот, — сухо подтвердил Мис. — Если ты не забыл — когда Селдон основывал Академию, он проявил потрясающую мудрость и не включил в состав первой научной колонии ни одного психолога, дабы Академия слепо шла вперед по пути исторической неизбежности. Проводя свои исследования, я тщательнейшим образом изучил мельчайшие подробности тех речей, которые были произнесены в Склепе.

— Это мне известно, Мис. Повторение — напрасная трата времени.

— Повторение! — рявкнул Мис. — Понимал бы чего! То, что я тебе собираюсь сообщить, в отчетах отсутствует.

— Что вы имеете в виду? Как это — отсутствует в отчетах? — возмутился Индбур. — Как это может быть, чтобы...

— Черт побери! Даешь ты мне сказать? Перестань цепляться к словам, или я сейчас действительно уйду к чертовой матери, а ты сам разбирайся! Запомни, ты, извиняюсь за выражение, дурак набитый, Академия-то выкарабкается, потому что должна выкарабкаться, а вот с тобой что будет, если я уйду? Прикинул?

Швырнув на пол шляпу с такой силой, что от нее во все стороны полетела пыль, он резво взбежал по ступенькам на возвышение, где стоял письменный стол, и, раздраженно отбросив в сторону бумаги, уселся на его угол.

Индбур в панике соображал, что лучше — вызвать охрану или воспользоваться вмонтированными в стол бластерами. Однако неумолимый взгляд Миса заставил его смириться и сделать хорошую мину при плохой игре.

— Доктор Мис, — начал было мэр, пытаясь изо всех сил оставаться в рамках этикета, — вы должны...

— Заткнись, — яростно потребовал Мис. — И слушай! Тут у тебя деръмо, а не мои отчеты, так что можешь спокойненько выкинуть их ко всем чертям. Я отлично знаю, что любой мой отчет, прежде чем попасть к тебе, прочитают двадцать законченных ослов, а после тебя — еще столько же. И черт бы с вами, если тебе на все плевать и ты не понимаешь, что иногда нужно держать язык за зубами. Только сейчас я тебе сообщу нечто совершенно конфиденциальное. Настолько конфиденциальное, что даже мои парни не имеют об этом представления. Они, конечно, упорно трудились — но каждый из них работал над своей конкретной проблемой. А уж обдумывал и анализировал данные я один. Индбур, ты имеешь понятие о том, что такое Склеп?

Индбур беспомощно кивнул, а Мис продолжал, явно довольный собой:

— Молодец, далеко пойдешь, только я тебе все-таки напомню. Знает он! Да я тебя насквозь вижу, мошенник ты жалкий, извиняюсь за выражение! А ну, убери руку от кнопки! Да хоть

пятьсот своих холуев позови, хоть в тюрьме меня сгнои, хоть четвертуй, я знаю отлично: ты боишься того, что я знаю. Селдоновского кризиса боишься! И учи, прежде чем ты кнопочку нажмешь, я твою глупую башку об стол размозжу! Хватит, надоело. И ты, и папаша твой – разбойник, извинялось за выражение, и дед – пират вонючий, попили кровушки из Академии.

– Это измена! – вякнул Индбур.

– Ой-ой-ой, напугал! – каркнул Мис. – Только деваться-то тебе некуда. Сиди и слушай. Значит, так. Склеп – это хитрая штуковина, которую Гэри Селдон царство ему небесное, установил тут для того, чтобы помочь нам в самые тяжелые дни. Во время каждого из кризисов в Склепе появлялся образ Селдона, чтобы объяснить нам, что происходит. Четыре кризиса миновало – четыре раза он появлялся. Впервые он появился на пике первого кризиса, второй раз – после успешного завершения второго... Оба раза в Склепе находились наши предки – они видели и слышали Селдона. Во время третьего и четвертого кризисов в Склеп никто не удосужился заглянуть – решили, наверное, что в этом нет необходимости. Так вот, мои последние исследования, сообщений о которых нет в отчетах, неопровергимо доказали, что он в Склепе появлялся, и именно в то самое время. Усек?

Не дожидаясь ответа, он бросил на стол погасшую, замусоленную сигару и достал из кармана новую. Яростно пуская клубы дыма, он продолжал:

– Официальной целью моих исследований была реставрация психоистории. Однако это не под силу никому – с этим за сто лет не справиться. Тем не менее кое в чем мы добились определенных успехов, что позволило мне основательно покопаться в Склепе. Полученные мной данные позволяют мне с высочайшей степенью вероятности сообщить дату следующего появления Гэри Селдона, а следовательно, я могу назвать тебе абсолютно точно день, когда пятый Селдоновский кризис разразится, извиняюсь за выражение, во всей красе.

– К-когда? – испуганно выдохнул Индбур.

– Через четыре месяца, – беспечно сообщил, стряхнув пепел на стол, Мис. И столь же беспечно уточнил: – Через четыре месяца без двух дней.

– Через четыре месяца? – восхликал Индбур с несвойственной для него горячностью. – Это невозможно!

– Невозможно, говоришь? Ну-ну...

– Через четыре месяца... Да вы понимаете, что это значит? Если кризис достигнет размаха через четыре месяца, значит, он развивается уже как минимум несколько лет!

– И что? Ты знаешь закон природы, который бы утверждал, что исторические процессы обязаны совершаться от рассвета до заката?

– Но ведь нет же ничего такого... Нам никто не угрожает! – возразил Индбур, нервно потирая руки. Наконец, дав волю своему раздражению, он крикнул: – Может быть, вы все-таки будете настолько любезны и слезете со стола, чтобы я привел в порядок бумаги? Я не могу думать в таком беспорядке!

Мис, искренне удивившись, слез со стола и отошел в сторону.

Индбур трясущимися руками восстановил порядок на столе, раскладывая по местам разбросанные листки бумаги. Он торопливо проговорил:

– Вы не имели никакого права врываться сюда подобным образом. Если вы закончили изложение вашей теории...

– Это не теория!

– А я говорю – теория! Когда вы представите ее в письменном виде, снабдив изложение соответствующими фактами и выкладками, она будет передана в Комиссию по Историческим Наукам. Там ее внимательно изучат, результаты анализа будут переданы мне, а затем, конечно, будут приняты соответствующие меры. Пока же я не вижу никакого смысла в продолжении беседы. Ах, вот он где!

Он держал в руке лист полупрозрачной серебристой бумаги. Помахав им, он сообщил нахмутившемуся психологу:

– Вот краткий отчет по иностранным делам, который я лично составляю каждую неделю. Так вот. Что тут у нас: мы завершили переговоры по подготовке торгового соглашения с Морезом, продолжили переговоры на эту же тему с Лайонессом, отправили делегацию на празднование юбилея в Бонд, получили жалобу с Калгана и собираемся ее рассмотреть,

выразили протест по поводу нарушения торговой конвенции в Асперте, и они обещали его рассмотреть, и так даже, и так даже...

Пробежав глазами лист до конца, мэр положил его в нужную папку, щелкнул скоросшивателем и поглядел на Миса ясными глазами.

— Повторяю, Мис, я не нахожу ничего такого, что говорило бы о нарушении мира и спокойствия...

И надо же — именно в это мгновение распахнулась дверь кабинета, и вошел не кто-нибудь, а личный секретарь мэра — в повседневном костюме!

Индбур, онемев от изумления, привстал. Чувство реальности покидало его с каждой минутой. Вторжение Миса, пропахший его дешевыми сигарами кабинет — это бы еще ничего, но секретарь, вошедший без доклада, без разрешения — это уже слишком!

Секретарь смиренно преклонил колено и склонил голову.

— Ну?! — рявкнул Индбур.

Секретарь, не отрывая взгляда от пола, пробормотал:

— Ваше Сиятельство, капитан Хэн Притчер, нарушив наш приказ, отправился вместо Хейвена на Калган. Он возвратился оттуда и во исполнение вашего приказа за номером X20-513 помещен в тюрьму и ожидает наказания. Сопровождавшие его лица арестованы. Полный отчет составлен.

Индбур, вне себя от ярости, гаркнул:

— Отчет получен. Ну??!

— Ваше Сиятельство, капитан Притчер вскользь упомянул при допросе об опасных намерениях нового диктатора Калгана. Возможность официального заслушивания ему не была предоставлена в соответствии с вашим приказом за номером X20-651, но его сообщение было записано, и составлен полный отчет.

— Он получен! — завопил Индбур. — Ну??!!

— Ваше Сиятельство, пятнадцать минут назад получено экстренное сообщение с Салиннианской границы. Калганские корабли вероломно вторглись на территорию Академии. Корабли вооружены. Произошло военное столкновение.

Секретарь склонился еще ниже к полу. Индбур окаменел. Мис приосанился, подошел к секретарю, потрепал его по плечу и сказал:

— Вот что, дружище, ты бы лучше пошел да сказал бы, где следует, чтобы капитана Притчера отпустили и прислали сюда. Ну, чего стоишь, давай пулей!

Секретарь попятился к двери. Когда она захлопнулась за ним, Мис обернулся к мэру.

— Поторопись, Индбур! Четыре месяца у тебя, понял?

Индбур не шевелился. Только указательный палец правой руки с бешеною скоростью выписывал на безукоризненно гладкой поверхности стола невидимые треугольники.

Глава шестнадцатая Конференция

Когда двадцать семь Независимых Торговых миров, дотоле объединенных единственным чувством — нелюбовью к своей исторической прародине — Академии, решили созвать всеобщую конференцию, возникла масса непредвиденных сложностей. Основной их причиной было то, что каждый из миров просто-таки расpirало чувство национального самосознания, которое, естественно, было обратно пропорционально их размерам. Пришлось преодолеть полосу долгих предварительных переговоров, чтобы удовлетворить все мелочные претензии наиболее упорствующих сторон.

Несмотря на то что заранее были обсуждены такие вопросы, как процедура голосования, принцип представительства — от страны или в зависимости от количества населения, решен вопрос о председательстве за столом — будь то стол президиума или банкетный стол, самые жаркие дебаты разгорелись относительно места проведения конференции. Тут уж во всей красе дала себя знать непроходимая провинциальность... В результате долгих я упорных дипломатических уступок и ухищрений местом проведения конференции был избран Радол — прозорливые комментаторы, кстати говоря, еще в самом начале дебатов называли его как

наиболее вероятное место с точки зрения удобства его расположения.

Радол был невелик, а с точки зрения военного потенциала был чуть ли не самой слабой системой среди Независимых миров, что, кстати, в немалой степени повлияло на окончательное решение.

Радол был планетой с так называемой «терминаторной» цивилизацией. Миров такого типа в Галактике предостаточно, но среди них крайне мало населенных, поскольку жить там тяжело с чисто физической точки зрения. Одно из полуширь планет такого типа обречено на жуткий холод, другое – на страшную жару, и пригодная для жизни территория ограничена узкой полоской зоны сумерек – терминатором.

Тех, кто никогда не бывал на подобных планетах, приводила в дрожь сама мысль о возможности жить там. Однако следует учесть, что и такая планета может оказаться стратегической точкой. А Радол был как раз такой точкой.

Столица государства – город Радол ютился в мягких складках холмов, у подножия мрачных скалистых гор, защищавших его от пронизывающих ледяных ветров холодного полуширья. Теплый сухой воздух теплого полуширья согревал воздух, а с гор стекала река. В итоге возник своеобразный оазис – вечноцветущий сад, купающийся в вечноутренних лучах нескончаемого июня.

Каждый домик утопал в цветах и зелени. Каждый цветник являл собой шедевр садового искусства. Здесь росли самые экзотические цветы, составляющие важную статью экспорта – настолько важную, что были времена, когда Радол чуть было не стал миром скорее индустриальным, чем чисто торговым.

Так что без преувеличения можно сказать, что Радол был крошечным островком роскоши и блаженства на мертвый, ужасной планете – осколком Рая; это обстоятельство было последней каплей, склонившей чашу весов в его сторону...

Из двадцати шести остальных Торговых миров прибывали на Радол участники конференции – делегаты, их жены, секретари, журналисты, команды звездолетов... Население Радола почти удвоилось, и местным жителям пришлось потуже затянуть пояса – прибывшие ели и пили вволю и почти совсем не спали.

Как ни странно, не все из прибывших понимали, что в те дни Галактика уже была втянута в тихую, дремотную войну. Те же, кто понимал это, делились на три категории. Во-первых, было довольно много таких, кто знал совсем немного, но зато много болтал.

Молодой щеголь-звездолетчик с хейвенской кокардой на фуражке был как раз из таких. Загородившись бокалом с искрящимся вином, он украдкой ловил кокетливые взоры хорошенькой девицы из местных, сидевшей напротив. Он объявил:

– По пути сюда мы прорвались через зону военных действий. Что-то около световой минуты примерно мы летели по прямой недалеко от Хорлеггора.

– Хорлеггор? – вмешался молодой длинноногий радолец, игравший роль хозяина на вечеринке. – Это там, что ли, где Мулу задали хорошую трепку на прошлой неделе?

– Кто это вам сказал, что ему задали трепку? – хмыкнул звездолетчик.

– Передачу слышал. Радио Академии.

– Что вы говорите? А теперь послушайте, что я вам скажу: Мул захватил Хорлеггор, ясно? Мы чуть было не напоролись на его конвой – корабли летели от Хорлеггора. О какой такой трепке может идти речь, если они остались на месте сражения? Тот, кого потрепали, уж мне-то можете поверить, драпает во все лопатки!

Раздался тонкий, ленивый голосок кого-то из гостей:

– Это вы зря, юноша, зря... Просто старушка Академия, как обычно, пока помалкивает, и все. Вот увидите, она еще даст о себе знать. А тогда – бабах, и все!

– Как бы то ни было, – кисло усмехнулся звездолетчик после короткой паузы, – я своими глазами видел корабли Мула, и они весьма недурно выглядели, весьма недурно. Чисто между нами, по секрету – они новенькие, с иголочки!

– Новенькие? – лениво удивился радолец. – То есть они сами их построили, что ли?

– Хотите, чтобы я поверил, будто они разбили корабли Академии на своих жалких самоделках? Слушайте, не надо дурака валять! Войны сами по себе не начинаются. А у нас и без войны дел – по горло. Без нас разберутся.

Обладатель писклявого голоса снова влез в разговор. Он был уже изрядно пьян.

– Погодите, старушка Академия еще себя покажет! Они будут спокойненько ждать до последнего момента, а потом – бабах, и все!

Он подмигнул девушке, но та брезгливо отодвинулась от него подальше.

– Может быть, старина, – продолжая жевать листок, продолжал радолец, – вам кажется, будто этот парень, Мул, хозяин положения? Не-е-ет! – покачал он указательным пальцем. – Как мне говорили, между нами – в самых высоких кругах, этот Мул – наш человек. Мы ему платим, так что – очень может быть, что и кораблики у него – наши. Давайте реально смотреть на вещи – могут быть наши. Конечно, по большому счету, с Академией ему не справиться. Но он может ее немножко пощекотать, а тут уж мы скажем свое слово!

– Клев, – капризно поджала губки девушка, – неужели больше говорить не о чем? Все война и война... Мне скучно!

Бравый звездолетчик, изо всех сил разыгрывая галантного кавалера, подхватил:

– И правда, давайте сменим пластинку! Заставлять девушек скучать – просто преступление!

Радолец подхватил последнюю фразу, как припев, и отстучал ногой ритм. Компания разбилась на пары, которые, смеясь и болтая, разошлись по укромным уголкам. Вскоре к ним присоединилась еще одна развеселая компания, с хохотом вывалившаяся в сад из солярия.

Разговор перешел на более общие темы, стал более оживленным и более бессмысленным.

...Во-вторых, среди тех, кто кое-что знал, были те, кто знал чуть-чуть побольше, а болтал поменьше.

Среди них был однорукий Фрэн – великан был официальным делегатом Хейвена. Жил он, естественно, на широкую ногу и заводил бесчисленные знакомства: с дамами – с удовольствием, а с мужчинами – по долгу службы.

На залитой солнцем лужайке у дома, стоявшего на вершине холма и принадлежавшего одному из его новых приятелей, он развалился в плетеном кресле, впервые отдохнув по-настоящему за время своего пребывания в Радоле. Первый из двух раз, если быть точным до конца. Его товарища звали Айво Лайон, он был добрейшим малым. Дом Айво стоял особняком, окруженный ароматом благоухающих растений и жужжанием насекомых. Лужайка представляла собой травянистый откос с наклоном под сорок пять градусов. Фрэн с полным блаженством загорал.

– Да... На Хейвене такого и в помине нет, – пробормотал он, не открывая глаз.

– Поглядел бы ты на холодное полушарие! В двадцати милях отсюда есть местечко, где кислород течет, как река!

– Ну да! Заливаешь!

– Клянусь!

– Ну, ладно, это еще что! А вот, представь себе, Айво, в те славные деньки, когда вторая рука моя была еще при мне, мотался я как-то, помню... Нет, ты просто не поверишь...

Даже последовал сногшибательный рассказ. И Айво, конечно, не поверил... После продолжительной паузы, он, позевывая, проговорил:

– Да... В наше время таких парней уже не сыщешь, это точно...

– Как пить дать, не сыщешь! То есть как это – не сыщешь? – неожиданно пробудился Фрэн. – Не смей так говорить, понял? Я тебе рассказывал про своего сына? Рассказывал? Он-то уж точно – парень старой закалки. Будет великим Торговцем, чтоб мне сквозь землю провалиться на этом месте! Не посрамит старика! Весь в меня! Только вот женился, дурак!

– То есть – зарегистрированный брак?

– Угу. Честно говоря, до сих пор не понимаю, зачем ему это понадобилось. Они улетели на Калган. Медовый месяц.

– Калган, Калган... На Калган?! И давно?

Фрэн широко улыбнулся и многозначительно проговорил:

– А как раз перед тем, как Мул объявил войну Академии.

– Да что ты говоришь?

Фрэн кивнул и знаком попросил товарища пододвинуться поближе.

– Вообще-то, – прошептал он заговорщически, – я мог бы тебе кое-что рассказать, если

только ты пообещаешь ни с кем не болтать об этом. Мой мальчик был послан на Калган с заданием. Тс-с-с... Пока мне не хотелось бы особо распространяться, с каким именно заданием, но если ты пошевелишь мозгами маленько, то сам догадаешься. Во всяком случае, мой мальчик, как никто другой, подходил для этого дела. Нам, Торговцам, нужен был именно такой смельчак, как он. И он сделал свое дело, — самодовольно улыбнулся Фрэн. — Не скажу, как именно, только — мой мальчик полетел на Калган, а Мул послал свои корабли против Академии. Понял? Мой мальчик!

Айво был потрясен до глубины души и отплатил Фрэну доверием:

— Это хорошо, Фрэн. Знаешь, говорят, у нас есть пятьсот кораблей, которые готовы вступить в бой по первому приказу.

Фрэн хвастливо уточнил:

— Даже побольше, пожалуй. Вот это — настоящая стратегия! Это мне по вкусу! Только не забывай, — добавил он, пошлепывая себя по животу, — Мул — он тоже не дурак. Про Хорлеггор слышал?

— Я слышал, будто он там потерял десять кораблей.

— Ага, но у него было еще сто, и Академии пришлось убраться подобру-поздорову. Для нас будет только хорошо, если он покажет этим высокочкам где раки зимуют, только вряд ли у него это скоро выйдет...

Он задумчиво покачал головой.

— Но вот вопрос... Откуда у Мула столько кораблей? — спросил Айво. — Поговаривают, будто кораблями его снабжаем мы.

— Мы? Торговцы? — загрохотал Фрэн. — Ну ты даешь! В Хейвене находятся самые крупные верфи, но мы сроду ни для кого, кроме самих себя, кораблей не делали! Неужели ты думаешь, что какой-нибудь мир станет тайком делать корабли для Мула без опаски быть втянутым в совместные военные действия? Чепуха!

— Ну хорошо, хорошо, а откуда же тогда он их берет-то?

Фрэн пожал плечами.

— Кто его знает? Может, сами делают. Мне это тоже покоя не дает.

Блаженно зажмурившись, Фрэн пошевелил ногами, пристроил их поудобнее на полированной подставке кресла-качалки... Вскоре он сладко заснул, и его богатырский храп слился с дружным жужжанием пчел и шмелей...

...И, наконец, были совсем немногие, которые знали гораздо больше и не болтали вообще.

Например — Ранду.

На пятый день работы Всеобщей Конференции Торговцев он вошел в Главный Зал, где у него была назначена встреча с двумя нужными людьми. Пятьсот кресел в зале пустовали — так и должно было быть.

Ранду обменялся рукопожатиями с коллегами, и еще не присев, быстро проговорил:

— На долю представляемых нами государств приходится около половины военного потенциала Независимых Торговых миров.

— Мы с коллегой уже отмстили этот факт, — ответил Мангин из Итса.

— Я готов, — сказал Ранду, — к откровенной и конструктивной беседе. Я не собираюсь торговаться и болтать попусту. Наше положение серьезно ухудшилось.

— В результате... — подхватил Оваль Гри из Мнемона.

— В результате событий, произшедших в последний час. Давайте по порядку. Во-первых, ситуацию создаем не мы. Не мы ее, пожалуй, и контролируем. Как вы помните, вначале мы имели дело не с Мулом, а с другими — к примеру, с бывшим диктатором Калгана, которого Мул сверг в самое неподходящее для нас время.

— Да, но Мул — совсем неплохая замена, — сказал Мангин. — Я не хотел бы уточнять детали.

— Можно было бы и не уточнять, если бы они были нам известны!

Ранду наклонился поближе к собеседникам и развел руками.

— Месяц назад я послал моего племянника и его супругу на Калган.

— Вашего племянника? — удивленно воскликнул Оваль Гри. — Я не предполагал, что он — ваш племянник!

— А зачем? — сухо поинтересовался Мангин. — Для этого, что ли? — Он описал указательным пальцем замкнутый круг над головой.

— Нет. Если вы имеете в виду объявление Мулом войны Академии — нет. Как я мог на это рассчитывать? Он ведь ничего не знал — ни о нашей организации, ни о ее целях. Ему было сказано, что я деятель средней руки в патриотическом обществе Хейвена, и на Калгане он должен был вести себя, как наблюдатель-любитель. То есть, как видите, цели у меня были весьма неопределенные. Меня интересовал Мул как странный, непонятный феномен. Но это все уже жевано-пережевано, и не хотелось бы на эту тему распространяться. Во-вторых, это путешествие могло оказаться не лишним и для его жены, у которой есть опыт общения с Академией и связь с тамошним подпольем и которая в этом плане могла бы быть для нас крайне полезна. Видите ли...

Длинное лицо Овала еще больше вытянулось, усмешка обнажила по-лошадиному крупные зубы:

— Тогда, наверное, вы очень удивитесь, узнав, что сейчас среди Торговых миров вряд ли отыщется хоть один, где бы не болтали во всеуслышание, что ваш племянник похитил кого-то из подданных Мула, действуя от имени Академии, и дал Мулу повод для объявления войны. Черт подери, Ранду, вы витаете в облаках! Ни за что не поверю, что вы к этому руку не приложили. Поздравляю — сработано на славу!

Ранду печально покачал седой головой.

— Ничего подобного. Моего участия здесь нет. Равно как нет и участия моего племянника, который теперь сидит в тюрьме на Терминусе и может не дожить до того дня, когда все будет успешно завершено. Я только что получил от него сообщение. Через зону военных действий непостижимым образом была переправлена персональная капсула. Она попала в Хейвен, а оттуда — сюда. Целый месяц болталась неизвестно где.

— Ну и?

Ранду, потирая руки, грустно сообщил:

— Боюсь, что нам уготована та же роль, которая в свое время досталась диктатору Калгана. Мул — мутант!

После этих слов установилась гробовая тишина. Слышно было, как, стучат сердца. Примерно такой реакции Ранду и ожидал.

Однако когда Мангин подал голос, не было заметно, что он хоть сколько-нибудь взволнован.

— Откуда вы знаете?

— Со слов моего племянника. Повторяю — он был в Калгане.

— Какой именно мутант? Они бывают разные.

Ранду надоело сдерживать себя.

— Да! Разные! Какие угодно. А Мул — один! Какой еще мутант сумел бы начать карьеру, будучи никому не известным человеком, собрал бы армию, основал, как говорят, свою первую базу на астероиде площадью в пять миль, потом захватил бы планету, потом — целую систему, потом регион, а потом напал бы на Академию и побил бы их при Хорлеггоре? И все это — за два-три года!

Оваль Гри пожал плечами.

— И вы думаете, он одолеет Академию?

— Не знаю. А если да?

— Простите, но я — не романтик. Академию победить нельзя. Все-таки никаких новых фактов вы не сообщили, кроме свидетельств... ну, скажем прямо, малоопытного юноши. Полагаю, нам нечего пока над этим головы ломать. Несмотря на все победы Мула, нас пока никто не тронул, а пока он нас не трогает, не вижу особых причин для беспокойства.

Ранду нахмурился. Он физически ощущал, как его все сильнее опутывают невидимые нити безнадежности. Он спросил у обоих:

— Удалось ли нам войти с Мулом в непосредственный контакт?

— Нет, — дружно ответили собеседники.

— Не удалось, хотя мы пытались, не правда ли? Разве не правда, что наша встреча здесь не будет гроша ломаного стоить, если нам не удастся войти с ним в контакт? Разве не правда, что

до сих пор тут пока больше выпивают, чем думают, и больше отсыхают, чем делают – это, кстати, цитата из последнего номера «Радол трибьюн». А все потому, что мы не можем связаться с Мулом. Господа, у нас почти тысяча кораблей, готовых броситься в битву по первому приказу, чтобы одолеть Академию. Я считаю, что положение нужно коренным образом изменить. Корабли должны быть готовы к другому. Они должны быть повернуты против Мула.

– То есть как? Воевать за этого тирана Индбура и прочих кровопийц из Академии? – с плохо скрытой яростью спросил Мангин.

– Давайте уточним, – взмахнул рукой Ранду. – Я сказал: против Мула, а за кого – неважно!

Поднялся Оваль Гри.

– Ранду, в этом деле я вам – не помощник. Изложите все, когда вечером соберется весь Совет, если вам не терпится совершить политическое самоубийство.

Не сказав больше ни слова, он удалился. За ним молча последовал Мангин. Ранду остался один и целый час перебирал в уме возможные варианты.

Вечером на Совете он не сказал ни слова…

А на следующее утро в комнату Ранду ввалился Оваль Гри, одетый как попало, небритый, непричесанный.

Ранду сидел за еще не прибранным после завтрака столом. Он взглянул на Овала с искренним удивлением. Даже трубку выронил.

Оваль хрипло выкрикнул:

– Ночью бомбардирован Мнемон! Вероломное нападение!

Глаза Ранду сузились.

– Академия?

– Мул! – рявкнул Оваль. – Мул! Без причины, вероломно! – кричал он, размахивая руками. – Большая часть нашего флота присоединилась к объединенной флотилии. Небольшого числа кораблей, оставшихся на планете, было недостаточно. Они уничтожены! Враги пока не высадились. Может быть, и не высадятся, сообщают, что половина вражеских кораблей уничтожена. Но это – война, и я пришел спросить у вас, как на все это смотрит Хейвен.

– Полагаю, что Хейвен на это смотрит с точки зрения выполнения Федеративной Хартии. Вот видите? Вот он и на нас напал.

– Этот Мул – безумец! Разве ему под силу захватить Вселенную?

Оваль подбежал и схватил Ранду за руку.

– Наши, те немногие, кто выжил после битвы, сообщают, что у Мула есть новое оружие. Депрессор ядерного поля!

– Как??

– Большинство наших кораблей погибло, – продолжал Оваль Гри, – поскольку были лишены возможности применить ядерное оружие. Несчастные случаи и саботаж исключены. Это все – оружие Мула. Оно, видимо, еще недоработано. Эффект был неполным. Была кое-какая возможность егонейтрализовать – у меня пока нет полной информации. Но вы должны понять, что такое оружие в корне меняет картину войны, и может случиться так, что весь наш флот окажется абсолютно беспомощным.

На Ранду навалилась страшная слабость.

– Боюсь, – проговорил он безнадежно, – что родился монстр, который пожрет нас всех. И все-таки мы должны с ним сразиться!

Глава семнадцатая

Видеосонор

Дом Эблинга Миса, расположенный не в самом фешенебельном районе Терминуса, был хорошо известен в кругах интеллигентии, литераторов и вообще всей мало-мальски читающей публике в Академии. Отношение к месту обитания старого чудака зависело от того, кто какими источниками информации пользовался. Для кропотливого биографа оно было «символом ухода от реальности», для того, кто по вечерам пробегал взглядом колонки новостей – «логовом», в

котором царил типично холостяцкий беспорядок». Один доктор философии из Университета отметил, что в доме «прекрасная библиотека, но книги расставлены без всякой системы», а приятель Миса, далекий от университетских кругов, заметил, что там «всегда найдется, что выпить, и можно без стеснения забраться с ногами на диван». Наконец, в телевизионных сплетнях было сказано о «полуразвалившейся, угрюмой обители известного грубияна, полуумного Эблинга Миса».

У Байты была возможность взглянуть на дом Миса своими глазами. Кроме беспорядка, ничего особенного она не заметила.

За исключением первых дней ее арест не вызвал у нее особых эмоций, кроме, пожалуй, легкого неудобства. Сейчас ей даже казалось, что перенести те дни было намного легче, чем это получасовое ожидание в доме психолога. Ей чудилось, что за ней и тут следили. По крайней мере, в тюрьме хоть Торан был рядом...

Возможно, она чувствовала бы себя более свободно, если б не Магнифика, – он совсем повесил нос и был гораздо более удручен, чем она.

Магнифика сидел в углу дивана, подтянув колени к подбородку и сжалвшись в комочек, будто хотел стать невидимым.

Байта протянула руку и погладила его по голове, Магнифика вздрогнул и криво улыбнулся.

– О, моя госпожа, простите меня. Мне порой кажется, что до сих пор мое тело не ждет от чужой руки ничего, кроме удара.

– Не бойся, Магнифика. Я с тобой, и никому не позволю ударить тебя.

Взгляд паяца немного оттаял, но он тут же отвел его в сторону.

– Но ведь они держали меня отдельно от вас и от вашего доброго супруга – и даю вам слово, только не смейтесь надо мной, но, правда, мне было одиноко без вас!

– Я не буду смеяться. Я тоже скучала по тебе.

Лицо паяца просветлело. Он еще крепче обхватил колени и осторожно спросил:

– А вы знакомы с тем господином, который назначил нам встречу?

– Лично – нет. Но он очень знаменит. Я видела его по телевизору. По-моему, он хороший человек, Магнифика, и не сделает нам ничего дурного.

– Правда?

Паяц беспокойно заерзал на диване.

– Может быть, и так, моя госпожа, но только он уже говорил со мной, и меня немного напугали его манеры – он говорит очень громко, машет руками и фразы до конца не договаривает. И произносит так много непонятных слов, что порой я просто немел от испуга и не мог ни слова сказать в ответ. Как будто сердце стояло в горле!

– Ну, теперь все будет иначе. Нас двое, а он один, а уж нас двоих ему не удастся напугать, правда же?

– Н-нет, моя госпожа...

Как раз в этот момент хлопнула входная дверь, и по дому разнеслись раскаты громоподобного голоса. Где-то совсем рядом раздался вопль:

– А ну-ка, выметайтесь отсюда к чертовой бабушке! И чтобы я вас тут больше не видел!

В окно было видно, как во двор тут же стремглав выбежали двое гвардейцев.

Бормоча под нос проклятия, Эблинг Мис вошел в комнату, швырнулся на стол аккуратно перевязанный сверток, подошел к Байте и протянул руку для приветствия. Байта ответила твердым, мужским пожатием. Мис рассеянно встряхнул ее руку, глядя при этом на паяца, но все-таки обернулся и задержал взгляд на девушке.

– Замужем?

– Да. Официально.

Помолчав, Мис неожиданно поинтересовался:

– Счастливы?

– Пока – да.

Мис пожал плечами, выпустил руку Байты и повернулся к Магнифика.

– Знаешь, что это такое, малыш?

Магнифика неуклюже соскользнул с дивана и принял из рук ученого инструмент со

множеством клавиш. Пробежал пальцами по клавиатуре, положил инструмент на стол и совершенно неожиданно сделал виртуознейшее сальто назад, нанеся ущерб окружающей мебели. И воскликнул:

— Это — видеосонор — такой прекрасный, что его звуки способны мертвого из гроба поднять!

Длинные пальцы Магнифика мягко и быстро касались клавиш. Он нажимал одну клавишу за другой, и в воздухе, казалось, возникали расплывчатые очертания великолепных, благоухающих розовых кустов...

Эблинг Мис довольно потер руки.

— Отлично, малыш! Ты ведь говорил, что умеешь обращаться с такими игрушками, вот тебе и подарочек! Только, наверное, штуковину надо настроить — она из музея.

И добавил, обернувшись к Байте:

— Насколько я знаю, в Академии ни один, извиняюсь за выражение, болван до сих пор не мог из этой штуки ни звука извлечь.

Наклонившись к самому уху Байты, Мис прошептал:

— Паяц не будет говорить без вас. Поможете?

Байта кивнула.

— Замечательно! — обрадовался Мис. — Он страшно закомплексован — всего боится. Психотеста его психика может не выдержать. Чтобы он разговорился, он должен чувствовать себя в полной безопасности. Понимаете?

Байта снова кивнула.

— Этот видсосонор — неплохой ключик к его душе. Он говорил мне, что умеет на нем играть. Видите, как радуется? Видимо, для него это одно из самых больших удовольствий в жизни. Поэтому, как бы он ни сыграл — плохо или хорошо, делайте вид, что вы — в восторге. И если вам не трудно, постарайтесь продемонстрировать дружеское расположение ко мне. Постарайтесь помочь мне!

Он бросил быстрый взгляд на Магнифика, который, присев на краешек дивана, ловко настраивал инструмент. Казалось, он был всецело поглощен этим занятием.

Заговорщически подмигнув Байте, Мис громко спросил:

— А вы когда-нибудь слушали видеосонор?

— Только один раз, — дружелюбно отозвалась Байта, — На концерте старинных инструментов. Честно говоря, не очень понравилось.

— Наверное, исполнитель был неважный. Хороших мало осталось. Теперь вообще мало кто в чем-то хорошо разбирается, в музыке в том числе. При игре на этом инструменте не так нужны чисто физические усилия, как при игре на фортепиано, к примеру, — тут дело в определенном складе психики и подвижности воображения.

И добавил шепотом:

— Вот почему наш малютка может оказаться гораздо лучше, чем мы можем предполагать. Чаще всего, между прочим, хорошие музыканты — именно сумасшедшие. Очень интересно с точки зрения психологии!

Вернувшись к игре в непринужденную беседу, он сказал громче:

— Знаете, как работает эта несуразная штуковина? Я в ней пытался покопаться, но выяснил только одно: ее вибрации действуют непосредственно на зрительный центр мозга, не затрагивая зрительных нервов. Задействуются чувства, в обычной жизни не проявляющиеся. Потрясающее, если подумать! То, что воспринимается на слух — более или менее обычно: барабанная перепонка, улитка, молоточек, всякое такое. Ага! Тс-с-с... Он готов. Выключите свет, будьте добры. В темноте будет лучше слушать. И смотреть...

Байта щелкнула выключателем. В темноте фигура Магнифика выглядела бесформенным, расплывчатым пятном. Эблинг Мис же — темной, тяжело, с присвистом дышащей массой. Байта изо всех сил напрягала зрение, но, как ни старалась, поначалу ничего не видела. Но вот в воздухе возникла тонкая выбириующая полоска света. Она становилась то уже, то шире, то взлетала к потолку, то опускалась к полу, снова поднималась и падала, сужалась, расширялась и наконец с треском разорвалась на части, как тонкая занавеска от удара молнии.

Вместо нее в воздухе возникла маленькая, ритмично пульсирующая, непрерывно

меняющая цвет сфера – и распалась на бесформенные разноцветные капельки, непрерывно меняющие высоту и направление полета. Байта начала что-то смутно ощущать.

Она обратила внимание на то, что цвета становятся ярче, если прикрыть глаза, и что каждому тончайшему оттенку звука соответствует столь же неуловимая смена цвета, что точно назвать все цвета и оттенки она не может и что капельки на самом деле – вовсе не капельки, а крошечные фигурки...

Да, крошечные фигурки, маленькие язычки пламени, танцующие и сияющие – неисчислимое множество! Они появлялись ниоткуда и исчезали в никуда, сталкивались друг с другом и меняли цвет.

Первое сравнение, которое пришло Байте на ум, – мелкие цветные пятнышки, мелькающие перед глазами, когда крепко-крепко сожмешь веки и сверкающие точки начинают танцевать безумную польку, образуя пересекающиеся концентрические круги, которые объединяются в странно очерченные фигуры и тут же исчезают. Сейчас было что-то в этом духе, только крупнее, разнообразнее, и каждая светящаяся точка была крошечной фигуркой.

Вот они устремились прямо к ней, разделившись на пары... В неосознанном порыве Байта заслонилась руками, и они отступили. На краткий миг она ощутила себя в самом центре вихря сверкающей, искрящейся метели – холодный свет стекал по ее плечам, рукам сияющей лавиной, готовой оторвать онемевшие пальцы – и вновь собрался в воздухе в блестящий шар. А где-то в запредельном пространстве слышался звук множества инструментов – он тек прозрачными ручейками и был неотделим от игры света и красок...

Ей было страшно интересно – видит ли Эблинг Мис то же самое, а если нет – то что он видит? Потом и интерес пропал, а потом...

Она стала снова смотреть. Крошечные фигурки – были ли это на самом деле фигурки, или ей только казалось? – маленькие стройные танцовщицы с огненными волосами, изгибающиеся и кружасиеся так быстро, что разум отказывался за ними уследить – объединялись в хороводы в форме звездочек. Звездочки врашивались, и в музыке слышался тихий звонкий девичий смех. Байта отчетливо слышала его внутри себя!

Звездочки приближались друг к другу, вспыхивали при столкновении, постепенно преображаясь в какую-то большую фигуру. Вот ее очертания стали более четкими, и от пола до потолка стал расти великолепный дворец. Каждый кирпичик – разного цвета, все они сияли по-своему, переливаясь всеми цветами радуги, увлекая взгляд выше, выше – туда, где сверкали драгоценными камнями двадцать стройных минаретов...

Над дворцом кружился в воздухе волшебный летающий ковер. Он сворачивался, разворачивался и наконец вытянулся в тончайшую паутину, затянувшую все видимое пространство причудливой прозрачной сетью. От него струились во все стороны лучи – они разветвлялись, превращаясь в прекрасные деревья, в ветвях которых начинала звучать их собственная мелодия.

Байта была просто зачарована. Музыка окружала ее теплым облаком, касалась кожи ласковыми движениями. Инстинктивно она потянулась вперед, чтобы коснуться ветви хрупкого деревца, – и лепестки цветов опали и посыпались на пол, сверкая и издавая мелодичный звон.

Двадцать цимбал звенели одновременно. Пространство перед Байтой преобразилось в огненный поток, который стек по невидимым ступеням к ней на колени... Там сверкающий огнепад распался и потек к ее ногам золотистыми струйками. Огненные брызги взлетали, касаясь талии и груди. Над ее коленями стала сказочная радуга, а на ней – крошечные фигурки!

Дворец и сад, крошечные дамы и кавалеры на радужном мосту, который тянулся насколько хватало глаз, плыл по волнам музыки, которая звучала везде – снаружи и внутри нее...

И потом – внезапная тишина, резкое, испуганное движение Магнифика... Цвета поблекли, фигурки собирались в шар, шар сморщился, взлетел к потолку и... исчез!

Стало темно.

Тяжелая нога Миса нащупала педаль, нажала не нее – раскрылись занавески, и комнату залил свет – обычный, будничный солнечный свет. Байта заморгала, и из ее глаз хлынули слезы отчаяния и тоски по тому, что было и так безжалостно исчезло... Эблинг Мис сидел не

шевелясь, широко раскрыв рот и глаза.

Магнифика же прижал к груди видеосонор, лаская его, как любимое дитя.

— Моя госпожа, — выдохнул он. — И правда, этот инструмент — волшебный. Не опишешь словами все тонкости музыки и цвета, которые он способен произвести. Когда я играю на нем, я чувствую себя немножко волшебником. Вам понравилось мое сочинение, моя госпожа?

— Это ты... сам сочинил? — утирая слезы, проговорила Байта.

В ответ Магнифика густо покраснел — от ушей до кончика длинного носа.

— Сам, сам, моя госпожа! Мулу оно не очень нравилось, но я часто играл эту пьесу для себя. Когда-то, давным-давно, в юности, я видел такой дворец — огромный, украшенный драгоценными камнями. Издалека, во время пышного карнавала. Там были люди — высокородные особы, прекрасные, роскошно одетые — таких я не видел даже тогда, когда служил у Мула. То, что мне удалось изобразить — не более чем жалкое подобие того великолепия, что я видел тогда. Видно, ум и воображение мои жалки и ничтожны. А называется мое сочинение «Воспоминание о Рае».

Мис наконец очнулся и прервал объяснения паяца.

— Послушай, — проговорил он, тяжело дыша, — послушай, Магнифика, а ты мог бы что-нибудь в таком роде сыграть перед публикой?

Паяц испуганно замахал руками.

— Перед публикой? — прошептал он.

— Для тысяч зрителей! — воскликнул Мис. — Для многих тысяч, в самых грандиозных залах Академии! Разве тебе не хочется стать хозяином своей судьбы, человеком, которого бы слушали, которому поклонялись бы другие люди? Ты мог бы стать богатым, уважаемым... и... — он не мог подобрать нужных слов, — и всякое такое. Ну? Что скажешь?

— Как же я могу всего этого достичь, великий господин? Ведь я всего-навсего нищий паяц, которому недоступны сокровища мира больших людей!

Психолог хмыкнул, потер бровь и сказал:

— Твоя музыка сделает все за тебя. Ты завоюешь весь мир, если сыграешь вот так, как сейчас, для нашего мэра и его сановников. Ну, решайся!

Паяц украдкой взглянул на Байту.

— А она... останется со мной?

Байта рассмеялась.

— Конечно, глупыш! Неужели я откажусь от тебя, когда у тебя впереди такое будущее — богатство и слава!

— Все это я готов бросить к вашим ногам, моя госпожа, — серьезно ответил Магнифика. — Только... всех сокровищ Вселенной будет мало, чтобы я мог отплатить вам за вашу доброту.

— Только вот... — осторожно вмешался Мис, — не согласишься ли ты сначала оказать мне небольшую услугу?

— Какую услугу, господин?

Психолог помолчал, улыбнулся.

— Маленький тест такой — совсем не больно!

В глазах Магнифика загорелся смертельный ужас.

— Только не тест! Я видел, как это делается! Он выворачивает у человека все мозги, так что пустой череп остается. Мул делал такой тест изменникам, а потом отпускал их, и они скитались по улицам, как безумные, пока кто-нибудь из жалости не приканчивал их!

Он заслонился от Миса рукой.

— Ты говоришь о психотесте, — спокойно уговаривал его Мис. — Но даже он наносит человеку вред только тогда, когда его неправильно делают. Я хочу сделать другой тест — поверхностный, от которого не бывает вреда даже младенцу.

— Это правда, Магнифика, — пришла Мису на помощь Байта. — Это нужно только для того чтобы помочь нам победить Мула, чтобы он ушел далеко-далеко и никогда больше не приходил. А после этого ты и я будем знаменитыми и богатыми всю свою жизнь. Магнифика протянул ей дрожащую руку.

— Только держите меня за руку, моя госпожа. Байта ската его руку в ладонях, а паяц с испугом наблюдал, как Мис готовит все необходимое для проведения теста...

Эблинг Мис развалился в самом роскошном кресле в собственном доме мэра Индбура, по своему обыкновению не выказывая ни малейшей признательности за оказанную ему честь, и лениво наблюдал, как мэр-коротышка беспокойно ерзает на месте, недружелюбно поглядывая на него. Мис отбросил сигару и сплюнул на пол остатки табака.

— Кстати, если хочешь, чтобы следующий концерт в Мэллоу-Холле прошел со сногсшибательным успехом, Индбур, — сказал он небрежно, — можешь сказать своим дергунчикам, чтобы они выбросили к чертям собачьим, извиняюсь за выражение, все ваши электронные штучки-дрючки, и наш уродец сыграет нечто потрясающее на видеосоноре. Индбур, если ты хоть что-нибудь понимаешь в музыке, это — неземное зрелище!

Индбур капризно поморщился.

— Я вас сюда, между прочим, пригласил не для того, чтобы вы мне лекции по музыке читали. Что насчет Мула? Я от вас этого жду. Что насчет Мула?

— Ах насчет Мула? Скажу. Я провел поверхностный тест и мало чего добился. О психотесте речи быть не могло — уродец до смерти боится его, и его страх закрывает его треклятое подсознание. Но кое-что я все таки выудил, и скажу тебе, как только ты перестанешь так противно стучать когтями.

Индбур задохнулся от возмущения, но стучать перестал.

— Так вот. Все разговоры о потрясающей физической силе Мула — болтовня собачья. Может быть, он и правда — не слабак, но впечатление о нем нашего бедняги-паяца затуманено его собственными страшными воспоминаниями. Он носит странные очки, его глаза якобы способны убивать. Это означает, что велика его психическая, а не физическая мощь.

— Это все мы знали и вначале, — кисло прокомментировал мэр.

— Следовательно, тест подтвердил то, что мы знали. А сейчас я занимаюсь математической обработкой результатов.

— Да? И сколько же времени вам на это понадобится? Признаться, я порядком устал от вашей бестолковой болтовни.

— Понадобится примерно месяц или что-то около того, и тогда я сообщу тебе нечто более определенное. А может, и не сообщу. Какое это все имеет значение? Если это выходит за рамки Плана Селдона, то шансов у нас — кот наплакал!

Индбур одарил психолога ненавидящим взглядом.

— Ну, вот вы себя и выдали, изменник! Хватит лгать! Попробуйте-ка, докажите, что вы не один из этих новоявленных болтунов, которые распространяют пораженческие настроения и панику в Академии и не дают мне работать!

— Я? Я? — Мис медленно, но верно закипал.

Индбур орал во всю глотку:

— Академия победит, клянусь всем святым! Академия должна победить!

— Несмотря на поражение при Хорлеггоре?

— Это было не поражение! Вы и эту сплетню подхватили и распространяете? Просто настам было мало и нас предали...

— Кто?

— Кто? Да демократы вшивые, вот кто! — брызгал слюной Индбур. — Я давно уже догадывался, что флот кишащий демократами! Большинство из них нам удалось выкинуть оттуда, но их там осталось еще достаточно для того, чтобы двадцать кораблей без видимой причины сдались в плен в самом разгаре схватки. Вот и возникло впечатление поражения. И поэтому я спрашиваю вас, наглец, выдающий себя за патриота, ходячее воплощение добродетелей, каковы ваши связи с демократами?!

Эблинг Мис пожал плечами.

— Совсем с ума сошел. Что ты можешь знать? Ты мне лучше скажи-ка, почему мы отступаем, почему мы отдали врагу половину Сивенны? А? Опять демократы?

— Нет. Не демократы, — хитро усмехнулся мэр. — Да, отступаем! Академия всегда отступала, если на нее нападали, но только до тех пор, пока триумфальный марш истории не начинал звучать для нас. Я уже вижу исход войны! Так называемое «демократическое подполье» уже понашлепало манифестов, где предлагает свою поддержку и присягает на

верность правительству. Но это шантаж, прикрытие тайной измены. Только я сумею обернуть их пропаганду в свою пользу, каковы бы ни были истинные планы предателей. Я сделаю даже больше этого...

– Неужели? Даже больше, Индбур?

– А вот посмотрите: два дня назад пресловутая «Ассоциация Независимых Торговцев» объявила войну Мулу, и флот Академии разом увеличился на тысячу кораблей. Так что – Мул себя переоценивает. Он-то думает, что мы разделены, ссоримся друг с другом, а на самом деле перед лицом общей опасности мы объединяемся и становимся сильнее. Он должен проиграть! Это неизбежно – как всегда.

Мис иронично поглядывал на мэра.

– Ты мне еще скажи, Индбур, что Селдон запланировал даже такую непредсказуемую вещь, как случайное появление мутанта!

– Мутанта? А кто сказал, что он – мутант? Кто – кроме капитана-мятежника, двоих чужеземных сопляков и этого вашего уродца-паяца? Вы забываете о самой важной точке зрения – вашей собственной!

– Моей собственной? – совершенно неподдельно удивился Мис.

– Вот именно! Вашей собственной! – злорадно проговорил мэр. – Через девять недель открывается Склеп. Что из этого следует? По какому поводу он открывается? Вот-вот, по поводу кризиса. Если нападение Мула – не кризис, где же настоящий, по поводу которого открывается Склеп? Отвечайте, ну!

Психолог пожал плечами.

– Ладно. Если тебе так хочется... Только сделай мне одолжение. Если старина Селдон действительно произнесет речь и дело окажется плохо, будет мне позволено присутствовать на Торжественном Открытии?

– Хорошо, – процедил Индбур. – А теперь убирайтесь. И не попадайтесь мне на глаза девять недель!

– С превеликим удовольствием, ваше тусклейшее сиятельство! – пробормотал Мис себе под нос, уходя.

Глава восемнадцатая Поражение академии

Атмосфера в Склепе была странная – что-то было не так, а что именно – непонятно. Не то чтобы заброшенность или запустение – нет, помещение было хорошо проветрено и освещено, стены отбрасывали мягкий рассеянный свет. Как прежде, стояли ряды удобных кресел, поставленных здесь, казалось, на вечные времена. Ни снаружи, ни внутри Склеп не производил впечатления архаичной постройки – три столетия как будто прошли без следа. А вот ничего вроде благоговения и трепета не было и в помине – приглашения были разосланы самые что ни на есть скромные и будничные – еще немного, и вся церемония отдавала бы равнодушием.

Однако, несмотря на это, что-то неуловимо торжественное все-таки сохранилось. Наверное, это был стеклянный куб, занимавший почти половину помещения Склепа, привлекавший к себе внимание хотя бы своими колосальными размерами. Четырежды за три столетия живая копия покойного Гэри Селдона появлялась там и говорила... Дважды он говорил, когда в Склепе не было ни души...

Старик пронес свой образ через три столетия, через девять поколений. Он, свидетель величайшего расцвета Империи, до сих пор знал о происходящем в Галактике больше, чем его пра-пра-правнуки.

Куб был пуст.

Первым в Склеп прибыл мэр Индбур Ш на парадном автомобиле, с трудом пробившемся по запруженным взволнованной толпой улицам. С ним вместе прибыло его собственное кресло – оно было выше и просторнее тех, что стояли в Склепе. Кресло поставили перед остальными, так что Индбур возвышался над всеми, а над ним – только стеклянный куб.

Раздувшийся от важности чиновник низко поклонился мэру, церемонно взмахнул рукой.

– Ваше Сиятельство, для самой широкой трансляции вашего заявления вечером все

готово.

— Хорошо. А пока пусть продолжается межпланетная трансляция церемонии открытия Склепа. Никаких, конечно, критических выступлений и вообще никаких мыслей по этому поводу. Реакция населения по-прежнему одобрительная?

— Ваше Сиятельство, весьма одобрительная! Злобных нападок становится все меньше. Доверие к правительству растет.

— Прекрасно.

Индбур жестом отоспал чиновника и поправил яркий шейный платок.

До полудня оставалось двадцать минут.

По одному и парами входили избранные — опора правительства, тузы торговых организаций. Напыщенность и торжественность их представления зависела от величины их капитала и от того, насколько к ним благоволил мэр. Каждый из них кланялся ему, получал в ответ два-три благосклонных словечка и садился в предназначеннное для него кресло.

Откуда ни возьмись, на редкость невзрачный на фоне высшего света Академии, появился хейвенец Ранду и пробрался, не будучи представленным, к креслу мэра.

— Ваше Сиятельство, — пробормотал он, кланяясь.

Индбур недовольно нахмурился.

— Вам не была назначена аудиенция!

— Ваше Сиятельство, я ожидаю ее уже целую неделю.

— Сожалею, однако государственные дела, связанные с открытием Склепа Селдона...

— Ваше Сиятельство, я тоже сожалею, но прошу вас отменить ваш приказ относительно того, чтобы корабли, переданные Независимыми Торговцами, были распределены между подразделениями Флота Академии.

Индбур, раздраженный тем, что был прерван на полуслове, покраснел.

— Сейчас не время для обсуждения подобных вопросов.

— Ваше Сиятельство, это единственное время, когда это возможно обсудить, — мягко прошептал Ранду. — Как представитель Независимых Торговых миров, я заявляю вам, что такой приказ не может быть выполнен. Он должен быть отменен до того, как Селдон решит за нас наши проблемы. Если мы упустим время, потом будет слишком поздно вести мирные переговоры, и наше сотрудничество попросту распадется.

Индбур смерил Ранду ледяным взглядом.

— Вы отдаете себе отчет в том, что я — Главнокомандующий Вооруженных Сил Академии?

Имею я право определять военную политику своего государства или не имею?

— Ваше Сиятельство, имеете, но кое-какие действия представляются нецелесообразными.

— Не вижу никакой нецелесообразности. Мне как раз представляется опасным позволять вашим кораблям расщепить Флот Академии в теперешней экстренной ситуации. Раздельные действия — на руку врагу. Мы должны действовать сообща, посол, как с военной, так и с политической точки зрения.

У Ранду пересохло в горле. Он, опустив официальное обращение, выпалил:

— Конечно, сейчас вы чувствуете себя в безопасности, полагая, что Селдон все решит за вас, и позволяете себе выступать против нас. Месяц назад вы были сговорчивее, когда наши корабли разбили Мула при Тереле. Позволю себе напомнить вам, сэр, что корабли Академии пять раз проиграли в открытых боях и что не кто иной, как Флот Независимых Торговых миров одержал все ваши победы.

Индбур угрожающе нахмурился.

— Ваше дальнейшее присутствие на Терминусе нежелательно, посол. Вы будете официально отосланы сегодня вечером. Кроме того, сейчас мы занимаемся расследованием ваших преступных связей с подпольными демократическими силами на Терминусе. И мы продолжим расследование.

— Как только я буду отослан, вместе со мной уйдут и наши корабли. Я понятия не имею о ваших демократах. Зато мне известно, что ваши корабли сдались Мулу в результате измены высшего командного состава, а никак не простых солдат — не знаю, кто они — демократы или кто еще. Повторяю: двадцать кораблей флота Академии сдались Мулу при Хорлеггоре по приказу контр-адмирала — целые и невредимые. Контр-адмирал был вашим ближайшим

приспешником – это он председательствовал в трибунале, когда здесь судили моего племянника, как только он вернулся с Калгана. Это не единственный случай, известный нам, и мы не собираемся рисковать своими людьми и кораблями ради потенциальных изменников!

– Вы будете арестованы, как только выйдете отсюда! – прошипел Индбур.

Ранду отошел в сторону, сопровождаемый ледяными взорами придворной камарильи.

До полудня оставалось десять минут!

Байта и Торан уже прибыли. Они приподнялись с кресел в последнем ряду и помахали Ранду.

– Ну, и вы здесь! Как вам это удалось?

– Нашим дипломатом был Магнифико, – усмехнулся Торан. – Его Сиятельство изволили пожелать, чтобы он сочинил нечто торжественное на тему открытия Склепа Селдона – для видеосонора, причем в главной роли, естественно, – Его Сиятельство. А Магнифико наотрез отказался идти сюда без нас. Ему не смогли отказать. Эблинг Мис тоже здесь, по крайней мере, – был здесь. Бродит где-то, видимо.

Торан спросил, заметно волнуясь:

– Дядя, что-нибудь произошло? Ты что-то неважно выглядишь.

Ранду кивнул.

– Наверное, неважно. Дела плохи, Торан. Боюсь, как только они разделаются с Мулом, тут же примутся за нас.

Неожиданно перед ними возник высокий мужчина в белом костюме и поклонился, прищелкнув каблуками. Байта просияла и протянула ему руку.

– Капитан Притчер! А я думала, вы воюете! Капитан пожал ее руку и склонился ниже.

– Что вы! Я так понимаю, это доктор Мис постарался, чтобы я попал сюда, но, увы, это временное послабление. Завтра возвращаюсь под домашний арест. Который час?

Было без трех минут двенадцать.

Магнифико являл собой зрелище крайней растерянности и удрученности. Он скрючился в кресле, как обычно, стараясь спрятаться от посторонних глаз. Сморщив длинный нос, он испуганно стрелял во все стороны темными глазами из-под полуприкрытых век.

Схватив Байту за руку, он прошептал ей на ухо:

– Как вам кажется, моя госпожа, все эти высокопоставленные люди были в зале, когда я играл на видеосоноре?

– Все были, я просто уверена, – подбодрила его Байта и ласково погладила его руку. – И еще я уверена, что они считают тебя самым прекрасным музыкантом в Галактике. Думаю, твой концерт – самое удивительное зрелище из всех, что им доводилось когда-либо видеть и слышать. Поэтому перестань бояться, выпрямись, сядь как следует. Мы гордимся тобой.

Он вяло улыбнулся в ответ на ее комплименты и неуклюже вытянул ноги.

Пробило полдень!

И стеклянный куб ожила!

Вряд ли кто-нибудь точно заметил, когда это произошло. Только что в кубе было пусто, и вот...

Внутри куба возникла фигура человека в инвалидном кресле. Фигура старика, лицо которого избороздили бесчисленные мелкие морщинки. Его ярко-голубые глаза сияли живым, молодым светом. Было полное впечатление, что он такой же живой, как и все, кто собрался в Склепе. На коленях у него лежала книга. Послышался мягкий, тихий голос:

– Я – Гэри Селдон!

Голос звучал в гробовой тишине.

– Я – Гэри Селдон. Я не знаю, присутствует ли здесь кто-нибудь, не могу даже догадываться об этом. Но это и не важно. Пока у меня нет оснований опасаться за провал моего Плана. Процент вероятности его успешного выполнения за первые триста лет составляет девяносто четыре и две десятых.

Он замолчал, улыбнулся и дружелюбно добавил:

– Кстати, если кто-то из присутствующих стоит, может присесть. Если кто-то желает закурить, я не против. Можете не церемониться, меня как бы здесь по-настоящему нет.

А теперь давайте рассмотрим положение дел на сегодняшний день, Сейчас впервые

Академия столкнулась, или только начинает сталкиваться, с такой проблемой, как гражданская война. До сих пор все атаки извне успешно отражались, и это было неизбежно по законам психоистории. Текущая атака осуществляется со стороны чрезсчур независимых внешних групп населения Академии по отношению к чрезсчур авторитарному внутреннему правительству. Это необходимо, и результат очевиден.

Помпезность высокородной аудитории заметно поколебалась, Индбур привстал в кресле.

Байта встревоженно подалась вперед. О чем говорит великий Селдон? Она так раз волновалась, что пропустила несколько слов.

— …чтобы прийти к компромиссу. Это необходимо по двум причинам. Бунт Независимых Торговцев привносит элемент очередного недоверия к правительству, которое, по всей видимости, стало слишком переоценивать себя. Снова возродился дух противоречия. Несмотря на репрессии, всплеск демократического движения…

Послышались возмущенные голоса. Сначала перешептывались, потом стали переговариваться вес громче – люди были взволнованы, испуганы.

Байта шепнула Торану:

— Почему он не говорит ни слова о Муле? Какой бунт? Торговцы не восстали!

Торан пожал плечами.

Голос Селдона спокойно звучал поверх шума возмущенной аудитории:

— …новое, более сильное коалиционное правительство стало необходимым и позитивным итогом логично разразившейся гражданской войны в Академии. Теперь на пути экспансии Академии стоят только остатки старой Империи, но с ними, по крайней мере, в течение нескольких ближайших лет проблем не будет. Безусловно, я не вправе раскрывать перед вами суть следующей проб…

Голос Селдона пропал, утонув в реве. Губы его двигались беззвучно.

Эблинг Мис неожиданно появился рядом с Ранду. Лицо его побагровело. Он кричал:

— Селдон сошел с ума! Он не о том кризисе говорит! Разве вы, Торговцы, замышляли гражданскую войну?

Ранду тихо ответил:

— Да, замышляли. Только отложили – из-за нападения Мула.

— Значит, Мул – фигура, психоисторией не запланированная. Что же это такое?

Стояла ледяная, мертвая тишина. Взглянув на куб, Байта с удивлением обнаружила, что он уже пуст. Погасла матовая подсветка стен, затихло урчание кондиционеров.

Откуда-то издалека донесся пронзительный визг сирены. Ранду онемевшими губами проговорил:

— Воздушная тревога!

Он поднес к уху наручные часы и закричал:

— Остановились, черт подери! У кого-нибудь часы идут?

Двадцать человек, как по команде, поднесли к ушам свои часы. Не прошло и двадцати секунд, как стало ясно, что все часы остановились.

— Так… — обреченно проговорил Мис. — Это означает, что подача атомной энергии в Склеп прекращена и Мул атакует.

Пытаясь перекричать общий шум, Индбур визгливо завопил:

— Всем сесть!! Мул от нас в пятидесяти парсеках!

— Был! – рявкнул в ответ Мис. – Неделю назад! А сейчас он бомбардирует Терминус!

Байта почувствовала, что силы покидают ее. Она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Тело налилось свинцом, стало больно дышать.

С улицы донесся гул огромной толпы. Двери были сорваны, на пороге появилась фигура насмерть перепуганного человека. Ему навстречу кинулся Индбур.

— Ваше Сиятельство! – прохрипел вбежавший. – В городе остановился весь транспорт, не работает ни одна линия внешней связи. Десятый Флот разбит, и корабли Мула – над планетой. Верховное Главнокомандование…

Индбур согнулся и как подкошенный упал на пол. Все онемели. Панический ужас сковал всех.

Индбура подняли с пола. К его губам поднесли бокал с вином. Губы его начали двигаться,

когда он еще не мог раскрыть глаза. Он выдавил из себя единственное слово:

– Капитуляция!

Байта была готова разрыдаться – настолько сильным было состояние всеобщего отчаяния. Эблинг Мис дергал ее за рукав.

– Пойдемте, барышня!

Ее пришлось просто-таки вынимать из кресла.

– Мы улетаем, – сказал он. – И берем с собой вашего музыканта.

Пухлые губы старого ученого были бледны и дрожали.

– Магнифико... – только и смогла выдавить из себя Байта.

Паяца тряслось мелкой дрожью. Глаза его выпучились и остекленели.

– Мул! – хрюпал он. – Мул пришел за мной!!

Байта вялой рукой коснулась его плеча, и он дико отпрянул, Торан крепко взял его за руку. Магнифико потерял сознание. Торан взвалил его на спину и поволок к выходу.

На следующий день неуклюжие, закопченные в сражениях корабли Мула опустились на космодром Терминуса. Генерал, руководивший операцией захвата, проследовал по пустынным улицам Терминуса в шикарном автомобиле мимо безжизненно замерших у обочин атомных машин.

Заявление об оккупации было передано ровно через двадцать четыре часа – минута в минуту после того, как Селдон произнес речь перед бывшими правителями Академии.

Из всех миров, входивших в состав Академии, держались только Независимые Торговцы. Против них был весь флот Мула – покорителя Академии.

Глава девятнадцатая

Начало поисков

Маленькая планета Хейвен – единственная вращавшаяся вокруг одинокой звезды в Секторе Галактики, окруженном межгалактическим вакуумом, была в осаде.

Она действительно была в осаде в строго военном смысле слова – на двадцать парсеков вокруг не осталось ни одной населенной звездной системы, где не были бы размещены военные базы Мула. Через четыре месяца после позорной капитуляции Академии все связи Хейвена с внешним миром были прерваны, как паутинка лезвием бритвы. Хейвенские корабли спешили домой, и Хейвену больше ничего не оставалось, как воевать в полном одиночестве.

На самой планете осада ощущалась еще сильнее – преобладало ощущение тоски и беспомощности...

Байта пробиралась к своему месту между рядами столиков, покрытых молочно-белым пластиком. Свой стул она нашла чисто автоматически. Она забралась на высокий стул без спинки, механически ответила на тихие приветствия, потерла слезящиеся от бессонницы глаза усталой рукой и потянулась за меню.

Байта огорченно отметила обилие блюд из парниковых грибов, которые на Хейвене считались непревзойденным деликатесом. На ее вкус они были просто несъедобными. Услышав, что рядом кто-то всхлипывает, она оторвала взгляд от меню и оглянулась.

Плачущую девушку до сегодняшнего дня она видела всего пару раз. Звали ее Джуди – простенькая, курносая блондиночка, – и обычно она сидела в столовой по диагонали от столика Байты. Сейчас Джуди плакала, сморкаясь в мокрый от слез платочек и изо всех сил сдерживая рыдания.

Личико ее покраснело и стало еще более некрасивым. Куртка от противорадиационного костюма была наброшена на ее плечи, а прозрачный защитный экран для лица упал в тарелку с десертом, да так там и лежал.

Байта подошла к трем девушкам, которые, сменяя друг друга, подходили к плачущей Джуди, безуспешно пытаясь утешить ее, гладя по головке и бормоча жалостливые слова. Эти приемы во все времена обречены на неудачу и вызывают только новые потоки слез.

– Что случилось? – шепотом спросила Байта. Одна из девушек обернулась и, пожав плечами, призналась:

– Не знаю... – Отведя Байту в сторону, добавила: – Может просто устала. Вообще-то, она

очень волнуется за мужа.

– Он в космическом патруле?

– Да.

Байта мягко коснулась плеча Джуди.

– Может быть, тебе лучше домой пойти, Джуди?

Голос Байты по сравнению с голосами подруг прозвучал трезво и спокойно, так что Джуди перестала всхлипывать и оторопело взглянула на Байту.

– Я уже была дома один раз на этой неделе.

– Ну, значит, надо еще денек передохнуть. Если ты не отдохнешь сейчас, на следующей неделе тебе придется отдохнуть три дня. Надо отдохнуть, Джуди, даже из патриотических соображений. Девушки, кто-нибудь из вас работает вместе с Джуди? Ну, тогда позаботьтесь о ее отпуске. Пойди, Джуди, умойся и приведи себя в порядок. Ну, быстренько, давай, давай!

Байта вернулась за свой столик и облегченно продолжила изучение меню. Такие настроения заразительны, думала она. Одной плачущей девушки в ее отделе хватит, чтобы залихорадило всех сотрудниц.

В конце концов она выбрала наиболее съедобные на ее взгляд блюда, нажала соответствующие кнопки справа на столике и положила меню в предназначеннное для него углубление.

Высокая, эффектная брюнетка напротив проговорила сквозь зубы:

– Конечно! Что нам еще осталось? Только плакать! Ее пухлые губы были искусно подкрашены, и казалось, будто она все время улыбается.

Байта мельком взглянула на нее, сделав вид, что фраза к ней не относится, и принялась за еду. Раскрыла судок и стала ждать, пока еда немного остынет. Брюнетка пристально глядела на нее. Не выдержав, Байта спросила:

– Я думаю, тебе-то есть чем заняться, Хелла?

– О да! – резко ответила Хелла. – Есть!

Она нервно погасила сигарету. Та вспыхнула и моментально исчезла в глубине маленького дезинтегратора, вмонтированного в край столика.

– Например, – сказала Хелла, опершись подбородком на тонкие холеные руки, – я думаю, что я бы давно уже договорилась с Мулом и вся эта чепуха давно бы закончилась. Потому что когда он нас захватит, делать будет точно нечего.

Лицо Байты не дрогнуло. Голос по-прежнему был мягок и спокоен:

– Наверное, у тебя нет брата или мужа, которые сейчас воюют?

– Нет. И все равно я считаю, что незачем рисковать братьями и сыновьями. Даже я так считаю!

– Капитуляция принесет нам еще большие жертвы.

– А как же Академия капитулировала – и там все тихо и спокойно? А наши мужчины – неизвестно где, и против нас – вся Галактика!

Байта пожала плечами и улыбнулась.

– У меня есть маленькое подозрение, что первое тебя волнует больше.

Байта стала завтракать и с радостью отметила, что вокруг все молчат. Цинизм Хеллы остался без ответа.

Покончив с едой, Байта ушла, нажав кнопку, после чего ее столик был быстро прибран, и ее место заняла другая девушка. Глядя вслед Байте, она спросила:

– Кто это?

Губы Хеллы презрительно скривились.

– Племянница нашего координатора. Ты что, ее не знаешь?

– Правда?

Девушка еще раз взглянула вслед Байте.

– А что она здесь делает?

– А... не знаю. Развивает какую-то деятельность. Сейчас же модно играть в патриотизм. Такие все демократы, тошнит просто.

– Ну, Хелла, – возразила пухлая девица, сидевшая справа, – пока ведь она дяде на нас не жаловалась. Чего ты вредничашь?

Хелла равнодушно скользнула взглядом в сторону девушки и закурила новую сигарету.

Та, что сидела напротив Хеллы, изо всех сил прислушивалась к тому, что говорила ясноглазая офицантка за соседним столиком.

— ...говорят, она была в Склепе, в самом Склепе, представляешь? Ну, когда Селдон говорил... а еще говорят, что мэр был просто вне себя, ну и там были волнения, и всякое такое... Ей удалось смыться оттуда до того, как Мул высадился, в общем удирали они па-а-трясающе... прорывались через блокаду, ну, сама понимаешь!.. Удивляюсь, как это она до сих пор не написала про это книжку какую-нибудь, ведь теперь книжки про войну — просто нарасхват. А еще говорят, она была в том мире, где Мул — ну, в Калгане, представляешь, и...

Раздался звонок, означавший окончание перерыва, и столовая опустела. Голосок офицантки все еще звенел, а слушавшая ее девушка прерывала ее рассказ короткими возгласами типа «Да ну!» или «Потрясающе!».

Огромные прожекторы в пещерном городе уже гасли, и город постепенно погружался во мрак, когда Байта наконец добралась до дома. Хейвен укладывался спать после тяжелого трудового дня.

У дверей ее встретил Торан, дожевывая бутерброд.

— Где это тебя носило? — спросил он с набитым ртом. Прожевав, добавил: — Я тут сам кое-что приготовил на скорую руку. Не сердись, если не очень вкусно.

Байта смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Тори! Почему ты не в форме? Почему в гражданском?

— Приказ, Бай. Ранду заперся у себя с Эблингом Мисом, и, откровенно говоря, я ничего не понимаю. Вот, садись ешь.

— Я тоже лечу? — спросила она, порывисто прижавшись к нему.

Поцеловав ее, он ответил:

— Наверное. Но это будет опасно.

— Где теперь не опасно?

— Тоже верно. Да, я уже послал за Магнифиго — наверное, он тоже полетит.

— То есть его концерт на заводе ядерных двигателей отменяется?

— Видимо, да.

Байта прошла в соседнюю комнату и села за стол. Ужин действительно был приготовлен на скорую руку. Она быстро располовинила толстенные бутерброды и задумчиво проговорила:

— Плохо, что концерт отменили. Девушки на заводе так ждали его. Да и Магнифиго тоже.

Она покачала головой.

— Странный он все-таки какой-то. Но очень милый.

— Байта, у тебя неудовлетворенный инстинкт материнства. Когда-нибудь у нас родится ребенок, и ты забудешь Магнифиго.

Байта, откусив кусок бутерброда, отшутилась:

— Для удовлетворения материнского инстинкта мне вполне хватает тебя.

Она отложила бутерброд и неожиданно стала серьезной.

— Тори!

— М-м-м?

— Я была сегодня в Бюро Промышленности. Потому и задержалась.

— Что ты там делала?

— Ну... — она немного растерялась. — Понимаешь, я почувствовала, что не могу больше на заводе. Девушки начинают лить слезы без всяких причин. Те, кто не болен, заболевают. Просто эпидемия! Непосредственно в моем отделе производство не составляет и четверти от того, что было, когда я туда пришла. И не бывает дня, чтобы все были на работе.

— Понятно... — протянул Торан. — Ну, а в Бюро Промышленности ты что делала?

— Задала кое-какие вопросы. Тори, такое творится везде, по всему Хейвену. Падает производство. Начальник Бюро только плечами пожимает, а ведь я у него в приемной целый час простояла, да и принял он меня только потому, что я — племянница координатора, и сказал что это не в его компетенции. Честно говоря, мне показалось, что ему нет до этого никакого дела.

— Бай, не уходи от главного.

— Ему просто нет дела! — распалялась Байта. — Говорю тебе, тут что-то не так! Тут что-то очень похоже на чувство прострации, которое охватило меня тогда, в Склепе Селдона. Ты же сам тогда что-то такое почувствовал!

— Да, почувствовал.

— Вот! А теперь опять! — продолжала она. — И все мы скоро будем бессильны перед Мулом. Будь у нас даже те материалы для работы, которых так не хватает сейчас, что-то случилось. Нет воли к победе, нет воодушевления, желания бороться... Тори, бороться бесполезно!

Торан не мог припомнить, чтобы Байта когда-нибудь при нем плакала. Сейчас она тоже не плакала. Торан ласково положил руку ей на плечо и прошептал:

— Давай не будем об этом, малышка. Я понимаю, о чем ты. Но нам нечего...

— Да, нам нечего делать! Все об этом говорят! А мы сидим и покорно ждем, пока нож гильотины опустится нам на шею!

Она принялась за бутерброд, отпила остывшего чая... Торан, стараясь ступить потише, пошел стелить постель. На улице было совсем темно.

Ранду, новоиспеченный координатор конфедерации городов Хейвена (этот пост был изобретен исключительно на время войны), поселился, по его личной просьбе, в верхней комнате, из окон которой он любил смотреть на зелень и крыши соседних домов. Любоваться ему пришлось недолго. В призрачном свете фонарей город казался нагромождением причудливых теней. Однако у Ранду не было времени задумываться о символике смены пейзажа.

Он обратился к Эблингу Мису, которого сейчас, казалось, интересовало только одно — наполненный рубиново-красным вином бокал, который он осторожно вертел в руках, глядя сквозь него на свет.

На Хейвене есть пословица, суть которой состоит в том, что, когда в городе гаснет свет, тот, кто славно потрудился, может славно отдохнуть.

— Да? И много вы спите в последнее время?

— Мало! Простите, что побеспокоил вас так поздно, Мис, но в последнее время я чувствую себя лучше ночью. Не странно ли? Мы на Хейвене привыкли к тому, что темнота означает сон и только сон. И я тоже привык. Но теперь все иначе.

— Вы не договариваете, Ранду, — мягко проговорил Мис. — Просто днем вас окружают люди. Они смотрят на вас с надеждой. Это мучает вас. Когда все спят, вам легче.

— Значит, вы тоже это чувствуете? Это всеобщее отчаяние?

Эблинг Мис задумчиво кивнул.

— Да. Это — массовый психоз. Паника, черт бы ее побрал, извиняюсь за выражение, всеобщая. Ранду, а вы чего, собственно, ждали? Ведь людям с пеленок прививается мысль о том, что существует великий герой прошлого, который все за них спланировал и придумал и позаботился обо всех мелочах их проклятущей, извиняюсь за выражение, жизни! В результате сформировался образ мышления, близкий к религиозному, а вы понимаете, что это значит.

— Не очень, если честно.

Мису явно не хотелось пускаться в пространные объяснения. Он этого не любил. Поэтому он недовольно буркнул под нос какую-то фразу, в которой Ранду разобрал только «извиняюсь за выражение», поглядел на кончик длинной сигары и сказал:

— Видите ли, такой тип мышления характеризуется типичными для фанатиков реакциями. Веру трудно поколебать, если только не произойдет что-нибудь вроде повального шока. В этом случае произойдет общее умопомрачение. Обычно мы имеем дело либо с мягкими проявлениями психических колебаний — истерией, болезненным страхом, либо с более тяжелыми — сумасшествием и самоубийствами.

Ранду покусывал ноготь на большом пальце.

— Если я правильно вас понял, это означает, что, если Селдон обманул нас, мы лишимся единственной точки опоры, а мы настолько крепко за нее держались до сих пор, что, как только она исчезнет, мы просто не сможем больше существовать. Образно говоря, как будто мышцы атрофировались.

– Именно так. Не очень удачная метафора, но близко по смыслу.

– Ну, а как себя чувствует ваша мускулатура, Эблинг?

Психолог глубоко затянулся сигарой и рассеянно уставился на облачко дыма.

– Ослабла, собака, но не атрофировалась. Просто моя профессия вынуждает сохранять некоторую независимость суждений.

– И вы знаете выход?

– Нет. Но он должен быть. Может быть, Селдон не предвидел появления Мула. Может быть, он не гарантировал нашей победы. Но, в таком случае, он не гарантировал и поражения! Он просто вышел из игры, и мы должны действовать сами. Мула можно победить.

– Как?

– Единственным способом, которым можно победить любого. Применив силу там, где противник слаб. Ну, посмотрите, Ранду, Мул – не сверхчеловек. Когда он будет окончательно разбит, все в этом убедятся воочию. Главное в том, что он непонятен, неизвестен, а неизвестность порождает легенды, а легенды быстро распространяются. Предполагают, что он мутант. Ну, и что из этого? «Мутант» для большинства невежд означает «сверхчеловек». Да ничего подобного!

Установлено, что в Галактике ежедневно появляется на свет несколько миллионов мутантов. Из этих миллионов все, за исключением одного-двух процентов, ничтожно малы, так что их можно разглядеть только под микроскопом или выявить путем химических анализов. Из одного-двух процентов макромутантов, то есть тех, что видны невооруженным глазом, все, опять-таки... за исключением одного-двух процентов – жалкие уродцы, которые годятся разве что для кунсткамер и лабораторий да вдобавок нежизнеспособны. Из крошечного числа макромутантов, мутация которых протекает успешно, почти все представляют собой безвредные артефакты, необычность которых заключается, как правило, в чем-то одном, а во всем остальном это нормальные, абсолютно нормальные существа. Некоторые свойства у них порой даже ниже нормы. Понимаете, Ранду?

– Да, понимаю. И как, по-вашему, обстоит дело в этом смысле с Мулом?

– Если предположить, что Мул – действительно мутант, мы должны допустить, что у него есть некое качество, вероятнее всего, связанное с особенностью деятельности мозга, которое позволяет ему овладевать мирами. В других отношениях у него обязательно должны быть какие-то недостатки, которые мы должны выявить. Недостатки должны быть, иначе он не был бы столь скрытен, не прятался бы столь упорно от посторонних глаз. Значит, эти недостатки очевидны и смертельны. Повторяю – если он мутант.

– Альтернативы есть?

– Могут быть. Сведения о мутации сообщил капитан Притчер из бывшей Разведки Академии. Он сделал свои выводы на основании туманных воспоминаний тех людей, которые заявили, что помнят Мула – или того, кто мог быть Мулом, в детстве. Притчер пользовался отрывочной информацией, и полученные им данные запросто могут быть из области специально распространяемых Мулом – его военным успехам в немалой степени способствовал шквал слухов о том, что он мутант-супермен.

– Это интересно. Долго вы над этим голову ломали?

– Вовсе не ломал, и не могу сказать, чтобы я сильно верил в это. Просто вариант, который нужно учесть и рассмотреть. Ну, например, Ранду, представьте, что Мулу удалось открыть некий тип излучения, способный угнетать умственную деятельность мозга, – нашел же он нечто способное угнетать ядерную реакцию? Что тогда, а? Можно этим объяснить, что поражает нас теперь – гибель Академии?

Ранду погрузился в тоскливо раздумье. Подумав, он спросил:

– А как успехи в обследовании шута Мула?

Тут настала очередь Эблинга Миса растеряться.

– Увы, пока безрезультатно. Да, я бравировал, хвастался перед мэром нездолго до нападения Мула на Академию – в основном из соображений поддержки его, извиняюсь, мужества, по частично и для того, чтобы не утратить собственное. Но понимаете, Ранду, если бы мои математические методы годились для этого, я бы уже давным-давно расщелкал и шута, и Мула в придачу. Тогда бы он у нас заплясал! Тогда бы мы точно установили причину

странных аномалий, которые не так давно просто поразили меня.

– То есть?

– А вы подумайте, старина. Мул с необычайной легкостью захватил Академию, разбил их Флот в пух и прах. Однако почему-то ему не удалось победить в сражениях с гораздо более слабыми силами Независимых Торговцев. Академия пала от первого удара. Независимые Торговцы держатся, противостоя всей мощи Мула. Впервые он применил депрессор ядерного поля против кораблей Независимых Торговцев при Мнемоне. Они были потрясены, растеряны, и именно из-за этого проиграли сражение, но депрессор-то они нейтрализовали! Получается, что ему так ни разу и не удалось применить это оружие против Флота Независимых Торговцев!

Зато против кораблей Академии это оружие действовало без промаха вновь и вновь. Оно подействовало и на саму Академию. Почему? С точки зрения наших теперешних знаний, это совершенно нелогично. Значит, есть какие-то факторы, о которых мы не догадываемся.

– Измена?

– Чепуха собачья. Маразм, извиняюсь за выражение. Во Флоте Академии не было человека, который не был бы на все сто уверен в победе. Какой дурак покинул бы сторону, которая должна была заведомо победить?

Ранду подошел к круглому окошку и уставился туда, где не было видно ни зги. Помолчав, он проговорил:

– Но сейчас нет никаких сомнений в том, что мы проиграем, даже если Мул был бы в тысячу раз слабее, даже если бы весь его флот был продырявлен насеквоздь!

Он продолжал говорить, не оборачиваясь, сгорбившись, нервно потирая сведенные за спиной руки.

– Нам удалось легко улизнуть после того, что произошло в Склепе, Эблинг. Может быть, удалось удрать и еще кому-нибудь. Мало кому, конечно. Большинству не удалось. Да, поле депрессора могло быть нейтрализовано. Для этого нужно было проявить чудеса изобретательности и максимум упорного труда. Все корабли Академии могли просто-напросто отступить к Хейвену или к любому другому миру и продолжать сражаться, как сражаемся мы. Но они этого не сделали. Нет! Они вместо этого перешли на сторону врага.

Подполье Академии, на которое вы рассчитывали, до сих пор никак себя не проявило. Мул оказался недурным дипломатом, пообещав сохранить капиталы и прибыль торговым тузам Академии, и они тоже быстренько перemetнулись на его сторону.

Эблинг Мис упрямо проговорил:

– Плутократы всегда были против нас.

– Но у них всегда была власть. Послушайте, Эблинг, по-моему, у нас есть достаточные основания, чтобы убедиться в том, что или сам Мул, или его оружие уже подействовали на некоторых людей не робкого десятка и из Независимых Торговых миров. Как минимум десять Торговых миров перешли на сторону Мула. Еще десять колеблются, как поступить. На Хейвене тоже хватает деятелей, которые не впадут в отчаяние, если нас захватит Мул. Видимо, существует непреодолимое искушение сдаться на милость любого победителя, лишь бы только он сохранил за собой экономическую власть.

– Значит, вы думаете, что Хейвен не сможет справиться с Мулом?

– Думаю, что Хейвен даже сражаться не будет.

Ранду отвернулся от окна. Взгляд его был переполнен страданием.

– Думаю, что Хейвен спит и видит, как бы поскорее капитулировать. Вот почему я хотел с вами поговорить. Я хочу, чтобы вы покинули Хейвен.

Эблинг Мис удивленно надул щеки.

– Вот те раз! Так скоро?

Ранду чувствовал себя бесконечно усталым.

– Эблинг, вы – величайший психолог Галактики. Настоящие корифеи-психоисторики ушли вместе с Селдоном, но вы – самый лучший, кто у нас остался. Вы – наша единственная надежда на победу над Мулом. Здесь вы нам уже ничем не поможете. Вам нужно лететь туда, где еще осталось кое-что от Империи.

– На Трентор?

– Верно. Только там еще могло что-то сохраниться. Там есть записи, Эблинг! Вы сможете

углубиться в их изучение и узнать больше о математическом обеспечении психоистории. Может быть, этого хватило бы для более досконального обследования паяца. Он, естественно, отправится с вами.

Мис сухо отозвался:

— Сильно сомневаюсь, что он выразит горячее желание. Он, конечно, панически боится Мула, но если ваша племянница не отправится с нами...

— Понимаю. Торан и Байта летят с вами по этой самой причине. Но, Эблинг, есть и другая причина, более важная. Триста лет назад Гэри Селдон основал две Академии. Вторая должна находиться на другом краю Галактической Спирали. Вы должны найти эту Академию.

Глава двадцатая Конспиратор

Дворец мэра — вернее — здание, некогда бывшее дворцом мэра, в темноте выглядело зловеще. Город, поверженный захватчиками, спал тревожным сном. Одинокие звезды холодно мерцали в черноте небес над Терминусом...

За три столетия Академия выросла из крошечного поселения ученых в грандиозную торговую Империю, распространившую свое влияние по всей Галактике, и всего за полгода была низвергнута с высот Вселенского владычества, став всего-навсего одной из захваченных провинций...

Капитан Притчер до сих пор не мог с этим смириться.

Как бы ни был символичен угрюмый вид занятого захватчиками дворца мэра, разум капитана отказывался принять это как данность. Он бесшумной тенью скользнул за ограду, держа за щекой крошечную ядерную капсулу.

Низкая темная арка возникла перед ним. Капитан нагнулся. Прошептал, ободряя себя:

— Система сигнализации — как по схеме, капитан. Все в порядке. Она не сработает.

Капитан нырнул в арку и пошел дальше по дорожке, вдоль которой тянулась цепочка затейливых фонтанов — по любимому саду Индбура...

Четыре месяца назад, всего четыре месяца назад он был в Склепе. События того дня до сих пор он помнил так ясно, как будто это было вчера. Воспоминания приходили к нему по ночам, он пытался прогнать их, а они приходили и приходили снова.

Как наяву, он видел старика Селдона, слышал его добрый усталый голос, произносивший слова, которые были безнадежно ошибочны... В памяти возникало мертвенно-бледное лицо Индбура, падающего навзничь, — белое пятно на фоне яркого парадного костюма, быстро собравшаяся перепуганная толпа, отрешенно ожидающая единственного рокового слова «Капитуляция»... фигура молодого человека по имени Торан, исчезающего в дверном проеме с паяцем Мула на спине... Он видел и самого себя, неведомо как выбравшегося наружу и пытающегося завести безнадежно замолкший автомобиль... Он видел, как он пробирается сквозь толпу, бросившуюся бежать из города — неизвестно куда... Он видел себя, в отчаянии мечущегося по конспиративным квартирам, в которых когда-то были связные пункты подполья, функционировавшие в глубочайшей тайне уже восемьдесят лет.

Все квартиры были пусты...

На следующее утро в небе висели зловеще-черные корабли врагов, приземляющиеся где-то позади густонаселенных районов города. Капитан Хэн Притчер чувствовал, как им овладевает отчаяние и беспомощность.

Он честно продолжал поиски.

За тридцать дней он пешком одолел почти две сотни миль, переоделся в костюм работника гидропонных теплиц, чей труп нашел у обочины, отрастил густую разбойничью бороду.

В конце концов он нашел то, что осталось от подполья.

Городок назывался Ньютон. Притчер отыскал район, некогда самый элегантный и фешенебельный. Теперь здесь вес больше воцарялись запустение и разруха. Отыскал он и дом одного рядового подпольщика и застал хозяина дома. Мужчина небольшого роста стоял на пороге, засунув грубые узловатые руки в карманы, и исподлобья глядел на Притчера.

Капитан пробормотал:

– Я от Мирана.

Человек ответил отзывом:

– Рановато в этом году.

Капитан продолжил пароль:

– Не раньше, чем в прошлом.

Однако человек не сошел с места и не предложил ему войти. Он спросил:

– Кто вы такой?

– А вы разве не Лис?

– Вы всегда отвечаете вопросом на вопрос?

Капитан глубоко вздохнул и спокойно ответил:

– Меня зовут Хэн Притчер, я капитан Флота и член подпольной Демократической Партии.

Вы позовите мне войти?

Лис отступил в сторону.

– Мое настоящее имя – Орум Пэлли, – сообщил он.

Он протянул руку. Капитан пожал ее.

В комнате был порядок. Не шикарно, но порядок и чистота. В одном углу стоял украшенный орнаментом книгопроектор, который на опытный взгляд разведчика Притчера мог запросто оказаться замаскированным бластером соответствующего размера. Объектив проектора был нацелен на дверь, и судя по всему, им можно было управлять на расстоянии.

Лис поймал взгляд гостя и хитро усмехнулся.

– Все точно, – подтвердил он. – Было рассчитано на черный день – для Индбура и его треклятых кровососов. А против Мула – детская игрушка, ага? Тут уж ничего не поможет. Есть хотите?

У капитана засосало под ложечкой, к горлу подкатил комок, Он кивнул.

– Подождите минутку, если у вас есть время.

Лис достал из буфета две консервные банки и поставил на стол перед капитаном.

– Вот тут нажмите и подержите, пока нагреется. Регулятор температуры вышел из строя.

Такие вот мелочи и напоминают, что идет война – или шла, правда?

Содержание фразы вроде бы было шутливым, но в интонации этого не чувствовалось, да и глаза хозяина были холодны и задумчивы. Он уселся напротив капитана и объявил:

– Я от вас мокрого места не оставлю, если вы мне не понравитесь. Ясно?

Капитан промолчал. Контейнеры раскрылись. Лис кратко прокомментировал:

– Там рагу. Прошу извинить, но с едой – напряженка.

– Знаю, – ответил капитан и набросился на еду.

Ел он быстро, не поднимая головы.

Лис сощурился, склонив голову набок, и проговорил:

– А я вас видел как-то раз. Пытаюсь вспомнить где и когда, но борода сбивает.

– А я тридцать дней не брился, – пробурчал капитан. Прожевав, он сердито нахмурился. – Послушайте чего вам надо? Я правильно сказал пароль. Хотите, удостоверение покажу?

Лис небрежно махнул рукой.

– Да нет, я верю, что вы – Притчер. Просто всякие тут ходят – пароль знают и удостоверения показывают – только они уже с Мулом сотрудничают. Так-то. Про Леввоу слыхали?

– Да.

– С Мулом.

– Что?! Он...

– Да. Тот самый, кого звали «Не сдаваться».

Губы Лиса разъехались в невеселой улыбке.

– А еще Виллинг. Тоже с Мулом. Гарре и Нот – тоже с Мулом. Почему и не Притчер? А? Откуда мне знать?

Капитан печально покачал головой.

– Да в общем, мне все равно, – покачиваясь на стуле, сказал Лис. – Они наверняка знают мое имя. Если Нот проговорился. Так что, если вы зарегистрировались, наше знакомство для

vas опаснее будет, чем для меня.

Капитан покончил с едой. Откинулся на спинку стула.

— Если и ваша организация не существует, где же еще искать? Академия сдалась, но я не сдался!

— Да ну? Ну, так вы можете долго искать. Только вам не дадут вот так разгуливать долго. Теперь гражданам Академии требуются специальные разрешения для перемещения из города в город. Вы не знали об этом? И специальные пропуска. У вас есть такой? Кроме того, всем бывшим офицерам положено зарегистрироваться в комендатуре по месту жительства. Сделали вы это? А? По-моему, это как раз для вас.

— Нет у меня ничего этого, — тяжело проговорил капитан. — Только не думайте, что я боюсь. Я был на Калгане вскоре после того, как они сдались Мулу. Через месяц все бывшие офицеры диктатора были пущены в расход, поскольку представляли опасность как потенциальные организаторы мятежа. В подполье всегда понимали, что никакая революция не будет успешной, если в ней не примет участия хотя бы часть Флота. Не сомневаюсь — Мул знает об этом не хуже нас с вами.

Лис задумчиво кивнул.

— Довольно логично. Мул — не дурак.

— Я избавился от формы, как только смог. Отрастил бороду. Потом может выясниться, что не один я так сделал.

— Вы женаты?

— Жена умерла. Детей у нас не было.

— В заложники, стало быть, взять некого?

— Некого.

— Совет хотите?

— Не откажусь.

— Я понятия не имею, какую политику проводит Мул и чего он добивается. Знаю одно: до сих пор никто из профессионалов высокого класса не пострадал. Им даже ставки повысили. Производство всех видов ядерного оружия нарастает.

— Да? Значит, идет эскалация войны?

— Не знаю. Мул — сукин сын, так что очень даже может быть, что он просто хочет подчинить себе всех трудоспособных. Чтобы работали на него. Если уж Селдон не смог рассчитать его появления с помощью всей своей заумной психоистории, мне и рыпаться нечего. Вы вырядились в рабочий костюм. А ведь на этом можно сыграть!

— Не могу сказать, чтобы я был опытным рабочим.

— Но вы же специализировались по ядерным двигателям?

— Точно.

— Этого достаточно. Здесь, в нашем городке, расположены заводы компании по производству носителей ядерного поля. Скажите им, что у вас есть опыт работы. Заводами продолжают управлять те же слонята, что и при Индбуре. Только теперь работают на Мула. Они не будут вас особо долго допытывать, им до зарезу нужны рабочие руки. Этим — хоть трава не расти! Продолжают сколачивать миллионы. Они выдадут вам удостоверение, имея которое вы сможете подыскать себе жилье. Не мешайте!

Вот как получилось, что капитан Притчер, офицер Национального Флота, профессиональный разведчик, стал инженером по фамилии Ло Моро в сорок пятом цехе крупного военного завода. Итак, из агента разведки он превратился в конспиратора, что и привело его несколько месяцев спустя ночью ко дворцу мэра, в любимый садик Индбура.

В саду капитан Притчер взглянул на табло радиометра, пристегнутого на запястье. Внутренняя сигнализация пока еще действовала. Он немного подождал. До момента взрыва крошечного ядерного устройства, лежавшего у него за щекой, оставалось полчаса. Он пошевелил капсулу языком.

Табло радиометра погасло, и капитан быстро зашагал вперед.

Пока все шло как по маслу.

Он совершенно отчетливо ощущал, что его жизнь соединилась с жизнью маленькой бомбы, что ее смерть — это и его смерть, но и смерть Мула тоже.

И тогда наконец будет окончен четырехмесячный кошмар той войны, которую он сам вел, работая на Ньютонском заводе.

Два месяца капитан Притчер носил свинцовый фартук и тяжелый противорадиационный шлем, и с виду никак нельзя было догадаться, что он – бывший офицер. Он был работягой, получавшим честно заработанные деньги, вечера проводил в городе, в политические дискуссии не вступал.

Все эти два месяца он ни разу не видел Лиса.

И вот однажды мимо его рабочего места прошел человек.

Незаметно в карман капитана скользнула записка. В ней было только одно слово: «Лис». Он тут же бросил ее в урну-дезинтегратор, где она вспыхнула и моментально испарилась, И вернулся к работе.

В тот же вечер он был у Лиса и играл в карты с ним и еще двумя мужчинами, одного из которых знал понастышке, а второго – в лицо и по имени.

Во время игры они тихо переговаривались.

Капитан сказал:

– Это глобальная ошибка. Вы живете в прошлом. Восьмидесят лет наша организация ожидала удобного исторического момента. Мы были ослеплены психоисторией Селдона, одним из основополагающих принципов которой является то, что деятельность отдельных людей ничего не значит, что личности погоды в истории не делают, что сложные социальные и экономические процессы доминируют над действиями индивидуума, делают его игрушкой в руках истории.

Он аккуратно разложил карты, прикинул варианты и, объявив игру, спросил:

– Почему бы не убить Мула?

– И что из этого выйдет? – сердито поинтересовался мужчина, сидевший слева от него.

– Вот видите, – усмехнулся капитан, сбрасывая две карты, – вот оно, ваше отношение к делу, во всей красе. «Что может значить один человек – один из квадриллионов людей? Галактика не перестанет вращаться, если один человек умрет!» Но Мул – не человек, он мутант! Он уже расстроил План Селдона! Если вы перестанете цепляться к мелочам, вы поймете, что это значит: один – один человек, один мутант – разрушил всю психоисторию Селдона! Если бы он не появился на свет, Академия бы не пала. Если он умрет, она не останется побежденной.

Ну, послушайте, боролись же демократы с мэрами и воротилами бизнеса восемьдесят лет тайно. Почему бы не попробовать открытый террор?

– Каким же это образом? – поинтересовался Лис холодно, со всегдашним оттенком здравомыслия.

Капитан медленно проговорил:

– Целых три месяца я над этим голову ломал, и все без толку. А здесь решение созрело у меня за пять минут.

Он быстро взглянул на мужчину, чье широкое, похожее на спелую дыню лицо улыбалось ему справа.

– Вы когда-то были камердинером Индбура, не так ли? А я и не догадывался, что вы – подпольщик.

– Признаться, я о вас тоже не догадывался.

– Ясно. Скажите, в ваши обязанности входила проверка работы системы сигнализации?

– Да, входила.

– Так... Теперь, как вы знаете, во дворце мэра расположился Мул.

– Так было объявлено, – уточнил бывший камердинер, – но вот ведь что странно – он же покоритель, завоеватель, а скромный такой – никаких тебе речей по телевизору, заявлений – просто вообще на людях не показывается.

– Ну, это старая история, и вообще к делу не относится. Вы – уважаемый камердинер, все, что нам нужно.

Игроки раскрыли карты, и Лис собрал ставки. Медленно перетасовав карты, он сдал их снова.

Бывший камердинер Индбура старательно, по одной, брал со стола карты и раскладывал

по мастям.

– Вы уж извините, капитан. Я действительно проверял исправность сигнализации, но чисто эмпирически, так сказать. Как она действует, мне неизвестно.

– Я и не ждал другого. Тем не менее у вас в памяти должно было запечатлеться расположение кнопок. Сами вы схему не вспомните, по может помочь психотест.

Румяные щеки камердинера моментально побледнели как мел. Карты в руке разъехались.

– Психотест?

– Да не бойтесь вы! – резко сказал капитан. – Я знаю, как это делается. Никакого вреда, уверяю вас, просто несколько дней будете ощущать небольшую слабость. Если все получится, вы нам здорово поможете, и, естественно, за причиненное неудобство вам будет заплачено. Среди наших найдутся люди, которые по расположению кнопок сумеют определить всю схему сигнализации. Найдутся и такие, кто сможет смастерить маленькую атомную бомбу с часовым механизмом, и я сам отнесу Мулу этот подарочек.

Игроки склонились над столом. Капитан прошептал:

– В назначенный вечер в Терминусе у дворца мэра начнется потасовка. Не настоящая драка. Просто что-то вроде нарушения общественного порядка. Я этим воспользуюсь и проскользну за ворота, пока охранники будут заняты... или, по крайней мере, отвлекутся.

Начиная с этого дня целый месяц шли интенсивные приготовления, и капитан Притчер, офицер Национального Флота, профессиональный разведчик, волею судеб ставший конспиратором, опустился еще ниже по социальной лестнице и стал террористом.

Капитан Притчер, ныне террорист, находился уже внутри дворца и был собой весьма доволен. Как они и предполагали, тщательно продуманная схема внешней сигнализации означала, что внутри дворца охранников немногого. Судя по всему, внутри дворца их не было совсем.

План помещений дворца был у Притчера в голове. Он скользил по коврам бесшумной тенью, мягко ступая по пушистым комнатам. В конце длинного коридора он прижался к стене и замер.

Перед ним была небольшая закрытая дверь – она вела в личные покои. За дверью должен был находиться он, ненавистный мутант, победитель непобедимых. У капитана еще было время – до взрыва оставалось десять минут.

Прошло пять минут. Все было тихо. Мулу оставалось жить ровно пять минут – столько же, сколько и капитану Притчеру.

Он рывком шагнул вперед. Теперь его план просто не мог провалиться. Когда взорвется бомба, вместе с ним взлетит на воздух весь дворец. Дверь, отделявшая его от цели, не имела никакого значения. Каких-то десять ярдов. Но ему хотелось увидеть того, с кем вместе ему было суждено погибнуть.

Он рванул дверь и застыл на пороге. В глаза ему ударили сноп ослепительно яркого света. Капитан на мгновение растерялся, но быстро взял себя в руки.

Посреди большой, роскошно убранной комнаты, перед подвешенным на цепях аквариумом стоял высокий стройный мужчина в строгой черной форме.

Он небрежно качнул аквариум, и яркие рыбки с вуалевыми плавниками испуганно заметались туда-сюда.

– Входите, капитан! – сказал он как ни в чем не бывало.

На язык капитана давила проклятая капсула. Ответить он физически не мог. Наступила последняя минута в его жизни.

Человек в черной форме улыбнулся.

– Вы бы лучше выплюнули эту дурацкую пиллюльку, капитан, хоть поговорить можно будет. Она не взорвется.

Минута миновала. Капитан беспомощно поднес ко рту руку, вынул капсулу и яростно швырнул ее в стену. Она с легким стуком отскочила от стены и упала на ковер. Ничего не произошло.

Человек в черной форме пожал плечами.

– Вот и все. Все равно ничего бы у вас не вышло, капитан. Я – не Мул. Вам придется удовлетвориться встречей с его вице-королем.

— Как вы узнали? — онемевшими губами выговорил капитан.

— Можете свалить все на безупречно работающую сеть шпионажа. Я могу назвать поименно всех членов вашей шайки, перечислить по пунктам все вант планы.

— И... до сих пор вы ничего не предпринимали?

— А зачем? Одной из моих основных задач было отыскать вас и ваших помощников. Но главное — вас. Я мог бы арестовать вас еще пару месяцев назад, когда вы трудились на Ньютонском заводе, но такой вариант, как сегодня, меня больше устраивал. Если бы вы сами не додумались до такого восхитительного плана, нашлись бы люди, которые бы вам его подсказали. Результат, как видите, весьма трагичный, но с элементом комедии.

Плечи капитана опустились. Он с горечью проговорил:

— Похоже на то. Все кончено?

— Да что вы? Все только начинается! Проходите, капитан, садитесь. Давайте оставим героизм и патриотизм идиотам, на которых это производит впечатление. Капитан, вы же неглупый человек! Судя по той информации, которой я располагаю, вы первый в Академии догадались о могуществе Мула. И с тех пор вы проявляли исключительный интерес ко всему, что было связано с его ранним детством. Вы были среди тех, кто организовал похищение его шута, который, кстати говоря, до сих пор не найден, и за поимку его полагается большое вознаграждение. Естественно, ваши способности привлекли к себе внимание, а Мул — не из тех, кого пугают способности врагов. Он просто справедливо полагает, что может превратить их в своих друзей.

— Вот вы куда клоните! Ну нет!

— О да! Это и было целью сегодняшнего ночного фарса! Вы неглупый человек, повторяю, но ваша изощренная конспирация в отношении Мула просто смехотворна. Ее и конспирацией-то можно назвать с большой натяжкой. Вы же учились в Военной Академии. Разве вас там учили терять корабли в безнадежных ситуациях?

— Надо еще убедиться в том, что ситуация безнадежна.

— Убедитесь, — заверил его вице-король. — Мул захватил Академию. Она быстро и неотвратимо превращается в арсенал для осуществления его глобальных замыслов.

— Каких глобальных замыслов?

— Покорения всей Галактики. Воссоединения разрозненных миров в новую Империю. Выполнения, тупоголовый вы патриот, вашего же собственного, благословленного Селдоном плана, его мечты на семьсот лет раньше, чем он хотел. И в этом вы можете нам помочь.

— Несомненно, могу. Но, несомненно, не буду.

— Понятно, — кивнул вице-король. — Кстати, вы в курсе, что только три из Независимых Торговых миров еще продолжают сопротивляться? Но долго они не продержатся. Это последнее, что осталось от Академии. Ну, что, и это вас не убедило? Отказываетесь?

— Да.

— Не сможете отказаться. Конечно, нас больше бы устроило добровольное согласие. Но есть и другие методы. К сожалению, Мула сейчас нет. Он во главе Флота ведет сражение против Независимых Торговцев. Но он поддерживает с нами постоянную связь. Вам не придется долго ждать.

— Чего ждать?

— Того момента, когда вам придется изменить свое решение.

— Мулу, — твердо ответил капитан, — это не удастся!

— Удастся, удастся. Со мной же удалось. Вы не узнаете меня, капитан? Ну, вспомните, вы же бывали в Калгане и не раз меня видели. Я носил монокль, красную мантию, отделанную мехом горностая, клобук...

Капитан застыл в изумлении.

— Вы... были... диктатором Калгана!

— Вот именно. А теперь я верный Мулу вице-король. Как видите, он упрям.

Из блокады они вырвались легко. В колоссальных просторах Галактики, соберись вместе хоть весь ее флот, все равно невозможно уследить за всеми участками пространства. Один корабль, ведомый опытным пилотом, плюс небольшая порция удачи – а дырочка всегда найдется.

Холодно, спокойно Торан вел корабль от звезды к звезде. Наличие больших звездных скоплений в непосредственной близости не давало возможности совершать продолжительные прыжки через гиперпространство, однако именно это обстоятельство затрудняло и слежку за ними противника.

После того как им удалось вырваться из внутреннего кольца блокады, где субэфирное пространство было заблокировано настолько, что прием и передача информации были просто невозможны, они вздохнули свободнее. Впервые за три месяца Торан не чувствовал себя в изоляции.

Прошла неделя. Все это время в блоках новостей, передаваемых противником, не было ничего, кроме утомительных самодовольных перечислений деталей захвата Академии. Всю эту неделю маленький, до зубов вооруженный торговый корабль Торана гигантскими Прыжками удалялся от Периферии.

В отсек управления позвонил Эблинг Мис. Торан оторвал воспаленные глаза от карты. Мис просил зайти.

– Что случилось? – спросил Торан, входя в маленький центральный отсек, который Байта, по своему обыкновению, превратила в уютную гостиную.

Мис покачал головой.

– Будь я проклят, если знаю. Дикторы Мула передают специальный информационный выпуск. Я подумал, может быть, тебе интересно будет послушать.

– Наверное. А Байта где?

– Накрывает стол к обеду. Что-то экзотическое готовит – если бы я что-то в этом понимал. Торан присел на краешек кушетки – постели Магнифиго.

Пропагандистская рутина «специальных информационных выпусков» телевидения Мула была назойливо одинаковой. Сначала военные марши, потом масленый голосок диктора. Второстепенные новости следовали одна за другой. Пауза. Потом – фанфары, звук которых был призван пробудить у слушателей воодушевление и восторг.

Торан терпеливо ждал. Мис что-то бормотал себе под нос.

Блок новостей продолжался в обычной для военного времени манере – дубовые фразы, стандартные словечки, за которыми слышался скрежет плавящегося металла и вспышки взрывов космических сражений.

«Эскадроны скоростных крейсеров под командованием лейтенанта Сэмми на вернулись на базу после тяжелого боя при Иссе...»

Лицо диктора, изо всех сил старавшегося сохранять непроницаемое выражение, сменилось на экране чернотой пространства, рассекаемого летящими на полной скорости кораблями, устремившимися к полю боя. Голос диктора продолжал звучать на фоне приглушенного грохота двигателей.

«Самым величественным моментом сражения была схватка тяжелого крейсера «Созвездие» с тремя вражескими кораблями».

На экране пошел крупный план. Огромный корабль озарила яркая вспышка ядерного удара. Он весь осветился багровым сиянием, был отброшен назад, завертелся и стал падать. «Созвездие» произвел еще один залп по поверженному врагу.

Диктор бесстрастно комментировал ход схватки.

Потом – пауза, а потом – тот же бесстрастный голос и похожая картина сражения при Мнемоне с единственным отличием от предыдущего репортажа – занудным перечислением подробностей высадки десанта. Потом – картина разбомбленного города, лица измощденных, измученных пленников.

Мнемону оставалось недолго жить.

Снова пауза, вслед за которой раздались режущие уши звуки военного духового оркестра. На экране возник длинный строй солдат, вдоль которого быстро шел представитель правительства в форме канцлера.

Гробовое молчание действовало угнетающе. Наконец зазвучал голос диктора – торжественно и четко:

«По приказу нашего монарха объявлено, что планета Хейвен, до сих пор оказывавшая военное сопротивление, признала свою полную и окончательную капитуляцию. В настоящее время вооруженные силы нашего монарха оккупируют планету. Оппозиция была малочисленна, плохо организована и быстро повержена».

На экране снова возникла физиономия диктора, который важно объявил, что как только поступят новые сообщения государственной важности, они тут же будут переданы.

Началась передача танцевальной музыки. Мис выключил гипервизор.

Торан встал и, пошатываясь, вышел из отсека, не сказав ни слова. Психолог не пытался его остановить.

Когда на пороге кухни показалась Байта, психолог тихо проговорил:

– Они захватили Хейвен.

– Уже? – онемевшими губами выговорила Байта. Глаза ее округлились. Видно было, что ей отчаянно не хочется верить.

– Без боя. Без боя!..

Он замолчал и слегким слюнушком.

– К Торану лучше пока не ходи. Пусть побудет один. Давай сегодня пообедаем без него.

Байта бросила взгляд в сторону двери отсека управления, тяжело вздохнула и проговорила:

– Хорошо...

Магнифико сел за стол. На него никто не обращал внимания. Он молчал, не прикасался к еде, только сидел, уставившись в одну точку с выражением полнейшего отчаяния.

Эблинг Мис поковырял ложкой десерт из замороженных фруктов и хрипло проговорил:

– Два Торговых мира еще дерутся. Дерутся, истекая кровью. Погибают, но не сдаются. Только на Хейвене все – как в Академии.

– Но почему? Почему?

Психолог покачал головой.

– Это все из одной области. Каждое звено укладывается в схему того, что собой представляет Мул. Первый вопрос – как ему удалось захватить Академию малой кровью, фактически – с первого удара, в то время как Независимые Торговцы продолжали держаться? Это его хитрое оружие – депрессор ядерного поля – мы просто языки и мозги сломали, когда думали об этом, – оно же не сработало ни на ком, кроме Академии!

– Ранду предположил, – добавил Эблинг Мис, сдвинув щетинистые брови, – что было кое-что еще, нечто вроде «депрессора воли». Вот что могло сработать на Хейвене! Но почему тогда эта штука не была применена в Мнемоне и Иссе, которые даже сейчас дерутся с такой дьявольской страстью, что Мулу потребовалось добавить половину Флота Академии к своим войскам? Клянусь, когда передавали новости, я узнал корабли Академии среди атакующих!

Байта прошептала:

– Сначала Академия, потом Хейвен... Несчастья будто преследуют нас по пятам, а нас не трогают. Мы всегда ухитряемся ускользнуть, будучи на волосок от гибели. Сколько же это будет продолжаться?

Эблинг Мис не слушал ее, Он, казалось, говорил сам с собой:

– Но есть еще один вопрос, Байта, помнишь, как-то в новостях болтали, что, дескать, паяц Мула не был найден на Терминусе, что он удрал в Хейвен или туда его умыкнули те, кто, собственно, похитил в самом начале? С ним связано нечто важное, Байта, и все время остается важным, а мы никак не можем этого понять. Магнифико должен знать что-то такое, что смертельно для Мула. Я в этом уверен.

Магнифико, бледный как полотно, заикаясь, запротестовал:

– С-эр, б-благородный г-господин, к-клянусь, что я не в силах в-выполнить ваше ж-желание! Я вам все, все рассказал, а с помощью вашего теста вы в-вытащили из меня все, что я знал, но не знал, что з-знаю...

– Знаю. Знаю! Нет, это что-то совсем незначительное, какая-то пустяковая мелочь! Такая мелочь, что ни ты, ни я не обратили на нее внимания и не понимаем, для чего она и с чем ее

едят! Но я должен ее найти, эту мелочь – потому что скоро и Мнемон, и Исс сдадутся! А когда они сдадутся, только мы и останемся – последние капельки независимой Академии!

Ближе к Центру Галактики звезды стали встречаться все чаще. Их притяжение все больше мешало осуществлению межзвездных прыжков. Торан понял это, когда после очередного прыжка их корабль оказался в непосредственной близости от красного гиганта. Вырваться из объятий его притяжения удалось только после двенадцати бессонных, напряженных, изматывающих часов.

Карт у него было явно недостаточно, опыта – тоже, как в навигации, так и в математических расчетах. Поэтому после каждого очередного прыжка Торан проводил дни и ночи напролет, вычерчивая курс корабля.

В конце концов эта работа стала коллективной. Эблинг Мис проверял математические расчеты Торана, а Байта проводила сверку маршрута различными обобщенными методами, и вместе они принимали окончательное решение. Даже Магнифико не остался без дела – его засадили за компьютер для проведения самых элементарных операций. Ему это, как ни странно, пришлоось очень по вкусу. Он оказался на удивление способным и продуктивным помощником.

К концу первого месяца путешествия Байте удалось довести тонкую красную ниточку маршрута на трехмерной модели Галактики примерно до половины намеченного пути. Склонив голову набок, она саркастически заметила:

– Знаете, что это мне напоминает? Мертвого дождевого червяка, страдающего хроническим несварением. В конце концов, Тори, ты приведешь нас обратно в Хейвен.

– Так оно и будет, – буркнул Торан, угрожающе зашелестев картой, – если ты не замолчишь!

– А ведь наверняка, – продолжала Байта, – есть Прямой путь, ровненький, как меридиан.

– Да? Во-первых, моя дорогая, чтобы проложить такой маршрут, потребовалось бы угробить пятьсот кораблей, которые бы прокладывали его лет пятьсот, и на моих вшивых картах за полкредитки он не указан. Кстати, может быть, именно прямых путей нам и следует избегать. Не исключено, что там-то и кишат корабли противника. И потом…

– Ох, ради бога, Тори, я сейчас сгорю в пламени твоего праведного гнева!

Она ласково погладила его по голове и запустила пальцы в его непокорную шевелюру.

– М-м-м… – простонал он. – Ну, держись!

Схватил Байту за обе руки, потянул, и через мгновение все оказались на полу – Торан, Байта и стул в придачу – настоящая «куча мала»! Стул быстро освободился, а молодые супруги продолжали упорную схватку, сопровождавшуюся сдавленным хохотом и нанесением друг другу «сокрушительных» ударов.

Торан неохотно отпустил Байту, когда в отсек управления вошел Магнифико.

– В чем дело?

Физиономия паяца выражала крайнюю степень обескураженности. Кожа на переносице побелела, лицо покрылось мелкими морщинками.

– Приборы ведут себя так странно, сэр! Я там ничего не трогал, поскольку мое невежество…

В две секунды Торан оказался у пульта управления. Глянув на приборы, он холодно сказал Магнифику:

– Разбуди Эблинга Миса. Попроси его спуститься сюда.

Вошла Байта, поправляя растрепанные волосы. Торан сказал:

– Нас выследили, Бай.

– Выследили? – прошептала Байта, уронив руки. – Кто?

– Бог знает, – пробормотал Торан. – Только мы под прицелом бластеров.

Он сел за пульт и металлическим голосом сообщил по субэфирной связи идентификационный код корабля.

Когда в отсек управления вошел заспанный, В помятой пижаме Эблинг Мис, Торан сообщил с безнадежным спокойствием:

– Похоже, мы пересекли внутреннюю границу некоего королевства под названием «Филианская Автархия».

– Сроду о такой не слыхал, – буркнул Эблинг Мис.

— Я тоже, — ответил Торан, — но, как бы то ни было, остановил нас филианский корабль, и что теперь будет, можно только гадать.

Капитан-инспектор с филианского корабля ступил на борт в сопровождении шестерых вооруженных солдат. Он был маленького роста, с жидкими волосами, тонкогубый. Сильно закашлялся и раскрыл блокнот на чистой странице.

— Ваши паспорта и документацию на корабль, пожалуйста.

— У нас ничего этого нет, — ответил Торан.

— Ничего нет, говорите?

Он вытащил из нагрудного кармана микрофон и быстро проговорил в него:

— Трое мужчин и одна женщина. Документы не в порядке.

Сделал соответствующую пометку в блокноте и спросил:

— Откуда следуете?

— Из Сивенны, — без запинки ответил Торан.

— Где это?

— Тридцать тысяч парсеков отсюда, на восемьдесят градусов западнее Трентора, на сорок градусов...

— Ладно, ладно... — махнул рукой инспектор.

Торан, заглянув ему через плечо, увидел, как он пишет: «Откуда прибыли: Периферия».

Филианец продолжал:

Куда направляйтесь?

— В тренторский сектор.

— С какой целью?

— Туристическое путешествие.

— Груз имеете?

— Нет.

— Гм-м... Ну, это мы проверим.

Он кивнул своим людям, и двое из них быстро принялись за дело. Торан не протестовал.

— Как вы попали на филианскую территорию?

— Мы не знали, где находимся. У меня карты очень неточные.

— Вам придется заплатить сто кредиток за ваше легкомыслие, а кроме того таможенную пошлину и тому подобное.

Он снова поднес к губам микрофон, но на этот раз больше слушал, чем **говорил**. Обернувшись к Торану, спросил:

— Разбираетесь в ядерной технике?

— Немного, — осторожно ответил Торан.

— Значит, разбираетесь, — сказал филианец и, закрыв блокнот, добавил: — У людей с Периферией неплохая репутация в этом отношении. Наденьте скафандр и следуйте за мной.

Байта шагнула вперед:

— Что вы собираетесь с ним сделать?

Торан мягко отстранил ее и холодно поинтересовался:

— Куда вы меня поведете?

— Наш атомный двигатель нуждается в небольшом ремонте. Этот пойдет с вами.

Он ткнул указательным пальцем в Магнифика, карие глаза которого округлились от страха.

— Ему-то что там делать?

Инспектор нехотя пояснил:

— У нас есть сведения о росте пиратской деятельности в окрестностях. Описание одного из бандитов передано средствами массовой информации. Просто нужно кое-что уточнить.

Торан колебался, однако шестеро крепких мужчин и шесть бластеров наготове — серьезный аргумент. Он подошел к шкафу, чтобы достать скафандры.

Час спустя он закончил осмотр двигателя в энергетическом отсеке филианского корабля и заявил:

— Двигатель в порядке. Я не вижу никаких поломок. Все показывает «В порядке», L-трубы работают нормально, анализ хода реакции осуществляется как положено. Кто здесь

главный?

Главный инженер спокойно ответил:

— Я.

— Ну, так выведите меня отсюда.

Его проводили на офицерскую палубу.

В крошечной приемной сидел только безразлично-равнодушный младший лейтенант.

— Где человек, которого привели вместе со мной?

— Подождите, пожалуйста, — вежливо ответил лейтенант.

Через пятнадцать минут ввели Магнифика.

— Что они делали с тобой? — быстро спросил Торан.

— Ничего. Совсем ничего. — Голова Магнифика медленно качнулась из стороны в сторону.

Было уплачено двести пятьдесят кредиток, из них пятьдесят — за то, чтобы их поскорее отпустили, и они снова оказались на свободе.

Байта с вымученным юмором проговорила:

— Что-то не видно почетного эскорта. Но с другой стороны, пинка на прощание тоже не дали.

Торан с горечью в голосе ответил:

— Никакой это не филианский корабль. И далеко мы не улетим. Идите все ко мне.

Все собрались вокруг Торана. Он обреченно сообщил:

— Это был корабль Академии, а на нем были люди Мула.

Эблинг наклонился, чтобы поднять оброненную сигару.

— Здесь? — прохрипел он. — Да мы в пятнадцати тысячах парсеков от Академии!

— Тем не менее. Что мешало им проделать тот же путь? Господи, Эблинг, вы что же думаете, я корабли друг от друга отличить не в состоянии? Я видел двигатели, и мне этого хватило. Говорю вам: двигатели собраны в Академии, а корабль — оттуда.

— Но как они сюда попали? — спокойно спросила Байта. — Какова вероятность случайной встречи двух отдельно взятых кораблей в пространстве?

— Какое это имеет значение? — рявкнул Торан. — Это означает одно: за нами следят!

— Следят! — всхлипала Байта. — Через гиперпространство?

— Это в принципе возможно, — вмешался Эблинг Мис. — Был бы только первоклассный корабль и пилот — ас. Но дело, похоже, не в этом.

— Я не заметал следов, — настаивал Торан. — Так что — даже слепой мог проделать за нами наш путь.

— Чертова дверь! — крикнула Байта. — Да ты делал такие запуганные прыжки и зигзаги, что курс, взятый сначала, ничего ровным счетом не значит. Сколько раз после каждого прыжка мы меняли направление!

— Напрасная трата времени, — процедил сквозь зубы Торан. — Повторяю: это — корабль Академии, перешедший на сторону Мула. Он остановил нас. Он следил за нами. Они взяли Магнифика как заложника, чтобы вы двое не волновались. И мы должны пустить этот корабль ко всем чертям — и немедленно.

— Погоди, успокойся! — Эблинг Мис схватил Торана за руку. — Неужели ты хочешь погубить нас ради одного корабля, который показался тебе вражеским? Ну, подумай, неужели эти скоты действительно мотались за нами всю дорогу по треклятой Галактике, выследили, поймали, чтобы потом отпустить?

— Им пока интересно, куда мы направляемся.

— Зачем же им тогда нужно было нас останавливать, вызывать подозрение, а потом отпускать? Не вижу логики.

— Я останусь при своем мнении. Отпустите меня, Эблинг, или я толкну вас!

Магнифико, скрючившийся в кресле, наклонился вперед. Кончик его громадного носа дрожал от возбуждения.

— Прошу милостиво извинить меня, что я вмешиваюсь в вашу беседу, но в мой скучный разум вдруг пришла странная мысль.

Торан отмахнулся от него, как от назойливой мухи, но Байта, не обратив на это внимания, перемигнулась с Эблингом Мисом.

— Говори, Магнифико. Мы внимательно слушаем тебя.

Магнифико заерзал в кресле и сказал:

— Пока я был на том корабле, я держал ушки на макушке и прислушивался ко всему, что вокруг меня говорили. Старался ни единого словечка не пропустить. Судя по разговорам, они все там чего-то боятся. Много людей смотрели на меня и говорили о чем-то, чего я не понимал. И наконец — как будто луч света пробился сквозь грозовую тучу — я увидел знакомое лицо! Я видел этого человека мельком, но теперь он ожила в моей памяти.

Торан резко спросил:

— Кто это был?

— Тот капитан, который был с нами давным-давно, там, где вы спасли меня из рабства.

Магнифико, видимо, ожидал, что это сообщение произведет сенсацию, и радостно улыбнулся.

— Капитан... Хэн... Притчер? — с трудом выдавил Мис. — Ты в этом уверен? И сейчас уверен?

— Сэр, я клянусь! — воскликнул паяц, прижав к груди худую руку. — Я не побоялся бы и перед Мулом поклясться в этом!

Байта изумленно проговорила:

— Что же это все значит?

Паяц с готовностью откликнулся:

— Моя госпожа, у меня есть идея! Она снизошла на меня, ну, правда, снизошла, как будто Галактический Дух милостию вложил ее в мою бедную, глупую голову!

Магнифико так воодушевился, что говорил даже громче Торана, тщетно призывавшего его замолчать.

— Моя госпожа, — продолжал он, аппелируя к Байте. — Что если этот капитан, так же как и мы, убежал на этом корабле? Что если он тоже пустился в путешествие, чтобы провести какие-то собственные расследования, и вдруг наткнулся на нас — тогда он должен подозревать нас в том, что мы преследуем его — так же, как мы теперь подозреваем его. Что же тогда удивительного в том, что он и разыграл эту комедию с остановкой нашего корабля?

— А зачем ему понадобилось тащить нас к себе на корабль? Не клеится, — возразил Торан.

— Почему? Очень даже клеится, сэр! — горячо продолжал Магнифико. — Он подоспал подчиненного, который нас не знает, но он описал нас, когда говорил в микрофон. Капитан слушал и был поражен — меня-то он сразу вспомнил! Наверное, вряд ли во всей Галактике найдется несчастный, с которым можно меня спутать! А раз я — это я, то и все остальные — те же самые.

— И потом он нас отпустил?

— А разве мы можем судить о том, какая у него цель? И насколько секретна его миссия? Он ведь за нами следил не как враг, и если это так, разве он счел бы разумным рисковать своими планами, раскрывая их перед остальными?

Байта медленно проговорила:

Не упрямься, Тори. Это все-таки какое-никакое, а объяснение.

Торан почувствовал, что сопротивляться общему согласию бесполезно. Однако что-то в гладкости объяснений паяца ему не понравилось. Что-то было не так. Тем не менее спорить он не стал, и гнев его постепенно угас.

— Просто я думал, — прошептал он устало, — что было бы неплохо хоть один корабль Мула пустить в расход. Хоть один!

Он вспомнил о капитуляции Хейвена, и глаза его потемнели от боли.

Остальные поняли его и промолчали...

Глава двадцать вторая Смерть на неотрендоре

Неотрендор — небольшая планета Деликасс была переименована в *Неотрендор* после Великого Побоища и на целое столетие стала резиденцией последней династии правителей Первой Империи. Это был

карикатурный мир и карикатурная Империя, и ее существование имело чисто фактологическое значение. Под эгидой первых отпрысков Неотренторианской династии...

Галактическая империя

Название-то какое – Неотрентор! Новый Трентор! Всякому услыхавшему его, думалось, что это, наверное, не иначе, как точная копия былого оригинала. Всего лишь в двух парсеках отсюда сияло солнце старого Трентора, и бывшая столица Галактической Империи продолжала свое молчаливое кружение по прежней орбите.

На старом Тренторе по-прежнему жили люди. Их было там что-то около ста миллионов. По старым меркам капля в море. Когда-то население Трентора равнялось сорока миллиардам. Не так давно – всего пятьдесят лет назад.

Теперь колосальные металлические постройки зияли пробоинами и трещинами. Высоченные шпили были сорваны или погнуты. Здания обреченно взирали на свет глазницами пустых, мертвых окон и бойниц и дырами от взрывов – памятью о Великом Побоище, разразившемся сорок лет назад.

Было просто непостижимо, как этот громадный мир бывший центром Галактики в течение двух тысячелетий правивший необъятными просторами космоса, колыбель вершителей законов и правителей, любые прихоти которых были известны на много парсеков отсюда, мог погибнуть всего за месяц. Было непостижимо, что эта колосальная планета, тысячелетиями остававшаяся неприкосновенной, когда кругом, по всей Галактике бушевали вихри гражданских войн и мятежей, теперь мертва. Разум отказывался верить, что этот вселенский Олимп, Слава Галактики лежит в руинах! Непостижимо – и грандиозно!

Понятно, когда за многие века упорный труд пятидесяти поколений превращается в прах. Но за месяц!

Миллионы людей, оставшихся в живых после гибели миллиардов своих соотечественников, разорвали стальную кору планеты и стали обрабатывать почву, которой не касались лучи солнца уже тысячи лет.

Окруженные механическими шедеврами человеческого разума, замкнутые в кольцо индустриальных монстров, долгие века безжалостно тиранивших природу, эти люди вернулись к земле. На громадных автостоянках росли пшеница и рожь. В тени высоких башен паслись овцы.

Однако существовал Неотрентор – по старым меркам, деревня-деревней, почти незаметная в величественной тени старого Трентора. И быть бы ей деревней, если бы именно туда не рванула дрожавшая от страха императорская семья, спасавшаяся от взрывов и пламени, пожиравшего столицу, и затаилась там, пережидая, пока рокочущий вал мятежа не откатился подальше. Там они из последних сил пытались сохранить некое подобие власти – жалкие призраки, правящие смердящими останками Империи.

Теперь Галактическая Империя представляла собой ... двадцать аграрных миров!

Дагобер-IX, правитель двадцати аграрных миров, населенных обедневшими помещиками и угрюмыми нищими крестьянами, был Императором Галактики, повелителем всего сущего...

Дагоберу-IX было двадцать пять лет, когда он вместе с отцом прилетел на Неотрентор. До сих пор он не забыл славу и мощь Империи. Но его сын, который в один прекрасный день должен был стать Дагобером-Х, родился на Неотренторе...

Двадцать миров – вот все, что он знал.

...Скоростной катер Джорда Коммейсона был самым шикарным из средств передвижения на Неотренторе. И это было понятно. Дело тут было не только и не столько том, что Коммейсон был крупнейшим землевладельцем на Неотренторе. Это – полдела. Главная причина была в том, что в первые дни обитания здесь он был правой рукой и злым гением юного крон-принца, виновником последнего вздоха еще не старого Императора. Теперь он стал правой рукой и злым гением еще не старого крон-принца, который ненавидел старого Императора и только об одном и мечтал – как бы скорее занять его место.

Поэтому Джорду Коммейсону, проплывавшему над городом в своем катере, украшенном золотом и перламутром, не было нужды напичкивать свое транспортное средство бластерами –

и так было ясно, кто летит. Он пролетал над землями – своими землями, над полями колышущейся на ветру золотой пшеницы – своими полями, над своими молотилками, своими комбайнами, на которых трудились его старательные фермеры и водители, – летел и преспокойно размышлял о своих делах.

Рядом с ним сидел его водитель, который мягко и плавно вел катер невысоко от поверхности планеты и благодушно улыбался.

Джорд Коммейсон, подставив лицо ветру и солнцу, спросил:

– Помнишь, что я говорил тебе, Инчни?

Мягкие седые волосы Инчни развевал ветерок. Тонкие губы раздвинулись. Улыбка обнажила редкие желтые зубы. Вертикальные морщины на впалых щеках стали глубже. Казалось, у него есть какая-то тайна, которую он скрывает даже от самого себя. Свистящим шепотом он ответил:

– Помню, господин, и я подумал...

– И до чего же ты додумался, Инчни?

Он с нетерпением ждал ответа.

А Инчни вспоминал, как он был молод и недурен собой, что на старом Тренторе он был лордом, а на Неотренторе стал пешкой, что и в живых-то он остался исключительно благодаря милости сквайра Джорда Коммейсона и что платил тот ему не за вождение катера за исполнение его хитрых поручений. Он тихо вздохнул и прошептал в ответ:

– Гости из Академии, господин, – это очень кстати. В особенности, господин, когда они прилетают на одном-единственном корабле и среди них только один сильный мужчина. Их надо бы принять как положено.

– Принять, как положено? – задумчиво переспросил Коммейсон. – Может быть, может быть... Эти люди, однако, волшебники, и у них есть сила.

– П-ф-ф! – фыркнул Инчни. – Правда скрыта веками и расстоянием. Что такое Академия? Мир как мир, самый обычный, только и всего. Там живут самые обычные люди. Если в них стреляют, они умирают – как все.

Инчни легко вел катер. Внизу серебристой лентой извивалась река. Он прошептал:

– Сейчас поговаривают о другом человеке. Вот кто уж точно встряхнет всю Периферию!

Коммейсон сразу стал подозрительным.

– Что ты знаешь об этом?

Водитель перестал улыбаться.

– Ничего, сэр. Просто так, к слову пришлось.

Сквайр недолго оставался в растерянности. Он грубо и твердо заявил:

– Ты ничего не говоришь просто так. Только из-за того, что ты слишком много знаешь, твоя голова пока на плечах. Но я знаю, о чем ты. Этого человека зовут Мул, и его посланник был у нас пару месяцев назад... по делу. Скоро должен прибыть еще один посланник для... завершения переговоров по этому делу.

– А эти? Ну, те, что только что прибыли? Эти – не от него?

– Непохоже.

– Сообщали, что Академия захвачена.

– Я тебе, во всяком случае, этого не говорил.

– Но так сообщили, – беспечно продолжал Инчни. – И если это правда, значит, они могут быть беженцами, а их можно задержать – это очень понравится посланнику Мула.

– Ты так думаешь? – неуверенно спросил Коммейсон.

– Ну, сэр, это же ежу понятно: друг победителя – всегда его последняя жертва. Чтобы ею не стать, нам надо прибегнуть к элементарной самозащите. У нас же есть такое замечательное средство, как психотест. А к нам прибыл четыре человека из Академии, целых четыре мозга, которые можно исследовать. Неплохо было бы узнать побольше об Академии – это может оказаться даже полезнее, чем информация о Муле. И дружба с ним будет не так опасна для нас.

Коммейсон, подставив лицо прохладному ветерку, вернулся к своей предыдущей мысли.

– Ну, а если Академия все-таки не побеждена? Если в сообщениях врут? Говорят, было предсказано, что их победить невозможно.

– Сэр, мы уже не в том возрасте, когда верят в сказочки.

— И все-таки вдруг их не победили, Инчни? Представь. Вдруг их не победили? Мул, правда, мне кое-что обещал... — Тут он почувствовал, что зашел слишком далеко в откровенности. — Ну... в общем, хвастался. Но слова — ветер. Легко сказать, а трудно сделать.

Инчни тихонько рассмеялся.

— Сделать, и правда трудно, по главное — начать. Академия на краю Галактики — нашли чего бояться!

— Да... Но есть еще и принц... — пробормотал Коммейсон, обращаясь больше к самому себе.

— У него тоже дела с Мулом, сэр?

Коммейсон недовольно нахмурился. Инчни был назойлив.

— Да так себе. Слабенько. Не так, как у меня. Но он ведет себя все хуже. Несдержан, вспыльчив. В него как будто бес вселился. Если я задержу этих людей для своих целей, а он вздумает забрать их себе — ему ведь не откажешь в кое-какой проницательности — знаешь, я пока не готов с ним сильно поссориться.

Он нахмурился, одутловатые щеки повисли мешками.

— Вчера я мельком видел этих чужестранцев, — скользь заметил водитель. — Интересная дама, однако, эта брюнетка. Мужская походка, аристократическая бледность...

В голосе его звучали романтические нотки, и Коммейсон удивленно взглянул на него.

Инчни продолжал:

— Думаю, можно избавиться от излишней проницательности принца, если предложить ему разумный компромисс. Вы можете спокойненько забрать себе остальных, оставив ему эту даму.

Коммейсон просиял.

— Это мысль! Отличная мысль! Инчни, поворачивай обратно! Слушай, Инчни, если все пойдет хорошо, мы вернемся к разговору о твоей реабилитации.

Что-то символическое было в том, что, войдя в свой кабинет, Коммейсон обнаружил ожидающую его персональную капсулу. Ее доставка была произведена на длине гиперволны, известной немногим. Коммейсон довольно ухмыльнулся. Человек от Мула вот-вот должен был прибыть, а Академия действительно капитулировала...

Не таким представляла себе Байта Императорский дворец и была крайне разочарована. Комната была маленькая, простая, почти обычная. А дворец был намного скромнее, чем дворец мэра в Терминусе, а уж что касается Дагобера IX...

У Байты имелось сложившееся впечатление о том, как должен выглядеть Император. Во всяком случае, он не должен был выглядеть как добреный дедушка школьной подруги. Он никак не должен был оказаться тощим, седым и дряхлым и не мог сам подавать чай гостям, изо всех сил стараясь им угодить.

Но все было именно так.

Дагобер IX ласково улыбнулся, наливая чай в протянутую чашку.

— Это большая радость для меня, моя милочка. Возможность отдохнуть от церемоний и кучи придворных. Ах, как давно меня не навещали мои поданные из дальних провинций! Я уже старенький стал, и всеми делами занимается мой сыночек. Виделись вы с моим сыночком? Хороший мальчик. Молодой еще, горячий, ну да это дело понятное. Хотите ароматную таблеточку. Нет? Зря. Очень вкусно.

Торан попытался по возможности тактично прервать старика.

— Ваше Императорское Величество...

— Да?

— Ваше Императорское Величество, мы не намеревались вас задерживать...

— О, никакого беспокойства. Вечером, конечно, будет официальный прием, а пока мы совершенно свободны. Ну-ка, ну-ка, запамятовал, откуда вы прибыли-то? Знаете, давненько у нас не было официальных приемов. Из провинции Анакреон, вы сказали?

— Из Академии, Ваше Императорское Величество!

— Да-да, из Академии, вот теперь я вспомнил. Я посмотрел, где это. Это в провинции Анакреон. Я там, признаюсь, никогда не бывал. Доктор не позволяет мне, знаете ли, путешествовать. Что-то не припомню, чтобы тамошний вице-король что-нибудь сообщал в

последнее время. Как там у вас дела?

– Сир... – обескураженно пробормотал Торан. – Ничего, мы не жалуемся...

– Это похвально. Надо будет как-нибудь отметить моего вице-короля.

Торан беспомощно глянул на Эблинга Миса, который откашлялся и проговорил:

– Сир, нам сказали, что для посещения Имперской Библиотеки на Тренторе требуется ваше разрешение.

– Трентор? – рассеянно спросил Император. – Трентор?

Его высохшее лицо неожиданно исказилось гримасой боли.

– Трентор? – прошептал он. – Теперь я вспомнил... Я вернусь туда... с эскортом звездолетов. И вы полетите со мной! Вместе мы одолеем мятежников! Этого, как его... Гилмера! Вместе с вами мы восстановим Империю!

Его согбенная спина выпрямилась. Голос зазвучал тверже, увереннее, в глазах загорелся огонек, который, однако, быстро угас. Он часто заморгал и тихо пробормотал:

Только... Гилмер-то умер вроде бы, как мне помнится... Да... Да. Гилмер умер. И Трентор погиб – но, конечно, это не насовсем, не надолго. Так откуда вы прибыли-то, я забыл?

Магнифико шепнул Байте на ухо:

– А это правда Император? Мне все время казалось, что Императоры не так выглядят. Что они должны быть величественнее и мудрее простых смертных...

Байта приложила палец к губам и прошептала в ответ:

– Тс-с-с...

И обратилась к Императору:

– Если Ваше Императорское Величество подпишет приказ, позволяющий нам отправиться на Трентор, это в большой степени способствует общему делу!

– На Трентор?

Император побледнел, руки у него дрожали.

– Сир! – продолжала Байта. – Вице-король Анакреона, от имени которого мы говорим с вами, утверждает, что Гилмер до сих пор жив.

– Жив? Жив?! – взорвался Дагобер. – Где он? Ну, я ему задам. Будет война!

– Ваше Императорское Величество, об этом пока еще рано говорить. Его местопребывание пока не выяснено окончательно. Наш вице-король послал нас, чтобы мы сообщили вам об этом, но только побывав па Тренторе, мы сможем точно выяснить, где он скрывается. А когда мы отыщем его...

– Да, да! Его нужно отыскать!

Старый Император на ватных ногах добрел до ближайшей стены и коснулся, дрожащими пальцами маленького глазка фотоэлемента. После неловкой паузы он пробормотал:

– Слуги не идут. У меня нет времени их ждать.

Порывшись в столе, он вытянул из кипы бумаг чистый лист, что-то нацарапал на нем и подписал затейливым «Д».

– Гилмер еще узнает, как велик его Император! Так откуда вы прибыли-то? Запамятали... Анакреон? Ну, и как там дела у вас? Ваш народ чтит своего Императора?

Байта взяла лист из трясущейся руки Императора.

– Наш народ любит Ваше Величество. Наш народ знает, как Ваше Величество любит своих подданных!

– Нужно будет мне как-нибудь навестить моих добрых подданных в Анакреоне, но мой доктор говорит... не помню, что он говорит... только...

Сощурив выцветшие глаза, он спросил у Байты:

– Вы, барышня, что-то сказали про Гилмера?

– Нет, Ваше Императорское Величество.

– Ничего у него не выйдет, у проклятого мятежника! Когда вернетесь, так и скажите своему народу. Трентор выстоит! Мой отец сейчас во главе Флота, и гадкий изменник Гилмер скоро будет выброшен на веки вечные в мертвящий холод пространства вместе со своими приспешниками!

Он устало опустился в кресло. Огонь в его глазах погас.

– О чем я... говорил?

Торан поднялся и отвесил низкий поклон Императору.

– Вы были так добры к нам, Ваше Императорское Величество, но, к сожалению, время, назначенное нам для аудиенции, истекло.

На короткое мгновение Дагобер-IX действительно стал похож на Императора – он встал, выпрямился и оставался недвижим, пока его гости один за другим, кланяясь, исчезали в двери... за которой их ожидали двадцать вооруженных охранников, сомкнувшихся плотным кольцом. Мелькнула вспышка бесшумного выстрела...

...Сознание медленно возвращалось к Байте, но вопроса «Где я?» у нее не возникло. Она отчетливо помнила и чудаковатого старика, называвшего себя Императором, и других, которые ждали за дверьми. В суставах противно покалывало. Это означало, что стреляли в нее из парализующего пистолета.

Она стояла, не открывая глаз, и болезненно прислушивалась к голосам, звучавшим рядом.

Разговаривали двое. Первый говорил с растяжкой, вежливо, с хитрецой, спрятанной за внешним подобострастием. Голос второго был хрипл и груб. Байте не понравились оба.

Обладатель грубого голоса говорил чаще и больше.

Байта поймала последнюю фразу.

– Он будет жить вечно, этот старый болван! Я устал! Мне надоело, черт подери! Годы идут, я тоже старею!

– Ваше Высочество, давайте сначала посмотрим, какую выгоду мы можем извлечь из наших пленников. Ведь может оказаться, что мы станем обладателями источников могущества, которое и не снилось вашему батюшке.

Грубый голос превратился в булькающий шепот. До Байты долетали только отдельные слова. Она разобрала слово «девушка»... Второй, вкрадчивый голос что-то бубнил на одной ноте и в конце концов произнес погромче, почти по-отечески:

– Ну что вы, Ваше Высочество, вы не стареете. Плюньте в лицо тому, кто скажет, что вам больше двадцати!

Они дружно расхохотались. Сердце Байты билось медленно. Казалось, кровь стынет в жилах. «Дагобер... Ваше Высочество...» Старик Император говорил о сыне... Смысл того, что было сказано шепотом, стал постепенно доходить до нее. Нет, это невозможно!

Из состояния ступора ее вывел голос Торана, разразившегося многоэтажным проклятием.

Она открыла глаза, поймала взгляд Торана. Ей стало немного легче. Торан яростно выпалил:

– За вашу бандитскую выходку вы ответите перед Императором! Немедленно освободите нас!

Байта наконец поняла, что ее запястья и лодыжки прикованы к стене и полу гравитационным полем.

Обладатель грубого голоса подошел к Торану. Вид у него был премерзкий – одет неопрятно, обрюзгший, синяки под опухшими веками, слипшиеся жиidenькие волосики, съехавшая набок охотничья шапочка с легкомысленным перышком. Борта засаленной жилетки были отделаны серебристой вышивкой.

Он хмыкнул, изобразив на физиономии искреннее удивление:

– Император? Бедный сумасшедший Император!

– У меня есть его Указ! Никто не смеет чинить нам никаких препятствий! Ни один Его подданный!

– Иши ты! Подданного нашел! Я не подданный! Понял ты, подонок? Я – регент и крон-принц, вот так ко мне и обращайся, сопляк! Что же до моего папаши-идиота, маразматика старого... ха-ха-ха! Просто ему приятно время от времени принимать гостей, и я не лишаю его этой маленькой радости. Пусть себе тешится, вспоминает дни своей молодости и былого могущества, чего там, мне не жалко. Вот так-то. А вы и поверили, уши развесили, олухи!

Отойдя от Торана, он приблизился к Байте. Она с ненавистью смотрела на крон-принца. Тот подошел вплотную, и ей стало еще противнее – так от него мерзко пахло. Обдавая ее зловонным дыханием, он проговорил.

– А глазки ничего, Коммейсон... Так она даже симпатичнее. Подойдет, пожалуй.

Деликатес для изощренного гурмана, ага?

Торан отчаянно пытался освободиться от гравитационных пут, а крон-принц и бровью не повел. У Байты по спине мурашки забегали, Эблинг Мис пока не пришел в себя. Голова его безжизненно свисала на грудь. Но как же удивилась Байта, увидев, что глаза Магнифика широко раскрыты – так, как будто он открыл их уже давно! Его пламенный взор был устремлен на Байту. Он всхлипнул и кивнул в сторону крон-принца:

– Этот... отобрал мой видеосонор!

Крон-принц резко обернулся на голос паяца.

– Так он твой, чудище?

И стянул с плеча инструмент, висевший на зеленом шнуре.

– Твой, спрашиваю?

Он неуклюже пробежался пальцами по клавишам, извлекая режущие ухо диссонансы.

– Можешь изобразить чего-нибудь, чудище?

Магнифика кивнул.

Торан вмешался.

– Вы захватили корабль Академии! Если Император не вмешается, вмешается Академия.

Коммейсон – обладатель вкрадчивого голоса – с кривой усмешкой проговорил:

– Это какая такая Академия? Или Мул уже не Мул?

Ответа не последовало. Крон-принц довольно ослабился. Поле, державшее руки и ноги паяца, было отключено. Крон-принц грубо сунул ему в руки видеосонор.

– Ну-ка, сыграй нам, чудище! – буркнул принц, – Сыграй для нас серенаду о любви и красоте нашей чужеземной гостьи! Объясни ей, что тюрьма моего папаши – не дворец, но что я могу отвести ее во дворец, где она будет купаться в розовой водичке и познает любовь принца. Играй и пой о любви принца, чудище!

Он присел на низкий мраморный столик, лениво покачивая жирной ножищей. Его сальная улыбочка вызвала у Байты бессильное бешенство. Торан беспомощно пытался сорвать гравитационные пути, но, увы, это было бесполезно. Лицо его покрылось капельками пота. Эблинг Мис пошевелился и застонал.

Магнифика сморщился и прошептал:

– У меня... пальцы онемели – как деревяшки!

– Играй, чудище!! – проревел принц. По знаку Коммейсона был выключен свет. В полуумраке кронпринц встал, сложил на груди руки. Он ждал...

Длинные, тонкие пальцы Магнифика стремительно забегали по клавишам – от одного края клавиатуры до другого – и вот резко очерченная радуга перекинулась через тюремную камеру. Зазвучал низкий, глухой,ibriрующий, скорбный аккорд. Тембр становился выше, слышался громкий смех, за переливами которого угадывался рокочущий звон огромного погребального колокола.

Казалось, мрак сгущается. Музыка доносилась до слуха Байты как бы сквозь плотную складчатую завесу. Она видела слабый свет, мерцавший где-то далеко-далеко, будто одинокая свеча тускло мерцала со дна глубокого темного колодца.

Инстинктивно она напрягла зрение. Свет стал ярче, но оставался как бы за пеленой тумана. Пламя металось, извивалось, меняло оттенки... Внезапно музыка стала пронзительной, злобной, переросла в душераздирающее крещендо. Свет кидался из стороны в сторону, в такт ускоряющемуся ритму. Внутри островка света что-то корчилось, копошилось – что-то мерзкое, издававшее ядовитые металлические стоны и вопли.

Байта сражалась с изматывающим душу чувством. Ее все сильнее сжимало в объятиях отчаяние и бессилие. Она с ужасом вспомнила то состояние, что охватило ее в последние дни в Хейвене. Это было оно – то самое жуткое, изнурительное, обволакивающее как липкая паутина ощущение страха и отчаяния! Она съежилась, пытаясь закрыться, защититься.

Музыка наваливалась на нее волнами кошмарного хохота, и только тогда, когда ей удалось вымученным движением отвести взгляд в сторону, из поля зрения исчез корчащийся в пламени кошмар. Лоб ее похолодел, по нему стекали струйки липкого пота.

Резко, неожиданно музыка смолкла. Байта почувствовала несказанное облегчение. Вспыхнул свет, и совсем рядом она увидела горящие глаза Магнифика.

– Моя госпожа! – выдохнул он. – Вам плохо?

– О, Магнифико, не спрашивай! Почему ты... так играл?

Постепенно она разглядела остальных. Быстро скользнула взглядом по безжизненно прилипшим к стеле фигурам Торана и Миса. У столика на полу в странной позе распростерся на полу крон-принц. Коммейсон сидел рядом, расставив ноги, выпучив глаза, глотая воздух, как выброшенная на берег рыба.

Магнифико шагнул к нему – тот издал истошный вопль и закрылся руками.

Магнифико отвернулся, подошел к пульту и отключил гравитационное поле.

Торан, уже успевший прийти в себя, рванулся впереди мертвый хваткой схватил Коммейсона за загривок.

– Пойдешь с нами! Проведешь нас к кораблю, понял, мерзавец?!

...Два часа спустя на корабле Байта подала на стол шикарный домашний пирог, и Магнифико, забыв обо всяких правилах приличного поведения, набросился на него.

– Вкусно, Магнифико?

– М-м-м!

– Магнифико?

– Да, моя госпожа!

– Все-таки что ты там играл?

Паяц нахмурился.

– Я... лучше я не буду об этом говорить... Давно когда-то разучил эту вещь. Видсосонор очень сильно действует на нервную систему, госпожа. Это, конечно, была злая шутка, но я вовсе не предназначал ее для чистого, невинного слуха!..

– Ну-ну, Магнифико, ты мне льстишь. Не так уж я невинна. Скажи, а я видела то же, что эти?

– О, надеюсь, нет! Я играл только для них. Вы должны были видеть только бледное подобие – как бы издалека.

– Мне хватило. Ты знаешь, что ты довел принца до обморока?

Прожевав здоровенный кусок пирога, Магнифико проговорил:

– Я убил его, моя госпожа.

– Что?! – сглотнув подступивший к горлу комок, спросила Байта.

Когда я закончил играть, он был мертв. Можно было не продолжать – Коммейсон меня не интересовал. Он, конечно, мог бы убить нас всех или пытать. Но этот принц, госпожа, он... бросал на вас греховные взгляды, и... – он замолчал, испугавшись собственной откровенности.

Байту пронзила странная догадка, но она постаралась поскорее прогнать внезапную мысль.

– Магнифико, добрая ты душа!

– О, моя госпожа... – пробормотал Магнифико, стряхивая с подбородка крошки.

В дверь заглянул Эблинг Мис и поманил их рукой.

Трентор был близко – его металлическая поверхность зловеще сверкала в видовом иллюминаторе. Торан с горечью проговорил:

– Тут нам делать нечего, Мис. Посланец Мула наверняка опередил нас.

Эблинг Мис потер лоб тыльной стороной ладони и пробормотал что-то невыразительное. Торан раздраженно добавил:

– Говорю вам, эти подонки знают, что Академия пала! Вы слышите?

– А? – очнулся Эблинг Мис.

Он мягко коснулся руки Торана. Было совершенно ясно, что он не слышал ни слова.

– Торан, я... смотрел на Трентор. Знаешь... у меня странное чувство... оно не покидает меня с тех самых пор, как мы приземлились на Неотренторе. Мне кажется, я начал что-то понимать... Мысли скачут в голове, просятся наружу. Все становится понятнее – никогда я еще не ощущал этого яснее!

Торан недоверчиво покосился на него и пожал плечами. Слова психолога явно не произвели на него никакого впечатления.

Он осторожно промолвил:

– Мис...

— Да?

— А вы не заметили, что в тот момент, когда мы стартовали, на Неотрентор приземлился корабль?

— Не тот ли, на котором якобы капитан Хэн Притчер?

— Тот самый, на котором черт его знает кто! Информация Магнифика — вот что идет по нашим следам, Мис.

Эблинг Мис ничего не ответил.

Торан громко спросил:

— Вам плохо? Что с вами?!

Глаза Миса сверкали. Он застыл, глядя в одну точку, и молчал, молчал...

Глава двадцать третья Руины трентора

Найти нужное место на такой громадной планете, как Трентор — сложнейшая проблема. На Тренторе нет ориентиров типа континентов или океанов, нет ни рек, ни озер.

Окутанная облаками колоссальная планета представляет (вернее, когда-то представляла) собой огромный мир, единый город. На фоне общего серо-стального пейзажа выделялась только территория бывшего императорского дворца. «Байта» описывала круги на орбите прогулочного катера — и все без толку.

Они летали вокруг Трентора, опускаясь от полюсов к экватору. На полюсах набухли ледяные шапки, из которых торчали покосившиеся стальные шпили, молчаливо свидетельствуя о том, что система искусственного климата приказала долго жить. Время от времени Торан сверялся с картой, добытой на Неотренторе.

Но когда они увидели то, что искали, ошибки быть не могло. Разрыв в металлической обшивке планеты тянулся миль па пятьдесят. Яркая, режущая глаз зелень на сером фоне покрывала пространство площадью примерно в сто квадратных миль. Сквозь зелень деревьев пропадали контуры строений бывшей резиденции Императоров Галактики.

«Байта» развернулась и пошла на посадку. Данные для выбора направления у путешественников были весьма приблизительные. Длинные, прямые стрелки на карте — и гладкие, сверкающие ленты магистралей внизу. К тому месту, где на карте был обозначен университетский квартал, они двинулись наугад. Скоро корабль мягко приземлился на гладком безлюдном поле, некогда бывшем оживленным космопортом.

Только ступив на металлическое покрытие летного поля, они по-настоящему ощутили атмосферу разрухи, не заметную сверху. Искореженные верхушки шпилей, пробоины и трещины в гладких стенах зданий... Совсем недалеко от места приземления виднелась полоса открытой земли — настоящей, темной, вспаханной земли...

Ли Сентер терпеливо ждал, когда опустится корабль. Звездолет был странный, явно не с Неотрентора. Он глубоко вздохнул. Незнакомые корабли, контакт с людьми из других миров — это могло означать конец хрупкого благоденствия и возвращение к дням гибельных сражений. Сентер был главой группы. В его обязанности входила забота о древних книгах, в которых он прочел о давних временах. Ему очень не хотелось, чтобы те времена возвратились вновь.

Примерно десять минут он следил за спуском корабля. За это время он успел многое передумать. Он вспомнил огромную ферму, на которой родился, где прошло его детство. Там было много, много людей... Потом началось массовое переселение народа на новые земли. Ему тогда было всего десять лет, у родителей он был единственным сыном. Тогда он был удивлен и напутан.

Он вспоминал о том, как впервые увидел незнакомые строения — огромные металлические башни — их нужно было вырвать с корнем, растащить в стороны... Под ними открылась земля, которую нужно было вспахивать, поливать и удобрять, расчищать от зданий все новые и новые пространства, а другие здания надо было переоборудовать под жилье...

Нужно было выращивать растения и собирать урожай, налаживать обмен с соседними фермами...

Хозяйство росло и укреплялось, воцарялось благоденствие самоуправления. Выросло

новое поколение – поколение крепких, низкорослых, широкоплечих парней, привыкших с малолетства трудиться на земле. Он помнил тот торжественный день, когда его поставили во главе группы. В тот день он впервые не побрился, и у него начала отрастать борода – неотъемлемый атрибут внешности руководителя группы...

И вот теперь внешний мир напомнил о себе и мог положить конец их идиллической изоляции...

Корабль приземлился. Сентер молча наблюдал, как открылся входной люк. Оттуда вышли четверо – ступая осторожно, с опаской оглядываясь по сторонам. Среди прибывших было трое мужчин – один старик, один молодой, высокий, а третий – неопределенного возраста, носатый и худой. Четвертая – женщина, державшаяся как равная. Сентер уверенно шагнул навстречу незнакомцам.

Он поприветствовал их символическим жестом мира – протянул перед собой пустые ладони.

Молодой мужчина сделал два шага вперед, повторил жест и сказал:

– Мы пришли к вам с миром.

У него был странный акцент, но понять было можно, и тон самый дружелюбный. Сентер гулко повторил:

– Да будет мир между нами. Добро пожаловать. Я приветствую вас от имени всей нашей группы. Вы голодны? Вас накормят. Вы хотите пить? Вас напоят.

Последовал ответ:

– Благодарим вас за вашу доброту. Когда мы вернемся в свой мир, мы расскажем о вашей группе все самое хорошее.

Странный был ответ, но Сентеру он понравился. За его спиной прибывших встречали улыбками мужчины из его группы, из хозяйственных построек одна за другой стали появляться женщины.

У себя в квартире он достал из шкафчика запертую на ключ большую шкатулку с зеркальными стенками. В шкатулке лежали длинные толстые сигары. Эта шкатулка извлекалась на свет только в дни особых торжеств. Обнося гостей сигарами, он несколько растерялся, остановившись перед женщиной. Она сидела рядом с мужчинами как равная. Значит, у чужестранцев было так заведено. Он протянул ей шкатулку.

Улыбнувшись, она взяла сигару и, нимало не смущаясь, закурила, с удовольствием вдыхая ароматный дым. Ли Сентер был шокирован, но сдержал себя.

До еды разговор шел в основном на тему фермерства на Тренторе.

Старик спросил:

– А как тут у вас с гидропоникой? Ведь для такого мира, как Трентор, лучше просто не придумаешь!

Сентер медленно покачал головой. Он смутно припоминал это слово. Оно встречалось ему в древних книгах.

– Если не ошибаюсь, вы имеете в виду выращивание растений без почвы с помощью химических растворов? Нет, это на Тренторе не годится. Для этой гидропоники нужна целая индустрия, например, – развитая химическая промышленность. А вдруг – война или стихийное бедствие – какая уж тут промышленность? Люди будут голодать. Нельзя все выращивать в искусственных условиях. На земле лучше – и дешевле, и надежнее.

– И хватает вам того, что вы выращиваете?

– Хватает, но, пожалуй, наше меню несколько однообразно. У нас есть птица, яйца, молочный скот – стало быть, есть молочные продукты и мясо, но мясо мы большей частью покупаем.

– Вот как? Вы торгуете? – проявил неожиданный интерес молодой мужчина. – И что же вы экспортируете?

– Металл, – коротко отозвался Сентер. – Сами посудите: у нас неисчерпаемые запасы превосходного, высококачественного металла. С Неотрентора прибывают корабли, выбирают определенный участок, снимают с него металл – тем самым еще и нам помогают, расширяя наши посевные площади. А в обмен оставляют нам мясо, консервированные фрукты, пищевые концентраты, сельскохозяйственную технику и так даже. Очень выгодно – и для нас, и для них.

К столу подали хлеб, сыр и вкуснейшее овощное рагу. Импортными продуктами были только замороженные фрукты на десерт. Когда приятная трапеза была завершена, выяснилось, что прибывшие – не просто туристы. Молодой человек достал карту Трентора.

Ли Сентер внимательно рассмотрел ее и сообщил:

– Университетский район – неприкосновенная территория. Мы ее пальцем не тронули. Мы стараемся туда даже не заходить без дела. Это – одна из немногих реликвий, оставшаяся от старых времен, и мы ее бережно охраняем.

– Мы прилетели к вам в поисках знаний. Мы клянемся, что ничего там не нарушим, не испортим. В залог мы готовы оставить вам наш корабль! – горячо сказал старик.

– Ну что ж, пойдемте. Я сам отведу вас, – ответил Ли Сентер.

Поздно ночью, когда чужестранцы уже спали, Ли Сентер отправил донесение на Неотрентор.

Глава двадцать четвертая Превращение

Робкое, хрупкое бытие теперешнего Трентора отступило и растаяло как облачко, когда они ступили на университетские земли. Огромные, увенчанные высокими куполами здания стояли, величаво поблескивая на солнце – как во времена Селдона. Царила торжественная, безлюдная тишина.

Гости из Академии ничего не ведали о тех жутких, кошмарных днях Великого Побоища, после которых нетронутым остался только Университет. Они не знали ничего и о том времени, которое настало после краха императорской власти, когда студенты, расхватав какое попало оружие, встали на защиту Alma Mater, средоточия научной мысли Галактики. Они ничего не знали и о семидневной обороне, о тех жертвах, благодаря которым Университет был спасен и его не коснулась чья-либо рука в то время, когда даже по залам Императорского Дворца разносился топот кованых сапог Гилмера и его солдат. К счастью, его правление длилось недолго...

Гости из Академии, впервые попавшие сюда, осознавали только одно: в мире, похоронившем затхлое прошлое и возрождающем хрупкое, зыбкое настоящее, этот островок таил в себе спокойствие, музейное величие старины.

В каком-то смысле они сами себе казались интервентами. Колossalные размеры безлюдных помещений действовали угнетающе. Казалось, здесь все еще царит строгая академическая атмосфера, что она жива, и недовольна тем, что ее потревожили.

Библиотека размещалась в относительно небольшом здании, размеры которого, однако, сильно увеличивало колоссальное подземное хранилище. Там было тихо. Эблинг Мис остановился у стены, украшенной грандиозной фреской, в зале приема заказов на книги. Он прошептал (здесь почему-то все невольно переходили на шепот):

– Кажется, мы проскочили каталожные залы. Я вернусь туда.

Лицо его зарумянилось, руки дрожали.

– Я тут хочу побывать один, Торан. Если можно, устрой так, чтобы еду мне принесли сюда.

– Как скажете, Мис. Все что угодно. Все, что в наших силах. Хотите, мы поработаем вместе с вами, поможем...

– Нет-нет. Я сам.

– Я позабочусь, чтобы у вас было все необходимое. Вы думаете, нам удастся найти то, что нужно?

Эблинг Мис тихо, но уверенно ответил:

– Я знаю, что найду!

...Торан и Байта вплотную столкнулись с проблемой налаживания домашнего быта – пожалуй, впервые за все время их супружества. Странный это был быт. Непривычный. Они разместились в полупустом университетском помещении и совершенно запросто и довольно быстро освоились. Еду они добывали в основном на ферме Ли Сентера, расплачиваясь за нее компактными бытовыми ядерными приспособлениями, которые всегда в избытке имеются на любом торговом корабле.

Магнифика быстро освоился с проекторами в читальном зале и целые дни напролет просиживал там, просматривая боевики и мелодрамы, забыв про сон и еду, как и Эблинг Мис.

Эблинг же похоронил себя заживо в дебрях каталогов и хранилищ. Он добился, чтобы ему поставили кушетку прямо в зале справочных изданий по психологии. Он исхудал, побледнел. Давно друзья не слышали от него ворчливой ругани, сопровождавшейся неизменным «извиняюсь за выражение». Старика как подменили. Он порой с трудом узнавал Торана и Байту.

Более легко он общался с Магнифико, который приносил ему сверху еду и частенько просиживал рядом с ним часами, молча наблюдая, как старый психолог выписывает на бумаге длиннющие уравнения, потом проверяет их решение по куче справочников и фильмокопий, как сидит часами, уставившись в одну точку, проверяя очередную, ему одному ведомую догадку.

...Торан наткнулся на Байту, сидевшую в полутемной комнате, и резко спросил:

– Байта, ты?

Байта виновато спросила у него:

– Да? Я тебе нужна, Тори?

– Конечно, нужна. Что ты тут делаешь? Вообще, я давно хотел сказать тебе... с тех пор как мы на Тренторе, ты ведешь себя странно. Что с тобой происходит?

– О, Тори, ради бога, перестань! – раздраженно проговорила она.

– «О, Тори, перестань!» – сердито передразнил ее Торан и добавил мягко, нежно: – Бай, ну скажи, что с тобой? Я же вижу, что-то мучает тебя!

– Нет-нет. Ничего подобного, Тори. Если ты будешь приставать и допытываться, вот тогда-то я точно сойду с ума. Просто я... думаю.

– О чем, Бай?

– Ни о чем. Ну, если хочешь – о Муле, о Хейвене, об Академии – обо всем сразу. О Эблинге Миссе. О том, найдет ли он то, что ищет. О Второй Академии. О том, поможет ли нам то, что он найдет, и еще о целой куче вещей. Ты доволен? – устало спросила она.

– Если тебе хочется поиздеваться надо мной, то лучше перестань, прошу тебя. Во-первых, мне это неприятно, а во-вторых – никому от этого не легче.

Байта устало поднялась с кресла и вяло улыбнулась. Издалека донесся взволнованный голос Магнифика:

– Моя госпожа!

– В чем дело? Входи!..

Голос Байты сорвался. Вместо Магнифика в дверном проеме возник высокий мужчина в темной форме, с до бели знакомым лицом.

– Притчер! – воскликнул Торан.

Байта выдохнула:

– Капитан! Как вы отыскали нас?

Притчер шагнул за порог. Голос его звучал ровно и четко, как всегда, но был начисто лишен эмоциональной окраски.

– Я теперь в чине полковника и служу у Мула.

– У Мула?

У Торана запершило в горле. Троє старых знакомых молча стояли друг перед другом.

Магнифика бочком вошел и, дрожа, притаился за спиной у Торана. На него никто не обращал внимания. Байта судорожно сцепила руки перед грудью.

– Вы... пришли, чтобы арестовать нас? Неужели вы действительно перешли на их сторону?

Полковник резко мотнул головой из стороны в сторону.

– Я пришел не для того, чтобы вас арестовать. Это в моих инструкциях не указано. Что касается вас, я действую лично от себя и зашел исключительно по старой памяти, из дружеских соображений, если вы не возражаете.

Лицо Торана исказил гнев.

– Как вы нас нашли? Значит, вы действительно были на филианском корабле? Вы шпионили за нами?

Каменная непоколебимость выражения лица Притчера несколько смягчилась.

– Да, я был на филианском корабле. С вами я там встретился случайно.

– Такая случайность невозможна!

– Нет, не невозможна. Маловероятна, скажем так, но тем не менее вам придется мне поверить на слово. Во всяком случае, вы заявили «филианцам» – к слову сказать, такой нации в природе не существует, – что направляйтесь в Тренторианский сектор, а поскольку у Мула к тому времени была уже налажена связь с Неотрентором, было совсем нетрудно задержать вас там. К сожалению, вам удалось удрать оттуда еще до того, как туда прибыл я, но совсем незадолго до того. У меня еще оставалось время сообщить всем фермам на Тренторе о вашем прибытии и отдать приказ, чтобы они немедленно доли знать, как только вы появитесь. Что и было сделано. И вот я здесь. Можно, я присяду? Повторяю, я пришел к вам из дружеских побуждений, уверяю вас!

Он сел. Торан нахмурился и сосредоточенно размышлял. Байта, двигаясь как во сне, подготовила чай, Торан метнул на Притчера суровый взгляд.

– Ну, так чего же вы хотите, кап… ах, простите, полковник? Что означают ваши «дружеские» побуждения? Если это не арест, то что же тогда? Не хитрите! Позовите своих людей и отдайте приказ!

Притчер грустно покачал головой.

– Нет, Торан. Я пришел к вам по собственной воле, поговорить с вами хотел, убедить вас в бесполезности того, что вы делаете. Если мне это не удастся, я уйду. Вот и все.

– Все? Ну, тогда вперед, давайте разворачивайте пропаганду и… проваливайте, понятно? Байта, я чаю не хочу!

Притчер принял из рук Байты чашку, кивком поблагодарив ее. Прихлебывая чай небольшими глотками, он пристально глядел на Торана. Помолчав, проговорил:

– Мул – мутант. Природа его мутации непобедима.

– Почему? Что за мутация такая? – спросил Торан со злорадной ухмылкой. – Может, вы нам поясните, а?

– Да, поясню. То, что вы будете знать об этом, ему нисколько не повредит. Дело вот в чем. Он способен воздействовать на эмоциональное равновесие людей. Кажется, это нечто вроде безобидного фокуса, но противостоять этому и победить это невозможно.

Байта вмешалась.

– Эмоциональное равновесие? – нахмурилась она. – Может быть, объясните подробнее? Я что-то не совсем поняла.

– Я хочу сказать, что ему ничего не стоит превратить самого своего яростного противника из армии врага в преданнейшего раба, бесповоротно уверенного в неминуемой победе Мула. Все его генералы находятся под контролем такого рода. Они не могут предать его, мысли их не могут принять иного направления. Контроль, над ними осуществляется постоянно. Самые умные, самые сильные его враги становятся его верными и преданными подданными. Диктатор Калгана сдал свою планету и скоро будет объявлен официальным вице-королем Академии.

– А вы, – с горечью в голосе добавила Байта, – предали свое дело и стали послом Мула на Тренторе. Все ясно!

– Я еще не закончил. Дар Мула действует еще в одном направлении и еще более эффективно. Отчаяние – вот эмоция, которую он старательно культивирует! И в критический момент правители Академии, а потом и правители Хейвена – отчаялись. Их миры пали практически без борьбы.

– Вы хотите сказать, – сурово спросила Байта, – что чувства, охватившее меня тогда, в Склепе Селдона, было вызвано тем, что моими эмоциями управлял Мул?

– Так же, как и моими. Эмоциями всех. А как было в Хейвене?

Байта отвернулась.

Полковник Притчер продолжал:

– Это действует как на отдельных людей, так и на целые миры. Разве можно бороться с силой, которая способна заставить вас добровольно сдаться, когда сама мысль об этом вам противна?

Торан медленно проговорил:

– Как вы можете убедить меня в том, что это правда?

— А как иначе можно объяснить капитуляцию Академии и Хейвена? Как можно иначе объяснить то, что произошло со мной? Подумайте, дружище! Чего мы добились — вы, я, вся Галактика, объединившаяся против Мула за все это время? Чего мы добились?

Торана прорвало:

— Черт подери, я вам скажу, чего мы добились!

Со злорадным удовлетворением он выкрикнул:

— Ваш распрекрасный Мул наладил связь с Неотрентором, где по его приказу нас захватили, да? Этой связи больше нет, и даже более того! Мы убили кронпринца, а его ближайший приспешник сошел с ума. Мул не остановил нас там и не сделал этого до сих пор!

— Все так, но не совсем так. Они не были нашими людьми. Крон-Принц — пьяница и ничтожество. Второй, Коммейсон, — просто феноменальный тупица. В своем мире он имел определенную власть, но это не мешало ему быть порочным, злобным и абсолютно некомпетентным. С ними каши не сваришь. Бледные призраки, и только...

— Тем не менее задержали нас — или пытались задержать — именно они!

— И еще раз — нет! У Коммейсона, к вашему сведению, был личный водитель, почти раб, по фамилии Инчни. Ваше задержание — его рук дело. Он, правда, не молод, но на какое-то время нас вполне устроит. Сами видите, его вам убрать не удалось.

Байта сверлила полковника глазами, Как и Торан, она к чаю не притронулась.

— Погодите, Притчер. Вы же сами сказали, что ваши эмоции находятся под контролем. Вы верите в победу Мула — верите патологически, неправдоподобно. Как же мы можем доверять тому, что вы сейчас говорите? По идее, вы должны утратить всякую способность объективно мыслить!

— Вы ошибаетесь, — ответил полковник, медленно покачав головой. — Под контролем только мои эмоции. Разум в полном порядке. На мое мышление могут, конечно, оказывать влияние наплывы эмоций, но заставить меня думать иначе никто не может. И теперь, признаться, я вижу многие вещи более ясно, освободившись от тех эмоций, которые владели мною раньше.

Я могу судить о том, что программа Мула умна и цельна. За время, прошедшее с тех пор, как произошло мое... превращение, я проследил его карьеру с самого начала, то есть на протяжении семи последних лет. Обладая мутированными психическими способностями, он начал с того, что одолел какого-то бандита, и на его сторону перешла неплохо вооруженная шайка. С небольшой кучкой людей он захватывал одну планету за другой, пока не добрался наконец до Калгана, где сверг диктатора. Каждый следующий его шаг логично следовал за предыдущим. С Калганом в кармане он стал обладателем первоклассного флота, и с его помощью, и со своей фантастической психической силой вдобавок он нападает на Академию.

Академия — ключевой момент. Это величайшая по площади территория, где сконцентрирована индустриальная мощь Галактики. И теперь, когда все ядерные ресурсы Академии в его руках, он стал фактическим хозяином Галактики. Имея всю эту технику и свой дьявольский дар, он сумеет подчинить себе все, что еще осталось от старой Империи, и, скорее всего, после смерти старого Императора, который безумен и немощен и долго не протянет, он станет новым Императором. Тогда у него появится имя. И тогда, когда у него будет все это — плюс его сатанинский талант, который никуда не денется, — разве отыщется в Галактике хоть один мир, который будет способен ему сопротивляться? Ведь за эти семь лет он фактически создал новую Империю, сделал то, чего не могла бы добиться психоистория Селдона еще за семьсот лет. В Галактике наконец наступит мир и порядок. И вы ничего не сможете с этим поделать — как не смогли бы руками остановить вращение планеты.

Притчер умолк. Наступила долгая пауза. Чай остыл. Полковник допил его, налил себе еще, поболтал чашку. Торан яростно кусал ногти. Лицо Байты стало холодным, далеким, бледным. Она тихо проговорила:

— Вы нас не убедили. Если Мулу так хочется, пусть сам придет сюда и попробует нас... обработать. Я так понимаю, вы-то до конца сопротивлялись своему превращению?

— Безусловно, — твердо ответил Притчер.

— Так оставьте и нам такую возможность.

Полковник Притчер встал и сказал последнее:

– Ну что ж, я уйду. Как я уже сказал, в настоящее время я не имею относительно вас никакого приказа. Поэтому я не думаю, что должен сообщать куда следует о вашем местопребывании. Это не такая уж большая милость. Если Мул захочет, он найдет для этого дела других людей и они остановят вас. Я же не собираюсь превышать свои полномочия.

– Спасибо вам, – мягко сказала Байта.

– Только вот... насчет Магнифико. Где он? Выходи, Магнифико, я тебя не обижу.

– Что насчет него? – снова нахмурилась Байта.

– Ничего особенного. О нем тоже нет ни слова в моих инструкциях. Просто я слышал, что его продолжают разыскивать, и уверен, что Мул найдет его, если захочет. Но я никому ничего не скажу. Руку-то пожмете на прощание?

Байта крепко, искренне пожала руку полковника. Торан молча смотрел в сторону.

Полковник шагнул к двери. На пороге обернулся и сказал:

– И еще одно, последнее. Не думайте, что мне неизвестно, почему вы так упорствуете. Нам известно, что вы ведете поиски Второй Академии. Мул в свое время примет соответствующие меры. Вам ничто не поможет. Но... мы с вами были дружны когда-то. Сам не знаю, что это такое – совесть, добрые воспоминания или что другое, но только я чувствовал, что обязан предупредить вас, помочь вам отдалить насколько возможно ужас конца, пока еще не поздно. Прощайте!

Он резко отсалютовал, щелкнул каблуками и стремительно удалился.

Байта обернулась к Торану и прошептала:

– Они даже про Вторую Академию знают!

...А в глубинах библиотеки Эблинг Мис, ничего не подозревавший о том, что происходило наверху, ощутил внезапное озарение – как будто звездный свет озарил непроницаемую тьму, И сам себя поздравил.

Глава двадцать пятая Смерть психолога

После этих событий Эблингу Мису оставалось жить всего две недели.

За эти две недели Байта виделась с ним три раза. Первый раз – ночью того дня, когда к ним приходил полковник Притчер. Второй – через неделю. И последний раз – еще через неделю, в день его смерти.

Итак, в первый раз она пришла к Мису ночью, после визита Притчера. Перед этим супружеская пара вела спор. Они торговались, как на ярмарке, только ярмарка была невеселая...

– Торан, давай скажем Эблингу, – предложила Байта.

– Думаешь, он может нам помочь? – буркнул Торан.

– Нас только двое! Нужно поделиться тем грузом, который свалился на нас. Может быть, он, правда, сможет помочь!

Торан задумчиво проговорил:

– Он так изменился. Отощал – кожа да кости. Легкий, как перышко, как былинка... Порой мне кажется, что он уже никогда и ничем не сможет нам помочь.

– Перестань! – крикнула Байта, и голос у нее едва не сорвался. – Тори, перестань! Когда ты говоришь так, мне кажется, что Мул уже заполучил нас! Давай скажем Эблингу, Тори, сейчас!

...Эблинг Мис оторвал голову от длинного, заваленного бумагами и фильмокопиями стола и подслеповато уставился на них. Его редеющие волосы спутались, губы двигались с трудом.

– А? – спросил он. – Кому я нужен?

Байта встала на колени.

– Мы разбудили вас? Нам уйти?

– Уйти? Кто вы? Байта, это ты? Нет, нет, останься! А что, стульев разве нет? Вроде бы были, я видел...

Он рассеянно махнул рукой. Торан подкатил два стула. Байта села и взяла психолога за

руку. Рука его была вялая, ослабевшая.

– Можно поговорить с вами, доктор?

Чуть ли не впервые она обратилась к нему, назвав его ученую степень.

– Что-то стряслось?

В отсутствующем взгляде старого ученого вспыхнула слабая искорка оживления. Обвисшие щеки тронул легкий румянец.

– Что случилось?

– Здесь был капитан Притчер, – ответила Байта. – Тори! Давай я буду говорить, ладно? Вы помните капитана Притчера, доктор?

– Да... Да. Высокий такой. Демократ.

– Да, он. Он разгадал тайну мутации Мула. Он был здесь, доктор, и рассказал нам все.

– В этом нет ничего удивительного и нового. Мутация Мула известна мне. – Он удивленно воскликнул: – А разве я не говорил вам? Неужели я забыл вам сказать?

– Что вы забыли нам сказать? – резко спросил Торам.

– Ну, конечно, о тайне мутации Мула! Он управляет эмоциями. Эмоциональный контроль! И я не говорил вам? Как же я мог забыть? Почему я забыл?

Он закусил губу и задумался. Молчал он довольно долго, потом заговорил снова. В голос его возвращалась жизнь, глаза широко раскрылись, как будто разболтанная колесница его мыслей наконец въехала в единственно верную колею. Но говорил он, как во сне, не глядя на своих собеседников.

– На самом деле все очень просто. Для этого даже не нужны специальные знания. Психоисторическая математика, конечно, значительно облегчает задачу – достаточно было решить уравнение третьего порядка. Ну, это ладно... Это можно описать простыми словами... грубо, приблизительно... но все будет понятно, что, кстати, не так уж часто встречается при описании психоисторических феноменов.

Спросите себя: что может нарушить тщательно продуманную Гэри Селдоном схему исторического развития? А? – Он переводил взгляд с Байты на Торана, все больше и больше оживляясь. – Каковы были первоначальные допущения в теории Селдона? Во-первых, они заключались в том, что никаких фундаментальных изменений в человеческом сообществе в течение ближайшего тысячелетия не произойдет. Например, представьте себе, что произошли бы радикальные изменения в галактической технологии – типа открытия принципиально нового источника энергии или коренной модификации электронной нейробиологии? Социальные изменения, последовавшие за этим, сделали бы основополагающие уравнения Селдона бессмысленными. Но этого не произошло.

Или представьте себе, что где-то за пределами Академии было разработано новое оружие, способное противостоять всей мощи вооруженной Академии. Это также могло бы вызвать серьезное отклонение в схеме, хотя и с меньшей вероятностью, чем в первом случае. Но и этого не произошло. Моловский депрессор ядерного поля оказался неуклюжей самоделкой, ему можно было сопротивляться. Это было, кстати, единственное примененное им технологическое новшество, да и то, как видите, несуразное.

Но было и второе допущение, гораздо более уязвимое. Селдон предположил, что реакции людей на стимулы различного рода будут оставаться неизменными. Если признать, что первое допущение не может быть нарушено, значит, может быть нарушено второе! Некий фактор должен был перевернуть, дезорганизовать человеческие эмоции, иначе Селдон бы не проиграл и Академия бы не пала. Какой мог быть другой фактор, кроме Мула? Ну, прав я или нет? Есть изъян в моих рассуждениях?

Байта нежно погладила высокую руку Миса.

– Вы правы, Эблинг.

Мис обрадовался, как ребенок.

– Ну вот! И это, и многое другое оказалось так просто! Говорю вам, я иногда поражаюсь тому, что происходит у меня в голове! Когда-то все казалось таким туманным, таинственным, а теперь все так ясно! Никаких вопросов! Как только возникает какая-то проблема, она тут же сама собой разрешается у меня в мозгу, и я все отчетливо вижу и понимаю. Догадки, идеи так и рвутся наружу. Внутри меня что-то движется, все вперед... и вперед... так, что я не могу

остановиться... и не хочу ни спать... ни есть... только вперед... и вперед... и вперед...

Голос его перешел в свистящий шепот. Он коснулся лба иссохшей, покрытой синей сеткой вен рукой. Глаза его подернулись дымкой. Огонь в них погас. Он тихо проговорил:

— Значит, я так и не сказал вам, в чем состоит сила Мула? Но откуда же... Ты, кажется, сказала, что вы знаете об этом?

— Я говорила про капитана Притчера, Эблинг, — проговорила Байта. — Помните?

— Это он вам сказал? А... как он узнал об этом?

— Он был обработан Мулом. Он теперь полковник и служит у Мула. Он приходил, чтобы посоветовать нам сдаться Мулу, и сказал нам... ну, в общем, то же самое, что сказали вы.

— Значит, Мул знает, где мы? Мне нужно спешить... Где Магнифико? Его нет с вами?

— Магнифико спит, — сказал Торан. — Уже далеко за полночь.

— Вот как? А я? Я спал, когда вы вошли?

— Да, вы спали, — уверенно заявила Байта. — Но работать вы больше не будете. Немедленно в постель! Пойдемте. Тори, помоги мне. А вы перестаньте меня отпихивать, Эблинг! Еще ваше счастье, что я не заставляю вас пойти под душ. Сними с него туфли, Тори. А завтра придешь к нему с утра и выведешь его на воздух, пока он совсем не растаял. Да вы на себя в зеркало посмотрите, Эблинг. Вы только что паутиной не заросли. Есть хотите?

Эблинг Мис покачал головой и рассеянно поглядел на Байту, приподнявшись на кушетке.

— Попросите Магнифико спуститься ко мне завтра.

Подоткнув одеяло, Байта твердо заявила:

— Завтра, мой дорогой, к вам приду я и принесу чистое белье. Примете хорошую ванну, а потом выйдете на солнышко, сходите на ферму.

— Я не могу, — еле слышно отозвался Мис. — Слышите? Мне нужно торопиться!

Его редкие седые волосы рассыпались по подушке серебряной короной. Заговорщическим шепотом он спросил:

— Вы хотите найти эту... Вторую Академию, правда же?

Торан резко обернулся, подошел и сел на кушетку рядом со стариком.

— Что насчет Второй Академии, Эблинг?

Психолог выпростал руку из-под одеяла, слабыми пальцами прикоснулся к рукаву куртки Торана.

— Академии были созданы по решению Психологического Симпозиума под председательством Гэри Селдона. Торан, я нашел материалы этого Симпозиума. Целых двадцать пять фильмов. Я просмотрел все варианты.

— Ну и?

— Ну, знаете, по ним легко найти точное место расположения Первой Академии, если вы хоть немного знакомы с психоисторией. Так же легко его вычислить путем математических уравнений. Но, Торан, никакого намека на Вторую Академию. Никакого упоминания.

— Не упоминается?

— Конечно, упоминается! — сердито закричал Мис. — Кто сказал, что нет?! Но очень мало! И важность ее — а все говорит за это — более скрыта, завуалирована. Неужели не понимаете? Более значительная роль отводится Второй Академии. В переломный момент, момент, который рассчитан. Все это я узнал из протоколов Селдоновского Симпозиума. Так что — Мул пока еще не победил...

Байта молча выключила свет.

— Спать, спать...

Супруги молча поднялись к себе.

...На следующий день Эблинг Мис принял ванну и переоделся, выбрался наверх, поглядел на солнце Трентора, подышал его воздухом в последний раз. К концу дня он уже снова окопался в гигантских книгохранилищах библиотеки, чтобы больше никогда не выйти оттуда.

А наверху жизнь текла обычным чередом. Ночью в небе над Трентором можно было разглядеть яркую, спокойную звездочку — солнце Неотрентора. На ферме шел весенний сев. Территория Университета была безлюдна и молчалива. Казалось — так же безлюдна и пуста вся Галактика. Как будто никакого Мула нет и в помине.

Байта размышляла об этом, поглядывая на Торана который спокойно раскуривал сигару и

поглядывал на небо.

– Прекрасный день, – проговорил он.

– Да, прекрасный. Ты в списке все проверил, Тори?

– Вроде бы все, что ты просила – полфунта масла, дюжина яиц, зеленая фасоль… – как будто все в порядке, Не волнуйся, Бай, все принесу.

– Хорошо, только смотри, чтобы овощи были свежие, а не музейные экспонаты. Кстати, тебе Магнифику не попадался на глаза?

– После завтрака я его не видел. Наверное, он внизу, у Эблинга, фильмы смотрит, как обычно.

– Ладно. Ну, давай не теряй времени, мне яйца к обеду нужны.

Улыбнувшись и помахав рукой на прощание, Торан отправился в сторону фермы.

Как только он исчез из виду, Байта пошла в кухню, но, дойдя до двери, вернулась и пошла в сторону колоннады, ведущей к лифту, и спустилась в книгохранилище.

Эблинг Мис был там. Он прильнул к окуляру проектора как приклеенный. Рядом с ним сидел Магнифику, скрючившись на стуле, – сплошные локти и коленки. Венчал это коленчатое сооружение его знаменитый нос.

Байта шепотом окликнула его:

– Магнифику!

Паяц вскочил.

– Моя госпожа… – хрипло прошептал он.

– Магнифику, – ласково сказала Байта, – Торан ушел на ферму, а я кое о чем забыла его попросить. Будь хорошим мальчиком, отнеси ему записку, ладно? Я сейчас напишу.

– С радостью, моя госпожа! Я всегда так счастлив, когда могу оказать вам хоть небольшую услугу.

Байта и Эблинг Мис остались наедине. Байта твердо положила ладонь на плечо старого психолога.

– Эблинг…

Психолог вздрогнул и вскрикнул:

– Что? А, это ты, Байта? – проговорил он, часто моргая. – А где Магнифику?

– Я послала его по делу. Мне нужно поговорить с наедине. – В голосе ее звучала твердая настойчивость. – Я хочу поговорить с вами, Эблинг.

Психолог порывался вернуться к прерванному занятию, но рука Байты крепко сжимала его плечо. Господи, как же он исхудал. Пышнотелый старый задира истаял сак свечка за время их пребывания на Тренторе. Лицо его пожелтело, щеки обвисли, обросли щетиной трехдневной давности.

Байта спросила:

– А Магнифику вам не мешает, Эблинг? Он здесь торчит дни и ночи напролет.

– Нет, нет, нет! Совсем не мешает. Он сидит тихо, и совсем меня не беспокоит. Иногда приносит или уносит фильмокопии. Порой угадывает, что мне нужно, даже не спрашивая меня. Пусть он приходит.

– Хорошо… но, Эблинг, он вас не удивляет? Вы слышите меня, Эблинг? Он не удивляет вас?

Она придвигнула стул и села поближе к ученому, чтобы прочесть ответ в его глазах. Эблинг Мис покачал головой.

– Нет. О чём ты?

– Вот о чём. И вы, и полковник Притчер говорили, что Мул может управлять человеческими эмоциями. Но вы в этом твердо уверены? Разве сам Магнифику не исключение из этого правила?

Ответа не последовало. Байта продолжала упорные попытки разговорить психолога.

– Что с вами происходит, Эблинг? Магнифику был шутом Мула. Почему же тот не запрограммировал его на любовь и преданность? Почему же он – единственный из всех, кто общался с Мулом – так ненавидит его?

– Но… но… нет, конечно, он тоже был обработан. Конечно, был, Бай!

Казалось, Эблинг сам себя старается убедить в том, что говорит.

— Ты что же, думаешь, что своего шута Мулу нужно было обрабатывать в том же духе, что и своих генералов? От последних ему нужна была только преданность и лояльность, а от шута ему был нужен только страх, разве тебе не приходило в голову, что постоянный страх Магнифика перед Мулом патологичен по природе. Разве естественно для нормального человека все время пребывать в таком состоянии? Это нелепо, комично. И, видимо, для Мула это было действительно смешно, но это ему было нужно для того чтобы потом извлечь известную пользу из этого страха.

— Вы хотите сказать, что то, что говорит Магнифика о Муле, — неправда?

— Нет, он не лжет. Просто — так задумано. Чтобы повести по ложному следу. Ведь Мул — не сверхчеловек в плане физической силы, как думает Магнифика. За исключением своих фантастических психических способностей, он совершенно обычный человек. Но ему нравилось, ему было нужно казаться суперменом в глазах несчастного Магнифика.

Психолог пожал плечами.

— Вообще, все это не имеет теперь никакого значения.

— А что же имеет значение?

Но Мис высвободился и вернулся к проектору.

— Так что же имеет значение? — упорно повторяла Байта. — Вторая Академия?

Психолог неохотно глянул на нее.

— Я разве что-нибудь об этом говорил? По-моему, ничего не говорил. Я еще не готов. Что я вам говорил?

— Ничего, — резко ответила Байта. — О, Господи, ничего вы мне не говорили, но лучше бы сказали хоть что-нибудь, потому что Я... я так устала! Когда же это кончится!

Эблинга Миса тронул ее голос. Он погладил ее руку и тихо сказал:

— Ну, что ты, милая моя, я вовсе не хотел тебя расстраивать. Я теперь все на свете забываю. Забываю даже, кто мои друзья. Порой мне кажется, что я вообще никому об этом не должен говорить. Это нужно держать в тайне — от Мула, конечно, не от тебя, милая моя девочка. Прости меня.

Он вяло потрепал ее по плечу. Она спросила:

— И все-таки что же насчет Второй Академии?

Эблинг Мис инстинктивно перешел на шепот:

— Ты просто не представляешь себе, насколько старательно Гэри Селдон заметал следы!

Все материалы Симпозиума еще месяц назад казались мне бессмысленной галиматьей. Пока меня внезапно не осенило. Но даже сейчас мне кажется... Дело в том, что материалы Симпозиума большей частью не содержат фактической информации, многое в них изложено настолько туманно... Мне не раз приходило в голову, что даже те, кто присутствовал на Симпозиуме, могли не догадываться, что именно Селдон имеет в виду. Иногда я думаю, что вообще он затеял весь этот Симпозиум как грандиозный спектакль и только он сам, один представлял себе структуру...

— Академий?

— Второй Академии! С нашей Академией все было просто. Но Вторая Академия для всех была только названием — не более. О ней упоминается в бумагах, но все разработки относительно нее упрятаны в такие математические дебри... Очень многое мне до сих пор непонятно, но за последнюю неделю отрывочные сведения в сочетании с моими догадками сформировались в более или менее определенную картину...

Академия номер один стала миром физиков. Она была задумана как место концентрации научной мысли умирающей Галактики и была помещена в условия, необходимые для того чтобы впоследствии дать науке новую жизнь. Психологи в состав поселения включены не были. Обычно это объясняют тем, что психоистория Селдона как раз и рассчитана на то, что ее законы выполняются более точно при отсутствии индивидуальной инициативы, когда люди не ведают, что творят, не догадываются о будущем, поэтому реагируют на создавшиеся ситуации естественно. Понимаешь, о чем я говорю, дорогая?

— Да, доктор.

— Тогда слушай внимательно. Академия номер два стала миром психологов. Зеркальным отражением нашего мира. Царицей наук там стала не физика, а психология. Понимаешь? — с

триумфом победителя спросил он.

– Нет.

– Ну, что ты, Байта, подумай, пораскинь мозгами. Ты же умница! Гэри Селдон знал, что психоистория способна давать прогнозы с большой вероятностью, но не с полной уверенностью. Всегда существовала определенная граница ошибок, и с течением времени протяженность этой границы растет в геометрической прогрессии. Селдон, понимая это, постарался этому противостоять, как мог. Подстраховался, так сказать. Наша Академия развивала науку крайне энергично. Она стала способна победить любую армию, противостоять любым вооружениям, противопоставить силу силе. Но что она могла поделать перед лицом психической атаки предпринятой Мулом?

– Это было предусмотрено как дело для психологов из Второй Академии! – взволнованно воскликнула Байта.

– Да, да, да! Безусловно!

– Но пока они ничего не предприняли!

– Откуда ты знаешь, что не предприняли?

Подумав, Байта согласилась:

– Не знаю. А у вас есть данные, что они что-то делают?

– Нет. Есть многое, о чем я не знаю. Вторая Академия, видимо, как и наша, не сразу стала такой, как есть сейчас. Мы медленно развивались, наращивали силу, вероятно – они тоже, Одному Богу ведомо, какова их сила сейчас. Достаточно ли они сильны, чтобы выступить против Мула? И главное – знают ли они о грозящей опасности? Есть ли у них мудрые руководители?

– Но если они развиваются по Плану Селдона, значит, Мул должен быть разбит Второй Академией!

Похудевшее лицо Миса напряглось в раздумье.

– Ты снова об этом… Видишь ли, я полагаю, что создание и развитие Второй Академии было гораздо более сложной задачей, чем затея с нашей. Вторая должна была быть более сложна по структуре, и не исключено, что процент ошибок в вероятности, связанный с ее развитием, мог оказаться выше. И если Вторая Академия не победит Мула, дело может оказаться плохо. Очень плохо. Смертельно плохо! Это будет означать конец человеческой расы, конец теперешнего человечества.

– Нет!

– Да! А если потомки Мула унаследуют его психическое могущество? Понимаешь? Homo sapiens не выдержит конкуренции. Разовьется новая, доминантная раса – новая аристократия, которая превратит homo sapiens в бессловесных рабов. Разве не так?

– Да, похоже, что так.

– И даже если по какой-то причине Мулу не удастся создать династию, он все равно успеет создать новую Империю, которую будет держать в повиновении единоличной властью. Она умрет только тогда, когда умрет он. После этого Галактика останется такой же, какой была до него, – только Академии перестанет существовать –Академии, вокруг которых могла бы сформироваться реальная, здоровая Империя. И конца этому ужасу видно не будет.

– Что же нам делать? Можем мы предупредить Вторую Академию?

– Мы обязаны это сделать, иначе они могут стать жертвой собственного неведения, а этим рисковать нельзя. Но я не вижу, как мы могли бы их предупредить.

– Не видите?

– Я не знаю, где они находятся. Они «на другом краю Галактики» – вот все, что мне известно, и выбирать надо из миллионов миров.

– Эблинг, неужели здесь ничего нет про это? – с отчаянием спросила Байта, показывая на стопки фильмокопий, которыми был завален стол.

– Нет. Ничего. Пока я не нашел. И эта таинственность тоже о чем-то говорит. Этому наверняка есть причина.

Глаза его стали задумчивы.

– А теперь оставь меня. Я и так потерял уйму времени, а его все меньше и меньше…

Он отвернулся и прильнул к окуляру проектора.

Вечером того же дня Торан, выслушав рассказ жены, сказал:

– Ты думаешь, он прав, Бай? Тебе не кажется, что он немного... – Смутившись, Торан замолчал.

– Он в порядке, Тори. Он очень ослаб, я знаю. Конечно, он нездоров – исхудал, внешне переменился. Я думаю, это оттого, что он совсем не бывает на воздухе. Но ты бы посмотрел, как он преображается, когда речь заходит о Муле, о Второй Академии. Глаза у него сразу становятся ясные, чистые, как небо. Он знает, о чем говорит, Я верю ему.

– Значит, есть надежда.

Слова Горана прозвучали наполовину вопросительно.

– Я... этого не поняла. Может быть. А может быть, нет. Я теперь всюду хожу с бластером. В руке ее сверкнул небольшой пистолет.

– На всякий случай, Тори, на всякий случай...

– На какой случай?

Байта истерично рассмеялась.

Может быть, я тоже немного сошла с ума, как Эблинг Мис.

...А Эблингу Мису между тем оставалось жить всего семь дней. И они шли, эти семь дней, день за днем медленно и спокойно.

Торану казалось, что все вокруг погрузилось в спячку. Тепло и тишина отдавали летаргией. Казалось, жизнь утратила всякое подобие действия и превратилась в тягучее, липкое море сна.

Мис окончательно окопался в хранилище, но его упорная деятельность не приносила никаких плодов. Во всяком случае, он никому ничего не сообщал. Ни Торан, ни Байта с ним не виделись. Только из уст Магнифика, суждениям которого они не привыкли особенно доверять, они узнавали о жизни старого ученого. Магнифико, в эти дни ставший против обыкновения необычайно молчаливым и задумчивым, ходил на цыпочках, приносил психологу еду и сидел рядом с ним дни и ночи напролет.

Байта все больше и больше уходила в себя. Куда девалась ее всегдашая живость и самоуверенность! Все больше времени она проводила в одиночестве, погруженная в горькие раздумья.

Однажды Торан наткнулся на нее, когда она сидела в кресле и вертела в руках бластер. Заметив мужа, она быстро спрятала пистолет и вымученно улыбнулась.

– Что ты делаешь с бластером, Байта?

– Просто держу. Что, нельзя? Это преступление?

– Да ты просто можешь прострелить свою глупую головку!

– Значит, туда ей и дорога, раз глупая. Невелика потеря!

Супружество приучило Торана к тому, что спорить с женщинами, когда они в мрачном расположении духа, бесполезно. Он пожал плечами и ушел.

Настал последний день. В их комнату бет стука вбежал задыхающийся Магнифико. Он испуганно глядел на обоих супругов.

– Доктор зовет вас. Ему плохо.

Ему действительно было плохо. Он лежал на кушетке, глаза его были неестественно широко раскрыты и неестественно ярко горели. Он был неузнаваем – всклокоченный, грязный...

– Эблинг! – вскричала Байта.

– Дай мне сказать, – слабым голосом вымолвил психолог, с трудом опираясь на локоть. – Мне конец. Работу должны закончить вы. Я не делал заметок, листки с математическими расчетами я уничтожил. Никто не должен знать об этом. Все должно сохраняться только у вас в голове.

– Магнифико, – твердо приказала Байта, – иди наверх!

Паяц послушно поднялся и отступил назад, печально глядя на Миса. Мис жестом выразил свой протест.

– Не обязательно. Пусть останется. Останься, Магнифико.

Паяц поспешно сел. Байта смотрела в пол. Она до боли закусила губу.

Хриплым шепотом Мис выговорил:

— Я убежден: Вторая Академия может победить, если ее раньше времени не захватит Мул. Она сохранялась в тайне. Тайна должна быть сохранена. У этого есть цель. Вы должны отправиться туда. Ваша информация — вопрос жизни и смерти, от нее зависит все! Вы слышите меня?

Торан выкрикнул:

- Да, да! Скажите нам, как туда добраться, Эблинг? Где она?
- Сейчас скажу, — ответил слабый голос.

Но больше он ничего не сказал.

Байта, бледная как полотно, подняла бластер и выстрелила. Раздалось громовое эхо выстрела. Верхняя половина тела Эблинга Миса исчезла, как будто ее и не было, а в стене над кухеткой образовалась огромная сквозная дыра. С сухим стуком бластер упал на пол, выпав из онемевших пальцев Байты.

Глава двадцать шестая Конец поисков

Эхо выстрела прокатилось по дальним комнатам и затихло. На фоне затихающего звука раздался стук выпавшего из руки Байты бластера и визгливый вскрик Магнифика, заглушенный звериным ревом Торана.

Теперь, мгновение спустя, все молчали. Тишина была подобна агонии.

Голова Байты беспомощно упала на грудь. Блеснула скатившаяся по щеке слезинка. Байта не плакала с детства.

Все тело Торана сковал страшный спазм, он не в силах был пошевелить ни рукой, ни ногой, разжать стиснутые зубы. Лицо Магнифика стало подобно белой мертвенною маске.

Наконец Торан изменившимся до неузнаваемости голосом прохрипел:

- Значит, ты за Мула! Он достал тебя, обработал!
- Байта подняла голову. Рот ее болезненно искривился.

— Я — за Мула? Ты шутишь. Смешно.

Она горько усмехнулась, отбросила волосы со лба. Постепенно к ней вернулся голос, похожий на обычный.

— Все копчено, Торан. Теперь я могу говорить. Сколько еще я проживу, я не знаю. Но теперь я могу говорить.

Напряжение, сковавшее Торана, отпустило его, уступив место страшному, непобедимому безразличию.

— О чем говорить, Бай? О чем теперь можно говорить?

— О несчастьях, которые преследовали нас. Мы говорили об этом, Тори. Разве ты не помнишь? Как беда все время ставила нам подножки, но так ни разу и сбила с ног? Мы были в Академии, и Академия пала. Независимые Торговцы продолжали сражаться, но мы успели вовремя улететь в Хейвен. Мы были в Хейвене, и Хейвен пол, а остальные продолжали сражаться — и снова мы успели вовремя улететь. Мы прилетели на Неотрентор, а теперь он, конечно же, захвачен Мулом.

Торан слушал и качал головой.

— Не понимаю...

— Тори, в нормальной жизни так не бывает! Ты и я — мы ведь люди маленькие. Мы не оказались бы втянутыми в водоворот политических событий, если бы только не таскали этот водоворот всюду за собой! Мы страдаем потому, что возим с собой источник инфекции! Теперь понимаешь?

Губы Торана были плотно сжаты. Он с ужасом смотрел на окровавленные останки того, кто несколько мгновений назад был таким родным и близким человеком, и взгляд его был полон тоски и отчаяния.

— Давай уйдем отсюда, Бай. Выйдем на воздух.

Небо затянули дождевые облака. Дул порывистый ветер, развевая темные волосы Байты. Магнифико плелся позади и, по всей вероятности, не слышал, о чем они говорили.

Дома Торан сердито спросил:

— Так ты убила Эблинга Миса потому, что считала его источником инфекции?

Что-то во взгляде жены напугало его. Он прошептал:

— Он — Мул?

Сказал, и сам не поверил в то, что сказал.

Байта нервно рассмеялась.

— Бедный Эблинг — Мул? О, Господи, нет! Если бы он был Мулом, я бы не смогла убить его. Он бы узнал о моих намерениях и превратил бы мою ненависть в любовь, преданность, обожание, страх — во что угодно. Нет, я убила Эблинга не потому, что он был Мулом. Я убила его, потому что он знал, где находится Вторая Академия, и через две секунды он бы раскрыл Мулу эту тайну.

— Раскрыл Мулу эту тайну... — тупо повторил Торан. — Раскрыл бы Мулу...

Издав дикий вопль, он в ужасе обернулся, чтобы посмотреть на скорчившегося в углу паяца. Было непохоже, чтобы он понял что-то из сказанного.

— Ну, не Магнифиго же... — прошептал Торан.

— Слушай, — тихо сказала Байта. — Ты помнишь, что произошло на Неотренторе? Ну, вспомни и подумай, Тори!

Но он мотал головой и что-то беззвучно бормотал.

Она устало продолжила:

— На Неотренторе умер человек. Умер человек, к которому никто не прикасался. Так? Магнифиго играл на видеосоноре, и, когда кончил играть, крон-принц был мертв. Ну, разве не странно? Разве это не странно, что существо, которое боится всех и вся, совершенно беспомощное от этого страха, обладает способностью убивать, когда захочет?

— Музыка и световые эффекты, — пробормотал Торан, — оказывают сильное эмоциональное воздействие...

— Вот именно — эмоциональное воздействие! Очень сильное. Эмоциональное воздействие — это ведь из области способностей Мула! Ну, ладно, это, может быть, совпадение. Но все-таки существо, совершившее убийство, по определению, жутко боязливо. Допустим, его обработал Мул, возможно, все этим объясняется. Но, Торан, мне тоже немного перепало от той музыки, которая прикончила крон-принца. Совсем немного, но этого оказалось достаточно, чтобы меня охватило то самое чувство, которое я испытала в Склепе Селдона. То самое чувство отчаяния и безнадежности, которое потом я испытала в Хейвене.

Лицо Торана потемнело.

— Я тоже ощущал что-то подобное... Но я забыл. Я никогда не думал...

— Вот тогда я впервые догадалась. Это было смутное чувство — интуиция, если хочешь. Я об этом больше не думала. Потом Притчер рассказал нам о Муле, о том, какова природа его мутации, и мне сразу все стало ясно. Это Мул создал атмосферу отчаяния и паники в Склепе Селдона. Это Магнифиго создал атмосферу отчаяния на Неотренторе. Это была одна и та же эмоция. Значит, Мул и Магнифиго — один и тот же человек. Разве не логично, Тори? Разве это не как аксиома в геометрии — два отрезка, равные третьему, равны между собой?

Она была на грани истерики, но держалась из последних сил. Она продолжала:

— Догадка меня страшно напугала. Если Магнифиго — Мул, думала я, значит, ему известны мои эмоции и он может использовать их для своих целей. Я старалась вести себя так, чтобы он ни о чем не догадывался. Я избегала его. К счастью, и он избегал меня. Гораздо больше меня его интересовал Эблинг Мис. Я решила, что убью Миса, прежде чем он успеет сказать главное. Я решила это втайне и хранила тайну как только могла — настолько, что самой себе старалась не признаваться. Если бы я могла убить самого Мула! Но я не могла рисковать. Он бы заметил, а тогда все бы пропало.

Она была совершенно измучена. Торан резко выпалил:

— Это невозможно! Ты только посмотри на это ничтожество! Он — Мул? Да он даже не слышит, о чем мы говорим!

Не глядя, он ткнул пальцем в тот угол, где сидел Магнифиго. Но когда он туда посмотрел, то с ужасом увидел, что Магнифиго выпрямился во весь рост, что глаза его смотрят сурово и смело. Он сказал совершенно спокойно и без всякого акцента:

— Я прекрасно слышал, что она сказала, мой друг. Просто сейчас я сидел и размышлял о

том, как это я, при всем своем уме и способности все предвидеть, мог допустить роковую ошибку и так много потерял.

Торан в испуге откинулся на спинку кресла, как будто боялся, что сам паяц или его дыхание могут коснуться его.

Магнифико кивнул и ответил на незаданный вопрос:

— Я — Мул.

Он больше не был смешон — его скрюченные руки и ноги, его длинный нос стали скорее страшны, чем потешны. Он держался спокойно и уверенно.

Он великодушно проговорил:

— Сидите. Можете даже прилечь поудобнее. Игра окончена, и мне хотелось бы рассказать вам свою историю. Это моя слабость — желание, чтобы меня кто-то понял.

А глаза его, смотревшие на Байту, были прежние; мягкие, грустные карие глаза Магнифико-паяца.

— Не было ничего в моем детстве такого, — начал он, — что мне хотелось бы вспоминать. Может быть, вы сумеете это понять. Я был лишен возможности жить жизнью нормального здорового ребенка. Мать моя умерла, не успев взглянуть на меня. Кто мой отец, я не знаю. Я рос изгоем, с израненным и перевернутым сознанием, полным жалости к себе и ненависти к другим. Тогда меня считали страшным ребенком. Все избегали меня — большей частью из неприязни, но некоторые уже тогда боялись меня. Происходили странные случаи... но, впрочем, не стоит об этом. Главное, что этих случаев было достаточно для того, чтобы капитан Притчер сумел, копаясь в подробностях моего детства, прийти к выводу о том, что я — мутант. Справедливости ради скажу, что сам я об этом не догадывался лет до двадцати.

Торан и Байта, ошеломленные, слушали. Волна голоса Магнифико накатывала на них и разбивалась.

Паяц — нет, Мул — похаживал перед ними мелкими шажками из стороны в сторону.

— Само понимание моей необычайной силы пришло ко мне не сразу. Долго я не мог в это поверить. В конце концов я осознал, что разум человека для меня — как циферблат, стрелки на котором показывают на доминирующую эмоцию. Конечно, это не самый лучший образ, но иначе я не могу объяснить. Постепенно я понял, что умею проникать в чужое сознание и поворачивать стрелки в нужном направлении и удерживать их в этом положении, сколько мне вздумается, даже навсегда. Но понял я это опять-таки далеко не сразу. Другой бы, наверное, догадался быстрее.

Но, как бы то ни было, сознание собственной силы пришло ко мне, а с ним пришло желание отомстить за ничтожность моей прежней жизни. Может быть, вы сумеете это понять! Может быть, вы хотя бы попытаетесь это понять! Уродом быть нелегко — иметь разум, сердце, все понимать — и быть уродом. Смех и жестокость при одном взгляде на тебя! Ты — другой! Ты — чужой, посторонний, всегда посторонний! Вы этого никогда не чувствовали!

Магнифико поднял глаза к потолку, покачался с носка на пятку и продолжал свои воспоминания...

— Но, как бы то ни было, я узнал об этом и решил, что мы должны померяться силами с Галактикой. У нее были свои ходы, и я терпел это — двадцать два года! Но настала моя очередь сделать ход! У Галактики была солидная фора; я — один, а их — квадриллионы!

Он остановился, чтобы бросить взгляд на Байту.

— Но у меня было слабое место. Сам из себя, как личность, я ничего не представлял. Если я и мог добиться власти и могущества, то только за счет других людей. Успех приходил ко мне через посредников. Всегда! Все было именно так, как говорил Притчер. С помощью отпетого бандита я захватил свою первую базу на астероиде. С помощью одного промышленника я обосновался на первой из планет. С помощью целой вереницы других людей я добрался в конце концов до диктатора Калгана, захватил сам Калган и стал обладателем флота. После этого была Академия как цель, И тут на сцене появились вы. Академия, — тихо проговорил он, — была самой трудной задачей, с какой мне когда-либо приходилось сталкиваться. Чтобы разбить ее, мне нужно было вывести из строя колоссальное количество людей из правящей верхушки. Я смог бы сделать это с самого начала, похитрее, но мог отыскаться прямой путь, и я искал его. В конце концов, даже если очень сильный человек способен разом поднять пятьсот фунтов веса,

это вовсе не означает, что ему нравится без конца этим заниматься. Эмоциональная обработка людей – нелегкий труд, и я стараюсь к ней не прибегать, за исключением тех случаев, когда она действительно необходима.

Поэтому я подыскивал посредников для нападения на Академию.

Под видом собственного шута я искал агента или агентов из Академии, которые непременно должны были быть засланы в Калган для того, чтобы выяснить, кто я и что я. Теперь я понимаю, что встретить я должен был капитана Притчера. Но по воле капризной судьбы мне встретились вы. Я – телепат, но не до конца. А вы, моя госпожа, были из Академии. Это меня обмануло. Но оказалось не смертельно, поскольку Притчера к нам вскоре присоединился. Но ошибка была допущена в самом начале, и она-то и оказалась смертельной.

Торан впервые за все время рассказа подал голос.

– Постой! Ты хочешь сказать, что, когда я стоял там и распинался перед лейтенантом, вооруженный только Парализующим пистолетом, и защищал тебя, это было под воздействием эмоционального контроля! Ты хочешь сказать, что я уже тогда был обработан? – кричал Торан, брызгая слюной от ярости.

Тонкая улыбка скользнула по лицу Магнифика.

– А почему бы и нет? Выдумаете, это невозможно? Тогда спросите себя; разве вы стали бы рисковать жизнью ради уродца, которого до этого и в глаза-то не видели, будь вы в здравом уме? Догадываюсь, что по трезвому размышлению вы были сами немало удивлены своим тогдашним поведением.

– Да, – отозвалась Байта, – так оно и было. Это было совершенно очевидно.

– Как бы то ни было, – продолжал Мул, – Торан был вне опасности. У лейтенанта были четкие инструкции – не задерживать вас. Итак, мы втроем и капитан Притчера отправились в Академию, и – сами помните, как быстро завертелась там моя кампания. Когда капитана Притчера судил трибунал, на котором вы присутствовали, я упорно трудился. Военные суды, которые вели этот процесс, позднее командовали эскадронами во время военных действий. Они быстро капитулировали, и мой флот выиграл сражение при Хорлеггоре и еще кое-какие сражения.

Через Притчера я познакомился с доктором Мисом, который принес мне видеосонор, полагая, что делает это по собственной инициативе, и тем самым нескованно облегчил мне задачу. На самом деле, конечно, он сделал это вовсе не по собственной инициативе.

Байта прервала его:

– Эти концерты! А я все думала, к чему они! Теперь я понимаю!

– Да! – подтвердил Магнифико, – видеосонор действует, как фокусирующий инструмент. Сам по себе он представляет довольно-таки примитивное средство воздействия на чужие эмоции. Но с его помощью я могу воздействовать как на большое число людей одновременно, так и более интенсивно – на отдельных людей. Те концерты, которые я дал в Академии перед тем, как она капитулировала, и те, которые были даны в Хейвене перед тем, как он сдался, сделали значительный вклад в общее пораженческое настроение. Я мог бы здорово повредить здоровью принца на Неотренторе, но без видеосонора не смог бы его убить. Понимаете?

Но главной моей находкой был Эблинг Мис. Он мог бы...

Магнифико произнес последние слова с горечью, но, не договорив фразу до конца, продолжал:

– Существует особая мишень для эмоционального контроля, о существовании которой вы не догадываетесь. Интуиция, предвидение, озарение – называйте, как хотите – это свойство психики может наравне с эмоциями подвергаться обработке. По крайней мере, мне это удается. Вы не понимаете, о чем я говорю?

Ответа не последовало.

– Человеческий мозг работает весьма неэффективно. Обычно называют цифру: двадцать процентов от возможной потенции. Когда вдруг внезапно происходит то, что люди называют интуицией, озарением, ясновидением, в действительности мозг просто выдает то, на что он способен. Я давно понял, что умею индуцировать высокую работоспособность мозга в течение продолжительного времени. Это губительно для человека, подвергающегося такому воздействию, по очень эффективно для достижения моих целей. Депрессор ядерного поля,

примененный в войне против Академии, явился результатом подобной обработки одного калганского инженера. Я снова работал через посредников.

Эблинг Мис был не просто мишенью. Он был десяткой. Его научный потенциал колоссален, и он был нужен мне. Еще до начала войны с Академией я послал агентов для переговоров с Империей. Уже тогда я начал собственные поиски Второй Академии. Естественно, я ее не нашел. Я знал, что должен отыскать ее – и помочь в этом мне мог только Эблинг Мис. Его разум, работающий с повышенной эффективностью, мог позволить ему продублировать работы самого Гэри Селдона.

Частично это ему удалось. Я довел его до последнего предела. Процесс обработки его мозга был безжалостным, но дело должно было быть доведено до конца. Он должен был скоро умереть, но он был еще жив...

Он снова не договорил.

– Он должен был прожить еще достаточно долго. Мы втроем должны были отправиться во Вторую Академию. Это был бы последний бой, и все было бы кончено, если бы не моя ошибка.

Торан сдавленным голосом спросил:

– Почему ты все время к этому возвращаешься? Что за ошибка? И давай кончай, надоело.

– Видите ли, дело в том, что ошибкой была ваша жена, Торан. Ваша жена оказалась необычным человеком. Я никогда в жизни не встречал никого, подобного ей. Я... Я... – Голос Магнифика сорвался. Он с трудом взял себя в руки и продолжал:

– Она любила меня, она жалела меня сама по себе, и мне не нужно было воздействовать на ее эмоции. Я ее не раздражал и не забавлял. Просто – ока любила меня.

Неужели вы не понимаете? Неужели вы не видите, что это значило для меня? До сих пор никто... в общем, мне это было очень дорого. Собственные эмоции обманули меня, меня, бывшего хозяина чужих эмоций. Я не прикасался к ее разуму, к ее чувствам, понимаете? Я ее не трогал. Я дорожил настоящим чувством, слишком дорожил. Это и была моя ошибка, самая первая.

Вы, Торан, были под контролем. Вы никогда меня не подозревали, ничего у меня не выпытывали, не видели во мне ничего необычного. Как, например, в случае с «филианским» кораблем. Когда они нас остановили, они приняли меня на борт для того чтобы я обработал капитана Притчера, который содержался там под стражей. Кстати, они знали, где мы находимся, потому что я постоянно поддерживал связь со всеми своими генералами. Когда я ушел оттуда, капитан стал полковником, человеком Мула и командиром корабля. Все это происходило у вас на глазах, Торан. Однако вы приняли мое объяснение, хотя оно было насквозь порочно. Понимаете, что я имею в виду?

Торан скривился и спросил:

– А как это, интересно, вы поддерживали связь со своими генералами?

– Это было совсем нетрудно. Гиперволновой передатчик портативен и прост в обращении. Да и потом, выследить меня было невозможно! Если бы кто-то и застал меня за этим занятием, из его памяти был бы тут же вырезан кусок. Кстати, такое имело место.

На Неотренторе мои собственные чувства снова подвели меня. Байта не находилась под эмоциональным контролем, но даже она никогда бы ни в чем меня не заподозрила, если бы все не испортил крон-принц. Его намерения в отношении Байты возмутили меня. Я убил его. Это был идиотский поступок. Можно было попросту беспрепятственно улететь, как всегда.

И все-таки ваши подозрения не переросли бы в уверенность, если бы я помешал капитану, то есть полковнику Притчери выболтать вам все, что он пришел сообщить вам из лучших побуждений, или уделял больше внимания вам, а не Мису.

Он ссунулся, поежился...

– Ты закончил? – спросила Байта.

– Да.

– Ну, и что теперь?

– Я буду продолжать выполнение своего плана. Правда, вряд ли в эти сумасшедшие дни мне удастся отыскать кого-нибудь, кто был бы так же высокообразован и просвещен, как Эблинг Мис. Как бы то ни было, я намерен искать Вторую Академию. Но в каком-то смысле вы

меня победили.

Байта встала и выпрямилась.

— В каком-то смысле? Мы победили тебя полностью, окончательно и бесповоротно. Все твои победы за пределами Академии гроша ломаного не стоят! Галактика теперь – варварская пустыня. Да и сама Академия – так себе победа, потому что не она избрана для того чтобы остановить спровоцированный тобой кризис. Вторая Академия – вот с кем тебе предстоит сразиться! Вторая Академия! И она победит тебя. У тебя был единственный шанс найти ее и напасть на нее, когда она не была бы к этому готова. Теперь это тебе не удастся. Сейчас, возможно, в эту самую минуту машина уже завертелась. И ты узнаешь об этом, когда ее колеса сотрут тебя в порошок и придет конец твоему краткому могуществу. Лопнет оно, как мыльный пузырь, и ты останешься в памяти людской разовым захватчиком, размазанным по кровавому лицу истории!

Она тяжело дышала.

— Так что мы – Торан и я – победили тебя. И нам не жалко умереть.

Все было сказано. Но грустные карие глаза Мула были грустными глазами Магнифика-паяца.

— Я не стану убивать ни вас, ни вашего мужа. После всего, что случилось, вы не сможете сделать мне больше, чем сделали. Если я вас убью, Эблинга Миса я все равно не воскрешу. Мои ошибки – это мои ошибки, только мои, и я за них отвечаю перед собой. Ваш муж и вы свободны. Уходите с миром ради того, что я называю дружбой.

И добавил с некоторой гордостью:

— А пока я все-таки – Мул, самый могущественный человек в Галактике, и намерен победить Вторую Академию!

Тут Байта нанесла последний удар – твердо и уверенно.

— Нет. Тебе это не удастся. Я до сих пор не сомневаюсь в мудрости Селдона. Ты будешь последним властелином в своей династии – первым и последним!

Что-то перевернулось в Магнифика.

— В своей династии??! Да... я часто думал об этом. О том, что я мог бы основать династию. Что мог бы найти себе достойную пару...

Байта внезапно поняла, что означает горящий в его глазах алчный огонь, и похолодела.

Магнифико печально покачал головой.

— Я понимаю, чего вы испугались, но это глупо. Если бы все могло быть иначе, я очень легко сумел бы сделать вас счастливой. Это был бы искусственный экстаз, но он ничем не отличался бы от естественных эмоций. Но все, увы, так как есть, а не иначе. Я назвал себя Мулом – но вы прекрасно знаете, что никакой необыкновенной физической силы у меня нет. Дело не в этом.

Он ушел не оглянувшись.

Айзек Азимов Вторая Академия

Часть первая Поиски ведет Мул

Глава первая Двое плюс Мул

Мул. Режим, установленный Мулом, проявился во всей полноте после захвата Первой Академии. Добившись окончательного распада Первой Галактической Империи, Мул стал первым в истории, кому удалось подчинить себе территорию поистине имперского масштаба.

Прежняя коммерческая империя, созданная павшей Академией, несмотря на то усердие, с которым невидимой рукой психоистории плелись ее тонкие сети, оказалась жалким подобием жестко управляемого «Союза Миров», во главе которого встал Мул. В «Союз Миров» входила примерно десятая часть Галактики пятнадцатая часть ее населения. В особенности на протяжении эпохи так называемых «Поисков»...

Галактическая энциклопедия

В «Энциклопедии» сказано довольно много о Муле и о его «Империи», но почти все там изложенное не имеет отношения к тому, о чем собирается поведать автор. К тому же стиль «Энциклопедии» грешит сухостью. Статья, посвященная Мулу, описывает далее экономические условия, которые привели к возвышению «Первого Гражданина Союза» – именно таков был официальный статус Мула, – и экономические последствия его возвышения.

Всякий раз, когда из контекста статьи чувствуется, что автор статьи испытывает хотя бы легкое удивление по поводу той колossalной спешки, с которой Мул занимался созданием своей «Империи», превратившейся всего за пять лет из ничего в колосальную по масштабам территорию, становится очевидно, что он всеми силами старается скрыть свое удивление. Всяким раз, когда его поражает внезапный переход от активной экспансии к пассивной консолидации захваченной территории, он явно скрывает факты.

Поэтому мы отложим «Энциклопедию» в сторону и пойдем собственным путем и попробуем описать историю Великого Безвластия – промежутка между падением Первой и началом Второй Империи, к концу пятилетия «консолидации».

С политической точки зрения, в Союзе царило спокойствие, с экономической – процветание. Мало кому приходило в голову мечтать о том, чтобы покой, установившийся под железной пятой Мула, сменился хаосом, ему предшествовавшим. В мирах, которые всего пять лет назад знали, что такое Академия, кое у кого, возможно, и появились чувства сродни ностальгическому сожалению, но не более того. Те лидеры Академии, которые были не нужны Мулу, были уничтожены, а те, которые были нужны, были «обработаны».

Самым нужным из «обработанных» был Хэн Притчер, ныне генерал-лейтенант.

Во времена Академии Хэн Притчер был капитаном и членом подпольной демократической оппозиции. После того как Академия без боя сдалась Мулу, Притчер продолжал вести борьбу против Мула до тех пор, пока не был «обработан».

«Обработка» была весьма специфичная. Это был не просто разумный добровольный переход на сторону победителя, и Хэн Притчер это отлично понимал. Его взрения радикально переменились, потому что Мул был мутантом, психическая энергия которого подчиняла себе нужных ему людей. Сам Хэн Притчер никаких неудобств не испытывал. Все было, с его точки зрения, нормально. Само по себе чувство удовлетворения собственным состоянием являлось признаком того, что «обработка» прошла успешно, однако Хэн Притчер уже чувствовал себя так, что собственное состояние его нисколько не занимало.

Теперь, возвращаясь из своей пятой по счету экспедиции из беспредельных просторов Галактики за границами Союза, он с неестественной радостью предвкушал – он, бывший ас-звездолетчик, опытный агент разведки Академии, – будущую аудиенцию у «Первого Гражданина»... Его суровое лицо, словно выточенное из куска твердого дерева, казалось, неспособное улыбнуться, чтобы при этом не потрескаться, не выражало никаких чувств – по внешние проявления не имели никакого значения. Мул видел его насквозь – всего, до самой тончайшей эмоции, и замечал малейшие эмоциональные порывы, как обычный человек замечает, например, что у собеседника слегка дрогнула бровь.

Притчер поставил свой космический катер на стоянку в старом вице-королевском ангаре и отправился на территорию дворца пешком – так полагалось. Целую милю он прошел по снабженной указателями дороге. Она была безлюдна и тиха. Притчер знал, что на всей территории дворца нет ни одного охранника, ни одного солдата, ни одного вооруженного человека.

Мул не нуждался в защите.

Мул сам себе был лучшим и надежнейшим защитником.

Звук собственных шагов отдавался в ушах Притчера. Здание дворца приближалось, отражая яркий солнечный свет полированной поверхностью стен, покоящихся на высоких, полубезумных по очертаниям арках, – типичный образчик архитектуры былой Империи. Здание крепко сидело в земле, возвышаясь и над обширной дворцовой территорией, и над многонаселенным городом, видневшимся на горизонте.

Внутри дворца находился тот один-единственный человек, от нечеловеческих психических способностей которого зависела вся новая, им созданная аристократия, и вся структура «Союза».

Огромная входная дверь мягко отъехала в сторону, и генерал ступил на широкий пандус. Бесшумный лифт быстро поднял его наверх. Он остановился перед небольшой, непримечательной на вид дверью личных покоев Мула, расположенных на самом верху самой высокой башни дворца.

Дверь открылась...

Бейл Ченнис был молод. Бейл Ченнис не был «обработан». То есть, проще говоря, его эмоции не находились под управлением Мула. Они оставались такими, какими были даны ему от рождения и как впоследствии сформировались под воздействием окружающей среды. Это его вполне устраивало.

Ему еще не было и тридцати, но в столице он занимал высокое положение. Он был хорош собой и умен и потому пользовался успехом в высшем обществе. Он был прекрасно образован и самолюбив и потому пользовался успехом у Мула. Его одинаково удовлетворяло и то и другое.

Сегодня впервые Мул удостоил его личной аудиенции.

Ноги легко несли его по длинной сверкающей нитке дороги, ведущей к дворцу, украшенному башнями из губчатого алюминия, – бывшей резиденции вице-короля Калгана, – который позднее стал резиденцией независимых князей Калгана, которые управляли государством сами по себе, и который теперь стал резиденцией Первого Гражданина Союза, который сам по себе правил в своей собственной Империи...

Ченнис шел, тихо мурлыкая мотивчик собственного сочинения. У него не было ни малейших сомнений, о чем пойдет речь. Конечно же, о Второй Академии! Об этом призраке, который заставил Мула прекратить свою политику безудержной экспансии и держал его в постоянном напряжении. Официально это называлось «консолидацией».

Сейчас Калган был переполнен слухами. Слухи – не экспансия, их во все времена остановить нельзя. Одни говорили, что Мул якобы нашел, где находится Вторая Академия, и собирается на нее напасть. Другие – что Мул сговорился со Второй Академией и они вместе собираются учинить передел Галактики. Третья – что Мул наконец убедился в том, что Вторая Академия вообще не существует, и скоро сам завоюет всю Галактику.

Бесполезно перечислять все, о чем говорили в гостиных. Тем более что это была уже не первая полоса слухов. Однако теперь создавалось впечатление, что за разговорами действительно что-то стоит, и это страшно будоражило людей с развитой фантазией, которых хлебом не корми, а дай пожить во времена войн, сражений и политического хаоса; когда же тыишь да гладь – они скучают и чахнут.

Бейл Ченнис был как раз из таких. Он не боялся таинственной Второй Академии. Именно поэтому он не боялся Мула, открыто этим бравируя. Возможно, некоторые, которым не слишком нравился этот человек, такой молодой и одновременно такой преуспевающий, злорадно поджидали, когда же этот дамский любимец поплатится за то, что позволяет себе во всеуслышание потешаться над внешностью Мула и его подозрительно уединенным образом жизни. Никто не осмеливался присоединяться к его саркастическим высказываниям, мало кто смеялся над его шутками, но, поскольку с ним, как бы то ни было, ничего не происходило, репутация его, естественно, росла.

Ченнис шел вперед, сочиняя слова на импровизированный мотивчик. Слова были самые что ни на есть дурацкие и сопровождались припевом: «Академия Вторая всю Галактику пугает,

нам спокойно спать мешает».

Он подошел ко дворцу.

Огромная входная дверь мягко отъехала в сторону, и он ступил на широкий пандус. Бесшумный лифт быстро поднял его наверх. Он остановился перед небольшой, непримечательной на вид дверью личных покоев Мула, расположенных на самом верху самой высокой башни дворца.

Дверь открылась...

Человек, у которого не было другого имени, кроме клички «Мул», не было другого титула, кроме как «Первый Гражданин Союза», смотрел на видневшийся на горизонте город сквозь странное окно – он видел все как на ладони, а с внешней стороны была глухая стена.

В сгущающихся сумерках на небе загорались первые звезды. Все они без исключения принадлежали ему.

Он горько усмехнулся. Они принадлежали тому, кого мало кто видел собственными глазами.

Он, Мул, был человеком, на которого нельзя было взглянуть без жалости и сострадания. Его исключительно скромный вес – сто двадцать фунтов – до смешного не соответствовал росту – пять футов и восемь дюймов.

Из тщедушного тулowiща, как скрюченные длинные стебли, росли руки и ноги. Длинное худое лицо почти терялось на фоне торчавшего на три дюйма, крючковатого, похожего на клюв хищной птицы носа.

Пожалуй, только глаза не соответствовали общему карикатурному облику того, кого называли Мулом. В этих глазах – странно мягких для величайшего покорителя Галактики – никогда не исчезала странная грусть.

В городе царило оживление, какое и должно царить в роскошной столице роскошного мира. Он мог основать столицу в Академии, на территории самого сильного из поверженных врагов, но это было далеко, на самом краю Галактической спирали. Калган, расположенный ближе к центру, имевший стойкую славу аристократического курорта, более устраивал его – со стратегической точки зрения.

Но типичная для столицы бурная жизнь, подкрепленная невиданным доселе процветанием, его вовсе не радовала и как бы совсем не касалась.

Его боялись, ему подчинялись, его, наверное, даже уважали – на расстоянии. Но кто бы взглянул на него без сожаления и усмешки? Только те, кто был «обработан». Но что толку было в их искусственной верности? Ему недоставало искренности. Он мог бы наделить себя кучей титулов, разработать неимоверно изощренные ритуалы поклонения своей персоне, но это бы ничего не изменило. Лучше – или, по крайней мере, не хуже – было оставаться «Первым Гражданином» и скрываться от посторонних взглядов.

Внутри у него шевельнулось нечто вроде протеста – сильное, грубое чувство. Никто в Галактике не смел отрицать его существования! Пять лет он хранил молчание, похоронив себя здесь, в Калгане, – и все из-за этого вечного, туманного, притаившегося в неведомых глубинах пространства призрака, этой постоянной угрозы – невидимой, неслышимой, неизвестной Второй Академии. Ему было тридцать два. Совсем немного, – но чувствовал он себя стариком. Тело его, несмотря на колossalную психическую энергетику мутанта, было слабым, болезненным.

Каждая звезда! Каждая звезда, которую он видел, и каждая из тех, что были не видны. Все должно было принадлежать ему!

Месть всем и всему. Месть человечеству, частью которого он не был. Месть Галактике, в которой для него не было места!

Над головой у него мигнул сигнальный огонь, По дворцу кто-то шел. Он спокойно следил за передвижениями этого человека, и одновременно, словно его мутантные психические способности обострились в одиночестве сумерек, он почувствовал, как волна чужого эмоционального удовлетворения легко коснулась его собственного сознания.

Он узнал идущего без особых усилий. Это был Притчер.

Капитан Притчер из бывшей Академии. Капитан Притчер, которого проигнорировало,

недооценило насквозь обюрократившееся правительство времен упадка. Капитан Притчер, чью шпионскую деятельность он без труда разоблачил, кого он возвысил, вытащил из грязи. Капитан Притчер, которого он сначала сделал полковником, а потом генералом, предоставив ему в полное распоряжение всю Галактику.

Теперешний генерал Притчер, в прошлом несгибаемый мятежник, был безоговорочно предан Мулу. Однако причиной его преданности была отнюдь не благодарность за данные ему привилегии, не логика, не чувство справедливости – только «обработка».

Мул прекрасно отдавал себе отчет в том, что прочный слой верности и преданности ему, который определял все эмоциональные проявления поведения Притчера, – тот самый слой, тот колпак, которым он накрыл его пять лет назад, исключительно поверхностен. В глубине души Притчер продолжал оставаться прирожденным упрямцем, борцом с властью, идеалистом, хотя теперь даже сам этого и не сознавал.

Дверь за спиной Мула открылась. Он обернулся. На месте окна появилась глухая стена, и пурпурные краски вечера сменились ярким, белым, безжалостным сиянием атомного освещения.

Хэн Притчер сел на указанный ему стул. Он не кланялся, не становился на колени. Никаких формальных выражений подобострастия на аудиенциях у Мула не требовалось. Мул был просто «Первым Гражданином». Обращаться к нему полагалось «сэр». В его присутствии можно было сидеть, можно было даже спиной повернуться, если уж так получалось.

Для Хэна Притчера все эти мелочи свидетельствовали о непререкаемом могуществе этого человека. Сама мысль об этом приятно радowała его.

Мул сказал:

– Вчера я получил ваш последний отчет. Не скрываю, он меня очень огорчил, Притчер.

Брови генерала сошлись на переносице.

– Да, сэр, я вас понимаю. Но к сожалению, другого просто быть не могло. Никакой Второй Академии нет, сэр.

Мул задумался, медленно, упрямо покачал головой, как делал уже много-много раз на памяти Притчера.

– Существует свидетельство Эблинга Миса. Всегда существовало и будет существовать свидетельство Эблинга Миса.

Старая песня, подумал Притчер и сказал без всякого выражения:

– Конечно, Мис был величайшим психологом в Академии, но в сравнении с Гэри Селдоном – он мальчишка-подмастерье. Ведь, изучая работы Селдона, он был под воздействием вашей искусственной стимуляции. Может быть, вы его перенапрягли. Он мог ошибиться. Скорее всего, он ошибся, сэр.

Мул вздохнул, вытянул вперед птичью головку на тонком стебельке шеи.

– Если бы только он прожил еще одну минуту! Он как раз должен был проболтаться, где находится Вторая Академия! Говорю вам, он знал это! Зря я медлил. Нельзя было ждать так долго. Сколько времени потеряно зря! Пять лет – и все впустую!

Притчер никак не отреагировал на минутную слабость своего господина – его контролируемые чувства не допускали этого. Он только слегка заволновался и сказал:

– Но как же можно иначе объяснить, сэр? Пять раз я отправлялся на поиски. Вы лично вычерчивали маршруты. Не осталось ни одного астероида, который бы я не перевернул вверх ногами! Триста лет назад Гэри Селдон из бывшей Империи основал две Академии, которые якобы должны были стать зародышами новой Империи, призванной заменить старую. Через сто лет после смерти Селдона Первая Академия, которая нам обоим так хорошо знакома, была известна на всей Периферии. Через сто пятьдесят лет после смерти Селдона ко времени последнего сражения со старой Империей – она была известна по всей Галактике. Теперь, когда прошло триста лет, – где же таинственная Вторая? Ни в едином уголке Галактики о ней никто слыхом не слыхивал.

– Эблинг Мис говорил, что она содержится в секрете. Только скрытность ее существования, по его словам, способна обратить ее слабость в силу.

– Ну, знаете, сэр, такая глубочайшая секретность может с успехом означать и то, что ее вообще не существует.

Мул поднял на него взгляд. Глаза его были широко раскрыты – подозрительно широко.

– Нет. Она существует, – твердо сказал он, многозначительно подняв указательный палец, и добавил: – Будут кое-какие изменения в тактике поисков.

Притчер нахмурился:

– Вы собираетесь лично возглавить экспедицию? Я бы вам не советовал.

– Нет. Конечно, нет. Вам придется полететь еще раз самому. Последний раз. Но с вами полетит еще один человек. Вторым командиром.

– Кто это, сэр?

– Есть тут один молодой человек в Калгане, по имени Бейл Ченнис.

– Никогда не слыхал о таком, сэр.

– Да, скорее всего, не слышали. Однако у него незаурядные способности и высочайшие амбиции. К тому же он... «не обработан».

Массивный подбородок Притчера едва заметно дрогнул.

– Не вижу в этом особых преимуществ.

– Преимущества есть, Притчер. Давайте посмотрим правде в глаза. Вы – неглупый и опытный человек. Вы сослужили мне неплохую службу. Но вы «обработаны». Вся мотивация ваших поступков зиждется всего-навсего на искусственно созданной, беспомощной верности мне. Утратив мотивацию поведения, данную вам от природы, вы потеряли нечто такое... какие-то душевные порывы, которые даже я не в силах в вас восстановить.

– Я этого не ощущаю, – угрюмо буркнул Притчер. – Я прекрасно помню себя – того, каким я был в те дни, когда был вашим врагом. Не думаю, чтобы тогда я был лучше, чем сейчас.

– Естественно, – криво усмехнулся Мул. – Но ваше мнение по этому поводу вряд ли можно считать объективным. Но вернемся к Ченнису. Итак, как я сказал, он амбициозен – по природе. Ему вполне можно доверять, поскольку он не признает никаких авторитетов, кроме самого себя. Однако отлично сознает, что он тем не менее существует, вцепившись в шлейф моего могущества. Поэтому он сделает все, чтобы привисеть на этом шлейфе как можно дольше, дабы добраться на этом транспортном средстве к своей цели – славе и могуществу. Если он отправится вместе с вами, его устремления получат дополнительный толчок – хотя бы для него самого.

– Тогда, – настаивал Притчер, – почему бы вам не освободить меня от эмоционального контроля, если вы и вправду считаете, что это пошло бы мне на пользу? Вряд ли теперь я сумею изменить вам.

– А вот это – никогда, Притчер. Пока вы от меня на расстоянии руки, на расстоянии выстрела бластера, вы будете оставаться под жестким контролем. Я отлично знаю, что, освободив вас, в следующую же минуту я буду мертв.

Щеки генерала вспыхнули лихорадочным румянцем.

– Для меня оскорбительно, что вы так думаете обо мне.

– Я вовсе не хотел оскорбить вас, но вы просто не можете себе представить, какие чувства овладеют вами, когда они будут отпущены на свободу, когда ваше поведение вернется в русло прежней мотивации. Человеческий разум сопротивляется контролю. Обычный гипнотизер-человек по этой самой причине не способен загипнотизировать человека, сопротивляющегося гипнозу. Я – могу, поскольку я – не гипнотизер, и поверьте мне, Притчер, сопротивление, которого вы не оказываете и о котором вы даже не помышляете, – это то, с чем мне совсем не хотелось бы столкнуться.

Притчер нагнулся голову. Снаружи его охватила мука беспомощности, внутри у него были только тоска и усталость. Он с усилием выговорил:

– Но как же вы можете доверять этому человеку? Я хочу сказать – разве можно доверять ему так же безоговорочно, как мне – «обработанному»?

– Ну, наверное, полностью ему доверять нельзя. Именно поэтому вы и отправитесь вместе с ним. Видите ли, Притчер...

Мул забрался с ногами в глубокое кресло и стал похож на украшенную птичьей головкой зубочистку, сломанную посередине.

– Видите ли, Притчер, вам придется приглядывать за ним на тот случай, если ему взбредет

в голову, что со Второй Академией он сумеет договориться более выгодно, чем со мной. Вы понимаете?

В глазах Притчера мелькнул огонек удовлетворения.

— Так-то лучше, сэр.

— Вот именно. Но помните — до поры до времени ему должна быть предоставлена полная свобода действий.

— Ясно.

— И еще, Притчер... Молодой человек этот очень хорош собой, приятен в общении, обаятелен. Не позвольте ему одурачить вас. Он опасный, непредсказуемый человек. Будьте с ним осторожны. Это все.

Мул снова остался один, Он выключил свет, и стена напротив снова стала прозрачной. Небо окрасилось в пурпур, город на горизонте утопал в бесчисленных огнях.

Ради чего было все это? Даже если бы он стал властелином Вселенной — что тогда? Разве перестали бы такие люди, как Притчер, быть высокими, стройными, самоуверенными, сильными? Разве отказался бы Бейл Ченнис от своих убеждений, перестал бы отпускать мерзкие остроты в его адрес? Разве он сам, Мул, стал бы другим?

Он думал так и проклинал собственные мысли. Чего же ему на самом деле хотелось? К чему он стремился?

Мигнул бесстрастный сигнальный огонек. Мул знал о том, что сейчас по дворцу идет человек, и почти помимо воли ощутил, как волна чужого эмоционального удовлетворения коснулась его мозга.

Он без труда узнал идущего. Это был Ченнис. На этот раз Мул не ощущал привычного однообразия эмоций, как у «обработанных». Наоборот, он чувствовал сопротивление сильного разума, нетронутого, неприосновенного, не задетого ничем, кроме периодических размышлений о бренности всего сущего и неустройстве Вселенной. От чужого сознания плыли к нему потоки и волны. Чувствовалась наружная осторожность — тонкая, мягкая, но под ней таилась циничная самоуверенность. Еще глубже ощущалось мощное течение честолюбия и самолюбия, вспучивающееся то там, то тут вспышками жестокого юмора, а в самой глубине стояло спокойное озерцо амбиций.

Мул знал, что способен протянуть невидимую руку и преградить путь потоку, выплеснуть воду из русла и направить по другому пути, высушить одно русло и проложить другое. Но что из этого? Если бы он взял и накрыл кудрявую гордую голову Ченниса колпаком обожания, разве это хоть что-нибудь изменило бы в его собственном уродстве, вынуждавшем его ненавидеть солнечный свет и любить ночь, сделавшем его отшельником в Империи, безраздельно принадлежавшей ему одному?

Дверь у него за спиной открылась. Он обернулся. Прозрачная стена стала непрозрачной, И темнота позднего вечера сменилась белым, безжалостным атомным освещением.

Бейл Ченнис непринужденно уселся и сказал:

— Это — неожиданная честь для меня, сэр.

Мул всей пятерней почесал огромный нос и несколько раздраженно спросил:

— Почему же, молодой человек?

— Предчувствие, наверное. Если только, положа руку на сердце, не признаться, что до меня доходили кое-какие слухи.

— Слухи? Ну, их теперь множество, Какие же именно?

— Ну, пожалуй, те, в которых говорится о том, что планируется возобновить Галактические Завоевания, Очень надеюсь, что это — правда и что я смогу сыграть в этом достойную роль.

— Следовательно, выдумаете, что Вторая Академия существует?

— Почему бы и нет? Это было бы так интересно!

— И лично вам это интересно?

— Ну конечно! Хотя бы потому, что это так таинственно! Разве еще о чем-нибудь можно так фантазировать! В последнее время газеты только об этом и говорят — а это кое-что да значит. Тут вот, например, в «Космосе» опубликовали гипотезу одного из их обозревателей: он

предполагает, что существует мир, населенный существами, представляющими собой нечто вроде сгустков чистого разума – то есть так он представляет себе Вторую Академию, – ну вот, и они как будто бы разработали ментальную энергию такой силы, что она способна противостоять любой физической мощи. И будто они способны отбрасывать прочь от себя корабли на целые световые годы, сворачивать планеты с привычных орбит...

– Интересно. Заниматально. Да. Ну а у вас лично есть какие-нибудь соображения на этот счет? Вы считаете, что такое возможно – эта психическая сила?

– О, господи, ну конечно же, нет! Разве можно себе представить, что подобные существа посиживали бы на своей планете? Нет, сэр! Вторая Академия сохраняется в тайне именно потому, что они слабее нас.

– В таком случае, мне не составит труда объяснить вам, в чем, собственно, суть дела. Как вы отнесетесь к предложению возглавить экспедицию по поиску Второй Академии?

На мгновение Ченнис растерялся. События развивались быстрее ожидаемого. Казалось, у него просто-таки язык присох к небу.

Мул сухо поторопил его:

– Ну?

Ченнис потер лоб ладонью.

– Конечно. Согласен. Но куда я должен отправляться? У вас есть какая-нибудь идея?

– С вами отправится генерал Притчер.

– Следовательно, экспедицию возглавляю не я?

– Выводы будете делать, когда я закончу. Послушайте, вы не из Академии. Вы – уроженец Калгана, не так ли? Да? Отлично. Следовательно, ваши знания о Плане Селдона весьма туманны. Так вот. Когда Первая Галактическая Империя стала приходить в упадок, Гэри Селдон вместе с группой психоисториков, анализируя будущее течение истории математическими методами, которые в наше упадочное время безнадежно утрачены, основал две Академии – по одной на каждом краю Галактики – так, чтобы экономические и социальные тенденции, которые в то время только начали намечаться, сделали бы эти Академии впоследствии очагами создания Второй Империи. Гэри Селдон предполагал, что на ее создание уйдет тысяча лет. Не будь Академий, на это ушло бы тридцать тысячелетий. Но он не учел меня. Я – мутант, и мое появление не было запланировано психоисторией, которая оперирует только усредненными реакциями больших масс людей. Понимаете?

– Прекрасно понимаю, сэр. Но какое отношение это имеет ко мне?

– Скоро поймете. Я намерен объединить Галактику уже сейчас и тем самым достичь цели, поставленной Селдоном, скорее – всего за триста лет. Одна из Академий – мир ученых-физиков – все еще процветает под моим неусыпным наблюдением. В условиях расцвета и порядка, царящих в Союзе, атомное оружие, разрабатываемое ими, способно победить всех и вся в Галактике – всех и вся, кроме, пожалуй, Второй Академии. Поэтому я должен больше узнать о ней. Генерал Притчер твердо убежден, что она вообще не существует. Я убежден в обратном.

Ченнис осторожно поинтересовался:

– А откуда вы знаете, сэр?

– Знаю! – неожиданно взорвался Мул. – Потому что в умах людей, находящихся у меня под контролем, происходят кое-какие изменения. Кто-то вмешивается! Мягко! Осторожно! Но все-таки не настолько, чтобы я не мог заметить. И это вмешательство нарастает и затрагивает важных для меня людей в самые ответственные моменты. Теперь вам, думаю, не будет удивительно, почему я бездействовал по непонятной якобы причине последние годы?

Вот ваша задача. Генерал Притчер – лучший из моих людей, поэтому он наверняка не в безопасности. Он этого, естественно, не знает. Но вы не «обработаны», поэтому вас не сразу распознают как человека Мула. Вы сможете дурачить Вторую Академию дольше, чем кто-либо из моих людей. Может быть, достаточно долго. Понимаете?

– Гм-м-м... Да. Простите, сэр, хотелось бы кое о чем спросить вас. Каким образом я могу ощутить это... воздействие на ваших людей – конкретно, на генерала Притчера, если таковое произойдет? Они что – снова становятся «необработанными»? Нелояльными, так, что ли?

– Нет. Я же сказал вам, это почти неуловимо. И это-то как раз самое плохое, потому что заметить что-либо конкретное исключительно трудно, и порой мне приходится ждать, прежде

чем принимать меры, не будучи уверенным в том, что именно происходит с «ключевым» человеком; то ли он допускает естественные ошибки, то ли его «обрабатывают» по-своему. С лояльностью ничего не происходит – поражаются такие качества, как инициатива и способность принимать решения. Они как бы стираются из сознания. Мне оставляют совершенно нормального с виду человека, но абсолютно бесполезного. За последний год таким образом обработали шестерых. Шестерых лучших моих людей!

Уголок его рта нервно задергался.

– А они сейчас отвечают за работу тренировочных баз – и я всей душой желаю, чтобы у них не случилось ничего экстренного, что потребовало бы от них принятия решений.

– Но, сэр, а если допустить, что это все-таки не дело рук Второй Академии? Вдруг это кто-то вроде вас... другой мутант?

– Нет. Все чересчур тонко спланировано и чересчур надолго. Один человек торопился бы. Нет, это целый мир, и вы должны стать моим оружием против него.

Глаза Ченниса блеснули.

– Я счастлив, что вы оказываете мне эту честь.

Но от Мула не укрылся резкий всплеск эмоций. Прищурившись, он проговорил:

– Да, скорее всего именно вам доведется совершить уникальный подвиг, достойный уникальной награды, – возможно, вам даже доведется стать моим преемником. Даже так. Но не забывайте, что, кроме того, наказания мои тоже уникальны. Моя эмоциональная гимнастика рассчитана не только на создание верноподданности.

Легкая улыбка его была печальна.

Ченнис в страхе вскочил на ноги.

На одно лишь мгновение, лишь на одно короткое мгновение Ченнис ощутил, как его сознание сжало крепкой, безжалостной, невидимой десницей. Сильнейшая боль пронзила его мозг. Рука разжалась и отпустила его. Не осталось ничего, кроме кошмарного неукротимого гнева.

Мул объяснил:

– Не стоит гневаться. Это не поможет. Вы уже справились с собой, не так ли? Но я все вижу. Поэтому просто помните, что воздействие такого рода я могу усилить и сохранить. Я убивал людей с помощью эмоционального контроля, и нет смерти более жестокой.

Мул снова остался один. Он выключил свет, и стена перед ним снова превратилась в окно. Небо было черным, и сверкающее тело Галактической линзы протягивало во все стороны бесконечные лучи, мерцавшие серебристыми украшениями на фоне черного бархата межзвездного пространства.

Вся эта масса звезд и туманностей, которых было так много, что они соединялись друг с другом и становились похожими на облака света, – все это должно было принадлежать ему.

Оставалось сделать только одно, и он смог бы спать спокойно...

Первая интерлюдия

Чрезвычайный Совет Второй Академии собрался на заседание. Но мы не смогли бы услышать речей присутствовавших. Не увидели бы и заседания – в привычном смысле слова. Поэтому и неважно, кто именно на нем присутствовал.

Кроме того, строго говоря, нам не удалось бы точно воспроизвести детали этого странного заседания – всякая попытка описания того, что там происходило, грешила бы приблизительностью.

Тут мы имеем дело с психологами – и не просто с психологами. Скорее, скажем, мы имеем дело с учеными психологической ориентации. То есть с людьми, чьи фундаментальные понятия о научной философии абсолютно отличны от всех известных нам ориентаций. «Психология» в привычном понимании слова – плод деятельности ученых, воспитанных на аксиомах, которые выведены на основании привычных представлений, типичных для естественных наук, и она имеет весьма отдаленное отношение к той ПСИХОЛОГИИ, о которой пойдет речь.

Рассказывать о ней – все равно что объяснять слепому, что такое цвет, – и автор при этом так же незряч, как его читатели.

Все дело в том, что мозг каждого из собравшихся прекрасно воспринимал сигналы, исходившие от мозга остальных. Они знали о том, как функционирует человеческий мозг, не только теоретически, но и за счет специфического приложения этой теории к отдельным индивидуумам в течение долгого времени. Речь, к которой мы так привыкли и без которой наше общение было бы немыслимым, тут была не нужна. Фрагмент предложения равнялся длинному изощренному пассажу. Жест, усмешка, выражение лица – все несло информацию. Поэтому автор возьмет на себя дерзость вольно перевести небольшую часть заседания на язык, который бы поняли люди, разум которых с детских лет сориентирован на восприятие обычной речи, но, увы, с риском утратить нюансы тонкости такого общения.

Преобладал один «голос», и принадлежал он человеку, которого мы назовем для удобства «Первым Оратором».

Он сказал:

– Теперь совершенна очевидно, что именно остановило Мула во время первой безумной атаки. Не могу, к сожалению, констатировать, что это – результат контроля ситуации нами. На самом деле он чуть было не узнал наше местонахождение посредством искусственного усиления умственной деятельности одного из тех, кого в Первой Академии называют «психологами». Этот психолог был убит как раз перед тем, когда собирался сообщить Мулу о своем открытии. События, приведшие к его убийству, оказались совершенно случайными для развития ситуации, предусмотренного расчетами ниже Третьей Фазы. Позвольте предложить вам возглавить заседание.

Назовем того, к кому были обращены эти слова, «Пятым Оратором». На слух его слова звучали бы угрюмо:

– Безусловно, это так. Ситуация вышла из-под контроля. Конечно, мы исключительно уязвимы в отношении массированной атаки, в особенности если такую атаку возглавляет такой феномен разума, как Мул. Вскоре после того как он вплотную приблизился к своей цели – завоеванию Галактического господства – захватил Первую Академию, – а точнее, через полгода после этого, он оказался на Тренторе. Еще через полгода он мог бы оказаться здесь, и вероятность неблагоприятного для нас исхода была бы исключительно высока. Точнее – девяносто шесть плюс-минус пять сотых процента.

Довольно долгое время мы занимались анализом тех сил, которые остановили его. Мы, конечно, знаем о главных мотивах его действий. Брожденные последствия его физического уродства и уникальность его умственных способностей нам давно известны. Однако только посредством входа в Третью Фазу нам удалось определить – постфактум – вероятность отклонений в его поведении в присутствии другого человека, который испытывал к нему искреннее чувство.

И поскольку такие отклонения в его поведении зависели от присутствия такого человека рядом с ним в определенный момент времени, в этом смысле вся ситуация изобиловала случайностями. Наши агенты уверены, что психолога, которого «обрабатывал» Мул, убила девушка – та самая девушка, которой Мул доверял из чисто сентиментальных соображений и которую он именно из этих соображений не подвергал эмоциональному контролю – просто потому, что она к нему тепло, искрение относилась.

Начиная с этого события (кстати, для тех, кого интересуют детали: математическая обработка данных передана в Центральную Библиотеку), которое насторожило нас, мы держали Мула на безопасном расстоянии за счет применения неортодоксальных методов, используя которые, мы подвергали и подвергаем ежедневному риску весь исторический План Селдона. У меня все.

Выдержав паузу, позволяющую присутствовавшим осознать все, что стояло за этими словами, «Первый Оратор» сказал:

– Вследствие этого ситуация крайне нестабильна. В условиях, когда первоначальный План Селдона находится на грани срыва, нам остался только один шанс и то очень рискованный.

Мы должны позволить Мулу разыскать нас – в некотором смысле.

После паузы, во время которой он выслушал возражения, он добавил:
– Повторяю – в некотором смысле!

Глава вторая Двоє минус Мул

Корабль был готов к старту. Все было ясно, кроме одного: куда лететь. Мул предложил вернуться на Трентор – остов гигантской Галактической метрополии колossalнейшей Империи, которую когда-либо знало человечество, – мертвый мир, некогда бывший столицей всех звезд.

Притчер возражал. Он считал, что это слишком старая, чересчур проторенная дорога.

Он нашел Бейла Ченниса в навигационной кабине корабля. Курчавые волосы молодого красавца были игриво растрепаны. Один непослушный завиток упал ему на лоб, но казалось, что там ему и место. Губы его расплылись в приветственной улыбке, обнажив безукоризненно белые, ровные зубы. Да, он был действительно хорош собой и знал это. В сердце твердокаменного офицера шевельнулась неприязнь к своему напарнику по экспедиции.

Ченнис был заметно возбужден.

– Притчер, – выпалил он, – это может быть совпадением!

Генерал холодно отозвался:

– Не понимаю, о чем вы.

– А? Ну да. Подсаживайтесь, старина, и давайте разберемся. Я тут просматривал ваши записи. Отличная работа, старина!

– Мне... очень приятно, что вы их так оцениваете, – выдавил Притчер.

– Понимаете... Я пришел к кое-каким выводам, и мне было бы интересно узнать ваше мнение. Вы не пытались подойти к этой проблеме дедуктивно? Я хочу сказать, что очень мило, конечно, прочесывать звезды наугад и в итоге сделать все, что вам удалось во время ваших пяти экспедиций. Но все-таки, простите, это отдает чем-то вроде прыгания со звезды на звезду на одной ножке. Но неужели вам никогда не приходила в голову мысль о том, сколько уйдет времени на то, чтобы посетить все известные миры?

– Почему же? Я думал об этом, и не раз.

Притчер не чувствовал жгучего желания идти навстречу молодому человеку. Ему, наоборот, хотелось вытянуть что-нибудь из него, чей разум не был под контролем и, следовательно, был непредсказуем.

– Ну, тогда давайте попробуем проанализировать ситуацию и зададим себе вопрос: что мы, собственно, хотим найти?

– Вторую Академию, – буркнул Притчер.

– Академию Психологов, – уточнил Ченнис, – которые настолько же слабы в физической науке, как Первая Академия была слаба в психологии. Теперь: вы из Первой Академии, но я-то – нет. Разница, надеюсь, вам ясна. Мы должны отыскать мир, в котором правят посредством психических способностей, но который с научной точки зрения сильно отстал.

– Разве это так уж обязательно? – спокойно возразил Притчер. – Наш собственный «Союз Миров» никак не назовешь научно отсталым, невзирая на то что могущество нашего правителя целиком и полностью зависит от силы его разума.

– Только потому, что у него была возможность опереться на научные достижения Первой Академии, – последовал нетерпеливый ответ. – И, заметьте, другого такого источника научных знаний в Галактике нет. Вторая Академия, по определению, должна находиться на высохших пепелищах разбитой Галактической Империи, из которых, как ни крути, ничего не выжмешь.

– Следовательно, вы пытаетесь утверждать, что они обладают силой разума, достаточной, чтобы править некоей группой миров, страдая одновременно физической беспомощностью?

– Относительной физической беспомощностью. Они, скорее всего, способны защитить себя от пришедших в полный упадок окрестных миров. Против же сокрушительной силы Мула, подкрепленной мощной экономикой, они устоять не смогут. Почему же они столь тщательно скрывают свое местоположение – как в самом начале, при их основании Гэри Селдоном, так и теперь? Ведь ваша Первая Академия не делала из себя секрета даже тогда, когда представляла

собой всего-навсего единственный город на единственной незащищенной планете триста лет назад!

Смуглое лицо Притчера подернулось сардоническими морщинками.

– Ну а теперь, когда вы закончили столь глубокий анализ, не откажетесь ли просмотреть перечень всех королевств, республик, федераций планет и диктаторий всевозможных типов, которые соответствуют не только вашему описанию, но и еще целому ряду факторов?

– Значит, все это было учтено? – разочарованно нахмурился Ченнис.

– Ну, здесь так прямо не написано, но у нас есть тщательно разработанный путеводитель по противоположной Периферии. Нет, вы серьезно думаете, что Мул в бирюльки играет?

– Ну тогда...

Голос молодого человека вновь обрел решимость.

– Что вы скажете насчет олигархии Конзвездия? Притчер задумчиво потеребил мочку уха.

– Конзвездия? Ах, ну да, знаю это место. Но это же не на Периферии, насколько я помню. Вроде бы это где-то в трети пути к центру Галактики.

– Да. И что из этого?

– В тех записях, что имеются в нашем распоряжении, место расположения Второй Академии указывается как «другой край Галактики». Черт подери, это единственное место, куда мы можем отправиться. Что толку болтать о какой-то Конзвездии? Тыфу ты, язык сломаешь! Так вот, ее угловое склонение от радиана Первой Академии составляет что-то около ста десяти – ста двадцати градусов. Никак не восемьдесят.

– Послушайте, но ведь, кроме того, в записях мелькает еще такое определение места, как «конец звезд».

– Такого астрографического понятия не существует.

– Ну конечно. Так и было задумано! А теперь вслушайтесь в звучание: «Конзвездия»... Ни о чем не говорит?

– Ну что-то вроде бы есть. Нет, несерьезно.

– А вы там были когда-нибудь?

– Не припомню.

– Однако в ваших записях это название упомянуто.

– Где? Ах да. Но это только потому, что там можно было запастись водой и продовольствием. Ничего исключительного в этом мире не было.

– А вы приземлялись на главной планете? Там, где резиденция правительства?

– Не могу сказать с уверенностью.

Ченнис погрузился в раздумья под холодным взглядом своего спутника. Наконец он изрек:

– Не откажетесь взглянуть вместе со мной на «Линзу»?

– Как вам будет угодно.

«Линза» была новейшим изобретением, которым были оборудованы крейсеры тех времен. Фактически это была сложнейшая вычислительная машина, способная выдавать на экране воспроизведение картины ночного неба, видимой из любой точки Галактики.

Ченнис установил на пульте координатные точки. Свет погас. В красноватых отблесках огоньков, горевших на панели пульта, лицо Ченниса выглядело довольно-таки зловеще. Притчер уселся в кресло пилота, вытянув длинные ноги. Его лица в полумраке кабины видно не было.

Медленно, одна за другой, на экране стали появляться светящиеся точки. Постепенно они становились все ярче. На экране возник участок населенных звездных скоплений центра Галактики.

– Это, – объяснил Ченнис, – зимнее ночное небо, видимое с Трентора. Это, кстати, на мой взгляд, важнейшая деталь, до сих пор не учитывавшаяся в ваших поисках. Всякая разумная ориентация должна принимать за точку отсчета Трентор. Трентор был столицей Галактической Империи. Гораздо больше – с научной и культурной точки зрения, чем с политической. Поэтому значение любого названия должно в девяти из десяти случаев выводиться с учетом расположения Трентора. Вспомните в этой связи, что Селдон родился на Геликоне, то есть

ближе к Периферии, но группа его работала на Тренторе.

– Что вы мне пытаетесь доказать?

Ледяной голос Притчера показывал, что он всеми силами старается противостоять горячему энтузиазму собеседника.

– «Линза» докажет все за меня. Видите ту темную туманность?

Тень от его руки упала на экран. Указательный палец остановился на крошечном темном пятнышке, казавшемся дырочкой в расшитой звездами ткани.

– В астрографии она называется туманностью Пелло. Смотрите внимательно. Сейчас я увеличу изображение.

Притчер, затаив дыхание, смотрел, как на его глазах растет изображение на экране. Это напоминало картину, возникшую бы на иллюминаторе кругового обзора, если представить, что корабль несется на сумасшедшей скорости по переполненной звездами Галактике, но при этом и не думает входить в подпространство. Звезды летели на них как бы из общего центра, расходились в стороны и исчезали за краем экрана. Какие-то точки раздавались, превращались в сферы. Туманные пятнышки делились на мириарды точек. И все время сохранялась полная иллюзия движения.

Ченнис комментировал:

– Как видите, мы движемся по прямой от Трентора к туманности Пелло – как бы продолжая линию взгляда, направленного туда с Трентора. Вероятно, небольшая погрешность тут есть, если учитывать гравитационное отклонение света, которое я математически не рассчитывал, но уверен, оно невелико.

Тьма заполняла экран. Скорость увеличения изображения падала, и звезды со всех четырех краев экрана посыпали последний прощальный свет. Туманность росла на глазах. Ее обрамляли сверкающие скопления звезд, внезапный резкий свет которых говорил о том, что они просто раньше были скрыты за бесчисленными темными фрагментами атомов натрия и кальция, заполнявшими кубические парсеки пространства.

Тень от руки Ченниса снова легла на экран.

– Населявшие этот участок пространства вот это местечко называли «Пастью». Это очень важно, потому что только с Трентора оно действительно выглядит похожим на пасть.

То, на что он показывал, представляло собой просвет в теле туманности, очерченный в форме извилистой, усмехающейся пасти в профиль, подчеркнутый ярким, величественным сиянием звезд, наполнявших его.

– Следуйте взглядом вдоль «Пasti». Видите – дальше она сужается, переходит как бы в «пищевод», что ли – вот в эту тоненькую ниточку света.

Изображение на экране вновь увеличилось и продолжала увеличиваться до тех пор, пока темная туманность, окружавшая «Пасть», не заняла весь экран, – только тонкая световая ниточка тянулась по ней, и указательный палец Ченниса безмолвно следовал по ней к тому месту, где она обрывалась, – к точке, где мерцала одна-единственная, последняя звезда. Здесь его палец остановился. Дальше была только темнота, мрачная, мертвенная темнота.

– «Конец звезд», – просто сказал молодой человек. – Ткань туманности в этом месте тонка – свет одной-единственной звезды проникает сквозь нее, посыпая лучи в одном-единственном направлении – к Трентору.

– Вы хотите сказать, что... – начал генерал и замолчал, пораженный собственной догадкой.

– Да не хочу сказать, а так вот прямо и говорю: «Конец звезд» – Конзвездия.

Вспыхнул свет. Звезды на экране померкли. В три шага Притчер оказался рядом с Ченнисом.

– Как вы до этого додумались?

Ченнис откинулся на спинку кресла. На лице его играла самодовольная улыбка.

– Совершенно случайно! Конечно, мне было бы приятнее сообщить вам, что это – плод напряженного умственного труда, но на самом деле вышло все абсолютно случайно. Однако как бы то ни было, все сходится. Судя по нашим справочникам, Конзвездия является олигархией. Она правит двадцатью семью обитаемыми планетами. В научном отношении – полный ноль. И самое главное – это мир, который придерживается строжайшего нейтралитета в

местной политике этого региона и не проводит никакой экспансии. Думаю, стоит взглянуть на них поближе.

— А Мулу вы об этом сообщили?

— Нет. И не собираюсь. Мы уже в космосе и вот-вот совершим первый прыжок.

Пригчер, не веря собственным ушам, бросился к пульту видового иллюминатора. Когда он отладил изображение, глаза его встретились с холодной пустотой пространства. Он, не отрываясь, смотрел перед собой несколько мгновений, потом обернулся. Рука его автоматически легла на тяжелый, удобный, привычный приклад бластера.

— По чьему приказу?

— По моему приказу, генерал, — как ни в чем не бывало ответил Ченнис, впервые обратившись к спутнику, упомянув его звание. — Пока мы с вами тут беседовали, вы, вероятно, увлеклись и не почувствовали ускорения, поскольку в этот момент я как раз увеличил изображение на экране «Линзы», и вы, конечно же, приняли это за иллюзию, кажущееся передвижение меж звезд.

— Ну и чего вы добиваетесь? К чему был тогда весь этот треп насчет Конзвездии?

— Никакого трепа. Все совершенно серьезно. Именно туда мы и отправляемся. Мы стартовали сегодня, потому что до старта оставалось целых три дня. Генерал, вы не верите во Вторую Академию, а я верю. Вы просто, не веря ни во что, слепо выполняете приказы Мула. Я же чувствую серьезную опасность. У Второй Академии было пять лет на подготовления. Насколько они подготовились, я не знаю, но что если у них были агенты в Калгане? Если бы я разгуливал там, нося в мозгу догадку о том, где находится Вторая Академия, они запросто могли бы это обнаружить. Тогда моя жизнь повисла бы на волоске, а я, признаться, ею очень дорожу. Вероятность такого стечения обстоятельств, возможно, мизерна, но я все-таки предпочел не рисковать. Поэтому в итоге о Конзвездии не знает никто, кроме вас, а вы узнали об этом тогда, когда мы были уже в космосе.

Ченнис иронично улыбнулся, всем своим видом показывая, что ему приятно чувствовать себя хозяином положения.

Рука Пригчера сползла с приклада бластера. На какое-то мгновение его охватило чувство неловкости. Почему же он ничего не сделал? Что ему мешало? Что сдерживало его? Ведь было время, когда он был мятежным, непокорным капитаном в коммерческой империи, созданной Первой Академией. Тогда-то уж точно скорее он, чем Ченнис, предпринял бы такую смелую, дерзкую акцию. Неужели Мул прав? Неужели его разум настолько подчинен, что утратил всякую инициативу? Отчаяние все сильнее охватывало его, наваливалась страшная, непривычная усталость.

Справившись с собой, он сказал:

— Отлично сработано. Тем не менее попрошу вас на будущее консультироваться со мной при принятии подобных решений.

Не успел он произнести последнее слово, как замигала сигнальная лампочка.

— Это из двигательного отсека, — небрежно сообщил Ченнис. — У них была объявлена пятиминутная готовность, и я попросил их дать мне знать, если что-то будет не в порядке. Останетесь здесь — держать оборону?

Пригчер кивнул. «Мне скоро пятьдесят», — с горечью признался он сам себе. На экране обзора мерцали редкие звезды. В тумане виднелся край Галактики.

Если бы только он был свободен от Мула!

Но от этой мысли у него по спине забегали мурашки...

Главный инженер Хакслейни бросил неприязненный взгляд на молодого, одетого в гражданское человека, который вел себя так, будто был офицером флота, и держался так, что все должны были ему повиноваться. Хакслейни, помнивший себя на службе в регулярных войсках с тех пор, когда у него еще молоко на губах не обсохло, привык к субординации совершенно определенного рода.

Но этого человека назначил Мул, а за Мулом было последнее слово. И в этом случае — единственное. Даже подсознательно у Хакслейни не возникало никакого протеста.

Эмоциональный контроль работал четко.

Не сказав ни слова, он протянул Ченнису маленький яйцеобразный предмет.

Ченнис взял его и ободряюще улыбнулся:

– Вы из Академии, не так ли?

– Да, сэр. Я служил во флоте Академии восемнадцать лет к тому времени, как к власти пришел Первый Гражданин.

– Какое образование вы получили в Академии?

– Я инженер-технолог Первого Класса. Учился в Центральной Школе Анакреона.

– Недурно. Это вы нашли в коммуникационном блоке, как я и предполагал?

– Да, сэр.

– Эта штука и должна там находиться?

– Нет, сэр.

– Тогда что это такое?

– Гипертрейсер, сэр.

– Непонятно. Я ведь не из Академии. Поясните.

– Это – устройство, позволяющее следить за кораблем через гиперпространство.

– Иначе говоря, за нами можно следить, где бы мы ни находились?

– Да, сэр.

– Отлично. Новейшее изобретение, судя по всему? Не иначе как придумано в каком-нибудь из исследовательских институтов, созданных Первым Гражданином?

– Скорее всего, сэр.

– Принцип его действия – государственная тайна. Так?

– Думаю, да, сэр.

– И тем не менее – вот он. Забавно.

Ченнис повертел гипертрейсер в руках и резко протянул его инженеру.

– Тогда вот что. Возьмите его и положите туда, где нашли. На то самое место. Ясно? И забудьте об этом. Навсегда!

Главный инженер автоматически отдал честь, резко повернулся и вышел.

Корабль несся через Галактику. Курс его на символической карте представлял собой широкую пунктирную линию. Черточки означали расстояния примерно в шестьдесят световых секунд, преодолеваемых в обычном пространстве, а расстояния между ними составляли более ста световых лет. Это были прыжки через гиперпространство.

Бейл Ченнис сидел у контрольной панели «Линзы» и в очередной раз восхищался совершенством ее конструкции. Он был не из Академии, и для него осознание взаимодействия сил, происходившего после нажатия очередной кнопки или поворота рычажка, не было так уж привычно.

«Линза» и для бывалого человека из Академии, честно говоря, не была проста и понятна. Внутри ее невероятно компактного корпуса помещалось неимоверное количество электронных блоков, необходимых для точного размещения сотен миллионов звезд на соответствующем расстоянии друг от друга. И как будто одно это само по себе не было величайшим достижением, «Линза», кроме того, была способна осуществлять вращение картины любой части галактического поля в трех измерениях или вокруг центра.

Именно поэтому «Линза» произвела настоящую революцию в космической навигации. В прежние времена межзвездных странствий расчет каждого прыжка заключался в колосальном объеме работы, занимавшей дни и недели, – и большая часть этого труда состояла в более или менее точном расчете «положения корабля» на масштабной модели Галактики. Фактически это означало ориентацию относительно как минимум трех далеко отстоящих друг от друга звезд, положение которых относительно произвольно избранного галактического тройственного нуля было известно.

Но именно понятие «известно» и было в некотором смысле ловушкой. Для всякого, кто хорошо знает звездное поле от одной определенной точки отсчета, ясно, что звезды так же неповторимы, как люди. Прыгните на десяток парсеков, и даже ваше собственное солнце станет неузнаваемым. Оно может даже оказаться невидимым.

Ответ на эти вопросы дал, безусловно, спектроскопический анализ. В течение веков главной задачей межзвездной инженерии был анализ «световых позывных» все большего и большего числа звезд во все более и более тонких подробностях. Учитывая это, а также и все возрастающую точность прыжков самих по себе, были разработаны стандартные маршруты передвижения по Галактике, и межзвездные путешествия стали в большей степени наукой, чем искусством.

И тем не менее даже во времена расцвета Академии, когда было достигнуто совершенство конструкций вычислительной техники, был разработан новейший метод механического сканирования звездных полей для известных «световых позывных»; иногда уходили целые дни на то, чтобы определить координаты трех звезд, а затем рассчитать координаты регионов Галактики, до того пилоту неизвестных.

«Линза» стала устройством, коренным образом изменившим положение дел. Во-первых, для всех расчетов «Линзе» требовались координаты одной-единственной звезды. Во-вторых, с ней запросто мог управляться даже такой дилетант в вопросах космоплавания, как Ченнис.

Ближайшей звездой в тот момент была Винцетори – в соответствии с данными расчета прыжка. В центре видеоэкрана горела яркая звезда. Ченнис очень надеялся, что это была Винцетори.

Экран «Линзы» принял информацию с экрана обзора, и Ченнис старательно набрал на пульте координаты Винцетори. Нажал кнопку, и звездное поле ярко засветилось на экране. В центре экрана обозначилась звезда, горевшая ярче других, но это еще ни о чем не говорило. Рядом была другая. Ченнис сфокусировал экран по оси Z, увеличил изображение и отладил фотометр, чтобы обе звезды стали одинаковой яркости.

Ченнис поглядел на вторую звезду, тоже довольно яркую, на экране обзора и нашел соответствующую ей на экране «Линзы». Медленно развернул изображение на экране «Линзы» под соответствующим углом. Скривил рот в недовольной усмешке – результат его явно не устроил. Снова развернул изображение – оценил расположение второй яркой звезды, потом – на всякий случай – еще одной. Довольно улыбнулся. Все сходилось. Возможно, специалисту, искушенному в астронавигации, хватило бы и одной попытки. Ему понадобилось три.

Итак, наводка осуществлена. После окончательной операции поля наложились друг на друга. При этом многие звезды как бы двоились. Но коррекция паводки не отняла много времени. Сдвоенные звезды соединились, осталось одно поле, и «положение корабля» можно было спокойно считать на табло. Вся процедура заняла не более получаса.

Ченнис нашел Притчера в его каюте. Генерал явно собирался спать. Не вставая с кушетки, он поднял взгляд на Ченниса.

– Новости?

– Да нет, ничего особенного. Еще один прыжок, и мы в Конзвездии.

– Знаю.

– Вы собрались отдохнуть, и мне не хотелось бы вам надоедать. Я только хотел спросить: вы просмотрели пленку, которую мы добыли в Циле?

Хэн Притчер бросил угрюмый взгляд на предмет разговора – пленка в черном футляре лежала на нижней полке книжного шкафа.

– Да.

– Ну и что скажете?

– Скажу, что, если когда-либо в истории и существовала какая-нибудь наука, в этой части Галактики она напрочь забыта.

Ченнис широко улыбнулся:

– Понятно. Мартышкин труд, хотите сказать?

– Ну, в общем, да, если только вы не любитель почитывать на досуге жизнеописания правителей. Информация ненадежна по двум причинам, я бы сказал. Там, где история занимается в основном ролью отдельных личностей, черное становится белым, а белое – черным в зависимости от склонностей автора. Я считаю, что такое чтение абсолютно бесполезно.

– Однако там есть упоминание о Конзвездии. Именно поэтому я и передал вам пленку. Это, кстати, единственный материал, где я нашел хоть что-то о ней.

— Да, конечно. Там говорится, что у них бывали хорошие правители, а бывали и плохие, что они завоевали сколько-то планет, выиграли сколько-то сражений, сколько-то проиграли, — проиграли, естественно, меньше, чем выиграли. Ничего конкретного. Короче говоря, Ченнис, ваша теория меня не слишком впечатляет.

— Но вы кое-что упустили. Вы не обратили внимания на то, что у них никогда не образовывались коалиции? Они все время оставались как бы вне политики этого уголка Галактики. Как вы сказали, они захватили несколько планет, но потом прекратили завоевания — и это произошло в отсутствие каких-либо драматических поражений или их последствий. Как будто они распространяли свое влияние достаточно для того, что-бы суметь защитить себя, но недостаточно для того, чтобы привлекать к себе внимание.

— Прекрасно, — последовал равнодушный ответ. — Я не возражаю против посадки. В худшем случае — небольшая потеря времени.

— О нет. В худшем случае — полное поражение. Если это все-таки Вторая Академия. Не забывайте, что это может быть мир, в котором черт знает сколько Мулов.

— И какие же у вас планы?

— Высадиться на какой-нибудь второстепенной планете. Разузнать как можно больше о Конзвездии, а потом — импровизировать.

— Нормально. Возражений нет. А теперь, если не возражаете, мне бы хотелось выключить свет.

Ченнис исчез в двери, помахав рукой на прощание. В темноте крошечной каютки, на островке из движущегося металла, затерянном в бесконечности пространства, генерал Хэн Притчер тщетно пытался уснуть — он думал, думал, думал...

Все-таки уму непостижимо. Если все, к чему он так болезненно пришел, было правдой... но факты начинали сходиться... значит, Конзвездия — действительно Вторая Академия... Выхода не было. Но как? Как?

Неужели это действительно Конзвездия? Самый обычный мир? В котором нет ничего выдающегося? Хижина на руинах Империи? Обломок среди груды хлама? Он помнил, очень смутно, отдаленно, сморщенное лицо Мула, его тихий голос, рассказывающий о психологе из Первой Академии, Эблинге Мисе, единственном человеке, который — может быть — узнал тайну Второй Академии.

Притчер вспомнил о том, с каким значением Мул произносил фразы типа: «Было такое впечатление, что Мис был просто поражен, потрясен тем, что он узнал. Что-то он узнал о Второй Академии, что превзошло все его ожидания, повернуло его мысли в абсолютно противоположном направлении. Если бы я мог прочитать его мысли так, как мог читать эмоции! Однако его эмоции были в обычном состоянии — только вот это его удивление!»

Ключом ко всему было удивление. Что-то там было такое потрясающее! А теперь вот — откуда ни возьмись появился этот мальчишка, этот вечно улыбающийся сосунок, с превеликой легкостью рассуждающий о Конзвездии, о ее незаметной аномальности... Но он, скорее всего, прав. *Скорее всего.* Иначе все остальное лишено смысла.

Последняя мысль Притчера перед тем, как он наконец заснул, была окрашена самодовольным злорадством. Гипертрейсер был на месте — лежал на субэфирной трубке. Час назад он проверил, там ли он. Ченниса в это время поблизости не было.

Вторая интерлюдия

Это была случайная встреча в кулуарах приемной Палаты Совета. До начала заседания оставалось всего несколько минут. Двое встретившихся быстро обменялись мыслями.

— Значит, Мул уже в пути.

— Я тоже слышал. Рискованно. Очень рискованно.

— Не сказал бы, чтобы события укладывались в рамки рассчитанных функций.

— Мул — неординарный человек, и против него трудно действовать даже его оружием. Да, тяжко иметь дело с контролируемыми умами Говорят, он засек несколько случаев.

— Да, и я не представляю, как этого избежать.

— С «необработанными» легче. Но таких очень мало среди людей, занимающих при нем

важные посты.

Двою вошли в Палату. Остальные сотрудники Второй Академии последовали за ними.

Глава третья Двою плюс крестьянин

Россем – один из тех пограничных миров, которым традиционно не уделялось особого внимания в истории Галактики. Живущие здесь редко принимали гостей из менее забытых Богом миров.

В те дни, когда Галактическая Империя доживала свой век, здесь отбывали ссылку несколько политических преступников. Только обсерватория да небольшой флотский гарнизон делали планету не совсем необитаемой. Позднее, в тяжкие дни сражений, еще до рождения Гэри Селдона, более слабые духом люди, уставшие за десятилетия непрерывной опасности и страха, изможденные жизнью на истощенных планетах в условиях призрачной смены эфемерных императоров, локтями пробивавших себе дорогу к трону, чтобы воссесть на нем на пару-тройку порочных и бесплодных лет, покидали населенные центры, чтобы найти приют в менее заброшенных уголках Галактики.

На открытых всем ветрам пустошах Россема там и сям были разбросаны сырье деревушки. Солнце Россема – крошечный красный карлик, тепла которого едва хватало для него самого. Девять месяцев в году здесь шел снег. Тоющие зерна местных злаков тоскливо дремали в земле все эти месяцы напролет. Когда снег таял, они начинали расти с панической быстротой в те короткие месяцы, когда солнце лениво поднимало температуру примерно до пятидесяти градусов.

Маленькие, напоминавшие коз животные паслись на чахлых лугах, разбивая снег крошечными копытцами, оставлявшими следы, похожие на трилистник клевера.

У живущих на Россеме была, следовательно, пища – хлеб и молоко. А когда они позволяли себе забить животное – то и мясо. Мрачные, зловещие леса, занимавшие примерно половину экваториальной области, давали прочное, твердое дерево для постройки домов. Это дерево, кое-какие меха и полезные ископаемые были предметами экспортса, и время от времени на Россем наведывались корабли из Империи, доставлявшие в обмен сельскохозяйственное оборудование, атомные обогреватели и даже телевизоры. Последние отнюдь не были роскошью, поскольку помогали крестьянам скротать долгие, нудные зимы.

Имперская история пролетала мимо россемских крестьян. Новости они узнавали только от вечно куда-то торопившихся торговцев. Иногда прибывали новые партии ссыльных. Как-то сюда выслали довольно большую партию, которая так и осела на Россеме навсегда.

Вот тогда-то россемиты и узнали о том, что идут сражения за сражениями, об исчезнувших поколениях, о смене императоров-тиранов, о мятежах вице-королей. Они вздыхали, качали головами, поднимали повыше меховые воротники и задумчиво чесали длинные бороды, посиживая на деревенских площадях под тусклыми лучами ленивого солнца и рассуждая о бренности всего сущего.

Потом перестали прилетать и торговые корабли и жизнь стала еще трудней. Прекратились поставки деликатесов, табака, машин. Те, у кого были телевизоры, сообщали остальным отрывочные, но весьма тревожные новости. В конце концов все узнали о том, что пал Трентор. Великая столичная планета Галактики, великолепный, многоэтажный, недоступный, несравненный мир, колыбель императоров, была разрушена, превращена в руины.

В это было трудно, невозможно поверить, и для многих крестьян на Россеме, ковырявших мерзлую землю своих полей, это означало начало конца Галактики.

И вдруг, в один прекрасный день, снова прилетел корабль. Старики во всех деревнях мудро закивали головами и зашептали друг другу, что вот так оно и было во времена их отцов, – но на самом деле все было совсем не так.

Корабль был не имперский. На его обшивке не было старинной эмблемы Империи – «Звездолет и Солнце». Это было довольно-таки корявое сооружение, собранное из остатков старых кораблей, а люди, прилетевшие на этом корабле, называли себя солдатами из

Конзвездии.

Крестьяне недоумевали. Они сроду не слыхали ни о какой Конзвездии, но тем не менее приветствовали солдат с традиционным гостеприимством. Прибывшие подробно расспрашивали их о планете. Их интересовало, каково население, сколько городов – крестьяне объясняли, что городов у них нет, только деревни, и это очень удивило прибывших, – какая у них промышленность, ну и так далее.

Потом прилетели и другие корабли, и повсюду на стенах появились прокламации, извещавшие о том, что отныне правящим миром является Конзвездия, что в районе экватора – то есть в самом густонаселенном – будут организованы пункты сбора налогов и что туда следует сдавать определенный процент сбора урожая и мехов ежегодно.

Россемиты читали прокламации и молча моргали, не понимая значения слова «налоги». Когда же настало время сбора налогов, одни их уплатили, а другие – нет, поскольку якобы ничего не знали, не ведали. Сборщики налогов грузили зерно и шкурки на широкие, приземистые грузовики.

Тут и там недовольные крестьяне стали собираться в группы и доставали на свет божий древнее охотничье оружие – но это так ничем и не кончилось. Они поворчали и разошлись по домам, когда стали прибывать все новые и новые солдаты из Конзвездии и сборщики налогов, и жизнь их, и без того тяжелая, становилась все тяжелее и тяжелее.

Были установлены новые порядки. Губернатор из Конзвездии окопался в деревушке Джентри, из которой незамедлительно были выселены все россемиты. Он и его приспешники были призрачными пришельцами из другого мира, редко ступавшими в места обитанияaborигенов. Сборщики налогов, которые теперь назначались из местных, периодически появлялись в деревнях, но к ним уже успели привыкнуть, и крестьяне научились вовремя прятать зерно и угонять скот в леса и создавать в своих домах обстановку, далекую от процветания. Крестьяне со скучающими, невыразительными физиономиями высушивали резкие вопросы и разводили руками – вот, дескать, все что есть, не взыщите.

Они добились-таки своего. Налоги были снижены, как будто Конзвездия особо и не ждала ничего от этого нищего мира. Жители Россема больше не получали взамен красивых блестящих приспособлений времен Империи, но все-таки даже конзвездианская пища и конзвездианские машины были получше их собственных. Кроме того, конзвездианцы привозили кое-какие платья для женщин, сшитые из ткани покрасивее, чем серое домотканое рядно, что было весьма немаловажно.

А галактическая история снова потекла мимо, и крестьяне продолжали борьбу за жизнь, ковыряя почти бесплодную землю Россема.

Выходя на порог своего домика, Нарови выдохнул облачко пара. Густая борода его сразу покрылась инеем. Первый снег укрыл замороженную землю, небо было грязно-розового цвета. Он внимательно поглядел вверх и решил, что, пожалуй, сильного ветра сегодня не будет. Это означало, что он может спокойно отправиться в Джентри и обменять там излишки зерна на нужное количество консервированных продуктов, чтобы как-то протянуть зиму.

Он прорычал в щелку приоткрытой двери:

– Горючее в бак залил, олух?

В ответ ему крикнули что-то неразборчивое, и на пороге появился старший сын Нарови, у которого только-только начала пробиваться рыжеватая бородка. Физиономия у него была совсем мальчишеская.

– Машина заправлена, – сонным голосом сообщил он отцу. – И ездит ничего себе. Только оси маленько барахлят. Но тут уж я не виноват. Я же говорил, нужно показать тому, кто разбирается.

Старик отступил немного назад и угрюмо смерил сына с головы до ног суровым взглядом, выставив вперед мохнатый подбородок.

– Не ты виноват, а кто – я, что ли? Откуда взять того, кто разбирается? На какие шиши? Или мы пять лет подряд не собирали урожай – курам на смех? Или чума не покосила половину скота? Или шкурки облезли сами собой?

– Нарови! – прервал речь старика женский голос из дома.

— Ну-ну, — пробурчал стариk, — сейчас твоя матушка будет вмешиваться в мужской разговор. Выведи машину да посмотри, чтобы прицеп был закреплен как следует!

Он сложил на груди руки в теплых перчатках и еще раз взглянул па небо. Начали собираться грязноватые кучевые облака. Солнце скрылось за ними.

Он готов был уже опустить взгляд, как вдруг заметил нечто заставившее его широко раскрыть рот. Опомнившись, он заорал во всю глотку:

— Жена! Старуха! Да поди же сюда!

В окне появилось заспанное лицо. Взгляд женщины устремился туда, куда показывал палец супруга. Разразившись испуганным воплем, она выскочила из дома и сбежала по ступенькам крыльца, на ходу кутаясь в старое одеяло. Натянув его на нечесаную седую голову она остановилась рядом с мужем.

— Корабль, — хрипло проговорила она. — Корабль издалека.

Нарови сердито буркнул:

— А что же еще? Гости к нам пожаловали, старуха, гости!

Корабль медленно опускался на голое мерзлое поле на северной окраине владений Нарови.

— Но что же нам делать-то? — вздохнула старуха. — Разве мы можем оказать гостеприимство этим людям? Разве мы можем уложить их спать на грязный пол в нашей хижине и угостить их остатками пирога, испеченного на прошлой неделе?

— А что же, прикажешь к соседям их отправлять? Ну уж нет...

Нарови потер зарумянившиеся от мороза щеки рукавом меховой куртки и обнял плечи жены.

— Дорогая моя супружница, — промурлыкал он ласково, — пойди-ка принеси вниз два стульчика из нашей комнаты, зажарь молодого козленка да приготовь свежий пирог. А я пойду и встречу этих могущественных пришельцев издалека, и... и... — Тут он замолчал, натянул поглубже лохматую шапку и торопливо добавил: — Да не забудь принести из погреба кувшин пивка. Очень способствует душевной беседе.

Пока муж говорил, губы старухи беззвучно двигались. Она так ничего и не сказала, только горько вздохнула. Нарови многозначительно поднял указательный палец:

— Старуха, да ты вспомни, что когда-то говорили наши Старейшины? Ну? Пошевели мозгами-то! Старейшины ходили из деревни в деревню — сами! Ты только покумекай, как это важно! Они сами просили нас, чтобы мы, ежели откуда ни возьмись прилетят хоть какой ни на есть корабль, немедля сообщили об этом Старейшинам — это же приказ самого Губернатора!

Так что же мне теперь, упускать такой случай выслужиться перед властями? Ты разуй глаза-то, на корабль погляди! Ты когда-нибудь такой видела? Эти люди из другого мира наверняка великие и богатые. Сам Губернатор отдал приказ насчет таких, как они, сами Старейшины ходят с фермы на ферму, хотя уже здорово похолодало. Наверно, по всему Россему знают, что этих людей хотят видеть правители Конзвездии, — а они приземляются не где-нибудь, а прямехонько на моей ферме! Соображаешь, старуха?

Он был так возбужден, что чуть не прыгал на месте.

— Так что, как я сказал, так и сделаем — окажем им соответствующее гостеприимство — а потом... мое имя узнает сам Губернатор — и... чем черт не шутит?!

Жена наконец почувствовала, что на улице довольно-таки холодно. Зябко кутаясь в тонкое, ветхое одеяло, шаркая шлепанцами, она побрела к двери, на самом пороге обернулась и крикнула через плечо:

— Раз так, поторопливайся!

А Нарови уже во всю прыть несся на своей видавшей виды колымаге по направлению к приземлившемуся кораблю...

На генерала Притчера ни холод незнакомой планеты, ни ее суровые, пустынные небеса угнетающего впечатления не произвели. Ничуть его не взволновали ни нищета его обитателей, ни сам вспотевший от усердия хозяин.

Его волновало одно: хитрость их тактики. Ведь они с Ченнисом были тут совсем одни.

Корабль они оставили на орбите, что в обычных обстоятельствах означало бы гарантию

безопасности, но тут он чувствовал себя не слишком уверенно, поскольку за все, что было связано с кораблем, отвечал Ченнис. Он украдкой взглянул на молодого красавца. Тот любезно улыбался пожилой женщине, появившейся в этот момент в дверном проеме, завешенном драной шкурой.

Да, Ченнис, напротив, вел себя исключительно непринужденно. Это слегка успокоило Притчера. Игра пока шла как будто не так, как задумал Ченнис. Но они все-таки могли держать связь с кораблем с помощью миниатюрных раций, пристегнутых на запястье.

Хозяин неправдоподобно широко улыбнулся, закивал головой и сказал голосом подобострастно-масленым:

— Благородные Господа, с превеликой радостью я сообщаю вам о том, что мой старший сын, которому наша нищета не позволяет получить достойное его ума и способностей образование, сообщил мне, что скоро сюда прибудут Старейшины. Я надеюсь, что ваше пребывание у меня было приятным, насколько позволяет судить мой слабый ум — ведь я всего лишь презренный нищий фермер, хотя и работаю в поте лица. Но я честный человек — это вам тут всякий скажет, и я сделал для вас все, что было в моих силах.

— Старейшины? — спросил Ченнис непринужденно. — Это люди, управляющие здешней областью?

— Да, да, Благородные Господа! Они — честные, достойные люди — все, все. И скажу не без гордости — наша деревня всему Россему известна своей добродорядочностью и честностью, хотя жизнь тут у нас тяжелая, и урожай плохие, и леса скучные. Может быть, вы не откажетесь намекнуть Старейшинам, Благородные Господа, о том, что я вас принял как подобает, — тогда я смог бы попросить у них новую машину, фургончик для фермы — вы же сами видали мою развалюху. А без машины, сами понимаете — как без рук.

Он заискивающе поглядывал по очереди на гостей, и Хэн Притчер благосклонно кивнул в ответ — со всей торжественностью, которую на него накладывала роль «Благородного Господина».

— Безусловно, мы расскажем вашим Старейшинам о вашем гостеприимстве.

На некоторое время они остались наедине с Ченнисом, и Притчер воспользовался этим. Он шепнул полусонному от еды и выпивки спутнику:

— Что-то я не в восторге от этой затеи со Старейшинами. А вы? Вы-то что думаете?

Ченнис, казалось, был искренне удивлен подозрительностью Притчера.

— Ничего не думаю. А вы что так разволновались? У нас тут есть дела поважнее, чем излишняя подозрительность.

Ченнис быстро, монотонно проговорил:

— Позднее, позднее подозрительность нам не повредит. Людей, которые нам нужны, Притчер, мы не найдем, наугад шаря рукой в мешке. Люди, которые правят силой разума, вовсе не обязательно на вид должны казаться сильными и могучими. Во-первых, психологи из Второй Академии, скорее всего, составляют небольшую часть здешнего населения — точно так же, как в вашей собственной Первой Академии инженеры и ученыe составляли меньшинство. А обычное население — оно и должно так выглядеть — обычное, подчеркиваю. Психологи, скорее всего, здорово скрываются. А те, кто с виду тут правит, могут честно и откровенно полагать, что правят именно они. И задача наша может быть решена именно здесь, на этом мерзком клочке заброшенной планеты.

— Не вижу никакой логики.

— Господи, да пошевелите вы мозгами, это же чертовски очевидно! Конзвездия, вероятно, представляет собой довольно обширный мир, населенный миллионами, сотнями миллионов людей. Как мы можем определить, кто из них психологи, и с полной ответственностью сообщить Мулу, что мы нашли Вторую Академию? Только здесь, на этой крошечной планете — крестьянской, порабощенной, все конзвездийские правители, как сообщил наш гостеприимный хозяин, сконцентрированы в одной-единственной деревеньке под названием Джентри. Их тут всего-навсего, наверное, тысяча наберется, и среди них наверняка должен быть хоть один — а может, и не один представитель Второй Академии. Туда мы непременно отправимся, а пока давайте встретимся со Старейшинами — это абсолютно логичный шаг.

Они слегка отодвинулись друг от друга, как только на пороге комнаты появился заметно

взволнованный хозяин.

– Благородные Господа, Старейшины приближаются. Я позволю себе еще раз нижайше просить вас замолвить обо мне словечко.

Кланяясь, он согнулся пополам.

– Конечно, конечно, замолвим, – заверил Ченнис. – Это и есть ваши Старейшины?

Скорее всего, это они и были. Их было трое. Один подошел поближе. Торжественно кивнул и сказал:

– Мы польщены оказанной нам честью. Благородные Господа, машина ждет вас. Вы окажете нам еще большую честь, если согласитесь встретиться с нами в Зале Встреч.

Третья интерлюдия

Первый Оратор задумчиво глядел на ночное небо. Легкие облака неслись куда-то вдаль мимо бесчисленных звездных скоплений. Странной враждебностью веяло от небес. Они и никогда не были слишком дружелюбны, но теперь в их глубинах таилось странное создание – Мул, и от этого небеса казались еще более неприятно пугающими и темными.

Заседание окончилось. Оно получилось коротким. Были высказаны кое-какие сомнения, возникли кое-какие вопросы, связанные со сложностью математических выкладок проблемы воздействия на мутанта с неограниченными психологическими способностями. Должны были быть учтены все крайние пермутации.

И все-таки – все ли они учили? Могли ли они быть спокойны? Где-то там, далеко, но не так уж недостижимо далеко, по современным понятиям о скорости, был Мул. Что он собирался делать?

С его людьми особых проблем не было. Они среагировали и продолжали реагировать в соответствии с Планом.

Но сам Мул?

Глава четвертая Двоє плюс старейшины

Старейшины в этом районе Россема были какие-то нетипичные. Они не производили впечатления людей некрестьянского происхождения, не казались ни более старыми, ни менее дружелюбными.

Подчеркнутое достоинство, с которым они повели себя в начале встречи с чужестранцами, постепенно возрастало, и в конце концов в их поведении, кроме этого достоинства, ничего не осталось.

Они сидели вокруг овального стола – задумчивые и медлительные мудрецы. Некоторые из них действительно были преклонного возраста, однако у бородатых бороды были коротко и аккуратно подстрижены. Довольно многие между тем выглядели моложе сорока, из чего можно было сделать вывод, что звание «Старейшины» скорее подчеркивало не возраст, а некое уважительное отношение.

После скромной трапезы и обмена приветственными речами, произнесенными со стороны хозяев двумя, видимо, наиболее уважаемыми из Старейшин, собрание перешло к неофициальной беседе.

Складывалось впечатление, что Старейшинам просто-таки невтерпеж поскорее покончить с формальной частью и дать волю естественному любопытству и дружелюбию.

Они подсели поближе к гостям, и вопросы посыпались как из рога изобилия.

Их интересовало буквально все: трудно ли управлять кораблем, сколько для этого нужно человек, можно ли усовершенствовать моторы их автомобилей, идет ли в других странах снег, как в Кон滋味дии, сколько народу живет в их мире, так ли он велик, как Кон滋味дия, далеко ли он, из чего сшита их одежда и почему у нее металлический отлив, почему они не одеваются в меха, каждый ли день они бреются, какой камень вставлен в перстень Притчса – и так далее и тому подобное.

Почти все вопросы адресовались Притчеру – видимо, судя по возрасту, они наделили его большими полномочиями. Притчер с удивлением замечал, что его ответы становятся все более пространными. Он чувствовал себя окруженным толпой любопытных детей. Его ответы вызывали у них неподдельное удивление и новые вспышки жаркого интереса. Трудно было не откликнуться.

Притчер объяснял, что кораблем управлять несложно и что состав команды зависит от размеров корабля – может быть один пилот, а может быть и много пароду; что он пока не видел, как устроены их автомобили, но что двигатели наверняка можно усовершенствовать; что климат в разных мирах разный и кое-где тоже идет снег; что в его мире живет более ста миллионов человек, но что он, конечно, не так могуч, как великая Конзвездия; что их одежда сшита из силиконового пластика, а металлический отлив у нее потому, что в ткани особым образом сориентированы поверхностные молекулы, что обеспечивает искусственный подогрев и поэтому им не нужны теплые меха; что бреются они каждый день; что в перстень его вставлен аметист. И так далее и тому подобное. Он отвечал и отвечал и, к своему удивлению, чувствовал, что ему все больше и больше нравятся эти наивные провинциалы.

Всякий раз после очередного ответа Старейшины разражались удивленными возгласами и переговаривались между собой. Понять, о чем именно они говорят, было трудно, потому что, хотя разговор и шел на универсальном общегалактическом языке, акцент был кошмарный. Видимо, язык их стал архаичным за счет долгой изоляции. То есть общий смысл их высказываний был более или менее понятен, но оттенки смысла терялись.

Наконец Ченнис не выдержал и вмешался:

– Добрые господа, позвольте же и нам спросить вас кое о чем. Мы – чужестранцы, и нам хотелось бы узнать как можно больше о Конзвездии.

Ответом ему было гробовое молчание. Все Старейшины затихли как по команде. Руки их, дотоле активно сопровождавшие их речи, застыли на коленях. Они обескураженно поглядывали друг на друга, надеясь, очевидно, что кто-нибудь заговорит первым.

Притчер мягко пояснил:

– Уверяю вас, мой друг интересуется вашей страной из самых миролюбивых побуждений. Слава Конзвездии широко известна в Галактике, и мы, несомненно, сообщим вашему Губернатору о верности и любви к нему Старейшин Россема.

Вздохов облегчения в ответ не послышалось, однако лица Старейшин немного просветлели. Один из них разгладил бороду большим и указательным пальцами, стараясь подровнять упрямые завитки, и торжественно произнес:

– Мы – верные слуги правителей Конзвездии.

Раздражение Притчера, вызванное неосторожным вопросом Ченниса, постепенно утихло. По крайней мере, он с удовлетворением отметил, что собственный возраст, о котором он недавно думал с горечью, не лишил его способности сглаживать острые углы. Опыт, как ни крути. Он продолжал:

– Проживая далеко отсюда, мы не знакомы с прошлой историей правителей Конзвездии. Мы полагаем, что они милостиво правят здесь уже долгое время.

Ответил ему тот же Старейшина:

– Даже дед самого старого из нас не сможет припомнить времен, когда правителей из Конзвездии тут не было.

– Это были времена мира и спокойствия?

– Времена мира и спокойствия? – вскричал Старейшина и сам испугался. – Губернатор – сильный и могущественный правитель, который безжалостно накажет всякого изменника. Но никто из нас здесь не изменник.

– Вероятно, в прошлом он наказывал изменников?

Снова испуг и растерянность...

– Среди нас никогда не было изменников, так же как их не было среди наших отцов и дедов. В других мирах были, и они были осуждены на смерть. Но мы об этом не помышляем. Мы скромные, честные фермеры и не думаем о делах политики.

По его испуганным глазам было видно, как он волнуется.

Притчер мягко проговорил:

– Не могли бы вы любезно сообщить нам, как нам встретиться с Губернатором?

Старейшины были не на шутку обескуражены. Прошло довольно долгое время, и наконец Старейшина, которому выпало отвечать па неловкие вопросы, проговорил:

– А вы разве не знаете? Губернатор прибудет сюда завтра утром. Он знает о вашем прибытии. Для нас это была большая честь. Мы... очень надеемся, что вы сообщите ему о том, что мы верой и правдой служим ему.

Притчер широко улыбнулся:

– Он знает о нашем прибытии? Он ожидал нас?

Старейшина удивленно посмотрел поочередно на обоих чужестранцев:

– А как же? Мы ждали вас целую неделю!

Жилище, в котором их поселили, видимо, по россемским понятиям, считалось роскошным. Во всяком случае, Притчер видел и похуже, поэтому слишком не расстраивался. Ченнису, казалось, вообще ни до чего не было дела.

Однако между ними возникла некоторая натянутость. Притчер чувствовал, что пора принять уже какое-то более или менее определенное решение, но обстоятельства вынуждали ждать. Повидаться с Губернатором означало довести игру до опасной черты, но зато выигрыш мог вдвое повысить шансы на успех в общем зачете. Он поглядывал на Ченниса и замечал, как тот все чаще хмурится и покусывает губы. Притчер чувствовал, что игра затянулась, и всей душой желал, чтобы все поскорей закончилось.

– Похоже, нас не очень-то жалуют, – не вытерпел он.

– Да, – коротко отозвался Ченнис.

– Вот как? И вы того же мнения? Больше вам сказать нечего? Хорошенькое дельце! Мы попадаем сюда и обнаруживаем, что Губернатор, оказывается, нас ждал. Потом окажется, что в Конзвездии нас тоже ожидают – ждут не дождутся. Что же толку от всей нашей миссии?

– Одно дело – ждать нас, а другое – знать, кто мы и зачем здесь.

– И вы полагаете, что это можно скрыть от людей из Второй Академии?

– Наверное. Почему бы и нет? А вы уже готовы спасовать? Допустим, наш корабль заметили на подлете. Разве у них не может быть пограничных наблюдательных постов? Даже если бы мы были просто путешественники, нами бы заинтересовались.

– Хорош интерес! Такой сильный, что Губернатор едет к нам собственной персоной!

Ченнис пожал плечами:

– Об этом можно подумать и потом. Сначала поглядим, что за птица этот Губернатор.

Ченнис обнажил зубы в усмешке. Неожиданно ожиился:

– По крайней мере, одну вещь мы уже знаем. Либо Конзвездия – Вторая Академия, либо все свидетельства до одного ошибочны. Как, например, можно иначе объяснить тот страх, с которымaborигены говорят о Конзвездии? Не похоже, чтобы их тут слишком притесняли. Группы Старейшин, судя по всему, встречаются совершенно свободно, без всяких помех. Налоги, о которых они говорили, похоже, не слишком высоки, и опять-таки не чувствуется, чтобы их очень-то усердно собирали. Местные все говорят о нищете, но между тем не выглядят ни заморенными, ни голодными. Дома у них не слишком уютны и грубы, это правда, но, скорее всего, просто оправдывают свое предназначение.

Знаете, а мир довольно симпатичный. Раньше я никогда не сталкивался с такой суровой жизнью, но такое впечатление, что население не страдает. Как будто в суровой неприхотливости такого бытия есть некое устойчивое счастье, которого так не хватает обитателям технически развитых планет, где живут искусственно усложненной жизнью.

– У вас что же, склонность к пасторальным добродетелям?

– И рад бы, да не судьба!

Ченнис, казалось, был страшно доволен своими размышлениями.

– Я просто стараюсь подчеркнуть, как все это важно. Скорее всего, Конзвездия – неплохой администратор. Неплохой в том смысле, что суть насаждаемых ею порядков в корне отлична от того администрирования, к которому привыкли в старой Империи или в Первой Академии, да и в нашем собственном Союзе. Все эти структуры основаны на том, чтобы добиться подчинения любой ценой. Конзвездия дает своим подданным счастье и достаток. Разве вы не видите, что

все их правление ориентировано иначе? Оно носит не физический, а психологический характер.

— Вот как? — иронично хмыкнул Притчер. — А как же ужас, с которым Старейшины говорили о наказании изменников этими добросердечными администраторами от психологии? Это как укладывается в вашу схему?

— Да их-то самих разве кто-нибудь наказывал? Они ведь говорили только о наказании каких-то абстрактных «других». Такое впечатление, что боязнь наказания им так здорово привита, что само наказание никогда не потребуется. Разрази меня гром — я уверен, что на планете нет ни одного конзвездианского солдата. Понимаете?

— Может быть, пойму, — холодно ответил Притчер, — когда увижу Губернатора. Кстати, вы не думаете, что наш собственный разум уже может быть под контролем?

— Вот уж к чему вам не привыкать, — грубо, презрительно парировал Ченнис.

Притчер заметно побледнел и неловко отвернулся. Больше они в этот день не разговаривали.

В тишине безветренной морозной ночи, слушая, как сладко посапывает его спутник, Притчер тихо настроил свою миниатюрную радиоцию на ультраволновой канал, к которому радиация Ченниса не была подсоединенена, и связался с кораблем. Ответ поступил в виде коротких, едва слышных звуков.

Притчер дважды спросил:

— Есть сообщения?

Ему дважды ответили:

— Пока никаких. Мы постоянно на связи.

Он встал с постели. В комнате было холодно, и он, завернувшись в меховое одеяло, усился в кресле перед окном и стал смотреть на звездное небо. Оно было так не похоже на небо его родной Периферии!

...Где-то там, меж звезд, был ответ на все вопросы, которые мучили его, и он очень хотел, чтобы вес они поскорее разрешились.

На мгновение он задумался о том, прав ли Мул, — действительно ли «обработка» лишила его способности самостоятельно принимать какие-либо решения? Или это все-таки возраст и усталость, накопившаяся за последние годы?

Вообще-то говоря, ему было все равно.

Он смертельно устал.

Прибытие Губернатора Россема особой помпой не отличалось. Сопровождал его один-единственный человек в военной форме, сидевший за рулем автомобиля.

Автомобиль был неплохой, можно даже сказать — шикарный, но двигался рывками, а на подъезде к дому пару раз здорово буксовал — видимо, из-за слишком быстрой смены скоростей. По его конструкции Притчер сразу понял, что работает он на химическом, а не на ядерном топливе.

Конзвездианский Губернатор мягко ступил на тонкий слой снега, выпавшего за ночь, и быстро прошел сквозь строй склонившихся в почтительных поклонах Старейшин. На них он даже не взглянул. Они гуськом последовали за ним в дом.

Из окна своих апартаментов два человека из Союза Миров — Империи Мула — смотрели на улицу. Губернатор был полноват, приземист, наружности совершенно невыразительной.

Ну и что?

Притчер проклинал себя за то, что нервничает. То есть, надо отдать ему должное, лицо его было, как всегда, спокойно. В этом смысле ему нечего было стесняться перед Ченнисом, но сам-то он прекрасно знал, что у него наверняка подскочило давление и в горле жутко пересохло.

Нет, не физический страх. Он был, конечно, не из породы тупоголовых, начисто лишенных воображения людей с железными нервами, которые тупы настолько, что ничего не боятся, — но он знал, что такое физический страх. Страх был другой.

Он незаметно взглянул на Ченниса. Молодой человек лениво разглядывал ухоженные ногти на левой руке. Обнаружив на одном из них неровность, он преспокойно обкусал краешек.

Внутри у Притчера поднялась волна раздражения. Конечно, хорошо Ченнису — чего ему

бояться мозговой атаки?!

Генерал взял себя в руки и постарался припомнить, как все было. Каким же он был до того, как Мул «обработал» его, неукротимого демократа? Вспоминалось трудно. Он не мог разумно, трезво оценить себя, не мог порвать невидимых проводов, эмоционально связывавших его с Мулом. То есть умом он помнил, что однажды пытался убить Мула, но как ни старался, не мог вспомнить, каковы тогда могли быть его эмоции – не влезая в детали, а просто пытаясь представить себе тот порыв. Может быть, собственный его разум защищался от этих воспоминаний? Как бы то ни было, как только он пытался представить, какие им владели тогда чувства, у него начинало противно сосать под ложечкой.

А вдруг это Губернатор так действовал на его сознание?

Что если нематериальные психологические антенны представителя Второй Академии уже начали ощупывать его мозг, отыскивая в сознании щелочки, забираются в них, пытаются разъединить его разум на части?

Да нет, ничего он не чувствовал, никакой боли, никакого давления. Все в порядке. Нет, он всегда любил Мула. Как будто те времена, пять лет назад, когда он его ненавидел, были всего-навсего кошмарным сном. Мысль об этом кошмаре напугала его.

Но боли не было.

Что если встреча с Губернатором усилит эти ощущения? Вдруг все, что давно миновало, – его служба у Мула... все, к чему он успел привыкнуть... исчезнет... и он соединится с туманной, потусторонней мечтой, стоящей за словом «демократия»? Мул – тоже сон, тоже иллюзия. Есть только Конзвездия, и ей нужно подчиниться...

Он резко отвернулся от окна.

Его сильно поташнивало.

Голос Ченниса донесся до него, как сквозь вату:

– Думаю, это то самое, генерал.

Притчер обернулся. Старейшина молча открыл дверь и в торжественном молчании застыл на пороге. Он сказал:

– Его Сиятельство, Губернатор Россема от имени правителей Конзвездии рад дать вам аудиенцию и просит вас предстать перед ним.

– Само собой, – с готовностью откликнулся Ченнис, поправил ремень и натянул на голову россемитский капюшон.

Притчер скрипнул зубами. Да, начиналась настоящая игра.

Внешность Губернатора Россема и вблизи не производила угрожающего впечатления. Голова его была непокрыта. Редеющие светло-каштановые волосы, кое-где тронутые сединой, придавали его лицу некоторую мягкость. Глаза глубоко посажены и окружены щеточками бесчисленных мелких морщинок. Казалось, он что-то подсчитывает, прикидывает «на глазок». Но свежевыбранный подбородок был мягко очерчен, невелик, и, если судить по данным псевдонауки, определяющей характеры людей по строению черепа, характер Губернатора должен быть «слабым».

Притчер старался не смотреть Губернатору в глаза и уперся взглядом в потолок. Он не знал, поможет ли это – и вообще, поможет ли что-нибудь.

Голос у Губернатора оказался довольно-таки высоким и невыразительным.

– Добро пожаловать в Конзвездию. Приветствуем вас с миром. Вы не голодны?

Он почти по-королевски указал рукой с холеными длинными пальцами и сильно выступавшими венами на «П»-образный стол.

Они поклонились и сели. Губернатор сел с внешней стороны перекладины «П», они – напротив. По обе стороны расселись хранившие молчание Старейшины.

Губернатор произносил короткие, отрывистые фразы – расхваливал еду, привезенную из Конзвездии, которая, действительно, на вкус была лучше россемитской, но ненамного, поругивал россемскую погоду, с деланной непринужденностью интересовался трудностями их путешествия.

Ченнис говорил мало, а Притчер и вообще помалкивал.

Трапеза подошла к концу. На десерт были поданы мелкие фрукты в желе. Наконец все отложили в сторону салфетки, и Губернатор откинулся в кресле.

Его маленькие глазки заблестели.

— Я поинтересовался насчет вашего корабля. Естественно, мне хотелось, чтобы к нему отнеслись с должной заботой. Но мне сообщили, что его местонахождение неизвестно.

— Да, — непринужденно отозвался Ченнис. — Мы оставили его на орбите. У нас большой корабль, приспособленный для долгих путешествий. Порой нам приходится посещать враждебные миры, но нам показалось, что не стоит приземляться на нем здесь, чтобы наши добрые намерения не были превратно истолкованы. Мы предпочли совершить посадку на легком катере, невооруженными.

— Это дружественный акт, — сказал Губернатор без тени подозрения в голосе. — Большой корабль, вы говорите?

— Большой, но не военный, Ваше Сиятельство.

— Гм-гм... А откуда вы прибыли?

— Из небольшого мира в секторе Сантанни, Ваше Сиятельство. Может быть, вы не знаете о его существовании, поскольку он слишком мал и незначителен. Мы заинтересованы в установлении торговых связей.

— Торговых, вот как? А что вы можете предложить?

— Всевозможные машины, Ваше Сиятельство. Взамен — продукты, дерево, руды...

— Гм-м-м...

Губернатор был несколько смущен.

— Я в этих делах мало что смыслю. Может быть, мы и сумеем договориться. Возможно, после того, как я более подробно ознакомлюсь с вашими документами. Вы, надеюсь, понимаете, что моему правительству нужна более подробная информация. А после того как я лично осмотрю ваш корабль, я бы посоветовал вам отправиться в Конвездию.

Ответа на это предложение не последовало, и тон Губернатора стал заметно прохладнее.

— Как бы то ни было, я должен осмотреть ваш корабль.

Ченнис сдержанно ответил:

— К сожалению, в настоящее время на корабле идет ремонт. Если Ваше Сиятельство не будет возражать, через сорок восемь часов мы примем вас на борту.

— Я не привык ждать.

Впервые за все время встречи Притчер встретился взглядом с Губернатором и ощутил мягкий толчок в груди. На мгновение ему показалось, что он тонет в бездонном море, и он спешно отвел взгляд в сторону.

Ченнис не дрогнул и твердо отчеканил:

— Раньше чем через сорок восемь часов, Ваше Сиятельство, корабль просто не сможет приземлиться. Мы перед вами и не вооружены. Неужели вы сомневаетесь в дружелюбии наших намерений?

Наступила долгая неловкая пауза, потом Губернатор хрипло проговорил:

— Расскажите мне о мире, из которого вы прибыли.

И Все. Вроде сошло. Больше никаких трений не возникало. Губернатор, исполнив официальный долг, явно утратил интерес к беседе, и вся аудитория погрузилась в тягостное молчание.

Вернувшись в отведенную им комнату, Притчер решил еще разок покопаться в своих ощущениях.

Осторожно, затаив дыхание, он попытался «пощупать» свои эмоции. Нет, никаких резких изменений в себе он не ощущал. Но разве он должен был ощутить какие-то изменения? Разве он почувствовал изменения после моловской «обработки»? Разве он не чувствовал себя тогда совершенно естественно? Так и должно было быть.

Тогда он решил поэкспериментировать.

С холодным упорством он мысленно прокричал внутрь своего сознания фразу: «Вторая Академия должна быть найдена и уничтожена».

Ответом на этот крик души была искренняя ненависть. Никаких колебаний и сомнений.

Тогда он мысленно прокричал ту же фразу, заменив слова «Вторая Академия» на слово «Мул». Дыхание его остановилось, язык присох к небу.

Пока все было в порядке.

Но может быть, на него воздействовали более тонко, менее откровенно? Может быть, произошли маленькие, едва заметные изменения? Изменения, которых он не мог ощутить, поскольку само их наличие повлияло бы на его суждения?

Этого он не знал и судить об этом не мог.

Но до сих пор он ощущал полную и бесповоротную преданность Мулу! Если это не изменилось, решил он, все остальное не имело значения.

Закончив этот безмолвный эксперимент, он посмотрел на Ченниса. Тот сидел в своем углу, отвернувшись к стене, не обращая на Притчера никакого внимания. Большой палец руки Притчера незаметно нажал кнопку рации.

Когда он выслушал ответ, он почувствовал, как его словно окатила теплая волна облегчения. Он расслабился.

Натренированные мышцы лица не выдали его, но внутри он просто-таки прыгал до потолка от радости, и, когда Ченнис обернулся, Притчер уже знал, что комедии скоро конец.

Четвертая интерлюдия

Двое Ораторов встретились на дороге, и один остановил другого.

– Есть новости от Первого Оратора.

В глазах второго вспыхнул огонек радости.

– Точка пересечения?

– Да. Дай нам бог увидеть развязку!

Глава пятая Один из двоих плюс Мул

Ченнис вел себя так, словно не замечал никаких перемен ни в отношении Притчера к ситуации, ни в их отношении друг к другу. Прислонившись к спинке стула, он закинул ногу на ногу.

– Ну, как вам Губернатор?

Притчер пожал плечами:

– Никак. Впечатления гения разума он на меня не произвел. Весьма бледный образчик представителей Второй Академии, если он действительно оттуда.

– Не думаю, чтобы он был оттуда. Просто не знаю, что и подумать. Притчер, попытайтесь себе представить, что вы из Второй Академии, – сказал Ченнис, становясьнее более задумчивым. – Что бы вы сделали? Допустим, вы знаете, какова цель нашего пребывания здесь. Как бы вы с нами обращались?

– «Обработал» бы, конечно.

– Как Мул? – спросил Ченнис, бросив на Притчера быстрый взгляд. – Как бы мы узнали, что нас «обработали»? Интересно... А что если они просто психологи, но только очень умные и хитрые?

– В таком случае на их месте я бы нас поскорее прикончил.

– И корабль наш тоже? Не-е-ет... – Ченнис покачал указательным пальцем. – Мы ведь блефуем, Притчер, старина. Только блефовать и можно. Даже если бы они задумали применить эмоциональный контроль, единственные мишени для них мы – вы и я. Но сражаться они должны с Мулом, и с нами они так же осторожны, как и мы с ними. Я предполагаю, что они знают, кто мы такие.

Притчер холодно взглянул на него:

– Что вы собираетесь делать?

– Ждать, – твердо ответил Ченнис. – Пусть покажут себя. Они боятся – может быть, корабля, но скорее всего – Мула. С Губернатором они блефовали. Но у них не вышло. Мы выстояли. Следующим, кого к нам подошлют, будет представитель Второй Академии, и он наверняка предложит нам сделку того или иного сорта.

– Ну а потом?

– Потом мы заключим сделку.

– Я так не думаю.

– Вы считаете, что тем самым мы обманем Мула? Нисколько.

– Да Мул расщелкает все ваши обманы. Но тем не менее я так не думаю.

– Может быть, вы думаете, что тогда мы не обманем Вторую Академию?

– Не уверен. Но это не причина.

Ченнис перевел взгляд на правую руку Притчера и угрюмо поинтересовался:

– Значит, причина – вот это?

Притчер навел на Ченниса бластер.

– Вот именно. Вы арестованы.

– За что?

– За измену Первому Гражданину Союза.

Ченнис сжал губы.

– Что происходит?

– Я же сказал – измена. А с моей стороны – ответные действия.

– А доказательства? Ну – свидетельства, предположения,очные грезы, что там у вас? Вы в своем уме?

– Вполне. А вы? Вы что, думаете, Мул посыпает сосунков вроде вас на умопомрачительные задания просто так? Мне все время это покоя не давало. Я слишком долго сомневался. Почему он послал именно вас? Потому что вы очаровательно улыбаетесь и одеты в модные тряпки? Потому что вам всего двадцать восемь, вот почему!

– Наверное, все-таки потому, что мне можно доверять. Или логичные мысли вам в голову не приходят?

– А может быть, как раз потому, что вам доверять нельзя. Что как раз вполне логично следует из всего, что происходит.

– Мы что тут – в парадоксах соревнуемся? Или это игра такай – кто скажет больше меньшим количеством слов?

Но бластер приближался, и Притчер тоже. Он встал перед Ченнисом, навис над ним как скала.

– Встать!

Ченнис повиновался, но не особенно резво и почувствовал, как дуло бластера уткнулось в пряжку ремня. Как ни странно, внешне он был спокоен.

Глядя на Ченниса в упор, Притчер сказал:

– Мул хотел, чтобы мы нашли Вторую Академию. Ему это не удалось, не удалось и мне, потому что тайна, которую ни он, ни я не могли раскрыть, была хорошо спрятана. Поэтому оставалась одна-единственная возможность – найти человека, который бы знал место, где она скрывается.

– Это я?

– Естественно. Раньше я этого, конечно, не знал, но хотя разум мой работает замедленно, он мыслит тем не менее в верном направлении. Как легко вы нашли Конзвездию! Как волшебно легко вы исследовали нужное звездное поле на «Линзе», хотя вероятностей миллион! Как точно вы нашли нужную точку! Дурень вы набитый! Неужели вы настолько недооценивали меня, что думали, будто такое стечеие невероятностей не позволит мне раскусить вас?

– Только потому что мне слишком везло?

– Вам слишком везло даже для верноподданного Мула.

– Может быть, у вас заниженные представления о том, насколько мне должно было повезти?

Только холодный блеск глаз Притчера выдавал его ярость, но бластер грубо ткнул Ченниса в живот. – Вам платит Вторая Академия!

– Платит? – искренне удивился Ченнис. – Докажите.

– Или вас «обработали».

– Вот как? И Мул об этом не знает. Смешно!

– Мул об этом знает. О том и речь, дурашка. Мул знает! А вы-то небось думали, что вам просто так дали корабль, поиграть? Вы привели нас ко Второй Академии, как мы и

рассчитывали.

— В вашей болтовне нет и крупицы здравого смысла. Можно поинтересоваться — зачем мне все это было нужно? Если я — изменник, на кой черт мне нужно было тащить вас во Вторую Академию? Почему бы мне вместо этого не таскать вас за собой по всей Галактике?

— Корабль вам был нужен, потому что людям из Второй Академии, как воздух, необходимо атомное оружие для самозащиты.

— Додумались, нечего сказать! Да один корабль для них — капля в море! Если вы думаете, что они покопаются в нем и через год воздвигнут на своей территории ядерные заводы, то тогда они действительно очень глупые представители Второй Академии. Не умнее вас, я бы сказал, уж простите за откровенность.

— У вас будет возможность объяснить все это Мулу.

— Мы возвращаемся в Калган?

— Совсем наоборот. Мы остаемся здесь. А Мул присоединится к нам минут через пятнадцать. Неужели вы думаете, что ему было неизвестно, куда мы отправляемся, — вы, прозорливый, всезнающий себялюбец! Вы сыграли нам на руку, не помышляя об этом. Вы не привели бы наши жертвы к нам, но зато привели нас к ним.

— Можно мне присесть? — спросил Ченнис — И объяснить вам кое-что на пальцах? Ну, пожалуйста!

— Стойте, где стоите!

— Ладно, я могу и стоя. Вы уверены, что Мул следил за нами потому, что в системе коммуникации находился гипертрейсер?

Бластер дрогнул, хотя, возможно, Ченнису и показалось. Он улыбнулся:

— Вы не удивлены. Я так и думал. Да, я знал об этом. А теперь, когда я показал вам, что знаю кое-что, о чем, как вы думали, я не знаю, я скажу вам кое-что еще, чего не знаете вы, — и я знаю, что вы не знаете.

— Слишком много вводных слов, Ченнис. Я думал, вы более изощрены в словоблудии.

— Тут нечего изошаряться. Изменники, конечно, были — или вражеские агенты, если вам так больше нравится. Но Мул знал об этом — вернее — узнавал крайне странным способом. Видимо «обработанных» им людей «обрабатывал» по-своему кто-то еще.

На этот раз бластер действительно дрогнул — сомнений быть не могло.

— Подчеркиваю, Притчер. Вот почему ему понадобился я. Я не был «обработан». Разве он не говорил вам, что ему нужен как раз «необработанный» человек? Говорил он вам почему или нет?

— Попробуйте что-нибудь еще, Ченнис. Если бы я восстал против Мула, я бы знал об этом.

Быстро, хладнокровно Притчер проверил свое состояние. Все было, как обычно. Конечно, врал Ченнис, врал как сивый мерин.

— Вы хотите сказать, что чувствуете себя по-прежнему? Вы чувствуете себя преданным Мулу? Очень может быть. Лояльность тут ни при чем. На нее не действуют. Мул сам сказал мне, что это было бы слишком легко заметить. Но как вы себя чувствуете с эмоциональной точки зрения? Слабовато? Вспомните свое состояние — с самого начала полета. Можете вы, положа руку на сердце, утверждать, что чувствовали себя нормально? Или все-таки порой вас одолевали странные ощущения — как будто вы как бы не совсем вы? Да что вы дурака валяете и пытаетесь во мне дырку бластером просверлить, не нажимая на курок?

Притчер отодвинул бластер.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что вас «обрабатали» другие. Вами управляли. Вы не видели, как Мул положил этот гипертрейсер. Вы не видели, как это сделал кто-либо другой. Вы просто нашли его там и решили, что это сделал Мул, и с тех пор думали, что он за нами следит. Да, конечно, ваша рация настроена на длину волны, на которой моя не работает. Вы думаете, я не знаю, что вы связывались с кораблем?

Он говорил быстро, гневно. Напускное безразличие сменилось неприкрытоей яростью.

— Но к вам оттуда прибудет не Мул. Не Мул, ясно?

— Кто же, если не он?

— Ну а вы как думаете? Я нашел этот гипертрейсер в день, когда мы стартовали. Но мне и

в голову не пришло, что это – дело рук Мула. У него на то не было причины. Разве вы не видите, какая это чепуха? Если бы я был изменником и Мул знал об этом, я был бы «обработан» им так же легко, как вы, и тайну расположения Второй Академии он выгудил бы из моего мозга, не посыпая меня за тридевять земель на другой край Галактики. Вы можете утаить что-либо от Мула? Нет? То-то. А если я не знал, где она находится, то я и привести бы его туда не смог, при всем своем желании. Зачем же тогда было меня посыпать в противном случае?

Несомненно, гипертрейсер был положен туда агентом Второй Академии. *Вот кто* к нам прибудет. Могли бы вы быть одурачены, если бы не были обработаны ими? Насколько же вы в порядке, если такую чепуховину не раскусили? Чтобы я привел корабль во Вторую Академию? Да что им делать с нашим кораблем? На кой черт он им сдался?

Вы им нужны, Притчер. Вы знаете о Союзе Миров больше всех, кроме Мула, но вы для них не так опасны, как он. Вот почему они вложили мне в голову маршрут поисков. Конечно, сам я бы ни за что не догадался отыскать Конвездию с помощью «Линзы». Я это понимал. Я догадался, что это они так задумали. Я знал, что это – дело рук Второй Академии. Почему не подыграть им? Это был взаимный блеф. Они хотели заполучить нас, а мне нужно было узнать, где они находятся. И тут уж был вопрос – кто кого переблефует.

Но проиграем мы, если вы немедленно не уберете свою дурацкую пушку. И это, конечно, не ваша идея. Их, как пить дать. Отдайте мне бластер, Притчер. Я знаю, вам трудно в это поверить, но вами движет сейчас не ваш собственный разум – внутри вас работает Вторая Академия. Отдайте мне бластер, Притчер, и давайте встретим опасность плечом к плечу!

Притчер в ужасе смотрел на Ченниса. Черт подери, правдоподобно! Но откуда эта проклятая неуверенность в себе? И почему Ченнис так уверен?

Правдоподобно!

Или его перевернутое сознание сопротивлялось чьему-то воздействию?

Он что – раздвоился?

Как сквозь туман смотрел он на стоявшего перед ним Ченниса и понимал, что сейчас, вот сейчас отдаст ему бластер. И как только он собрался сделать это, за спиной у него открылась дверь, и он резко обернулся.

Могут быть в жизни ситуации, когда одного человека можно принять за другого, даже будучи в относительно спокойном состоянии. Можно спутать абсолютно непохожих друг на друга людей. Но Мула ни с кем и никогда спутать невозможно.

И пламя агонии, охватившее в тот миг сознание Притчера, не могло противостоять волне холодной силы, нахлынувшей на него, окатившей его с ног до головы.

Физически Мул никогда не выглядел хозяином положения, как и сейчас.

Он неуклюже смотрелся даже в просторной одежде, которая не скрывала его жуткую худобу и физическое уродство. Лицо его было закрыто капюшоном, нос же торчал сильнее обычного – крючковатый красный клов экзотической птицы.

Трудно представить себе более анекдотичную фигуру демона мщения.

Он сурово приказал:

– Держите бластер, Притчер!

Потом повернулся к Ченнису. Тот ссгустился и опустился на стул.

– Похоже, вы тут повздорили. Ну, так что у вас там такое было насчет того, что за вами следил не я, а кто-то другой?

Притчер горячо вмешался:

– Так гипертрейсер был помещен в блок связи по вашему приказу, сэр?

Мул ответил холодным взглядом.

– Естественно. Разве кто-либо, кроме Союза Миров, во всей Галактике располагает такими приборами?

– А он сказал...

– Ну-ну, не ябедничайте, генерал. Не будем играть в испорченный телефон. Он же здесь. Так что вы сказали, Ченнис?

– Да... Сказал. Но, видимо, ошибся, сэр. Я был уверен, что трейсер установил кто-то из тех, кому платит Вторая Академия, и что нас заманили сюда для какой-то цели, и я

приготовился к контратаке. Кроме того, я был уверен, что генерал в какой-то степени у них в руках.

- Можно подумать, что теперь вы в этом не уверены.
- Боюсь, что так. Или вы сейчас не были бы тут.
- Хорошо, давайте пока забудем об этом.

Мул сбросил с плеч просторный плащ с электрическим обогревом.

– Надеюсь, вы не возражаете, если я тоже присяду? Ну так вот. Здесь мы в безопасности, и никто нам не помешает. Ни один абориген не осмелится близко подойти к этому дому, уверяю вас, – сказал он тоном человека, ни на йоту не сомневающегося в своей силе.

Ченнис был возмущен:

– К чему эта таинственность? Не лучше ли приказать, чтобы подали чай и привели девушек, которые бы потанцевали перед нами?

– Пока не стоит. Так какова же ваша теория, молодой человек? Кто-то из Второй Академии следил за вами с помощью устройства, которое есть только у меня, – да, кстати, как вы его обнаружили?

– Очень просто, сэр. Если опираться на известные факты, получается, что кто-то мне это подсказал...

– Все те же люди из Второй Академии?

– А кто же еще?

– В таком случае не приходило ли вам в голову, что, если Вторая Академия решила затащить вас на свою территорию для каких-то своих целей, – а я предполагаю, что они пользовались своими методами примерно так же, как я своими, хотя, напомню вам, что я управляю эмоциями, а не мыслями, – так не приходило ли вам в голову, что, если они могут это сделать, им для этого вовсе не требуется гипертрейсер?

Ченнис с испугом встретил взгляд своего повелителя. Притчер удовлетворенно откашлялся и уселся в кресле поудобнее.

– Нет, – ответил Ченнис, – это мне в голову не приходило.

– А не задумывались ли вы о том, что, если они вынуждены за вами следить, это означает, что они не чувствуют уверенности в том, правильно ли вы изберете направление, и что в случае, если вы ошибетесь, у вас будет маловато шансов попасть сюда. Это вам тоже в голову не приходило?

– И это тоже не приходило, сэр.

– Ну почему же? Неужели ваш интеллектуальный уровень пал так низко?

– Единственным ответом может быть вопрос, сэр. Вы едины во мнении с генералом Притчером о том, что я – изменник?

– У вас есть возражения, если это действительно так?

– Те же самые, которые я высказал генералу. Если бы я был изменником и знал, где находится Вторая Академия, вы могли бы «обработать» меня и напрямую выудить из меня эти знания. Если вы решили, что за мной нужно следить, значит, этих знаний изначально у меня не было, и я, следовательно, не изменник. Так что я ответил вам парадоксом на парадокс.

– И каков же отсюда вывод?

– Я не изменник.

– С чем я пока вынужден согласиться, ибо ваши свидетельства неоспоримы.

– В таком случае позвольте поинтересоваться, зачем вы тайно следили за нами?

– Затем, что для всех фактов есть еще и третье объяснение. И вы, и Притчер уже объяснили случившееся – каждый по-своему. Я – если вы любезно уделите мне время – объясню все. И довольно быстро, так что не успею вас утомить, Притчер, отдайте мне ваш бластер. Никакой опасности, что на нас кто-то нападет, больше нет, Ни отсюда, ни из более отдаленных мест. Даже из самой Второй Академии. Включите свет. Благодарю вас, Ченнис.

Комната была освещена обычным для Россема способом. Единственная электрическая лампочка мерцала под потолком тусклым светом. Все трое отбрасывали причудливые тени.

Мул сказал:

– Когда я понял, что за Ченнисом нужно следить, стало очевидно, что я чего-то ожидаю.

Поскольку он отправился ко Второй Академии с потрясающей скоростью и по удивительно прямому маршруту, можно заключить, что все вышло именно так, как я и предполагал. Раз мне не удалось выудить из него знаний напрямую, значит, что-то мне мешало. Таковы факты. Ченнис, несомненно, знает ответ. Знаю его и я. А вы знаете, Притчер?

– Нет, сэр, – угрюмо буркнул Притчер.

– Тогда я объясню. Только один человек одновременно может знать, где находится Вторая Академия, и не позволить мне узнать об этом. Боюсь, Ченнис, что вы – человек из Второй Академии.

Ченнис поставил локти на колени и уперся подбородком в плотно сжатые кулаки.

– Как вы это докажете? Логика доказывает обратное.

– Есть и прямые доказательства, Ченнис. Это оказалось достаточно легко. Я говорил вам, что заметил, что моих людей «обрабатывают»? Тот, кто «обрабатывал» их, должен был быть: а) «не обработан» мной и б) приближен к центру событий. Поле для поисков велико, но не безгранично. Вам слишком везло, Ченнис. Вас слишком любили люди. Вы были слишком удачливы. Меня это заинтересовало...

Тогда я решил отправить вас в экспедицию, и это вас нисколько не удивило. Я следил за вашими эмоциями. Вы этого не замечали. Но вот тут-то вы превысили предел доверия, Ченнис. Любой человек, даже очень компетентный, испытал бы хоть малую толику неуверенности в подобной ситуации. А вы, полный дилетант, не испытали. И здесь просчитывалось два варианта: либо ваша миссия плохо подготовлена, либо вами хорошо управляли.

Варианты было легко проверить. Я захватил ваше сознание в тот момент, когда вы расслабились, и сжал его, а потом отпустил. Вы жутко разозлились, настолько натурально, что это – естественная реакция. Но я почувствовал и сопротивление в момент вмешательства в ваши эмоции. Это все, что мне нужно было знать.

Никто бы не устоял, даже на короткое мгновение, не находясь он под воздействием, подобным моему.

Ченнис глухо и горько проговорил:

– Ну и что? Что теперь?

– Теперь вы умрете – как шпион из Второй Академии. Это, как вы, надеюсь, понимаете, совершенно логично.

Дуло бластера вновь уставилось на Ченниса. На этот раз смертоносное оружие было в руках человека, обладающего сокрушительной психической силой. Это был не Притчер, руку которого можно было отвести. Это был достойный противник, такой же сильный и такой же устойчивый к силе, как он сам.

А времени, чтобы изменить ход событий, у Ченниса было мало.

То, что случилось потом, трудно поддается описанию для тех, у кого нормально развиты чувства и отсутствует способность эмоционально воздействовать на других людей.

Вот что фактически понял Ченнис за тот кратчайший промежуток времени, пока Мул держал палец на кнопке бластера.

Эмоциональное состояние Мула в тот момент выражало твердую, непоколебимую уверенность, незамутненную никакими сомнениями. Если бы у Ченниса была возможность рассчитать время, которое должно было пройти от решения стрелять до самого выстрела – выброса дезинтегрирующей энергии, – он бы узнал, что у него в запасе всего лишь около одной пятой доли секунды.

Можно сказать, времени не было совсем.

За это же время Мул почувствовал, что эмоциональный потенциал Ченниса неожиданно получил непонятно откуда мощную поддержку и как оттуда же на него самого хлынул поток неприкрытой, страшной ненависти.

Именно это неожиданное эмоциональное вмешательство заставило его убрать палец с кнопки. Ничто другое не заставило бы его так поступить, но, сделав это, он сразу же понял, что ситуация в корне изменилась.

Наступила немая сцена, какой не увидишь и в театре: Мул убравший палец с кнопки бластера, нemo уставившийся на Ченниса; Ченнис, натянутый как струна, затаивший дыхание; и

Притчер, скрючившийся в кресле, скованный страшным спазмом. Лицо его вытянулось, одеревенело, стало похоже на посмертный слепок, на котором отпечаталась жуткая ненависть, А взгляд его был устремлен на Мула, только на Мула – неотрывно.

Только слово-другое было сказано Мулом и Ченнисом друг другу мысленно. Только слово-другое, но этого было достаточно для людей, владеющих силой эмоционального воздействия. Они прекрасно поняли друг друга. Но для того чтобы и мы поняли, что стояло за этими «словами», давайте переведем их безмолвную беседу на понятный нам с вами язык.

Ченнис:

– Вы – меж двух огней, Первый Гражданин. Вы не можете управлять разумом двоих людей одновременно, когда один из двоих – я. Так что перед вами выбор. Притчер сейчас свободен от вашей «обработки». Я освободил его. Он сейчас – прежний Хэн Притчер, тот самый, что однажды пытался прикончить вас. Тот самый, который считает вас врагом всего свободного и справедливого на свете, всего святого. Кроме того, он знает, что это вы превратили его в беспомощного раба на пять лет! Я удерживаю его сейчас, подавляя его волю, но, если вы убьете меня, этому придет конец, и скорее, чем вы успеете выстрелить в него или применить свою волю, он убьет вас.

Мул понял его сразу. Он не двигался.

Ченнис продолжал:

– Если же вы сейчас обернетесь для того, чтобы убить его или воздействовать на него своими методами, да для чего угодно, вам не удастся опередить меня.

Мул по-прежнему не двигался. Он только коротко вздохнул, понимая, что к чему.

– Так что, – сказал Ченнис, – бросьте ваш бластер и давайте-ка снова по-честному. Тогда получите Притчера обратно.

– Я совершил ошибку, – наконец проговорил Мул. – Нельзя было позволять третьему присутствовать здесь. Это я сделал зря. Все испортил. Это моя ошибка, за которую мне придется дорого заплатить.

Он небрежно разжал пальцы. Бластер упал на пол, и Мул отфутболил его в дальний угол комнаты. В то же мгновение мышцы Притчера расслабились, он обмяк и погрузился в глубокий сон.

– С ним все будет в порядке, когда он проснется, – безразлично заметил Мул.

С того момента, когда Мул был готов нажать на кнопку бластера, до того мгновения, когда он бросил его, прошло всего-навсего полторы секунды. Все было сказано противниками друг другу за это время.

Но за границей сознания Мула за это же время – даже раньше – Ченнис уловил легкое движение в эмоциональных вихрях, бушевавших в мозгу противника. Там до сих пор чувствовался триумф победителя.

Глава шестая Ченнис, Мул плюс...

Оба противника вели себя теперь совершенно открыто, физически они были полными противоположностями. Но это было неважно. Каждый нерв, отвечающий за контроль эмоций, у каждого из них был напряжен до предела. Мул впервые за долгие годы не был уверен в себе. Ченнис знал, что краткая самозащита далась ему с колоссальным трудом и что у противника еще полно сил в запасе. Шла игра на выносливость. Ченнис знал, что проиграет.

Но думать об этом было страшно. Отступить эмоционально перед Мулом означало добровольно отдать оружие в его руки. Он ведь уже отследил в подсознании Мула что-то вроде радости победителя.

Выиграть время...

Почему тянут остальные? Почему Мул так уверен в себе? Что он знал такое, чего не знал Ченнис? Сознание Мула помалкивало. Эх, если бы он мог читать мысли... И все-таки...

Ченнис резко прервал собственные раздумья. Оставалось одно – тянуть время...

Ченнис сказал:

– Поскольку вы решили, а я после небольшой дуэли не отрицаю, что я – из Второй

Академии, может быть, вы теперь объясните мне, зачем, по вашему мнению, я прилетел в Конзвездию?

— О нет, — несколько истерично рассмеялся Мул. — Я вам — не Притчер, Я не обязан давать вам объяснения. У вас на то были причины. Каковы бы они ни были, ваши действия меня устраивали, а остальное меня не интересует.

— Однако в ваших представлениях о том, что произошло, не достает существенных деталей. Разве Конзвездия — та Вторая Академия, которую вы ожидали найти? Притчер много рассказывал о ваших прежних попытках отыскать ее и о том психологе, которым вы пользовались, как подопытным кроликом, Эблинге Мисе. Иногда он выбалтывал кое-какие подробности с моей... ну, скажем, небольшой помощью. Вспомните Эблинга Миса, Первый Гражданин!

— Зачем?

Внимание — уверенность!

Ченнис ощутил, как уверенность, которую он раньше нащупал в подсознании Мула, все возрастает и как все более и более спокойно держит себя Мул внешне.

Он попытался улыбнуться, старательно прогоняя наплыв отчаяния.

— А вы, оказывается, нелюбопытны? Притчер мне говорил, что мне к концу поисков был чем-то очень удивлен. Он почему-то очень торопился, спешил предупредить Вторую Академию. Зачем? Почему? Эблинг Мис погиб. Вторая Академия не была предупреждена. И тем не менее Вторая Академия существует.

Мул с явным удовольствием ослабился и с неожиданной и грубой жестокостью, которую Ченнис ощущал еще до того, как Мул раскрыл рот, объявил:

— Но, видимо, Вторая Академия все-таки была предупреждена. Откуда бы иначе взялся Бейл Ченнис, который явился в Калган для того, чтобы «обрабатывать» моих людей и попытаться одуречить меня. Просто предупреждение несколько запоздало, вот и все.

— Тогда, — с сожалением вздохнул Ченнис, — вы просто не представляете себе, что такое Вторая Академия, и ваши суждения обо всем происходящем более чем поверхностны.

Тянуть, тянуть время!

От Мула не укрылось ни сожаление, ни пренебрежение, с которым это было сказано, и глаза его враждебно сузились. Он привычно поскреб пятерней свой клювоподобный нос и буркнулся:

— Забавляйтесь, забавляйтесь. Ну так что насчет Второй Академии?

Ченнис заговорил спокойно, стараясь больше пользоваться словами, чем эмоциональными символами:

— Насколько мне известно, именно тайна, окружавшая Вторую Академию, больше всего удивляла Эблинга Миса. Гэри Селдон основал две совершенно различные структуры. Первая Академия похожа на вспышку, которая за два столетия озарила половину Галактики. Вторая подобна темной бездне.

Вы не поймете, почему это так, если не сумеете почувствовать вновь атмосферу тех дней упадка Империи. Это было время абсолютов, великих конечных обобщений как минимум — в образе мысли. Это были признаки упадка культуры, безусловно — плотины на пути развития живой мысли. Именно бунт против догм и сделал Селдона знаменитым. Именно последняя искра молодого энтузиазма, жившего в нем, зажгла закат старой Империи, в лучах которого угадывался рассвет новой.

— Весьма образно. И что?

— Поэтому он создал свои Академии на основании законов психоистории, но кто лучше его знал, насколько эти законы относительны? Он и не думал создавать конечный продукт. Конечные продукты — это для декадентов. Он создал развивающиеся механизмы, и Вторая Академия была инструментом такого развития. Мы, слышите, Первый Гражданин вашего времени, тленного Союза Миров, мы — хранители Плана Селдона. Только мы.

— Вы сами себя воодушевляете, — сердито поинтересовался Мул, — или пытаетесь на меня впечатление произвести? Развели тут театр! Да вся ваша болтовня насчет Второй Академии, Плана Селдона, Новой Империи не производит на меня ни малейшего впечатления, не вызывает у меня ни сочувствия, ни симпатии, не действует ни на какие эмоциональные струны,

которые вы пытаетесь задеть. Во всяком случае, глупец несчастный, советую вам говорить о Второй Академии в прошедшем времени, поскольку с ней покончено.

Мул встал и пошел к Ченнису, и тот мгновенно ощутил, как катастрофически растет давление на его сознание. Он изо всех сил сопротивлялся, но что-то надорвалось у него внутри, а давление становилось все сильнее и сильнее...

Он прислонился к стене и увидел прямо перед собой лицо Мула. Тот стоял перед ним – руки в боки, тонкие губы разъехались в злорадной усмешке под противным длиннющим носом.

Мул прошипел:

– Кончена ваша игра, Ченнис! Вся ваша игра кончена – всех, кто был Второй Академией! Был! Был!

Чего ради вы сидели тут и ждали все это время и играли в бирюльки с Притчером, когда давным-давно могли прикончить его, забрать его бластер, пальцем не пошевелив? Вы ждали меня, не так ли? Ждали меня, чтобы встретиться в ситуации, которая бы не вызвала у меня подозрений?

Сплоховали, Ченнис! Никаких подозрений и не надо было вызывать. Я прекрасно вас знал, Ченнис из Второй Академии!

И чего же вы ждете сейчас? Вы по-прежнему отчаянно пытаетесь меня заговорить, как будто сам звук вашего очаровательного голоса должен приковать меня к полу. Говорить-то вы говорите, но что-то в вашем сознании ждет и ждет. Но никто не придет. Никто из тех, кого вы ждете. Никто из ваших. Вы здесь один, Ченнис, и вы здесь останетесь. А знаете почему?

Потому что ваша Вторая Академия просчиталась со мной от начала до конца! Я рано раскусил их планы. Они думали, что я поплещусь следом за вами и предстану перед ними на блюдечке с голубой каемочкой – вот он я, ешьте! Вы были приманкой – приманкой для несчастного, глупенького мутанта – такого глупенького, что он с радостью бы отправился за вами в такую очевидную ловушку. И вы думаете, я попался?

Просто поразительно, как им в голову не пришло, что я ни за какие коврижки не отправлюсь сюда без своего флота, против одного-единственного корабля которого они абсолютно беспомощны! Неужели они думали, что я тут с ними буду мирные переговоры вести?

Мои корабли двенадцать часов назад атаковали Конзвездию. Конзвездия лежит в руинах, ее города стерты с лица земли! И никакого сопротивления. Вторая Академия больше не существует, Ченнис, а я – странный, уродливый, хилый мутант – правитель, властелин Галактики!

Ченнис только слабо мотал головой.

– Нет... Нет...

– Да! Да! – передразнил его Мул. – И вы – последний из оставшихся в живых, но ненадолго.

Наступила короткая мучительная пауза, и Ченнис чуть было не застонал от дикой боли, сковавшей его сознание.

Мул немного отступил назад и пробормотал:

– Еще не все. Вы пока не выдержали испытания. Ваше отчаяние притворно. Ваш страх – это не тот смертельный ужас, которым сопровождается крушение идеалов. Пока что это только ваш собственный, жалкий, мелкий страх за собственную жизнь.

Хиальная рука Мула схватила Ченниса за горло – не сильно, но Ченнис не мог освободиться.

– Вы – моя страховка, Ченнис. Вы – мой гид и телохранитель, моя защита от всех возможных просчетов.

Глаза Мула пронизывали его насквозь – требовательно, безжалостно.

– Ну что, правильно я рассчитал, Ченнис? Перехитрил ваших умников из Второй Академии? Конзвездия разрушена, Ченнис, разрушена до основания, так почему же ваше отчаяние притворно? Где правда? Мне нужна правда! Неужели я не докопался до истины? Есть еще опасность? Говорите, Ченнис! Что я сделал не так?

Ченнис почувствовал, что сейчас заговорит, заговорит против своей воли. Он пытался сжать зубы, чтобы слова не вырвались у него изо рта, прикусил язык, напряг мышцы гортани.

Но слова вырывались наружу, как выдох, разрывая глотку, царапая язык, обжигая губы.

— Правда... — хрипел он. — Правда...

— Да, правда, мне нужна правда! Что еще не сделано?

— Селдон основал Вторую Академию здесь. Здесь, как я и говорил. Я не лгал... Психологи прибыли сюда, чтобы держать под контролем местное население.

А Мул копал и копал все глубже почву эмоционального состояния противника, грубо разрывая его.

— Население Конзвездии! Я разрушил ее. Вы знаете, чего я хочу. Говорите!

— Не Конзвездия... Я сказал, что люди из Второй Академии — не те, кто здесь пользуется властью. Конзвездия — это... обман.

Слова вырывались против воли измученного Ченниса:

— Россем... Россем?! *Россем — вот мир...*

Мул ослабил хватку, и Ченнис часто задышал, обливаясь потом.

— И вы собирались меня обмануть? — мягко спросил Мул.

— Вы и были обмануты, — в последней попытке защититься прохрипел Ченнис.

— Но только не вами и не вашими пособниками. Я держу связь с моим флотом. После Конзвездии настанет очередь Россема. Но сначала...

Ченнис ощутил, как вокруг него смыкается непроницаемая тьма, он инстинктивно поднял ладони к измученным глазам, но закрыться от мрака не смог. Тьма наваливалась на него, и он чувствовал, как погружается в нее, как тонет в ней его безнадежно истерзанное сознание. Перед глазами был только один образ — образ торжествующего Мула — смеющегося уродца, и его длинный, мерзкий, трясущийся от злорадного смеха нос.

Звуки исчезли. Темнота ласково обняла его.

Но ее объятия неожиданно дрогнули от чего-то, что показалось Ченнису вспышкой молнии, и он медленно вернулся на землю. Глаза его вновь обрели зрение, но он видел все сквозь пелену слез.

Голова невыносимо болела. Он с невероятным, нечеловеческим усилием поднес ко лбу налитую свинцом руку. Кажется, он жив. Мягко, как перышки, кружившиеся в воздухе, его мысли вернулись к нему и улеглись в сознании. Он чувствовал, как на него откуда-то извне нисходит покой. Медленно, мучительно он повернул голову и с остройшей болью почувствовал, что может расслабиться.

Потому что дверь была распахнута настежь и порог переступил Первый Оратор. Ченнису хотелось говорить, кричать, предупредить его, но язык его словно прирос к небу, и он понял, что невидимая рука Мула все еще держит его и не дает ему говорить.

Голова его беспомощно упала на грудь. Мул был рядом. Он был взбешен, глаза его метали молнии. Он уже не смеялся, но зубы его были обнажены в страшной усмешке.

Ченнис ощущал, как мягкие волны, исходящие от мозга Первого Оратора, касаются его воспаленного, истерзанного сознания, исцеляют его, и, собрав все силы, он попытался коснуться порога защиты сознания Мула, по тут же отступил.

Мул напряженно, с плохо скрываемым гневом, который плохо сочетался с его карикатурным обликом, проговорил:

— Значит, кое-кто еще решил меня поприветствовать? Сознание его устремилось за пределы комнаты — дальше, дальше...

— Вы — один, — произнес он удовлетворенно.

— Да, я совершенно один, — быстро согласился Первый Оратор. — Я и должен быть один, потому что именно я неверно рассчитал ваше будущее пять лет назад. Поэтому мне будет особенно приятно исправить свою ошибку без посторонней помощи. К сожалению, я не учел силы вашего Поля Эмоционального Отражения, которым окружена эта местность. Долго пришлось пробиваться. Поздравляю вас — сработано хорошо.

— Не тратьте времени на комплименты — я в них не нуждаюсь, — враждебно отозвался Мул. — Вы пришли, чтобы добавить свою мозговую атаку к той, которую безуспешно пытался предпринять этот сопляк из вашей компании?

Первый Оратор улыбнулся:

— Ну что же, человек, которого вы называете Бейлом Ченниром, справился со своим заданием неплохо, тем более что он не идет в сравнение с вами по силе мозгового воздействия.

Я вижу, вы его сильно измучили, но даже сейчас мы сумеем ему помочь и восстановить его здоровье. Он – храбрый человек, сэр. Он добровольно пошел на это задание, хотя мы могли математически прогнозировать высокую степень вероятности поражения его мозга – более опасного поражения, чем физическая травма.

В сознании Ченниса пульсировала мысль, которую он силился высказать, прокричать, но не мог. Он только испускал позывные страха, опасности.

Мул был спокоен.

– Вы, безусловно, знаете о разрушении Конзвездии?

– Знаю. Атака вашего флота была предусмотрена.

Мул угрюмо проговорил:

– Так я и думал. Но не предотвращена, не так ли?

– Нет, не предотвращена.

Эмоциональная символика сознания Первого Оратора была для Мула проста. Она выражала только собственный страх, собственное презрение к самому себе.

– И вина в этом больше моя, чем ваша, – продолжал Первый Оратор. – Кто бы мог предположить, какова ваша истинная сила, пять лет назад? Мы с самого начала, еще тогда, когда вы только захватили Калган, предполагали, что вы обладаете силой эмоционального контроля. Это было не так уж удивительно, Первый Гражданин, и я могу вам это объяснить.

Эмоциональный контакт, с помощью которого вы и я сейчас общаемся, – не такое уж новое изобретение. На самом деле он присущ мозгу человека. Большинство людей способны читать эмоции примитивным способом, ассоциируя их – прагматически – с выражением лица, интонациями голоса и так далее. У большого числа животных эта способность развита сильнее – они широко используют обостренное обоняние, и эмоции, вовлеченные в этот процесс, естественно, более сложны.

Конечно, люди способны на большее, но способность к эмоциональному контакту атрофировалась с развитием речи примерно миллион лет назад. Главным достижением деятельности нашей Второй Академии было то, что мы реставрировали до какой-то степени это забытое чувство.

Но мы с ним не рождаемся. Миллион летостоя – существенное препятствие, и мы вынуждены проводить обучение, воспитание этого чувства, тренировать его так, как мы тренируем наши мышцы. В этом мы радикально отличаемся от вас. Вы родились с этим даром.

Это мы смогли рассчитать. Мы смогли подсчитать, каков эффект воздействия такого дара на человека в мире людей, им не обладающим. Зрячий в мире слепых... Мы рассчитали также, до какой степени у вас разовьется мания величия, и решили, что приготовились. Но к двум моментам мы готовы не были.

Первый из них – высочайшая степень развития ваших способностей. Мы можем устанавливать эмоциональный контакт только при непосредственном общении с глазу на глаз, и именно поэтому мы беззащитны перед лицом физического уничтожения – еще более беззащитны, чем вы думаете. Зрение, видимость противника играют для нас колossalную роль. С вами все иначе. Известно, что у вас под контролем много людей, причем вам нет нужды непосредственно общаться с ними для установления эмоционального контакта. Это было обнаружено слишком поздно.

Во-вторых, мы не знали о ваших физических недостатках, в особенности об одном из них, который мучил вас настолько, что вы взяли себе кличку «Мул». Мы не предполагали, что вы не просто мутант, но стерильный мутант и что у вас есть отклонения в психике, сопутствующие физическому комплексу неполноценности. Это мы упустили из виду. Мы учили только манию величия, не обратив внимания на то, что, кроме того, вы страдаете параноидальной психопатией.

Именно я виноват в том, что все это не было учтено, потому что я руководил Второй Академией в то время, когда вы захватили Калган. Когда вы разрушили Первую Академию, мы поняли это – но слишком поздно, из-за чего погибли миллионы людей в Конзвездии.

– И теперь вы пытаетесь исправить ошибку? – Тонкие губы Мула скривились в усмешке. Мозг его излучал импульсы ненависти, – Что вы собираетесь предпринять? Что вы можете сделать? Разве вам под силу нарастить мои хилые мышцы или восстановить мою детородную

способность? Вычеркнуть из прошлого мучительное детство в чужеродном окружении? Вы жалеете меня, сочувствуете моим страданиям? Вас трогают мои несчастья? Нет, я ни на йоту не сожалею о том, что сделал для себя. Пусть теперь Галактика попробует защититься как может, потому что, когда мне нужна была защита, никто пальцем не пошевелил!

— Ваши эмоции сейчас, безусловно, — мягко прервал его Первый Оратор, — цветочки по сравнению с тем, что вы думаете на самом деле, и судить вас за это я не собираюсь. Разрушение Конзвездии было неизбежно. В противном случае последовали бы гораздо более страшные разрушения по всей Галактике в течение нескольких столетий. Мы сделали все, что смогли. Эвакуировали с Конзвездии людей, сколько сумели. Остальных расселили по планете. К сожалению, всего этого оказалось мало. Многие миллионы погибли — их вам не жалко?

— Ни капельки — не больше, чем тех, кто погибнет на Россеме в ближайшие шесть часов:

— На Россеме? — быстро спросил Первый Оратор. Он обернулся к Ченнису, который успел немного оправиться. Сознание его было напряжено из последних сил. Ченнис чувствовал, как два разума борются за него, и наконец ему удалось разорвать связывавшие его невидимые путы, и он выкрикнул:

— Сэр, я проиграл. За десять минут до вашего прихода он вытянул это из меня. Я не мог ему сопротивляться, и нет мне прощения. Он знает, что Конзвездия — не Вторая Академия. Он знает, что это — Россем.

Путы снова сомкнулись.

Первый Оратор снова нахмурился:

— Ясно. Что вы собираетесь делать?

— Вам так интересно? Вы не видите очевидного? Все это время, пока вы читали мне лекцию об эмоциональном контакте — все это время я работал, а вы бросали на ветер громкие слова типа «мания величия» и «паранойя». Я связался с моим флотом, и они выполняют мой приказ. Через шесть часов, если только у меня не будет причины его отменить, они будут здесь и бомбардируют Россем — за исключением этой заброшенной деревушки и местности на сто квадратных миль вокруг. Они сделают это, а потом приземлятся здесь. У вас есть шесть часов, а за шесть часов вы не успеете ни победить мой разум, ни спасти остальных на Россеме.

Мул довольно потер руки и рассмеялся, а Первый Оратор, казалось, с трудом осваивается с новым поворотом событий.

— Варианты? — спросил он.

— Да с какой стати должны быть какие-то варианты? Никаких вариантов! Что я — должен заботиться о жизни жителей Россема? Хотя... В принципе можно было бы дать моим кораблям возможность приземлиться здесь и подвергнуть мозговой атаке всех вас — всех людей из Второй Академии. Тогда можно было бы отменить приказ о бомбардировке. Неплохо было бы заиметь такое количество умных людей! Но для этого мне пришлось бы изрядно потрудиться, а я не вижу в этом особого смысла. Потому и не предлагаю. Что вы языками-то треплете, вы, человек из Второй Академии? Какое оружие вы можете противопоставить моему разуму, который как минимум не слабее вашего, и моим кораблям, которые сильны настолько, что вам такое и в голову никогда не приходило?

— Что я могу противопоставить? — медленно проговорил Первый Оратор. — Да ничего, кроме крошечного зернышка — крошечного зернышка истины, которое у меня есть, а у вас пока нет.

— Говорите быстрее, — расхохотался Мул. — И говорите вразумительно. Вы умеете выворачиваться, но на этот раз вам это не удастся.

— Бедный мутант, — с сожалением вздохнул Первый Оратор. — Не из чего мне выворачиваться! Спросите себя — зачем Бейл Ченнис был послан в Калган как приманка для вас, — Бейл Ченнис, который, невзирая на свою молодость и отвагу, настолько же уступает вам в отношении психологических способностей, как этот храпящий солдафон, ваш доблестный Хэн Притчар? Почему туда не отправился я или кто-то другой из наших руководителей, который мог бы с вами потягаться?

— Наверное, — последовал уверенный ответ, — потому, что вы не окончательно сошли с ума и понимали, что никто из вас все равно не сможет со мной тягаться.

— Истинная причина более логична. Вы узнали, что Ченнис из Второй Академии. У него

были возможности скрыть это от вас. Кроме того, вы знали, что по способностям он вам не ровня, потому-то и пошли так легко на эту игру и последовали за ним, как он и хотел, чтобы переиграть его потом. Если бы в Калган прилетел я, вы бы меня просто убили, потому что я представлял бы для вас реальную опасность. А если бы мне удалось избежать смерти, скрыв от вас, кто я такой, мне бы ни за что не удалось заманить вас в путешествие. Только чувство собственного превосходства двигало вами. А если бы вы остались на Калгане, никакие силы Второй Академии не смогли бы вам повредить — там вы окружены своими людьми, своей военной техникой и своим психологическим полем.

— Мое психологическое поле и сейчас при мне, трепач, — рявкнул Мул, — а мои люди и мои корабли не так уж далеко.

— Именно так, но вы — не на Калгане. Вы — в королевстве Конзвездия, которое, как вам внушили, является Второй Академией, — хорошо внушили. Так и должно было быть, поскольку вы — мудрый человек, Первый Гражданин, и только логикой можно было вас убедить.

— Верно. В этом вы, конечно, победили, но я вытянул правду из вашего Ченниса, поскольку предполагал заранее, что такая правда может существовать.

— Но не такие уж мы слабаки, как вы думаете. Мы предусмотрели и этот вариант, поэтому Ченнис был соответствующим образом подготовлен.

— Сомневаюсь, чтобы он был подготовлен, — я ощипал его сознание, как цыпленка. Он был голенький передо мной, и, когда он сказал, что Россем — это Вторая Академия, — это было правдой, Он не мог лгать. Я видел все, как под микроскопом.

— Все правильно. Тем лучше это подтверждает, что планы мы построили правильно. Я же сказал вам, что Бейл Ченнис был добровольцем. А знаете, каким именно добровольцем? Прежде чем отправиться на Калган, он был подвергнут серьезной психологической операции. Неужели вы думаете, что нам было достаточно обмануть вас словами? Неужели вы думаете, что Бейл Ченнис, не будь он предварительно подготовлен соответствующим образом, сумел бы одурачить вас? Нет, Бейл Ченнис был сам обманут — по необходимости и добровольно. Ченнис честно, до последней клеточки своего мозга верил, что Россем — Вторая Академия.

И в течение трех лет мы, люди из Второй Академии, создавали в королевстве Конзвездия декорации и готовились к встрече с вами. И мы преуспели в этом, не правда ли? Вы попали в Конзвездию, и даже на Россем, — но дальше этого вы бы не попали.

Мул резко вскочил на ноги.

— Вы... осмеливаетесь утверждать, что и Россем — не Вторая Академия?

Ченнис, лежа у стены на полу, почувствовал, как окончательно разорвались связывавшие его сознание пуги. Собрав все силы, он приподнялся с пола и пораженно выкрикнул:

— Разве Россем — не Вторая Академия?

Его память, все знания, которые он имел, — все закружилось в мозгу безумным вихрем. Первый Оратор улыбнулся:

— Вот видите, Первый Гражданин, Ченнис поражен не меньше вас. Конечно, Россем — не Вторая Академия. Неужели мы — безумцы, чтобы привести вас, нашего злейшего и опаснейшего врага, в наш собственный мир? О нет!

Пусть ваш флот бомбардирует Россем, Первый Гражданин, если вам уж так хочется. Пусть разрушают все, что хотят и могут. Единственные, кого они здесь могут убить, — так это меня и Ченниса, но это вам ничего не даст.

Потому что Вторая Академия, вернее — ее экспедиция на Россеме, которая работала тут три года под видом Старейшин этой деревни, вчера отбыла с Россема и отправилась на Калган. Они опередят ваш флот и прибудут на Калган как минимум на день раньше вас, вот почему я вам рассказываю все это. Если я не отменю свой приказ, то, когда вы вернетесь, застанете дома взбунтовавшуюся Империю, разрушенное государство, и только люди из вашего флота останутся верны вам. Но их будет очень мало по сравнению с восставшими военными. Кроме того, люди из Второй Академии внедряются в те соединения флота, которые остались дома, и позаботятся о том, чтобы вы больше никого не смогли «обработать». С вашей Империей покончено, мутант.

Мул медленно склонил голову. Злоба и отчаяние загнали его сознание в тупик.

— Да, слишком поздно... Слишком поздно... Теперь понятно...

— Теперь понятно, — согласился Первый Оратор. — Но все-таки не до конца.

Улучив момент, когда сознание Мула было обнажено отчаянием поражения, Первый Оратор быстро проник в него. Ему потребовалось совсем немного времени, чтобы радикально переориентировать противника.

Мул рассеянно взглянул на него и проговорил:

— Значит, я вернусь на Калган?

— Конечно. Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно. — Брови его удивленно приподнялись. — Кто вы?

— Какая вам разница?

— Никакой, конечно. Извините.

Мул коснулся плеча Притчера.

— Проснитесь, Притчер, мы летим домой.

Прошло еще два часа, прежде чем Ченнис сумел самостоятельно передвигаться. Он спросил:

— И он никогда ни о чем не вспомнит?

— Никогда. Его способности, его сила, его Империя — все останется при нем, но мотивация его поступков теперь радикально изменена. Понятие «Вторая Академия» теперь для него не существует, и он — совершенно миролюбивый человек. Отныне он будет и более счастлив — хотя бы те немногие годы, которые отпущены ему из-за его болезни. А потом, после его смерти, План Селдона будет осуществлен дальше.

— Но неужели это правда? — настаивал Ченнис. — Неужели Россем — не Вторая Академия? Я могу поклясться, что это так! Я же не сошел с ума!

— Вы не сошли с ума, Ченнис. Просто, как я сказал, вы были так подготовлены. Россем — не Вторая Академия. Пойдемте. Мы тоже отправимся домой.

Последняя интерлюдия

Бейл Ченнис находился в небольшой комнате с белыми стенами. Сознание его постепенно приходило в норму. Он был счастлив тем, что жил в настоящем. Он видел стены, и окно, и траву под окном, но не помнил, как все это называется. Они просто были. Он видел кровать, и стул, и книги, которые перелистывались на экране библиовизора, стоявшего в ногах кровати. Он видел сиделку, которая приносила ему еду.

Сначала он пытался соединить обрывки фраз, которые он слышал. Кажется, говорили двое.

Один говорил:

— Пока — полная афазия. Все вычищено, и, думаю, полностью. Но без вреда. Теперь нужно только возвратить записи его первоначального сознания.

Он помнил звуки наизусть, но почему-то они казались ему особыми. Но напрягаться не хотелось, как и думать об этом.

Куда приятнее было смотреть на смену цветов на экране, лежа на том, на чем он лежал.

Потом кто-то вошел и что-то делал с ним, а потом он долго спал.

Когда он проснулся, кровать стала «кроватью», и он понял, что находится в «больнице», и все слова обрели смысл.

Он сел.

— Что происходит?

Рядом с ним был Первый Оратор.

— Вы во Второй Академии, и ваше сознание вернулось к вам — ваше собственное сознание.

— Да. Да! — Ченнис понял, что он — это он, и это его страшно обрадовало.

— А теперь скажите мне, — спросил Первый Оратор, — знаете вы, где Вторая Академия?

Истина окатила Ченниса теплой волной, но он не ответил. Как до него Эблинг Мис, он не испытывал ничего, кроме всепобеждающего удивления.

Наконец он кивнул и ответил:

— Клянусь всеми звездами Галактики — теперь я знаю.

Часть вторая Поиск ведет Академия

Глава седьмая Аркадия

Дарелл, Аркади – писательница, родилась 11.5.362 А.Э., умерла 1.7.443 А.Э. Известная прежде всего как беллетрист, Аркада Дарелл снискала заслуженную славу автора блестящей биографии своей знаменитой бабушки – Байты Дарелл. Эта книга, основанная на достоверной информации, в течение многих веков служила главным источником данных о Муле и его времени. Книга вышла под названием «Неподслушанные мемуары» и, наряду с романом «Снова и снова и всегда», содержит блестящее описание высшего света Калгана времен начала Безвластия, основанное, как принято считать, на воспоминаниях Аркадии Дарелл о посещении ею Калгана в ранней юности...

Галактическая энциклопедия

Аркадия старательно продиктовала в микрофон своего принтера:

– «Будущее Плана Селдона», Аркадия Дарелл.

«Вот стану знаменитой писательницей, – подумала она, – и буду подписывать свои шедевры псевдонимом «Аркади». «Аркади» – и все. Никакой фамилии».

«А. Дарелл» – такую подпись она пока была вынуждена ставить под своими сочинениями на уроках Композиции и Риторики. Это было ужасно скучно и обыденно. Так должны были подписывать свои сочинения все ученики – все, кроме Алинтуса Дама. Когда он впервые подписал свое сочинение «А. Дам», класс чуть не помер со смеху.

Аркадия – ну и имечко! Годится для маленькой девчушки с бантиком в косичке. Ее так назвали в честь прабабушки. Ну неужели папа с мамой ничего лучше придумать не могли? Фантазии у них, что ли, не хватило?

Теперь, когда ей было четырнадцать лет и два дня, уж теперь-то, по ее мнению, все должны были понять, что она уже взрослая, и называть ее «Аркади»...

Она презрительно скривила губы, отчетливо представляя, как отец отрывается от библиовизора и, улыбаясь, говорит: «Если ты сейчас притворяешься, будто тебе девятнадцать, что же будет, когда тебе будет двадцать пять, а? Все парни будут считать, что тебе все тридцать?»

Оттуда, где она сидела, забросив ноги на подлокотник кресла, ей было видно собственное отражение в зеркале. Только лицо загораживало отражение правой ноги, на большом пальце которой небрежно повисла домашняя тапочка. Она поправила тапочку, села прямо, неестественно выпрямив спину, совершенно уверенная в том, что стала выше дюйма на два, и постаралась придать своему облику королевское величие.

Аркадия придирчиво разглядывала свое лицо. «Щеки слишком пухлые», – подумала она и изо всех сил втянула их. Облизнула губы, чуть-чуть приоткрыла рот. Томно, устало опустила веки – право, все бы ничего, но этот дурацкий румянец!

Тогда она пальцами растянула веки, чтобы придать глазам то таинственное, экзотическое выражение, которым отличались женщины из центральных звездных систем, но тут ее отражение загородили собственные локти, и она не сумела разглядеть, хорошо ли вышло.

Она опустила руки, вздернула подбородок, повернула голову в полупрофиль и произнесла фразу, страдая от боли в неестественно вывернутой шее и рези в скошенных глазах:

– Знаешь что, папочка, если ты думаешь, что меня волнует, что про меня думают всякие ослы, то ты жестоко...

Тут она вспомнила, что в руке у нее микрофон, и сердито буркнула:

– О, черт! – и выключила приемное устройство.

На бледно-сиреневой бумаге, выползшей из принтера, отпечаталось следующее:

Будущее плана Селдона

– Знаешь что, папочка, если ты думаешь, что меня волнует, что про меня думают всякие осли, то ты жестоко...

– О, черт!

Она раздраженно вырвала лист из принтера. На его место тут же вполз другой.

Она прочитала, что получилось, и усмехнулась. Очень мило, решила она. Очень даже элегантно и изящно.

Принтером – последним словом техники в писательском ремесле – она обзавелась позавчера. Он был куплен и подарен ей в ее первый взрослый день рождения. В магазине она капризно сказала отцу:

– Ну, папочка, у всех-всех, кто в нашем классе что-то из себя представляет или думает, что представляет, – у всех есть такие. Никто теперь, кроме каких-нибудь занюханных стариков, не пользуется механическими пишущими машинками!

Продавец усиленно рекламировал принтер:

– Это – самая компактная, самая удобная модель. Она может правильно писать орфографически, расставлять знаки препинания в соответствии со смыслом предложения. Кроме того, это устройство является и обучающим, поскольку заставляет пользующегося им правильно говорить и правильно дышать. В результате развивается верная постановка речи и получается безупречно написанный текст.

Но даже это не сразу убедило отца, и он склонен был все-таки купить ей пишущую машинку, как будто делал подарок не ей, а какой-нибудь тощей, как веник, классной даме.

Но в итоге было куплено именно то, что она хотела, – пришлось, правда, немного поклянчить и похныкать, но ведь ей было всего-навсего четырнадцать. И вот теперь она держала в руках лист бумаги с очаровательным началом сочинения, написанным так мило и резво – чисто по-женски. Буквы выглядели написанными от руки, а заглавные вдобавок были украшены красивыми завитушками.

Даже фраза «О, черт!» смотрелась неплохо.

Но такое начало не устроило бы учительницу. Поэтому Аркадия выпрямилась, сделала глубокий вдох и начала снова, старательно выдерживая паузу между словами. С театральным пафосом она произнесла:

– Будущее Плана Селдона.

Прошлое Академии, я думаю, хорошо известно всем, кто имел счастье обучаться в системе великолепных школ нашей планеты.

(Вот! Именно так надо было начать, чтобы угодить мисс Эрлкинг, этой старой грызме.)

Наша история, наше прошлое – это в основном прошлое Великого Плана Селдона. Это – одно и то же. Но сегодня многие задают вопрос: будет ли выполнение Плана продолжено во всей его полноте и мудрости или он будет грубо и непоправимо нарушен? А может быть, он уже нарушен.

Чтобы понять это, лучше всего быстро пробежаться по основным положениям Плана в том виде, в котором он сегодня известен Человечеству.

(Этот абзац дался ей легко – в прошлом семестре они как раз изучали курс Новой Истории.)

Примерно четыре столетия назад, когда Первая Галактическая Империя была скована параличом, предшествовавшим ее окончательной гибели, один человек – великий Гэри Селдон – предвидел приближавшийся крах.

С помощью науки психоистории, хитросплетения математической теории которой с тех пор были утрачены...

(Тут она умолкла и засомневалась. Слово «хитросплетения» выглядело как-то не так. Ей почему-то казалось, что после или должно быть «и». Ну да ладно, машина тоже может

ошибаться...)

Уже было слишком поздно, чтобы предотвратить упадок, но еще существовала возможность сократить продолжительность периода хаоса и анархии.

Поэтому План был составлен так, чтобы между падением Первой и возникновением Второй Империи прошло только одно тысячелетие. Мы находимся в конце четвертого столетия этого тысячелетия. Многие поколения людей жили и умерли, а План неизменно продолжал выполняться.

Гэри Селдон основал две Академии на противоположных концах Галактики – таким образом и в таких обстоятельствах, которые позволили бы наилучшим образом решать математические аспекты психоисторических проблем. В одной из них, нашей Академии, основанной здесь, на Терминусе, была сконцентрирована физическая наука Империи. Обладая достижениями этой науки, Академия отразила атаки варварских Королевств, которые отделились от старой Империи и обрели независимость на ее Периферии.

Постепенно Академия окончательно победила эти иллюзорные Королевства под руководством мудрых и героических людей – таких, как Сальвор Гардин и Хобер Мэллоу, которые сумели умно интерпретировать План и провести пашу страну через все его сложности.

(Она, было, снова хотела сказать «хитросплетения», но решила не рисковать.)

Все наши планеты до сих пор хранят память о тех днях, хотя прошли столетия.

Постепенно Академия разработала и внедрила торговую систему, благодаря которой взяла под контроль большую часть сивенианского и анакреонского Секторов Галактики и даже сумела победить остатки Первой Империи – армию, возглавляемую последним из великих генералов – Белом Риозом. Казалось, ничто не могло помешать выполнению Плана Селдона. Каждый из запланированных им кризисов наступал в соответствующее время и разрешался; преодолев очередной кризис, Академия делала очередной гигантский шаг по пути осуществления Плана, по направлению ко Второй Империи и Галактическому Миру.

И тогда...

(Тут у нее перехватило дыхание, в голосе от волнения появилась хрипота, но принтер бесстрастно продолжал.)

...когда исчезли последние останки Старой Империи и не стало других врагов, кроме никому не опасных диктаторов, правящих жалкими осколками и обломками падшего колосса...

(Эту фразу она почерпнула из боевика, который видела по библиовизору на прошлой неделе, но старая мисс Эрлкинг ничего, кроме симфоний и лекций, в жизни не слушала, поэтому и не узнает никогда, откуда взялся этот перл.)

...на сцену истории вышел Мул.

Этот необычный человек не был предусмотрен Планом. Он был мутантом, чье рождение не могло быть предсказано. Он обладал странной, таинственной силой управления человеческими эмоциями и сумел подчинить всех людей своей воле. С потрясающей легкостью он стал покорителем миров и создателем своей Империи и, наконец, сумел захватить и саму Академию.

Но вселенского господства ему достичь так и не удалось, поскольку как раз во время первого мощного броска к этой цели он был остановлен мудростью и отвагой великой женщины.

(Ну вот, опять – старая проблема. Отец наверняка будет возражать против упоминания этого факта. Он не любил, когда она упоминала, что она – внучка Байты Дарелл. Но ведь это было известно всем, и Байта действительно была величайшей женщиной в истории, и именно она остановила Мула!)

А как это произошло на самом деле, никто точно не знает.

(Вот! Когда она будет читать это в классе, эту фразу она произнесет таинственно и загадочно, и кто-нибудь обязательно спросит, как же это на самом деле произошло, и тогда... ну что же, тогда она просто не сможет не рассказать правду. Если спросят – надо рассказать, правда же? Она прокручивала эту ситуацию в уме и представляла, какими словами она опишет великий подвиг своей бабушки.)

Через пять лет после начала единоличного правления Мула произошли непонятные изменения, причины которых неизвестны. Но факт остается фактом – Мул отказался от

дальнейших завоеваний. Последние пять лет его правления были годами господства просвещенного деспота.

Некоторые говорят, что изменение намерений Мула было вызвано вмешательством Второй Академии. Однако до сих пор никому не удалось определить, где она находится и чем занимается. Поэтому гипотеза остается гипотезой.

Целое новое поколение появилось на свет после смерти Мула. Каково же будущее – после того, как он явился и ушел? Он прервал выполнение Плана Селдона и, казалось, разорвал его на части, но, как только он умер, Первая Академия вновь воспряла к жизни, как сверхновая звезда из мертвенногопепла звезды погасшей.

(А вот эту фразу она придумала сама.)

И вновь планета Терминус стала центром Торговой федерации, почти такой же великой по размерам и богатству, какой была до завоевания, но гораздо более миролюбивой и демократичной.

Запланировано ли это? Жива ли до сих пор великая мечта Селдона и будет ли создана Вторая Галактическая Империя через шестьсот лет? Лично я верю в это, потому что...

(Это было очень важно – вставить фразочку такого типа. Мисс Эрлкинг вечно своим безобразным здоровенным красным карандашом черкала под их сочинениями что-нибудь вроде: «Чересчур описательно! Где твое собственное мнение? Подумай! Вырази свои мысли! Внеси свою душу!» – и тому подобное. Старая дура! Что бы она понимала в их душах – со своей чахлой, высущенной, как лимон, физиономией, никогда в жизни не улыбавшейся...)

...не было еще в истории более благоприятной политической ситуации. Старая Империя полностью разрушена, и период правления Мула завершил эпоху правления военных диктаторов, предшествовавшую его воцарению. Большая часть окружающих нас миров цивилизована и миролюбива.

Кроме того, и внутренняя ситуация в Академии сейчас лучше, чем когда бы то ни было. Времена деспотизма наследственных мэров, правивших в Академии до Завоевания, прошли, и мы вернулись снова к демократическим выборам прежних времен. Не существует больше и мятежных миров Независимых Торговцев, нет несправедливости и неравномерности в распределении материальных благ, которые раньше были сосредоточены в руках малочисленных групп населения.

Поэтому нет причин опасаться неудач, если только действительно Вторая Академия сама по себе не представляет опасности. У тех, кто считает, что это так, нет фактов, которыми они могли бы подтвердить свои предположения. Есть только смутные опасения и суеверия. Я считаю, что мы должны верить в себя, в свой народ, что великий План Гэри Селдона должен прогнать из наших сердец всякую неуверенность и...

(Гм-м-м... Это было ужасно избито, но в конце сочинения именно что-то в этом роде и требовалось.)

...поэтому я заявляю...

Но именно в это мгновение «Будущее Плана Селдона» было прервано – кто-то постучал в окно. Аркадия Дарелл выпрямилась и увидела за стеклом улыбающееся лицо молодого незнакомого мужчины, правильные черты которого подчеркивал указательный палец, прижатый к губам.

После короткой паузы, необходимой для того, чтобы справиться с неожиданностью, так не вовремя оторвавшей ее от исторического труда, Аркадия выбралась из кресла, подошла к кушетке, стоявшей у широкого окна, и встала на колени, чтобы разглядеть, кто же это такой.

Улыбка быстро исчезла с лица незнакомца. Стоять на карнизе под окном верхнего этажа ему явно было неудобно. Пальцы одной руки побелели, крепко сжимая край подоконника. Другой рукой он быстро произвел недвусмысленный жест. Аркадия поняла и нажала кнопку. Нижняя треть окна плавно отъехала в сторону, убравшись в проем стены. Теплый весенний воздух смешался с кондиционированным воздухом комнаты.

– Вы не сможете влезть в окно, – язвительно сообщила она. – Все окна в доме экранированы, и залезть может только тот, кто здесь живет. Если попытаетесь забраться, сработает целая куча сигнальных устройств.

Немного помолчав, она добавила:

— А умнее вы ничего не придумали? Зачем забрались на карниз? Вот свалитесь, шею сломаете и вдобавок кучу дорогущих цветов.

— Тогда, — сказал человек за окном, который, судя по всему, именно эту проблему и обдумывал, только с употреблением несколько других эпитетов, — может быть, ты все-таки будешь настолько добра, что отключишь экранирование и впустишь меня?

— Это еще зачем? — ехидно поинтересовалась Аркадия. — Вы, вероятно, ошиблись адресом, если принимаете меня за легкомысленную дурочку, которая впускает ночью кого ни попадя в свою... в свою спальню!

Произнося эти слова, она придала глазам такое выражение, что и впрямь можно было так подумать.

Лицо молодого незнакомца стало совсем серьезным.

— Это дом мистера Дарелла? — пробормотал он.

— С какой стати я должна отвечать?

— О, черт подери!..

— Если вы спрыгнете, юноша, я сама включу сигнализацию!

Слово «юноша» было сказано с легкой иронией — на наметанный взгляд Аркадии, злоумышленнику было никак не меньше тридцати.

После короткой паузы он взмолился:

— Послушай, детка, я вижу, ты не хочешь, чтобы я остался, и не хочешь, чтобы я ушел. Чего же ты от меня хочешь?

— Пожалуй, я вас все-таки впущу. Доктор Дарелл действительно здесь живет. Сейчас отключишь экранирование.

Оглядевшись по сторонам, молодой человек покрепче ухватился за подоконник и скользнул в проем окна. Сердито отряхнул колени. Лицо его покраснело от напряжения.

— А ты уверена, что твоя репутация не пострадает, если меня здесь застанут, а?

— Не больше, чем ваша. Как только поблизости раздадутся чьи-нибудь шаги, я тут же заору во весь голос и объявлю, что вы сами сюда забрались.

— Да? — испрение удивился незнакомец. — А как ты собираешься объяснить, почему отключила защитное поле?

— П-ф-ф! Вот уж ерунда. Начнем с того, что никакого защитного поля нет и не было.

Незнакомец ошарашенно вытаращил глаза.

— Обманула, значит? Сколько тебе лет, детка?

— Неприличный вопрос, молодой человек. К тому же я не привыкла, чтобы меня называли «деткой».

— Неудивительно. Ты — не иначе как переодетая прабабушка Мула. Может, мне лучше убраться отсюда подобру-поздорову, пока ты будешь готовить ужин с изысканными пытками в мою честь?

— Нет уж, пожалуй, вам лучше остаться. Мой отец ждет вас.

Взгляд незнакомца стал настороженным. Брови слегка приподнялись.

— Вот как? У него кто-нибудь уже есть в гостях?

— Нет.

— Кто-нибудь заходил к нему недавно?

— Только торговцы. И вот — вы.

— Ничего необычного не происходило?

— Кроме вашего появления — ничего.

— Про меня давай забудем. Хотя нет — погоди. Откуда ты знаешь, что отец ждет меня?

— О, это очень просто. На прошлой неделе он получил персональную капсулу, зашифрованную лично для него, с самоокисляющейся запиской. Оболочку он выбросил в дезинтегратор, а вчера он отпустил Полли — нашу служанку — на месяц в отпуск, понимаете, чтобы она поехала к сестре на Терминус. А сегодня вечером постелил себе в пустующей комнате. Поэтому я и догадалась, что он кого-то ждет и я об этом не должна знать. Обычно-то он мне все рассказывает.

— Неужели? Удивительно зачем. Похоже, ты и так все знаешь.

— Как правило, да.

Она весело рассмеялась. Она чувствовала себя все более уверенно. Незнакомец был взрослый, но очень неплохо выглядел – у него были длинные, вьющиеся каштановые волосы и ярко-голубые глаза. Может быть, когда она станет взрослой, ей доведется с кем-нибудь вроде него познакомиться.

– Ну а все-таки, – настаивал незнакомец, – как ты догадалась, что он ждет именно меня?

– Господи, а кого же еще? Он ожидал кого-то и так таинственно к этой встрече готовился, если вы понимаете, о чем я говорю, и тут являетесь вы, прыгаете под окнами, влезаете на верхний этаж, вместо того чтобы просто взять и войти в переднюю дверь, как любой нормальный человек. – Тут ей на ум пришла любимая цитата, и она быстро проговорила: – Мужчины так наивны!

– А ты самоуверенна, детка! То есть, прошу прощения – мисс. Ты можешь ошибаться. А что если я скажу тебе, что все это – чепуха и твой отец, наверное, ждет кого-то другого?

– О нет, я так не думаю. Я же до тех пор не разрешила вам влезть в окно, пока не убедилась, что вы бросили свой портфель.

– Мой... что?

– Ваш портфель, молодой человек. Я не слепая. И уронили вы его не случайно – сначала поглядели вниз, чтобы удостовериться, что он упадет куда надо. Когда вы убедились, что он упал под изгородью, где его никто не заметит, больше вы вниз не смотрели. Потом: поскольку вы не вошли в дом через дверь, а полезли в окно, это означает, что вы боялись войти, не исследовав для начала обстановку. А после того как мы тут с вами немного попрепирались, когда вы еще были за окном, вы решили позаботиться о своем портфеле, что означает, что его судьба вам более дорога, чем ваша собственная, а уж вот это означает, что, пока вы здесь, а портфель – там, а мы оба знаем, что он – там, вы, скорее всего, просто беспомощны.

Она остановилась, чтобы набрать побольше воздуха в легкие, а гость, вымученно улыбнувшись, проговорил:

– Ну да, только если мне не взбредет в голову стукнуть тебя покрепче и удалиться с портфелем.

– Ну да, молодой человек, если только у меня под кроватью не лежала бы бейсбольная бита, достать которую мне нужно всего две секунды. Я не такая уж слабенькая, как может показаться.

Незнакомец просто онемел. Наконец с вымученной улыбкой он выговорил:

– Пожалуй, надо представиться, раз уж мы так мило беседуем. Меня зовут Пеллеас Антор. А тебя?

– Меня – Аркади. Аркади Дарелл. Очень приятно.

– Ну, а теперь, Аркадия, будь паянькой и позови папу.

Аркадия нахмурилась:

– Я вам не паянька. Вы жутко невоспитанны, особенно если учесть, что обращаетесь ко мне с просьбой.

Пеллеас Антор обреченно вздохнул:

– Ладно, будь по-твоему. Будь хорошей, милой, дряхлой, насквозь пропахшей нафталином старушкой и позови папу. Идет?

– Это не то, чего я ожидала, но, так уж и быть, позову. Но учтите, с вас я глаз не спущу, молодой человек.

Она громко топнула ногой, В холле тут же раздался звук поспешных шагов, и дверь распахнулась настежь.

– Аркадия! – изумленно вскрикнул отец. – Кто вы такой, сэр?

Пеллеас облегченно вскочил на ноги.

– Доктор Торан Дарелл? Я – Пеллеас Антор. Надеюсь, вам сообщили обо мне. По крайней мере... так утверждает ваша дочь.

– Утверждает моя дочь?

Он, нахмутившись, взглянул на Аркадию, но она встретила его испытующий взгляд широко раскрытыми невинными глазами.

Доктор Дарелл вынужден был признаться:

— Да, я вас ждал. Пожалуйста, пройдемте со мной. Он шагнул к двери, но оглянулся и в следующий момент был рядом с принтером. Аркади рванулась за ним. Отец мягко упрекнул ее:

— Ты все время оставляешь его включенным, Аркадия.

— Папа! — обиженно вскрикула она. — Это возмутительно! Настоящий джентльмен никогда не станет читать чужие письма, особенно если это «говорящее письмо»!

— Ах-ах! — покачал головой отец. — Но «говорящее письмо» написано в присутствии незнакомого мужчины в твоей спальне. Должен же я блюсти твою нравственность.

— Елки-палки, да ничего такого не было!

Пеллеас неожиданно расхохотался:

— Было, было, доктор Дарелл! Юная леди пыталась обвинить меня в самых тяжких грехах, поэтому я настаиваю, чтобы вы все прочитали, чтобы моя совесть была чиста.

— О! — вскричала Аркадия, с трудом сдерживая слезы. Даже собственный отец ей не доверял. А еще этот проклятый принтер! И надо же было этому идиоту влезть в окно — конечно, из-за него она и забыла выключить устройство. А теперь отец наверняка начнет читать ей мораль по поводу того, что можно и чего нельзя делать юным леди. А юной леди только останется, что горько вздохнуть и умереть от горя.

— Аркадия, — начал отец, — меня просто поражает, как юная леди...

Она так и знала, так и знала...

— ...может вести себя так бесцеремонно с человеком, который намного старше ее.

— А с какой стати ему понадобилось лезть ко мне в окно? Имею я право защищать свою собственность или нет? Теперь еще придется заново переписывать это треклятое сочинение!

— Во всяком случае, ты не должна была предлагать ему лезть в твое окно. Нужно было сразу позвать меня. В особенности если ты знала, что я его жду.

Она вызывающе сощурилась.

— Вот уж — нашел кого ждать. Если он все время собирается в окна влезать, то любое дело испортит.

— Аркадия, здесь никого не интересует твое мнение по вопросам, в которых ты ничего не понимаешь!

— Я не понимаю? Отлично понимаю! Дело во Второй Академии, вот в чем!

Все молчали. Даже у самой Аркадии противно засосало под ложечкой.

Доктор Дарелл мягко поинтересовался:

— С чего ты взяла?

— Ни с чего. Только неоткуда больше взяться такой таинственности. Можешь не беспокоиться, я не проболтаюсь.

— Мистер Антор, — пробормотал Дарелл, — я вынужден просить у вас прощения за все происходящее.

— О, что вы, не за что, — глухо отозвался Антор. — Не виноваты же вы, в конце концов, в том, что ваша дочь вступила в общение с темными силами... Вы не будете возражать, если я задам ей один вопрос, прежде чем мы уйдем? Мисс Аркадия...

— Что вам угодно?

— Почему вы считаете, что влезать в окно глупее, чем войти в дверь?

— Да потому что сразу становится ясно, что вы что-то скрываете, глупец! Если у меня есть тайна, я не стану заклеивать себе рот пластырем, чтобы все до одного догадались, что я боюсь проболтаться. Наоборот, я говорю столько же, сколько обычно, но совсем о другом. Вы когда-нибудь читали афоризмы Сальвора Гардина? Надеюсь, вы знаете, что он был нашим первым мэром?

— Да, знаю.

— Ну так вот, он говорил, что только та ложь хороша, за которую не стыдно. А еще он говорил, что не все должно быть правдой, но все должно выглядеть правдиво. Ну так вот: когда вы влезаете в окно, это как раз та самая ложь, за которую стыдно и которая правдиво не выглядит.

— Ну а вы как поступили бы на моем месте?

— Если бы я была на вашем месте и мне нужно было познакомиться с моим отцом или посетить его по крайне секретному делу, я бы познакомилась с ним совершенно открыто и

встретилась совершенно легально. И тогда, когда бы все знали, что ваши отношения с моим отцом сами собой разумеются, вы бы сохранили свою тайну в целости и сохранности и никому в голову не пришло бы вас в чем-то заподозрить.

Антор оторопело смотрел на девочку. Потом отвел взгляд в сторону. Откашлявшись, он сказал Дареллу:

— Пойдемте, доктор. Мне нужно подобрать в саду свой портфель. Нет, еще одну минутку. Только один вопрос. Аркадия, у тебя ведь нет под кроватью бейсбольной биты, правда?

— Нет, конечно!

— Ха! Я так и думал!

Доктор Дарелл остановился на пороге.

— Кстати, Аркадия, когда будешь переписывать сочинение, постарайся избежать этих туманных намеков на свою бабушку. Я считаю, что вполне можно выпустить эту часть.

Он и Пеллеас молча спускались по лестнице. Гость осторожно поинтересовался:

— Извините, сэр... Сколько ей лет?

— Позавчера исполнилось четырнадцать.

— Четырнадцать? Более милосердный... Скажите, она вам говорила когда-нибудь, что в один прекрасный день выйдет замуж?

— Нет, пока не говорила.

— Знаете, когда она об этом объявит, лучше сразу пристрелите жениха.

Молодой человек без тени юмора смотрел в глаза хозяина.

— Я говорю совершенно серьезно. С ней и сейчас-то страшно, а когда ей будет двадцать... нет, не завидую я ее жениху. Ради бога, только не обижайтесь.

— Я и не обзываюсь. Я понимаю, о чем вы говорите.

А наверху объект столь тонкого психоанализа – усталая, обиженная Аркадия – сжала в руке микрофон и продиктовала полусонным голосом: «Будущее плана Селдона». Принтер невозмутимо снабдил эту абракадабру соответствующим количеством изящных заглавных букв, и на бледно-сиреневом листе появилось название:

«Будущее Плана Селдона».

Глава восьмая План Селдона

Представьте себе комнату!

Где конкретно она находилась, сейчас неважно. Достаточно будет сказать, что в этой комнате – больше, чем где бы то ни было – существовала Вторая Академия.

Эта комната на протяжении столетий была колыбелью чистой науки, но в ней не было ни одного из тех приспособлений, которые мы привыкли видеть в лабораториях ученых. Здесь обитала наука, оперирующая только математическими понятиями, – так работали древние мыслители в доисторические времена, когда человек еще не шагнул за пределы своего собственного знакомого мира.

Итак, во-первых, в комнате находился защищенный силой психоисторической пауки, которую до сих пор не смогла победить вся объединенная физическая мощь Галактики, Главный Радиант – вся суть, вся полнота Плана Селдона.

Во-вторых, в комнате находился человек – Первый Оператор.

Он был двенадцатым в череде главных хранителей Плана, а титул его означал единственное: на встречах руководителей Второй Академии за ним было первое слово.

Его предшественник победил Мула, но ошибка, допущенная во время этой чудовищной схватки, до сих пор сказывалась – прямая линия была искривлена...

Уже двадцать пять лет он и его сотрудники пытались вернуть Галактику, населенную упрямыми, глупыми людьми, назад, на верную дорогу. Это было чудовищно трудно.

Первый Оператор взглянул на робко открывшуюся дверь. Все время, пока он в одиночестве вспоминал о напряженнейшей борьбе, которая медленно и неизбежно шла к развязке, – все это время он не забывал о том, кто должен был прийти к нему. О юноше, Студенте, одном из тех,

кому суждено было когда-то победить в этой борьбе.

Молодой человек неуверенно остановился па пороге. Первый Оратор встал, подошел к нему и провел его в комнату, мягко положив руку на его плечо.

Студент смущенно улыбнулся, и Первый Оратор улыбнулся ему в ответ.

– Во-первых, я должен объяснить тебе, почему ты здесь.

Они сидели друг против друга за письменным столом и разговаривали так, как принято разговаривать только во Второй Академии.

Речь – изначально – была средством, которое человек разработал для передачи своих мыслей и эмоций. Средство это далеко от совершенства, Решив, что определенные звуки и комбинации звуков должны выражать определенные нюансы мышления, человек создал метод коммуникации, который, однако, за счет своей громоздкости свел на нет всю тонкость мозговой деятельности, превратив ее в грубые голосовые сигналы.

Назад в прошлое... Назад... Вспомним все радости и страдания, которые когда-либо знало человечество, и мы сможем увидеть и понять, что ни один человек до Гэри Селдона и нескольких его последователей не был способен по-настоящему понимать другого человека. Каждое человеческое существо жило за непроницаемой перегородкой душного тумана, внутри которой существовал только он, и никто другой. Порой человек улавливал сигналы из глубины пещеры, в которой жил другой человек, – может, звал на помощь, может – хотел что-то сказать. Но потому что они не знали друг друга, и не могли понимать друг друга, и не осмеливались доверять друг другу, но при этом с детства ощущали страх и опасность полной изоляции – возникла предательская ненависть человека к человеку.

Тысячелетия склоняли под грудами земли и пепла умы, которые все это время не утрачивали способности общаться со звездами.

На ощупь, неумело, инстинктивно человек искал, как выбраться из темницы обычной речи. Семантика, математическая логика, психоанализ – лишь средства, с помощью которых люди либо пытались формализовать, очистить речь, либо вовсе избавиться от нее.

Психоистория стала достижением психологической науки, вернее – ее конечной математизацией, что в конце концов и стало залогом успеха. За счет развития математики, необходимого для понимания фактической стороны нейрофизиологических процессов, электрохимической основы высшей деятельности, которые сами по себе должны были быть прослежены до атомного уровня, стало впервые возможно развить *истинную* психоисторию. А за счет экстраполяции знаний об индивидуальной психологии на большие массы населения была разработана математическая основа социологии.

Более крупные группы людей – миллиарды, населявшие планеты, триллионы, населявшие Секторы Галактики, квадриллионы, населявшие всю Галактику, стали рассматриваться не просто как огромные массы человеческих существ, а как грандиозные силы, действие которых можно подвергнуть статистической обработке. Для Гэри Селдона, таким образом, будущее стало зримым и неизбежным, и появилась возможность разработать План.

Те самые достижения психологической науки, которые привели к разработке Плана Селдона, и были причиной того, что Первому Оратору не было нужды пользоваться словами в разговоре со Студентом.

Любая реакция на стимул, даже самый слабый, четко указывала на мельчайшие изменения в течении мыслей в сознании собеседника. Первый Оратор не мог почувствовать эмоциональное состояние Студента инстинктивно, как это мог бы сделать Мул, – поскольку Мул был мутантом, психические способности которого невозможно сравнить со способностями обычного человека, будь этот человек даже из Второй Академии. Он скорее дедуктивно исследовал его. Эту способность обретали в результате интенсивного обучения.

Однако поскольку совершенно невозможно хотя бы приблизительно передать человеку, выросшему в обществе, в среде, где общение основано исключительно на речи, тонкости манеры коммуникации, которой пользовались люди из Второй Академии, общаясь друг с другом, этот вопрос мы впредь опустим. Представим себе, что они говорят совершенно обычно, как мы с вами, и, если перевод не всегда будет адекватным, все равно лучше не передашь.

Итак, представим себе, что Первый Оратор на самом деле сказал:

– Во-первых, я должен объяснить тебе, почему ты здесь.

Хотя в действительности он просто улыбнулся и поднял вверх указательный палец. И добавил:

– Ты упорно и успешно всю сознательную жизнь изучал науку о мышлении. Ты впитывал все знания, которые тебе могли дать твои учителя. Теперь пришло время тебе и еще нескольким твоим товарищам начать обучение Ораторскому искусству.

С другого края стола ответом ему было безмолвное волнение.

– Нет. Волноваться не нужно. Ты думал, что тебе предстоит испытание. Ты боялся, что не выдержишь. На самом деле – и надежда, и страх – проявления слабости. Ты знал, что тебя будут оценивать, и боишься в этом признаться, потому что знание такого рода может показать тебя слишком самоуверенным и, следовательно, негодным. Чепуха! Самый безнадежный тупица – как раз тот, кто не знает, что он мудр. Часть оценки твоей квалификации как раз и состоит в том, что ты знал, что тебя будут оценивать.

С другого края стола ответом ему было молчаливое облегчение.

– Ну вот. Теперь тебе легче, и опасениям твоим конец. Теперь тебе будет легче сконцентрироваться и понять меня. Помни, для достижения наилучшего эффекта нет необходимости держать сознание за прочным, контролирующим барьером – для тонкого собеседника такой барьер столь же информативен, как обнаженное сознание. Наоборот, следует развивать, культивировать наивность, сознание собственной стеснительности, которая не позволяет ничего скрывать от собеседника. Мой разум открыт для тебя. Пусть и твой откроется тоже. Он продолжал:

– Быть Оратором нелегко. Во-первых, нелегко быть психоисториком, и даже лучшие психоисторики не всегда выдерживают экзамен на звание Оратора. Тут есть различие. Оратор должен не только знать все математические сложности Плана Селдона – он должен любить План. План должен стать его жизнью, его дыханием, чем-то вроде живого, осязаемого друга. Знаешь ли ты, что это такое?

Рука Первого Оратора мягко легла на поверхность черного блестящего куба, стоявшего в центре стола. Ничего особенного в нем не было. Куб как куб.

– Нет, Оратор, не знаю.

– Ты слыхал когда-нибудь о Главном Радианте?

– Это... он? (Неподдельное удивление.)

– Ты ожидал увидеть нечто более таинственное,зывающее благоговение? Ну что ж, это естественно. Радиант был создан во времена Империи соратниками Селдона. Почти четыреста лет он верой и правдой служит нам и нашим целям, не требуя ни ремонта, ни наладки. И это отрадно, поскольку никто во Второй Академии не имеет понятия, как с ним обращаться с технической точки зрения.

Он мягко улыбнулся.

– Знай о нем люди из Первой Академии, они, пожалуй, смогли бы изготовить копии, но они никогда о нем не узнают.

Он нажал рычажок на краю стола, и комната погрузилась в темноту. Ио только на мгновение, потому что постепенно стали загораться и оживать две противоположные стены. Вначале их поверхность мерцала жемчужно-белым светом, потом тут и там стали появляться темные пятнышки и черточки, которые в конце концов превратились в четко, ярко выписанные уравнения, кое-где подчеркнутые или обведенные тонкими красными линиями, похожими на полосы охотничьих флагков в густом темном лесу.

– Подойди, мой мальчик, стань вот здесь, у стены. Не волнуйся, ты не отbrasываешь тени. Этот свет идет от Радианта не так, как обычный свет. Правду сказать, я и сам не знаю точно, как именно он образуется, но тени ты не отbrasываешь. Это я знаю точно.

Они стояли рядом в лучах света. Длина каждой стены составляла тридцать, а высота – десять футов. Цифры были написаны мелко и покрывали каждый квадратный дюйм поверхности стен.

– Здесь – не весь План, – объяснил Первый Оратор. – Чтобы он весь поместился на обеих стенах, нужно было бы уменьшить цифры до микроскопического размера – но это не нужно. То, что ты видишь сейчас, представляет собой главную часть Плана на сегодняшний день. Тебя

учили этому, так ведь?

– Да, Оратор, я это изучал.

– Узнаешь какой-нибудь фрагмент?

Долгое молчание. Наконец Студент робко указал пальцем, и как только он это сделал, строчка уравнений опустилась вниз по стене на уровень глаз. Трудно себе представить, как быстро перед ним оказалась именно та группа функций, о которой он думал.

Первый Оратор тихо рассмеялся:

– Ты скоро поймешь, что Главный Радиант настроен на твоё сознание. В этом маленьком устройстве множество сюрпризов. Так что ты хотел сказать о тех уравнениях, которые избрал?

– Это, – робко начал Студент, – интеграл Ригеля, с использованием планетарного распределения диагонали, указывающей на наличие двух главных экономических классов на планете, а может быть – в Секторе, плюс неустойчивая картина эмоциональных настроений.

– А что он обозначает?

– Он обозначает предел напряженности, поскольку вот здесь, – он указал пальцем, и уравнение опустилось еще ниже, – серия конвергенции.

– Хорошо, – похвалил его Первый Оратор. – А теперь скажи мне, что ты об этом думаешь. Совершенное произведение искусства, не правда ли?

– Потрясающе!

– А вот и неправда. Нет! И резко добавил:

– Это – первый урок, который ты должен выучить. План Селдона неполон и не до конца верен. Просто он – лучшее, что могло быть в то время. Десяток поколений людей корпел над этими уравнениями. Их разрабатывали, уточняли до последней цифры после запятой и снова собирали вместе. Наши предшественники сделали еще больше. Четыреста лет они сверяли все прогнозы и уравнения с реальностью и кое-что поняли.

Они узнали больше, чем когда-либо знал Селдон, и теперь, обогащенные знаниями, накопленными за века, мы можем сделать больше и лучше. Тебе понятно, о чём я говорю?

Студент был явно обескуражен.

– До того как ты получишь звание Оратора, – продолжал Первый Оратор, – ты должен будешь внести свою лепту в выполнение Плана. И не думай, что это такое уж страшное святотатство. Каждая красная пометка, которую ты здесь видишь, – это вклад наших соратников, живших и трудившихся над Планом со времен Селдона. Так... Так... – он поднял голову. – Вот здесь!

Казалось, полстены мигом упало к его ногам.

– Вот здесь, – сообщил он, – моя работа.

Тонкой красной линией, образованной двумя квадратными скобками, было обведено шесть квадратных футов уравнений. Свободное пространство между скобками заполняла серия уравнений, написанных красным.

– Как видишь, немного, – сказал Первый Оратор. – Это, – пояснил он, – та точка Плана, которой мы не достигнем даже за то время, что прошло с начала его выполнения. Это период коалесценции, когда будущая Вторая Империя будет находиться в руках соперников. В случае равной борьбы они разорвут ее на части, а если силы будут неравны, сожмут в комок. Здесь учтены и прослежены обе вероятности и показан способ, с помощью которого можно избежать обеих крайностей.

Однако поскольку мы имеем дело с вероятностями, не исключен и третий вариант. Вероятность его относительно низка – если точнее – двенадцать и шестьдесят четыре сотых процента, но события, имевшие и более низкую вероятность, уже имели место в истории. А План на сегодняшний день осуществлен только на сорок процентов. Этот третий вариант состоит в возможности компромисса между двумя и более противоборствующими сторонами, учтенным здесь. Это, как мне удалось показать, вначале «заморозит» создание Второй Империи, лишив само это понятие притягательности, а потом постепенно докажет, что гражданские войны, которые разразились бы в случае, если бы компромисс не был достигнут, нанесли бы гораздо больше вреда. К счастью, это тоже можно предотвратить. Вот таков мой вклад.

– Если мне будет позволено прервать вас, Оратор... Каким образом вносятся изменения в

План?

— При Радианте существуют Комиссии. В твоем случае ты будешь иметь возможность убедиться, что все твои математические расчеты будут проверяться самым тщательным образом пятью различными независимыми Комиссиями, и тебе придется защищать свои выводы от беспощадных и пристрастных оппонентов. Пройдет два года, и твои выводы будут снова подвергнуты оценке. Уже бывали случаи, когда кажущийся безупречно выполненным фрагмент работы открывал свои просчеты только после нескольких месяцев и даже лет. Порой и сам разработчик обнаруживает собственные ошибки.

Если через два года, на следующем испытании, не менее трудном, чем первое, ты выстоишь, а что еще лучше — если в промежутке между испытаниями представишь дополнительные детали, доказательства, то твои изменения будут внесены в План. Это была вершина моей карьеры, будет вершиной и твоей.

Главный Радиант может быть настроен на твое сознание, и все коррекции и добавления могут быть произведены за счет мысленного контакта. Нет необходимости уточнять, что они принадлежат именно тебе. За всю историю Плана личность разработчика никогда не уточнялась. Это, скорее, — наш общий труд. Понимаешь?

— Да, Оратор!

— Ну что ж, тогда хватит об этом.

Он шагнул к Главному Радианту, нажал рычажок, и стены снова стали белыми, осталось только освещение на верхних кромках.

— Присаживайся, и давай еще поговорим с тобой. Психоисторику как таковому достаточно знать свою Биостатистику и свою Электрохимическую Нейроматематику. Некоторые больше ничего и не знают и годятся только на то, чтобы работать инженерами-статистиками. Но Оратор должен быть способен обсуждать План без применения математики. Если не сам План, то, по крайней мере, его философскую основу и его цели.

Во-первых, какова цель Плана? Попробуй сказать своими словами — и не бойся показаться излишне сентиментальным. Я не буду судить тебя с точки зрения отточенности стиля, уверяю тебя.

Впервые Студенту нужно было попробовать «произнести» больше, чем двусловные ответы, и он растерялся, прежде чем ступить на ожидавшее его поле беседы.

Он застенчиво, неуверенно начал:

— Как меня учили... то есть я верю, что План нужен для того, чтобы создать человеческую цивилизацию с ориентацией, коренным образом отличной от всех, когда-либо существовавших. С такой ориентацией, которая, по данным Психохимии, спонтанно не возникла бы никогда...

— Стоп! — резко прервал его Первый Оратор. — Ни в коем случае не говори «никогда». Только лентяи, умалчивая факты, этим словом прикрывают собственную лень. На самом деле Психоистория лишь предсказывает вероятности. Вероятность отдельного события может быть и ничтожно мала, но всегда выше нуля.

— Да, Оратор. «Желаемая ориентация», если мне будет позволено поправить себя, как хорошо известно, не имеет высокой вероятности развиться спонтанно.

— Уже лучше. Какова же ориентация?

— Это ориентация цивилизации, основанной на психологической науке. На протяжении всей известной истории Человечества его достижения лежат главным образом в сфере физической технологии, в способности управлять неодушевленным миром, окружающим Человека. Самоконтроль и управление социальными явлениями были оставлены на произвол судьбы или исключительно слабых попыток систем интуитивной этики, базирующихся на воодушевлении и первичных эмоциях. В итоге не существовало ни одной культуры, стабильность которой превышала бы пятьдесят пять процентов. И все это — результат величайшей ошибки Человечества.

— А почему ориентация, о которой мы говорим, не спонтанна?

— Потому что огромное большинство человеческих существ, с психологической точки зрения, настроены на то, чтобы принимать участие в приоритетном развитии физических наук, и все они получают за счет этого грубые и осязаемые преимущества. Однако все же существует крайне ограниченное меньшинство людей, от рождения способных вести Человечество по пути

величайших достижений науки о мышлении, но ценности, получаемые при этом, хотя и более долговечны, гораздо менее очевидны и более тонки. Кроме того, поскольку такая ориентация привела бы к созданию хоть и миролюбивой, но все-таки диктатуры лучших в психологическом плане, то есть фактически – элиты Человечества, – это вызвало бы недовольство и возмущение большинства, и такое общество не сможет быть стабильным – без применения силы, которая подавляла бы остальное Человечество на грубом уровне. Подобное развитие событий для нас нежелательно, и его следует избегать.

– Каков же вывод?

– Решение – План Селдона. Были созданы и закреплены такие условия, что за тысячелетие с начала выполнения Плана – через шестьсот лет с сегодняшнего дня, будет основана Вторая Империя, в которой Человечество будет подготовлено к жизни под управлением психологической науки. В это же самое время Вторая Академия, непрерывно развиваясь, даст миру группу ученых, Психологов, способных возглавить Человечество. Или, как я сам часто думал, Первая Академия будет обеспечивать физическую структуру единственной политической единицы, а Вторая – ментальную структуру готового правящего класса.

– Понятно. Очень неплохо. Как ты думаешь, всякая ли Вторая Империя, созданная ко времени, запланированному Селдоном, будет означать завершение выполнения Плана?

– Нет, Оратор, я так не думаю. Существует несколько вариантов Второй Империи, способных образоваться за период времени продолжительностью от девяносто до тысячи семисот лет после начала выполнения Плана, но только одна из них – действительно Вторая Империя.

– И в свете этого, скажи, почему существует необходимость скрывать существование Второй Академии – прежде всего, от Первой Академии?

Студент робко попытался проникнуть в сознание Первого Оратора, стараясь разгадать, нет ли в вопросе какого-нибудь подвоха, но ему это не удалось. Он осторожно ответил:

– По той же самой причине, по которой детали всего Плана не должны быть известны всему Человечеству. Законы психоистории по природе статистичны и теряют ценность, если действия отдельных людей начинают носить произвольный характер, перестают быть случайными. Если значительная группа людей узнает о главных деталях Плана, их действия станут определяться этими знаниями и утратят непроизвольность, случайность в свете аксиом Психоистории. Другими словами, пропадет возможность прогнозировать такие действия. Прошу прощения, Оратор, я чувствую, что ответил не совсем правильно...

– Хорошо, что чувствуешь. Твой ответ далеко не полон. Скрыта в тайне должна быть сама Вторая Академия, а не только План. Вторая Империя пока не образована. Пока имеем общество, которое будет сопротивляться возвышению правящего класса Психологов, которое будет сторониться такого пути развития и бороться с ним. Понимаешь?

– Да, Оратор, понимаю. Но этот момент никогда не подчеркивали...

– Не надо оправдываться. Да, этого никогда не делали в классе, но ты бы мог и сам до этого додуматься. Этот и многие другие моменты мы обсудим сейчас и во время твоего обучения в ближайшем будущем. В следующий раз я жду тебя через неделю. К этому времени мне хотелось бы услышать от тебя комментарии по определенной проблеме, которую я сейчас перед тобой поставлю. Не обязательно проводить полную и тщательную математическую обработку. Эксперту на это потребовался бы год, а тебе я даю всего неделю. Мне нужно, чтобы ты только обозначил тенденции и направления...

Он нажал кнопку, и рядом на стене загорелся небольшой встроенный экран.

– Вот здесь в Плане есть разветвление. Это время примерно пятьдесят лет назад. Необходимые уточнения приложены. Ты заметишь, что линия, выведенная из предполагавшейся реальности, отклоняется от графика. Вероятность – ниже одного процента. Ты должен будешь определить, как долго может продолжаться это отклонение, прежде чем оно станет невозможным для корректировки. Попробуй определить также, к чему это приведет, если не будет внесена коррекция, и предложить разумный способ коррекции.

Студент быстро пробежал глазами строчки на экране.

– Но почему, – растерянно спросил он, – именно эта проблема? Ведь у нее, Оратор, несомненно есть значение, отличное от чисто академического?

— Прекрасно, мой мальчик. Ты подаешь большие надежды. Впрочем, я этого ожидал. Да, проблема не абстрактна. Примерно пятьдесят лет назад в галактическую историю ворвался Мул, и в течение десяти лет не было факта важнее, чем его существование. Его появление не было предусмотрено и рассчитано. Он серьезно повредил Плану, но не смертельно.

Но чтобы остановить его, пока вред действительно не стал фатальным, нам пришлось активно выступить против него. Мы обнаружили наше существование. Что еще хуже, мы частично продемонстрировали свою силу. Первая Академия узнала о нас, и их действия теперь основаны на этом знании. Вот посмотри. Вот здесь... и здесь.

Полагаю, нет нужды объяснять тебе, что об этом ты не должен говорить ни с кем?

Возникла напряженная пауза, в течение которой к Студенту постепенно пришло понимание. Он спросил:

— Значит... План Селдона провалился?

— Пока нет. Он просто *мог* провалиться. По последней оценке, вероятность его успешного выполнения составляет пока двадцать один и четыре десятых процента.

Глава девятая Конспираторы

Вечера доктор Дарелл и Пеллеас Антор проводили в дружеских беседах, а дни — в приятном ничегонеделании. Все выглядело как самый обычный визит. Знакомым доктор Дарелл представил своего гостя как прилетевшего издалека двоюродного брата, вследствие чего интерес к незнакомцу был также самый обычный.

Ну а если время от времени кто-то и проявлял любопытство, доктор Дарелл, не задумываясь, отвечал то «да», то «нет» — в зависимости от обстоятельств. В один прекрасный день он разослал по общей линии связи приглашение на вечеринку, звучавшее так: «Не желаете ли познакомиться с моим кузеном?»

Аркадия готовилась по-своему. Ее приготовления носили самый невинный характер.

Например, она вынудила Алинтуса Дама подарить ей маленький самодельный приемник — идеальное подслушивающее устройство. Сделала это она таким способом, что можно искренне пожалеть всех особ мужского пола, с которыми ее могла свести судьба в будущем. Короче: она просто-напросто проявила неподдельный интерес к страстному увлечению Алинтуса — у того дома была своя мастерская. Кроме того, она проявила неожиданное внимание и к его совершенно невыразительной внешности. Вскоре несчастный юнец, к собственному удивлению, обнаружил, что он: 1) долго, нудно и восторженно излагает принципы деятельности гиперволнового реле; 2) испытывает сильное головокружение от взгляда больших, задумчивых глаз и 3) отдает в руки Аркадии свое гениальное произведение — вышеупомянутый приемник.

После получения подарка Аркадия какое-то время поддерживала с Алинтусом довольно теплые отношения, чтобы не вызывать лишних подозрений. Еще много месяцев спустя Алинтус вспоминал о своем коротком блаженстве, по убедившись, что счастью конец, повздыхал и перестал вспоминать.

Наступил седьмой вечер после появления Антора. В гостиной доктора Дарелла, поглощая угощение и пуская клубы дыма, сидело пятеро мужчин, а наверху, на письменном столе Аркадии стояло совершенно невинное на вид творение гения Алинтуса Дама...

Итак, их было пятеро. Прежде всего, сам доктор Дарелл — седеющий, изысканно одетый, выглядевший чуть старше своих сорока двух. Пеллеас Антор — сегодня подчеркнуто серьезный, выглядевший молодо и не очень уверенный в себе. И еще трое: Джоуль Турбор, известный тележурналист — грузный, губастый; доктор Эльвett Семик, университетский профессор физики — худой, с желтоватым морщинистым лицом, заполнявший, образно говоря, половину своего костюма; и последний — Хомир Мунн, известный библиограф — тощий, стеснительный, ужасно неуклюжий.

Доктор Дарелл начал легко, в своей обычной деловой манере:

— Наша встреча, джентльмены, посвящена не просто социальной проблеме. Надеюсь, вы

это понимаете. Не случайно я пригласил вас – ваша деятельность отмечена заслугами совершенно определенного толка. Я не собираюсь вас запугивать, но все же подчеркну, что все мы, в любом случае, приговорены.

Но, как бы то ни было – никто из вас не был приглашен сюда тайно. Никому из вас не пришлось, добираясь сюда, оглядываться по сторонам. Окна дома не экранированы и не занавешены. Для того чтобы враг обнаружил нас, самое лучшее – это привлечь его внимание, а самый легкий способ привлечь внимание – это создать обстановку дешевой театральной таинственности.

«Ага!» – усмехнулась Аркадия, склонившись над черной коробочкой, откуда доносились слегка искаженные расстоянием голоса.

– Вы понимаете меня?

Эльвett Семик покусал нижнюю губу – так он делал всегда, когда собирался что-нибудь сказать.

– Ладно, Дарелл, не тяните волынку. Представьте нам молодого человека.

– Его имя – Пеллеас Антор. Он ученик моего старшего товарища по работе, Кляйзе, умершего в прошлом году. Доктор Кляйзе прислал мне его энцефалограмму, сделанную незадолго до его кончины, которую я сравнил с энцефалограммой человека, который сейчас перед вами. Вы знаете, что «портрет» мозга человека продублировать невозможно – как отпечатки пальцев. Это неподвластно даже Психологам. Если вы этого не знаете, придется вам поверить мне на слово.

Надув губы, Турбор проворчал:

– Ближе к делу. Естественно, мы верим вам на слово, ведь после смерти Кляйзе вы – величайший электроневролог в Галактике. По крайней мере, в одной из телепередач я именно так вас представил. Сколько вам лет, Антор?

– Двадцать девять, мистер Турбор.

– Гм-м-м... И вы тоже электроневролог? И тоже великий?

– Нет, сэр, я только учусь. Но я упорно работаю, и мне посчастливилось учиться у самого Кляйзе.

Тут вмешался Мунн. Волнуясь, он здорово заикался.

– Я д-думаю, п-пора бы начать. П-по-моему, с-слишком много ра-азговоров.

Доктор Дарелл, слегка нахмурившись, взглянул на Мунна:

– Вы правы, Мунн. Приступайте, Антор.

– Не сразу, – медленно проговорил Пеллеас. – Прежде чем мы приступим к самому главному, мне хотелось бы сделать энцефалограммы всех присутствующих.

Дарелл нахмурился сильнее:

– О чём вы, Антор? Зачем вам наши энцефалограммы?

– Хочу получить ваши «портреты». Мой у вас есть, доктор. И исследование мне хотелось бы провести самому.

Турбор спокойно сказал:

– У него нет причин доверять нам, Дарелл. Молодой человек имеет на это полное право.

– Благодарю вас, – вежливо кивнул Антор. – Будьте так любезны, доктор Дарелл, проводите нас в вашу лабораторию. Утром я позволил себе проверить, как работает ваша аппаратура.

Наука электроэнцефографии стара и молода одновременно. Стара в том смысле, что знания о способности нервных клеток генерировать микротоки принадлежали к той категории знаний Человечества, происхождение которых полностью утрачено. Эти знания такие же древние, как само Человечество.

Однако она и нова. Факт существования микротока мозга живых существ на протяжении десятков тысячелетий существования Галактической Империи считался одним из очевидных, но совершенно бесполезных с практической точки зрения аспектов природы человека. Кое-кто пытался, правда, классифицировать волновые свойства мозга в зависимости от состояния сна и бодрствования, покоя и возбуждения, здоровья и болезни – но даже самые обобщенные понятия изобиловали массой исключений из правил.

Другие пробовали доказать существование групп мозговых волн, аналогичных хорошо известным группам крови, и тем самым продемонстрировать значение определяющего влияния окружающей среды. Так возникла очередная теория деления человечества на подгруппы. Но подобная философия не смогла пробить себе дорогу, противостоять мощному экуменическому потоку, захлестнувшему Галактическую Империю – единую политическую структуру, в которую входило двадцать миллионов звездных систем, населенных людьми, – от столичного Трентора, ныне не более чем прекрасного и печального воспоминания, до самых заброшенных астероидов Периферии.

В те времена в обществе, существовавшем в Первой Империи, отданном на откуп физическим наукам и сложнейшей технологии, вновь наметился неясный, но мощный отход от исследований мозга. Такие исследования стали менее престижны, поскольку не были делом повседневной необходимости. А поскольку вдобавок эти исследования не давали немедленной отдачи, они еще и плохо финансировались.

За распадом Первой Империи последовал распад организованной науки. Начался обратный процесс – были утрачены даже фундаментальные знания об атомной энергетике, и наступил возврат к энергии угля и нефти. Единственным исключением, разумеется, была Первая Академия, где искра научной мысли была возрождена и из нее возгорелось пламя. Но даже здесь первенствовала физика, а исследования мозга свелись к чисто хирургическим проблемам.

Гэри Селдон был первым, кто сказал то, что впоследствии оказалось неопровергимой истиной.

«Мозговые микротоки, – сказал он однажды, – являются носителями, отголосками самых разнообразных импульсов и реакций, сознательных и бессознательных. Волновая активность мозга, вычерченная на бумаге в виде колеблющихся пиков и провалов, – это зеркало объединенных мысленных импульсов, испускаемых миллиардами клеток. Теоретически такой анализ должен выявлять мысли и эмоции субъекта – до самой последней и мельчайшей. Должны выявляться различия, обусловленные не только серьезными органическими нарушениями – врожденными или приобретенными, но также и те, что вызваны переменами в эмоциональном состоянии, ростом общей культуры, жизненного опыта, даже самих взглядов на жизнь».

Но даже Селдону не удалось в этом вопросе продвинуться дальше общих рассуждений.

И вот теперь уже в течение пятидесяти лет ученые в Первой Академии упорно раскапывали закрома громадной и захламленной кладовой знаний. Подход теперь, естественно, осуществлялся с помощью новейшей техники – такой, например, как возможность размещать электроды на черепе по новому методу, обеспечивающему контакт непосредственно с серым веществом мозга. Не надо было даже выбирать волосы на голове. Кроме того, было разработано записывающее устройство, которое автоматически регистрировало данные волновой деятельности мозга как в целом, так и в виде отдельных функций шести независимых переменных.

Нужно особо отметить то уважение, с которым теперь относились к энцефалографии и к электроневрологам. Доктор Кляйзе, величайший из них, на научных симпозиумах восседал наравне с физиком – Доктором Дареллом, который, хотя и не занимался уже активной научной деятельностью, по снискал себе широкую известность достижениями в энцефалографических исследованиях. Эти его достижения были известны настолько, насколько было известно то, что он – сын Байты Дарелл, великой героини предыдущего поколения.

Итак, сейчас доктор Дарелл сидел в наклоненном кресле, спокойно ощущая легкое прикосновение электродов к коже головы. Иглы самописца, заключенные в вакуумные футляры, двигались по бумаге. Он сидел спиной к самописцу – так было нужно, поскольку, как было известно, визуализация движущихся ломаных линий вызывала у обследуемого бессознательное желание корректировать их, что неизбежно сказывалось на результатах. Но он знал, что на сводном экране идет ритмичная линия Сигма-колебаний, чего, впрочем, и следовало ожидать от его сильного и дисциплинированного ума. Она будет выглядеть еще более четко после последующей компьютерной обработки совместно с мозжечковыми волнами. Он знал – там будут острые, непрерывные пики сигналов с лобной доли мозга, а в промежутках

между ними – невысокие зубчатые линии – сигналы низкой частоты с подповерхностных участков мозга.

Он знал свой мозговой «портрет» так же хорошо, как художник знает цвет своих глаз.

Пеллеас Антор не сказал ни слова, когда Дарелл поднялся с кресла. Молодой человек быстро пробежал глазами результаты девяти записей – так делают только те, кто знает, что означает самая малая малость.

– Теперь вы, если не возражаете, доктор Семик.

Старчески-желтоватое лицо Семика напряглось. Электроэнцефалография была наукой, о которой он знал мало. Но он догадывался, что бесстрастный прибор покажет именно то, чего ему меньше всего хотелось, – его старость. Что он стар внешне – это было видно вся кому, но «портрет» волновой активности мозга мог показать, что и ум его состарился вместе с телом. Он с неприязнью предчувствовал предстоящее вторжение за последнюю линию обороны – в его сознание.

Пеллеас приладил электроды. Весь процесс, разумеется, от начала до конца не причинял обследуемому никаких неприятных ощущений.

Затем наступила очередь Турбора, который все пятнадцать минут сидел спокойно, не шелохнувшись, а затем – перед Мунна, который все время, пока шло исследование, так ворочал глазами, будто и впрямь хотел просверлить взглядом дырочку в затылке и подсмотреть, что происходит на экране.

– Ну а теперь… – начал доктор Дарелл, когда все было закончено.

– Ну а теперь, – извиняющимся тоном прервал его Антор, – простите меня, доктор, но в доме есть еще один человек.

Дарелл, нахмурясь, спросил:

– Моя дочь?

– Да. Как вы помните, я настоял, чтобы она осталась дома.

– Неужели для того, чтобы ее обследовать? Господи, зачем?

– Я не могу иначе.

Дарелл недоуменно пожал плечами, вышел и поднялся по лестнице на верхний этаж. Будучи заранее предупреждена, Аркадия успела спрятать приемник и послушно последовала за отцом. Это было первое в ее жизни электроэнцефалографическое исследование – исключая то, что было проведено в раннем детстве для идентификации и регистрации.

– А посмотреть можно? – спросила она, показывая на ленту бумаги.

– Ты все равно ничего не поймешь, Аркадия. И потом, тебе спать пора.

– Да, пора, – притворно зевая, произнесла она. – Всем доброй ночи.

Она стрелой взбежала по лестнице и, наспех раздевшись, забралась в кровать. Прильнув к собранному руками несчастного Алинтуса приемнику, она чувствовала себя героиней шпионского библиофильма. Азарт игры все больше овладевал ею.

Первые после возвращения слова, услышанные ею, принадлежали Автору, который сказал:

– Результаты всех исследований, джентльмены, удовлетворительны. И у девочки тоже.

– У девочки! – зло передразнила его Аркадия и мысленно плонула ему в физиономию.

Наконец Антор раскрыл свой портфель и вынул оттуда несколько листков с результатами электроэнцефалографических исследований. Это были, естественно, копии, и закрывался портфель не совсем обычным способом. Попади ключ от него в чужие руки, все листки внутри портфеля моментально превратились бы в горстку пепла. В том случае, если ключ поворачивал владелец портфеля, его содержимое сохранялось в течение получаса, а потом окислялось и превращалось в пепел, как и в первом случае.

Ну а пока все было цело и невредимо, Антор поторопился начать объяснения:

– Здесь у меня электроэнцефалограммы отдельных второстепенных лиц из администрации Анакреона. А вот это – электроэнцефалограмма психолога из Локрийского Университета, а вот это – промышленника из Сивенны. Ну и еще кое-кого.

Все сгрудились вокруг стола. Для всех, кроме Дарелла, электроэнцефалограммы выглядели всего лишь странными, замысловатыми закорючками. Для него это были крики

миллионов внятных голосов.

Антор тихо проговорил:

— Обратите внимание, доктор Дарелл, на вот этот участок утолщения во вторичном Тау-ритме любой доли — он имеется на всех записях. Не желаете воспользоваться Аналитическим Правилом, чтобы проверить результаты, сэр?

Аналитическое Правило можно отдаленно сравнить — примерно, как небоскреб с хижиной — с той детской игрушкой, что называется Правилом логарифмического скольжения. Дарелл прекрасно знал это Правило и пользовался им давным-давно. Он быстро набросал на листке ряд цифр, и оказалось, как и утверждал Антор, что вместо четких колебаний ритма, которые должны были наблюдаться в норме на этом участке энцефалограммы, действительно имело место явное выравнивание ломаной линии.

— Как бы вы это объяснили, доктор Дарелл?

— Не уверен... Теоретически — просто не представляю себе возможности такой картины. Даже в случаях амнезии наблюдается лишь частичное подавление колебаний, но никак не полное их исчезновение. Грубое хирургическое вмешательство, может быть?

— Ну, конечно, словно что-то вырезано! — нетерпеливо вскричал Антор. — Однако отнюдь не в физическом смысле. Знаете, такое было бы под силу Мулу. Он мог бы подавить полностью способность к проявлению какой-то определенной эмоции, и в результате образовалось бы вот такое Плато. Или...

— Или это дело рук Второй Академии. Так? — медленно улыбаясь, проговорил Турбор.

Вопрос был риторический.

— И что же навело вас на подозрения, м-мистер Антор? — спросил Мунн.

— Не меня. Доктора Кляйзе. Он собирал энцефалограммы, как полиция собирает отпечатки пальцев, но по другому принципу. Те коллекционируют преступников, а он собирал энцефалограммы деятелей науки, правительственный шишечки и бизнесменов. Видите ли, это ведь совершенно очевидно: если Вторая Академия управляет течением истории Галактики — нашей с вами истории, — они должны это делать осторожно, с минимумом внешних проявлений. Если они воздействуют на умы, а они должны это делать, — то они прежде всего воздействуют на умы людей, имеющих влияние — в науке, промышленности, политике. Именно на таких людей и обратил внимание доктор Кляйзе.

— Но, — возразил Мунн, — есть ли ка-акая-то взаимосвязь? Как ведут себя эти люди — те, у которых на-аблюдается вот такое, как вы сказали, Плато? Может быть, это совершенно но-ормальное явление?

Он отчаянно искал поддержки в глазах остальных, но, увы, не нашел.

— Давайте послушаем доктора Дарелла, — предложил Антор. — Спросите у него, сколько раз он встречался с этим явлением при проведении собственных исследований и в научной литературе. А потом спросите его, какова вероятность обнаружения этого феномена на тысячу случаев в той популяции, которую выделил доктор Кляйзе.

— Полагаю, нет никаких оснований сомневаться, что тут мы имеем дело с внедрением искусственного менталитета, — задумчиво проговорил Дарелл. — Эти люди «обработаны». Должен сознаться, я это, в некотором роде, подозревал.

— Я знаю, доктор Дарелл, — неожиданно резко сказал Антор. — Я знаю, что вы когда-то сотрудничали с доктором Кляйзе. И мне хотелось бы узнать, почему вы прервали сотрудничество с ним.

Казалось бы, никакой особой враждебности в этом вопросе не прозвучало, тем не менее после него наступила тягостная пауза.

Дарелл, обведя взглядом всех присутствующих, ответил:

— Прервал, потому что понял, что борьба, которую затеял Кляйзе, бесполезна. Он пытался вступить в единоборство с соперником, который был ему не по силам. Он обнаружил то, что мы оба ожидали обнаружить — что мы сами себе не хозяева. *Это было то, чего мне знать не хотелось!* У меня, в конце концов, было чувство собственного достоинства. Мне было приятно сознавать, что наша Академия — хозяин некоей собственной общей души, что наши предки прожили жизнь не зря. Я думал, что самое легкое — просто отвернуться и уйти и ждать,

пока я сам не уверюсь во всем. Мое положение в научном мире меня не беспокоило – жизнь моя была материально устроена. Та пенсия, которую правительство назначило нашей семье в честь заслуг моей покойной матери, вполне обеспечивала безбедное существование, тем более что мои запросы всегда были невелики. Чтобы не страдать от безделья, у меня была домашняя лаборатория, и в один прекрасный день жизнь моя подошла бы к концу, так я думал, а потом... потом Кляйзе умер.

Семик неволко улыбнулся и проговорил:

– Кстати – о Кляйзе. Я про него ничего не знаю. Как он умер?

Вмешался Антор:

– Он умер. Он знал, что умрет. За полгода до смерти он сказал мне, что подошел вплотную к...

– *А теперь вплотную к этому подошли мы*, – проговорил Мунн. У него пересохло в горле от волнения.

– Да! – отрезал Антор. – Собственно, в этом нет ничего нового. Мы все были к этому слишком близко. Я – ученик доктора Кляйзе, доктор Дарелл – его бывший коллега. Джоуль Турбор объявил во всеуслышание по всем каналам телевидения об опасности нашей слепой веры в спасительную десницу Второй Академии и делал это не раз, пока правительство не заткнуло ему рот – кстати сказать, не без активного участия организации, субсидируемой мощным финансистом, на электроэнцефалограмме которого отчетливо прослеживается «Плато обработки». Хомир Мунн – обладатель крупнейшей домашней коллекции «Мулианы» – позволю себе так назвать всю литературу, посвященную Мулу. Вы, уважаемый Мунн опубликовали ряд статей, содержащих ваши мысли о природе и действиях Второй Академии. Доктор Семик внес уникальный вклад в математическое обоснование электроэнцефалографических исследований, хотя, скорее всего, и не полагал, что его данные могут быть интерпретированы таким образом.

Семик вытаращил глаза и выдохнул:

– Нет, нет, молодой человек, вы ошибаетесь! Я занимался анализом интрануклеарной кинетики – проблемой *n*-телец, если точнее. В энцефалографии я полный профан!

– И тем не менее ваши данные используются в электроневрологии, и весьма успешно. Таким образом, наше положение нам должно быть ясно. Правительство, разумеется, ничего сделать не может. Я не в курсе относительно того, насколько мэр и остальные представители администрации осознают серьезность проблемы. Но зато я знаю другое: нам, пятерым, нечего терять, а обрести мы можем многое. Всякие новые знания будут помогать нам двигаться в нужном направлении. Сейчас – только начало, как вы, надеюсь, понимаете.

– Как вы оцениваете степень проникновения Второй Академии в нашу жизнь? – поинтересовался Турбор. – Насколько оно глубоко?

– Не знаю. Пока могу ответить только приблизительно. Все факты проникновения пока отмечаются в пограничных мирах. Столичный мир, возможно, пока и не затронут, хотя наверняка утверждать нельзя – именно поэтому я и обследовал вас. Вы были под особым подозрением, доктор Дарелл, поскольку вы прекратили сотрудничество с Кляйзе. Вы знаете, он не мог вам этого простить. Честно говоря, я думал, что вас подкупила Вторая Академия, но Кляйзе утверждал, что вы просто-напросто струсили. Вы должны простить меня, доктор Дарелл. Все это я говорю не для того, чтобы вас обидеть, а исключительно затем, чтобы прояснить мою собственную позицию. Мне кажется, я вас понимаю, и, если это действительно была трусость, я бы вас простили.

Прежде чем ответить, Дарелл глубоко вздохнул.

– Да, я сбежал! Называйте это как хотите – трусостью, малодушием. Я пытался сохранить с Кляйзе дружеские отношения, но он мне не писал и не звонил, только вот прислал вашу энцефалограмму, а это было всего за неделю до его кончины...

– П-простите, ч-что я вмешиваюсь, – проговорил Хомир Мунн, покрывшись лихорадочным румянцем, – н-но я ка-ак-то плохо п-представляю себе, чем мы со-обственно за-анимаемся. Если м-мы бу-удем все говорить и г-говорить, то м-ы-ы просто п-презренная ш-шайка к-к-конспираторов, и все. Но с дру-угой стороны, не-епонятно, что же мы-ы можем п-предпринять? Все это к-ак-то по-детски. М-мозговые во-олны, м-мумбо-юмбо и всяко-

та-акое. Де-елать-то ч-что?

Глаза Антора загорелись.

— Есть что делать! Нам нужно как можно больше информации о Второй Академии. Это – дело первой необходимости. Мул посвятил поиску этой информации первые пять лет своего правления и потерпел фиаско – или нам так внущили. А потом что – перестал искать? Почему? Потому что преуспел – или потому что потерпел провал?

— С-нова одни с-слова... – разочарованно протянул Мунн. – Ка-ак м-мы можем это у-узнать?

— Поймете, если выслушаете меня до конца. Столица Мула была на Калгане. Калган не был частью сферы торгового влияния Академии до воцарения Мула, не является таковой и сейчас. В настоящее время на Калгане правит человек по имени Стеттин, если только завтра там не грянет очередной дворцовый переворот. Стеттин именует себя Первым Гражданином Галактики и считает себя преемником Мула. Если в этом мире есть какая-то традиция, то она зиждется на сверхчеловечности Мула, и традиция эта там здорово укрепилась. В итоге, прежняя цитадель Мула – его дворец – сохраняется как реликвия. Посторонних туда не пускают, внутри ни к чему не прикасаются.

— Ну?

— А почему, а? В такие времена ничего не бывает без причины. Что если дворец Мула сохраняется в неприкосновенности не только из-за суеверия? Что если Вторая Академия так все обставила? Что если там хранятся записи Мула – итог его пятилетних поисков?

— О, это ч-чепуха.

— Ну, почему же чепуха? – настаивал Антор, – На протяжении всей истории Вторая Академия только и делала, что непрерывно скрывалась и в дела Галактики вмешивалась минимально. Да, для нас было бы более логично, если бы дворец Мула был разрушен и записи, хранящиеся там, уничтожены. Но вы не должны забывать, что речь идет о Психологии в руках Мастеров Психологии. Они – Селдоны, они – Мулы, и действуют не напрямую, а через умы, через сознание. Зачем им что-то разрушать и ликвидировать, если они спокойно могут достичь своей цели, воздействуя на умы других людей? – Никто не ответил ему, и Антор закончил:

— И именно вы, Мунн – тот человек, который может добыть для нас необходимую информацию.

— Я? – испуганно вскрикнул Мунн и быстро обежал взглядом всех присутствующих. – Н-но я не могу! Я... н-не герой, я вообще... н-ну, я би-библиограф, и все... В этом п-плане я м-могу оказать ва-ам всяческую п-помощь, но... нет, я го-отов столкнуться и со Вто-орой Академией, если п-по-отребуется, но лететь в космос по такому странному делу – нет, у-увольте!

— Ну посудите сами, – спокойно сказал Антор. – Доктор Дарелл и я, мы пришли к общему мнению, что это дело нужно поручить именно вам. Это – единственная возможность придать ситуации естественность. Вы – библиограф? Вот и отлично! Что является предметом вашего основного интереса? Мулиана! Уже сегодня вы – владелец самого крупного в Галактике собрания литературы о Муле. Вполне логично, что вы заинтересованы в его пополнении – для вас это более естественно, чем для кого-либо другого. Вы сможете попросить разрешения осмотреть калганский дворец, не вызывая ни у кого подозрений в искренности своих намерений. Вам могут отказать, но подозревать вряд ли станут. Кроме того, у вас есть одноместный крейсер. Известно, что вы во время отпусков часто а одночестве отправляетесь на другие планеты с целью сбора литературы. Вы и на Калгане раньше бывали. Разве вы не понимаете, что в вашем полете туда нет ничего нелогичного?

— М-мне трудно та-ак с-разу... Э-это что же, я во-от так прямо п-приду и ска-ажу: «Здра-австуйте, мистер Пе-ервый Г-гражданин, нельзя ли м-мне п-посетить вашу дра-агоценную реликвию?»

— А почему бы и нет?

— По-потому, ч-черт п-подери, что он мне не п-позволит!

— И ладно! Не позволит так не позволит. Тогда вернетесь домой, и мы еще что-нибудь придумаем.

Мунн беспомощно искал поддержки у присутствующих, затравленно поглядывая на всех

по очереди. Он чувствовал, что его втягивают в дело, которое ему глубоко противно. Но никто не выражал желания поддержать его молчаливый протест.

Итак, в итоге в доме доктора Дарелла было принято два решения. Во-первых, Мунн с явной неохотой вынужден был согласиться отправиться на Калган, как только оформит летний отпуск.

О втором решении официальные участники встречи ничего не знали – оно было принято той, которая наверху, в своей спальне, выключила приемник, чтобы наконец заснуть, – была уже глубокая ночь, Но об этом пока промолчим...

Глава десятая Кризис приближается

Та же самая неделя минула во Второй Академии, и Первый Оратор улыбкой встретил Студента.

– Ты сердит сегодня, мальчик, значит, принес что-то интересное.

Студент накрыл ладонью стопку листков с компьютерными расчетами и спросил:

– Вы уверены, Оратор, что та проблема, которую вы поставили передо мной, носит фактический характер?

– Исходные данные истинны. Я ничего не добавлял от себя.

– Тогда я вынужден признать, что полученные мною результаты верны, но, видит бог, мне не хочется этого признавать.

– Понимаю. Но при чем тут твои желания? Ну, хорошо, скажи мне, что именно так огорчает тебя? Нет-нет, расчеты отложи. Я потом посмотрю. Пока давай просто поговорим. Расскажи, как ты сам это понимаешь.

– Хорошо, Оратор... В общей психологической ситуации, наблюдающейся в Первой Академии, очевидны глобальные перемены. Все время, пока они знали о существовании Плана Селдона, не будучи знакомы с его деталями, они верили в него, но не до конца. Они знали, что должны побеждать, но никогда не знали наверняка когда и как. Поэтому там все время существовала атмосфера напряженности, боевой готовности – то есть именно то, чего и хотел Селдон. Другими словами – Первой Академии все время приходилось трудиться – с полной выкладкой.

– Сомнительная метафора, – откликнулся Первый Оратор, – но я понял, что ты хотел сказать.

– Но теперь, Оратор, они знают о Второй Академии гораздо больше. Раньше им было известно лишь туманное напоминание о ней в записях Селдона, по теперь они догадываются, что ей отведена роль Хранительницы Плана. Они знают, что существует некая организация, которая следит за каждым их шагом и не позволяет им упасть. Поэтому они отбросили прочь сомнения, отказались от борьбы за существование и позволили вести себя на поводке. Ну вот, получилась еще одна метафора. Прошу прощения...

– Ничего, ничего, продолжай.

– И вот именно этот отказ от активности, эта нарастающая инерция, этот переход к упадочной, гедонистической философии и означает провал Плана. Они снова должны обрести некую самостоятельность.

– Это все?

– Нет, есть кое-что еще. Реакция большинства населения именно такова, как я описал. Но существует высокая вероятность наличия реакции меньшинства. Знание о нашей руководящей роли, роли поводыря, вызовет у некоторых не расслабление, не покорность судьбе, а совсем наоборот – протест, враждебность. Это следует из теоремы Кориллова...

– Да-да. Теорему я знаю.

– Прошу прощения, Оратор. Очень трудно обойтись без математики... Как бы то ни было, мы имеем дело не только с падением активности в Первой Академии, но и с тем фактом, что некоторая часть ее населения может выступить против нас, и весьма активно.

– Теперь все?

– Остался еще один фактор, вероятность которого достаточно высока.

– Отлично. Что за фактор?

– Пока вся энергия Первой Академии была направлена на борьбу с Империей, пока их единственный враг являл собой неуклюжие, безнадежно устаревшие останки былого величия, они концентрировали свое внимание исключительно на развитии физической технологии. Когда же новой, немаловажной частью их окружения стали мы, резко возросла вероятность перемены в их ориентации. Они могут попытаться стать Психологами...

– Эта перемена в ориентации, – холодно прокомментировал Первый Оратор, – уже произошла.

Губы Студента плотно сжались. Он нахмурился:

– Значит, все кончено. Это – фундаментальное расхождение с Планом. Оратор, мог ли я узнать об этом, если бы жил... не здесь?

Первый Оратор спокойно и серьезно ответил:

– Мальчик мой, ты расстроен, удручен – я понимаю тебя. Ты думал, что столь многое тебе открыто, а теперь вдруг с: удивлением обнаружил, что не видел столь очевидного. Ты считал себя одним из Правителей Галактики, а теперь понял, что стоишь так близко к собственному краху. Образно говоря, ты понял, что теперь тебе придется покинуть башню из слоновой кости, где ты обитал до сих пор, и выйти в широкий мир, отречившись от всех иллюзий, что питали тебя во время учебы.

Я сам это пережил в свое время. Это нормально. Понимаешь, это необходимо – чтобы какое-то время в начале твоей жизни ты существовал в некотором отрыве от реальности, чтобы ты был здесь, где все знания достались тебе в чистом виде, чтобы вырос и заострился твой разум. Мы могли бы и раньше показать тебе этот частичный провал в Плане, чем избавили бы тебя от теперешнего потрясения, но тогда ты бы еще не сумел так хорошо понять значения всего этого, как понял сейчас. Так, значит, ты не видишь никакого решения проблемы?

– Никакого... – проговорил Студент, понурив голову.

– Ну что ж, это неудивительно. Послушай меня, юноша. На самом деле способ действия существует, и он уже осуществляется примерно в течение десяти лет. Это необычный способ – мы были вынуждены прибегнуть к нему против своей воли. Он требует учета низких вероятностей, опасных допущений... Нам даже пришлось временами учитывать реакции отдельных людей, потому что иначе в такой ситуации просто нельзя – ведь ты прекрасно знаешь, что Психостатистика, по определению, утрачивает значение, будучи применена на материале ниже планетарных чисел.

– Есть успехи? – выдохнул Студент.

– Пока сказать трудно. Пока мы еще удерживаем контроль над ситуацией, но впервые за всю историю выполнения Плана так высока вероятность того, что действия отдельных людей могут разрушить все. Мы воздействовали в нужном направлении на умы ограниченного числа наших противников, у нас есть агенты – но их действия четко спланированы. На импровизацию они не отважатся. Это тебе должно быть понятно. Мне трудно допустить самое страшное – то, что нас могут обнаружить здесь, в этом мире. Если это произойдет, не только План будет разрушен, но и мы сами. Так что, как видишь, вывод весьма, весьма неутешительный.

– То, что вы сказали, Оратор, это... как бы вообще не вывод. Это не решение – это не больше чем отчаянная догадка!

– Нет. Это – разумная догадка.

– Когда же... наступит кризис, Оратор? Когда мы узнаем, выиграли мы или нет?

– В течение года все станет ясно.

Студент задумался. Кивнув, он пожал руку Оратора.

– Горькая правда. Но лучше – правда, – сказал он, повернулся и вышел.

Первый Оратор подошел к стене, часть которой постепенно стала прозрачной. Он смотрел поверх высоких, гигантских строений на бесчисленные спокойные скопления звезд.

...Год пройдет быстро. Доживет ли кто-нибудь из них, наследников Селдона, до его конца?

На Калган – «зайцем»

Прошло чуть больше месяца, и для Хомира Мунна наступило лето. Он написал финансовый отчет за год, передал все дела своему новому заместителю, недавно назначенному Правительством, – прежний никуда не годился в деловом плане, и занялся подготовкой к полету своего маленького одноместного крейсера под названием «Русалка» – это имя корабль получил в честь загадочного, романтического эпизода двадцатилетней давности. Корабль был извлечен на свет из ангара и очищен от налипшей за зиму паутины.

Мунн покидал Терминус с грустью. Его никто не провожал – и это было печально, хотя его и раньше никто не провожал в путешествия. Он понимал, что все должно выглядеть так, чтобы это его событие ничем не отличалось от предыдущих, но радости от этого было мало. Он, Хомир Мунн, вынужден рисковать жизнью в потрясающей авантюре, а улетал один-одинешенек…

По крайней мере, он так думал.

Однако он жестоко ошибался, и поэтому на следующий день был жуткий переполох – как на борту «Русалки», так и в загородном доме доктора Дарелла.

Если придерживаться хронологии, то сначала шок наступил в доме Дареллов. Шум подняла Полли, служанка, чей отпуск к этому времени уже закончился. Она сбежала по лестнице, отчаянно причитая.

Доктор встретил ее внизу. Вначале она тщетно пыталась выразить обуревавшие ее чувства словами, но в конце концов просто сунула ему листок бумаги и какой-то маленький кубический предмет.

Он недовольно взял все это и спросил:

– Так в чем дело, Полли?

– Она убежала, доктор!

– Кто убежал?

– Аркадия!

– Что значит – «убежала»? Куда убежала? О чем ты?

Полли сердито топнула ногой.

– Вот уж не знаю! Она ушла – взяла маленький чемоданчик с одеждой, оставила вот эту записку. Да вы бы взяли и прочитали, а не стояли бы так! Ох уж эти мужчины!

Доктор Дарелл недоуменно пожал плечами и раскрыл сложенную вчетверо записку. Записка была короткая и, кроме размашистой подписи «Аркадии», напечатана – вернее, написана на принтере.

«Милый пapa,

прощаться с тобой было бы невыносимо тяжело. Я бы стала плакать, как маленькая, и тебе было бы стыдно за меня. Поэтому я решила попрощаться с тобой в записке. Я буду очень скучать по тебе, хотя, конечно, каникулы с дядей Хомиром получатся прекрасные. Я обещаю вести себя хорошо и скоро вернусь. На память оставляю тебе одну свою вещицу.

Любящая тебя дочь, Аркадия.

Он несколько раз перечитал записку, По его лицу было видно, что с каждым разом он понимает ее смысл все меньше и меньше. Потом он строго спросил:

– Ты прочла это, Полли?

Полли обиделась:

– Ну уж в этом я не виновата, доктор! Там же было написано: «Полли», а я откуда могла знать, что записка-то вам? Я в чужие дела не привыкла соваться, доктор, я у вас столько лет служу, и вы знаете, что…

Доктор протестующе поднял руку:

– Ладно, ладно, Полли. Не обижайся. Я просто хотел узнать, поняла ли ты, в чем дело.

Она молчала, а он лихорадочно соображал, как быть. Убеждать ее забыть о происшествии бесполезно. При общении с врагом пожелание «забыть и не думать» было бессмысленно, и

подобный совет мог сыграть абсолютно противоположную роль.

Поэтому он сказал:

– Ты знаешь, Полли, она странная девочка. Очень... романтичная. Она так ждала этой поездки с тех самых пор, как мы договорились.

– Договорились? А мне никто и словом не обмолвился?

– Просто мы все решили, когда ты была в отпуске, а потом как-то позабыли тебе рассказать. Вот и все.

Полли откровенно возмутилась:

– Вот как у вас все просто получается! Бедняжка отправилась неизвестно куда с одним-единственным чемоданчиком, не взяла ни одного хорошенького платьица, никто ее, бедненькую, даже не проводил! И надолго?

– Ну что ты, Полли, перестань волноваться. На корабле у нее куча всякой одежды. Все было сделано заранее. А теперь, будь добра, скажи мистеру Антору, что я хочу его видеть. Да, кстати, вот эту вещь Аркадия мне оставила?

Он повертел в руках приемник.

Полли гордо подняла голову:

– Вот уж не знаю! Записка просто лежала на этой штуке. Больше мне нечего вам сказать. Мне тут вообще ничего не говорят. О, если бы ее мать была жива!..

Дарелл жестом отоспал ее, поторопив:

– Будь добра, позови мистера Антора.

Реакция Антора на произшедшее была абсолютно противоположна отношению отца Аркадии. В первый момент он даже сказать ничего не мог, а только сжимал и разжимал кулаки и пытался рвать на себе волосы. Потом он разразился проклятиями.

– Черт возьми, чего вы ждете? Чего мы оба ждем? Немедленно свяжитесь по видеонефону с космопортом и скажите им, чтобы они связались с «Русалкой»!

– Спокойно, Пеллеас. Она – моя дочь.

– Да, но Галактика не ваша!

– Ну-ну, потише. Она – умная девочка, Пеллеас, и она все продумала досконально. Давайте-ка пока быстренько обдумаем все сами. Знаете, что это такое?

– Нет. Какая разница, что это такое.

– Это – приемник. Подслушивающее устройство.

– Вот эта штуковина?

– Да, это самоделка, но работает прилично. Я проверил. Не понимаете? Она же четко и ясно дает нам понять, что прекрасно слышала нее, о чем мы говорили во время нашей встречи. Она знает, куда и зачем отправился Хомир Мунн. Она решила, что ей интересно будет отправиться вместе с ним.

– О Более Всемогущий! – прорычал Антор. – Ну вот, еще один подарочек для Второй Академии!

– Да, конечно, если только не подумать хорошенъко, с какой стати им взбредет в голову в чем-то заподозрить четырнадцатилетнюю девчонку *apriori*, если только мы со своей стороны не предпримем ничего такого, что могло бы привлечь к ней внимание, – типа попытки связаться с кораблем, приказа вернуться домой и тому подобного. Вернуться из-за нее. Вы разве забыли, с кем мы имеем дело? Забыли, как тонка завеса, отделяющая нас от истины? И как беспомощны мы станем после подобных панических действий!

– Но мы не имеем права ставить наше дело в зависимость от причуд безумного ребенка!

– Она не безумный ребенок, и выбора у нас нет. Она могла бы не писать записку, но сделала это исключительно для того, чтобы мы не бросились сломя голову в полицию заявлять о ее пропаже. Ее записка – она для того и написана, чтобы у всех создалось впечатление, что добрый дядюшка Хомир Мунн взял с собой в отпуск племянницу, дочку старого приятеля. Почему бы и нет? Он – мой друг уже лет двадцать. Ее он знает с трехлетнего возраста, с тех пор как я привез ее сюда с Трентором. Все выглядит совершенно натурально и даже уменьшает подозрительность всего мероприятия. Шпион не потащил бы с собой четырнадцатилетнюю племянницу.

— Ясно. А что станет делать Мунн, когда ее обнаружит?

Доктор Дарелл слегка нахмурился:

— Не знаю... Но думаю, она сумеет с ним договориться.

Антора-то доктор Дарелл вроде бы убедил, но ему самому к вечеру стало ужасно одиноко в собственном доме, и не было ему никакого дела до судьбы Галактики. Он думал только о том, что жизнь, маленькая взбалмошная жизнь его единственного ребенка в опасности...

На борту «Русалки» и народу было поменьше, и шума тоже. Аркадия, притаившись в багажном отсеке, испытывала смешанные чувства. С одной стороны, ее радовал некоторый собственный опыт космических путешествий, с другой стороны, она жестоко страдала из-за того, что не все предусмотрела.

Первую перегрузку она перенесла довольно легко: ее только немного затошило и чуть-чуть закружилась голова. Это было во время первого прыжка через гиперпространство. Подобное она переносила и раньше, и это ей было не в новинку. Кроме того, она знала, что багажный отсек вентилируется и освещается, но проверять, работает ли освещение, она, естественно, не стала — это было бы не так романтично. Она сидела в темноте, как полагается истинному конспиратору, стараясь дышать как можно тише и прислушиваясь ко всем звукам, доносившимся извне.

Это были самые обычные звуки, какие производит человек, находясь в одиночестве, — шум шагов, трение ткани одежды о металл обшивки стен, поскрепывание кресла, резкие щелчки тумблеров на пульте управления, мягкий звук прикосновения руки к глазку фотоэлемента...

Но, как бы то ни было, скоро выяснилось, что Аркадия действительно не все предусмотрела. Да, в библиофильмах и видеообоечиках у «зайцев» всегда были неограниченные возможности скрываться сколь угодно долго. Конечно, там бывали эпизоды, когда герои того и гляди должны были что-то уронить на пол со страшным грохотом и, что того хуже, чихнуть. Это она прекрасно знала и вела себя крайне осторожно. Она предвидела, что ей захочется пить и есть. Еду и питье она с собой захватила. Но оставались еще кое-какие досадные мелочи, которые в фильмах почему-то не упоминались, и Аркадия с ужасом поняла, что, как бы она ни старалась, до туалета добраться незамеченной ей никак не удастся.

На таком маленьком спортивном кораблике, как «Русалка», жилой отсек представлял собой одну-единственную каюту, и никоим образом нельзя было прошмыгнуть в туалет, минуя Мунна.

Она отчаянно пыталась определить по звукам, когда же Мунн наконец заснет. Эх, если бы она только помнила, храпит он или нет? Правда, она знала, где стоит койка, и надеялась, что она заскрипит, когда Мунн будет укладываться спать. Наконец она услышала долгожданный скрип. Потом последовал глубокий вдох и звучный зевок. Она ждала. Наступила тишина, потом койка опять скрипнула — видимо, Мунн устраивался поудобнее.

Прошло еще несколько минут. Аркадия толкнула дверь багажного отсека пальцем. Дверь бесшумно открылась. Она осторожно выглянула.

Койка резко скрипнула. Аркадия окаменела. Нет, стоять, не двигаться!

Она отчаянно попыталась спрятаться за дверью — скрыть глаза, не пошевелив головой. Но это ей не удалось — глаза у людей все-таки на голове.

Увы, Хомир Мунн не спал — он читал, лежа в постели. Горела маленькая лампочка у кровати. Он рывком сел, всмотрелся в темноту. Правая рука скользнула под подушку.

Голова Аркадии инстинктивно отдернулась назад. Вспыхнул свет, и голос Мунна произнес:

— У меня бластер, и я буду стрелять!

Аркадия хмыкнула:

— Не стреляйте. Это... я...

Вот видите, как хрупка романтика? Пистолет в руке нервного героя может все испортить!

Свет горел по всему кораблю, Мунн сидел на койке. Вид у него был совсем не романтичный — щетина однодневной выдержки на впалых щеках и жиденькая растительность на груди.

Аркадия вышла, понурив голову. На ней был металлический комбинезон – идеальная одежда для космических полетов – плотный, облегающий ее стройную фигурку.

Опомнившись от шока, Мунн чуть было не вскочил с постели, но, вспомнив, что он не одет, натянул одеяло до подбородка и ссылающимся шепотом произнес:

– Ч-ч-что?!

Он был сражен наповал.

Аркадия кротко проговорила:

– Простите меня, я на минутку… Только руки вымою.

Она отлично знала планировку корабля и быстро скользнула в дверь туалета. Когда она вернулась, поднабравшись храбрости, Хомир Мунн стоял у постели, одетый в помятую пижаму. Взгляд его пылал гневом.

– К-какого… ч-что ты тут де-елаешь? Ка-ак ты сюда п-попала? Ч-что я до-олжен с тобой д-делать? Ч-то зде-есь п-происходит?

Он мог бы задать еще много вопросов, но Аркадия спокойно ответила на все сразу:

– Я просто хотела полететь с вами, дядя Хомир.

– Ка-ак? Куда со м-мной п-полететь? Я… н-никуда не лечу!

– Вы летите на Калган, чтобы добыть информацию о Второй Академии.

У Мунна вырвался сдавленный стон. Он без сил опустился на постель. Аркадии показалось, что у него сейчас начнется истерика и он станет биться головой о стену. Бластер все еще был у него в руке, и у нее противно засосало под ложечкой.

– Не волнуйтесь вы так… – это было все, что она смогла сказать.

Но он уже успел взять себя в руки и с такой силой швырнул бластер на пол, чтоказалось, тот неминуемо должен был пролететь весь корабль насквозь и пробить дыру в обшивке.

– К-как ты сюда попала? – отчетливо выговаривая каждое слово, спросил Мунн, стараясь не показывать, как у него зубы стучат.

– Очень просто. Просто пришла в ангар со своим чемоданчиком и сказала: «Багаж мистера Мунна», а служащий только ткнул пальцем в корабль, и все.

– Мне придется, милочка, отвезти тебя домой, – объявил Мунн и почувствовал, что этот вариант его даже обрадовал. В конце концов – он же не виноват, что так вышло.

– Вы не сможете этого сделать, – спокойно отозвалась Аркадия. – Это привлечет внимание.

– Ч-что?

– Вы все отлично понимаете. Вся затея с вашим полетом на Калган задумана, потому что для вас вполне естественно отправиться туда и попросить разрешения на посещение дворца, чтобы просмотреть записи Мула. Чтобы все продолжало выглядеть естественно, вам не следует привлекать к себе лишнего внимания. А если вы отправитесь назад, чтобы отвезти домой девочку-«зайца», такое даже по телевидению объявят, это точно.

– А о-откуда т-ты знаешь п-про Калган? Ч-что за ш-шутки такие?

Он никак не мог заставить себя поверить – да и кто бы поверил? И кто бы мог признаться – кому бы то ни было?

– Я все слышала, – спокойно объяснила она, – через приемник. Я все знаю, так что вам просто придется взять меня с собой.

– А отец? – Мунн ухватился за последнюю соломинку. – Он-то ч-что по-одумает? Ч-что тебя п-похитили, убили!

– Не подумает. Я оставила ему записку, – безжалостно вырвав соломинку из руки Мунна, объявила Аркадия. – Думаю, он понял, что шума поднимать не следует. Наверное, очень скоро вы получите космограмму от него.

Мунну нечего было возразить, тем более что ровно через две секунды после этих слов раздался оглушительный писк сигнала приемного устройства космопочты.

Аркадия кивнула и сказала:

– Клянусь, это от папы.

Послание было короткое и адресовано Аркадии. Там говорилось:

«Спасибо за прекрасный подарок. Желаю хорошо провести время».

– Вот видите, – довольно улыбнулась Аркадия. – Четкие инструкции.

Хомир постепенно привык к девочке. Пожалуй, он даже был рад, что она здесь. Порой он удивлялся, как мог без нее обойтись. Она болтала без умолку. Ее все удивляло. А самое главное – она ни капельки не боялась! Она знала, что Вторая Академия – их враг, а все остальное ее ни капельки не волновало. Она знала, что на Калгане их вряд ли встретят с распостертыми объятиями, но и это ее не путало. Она просто дождаться не могла, когда, они туда доберутся.

Может быть, все это потому, что ей было всего четырнадцать.

Как бы то ни было, недельный полет превратился для Мунна в непрерывную увлекательную беседу с Аркадией вместо мучительных размышлений наедине с самим собой. Не сказать, конечно, чтобы это были очень умные разговоры, поскольку состояли они в основном из собственных соображений Аркадии на тот счет, как лучше всего охмурить повелителя Калгана. Это было бессмысленно, но занимательно, поскольку все свои доводы Аркадия высказывала с потрясающей самоуверенностью.

Хомир, к своему удивлению, обнаружил, что ласково улыбается, выслушивая ее заявления, хотя и понимал, что у девочки полная путаница в голове относительно истории Галактики.

Настал вечер перед последним прыжком через гиперпространство. Звездочка Калгана ярко горела на фоне других редких звезд бескрайнего космоса. Телескоп корабля увеличил изображение, но все равно до Калгана было еще очень далеко.

Аркадия, закинув ногу на ногу, сидела в удобном кресле. На ней были облегающие брючки и довольно приличная рубашка, принадлежавшая Хомиру. Ее собственная одежда была выстирана и выглажена, подготовлена к посадке.

Она спросила:

– Я вам говорила, что собираюсь писать исторические романы?

Она была в полном восторге от путешествия. Хомир умел слушать, а ей только того и надо – ведь это так здорово – разговаривать с умным человеком, который тебя понимает.

Она продолжала:

– Я прочитала целую уйму книг о великих людях из нашей Академии. Ну, знаете – про Селдона, Гардина, Мэллоу, Деверса и всех остальных. Ваши книжки про Мула я тоже читала, только... знаете, не очень-то приятно читать те места, где описываете», как Академия проигрывала. Гораздо приятнее читать истории, где не описываются поражения и трагедии.

– Наверное, приятнее, – улыбнулся Мунн, – но ведь тогда нельзя считать эти истории правдивыми, не так ли, Аркади? Чтобы тебя высоко оценили профессионалы, нужно писать правду.

– Да ну! – махнула рукой Аркадия. – Кому она нужна – оценка профессионалов?

Аркадии все больше нравился Мунн. Вот уже несколько дней он называл ее исключительно Аркади, как она попросила, и ни разу не сбился.

– Мои романы будут захватывающие, потрясающие увлекательные, их все будут покупать, и я стану знаменитостью. Какой же смысл сочинять книжки, если они не будут нарасхват и ты не станешь знаменитостью? Вот уж ни капельки не хочу, чтобы мои книги читали всякие там занюханные лысые профессора! Нет, мои книжки будут читать все, все на свете!

Глаза ее потемнели от удовольствия. Она поджалла под себя ноги, взъерошила волосы и продолжала:

– Нет, серьезно, как только папа меня отпустит, я обязательно слетаю на Трентор, чтобы собрать побольше материала о Первой Империи. Между прочим, я на Тренторе родилась, знаете?

Он знал, но спросил:

– Вот как? – стараясь вложить в вопрос побольше искреннего удивления. Вознагражден он был чем-то средним между восторгом и презрением:

– А-га! Моя бабушка... – ну, вы знаете, Байта Дарелл, уж про нее-то вы наверняка слышали, когда-то попала на Трентор вместе с моим дедушкой. Вот там-то они и остановили этого подлеца Мула, когда вся Галактика уже была у его ног, ну а мой папа и моя мама туда полетели, как только поженились. Я там родилась и еще немногого жила там, а потом мама умерла, а мне было тогда только три года, и я почти не помню про Трентор. А вы там были,

дядя Хомир?

– Нет, не сказал бы, – невпопад ответил Мунн. Мысли его были далеко, поскольку Калган был уже совсем близко.

– Ну это же, наверное, потрясающее романтический мир! Папа говорил мне, что при Стеннеле V там жило больше людей, чем сейчас, наверное, в целых десяти мирах! Он рассказывал, что это был большущий мир, целиком одетый в металлы, – один громадный город, и он был столицей Галактики. А теперь там одни руины – но уж наверняка – величественные! Ой, как бы мне хотелось туда попасть! Ну, правда… дядя Хомир!

– Да?

– А почему бы нам не слетать туда, когда мы все, что нужно, сделаем на Калгане?

Лицо его перекосилось от испуга:

– Что? Вот этого, пожалуйста, не надо. Мы не на прогулку летим. У меня важные дела. Не забывай об этом.

– А разве там нет важных дел? – воскликнула она, сдвигая брови. – Да ведь на Тренторе наверняка целая куча бесценной информации. Или вы так не думаете?

– Нет, я так не думаю. Он встал с кресла:

– А теперь, будь добра, пусти меня к компьютеру. Нам осталось сделать последний прыжок, а потом мы еще поболтаем.

Как ни боялся он посадки и всего, что за ней последует, одна мысль его все-таки радовала – ему до смерти надоело спать на жестком металлическом полу, кутаясь в собственную куртку.

Расчеты оказались несложными. В пособии под названием «Популярный учебник навигации» маршрут от Академии до Калгана был объяснен четко и ясно. Раздался легкий щелчок. Корабль преодолел временной барьер. Прошел последний световой год их путешествия.

Солнце Калгана теперь стало действительно похоже на солнце – большое, яркое, желто-белое. Но они недолго на него смотрели – иллюминаторы с солнечной стороны автоматически зашторились.

Еще одна ночь – и они на Калгане.

Глава двенадцатая Лорд

История Калгана на фоне истории других миров была поистине уникальна. К примеру, история Терминуса – это непрерывное возвышение, история Трентора – это постепенный, но неумолимый упадок. Но Калган…

Вначале Калган снискал себе славу лучшего галактического курорта – это было за два столетия до рождения Селдона. Там развилась настоящая индустрия развлечений. Калган качал в свой карман миллионы – и все за счет организации отдыха.

И это была исключительно стабильная индустрия. Самая стабильная в Галактике. Вокруг рассыпалась в прах миры, а на Калган не упало ни одной пылинки. Дело в том, что, как бы плачевна ни была экономика и культура окружающих секторов Галактики, там во все времена существовала какая-никакая элита, а элита во все времена считала и считает получение удовольствий наградой за само свое существование.

Поэтому дела Калгана шли прекрасно. Он верно служил и разодетым, надушенным щеголям из имперской камарильи, сопровождаемым кокетливыми, блестательными дамами, и грубым горластым диктаторам, правившим огнем и мечом в захваченных в кровавых схватках мирах, – их сопровождали такие же неотесанные, как они сами, жены, и пузатым толстосумам из Академии, прибывавшим с пышнотелыми, ярко накрашенными любовницами.

Никакой дискриминации и в помине не было, поскольку у всех у них водились денежки. Итак, Калган служил всем, никого не отвергал, его услуги всегда пользовались спросом, ему всегда хватало ума не вмешиваться в политику, и потому он процветал, как никакой другой мир, и набирал вес, когда другие вокруг тощали от нищеты и голода.

То есть так было до тех пор, пока не появился Мул. Вот тогда-то Калган впервые стал на колени перед завоевателем, которому не было ровным счетом никакого дела до развлечений, –

ему вообще ни до чего, кроме непрерывных завоеваний, дела не было. Все планеты для него были одинаковы, в том числе – Калган.

Вот так получилось, что в течение одного десятилетия Калгану пришлось играть непривычную для него роль Галактической метрополии, хозяйки величайшей по масштабу Империи после падения Первой.

Потом, после смерти Мула, внезапной, как утренний звонок будильника, настали совсем другие времена. Встала на ноги и отделилась Академия. Вслед за ней отделились и другие мулловские колонии. Прошло пятьдесят лет, и осталась только память об этом кратком, эфемерном величии – сладкая несбыточная мечта. Калган так и не сумел оправиться от этого потрясения до конца. Не удалось ему вновь стать беззаботным, веселым курортом – проклятие власти не ослабило своей мертвой хватки. Калганом стали править непрерывно сменяющие друг друга правители – в Академии их называли Лордами Калгана. Но сами себя они именовали, в подражание титулу Мула, Первыми Гражданами Галактики.

Нынешний Лорд Калгана находился у кормила власти уже пять месяцев. Пост этот достался ему без особого труда. Предшественник его был недостаточно прозорлив, а Стеттин стоял во главе калганского флота. Однако никому на Калгане и в голову не приходило усомниться в его праве на «престол». К таким событиям здесь уже успели привыкнуть.

Лорд Стеттин в общении был крайне тяжелым человеком и не допускал мысли о том, что в один прекрасный день может появиться некий соперник, способный сбросить его так, как он сбросил своего предшественника.

Никак не мог найти с ним общий язык даже самый высокий вельможа – Первый Министр, человек большого ума и хитрости, успевший послужить и его предшественнику и способный, позволь ему время, послужить и его преемнику.

Нелегко порой было с ним договориться и Леди Каллии, которая была для него больше чем подруга, но меньше чем жена.

Эти трое находились в личных покоях Лорда Стеттина в тот вечер, о котором пойдет речь. Первый Гражданин, облаченный в свою любимую парадную адмиральскую форму, хмуро поглядывая на остальных, восседал в жестком кресле без подлокотников – и сам казался таким же жестким и негибаемым, как пластик, из которого оно было сделано, Первый Министр Лев Мейрус поглядывал на Стеттина с тщательно скрываемым недоверием. Его длинные, нервные пальцы скользили по глубокой складке, тянувшейся по впалой щеке от носа к седой бородке клинышком. Леди Каллия, свернувшись калачиком на покрытой пушистым пледом фоамированной кушетке, капризно дула губки.

– Сэр, – сказал Мейрус (это было единственное обращение к повелителю Калгана), – вам недостает четкого взгляда на исторические события. Ваша собственная жизнь, прошедшая на фоне непрерывных переворотов и революций, вероятно, внущила вам мысль о том, что все в истории происходит путем резких перемен. Это не так.

– Мул доказал обратное.

– Да, но кому под силу пойти по его стопам? Он был больше чем человек, не забывайте, сэр. Но даже ему не все удалось.

– Зайчик, – капризно хныкнула Леди Каллия, но тут же испуганно съежилась под ледяным взглядом Первого Гражданина.

– Помолчи, Каллия! – грубо одернул ее Стеттин. – Мейрус, я устал от бездействия. Мой предшественник всю свою жизнь только тем и занимался, что начищал до блеска наш флот и превратил его в совершенное оружие, равного которому нет в Галактике. Он приказал долго жить, а наша великая Армада скоро просто проржавеет. Что, и мне сидеть сложа руки? Мне, Адмиралу Флота? Сидеть и ждать, пока действительно все проржавеет и рассыплется? Мы же, как собака на сене, сидим на своем сокровище и ничего не имеем взамен. Офицеры мечтают о захвате новых колоний, о добыче и славе. Весь Калган хочет возврата власти и величия. Это вы можете понять?

– Это все – слова, но я понимаю, что вы имеете в виду, сэр. Колонии, добыча, слава – все это приятно, когда это заполучишь, да только процесс добывания всего этого чаще всего рискован и далеко не всегда приятен и легок. Первый порыв быстро пройдет. История показывает, что нападать на Академию во все времена оказывалось неразумно. Даже Мулу в

свое время не следовало этого делать.

Глуповатые голубые глаза Леди Каллии были полны слез. В последнее время ее любимый Зайчик мало виделся с ней, и вот теперь, когда он обещал провести с ней этот вечер, явился этот противный, тощий седой умник, который смотрел сквозь нее, словно ее и не было. И Зайчик его принимает и слушает. Ее душили рыдания, но она боялась даже слово вымолвить.

А Стеттин говорил сейчас тем самым тоном, которого она так боялась — сердито, неторопливо.

— Вы — раб далекого прошлого. Да, Академия больше нас по территории и населению, но они слабы в военном отношении и развалятся от первого же удара. Они держатся вместе сегодня только за счет инерции, а у меня хватит сил победить инерцию. Вы находитесь под гипнозом тех времен, когда Академия, и только Академия, владела атомной энергией. Этим могучим молотом они могли наносить сокрушительные удары по старой, умирающей Империи и сталкивались с сопротивлением всего лишь безмозглой анархии диктаторов, которые могли выставить против атомного оружия Академии только ржавые развалюхи.

А Мул, дорогой мой Мейрус, все изменил. Он дал всем понять, что Академия замкнута в самой себе. Он половине Галактики дал понять, что ее монополия на ядерную науку сгинула навеки. Нет, мы можем с ними потягаться!

— А Вторая Академия? — холодно поинтересовался Мейрус.

— Что — «Вторая Академия»? — в тон ему спросил Стеттин. — Вам что, известны ее намерения? Им потребовалось десять лет для того, чтобы остановить Мула, — если это действительно они его остановили, в чем лично я сильно сомневаюсь. Известно ли вам, что подавляющее большинство психологов и социологов из Первой Академии считают, что План Селдона полностью разрушен со времен Мула? А если Плана нет, значит, есть вакуум, который я могу так же спокойно заполнить, как всякий другой.

— Наши знания об этом не настолько обширны, чтобы позволить себе рисковать.

— *Наш* — может быть, и действительно не очень обширны, да, но на планете сейчас находится человек из Первой Академии. Знаете вы об этом, а? Некто Хомир Мунн — человек, который, насколько мне известно, написал много статей о Муле и четко выразил свою точку зрения. Он считает, что План Селдона больше не существует.

Первый Министр кивнул:

— Я слыхал о нем. По крайней мере, о его работах. Чего он хочет?

— Он просит разрешения посетить Дворец Мула.

— Разумнее было бы отказать. Опасно разрушать суеверия, бытующие на Калгане.

— Я подумаю. Мы еще поговорим.

Мейрус поклонился и вышел.

Леди Каллия капризно спросила:

— Ты... сердит на меня, Зайчик?

Стеттин резко развернулся к ней:

— Сколько раз я просил тебя не называть меня этим идиотским прозвищем при посторонних!?

— Но тебе так нравилось...

— Больше не нравится! И чтоб больше не смела этого делать!

Он угрюмо смотрел на нее. И как он только переносил ее в последние дни — сам удивлялся. Да, она миленькая, хорошенъкая, пухленъкая безделушка, ее приятно ласкать, отвлекаясь от забот и тягот правления. Но сейчас он устал даже от ее прелестей. Она мечтала о замужестве, о том, чтобы стать первой Леди.

Смешно.

Все это было очень мило, когда он был просто Адмиралом, но теперь, когда он стал Первым Гражданином, будущим великим завоевателем, ему нужно было что-то большее. Ему нужны были наследники, которые смогли бы объединить его будущие колонии, наследники, которых у Мула не было и быть не могло, и именно поэтому Империя его не пережила. Ему, Стеттину, необходимо создать династию, породниться с кем-то из могучих фамилий Академии...

Да, от Каллии нужно избавиться. «Вообще-то, ничего особо трудного в этом не будет, —

думал, он. – Ну, похнычет немножко...» Но он прогнал эту мысль. «Ладно, черт с ней, иногда она все-таки еще очень ничего себе...»

Каллия немного приободрилась. Противный Мейрус ушел, и сердитое лицо Зайчика немного смягчилось. Она мягко, порывисто встала, подошла и прижалась к нему.

– Ты не будешь меня ругать, правда?

– Нет... – ответил он, рассеянно гладя ее по спине, – Только посиди тихо и не болтай. Мне нужно кое о чем подумать.

– Об этом человеке из Академии?

– Да.

– Зайчик... – осторожно начала она и смолкла.

– Что?

– Зайчик, я слышала, что с этим человеком – маленькая девочка. Ты сам мне говорил, помнишь? Можно мне с ней увидеться? Я никогда...

– За каким это дьяволом я буду его просить, чтобы он привел сюда эту соплячку? У меня что тут – детский сад? Прекрати ерунду пороть, Каллия!

– Но... я ее сама встречу, Зайчик, и она совсем-совсем тебе не помешает! Просто я так редко вижу детишек, а ты ведь знаешь – я их так люблю...

Он с усмешкой уставился на нее. Вот еще новости! Детишек она, видите ли, любит! Надо понимать – «его детишек», то есть его «законных детишек», значит, замуж хочет! Он расхохотался.

– Этому ребеночку, – сообщил он, – лет четырнадцать или пятнадцать. Небось с тебя ростом.

Каллия обиделась.

– Ну и что? Ну, пожалуйста! А она мне, может быть, про Академию расскажет... Мне же всегда так хотелось там побывать. Мой дедушка был из Академии. Зайчик... а... ты меня когда-нибудь туда возьмешь?

Стеттин улыбнулся. Хорошая мысль. Может, и возьмет, когда эту самую Академию завоюет. От этой мысли он как-то сразу подобрел.

– Возьму, возьму. Ладно, так и быть. Мажешь повидаться с девочкой и потрапаться с ней об Академии и обо всем остальном. Только не при мне, ясно?

– Нет-нет, я не буду тебе мешать, честное слово! Я приму ее у себя.

Она снова была счастлива. В последнее время ей так редко выпадало удовольствие чего-нибудь выпросить для себя. Она обвила пухлыми ручками шею Стеттина и ощутила, как постепенно расслабились и обмякли напряженные мышцы. Большая голова возлюбленного опустилась на ее мягкое, теплое плечо.

Глава тринадцатая Леди

Аркадия была на седьмом небе от счастья. Как изменилась ее жизнь с той минуты, когда глупая физиономия Пеллеаса Антора появилась в ее окне, – а все потому, что она была так дальновидна и смела и знала, что нужно делать.

Итак, она на Калгане! Она уже успела побывать в громадном Центральном Театре – самом большом в Галактике, и своими ушами слушала, и своими глазами видела оперных звезд, чья слава гремела даже в далекой Академии. Она сама ходила по магазинам на Цветочной Аллее – по самым модным магазинам Галактики, и покупки делала сама – в чем, в чем, а в этом она понимала побольше Хомира. Продавщицы, не говоря ни слова, подавали ей длинные блестящие платья, в которых она казалась такой высокой и взрослой, – и деньги из Академии заканчивали свой долгий путь. Хомир дал ей чек на десять кредиток, а когда она обменяла его на калганские «калганитки», получилась жутко толстая пачка денег.

Она даже успела поменять прическу, сходив в модную парикмахерскую. Ей немного подстригли волосы сзади, а спереди завили два игривых локона, слегка подкрасили, и копна ее волос стала по-настоящему золотой.

Но самое главное... Самое главное происходило сейчас, и это самое грандиозное!

Конечно, дворец Лорда Стеттина не такой огромный и шикарный, как калганские театры, и не такой таинственный и древний, как старый Дворец Мула, на который пока посмотреть им удалось только сверху во время обзорной экскурсии вокруг планеты.

Но только представить себе – она во дворце Лорда! Она просто не могла в себя прийти от восторга.

И это еще не все. Она была наедине – тет-а-тет с Госпожой, его Фавориткой. Аркадия в уме написала это слово с большой буквы – она-то знала, какую роль порой играли женщины такого сорта в истории, знала об их блеске и власти. Чего греха таить – бывало, изредка она пыталась представить себя на их месте – в блеске и могуществе, но теперь фаворитки в Академии были как-то не в моде, ну и потом, дойди дело до этого, папа бы ей, конечно, не разрешил, как пить дать…

Правду сказать, Леди Каллия оказалась не похожа на тот образ, который рисовался в воображении Аркадии. Для роковой женщины она слишком уж полновата, старовата, близоруко щурилась, голос у нее был так себе – тонкий, высокий, а уж никак не низкий, грудной, и вообще…

Каллия спросила:

– Хочешь еще чаю, детка?

– Я выпью еще чашечку с удовольствием, ваша милость.

А может, нужно было сказать «Ваше Высочество»? Тоном искушенного знатока Аркадия проговорила:

– Какие у вас замечательные жемчужины, моя госпожа. – В конце концов, она решила, что «моя госпожа» будет звучать лучше всего.

– О! Ты так думаешь?

Пожалуй, Каллия была польщена. Она сняла ожерелье и покачала его на указательном пальце.

– Тебе нравится? Вот, возьми.

– Ой… Правда?

Ожерелье перешло в руки Аркадии. Она восхищенно перебирала жемчужины, но потом с сожалением проговорила:

– Боюсь, папе не понравится.

– Ему не понравятся жемчужины? Но это очень красивые жемчужины!

– Нет, что вы! Они очень красивые! Просто ему не понравится, что я их взяла. Он говорит, что неприлично принимать дорогие подарки.

– Неприлично? А… мне их подарил Зай… то есть Первый Гражданин. Ты думаешь, это неприлично?

Аркадия покраснела:

– Я не хотела сказать…

Но Каллии явно надоела эта тема. Она взяла ожерелье, небрежно бросила его на столик и сказала:

– Ты мне хотела рассказать об Академии. Будь добра, расскажи.

Аркадия вдруг растерялась. Что рассказать о мире, скучном до слез? Для нее Академия была скучным провинциальным городком, уютным домом, занудной необходимостью каждый день ходить в школу, обычной повседневностью размеренной жизни. Она неуверенно проговорила:

– Да все там, как в библиофильмах…

– О, ты смотришь библиофильмы? Как ты можешь их смотреть? У меня от них только головная боль. Но знаешь, мне всегда нравились боевики про ваших Торговцев – какие это сильные, смелые мужчины! Вот это потрясающе интересно. А твой дядя, этот, как его… мистер Мунн, он из них? Только он что-то не выглядит очень храбрым. У Торговцев, которых показывают в фильмах, такие большие бороды, они говорят басом и так сурово обращаются с женщинами… Или ты другого мнения?

Аркадия загадочно улыбнулась:

– Это все – история, моя госпожа. Я хочу сказать, – продолжала она тоном лектора, – что в

те дни, когда Академия была молода, Торговцы были пионерами, которые расширяли наши границы и несли свет цивилизации в самые глухие уголки Галактики. Это все мы в школе учили. Но эти времена миновали. У нас больше нет Торговцев. Теперь у нас корпорация и всякое такое...

— Правда? Как жаль... Ну а чем же занимается мистер Мунн? Ну кто же он, если не Торговец?

— Дядя Хомир — библиограф.

Каллия прикрыла рот рукой и прыснула:

— Ты хочешь сказать, что он — хранитель библиофильмов? Надо же! Мне кажется, что это какое-то несерьезное занятие для взрослого мужчины.

— Он — очень хороший библиограф, моя госпожа. Эта профессия высоко ценится в Академии.

Она поставила маленькую, прозрачную чашечку на молочно-серебристую поверхность столика.

Хозяйка прижала руки к груди:

— Но, милая детка, я вовсе не хотела тебя обидеть. Наверное, он очень просвещенный человек. Я как на него посмотрела, так сразу поняла, какой он просвещенный. У него такие... просвещенные глаза. И потом, он, наверное, очень храбрый человек, если хочет посетить Дворец Мула...

— Храбрый? — Аркадия внутренне напряглась. Вот оно! Вот этого она ждала! Интрига! Авантура!

С напускной непринужденностью она спросила, внимательно разглядывая ногти на правой руке:

— А что, надо быть храбрым для того, чтобы войти во Дворец Мула?

— А ты не знаешь?

Глаза Каллии округлились, она перешла на полуслепот:

— На нем — проклятие! Умирая, Мул запретил кому-либо туда заходить до тех пор, пока не будет образована Галактическая Империя. На Калгане никто до сих пор даже на дворцовую территорию не осмеливался ступать.

— Но это же суеверие! — возразила Аркадия.

— Не говори так! — предостерегающе воскликнула Каллия. — Вот и Зайчик тоже всегда так говорит. Говорить-то говорит, но считает, что это помогает ему народ держать в повиновении, хотя сам-то там ни разу не был. И Таллос тоже туда не ходил — тот, кто правил Калганом до Зайчика.

Неожиданно она поинтересовалась:

— А почему мистер Мунн хочет посетить Дворец?

Вот тут-то настало время начать осуществление тщательно продуманного плана. Из прочитанных книжек Аркадия давно сделала вывод о том, какую роль играет Фаворитка, — она, стоя за троном Правителя, на самом деле обладает реальной властью, она должна иметь на него влияние. Следовательно, если дяде Хомиру не удастся уговорить Лорда Стеттина — а она была уверена, что не удастся, — надо попытаться уговорить Леди Каллию. Правда, Леди Каллия все-таки была какая-то нетипичная Фаворитка, не производила впечатления мудрой и властной женщины. Ну да ладно, попытка не пытка, да и вся история показывает... Она загадочно произнесла:

— Для этого есть причина, моя госпожа, но... могу я быть уверена, что вы сохраните это втайне?

— Клянусь, — прошептала Каллия, сделав большие глаза и прижав руку к декольтированной груди.

Мысль Аркадии летела впереди слов.

— Дядя Хомир — один из ведущих специалистов по биографии Мула. Он написал про него кучу книжек, и он считает, что галактическая история сильно изменилась с тех пор, как Мул пришел к власти и захватил Академию.

— Ой, мамочки!

— Он считает, что План Селдона...

Каллия радостно захлопала в ладоши:

— Ой, вот про План Селдона я знаю! Ну, знаешь, во всех фильмах про Торговцев всегда-всегда говорится про План Селдона. Он так все здорово придумал, что Академия всегда побеждала. Ну еще что-то там такое очень научное, но только в этом уж я ничего не понимаю. Когда кто-то что-то начинает объяснять, мне становится так скучно... Но продолжай, моя милочка. Ты объясняешь хорошо. У тебя так просто и ясно получается. Продолжай!

Аркадия продолжала:

— Ну вот! И понимаете, когда Академия была побеждена Мулом, План Селдона не сработал и с тех пор вообще не срабатывал. Следовательно, — проговорила она и на мгновение умолкла, подняв вверх указательный палец, — встает вопрос: кто же будет создателем Второй Империи?

— Второй Империи?

— Да, она ведь должна быть когда-то создана, понимаете? Но кем? Вот в чем весь вопрос! И еще — ведь существует Вторая Академия.

— Вторая Академия?

Леди Каллия была сражена наповал.

— Да, — небрежно продолжала Аркадия, явно довольная реакцией собеседницы. — Они занимаются планированием истории и идут по стопам самого Селдона. Они остановили Мула, потому что было еще рано, но теперь... я думаю, они будут поддерживать Калган.

— А почему? — робко поинтересовалась Каллия.

— Да потому что Калган сейчас — самая подходящая кандидатура для того, чтобы стать ядром новой Империи.

Было похоже, что до Леди Каллии наконец дошел смысл сказанного.

— Ты хочешь сказать, что мой Зайчик может стать во главе новой Империи, да?

— Ну, этого нельзя вот так с уверенностью утверждать... Дядя Хомир так думает, но, чтобы все уточнить, ему нужно посмотреть записи Мула.

— Это очень, очень сложно... — покачав головой, проговорила Леди Каллия.

Аркадия пожала плечами. Она сделала все, что могла.

Лорд Стеттин был настроен саркастически. Беседа с хлюпиком из Академии прошла без особого успеха. Более того — ему было стыдно за себя. Быть абсолютным монархом двадцати семи миров, хозяином мощнейшего в Галактике Флота — и быть вынужденным тратить время на пустую болтовню с каким-то букинистом!

Проклятие!

Неужели он должен нарушить калганские традиции? Позволить этому слоняю войти во Дворец Мула для того, чтобы он еще одну книжонку написал? Черт бы его побрал — научный вопрос! Святость истины! Дьявол! И он должен был выслушивать эту галиматию совершенно серьезно! Нет, а потом, все-таки как ни крути — на Дворце было проклятие... Конечно, он в это не верил — ни один здравомыслящий человек не поверил бы в глупые байки. Но для того чтобы нарушить неписаный закон, нужна была более веская причина.

— Чего тебе? — буркнул он, когда в дверях появилась Каллия.

— Ты занят?

— Да. Я занят.

— Но... у тебя никого нет, Зайчик. Позволь мне минутку поговорить с тобой...

— О господи! — заскрипел зубами Стеттин. — Ну, чего ты хочешь? Только побыстрей!

Запинаясь, она проговорила:

— Девочка... сказала мне, что они... хотят войти во Дворец Мула. Там, наверное, очень красиво...

— Вот как? Она тебе сказала? Ну так вот, заруби себе на носу — никто туда не войдет — ни они, ни мы! А теперь ступай займись своими делами. Ты мне надоела.

— Но, Зайчик, а почему бы и нет? Неужели ты правда, им не разрешишь? Ведь девочка сказала, что ты... можешь создать новую Империю...

— Плевать я хотел, что она сказала. Постой!

Он шагнул к Каллии и грубо схватил ее за руку:

– Что она тебе сказала?

– Мне больно! Отпусти! Ну, не помню я точно, что она сказала, и не вспомню, если ты будешь так на меня смотреть!

Он выпустил ее руку, и она, всхлипывая и потирая покрасневшую руку, призналась:

– Я обещала девочке, что никому не скажу.

– Умница! А теперь говори быстро!

– Ну, в общем, она сказала, что План Селдона изменился, и что где-то есть еще одна Академия. И что эта Академия хочет, чтобы ты создал новую Империю. Вот и все. Она сказала еще, что мистер Мунн – очень важный ученый и что во Дворце Мула он может найти что-то такое, что подтвердит его догадки. Вот и все, что она сказала. Ты сердишься?

Но Стеттин ничего ей не ответил. Он быстро вышел из комнаты, оставив Леди Каллию в полной растерянности. Она проводила его взглядом, глаза ее были полны слез.

Не прошло и получаса, как по официальной почте Первого Гражданина было отдано два приказа. В первом было изложено распоряжение немедленно вывести в космос пятьсот линкоров – якобы на боевые учения. Второй приказ поверг в полное замешательство одного нашего знакомого...

Хомир Мунн как раз заканчивал приготовления к отлету, когда ему доставили этот самый второй приказ. Естественно, это было официальное разрешение посетить Дворец Мула. Он читал и перечитывал его, испытывая какие угодно чувства, но только не радость.

А Аркадия была счастлива. Она-то знала, что произошло.

По крайней мере, думала, что знает.

Глава четырнадцатая Паника

Полли поставила поднос с завтраком на стол и принялась сервировать стол, искоса поглядывая на маленький телевизор, стоявший тут же. Шла программа новостей. Делать два дела сразу ей было совсем не трудно – вся пища была упакована в стерильные разовые контейнеры. Ей оставалось только выбрать меню, поставить контейнеры на стол, а потом убрать их и выбросить в дезинтегратор.

Она комментировала новости, укоризненно цокая языком и вздыхая.

– Господи, ну до чего же злые люди... – проговорила она, качая головой.

Доктор Дарелл промычал в ответ что-то нечленораздельное.

Голос Полли, когда она принималась обличать пороки рода человеческого, становился неприятно скрипучим.

– Нет, все-таки почему эти мерзкие калганцы себе такое позволяют? И ведь хитрющие такие – с виду мирные да тихие, но я-то знаю: от них все беды, все время от них все беды.

Нет, вы поглядите, что вытворяют, – «Народные волнения перед посольством Академии»! Меня бы вот спросили – я бы им быстро все объяснила. Память у них короткая, доктор Дарелл, вот что я вам скажу. Ну, вы же помните последнюю войну после того, как Мул помер, – я-то тогда еще пешком под стол ходила – сколько мы тогда от них, мерзавцев, натерпелись! Дядя-то мой погиб тогда, а ведь какой молодой был – еще двадцати не исполнилось, только два года как женился, дочка сироткой осталась... А его как сейчас помню – блондин, красавец писаный, ямочка на подбородке. Где-то у меня портрет его есть...

А теперь у дочки его уже свой сын во флоте, и случись что...

Помню, ох как хорошо помню, как мы ходили в патрулях при бомбардировках, даже старики дежурили в стратосферной защите – господи, да что угодно могло случиться, если бы калганцы прорвались! А мать нам тогда, детям малым, только и говорила, что надо еду экономить, да какие цены, да какие налоги – едва концы с концами сводили...

Да будь у них там люди поумнее, сроду бы не начали ничего такого опять. Только это все не простой парод выдумывает, это уж как пить дать. Простым калганцам разве это надо? Сидели бы себе дома, с женами да детишками – неужто им и впрямь охота тащиться невесть куда, чтобы их там кокнули? Нет, это все этот Стеттин, скотина, прошу прощения, доктор. И

как его только земля носит? Уколошил этого старика несчастного – ну, как его – Таллоса, вот, а теперь думает, как бы всю Галактику к рукам прибрать.

А уж мы-то ему чем не угодили, ума не приложу! Ведь все одно – победить ему нас не выйдет – ни у кого не выходило. Уж не знаю, План там или что другое, но только не по душе мне такие планы, чтобы людям убивать друг друга. Нет, про Гэри Селдона я ничего дурного не хочу сказать, упаси бог, он, наверное, все знает, ему виднее, и не такой дуре, как я, его судить. А вот для другой Академии я слова доброго не найду. Уж они-то наверняка могли бы этим калганцам по мозгам дать, да покрепче, чтоб те прочухались и перестали пакостничать. В конце-то концов они так и сделают, только уж поторопились бы, пока беды не вышло.

Доктор Дарелл рассеянно взглянул на нее:

– Ты что-то сказала, Полли?

Глаза Полли широко раскрылись, но тут же сердито сузились.

– Ничего, доктор, ровным счетом ничего не сказала. Что я могла сказать? Разве мне можно хоть слово сказать в этом доме? Крутишься тут целый день – все подай да принеси, а чтоб слово сказать...

Продолжая сердито ворчать, она удалилась.

Ее уход произвел на доктора Дарелла впечатления не больше, чем ее причтания.

Калган? Блеф, ерунда. Элементарный физический противник. Таких во все времена побеждали.

У него были дела поважнее, Неделю назад мэр предложил ему возглавить пост Главного Куратора по Научным Исследованиям в Министерстве обороны. Сегодня он должен дать ответ.

Он нервничал. Почему он? Ведь можно отказаться... Нет, это покажется странным, а ему вовсе не хотелось казаться странным. В конце концов, до Калгана ему никакого дела нет. У него только один враг. Этот враг у него был всегда.

Пока была жива, его жена, у него была только одна цель – скрываться. Он с тоской вспоминал долгие, тихие дни на Тренторе, которые текли среди молчаливых руин прошлого. Тишина разрушенного мира, полное, отрешенное забытье...

Но она умерла – и пяти лет не прошло... А после этого в его жизни осталось одно – борьба с призрачным, невидимым врагом, лишившим его простого, человеческого счастья, предопределившим его судьбу, превратившим всю его жизнь в отчаянное отодвигание ненавистного финала, сделавшего всю Вселенную полем ненавистнической, смертельной шахматной игры.

Да, это была высокая, благородная роль – он и сам так думал, и борьба стала смыслом его жизни.

Вначале был Сантаннийский Университет, где он работал с доктором Кляйзе. Эти пять лет были относительно спокойными.

Но Кляйзе – всего-навсего сборщик и классификатор данных. Настоящая борьба была ему не по плечу. И когда Дарелл окончательно в этом убедился, он понял, что ему пора уходить.

Кляйзе мог бы, конечно, работать втайне, но один он работать не мог – ему нужны были помощники. Он обследовал конкретных людей. Он был официальным сотрудником Университета, то есть был на виду. Все это мешало делу.

Кляйзе не сумел бы этого понять, а он, Дарелл, не мог ему ничего объяснить. Они расстались врагами. Это нормально, так и должно было быть. Он и должен был уйти так, как будто сдался. На тот случай, если за ним следили.

Кляйзе открыто работал с энцефалограммами, а Дарелл только в уме математически обрабатывал полученные данные. У Кляйзе было много сотрудников, у Дарелла – никого. Кляйзе работал в крупном Университете, а Дарелл – в тишине и покое загородного дома.

Но он был близок к решению. Он понял многое.

Человек из Второй Академии – не человек, если говорить о головном мозге. Мудрейшие физиологи нейрохимики со своими тончайшими анализами могут ничего не заметить – но различие именно здесь. А если различие кроется на уровне сознания, то только там его нужно искать, и только там его можно выявить.

Взять, к примеру, такого человека, как Мул. Несомненно, люди из Второй Академии

обладали силой, подобной силе Мула – врожденной или приобретенной, неважно, то есть способностью выявлять и контролировать человеческие эмоции. Попробуйте вычленить из этого сознания ту самую электрическую цепь, попробуйте найти те мельчайшие детали на энцефалограмме, которые позволили бы вам нечто безошибочно определить!

И вот теперь Кляйзе опять вернулся в его жизнь – в обличье этого гордеца и высокочки – его ученика, Антора.

Чушь! Чушь! Все эти энцефалограммы «обработанных» людей! Да он много лет назад все это видел и умел выявлять, а толку-то что? Ему нужен инструмент, нужно оружие. Однако он вынужден сотрудничать с Антором – так спокойнее.

Спокойнее и разумнее было и сейчас согласиться на предложенную мэром работу. Это был разумный и безопасный вариант. Итак, он оставался конспиратором внутри конспирации...

Страх за Аркадию пронзил его на мгновение, но он прогнал его прочь. Будь он сам себе хозяин, разве он допустил бы это? Будь он сам себе хозяин, только он и был бы в опасности и больше никто. Если бы он был сам себе хозяин... Внутри у него жарким клубком закручивались ярость, гнев, злость на мертвого Кляйзе, на живого Антора, на всех самоуверенных идиотов...

Нет, она сумеет о себе позаботиться. Она взрослая, умная девочка. Должна, должна суметь!

Но мысленно он шепотом спросил у самого себя:

– А сумеет ли?

Как раз в этот самый момент, когда доктор Дарелл пытался уговорить самого себя, что его дочь сумеет о себе позаботиться, Аркадия сидела в холодной, неуютной приемной официальной Резиденции Первого Гражданина Галактики. Уже полчаса она сидела там, уныло поглядывая на стены. Когда они входили в приемную вместе с Хомиром Мунном, у двери стояли два вооруженных гвардейца. Прежде она их там что-то не замечала.

Сейчас она была одна, но ей казалось, что даже мебель смотрит на нее как-то недружелюбно. Такое было впервые.

С чего бы это?

Хомир был на приеме у Лорда Стеттина. Господи, ну что же случилось?

Она начинала злиться. В подобных ситуациях герои библио фильмов и видеотриллеров всегда предвидели развязку, были подготовлены к ней, когда она наступала, а она – она просто сидела... Случиться могло все, что угодно. Все, что угодно! А она просто сидела и ничего не делала. А главное, ничего не понимала.

Ну-ка, еще раз все с начала. Еще раз. Может быть, удастся что-нибудь понять.

Две недели Мунн, можно сказать, жил во Дворце Мула. Один раз, с разрешения Лорда Стеттина, он взял ее туда с собой. Дворец представлял собой массивное, угрюмое здание –казалось, все там как-то нервно вздрагивало от прикосновения живого ко всему, что спало мертвенным сном, погруженное в воспоминания, и отвечало на звук шагов враждебным эхом или сердитым скрипом. Ей там совсем не понравилось.

Насколько приятней было смотреть на широкие, оживленные улицы столицы, ходить в театры и смотреть спектакли в мире, который, хотя и был гораздо беднее Академии, но не жалел денег на роскошь!

По вечерам Хомир возвращался из Дворца, сияющий от благоговейного трепета.

– Это мир моей мечты, – говорил он. – О, если бы я мог разобрать весь дворец по кусочку и перевезти на Терминус – какой можно было бы создать музей!

Казалось, он полностью избавился от сомнений и растерянности. Он весь светился, был заметно возбужден. И еще один признак появился в его состоянии. Он совсем перестал заикаться...

Однажды Мунн обмолвился:

– Я нашел кое-какие обрывки записей генерала Притчера.

– Я знаю о нем, – ответила Аркадия. – Он был изменником из Академии и прочесывал Галактику в поисках Второй Академии.

– Ну, не совсем «изменником», Аркадия. Так нельзя. Его же «обработал» Мул.

— А это одно и то же.

— Ну нет. Ты пойми: прочесывание Галактики, о котором ты говоришь, было абсолютно бесполезным занятием. В материалах Конвенции Селдона о создании двух Академий пятьсот лет назад содержится только одно-единственное упоминание о Второй Академии. Там говорится, что она находится «на другом краю Галактики», «в конце звезд». Это — все, чем располагали Мул и Притчер. У них не было в распоряжении метода, с помощью которого они могли бы точно распознать Вторую Академию, даже если бы нашли ее. Это было чистое безумие!

Я нашел их записи, — продолжал он, будто разговаривая сам с собой, — и оттуда явствует, что они, как ты сказала, «прочесали» почти тысячу миров, по могли бы с таким же успехом посетить хоть миллион. Но наше положение ничуть не лучше...

Аркадия прижала палец к губам.

— Ш-ш-ш... — прервала она его.

Хомир вздрогнул, задумался. Придя в себя, кивнул.

— Да, ты права, лучше об этом не говорить, — пробормотал он.

А теперь Хомир был у Лорда Стеттина, а Аркадия сидела в приемной одна-одинешенька и чувствовала, как громко и быстро бьется у нее сердце, но ничего не могла поделать. Это было самое страшное. Никакой причины происходящего она не видела и ничего не могла понять.

А по другую сторону двери примерно так же чувствовал себя Хомир Мунн. Ему казалось, что онтонет в море липкого желе. Он отчаянно боролся с заиканием, но в результате, естественно, не мог двух слов связать.

Лорд Стеттин был в полном парадном облачении и во всем величии своего шестифутового роста. Чеканя слова, он отстукивал ритм железным кулачищем.

— Итак, у вас было две недели. И вы осмеливаетесь заявиться ко мне со сказочками про белого бычка! Ну, давайте скажите мне самое худшее. Значит, я должен свой флот на пуговицы переплавить? Или я должен сражаться с призраками из Второй Академии так, как с ними сражались ваши люди?

— Я-я п-повторяю, мой господин, ч-что я не п-пророк. Я... с-совершенно ра-астерян, п-поверьте!

— А может быть, вы хотите вернуться домой, чтобы предупредить ваших соотечественников? Надоели мне ваши увертки, ясно? Или скажите мне правду, или я вытрясу ее из вас вместе с вашими кишками.

— А-а я и г-говорю т-только п-правду! И вы-ынужден на-апомнить вам, мой господин, ч-что я — г-гражданин Академии. Вы не посмеете ко м-мне п-прикоснуться, чтобы это не на-авлекло на вас к-кучу всяких н-неприятностей...

Лорд Стеттин громко расхохотался:

— Вот уж напугали, нечего сказать! Детишек пугайте или полуумных дурачков. Так вот, мистер Мунн, я и так был достаточно терпелив. Целых двадцать минут я выслушивал ваш детский лепет. Небось ночи не спали, придумывали? Напрасно утруждались! Я прекрасно знаю, что вы прибыли сюда не только для того, чтобы потревожить прах Мула, разгрести пепел погребального костра и погреть руки на головешках. Что, разве я не прав?

Хомир Мунн не мог утаить жуткого, знобящего страха. Глаза выдали его. Он сделал судорожный, глубокий вдох, Лорд Стеттин заметил это и с такой силой надавил на плечо несчастного гражданина Академии, что даже кресло, в котором тот сидел, просело от давления.

— Ну вот. А теперь давайте откровенно. Вы исследуете План Селдона. Вы знаете, что он больше не выполняется. Вероятно, вы знаете и то, что единственным претендентом на победу в настоящее время является я. Я и мои наследники. Послушайте, дружище, разве не все равно, кто станет во главе Второй Империи, если таковая будет создана? У истории нет фаворитов — так, кажется, говорится? Или вы боитесь мне сказать? Вы же видите, я отлично знаю, какова ваша миссия!

Мунн прохрипел:

— Ч-чего в-вы хо-отите?

— Вашего присутствия. Я не хочу, чтобы План полетел к чертикам из-за того, что я был

слишком доверчив. Вы в этих вещах понимаете побольше моего, от вас не укроются такие мелочи, которые я мог бы упустить. Не сомневайтесь, когда все будет кончено, я вас щедро вознагражу. Отвалю приличный куш, будьте уверены. Что вам делать в Академии? Книжки с места на место переставлять? Что толку пытаться сражаться с волной, которая неизбежно захлестнет всех вас? Чего вы добьетесь? Продлите войну? Или вы, так сказать, патриот, мечтающий умереть за родину?

— Я... я...

Мунн запнулся и замолчал окончательно.

— Вы останетесь здесь, — уверенно заявил Лорд Стеттин. — Выбора у вас нет. Да, вот еще что — чуть не забыл. Судя по моим данным, ваша племянница — из семьи Байты Дарелл. Это правда?

Хомир удивленно выговорил:

— Д-да...

Тут ему не было смысла врать.

— Эта семья пользуется почетом в Академии?

Хомир кивнул:

— Да. Они не позволяют, ч-чтобы ей п-причинили зло.

— Зло! Не будьте так наивны. Я совсем о другом думаю. Сколько ей лет?

— Четырнадцать.

— Так... Ну что ж, даже Гэри Селдону и Второй Академии не под силу ни остановить время, ни запретить девочке стать женщиной.

Сказав это, он резко развернулся и в два шага оказался у занавешенной двери. Рывком отдернул занавеску.

— Что ты тут делаешь? Какого дьявола!

Леди Каллия, застигнутая врасплох, испуганно моргала. Собравшись с духом, она пробормотала:

— Я... не знала, что ты не один...

— Не один, как видишь. Об этом я с тобой после поговорю, а теперь — марш отсюда, да побыстрей!

Ее поспешные шаги быстро затихли в коридоре. Стеттин вернулся.

— Ну вот, — сказал он, довольно потирая руки, — последний акт затянувшейся комедии. Ничего, скоро финал. Значит, четырнадцать? Ну-ну...

Хомир в ужасе уставился на него.

Дверь приемной бесшумно открылась. Аркадия вздрогнула и вскочила на ноги. Казалось, целую вечность она не двигалась, глядя на отчаянно манивший ее указательный палец, но наконец, как будто в ответ на магнитический призыв, излучаемый самим видом белой дрожащей фигуры, она на цыпочках подбежала к двери.

Тихо-тихо прошелестили их шаги по коридору. Леди Каллия — это, конечно же, была она, до боли сжалась запястье Аркадии. Аркадия сама не понимала почему, но послушно шла за ней. Может быть, потому, что ее-то как раз она совсем не боялась.

И все-таки — в чем же дело?

Они добежали до двери будуара и скользнули в нее — тут царил розовый пух, запах духов и патоки. Леди Каллия закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Тяжело дыша, она проговорила:

— Мы прошли ко мне... в мою комнату... потайным ходом... от Его кабинета.

Произнося слово «Его», она подняла вверх указательный палец, будто сама мысль о «Нем» ее смертельно пугала.

— Как удачно... как удачно!

Зрачки ее так увеличились, что глаза казались не голубыми, а черными.

— Но... в чем дело? — робко начала Аркадия.

— Нет, детка, нет. Нет времени объяснять. Разденься! Быстро! Пожалуйста, прошу тебя! Я дам тебе другую одежду, тогда они не узнают тебя.

Она побежала за ширму и принялась яростно вышвыривать из гардероба белье, платья,

шарфы, отчаянно пытаясь найти что-нибудь подходящее, такое, что могла бы надеть на себя девочка и не выглядеть как из публичного дома.

— Ну вот, вот это, пожалуй, подойдет. Должно подойти. У тебя есть деньги? Вот, возьми. Возьми, прошу тебя. Возьми все! И еще вот это, — она яростно вырвала серьги из ушей и сорвала с пальцев все кольца и перстни. — И беги домой — домой, к себе в Академию!

— Но... а как же мой дядя, Хомир? — попыталась слабо протестовать Аркадия, в то время как на нее опускались вороха шелка, пахнувшего смесью пота и духов.

— Он не сможет улететь. Зайчик решил оставить его здесь навсегда, а тебе нельзя здесь оставаться. Ну, миленькая, неужели ты не понимаешь?

— Нет! Я не понимаю! — крикнула Аркадия и вырвалась из ее рук.

— Ты должна немедленно лететь домой и предупредить свой народ, что будет война. Неужели не ясно?

Непостижимым образом страх изменил Каллию — придал ее голосу твердость, мыслям — ясность, словам — четкость. Она просто на себя не была похожа.

— А теперь — пошли.

Наружу они выходили другим путем. Люди, мимо которых они проходили, не останавливали их — только провожали взглядами. Они не могли решиться остановить ту, которую безнаказанно мог остановить только сам Повелитель Калгана. Гвардейцы щелкали каблуками и приставляли к ноге оружие, когда они проходили через очередные двери.

Аркадия задыхалась. Ей казалось, что с того момента, как Леди Каллия, бледная и трепещущая, поманила ее пальцем и вывела Из приемной, прошла целая вечность, — но на самом деле с той минуты до того мгновения, как они оказались за воротами ограды, на улице, полной людей, где издалека слышался шум автострады, прошло всего-навсего двадцать пять минут.

Аркадия с внезапной жалостью и нежностью оглянулась на свою провожатую.

— Я не понимаю, почему вы это делаете для меня, моя госпожа, но все равно — я благодарю вас. А что все-таки будет с дядей Хомиром?

— Не знаю, — покачала головой Каллия. — Ну, что же ты стоишь? Бегом в космопорт. Не жди. Тебя, может быть, уже ищут.

Но Аркадия все еще колебалась. Как она могла покинуть Хомира? Только теперь, когда она наконец была на свободе, она задала тот вопрос, который не давал ей покоя:

— А... вас это почему так волнует?

Леди Каллия, прикусив нижнюю губу, пробормотала:

— Я не смогу тебе этого объяснить — ты еще маленькая. Это неприлично, непристойно говорить тебе такие вещи. Вырастешь — сама все поймешь. И меня поймешь. Когда я встретила Зайчика, мне было всего шестнадцать. В общем, тебе нельзя здесь оставаться. Я этого не переживу!

Аркадия похолодела. Она поняла.

— А... — прошептала она, — что он с вами сделает, когда узнает?

— Не знаю, — опустив глаза, прошептала в ответ Каллия, последний раз взглянула на Аркадию и, подхватив юбку, бросилась бегом назад, к особняку Первого Гражданина.

Долгое, очень долгое мгновение Аркадия стояла, не двигаясь, потому что в тот самый момент, когда Каллия бросила на нее прощальный взгляд, девочка кое-что увидела... Напуганные, полные ужаса глаза Леди Каллии на миг вспыхнули и озарились холодной радостью.

Потрясающей, знобящей, нечеловеческой радостью.

Много чего можно было увидеть в этой быстрой вспышке чужого взгляда, но у Аркадии не было никаких сомнений в том, что именно она увидела.

А теперь она бежала — нет, она опрометью неслась прочь, отчаянно ища глазами ближайшую будку, откуда можно было вызвать воздушное такси.

Она бежала не от Лорда Стеттина — нет, не от него и не от его ищек, наверное, уже пущенных по ее следам, не от того гигантского монстра, в которого в ее воображении превратились принадлежавшие ему двадцать семь миров и который гнался за ней по пятам.

Она бежала от одной-единственной слабой женщины, которая устроила ее побег. От той,

которая одарила деньгами и драгоценностями, которая рисковала собственной жизнью, чтобы спасти ее, от той, которая – теперь она это твердо знала – была из Второй Академии...

Воздушное такси мягко опустилось рядом с тротуаром. В лицо Аркадии дунул мягкий ветерок, ее пушистые волосы слегка растрепались под подаренным Каллией капюшоном.

– Куда поедем, мадам?

Она всеми силами пыталась сделать свой голос более низким, чтобы водитель не догадался, что перед ним – ребенок.

– Сколько в городе космопортов?

– Два. А вам в какой надо-то?

– Какой ближе?

Водитель удивленно взглянул на нее:

– Центральный, мадам.

– Тогда в другой. Я хорошо заплачу.

В руке у нее был банкнот в двадцать калганиток. Она не знала, много это или мало, но таксист одобрительно кивнул:

– Как скажете, мадам. Куда вашей душеньке угодно, туда и отвезем!

Она прижалась горячей щекой к прохладному стеклу. Внизу ленивой рекой текли огни города.

Что же делать? *Что же делать?*

Именно сейчас она отчетливо ощутила, что она – всего-то навсего упрямая, непослушная девочка, которая забралась так далеко от папы. Ей стало страшно. Глаза ее против воли наполнились слезами, грудь разрывали сдавленные рыдания.

Она не боялась, что ее поймают Лорд Стеттин. Леди Каллия этого не допустит. Леди Каллия! Старая, толстая, глупая – а ведь держала же под уздцы своего господина и повелителя каким-то образом. Ну, теперь-то было ясно – каким. Все-все теперь было ясно.

Этот чай, эта светская беседа... А она-то, дурочка, старалась, умную из себя корчила! Умненькая маленькая Аркадия! Аркадия просто готова была сгореть со стыда за себя. Как она себя презирала и ненавидела сейчас! Все ведь было продумано – все это были хитрые маневры – даже то, что Стеттин разрешил Хомири войти во Дворец. Это она, эта дура набитая Каллия, так хотела и все устроила так, что умненькая Аркадия сама взяла да и предложила такое прекрасное объяснение для всего – такое, какое бы не вызвало никаких подозрений у жертв ее деяний, а ее личное участие во всем этом было минимальным.

Но почему же тогда она осталась на свободе? Хомир, без сомнения, арестован...

Если только...

Если только она послушается и отправится домой, в Академию, как приманка, с помощью которой они затянут в свои ловчие сети всех остальных.

Она ясно поняла, что в Академию ей возвращаться нельзя ни в коем случае.

– Космопорт, мадам.

Воздушное такси стояло на земле. Вот дела! А она даже и не заметила, как приземлились. Как тут было красиво!

– Благодарю, – проговорила она, сунула водителю банкноту даже не взглянув на него, и выпрыгнула из кабинки на землю.

Не оглядываясь по сторонам, она бегом бросилась по асфальтированной дорожке.

Огни. Веселые, беспечные мужчины и женщины. Огромные, светящиеся в воздухе буквы – информация о прилетающих и улетающих звездолетах.

Куда же ей лететь? Ей было все равно. Она знала только, куда ей лететь нельзя – в Академию. Так что, в принципе, лететь можно куда угодно.

Слава богу, что все-таки было это мгновенное забытье – когда Каллия устала от своей игры. Она-то думала, что имеет дело просто-напросто с ребенком, и на мгновение расслабилась – дала волю своей радости.

Но Аркадия поняла и еще кое-что. Мысль эта неотступно вертелась у нее в сознании и пришла к ней еще до того, как она села в такси. Мысль эта означала конец ее детства.

Она знала, что должна убежать.

Это было самое главное. Да, они могут раскрыть любого конспиратора в Академии, могут даже схватить ее отца – но она не могла, не имела права пренебрегать предупреждением. Она не могла рисковать собственной жизнью – ради всего Терминуса. Сейчас она была самой важной персоной в Галактике.

Она знала это уже тогда, когда стояла перед кассой-автоматом и выбирала, куда ей лететь.

Потому что во всей Галактике только она, только она одна знала, кроме них самих, знала, где находится Вторая Академия.

Глава пятнадцатая Вон из сети

Трентор – К середине периода Безвластия Трентор был заброшенной планетой. Посреди колосальных руин ютилась малочисленная фермерская община...

Галактическая энциклопедия

Вряд ли найдется что-либо подобное оживленному космопорту на окраине столицы многонаселенной планеты. Впечатляет зрелище громадных кораблей, величаво покоящихся на стоянках. Если подгадать, можно увидеть потрясающую воображение картину – посадку звездолета, а если повезет еще больше – то и взлет стального гиганта. Причем все это происходит практически бесшумно.

Под взлетно-посадочное поле отведено девяносто пять процентов территории космопорта. Все это пространство отдано кораблям, обслуживающему персоналу и диспетчерским компьютерам, которые обслуживают и персонал, и корабли.

И только пять процентов территории отведено пассажирам, для которых космопорт – всего-навсего вокзал, откуда они могут отправиться ко всем звездам Галактики. Конечно, только единицы из этой многоголовой безымянной толпы останавливаются, чтобы задуматься о том, сколько труда и инженерной мысли вложено в это грандиозное сооружение, связывающее тонкими невидимыми нитями всю Галактику. Возможно, найдется и такой, кто почешет затылок, увидев вблизи тонны сверкающей стали, – издалека ведь корабли казались такими маленькими! Невольно придет в голову мысль, что достаточно одному из этих циклопических цилиндров пройти мимо направляющего луча и грохнуться на землю в полукилометре от места посадки, а может быть, даже и пробить гласитовую крышу зала ожидания, и от сотен тысяч людей останется лишь микроскопическая органическая пыль да порошок фосфатов.

Но такое могло прийти в голову только неизлечимому психопату. Система контроля безопасности действовала беспрерывно и четко.

Но о чем же думали все эти люди? Это же не просто толпа, как вы понимаете. Это толпа, имеющая определенную цель. Цель эта витает над залом ожидания и создает специфическую атмосферу. Выстраиваются очереди, родители шикают на детей, перевозится с места на место багаж – люди путешествуют, все куда-то летят...

А теперь представьте себе одно-единственное существо в этой толпе, которое не знает, куда ему лететь, и в то же время жаждет улететь куда-нибудь гораздо более сильно, чем все остальные: улететь куда угодно. Или, точнее, почти куда угодно.

Аркадия Дарелл, одетая в чужую одежду, стоящая на чужой планете посреди бесчисленного множества чужих жизней и чужих планов – даже сама ее жизнь показалась ей на мгновение чужой, честно желала сейчас только одного – безопасности собственной жизни. Она не знала, что хочет именно этого, – и в то же время ее пугала открытость пространства и ей хотелось как можно скорее где-нибудь спрятаться, где-нибудь в самом заброшенном уголке Галактики, где ее никто не стал бы искать.

Она стояла там, ей было всего четырнадцать, а она устала и измучилась на все восемьдесят, а уж напутана так, как будто ей было всего лет восемь-девять.

Кто из всех этих тысяч людей, которые непрестанно проходили мимо, был из Второй Академии? Какой случайный прохожий мог ее уничтожить только за то, что она знала? За то, что она знала, где находится Вторая Академия?

Когда к ней кто-то обратился, ей показалось, что раздался удар грома.

— Послушайте, мисс, — сказал кто-то у нее за спиной, — вы тут билет покупаете или так просто стоите?

Только теперь она поняла, что стоит перед кассой-автоматом. Нужно было вложить в щель на панели автомата крупный банкнот, который тут же исчезал внутри. Потом нужно было нажать кнопку около названия места назначения, и из другой щели выпадали билет и сдача — все тютелька в тютельку благодаря работе электронной схемы. Это было настолько просто и привычно, что и правда странно было стоять перед автоматом целых пять минут.

Аркадия сунула в щель банкнот в двести кредиток, и тут ее взгляд неожиданно остановился на табличке с надписью «Трентор». Трентор — столица мертвого мира, мертвый Империи, планета, где она родилась. Она, как во сне, нажала кнопку. Ничего не случилось — только на табло загорелись цифры — 172.18. 172.18 — мигало табло, 172.18. Автомат требовал еще один двухсотенный банкнот. Такая сумма у нее, к счастью, нашлась. Выпал билет. Она взяла его, и следом за ним выпала сдача. Она сгребла деньги и побежала прочь. Человек, стоявший позади нее, быстро нажал кнопку на панели автомата, а она даже не обернулась, чтобы взглянуть, кто ее просил поторопиться.

Но бежать некуда. Здесь везде были ее враги.

Зажав в руке билет, она задрала голову и принялась лихорадочно читать повисшие в воздухе слова из светящихся букв — названия рейсов: «Стефания», «Анакреон», «Фермус». А вот и родное название — «Терминус». Она вздрогнула, задержалась на мгновение, но тут же ринулась дальше.

На оставшиеся деньги она могла бы приобрести маленькое устройство, настроенное на нужный ей рейс. Такое устройство можно спрятать в сумочку, так что только она одна услышала бы его тихий сигнал за пятнадцать минут до отправления корабля. Но такие устройства приобретают люди, по-настоящему заботящиеся о своей безопасности, которые могут себе позволить остановиться на бегу, чтобы подумать об этом.

А она, глядя во все стороны одновременно, на бегу уткнулась головой в чей-то мягкий живот. Она почувствовала, как у этого человека перехватило дыхание и вырвалось сдавленное проклятие. Чья-то рука легла на ее плечо. Она обреченно съежилась и только и смогла, что промычать нечто отдаленно напоминавшее извинение. Человек крепко сжимал ее плечо и не уходил. Далеко не сразу она собралась с духом и осмелилась взглянуть ему в лицо. Он был полный, маленького роста. Волосы у него были светлые, густые, зачесанные назад, что создавало впечатление парика, совершенно не вязавшегося с круглым, румяным, добродушным лицом.

— Ну, что стряслось? — наконец дружелюбно поинтересовался он. — Мы чем-то напуганы?

— Простите, — оторопело пробормотала Аркадия. — Извините, мне нужно идти.

Но он, пропустив мимо ушей ее слова, сказал:

— Погоди, малышка, ты так билетик потеряешь.

Он взял билет из ее ослабевших бледных пальцев и с видом явного удовольствия уставился на него.

— Ну, я так и думал, — сказал он и взревел, как бык: — Ма-му-ля!!

Рядом с ним тут же оказалась женщина — еще толще, еще ниже ростом и еще более румяная. Она накручивала на палец седой локон, выбившийся из-под жутко старомодной шляпки.

— Папуля, — произнесла она укоризненно, — ну что же ты так вопишь в общественном месте? Люди подумают, что ты не в своем уме. Ты же не на ферме!

Она солнечно улыбнулась оторопевшей Аркадии:

— У него, знаешь, манеры — сущий дикарь. — Потом резко добавила: — Папуля, отпусти девочку! Чего ты к ней пристал?

Но Папуля только билетом помахал ей в ответ:

— Глянь-ка — она летит на Трентор.

Лицо Мамули просияло:

— Так ты с Трентора? Да отпусти же ты ее руку, Папуля, сколько тебе говорить!

Она поставила на пол громадный чемодан и усадила на него Аркадию — мягко, но

настойчиво.

— Садись, и пусть твои маленькие ножки немного отдохнут. Корабль еще только через час будет, а все кресла заняты спящими бродягами. Так ты с Трентора?

Аркадия вздохнула поглубже и наконец выдавила из себя:

— Я там родилась.

— Ну надо же! А мы тут целый месяц проторчали и ни одного земляка не встретили. Вот радость-то!! А твои родители...

— Я без родителей, — осторожно ответила Аркадия.

— Одна-одинешенька? Такая маленькая девочка?

Мамуля была возмущена и полна жалости одновременно.

— Как же это тебя так отпустили?

— Мамуля, — Папуля потянул супругу за рукав, — дай мне сказать. Тут что-то не то. Мне кажется, ее кто-то здорово напугал.

Он старался говорить шепотом, но Аркадия прекрасно все слышала.

— Она бежала — я видел — бежала, сама не зная куда. Я не успел в сторону отойти, а она как налетит на меня. И знаешь, Мамуля, что я думаю? Она в опасности, вот что.

— Угу. А теперь, Папуля, будь добр, заткнись. На такого, как ты, налететь нетрудно.

Она уселась на чемодан рядом с Аркадией. Чемодан заскрипел и просел от ее солидного веса. Мамуля мягко обняла Аркадию за плечи.

— Ты от кого-то убегаешь, лапочка? Не бойся, скажи мне. Я тебе помогу, вот увидишь.

Аркадия искоса взглянула на Мамулю, в ее добрые серые глаза, и у нее задрожали губы. Одна часть ее сознания говорила ей: вот люди с Трентора, с которыми можно полететь туда, которые помогут ей оставаться там, покуда она не решит, куда ей лететь дальше. Но другая часть сознания, чей голос звучал громче и настойчивее, твердила ей, что она забыла о судьбе своей матери, что она слишком мала и слишком устала для того, чтобы бороться со всей Вселенной, что ей ничего не хочется, только бы свернуться в клубочек и чтобы вот такие теплые и добрые руки обнимали ее, и если бы мама была жива, то она бы, она бы...

Впервые за весь вечер она расплакалась — совсем как маленькая, но ничуть не стыдилась этого. Она уткнулась в плечо Мамули, в ее старомодное платье, и уже насквозь промочила его безутешными, неудержимыми слезами, а добрые руки женщины все обнимали ее, нежно поглаживая кудряшки Аркадии.

Папуля стоял рядом, беспомощно глядя на супругу, отчаянно шаря по карманам в поисках носового платка. Наконец платок был найден и тут же перешел в руку Мамули. Она взглядом призвала супруга к спокойствию. Толпы народа проходили мимо, не обращая на них никакого внимания, — подумаешь, ничего особенного. Они были как будто совсем одни.

Наконец слезы кончились. Аркадия смущенно улыбнулась, вытирая покрасневшие глаза чужим носовым платком.

— Черт возьми, — прошептала она. — Стыд какой. Я...

— Ш-ш-ш! — тихо успокоила ее Мамуля. — Не говори ничего. Просто посиди и отдохни. Отдышился маленько. А потом расскажи нам, что у тебя за беда такая приключилась. Вот увидишь, мы все уладим. И все будет хорошо.

Аркадия собрала все свое мужество, сосредоточилась. Нет, правду им сказать она не могла. Правду она не могла сказать никому. Но она слишком устала для того, чтобы придумать подходящее объяснение.

Она прошептала:

— Мне уже лучше.

— Вот и славно, — сказала Мамуля. — Ну а теперь скажи мне, что у тебя за несчастье. Ты же ничего плохого не сделала? Ну а сделала — беда невелика. Мы тебе поможем, только скажи нам все начистоту.

— Для друга с Трентора мы все сделаем, — возбужденно вставил Папуля, — правда, Мамуля?

— Папуля, заткнись, — ответила жена.

Аркадия покопалась в сумочке. Она, по крайней мере, принадлежала ей, и она не забыла ее захватить, несмотря на спешное переодевание в покоях Леди Каллии. Она нашла то, что

искала, и подала Мамуле.

— Вот мои документы, — сказала она решительно. Это была блестящая пластиковая книжечка, которую ей вручил посол Академии в тот день, когда они с Хомиром Мунном прибыли на Калган, и которая была подписана официальным представителем Калганской администрации. Мамуля повернула паспорт и передала его Папуле, который внимательно изучил содержание. Читая, он шевелил губами. Он спросил:

— Так ты из Академии?

— Да. Но я родилась на Тренторе. Там написано...

— А-га... По-моему, все в порядке. Тебя зовут Аркадия, да? Старое доброе тренторианское имя. А где же твой дядя? Тут написано, что ты прибыла вместе с дядей, Хомиром Мунном.

— Он... арестован, — глубоко вздохнув, ответила Аркадия.

— Арестован! — воскликнули супруги хором.

— За что? — спросила Мамуля. — Он что-нибудь натворил?

— Не знаю. Мы ведь тут просто так — с визитом. У дяди Хомира были какие-то дела с Лордом Стеттином, только...

Ей не стоило особого труда изобразить на лице страх. Его у нее было — хоть отбавляй.

На Папулю ее заявление произвело большое впечатление.

— С Лордом Стеттином? Ну знаешь, твой дядя, видно, большой человек!

— Я в этом ничего не понимаю, только Лорд Стеттин и меня хотел задержать.

Она вспомнила о последних словах Леди Каллии. Они ей были как раз на руку. Теперь она знала, что Каллия — специалист своего дела, и решила продолжить начатую линию.

Она умолкла, и Мамуля с интересом спросила:

— А почему же он хотел, чтобы ты осталась?

— Точно не знаю, — пожала плечами Аркадия, — но только он хотел пригласить меня на обед — совсем одну, понимаете, а дядя Хомир был против, и я не хотела идти одна, а хотела пойти с дядей, а этот — он все молчал и смотрел на меня странно, и сжимал мою руку...

Рот у Папули приоткрылся, а Мамуля густо покраснела и рассердилась:

— Сколько тебе лет, Аркадия?

— Четырнадцать. Почти четырнадцать с половиной. Мамуля глубоко вздохнула и сказала:

— Откуда только такие люди берутся? Бродячие собаки и те лучше, честное слово. Так ты от него убежала, детка?

Аркадия кивнула.

Мамуля объявила:

— Папуля, ступай быстренько в справочное бюро и уточни, когда будет рейс на Трентор. Поторопись!

Но Папуля сделал только шаг и остановился. Громкий металлический голос донесся сверху, и тысячи глаз невольно устремились туда.

— Дамы и господа, — четко произносил диктор. — В космопорте находится опасная преступница. Она замечена в зале ожидания. Выходить и входить кому-либо после объявления запрещается. Поиски не отнимут много времени, и никто из вас не пропустит своего рейса. Сейчас будет опущена сеть. Повторяю, все успеют на свои рейсы. Никто из вас не должен покидать своего сектора до тех пор, пока не будет убрана сеть. В противном случае мы будем вынуждены применить нейропарализаторы.

Пока этот жуткий голос звучал под куполом зала ожидания, Аркадия не могла и пальцем пошевелить — она чувствовала, что все зло Галактики ополчилось против нее, собралось в стальной шар и должно вот-вот ударить ее и сбить с ног.

Конечно, в виду имели ее. Другой мысли не было. Но почему...

Ведь Леди Каллия организовала ее побег. А Каллия была из Второй Академии. Почему же ее ловят теперь? Каллия провалилась? Или это тоже — часть плана, тонкостей которого Аркадия не понимала?

Все смешалось у нее в голове. Ей вдруг захотелось вскочить и бежать и кричать, что она сдается, что она больше так не может, что она пойдет с ними, куда скажут, что... что...

Но рука Мамули крепко сжала ее запястье:

— Быстро! Скорее! Мы успеем уйти в туалет, пока они еще не начали.

Аркадия ничего не понимала. У нее не было сил сопротивляться. Она покорно шла, куда вела ее за руку Мамуля. Они прорвались сквозь толпу. Люди были напуганы, сбились в кучки, а голос под потолком все еще звучал, произнося последние слова...

А с потолка уже начала опускаться сеть. Папуля, задрав голову и широко разинув рот, смотрел, как она опускается. Про сеть он слышал и читал, но сам в нее ни разу в жизни не попадал. Она поблескивала в лучах света и представляла собой не что иное, как соединение пересекавшихся многочисленных пучков излучения, заполнявшее воздушное пространство безвредной паутинкой, сплетенной из световых нитей.

Впечатление, чисто психологическое, было неприятное. Наверное, что-то подобное испытывают звери, когда их ловят сетью.

Вот она уже на уровне пояса. Между полосками света не более десяти футов. Папуля оказался совершенно один на квадрате, площадью в сто квадратных футов, а по соседству с ним все квадраты были заполнены людьми. Он ощущал себя в некоторой изоляции, но знал, что перейти в другой квадрат, чтобы затеряться в толпе, невозможно – при этом нужно пересечь один из лучей, а от этого тут же срабатывала сигнализация и пускался в ход нейропарализатор.

Он ждал.

Толпа была неестественно спокойна, и где-то вдали происходило какое-то шевеление – это выстраивалось окружение из полицейских. Они постепенно окружали каждый квадрат. Через какое-то время полицейский появился в том квадрате, где стоял одинокий Папуля.

Полицейский старательно занес координаты квадрата в блокнот.

– Документы!

Папуля подал ему документы. Полицейский быстро, профессионально просмотрел их.

– Вы – Прим Пальвер, житель Трентора, прибыли на Калган на месяц и возвращаетесь на Трентор. Отвечайте: да или нет?

– Да, да.

– Чем вы занимались на Калгане?

– Я – торговый представитель фермерского кооператива. У меня были переговоры с Департаментом Сельского Хозяйства Калгана.

– М-м-м... Ваша супруга с вами? Где она? Она значится в ваших документах.

– Простите... Моя жена в...

Он смущенно указал в сторону туалета.

– Ханто! – рявкнул полицейский. К нему быстро подошел второй. – Еще одна баба в клозете, черт бы их подрал. Похоже, их там вагон и маленькая тележка. Запиши ее имя.

Он ткнул пальцем в строчку документа:

– Еще кто-нибудь с вами есть?

– Моя племянница.

– Тут она не значится.

– Она прибыла самостоятельно.

– Где она? А, понятно. Ханто, запиши, как зовут племянницу. Как ее имя? Запиши – «Аркадия Пальвер» – Ладно, с бабами потом разберемся.

Папуля оторопело ждал. Прошло довольно много времени, и он наконец увидел, как к нему твердой походкой приближается Мамуля, крепко держа за руку Аркадию, а за ней вышагивают двое полицейских.

Они вошли в квадрат, где стоял Папуля, и первый спросил:

– Эта хамка – ваша жена?

– Да, сэр! – гордо ответил Папуля.

– Ага, ну тогда скажите ей, что у нее будут неприятности, если она будет позволять себе и впредь так разговаривать с представителями полиции Первого Гражданина, – сообщил полицейский, поправляя воротничок рубашки.

– Это – ваша племянница? Дайте мне ее документы!

Глядя на супруга в упор, Мамуля медленно, но твердо покачала головой.

– Боюсь, что не смогу этого сделать, сэр!

– Как это? Что значит – не сможете?

Полицейский требовательно протянул руку:

– Давайте документы, живо!

– Дипломатическая неприкосновенность, – мягко разъяснил Папуля.

– Что вы хотите сказать?

– Я же вам уже объяснил, что я – торговый представитель фермерского кооператива. Я аккредитован в правительстве Калгана как официальный иностранный представитель, и мои документы это подтверждают. Документы я вам показал, и не желаю, чтобы меня больше беспокоили.

На мгновение полицейский растерялся.

– Но я должен просмотреть все документы. Это приказ.

– Проваливайте! – неожиданно вмешалась Мамуля. – Если вы нам нужны, мы вас позовем. Вот уж тупицы!

– Ты пригляди за ними, Ханто, а я за лейтенантом сбегаю.

– Смотри не споткнись! – крикнула ему вслед Мамуля. Кто-то неподалеку хихикнул, но тут же умолк.

Поиски приближались к концу. Толпа начинала волноваться. Прошло не меньше сорока пяти минут с того момента, как была опущена сеть, а это уже слишком. Поэтому лейтенант Диридж торопился, пробираясь к нужному квадрату.

– Вот эта девочка? – спросил он устало. Он смотрел на нее. Очень похоже на описание. И все из-за ребенка!

Он сказал:

– Ее документы, будьте добры.

– Я уже объяснял вашим людям... – начал Папуля.

– Я знаю, что вы объясняли, и мне очень жаль, но у меня есть приказ, и тут уж ничего не поделаешь. Если вы так хотите, то позже можете заявить протест. Пока же я имею право в случае необходимости применить силу.

Наступила пауза. Лейтенант терпеливо ждал. Наконец Папуля торопливо проговорил:

– Дай мне твой паспорт, Аркадия.

Аркадия панически замотала головой, но Папуля успокаивающе кивнул.

– Не бойся. Дай.

Она беспомощно покосырялась в сумочке, вытащила паспорт и отдала его Папуле. Папуля раскрыл паспорт, внимательно просмотрел его и передал лейтенанту. Лейтенант, в свою очередь, внимательно рассмотрел паспорт, потом перевел взгляд на Аркадию, долго смотрел на нее, потом, не говоря ни слова, резким движением захлопнул паспорт.

– Все в порядке, ребята, – сказал он.

Откозыряв, он удалился, полицейские – за ним; а через две минуты – не больше – сеть поползла вверх, и голос диктора из-под потолка объявил, что все закончено. Толпа зашевелилась, зашумела.

Аркадия бормотала:

– Как же это?.. Как...

Папуля приложил палец к губам:

– Ш-ш-ш! Не говори ничего! Пошли-ка побыстрее.

Наш рейс уже объявили.

На корабле у них была отдельная каюта и отдельный столик в ресторане. От Калгана их отделяло расстояние в два световых года, и Аркадия наконец решилась вернуться к прерванному разговору.

Она сказала:

– Но они же меня искали, мистер Пальвер. У них наверняка было мое описание. Почему же они дали мне уйти?

Папуля широко улыбнулся, пережевывая ростбиф.

– Ох, Аркадия, деточка, это так просто. Знаешь, когда без конца имеешь дело с агентами, покупателями и конкурирующими фирмами, в конце концов учишься всяkim штучкам. А я им учусь уже двадцать лет. Видишь ли, детка, когда я передал лейтенанту твои документы, я вложил в паспорт сложенный во много раз чек на пятьсот кредиток. Просто, правда?

— Я вам отдаю... Честное слово, у меня куча денег!

— Да? — круглое, румяное лицо Папули озарилось добродушной улыбкой. — Ну, ясно, богачка-провинциалка!

Он протестующе помахал рукой, но Аркадия настаивала:

— А что если бы он взял деньги, а меня бы увел с собой? Да еще бы мог меня во взяточничестве обвинить!

— И отказался бы от пятисот кредиток? Нет... я людей знаю получше твоего, детка.

Но Аркадия отлично понимала, что этих людей он не знает так, как она. Не этих людей он знает, вот что. Ночью, лежа в постели, она напряженно размышляла обо всем, что произошло, и совершенно уверилась в том, что никакая взятка не помогла бы лейтенанту полиции задержать ее, если только это не было спланировано. Они не хотели ее поймать, хотя и подстроили все так, будто очень хотели.

Почему? Чтобы убедиться, что она улетела? И именно на Трентор? Неужели эти добрые, мягкосердечные люди, с которыми она летит, — инструменты в руках Второй Академии? Такие же беспомощные, как она?

Должно быть, так.

А вдруг нет?

В голову решительно ничего не приходило. Все было бесполезно. Как она могла с ними бороться? Что бы она ни сделала, получалось, что делала только то, что хотели эти всесильные повелители.

Но она должна была их перехитрить. **Должна! Должна! Должна!!!**

Глава шестнадцатая Война начинается

По причине или по целому ряду причин, неизвестных простым смертным в Галактике, в незапамятные времена в Межгалактическом Стандарте Времени была выделена основная единица — секунда, то есть промежуток времени, за который свет проходит 299,766 километра. 86 400 секунд произвольно приравнены Межгалактическому Стандартному Дню. А 365 таких дней составляют один Стандартный Межгалактический Год.

Почему же именно 299,766, почему 86 400, почему 365?

Традиция, говорят историки, отвечая на этот вопрос. Нет, говорят мистики, это таинственное, загадочное сочетание цифр. Им вторят оккультисты, нумерологи, метафизики. Некоторые, правда, считают, что все эти цифры связаны с данными о периодах вращения вокруг своей оси и вокруг Солнца той единственной планеты, что была первородиной человечества.

Но на самом деле точно никто этого не знал.

Как бы то ни было, день, в который крейсер Академии «Хобер Мэллоу» столкнулся в космосе с эскадрой Калгана во главе с флагманским кораблем «Бесстрашный» и отказался пустить на борт группу, которая, непонятно почему, вознамеривалась обыскать крейсер, и из-за чего он был незамедлительно превращен в кусок оплавленного металла, отмечен в календаре как 185:11692 Г.Э. То есть — сто восемьдесят пятый день одиннадцать тысяч шестьсот девяносто второго года Галактической Эры. Начало летосчисления в таком календаре приходилось на воцарение Первого Императора династии Камблов. По другому летосчислению это был сто восемьдесят пятый день четыреста девяносто первого года от рождения Гэри Селдона — 185:419, а по третьему — 185:348 А.Э., то есть сто восемьдесят пятый день триста сорок восьмого года от основания Академии. На Калгане же это был 185:46 П.Г., то есть сто восемьдесят пятый день сорок шестого года со дня введения Мулом титула Первого Гражданина. Как видите, день был один и тот же, независимо от того, с какого года начиналась эра.

Кроме того, в миллионах миров Галактики существовала местное летосчисление, основанное на датах жизни собственных небесных покровителей.

Но что бы вы ни выбрали — 185:11692, 419, 348 или 46, да что угодно, — это был один и тот же день, тот самый, который историки впоследствии пометят как день начала стеттинианской

войны.

А для доктора Дарелла эти цифры не значили ровным счетом ничего. Для него это был всего-навсего тридцать второй день, как Аркадия покинула Терминус.

Как Дареллу удавалось сохранять спокойствие и присутствие духа в те дни, для всех оставалось загадкой.

Но Эльветту Семику казалось, что он догадывается как и почему. Он был старый человек и любил при случае повторять, что как раз в тех самых местах мозга, где его суждения тверды и непоколебимы, мозговое вещество скреплено было цементом. Он никак не возражал против того, что его как ученого списали со счетов — он это даже приветствовал, — и сам был готов посмеяться над собой. Но глаза его пока не ослепли до такой степени, чтобы уж совсем ничего не видеть вокруг, и ум, конечно, далеко не настолько притупился, как он сам про себя рассказывал, — нет, он многое видел и многое понимал.

Растянув в усмешке сморщеные губы, он спросил:

— Что же вы ничего не предпринимаете, дружище?

Звук его голоса произвел на Дарелла чисто физическое воздействие. Он рассеянно спросил:

— На чем мы остановились?

Семик с сожалением разглядывал друга.

— На чем, на чем... Лучше бы насчет девочки что-нибудь придумали!

В ожидании ответа он закусил неровными желтоватыми зубами нижнюю губу.

В ответ послышалось:

— У меня к вам вопрос: можете вы добыть резонатор Саймса-Мольфа в указанном частотном диапазоне?

— Я уже сказал, что могу, но вы меня, вероятно, не слышали.

— Простите, Эльветт. Понимаете, дело в том, что то, чем мы с вами сейчас занимаемся, для Галактики более важно, чем то, в безопасности ли сейчас Аркадия. В общем, это дело мое и Аркадии, а я сейчас должен быть там, где большинство. Какого размера будет резонатор?

Семик пожал плечами:

— Ну, не знаю... Можно просто в каталог заглянуть.

— Хотя бы приблизительно. Сколько он будет весить — тонну, фунт? С квартал длиной?

— А-а-а... Я думал, вам нужно точно... Да нет, маленькая такая штуковинка.

Он показал первую фалангу большого пальца:

— Вот такая примерно.

— Отлично! А что-нибудь в таком роде сумеете изобразить?

Он быстро сделал набросок на листе из блокнота и передал старому физику. Тот скептически поглядел на набросок и хмыкнул:

— Знаете, вы много от меня хотите! Вот станете таким старым, как я, и мозги у вас так же затвердеют, поймете меня — не дай бог! Что вы хотите-то?

Дарелл растерялся. Он изо всех сил постарался мысленно передать собеседнику информацию, но был вынужден, поскольку это у него не вышло, облечь свою идею в слова.

Семик покачал головой.

— Тут понадобятся гиперволновые реле. Это — единственные устройства, которые могут обеспечить такие быстрые реакции. И понадобится их вам чертова уйма.

— Но в принципе можно?

— В принципе — конечно.

— Можете раздобыть все составные части? Я имею в виду — не поднимая шума? Так, чтобы это выглядело частью повседневной работы.

Семик закусил верхнюю губу.

— Раздобыть пятьдесят штук гиперреле? Да я столько за всю свою жизнь не использовал!

— Но вы забываете, что сейчас мы заняты разработкой оборонного проекта. Можете вы измыслиТЬ что-нибудь такое неприметное, безвредное, где бы понадобилось такое количество реле? Деньги у нас есть.

— Гм-м-м... Ну, может, что и придумаю.

– И какого же размера эта штуковина получится окончательно?

– Ну, если раздобудем микроскопические реле... потом провода... трубы... черт возьми, но там выйдет несколько сот электрических цепей!

– Знаю. И все-таки какого это будет размера?

Семик показал руками.

– Нет, это не пойдет. Великовато, – покачал головой Дарелл, – Размер должен быть такой, чтобы можно было к ремню пристегнуть.

Он старательно скатал листок с наброском в тугой шарик и бросил его в пепельницу-дезинтегратор, и тот исчез, испарился, распавшись до молекулярного уровня. Маленькая вспышка – и ничего не осталось.

Тут замигал сигнал, и Дарелл спросил:

– Кто это к вам, посмотрите!

Семик склонился над письменным столом, чтобы получше разглядеть изображение на маленьком молочно-белом экране, вмонтированном в стол чуть выше лампочки дверного сигнала.

– Это наш юный друг, Антор. А с ним кто-то еще. Дарелл рукой отбросил назад волосы.

– Об этом никому ни слова, Семик. Эти знания стоят жизни – будут стоить, если они узнают об этом, поэтому давайте ограничимся только нашими.

Вместе с Пеллеасом Антором в кабинет Семика ворвалась неуемная молодая горячность. Бедный кабинет – он ведь тоже за годы состарился вместе со своим хозяином. А Антор, даже не двигаясь, был наполнен движением. Воздух в тихой комнате был неподвижен, а свободные легкие рукава Антора развевались будто от легкого ветерка.

Он представил товарищам своего спутника.

– Доктор Дарелл, доктор Семик... Орум Диридж.

Его спутник был высокого роста. Физиономия, на которой выделялся длинный, с горбинкой нос, была не лишена привлекательности. Доктор Дарелл протянул ему руку.

Антор улыбнулся и сообщил:

– Диридж – лейтенант полиции. – И подчеркнул многозначительно: – С Калганы.

Дарелл повернулся к Антору. Он готов был его насквозь просверлить взглядом.

– Лейтенант полиции Диридж с Калганы, – четко выговаривая каждое слово, повторил Дарелл. – И вы привели его сюда. Зачем?

– Потому что он – последний человек, кто видел на Калгане вашу дочь. Да вы что? Спокойно!

Триумф Антора неожиданно оказался под вопросом. Ему пришлось, заслонив собой лейтенанта, схватиться с бросившимся на него Дареллом. Старший коллега был вынужден отступить и опуститься в кресло, тяжело дыша.

– Вы с ума сошли! – крикнул Антор, отбрасывая со лба каштановый завиток. Он уселся на краешек письменного стола, покачивая ногой. – А я-то думал, вы обрадуетесь!

Дарелл, не слушая его, обратился прямо к полицейскому:

– Что это он имеет в виду? Что значит – вы последним видели мою дочь? Она умерла? Говорите, быстро!

Он страшно побледнел.

Лейтенант Диридж совершенно спокойно ответил:

– «Последний человек» – это он просто неудачно выразился, мистер Дарелл. Она уже не на Калгане – это все, что я знаю.

– Погодите, – вмешался Антор. – Дайте я объясню. Прошу прощения, Док, я, видно, слишком сгустил краски. Вы так разволновались, а я совершенно упустил из виду ваши отцовские чувства. Во-первых, лейтенант Диридж – наш человек. Он родился на Калгане, но его отец – из Академии. Он был вывезен туда, чтобы работать на Мула. Я готов ответить за то, что лейтенант предан Академии.

Кроме того, я поддерживал с ним связь с того самого дня, когда перестали поступать ежедневные отчеты от Мунна.

– Зачем? – яростно прервал его Дарелл. – Я полагал, что мы твердо условились, что не

будем никого вмешивать в наши дела. Вы рисковали и их жизнью, и нашей!

— Затем, — столь же яростно ответил Антор, — что в эту игру я играю дольше вас. Потому что у меня на Калгане есть связи, о которых вы не имеете понятия. Потому что я знаю больше, понятно?

— Похоже, вы просто с ума сошли!

— Вы слушать будете или нет?

Наступила пауза. Дарелл стиснул кулаки и закрыл глаза.

Губы Антора скривились в усмешке:

— Все нормально, Док. Пять минут — и вы все поймете. Скажите ему, Диридж.

Диридж непринужденно начал:

— Насколько мне известно, доктор Дарелл, ваша дочь — на Тренторе. По крайней мере, у нее был билет на Трентор, купленный в Восточном Космопорте. Она была с Торговым Представителем Трентора, который утверждал, что она — его племянница. У вашей дочери, похоже, — странная коллекция родственников, доктор. Второй дядюшка за две недели, а? Тренторианец даже пытался всучить мне взяточку — и, наверное, думает, что им удалось улететь именно поэтому.

Онsarкастически улыбнулся.

— Как она выглядела?

— В полном порядке, по мне показалось, что она была напугана. Но ее можно понять. Весь полицейский департамент охотился за ней. Почему — я сам до сих пор не пойму.

Дарелл, как ему показалось, впервые за все время сделал вдох. Он заметил, что у него страшно дрожат руки. Изо всех сил пытаясь овладеть собой, он проговорил:

— Значит, с ней все в порядке. А этот Представитель Трентора — кто он такой? Вернитесь к нему. Какова его роль во всей этой истории?

— Понятия не имею. А вы что-нибудь про Трентор знаете?

— Я там жил когда-то.

— Теперь это — сельскохозяйственный мир. Экспортирует продукты животноводства и зерно. Качество отменное! Они торгуют со всей Галактикой. На планете — десятка два кооперативов, и у каждого — собственный зарубежный представитель. Пройдохи еще те. Досье этого человека я видел. Он уже не первый раз на Калгане. Обычно прилетает с женой. Похоже — честный, порядочный человек. И не опасный.

— Хм-м-м... — протянул Антор. — Аркадия родилась на Тренторе, так ведь, Док?

Дарелл кивнул.

— Видите, все, в принципе, увязывается... Она хотела скрыться — как можно быстрее. И Трентор ей показался самым подходящим местом. Или вы так не думаете?

Дарелл спросил:

— А почему ей было не вернуться сюда?

— Может быть, она думала, что за ней будут следить, и решила удрать в другое место?

У Дарелла не было сил больше ни думать, ни говорить. «О более! — думал он. — Дай ей бог быть в безопасности на Тренторе, если вообще можно хоть где-нибудь быть в безопасности в этой проклятой, враждебной Галактике!» Он, покачиваясь, побрел к двери; почувствовав, как Антор слегка тронул его за рукав, остановился, но не обернулся.

— Можно вас навестить дома, Док?

— Заходите, — автоматически отозвался Дарелл.

К вечеру доктор Дарелл уединился. Он отказался от ужина и все время упорно занимался математической обработкой энцефалограмм.

Было уже около полуночи, когда он вернулся в гостиную. Пеллеас Антор все еще был там. Он сидел у телевизора, переключая каналы. Услышав за спиной шаги, он обернулся.

— А, это вы? А я думал, вы уже спите. А я уже два часа сражаясь с телевизором — пытаюсь что-нибудь поймать кроме сводок новостей. Похоже, «Хобер Мэллоу» сбился с курса, и о нем ничего не слышно.

— Вот как? И какие есть предположения?

— А вы как думаете? Конечно, калганские штучки. Есть сообщения, что калганские

корабли замечены в нейтральном пространстве в том самом секторе, откуда последний раз поступали сообщения с «Хобера Мэллоу».

Дарелл нахмурился, а Антор задумчиво потер ладонью лоб.

— Слушайте, Док, — сказал он, — а почему бы вам не отправиться на Трентор?

— Зачем это?

— Затем, что здесь нам от вас — никакого толку. Вы просто не в себе. Да и не можете иначе. Кроме того, на Тренторе вам нашлось бы чем заняться. Там ведь до сих пор существует старая Имперская Библиотека с полным набором отчетов о заседаниях Комиссии Селдона.

— Нет! Все отчеты проштудированы и еще никому не помогли!

— Ну почему же? Эблингу Мису помогли когда-то.

— Откуда вы знаете? Да, он *сказал*, что нашел Вторую Академию, и моя мать убила его через пять минут после этого, чтобы он не успел сказать Мулу, где она находится. Но, поступив так, она тем самым лишила всех возможности узнать, действительно ли Мис узнал, где она находится. И, наконец, из самих отчетов никому не удалось выудить и толики правды.

— Эблинг Мис, как вы помните, — попытался возразить Антор, — находился под воздействием искусственной стимуляции мозга, осуществляющей Мулом.

— Да, я это знаю. Но напомню вам, что состояние сознания самого Мула было не совсем нормально. Разве вы и я — разве мы что-нибудь знаем о том, как работает сознание человека, находящегося под управлением сознания другого человека? Что мы знаем о преимуществах и недостатках такого мышления? Нет, как бы то ни было, на Трентор я не полечу. Об этом не может быть и речи.

Антор нахмурился:

— Да нет, вы только не обижайтесь. Я просто предложил, потому что, клянусь всеми святыми, я вас не понимаю. Вы за месяц состарились лет на десять. Вам, я чувствую, зверски трудно. Здесь вы все равно ничего толкового не сделаете. На вашем месте я хотя бы слетал туда и забрал девочку.

— Вот именно! Вы думаете, что мне этого не хочется? Послушайте меня, Антор, и постараитесь понять. Вы играете — да мы оба играем — с чем-то, с чем в действительности справиться не в силах. По трезвому размышлению, если вы на такое способны, вы должны отдать себе отчет в этом, что бы вы ни думали в минуты, когда вами овладевает романтическое донкихотство.

Уже пятьдесят лет мы знаем, что Вторая Академия — прямая наследница и носительница селдоновской математики. А это означает — и вы это прекрасно знаете, что ни у кого в Галактике волос не упадет без их ведома. Для нас вся наша жизнь — не более чем цепь непрерывных случайностей. Мы встречаемся с ними и импровизируем на ходу. Для них же любая жизнь имеет некое предназначение, и она должна быть спрогнозирована И рассчитана наперед.

Но и у них есть свои слабые места. Их работы основаны на статистике, а не может быть такого, чтобы историю двигали вперед одни лишь только громадные людские массы. Такие понятия как «неизбежность», «неотвратимость» имеют отношение только к такой — массовой статистике. Я, например, не знаю, какова моя роль — роль отдельного человека в истории. Может быть, у меня и нет никакой роли, поскольку План оставляет отдельному человеку такие прелести, как недетерминированность и свобода воли. Но тем не менее я существую, и они — они, вы понимаете, — способны рассчитать и мое поведение, и мои реакции на определенные события — правда, с очень низкой степенью вероятности. Но могут. Поэтому я не доверяю ни своим порывам, ни своим желаниям — как возможным реакциям.

Поэтому я считаю более разумным реагировать как можно менее вероятно. Я останусь здесь, невзирая на то что мне нестерпимо хочется улететь. Нет, я этого не сделаю! Именно потому что мне так хочется улететь!

Молодой человек печально улыбнулся:

— А мне кажется, что вы просто не знаете своего сознания ток, как знают его *они*. Разве нельзя предположить, что, зная вас, они могут рассчитать и ход ваших мыслей — одних только мыслей — и что как раз то, что вы считаете маловероятной реакцией, и есть наиболее вероятная, а они именно на это и рассчитывают, зная, какова будет цепь ваших размышлений.

— В таком случае — выбора нет. Не исключено, что они предусмотрели и тот тип размышлений, который вы только что описали. Тут можно бесконечно пере-пере-пересматривать варианты. А на самом деле их всего два. Я могу либо улететь, либо остаться. Но хитрый замысел — утащить мою дочь через пол-Галактики — не может быть предпринят с целью вынудить меня остаться здесь. Ведь остался бы я только в том случае, если бы ничего подобного не случилось. Следовательно, все задумано с одной-единственной целью — выманить меня отсюда. Вот именно поэтому я и останусь.

И кроме того, Антор, совершенно необязательно, чтобы все события укладывались в схему, навязанную Второй Академией. Не все события суть результаты того, что они дергают нас, как марионеток за веревочки. Они могут не иметь никакого отношения и к отлету Аркадии на Трентор, и она спокойно может остаться там жива и здорова, в то время как все мы тут погибнем.

— Нет, — резко прервал его Антор, — тут вы ошибаетесь.

— У вас есть другое объяснение?

— Есть, если вы готовы меня выслушать.

— Ради бога. Чего-чего, а терпения у меня достаточно.

— Тогда ответьте: вы уверены, что хорошо знаете собственную дочь?

— Как может любой человек с уверенностью утверждать, что знает другого? Естественно, мои знания неадекватны истине.

— Так же как и мои в этом случае. Но я, по крайней мере, имел возможность взглянуть на нее со стороны, свежим взглядом, так сказать. Она — необузданная маленькая романтичка, единственный ребенок кабинетного ученого, выросшая в «башне из слоновой кости» и всю жизнь прожившая в мире видеофильмов и книжных приключений. Она создала себе свой собственный мир — мир фантазии, шпионажа и интриг. Это — во-первых. Во-вторых, она умна, достаточно умна — как бы то ни было, а нас она сумела перехитрить. Она тщательно спланировала, как подслушает первое же наше собрание, и преуспела в этом. Потом она придумала, как ей улететь с Мунном на Калган, и это ей тоже удалось. В-третьих, в ней течет героическая кровь ее бабушки — вашей матери, победительницы Мула.

Пока все верно, не так ли? Хорошо. А теперь вот что. В отличие от вас, я получил полный отчет от лейтенанта Дириджа, и, кроме того, у меня на Калгане полным-полно других источников информации — все точные и проверенные. Нам, например, известно, что Хомир Мунн при первой встрече с Лордом Стеттином получил отказ на просьбу разрешить ему посетить Дворец Мула и получил разрешение сразу же после того, как Аркадия побеседовала с Леди Каллией, доброй подругой Первого Гражданина.

Дарелл прервал его:

— Откуда вам это известно?

— Во-первых, Мунн был опрошен лейтенантом Дириджем в процессе экстренного полицейского расследования, организованного для поиска Аркадии. Естественно, у нас имеется полный текст допроса.

А теперь давайте вернемся к Леди Каллии. Поговаривают, что Лорд Стеттин в последнее время охладел к ней. Слухи, конечно, слухами, но есть и фактическая информация, их подтверждающая. Но пока она не только не получила «отставки», но остается при Стеттине, следовательно, запросто могла на него повлиять и в плане уговора дать Мунну разрешение на посещение Дворца, а что еще более важно — могла организовать побег Аркадии. Ведь с десяток гвардейцев подтвердили, что в вечер побега их видели в особняке Стеттина вдвоем. Тем не менее никакого наказания она не понесла. И это несмотря на то что Аркадию разыскивали везде и всюду.

— И каковы же ваши выводы из массы столь противоречивых сведений?

— Вывод один: побег Аркадии был организован.

— Я так и говорил.

— С небольшим уточнением: Аркадия сама должна была знать, что побег организован. Аркадия, ваша маленькая умная дочка, все прекрасно поняла и последовала вашему типу размышлений. Они хотели, чтобы она вернулась в Академию, а она вместо этого улетела на Трентор. Только вот — почему именно на Трентор?

– Ну и почему?

– Полагаю, потому, что именно туда в свое время улетела ее знаменитая бабушка, когда ей нужно было скрыться. Сознательно или бессознательно Аркадия поступила так же. Но вот что интересно – столкнулась ли Аркадия с тем же самым врагом?

– С Мулом? – с плохо скрытым сарказмом поинтересовался Дарелл.

– Нет, разумеется. Под словом «враг» я имею в виду ту самую психологическую силу, которую она не смогла победить. Убегала она от Второй Академии, точнее, от ее воздействия, влияния, которое она могла почувствовать на Калгане.

– О каком воздействии вы говорите?

– А вы думаете, что у Калгана – иммунитет против этой проклятой болезни? Ведь мы оба, не сговариваясь, пришли к выводу о том, что побег Аркадии был организован. Так? Ее искали и нашли, но преспокойненько дали ей улететь – а это было делом рук Дириджа. Дириджа, понимаете? Как это вышло? Это вышло потому, что Диридж был нашим человеком. Но они откуда об этом знали? Они разве могли считать его предателем? А, Док?

– Выходит, вы считаете, что они откровенно хотели перехватить ее. Ничего не понимаю. Откровенно говоря, вы меня порядком утомили, Антор. Давайте закругляйтесь. Я хочу спать.

– Сейчас закончу.

Антор достал из внутреннего кармана маленькую пачку фотографий. Знакомые линии энцефалограмм.

– Вот, взгляните. Энцефалограмма Дириджа после возвращения из Калгана.

Дареллу все стало ясно. Лицо его приобрело землистый оттенок и вытянулось.

– Он «обработан»!

– Вот именно. Он дал Аркадии улететь не потому, что был нашим человеком, а потому, что он был человеком из Второй Академии.

– Дал улететь, зная, что она летит на Трентор, а не в Академию?

Антор пожал плечами:

– Надо полагать, что его действия были запрограммированы так, что он должен был дать ей улететь. Импровизировать он не мог. Он ведь был не более чем инструментом, как вы понимаете. Просто получилось так, что Аркадия выбрала самый невероятный ход поступков и, скорее всего, именно благодаря этому находится в безопасности. Или в относительной безопасности – до тех пор, пока Вторая Академия не изменит своих планов и не внесет в них изменений, соответствующих перемене в ходе событий...

Он умолк. На панели телевизора замигала маленькая сигнальная лампочка. Это означало, что сейчас начнется передача экстренного выпуска новостей. Дарелл это тоже заметил и повернулся к экрану. Первую фразу сообщения они расслышали не сначала, но еще до того, как предложение закончилось, оба они знали, что «Хобер Мэллоу», а вернее, то, что от него осталось, был обнаружен в космосе, а это означало единственное; впервые за полвека Академии объявлена война. Антор стукнул кулаком по подлокотнику кресла.

– Ну вот, Док, теперь вы все знаете. Калган пошел в атаку. А Калган – в руках Второй Академии. Так, может, все-таки полетите на Трентор?

– Нет. Я рискну. Останусь здесь.

– Доктор Дарелл, вы не так умны, как ваша дочь. Просто не знаю, можно ли вам доверять.

На мгновение он задержал долгий, испытующий взгляд на лице Дарелла, быстро повернулся и вышел.

Доктор Дарелл остался один. Он был в растерянности, граничащей с отчаянием.

А на экране взъявленный диктор описывал подробности первого часа войны между Калганом и Академией...

Глава семнадцатая Война

Мэр Академии рассеянно приглаживал редкие волосы, обрамлявшие лысоватый череп. Он вздохнул:

– Вот они, аукаются нам – утраченные годы и возможности, не использованные нами. Я

не то чтобы обвиняю кого-то, доктор Дарелл, но, честное слово, мы заработали свое поражение.

Дарелл спокойно возразил:

– Не нижу причин для особого беспокойства, сэр.

– Особого беспокойства? Особого беспокойства! Да откуда взяться другому отношению!

Пойдите-ка сюда...

Он почти силой заставил Дарелла подойти к медленно вертящемуся на невидимой гравитационной подставке овоиду. Мэр коснулся его рукой, и овоид засветился изнутри – точная трехмерная модель двойной спирали Галактики.

– Желтым, – взволнованно начал мэр, – обозначен тот район космического пространства, который находится под влиянием Академии, а красным – районы протектората Калгана.

Картина, представшая перед Дареллом, представляла собой нечто вроде маленьского красного шарика, заключенного как бы внутрь гораздо большего по объему желтого пространства, отдаленно напоминавшего очертания кулака. Желтый «кулак» окружал красную сферу со всех сторон. Открытым оставалось только направление, ведущее к центру Галактики.

– Галактография, – сказал мэр, – наш злейший враг. Наши адмиралы просто-напросто ни от кого не могут скрыть нашей почти безнадежной стратегической позиции. Вот смотрите: у противника имеются внутренние линии коммуникации. Его позиция сконцентрирована, они способны одинаково легко встретиться с нами в любой точке пространства и защититься, не прикладывая особых усилий.

А мы разбросаны. Среднее расстояние между населенными системами на территории Академии почти в три раза превышает таковое для Калгана. Например, чтобы добраться из Сантанни в Локрис, нам нужно одолеть двадцать пять парсеков, а им – всего восемь, если мы не будем выходить за пределы наших территорий.

– Это все я понимаю, сэр, – сухо сказал Дарелл.

– И тем не менее вы не согласны, что одно только это уже означает поражение?

– В войне, сэр, имеют значение не только расстояния. Я утверждаю, что мы не можем проиграть. Это просто невозможно.

– И почему же вы так считаете?

– Таково мое понимание Плана Селдона.

– О!.. – скептически кивнул мэр, скривив губы и сложив руки за спиной. – Значит, и вы тоже рассчитываете на мистическую помощь Второй Академии?

– Нет. Всего лишь на помощь неизбежности – а также на мужество сограждан и мощное сопротивление врагу.

Но несмотря на высказанную словами уверенность, он сам не переставал размышлять.

А что если...

Ну... что если Антор был прав и Калган на самом деле – непосредственное орудие в руках мастеров психологической войны? Что если это и есть их цель – победить и разрушить Академию? Нет! Бессмыслица!

И все-таки...

Он горько усмехнулся. Все время – одно и то же. Все время это тыканье лбом в неподатливый гранит – такой твердый и непрозрачный, который для врагов светился насквозь...

Голографическая картина сложившейся ситуации у Лорда Стеттина, напротив, вызывала удовлетворение.

Повелитель Калгана стоял перед точно такой же моделью Галактики, которую разглядывали мэр и доктор Дарелл. Отличие было лишь в том, что то, что заставляло мэра хмуриться, у Стеттина вызывало довольную усмешку.

Адмиральская форма поблескивала всеми регалиями на его внушительной фигуре. Алая лента ордена Мула, которым его наградил предыдущий Первый Гражданин, не слишком любезно смешенный им с этого поста полгода спустя, пересекала его торс от правого плеча до пояса. Серебряная Звезда с двойными кометами и мечами ярко сияла на левой стороне груди.

Он обратился к присутствующим – шести представителям генерального штаба, облаченным в форму, лишь слегка уступавшую его собственной по количеству блестящих

знаков отличия, а также и к Первому Министру, худощавому и седому – темной паутинке, терявшейся в блеске орденов и позументов.

– Полагаю, решение ясное. Мы имеем возможность ждать. Для них каждый день ожидания – лишний удар по их достоинству. Если они попытаются организовать защиту по всему фронту, то вынуждены будут сильно рассеяться, и тогда мы сможем нанести два сокрушительных удара одновременно – вот тут и тут.

Он показал направления атаки на модели Галактики – две стрелки ослепительно белого цвета, отсекавшие желтый «кулак» изнутри от красного шарика и замыкавшиеся не Терминусе плотной дугой с обеих сторон.

– Тем самым мы разорвем их флот на три части, каждую из которых можно разбить по отдельности. Если они попытаются осуществить концентрацию сил, то неизбежно сдадут добровольно две трети своих калений, где, вероятно, вспыхнут бунты.

Тихий голос Первого Министра с трудом пробился сквозь довольный шепот офицеров:

– Через шесть месяцев Академия станет в шесть раз сильнее. Как мы отлично знаем, у них более мощные резервы, численность их флота более велика, людская сила – тоже. Наверное, все-таки вернее было бы предпринять один мощный удар.

Однако к его голосу никто не прислушался. Стеттин снисходительно улыбнулся и небрежно махнул рукой.

– Шесть месяцев... Да пусть хоть год! Для нас это ровным счетом ничего не значит. Люди из Академии не смогут подготовиться. Они на это просто морально не способны. Они верят, что им поможет Вторая Академия. Но на этот раз они жестоко ошибаются.

Присутствующие нервно зашевелились и зашептались.

– Видимо, у вас недостаточно информации, – жестко сказал Стеттин. – Что, еще раз процитировать отчеты наших агентов на территории Академии? Или еще раз пересказать выводы мистера Хомира Мунна, перешедшего на нашу сторону бывшего агента Академии? Прошу вас, джентльмены, расходитесь. Совет окончен.

Стеттин вернулся в свои апартаменты. Улыбка не сходила с его лица.

Порой он, конечно, задумывался о Хомире Мунне. Странный это был человек, непонятный. Первого своего обещания он, конечно, не сдержал, но все-таки время от времени сообщал небезинтересную информацию – особенно тогда, когда присутствовала Каллия.

Улыбка его стола еще шире. У этой толстой дуры всегда на все есть свои резоны, но и она порой бывала полезна. По крайней мере, она со своей дурацкой бабьей болтовней ухитрялась выудить у Мунна больше, чем ему самому удавалось, да и выходило это у нее гораздо легче. Может, отдать ее Мунну совсем? Он нахмурился. Каллия... Каллия со своей идиотской ревностью! Черт бы ее побрал! Если бы не она, у него была бы теперь эта девчонка – Дарелл, и как это он только ей башку не проломил за это?

Этого он и сам не мог понять.

Может, потому что она ухитрялась так ловко обстряпывать разговоры с Мунном? А Мунн ему очень нужен. Ведь именно Мунн доказал, что уж, по крайней мере, Мул был убежден, что никакой Второй Академии не существует. А его адмиралам, как воздух, необходима такая уверенность.

Он не прочь объявить об этом во всеуслышание, но разумнее оставить все как есть. Пусть Академия верит в эту несуществующую поддержку. Но неужели именно Каллия это выяснила? Да, точно. Именно она. Она и сказала.

Да нет, что за чушь. Что она могла сказать?

И все-таки...

Он потряс головой, но особой ясности не прибавилось.

Глава восемнадцатая Мир-призрак

На Тренторе царило странное сочетание смерти и возрождения. Как потускневший алмаз в обрамлении огромного количества ярчайших звезд в центре Галактики, освещенный их лучами, он дремал и видел во сне свое прошлое и свое будущее.

Было время, когда невидимые нити власти тянулись от его металлической коры во все концы Галактики. На планете некогда существовал один-единственный город, населенный четырьмя сотнями миллиардов администраторов, – это была самая грандиозная столица всех времен и народов.

Но постепенно Империя пришла в упадок, а потом – примерно столетие назад – было Великое Побоище и силы Трентора остались при нем самом, а потом и вовсе иссякли. Сияющие останки трупа – его металлическая оболочка сморщилась и покорежилась, страдая от сознания своего былого величия.

Те, кому удалось выжить здесь, разорвали металлическую оболочку планеты и стали торговать этим металлом, получай взамен зерно и скот. Земля, тысячелетиями не видевшая солнца, не дышавшая воздухом, снова открылась, и планета вернулась к первозданным временам. На открытых участках почвы, где велось примитивное земледелие, Трентор, казалось, начисто забыл о своем великом, закованном в непроницаемую броню прошлом.

И совсем забыл бы, если бы эти клочки возделанной земли не были бы окружены гигантскими стальными руинами, вздымающимися к небу искореженными башнями и шпилями с пустыми глазницами окон и арок.

Аркадия, затаив дыхание, смотрела на стальную линию горизонта. Деревня, в которой жили Пальверы, была всего-навсего кучкой маленьких простых домиков. Ее окружали поля – золотисто-желтые, волнующиеся под ветром полосы пшеницы.

А там, далеко-далеко, была память прошлого, все еще сияющая незаржавевшим величием, отбрасывающая блики и отсветы огня в лучах закатного и рассветного солнца Трентора. За все те месяцы, что Аркадия жила на Тренторе, она была там только один раз. Она бродила по гладким стальным тротуарам, заходила в молчаливые, покрытые вековой пылью дома, в которые свет проникал сквозь трещины разбитых стен и крыш.

Это была нескончаемая сердечная боль. Это было проклятие.

Долго выдержать там она не смогла и убежала и бежала до тех пор, пока ноги ее вновь не коснулись мягкой живой земли.

Теперь она лишь подолгу смотрела на руины издалека. Еще раз потревожить мертвый прах она не отважилась бы.

Она знала, что где-то в этом мертвом мире она родилась – недалеко от древней Имперской Библиотеки – в самом тренторианском Тренторе. Это была святая святых, только Библиотека и пережала Великое Побоище и уже целое столетие стояла в неприкосновенности, как безмолвный вызов всей Вселенной.

Там Гэри Селдон и его соратники сплели свою невидимую паутину. Там бился в поисках тайны Эблинг Мис, там он сидел, пораженный внезапным открытием, пока не был убит, чтобы о его открытии не узнал никто на свете.

Там, в Имперской Библиотеке, ее дедушка и бабушка прожили десять лет, пока не умер Мул и они не смогли вернуться в возрождающуюся Академию.

Туда, в Имперскую Библиотеку, вернулся ее отец со своей молодой женой, чтобы попытаться еще раз отыскать Вторую Академию, но не сумел. Там родилась она, там умерла ее мать.

Ей очень хотелось попасть в Библиотеку, но Прим Пальвер только головой покачал и сказал:

– Это за тысячу миль от нас, Аркадия, а у нас тут столько дел. И потом, это не очень хорошее место. Святыня, понимаешь, и всякое такое...

Но Аркадия прекрасно понимала, что ему просто не хочется идти в Библиотеку, что тут все точно так же, как с Дворцом Мула на Калгане. Это был тот самый суеверный страх пигмеев перед реликвиями гигантов прошлого.

Но осуждать за это маленького доброго толстяка она не могла – это было бы кощунством. Она уже три месяца жила на Тренторе, и все это время он и она – Папуля и Мамуля – были так добры к ней...

А что было бы, если бы она вернулась? Она бы только навлекла на них смерть и разрушение. Разве она сказала им о том, что она сама стала мишенью для разрушения? Нет. Она просто милостиво позволила им взять на себя опаснейшую роль своих защитников и

укрываемателей.

От этих дум она нестерпимо страдала, мысли ее путались, ей было невыносимо стыдно, но выбора не было.

Она медленно спускалась по ступенькам лестницы в столовую. До нее донеслись голоса.

Прим Пальвер, запрокинув голову, с трудом заправил салфетку за воротник и с нескрываемым удовольствием принялся за яичницу.

— Я вчера был в городе, Мамуля, — проговорил он с набитым ртом.

— Ну и что там слышно, Папуля? — безразлично поинтересовалась Мамуля, разглядывая стол в поисках соли. Найдя, она встала и подала ему соль.

— А, ничего хорошего. Прибыл корабль с калганского направления с газетами оттуда. Война там.

— Война! Вот как! Ну что ж, пусть разбивают свои дурацкие лбы, коли ума у них нет совсем. Ты платежный чек получил, Папуля? Папуля, я тебе советую: скажи ты этому старому подлецу Коскеру, что у него не единственный кооператив на Тренторе. Они и так, паршивцы, платят тебе столько, что людям стыдно сказать, так хоть бы уж платили вовремя!

— Вовремя-шмовремя, — раздраженно отозвался Папуля. — Слушай, только не надо со мной за завтраком говорить о делах. У меня кусок в горле застревает.

Он мстительно, раздраженно намазал масло на хлеб, будто оно в чем-то виновато, и добавил более спокойно:

— Война-то между Калганом и Академией, и уж два месяца как началась.

Он стукнул кулаком о кулак, имитируя столкновение двух космических кораблей.

— Гм-м-м... Ну и как там дела?

— У Академии дела плохи. Ты же сама видела Калган — солдат на солдате и солдатом погоняет. Они были наготове. А Академия — нет, так что... — он развел руками.

Мамуля резко отложила в сторону салфетку и прошипела:

— Идиот!

— Чего?

— Тупица! Болтаешь всякое, язык у тебя без костей! Она быстро повела глазами, и Папуля, заглянув ей за спину, увидел, что в дверях стоит Аркадия, онемевшая от ужаса.

Она спросила:

— Академия воюет?

Папуля беспомощно посмотрел на Мамулю и кивнул.

— И они проигрывают?

Он еще раз кивнул.

У Аркадии перехватило горло. Она медленно подошла к столу.

— Это — конец? — прошептала она.

— Конец? — с деланной беспечностью переспросил Папуля. — Кто сказал — «конец»? Когда война, всякое бывает. И... и...

— Садись, милая, — ласково сказала Мамуля. — Сначала поешь как следует, а потом и поговорить можно. Но Аркадия пропустила ее слова мимо ушей.

— Аркади, — сказал Папуля серьезно, — новости — за прошлую неделю, и Терминус все еще сражается. Это чистая правда. Я не обманываю тебя. Хочешь, я покажу тебе газеты?

— Да!

Она прочитала все колонки новостей, торопливо поела, даже не глядя в тарелку. Она читала, и глаза ее краснели и наливались слезами. «Сантанни и Кореллия сдались без боя». «Эскадра Флота Академии захвачена в малонаселенном секторе Ифни и уничтожена практически до единого корабля».

Теперь Академия была заперта на территории бывших Четырех Королевств — той территории, что была, очерчена Сальвором Гардином, первым мэром. Но они продолжали сражаться, и все еще была возможность... Нет, что бы то ни было, она должна предупредить отца! Она должна каким-то образом сообщить ему. Должна!

Но как? На пути к Терминусу шла война.

После завтрака она спросила у Папули:

— Мистер Пальвер, вы в ближайшее время куда-нибудь собираетесь по делам?

Папуля сидел в просторном шезлонге на лужайке перед домом и загорал. В его толстых пальцах была зажата такая же толстая сигара, а сам он напоминал карикатурного мопса.

— По делам? — лениво пробормотал он. — Как знать... Вообще-то я в отпуске и никуда не собирался. И про дела как-то вспоминать неохота. Ты беспокоишься, Аркади?

— Я? Нет, мне здесь очень хорошо. Вы так добры ко мне — и вы, и миссис Пальвер.

Он замахал рукой в знак протesta.

Аркадия сказала:

— Я думала о войне.

— Лучше не думай. Что ты-то можешь поделать? Ты ничем не можешь помочь, так что толку мучить себя?

— Понимаете, я думала о том, что Академия потеряла часть своих сельскохозяйственных миров. У них там, наверное, очень плохо с продуктами.

Папуля поерзал в кресле.

— Не стоит волноваться. Все будет хорошо.

Она не слушала.

— Мне бы хотелось помочь им с продуктами, вот что, Знаете, когда умер Мул и Академия воссталла, Терминус был в осаде почти целый месяц, и генерал Хэн Притчер, который временно замещал Мула, устроил нам настоящую блокаду. Продуктов было очень мало, и мой пapa рассказывал мне, как его отец рассказывал ему, что они питались тогда одними какими-то жуткими аминокислотными таблетками, Нет, честное слово — одно яйцо стоило двести кредиток. Но потом они прорвали блокаду — как раз вовремя, и продуктовые грузы стали прибывать из Сантанни. Думаю, это было ужасное время. И теперь им наверняка не лучше.

Знаете, я готова голову дать на отсечение, что Академия сейчас просто бешеные деньги отвалит за продукты! Двойную, тройную цену. Даже больше! И если бы, к примеру, здесь, на Тренторе, какой-нибудь кооператив за это дело взялся, то он, может быть, и потерял бы несколько кораблей, но за время войны фермеры стали бы все миллионерами. Вот! Торговцы из Академии именно таким образом наживали себе состояния. Нет, серьезно, за одну такую вылазку они привозили пару миллионов прибыли. Могли бы, наверное, и побольше получить, но это была плата за то, что они могли увезти на одном корабле.

Папуля поерзал сильнее. Сигара давно упала и погасла в траве, а он и не заметил.

— Продуктовая сделка! Гм-м-м... Да, но Академия так далеко...

— О, я знаю! Конечно, отсюда нечего и пытаться. Но можно ведь воспользоваться рейсовым кораблем, добраться дальше Массены и Смужчика, а там можно взять напрокат небольшой крейсер или еще что-нибудь в этом роде — небольшой кораблик, на котором можно было бы перебраться через линию фронта.

Папуля поскреб затылок. Он прикидывал в уме.

Через две недели приготовления к отлету были закончены. Мамуля все эти две недели ворчала не переставая. Сначала ее возмущало то, что ее супруг идет на явное самоубийство, летя неизвестно куда. Потом она столь же рьяно возмущалась, почему он не берет ее туда с собой.

Папуля урезонивал ее:

— Мамуля, ну что ты ведешь себя, как старая карга? Я не могу тебя взять с собой. Это мужская работа. Ты себе представляешь, что такое война? Развлечение? Игра в «кошки-мышки»?

— Ну а ты тогда зачем летишь? «Мужская работа»!.. Тоже мне мужчина выискался — старый балбес, одной ногой в могиле. Лучше бы кто помоложе полетел — не такой лысый олух, как ты.

— Ну вот еще новости. Лысого нашла! — слабо протестовал Папуля. — Да у меня еще волосы — о-го-го! И потом — почему бы именно мне не сделать это дело? Неужто уступать кому-нибудь молодому бездельнику? Да тут, Мамулечка ты моя, миллионами пахнет, понимаешь ты или нет? Мил-ли-он-чиками!

Это она понимала и потому в конце концов сдалась.

Перед самым отлетом Аркадия улучила минутку, чтобы поговорить с Пальвером наедине.

– Вы на Терминусе будете?

– Почему бы и нет? Ты же сама сказала, что им нужен хлеб, и рис, и еще картофель. Я заключу с ними контракт, и они все это получат.

– Тогда вот что. Если вы будете на Терминусе, не могли бы вы навестить папу?

Папуля понимающе улыбнулся и ласково погладил ее по голове.

– А я ждал, что ты меня попросишь об этом. Конечно, конечно, детка, я зайду к нему. Я скажу ему, что ты жива и здорова, и что у тебя все в порядке, и что, когда все закончится, я привезу тебя обратно.

– Спасибо, Сейчас я расскажу, как его найти. Его зовут доктор Торан Дарелл, он живет в Станмарке. Это немного в стороне от Терминуса, там летают маленькие маршрутные самолеты. Дом пятьдесят пять на Набережной Канала.

– Постой, я запишу.

– Нет-нет, – покачала головой Аркадия. – Записывать ничего не нужно. Вы должны запомнить и найти его, ни у кого не спрашивая.

Папуля озадаченно пожал плечами.

– Ну ладно, как хочешь. Повторяю: дом пятьдесят пять на Набережной Канала в Станмарке, недалеко от Терминус-сити, добираться маршрутным самолетом. Все правильно?

Аркадия кивнула.

– И... еще кое-что.

– Да?

– Можете передать ему кое-что от меня?

– Конечно.

– Я вам на ухо скажу.

Он склонил голову, и она что-то прошептала ему на ухо. У Папули удивленно округлились глаза.

– Вот так прямо и сказать? Но это же чепуха какая-то!

– Он поймет. Просто скажите, что я так сказала, и сказала, что он поймет, что я хотела сказать. Только скажите все слово в слово. Не перепутаете?

– Почему же я должен перепутать? Шесть словечек всего. Ну, слушай.

– Нет-нет, ни в коем случае! Не повторяйте! И никому не говорите! Никому, кроме моего папы! Обещайте!

Папуля опять пожал плечами.

– Обещаю! Не волнуйся, все будет в порядке.

– Все будет в порядке, – задумчиво пробормотала она, глядя ему вслед, когда он шел по улице к месту, где его ожидало воздушное такси. Она думала об одном: действительно ли она подписала его смертный приговор. И еще она думала, увидит ли его еще когда-нибудь.

Ей так трудно было возвращаться в дом и смотреть в добрые глаза Мамули... Наверное, когда все будет кончено, лучше ей будет покончить с собой за все, что она им сделала...

Глава девятнадцатая Конец войны

Сражение при Кворристоне – ... произошло 9:17:377 А.Э. между вооруженными силами Академии и войсками Стеттина, повелителя Калгана. Это было последнее сражение Периода Безвластия...

Галактическая энциклопедия

Джоуль Турбор в новой роли военного корреспондента, облаченный в форму звездолетчика, был явно доволен собой: форма ему очень шла. Он был даже рад, что он в космосе, а не на Терминусе – вынужденная беспомощность в призрачной борьбе с невидимой Второй Академией для него сменилась физически осязаемой борьбой военных кораблей друг с другом и окружением обычных людей.

Честно говоря, блестательных побед со стороны Академии не отмечалось, но ситуация оставляла место для размышлений. Прошло уже шесть месяцев с начала войны, а ядро

Академии оставалось практически нетронутым, и основные силы флота тоже оставались в полном порядке. Численность их, за счет кораблей, построенных с начала войны, оставалась неизменной, а с технической стороны флот стал гораздо мощнее, чем во время поражения при Ифни.

За это время была усиlena и оборона планет, шло интенсивное обучение войск на военных базах, командование наконец взялось за голову, и большая часть калганского флота вынуждена была отойти на «подготовленные» позиции.

В настоящее время Турбор находился в группе соединения Третьего Флота на дальних границах Анакреонского сектора. Он разрабатывал свою излюбленную тему – рассказ о войне как о войне «маленьких людей», и брал интервью у Феннеля Лимора, инженера третьего класса, добровольца.

– Расскажите нам немного о себе, матрос, – попросил Турбор.

– А что рассказывать? Рассказывать-то особенно нечего...

Лимор смущенно улыбнулся, повертел носком ботинка, но тут же выпрямился и стал смотреть в камеру, осознав, что на него смотрят миллионы телезрителей.

– Я – локриец. Работал на космическом заводе главным инженером отдела, мне неплохо платили. Женат, имею двух детей – обе девочки. А можно я им привет передам – вдруг они смотрят?

– Давайте, давайте, матрос. Не стесняйтесь!

– Ну, спасибо. Он приосанился.

– Привет, Милла! Если ты меня видишь, слушай – у меня все отлично. Как там Санни и Томма? Я о вас все время думаю, и, может, мне удастся отпроситься на побывку, когда мы вернемся на базу. Я получил от тебя продуктовую посылку и отоспал ее обратно. У нас тут отличный паек, а гражданским, говорят, сейчас с едой туда приходится. Ну, вот и все. Береги детей.

– Я загляну к вашей жене, когда буду в Локрисе, матрос, и поинтересуюсь, как у них с продуктами. Идет?

Молодой человек широко улыбнулся и кивнул:

– Спасибо, мистер Турбор. Вы очень добры, я этого не забуду.

– Не стоит благодарности. Ну а теперь скажите нам... вы ведь доброволец?

– Так точно. А что же, на нас нападают, а я буду сидеть сложа руки, что ли? Ну нет. Я записался добровольцем сразу, как только услышал про «Хобера Мэллоу».

– Вы молодчина. А в боевых действиях вы уже принимали участие? Я смотрю, у вас уже две боевые звездочки?

– Тьфу, – сплюнул матрос. – Да разве это сражения были? Так, ерунда. Да калганцы просто боятся драться, если у них нету пяти кораблей против одного нашего. И даже тогда они стараются разбить наш строй, чтобы рассеять и перебить поодиночке. Мой двоюродный братишко попал в заварушку при Ифни, он служил на том корабле, который уцелел там, – на старом «Эблинге Мисе». Так он говорит, что и там было то же самое. У них был целый флот против нашего подразделения, и, даже когда у нас оставалось всего пять кораблей, они задирались, вместо того чтобы драться по-настоящему. В том сражении у них было подбито вдвое больше кораблей, чем у нас.

– Значит, вы думаете, мы победим в этой войне?

– Да это же ежу понятно! Мы ведь не отступаем! Ну а уж если дело плохо повернется, я уверен, нам Вторая Академия на подмогу придет. План Селдона – он ведь никуда не делся – и они, калганцы-то, про это тоже знают, я уверен.

Турбор едва заметно улыбнулся:

– Вы рассчитываете на помочь Второй Академии?

Матрос искренне удивился вопросу:

– А как же? Как все!

Младший офицер Типпельблум зашел в каюту Турбера после окончания передачи. Он предложил корреспонденту сигарету и откинулся фуражку на затылок – непонятно было, как она там удержалась.

— Пленного захватили, — сообщил он небрежно.

— Да?

— Ага. Какой-то стукнутый мужичок. Утверждает, что он якобы нейтрал — дипломатический иммунитет у него, никак не меньше. Похоже, начальство не знает, что с ним делать. Фамилия что-то вроде Пальви или Пальвер — что-то в этом роде. Говорит, что с Трентора. Ума не приложу, как его занесло в зону военных действий.

Турбор рывком приподнялся и сел на койке. Он даже забыл о предложенной сигарете. Он отлично помнил последний разговор с Дареллом в тот день, когда началась война и он должен был вылететь на задание.

— Прим Пальвер, — проговорил он. Это прозвучало утвердительно.

Типпельблюм поперхнулся на середине затяжки. Пуская клубы дыма и кашляя, он выговорил:

— Да. А вы-то откуда знаете?

— Неважно. Могу я с ним увидеться?

— Черт подери, не знаю... Старик держит его у себя, допрашивать собирается. Все говорят, что он шпион.

— Скажите старику, что если он действительно тот, за кого себя выдаст, то я его знаю. И беру ответственность на себя.

Капитан Диксиль, командир флагманского корабля Третьего Флота, не отрываясь, смотрел на экран Большого Детектора. Всякий корабль, как известно, представляет собой источник ядерного излучения даже без движения — точки на экране Детектора и были кораблями.

Все корабли Академии были в наличии, и никаких других вспышек на экране после поимки шпиона замечено не было. Но появление чужого кораблика, пусть даже маленького, вызвало некоторое замешательство в командирском отсеке. Могло потребоваться изменение в боевой тактике, и притом очень быстрое. Что и было сделано.

— Вы помните? — спросил капитан. — Повторите еще раз.

Командор Сени кивнул:

— Я проведу свою эскадру через гиперпространство. Радиус — десять парсеков, тета — 263,52 градуса, фи — 84,15 градуса. Вернусь на место в 13.30. Общая продолжительность отсутствия — одиннадцать и восемьдесят три сотых часа.

— Все точно. Учтите, вы должны вернуться минута в минуту. Ясно?

— Так точно, капитан.

Он взглянул на наручные часы:

— Мои корабли будут готовы к старту в 01.40.

— Хорошо, — ответил капитан Диксиль.

Калганская эскадра пока еще не попала в поле «зрения» Большого Детектора, но ждать ее нужно было с минуты на минуту. У капитана имелась по этому поводу проверенная независимая информация. В отсутствие эскадры Сенна сил у Флота Академии будет катастрофически недостаточно, но капитан был совершенно спокоен. То есть — абсолютно спокоен.

Прим Пальвер грустно поглядывал по сторонам. Ему ничего не оставалось, как ждать своей участии, переводя взгляд с одного лица на другое. В каюте присутствовал капитан — высокий, сухопарый, в адмиральской форме, и несколько офицеров. Кроме них, был еще один человек, у которого, в отличие от остальных людей, верхняя пуговица рубашки была расстегнута и не было галстука. Этот человек сказал, что хочет поговорить с ним.

Джоуль Турбор продолжал уговаривать адмирала:

— Я полностью отдаю себе отчет, адмирал, в том, что дело крайне серьезное, но уверяю вас — если мне будет дана возможность поговорить с этим человеком с глазу на глаз всего пару минут, многое может проясниться.

— А почему бы вам не поговорить с ним в моем присутствии?

Турбор выпятил губы и набычился.

— Адмирал, — сказал он упрямо, — все то время, что я нахожусь в Третьем Флоте, вы не можете пожаловаться на отсутствие самых лестных отзывов в прессе о вас и ваших людях. Я бы не стал вам об этом напоминать, но уж если так стоит вопрос... Можете выставить охрану за дверью, а сами возвращайтесь через пять минут. Ну, пожалуйста, позвольте мне эту малость — уверяю вас, ваша репутация от этого не только не пострадает, а даже выиграет. Вы меня понимаете?

Он понял.

Как только они остались наедине, Джоуль Турбор резко повернулся к Пальверу:

— Быстро: назовите имя девочки, которую вы увезли с Калгана!

Пальвер только широко раскрыл глаза и отрицательно замотал головой.

— Я не шучу, — сказал Турбор. — Если вы не ответите, вас сочтут шпионом, а шпионов в военное время расстреливают на месте без суда и следствия.

— Аркадия Дарелл! — выдохнул Пальвер.

— Отлично. Она жива?

Пальвер кивнул.

— Если вы не уверены в этом, то ваше дело плохо.

— Она жива и здорова, — побледнев, отозвался Пальвер.

Тут вернулся адмирал.

— Ну? — спросил он сурово.

— Этот человек — не шпион, сэр. Можете верить всему, что он вам говорит. Я ручаюсь за него.

— Вот как? — нахмурился адмирал. — Следовательно, получается, что он — представитель сельскохозяйственного кооператива с Трентором, который желает заключить с Терминусом торговую сделку на поставку зерна и картофеля. Ну хорошо, будь по-вашему, только сейчас я его все равно отпустить не смогу.

— Почему? — резко спросил Пальвер.

— Потому, что мы в самом центре военных действий. Когда сражение закончится и если все мы будем живы, мистер Пальвер, мы сопроводим вас на Терминус.

Калганский Флот, на полной скорости несущийся через пространство, издалека заметил корабли Академии, но и сам не остался незамеченным. Как крошечные светлячки на экранах Больших Детекторов, они летели навстречу друг другу в безмолвной пустоте.

Адмирал Флота Академии нахмурился и сказал:

— Скорее всего, это их главный удар. Поглядите, сколько их. — И добавил: — Однако им против нас не устоять, если только Сенн подоспеет вовремя.

Командор Сенн улетел несколько часов назад — как только враг был замечен. Теперь план изменить уже нельзя. Он мог либо сработать, либо сорваться, но адмирал был спокоен. Так же как все офицеры и матросы.

Снова танец светлячков на экране. Пляски смерти...

Флот Академии медленно, нудно отступал. Шли часы, а Флот медленно отходил назад, изматывая противника, сбивая его с намеченного курса — все сильнее и заметнее.

В умах стратегов, ведущих эту битву, было предусмотрено колосальное пространство, которое должны занять корабли Калганского Флота. Флот Академии освобождал это пространство — и его тут же занимали калганцы. Те их корабли, что рисковали выйти за пределы этого пространства, тут же подвергались резкой и беспощадной атаке. Тех, кто оставался внутри пространства, никто не трогал.

Все зависело только от собственной инициативы командиров кораблей Флота Лорда Стеттина — то ли идти на верную смерть, то ли оставаться там, где им ничто не угрожает.

Капитан Диксиль холодно взглянул на циферблат наручных часов. Было 13.10.

— У нас есть еще двадцать минут, — сообщил он.

Лейтенант, стоявший справа от него у экрана, сдержанно кивнул:

— Пока все идет по плану, капитан. Почти девяносто процентов их кораблей заперто. Если удастся их еще продержать...

— Да! Если...

Теперь корабли Академии медленно двинулись вперед. Не так быстро для того, чтобы обратить калганцев в бегство, но все-таки достаточно быстро, чтобы сдерживать их наступление. Враг предпочел выждать. Шли минуты.

В 13.25 адмиральский сигнал прозвучал на семидесяти пяти кораблях линии фронта Академии, и они, развив максимальную скорость, бросились в самую середину фронта калганцев, насчитывающего три сотни кораблей. Вспыхнуло защитное поле вокруг калганских звездолетов, черную пустоту пространства озарили вспышки колоссальных выбросов энергии. Каждый из трехсот кораблей устремился вперед, навстречу безумным атакующим, которые шли на них так бездумно, так легкомысленно, и...

В 13.30 — откуда ни возьмись — появились пятьдесят кораблей под командованием командора Сенна. Мощным броском из гиперпространства они оказались в расчетной точке в расчетное время и яростно накинулись на незащищенный фланг калганцев.

Хитрость сработала превосходно!

Численное преимущество пока еще было на стороне калганцев, но считать свои силы им было попросту некогда. Вначале они пытались ускользнуть, но строй их был разбит напрочь, и те корабли, что пытались спастись бегством, натыкались друг на друга и взрывались. Через некоторое время ситуация стала напоминать охоту на крыс. Из трехсот кораблей калганцев — ядра и гордости Флота — меньше шестидесяти, многие — в безнадежно подбитом состоянии, постыдно драпали на Калган. Потери Академии составили восемь из ста двадцати пяти кораблей.

Прим Пальвер приземлился на Терминусе в самый разгар празднования победы. Фурор торжества несколько смутил его, но, прежде чем покинуть планету, он успел сделать две вещи и получил одну просьбу.

А вещи он сделал вот какие: 1) заключил контракт, согласно которому кооператив Пальвера должен был поставлять на Терминус двадцать грузовых кораблей с продовольствием в месяц в течение будущего года по расценкам военного времени причем — слава богу и исходу последнего сражения — без всякого риска и 2) передал доктору Дареллу шесть слов Аркадии.

Несколько мгновений доктор Дарелл смотрел на него широко раскрытыми от изумления глазами, а потом попросил передать Аркадии кое-что на словах. Пальвер был доволен. Ответ простой и незамысловатый: «Мажешь вернуться. Опасности больше нет».

Лорд Стеттин был вне себя от ярости. Видеть, как его превосходное оружие ломается на глазах и превращается в труху, как прочнейшая ткань его военной моци рвется, как ветхое рядно, — это даже закоренелого флегматика привело бы в состояние бушующего вулкана. Но тем не менее он осознавал, что поделать ничего не может.

Уже несколько недель он почти не спал. Три дня он не брился. Отменил все аудиенции. Адмиралы были предоставлены самим себе, и никто лучше самого повелителя Калгана не знал, что пройдет совсем немного времени, и даже новых поражений не потребуется, как начнутся внутренние бунты.

Лев Мейрус, Первый Министр, тоже ничем помочь не мог. Он стоял перед Лордом Стеттином — спокойный, безнадежно старый, нервно похрустывая длинными пальцами, как обычно. Вертикальная складка, пересекавшая его лицо, стала, казалось, еще глубже.

— Ну! — рявкнул Стеттин. — Что же вы молчите? Прелагайте хоть что-нибудь! Мы разбиты, понимаете вы или нет? Разбиты! А почему? Я не знаю почему! А вы знаете?

— Думаю, да, — спокойно отозвался Мейрус.

— Измена... — тихо проговорил Стеттин. Не повышая голоса он продолжал: — Вы знали об измене и помалкивали. Вы служили тому козлу, которого я прогнал с поста Первого Гражданина, и думаете, что сможете служить всякому другому мошеннику, который сбросит меня? Если окажется, что вы действовали вот так, а не иначе, я из вас кишку вытяну и сожгу их, поджарю у вас на глазах!

Мейрус не пошевелился.

— Я много раз, сэр, пытался вам внушить свои собственные сомнения. Я пытался вложить

слова вам в уши, но вы предпочитали выслушивать советы других, поскольку они больше тешили ваше самолюбие. Все повернулось именно так, как я боялся, и даже хуже. Если вы и сейчас не желаете меня слушать, сэр, то так и скажите, и я уйду и, конечно же, стану служить тому, кто сменит вас, если у него хватит ума первым же делом подписать мирный договор.

Стеттин сверлил его покрасневшими от бессильной злобы глазами, сжимая и разжимая гигантские кулаки.

— Говори, серое ничтожество. Говори, черт бы тебя побрал!

— Я не раз говорил вам, сэр, что вы — не Мул. Вы можете командовать кораблями и орудиями, но вы не можете управлять умами своих подданных. Известно ли вам, сэр, с кем вы сражаетесь? Вы сражаетесь с Академией, которую никому и никогда не удавалось победить, с Академией, которая защищена Планом Селдона, с Академией, которой на роду написано сформировать новую Империю.

— Нет никакого Плана! Так сказал Мунн.

— Значит, Мунн ошибается. Да даже если он прав, что с того? Вы и я, сэр, еще — не народ. Мужчины и женщины Калгана и наших колоний свято верят в План Селдона — так же как все, кто населяет этот район Галактики. Четыреста лет — хороший урок того, что Академию победить невозможно. Это не удалось никому — ни королевствам, ни диктаторам, ни старой Империи.

— Мулу удалось!

— Да, но он не был предусмотрен Планом Селдона — в отличие от вас. Что еще хуже: народ это отлично понимает. Вот и получается, что ваши корабли отправляются на битву, неся в себе зародыш поражения. Невидимая ткань Плана окутывает их, и ваши люди становятся осторожными и осмотрительными — думают каждый раз, семь раз отмеряют, прежде чем атаковать. Но та же самая невидимая ткань Плана придает врагу уверенность и решимость, прогоняет страх, поддерживает боевой дух, невзирая на поражения вначале. Почему бы и нет? Так всегда бывало. Поначалу Академия всегда терпела некоторые потери, зато в конце всегда выигрывала.

А ваше собственное состояние, сэр? Ваши позиции на территории врага вроде пока крепки. Ваши собственные колонии не захвачены. И захвачены, скорее всего, не будут. И все-таки вы побеждены. Вы сами не верите в возможность победы, потому что знаете: такой возможности попросту нет.

Так отступите же сейчас, или вас поставят на колени. Отступите добровольно, и тогда вам удастся спасти хотя бы то, что у вас осталось. Вы положились на железо и сталь, и они дали вам возможность продержаться. Вы игнорировали силу разума и духа — и это вас подвело. Послушайтесь моего совета хотя бы сейчас. У вас есть человек из Академии — Хомир Мунн. Освободите его. Отпустите его на Терминус, чтобы он доставил туда ваши мирные предложения.

Стеттин плотно сжал губы и заскрипел зубами. Выбора не было.

В первый день нового года Хомир Мунн наконец покинул Калган. Прошло больше шести месяцев с того дня, как вы улетел сюда с Терминуса. За это время много воды утекло — началась и кончилась война.

Прибыл сюда он сам собой, а улетел с эскортом. Прибыл сюда он простым смертным, по частному делу, а улетал не то чтобы официально назначенным, но фактически — послом мира.

Ну а уж что радикально переменилось за это время, так это его суждение о Второй Академии. Эта мысль веселила его. Он уже рисовал в уме, как будет рассказывать об этом доктору Дареллу и этому высокочке, молодому всезнайке — Антору, всем им...

Он знал. Он, Хомир Мунн, наконец знал всю правду.

Глава двадцатая «Я знаю...»

Последние два месяца стеттинианской войны Мунн потратил недаром. В необычной для себя роли Чрезвычайного Посредника он находился в самом центре межзвездных событий, и

эта роль, к его собственному удивлению, пришлась ему по вкусу.

Крупных сражений больше не происходило – несколько мелких стычек, которые можно и не принимать в расчет. За это время были разработаны пункты мирного договора между Калганом и Академией. Стеттин торчал у себя в особняке и делами занимался мало. Флот его был расформирован, владения за пределами Калгана получали автономию, и им было дано право провести референдумы, в ходе которых они должны были решить – вернуться ли им к первоначальному статусу или перейти под протекторат Академии.

Формально война была окончена на астероиде, в звездной системе, принадлежавшей Академии, в месте размещения ее самой старой военной базы. Со стороны Калгана мирный договор подписал Лев Мейрус, а Хомир присутствовал в качестве заинтересованного наблюдателя.

За все это время он не видел ни доктора Дарелла, ни кого-либо другого из своих знакомых, хотя они тоже обретались в тех краях. Но это не имело никакого значения. Его новости могли и подождать. При мысли об этом он неизменно улыбался.

Доктор Дарелл вернулся на Терминус через несколько недель после окончания войны, и в тот же вечер в его доме состоялась встреча пятерых людей, которые десять месяцев назад здесь строили свои планы.

Тянулся обед, они ели и пили вино и явно не хотели возвращаться к старым разговорам.

Первым молчание нарушил Джоуль Турбор. Одним глазом поглядывая в пурпурную глубь бокала с вином, он прощедил сквозь зубы:

– Ну, Хомир, вы теперь – просто герой дня. Здорово вы все обстряпали!

– Я? – воскликнул Мунн и весело расхохотался. Странно – вот уже несколько месяцев он не зяжался. – Да мне и пальцем шевельнуть не пришлось. Это все Аркадия. Кстати, Дарелл, как она? Я слышал, она возвращается с Трентора?

– Вы слышали правильно, – спокойно отозвался Дарелл. – Она возвращается через неделю.

Он пристально оглядел присутствующих, но в ответ на свое сообщение не услышал ничего, кроме вздохов облегчения и слов радости. Ничего.

Турбор допил вино и сказал:

– Ну, значит, все кончено. И кто бы мог представить себе такое десять месяцев назад? Мунн слетал на Калган и вернулся. Аркадия побывала на Калгане и на Тренторе и тоже возвращается домой. Была война, и мы ее выиграли, черт подери! Вот говорят, что можно предсказать колоссальные повороты событий в истории, но разве можно себе представить, что то, что случилось, кто-нибудь из нас мог предвидеть, а ведь каждый из нас по-своему прожил это время и все события почувствовал на своей шкуре, образно говоря.

– Ерунда… – кисло отозвался Антор. – Нечего это вы так радуетесь? Вы говорите так, будто мы в действительности выиграли войну, а выиграли-то мы на самом деле чепуховую потасовку, которая только для того и была нужна, чтобы отвлечь наше внимание от реального врага.

Наступила неловкая пауза. Только Хомир понимающе усмехнулся.

Антор стукнул по столу кулаком.

– Да-да! – яростно воскликнул он. – Я говорю о Второй Академии. О ней теперь ни слова не говорят, и, если я прав, значит, предприняты все попытки, чтобы о ней и не вспоминал никто. И все эта проклятая атмосфера триумфа, наполняющая этот мир непроходимых тупиц, – все так радуются и торжествуют, что возникает идиотское желание присоединиться. Ну что ж, давайте вывешивайте за окнами транспаранты, бегите на улицу, влезайте друг другу на спины и бросайтесь с балкона конфетти, а когда вам это наконец наскучит, возьмитесь за голову, спуститесь с небес на землю, и давайте вернемся к обсуждению все той же проблемы – она никуда не делась и сегодня так же актуальна, как десять месяцев назад, когда вы все сидели тут с глазами на лбу от страха – и боялись, сами не зная чего и кого. Неужели вы правда думаете, что теперь, когда вы побили жалкую кучку военных кораблей, боясься Второй Академии нужно и можно меньше?

Он замолчал, тяжело дыша. Лицо его покрылось испариной и покраснело.

Мунн спокойно сказал:

— Позвольте, теперь скажу я, Антор. Или вы собираетесь играть роль конспиратора-пропагандиста?

— Говорите, Хомир, — сказал Дарелл, — только поосторожнее с эпитетами, прошу вас. Я и сам порой не против поговорить красиво, но сейчас нам просто не до этого.

Хомир Мунн откинулся на спинку кресла и аккуратно налил себе вино из графина, стоявшего рядом с ним на столе.

— Я был послан на Калган, — начал он, — для того чтобы выудить все, что я мог выудить из записей Мула, хранящихся во Дворце. Я потратил на это несколько месяцев. Не собираюсь ставить себе это в заслугу. Как я уже говорил, неожиданное разрешение на допуск во Дворец целиком и полностью — дело рук и гениальной головки нашей маленькой Аркадии. Тем не менее факт остается фактом — к моим первоначальным званиям о жизни Мула и его времени, которые и так были не малы, я добавил плоды напряженного труда над первоисточниками, которых до меня никто в руках не держал.

Поэтому у меня есть уникальная возможность судить о реальной опасности Второй Академии — гораздо более реальная, чем у нашего возбудимого друга.

— Ну и какова же ваша оценка опасности? — буркнул Антор.

— Нулевая.

Короткая пауза. Эльвett Семик удивленно уточнил:

— Нулевая? Нет опасности, что ли?

— Разумеется. Друзья мои, никакой *Второй Академии не существует*.

Веки Антора медленно опустились. Он побледнел, лицо его вытянулось, стало невыразительным.

Мунн продолжал, явно довольный тем, что был в центре внимания.

— И более того: никогда не существовало.

— И на чем же, — поинтересовался Дарелл, — вы основываете это столь неожиданное заключение?

— Не стал бы называть его неожиданным. Все вы знаете историю поисков Второй Академии Мулом. Но что вам известно об интенсивности этих поисков, о том колоссальном упорстве, с которым они велись? У него были громадные ресурсы, и он их использовал до конца. У него только одно желание и было — и он ничего не добился. Никакой Второй Академии найдено не было.

— Трудно ожидать, что она могла быть найдена, — нетерпеливо прервал его Джоуль Турбор. — Она наверняка имела и имеет способы защиты от любопытных глаз и умов.

— Даже если это был такой любопытный ум, как ум Мула — могущественнейшего мутанта? Не думаю. Ну ладно, в конце концов, ведь не ждете же вы, что я вам за пять минут перескажу содержание пятидесяти томов отчетов? Все это, согласно одному из пунктов мирного договора, передаст в ведение Исторического Музея имени Селдона, и вы сможете с ними спокойно ознакомиться — так же как я. Собственными глазами прочтете и убедитесь — уверяю вас, там черным по белому написано то, что я сказал. Нет и никогда не было никакой Второй Академии.

Семик поинтересовался:

— Ну и кто же тогда — или что — остановило Мула?

— Елки-палки, а вы как думаете, что его остановило? Смерть его остановила, как в свое время остановит каждого из нас! Величайшее заблуждение всех времен как раз и заключается в том, что считается, что всепобеждающая карьера Мула была якобы остановлена какими-то неведомыми, мистическими силами, оказавшимися сильнее его самого. Это — результат того, что на ситуацию смотрели под в корне неверным углом.

Однако никто в Галактике ведь не станет оспаривать тот факт, что Мул был калекой — как с физической, так и с умственной точки зрения. Он умер в возрасте чуть более тридцати, потому что его измученное болезнью тело устало жить скрипя по всем швам. Еще за несколько лет до смерти он уже был дряхлым инвалидом. В самом лучшем здравии он был не лучше смертельно больного человека. Ну хватит об этом. В общем, он покорил Галактику, а потом совершиенно естественным образом умер. Даже удивительно, что он так долго протянул. Друзья мои, тут все предельно просто. Нужно только терпеливо и бесстрастно взглянуть правде в глаза и постараться посмотреть на вещи под другим углом.

Дарелл задумчиво проговорил:

— Ну что ж, давайте попытаемся, Мунн. Это не лишено интереса и уж, во всяком случае, может внести некоторое разнообразие в ход наших мыслей. Вот интересно, что в этой связи вы скажете об энцефалограмме «обработанных» людей, которые нам в прошлый раз показывал Антор?

— Нет ничего проще. Сколько лет энцефалографии? Нет, лучше поставить вопрос иначе: насколько хорошо развита наука изучения нейронных процессов?

— Мы — в самом начале пути, — ответил Дарелл. — Попали в точку, принято.

— Отлично. Так насколько же мы можем быть уверены в том, что то объяснение, которое нам представил Антор, и та интерпретация, которую вы дали пресловутому Плато на энцефалограммах, верны? У нас есть гипотезы, но насколько вы можете быть уверены в их правильности? И как вы можете быть уверены в том, что это явление действительно является отражением существования некоей могущественной силы, никаких других свидетельств существования которой не существует? Всегда легко объяснить неизвестное наличием потусторонней нечеловеческой силы и воли.

Это в природе человеческой. На протяжении всей истории Галактики было полным-полно случаев, когда оказавшиеся в изоляции системы время от времени возвращались в первобытное, варварское состояние, и какой урок мы извлекли из этого? Во всех случаях подобные дикари считают непостижимые для собственного разума явления — ураганы, эпидемии, засухи — делом рук существ более могущественных, чем они сами.

Если не ошибаюсь, это называется антропоморфизмом, и в этом смысле мы ничем не лучше дикарей. Мы просто с головой погрузились во все это. Имея крайне ограниченные познания в области психологии, мы сваливаем все непонятные нам явления на область деятельности сверхлюдей — в данном случае на тех, кто якобы населяет Вторую Академию, на существование которой в свое время туманно намекнул Селдон.

— Ах! — вмешался Антор, театрально заломив руки. — Значит, вы все-таки помните о Селдоне? А я так понял, что вы про него напрочь забыли. Селдон сказал, что Вторая Академия существует, и давайте все-таки плясать от этого.

— А вы до конца понимаете все цели Селдона? Вы знаете, какие именно задумки были заложены во все его расчеты? Да Вторая Академия запросто могла быть выдуманным пугалом, жупелом, изобретение которого преследовало весьма специфическую цель. Почему, например, мы победили Калган? Как вы писали в последней серии статей, Турбор?

Турбор поерзал в кресле.

— Я понял, куда вы клоните. Я был на Калгане до конца, Дарелл, и должен честно сказать, что моральный дух калганцев был здорово сломлен. Я просматривал все их газетенки, смотрел все ролики новостей и должен сознаться, что они просто-таки сами не видели другого исхода, — они ждали, что их победят. То есть у них просто руки опускались при мысли о том, что вот-вот должна вмешаться Вторая Академия, и приложить к войне свою карающую десницу, и, что вполне естественно, выступить на стороне Первой.

— Вот именно! — воскликнул Мунн. — А я-то и вообще там всю войну проторчал! Я сказал Стеттину, что Второй Академии не существует, и он мне поверил. Для него это было жутко важно, и он за счет этого чувствовал себя более уверенно. Но заставить народ перестать верить в то, во что он верил всю жизнь, было невозможно — так миф, придуманный Селдоном, сыграл роковую роль в начатой им космической шахматной партии.

Антор резко открыл глаза и в упор уставился на Мунна, который был явно доволен, что у него все так складно получилось.

— А я заявляю, что вы лжете, — отчетливо выговорил он.

Хомир побледнел.

— Не считаю нужным реагировать и отвечать на подобные обвинения.

— А я вовсе не намеревался задеть ваше достоинство. Вы просто не можете не лгать. Вы даже не понимаете, что лжете. Но тем не менее все, что вы говорите, ложь!

Семик, сидевший рядом с Антором, мягко опустил руку на запястье молодого человека.

— Не надо так горячиться, юноша!

Антор раздраженно стряхнул руку старика и крикнул:

— Как же вы все мне надоели! Сидят, смотрят — и ничего не понимают. Да я этого человека и видел-то всего раз десять за свою жизнь, но мне совершенно очевидно, насколько он переменился! А вы все знаете его, что называется, сто лет и ничего не замечаете! Просто с ума можно сойти! Нет, вы серьезно считаете, что этот человек, которого слушаете развесив уши, — Хомир Мунн? Это не тот Хомир Мунн, которого я знаю!

Немая сцена. Почище, чем в театре. Тишину нарушил пронзительный вскрик Мунна:

— Вы что, считаете меня мошенником?

— Не в прямом смысле, но это не имеет значения! — прокричал в ответ Антор. — Все равно вы — мошенник! Тихо, все тихо! Я требую, чтобы меня выслушали!

Он так рассвирепел, что все вынуждены были повиноваться.

— Так вот: помнит ли кто-либо из вас того Хомира Мунна, каким его запомнил я, — того застенчивого библиотекаря, который и говорить-то вслух стеснялся, человека с напряженным, нервическим голосом, заикающегося на каждом слове? Разве это — тот самый человек? Он гладко говорит, он самоуверен, у него куча теорий, и, черт бы меня подрал, он не заикается! Так что — это тот самый человек?

Даже сам Мунн растерялся. Пеллеас Антор предложил более спокойно:

— Ане стоит ли его обследовать?

— Как? — спросил Дарелл.

— Это вы меня спрашиваете — как? Обычно! У вас есть его энцефалограмма десятимесячной давности? Сделайте новую и сравните!

Он ткнул пальцем в съежившегося от страха библиотекаря и яростно крикнул:

— Боюсь, он пострадает идти на обследование!

— Нисколько, — ответил Мунн. — Я — тот же самый человек, каким был всегда.

— Как вы можете об этом судить? — с сожалением в голосе спросил Антор. — Нет, я больше скажу: я здесь теперь никому не доверяю. И требую, чтобы были обследованы все до одного. Была война, так? Мунн был на Калгане. Турбор был за пределами Терминуса, на борту корабля, в зоне военных действий. Дарелла и Семика тоже какое-то время не было здесь — уж не знаю, где они были и чем занимались. Один только я был здесь, в одиночестве и безопасности, поэтому я больше не верю никому из вас. Но, честно говоря, и я не прочь обследоваться. Согласны? Или мне уйти? В таком случае я уйду и буду делать, что сочту нужным.

Турбор пожал плечами:

— Лично у меня возражений нет.

— Я уже сказал, что я не против, — сказал Мунн.

Семик жестом дал понять, что и он не возражает.

Антор ждал, что скажет Дарелл. Дарелл кивнул.

— Начните с меня, — предложил Антор.

Электроды были приложены на курчавой голове молодого человека. Он застыл в кресле, прикрыв глаза. Веки его слегка подрагивали. Дарелл достал из ящика стола листок с прежней энцефалограммой Антора и показал ему.

— Ваша подпись, не так ли?

— Да, да! Это моя энцефалограмма. Сравните.

Сканнер выбросил на экран старые и новые линии — все шесть. В темноте раздался голос Мунна:

— Вот посмотрите: по-моему, тут есть изменения.

— Это — первичные волны с лобной доли. Это ничего не значит, Хомир. Эти дополнительные пики, на которые вы показываете, не отражают ничего, кроме возбуждения нервной системы. Тут надо на другое смотреть, — объяснил Дарелл.

Он нажал контрольную кнопку, и все шесть ломаных линий слились в одну попарно. Удвоение отмечалось только в области более высокой амплитуды первичных волн.

— Удовлетворены? — спросил Антор.

Дарелл вежливо кивнул и занял его место. За ним последовал Семик, потом — Турбор. И запись, и сравнение результатов происходили в гробовом молчании.

Последним в кресло сел Мунн. На мгновение он растерялся и с оттенком отчаяния в

голосе сказал:

– Только учтите: я последний и очень волнуюсь. Надеюсь, это будет принято во внимание.

– Разумеется, – заверил его Дарелл. – Ни одна ваша сознательная эмоция не влияет на первичную кривую, да она и не важна.

Казалось, потекли долгие часы в тишине... Потом, когда на экране пошло сравнение линий, Антор торопливо проговорил:

– Смотрите – вот оно! Ну, конечно, это самое начало развития комплекса. Разве он сам не рассказал нам об этом самом? Нет никакой обработки – это глупое, нелепое антропоморфическое понятие, но вы сами посмотрите! Думаю, все ясно!

– В чем дело? – вскрикнул Мунн.

Рука Дарелла легла на плечо Мунна.

– Спокойно, Мунн. Вас «обработали». Обработали они.

Вспыхнул свет. Мунн затравленно озирался по сторонам, пытаясь выдавить жалкое подобие улыбки.

– Вы шутите! Нет, вы точно шутите! Вы меня проверяете!

Но Дарелл только покачал головой:

– Нет-нет, Хомир. Это правда.

Глаза библиографа неожиданно заволокло слезами.

– Но я не чувствую в себе никаких перемен. Я не могу поверить в это! Вы... просто с ума все посходили со своей конспирацией! – выкрикнул он.

Дарелл попытался удержать руку на его плече, чтобы немного успокоить, но рука его была яростно отброшена в сторону. Мунн вззвизгнул:

– Вы хотите убить меня! Клянусь, вы этого хотите!

Одним прыжком рядом с ним оказался Антор. Раздался глухой, неприятный звук сильного удара, и Хомир повалился навзничь с перекошенным от страха лицом.

Антор резко поднялся и сказал:

– Стоило бы его связать, а потом решим, что с ним делать дальше. – Он отбросил назад свои длинные волосы.

Турбор поинтересовался:

– А как вы догадались, что с ним не все в порядке?

Антор повернулся к нему и насмешливо проговорил:

– Это было нетрудно. Видите ли, дело в том, что я знаю, где находится Вторая Академия.

Это был сильный удар. Но давно замечено, что каждый последующий удар всегда слабее предыдущего. Неудивительно, что Семик очень спокойно поинтересовался:

– Вы уверены? Только что нам нечего в этом роде пытались доказать Мунн...

– Это далеко не то же самое, – ответил Антор. – Дарелл, в тот день, когда началась война, я с вами говорил совершенно серьезно. Я пытался убедить вас покинуть Терминус. Я бы и тогда мог сказать вам то, что собираюсь сказать сейчас, если бы мог доверять вам.

– Вы хотите сказать, что уже полгода знаете ответ?

– Я знал его с того самого дня, как Аркадия улетела на Трентор.

Дарелл вскочил на ноги.

– При чем здесь Аркадия? К чему вы клоните?

– Да ни к чему особенному. Все вполне согласуется с тем ходом событий, о котором мы все прекрасно осведомлены.

Аркадия отправляется на Калган и в страхе спасается бегством, улетая в самый центр Галактики, вместо того чтобы вернуться домой. Лейтенант Диридж, наш лучший агент на Калгане, «обработан». Хомир Мунн, попав на Калган, тоже подвергается «обработке». Мул покорил Галактику, но, как ни странно, сделал своей резиденцией именно Калган. Тут можно поразмышлять, действительно ли он был таким уж великим Завоевателем. Может быть, он был всего-навсего инструментом. Мы все время наталкиваемся на Калган, и ни на что другое – на мир, который непостижимым образом остался целым и невредимым за время почти вековой истории непрерывных сражений между диктаторами.

– Каков же ваш вывод?

— Он очевиден, — ответил Антор, глядя прямо Дареллу в глаза. — Вторая Академия находится на Калгане.

Тут вмешался Турбор:

— Антор, но я был на Калгане! Я был там не далее как на прошлой неделе. И если Вторая Академия находится там, значит, я сошел с ума. Но, честно говоря, у меня впечатление, что с ума сошли вы...

Молодой человек в ярости развернулся к Турбору.

— А у меня впечатление, что вы — жирный осел! Как вы себе представляете Вторую Академию? Что это — детский сад с вывеской? Или вы считаете, что на табло в космопортах должно быть указано: «Вторая Академия»? Послушайте меня, Турбор! Где бы они ни находились, они формируют некую ограниченную олигархию. Они так же упорно должны скрываться внутри того мира, где они находятся, как сам этот мир — в Галактике.

Турбор нервно подвигал скулами.

— Меня смущает ваше отношение к этому, Антор.

— Очень меня трогает ваше смущение! — огрызнулся Антор. — Да вы вокруг себя на Терминусе оглядитесь! Где мы находимся? Мы находимся в самом центре, в ядре, в колыбели Первой Академии, хранилище всех знаний по физической науке. И какую часть населения составляют ученые-физики? Вот вы, лично вы, смогли бы управлять атомной электростанцией? Что вы, лично вы, знаете о конструкции и принципе действия гиператомного двигателя? А? Число настоящих ученых на Терминусе — даже на самом Терминусе — едва ли составит больше одного процента от всего населения планеты.

А что же тогда говорить о Второй Академии, главный принцип существования которой — строжайшая секретность? Их должно быть еще меньше, и они должны скрываться даже внутри своего собственного мира.

— Ну, скажем, — осторожно вмешался Семик, — Калган мы все-таки одолели...

— Да, одолели, — сardonически парировал Антор. — И бурно празднуем победу. В городах до сих пор иллюминация, фейерверки, по телевизору только об этом и орут взахлеб. Но сейчас, именно сейчас, когда мы снова ищем Вторую Академию, каково последнее место, куда нам следует заглянуть? Правильно, Калган.

И ни хрена мы их не победили. Мы только пустили на воздух сколько-то кораблей, убили сколько-то тысяч человек, разрушили на части их Империйку, несколько подорвали их экономическую и торговую базу, но это все семечки. Я готов поклясться, что ни один из тех, кто действительно правит Калганом, нисколько не пострадал. Наоборот, они выиграли, поскольку теперь свободны от всякого стороннего любопытства. Ну, что скажете, Дарелл?

Дарелл пожал плечами:

— Интересно. Я пытаюсь соединить сказанное вами с теми короткими словами, что мне передала Аркадия пару месяцев назад.

— Что, было письмо? — поинтересовался Антор. — И что же?

— Ну, не то чтобы письмо. Я пока и сам не очень понимаю. Всего шесть слов. Но это очень, очень интересно.

— Послушайте, — вмешался Семик. — Я все-таки кое-чего недопонимаю.

— Чего именно?

Семик заговорил, устало двигая губами, тщательно подбирая слова:

— Ну вот, например: Хомир Мунн говорил, что Гэри Селдон, грубо говоря, врал, когда утверждал, что основал Вторую Академию. Вы теперь утверждаете, что это не так, что Селдон вовсе не врал, так?

— Да, он не врал. Селдон сказал, что основал Вторую Академию, и это действительно так.

— Ладно, но тогда следует вспомнить, что он сказал и еще кое-что. Он говорил, что основал две Академии на разных концах Галактики. Ну, молодой человек, а к этому как относиться — тоже шутка, вранье? Калган-то уж никак не на противоположном конце Галактики.

Антор был раздражен.

— Это — второстепенный момент. И это запросто могло быть сказано и выдумано для того, чтобы их лучше обезопасить. И потом, сами подумайте: какая могла быть реальная польза от

того, что Хозяева, Властители Умов, были бы помещены на другом конце Галактики? Какова их функция? Служить делу выполнения Плана. Кто является основным двигающим моментом в деле выполнения Плана? Мы, Первая Академия. Откуда же им удобнее понаблюдать за нами в таком случае, чтобы наши действия служили их целям? С другого конца Галактики? Смешно! На самом деле – они всего-навсего в пятидесяти парсеках от нас, что гораздо удобнее и разумнее.

– Мне нравится этот довод, – вставил Дарелл. – Он не лишен смысла. Погодите... Похоже, Мунн пришел в себя. Думаю, его можно развязать. Он уже не опасен.

Антор явно был против, но Хомир отчаянно кивал головой. Пять секунд спустя он принялся столь же отчаянно и яростно растирать затекшие кисти рук.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Дарелл.

– Отвратительно, – ответил Мунн. – Но это не важно. Мне хотелось бы кое о чем спросить нашего молодого всезнайку. Я слышал почти все, что он сказал, и не дурно было бы услышать, что он думает о том, как же нам быть дальше.

Наступила напряженная пауза.

Мунн едко ухмыльнулся:

– Ну, ладно, давайте представим, что Калган – действительно Вторая Академия. И кто же на Калгане на самом деле они? Как вы собираетесь их искать? Как их опознаешь? Как и что можно с ними сделать, даже если вы их найдете?

– А вот на этот вопрос легко ответить мне, – сказал Дарелл. – Рассказать вам, чем мы с Семиком занимались последние полгода? Тем самым я сумею убить двух зайцев, то есть отвечу, Антор, на ваш вопрос: почему я все это время не мог улететь с Терминуса.

– Во-первых, – продолжал он, – я работал над энцефалографическими исследованиями, преследуя цели гораздо большие, чем кто-либо из вас может подозревать. Выявление типа разума, характерного для людей из Второй Академии, – дело гораздо более тонкое, нежели обнаружение Плато обработанности, и этим напрямую я не занимался. Но подошел к этому вплотную. Вплотную, уверяю вас.

Знает ли кто-нибудь из вас, какова сама природа управления чужими эмоциями? Со времен Мула эта тема пользовалась колossalной популярностью у писателей-фантастов. И были сочинены целые горы макулатуры, которая, однако, живо обсуждалась, были длинные передачи по телевидению и тому подобное. Большей частью на это явление смотрели, как на нечто таинственное, непостижимое. Но это не так. Каждый знает, что человеческий мозг является источником мириадов крошечных электромагнитных полей. Всякая возникающая эмоция так или иначе влияет на состояние этих полей, и это тоже должно быть каждому понятно.

Значит, в принципе, есть возможность создать мозг, который мог бы улавливать эти изменения в состоянии полей, фиксировать их и даже входить с ним в резонанс. То есть должен существовать некий специфический участок в головном мозге, который способен воздействовать на любое выявленное им состояние электрического поля. Каким именно образом это происходит, я не представляю, но дело не в этом. Если бы я, например, был слепым, ничто не помешало бы мне теоретически узнать о том, каково значение фотонов и квантов энергии, и мне было бы понятно, что захват фотонов этой энергии может вызвать химические изменения в некотором органе человеческого организма, который способен эти изменения уловить. Но, конечно, от этого я не стал бы способен различать цвета.

Вам все ясно?

Антор кивнул твердо, остальные – менее уверенно.

– Так вот, подобный гипотетический Резонирующий Орган мозга, будучи настроенным на поля, испускаемые мозгом других людей, может осуществлять то, что мы называем «чтением эмоций» или «чтением умов», но в действительности дело обстоит гораздо сложнее. Исходя из этого легко предположить, что может существовать и сходный орган, способный воздействовать на другой мозг. Этот орган способен сориентироваться своим более сильным полем на более слабое поле другого мозга – почти так же как сильный магнит ориентирует атомные диполи куска стали и оставляет их после этого намагниченными.

Я решил математическую задачу принципа действия Второй Академии в том смысле, что вывел функцию, с помощью которой можно прогнозировать необходимую комбинацию нейронных цепочек, нужную для формирования такого органа, какой я вам только что описал. Но к сожалению, функция эта слишком сложна, чтобы ее можно было построить и решить с помощью любого из имеющихся в распоряжении на сегодня математических методов. И это очень плохо, поскольку это означает, что на основании изучения энцефалограмм я никогда не сумею выявить человека из Второй Академии.

Но мне удалось сделать нечто другое. С помощью Семика я сумел создать устройство, которое называл «Менторезонатором». Возможности современной науки позволяют создать источник энергии, который способен имитировать тип электромагнитного поля, подобный тому, что фиксируется на электроэнцефалограммах. Более того, можно устроить так, что поле будет иметь некий сдвиг, создавая в сознании предполагаемого представителя Второй Академии нечто вроде «шума» или «резонанса», что поможет защитить, закрыть для доступа сознание других людей, с которыми такой человек может быть в контакте.

Вам все ясно?

Семик довольно прищелкнул языком. Работал-то он вслепую, но догадывался и вот теперь понял, что догадки его были верны. Он был доволен собой – есть еще порох в пороховницах!

Антор ответил:

– Мне как будто ясно.

– Это устройство, – продолжал Дарелл, – сконструировать оказалось довольно-таки несложно, тем более что к моим услугам был весь научный потенциал Академии, когда я возглавлял военное научное ведомство. В настоящее время Резиденция Мэра и Юридическая Ассамблея снабжены такими устройствами, то есть защищены полем ментостатики. То же самое сделано вокруг основных, стратегически важных заводов. То же самое сделано вокруг этого здания. Фактически каждое место, которое мы хотим обезопасить от действия Второй Академии, можно снабдить таким устройством, и тем самым оно будет в неприкосновенности и от нее, и от всех будущих Мулов, появившись они на свет. Вот и все.

Он улыбнулся и развел руками.

Турбор откинул назад голову и рассмеялся:

– Значит, все кончено? Все позади? Господи более, наконец-то все позади!

– Ну, – сказал Дарелл, – не совсем так.

– Как же это – не совсем? Что еще?

– А как же? Ведь мы до сих пор не обнаружили Вторую Академию!

– Что, – рявкнул Антор, – вы хотите сказать?

– Хочу сказать, что Калган – не Вторая Академия.

– Вы-то откуда знаете?

– Это просто, – усмехнулся Дарелл. – Дело в том, что мне известно, где на самом деле находится Вторая Академия.

Глава двадцать первая Ответ, который всех устроил

Турбор истерически расхохотался. Его хохот, казалось, сотрясал стены; наконец он, всхлипывая и утирая слезы, затих. Устало покачав головой, он сказал:

– Более праведный, так ведь с ума сойти можно. Весь вечер одно и то же. Одного за другим сбиваем оловянных солдатиков. Развлекаемся вовсю, а ни к чему так и не придет. Слушайте – может быть, уже все планеты, какие есть, – Вторые Академии? А может, у них нет вообще никакой планеты, а они везде? Какая же разница теперь, когда Дарелл говорит, что разработал совершенное средство защиты?

Дарелл улыбнулся, но глаза его оставались серьезными.

– Совершенной защиты порой бывает недостаточно, Турбор. Даже мой «Менторезонатор» – это всего-навсего прибор, позволяющий нам оставаться все время на месте связанными по рукам и ногам, со страхом оглядываться по сторонам, нет ли где врага – только и всего. Мы должны знать не только как победить, но и кого побеждать. А реальный мир, где существует

враг, есть.

— Ближе к делу, — поторопил его Антор. — Говорите по существу.

— Аркадия, — ответил Дарелл, — передала, как я говорил, мне кое-что на словах, и до тех пор, пока я не услышал этих слов, я не понимал, что не вижу очевидного. А ведь это были самые простые слова — детская поговорочка: «У кольца нет начала и конца». Понимаете?

— Нет, — угрюмо ответил за всех Антор.

— «У кольца нет начала и конца»? — вопросительно повторил Мунн, задумчиво наморщив лоб.

— Знаете, — сказал Дарелл, — а я сразу понял... Какой единственный абсолютно достоверный факт известен нам о Второй Академии, а? Я вам скажу. Мы знаем, что Гэри Селдон основал ее «на другом конце Галактики». Хомир Мунн высказал предположение, что Гэри Селдон солгал и что Второй Академии вообще не существует. Антор высказал предположение, что в этом случае Селдон сказал правду, но солгал относительно расположения Второй Академии. А я заявляю, что Селдон не лгал ни в том ни в другом случае: он сказал истинную правду.

Но... что есть «другой конец»? Галактика представляет собой плоский объект в форме чечевицы. В сечении она представляет собой круг, кольцо, а «у кольца нет начала и нет конца», как говорит Аркадия. Мы — мы. Первая Академия, расположены на Терминусе, который находится на краю этого кольца. Мы, по определению, на краю Галактики. Ну а теперь попробуйте мысленно пройти по краю Галактики и найти ее конец. Идите, идите, идите... и никакого конца вы не найдете. Вы просто вернетесь туда, откуда вышли!

Вот там-то вы и найдете Вторую Академию!

— Там? — повторил за ним Антор. — Вы хотите сказать «здесь»?

— Да, я хочу сказать «здесь», — энергично воскликнул Дарелл. — А где же еще? Вы же сами сказали, что люди из Второй Академии являются хранителями Плана Селдона, и поэтому маловероятно, чтобы они были расположены на другом краю Галактики, в полной изоляции. Вы сказали, что было бы более вероятно, если бы они находились от нас на расстоянии пятидесяти парсеков. А я утверждаю, что и это слишком далеко. А где они были бы в наибольшей безопасности? Кто бы вздумал их здесь искать? Да это же самый старый и испытанный способ игры в прятки!

Почему покойный Эблинг Мис был так удивлен, просто поражен своим открытием расположения Второй Академии? Вот именно это он и узнал, отчаянно разыскивая ее, чтобы предупредить о нашествии Мула, выяснив для себя неожиданно, что, оказывается, Мул успел убить Две Академии одним ударом. А почему сам Мул не преуспел в своих поисках? Почему? Если кто-то ищет непобежденного врага, разве станет он искать его среди врагов побежденных? А Властители Умов тем временем спокойно вынашивали дальнейшие планы, как остановить Мула, и весьма в этом преуспели.

Да это же безумно просто! А на нас поглядеть — как мы тут носимся со своими графиками, полями — а сами сидим в цитадели врага! Не смешно разве?

Однако лицо Антора сохраняло скептическое выражение.

— И вы искренне верите в свою гипотезу, доктор Дарелл?

— Да, я искренне в нее верю.

— Но тогда получается, что любой из ваших соседей, всякий прохожий на улице может быть сверхчеловеком из Второй Академии, мозг которого следит за всяkim из нас и улавливает биение нашего сознания?

— Разумеется.

— И нам была дана возможность беспрепятственно работать и жить все это время?

— Беспрепятственно? Кто вам сказал, что нам никто не препятствовал? Вы, вы лично обнаружили, что Мунна «обработали». Как вы можете быть уверены, что мы его послали на Калган по собственной воле? Как можно быть уверенными в том, что Аркадия подслушала нас и отправилась с Мунном на Калган по своей воле? Ха! Да я ни на минуту не сомневаюсь, что каждый наш шаг был запрограммирован. А им больше ничего и не нужно было — достаточно было сбить нас с толку, и это было гораздо проще, чем грубо останавливать.

Антор с головой ушел в пучину размышлений. Вынырнул он оттуда крайне недовольным.

— Не нравится мне все это. Тогда вашему «Менторезонатору» — грош цена. Не можем же мы вечно оставаться в доме! А как только мы выйдем отсюда, мы предстанем перед ними голенькими, со всеми своими теперешними знаниями — нате, берите. Получается, мы пропали. Если только вы не сумеете снабдить портативными средствами каждого человека в Галактике.

— Да, но не так уж мы беспомощны, Антор. Эти люди из Второй Академии обладают специфическим чувством, которого у нас нет. Это — одновременно — их сила и их слабость. Ну, например, есть ли такое средство, которое могло бы безошибочно отличить зрячего человека от слепого?

— Есть, конечно, — быстро ответил Мунн. — Свет в глаза.

— Вот именно, — подтвердил Дарелл. — Сильный, хороший такой, слепящий свет.

— Ну и что из этого? — спросил Турбор.

— По-моему, аналогия ясна. У меня есть «Менторезонатор». Он создает искусственное электромагнитное поле, которое для человека из Второй Академии — все равно что для нас — пучок ярких лучей. Только мое устройство по принципу действия больше напоминает калейдоскоп. Оно постоянно меняет направленность и силу поля — очень быстро, быстрее, чем может воспринять такие сдвиги воспринимающий орган в мозгу. Ну, представим себе это в виде мигающего луча — это, как правило, вызывает у нас головную боль. А теперь представьте себе, что сила света доведена до того, что он ослепляет, или, другими словами, настолько усиlena мощь этого электромагнитного поля, — и это вызовет боль, непреодолимую боль. Но только у того, кто обладает определенной чувствительностью, и ни у кого другого.

— Правда? — оживленно поинтересовался Антор. — Вы уже пробовали?

— На ком? Конечно, никаких испытаний не было. Но все сработает, я уверен.

— А где у вас пульт управления полем, которое окружает ваш дом? Мне хотелось бы взглянуть.

— Вот пульт, — ответил Дарелл и достал из внутреннего кармана небольшой предмет.

Маленький, черный, снабженный рядами кнопок и рычажков цилиндр перешел в руки Антора. Антор повертел его и сказал, пожав плечами:

— От того, что я на него смотрю, я понимаю не больше, чем до этого. Скажите, Дарелл, на какую кнопку не следует нажимать? Мне не хотелось бы случайно отключить поле, окружающее дом, понимаете?

— Вы не сможете этого сделать. Эта кнопка заблокирована.

И он указал на кнопку, которая была жестко зафиксирована.

— А это что за регулятор?

— С его помощью меняется частота импульсов. А с помощью вот этого — интенсивность. То самое, о чем я говорил.

— А можно? — спросил Антор, положив кончик пальца на регулятор интенсивности. Остальные сгрудились вокруг него.

— Почему бы и нет? — пожал плечами Дарелл. — Нам ведь это нисколько не повредит.

Медленно — даже замедленно — Антор повернул регулятор в одну сторону, потом в другую. Турбор сжал зубы, Мунн быстро заморгал. Было впечатление, что они пытаются своим несовершенным «оборудованием» ощутить импульс, который в действительности ощутить не могли.

В конце концов Антор пожал плечами и вернул Дареллу пульт управления.

— Видимо, придется поверить вам на слово. Но, ей-богу, трудно поверить, что что-то действительно произошло в тот момент, когда я повернул регулятор.

— Разумеется, Пеллеас Антор, — сказал Дарелл с едва заметной иронией. — Я ведь вам дал фальшивый пульт. У меня есть другой.

Он сунул руку под куртку и отстегнул от ремня точно такой же цилиндр.

— Вот — видите? — сказал Дарелл и резко перевел регулятор интенсивности в крайнее положение.

В то же мгновение Антор с нечеловеческим, душераздирающим воплем повалился на пол. Он метался в агонии. Побелевшие, скрюченные пальцы пытались рвать собственные волосы.

Мунн, сидевший поблизости, инстинктивно подобрал ноги, чтобы не коснуться корчившегося в судорогах тела. Глаза его потемнели от страха. Семик и Турбор застыли, как

две безмолвные статуи.

Дарелл же спокойно вернул регулятор в прежнее положение, Антор пару раз слабо дернулся и остался лежать без движения. Он был жив, но дышал слабо.

— Давайте перенесем его на кушетку, — предложил Дарелл, приподнимая голову Антора от пола. — Помогите мне.

Турбор ухватил Антора за ноги. Казалось, они перетаскивают не живого человека, а мешок с мукой. Потянулись долгие мгновения. Дыхание Антора стало спокойнее, веки задрожали, глаза открылись. Лицо его было желтым от ужаса, тело и волосы взмокли от пота, а голос, когда он заговорил, стал надтреснутым, хриплым, незнакомым.

— Нет! — просипел он. — Нет, нет! Только не делайте этого опять! Вы не представляете, не знаете... О-о-о... — простонал он.

— Мы не станем этого больше делать, — сказал Дарелл, склонившись над ним, — если вы скажете нам правду. Вы — из Второй Академии?

— Дайте мне воды! — взмолился Антор.

— Принесите воды, Турбор, — попросил Дарелл, — да захватите бутылку виски.

После того как он влил Антору в рот глоток виски и два стакана воды, он повторил свой вопрос. Молодой человек не сопротивлялся.

— Да... — устало проговорил он. — Я — из Второй Академии.

— Которая, — закончил за него Дарелл, — находится здесь, на Терминусе.

— Да-да... Вы совершенно правы, доктор Дарелл.

— Отлично. А теперь объясните нам все, что происходило в течение последнего года. Говорите!

— Я хочу спать... — прошептал Антор.

— Успеете. Говорите же!

Горький вздох. Потом Антор заговорил торопливо и тихо. Остальные склонились над ним, чтобы не пропустить ни слова...

— Ситуация становилась опасной. Мы знали, что ученые на Терминусе стали интересоваться энцефалограммами и что вот-вот будет создано устройство такого типа, как сконструировал доктор Дарелл. Кроме того, нарастала общая враждебность в отношении Второй Академии. Мы должны были остановить развитие событий так, чтобы не повредить Плану Селдона.

Мы... мы попытались взять под контроль ваше... движение. Мы попытались присоединиться к нему. Это бы... избавило нас от подозрений и отвлекло от нас внимание. Одним из таких отвлекающих моментов была спровоцированная нами война с Калганом. Вот почему я отправил Мунна на Калган. Мнимая фаворитка Стеттина была нашей сотрудницей. Она устроила все так, чтобы Мунн делал нужные шаги...

— Что? Каллия?! — вскрикнул Мунн, но Дарелл жестом остановил его.

Антор продолжал, не заметив, что его прервали:

— С Мунном отправилась Аркадия. На это мы не рассчитывали... не можем же мы предусмотреть все... поэтому Каллия отправила ее на Трентор, чтобы предотвратить ее вмешательство. Вот и все. Кроме того, конечно, что мы проиграли...

— Меня вы тоже хотели отправить на Трентор, не так ли?

Антор вяло кивнул:

— Должны были... убрать вас отсюда... на время... Ваше сознание явно и неопровергимо излучало триумф победителя. Вы решали проблему создания своего прибора — «Менторезонатора».

— Почему вы не «обработали» меня?

— Не мог... не сумел. У меня были инструкции... мы работали в соответствии с планом... Импровизация... все бы нарушила... План только предсказывает вероятности... вы это знаете... как и План Селдона.

Фразы его становились все более отрывистыми, почти бессознательными. Голова моталась из стороны в сторону — болезненно, лихорадочно.

— Мы имели дело с отдельными людьми... не с массами... вероятности очень низки... и проиграли. И потом... если бы мы вас «обработали»... устройство изобрел бы кто-то еще... все

было бесполезно... должны были тянуть время... а это труднее... Собственный план Первого Оратора... я не знаю всех деталей... только... ничего не вышло...

Он глубоко зевнул и впал в прострацию. Дарелл грубо встряхнул его:

– Не спать! Сколько вас здесь?

– А? Вы что-то спросили? О-о-о... немного... будете удивлены... около пятидесяти... нужно было больше...

– А конкретно на Терминусе?

– Пятеро... еще шестеро на заданиях... как Каллия... спать хочу...

Неожиданно он сделал над собой невероятное усилие, пытаясь побороть слабость и наваливающийся сон. Казалось, ему хочется сделать все возможное, чтобы как-то смягчить позор поражения.

– Но в конце я почти было поборол вас! Мог выключить защиту и схватить вас! Тогда посмотрели бы, кто здесь хозяин! Но вы дали мне фальшивый пульт... вы все время меня подозревали... Наконец он умолк и крепко заснул.

Изменившимся голосом Турбор спросил:

– И давно вы его подозревали, Дарелл?

– С тех пор как он тут появился, – последовал спокойный ответ, – Он заявил, что прибыл от Кляйзе. Но я прекрасно знал Кляйзе и отлично помнил, в каких отношениях мы расстались. Он просто заболел розысками Второй Академии, а я его бросил. Мое поведение было оправдано, поскольку я понял, что разумнее и безопаснее вести исследования самостоительно. Но объяснить этого Кляйзе я не мог, да он и не стал бы меня слушать. Для него я остался трусом и предателем, возможно, он даже счел меня агентом Второй Академии. Он из тех, кто не прощает обид, и с того самого времени вплоть до самой смерти он со мной не общался. И вдруг, ни с того ни с сего, в последние недели своей жизни он пишет мне – совсем как старый друг – и присыпает ко мне своего сотрудника, ученика, с предложением возобновить старые исследования.

Это было настолько не похоже на него! Он не мог на такое пойти без постороннего воздействия. Тогда я и стал думать о том, не подсунул ли он мне настоящего агента из Второй Академии. В итоге так оно и оказалось.

Он вздохнул и на секунду прикрыл глаза.

Семик взволнованно проговорил:

– Но что ясе мы будем делать с ними со всеми... с этими, ну из Второй Академии?

– Не знаю, – устало отозвался Дарелл. – Можно, например, устроить что-то вроде резервации. В Зоранеле, к примеру. Можно их там поместить и окружить планету защитным полем с помощью «Менторезонатора». Мужчин и женщин лучше было бы разделить, а еще лучше – стерилизовать, и через пятьдесят лет Вторая Академия останется историческим фактом, не более. А может быть, милосерднее было бы дать им всем спокойно умереть.

– Как выдумаете, – задумчиво спросил Турбор, – а мы не могли бы обучиться этому их дару? Или они с ним рождаются, как Мул?

– Не знаю. Но думаю, дар этот приобретается в процессе длительного обучения, поскольку данные энцефалографии показывают, что такие способности есть в мозгу каждого человека, только в латентном состоянии. Но для чего вам это чувство, этот дар? Видите – он им не помог.

Он нахмурился.

Он молчал, а мысли его кричали.

Все получилось слишком легко, слишком легко... Они были побеждены, эти непобедимые, побеждены, как книжные злодеи, и это ему не нравилось.

Черт побери! Когда же человек может быть уверен в том, что он – не марионетка? И как он может знать, что он – не марионетка?

Аркадия возвращалась домой, и мысли его постепенно отвлеклись от того, с чем ему еще предстояло столкнуться.

Она была дома – неделю, вторую, а он все никак не мог избавиться от этих мыслей. И как он мог от них избавиться? За время ее отсутствия она превратилась из ребенка в молодую

девушку – под действием какой-то странной алхимии. Она была звеном в цепи, которая связывала его с жизнью, ниточкой, связывавшей его память с его сладостно-горькой женитьбой, супружеством, длившимся чуть дольше медового месяца...

И вот однажды, поздно вечером, он спросил осторожно, как только мог:

– Аркадия, как вышло, что ты решила, что обе Академии находятся на Терминусе?

Они как раз вернулись из театра, где сидели на самых лучших местах. На Аркадии было новое, красивое платье, и она была просто счастлива.

Она удивленно взглянула на него и отвела взгляд.

– Ой, папа, сама не знаю. Просто на меня нашло.

Сердце Дарелла похолодело.

– Вспомни, – настойчиво попросил он. – Это очень важно.

Она слегка нахмурилась.

– Ну... была Леди Каллия... Я знала, что она – из Второй Академии. Ведь Антор сказал то же самое!

– Но она была на Калгане, – настаивал Дарелл. – Почему же ты решила, что Вторая Академия – на Терминусе?

Тут Аркадия задумалась на несколько минут, прежде чем ответить. Что заставило ее так решить? Ей стало неприятно об этом думать – почему, она сама не знала.

Она сказала:

– Но она же знала все – Леди Каллия. И у нее... наверное... была информация о Терминусе. Похоже, папа?

Но он только головой покачал.

– Папа, – воскликнула она, – но я это знала! И чем больше я об этом думала, тем больше я убеждалась в этом. Это так логично!

Но в глазах отца, смотревших на нее, читалось все то же чувство беспомощности и растерянности.

– Не то, Аркадия, не то... Интуиция уже сама по себе подозрительна, когда речь идет о Второй Академии. Ты же это понимаешь, правда? Это могла быть интуиция, но могла быть и «обработка».

– «Обработка»? Ты хочешь сказать, что меня... изменили? О нет! Они не могли!

Она отвела взгляд и слегка отодвинулась от отца.

– И потом... разве Антор не сказал тебе, что я была права? Он же все подтвердил! Признался во всем. И ты нашел целое их гнездо тут, на Терминусе. Разве нет? Разве нет?

Она раскраснелась и тяжело дышала.

– Да, я знаю... но... Аркадия, ты позволишь, я сделаю тебе энцефалограмму?

Она отчаянно замотала головой:

– Нет, нет! Только не это! Мне страшно, я боюсь!

– Меня боишься, Аркадия? Ну что ты, глупышка, не бойся! Но мы должны проверить, мы обязательно должны проверить! Ты же это понимаешь, правда?

После этого она обратилась к нему только раз. Она вцепилась в его руку как раз перед тем, как он собирался выключить свет.

– А если меня изменили, папа? Что ты будешь делать?

– Если тебя изменили, Аркадия, ничего я делать не буду. Если это так, то мы просто-напросто уедем отсюда. Отправимся на Трентор, только ты да я... и не будет нам никакого дела до всей Галактики.

Никогда в жизни Дарелл не проводил обследование так медленно и тщательно, никогда он еще не ставил на карту более высокой ставки... Когда все было кончено, Аркадия тихо сползла с кресла. Она боялась смотреть на отца. Наконец раздался его радостный смех, и этим все было сказано. Она вскочила, побежала к нему и упала в его объятия.

Они стояли, прижавшись друг к другу. Он гладил ее непослушные кудряшки и радостно говорил:

– Дом окружен максимальным резонирующим полем, а твоя энцефалограмма – в полном порядке. Значит, мы действительно покончили с ними, Аркадия. Мы можем начать жизнь сначала!

— Папа. — проговорила она сквозь слезы, а теперь мы сможем получить медали?

— Медали? А откуда ты знаешь, что я от них отказался?

Он на мгновение отстранил ее от своей груди и снова рассмеялся:

— Маленькая шпионка! Ты, как водится, знаешь все! Ладно, можешь получить свою медаль — все, как положено, — трибуна, торжественные речи. Ты ее заслужила.

— И... папа...

— Да?

— Ты не мог бы теперь называть меня «Аркади»?

— Ну хорошо... Аркади.

Медленно, постепенно пришло к нему ощущение настоящей победы и захлестнуло его. Академия — Первая Академия — и теперь единственная — стала настоящей Хозяйкой Галактики. Больше не существовало преграды между ними и Второй Империей — венцом Плана Селдона.

Оставалось только дожить до этого...

А все благодаря...

Глава двадцать вторая Верный ответ

Непонятно где расположенная комната в непонятно где расположенному мире... И план, чей план сработал... Первый Оратор взглянул на Студента.

— Пятьдесят мужчин и женщин, — сказал он. — Пятьдесят жертв! Они знали, что для них это означает смерть или пожизненное заключение, но они не посмели пойти на сопротивление, они не могли быть так ориентированы, поскольку такая ориентация могла быть выявлена. Но они не пали духом. Они осуществили план до конца, потому что были верны высшему Плану.

— А могло их быть меньше? — осторожно спросил Студент.

Первый Оратор медленно покачал головой:

— Это было минимально возможное количество. Будь их меньше, возможно, задуманное и не удалось бы осуществить. В действительности объективно требовалось не менее семидесяти пяти человек, чтобы подстраховаться от возможных ошибок. Но это теперь неважно. Ты изучил ход событий, разработанный Советом Ораторов пятнадцать лет назад?

— Да, Оратор.

— И сравнил его с реальным ходом развития событий?

— Да, Оратор, — ответил Студент и после короткой паузы добавил: — Я был совершенно поражен, Оратор.

— Знаю. Это всегда вызывает искреннее удивление. Если бы ты знал, сколько труда скольких людей вложено за многие годы в то, чтобы отшлифовать, довести до совершенства эту идею, ты бы меньше удивлялся. Ну а теперь расскажи мне, что произошло, — своими словами. Расшифруй свои математические выводы.

— Хорошо, Оратор.

Молодой человек старательно сконцентрировал свои мысли.

— Главное: людей из Первой Академии нужно было твердо, неопровергимо убедить в том, что они обнаружили и ликвидировали Вторую Академию. В этом плане отмечается некоторый возврат к исходной позиции. Теперь Терминус снова не будет знать о нас ничего и не станет включать нас в свои расчеты. Мы снова в тайне и безопасности... ценой жизни пятидесяти человек.

— А какова была роль калганской войны?

— Показать Академии, что они способны победить физического врага, — с тем чтобы укрепить их достоинство, по которому нанес серьезный удар Мул.

— Вот здесь ты потрудился недостаточно. Помни: население Терминуса относилось к нам с явной враждебностью. Они ненавидели нас, завидовали нашему превосходству, но бессознательно надеялись на нашу защиту. Если бы мы были «ликвидированы» до калганской войны, это вызвало бы панику на всей территории Академии. Тогда они ни за что не отважились бы выступить против Стеттина, напади он на них тогда. А он бы именно так и сделал. Только на своем пике ослепления победой могла произойти «ликвидация» с

минимумом побочных эффектов. Даже если бы позволили себе подождать еще год, успех не был бы воспринят столь горячо и безоговорочно.

Студент кивнул:

— Я понял. Теперь течение истории будет происходить без отклонений от курса, намеченного Планом.

— Если только, — уточнил Оратор, — не произойдет больше никаких случайностей индивидуального порядка.

— А для этого, — сказал Студент, — мы и существуем. Только вот... Один момент волнует меня, Оратор. В Первой Академии осталось мощнейшее оружие — «Менторезонатор». По крайней мере, это уже выходит за рамки возврата к прежней позиции.

— Верно подмечено. Но им не на ком его применять. Оно стало холостым оружием, стерильным. Таким же холостым и стерильным оружием станет со временем и энцефалография, поскольку мы как угроза для них больше не существуем. Ее место займут те отрасли науки, которые больше отвечают насущным потребностям. Так что — первое поколение ученых-психологов в Первой Академии одновременно станет последним, и примерно через сто лет «Менторезонатор» станет реликвией прошлого.

— Да... — подумав, проговорил Студент. — Похоже, вы правы.

— Но вот на что я хочу обратить твоё особое внимание, юноша. Ради твоего же собственного будущего — ради твоей работы в Совете. Это — учет самых тончайших вмешательств, проведенный в Плане за последнее десятилетие. И все это было нужно потому, что мы имели дело с отдельными людьми. Я говорю о способе, благодаря которому Антор ухитрился вызвать к себе подозрение таким образом, что оно созрело в нужное время, но это было относительно просто.

Была создана такая ситуация, такая атмосфера, что до поры до времени никому и в голову не приходило, что Вторая Академия находится там. Это знание должно было быть внушено маленькой девочке, Аркадии, на которую, кроме ее отца, никто бы не обратил внимания. Она была увезена на Трентор именно для того, чтобы раньше времени не встретилась с отцом. Эти двое — отец и дочь — были чем-то вроде полюсов гиператомного двигателя. Каждый из них в отдельности от другого беспомощен. Должна была проскочить искра, должен был сработать контакт — именно в нужный момент. А это уж была моя работа.

А еще было необходимо, чтобы последнее сражение прошло так, как надо. Флот Академии должен был быть морально поддержан, а калганцы — обращены в бегство. Об этом я тоже позаботился.

Студент сказал:

— Мне кажется, Оратор, что вы... то есть я хотел сказать, что все мы... рассчитывали на то, что доктор Дарелл не станет подозревать, что Аркадия является нашим инструментом. Судя по моим расчетам, существовала тридцатипроцентная вероятность того, что он все-таки это заподозрит. Что бы произошло тогда?

— Об этом мы тоже позаботились. Тебя ведь учили, и ты должен знать, что такое «Плато обработанности». Что оно собой представляет? Конечно же, не внедрение иной эмоциональной подложки. Это как раз делается без возможности выявить это с помощью энцефалографии. Следствие из теоремы Лефферта, ты должен знать. Нет, Плато отражает стирание прежнего предубеждения, только это оно в действительности и демонстрирует. Должно демонстрировать.

— И конечно, Антор удостоверился в том, что доктор Дарелл именно так, как надо, понимает сущность Плато?

— Да. Однако... Как и когда можно «обработать» отдельного человека, начать управлять его эмоциями так, чтобы это не обнаружили? Только тогда, когда изначальное предубеждение еще не сформировалось. Другими словами — тогда, когда индивидуум — новорожденный ребенок с чистым, нетронутым сознанием. Таким ребенком была Аркадия Дарелл пятнадцать лет назад здесь, на Тренторе, когда в структуру Плана была внесена новая линия.

Она никогда не узнает о том, что ею управляли, и нам всем от этого лучше и легче, поскольку ее «обработка» не принесла ей никакого вреда, а наоборот, привела к развитию уникальной личности.

Первый Оратор коротко рассмеялся:

— В каком-то смысле это — ирония судьбы, и это самое смешное. Четыреста лет назад люди были обмануты словами Селдона о «другом крае Галактики». Они придавали этим словам свой собственный, буквальный, физический смысл — они ведь всегда ищут другой конец линейками и рулетками и находят этот конец в точке, отстоящей от начала измерения на сто восемьдесят градусов, а то и просто у себя дома.

Но величайшая для нас опасность таилась именно в том, что у нашего расположения была и чисто физическая разгадка. Как ты знаешь, Галактика — не просто плоский, сплющенный овоид, так же как его периферия — не просто замкнутая кривая. Фактически Галактика — это двойная спираль, и восемьдесят процентов населенных миров находятся на ее внутреннем витке, а мы — на другом конце, поскольку что есть другой конец спирали? Естественно, центр.

Но это ловушка, шарада. К такому выводу трудно прийти просто так. Однако к нему пришли бы обязательно, если бы те, кто искал ответ, вспомнили, что Гэри Селдон был психолог, а не физик и прекрасно понимал, каково будет течение мыслей в данном случае. Он сориентировал их в нужном для нас направлении. Что могли для психолога значить «разные концы»? Два противоположных края карты? Конечно, нет, Это — чисто механическая интерпретация.

Первая Академия находилась на Периферии, в том месте, где власть Империи была наиболее слаба, где наименьшим было ее цивилизующее влияние, где практически отсутствовали культура и процветание. Но где же находился социально противоположный конец Галактики? Ну конечно, в том месте, где первоначальная Империя была наиболее сильна, где ее цивилизующее влияние было наиболее выражено, где наиболее заметны были ее процветание и культура.

Здесь! В центре! На Тренторе, в столице Империи времен Селдона!

И это настолько очевидно! Гэри Селдон оставил после себя Вторую Академию, чтобы она сохранила, улучшила и продолжила его работу. Где это могло быть осуществлено наилучшим образом? На Тренторе, где работала группа Селдона, где десятилетиями скапливалась информация. Кроме того, целью Второй Академии была охрана Плана от врагов. И это тоже было известно. А где был главный источник опасности и для Терминуса, и для Плана?

Здесь! На Тренторе, здесь, где Империя умирала в течение трех столетий, но все-таки могла разрушить, ликвидировать Академию, если бы только ей пришло в голову это сделать.

Потом, когда Трентор пал и был разрушен, всего лишь сто лет назад, мы наконец обрели реальную возможность защитить нашу цитадель, и из всей планеты только Имперская Библиотека и окружающая ее территория остались в неприкосновенности. Это было прекрасно известно в Галактике, но даже этот столь прозрачный намек остался без должного внимания.

Здесь, на Тренторе, Эблинг Мис нашел нас, и здесь же мы не позволили ему пережить свое открытие. Чтобы осуществить это, потребовалось все продумать так, чтобы обычная девушка из Академии победила могущественного мутанта — Мула. Конечно, и это событие могло привлечь внимание к планете, на которой оно произошло.

Именно здесь мы впервые изучили Мула и спланировали его полное и окончательное поражение. Именно здесь родилась Аркадия и началась цепь событий, которая вернула нас в конце концов к Плану Селдона.

И все эти прорехи в ткани нашей секретности, все эти зияющие дыры остались незамеченными! А все потому, что Гэри Селдон сказал «другой конец» в одном смысле, а они поняли это в совершенно другом.

Первый Оператор «молчал» уже довольно долго. На самом деле он перестал обращаться к Студенту, а как бы исповедовался самому себе, стоя перед окном и глядя на звезды.

Огромная Галактика теперь была в безопасности навсегда.

— Гэри Селдон назвал Трентор «концом звезд», — прошептал он. — Ну что же, почему бы и нет? Это так поэтично... Когда-то отсюда правили всей Вселенной, со всех звезд тянулись сюда невидимые нити и обрывались здесь. «Все пути ведут к Трентору», — говорит старая пословица, и именно тут и есть конец всех звезд.

Десять месяцев назад Первый Оператор стоял на этом самом месте и смотрел на то же самое небо, усеянное бесчисленными звездами, — нигде их не было так много, как здесь, в центре Галактики. Но тогда он был печален. Сегодня же его лицо было озарено искренней,

неподдельной радостью – круглое, румяное лицо Прима Пальвера – Первого Оратора.

Айзек Азимов Академия на краю гибели

Пролог

Гибель Первой Галактической Империи была неотвратима. Ее медленный распад и загнивание тянулись уже не одно столетие. Но только один-единственный человек знал об этом наверняка.

Звали его Гэри Селдон. Он был последним из величайших ученых Первой Империи. Именно ему принадлежит честь создания науки о поведении человека, науки, сведенной к математическим уравнениям.

Поведение отдельного человека непредсказуемо, но, как обнаружил Селдон, статистической обработке вполне поддаются реакции человеческих сообществ. И чем выше численность сообщества, тем точнее статистика. Свои исследования Селдон основывал на реакциях сообществ, численность которых составляла не менее населения всех обитаемых миллионов миров Галактики.

Выведенные Селдоном формулы показали ему, что, будучи оставленной на произвол судьбы, Галактическая Империя погибнет и пройдет тридцать тысячелетий страданий и агонии, прежде чем на руинах Первой родится Вторая Империя. Однако, решил он, если изменить некоторые условия, период Межвластия можно сократить до одного тысячелетия.

Для того чтобы это произошло, Селдон основал два поселения ученых, названных им Академиями, и произвольно расположил их «на противоположных концах Галактики». Первая Академия, деятельность которой была сосредоточена на развитии физических наук, была основана открыто, публично. Основание же другой, Второй Академии, мира психоисторической и «ментальной» науки, совершилось тайно.

В трилогии «Академия» описываются события, происходившие в течение первых трех столетий Межвластия. Первая Академия (чаще упоминаемая просто как «Академия», ведь о существовании Второй долго никто не догадывался) начала свое бытие как скромная колония, поселение, затерянное в пустотах Внешней Периферии Галактики. Время от времени Академия сталкивалась с кризисами, каждый из которых характеризовался разнообразными вариантами поведения людей и различными политическими и экономическими тенденциями того времени. Свобода действий, свобода выбора была ограничена определенной, одной-единственной линией, и, когда Академия делала очередной шаг в этом направлении, перед ней открывались новые горизонты. Все это было спланировано Гэри Селдоном, который к тому времени уже давно покончил с жизнью.

Первая Академия, располагая новейшими достижениями науки, одолела окружавшие ее варварские планеты. Ей пришлось поочередно вступать в схватку то с анархистами, то с отковавшимися от погибающей Империи диктаторами, и победа была всегда на ее стороне. На долю Академии выпала и битва с останками самой Империи, которыми правил последний из могущественных Императоров. Армией Империи командовал последний из великих военачальников, но Академия и в этой схватке одержала победу.

Казалось, будто план Селдона выполняется, как задумано, что ничто не может помешать созданию Второй Империи в предсказанный срок – за одно тысячелетие.

Однако психоистория – наука сугубо статистическая. И всегда существует вероятность непредсказуемого поворота событий. И случилось то, что Гэри Селдон лишен был возможности предсказать. Неизвестно откуда появился человек по кличке Мул. Он обладал ментальными способностями, которых больше ни у кого в Галактике не было. Он был способен управлять людскими эмоциями, манипулировать умами так, что превращал самых злейших своих врагов в послушных, обезволненных рабов, а то и в ярых приверженцев. Целые армии не могли одолеть

его одного. Первая Академия пала, и казалось – План Селдона никогда не возродится.

Но существовала таинственная Вторая Академия – застигнутая врасплох неожиданным появлением Мула на исторической сцене, она вскоре приступила к постепенному развертыванию контратаки. Главное средство защиты Второй Академии заключалось в том, что ее местонахождение оставалось тайной за семью печатями. Мул жаждал сразить ее, чтобы целиком и полностью обрести власть над Галактикой. Люди из Первой Академии, верившие в существование Второй, искали ее, чтобы обрести помощь и поддержку.

Найти ее никому не было суждено. Мул был недалек от успеха, но его остановил героический подвиг женщины, Байты Дарелл, что дало Второй Академии время подготовиться к решающему контрудару и остановить Мула навсегда. Постепенно Вторая Академия подготовилась и к воссозданию Плана Селдона.

Однако эти события в некоторой степени раскрыли тайну существования Второй Академии. Узнав о ее сущности, Первая Академия воспротивилась будущему, в котором за ней наблюдали бы и которое для нее предопределяли бы психологи из Второй Академии. Первая Академия превосходила Вторую военной мощью, поэтому задача Второй Академии усложнилась вдвое – ей нужно было не только приструнить Первую Академию, но и восстановить свою анонимность.

И это ей удалось под руководством величайшего «Первого Оратора», Прима Пальвера. Первой Академии было позволено одержать мнимую победу, ее влияние и могущество в Галактике росло, она жила и процветала, не подозревая о том, что Вторая Академия продолжает не только существовать, но и действовать.

Итак, минуло четыреста девяносто восемь лет после создания Первой Академии. Она – на вершине могущества. Все уверены в этом, кроме одного человека...

Глава первая Советник

1

– Нет, не верю, – решительно произнес Голан Тревайз, стоя на широкой лестнице Селдон-Холла и глядя на город, озаренный лучами теплого, ласкового солнца.

Климат Терминуса издавна славился мягкостью. Площадь суши на планете значительно уступала площади водной поверхности, а внедрение системы искусственного кондиционирования способствовало еще большему сглаживанию погодных условий и, как частенько думал Тревайз, начисто лишило его какой бы то ни было экзотики.

– Ничему не верю, – повторил он, и улыбка промелькнула на его морожавом загорелом лице.

Его спутник Мунн Ли Компор – Советник, как и сам Тревайз, – носивший тройное имя вопреки давно установившимся на Терминусе традициям, недоуменно пожал плечами:

– Чему же ты не веришь? Тому, что мы спасли город?

– О, в это я верю на все сто. Спасли, спасли, и Селдон лично подтвердил, что мы это сделаем, и что это правильно, и что ему про это было все известно аж пятьсот лет назад.

Компор перешел на полуслепот.

– Слушай, Голан, я не против, со мной можешь вести такие речи – мне-то что, но если тебе взбредет в голову орать такое толпам народа, честно говоря, не хотелось бы стоять с тобой рядом, когда ударит молния. Как знать, в кого из нас она угодит.

– А что я такого сказал? – невинно поинтересовался Тревайз. – Мы спасли город, сказал я. Что в этом крамольного? Да еще и без войны обошлось – просто красота.

– А воевать было не с кем, – парировал Компор, слегка сощурив небесно-голубые глаза.

Как и имя, внешность у него была на редкость несовременная; светлые глаза, соломенно-желтые выющиеся волосы. Порой ему жутко хотелось выглядеть иначе.

– А о гражданской войне ты не слыхал, Компор? – спросил Тревайз.

Он былстроен и высок, темные полосы его едва заметно завивались. Руки его по

обыкновению были засунуты в кармашки мягкой поясной сумки – сумок таких у него был целый набор, и он никогда и нигде не появлялся без этого неотъемлемого, почти ритуального аксессуара.

– Гражданская война по поводу местоположения столицы? Смешно.

– Не сказал бы. Вопрос оказался достаточно серьезным для того, чтобы разразился очередной селдоновский кризис. Политическая карьера Хенниса полетела в тартарары, мы с тобой были избраны в Совет, и вопрос, так сказать, повис в воздухе...

Он медленно, плавно покачал рукой, как маятником, готовым вот-вот остановиться.

Мимо приятелей по ступеням лестницы спускались члены правительства, корреспонденты, представители высшего света – все, кто откликнулся на приглашение засвидетельствовать очередное явление Селдона (точнее, его изображения). Кто-то болтал, кто-то довольно смеялся, кто-то выражал неподдельный восторг по поводу одобрительных высказываний Селдона.

Тревайз упрямо стоял на месте, позволяя веселой толпе огибать себя. Компор, успевший спуститься на две ступени ниже, тоже остановился. Казалось, между ними протянулась невидимая нить.

– Ты идешь или нет? – не оборачиваясь спросил Компор.

– Торопиться некуда. Заседание Совета не начнется, пока Мэр Бранно не изучит ситуацию и не изложит ее по своему обыкновению – по слогам, через час по чайной ложке. А я не жажду выслушивать очередную напыщенную речь. Лучше взгляни на город!

– Вижу. И вчера видел.

– Да, но разве ты видел его пятьсот лет назад, когда он был основан?

– Четыреста девяносто восемь лет назад, – автоматически уточнил Компор. – Через два года – пятисотлетний юбилей, и к тому времени Мэр Бранно все еще будет у власти, противостоя событиям невысокой степени вероятности, как мы все надеемся.

– «Как мы все надеемся»... – сухо повторил Тревайз. – И все же, каков он был пятьсот лет назад? Один-единственный город на планете! Маленькое поселение, где жила горстка ученых, готовивших к изданию Энциклопедию, которая так никогда и не вышла в свет.

– О чем ты? Энциклопедия была издана, в этом нет сомнений.

– А ты о чем? О той Галактической Энциклопедии, которой мы располагаем сейчас? То, что имеем мы, это совсем не то, над чем работали они. У нас теперь все данные введены в компьютер и ежедневно подвергаются пересмотру. А неоконченный оригинал ты когда-нибудь видел?

– Тот, что в Музее Гардина?

– Тот, что находится в Музее Первоисточников имени Сальвора Гардина. Если уж ты так любишь точность, давай употреблять полные названия. Ну так видел ты оригинал или нет?

– Нет. А что, стоило посмотреть?

– Да нет. Не стоило. Но тем не менее все было именно так: ничтожная горстка Энциклопедистов – ядро города, одного маленького города, практически лишенного металлов, на планете, обращающейся вокруг солнца, отдаленного от остальной Галактики: на окраине, на самом ее краю. А теперь – пасторальный мир, один сплошной парк куда ни глянь, и у нас есть все металлы, какие душе угодно. Теперь мы – центр всего на свете!

– Не совсем, – не согласился Компор. – Мы по-прежнему обращаемся вокруг солнца, отдаленного от всей Галактики. И мы по-прежнему на самом ее краю.

– Ну нет, это ты брякнул не подумав. В этом-то как раз и заключается смысл теперешнего маленького селдоновского кризиса. Мы теперь – не крошечный мир Терминуса. Мы – Академия, протянувшая свои щупальца по всей Галактике и управляющая ею отсюда, с самого края. Мы способны на это потому, что больше не пребываем в изоляции – разве что в географическом смысле, а это не считается.

– Ладно. Согласен.

Компору был явно неинтересен этот разговор, и он шагнул еще на одну ступеньку вниз. Невидимая ниточка между приятелями слегка натянулась.

Тревайз выбросил вперед руку, будто пытался вернуть товарища назад.

– Разве ты не видишь разницы, Компор? Изменения колоссальны, но мы не желаем этого

замечать. В душе мы хотим, чтобы по-прежнему была маленькая Академия, маленький мир, живущий сам по себе, внутри себя самого, как встарь – в дни несгибаемых героев и благородных святых, которые ушли навсегда.

– Ну и что?

– То самое. Ты на Селдон-Холл погляди. Начнем с того, что во времена первых кризисов, в дни правления Гардина существовал всего-навсего Склеп Селдона – маленькая аудитория, где появлялось голографическое изображение Селдона. И все. Теперь же это – грандиозный мавзолей. Но где тут силовое подъемное поле? Или спуск? Гравитационный лифт, на худой конец? Ничего нет – только эта лестница, и мы спускаемся и поднимаемся по ней точно так же, как спускался и поднимался Гардин. В странные, непредсказуемые времена мы в страхе цепляемся за прошлое.

Он страстно взмахнул рукой.

– Попробуй отыскать в постройке хоть какие-то признаки наличия металлов! Нет их. И тут быть их не может, потому что во времена Гардина здесь не было ни крошки природных металлов, да и импорт был с гулькин нос. Нет, когда воздвигли этот колосс, раздобыли где-то старинный пластик, порозовевший от времени, чтобы гости из других миров могли всплеснуть руками и восхликнуть: «Ах, какой чудный, восхитительный старинный пластик!» Говорю тебе, Компор, это чистейшей воды самообман.

– Значит, именно в это ты не веришь? В Селдон-Холл?

– И во все его содержимое, – яростным шепотом проговорил Тревайз. – Действительно – не верю в то, что мы обязаны таиться здесь, на краю Галактики, только потому, что так жили наши предки. Я считаю, что мы должны быть там, в центре, в сердцевине!

– Но сам Селдон перечит тебе. План Селдона выполняется и должен выполняться.

– Знаю! Знаю! Каждый младенец на Терминусе с колыбели верит в то, что Гэри Селдон придумал План, что он все предвидел и предсказал пятьсот лет назад, что все наши кризисы предопределены, что его голографический образ будет являться нам всякий раз, как разрешится очередной кризис, и сообщать тот необходимый минимум информации, что поможет нам жить до следующего кризиса, и, таким образом, План проведет нас через тысячелетие, по истечении которого мы сможем без хлопот создать Вторую, Великую Галактическую Империю на руинах старой, погибшей формации, распад которой во всей красе начался пять веков назад и два века назад благополучно завершился.

– Мне-то зачем рассказываешь все это, Голан?

– Затем, чтобы ты понял, что все это – притворство и самообман. Все – обман. Вернее, это стало обманом теперь! Мы сами себе не хозяева. Это не мы выполняем План.

Компор более внимательно взглянул на приятеля.

– Слыхал от тебя и раньше подобные речи, Голан, но мне всегда казалось, что ты несешь околосицу только для того, чтобы позлить, подразнить меня. Но теперь, черт подери, мне кажется, ты говоришь всерьез.

– Конечно, всерьез.

– Не может быть. Либо это какая-то чересчур забористая шутка, мне не понять, либо ты сошел с ума.

– Ни то ни другое, – возразил Тревайз, ставший вдруг совершенно спокойным, и сунул руки в любимую сумку – видимо, жестикуляция больше не требовалась ему для выражения эмоций. – Да, я подумывал обо всем этом и раньше, но все было на уровне интуиции. Сегодняшний же утренний фарс, однако, мне все прояснил окончательно. Ну а я, в свою очередь, намерен все объяснить Совету.

– Нет, – прошептал Компор, – ты действительно сошел с ума!

– Брось. Пошли послушаешь.

Они вместе пошли вниз по лестнице. Только они двое там и остались – остальные давно ушли. И когда Тревайз немного обогнал приятеля, губы Компора дрогнули и он беззвучно проговорил, глядя а спину Тревайза:

– Дурак!

Мэр Харла Бранно открыла заседание Исполнительного Совета, призвав собравшихся к порядку. Взгляд ее без видимого интереса скользил по лицам Советников, однако никто ни на мгновение не сомневался, что она отметила для себя, кто присутствует, а кто запаздывает.

Ее седые волосы были тщательно уложены в прическу, которая не была выраженно женственной, но все же не напоминала мужскую стрижку. Ее прическа – не более того. Лицо ее красотой не блистало, но, собственно говоря, никому и в голову не приходило подумать об этом.

Харла Бранно была выдающимся руководителем. Конечно, ей было далеко до блистательности Сальвора Гардина или Хобера Мэллоу, чьи жизненный путь и карьера стали символами первых двух столетий существования Академии, но никто не посмел бы обвинить ее в непроходимой тупости представителей династии Индбров – правителей Академии во времена перед воцарением Мула.

Ораторские способности ее не потрясали слушателей, не слыла она и прирожденной актрисой, но зато обладала талантом принимать хладнокровные, продуманные решения и придерживаться их, покуда она сама верила, что права. Так, не обладая ни одним из перечисленных дарований, она умела заставить тех, кто голосовал за принятие решений, поверить, что они непогрешимы.

Исходя из доктрины Селдона, историческим переменам противостоять крайне трудно (правда, всегда существует элемент непредсказуемости, о котором предпочитают забывать большинство селдонистов, несмотря на головокружительный инцидент с Мулом), и Академия могла сохранить свою столицу на Терминусе при любых условиях. Именно «могла», однако Селдон, только что явившийся в обличье пятисотлетней давности, объявил, что вероятность сохранения столицы на Терминусе составляла восемьдесят семь и две десятых процента.

Так что даже селдонисты были вынуждены признать – вероятность переноса столицы в некое другое место, поближе к центру Федерации Академии, с исходящими из этого малоприятными последствиями, составляла двенадцать и восемь десятых процента. Об этих последствиях Селдон также упомянул. И то, что этот вариант не прошел, целиком и полностью явились заслугой Мэра Бранно.

Она упорно боролась, доказывая свою точку зрения; пережив времена серьезной непопулярности, она продолжала стоять на своем: Терминус должен, обязан оставаться традиционным местом резиденции правительства Академии. Политические враги Мэра старались на все лады высмеять ее: в газетах то и дело мелькали карикатуры, на которых весьма выразительно красовалась ее тяжеловатая нижняя челюсть (а она таки была тяжеловата, что правда, то правда), а кое-кто изображал Мэра в виде неприступного гранитного утеса.

Но теперь сам Селдон подтвердил ее правоту, и как минимум на время это давало ей значительное политическое преимущество. Поговаривали, что она якобы год назад обмолвилась о том, что в случае одобрения Селдоном ее действий во время его грядущего явления она будет считать, что задачу свою выполнила, уйдет в отставку и станет внештатным консультантом правительства – устала, дескать, рисковать, сражаться и гадать, чем кончится очередная политическая драка.

Мало кто в это поверил. Никакие политические баталии ей не были страшны – в их сумятице она чувствовала себя как рыба в воде – это была ее стихия. Теперь же, когда Селдон явился и сказал то, что сказал, она, похоже, и думать забыла о своей отставке.

Мэр начала свою речь хорошо поставленным, голосом, с откровенным акцентом Академии (она одно время служила послом в Мандрессе, но так и не переняла староимперского выговора, что был сейчас в таком фаворе – наглядный пример проимперских настроений во внутренних провинциях):

– Селдоновский кризис миновал, и согласно мудрой традиции не допускается никаких упреков по адресу тех, кто думал иначе, – ни словом, ни делом. Многие честные граждане полагали, что имеют веские причины хотеть того, чего не хотел Селдон. Несправедливо унижать их, заставляя публично признать величие Плана Селдона, дабы они образумились и обрели уважение к самим себе. Кроме того, существует не менее добрая традиция – те, кто поддерживал проигравшую сторону, должны принять поражение как данность и воздержаться

от каких бы то ни было дальнейших обсуждений. Эта тема закрыта для обеих сторон навсегда.

Выдержав паузу, Мэр обвела взглядом лица Советников и продолжила:

— Минула половина срока, Советники, пройдена половина пути между двумя Империями — дорога длиной в пять столетий. Трудные были времена, но мы пережили их. На самом деле, фактически мы уже стали Галактической Империей, и серьезных внешних врагов у нас нет. Период Межвластия мог бы тянуться тридцать тысячелетий, если бы не План Селдона. Случись так, могло бы оказаться, что некому было бы заняться воссозданием Империи. Разобщенные, гибнущие миры — вот все, что осталось бы к тому времени... Всем, что у нас есть сегодня, мы обязаны Гэри Селдону, его почившему гению мы обязаны тем, что, как мы все верим и надеемся, случится с нами в будущем. Следовательно, опасность, Советники, кроется в нас самих — теперь, с настоящего момента, просто не может быть никаких официальных сомнений в верности и ценности Плана. Давайте же теперь придем к согласию — пусть впредь более не звучат публично высказываемые критика, осуждения истинности Плана Селдона. Мы обязаны поддержать его целиком и полностью. За пять столетий он оправдал себя. В нем — безопасность и надежда человечества, и ни при каких условиях он не должен быть искажен. Согласны?

Советники ответили на ее вопрос тихим шепотком. Мэру вовсе не нужны были визуальные выражения согласия. Она досконально изучила всех членов Совета и знала, как отреагирует каждый. На гребне победы никаких возражений и быть не могло. Потом — может быть. Но не сейчас. Со всеми проблемами, что возникнут потом, она потом и разберется.

Итак, общее согласие... Но, как обычно...

— Запрет на высказывания, Мэр Бранно? — громко спросил Голан Тревайз, шагая по проходу. Место его, новоиспеченного Советника, находилось в задних рядах.

Бранно, не поднимая глаз, процедила сквозь зубы:

— Ваша точка зрения, Советник Тревайз?

— Моя точка зрения такова: правительство не имеет права накладывать вето на право свободного изложения мыслей. Моя точка зрения такова: все без исключения — а в первую голову Советники и Советницы, с этой целью избранные, — все имеют право обсуждать злободневные политические вопросы, и ни один политический вопрос не может быть решен в отрыве от Плана Селдона.

Мэр Бранно скрестила руки на груди и посмотрела на Тревайза.

— Советник Тревайз, — сказала она, не изменившись в лице, — вы вмешались в дебаты, нарушив повестку дня. Этого вам делать не следовало. Однако я позволила вам высказать вашу точку зрения, и теперь отвечу вам... Никаких ограничений на свободное изложение своих мыслей в рамках Плана Селдона нет. Единственным ограничением является сам План, по его собственной природе. Можно как угодно интерпретировать события до того, как образ Селдона объявляется окончательное решение, но после того как решение выслушано, в Совете оно более не оспаривается. Не принято его обсуждать и заранее — по типу: если Селдон скажет то-то и то-то, он будет неправ.

— Ну а если кто-то совершенно искренне так думает, Мэр Бранно?

— В таком случае этот кто-то имеет право на высказывание своего личного мнения в частной беседе.

— Следовательно, все ограничения на свободное выражение мыслей относятся исключительно к членам правительства?

— Именно так, и это отнюдь не новый принцип в законах Академии. Его применяли все Мэры в прошлом, от какой бы партии ни выступали. Частная точка зрения ровным счетом ничего не меняет, а вот официальное выступление всегда весомо, а порой и опасно. Сейчас нам не стоит рисковать.

— Позвольте заметить. Госпожа Мэр, что упомянутый вами принцип применялся не так уж часто, да и то по отношению к весьма специфическим действиям со стороны Совета. Никогда и никто не пользовался им в отношении чего-либо столь глобального и безупречного, как План Селдона.

— План Селдона более всего нуждается в защите. Его осуждение может оказаться фатальным.

— А вам не кажется, Мэр Бранно, — произнося эти слова, Тревайз развернулся и обратился

ко всем членам Совета, которые, затаив дыхание, ожидали окончания дуэли, – а вам, уважаемые члены Совета, не кажется, что есть все причины предположить, что никакого Плана Селдона вообще не существует?

– Однако все мы сегодня видели его в действии, – возразила Бранно, говоря тем более хладнокровно, чем сильнее распалялся Тревайз.

– Вот именно потому, что все мы видели его сегодня в действии, Советники и Советницы, мы и должны сделать вывод о том, что того Плана Селдона, в который нас приучили верить, не существует.

– Советник Тревайз, вы нарушаете порядок заседания. Я лишаю вас слова.

– Я располагаю официальными привилегиями, Мэр.

– Отныне вы лишены этих привилегий, Советник.

– Вы не имеете никакого права лишать меня привилегий. Ваше заявление об ограничении свободы на высказывание взглядов не может носить характер закона. Формального голосования в Совете по этому поводу не было, Мэр, да если бы и было, я бы первым оспорил легальность такого закона.

– Лишение вас привилегий, Советник, не имеет ничего общего с моим заявлением относительно необходимости защиты Плана Селдона.

– Чем же оно, в таком случае, вызвано?

– Вы обвиняетесь в измене, Советник. Мне бы хотелось склонить Совет к милосердию и просить, чтобы ваш арест не был произведен в зале Заседаний, но за дверью вас ожидают представители Службы Безопасности, которые сопроводят вас в место заключения, как только вы покинете зал. Теперь я попрошу вас спокойно удалиться. Если вы совершиете какой-либо опрометчивый поступок, мне, к великому сожалению, придется счесть ваше повеление опасным и пригласить представителей Службы Безопасности войти в зал Заседаний. Искренне надеюсь, что этого не потребуется.

Тревайз нахмурился. В зале стояло гробовое молчание. (Неужели все ожидали этого – кроме него самого и Компора?) Он непроизвольно оглянулся на входные двери. Они были закрыты, но он ни на йоту не сомневался, что Мэр Бранно не пошутила.

– Я представляю влиятельную фракцию! – возмущенно воскликнул он.

– Что ж, я искренне сочувствую тем, кто выдвинул вас в Совет. Они будут весьма разочарованы.

– И на каком же основании мне выносится такое нелепое обвинение?

– Обвинение будет предъявлено вам в положенный срок, но не сомневайтесь, оснований для этого у нас вполне достаточно. Вы славитесь легкомыслием, молодой человек, но постарайтесь понять: кое-кто здесь может быть вашим другом, но при этом вовсе не жаждет последовать вместе с вами за решетку.

Тревайз резко обернулся и встретился с непроницаемым взглядом голубых глаз Компора.

Мэр Бранно спокойно проговорила:

– Призываю всех в свидетели, Советники: после моего заявления Советник Тревайз обернулся и посмотрел на Советника Компора. Ну, так вы покинете зал, Советник, или вынудите нас на неприятную процедуру произведения вашего ареста в помещении зала Заседаний?

Голан Тревайз медленно повернулся на каблуках, медленно взошел по ступеням лестницы. У дверей его крепко взяли под руки двое вооруженных до зубов охранников.

А Харла Бранно, проводив его бесстрастным взглядом, одними губами проговорила:

– Дурак!

3

Лайоно Коделл занимал пост Директора Службы Безопасности все то время, пока правила Мэр Бранно. «Работенка не пыльная», – любил поговаривать он, но врал или нет – этого никому знать было не дано. Нет-нет, на вруна он нисколько не походил – но это, опять-таки, ничего не значило.

И внешность Коделла, и манера себя вести прямо-таки излучали дружелюбие и мягкость.

Очень может быть, что это как нельзя лучше помогало его работе. Рост у него был ниже среднего, вес – гораздо выше среднего. Он носил густые, кустистые усы (исключительная редкость для жителя Терминуса), на вид скорее белесые, чем седые. Очень красили его живые, ярко-карие глаза. Нагрудный карман его блеклой униформы украшала яркая нашивка.

– Присаживайтесь, Тревайз, – сказал он. – Давайте постараемся удержаться в рамках дружеской беседы, если получится.

– Дружеская беседа? С изменником?

Тревайз решительно сунул руки в прорези сумки и не откликнулся на предложение садиться.

– С обвиняемым в измене. Мы пока еще не дожили до времен, когда обвинение, высказанное даже Мэром, становится эквивалентом приговора. И надеюсь, никогда не доживем. Мое дело – поговорить с вами и все выяснить. С гораздо большим удовольствием я бы сделал это сейчас, пока не приключилось серьезной беды и пока, кроме вашего самолюбия, ничего не пострадало. Честное слово, мне гораздо приятнее побеседовать с вами с глазу на глаз, чем доводить дело до открытого судебного процесса. Надеюсь, вас это тоже больше устраивает.

Тревайз не клюнул.

– Знаете что? Давайте не будем в игрушки играть. Ваше дело – обходиться со мной так, как будто я и есть изменник. Поскольку я сам считаю, что это не так, я смиряюсь с необходимостью доказать это вам, чтобы вы остались довольны. А чтобы и я остался доволен, придерживайтесь рамок лояльности. Идет?

– В принципе – никаких возражений. Печальный факт, однако, заключается в том, что на моей стороне – сила, а на вашей ее нет. Поэтому вопросы тут буду задавать я, а не вы. Если, не дай бог, на меня падет подозрение в измене, я, скорее всего, потеряю свой пост, и допрашивать меня будет кто-то другой. И я искренне надеюсь, что он со мной обойдется не хуже, чем я с вами.

– И как же вы намерены со мной обойтись?

– Полагаю – как с другом, как с равным, если вы отплатите мне тем же.

– Может, еще и выпить дадите? – язвительно усмехнулся Тревайз.

– Отчего же? Можно и выпить, только попозже, а пока садитесь. Прошу, как друга.

Тревайз немного помедлил и сел. Дальнейшие препирательства внезапно показались ему бесполезными.

– Ну и что теперь?

– Теперь позвольте поинтересоваться: готовы ли вы отвечать на мои вопросы честно, ничего не утаивая, без уклонений?

– А если – нет? Что мне грозит в таком случае? Психозондирование?

– Надеюсь, нет.

– Я тоже на это надеюсь. Вы должны понимать, что это – не для Советника. Психозондирование никакой измены с моей стороны не выявит, и, когда я буду оправдан, я получу вашу политическую голову, и голову Мэра в придачу. Так что, знаете, в какой-то степени для меня даже лучше было бы, если бы пошли на психозондирование.

Коделл нахмурился и слегка покачал головой:

– О нет. Нет. Что вы! Слишком велик риск поражения мозга. После этого порой слишком долго оправляются, вам это совершенно ни к чему. Вы же знаете – стоит применить психозондирование, когда обследуемый в раздраженном состоянии, и...

– Это угроза, Коделл?

– Констатация факта, Тревайз. Не извращайте смысла моих слов, Советник. Если я вынужден буду прибегнуть к психозондированию, я сделаю это, и даже если вы окажетесь невиновны, я вам не завидую.

– Что вы хотите узнать?

Коделл нажал кнопку на крышке стола.

– Все, что я у вас спрошу, и все, что вы мне ответите, будет записано и визуально, и вербально. Я не хочу от вас никаких добровольных признаний, но также не желаю, чтобы вы что-то утаили от меня. Надеюсь, вы меня понимаете.

– Понимаю я только то, что вы будете записывать исключительно то, что вам нужно, –

убежденно ответил Тревайз.

— Это верно, но опять-таки не выворачивайте мои слова наизнанку. Я не извращу ничего из сказанного вами. Я этим либо воспользуюсь, либо нет. Но вы будете знать, чем именно я не воспользуюсь. Тем самым мы сбережем и ваше время, и мое.

— Посмотрим.

— У нас есть причины полагать, Советник Тревайз (нотки официоза в голосе Коделла показали, что запись пошла), что вы не раз открыто утверждали, будто Плана Селдона не существует.

Тревайз медленно, покачиваясь на стуле, проговорил:

— Ну, если об этом я говорил открыто и не раз — чего же вам еще?

— Давайте не будем тратить время на препирательства, Советник. Поймите, мне нужны ответы, произнесенные вашим собственным голосом. Полученная запись будет исследована в сравнении с эталоном вашего голоса в состоянии, когда вы полностью отвечаете за сказанные слова.

— Понятно. Видимо, применение гипноза, химических препаратов или того и другого вместе исказило бы звучание моего голоса?

— Да, и весьма значительно.

— А вам, конечно, безумно хочется показать, что вы не пользовались при допросе Советника нелегальными методами? Я вас в этом не обвиняю.

— Искренне рад. В таком случае продолжим, Советник. Вы не раз открыто заявляли, будто Плана Селдона не существует. Признаете вы это?

Тревайз ответил, старательно подбирая слова:

— Мое мнение таково: то, что мы привыкли именовать Планом Селдона, не имеет того значения, которое мы ему приписываем.

— Туманный ответ. Не будете ли любезны пояснить, что имеете в виду?

— Я считаю наивным общепринятое представление о том, что Гэри Селдон пятьсот лет назад, занимаясь разработкой математических основ психоистории, учел течение истории человечества до мельчайших деталей, о том, что мы идем по предначертанному пути от Первой Галактической Империи ко Второй по линии максимальной вероятности. Это невозможно.

— Хотите ли вы сказать, что, по вашему мнению, Гэри Селдона на самом деле никогда не было?

— Вовсе нет. Безусловно, он существовал.

— Может быть, вы хотите сказать, что он никогда не создавал психоисторической науки?

— Да нет же! Ничего подобного! Послушайте, Директор, если бы мне позволили, я бы все объяснил Совету. Могу объяснить и вам. Все так просто на самом деле...

Директор Службы Безопасности спокойно и откровенно отключил записывающее устройство. Тревайз умолк и нахмурился:

— Зачем вы это сделали?

— Вы тратите мое время, Советник. Я не просил вас произносить речи.

— Но вы просили меня выразить мою точку зрения, не так ли?

— Не совсем. Я просил вас отвечать на вопросы — просто, прямо, без лишних подробностей. Отвечать только на вопросы и не добавлять ничего такого, о чем у вас не спрашивают. Поступайте так, и тогда наша беседа не займет много времени.

— Хотите выудить у меня заявления, которые помогут вам состряпать официальную версию моей предполагаемой измены?

— Наше единственное желание — получить от вас честные ответы. Уверяю вас, извращать их никто не собирается. Прошу вас, давайте попробуем сначала. Мы говорили о Гэри Селдоне.

Коделл включил записывающее устройство и методично повторил вопрос:

— Может быть, вы хотите сказать, что он никогда не создавал психоисторической науки?

— Несомненно, он создал науку, именуемую нами психоисторией, — отвечал Тревайз, безуспешно пытаясь взять себя в руки.

— Как бы вы определили ее сущность?

— Обычно, — отвечал Тревайз, стараясь не скрипеть зубами, — ее определяют как отрасль математики, оперирующую понятиями, описывающими общие реакции больших групп людей

на заданные стимулы при заданных условиях. Другими словами, предполагается, что с ее помощью можно прогнозировать социальные и исторические перемены.

— Вы сказали «предполагается». Ваши сомнения основаны на математической экспертизе?

— Нет, — усмехнулся Тревайз. — Я не психоисторик. Как, впрочем, и ни один из членов правительства Академии, и ни один из граждан Терминуса, и ни один из...

Рука Коделла приподнялась над столом.

— Советник, прошу вас, — укоризненно проговорил он, и Тревайз умолк.

Коделл перешел к следующему вопросу:

— Есть ли у вас причина утверждать, что Гэри Селдон не произвел должного объема исследований, в которых были бы учтены с наибольшей точностью все факторы максимальной вероятности и минимальной длительности пути от Первой Империи до Второй под эгидой Академии?

— Меня там не было, — съязвил Тревайз. — Откуда мне знать?

— Так известно ли вам, что он этого не сделал?

— Нет.

— Может быть, вы отрицаете, что голографическое изображение Гэри Селдона, являвшееся во время ряда исторических кризисов за истекшие пятьсот лет, представляет собой подлинную видеозапись Гэри Селдона, сделанную в последний год его жизни?

— Нет, пожалуй, я этого не отрицаю.

— «Пожалуй» вы говорите. Как-то неточно. Не утверждаете ли вы, что это подделка, подмена, произведенная ранее или в более позднее время кем-то с какой-то целью?

— Нет, — вздохнул Тревайз, — я этого не утверждаю.

— Готовы ли вы признать, что речи, которые перед нами произносит Гэри Селдон, не сфабрикованы кем-то?

— Готов. У меня нет никаких причин подозревать какую бы то ни было фабрикацию. Не думаю, чтобы подобная подделка повлекла за собой что-либо существенно полезное, да и вообще не считаю такое возможным.

— Понятно. Вы были свидетелем последнего явления Селдона. Заметили ли вы, что анализ ситуации, проведенный им пятьсот лет назад, не совпал с реальными событиями наших дней довольно-таки точно?

— Совсем наоборот! — с неожиданным оживлением отозвался Тревайз. — Очень точно совпал!

Всплеск эмоций собеседника не вызвал у Коделла никакой реакции.

— И тем не менее, Советник, даже после явления Селдона вы продолжаете утверждать, что Плана Селдона не существует.

— Конечно, продолжаю, Я утверждаю, что его не существует именно потому, что анализ был произведен настолько точно.

Коделл выключил записывающее устройство.

— Советник, — с упреком сказал он, — вы вынуждаете меня стереть ваш ответ. Я спросил вас о том, продолжаете ли вы придерживаться своего странного убеждения, а вы опять начинаете излагать мне его причины. Позвольте, я повторю вопрос: и тем не менее, Советник, даже после явления Селдона, вы продолжаете утверждать, что Плана Селдона не существует?

— Откуда вам это известно? Вряд ли у вас была возможность побеседовать с моим приятелем Компором. Вероятно, он ваш осведомитель.

— Скажем так: мы догадались, Советник. Допустим, что на самом деле вы мне ответили: «Да, конечно». Если вы сами произнесете этот ответ без добавления отсебятины, мы покончим с этим вопросом.

— Да, конечно, — послушно, но не без сарказма произнес Тревайз.

— Отлично, — улыбнулся Коделл. — Сюда я вставлю «Да, конечно» из ваших ответов, которое будет звучать наиболее естественно. Благодарю вас, Советник.

Коделл выключил записывающее устройство.

— Это все? — удивленно спросил Тревайз.

— Все, что нам нужно.

— Ясно. Вам нужен набор вопросов и ответов, который вы сможете представить

Терминусу и всей Федерации Академии, дабы показать, что я целиком и полностью принимаю легенду о Плане Селдона. Следовательно, любое отрицание или сомнение с моей стороны, высказанное впоследствии, выставит меня эксцентриком, а то и того хуже – просто безумцем.

– Более того, изменником в глазах большинства тех, кто понимает, как важен План для сохранения безопасности Академии. Возможно, мне и не придется обнародовать материалы нашей беседы, Советник Тревайз, если мы достигнем некоторого понимания. Но в случае необходимости, будьте уверены, мы проследим за тем, чтобы Федерация это услышала.

– Послушайте, сэр, – нахмурив брови, сказал Тревайз, – не хотелось бы считать вас тупицей, но неужели вам так-таки неинтересно то, что я собирался сказать на самом деле?

– Как человеку, почему же, очень даже интересно, и в более подходящий момент я бы вас с превеликим удовольствием выслушал – с удовольствием, но не без здорового скепсиса. А как Директор Службы Безопасности я сейчас располагаю всеми необходимыми сведениями.

– Надеюсь, вы понимаете, что происшедшее ничего хорошего ни вам, ни Мэр не сулит?

– Как ни странно, у меня на этот счет противоположное мнение. Можете идти. В сопровождении охраны, как это ни прискорбно.

– Можно поинтересоваться, куда?

– До свидания, Советник, – широко улыбаясь, проговорил Коделл. – Вы, правда, не были откровенны до конца, но ожидать от вас этого было бы наивно.

Он протянул Тревайзу руку в знак прощания.

Тревайз на это проявление вежливости и дружелюбия никак не ответил. Он встал, расправил изнутри складки любимой сумки, вытащил руки и, прищурившись, отчеканил:

– Вы просто оттягиваете неизбежное. Так, как я думаю сейчас, могут думать и другие, или станут так думать позднее. Посадите меня в тюрьму, казните – это вызовет удивление и только ускорит распространение подобных взглядов. Но в конце концов мы победим – истина и я.

Коделл отдернул протянутую руку и медленно покачал головой:

– Нет, Тревайз. Вы таки дурак.

4

Только к полуночи явились двое охранников, чтобы увести Тревайза из роскошных апартаментов Дирекции Службы Безопасности. Роскошных, но запертых на замок. Тюрьма она и есть тюрьма, как ни назови.

Четыре часа с лишним Тревайз чинил допрос самому себе, шагая из угла в угол комнаты и лишь изредка присаживаясь.

Как он мог довериться Компору!

А почему он должен был не доверять ему? Вроде бы тот был всегда согласен с ним... Нет, не то. Всегда не прочь был поспорить? Нет, опять не то. Просто Компор представлялся ему легко внушаемым человеком, начисто лишенным собственного взгляда на вещи, и Тревайз частенько наслаждался возможностью использовать его в качестве звукового стенда. Компор помогал Тревайзу шлифовать собственные мнения и укрепляться в них. Он был удобен, и доверял ему Тревайз не по какой-либо другой причине, а только потому, что доверять Компору было удобно.

Теперь бесполезно было гадать, что он упустил и когда стоило приглядеться к Компору получше. Видимо, решил Тревайз, никогда нельзя изменять принципу: «Не доверяй никому».

Но как можно жить, не доверяя никому?

Мерзко, но деваться некуда.

Но кто бы мог представить, что Бранно решится на публичное изгнание Советника из зала Заседаний? Что ни один Советник пальцем не пошевелит, рта не раскроет, чтобы защитить его? Пусть они были не согласны с Тревайзом в глубине души, пусть они были готовы пролить свою кровь, до последней капли, на алтарь правоты Бранно, но, не защитив его, они же сами себя на веки вечные лишили стольких прав и привилегий! «Бранно Бронзовая» – так порой величали Мэра. Да, действовала она поистине с металлической жестокостью...

А вдруг она действует не по своей воле?

Нет! Так и до паранойи недалеко!

И все же, все же...

Навязчивая мысль на цыпочках вершила круги в его сознании и не уходила, никак не уходила... Вошли охранники.

— Вам придется проследовать с нами, Советник, — сообщил старший по званию (судя по знакам отличия, лейтенант) голосом вышколенного служаки. На правой щеке его был заметен небольшой шрам, и вид у него был бесконечно усталый. Казалось, он несет службу, не получая никакой отдачи — дело понятное, чего еще ждать от службы солдату, чей народ живет в мире и спокойствии больше века?

Тревайз не пошевелился.

— Ваше имя, лейтенант.

— Лейтенант Эвандер Сопеллор, Советник.

— Вы осознаете, что нарушаете закон, лейтенант Сопеллор? У вас нет права арестовывать Советника.

— У нас приказ, сэр.

— Это неважно. И быть такого не может. Вам не могут приказать арестовать Советника. Трибунала вы не боитесь?

— Мы не арестуем вас, Советник.

— Значит, я не обязан следовать с вами, так?

— Нам дан приказ сопроводить вас домой.

— Я знаю дорогу.

— Мы должны охранять вас по пути.

— От чего? От кого?

— Вокруг вас может собраться толпа.

— Толпа? В середине ночи?

— Потому мы и ждали полуночи, сэр. А теперь, сэр, ради вашей же безопасности, прошу вас следовать с нами. Не хотелось бы угрожать вам, сэр, но я обязан сообщить вам, что в случае необходимости у нас есть право прибегнуть к применению силы.

Тревайз заметил у обоих охранников нейронные хлысты. Изо всех сил стараясь показаться равнодушным и не утратить достоинства, он встал со стула.

— Ну что ж — домой, так домой, — сказал он как можно более небрежно. — Хотя вполне может оказаться, что не домой, а в тюрьму.

— У нас нет инструкций обманывать вас, сэр, — возразил лейтенант с гордостью. Тревайз понял, что имеет дело с профессионалом, который и соверяет только по приказу, но тогда уж ни выражение лица, ни интонация голоса его не выдаут.

— Прошу прощения, лейтенант, — извинился Тревайз. — Я вам верю.

На улице их ждал автомобиль.

Вокруг не было ни души. Какая толпа? Хотя, собственно, лейтенант никакой толпы не обещал. Он только сказал, что она может собраться.

Лейтенант теснил Тревайза к машине. Ни отойти в сторону, ни сделать резкое движение было невозможно. Скользнув в дверцу сразу же за Тревайзом, лейтенант захлопнул ее и уселся рядом с Советником.

Машина тронулась.

Не оборачиваясь, Тревайз спросил:

— Я полагаю, что, как только окажусь дома, имею право вести себя, как мне па благо рас судится — уехать, к примеру?

— У нас нет инструкций каким-то образом мешать вам, Советник, но отныне мы обязаны охранять вас.

— Что сие означает?

— Я имею распоряжение сообщить вам, что, как только вы окажетесь дома, вы не должны будете никуда выходить. Улица для вас небезопасна, а я отвечаю за вашу безопасность.

— Ясно. Домашний арест.

— Я не юрист, Советник. Не знаю, как это называется.

Лейтенант на Тревайза не смотрел — взгляд его был устремлен вперед, на дорогу, но локоть довольно чувствительно упирался в бок Советника, и при всем желании Тревайз не смог

бы даже пошевелился, чтобы лейтенант этого не заметил.

Автомобиль затормозил у маленького коттеджа Тревайза на окраине Флекснера. Ждать его дома было некому – нынешняя его подруга, Флавелла, устала от напряженной, беспорядочной жизни, которую ему, профессиональному политику и члену Совета, приходилось вести, и не так давно перебралась к себе.

– Могу я выйти? – спросил Тревайз.

– Я выйду первым, Советник. Мы проводим вас в дом.

– Печетесь о моей целости и сохранности?

– Да, сэр, – невозмутимо отозвался лейтенант.

За дверью их ожидали еще двое охранников. Снаружи казалось, что в доме темно, по, оказывается, окна были зашторены и горел ночник.

В первое мгновение Тревайз собрался было выразить возмущение, но тут же взял себя в руки – чего уж теперь возмущаться. Если собратья-Советники не смогли защитить его в зале Заседаний, то уж дом его тем более перестал быть его крепостью.

– Сколько же вас тут? Полк? – попытался пошутить Тревайз.

– Нет, Советник, – послышался в ответ твердый, уверенный голос. – Кроме тех, кого вы видите, только один человек – я, и жду вас уже очень долго.

В дверях гостиной стояла Харло Бранно, Мэр Терминуса.

– Нам пора побеседовать, не правда ли?

Тревайз не мог сдержать изумления:

– И весь этот маскарад для того, чтобы...

– Спокойно, Советник! – сказала Бранно тихо, но властно. – А вы, все четверо, пошли вон! Вон! Тут все будет в порядке. Марш отсюда!

Четверо охранников отсалютовали, развернулись на сто восемьдесят градусов и удалились. Тревайз и Бранно остались наедине.

Глава вторая Мэр

5

Последний час Бранно провела в напряженных раздумьях. Фактически она была виновна во взломе. Более того, она самым неконституционным образом нарушила иммунитет Советника. По суровым законам, принятым, когда миновали годы правления династии Индбуров и Мула, Мэр мог быть подвергнут импичменту за превышение полномочий.

Жаль, что это произошло в тот день, когда ей следовало бы быть непогрешимой.

«Ну да ладно. Это пройдет», – подумала она, раздраженно пошевелившись в кресле.

Первые два столетия существования Академии стали ее Золотым Веком, Эрой Героев – по крайней мере, так казалось теперь: кто знал, как жилось людям в то неспокойное время? Те годы дали Академии двух величайших героев – Сальвора Гардина и Хобера Мэллоу, полубогов, способных в славе поспорить с самим несравненным Гэри Селдоном. На этих трех китах поконилась не только легенда об Академии, но и ее истинная история.

Однако в те дни Академия была крошечным, уязвимым миром, с колossalным трудом удерживающим владычество над Четырьмя Королевствами, и не знала наверняка, насколько крепка десница Плана Селдона, надежно заслонившая ее от останков могущественной Галактической Империи.

И чем сильнее росло политическое и экономическое могущество Академии, тем менее значительными фигурами становились ее борцы и правители. О Латане Девересе почти позабыли. Если и вспоминали о нем, то лишь из-за его трагической гибели на невольничих рудниках, а никак не по поводу ненужной, но героической схватки с Белом Риозом.

Да и сам Бел Риоз, величайший и наиболее титулованный из врагов Академии, ушел в небытие. Его заслонила тень Мула – единственного страшного врага, которому удалось разрушить План Селдона, покорить Академию и править ею. Он был Великим Врагом, но

последним из Великих.

Мало вспоминали и о том, что победу над Мулом одержала женщина – Байта Дарелл и что сразилась она с ним в одиночку, без чьей-либо помощи и поддержки – и План Селдона не был ей подспорьем. Немногие помнили, что ее сын и внучка – Торан и Аркади Дарелл – победили Вторую Академию, после чего Академия, Первая Академия, стала единственной, вне всякой конкуренции.

Они, герои позднейших времен, героями не числились – пребывали в категории простых смертных. Помимо всего прочего, написанная Аркади Дарелл книга биография ее бабушки – и вовсе превратила этот персонаж из исторического в литературный.

С тех пор героев не стало никаких, даже литературных. Калганская война была для Академии последним поводом для беспокойства, да и то весьма второстепенным. Два столетия ровного, спокойного, ничем не нарушающего мира! За сто двадцать лет – всего-то пара царапинок на обшивке корабля!

Мир был прекрасен, более того, он был исключительно выгоден – с этим Бранно спорить не стала бы. Академия не создала пока Второй Империи: согласно Плану Селдона, она находилась лишь на полпути к ней, но Федерация Академии держала под крепчайшим экономическим влиянием треть рассеянных по Галактике политических единиц, и даже там, где не в полной мере контролировала ситуацию, власть ее была велика. Мало осталось мест, где слова «я – гражданин Академии» не были бы встречены с подобающим уважением. Во всех миллионах обитаемых миров ни один правитель не мог сравниться с Мэром Терминуса.

Этот титул существовал до сих пор, переходя по наследству от градоправителя крошечного поселения в затерянном на задворках цивилизации мире. Титул учредили пять веков назад, но никому до сих пор не приходило в голову изменить его или добавить к его звучанию хоть один лишний атом. Пожалуй, только громогласное звание Его Императорского Величества могло тягаться в величии со скромным титулом Мэра.

Так было везде, кроме самого Терминуса. Здесь власть Мэра была жестко ограничена. Еще не стерлась память об Индбурах. Но не их тиранию помнил народ, а то, что они покорились Мулу.

Теперь Терминусом правила она, Харла Бранно, могущественнейшая из лидеров Академии со времен кончины Мула, всего лишь пятая женщина, занимавшая этот высокий пост. И сегодня в ее жизни был единственный день, когда она могла полностью использовать свою власть и могущество.

Она вступила в схватку, чтобы доказать упрямой оппозиции, что права она, а не они, мечтавшие достичь престижа в Центре Галактики, стремящиеся к ауре имперского владычества, и выиграла бой!

Как долго ей приходилось сдерживать себя! «Еще рано», – то и дело твердила она, Поспешишь – людей насмешишь, нельзя торопиться выступать против Центра. Но явился Селдон и подтвердил справедливость ее собственных слов.

Это, хотя бы на время, сделало ее в глазах Академии такой же мудрой и прозорливой, как сам Селдон. Она знала – этого часа, что бы ни случилось потом, никто никогда не забудет.

Но надо же было, чтобы в такой, лучший из дней ее жизни, этот сосунок, этот выскочка осмелился бросить ей вызов!

Вызов – ладно, но он осмелился быть прав!

Он был прав – опаснее быть не могло. Именно поэтому он мог погубить Академию.

Теперь он восседал перед ней.

– Ну разве вы не могли, – начала она укоризненно! – прийти ко мне лично? Неужели так необходимо было устраивать истерику в зале Заседаний, желая выставить меня в дурацком свете? Что вы наделали – вы, беспечный, сумасшедший мальчишка?

Тревайз понял, что вот-вот вспылит, но сдержался и промолчал. Неловко грубить женщине почти вдвое старше себя – в следующий день рождения Мэру исполнялось шестьдесят три.

Кроме того, Тревайз отлично знал, сколь опытна она в ведении политических дебатов и прекрасно понимает, что стоит вывести противника из равновесия в самом начале сражения – и он уже у нее в кармане. Но для пущей эффективности подобной тактики необходима была аудитория, в глазах которой противник был бы унижен. Аудитории не было. Он и она.

Так что он оставил без внимания сказанное ею и принял как можно более бесстрастно ее разглядывать. Пожилая дама, одетая во что-то на редкость бесполое – такая одежда была теперь весьма популярна в Академии, но и этот наряд Мэру был совершенно не к лицу. Она, руководитель галактического масштаба (если тут уместно само понятие «руководитель», может ли быть руководитель у Галактики?), была самой обычной старухой – на самом деле ее легко было принять за старику, если бы ее седые волосы не были гладко зачесаны назад – мужчины предпочитали более фривольные прически.

Тревайз весело улыбнулся. Как бы престарелый оппонент ни старался заставить эпитет «мальчишка» звучать оскорбительно, адресат оскорблений располагал явными преимуществами в виде молодости и красоты и ни на минуту не забывал об этом.

– Что правда, то правда, – сказал он. – Мне тридцать два, и в каком-то смысле я мальчишка. А еще я Советник, то есть человек не от мира сего, по определению. Первое – неизбежность, а по поводу второго я искренне сожалею.

– Да вы понимаете, что натворили? Прекратите упражняться в остроумии. Садитесь. Будьте любезны сосредоточиться и отвечайте на мои вопросы серьезно.

– Я понимаю, что натворил. Я сказал правду, сказал то, что думаю.

– И в такой день вы надеялись попасть в цель? В тот самый день, когда престиж мой настолько высок, что я смогла запросто вышвырнуть вас из зала Заседаний, и даже никто не пикнул?

– Пикнут еще, успеется. Образумятся, начнут дышать ровнее и пикнут. Будет протест. Может быть, он уже зреет сейчас. Уверяю вас, ко мне еще сильнее прислушаются после ваших драконовских издевательств надо мной.

– Никто к вам не прислушается. Если мне покажется, что вы будете продолжать заниматься тем, чем занимались, в моих глазах и глазах всех вы по-прежнему останетесь изменником.

– Тогда я должен буду предстать перед судом. А в суде праздник будет на моей улице.

– Не рассчитывайте на это. Чрезвычайные полномочия Мэра безграничны, хотя прибегают к ним редко.

– На каком же основании вы прибегнете к использованию чрезвычайных полномочий?

– Найду основание. Придумаю, изобрету. Не волнуйтесь, у меня достанет воображения, чтобы рискнуть. Не заводите меня, молодой человек. Либо мы сейчас здесь придем к согласию, либо вы никогда больше не будете разгуливать на свободе. Остаток своей жизни вы проведете за решеткой. Это я вам гарантирую.

Они не сводили глаз друг с друга. Серо-стальные глаза Бранно, казалось, видели собеседника насквозь. А взгляд светло-карих глаз Тревайза был язвителен и саркастичен.

– Какого рода согласие вы предлагаете, Мэр?

– Ага, Вам любопытно. Так-то лучше. Следовательно, вместо перепалки займемся разговором. Итак, ваше мнение.

– Вам оно прекрасно известно. Я так понимаю, что вместе с Советником Компором вы уже успели основательно покопаться в моем грязном белье.

– Я хочу все услышать из ваших уст – в свете только что разрешившегося кризиса Селдона.

– Что ж, отлично, если вы этого хотите, Госпожа Мэр! (Чуть было не сорвалось с языка «старуха».) Образ Селдона был просто потрясающе точен. Поразительно, невообразимо точен – а ведь прошло уже пять веков, Насколько мне известно, это его восьмое по счету явление. В ряде случаев во время явлений в Склепе никого не было. Но как минимум однажды, во времена правления Индбура III, он наговорил такого, что было ох как далеко от реальности. Правда, тогда появился Мул. Но когда, когда еще он был настолько точен, как сегодня? – Тревайз усмехнулся и сам себе ответил: – Никогда, Госпожа Мэр, на нашей памяти Селдону не удавалось так четко, до мельчайших подробностей обрисовать ситуацию.

— Вы что, хотите сказать, что нынешнее явление Селдона было спектаклем? Что кто-то придумал ему текст роли — я, к примеру, и какой-то актер сыграл ее?

— Это не так уж невозможно, Госпожа Мэр, но я этого сказать не хотел. Правда гораздо более горька. Я верю, что мы видим истинный образ Селдона, что описание нынешней исторической ситуации есть то самое, что он подготовил пятьсот лет назад. То же самое я сказал вашему приспешнику, Коделлу. Надо сказать, дока он в ведении допросов. Так ловко все обстряпал, что теперь, похоже, не найдется в Академии большего тупицы, чем я.

— Да. Запись вашего допроса в случае необходимости будет использована, чтобы Академия могла убедиться, что вы на самом деле никогда не были оппозиционером.

— Ну, это уж вы извините! — Тревайз театрально развел руками. — Оппозиционер я и оппозиционером останусь. Плана Селдона не существует, заявляю я вам, — не существует в том смысле, в каком мы привыкли его воспринимать, верить в него, — его не существует по меньшей мере уже два столетия. Я уже не первый год подозревал это, и то, что мы выслушали сегодня в Склепе, только подтвердило мои подозрения.

— Потому что Селдон оказался прав? Настолько прав?

— Именно. И не улыбайтесь. Это железное доказательство.

— А я не улыбаюсь. Я вас слушаю. Продолжайте.

— Но откуда взялась такая точность? Ведь два века назад анализ Селдоном тогдашней ситуации оказался в корне ошибочным! Тогда минуло триста лет после основания Академии, а он уже успел так ошибиться. То есть напрочь ошибиться!

— Это, Советник, вы сами только что прекрасно объяснили. Все из-за Мула. Мул был мутантом с интенсивнейшим ментальным полем, и в Плане никак не мог быть предусмотрен.

— Но он, как бы то ни было, существовал — можно это было предусмотреть или нельзя. План был разрушен. Мул правил недолго, наследников у него, слава богу, не было. Академия восстановила свою независимость и влияние, но вот как мог План Селдона вернуться на круги своя, как можно было заштопать в нем эту громадную дырищу?

Бранно нахмурилась и скжала кулаки.

— Ответ вам известен. Мы были одной из двух Академий. Вы читали учебники истории?

— Читал. Еще я читал принадлежащее перу Аркади Дарелл жизнеописание ее бабки — эта книжка была в школьной программе, но я читал и ее роман. Знакомы мне и разнообразные взгляды на историю Мула, высказанные в более поздние времена. Имею я право на сомнения?

— Какого рода сомнения?

— По официальной версии, мы, Первая Академия, призваны были сохранить знания в области физики и расширить их. Мы должны были существовать явно, открыто, а наше историческое развитие происходило — неважно, знали мы об этом или нет — по Плану Селдона. Однако существовала и Вторая Академия, задача которой заключалась в сохранении и развитии психологических наук — психоистории, в частности, — и их существование должно было оставаться тайной даже для нас. Вторая Академия была хранителем и проводником Плана, она управляла течением истории Галактики, следила за тем, чтобы никто не сворачивал с дорог, Планом предначертанных.

— Ну вот, вы сами себе отвечаете, — сказала Мэр, — Байта Дарелл подставила Мулу подножку — скорее всего, это было сделано ею под вдохновляющим началом Второй Академии, хотя внучка утверждает, что это не так. Но несомненно другое: именно Вторая Академия разработала мероприятия по возвращению истории на стезю Плана после смерти Мула, и, очевидно, она добилась успеха. Так о чем же вы толкуете, Советник?

— Госпожа Мэр, если мы оттолкнемся от того, что написано у Аркади, мы убедимся, что Вторая Академия, предпринимая попытки коррекции истории Галактики, хранила План в жесточайшем секрете — эти попытки могли дорого им обойтись: они утратили бы инкогнито. Первая Академия жила, развивалась и не смогла бы жить дальше, сознавая, что ею кто-то манипулирует, что кто-то направляет все ее действия. Поэтому мы решили найти Вторую Академию и уничтожить ее.

Бранно кивнула:

— И преуспели в этом, судя по тому, что пишет Аркади Дарелл. Но случилось это никак не ранее, чем тогда, когда Вторая Академия уже успела вернуть поток истории в нужное русло,

измененное Мулом. И с тех пор он течет по этому руслу.

— Вы верите в это? В книге написано, что Вторая Академия была обнаружена и что с некоторыми ее сотрудниками расправились. Было это в триста семьдесят восьмом году А. Э., то бишь сто двадцать лет назад. Пять поколений успело родиться на свет с тех пор, как мы вроде бы существуем в одиночку, без Второй Академии. И тем не менее остались так близки к Плану, что и вы, и образ Селдона сказали практически одно и то же!

— Это можно объяснить моей исторической прозорливостью.

— Прошу прощения. В вашей прозорливости у меня лично нет никаких сомнений, однако более очевидным мне представляется другое объяснение. Я полагаю, что Вторая Академия не была уничтожена. Она до сих пор управляет нами. Мы до сих пор в ее руках. Только поэтому мы и вернулись на стезю Плана Селдона.

7

Трудно сказать, шокировало ли Мэра это заявление. Виду она, по крайней мере, не подала.

Час пополуночи — время позднее, и ей отчаянно хотелось поскорее покончить с этим разговором, но торопить события она не могла. Этого юнца следовало обыграть, и нельзя было позволить ему раньше времени порвать финишную ленточку. Пусть сначала сослужит ей службу, а потом от него можно будет избавиться.

— Правда? — Бранно скептически вздернула брови. — Вы утверждаете, следовательно, что повествование о Калганской войне и победе над Второй Академией — вранье? Чепуха? Досужий вымысел?

Тревайз пожал плечами:

— Почему? Совсем не обязательно. Не об этом речь. Предположим, что рассказ Аркади совершенно достоверен, настолько, насколько она имела представление о ходе событий. Предположим, все происходило именно так, как пишет Аркади: логово Второй Академии было обнаружено и ликвидировано. Но как можем мы с уверенностью заявлять, что уничтожили их всех, до последнего? Вторая Академия манипулировала всей Галактикой, не только Терминусом и Академией. Она заботилась не только о существовании нашего столичного мира, не только всей нашей Федерации. На тысячу парсеков отсюда, а то и больше, наверняка трудились другие представители Второй Академии. Как же можно утверждать, что мы избавились от всех до единого?

— Если это так, то что толку в нашей победе? Что толку было во всех завоеваниях Мула? Да, он захватил Терминус и все миры, которые Терминус контролировал, но Миры Независимых Торговцев продолжали сражаться. Он покорил Миры Независимых Торговцев, но остались трое беженцев — Эблинг Мис, Байта Дарелл и ее муж. Оба мужчины были у Мула в руках, и только Байту Дарелл он пощадил — если верить Аркади — исключительно из сентиментальных побуждений. Но этого оказалось достаточно. У одной только Байты была возможность вести себя так, как она хотела, и благодаря ее действиям Мулу не удалось определить местонахождение Второй Академии — это стало началом его поражения.

Один-единственный человек остался нетронутым, и все было кончено! Так насколько же важна, оказывается, роль одного-единственного человека, несмотря на то, что все взахлеб орут, будто в рамках Селдона индивидуум — ноль без палочки, а массы решают все.

Ну а если мы оставили в живых не одного-единственного представителя Второй Академии, а несколько десятков, что тогда? Что мешало им собраться вместе, объединить усилия, воссоздать и приумножить свои сокровища, возобновить свою деятельность, увеличить число сотрудников за счет обучения и тренировки и снова повести нас за руку?

— И вы верите этому? — угрюмо спросила Бранно.

— Я в этом уверен.

— Но зачем им это, скажите на милость, Советник? Зачем тем жалким останкам, что выжили, пытаться продолжать деятельность, которую никто в Галактике не приветствует? Что побуждает их удерживать Галактику на пути ко Второй Галактической Империи? Даже если эта жалкая горстка людей так жаждет этого, нам-то что за дело? Работают — и ладно. Разве не в

наших интересах оставаться на пути Плана? Разве не стоит сердечно поблагодарить их за то, что они заботятся о нас – пекутся, чтобы мы не сбились с пути, не заблудились?

Тревайз устало потер рукой глаза. Хоть он и был моложе, походило, что из двоих он устал больше.

– Просто не верится, – сказал он, глядя на Мэра в упор. – Неужели вы сохраняете иллюзию, будто Вторая Академия все это делает для *нас*? Думаете, они идеалисты? Как вы, профессиональный политик, собаку съевший в вопросах практики применения власти, управления, можете думать, что они делают это не для себя?.. Мы – лезвие бритвы. Мы – сила, тягач. Мы трудимся, истекаем потом и кровью, стонем и рыдаем. А они? Они вертят ручки туда-сюда, там-сям замыкают контакты – с легкостью и без всякого риска для себя. А потом, когда все будет сделано, когда минет тысяча лет борьбы и страданий и мы создадим Вторую Галактическую Империю, они въедут в нее на наших согбенных плечах как правящая элита.

– Надо понимать, вы хотите уничтожить Вторую Академию? – спросила Бранно. – На полути ко Второй Империи взять все на себя, чтобы правящей элитой стали мы, Так?

– Конечно! Конечно! Разве вы не хотите того же самого? Вы и я – мы не доживем, не увидим этого, но у вас есть внуки, надеюсь, в один прекрасный день они будут и у меня. А у них, в свою очередь, тоже будут внуки. Я хочу, чтобы они вкусили плоды наших трудов, я хочу, чтобы источник этих плодов они видели в нас, и благодарили, и славили нас за это. Я не хочу, чтобы все свелось к жизни в рамках предопределения и конспирации, воздвигнутых Селдоном – он не мой герой. Поверьте, он может быть гораздо более опасным, чем Мул, – если мы позволим Плану продолжать осуществляться. Ей-богу, я бы предпочел, чтобы Мул на самом деле разрушил План до основания – во веки веков! Мула мы бы пережили. В конце концов он оказался весьма и весьма смертен. А вот Вторая Академия, похоже, вечна.

– Но вы хотели бы ее уничтожить?

– Если бы я знал как!

– Ну, если вы не знаете как, не кажется ли вам вероятным, что они запросто могут уничтожить вас?

Тревайз прищурился:

– Знаете, честно говоря, у меня было подозрение, что даже вы находитесь под их контролем. Вы так точно предвидели все, что скажет Селдон, а потом так круто обошлись со мной – ведь все это могло быть спровоцировано Второй Академией. Вы могли служить пустым сосудом, в который заглянула Вторая Академия и наполнила ее содержимым по своему усмотрению.

– Почему же вы тогда со мной так разговариваете?

– Потому что если бы вами манипулировала Вторая Академия, я бы так или иначе проиграл – даже если бы не выразил своего негодования вслух. Поэтому я на всякий случай сделал ставку на то, что вы вовсе не под их контролем, а просто, прошу прощения, не ведаете, что творите.

– Ставку вы сделали верно, – кивнула Бранно, – и выиграли. Ни под чьим контролем я не нахожусь, кроме своего собственного. Но в любом случае, как вы можете быть уверены, что я вам не лгу? Будучи под контролем Второй Академии, разве я бы призналась в этом? Да и знала бы я сама, что «обработана»? Однако подобные вопросы лишены всякого смысла. Я считаю, что я не под контролем, и вам остается одно – поверить в это. Тем не менее давайте обсудим кое-что. Если Вторая Академия существует, несомненно, она должна быть убеждена, что никто в Галактике о ее существовании не догадывается. План Селдона только тогда работает на все сто, когда мы, марионетки, не знаем о том, каким образом он работает, каким способом нами манипулируют. Именно потому, что Мул привлек внимание Первой Академии к проблеме возможности существования Второй, она и была разбита во времена Аркади. Видимо, следовало добавить «вероятно» – так. Советник?.. Отсюда следуют два вывода. Во-первых, резонно предположить, что к откровенным вмешательствам представители Второй Академии прибегают крайне редко – так редко, как только могут. Вряд ли они в таких условиях способны захватить власть над нами целиком и полностью. Все имеет свои ограничения – и деятельность Второй Академии тоже. Покорить некоторых, а остальным позволить гадать над свершившимся фактом – такое вызвало бы серьезные искажения в Плане. Вывод таков: их вмешательство

настолько деликатно, косвенно и редко, что, следовательно, я не «обработана». Так же, как и вы.

— Первый вывод я готов принять, но, скорее всего, потому, что мне хотелось бы так думать. А второй?

— Он гораздо более прост и намного более неизбежен. Если Вторая Академия существует и намерена охранять тайну своего существования, только об одном можно судить наверняка: всякий, кто думает, что она жива и здорова и волит об этом на всю Галактику, должен быть каким-то тихим и ненавязчивым способом удален со сцены, как можно скорее стерт с лица истории. Вам такой вывод не напрашивался?

— И поэтому вы взяли меня под стражу, Госпожа Мэр? Чтобы защитить меня от Второй Академии?

— В каком-то смысле. До некоторой степени. Произведенная Лайоно Коделлом подробная запись ваших высказываний будет обнародована не только для того, чтобы оградить народ Терминуса и всей Академии от вашей пустой болтовни, но и для того, чтобы не тревожить лишний раз Вторую Академию. Не хотелось бы привлекать к вашей персоне ее внимание, если она существует.

— Ну надо же, — иронично отозвался Тревайз. — За что же такая честь? Не за красивые же глаза?

Бранно поерзала в кресле и неожиданно тихо рассмеялась:

— Я еще не так стара, Советник, — сказала она, — чтобы не замечать, что у вас действительно красивые глаза. Лет тридцать назад это, пожалуй, было бы более веским мотивом. Сейчас, уверяю вас, я бы пальцем не пошевелила, чтобы сберечь ваши прекрасные глазки, да и все остальное. Но если Вторая Академия существует и вы ухитритесь привлечь к себе ее внимание, они на вас не остановятся. Тогда в опасности будет и моя жизнь, и жизнь других людей — поумнее вас и подостойнее. Тогда под угрозой окажутся все намеченные нами планы.

— Вот как? Значит, вы тоже верите, что Вторая Академия существует? Видимо, верите, раз так боитесь ее.

Тяжелая рука Бранно опустилась на столик.

— Конечно, верю, законченный вы идиот! Если бы я не знала, что Вторая Академия существует, если бы я не боролась с ними так упорно и успешно, было ли бы мне хоть какое-то дело до вашей болтовни? Если бы ее не было, озабочило бы меня хоть на мизинец то, что вы утверждаете, будто она существует? Еще пару месяцев назад, когда вы принялись принародно произносить свои спичи, я хотела попросить вас заткнуться, но тогда я просто не могла позволить себе так резко обойтись с Советником. Явление Селдона выставило меня в наилучшем свете и дало мне неограниченную власть — пускай на время, и как раз тут-то вас понесло на публичные разглагольствования. Как видите, среагировала я мгновенно, и теперь ничто не помешает мне покончить с вами, не поколебавшись ни на сотую долю секунды — если вы не станете делать то, что вам будет сказано. Наша встреча, затянутая в такое время, когда мне, честно говоря, гораздо приятнее было бы крепко спать, была задумана исключительно для того, чтобы вы мне поверили. Хочу, чтобы вы знали: проблема существования Второй Академии, на которую я так умело навела вас и позволила вам высказаться о ней, дает мне веское основание прекратить даже вашу жизнь без суда и следствия.

Тревайз подскочил, но на ноги встать не успел.

— О, не пытайтесь дергаться, — остановил его властный голос Бранно, — Я, конечно, лишь старая женщина — ведь вы об этом сейчас подумали, но вы умрете, прежде чем посмеете ко мне прикоснуться. Рядом мои люди, молодой тупица.

Тревайз откинулся на спинку кресла. Голос его едва заметно дрожал.

— Но вы... вы сами себе противоречите! Если бы верили, что Вторая Академия существует, вы бы не смогли позволить себе говорить о ней так открыто. Вы бы не стали подвергать себя опасности — ведь вы считаете, что я рисковую!

— Тем самым, сударь, вы делаете мне комплимент — со здравым смыслом у меня получше, чем у вас. То бишь вы верите, что Вторая Академия существует и говорите об этом открыто, потому что вы — дурак набитый. А я верю, что она существует и говорю об этом открыто, но

только потому, что мною приняты меры предосторожности. Судя по нашему разговору, вы довольно неплохо знакомы с литературными трудами Аркади. Думаю, вам нетрудно припомнить, что в одной из ее книг упоминается устройство, изобретенное ее отцом, — «менторезонатор». Прибор этот служил ширмой против того рода ментального воздействия, которым располагала Вторая Академия. Он существует до сих пор в условиях величайшей секретности. Ваш дом в данный момент совершенно свободен от такого воздействия. Если вам это ясно, позвольте объяснить, что вы должны делать.

— Что же?

— Вы должны выяснить, правы ли мы. Вы должны выяснить, существует ли Вторая Академия, и если да, то где. Это означает, что вы должны покинуть Терминус и отправиться неизвестно куда — даже если, в конце концов, окажется, что, как во времена Аркади, Вторая Академия находится здесь, среди нас. Это означает, что вы не имеете права вернуться без каких-либо сведений. Не раздобыв их, вы не вернетесь никогда, и на Терминусе станет на одного идиота меньше.

Тревайз вскинулся, с удивлением обнаружив, что заикается:

— Н-но к-как же, черт подери, я буду искать их, не выдав себя? Они п-просто-напросто прикончат меня, и от этого на Терминусе ни у кого ума не прибавится!

— Значит, *не* ищите их, наивное вы дитя. Ищите что-нибудь другое. Ищите всем сердцем и душой что-нибудь другое, но если в процессе поисков вы наткнетесь на *них* — вот и славно! Тогда пошлите нам шифрованную экранированную информацию по гиперволнам и можете возвращаться за положенной наградой.

— У меня есть подозрение, что вы уже придумали, что мне искать.

— Несомненно. Вам знаком Джэн Пелорат?

— Даже не слыхал о таком.

— Завтра познакомитесь. Он вам и расскажет о том, что вам следует искать. Он станет вашим спутником, и вы получите в распоряжение один из самых лучших наших кораблей. Вас будет только двое — вполне достаточно для риска такого рода. Но если вам взбредет в голову вернуться обратно, не располагая, по нашему мнению, удовлетворительной информацией, вы будете вышвырнуты в открытый космос, прежде чем успеете подлететь к Терминусу ближе, чем на парsec. Все. Разговор окончен.

Она поднялась, посмотрела на свои руки, медленно натянула перчатки. Не успела она повернуться к двери, как тут же вошли двое охранников с оружием на изготовку и расступились, дав ей пройти.

На пороге она обернулась и сообщила:

— Снаружи есть еще охрана. Постарайтесь не заставлять их нервничать, чтобы мы были спокойны за вашу жизнь. Хотя, с другой стороны, поступайте с ней, как вам угодно.

— Ну что вы, — попытался отшутиться Тревайз. — Теперь, когда я облечены столь высоким доверием...

— Посмотрим, оправдаете ли, — сказала Бранно со злорадной усмешкой.

8

На улице Мэра ждал Лайоно Коделл.

— Я все слышал Мэр, — сказал он. — Вашей выдержке можно позавидовать.

— Устала зверски. Такое впечатление, что сегодня в сутках было как минимум семьдесят два часа. Теперь — ваша очередь.

— Хорошо, Я понял. Только скажите — дом действительно был защищен менторезонатором?

— О Коделл, — устало проговорила Бранно. — Кому это должно быть известно лучше, если не вам? Какова была вероятность того, что кто-то следит за домом? Неужели вы воображаете, что Вторая Академия — такое уж недреманное око? Я не романтик-сосунок типа Тревайза. Это он такое мог выдумать, но не я. Но даже будь это так, будь повсюду глаза и уши Второй Академии, разве наличие менторезонатора не выдало бы нас с головой? Разве само наличие ментально-непроницаемого поля в каком-то районе не вызвало бы у Второй Академии

подозрений, что кто-то сопротивляется их вмешательству? Разве тайна существования такого поля – до тех пор пока у нас не будет возможности применить его в полном объеме – не более ценна, чем не только Тревайз, но и вы, и я вместе взятые? И все-таки...

Машина уже неслась по ночным улицам. Коделл сидел за рулем.

– «И все-таки»? – переспросил Коделл.

– Что «и все-таки»? Ах да. И все-таки этот молодой человек не так прост. Его раз двадцать идиотом обозвала, чтобы он понял, кто в доме хозяин, но ведь я сама отлично понимаю, что это не так. Он молод и начитался книг Аркади, и поверил, будто Галактика действительно такова – но в уме и сообразительности ему не откажешь. Жаль будет потерять его.

– А вы абсолютно уверены, что он не вернется?

– Уверена, к сожалению, – грустно ответила Бранно. – Но как бы то ни было так будет лучше. Не нужны нам зеленые романтики, слепцы, готовые в одно мгновение разбить в пух и прах все то, на создание чего у нас ушли годы и годы. Ну и потом, службу он нам сослужит, это без сомнения. Он обязательно привлечет внимание Второй Академии – если, конечно, она действительно существует и мы действительно ее интересуем. Но пока они будут интересоваться им, по всей вероятности, они проигнорируют нас. А это сулит нам не просто удачу. Проявлением интереса к Тревайзу они могут себя выдать, а это даст нам возможность и время подготовиться к контратаке.

– Тревайз, следовательно, будет нашим громоотводом.

Губы Бранно скривились в усмешке:

– Ага, вот та метафора, которую я искала. Да, он станет нашим громоотводом – примет молнию на себя и защитит нас от ее удара.

– А этот Пелорат – ему тоже придется принять на себя удар молнии?

– Не исключено. Но тут ничего не попишешь.

Коделл кивнул:

– Вероятно, вы припомнили известное изречение Сальвора Гардина – «Никогда не позволяйте морали удерживать вас от правильных поступков»?

– Нет, сейчас я далека от соображений морального порядка, – покачала головой Бранно. – Одна только усталость, и все кости ломит. Но знаете я бы могла назвать целую уйму людей, с кем я рассталась бы с более легким сердцем. Голан Тревайз... такой красивый, такой молодой... Конечно, он сам это знает...

Последние слова она пробормотала едва слышно, веки ее сомкнулись, и она крепко заснула.

Глава третья Историк

9

У Джена Пелората внешность была на редкость невыразительная – жидкие белесые волосы, бледное, безразличное лицо. Надо сказать, выражение безразличия очень нечасто сменялось каким-либо другим. Среднего роста, сутуловатый, худощавый, ходил он медленно и как-то робко, и примерно так же разговаривал. Выглядел он гораздо старше своих пятидесяти двух лет.

Ни разу в жизни он не покидал пределов Терминуса – трудно сказать, как это ему удалось при его профессии. Он и сам бы вряд ли объяснил причину своего домоседства – не то оно напрямую связано с его работой, не то существует вопреки ей.

Увлекся историей он совершенно неожиданно для себя: ему было всего пятнадцать, когда он (крайне неохотно) прочел книгу древних сказаний и обнаружил в ней рефреном повторяющуюся мысль о том, что некогда существовал некий мир – одинокий, изолированный, сам не подозревающий о своей изоляции, потому что кроме себя самого ни о чем не имел представления.

Безразличие как рукой сняло. Двое суток подряд, не смыкая глаз, он перечитывал книгу от

корки до корки и перечитал трижды. На третий день он сидел у терминала собственного компьютера, выуживая из памяти машины любые источники, способные содержать подобные легенды. Компьютер его был коммутирован с Университетской Библиотекой Терминуса.

Всю свою жизнь с тех пор он посвятил этим самым легендам. Университетская Библиотека оказалась не слишком большим подспорьем, но прошли годы, и он познал радость межбиблиотечного абонирования, получая в свое безраздельное пользование репринты из библиотек по гиперволновой связи – из самых разных районов Галактики – вплоть до Ифнии.

Он стал профессором древней истории, и впервые за тридцать семь последних лет должен был уйти в отпуск, во время которого намеревался совершить свое первое межпланетное путешествие – и не куда-нибудь, а на Трентор!

Пелорат и сам понимал, что торчать всю жизнь на Терминусе, никуда носа не высаживая, мягко говоря, необычно. Нет, у него вовсе не было какой-то принципиальной позиции в этом отношении. Все выходило как-то само собой: стоило ему куда-то собраться, как в руки попадала новая, безумно интересная книга, и он немедленно принимался за очередное исследование. Как обычно, он откладывал путешествие на потом и продолжал работать, пока не выжимал, как лимон, до последней капли, новый предмет изучения и, по возможности, прибавлял новый факт, вывод, догадку к куче уже собранных. Сожалел он по-настоящему лишь о том, что за всю жизнь не удосужился совершить самого важного путешествия – на Трентор.

Трентор был столицей Первой Галактической Империи, резиденцией Императоров в течение двенадцати тысячелетий, а до того – столицей одного из крупнейших доимперских королевств, которое мало-помалу захватило или поглотило иными способами другие королевства, дабы основать Империю.

Трентор был огромной планетой, целым миром, и мир этот был закован в прочнейшую стальную оболочку. Пелорат читал о нем в работах Гаала Дорника, который посетил Трентор при жизни самого Гэри Селдона. Томик работ Дорника давно стал библиографической редкостью, и Пелорату стоило больших трудов раздобыть себе личный экземпляр. Книга стоила ему половины годового жалования, но одна мысль о возможности расстаться с ней приводила историка в ужас.

Несомненно, мечтая о Тренторе, Пелорат мечтал исключительно о Галактической Библиотеке. Во времена Империи она называлась Имперской и была крупнейшей в Галактике. Трентор был главным городом самой могущественной, самой многонаселенной Империи, какую когда-либо знало человечество. Он сам по количеству населения равнялся целому миру – там жило сорок миллиардов человек. В тамошней Библиотеке были собраны все значительные и не слишком значительные труды человечества, вся сумма людских знаний. Все хранимые в Библиотеке источники были компьютеризированы и притом так замысловато, что для работы с компьютерами требовались специально обученные сотрудники…

А самое главное – Библиотека существует до сих пор! Именно это было предметом удивления и тихого восторга Пелората. Примерно два с половиной столетия назад Трентор пал, был разграблен, подвергся колossalным разрушениям – страшно представить себе, каким страданиям, какой нищете суждено было покориться тем из его обитателей, что остались в живых. Но Библиотека выжила, и спасли, защитили ее студенты Университета. Так, по крайней мере, все говорили, а еще говорили, будто бы студенты воспользовались при защите Библиотеки каким-то совершенно гениальным, ими изобретенным оружием. Кое-кто, правда, считал, что рассказы об этой героической обороне сильно попахивают выдумкой.

Но главное – Библиотека существовала. Эблинг Мис, попав на Трентор, работал в ней, и все там было так, как во времена Селдона, а весь Трентор лежал в руинах. Еще чуть-чуть, и Мис отыскал бы Вторую Академию. (Так гласила легенда, и народ в Академии верил в нее до сих пор. Историки, правда, сильно сомневались в ее подлинности.) Три поколения Дареллов: Байта, Торан и Аркади – все они, каждый в свое время, побывали на Тренторе. Аркади, правда, до Библиотеки не добралась, и потом про Библиотеку позабыли, и в истории Галактики она даже не упоминалась.

За сто двадцать лет ни один представитель Академии не совался на Трентор – но ведь из этого вовсе не следовало, что Библиотеки не существует. То, что Галактическая история молчала о ней, как раз и было наинадежнейшим подтверждением ее существования. Будь она

разрушена, разграблена, наверняка поднялся бы шум.

Оборудование Библиотеки, по нынешним временам, не выдерживало никакой критики – оно устарело еще в то время, когда там побывал Эблинг Мис, – но Пелората это вовсе не огорчало. Он радостно потирал руки при одной мысли о том, чтобы поработать в древней, старомодной Библиотеке. Ведь чем древнее и старомоднее она была, тем скорее в ней могло отыскаться то, о чем он мечтал. Сколько раз он мысленно входил туда и дрожащим от волнения голосом спрашивал: «Надеюсь, в Библиотеке не было ремонта? Надеюсь, вы не выбросили старое компьютерное оборудование и записи?» И в ответ всегда слышал шелестящие голоса покрытых пылью веков библиотекарей: «Нет, Профессор, у нас все, как было, все по-старому».

Наконец его мечтам суждено было сбыться! И не кто-нибудь, а лично Мэр Бранно заверила его в этом. Правда, Пелорат никак не мог взять в толк, откуда ей было известно о его работе. Публикаций у него было крайне мало; большая часть его трудов не была столь безупречна, чтобы их публиковать, а те, что выходили в свет, большого фурора, прямо скажем, не производили. Поговаривали, правда, что Бранно Бронзовой ведомо все, что творится на Терминусе, что ушки у нее всегда на макушке, око недреманное, и все такое прочее. Пелорат был готов поверить в это. Странно было другое – почему она не оказала ему финансовой и другой поддержки гораздо раньше, если понимала всю важность его работы?

Наверное, думал он, это потому, что взоры всех в Академии устремлены в будущее. Вторая Империя и собственная судьба – вот что их всех заботит. Нет у них ни времени, ни желания оглянуться в прошлое, а те, кто туда оглядываются, только раздражают их.

Сам он, конечно, считал законченными идиотами людей таких убеждений, но не мог же он в одиночку сражаться с их тупостью. Кто знает – может, так оно и лучше было. Это давало ему возможность быть единственным обладателем драгоценного сокровища. Настанет день, пройдет час, и его будут вспоминать как одного из Великих Первопроходцев.

Увы, это значило (Пелорат был слишком честен, чтобы не закрыть на это глаза), что и он не свободен от мыслей о будущем – о таком будущем, где его признают, где он станет таким же великим героем, как Гэри Селдон. Да нет, что там говорить – еще более великим! Разве может тянуться самая распектная, самая детальная из всех детальных проработок будущего продолжительностью всего-навсего в одно тысячелетие с анализом прошлого длиной, самое малое, в двадцать пять тысячелетий?!

Настал день, и пробил его час.

Мэр сказала, что это случится на следующий день после явления Селдона. Только по этой причине Пелората и интересовал последний селдоновский кризис, о котором последние месяцы было столько трепотни на Терминусе, да и во всей Федерации.

Ему лично не было никакого дела до того, где будет размещаться столица Академии – останется ли она жить-поживать на Терминусе или ее переместят в какое-то другое место. Теперь же, когда кризис миновал, Пелорат даже не удосужился поинтересоваться, чем же он завершился, чью точку зрения поддержал Селдон, да и вообще, касался ли он этого вопроса.

Для него главное было, что явление Селдона состоялось и сегодня был назначенный Мэром день.

Чуть позже двух часов пополудни около его одинокого домика на окраине Терминуса остановился автомобиль.

Распахнулась задняя дверца. Вышел офицер в форме Службы Безопасности Мэра, с ним – незнакомый молодой человек, а следом – еще двое охранников.

Пелорат не мог не удивиться. Оказывается, Мэр не только была в курсе его работы, но и придавала ей такое большое значение! Человеку, который должен был сопровождать его в путешествии, была придана почетная охрана, а в распоряжение их обоих был отдан первоклассный корабль. О, как лестно! Как почетно...

Домоправительница Пелората открыла дверь. Молодой человек вошел, а двое охранников встали по обе стороны от входа. В окно Пелорату было видно, что третий охранник остался у дорожки, и тут подъехала еще одна машина. Нет, ну надо же. Еще охрана? Даже странно.

Он оторвался от окна, обернулся и с удивлением посмотрел на вошедшего молодого человека. Он сразу узнал его – не раз видел на экране холовизора.

– Вы Советник, – сказал Пелорат. – Советник Тревайз!

— Голан Тревайз. Все точно. А вы — Профессор Джен Пелорат?

— Да-да, — радостно закивал головой Пелорат, — Значит, вы и есть тот, кто поведет...

— Да, мы попутчики, — сухо оборвал его Тревайз. — Так мне, по крайней мере, сказали.

— Но... вы ведь не историк?

— Нет. Я Советник, вы не ошиблись. Политик.

— Ну да, ну да... Собственно, что я вас об этом спрашиваю... Историк я, а больше и не нужно, верно? Вы умеете водить корабли?

— Да, и неплохо.

— Ну вот и славно, больше ничего и не нужно. Просто превосходно! Я, знаете ли, не слишком силен во всяких практических вопросах, так что, если вы человек умелый и сообразительный, у нас выйдет отличная команда.

— Знаете, — буркнул Тревайз, — я сейчас вряд ли могу похвастаться практичесностью и сообразительностью, но, похоже, выбора у нас нет, так что хочешь не хочешь, а попытаться составить что-то вроде команды нам придется.

— Ага... Ну что ж, будем надеяться, что я освоюсь в космосе. Я, знаете ли, ни разу не летал, Советник. Самая что ни на есть сухопутная крыса. Хотите чашечку чаю? Я сейчас скажу Клоде, чтобы она нам что-нибудь приготовила. У нас ведь еще имеется несколько часов до вылета, правда? Хотя я лично, знаете ли, готов отправиться хоть сейчас. У меня все готово для нас обоих. Мэр была исключительно, исключительно любезна. Просто удивительно, насколько она заинтересована в этом проекте!

Тревайз удивленно спросил:

— Следовательно, вы знали об этом заранее? И как давно, если не секрет?

— Мэр обратилась ко мне... (Пелорат нахмурился, пытаясь припомнить, когда же это было) две... нет, пожалуй, три недели назад. Я был просто в восторге, знаете ли. А теперь, когда я понял, что со мной полетит не второй историк, а пилот, то есть вы, дружочек, я просто в восторге, что это будете вы.

— Две-три недели назад... — изумленно пробормотал Тревайз. — Значит, она давно наготове. А я-то...

Он оборвал себя и умолк.

— Простите, дружочек?

— Да нет, ничего особенного, Профессор. У меня дурацкая привычка разговаривать с самим собой. Придется вам к этому привыкнуть, особенно если наше путешествие затянется надолго.

— Затянется? Конечно, затянется! — радостно воскликнул Пелорат, увлекая нового знакомца к столу, уже накрытому домоправительницей для легкого чая. — Совершенно неясно, знаете ли, сколько оно продлится. Мэр сказала, что продолжаться оно может, сколько нам будет угодно, что к нашим услугам вся Галактика, что, куда бы мы ни отправились, мы сможем беспрепятственно пользоваться фондами Академии. Правда, она сказала, что нам не следует переходить границ разумного. Это я ей пообещал.

Он прищелкнул языком и довольно потер руки.

— Садитесь, дружочек, садитесь. Видимо, мы с вами в последний раз поедим не Терминусе.

Тревайз сел к столу и спросил:

— У вас есть семья, Профессор?

— У меня есть сын. Он уже большой мальчик — декан факультета в Сантаннийском Университете. Химик, если не ошибаюсь. Пошел по стопам матери. Мы уже давно живем врозь, так что, знаете ли, можно сказать, у меня ни перед кем нет ответственности, да и завещать мне, честно говоря, особенно нечего. Надеюсь, вы тоже ничем таким не обременены? Угощайтесь сандвичами, мой мальчик.

— Да, родственников у меня нет. Кое-какие женщины время от времени. Но они приходят и уходят.

— Да. Да. Приходят в уходят. Это замечательно, когда так получается. Прекрасно, знаете ли, когда это не принимаешь всерьез. Детишек нет, как я понимаю?

— Нет.

— Замечательно! У меня, знаете ли, очень приподнятое настроение сейчас. Правда, поначалу, когда вы только вошли, я немного опешил, признаюсь. Но теперь я вижу, что вы очень милый молодой человек. Мне как раз не хватает молодости, энтузиазма, знаете ли. Нужен кто-то, кто мог бы отыскать дорогу в Галактике. Нам ведь предстоит поиск, знаете ли. Потрясающий поиск.

Равнодушное лицо Пелората, его тихий голос оживились.

— Вы знаете об этом, дружочек?

Тревайз сощурился:

— Потрясающий поиск, говорите?

— О, поистине, поистине! Жемчужина, бесценная жемчужина спрятана посреди миллионов обитаемых миров Галактики, а мы располагаем лишь туманными догадками, чтобы отыскать ее. Но как будем мы вознаграждены, если сумеем найти ее! Если нам это будет суждено, мой мальчик, — простите за фамильярность, Тревайз, — если это сделаем мы — вы и я, наши имена прославятся в веках до скончания времен.

— Что за награда? Что за бесценная жемчужина? О чем вы, Профессор?

— Ах, я, видимо, заговорил в духе Аркади — той писательницы, которая... Ну, вы, наверное, знаете. Она писала о Второй Академии. Понятно, почему вы так удивлены.

Пелорат запрокинул голову — похоже было, что он громко рассмеется, но он всего-навсего улыбнулся.

— О нет, уверяю вас, никаких таких высокопарных глупостей!

— Ну если не о Второй Академии, так о чем же вы тогда говорите, Профессор?

Пелорат сразу изменился в лице, стал печален и удивленно, даже укоризненно спросил:

— Разве Мэр вам ничего не сказала?.. Странно, знаете ли... Я столько лет возмущался политикой нашего правительства, его невниманием к важности моей работы, но вот теперь наконец Мэр Бранно проявила такое удивительное благородство...

— О да... — сказал Тревайз, не пытаясь скрыть иронии. — Эта дама, вероятно, страдает тайной филантропией. Мне она, однако, ничего не сказала. Я не в курсе.

— Значит, вы не знакомы с моими исследованиями?

— Нет, как это ни прискорбно.

— О, не стоит сокрушаться. Это так естественно. Ведь я, знаете ли, звезд с неба не хватал. Но если позволите, я вам немного расскажу. Вам и мне предстоит найти, именно найти — поскольку я располагаю уникальными сведениями и догадками, — мы должны найти Землю!

10

В эту ночь Тревайз почти не спал. Краткие минуты забытья перемешивались с явью, и ему все время мерещилась жуткая старуха, тащившая его в застенок, откуда не было выхода.

Он и наяву прекрасно понимал, что Бранно сцепала его, а самое ужасное — он ничего не мог поделать. Она была настолько спокойна, самоуверенна, что ее не смущила даже откровенная антиконституционность собственных деяний. Он так рассчитывал на привилегии Советника, права гражданина Терминуса — она же плевать на них хотела.

А теперь еще этот Пелорат — чудаковатый ученый, который, казалось, живет в мире, сам его частью не являясь, — объявил ему, что эта кошмарная старушка уже не одну неделю вела приготовления к атаке!

Тревайз начинал чувствовать себя тем самым «мальчишкой», как вчера обозвала его Мэр.

Итак, ему суждено отправиться в ссылку с сумасшедшим историком, для которого он был уже «дружочек» и «мой мальчик». Очень мило. Старик был, похоже, просто вне себя от счастья от перспективы отправиться по всей Галактике, чтобы искать Землю?!

Одной пррабушке Мула ведомо, на что ему сдалась эта Земля и что это такое, если на то пошло?

Надо спросить. И как только это слово было сказано, Тревайз тут же спросил.

— Простите, Профессор, — сказал он. — В вашей области я полный профан. Не могли бы вы мне популярно объяснить, что такое «Земля»?

Секунд двадцать Пелорат смотрел на него не мигая. Наконец дар речи вернулся к нему.

— Это планета. Планета-праордина. Та самая, где когда-то родились первые люди, дружочек. Там они появились впервые.

Тревайз в недоумении уставился на него.

— Впервые появились? Откуда же?

— Ниоткуда. Человеческие особи на этой планете развились из низших животных форм в процессе эволюции.

Тревайз немного подумал и покачал головой:

— Я вас не понимаю.

Пелорат был явно недоволен тем, что имеет дело с дилетантом. Справившись с раздражением, он пустился в объяснения:

— Были времена, когда Терминус был необитаем. На нем не было людей. Люди прибыли на эту планету из других миров. Это, надеюсь, вам известно?

— Естественно, — буркнул Тревайз. Лекторская интонация собеседника ему была не по душе.

— Ну вот. Аналогична ситуация и со всеми другими мирами — Анакреоном, Сантанней, Калганом и прочими. Все они были в то или иное время основаны. Люди прибывали туда из других миров. Не избежал такой участи даже Трентор. Да, в течение целых двадцати тысячелетий он был гигантской метрополией, но и на нем когда-то не было людей.

— А что же там было?

— Ничего! То есть, по крайней мере, людей не было.

— Верится с трудом.

— Тем не менее это правда. Таковы древние исторические свидетельства.

— И откуда же взялись люди, впервые обосновавшиеся на Тренторе?

— Никто не знает наверняка. Есть масса планет, где с пеной у рта утверждают, будто они были населены еще в туманной древности. У народов этих планет существуют замечательные легенды о том, как и откуда туда впервые прибыли люди. Но ученые предпочитают откращиваться от подобных баек и не ломать голову над «Вопросом о Происхождении».

— Что за вопрос такой? Никогда не слыхал.

— Я нисколько не удивлен. В наши дни это далеко не самая популярная историческая проблема, а вот во времена начала распада Империи она привлекла к себе значительный интерес ученых. О ней, кстати, кратко упоминает в своих мемуарах Сальвор Гардин. Проблема заключается, знаете ли, в названии и местонахождении одной-единственной планеты, с которой пошел род человеческий. Стоит оглянуться назад, и мы увидим, что людские потоки текут вспять — от недавно обжитых планет к более древним, оттуда — к еще более древним, и наконец образуется единое русло, а исток его находится на одной планете — самой древней.

Тревайз тут же усмотрел порочность в рассуждениях собеседника.

— Но разве подобных прапланет не могло быть больше?

— Нет, что вы! Все человеческие существа в Галактике — представители одного вида. Один и тот же вид никак не мог зародиться сразу на многих планетах. Совершенно невозможно, знаете ли.

— Откуда вы знаете?

— Во-первых... — начал было Пелорат, и все шло к тому, что сейчас последует долгое и подробное объяснение: профессор покачался на стуле, уставился в потолок, соединил кончики пальцев в глубокой задумчивости. Прошла минута. Пелорат перестал качаться, разнял пальцы и торжественно провозгласил:

— Даю вам честное слово, что это так!

Тревайз церемонно кивнул:

— Да я и не думал сомневаться, Профессор. Ладно, допустим, что планета-праордина была единственная, но, вероятно, честь эту могут оспаривать многие?

— Не только могут, но и делают это. Однако совершенно бездоказательно, знаете ли. Ни на одной из сотен планет, пытающихся доказать свой приоритет, нет и следов докосмической цивилизации и не обнаруживается никаких признаков эволюции человека из низших организмов.

— Следовательно, вы утверждаете, что первичная планета существует, но существование

ее по какой-то причине скрыто от всех?

– Именно так.

– И вы собираетесь искать ее?

– Мы. Это наша с вами миссия, дружочек. А организовала наше путешествие Мэр Бранно. Вам предстоит повести наш корабль на Трентор.

– На Трентор? Почему? Трентор – вовсе не первичная планета. Вы же сами только что говорили...

– Да, Трентор не первичная планета.

– При чем тогда Трентор?

– Видимо, я неудачно выразился, знаете ли. «Земля» – название легендарное, упоминаемое в древних сказаниях. Истинное значение этого слова нас не интересует, просто удобнее произносить его, чем длинную, знаете ли, фразу «планета-прародительница рода человеческого». Но какая именно планета в реальном космическом пространстве именно та, что зовется Землей, – неизвестно.

– А на Тренторе знают?

– Очень надеюсь, что нам повезет, и я сумею найти там кое-какие сведения. На Тренторе находится Галактическая Библиотека – самая древняя и крупная из всех библиотек.

– Сомневаюсь, чтобы ее давным-давно не обшарили те, кто, как вы говорили, проявляли интерес к «Вопросу о Происхождении» еще во времена Первой Империи.

– Да-да, возможно, – кивнул Пелорат, – но, вероятно, не слишком тщательно. Не побоюсь, знаете ли, сказать, что мне известно по «Вопросу о Происхождении» много такого, чего поданные Империи пятьсот лет назад не ведали. И я бы мог подойти к анализу древних источников с большим пониманием сути дела. Я так долго думал обо всем этом, и у меня есть одна замечательная догадка – поистине замечательная, знаете ли!

– Значит, все это вы рассказали Мэру Бранно, и она, так сказать, одобрила ваше начинание?

– Одобрила? Дружочек, она… она просто пришла в экстаз, да-да, знаете ли, в экстаз. Она сказала мне, что Трентор – то самое место, где я могу узнать все, что мне нужно.

– Понятно… – тихо пробормотал Тревайз.

Итак, еще один кирпичик в стену догадок, построенную за бессонную ночь… Бранно отправила его на поиски Второй Академии. С ним вместе отправлялся Пелорат, чтобы замаскировать истинную цель путешествия поисками таинственной Земли. Эти искания могли завести их черт знает куда по всей Галактике. Прикрытие отличное, ничего не скажешь. Да, гениальная все-таки женщина Мэр, как ни крути.

На Трентор?! Но это странно. Ведь стоит им добраться до Трентора, как Пелорат тут же занырнет в недра Галактической Библиотеки и никогда не вынырнет на поверхность! Там такая уйма книг, пленок, записей, бесконечные компьютеры с устаревшей, требующей расшифровки символикой – нет, он явно никуда оттуда улетать не захочет.

И потом…

На Тренторе однажды побывал Эблинг Мис – во времена Мула. История гласит, что именно там он обнаружил свидетельства местонахождения Второй Академии и погиб, прежде чем успел сказать об этом вслух. Потом этой проблемой занялась Аркади Дарелл и преуспела. Но гнездо Второй Академии было обнаружено на самом Терминусе, где и было разгромлено. Где Вторая Академия располагается теперь? Да где угодно, так что от Трентора – никакого толку. Куда угодно, только не на Трентор!

И еще…

Какие еще камни за пазухой были у Бранно, Тревайз не знал, но подчиняться ей беспрекословно – нет уж, увольте! Как там сказал Пелорат – это привело ее в экстаз? Что ж, если Бранно до смерти хочется, чтобы они летели на Трентор, пусть будет что угодно, только не Трентор!

Только на рассвете Тревайз уснул тяжелым сном.

А у Мэра Бранно следующий после ареста Тревайза день сложился на редкость удачно. Она добилась большего, чем хотела, – никто и словом не обмолвился о вчерашнем инциденте.

Она не обольщалась, нет. Она прекрасно понимала, что Совет пока просто в шоке, но скоро оправится, и вопрос о правомочности ее деяний будет поднят. Действовать надо быстро. Поэтому, оставив на потом уйму важных дел, она решила довести дело Тревайза до конца.

В то самое время, когда Пелорат с Тревайзом вели столь отвлеченную беседу о Земле, в кабинете Бранно проходила ее встреча с Советником Мунном Ли Компором. Мэр в упор разглядывала собеседника, сидевшего напротив.

Тот был ниже ростом, более щуплый, чем Тревайз, и всего на пару лет старше. И Мунн, и Тревайз в Совете работали без году неделя и, вероятно, только поэтому и держались вместе. В остальном они были люди совершенно разные.

Там, где у Тревайза изо всех дыр лезла агрессивность, Компор так и светился лучезарным, беспечным спокойствием. Не исключено, что виной тому были его светлые волосы и голубые глаза – как мы уже говорили, внешность крайне нетипичная для обитателей Академии. Была в нем какая-то изломанность, женственность, что ли, и это (по мнению Мэра), вероятно, делало его не таким дамским любимцем, как Тревайз. Однако этот молодой человек старался выживать из своей романтической внешности все возможное – волосы локонами спускались до плеч, под глазами была умело наложена голубая тень, подчеркивающая их цвет (кстати говоря, в последние десять лет мужчины на Терминусе вовсю пользовались косметикой).

Бабником Компор не числился. Жил-поживал с законной супругой, детей у них пока не было, но любовниц у Советника тоже не отмечалось. В этом он также был полной противоположностью Тревайза, который менял подружек, как поясные сумки – предмет его обожания.

Ведомство Коделла знало абсолютно все об обоих молодых людях, а сам Коделл теперь восседал в углу кабинета, пребывая в традиционно благодушном настроении.

Бранно сказала:

– Советник Компор, вы оказали важную услугу Академии. Правда, как это ни прискорбно, это не тот поступок, за который вы могли бы получить общественное признание или государственную награду.

Компор понимающе улыбнулся. Зубы у него были ровные, ослепительно белые, и Бранно пришла в голову довольно странная мысль – а у всех ли обитателей Сирианского Сектора такие великолепные зубы? Компор был родом именно оттуда – там родилась его бабка по материнской линии, тоже голубоглазая блондинка. А она, в свою очередь, утверждала, что и ее мать родом оттуда же. По сведениям Коделла, однако, четких доказательств тому не было.

– Бабы есть бабы, – говаривал Коделл. – Могут такого наговорить и таких предков отыскать – лишь бы напустить тумана и экзотики.

– По вашему мнению, все женщины таковы? – поинтересовалась Мэр, когда Коделл однажды выразил эту точку зрения.

Тогда Коделл смущенно улыбнулся и пояснил, что имел в виду обычных, рядовых женщин.

– Мне совершенно безразлично, – сказал Компор, – узнает ли об этом народ Академии. Вполне достаточно, что все известно вам, Госпожа Мэр.

– Известно. Уверяю вас, я этого не забуду. Но не думайте, что теперь мы с вами рас прощаемся. Вы ступили на кривую дорожку, и придется вам идти по ней дальше, ничего не поделаешь. Нам нужно узнать о Тревайзе кое-что еще.

– Я вам рассказал все, что знал.

– Не исключено, что вы рассказали ровно столько, чтобы я поверила, будто бы это все, что вам известно. Очень может быть, вы и сами в это искренне верите. Как бы то ни было, извольте отвечать на мои вопросы. Знаком вам джентльмен по имени Джэн Пелорат?

Компор нахмурился, пытаясь припомнить, но морщинки на лбу быстро разгладились, и лицо его скоро приняло обычное выражение безмятежного спокойствия.

– Может быть, я бы узнал его, если бы увидел, но имя не вызывает у меня никаких ассоциаций.

– Он учений.

Губы Компора вытянулись в трубочку и издали невыразительное «о-о-о!». Видимо, он был не на шутку удивлен тем, что Мэр думает, будто он хорошо знаком с научным миром.

Бранно продолжала:

— Пелорат — личность небезинтересная. У него есть собственные веские причины стремиться побывать на Тренторе. Советник Тревайз будет сопровождать его. Поскольку вы хороший приятель Тревайза, вам, вероятно, неплохо знакома его психология. Скажите мне, как вам кажется, Тревайз согласится отправиться на Трентор?

Компор пожал плечами:

— Если вы посадите его в корабль, летящий на Трентор, куда он денется?

— Вы меня не поняли, Советник, Он и Пелорат не этом корабле будут одни. Корабль поведет Тревайз.

— Вы хотите понять, полетит ли он на Трентор добровольно?

— Вот именно.

— Госпожа Мэр, но как мне знать, что ему в голову взбредет?

— Советник Компор, вы были близкими друзьями с Тревайзом, Вам известно, что он уверен в существовании Второй Академии. Разве он никогда не говорил вам о своих предположениях относительно того, где, по его мнению, она может находиться?

— Никогда, Госпожа Мэр.

— Как вы думаете, он найдет ее?

Компор скептически хмыкнул:

— Полагаю, Госпожа Мэр, что Вторая Академия, каковы бы ни были ее масштабы и что бы она собой ни представляла, была уничтожена до основания во времена Аркади Дарелл. Я склонен верить ее книгам.

— Вот как?! Зачем же, в таком случае, вы предали своего товарища? Если он вбил себе в голову такую блажь, как поиски чего-то несуществующего, какой вред мог из этого проистечь?

Компор возразил:

— Вред может принести не только правда. Предположения его могут быть и туманны, и бездоказательны, но они могли посеять сомнения в умах народа Терминуса, а эти сомнения повлекли бы за собой другие — сомнения в том, какую роль играет наша Академия в истории Галактики, ослабили бы ее позиции лидера Федерации, нанесли бы удар по мечте о создании Второй Империи. Думаю, это ясно и вам, иначе вы не решились бы арестовать Тревайза в зале Заседаний Совета и не держали бы его сейчас в заточении без суда и следствия. Почему вы так поступили, если, конечно, мне будет позволено спросить?

— Скажем так: я пошла на это потому, что допустила, что Тревайз может быть прав — пускай вероятность его правоты ничтожно мала. Все равно открытое выражение им своих взглядов таило в себе большую опасность.

Компор промолчал.

— Вы правы, Советник, что сомневаетесь. Да, все это попахивает вымыслом. Однако, учитывая возложенную на меня ответственность, я обязана принимать во внимание все, даже такие мелочи. Итак, я скова спрашиваю вас: есть ли у вас хоть какая-то идея на предмет того, что думает Тревайз о местонахождении Второй Академии и куда в этой связи он может отправиться?

— Ни малейшего представления.

— Что, он никогда даже словом не обмолвился об этом?

— Нет.

— Нет? Не торопитесь, Советник. Подумайте. Никогда?

— Никогда, — твердо ответил Компор.

— Никаких намеков? Шутливых замечаний? Дурачества? Отвлеченных высказываний, которые теперь, в свете всего прошедшего, обретают конкретный смысл?

— Ничего такого. Я же сказал вам, Госпожа Мэр: его мечты о Второй Академии — не более чем свет звезд далекой туманности. Вам это известно не хуже, чем мне, К чему тратить время и эмоции?

— А может быть, Советник, вы вдруг взяли да передумали, сменили диспозицию и теперь пытаетесь выгородить преданного вами дружка?

— Нет, — отрезал Компор. — Я предал его исключительно из соображений патриотизма и благородства. У меня нет повода сожалеть о содеянном и менять свое отношение к случившемуся.

— Значит, вы даже намекнуть мне не можете, куда бы Тревайз мог отправиться, получив в свое распоряжение корабль?

— Я уже сказал вам...

— Тем не менее, Советник... (черты лица Мэра приняли выражение глубокой задумчивости)... мне бы хотелось знать, куда он направится.

— Чего проще? Установите на его корабле гиперреле.

— Я думала об этом, Советник. Однако Тревайз — человек неглупый и, думаю, сумел бы обнаружить это устройство, как бы хитро оно ни было запрятано. Конечно, можно попробовать разместить гиперреле таким образом, что от него нельзя будет избавиться, не рискуя повредить корабль. Тогда он просто вынужден будет оставить его нетронутым.

— Отличная мысль!

— Но тогда, — не моргнув глазом, продолжала рассуждать Бранно, — он не будет свободен, он не сможет отправиться туда, куда хотел бы. Он поймет, что за ним следят. Вся полученная мной информация станет совершенно бесполезной!

— Выходит, следовательно, что вы никак не можете узнать, куда он отправится?

— Могу, поскольку собираюсь поступить весьма просто и бесхитростно. Видите ли, Советник, человеку, настроенному на хитрости и уловки, никогда не придет в голову учесть более простой вариант, более очевидный. Полагаю, за Тревайзом надо установить слежку. Нужен хвост.

— Хвост?

— Именно. Нужен другой пилот, который полетит на другом корабле. Видите, как вас поразила эта идея? Вряд ли ему придет в голову обшаривать близлежащий космос в поисках отправленного за ним вслед корабля, а уж мы позаботимся, чтобы его собственный корабль не был оборудован масс-детектором — нашим новейшим достижением.

— Госпожа Мэр, — покачал головой Компор, — прошу простить меня, но я вынужден заметить: вам явно недостает опыта в области космонавигации. Слежение за одним кораблем с помощью другого обречено на неудачу. Тревайз удерет при первом же гиперпространственном Прыжке. Даже если он не будет знать, что за ним хвост, первый же Прыжок откроет ему путь к свободе. Если на его корабле не будет гиперреле, проследить за ним ни за что не удастся.

— О да, опыта мне действительно недостает. В отличие от вас и Тревайза я никогда не изучала космонавигацию. Однако мои консультанты, не лишенные образования в этой области, сообщили мне, что, если пристально пронаблюдать за кораблем непосредственно перед Прыжком, то есть определить его скорость, направление и ускорение, это дает возможность прогнозировать исход Прыжка, пускай даже в общих чертах. При условии же оснащенности корабля слежения высококлассным компьютером и наличия у навигатора неплохой головы на плечах пилот корабля слежения может достаточно точно продублировать Прыжок преследуемого, в особенности если корабль слежения оборудован чувствительным масс-детектором.

— Может быть, один раз такое и получится, — согласился Компор, — Может быть, и во второй раз повезет, но не более. Нельзя рассчитывать на бесконечное везение.

— А я думаю, что рассчитывать как раз можно... Советник Компор, вы ведь в свое время участвовали в космических гонках, не так ли? Видите, как я много знаю о вас. Вы превосходный пилот, а в преследовании соперников в гиперпространстве вам просто равных не было.

Компор понял, куда клонит Мэр. Он широко раскрыл глаза и чуть было не вскочил.

— Но... это было давно! Я тогда учился в колледже. Теперь я не так молод!

— Но не так уж вы и стары. Вам еще тридцати пяти не исполнилось. Итак, Советник, в слежку за Тревайзом отправитесь именно вы. Куда бы его ни понесло, вы будете следовать за ним и постоянно посыпать мне донесения. Старт следом за Тревайзом — через несколько часов. Если откажетесь от выполнения задания, будете арестованы как изменник. Если вам не удастся безукоризненно провести слежение, можете не заботиться о возвращении на Терминус.

Предпримете такую попытку – будете взорваны в космосе вместе с кораблем. Компор резко вскочил.

– Я хочу жить своей жизнью! У меня работа, жена, наконец! Не могу же я все это бросить!

– Придется. Те из нас, кто встал на путь служения Академии, должны быть готовы в любое мгновение встать по тревоге и выполнить любое задание, каким бы долгим и трудным оно ни было.

– Моя жена, конечно, полетит со мной?

– Не принимайте меня за дурочку. Советник. Ваша жена останется здесь.

– Как заложница?

– Это как вам угодно. Я бы, правда, предложила другое объяснение, примерно такое: вам предстоит опасное задание, и я предпочитаю не подвергать вашу супругу риску из соображений гуманности. Обсуждать тут нечего. Решение окончательное и обжалованию не подлежит. Вы задержаны, Советник, так же как ваш друг Тревайз. Уверена, вы понимаете, что мне нужно торопиться, пока Терминус не очнулся от эйфории. Заезда моя взошла, но очень скоро может закатиться.

12

– Сурово вы с ним, Госпожа Мэр, – отметил Коделл.

– Интересно! Он товарища предал, а мне с ним миндальничать прикажете?

– Но его предательство было нам на руку, согласитесь.

– Не спорю. Это предательство – да. А новое – кто знает.

– Откуда взяться новому?

– Слушайте, Лайоно, – одернула его Бранно, – дурачка из себя не стройте, не надо. Предал раз – предаст и другой, это закон.

– Хотите сказать, будто он может снова подружиться с Тревайзом, и они вместе...

– Вы, конечно, в это не верите. Я тоже не очень. Тревайз самонадеян, горяч, но к цели будет идти до последнего. Он не простит предательства и ни за что больше не доверится Компору.

– Прошу прощения, Мэр, – втянул Коделл, – но как же тогда вас понимать? До какой степени, в таком случае, Компору можете доверять вы? Как вы можете быть уверены, что он станет следить за Тревайзом и отправлять вам честные донесения? На что вы рассчитываете – на его беспокойство за судьбу жены и желание к ней вернуться?

– И на это тоже. Но не это главное. На корабле Компора будет установлено гиперреле. Тревайз заподозрит слежку и станет выяснять, кто за ним следит. А вот Компор, сам будучи преследователем, скорее всего за собой хвоста искать не будет. Но уж если такое паче чаяния случится, тогда нам придется положиться на обаяние и привлекательность его подруги жизни.

Коделл расхохотался:

– Замечательно! Такое впечатление, что вы у меня практику проходили! Ну а цель слежки?

– Двойная страховка. Если Тревайз провалится, задание будет перепоручено Компору, и он предоставит нам те сведения, которых не даст Тревайз.

– Понятно. Вопрос такой: что, если мы узнаем-таки о существовании Второй Академии, неважно от кого из двоих или несмотря на гибель обоих?

– Лайоно, я надеюсь, что Вторая Академия существует, – тихо, но уверенно сказала Бранно. – Во всяком случае, Плану Селдона давно пора на покой. Великий Гэри Селдон разработал его в дни гибели Империи, когда технический прогресс фактически остановился. Селдон был человеком своего времени – тут ничего не поделаешь, и как бы совершенна и блестяща ни была его полулегендарная психоистория, она ненамного поднялась выше своих корней. Она никак не могла учитывать бурного развития техники. А в Академии это произошло, в особенности в течение последнего столетия. Мы владеем масс-детекторными устройствами, о которых раньше никто и мечтать бы не осмелился, компьютерами, управляемыми силой мысли, а самое главное – ментальным экраном. Вторая Академия не может больше контролировать нас, управлять нашими действиями. Я хочу, Лайоно, не

потратить даром последние годы своего правления и стать тем человеком, который выведет Терминус на новый путь.

- Ну а если Второй Академии не существует?
- Тогда мы станем на этот путь немедленно.

13

Тревайз очнулся от тяжелого сна – кто-то тряс его за плечо.

Тревайз рывком сел, протер глаза, не понимая, почему он в чужой постели.

– Что такое? Что?! – хрипло крикнул он.

Пелорат смущенно проговорил:

– Прошу простить меня, Советник Тревайз. Вы мой гость, и следовало бы, знаете ли, дать вам отдохнуть, но... здесь Мэр.

Хозяин стоял рядом с кроватью, одетый во фланелевую пижаму, и заметно дрожал. Тревайз проснулся окончательно и все вспомнил.

Бранно ожидала их в гостиной, как обычно, уверенная и спокойная. Ее сопровождал Коделл – он добродушно поглаживал белесые усищи.

Тревайз на ходу поправил сумку на поясе, «Интересно, – подумал он, – они теперь так и будут везде парочкой ходить?»

Язвительно спросил:

– Ну как, Совет уже проспался? Обеспокоен отсутствием коллеги?

Мэр холодно ответила:

– Кое-какие признаки жизни отмечаются, но вам надеяться особенно не на что. У меня до сих пор хватает власти, чтобы заставить вас улететь. Вас сопроводят в космопорт Ультимейта...

– Вот как? Старт оттуда? А я-то думал, вы подарите мне возможность на прощание насладиться зралищем утирающей слезы тоски толпы горожан Терминуса...

– Я вижу, вы уже вполне оправились от потрясения, Советник. Шуточки, как обычно, дурацкие, но я рада за вас. Значит, с головой у вас все в порядке. Итак, вас сопроводят в космопорт Ультимейта, откуда вы и Пелорат тихо и спокойно полетите...

– Чтобы не вернуться никогда?

– Может быть, и никогда, если только... (она усмехнулась) не обнаружите чего-либо важного и полезного, настолько важного, что мне доставит радость встреча с вами. Тогда и только тогда вы вернетесь. Очень может быть, вас встретят с почетом.

– Не исключаю такой возможности, – театрально раскланялся Тревайз.

– И я не исключаю. Все возможно... Во всяком случае, полетите с комфортом. Вам предоставлен только что спущенный с верфи небольшой крейсер «Далекая Заезда», названный так в честь легендарного корабля Хобера Мэллоу, С ним может вполне справиться один навигатор, но места там хватит на троих.

– Надеюсь, корабль вооружен? – уже без ехидства спросил Тревайз.

– Нет, Советник, не вооружен, но оборудован всем необходимым. Куда бы вы ни отправились, вы останетесь гражданами Академии, везде и всюду вы можете разыскать наших консулов, к которым можете обратиться за помощью, так что оружие вам не потребуется. Вам обеспечена и материальная поддержка: денег вам должно хватить, но не советую тратить их безрассудно.

– Вы бесконечно благородны и щедры, Госпожа Мэр.

– Приятно слышать, Советник. Прошу вас не забывать об одном: вы вместе с Профессором Пелоратом отправляетесь на поиски Земли. И как бы вам ни казалось, что вы ищете нечто другое, помните: вы ищете Землю. Это должно быть очевидно абсолютно для всех, с кем вам суждено будет встретиться. И никогда не забывайте – «Далекая Звезда» не вооружена.

– Я... ищу... Землю... Угу. Постараюсь не забыть, – сверхсерьезно проговорил Тревайз, а глаза его смеялись вовсю.

– Что ж, если вам все понятно, вы отправитесь в космопорт незамедлительно.

– Прошу прощения, но мы еще не все обсудили. В свое время я действительно

пилотировал кое-какие корабли, но опыта вождения современного малогабаритного крейсера у меня нет. Вдруг окажется, что я не сумею с ним справиться?

— Мне сообщили, Советник, что «Далекая Звезда» полностью компьютеризирована. Предупреждая ваш следующий вопрос, скажу: вам нет нужды получать какие-либо инструкции по обращению с главным корабельным компьютером. Он вам сам скажет все, что вам необходимо узнать. Что вас еще интересует?

Тревайз придирично оглядел себя с головы до ног.

— Не помешала бы смена одежды.

— Все найдете на корабле. Даже целый набор этих потешных кошельков, или муфточек — не знаю, как они называются. У Профессора также будет все необходимое. Вы ни в чем не будете нуждаться, разве что представительницами женского пола я вас обеспечить не смогу.

— Вот это очень жаль. Правда, у меня сейчас нет на примете подходящей кандидатуры, Ну да ладно. Галактика велика, а я так понимаю, что как только уберусь отсюда, я получаю на этот счет полную свободу?

— Что касается подружек? Ради бога. — Бранно тяжело поднялась на ноги. — Я вас провожать не поеду, — сообщила она. — Проводят вас другие, и убедительно прошу вас, ведите себя прилично. Попытаетесь удрать — вас тут же прикончат. То обстоятельство, что меня с вами рядом не будет, исключает другие варианты решения вопроса.

— Да нет, что вы, Мэр, я и не собирался, я только хотел вам кое-что сказать на прощание...

— Слушаю вас.

Тревайз на мгновение задумался. Лицо его озарилось улыбкой — ему очень не хотелось, чтобы она выглядела вымученной.

— Может настать день, Госпожа Мэр, — сказал он, — когда вы попросите меня уступить вам. Тогда я поступлю, как сочту нужным, и ни за что на свете не прощу вам всего, что случилось за эти два дня. Ни за что.

— Не надо мелодрамы, — поморщилась Бранно. — Будет день, будет и пища. Пока все решают я.

Глава четвертая Космос

14

Тревайз помнил, в каких восторженных выражениях рекламировались крейсеры нового класса, и теперь имел возможность лично убедиться в великолепии корабля.

Впечатляли не его размеры — нет, он как раз был довольно-таки маленький, но зато мог великолепно маневрировать, набирать колоссальную скорость. Тревайз знал, что у корабля был гравитационный двигатель, а самое главное — совершеннейшее и наисовременнейшее компьютерное оборудование. Грандиозность такому кораблю была ни к чему, она бы только помешала выполнению задания.

Это одноместное транспортное средство с успехом заменяло старые громоздкие корабли, где была необходима команда не меньше дюжины человек. Имея возможность принять на борт еще одного, а то и двух членов команды, этот юркий кораблик мог запросто сразиться с целой флотилией превосходящих его по размерам кораблей других государств. Кроме того, он мог оставить любой корабль позади, если бы потребовалось удрать.

Крейсер был изящен и компактен: ничего лишнего, ни одной ненужной линии — ни внутри, ни снаружи. Каждый кубометр поверхности и пространства использовался с максимальной отдачей, но, как ни странно, казалось, что внутри прямо-таки просторно. Никакие уверения Мэра в важности и ответственности его миссии не впечатлили бы Тревайза сильнее, чем корабль, с помощью которого он призван был эту миссию осуществить.

«Эта ушлая старуха, Бранно Бронзовая, — с досадой подумал Тревайз, — сделала все, как хотела. Поручила мне задание величайшей важности. Черта с два я бы на это согласился, если бы она все не провернула так, будто я сам только этого и хочу!»

Что касается Пелората, то пожилой историк был потрясен и растерян одновременно.

– Поверите ли, дружочек, – робко проговорил он, осторожно коснувшись пальцем обшивки корабля, – но до сих пор я и близко не подходил к кораблю?

– Поверить-то я поверю, раз вы так говорите. Весь вопрос в том, как вам это удалось?

– Не знаю, дружочек, как-то уж так само выходило. Ну вот, я опять вас дружочком назвал. Как-то, дорогой мой Тревайз, так получалось – слишком сильно я был занят своими изысканиями. Знаете ли, когда у вас дома стоит превосходный терминал, коммутированный с другими компьютерами по всей Галактике, то и лететь никуда не надо… Но, честно говоря, мне казалось, что корабли должны быть немножко побольше, чем этот. Или я неправ?

– Корабль совсем новой модели. Он действительно маленький, но зато внутри он гораздо просторнее, чем другие корабли.

– Разве это возможно? Вы, вероятно, шутите, пользуясь моей некомпетентностью?

– Нет-нет. Истинная правда. Просто это корабль с гравитационным двигателем.

– Что это значит? О, только если в этом много физики, лучше не объясняйте. Я готов поверить вам на слово, как вчера вы поверили мне, когда я рассказывал о прародине человечества.

– Попытаюсь, Профессор. Дело в том, что на протяжении всей истории космических полетов люди пользовались различными типами двигателей – химическими, ионными, гиператомными, и все эти штуки были жутко громоздкими. В староимперском флоте имелись корабли длиной метров в пятьсот, а жизненного пространства внутри – с гулькин нос. К счастью, в течение всего своего существования Академия была просто-таки вынуждена прибегать к принципу миниатюризации – из-за постоянной нехватки материальных ресурсов. Этот корабль – кульминация этого принципа. В основу его заложен эффект антигравитации, а устройство, обеспечивающее этот эффект, занимает… вернее, не занимает почти никакого места. Фактически оно вмонтировано в обшивку корабля. Если бы нам до сих пор приходилось пользоваться гиператомным…

Беседу прервал приблизившийся к ним охранник:

– Вам пора занять свои места, джентльмены. Прошу вас проследовать на борт.

Предрассветные сумерки рассеивались, но до восхода солнца оставалось еще добрых полчаса. Тревайз посмотрел по сторонам.

– Мой багаж погрузили уже?

– Да, Советник, на корабле вы найдете все необходимое.

– Я себе представляю – одежда не моего размера или не в моем вкусе.

Охранник неожиданно улыбнулся – дружелюбно и искренне, совсем по-мальчишески.

– Думаю, все в порядке, – сказал он. – Мы, как проклятые, все для вас собирали почти двое суток – так Мэр распорядилась. Так что надеюсь, вам все подойдет и понравится. И денежки приготовлены, не сомневайтесь. Послушайте… (Он воровато оглянулся, дабы убедиться, что никто не подслушивает.) Вам повезло! Это самый лучший корабль на свете. Такое оборудование! Оружия, правда, нет. Но полетите как по маслу, гарантирую.

– Сильно опасаюсь, что масло может оказаться прогорклым, – буркнул Тревайз. – Ну, Профессор, вы готовы?

– С этим хоть на край света, – сообщил Пелорат, гордо продемонстрировав спутнику небольшую коробочку в футляре из серебристого пластика.

Только сейчас Тревайз вспомнил, что с этой штукой Пелорат не расставался с тех самых пор, как они выехали из дома, даже тогда, когда остановились, чтобы перекусить.

– Что это такое, Профессор?

– Моя библиотека. Индексирована по тематике и алфавиту, и все умещается на одной кассете. Корабль, конечно, чудесный, но как насчет такой библиотеки, а? Здесь все, что я собрал за свою жизнь. Разве это не чудесно? По-моему, просто восхитительно!

– Ну что ж, – усмехнулся Тревайз, – тогда в путь! Может, и правда, полетим как по маслу.

использования пространства была решена просто гениально. Тут была кладовая с запасами продовольствия, одежды, фильмов и игр. Гимнастический зал, гостиная и две почти одинаковые каюты.

— Эта, по всей вероятности, ваша, Профессор, — предположил Тревайз. — По крайней мере, тут стоит факс-терминал.

— Прелесть какая! Зря, зря я пренебрегал космическими полетами. Оказывается, тут замечательно можно жить и работать.

— Да. Здорово. Еще просторнее, чем я ожидал.

— И... двигатели действительно в обшивке, дружочек?

— Как и вся система обеспечения движения. Нам нет нужды запасаться никаким горючим, оно нам просто не понадобится. К нашим услугам — громадные запасы энергии всей Вселенной — наше горючее повсюду, — сказал Тревайз, небрежно махнув рукой.

— Но... как подумаешь... а вдруг что-нибудь сломается?

Тревайз пожал плечами:

— У меня есть кое-какой опыт в космонавигации, но на таких кораблях летать не доводилось. Если что-то выйдет из строя в системе гравитации, боюсь, я ничего не сумею поделать.

— Но вы сумеете вести этот корабль? Справитесь?

— Я сам об этом думаю, Профессор.

Пелорат нахмурился, но вскоре просиял:

— А... может быть, это, знаете ли, автоматизированный корабль? Мы, наверное, просто пассажиры, и нам только и надо — сидеть и ничего не делать?

— Подобные транспортные средства существуют, — кивнул Тревайз. — Грузовые корабли, которые курсируют между планетами и доставляют все необходимое на межзвездные космические станции, но об автоматизации гиперкосмических перелетов я не слыхал. Пока, по крайней мере, не слыхал.

Он внимательно оглядел каюту и поймал себя на том, что душу его гложут сомнения. Неужто злобная старуха и это предусмотрела? Кто знает — может быть, Академия уже имела на вооружении автоматизированные гиперпространственные перелеты? Не успеешь глазом моргнуть, а ты уже на Тренторе, против своей воли. Что можно изменить, когда ты всего-навсего лишнее кресло на таком корабле?

С воодушевлением и радушием, которого вовсе не испытывал, Тревайз подбодрил Пелората:

— Да вы не волнуйтесь, Профессор. Садитесь, будьте как дома. Мэр сказала, что этот корабль полностью компьютеризирован. Раз уж в вашей каюте есть факс-терминал, то в моей наверняка стоит пульт управления компьютером. Вы тут устраивайтесь, а я прогуляюсь к себе и вообще осмотрюсь, как тут и что.

Пелорат внезапно встревожился:

— Тревайз, дружочек, вы же не собираетесь меня тут бросить одного?

— О нет, это не входит в мои планы, Профессор. Попытайся я это сделать, меня тут же прикончат на месте. Так распорядилась Мэр. Я просто хочу разобраться, как лучше управлять «Далекой Звездой», вот и все. Я вас не покину, Профессор, — сказал Тревайз с улыбкой.

Улыбка исчезла с его лица только тогда, когда он вошел в свою каюту и закрыл за собой дверь. Тревайз немедленно приступил к поискам средства связи — обязательно должно быть средство связи, они не могли быть выброшенными в космос, не имея возможности с кем-то хоть словом перемолвиться. Где-то должен быть передатчик. Нужно было связаться с офисом Мэра и спросить, где находится пульт управления компьютером.

Сантиметр за сантиметром Тревайз обследовал стены, изголовье кровати, гладкую поверхность удобной, уютной мебели. Если в каюте ничего не обнаружится, придется обшарить весь корабль.

Не найдя ничего хотя бы смутно напоминающего средство коммуникации, он был готов выйти из каюты, но в последнее мгновение краешком глаза уловил вспышку света на гладкой светло-коричневой поверхности письменного стола. В два шага он оказался у стола и прочел в кружке крошечные буквы, которые гласили: «Инструкции по пользованию компьютером».

Ура!

Сердце Тревайза бешено колотилось. Неплохо! Однако кто знает, сколько времени уйдет на освоение инструкций? Существовали такие компьютеры и такие программы, на изучение которых требовались долгие годы. Тупицей себя Тревайз не числил, но «Великим Мастером» в этой области не был никогда. Он отлично знал, что он не из тех, кто обладает врожденными способностями к общению с компьютерами.

Во Флоте Академии он дослужился до звания лейтенанта, и как-то раз во время дежурства ему довелось попытаться над корабельным компьютером. Но наедине с компьютером, без страховки, он не оставался никогда, и никогда от него не требовалось большего, чем выполнение обязанностей дежурного офицера.

Со страхом не умеющего плавать утопающего он вспомнил толстенные тома полного программного обеспечения компьютера. Как живой, предстал перед ним Технический Сержант Крэснет, сидевший за пультом управления... Он играл на этом пульте, как на сложнейшем музыкальном инструменте в Галактике, и выходило это у него на удивление изящно, даже небрежно. Казалось, ему это прискачило до невероятности. Но и Сержанту Крэснету порой приходилось заглядывать в инструкции. Тогда он матерился, как сапожник.

Тревайз немного боязливо коснулся пальцем светящегося кружка, и вся поверхность стола немедленно ожила. Посередине крышки стола возникли очертания человеческих рук, правой и левой; крышка мягким, легким движением наклонилась под углом в сорок пять градусов.

Тревайз сел в кресло перед столом. Никого ни о чем спрашивать было не нужно. Все ясно.

Спокойно, без напряжения он опустил руки ладонями вниз на обозначенные на крышке стола очертания. Поверхность оказалась мягкой, почти бархатистой на ощупь, ему показалось, что руки как бы погрузились в нее.

На самом деле никакого погружения не произошло – это было удивительно! Руки лежали на поверхности стола. Тревайз не мог не поверить собственным глазам, но не мог отделаться от ощущения, будто что-то притягивало его руки и держало их, нежно и тепло.

Что, это все? А дальше?

Он удивленно огляделся по сторонам. Внезапная догадка мелькнула в мозгу, и в ответ на собственное предположение Тревайз прикрыл глаза.

Он ничего не услышал. Ровным счетом ничего!

Только в глубине сознания, как его собственная мысль, возникли совершенно отчетливые фразы: «Пожалуйста, закройте глаза. Расслабьтесь. Мы соединимся».

Что значит «соединимся»? Через посредство рук? Хорошенько дело!

Если Тревайз как-то и представлял себе возможность «соединения» с компьютером, то ему казалось, что это должно происходить через какой-нибудь шлем с электродами, словом, через голову, грубо говоря.

Но... руки?!

А почему бы и нет?.. Тревайзу казалось, что он куда-то уплывает, во что-то погружается... Но острота восприятия была при нем. Ладно, решил он, руки так руки. В конце концов, что такое глаза? Не более чем органы чувств. А мозг что такое? Всего-навсего главный пульт управления, заключенный в костяную черепную коробку и отделенный от рабочей поверхности тела. А что самое важное в этой рабочей поверхности? Конечно, руки, руки, лежащие на пульсе Вселенной и управляющие ею.

Разве люди не думали руками? Ведь именно руки давали ответы на любые проявления любопытства: они щупали, хватали, трогали, переворачивали, поднимали и бросали. У некоторых животных был очень большой мозг, но не было рук, и от большого мозга толку было мало.

Итак, Тревайз и компьютер взяли друг друга за руки, их мышление объединилось, и теперь было все равно – открыты у Тревайза глаза или закрыты. Раскрой он глаза, он не увидел бы больше; закрой он их, он не ослеп бы.

Даже с закрытыми глазами он совершенно ясно видел всю свою каюту, и не только в том направлении, куда бы смотрел с открытыми глазами, но всю целиком – позади себя, вверху и внизу.

Его взору были доступны все помещения корабля и все, что было за его пределами.

Взошло солнце, оно светило пока не в полную силу, яркость его лучей была приглушена утренним туманом, но Тревайз смотрел на него не жмурясь – компьютер автоматически фильтровал световые волны.

Тревайз ощущал легкое, ласковое прикосновение утреннего ветерка, услышал все звуки мира вокруг корабля. Определил силу притяжения планеты, ощутил покалывание разрядов атмосферного электричества в обшивке корабля.

Он понял всю систему управления кораблем, всю целиком, не вдаваясь в детали. Ясно было одно: если ему захочется поднять корабль, повернуть его, прибавить скорость, привести в действие любую из систем, которыми он оснащен, достаточно будет просто подумать об этом, представить, что эти действия он производит с собственным телом. Корабль будет повиноваться его воле – вот и все!

Между прочим, и собственная воля, видимо, не всегда была так уж обязательна. Компьютер многое умел делать сам. Тревайз все слышал внутри сознания в форме лаконичных, отточенных фраз и точно знал, когда и как корабль возьмет все функции на себя. В этом не было никаких сомнений. А потом – это Тревайз знал четко – он и сам сумеет принимать решения.

Забросив сеть своего усиленного компьютером сознания глубже, Тревайз обнаружил, что сможет определить состояние верхних слоев атмосферы, все условия за бортом корабля, видеть другие стартующие и идущие на посадку корабли. Все это было необходимо, и все это компьютер учитывал. Не умел бы сам, стоило мысленно приказать, и сумел бы.

Просто блеск! И никаких фолиантов с инструкциями в помине нет! Тревайз снова вспомнил Сержанта Крэснета и улыбнулся. Ему доводилось читать о том, какую замечательную революцию произведет в Галактике антигравитация, но слияние компьютера с мозгом человека до сих пор держалось в строжайшем секрете. Такая революция обещала быть еще более грандиозной.

Тревайз чувствовал, как течет время. Он точно знал, который сейчас час по местному времени Терминуса и по Галактическому Стандарту.

А это как произошло?

Стоило ему задуматься об этом, как руки его утратили ощущение контакта, крышка стола вернулась в первоначальное положение, и Тревайз стал самим собой.

Ему сразу показалось, что он не то ослеп, не то стал беспомощен – будто бы нечто, некое сверхсущество, помогавшее ему, вдруг его покинуло. Не знай он, что в любое время может вернуть себе эту помощь и поддержку, он, наверное, здорово бы расстроился. Может быть, даже расплакался бы.

Но поскольку все было в порядке, он радостно потянулся, встал и вышел из каюты.

Пелорат, естественно, уже вовсю трудился у экрана факс-терминала. Взглянув на Тревайза снизу вверх, он сообщил:

– Восхитительно работает! Поисковая программа просто превосходна. Ну а как вы, мой мальчик? Отыскали пульт управления?

– Да, Профессор. Все в полном порядке.

– Ага... Наверное, теперь нам нужно подготовиться к старту? Пристегнуться там или еще что-то? Я, знаете ли, поиском инструкций, но ничего не нашел. Несколько забеспокоился, знаете ли, и решил заняться библиотекой. А когда я работаю...

Тревайз решил успокоить Профессора, однако руки на плечи ему он положить не решился, и они застыли в воздухе. Заговорил он громко, как будто убеждал не только Пелората, но и себя самого.

– Не волнуйтесь, Профессор. Пристегиваться не надо. Антигравитация – это... как бы вам сказать... это эквивалент неинерции. При изменении скорости мы ничего не ощутим, поскольку соответствующие изменения произойдут сразу повсюду на корабле.

– Вы, дружочек, хотите сказать, что мы даже не узнаем, когда покинем нашу планету и очутимся в космосе?

– Именно так, Профессор. Собственно говоря, мы уже взлетели. В ближайшие минуты мы преодолеем верхние слои атмосферы, а через полчаса будем в открытом космосе.

16

От этого известия Пелорат сразу как-то весь съежился, сильно побледнел, стрельнул испуганным взглядом по сторонам.

Тревайз вспомнил свои собственные впечатления во время первого полета за пределы атмосферы и сказал как можно более спокойно и небрежно:

— Джен (он впервые назвал Профессора по имени и пошел на фамильярность только потому, что вынужден был играть роль космонавта-аса, успокаивающего зеленого новичка), бояться совершенно нечего. Мы в полной безопасности. Мы с тобой на борту корабля Флота Академии. Мы, правда, не вооружены, но во всей Галактике нет такого места, где имя Академии не защитило бы нас. Даже если какому-то кораблю взбредет в голову дурацкая мысль атаковать нас, мы смоемся в одно мгновение — только он нас и видел. Кроме того, я только что убедился, что с управлением я справлюсь просто замечательно.

Пелорат дрожащим голосом, хрипло проговорил:

— П-просто, Го... Голан, я подумал о п-пустоте, в которой...

— Ну если на то пошло, разве Терминус не пустотой окружен? Ведь между нами, находящимися на поверхности планеты, и вакуумом космоса лежит всего лишь тонкая прослойка атмосферы. Вот мы сейчас эту прослойку и пересекаем.

— Это я понимаю. Конечно, атмосфера очень тонкая, но все-таки... с ее помощью мы дышим...

— Здесь мы тоже дышим. Воздух внутри нашего корабля еще лучше и чище, чем естественная атмосфера Терминуса.

— А... метеориты?

— Что — «метеориты»?

— Атмосфера защищает нас от метеоритов, так ведь? Ну и от радиации, если на то пошло.

— Джен, человечество совершает космические полеты уже двадцать тысячелетий, так что...

— Двадцать два. Если мы обратимся к хронологии Хальбока, то, считая от...

— Стоп, стоп! Ты лично когда-нибудь слыхал о случаях столкновения с метеоритами или гибели от радиации? В последнее время, я имею в виду. Происходило что-либо подобное с кораблями Академии?

— Конечно, я не слишком внимательно следил за новостями в этой области, мой мальчик, и...

— Когда-то, очень давно, такие случаи бывали, но ведь техника не стоит на месте. Метеорит, достаточно крупный, чтобы нам повредить, просто не сможет приблизиться к кораблю на такое расстояние, что мы не успеем принять соответствующие меры. Пожалуй, если на нас полетят сразу четыре метеорита одновременно с четырех сторон, тогда наше дело было бы плохо, но попробуй рассчитать вероятность такого столкновения и поймешь, что имеешь шанс умереть от старости триллион триллионов раз, пока у тебя появится возможность хотя бы с половиной долей вероятности полюбоваться этим небезинтересным зрелищем.

— Вы... ты хочешь сказать, этого не случится, если ты будешь управлять компьютером?

— Нет, Джен, если управлять компьютером буду я, то будут задействованы мои собственные эмоции и реакции и все может случиться, прежде чем я сам успею понять, что произошло. А компьютер реагирует на всевозможные опасности намного быстрее, чем ты и я.

Он протянул спутнику руку:

— Джен, пойдем, я покажу тебе, на что способен компьютер. А еще я покажу тебе космос.

Пелорат некоторое время смотрел на Тревайза не мигая, нервно рассмеялся и сказал:

— Не уверен, что мне этого хочется, если честно.

— Не уверен? Ну конечно, ты просто не знаешь, что увидишь! Брось! Пошли в мою каюту.

Тревайз схватил Профессора за руку и почти поволок за собой в свою каюту. Бодро усевшись за компьютер, он спросил:

— Ты когда-нибудь видел Галактику, Джен? Смотрел на нее когда-нибудь?

— Это ты про небо, дружочек?

— Про небо, конечно.

– Небо я видел. Это, знаешь ли, любой видел. Посмотришь наверх и увидишь.

– А вот смотрел ли ты когда-нибудь на небо в темную, ясную ночь, когда «Алмазы» висят над самым горизонтом?

«Алмазы» – те из немногих звезд, что озаряли ночное небо Терминуса, небольшое созвездие, склонение которого составляло не более двадцати градусов. Большую часть ночи эти звезды располагались за линией горизонта и лишь ненадолго всходили над ним. Кроме этого созвездия, небеса Терминуса оживляли редкие, тусклые, далекие звездочки, с трудом различимые невооруженным глазом. А Галактика светилась далеким млечным сиянием – другого вида ночного неба и не мог ожидать тот, кто всю свою жизнь прожил на Терминусе, расположенном на самом краю самого дальнего витка громадной спирали Галактики.

– Наверное, – пожал плечами Пелорат. – Не понимаю, какой смысл на них смотреть. Звезды как звезды, ничего особенного.

– Вот все так думают, потому никто ничего и не видит. Что толку смотреть, когда это можно видеть каждую ночь? Но теперь я покажу тебе небо так, как ни ты, ни кто-то другой не мог бы его увидеть с Терминуса, где вечно туман и тучи. Ты все увидишь так, как не увидел бы в самую ясную ночь. Скажу тебе честно, я жутко жалею, что не новичок в Галактике, как ты. Как прекрасно увидеть Галактику впервые, в ее обнаженной, откровенной красоте! – Тревайз подтолкнул одной рукой стул, стоявший рядом с ним. – Садись, Джэн. Придется немного подождать. Сейчас я договорюсь с компьютером. Пока мне ясно, что изображение будет голограммическим, значит, никакой экран нам не понадобится. Компьютер напрямую связан с моим сознанием, но думаю, я сумею дать ему указание репродуцировать объективное изображение, и ты увидишь то же самое, что и я. Будь добр, выключи свет. О боже, какой же я балбес! Компьютер сам все сделает. Сиди, не беспокойся.

На этот раз Тревайз соединился с компьютером гораздо более уверенно и спокойно. Теперь это было похоже на рукопожатие с добрым знакомым. Свет померк, и вскоре стало совсем темно. Было слышно, как Пелорат заерзал на стуле.

Тревайз посоветовал ему:

– Не нервничай, Джэн. Сейчас все будет в порядке. Так... Вот! Видишь свечение? Полукруг видишь? Похоже на серп. Видишь?

Светящийся серп повис в темноте перед ними. Поначалу сияние его было тусклым, изображение немного подрагивало, но постепенно обрело четкость и яркость.

– Это... Терминус? – хрипло спросил Пелорат. – Мы уже так далеко от него?

– Да, корабль летит очень быстро.

Корабль скользил в ночную тень Терминуса, ограниченную ярким полумесяцем. У Тревайза возник порыв послать корабль прямо под эту световую арку, чтобы они смогли увидеть Терминус во всей его красе с орбиты, но он вовремя удержался. Конечно, в этом для Пелората был бы элемент новизны, но, с другой стороны, вид Терминуса с орбиты был запечатлен и на глобусах, и на фотоснимках. Каждый ребенок знал, как выглядит Терминус из космоса – громадные водные пространства, небольшие материки и острова. Всякому было известно, как мало на Терминусе полезных ископаемых, но зато тут прекрасно развито сельское хозяйство. Тяжелая промышленность никогда не отличалась большими успехами, а вот тонкие технологии и прогресс в области миниатюризации всевозможных устройств не знали себе равных в Галактике.

Можно было бы отдать компьютеру приказ применить микроволновое зондирование, транслировать изображение, тогда они увидели бы каждый из обитаемых островов Терминуса и тот единственный, что тянулся на звание континента, тот самый, где находился Терминус-Сити, но...

Отвернись! Не думай об этом!

Стоило только мелькнуть этой мысли, стоило только проявить волю, и картина тут же переменилась. Светящийся полумесяц приблизился к границам зрения и исчез. Каюту наполнила темнота, непроницаемый мрак беззвездного пространства.

Пелорат прокашлялся.

– А нельзя ли вернуть назад Терминус, дружочек? А то у меня, знаешь ли, такое чувство, будто я ослеп.

Он был напуган не на шутку.

– Нет, ты не ослеп. Смотри!

Посреди каюты возникла зыбкая, неровная светящаяся лента. Она становилась все шире и ярче, свечение наполняло каюту целиком...

«Сожмись!»

Короткий приказ – и Галактика сразу уменьшилась, будто на нее посмотрели с противоположного конца телескопа, и вместо увеличения прибавляли и прибавляли уменьшение. Яркость свечения в разных участках Галактики была разной.

Не изменяясь в размерах, Галактика засветилась ярче. Из-за того, что звездная система, где находился Терминус, располагалась выше плоскости Галактики, она не была видна целиком, от края до края. Она представляла собой сидящею сжатую двойную спираль с извилистыми прорехами темных туманностей, пересекавшими ярко светящийся виток, находящийся ближе к Терминусу. Ядро Галактики выглядели тусклым плотным комком, не слишком впечатляюще.

Пелорат взволнованно прошептал:

– Ты прав... Так я ее никогда не видел. Даже не думал, что в ней так много всего...

– Иначе и быть не могло! Ты же не мог увидеть вторую половину неба, когда между тобой и ней был Терминус и слой атмосферы. А уж ядра Галактики с Терминуса и вовсе не видно.

– Как жаль, что мы видим ее только в прямой проекции!

– Почему жаль? Компьютер может показать нам ее в любой проекции. Стоит мне только этого пожелать, даже не нужно произносить своего желания вслух...

«Смени координаты!»

Не слишком четкое указание, но картина Галактики начала медленно, постепенно изменяться – компьютер был послушен разуму и воле Тревайза.

Галактика поворачивалась, раскручивалась, как гигантская улитка, извилистые полосы черноты чередовались с узлами и нитями различной степени яркости. Центральный участок по-прежнему был виден нечетко.

Пелорат спросил:

– Но... как компьютер может видеть Галактику отсюда так, будто мы находимся совсем в другом месте, которое, насколько я могу судить, не меньше чем в пятидесяти парсеках от нас? Прости меня, пожалуйста, дружочек, – добавил он извиняющимся шепотом, – что я тебя про это спрашиваю. Ведь я ничего в этом не понимаю.

Тревайз ответил:

– Не переживай и не извиняйся. Я об этом компьютере знаю ненамного больше тебя. Но даже гораздо менее сложный, маленький компьютер способен менять проекцию и показывать Галактику в разных ракурсах, начиная с изображения, помогающего нам ощутить ее реальное положение, то есть соответствующее реальному положению компьютера и корабля в пространстве. Конечно, когда такой компьютер дает изображение, он использует только начальный объем информации; и когда даешь увеличение, видишь крупные участки затемнения, всякие провалы, но в данном случае...

– Да?

– В данном случае изображение просто потрясающее! Видимо, наш компьютер владеет полной картой Галактики и способен показывать ее в любой проекции с одинаковой легкостью без потерь в изображении.

– Полная карта Галактики – но что это значит, дружочек?

– Координаты каждой звезды в пространстве – все это в памяти компьютера.

– Каждой звезды?

Похоже, Пелорат был просто-таки сражен этим заявлением Тревайза.

– Ну, может быть, не всех трехсот миллиардов. Но наверняка он имеет сведения обо всех звездах, освещдающих населенные миры, обо всех звездах спектрального класса K и ярче. А это означает как минимум семьдесят пять миллиардов.

– Он знает каждую звезду, освещдающую населенные миры?

– Боюсь ошибиться. Может, и не каждую. Но послушай: уже во времена Гэри Селдона было известно двадцать пять миллионов обитаемых миров – звучит внушительно, но это значит

— одна звезда из каждого двенадцати тысяч. Прошло пять веков после кончины Селдона, и распад Империи не препятствовал дальнейшей колонизации Галактики. Мне лично кажется, что ей даже способствовал. До сих пор в Галактике есть куда податься — масса пригодных для обитания планет, где-то около тридцати миллионов. Так что очень может быть, что даже в Академии учтены не все новозаселенные миры.

— Ну а древние? Те, что заселены давно? Эти-то, наверное, должны быть учтены все без исключения?

— Думаю, да. Гарантировать, конечно, не могу, но сильно удивлюсь, если окажется, что в памяти компьютера отсутствует хоть одна из давно населенных систем. А теперь... давай-ка я попробую показать тебе еще кое-что, если, конечно, слажу с компьютером.

Руки Тревайза немного напряглись, ему показалось, что они глубже погрузились в крышку стола. Наверное, вовсе и не надо было напрягать мышцы, достаточно было просто более четко и определенно сформулировать указание.

«Терминус» — была его мысль. В ответ на нее на самом краю спирали зажглась красноватая точка.

— Это наше солнце, — объяснил он, сам удивленный до предела. — Звезда, вокруг которой обращается Терминус.

— Ах! — восхищенно выдохнул Пелорат.

Но тут же в густом скоплении звезд, в самом сердце Галактики ожила яркая желтая точка, чуть сбоку от ядра, чуть ближе к тому краю спирали, где находился Терминус.

— А вот это, — сообщил Тревайз, — солнце Трентора.

Шумно, глубоко вдохнув, Пелорат проговорил:

— Ты уверен? Ведь про Трентор всегда говорят, что он — в самой середине Галактики.

— В каком-то смысле так оно и есть. Он ближе к ее центру, чем любая другая обитаемая планета, чем любая из обитаемых систем. А истинный центр Галактики представляет собой черную дыру с массой, равной массе почти миллиона звезд. Думаю, это не слишком приятное местечко. Насколько известно на сегодняшний день, в самом ядре Галактики жизни не существует, наверное, ее там и быть не может. Итак, Трентор — самая близкая к центру Галактики планета, и если бы ты увидел ее на ночном небе, ты бы точно подумал, что она в самом центре и находится. Она окружена очень плотным звездным скоплением.

— Ты бывал на Тренторе, Голан? — поинтересовался Пелорат с нескрываемой завистью.

— Нет, но голографическую картину его неба видел.

Тревайз восхищенно разглядывал Галактику. Во времена Великих Поисков Второй Академии — в дни царствования Мула — все кто ни попадя забавлялись с моделями Галактики. Сколько томов было исписано, сколько фильмов снято!

А все потому, что когда-то давным-давно Гэри Селдон изрек: «Вторая Академия будет основана на другом конце Галактики» и назвал это место «концом Звезд».

«На другом конце Галактики»... Стоило Тревайзу подумать об этом, как в поле зрения возникла тонкая голубая линия и протянулась от Терминуса через черную дыру в центре на другой конец Галактики. Тревайз чуть не подпрыгнул. Он вовсе не хотел, чтобы эта линия появилась, но, видимо, мысль его оказалась достаточно четко сформулированной — для компьютера этого вполне хватило.

О нет, прямой путь на другой конец Галактики — нонсенс. Не об этом говорил Селдон. Этую загадку разгадала Аркади Дарелл (если верить ее автобиографической книге). Ответ был самый простой и происходил из детской поговорки «у кольца нет начала и конца». Тогда всем показалось, что это и есть правильный ответ. И хотя Тревайз всеми силами постарался отбросить возникшую мысль, компьютер успел опередить его. Голубая линия пропала, вместо нее возникло кольцо, описавшее всю Галактику, пересекая красную точку — солнце Терминуса.

У кольца не было конца. Если оно начиналось с Терминуса, оно там и кончалось, и именно там была обнаружена Вторая Академия, жившая и работавшая там же, где и Первая.

Но что если на самом деле это всего лишь самообман? Что за пределами прямой линии и круга имело хоть какой-то смысл?

— Ты играешь, Голан? — спросил Пелорат. — Что это за кружок?

— Да так, проверял кое-что в системе управления... А хочешь — найдем Землю?

Мгновение-другое ответа не было.

– Ты шутишь? – прошептал Пелорат.

– Вовсе нет. Сейчас попробую. И попробовал. Ничего не вышло.

– Прошу прощения, – пробормотал Тревайз, донельзя удивленный.

– Ее нет? Нет Земли?

– Скорее всего, я не точно сформулировал команду, но... это маловероятно. Скорее всего.

Земли нет в памяти компьютера.

– Может быть, она внесена в его память под другим названием? – предположил Пелорат.

– Под каким другим названием, Джэн? – ухватился за эту мысль Тревайз.

Пелорат ничего не ответил, а Тревайз улыбнулся. Ну что ж, все становится на свои места.

Молчит, и ладно. Дозреет. Он решил сменить тему.

– Вот интересно, а не можем ли мы поманипулировать временем?

– Временем? Как это? Неужели это возможно?

– Галактика вращается, Джэн. Для того чтобы пройти по ее окружности один-единственный раз. Терминусу потребуется почти миллиард лет. Звезды, что расположены ближе к центру, такое путешествие, естественно, совершают гораздо быстрее. Скорость обращения каждой звезды вокруг центральной черной дыры наверняка зафиксирована в памяти компьютера. Если так, то можно попросить компьютер ускорить любое движение в миллион раз и сделать эффект вращения видимым. Вот я и попытаюсь...

Попытка далась нелегко. Тревайзу показалось, будто он взял всю Галактику в свои руки и, превозмогая чудовищное сопротивление, принялся раскручивать ее.

Галактика послушалась! Медленно, тяжело, величественно начала она вращение в направлении, соответствующем сжатию витков спирали.

Время текло удивительно быстро – ненастоящее, искусственное время, и звезды все время меняли свои размеры.

Кое-какие из более крупных становились ярче и постепенно превращались в красные гиганты. Некоторые звезды в области центральных скоплений время от времени взрывались с бесшумными вспышками, на долю мгновения озарявши всю Галактику и так же бесшумно гаснувшими... Потом подобное происходило и на витках спирали – то на одном, то на другом, то ближе, то дальше от центра...

– Сверхновые... – изумленно проговорил Тревайз.

Но как компьютеру удавалось предсказывать взрывы сверхновых? Откуда он знал, когда это произойдет? Может быть, это только приближение с большой долей ошибки?

Пелорат торопливо, взволнованно прошептал:

– Она живая, Голан! Галактика похожа на живое существо! Смотри, как она движется, будто кто-то живой, громадный, кто живет прямо в космосе...

– Да, похоже, – согласился Тревайз. – Но я, честно говоря, притомился. Пока не научусь тратить поменьше сил, не смогу играть в эти игры подолгу.

Он отсоединился от компьютера. Галактика замедлила ход, постепенно остановилась, уменьшилась в размерах и скоро приняла тот вид, который был в самом начале.

Тревайз прикрыл глаза и глубоко вздохнул. Открыв глаза, он увидел Терминус – тот становился все меньше и меньше, исчезая позади. Их корабль покидал атмосферу, Тревайз видел корабли, кружившие на орбите вокруг Терминуса – одни взлетали, другие шли на посадку.

Ему и в голову не пришло проверить, не было ли чего-то особенного в каком-то из этих кораблей, поискать, нет ли среди них корабля, оборудованного точно таким же гравитационным двигателем, как их собственный, и двигающегося по сходной траектории чересчур точно, чтобы это могло быть чистой случайностью...

Глава пятая Оператор

Трентор!

Восемь тысячелетий Трентор был столицей гигантской и могущественной политической структуры, которая правила процветающим Союзом Миров. Еще двенадцать тысячелетий Трентор был столицей Империи, правившей всей Галактикой, ее сердцем и мозгом, ее моделью в миниатюре.

Нельзя было представить себе Империю без Трентора.

Парадоксально, но наивысшего расцвета, вершины могущества Трентор достиг тогда, когда Империя по уши увязла в трясине распада. Там, на Тренторе никто не замечал, как безнадежно больна Империя, что ей больше не суждено сделать ни шагу вперед, – Трентор сиял в лучах славы, отражавшихся от его металлической поверхности.

Вся планета стала одним огромным городом. Об ограничении народонаселения впервые задумались тогда, когда число обитателей Трентора дошло до сорока пяти миллиардов. Непроницаемую стальную броню Трентора оживляли лишь два покрытых живой зеленью островка – окрестности Императорского Дворца и комплекс зданий Галактического Университета со знаменитой Библиотекой.

Стальная оболочка крепко и надежно обнимала планету. И пустыни, и плодородные равнины уравнялись в правах и стали жилыми кварталами, джунглями административных построек, хитросплетениями компьютеризированных систем жизнеобеспечения, гигантскими хранилищами продовольствия, складами запасных частей. Горные вершины сровняли с землей, впадины засыпали. Под континентальными шельфами были проложены бесконечные коридоры города, а сами океаны были превращены в подземные плантации аквакультуры, ставшие единственным, весьма незначительным источником питания и кое-каких минералов.

Связь с другими мирами, из которых Трентор черпал все необходимое для своего существования, обеспечивали тысячи его космопортов, сотни тысяч торговых кораблей и миллионы космических грузовиков.

Ни один из крупных городов Галактики не существовал в таком режиме экономии. Ни одна планета не достигла таких высот в области использования солнечной энергии, нигде так гениально не была решена проблема избавления от избыточного тепла. Отраженные лучи тянулись к верхним слоям атмосферы наочной стороне и отбрасывались на металлическую поверхность дневной стороны. Планета вращалась, терморадиаторы вращались вместе с ней вслед за ночной тенью. Такова была искусственная асимметрия Трентора – его своеобразный символ.

Итак, на пике своего могущества Трентор правил Империей!

И если он правил ею не слишком хорошо, все равно – лучше бы не смог править ею никто. Империя была слишком велика для того, чтобы с управлением ею сладил один-единственный мир, пускай даже под руководством могущественнейшего из Императоров. Да и как Трентор мог править Империей мудрее, если в век начала распада Имперскую Корону швыряли друг другу, как мячик, тупоголовые политики, амбициозные и недалекие дилетанты, когда бюрократия и коррупция превратились в мощную субкультуру?

Но даже в самые худшие времена Империя не смогла бы существовать без Трентора – своего главного двигателя.

Дерево Империи тут и там давало трещины, но ее сердцевина – Трентор – была цела и создавала впечатление гордости, тысячелетних традиций, и питалась соками самоэкзальтации.

Лишь тогда, когда случилось непредсказуемое, немыслимое – когда Трентор пал и был захвачен, когда миллионы его жителей погибли, а миллиарды были обречены на голодную смерть, когда стальную кожу планеты избороздили шрамы и раны, наносимые ей жестокими атаками варварского флота, – тогда и только тогда было понято, что Империя при смерти. Уцелевшие жалкие отщепенцы некогда могущественнейшего из миров еще сильнее разрушили то, что оставалось от Трентора, и за жизнь одного поколения он из величайшей планеты за всю историю Галактики превратился в жуткое скопище руин.

Случилось это два с половиной столетия назад. В Галактике не забыли о Тренторе, о том Тренторе, которым он был когда-то. Ему суждено было остаться вечно живым как месту развития сюжетов исторических романов, стать символом великого прошлого, войти в

пословицы и поговорки типа: «все корабли приземляются на Тренторе» или «это вес равно, что найти нужного человека на Тренторе», или «если это Трентор, то я – Император» и тому подобные.

Но это – в Галактике...

А на самом Тренторе все было совсем иначе! Былая слава его была забыта, похоронена под руинами. Металлическое покрытие планеты исчезло, Трентор стал малонаселенным миром крестьян, ведущих натуральное хозяйство. Сюда редко заглядывали торговые корабли, да их тут, честно говоря, особо и не ждали. Да и само название «Трентор», официально существовавшее, в разговорной речи местных жителей почти не применялось. Текущие тренториане называли планету «Дум», что на их диалекте значило «Дом».

Обо всем этом и о многом другом, пребывая в привычном полуудремотном состоянии, раздумывал Квиндор Шендесс, дав своему сознанию волю блуждать без привязи по потоку мыслей, непрерывно текущих и пересекающихся.

Уже восемнадцать лет он занимал пост Первого Оратора Второй Академии и мог бы остаться на этом посту еще лет десять, если бы удалось сохранить остроту мышления и умение вести политические баталии.

Фактически он был аналогом, зеркальным отражением Мэра Терминуса: правителя Первой Академии, но никакого сходства между ними не было и в помине. Мэра Терминуса знала вся Галактика, и Первая Академия для всех была просто «Академией». Первый Оратор Второй Академии был известен лишь своим сотрудникам.

И все же Вторая Академия существовала, управляемая им и его предшественниками, обладавшими реальной властью. Первая Академия сохраняла приоритет в области физической науки, техники, вооружений. А Вторая не знала себе равных на поприще развития ментальных наук, власти психологической, способности управлять сознанием. Случись двум Академиям столкнуться в бою, было бы совершенно неважно, сколько кораблей выставила бы Первая Академия против Второй – Вторая сумела бы справиться с разумом и кораблями тех, кто управлял кораблями и оружием Первой.

Но как долго можно было рассчитывать на покой и равновесие в осуществлении этой тайной власти?

Шендесс был двадцать пятым по счету Первым Оратором, и преимущества его власти были скорее иллюзорны, чем реальны. Не следовало ли; например, быть менее настойчивым в поддержке молодых аспирантов? Взять хотя бы Оратора Гендибала, самого способного и самого нового за Столом Ораторов? Сегодня они должны были встретиться, и Шендесс думал об этой встрече. Стоит ли предполагать, что Гендибалль в один прекрасный день займет его место?

Ответ был прост – Шендесс не хотел уходить со своего поста. Слишком сильно он любил свою работу.

Конечно, он был очень стар, но с обязанностями своими пока справлялся прекрасно. Седина мало изменила его внешний облик – в молодости он был светловолос, а короткая стрижка создавала впечатление, что он по-прежнему блондин. Глаза у него были тусклово-голубые, одевался он более чем скромно, почти как тренторианские крестьяне.

Первый Оратор мог бы запросто сойти за думлянина, но его скрытые силы никогда не покидали его. В любое мгновение он мог заставить любого человека думать так, как хотелось ему, и сделать так, чтобы ни один, испытавший такое воздействие, никогда и не вспомнил о встрече с ним.

Но такое случалось редко, вернее, почти никогда не случалось. Золотое Правило Второй Академии гласило: «Прибегай к действию лишь в случае крайней необходимости, но перед тем, как действовать, подумай!»

Первый Оратор тихо вздохнул. Живя здесь, в стенах Древнего Университета, совсем недалеко от печального великолепия руин Императорского Дворца, порой волей-неволей приходилось задумываться о том, каким Золотым было это Правило...

Во времена Великого Побоища Золотое Правило готово было порваться, как до предела натянутая струна. Нельзя было спасти Трентор, не пожертвовав Планом Селдона, планом создания Второй Империи. Ради сохранения Плана представлялось гуманным дать погибнуть

сорока пяти миллиардам обитателей Трентора, хотя их гибель неминуемо ввлекла за собой и смерть ядра Первой Империи. Сохранить людей – только отдалить неизбежное. Так или иначе, несколько веков спустя, разрушение неминуемо, только тогда его масштабы могут оказаться столь грандиозны, что ни о какой Второй Империи и речи быть не может...

Прежние Первые Ораторы трудились над задачей неотвратимого Великого Побоища целые десятилетия, но не находили ответа – как сберечь Трентор и построить Новую Империю. Из двух зол нужно было выбрать наименьшее, и Трентор погиб!

Сотрудникам Второй Академии тех времен удалось спасти Университет и Библиотеку, сделав их местом выживания Академии, но это навсегда поселило в их сердцах чувство вины. Никто никогда не говорил вслух о том, что между сохранением Университета и Библиотеки и взрывоподобным возвышением Мула есть признаки причины и следствия, но интуиция всегда подсказывала, что неразрывная связь между тем и этим существует.

Сколько ужасны были последствия!

Но вслед за Великим Побоищем и годами царствования Мула наступил Золотой Век Второй Академии.

До этих времен, в течение двух с половиной столетий после кончины Селдона, Вторая Академия, словно стая кротов, таилась а недрах Библиотеки, скрываясь от взглядов последних подданных Империи. В умирающем мире Трентора сотрудники Академии стали тихими, незаметными библиотекарами. Это было удобно, ведь в Галактическую Библиотеку наведывались все реже и реже, потихоньку стали забывать, как она называется. Этого-то и надо было Второй Академии.

Такую жизнь можно было назвать жизнью лишь с большой натяжкой. Существование ради сохранения Плана – вот что это было. А на другом краю Галактики в это самое время Первая Академия не на жизнь, а на смерть билась с врагами, которые раз от разу становились все опаснее и сильнее, и не только не имела никакой помощи от Второй Академии, но и не подозревала о ее существовании.

Великое Побоище развязало руки Второй Академии – не так давно молодой Гендибалль имел дерзость объявить, что в этом как раз и состояла главная причина, по которой было позволено произойти Великому Побоищу.

После Великого Побоища Первая Империя прекратила свое существование, и за все последующие годы никто из оставшихся в живых на Тренторе никогда не переступал границ Второй Академии без приглашения. Сотрудники Второй Академии пристально следили за тем, чтобы Университет и Библиотека, уцелевшие во времена Великого Побоища, благополучно пережили и годы Великого Возрождения. Из древних построек сохранились только руины Императорского Дворца. Остальное пространство планеты навсегда сняло свои металлические одежды. Бесчисленные, бесконечные коридоры были засыпаны землей, перекрыты, повернуты, разрушены – острые камни и голая земля стали привычным пейзажем везде, за исключением университетского комплекса, где металл по-прежнему покрывал участки почвы, не занятые постройками.

В общем-то ничего особенного – нечто вроде мемориала былого величия, гробницы Империи, но для тренториан, точнее – для думлян, это было заколдованное место, дом с привидениями, куда лучше было носа не совать. Так что только сотрудники Второй Академии безбоязненно ступали внутрь древних подземных коридоров и касались сверкающего титана поверхности.

Но даже при такой сверхпредосторожности все чуть не пошло прахом из-за Мула.

Мул лично побывал на Тренторе. Что, если бы он провел, чем в действительности является мир, где он находится? В ту пору его материальное оружие было гораздо мощнее того, каким располагали во Второй Академии, а психологическое – почти таким же грозным. Второй Академии пришлось прибегнуть к тактике сдерживания, минимуму действий – любая попытка победить в мгновенной схватке привела бы к тяжелейшим, необратимым последствиям.

Исход поединка целиком зависел от Байты Дарелл, от ее решительности и смелости. А ведь она совершила свой подвиг без вмешательства Второй Академии!

Потом наступил Золотой Век – Первым Ораторам, возглавлявшим в те времена Вторую Академию, удалось проявить небывалую активность, положить конец завоевательской карьере

Мула, взяв под контроль его сознание. Удалось им остановить и Первую Академию, сдержав ее упрямство и любопытство в поисках местонахождения и сущности Второй Академии. Тем, кому принадлежала честь спасти План Селдона, был Прим Пальвер, девятнадцатый в череде Первых Операторов. План был спасен, но не обошлось без жертв.

Теперь, через сто двадцать лет, Вторая Академия снова была вынуждена скрываться в заброшенной части Трентора. Пряталась она уже не от подданных Империи, а именно от Первой Академии, могущество которой достигло небывалых высот, власть которой в Галактике была почти равна власти Первой Галактической Империи, а что касается развития техники, то она давно обошла Империю.

Веки Первого Оператора сомкнулись, он впал в забытье. Он не спал, но и не бодрствовал, полностью расслабившись.

Хватит печалиться. Все будет хорошо. Трентор – до сих пор столица Галактики, потому что именно здесь находится Вторая Академия, и она сильнее и мудрее любого из Императоров.

Настанет черед, и возникнет Вторая Империя, совсем не похожая на Первую. Это будет Федеративная Империя: миры, составляющие ее, будут обладать значительными правами в области самоуправления, а память об унитарном, централизованном правительстве, тщетно строящем хорошую мину при плохой игре, пытаясь выдать собственную слабость за могущество, навсегда останется в прошлом. Новая Империя должна стать пластичной, гибкой, способной адаптироваться, умеющей выдерживать и амортизировать напряжение... И всегда, всегда ею будут править никому не известные мужчины и женщины из Второй Академии. Трентор по-прежнему останется столицей, и под управлением сорока тысяч психоисториков он станет величавее и могущественнее, чем под управлением сорока пяти миллиардов...

Первый Оператор очнулся. Садилось солнце. Не проговорился ли он? Не обронил ли лишней мысли?

Если любому во Второй Академии приходилось знать много, а говорить мало, то Правящим Операторам следовало знать еще больше, а говорить еще меньше. А уж Первому Оператору суждено было знать больше всех, а говорить, естественно, меньше всех.

Шендесс криво усмехнулся. Сколько соблазнительна всегда была идея тренторианского патриотизма – видение всей цели созидания Второй Империи в образе сотворения гегемонии Трентора! Сам Селдон предостерегал против этого. Еще пять столетий назад он предвидел, что подобных мыслей не избежать.

Первый Оператор понял, что впал в забытье совсем ненадолго. До встречи с Гендибалем еще оставалось время.

Шендесс ждал личной встречи с молодым Оператором. Гендибалль мог взглянуть на План свежим взглядом, достаточно острым, чтобы увидеть то, чего не видят другие. Не исключено, что кое-чего и сам Шендесс не видел.

Никому не было ведомо, сколько много почерпнул Прим Пальвер, сам Великий Пальвер из встречи с юным Колем Бенджоамом, которому в ту пору не было и тридцати. Тогда они говорили о возможных вариантах правления Второй Академии, о построении схемы ее отношений с Первой. Бенджоам, впоследствии прославленный теоретик, самый выдающийся теоретик со времен Селдона, никогда никому не рассказывал об этой встрече, но именно ему суждено было стать двадцать первым из Первых Операторов. Некоторые считали, что он затмил самого Пальвера теми уникальными изменениями в Плане, которые были внесены по его предложению в План в годы правления Пальвера.

Шендесс принял размышлять о том, что ему может сказать Гендибалль. По традиции способные молодые сотрудники при встрече с Первыми Операторами всю свою доктрину излагали в начальной фразе. И конечно же, они никогда не просили об этой первой аудиенции по какому-либо тривиальному поводу – для решения малозначительного вопроса. Это могло на корню разрушить всю их последующую карьеру. Не дай бог показаться Первому Оператору легкомысленным прожектором!

Минуло четыре часа, и Гендибалль явился. Внешне он не выглядел взволнованным. Он спокойно ждал – разговор должен был начать Первый Оператор.

– Вы попросили о личной аудиенции, Оператор, – сказал Шендесс, – по вопросу, который вам представляется важным. Не могли бы вы вкратце изложить мне суть дела?

И Гендибалль с олимпийским спокойствием, как будто у него спросили о том, что он ел на обед, ответил:

— Дело в том, Первый Оратор, что План Селдона — бессмыслица!

18

Стор Гендибалль был сам себе голова. Он вовсе не нуждался в похвалах со стороны и не помнил такого времени, чтобы ему казалось, будто он никому не нужен. Во Вторую Академию он попал девятилетним мальчиком — его разыскал агент, ощущивший в нем громадные потенциальные способности.

Гендибалль успешно постигал науки, увлекся психоисторией и втянулся в нее, как звездолет в гравитационное поле. Психоистория окликнула его, и он пошел на ее зов. Он прочел от корки до корки труды Селдона в том возрасте, когда другие только пытаются решать дифференциальные уравнения.

Когда ему исполнилось пятнадцать, Гендибалль поступил в Галактический Университет Трентора (так он официально назывался). На предварительном собеседовании у него спросили, каковы его цели на будущее, и он без запинки ответил: «Стать Первым Оратором до сорока летия».

Но он вовсе не собирался занять пост Первого Оратора, не получив необходимого образования. Он просто считал, что это должно произойти, а каким образом, при каких обстоятельствах — неважно. Приму Пальверу было всего сорок два, когда он занял эту должность.

Квиндор Шендересс воспринял заявление Гендибала скептически, и скепсис собеседника не укрылся от молодого Оратора, в совершенстве владеющего психологической речью. Он прекрасно понял, как если бы Первый Оратор сказал это вслух: теперь в его досье появится отметка о том, что он, Гендибалль, резок и несговорчив.

Обязательно!

Ну и что? А Гендибалль и не собирался быть покладистым.

Ему уже за тридцать. Еще два месяца — и будет тридцать один, и он уже заседал за Столом Ораторов. На то, чтобы стать Первым Оратором, оставалось еще девять лет, и он знал, как этого достичь. Сегодняшняя встреча с Первым Оратором имела определяющее значение для всех его планов и для того, чтобы произвести то впечатление, которое ему хотелось произвести; ему не было нужды изощряться в шлифовке психоязыка.

Когда двое Ораторов Второй Академии говорят между собой, они не пользуются ни одним из известных в Галактике языков. Их речь скорее напоминает мгновенную жестикуляцию, понимание сказанного собеседником заключается в выявлении перемен в линиях мышления.

Чужак не понял бы ни слова, а Ораторы за кратчайший промежуток времени обменивались необходимым объемом информации, и при этом сказанное ими передать буквально смог бы только один Оратор.

Этот язык имел огромные преимущества — скорость общения и тончайшая нюансировка. Главным же его недостатком было то, что абсолютно невозможно было скрыть от собеседника свое истинное мнение.

Мнение Гендибала о Первом Ораторе было совершенно определенное: он считал Шендересса человеком, лучшие времена которого остались далеко позади. Старик, как думал Гендибалль, не ждал кризиса, не был к нему готов. Разразись кризис — ему не хватило бы остроты мышления, чтобы осознать действительность и справиться с ней. При всей доброте, мягкости и прочих привлекательных душевных качествах Шендересс был тем самым материалом, из которого строятся несчастья.

Свое мнение Гендибаллю следовало не только камуфлировать словами, жестами и выражением лица, но сами мысли держать подальше. Однако он не знал, как сделать, чтобы Первый Оратор не догадался, о чем он думает.

Не могло от него укрыться и понимание того, что думает о нем самом Первый Оратор. Сквозь совершенно очевидные и искренние дружелюбие и доброту виднелась далекая стена

удивления и снисходительности. Гендибаль напряг до предела собственную защиту, стараясь если не скрыть все, что видел и понимал, то, по крайней мере, не демонстрировать этого слишком открыто.

Первый Оратор улыбнулся и откинулся на спинку кресла. Нет, ноги на стол он не забросил, но излучил верно подобранную смесь самоуверенности, насмешливости и неформальной фамильярности – ровно настолько, чтобы у Гендибала зародилась неуверенность в том, какой именно эффект произвело его заявление.

Поскольку Гендибалю не было предложено сесть, он был крайне ограничен в средствах нивелировки собственной неуверенности. Скорее всего, Первый Оратор именно на это и рассчитывал.

– План Селдона – бессмыслица? – переспросил Шендесс. – Потрясающее заявление! Вы заглядывали в последнее время в Главный Радиант, Гендибаль?

– Я постоянно сверяюсь с ним, Первый Оратор. Это моя обязанность. Но помимо всего прочего, это доставляет мне удовольствие.

– Вероятно, вы изучаете постоянно лишь те участки Плана, которые вам положено наблюдать по долгу службы. Вероятно, ваша работа носит микроскопический характер – вычленение отдельных систем уравнений, коэффициентов приведения. Дело, безусловно, важное и нужное, но я всегда полагал, что время от времени исключительно полезно упражняться в прослеживании всей линии Плана. Изучение отдельных участков Главного Радианта дает свои плоды, но обследование его как громадного континента – вот что по-настоящему вдохновляет, заставляет переосмыслить многое. Сказать правду, Оратор, я сам давненько этим не занимался, Давайте посмотрим вместе?

Гендибаль не осмелился колебаться. Нужно было либо с готовностью согласиться на предложение Первого Оратора, либо наотрез отказаться.

– Это было бы великой честью и удовольствием для меня, Первый Оратор.

Шендесс нажал рычажок на крышке письменного стола. Такое устройство находилось теперь в кабинете любого Оратора, и в кабинете Гендибала в том числе – явное проявление демократии. Вторая Академия представляла собой сообщество равных возможностей во всех проявлениях, порой самых незначительных. Ведь единственной фактической прерогативой Первого Оратора было слово, содержащееся в его титуле – он всегда говорил Первым.

Комната постепенно погрузилась в темноту, но вскоре во мраке засветилась жемчужная дымка. Обе длинные боковые стены кабинета стали молочно-белыми, свечение их разгоралось все сильнее, и наконец на их поверхности возникли аккуратно очерченные уравнения – такие крошечные, что прочитать их можно было с большим трудом.

– Если вы не возражаете, Оратор, – предложил Шендесс с полной уверенностью в том, что возражений и быть не может, – мы уменьшим изображение для того, чтобы одновременно увидеть как можно больше.

Мелкие значки съежились, превратились в тончайшие – с волосок – линии, образовавшие причудливые рисунки на жемчужно-белом фоне.

Первый Оратор коснулся клавиш небольшого пульта, встроенного в подлокотник кресла.

– Вернемся в самое начало – во времена Гэри Селдона. И сообщим Радианту некоторое движение вперед. Скорость его составит одно десятилетие за момент наблюдения. При этом у нас возникнет восхитительное ощущение плавания по реке истории, не отвлекаясь на детали. Интересно, вы когда-нибудь проделывали подобное?

– Именно в таком виде – никогда, Первый Оратор.

– А следовало бы. Чувство просто потрясающее. Вот, обратите внимание, сколь широка черная линия в самом начале. В течение первых нескольких десятилетий вероятность отклонений была чрезвычайно низка. Со временем число ответвлений от генеральной линии экспоненциально нарастает, увы. Если бы не тот факт, что при избрании определенного ответвления множество остальных со временем угасает, отмирает, ход истории был бы неуправляем. Конечно, думал о будущем, мы должны быть крайне осторожны в том, на какие угасания рассчитывать и какие ответвления избирать.

– Знаю, Первый Оратор, – сухо отреагировал Гендибаль и ничего не смог поделать с ноткой раздраженности, промелькнувшей в речи.

Первый Оратор пропустил его реплику мимо ушей.

— Обратите внимание на извилистые линии красных значков. В них есть определенная закономерность. По смыслу они должны выглядеть произвольно, случайно, ведь каждый Первый Оратор вступает на высокий пост за счет внесения дополнений и изменений в План Селдона. Кажется, будто нет никакой возможности предсказать, кому из Ораторов такое дастся легко, а кому придется напрячься изо всех сил, но тем не менее у меня всегда было подозрение, что черные линии Плана Селдона и красные — Ораторских Изменений — следуют четкому закону с явной зависимостью от времени и мало от чего более.

Гендибаль следил взглядом за течением лет, видел, как красные и черные линии пересекаются. Картина создавалась почти гипнотическая. Конечно, линии сами по себе мало что значили — главными были символы, значки, их составляющие.

То тут, то там в красно-черное хитросплетение линий вкрадывался синий ручеек. Затем он исчезал или вливался либо в черную, либо в красную линию.

— Синие Девиации, — сказал Первый Оратор, и чувство недовольства вспыхнуло в сознании обоих Ораторов, заполнив, казалось, все пространство между ними. — Все чаще и чаще мы сталкиваемся с ними и наконец приближаемся к Столетию Девиаций...

Так все и было. Невооруженным глазом было видно, когда именно убийственный феномен Мула выплеснулся на Галактику и буквально переполнил ее — Главный Радиант разросся в ширину, переплелся со множеством синих ручейков. Их стало так много, что не сосчитать. Казалось, вся комната стала синей, а линии все утолщались, ветвились и испещряли поверхность стены, все более и более покрывая собой генеральную линию Плана...

Достигнув пика, синева постепенно померкла, линии стали тоньше, слились воедино на одно долгое столетие, чтобы потом исчезнуть навсегда. В том месте, где синие линии пропали и остались только черные и красные, к Плану приложил руку великий Прим Пальвер.

Вперед, вперед...

Линии сплелись в причудливый узел, целиком черный, с редкими тонкими красными пометками.

— Это — создание Второй Империи, — сказал Первый Оратор, отключил Радиант, и комната постепенно наполнилась обычным светом.

— Весьма эмоциональное путешествие, — сказал Гендибаль.

— О да, — улыбнулся Первый Оратор. — И вы удивительно старательно прятали свои эмоции, насколько могли. Но это неважно. Позвольте, я выскажу кое-какие соображения. Во-первых, от вашего взора не должно было укрыться практически полное отсутствие Синих Девиаций со времен Прима Пальвера — другими словами, за последние сто двадцать лет. Думаю, вы заметили также, что в будущие пять столетий серьезных вероятностей появления Синих Девиаций также не наблюдается. Надеюсь, от вас не укрылось и то, что мы уже начали расширять возможности психоистории за пределы создания Второй Империи. Без сомнения, вам известно, что Гэри Селдон, гениальность которого непререкаема, не был и не мог быть всезнающим. Мы оживили его теорию. О психоистории мы теперь знаем куда больше, чем знал он сам.

Селдон завершил свои расчеты временем создания Второй Империи, но мы пошли дальше. Фактически — и мне не стыдно в этом признаться — разработка нового Гипер-Плана, рассчитанного на времена после создания Второй Империи, — это моя заслуга, и именно это позволило мне занять пост Первого Оратора.

Все это я говорю вам, чтобы избежать лишних слов в предстоящей беседе. Учитывая все это, как можете вы утверждать, что План Селдона — бессмыслица? Он безупречен. Тот простой и очевидный факт, что мы пережили Столетие Девиаций, при всем уважении к гению Прима Пальвера, — лучшее подтверждение безошибочности Плана. Где же вы видите просчеты, молодой человек? Как можете вы заявлять, что План — бессмыслица?

Гендибаль выпрямился во весь рост.

— Вы совершенно правы, Первый Оратор. План Селдона безупречен.

— Следовательно, вы отказываетесь от своего заявления?

— Нет, Первый Оратор, Именно его безупречность порочна. Более того, она фатальна!

Взгляд Первого Оратора был хладнокровен. Он умел скрывать свои чувства, и некомпетентность Гендибала в этом отношении забавляла его. Молодой человек, изо всех сил старался маскировать эмоции при каждом мыслеобмене, но всякий раз обнаруживал себя целиком.

Шендесс бесстрастно разглядывал молодого Оратора: Гендибалль был строен и поджар. У него были тонкие губы и жилистые, беспокойные руки с длинными, изящными пальцами. В глубоко посаженных темных глазах таился тлеющий огонь.

«Трудновато будет, — подумал Первый Оратор, — заставить такого отказаться от своих убеждений».

— Вы упражняетесь в парадоксах, Оратор, — сказал Шендесс.

— Безусловно, мое утверждение звучит парадоксально, Первый Оратор, поскольку мы слишком сильно привыкли многое в Плане принимать как данность, не задаваясь вопросами.

— Какой же вопрос задаете вы, в таком случае?

— Дело в самой сущности Плана. Нам всем известно, что План не сработает, если его природа и даже самое его наличие станет известно слишком многим из тех, чье поведение предполагается прогнозировать.

— Полагаю, Гэри Селдон это понимал. Полагаю, кроме того, что именно это стало одной из аксиом психоистории.

— Он не предусмотрел появления Мула, Первый Оратор, и поэтому не мог предвидеть того интереса, который проявит ко Второй Академии Первая, когда мы вынуждены были раскрыться.

— Гэри Селдон... — начал Первый Оратор, осекся и умолк.

Все сотрудники Второй Академии знали, как выглядел Гэри Селдон внешне. Его двух- и трехмерные изображения, барельефы и статуи можно было встретить повсюду. Но на них он всегда был запечатлен таким, каким был в последние годы жизни — стариком, с изборожденным морщинами мудрой старости лицом, символизируя квинтэссенцию зрелости гения.

И вдруг, совершенно неожиданно для себя самого, Первый Оратор вспомнил фотографию, которая, как предполагалось, изображала Селдона в молодости. На нее никто большого внимания не обращал — сама мысль представить Селдона молодым казалась нелепой. Однако Шендесс видел эту фотографию, и Стор Гендибалль на мгновение показался ему поразительно похожим на молодого Селдона!

Он тут же одернул себя. Смешно и глупо! Просто один из предрассудков, которым подвержены все люди без исключения, как бы рациональны ни были. Конечно, его поразило чисто внешнее сходство. Если разобраться, сомнительное. Будь у Шендесса сейчас перед глазами та фотография, он бы обязательно уверился, что никакого особого сходства нет — иллюзия. Но вот только почему эта нелепая мысль пришла ему в голову именно сейчас?!

Он быстро овладел собой. Мгновенное колебание, краткая рассеянность, слишком мимолетная, чтобы кто-то мог заметить ее, разве только другой Оратор. Пусть Гендибалль интерпретирует эту рассеянность, как ему заблагорассудится.

— Гэри Селдон, — твердо, уверенно повторил он, — прекрасно знал, что существует колоссальное число вероятностей, предвидеть которые он не в силах, и именно поэтому создал Вторую Академию. Мы также не предвидели появления Мула, но быстро распознали его, а когда он выступил против нас, остановили его. Мы не предвидели и возможного интереса к нам со стороны Первой Академии, но как только он возник, мы и ему положили конец. Где вы видите ошибку, Оратор?

— Во-первых, — сказал Гендибалль, — интерес к нам в Первой Академии вовсе не иссяк.

Первый Оратор сразу заметил, насколько увереннее заговорил Гендибалль. Значит, от него не укрылось краткое замешательство Первого Оратора, и он интерпретировал его как некую слабость. Это надо учесть.

— Позвольте возразить, — пошел в атаку Шендесс. — Вполне вероятно, что в Первой Академии могут сыскаться люди, которые сравнят ту полную тревог и потерь жизнь, что вела Первая Академия в течение почти четырех столетий, с ее беззатратным, безмятежным

существованием на протяжении последних ста двадцати лет. Сравнят и придут к выводу, что это связано с той заботой, какую Вторая Академия проявляет о выполнении Плана, — тут им не откажешь в правоте и справедливости. Сделав такой вывод, они могут решить, что на самом деле Вторая Академия уничтожена не была, и также будут правы. И действительно, у нас есть сведения о том, что некий молодой человек из столицы Академии, Терминуса, член тамошнего правительства, просто-таки убежден в этом... Имя его запамятовал, к сожалению...

— Голан Тревайз, — уточнил Гендибаль, — Именно я первым сообщил об этом, именно я направил материалы на эту тему вам, Первый Оратор.

— О! — воскликнул Первый Оратор с подчеркнутым уважением, — И как же вышло, что он привлек ваше внимание?

— Один из наших агентов на Терминусе прислал традиционный отчет о вновь избранных членах Совета Академии — дело привычное, и Ораторы, как правило, особого внимания к такого рода сообщениям не проявляют. Однако именно этот отчет вызвал у меня интерес, не сам отчет, конечно, а то, как необычно и подробно в нем описан этот молодой Советник, Голан Тревайз. Судя по характеристике, которую ему дает наш агент, этот человек необычайно самоуверен и настроен крайне воинственно.

— Почувствовали родственную душу?

— Вовсе нет, — не отреагировав на язвительное замечание, парировал Гендибаль. — Он показался мне беззлобным человеком, совершающим экстравагантные поступки, но такая характеристика меня не устроила. Я приступил к более углубленному исследованию. Довольно быстро я понял, что этот человек мог бы стать крайне ценен для нас, если бы нам удалось завербовать его, когда он был моложе.

— Весьма вероятно, — сказал Первый Оратор. — Однако вам прекрасно известно, что мы не занимаемся вербовкой на Терминусе.

— Известно, конечно. Как бы то ни было, даже при отсутствии нашей тренировки и обучения он обладает необычайной интуицией. Она, правда, совершенно неупорядочена. Меня нисколько не удивило, что этот человек догадался, что Вторая Академия до сих пор существует. Мне это представилось настолько важным, что я немедленно послал сообщение вам, Первый Оратор.

— Судя по тому, как вы рассказываете об этом, появились новые подробности?

— Да. Поняв, что мы до сих пор существуем, этот Тревайз изложил свою точку зрения в крайне резкой форме, нарушив некие принципы Академии. В результате он изгнан с Терминуса.

Брови Первого Оратора резко вздернулись.

— Неожиданный оборот событий. Вы хотите, чтобы я дал оценку происходящему, не так ли? Без помощи компьютера оценка будет приблизительная, грубая... Попробую решить несколько уравнений Селдона в ум... Мой вывод таков: проницательная Мэр: также способная предположить, что Вторая Академия все еще существует, предпочла избавиться от неугодного ей Советника, который кричит об этом на всю Галактику и тем самым рискует навлечь опасность на Первую Академию. Полагаю, Бранно Бронзовая решила, что будет спокойнее услать Тревайза подальше от Терминуса.

— Она могла бы посадить его в тюрьму или тайно казнить.

— Уравнения становятся ненадежны, Оратор, если их применять при рассмотрении поведения отдельного человека, это вам должно быть известно. Они имеют смысл только в приложении к реакциям крупных сообществ, Поведение отдельных людей, следовательно, непредсказуемо, и вероятно предположить, что Мэр — гуманный человек и считает тюремное заключение, не говоря уже о казни, немилосердным.

Гендибаль молчал. Но это было не просто молчание, это было преднамеренное молчание. Он затянул паузу ровне настолько, чтобы у Первого Оратора зародились сомнения в высказанной им оценке событий, но чтобы рассердиться тот не успел.

Паузу Гендибаль выдержал и сообщил:

— А я не склонен к такой интерпретации, Я полагаю, что Тревайз в данный момент является оружием величайшей опасности за всю историю Второй Академии — гораздо более грозным, чем Мул!

20

Гендибалль был доволен. Новое заявление сработало превосходно. Первый Оратор этого не ожидал и вышел из равновесия. Теперь перевес был на стороне Гендибала. Если и были у него какие-то сомнения в собственном превосходстве, они тут же развеялись после вопроса Шендесса:

– Имеет ли это какое-то отношение к вашему предыдущему заявлению относительно бессмысленности Плана Селдона?

Гендибалль на полной скорости рванул вперед по волнам уверенности, не давая Первому Оратору опомниться.

– Первый Оратор, тот факт, что Прим Пальвер восстановил русло течения Плана, никаких сомнений не вызывает. Ему удалось компенсировать те страшные aberrации, которые возникли в конце Столетия Девиаций. Взгляните на Главный Радиант, и вы увидите, что Девиации сохранились всего два десятилетия после смерти Пальвера, и с тех пор их просто не было. Ни единой! Честь столь гладкого течения Плана должна бы, по идеи принадлежать Первым Ораторам, занимавшим этот высокий пост после Прима Пальвера, но это мне не представляется вероятным.

– Вот как? Ну конечно, Пальверов среди нас не было, но... что тут такого невероятного?

– Да будет мне позволено изложить свою точку зрения. Первый Оратор? Пользуясь методами психоисторической математики, я мог совершенно точно по казать, что шансы полного исчезновения Девиаций ничтожно малы – независимо от того, что бы ни предпринимала Вторая Академия. Вы можете отказаться от подробного заслушивания, это займет примерно пол часа вашего драгоценного времени. Тогда, если вы откажетесь, я могу созвать общее Собрание Стола Ораторов и изложить все там. Но мне не хотелось бы упускать время и провоцировать ненужные споры.

– Да. Верно. Кроме того, для меня это означало бы потерю авторитета. Излагайте немедленно. Но... одно предупреждение.

Первый Оратор ухватился за соломинку.

– Если окажется, что все это глупо и бессмысленно, я этого не забуду, учтите.

– Если это окажется глупо и бессмысленно, – гордо и легко сказал Гендибалль, – я отступлюсь и немедленно подам в отставку.

Объяснение заняло гораздо больше получаса, поскольку Первый Оратор самым скрупулезным образом рассматривал вес детали математической проработки.

Некоторое время у Гендибала ушло на умелую демонстрацию собственного микро-Радианта. Это прибор, с помощью которого можно было вычленить любой участок генеральной линии Плана в голограмическом изображении, и при этом не требовалось ни горизонтальной поверхности стен, ни пульта размером с письменный стол – его начали применять всего десять лет назад, и Первый Оратор с ним еще не освоился. Гендибалль знал об этом, а Шендесс видел, что Гендибалль это знает.

Гендибалль набросил петельку микропульта на большой палец правой руки, а четырьмя остальными пальцами принялся манипулировать крошечными кнопками с такой легкостью, будто играл на музыкальном инструменте (раскроем секрет; он заранее подготовился к разговору и написал себе шпаргалку, но Первый Оратор ее не видел).

Уравнения, которые демонстрировал Гендибалль, скользили вперед и назад, как юркие змейки, сопровождая его пояснения. Он мог, если бы это понадобилось, представить подробнейшие объяснения, аксиомы и графики, как двух-, так и трехмерные, не говоря о проекциях многомерных взаимосвязей.

Пояснения Гендибала были продуманы, остры и изящны, и Первый Оратор отставил всякие мысли о психологическом состязании. Он был побежден.

– Не могу припомнить такого анализа, – сказал он, – Чья это работа?

– Моя, Первый Оратор. Моя собственная. Математические выкладки уже опубликованы.

– Весьма похвально, Оратор Гендибалль. Если вы будете продолжать в таком духе, это позволит вам занять пост Первого Оратора после моего ухода в отставку.

— Я и не помышлял об этом, Первый Оратор... но, поскольку вы мне все равно не поверите, я лгать не стану. Да, я думал об этом, и надеюсь, что стану Первым Оратором, поскольку кто бы ни метил на этот пост, он должен будет совершить процедуру, суть которой известна пока лишь мне одному.

— От скромности вы не умрете, — вздохнул Первый Оратор. — Что за процедура? И не могли бы нынешний Первый Оратор осуществить ее? Если я оказался слишком стар для того, чтобы отважиться на такой творческий подвиг, какой совершили вы, может быть, мне еще хватит ума для того, чтобы пойти в указанном вами направлении?

Признал поражение, милосердная уступка! Сердце Гендибала дрогнуло, смягчилось, он по-человечески оценил этот шаг Первого Оратора, хотя понял, что намерения старика именно таковы, как он сказал.

— Благодарю вас, Первый Оратор. Безусловно, мне понадобится ваша помощь и поддержка. Не смею ожидать, что мне удастся убедить Стол Ораторов в своей правоте, если вы меня не поддержите (добром за добро). Надеюсь, вы согласны со мной теперь, когда я продемонстрировал невероятность того, что исчезновение Девиаций — целиком и полностью дело наших рук.

— Это для меня очевидно, — согласился Шендесс. — Если ваши математические выкладки верны, из них следует, что для восстановления Плана необходим учет возможности прогнозирования малых групп людей, даже отдельных людей, с высокой степенью вероятности.

— Именно так. Поскольку же психоисторическая математика такого не позволяет, Девиации исчезнуть не могли, более того, их не может не быть, Следовательно, вы понимаете, что именно я имел в виду, заявив ранее, что как раз безукоризненность, безупречность выполнения Плана Селдона и делает его ошибочным.

— Следовательно, — сказал Первый Оратор, — либо План Селдона действительно не предусматривает Девиаций, либо что-то не так с вашей математикой. Поскольку же в Плане Селдона действительно не отмечается Девиаций уже столетие с лишним, тем более вероятно, что в ваших математических выкладках есть погрешность... но никаких ошибок я не заметил.

— Вы были бы совершенно правы, Первый Оратор, если бы не существовало третьей альтернативы. Очень может быть, что и План Селдона не допускает Девиаций, и с моей математикой все в порядке, когда она доказывает: что это невероятно.

— Не вижу альтернативы.

— Давайте допустим, что выполнение Плана Селдона контролируется с помощью психоисторического метода, совершенного настолько, что поведение маленьких групп людей, даже отдельных людей, прогнозироваться может. Иными словами, может с помощью такого метода, которым ни вы, ни я не располагаем, да и никто во Второй Академии. Тогда и только тогда мои математические выкладки покажут, что в Плане Селдона действительно нет Девиаций, и быть не может!

Наступила пауза (по обычным представлениям, никакой паузы и в помине не было, лишь по стандартам Второй Академии). Затем Первый Оратор сказал:

— Мне такой метод психоисторического анализа действительно незнаком, и, насколько я понял, вам тоже. Если он неведом нам с вами, остается единственная возможность — некий Оратор или группа Ораторов разработала такого рода микропсихоисторию и утаила этот секрет от остальных членов Стола. Надеюсь, вы не откажетесь признать, что вероятность такого оборота событий ничтожно мала? Или вы не согласны?

— Согласен.

— Следовательно, либо ваш анализ неверен, либо микропсихоистория находится в руках некой группы за пределами Второй Академии.

— Совершенно верно. Первый Оратор. Именно о такой альтернативе я думал.

— Можете продемонстрировать справедливость этого предположения?

— Формально — не могу. Но вспомните: разве уже не было в истории случая, когда один-единственный человек повредил Плану Селдона, обрабатывая сознание отдельных людей?

— Вы говорите о Муле?

— Конечно.

— Но Мулу удалось лишь на время сорвать выполнение Плана. Теперь же проблема состоит в том, что План Селдона выполняется прекрасно — слишком хорошо, как показывает ваша математическая проработка. Для такого нужен... Анти-Мул — некто, способный нарушить План, но действующий из совершенно иных соображений: не сорвать План, а усовершенствовать его.

— Все верно, Первый Оратор. Я не додумался до такого определения. Кем был Мул? Мул был мутантом. Но откуда он взялся? Какова причина его появления на свет? Этого никто не знает, Разве их не могло быть больше?

— Не могло, скорее всего. Ведь единственное, что мы знаем о Муле наверняка, так это то, что он был бесплоден. Отсюда и произошла его кличка. Или вы полагаете, что это — легенда?

— Я говорю не о потомках Мула. Разве невероятно, что Мул был чем-то вроде выродка в некоем сообществе; которое теперь значительно расплодилось и, обладая в полной мере способностями Мула, не стремится нарушить План Селдона, а наоборот — помогает его выполнению?

— Но почему, ради всего святого, они обязаны нам помочь?

— А мы почему сохраняем План? Мы собираемся создать Вторую Империю — вернее будет сказать, это суждено совершиТЬ нашим интеллектуальным наследникам. По нашим расчетам, именно они станут теми, кто будет принимать решения в будущем. Если же некая другая группа печется о сохранении Плана еще более усердно, чем мы, они, видимо, вовсе не собираются предоставить нам право принимать решения. Решения будут принимать они — но какие? Так не следует ли нам попытаться выяснить, к какого рода Второй Империи они нас влечут?

— Каким же образом вы предлагаете выяснить это?

— Начнем с того, Первый Оратор, что попробуем уяснить, зачем Мэру Терминуса понадобилось отправлять в ссылку Голана Тревайза? Ведь, поступив так, она позволила потенциально опасному человеку разгуливать по всей Галактике. В то, что она действовала из соображений гуманности и милосердия, я не верю. В исторической ретроспективе лидеры Первой Академии всегда действовали сугубо реалистично — чаще всего это означает, что факторы морального порядка не имели для них определяющего значения. Один из их героев — Сальвор Гардин — открыто заявлял, что он против всякой морали вообще. Нет, я не думаю, что Мэр действовала по принуждению агентов Анти-Мулов, да будет мне позволено воспользоваться вашим определением. Я думаю, что Тревайза завербовали они и что он служит оружием величайшей опасности для нас. Смертельной опасности. И Первый Оратор сказал:

— Клянусь Селдоном, вы можете быть правы. Но как мы сумеем убедить в этом Стол?

— Первый Оратор, не приуменьшайте собственного авторитета.

Глава шестая Земля

21

Тревайз устал, вспотел, был раздражен. Они с Пелоратом только что позавтракали в маленькой столовой — отдельном отсеке.

— Удивительно! — нарушил молчание Пелорат. — Мы летим только два дня, а я уже привык, освоился, чувствую себя превосходно! Правда, недостает природы, свежего воздуха и всякого такого прочего. Странно... Странно, что недостает, правда? Раньше, когда все это было вокруг меня, я на такие мелочи внимания не обращал, знаешь ли. Но самое главное — со мной моя любимая библиотека, то есть все, что мне нужно по-настоящему, и поэтому мне ни капельки не страшно в космосе теперь. Просто потрясающе, знаешь ли!

Тревайз издал какой-то неопределенный звук. Он, казалось, смотрел внутрь себя.

— Ты о чем-то думаешь, Голан? Прости, я не хотел тебя тревожить. Просто мне показалось, что ты меня слушаешь. Я понимаю — собеседник из меня никудышный, я всегда был занудой, знаешь ли. Вот. Но о чем ты думаешь?.. Скажи, что-нибудь не так? Мы попали в

беду? Скажи, не бойся. Помохи от меня, конечно, мало, но я не испугаюсь, ты не думай, дружочек.

— Попали в беду? — рассеянно переспросил Тревайз, стряхнул задумчивость и нахмурился. — С чего ты взял?

— Я про корабль. Ну все-таки — новая модель. Мало ли что, вдруг что-то не в порядке?

Пелорат неловко улыбнулся.

Тревайз энергично покачал головой:

— Зря беспокоишься, Джэн. Все в полном порядке, все работает, как надо. Просто... я искал гиперреле.

— А, понятно... то есть совсем непонятно, знаешь ли. Что такое «гиперреле»?

— Сейчас объясню, Джэн. Мне нужно держать связь с Терминусом. Я могу выйти на связь в любое время, как только захочу, а Терминус, со своей стороны, может в любое время связаться со мной. Они знают координаты корабля, наблюдают за траекторией нашего полета. Даже если бы они не знали, где мы находимся, они могли бы локализовать местонахождение нашего корабля методом масс-сканирования. Этим способом можно найти в космосе нечто объемное — корабль или, скажем, метеорит. Отличить корабль от метеорита они могут за счет обнаружения источника энергии, а найдя таковой, можно идентифицировать конкретный корабль. Понимаешь, нет двух кораблей, совершенно одинаковых с точки зрения использования энергии. Что-то есть в нашем корабле типичное только для него, и его особенности зафиксированы в реестрах Терминуса.

— Знаете, Тревайз... знаешь, Голан, — задумчиво проговорил Пелорат, — у меня такое впечатление, что все успехи цивилизации — не что иное, как упражнения в ограничении свободы.

— Не исключено, что ты прав. Однако раньше или позже мы будем вынуждены перейти в гиперпространство, иначе нам придется вечно болтаться в парсеке — двух от Терминуса. О межзвездных перелетах тогда и говорить нечего. Переходя в гиперпространство, мы теряем связь с обычным пространством. Перемещение происходит за краткие мгновения реального времени, и при этом мы покрываем расстояние в сотни парсеков. После перемещения мы можем оказаться в месте, координаты которого трудно прогнозировать заранее, и фактически обнаружить нас будет трудновато.

— ...Понимаю, — кивнул Пелорат. — Понимаю.

— Трудновато, если только на нашем корабле не установлено гиперреле. Гиперреле способно послать сигнал через гиперпространство — такой сигнал у каждого конкретного корабля свой собственный. И тогда на Терминусе знали бы, где мы находимся в любое время. Вот подтверждение твоей мысли, Джэн. Тогда нигде, во всей Галактике мы бы не смогли спрятаться от поисковой техники Академии.

— Но, Голан... зачем нам прятаться? Разве мы не нуждаемся в защите Академии?

— Почему? Нуждаемся, конечно, но только тогда, когда сами об этом попросим. Ты же сам сказал: «успехи цивилизации — не что иное, как упражнения в ограничении свободы». Ну так вот: мне такое ограничение не по вкусу. Я хочу лететь куда угодно, куда захочу, чтобы меня не трогали, если только мне не понадобится помочь и защита. И в этом смысле я чувствовал бы себя гораздо спокойнее, если бы у нас на борту не было гиперреле.

— Но... ты нашел его, Голан?

— Нет. Не нашел. Нашел бы — наверное, сумел бы его поломать.

— А ты бы узнал его, если бы нашел?

— В том-то и загвоздка! Я могу не узнать его по виду! В принципе, я представляю себе, как должно выглядеть гиперреле, но ведь это корабль последней модели, и тут его могли так хитро запрятать, что ни за что не догадаешься, где оно.

— Но ведь, с другой стороны, ты мог его не найти именно потому, что его просто нет.

— Не знаю. Пока не уверюсь, что его действительно нет, о Прыжке даже и думать не хочу.

— А-а-а... Так вот в чем дело! А я-то думал, почему это мы все плывем и плывем в пространстве, и все не прыгаем... Я, знаешь ли, слыхал о Прыжках. Признаться, немного побаивался и все ждал, когда ты скажешь мне, что надо пристегнуться, или таблетку какую-нибудь дашь... ну или что-то в этом роде.

Тревайз не смог сдержать улыбки:

– Бояться нечего. То, о чем ты говоришь, – страшная древность. На таком корабле, как у нас, все предоставлено компьютеру. Нужно только дать ему соответствующие инструкции, а все остальное он сделает сам. Даже не почувствуешь, что что-то произошло, только картина в иллюминаторе изменится, вот и все. Если ты видел когда-нибудь слайд-шоу, то представляешь себе, как это бывает, когда кадры быстро сменяют друг друга. Вот так примерно выглядит Прыжок.

– Бог мой! Я ничего не почувствую? Правда? Это даже как-то обидно, знаешь ли.

– Ну я: по крайней мере, никогда ничего не ощущал, а ведь я летал не на таких современных кораблях, как наша малютка... Но Прыжок мы пока не совершили не только потому, что я не нашел гиперреле. Нам нужно улететь подальше от Терминуса и от его солнца. Чем дальше мы будем находиться от любого объекта с большой массой, тем легче проконтролировать Прыжок и произвести выход в обычное пространство в заданных координатах. В экстренных случаях можно, конечно, пойти на риск и совершить Прыжок, находясь всего в двухстах километрах от поверхности планеты, не тогда приходится положиться на удачу и надеяться, что все сойдет благополучно. Правда: пустого пространства в Галактике гораздо больше, чем занятого, но всегда есть вероятность, что после Прыжка окажешься где-нибудь поблизости от крупной звезды, а то и в самом центре Галактики. Тогда и глазом моргнуть не успеешь, как заживо изжаришься. Чем дальше держишься от крупных объектов, тем меньше такая вероятность.

– Что ж, тогда я целиком полагаюсь на твою осторожность. Насколько я понимаю, торопиться нам особо некуда.

– Вот именно... В особенности потому, что я бы сейчас душу отдал на заклание, чтобы найти гиперреле до первого Прыжка... либо я должен убедиться, что его здесь нет.

Тревайз снова глубоко задумался, и Пелорат осторожно, но довольно громко поинтересовался:

– И долго ты будешь искать? Сколько времени это займет?

– Что именно?

– Я хотел спросить... когда бы ты совершил Прыжок, если бы не искал гиперреле?

– Ну... при нашей скорости и траектории... скажем, на четвертый день после старта. К концу четвертого дня. Точное время определию с помощью компьютера.

– Значит, на поиски у тебя еще целых два дня. Можно, я выскажу предложение?

– Валяй высказывай.

– В своей работе мне часто приходилось сталкиваться... конечно, у меня совсем другая работа, не такая, как твоя... но все-таки что-то общее всегда есть. Словом, когда зацикливаешься на чем-то одном, постоянно об этом думаешь – толку мало. Но стоит расслабиться, отвлечься, заняться чем-то другим – и твое подсознание, освободившись от гнета раздумий, сможет решить твою проблему.

Тревайз зажмурился и рассмеялся:

– Действительно, а почему бы и нет?!.. Скажи-ка мне, Профессор, почему тебя так интересует Земля? И почему вообще затеян этот странный поиск конкретной планеты? Этой прародины человечества?

– А, понятно... – Пелорат радостно покивал головой. – Это было давно. Лет этак тридцать назад. Я, знаешь ли, собирался выучиться на биолога, когда поступал в колледж. Особенно меня интересовало разнообразие биологических видов в различных мирах. Хотя... разнообразие – не совсем верное слово. Вариаций, как тебе известно... хотя, наверное, неизвестно, – очень немного. Все формы жизни по всей Галактике – как минимум известные нам на сегодняшний день, – обладают белково-водно-нуклеиновой структурой.

– Я учился в военном колледже, – сказал Тревайз, – и там больше внимания уделялось ядерной физике и гравитации, но не такой уж я узкий специалист. О химических основах жизни я кое-что знаю. Нас учили тому, что вода, белки и нуклеиновые кислоты – единственная возможная основа для биологической жизни.

– Несколько поспешное заключение, знаешь ли. Правильнее было бы сказать, что до сих пор не найдено других форм жизни. Гораздо более удивительно то, что индигенные,

эндемичные формы жизни – виды, которые бы обнаруживались только на одной планете, удивительно немногочисленны. Большинство из существующих видов, включая и *Homosapiens*, расселены по всем или, по крайней мере, большинству обитаемых миров Галактики и весьма сходны между собой биохимически, физиологически и морфологически. Индигенные виды же, с другой стороны, резко отличаются по межвидовым и внутривидовым признакам.

– И что из этого следует?

– Вывод таков: какой-то один мир в Галактике – один-единственный – отличается от всех остальных. Десятки миллионов миров в Галактике развили жизнь – простейшую, примитивную, хрупкую, трудно сохраняемую, не слишком разнообразную, не легко распространяемую. И единственный мир, только один, развил жизнь миллионов видов, да-да, именно миллионов, и некоторые из этих видов были высокоспециализированными, высокоразвитыми, с громадными способностями к размножению и распространению, включая нас. Мы оказались настолько разумны, что создали цивилизацию, разработали технику космических полетов и колонизировали Галактику. А распространяясь по Галактике, мы всюду брали с собой и распространяли другие виды, другие формы жизни, связанные между собой и с нами.

– Не понимаю, что тут такого удивительного, – равнодушно сказал Тревайз. – Все разумно. Да, в итоге мы имеем «человеческую» Галактику. Если предположить, что начало этому было положено в одном-единственном мире, то он действительно должен был отличаться неким многообразием видов. А почему бы и нет? Вероятность столь бурного развития жизни ничтожно мала, один против миллиона, следовательно, такое могло случиться в одном из сотен миллионов миров. Вполне может быть, что такой мир действительно был только один.

– Но что сделало этот мир столь уникальным, не похожим на другие? – подхватил его мысль Пелорат. – Какие условия?

– Простая случайность, наверное. Ведь, в конце концов, люди и те формы жизни, что они таскали за собой, теперь живут на десятках миллионов планет, а раз каждая из них способна поддерживать существование жизни, значит, каждая и годится на эту роль.

– Нет! – горячо возразил Пелорат. – Нет и нет! С тех пор как человечество развило технику и вовлекло себя в тяжкую борьбу за выживание, оно действительно научилось адаптироваться в любом мире – даже таком, прямо скажем, малогостеприимном, как Терминус. Но разве можно себе представить, что на Терминусе могла зародиться разумная жизнь? Ведь когда на Терминус прибыли первые Энциклопедисты, они обнаружили там лишь мохоподобную растительность на скалах и кое-каких насекомых. Почти все они были уничтожены, люди заселили землю и водоемы рыбой, кроликами и козами, посадили деревья, засеяли землю зерном и так далее. Мы не оставили от индигенной жизни ничего – только то, что теперь живет в зоопарках и аквариумах.

– Гм-м-м... – нахмурился Тревайз.

Пелорат с минуту молча смотрел на него, потом вздохнул:

– Тебе до этого дела нет, я понимаю. Неудивительно. Правду сказать, мало я встречал людей, кому это было бы интересно. Наверное, я сам виноват – не умею увлекательно рассказывать, хотя меня самого это ужасно интересует.

– Почему? – пожал плечами Тревайз. – Очень интересно. Ну... ну и что?

– Разве тебе не кажется, что с чисто научной точки зрения было бы интересно исследовать мир, давший начало единственному по-настоящему процветающему экологическому равновесию, который когда-либо знала Галактика?

– Наверное, если бы я был биологом... Но я же не биолог, так что ты должен меня простить.

– Ну конечно, дружочек, конечно... Но дело в том, что я и биологов мало встречал, кто бы этим заинтересовался. Ну так вот... Как я уже сказал, я увлекался когда-то биологией. Я попробовал заговорить об этой проблеме с профессором, но он остался равнодушен. Посоветовал мне уделять больше внимания практическим вопросам, не витать в облаках. Но мне было так скучно, что в конце концов я переключился на историю, ею я увлекался еще в подростковом возрасте, но тогда это было просто хобби... В общем, я принялся изучать «Вопрос о Происхождении» с этой точки зрения.

– По-моему, – вставил Тревайз, – тебе следовало бы возблагодарить своего профессора; он

подарил тебе дело жизни.

— Да, пожалуй, можно и так сказать. Это ведь так замечательно! Знаешь, я никогда не устаю от своей работы, она мне никогда не надоедает. О, как бы мне хотелось, чтобы тебе это тоже стало интересно! Я так устал говорить с самим собой...

Тревайз запрокинул голову и громко расхохотался.

— Почему ты смеешься надо мной, Голан? — оторопело и обиженно спросил Пелорат.

— Не над тобой, Джен! Над собственной тупостью. Дело в том, что ты был совершенно прав. Там, где ты корифей, я полный профан. Да, ты прав на все сто.

— В чем? В постановке вопроса о происхождении человечества?

— Да нет! Прости, не исключено, что и в этом тоже. Я хотел сказать, как прав ты был, когда посоветовал мне отвлечься от того, о чем я думал. Все сработало! И когда ты говорил о том, как появилась жизнь, я понял, как найти гиперреле, если оно, конечно, есть.

— О, вот как?

— Да, вот так! Ведь это просто сводило меня с ума. Я искал реле так, будто нахожусь на корабле древней модели — таком тренировочном корабле, на котором летал когда-то, то есть занимался тем, что изучал все отсеки глазами, разыскивая нечто такое, что выглядело бы не похожим на все остальные предметы. Я забыл, что этот корабль — продукт тысячелетнего развития технической цивилизации. Понимаешь?

— Нет, Голан, — признался Пелорат.

— У нас есть компьютер. Как я мог о нем забыть? Он схватил Пелората за руку и потащил в свою каюту.

— Сейчас попытаюсь связаться... — сказал Тревайз, положив ладони на крышку стола.

Нужно было попробовать наладить связь с Терминусом, который находился от них на расстоянии в несколько тысяч километров.

«Выходи на связь. Говори!»

Он чувствовал себя так, будто все нервные окончания вытянулись, натянулись, как струны, рванулись наружу с кошмарной скоростью — не иначе, как со скоростью света, ведь именно она была нужна, чтобы наладить связь.

Тревайз ощутил прикосновение, нет, не прикосновение... не было для этого подходящего слова, но он знал, что Терминус на связи, и хотя расстояние между кораблем и планетой преодолевалось со скоростью примерно двадцать километров в секунду было полное ощущение, что корабль недвижим, и между ними всего несколько метров...

Он ничего не сказал. Он молчал. Он просто проверял сам принцип связи. И молчал.

Неподалеку, всего в восьми парсеках находился Анакреон, по Галактическим стандартам ближайшая крупная планета для задворок Галактики. Чтобы сигнал дошел туда, потребовалось бы пятьдесят два года при скорости света, достаточной для связи с Терминусом.

«Доберись до Анакреона! Думай об Анакреоне! Думай о нем четко, ясно: как только можешь. Ты знаешь о своем положении относительно Терминуса и Центра Галактики, ты изучал планетографию и историю, решал военные задачки. Помнишь эти задачки на необходимость захвата Анакреона? Господи! Да ведь ты был на Анакреоне! Картинку! Представь себе Анакреон! Будь здесь гиперреле, ты бы представил его себе, как наяву! Ну! Ну!»

Ничего. Ноль эмоций. Нервные окончания дрогнули, расслабились, напряжение спало.

— Нет у нас гиперреле, Джен. Я уверен. А если бы не внял твоему совету, я бы искал его еще неизвестно сколько времени.

Пелорат, не изменившись в лице, довольно кивнул:

— Как я рад, что хоть чем-то сумел тебе помочь. Означает ли это, что мы совершим Прыжок?

— Нет, все-таки выждем два дня, чтобы все вышло, как нужно. Я говорил тебе, помнишь, — нам нужно улететь подальше от Терминуса. У меня так или иначе ушло бы пару дней на ознакомление с кораблем незнакомой конструкции и расчет Прыжка, но... у меня такое впечатление, что компьютер отлично сам справится.

— Ой... значит, нам предстоит скучать еще целых два дня?

— Скучать? — широко улыбнулся Тревайз. — Ничего подобного! Мы, дружище Джен, будем

говорить о Земле.

— Правда?! — обрадованно воскликнул Пелорат. — Тебе хочется сделать старику приятное?! Как мило с твоей стороны, Очень мило, дружочек.

— Ерунда. Не надо так радоваться. На самом деле я хочу сделать приятное себе. Джен, да ты просто гений! После твоих объяснений мне стало ясно, что Земля — это самое интереснее, что есть в Галактике!

22

И действительно, мысль эта промелькнула в сознании Тревайза, когда Пелорат говорил о Земле, Он отвлекся от нее только потому, что так упорно думал о гиперреле. Теперь, когда этот вопрос был снят, он понял, как это важно.

Ведь самой распространенной из цитат Селдона была его реплика относительно того, что «Вторая Академия находится на другом конце Галактики» от Терминуса. Селдон добавил еще одну характеристику этого места, сказал, что там «конец звезд».

Эти сведения содержались в отчете Гаала Дорника о знаменитом процессе — в описании им дня, предшествовавшего последнему слушанию дела Селдона. «Другой конец Галактики», — если верить Дорнику, Селдон произнес именно эти слова, и с этого дня весь мир пытался решить, что имел в виду Селдон.

Что связывало один конец Галактики с другим? Прямая линия, спираль, круг? Что?

На Тревайза неожиданно снизошло озарение, ему стало ясно, что не должно быть ни линии, ни круга, ни спирали — не они должны быть начертаны на карте Галактики. Все было гораздо тоньше и сложнее...

На одном конце Галактики, по определению, находился Терминус и Первая Академия, Это действительно был край Галактики, отчего слово «конец» принимало буквальное значение. Помимо всего прочего, Терминус был самым новым миром в Галактике в те времена, когда Селдон произносил свою сакраментальную фразу, миром, которого тогда фактически еще не существовало — он только должен был быть основан.

Что же, в свете этого, могло быть другим концом Галактики? Тем ее краем, где располагалась Вторая Академия? Ну конечно, самый древний мир в Галактике! И судя по фактам, которые излагал Пелорат, сам не догадываясь, как это важно для Тревайза, этим миром могла быть только Земля. Вторая Академия запросто могла находиться на Земле!

...Да, но Селдон сказал также, что там — «конец звезд». Но разве можно утверждать, что это не поэтический образ? Ведь если попробовать проследить историю человечества в обратном направлении, как это сделал Пелорат... то образуется потрясающая картина: от звезды к звезде, от одной обитаемой системы к другой протянутся нити — пути миграции, и в конце концов все нити приведут к той самой планете, откуда произошло человечество. К звезде, освещющей Землю. К концу звезд.

Тревайз улыбнулся и почти любовно попросил:

— Расскажи мне побольше о Земле, Джен.

Пелорат покачал головой:

— Я тебе все рассказал. Остальное мы узнаем на Тренторе.

— Нет, Джен. Там мы ничего не найдем. Почему? Потому что на Трентор мы не полетим. Корабль веду я, и ты можешь быть совершенно уверен — на Трентор мы не полетим.

Пелорат раскрыл рот, закрыл, опять открыл. Долго молчал, наконец, с трудом справившись с собой; выговорил:

— Ка-кая н-неожиданность, д-дружочек...

— Не расстраивайся, Джен. Не стоит. Мы будем искать Землю.

— Но только на Тренторе...

— Нет. На Тренторе ты не разыщешь ничего, кроме потрескавшихся кинопленок и пыльных документов, и сам потрескаешься и запылишься.

— Я столько лет мечтал...

— Ты мечтал найти Землю.

— Да, но...

Тревайз вскочил, схватил Пелората за край рукава:

– Все, хватит, Профессор. Хватит, слышишь? Ты же сам сказал мне, что мы обязательно найдем Землю – еще на Терминусе, помнишь, ты похвастался, я цитирую твои собственные слова: «я располагаю уникальными сведениями и догадками». Так вот – ни слова больше о Тренторе. Я желаю узнать, что у тебя за догадки.

– Но... но это действительно только догадки! Надежды, всякие туманные идеи, знаешь ли...

– Прекрасно! Рассказывай!

– Ты не поймешь. Не поймешь! Я же не единственный, кто проводил исследования в этой области. Тут нет ничего исторического, ничего твердо доказанного, ничего реального. С одной стороны, люди говорят о Земле, как будто ее существование – факт, но, с другой стороны, во всем этом много мифического, легендарного. Существуют миллионы противоречащих друг другу сказаний...

– Ну хорошо. Лично твое исследование в чем состояло?

– Я вынужден был собирать все до единого сказания, исторические упоминания, легенды, самые невероятные мифы. Даже фантастику. Все, все, где фигурирует слово «Земля», все, где есть упоминание о планете-прадорине. Целых тридцать лет я собирал все это. К моим услугам были все библиотеки Галактики. И теперь, если бы я смог разыскать нечто более надежное в Галактической Библиотеке на... Ой, прости, ты запретил мне произносить это слово.

– Правильно. Нечего его произносить. Вместо этого лучше скажи, что один вопрос особенно привлек твое внимание, и объясни – почему.

Пелорат грустно покачал головой:

– Прости меня, Голан, но позволь мне высказать замечание. Ты говоришь со мной, как солдафон или политик. Историки так не работают.

Тревайз сделал глубокий вдох и взял себя за руки.

– Хорошо, Скажи мне, как они работают, Джэн. У нас есть два дня. Ликвидируй мою безграмотность. Займись моим обучением.

– Хорошо, дружочек. Так вот... Нельзя полагаться на любой отдельно взятый миф, даже на любой из ряда подобных. Мне пришлось собрать их все, анализировать их, классифицировать, разработать целую систему кодов, отражающую различные аспекты содержания – рассказов о немыслимых климатических условиях, описаний астрономических подробностей планетарных систем по сравнению с теми, что имеются на самом деле, мест рождения легендарных героев, о которых сказано, что они попали в эти миры откуда-то еще, – сотни, тысячи аспектов. Все перечислять бесполезно. Двух дней тут не хватит. Я потратил тридцать лет, я же говорил тебе... Потом я разработал компьютерную программу, с помощью которой изучил все собранные мифы на предмет наличия сходных компонентов и исключения истинных невероятностей. Постепенно я разработал модель Земли – такой, какой она могла быть. В конце концов, если люди действительно произошли с одной планеты, она и должна являться фактом, общим для всех мифов... Ну что, ты хочешь услышать математические подробности?

Тревайз ответил:

– Не сейчас, благодарю. Но только – как ты можешь быть уверен, что твоя математика не подвела тебя? К примеру, мы знаем, что Терминус был основан пять веков назад, что первые люди прибыли туда как колонисты с Трентором, но ведь на Трентор они попали из десятков, а то и из сотен самых разных миров. Но кто-то, не знавший этого, мог предположить, что Гэри Селдон и Сальватор Гардин, ни один из которых не был рожден на Терминусе, были уроженцами Земли; и Трентор, таким образом, – то самое место, которое надо называть Землей. Возьмись сторонники такой гипотезы искать Трентор – такой Трентор, каким он был во времена Селдона, планету, закованную в металл, они бы его не нашли и сочли бы свою догадку мифом, невероятной легендой.

Пелорат довольно кивнул:

– Дружочек, я готов принести извинения за то, что сказал насчет солдафонов и политиков. У тебя потрясающая интуиция! Все правильно – мне нужно было очертить границы поиска. Я придумал уйму вариантов извращений истинной истории, имитировал мифы тех типов,

которые мне удалось собрать. Затем я предпринял попытку внедрить собственные имитации в модель. Одно из моих произведений, кстати, касалось раннего этапа истории Терминуса. Все мои выдумки компьютер отверг. Все до одной. Не исключено, конечно, что мне не хватило литературного таланта, но я старался, как мог.

– Не сомневаюсь. И что же сказала твоя модель о Земле?

– Получился ряд сведений различной степени вероятности. Нечто вроде шаблона, знаешь ли. Ну, например: девяносто процентов обитаемых планет в Галактике обращается вокруг своих звезд за период, продолжительность которого колеблется между двадцатью двумя и двадцатью шестью Стандартными Галактическими Часами. Так вот...

Тревайз не дал ему договорить.

– Надеюсь, этот фактор ты не стал принимать чересчур серьезно, Джен? Здесь никакой мистики нет. Чтобы планета была обитаемой, она не должна вращаться слишком быстро, иначе ускоренная циркуляция атмосферы создавала бы постоянные бури и ураганы. Не должна планета вращаться и слишком медленно, тогда колебания температуры приобретут экстремальный характер. Выходит нечто вроде самоизбирательной характеристики. Люди предпочитают селиться на планетах с благоприятными условиями, а когда оказывается, что почти все обитаемые планеты этим условиям удовлетворяют, некоторые восклицают: «Какое удивительное совпадение!» На самом же деле – ничего удивительного, и о совпадении говорить не приходится.

– Безусловно, – спокойно согласился Пелорат. – Это – крайне распространенная закономерность в области социальных наук. Наверное, такой стиль мышления характерен и для физиков, но я не физик и не могу быть в этом уверен. Называется это «антропным принципом». Наблюдатель влияет на события лишь за счет того, что наблюдает за ними или непосредственно в них участвует. Вопрос в другом: где находится планета, послужившая эталоном? Какая планета имеет период обращения, в точности равный Стандартному Галактическому Дню, то есть двадцати четырем Стандартным Галактическим Часам?

Тревайз задумался, прикусил губу...

– Ты думаешь, это и есть Земля? Но Галактический Стандарт мог быть списан с местных характеристик любого мира, да или нет?

– Маловероятно. Нетипично для людской психологии. Вот смотри: Трентор был столичным миром Галактики двенадцать тысяч лет. Двадцать тысячелетий он был самым населенным миром в Галактике. Так? И тем не менее продолжительность его дня – один ноль восемь Стандартного Галактического Дня – не стала общепринятой по всей Галактике. Период обращения Трентора вокруг его светила составляет девяносто одну сотую Стандартного Галактического Года, но и этот стандарт не был насилием навязан другим планетам, которыми он правил. Каждая планета пользуется собственной системой расчетов, везде существует Местный Планетарный День, и только при решении вопросов межпланетной важности в силу вступают пересчеты по СГД в сравнении с МПД. Стандартный Галактический День должен был произойти с Земли!

– Почему так уж и должен?

– Во-первых, когда-то Земля была единственным обитаемым миром, и, естественно, ее день и год должны были быть стандартными и остались стандартными чисто за счет психологической инерции при заселении людьми других миров. Кстати говоря, модель Земли, что получилась у меня, давала именно эти параметры – обращение вокруг оси за двадцать четыре СГЧ и обращение вокруг звезды за СГД.

– А не могло тут быть совпадения?

Пелорат рассмеялся:

– Приехали! Теперь ты заговорил о совпадении! Разве можно тут допустить мысль о совпадении?

– Ну ладно, ладно... – смущился Тревайз.

– На самом деле, есть еще кое-что... Существует архаичная, устаревшая единица измерения времени, называемая месяцем...

– Слыхал.

– Так вот. Месяц приблизительно равнялся продолжительности периода обращения

спутника Земли вокруг нее. Однако...

– Ну?

– Однако при наблюдении за моей моделью Земли выяснилось, что спутник Земли был удивительно крупным: его диаметр равнялся четверти диаметра Земли!

– Вот это новость! Не припомню в Галактике обитаемой планеты с таким громадным спутником.

– Но ведь это как раз и замечательно! – воскликнул Пелорат. – Если Земля была столь уникальна с точки зрения многообразия видов и эволюции разума, значит, и с физической точки зрения она просто должна была быть уникальна!

– Да, но... какое отношение размеры спутника имеют к многообразию видов, эволюции разума и тому подобным вещам?

– Трудно сказать. Очень трудно. Я не знаю, если честно. Но это заслуживает исследования, правда?

Тревайз встал, скрестил руки на груди, покачался с носка на пятку.

– Но в чем же тогда, собственно, проблема? Просмотри реестры обитаемых планет, отыщи ту, у которой период обращения вокруг оси и солнца составляет соответственно СГД и СГГ. Если при этом у такой планеты окажется крупный спутник – вот и все, что нужно. Раз ты говорил об «удивительных догадках», уж это-то тебе наверняка в голову пришло, не сомневаюсь.

Пелорат заметно погрустнел.

– Понимаешь, дружочек, все было бы хорошо, и департамент астрономии помог мне с этими реестрами, только... короче говоря, такой планеты нет.

Тревайз злоупотребил кресло.

– Что же, выходит, всем твоим выводам грош цена?

– Не сказал бы.

– Как это – «не сказал бы»? У тебя вышла детальная, четко разработанная модель, но ничего в таком роде найти ты не сумел. Значит, модель неверна. Надо все начинать сначала.

– Вовсе нет. Это значит, что статистика по обитаемым мирам страдает неполнотой. Обитаемых миров очень много – десятки миллионов, и многие из них окутаны тайной. К примеру, надежной информации о количестве населения нет почти для половины. А для сорока тысяч шестисот миров нет ничего, кроме названий и координат. Некоторые галактографы предполагают, что может существовать около десяти тысяч обитаемых планет, не упомянутых в официальной статистике. Может быть, эти миры сами хотят, чтобы так было. Наверное, во времена Имперской Эры это помогало им избежать уплаты податей.

– Угу, – цинично процедил Тревайз. – А впоследствии такая политика помогла им превратиться в логова пиратов – намного, прямо скажем, более выгодное дело, чем законная торговля.

– Нельзя судить наверняка, – с сомнением в голосе сказал Пелорат.

– И все равно, – покачал головой Тревайз, – мне кажется, что Земля должна быть в перечне обитаемых планет независимо от ее собственного желания. Старейшая планета, по определению. Как же ее могли забыть, проглядеть в первые века становления цивилизации в Галактике? И уж если она в перечень попала, она до сих пор там должна быть. Социальная инерция неистребима.

Пелорат тихо, тоскливо пробормотал:

– На самом деле, есть планета под названием «Земля» в этом перечне...

– Как это? – изумился Тревайз. – Разве ты сам только что не сказал, что ее там нет?

– Она не так называется. Существует планета под названием Гея.

– При чем она тут? При чем тут эта – как ты сказал? Гейя?

– Пишется Г-Е-Я. Означает «Земля».

– Почему это слово должно означать «Земля»? Для меня это слово никакого смысла не несет.

Лицо Пелората исказила гримаса муки.

– Вряд ли ты мне поверишь... Понимаешь, если вернуться к анализу мифов... в общем, получается, что на Земле существовало множество независимых языков.

– Что?

– Да-да. В конце концов, и сейчас в Галактике говорят на тысяче разных диалектов.

– Верно, диалектов великое множество, но они не независимы. Действительно, понимание каждого из них вызывает определенные трудности, все это – варианты Галактического Стандарта.

– Правильно, но ведь это обусловлено постоянными контактами между мирами. А что, если какой-то мир находился в изоляции долгое время?

– Ты говоришь о Земле. Одном-единственном мире. При чем же тут изоляция?

– Земля – планета-праордина, не забывай. Человечество в этом мире когда-то обитало в таких примитивных условиях, что сейчас и представить невозможно. Никаких космических полетов, никаких компьютеров, вообще никакой техники – борьба за выживание...

– Странно... очень странно, – поджал губы Тревайз.

Пелорат склонил голову на бок и печально улыбнулся:

– Наверное, все бесполезно, дружочек. Мне никогда не удавалось никого убедить. Сам виноват, очевидно...

– Прости, Джэн. Получилось, что я тебе не верю. Просто все слишком непривычно. Ты трудился тридцать лет, а на меня все разом обрушилось. Ты должен сделать скидку. Ладно, постараюсь представить себе такую картину: на Земле живут примитивные люди и разговаривают на двух разных, совершенно непохожих языках...

– Языков таких было с полдюжины, – уточнил Пелорат. – Очень может быть, что на Земле существовали громадные, отделенные друг от друга участки суши, и сообщение между ними возникло далеко не сразу. У обитателей каждого из континентов мог развиться свой собственный язык.

Стараясь не звучать чересчур иронично, Тревайз вставил:

– И как только на одном континенте узнавали о наличии сородичей на другом, немедленно принимались спорить по «Вопросу о Происхождении», с пеной у рта доказывая, что именно тут люди впервые произошли от животных.

– Конечно, очень может быть, Голан. Ничего смешного. Для них это было бы вполне естественно.

– Ну-ну. И значит, на одном из этих языков «Гея» значит «Земля». А слово «Земля» существует в другом из этих языков. Так?

– Так, так.

– И поскольку слово «Земля» перешло в Галактический Стандарт, очень может быть, что теперь народ Земли называет свою планету «Гея» по какой-то ему одному ведомой причине.

– Вот именно! Ты удивительно сообразителен, Голан.

– Благодарю. Только что тут таинственного? Если Гея – действительно Земля, несмотря на разницу в названиях, следовательно, эта планета, если верить твоей модели, должна иметь период обращения вокруг оси, равный СГД, и период обращения вокруг солнца, равный СГГ, и обладать гигантским спутником, который обращается вокруг нее за один месяц.

– Да, это должно быть именно так.

– Ну так что: соответствует она этим характеристикам или нет?

– В том-то и дело, что я не знаю. В реестре нет такой информации.

– Нет? Ну так что, Джэн, отправимся на Гею, замерим периоды ее обращения и скорость вращения ее спутника?

– Я не против, Голан, – вконец растерялся Пелорат... – Но только вот координаты ее тоже даны не слишком определенно...

– Что – одно название? Это и есть твоя «кунидельная догадка»?

– Но ведь именно поэтому я так хотел попасть в Галактическую Библиотеку!

– Погоди, погоди... Ты сказал, что информация не слишком определенная, То есть совсем никаких координат?

– Там сказано, что планета находится в Сейшельском Секторе... а потом стоит знак вопроса.

– Раз так – не горюй, Джэн. Мы отправимся в Сейшельский Сектор и во что бы то ни стало разыщем Гею!

Глава седьмая Крестьянин

23

Стор Гендибаль бежал трусцой по проселочной дороге далеко от Университета. Слишком далеко. Сотрудники Второй Академии предпочитали как можно реже наведываться в крестьянский мир Трентора. Это не возбранялось, но ни далеко, ни надолго никто от Университета не удалялся.

Гендибаль в этом плане являл собой исключение, но не задавался вопросом, зачем ему это нужно. Раньше, правда, его удивляла собственная склонность к далеким прогулкам. Он просто обязан был уяснить для себя, в чем причина, — самоанализ входил в перечень обязанностей сотрудников Академии, Ораторов — в особенности. Их сознание было их оружием и самоцелью, и они обязаны были держать его в полной боевой готовности.

Гендибаль удовлетворился тем, что решил, будто его любовь к далеким вылазкам кроется в том, что планета, с которой он прибыл на Трентор, отличалась суровым климатом — там было холодно и неуютно. Когда его мальчиком привезли на Трентор, он, к собственной радости, обнаружил, что тут и сила притяжения меньше, и климат мягкий и приятный. Может быть, именно поэтому ему больше, чем остальным, так нравилось бывать на открытом воздухе.

Уже в первые годы на Тренторе Гендибаль понял, что заточение в стенах Университета чревато пагубными последствиями — от рождения он был хил, тщедушен, маленького роста. Поэтому он уделял какое-то время физическим упражнениям. Определенного успеха он достиг. Правда, по-прежнему оставался худ, поджар, но стал жилист и подвижен. Бег трусцой превратился в один из неизменных компонентов поддержания физической формы. Кое-кто за Столом Ораторов неодобрительно прохаживался по этому поводу, да только Гендибалю это было в высшей степени безразлично.

Он упрямо шел своей дорогой, хотя был Оратором лишь в первом поколении. Все остальные Ораторы были детьми и даже порой внуками Ораторов, а также все они были намного старше Гендибала, так что нечего от них было ждать, кроме недовольного бурчания.

По давней традиции на заседаниях Стола все Ораторы без исключения открывали глубины своего сознания нараспашку (в идеале, конечно, ибо редко у кого не возникало желания что-либо припрятать в уголке, хотя это было совершенно бесполезное ухищрение), и Гендибаль отлично знал, что все они завидуют ему. Понимал он, что его собственное отношение к Ораторам — не что иное, как презрение и амбиция сверх меры. И Ораторы это знали.

Помимо всего прочего, если вернуться к причинам любви Гендибала к пешим прогулкам, надо упомянуть, что хотя мир, где прошло его раннее детство, и отличался суровостью климата, но, тем не менее, ему нельзя было отказать в своеобразной красоте — Гендибаль родился в плодородной долине, окруженной живописными горными хребтами, удивительно прекрасными в печальные дни долгих зим. Гендибаль помнил свой мир, свое детство, такое далекое теперь. Помнил и мечтал когда-нибудь вернуться туда. Как могло так выйти, что он оказался заключенным в бастионе, занимавшем всего несколько дюжин квадратных миль?

Гендибаль равнодушно поглядывал по сторонам на бегу. Да, климат Трентора, безусловно, был приятен, но глазу не на чем было задержаться — пейзаж был на редкость скучен, однообразен. Плодородной, цветущей планетой Трентор не был никогда. Может быть, это, наряду с другими причинами, и привело в свое время к тому, что он стал административным центром Союза Миров, а затем — и всей Галактической Империи. Никаких попыток изменить его предназначение никогда не предпринималось, да и вряд ли бы что из этого вышло.

После Великого Побоища Трентор мог поддержать свое жалкое существование лишь за счет распродажи накопленных на нем за долгие века металлов и сплавов: стали, алюминия, титана, меди, магния — в некотором смысле возвращал взятое взаймы и растрачивал свои

богатства намного быстрее, чем они были накоплены.

До сих пор громадные запасы металла оставались на Тренторе, но находились они под землей, и добывать их оттуда было трудновато.

Думлянским крестьянам (тренторианами они себя не называли, для них это было проклятое слово, им пользовались лишь сотрудники Второй Академии) возиться с металлом было лень и к добыче его они относились с предубеждением. Зря, кстати, ведь подземные залежи металлов могли отравлять почву и еще сильнее снижать ее плодородность. Спасало положение лишь то, что население Трентора было невелико и пока земля давала все необходимое для существования. Время от времени к тому же думляне все же продавали небольшие партии металлов.

Взгляд Гендибала угрюмо скользил по плоскому горизонту. С геологической точки зрения Трентор был еще жив, как любая из обитаемых планет Галактики, но минуло уже, по меньшей мере, сто миллионов лет с тех пор, как здесь завершился последний мощный период горостроения. То, что когда-то было возвышенностями, теперь превратилось в округлые холмы, да и они большей частью исчезли в те времена, когда Трентор одевали в стальную броню.

Далеко к Югу, невидимый отсюда, находился берег Главного Залива Восточного Океана, восстановленного после разрушения подземных цистерн.

К Северу виднелось здание Галактического Университета, за ним – приземистое, широкое строение Библиотеки – большая часть ее помещений находилась под землей. Еще севернее располагались руины Императорского Дворца.

По обе стороны от дороги виднелись отдельные крестьянские постройки, паслись небольшие стада коров, овец, стайки кур. Все они мычали, блеяли, квохтали, пощипывали травку и никакого внимания на Гендибала не обращали.

Гендибал на краткий миг задумался о том, что такие домашние животные живут во всех обитаемых мирах Галактики и все-таки везде они немного разные. Он вспомнил, какие были козы на его родной планете, вспомнил даже свою собственную козу, которую однажды подоил... Тамошние козы были крупнее на вид и более серьезно настроены, чем маленькие, философичного вида их сородичи, завезенные на Трентор и обосновавшиеся тут после Великого Побоища. Но как бы ни отличалась друг от друга домашняя скотина на разных планетах, во всех мирах люди обожали своих питомцев, чем бы они их ни снабжали – мясом, шерстью, молоком или яйцами...

Как правило, во время своих пробежек Гендибал думлян не встречал. Видимо, фермеры избегали попадаться на глаза тем, кого называли «мучеными» – так они по-своему произносили слово «ученые». Еще один предрассудок.

Гендибал мельком взглянул на солнце Трентора. Оно стояло довольно высоко, но жарко не было. Здесь, на этой широте, никогда не бывало ни палящей жары, ни дикого холода. (Гендибал порой скучал по кусающему морозцу своей родной планеты. Может быть, правда, ему только казалось, что он скучает, – ведь за все годы он там ни разу не побывал – не исключено, что боялся разочароваться.)

Бег делал свое дело – Гендибал чувствовал мышечную радость, все тело приобрело гибкость, ловкость. Решив, что бежать уже хватит. Гендибал перешел на шаг, ровно и глубоко дыша.

Нужно было мысленно подготовиться к предстоящему Заседанию Стола, к последнему, решающему удару. Он должен был заставить всех переменить политику, провозгласить новую стратегию, учитывающую растущую опасность со стороны Первой Академии – да не только с ее стороны, положить конец фатальному доверию к «совершенству» Плана. И когда только они все поймут, что совершенство Плана и есть самый главный признак кроющейся в нем опасности?

Скажи об этом любой другой, не он сам – Гендибал был уверен: все проскочило бы без сучка и задоринки. Отношение Стола Ораторов к собственной персоне он знал, но надеялся на помощь и поддержку старого Шендесса. Старик должен помочь обязательно! Он ни за что не захочет прописаться в учебниках по истории, как тот самый Первый Оратор, под руководством которого погибла Вторая Академия!

Внимание: думлянин!

Гендибалль был потрясен не на шутку. Он ощутил далекую вибрацию чужого сознания задолго до того, как увидел его обладателя. Сознание принадлежало крестьянину – грубое, неотесанное. Гендибалль мысленно отшатнулся, стараясь сделать прикосновение к сознанию этого человека как можно более легким и незаметным. Правила Второй Академии в этом отношении были очень строги – ведь крестьяне, сами о том не догадываясь, служили прикрытием для Второй Академии.

Ни один из тех, кто прилетал на Трентор по делам торговли, ни один залетный турист никогда не встречал здесь никого, кроме крестьян да, может, двух-трех выживших из ума ученых. Убери отсюда крестьян, наруши хоть немного их неведение, и ученые сорвали бы с себя и со своего дела покров секретности с катастрофическими последствиями. Этот вопрос одним из первых изучали в Университете новички: им наглядно демонстрировали, сколь грандиозны могут быть изменения в Главном Радианте, если затронуть сознание крестьян.

Гендибалль увидел крестьянина. Типичный думлянин – до мозга костей почти карикатурный персонаж – высокий, широкоплечий, смуглый, грубо одетый, с мускулистыми волосатыми ручищами, черноглазый, темноволосый, косматый. («С таким щутить не стоит, – подумал Гендибалль. – Подумать только, ведь Прим Пальвер в свое время сыграл роль крестьянина! И что за крестьянин из него вышел – бодряк, толстяк, коротышка… Не внешность его обманула Аркади, а колоссальная сила его сознания!»)

Тяжело топая по дороге, крестьянин приближался к Гендибалю, глядя на него в упор. Гендибалль немного испугался. До сих пор никто из думлян не смотрел на него так. Даже дети убегали и подсматривали издалека. Гендибалль не ускорил шагов, не сошел с дороги. И так хватало места разойтись, не вступая в разговор. Так было бы лучше. Он решил не касаться сознания думлянина. Ближе, ближе… Пришлось-таки сделать шаг в сторону. Но думлянин остановился и загородил дорогу – расставил нога, упер руки в бока.

– Хо! – рявкнул он басом. – Быть ты мученый?

Сознание думлянина излучало угрозу, задиристость.

Гендибалль понял, что молча пройти мимо не удастся – задача непростая. Говорить с простыми смертными, привыкнув к менторечи, очень трудно – все равно что пытаться сдвинуть валун с дороги руками, когда рядом валяется лом.

Гендибалль ответил как мог спокойно:

– Да. Я ученый. Я есть ученый.

– Хо! «Он есть ученый!» Мы что, на чужой язык говорить? Что, я не видеть, что ли, быть ты или есть? Кто еще ты быть, такой дохлый и носатый? – хмыкнул он, презрительно покачав головой.

– Что тебе нужно от меня, думлянин? – не двигаясь спросил Гендибалль.

– Меня быть звать Руфирант. Другой имя быть Кароль.

Говорил он с ужасным думлянским акцентом, «р» произносил с гортанным грассированием.

– Так чего ты хочешь от меня, Кароль Руфирант?

– А тебя как быть звать, мученый?

– Какая тебе разница. Называй меня ученым.

– Есть я быть спрашивать, ты быть отвечать, дохлый жалкий мученый!

– Ну что ж, в таком случае меня зовут Стор Гендибалль. А теперь я пойду по своим делам.

– Какие такие у тебя быть дела?

Гендибалль ощутил легкое покалывание в области затылка. Поблизости были еще другие сознания. Не оборачиваясь он сосчитал: еще три думлянина позади. Дальше – еще несколько. От крестьянина жутко разило потом.

– Каковы бы ни были мои дела, Кароль Руфирант, они тебя не касаются.

– А, ты так говорить? Ребята! – возгласил Руфирант громовым басом, – Он говорить, его дела нас не касаться!

Позади раздался дружный хохот и чей-то голос произнес:

– Он говорить правда! Его дела – копаться в книжки и тюкать пальцы по компьютеры – настоящие мужчины не для это занятие!

– Какие бы у меня ни были дела, – упрямо сказал Гендибалль, – я пойду и займусь ими.

— А как ты думать, мученый, заняться свои дела? — нагло поинтересовался Руфирант.

— Пройду мимо тебя.

— Ты хотеть попытаться? Не побояться, что я остановить тебя одна рука?

Гендибаль совершенно неожиданно для себя самого перешел на грубый думлянский диалект:

— Думать, я тебя испугаться? Хотеть задержать меня? Все вместе или ты один?

Вряд ли стоило дразнить великана, но не вызови его Гендибаль на дуэль, крестьяне могли скопом навалиться на него, а тогда ему бы пришлось повести себя гораздо более резко.

Сработало. Руфирант немного сбавил тон.

— Если тут кто и бояться, так это быть ты, книжный сосунок! Ребята: разойтись быть! Отойти в сторонку, пусть мученый видеть, бояться я по-честный, один на один, или нет!

Руфирант поднял тяжеленные кулачиши и замахал ими. Искусство владения кулачным боем Гендибалю было незнакомо, но он не слишком боялся кулаков Руфиранта. У него было другое оружие. Правда, он был не застрахован от получения случайного удара.

Гендибаль по-кошачьи пошел на Руфиранта, быстро и точно воздействуя на сознание крестьянина. Легкие, нечувствительные касания, но вполне достаточные для того, чтобы замедлить рефлексы, подавить агрессию. Оставив на мгновение сознание Руфиранта, он перенес воздействие на остальных крестьян, которые собирались вокруг. Гендибаль работал виртуозно, молниеносно, не задерживаясь ни у кого из крестьян в сознании надолго — лишь только, чтобы подметить то, что ему самому было нужно и полезно.

Осторожно, медленно он приближался к крестьянину, следя за тем, чтобы больше никто не вмешался в поединок.

Руфирант нанес резкий удар, но еще до того, как напряглись его мышцы, Гендибаль увидел этот удар в своем сознании и уклонился. Удар прошел мимо. Дружный хор издал разочарованный вдох.

Гендибаль не стал наносить ответного удара — для крестьянина это был бы комариный укус. Он мог только управлять этим мужланом, этим озверевшим быком и заставлять его все время промахиваться.

Грозно взревев, Руфирант ударил еще раз. Гендибаль был готов и отскочил в сторону. Еще удар — и опять мимо.

Гендибаль услышал собственное дыхание — воздух со свистом вырывался из ноздрей. Никаких физических сил он не затрачивал, но психологическая нагрузка в попытке воздействовать при минимуме вмешательства в сознание была колossalна. Так долго не продержаться.

Спокойно, стараясь совсем чуть-чуть возродить в сознании Руфиранта его природный страх перед учеными, Гендибаль сказал:

— А теперь я пойду по своим делам.

Гримаса ярости исказила физиономию Руфиранта, мгновение он не двигался. Гендибаль видел его мысли, как на ладони: маленький ученый вдруг исчез! Сознание остальных крестьян на миг сковал испуг...

Но злоба пересилила страх. Руфирант вскричал:

— Ребята! Мученый быть танцор! Он устроить нам пляска, не хотеть драться по-честный, по-думлянски. Ну-ка, хватать его. Мы быть драться удар на удар тогда. Пускай он быть первый — это я ему дарить, а я — ударить последний!

Гендибаль заметил просвет в кольце окружающих их крестьян. Не дать кольцу сомкнуться, бежать как можно быстрее — положиться на свои ноги и способность подавить сознание крестьян!

Он отрыгнулся назад, рванулся вперед — все напрасно. Их было слишком много, а необходимость выполнять правила поведения на Тренторе сковывала его.

Сейчас его схватят за руки... И схватили.

Что делать? Воздействовать сразу на такое число людей? Тогда — конец его карьере. Но ведь его жизнь в опасности...

Как, почему это произошло?!

Полного кворума за Столом Ораторов не было. Опаздывающего Оратора, как правило, не ждали. Шендесс понимал, что Гендибала ждать никто не станет в любом случае. Его не любили, а он вел себя так, будто его молодость сама по себе являла некую добродетель. Шендесс и сам к Гендибалю большой привязанности не питал. Только сейчас было не до привязанностей...

Раздумья Первого Оратора прервала Деларми. За внешне невинным взглядом ее круглых голубых глаз, пухлым лицом, мягким голоском скрывались острый ум и жестокость. Скрывались – не совсем точное слово. Эти качества Оратора Деларми были прекрасно известны сотрудникам Второй Академии ее ранга.

Мило улыбнувшись, она спросила:

– Первый Оратор, долго ли мы будем еще ждать? (Официально заседание пока не было открыто, поэтому Деларми могла говорить, а остальные молчали, ожидая, когда Первый Оратор скажет свое слово.)

Шендесс без упрека взглянул на нее, не обращая внимания на легкое нарушение этикета.

– Как правило, мы никого не ждем, Оратор Деларми, но поскольку сегодняшнее заседание созвано именно для того, чтобы заслушать Оратора Гендибала, разумнее было бы пренебречь правилами.

– А где он, Первый Оратор?

– Это, Оратор Деларми, мне неизвестно. Деларми обвела взглядом всех собравшихся. Кроме Первого Оратора, их должно было быть одиннадцать. Всего двенадцать. Что бы ни происходило, как бы ни выросло могущество Второй Академии за пять столетий – число Ораторов оставалось неизменным.

Число это было утверждено после кончины Селдона, и ввел его второй в череде Первых Ораторов (самого Селдона считали первым).

Почему двенадцать? Потому, что число это легко делилось на группы. Вполне достаточно для общих дебатов и для работы подгрупп. Ни отнять, ни прибавить, словом. То есть так это объяснили на словах, а точно никто не знал, почему было избрано это число и почему оно должно было оставаться без изменений.

Итак, Оратор Деларми обвела взглядом лица собравшихся и на мгновение задержала его на пустующем кресле – месте самого младшего из Ораторов. На краткий миг глаза ее озарились огоньком сарказма.

Она была довольна – ни у кого из присутствующих она не ощущала симпатии к Гендибалю. Только его бесспорные таланты удерживали Ораторов от открытого желания избавиться от молодого непоседы (к слову, только двое Ораторов за полувековую историю были подвергнуты импичменту).

Однако неприязнь к Гендибалю значительно возросла из-за его отсутствия на заседании, и это не могло не порадовать Деларми.

– Первый Оратор, – сказала она, – я была бы рада рассеять ваше неведение относительно того, где находится Оратор Гендибалль.

– Слушаю вас, Оратор.

– Кому из нас неизвестно, что этот молодой человек (она намеренно опустила почетный титул, и это не укрылось от остальных Ораторов) постоянно болтается среди думлян? Что у него за дела с ними, мне неизвестно, но он и сейчас находится среди них. Видимо, предпочел их общество присутствию за Столом Ораторов.

– Может быть, – высказал предположение один из Ораторов, – он просто на своей обычной прогулке?

Деларми снова улыбнулась. Ей нравилось улыбаться. Ей это ровным счетом ничего не стоило.

– На прогулке... Мало ему окрестностей Университета и Библиотеки... Ну так что, Первый Оратор, начнем?

Первый Оратор мысленно вздохнул. Он мог, конечно, своей властью заставить Стол ждать. Мог даже перенести Заседание и собрать снова, когда Гендибалль появится. Однако ему

не хотелось ссориться с остальными Ораторами. Даже Приму Пальверу время от времени приходилось идти на уступки... И потом – он сам был до крайности раздражен отсутствием Гендибала. Пора было проучить его.

Официально взяв слово, Шендесс открыл Заседание.

– Начнем, Ораторы. Должен сообщить вам, что Оратор Гендибаль представил мне удивительные, заслуживающие пристального внимания выводы, основанные на исследовании им Главного Радианта. Он полагает, что существует некая организация, работающая над проблемой сохранения Плана более эффективно, чем мы, и занимается этим в своих собственных интересах. В этой связи нам следовало предпринять более углубленное исследование ситуации из соображений самозащиты. Вы заранее были оповещены вкратце о содержании его сообщения, и нынешнее Заседание было созвано для того, чтобы вы имели возможность лично спросить Оратора Гендибала обо всем, что вас интересует, и чтобы мы могли принять какие-то решения относительно нашей тактики на будущее.

На самом деле вовсе не было нужды произносить такую долгую тираду. Шендесс раскрыл свое сознание для остальных, и вступительное слово его было лишь пунктом этикета, не более.

Деларми быстро пробежалась взглядом по лицам и сознаниям присутствовавших: Похоже было, все милостиво уступили ей роль оппонента Гендибала.

– Но Гендибаль, – сказала она, вновь опустив титул, – не знает и не может сообщить нам, что это за организация.

Это было сказано резко, почти грубо. Точно так же она могла бы сказать прямо: «Я вижу ваше сознание нас kvозь, можете не трудиться отвечать».

Первый Оратор почувствовал вызов и не колеблясь решил не отвечать на него.

– Тот факт, что Оратор Гендибаль (Шендесс пунктуально употребил титул, даже несколько подчеркнуто, и не скрыл этого) не знает и не может сказать, что это за организация, не означает, что эта организация не существует. В Первой Академии долгое время ничего не знали о нас, да и теперь не слишком много знают. Вы, Оратор Деларми, сомневаетесь в факте нашего существования?

– Это не одно и то же, – заспорила Деларми. – То, что мы существуем, будучи неизвестными, вовсе не означает, что кто-то другой должен оставаться неизвестным и только этим доказать свое существование.

Деларми негромко рассмеялась.

– Справедливо, – сказал Первый Оратор. – Поэтому я подверг утверждения Оратора Гендибала скрупулезной проверке. Выводы его основаны на профессионально проведенном методом математической дедукции анализе. Я внимательнейшим образом изучил все детали проработки и призываю вас учесть это. Выводы Оратора Гендибала нельзя счесть (он поискал в сознании наиболее подходящее слово)... неубедительными.

– Ну а этот Голан Тревайз, притаившийся у вас в сознании, этот человек из Первой Академии (на сей раз Деларми грубейшим образом нарушила этикет и не назвала Первого Оратора его титулом Шендесс засиялся легким румянцем) – о нем что скажете?

– Видите ли, – ответил Первый Оратор, – дело в том, что Оратор Гендибаль считает этого человека инструментом – не исключено, что невольным, – в руках той самой организации, так что игнорировать его нам не следует.

– Если, – упорствовала Деларми, откинув со лба прядь седых волос, – та организация, что бы она собой ни представляла, существует, если ее ментальное могущество столь велико и тайно, разве вероятно, чтобы она действовала столь открыто и вдобавок при помощи столь заметной фигуры, как Советник Первой Академии?

– Можно было бы согласиться с вами, Оратор Деларми. Но... есть кое-что, вызвавшее у меня серьезное беспокойство. Я не понимаю этого.

Против собственной воли, стыдясь, как нашкодивший ребенок, Первый Оратор спрятал мелькнувшую мысль в своем сознании. Он испугался, что ее заметят Другие.

Все Ораторы до единого зарегистрировали эту вспышку и в связи с правилами выразили снисхождение к смущению. Деларми тоже, но по-своему. Не нарушая формулы этикета, она задала вопрос:

– Да будет нам позволено попросить вас поведать нам свои мысли, поскольку мы

понимаем и заранее прощаем всякие сомнения и смущение, которое вы можете испытывать?

Первый Оратор сказал:

— Как и вы, я не вижу достаточных оснований для того, чтобы утверждать, будто Советник Тревайз является инструментом предполагаемой организации и какой цели он мог бы служить, будучи таковым. Однако Оратор Гендибалль в этом твердо уверен, и нельзя отрицать высокой роли интуиции у того, кто получил квалификацию Оратора. Поэтому я предпринял попытку включения Тревайза в План.

— Отдельную личность? — тихо удивился один из Ораторов и поспешно спрятал свое отношение кказанному, чтобы никто не успел заметить, что фраза была приправлена словами «ну и балбес!».

— Отдельную личность, — подтвердил Первый Оратор. — И вы совершенно правы — в каком-то смысле я действительно балбес. Мне отлично известно, что План не допускает учета роли отдельных людей. И все-таки мне было любопытно. Я провел экстраполяцию Межличностных Взаимозависимостей далеко за границы разумных пределов, но проделал это шестнадцатью различными способами и оперировал областью, а не точкой. Потом я использовал все имеющиеся в нашем распоряжении сведения о Тревайзе — Советник Первой Академии действительно фигура немалая — и о Мэрэ Академии. Потом свел все данные воедино — правда, у меня было не так много времени...

Шендесс умолк.

— Ну? — поторопила его Деларми. — Смею догадываться... результаты поразительны?

— Не вышло никаких результатов, вы догадываетесь верно, — печально ответил Первый Оратор. — Нечего ждать при анализе поведения отдельных людей, И все-таки...

— Что «все-таки»?

— Сорок лет я занимался анализом результатов и привык к четкому, ясному ощущению того, какими должны быть результаты до проведения анализа, и я редко ошибался. В данном же случае, несмотря на то что результатов практически никаких, у меня возникло сильное подозрение, что Гендибалль прав, что Тревайза нельзя сбрасывать со счетов.

— Это почему же нельзя, Первый Оратор? — спросила Деларми, несколько обескураженная той явной уверенностью, что излучало сознание Первого Оратора.

— Стыд мне и позор, — тихо сказал Шендесс. — Я позволил себе использовать План в целях, для которых он не предназначен. Еще более стыдно мне теперь, когда я нахожусь под влиянием ощущений, носящих чисто интуитивный характер. Но я не могу отказаться — мне кажется, что мои ощущения не обманывают меня. Если Оратор Гендибалль прав и нам действительно грозит неведомая доселе опасность — я чувствую, придет время, и наши дела станут совсем плохи, и тогда именно Тревайз выложит на стол главный козырь.

— Каково основание ваших ощущений? — не унималась Деларми.

Первый Оратор обвел собравшихся печальным взглядом.

— Нет у меня оснований. Психоисторическая математика молчит, но все время, пока я наблюдал за игрой взаимосвязей, я не мог отделаться от ощущения, что ключом ко всему является Тревайз. Этот молодой человек заслуживает внимания.

25

Гендибалль понял, что к началу заседания в Университет не вернется. Не исключено, что не вернется вообще.

Держали его крепко, и он отчаянно искал в своем сознании ответ на вопрос: как заставить их отпустить себя?

Руфирант вплотную подошел к нему, угрожающе наклонил голову:

— Ну, быть готов теперь, мученый? Биться удар за удар, по-думлянски. Ладно, быть ты поменьше, так ты бить первый.

Гендибалль хрипло проговорил:

— А тебя тоже кто-то держать, как меня?

Руфирант смилиостивился:

— Пускать его. Не, не — только руки пускать. Ноги держать крепко. Танцевать мы не будем.

Руки Гендибала отпустили, а ноги, казалось, гвоздями приколочены к земле.

– Давай, мученый, бить, – потребовал Руфирант. – Ударять нас.

В это самое мгновение сознание Гендибала ощущало чьи-то чувства – возмущение, понимание несправедливости происходящего, жалость. Вот он – ответ на вопрос. Выбора другого не было: оставалось одно – рискнуть, несколько превысить границы действия своих способностей и попытаться поимпровизировать...

Не понадобилось! Он и коснуться не успел этого нового сознания, а оно само заработало именно так, как ему было нужно!

Он мысленно разглядел этого человека – невысокий, коренастый, с длинными спутанными черными волосами, руки выброшены вперед – наконец фигура эта появилась в поле зрения и... женщина злобно накинулась на Руфиранта.

– Кароль Руфирант! – яростно вскричала женщина. – Быть ты трус и ублюдок! Ишь ты – удар за удар, по-честный, по-думлянски! Однаково быть как меня побить. Какой быть смелый – быть такой маленький бедный человек! Не стыдно тебе быть, а? На тебя все показывать палец и говорить: «Вот быть Руфирант, известный бить детишки!» Все смеяться на тебя, я так думать. Ни один честный думлянский мужчина не быть выпивать с тебя. Ни один честный думлянский женщина не был спать с тебя!

Руфирант тщетно пытался прервать поток ее красноречия, неуклюже уворачиваясь от ударов, которые она наносила в его могучую грудь.

– Ну, Сура, – лопотал он. – Сура, ну...

Гендибаль понял, что теперь его никто не держит, на него никто не смотрит – внимание всех переключилось на новую дуэль.

И сама Сура на него не смотрела: двигающая ею ярость была целиком сконцентрирована на Руфиранте. Гендибаль постарался сохранить эту ярость в ее сознании и слегка повысил уровень смущения и стыда, который и без того уже бурным потоком заливал сознание Руфиранта. Делать это ему надо было мягко, незаметно, чтобы оба человека ничего не заметили. Но и это оказалось не нужным. Женщина приказала:

– Разойтись быстро все! Подумать голова: если мало, что герой Руфирант быть такой великан рядом с этим малышка, быть еще пять или шесть его дружки, какие быть так же стыдно и идти домой гордые говорить, как побить маленький и слабый. «Я держать руки этот малышка» один быть говорить, а здоровенный Руфирант бить его по лицо, когда он не мог быть дать сдачи». А другой сказать: «А я держать его за ноги, и я тоже очень знаменитый за это!» А этот бычище Руфирант сказать: «Я не мог быть драться с ним по-честный, потому мой лохматый дружки держать его, и все шесть помогать мне становиться главный над ним».

– Но Сура, – обиженно пробормотал Руфирант. – Я сказал мученый, что он мог ударить первый!

– И сильно ты бояться могучие удары его маленькие ручонки, олух Руфирант! Уходить отсюда вон все! Пустить он идти, куда он хотеть идти, а все ходить домой быстро, если дома еще кто-то хотеть вас видеть! Лучше вам всем быть надеяться, что все забывать ваши великие подвиги этот день. Но если вы быть разозлить меня еще сильно, чем я злая, их никто не забывать!

Мужчины без слов расступились и, понурив головы, побрали прочь.

Гендибаль проводил их взглядом и обернулся к женщине. Она была одета в грубые штаны и блузу, на ногах красовались топорные самодельные башмаки. Лицо ее взмокло от пота, она тяжело дышала. Красотой она не блистала – круглое лицо, широкий нос. Не отличалась изяществом и ее фигура – широкие плечи, тяжелая грудь, открытые до плеч сильные, мускулистые руки. Другого и ждать не приходилось – думлянки трудились на полях до седьмого пота наравне с мужчинами.

Женщина разглядывала его в упор, склонив голову набок.

– Ну, мученый, чего ты быть ждать? Иди в свое Мученое Место, Ты быть бояться? Я быть проводить тебя, а?

От ее давно не стиранной одежды исходил терпкий запах пота, но Гендибаль понимал, что в сложившихся обстоятельствах не следует выдавать неприязни.

– Благодарю вас, мисс Сура...

— Мой имя быть Нови, — сердито уточнила она. — Сура Нови. Звать меня мог быть Нови. Это быть хватит.

— Благодарю тебя, Нови. Ты мне очень помогла. Ты быть (Гендибалль опять перешел на думлянский диалект) хорошо проводить меня, не потому что я боясься, а просто для компании.

И он вежливо поклонился ей, как поклонился бы девушке из Университета.

Нови покраснела — видимо, колебалась, решая, идти или нет, и неуклюже воспроизвела его поклон.

— Быть мне... удовольствие, — сказала она, с трудом подбирая слова, изо всех сил стараясь выглядеть воспитанной.

Они пошли рядом. Гендибалль понимал, что каждый медленный шаг делает его опоздание на Заседание Стола все более непростительным, но теперь у него появилась возможность как следует обдумать произшедшее, и вскоре у него возникла холодная уверенность в том, что прийти ему нужно как можно позже.

Когда вдали показались здания Университета, Сура Нови остановилась и растерянно проговорила:

— Господин... мученый...

Было совершенно очевидно, что по мере приближения к тому, что она называла «Мученым Местом», она все более смущалась и становилась вежливее. Гендибалль чуть было не спросил: «Ты обращаться уже не к такой слабой малышка?»

Этого делать было нельзя — так он смутил бы ее еще сильнее.

— Да, Нови.

— Быть там сильно красиво и богато в Мученое Место?

— Там быть хорошо, — ответил Гендибалль.

— Я как-то мечтать быть в это место. И я... я быть мученая.

— Как-нибудь, — важно пообещал Гендибалль, — я тебе обязательно там все показать.

Она пораженно взглянула на него: явно не приняла его обещания всерьез — решила, что он из вежливости сказал такое.

— Я умею писать, — сообщила она. — Меня учить учитель в школе. Если я написать письмо... как быть сделать, чтобы оно попасть к вы?

— Очень просто: «Дом Ораторов, квартира 27», и оно попасть ко мне. Ну, мне пора, Нови.

Он поклонился ей на прощание, а она опять постаралась воспроизвести поклон. Они двинулись в противоположных направлениях, и Гендибалль тут же выбросил ее из своего сознания. Он думал о Заседании Стола, а больше всего — об Ораторе Делоре Деларми. Мысли у него были не самые нежные.

Глава восьмая Крестьянка

26

Ораторы сидели вокруг стола, как ледяные статуи. Казалось, все не сговариваясь спрятали свои сознания, закрыли их непроницаемыми экранами, стараясь не выразить черезесчур открыто оскорблений в адрес Первого Оратора после его заявления относительно Тревайза. Все исподтишка поглядывали на Деларми, но даже она была подавлена. А ведь она славилась бесцеремонностью — даже Гендибалль более умело держал язык за зубами, если что.

Деларми чувствовала, что они ждут высказывания. Ей нужно было сделать решительный шаг, вступить в борьбу с открытым забралом. Она собиралась с силами. Нет, она не позволит закрыть эту тему. Что с того, что за всю историю Второй Академии не было случая смещения Первого Оратора с поста за неудачно проведенный анализ результатов исследования? Более того, тут еще была продемонстрирована некомпетентность! Прекрасная причина для импичмента, и она не отступит!

— Первый Оратор, — тихо проговорила Деларми. Тонкие, бесцветные губы ее стали почти невидимы на бледном фоне лица. — Судя по вашим собственным словам, вы не имеете никаких

оснований для подобного суждения, и психоисторическая математика никаких результатов не продемонстрировала. Вы хотите, чтобы мы приняли решение первостепенной важности на основании вашего мистического чутья?

Первый Оратор поднял взгляд. Лоб его был нахмурен. Он ощущал, как закрыты сознания Ораторов. Он знал, что означала эта защита. Холодно, спокойно он сказал:

— Я ничего не скрываю от вас. Я вас не обманываю. Единственное, что я могу предложить вам, — это интуитивное ощущение Первого Оратора, обладающего большим опытом, человека, который почти всю свою жизнь провел за пристальным анализом Плана.

Он оглядел всех присутствующих с гордой уверенностью в своих силах, которую демонстрировал так редко, один за другим ментальные экраны дрогнули и исчезли. Последней, к кому он обратил свой физический и мысленный взор, была Деларми.

С обезоруживающим дружелюбием, переполнявшим ее сознание, как будто, кроме него, там ничего сроду не бывало, она сказала:

— Я принимаю ваше заявление безоговорочно, Первый Оратор. Тем не менее я думаю, что вам стоит все еще раз пересмотреть. Трудно сейчас рассматривать адекватно ваши утверждения — мы все были свидетелями вашего смущения и стыда за то, что вы положились на интуицию. Вероятно, вы бы хотели, чтобы ваши замечания не были учтены в протоколе заседания. Если вы желаете, чтобы они были изъяты...

— Какие же это замечания должны быть изъяты из протокола? — Ее прервал громкий голос Гендибала.

Все Ораторы обернулись, как по команде. Если бы, конечно, ментальные экраны только что не были опущены, все бы, без сомнения, знали о приближении Гендибала задолго до того, как он возник в дверях.

— Все закрылись и открылись только что? — насмешливо спросил Гендибаль. — Просто замечательно! Дружеские посиделки, а не Заседание Стола Ораторов. И никто не был настроен, чтобы заметить мое приближение? Ни одна душа не ведала, что я уже близко?

Этот эпизод выходил за рамки всех приличий. Само по себе опоздание Гендибала было плохо. Войти без предупреждения было еще хуже. Заговорить раньше Первого Оратора, не дав ему оповестить Стол о своем приходе, было хуже всего.

Все были ошеломлены. Первый Оратор повернулся к Гендибалю. Для начала он заговорил о дисциплине.

— Оратор Гендибаль, — строго сказал Шендесс, — вы явились с опозданием. Есть ли какая-либо веская причина, по которой я мог бы оставить ваш проступок безнаказанным и не лишил бы вас права присутствовать на Заседаниях на тридцать дней?

— Есть, конечно. Можно поговорить о моем наказании, но только после того, как мы решим, кто это все подстроил, кто сделал так, чтобы я опоздал, и зачем ему это понадобилось.

Голос Гендибала был холoden, слова старательно взвешены, но сознание его заливалась река гнева, и он даже не заботился о том, чтобы скрыть его.

И, конечно же, Деларми почувствовала это.

— Этот человек, — резко проговорила она, — сошел с ума!

— Сошел с ума? Мило. А не сошел ли с ума тот, кто это предполагает? Первый Оратор, язываю к вам и прошу вас выслушать меня по вопросу о личной безопасности.

— Что вы имеете в виду, Оратор?

— Первый Оратор, я обвиняю одного из присутствующих здесь в покушении на убийство.

Комната, казалось, вот-вот взлетит на воздух — все Ораторы разом оказались на ногах, заговорили разом, начался жуткий ментальный переполох.

Первый Оратор вскинул руки, призвал всех к порядку.

— Ораторы, позвольте Оратору Гендибалю высказаться!

Ему пришлось усилить воздействие собственного авторитета, силовой прием своего рода, но делать было нечего.

Шум утих.

Гендибаль упорно ждал полной тишины — словесной и ментальной.

— Когда я возвращался с прогулки, — сказал он, — и времени у меня было вполне достаточно, чтобы вовремя явиться на Заседание, мне преградили дорогу несколько крестьян, и

я едва избежал избиения, а возможно, и убийства. Именно поэтому я и опоздал. Да будет мне позволено отметить, что со времен Великого Побоища не было в истории Второй Академии случая, чтобы с нашим сотрудником кто-либо из думлян обошелся столь, мягко говоря, невежливо.

— Я тоже не припоминаю такого случая, — согласился Первый Оратор.

Деларми злобно прокричала:

— Другие сотрудники Второй Академии не разгуливают по думлянской территории! Можете считать, что сами спровоцировали их на такие действия!

— Что правда, то правда, — кивнул Гендибалль. — Я действительно порой гуляю в одиночестве по думлянским землям. Не счастье, сколько раз я уходил далеко от Университета куда глаза глядят. Но до сегодняшнего дня никто на меня не нападал. Да, другие не совершают таких далеких вылазок, но и добровольному заключению в стенах Университета никто себя не подвергает, не отрекается от мира, и ни на кого до сих пор не нападали. Если я не запамятаю, Деларми... (он осекся, с опозданием вспомнив о почетном титуле, но тут же поправился и нанес сокрушительный удар) Оратор Деларми и сама наведывалась на думлянскую территорию, однако она жива и здорова.

— Вероятно, — широко раскрыв глаза от возмущения, парировала Деларми, — со мной не случилось беды, потому что я всегда держалась на почтительном расстоянии от крестьян. Вероятно, я вела себя так, что вызывала уважение к себе, и потому на меня никто не напал.

— Правда? А я думал, что это потому, что у вас более внушительная фигура по сравнению со мной. К вам и в Университете-то не каждый осмелится подойти. Но скажите на милость, почему думляне выбрали для нападения на меня именно тот день, когда я обязательно должен был присутствовать на Заседании Стола?

— Если бы не ваше собственное поведение, можно было бы счесть происшедшее случайностью, — фыркнула Деларми. — Не слыхала, чтобы даже математические формулы Селдона ликвидировали все случайности в Галактике, если, конечно, говорить о том, что может произойти с отдельными людьми. Или у вас тоже интуиция? (Два-три Оратора испуганно вздохнули, заметив, что Деларми нанесла косвенный удар Первому Оратору.)

— Дело не в моем поведении. Никакая это не случайность. Это преднамеренное покушение.

— Как можем мы убедиться в этом? — мягко спросил Первый Оратор, вынужденный против своей воли пожалеть Гендибала после предыдущей реплики Деларми.

— Мое сознание открыто для вас, Первый Оратор. Я передаю вам и всем присутствующим на Заседании свои воспоминания о происшедшем.

Процесс передачи занял всего несколько мгновений.

— Ужасно! — воскликнул Первый Оратор. — Вы вели себя поистине достойно в обстоятельствах, когда все было против вас. Я согласен, Оратор, думляне вели себя крайне нетипично, и этот вопрос заслуживает исследования. Прошу вас, присоединитесь к собранию.

— Минуточку! — взорвалась Деларми. — Как можем мы быть уверены, что описание соответствует действительности?

Гендибалль вспыхнул, залился румянцем, но сдержался.

— Мое сознание открыто.

— Знавала я открытые сознания, — хмыкнула Деларми, — которые были открыты весьма приблизительно.

— Не сомневаюсь в этом, Оратор. Ведь вам, как и всем нам, не укрыться от остальных. Но мое сознание, если уж я говорю, — открыто.

Первый Оратор вмешался:

— Давайте воздержимся от дальнейших...

— Позвольте прервать. Первый Оратор, по вопросу о личных привилегиях, — оборвала его Деларми.

— Слушаю вас, Оратор Деларми.

— Оратор Гендибалль обвинил одного из нас в попытке покушения на его жизнь. Вероятно, он имеет в виду, что некто спровоцировал крестьян напасть на него. До тех пор пока это обвинение не снято, я вправе считать себя оскорблённой, как и любой из присутствующих, не

исключая вас, Первый Оратор.

— Не желаете ли снять высказанное обвинение, Оратор Гендибал? — предложил Гендибалю Шендесс.

Гендибал опустился в кресло, крепко обхватил себя руками, будто защищая что-то свое, и сказал:

— Я готов сделать это, как только кто-нибудь возьмет на себя труд объяснить мне, почему думлянский крестьянин подговорил своих дружков напасть на меня, дабы помешать мне вовремя явиться на Заседание Стола.

— Для этого может быть тысяча причин, — сказал Первый Оратор. — Повторяю, происшедшее заслуживает изучения. Но согласны ли вы сейчас, Оратор, в интересах продолжения начатой дискуссии снять предъявленное вами обвинение?

— Не могу, Первый Оратор! Я старательно, как мог, изучил сознание крестьянина, искал возможность коррекции его поведения без вреда для него, и ничего у меня не получилось! Его эмоции не допускали никакой возможности отступить, сдаться — оно не поддавалось моему воздействию. Эмоции его, его упрямство были жестко зафиксированы, как будто над ним поработало чье-то сознание извне.

Ехидно усмехнувшись, Оратор Деларми сказала:

— Так вы полагаете, что это сознание принадлежит одному из нас? Или, может быть, оно принадлежит кому-то из этой таинственной организации, такой могущественной и тайной?

— Не исключено, — согласился Гендибал.

— В таком случае, поскольку мы членами этой организации не являемся, вам следовало бы снять ваше нелепое обвинение. Но, может быть, вы собираетесь обвинить кого-либо из присутствующих в том, что он состоит на службе в этой организации? Находится под ее воздействием? Может быть, кто-то из нас — не тот, за кого себя выдает?

— И это не исключено, — подтвердил Гендибал, совершенно уверенный в том, что на другом конце веревочки, протянутой ему Деларми, заготовлена крепкая петля.

— Ну, знаете ли — все ближе побираясь к невидимой петле и готовясь затянуть ее, сказала Деларми, — это просто мания какая-то, паранойя, честное слово. Думляне спровоцированы, Ораторы под контролем... Так давайте следуйте к логическому завершению ваших фантазий. Кто, по-вашему, находится под воздействием? Может быть, я, Оратор?

— Не думаю, — покачал головой Гендибал. — Вы бы не стали пытаться избавиться от меня таким диким способом — ведь всем известно, как вы меня не любите.

— Да? А вдруг это двойная игра? — Деларми была на высоте — только что не мурлыкала. — Такой вывод вполне укладывается в рамки параноидального бреда, вполне.

— Может быть. Вы более опытны в делах такого рода.

В разговор вмешался Оратор Лестим Джиниани:

— Послушайте, Оратор Гендибал, если вы не обвиняете Оратора Деларми, следовательно, вы обвиняете кого-то другого из присутствующих. Но на каком основании кому-либо из нас могло потребоваться отсрочить ваше прибытие на заседание, не говоря уже о покушении на вашу жизнь?

Гендибал ответил сразу, как будто только и ждал этого вопроса:

— Когда я вошел, было высказано предложение убрать из протокола Заседания замечания, высказанные Первым Оратором. Я был единственным, кому не удалось выслушать эти замечания. Так позвольте же поинтересоваться, что это были за замечания, и я немедленно сообщу вам причину, по которой меня хотели задержать.

Первый Оратор сказал:

— Я утверждал — и против этого резко возразили Оратор Деларми и все остальные Ораторы, — что, основываясь лишь на интуиции, решил, что будущее Плана Селдона может зависеть от действий изгнанного из Первой Академии Советника Голана Тревайза.

Гендибал пожал плечами:

— Личное дело Ораторов думать что угодно по этому поводу. Лично я согласен с этой гипотезой. Тревайз — ключ ко всему, Я считаю, что его изгнание из Первой Академии чересчур любопытно, чтобы быть невинным.

— Не хотите ли вы сказать, — снова влезла Деларми, — что Тревайз — в руках этой вашей

тайной организацией? Или в ее руках те, кто отправил его в ссылку? А может быть, в ее руках все и каждый, кроме вас и Первого Оратора, ну еще и меня, ведь вы только что сказали, что я вряд ли нахожусь под их контролем?

— Не считаю нужным отвечать на вашу эскападу, — сказал Гендибалль. — Предпочту спросить; есть ли здесь хоть один Оратор, готовый согласиться с Первым Оратором и со мной? Надеюсь, вы ознакомились с математическими выкладками, которые я представил, а Первый Оратор одобрил? — Стояла гробовая тишина. — Я повторяю свой вопрос, — упорствовал Гендибалль. — Ну так кто согласен? — Молчание. — Вот вам, Первый Оратор, — довольно проговорил Гендибалль, — и мотив моего опоздания.

— Поясните подробнее, — попросил Первый Оратор.

— Вы говорили о необходимости обратить внимание на Тревайза — опального Советника Первой Академии. Это важная стратегическая инициатива, и, прочитав мои выкладки, Ораторы в общем и должны были понять, от кого эта инициатива исходит. Если же все единодушно отвергли такую инициативу, дальше бы дело не пошло. Выступи против всех один-единственный Оратор — и новая стратегия могла быть принята. Этим единственным Оратором был я, следовательно, было совершенно необходимо не дать мне прибыть на Заседание. Хитрость почти удалась, но все-таки я пришел и выступаю в поддержку Первого Оратора. Да, я согласен с ним, и теперь он может, в соответствии с традицией, махнуть рукой на то, что думают остальные.

Деларми в сердцах стукнула кулаком по столу.

— Следовательно, речь о том, что кто-то заранее знал, какое предложение выскажет Первый Оратор, заранее знал, что Оратор Гендибалль это предложение поддержит, следовательно, знал то, чего знать не должен. Получается, что эта инициатива не по нраву выдуманной Оратором Гендибаллем, созданной его параноидальной фантазией организация, и она борется за предотвращение подобной стратегии. Значит, кто-то из нас — один или больше — находится под контролем этой организации.

— Блестящий вывод, — согласился Гендибалль. — Просто мастерский анализ.

— Кого вы обвиняете? — вскрикнула Деларми.

— Никого. Просто призываю Первого Оратора это учесть. Совершенно очевидно — кто-то в наших рядах работает против нас. Поэтому я предлагаю подвергнуть тщательной ментальной проверке всех сотрудников Второй Академии. Всех, не исключая и Ораторов, не исключая меня самого к Первому Оратору.

О, как сильна была вспышка возмущения, гнева, обиды — такого никто не ожидал!

Когда наконец Первому Оратору удалось восстановить порядок и взять слово, Гендибалль молча встал и вышел из комнаты. Кому как не ему было знать, что друзей среди Ораторов у него нет, и сейчас они в лучшем случае будут искренни наполовину, что бы ни говорили.

Гендибалль сам не знал, за кого боится больше — за себя самого или за всю Вторую Академию. Жгучая, всепоглощающая тоска охватила его.

27

Спал Гендибалль плохо, то и дело просыпался. Мысли его и во сне и наяву вертелись вокруг ссоры с Деларми. Образы ее и думлянина внезапно соединились — ему приснилось, будто он стоит перед громадной Деларми, которая размахивает у него перед лицом тяжелыми кулачищами, вот она все ближе и ближе, сладенько улыбается, и улыбка обнажает острые, как иглы, зубы...

Окончательно проснулся он гораздо позднее обычного. Сон не принес ни отдыха, ни облегчения, и он тут же услышал, что на столике рядом с кроватью тихо звенит сигнал вызова. Гендибалль повернулся на бок и нажал кнопку контакта.

— Да? В чем дело?

Голос принадлежал дежурному по этажу, но звучал несколько менее уважительно, чем обычно.

— К вам посетитель.

— Посетитель? — удивленно переспросил Гендибалль, нажал клавишу на пульте, вызвал

программу дня и обнаружил, что до полудня у него никаких встреч назначено не было. Нажал кнопку точного времени – восемь тридцать две утра. Раздраженно спросил:

– Кто это там ко мне, черт подери?

– Он себя не называет, Оратор, – ответил дежурный и добавил с ноткой явного пренебрежения в голосе: – Из этих, из думлян. Утверждает, что по вашему приглашению.

– Пусть подождет в приемной. Я сейчас приду.

Гендибалль не спешил. Нужно было собраться с мыслями. Он вполне допускал, что кому-то взбрело в голову испортить ему репутацию и использовать для этого кого-то из думлян, но ему хотелось понять, кто был этот шантажист. И что означало вторжение думлянина сюда, в общежитие Ораторов? Хитрая ловушка? Что?

И каким образом думлянину удалось проникнуть на территорию Университета? Чем он мог объяснить свое желание попасть сюда? И какова истинная причина этого странного визита?

Гендибалль на миг задумался, не захватить ли оружие, но тут же отказался от этой мысли, решив, что на территории Университета ему совершенно нечего бояться какого-то крестьянина – здесь уж он с ним справится, и вдобавок у того не останется никаких воспоминаний о встрече.

Вероятно, решил Гендибалль, на меня слишком сильно повлияла вчерашняя стычка с Руфирантом. Кстати, может быть, это он самый и пожаловал? Вдруг он уже избавился от постороннего воздействия и явился, чтобы извиниться за вчерашнее, опасаясь наказания? Но откуда Руфиранту знать, куда идти? К кому обратиться?

Гендибалль решительно покинул свою комнату и прошел по коридору в приемную... и застыл на месте, пораженный до глубины души. Он резко обернулся и взглянул на дежурного, Тот висел внутри стеклянной будки и притворялся, будто по уши занят своими делами.

– Дежурный, почему вы не сказали мне, что посетитель – женщина?

Дежурный невозмутимо ответил:

– Оратор, я сказал, что посетитель из думлян, а вы меня больше ни о чем не спрашивали.

– Минимум информации, дежурный? Ну как же, я забыл – это ваш принцип. (Надо проверить, не работает ли дежурный на Деларми. И потом – нельзя игнорировать «низших» сотрудников с высоты положения Оратора.)

– Есть свободная комната для переговоров?

– Только номер четыре, Оратор. Будет свободен три часа, – добавил он, с деланной невинностью поглядев сначала на думлянку, потом на Гендибала.

– Благодарю, дежурный. Мы воспользуемся номером четыре. А вам впредь советую держать при себе свои мысли.

Гендибалль нанес удар по сознанию дежурного – не очень сильный, но чувствительный. Неблагородно с его стороны, конечно, было воспользоваться правом сильного, но человека, который неспособен скрыть неуважение к высшему по рангу, следовало этому научить. Пару часов дежурный будет мучиться головной болью – он это заработал.

28

Имя женщины Гендибалль вспомнить не мог, углубляясь в ее сознание не хотел. Да в общем-то вряд ли она ожидала, что он запомнил, как ее зовут.

Он недовольно начал:

– Ты...

– Я быть Нови, Господин Мученый, – выдохнула она. – Мой другой имя быть Сура, но можно быть звать просто Нови.

– Ну да, Нови. Мы познакомились вчера. Теперь я вспомнил. Я не забыл – ты же моя спасительница. (Переходить на грубый думлянский диалект в стенах Университета Гендибалль не стал.) Но как ты сюда попала?

– Господин, вы сказали, я могла писать письмо. Вы сказали надо так: «Дом Ораторов, квартира 27». Я сама принести письмо и показать, что написать – сама написать, Господин, – с застенчивой гордостью сообщила женщина. – А они спрашивать: «Для кого это письмо быть?» Ну а я-то слышать, как вы себя называть, когда ругаться с этот тупоголовый осел, Руфирант. Я и говорить: «Это быть для Стор Гендибалль, Господин Мученый».

– И тебя пропустили, Нови? Не попросили показать письмо?

– Я быть очень испугаться. Наверно, они пожалеть меня. Я говорить: «Мученый Гендибалль обещать мне показать Мученое Место»; а они улыбаться быть. А один там, около ворот, другому говорить: «И не только это он ей быть показать». А потом они говорить мне, куда идти, и чтобы я идти только сюда, а если еще куда пойти, то меня выгонять вон сразу.

Гендибалль засиялся легким румянцем. О боже, если бы он действительно собирался развлечься с думлянкой, он ни за что на свете не стал бы делать этого так открыто да и выбрал бы кого-нибудь посимпатичнее. Он неприязненно смотрел на гостью.

Выглядела она довольно молодо – тяжелая работа еще не успела состарить ее. Вряд ли она была старше двадцати пяти – в этом возрасте думлянки, как правило, уже были замужем. Черные волосы ее были заплетены в косы, а это означало, что она незамужем, девственница. Надо сказать, Гендибалль не удивился. Ее вчерашнее поведение со всей наглядностью продемонстрировало, что в обиду она себя не даст, и Гендибалль сильно сомневался, что отышется думлянин, который добровольно согласится на пытку – соединить свою жизнь с такой языкастой и задиристой особой. Да и внешность у нее была не слишком привлекательная. Правда, сегодня она явно поработала над собой, но все равно – лицо простое, угловатое, руки красные, шершавые, грубые. Фигура ее, казалось, была создана для нагрузок, а не для грации.

Она чувствовала, как и почему он разглядывает ее, и нижняя губа ее задрожала... Гендибалль почувствовал, что она вконец растерялась, что ей больно и страшно, и пожалел девушку. В конце концов, она здорово помогла ему вчера и заслуживала благодарности, как минимум.

Он сказал, старательно разыгрывая благородство и снисходительность:

– Ну что же, все понятно, в общем, ты решила прийти взглянуть на... «Мученое Место»?

Она широко распахнула темные глаза (правду сказать, довольно красивые) и сказала:

– Господин, вы только не сердитесь на меня, но я прийти стать мученая сама.

– Ты хочешь стать ученой?

Гендибалль был потрясен.

– Но, милая женщина...

Он оборвал фразу, не закончив. Господи, как мог он объяснить неотесанной крестьянке, каков уровень интеллекта, обучения ментальных талантов и тренировки, необходимый для того, чтобы стать тем, кого тренториане называли «мучеными»?

Но Сура Нови не отступалась:

– Я быть читатель и писатель. Я читать быть целые книжки от начала до конца, вот как. И я сильно хотеть стать мученая. Я не желать быть жена крестьянина. Я не пойти замуж за крестьянина и рожать крестьянские дети.

Она вскинула голову и гордо проговорила:

– Меня звать, просить. Много раз. Я всегда говорить: «Не». Не грубить, но всегда говорить: «Не».

Гендибалль прекрасно видел, что она лжет. Нет, конечно, никто ее не звал замуж, но он решил не затрагивать этого вопроса.

– Но как же ты будешь жить, если не выйдешь замуж?

Нови тяжело опустила руку на стол ладонью вниз.

– Я быть мученая. Не быть крестьянка.

– Ну а если я не смогу сделать из тебя ученую?

– Тогда пусть я быть никто и так умирать. Никто не быть в жизни, если не мученая.

У Гендибала мелькнула мысль исследовать ее сознание, дабы понять мотивы этого непреодолимого желания. Но делать этого не следовало. Оратор не имел права забавляться, врываясь в беспомощное сознание другого человека. В менталике, как и в других профессиях, существовал свой кодекс. По крайней мере, должен был существовать. Тут Гендибалю стало стыдно за тот удар, что он нанес портье. Он сказал:

– Но почему ты не хочешь быть крестьянкой, Нови?

Слегка поработав над ее сознанием, он мог запросто изменить ее отношение к браку, внушить какому-нибудь думлянскому мужлану желание жениться на ней, а ей – желание выйти за него. Ничего дурного не случилось бы. Это было бы доброе дело. Но – противозаконное, и

нечего было думать об этом.

Она ответила:

— Не хотеть, и все тут. Крестьянин грубый быть. Вся жизнь работать на землю, ворочать куски земля и сам становиться все равно что кусок земля. Если я стать крестьянка, я тоже быть кусок земля. У меня не хватать время, чтобы читать и писать, и я все забывать быть. А мой голова (она приложила ладони ко лбу) стать тупая, как пробка. Нет! Мученые — другой люди совсем. Мученые быть задумчивые. (Скорее всего, решил Гендибалль, она имела в виду «умные», а не «сосредоточенные».)

— Мученый человек, — продолжала Нови, — читать книжки и еще работать с эти... с эти... я забывать, как это называть.

Она сделала руками какие-то манипуляции, которые ничего не сказали бы Гендибалю, если бы он не имел возможности проследить за мыслями девушки.

— Микропленки, — кивнул он. — Откуда ты знаешь про микропленки?

— В книжки, — гордо объявила она, — я читать быть много разные умные вещи.

Гендибалль больше не мог бороться с искушением узнать о ней больше. Какая необычная думлянка! Такая местная жительница встретилась ему впервые. Думлян никогда не вербовали, но если бы Нови была помоложе, было бы ей лет десять...

Какая досада! Нет-нет, он не причинит ей вреда, не побеспокоит ее, но грош ему цена как Оратору, если он откажется от исследования необычного сознания и ничего о нем не узнает!

Он сказал:

— Нови, я прошу тебя минуточку посидеть спокойно. Не волнуйся. Ничего не говори. Ни о чем не думай. Постарайся уснуть. Думай, что засыпаешь. Понимаешь?

Страх снова обнял ее.

— Это зачем все делать, Господин?

— Затем, что я хочу посмотреть, как сделать тебя ученой.

В конце концов, неважно, что она там вычитала в книжках, — важно было понять, знает ли она, что такое на самом деле быть «мученой».

Очень осторожно, почти с ювелирной тонкостью он коснулся ее сознания, как будто прикоснулся ладонью к полированной металлической поверхности, даже не оставив на ней отпечатков пальцев. Так... Ученый для нее был тем человеком, который только и делает, что читает книжки. Зачем, для чего он их читает — ни малейшего представления. А для нее самой быть ученой означало... Образы в ее сознании показывали ту работу, к которой она привыкла, — принести, унести, приготовить еду, убрать, помыть посуду, выполнить приказ. Но где, вот что главное! Здесь, в Университете, где было так много книжек, где у нее будет время читать их и чему-то — неважно и непонятно чему — научиться. Следовательно, она хотела стать... служанкой. Его служанкой.

Гендибалль нахмурился. Взять себе в служанки думлянку — неотесанную, безграмотную, грубую. Нет, немыслимо.

Нужно было взять и отказать ей. Очень просто — отказать, поработать немножко над ее сознанием, дабы она отказалась от своих глупых намерений и удовлетворилась судьбой крестьянки, сделать это так, чтобы она и не ощутила никакого воздействия, словом, так, чтобы Деларми не подкопалась. И дело с концом.

А вдруг сама Деларми ее и подослала? Может быть, ее хитрый план в том и состоит, чтобы Гендибалль запятали себя вмешательством в сознание думлянки, был пойман за руку и подвергнут импичменту?

Смешно. Похоже на параноидальный бред, Кто заметит? Совсем ничтожное вмешательство, чуть-чуть видоизменить направление мыслей — и все...

Да, против буквы закона, но вреда-то ведь никакого, да и не заметит никто.

Он помедлил.

Назад. Еще. Еще...

Боже! А он чуть было не пропустил!

Что же это такое — самообман?

Нет! Теперь он все видел яснее. Крошечная мысленная связка дезориентирована — дезориентирована искусственно. Да как тонко, только одна связочка задета!

Гендибаль вынырнул из сознания думлянки, Тихо окликнул ее:

- Нови.
- Да, Господин, – проговорила она, открыв глаза.
- Ты сможешь работать со мной. Я сделаю тебя ученой...
- Господин, – вне себя от радости воскликнула она.

Он сразу заметил: она была готова пасть к его ногам. Гендибаль крепко взял ее за плечи.

– Нет, Нови, не надо. Сиди на месте, слышишь, сиди! – Он говорил с ней, как с полуприрученным животным. Как только понял, что она уяснила приказ, отпустил ее. Мышцы у нее были – ого-го! Он сказал: – Если хочешь стать ученой, и вести себя надо соответственно. Это значит: ты всегда должна быть спокойна, говорить тихо, вежливо и делать только то, что я тебе буду говорить. И еще: ты должна научиться говорить так, как разговариваю я. Тебе придется встретиться с другими учеными. Боишься?

– Я не быть бояться, я не заботюсь, Господин... если вы быть со мной.

– Я буду с тобой. Но сейчас, во-первых, я должен найти для тебя комнату, договориться, чтобы тебе выделили помещение с ванной и туалетом, место в столовой и одежду. Тебе придется носить одежду, более подходящую для ученой, Нови.

– Только у меня не быть больше!.. – отчаянно воскликнула она, оглядев себя с ног до головы.

– Мы найдем что-нибудь, не волнуйся.

Ясно – нужна женщина, которая бы позаботилась об одежде для Нови. Она же научит ее элементарным правилам гигиены. Конечно, она напялила на себя свои лучшие тряпки, но запах пота остался.

Кроме того, этой женщине нужно будет объяснить природу их отношений с Нови. Ни для кого не было секретом (хотя все изображали хорошую мину при плохой игре), что мужчины (да и женщины, если уж на то пошло) из Второй Академии время от времени наведывались к думлянам с целями, далекими от чистой науки. Если при этом они не касались сознания крестьян – ради бога, никто из таких похождений событий не делал. Гендибаль таких вылизок никогда не делал – ему нравилось думать, что причиной тому было то, что он не питал склонности к более грубым формам секса, чем те, что были доступны в стенах Университета. Университетские дамочки, конечно, были бескровны и бледны по сравнению с думлянками, но зато чистенькие и гладкокожие.

Но даже в том случае, если его поведение будет истолковано неверно и над ним начнут посмеиваться, как над Оратором, который не только связался с думлянкой, но и приволок ее к себе, – ничего, он переживет. Переживет, потому что эта крестьянка, Сура Нови, была его ключом к победе в предстоящей неизбежной дуэли с Оратором Деларми и всеми остальными за Столом Ораторов.

29

Гендибаль снова увидел Нови только после обеда. Ее привела женщина, которой пришлось долго и нудно втолковывать, в чем, собственно, дело, дабы она уяснила, что никаких интимных глупостей у него нет и в помине. В конце концов она все поняла, по крайней мере, сделала вид, что поняла, и слава богу.

Теперь Нови стояла перед ним смущенная, гордая и удивленная одновременно.

– Ты превосходно выглядишь, Нови, – сказал Гендибаль.

Подобранные для Нови одежда сидела на ней удивительно хорошо, и ничего отталкивающего Гендибаль в ее внешности не мог найти, как ни старался. Не то талию подчеркнули, не то грудь приподняли, или просто все это было незаметно под неряшливой крестьянской робой?

Бедра у нее были широкие, но не слитком. Лицо, конечно, особой тонкостью не отличалось, но это ничего: освоится немного, научится следить за кожей и пользоваться косметикой, и будет совсем неплохо.

Черт подери, он готов был поклясться, что женщина подумала-таки, что Нови – его любовница. Изо всех сил постаралась сделать из нее красавицу.

«А почему бы и нет?» – подумал он.

Нови должна предстать перед Столом Ораторов, и чем привлекательней она будет на вид, тем легче будет осуществить задуманное.

Как раз за этими размышлениями и застал его вызов Первого Оратора – совершенно особенная форма общения, принятая в ментальном сообществе. Более или менее официально называлось это «Эффектом Совпадения». Стоило хотя бы слегка задуматься о том, кто в это же самое время подумал о тебе, и немедленно происходила обоюдная ментальная стимуляция, эскалация импульсов. Пара секунд на концентрацию мыслей, и связь налажена.

Даже для тех, кто умом понимал принцип такой коммуникации, она оставалась удивительной, в особенности в тех случаях, когда поначалу мысли о будущем собеседнике были настолько туманны и расплывчаты с одной стороны, а то и с обеих, что сознательно их можно было просто не отследить.

– К сожалению, вечер у меня занят, Нови, – сказал Гендибалль. – Мне нужно заняться научной работой. Я отведу тебя в твою комнату. Там много книг – можешь поупражняться в чтении. Я покажу тебе, как пользоваться сигнализацией, – вдруг тебе понадобится какая-то помощь. А завтра увидимся.

30

– Первый Оратор? – вежливо спросил Гендибалль.

Шендесс только кивнул в ответ. Выглядел он осунувшимся и постаревшим. Гендибалль точно знал, что Шендесс не пьет, но сейчас было полное впечатление, что старик только что глотнул чего-то крепкого.

– Получили мою записку?

– Нет, Первый Оратор. Записки мне никакой не приносили. Я явился на ваш зов. Понял, что дело важное.

– Верно. Этот человек из Первой Академии – Тревайз…

– Да?

– Он не прилетит на Трентор.

Гендибалль удивления не выразил.

– А почему, собственно, он должен сюда лететь? Судя по имеющейся у нас информации, он покинул Терминус вместе с Профессором, цель которого найти Землю.

– Да-да, легендарную планету – прародину человечества. И поэтому он должен был лететь именно на Трентор. В конце концов, разве Профессор знает, где Земля? Вы знаете? А я? Можем мы быть уверены, что она существует вообще или существовала когда-либо? Безусловно, они должны были прибыть сюда и искать недостающую информацию в Библиотеке, если такую информацию вообще можно добыть где бы то ни было. До сих пор я полагал, что ситуация не носит столь кризисного характера, я думал, что люди из Первой Академии прибудут сюда, и через них мы узнаем то, что хотим узнать.

– А именно это является причиной, почему ему не дадут сюда попасть.

– Но куда, в таком случае, они направляются?

– Не знаю. Вероятно, это никому неизвестно.

– Похоже, вас это не слишком волнует?

Гендибалль пожал плечами:

– Я думаю, не лучше ли, что все складывается так. Вы хотели, чтобы Тревайз, целый и невредимый, попал на Трентор, и мы смогли бы использовать его как источник информации. Но не станет ли он еще более ценным источником информации, если полетит туда, куда хочет лететь, не поможет ли он нам обнаружить кого-то, более важного, чем он сам, если только, конечно, мы не потеряем его из виду?

– Это еще не все! – воскликнул Первый Оратор. – Вы ухитрились так убедить меня в существовании этого нашего нового врага, что теперь я просто места себе не нахожу. Теперь я просто уверен, что мы обязаны захватить Тревайза, иначе все потеряем, проиграем окончательно. Не могу избавиться от ощущения, что ключ ко всему – он один.

– Что бы ни случилось, мы не проиграем, – твердо, убежденно сказал Гендибалль. – Другое

дело, что эти Анти-Мулы, как вы их назвали, скрываются здесь, среди нас. Но теперь мы знаем, что они здесь, и не будем больше действовать вслепую. На следующем же Заседании Стола, если нам удастся достичь согласия, мы начнем контратаку.

– Не только из-за Тревайза я позвал вас, Оратор. Это мучило меня как мое личное поражение. Я виноват в том, что поставил личное дело выше общего. Есть еще кое-что, более важное.

– Более важное, Первый Оратор?

– Более важное, Оратор Гендибаль. – Шендесс глубоко вздохнул и застучал кончиками пальцев по крышке стола. Гендибаль спокойно стоял и ждал продолжения. Наконец Первый Оратор сказал – тихо, как будто старался облегчить удар; – На экстренном Заседании Стола Ораторов, созванном Оратором Деларми...

– Без вашей санкции, Первый Оратор?

– Для того, что ей было нужно, ей хватало согласия лишь троих Ораторов, не включая меня. Так вот, на этом экстренном Заседании вы были подвергнуты импичменту, Оратор Гендибаль. Вас объявили недостойным поста Оратора, и вы должны будете предстать перед судом. Билль по импичменту впервые за три столетия будет предъявлен Оратору...

Всеми силами стараясь подавить охвативший его гнев, Гендибаль спросил:

– Не сомневаюсь, что лично вы не голосовали за импичмент?

– Нет, но я был в одиночестве. Остальные Ораторы были единодушны – десятью голосами против одного было принято решение об импичменте. Для такого решения достаточно восьми голосов, включая Первого Оратора, или десяти без него.

– Но я не присутствовал на Заседании!

– Это ничего не изменило бы. Вы не имели права принимать участие в голосовании.

– Да, но я мог выступить в свою защиту.

– Защищаться вам теперь придется на суде, который, естественно, состоится в самое ближайшее время.

Гендибаль задумчиво кивнул, помолчал немного и сказал:

– Все ясно, но не это меня сейчас волнует. Думаю, Первый Оратор, вы были совершенно правы, что заговорили сначала о Тревайзе. На самом деле, это гораздо серьезнее всех судов и импичментов. Можно попросить вас отсрочить судебный процесс на этом основании?

Первый Оратор протестующе поднял руку:

– Не склонен винить вас в непонимании происходящего, Оратор. Импичмент – настолько из ряда вон выходящее событие, что мне самому пришлось заглянуть в уголовный кодекс. Нет, ничто тут не поможет – никаких отсрочек, никаких приоритетов. Нам придется забыть обо всем и начать судебный процесс.

Гендибаль оперся кулаками о стол и склонился к Первому Оратору:

– Вы не шутите?

– Таков закон.

– Какой может быть закон, когда столь велика опасность?

– По мнению Стола, самой явной и главной опасностью являетесь вы, Оратор Гендибаль. Нет, не прерывайте, выслушайте меня. Закон, о котором идет речь, говорит о том, что нет ничего страшнее коррупции и использования своего положения со стороны Оратора.

– Но я не виновен ни в том ни в другом, Первый Оратор, и вы это прекрасно знаете! Это просто-напросто личная месть Оратора Деларми. Если кто-то и пользуется незаконно своим положением, так это она. Мое преступление состоит лишь в том, что я никогда не выслуживался, не заискивал ни перед кем. В этом я действительно виноват – не обращал должного внимания на идиотов, которые достаточно стары для того, чтобы выжить из ума, но еще достаточно молоды для того, чтобы удерживать власть!

– Как я, Оратор?

Гендибаль огорченно вздохнул.

– Простите, сорвалось. Я вовсе не имел в виду вас, Первый Оратор. Ну что ж, прекрасно, пусть будет суд. Пусть он начнется завтра. А еще лучше – сегодня же вечером. Покончим с этим и займемся Тревайзом. Промедление смерти подобно.

– Оратор Гендибаль, – печально сказал Шендесс, – вы, видимо, все-таки не понимаете

всей серьезности ситуации. Попытки подвергнуть Оратора импичменту бывали и раньше. Их было всего две, и оба раза дело не закончилось осуждением, но вы будете осуждены! После этого вы больше не будете членом Стола Ораторов, и больше вам не удастся сказать ни слова в общественной политике. Вы будете лишены даже права высказываться на Ежегодной Ассамблее!

— И вы пальцем о палец не ударите, чтобы предотвратить это?

— Не могу при всем желании. Тогда мне придется уйти в отставку. Я думаю, именно этого Ораторам и хочется больше всего.

— И тогда Первым Оратором станет Деларми?

— Да, это весьма вероятно.

— Но этому нельзя позволить случиться!

— Конечно! Именно поэтому мне и придется проголосовать за ваше осуждение.

— И тем не менее, — глубоко вздохнул Гендибалль, — я настаиваю на немедленном начале процесса.

— Куда вы торопитесь? Вам нужно время, чтобы подготовиться к защите!

— К какой защите? Они не будут ничего слушать. Требую немедленно начать процесс!

— Суду, вероятно, нужно время подготовиться?

— Нечего им готовиться! В уме они меня уже осудили. На самом деле, они с большей готовностью осудят меня завтра, чем послезавтра, и скорее вечером, чем назавтра. Передайте им это.

Первый Оратор тяжело поднялся. Они с Гендибаллем в упор смотрели друг на друга.

— Почему вы так торопитесь? — спросил Первый Оратор.

— Дело Тревайза не терпит отлагательств.

— Но когда вас осудят, у меня не останется никаких шансов в чем-либо убедить объединившийся против меня Стол. Боюсь, мы ничего не сможем поделать.

Гендибалль проговорил громким шепотом:

— А вы не бойтесь! Вот увидите: несмотря ни на что, я не буду осужден!

Глава девятая Гиперпространство

31

— Джэн, ты готов? — спросил Тревайз.

— В каком смысле, дружочек? К Прыжку?

— Да, к Прыжку через гиперпространство.

Пелорат проглотил комок в горле.

— Ну-ну... а ты уверен, что никаких неудобств не будет? Я понимаю — бояться глупо, но все-таки сама мысль о том, что мой организм превратится в мельчайшие тахионы, никому невидимые...

— Ну, Джэн, это такие пустяки, честное слово! Прыжки совершаются уже двадцать пять тысячелетий, и я не слыхал ни об одном несчастном случае. Мы можем, конечно, выйти из Прыжка в неудачном месте, но тогда уж несчастный случай будет иметь место в обычном пространстве, а не тогда, когда мы будем состоять из тахионов.

— Утешение слабое, на мой взгляд.

— Но ничего такого не случится. По правде говоря, я хотел тебе сначала ничего не говорить и сказать только тогда, когда все будет позади. Но все же мне захотелось, чтобы ты понял, что произошло, что ты перенес все сознательно, и увидел, что нет в этом ничего страшного.

— Ну, — поджал губы Пелорат, — наверное, ты прав, только, честно говоря, я не спешу...

— Уверяю тебя...

— Нет-нет, дружочек, я тебе верю на слово, но только вот, видишь ли... скажи, ты читал когда-нибудь «Сантерестил Мэтт»?

— Конечно. Я грамотный.

— Ну да, ну да, и зачем я спрашиваю. Помнишь, о чем эта книжка?

— На амнезию я тоже пока не жалуюсь.

— Господа... похоже, у меня просто талант какой-то людей обижать! А ведь я всего лишь хотел сказать, что мне все время приходят на память те эпизоды, когда Сантерестил и его друг Бен удрали с планеты семнадцать и заблудились в космосе. Я пытался представить себе, как все это было. Наверное, есть что-то гипнотическое в этом медленном плавании между звездами, неведомо куда, без слов, в глубоком молчании... И никогда не мог, знаешь ли, в это поверить. Мне нравилось читать эту книгу, это трогало меня, но по-настоящему я не верил в то, что там описано. Но теперь, когда я привык к самому понятию пребывания в космосе, когда сам пережил это ощущение — я знаю, как это глупо, но в общем мне не хочется теперь от этого отказываться. Я, знаешь ли, временами сам себе кажусь Сантерестилом...

— Угу, — кивнул Тревайз. — А я, следовательно, твой дружок Бен.

Тревайзу романтическое настроение Пелората было явно не по душе.

— Ну да, в некотором роде, — не заметил издевки Пелорат. — А маленькие, разбросанные тут и там звездочки неподвижны, и только наше солнце удаляется от нас, но мы этого не видим. Галактика хранит свое туманное величие, она такая, какой была всегда... Космос молчит, он безмолвен, и ничто не отвлекает меня...

— Кроме меня, — буркнул Тревайз.

— Кроме тебя, — автоматически повторил Пелорат. — Ой, я опять... Но, Голан, дружочек, разговоры с тобой о Земле и мои попытки рассказать тебе кое-что из древней истории человечества тоже имеют свою прелесть. Мне не хочется, чтобы это кончалось.

— Не закончится. Не скоро, во всяком случае. Не думаешь же ты, что мы совершим Прыжок и тут же окажемся на поверхности искомой планеты? Мы еще долго пробудем в полете, а Прыжок не займет много времени. На какой-либо планете мы окажемся не раньше, чем через неделю, так что не волнуйся.

— Под искомой планетой ты, конечно, подразумеваешь Гею, дружочек. От нее мы можем оказаться еще очень далеко, когда выйдем из Прыжка.

— Знаю, Джин, но зато мы окажемся в нужном секторе, если твои данные верны. Если же это не так....

Пелорат грустно покачал головой:

— Как можем мы оказаться в нужном секторе, если не знаем координат Геи?

— Джин, а ты представь на минуточку, что попал на Терминус, тебе нужно попасть в Аргирополь, но ты не знаешь точно, где этот город находится, знаешь только, что где-то на перешейке. Как только доберешься до перешейка, что делать будешь?

Пелорат задумался — нет ли тут подвоха, и не ждет ли от него Тревайз какого-то сложного ответа. Наконец он сдался и ответил:

— Пожалуй, я бы спросил у кого-нибудь, как туда добраться.

— Ну естественно! Как же иначе! А теперь ты готов?

— То есть прямо сейчас?

Пелорат с трудом встал. Обычно хладнокровное лицо его стало не на шутку озабоченным.

— Что я должен делать? Мне стоять? Сесть? Что?

— О боже, Пелорат, ничего тебе делать не надо! Мы просто пойдем сейчас в мою каюту, и я побеседую с компьютером. Хочешь — сиди, хочешь — стой, хочешь — ложись, песни пой — лишь бы только тебе было хорошо. Лично я бы тебе посоветовал сесть перед видовым иллюминатором. Будет интересно. Ну, пошли!

Пройдя по короткому коридору, они очутились в каюте Тревайза, тот уселся перед компьютером.

— А хочешь сам, Джин? — неожиданно предложил он. — Я дам тебе цифры, и тебе нужно будет только думать о них. А все остальное компьютер сделает.

— Нет, нет, не надо, спасибо большое, — поспешно отказался Пелорат. — Мне почему-то кажется, что мы с компьютером друг другу не подойдем, знаешь ли. Ты, конечно, скажешь, что просто у меня мало практики, но мне так не кажется. У меня, наверное, совсем другой тип мышления, Голан. Ты думаешь по-другому, не так как я.

– Не дури...

– Нет-нет. Этот компьютер тебе так подходит. Вы просто созданы друг для друга, знаешь ли. Когда ты садишься к нему, вы как бы сливаетесь воедино. А... если я попробую, то нас все равно останется двое – Джэн Пелорат и компьютер отдельно. А это не одно и то же.

– Ерунда, – отмахнулся Тревайз, хотя это ему немного и польстило. Он положил пальцы на очертания рук, почти любовно прикоснувшись к поверхности стола.

– Ну вот и славно, – обрадовался Пелорат. – А я тут посижу, погляжу... То есть я хочу сказать – по мне, лучше бы этого вовсе не было, но раз уж так выходит, то придется посмотреть...

И он с волнением уставился в видовой иллюминатор, где виднелось туманное тело Галактики, слегка припурденное порошком тускло светивших звезд.

– Обязательно скажи мне, когда это произойдет, – попросил он Тревайза, робко прислонился к стене и обнял себя руками.

Тревайз улыбнулся, руки его, казалось, погрузились в крышку стола – он ощутил ментальный контакт. День ото дня это ему стало удаваться все легче, связь его с компьютером становилась все более дружеской, интимной, и как бы он ни смеялся над тем, что об этом сказал Пелорат, он действительно это ощущал. Сейчас ему казалось, что уже не надо сознательно думать о координатах. Компьютер знал, чего хочет Тревайз, без всякого мысленного «произнесения вслух» – он сам выуживал информацию для себя из его сознания.

На всякий случай Тревайз все-таки «произнес» задуманное и попросил компьютер совершил Прыжок через две минуты.

– Все в порядке. Джэн. У нас две минуты... Сто двадцать... сто пятнадцать... сто десять... Смотри, смотри в иллюминатор!

Тревайз продолжал отсчет шепотом:

– Пятнадцать, десять... пять... четыре... три... два-, один... ноль...

Ощущения движения не возникло – никаких ощущений вообще, но картина в иллюминаторе мгновенно переменилась. Звездное поле стало более густым. Галактика исчезла.

Пелорат, не отрывая глаз от иллюминатора, прошептал:

– Это оно было? Это самое?

– Что – «это самое»? Ты вздрогнул? Сам виноват. Ты ничего не почувствовал, признай.

– Признаю.

– Вот и все. Давным-давно, когда путешествия через гиперпространство еще были в новинку, судя по тому, что пишут в книгах, можно было ощутить что-то неприятное, типа головокружения или тошноты. Но по мере накопления опыта гиперпространственных полетов и совершенствования оборудования этих явлений становилось все меньше и меньше. А при наличии компьютера, такого, как наш, любые явления находятся за порогом ощущений. По крайней мере, я ровным счетом ничего не ощутил.

– Я тоже, честно признаюсь. И где же мы, Голан?

– Всего на шаг впереди. В Калганском Регионе. Лететь нам еще долго, и прежде чем совершить следующий Прыжок, нужно проверить, насколько точно прошел этот.

– Но вот что меня немного беспокоит – куда подевалась Галактика?

– Вокруг нас она, Джэн. Мы довольно здорово в нее занырнули. Если хорошо сфокусировать видовой иллюминатор, мы увидим ее самые отдаленные участки в виде светящейся полосы поперек неба.

– Млечный Путь! – радостно воскликнул Пелорат. – Почти во всех преданиях люди описывают его в своих небесах, но с Терминуса он не виден. Покажи мне его, дружочек!

Картина в иллюминаторе дрогнула, казалось, звездное поле поплыло сквозь него; и вскоре взору путешественников предстала, почти целиком заполнив собой иллюминатор, широкая, сверкающая молочной белизной полоса. Она плыла поперек поля зрения, стала уже, потом – шире.

– Расширяется в направлении центра Галактики, – пояснил Тревайз, – Она могла бы выглядеть шире и ярче, но мешают темные тучи в области витков спирали. Вот так примерно она выглядит с поверхности большинства обитаемых миров.

– И с Земли.

– Не обязательно.

– Конечно. Но знаешь... Скажи, ты историю науки изучал?

– Не слишком старательно, но кое-что помню. Правда, если собираешься экзаменовать меня, сразу предупреждаю: я не эксперт.

– Видишь ли, этот наш Прыжок заставил меня вспомнить о том, что всегда меня занимало. Существует возможность описать такую Вселенную, где гиперпространственные полеты невозможны, где скорость света в вакууме есть абсолютный максимум.

– Конечно.

– При этих условиях геометрия Вселенной такова, что путешествие, только что совершенное нами, невозможно проделать быстрее, чем его проделал бы луч света. А если бы мы совершили его со скоростью света, время для нас текло бы по-другому. Если место, где мы сейчас находимся, отстояло бы от Терминуса, скажем, на сорок парсеков, мы бы не почувствовали никаких отклонений, попав сюда со скоростью света, но на Терминусе и во всей остальной Галактике прошло бы около ста тридцати лет. Мы же совершили перелет со скоростью, в тысячи раз превышающей скорость света, но время нигде в Галактике не ушло вперед – по крайней мере, я так надеюсь.

– Только не жди, – сказал Тревайз, – что я сейчас начну тебе подробно пересказывать математическое обоснование Гиперпространственной Теории Оланхена. Единственное, что я могу сказать, так это то, что, если бы ты летел со скоростью света в обычном пространстве, время действительно уходило бы вперед, со скоростью примерно в три и двадцать шесть сотых года за парсек, как ты сказал. Так называемая релятивистская Вселенная, сущность которой человечество уяснило в незапамятные времена, – странно, кстати, что ты об этом заговорил, я не думал, что ты этим интересуешься, – так вот, такая Вселенная, я думаю, существует, и никуда не делась, и законов ее никто не отменял. Однако при совершении Гиперпространственных Прыжков происходит нечто за пределами условий, в рамках которых действуют понятия релятивности, и законы тут другие. Гиперпространственная Галактика представляет собой крошечный объект, в идеале она является точкой, не подвергаемой измерениям, и релятивистских эффектов в ней нет вообще.

На самом деле в математических формулах космологии существуют два символа для обозначения Галактики: Gp – для «релятивистской Галактики», где скорость света Максимальна, и Gr для «гиперпространственной Галактики», где скорость практически ничего не значит. С точки зрения гиперпространства величина всякой скорости равна нулю, и мы вообще не двигаемся; в отношении же самого пространства скорость бесконечна. Лучше я, пожалуй, объяснить не смогу.

Кстати говоря, одной из самых знаменитых шуток в теоретической физике является подстановка символа Gp в уравнение, где на самом деле должен фигурировать символ Gr , и наоборот. Чаще всего неопытный студент попадается на удочку, корпит над уравнением до седьмого пота, матерится, как сапожник, и ничего не может добиться, пока наконец кто-то не сжалится над ним и не скажет ему, что его просто накололи. Я сам как-то попался, правда.

Пелорат некоторое время мучительно обдумывал сказанное Тревайзом и наконец растерянно спросил:

– Но... какая же из Галактик... настоящая?

– Обе. Все зависит от того, чем ты занимаешься. Вернешься на Терминус, сядь в автомобиль, поезжай по суше; сядь на корабль и плыви по морю. Условия будут разные, верно? Так какой же Терминус настоящий – сухопутный или морской?

Пелорат кивнул:

– Аналогии – дело рискованное, конечно, но лучше уж я соглашусь на эту аналогию, чем буду сходить с ума, думая дальше о гиперпространстве. Давай лучше поговорим о том, что происходит сейчас с нами.

– Тогда считай, что мы сделали первую остановку на пути к Земле.

«Только ли к Земле?» – подумал Тревайз про себя.

— Так... — протянул Тревайз. — У меня день даром прошел.

— О? — рассеянно откликнулся Пелорат, с трудом оторвавшись от терминала. — А как это тебе удалось?

Тревайз огорченно развел руками:

— Понимаешь, я не поверил компьютеру. Просто не мог иначе — мало ли что. В общем, я сверил наши теперешние координаты с заданными перед Прыжком, и они полностью совпали. То есть никакой погрешности я не обнаружил.

— Но это же хорошо, правда?

— Это не просто хорошо. Это невероятно! Я о подобных вещах никогда не слышал. Я совершил Прыжки и раньше и определял их параметры всеми возможными способами с помощью уймы приспособлений. Еще в школе мне пришлось разработать схему Прыжка с помощью портативного компьютера, а потом проверить результаты с помощью гиперреле. Естественно, тогда я не мог отправить в путь настоящий корабль — слишком дорогое удовольствие, как ты понимаешь, да и вынырнуть я мог где-нибудь прямо в центре какой-нибудь звезды. Но даже тогда я не сделал ничего ужасного, — продолжал Тревайз, — хотя без погрешности не обошлось. Ошибка всегда есть, всегда — даже у величайших экспертов. Она просто обязана быть, когда учитывается такое число переменных. Скажем так: геометрия пространства безумно сложна, а геометрия гиперпространства еще сложнее — нечего даже притворяться, будто мы понимаем все его заморочки. Вот почему нам приходится идти шаг за шагом, вместо того чтобы взять да и прыгнуть отсюда прямо в Сейшельский Сектор. С расстоянием ошибки будут нарастать, понимаешь?

Пелорат, похоже, не совсем понял, о чем речь.

— Но ты сказал, что компьютер ошибки не сделал. То есть этот, наш компьютер.

— Это он говорит, что не сделал ошибки. Я дал ему команду сверить наши теперешние координаты с заданными перед Прыжком. Он ответил, что для его пределов измерений координаты идентичны, а я подумал: «А что, если он врет?»

До этого мгновения Пелорат не выпускал из рук портативный принтер. Теперь он положил его на стол и растерянно спросил:

— Ты шутишь? Компьютер не может врать. Если только ты не хочешь сказать, что он сломался.

— Нет, не в этом дело. Мне такое в голову не пришло. Мне действительно показалось, что он врет! Этот компьютер... он настолько умен, что иной раз я готов считать его человеком, даже сверхчеловеком. Достаточно человеком для того, чтобы иметь такое понятие, как самолюбие, а может быть, и умение лгать. Я дал ему задание: разработать курс полета через гиперпространство в точку, близкую к планете Сейшелл — столице Сейшельского Союза. Он сделал это с легкостью — выдал мне курс из двадцати девяти Прыжков. Самонадеянность выше всякой критики.

— Почему — самонадеянность?

— Потому что с каждым последующим Прыжком ошибки нарастают! Как можно рассчитать двадцать девять Прыжков сразу? Двадцать девятый может закончиться неизвестно где, в любом месте Галактики. Вот я и попросил его для начала совершить только первый Прыжок, чтобы мы могли сверить координаты, а уже потом двигаться дальше.

— Весьма, весьма разумный подход, — кивнул Пелорат. — Одобряю.

— Да, но все дело вот в чем: не мог ли компьютер, совершив первый Прыжок... обидеться на меня за то, что я ему как бы не доверяю? Не защитил ли он свое профессиональное самолюбие тем, что объявил мне об отсутствии ошибки? Мог он не признаться в ошибке, чтобы его не сочли несовершенным? Если это так, то с таким же успехом мы могли бы вообще обойтись без компьютера.

— Что же нам, в таком случае, делать, Голан? — озабоченно поинтересовался Пелорат.

— То самое, чем я занимался сегодня, — попусту тратить время. Я проверил координаты нескольких близлежащих звезд самыми примитивными методами: наблюдением в телескоп, фотографированием, ручными расчетами. Сравнил их действительные координаты с ожидаемыми и ошибки не обнаружил. Весь день я только этим и занимался, измучился жутко, но ошибки не нашел.

– Ну и что же?

– Нет, то есть две малюсенькие ошибочки я таки нашел, проверил все снова и понял, что они – в моих собственных расчетах. Исправил ошибки, запустил свои расчеты в компьютер, чтобы посмотреть, выдаст ли он такие же результаты независимо. Мало того, что он провел все расчеты с точностью до большего числа цифр после запятой: оказалось, что мои расчеты абсолютно верны, и, следовательно, они подтверждают, что компьютер прав, и никакой ошибки не было. Может быть, наш компьютер на самом деле – самовлюбленный Мулов сынок, но, черт подери, ему таки есть чем гордиться!

– Ну и замечательно! – со вздохом облегчения проговорил Пелорат.

– Не спорю. Словом, я решил позволить ему совершить остальные двадцать восемь шагов.

– Все сразу? Но...

– Не все подряд. Не волнуйся. Я еще не настолько обалдел. Прыжки пойдут один за другим, но после каждого шага этот подлец будет проверять координаты, и следующий Прыжок последует лишь после того, как я выясню, что ошибки в допустимых пределах нет. Всякий раз, когда ошибка окажется слишком велика, – а пределы, поверь мне, я установил не слишком милосердно, – ему придется делать остановку и производить перерасчет оставшихся шагов.

– И когда ты собираешься к этому приступить?

– Когда? Да прямо сейчас. ...Послушай, а ты сейчас чем занимаешься? Индексацией своей библиотеки?

– Да, сейчас для этого такая прекрасная возможность. Я многие годы собирался это сделать, но всегда что-то мешало.

– Нет возражений. Занимайся индексацией и ни о чем не беспокойся. Об остальном позабочусь я.

Пелорат покачал головой:

– Не штути. Я не успокоюсь, пока все не окончится. Я напуган до смерти.

– Зря, значит, я тебе все рассказал, но я должен был кому-то рассказать! Нас ведь тут только двое! Давай поговорим начистоту, Джен. Всегда есть шанс очутиться в какой-то точке межзвездного пространства, где в это самое время одновременно окажется летящий с бешеною скоростью метеороид или маленькая черная дыра; корабль получит повреждение, и мы погибнем. Теоретически подобные случаи возможны.

К счастью, такое случается крайне редко. В конце концов, Джен, ты мог бы находиться дома – в своем кабинете, в своей постели, а метеороид мог бы преодолеть атмосферу Терминуса и угодить прямехонько в тебя. Такая вероятность тоже невелика.

В действительности шансов пересечь траекторию чего-то фатального, но настолько незначительного, чтобы об этом не знал компьютер, в гиперпространстве гораздо меньше, чем у себя дома. Никогда не слыхал, чтобы хоть один корабль погиб при таких обстоятельствах. Риск же вломиться в самую середину звезды – и того меньше.

– Тогда зачем ты мне рассказываешь все это, Голан?

Тревайз помолчал немного, склонил голову набок и наконец ответил:

– Рассказываю я тебе это, Джен, потому, что как бы сильно я себя ни уговаривал, внутри меня кто-то все время шепчет: «А вдруг на этот раз что-то такое стряслось, а?» И я заранее чувствую себя виноватым. Вот такие дела. Джен, если что-то случится, прости меня!

– Но... Голан, дружочек, ведь если что случится, мы оба погибнем, и я не успею тебя простить.

– Понимаю, вот поэтому ты и прости меня сейчас, ладно?

Пелорат улыбнулся:

– Сам не знаю почему, но ты меня подбодрил. Что-то в этом есть такое – смешное и трогательное. Прощаю тебя, Голан, конечно, прощаю. Знаешь ли, в мировой литературе есть множество мифов о жизни после смерти, и, если я попаду куда-нибудь после гибели, правда, это так маловероятно, как оказаться в маленькой черной дыре, там я буду точно знать, что в моей смерти ты не повинен, что ты сделал все, что мог.

– Спасибо тебе! Теперь мне легче. Я-то готов рисковать, но мне не хотелось, чтобы ты рисковал из-за меня.

Пелорат протянул Тревайзу руку, и тот пожал ее.

— Знаешь, Голан, мы ведь знакомы всего неделю, и, наверное, не стоило бы делать поспешных выводов, но мне кажется, что ты замечательный парень! В общем, ты делай все, что надо, и не будем больше об этом говорить, хорошо?

— Договорились! Пошли ко мне, посмотришь еще раз.

Тревайз уселся за компьютер.

— Ну вот. Надо только положить руки на контакты... Команда у компьютера уже есть, он только и ждет? когда я скажу: «Вперед!» Хочешь дать команду, Джен?

— Ни за что! Это твое дело и твой компьютер!

— Ладно. Все мое, и ответственность тоже. Я все еще пытаюсь юморить, как видишь. Смотри в иллюминатор!

Тревайз твердо, уверенно положил руки на крышку стола. Короткая пауза, и звездное поле в иллюминаторе изменилось, потом еще... и еще... Звезды все гуще усеивали поле зрения.

Пелорат считал про себя. На счете «пятнадцать» смена «кадров» прекратилась, как будто что-то заклинило в аппаратуре.

— Что-то случилось? — шепотом спросил Пелорат, видимо, боявшийся, что громкий голос может усилить поломку.

Тревайз пожал плечами:

— Наверное, пошел перерасчет. Какой-то объект в пространстве нанес чувствительный толчок по общим очертаниям гравитационного поля. Что-то неучтенное в расчетах — не нанесенная на карту карликовая звезда или красная планета.

— Это опасно?

— Вряд ли, раз мы пока живы. Планета может находиться от нас в сотне миллионов километров и тем не менее давать достаточно высокую гравитационную модуляцию для того, чтобы потребовался перерасчет. Карликовая звезда может отстоять от нас на десять миллиардов километров, я...

Тут вид в иллюминаторе снова переменился, и Тревайз умолк. Снова и снова изменялась картина. Наконец, когда Пелорат прошептал «двадцать восемь», кадр в иллюминаторе остановился окончательно.

Тревайз проконсультировался с компьютером и сообщил:

— Приехали!

— Да, но я считал и считал правильно! Первый Прыжок я не считал, начал со второго, и у меня вышло двадцать восемь, а ты сказал — будет двадцать девять.

— Может быть, перерасчет на пятнадцатом Прыжке сэкономил нам один Прыжок. Я могу все проверить, если хочешь, но на самом деле это совершенно не нужно. Мы находимся недалеко от планеты Сейшелл, Так говорит компьютер, и я склонен ему верить. Если сориентировать соответствующим образом видовой иллюминатор, мы увидим прекрасное яркое солнце, но не стоит без нужды напрягать аппаратуру и зрение. Планета Сейшелл — четвертая от нас по счету и отстоит от теперешних наших координат примерно на три и две десятых миллиона километров. Туда мы доберемся дня за два-три. — Тревайз глубоко вздохнул, борясь с волнением. — Ты понимаешь, что это значит, Джен? Любой корабль — из тех, на которых мне доводилось летать раньше, вынужден был бы совершить такую серию Прыжков с остановкой на день минимум для долгих и нудных перерасчетов, даже при наличии компьютера. То бишь, мы бы летели почти месяц. А мы летели полчаса. Если каждый корабль будет оборудован таким компьютером...

Тревайз откинулся на спинку кресла, забросив руки за голову.

— А интересно, — задумчиво поинтересовался Пелорат, — почему Мэр выделила нам такой современный корабль? Ведь он, наверное, стоит громадных денег?

— Кораблик экспериментальный, — сухо отозвался Тревайз. — Может быть, эта добрая женщина просто хотела, чтобы мы испытали его и посмотрели, нет ли у него каких-нибудь недостатков.

— Ты серьезно?

— Только не нервничай. Все в порядке, в конце концов. Пока мы никаких недостатков не наблюдаем. Правда, я не склонен относить это на ее счет. Не думаю, чтобы ее чувство

гуманности слишком сильно пострадало, случись с нами что-то нехорошее. Она, между прочим, не снабдила нас оружием для самозащиты, что значительно снизило стоимость всего предприятия.

— А я вот думаю про компьютер, — задумчиво проговорил Пелорат. — Он удивительно хорошо приспособлен к тебе, но вряд ли он может так хорошо подходить каждому. На меня он очень плохо реагирует.

— Слава богу, что хотя бы с одним из нас он работает как надо.

— Да, но разве это просто случайность?

— А что еще, Джен?

— Я вот думаю: Мэр тебя хорошо знает?.

— Думаю, хорошо, старый броненосец.

— А не могло ли быть так, чтобы она распорядилась сконструировать компьютер специально для тебя?

— Зачем?

— Понимаешь... я думаю, не может ли быть так, что мы летим туда, куда хочет компьютер?

Тревайз похолодел.

— Ты... хочешь сказать, что, когда у меня контакт с компьютером, он не мои команды выполняет, а делает все сам?

— Ну да, просто я вдруг так подумал.

— Не валяй дурака. Парапойя какая-то. Смотри сюда, Джен.

Тревайз повернулся к компьютеру и отдал команду сфокусировать изображение в иллюминаторе, показать планету Сейшелл и проложить к ней курс по обычному пространству...

Ерунда!

И почему только Пелорату такое в голову взбрело?

Глава десятая Суд

33

Прошло два дня, и Гендибалль понемногу успокоился — ни отчаяния, ни гнева не осталось в душе. Не стоило торопить события и требовать немедленного начала процесса. Он прекрасно понимал — будь он не готов, понадобись ему время, вот тогда они точно назначили бы суд немедленно.

Но поскольку Академии не грозило ничего, кроме страшнейшего со временем Мула кризиса, она предпочла потерять время — с единственной целью: раздразнить его.

Они добились своего, Гендибалль был готов Селдоном поклясться. Ну что ж, тем страшнее будет его ответный удар. В этом он был уверен.

Он огляделся по сторонам. В приемной было пусто. Так тут было уже два дня. Неспроста. Гендибалль был выдающимся человеком. Оратором, его все знали. Теперь всем и каждому было известно, что за действия, которые не имели precedента за всю историю Второй Академии, он должен был утратить свое высокое положение и, спустившись вниз по иерархической лестнице, стать простым, рядовым сотрудником Второй Академии.

Но одно дело — изначально быть рядовым сотрудником — вещь почетная сама по себе. Совсем же другое — быть некогда Оратором и претерпеть понижение в звании.

«Но этого не случится», — мстительно нахмурился Гендибалль.

Он прекрасно видел, как все избегают его последние два дня. Одна только Нови относилась к нему по-прежнему, но она была слишком наивна, чтобы понимать, что происходит. Для нее Гендибалль по-прежнему был «Господином».

Гендибаллю это нравилось — он ничего не мог с собой поделать и злился на себя за это. Когда она восторженно смотрела на него, он радовался и стыдился собственной радости.

Неужели он становится благодарен судьбе за такие скромные подарки?

Из Палаты Суда вышел сотрудник и сообщил ему, что Стол собрался и готов принять его. Гендибалль с высоко поднятой головой прошествовал мимо сотрудника. Этого сотрудника он хорошо знал – он был человеком, до мельчайших подробностей соблюдавшим тонкости обращения, принятые во Второй Академии. По тому, как он вел себя сейчас, можно было с уверенностью сказать, что положение у Гендибала незавидное. Простой служащий, пешка, обращался с ним так, будто его уже осудили.

Ораторы восседали вокруг стола торжественно, одетые в черные мантии правосудия. Деларми – одна из трех женщин-Ораторов – даже не взглянула на Гендибала.

Первый Оратор сказал:

– Оратор Стор Гендибалль, вы подвергнуты импичменту за поведение, недостойное Оратора. Вы привсегласно обвинили членов Стола Ораторов в измене и покушении на убийстве, не представив четких, обоснованных доказательств. Вы заявили, что все сотрудники Второй Академии, не исключая Первого Оратора, нуждаются в ментальной проверке, предназначеннной для выявления тех, кому нельзя доверять. Подобное поведение подрывает самые устои нашего сообщества, без которых Вторая Академия не может контролировать события в изобилующей сложностями, порой враждебно настроенной Галактике, в отсутствие которых она не сможет построить способную к выживанию Вторую Империю. Поскольку эти оскорблении мы все слышали, перейдем к изложению следующего пункта. Оратор Гендибалль, вы имеете что-либо сказать в свою защиту?

Деларми, все еще не глядя на Гендибала, хитро, по-кошачьи улыбнулась.

– Если истина, – сказал Гендибалль, – может считаться оправданием, значит, мне есть что сказать в свою защиту. Есть причины, позволяющие усомниться в целости нашего сообщества, в его внутренней безопасности. Эти нарушения устроев нашего сообщества, с моей точки зрения, требуют проведения ментального обследования всех сотрудников, не исключая и здесь присутствующих, что создало, по вашему мнению, фатально кризисную ситуацию для Второй Академии. Если вы торопились осуществить это судилище в связи с тем, что хотя бы отдаленно понимаете, насколько опасен этот кризис, почему же тогда вы потеряли попусту целых два дня – ведь я просил начать процесс немедленно? Я признаюсь, что только смертельно опасный кризис вынудил меня сказать то, что я сказал. Вот если бы я промолчал, то тогда уж точно повел бы себя так, как Оратору не подобает.

– Вот он опять нас оскорбляет, Первый Оратор, – тихо сказала Деларми.

Кресло Гендибала стояло дальше от стола, чем кресла остальных Ораторов – уже явное унижение. Он как будто не имел ничего против, отодвинул его еще дальше и встал.

– Вы меня сразу, без разбирательства, обвините в нарушении закона, или мне будет предоставлена возможность подробно высказаться в свою защиту?

– Здесь не беззаконное сборище, Оратор, – укоризненно проговорил Шендесс. – Прецедентов слишком мало, чтобы мы могли руководствоваться опытом, но мы готовы склониться к милосердию, понимая, что, если излишняя гуманность заставит нас изменить истинному правосудию, все равно: лучше дать уйти виновному, чем наказать невинного. Поэтому мы дадим вам возможность изложить свои объяснения так, как вы хотите, и объяснения ваши могут длиться сколь угодно долго, до тех пор, пока решение не будет принято единогласно, включая меня лично, – решение о том, что мы выслушали достаточно.

– Позвольте, – сказал Гендибалль, – в таком случае начать с того, что Голан Тревайз – тот самый сотрудник Первой Академии, что был изгнан с Терминуса и которого Первый Оратор и я считаем краеугольным камнем надвигающегося кризиса, – летит в неизвестном направлении.

– Встречный вопрос, – невинно вмешалась Деларми. – Откуда оратору (интонация явно указывала, что слово произнесено с маленькой буквы) это известно?

– Об этом меня проинформировал Первый Оратор, – ответил Гендибалль, – но это же самое подтверждают мои собственные сведения. Однако в сложившихся обстоятельствах, в свете моих подозрений о снижении уровня безопасности я предпочту не дезавуировать источник информации.

– Свое мнение оставляю при себе, – сказал Первый Оратор. – Продолжим заслушивание без уточнения источника информации. Но если Стол решит, что это необходимо, Оратору

Гендибалю придется рассказать, кто это.

Деларми полезла в бутылку:

— Если Оратор не раскроет этой тайны сейчас, позволительно будет заподозрить, что на него работает агент, лично им нанятый, неподконтрольный Столу. И мы не можем быть уверены в том, что таковой агент действует в соответствии с правилами, принятыми во Второй Академии.

— Я все отлично понимаю, Оратор Деларми, — с явным неудовольствием отреагировал на ее реплику Первый Оратор. — Незачем мне выговаривать.

— Но я говорю об этом исключительно для протокола, Первый Оратор, — принялась оправдываться Деларми. — Это обстоятельство отягчает защиту и не значится в билле по импичменту, который, я хотела бы отметить, так и не был заченен полностью.

— Можете быть спокойны, Оратор, я дал чиновнику указание внести этот пункт, а точная формулировка ему будет придана в нужное время. Оратор Гендибалль (у него, по крайней мере, титул прозвучал с большой буквы), вы сделали шаг назад в своей защите. Продолжайте.

Гендибалль сказал:

— Так вот, этот Тревайз не только отправился в неожиданном направлении, но и с беспрецедентной скоростью. По имеющимся у меня сведениям, о которых пока не знает Первый Оратор, ему удалось проделать путь длиной почти в десять тысяч парсеков меньше чем за час.

— Что, одним Прыжком? — с явным недоверием спросил один из Ораторов.

— Более чем за два десятка Прыжков: они следовали один за другим, почти без остановок, — ответил Гендибалль. — Такое гораздо труднее себе представить, чем один Прыжок. Даже если нам удастся его теперь обнаружить, следить за ним будет крайне трудно, а если он поймет, что за ним следят, и захочет обмануть нас и удрачить, наша карта бита. А вы тратите время на дурацкие импичменты, тратите впустую два дня: будто больше делать нечего.

Первый Оратор с трудом подавил вспышку гнева.

— Будьте добры. Оратор Гендибалль, — сказал он, — сообщите нам, как вы сами оцениваете важность вашего сообщения.

— Это, Первый Оратор, неоспоримое свидетельство того, насколько грандиозна степень технического прогресса, достигнутая Первой Академией. Они теперь намного сильнее, чем были во времена Прима Пальвера. Нам не выдержать схватки с ними, если они найдут нас и будут свободны в своих действиях.

Оратор Деларми вскочила как ужаленная и гневно выкрикнула:

— Первый Оратор, мы тратим время на сущую чепуху! Мы не малые дети, чтобы пугаться сказочек Матушки-Кометушки. Совершенно неважно, какова техническая мощь Первой Академии, если мы можем контролировать их сознание.

— Что вы на это скажете, Оратор Гендибалль? — спросил Первый Оратор.

— Только то, что к вопросу о контроле над сознанием мы перейдем в свое время, Пока же я просто хотел подчеркнуть превосходящую нашу и постоянно растущую техническую мощь Первой Академии.

— Переходите к следующему пункту, Оратор Гендибалль. По первому пункту, изложенному в билле по импичменту, должен сказать, меня вы мало убедили.

Остальные Ораторы продемонстрировали единодушное согласие.

— Я продолжаю, — невозмутимо заявил Гендибалль. — Тревайз летит вместе со спутником. Это некто... (Гендибалль на мгновение умолк, чтобы вспомнить и лучше выговорить имя) Джэн Пелорат, довольно-таки безвредный кабинетный ученый-историк, посвятивший всю свою жизнь изучению мифов и легенд о Земле.

— Надо же, как много вы о нем знаете! Эта информация тоже из вашего тайного источника? — спросила Деларми, взявшая на себя роль прокурора и очень уютно себя в ней чувствовавшая.

— Да, я многое о нем знаю, — твердо ответил Гендибалль. — Несколько месяцев назад Мэр Терминуса, женщина энергичная и влиятельная, без видимой причины выказалась большой интерес к этому ученому, и я, вследствие этого, также не оставил его без внимания. Но имеющиеся у меня данные я не держал при себе. Все, что я знал, было передано Первому

Оратору.

– Не отрицаю, – согласился Первый Оратор.

Один пожилой Оратор спросил:

– А что такое эта... Земля? Неужели тот самый мир – прародина человечества, о котором пишется в сказках? Тот, о котором было столько болтовни во времена Империи?

Гендибалль кивнул:

– В сказочках Матушки-Кометушки, как сказала бы Оратор Деларми. Полагаю, что мечтой Пелората было посетить Трентор, Галактическую Библиотеку, чтобы получить дополнительные сведения о Земле, которые на Терминусе ему доступны не были.

Покинув Терминус вместе с Тревайзом, он, следовательно, должен был мечтать о скорейшем осуществлении своей давней мечты. Естественно, мы ждали их обоих и рассчитывали на возможность их обоих обследовать не без пользы для себя. Теперь же получается, как мы все знаем, что они сюда не попадут. Они движутся в неизвестном направлении с целью, которая нам не ясна.

Физиономия Деларми при следующем вопросе была прямо-таки ангельской:

– Но почему это должно нас волновать, не понимаю? Нам нисколько не хуже из-за их отсутствия, верно? Ведь если они так легко отказались от путешествия на Трентор, резонно сделать вывод: Первая Академия не знает об истинной природе Трентора, и мы можем только еще раз поапплодировать гению Прима Пальвера.

Гендибалль сохранял спокойствие.

– Если так думать, то что ж – вывод удобный, спору нет. Но если предположить совсем другое – что, если изменение курса вовсе не было связано с неучетом важности Трентора? Разве не могли они полететь в другом направлении из-за того, что захотели увидеть нечто более важное, чем Трентор? Вдруг все это вообще произошло для того, чтобы Вторая Академия осознала, как важна Земля?

Стол впал в замешательство.

– Всякий, кому вздумается, – холодно сказала Деларми, – может фабриковать убедительно звучащие предположения и облекать их в форму красивых фраз. Но имеют ли они смысл, вот вопрос. Кому какое дело, что мы здесь, во Второй Академии, думаем о Земле? Будь она чем угодно – истинной прародиной человечества, мифом, не существуй она вообще – этот вопрос может интересовать только историков, антропологов да собирателей народных преданий, таких, как этот ваш Пелорат. Мы-то тут при чем?

– Вот именно, при чем тут мы? – с издевкой проговорил Гендибалль. – Настолько ни при чем, что теперь в Библиотеке вообще нет никакой информации о Земле.

Впервые с начала процесса в атмосфере почувствовалось что-то кроме всеобщей враждебности.

– Правда? Никаких? – спросила Деларми.

Гендибалль спокойно ответил:

– Когда я впервые узнал о том, что целью прибытия сюда Тревайза и Пелората может быть поиск сведений о Земле, я, естественно, поработал на библиотечном компьютере. Я дал ему команду выдать мне перечень документов, такую информацию содержащих. Я был просто поражен, когда он мне не выдал ровным счетом ничего. Ладно бы – мало. Но – ничего!..

Затем же вы все настояли, чтобы процесс состоялся только через два дня, а мое любопытство одновременно подхлестнуло сообщение о том, что представители Первой Академии на Трентор не прибудут вообще. Нужно же мне было как-то развлечься. Словом, пока остальные занимались, как говорится в пословице, потягиванием вина в то время, когда дом вот-вот рухнет, я просмотрел кое-какие книжки по истории из собственной библиотечки. И наткнулся там на целые параграфы, исключительно и непосредственно посвященные исследованиям в области «Вопроса о Происхождении» в дни Империи времени упадка. Там было полно ссылок, цитат из определенных документов как печатных, так и микрофильмованных. Я опять наведался в Библиотеку и запросил там эти документы. Уверяю вас, их там нет.

Деларми упорствовала:

– Даже если это так, что в этом удивительного? В конце концов, если Земля

действительно – миф...

– Тогда я отыскал бы интересующие меня первоисточники в картотеках литературы по мифологии, – не дал ей договорить Гендибаль. – Если бы это была сказка из сборника «Матушки-Кометушки», я бы нашел ее в этом самом сборнике. Если бы это было исчадием большого разума, я бы нашел информацию в картотеке литературы по психопатологии. Факт таков: все вы что-то знаете о Земле – иначе как хотя бы кто-то мог вспомнить, что она где-то упоминается как прародина человечества? Почему же тогда в Библиотеке напрочь отсутствуют какие бы то ни было документы, где бы упоминалась Земля?

Деларми не нашлась, что сказать. Вместо нее в разговор вступил другой Оратор. Это был Леонис Чень, низкорослый толстячок, обладавший энциклопедическими познаниями в области тонкостей Плана Селдона и отличавшийся потрясающе близоруким отношением к тому, что творилось в Галактике наяву. Говоря, он часто-часто моргал.

– Хорошо известно, – сказал он, – что в последние годы своего существования Империя изо всех сил старалась создать нечто вроде мифа об Империи за счет педалирования интереса к доимперским временам.

Гендибалль кивнул:

– Попали в точку, Оратор Чень. За счет педалирования. Однако это – не эквивалент уничтожения свидетельств. И именно вам, лучше чем кому-либо другому, должно быть известно еще кое-что, характерное для периода упадка Империи: внезапная вспышка интереса к прошедшим и, вероятно, лучшим временам. Я только что упомянул об увлечении «Вопросом о Происхождении» во времена Селдона.

Чень громко откашлялся.

– Это мне прекрасно известно, молодой человек. Я знаю о социальных проблемах периода упадка Империи гораздо больше, чем вам кажется. Процесс «империализации» поставил точку на дилетантских спекуляциях о Земле. При Клеоне Втором, когда была предпринята последняя попытка возродить Империю, то есть через два века после Селдона, процесс империализации достиг своего пика, на всякие измышления о существовании Земли было наложено вето. То есть вышла в свет соответствующая директива, где интерес к подобным вопросам описывался (надеюсь, я сумею верно процитировать) как «бесплодные и устаревшие взгляды, провоцирующие падение уровня всенародного преклонения перед императорским троном».

Гендибалль не смог сдержать улыбки:

– Следовательно, вы полагаете, что все упоминания о Земле были уничтожены во времена Клеона Второго, Оратор Чень?

– Я не делаю выводов, Я сказал то, что сказал.

– Жаль, что вы не делаете выводов, Во времена Клеона Второго, что бы ни творилось в Империи, Библиотека как минимум была в наших руках – точнее, в руках наших предшественников. Абсолютно исключена возможность исчезновения каких-либо материалов из Библиотеки без ведома Ораторов Второй Академии. А такое задание могло быть поручено только Ораторам, хотя в Империи никто ни сном ни духом не ведал, кому оно было поручено – если это на самом деле произошло. – Гендибалль умолк. Чень, не говоря ни слова, смотрел в одну точку выше головы Гендибала. Выдержав короткую паузу, Гендибалль продолжил: – Получается, следовательно, что во времена Селдона эти материалы не могли исчезнуть из Библиотеки, поскольку «Вопрос о Происхождении» был тогда в полном ходу. Не могли они исчезнуть и во времена Клеона Второго, поскольку тогда не дремала Вторая Академия. И все-таки на сегодняшний день в Библиотеке их нет. Что же это значит?

Деларми нетерпеливо вмешалась:

– Хватит решать дилеммы, Гендибалль, Нам все ясно. Какой вы предлагаете сделать вывод? Может быть, вы сами изъяли эти документы?

– Вы, как обычно, зрит в корень, Оратор Деларми, – отвесив учтивый поклон, съязвил Гендибалль. Деларми слегка приоткрыла рот. – Один из возможных выводов таков: документы изъяты кем-то из Ораторов – тем, кто знал, каким образом поработать с библиотекарями-хранителями, не оставив в их сознании и следа воспоминаний, и с библиотечными компьютерами, чтобы в их памяти не осталось ни капли информации.

Первый Оратор густо покраснел.

– Странный и нелепый вывод, Оратор Гендибаль. Просто невозможно представить себе Оратора за таким занятием. Каковы могли быть мотивы? Даже если допустить такое, как мог кто-то из Ораторов сохранить это в тайне от остальных членов Стола? К чему рисковать собственной карьерой, запятнав свою репутацию в Библиотеке, когда шансы обнаружения такого деяния столь велики? Кроме того, я уверен, что ни один, даже самый умелый Оратор не смог бы совершить такого, не оставив никаких следов.

– Должен ли я заключить, Первый Оратор, что вы не согласны с Оратором Деларми относительно того, что это – моих рук дело?

– Конечно, не согласен. Порой ваши суждения вызывают у меня сомнения, но безумцем я вас никогда не считал.

– Значит, то, что случилось, не должно было случиться никогда, Первый Оратор. Материалы о Земле до сих пор должны быть в Библиотеке. Мы исключили все возможные причины их исчезновения. И тем не менее их там нет.

Деларми с подчеркнутой усталостью в голосе сказала:

– Ну, ну, давайте покончим с этим. Какой же вы все-таки предлагаете сделать вывод? Уверена, он у вас заготовлен.

– Ну, если уверены вы, Оратор, безусловно, мы все должны быть уверены не меньше. Вывод мой таков: Библиотека была ограблена кем-то, кто находится под влиянием тайных сил за пределами Второй Академии. Кража прошла незамеченной потому, что именно эти самые силы за этим проследили.

Деларми злорадно расхохоталась:

– Ну да, пока вы этого не заметили! Вы один такой неконтролируемый, не подверженный никакому влиянию! Если эти таинственные силы существовали на самом деле, как же они могли допустить, чтобы вы узнали об исчезновении материалов из Библиотеки?

Гендибаль сурово, укоризненно проговорил:

– Это не повод для смеха, Оратор. Они не хуже нас могут понимать, что всякие попытки контроля надо держать на минимуме. Несколько дней назад моя жизнь была в опасности, и меня гораздо сильнее волновала проблема отказа от вмешательства в сознание думян, чем самозащита. Может быть, эти, другие, почувствовав себя в безопасности, прекратили держать меня под контролем. Сам факт того, что я смог понять, что произошло, может означать, что им более не интересно, чем я занимаюсь. Им все равно – значит, они считают, что победа у них в кармане. А мы продолжаем толочь воду в ступе!

– Но с какой целью они могли делать все это? С какой разумной целью? – вопросила Деларми, положив ногу на ногу и нервно покусывая губы. Она прекрасно чувствовала, что власть ее слабеет. Атмосфера заседания менялась не в ее пользу.

Гендибаль спокойно ответил:

– Смотрите: Первая Академия, располагая колоссальным арсеналом технического могущества, ведет поиски Земли. Они делают вид, будто отправили двух граждан в ссылку, надеясь, что мы примем эту версию. Но стали ли бы они давать ссылочным корабль невероятной мощи, корабль, способный одолеть расстояние в десять тысяч парсеков меньше чем за час, будь они в действительности теми, за кого их хотят выдать?.. Что же до Второй Академии, мы никогда не искали Землю, и теперь совершенно очевидно, что без нашего ведения у нас отняли всякую информацию о ней. Первая Академия теперь так близка к тому, чтобы отыскать Землю, а мы так далеки от этой возможности, что...

Гендибаль замолчал. Деларми ехидно поторопила его:

– Ну? Доказывайте свою сказочку. Знаете вы ее конец или нет?

– Нет, Оратор, не знаю. Я еще не успел погрызнути в паутине, которая оплела всех нас, но точно знаю, что паутина есть. Я не знаю, каково значение поиска Земли, но твердо уверен: Вторая Академия, будущее Плана Селдона и всего человечества – в ужасной опасности.

Деларми встала. Она больше не улыбалась. Говорила она нервно, но изо всех сил старалась держать себя в руках.

– Чушь! Первый Оратор, извольте прекратить это! На повестке дня вопрос о преступном поведении. Все, что он нам тут рассказывает, – не просто ребяческая дребедень, но не имеет никакого отношения к делу. Ему не удастся оправдать своего поведения за счет изложения

туманных теорий, которые имеют смысл только в его воображении. Я предлагаю провести голосование: единогласное голосование за осуждение.

— Подождите! — резко вступил Гендибалль. — Мне была предоставлена возможность сколь угодно долго высказываться в свою защиту. У меня остался один вопрос, который я намерен вам изложить. Как только я расскажу об этом, можете переходить к голосованию, и с моей стороны не будет никаких возражений.

Первый Оратор устало потер руки.

— Можете продолжать, Оратор Гендибалль. Позвольте напомнить Уважаемым Ораторам, что обвинение подвергаемого импичменту Оратора — дело столь тяжкое и беспрецедентное, что мы никак не смеем предъявить обвинение, не дав Оратору высказаться полностью. Помните и о том, что даже тогда, когда нам покажется, что вынесенный приговор удовлетворит нас, он может не удовлетворить тех, кто придет за нами. Не могу поверить, что любой сотрудник Второй Академии, особенно же члены Стола Ораторов, не учитывали исторической перспективы такого события: Давайте же действовать так, чтобы не было стыдно Ораторов, которые сменят нас в будущие века.

Деларми язвительно прокомментировала:

— Наши потомки, Первый Оратор, скорее всего, посмеются над нами из-за того, что мы столько времени бьемся над решением столь очевидного вопроса. Учтите: продолжение защиты — ваше решение.

Гендибалль глубоко вздохнул.

— Итак, в соответствии с вашим решением. Первый Оратор, — я хотел бы пригласить свидетельницу — молодую женщину, с которой я познакомился несколько дней назад и без помощи которой я не только не смог бы попасть на Заседание, но и вообще не остался бы в живых.

— Женщина, о которой вы говорите, Оратор, знакома членам Стола? — спросил Первый Оратор.

— Нет, Первый Оратор. Она уроженка этой планеты.

Деларми выпутила глаза.

— Дум-лян-ка?!

— Да. Именно так.

— Но о чем с ней можно говорить? Их свидетельства не могут быть приняты во внимание. Они... пустое место, их просто не существует!

Губы Гендибала дрогнули — но нет, это не была улыбка. Резко, жестко он сказал:

— Физически думляне существуют. Они люди, и им отведена роль в Плане Селдона. Косвенно прикрывая Вторую Академию, роль они играют важнейшую. Я бы хотел сразу отмежеваться от негуманного отношения к местным жителям, высказанного Оратором Деларми. Надеюсь, ее реплика будет внесена в протокол и в дальнейшем рассмотрена при решении вопроса о ее несоответствии посту Оратора. Но, может быть, остальные Ораторы согласны с замечанием Оратора Деларми и готовы отказать мне в возможности представить мою свидетельницу?

Первый Оратор сказал:

— Пригласите вашу свидетельницу, Оратор.

Выражение лица Гендибала стало более спокойным — так выглядел бы любой человек на суде. Сознание его держало оборону, но за линией заграждения он ощущал, что опасность позади — он выиграл, он победил.

34

Сура Нови заметно нервничала — глаза ее были широко открыты, нижняя губа слегка дрожала. Время от времени она сжимала и разжимала пальцы, грудь ее вздымалась от неровного дыхания. Волосы ее были зачесаны назад и собраны в пучок. Руки теребили складки длинной юбки. Она обвела торопливым, испуганным взглядом всех собравшихся, и глаза ее наполнились страхом.

Ораторы взирали на нее — кто с жалостью, кто с неудовольствием. Деларми вообще не

удосужилась посмотреть на нее – делала вид, что не замечает ее присутствия.

Гендибаль легко и нежно коснулся поверхности сознания Нови – как бы погладил его успокаивающей рукой. Он мог бы, конечно, приободрить ее, коснувшись ее руки или щеки, но в нынешних обстоятельствах это было невозможно, недопустимо.

Он сказал:

– Первый Оратор, я слегка успокоил сознание этой женщины, чтобы ее показания не были искажены страхом. Будет ли вам всем, Ораторы, угодно присоединиться ко мне и удостовериться, что, помимо успокоения, я больше никоим образом не воздействовал на ее сознание?

Ментальный голос Гендибала так напугал Нови, что она в ужасе отшатнулась. Гендибала это нисколько не удивило. Он понял, что она никогда не слышала, как разговаривают между собой сотрудники Второй Академии высокого ранга. Никогда в жизни ей еще не доводилось присутствовать при таком необычном общении, выражавшемся в диковинной, быстрой комбинации звуков, тона; интонации, выражения лица и мыслей. Испуг, однако, миновал так же быстро, как вспыхнул, едва только Гендибаль, образно говоря, смахнул его с сознания Нови.

На лице Нови воцарилось безмятежное спокойствие.

– Позади тебя стул, Нови, – сказал Гендибаль, – Садись, пожалуйста.

Нови немножко неуклюже поклонилась и села.

Говорила она довольно-таки четко, и Гендибаль просил ее повторить сказанное лишь тогда, когда ее думлянский акцент становился слишком сильным. Иногда он повторял вопросы из формального уважения к заседателям.

Стычка между Гендибалем и Руфирантом была описана спокойно и подробно.

– Скажи, Нови, – спросил Гендибаль, – ты все видела от начала и до конца собственными глазами?

– Не, Господин, а то бы я быстрее покончить все это. Руфирант хороший парень быть, но не быть слишком умный.

– Но ты рассказала все, как было. Как это возможно, если ты всего не видела?

– Руфирант мне рассказать потом, когда я спрашивать. Он быть стыдно.

– Стыдно? Он когда-нибудь раньше вел себя так?

– Руфирант? Не, Господин. Он добрый быть, хотя и здоровый. Не забияка быть вовсе, и он бояться мученые. Он часто говорить: они могучие быть сильно, много сила есть у них.

– Почему же тогда он вел себя совсем по-другому, когда встретился со мной?

– Это странно быть. Мне не быть понятно. – Нови покачала головой. – Он быть не такой, как всегда. Я говорить ему: «Деревянный твой башка, как ты мог быть обижать мученый?» Он мне говорить: «Сам не знать, как такое случиться. Будто я быть не я, будто я смотреть, как кто-то другой делать это».

Оратор Чень прервал ее:

– Первый Оратор, какова ценность рассказа этой женщины? Что нам за дело до того, что она спросила и что ей ответил этот мужчина? Разве нельзя пригласить его самого и у него спросить об этом?

Гендибаль сообщил:

– Он здесь. Если, выслушав эту женщину, уважаемые Ораторы пожелают выслушать его показания, я тут же приглашу Кароля Руфиранта, моего недавнего обидчика. Если такого желания не возникнет, Стол может перейти к продолжению обсуждения дела, как только я закончу разговор с моей свидетельницей.

– Хорошо, – кивнул Первый Оратор. – Продолжайте опрос свидетельницы.

Гендибаль спросил:

– Ну а ты сама, Нови? Была ли ты похожа на себя, когда так гневно вмешалась в драку?

Мгновение Нови молчала. Маленькая морщинка залегла между ее бровей и тут же исчезла. Она сказала:

– Я не знать. Я не хотеть, чтобы кто-то делать плохое мученые, Я не сама думать, меня кто-то толкать вроде.

Помолчав, она добавила:

– Да, меня будто кто-то толкать.

Гендибаль сказал:

– Нови, сейчас ты уснешь. Ты не будешь думать ни о чем. Ты будешь отдыхать. Никакие сны тебе не приснятся.

Нови пробормотала что-то. Глаза ее закрылись, голова откинулась на высокую спинку стула.

Выждав мгновение, Гендибаль сказал:

– Первый Оратор, прошу вас, выдержав небольшой интервал, последовать за мной в сознание этой женщины. Вы наверняка заметите, как оно примитивно и симметрично. Это редкая удача, иначе вы не смогли бы увидеть то, что увидите... Вот... Здесь... Видите? Если остальные присоединятся... лучше, чтобы все одновременно...

Стол был положен на лопатки!

– У кого-либо есть сомнения? – спросил Гендибаль.

Деларми не заставила себя ждать:

– Да, я сомневаюсь, потому что... – и тут же осеклась, потому что даже ей было страшно произнести вслух то, о чем она подумала.

Гендибаль сказал за нее:

– Вам пришла в голову мысль о том, что я нарочно поработал над сознанием этой женщины с целью дачи ею ложных показаний? Вы, следовательно, такого высокого мнения обо мне, что полагаете, будто мне под силу видоизменить одну-единственную ментальную цепочку, не затронув близлежащие участки сознания? Если бы я действительно на такое был способен, разве я позволил бы всем вам так вести себя со мной? Разве я допустил бы, чтобы меня так унизовили? Будь я способен сотворить такое, что все вы увидели в сознании этой женщины, вы все были бы беспомощны против меня... Неоспоримый факт состоит в том, что никто из нас, и я в том числе, не смог бы обработать сознание этой женщины так, как оно обработано. И тем не менее это сделано. – Он молча оглядел всех Ораторов поочередно и, задержав взгляд на лице Деларми, медленно, с расстановкой проговорил: – Теперь, если вы все не против, я вызову думлянского крестьянина, Кароля Руфиранта, которого я также обследовал и чье сознание было обработано точно так же.

– Не нужно, – сказал Первый Оратор, потрясенный до глубины души. – То, чему мы стали свидетелями, просто убийственно.

– В таком случае, – сказал Гендибаль, – будет ли мне позволено пробудить думлянку и отпустить ее? В приемной по моей просьбе ее ожидают те, кто проследит, чтобы ее выход из гипноза прошел безболезненно. – Когда за Нови закрылась дверь, Гендибаль проводил ее, нежно поддерживая за локоть, вернулся на свое место и сказал: – Подведем итоги. Итак, мы наблюдали изменения в сознании, произведенные методом, нам недоступным. Из этого следует, что библиотечные хранители совершенно спокойно могли, следя чьему-то приказу, изъять материалы из Библиотеки. Теперь понятно, как было подстроено мое опоздание на заседание Стола. Мне угрожали. Меня спасли. В результате меня подвергли импичменту. Результат этого на вид столь естественного хода событий таков: я могу быть убран со сцены активных действий, с того пути, который я увидел и разработал и который угрожает нашим противникам, кем бы они ни были.

Деларми наклонилась к столу. Она не могла скрыть потрясения и сопротивлялась из последних сил:

– Но если эта секретная организация настолько хитра и изобретательна, как же вы смогли до всего докопаться?

Теперь уже Гендибаль улыбнулся без всякой задней мысли.

– Дело тут вовсе не во мне. Я могу поклясться, что по способностям не превосхожу никого из здесь присутствующих, тем более Первого Оратора. Однако, судя по всему, и эти Анти-Мулы – как исключительно, на мой взгляд, удачно назвал их Первый Оратор, – не до конца не уязвимы, в зависимости от обстоятельств. Очень может быть, что именно эту думлянку они избрали в качестве своего инструмента потому, что с ней было совсем немного работы. Она же, по ее собственным словам, очень симпатизировала тем, кого называет «мучеными», просто восхищалась ими.

Потом же, когда с дракой было покончено, она не смогла забыть о нашей встрече, и ее

мечта стать «мученой» привела ее ко мне на следующий же день. Ее амбиции показались мне забавными, и я исследовал ее сознание, и, скорее случайно, чем как бы то ни было еще, заметил обработку и оценил ее значение. Избери Анти-Мулы своим инструментом другую женщину, такую, у которой и в мыслях бы не было мечты стать ученой, им пришлось бы потрудиться более упорно, но тогда последствия оказались бы другими, и я остался бы в полном неведении относительно истинной сути происшедшего. Анти-Мулы просчитались или не смогли учесть невероятного. И то, что они способны вот так ошибаться, воодушевляет.

— Первый Оратор и вы, — сказала Деларми, — называете эту организацию «Анти-Мулами». Вероятно, вы избрали такое название потому, что полагаете, будто они трудятся на ниве созидания Плана Селдона, а не стараются его разрушить, как пытался Мул. Если Анти-Мулы действительно заняты этим, то в чем их опасность?

— Действительно, зачем бы им трудиться, не имея никакой цели? Нам их цель неизвестна. Циник тут сказал бы, что они могут поднять забрало в будущем, открыто вступить в игру и сотворить такое будущее, которое их устроит гораздо больше, чем нас. Сам я думаю именно так, хотя особым циником себя не числю. Или Оратор Деларми, доброта и доверчивость которой нам так хорошо известны, склонна полагать, что это — космические альтруисты, которые делают нашу работу за нас, так сказать, из любви к искусству?

Стол тихо рассмеялся в ответ на шутку, и Гендибалль окончательно уверился в своей победе. А Деларми понимала, что проиграла, — через барьер, которым она отчаянно защищала свое сознание, пробивались едкие лучи жгучей ярости — так лучи солнца пробиваются сквозь густую листву.

Гендибалль сказал:

— Видите ли, когда я поначалу пытался обдумывать стычку с крестьянином, мне казалось, что за всем происшедшим стоит другой Оратор. Обнаружив признаки обработки в сознании думлянки, я убедился, что прав в общем, но не прав конкретно. Я приношу свои извинения за высказанную ранее неверную интерпретацию событий и прошу оправдать меня на основании изложенных обстоятельств.

— Полагаю, — сказал Первый Оратор, — сказанное вами можно истолковать как принесение извинений...

— С уважением, Первый Оратор, — прервала его Деларми. Она чудесным образом переменилась: улыбочка сладенькая, голосок нежный — просто душка. — Да будет мне позволено прервать вас. Я предлагаю воздержаться от обсуждения вопроса об импичменте. В данный момент я не стала бы голосовать за осуждение и, думаю, остальные тоже. Я бы даже настаивала на том, чтобы вопрос об импичменте был вообще изъят из протокола, дабы личное дело Оратора Гендибала осталось незапятнанным. Оратор Гендибалль защитил свою честь превосходно, и я поздравляю его с этим, а также с тем, что ему удалось разгадать наступление опасного кризиса, который остальные из нас могли бы проглядеть с непредсказуемыми последствиями. Я приношу Оратору личные извинения за свое враждебное поведение.

Она церемонно кивнула Гендибалю, а тот не мог не восхититься ее легкостью и изяществом — как потрясающе быстро и тонко она сменила маску, чтобы сгладить горечь собственного поражения. Но Гендибалль понимал — все это могло означать, что атака будет тут же начата по другому фронту, и ничего приятного ему это не принесет.

35

Сменив гнев на милость, Оратор Деларми снова обрела возможность доминировать на заседании. Голос стал ровным, улыбка — милостивой, глаза лучились. Никто не осмеливался прервать ее — все ждали, когда грянет гром средь ясного неба.

— Хвала Оратору Гендибалю, — сказала она, — теперь всем нам ясно, что нужно делать. Мы не видим Анти-Мулов, ничего не знаем о них, кроме того, что они тонко и умело касаются сознания людей непосредственно здесь, в самой цитадели Второй Академии. Нам неизвестны планы силового центра Первой Академии. Вероятно, нам предстоит столкнуться с чужеродностью Анти-Мулов и враждебностью Первой Академии.

Нам известно, что некий Голан Тревайз и его спутник, имени которого я сейчас вспомнить

не могу, движутся в неизвестном направлении и что Первому Оратору и Оратору Гендибалю кажется, будто в руках Тревайза ключи к исходу этого величайшего кризиса. Следовательно, мы должны выяснить все, что можно, об этом Тревайзе: куда он направляется, о чем он думает, какова его цель; если, на самом деле, у него есть какая-то конкретная цель и он стремится попасть в какое-то определенное место, является ли он инструментом в руках тех, кто представляет опасность гораздо большую, чем он сам.

— Он находится под наблюдением, — сообщил Гендибалль.

Деларми насмешливо поджала губы.

— Кто же за ним наблюдает? Один из агентов вашей внешней разведки? Можем ли мы ожидать, что такие агенты способны противостоять силе столь могущественной, какая здесь была только что продемонстрирована? Безусловно, нет. И во времена Мула, и позднее Вторая Академия не боялась послать лучших из наших людей добровольцами на передний край битвы и даже пожертвовать ими. Сам Прим Пальвер, когда понадобилось реставрировать План Селдона, прочесал всю Галактику под видом тренторианского фермера и привез сюда эту девочку, Аркади. И теперь мы не можем сидеть тут сложа руки и ждать — нынешний кризис может оказаться гораздо более серьезным, чем все предыдущие. Нам нельзя опираться на низовых разведчиков и курьеров.

Гендибалль поинтересовался:

— Уверен, вы не склонны предложить Первому Оратору покинуть Трентор?

— Конечно, нет, — ответила Деларми. — Он нам так нужен здесь! Но у нас есть вы, Оратор Гендибалль. Именно вы первым почувствовали и верно оценили кризис. Именно вы выявили тончайшее вмешательство в сознание думян и кражу в Библиотеке. Именно вы не побоялись противопоставить свою точку зрения сильнейшей, единодушной оппозиции всего Стола — и победили. Никто из присутствующих не сумел увидеть происходящего так четко, как вы, и вряд ли кому можно, как вам, доверить оценку событий в дальнейшем. По моему мнению, именно вам отведена роль выйти и сразиться с врагом. Позволено ли мне будет почувствовать мнение Стола по этому поводу?

Формального голосования не было, но все Ораторы настолько ясно ощущали сознание друг друга, что ошеломленный Гендибалль немедленно понял, что в самое мгновение его победы и собственного поражения эта зловещая женщина блестяще преуспела: решила отправить его в ссылку с заданием, продлиться которое могло сколь угодно долго, а она бы тем временем преспокойно осталась здесь, захватила бы лидерство за Столом, получила бы в свои руки власть над всей Второй Академией, а следовательно, и над всей Галактикой, хладнокровно шагая по трупам.

И если ссылочному Гендибаллю удастся каким-то образом собрать нужные сведения, для того чтобы Вторая Академия успешно преодолела кризис, честь организации всего предприятия присвоит себе Деларми, и его успех только поможет ей утвердиться во власти. Чем быстрее и увереннее будет действовать Гендибалль, тем скорее у кormила власти утвердится Деларми.

Красивый маневр и потрясающее быстрая регенерация!

Лидерство Деларми стало настолько явным, что она открыто, не стесняясь узурпировала права Первого Оратора... Размышления Гендибала были прерваны вспышкой ярости Шендесса.

Гендибалль обернулся. Первый Оратор даже не пытался скрыть охватившего его искреннего гнева, и всем стало ясно, что новый внутренний кризис грядет на смену только что разрешившемуся.

36

Квиндор Шендесс, двадцать пятый по счету из Первых Ораторов, не питал на свой счет никаких иллюзий.

Он знал, что его не назовут среди славных представителей ораторской плеяды, просиявших на этом посту на протяжении пяти вековой истории Второй Академии, во, в конце концов, он к этому и не стремился. Он председательствовал за Столом Ораторов в спокойные годы процветания Галактики — время не требовало от него подвигов. Оно требовало сдержанности и умеренности, и самым подходящим для этой роли человеком был он. По этой

самой причине его предшественник и выдвинул его на этот пост.

«Вы – не авантюрист, вы – ученый», – сказал ему двадцать четвертый из Первых Ораторов. «Вы сумеете сберечь План там, где авантюрист его погубит. Берегите же его, и пусть это слово станет вашим девизом».

Он всю жизнь следовал завету своего предшественника, но его тактика неизбежно была пассивна, что многими принималось за слабость. Время от времени бродили слухи, будто Шендесс собирается в отставку, и тогда начинались интриги по поводу преемственности высшего поста в Академии.

Шендесс не сомневался в том, что лидерство в этой борьбе захватила Деларми. Она, безусловно, была самой сильной личностью за Столом, и даже Гендибалль со всей своей горячностью и отвагой молодости уступал ей, как уступил сейчас.

Но у Первого Оратора, каким бы слабым и пассивным его ни считали, была одна прерогатива, от которой никто в ряду предшественников Шендесса не отказывался. Не откажется и он.

Он встал, Все разговоры тут же утихли. Когда Первый Оратор говорил стоя, никто не имел права прерывать его, никто – даже Деларми и Гендибалль.

– Ораторы! – сказал Шендесс. – Я согласен с тем, что мы стоим перед лицом опаснейшего кризиса и должны принять самые серьезные меры в этой связи. Оратор Деларми с присущей ей добротой склонна не подвергать меня риску открытого столкновения с врагом, утверждая, что я очень нужен здесь. Справедливо, однако, будет признать, что я одинаково не нужен ни там ни здесь. Я старею и все больше устаю. Все давно ждут, что в один прекрасный день я объявлю о своей отставке, и, вероятно, я действительно должен это сделать. Как только наступивший кризис будет успешно преодолен, я уйду в отставку.

Однако привилегия Первого Оратора выбрать себе преемника остается моей привилегией. Я намерен сделать это сейчас. Среди нас есть один Оратор, который уже долго лидирует на заседаниях Стола, один Оратор, личные качества которого часто позволяли возглавить заседание тогда, когда этого не мог сделать я. Все вы знаете, что я говорю об Ораторе Деларми.

Он на мгновение умолк и спросил:

– Могу я узнать, Оратор Гендибалль, чем вы недовольны?

Шендесс сел, чтобы дать Гендибаллю возможность ответить.

– Недоволен? Как я могу быть недоволен, Первый Оратор? Это ваша привилегия – выбрать себе преемника.

– Так я и сделаю. Когда вы вернетесь, преуспев в начале действий, призванных положить конец этому кризису, наступит время для моей отставки. Моему преемнику предстоит тогда непосредственно заняться проведением в жизнь той стратегии, которая потребуется для полной ликвидации кризиса. Имеете ли вы что-либо сказать, Оратор Гендибалль?

Гендибалль сдержанно ответил:

– Когда вы назначите Оратора Деларми своей преемницей, Первый Оратор, надеюсь, вы не забудете посоветовать ей...

Первый Оратор резко прервал его:

– Говоря об Ораторе Деларми, я не называл ее своей преемницей. Что еще вы хотели бы сказать?

– Прошу простить, Первый Оратор. Мне следовало сказать: если вы назовете Оратора Деларми своей преемницей после моего возвращения с задания, не забудете ли вы посоветовать ей...

– Ни при каких обстоятельствах я не собираюсь делать Оратора Деларми своей преемницей в будущем. Что теперь вы хотите сказать? – Первый Оратор не мог скрыть удовлетворения от удара, нанесенного самолюбию Деларми. Сильнее унизить он бы ее не смог. – Ну, Оратор Гендибалль, так что же вы молчите?

– Я... я растерян, Первый Оратор! Я в недоумении!..

Первый Оратор встал вновь и сказал:

– Оратор Деларми доминировала, лидировала на заседаниях, но, увы, это не все, что нужно для того, чтобы занять пост Первого Оратора. Оратор Гендибалль увидел то, чего не увидел никто из нас. Он не испугался единодушной враждебности Стола, заставил всех нас

пересмотреть дело и изменить наше отношение к нему. У меня есть свое собственное подозрение относительно того, зачем Оратору Деларми понадобилось возлагать задачу преследования Голана Тревайза на плечи Оратора Гендибала, но эта ноша ему по плечу. Я знаю, что ему это удастся — моя интуиция мне порукой в этом, и, когда Оратор Гендибаль возвратится, он станет двадцать шестым из Первых Ораторов.

Шендесс тяжело опустился на стул, и все Ораторы незамедлительно принялись высказывать свое мнение: поднялся сущий бедlam из звуков, тонов, полутонаов, мыслей и гримас. Первый Оратор на эту какофонию никакого внимания не обращал: он безразлично смотрел в одну точку прямо перед собой. Теперь, когда все было позади, он с удивлением ощутил величайшее облегчение от того, что груз ответственности упал с его плеч. Давно надо было сделать это, но он никак не мог его сбросить.

Только сейчас он сумел найти себе достойного преемника.

Шендесс отвлекся, но неожиданно сеть его сознания уловила излучение сознания Деларми. Он взглянул на нее.

Великий Селдон! Она безмятежно улыбалась! Ни отчаяния, ни обиды, ни разочарования — значит, она не сдалась. Шендесс призадумался: неужели он, паче чаяния, сыграл ей на руку? Что еще можно было от нее ожидать?

37

Делора Деларми дала бы волю чувствам, если бы это принесло ей хоть толику пользы.

О, как хотелось ей броситься с кулаками на этого старого маразматика Шендесса и на этого молодого выскочка, с которым, похоже, сговорилась фортуна!

Но тогда она бы всего лишь разрядилась. А ей было нужно совсем другое.

Она хотела стать Первым Оратором.

И пока у нее в руках оставалась хотя бы одна карта, она должна была выложить ее.

Она мило улыбнулась и подняла руку, прося слова. Встала и всем своим видом показала, что требует от всех не прерывать ее.

— Первый Оратор, — начала Деларми, — у меня, как и у Оратора Гендибала, нет возражений. Ваша воля — выбирать себе преемника. Если я и говорю теперь, то лишь потому, что могу внести собственный вклад — искренне надеюсь — в успех дела, которым займется Оратор Гендибаль. Позволено мне будет изложить мою точку зрения, Первый Оратор?

— Прошу вас, — вежливо согласился Первый Оратор, а про себя подумал: «Ох, мягко стелет...»

Деларми торжественно запрокинула голову назад. Улыбка исчезла с ее лица.

— У нас есть космические корабли. Они, конечно, не так совершенны, как корабли Первой Академии, но один из них вполне годен для того, чтобы Оратор Гендибаль ступил на его борт. Он знает, как водить корабли, надеюсь. Наши представители находятся на всех ключевых планетах Галактики, и везде его ожидает радушный прием. Более того, теперь, когда он знает о существовании Анти-Мулов, он способен принять соответствующие меры самозащиты. Ведь даже тогда, когда мы не знали об их деятельности, они предпочли остановить выбор на Низовых сотрудниках Академии и думлянских крестьянах. Безусловно, мы обязаны самым тщательным образом инспектировать сознание всех сотрудников Второй Академии, не исключая и Ораторов, но я уверена, что нас Анти-Мулы тронуть не осмелились.

Тем не менее я не вижу причин для того, чтобы Оратор Гендибаль рисковал сильнее, чем нужно. Ни о каком безрассудстве не может быть и речи, и было бы намного лучше, если бы его миссия была завуалирована — в наших интересах застигнуть Анти-Мулов врасплох. Мне кажется, что для него самое разумное — выдать себя за думлянского торговца. Все мы хорошо знаем, что Прим Пальвер отправился в свой путь по Галактике именно в этой роли.

Первый Оратор прервал ее:

— Но у Прима Пальвера была веская причина для выбора такой маскировки. У Оратора Гендибала такой причины нет. Я думаю, что если камуфляж понадобится, у него достанет изобретательности.

— Со всем уважением. Первый Оратор, я хотела бы подчеркнуть важность именно

минимума маскировки. Прим Пальвер, как вы помните, отправился в путь со своей супругой – его верной спутницей жизни. И это в значительной степени помогло ему добиться своей цели. Жена была для него превосходным прикрытием.

– У меня нет жены, – взразил Гендибалль. – Нет у меня и подруг, то есть они были, но в сложившихся обстоятельствах ни одна из них не согласится надеть на себя подвенечное платье.

– Мы все знаем об этом, Оратор Гендибалль, – улыбнулась Деларми. – Тем более, значит, все воспримут как должное, если в путь с вами отправится любая женщина. Уверена, желающих можно будет отыскать без труда. Если вам кажется, что нужно документальное подтверждение брака, это будет сделано. Полагаю, с вами непременно должна лететь женщина.

У Гендибала на миг перехватило дыхание. Нет, не может быть...

Что же это такое? Хитрая уловка с целью достичь своей доли успеха? Ставка на совместное или ротирующее занятие поста Первого Оратора?

Гендибалль угрюмо проговорил:

– Для меня большая честь вместе с Оратором Деларми...

Деларми расхохоталась и посмотрела на Гендибала почти с обожанием. Попался! Угодил в ловушку. И Стол этого никогда не забудет. Никогда!

– О нет, Оратор Гендибалль, я вовсе не собиралась разделить с вами участие в вашей миссии. Дело это ваше и только ваше, и пост Первого Оратора за вами и только за вами. Да я бы и подумать не посмела, что вы захотите, чтобы я полетела вместе с вами. Что вы, Оратор, какая из меня прелестница – в моем-то возрасте...

Все Ораторы улыбнулись, даже Первый Оратор не смог сдержать улыбки.

Гендибалль принял удар и даже не попытался сгладить поражение, сказав ей какой-нибудь комплимент. Да, мастерски она его уделала.

– Что же вы в таком случае предлагаете? – безразлично поинтересовался он. – Уверяю, у меня и в мыслях не было, что вы полетите со мной. Вам гораздо более к лицу интриги за Столом Ораторов, чем сумятица галактической неразберихи.

– Не спорю, Оратор Гендибалль, не спорю, – сказала Деларми. – Мое предложение относится исключительно к тому, что вам следует играть роль думлянского торговца. Не кажется ли вам, что лучшей спутницей в этом случае для вас будет думлянка?

– Думлянка?

Гендибалль опять был пойман врасплох, и Стол прекрасно это заметил.

– Ну да, думлянка, – как ни в чем не бывало продолжала Деларми. – Та самая, что спасла вам жизнь. Та самая, что глядит на вас с таким обожанием. Та самая, чье сознание вы исследовали и которая затем, сама не подозревая, спасла вас от кое-чего гораздо более опасного, чем избиение. Я предлагаю вам захватить ее с собой.

Первым порывом Гендибала было – отказаться, но он знал, что Деларми только этого и ждет. Стол только обрадуется. Теперь было ясно, что Первый Оратор, поспешно нанеся удар Деларми, совершил ошибку, назвав Гендибала своим преемником, во всяком случае, Деларми быстро сориентировалась и пыталась высмеять эту ошибку.

Гендибалль был самым младшим из Ораторов. Он оскорбил членов Стола и избежал осуждения. Никто не хотел, чтобы это осталось безнаказанным.

Трудно было принять случившееся, но теперь все запомнят, с какой легкостью высмеяла его Деларми и какое удовольствие это доставило всем. Как легко ей будет теперь при любом удобном случае воспользоваться его конфузом и объявить, что ему недостает ни возраста, ни опыта для того, чтобы стать Первым Оратором! Стол объединит усилия и заставит Первого Оратора отказаться от принятого решения, пока Гендибалль будет отствовать на Тренторе. Даже если Шендесс останется при своем мнении, Гендибалль займет свой пост, оказавшись абсолютно беспомощным перед лицом непримиримой оппозиции.

Все это он обдумал в считанные мгновения и быстро ответил без всякой растерянности:

– Оратор Деларми, я восхищен вашей прозорливостью. А я-то думал преподнести всем сюрприз. На самом деле я намеревался взять с собой думлянку Нови, но совсем не по той причине, на которую указала Оратор Деларми. Причина – в особенностях ее сознания. Вы все видели, каково оно: чистое, простое, симметричное, неспособное лгать. Ни одно самое мельчайшее прикосновение к такому сознанию со стороны не останется незамеченным, Я

думаю, все с этим согласны.

Не знаю, додумались ли вы до того, Оратор Деларми, что эта женщина может сработать в качестве безотказного, совершенного средства сигнализации. Наблюдая за ней, я сумею без труда выявить всякое вмешательство постороннего менталитета гораздо быстрее, чем отслеживая таковое вмешательство с помощью собственного сознания. – Ответом ему были тишина и удивление. Он довольно проговорил: – А, так значит никто из вас не подметил этого! Ну да это неважно. А теперь я пойду. Времени терять нельзя.

– Погодите! – попыталась задержать его Деларми. Уже в третий раз за сегодняшний день инициатива ускользала из ее рук. – А что вы, собственно, собираетесь делать?

Гендибалль пожал плечами:

– К чему вдаваться в подробности? Чем меньше будет знать Стол, тем меньше вероятность вмешательства Анти-Мулов, не правда ли?

Сказал он это так, как будто больше всего на свете пекся о безопасности Ораторов. Он до краев наполнил этим чувством свое сознание и всем продемонстрировал как новую модель одежды.

Это обманет их. Польстит им. И потом – пусть остаются с этим ощущением, вместо того чтобы гадать, действительно ли Гендибалль знает, что делать.

38

Вечером этого дня Первый Оратор встретился с Гендибалем наедине.

– Вы поступили верно, – сказал Шендесс. – Не смог удержаться – нырнул в ваше сознание поглубже и все понял. Я видел – вы сочли мое объявление поспешным. Так оно и было. Просто мне нестерпимо хотелось стереть с ее лица наглую улыбку и дать ей сдачи в той же манере, в какой она обычно узурпирует мои права.

Гендибалль с мягким упреком проговорил:

– Лучше было бы, если бы вы сказали мне обо всем наедине, а потом дождались моего возвращения.

– Но тогда мне не удалось бы отомстить ей… Да, да, понимаю, мотивация неважнецкая для Первого Оратора. Все понимаю.

– Она не остановится, Первый Оратор. Она будет продолжать плести интриги и пытаться занять пост Первого Оратора и найдет для этого массу веских причин. Уверен, отыщутся такие, кто скажет, что мне следовало отказаться. Совсем нетрудно будет доказать, что Оратор Деларми умнее меня, что у нее самый могучий ум за Столом и что из нее вышел бы превосходный Первый Оратор.

– Самый могучий ум за Столом… – пробурчал Первый Оратор. – Увы, не за его пределами. Она неспособна распознать врагов – настоящих врагов, а не противников среди Ораторов. Ей вообще не стоило становиться Оратором… Послушайте, не должен ли я запретить вам брать с собой эту думлянку? Ведь это Деларми вас вынудила, я понимаю.

– Нет-нет, я на самом деле хочу взять ее с собой, и причина, которую я изложил Столу, самая что ни на есть истинная. Она станет моим прибором раннего оповещения, и я просто благодарен Оратору Деларми за то, что она натолкнула меня на эту мысль. Эта женщина окажет мне услугу, я уверен.

– Что ж, будь по-вашему. Кстати, я тоже не покривил душой. Я совершенно уверен в вашем возвращении с победой – если вы верите в мою интуицию.

– Верю, Первый Оратор, и согласен с вами. Обещаю: что бы ни случилось, я верну больше, чем получаю. Я вернусь Первым Оратором, как бы ни старались Анти-Мулы или Оратор Деларми.

Произнося эти слова, Гендибалль не мог не отследить собственной гордости и удовлетворения и не проанализировать их. Почему он так радовался, почему ему так хотелось поскорее отправиться в путешествие? Амбиций? Да, конечно. Почему бы и нет? Совершил же когда-то нечто подобное Прим Пальвер – так разве ему, Гендибалю, такое не по плечу? А когда все будет кончено, больше никто не сумеет помешать ему стать Первым Оратором. Ну еще, кроме амбиций, что? Азарт, желание поскорее сразиться с врагом? Обычное желание испытать

острые ощущения у человека, всю жизнь просидевшего в потайной цитадели? Он не понимал своих чувств до конца. Знал только одно – ему нестерпимо хотелось улететь как можно скорее...

Глава одиннадцатая Сейшелл

39

Джен Пелорат впервые в жизни был свидетелем удивительного зрелища: после того, что Тревайз назвал «микропрыжком», яркая точка на экране обзора превратилась в сияющий шар солнца. Четвертая обитаемая планета, цель их путешествия – Сейшелл – на протяжении четырех дней росла в размерах и становилась все ближе.

Компьютер составил карту планеты, и теперь она красовалась на портативном экране, умещавшемся на ладони у Пелората.

– Не спеши вникать в подробности, Джен, – посоветовал Тревайз. – Нам еще предстоит пообщаться со станцией приема на орбите, а это может оказаться трудновато.

– Наверняка – чистая формальность, – пробормотал Пелорат, недовольно оторвав взгляд от экрана.

– Да. Но все равно сложности могут возникнуть.

– Но ведь сейчас мирное время.

– Конечно. И нас обязательно пропустят, но непременно досмотрят. Во-первых, существует такая малость, как поддержание экологического равновесия. На каждой планете оно свое, собственное, и никто не хочет, чтобы оно нарушалось. И здесь тоже наверняка в таможенном досмотре есть пункт о проверке корабля на наличие нежелательных микроорганизмов и инфекции. Вполне резонная предосторожность.

– Я надеюсь, у нас ничего такого нет?

– Нет, конечно. И таможенники в этом убедятся. Но нельзя забывать о том, что Сейшелл не входит в Федерацию Академии, а это означает, что тут можно ждать некоторого снобизма – независимое государство, понимаешь?

Вскоре к «Далекой Звезде» пришвартовался маленький инспекционный катер, и в гости к путешественникам пожаловал официальный представитель сейшельской таможенной службы. Тревайз держался подтянуто, отвечал четко, односложно – пригодилась военная выучка.

Форма таможенника была на удивление яркой, в ней преобладал красный цвет. Физиономия его была гладко выбрита, но подбородок украшала небольшая, наподобие эспаньолки, бородка.

– Корабль «Далекая Звезда». С Терминуса, – сообщил ему Тревайз. – Вот корабельные сертификаты. Корабль не вооружен. Частное транспортное средство. Мой паспорт. Один пассажир. Его паспорт. Мы – туристы.

– Корабль Академии? – спросил таможенник, произнеся последнее слово как «Эйкейдемии». Из дипломатических соображений Тревайз не улыбнулся и не стал поправлять его произношение. Диалектов Галактического Стандарта было столько же, сколько планет в Галактике, и всякий был волен говорить на своем собственном. Пока люди понимали друг друга, любые различия ровным счетом ничего не значили.

– Да, сэр, – подтвердил он. – Корабль Академии. Мой личный.

– Очень хорошо. Ваш байгайж, будьте добры.

– Мое что, простите?

– Байгайж. Что вы везете?

– А-а-а... Груз? Вот перечень. Тут только личные вещи. На продажу у нас нет ничего. Мы просто туристы, как я уже сказал.

Таможенник с нескрываемым любопытством огляделся по сторонам.

– Довольно-таки сложный корабль для туристов...

– Сложный? Сущие пустяки по понятиям Академии, – отшутился Тревайз. – Я неплохо

зарабатываю – могу себе позволить.

– Хотите обогащить меня? – быстро взглянул на него таможенник и тут же отвел взгляд в сторону.

Мгновение ушло у Тревайза на то, чтобы понять значение слова, и еще одно – на то, чтобы понять, как быть.

– Нет, – покачал он головой. – Я вовсе не намереваюсь всучить вам взятку. У меня нет причин подкупать вас – вы не похожи на человека, которого можно подкупить, будь у меня даже такое намерение. Можете осмотреть корабль, если желаете.

– Нет необходимости, – ответил таможенник, пряча в карман портативный компьютер-блокнот. – На наличие контрабандной инфекции вы уже обследованы. Все в порядке. Вам выделен радиомаяк, следуйте на посадку в соответствии с направлением радиосигнала.

И удалился. Вся процедура заняла не более пятнадцати минут.

– Он мог испортить все дело? – вполголоса спросил Пелорат. – Он что, правда хотел взятку?

Тревайз пожал плечами:

– Подкуп таможенников – занятие столь же древнее, как сама Галактика. Повтори он попытку, я бы с радостью сделал это. А так – ну, в общем, мне показалось, что он предпочел лишний раз не рисковать с кораблем Академии и поступил мудро. Старуха-мэрша, да будет благословлено ее ослиное упрямство, сказала, что упоминание об Академии защитит нас повсюду, и не ошиблась. Проверка могла занять гораздо больше времени.

– Почему? Похоже, он выяснил все, что хотел.

– Да, но из предосторожности сначала просмотрел нас с помощью дистанционного сканнера. Пожелал бы, мог прочесать весь корабль с ручным инструментом – это могло продлиться не один час. Потом мог бы засунуть нас в орбитальный госпиталь и продержать там не один день.

– О! Дружочек, но это же....

– Да-да, не удивляйся. Думаю, он мог это сделать, но не стал. В общем, мы свободны, как ветер, и можем идти на посадку. Я бы, конечно, с большей радостью приземлился с помощью нашей гравитики – это заняло бы всего пятнадцать минут, но я не знаю, где у них космопорты, и боюсь наделать беды. Значит, придется ползти по радиолучу, значит, несколько часов мы по спирали будем скользить через атмосферу.

Пелорат нисколько не огорчился.

– Но это же замечательно, Голан. Спуск будет достаточно медленным для того, чтобы осмотреть поверхность планеты?

Он достал из кармана экранчик, где по-прежнему красовалось изображение планеты.

– Увидишь довольно скоро, – пообещал Тревайз. – Но для начала придется преодолеть облачный слой, и двигаться мы будем со скоростью несколько километров в секунду. То есть мы не будем опускаться, как воздушный шарик, но полюбоваться планетографией ты сумеешь.

– Прекрасно! Прекрасно!

Тревайз задумчиво проговорил:

– Я вот думаю... стоит ли переводить часы на местное время? Как знать, удастся ли нам пробыть на планете Сейшелл достаточно долго...

– Все зависит от того, чем мы тут займемся... то есть, так я думаю. А ты как думаешь, Голан, что мы будем делать?

– Наша задача – отыскать Гею, а сколько времени на это уйдет, не знаю.

Пелорат сказал:

– Тогда на местное время можно перевести наши наручные часы, а корабельные оставить как есть.

– Отличная мысль! – улыбнулся Тревайз.

Он смотрел на планету, все быстрее приближавшуюся к ним.

– Ну, хватит ждать, – решительно заявил Тревайз. – Настрою компьютер на радиолуч и перейду на гравитационный спуск, имитируя обычный полет. Так! Ну, полетели вниз, Джэн, и посмотрим, что нас там ожидает.

Тревайз не отрывал глаз от иллюминатора обзора. Корабль лег на курс приземления по тщательно выверенной гравитационной кривой.

Тревайз никогда не бывал в Сейшельском Союзе, но знал, что на протяжении последнего столетия особой дружбы между ним и Академией не отмечалось. Поэтому он был удивлен и немного обескуражен тем, что так быстро все уладилось с таможней. Да, это казалось непонятным...

40

Таможенника звали Йогорот Собхадарта, и почти половину своей жизни он провел на орбитальной станции.

Он не имел ничего против такого образа жизни – это давало ему возможность один месяц из трех жить в свое удовольствие: просматривать книги, слушать музыку, отдыхать от общества сварливой жены и озорного сынишки.

Правда, последние несколько лет таможенную службу возглавлял Сновидец, и это в значительной степени портило дело. Нет ничего более мерзопакостного, чем иметь своим начальником человека, который любые собственные действия оправдывает тем, что на это якобы получил указания во сне.

Для себя Собхадарта сразу решил, что ни капельки не верит в эту дребедень, но был тем не менее достаточно осторожен для того, чтобы не высказывать свои убеждения вслух, ведь подавляющее большинство народа в Сейшеле находилось во власти мистических предрассудков; и на того, кто выражал какие-либо сомнения по поводу нужности и искренности Сновидцев, тут смотрели искоса. Обнаружить материалистические взгляды означало остаться без пенсии под старость.

Собхадарта неизвестно зачем пригладил и без того безукоризненно гладкую бородку, довольно громко кашлянул и с заискивающей вежливостью вопросил:

– Это тот самый корабль, Начальник?

Начальник, имя которого было Намарат Годхисаватта, не отрывая взгляда от экрана компьютера, даже не взглянул на подчиненного.

– Какой корабль? – рассеянно спросил он.

– «Далекая Звезда». Корабль Академии. Тот, что я пропустил только что на посадку. Тот самый, голограммическую съемку которого во всех ракурсах мы произвели. Это он вам приснился?

Годхисаватта наконец удостоил Йогората взглядом. Начальник был невысокого роста, с темными, почти черными глазами, окруженными сеточками тонких морщинок, причиной которых была не склонность к смешливости.

– О чём ты спрашиваешь? – недовольно спросил он. Собхадарта распрямил спину, темные брови его сошлись на переносице.

– Они сказали, что они туристы, но никогда раньше я не видел такого корабля у туристов и считаю, что они – агенты Академии.

Годхисаватта сердито откинулся на спинку кресла.

– Послушай, друг мой, что-то я не припоминаю, чтобы я спрашивал твоего мнения по этому поводу.

– Но, Начальник, мой патриотический долг диктует мне необходимость не оставлять без внимания...

Годхисаватта скрестил руки на груди и одарил подчиненного столь выразительным взглядом, что тот, будучи гораздо выше и крупнее начальника, сразу стал ниже ростом, как-то весь съежился.

– Друг мой, – возгласил Годхисаватта, – чтобы у тебя не было неприятностей, ты обязан выполнять свою работу без лишних разговоров, иначе я позабочусь о том, чтобы ты остался без пенсии, когда выйдешь в отставку – и это произойдет, если я услышу от тебя хоть слово о том, что тебя не касается и не входит в твои обязанности.

– Да, сэр, – вполголоса пробормотал Собхадарта, и тут же с подозрительной степенью услужливости в голосе поинтересовался: – Позволено ли мне будет узнать, сэр, входит ли в мои

обязанности сообщить вам, что в пределах видимости наших экранов находится второй корабль?

— Будем считать, что я принял твое сообщение, — раздраженно буркнул Годхисаватта и повернулся к компьютеру.

— И он очень похож, — добавил Собхадарта еще более услужливо, — на тот, что я только что пропустил.

Годхисаватта слегка наклонился вперед и положил руки на колени.

— Второй?

Собхадарта мысленно злорадно улыбнулся. Этот малохольный продукт неравного брака, конечно же, не видел во сне двух кораблей. Всухом он сказал:

— Да, сэр, второй. А теперь я вернусь на свой пост, сэр, и буду ждать ваших распоряжений. И я очень надеюсь, сэр...

— Да?

— Я очень надеюсь, сэр, что мы пропустили не неправильный корабль.

41

«Далекая Звезда» быстро скользила над поверхностью планеты Сейшелл. Пелорат не отрывал от нее восхищенного взгляда. Облачный слой редел, здесь он вообще был менее плотным, чем над Терминусом. Судя по карте, площадь, занимаемая сушей, на Сейшелле была обширна, а окраска континентов на карте говорила о том, что крупные участки суши заняты пустынями.

Пока казалось, что планета мертвого и безжизненна — внизу раскинулись серые, мертвенные равнины, плоское однообразие которых лишь кое-где оживляли мелкие складки, вероятно, горы, ну и, конечно, океанские просторы.

— Да, скучновато... — разочарованно проговорил Пелорат.

— Что-то живое с такой высоты не разглядишь, — пояснил Тревайз. — Вот опустимся пониже, и увидишь зелень а складках поверхности. Но сначала увидишь, как красиво выглядит новая сторона — она вся будет покрыта мерцающими огоньками. Люди по всей Галактике с наступлением темноты освещают свои миры: никогда не слышал, чтобы где-либо это правило нарушалось. Другими словами, первые признаки жизни, которые ты увидишь, будут не только признаками наличия людей, но и признаками наличия техники.

— Да, но ведь люди по своей природе существа с дневным образом жизни. И мне кажется, что первоочередной задачей техники должно стать превращение ночи в день. На самом деле, мир, лишенный техники и вынужденный развивать ее, неизбежно сталкивается с проблемой освещения затемненной поверхности. А как ты думаешь, сколько времени уйдет на переход от всеобщей тьмы к всеобщему свету?

Тревайз рассмеялся:

— Странные у тебя мысли, однако! Наверное, это оттого, что ты мифолог. Не думаю, что когда-нибудь весь мир станет залит светом. Ночное освещение будет отражать картину плотности населения, и континенты будут покрыты точками и нитями огней. Даже Трентор в лучшие дни, представляя собой громадную неделимую структуру, никогда не был озарен светом со всех сторон.

На поверхности планеты, как и обещал Тревайз, вскоре стали видны зеленые участки. На последнем витке он указал Пелорату на то, что, по его мнению, было городами.

— Не слишком урбанизированный мир, — отметил Тревайз. — Я не бывал тут раньше, но судя по той информации, которую мне выдал компьютер, здесь изо всех сил цепляются за прошлое. Высокое развитие техники в глазах всей Галактики ассоциируется с Академией, и там, где Академию не слишком горячо любят, всегда существует тенденция возвеличивать прошлое — безусловно, это не касается развития техники военной. Уверяю тебя, в этом отношении Сейшелл вполне современен.

— Бог мой, Голан, но ведь у нас тут не будет неприятностей, правда? А вдруг... Ведь мы граждане Академии и находимся на вражеской территории...

— Это не вражеская территория, Джон. Не бойся, они будут с нами исключительно

вежливы. Просто Академия тут непопулярна, вот и все. Сейшелл не входит в Федерацию Академии. Они гордятся своей независимостью, не желают признавать, что гораздо слабее Академии, и позволяют себе роскошь не любить нас. Но независимыми они остаются, покуда мы позволяем им это.

— Все равно мне кажется, что тут нам будет не очень уютно, — уныло покачал головой Пелорат.

— Вовсе нет! — весело откликнулся Тревайз. — Зря грустишь, Джен. Я же говорю об официальном отношении сейшельского правительства к Академии. А простые люди на планете — они просто люди, и если мы не станем корчить из себя хозяев Галактики, то все будет хорошо и мы с любым поладим. Не затем же мы прибыли на Сейшелл, чтобы устанавливать тут владычество Академии. Мы просто туристы, и будем задавать сейшельцам такие вопросы, какие задал бы любой турист.

С юридической стороны, думаю, ничто не помешает нам задержаться тут на пару дней. Походим поглядим, что тут и как. Может быть, тут самобытная культура, интересная природа, приятная еда, ну и на худой конец — если ничего этого нет, может, тут хотя бы найдутся милые женщины. Денежки у нас есть, и мы вольны их потратить по своему усмотрению.

Пелорат смущенно нахмурился:

— Ой, дружочек...

— Да ладно тебе! — подбодрил его Тревайз. — Не такой уж ты дряхлый старик. Что, неужели женщины тебя совсем не интересуют?

— Я не хочу сказать, что не было времени, когда я... правильно играл эту роль, но, право, сейчас для этого не время. У нас важное дело. Мы хотим добраться до Геи. Я ничего не имею против того, чтобы приятно провести время, но... дружочек, если мы начнем чересчур сильно погружаться, потом будет трудно вырваться, так мне кажется.

Он покачал головой и дружелюбно добавил:

— Ты, наверное, боялся, что на Тренторе у меня будет слишком приятное времяпрепровождение, да? И что мне будет трудно вырваться оттуда? Конечно, ведь для меня Библиотека — все равно, что для тебя миловидная дамочка... или пять-шесть дамочек.

— Я не бабник, Джен, но и аскетом быть не собираюсь. Я вовсе не собираюсь отказываться от путешествия на Гею, но, если на моем пути встретится что-то симпатичное, не вижу причин, почему бы не отреагировать на такой подарок, как положено.

— Ну конечно, конечно, дружочек, но Гея должна быть на первом месте, правда?

— Безусловно. Вот о чем хочу предупредить тебя, Джен. Никому не говори, что мы из Академии. В принципе, это и так не секрет: кредитки у нас тамошнего образца, разговариваем мы с явным терминусским акцентом, но если мы не станем во всю глотку вопить, кто мы такие, сейшельцы могут сделать вид, что принимают нас за пришельцев неведомо откуда и будут с нами гораздо любезнее. Если же мы будем подчеркивать свое гражданство, они, вероятно, будут с нами вежливы, но ничего лишнего не скажут, ничего интересного не покажут, никуда не отведут, и мы останемся в полном одиночестве.

— Никогда не научусь понимать людей, — тяжело вздохнул Пелорат.

— Да ничего тут особенного нет! Нужно всего-навсего повнимательнее посмотреть на самого себя, и тогда любого другого поймешь без труда. Каждый человек особенный — не лучше и не хуже, и мы с тобой не исключение. Как бы мог Селдон разработать свой План — насколько изощрена была при этом его математика, мне безразлично, — если бы не понимал людей, и как бы ему это удалось, если бы людей понять было ужасно трудно? Покажи мне того, кто твердит, что не понимает людей, и я покажу тебе того, кто создал неверное представление о самом себе, — никого не хочу обидеть.

— Никто и не обиделся. Я готов признать, что мне не хватает опыта общения. Я всегда вел замкнутую жизнь, зациклился на самом себе, но... очень может быть, что и на самого себя я как следует тоже никогда не смотрел. Поэтому я доверяюсь тебе и верю, что, когда речь зайдет о тонкостях людской психологии, ты будешь моим проводником и советчиком.

— Идет. В таком случае, мой первый совет — любуйся пейзажем. Скоро мы приземлимся. Уверяю тебя, ты ничего не почувствуешь. Мы с компьютером обо всем позаботимся.

— Голан, ты только, дружочек, не обращай внимания на мое брюзжание, ладно? Если

правда тебе встретится молодая женщина, которая...

– Проехали. Дай-ка я зайдусь посадкой.

Пелорат повернулся к видовому иллюминатору и принял смотреть на мир, ожидающий их в конце пути по спирали. Для него этот мир был первой в жизни иноземной планетой. Настоящее приключение! Хотя кому, как не ему, было знать, что все миры в Галактике населены людьми, которые в них не родились.

«Все, кроме одного», – успел подумать он, прежде чем полностью отдаваться во власть ожидания новых впечатлений.

42

Сейшельский космопорт оказался, по понятиям Академии, небольшим, но оборудован был неплохо. Тревайз смотрел, как «Далекую Звезду» отвели на стоянку и закрепили. Им вручили сложно закодированный документ о приемке корабля. Пелорат испуганным шепотом спросил товарища:

– Мы что, так ее тут и оставим?

Тревайз кивнул и обнял Пелората за плечи, чтобы успокоить.

– Не беспокойся, – прошептал он Пелорату на ухо.

Они забрались во взятый напрокат автомобиль, Тревайз нажал кнопку, и на пульте управления тут же возникла миниатюрная карта города, высокие башни которого виднелись на горизонте.

– Сейшэлл-Сити, – сообщил Тревайз. – Столица Планеты. Город, планета, звезда – все тут называется одинаково.

– А я волнуюсь за корабль, – не унимался Пелорат.

– Волноваться совершенно незачем, – убежденно сказал Тревайз. – К вечеру вернемся, спать будем на корабле, если придется задержаться подольше. И потом, пойми: существует межзвездный кодекс космопортовой этики, который, насколько мне известно, даже в военное время ни разу не нарушился. Корабль, совершивший посадку, неприкосновенен. Не будь это так, никто не мог бы надеяться на свою безопасность, и тогда торговля между мирами стала бы невозможной. Всякий мир, где кодекс был бы нарушен, тут же получил бы бойкот от остальных миров, от всех пилотов в Галактике. Уверяю тебя, такому риску никто себя подвергать не станет. А кроме того...

– Кроме того?

– Ага, кроме того, я договорился с компьютером о том, что всякий, кто пожелает забраться в корабль и при этом не будет похож на одного из нас, будет убит на месте. Я не преминул рассказать об этом Команданту Порта. Говорил я с ним исключительно вежливо и сказал, что я бы всей душой мечтал отключить это устройство, поскольку безоговорочно верю в безупречную репутацию Космопорта Сейшэлл-Сити в плане безопасности и неприкословенности судов, но вот беда, сказал я ему, модель совсем новенькая, и я просто не в курсе, как это устройство отключается.

– Он, конечно, тебе не поверил.

– Конечно, нет! Но был вынужден сделать вид, что поверил, потому что в противном случае ему оставалось только оскорбиться. А оскорбиться – значит унизиться. Этого ему уж точно не хотелось, так что он притворился, будто поверил. Так-то!

– Еще один пример знания людской психологии?

– Ага. Ничего, скоро привыкнешь.

– А ты уверен, что в автомобиле нет «жучков»?

– Почему? Запросто могут быть. Поэтому, когда мне предложили один автомобиль, я тут же выбрал наугад другой. Если «жучки» есть во всех автомобилях, ну и что? Что такого ужасного мы друг другу сказали?

Вроде бы все объяснилось, но на лице Пелората все равно осталось выражение искреннего недовольства.

– Послушай, Голан, не знаю, как и сказать тебе... Наверное, невежливо жаловаться, но мне... мне не нравится, как тут пахнет. Тут плохо пахнет.

– Где? В машине?

– Ну, для начала – в космопорте. Может быть, конечно, в космопорте так и должно пахнуть, но только... этот запах и в машине сохранился. Можно открыть окна?

Тревайз рассмеялся:

– Наверное, если поискать, тут найдется соответствующая кнопка, но только, уверяю тебя, это не поможет. Да, планетка вонючая. Что, очень паршиво?

– Нет, не так чтобы очень... но заметно, и как-то обидно. Неужели весь этот мир так пахнет?

– Ох, я все время забываю, что ты никогда в других мирах не бывал. Понимаешь, всякий обитаемый мир имеет специфический запах. В основном это связано с местной растительностью, но думаю, люди и животные тоже вносят свою лепту. Насколько я знаю, мало кому поначалу нравится запах другой планеты, когда человек попадает туда впервые. Но ты привыкнешь, Джен. Пройдет пара часов – и думать забудешь, пожер.

– Нет, ты не хочешь сказать, что все миры так пахнут.

– Конечно. Каждый пахнет по-своему. Если бы люди обладали более тонким обонянием, таким, к примеру, как у анакреонских собак, мы бы сразу могли определить, в каком мире находимся, побывав там до этого хотя бы однажды. Знаешь, когда я только-только начал служить во флоте, всякий раз, попадая в новый мир, первые дни даже к еде не мог прикоснуться, а потом меня обучили древней уловке космолетчиков – до посадки несколько часов нюхать платок, пропахший ароматами мира, куда ты направляешься. К тому времени, когда нужно выйти на воздух, успеваешь свыкнуться с любым амбре. На самом деле, самое трудное – потом возвращаться домой.

– Почему?

– А ты думаешь, Терминус не пахнет?

– Неужели пахнет?

– Конечно. После привыкания к запаху любого другого мира ароматы Терминуса просто потрясают. В старые времена, когда после долгого полета корабль возвращался на Терминус, вся команда зычным хором возглашала: «Здравствуй, милая помойка!»

Пелорат был обескуражен не на шутку. Вот так новости!

Они все ближе подъезжали к городу. Их обгоняли другие автомобили, навстречу тоже мчались машины, время от времени в небесах над ними скользили катера, но Пелората занимало совсем другое. Он смотрел на деревья, растущие вдоль дороги.

– Странная растительность... – пробормотал он. – Как думаешь, тут есть эндемичные виды?

– Сомневаюсь, – рассеянно отозвался Тревайз. Он внимательно изучал карту города и пытался выжать необходимые сведения из автомобильного компьютера. – Эндемичная растительность, как любые формы жизни на планетах, населенных людьми, – вещь исключительно редкая. Колонисты всегда везут с собой собственную растительность, своих животных. Когда – сразу, когда – чуть попозже.

– И все равно, растения тут необычные.

– Нельзя же ожидать, что везде все должно быть одинаковое, Джен. Я как-то краем уха слышал, что в свое время наши Энциклопедисты издали атлас разновидностей растений, и он занял восемьдесят толстенных компьютерных дисков, тем не менее оказался неполным и устарел уже ко времени выхода атласа в свет.

Автомобиль мчался вперед, и вскоре его поглотил мир городских окраин. Пелорат слегка поежился.

– Не впечатляет меня здешняя архитектура.

– Каждому свое, – отозвался Тревайз тоном видавшего виды звездолетчика.

– А куда мы, кстати говоря, направляемся?

– Ну... в общем, я пытаюсь заставить компьютер довести эту колымагу до Туристического Центра. Очень надеюсь, что компьютер знает, как справиться с машиной при одностороннем движении. Я местных дорожных правил не знаю.

– А что мы будем там делать, Голан?

– Начнем с того, что мы туристы – самое естественное будет первым делом навестить

такое местечко, правда? Для того чтобы ни у кого не вызвать подозрений, вести себя надо естественно. Ну а куда бы ты первым делом отправился, чтобы разузнать о Гее?

— В Университет, пожалуй. Или в Антропологическое Общество. Или в Музей. Но уж никак не в Туристический Центр.

— Вот и ошибаешься. В Туристическом Центре мы изобразим из себя ученых зануд, которых интересуют исключительно университеты, музеи и тому подобное. Мы выберем что-нибудь, а уж там постараемся найти людей, которые помогут нам найти тех, с кем можно проконсультироваться по проблемам древней истории, галактографии, мифологии, антропологии и всякого другого — придумывай, что твоей душе угодно. Но все дороги начинаются с Туристического Центра.

Пелорат промолчал. Машина ползла как черепаха, пока наконец не влилась в оживленный поток транспорта. Путешественники выехали на боковую улицу, въехали в туннель, миновали какие-то непонятные дорожные знаки — по всей вероятности, они обозначали направление движения и еще какие-то подробности, но каллиграфия знаков делала их совершенно нечитабельными.

Похоже было, к счастью, что автомобиль таки знал дорогу, и вскоре припарковался у здания, на фасаде которого красовалась вывеска: «СЕЙШЕЛЬСКОЕ ИНОСТРАННОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО» э Буквы отличались такой же умопомрачительной каллиграфией, что и дорожные знаки. Ниже висела вывеска поменьше. На ней значилось: «СЕЙШЕЛЬСКИЙ ТУРИСТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР». На этой вывеске буквы были вычеркнуты нормально, в каллиграфии Галактического Стандарта.

Войдя внутрь, путешественники обнаружили, что тут не так просторно, как показалось снаружи. Народа в Центре было совсем немного.

В зале стояло несколько застекленных будок. Внутри одной из них восседал мужчина, пробегавший глазами выползший из принтера рулон бумаги с новостями. Еще одну занимали две женщины, казалось, они играют в какую-то странную игру с карточками и бланками. За конторкой, которая была чересчур внушительной для одного-единственного человека, озаренный бликами горящих лампочек компьютера, восседал унылого вида служащий, одетый в нечто, напоминавшее разноцветную шахматную доску.

Поглядев на него, Пелорат шепнул Тревайзу:

— А странно тут одеваются...

— Угу, — кивнул Тревайз, — Я заметил уже, Что тут скажешь? Мода переменчива. Расстояния, время... Кто знает, может лет этак пятьдесят назад все на Сейшелле разгуливали в трауре? Принимай как должное, Джен.

— Постараюсь, конечно. Только наша одежда мне больше нравится. Не так раздражает глаз, знаешь ли.

— Из-за того, что мы все рядимся в серое? Знаешь, а многих это раздражает. Ей-богу, я слышал, как про нас говорили: «Они наряжаются в пыльные тряпки». Кто знает, может, тут люди рядятся в кричащие тряпки из-за того, что хотят подчеркнуть свою независимость от Академии. А может, все проще; просто они так привыкли. Ну, Джен, пошли.

Они не успели подойти к конторке, как мужчина, который просматривал, сидя в будке, новости, вышел оттуда и пошел им навстречу, широко улыбаясь. В его одежде преобладали оттенки серого цвета.

Тревайз не сразу посмотрел на него, но первый же взгляд в сторону этого человека пригвоздил его к полу.

— Боже милостивый! — прошептал он. — Мой друг... предатель!

Глава двенадцатая Агент

Тревайз угрюмо уставился на протянутую ему руку и не подал своей бывшему товарищу. Он сказал, не глядя Компору в глаза и обращаясь неизвестно к кому:

— Не хотелось бы, чтобы меня арестовали за нарушение порядка на чужой планете, но, клянусь, я за себя не отвечаю, если этот человек приблизится ко мне еще на шаг.

Компор отдернул руку, растерялся, перевел взгляд на Пелората и робко спросил:

— Поговорить-то хоть можно? Объяснить? Ты выслушаешь меня?

Пелорат недоуменно посмотрел на них обоих по очереди.

— Вот чудеса, Голан! Мы прибыли в такой далекий мир и сразу встретили твоего знакомого?

Тревайз в упор смотрел на Компора, но чуть-чуть развернулся в сторону Пелората и ответил ему:

— Это человеческое существо, как можно судить по его внешним очертаниям, некогда было моим другом. Дома, на Терминусе. Как правило, я ничего не скрываю от друзей, и ему я доверял. Я высказывал ему свои суждения, которые, пожалуй, не всегда предназначались для посторонних ушей. А он сообщил о них властям в мельчайших подробностях, но не потрудился сообщить мне, что сделал это. По той же самой причине я чуть было не попал в беду и теперь нахожусь в ссылке. Теперь же это человеческое существо желает, чтобы я принял его за друга.

Тревайз, завершив диалог, полностью развернулся к Компору, пятерней откинулся назад волосы, но только сильнее растрепал их.

— Послушай, ты, у меня есть к тебе вопрос. Что ты тут делаешь? Почему из всех миров в Галактике, где бы ты мог оказаться, ты оказался именно здесь? И почему — сейчас?

Компор окончательно растерялся. Обычная самоуверенная улыбка стерлась с его миловидного лица, он сразу стал выглядеть моложе. Вид у него был ужасно удрученный.

— Объясню, — сказал он. — Но только с самого начала.

Тревайз быстро огляделся по сторонам.

— Что — здесь? Нет, правда, ты хочешь говорить об этом здесь? В общественном месте? Хочешь, чтобы я съездил тебе по физиономии здесь, когда вдоволь наслушаюсь твоего вранья?

Компор прижал руки к груди, как бы защищаясь.

— Уверяю тебя, это самое безопасное место.

И тут же, предупреждая реакцию Тревайза, поспешил добавил:

— Можешь не верить, конечно, дело твое. Я говорю правду. Я пробыл на этой планете на несколько часов дольше тебя и все проверил. В Сейшелле есть один особый день в году. День Медитации. Почти все сидят дома... или должны сидеть. Сам видишь, как тут пусто. Не думаешь же ты, что тут каждый день так.

Пелорат кивнул и вставил:

— Да-да, если на то пошло, я был очень удивлен, что тут так мало народу.

Он наклонился к уху Тревайза и прошептал:

— Почему не дать ему выговориться, Голан? Бедняжка, он совсем расстроился. Может быть, он искренне хочет оправдаться. Мне кажется, нечестно отказывать ему в такой возможности.

Тревайз усмехнулся:

— Похоже, доктор Пелорат горит желанием выслушать тебя. Я удовлетворю его просьбу, если ты, в свою очередь, удовлетворишь мою и будешь предельно краток. Видишь ли, у меня сегодня тоже особенный день, день, когда меня страшно легко разозлить. А если сегодня тут все медитируют, шум, который я подниму, может остаться незамеченным стражами порядка. Завтра мне, может, так уже не повезет. Зачем же я буду упускать такую восхитительную возможность?

Компор сдавленным голосом проговорил:

— Знаешь, если не шутишь, давай, я не против. Я и защищаться не стану. Бей, если тебе угодно. Но сначала выслушай меня!

— Валяй говори. Послушаю, пока терпения хватит.

— Во-первых, Голан...

— Будь добр, зови меня Тревайзом. Мы с тобой на брудершафт не пили.

— Во-первых, Тревайз, ты перестарался, убеждая меня в своих взглядах...

– Вот те раз! Перестарался? А мне казалось, что ты ими увлечен.

– Я старался казаться увлеченным, чтобы скрыть, как меня раздражают твои высказывания. Послушай, давай сядем вот тут, у стены? Народу мало, но все-таки вдруг кто-то войдет. Не стоит без нужды привлекать к себе внимание.

Троица медленно пересекла почти всю длину зала. На лице Компора блуждала натянутая улыбка, но из предосторожности он держался на расстоянии вытянутой руки от Тревайза.

Все уселись в кресла, слегка осевшие под грузом и немедленно принявшие очертания тела сидящих. Пелорат ужасно удивился и попытался встать.

– Не волнуйтесь, Профессор, – успокоил его Компор. – Я это уже пережил. Кое в чем они нас опережают. Это мир, где уважают силу маленьких удобств.

Развернувшись к Тревайзу, он положил руку на подлокотник кресла. Уверенности у него сразу поприбавилось.

– Так вот: ты встревожил меня. Ты заставил меня поверить, что Вторая Академия существует, и это меня крайне удручило. Представить только, что они есть на самом деле! Разве так уж невероятно, что тогда они держали бы тебя под присмотром? Что избавятся от тебя как от носителя угрозы? Веди я себя так, будто я с тобой заодно, они бы и меня убрали. Понимаешь?

– Я понимаю, что ты трус.

– А что толку корчить из себя героя триллеров? – широко раскрыв небесно-голубые глаза, спросил Компор и продолжил с воодушевлением: – Разве ты или я способны противостоять организации, способной управлять нашими умами и эмоциями? Единственный путь осознанной, результативной борьбы – скрыть для начала наши знания.

– Значит, ты скрыл их и остался невредим? Но от Мэра Бранно не скрыл, не удержался. Рискнул, хоть и трус?

– Да! Но я решил, что так надо. Разговоры между мной и тобой ни к чему бы не привели, разве что оба мы угодили бы под сеть ментального контроля или у нас обоих в памяти стерли бы всякие воспоминания. Но я подумал, что с другой стороны... рассказать Мэру... Ты знаешь, она была неплохо знакома с моим отцом. Мои родители эмигрировали из Смирны, а бабушка Мэра...

– Да-да, – нетерпеливо перебил его Тревайз. – Перечислив всех своих родственников до десятого колена, ты в конце концов доберешься до Сирианского Сектора. Эту байку ты плел всем с кем знаком. Закругляйся, Компор.

– Короче говоря, она бы меня выслушала. Если бы мне удалось убедить Мэра в наличии опасности при помощи твоих же аргументов, Федерация могла бы принять какие-то меры предосторожности. Мы не так беспомощны теперь, как во дни Мула. В худшем случае, опасные знания распространились бы немного, но сами мы не были бы тогда в такой опасности.

Тревайз сардонически усмехнулся:

– Поставить Академию под удар, а самим обезопаситься? Удивительное проявление патриотизма.

– Я же сказал – это в худшем случае. А я рассчитывал на лучшее.

Лоб Компора покрылся мелкими капельками пота. Казалось, он невыразимо страдает от несдвигаемой неприязни Тревайза.

– Но меня ты не удосужился оповестить о твоем хитром плане, если не ошибаюсь?

– Нет, и сожалею об этом, Тревайз. Мэр не велела мне этого делать. Она сказала, что хочет знать все, что знаешь ты, но сказала, что ты такой человек, который просто остолбенеет, если узнает, что кто-то передал его слова ей.

– О, как она была права!

– А я не знал, я даже не мог представить, что она додумается до такого – арестует тебя и отправит в ссылку.

– Она ждала удобного момента – времени, когда даже мой титул Советника не защитит меня. Этого ты не предвидел?

– А как я мог? Ты и сам не предвидел такого.

– Знал бы, что ей передали мои взглядения, предвидел бы.

С едва заметным оттенком дерзости Компор сказал:

— Ну да, это теперь. После драки кулаками не машут.

— Ну а теперь-то тебе чего надо? Чего ты от меня хочешь?

— Я хочу извиниться. Извиниться за все неприятности, которые я, сам того не желая – не желая, – причинил тебе.

— Ах! – покачал головой Тревайз. – Как это мило с твоей стороны! Но ты пока не ответил на самый первый мой вопрос: как ты оказался здесь, на той самой планете, где нахожусь я?

— Ответить нетрудно, – сказал Компор. – Я следил за тобой!

— Через гиперпространство? При том, что мой корабль совершил целую серию Прыжков?

— Никаких чудес, – покачал головой Компор. – У меня точно такой же корабль и точно такой же компьютер. Ты же знаешь, я всегда был мастером в этих фокусах – отлично угадывал, где именно вынырнет корабль после Прыжка. Обычно одна догадливость мало что дает, и два раза из трех я всегда промахивался, но с компьютером все гораздо лучше получается. А перед серией Прыжков ты слегка растерялся, призадумался, что дало мне возможность определить направление и скорость, с которыми ты шел до входа в гиперпространство. Полученные данные вкупе со своими интуитивными экстраполяциями я ввел в компьютер, а он проделал все остальное.

— И действительно попал в город раньше меня?

— Ты не пользовался гравитикой, а я – да. Я подумал; ты наверняка отправишься в столицу, поэтому сразу пошел на посадку, пока ты... (Компор вычертил пальцем в воздухе нечто, напоминавшее путь корабля по спиральной орбите).

— И не побоялся схлестнуться с сейшельскими таможенниками?

— Ну... – очаровательно улыбнулся Компор. – Я не всегда и не во всем трус, как видишь.

Тревайз сдержался.

— А как тебе удалось заполучить такой же корабль, как у меня?

— Точно таким же образом, как ты заполучил свой. Мне его выделила старуха Мэр.

— Почему?

— Я совершенно откровенен с тобой. Я получил задание за тобой следить. Мэр хотела знать, куда ты направишься и что собираешься делать.

— И ты все честно докладывал ей? Или Мэра ты тоже предал?

— Нет, я ей ничего не докладывал. Но выбора у меня не было. Она распорядилась установить на моем корабле гиперреле. Она, видимо, предполагала, что я его не найду, но я его нашел.

— Ну?

— Увы, оно закреплено таким образом, что я не сумел отсоединить его, не повредив при этом корабль. Следовательно, она знает, где я, и знает, где ты.

— Ну а если допустить, что у нее не было бы возможности следить за мной? Тогда бы она не узнала, где я, – это тебе в голову не пришло?

— Пришло, конечно. У меня была мысль сообщить ей, будто я потерял твой след, но она не поверила бы мне, правда? Тогда я не смог бы вернуться на Терминус бог знает сколько времени. А на Терминусе у меня жена, и я хочу к ней возвратиться. Ты можешь позволить себе такую роскошь – думать только о себе. Я – нет. И потом, я прилетел сюда, чтобы предостеречь тебя. Селдоном клянусь, я хочу, чтобы ты выслушал меня, а ты говоришь о другом.

— Не впечатляет меня твоя трогательная забота. От чего ты хочешь предостеречь меня? Я глубоко убежден: единственное, от чего мне надо беречься, – это ты. Ты предал меня, теперь следишь за мной, чтобы предать еще раз. Никто, кроме тебя, мне никакого вреда не делает.

— Не надо, Тревайз. Перестань. Ты – громоотвод, как ты не понимаешь? Ты был послан, чтобы спровоцировать реакцию со стороны Второй Академии, если такая вещь, как Вторая Академия, существует. Моей интуиции хватает не только на преследование в гиперпространстве, и я уверен – это именно то, чего она хочет. Если ты будешь искать Вторую Академию, они узнают об этом и попытаются от тебя избавиться. Сделав это, они наверняка себя обнаружат. И тогда Мэр Бранно нападет на них.

— Как жаль, что твоя знаменитая интуиция молчала в тряпочку, когда Мэр Бранно задумала меня арестовать.

— Ну, знаешь, – покраснел Компор, – не всегда же она срабатывает...

– Теперь, однако, она тебе подсказывает, что Бранно собирается напасть на Вторую Академию? Она не осмелится.

– Думаю, осмелится. Но дело-то не в этом. Дело в том, что тебя бросили как приманку.

– Вот как?

– Да, вот так, клянусь всеми черными дырами, и не ищи Вторую Академию. Ей-то на тебя плевать, ей не будет жалко, что ты погибнешь, но мне не все равно. Я чувствую себя виноватым, что все так вышло, и мне не все равно.

– Я тронут, – холодно сказал Тревайз. – Но видишь ли, в данный момент у меня другие интересы.

– Другие?

– Пелорат и я заняты поисками Земли – планеты, которую некоторые считают прародиной человечества. Так, Джэн?

Пелорат кивнул:

– Да, это чисто научное предприятие – предмет моих давних изысканий.

Компор на мгновение опешил.

– Ищете Землю? Но зачем?

– Чтобы исследовать ее, – ответил Пелорат. – Исследовать единственный мир, на котором развились люди – из низших форм жизни, по всей вероятности, а не прибыли туда, как во все остальные миры… Это будет потрясающее по своей уникальности исследование.

– Помимо того, – сообщил Тревайз, – не исключено, что в этом мире я сумею больше узнать о Второй Академии. Но это только вероятно.

Компор нахмурился:

– Но никакой Земли нет. Разве вы этого не знаете?

– Нет Земли? – Пелорат приготовился идти в атаку. – Вы хотите сказать, что нет планеты, откуда пошел род человеческий?

– О нет, конечно, когда-то Земля существовала. В этом нет сомнений. Но теперь никакой Земли нет. Нет населенной Земли. Она погибла!

Пелорат упрямо продолжал:

– Да, существуют такие предания…

– Погоди-ка, Джэн, – прервал его Тревайз. – Откуда это тебе известно, Компор?

– Как это – откуда? Это моя родословная. Я же веду свой род из Сирианского Сектора, если мне будет позволено еще раз упомянуть о своем происхождении, не задев тебя. Там все знают о Земле. Она находится в этом секторе, а это означает, что она не является субъектом Федерации Академии, и ею на Терминусе, естественно, никто не интересуется. Но, как бы то ни было, Земля находится именно там.

– Да, именно таково одно из предположений, – согласился Пелорат. – Этому вопросу в свое время было придано большое внимание, так называемой «Сирианской Альтернативе» – так это называлось во времена Империи.

– Это не альтернатива, – упрямо мотнул головой Компор. – Это факт.

Пелорат оседлал любимого конька.

– А что вы мне ответите, если я скажу, что мне известна масса мест в Галактике, которые обитающими в тех краях людьми называются или назывались «Землей»?

– Но это реальность, – возразил Компор. – Сирианский Сектор – самая древняя из обитаемых частей Галактики. Это известно всем.

– Да, сирианцы в этом клянутся, – без колебаний, убежденно и несколько насмешливо сказал Пелорат.

Компор был обижен и задет не на шутку.

– Да нет же, говорю вам…

Тревайз требовательно проговорил:

– Скажи нам, что случилось с Землей. Ты говоришь, она больше не населена. Почему?

– Радиоактивность. Вся поверхность планеты жутко радиоактивна. Ядерная реакция вышла из-под контроля или были ядерные взрывы – точно не знаю, но только жизнь там невозможна.

Все трое некоторое время молча смотрели друг на друга. Компор решил, что для вящей

убедительности нужно повторить еще раз.

– Говорю вам: Земли не существует. И искать ее бесполезно.

44

Нельзя было сказать, что выражение лица Джена Пелората сильно переменилось. Ни страсть, ни гнев не отразились на нем. Только глаза сощурились немного, но этого хватило, чтобы обычно бесстрастная его физиономия обрела черты решимости. Он был задет за живое.

Без тени привычной робости он спросил:

– Позвольте узнать, откуда у вас такие сведения?

– Я уже сказал, – ответил Компор. – Это связано с моей родословной.

– Не надо шутить, молодой человек. Вы Советник, а это означает, что родиться вы были должны в одном из миров, входящих в Федерацию Академии. Если не запамятали, вы упомянули Смирну?

– Это верно.

– О какой же родословной вы толкуете? Не хотите же вы сказать, что сведения о Земле передались вам с сирианскими генами?

– Нет, я этого сказать не хочу, – обескураженно пробормотал Компор.

– Что же вы, в таком случае, хотите сказать?

По-видимому, Компор собирался с мыслями и ответил не сразу.

– Дело в том, что в моей семье есть книги по древней сирианской истории. Не генетическая наследственность, конечно, – историческое наследие. На людях мы об этом говорить не любим – такое не в интересах решивших посвятить себя политической карьере. У Тревайза на этот счет другое мнение, но, поверьте мне, о своем истинном происхождении я упоминаю только в самом узком кругу.

В голосе Компора появился оттенок горечи и обиды.

– Теоретически все граждане Академии равны, но те, что родились в мирах, давно входящих в Федерацию, гораздо более равны, чем те, что родились в мирах, присоединившихся к ней в более позднее время. И уж менее всего к разряду равных относятся те, кому довелось появиться на свет за пределами Федерации. Ну да ладно. Дело в том, что я не только книги читал. Однажды мне довелось побывать в древних мирах... Эй, Тревайз, ты куда?

Тревайз в это время уже подходил к треугольному окну в противоположной стене зала. Оно было устроено так, чтобы лучше видеть небо и весь город в уменьшенном виде. Тревайз внимательно посмотрел вниз и вскоре вернулся на свое место.

– Забавный дизайн окна, – отметил он, усаживаясь в кресло. – Ты звал меня, Советник?

– Да. Помнишь, после окончания колледжа я отправился в путешествие?

– Сразу после выпуска? Как же, отлично помню. Мы тогда были друзья – водой не разлить. «Дружба до гроба», «Академия навсегда», «Вдвоем – хоть против всего мира». Ты отчалил в свое путешествие. Я, сгорая от патриотических порывов, поступил во Флот. Почему-то мне не захотелось полететь с тобой. Какое-то инстинктивное было нежелание. Жаль, что этот инстинкт не сохранился подольше.

Компор не ответил на вызов.

– Я побывал в Компореллоне, – сообщил он. – Семейная традиция гласила, что мои предки оттуда родом, по крайней мере, с отцовской стороны. В древности мы принадлежали к правящей фамилии – давно, когда Академия еще не поглотила наш мир. Собственно, и фамилия моя происходит от названия этого мира, так принято считать у нас в семье. У звезды, вокруг которой обращается Компореллон, – древнее, поэтически звучащее имя – Эпсилон Эридана.

– Что оно означает? – поинтересовался Пелорат.

Компор покачал головой:

– Не знаю, имеет ли название какое-то значение. Просто традиция. Там до сих пор живут, уделяя страшно много внимания традициям. Это очень древний мир. И у живущих там есть длинные, подробные описания Земли, ее истории, правда, говорить об этом там не слишком любят. У них какие-то предрассудки на этот счет. Всякий раз, собираясь заговорить о Земле и просто произнести это слово, они воздевают руки к небесам и скрещивают указательный и

средний пальцы, чтобы избежать несчастья.

– Вы рассказали кому-нибудь об этом, когда вернулись?

– Ну что вы, конечно, нет. Кого бы это заинтересовало? Рассказывать кому-то местные байки? Вот уж спасибо! Я мечтал о политической карьере, и последнее, чего мне хотелось, так это подчеркивать, откуда я родом.

– Как насчет спутника? Можете описать спутник Земли? – неожиданно резко спросил Пелорат.

Компор удивленно приподнял брови.

– Спутник? Я об этом ничего не знаю.

– Есть у нее спутник или нет?

– Не припомню, чтобы я читал или слышал о таком. Но думаю, если вы заглянете в компореллонские книги, то сможете это выяснить.

– Но вам ничего не известно?

– Насчет спутника? Нет, не припоминаю.

– Хм-хм... А как вышло, что Земля стала радиоактивной? – Компор молча покачал головой. – Подумайте, может быть, припомните хоть что-нибудь.

– Это было семь лет назад, Профессор. Я же не знал, что настанет день и вы спросите меня об этом. Была, правда, одна легенда, то есть там считали, что это подлинная история...

– Что за легенда?

– Что-то вроде того, что Земля была радиоактивна, подвергнута острокизму и обманута Империей, население ее пришло к упадку, и она каким-то образом собиралась разрушить Империю – что-то в таком роде.

– Один умирающий мир грозил всей Империи? – скептически спросил Тревайз.

– Но я же сказал – это легенда. И потом, я подробностей не помню. Вроде бы там упоминался Бел Арвардан.

– Кто он был такой? – потребовал Тревайз.

– Реально существовавший человек. Это я выяснял как раз. Помешанный на истории Галактики археолог в первые века Империи. Он утверждал, что Земля находится в Сирианском Секторе.

– Мне знакомо это имя, – кивнул Пелорат.

– Он – народный герой Компореллона. Послушайте, если вы действительно интересуетесь подобными вещами, почему бы вам не отправиться в Компореллон? Тут торчать нет никакого смысла.

Пелорат спросил:

– Но все-таки, что там говорилось – каким образом Земля угрожала Империи?

– Не знаю. Не помню, – несколько раздраженно ответил Компор.

– Сама радиация имела к этому какое-то отношение?

– Не знаю. В некоторых преданиях упоминался еще какой-то властелин умов, родившийся якобы на Земле – «Синапсифайер» или что-то в этом роде.

– Создавал сверхразум? – спросил Пелорат тоном глубокого недоверия.

– Кто знает? Помню только, что вроде бы затея эта не удалась. Люди становились очень умными и рано умирали.

Тревайз сказал:

– Это, вероятно, моралите – сказочка с моралью. Лучшее – враг хорошего.

Пелорат сердито повернулся к Тревайзу.

– Ты много знаешь о нравоучительных историях?

Тревайз удивленно вздернул брови.

– У нас разные интересы, Джэн, но это не означает, что я безграмотен.

– Что еще вам известно о том, кого вы назвали Синапсифайером, Советник Компор? – обратился к Компору Пелорат.

– Ничего, и у меня нет намерений долее подвергаться перекрестному допросу. Послушай, Тревайз, я следил за тобой по приказу Мэра. У меня не было распоряжений входить с тобой в личный контакт. Сделал я это только для того, чтобы предупредить, что за тобой слежка, и чтобы сказать тебе: ты послан для того, чтобы выполнить цель Мэра, какова бы она ни была.

Больше я ничего обсуждать с тобой не собирался, просто оба вы меня нескованно удивили разговором о Земле. Но я повторю: что бы и когда бы ни существовало, теперь все в прошлом – Бел Арвардан, Синапсифайер... Повторяю: Земля – мертвый мир. Настойчиво рекомендую вам отправиться в Компореллон, если уж это все вас так сильно интересует. А отсюда вам лучше улететь.

– Ага, и ты самым добросовестным образом доложишь Мэру, что мы отправились в Компореллон, а потом отправишься туда за нами, чтобы лично в этом убедиться. А, может быть, Мэр уже знает? Может быть, она с тобой старательно все отрепетировала, и вы по десять раз хором повторили каждое слово из тех, что ты тут наговорил? Может быть, ей как раз очень нужно, чтобы мы полетели именно в Компореллон? Что скажешь, а?

Компор сильно побледнел. Он встал и, с трудом подбирая слова, проговорил:

– Я пытался объяснить. Хотел помочь. Видимо, не стоило. Можешь катиться ко всем чертям, Тревайз.

Резко развернувшись на каблуках, он быстро, не оглядываясь, ушел.

Пелорат несколько смущился.

– Голан, дружочек, ты, пожалуй, был с ним не слишком тактичен. А мне кажется, я бы сумел еще кое-что у него выспросить.

– Нет. Не сумел бы, – печально отозвался Голан. – Ничегошеньки ты бы от него не узнал, кроме того, что он сам был готов рассказать. Джен, ты не знаешь, что это за человек. И я сам до сегодняшнего дня не знал, кто он такой.

45

Тревайз замолчал надолго. Он сидел в кресле не шевелясь, погрузившись в раздумья. Пелорат долго не решался побеспокоить его.

Наконец Пелорат собрался с духом и спросил:

– Мы так и будем всю ночь тут сидеть, Голан?

Тревайз отсутствующим взглядом посмотрел на спутника.

– Что? А, ты прав, пойдем отсюда. Лучше пойдем куда-нибудь, где есть народ. Пошли!

Пелорат встал.

– Вряд ли – это я насчет народа. Компор сказал, что сегодня у них тут День Медитации.

– Он так сказал? Ну-ну. Скажи, на дороге было движение, когда мы ехали сюда?

– Да, пожалуй, было кое-какое.

– Вот именно. А когда в город въехали, разве на улицах было пусто?

– Не очень... Но все-таки тут почти никого нет, это ты должен признать.

– Вот-вот. Это не давало мне покоя. Ну пошли, Джен, а то я голоден как волк. Надо разыскать приличное заведение, чтобы вкусно поесть. Можем себе позволить даже некоторые излишества в виде какого-нибудь экзотического сейшельского блюда. Ну а если оно вызовет у нас слишком сильное нервное напряжение, слопаем чего-нибудь стандартного галактического. Ну, вперед, а когда мы будем в надежном окружении людей, я тебе расскажу, что же на самом деле случилось – как мне кажется.

46

Тревайз прислонился к спинке стула. На лице его было написано удовольствие. Он действительно наслаждался новыми впечатлениями. Ресторанчик, по меркам Терминуса, оказался совсем недорогим, но удивительно уютным. Ну, например, обогревался он частично открытым огнем, на котором прямо на глазах посетителей готовили пищу. Мясо подавали обжаренным кусочками, приправленными разнообразными пикантными соусами. А брать кусочки полагалось руками; дабы не обжечь пальцы, нужно было заворачивать мясо в мягкие, нежные зеленые листья – на ощупь листья были холодные, влажные, с тонким мятым ароматом. В общем, завернул мясо в листик – и в рот. Официант во всех деталях, на словах и жестами, объяснил нашим путешественникам, как это проделывать. Вероятно, ему частенько доводилось иметь дело с иностранцами, поэтому он только отечески улыбался, наблюдая, как

Пелорат и Тревайз тоскливо поглядывают на куски мяса, от которых валил густой пар, и выказал искреннюю радость, когда на лицах обоих посетителей отразилось понимание и удовлетворение – мясо, обернутое листьями, не обжигало.

– Восхитительно! – сказал Тревайз. – Я заказал вторую порцию.

Пелорат последовал его примеру.

Когда был подан похожий на губку, чуть сладковатый десерт и кофе с едва заметным привкусом карамели, они с сомнением покачали головой и добавили в кофе сиропа. Тут уж официант с сомнением покачал головой.

– А что же все-таки произошло в Туристическом Центре? – спросил Пелорат.

– Ты про Компора?

– Не знаю. Просто ты обещал объяснить.

Тревайз осмотрелся. Столик, за которым они сидели, стоял в нише, и в каком-то смысле они были отделены от других посетителей, которых, надо сказать, в ресторане было немало. Общий звук голосов давал прекрасную возможность говорить о чем угодно.

Тревайз вполголоса задал вопрос:

– Не странно ли, что он тащился за нами до Сейшелла?

– Он сказал, что ему помогли его интуитивные способности.

– Что правда, то правда – он действительно в колледже был чемпионом по гиперпространственному преследованию. В его способностях я до сегодняшнего дня не сомневался. Вполне можно допустить, что один человек, обладая определенным мастерством и опытом, зная кое-какие исходные параметры, может определить, как и куда прыгнет другой и где после Прыжка окажется. Но я не могу понять, как можно вычислить, где окажется преследуемый после серии Прыжков. Готовишься ведь только к первому, а все остальные выполняет компьютер. Следящий может оценить и определить траекторию лишь первого Прыжка, но как он может понять, что в это время творится внутри компьютера?

– Но он сделал это, Голан.

– Сделал, вот именно. И добиться этого он мог единственным способом – он заранее знал, куда мы направляемся. Знал, а не вычислил.

Пелорат подумал и сказал:

– Невозможно. Совершенно невозможно, мой мальчик. Откуда ему было знать? Мы сами не знали, куда полетим, пока не взошли на борт «Далекой Звезды».

– То-то и оно. Ну а как тебе нравится этот День Медитации?

– Компор не солгал нам. Я спросил у официанта, и тот сказал, что сегодня действительно такой день. Ты же сам слышал.

– Да, он так сказал, но не сказал же он, что ресторан закрыт? На самом деле, он сказал примерно вот что: «Сейшелл-Сити не вымирает. Да, люди на планете медитируют, но только не в большом городе, где все просвещенные, неотсталые. Это в маленьких городках так. В общем, городской транспорт работает, и на улицах людно – ну, может, не так, как в обычные дни». Вот так он сказал.

– Но, Голан, в Туристический Центр никто не пришел, пока мы там были. Я же видел – никто.

– Я это тоже заметил. Во время беседы с Компором, если помнишь, я встал и подошел к окну, и увидел, что на прилегающих к Центру улицах полно народу и автомобилей, и все-таки ни одна душа в Центр не заглянула. День Медитации – замечательное прикрытие. Мне бы и в голову не пришло подвергать сомнению столь счастливую случайность, позволившую нам побеседовать наедине, если бы я заранее не настроился не верить ни одному слову этого сынка двоих чужеземцев.

– Что же тогда все это значит? – недоумевающе спросил Пелорат.

– Я думаю, Джен, все предельно просто. Что мы имеем? Мы имеем человека, который знает, куда мы отправимся, стоит нам только подумать об этом; человека, способного превратить бойкое общественное место в необитаемое для того; чтобы переговорить с кем-то с глазу на глаз.

– Ты хочешь убедить меня в том, что он способен творить чудеса?

Конечно. Ничего нет удивительного, если Компор – агент Второй Академии и способен

управлять сознанием кого угодно, если он способен прочесть мои и твои мысли, находясь в корабле, далеко отстоящем от нашего, если может без труда прошмыгнуть мимо таможенников, если может совершить посадку с помощью гравитационного двигателя, и при этом пограничная служба даже не отваживается предложить ему направляющий радиолуч, если он может настроить сознание людей таким образом, что они не войдут туда, куда хотели бы войти, если ему в этом месте вздумалось с кем-то переговорить с глазу на глаз... Могу повторить все в обратном порядке, — все более печально продолжал Тревайз, — от этого, клянусь, ничего не изменится. Я действительно не летал с ним тогда, после колледжа. Помню, что не захотел. Но не под его ли влиянием не захотел? Наверное, он должен был лететь один. Но куда он летал на самом деле, вот вопрос.

Пелорат отодвинул в сторону стоявшие перед ним тарелки, будто чистое пространство нужно было ему, чтобы лучше сосредоточиться. Оказалось, что только этого и ждал самодвижущийся столик — он тут же подкатился к их столу и подождал, пока на него составят использованную посуду, после чего бесшумно откатился.

— Но это безумие! — прошептал Пелорат. — На самом деле, ничего не случилось такого, что не могло бы произойти естественным путем. Это всегда так. Стоит только в голову прокрасться мысли о том, что кто-то управляет естественным ходом событий, как начинаешь все этим объяснять и никогда не обретешь настоящей уверенности. Послушай, дружочек, это все условно и зависит от интерпретации. Не поддавайся паранойе.

— Поддаваться благодушию я тоже не собираюсь.

— Ну давай посмотрим на все логически. Допустим, он — агент Второй Академии. Зачем ему понадобилось рисковать и вызывать у нас подозрения, опустошая Туристический Центр? Что он такого сказал важного, чтобы этого не могли услышать посторонние, которые все равно были бы заняты своими делами?

— На это ответить легко, Джэн. Ему нужно было держать наши с тобой сознания под пристальным наблюдением, вблизи, и он не хотел, чтобы сознания других людей ему помешали.

— Это опять-таки всего лишь твоя интерпретация. Мне кажется, ничего такого особенного он нам не сказал. И вполне логично допустить, что цель разговора была именно такова, как он сказал: объяснить случившееся, извиниться за это и предупредить о грозящей нам опасности. Зачем залезать в дебри?

На дальнем краю стола загорелась щелочка приема кредитных карточек. Тревайз порылся в сумке и вытащил кредитную карточку, выданную в Академии, — она годилась для расчетов по всей Галактике — и опустил ее в щель. Расчет занял несколько мгновений, но Тревайз с врожденной предосторожностью проверил, какая сумма осталась за вычетом причитавшейся за еду, и только тогда убрал карточку в сумку.

Более пристально оглядев теперь уже немногочисленных посетителей ресторана, он переспросил полушепотом:

— Зачем лезть в дебри? Зачем? Это не все, о чем он говорил, Джэн. Еще он говорил о Земле. Он утверждал, что она погибла, и самым настоятельным образом советовал нам не искать ее, а лететь в Компореллон. Полетим?

— Я как раз об этом и думал, Голан, — признался Пелорат.

— Что, готов лететь туда?

— Ну, сюда мы можем вернуться после того, как обследуем Сирианский Сектор.

— Ну-ну. А тебе не кажется, что вся цель встречи с нами как раз и состояла в том, чтобы увести нас подальше от Сейшелла? Выкинуть куда угодно, лишь бы только нас тут не было?

— Но зачем?

— Не знаю. Послушай: они ожидали, что мы отправимся на Трентор. Ты этого хотел безумно, и очень может быть, что именно на это они и рассчитывали. Отправившись на Сейшелл, я спутал их карты. Возможно, этого они как раз хотели меньше всего, и теперь им остается одно — попытаться отправить нас отсюда куда подальше.

Пелорат был просто убит.

— Но, Голан, зачем им это? Ты только делаешь заявления и ничего не объясняешь. Чем мы им можем помешать на Сейшелле?

– Не знаю, Джен, но мне вполне достаточно того, что они нас тут не хотят. Именно поэтому я остаюсь здесь. И улетать не собираюсь.

– Но... Но... Послушай, Голан, если бы Вторая Академия хотела, чтобы мы улетели отсюда, разве они не могли бы просто настроить наше сознание таким образом, чтобы мы сами захотели улететь?

– Ну, раз уж ты сам об этом заговорил... разве кое-что в этом смысле им не удалось провернуть? – Тревайз прищурился и в упор посмотрел на Пелората. – Ну говори: разве ты не хочешь улететь?

Пелорат ответил Тревайзу удивленным взглядом:

– Но... в общем, мне кажется, что это как бы не лишено определенного смысла...

– Естественно, кажется, раз на тебя определенным образом повлияли.

– Но я не...

– Естественно, ты будешь с пеной у рта клясться, что ничего не было, раз это было.

Пелорат пожал плечами:

– Знаешь, когда ты так говоришь, нет смысла доказывать обратное. И что ты собираешься делать?

– Останусь на Сейшельсе. И ты тоже. Без меня тебе с кораблем не управиться, поэтому если Компору и удалось тебя обработать, не того он, голубчик, обработал, кого надо.

– Очень хорошо, Голан. Давай останемся здесь, пока у нас не возникнет независимых причин улететь. Самое худшее для нас, так мне, по крайней мере, кажется, это потерять друг друга. Послушай, дружочек, если бы меня, как ты выразился, «обработали», разве я смог бы сейчас сидеть тут с тобой и говорить так, как говорю?

Тревайз лишь на мгновение задумался и порывисто протянул руку товарищу улыбаясь:

– О'кей, Джен. А теперь пошли на корабль. Завтра стартуем. Если получится.

47

Самого момента, когда его завербовали, Мунн Ли Компор не помнил. Во-первых, он тогда был совсем ребенок, а во-вторых, агенты Второй Академии старались не оставлять следов.

Компор был Наблюдателем – должность для Второй Академии очень важная.

Это означало, что Компор был обучен основным принципам менталики и мог на определенном уровне общаться с сотрудниками Второй Академии на их языке, стоя, однако, на самой низкой ступени иерархической лестницы. Он умел «читать» сознания, но манипулировать ими не мог. Этому его не обучали. Его обязанностью было наблюдение, а не какая-либо активная деятельность.

В лучшем случае его должность тянула на второй класс, но против этого он нисколько не возражал. Его устраивала собственная роль в схеме событий.

В первые века своего существования Вторая Академия переоценивала свои возможности. Тогда полагали, что горстка ее сотрудников способна без особого труда справиться со всей Галактикой, что сохранение Плана Селдона потребует лишь случайных по большинству прикосновений в отдельных местах.

Мул излечил Вторую Академию от этих заблуждений. Он поймал ее (и Первую тоже, хотя это было и не так важно) врасплох, и обе Академии оказались совершенно беспомощными. Пять лет миновало, прежде чем была найдена возможность организовать контратаку, да и удалась она лишь ценой жизни некоторых сотрудников.

Полное выздоровление наступило только при Приме Пальвере. Нелегко дались ему принятые им меры. Он решил, что действия Второй Академии должны осуществляться целенаправленно и безгранично широко, но при этом опасность ее нечаянного обнаружения должна быть снижена до минимума. С этой целью он учредил институт Наблюдателей.

Компор не знал, сколько всего Наблюдателей в Галактике, не знал, и сколько их на Терминусе. И не должен был знать. В идеале никакие два Наблюдателя не должны были знать друг друга, чтобы гибель одного из них не повлекла за собой гибели второго. Все связи осуществлялись через высший эшелон на Тренторе.

Конечно, по-человечески Компор не был лишен амбиций и мечтал когда-нибудь побывать

на Тренторе. Он знал, что это маловероятно, но знал также, что в редких, исключительно редких случаях Наблюдателей вызывают на Трентор и повышают в должности. Но случаев таких было очень мало. Качества, которыми было положено обладать хорошему Наблюдателю, совсем не те, что были нужны для работы за Столом.

Ну, например – существовал Гендибалль, и был он на целых четыре года моложе Компора. Скорее всего, завербован он был в столь же неясном возрасте, что и Компор, но он сразу был взят на Трентор, и теперь он был Оратором. Компор отлично понимал почему. В последнее время он довольно часто контактировал с этим молодым человеком и имел возможность ощутить силу его сознания. В схватке с ним Компор бы и секунды не продержался.

На самом деле, о том, что положение его не слишком высоко, Компор задумывался нечасто. В конце концов, думал он (и, наверное, так думали многие Наблюдатели), статус его невелик только по меркам Трентора. А в своих мирах, в нементальных сообществах Наблюдателям было довольно просто достичь высокого положения.

Компор, например, без особых хлопот учился в привилегированных учебных заведениях, вращался в прекрасных компаниях. Используя знания в области менталики на самом примитивном уровне, он усиливал свои природные интуитивные способности (а именно развитая интуиция стала причиной его вербовки, в этом он был уверен), ну, например, стал звездой колледжа в гиперпространственном преследовании. Преуспев в колледже, он обрел возможность шагнуть на первую ступень политической карьеры. Вот закончится теперешний кризис, кто знает, как высоко ему суждено шагнуть!

Если кризис разрешится успешно – а он наверняка разрешится именно так, – разве не вспомнят, что именно Компор первым обратил внимание на Тревайза, но не человека Тревайза – это мог сделать любой, – а исключительно на его сознание?

С Тревайзом Компор познакомился в колледже и поначалу видел в нем лишь веселого и неглупого приятеля. Но в одно прекрасное утро Компор очнулся от забытья и с горечью яви, захлестнувшей от края до края несуществующую страну полусна, осознал, что ему нестерпимо жаль, что Тревайз не завербован и никогда не будет завербован.

Это было невозможно в принципе, потому что Тревайз родился на Терминусе, а не был, как Компор, уроженцем другого мира. Но даже если оставить это в стороне, все равно уже было слишком поздно. Только юное, гибкое сознание годилось для обучения менталике, а болезненное внедрение этого искусства (это скорее все-таки было искусство, а не наука) во взрослый мозг, отягощенный накопленными представлениями, утративший гибкость и податливость, применялось лишь в течение жизни первых двух поколений после Селдона.

Но почему, почему, если Тревайз не годился для вербовки по первому признаку и давно вышел из возраста по второму, почему Компор вообще задумывался об этом?

При первой же встрече с Тревайзом Компор проник в его сознание более глубоко и понял причину своих мучений. Сознание Тревайза было совершенно особенным, было в нем что-то такое, что не укладывалось в рамки полученного Компором образования. Снова и снова оно ускользало от Компора. Он продолжал изучать сознание Тревайза и обнаруживал пропасти – нет, не настоящие пропасти, а участки, куда Компор просто не мог проникнуть.

Компор не знал, что это значит на самом деле, и принял следить за поведением Тревайза в свете этой загадки. Скоро он заметил, что Тревайз способен принимать безошибочные решения в ситуациях, явно не изобиловавших количеством необходимой информации.

Была ли тут какая-то связь с обнаруженными Компором пропастями? Он не знал, знал лишь, что это за пределами его собственных способностей в области менталики – не исключено, что и Стол Ораторов не одолел бы этой задачи. Тяжелы были раздумья Компора – он думал, что, вероятно, способность принимать решения, природа самой этой способности неизвестны даже самому Тревайзу, что Тревайз мог бы...

Что мог бы сделать Тревайз? Знаний Компору явно недоставало. Порой ему казалось, что он почти ухватил конец ниточки, которая выведет его на верное решение, но ниточка ускользала. Всего лишь интуитивная догадка: Тревайз потенциально мог быть личностью, от которой многое зависело.

Компор не мог отбросить в сторону вероятность того, что это так и есть, и решил рискнуть. В конце концов, если он окажется прав...

Теперь, вспоминая о пережитом, он просто удивлялся, как ему хватило мужества, самообладания продолжать свои попытки. Он не мог проникнуть за административные барьеры, которыми, как колючей проволокой, был окружен Стол Ораторов. Ему грозила полная потеря репутации. Он отчаянно пытался пробиться хотя бы к самому младшему из членов Стола, и наконец на его призыв ответил Гендибаль.

Гендибаль терпеливо выслушал Компора, и с той поры между ними установились совершенно особые отношения. Следуя указаниям Гендибала, Компор сохранил отношения с Тревайзом; повинувшись Гендибалю, Компор выстроил цепочку событий, которые в конце концов привели к ссылке Тревайза. Именно благодаря Гендибалю к Компору вернулись слабые надежды на повышение в должности на Трентор.

Однако все приготовления были рассчитаны на то, чтобы заманить Тревайза на Трентор. Отказ его от этого маршрута застал Компора врасплох. Видимо, думал он, это не было предусмотрено и Гендибалем.

Как бы то ни было, теперь Гендибаль торопился к месту событий. Компор понимал, что кризис углубляется.

Сигнал Компора понесся через гиперпространство.

48

Прикосновение к сознанию разбудило Гендибала. Никакого раздражения он не ощутил – сигнал воздействовал непосредственно на центр сна головного мозга.

Проснулся, сел в кровати. Упавшая простыня обнажила его тренированный, с мягкими очертаниями мускулов торс. Гендибаль сразу узнал, кто его вызывает, – различия в менталике столь же выразительны, как различия в звучании голосов для тех, кто привык общаться звуками.

Гендибаль ответил на сигнал и спросил, можно ли выйти на связь чуть позже. Ответ был: «Срочности нет».

Затем размеренно, не спеша он принялся за обычные утренние дела. Гендибаль еще стоял под душем, когда решил, что пора возобновить связь.

– Компор?

– Да, Оратор.

– Вы говорили с Тревайзом и его спутником?

– Пелоратом. Его зовут Джэн Пелорат. Да, Оратор.

– Хорошо. Подождите еще пять минут, я настрою визуальную связь.

По пути в отсек управления Гендибаль столкнулся с Сурой Нови. Она смотрела на него вопросительно и готова была заговорить, но он прижал палец к губам, и она немедленно повиновалась. Гендибаль все еще чувствовал себя неловко рядом с ней – чересчур сильно ее сознание излучало преклонение перед ним, обожание. Он надеялся со временем к этому привыкнуть.

Тонкая нить соединяла их сознания постоянно, и теперь никто не смог бы принести вреда сознанию Гендибала, не оставив для начала следа в сознании Нови. Гендибаль испытывал поистине эстетическое наслаждение, любуясь время от времени удивительной красотой и симметрией сознания этой простой женщины. Он был благодарен судьбе за тот благородный порыв, что овладел им, когда они стояли вдвоем у стен Университета, за то, что случай привел Нови к нему именно тогда, когда это было так нужно.

– Компор, – сказал Гендибаль.

– Да, Оратор.

– Расслабьтесь, пожалуйста. Я должен изучить ваше сознание. Прошу не обижаться на меня.

– Как вам будет угодно, Оратор. Могу я поинтересоваться, с какой целью?

– Чтобы убедиться, что ваше сознание незатронуто.

– Я знаю, Оратор, что у вас за Столом, – сказал Компор, – есть политические противники, но, конечно же, никто из них...

– Не размышляйте, Компор. Расслабьтесь... Так... Нет, с вами все в порядке. А теперь,

если вы мне немного поможете, мы наладим визуальный контакт.

То, что произошло затем, в общем и целом можно было счесть иллюзией, обманом зрения, поскольку никто, кроме обладающего ментальной тренировкой сотрудника Второй Академии, не смог бы увидеть ровным счетом ничего как глазами, так и выявить что-либо с помощью какого-то физического прибора.

Происходило конструирование внешности собеседника по контурам сознания. Даже лучшим менталистам удавалось создавать туманные, размытые очертания. Лицо Компора появилось перед Гендибалем, окутанное легкой дымкой. Он знал, что Компор видит сейчас его точно так же.

Добавление к ментальному контакту физической силы гиперволи создавало у собеседников иллюзию беседы с глазу на глаз, в то время как их разделяли тысячи парсеков. Корабль Гендибала был оборудован соответствующим устройством.

Видеоменталика имела свои преимущества. Главное состояло в том, что никакими имеющимися в распоряжении Первой Академии приборами ее нельзя было выявить. Кроме того, визуальное созерцание собеседника сообщало ментальной связи законченность, отточенность.

Что же касается Анти-Мулов – ну что ж, для того чтобы удостовериться, что никто не вмешивается в разговор, достаточно было самого чувствительного прибора – чистого сознания Нови.

– Передайте мне дословно, Компор, – потребовал Гендибаль, – ваш разговор с Тревайзом и этим... Пелоратом. Все в точности, до уровня сознания.

– Хорошо, Оратор.

Пересказ не занял много времени. Комбинирование звуков, мимики и менталики значительно сокращало время беседы, и объем информации передавался гораздо больший, чем при обычном разговоре.

Гендибаль был весь внимание. В ментовидении не было мелочей, ничего нельзя было упустить. При общении вблизи, даже при физическом гипервидении на расстоянии многих парсеков, можно было позволить себе роскошь что-то упустить из избыточных битов информации, не пропустив самого главного.

Дымка ментовидения создавала абсолютную безопасность общения ценой утраты этой роскоши.

От инструкторов к студентам из поколения в поколение на Тренторе переходили ужасные истории, сочинявшиеся специально для того, чтобы вселить в души юных, начинающих, понятие сверхважности концентрации внимания. История, которую рассказывали чаще остальных, была, конечно, наименее реальной. Повествовала она о том времени, когда Мул добился самых первых успехов – еще до захвата им Калгана. Тогда якобы один младший сотрудник Второй Академии получил сообщение, и в сознании у него не отразилось ничего, кроме фразы «похожее на лошадь животное», поскольку он упустил тончайший оттенок значения в сообщении, где говорилось о том, что это – кличка. Этот сотрудник, ничтоже сумняшись, решил, что сообщению такому не стоит придавать особого значения, и не стал передавать его на Трентор. К тому времени, когда поступило следующее сообщение, было уже слишком поздно действовать немедленно, и пришлось пережить пять горьких лет.

На самом деле, конечно, ничего такого и в помине не было, но это было неважно. История производила убийственное впечатление и служила своей цели: убедить любого студента в важности интенсивной концентрации.

Гендибаль до сих пор не забыл, как в студенческие годы совершил ошибку при ментальном приеме, и сам счел ее незначительной и допустимой. Его учитель – старик Кендест, тиран до самой глубины серого вещества мозга – ехидно хихикнул тогда и поинтересовался: «Животное, похожее на лошадь, студент Гендибаль?» Гендибаль был готов сквозь землю провалиться от стыда.

Компор закончил пересказ разговора.

Гендибаль попросил:

– Оцените, пожалуйста, реакцию Тревайза. Вы знаете его лучше, чем я или кто-либо другой.

Компор ответил:

– Тут все просто. Ментальные причины налицо. Он думает, что мои слова и действия отражают мое непреодолимое желание отправить его на Трентор, в Сирианский Сектор – куда угодно, только не туда, куда он собрался отправиться. По моему мнению, это означает, что он из одного упрямства останется там, где находится, и полетит туда, куда хочет. Поскольку он считает, что его интересы диаметрально противоположны моим, он поступит именно так.

– Вы уверены в этом?

– Абсолютно уверен.

Подумав, Гендибалль решил, что Компор прав.

– Я доволен вами, – сказал он. – Вы хорошо поработали. Ваша история о радиоактивной гибели Земли была выдумана исключительно удачно – это вызвало в сознании собеседников адекватную реакцию без необходимости прямой манипуляции. Похвально.

Компор некоторое время боролся сам с собой. Наконец он сказал:

– Оратор, я недостоин вашей похвалы. Я не придумывал эту историю. Это правда. Планета под названием Земля действительно находится в Сирианском Секторе, и ее действительно считают прародиной человечества. Она радиоактивна – либо с самого начала была такой, либо стала такой впоследствии, и радиоактивность там нарастала. В конце концов планета погибла. На самом деле, там было изобретено устройство для усиления активности мозговой деятельности, но это ни к чему не привело. У меня на родине эта информация считается достоверной.

– Вот как? Забавно, – откликнулся Гендибалль, не слишком веря истинности сказанного Компором. – Что ж, тем лучше, если это правда. Солгать с той же долей искренности невозможно. Однажды Прим Пальвер сказал: «Чем больше ложь похожа на правду, тем лучше, и лучшая ложь – правда!»

– Я еще кое-что должен сообщить вам, Оратор, – сказал Компор. – Действуя в соответствии с распоряжениями удержать Тревайза в Сейшельском Секторе любой ценой, я, видимо, зашел слишком далеко, и теперь он подозревает, что я – агент Второй Академии.

Гендибалль кивнул:

– Полагаю, в данных обстоятельствах это неизбежно. Вторая Академия – его мономания, и он склонен видеть ее даже там, где ее нет. Нужно просто учесть это.

– Оратор, если так необходимо удержать Тревайза здесь, пока вы сюда доберетесь, дело бы значительно упростилось, если бы я вылетел вам навстречу, принял вас на борт моего корабля и доставил сюда. Это займет не более одного дня...

– Нет, Наблюдатель, – резко оборвал его Гендибалль. – Этого делать не следует. Люди на Терминусе знают, где вы находитесь. На вашем корабле находится гиперреле, которое вам не удалось уничтожить. Так?

– Так, Оратор.

– Если на Терминусе знают, что вы приземлились на Сейшелле, значит, об этом знает посол Академии. Знает он также, что на Сейшелле находится Тревайз. Ваше гиперреле сообщает на Терминус о том, что вы вылетели с Сейшелла в определенную точку на сотни парсеков от планеты и вернулись обратно. Сообщив об этом на Терминус, посол не преминет, однако, указать, что Тревайз остался в пределах Сейшельского Сектора. Сколько догадок промелькнет из-за этого у людей с Терминуса! Мэр Терминуса – жестокая женщина, и меньше всего нам хотелось бы задавать ей странные загадки. Мы не хотим, чтобы она выслала сюда бригаду Флота. Рисковать не стоит, Компор.

– Со всем уважением, Оратор, – почтительно обратился к Гендибаллю Компор. – Но какие причины у нас бояться Флота, если мы можем воздействовать на сознание командующего?

– Как бы мало ни было причин, все равно гораздо безопаснее, если Флота тут не будет. Оставайтесь на месте. Наблюдатель. Когда я доберусь, я перейду в ваш корабль, и тогда...

– И тогда, Оратор?

– Тогда я все возьму на себя.

Ментовизионная связь с Компором прекратилась, а Гендибаль все сидел неподвижно, погруженный в раздумья. Шли минуты за минутами.

Долог оказался этот путь к Сейшеллу, ох, как долог и в буквальном смысле, поскольку его корабль по техническим характеристикам не шел ни в какое сравнение с кораблем Компора, и в переносном – сообщения о Тревайзе шли уже целых десять лет.

Да, в свете последних событий у Гендибала не было никаких сомнений в том, сколь ценным приобретением для Второй Академии мог бы стать этот человек, если бы со временем Прима Пальвера не практиковалась политика жесткой неприосновенности Терминуса.

Трудно сосчитать, скольких потенциальных сотрудников лишилась за последнее столетие Вторая Академия. Возможности оценивать ментальные способности каждого из квадриллионов людей, живущих в Галактике, не было. Но ни один из этих людей не шел ни в какое сравнение с Тревайзом – он и только он мог оказаться в такое время в таком месте...

Гендибаль с горечью покачал головой. Нет, нельзя, нельзя было упускать Тревайза, списывать его со счетов, где бы он ни родился, хотя бы даже на Терминусе. Честь и хвала Наблюдателю Компору за то, что вовремя заметил Тревайза, хотя тот уже тогда по возрасту не годился для вербовки.

Теперь Тревайз не годился ни по какой статье – для обучения, тренировки он был слишком стар, но по-прежнему обладал колossalной интуицией, талантом принимать решения, делать выводы на основании предельного минимума информации и чего-то еще... чего-то еще...

Старик Шендесс заметил это; несмотря на всю свою усталость и апатию, он был-таки неплохим Оратором – он разглядел нечто необычное в Тревайзе, не располагая всеми теми сведениями, что накопились у Гендибала за долгое время. Шендесс решил, что ключ к разрешению кризиса – в руках Тревайза.

Почему Тревайз на Сейшелле? Какие у него намерения? Чем он занимается?

А трогать его было нельзя! В этом у Гендибала не было сомнений. До тех пор пока роль Тревайза не будет выяснена окончательно, к сознанию его нельзя прикасаться никоим образом. Кто бы ни были, что бы собой ни представляли Анти-Мулы, один неверный шаг, одно неловкое движение в сторону Тревайза могли погубить все дело.

В раздумья Гендибала вмешалось приосновение чьего-то сознания, и он раздраженно отмахнулся от него, как будто пытался отогнать надоедливую тренторианскую мошку – разумом, конечно, а не рукой. Но тут же почувствовал, что этому сознанию больно, встрепенулся и поднял глаза.

Сура Нови стояла перед ним, прижав руку ко лбу.

– Простить меня, Господин, мой голова сильно заболеть вдруг.

Гендибалю стало стыдно.

– Прости, Нови, Я не думал... то есть, наоборот, я слишком сильно задумался.

И он нежно, ласково разгладил складки тревоги и боли на ткани ее сознания. Нови просияла:

– Уже все пройти. Добрый звук ваших слов, Господин, мне хорошо очень помогает.

– Ну и хорошо, – улыбнулся Гендибаль. – Что-нибудь случилось? Зачем ты пришла? – спросил он, отказавшись выяснить причину сам. Все меньше хотелось ему переступать эту грань.

Нови растерялась и слегка склонила голову.

– Я быть не понимать. Вы быть смотреть никуда, делать звуки и ваше лицо так дергаться... И я стоять тут и думать, может, вы заболеть, и я не знать, что мне делать.

Страх, озабоченность или какие-то еще эмоции снова исказили симметрию сознания Нови. Гендибалю так нравилось зрелище безмятежности и спокойствия разума Нови, но ему опять стало неловко вмешиваться извне; она сказала, что сами его слова, сам звук его голоса успокаивают ее – пусть так и будет.

– Нови, – спросил он, – а почему мне нельзя звать тебя Сурой?

Лицо ее озарилось ужасом, глаза сверкнули.

– О Господин, не быть так делать!

– Но Руфирант звал тебя так в тот день, когда мы познакомились, Теперь мы с тобой

хорошо знакомы, и...

— Я быть хорошо знать, как он называть меня, Господин. Так быть мужчина звать женщина, у которой не быть мужчина, которая не иметь жениха, на которую никто не смотреть. Тогда такая женщина называть первый имя. Мне быть лучше, если меня вы называть «Нови», и я быть гордый, когда вы звать меня так. Пусть у меня не быть никакой мужчина сейчас, зато у меня быть Господин, и я очень довольная быть. Я надеяться, вам не быть сильно трудно звать меня Нови.

— Не трудно, Нови, конечно.

Сознание ее стало гладким, бархатистым, и Гендибаль обрадовался. Слишком обрадовался, А следовало ли?

Несколько стыдливо он вспомнил о том, что простая женщина из Первой Академии, Байта Дарелл, в свое время жутко уязвила Мула, затронув тему его бесплодия...

Тут, конечно, дело совсем другое... Эта думлянка нужна была ему как защита от вмешательства чужеродного сознания, и Гендибаль хотел, чтобы она служила этой цели как можно лучше.

О нет, нельзя врать самому себе... Какой же он Оратор, если перестанет честно отвечать на вопросы собственного сознания? Правда состояла в том, что его радовало, когда Нови спокойна и счастлива сама по себе, без его помощи и вмешательства, и нравилось ему это потому, что ему нравилась она, и ничего дурного в этом нет — мелькнула у него дерзкая мысль.

— Садись, Нови, — сказал Гендибаль.

Она осторожно присела на краешек кресла — так далеко от Гендибала, насколько позволяли размеры отсека. Сознание ее светилось почтительным уважением.

— Нови, — принялся пояснять Гендибаль, — видишь ли... когда ты видела, что я произвожу странные звуки, я говорил с другим человеком на большом расстоянии. Так разговаривают ученыe.

Нови смущенно опустила взгляд.

— Я видеть, Господин, что очень много быть такое, что делать и знать ученыe, чего мне никак не понять быть. Это быть такой трудный наука, все равно как высокий-превысокий гора. Мне стыдно быть, что я прийти к вам и думать, что я уметь стать ученая. Не знаю, как это вы, Господин, не смеяться на меня?

Гендибаль улыбнулся:

— Нови, но вовсе не стыдно стремиться к чему-то, чего ты не понимаешь. Ты, конечно, слишком взрослая уже для того, чтобы стать ученоей — я начал учиться, когда был совсем маленьkim. Но учиться никогда не поздно, всегда можно узнать больше, чем знаешь, и научиться делать больше, чем умеешь. Пока мы здесь, на корабле, я постараюсь научить тебя чему-нибудь. И к тому времени, когда мы доберемся до цели, ты будешь знать гораздо больше.

Гендибаль был окрылен. Почему бы и нет? Почему не отказаться от стереотипного отношения к думлянам, принятого во Второй Академии? И какое, собственно, право имела гетерогенная группа сотрудников Академии ввести этот стереотип? В конце концов, рожденные сотрудниками дети сами достигали больших высот не так уж часто. Дети Ораторов получали такую же квалификацию в исключительных случаях. Вроде бы три столетия назад в династии Лингвесторов насчитывалось три поколения, но было не исключено, что второе колено по чистоте кровных уз явно подкачало. Если так, то какое право имели люди из Университета возводить себя на столь высокий пьедестал?

Гендибаль смотрел в сияющие радостью глаза Нови и радовался. Она сказала:

— Я постараться хорошо учить, Господин, все, чему вы мне научите.

— Конечно, Нови, я уверен, что ты способная ученица, — кивнул Гендибаль и на мгновение растерялся: он вспомнил, что в разговоре с Компором ни словом не обмолвился о том, что не один на корабле. Да, о своей спутнице он ни слова не сказал.

Возможно, самому факту присутствия женщины Компор и не удивится, примет его как данность. Но... думлянка?..

На краткий миг привычный стереотип завладел сознанием Гендибала, и он, спохватившись, обрадовался: вряд ли Компор распознает в Нови думлянку — ведь он не бывал на Тренторе.

И тут же отмахнулся от этой мысли. Абсолютно неважно, узнает Компор в Нови думлянку или нет. Гендибал – Оратор Второй Академии и волен поступать, как ему заблагорассудится. В конце концов, главное его дело – сберечь План Селдона, и какое ему дело до того, кто что подумает? Никто не смел мешать ему и не посмеет.

– Господин... – робко спросила Нови, – а когда мы добраться, куда вы хотите добраться, мы потом расстаться, да?

Гендибал пристально посмотрел на нее и ответил, пожалуй, чуть более уверенно, чем было нужно:

– Нет, Нови, мы не расстанемся.

Думлянка застенчиво улыбнулась. Выглядела она в это мгновение, как любая счастливая женщина в Галактике – любая.

Глава тринадцатая Университет

50

Оказавшись вместе с Тревайзом внутри «Далекой Звезды», Пелорат брезгливо наморщил нос.

Тревайз пожал плечами:

– Что поделаешь, Джэн. Человеческое тело – мощнейший генератор запахов. Система рециклирования никогда не работает мгновенно, искусственные запахи только накладываются на естественные, а не замещают их полностью.

– Наверное, Голан, два корабля не пахнут одинаково, если там долго живут разные люди?

– Верно, но ты мне скажи: разве ты не перестал морщиться от ароматов Сейшелла уже через час?

– Перестал, – признался Пелорат.

– Ну вот, и наш родной запах перестанет мучить тебя очень скоро. Вот увидишь, вернешься домой, обрадуешься всем запахам, которые тебя там встретят. Кстати, Джэн, учти на будущее: крайне невежливо обсуждать, чем пахнет на любом корабле и в любом мире, если на то пошло, в присутствии их обитателей. То есть при мне – пожалуйста, я-то стерплю, но ты это учти.

– Понятно, Голан. Постараюсь. Знаешь, вот ведь странно: я уже «Далекую Звезду» домом считаю. Может быть, потому, что она сделана в Академии?

Пелорат улыбнулся:

– Знаешь, ведь я особым патриотом не был никогда. Мне нравилось думать, что я – гражданин Галактики, что мои родственники – везде и всюду, но вот теперь почему-то разлука с Академией наполняет мое старое сердце любовью к ней.

Тревайз стелил постель.

– Не так уж ты далеко от нее улетел, если на то пошло. Да будет тебе известно: Сейшельский Союз почти целиком окружен территорией Федерации Академии. У нас тут посольство с большим штатом, консулов полно. Языком сейшельцы любят трепать о своей независимости и о том, как они нас не любят, но воздерживаются предпринимать что-либо, способное вызвать наше неудовольствие. Ложись-ка ты, Джэн, спать. Сегодня мы с тобой добились немногого, но утро вечера мудренее, будем надеяться, что завтра нам больше повезет.

Пелорат кивнул и отправился к себе, но скоро выяснилось, что слышимость на «Далекой Звезде» отличная – можно было запросто переговариваться из каюты в каюту. Погасив свет, Пелорат долго ворочался, наконец осторожно позвал:

– Голан?

– Да.

– Ты не спиши еще?

– Пока ты со мной разговариваешь – нет, естественно.

– Кое-что нам все-таки удалось сегодня. Твой друг, Компор...

– Бывший друг, – недовольно уточнил Тревайз.

– Пусть так. Неважно. Он говорил о Земле и сказал такое, с чем я не сталкивался ни разу за все время моих изысканий. Радиоактивность!

Тревайз перевернулся на бок, лицом к стене, подпер щеку рукой.

– Послушай, Джен, даже если Земля действительно погибла, это не означает, что мы полетим домой. Я все равно хочу найти Гею.

Пелорат издал странный звук, как будто сдул с губ пушишку.

– Дружочек, ну конечно. И я тоже! И потом, я вовсе не думаю, что Земля погибла. Компор мог быть уверен, что рассказывает непреложную истину, но ведь миров, претендующих на звание Земли, в Галактике такое количество!

В антропологии это явление называется «глобоцентризмом». Люди предпочитают считать, что их мир лучше, чем все остальные, чем любые их соседи, и культура у них выше, и все остальное, и история богаче – ну, ты понимаешь. А уж если соседи их в чем-то превзошли, то это непременно означает, что такие достижения позаимствованы у них. А если у соседей что-то плохо, значит, это плохое ими было когда-то отвергнуто или вообще к ним отношения никакого не имеет, либо это вообще невесть где придумали. Если нет логической возможности доказать, что Земля, либо ее эквивалент – колыбель рода человеческого – это именно их планета, то они как минимум помещают ее в своем секторе даже в тех случаях, когда не могут точно указать координаты.

Пелорат прищелкнул языком.

– Даже если бы удалось достоверно доказать, что ни одна планета в Сирианском Секторе – никакая не Земля, ничего бы из этого не вышло. Ты просто не представляешь себе, Голан, до какой степени мистицизм способен затмить здравый смысл. Как минимум в двенадцати секторах Галактики солидные ученые без тени усмешки утверждают, будто Земля (или как бы они ее ни назвали) находится в гиперпространстве, и добраться до нее нет никакой возможности, разве что случайно.

– А они не говорят, что это кому-то случайно удалось?

– Ну, знаешь, мифов всяких много ходит, и из патриотических соображений люди порой готовы поверить в них, зато в других мирах только посмеиваются.

– В таком случае, Джен, у меня предложение: давай и мы с тобой в такое верить не будем, и... (Тревайз громко зевнул) отправимся поскорее в замечательное гиперпространство снов.

– Но, Голан, понимаешь ли, самое упоминание о радиоактивности меня очень заинтересовало. Мне кажется, тут есть доля правды, или чего-то похожего на правду.

– Ты это о чём?

– Видишь ли; радиоактивный мир – это такой мир, где уровень радиации гораздо выше обычного. В таком мире гораздо быстрее протекает процесс мутации, и эволюция должна происходить скорее и резче. Я ведь говорил тебе, если помнишь: почти все мифы о Земле сходятся в одном: Земля отличалась исключительным богатством видов. Именно это многообразие форм жизни, ее взрывное развитие, именно это могло привести к развитию разумной жизни на Земле и последующему его распространению по Галактике. Если по какой-то причине Земля была или оказалась радиоактивной, то вот оно – прекрасное объяснение ее уникальности.

Немного помолчав, Тревайз заговорил:

– Во-первых, нет причин так уж верить Компору. Этот соврет – не дорого возьмет. Он запросто мог с три короба наговорить, только бы заставить нас отсюда убраться, чтобы мы, как два идиота, помчались в Сирианский Сектор. Но даже если допустить, что он не врал, он ведь сказал, что радиоактивность на Земле достигла такого уровня, что сама жизнь там стала невозможна.

– Правильно! Уровень радиации не был высок там, когда жизнь только начала развиваться, а жизни гораздо легче сохраниться, чем создаться заново. Допустим, жизнь на Земле возникла и сохранилась. Следовательно, если в самом начале уровень радиации там не был невыносимым для жизни, то и со временем он мог только падать. Ничто не способно поднять этот уровень.

– А ядерные взрывы? – высказал предположение Тревайз.

– При чем тут ядерные взрывы?

– Я хочу сказать: предположим, что на Земле были произведены ядерные взрывы.

– Где? На поверхности? Совершенно исключено. В истории Галактики нет ни единого упоминания о цивилизации настолько безумной, чтобы применять ядерные взрывы для военных целей. Нас бы просто не было тогда на свете. Во время Тригеллианского восстания, когда обе стороны были обречены на голод и отчаяние и когда Джендиппурес Хорратт предложил применить ядерную реакцию для...

– Его повесили матросы его же собственного флота. Это я проходил в колледже в курсе истории Галактики. Я не о том. Я имел в виду какой-нибудь несчастный случай.

– Нет в истории упоминаний о таких несчастных случаях, из-за которых мог бы повыситься общий уровень радиации на планете.

Пелорат глубоко вздохнул.

– Придется все-таки, когда освободимся, слетать в Сирианский Сектор и провести там небольшую разведку.

– Ага... – сонно откликнулся Тревайз. – Как-нибудь... Непременно... А теперь...

– Все-все, я умолкаю.

Пелорат выполнил обещание, а Тревайз еще почти целый час лежал в темноте с открытыми глазами, гадая, не успел ли он уже привлечь к своей персоне больше внимания, чем следовало, и не мудрее ли будет действительно для начала махнуть в Сирианский Сектор, а потом, когда о нем немного позабудут, вернуться сюда и искать Гею?

Заснул он тревожным сном, так и не успев принять твердого решения.

51

До города они добрались ближе к полудню. В Туристическом Центре на сей раз было полным-полно народа, но нашим путешественникам удалось пробиться в справочную библиотеку, где их проинструктировали, как пользоваться местной моделью информационного компьютера.

Самым внимательным образом они изучили всю информацию о музеях и университетах, обращая особое внимание на археологию, антропологию, историю и данные о деятелях в этих областях науки.

– Ах! – тихо воскликнул Пелорат.

– Ах? – сердито переспросил Тревайз. – И по какому поводу «ах»?

– Вот эта фамилия. Квинтесетц. Кажется, она мне знакома.

– Ты что, знаешь этого человека?

– Нет, лично нет, но вроде бы читал его работы. Когда вернемся на корабль, я загляну в каталог...

– Рановато пока возвращаться, Джен. Раз эта фамилия тебе что-то говорит, с него и начнем. Если он сам не сумеет помочь, может, к кому-то еще направит.

Тревайз встал.

– Значит, отправляемся в Сейшельский Университет. А поскольку сейчас время ленча, давай и мы где-нибудь по пути перекусим.

Во второй половине дня, ближе к вечеру они наконец добрались до Университета. Пройдя по длинному лабиринту коридоров, отыскали приемную, где и сидели теперь в ожидании молодой дамы, которая могла – а может, и не могла – отвести их к Квинтесетцу.

– Интересно, – вздохнул Пелорат, – долго ли нам еще ждать? Учебный день, наверное, уже заканчивается...

Как будто услыхав его, их недавняя знакомая впорхнула в приемную. Туфельки ее слепили глаза сочетанием ярко-красного и фиолетового цветов, каблучки при ходьбе издавали высокие звонкие нотки. Высота тона зависела от скорости и легкости походки.

Пелорат поежился. Видимо, каждый мир не только по-своему пахнет, подумал он, но и какими-то собственными экзотическими средствами воздействует на чувства. Интересно, подумал он, так ли легко будет свыкнуться с чудовищной какофонией, издаваемой каблучками этой дамочки, как с местными ароматами?

— Не могли бы вы назвать ваше имя полностью, Профессор? — любезно улыбаясь, спросила женщина.

— Джен Пелорат, мисс.

— С какой вы планеты?

Тревайз предостерегающе поднял руку, напоминая Пелорату об уговоре, но Пелорат не то не заметил его жеста, не то про уговор позабыл, и ответил:

— С Терминуса, мисс.

Женщина довольно улыбнулась:

— Дело в том, что, когда я сообщила Профессору Квинтесетцу о том, что его желает видеть Профессор Пелорат, он сказал, что примет вас, если вы Джен Пелорат с Терминуса и никто другой.

Пелорат часто заморгал.

— Вы... вы хотите сказать, что он слыхал обо мне?

— Мне так показалось, — покачала плечами женщина.

Губы Пелората разъехались в удивленной улыбке, он повернулся к Тревайзу.

— Он слыхал обо мне! Честно говоря, это даже как-то удивительно. Я ведь написал не так много и не думал, чтобы кто-нибудь... Там ничего такого не было... — закончил он, недоуменно покачав головой.

— Ладно, ладно, — поторопил его Тревайз. — Хватит себя недооценивать. Пошли.

Он повернулся к женщине:

— Как добираться до Профессора, мисс? На каком-нибудь транспорте?

— Нет, можно пешком. Его кабинет — в этом комплексе зданий, и я с радостью провожу вас. Вы оба с Терминуса? — спросила она и, не дожидаясь ответа, вышла из приемной.

Зашагав следом за ней, Тревайз ответил:

— Да, оба. А какая разница?

— О нет, никакой, что вы! Просто у нас в Сейшельсе есть такие люди, которые недолюбливают Академию, но здесь в Университете мы гораздо более космополитичны. «Живи сам и давай жить другим», — я так всегда говорю. Это я к тому, что в Академии тоже не звери живут. Понимаете?

— Понимаю. И у нас, бывает, услышишь, что сейшельцы — тоже люди, как-никак.

— Вот и правильно, так и быть должно. А Терминус я никогда не видела. Большой город, наверное?

— Да нет, небольшой, — небрежно отозвался Тревайз. — Поменьше Сейшель-Сити будет.

— Вы меня обманываете, — покачала головой женщина. — Это же столица Федерации Академии, так? То есть другого Терминуса нет, или есть?

— Нет, насколько мне известно, Терминус у нас только один. И мы именно оттуда — из столицы Федерации Академии.

— Ну, тогда это же должен быть громадный город! А вы такой далекий путь проделали только для того, чтобы повидать Профессора? А знаете, мы тут им очень гордимся. Он — главный корифей в Галактике.

— Правда? — спросил Тревайз. — И в какой же области?

Женщина широко раскрыла глаза и изумленно глянула на Тревайза:

— Нет, вы точно шутник. Да он знает о древней истории больше, чем... чем я о своих родственниках!

И она пошла вперед, попискивая музыкальными каблучками.

Тревайз воспользовался тем, что его уже дважды назвали шутником и погрозили пальчиком. Этого нельзя было упустить.

— Ваш Профессор, наверное, и о Земле все-все знает? — невинно поинтересовался он.

— О Земле?! — удивленно переспросила она, остановившись около двери кабинета и ошарашенно уставясь на него.

— Ну, вы знаете, конечно. О том мире, откуда пошел род человеческий.

— А, так вы про это... Про самую первую планету? Понятно. Я думаю, про нее он тоже знает. Ведь эта планета, как-никак, в Сейшельском Секторе находится. Уж это-то вся кому известно. Вот кабинет Профессора. Сейчас я позвоню...

— Погодите минуточку, — попросил Тревайз. — Что вы знаете о Земле, милая дама?

— На самом деле, что-то я не слыхала, чтобы ее Землей называли, — пожала плечами женщина. — Наверное, так ее у вас в Академии называют, а у нас тут ее зовут Геей.

Тревайз бросил быстрый взгляд на Пелората.

— О? И где она находится?

— Нигде (женщина перешла на заговорщицкий шепоток). Она в гиперпространстве. Я когда маленькая была, мне бабушка рассказывала, что когда-то вроде бы Гея в обычном пространстве была, но потом так сильно погрязла....

— В грехах и глупости человеческой, — пробормотал Пелорат, — что, не находя себе места от стыда, покинула обычное пространство, не желая иметь ничего общего со своими обитателями, а они рассеялись по всей Галактике...

— А, так вы знаете эту историю! А моя подружка говорит, будто это суеверие и предрассудок. Вот уж я ей расскажу. Так и скажу: вот, даже профессора из Академии...

Сияющие буквы в рамке на двери гласили: «СОТЕЙН КВИНТЕСЕТЦ, АБТ».

Имя Профессора изображали трудночитаемые сейшельские буквы, а чуть пониже в привычных очертаниях Галактического Стандарта значилось: «ФАКУЛЬТЕТ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ».

Женщина коснулась пальцем гладкого металлического кружка на двери. Звука звонка не послышалось, но дымчатое стекло таблички стало молочно-белым, и мягкий, низкий голос произнес:

— Назовите себя, пожалуйста.

— Джэн Пелорат с Терминуса, — ответил Пелорат и поспешил добавил: — И Голан Тревайз, оттуда же.

Дверь распахнулась.

52

Высокий пожилой мужчина поднялся из-за стола и пошел навстречу Пелорату и Тревайзу. Лицо у него было смуглое, седые волосы покрывали голову жесткими завитками, отливавшими стальным блеском. Протянув руку для приветствия, он проговорил мягким баритоном:

— Меня зовут С. К. Рад познакомиться с вами, профессора.

Тревайз уточнил:

— У меня нет ученого звания. Я просто сопровождаю Профессора Пелората. Зовите меня просто Тревайзом. Рад познакомиться с вами, Профессор АБТ.

Квинтесетц смутился.

— Нет-нет, — сказал он, — АБТ — это просто глупейший титул, за пределами Сейшелла значения не имеющий. Не обращайте на это внимания и зовите меня просто С. К. Здесь в Сейшеле мы привыкли пользоваться инициалами. Я так рад, что вас двое, хотя ожидал только одного.

Мгновение помедлив, Квинтесетц еще раз протянул гостям правую руку, предварительно вытерев ее о брюки.

Тревайз пожал руку Профессора, искренне удивленный сейшельской манерой здороваться.

— Прошу салиться, — сказал Квинтесетц. — Кресла у меня обычные, неживые — я, понимаете, страшно не люблю, когда меня сзади хватают. Сейчас эти кресла-хваталки у нас в большой моде, но я не могу к такому привыкнуть. Не слишком приятно, правда?

— Конечно, — улыбнулся Тревайз. — Простите меня, С. К., но ваше имя, видимо, не сейшельского происхождения? Похоже, оно из пограничных миров. Извините, если я вас обидел.

— Нисколько. Мое семейство родом из Аскона. Давным-давно мои прапрапредки покинули Аскон, пять поколений назад — это произошло, когда там стало слишком сильным владычество Академии.

— А мы как раз из Академии, — смущенно проговорил Пелорат. — Наши извинения.

Квинтесетц дружелюбно помахал рукой:

– Не стоит извинений. Я не пронес чувства обиды через пять поколений, уверяю вас. Не всем это удалось, ну что ж – можно только сожалеть. Желаете перекусить? Выпить чего-нибудь? Можно включить музыку, будет приятнее беседовать.

– Если не возражаете, – сказал Пелорат, – хотелось бы сразу перейти к делу – конечно, если сейшельские традиции позволяют.

– Сейшельские традиции? Для меня это не непреодолимый барьер. Вы не представляете, Профессор Пелорат, как я рад вас видеть. Всего две недели назад я прочитал вашу статью о мифах о происхождении человечества в «Ревю Археологии». Она поразила меня глубиной синтеза материала и... краткостью.

Пелорат покраснел от удовольствия.

– Счастлив, что вам удалось прочесть мою работу. Увы, мне пришлось сильно сократить ее, иначе «Ревю» не сумело бы ее опубликовать. Я собирался подготовить обзор.

– О, это было бы превосходно! В общем, как только я прочитал вашу работу, мне очень захотелось познакомиться с вами. У меня даже мелькнула мысль отправиться на Терминус для этого, но такую поездку не так просто организовать.

– Да? Почему же? – поинтересовался Тревайз.

Квинтесетц невольно улыбнулся:

– Понимаете, как это ни прискорбно, но Сейшелл не стремится войти в Федерацию Академии, и не слишком приветствуют тут любые связи с Академией, даже научные. У нас традиция нейтралитета, вы знаете. Даже Мул нас не тронул, ему удалось лишь получить от Сейшелла особые гарантии нейтралитета. Ну вот. Так что любое обращение за разрешением посетить территорию Академии, а в особенности – Терминус, не слишком приветствуется, встречается с подозрением. Хотя, конечно, ученый моего ранга, наверное, в конце концов сумел бы получить и паспорт, и визу, но... видите, как все замечательно получилось – вы сами ко мне прибыли. Трудно поверить! Я спрашиваю себя: «Почему? Слыхали ли вы обо мне, как я слыхал о вас?»

Пелорат ответил:

– Мне известно о вашей работе, С. К., в моем каталоге есть кое-какие ваши труды. Именно поэтому я обратился к вам. Я изучаю вопрос о Земле – предполагаемой прародине человечества, а также ранний период освоения и завоевания Галактики. Сюда я прибыл, в частности, для того, чтобы навести справки по истории основания Сейшелла.

– Судя по содержанию вашей работы, – сказал Квинтесетц, – я понял, что вас интересуют мифы и легенды.

– Безусловно, но реальная история меня интересует еще больше, истинные факты, если таковые существуют.

Квинтесетц встал и заходил по кабинету, заложив руки за спину. Остановился, взглянул на Пелората и снова принялся расхаживать туда-сюда.

Тревайз нетерпеливо потопорил его:

– Ну, сэр?

– Странно! – нахмурился Квинтесетц. – Очень странно. Только вчера...

– Что случилось вчера? – спросил Пелорат.

– Я говорил вам, Профессор Пелорат... кстати, можно, я буду называть вас Дж. Ш.? Несколько непривычно употреблять полное имя.

– Ради бога.

– Я говорил вам, Дж. П., что пришел в восхищение от вашей работы, что захотел с вами познакомиться. Увидеться с вами лично мне хотелось именно потому, что вы явно располагаете обширным материалом по мифам и легендам о происхождении человечества, а вот предания о нашем мире, как мне показалось, у вас отсутствуют. Другими словами; мне хотелось встретиться с вами, чтобы рассказать вам как раз о том, о чем вы меня спрашиваете.

– Но при чем тут вчера, С. К.? – спросил Тревайз.

– У нас есть легенды. Вернее, одна легенда. Самая важная для нашей истории, для нашей цивилизации, потому что она стала нашей Великой Тайной.

– Тайной? – переспросил Тревайз.

– Я не имею в виду загадку или что-то в таком духе. Таково значение слова «тайна» в

Галактическом Стандарте. У нас же это слово означает «нечто секретное», что-то такое, что известно только отдельным адептам, чего нельзя раскрывать чужим. А вчера был тот самый день.

– Что за день? – подчеркнуто равнодушно спросил Тревайз.

– День Перелета.

– А-а-а, – понимающе кивнул Тревайз. – Медитация, все сидят по домам и всякое такое.

– Теоретически – да, что-то вроде этого, правда, в больших городах древние традиции несколько угасли, но... я вижу, вы знаете об этом?

Пелорат, не очень довольный поспешностью Тревайза, захотел вернуть разговор в более спокойное русло.

– Да-да, мы немного слышали об этом, поскольку прибыли именно вчера.

– Угу, в этот самый день, – саркастически уточнил Тревайз. – Послушайте, С. К., как я уже говорил, я не ученый, но у меня есть вопрос: вы сказали, что у вас есть некая великая тайна, которую нельзя поверять иноземцам, посторонним. Почему же вы говорите об этом с нами? Мы ведь и есть посторонние.

– Да, это так, но, к счастью, я неофициальное лицо, и к тому же почти лишен предрассудков. И потом... работа Дж. П. подхлестнула чувства, которые меня долго мучили. Ведь мифы и легенды не возникают из вакуума. В любой сказке всегда есть доля истины, как бы извращена она ни была, и мне хотелось бы раскрыть ту истину, что стоит за нашей легендой о Дне Перелета.

– А безопасно ли говорить об этом? – спросил Тревайз.

Квинтесетц пожал плечами:

– Не совсем, наверное. Консерваторы, которых у нас хватает, ужаснулись бы. Однако уже целое столетие они не контролируют действий нашего правительства. Светская власть сильна и останется сильной, если консерваторы не воспользуются нашим – надеюсь, вы сумеете простить меня – издревле отрицательным отношением к Академии. И потом, если я буду обсуждать вопрос, представляющий для меня чисто научный интерес, Лига Ученых а случае необходимости окажет мне поддержку.

– Если так, – попросил Пелорат, – может быть, вы расскажете нам о вашей Великой Тайне?

– Да, но для начала позвольте удостовериться в том, что нас не прервут и, если уж на то пошло, не подслушают. Даже если смело смотреть в глаза быку, не стоит хвататься за кольцо, что у него в носу, – так гласит пословица.

Квинтесетц нажал рычажок на каком-то устройстве, что стояло на его письменном столе. Загорелась лампочка.

– Теперь мы ни для кого недосягаемы, – сообщил он.

– А вы уверены, что тут у вас нет «жучков»? – спросил Тревайз.

– Жучков?!

– Да, Не могут ли где-либо быть спрятаны устройства для прослушивания и подглядывания?

– Такого нет в Сейшельсе! – возмущенно ответил Квинтесетц.

– Ну, если вы так уверены... – пожал плечами Тревайз.

– Прошу вас, С. К., – попросил Пелорат, – продолжайте.

Квинтесетц поджал губы, откинулся на спинку слегка осевшего под тяжестью его тела кресла, соединил кончики пальцев. Казалось, он обдумывает, с чего начать.

– Знаете ли вы, что такое «робот»?

– «Робот»?! – удивленно переспросил Пелорат. – Нет.

Квинтесетц вопросительно посмотрел на Тревайза. Тот недоуменно покачал головой.

– А что такое компьютер, знаете, надеюсь?

– Естественно... – кивнул Тревайз.

– В таком случае, подвижный компьютеризированный инструмент...

– ...это подвижный компьютеризированный инструмент, – раздраженно закончил Тревайз. – Есть масса таких приспособлений, и я не знаю более общего определения для них, чем «подвижный компьютеризированный инструмент».

— …который очень похож на человека, называется роботом, — хладнокровно завершил начатую фразу Квинтесетц. — Главное отличие робота от других инструментов состоит в том, что внешне он похож, на человека.

— Но почему? — с искренним удивлением спросил Пелорат.

— Не знаю наверняка. По моему мнению, это не самая эффективная форма для инструмента, но я всего-навсего пересказываю то, что говорится в легенде. «Робот» — слово из древнего языка, и наши ученые полагают, что произошло оно от слова, которое в этом языке отражало понятие «работа».⁸

— Что-то я такого слова не припомню, чтобы оно означало «работа» и было похоже на слово «робот», — пожал плечами Тревайз.

— Да, среди нынешних галактических языков такого нет, — подтвердил Квинтесетц, — но именно так говорится.

— Не исключена обратная этимология, — предположил Пелорат. — Если эти объекты применялись для работы, их и назвали «роботами». Но почему вы нам рассказываете об этом?

— Потому, что древняя традиция Сейшелла гласит: когда Земля была единственным миром в Галактике, там были изобретены и сделаны роботы. Тогда стало два вида людей — настоящие и сделанные, люди из плоти и люди из металла, биологические и механические, простые и сложные… — Квинтесетц прервал рассказ, тихо рассмеялся. — Простите, но совершенно невозможно говорить о роботах, не сбиваясь на цитаты из «Книги Перелета». Итак, люди на Земле изобрели роботов, и больше ничего говорить не стоит. Это как раз довольно просто.

— Но зачем они изобрели роботов? — спросил Тревайз.

Квинтесетц пожал плечами:

— Кто может сказать, когда столько времени прошло? Может быть, людей тогда было мало, и они нуждались в помощи — в особенности при осуществлении великой задачи освоения и заселения Галактики.

— Разумное предположение, — кивнул Тревайз. — А когда Галактика была колонизирована, роботы стали не нужны. На сегодня в Галактике гуманоидных компьютеризированных инструментов не существует.

— Я постараюсь изложить вам эту историю, — сказал Квинтесетц, — предельно упростив ее, опуская все поэтические приукрашивания, правда, наш народ именно эти приукрашивания и любит, но я их не принимаю. Итак, вокруг Земли образовались миры-колонии, обращавшиеся вокруг ближайших звезд, и роботов в этих новозаселенных мирах стало гораздо больше, чем на самой Земле. Это естественно — в девственных мирах для них было больше работы. А Земля впоследствии совсем отказалась от роботов и перестала их производить. А потом воссталла против них.

— Что произошло? — встревоженно спросил Пелорат.

— Внешние Миры набрали силу, стали могущественнее Земли. С помощью своих роботов дети Земли предали Землю-Мать и взяли власть над ней. Простите, но все-таки трудно удержаться от цитирования. Но кое-кто покинул Землю — те, у кого были хорошие корабли, приспособленные к полетам через гиперпространство. Эти люди улетели к очень далеким звездам, подальше от уже заселенных миров. Образовались новые колонии — без роботов, где люди могли жить свободно. Это и были Времена Перелета, а тот самый день, когда первые люди ступили на Сейшелл, то есть на эту самую планету, называется Днем Перелета и ежегодно празднуется уже многие тысячи лет.

— Следовательно, дорогой друг, вы утверждаете, что Сейшелл был заселен непосредственно выходцами с Земли? — проговорил Пелорат.

Квинтесетц на мгновение растерялся, задумался и наконец сказал:

— Это — официальное убеждение.

— Которое вы, — сказал Тревайз, — судя по всему, не разделяете.

---

⁸ Смысл дальнейшего разговора, состоит в том, что слово «робот» изобретено чешским писателем К. Чапеком и имеет, следовательно, славянский корень. Это непонятно героям, оперирующим английским словом «work». — Примеч. пер.

— Мне кажется, — неуверенно начал Квинтесетц и вдруг взорвался: — нет, не разделяю! Нет и нет! Это совершенно невероятно, однако это — официальная догма, и какие бы великие секуляристы ни сидели в нашем правительстве, их такая болтовня как нельзя больше устраивает. Дж. П., в вашей работе я не нашел указаний на то, что вам известна эта история — о роботах и двух волнах колонизации; первой — с роботами, и второй — без них.

— Нет, я об этом совершенно ничего не знал, — подтвердил Пелорат, — и несказанно благодарен вам, дорогой мой С. К., за то, что вы познакомили меня с этой легендой. И я просто поражен, что даже намека на что-либо подобное мне не встретилось ни в одной из работ за все время...

— Лишнее доказательство того, — сухо сказал Квинтесетц, — как успешно трудится наша социальная система. Великая Тайна Сейшелла сберегается.

— Вероятно, — холодно согласился Тревайз. — Но вторая волна колонизации должна была докатиться не только до Сейшелла. Почему же только здесь хранят Великую Тайну?

— Ее могут хранить где угодно и держать в таком же секрете. Наши доморощенные консерваторы считают, что непосредственно с Земли был заселен только Сейшелл, а остальная Галактика — выходцами отсюда. Это, конечно, полная чепуха.

Пелорат сказал:

— Остальные загадки можно будет разрешить в свое время. Теперь, располагая отправной информацией, я смогу искать подобные сведения в других мирах. Главное: я знаю теперь, какие вопросы следует задавать, а задать верный вопрос — вот ключ к тому, чтобы получить верный ответ. Как же удачно, что я...

Тревайз прервал его:

— Все правильно, Джэн, но добрейший С. К. рассказал нам историю не до конца. А что случилось со старыми колониями, с теми роботами, что остались там? Ваша легенда упоминает об этом?

— Весьма поверхностно, без подробностей. Очевидно, люди и гуманоиды не смогли жить вместе. Миры, населенные роботами, погибли. Они были нежизнеспособны.

— А Земля?

— Люди покинули ее и обосновались здесь, а вероятно (тут со мной не согласятся консерваторы), и на других планетах.

— Наверняка не все люди покинули Землю. Планета не вымерла.

— Все может быть. Я не знаю.

— Не была ли она покинута из-за радиоактивности? — неожиданно резко спросил Тревайз.

— Из-за радиоактивности? — недоуменно переспросил Квинтесетц.

— Да-да, из-за радиоактивности.

— Не знаю. По крайней мере, я никогда ни о чем подобном не слышал.

Тревайз впился зубами в костяшки пальцев и задумался. Помолчав, он сказал:

— С. К., уже поздно, и, видимо, мы злоупотребили вашим гостеприимством (тут Пелорат сделал протестующий жест, но Тревайз с такой силой сдавил рукой его колено, что Пелорат вынужден был повиноваться).

— Рад, если был вам полезен, — сказал Квинтесетц.

— Безусловно, вы оказали нам большую услугу, и если мы могли бы чем-то отблагодарить вас, скажите.

Квинтесетц тихо рассмеялся:

— Ну разве что добрейший Дж. П. упомянет мое скромное имя, когда задумает писать что-либо о нашей Великой Тайне — вот это будет честная и вполне достаточная расплата.

Пелорат с готовностью проговорил:

— О, вы могли бы получить заслуженную награду и высокую оценку коллег, если бы вам удалось добиться разрешения посетить Терминус. Думаю, вы могли бы какое-то время пробыть в нашем Университете как ученый-гость. Это мы могли бы устроить, пожалуй. Сейшелл не любит Федерацию, но вряд ли ваши власти откажутся удовлетворить прямой запрос на ваше имя с приглашением на симпозиум по какому-то вопросу древней истории.

Сейшельский ученый чуть было не подпрыгнул от удивления.

— Вы хотите сказать, что в ваших силах такое осуществить?

Тревайз ответил:

— Лично я об этом не думал, но считаю, что Дж. П. совершенно прав. Попытаемся это устроить. Полагаю, особых трудностей быть не должно. И стараться сделать это мы будем тем сильнее, чем более благодарны вам останемся.

Немного помолчав, Квинтесетц настороженно спросил:

— О чём вы, сэр?

— Прошу вас, расскажите мне о Гее, С. К., — сказал Тревайз.

Горевшие светом радости глаза Квинтесетца тут же угасли.

53

Квинтесетц молча уставился на крышку стола. Рука его медленно, рассеянно скользила по жестким завиткам стрижки. Наконец, крепко сжав губы, он посмотрел на Тревайза. Похоже, отвечать не собирался.

Тревайз вопросительно приподнял брови. Он ждал. Наконец Квинтесетц не выдержал и дрожащим от волнения голосом проговорил:

— Уже правда поздновато. Смеркивается...

— Смеркивается? Я вас не понял, С. К.

— Уже почти ночь.

Тревайз кивнул:

— Да, я забылся. Я тоже голоден. Может быть, не откажетесь поужинать с нами, С. К.? Мы угощаем. А потом продолжим нашу беседу о Гее.

Квинтесетц тяжело поднялся с кресла. Ростом он был выше обоих гостей с Терминуса, но годы и обрюзгловость не придавали его фигуре впечатления силы. Теперь он выглядел более устало, чем тогда, когда они вошли в его кабинет.

Посмотрев по очереди на Пелората и Тревайза, Квинтесетц сказал:

— Я забыл о гостеприимстве, простите меня. Вы чужестранцы, и не годится, чтобы вы угощали меня. Добро пожаловать ко мне домой. Я живу в кампусе, совсем недалеко отсюда, и, если вам угодно еще побеседовать, у меня дома будет гораздо удобнее и непринужденнее, чем здесь. Единственное, о чём я сожалею, так это о том, что сумею предложить вам самое скромное угощение. Мы с женой — вегетарианцы, и если вы едите мясо, то прошу заранее извинить меня.

Тревайз успокоил его:

— Не переживайте, С. К., мы с Дж. П. с легкостью разок откажемся от наших плотоядных наклонностей. Надеюсь, беседа с вами станет отличной заменой мясных блюд.

— Еда, во всяком случае, будет интересная, это я вам обещаю... если только вы выдержите вкус сейшельских специй. Мы с женой их много добавляем.

— Мы с радостью отведаем любой экзотики, — довольно весело заявил Тревайз, хотя по выражению лица Пелората было видно, что такая перспектива его немного пугает.

Квинтесетц возглавил процессию. Все трое вышли из кабинета и пошли по бесконечно длинному коридору. По пути Квинтесетц не раз по-сейшельски здоровался с коллегами, но попыток представить им новых знакомых не делал. От Тревайза не укрылись удивленные, любопытные взгляды, которые сотрудники Университета бросали на его сумку — она была серая. Видимо, приглушенные цвета в кампусе были страшной редкостью.

Наконец они добрались до парадного входа и вышли на воздух. На улице было совсем темно и прохладно. Поодаль виднелись деревья, высокая трава обрамляла обе стороны широкой аллеи.

Пелорат остановился. Фигура его была озарена огнями окон здания Университета и фонарей, освещавших аллеи кампуса. Он устремил взгляд в ночные небеса.

— Прекрасно... — восхищенно вымолвил он. — У одного нашего замечательного поэта есть стихотворение, где говорится об испещренной крапинками звезд ткани ночного неба Сейшеля...

Тревайз, прищурившись, посмотрел на небо.

— Мы с Терминуса. — объяснил он Квинтесетцу. — Мой друг до сих пор не видел других

небес, С Терминуса мы видим лишь туман Галактики вдали да редкие, тусклые звезды. Если бы вы, Профессор, когда-нибудь посмотрели на наши скучные небеса, вы бы еще больше восхищались картиной вашей ночи.

— О, мы очень восхищаемся нашими небесами, — отозвался Квинтесетц, — уверяю вас! Дело в том, что распределение звезд у нас удивительно равномерное. Вряд ли, я думаю, отыщется еще в Галактике место, где бы столь однородно были размещены звезды первой величины... Но все-таки их не так много. Мне довелось видеть небеса миров, располагающихся на краю шаровидных скоплений, и там настолько много ярких звезд, что почти не видно черноты неба. Это не так красиво.

— Совершенно с вами согласен, — кивнул Тревайз.

— Вот интересно, — сказал Квинтесетц, — видите ли вы вон там почти правильный пятиугольник из звезд практически одинаковой яркости? Вон там, прямо над деревьями. «Пять Сестер» — так мы называем это созвездие. Видите?

— Вижу, — ответил Тревайз. — Очень красиво.

— Да, красиво. Принято считать, что это созвездие символизирует успех в любви, и нет ни одного любовного послания, в конце которого не стоял бы вот такой пятиугольник из точек. Обозначает этот знак желание любить и быть любимым. Каждая из пяти звезд обозначает разную стадию развития любовного процесса. У нас есть знаменитые стихотворения, где на разные лады смакуется эта тема — поэты соревнуются между собой в попытках наиболее эротично описать это. Когда я был помоложе, я тоже грешил стишками такого рода. Помышлял ли я тогда, что пройдут годы, и я стану совершенно безразличен к «Пяти Сестрам»! Ну да это, наверное, дело обычное. А видите внутри пятиугольника более тусклую звездочку?

— Да.

— Она символизирует безответную любовь. Есть легенда, в которой говорится, что некогда эта звезда была такой же яркой, как остальные, но потом потускнела от тоски.

И Квинтесетц быстро пошел вперед.

54

Обед был просто восхитительный — зря Квинтесетц скромничал. Блюд — бесконечное количество, гарниры и приправы — с тонким, но весьма выразительным вкусом.

Тревайз поинтересовался:

— Скажите, С. К., все ли овощи, которые были так очаровательны на вкус, входят в Галактический перечень?

— Да, конечно.

— А мне показалось, что среди них есть ваши местные растения.

— Безусловно. Планета Сейшелл, когда сюда прибыли первые поселенцы, оказалась миром с атмосферой, содержащей кислород, — значит, жизнь здесь должна была существовать. И нам удалось сохранить кое-какие эндемичные виды. У нас есть обширные природные парки, в которых бережно сохраняется как флора, так и фауна древнего Сейшелла.

— В этом вы впереди нас, С. К., — печально заметил Пелорат, — На Терминусе, когда туда прибыли первые поселенцы, оказалось крайне мало эндемичной жизни. Боюсь, долгое время не предпринималось особых попыток эту жизнь сберечь, сохранить, например, морскую флору и фауну, которые вырабатывали кислород, сделавший Терминус обитаемым. Теперь на Терминусе — самая стандартная природа.

— В Сейшелле искони берегут всякую жизнь, — с улыбкой скромной гордости сказал Квинтесетц.

Тревайз воспользовался моментом и пошел в атаку:

— Когда мы покидали ваш кабинет, С. К., вы обещали угостить нас, а затем рассказать нам о Гее.

Жена Квинтесетца — миловидная гостеприимная брюнетка, за ужином в основном помалкивавшая, устремила на Тревайза пораженный взгляд, встала и, не говоря ни слова, вышла из комнаты.

— Моя супруга, — смущенно проговорил Квинтесетц, — придерживается довольно

консервативных взглядов и не очень любит, когда при ней упоминают об этом мире. Прошу простить ее. Но почему вас... этот мир интересует?

— Видите ли, это очень важно для работы Дж. П.

— Но почему вы спрашиваете об этом меня? Мы с вами говорили о Земле, о роботах, об основании Сейшелла. Что тут общего с тем, о чем вы спрашиваете?

— Может быть, и ничего, и тем не менее в этом вопросе много загадок. Почему ваша супруга так занервничала при одном упоминании о Гее? Почему вы испытываете такую неловкость? Некоторые говорят о ней совершенно запросто. Не далее как сегодня нам сказали, что Гея на самом деле Земля и что она удалилась в гиперпространство из-за обиды на то зло, что совершили люди.

Гримаса боли исказила лицо Квинтесетца.

— Кто сказал вам такую несусветную чушь?

— Кто-то из тех, кого мы встретили в Университете.

— Вульгарное суеверие.

— Стало быть, это не имеет отношения к Великой Тайне Сейшелла?

— Нет, конечно! Это просто-напросто сказка, которая ходит среди простых, необразованных людей.

— Вы уверены? — холодно спросил Тревайз.

Квинтесец прислонился к спинке стула и уставился на тарелку с остатками еды.

— Давайте пройдем в гостиную, — предложил он. — Моя жена не позволит, чтобы тут убирали, пока мы говорим об... этом.

— Вы уверены, что это всего-навсего сказка? — повторил Тревайз свой вопрос, когда они расселись в другой комнате перед выпуклым окном, из которого открывался восхитительный вид на ночное сейшельское небо. Квинтесец включил ночник, дабы не мешать свету звезд, и его темная грузная фигура превратилась в большую бесформенную тень.

— А вы не уверены? — тихо проговорил Квинтесец. — Вы полагаете, что это возможно, чтобы какой-то мир исчез в гиперпространстве? Вы должны понимать, что средний человек имеет весьма отдаленное понятие о том, что такое гиперпространство.

— Дело в том, — сказал Тревайз, — что я и сам имею весьма отдаленное представление о том, что такое гиперпространство, хотя бывал там сотни раз.

— Тогда поговорим о вещах реальных. Уверяю вас, что Земля, где бы, в каком бы пространстве она ни находилась, не находится в границах Сейшельского Союза; и тот мир, что вы упомянули, не Земля.

— Но даже если вы не знаете, где находится Земля, С. К., вы должны знать, где находится упомянутый мною мир. Он-то уж точно находится в границах Сейшельского Союза. Это мы знаем наверняка — так, Пелорат?

Пелорат, казалось, внимательно слушавший разговор, вздрогнул, когда к нему обратился Тревайз.

— Если на то пошло, Голан, — сказал он, — я знаю, где он.

Тревайз обернулся и пристально посмотрел на него:

— И с каких пор, Джен?

— Недавно. Сегодня вечером понял. Вы показали нам «Пять Сестер», С. К., на пути от Университета к вашему дому и указали на тусклую звездочку в центре пятиугольника, Я убежден — это есть Гея.

Даже в темноте было понятно, что Квинтесец жутко растерялся. Он довольно долго молчал и наконец проговорил:

— Ну так, по крайней мере, утверждают наши астрономы. То есть это планета, которая обращается вокруг этой звезды.

Тревайз с укором взглянул на Пелората, но выражения лица товарища в темноте не разглядел. Тревайз повернулся к Квинтесетцу.

— Вот и расскажите нам об этой звезде. У вас есть ее координаты?

— У меня? Нет. — И, видимо, решив, что нужно более четко высказать свое неведение, он добавил: — Здесь, дома, у меня нет справочника по координатам звезд. Можете попробовать запросить такие данные на астрономическом факультете, но мне кажется, это будет трудновато.

На эту звезду запрещено путешествовать.

– Почему? Она на вашей территории, не так ли?

– Космографически – да. Политически – нет.

Тревайз ждал, не скажет ли хозяин еще что-нибудь. Не дождавшись ни слова, он встал.

– Профессор Квинтесетц, – проговорил он холодно и формально, – я не полицейский, не солдат, не дипломат и не разбойник. Я не собираюсь силой вытягивать у вас информацию. Придется, хотя я этого вовсе не хочу, обратиться к послу. Надеюсь, вы понимаете, что сведения нужны не мне лично ради собственного праздного интереса. Это – дело Академии, и мне очень не хотелось бы устраивать из него межзвездный скандал. Думаю, этого не хотелось бы и Сейшельскому Союзу.

– Что за дело Академии? – неуверенно спросил Квинтесетц.

– С вами я это обсуждать не могу. Если Гея – нечто такое, о чем мы с вами говорить не можем, придется перенести решение на правительственный уровень, и обстоятельства могут сложиться так, что лучше Сейшеллу от этого не будет. Сейшелл сохраняет независимость от Федерации и лично у меня нет против этого возражений. Я не желаю Сейшеллу зла, и к послу меня не слишком тянет. Если честно, моя карьера здорово пострадает, если я к нему обращусь, поскольку у меня имеются четкие инструкции: добить эти сведения, избегая забираться на правительственный уровень. Будьте же так добры, скажите мне: существует ли веская причина, из-за которой вы не желаете говорить о Гее? Вас что, арестуют или еще как-то накажут, если вы что-то скажете? Ну скажите мне, в конце концов: «Да, вам следует обратиться к послу».

– Нет-нет, – растерянно помотал головой Квинтесетц. – Правительство тут ни при чем, и я в этом ничего не смыслю. Просто мы не говорим об этом мире.

– Суеверие?

– Пусть так! Суеверие! О небеса Сейшелла, чем я лучше того тушицы, что сказал вам, будто Гея – в гиперпространстве, чем я лучше своей жены, которая не желает даже оставаться в комнате, где говорят о Гее: она ведь, может быть, даже из дома ушла от страха, что он будет разрушен...

– Чем? Молнией?

– Неважно чем. Чем-то! И я, даже я страшусь произносить это название. Гея! Гея! Слоги, звуки – ведь они же не бьют, не убивают. Никто ничего мне не делает плохого. И все-таки мне страшно... Но прошу вас, поверьте мне, не сомневайтесь, я правду говорю – у меня нет ее координат. Я могу попытаться помочь вам раздобыть их, но позвольте еще раз напомнить вам: мы здесь избегаем говорить об этом мире. Стараемся держать и руки и умы подальше от него. Я могу сказать вам лишь то малое, что известно наверняка, и сомневаюсь, что во всех мирах Союза вы узнаете больше.

Мы знаем, что Гея – древний мир. Некоторые считают даже, что Гея – самый древний мир в этом секторе Галактики, но в этом мы не уверены. Патриотизм заставляет нас твердить, что Сейшелл старее Геи, а страх шепчет: нет, Гея старше...

Большинство историков полагают – про себя, конечно, – что Гея была заселена независимо. Они думают, что она не была колонией, не входила в Союз и что Союз с Геей также не был колонизирован. Согласия по вопросу об истинном времени заселения Геи не достигнуто – никто не уверен в том, раньше или позже Сейшелла на ней появились люди.

Тревайз пожал плечами:

– Информации – ноль. Всякий может избрать для себя ту или иную альтернативу.

Квинтесетц утвердительно кивнул:

– Пожалуй. Мы сравнительно поздно узнали о существовании Геи. Вначале мы были заняты формированием Союза, потом – борьбой с Галактической Империей, потом – попытками избрать верную тактику поведения в качестве имперской провинции и ограничить власть вице-королей.

Только во времена ослабления власти Империи один из последних наших вице-королей обнаружил, что существует Гея и, по всей видимости, сохраняет независимость от Сейшельского Союза и от самой Империи. Каким-то образом Гея оставалась в тайне, в изоляции, и о ней тогда не было известно почти ничего – на самом деле, не больше, чем сейчас. Вице-король решил попробовать захватить ее. Подробности происшедшего нам неизвестны, но

его экспедиция была разбита, и лишь немногие уцелевшие корабли вернулись обратно. Правду сказать, в те дни корабли были не такие уж хорошие, да и пилотирование оставляло желать лучшего...

А на Сейшелле были рады тому, что вице-король потерпел поражение – его не без основания считали диктатором, угнетателем. Его провал напрямую привел к восстановлению нашей независимости: Сейшельский Союз порвал всякие связи с Империей, и годовщина этого события ежегодно отмечается как День Союза. Из одной лишь благодарности мы оставили Гею в покое почти на столетие, но потом наступили времена, когда нам показалось, что мы уже достаточно сильны для того, чтобы приступить к небольшой собственной экспансии. Почему бы не попробовать одолеть Гею? Почему хотя бы не заключить с ней таможенное соглашение? Мы послали туда флот, и он был разбит.

Потом были редкие попытки наладить торговлю с Геей – и все до одной оказались безуспешными. Гея сохраняла строгую изоляцию, и никогда – насколько известно – не пыталась установить связь с каким-либо миром. Но и враждебности с ее стороны никакой не проявлялось. А потом... – Коснувшись кнопки в подлокотнике кресла, Квинтесетц зажег верхний свет. Сразу стало видно, что лицо его приобрело насмешливое выражение. Он продолжал: – Поскольку вы граждане Академии, вам должно быть знакомо имя Мула.

Тревайз вспыхнул. За пять веков своего существования всего лишь раз Академия была побеждена, захвачена. Оккупация долго не продлилась и не стала серьезной преградой на пути создания Второй Империи, но, конечно же, всякому, кто желал уязвить самолюбие Академии, стоило только упомянуть имя Мула, ее завоевателя, и цель была достигнута. «Очень может быть, – подумал Тревайз, – что Квинтесетц и свет включил именно для того, чтобы воочию убедиться, что самолюбие граждан Академии задето».

– Да, – ответил он как мог сдержанно, – мы в Академии помним Мула.

– Мул, – продолжил Квинтесетц, – некоторое время правил Империей, и Империя его была так же обширна, как та, которой нынче правит Академия. А вот нами, как бы то ни было, он не правил. Нас он не тронул. Однажды проездом он побывал в Сейшелле. Были подписаны декларация о нейтралитете и мирный договор. Больше он ничего не потребовал. Мы оказались единственными, кому он не поставил больше никаких условий во времена, пока болезнь не сломила его окончательно и не поставила точку на его завоевательской карьере. Вы знаете, кровожадным диктатором его назвать было нельзя. Он правил гуманно.

– Как всякий победитель, –sarкастически проговорил Тревайз.

– Как и Академия, – уточнил Квинтесетц.

Не найдя, что ответить на этот выпад, Тревайз раздраженно спросил:

– А о Гее вам больше нечего рассказать?

– Могу лишь упомянуть об устном заявлении Мула при подписании соглашения о нейтралитете. Судя по официальному отчету о встрече Мула с тогдашним Президентом Союза Калло, Мул с радостью поставил свою подпись под документом и сказал: «Теперь вы нейтральны даже по отношению к Гее, что счастье для вас. Даже я не осмелился бы к ней приблизиться».

Тревайз недоверчиво покачал головой:

– А зачем ему это было нужно? Сейшелл стремился к нейтралитету, а Гея враждебных намерений не проявляла. Мул в ту пору вынашивал планы завоевания всей Галактики, и какой смысл ему было здесь задерживаться из-за такой мелочи? У него было достаточно времени, чтобы покончить со всеми остальными мирами, а потом вернуться к Сейшеллу и Гее.

– Может быть, может быть, – согласился Квинтесетц, – но, если верить словам одного из свидетелей, присутствовавших при подписании соглашения, человека, которому мы склонны доверять, Мул отложил ручку и сказал: «Даже я не осмелюсь приблизиться к Гее», и шепотом добавил, видимо, не желая, чтобы кто-то услышал: «снова».

– Чтобы никто не услышал, вы говорите? Но как же вышло, что последнее слово было услышано?

– Потому что ручка, которую он отложил, покатилась по столу, и сейшелец, о котором я говорю, совершенно автоматически наклонился и подхватил ее, чтобы она не упала. И ухо его оказалось очень близко от губ Мула, когда тот прошептал: «снова». Он услышал это слово. И

молчал до самой смерти Мула.

– Как можно утверждать, что это не выдумка?

– Жизнь этого человека не такова, чтобы его можно было счесть выдумщиком. Его свидетельство – истина.

– Ну, допустим. И что?

– Видите ли, кроме этого единственного случая, Мул никогда не бывал ни в Сейшельском Союзе, ни в его окрестностях с тех самых пор, как появился на сцене галактической истории. Если он когда-либо побывал на Гее, это могло произойти только раньше.

– Ну и?..

– Где родился Мул?

– Этого, я думаю, не знает никто, – пожал плечами Тревайз.

– В Сейшельском Союзе есть сильное подозрение, что он родился на Гее.

– Из-за одного этого слова?

– Не только. Мул был непобедим из-за того, что обладал уникальной ментальной силой. Гея тоже непобедима.

– Пока непобедима. Это вовсе не означает, что она непобедима в принципе.

– Но Мул таки не осмелился к ней приближаться. Полюбопытствуйте, перечитайте записи об истории его правления. Посмотрите, отыщется ли хоть один мир, с которым бы он обошелся так милосердно, как с Сейшельским Союзом? Знаете ли вы о том, что даже те, кто отправлялся на Гею с мирными предложениями о торговле, никогда не вернулись оттуда? Вам этого мало? Вы по-прежнему считаете, что нам слишком мало о Гее известно?

Тревайз сказал:

– Много ли, мало ли, все равно ваше отношение сильно попахивает суеверием.

– Называйте, как хотите. Словом, со временем Мула мы перестали думать о Гее. И не хотим, чтобы она о нас думала. Только тогда мы чувствуем себя в безопасности, когда притворяемся, будто ее не существует. Не исключено, что легенда об исчезновении Геи в гиперпространстве намеренно сочинена правительством в надежде, что народ попросту позабудет, что существует звезда с таким названием.

– Значит, вы полагаете, что Гея – мир Мулов?

– Может быть. И советую, ради вашей же безопасности, – не суйтесь туда. Попробуете – никогда не вернетесь. Если Академия сунется на Гею, значит, она глупее Мула. Можете это сообщить нашему послу.

– Добудьте мне координаты Геи, – сказал Тревайз, – и я тут же исчезну из вашего мира. Доберусь до Геи и вернусь.

– Я добуду вам координаты, – сказал Квинтесетц. – Астрономический факультет работает, естественно, ночью. Если сумею, постараюсь это сделать прямо сейчас. Но позвольте еще раз попробовать отговорить вас от попытки лететь на Гею.

– А я все равно попытаюсь, – упрямо проговорил Тревайз.

Квинтесетц тяжело вздохнул:

– Значит, вы намерены совершить самоубийство.

Глава четырнадцатая Вперед!

55

С тоской смотрел Пелорат в иллюминатор на туманный, призрачный рассветный Сейшелл.

– Мы так недолго пробыли тут, Голан. А ведь мир очень интересный и милый. Хотелось бы побольше разузнать о нем.

С кислой усмешкой Тревайз оторвался от компьютера:

– А мне, думаешь, не хотелось бы? Три раза мы тут превосходно полакомились. Я бы не прочно тут задержаться. Женщин, которые нам тут попадались, мы видели недолго, а некоторые

из них выглядят весьма недурно с точки зрения... ну, словом, с моей точки зрения.

Пелорат брезгливо наморщил нос.

— Ох, дружочек, не знаю... Эти коровьи колокольчики вместо нормальных туфель, да с головы до ног завернуты в кричащие тряпки. И потом — что они делают со своими ресницами? Ты обратил внимание на их ресницы?

— Почему же? Обратил. И не только на ресницы. Джэн, это все пустяки. В конце концов, их можно упросить умыться, а в нужный момент дело дойдет и до пищащих туфель, и до разноцветной одежды.

Пелорат пожал плечами:

— Верю тебе на слово, Голан, Я, правда, больше думал о Земле. Все, что нам пока о ней говорят, так противоречиво — одни говорят о радиации, другие — о роботах...

— Но все — о гибели.

— Верно, — согласился Пелорат. — Но ведь может быть, что один прав, а другой — нет, или оба правы до какой-то степени, или оба неправы. Именно тогда, Голан, когда выслушиваешь предания, окутанные туманом загадок, и хочется больше всего найти истину.

— Точно, — кивнул Тревайз. — И я этого хочу. Всеми черными дырами Галактики клянусь — только этого я и хочу. Сейчас же самое главное — разобраться с Геей. Как только все выясним — можно будет искать Землю или вернуться на Сейшель. чтобы побывать тут подольше. Но первым делом — Гея.

Пелорат нахмурился:

— Первым делом... Если верить тому, что сказал Квинтесетц, мы можем погибнуть там. Стоит ли лететь туда?

— Я и сам задаю себе этот вопрос. Ты боишься?

Пелорат растерялся, подумал и честно ответил:

— Да. Ужасно.

Тревайз запрокинул голову и пристально посмотрел на товарища.

— Джэн, — сказал он через некоторое время спокойно, как только мог, — не обязательно тебе рисковать. Скажи только слово, и я оставлю тебя в Сейшеле с личными вещами и половиной наших денег. На обратном пути, если хочешь, подберу тебя, и тогда мы отправимся в Сирианский Сектор искать Землю, если она там. Если я не вернусь, представители Академии в Сейшеле помогут тебе вернуться на Терминус. Я не обижусь, старина, если ты останешься.

Пелорат часто-часто заморгал, крепко сжал губы.

— «Старина»? — переспросил он растерянно. — Ты так меня назвал? Сколько же времени мы знакомы? Неделю? Чуть больше? Не странно ли, что я не хочу остаться? Да, я боюсь, но я хочу лететь с тобой.

Тревайз развел руками:

— Но почему? Я от тебя этого не требую, честно!

— Я сам не знаю почему. Это... Что-то такое... Голан, я верю в тебя. Мне кажется, ты всегда знаешь, что делаешь. Я хотел лететь на Трентор, но теперь понимаю, что из моей затеи ничего бы не вышло. Ты настаивал на поисках Геи, и теперь мне кажется, что Гея — это нечто вроде самого натянутого нерва Галактики. Очень, очень похоже, что именно из-за нее совершаются кое-какие события. И потом, если на то пошло, Голан, я наблюдал за тем, как ты заставил Квинтесетца выдать тебе сведения о Гее. Это была потрясающая по совершенству игра. Я был в восторге!

— Стало быть, ты веришь в меня.

— Да. Верю, — без колебаний ответил Пелорат. Тревайз положил руку на плечо товарища и с минуту молчал, подбиравая, видимо, верные слова.

— Джэн, — сказал он наконец, — ты простишь меня заранее за то, что я совершу что-то неправильное, если так или иначе нам придется встретиться с какими-то неприятностями?

— О, дружочек! — восхликал Пелорат. — Зачем ты спрашиваешь? У меня есть и собственные причины остаться. Только давай побыстрее улетим, пока я не струсил и не передумал. Тогда я буду сгорать от стыда до конца своих дней.

— Как скажешь, Джэн, — улыбнулся Тревайз. — Стартуем сразу же, как только позволит компьютер. На этот раз рванем вверх без проволочек, запустим гравитационный двигатель, как

только небеса над нами будут свободны от других кораблей, А через час будем уже в открытом космосе.

— Хорошо, — кивнул Пелорат и оторвал язычок с герметичного контейнера с кофе. Кофе почти сразу вскипел. Пелорат принял осторожно посасывать его через трубочку, стараясь не обжечь губы.

Тревайз усмехнулся:

— Гляди, как ловко ты уже управляешься с этими штуками. Ты теперь старый космический волк, Джен.

Пелорат задумчиво посмотрел на пластиковый контейнер и глубокомысленно изрек:

— Видишь ли, во времена, когда люди научились управлять гравитационным полем, стыдно не уметь пользоваться какими-то контейнерами.

— Угу. Только теперь кофе можно и из чашки попить на корабле, Странная штука получается — из области психологической инерции. Видишь кольца на стенах и потолке? Двадцать тысячелетий они монтируются на всех космических кораблях, но на гравитационном корабле они нужны как рыбе зонтик. Контейнер с трубочкой — из той же оперы.

Пелорат кивнул, продолжая меланхолично потягивать кофе.

— И когда же мы стартуем?

— Ага, попался! — весело рассмеялся Тревайз. — Пока я с тобой болтал про колечки и трубочки, мы успели попрощаться с Сейшеллом. Уже в миле от поверхности.

— Не может быть.

— Сам посмотри.

— Но... я ничего не почувствовал, — пролепетал Пелорат, стоя у иллюминатора.

— И не должен был.

— А мы ничего не нарушили? Нам не нужно было опять следовать по радиолучу, как тогда, когда мы приземлились?

— Нет причин, Джен. Никто нас не остановит. Никто на свете.

— Но когда мы садились, ты сказал...

— То было другое дело. Наше прибытие не было для них большим подарком, но оттого, что мы улетаем, они просто в экстазе.

— Почему ты так говоришь, Голан? О Гее с нами говорил только Квинтесетц, а он умолял, чтобы мы туда не летели.

— Не обольщайся, Джен. Это он для проформы. Он прекрасно понимал, что мы полетим туда. Вот ты восторгался — как ловко я выудил у Квинтесетца нужные сведения. На самом деле моей заслуги тут нет. Он и сам бы все выложил. Если бы я заткнул уши, он бы стал кричать.

— Но почему, Голан, почему? Это просто безумие какое-то.

— Ну да, паранойя. Понимаю.

Тревайз повернулся к компьютеру.

— Нас не остановили, — сообщил он вскоре. — Ни единого корабля на пути, и дальше все чисто, и никаких предупреждений.

Подмигнув Пелорату, Тревайз спросил:

— А расскажи-ка мне, Джен, как ты узнал о Гее? Ты ведь знал о ней еще на Терминусе, знал, что она — в Сейшельском Секторе, знал, что ее название по значению близко к слову «Земля». Где ты слышал обо всем этом?

Пелорат явно растерялся.

— Если бы я смог вернуться на Терминус... я бы покопался в файлах. Я же не все взял с собой — во всяком случае, не взял указатель, откуда те или иные сведения почерпнуты.

— Но ты задумайся, это ведь не так просто! Сейшельцы язык не распускают о Гее, помалкивают в тряпочку — настолько боятся говорить о ней, что выдумали сказку об ее исчезновении в гиперпространстве. Но я тебе еще кое-что скажу. Вот, посмотри...

Тревайз наклонился к компьютеру, ладони уверенно легли на поверхность стола. Он с радостью ощутил тепло соединения и почувствовал, как его воля скользнула куда-то вовне...

— Вот, — сказал он, — компьютерная модель Галактики, какой она была в памяти компьютера до нашего приземления на Сейшелле. А сейчас ты увидишь кусочек карты, показывающий ночное небо Сейшеля таким, каким мы его видели прошлой ночью.

В каюте стемнело и на экран легла картина ночного неба.

– Такое же красивое, как в тот вечер, – прошептал Пелорат.

– Еще красивее, – уточнил Тревайз. – Ведь здесь нет ни облаков, ни атмосферных искажений. Но погоди, сейчас я наложу подстройку...

У обоих наблюдателей возникло томящее ощущение передвижения в пространстве, а на самом деле Тревайз просто увеличил изображение. Пелорат инстинктивно вцепился в подлокотники кресла.

– Вот! – сказал Тревайз. – Видишь?

– Конечно. «Пять Сестер» – пятиугольник из звезд, который нам показывал Квинтесетц. Это они, без сомнения.

– Точно. Но где же Гея?

Пелорат прищурился, моргнул – тусклой звездочки в центре пятиугольника не было.

– Ее нет.

– Вот именно. Ее нет. А нет ее потому, что данные о ней в памяти компьютера отсутствуют, И поскольку я отвергаю возможность того, что данные не внесены в память компьютера намеренно, мне остается сделать вывод: галактографы Академии, разрабатывавшие банк данных, имея в распоряжении колоссальные объемы информации, данными о Гее не располагали.

– Не хочешь ли ты сказать, что если бы мы полетели на Трентор...

– Я хочу сказать, что и там бы мы ничего не узнали о Гее. Ее существование держится в тайне сейшельцами и – у меня сильное подозрение – теми, кто живет на Гее. Ты и сам не так давно говорил, что кое-какие миры стараются держаться в тени, от глаз подальше, ну, чтобы налоги не платить, и всякое такое.

– Да, но такие миры, как правило, располагаются в малонаселенных районах Галактики. Именно изоляция, географическая изоляция дает им возможность скрываться. О Гее такого сказать нельзя, она не изолирована.

– Правильно! Весьма необычно. Но удивительнее другое: такие знающие люди, профессионалы-галактографы ни сном ни духом не ведали о Гее. А ты как о ней узнал?

– Голан, милый, но я же собирал мифы, легенды, всяческие сведения о Земле целых тридцать лет. Без картотеки как я могу вспомнить?

– Но поищи какую-нибудь зацепку, Джен. Ну вспомни, когда ты о ней узнал – в первые или последние пятнадцать лет изысканий?

– О, если так, то, конечно, в последние.

– Можно и точнее. Я возьму на себя смелость утверждать, что о Гее ты узнал не раньше чем в последние пару лет.

Тревайз немного усилил освещение в каюте, чтобы разглядеть выражение лица Пелората. Великолепное сияние звездного неба чуть померкло. Пелорат окаменел; он не мигая смотрел в одну точку.

– Ну? – поторопил его Тревайз.

– Думаю... – тихо проговорил Пелорат. – Может быть, ты прав. То есть покляться не могу, но... Когда я писал письмо Джимбому в Ледбетский Университет, Гею не упоминал, что в этом случае было бы весьма уместно, а было это... дай-ка припомнить... в девяносто пятом, стало быть, три года назад. Выходит, ты прав, Голан.

– Но как, где ты наткнулся на упоминание о ней? – настаивал Тревайз. – В письме? В книге? Научной статье? В древней песне? Где? Думай!

Пелорат прикрыл глаза, скрестил руки на груди. Долго, казалось, целую вечность, он неподвижно сидел в глубоком раздумье, Тревайз нервничал, но не торопил его.

– В личном письме, дружочек, – наконец вымолвил Пелорат. – Только не спрашивай, от кого, я все равно не вспомню.

Тревайз вытащил руки из сумки. Ладони его взмокли от пота. Он продолжал пытаться говорить устами товарища...

– От кого было письмо? От историка? Мифолога? Галактографа?

– Бесполезно. Содержание письма не ассоциируется ни с каким именем.

– Скорее, никакого имени просто не было.

– О нет, это вряд ли.

– Почему? Ты не стал бы распечатывать анонимное письмо?

– Думаю, нет.

– Почему? Разве ты никогда не получал анонимных писем?

– Ну... когда-то очень давно. Но в последние годы я стал хорошо известен в определенных научных кругах и неплохо знал всех своих корреспондентов. Они любезно переправляли мне сведения, почерпнутые из самых разных источников. Вот источники порой не имели автора, это точно.

– Ну а от анонимного корреспондента такую безадресную информацию ты мог получить?

– Такое вроде бы бывало... Но очень редко.

– Значит, вовсе не исключено, что именно по такому каналу к тебе попала информация о Гее?

– Да, но... я этого не утверждаю.

– Хорошо. И тем не менее – такой вариант не исключен, правда?

– Наверное. Но к чему ты клонишь?

– Погоди, я еще не закончил. Откуда было это анонимное письмо? Из какого мира?

– Говорю же тебе – не знаю, не помню!

– Не с Сейшелла ли?

– Не могу вспомнить, Голан, хоть убей.

– Позволю себе предположить, что письмо пришло-таки с Сейшелла.

– Можешь предполагать все, что угодно, но это ничего не доказывает.

– Нет? А вспомни-ка, когда Квинтесетц показал на тусклую звездочку посреди пятиугольника «Пяти Сестер», ты сразу понял, что это Гея. Помнишь?

– Да, конечно.

– Как это возможно? Как ты мог вот так сразу узнать ее, как понял, что это и есть Гея?

– Наверное, потому, что в материалах о Гее, что имелись у меня, она редко называлась своим истинным именем. Чаще употреблялись эвфемизмы. Иногда планета упоминалась как «младший братец Пяти Сестер». Еще встречались такие поэтические определения, как «Сердце Пятиугольника»... И как только Квинтесетц показал на «Пять Сестер», все эти аллюзии сразу вспомнились.

– Интересно... А мне ты раньше ни слова не говорил об этих аллюзиях.

– Видимо, я просто не улавливал их истинного значения и не думал, что это нечто важное, достойное обсуждения с тобой, не...

Пелорат осекся и замолчал на полуслове.

– Договаривай. Не специалистом?

– Да.

– Допустим. Поговорим о другом. Надеюсь, ты понимаешь, что пятиугольник «Пяти Сестер», как всякое созвездие, носит весьма относительный характер?

– Что ты хочешь сказать?

– То, что ты сухопутная крыса. Ты думаешь, что звезды приколочены к тверди небесной? Пятиугольник «Пяти Сестер» имеет такие очертания только для тех, кто живет в мирах Сейшельского Союза. Для жителей планеты, обращающейся вокруг любой другой звезды, «Пять Сестер» выглядят иначе. Как минимум видны под другим углом. Это во-первых. Во-вторых, звезды, составляющие «Пять Сестер», находятся на разном расстоянии от Сейшелла, и если на них смотреть объективно, никакой взаимосвязи между ними может не оказаться вообще. Одна-две звезды могут находиться на одном краю неба, а остальные – бог знает где. Смотри...

Тревайз снова полностью выключил свет в каюте и склонился над компьютером.

– Перед нами восемьдесят шесть обитаемых миров, составляющих Сейшельский Союз. Теперь поставим Гею, вернее, ту точку, где она должна находиться, на место (только он успел произнести эти слова, как в центре пятиугольника загорелась красная точка) и посмотрим, как выглядят ночные небеса с некоторых планет Сейшельского Союза.

Звездная картина дрогнула, сместились. Пелорат мигнул. Красная точка осталась в центре экрана, а пятиугольник исчез. Яркие звезды были видны, но никакого пятиугольника! Еще и

еще раз менялась картина небес... Красная точка неизменно оставалась на месте, но пять звезд никак не выстраивались в пятиугольник. Время от времени возникало нечто вроде неправильного пятиугольника, но тогда звезды вовсе не отличались столь равномерной яркостью, как те, что показывал им Квинтесетц.

– Ну что, хватит? – спросил Тревайз. – Так вот: ниоткуда больше «Пять Сестер» не видны так четко, как с Сейшелла, ни из одного мира Сейшельского Союза.

Пелорат предположил:

– Воззрения сейшельцев могли быть экспортированы на другие планеты. Ну, например, Трентор до сих пор фигурирует в массе пословиц...

– Ну да, конечно, и при этом в Сейшелле хранят тайну Геи за семью печатями? И потом, какое кому дело до нее в других мирах, кроме Сейшелла? Что им за дело до «младшего братца Пяти Сестер», когда в их небесах нет никаких сестер и братьев?

– Не знаю... Может, ты и прав.

– Надеюсь, я сумел убедить тебя в том, что первоначальные сведения о Гее ты получил и мог получить только из Сейшелла. Причем – не из какого-то другого мира, а именно из той планетарной системы, где располагается столичная планета.

Пелорат обескураженно помотал головой:

– Ты так все выстраиваешь... вроде бы все сходится. Но сам я этого не помню, Ей-богу, не помню.

– Но в неоспоримость моих доказательств ты веришь, не так ли?

– Да.

– Ладно. Пошли дальше. Как ты думаешь, когда могла возникнуть эта легенда?

– Когда угодно. Я склонен полагать, что она возникла очень давно, еще в Эру Империи. У нее есть привкус древности...

– Ошибаешься, Джэн. «Пять Сестер» сейчас находятся довольно близко от Сейшелла, вот почему они такие яркие. Но, как я уже говорил, они не связаны друг с другом раз и навсегда. Взять произвольно любую пару – и они не будут частью одного звездного семейства. То есть они движутся в разных направлениях. Погляди, что произойдет, если я сдвину картину назад во времени... – Красный кружек, обозначавший Гею, вновь остался на месте, а пятиугольник медленно, постепенно распался – четыре звезды поплыли в разных направлениях, а пятая немного отошла в сторону. – Ну, Джэн, – потребовал Тревайз, – можно назвать этот пятиугольник правильным?

– Нет, он явно деформирован.

– А Гея где? В центре?

– Нет, она тоже ушла в сторону.

– Отлично. Вот так выглядело созвездие сто пятьдесят лет назад. Всего сто пятьдесят лет назад... Сведения, полученные тобой о «Пяти Сестрах» и звезде в центре пятиугольника, не имеют никакого смысла до наступления нашего столетия нигде, даже на Сейшелле. Легенда эта могла возникнуть на Сейшелле и только в течение последнего века. Скорее всего – в последние десять лет. Сейшельцы не любят и боятся об этом говорить, а ты об этом узнал.

Тревайз резко включил свет, убрал карту звездного неба и в упор посмотрел на Пелората.

– Я... совершенно растерян, – хрипло проговорил тот. – Что же это такое?

– Это ты мне скажи! Думай! Мне каким-то образом явилась мысль о том, что Вторая Академия все еще существует. Во время своей избирательной кампании я говорил об этом – самым откровенным образом давил на эмоции не слишком решительных избирателей, набирая голоса. Позже я подумал: «А что, если она действительно существует?» Я принялся читать книги по истории и еще через неделю был в этом просто убежден. Настоящих доказательств у меня не было, но я всегда чувствовал в себе способность делать верные выводы всего лишь на основании размышлений. Но на этот раз... – Тревайз сделал небольшую паузу и продолжил: – Смотри, что происходит потом: из всех людей я доверился только Компору, и он предал меня. Затем Мэр Бранно арестовала меня и отправила в ссылку. Почему в ссылку? Почему в тюрьму? В конце концов, можно было просто пригрозить мне – дескать, держи язык за зубами, а не то... Ладно, в ссылку, но почему на корабле последней модели, способном совершать Прыжки через всю Галактику? А самое главное – зачем она настаивала, чтобы со мной полетел ты и чтобы я

помог тебе в поисках Земли?

А почему я был твердо убежден, что нам не нужно лететь на Трентор? Я предполагал, что ты знаешь о более интересной цели поиска, и тут ты выложил мне рассказ о таинственном мире – Гее, сведения о которой, как теперь выясняется, ты получил при весьма загадочных обстоятельствах... Мы отправляемся на Сейшелл, делаем первую остановку и тут же встречаем Компора, который обстоятельно рассказывает нам о Земле, о ее гибели, уверяет нас, что она находится в Сирианском Секторе и настоятельно рекомендует нам лететь туда.

– А, вот ты о чем... – протянул Пелорат. – Ты хочешь сказать, что обстоятельства влекли нас к Гее. Но, как ты только что сказал, Компор пытался убедить нас, что нам следует лететь совсем в другое место.

– А я, не доверяя этому человеку ни на йоту, из чистого упрямства решил не отказываться от задуманного. А тебе не кажется, что он именно этого и добивался? Собственно, я уже говорил тебе об этом.

– Романтика какая-то... – пробурчал Пелорат.

– Да? Пошли дальше. Мы очень быстро разыскали Квинтесетца. Сам нам в руки пошел.

– Не совсем, – возразил Пелорат. – Я узнал его имя...

– Оно показалось тебе знакомым. Ты даже не мог точно припомнить, читал ли что-либо из написанного им. Почему же оно показалось тебе знакомым?.. Потом оказалось, что он читал твою работу, а это насколько вероятно? Ты же сам признавался, что не так много опубликовал.

Дальше – больше: молодая дама, провожая нас до кабинета Профессора, довольно небрежно упоминает о Гее, рассказывает нам байку о том, что Гея – в гиперпространстве. Да так, чтобы мы запомнили это. Мы спрашиваем об этом Квинтесетца, он пугается, не хочет говорить об этом, но нас за дверь не выставляет, несмотря на то что я был грубо в с ним. Наоборот, он приглашает нас к себе домой и по пути не забывает показать нам «Пять Сестер». Не забывает даже спросить, заметили ли мы тусклую звездочку в центре пятиугольника. Зачем? Не слишком ли закономерно для случайного стечения обстоятельств?

– Ну, когда ты так перечисляешь...

– Перечисляй, как хочешь. Но я не верю, что это – случайное стечение обстоятельств.

– Что же это все значит? Что нас ведут на Гею?

– Да.

– Кто?

– А вот в этом у меня сомнений нет. Те, кто способен управлять сознанием, тонко манипулировать течением событий, направляя их в ту или иную сторону по своей воле.

– Сейчас ты скажешь, что это Вторая Академия.

– Ну а что нам известно о Гее? Она неприкасаема. К ней отправляется целый флот, и флот погибает. Люди летят туда с мирными намерениями и не возвращаются. Даже Мул не осмелился выступить против нее, и очень может быть – там родился. Естественно, мне кажется, что Гея – это Вторая Академия, а ведь отыскать ее – вот моя главная задача.

Пелорат покачал головой:

– Судя по тому, что пишут некоторые историки, Вторая Академия остановила Мула. Разве он мог быть оттуда?

– Ренегат, наверное.

– Но почему же тогда Вторая Академия так упорно ведет нас к себе?

Тревайз нахмурился, уставился в одну точку.

– Давай попробуем понять. Для Второй Академии всегда, во все времена было важно, чтобы в Галактике о ней знали как можно меньше. Это нам известно точно. Вот уже сто двадцать лет Вторая Академия думает, что о ней никто не знает, и это устраивает ее как нельзя лучше. Когда у меня возникли догадки о том, что она до сих пор существует, она не делала ничего. О моих возврзениях узнал Компор. Она могла использовать его для того, чтобы заткнуть меня тем или иным способом, может быть, даже убить. Но и тут она пальцем о палец не ударила.

– Да, – возразил Пелорат, – но тебя арестовали, если тебе угодно возложить ответственность за это на Вторую Академию. В итоге народ Терминуса о твоих возврзениях не узнал. Люди из Второй Академии добились этого, не прибегая к насилию. Очень может быть,

что им известен знаменитый лозунг Гардина: «Насилие – последний козырь дилетантов».

– Ну и что с того, что об этом не узнал народ Терминуса? Мэр Бранно мои взгляды известны, и хотя бы она может пораскинуть мозгами – а вдруг я прав? Теперь Второй Академии уже поздно как-то помешать нам, повредить. Ведь если бы они избавились от меня сразу, они были бы ни при чем. Оставь они меня в покое, они тоже были бы ни при чем, поскольку нашли бы возможность убедить народ на Терминусе в том, что я – вот такой эксцентричный человек, может быть, даже чокнутый. Моя политическая карьера покатилась бы под откос, и одно это могло заставить меня замолчать – я бы понял, чем мне грозит открытое высказывание моих взглядов.

Теперь им поздно предпринимать что-либо. Мэр Бранно легковерием не отличается, поэтому послала Компора следить за мной, но, не доверяя и ему, отдала приказ установить на его корабле гиперреле. Вследствие этого ей, безусловно, известно, что мы – в Сейшельском Секторе. А ночью, когда ты спал, я через компьютер отправил сообщение нашему послу в Сейшелле, где доложил, что мы взяли курс на Гею. Я даже координаты не поленился сообщить. Даже если теперь Вторая Академия попытается сделать нам что-нибудь нехорошее, уверен: Бранно этого так не оставит, а пристальное внимание нашей Академии – это как раз то самое, чего Вторая Академия хочет меньше всего на свете.

– Но если они столь могущественны, – возразил Пелорат, – чего им бояться?

– Чего бояться? А почему они прячутся? Им не устоять в открытой схватке, понимаешь? Технический прогресс, достигнутый нашей Академией, превзошел ожидания самого Селдона. Вели они нас к своему миру тихо, почти незаметно, тайком – это, видимо, свидетельствует об их крайнем нежелании делать что-либо, способное привлечь к ним внимание. Но они все равно проиграли – не на того напали. Сомневаюсь, что теперь они сумеют изменить ситуацию.

– Но зачем им все это? Если ты прав, зачем им вести нас к себе через всю Галактику – ведь получается, что это грозит им гибелью?

Лицо Тревайза покрылось лихорадочным румянцем.

– Джэн, – сказал он, – у меня странное предчувствие. Ты сам сказал: у меня редкий дар делать верные выводы, располагая... да почти ничем не располагая. Кто-то внутри меня подсказывает мне, что я прав. И сейчас подсказывает. Есть во мне что-то, чего они хотят, зачем-то я им нужен, – нужен настолько, что они готовы рискнуть самим своим существованием. Я сам не знаю, что это такое, и должен понять – раз у меня что-то такое есть, и если это – мощное оружие, я обязан научиться им пользоваться ради того, что сам считаю верным. – Тревайз смущенно пожал плечами. – Ну вот. Ты все еще хочешь лететь со мной, старина, – теперь, когда видишь, какой я чокнутый?

Пелорат убежденно ответил:

– Я же сказал, что верю в тебя. Верю и сейчас.

– Восхитительно! – облегченно, радостно рассмеялся Тревайз. – Скажу тебе по секрету, у меня есть еще одно предчувствие: и у тебя тоже есть своя роль в этой истории. Ну, Джэн, летим на Гею на полной скорости. Вперед!

56

Мэр Бранно явно постарела за последние дни. Она настолько глубоко задумалась, что совершенно машинально взглянула в зеркало по дороге в галактографический зал. Лучше бы она этого не делала.

Бранно горько вздохнула. Жизнь уходила из нее по каплям. Целых пять лет на посту Мэра, а до этого – еще двенадцать – разве они были легче? Тогда она фактически занималась тем же самым, стоя за спиной двух марионеток. Спокойно, уверенно вершила она свое дело, но всегда на износ. «А как же иначе», – думала она порой. По другой схеме все выглядело бы так: «напряжение – неудача – срыв». Но как ужасно было сознавать, что именно спокойное плавание, дрейф по течению событий так измотали ее.

Залогом ее успеха был План Селдона, а Вторая Академия – залогом его успешного выполнения. Твердая рука Бранно лежала на пульсе Первой Академии, но никто, ни одна душа на Терминусе не догадывалась, как трудно Бранно устоять на гребне волны.

История скажет о ней мало или совсем ничего. Всю свою жизнь она просидела за пультом управления кораблем, которым на самом деле управляли извне.

Даже Индбур III, правивший Академией во времена ее позорного падения к ногам Мула, ухитрился сделать что-то, из-за чего его запомнили, – хотя бы в обморок упал!

А Мэра Бранно никто не вспомнит.

Если только ей не поможет Голан Тревайз, этот Советник-выскочка...

Бранно внимательно посмотрела на карту. Карта была совсем не такая, какую показывает современный компьютер: всего-навсего трехмерная модель – подвешенные в воздухе огоньки. Модель нельзя было разворачивать, двигать, увеличивать и уменьшать. Можно было лишь обойти ее вокруг.

Бранно нажала рычажок, и сразу загорелось огромное множество огоньков – около трети от общего количества (не считая ядра Галактики, где, как считалось, никто не живет). Такова была Федерация Академии – более семи миллионов обитаемых миров, и правил ими Совет во главе с Бранно. Семь миллионов миров имели голос и представительство в Совете Миров, решавшем дела второстепенной важности. Никогда ни при каких обстоятельствах Совет Миров не принимал решений глобальной важности.

Бранно нажала другой рычажок, и по разные стороны от границ Федерации загорелись бледно-розовые огоньки. Сфера влияния. Территориями Академии эти регионы не являлись, но, формально сохраняя независимость, ни за что в жизни не осмелились бы мечтать оказать сопротивление малейшему шагу со стороны Академии.

В голове у Мэра не укладывалось, что в Галактике может существовать сила, способная противостоять Академии, даже Вторая Академия, где бы она ни находилась. В любое время, когда захочет, Академия могла пустить в ход свой Флот, состоящий из суперсовременных кораблей, и уже сейчас без труда основать Вторую Империю.

Но со временем начала выполнения Плана Селдона минуло пока только пять столетий, а План гласил: между крахом Первой и созданием Второй Империи – путь длиной в десять веков. За выполнением Плана должна следить Вторая Академия... Мэр горестно покачала головой. Значит, если Академия начнет действовать сейчас, она проиграет. Пусть ее корабли непобедимы, но сама поспешность смерти подобна.

Все так, если только Тревайз, как громоотвод, не вызовет на себя гром и молнию Второй Академии и вспышка молнии не озарит ее источник...

Бранно нервно оглянулась на дверь. Где же Коделл? Не время опаздывать.

Он тут же вошел, как бы откликнувшись на ее мысленный упрек, – добродушно улыбаясь и гораздо более походя на добренского дедушку, чем мог бы, только за счет усов, бороды и хитрых морщинок на выдубленной годами коже лица. Да, дедушка, но не старик все-таки. Но, в конце концов, Коделл был на восемь лет моложе Бранно.

И как это, интересно, ему удалось так хорошо сохраниться? Пятнадцать лет Директором Службы Безопасности – и хоть бы что!

57

Коделл приветствовал Мэра низким медленным поклоном, то была необходимая формальность перед началом разговора. Странно – времена правления Индбуров старались не вспоминать, а ведь именно тогда был выдуман этот претенциозный этикет.

– Прошу прощения, – сказал он, – что запоздал, Мэр. Дело в том, что Совет очнулся после наркоза, арест Советника Тревайза понемногу начинают обсуждать.

– Вот как? – флегматично отозвалась Бранно, – Нам грозит дворцовый переворот?

– Ни в коем случае. Ситуация целиком под нашим контролем. Но шума не миновать.

– Пускай шумят, если им от этого легче. Меня это не касается. Ну а как общественное мнение в целом? На него я могу рассчитывать?

– Думаю, можете. Особенно – за пределами Терминуса, Там никому дела нет до того, что стряслось с заблудшим Советником.

– Мне есть дело.

– А? Есть новости?

— Лайоно, — сказала Мэр. — Я хочу побольше узнать о Сейшелле.

— Ну, я не ходячий учебник истории, — улыбаясь развел руками Коделл.

— История меня не интересует. Меня интересует правда, Почему Сейшелл независим? Посмотрите сюда.

Она показала на крошечный островок белых огоньков, со всех сторон окруженный красными.

— Видите? Мы его инкапсулировали, почти поглотили, а он все равно белый. Белый, даже не розовый, как лояльные нам территории.

Коделл пожал плечами:

— Да, официально Сейшелл — недружественное нам государство, но он нейтрален и никогда не досаждал нам.

— Отлично, — кивнула Бранно, — А теперь посмотрим еще...

Она нажала еще несколько рычажков на пульте. Красные огоньки поползли во все стороны и покрыли почти половину Галактики.

— Это, — пояснила Бранно, — царство Мула незадолго до его смерти. Тогда Сейшельский Союз тоже был окружен со всех сторон, но видите — он белый! Единственный анклав, оставленный Мулом на воле.

— Они и тогда сохраняли нейтралитет.

— Плевать хотел Мул на всякие там нейтралитеты.

— Выходит, в этом случае, не наплевал.

— Выходит-то оно выходит, но почему? Что такого необыкновенного на Сейшелле? Чем он славится?

— Ничем, — помотал головой Коделл. — Поверьте, Мэр, стоит нам только пожелать — и он наш, хоть завтра.

— Да? Но почему же он не наш до сих пор?

— Думаю, просто он не был нам нужен, вот и все. Бранно выключила пульт управления моделью Галактики, сцепила руки на груди, зажмурилась.

— Думаю, теперь он нам нужен.

— Пардон, Мэр?

— Лайоно, я послала этого балбеса Тревайза в космос как приманку. Мне казалось, что Вторая Академия может переоценить опасность, от него исходящую, и первым делом обратит внимание именно на него. Молния ударит в него, и нам станет ясно, откуда она ударила.

— Верно, Мэр.

— Я рассчитывала, что он направится на Трентор, в мир древних развалин, и вместе с Пелоратом будет копаться в том, что осталось от Галактической Библиотеки в поисках сведений о Земле. Это, как вы помните, мир, который занудные мистики считают прародиной человечества. Бог с ними, пускай даже оно так и есть — толку от этого ноль, По моим расчетам, Вторая Академия должна была не поверить, что его интересует эта дребедень, и заинтересоваться тем, что он ищет на самом деле.

— Но на Трентор он не полетел.

— Нет, не полетел. Ни с того ни с сего он отправился на Сейшелл. Почему?

— Не знаю. Но простите, Мэр, старую ищейку — я не доверяю никому, и всех на всякий случай подозреваю: откуда вам известно, что он и этот, как его... Пелорат отправились на Сейшелл? Сообщение об этом поступило от Компора, но насколько можно верить Компору?

— Гиперреле подтверждает, что корабль Компора действительно приземлился на планете Сейшелл.

— Пусть так, но откуда вы знаете, что Пелорат с Тревайзом приземлились там же? Может, у Компора были свои причины махнуть на Сейшелл, и он ни сном ни духом не ведает, где эта парочка?

— Видите ли, Лайоно, наш посол на Сейшелле сообщил о прибытии туда корабля, на котором мы отправили Тревайза и Пелората. Сомневаюсь, чтобы корабль прилетел туда пустой. Компор, помимо всего прочего, их видел и разговаривал с ними. Допустим, мы не можем доверять ему, но у нас есть сведения о том, что Тревайз и Пелорат посетили Сейшельский Университет и беседовали там с одним не слишком известным историком.

— А у меня таких сведений нет, — с укором проговорил Коделл.
Бранно поморщилась.

— Только без обид, Лайоно. Я лично всем этим занималась, и теперь все вам рассказала — почти сразу же, кстати говоря. Только что получено сообщение от посла. Наш громоотвод на месте не сидит. На планете Сейшэлл он пробыл два дня и уже отбыл оттуда. Направился к другой планетарной системе, в нескольких десятках парсеков от Сейшэлла. Он сам связался с послом и сообщил координаты этой системы и ее название. Посол сразу же сообщил все это мне.

— А от Компора есть что-нибудь?

— Донесение Компора о том, что Тревайз и Пелорат покинули Сейшэлл, пришло еще раньше сообщения посла. В ту пору Компор не знал точно, куда именно направляется Тревайз. Вероятно, последует за ним.

— Мы упустили все «почему», — задумчиво проговорил Коделл, вытащил из кармана упаковку пастилок, отправил одну в рот и принял посасывать ее. — Почему Тревайз отправился на Сейшэлл? Почему улетел оттуда?

— Меня гораздо больше занимает другой вопрос: куда? Куда летит Тревайз?

— Если не ошибаюсь, Мэр, вы сказали, что посол передал вам название и координаты той планетарной системы, куда отправился Тревайз. Или вы думаете, он солгал послу? Или посол солгал вам?

— Допустим, никто не лжет. Меня интересует это название, Лайоно. Тревайз сказал послу, что направляется к Гее. Г-Е-Я — вот как называется это место. Тревайз по буквам назвал.

— Гея? — переспросил Коделл. — Впервые слышу.

— Правда? Ничего удивительного, впрочем, Бранно ткнула пальцем в то место, где раньше светилась огоньками модель Галактики.

— На этой модели можно в любое время отыскать любую звезду, вокруг которой обращаются обитаемые планеты, и даже такие звезды, вокруг которых обращаются обширные необитаемые планетарные системы. Таких звезд почти тридцать миллионов — их можно наблюдать как угодно, если как следует отладить изображение: по отдельности, попарно, в созвездиях. Я могу пометить их пятью различными цветами... но чего я не могу сделать, так это отыскать Гею. Если судить по этой карте, Гея не существует.

— На каждую из тех звезд, что показывает эта карта, наберется десяток, ею неучтенных, — возразил Коделл.

— Согласна, но неучтенные картой звезды — лишь те, вокруг которых нет обитаемых планетарных систем. А Тревайзу с какой стати вздумалось лететь в необитаемый мир?

— Вы не пробовали связаться со службой Главного Компьютера? В его память заложены данные обо всех трех миллиардах звезд Галактики.

— Мне сказали, что это так, но так ли это на самом деле? Разве мы не знаем — вы и я, что довольно-таки многие планеты не внесены ни в один перечень только потому, что сами от этого уклонились? Их нет ни на этой карте, ни в памяти Главного Компьютера. Не исключено, что Гея — одна из них.

В спокойном голосе Коделла появились успокаивающие нотки.

— Пусть так, но стоит ли переживать, Мэр? Может быть, Тревайз просто странствует, как дикий гусь, а может быть, он наврал послу, и вовсе нет звезды под названием Гея, да и вообще ничего нет под теми координатами, которые он назвал. Может быть, встретив Компора, он понял, что за ним слежка и попросту решил смотреть удоочки.

— Но как? Компор будет продолжать следить за ним. Нет, Лайоно, не все так просто. Еще одна мысль не дает мне покоя. Есть большая опасность. Послушайте меня... — Помолчав немного, она сказала: — Лайоно, этот зал экранирован, и никто нас не подслушает. Будем говорить открыто. Если верить полученной информации, эта Гея расположена в десяти парсеках от границ Сейшельского Союза и, по идее, должна бы входить в него. Сейшельский Союз — хорошо исследованный участок Галактики. Все его звездные системы — обитаемые и необитаемые — зарегистрированы, населенные системы подробно описаны. Гея — единственное исключение. Населена она или нет — о ней никто не знает, ее нет на нашей карте. Ни на этой, ни на какой другой. А Сейшэлл сохраняет экзотичную независимость от Федерации Академии.

Даже в царстве Мула он остался нетронутым. Он независим со временем распада Галактической Империи.

— И что же из этого следует? — осторожно спросил Коделл.

— Уверена, тут есть взаимосвязь. Сейшell включает неизвестную планетарную систему. Сейшell неприкасаем. Что бы собой ни представляла Гея, она явно защищает себя и следит за тем, чтобы никто, кроме самого ближайшего окружения, о ней ничего не знал. Она защищает и самое это окружение, да так, что никто не смеет нарушить его неприкосновенность.

— Клоните к тому, Мэр, что Гея — резиденция Второй Академии?

— Пока хочу сказать лишь, что Гея заслуживает внимания.

— Могу ли я указать на один пункт, из-за которого выстроенная вами теория не выглядит убедительной?

— Прошу.

— Если Гея — Вторая Академия и многие столетия физически защищала себя от захватчиков, а вместе с собой — весь Сейшельский Союз, сделав из него непробиваемый щит для себя, препятствовала распространению знаний о себе по Галактике, то куда же вся эта защита вдруг подевалась? Тревайз и Пелорат покинули Терминус, и хотя вы настоятельно рекомендовали им лететь на Трентор, они незамедлительно, без всяких колебаний устремились на Сейшell, а теперь — на Гею. Более того, вы вольны думать о Гее, размышлять о том, что она такое. Почему никто не мешает вам делать это?

Бранно ответила не сразу. Седые волосы ее тускло блеснули, когда она склонила голову.

— Видимо, потому, — сказала она наконец, — что Советнику Тревайзу удалось каким-то образом ускорить события. Что-то он такое сделал или делает, что угрожает Плану Селдона. Один.

— Один человек? Но это невозможно, Мэр.

— Никто не застрахован от просчетов, от уязвимых мест. Селдон тоже не был гарантирован от промахов. Где-то в теле Плана есть болевая точка, и Тревайз наступил на нее, может быть, сам того не зная. Мы должны понять, что случилось, мы обязаны быть в центре событий.

Коделл по-настоящему насторожился.

— Не принимайте самостоятельных решений, Мэр. Нам нельзя действовать необдуманно.

— Не принимайте меня за дурочку, Коделл. Войну объявлять я не собираюсь. Не собираюсь отправлять экспедиционный корпус на Гею. Я хочу лишь оказаться в центре событий — или неподалеку от центра, если вам так больше нравится. Лайоно, окажите мне услугу — терпеть не могу толковать с нашим военным ведомством. Оно настолько погрязло в стодвадцатилетнем бездействии... но думаю, вам не составит труда выяснить, сколько наших военных кораблей сосредоточено на базах поблизости от границ Сейшельского Союза. Можем ли мы устроить так, чтобы их передвижение не вызвало подозрений и выглядело как нечто тривиальное?

— Я почти уверен, что по мирным временам кораблей там немного. Но я уточню.

— Хватило бы двух-трех, в особенности если хотя бы один будет класса «Сверхновый».

— И что вы хотите с ними делать?

— Я хочу, чтобы корабли подошли как можно ближе к Сейшellу, не создавая неприятностей. Еще я хочу, чтобы они держались поближе друг к другу, на случай, если потребуется взаимовыручка.

— Ради чего все это, Мэр?

— Ради возможности гибкого управления ситуацией. Хочу нанести удар, если потребуется.

— Кому? Второй Академии? Если Гея сохранила неприкосновенность и устояла даже против Мула, что ей какие-то несколько кораблей?

Воинственный огонек блеснул в глазах Бранно.

— Друг мой, я же сказала вам: никто не совершенен, ничто не совершенно в этом мире. Даже Гэри Селдон. Он был человеком своего времени, и ничего не мог с этим поделать. Он был великим математиком времен распада Империи, когда о развитии техники говорить не приходилось. Вот именно прогресса техники он и не мог предвидеть. Взять хотя бы антигравитацию — принципиально новое направление. Разве он мог его предугадать? Да мало

ли еще чего мы добились.

– Но, вероятно, Гея тоже на месте не сидела.

– В изоляции? Не надо. В Федерации Академии живет десять квадриллионов человек, а сколько из них гениев, способных продвинуть вперед прогресс техники. Нет, изолированному миру о таком мечтать не приходится. Словом, наши корабли должны начать маневр, и я буду с ними.

– Простите, Мэр, не понял?

– Я лично отправлюсь к отряду кораблей, который сгруппируется у границ Сейшелла. Хочу все увидеть своими глазами.

Коделл с минуту сидел с раскрытым ртом.

– Мэр... но это... это не мудро.

В горле у него пересохло. Стало слышно, как он сглотнул слону. Он явно хотел выразиться покрепче.

– Мудро или нет, – рявкнула Бранно, – я сделаю это! Вот у меня где альянсы, контральянсы, предательства и все такое прочее! Семнадцать лет я варюсь в этом соку. Надоело! Хватит! Может быть, где-то там, – она махнула рукой, – сейчас меняется вся история Галактики, и я хочу участвовать в этом.

– Но у вас нет никакого опыта в подобных делаах, Мэр!

– Как знать, Лайоно, как знать...

Бранно решительно встала.

– Как только вы добудете мне необходимые сведения, я быстренько покончу с занудными домашними делаами и отправлюсь туда. И не пытайтесь, Лайоно, меня отговаривать, а то мне придется забыть о нашей давней дружбе и наделать вам массу неприятностей. Это я еще могу.

Коделл кивнул:

– Знаю, что можете. Мэр, но прежде чем вы примете решение, позволительно ли будет мне напомнить вам о могуществе Плана Селдона? То, что вы собираетесь совершить, сильно смахивает на самоубийство.

– Этого мне бояться нечего, Лайоно. План не предусмотрел Мула. Раз была хоть одна ошибка, не исключены и другие.

Коделл вздохнул.

– Ну что ж, раз вы уж так бесповоротно все решили, мне остается только поддержать вас. Можете на меня рассчитывать.

– Хорошо. Вам же лучше, если вы это говорите от души. Не забывайте об этом, Коделл, и летим на Гею. Вперед!

Глава пятнадцатая Солнце геи

58

В отсек управления маленького старомодного корабля вошла Сура Нови.

Она явно только что вышла из-под душа; завернулась в простыню, стыдливо придерживая ее руками. Волосы ее были высушены феном, но растрепаны.

– Господин... – тихонько окликнула она Гендибала.

Гендибалль оторвался от компьютера и карт.

– Да, Нови?

– Я быть очень стыдно, – начала было она, умолкла и начала фразу снова: – Мне очень неудобно беспокоить вас, Господин (тут она снова скатилась на думлянский диалект), я не уметь найти мой одежда.

– Твою одежду? – непонимающе переспросил Гендибалль, мгновение смотрел на Нови, потом на лице его изобразилось нечто вроде раскаяния. Он встал.

– Я забыл, Нови. Прости, нужно было постирать твои вещи. Они в стиральной камере. Выстираны, высушены, выглажены – все в полном порядке. Надо было все вынуть оттуда и

положить на видное место, Я забыл.

– Я не хотела (она смущенно оглядела себя) вас оскорбить...

– Ерунда, не переживай, – мягко сказал Гендибалль. – Послушай, Нови, я обещаю тебе: когда все это закончится, я позабочусь о том, чтобы у тебя было много одежды – новой и самой модной. Мы улетели вспыхах, и я не успел об этом подумать. Но здесь, Нови, мы только вдвоем, мы так близко друг к другу, так что не стоит переживать... то есть волноваться о...

Гендибалль сделал рукой замысловатый жест, глаза Нови сверкнули нескрываемым ужасом. Гендибалль смутился. «В конце концов, – подумал он, – она всего-навсего деревенская девчонка, совсем неиспорченная, и, наверное, с ней можно говорить о многом, но только тогда, когда она одета».

Ему стало нестерпимо стыдно, и он обрадовался, что Нови – не «ученая», и не может прочесть его мысли.

– Принести тебе одежду? – спросил он.

– О нет, Господин! Это не быть для вас. Я сама найду.

Когда они встретились снова, Нови была аккуратно одета, волосы причесаны.

– Мне стыдно, Господин, – робко проговорила она, – что я так неправильно поступила. Должна была сама все найти.

– Ничего страшного, – улыбнулся Гендибалль. – Смотри-ка, Нови, тебе неплоходается Галактический Стандарт. Скоро будешь говорить совсем как ученые.

Нови радостно улыбнулась. Зубы у нее были немного неровные, но лицо просто-таки засветилось от улыбки. «Какая она милая, – подумал Гендибалль, – когда я ее хвалю». И решил, что именно поэтому ему так нравится ее хвалить.

– Думляне будут презирать меня, когда я вернусь, – сказала Нови. – Они будут говорить, что я быть... что я словорубка. Так у нас зовут тех, кто говорит... непонятно. Таких не любят.

– Не думаю, что ты вернешься к думлянам, Нови. Уверен, для тебя найдется дело и место в Университетском комплексе, среди ученых, когда мы вернемся.

– Мне бы очень хотелось, Господин.

– Скажи, а ты не могла бы звать меня «Оратор Гендибалль»? Не хочешь? Нет, вижу, что не хочешь, – сказал он, заметив моментальный протест в ее глазах. – Ну и ладно.

– Это не будет хорошо, Господин, – покачала головой Нови. – А можно мне спросить: когда все это закончится?

Гендибалль нахмурился:

– Трудно сказать, Нови. Сейчас мне нужно как можно быстрее добраться... до одного места. У нас хороший, очень хороший корабль, но летит медленно. Хотелось бы побыстрее. Видишь, – он махнул рукой в сторону компьютера и разложенных карт, – я должен работать, чтобы проложить наш путь в космосе, но компьютер не все умеет делать, да и, честно говоря, не такой уж опытный в этом деле.

– Вы хотите попасть туда быстро, потому что есть опасность, Господин?

– Почему ты решила, что есть опасность, Нови?

– Потому что иногда я смотрю на вас, когда вы меня не видите, и ваше лицо такое... я не знаю такого слова. Не пуганное, то есть не испуганное, не ожидающее плохого.... не знаю, как сказать.

– Заметно, значит, – пробормотал Гендибалль себе под нос.

– У вас... задумчивое лицо. Это верное слово?

– Не знаю. Все зависит от того, как ты понимаешь слово «задумчивый», Нови.

– Я понимаю так: вы как будто говорите себе «что мне делать дальше в этой большой беде?»

Гендибалль был потрясен.

– Правильно, Нови... но неужели ты видишь это по моему лицу? Дома, в «Ученом Месте», я всегда стараюсь, чтобы никто не мог по моему лицу понять, о чем я думаю, но... я думал, поскольку мы с тобой тут одни, можно немного расслабиться, ну... как будто я сижу в пижаме, что ли, прости, пожалуйста. А ты, видишь, забеспокоилась. Да, раз ты такая чувствительная, надо мне быть внимательнее. Придется привыкнуть – даже неспециалисты способны делать верные догадки.

Нови оторопела.

– Не понимаю, Господин...

– Я говорю сам с собой, Нови. Не становись задумчивой. Ну вот, опять это слово...

– Но есть беда, Господин?

– Есть проблема, Нови. Я не знаю, что меня ждет, когда доберусь до Сейшелла – так называется место, куда мы летим. Возможно, будут трудности.

– Это опасность?

– Нет, потому что я все сумею уладить.

– Как вы можете знать?

– Знаю, потому что я ученый. Я – лучший из ученых. Нет ничего такого во всей Галактике, что бы я не мог уладить.

– Господин... (лицо Нови исказила боль)... не хочу вас обидевать... обидеть, только я видела вас тогда, когда этот мерзавец Руфирант... и когда вы были в опасности, а он – простой думлянский крестьянин. А теперь... я не знаю, что вас ждет теперь, и вы тоже не знаете.

Гендибалль встревожился.

– Ты боишься, Нови?

– Не за себя, Господин. У меня есть страх... мне страшно за вас... я за вас боюсь.

– «Мне страшно» – тоже правильно, Нови. Можно и так говорить...

На мгновение Гендибалль задумался, уставился в пол, потом поднял взгляд, взял грубоватые руки Нови в свои ладони и сказал:

– Нови, я не хочу, чтобы ты боялась. Как бы тебе объяснить. Вот ты, например, увидела по моему лицу что-то такое... и тебе показалось, что есть опасность, о которой я думаю. Ты как бы прочла мои мысли.

– Да?

– Я могу читать мысли лучше тебя. Этому учатся ученые, а я – очень хороший ученый.

Глаза Нови широко раскрылись, руки се выскользнули из рук Гендибала.

– Вы... можете читать мои мысли?

Гендибалль торопливо поднял вверх указательный палец.

– Нет-нет, Нови. Могу, но не читаю.

Он знал, что обманывает ее. Он не мог, находясь с ней рядом, не улавливать общего направления ее мышления... Для этого вовсе не нужно было быть сотрудником Второй Академии. Гендибалль чувствовал, что вот-вот покраснеет. Да, она простая думлянка, но для любого мужчины лестно, когда к нему так относятся. И все-таки ее надо было разуверить – исключительно из соображений гуманности.

Он сказал:

– Я умею также изменять мысли людей. Могу сделать так, что человек как будто почувствует удар. Я могу...

Нови недоверчиво покачала головой:

– Вы можете делать все такое, Господин? А Руфирант...

– Забудь о Руфиранте, – решительно отрезал Гендибалль. – Я мог сразу остановить его. Мог заставить его повалиться на землю. Не только его – всех думлян.

Гендибалль замолчал, почувствовав, что зря так сильно разошелся. Кого он пытался убедить? Простую крестьянку? А Нови все еще покачивала головой.

– Господин, – сказала она, – вы стараетесь сделать, чтобы я не боялась, но я не боюсь – только за вас, а потому не надо. Я знаю, что вы великий ученый и можете делать, чтобы этот корабль летел через космос, где всякий другой человек может не делать ничего... я хотела сказать – может заблудиться. И вы умеете управлять машинами, которые я не могу понять, и ни один думлянин не может понять тоже. Но не надо говорить мне о том, что вы можете делать умом, потому что все, что вы говорите, вы не могли сделать Руфиранту и не сделали, хотя были в опасности.

Гендибалль нервно поджал губы. «Придется все оставить как есть, – решил он, – Говорят, что не боится за себя – и прекрасно». Но до чего же ему не хотелось, чтобы она считала его трусом и слабаком! Этого он не хотел, и все тут.

– Нови, если я ничего не сделал плохого Руфиранту, то только потому, что не хотел. Мы,

ученые, не имеем права ничего делать думлянам. Мы – гости в вашем мире.

– Вы – наши хозяева, Так мы всегда говорим.

На мгновение растерявшись, Гендибалль спросил:

– Как же тогда Руфирант осмелился напасть на меня?

– Не знаю, Господин. Не думаю, что он сам знал. Он, наверное, из ума вышел... нет, не так: с ума сошел.

Гендибалль усмехнулся:

– В общем, Нови, мы не имеем права приносить вред думлянам. Если бы пришлось ударить Руфиранта, обо мне бы очень плохо подумали другие ученыe. Может быть, я потерял бы свое положение. Но я не хотел, чтобы он избил меня, поэтому я немного управлял им – совсем немного, сколько было можно.

Нови растерялась.

– Тогда мне не нужно было врываться, как дурочке...

– Ты все сделала правильно, – успокоил ее Гендибалль. – Я же сказал, как плохо было бы, если бы я ударил его. А ты сделала так, что это стало не нужно. Это ты остановила его, и у тебя это замечательно получилось. Я благодарен тебе.

Она радостно и смущенно улыбнулась:

– Теперь я вижу, почему вы так добры ко мне.

– Ну конечно, я благодарен тебе, Нови... но главное, чтобы ты поняла: нет никакой опасности. Я могу управлять целой армией обычных людей. Это может любой учений, а особенно – хороший. Я же сказал тебе, что я – один из лучших. Нет никого в Галактике, кто мог бы устоять против меня.

– Если вы так говорите, Господин, я верю.

– Верь, Нови, это так. Ну а меня ты боишься?

– Нет, Господин, только... а... Господин, только наши ученыe могут читать мысли, и...

Нет ли других ученыx, из других мест, которые так умеют?

Гендибалль на мгновение утратил дар речи. Эта женщина была удивительно догадлива! Нужно было солгать.

– Нет, – ответил он решительно.

– А вдруг есть?

– Они все равно слабее меня.

– А если они будут нападать на вас неожиданно, когда вы не будете знать?

– Они не смогут этого сделать. Если будет приближаться какой-то другой учений, я сразу узнаю об этом – задолго до того, как он сможет навредить мне.

– Вы сможете убежать?

– Мне не придется убегать... Но... – поторопился объяснить Гендибалль, чтобы опередить ее возражение, – если и придется, скоро, очень скоро я буду на новом корабле, самом лучшем в Галактике. Они не смогут меня поймать.

– А могут они изменить ваши мысли и заставить вас не убегать?

– Нет.

– Их может быть много. А вы один.

– Я их замечу заранее и уйду. И тогда против них выступит весь наш мир, и им не устоять. Они узнают об этом и не осмелятся что-либо делать. Они не захотят, чтобы я узнал о них, и все-таки я узнаю.

– Это потому, что вы так сильно лучше, чем они? – робко спросила Нови, сияя надеждой и гордостью.

Гендибалль был тронут до глубины души. Как радостно было находиться с нею рядом, восхищаться ее природным умом, быстротой понимания самых сложных вещей... Это сладкоголосое чудище, Оратор Делора Деларми, сама того не зная, сделала ему потрясающий подарок!

– Нет, Нови, – ответил он. – Не потому, что я лучше их, хотя это правда. Это потому, что ты со мной.

– Я?!

– Да, Нови. Ты догадалась об этом?

— Нет, Господин, — сказала она удивленно. — Что такого есть во мне? Что я могу сделать?

— Дело в твоем сознании, — ответил Гендибалль и предупреждающе поднял руку. — Нет-нет, я не читаю твои мысли. Я вижу только очертания твоего разума, а они такие ровные, гладкие, необыкновенно ровные и гладкие, Нови.

Она расстроенно прикоснулась ладонью ко лбу.

— Это потому, что я такая неграмотная, Господин? Потому что я такая глупая, да?

— Нет, милая (и как это у него сорвалось, он и сам не заметил). Это потому, что ты честная, искренняя, у тебя нет ни хитрости, ни подлости на уме, потому, что ты говоришь, что думаешь, потому, что у тебя доброе сердце... Если другие учёные захотят сделать что-нибудь плохое, они обязательно коснутся наших сознаний — твоего и моего, и такое прикосновение к поверхности твоего сознания станет сразу заметно. Я узнаю об опасности задолго до того, как кто-либо коснется моего собственного сознания, и получу время, необходимое для того, чтобы никто не смог навредить ни мне, ни тебе.

Наступила долгая пауза. Гендибалль видел, что глаза Нови светятся теперь не только радостью, но и восторгом, и гордостью. Она тихо спросила:

— И вы поэтому меня взяли с собой?

Гендибалль кивнул:

— Это было очень важно.

Нови перешла на шепот.

— Как помочь вам еще лучше, Господин?

— Оставайся спокойной, Нови. Не бойся ничего. Просто — оставайся такой, какая ты есть.

— Я останусь, какая я есть, — твердо ответила она. — И я встану между вами и опасностью, как тогда, с Руфирантом.

Она вышла из каюты, а Гендибалль долго смотрел ей вслед.

Просто удивительно, как в таком простом, необразованном создании умещалось столько всего? Ровные контуры сознания — а под ними грандиозный ум, способность понимать другого, мужество, стойкость. Разве он мог просить большего — от кого бы то ни было?

Откуда ни возьмись, в сознании Гендибала возник образ Суры Нови — не Оратора, даже не сотрудника Второй Академии — простой неученой женщины, но Нови стояла рядом с ним, торжественно, неколебимо, и была у нее какая-то важная роль в грядущей драме.

Образ виделся в тумане, нечетко, и Гендибалль не понимал пока, что ждет его впереди.

59

— Ну, еще Прыжок, и все, — пробормотал Тревайз.

— Гея? — с надеждой спросил Пелорат, глядя в иллюминатор через плечо Тревайза.

— Солнце Геи, — ответил Тревайз. — Называй его «Гея-С», если не хочешь путаться.

Галактографы иногда так поступают.

— А сама Гея? Ее надо называть «Гея-П», так? То есть планета?

— Для планеты хватит одного названия, без всяких букв. Ее мы пока не видим. Планеты вообще не так легко увидеть, как звезды, а до Геи-С еще около сотни микропарсеков. Довольно яркая звезда, кстати, но пока мы еще достаточно далеко от нее, чтобы компьютер мог показать нам ее в виде диска. Ты лучше бы не смотрел на нее подолгу, Джэн, — так недолго и сетчатку повредить. Как только закончу расчеты, наложу фильтры. Потом сможешь смотреть, сколько твоей душе угодно.

— Сто микропарсеков... сколько же это будет в единицах, которые может понять мифолог, Голан?

— Три миллиарда километров, примерно двадцать раз столько, сколько от Терминуса до нашего солнца. Уяснил?

— Грандиозно... Но не стоит нам подойти поближе?

— Нет! — Тревайз удивленно оглянулся через плечо. — Не сразу, Джэн, Зачем спешить после всего, что мы узнали о Гее? Одно дело — хотеть попасть туда, и совсем другое — мчаться туда сломя голову. Давай осмотримся для начала.

— А где мы будем осматриваться, Голан? Ты же сказал, что Геи пока не видно.

— Глазами не видно. Но у нас есть телескопические выюеры и наш безотказный компьютер, способный быстро анализировать любую информацию. Изучим хорошенько Гео-С, проведем еще кое-какие наблюдения. Да ты не грусти, Джен.

Тревайз дружески похлопал товарища по плечу и продолжил беседу с компьютером. Через некоторое время он сообщил:

— Гея-С — единичная звезда. Если и есть у нее пара, то вторая звезда слишком далеко отсюда. В лучшем случае это красный карлик, так что все равно нам до него никакого дела нет. Сама же Гея-С — звезда класса G, что означает высокую вероятность наличия неподалеку от нее обитаемой планеты. Это хорошо. Будь она класса A или M, нам ничего не оставалось бы, как развернуться и улепетывать.

Пелорат пожал плечами:

— Я, конечно, всего-навсего мифолог, но скажи, разве мы не могли узнать о том, к какому спектральному классу относится Гея-С, еще там, на Сейшелле?

— Могли и узнали, Джен, но никогда нелишне все проверить поближе... Так... у Геи-С есть планетарная система, что, впрочем, неудивительно. В поле зрения — два газовых гиганта. Если компьютер не ошибается в определении размеров, — один из них просто громадина. Другие планеты могут находиться за звездой и пока не видны. Не исключено, что ближе к звезде расположены и другие планеты, но о них пока ничего сказать нельзя.

— Это плохо?

— Это логично. Ведь обитаемые планеты всегда содержат какие-то металлы, и они гораздо меньше газовых гигантов, кроме того, они должны располагаться поближе к звезде, чтобы на них попадало достаточное количество тепла. Вот поэтому-то их и труднее наблюдать отсюда. Следовательно, нам нужно подойти поближе и обследовать пространство на расстоянии четырех микропарсеков от Геи-С.

— Я готов.

— А я нет. Прыжок сделаем завтра.

— Почему завтра?

— А почему нет? Давай подарим им денек — пусть нас заметят, а пожелаю нас схватить — успеем удрать, если они нам не понравятся.

60

Тревайз работал медленно и осторожно. Весь следующий день он провел в расчетах, сравнивал результаты, полученные с помощью разных методик. Не располагая достоверными данными, он мог полагаться только на интуицию, но она, как на грех, ничего ему не подсказывала. Той самой уверенности, что он порой ощущал в себе, как не бывало.

Наконец он отдал компьютеру команду, состоялся Прыжок, который увел корабль вверх от плоскости орбит планетарной системы.

— Сверху видно лучше, — объяснил он Пелорату. — Планеты будут видны на всей протяженности орбиты. Очень надеюсь, что для тех, кто, вероятно, наблюдает за нами, и мы станем лучше видны.

От Геи-С они теперь находились на таком же расстоянии, что и один из газовых гигантов, — примерно в полумиллиарде километров от него. Тревайз, к радости Пелората, показал гигант с полным увеличением. Зрешице было впечатляющее, несмотря на наличие трех рассеянных колец помех.

— Самое что ни на есть обычное семейство спутников, — заявил Тревайз. — Но на таком расстоянии от Геи-С... нет, все они не обитаемы. Кроме того, ни на одном из спутников не живут люди, вознамерившиеся выжить под стеклянным колпаком или еще в каких-нибудь немыслимо искусственных условиях.

— Откуда ты знаешь?

— Совершенно нет радиошумов, характерных для наличия разумной жизни, Джен. Правда, — тут же добавил он, обдумав собственный диагноз, — не исключено, что научный прогресс мог достичь такой стадии, что люди научились экранировать радиошумы, да и газовые гиганты, с другой стороны, производят волны, способные замаскировать то, что ищу я. Но

радиоприемник у нас очень чувствительный, и на компьютер тоже жаловаться не приходится. Я бы сказал: вероятность того, что эти планеты заселены людьми, крайне мала.

– Это означает, что Геи нет?

– Нет. Это означает, что, если Гея есть, она не может находиться на одном из этих спутников. Не могла или не захотела обосноваться здесь.

– Но вообще-то она есть или нет?

– Спокойствие, Джен. И терпение.

У самого Тревайза, казалось, запас терпения просто-таки неограничен. Бесконечно долго он рассматривал небо и прервал молчание только однажды:

– Знаешь, как-то странно, что они не выходят нам навстречу. Даже печально. Если у них действительно такие возможности, какие им приписывают, теперь-то уж им давно пора как-то на наше присутствие отреагировать.

– Значит, – мрачно пробурчал Пелорат, – это всего-навсего миф.

– Мифы, друг мой Джен, это по твоей части... – Тревайз уставился в иллюминатор, прищурился и объявил: – Миф не миф, а есть тут одна планета, которая проходит по орбите через экосферу, а следовательно, может быть обитаема. Хотелось бы понаблюдать за ней до конца дня.

– Почему?

– Чтобы убедиться в том, обитаема ли она.

– Но ты только что сказал, что она проходит через экосферу.

– Да. В данный момент. Но вовсе не исключено, что ее орбита сильно вытянута, то есть она может подходить к звезде слишком близко, где-нибудь на микропарсек, а порой отходить микропарсеков на пятнадцать. Нужно определить скорость движения планеты по орбите, замерить расстояние от Геи-С на разных участках орбиты и тому подобное.

61

Еще один день минул.

– Орбита почти круговая, – сообщил Тревайз. – Шансы обитаемости планеты значительно возрастают. Но даже теперь никто за нами не торопится. Придется осторожненько приблизиться.

Пелорат спросил:

– Почему ты теперь так долго готовишься к Прыжкам? Движешься – через час по чайной ложке.

– Нет, вы его послушайте! Да маленькие Прыжки гораздо труднее больших. Что легче вынуть из песка – булыжник или песчинку? Гея-С так близко, пространство сильно искривлено. Одно это даже для компьютера расчеты затрудняет. Полагаю, это должно быть понятно даже мифологу.

Пелорат хмыкнул и надулся.

– Видишь планету? – спросил Тревайз. – Теперь ее видно невооруженным глазом. Период обращения вокруг солнца – около двадцати двух галактических часов, ось наклонена под двенадцать градусов. Почти хрестоматийный пример обитаемой планеты, и жизнь на ней есть.

– Откуда ты знаешь?

– В ее атмосфере – значительное количество свободного кислорода. При отсутствии развитой растительности это невозможно.

– А как насчет разумной жизни?

– Все зависит от результатов анализа радиоволнового излучения. Может быть, конечно, там существует разумная жизнь, не достигшая такого прогресса в технике, но это вряд ли.

– Бывали такие случаи, – возразил Пелорат.

– Верю на слово. Это – из твоей голубятни. Только как-то не верится, чтобы тамошние пасторальные обитатели так напугали Мула.

– А спутник у планеты есть? – спросил Пелорат.

– Да, – равнодушно ответил Тревайз.

– О! Большой? – дрогнувшим голосом спросил Пелорат.

- Что-то около ста километров в поперечнике.
- Как обидно... – разочарованно протянул Пелорат. – Если бы...
- Если бы спутник оказался гигантским, это могла бы быть сама Земля собственной персоной?
- Да, но по всему видно, что это не так.
- Но если прав Компор, Земля даже не в этом секторе Галактики. Она где-то в районе Сириуса... Джен, правда, мне очень жаль.
- Ну что ты... – махнул рукой Пелорат.
- Послушай, мы немного выждем и сделаем еще один маленький Прыжок. Если найдем признаки разумной жизни, можно решиться совершить посадку, если только не окажется, что ее совершать не стоит. Идет?

62

После Прыжка Тревайз удивленно проговорил:

- Все сходится, Джен. Гея, она самая. По крайней мере, тут есть технически развитая цивилизация.
- Это ты по радиоволнам судишь?
- Все гораздо проще. Вокруг планеты летает орбитальная станция. Видишь?
- На экране появился объект, в котором Пелорат не усмотрел ничего необыкновенного, но Тревайз объяснил:
  - Объект искусственный, металлический, с источником радиоволн.
  - И что же мы теперь будем делать?
  - Пока ничего. Они никак не могут не заметить нас при такой стадии развития техники. Если будут молчать, я через некоторое время пошлю радиосигнал. Если же и тогда они ничего не предпримут – осторожно приближусь.
  - Ну а если все же с их стороны будут какие-то действия?
  - Все зависит от того, какие. Если мне их действия не понравятся, придется воспользоваться преимуществами нашего положения – вряд ли они сумеют помешать нам совершить Прыжок.
  - Мы обратимся в бегство, ты хочешь сказать?
  - Гиперпространство – наше оружие и спасение.
  - Но мы улетим отсюда не умнее, чем прилетели.
  - Вовсе нет. По крайней мере, выяснили, что Гея существует, что на ней есть технически развитая цивилизация и что – она предприняла нечто, чтобы отпугнуть нас.
  - Но, Голан, давай не будем уж очень пугливыми.
  - Так... Джен, я прекрасно понимаю, что тебе в жизни ничего больше не надо, как только разузнать побольше о Земле, но не забывай: я не приверженец этой твоей мономании. Наш Корабль не вооружен, а эти – там, внизу, жили в полной изоляции несколько столетий. Представь себе: они ни сном ни духом не ведают, что за Академия такая и с чем ее едят, и вовсе не обязаны питать к ней какое-либо уважение. А если допустить, что там – Вторая Академия? Не дай бог раздразнить их – тогда мы никогда больше не сможем стать такими, как сейчас. Тебе что, не терпится, чтобы твое сознание стерли подчистую, и ты с удивлением обнаружил, что больше никакой не мифолог и не помнишь ни единой легенды?

Пелорат затосковал.

– Ну, если ты так говоришь... Но только – что мы будем делать, когда улетим отсюда?

- Все просто. Вернемся на Терминус с новостями... ну, если не на Терминус, то так близко к нему, как позволит наша милая старушка. Потом можно будет снова вернуться на Гею – гораздо быстрее, не блуждая по окрестностям, – и вернуться надо будет на военном корабле, а то и с целым флотом. Тогда все будет по-другому.

63

Ожидание тянулось бесконечно, становилось по-настоящему скучно. В окрестностях Геи

они провели уже больше времени, чем потратили на перелет от Терминуса к Сейшельлу.

Тревайз запрограммировал на компьютере автоматический сигнал тревоги и расслабился – ухитрился задремать в мягкое кресло.

Проснулся он оттого, что сигнал тревоги зазвучал. Напуганный, наполовину выбритый Пелорат вбежал в каюту Тревайза.

– Это что, сообщение? Вызов?

– Нет, – нервно отозвался Тревайз. – Мы двигаемся.

– Двигаемся? Куда??!

– К орбитальной станции.

– Почему?

– Не знаю. Двигатели работают, компьютер мне не отвечает, а мы движемся... Нас сцепали, Джен. Слишком близко, мы подошли к Гее.

Глава шестнадцатая Столкновение

64

Когда в видовом иллюминаторе корабля Гендибала наконец показался корабль Компора, Гендибалль почувствовал по-настоящему, каким долгим было путешествие. До конца еще было далеко, все еще только начиналось. Путь от Трентора до Сейшельла – всего лишь пролог.

– Еще один корабль? – удивленно спросила Нови. – Еще один корабль космоса?

– Космический корабль, Нови. Тот самый, к которому мы стремились добраться. Он больше нашего и лучше. Он может двигаться через космос так быстро, что, если бы вздумал убегать от нас, нашему кораблю ни за что не догнать бы его.

– Он быстрее корабля ученых?

Видимо, Суру Нови сама эта мысль оскорбила.

Гендибалль пожал плечами:

– Ты зовешь меня Господином, но ученые не во всем господа, Нови. Нет у нас таких кораблей, нет многоного другого, чем владеют те, кто владеет такими кораблями.

– Но как же может быть, Господин, что у ученых нет таких кораблей?

– Мы владеем более важными вещами, Нови. Все материальные богатства этих людей – чепуха, обман.

Нови задумалась, брови ее сошлись на переносице.

– А мне кажется, что, если они могут так быстро летать, что Господин не может догнать, это не ерунда. Кто эти люди, имели эти чудеса... те, у которых есть такие чудеса?

Гендибалль ответил:

– Они называют себя Академией. Ты когда-нибудь слыхала об Академии, Нови?

(Ему вдруг стало интересно, что думляне знают и чего не знают о Галактике и почему так вышло, что Операторам никогда не было дела до этого... Или это он сам не удосужился поинтересоваться? Он, который был так уверен, что интересы думлян не простираются дальше копания в земле?)

Нови задумчиво покачала головой:

– Я про такую никогда не слыхала, Господин. Когда школьный учитель учил меня буквознанию... учил читать, я хотела сказать, он говорил мне, что есть много других миров, и некоторые называл. Он сказал, что наш думлянский мир по-правильному называется Трентор, и когда-то он правил всеми мирами. Еще он говорил, что весь Трентор был покрыт сверкающим железом и тут был Император – всем господам Господин. А я (она смущенно посмотрела на Гендибала) нешибко верю в такое. Есть много историй, которые разные словорубки... болтуны по вечерам рассказывают в домах сбрайний. Когда я была маленькая девочка, я во все верила, а как стала большая, поняла, что многие из этих историй – неправда. Теперь я почти ни во что не верю. Даже школьные учителя небылицы рассказывают.

– Может быть, Нови, но только то, что рассказал тебе твой учитель, верно. Трентор

действительно был покрыт металлом, и тут действительно был Император, который правил всей Галактикой. Но когда-нибудь всеми мирами будет править народ Академии. Они становятся все сильнее, эти люди.

- Они будут править всеми, Господин?
- Не сейчас. Это будет через пятьсот лет.
- И господами учеными тоже станут править?
- Нет-нет, они будут править мирами. А ими будем править мы. Для их безопасности и для безопасности миров.

Нови опять нахмурилась и сказала:

- Господин, а у этих людей из Академии много таких хороших кораблей?
- Думаю, много, Нови.
- А другие вещи у них тоже такие удивительные?
- У них много мощного оружия, самого разного.
- Тогда, Господин, они, наверное, могут победить все-все миры сейчас?
- Нет, не могут. Еще не время.
- Но почему не могут? Ученые остановят их?
- Нам не придется их останавливать, Нови. Даже если бы мы совсем ничего не делали, они все равно не смогут сейчас захватить все миры.
- Но кто им помешает?
- Понимаешь... – начал Гендибалль... – есть такой план, его придумал один очень мудрый человек...

Он оборвал начатую фразу, улыбнулся, покачал головой:

- Трудно объяснить, Нови. Как-нибудь в другой раз. Знаешь, может быть, ты и сама все поймешь еще до того, как мы вернемся на Трентор.

– А что должно случиться, Господин?

- Точно пока не знаю, Нови. Но все будет хорошо, Гендибалль отвернулся и приготовился к связи с Компором. И хорошо, что отвернулся – с губ чуть было не слетели слова: «я очень надеюсь». О, как он разозлился на себя за эти несказанные слова. Он отлично понимал, откуда они взялись: очертания корабля Компора породили их – символ мощи Академии, ее колossalного, изощренного могущества, и восторг в широко раскрытых глазах Нови, когда она смотрела на этот корабль!

Как глупо! Как он мог попасться на эту удочку? Как можно сравнивать обладание грубой физической силой со способностью управлять сознанием людей? «Рука на горле, которой на самом деле нет», – так называли такое ощущение многие поколения Ораторов.

Подумать только, а он до сих пор не свободен от подобных чар!

65

Мунн Ли Компор плохо понимал, как следует себя вести. Образ всемогущих Ораторов, который он сам создал, с которыми он время от времени выходил на связь, – таков ли он на самом деле? Какой он, один из этих людей, державших в могучей, таинственной деснице все человечество?

Стор Гендибалль был самым частым собеседником Компора в последние годы. Но не голос его приходил на память Компору, когда он думал о Гендибале, а сила и мощь его сознания при сеансах ментальной гиперсвязи.

Невидимые нити ментосвязи опутывали тонкой сетью всю Галактику, и в этом отношении Вторая Академия оставила Первую далеко позади. Концы всех ниточек держали в руках самые посвященные.

Не однажды Компор испытывал щемящую радость от своей, пусть маленькой, роли в грандиозном общем деле. Как таинственно, как великолепно было все это! Даже жена ничего не знала о его второй жизни.

Теми посвященными, кто держал в руках концы всех нитей, были Ораторы, а этот самый Оратор, Стор Гендибалль, который, как думал Компор, недалек от того, чтобы стать Первым Оратором, выше любого из Императоров... этот человек был рядом, в корабле, который донес

его сюда с Трентора. О, как Компору было жаль, что встреча происходит не на самом Тренторе!

Но неужели этот корабль – с Трентора? Да у любого из древних Торговцев, что развозили товары из Академии по всей Галактике, корабли были наверняка получше этого. И ничего удивительного, что путь от Трентора до Сейшелла занял у Оратора столько времени. Его корабль не был даже оборудован устройством для стыковки, а даже корабли слабенького флота Сейшелла имели такие приспособления. Пришлось уравнять скорости кораблей, сейчас будет переброшен трап, и Оратор переберется по нему – совсем как в Имперские времена.

«Вот оно как, – думал Компор, не в силах прогнать разочарования. – Оратор прилетел в старой Имперской посудине...»

По трапу передвигались две фигурки – одна из них настолько неуклюже, что не оставалось никаких сомнений – этот человек в космосе впервые.

Наконец они вошли в люк и сняли скафандры. Оратор Стор Гендибалль оказался человеком невысокого роста, поджарым, не слишком выразительной внешности. Ни силы, ни могущества, ни какой-то необыкновенной учености от него не исходило. Единственным знаком мудрости были его темные, глубокопосаженные глаза. Вдобавок он оглядывался по сторонам с явным проявлением благоговейного трепета!

С ним была женщина самой заурядной внешности. Рот ее приоткрылся от восхищения.

66

Не так уж страшно было Гендибалю переходить из одного корабля в другой по трапу – да, он не был опытным космолетчиком, и никто во Второй Академии не был, но и оставаться законченной сухопутной крысой никому во Второй Академии не позволяли. Возможность необходимости совершения космических полетов витала в воздухе, но каждый из сотрудников старался о такой возможности не думать (кстати говоря, Прим Пальвер, намотавший столько парсеков по Галактике, что его опыт космолетчика стал попросту легендарным, обронил однажды фразу, смысл которой сводился примерно к следующему: «успех Оратора в осуществлении Плана определяется тем, насколько часто он выбирается в космос»).

Переходным трапом Гендибалль раньше пользовался трижды. Если он и испытывал какую-то неуверенность, ее следовало побороть ради Нови. Не нужно было быть великим специалистом в менталике, чтобы увидеть, как страшна ей сама мысль о том, чтобы ступить в пустоту.

– Я быть страшно… – пролепетала она, забыв все свои успехи в грамматике. – Я делать шаг в никуда…

Тихим, добрым голосом Гендибалль принял ее уговаривать:

– Я не могу оставить тебя на этом корабле, Нови, потому что должен перейти в другой. Ты должна пойти со мной. Это совсем не опасно, мы наденем скафандры, и они защитят нас от любого вреда. И еще: ты не упадешь, даже если отпустишь поручни – останешься совсем близко, рукой можно достать. Я помогу тебе. Пойдем, Нови, покажи мне, какая ты храбрая. Ты храбрая, ты умная, ты хочешь стать ученой, правда?

Она не сказала ни слова, а Гендибалль, не желая нарушить прекрасной симметрии очертаний ее сознания, лишь передал ему успокоение.

– Можешь и теперь говорить со мной, – сказал он Нови, когда они облачились в скафандры. – Хорошенько подумай, о чем хочешь сказать, и мысленно говори эти слова, одно за другим. Ты слышишь меня, Нови?

– Да, Господин, – был ее ответ.

Он видел, как движутся ее губы за прозрачным лицевым стеклом шлема.

– Говори, не двигая губами, Нови. В этом скафандре нет звука. Говори умом.

Губы Нови не двигались, лоб наморщился, брови сдвинулись.

– Вы слышите меня, Господин?

– «Великолепно», – подумал Гендибалль. – А ты слышишь меня? – мысленно спросил он.

– Да, Господин.

– Тогда ступай за мной и делай все, как буду делать я.

Они ступили на трап. Теоретически Гендибалль знал, что и как нужно делать, но не

сказать, чтобы на практике так уж замечательно все у него выходило. Ноги нужно было держать на ширине плеч и не сгибая, выбрасывать вперед, от бедра. Чтобы центр тяжести тела равномерно перемещался вперед, нужно было попеременно выбрасывать вперед руки. Объяснив все это Нови, Гендибаль пошел по трапу и не оборачиваясь следил за сигналами двигательного центра мозга Нови.

Для новичка у нее все сошло на удивление неплохо, ненамного хуже, чем у Гендибала. Страх прошел, и она спокойно выслушивала его советы. Гендибаль был очень ею доволен.

Но все-таки она ужасно обрадовалась, когда трап закончился, и они оказались на борту корабля Компора. Честности ради надо сказать, что Гендибаль был доволен не меньше. Сняв скафандр и оглядев внутренний интерьер корабля, Гендибаль не мог не поразиться роскоши и стилю убранства и оборудования. Многие вещи были ему совершенно незнакомы, и он искренне затосковал – как жаль, что у него будет так мало времени, чтобы познакомиться с этими приборами поближе. Правда, ничто не мешало ему вытянуть и поглотить опыт человека, который умел со всеми этими штуками обращаться, но так хотелось настоящего обучения!

Гендибаль обратил взгляд к Компору. Высокий, стройный, ненамного старше его самого, довольно красивый, правда, красота его отдавала мягкостью, слабостью: волнистые пушистые волосы Компора ниспадали на плечи крупными локонами – удивительно светлые, золотистые.

От Гендибала не могло укрыться разочарование, испытываемое Компором. Мало разочарования – он осмелился испытывать жалость к Оратору, которого воочию видел впервые в жизни! Мало и этого – он не удосужился скрыть своих чувств!

В принципе Гендибаль не имел ничего против – в конце концов, кто такой Компор: он не с Трентором и не сотрудник высокого ранга из Второй Академии – бог с ним, пусть питает какие угодно иллюзии. Даже самое поверхностное исследование его сознания со всей ясностью показывало: он был из тех людей, для кого понятие «власть» связано с внешними проявлениями этого понятия. Иллюзии – иллюзиями, «витать в облаках» никому не запрещается, но только не сейчас.

Гендибаль сделал то, что при общении обычных людей выглядело бы примерно как тыканье пальцем. Резкая боль объяла все тело Компора, сдавила голову. Будто некая невидимая сила кольнула его сознание, напомнив о себе.

Компор излучил глубочайшее уважение к Оратору.

Гендибаль дружелюбно проговорил:

– Я просто попытался привлечь ваше внимание, друг мой. Будьте так добры, сообщите мне о теперешнем местонахождении вашего товарища Голана Тревайза и его спутника Джена Пелората.

Компор несколько растерянно спросил:

– Я должен говорить в присутствии этой женщины, Оратор?

– Считайте эту женщину частью меня, поэтому говорите открыто.

– Как скажете, Оратор. Тревайз и Пелорат в настоящее время приближаются к планете, известной под названием Гея.

– Так вы сказали в вашем последнем сообщении. Теперь они, скорее всего, уже высадились на Гее, а может быть, улетели еще куда-нибудь. На планете Сейшельл они надолго не задержались.

– За то время, что я следил за ними, Оратор, они не совершали посадку. К планете они приближаются осторожно, делают большие паузы между микропрыжками. Мне ясно, что они не знают ничего об этой планете, потому и медлят.

– А вы что знаете о ней, Компор?

– Ничего, Оратор, – ответил Компор. – Не только я. И мой компьютер тоже ничего не знает.

– Этот компьютер? – спросил Гендибаль, кивнув в сторону пульта управления. – А хорошо ли он помогает вести корабль?

– О, он прекрасно управляет кораблем, Оратор! Стоит только мысленно дать команду...

Гендибаль был обескуражен.

– Академия делает такие успехи?

– Да, но это не так легко, как может показаться, Оратор. Порой приходится по нескольку

раз повторять мысли, да и то не всегда я получаю необходимую информацию.

— Думаю, у меня лучше получится, — заявил Гендибалль.

— Уверен в этом, Оратор, — с уважением и подобострастием ответил Компор.

— Пока оставим это. Но почему ваш компьютер не знает о Гее?

— Я не знаю, Оратор. Он утверждает, если так можно сказать о компьютере, что у него есть данные обо всех обитаемых планетах Галактики.

— Он не может располагать большим объемом информации, чем тот, что введен в него. Те, кто закладывал в компьютер информацию, считали, что знают обо всех планетах, но, видимо, не знали, а раз так, этого не может знать и компьютер, верно?

— Безусловно, Оратор.

— Вы наводили справки на Сейшелле?

— Оратор, — после небольшой заминки ответил Компор, — на Сейшелле есть люди, которые говорят о Гее... но эти разговоры большой ценности не представляют. Чистой воды предрассудки. Они твердят, будто Гея — могущественный мир, который сумел устоять даже против Мула.

— Так и говорят? — спросил Гендибалль, старательно подавляя удивление. — И вы так твердо уверились, что это — просто суеверие, и даже не потрудились узнать подробности?

— Нет, Оратор, я спрашивал много и многих, но все говорят об одном и том же.

— Вероятно, — задумчиво проговорил Гендибалль, — те же самые рассказы слышал и Тревайз и почему-то отправился на Гею, может быть, как раз для того, чтобы посмотреть, нет ли там на самом деле могущественной силы. Приближается к планете осторожно — стало быть, побаивается.

— Это очень вероятно, Оратор.

— И все-таки вы не полетели вслед за ним?

— Я полетел, Оратор, и летел довольно долго, и убедился, что он летит именно на Гею. Потому я вернулся сюда, в окрестности Геи.

— Почему?

— По трем причинам, Оратор. Во-первых, мне хотелось как можно скорее встретиться с вами, как вы мне приказали. На корабле Тревайза и Пелората нет гиперреле, но оно есть на борту моего корабля, и я не могу слишком сильно удаляться от их корабля — об этом сразу узнают на Терминусе. Во-вторых, стало ясно, что Тревайз идет к Гее очень медленно, и я решил, что еще до того, как он, может быть, высадится там, мне хватит времени вылететь вам навстречу. Мне хотелось как можно скорее увидеться с вами, Оратор, пока волна событий не захлестнула нас — в особенности потому, что вы гораздо компетентнее меня, и вместе нам легче было бы проследить за Тревайзом до самой Геи и разрешить все срочные вопросы, если такие возникнут.

— Справедливо. А третья причина?

— Со времени последнего нашего сеанса связи, Оратор, произошло нечто неожиданное и необъяснимое... и поэтому мне также хотелось увидеться с вами как можно скорее.

— Что такое произошло — неожиданное и необъяснимое?

— К границам Сейшельского Союза приближаются военные корабли Академии. Мне удалось перехватить передачу новостей по Сейшельскому радио. В составе отряда как минимум пять первоклассных кораблей, и их моши хватит для того, чтобы победить весь флот Сейшелла.

Гендибалль ответил не сразу, ни в коем случае нельзя было подать вид, что он не ожидал этого или не понял, в чем дело. Через мгновение он спокойно, даже отсутствующе спросил:

— Вы полагаете, это как-то связано с полетом Тревайза к Гее?

— Это случилось сразу же после старта Тревайза к Гее. Ведь если Б движется следом за А, весьма вероятно, что А — причина этого движения.

— Ну что ж. похоже, все пути ведут на Гею. Все летят туда — Тревайз, я и Первая Академия. Отлично. Вы хорошо поработали, Компор, — похвалил Наблюдателя Гендибалль, — и вот что мы теперь сделаем... Во-первых, вы покажете мне, как обращаться с вашим компьютером и как с его помощью можно управлять кораблем. Уверен, это не займет много времени. Затем вы перейдете в мой корабль — я успею вложить в ваше сознание сведения о том, как управлять им. Он покажется вам весьма примитивным — собственно, вы могли уже об этом

догадаться по его внешнему виду. Вы останетесь здесь, Компор, и будете ждать меня.

– Как долго, Оратор?

– Пока я за вами не вернусь. Не думаю, что я слишком долго задержусь и вы окажетесь за это время в опасности. Но если я все-таки задержусь, можете лететь на ближайшую планету Сейшельского Союза и ждать меня там. Я разыщу вас, где бы вы ни были.

– Слушаюсь, Оратор.

– И не тревожьтесь. Я справлюсь с этой таинственной Геей, а понадобится – и с пятью кораблями Академии.

67

Литораль Тубинг уже семь лет занимал должность посла Академии в Сейшелле, и работа эта устраивала его целиком и полностью.

Высокий, тучный, он не расставался с густыми каштановыми усами, хотя и в Академии, и в Сейшелле в моде было гладко бриться.

Тубингу было всего пятьдесят четыре, но он уже успел обзавестись скептически-равнодушным отношением ко всему на свете. Как он относился к собственной работе, сказать было трудновато.

Скорее всего, он все-таки любил ее, ведь должность давала ему возможность держаться подальше от политических распрай на Терминусе, а он их терпеть не мог, и вести образ жизни сейшельского сибарита. Зарабатывал он вполне достаточно для того, чтобы обеспечить жене и дочке ту жизнь, к которой они привыкли. Меньше всего он хотел, чтобы привычный уклад его жизни был нарушен.

Кроме того, он недолюбливал Лайоно Коделла, может быть, потому, что Коделл тоже носил усы, хотя, справедливости ради, надо отметить, что усы Коделла значительно уступали усам Тубинга по густоте, длине, да к тому же сильно поседели. Было время, когда в высших политических кругах только Коделл и Тубинг форсили усами, и между ними в этом плане было нечто вроде соревнования. «Теперь, – думал Тубинг, – и соревноваться нечего. По усам я его обставил». Но во всем остальном...

Коделл занимал пост Директора Службы Безопасности уже тогда, когда Тубинг вынашивал мечты занять пост Мэра. Однако от него откупились и назначили послом. Сделала это Харла Бранно для себя, разумеется, но теперь Тубинг был ей только благодарен.

Ей, но не Коделлу. Может быть, из-за того, что Коделл всю жизнь играл роль этакого рубахи-парня, с вечной очаровательной улыбкой, которая не покидала его физиономии даже тогда, когда он был занят тщательным обдумыванием, каким именно образом лучше перерезать вам горло.

И вот теперь перед Тубингом восседало гиперпространственное изображение Коделла, источавшее, по обыкновению, всю гамму дружелюбия и фамильярности. Физически Коделл пребывал, естественно, на Терминусе, что, слава богу, избавляло Тубинга от необходимости проявлять по отношению к нему знаки гостеприимства.

– Коделл, – заявил Тубинг, – я хочу, чтобы эти корабли были уbraneы.

Коделл очаровательно улыбнулся:

– О, и я тоже, но старуха так решила.

– Вы вроде бы всегда умели переубеждать ее.

– Иногда, – уточнил Коделл. – Когда она сама была не против. На этот раз не желает ничего слушать... Тубинг, делайте свое дело, Успокойте Сейшелл.

– Я не о Сейшелле пекусь, Коделл. Я за Академию боюсь.

– Как и все мы.

– Коделл, не валяйте дурака. Я хочу, чтобы вы меня выслушали.

– С радостью, но на Терминусе сейчас нелегкие времена, и я при всем желании не могу слушать вас вечно.

– Постараюсь быть максимально краток. Речь идет о возможности гибели Академии. Если эта линия гиперпространственной связи не прослушивается, я буду говорить открыто.

– Не прослушивается.

– Тогда слушайте. Пару дней назад я получил сообщение от некоего Голана Тревайза. Если мне не изменяет память, я когда-то знал человека с такой фамилией – он был сотрудником Транспортной Комиссии.

– Он... дядя этого молодого человека.

– Ага, значит, вам знаком этот Тревайз, что послал мне сообщение? Судя по сведениям, которые мне удалось собрать, он был Советником, и после успешного разрешения последнего селдоновского кризиса его арестовали и отправили в ссылку.

– Все точно.

– А я не верю.

– Чему не верите?

– Тому, что он был сослан.

– А что тут такого?

– А когда это, интересно, а истории Академии хотя бы одного гражданина отправляли в ссылку? Гражданина Академии либо арестовывают, либо не арестовывают. Если арестовывают – либо судят, либо не судят. Если судят – либо осуждают, либо не осуждают. Если осуждают – штрафуют, лишают должности, понижают в звании, сажают в тюрьму или казнят. В ссылку никого и никогда не отправляли. Такого еще не бывало.

– Что-нибудь всегда происходит впервые.

– Чепуха. Он сослан на корабле последней модели? Дураку понятно: он выполняет задание особой важности для вашей старухи. Кого она обмануть хочет?

– Да? И какое же, по вашему мнению, это задание?

– Вероятно, отыскать планету Гея.

Взгляд Коделла несколько утратил традиционное дружелюбие, наполнился подозрительностью.

– Я знаю, – сказал он, – мистер посол, что особого желания верить мне вы не испытываете, но убедительно прошу поверить мне в этом, отдельно взятом случае, В то время, когда было принято решение о ссылке Тревайза, ни Мэр, ни я о Гее даже не слышали и узнали о ее существовании только вчера. Если вы согласны поверить в это, можем продолжить беседу.

– Трудновато, но так и быть.

– Понимаю, что трудновато, посол. Уверяю, я перешел на официальный тон лишь потому, что, когда все будет окончено, вы обнаружите, что придется ответить на кое-какие вопросы, и вы поймете, что дело совсем ненужное. Вы говорите так, будто мир Геи вам знаком. Как же это вышло, что вам известно то, чего не знаем мы? Разве в ваши обязанности не входит посвящение нас во все то, что вы знаете о вверенной вашему попечению политической единице?

Тубинг тихо ответил:

– Гея не входит в Сейшельский Союз. Ее, может быть, на самом деле и нет вовсе. Разве я обязан передавать на Терминус разные там небылицы и сказочки, которые всякие тушицы рассказывают на Сейшелле о Гее? В некоторых из них утверждается, будто Гея находится в гиперпространстве. Другие говорят, что Гея якобы это такой мир, который каким-то сверхъестественным образом защищает Сейшелл. А третий утверждают, что именно этот мир отправил Мула на захват Галактики. Так что если вы собираетесь оповестить сейшельское правительство о том, что Тревайз был послан на поиски Геи, а пять новехоньких военных кораблей Академии посланы для того, чтобы оказать ему моральную поддержку, они вам ни за что не поверят. Народ верит сказочкам про Гею, но не правительство, и вам не удастся убедить его, что в эти бредни верит Академия. Им покажется, что вы намереваетесь силой присоединить Сейшелл к Федерации Академии.

– Даже если так, то что из того?

– Это означает подписание смертного приговора Академии. Послушайте, Коделл. за всю нашу пяти вековую историю разве мы хоть раз затевали завоевательную войну? Мы только оборонялись, защищали Академию от завоевателей. Однажды проиграли, но ни одна война не заканчивалась для нас расширением нашей территории. Все случаи присоединения государств к Федерации происходили мирным путем, и присоединялись к нам только те, кто видел преимущества присоединения.

- А Сейшелл таких преимуществ разве не способен увидеть?
- Не увидит, пока наши корабли не уберутся от его границ. Уберите их.
- Это невозможно.

– Коделл, поймите, Сейшелл – удивительный пример доброй воли, мирных намерений Академии. Он почти окольцован нашей территорией, положение его безмерно уязвимо, и все-таки вплоть до последних дней он был в полной безопасности, шел свои путем, даже открыто выражал антифедеральные взгляды. Разве это не лучший способ демонстрации всей Галактике того, что мы не исповедуем позицию силы, что мы ко всем идем с дружбой и миром! Захватив Сейшелл, мы захватим то, что фактически имеем и так. Мы и так здесь доминируем, но – мирно! Пойдем на военный захват – ославим себя на всю Галактику как жестокие экспансионисты.

- Ну а если я скажу вам, что по-настоящему нас интересует только Гея?

– Тогда я поверю этому не более, чем сейшельское правительство. Этот человек, Тревайз, отправляет мне сообщение о том, что он летит на Гею, и просит передать это сообщение на Терминус. Против своей воли и веры я делаю это, делаю, потому что обязан, и линия гиперпространственной связи еще не успевает остыть, как Флот Академии начинает маневры. Как это, интересно, вы собираетесь попасть на Гею, не нарушив территориальной целостности Сейшелла?

– Дорогой мой Тубинг, у меня такое впечатление, что вы себя не слышите. Не вы ли сказали мне только что, что Гея не входит в Сейшельский Союз? Уверен – вам известно, что гиперпространство и вовсе ничьей территорией не является. На что обижаться Сейшеллу, если мы тронемся с территории Федерации, где сейчас стоят наши корабли, через гиперпространство на территорию Геи и за время перелета не затронем ни единого кубического сантиметра сейшельской территории?

– Сейшелл не станет так трактовать происходящее, Коделл. Гея, если она в действительности существует, со всех сторон окружена территорией Сейшельского Союза, не являясь его политической составной частью. Бывали прецеденты, когда такие анклавы вдруг становились неотъемлемыми частями чьей-то территории, когда в дело вступали вражеские корабли.

- Наши корабли не вражеские. У нас мирный договор с Сейшеллом.

– Говорю вам, Сейшелл может объявить войну. Они, конечно, не смеют надеяться, что выиграют по военному превосходству, но такой оборот событий немедленно поднимет волну протesta против действий Академии по всей Галактике. Образуются альянсы недовольных нашей экспансионистской политикой государств. Некоторые из субъектов Федерации могут задуматься о расторжении союза с нами. Мы можем запросто проиграть войну только за счет внутренних распри и тем самым нанесем необратимый удар по процессу роста Федерации, который успешно осуществляется уже пятьсот лет.

– Ну-ну, Тубинг, это вы хватили... Вы говорите так, будто пятьсот лет мы прожили, оставаясь Академией времен Сальвора Гардина, сражающейся с карманным королевством Анакреона. Мы теперь сильнее Империи на пике ее могущества. Одна эскадра наших кораблей сейчас способна одолеть весь флот прежней Империи, занять любой сектор Галактики, даже не почувствовав, что был бой.

– Мы сражаемся не с Галактической Империей. Мы сражаемся с планетами и секторами нынешней Галактики.

– Которые, – уточнил Коделл, – далеки от достигнутого нами прогресса. Мы могли бы владеть всей Галактикой уже сейчас.

- В соответствии с Планом Селдона это будет нам недоступно еще целых пятьсот лет.

– План Селдона недооценивает скорости развития техники. Мы можем сделать это сейчас! Поймите меня, я не говорю, что мы сделаем это или должны сделать. Но – можем.

– Коделл, вы всю жизнь прожили на Терминусе. Вы не знаете Галактики. Наш флот, наша техника позволяют нам одолеть вооруженные силы других миров, но мы пока не способны править всей мятежной, затаившей ненависть к нам Галактикой, а эта ненависть вырвется наружу, если мы возьмем Галактику силой. Уберите корабли!

- Это невозможно, Тубинг. Задумайтесь: что, если Гея – не миф?

Тубинг умолк и пристально посмотрел в глаза далекого собеседника, будто старался прочесть его мысли.

– Мир в гиперпространстве – не миф?

– Мир в гиперпространстве – суеверие, но любое суеверие может содержать крупицу правды. Тревайз, этот ссылочный Советник, говорит о Гее как о реально существующем мире, находящемся в реальном пространстве. Что, если он прав?

– Чушь. Не верю.

– Нет? А вы все-таки поверьте на минутку. Реально существующий мир, сохранивший безопасность и нейтралитет Сейшелла при Муле, при Академии?

– Вы сами себе противоречите. Разве безопасность Сейшелла сохранена, если вы посылаете против него корабли?

– Не против него! Нас интересует Гея, только она – загадочная, неизвестная и настолько пекущаяся о своей неизвестности, что, существуя в реальном пространстве, распускает о себе несусветные небылицы и ухитряется даже отсутствовать в банке данных нашего Главного Компьютера, в самых полных картах Галактики.

Выходит, что этот необычный мир способен манипулировать сознанием людей. И разве не вы сами сказали некоторое время назад, что в одной сейшельской байке говорится, будто именно Гея отправила Мула на завоевание Галактики? Разве Мул не умел манипулировать сознанием?

– Выходит, будто Гея – мир Мулов, так, что ли?

– Вы уверены в обратном?

– Но почему, в таком случае, она не может быть миром, где обитает возродившаяся Вторая Академия?

– Вот именно, почему бы и нет? Разве не стоит ее исследовать?

Тубинг помрачнел. До сих пор он только скептически усмехался, а теперь склонил голову и смотрел исподлобья.

– Если вы не шутите, скажите: такое исследование опасно?

– А разве нет?

– Вы отвечаете вопросами на вопросы, видимо, потому, что готовых ответов у вас нет. Что толку от военных кораблей против Мулов или Второй Академии? Разве вам не кажется, что, если они существуют, они планомерно ведут нас к гибели? Коделл, вы утверждаете, что Академия способна основать Вторую Империю уже сейчас, в обход Плана Селдона, выполненного лишь наполовину. Считайте, что я предупредил вас: примените силу, и хитросплетения Плана отбросят вас назад. Если Гея существует и представляет собой то, что вы о ней говорите, все просто создано именно для того, чтобы отбросить нас назад. Действуйте же мирно, не проливая крови, на что вас вынуждают непременно. Уберите корабли.

– Это невозможно. Дело в том, Тубинг, что Мэр Бранно собирается лично присоединиться к отряду кораблей, а разведывательные катера уже стартовали к территории Геи через гиперпространство.

Брови Тубинга взлетели вверх.

– Точно, будет война, я вам говорю.

– Вы наш посол. Предотвратите это. Дайте сейшельцам любые заверения, в которых они нуждаются. Отрицайте всякий злой умысел с нашей стороны. Скажите им, что, если понадобится, мы готовы заплатить им за то, чтобы они сидели тихо, как мыши, – пусть спокойно дожидаются нашей гибели от руки Геи. Да что угодно говорите, только успокойте их.

Он замолчал, изучая ошарашенную физиономию Тубинга, потом сказал:

– Вот, собственно, и все. Насколько мне известно, ни один из кораблей Академии и не подумает приземлиться ни на одной из планет Сейшельского Союза – даже не проникнет ни в одну из точек обычного пространства, являющегося частью сейшельской территории. Однако любой корабль сейшельцев, пытающийся нарушить границу Федерации, будет немедленно превращен в космическую пыль. Это постирайтесь также объяснить сейшельскому правительству как можно яснее и проще. Ваша задача – успокоить сейшельцев, и тугу вам придется, если вы провалитесь. До сих пор, Тубинг, работенка у вас была непыльная. Да, вам предстоят тяжелые времена, а ближайшие недели решают все. Только попробуйте провалить

наше дело, тогда на хорошее житье не рассчитывайте, не найдется в Галактике для вас спокойного уголка.

Коделл был сам на себя не похож – какое там дружелюбие! В разговоре с Тубингом он поставил жирную точку и прервал связь. А Тубинг долго-долго, не мигая, смотрел туда, где только что было изображение Коделла...

68

Голан Тревайз схватился за голову, словно пытался понять, что там происходит.

– Как у тебя дела с сознанием? – тревожно спросил он у Пелората.

– Как... у меня дела... с сознанием? – отрешенно переспросил Пелорат.

– Да. Ты же видишь – нас захватили, кто-то влечет наш корабль к миру, о котором мы ничего не знаем. Не испытываешь паники?

– Да нет вроде бы, – меланхолично пожал плечами Пелорат. – Не сказал бы, что я безумно счастлив, но мне не страшно.

– Мне тоже. Но разве это не странно? Почему все так, а не иначе? По идее, нам должно быть страшно. Почему мы уже не такие, как есть на самом деле?

– Но ведь мы этого как раз и ожидали, Голан. Чего-то вроде этого.

Тревайз обернулся к иллюминатору. В нем по-прежнему красовалась орбитальная станция. Судя по всему, они к ней приближались.

Дизайн станции не производил на Голана особого впечатления. Внешне в ней не было признаков развития супернауки. Наоборот, выглядела она, скорее, примитивно, и все-таки сцепала их корабль.

– Что-то я стал чересчур аналитичен, Джэн, – признался Тревайз. – Аналитичен и холоден. Мне нравится думать, что я не трус, не впадаю в панику под давлением чрезвычайных обстоятельств, но такое ощущение, будто я льщу себе. Даже не знаю, что это за напасть. Попрыгать, что ли, на месте, пропотеть как следует? Да, мы ожидали чего-то в таком роде, но это ничего не меняет: мы беспомощны, нас запросто могут отправить на тот свет.

– Я так не думаю, Голан, – возразил Пелорат. – Если Гея сумела захватить наш корабль, разве не могла она убить нас на расстоянии? А раз мы еще живы...

– Но мы все-таки... Нас все-таки коснулись! Мы слишком спокойны, говорю тебе! Я думаю, нас транквилизировали.

– Зачем?

– Затем, чтобы сохранить наше сознание в хорошей форме, вероятно. Не исключено, что нас хотят допросить. А потом убют.

– Если они настолько разумны, чтобы хотеть допросить нас, может быть, им достанет разума не убивать нас без веской на то причины?

Тревайз откинулся на спинку кресла и забросил ноги на стол, туда, где обычно покоились его руки при работе с компьютером.

– Знаешь, вескую причину они могут и придумать – это недолго. И все же если они и коснулись нашего сознания, то весьма незначительно. Будь это Мул, к примеру, он бы добился того, чтобы мы с тобой просто сгорали от желания поскорее попасть туда, мы испытывали бы восторг, эйфорию.

– Чувствуешь что-либо в таком духе? – спросил он, кивнув в сторону станции.

– Нет, ничего такого.

– Видишь, я пока еще в состоянии рассуждать логически. Очень странно... Но как я могу судить? Может быть, на самом деле я просто дрожу от страха, невменяем, безумен, и это просто иллюзия?

Пелорат пожал плечами:

– Вроде бы ты в порядке – на мой взгляд, по крайней мере. Правда, может быть, я так же безумен, как и ты, и у меня тоже иллюзия, но такие рассуждения нам ничего не дадут. Все человечество может пребывать во всеобщей иллюзии, в общем хаосе, Этого нельзя ни отрицать, ни доказать – остается одно: полагаться на наши собственные чувства.

Помолчав немного, он вдруг неожиданно резко сказал:

– Знаешь, мне кое-что пришло в голову.

– Да?

– Ну, понимаешь... мы говорим о Гее, как о мире Мулов или как о возродившейся Второй Академии. А тебе не приходило в голову, что не исключен третий вариант? Более логичный, кстати, чем первые два.

– Какой третий вариант?

Пелорат, казалось, смотрит внутрь себя. Голос его стал тихим и отрешенным.

– Что мы имеем? Мы имеем Гею – мир, который изо всех сил на протяжении многих столетий старался остаться в изоляции. Он не делал попыток как-либо контактировать с каким-либо другим миром, даже с близлежащими планетами Сейшельского Союза. Там, если верить легендам о способности Геи уничтожать целые флотилии, существует технически развитая цивилизация, и их способность захватить наш корабль доказывает это. И все-таки они не пытались каким-то образом экспортировать свою власть. Они хотят только, чтобы им никто не докучал.

– Так, – прищурился Тревайз.

– Все это как-то... не по-человечески, понимаешь? На протяжении двадцати с лишним тысячелетий история деяний человечества в космосе представляет собой не что иное, как экспансию и попытки экспансии. Почти все миры, которые могут быть обитаемы, уже обитаемы. В этот процесс были вовлечены почти все миры, и почти каждый мир воевал со своими соседями раньше или позже. Если Гея столь не по-человечески ведет себя в этом отношении, может быть, это потому, что она населена не людьми.

Тревайз пожал плечами:

– Невозможно.

– Почему невозможно? – заупрямился Пелорат. – Разве я не говорил с тобой о том, как загадочен тот факт, что человечество – единственная высокоразвитая раса в Галактике? А что, если это не так? Разве не может существовать другая цивилизация, пускай на одной-единственной планете, у которой отсутствует столь характерное для человечества стремление к экспансии? А вдруг (Пелората явно понесло) в Галактике на самом деле миллионы высокоразвитых цивилизаций, и только одна экспансионистская – мы сами? А другие сидят себе по домам – скрытые, потаенные...

– Глупо! – отрезал Тревайз. – Мы бы давным-давно на них напоролись. Давно бы уже побывали в таких мирах. Они никак не могли миновать определенных стадий в разработке техники и могли делать попытки остановить нас, но никаких таких попыток не было. Да что говорить! Мы никогда не встречали даже руин нечеловеческой цивилизации, правда? Ты же у нас историк, вот ты мне и ответь. Ну, видели?

– Нет... Но, Голан, одна такая все-таки может быть. Эта!

– Не верю. Ты же сказал, что само ее название «Гея» на каком-то древнем диалекте означает «Земля». Откуда на ней нелюди возьмутся?

– Название планеты могли дать люди. Кто знает почему? Сходство ее с древним миром могло быть случайным совпадением. Задумайся, Голан: нас вели к Гее; ты сам не так давно в подробностях объяснил мне, что нас туда вели. Сейчас нас физически к ней притягивают – вот лишний аргумент в пользу того, что не люди там обитают.

– Почему? При чем тут не люди?

– Они проявляют любопытство к нам, людям. Тревайз немного подумал и заявил:

– Ты сбрендил, Джэн. Они жили в Галактике, со всех сторон окруженные людьми целые тысячелетия напролет. И чего же это вдруг, с бухты-бахромы, они именно сейчас стали такими любопытными? Ну, пускай так, но почему они выбрали именно нас? Если им интересна культура, история людей, почему не выбрать для этой цели миры Сейшеля? Зачем им надо было приволакивать нас с тобой с Терминуса?

– Может быть, их интересует Академия.

– Бред! – яростно воскликнул Тревайз. – Джэн, тебе просто до смерти хочется, чтобы тут оказалась нелюдская цивилизация. Но именно сейчас ты возмечтал о встрече с экзотическими носителями разума как раз потому, что тем самым отвлекаешься от мыслей о том, что тебя могут схватить, пытать, убить.

Пелорат собрался было возразить, но не сказал ничего, глубоко вздохнул и промолвил:

– Может быть, ты и прав, Голан, но я все равно останусь при своем мнении. Думаю, скоро нас рассудят. Смотри!

Он показал на иллюминатор. Тревайз, увлекшись разговором, прекратил наблюдение за станцией. Теперь он резко оглянулся.

– Что это? – ошарашенно пробормотал он.

– Не корабль ли, что стартовал к нам со станции?

– Это нечто, – неохотно отозвался Тревайз. – Деталей пока не вижу, поэтому подождем.

Увеличить изображение нет возможности.

Прошло немного времени.

– Похоже, что оно к нам приближается, и похоже, оно таки корабль. Пари хочешь?

– Какое пари?

Тревайз злорадно ухмыльнулся:

– Условие такое: по возвращении на Терминус закатим званый ужин с гостями. Персоны так на четыре. Если на борту корабля, который летит к нам, люди – платишь ты, если же нет – я. Идет?

– Договорились, – рассеянно кивнул Пелорат.

– По рукам, – прошептал Тревайз и уставился в иллюминатор, стараясь как можно скорее разглядеть в приближавшемся транспортном средстве что-либо, выдававшее присутствие людей или не людей.

69

Серо-стальные волосы Бранно были гладко зачесаны назад. Выглядела она точно так же, как во дворце Мэра, – выдержанная, хладнокровная. Никак нельзя было догадаться, что в глубокий космос она попала всего второй раз в жизни (в принципе, первый раз ей было всего-навсего три годика – родители взяли ее с собой в отпуск на Калган).

Устало, раздраженно она сказала Коделлу:

– Ладно, в конце концов спасибо Тубингу – он выразил свое мнение и предупредил нас. Я не в обиде на него за это.

Коделл, прибывший на корабль, где находилась Мэр, для разговора с ней с глазу на глаз, кивнул.

– Он просто слишком долго там работает. Вот и стал думать как истинный сейшелец.

– Это профессиональное посольское заболевание, Лайоно. Ладно, как только все закончится, дадим ему отпуск, а потом придумаем новое назначение. Он человек способный... Надо отдать ему должное – сообщение Тревайза он передал нам без промедления.

Коделл криво усмехнулся:

– Кстати, мне он сказал, что сделал это вопреки своему желанию и убеждениям. «Сделал, потому что должен был» – вот его слова. Понимаете, Госпожа Мэр, он «должен был». А почему? Потому, что как только Тревайз появился внутри границ Сейшельского Союза, Тубинг получил от меня инструкции: сообщать о каждом его шаге.

– О! – вскинула брови Бранно и повернулась в вертящемся кресле к Коделлу, похоже, для того, чтобы лучше разглядеть его лицо: – И какие же соображения заставили вас дать Тубингу такие инструкции?

– Самые элементарные, Тревайз прибыл в Сейшелл на корабле самой последней модели производства Академии, и сейшельцы не могли не обратить внимания на такой корабль. Тревайз ни на йоту не дипломат, нахал известный – на это сейшельцы также могли обратить внимание. Он запросто мог угодить в какую-нибудь историю. Если и есть на свете что-то, что известно каждому гражданину Академии, так это то, что, попав в беду, за помощью они могут обратиться к ближайшему представителю Академии. Лично я ничего не имел против того, чтобы увидеть Тревайза попавшим в беду, – для него это было бы уроком. Глядишь, может, повзрослев чуточку, ума-разума набрался. Но вы послали его на задание в роли громоотвода, вы хотели увидеть, откуда по нему ударит молния, так? Вот я и сделал так, чтобы этот самый ближайший представитель Академии прослеживал за ним.

— Понятно. Ясно теперь, почему Тубинг проявил такую удивительную дисциплинированность. Видите ли, Лайоно, точно такое же распоряжение дала ему я. А раз он получил эти указания от нас обоих независимо, нечего обвинять его в том, что он так сильно опасается приближения наших кораблей. Но как же так вышло, Коделл, что вы не проконсультировались со мной, прежде чем дать ему такие инструкции?

— Если бы я посвящал вас во все детали моей работы, у вас не осталось бы времени на работу Мэра. А как вышло, что вы не сообщили мне о том, что так проинструктировали Тубинга?

Бранно скривила кислую мину.

— Если бы я посвящала вас во все, чем занимаюсь сама, Лайоно, вы бы слишком много знали. Но это так, мелочи, равно как и тревога Тубинга, как и любой фортель, который могут выкинуть сейшельцы. Меня гораздо больше интересует Тревайз.

— Наши разведчики запеленговали Компора. Он следует за Тревайзом, и оба они крайне медленно и осторожно приближаются к Гее.

— У меня полные отчеты этих разведчиков, Лайоно. Совершенно ясно, что и Тревайз, и Компор принимают Гею всерьез.

— Да, Госпожа Мэр, вот ведь дела какие: все считают Гею выдумкой, суеверием, а между тем про себя думают: «а вдруг»... Даже наш Тубинг не совсем спокоен на этот счет. Не исключено, что такова хитрая политика сейшельцев. Если старательно распространять слухи о таинственном и могущественном мире, мире, приближаться к которому опасно, в конце концов люди отвернутся от такого мира, а заодно — от его ближайших соседей, таких, как Сейшельский Союз.

— Вы думаете, Мул отвернулся от Сейшельского Союза поэтому?

— Вероятно.

— Но вряд ли вы думаете, что Академия не трогала Сейшелл из-за Геи, ведь у нас даже не было сведений о существовании такого мира.

— Признаю: в наших архивах нет упоминаний о Гее, но нет и другого объяснения умеренности нашей политики в отношении Сейшелла.

— Ну что ж, будем надеяться, что Тубинг тревожится понапрасну, и сейшельское правительство твердо убеждено, что приближаться к Гее смерти подобно.

— Что из этого следует?

— А то, что Сейшельский Союз не будет иметь ничего против нашего приближения к Гее. И чем меньше они будут противиться нашему продвижению, тем более они будут убеждаться в том, что это они позволили Гее погубить нас. Они посчитают, что мы получим превосходный урок — для себя и для всех будущих захватчиков.

— А что, если их уверенность не будет лишена оснований, Мэр? Что, если Гея действительно смертельно опасна?

Бранно улыбнулась:

— Ну вот, и вы туда же: «а вдруг, а если»...

— Я должен учитывать все варианты. Мэр. Это моя работа.

— Если Гея смертельно опасна, они захватят Тревайза. Это его работа — послужить громоотводом. Есть еще и Компор. На него тоже обратят внимание, надеюсь.

— Надеетесь? На что? И почему?

— Потому, что тогда они отвлекутся и недооценят наши силы. Тогда легче будет все уладить.

— А вдруг мы недооценим их?

— Нет, — равнодушно ответила Бранно.

— Но ведь эта... геяне могут оказаться чем-то или кем-то, о чем мы и понятия не имеем, и потому не сможем верно оценить степень их опасности. Нужно и такую вероятность учитывать.

— Вот как? Почему у вас возникла такая мысль, Лайоно?

— Потому что мне кажется, думаю, я верно угадал ваши мысли: вы полагаете, что в худшем случае Гея — это Вторая Академия. Вы, вероятно, убеждены в этом. Однако история Сейшелла и в имперские времена не лишена интереса. Только Сейшелл ухитрился сохранить самоуправление. Только Сейшеллу удалось платить смехотворно низкие налоги во времена так

называемых «плохих» Императоров. Короче говоря, такое впечатление, что, если Гея охраняет Сейшель, она занималась этим и во времена Империи.

— И что?

— Как — что? Вторая Академия ведет свое существование не дольше, чем наша, — со времен Гэри Селдона. Второй Академии во времена Империи не было, а Гея была. Следовательно, Гея — не Вторая Академия. Что-то другое — не исключено, нечто пострашнее.

— Неизвестностью меня не напугаешь, Лайоно. Оружие может быть двух видов: физическое и психологическое, а мы готовы противостоять и тому и другому... Возвращайтесь на свой корабль и держите отряд на границе Сейшельского Союза. Этот корабль один пойдет к Гее, но оставайтесь на связи днем и ночью и будьте готовы добраться до нас одним Прыжком, если потребуется. Идите, Лайоно, меня тошнит от вашей кислой физиономии.

— Один вопрос. Последний. Вы уверены в том, что делаете?

— Да, — устало ответила Бранно. — Я тоже изучила историю Сейшельла и поняла, что Второй Академией Гея быть не может. Но, как я уже сказала, у меня есть подробные отчеты от разведчиков, и судя по ним...

— Да?

Короче: я знаю, где находится Вторая Академия. Мы позаботимся сначала о Гее, Лайоно, а после перейдем к Трентору.

Глава семнадцатая Гея

70

Тревайз с трудом пережил долгие часы, пока корабль, вылетевший с орбитальной станции, добирался до них.

Будь ситуация более обычной, Тревайз послал бы сигнал вызова, попытался бы наладить связь. Если бы ответа не последовало, предпринял бы какое-то решительное действие.

Но он был безоружен, ответа ждать было нечего, и не оставалось ничего другого — только ждать. Компьютер ни на какие его призывы не отвечал, если речь шла о действиях за пределами корабля.

А внутри все работало нормально, все системы жизнеобеспечения — в полном порядке. И он сам, и Пелорат физически чувствовали себя, как обычно. Но от этого толку было мало. Умом Тревайз понимал, что жизнь висит на волоске, неизвестность угнетала его. У него даже аппетит пропал, и поэтому он ошарашенно поглядел на Пелората, который как ни в чем не бывало откупорил маленький контейнер с куриным филе и принял спокойно, методично поглощать содержимое.

— Эй, Джэн! — окликнул его Тревайз. — Что за пакость ты ешь? Воняет жутко!

Пелорат удивленно принюхался.

— Нормально пахнет, Голан.

Тревайз расстроенно покачал головой:

— Не обращай на меня внимания. Просто я в отчаянии. Только... ты бы вилку взял, что ли?

А то пальцы у тебя будут курицей вонять весь день.

Пелорат обескураженно взорвался на собственные пальцы.

— Виноват... Даже не заметил. Думал о чем-то другом.

— Наверное, —sarкастично предположил Тревайз, — пытался угадать, какого именно вида существа прибудут к нам?

Ему было нестерпимо стыдно, что сам он не так спокоен, как Пелорат. Он ветеран флота (пусть даже в мирное время), а Пелорат — историк. И вот, пожалуйста, историк преспокойно вкушает курицу, а он...

Прожевав очередной кусок, Пелорат пустился в рассуждения:

— Невозможно, знаешь ли, представить, какое направление может принять эволюция в условиях, отличных от тех, что были на Земле. Вероятности не бесконечны, но их может быть

много. Однако я возьму смелость предсказать, что здешние обитатели вовсе не обязательно жестоки и обойдутся с нами милосердно. Будь это не так, нас бы уже не было в живых.

— Смотри-ка, Джэн, ты еще способен рассуждать, ты так спокоен. А у меня нервишки пошаливают, несмотря на транквилизацию. Внутри меня зреет желание встать во весь рост и вступить в бой! Почему, зачем к нам летит этот корабль и почему он летит так медленно, черт бы его побрал!

Пелорат сказал:

— Я человек пассивный, Голан. Всю жизнь провел за чтением сообщений в ожидании новых сообщений... Ничего не делал, только ждал. И сейчас жду. Ты же человек действия, потому тебе так больно, когда действовать невозможно.

Тревайз усмехнулся, напряжение немного спало.

— Видать, я недооценивал твоей способности к логической оценке, Джэн.

— Да, недооценивал, — согласился Пелорат. — Даже наивный кабинетный ученый иногда кое-что смыслит в жизни.

— А опытный политик порой не смыслит ни черта.

— Я этого не говорил, Голан.

— Это я говорю. Раз так, надо действовать. Что я могу? Могу наблюдать. Корабль уже достаточно близко, можно разглядеть как следует... так... знаешь, он весьма, весьма примитивен.

— Да?

— Ну, если он — продукт деятельности негуманоидных умов и рук, то запросто может быть примитивным.

— Ты думаешь, это артефакт чужой цивилизации? — спросил Пелорат, и лицо его слегка порозовело.

— Не могу сказать. Но подозреваю, что артефакты, как бы сильно они ни отличались от культуры к культуре, никогда не бывают так пластичны, как продукты генетических различий.

— Это ты так думаешь. Нам известны лишь различные культуры, но не известны различные разумные виды, поэтому мы не можем судить, насколько сильно могут отличаться друг от друга артефакты.

Рыбы, дельфины, пингвины, креветки, даже двуногие неземного происхождения — наверное, есть и другие — решают проблему передвижения в вязкой среде за счет обтекаемости и внешне не отличаются друг от друга настолько сильно, насколько велики их генетические различия. С артефактами может быть то же самое.

— Но у всех перечисленных животных совершенно разные конечности. Разве можно сравнить ножки креветки с плавниками дельфина или ластами тюленя, видоизмененными крыльями пингвина? То же самое может быть и с артефактами.

— Как бы то ни было, — сказал Тревайз, — мне уже лучше. Болтовня о любой ерундистике с тобой, Джэн, отлично успокаивает нервы. Кроме того, мы очень скоро узнаем, кто к нам пожалует. Этот корабль не оборудован устройством для стыковки, следовательно, то, что на нем летит, вынуждено будет воспользоваться перекидным трапом или нас пригласят туда по такому трапу перебраться. Ну а может быть, нам предложат какое-нибудь еще экзотическое средство переправы.

— Корабль большой?

— Компьютер, собака, молчит, а без него нельзя воспользоваться радаром, и размеры корабля определить пока невозможно... — К «Далекой Звезде», змеясь, протянулся трап. Тревайз прищурился: — Либо там люди, либо какие-то существа применяют средство переправы, изобретенное людьми. Может быть, просто трап — единственное средство, которое можно использовать в таких условиях.

— А нельзя трубу какую-нибудь приспособить? Или, скажем, лестницу горизонтальную?

— Это все негибкие устройства. Слишком сложно соединиться. Нужно нечто, что соединяло бы в себе и прочность, и гибкость.

Конец трапа тупо ударил по обшивке «Далекой Звезды», послышался скрип — другой корабль уравнивал скорость. Наконец трап стал неподвижен относительно обоих кораблей.

Вскоре от поверхности другого корабля отделилась черная точка и стала увеличиваться в

размерах – будто зрачок расширялся.

Тревайз буркнул:

– Так у них, значит, люк открывается... Расширяющаяся диафрагма, нескользящая плоскость.

– Что, не люди?

– Необязательно. Но занятно. На трапе появилась фигурка.

– О... – разочарованно протянул Пелорат. – Человек, похоже.

– Почему? Пока ясно лишь, что у этого существа на теле пять выростов. Голова, две руки, две ноги – а может быть, и нет, Стой-ка!

– Что такое?

– Оно движется гораздо быстрее, чем я ожидал. А, ясно!

– Что?

– Какой-то вид ускорения, Не реактивный, похоже, но оно не перехватывает поручни руками. Кто знает, может, и не человек.

Существо передвигалось по трапу очень быстро, а казалось, ожидание тянется невыносимо долго. Наконец тот, кто добрался до них, коснулся обшивки.

– Сейчас войдет, кто бы он ни был, – стиснув зубы, проговорил Тревайз. – Чувствую непреодолимое желание заехать ему как следует, как только появится.

Он до боли сжал кулаки.

– Думаю, не стоит так настраиваться, – посоветовал Пелорат. – Вдруг оно сильнее нас? Оно сумеет управлять нашими умами. Может быть, на корабле еще есть такие же. Лучше подождать, пока не узнаем больше о том, с кем мы встретились.

– Ты рассуждаешь все логичнее, Джен, а я нет... Люк открылся и наконец передними возникла фигура...

– Размеры почти обычные, – пробормотал Пелорат. – Скафандр сгодился бы человеку.

– Никогда не видел скафандра такой конструкции, но ничего нечеловеческого пока не вижу. Пока судить трудно.

Фигура в скафандре стояла перед ними, передняя конечность пришельца поднялась, чтобы снять шлем – если у него и было лицевое стекло, оно имело одностороннюю прозрачность.

Быстрым, ловким движением конечность прикоснулась к чему-то, к чему именно, Тревайз не успел заметить, и шлем тут же отсоединился.

Перед изумленными взорами путешественников предстало лицо молодой и красивой женщины.

71

Итак, Пелорат проиграл пари и старался сделать все возможное, чтобы не показать, как он огорчен.

– Вы... человек? – хрипло пробормотал он.

Брови женщины вскинулись, губы расплылись в улыбке. Не то она не поняла слов на чужом языке, не то ее удивил вопрос.

Рука ее быстро скользнула влево, скафандр разъехался, и она вышла из него. Некоторое время постояв на месте без содержимого, скафандр с легким вздохом, очень напоминающим человеческий, съежился и лег на пол.

Выйдя из скафандра, женщина оказалась еще моложе и красивее. Одежда на ней была свободная и прозрачная – нижнее белье туманными тенями просвечивало сквозь легкую ткань. Платье едва доходило до колен.

У нее была маленькая грудь, тонкая талия, полные, округлые бедра. От колена до бедра ноги были чуть полноваты, но икры стройные и лодыжки узкие. Густые темные волосы до плеч, большие карие глаза, пухлые, чуть несимметричные губы.

Она оглядела себя со всех сторон, и стало ясно, что вопрос она поняла:

– Разве я не выгляжу, как человек?

Говорила она на Стандартном Галактическом языке – правда, немного с расстановкой,

будто старалась правильно подобрать слова.

Пелорат учтиво поклонился, улыбнулся и сказал:

– Не могу отрицать. Совсем как человек. Просто восхитительный человек.

Молодая женщина протянула руки, как бы приглашая осмотреть себя поближе.

– Надеюсь, это так, джентльмены. Мужчины погибали за это тело.

– Я бы предпочел жить ради него, – брякнул Пелорат, изумившись собственной галантности.

– Вы сделали правильный выбор, – самодовольно кивнула женщина. – Стоит кому-то добиться этого тела, и все вздохи тут же становятся вздохами восторга.

Она рассмеялась, и Пелорат рассмеялся вместе с ней. Тревайз хмуро наблюдал за таким «содержательным» обменом информацией. Наконец ему надоело.

– Сколько вам лет? – грубо спросил он.

Женщина, казалось, немного задумалась.

– Двадцать три, джентльмены.

– Зачем вы пришли? Что вам здесь нужно?

– Я прибыла, чтобы сопроводить вас на Гею.

Речь ее немного утратила гладкость. Гласные превратились в дифтонги. «Прибыла» она произнесла как «пре-и-была», а «Гею» как «Ги-е-йю».

– Вы, девчонка, сопровождать нас?

Женщина выпрямилась во весь рост и ответила гордо:

– Я – это Гея, так же, как любой другой. Я дежурила на станции.

– Вы? Вы были одна на корабле?

– Да, – сказала она. – Это было все, что нужно.

– И теперь корабль пуст? И станция?

– Меня там больше нет, джентльмены, но она не пуста. Она там.

– Она? Она – это кто?

– Она – станция. Она – Гея. Я ей не нужна. Она сама держит ваш корабль.

– А что же вы, простите, делаете на станции?

– Дежурю.

Пелорат потянул Тревайза за рукав, а тот стряхнул его руку. Пелорат снова ухватил его за рукав и прошептал:

– Не кричи на нее так, Голан. Она совсем ребенок. Позволь, я все уложу.

Тревайз сердито мотнул головой, но Пелорат спросил:

– Молодая дама, как ваше имя?

Женщина просияла в ответ на добрый голос Пелората.

– Блисс, – ответила она.

– Блисс… – повторил Пелорат. – Чудесное имя. Но наверняка не полное.

– Конечно, нет. Имя из одного слога – это смешно. Нужно было бы все время удваивать его, и мы не смогли бы отличить одного от другого, и тогда мужчины не знали бы, за какое тело погибать. Мое полное имя – Блиссенобиарелла.

– Ох, это же язык сломать можно…

– Что вы? Всего семь слогов. Это совсем немного. У некоторых моих приятелей имена из пятнадцати слогов, и мы никогда не устаем комбинировать слоги в разных сочетаниях друг для друга. На «Блисс» я остановилась, когда мне стало пятнадцать. Мама называла меня Ноби – представляете?

– На Стандартном Галактическом «блисс» означает «экстаз» или «удивительное счастье», – сказал Пелорат.

– И на геянском языке тоже. Он не слишком сильно отличается от Галактического. А «экстаз» – это как раз то впечатление, которое мне хотелось бы производить.

– А меня зовут Джин Пелорат.

– Я знаю. А другого джентльмена, этого крикуну, – Голан Тревайз. Мы получили весточку с Сейшелла.

Тревайз подозрительно прищурился:

– Как это, интересно, вы получили весточку?

Блисс обернулась к нему И спокойно ответили:

– Не я лично. Гея.

Пелорат вмешался:

– Мисс Блисс, вы не будете возражать, если мы минутку побеседуем наедине с моим спутником?

– Нисколько. Но вообще нам надо торопиться.

– Мы недолго.

Пелорат подхватил Тревайза под локоть, и тот неохотно последовал за ним в соседнюю каюту, где Тревайз шепотом спросил:

– На кой черт? Это исчадие ада наверняка читает наши мысли.

– Читает или нет – неважно, просто психологически нужно было нам уединиться на минутку. Послушай, дружочек, не надо на нее так наскакивать. Сделать мы все равно ничего не можем, ну зачем же так грубо с ней себя вести? Она ведь тоже ничего сделать не может. Ее послали за нами, вот и все. На самом деле, пока она тут, с нами, мы, скорее всего, в безопасности. Они бы не послали ее сюда, если бы хотели уничтожить корабль. Будешь хамить, вот тогда, глядишь, и уничтожат и корабль, и нас в придачу после того, как заберут ее.

– Ненавижу беспомощность! – пробурчал Тревайз.

– Кто же ее любит, дружочек? Но если ты будешь вести себя как последний хам, беспомощности от этого не убавится. Будешь всего-навсего беспомощным грубияном, и все. О дружочек, только не обижайся – выходит, я тебе тоже грублю... но только эта девочка... она ни в чем не виновата!

– Джэн, – прошипел Тревайз, – да она тебе в дочки годится!

Пелорат вытянулся в струнку, запрокинул голову.

– Тем более причина вежливо с ней обращаться. Кстати, я не понял, к чему ты это сказал.

Тревайз ненадолго задумался. Вскоре лицо его прояснилось.

– Ладно, – кивнул он. – Очень хорошо. Ты прав. Я неправ. Просто, понимаешь, жутко обидно, что за нами послали девчонку. Ну, послали бы военного, офицера какого-нибудь, тогда было бы ясно, что нас принимают всерьез. Но девушка? И она занимает ответственный пост на Гее? Говорят от имени планеты?

– Может быть, она говорит от имени правителя, а имя планеты – нечто вроде его почетного титула. Может быть, она имеет в виду правительство, совет какой-нибудь. Мы все-все узнаем, но только не веди себя так, будто ведешь допрос.

– Мужчины погибали за ее тело! – фыркнул Тревайз. – Ха! Было бы за что погибать!

– Но тебя же никто не просит погибать за него, Голан, – мягко проговорил Пелорат. – Ну пусть пококетничает немного. По-моему, она забавная и прямодушная.

Вернувшись в каюту, они застали Блисс около компьютера. Она стояла около него, склонив голову набок, сложив руки за спиной, будто боялась к нему прикоснуться.

Когда Пелорат и Тревайз вошли, пригнув головы в низком дверном проеме, она обернулась.

– Забавный у вас кораблик, – улыбнулась она. – Половины не понимаю в том, что вижу. Но если вы вздумаете преподнести мне подарок в честь нашего знакомства, будет в самый раз. Красиво... Мой корабль выглядит просто ужасно по сравнению с вашим. А вы... (тут ее лицо озарилось самым искренним любопытством) вы правда из Академии?

– Вы знаете об Академии? – спросил Пелорат.

– В школе мы изучали ее историю... в основном, из-за Мула.

– Почему из-за Мула, Блисс?

– Он один из нас, джентль... Простите, но какой слог вашего имени мне лучше произносить, обращаясь к вам?

– Либо Джэн, либо Пел. Как вам больше нравится.

– Он один из нас, Пел, – улыбаясь объяснила Блисс. – Он родился на Гее, правда, никто не знает, где точно.

Тревайз не преминул съязвить:

– О, я себе представляю. Народный герой Геи, а, Блисс?.. Меня можете звать «Трев», так и быть.

— О нет, он преступник, — решительно возразила Блисс. — Он покинул Гею без разрешения, а этого никому нельзя делать. Никто не знает, как он сделал это. Но он покинул Гею и, думаю, именно поэтому так плохо кончил. Академия победила его окончательно.

— Вторая Академия? — попытался уточнить Тревайз.

— Разве Академия не одна? Ах, наверное, если бы я как следует задумалась об этом, я бы узнала. Но история меня не очень-то интересует, Я привыкла жить так: меня интересует то, что лучше для Геи. И если мне неинтересна история, то это либо потому, что историков достаточно, либо потому, что я плохо адаптирована к истории. Наверное, меня обучали как космотехника. Мне поручают вот такие дежурства, и мне это как будто нравится и, конечно, мне бы это не понравилось, если бы...

Говорила она быстро, на одном дыхании, и Тревайзу с трудом удалось вставить вопрос:

— Гея... это кто?

Блисс изумленно уставилась на него.

— Просто Гея. Прошу вас, Пел и Трев, пока не будем об этом. Нам нужно поскорее приземлиться.

— Похоже, мы как раз этим и занимаемся. Или я неправ?

— Да, но медленно. Гея чувствует, что вы можете двигаться быстрее, если используете возможности вашего корабля. Можете сделать это?

— Могли бы, — саркастически кивнул Тревайз. — Но не кажется ли вам, что как только я обрету возможность управлять кораблем, я тут же рвану в совершенно противоположном направлении?

Блисс рассмеялась:

— Вы смешной! Нет, вы не сможете двигаться ни в каком направлении — только туда, куда хочет Гея. Вы можете двигаться быстрее туда, куда хочет Гея. Понимаете?

— Понимаю, — кивнул Тревайз. — И постараюсь больше не смешить вас. Где я должен совершить посадку?

— Неважно. Просто летите вниз, а опуститесь вы в нужном месте. Гея позаботится об этом.

— А вы останетесь с нами, Блисс? — спросил Пелорат с нескрываемой надеждой. — Вы позаботитесь о том, чтобы с нами хорошо обращались?

— Думаю, это можно будет устроить. Сейчас подумаю... обычная плата за мои услуги — я имею в виду такие услуги — может быть зачислена на мою балансовую карточку.

— А за другие услуги?

— О, вы очень милый старичок!

Пелорат поморщился.

72

На рывок к поверхности Геи Блисс отреагировала с наивным восторгом.

— И никакого ощущения ускорения! — воскликнула она.

— Это из-за гравитационного двигателя, — объяснил Пелорат. — Все ускоряется одновременно, и мы тоже, поэтому ничего не чувствуем.

— Но как он работает, Пел?

Пелорат пожал плечами:

— Думаю, Трев знает, но только он, похоже, сейчас не в настроении объяснять.

Тревайз нырнул в гравитационный колодец Геи почти безошибочно. Корабль вел себя точно так, как сказала Блисс. Он мог лишь слегка отклониться в сторону от вектора гравитационных сил. Попытка подняться вверх успехом не увенчалась. Корабль все еще ему не принадлежал.

— Не слишком ли быстро мы опускаемся? — тихо спросил Пелорат.

Тревайз несколько небрежно ответил:

— Молодая дама утверждает, что Гея позаботится о нас.

Блисс сказала:

— Конечно, Пел. Гея не сделает этому кораблю ничего дурного. Скажите, а у вас не найдется чего-нибудь перекусить?

— Найдется, конечно, — ответил Пелорат. — А чего бы вам хотелось?

— Чего угодно, только не мяса, — безразлично отозвалась Блисс. — Немного яиц, рыбы, овощей, если есть.

— Кое-что из еды мы взяли с Сейшелла, Блисс. Я точно не знаю, что в контейнере, но, может быть, вам понравится?

— Ну, не знаю, — пожала плечами Блисс. — Попробую. Не понравится — не буду есть.

— Люди на Гее — вегетарианцы? — спросил Тревайз.

— Многие, — кивнула Блисс. — Все зависит от того, в чем нуждается организм в определенное время. В последнее время мяса мне не хочется, значит, оно мне не нужно. И сладкого тоже не хочется. Хочется сыра и креветок. Вероятно, потому, что мне нужно похудеть.

Шлепнув себя по бедру, она сообщила:

— Вот тут надо бы сбросить фунтов пять-шесть.

— Но зачем? — искренне удивился Пелорат. — Так сидеть удобнее, наверное?

Блисс перегнула голову через плечо, чтобы получше рассмотреть себя сзади.

— Ну да это неважно. Вес приходит и уходит, когда нужно. А мне нечего об этом беспокоиться.

Тревайз помалкивал, поскольку был занят управлением. Он немного замешкался, выбирая орбиту, и теперь корабль рассекал нижние слои экосферы планеты. Корабль все меньше и меньше повиновался Тревайзу. Как будто кто-то другой отнимал у него «Далекую Звезду», научившись ею управлять. «Далекая Звезда», двигаясь как бы сама по себе, вошла в разреженные слои атмосферы и теперь снижалась медленно и плавно. Сама выбрала путь и заскользила по плавной нисходящей спирали.

Блисс, не обращая никакого внимания на свист трения обшивки, с удовольствием принохалась к запаху пара, исходящему из открытого контейнера.

— Должно быть, вкусно, Пел. Если бы было невкусно, мне бы не захотелось этого есть. — Она запустила изящный пальчик в контейнер и облизнула его. — Верно угадали, Пел. Это креветки или что-то на них похожее. М-м-м... вкусно!

Обреченно махнув рукой, Тревайз встал и отошел от компьютера.

— Девушка, — обратился он к Блисс, как будто только что увидел ее.

— Меня зовут Блисс, — сердито ответила Блисс.

— Ладно. Блисс, вы знали наши имена?

— Да, Трев.

— А откуда вы их знали?

— Для моей работы было важно их узнать, и я их узнала.

— А вы знаете такое имя: Мунн Ли Компор?

— Если бы это было важно, знала бы. Раз я не знаю, кто это такой, значит, мистер Компор сюда не прибывает. И... (она недолго задумалась) никто, кроме вас, не прибывает.

— Поживем — увидим, — буркнул Тревайз.

Он посмотрел в иллюминатор. Вокруг планеты было много облаков, но облачный слой был не плотный, а разреженный, и облака были разбросаны на удивление равномерно. Пока трудно было разглядеть поверхность планеты.

Он включил радароскоп. Поверхность оказалась почти зеркальным отражением неба. Мир островов — очень похоже на Терминус, только островов было гораздо больше. Острова не слишком отличались один от другого по площади и находились не слишком далеко друг от друга. Этакий планетарный архипелаг. Корабль опускался под большим углом к экватору, но никаких признаков наличия полярных шапок не наблюдалось.

Трудно было судить и о какой-либо неравномерности распределения населения, судя по освещенности ночного полушария.

— Мы сядем где-нибудь поблизости от столицы, Блисс? — спросил Тревайз.

Блисс небрежно ответила:

— Гея опустит вас в каком-нибудь удобном месте!

— Я бы предпочел город.

— Вы имеете в виду — большое скопление людей?

— Да.

— Это как Гея решит.

Спуск продолжался. Тревайз решил развлечься и принял участие угадывать, на какой именно остров сядет «Далекая Звезда».

Куда бы они ни сели, до посадки оставалось не меньше часа.

73

Корабль опустился тихо, почти как перышко. Они вышли друг за другом: Блисс, за ней Пелорат, последним шел Тревайз.

Погода напоминала раннее лето в Терминус-Сити. Дул легкий ветерок, утреннее солнце ярко светило с покрытыми легкими облачками небес. Земля под ногами зеленела свежей травой. По правую руку выстроились ряды деревьев — видимо, сад, налево вдалеке виднелась линия морского побережья.

Воздух, казалось, весь гудел: вероятно, жужжали насекомые, доносился трепет птичьих крыльев или крыльев небольших летающих животных. Неподалеку раздавался скрип какого-то инструмента, может быть, садовых ножниц.

Первым заговорил Пелорат, но, как ни странно, не о том, что видел или слышал:

— Ах, как чудесно пахнет! Будто свежий яблочный сок.

Тревайз сказал:

— Вероятно, это — яблоневый сад, Яблочный сок, как известно, делают из яблок.

— А вот у вас на корабле, — фыркнула Блисс, — пахло, как... в общем, ужасно пахло.

— На корабле вы не жаловались, — буркнул Тревайз.

— Я вынуждена была соблюдать вежливость Я была у вас в гостях.

— Почему бы вам и здесь не оставаться вежливой?

— Теперь я у себя дома, Здесь вы гости, Вот и ведите себя вежливо.

— Наверное, насчет запаха она права, Голан, — вступил Пелорат, — Можно как-нибудь проветрить корабль?

— Ага, — злорадно ответил Тревайз. — Конечно, можно устроить, если это маленькое создание заверит нас, что на корабле ничего не тронут. Пускай защитит его, если сможет.

Блисс сердито выпрямилась.

— Не такая уж я маленькая. А если уборка вашего корабля производится за счет неприкосновения к нему, то уверяю вас, неприкосновение будет большой радостью для меня.

— А теперь не будете ли вы так добры проводить нас к тому, кого вы называете Геей?

Блисс искренне удивилась.

— Не знаю, поверите ли вы, но я — Гея.

Тревайз смотрел на нее не мигая. Да, частенько ему приходилось слышать фразу «собраться с мыслями» в смысле переносном. Теперь у него было такое ощущение, будто он занимается этим буквально.

— Вы? — наконец выдавил он.

— Да. И земля тоже. И эти деревья. И вон тот кролик в траве. И тот мужчина, которого вы видите за деревьями. Вся планета и все на ней — это Гея. Все мы существуем как отдельные организмы, но у каждого есть своя доля в общем сознании. Неодушевленные предметы имеют меньшую долю, различные живые формы — ту или иную, а люди — самую большую. Но мы все участвуем в Гее.

Пелорат кивнул:

— Я думаю, Тревайз, Блисс хочет сказать, что Гея — нечто вроде коллективного разума.

— Я так и понял, — отозвался Тревайз. — Но кто же, в таком случае, правит вашим миром?

— Никто. Он сам собой управляет. Деревья растут рядами, выбирая промежутки между собой, которые для них удобны. Они размножаются ровно настолько, насколько необходимо для замены по какой-то причине погибших. Люди собирают яблок столько, сколько нужно, а животные, насекомые и птицы поедают свою долю — и только свою долю.

— Вот как? И насекомые знают, какова их доля? — спросил Тревайз, не скрывая усмешки.

— Да, в некотором смысле знают. Когда нужно — идет дождь, иногда очень сильный, если

так нужно, а порой наступает сухой сезон, когда необходимо это.

– И дождь знает, когда ему идти?

– Да, знает, – совершенно серьезно ответила Блисс. – Разве в вашем собственном организме разные клетки не знают, что им делать? Разве не знают они, когда нужно расти, а когда прекратить рост? Когда выделять соответствующие вещества, а когда нет, и если выделять – в каком количестве, – не больше и не меньше? Каждая клетка – это ведь маленькая независимая химическая фабрика, но каждая получает сырье из общего склада, а сырье доставляется к ней по общей транспортной сети, и все клетки-фабрики сбрасывают отходы в общую систему, и таким образом все клетки участвуют в общем сознании.

– Но это же замечательно! – с энтузиазмом подхватил Пелорат. – Вы говорите то есть о том, что планета является собой суперорганизм, а вы клетка этого организма?

– Не совсем так. Я говорю об аналогии, а не об идентичности. Понимаете? Мы – не тождество клеток, мы – их аналоги.

– И чем же вы отличаетесь от клеток? – спросил Тревайз.

– Если говорить о людях, то мы сами состоим из множества клеток и являемся носителями коллективного сознания. Это коллективное сознание, этот разум отдельного человека – мой, например...

– Ну да, – кивнул Тревайз, – разум и тело, за которое погибают мужчины.

– Вот именно. Мой разум гораздо сильнее развит, чем разум каждой отдельной клетки моего организма, несравненно более развит. И тот факт, что каждый из нас, в свою очередь, является частью огромного коллективного разума, не опускает нас на уровень клеток. Я остаюсь человеком, и каждый человек остается человеком, но выше нас существует коллективный разум, более высокий, более могущественный, чем мой, – настолько же, насколько мой собственный разум выше разума каждой из моих клеток.

– Но кто-то отдал приказ о том, чтобы захватить наш корабль?

– Нет, не кто-то! Приказ отдала Гея. Мы все отдали такой приказ.

– И травка, и деревья, и пчелки, Блисс?

– Их участие очень невелико, но оно было. Как бы вам лучше объяснить... ну, скажем, если музыкант сочиняет симфонию, разве вы станете интересоваться, какая именно клетка его организма отдала команду сочинить симфонию, какая прослеживала за ее созданием?

– Насколько я понимаю, – задумчиво проговорил Пелорат, – коллективное сознание гораздо сильнее индивидуального, так же как, скажем, мышца сильнее каждой из клеток, ее составляющих. Следовательно, несмотря на то что никто из обитателей Геи в отдельности не смог бы захватить наш корабль, это оказалось подвластно коллективному разуму.

– Совершенно верно, Пел.

– А я не понял, что ли? – огрызнулся Тревайз. – Было бы что понимать. Но что вам от нас нужно? Нападать на вас мы не собирались. Нам нужна была только информация. Зачем вы нас захватили?

– Чтобы поговорить с вами.

– А на корабле нельзя было поговорить?

Блисс грустно покачала головой:

– Я не знаю. Это не мое дело.

– Как? Разве вы – не часть группового разума?

– Да... но я не могу летать, как птичка, жужжать, как насекомое, или вырасти такой высокой, как дерево. Я делаю то, что лучше для меня, а для меня лучше, чтобы информацию вам передавала не я. Хотя все знания могли бы быть легко переданы мне, а через меня – вам.

– Кто же решил не передавать их вам?

– Все.

– А кто же ответит на наши вопросы?

– Дом.

– Кто такой Дом?

– Ну, – сказала Блисс, – его полное имя – Эндомандиовизамарондейясо... – и так далее. Разные люди называют его разными слогами в то или иное время, но мне он знаком как Дом. Думаю, вам обоим тоже лучше его так называть. Пожалуй, у него самая большая доля участия в

Гее и живет он на этом острове. Он попросил разрешения встретиться с вами, и ему позволили.

— Кто же, если не секрет? — спросил Тревайз, и сам себе ответил: — Ах, ну да, как я забыл, все вы.

Блисс кивнула.

— А когда мы увидим Дома, Блисс? — спросил Пелорат.

— Прямо сейчас. Пойдемте, я отведу вас к нему, Пел. И вас, конечно, тоже, Трев.

— А потом уйдете? — с тревогой поинтересовался Пелорат.

— А вы не хотите, чтобы я уходила, Пел?

— Конечно не хочу!

— Ну вот, — сказала Блисс, как только они тронулись вслед за ней по гладковымощенной дорожке, что вилась по саду. — Мужчины сходят от меня с ума с первого взгляда. Самые дряхлые старики начинают резвиться, словно мальчишки.

Пелорат рассмеялся:

— На мальчишескую ревность я не слишком рассчитываю, но вряд ли бы разрезвился, даже если бы мог, когда бы не вы, Блисс.

— О, не наговаривайте на себя. В вас еще полно мальчишества. А я умею творить чудеса.

Тревайз нетерпеливо прервал их разговор:

— Когда мы доберемся туда, куда должны добраться, долго нам придется ждать этого вашего Дома?

— Он будет ждать вас. Ведь Дом с помощью Геи столько лет трудился, чтобы вы попали сюда.

Тревайз резко остановился, будто ему стукнули под коленки, и послал Пелорату выразительный взгляд. Тот одними губами проговорил:

— Ты был прав.

Блисс, глядя прямо перед собой, спокойно проговорила:

— Я знаю, Трев, вы подозревали, что я/мы/Гея проявляем к вам интерес.

— Я /мы/Гея? — тихо переспросил Пелорат.

Блисс улыбаясь обернулась к нему.

— У нас существует много самых разных местоимений, отражающих степень участия и индивидуальности на Гее. Я бы могла объяснить вам оттенки их значения, но пока хватит этого: «Я / мы / Гея». Прошу вас, Трев, пойдемте. Дом ждет, а мне не хотелось бы заставлять ваши ноги идти быстрее. Это не так приятно, когда к такому не привык.

Тревайз пропустил ее вперед, сопровождая взглядом, полным глубочайшего подозрения.

74

Дом оказался мужчиной почтенных лет. Разговор с гостями он начал с того, что произнес все двести пятьдесят три слога своего имени нараспев, кое-где делая ударения.

— На самом деле, — пояснил он затем, — это моя краткая биография. Мое имя повествует слушателю, читателю или сенситиву, кто я такой, какова моя доля участия в целом, что мне удалось сделать за свою жизнь. Но уже более пятидесяти лет я довольствуюсь одним-единственным слогом своего имени — Дом. Когда рядом находятся другие Домы, меня можно называть Домандио, а когда я занимаюсь чем-либо профессионально, употребляются другие слоги. Лишь один раз в геянском году, в мой день рождения, мое полное имя всеми произносится в уме так, как я произнес его для вас вслух. Это замечательно, хотя для непосвященного немного непривычно.

Дом был высокий, худой — еще чуть-чуть, и его можно было бы назвать тощим. Глубокопосаженные глаза его искрились нежданной молодостью. Двигался он медленно, плавно. Края ноздрей тонкого, длинного, с горбинкой, носа, были чуть красноватые. Руки покрывала сеть расширенных вен, однако не было похоже, что он страдал ревматизмом. На нем был длинный, до лодыжек, хитон — серый, серебристый, совсем как седые волосы Дома. Босые ноги были обуты в сандалии.

— Сколько вам лет, сэр? — спросил Тревайз.

— Прошу, зови меня Дом, Трев. На Гее принято называть друг друга на «ты». Всякие

другие обращения создают формальность и снижают возможность свободного обмена мыслями. В Стандартных Галактических годах мне исполнилось девяносто три, но настоящий праздник будет еще через много месяцев, когда мне исполнится девяносто геянских лет.

— Я бы вам... тебе больше семидесяти пяти не дал, Дом, — признался Тревайз.

— По геянским меркам, ничего удивительного — ни в том, что я дожил до такого возраста, ни в том, как я выгляжу, Трев. Ну что, мы уже поели?

Пелорат глянул в свою тарелку, где осталось довольно много непрезентабельной на вид еды, — угощали их крайне небрежно приготовленными мясными блюдами — и осторожно обратился к Дому.

— Дом, можно я попробую задать один чудной вопрос? Конечно: если он покажется тебе обидным, я больше никогда о таком спрашивать не буду.

— Спрашивай, — ободряюще улыбнулся Дом. — Я просто горю желанием поведать вам о Гее все, что вызывает ваше любопытство.

— Почему? — незамедлительно встярал Тревайз.

— Потому, что вы — почетные гости... Позволь, я выслушаю вопрос Пела.

— Если все живущие на Гее, — начал Пелорат, — участники коллективного разума, как же может быть такое, что ты, элемент коллектива, можешь есть вот это, что явно является другим элементом?

— Верно подмечено! Но все на планете совершает круговорот. Мы должны питаться, и все, что мы можем употреблять в пищу, — и растения, и животные — являются частями Геи. Но надо учесть, что ничто и никто из того, чем мы питаемся, не убивается ради забавы, из спортивного интереса, никто и ничто не убивается так, чтобы испытывать при этом ненужную боль. Видимо, мы немного переусердствовали сегодня с мясными блюдами — сами геяне не едят мяса больше, чем должны. Тебе не понравилось, Пел? А тебе, Трав? Ну, собственно, еда не для наслаждения предназначена. Вот еще о чем следует сказать: то, что съедено, в конце концов остается частью планетарного разума. Пока я жив, эти частицы включены в мое тело и вместе со мной участвуют в нем. Когда я умру, меня тоже съедят, пускай всего лишь бактерии, питающиеся продуктами распада, но и тогда я тоже буду частью общего разума, хотя доля моя станет несравненно меньше. Но когда-нибудь частицы меня попадут в другого человека или многих людей, и я стану их частями.

— Нечто вроде переселения душ, — кивнул Пелорат.

— Что, Пел?

— Я говорю о древнем веровании, до сих пор распространенном в некоторых мирах.

— А-а-а... Я о таком не слышал. Как-нибудь обязательно расскажи мне.

— Но ведь твое индивидуальное сознание, — возразил Тревайз, — то, что теперь является Домом, никогда не возродится?

— Конечно, нет. Но разве это имеет значение? Я все равно буду частью Геи, а это главное. Среди нас есть некоторые мистики, они предлагают попробовать создавать мемуары о предыдущих воплощениях, но Гея чувствует, что это практически неосуществимо, да и пользы от этого никакой. Это просто затуманило бы теперешнее сознание... Конечно, в будущем условия могут измениться и ощущения Геи тоже, но не думаю, что это скоро произойдет.

— Но зачем тебе умирать, Дом? — спросил Тревайз. — Ты прекрасно выглядишь в девяносто с гаком. Разве не может коллективное сознание...

Впервые за все время разговора Дом нахмурился.

— Никогда, — сурово отрезал он. — Только так я могу внести свою долю. Каждый новый индивидуум своими генами и молекулами вносит в Гею нечто новое — новые таланты, способности. Мы нуждаемся в них, и единственный способ этого добиться — уходить и давать жить другим. Я сделал больше других, но и у меня есть свой предел, и он приближается. Желание прожить больше положенного ни у кого не сильнее желания умереть до срока.

Тут, решив, видимо, что его тирада придала беседе несколько загробный оттенок, он встал и протянул обоим гостям руки.

— Пойдемте, Трев и Пел, я отведу вас в свою мастерскую. Я хочу показать вам кое-какие свои безделушки. Мастерю на досуге. Надеюсь, вы не станете смеяться над стариком за это маленько чудачество.

Он провел их в другую комнату, где на маленьком круглом столике были разложены предметы, смутно напоминавшие очки, – сдвоенные дымчатые линзы.

– Это, – пояснил Дом, – «Партикуляры» моего собственного произведения. Не скажу, что я такой уж корифей в этой области, но я специализируюсь на неодушевленных предметах, которыми, другие мастера не так увлекаются.

– Можно взять в руки? – спросил Пелорат. – Они не хрупкие?

– Нет-нет, можно даже на пол бросить – ничего не случится. Хотя лучше этого не делать. От сотрясения может ухудшиться острота зрения.

– Какими пользоваться, Дом?

– Нужно поднести их к глазам, они сами к ним прилипнут. Свет они не пропускают, наоборот, отфильтровывают его, чтобы вы не отвлекались на постороннее, хотя ощущения достигают вашего мозга через оптический нерв. Ваше сознание обостряется и позволяет участвовать в других фасетах Геи. Другими словами, если вы посмотрите вот на эту стену, к примеру, вы как бы станете этой стеной и увидите ее так, как она сама себя видит.

– Восхитительно… – пробормотал Пелорат. – Можно попробовать?

– Конечно, Пел. Каждое из этих приспособлений сделано по-разному и по-разному отражает тот или иной аспект сознания стены… и любого другого неодушевленного предмета.

Пелорат осторожно взял странные очки, поднес их к глазам, и они тут же прилегли к векам. Пелорат вздрогнул от прикосновения и замер.

Дом посоветовал:

– Когда закончите наблюдение, коснитесь пальцами внешних краев Партикуляров. Они тут же отпадут.

Через некоторое время Пелорат так и сделал, часто заморгал и протер глаза.

– Что вы пережили? – спросил Дом.

– Это трудно описать. Казалось, стена мерцает, искрится, порой было впечатление, что она испускает какую-то жидкость. Еще казалось, будто у нее есть какой-то каркас, похожий на ребра. Временами она будто бы меняла симметрию. Мне… очень жаль, Дом, но красивым мне это не показалось.

Дом вздохнул.

– Вы не участвуете в Гее, потому не можете видеть того, что видим мы. Я этого очень боялся. Как жаль! Но уверяю вас, Партикуляры нужны не только для получения эстетического наслаждения, у них есть и практическое применение. Счастливая стена – это крепкая стена, способная простоять много лет, практичная и полезная.

– Счастливая стена? – изумленно переспросил Тревайз, не в силах сдержать улыбки.

Дом объяснил:

– Да, у стены тоже есть чувства, они слабы, туманны, но среди них есть и то, что аналогично нашему с вами понятию «счастье». Стена счастлива тогда, когда она надежно сложена, прочно закреплена на фундаменте, когда части ее уравновешены симметрией, когда она не испытывает нежелательной нагрузки и напряжения. Хороший дизайн может быть достигнут за счет правильного применения принципов механики, но при использовании нужных Партикуляров можно осуществить тончайшую настройку вплоть до атомного уровня. Ни один из скульпторов здесь на Гее не пренебрегает Партикулярами – без них он просто не способен создать истинный шедевр. Мне неплохо удаются эти конструкции – правда, нехорошо хвалить себя…

– А вот одушевленные Партикуляры, которые изготавливают другие, – продолжал Дом с воодушевлением человека, говорящего о любимом деле, – позволяют нам аналогичным образом поддерживать экологическое равновесие. Оно на Гее не слишком сложно, как и в других мирах, но, по крайней мере, у нас есть надежда сделать его более сложным и тем самым обогатить общее сознание.

Тревайз предостерегающе взял Пелората за локоть, видя, что тот сейчас разразится уймой вопросов.

– Откуда вам известно, – опередив товарища, спросил Тревайз, – что экологическое равновесие на планетах может быть более сложным, если вы говорите, что сейчас везде равновесие простое?

— Ах, — сказал Дом, и глаза его утонули в сеточке веселых морщинок. — Поймали старика на слове? Вы не хуже меня знаете, что прародина человечества Земля обладала сложнейшим экологическим равновесием. Просты в этом отношении только вторичные, производные миры.

Тут уж Пелорат не смог сдержаться:

— Но ведь именно эту проблему я и пытаюсь решить! Ей я посвятил всю свою жизнь. Почему только Земля была носительницей сложной экологии? Что отличало ее от остальных миров? Почему миллионы и миллионы других миров Галактики, миров, способных стать носителями жизни, развили лишь примитивную растительность вкупе с мелкими и неразумными формами жизни?

Дом сказал:

— У нас есть предание об этом, наверное, сказка. Не могу отвечать за его подлинность. Звучит как фантазия, как выдумка.

Тут вошла Блисс, которая в трапезе не участвовала. На ней была серебристая просторная, почти прозрачная туника.

Пелорат тут же вскочил:

— А я думал, ты нас совсем покинула...

— Вовсе нет. Просто у меня была работа. Можно мне теперь присоединиться к вам, Дом?

Дом тоже поднялся, а Тревайз и не подумал встать.

— Добро пожаловать. Моим старым глазам так приятно смотреть на тебя.

— Именно поэтому я и надела эту тунику. Пел выше таких вещей, а Трену они не нравятся.

Пелорат запротестовал:

— Почему это я выше? Если ты так считаешь, я надеюсь когда-нибудь удивить тебя.

— О, какой это будет восхитительный сюрприз! — проворковала Блисс и села. Сели и двое стариков. — Прошу, не надо из-за меня прерывать вашу беседу.

— Я как раз собирался поведать нашим гостям рассказ о Вечности, — пояснил Дом.

Чтобы понять эту историю, для начала вы должны уяснить, что существует множество различных Вселенных — практически бесконечное множество. Договоримся также о том, что каждое отдельно взятое событие может либо произойти, либо не произойти. Если оно происходит, оно может произойти тем или иным образом. И каждая из этих бесчисленных альтернатив может оказаться на будущем течении событий — в той или иной степени. Блисс, к примеру, могла прийти позже или раньше. Придя сейчас, она могла явиться в другом платье, могла не улыбнуться старику, по обыкновению, тепло и сердечно. В каждом из вариантов этого маленького, незначительного события таится вариант другого, альтернативного течения событий во Вселенной в дальнейшем, каким бы незначительным на первый взгляд ни было событие.

Тревайз нетерпеливо поерзал в кресле.

— Похоже, вы излагаете один из основных принципов квантовой механики — он стар, как мир.

— А, так вы слышали об этом? Но продолжим. Представьте себе, что люди обрели возможность заморозить, зафиксировать все Вселенные, и по своему желанию переходить из одной в другую, и выбирать из них ту, которую сочтут «реальной», что бы ни значило это слово в данной связи.

— Я слышу твои слова, — сказал Тревайз, — и даже могу, пофантазировав, представить, себе то, что ты описываешь, но поверить в то, что такое возможно на самом деле, уволь, не могу.

— И я не могу, — согласился Дом, — Вот почему я говорю, что это похоже на сказку. И все же в сказке утверждается, будто на самом деле существовали те, кто умел выходить за границы времени и изучать бесконечные линии потенциальной Реальности. Эти люди назывались Вечными, а когда они покидали время, о них говорили, что они перешли в Вечность.

Их задача состояла в том, чтобы выбрать Реальность, наиболее оптимальную для человечества. Они осуществляли громадное число модификаций, и в предании это описано со множеством увлекательных подробностей, должен вам сказать, написано оно в эпической форме и очень длинное. Наконец, как там говорится, они отыскали Вселенную, в которой Земля была единственной планетой в Галактике, где могла быть основана сложная экологическая система, возможно развитие разумных видов, способных разработать и развить технику и

достичь в этом прогресса.

Это, решили они, и есть условия, которые обеспечат наивысшую безопасность человечества. Они зафиксировали данную линию событий и прекратили вмешательство. Теперь мы живем в Галактике, которая колонизирована и заселена только людьми и теми растениями, животными, микроорганизмами, которых люди несут с собой с планеты на планету и которые, как правило, побеждают и угнетают эндемичные формы жизни.

Где-то, в туманных далаях вероятности, существуют другие Реальности, и там Галактика населена многими видами разумных существ, но эти Реальности не достижимы, и мы одиноки в своей Реальности. От каждого события, от каждого действия в нашей Реальности тянутся новые нити, и в каждом отдельном случае лишь одна является продолжением Реальности, поэтому существует громадное количество потенциальных Вселенных, происходящих от нашей собственной. Но все они, скорее всего, сходны в том, что в них будет проживать всего один разумный вид, как в той Галактике, где мы живем сейчас... Хотя, наверное, точнее было бы сказать, что не исключен маленький процент альтернатив – обобщения опасны, когда ведешь речь о бесконечности. – Он умолк, смущенно пожал плечами и сказал: – Вот такая история. Она родилась задолго до создания Геи. За подлинность не отвечаю.

Тroe слушателей молчали. Только Блисс кивнула – видимо, слышала уже эту историю – и подтвердила, что Дом все рассказал верно.

Пелорат хранил молчание еще с минуту, потом крепко сжал кулак и опустил его на подлокотник кресла.

– Нет, – заявил он убежденно. – Это ничего не дает. Подлинность предания нельзя определить умозрительно... но если отойти от такого подхода... представьте себе, что это правда! В той Вселенной, где мы живем, лишь на Земле развились богатейшая экология, появился один-единственный разумный вид, и, следовательно, как бы то ни было – случайность это или предопределенность – в планете Земля должно быть нечто уникальное, и мы по-прежнему должны желать узнать, что это за уникальность.

Снова наступила тишина, которую нарушил голос Тревайза. Покачав головой, он сказал:

– Нет, Джэн, так не получается. Скажем так: вероятность того, что по чистой случайности именно на Земле развились сложная экология и разумная жизнь, составляет один против миллиарда триллионов – единица против десяти в двадцать первой степени. Если это так, значит, одна из десяти в двадцать первой степени линий потенциальной Реальности должна являть собой такую Вселенную, и Вечные выбрали ее. Следовательно, мы живем в такой Вселенной, где Земля является единственной планетой со сложной экологией, где развились разумная жизнь и получила развитие техники, но не потому, что в Земле есть нечто уникальное, а лишь потому, что совершенно случайно все это появилось на Земле, а не где-то в другом месте. Можно пойти дальше, – продолжал Тревайз. – Почему бы не предположить, что существуют линии Реальности, следуя по которым разумная жизнь могла развиться только на Гее, или только на Сейшелле, или только на Терминусе – на любой планете, которая в теперешней Реальности, может быть, не является носителем какой-либо жизни вообще. Эти конкретные случаи – всего лишь крохотный процент от общего числа Реальностей, при которых в Галактике не один вид разумных существ, а гораздо больше... Думаю, если бы Вечные поискали получше, они бы отыскали такую линию потенциальной Реальности, при которой на каждой из обитаемых планет развилась своя собственная разумная жизнь.

Пелорат возразил:

– С другой стороны, почему не предположить, что была обнаружена именно та Реальность, при которой Земля оказалась не такой, какой была бы при других вариантах, но при этом почему-то особенно подходила для развития разумной жизни? Можно пойти дальше и предположить, что была обнаружена нить Реальности, при которой вся Галактика была не такой, какой была бы при выборе другой линии, и находилась в таком состоянии, что для развития разумной жизни могла быть избрана только Земля.

– Можно, конечно, и так рассуждать, – согласился Тревайз, – но мое предположение кажется мне более логичным.

– Тут все очень субъективно, – сказал Пелорат и готов был продолжать спор, но Дом прервал его:

— Вы начали упражняться в логике, друзья. Не будем омрачать заумными беседами приятный вечер.

— Как скажешь, Дом, — с улыбкой откликнулся на это предложение Пелорат.

Тревайз, искоса поглядев на Блисс, которая, как ему показалось, разыгрывала напускную скромность и сидела молча, обхватив себя руками под грудью, спросил у Дома:

— Но откуда взялась Гея? Как возник ваш коллективный разум?

Дом откинул назад седую голову и весело рассмеялся:

— И тут сказки! Знаете, я порой много думаю об этом, когда перечитываю историю человечества. Как бы скрупулезно, подробно ни писались летописи, как бы их ни формализовали, ни компьютеризировали, с течением времени они устаревают. Рассказы обрастают подробностями, как нарастает снежный ком или как будто слоями пыли покрываются. И чем больше времени минует, тем толще слой пыли веков. В конце концов любая история нисходит до уровня сказки.

Пелорат кивнул:

— Нам, историкам, знаком этот процесс, Дом. Надо сказать, люди предпочитают именно сказки. «Обман приятнее истины», — так сказал Либелль Геннерат примерно пятнадцать столетий назад. Теперь это зовется Законом Геннерата.

— Вот как?! — изумился Дом. — А я-то думал, что это — изобретение моего старческого цинизма. Ну что ж, значит, по закону Геннерата наше прошлое наполнено славой, блеском и выдумками... Знаете ли вы, что такое «робот»?

— Нам рассказали на Сейшелье, — сухо ответил Тревайз.

— Вы там видели робота?

— Нет. Нас спросили, знаем ли мы, что это такое, мы ответили отрицательно, и тогда нам рассказали.

— Понятно... Значит, вы знаете, вероятно, что некогда люди жили бок о бок с роботами, но ничего хорошего из этого не вышло.

— Так нам и сказали.

— Психология поведения роботов определялась тем, что зовется «Тремя Законами Роботехники». Есть несколько версий формулировки этих Законов. Наиболее распространена такая: 1) Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред; 2) Робот должен повиноваться командам, которые ему дает человек, за исключением тех случаев, когда эти команды противоречат Первому Закону; 3) Робот должен заботиться о своей безопасности, поскольку это не противоречит Первому и Второму Законам.

Чем умнее, чем совершеннее становились роботы, тем сильнее у них проявлялась склонность по-своему интерпретировать Законы, в особенности Первый — самый главный. Роботы трактовали Законы все более и более обобщенно и в конце концов пришли к выводу, что на них возложена роль спасителей и защитников человечества. А людям надоело, что с ними носятся, как с малыми детьми, и они восстали против опеки роботов.

Роботы были добры, универсально добры. Они действовали из соображений гуманности для блага людей, что, однако, делало их все более невыносимыми.

Каждый успех в роботехнике только усугублял положение. Стали появляться роботы с телепатическими способностями, и это означало, что у них появилась возможность управлять мыслями людей, и поведение людей стало еще более зависимым от воли роботов.

Кроме того, роботы становились все более и более похожими на людей внешне, но линия отношения их к людям оставалась прежней — только гонора да обидчивости поприбавилось. Все шло к неизбежному концу.

— Почему неизбежному? — спросил Пелорат, который очень внимательно слушал Дома.

— Вот до чего доводит следование логике, — горько вздохнул Дом. — Постепенно роботы стали настолько умны, настолько человечны, что им стало жаль людей — они поняли, что, заботясь о них, лишают людей свободы выбора, и заботятся-то о них уже не ради них самих, а ради себя. Прошло еще какое-то время, и роботы решили, что пришла пора оставить людей без присмотра, чтобы они сами о себе заботились, как бы ни были легкомысленны и беспомощны.

Поэтому, как говорится в легенде, роботы и создали каким-то образом Вечность и стали

Вечными. Они отыскали Реальность, в которой, по их понятиям, люди пребывали бы в наибольшей безопасности – одни во всей Галактике. Затем, сделав все от них зависящее для нашей защиты, роботы добровольно прекратили существование, последовав тем самым Первому Закону, и с тех пор мы стали людьми – нашу жизнь, наш прогресс, все наши успехи мы вершим в одиночестве.

Дом умолк, по очереди поглядел на Тревайза и Пелората и спросил:

– Ну как, верите в это?

Тревайз медленно покачал головой:

– Нет. Ничего подобного в исторической литературе я не читал и даже не слышал ни о чем подобном. А ты, Джэн?

– В чем-то схожие с этим мифы существуют, – уклончиво отозвался Пелорат.

– Мифов, Джэн, всяких хватает, и выдумать можно все, что угодно. Я говорю об истории, об исторических документах.

– Я понял. Ничего такого нет, насколько мне известно.

– Я нисколько не удивлен, – кивнул Дом, – Прежде чем роботы исчезли, многие отряды людей успели отправиться заселять миры, где роботов не было. Они улетали далеко, в глубокий космос, предпринимая собственные попытки обрести свободу. Они покидали перенаселенную Землю, где вели долгую борьбу с роботами. В новых мирах люди создавали свою жизнь заново и не хотели вспоминать о том, как их больно и горько унижали, как они, словно малые дети, жили когда-то с роботами-няньками. Записей о прошлом они не вели и постепенно обо всем забыли.

– Маловероятно, – скептически проговорил Тревайз.

– Нет, Голан, – обернулся к нему Пелорат. – Вовсе не маловероятно. Сообщества создают собственную историю и тяготеют к тому, чтобы забыть, стереть из памяти плохое – либо забывая об этом напрочь, либо сочиняя совершенно фантастические героические эпосы. Правители Империи изо всех сил старались уничтожить знания о доимперском прошлом Галактики, чтобы заставить ауру имперского величия сиять сильнее. Потом: практически отсутствуют сведения о временах до начала гиперпространственных полетов. Ты знаешь, что само существование Земли – тайна для большинства людей.

Тревайз пожал плечами:

– Возможно, Джэн, возможно. Но если Галактика забыла роботов, то как же вышло, что Гея о них помнит?

Мелодично рассмеявшись, на его вопрос ответила Блесс:

– А мы другие, не такие, как все!

– Да? И в чем же, если не секрет?

Дом вмешался:

– Нет, Блесс, позволь, я объясню. Дорогие гости, мы действительно другие. Из всех отрядов переселенцев, что стремились убежать от власти роботов, те, что добрались в конце концов до Геи, пойдя по следам тех, что добрались до Сейшелла, – были единственными, кто принял от роботов дар телепатии.

Это действительно дар, талант. Он передается по наследству и от рождения есть у каждого человека, но развивать его нужно старательно и тонко. Много поколений должно прожить и умереть, прежде чем этот талант достигнет вершины, ко когда его направленно развиваются, постепенно он начинает питать сам себя. Мы занимались этим более двадцати тысяч лет, но Чувство Геи даже теперь не достигнуто нами полностью. Давно, очень давно, за счет телепатии мы узнали о возможности существования коллективного сознания – вначале только среди людей, потом и среди животных, растений, а всего лишь несколько столетий назад – среди неодушевленной природы и предметов.

И поскольку этим мы обязаны роботам, мы и не забыли о них. Мы считаем их не няньками, а учителями. Мы чувствуем, что они открыли для нас такое, от чего мы никогда не сможем отвернуться, и вспоминаем о них с благодарностью.

– Получается, – прищурился Тревайз, – что вы детища роботов в прошлом, а теперь – детища коллективного сознания. Но не утратили ли вы человечности тогда и сейчас?

– Тут другое, Трев. Сейчас мы делаем то, что сами хотим. Это наш собственный выбор, он

никем нам не навязан. Мы помним об этом. И еще в одном мы не такие, как все. Мы – одни в Галактике. Нет другого такого мира, как Гея.

– Как вы можете утверждать такое?

– Мы бы знали, Трев. Мы бы обязательно обнаружили признаки коллективного разума, даже если бы он существовал на другом краю Галактики. Мы обнаружили начатки такого разума в вашей Второй Академии, к примеру, но это произошло всего два столетия назад.

– Во времена Мула.

– Да. Одного из нас, – печально вздохнул Дом. – Он был изменником, он покинул Гею. А мы были так наивны, что не верили в самую возможность такого оборота событий, поэтому вовремя не приняли мер, чтобы остановить его. Потом, потом, когда мы перенесли наше внимание во Внешние Миры, мы узнали о тех, кого вы зовете Второй Академией, и предоставили это им.

Тревайз несколько мгновений смотрел на Дома не мигая, затем прошел сквозь зубы:

– Вот они, наши учебнички истории! – Покачав головой, он спросил погромче: – А не трусость ли это со стороны Геи? Мул же ваш, вам бы и карты в руки?

– Ты прав. Но когда мы наконец обратили взор к Галактике, мы поняли, как были слепы до сих пор, и трагедия Мула для нас оказалась спасительной. Именно тогда мы осознали, какая великая опасность грозит нам, какой страшный кризис. Но он не наступил тогда, когда мы были не готовы к нему. Спасибо за это слушаю с Мулом.

– Что за кризис?

– Угроза нашего уничтожения.

– Не могу поверить. Вы выстояли против Империи, против Мула, против Сейшелла. Они не коснулись вас. Вы обладаете коллективным разумом, способным захватить корабль в космосе, на расстоянии миллионов километров от Геи. Чего вам бояться? Посмотрите на Блисс. Непохоже, чтобы ее что-то беспокоило. Она и не думает ни о каком кризисе.

Блисс забросила ногу на подлокотник кресла и кокетливо пошевелила пальцами.

– О чем мне беспокоиться, Трев? Ты все уладишь.

– Я?! – вскричал Тревайз.

Дом сказал:

– Гея специально доставила тебя сюда. Именно ты должен разрешить наш кризис.

Тревайз долго изумленно смотрел на Дома, и постепенно изумление перешло вдикую ярость.

– Я?! Это почему же, черт бы вас подрал, я? Какое мне дело до этого?

– Как бы то ни было, Трев, – почти с гипнотическим спокойствием проговорил Дом, – ты. Только ты. Во всей Галактике – только ты.

Глава восемнадцатая Столкновение

75

Стор Гендибалль подбирался к Гее так же осторожно, как Тревайз. Теперь, когда ее солнце выглядело внушительным диском и смотреть на него можно было лишь сквозь плотные фильтры, он сделал еще одну остановку, чтобы поразмыслить.

Сура Нови сидела рядом, время от времени робко поглядывая на него. Наконец она решилась спросить:

– Господин?

– Что, Нови? – безразлично отозвался Гендибалль.

– Вы несчастны?

– Нет. Я задумчив. Помнишь это слово? Пытаюсь решить – то ли быстрее двигаться вперед, то ли выждать подольше. И хватит ли мне храбрости, Нови?

– Я думаю, вы всегда очень храбрый, Господин.

– Но порой храбрость означает глупость, не так ли?

Нови улыбнулась:

— Как Господин ученый может быть глупым? А это — солнце или нет, Господин?

Она указала в иллюминатор.

Гендибалль кивнул.

После нерешительной паузы Нови спросила:

— Это то самое солнце, что освещает Трентор? Думское солнце?

— Нет, Нови, — ответил Гендибалль. — Это совсем другое солнце. Солнц очень много — их миллиарды.

— А! В голове-то я это знала, но никак поверить не могла. Как это получается, Господин, что головой знаешь, а не веришь?

Гендибалль едва заметно улыбнулся.

— В твоей голове, Нови... — начал Гендибалль и, сказав это, автоматически скользнул в ее сознание, по привычке нежно погладив его для начала. Так он делал всегда, чтобы успокоить ее, прогнать тревогу. Потом он собирался выйти и вовсе не намеревался задерживаться в сознании Нови надолго... если бы нечто не заставило его задержаться.

То, что он ощущил, не поддавалось описанию, не укладывалось не только в ментальные термины, но и ни в какие вообще! Поэтически говоря — сознание Нови светилось! Тихим, легким, едва заметным светом.

Это было возможно в единственном случае: если поблизости находилось ментальное поле — столь слабое, что Гендибалль при всей своей подготовке и способностях вряд ли бы заметил какое-либо воздействие.

— Нови, как ты себя чувствуешь? — резко спросил он.

Она широко раскрыла глаза.

— Хорошо, Господин.

— У тебя не кружится голова? Закрой глаза и не двигайся, пока я не скажу «можно».

Она послушно закрыла глаза. Гендибалль старательно, осторожно стер все внешние ощущения, успокоил ее мысли, убаюкал эмоции, принял скользить по поверхности... нет, он не чувствовал ничего, кроме сияния, а оно было таким слабым, что он был готов убедить себя, что ему это только кажется.

— «Можно», — сказал он, и Нови открыла глаза.

— Как ты себя чувствуешь, Нови?

— Очень спокойно, Господин. Я как будто отдохнула.

Явно воздействие было слишком незначительным и пока не вызвало никаких изменений.

Он повернулся к компьютеру и принял сражаться с ним. Гендибалль был вынужден признаться самому себе, что пока не слишком ловко управляет этим компьютером. Может быть, дело было в том, что он слишком сильно привык пользоваться своим сознанием напрямую, а тут присутствовал элемент посредничества. Но искал он сейчас не чужеродное сознание, а чужой корабль, который как раз легче было найти с помощью компьютера.

И он нашел его, именно такой, какой предполагал найти. Корабль находился примерно в полутора километрах и по конструкции очень напоминал его собственный, но был больше и сложнее.

Обнаружив корабль с помощью компьютера, Гендибалль мог перейти к тому, чтобы обследовать его посредством собственного сознания. Он послал концентрированный пучок ментальных лучей и ощупал им корабль изнутри и снаружи.

Затем он послал импульс своего сознания к планете Гея, преодолел несколько миллионов километров пространства и вернулся, так и не сумев определить, что же было источником поля: планета, корабль или то и другое.

Он сказал:

— Нови, сядь, пожалуйста, ко мне поближе.

— Господи, есть опасность?

— Тебе не стоит волноваться. Нови. Я позабочусь о том, чтобы ты была жива и здорова.

— Господин, я не боюсь за то, чтобы я была жива и здорова. Если есть опасность, я хочу суметь помочь вам.

Гендибалль смягчился.

– Нови, ты уже помогла. Благодаря тебе я узнал об... одной мелочи, а узнать было крайне важно. Без тебя я бы попался в ловушку, а выбираться было бы тяжко.

– Это я своей головой сделала, Господин, как вы объясняли?! – потрясенно спросила Нови.

– Именно так, Нови, Ни один прибор не сумел бы сравниться с твоим сознанием. Даже мое сознание не могло бы – оно чересчур сложное.

Лицо Нови озарила радостная улыбка.

– Я так рада, что смогла помочь...

Гендибалль улыбнулся и кивнул. «К сожалению, – подумал он, – понадобится и другая помощь». А как не хотелось никого просить о помощи! Это было его дело, и только его!

Увы, к месту событий спешили другие...

76

А на Тренторе Квиндор Шендесс все с большим трудом выносил груз ответственности поста Первого Оратора. С тех пор как корабль, унесший Гендибала, растаял в черноте небес, он не созывал Заседаний Стола и пребывал в постоянных размышлениях.

Мудро ли он поступил, разрешив Гендибала лететь в одиночестве? Да, Гендибалль – блестящий Оратор, великолепный менталист, но он может переоценивать себя. Самонадеянность – вот его главный порок, а мой, горько подумал Шендесс, старческая усталость.

Снова и снова приходил ему на память Прим Пальвер, который носился из конца в конец Галактики, чтобы все поставить на свои места; и Шендессу казалось теперь, что это было жутко опасно. Разве способен еще кто-то сравниться с Примом Пальвером? Даже Гендибалль? И потом – Пальвер брал с собой жену...

Да, Гендибалль взял с собой эту думлянку, но разве можно ее принимать всерьез? Жена Пальвера и сама была Оратором, кстати, неплохим.

Шендесс чувствовал, как с каждым днем стареет все сильнее, ожидая весточки от Гендибала. А весточки все не было, и с каждым днем росли его беспокойство и тревога.

Нужно было послать целую флотилию...

Нет... Стол не позволил бы...

И все-таки...

Он спал тяжелым сном, когда наконец пришел сигнал. Ночь была ветреная, и Шендесс заснул с трудом. Как ребенку, ему все слышались какие-то голоса в завывании ветра. Перед тем как заснуть, он убаюкал себя сладостной мечтой об отставке, мечтой, далекой от реальности: Деларми была бы тут как тут...

Он почувствовал сигнал и проснулся, сел в кровати.

– У тебя все в порядке, мальчик? – спросил он.

– В полном порядке, – ответил Гендибалль, – Не хотите ли наладить визуальную связь для полноты общения?

– Может быть, но немного попозже, – ответил Шендесс. – Сначала расскажи, каково положение?

Гендибалль почувствовал, что Шендесс только что проснулся и как сильно он устал и постарел за последние дни. Поэтому решил говорить осторожно и бережно.

– Я нахожусь в окрестностях обитаемой планеты Гея, название которой, насколько мне известно, не значится ни в одном из галактических перечней.

– Это мир тех, кто трудился над сохранением Плана? Мир Анти-Муллов?

– Вероятно, Первый Оратор. Можно это предполагать. Во-первых, корабль, на борту которого Тревайз и Пелорат, вплотную подошел к Гее и, скорее всего, совершил там посадку. Во-вторых, здесь, в космосе, примерно в полутора миллионах километров от меня, находится военный корабль Первой Академии.

– Да, столь сильный интерес вряд ли без причины.

– Первый Оратор, интересы не могут быть независимыми. Я нахожусь тут, поскольку слежу за Тревайзом. Военный корабль Академии может находиться тут по этой же самой

причине. Остается только понять, зачем здесь Тревайз.

– Собираешься последовать за ним на планету?

– Я обдумывал такую возможность, но... кое-что случилось. Сейчас я нахожусь в ста миллионах километров от Геи и ощущаю в пространстве вокруг себя ментальное поле – однородное и очень слабое. Сам бы я не узнал о его наличии, если бы не обнаружил воздействия на сознание думянки. У нее необычное сознание – я именно поэтому согласился взять ее с собой.

– Значит, ты был прав, поступив так. Знала об этом Оратор Деларми, как ты думаешь?

– Когда настаивала, чтобы я взял думянку с собой? Вряд ли... но я рад, что этим воспользовался, Первый Оратор.

– Рад, что все так вышло. Ты думаешь, источником поля является планета Гея?

– Чтобы убедиться в этом, нужно произвести замеры в далеко отстоящих друг от друга точках пространства и выяснить, обладает ли поле сферической симметрией. Единичная проба, которую я пока успел произвести, показала, что это вероятно, но пока неточно. Проводить более подробное обследование мне показалось небезопасным в присутствии военного корабля Первой Академии.

– Убежден, он не представляет опасности.

– Может быть. Но я пока не уверен в том, что корабль не является источником поля, Первый Оратор.

– Но как они...

– Первый Оратор, позвольте прервать вас. Мы ничего не знаем об успехах, достигнутых Первой Академией в области техники. Они ведут себя с вызывающей самоуверенностью и могут преподнести нам массу сюрпризов. Очень может быть, что они постигли тайны менталики с помощью каких-то своих приборов. Короче говоря, Первый Оратор, я столкнулся либо с их менталикой, либо с менталикой планеты. Если источник поля – корабль, то их менталика слишком слаба, чтобы остановить меня. Но ее может хватить, чтобы затормозить мои действия, и тогда они смогут уничтожить меня с помощью физического оружия, которого на корабле предостаточно. С другой стороны, если источником поля является планета, само наличие поля на таком расстоянии от нее может означать, что около ее поверхности оно весьма интенсивно – гораздо сильнее, чем я смогу вынести и побороть. В обоих случаях необходимо создать общую сеть, и в случае необходимости все резервы Трентора должны быть предоставлены в мое распоряжение.

Первый Оратор опешил.

– Общая сеть? Но мы никогда не пользовались ею, даже не думали об этом никогда – только во времена Мула...

– Нынешний кризис будет посерьезнее того, что был во времена Мула, Первый Оратор.

– Не уверен, что Стол согласится.

– Не думаю, что вам стоит спрашивать их согласия, Первый Оратор. Вы должны объявить чрезвычайное положение.

– На каком основании?

– Расскажите им то, что я вам рассказал, Первый Оратор.

– Оратор Деларми скажет, что вы трус и дилетант, сошедший с ума от страха.

Гендибалль ответил не сразу.

– Да, она запросто может сказать что-нибудь в таком духе, Первый Оратор, но пусть говорит все, что ей вздумается. Я переживу. На карте сейчас не моя гордость, не мое самолюбие, а самое существование Второй Академии.

Харла Бранно угрюмо улыбнулась, и морщины глубже залегли на ее грубом, некрасивом лице.

– Думаю, пора покончить с этим. Я готова встретиться и сразиться с ними.

– Вы все еще уверены в том, что делаете? – спросил Коделл.

– Если бы я на самом деле сошла с ума, Лайоно, разве вы бы настаивали столь упорно на

том, чтобы остаться со мной на этом корабле?

Коделл пожал плечами:

— Видимо, я остался здесь для того, чтобы попробовать остановить, переубедить вас, как минимум — замедлить ваши действия, пока вы не зашли слишком далеко. Но, конечно, если вы не сошли с ума...

— Что тогда?

— Тогда... тогда мне не хотелось бы, чтобы только вы одна стали достоянием будущей истории. Пусть тогда знают, что я тоже был рядом с вами, и гадают, кому принадлежит заслуга, а?

— Умно, Лайоно, умно, но совершенно напрасно. Я столько времени стояла за чужим троном, являя реальную силу, что вряд ли кто-то поверит, что я с кем-то поменялась ролями во время собственного правления.

— Поживем — увидим.

— Увидим? Вряд ли. Исторической оценке суждено появиться лишь тогда, когда нас с вами уже не будет на этом свете. Как бы то ни было, я не боюсь. Ни за свое место в истории, ни за это... — она ткнула указательным пальцем в видовой иллюминатор.

— Корабль Компора, — сказал Коделл.

— Верно, корабль Компора, — кивнула Бранно. — Но Компора там нет. Один из наших разведчиков наблюдал пересадку. Корабль Компора встретился с другим кораблем, Компор перешел в этот корабль, а двое перешли в его корабль.

Бранно довольно потерла руки.

— Тревайз сыграл свою роль замечательно. Он стал моим громоотводом. Он помог мне понять, откуда ударила молния. Корабль, встретившийся с кораблем Компора, из Второй Академии.

— Интересно, откуда у вас такая уверенность? — спросил Коделл, вынув из рта трубку и набивая ее новой порцией табака.

— Все очень просто. Я давно начала задумываться над тем, не находится ли Компор под контролем Второй Академии. Уж больно гладенько у него жизнь текла. Все просто-таки ложилось к его ногам. И потом: такие блестящие успехи в гиперпространственных гонках! То, что он предал Тревайза, в принципе, можно объяснить самой обычной подлостью амбициозного политика; но сделал он это со столь исключительной последовательностью и скрупулезностью, что мне увиделось за этим нечто большее, чем только амбиции.

— Догадки, всего лишь догадки, Мэр...

— Догадки превратились в уверенность, когда ему удалось проследить за кораблем Тревайза после серии Прыжков.

— Ему помогал компьютер, Мэр.

Бранно, откинув голову, расхохоталась:

— Дорогой мой Лайоно, вы настолько погрязли в изобретении всяких хитростей, что просто забыли, насколько удачны могут оказаться самые тривиальные уловки. Я послала Компора следить за Тревайзом, но не потому, что мне это было так безумно необходимо. Какая в этом была нужда? Как бы ни старался Тревайз держать в секрете свои передвижения, он все равно засветился бы в каком-то мире, не относящемся к Академии. Его современнейший корабль, ярко выраженный акцент, деньги — валюта Академии... Он тут же привлек бы к себе внимание. А в случае опасности он незамедлительно обратился бы к представителям Академии за помощью, что, собственно, и сделал на Сейшелле — ведь мы сразу же узнали обо всем, что он там делал, незамедлительно и без всякой помощи Компора. Нет, — задумчиво продолжала она, — Компор был послан для того, чтобы засветить Компора же. И это нам удалось, потому что его компьютер был с маленьким дефектом. Все было в порядке — вот только за серией Прыжков он с его помощью ну никак не смог бы проследить. Однако это ему легко удалось.

— Я посмотрю, вы мне о многом не говорите, Мэр, пока почему-либо не решаетесь, что должны сказать.

— Я скрываю от вас только то, Коделл, что вам знать необязательно. Я отдаю вам должное и пользуюсь вашей помощью, но у моего к вам доверия есть жесткие границы — так же как у вашего ко мне, и не вздумайте отрицать.

— Не собираюсь, — сухо отозвался Коделл. — И надеюсь когда-нибудь напомнить вам об этом. Но, может быть, у вас найдется еще что-нибудь сообщить мне из того, что мне позволено знать сейчас? Естественно, если Компор — человек Второй Академии, то и корабль оттуда. Это ясно.

— Ну до чего же приятно с вами говорить, Лайоно! Вы потрясающе догадливы! Как видите, Вторая Академия даже не пытается замести следы. Они рассчитывают, что, когда понадобится, сумеют сделать это, но это не так. Разве Второй Академии могло такое в голову прийти — воспользоваться кораблем чужой конструкции, даже зная, что мы имеем полную возможность определить, где он произведен, по типу использования энергии, если бы ее люди не были уверены, что запросто могут стереть любые воспоминания из любого сознания? И что же? Нашему разведывательному кораблю удалось выявить тип корабля, который приблизился к кораблю Компора, за считанные минуты.

— И теперь, вероятно, Вторая Академия сотрет знания об этом?

— Если сумеет, — отрезала Бранно. — Но они могут обнаружить, что положение дел несколько изменилось.

Коделл сказал:

— Ранее вы утверждали, что знаете, где находится Вторая Академия. Вы сказали, что покончите с Геей, а потом приметесь за Трентор. Из этого я заключаю, что тот, другой корабль — с Трентора.

— Верно заключаете. Удивлены?

— Не очень, — медленно покачал головой Коделл. — Эблинг Мис, Торан и Байта Дарелл — все они побывали на Тренторе в то время, когда был положен конец действиям Мула. Аркади Дарелл, внучка Байты, родилась на Тренторе и побывала там снова, после чего, как мы считали, Вторая Академия была уничтожена. В ее романе фигурирует некто Прим Пальвер, представившийся тренторианским торговцем; он сыграл ключевую роль в развитии событий и появлялся везде в самое подходящее время. Вполне очевидно, что Вторая Академия могла располагаться на Тренторе — там в свое время жил Гэри Селдон, который создал обе Академии.

— Да, удивительно очевидно — никому и в голову не приходило. Вторая Академия позаботилась об этом. Именно поэтому меня и удивляет, что теперь они ведут себя столь самоуверенно.

Коделл высказал предположение:

— Может быть, нам не стоит с такой готовностью принимать их версию происходящего? Но, как вы думаете, откуда узнал Тревайз, что Вторая Академия до сих пор существует? И почему его не остановили?

Бранно подняла руку с растопыренными пальцами и стала по очереди загибать их.

— Во-первых, Тревайз крайне необычный человек: есть в нем что-то особенное, несмотря на его горячность, дерзость и опасную неспособность верно оценивать реальность. В чем именно состоит его исключительность, я до сих пор не поняла. Во-вторых, Вторая Академия не бездействовала. Компор все знал и висел у Тревайза на хвосте, а в конце концов выдал его мне. Они понадеялись, что Тревайза заставлю замолчать я, а им и вмешиваться не придется. В-третьих, когда я приняла не совсем те меры, которые от меня ожидали, — не казнила Тревайза, не засадила за решетку, не отдала распоряжения применить психозондирование, а просто-напросто вышвырнула его в космос, — Вторая Академия забеспокоилась. Они решились на откровенное действие — послали свой корабль за ним вдогонку. О мой восхитительный громоотвод! — закончила она, растянув губы в злорадной усмешке.

— Каков же будет наш следующий шаг? — спросил Коделл.

— Мы сразимся с этим человеком из Второй Академии. Мы уже постепенно подбираемся к нему.

Гендибалль и Нови сидели рядышком и смотрели в иллюминатор.

Нови была напугана — Гендибалль прекрасно видел это, видел, как она всеми силами старается побороть страх. Но он ничем не мог помочь ей, поскольку считал нецелесообразным

как-либо касаться сейчас ее сознания – нельзя было вуалировать ее реакцию на воздействие слабого ментального поля, окружавшего их.

Военный корабль Академии медленно приближался – медленно, но верно. Он был большой – команда не меньше шести человек. Оружия там было вполне достаточно для того, чтобы не только защитить себя, но в случае необходимости разбить в пух и прах весь Флот Второй Академии – если, конечно, учитывать только физическую мощь.

Поведение корабля позволяло кое о чем задуматься. Даже если бы он был источником ментального поля, вряд ли бы он стал лезть в пасть Второй Академии столь легкомысленно. Могло это быть по неведению? Могло, и у неведения могло быть несколько степеней.

Либо капитан корабля не знал о том, что Компора сменили, либо не знал, что сменил его сотрудник Второй Академии, либо понятия не имел, что такое – сотрудник Второй Академии.

Либо (Гендибалль старался учесть все варианты) корабль таки является носителем ментального поля и именно поэтому идет вперед столь самоуверенно. А уж это могло означать одно из двух: либо его ведет некто, страдающий манией величия, либо корабль несет оружие гораздо более могущественное, чем мог себе представить Гендибалль.

Варианты... варианты... До окончательного вывода было еще далеко.

Он внимательно исследовал сознание Нови. Нови неспособна была сознательно реагировать на воздействие ментального поля. Гендибалль мог, но его сознание не могло регистрировать столь слабое поле, как то дано было Нови. Этот парадокс следовало изучить в будущем: результаты, возможно, превзошли бы все ожидания, и, в принципе, это было намного важнее приближающегося к ним корабля.

На самом деле Гендибалль еще тогда, когда впервые ощущил красоту, простоту и симметрию сознания Нови, интуитивно почувствовал, какие громадные возможности оно таит в себе, и испытал тихую гордость – вот какая у него превосходная интуиция! Ораторы всегда кичились своими интуитивными способностями, но не была ли интуиция подменой возможности замерять ментальное поле физическими методами? Как легко прикрывать невежество мистическим словом «интуиция». Как долго еще можно было продолжать переоценивать менталику и недооценивать физику?

Слепая гордыня... Но когда я стану Первым Оратором, думал Гендибалль, все переменится, все будет иначе. Нужно будет сузить пропасть между Второй Академией и Первой. И Вторая Академия больше не столкнется с угрозой уничтожения, даже тогда, когда монополия на менталику хотя бы немного ускользнет из ее рук.

А она начинала ускользать. Либо Первая Академия достигла в этой области определенных успехов, либо образовался альянс Первой Академии с Анти-Мулами. Эта мысль пришла ему в голову впервые, он вздрогнул, поежился.

Мысли проносились в его сознании с быстротой, свойственной Ораторам. Он размышлял, ни на секунду не выпуская из поля зрения сознание Нови. А оно по-прежнему светилось, но свечение не усиливалось по мере приближения корабля Первой Академии.

Само по себе это вовсе не означало, что корабль не является носителем ментального поля. Достоверно известно, что ментальное поле не подчиняется закону прямой пропорциональности и не возрастает его интенсивность по мере сокращения расстояния между эмиттером и реципиентом. В этом состояло его отличие от электромагнитного и гравитационного полей. Но полной независимости от расстояния не было, Реакция сознания Нови должна была демонстрировать выявимое нарастание свечения по мере приближения военного корабля – хотя бы какое-то нарастание.

(Как же могло случиться, что за пять столетий ни один сотрудник Второй Академии, начиная с самого Гэри Селдона, ни разу не задумался о выявлении наличия взаимосвязи между интенсивностью менталики и расстоянием? Нет, игнорированию физики должен быть положен конец, мысленно поклялся Гендибалль.)

Если военный корабль был носителем ментального поля и летящие на нем не сомневались, что движутся навстречу сотруднику Второй Академии, разве не должны они были увеличить интенсивность поля до максимума, прежде чем начать сближение? Тогда бы сознание Нови обязательно зарегистрировало усиление воздействия!

Но этого не происходило...

Гендибалль уверенно исключил возможность наличия ментального поля у корабля. Нет, приближался он исключительно по неведению, и, как физическую угрозу, его необходимо было обезвредить.

Ментальное поле, конечно, никуда не делось, но исходить оно могло только от Геи. Ничего особо приятного в этом не было, но сейчас корабль был ближе и важнее. Надо было избавиться от него, а потом устремить свое внимание к миру Анти-Муллов.

Гендибалль ждал. Корабль должен был либо произвести какое-то действие, либо подойти настолько близко, чтобы Гендибалль обрел возможность действовать решительно и быстро.

Корабль медленно шел на сближение, потом все быстрее и быстрее – но не предпринимал ровным счетом ничего. Наконец Гендибалль решил, что теперь силы его удара будет достаточно. Те, что на борту корабля, не ощущают ни боли, ни других неприятных ощущений – просто обнаружат, что мышцы спины и конечностей почему-то не совсем охотно реагируют на их желания что-либо сделать.

Гендибалль сузил, сфокусировал ментальное поле, излучаемое его сознанием. Набрав интенсивность, оно пересекло расстояние между кораблями со скоростью света, и Гендибалль тут же отпрянул, пораженный до самой глубины души.

Корабль Академии был защищен мощным ментальным экраном, плотность которого нарастала параллельно интенсивности ментального поля Гендибала... Нет, не по неведению шел к нему этот корабль; он обладал неожиданным оружием, хорошо, если пассивным.

79

– Ага! – довольно проговорила Бранно. – Он попытался атаковать, Лайоно, смотрите!

Стрелка психонометра дрогнула, пошла вверх и затрепетала.

Разработка противоментального экранирования шла уже сто двадцать лет. Ученые Академии занимались этим в обстановке строжайшей секретности, разве что только разработка психоистории группой Гэри Селдона могла тягаться с ним в этом. Пять поколений ученых трудились над поэтапной модернизацией устройства, принцип которого не был подкреплен фундаментальной теорией.

Трудно было судить, добились ли бы они успеха, не будь изобретен психонометр – прибор, способный определять эффективность действия ментального экрана. Никто не мог объяснить, как он работает, но все говорило о том, что это – устройство, способное измерять неизмеряемое и выдавать в цифровом выражении неисчислимое. У Бранно было сильное подозрение (которое с ней разделяли и некоторые ученые), что, если бы когда-нибудь Первой Академии удалось постичь принцип действия психонометра, она сравнялась бы со Второй Академией по способности управлять сознаниями.

Но это – в будущем. В настоящее время хватало и экрана, за которым стояло грандиозное превосходство по физическому оружию.

Бранно послала сигнал – запись синтезированного мужского голоса, звучавшего плоско и мертвенно:

«Вызываю корабль «Яркая Звезда» и членов его экипажа. Вы силой захватили корабль Флота Федерации Академии, совершив пиратский налет. Вам предписывается сдать корабль и немедленно сдаться самим. В противном случае будет начата атака».

– Мэр Терминуса Бранно, – зазвучал голос отвечавшего, – я знаю, что вы на корабле. Пиратского налета на «Яркую Звезду» не было. Меня пригласил на ее борт капитан корабля Мунн Ли Компор с Терминуса. Я прошу вас вступить со мной в переговоры для обсуждения вопросов чрезвычайной важности для нас обоих.

Коделл наклонился к Бранно и прошептал:

– Позвольте мне поговорить с ним, Мэр.

Она резко отстранила его рукой.

– Это мое дело, Лайоно.

Настроив передатчик, она заговорила голосом не менее грозным и лишенным эмоций, чем только что звучавший синтезированный:

– Человек Второй Академии, осознайте свое положение. Если вы не сдадитесь

немедленно, мы взорвем ваш корабль, мы готовы сделать это. Мы ничего не теряем, вы не нужны нам как источник информации. Мы знаем, что вы с Трентора, и как только мы справимся с вами, мы справимся и с Трентором. Мы не против того, чтобы дать вам время на раздумья, но долго слушать вас не станем, поскольку сказать вам по сути нечего.

— В таком случае, — сказал Гендибалль, — позвольте мне высказаться быстро и только по делу. Ваше поле несовершенно и не может быть совершенным. Вы переоценили его возможности и недооценили мои. Я могу захватить и взять под контроль ваши сознания. Не так легко, конечно, как если бы у вас не было защитного экрана, но достаточно легко. Как только вы попытаетесь применить оружие, я нанесу удар, и вот что советую понять: не будь у вас экрана, я бы видоизменил ваше сознание мягко, не причинив вам никакого вреда. При наличии экрана я вынужден буду нанести сокрушительный удар — сделать такое я способен, но не ждите от меня ни жалости, ни снисхождения. Ваше сознание будет поражено необратимо и жестоко, Другими словами: вы не сможете мне помешать, наоборот, я помешаю вам и буду вынужден сделать худшее, чем просто убить вас. Вы превратитесь в безмозглых скотов. Хотите рискнуть?

Бранно сказала:

- Вы знаете, что не можете сделать того, о чем говорите.
- Следовательно, вы хотите рискнуть? Учтите, я Вас предупредил.

Коделл снова наклонился к Бранно и хрипло прошептал:

- Ради Селдона, Мэр...

Примерно секунда прошла, и ответ Гендибала долетел до военного корабля.

— Я слежу за вашими мыслями, Коделл. Не стоит шептаться. Я слежу также и за мыслями Мэра. Она пока не приняла решения, поэтому не паникуйте раньше времени. Я прекрасно знаю: ваш экран недостаточно прочен, в нем есть прореха.

- Его интенсивность можно увеличить, — возразила Мэр.

— Так же, как и мое ментальное могущество, — парировал Гендибалль.

— Может быть, но я сижу здесь спокойно и управляю физическими приборами, обеспечивающими действие экрана, и заниматься этим могу сколь угодно долго. Вам же для пробивания экрана надо применять ментальную энергию. Вы устанете.

— Пока не устал, — заявил Гендибалль. — Уже сейчас ни один из вас не способен отдать ни единого приказа никому из членов команды вашего корабля и других кораблей. Я держу вас под контролем и пока, повторяю, не причиню вам вреда, но не делайте попыток выйти из-под контроля: иначе мне придется усилить интенсивность моего ментального поля, и последствия будут именно такими, как я обещал.

— Я подожду, — сказала Бранно, демонстративно сложив руки на груди. — Вы устанете, а когда устанете, приказы будут отданы. Мы не станем уничтожать вас — вы к тому времени будете совершенно безвредны, я отдаю приказ об уничтожении Трентора. Весь Флот Академии выступит против него. Хотите спасти ваш мир — сдавайтесь. Вашей организации не уцелеть во время этой оргии разрушения, как в дни Великого Побоища.

— А вам не кажется, Мэр, что я успею уничтожить вас, как только почувствую первые признаки усталости, и тем самым спасу свой мир?

— Вы этого не сделаете. Ваша главная цель — сохранить План Селдона. Уничтожив Мэра Терминуса, вы нанесете удар по престижу Первой Академии, всеобщей вере в нее. Ее могущество дрогнет, а это вызовет колоссальный прилив воодушевления ее врагов по всей Галактике. Следствием явится такой грандиозный разрыв в ткани Плана, что для вас это окажется не менее ужасно, чем уничтожение Трентора. Все равно вы должны будете сдаться.

— Я могу вас уничтожить. Хотите поспорить?

Бранно сделала глубокий вдох, грудь ее колыхнулась, и она медленно, с натугой выдохнула.

— Да! — решительно проговорила она.

Коделл мертвенно побледнел.

от стены отсека. Действие экрана сказывалось – изображение было зыбким, слегка подрагивало. Фигура мужчины, сидевшего рядом с Бранно, была почти не различима – Гендибалль на него свою энергию не тратил. Все его внимание, все силы были сконцентрированы на Мэрэ.

Точности ради надо сказать, что она его изображения не видела и не могла знать, что он тоже не один, что у него есть спутница. Бранно не могла видеть выражения лица Гендибала, его движений и делать какие-либо выводы на этом основании. В этом отношении преимущество было на его стороне.

Он сказал ей чистую правду. Он действительно мог превратить ее в кусок мяса за счет колоссальных затрат ментальной силы, и при этом необратимо поразить ее сознание.

Но не лгала и она. Уничтожить ее означало нанести сокрушительный удар по Плану – сродни удару Мула. Даже хуже: ведь теперь игра зашла слишком далеко, и оставалось гораздо меньше времени на обдумывание контратаки и последующих шагов для выправления ситуации.

Хуже того: существовала Гея – таинственная, непознанная, испускавшая слабое, изматывающее ментальное излучение...

На мгновение он коснулся сознания Нови, чтобы убедиться, что оно все еще светится. Да, оно светилось, и никаких перемен не произошло.

Нови обернулась, хотя не могла ощутить прикосновения Гендибала, и спросила:

– Господин, вон там у стены какой-то бледный туман. Это с ним вы говорите?

Вероятно, за счет контакта с его сознанием она увидела дымку. Гендибалль приложил палец к губам.

– Не бойся, Нови. Закрой глаза, отдохни.

Он сказал громче:

– Предположим, Мэр, вы выиграете, и я сдамся. И что потом? В упоении самонадеянностью, напрасно положившись на ваш противоментальный экран, как на панацею, вы и ваши преемники предпримете губительно поспешные попытки распространить вашу власть на всю Галактику. Сделав так, вы на самом деле оттянете сроки создания Второй Империи, поскольку также нарушите План Селдона.

Бранно сказала:

– Я совсем не удивлена, что вы не осмеливаетесь немедленно обрушить на меня свой удар. Видимо, вы уже поняли, что вообще не решитесь этого сделать.

– Не обольщайтесь, – ответил Гендибалль. – Слушайте меня. Большая часть Галактики все еще не принадлежит Академии, и население там настроено против нее. Даже внутри федерации есть области, где народ еще не позабыл дней своей независимости. Если Академия поспешит расправиться со мной, она избавит, излечит часть Галактики от пассивности, разъединения и слабости. Вы спровоцируете ваших противников на объединение, начнется мятеж внутри Федерации и за ее пределами.

– Вы грозите мне пучком соломинок, – фыркнула Бранно. – У нас достаточно сил, чтобы поразить всех врагов, даже если бы против нас объединилась вся Галактика. Нет проблем.

– Проблем нет пока, Мэр. Не заблуждайтесь, не делайте скоропалительных выводов, не полагайтесь на то, что лежит на поверхности. Вы можете провозгласить создание Второй Империи, но сохранить ее, удержать не сумеете. Каждые десять лет вам придется завоевывать ее заново.

– Ну что ж, будем заниматься этим, пока наши противники не устанут, как устанете вы.

– Не устанут они – и я не устану. Нет, такое не сможет продолжаться долго. Существует другая, более опасная угроза псевдо-Империи, которую вы собираетесь провозгласить. Такая Империя будет держаться только за счет превосходящей физической мощи, вам нужно будет постоянно поддерживать состояние боевой готовности, и генералы Академии впервые в истории обретут более высокое и важное положение, чем гражданские власти. Ваша псевдо-Империя распадется на милитаристские регионы, власть в которых возьмут в свои руки отдельные высокопоставленные военные. Наступит анархия, вы скатитесь к варварству, которое может продлиться более тридцати тысячелетий, предсказанных Селдоном в случае незапуска его Плана в действие.

– Детские угрозы. Математическая основа Плана Селдона всего лишь прогнозирует вероятности, но никак не неизбежность.

— Мэр Бранно, — сурово проговорил Гендибалль, — забудьте о Плане Селдона. Вы не понимаете его математической стороны и не можете даже приблизительно представить, как это выглядит визуально. Вероятно, вам это и не нужно. Судя по тому, какой пост вы занимаете и удерживаете, вы — опытный и удачливый политик. Даже более того: вы отважный политик — решились на такое опасное пари! Послушайтесь своего опыта, своего политического чутья. Вспомните политическую и военную историю человечества, все то, что вам известно о людской природе, о том, как действуют, реагируют и взаимодействуют простые люди, политики и военные, и вы увидите — прав я или нет.

— Даже если вы правы, человек из Второй Академии, мы должны рискнуть. Под мудрым руководством, при условии непрерывного развития и модернизации техники как в менталике, так и в физике, мы сумеем победить. Гэри Селдон не мог предвидеть такого прогресса. Никак не мог. Где в Плане учтено создание в Первой Академии против о ментального экрана? Да и вообще, зачем нам想要, чтобы План был? Мы рискнем основать Вторую Империю без него. Проиграть без него будет лучше, чем преуспеть при его наличии. Нам не нужна такая Империя, где мы будем марионетками в руках тайных кукловодов из Второй Академии.

— Вы говорите так только потому, что не понимаете, что будет означать такой проигрыш для народа Галактики.

— Может быть! — упрямо мотнула головой Бранно, — Вы начинаете уставать, человек из Второй Академии?

— Вовсе нет. И позвольте поговорить с вами о той альтернативе, которой мы пока не касались. Может быть, никому из нас не стоит сдаваться? Мы находимся в окрестностях планеты под названием Гея.

— Мне это известно.

— А известно ли вам, что, вероятно, именно там родился Мул?

— Попробуйте подтвердить ваше заявление.

— Планета окружена ментальным полем. Она родина множества Мулов, Уничтожите Вторую Академию — станете рабами этой планеты Мулов. Что плохого сделала вам Вторая Академия, какой вред она вам причинила, помимо надуманного вами? А потом спросите себя, сколько горя вам принес Мул?

— Пока, кроме необоснованных заявлений, я ничего от вас не слышу.

— Пока мы остаемся здесь, я ничего другого не могу вам предложить. Я предлагаю перемирие. Держите свой экран включенным, если не доверяете мне, но будьте готовы действовать вместе со мной. Давайте вместе приблизимся к этой планете, и когда вы убедитесь, что она опасна, я уничтожу ее ментальное поле, а вы отадите приказ вашим кораблям захватить ее.

— А потом?

— Потом? Потом будет Первая Академия против Второй, без постороннего вмешательства. Будет честная схватка — сейчас нам нет смысла драться: обе Академии в одинаковой опасности.

— Почему вы не сказали об этом раньше?

— Я думал, что и так сумею убедить вас в том, что мы не враги и могли бы сотрудничать. Поскольку это мне не удалось, я предлагаю хотя бы такое сотрудничество.

Бранно задумалась, склонив голову. Потом сказала:

— Вы хотите убаюкать меня колыбельной песенкой. Как вы, один-одинешенек, можете уничтожить ментальное поле целой планеты? Целой планеты Мулов? Это настолько нелепо, что я не могу поверить в искренность вашего предложения.

— Я не один, — ответил Гендибалль. — За мной — все могущество Второй Академии. Силы, переданные через меня, возьмут под контроль Гею. Кстати, если понадобится, эти силы могут сделать так, что ваш пресловутый экран растает, как дым.

— Если так, зачем вам моя помощь?

— Во-первых, затем, что одной ликвидации поля недостаточно. Вторая Академия не может заниматься этим вечно, как и я не могу до конца своих дней танцевать с вами этот словесный менуэт. Нам нужно, чтобы в бой вступили ваши корабли... И потом, если я словами не могу убедить вас, что две Академии не должны видеть друг в друге противников, может быть, совместное деяние жизненной важности убедит вас в этом. Там, где слова бесполезны, дела

убедительнее.

После долгой паузы Бранно сказала:

- Мне бы хотелось совместно с вами поближе подойти к Гее. Никаких гарантий я не даю.
- Этого будет достаточно, – сказал Гендибалль, склонившись к компьютеру.
- Нет, Господин, – раздался внезапно голос Нови. – До сих пор я молчала, но не надо ничего делать. Мы должны дождаться Советника Тревайза с Терминуса.

Глава девятнадцатая Решение

81

Джен Пелорат расстроенно, даже немного капризно проговорил:

– Эх, Голан, ну никому нет дела до того, что я впервые за свою жизнь – не такую уж долгую, Блисс, – путешествую в космосе. Просто ужасно – стоит только попасть в какой-то мир, не успеешь оглянуться, а ты уже опять в космосе, так и не поняв ничего. Уже второй раз, между прочим.

– Но если бы, – улыбнулась Блисс, – ты задержался в предыдущем мире, то не встретил бы меня еще кто знает как долго. Уверена, ты не сожалеешь о прежней поспешности?

– Не жалею. Конечно, моя… моя милая, не жалею…

– И хотя на этот раз тебе тоже пришлось покидать Гею, у тебя есть я, а я – это Гея, равноправная ее частица, можно сказать – вся Гея.

Тревайз, хмуро слушавший их воркование, буркнул:

– Не нравится мне все это… Почему Дом не полетел вместе с нами? Черт подери, никак не привыкну к вашим односложным именам! У него имя из двухсот пятидесяти слогов, а мы пользуемся только одним. Да. Так почему он не полетел с нами вместе со всеми этими двумястами пятьюдесятью слогами? Если все так важно, если от этого зависит существование Геи, почему он не полетел, чтобы руководить нами?

– Но здесь я, Трев, – возразила Блисс, – а я – Гея ровно настолько же, насколько Дом.

Поведя глазами в сторону и затем внимательно посмотрев на него, она спросила:

– Значит, тебя тоже раздражает, когда я зову тебя Трев?

– Да. Раздражает, представь себе. Я имею не меньше тебя права на собственные привычки. Меня зовут Тревайз. Два слога: Тре-вайз.

– Прекрасно. Мне не хотелось бы сердить тебя, Тревайз.

– Я не сержусь. Я взбешен.

Он резко встал, прошел в другой конец каюты, переступив по дороге через вытянутые ноги Пелората, который испуганно подобрал их. Вернулся, остановился, развернулся и в упор уставился на Блисс.

– Послушай! Я сам себе не хозяин! Меня приволокли с Терминуса на Гею, и даже тогда, когда я начал подозревать, что меня сюда тащат, я ничего не мог поделать. Потом, когда я попал сюда, мне объявляют, что я обязан спасти Гею. Почему? С какой стати? Что мне Гея? Что я Геи? Почему это я должен спасать ее? Неужели из всех квинтиллионов людей в Галактике не нашлось больше никого, кто мог бы это сделать?

– Пожалуйста, Тревайз, – умоляюще проговорила Блисс. Куда девалось ее кокетство? – Не злись. Вот видишь, я правильно произношу твоё имя и буду говорить очень серьезно. Дом просил, чтобы ты был спокоен.

– Клянусь всеми планетами в Галактике – обитаемыми и необитаемыми, не желаю я быть спокоен! Если я такая важная, такая незаменимая фигура, разве я не заслуживаю, чтобы мне все объяснили? Для начала спрашиваю еще раз; почему Дом не отправился с нами? Разве для него недостаточно важно быть здесь, на «Далекой Звезде», вместе с нами?

– Но он здесь, Тревайз, – сказала Блисс. – Пока здесь я, и он здесь, и все, кто живет на Гее, тоже здесь.

– Это тебе так кажется, это ты так думаешь, но я так думать не привык. Я не геянин. Мы

не можем погрузить на наш корабль целую планету, можем взять только одного человека. Мы взяли тебя, а Дом – часть тебя. Отлично. Почему мы не могли взять Дома, а ты была бы его частью?

– Во-первых, – ответила Блисс, – Пел...то есть – Пе-ло-рат, попросил, чтобы с вами полетела я. Я, а не Дом.

– Он был галантен. Элементарная вежливость. Кому бы пришло в голову принимать это всерьез?

– О нет, дружочек дорогой, – возразил Пелорат, поднявшись и густо краснея. – Я был совершенно серьезен. Я не хочу, чтобы ты понял меня неправильно. Я думаю, что совершенно неважно, какой именно компонент Геи будет вместе с нами на борту, и для меня приятнее, чтобы этим компонентом была Блисс, а не Дом, да и тебе это должно быть более приятно. Голан, ну что ты ведешь себя так... ребячески?

– Я? Я?! – рявкнул Тревайз, грозно нахмурившись. – Ладно, пусть так. Все равно, – он ткнул пальцем в сторону Блисс, – чего бы от меня ни ожидали, уверяю тебя, и пальцем не пошевелю, пока со мной не будут обращаться как с человеком. Для начала два вопроса: что я должен делать? И почему – я?

Блисс широко раскрыла глаза и отшатнулась.

– Пожалуйста, – проговорила она, прижав руки к груди. – Сейчас я не могу тебе этого сказать. Вся Гея не может сказать тебе этого. Ты *должен* добраться до места, поначалу ничего не зная. Там ты *должен* все узнать. Потом *должен* будешь делать то, что *должен*. Но спокойно, не поддаваясь эмоциям. Если ты будешь так же нервничать, как сейчас, все будет бессмысленно. Гея погибнет. Ты должен переменить настроение, а я не знаю, как этого добиться.

– А Дом знал бы, если бы был здесь? – требовательно спросил Тревайз.

– Дом здесь, – ответила Блисс. – Он / я / мы не знаем, как переменить твоё настроение и успокоить тебя. Мы не знаем людей, которые не чувствуют своего места в схеме событий, не чувствуют себя частью огромного целого.

– Нет, это не так, – упрямо проговорил Тревайз. – Вы смогли захватить наш корабль на дальнем расстоянии от Геи и заставили нас успокоиться, когда мы были беспомощны. Ну так успокой меня сейчас! И не притворяйся, будто не можешь.

– Но мы не должны этого делать. Сейчас не должны. Если мы что-то изменим или настроим по-другому в тебе сейчас, пользы от тебя будет не больше, чем от любого другого человека в Галактике. На твою помощь мы можем положиться лишь потому, что ты – это ты и ты должен оставаться самим собой. Если мы хоть как-то коснемся тебя сейчас, мы погибли. Прошу тебя. Ты должен успокоиться сам.

– Ни за какие ковриjки, мисс, пока вы не скажете мне кое-чего, что мне нужно знать.

– Блисс, можно я попробую? – вмешался Пелорат. – Голан, давай уйдем в другую каюту. Или ты, Блисс, пожалуйста, выди.

Блисс, медленно пялясь к двери, вышла. Пелорат закрыл за ней дверь.

Тревайз сказал:

– Она все видит, слышит и чувствует. Какая разница?

– Для меня разница есть, – сказал Пелорат. – Я хотел остаться с тобой наедине, пускай даже это будет иллюзия... Голан, ты боишься.

– Не дури.

– Боишься, Голан. Ты не знаешь, куда мы летим, с чем ты встретишься, чего от тебя ждут. Имеешь полное право бояться.

– Да не боюсь же я ничего!

– Боишься, не спорь. Может быть, тебя не пугает физическая опасность, как меня, к примеру. Я боялся вылететь в космос, боялся каждого нового мира, каждой новой, незнакомой вещи. Но, в конце концов, я прожил полвека замкнутой, оторванной от мира жизнью отшельника, а ты служил во Флоте, занимался политикой, все время варился в самой гуще событий – и дома, и в Галактике. И все-таки я старался побороть страх, и ты мне в этом помог. За то время, что мы пробыли вместе, ты был терпелив, добр ко мне, ты все понимал и прощал, и благодаря тебе я перестал трусить и старался вести себя хорошо. Позволь же отплатить тебе

благодарностью и помочь тебе, дружок.

– Говорю тебе: я ничего не боюсь.

– А я тебе еще раз повторяю: боишься. Если не чего-то еще, то как минимум возложенной на тебя ответственности. Совершенно очевидно: от тебя зависит судьба целого мира и, если у тебя не получится, тебе придется жить дальше с сознанием того, что ты повинен в его гибели. Ты думаешь примерно так: «какое право они имеют возлагать на меня такую ответственность? Ответственность за мир, который для меня ровным счетом ничего не значит?» Ты боишься не только неудачи, как любой на твоем месте, но тебя попросту бесит то, что тебя поставили в такое положение, когда ты вынужден бояться.

– Все неправда, от начала до конца.

– Не думаю. Позволь мне встать на твое место. Я все сделаю. Чего бы ни ждали от тебя, я добровольно согласен заменить тебя. Я думаю, большой физической силы не потребуется, иначе любое техническое устройство заменило бы тебя с успехом. Не думаю я также, что это нечто такое, чтобы потребовалась менталика – этим Гея располагает в достаточном количестве. Это что-то такое... ну, в общем, я не знаю, но если для этого не надо ни силы, ни менталики, то все остальное у меня точно такое же, как у тебя, и я готов принять ответственность на себя.

Тревайз резко и подозрительно спросил:

– С чего это вдруг ты так рвешься в бой?

Пелорат стыдливо потупил взор.

– Голан... – хрипло проговорил он. – У меня была жена. Я знал женщин. Но они никогда много не значили для меня. Было забавно. Иногда приятно. Но никогда ничего такого важного. Но она...

– Кто? Блисс??!

– Она другая... почему-то... для меня...

– Клянусь Терминусом, Джэн, ей известно каждое слово, которое ты произносишь.

– Неважно. Она и так все знает... Мне хочется сделать ей приятное. Я готов взять на себя это дело, рискнуть как угодно, только для того, чтобы она... хорошо обо мне подумала.

– Джэн, она – ребенок!

– Нет, не ребенок... впрочем, мне все равно, что ты о ней думаешь.

– А тебе не приходит в голову, что она о тебе думает?

– Что я старик? Какая разница? Она – часть великого целого, а я – нет. Одно это – непреодолимая стена между нами. Ты думаешь, я ослеп и не вижу этого? Но я ничего не прошу у нее. Ничего мне не надо, только, чтобы она...

– Думала о тебе хорошо?

– Да. Нет. Мне все равно, как она ко мне относится. Лишь бы относилась... как-то.

– И ради этого ты готов взять на себя мою работу? Но, Джэн, разве ты не слышал? Ты им не нужен. По какой-то непонятной причине, космос их раздери, им нужен я.

– Но если ты не можешь, значит, им кто-нибудь нужен, а я – все-таки лучше, чем ничего, правда же?

Тревайз покачал головой:

– Просто в голове не укладывается... Седина в бороду – бес в ребро. Джэн, ты пытаешься корчиться из себя героя, готового погибнуть за ее тело.

– Не говори так, Голан. Сейчас не до шуток.

Тревайз был готов рассмеяться, но встретился глазами с отчаянным взглядом Пелората, и вместо улыбки откашлялся.

– Наверное, ты прав, Джэн. Позови ее. Позови.

Блисс вошла, слегка поеживаясь.

– Мне очень жаль. Пел, – сказала она тихо. – Но ты не сможешь заменить его. Или Тревайз, или никто.

– Отлично, – кивнул Тревайз. – Я буду спокоен. Что бы там ни было, постараюсь все сделать. Что угодно, лишь бы не заставлять Джена корчиться из себя героя любовного романа – в его-то возрасте.

– Да знаю я свой возраст... – промямлил Пелорат и махнул рукой.

Блисс подошла к нему, нежно коснулась рукой его плеча.

— Пел, — сказала она ласково, — я... я думаю о тебе хорошо.
Пелорат отвернулся.
— Все нормально, Блисс. Не надо меня утешать.
— Я тебя не утешаю, Пел. Я очень, очень хорошо о тебе думаю.

82

Вначале отдаленно, туманно, потом все сильнее и яснее Сура Нови стала ощущать, что она — Суроновирэмбластиран, вспомнила, что, когда была маленькая, родители звали ее «Су», а друзья — «Ви».

На самом деле она никогда не забывала об этом, но все это таилось где-то очень глубоко в ней. И никогда ее воспоминания не были захоронены столь надежно, как в этот, последний месяц. Никогда раньше ей не доводилось находиться так близко к человеку, чье сознание было столь могущественно...

Но теперь ее час пробил. Сама она не хотела этого, но сопротивляться не могла. Огромный океан ее внутреннего мира выталкивал на поверхность, уносил могучими волнами маленькую ее частичку ради великой цели.

Творившиеся в ней перемены давались ей нелегко, но вскоре наступила радость — как у всякого, кто сбрасывает маску. Впервые за долгие годы она оказалась так близко от Геи.

Она радостно вспомнила одно животное, форму жизни, которая так нравилась ей, когда она маленькой девочкой жила на Гее. Поняв чувства этого существа как свои собственные, она ощутила еще острее происходящие с ней метаморфозы. Она ощущала себя бабочкой, выходящей из кокона.

83

Стор Гендибалль сурово, не отрываясь, смотрел в глаза Суры Нови. Он был настолько поражен, что на мгновение ослабил соединение с сознанием Мэра Бранно. Но ничего ужасного не случилось — он получил поддержку, на которую вовсе не рассчитывал.

— Что тебе известно о Советнике Тревайзе, Нови?

И тут же, потрясенный тем, как видоизменилось ее сознание, в ужасе прокричал:

— Что ты такое?!

Он попытался схватить и удержать ее сознание, но обнаружил, что это ему не под силу.

Трагическая тень промелькнула по лицу Нови.

— Господин, — начала она и тут же поправилась: — Оратор Гендибалль, мое настоящее имя — Суроновирэмбластиран, и я с Геи.

Вот и все, что она сказала словами, а Гендибалль, охваченный дикой яростью, до предела усилил свое ментальное излучение и ударил по ее сознанию так, что ему показалось, будто кровь вскипела у него в сосудах! Ничего не вышло — она умело и решительно отвела его удар. Но сознание свое не закрыла. Не могла или не хотела?

Он заговорил с ней так, как говорил бы с другим Оратором:

— Ты сыграла свою роль, затащила меня сюда, предала... Ты одна из тех, кто породил Мула.

— Мул — предатель, Оратор. Я / мы — не Мулы. Я / мы — это Гея.

Вся сущность Геи была передана ему кратко и полно — гораздо подробнее, чем можно было передать словами.

— Целая живая планета... — пробормотал Гендибалль.

— Да, и обладающая ментальным полем, которое гораздо сильнее вашего отдельного. Прошу вас, не сопротивляйтесь этой силе. Мне бы не хотелось, чтобы вам был причинен вред.

— Даже как живая планета вы не сильнее, чем мои соратники с Трентора. Мы тоже живая планета, если на то пошло.

— Вы всего-навсего ментальное сообщество, всего несколько тысяч людей, Оратор, и вы не можете рассчитывать на поддержку своих товарищей, я ее заблокировала. Проверьте — убедитесь сами.

– Что ты собираешься делать, Гея?

– Думаю, Оратор, вы можете по-прежнему называть меня Нови. Да, я сейчас действую от имени Геи, но для вас я – Нови.

– Так что ты собираешься делать, Гея?

Послышался ментальный эквивалент печального вздоха. Нови ответила:

– Мы сохраним тройственное перемирие. Мы будем удерживать Мэра Бранно через ее экран, я помогу вам в этом, и мы не устанем. Вы, вероятно, будете удерживать мое сознание, а я – ваше, и оба мы не устанем от этого. Так все и останется.

– И до каких пор?

– Я вам объяснила: мы ожидаем Советника Тревайза с Терминуса. Только он разорвет эти цепи. Так, как он решит.

84

Компьютер на борту «Далекой Звезды» обнаружил поблизости два корабля. Тревайз наблюдал за обоими на плоском экране.

Оба корабля были производства Академии. Один был точной копией «Далекой Звезды» – корабль Компора, без сомнений. Другой – больше и мощнее.

Тревайз обернулся к Блисс и спросил:

– Ну что происходит? Теперь ты можешь меня просветить?

– Да! Не волнуйся. Они не сделают тебе ничего плохого.

– Вот интересно – почему это все так уверены, что я просто весь дрожу от страха? – ехидно поинтересовался Тревайз.

– Пусть она говорит, Голан, – вмешался Пелорат. – Не кричи на нее.

Тревайз шутливо поднял руки вверх.

– Не буду кричать. Говорите, леди.

Блисс сказала:

– На большом корабле находится правительница вашей Академии. С ней...

Тревайз удивился не на шутку.

– Правительница? Что – старуха Бранно?

– Уверена, ее титул звучит не так. Но она женщина, это верно.

Блисс помолчала немного, как будто внимательно прислушивалась к голосу великого организма, частью которого была.

– Ее имя Харлабранно. Немного странно – имя всего из четырех слогов, когда она занимает такой высокий пост в своей стране, но, вероятно, у нее есть свои привычки.

– Думаю, – сказал Тревайз, – тебе можно называть ее «Браниц», если тебе так больше нравится. Но что она тут делает? Почему не сидит на... Все ясно. Гея и ее сюда приволокла. Зачем?

На этот вопрос Блисс не ответила.

– С ней, – продолжала она, – Лайонокоделл, пять слогов, хотя он ее подчиненный. Должное уважение явно отсутствует. Он важный чиновник в вашем мире. С ними еще четверо, они умеют владеть и управлять оружием. Сказать их имена?

– Нет. Я так понимаю, что на втором корабле находится Мунн Ли Компор и представляет Вторую Академию. Так вы сюда обе Академии вытянули... Зачем?

– Не совсем так, Трев... то есть Тревайз.

– Ой, да ладно, пускай будет «Трев», не рассыплюсь.

– Не совсем так, Трев. Компор покинул этот корабль, и его сменили двое людей. Один из них – Сторгенидбаль – важный деятель Второй Академии. Его называют Оратором.

– Важный деятель? Вероятно, обладает ментальной силой?

– О да. Очень могучей силой.

– Ты справишься?

– Конечно. Второй человек, который находится вместе с ним на этом корабле, – Гея.

– Ваш человек?

– Да, ее зовут Сурановирэмбластиан. Хотя, не будь она так долго вдали от меня/нас, ее

имя теперь было бы длиннее.

– Способна ли она выдержать схватку с важным деятелем Второй Академии?

– Его удерживает не она сама, а вся Гея. Она / мы / я способны уничтожить его.

– Она это и собирается сделать? Уничтожить его и Бранно? Что это значит? Гея хочет разбить обе Академии и основать собственную Галактическую Империю? Ренессанс Мула? Да это почище Мула будет...

– Нет, нет, Трев. Только не волнуйся. Тебе нельзя. Все трое находятся в неразрывной связке. Они ждут.

– Чего?

– Твоего решения.

– Снова здорово... Какого решения? Почему моего?

– Прошу тебя, Трев, – сказала Блесс. – Скоро все объяснится. Я / мы / она сказали тебе ровно столько, сколько могли пока сказать.

85

Бранно устало, обреченно проговорила:

– Я совершила ошибку, Лайоно и, вероятно, фатальную.

– Следует ли в этом признаваться? – одними губами спросил Коделл.

– Им известно все, о чем я думаю. Так что говори не говори – хуже не будет. Точно так же им известно все, о чем думаете вы, когда даже не шевелите губами... Надо было дождаться, когда наши учёные доведут моё экрана до предела...

Коделл спросил:

– Как вы могли такое предвидеть, Мэр? Если бы мы ждали, пока экран укрепится вдвое, втрой, вчетверо, нам пришлось бы ждать вечно. По правде говоря, я очень жалею, что мы сами потащились сюда. Пусть бы такие эксперименты ставились на ком-то другом. Пусть хоть бы на вашем возлюбленном громоотводе.

Бранно вздохнула.

– Я не хотела дать им времени на передышку, Лайоно. Но тут вы попали в точку. Я должна была ждать до тех пор, пока экран не стал бы не пробиваем. Ну, если не совсем непробиваемым, то хотя бы более плотным. Я знала, что пока в нем – большая прореха, но ждать больше не могла. Ждать, пока залепят дыру, – значило ждать, пока истечет мой срок пребывания на посту Мэра, а я так хотела, чтобы все произошло, пока я у власти! Как последняя дура, убедила себя в том, что экран выдержит. Не желала слушать никаких предостережений – ваших, к примеру.

– Мы все еще можем победить, если будем терпеливы.

– Да? Вы можете отдать приказ выстрелить по этому кораблю?

– Нет. Не могу, Мэр. Эта мысль почему-то мне противна.

– Мне тоже. Даже если бы вы или я смогли отдать приказ, никто из команды не сумел бы его выполнить.

– Это пока, Мэр, но обстоятельства могут измениться. На самом деле намечается выход нового актера на сцену.

Он указал в иллюминатор. Корабельный компьютер автоматически фокусировал изображение, делал его более плоским, как только в поле зрения бортовых систем попадал новый объект.

– Можете добавить увеличение, Лайоно?

– Без проблем. Необычайно ловок все-таки этот мужичок из Второй Академии. Все, что ему не мешает, мы можем проделывать с легкостью.

– Так... – пробормотала Бранно, изучая вид в иллюминаторе. – «Далекая Звезда» собственной персоной. На борту, скорее всего, Тревайз и Пелорат, если и этих не сменили людишки из Второй Академии. Громоотвод мой постарался на славу. Эх... – она скрипнула зубами... – был бы у меня экран поплотнее...

– Терпение и спокойствие! – проговорил Коделл. В отсеке управления послышался чей-то голос, и почему-то Бранно поняла, что он звучит не в звуковом диапазоне. Она слышала его

прямо у себя в сознании. Взгляда Коделла было достаточно, чтобы понять, что он ощутил то же самое.

Голос спросил:

— Вы слышите меня, Мэр Бранно? Если да, не трудитесь отвечать. Просто подумайте об этом.

— Кто вы? — тихо спросила Бранно.

— Я — Гея, — был ответ.

86

Все три корабля застыли в неподвижности и медленно кружили вокруг Геи, как три спутника, сопровождая Гею в бесконечном пути вокруг ее солнца.

Тревайз смотрел в иллюминатор. Он устал от догадок — какова могла быть его роль, ради чего его притащили сюда через тысячи парсеков.

Звук, раздавшийся у него в сознании, не испугал его. Он как будто ждал именно этого.

Голос произнес:

— Вы слышите меня, Голан Тревайз? Если да, не трудитесь отвечать. Просто подумайте об этом.

Голан оглянулся. Пелорат ошарашенно оглядывался по сторонам, значит, тоже услышал. Блисс, сложив руки на коленях, сидела спокойно, но Тревайз не сомневался — она тоже услышала голос.

Пропустив мимо ушей предложение оперировать только мыслями, он сказал вслух, старательно выговаривая каждое слово:

— Пока я не пойму, что происходит, я не сделаю ничего, о чем бы меня ни попросили.

— Скоро поймете, — ответил Голос.

87

— Все вы, — сказала Нови, — будете слышать меня у себя в сознании. Все вы можете отвечать мне мысленно. Я сделаю так, что вы будете слышать друг друга. Никаких задержек связи не будет — ментальное поле распространяется со скоростью света, а мы не так далеко друг от друга. Начнем с того, что все мы попали сюда не случайно.

— Каким образом? — послышался голос Мэра Бранно.

— Не за счет ментальной «обработки», — ответила Нови. — Гея не вмешивалась ни в чье сознание. Это не в наших правилах. Мы просто воспользовались вашими амбициями. Мэр Бранно хотела без промедлений основать Вторую Академию. Оратор Гендибалль мечтал стать Первым Оратором. Было достаточно усилить эти желания и направить их в нужное русло.

— Я знаю, как попал сюда, — упрямко заявил Гендибалль.

И на самом деле — он знал. Он знал, почему ему так хотелось отправиться в космос, почему он старательно преследовал Тревайза, так уверен, что все ему подвластно...

Все дело было в Нови. О, Нови!

— С вами был особый случай, Оратор Гендибалль. Ваши амбиции были велики, но у вас мягкий, добрый характер, что значительно облегчило задачу. Вы добры к любому, кто, по вашему мнению, во всех отношениях ниже вас. Я воспользовалась этим, и обернула все против вас. Мне / нам очень стыдно, и оправданием мне / нам может послужить лишь то, что Галактика в опасности.

Нови помолчала. Когда она заговорила вновь, голос ее, хотя говорила она без помощи голосовых связок, стал более печален, на лбу залегли горькие морщинки.

— Час пробил. Гея не могла больше ждать. В последнем столетии люди с Терминуса занимались разработкой противоментального экрана. Оставленные на произвол судьбы, они бы уже в следующем поколении стали неуязвимы даже для Геи и могли совершенно беспрепятственно всюду применять свое физическое оружие. Галактика не выстояла бы против них, они основали бы Вторую Империю образца Первой Академии вопреки Плану Селдона, вопреки воле народа Трентора и народа Геи. Мэра Бранно нужно было каким-то образом

вынудить к действиям до того, как разработка экрана будет завершена.

Теперь – о Тренторе. План Селдона работал превосходно, потому что за его выполнением прослеживала сама Гея. В течение последнего столетия пост Первого Оратора занимали спокойные, рассудительные люди. Но вот вверх стремительно взлетел Стор Гендибаль. Он непременно стал бы Первым Оратором, и при нем позиция Трентора стала бы активной. Он сконцентрировал бы свои усилия на развитии физической мощи Трентора, ополчился бы против Терминуса до того, как закончилась бы разработка противоментального экрана, и победил бы Первую Академию. План Селдона был бы доведен до конца и увенчался бы созданием Второй Галактической Империи – Империи образца Трентора, вопреки воле народов Терминуса и Геи. Следовательно, и Гендибала нужно было вынудить к действиям до того, как он стал Первым Оратором.

Гея упорно и старательно трудилась несколько десятилетий напролет, и нам удалось свести обе Академии в нужном месте в нужное время. Повторяю я все это для того, главным образом, чтобы Советник Тревайз лучше понял, в чем дело.

– А я не понимаю, – немедленно встрял Тревайз, снова заговорив вслух. – Что такого ужасного в любой из версий Галактической Империи?

Нови ответила:

– Вторая Империя, созданная по образу и подобию Терминуса, будет милитаристской, основанной насилием, удерживаемой насилием. Она всего-навсего возродит в себе Первую Империю. Так думает Гея. Вторая Империя, созданная по образу и подобию Трентора, будет покровительственной, будет основана на расчетах и удерживаема с помощью расчетов – это будет вечно живой труп. Так думает Гея.

– А что Гея может предложить взамен? – поинтересовался Тревайз.

– Огромную Гею! Галаксию! Чтобы каждая из обитаемых планет стала такой же живой, как Гея. Чтобы все планеты, живые планеты, объединились для более высокой и великой гиперпространственной жизни. Чтобы в этом приняли участие и ненаселенные планеты. И звезды. Каждый атом межзвездного газа. Может быть – даже огромная черная дыра в центре Галактики. Живая Галактика, наиболее благоприятная для всего живого, – как это было бы прекрасно! Жизнь, непохожая на ту, что была когда-то, и никаких повторений ошибок прошлого...

– Зато новых хоть отбавляй, – саркастически пробурчал Тревайз.

– Геей накоплен тысячелетний опыт.

– Но не на уровне Галактики.

– Да, но все-таки, какова моя роль во всем этом?

Голос Геи, транслируемый через сознание Нови, прогремел как раскат грома:

– Выбрать! Какой должна быть Галактика!

Наступило долгое, мучительное молчание. И вот голос Тревайза (наконец, ментальный – он был слишком ошеломлен, чтобы пошевелить губами) проговорил:

– Почему я?

Нови сказала:

– Сами мы не можем ничего поделать, хотя смогли точно выбрать момент времени, когда ни Трентор, ни Терминус еще не стали настолько могущественны, что остановить их было бы уже нельзя, пока между ними не установилось бы смертельно опасное равновесие, которое разорвало бы Галактику. Мы нашли вас, Советник... хотя не совсем так. Люди с Трентора разыскали вас через человека по имени Компор, хотя даже не предполагали, что на самом деле нашли. А вслед за ними на вас обратили внимание мы. Голан Тревайз, вы обладаете удивительным даром принимать верные решения.

– Отрицаю, – отрезал Тревайз.

– Обладаете и не раз подтверждали это. Вы всегда действуете уверенно. Мы хотим, чтобы сейчас вы совершили выбор от имени всей Галактики. Вероятно, вам не хочется взваливать на себя груз ответственности. Вам захочется всеми силами отказаться от совершения выбора. И тем не менее вы будете понимать, что это верно. Вы будете уверены. А потом сделаете выбор. Когда мы нашли вас, мы поняли, что нашли верного человека, и многие годы потом разрабатывали такую схему стечения событий, чтобы не потребовалось ментальное

вмешательство и чтобы вы трое: Мэр Бранно, Оратор Гендибаль и Советник Тревайз – одновременно оказались поблизости от Геи. Это нам, как видите, удалось.

Тревайз спросил:

– Но разве, Гея, сейчас, здесь тебе не под силу побороть Мэра и Оратора? Разве ты сама не можешь основать эту живую Галактику без всякой моей помощи? Если можешь, почему не сделаешь этого?

Нови сказала:

– Не знаю, сумею ли объяснить так, чтобы вы были удовлетворены, Гея была основана тысячи лет назад с помощью роботов, которые когда-то служили людям, но теперь больше не служат. Они сумели убедить нас, что выжить мы сможем, лишь строго повинуясь Трем Законам Роботехники, примененным ко всему живому. Первый Закон для нас звучит так: Гея не может причинить вред ничему живому или за счет бездействия допустить, чтобы всему живому был причинен вред. Мы следовали этому закону на протяжении всей нашей истории, и по-другому просто не можем.

В результате теперь мы беспомощны. Мы не можем насилием навязать нашу точку зрения о Живой Галактике квинтилионам человеческих существ и бесконечному числу других форм жизни и тем самым, вероятно, причинить вред многим. Но мы не можем безучастно наблюдать, как Галактика наполовину уничтожит себя в борьбе, которую мы в силах предотвратить. Мы не знаем, что дешевле обойдется Галактике – действие или бездействие, поддержка нами Трентора или поддержка Терминуса. Пусть же Советник Тревайз решит, и каково бы ни было решение, Гея повинуется ему.

Тревайз спросил:

– А как это, интересно, должно выглядеть?

Нови сказала:

– У вас есть компьютер. Люди с Терминуса, создав его, сделали больше, чем хотели. Компьютер на борту вашего корабля включает в себя частицу Геи. Положите ваши руки на контакты и думайте. Если вы подумаете, например, что экран Мэра Бранно не проницаем, она тут же воспользуется оружием и уничтожит остальные два корабля, захватит власть над Геей, а потом над Трентором.

– И вы ничего не сделаете, чтобы предотвратить это?

– Пальцем не пошевелим. Если вы уверены, что власть Терминуса принесет Галактике меньше вреда, чем любой другой вариант, мы с радостью поможем этой власти установиться, даже ценой нашей собственной гибели... Вы можете также ощутить ментальное поле Оратора Гендибала и подсоединиться к нему через компьютер. Тогда он избавится от меня. Потом он сумеет воздействовать на сознание Мэра, заберет ее корабли и тоже захватит власть над Геей. И Гея ничего не сделает, чтобы предотвратить это. Либо отыщите мое ментальное поле и соединитесь с ним, и тогда будет положено начало существованию живой Галактики – не сразу, не при жизни нынешнего поколения, даже не при жизни следующего; но пройдут столетия трудов, и все эти столетия План Селдона будет выполняться. Вам выбирать.

Мэр Бранно вмешалась:

– Стойте! Не торопитесь! Могу я сказать?

– Говорите открыто, – сказала Нови. – Говорите и вы, Оратор Гендибаль.

Бранно сказала:

– Советник Тревайз, когда мы виделись с вами в последний раз, вы сказали: «Настанет день, Госпожа Мэр, и вам сможет понадобиться моя помощь. Тогда я поступлю, как сочту нужным, и не забуду вам этих двух дней». Уж не знаю, предвидели ли вы, что все так обернется, – видимо, либо интуитивно предчувствовали, либо у вас действительно столь редкий дар делать верные выводы, как говорит эта женщина, что толкует о живой Галактике. В любом случае вы были правы. Я прошу вас о помощи от имени всей Федерации. Может быть, вам не терпится поквитаться со мной за то, что я арестовала и выслала вас. Но не забывайте о том, что действовала я исключительно ради того, что считала лучшим для страны. Ну пусть я ошиблась, пусть вы думаете, что у меня на то были личные причины, – ошиблась я, а не Федерация. Не уничтожайте же всю Федерацию из желания отомстить мне. Помните: вы – гражданин Академии, вы – человек и вам не хочется быть цифрой в планах бескровных математиков с

Трентора или еще меньше, чем цифрой в галактическом компоте жизни и нежити. Вы хотите, чтобы вы сами, и ваши друзья, и ваши потомки были независимыми носителями свободной воли. Остальное – чепуха. Эти, другие, скажут вам, будто бы наша Империя утвердится на крови и слезах. Но это вовсе не обязательно. Это зависит от нас – сделать так, чтобы это не произошло, или не сделать. В любом случае лучше добровольно проиграть, чем жить в бессмысленной, искусственной безопасности, словно винтики в машине. Поймите, сейчас вы должны сделать выбор как человеческое существо, обладающее свободой воли. Эти, с Геи, никакого решения принять не могут, кишмя тонка, они зависят от вас. Они готовы самоуничтожиться, если вы им прикажете. Этого вы хотите для всей Галактики?

– Не знаю, как у меня со свободой, Мэр. Вероятно, с моим сознанием таки тонко поработали, так что я могу дать лишь желаемый ответ.

Нови вмешалась:

– Ваше сознание не тронуто. Если бы могли поставить вас на службу своим целям, эта встреча была бы бессмысленна. Будь мы настолько беспринципны, разве нас стала бы волновать судьба человечества?

Гендибалль сказал:

– Полагаю, теперь моя очередь высказаться. Советник Тревайз, раскройте глаза, смотрите на все шире, не замыкайтесь в рамках дешевого патриотизма. Терминус не выше Галактики, хотя вы там родились. Уже пять столетий Галактика живет по Плану Селдона. Этот процесс идет не только внутри границ Федерации, но и за их пределами... Вы были и являетесь частицей Плана Селдона, а это выше, чем роль гражданина и деятеля Первой Академии. Не сделайте же ничего такого, что нарушило бы План, пусть вами не овладеют ни патриотизм, ни романтические стремления к новому и неизведанному. Вторая Академия ни в коем случае не покусится на свободную волю человечества. Мы посредники, а не деспоты... Наша Вторая Империя будет фундаментально отличаться от Первой. На протяжении всей истории человечества в Галактике шли войны, проливалась кровь даже тогда, когда в вашей Академии царили мир и спокойствие. Выберите вариант Мэра Бранно, и не будет этому конца и края. Порочный, смертельный круг. План Селдона предлагает освободиться от всего этого наконец, но не ценой того, чтобы человек стал атомом в Галактике атомов, не ценой того, чтобы сравняться с травой, бактериями и пылью под ногами.

Нови сказала:

– Оратор Гендибалль верно описал вариант новой Империи, которую может создать Первая Академия. С описанием его собственного варианта я не согласна. Ораторы Трентора – люди, живые люди, со своими слабостями, с той же свободой воли, такие, как были всегда. Разве нет на Тренторе изнурительной конкуренции, политики, борьбы за власть? Разве нет ссор, ненависти, скандалов, мести за Столом Ораторов? Хотелось бы вам повиноваться таким вершителям судеб? Пусть Оратор Гендибалль ответит честно – спросите его об этом.

– Нет нужды взывать к моей честности, – парировал Гендибалль. – Все это мне прекрасно известно: и конкуренция, и ненависть, и все остальное. Но когда решение принято, ему повинуются все. Из этого правила еще никогда не бывало исключений.

Тревайз спросил:

– А что, если я не сделаю выбора?

– Вы должны, – сказала Нови. – Вы поймете, что будет вернее, если вы сделаете выбор.

– А что, если попытаюсь, но не смогу?

– Вы должны.

– Сколько у меня времени? – спросил Тревайз.

– Сколько угодно, – ответила Нови, – пока вы не будете уверены в том, что выбрали правильно.

Потекли минуты. Тревайз застыл в молчании.

Все остальные тоже молчали, но Тревайзу казалось, что он слышит биение множества сердец.

Он слышал, как голос Харлы Бранно твердо, решительно проговорил: «Свободная воля!» А голос Оратора Гендибала – «Руководство и мир». А голос Нови прошептал: «Жизнь»...

Тревайз обернулся и увидел, что Пелорат во все глаза, не мигая, смотрит на него.

- Все слышал, Джен?
- Да, Голан, слышал.
- Что скажешь?
- Решение не мне принимать.
- Ясно. Но что ты думаешь?
- Не знаю. Меня пугают все три варианта. И все-таки мне пришла в голову одна идея – совершенно особенная...
- Да?
- Когда мы только-только вылетели в космос, ты показывал мне Галактику. Помнишь?
- Конечно.
- Ты ускорил ее движение во времени, и она задвигалась. Я тогда сказал, как будто предугадал теперешний момент: «Галактика похожа на живое существо». Тебе не кажется, что она уже сейчас живая?
- Уверенность осенила Тревайза, как только он вспомнил то мгновение. Он вспомнил и о том, что не так давно решил – Пелорат во всей этой истории сыграет не последнюю роль. Он поспешно отвернулся, чтобы не тратить времени ни на раздумья, ни на сомнения.
- Он решительно опустил руки на контакты компьютера и подумал так решительно, как не думал никогда.
- Он принял решение, решение, от которого зависела судьба Галактики.

Эпилог

88

У Мэра Харлы Бранно не было причин для недовольства. Государственный визит не затянулся и при этом оказался необычайно продуктивным. Она сказала без обычного высокомерия:

– Но, конечно, доверять им полностью нельзя. Взгляд ее был устремлен в иллюминатор. Корабли Флота Академии один за другим уходили в гиперпространство и возвращались на базы.

Бессспорно, присутствие кораблей произвело должное впечатление на Сейшелл, однако никаких претензий и быть не могло: они не покинули космического пространства Академии и, как только Мэр Бранно отдала приказ, тут же без промедления удалились.

С другой стороны, Сейшелл прекрасно уразумел, что так же быстро корабли могут вернуться, если что. Этот маневр продемонстрировал одновременно и военную мощь Академии, и ее добрую волю.

Коделл сказал:

– Совершенно верно: доверять им полностью нельзя, как и никому в Галактике, и в интересах Сейшелла соблюдать все пункты договора. Мы повели себя благородно.

Бранно уточнила:

– Многое зависит от доработки деталей, думаю, это займет несколько месяцев. Общие положения можно набросать уже сейчас, но потом настанет черед мелочей: конкретные моменты организации карантинных мероприятий по импорту и экспорту, утряска вопроса по соответствию мер веса зерна и мяса и так далее.

– Знаю, но это действительно мелочи, а вы сделали великое дело, Мэр. Удар был точен и силен – зря я сомневался.

– Ну, будет вам, Лайоно. Дело состояло лишь в том, чтобы Академия учла самолюбие и гордость Сейшелла. В конце концов они сохраняли независимость со времен Империи.

– Да, и теперь они больше нам докучать не станут.

– Конечно, так что всего-то и надо было немного смириТЬ собственную гордыню и дать им возможность продемонстрировать свою. Признаю, это мне далось нелегко, чтобы я, Мэр Федерации, власть которой простирается почти на всю Галактику, унизилась до того, что предприняла визит в провинциальную звездную систему, но главное было принять такое

решение. А им какое удовольствие! Надо было поспорить, Лайоно, – они бы тут же согласились на мой визит, если бы мы подвели корабли к их границам, но это означало бы хорошую мину при плохой игре.

Коделл кивнул:

– А мы избежали внешних проявлений силы, продемонстрировав взамен ее сущность.

– Вот именно... Кому принадлежат эти золотые слова?

– Вроде бы так говорится в какой-то из пьес Эридена, но точно не помню. Надо будет поинтересоваться у кого-нибудь из наших литературных светил, когда вернемся.

– Если я вспомню. Нужно будет поскорее организовать ответный визит сейшельцев на Терминус и проследить за тем, чтобы они были приняты как равные. Боюсь, Лайоно, вам лично придется заняться проблемой безопасности их делегации. Некоторые наши горячие головы могут не до конца понять ситуацию, а было бы крайне неразумно подвергать наших высоких гостей хоть сколько-нибудь заметному унижению, ну мало ли – вдруг затеют что-то вроде демонстраций протesta...

– Безусловно, – согласился Коделл. – Кстати, удивительно мудро вы поступили, послав вперед Тревайза.

– Вы про моего громоотвода? Да, честно говоря, я сама от него не ожидала такой прыти. Он с таким шумом ворвался в Сейшелл и вызвал такую бурю негодования с их стороны – поверить трудно. Молодчага! И какое прекрасное подспорье для моего визита – подумать только, гражданин Академии их немножко потревожил, а я уже тут как тут, с заверениями, что такое больше не повторится, и с благодарностью за их снисходительность.

– Замечательно!.. Кстати, вам не кажется, что было бы лучше забрать Тревайза с собой?

– Нет. Если честно, пусть он болтается где угодно, лишь бы не дома. На Терминусе от него покоя не будет. Его бредовая идея о существовании Второй Академии оказалась превосходной причиной для его ссылки, и, конечно, мы рассчитывали на то, что Пелорат потащит его на Сейшелл. Но чтобы он возвращался домой – нет, увольте! Опять начнет сеять смути. Кто его знает, что он отчебучит в следующий раз.

Коделл крякнул:

– Да уж... Вряд ли отыщется более легковерный человек, чем ученый-фанатик. Я вот думаю – наверное, Пелората можно было и еще сильнее поднакачать.

– Веры в истинное существование мифической сейшельской Геи было вполне достаточно, но не будем больше об этом. Когда возвратимся, придется встретиться с Советом, нам потребуются их голоса для ратификации договора с Сейшеллом. К счастью, у нас имеется запись беседы с Тревайзом – достоверная, все честь по чести, подтверждающая, что он покинул Терминус добровольно. Принесу официальные извинения за кратковременный арест Тревайза, и Совет будет удовлетворен.

– Надеюсь, у вас это проскочит, Мэр, – сухо отозвался Коделл. – Только вот... вам не кажется, что Тревайз запросто может продолжить поиски Второй Академии?

– Пусть ищет, – пожала плечами Бранно. – Лишь бы на Терминусе этим не занимался. Чем бы дитя ни тешилось... Все равно ничего не найдет. Существование Второй Академии – такой же миф, как существование Геи для сейшельцев. – Она откинулась на спинку кресла, забросила руки за голову, излучая самодовольство: – А Сейшелл у нас теперь вот где (она крепко сжала кулак). И к тому времени, когда они это поймут, будет поздно. Так что Академия жила, живет и будет жить, и никто ей не помешает.

– И заслуга эта целиком и полностью принадлежит вам. Мэр.

– Не сомневайтесь, это от меня не укрылось, Коделл, – улыбнулась Бранно, и их корабль, скользнув в гиперпространство, вскоре вынырнул оттуда уже совсем неподалеку от Терминуса.

У Оратора Гендибали также не было причин для расстройства. Стычка с Первой Академией оказалась краткой, но исключительно результативной.

Он отправил на Трентор сообщение о триумфальной победе – короткое и сдержанное. Самое главное сейчас было – заверить Первого Оратора в том, что все прошло без сучка, без

задоринки – в принципе, он и сам мог бы об этом догадаться – ведь объединенные усилия Второй Академии не понадобились. А детали можно будет сообщить попозже.

Тогда он расскажет о том, как ювелирная, почти незаметная манипуляция сознанием Мэра Бранно помогла в корне изменить направление ее намерений: вместо имперских амбиций появились чисто практические соображения, и она пошла на торговое соглашение с Сейшеллом. Он поведает и о том, как умелая, произведенная на большом расстоянии обработка сознания лидера Сейшельского Союза привела к тому, что Мэр получила приглашение посетить Сейшелл с официальным визитом, как потом он напрямую договорился с Компором, чтобы тот вернулся на Терминус, дабы лично приглядывать за соблюдением договора. «Хрестоматийный пример, – думал Гендибаль. – Вот как с помощью ювелирной менталики обстряпываются грандиозные по масштабу дела».

Деларми будет положена на обе лопатки, и очень скоро он займет пост Первого Оратора, как только на первом же заседании Стола расскажет в подробностях о блестящее проведенной операции.

Но даже от себя самого он скрывал, как важно было для него, что все время рядом с ним была Сура Нови, – хотя перед Ораторами особо распинаться об этом не собирался. Она не только помогла ему одержать победу, но сумела простить мальчишескую, нескрываемую радость, которую принесла ему эта победа (ведь он был человек, как и все Ораторы, и ничто человеческое ему было не чуждо). И как любому человеку, ему нужно было, чтобы его похвалили и порадовались вместе с ним, наверное, это было нужно ему не меньше, чем одобрение на заседании Стола Ораторов.

Нови, конечно, совершенно не поняла, что произошло, Гендибаль знал это, но она понимала, что он сделал все так, как хотел, как задумал, и она просто светилась от гордости за него. Гендибаль любовно погладил очертания сознания Нови...

– Без тебя я не справился бы, Нови, – сказал он. – Только благодаря тебе я смог понять, что у Первой Академии – у тех людей на большом корабле...

– Да, Господин, я понимаю, про кого вы говорите.

– Так вот, благодаря тебе я смог понять, что у них есть защитный экран, но сила их сознания невелика. И по тому, как они действовали на твое сознание, я сумел подобрать к ним ключик, понял, как проникнуть через экран и манипулировать их сознаниями.

Нови смущенно пробормотала:

– Я точно не понимаю, Господин, про что вы говорите... Но если бы я могла, я помогла бы вам еще лучше.

– Знаю, Нови. Но довольно и того, что ты сделала. Ты представить себе не можешь, как опасны могли быть эти люди. Я их вовремя остановил. Мэр теперь летит домой, про такое устройство, как противоментальный экран, и думать забыла. Она страшно довольна тем, что подписала торговое соглашение с Сейшеллом, это превратит его в еще один коммерческий придаток Академии. Правда, для того чтобы в Первой Академии навсегда позабыли о работе, проделанной в области создания экрана, нужно будет еще много потрудиться; это наше упущение, но это будет сделано обязательно.

Немного подумав над последними словами, Гендибаль тихо проговорил:

– Да, наша беда в том, что мы не слишком пристально наблюдали за Первой Академией. Как можно больше внимания должно быть уделено консолидации Галактики. Возможности менталики следует использовать для создания глобального сотрудничества на уровне сознания. Это не противоречит Плану. Я уверен в этом и приложу для этого все силы.

Нови встревоженно окликнула его:

– Господин...

– Прости, – улыбнулся Гендибаль. – Я говорю сам с собой. Нови, помнишь Руфиранта?

– Наглого крестьянина, что напал на вас. Господин? Еще бы мне его не помнить!

– Я уверен, его обработали агенты Первой Академии с помощью портативного экрана. Еще многое, многое на их совести... Представь только, что было бы, если бы не узнали об этом? Тогда я обманулся – не мог представить, что Первая Академия способна на такое, да еще примешался этот миф, это сейшельское суеверие – Гея... Тут мне тоже помогло твое сознание. Оно окончательно убедило меня, что источником поля был корабль, а не планеты.

Гендибалль довольно потер руки.

– Господин...

– Да, Нови?

– А вас наградят за то, что вы сделали?

– Конечно. Шендесс уйдет в отставку, и я стану Первым Оратором. Тогда я все возьму в свои руки. Мы больше не будем пассивными наблюдателями!

– Вы будете Первым Оратором?

– Да, Нови. Самым главным из ученых, самым могущественным.

– Самым главным?

О, как она расстроилась – невооруженным взглядом видно!

– Почему у тебя такое лицо, Нови? Разве ты не хочешь, чтобы меня вознаградили?

– Нет, Господин, очень хочу... Только... если вы станете самым главным над всеми учеными, вы не захотите, чтобы рядом с вами... была думлянка. Вам это... не подойдет.

– Почему, Нови? Кто посмеет сказать мне такое?

Порыв любви захлестнул Гендибала.

– Нови... Ты останешься со мной – всюду и всегда. Как я могу рискнуть вступить в схватку с цепными псами за Столом Ораторов, если тебя не будет рядом со мной! Твое чудесное сознание все расскажет мне – только они успеют задумать что-нибудь дурное. И вообще... – Казалось, он немного опешил от собственной откровенности. – И потом, я... мне... мне нравится, когда ты со мной, и мне так хотелось бы, чтобы ты была со мной всегда... То есть, конечно, если тебе этого тоже хочется...

– О Господин... – прошептала Нови.

Рука Гендибала нежно обняла ее за талию, а ее голова легла ему на плечо.

Где-то глубоко внутри, под непроницаемой для Гендибала оболочкой сознания Нови хранилась сущность Геи, ответственная за дальнейшее выполнение цели...

А Нови – Нови-думлянка была совершенно счастлива, так счастлива, что почти забыла, как далеко она от себя / их / всех, и сейчас хотела быть лишь такой, какой только казалась...

90

– Как славно, мы снова на Гее, – потирая руки и усиленно скрывая радость и облегчение, проговорил Пелорат.

– Гм-м-м... – промычал в ответ Тревайз.

– А знаешь, что мне Блисс сказала? Мэр на пути к Терминусу, она подписала торговый договор с Сейшеллом. А Оратор из Второй Академии летит на Трентор, убежденный в том, что именно он это устроил, а эта женщина. Нови, летит с ним, чтобы не упускать его из виду и присматривать, чтобы там, на Тренторе, все было в порядке в плане перехода к созданию живой Галактики. И ни одна из Академий не подозревает о существовании Геи. Это просто потрясающе!

– Я в курсе, – угрюмо буркнул Тревайз. – Меня оповестили. Но про то, что Гея существует, знаем мы с тобой, а у нас есть языки.

– Блисс говорит, что, даже если мы будем рассказывать, нам никто не поверит. И потом, что касается меня, то я не собираюсь покидать Гею.

Тревайз будто проснулся.

– Что ты сказал?

– Я хочу остаться здесь, Голан... Самому не верится, знаешь ли... Ведь всего несколько недель назад я жил один-одинешенек на Терминусе и жил бы еще бог знает сколько, думая только о том, что когда-нибудь смерть приберет меня, и ничего у меня не было, кроме моих записей и картотек; я думал, так оно и будет тянуться... И вдруг как удар грома – ни с того ни с сего я помчался странствовать по Галактике, окунулся в самую гущу галактического кризиса и... только не смейся! – повстречал Блисс.

– Я не смеюсь, Джэн. Но ты знаешь, что делаешь?

– О да. Землей заниматься меня больше не тянет. Причину того, почему она оказалась единственным миром со сложной экологией и развитой разумной жизнью, нам адекватно

объяснили. Ну, ты помнишь – Вечные.

– Помню. Значит, ты решил остаться на Гее?

– Да. Это решено. Земля – в прошлом. А я устал от прошлого. Гея – это будущее.

– Но ты не часть Геи, Джен. Или ты надеешься стать ее частью?

– Блисс говорит, что в каком-то смысле это возможно – если не в биологическом, то хотя бы в интеллектуальном. Она поможет мне.

– Но ведь она неотъемлемая часть Геи! Как же вы сможете жить общей жизнью, какие у вас могут быть общие интересы?..

Друзья беседовали на воздухе, и Тревайз печально обвел взглядом окрестности цветущего плодородного острова. За морем, на горизонте, виднелся другой остров, занавешенный сиреневой дымкой, и все вокруг было такое спокойное, живое и единое...

– Джен, – сказал Тревайз. – Подумай: она целый мир, а ты один-единственный человек. А вдруг ты ей надоешь? Она так молода...

– Голан, я думал об этом. Все эти дни только и делал, что думал об этом. Конечно, я могу ей надоест. Я не безумный романтик. Но... того, что она даст мне, пока я ей не прискучу, мне хватит. И так уже она дала мне очень много, так много – сколько никто мне в жизни не дал! Знаешь, если бы даже мне никогда не суждено было ее увидеть больше, я бы считал, что не зря прожил жизнь.

– В голове не укладывается, – тихо проговорил Голан. – Нет, все-таки ты безумный романтик и имей в виду, никем другим я тебя считать не намерен. Джен... мы знакомы без году неделя, но мы все время были рядом, вместе, и... ты уж прости, но... в общем, я успел тебя полюбить.

– И я тебя тоже! – горячо откликнулся Пелорат.

– Ну вот, и я не хочу, чтобы тебе было больно. Я должен поговорить с Блисс.

– Нет-нет, прошу тебя, только не это. Ты станешь кричать на нее, читать ей нотации! Не надо.

– Не бойся, не буду. Дело тут не только в тебе, и мне нужно переговорить с ней с глазу на глаз. Джен, я не хочу делать этого втайне от тебя! Прошу тебя, не упрямься, пойми – это очень важно! Я всего лишь задам ей несколько вопросов. Если ее ответы устроят меня, я от души поздравлю тебя и буду за тебя спокоен, что бы ни случилось.

– Ты все испортишь... – покачал головой Пелорат.

– Даю честное слово, ничего не испорчу. Умоляю тебя...

– Ну, ладно... Но только повежливее, дружочек дорогой, хорошо?

– Обещаю, Джен.

91

– Пел сказал, что ты хочешь меня видеть? – спросила Блисс.

– Да, – ответил Тревайз.

Тревайз принимал Блисс в небольшой квартире, ему отведенной.

Она грациозно уселась, положила ногу на ногу и испытуемое поглядела на него. Прекрасные карие глаза ее лучились светом, длинные темные волосы струились до плеч и блестели.

– Ты осуждаешь меня, да? – спросила она. – Я тебе с самого начала не понравилась?

Тревайз покачался с носка на пятку, пожал плечами:

– Ты умеешь читать мысли. Ты знаешь, что я о тебе думаю и почему.

Блисс медленно покачала головой:

– Твое сознание для Геи непостижимо. Ты знаешь это. Ты должен был принять решение сам по себе, и никто не должен был касаться твоего сознания. Когда мы захватили ваш корабль, я окружила тебя и Пела успокоительным полем только потому, что это было нужно тогда. Паника, ярость, гнев могли повредить тебе, а решающий момент был так близок... Вот и все. Большего я сделать не могла и не делала. Поэтому я не знаю, о чем ты думаешь.

– Решение, которого от меня ждали, принято. Я выбрал Гею и Галаксию. К чему тогда этот треп о нетронутом сознании, ясном разуме? Вы получили, что хотели, и теперь можете

делать со мной все, что пожелаете.

– Нет, Голан. Ты неправ. Может быть, в будущем от тебя потребуются другие решения. Ты останешься таким, какой есть, и пока ты жив, ты уникален. Наверняка в Галактике есть другие, тебе подобные, они обязательно появятся в будущем, но пока мы знаем тебя и только тебя, и мы не можем сделать тебе что-то дурное.

Тревайз ненадолго задумался.

– Ты Гея, а я сейчас не хочу говорить с Геей. Я хочу потолковать с тобой лично, если это возможно.

– Возможно. Гея – не компот какой-нибудь. Я могу отключиться от Геи на некоторое время.

– Отлично. Ну, отключилась?

– Да.

– Тогда вот что. Во-первых, ты лгунья. Ко мне в сознание, когда я принимал решение, ты, может быть, и не забиралась, но зато заглянула в сознание к Джену.

– Ты так думаешь?

– Да, я так думаю. Потому что в решающее мгновение Пелорат напомнил мне о Галактике, некогда показавшейся ему живым существом, и именно это навело меня на принятие решения. Не исключено, что мысль эта принадлежала ему, но ты помогла ее задействовать, не так ли?

Блисс ответила:

– Да, эта мысль была у него в сознании, но там было много всяких мыслей. Я просто расчистила дорогу для его воспоминания о живой Галактике. Именно эта мысль легко скользнула из полусознания в сознание и облеклась в слова. Запомни: я не сочинила эту мысль. Она была в его сознании.

– Тем не менее это означает, что косвенным образом мое сознание было обработано, и мое так называемое независимое решение претерпело некую подстежку?

– Гея решила, что это необходимо.

– Вот как! Ну что же, если тебе легче от этого, можешь увериться в собственном благородстве. Знай: я бы и сам, без всяких слов Джена, принял это решение. Джен мог сказать, что сказал, мог промолчать, мог пытаться склонить меня к другому решению. Я бы все равно решил так, как решил.

– Мне легче, – холодно отозвалась Блисс. – Ты это хотел сказать мне, когда просил о встрече?

– Нет.

– Что еще?

Тревайз пододвинул стул и сел перед Блисс так близко, что их колени почти соприкасались. Наклонившись вперед, он заговорил, чеканя каждое слово:

– Когда мы приближались к Гее, на орбитальной станции была ты. Именно ты захватила нас, именно ты явилась за нами, ты потом все время вертелась вокруг нас, вот только на ужине у Дома не была. А самое главное, ты была с нами на «Далекой Звезде» во время принятия решения. Ты, все время ты.

– Я Гея.

– Это ни о чем не говорит. Кролик – тоже Гея. Камушек – тоже Гея. Все на вашей планете – Гея, но не все Гея одинаковы. Кто-то больше, кто-то меньше. Так почему – ты?

– А ты как думаешь – почему?

Тревайз глубоко вдохнул и выпалил:

– Почему? Потому, я думаю, что ты не Гея. Ты больше чем Гея. – Блисс прыснула. Тревайз не отступался: – Когда я принял решение, та женщина, что была вместе с Оратором...

– Он звал ее Нови.

– Так вот, эта Нови сказала, что Гея основана роботами, которых теперь уже нет в помине, но в свое время они приучили геян повиноваться Трем Законам Роботехники.

– Так оно и есть.

– И роботов больше нет?

– Так сказала Нови.

— Нови не так сказала. Я точно запомнил ее слова. Она сказала: «Гея была основана роботами, которые когда-то служили людям, а теперь больше не служат».

— Но, Трев, разве это не означает, что они больше не существуют?

— Нет. Это означает, что они больше не служат людям. Но разве они не могут вместо этого править людьми?

— Смешно.

— Ну, не править, так руководить, наблюдать. Почему ты была рядом в то время, когда нужно было принять решение? Казалось бы, твое присутствие там было совершенно необязательно. Всю операцию вела Нови, она была Геей. Ты-то зачем была нужна? Разве только затем...

— Ну? Договоривай.

— Разве только затем, что ты тот самый куратор, прослеживающий за тем, чтобы Гея не забывала о Трех Законах Роботехники, если только ты не робот, так хитро сделанный, что тебя невозможно отличить от человека.

— Но если меня невозможно отличить от человека, — насмешливо отозвалась Блисс, — какие претензии?

Тревайз скрестил руки на груди, закинул ногу на ногу.

— А разве вы все не уверяли меня в моем исключительном таланте принимать верные решения, приходить к единственно правильным выводам? Я сам этим не хвастался, это вы меня с пеной у рта в этом убеждаете, только это и твердите. В общем, так: с того самого мгновения, как ты явилась к нам на корабль, я почувствовал себя не в своей тарелке. Что-то в тебе было не так... Уверяю тебя, я не меньше Пелората охотник до дамских прелестей, а внешне ты — хоть куда. Однако ты во мне никаких чувств не пробудила.

— Ты меня оскорбляешь.

Пропустив мимо ушей эту реплику, Тревайз продолжал:

— Как раз перед тем, как ты появилась у нас на корабле, мы с Джеком обсуждали возможность существования на Гее нечеловеческой цивилизации и даже заключили пари. Когда же ты появилась, Джен со свойственной ему непосредственностью спросил: «Вы — человек?» Может быть, робот не обязан говорить правду, но уверен, тут есть масса вариантов. Ты же ответила вопросом на вопрос. «Разве я не выгляжу, как человек?» — спросила ты. Да, Блисс, выглядишь ты, как человек, но ответь мне честно: человек ли ты? — Блисс молчала. — Так вот, — прищурился Тревайз, — видимо, уже тогда, в те самые первые мгновения я ощущил, что ты не женщина. Ты робот, откуда-то я знаю об этом. И все дальнейшие события только подтверждали мою догадку, в особенности твое отсутствие за ужином.

— Ты что, думаешь, я не умею есть? — улыбнулась Блисс. — Разве ты забыл, как я за обещки уплетала креветок у вас на корабле? Уверяю, есть я умею, и все остальные биологические функции у меня в полном порядке. И сексом тоже все нормально — ты бы все равно про это спросил, я знаю. Но конечно, я и сама могу сказать вместо тебя — все это само по себе не говорит, что я не робот. Еще тысячи лет назад роботы были столь совершенны, что отличить их от человека мог лишь тот, кто владел секретами ментального поля, — у роботов, естественно, был другой мозг. Оратор Гендибалль мог бы определить, робот я или нет, если бы ему пришло в голову об этом задуматься. Но он на меня внимания не обратил.

— Ну, ладно, у меня с менталикой туговато, и тем не менее я убежден, что ты робот.

— Ну и что из того, даже если это так? Нет-нет, я этого не признаю, но мне просто любопытно. Что, если я действительно робот?

— Признаваться необязательно. Я знаю, что ты робот. И если была мне нужна последняя капля в полную чашу доказательств, я ее получил: как спокойно ты отреагировала на мое предложение отключиться от Геи! Будь ты действительно ее частью, ты бы не смогла этого сделать, уверен. Так позовь же спросить тебя: сколько на Гее таких, как ты, роботов-руководителей?

— А я повторяю: я не согласна с твоим заявлением, но все-таки что из того, если я робот?

— Если это так, я хочу знать: чего ты хочешь от Джена Пелората. Он мой друг, он немолод, но во многом — сущее дитя. Он вбил себе в голову, что влюблен в тебя, готов принять от тебя лишь то, что ты согласна дать ему, воображает, что ты уже многое для него сделала. Он пока не

представляет, как это больно – полюбить и потерять любовь, и, если уж на то пошло, насколько больнее будет узнать, что ты не человек.

– А тебе знакома боль утраченной любви?

– У меня всякое бывало. Я не жил, как Джин, жизнью затворника. Я не жил под интеллектуальным наркозом, не вел заумных исследований, которые заслонили бы от меня весь мир, даже жену и ребенка. Джин жил именно так. И вот теперь, вдруг, с бухты-бражты, он готов бросить все это к твоим ногам. Я не хочу, чтобы ему было больно. Я оказал Гее услугу, я заслуживаю вознаграждения. Мне ничего не нужно, кроме твоего заверения, что с Джином все будет хорошо.

– Я должна притвориться роботом и ответить тебе?

– Да, – твердо сказал Тревайз. – Прямо сейчас.

– Что ж, хорошо. Допустим, Трев, я робот и занимаю пост куратора. Допустим, существует еще несколько таких, как я. Допустим, мы встречаемся нечасто. Допустим, нами движет необходимость заботы о людях. Допустим, на Гее и нет настоящих людей, поскольку все тут являются составными частицами планетарного бытия. Допустим, мы заботимся о Гее. Допустим, в нас есть нечто, искони присущее роботам, – тяга к людям. Не пойми меня превратно – я не утверждаю, что мне уйма лет. Если я робот, то срок моего существования именно таков, как я вам с Джином сообщила еще тогда, на корабле. Если я робот, то все у меня должно быть как у древних роботов, и забота о людях в том числе.

Пел – человек. Он не частица Геи. И в будущем, не сможет стать ее частицей – для этого он слишком стар. Он хочет остаться на Гее, со мной, и я не вызываю у него таких чувств, как у тебя. Он не думает, что я робот. Но мне он тоже нужен. Если предположить, что я робот, ты поймешь, что это вполне естественно. Роботы такого уровня обладают способностью испытывать весь спектр чувств человека – и любовь в том числе. Конечно, если тебе угодно настаивать, что я робот, ты не поверишь, что робот способен полюбить возвышенно, мистически, как умеют люди, но поведение мое было бы неотличимо от поведения влюбленной женщины, так что, какая разница?

Она умолкла и испытующе смотрела на него, гордая, довольная собой.

– Не хочешь ли ты сказать, что не бросишь его? – растерянно спросил Тревайз.

– Ну, коли ты считаешь меня роботом, то мог бы догадаться, что я точно его не брошу – мне не позволят Три Закона Роботехники. Если только он сам мне не прикажет, если я только не решу, что он действительно этого хочет и что ему будет больнее, если я останусь.

– Но разве ты не могла найти себе кого-нибудь поможе?

– Кого? Вот ты, например, моложе, но тебе же я не нужна, как нужна Пелу. А раз я тебе не нужна, Первый Закон не позволил мне предпринимать попытки увлечь тебя.

– Ну, не меня. Кого-нибудь другого, поможе.

– Нет. Все остальные на Гее – другие, не совсем настоящие люди – в восприятии робота, если я – робот.

– Ну а если ты не робот? – более мягко спросил Тревайз.

– Знаешь, ты уж выбери что-нибудь одно.

– Я повторяю: что, если ты не робот?

– Тогда я тебе вот что скажу: если я не робот, тогда это вообще не твое дело. Дело мое и Пела.

– Тогда я вернусь к вопросу о моем вознаграждении. Я прошу, я требую, чтобы ты не обижала его. Не будем больше обсуждать, кто ты есть на самом деле. Я прошу тебя, как одно разумное существо может попросить другое: обращайся с ним хорошо.

Блисс тихо, нежно проговорила:

– Я буду относиться к нему бережно, но не тебе в награду, а лишь потому, что мне самой так хочется, ясно? – Она крикнула: «Пел!», и еще раз, погромче: «Пел!»

Вошел Пелорат, бледный, как полотно. Блисс протянула ему руку.

– Иди сюда. Кажется, Тревайз что-то хочет сказать.

Пелорат сжал ее руку, а Тревайз взял за руки их обоих.

– Джин, – сказал он просто, – я счастлив за вас.

– О... дружочек дорогой, – пролепетал Пелорат, и у него слезы навернулись на глаза.

— Скорее всего, я покину Гею, — сказал Тревайз. — Сейчас как раз собираюсь сходить к Дому, потолковать об этом. Уж и не знаю, Джен, когда мы теперь свидимся, а ведь все-таки нам неплохо было вдвоем, а, старина?

— «Неплохо» не то слово, — улыбнулся Пелорат.

— Прощай, Блисс, спасибо тебе заранее.

— До свидания, Трев.

Помахав на прощание рукой им обоим, Тревайз решительно вышел из комнаты.

92

— Ты все сделал хорошо, Трев, — сказал Дом. — Именно этого я от тебя ожидал.

Они снова сидели за столом, уставленным блюдами с такими же невыразительными закусками, как в прошлый раз, но Тревайзу было не до еды. Не исключено, что это была его последняя трапеза на Гее.

— Да, — кивнул он, — ты этого от меня ожидал, но двигали мной собственные соображения.

— Не сомневаюсь, ты был уверен в правильности выбора.

— Уверен. Но не думаю, что в этом повинен какой-то мистический дар. Я выбрал Галаксию, следуя элементарной логике, и думало, на такое решение был бы способен любой человек. Хочешь, объясню?

— Конечно, Трев, очень хочу.

— Итак, у меня было три варианта выбора: в пользу Первой Академии, в пользу Второй и в пользу Геи.

Выбери я Первую Академию, Мэр Бранно немедленно прибрала бы к рукам Вторую Академию и Гею. Останови я свой выбор на Второй, Оратор Гендибалль не замедлил бы захватить власть над Геей и Первой Академией. В обоих случаях сложилась бы необратимая ситуация, и окажись мой выбор неверен, последствия были бы катастрофичны.

Однако, выбирая Гею, я ничем особенно не рисковал, тогда обе Академии удовлетворились бы ощущением обманной победы, и все, в общем и целом, осталось бы, как было; ведь на построение Галаксии, как мне было сказано, уйдет жизнь не одного поколения.

Выбор в пользу Геи давал возможность выиграть время, корректировать события, или даже придавать им обратное течение в случае, если бы решение мое оказалось ошибочным.

Седые брови Дома слегка приподнялись. Глубоким, грудным баритоном он спросил:

— Ты все-таки сомневаешься в верности своего решения?

— Не то чтобы сомневаюсь, но чтобы убедиться окончательно, мне нужно кое-что сделать.

Я хочу посетить Землю, если удастся ее отыскать.

— Если ты хочешь нас покинуть, мы не вправе тебя задерживать, Трев...

— Я подарок для вашего мира.

— Пел тоже, но он остается, и мы рады предложить тебе остаться. Но скажи мне, зачем ты хочешь попасть на Землю?

— Думаю, ты понимаешь зачем.

— Нет.

— Вы не все рассказали мне, Дом. И ты, и остальные. Может быть, у вас есть на то причины, но мне хотелось, чтобы таких причин не было.

— Не понимаю, о чем ты.

— Видишь ли, Дом, в то время, когда я должен был принять решение, я с помощью моего компьютера на краткий миг как на ладони увидел сознания всех, кто был рядом, — Мэра Бранно, Оратора Гендибала, Нови. За считанные мгновения мне открылось многое — ну например, вся цепочка манипуляций Геи в отношении Трентора через Нови, то есть как было подстроено, что Гендибалль отправился к Гее.

— Да?

— Я увидел в сознании Гендибала мысль, которая поразила меня: это касалось пропажи всех источников информации о Земле из Галактической Библиотеки.

— Они пропали?

— Да. Поэтому мне и показалось, что это очень важно. Настолько важно, что нужно, чтобы

об этом не знала не только Вторая Академия, но и я. И уж если на меня свалилась ответственность за выбор в пользу Галаксии, я не собираюсь соглашаться на добровольное неведение. Так скажи мне, для чего понадобилось скрывать знания о Земле?

Дом торжественно проговорил:

- Трев, Гея к этой пропаже никакого отношения не имеет. Мы ничего об этом не знаем.
- Вы тут ни при чем?
- Абсолютно ни при чем.

Тревайз глубоко задумался, нахмурился, облизнув высохшие губы.

- Чьих же рук это дело, в таком случае? – растерянно спросил он.
- Не знаю. И цели не понимаю.

Они долго смотрели друг на друга, не говоря ни слова, и наконец Дом сказал:

– Ты прав. Нам казалось, что найден окончательный ответ, однако, пока этот вопрос висит в воздухе, покоя не будет... Прошу тебя, побудь у нас немного, давай подумаем, что можно сделать. А потом ты сможешь улететь, получив от нас всю помощь, какая тебе потребуется.

– Благодарю, – улыбнулся Тревайз.

Айзек Азимов Академия и Земля

Памяти Джуди-Лайн дель Рей (1943–1986) – гиганта мысли и духа

История «Академии»

7 августа 1941 года, когда мне исполнился двадцать один год, я заканчивал химфак Колумбийского университета и уже три года профессионально писал научную фантастику. Я торопился встретиться с Джоном Кэмпбеллом, редактором «Astounding», которому к тому времени уже продал пять рассказов. Я спешил поведать ему о новой идее, которая у меня появилась.

Она состояла в том, чтобы написать историю будущего; рассказать о падении Галактической Империи. Мой энтузиазм, должно быть, оказался настолько захватывающим, что Кэмпбелл пришел в такое же возбуждение, как и я. Он уже не соглашался, чтобы я написал только один рассказ. Он хотел заполучить целую серию, в которой прослеживалась бы вся тысячелетняя история беспорядков в промежутке между падением Первой Галактической Империи и подъемом Второй. Все это должно было быть освещено с позиций науки «психоистория», которую мы с Кэмпбеллом совместно и придумали.

Первый рассказ появился в майском 1942 г., а второй – в июньском выпуске «Astounding». Они сразу же стали популярными, и Кэмпбелл объявил, что до конца десятилетия я должен написать еще шесть рассказов. Эти рассказы, впрочем, становились все длиннее. В первом было только двадцать тысяч слов. Два из последних трех были уже длиной по пятьдесят тысяч слов каждый.

К тому времени десятилетие кончилось, я все больше уставал от этой серии, вскоре забросил ее и перешел к другим вещам. Однако как раз тогда разные издательства начали выпускать научно-фантастические произведения в твердых обложках. Одним из таких издательств была небольшая фирма Gnome Press, которая опубликовала мою серию «Академия» в трех томах: «Академия» (1951); «Академия и Империя» (1952) и «Вторая Академия» (1953). Они получили известность как «Трилогия об Академии».

Книги расходились с большим трудом, поскольку у Gnome Press не было денег, чтобы рекламировать и продвигать их на рынке. Я же не получил ни сообщения об их выпуске, ни гонорара.

В начале 1961 года мой тогдашний редактор в Doubleday, Тимоти Селдес, оповестил меня, что получил прошение от иностранного издателя позволить ему переиздать книги об Академии. Поскольку права на них не принадлежали Doubleday, он передал эту просьбу мне. Я

пожал плечами.

— Это не интересно, Тим. Ведь никто даже не подумал выплатить гонорар за эти книги.

Селдес ужаснулся и тотчас же вступил в переговоры с Gnome Press (которая была к тому времени уже умирающей фирмой) о приобретении прав на издание моих сочинений, и в августе того же года книги (вместе с «Я, робот») стали собственностью Doubleday. Doubleday издала трилогию под одной обложкой и распространила через клубы любителей фантастики.

Начиная с этого момента популярность серии «Академия» пошла вверх, и но мой счет стали поступать солидные гонорары.

В 1966, на Всемирной Конвенции, проходившей в Кливленде, фэнзы голосовали по категории «Лучшая Серия Всех Времен». Тогда, первый и последний раз, эта категория была включена в номинационные списки премии Хьюго. И «Трилогия об Академии» была ее удостоена.

Фэнзы все настойчивее просили меня продолжить серию. Я вежливо отказывался. Но все же меня очаровывало то, что, когда эта серия начиналась, люди, еще не родившиеся на свет, когда эта серия начиналась, впоследствии увлеклись ею.

Doubleday, однако, восприняла все требования гораздо серьезней, чем я. Они повторствовали мне двадцать лет, но, поскольку требования становились все настойчивей и многочисленней, их терпение лопнуло. В 1981 они сказали, что я просто обязан написать еще одну повесть об Академии, и, чтобы подсластить пильюлю, предложили мне договор с авансом, в десять раз превышающим обычный.

Я согласился нехотя. Ведь прошло тридцать два года с тех пор, как я написал последний рассказ об Академии, а теперь меня попросили сочинить что-нибудь длиной на 140 000 слов, в два раза объемнее любого из более ранних томов и почти в три раза — отдельных рассказов этой серии. Я перечитал трилогию и погрузился в работу. «Край Академии» был издан в октябре 1982, а затем случилась очень странная вещь: книга сразу же появилась в списке бестселлеров нью-йоркской Times. Она оставалась там двадцать пять недель, к моему полнейшему изумлению.

Doubleday тотчас же заказала мне дополнительные вещи, и я написал две, ставшие частью другой серии — The Robot Novels. А затем пришло время вновь вернуться к «Академии».

Итак, я написал «Академия и Земля», которая начинается в тот самый момент, когда кончается «Край Академии». Вы можете освежить свою память, заглянув в нее, но это не обязательно. «Академия и Земля» — самостоятельное произведение. Надеюсь, оно вам понравится.

Айзек Азимов
Нью-Йорк Сити, 1986

Часть первая Гея

Глава первая Поиск начинается

1

— Почему я сделал это? — думал Голан Тревайз.

Вопрос был не нов. Со времени своего появления на Гее он часто спрашивал себя об этом. Он мог проснуться среди ночи от того, что в висках бился крохотным молоточком неотвязный вопрос: «Почему я сделал это? Почему я сделал это?»

Сейчас, впрочем, впервые, он ухитрился спросить об этом Дома, Старейшину Геи. Дому было прекрасно известно о мучениях Тревайза, поскольку ткань сознания Советника была

перед ним, как на ладони. Но Дом ничего не предпринимал. Гея никоим образом не должна была даже касаться сознания Тревайза, и для Дома лучшим способом не поддаться соблазну было игнорировать то, что он ощущал.

— Сделал что, Трев? — спросил Дом. Ему было трудно называть Тревайза полным именем, впрочем, тот уже успел привыкнуть к манере геянцев.

— Принял решение, выбрав Гею в качестве будущего.

— Ты оказался прав, сделав это, — сказал Дом садясь. Его старые, мудрые, глубоко посаженные глаза глядели исподлобья на стоявшего перед ним гражданина Академии.

— Это ты говоришь, что я прав, — проговорил Тревайз нетерпеливо.

— Я/мы/Гея знаем, что это так. В этом твоя ценность для нас. Ты обладаешь способностью принимать правильные решения, не имея на то полных сведений. Ты выбрал Гею! Ты отверг анархию Галактической Империи, построенной на технологии Первой Академии, и анархию Галактической Империи, построенной на ментальности Второй Академии. Ты решил, что ни та, ни другая не смогут долго просуществовать. Поэтому ты выбрал Гею.

— Да, — сказал Тревайз. — Верно! Я выбрал Гею, сверхорганизм, целую планету со всеобщим сознанием и личностью, где любой вынужден говорить «я/мы/Гея», изобретая местоимение для невыразимого. — Он беспрестанно ходил взад-вперед. — И в конце концов, она когда-нибудь сможет стать Галаксией, сверх-сверхорганизмом, охватывающим все скопления Млечного Пути.

Он остановился и резко повернулся к Дому.

— Я так же, как и вы, чувствую, что я прав, но вы *хотите* появления Галаксии и поэтому удовлетворены решением. Что-то во мне, однако, не *желает* этого, и по этой причине я не могу так легко принять свою правоту. Я хочу знать, *почему* я принял это решение. Я хочу убедиться, что я прав, и успокоиться. Мне мало чувствовать, что я прав. Как я могу *узнать*, что я прав? Что, какое мое свойство делает меня правым?

— Я/мы/Гея не знаем, каким образом ты приходишь к правильному решению. Но разве это так важно теперь, когда решение принято?

— Ты говоришь за всю планету, не правда ли? За общее сознание каждой капли росы, каждого камешка, даже жидкого ядра?

— Да, и это же может сказать любая часть планеты, в которой достаточно велика доля всеобщего сознания.

— И все это всеобщее сознание удовлетворено, используя меня как черный ящик? Черный ящик работает, а что внутри — неважно? Это мне не подходит. Я не желаю быть черным ящиком. Я хочу знать, что внутри. Я желаю знать, как и почему я выбрал Гею и Галаксию в качестве будущего, чтобы я мог быть спокойным.

— Но почему ты так сомневаешься в своем решении, почему оно так гложет тебе?

Тревайз глубоко вздохнул и медленно, глубоким и сильным голосом проговорил:

— Потому, что я не желаю быть частью сверхорганизма. Я не желаю быть никчемной частичкой, которую можно в любой момент уничтожить, если сверхорганизм сочтет это благом для целого.

Дом задумчиво посмотрел на Тревайза.

— Может быть, ты хочешь изменить свое решение, Трев? Это возможно, ты это знаешь.

— Я хотел бы изменить решение, но я не могу сделать этого только потому, что оно меня беспокоит. Чтобы изменить его, я должен знать, верно ли прежнее решение. Мало просто чувствовать, что оно правильное.

— Если ты чувствуешь, что ты прав, значит, ты прав. Опять этот тихий, ровный голос, который так не вязался с состоянием Тревайза и так злил его.

Тогда полуслепотом, пытаясь вырваться из неразрешимых колебаний между чувствами и знанием, Тревайз сказал:

— Я должен найти Землю.

— Потому что это как-то связано с твоей страстной потребностью знать?

— Потому что это другая проблема, над которой я ломаю голову и чувствую, что между ними есть связь. Разве я не черный ящик? Я чувствую, что связь есть. Неужели этого недостаточно для того, чтобы заставить вас принять это как факт?

– Возможно, – довольно равнодушно ответил Дом.

– Вот уже тысячи лет, наверное, двадцать тысячелетий люди Галактики думают о себе как о выходцах с Земли. Как это стало возможным, что все забыли планету, откуда мы родом?

– Двадцать тысяч лет – время гораздо большее, чем ты себе представляешь. Мы многое не знаем о ранней истории Империи. В основном – легенды, которые почти наверняка вымышлены, но мы повторяем их и даже верим в них из-за отсутствия чего-либо более надежного. А Земля древнее, чем Империя.

– Но наверняка существуют какие-нибудь записи. Мой друг Пелорат собирает мифы и легенды о раннем периоде Земли, все, что можно наскрести из любых источников. Это его профессия и, что более важно, хобби. Но только и есть мифы да легенды. Нет достоверных записей, нет документов.

– Документов сроком в двадцать тысяч лет? Вещи разрушаются, гибнут из-за небрежности или во время войн.

– Но должны быть записи записей, копии, копии копий, копии копий копий, материалы, которые многое моложе двадцати тысячелетий. Они изъяты. Галактическая Библиотека на Тренторе должна была иметь документы о Земле. На эти документы ссылаются в известных исторических записях, но документов этих в Галактической Библиотеке нет. Ссылки есть, выдержки отсутствуют.

– Не забывай, Трентор был разграблен несколько столетий назад.

– Библиотека осталась нетронутой. Она охранялась адептами Второй Академии. И именно эти люди недавно обнаружили, что материалов о Земле больше нет. Они были намеренно изъяты, и притом – совсем недавно. Почему? – Тревайз прекратил расхаживать и пристально посмотрел на Дома. – Если я найду Землю, я смогу обнаружить, что скрывают…

– Скрывают?

– Скрывают или скрывали. У меня есть предчувствие, что, как только я это обнаружу, смогу узнать, почему предпочел Гею и Галаксию нашей индивидуальности. Тогда, надеюсь, смогу узнать, а не чувствовать, что прав. Ну, а если я прав, – он безнадежно пожал плечами, – пусть так и будет.

– Если ты чувствуешь, что это так, – сказал Дом, – и если ты чувствуешь, что ты должен искать Землю, тогда, конечно, мы поможем тебе в меру наших сил. Эта помощь, однако, ограничена. Например, я/мы/Гея действительно не знаем, где среди необъятной россыпи миров, галактик может находиться Земля.

– Все равно, – упрямо сказал Тревайз, – я должен искать. Пусть звезд в Галактике столько, сколько пыли под ногами, пусть я буду искать один – все равно.

2

Тревайза окружала укрошенная природа Геи. Температура, как всегда, была приятной, дул свежий, но не холодный ветерок. Облака плыли по небу, время от времени закрывая солнце, и, без сомнения, если уровень влажности где-то значительно падал, через какое-то время там обязательно должен был пролиться дождь.

Деревья росли ровными группами, подобно садам, и, несомненно, так было по всей планете. Суша и море были полны растительной и животной жизни в надлежащих количествах и в надлежащем разнообразии, чтобы обеспечить нужный экологический баланс, то и другое росло и уменьшалось в численности, медленно колеблясь относительно некоего оптимума, – впрочем, как и численность человеческих существ.

Из всего, открывавшегося взору Тревайза, только одно нарушало общую гармонию – его корабль «Далекая звезда».

Корабль был заботливо и умело вычищен, прибран кем-то из геянцев, снабжен запасами еды и питья, его оборудование – обновлено, механические устройства проверены и перепроверены. Тревайз сам тщательно осмотрел и опробовал корабельный компьютер.

В топливе корабль не нуждался – это было одно из новейших гравитационных судов Академии, использовавших энергию всеобщего гравитационного поля Галактики. Ее хватило бы для питания всех флотов человечества на все время их существования без заметного

уменьшения интенсивности поля.

Три месяца назад Тревайз был Советником Терминуса. Другими словами, он являлся представителем законодательной власти Академии и, ex officio, одним из больших шишек в Галактике. Неужели это было всего три месяца назад?! Казалось, что прошла половина его тридцатидвухлетней жизни с тех пор, когда его единственной заботой было – безупречен ли в своей истине великий План Селдона; было ли заранее предусмотрено плавное возвышение Основания от маленького поселения до Галактического величия.

Впрочем, в некотором смысле, никаких перемен не произошло. Он все еще был Советником. Его статус и его привилегии остались неизменными, за исключением того, что он не предполагал когда-либо вернуться на Терминус для подтверждения этого статуса и этих привилегий. Большой беспорядок Академии привлекал его теперь не больше, чем уют и упорядоченность Геи. Он нигде не ощущал себя как дома, всюду был сиротой.

Тревайз стиснул зубы и в ярости запустил пятерню в свою черную шевелюру. Прежде чем понапрасну оплакивать судьбу, он должен найти Землю. Если он останется жив, потом можно будет сесть и всласть поплакать. К той поре для этого может появиться более веская причина.

Голан взял себя в руки и холодно, трезво вспомнил, как все произошло.

Три месяца назад он и Дженов Пелорат, талантливый, но наивный ученый, покинули Терминус. Пелорат, влекомый энтузиазмом антиквара отыскать давно потерянную Землю, и Тревайз, искавший нечто совсем иное, использовавший цель Пелората как прикрытие для того, что считал своей реальной целью. Они не нашли Землю, но нашли Гею, а затем Тревайза вынудили вынести решение, от которого зависела судьба Галактики.

Но произошел неожиданный поворот, и теперь Тревайз тоже искал Землю.

А еще Пелорат нашел то, что и не думал найти. Он нашел Блисс – черноволосую, темноглазую юную женщину, которая была Геей так же, как и Дом – словно песчинки или листья травы. Пелорат, с необычным для своих преклонных лет пылом, влюбился в женщину почти вдвое моложе его, и эта юная женщина, как ни странно, не возражала против их союза.

Словом, как бы то ни было, Пелорат действительно был счастлив, и Голан смирился: каждый может найти счастье по своему вкусу. Это явилось проявлением индивидуальности, той индивидуальности, которую Тревайз своим выбором упразднял (со временем) во всей Галактике.

Боль вернулась. Решение, которое он вынес, которое он обязан был вынести, продолжало преследовать его все время и не давало...

– Голан!

Голос вторгся в мысли Тревайза, и он взглянул в направлении солнца, слепящего глаза.

– А, Дженов, – сказал он радостно. Тем более радостно, что не желал расспросов Пелората о причинах его печали. Он даже решил пошутить: – Я вижу, ты ухитрился оторваться от блаженства?

Пелорат кивнул, Нежный бриз шевелил его шелковистые седые волосы, а вытянутое лицо было необыкновенно серьезно.

– Да, дружочек, она сама предложила, чтобы я увиделся с тобой и кое-что обсудил. Не то чтобы я не хотел увидеть тебя лично, конечно, но она, похоже, соображает быстрее, чем я.

Тревайз улыбнулся.

– Все верно, Дженов. Ты пришел сказать «Прощай!» Я понимаю.

– Ну, нет, не совсем так. Наоборот, Голан, когда мы покинули Терминус, я настаивал на поисках Земли. Я посвятил этому почти всю свою разумную жизнь.

– И я продолжу поиски. Это дело теперь стало моим.

– Да, но оно и мое тоже, все еще мое.

– Но... – Тревайз развел руки в стороны, словно пытаясь охватить весь окружавший их мир.

– Я хочу полететь с тобой, – сказал Пелорат голосом, внезапно охрипшим от волнения.

Тревайз удивился:

– Ты не можешь этого хотеть, Дженов. Теперь у тебя есть Гея.

– Когда-нибудь я вернусь на Гею, но я не могу позволить тебе улететь одному.

– Почему? Я о себе сам сумею позаботиться.

- Не обижайся, Голан, но твоих знаний недостаточно. Это я знаю мифы и легенды и смогу помочь тебе.
- И ты сможешь покинуть Блисс? Прямо сейчас?
- Щеки Пелората покрылись румянцем.
- Я совсем не хочу делать этого, дружочек, но она оказала...
- Тревайз нахмурился.
- Так она все-таки пытается управлять тобой? Она обещала мне...
- Нет, ты не понял. Пожалуйста, выслушай меня, Голан. Всегда ты так – не дослушаешь до конца... Мне трудно сказать коротко, но...
- Хорошо, – сказал Тревайз мягко, – предположим, ты расскажешь мне все, что у Блисс на уме, и так, как сам того желаешь, а я обещаю потерпеть.
- Спасибо, но долго терпеть тебе не придется, Блисс тоже хочет полететь с нами.
- Блисс? С нами? – воскликнул Голан. – Нет, я сейчас взорвусь. Скажи мне, Дженоу, почему Блисс вздумалось путешествовать? Я просто так спрашиваю.
- Она не сказала. Об этом она хочет поговорить с тобой.
- Тогда почему ее здесь нет?
- Я думаю – нет, не я думаю – ей кажется, что ты не особенно ее любишь, Голан, и она очень волнуется, когда видит тебя. Лучшее, что я мог сделать, дружочек, это уверить Блисс, что ты против нее ничего не имеешь. Не могу поверить, что к ней можно относиться иначе... иначе, чем с уважением. Словом, она попросила меня обговорить, так сказать, с тобой эту тему. Могу я передать, что ты не прочь увидеться с ней, Голан?
- Конечно. Я встречусь с ней прямо сейчас.
- И ты обещаешь вести себя разумно? Понимаешь, дружочек, ее это очень волнует. Блисс говорит, что дело жизненно важно и она должна лететь с тобой.
- Но она не сказала тебе, почему, верно?
- Нет, но если она считает, что должна отправиться, значит, так считает Гея.
- А это значит, что я не могу отказать. Не правда ли, Дженоу?
- Наверное, не можешь, Голан.

3

Впервые за время своей краткой остановки на Гее Тревайз входил в дом Блисс, который служил сейчас жилищем и Пелорату.

Тревайз быстро огляделся. В жилищах на Гее все отражало стремление к простоте. При полном отсутствии каких-либо перепадов погоды, при неизменно мягкому климате, когда даже континентальные плиты скользили плавно, если они были вынуждены скользить, не было нужды строить дома, предназначенные для надежной защиты или для поддержания комфорtabельной обстановки внутри некомфортабельной внешней среды. Вся планета была домом, удобным для своих обитателей.

Дом Блисс внутри этого планетарного жилища был невелик: окна – скорее жалюзи, чем стекло, обстановка простая и изящно-утилитарная. На стене висели голо графические портреты; один из них – Пелората, выглядевшего весьма озадаченным и смущенным. Губы Тревайза дрогнули, но он сдержался и небрежно потеребил шарф, повязанный вокруг пояса.

Блисс наблюдала за ним. Она против обыкновения не улыбалась. Даже была необычайно серьезна, ее прекрасные темные глаза широко раскрылись, волосы мягкой черной волной ниспадали на плечи. Только яркие пухлые губы горели на ее бледном лице.

- Спасибо, что пришел ко мне, Трев.
- Дженоу очень просил, Блиссенобиарелла.

Блисс коротко улыбнулась.

– Хорошо сказано. Если ты будешь называть меня просто Блисс, я попытаюсь произносить твое имя полностью, Тревайз. – На втором слоге она едва заметно запнулась.

Тревайз торжественно поднял правую руку.

– Это было бы неплохо. Я не против геянского обычая пользоваться односложными именами, так что если тебе случится время от времени сбиться и назвать меня Тревом, я не

обижусь. Однако мне будет приятнее, если ты попытаешься говорить «Тревайз» так часто, как только сможешь, а я буду стараться называть тебя «Блисс».

Тревайз изучал ее, как всегда при встрече с ней. С виду – юная женщина чуть старше двадцати. Но ей, как части Геи, было много тысяч лет. Это не проявлялось внешне, но становилось заметным по тому, как она иногда говорила, и по атмосфере, неизбежно окружавшей ее. Хотел ли он подобного для всех живущих? Нет! Наверняка, нет, хотя...

Блисс прервала его размышления:

– Давай поговорим о деле. Ты настаиваешь на своем желании найти Землю...

– Я говорил с Домом, – сказал Тревайз. Он решил не уступать Гее без борьбы за собственное мнение.

– Да, но, говоря с Домом, ты говорил с Геей и с каждой ее частью, например, со мной.

– Ты слышала меня, когда я говорил с Домом?

– Нет, я не слышала, но тем не менее, если я сосредоточусь, то смогу вспомнить, что ты сказал. Пожалуйста, поверь мне на слово. Так вот. Ты стремишься найти Землю и уверяешь, что это очень важно. Я не вижу, почему, но у тебя – дар правоты, и потому я/мы/Гея должны согласиться с тобой. Если этот поиск – решающий момент для того выбора, что ты сделал, он такой же решающий и для Геи. Значит, Гея должна отправиться с тобой хотя бы для того, чтобы попытаться защитить тебя.

– Когда ты говоришь, что Гея должна отправиться со мной, ты подразумеваешь себя. Верно?

– Я Гея, – просто сказала Блисс.

– Здесь все и вся – Гея. Почему именно ты? Почему не какая-нибудь другая частичка Геи?

– Потому что Пел хочет сопровождать тебя, а, полетев с тобой, он не будет счастлив с любой другой частью Геи, кроме меня.

Пелорат, дотоле тихо, как мышка, сидевший в кресле в другом углу, спиной к своему портрету, негромко проговорил:

– Это правда, Голан. Блисс – моя часть Геи.

Блисс просияла, но тут же стала серьезной.

– Мне это льстит, но на самом деле все гораздо сложнее.

– Ну что ж, посмотрим. – Тревайз закинул руки за голову и навалился спиной на спинку стула. Тонкие ножки жалобно скрипнули, и Голан понял, что стул недостаточно крепок для такого с ним обращения, и, качнувшись вперед, опустил его на все четыре ножки. – А ты сможешь остаться частью Геи, покинув ее?

– Мне не обязательно все время быть ею. Я могу отделиться, например, если мне грозит серьезная опасность, и тогда беда не будет грозить всей Геи, или если для этого есть другая важная причина. Однако возможно только при особых обстоятельствах. В общем, я останусь частью Геи.

– Даже в случае «прыжка» через гиперпространство?

– Да, хотя это несколько сложнее.

– Все равно как-то неприятно.

– Почему?

Тревайз наморщил нос, словно от неприятного запаха.

– Ведь получается, что все, сказанное и сделанное на моем корабле, все, что увидишь и услышишь ты, может быть увидено и услышано Геей.

– Я Гея, так что все, что я вижу, слышу, чувствую, увидит, услышит и почувствует Гея.

– Верно. Даже эта стена, – с издевкой сказал Тревайз, указав на стену.

Блисс взглянула на стену и пожала плечами.

– Да, и стена тоже. Она наделена бесконечно малым сознанием, так что чувствует и понимает ничтожно мало. Но я так разумею, в стене происходят какие-то сдвиги атомов в ответ, к примеру, на все сказанное сейчас нами, и это позволяет ей с большей пользой влиться в Гею, принося благо всему в целом.

– Ну, а если я хочу уединиться? Если я не хочу, чтобы стена следила за тем, что я говорю или делаю?

Блисс, похоже, рассердилась, и Пелорат вмешался в разговор.

— Знаешь, Голан, я не хотел встrevать, ведь я, конечно, не слишком много знаю о Гее. Однако я провел больше времени с Блисс и тоже был отчасти озабочен тем, о чем вы сейчас говорили. Если ты идешь сквозь толпу на Терминусе, ты видишь и слышишь очень много всякого-разного и потом можешь кое-что из этого вспомнить. Ты можешь даже при определенном напряжении сознания все восстановить, но, как правило, тебе до этого просто нет никакого дела. Ты пропускаешь многое мимо ушей и глаз, даже если наблюдаешь какую-нибудь забавную эмоциональную сцену, и все равно, если это не особенно заботит тебя, ты проходишь мимо и вскоре обо всем забываешь. То же самое, должно быть, происходит на Гее. Даже если все здесь точно знают, чем ты занят, это не означает, что Гея все время следит за тобой. Верно, Блисс, дорогая?

— Я никогда не думала об этом вот так, Пел, но в том, что ты сказал, что-то есть. Однако это уединение, о котором говорил Трев, то есть Тревайз, — нечто, что мы совсем не ценим. Впрочем, не только это. Не желать быть частью, чтобы твой голос не был слышен, твои дела не были кому-то известны, а мысли не ощущимы... — Блисс энергично тряхнула головой. — Я сказала, что мы можем заблокировать себя при опасности, но кто же захочет жить так хоть час?

— Я, — сказал Тревайз. — Именно поэтому я должен найти Землю — отыскать главную причину, если таковая есть, которая привела меня к выбору этой ужасной судьбы для человечества.

— Эта судьба не ужасна, но не будем спорить. Я должна лететь с тобой не как надсмотрщик, но как друг и помощник.

Тревайз угрюмо буркнул:

— Гея помогла бы мне гораздо больше, указав, где находится Земля.

Блисс медленно покачала головой.

— Гея этого не знает. Дом уже сказал тебе.

— Я ему не совсем поверил. И потом, у вас должны быть хоть какие-то записи. Почему мне до сих пор не позволили на них взглянуть? Даже если Гея и вправду не знает, где Земля, может быть, я смогу о чем-нибудь догадаться, посмотрев эти записи. Я знаю Галактику прекрасно и, несомненно, лучше, чем ее знает Гея. Я способен понять такие туманные намеки в ваших записях, какие Гея, возможно, не совсем понимает.

— Но что это за записи, о которых ты говоришь, Тревайз?

— Какие угодно! Книги, фильмы, магнитозаписи, голографии, артефакты — все, что у вас есть. Но все время, пока я здесь, я ничего похожего не видел. А ты, Джеков?

— Нет, — ответил Пелорат, немного помедлив, — но я, честно говоря, и не искал.

— А я искал. По-своему, исподволь, — сказал Тревайз, — но ничего не нашел. Ничего! Я могу только предполагать, что все это спрятали от меня. Почему, я спрашиваю? Можешь сказать?

Блисс удивленно нахмурилась:

— Почему ты не спросил об этом раньше? Я/мы/Гея ничего не скрываем, и мы не лжем. Изолят⁹ может солгать. Он отделен, одинок и боится, потому что он одинок. А Гея — планетарный организм величайшей ментальной силы и не ведает страха. Для Геи солгать, сказать неправду просто немыслимо.

Тревайз фыркнул:

— Тогда почему меня заботливо держали подальше от любых документов? По какой причине?

— По единственной. — Она вытянула перед собой пустые ладони. — У нас нет никаких записей.

4

Пелорат опомнился первым. Вид у него, как ни странно, был гораздо менее удивленным, чем у Тревайза.

⁹ Изолят — так геянцы называют людей, не входящих в сообщество Ген. — Примеч. пер.

— Дорогая, — сказал он мягко, — но это просто невероятно. Вы не можете построить нормальную цивилизацию, не фиксируя каким-либо образом необходимой информации.

Блисс подняла брови:

— Это понятно. Я хотела сказать, что мы не имеем таких записей, о которых говорил Трев... Тревайз, и других, о которых он не упомянул. Я/мы/Гея не имеем летописей, печатной информации, фильмов, компьютерных банков данных — ничего такого у нас нет, даже наскальных надписей. Вот что я хотела сказать. А так как у нас всего этого нет, Тревайз, естественно, ничего и не нашел.

Тревайз не выдержал:

— Что же тогда у вас есть?

Блисс старательно, словно говорила с ребенком, произнесла:

— У меня/нас/Геи есть память. Я помню.

— Что ты помнишь?

— Все.

— Все справочные данные?

— Да.

— Но с каких пор? На сколько лет вглубь?

— На сколько угодно.

— И можешь выдать мне исторические, биографические, научные, географические данные? Каждую местную сплетню?

— Все.

— Все в этой маленькой головке? — Тревайз, сардонически улыбнувшись, показал на высокий лоб Блисс.

— Нет, — сказала она. — Память Геи не ограничивается содержимым моего мозга. Пойми, — на мгновение она стала церемонной и даже несколько суровой, словно перестала быть только Блисс и превратилась в совокупность множества других индивидуальностей, — когда-то, в доисторические времена, человеческие существа были настолько примитивны, что хотя они и могли вспомнить прошлые события, но еще не умели говорить. Речь была изобретена и предназначена для того, чтобы выражать воспоминания и передавать их от человека человеку. Письменность, вероятно, изобрели для того, чтобы записывать воспоминания и передавать их сквозь века, от поколения к поколению. Все технические достижения впоследствии служили для создания больших возможностей для передачи и хранения воспоминаний и более легкого извлечения необходимых данных. Однако, как только для формирования Геи объединилась группа индивидуальностей, все это стало излишним. Мы можем вернуться к памяти, базисная система сохранения данных которой все еще строится. Понимаешь?

— Ты имеешь в виду, что общая сумма сознаний на Гее может запомнить гораздо больше данных, чем отдельный мозг?

— Конечно.

— Но если все знания Геи распространены по всей планетарной памяти, что полезного это дает тебе как индивидуальной части Геи?

— Все, что я пожелаю. Все, что бы я ни захотела узнать, находится где-нибудь в чьем-нибудь личном сознании, а может быть, во многих из них. Если это что-то обиходное, такое, как, например, значение слова «стул», — такое знает и помнит каждый. Но даже если это что-то эзотерическое, что находится в одной-единственной маленькой частице сознания Геи, я могу вызвать это, если необходимо, хотя такой вызов может занять несколько больше времени, чем вспоминать что-либо более обыденное. Пойми, Тревайз, если ты хочешь узнать что-нибудь, чего не знаешь сам, ты смотришь какие-нибудь нужные книгофильмы или пользуешься компьютерным банком данных. Я же обследую всеобщий разум Геи.

— А вдруг информация хлынет бурным потоком, затопит твой мозг и сорвет в нем все краны?

— Зачем ты так шутишь, Тревайз?

— Правда, Голан, не надо грубить, — сказал Пелорат.

Тревайз переводил свой взгляд с Пелората на Блисс и наконец с видимым усилием заставил себя расслабиться.

— Извините. На меня давит груз ответственности, которой я не хотел и от которой не знаю, как освободиться. Наверное, и вправду, вышло грубо. Блесс, но я действительно хочу знать. Как ты пробираешься сквозь содержимое сознаний других, без того чтобы хранить все это в своем собственном мозгу, не подвергая его перегрузке?

— Я знаю, Тревайз, не больше, чем ты детали работы, например, своего мозга. Я полагаю, тебе известно расстояние от твоего солнца до ближайшей звезды, но ты же не держишь это постоянно в сознании. Ты хранишь это где-то и можешь вызвать число в любой момент, как только возникнет нужда. Представь мозг Геи как огромный банк данных, откуда я могу вызвать это число, но у меня нет необходимости вспоминать сознательно о любой повседневной вещи. Как только мне будет необходим какой-либо факт или воспоминание, я просто могу позволить ему всплыть из памяти. Точно так же я могу, соответственно, вернуть все назад, так сказать, на то место, откуда было взято.

— Как много людей на Гее, Блесс? Сколько человеческих существ?

— Около миллиарда. Назвать точное число на данный момент?

Тревайз успокаивающе улыбнулся.

— Я не сомневаюсь, что ты можешь, если пожелаешь, вызвать точное число, но меня вполне удовлетворит приближенное.

— На самом деле, — сказала Блесс, — население Геи устойчиво и колеблется относительно обычного уровня, который слегка превышает миллиард. Я могу определить, на сколько это количество превышает средний уровень или не достигает его, расширяя сферу моего сознания и, скажем, ощущая его границы. Я не смогу объяснить это лучше, чем только что попыталась, того, кто никогда ничего подобного не проделывал.

— Сдается мне, однако, что миллиарда разумов — а ведь среди них есть и детские — все равно маловато для удержания в памяти всех данных, необходимых сложному сообществу.

— Но человеческие существа — не единственные живые организмы на Гее, Трев.

— Ты имеешь в виду, что животные тоже запоминают?

— Нечеловеческие сознания не могут хранить информацию такого же объема, как человеческие; кроме того, большое место во всех сознаниях — как человеческих, так и нет, должно быть отдано под личные воспоминания. Они, правда, имеют значение лишь для отдельной компоненты планетарного сознания, таящей их в себе. Однако и в сознании животных, и в сознании растительности, и в сознании минералов содержится большой объем информации.

— Минералы? Что — скалы и горные хребты?

— Да, а еще океаны и атмосфера. Все это — тоже Гея.

— Но что может знать и хранить неживая материя?

— Очень многое. Интенсивность хранимой ею информации невысока, но объем так велик, что подавляющее большинство общей памяти Геи находится именно в неживой материи, и больше всего — в горах и скалах. Нужно несколько больше времени, чтобы извлечь информацию из скал, и этим занимаются не слишком часто.

— А что происходит, когда умирает кто-нибудь, чье сознание хранит сведения, имеющие всеобщее значение?

— Эти сведения не исчезают. Они постепенно выделяются, когда мозг распадается после смерти, но со временем их впитывают другие частицы Геи. И как только вместе с рождением ребенка появляется новый мозг, он не только копит собственные воспоминания и мысли, но добавляет к ним знания из других источников. То, что ты называешь «образованием», со мной/нами/Геей происходит совершенно автоматически.

— Ей-богу, Голан, — сказал Пелорат, — мне кажется, что весь живой мир — это просто великолепно. Здесь многое достойно примера.

Тревайз искоса взглянул на приятеля.

— Безусловно, Дженов, но я не в восторге. Планета такая большая, где столько всего самого разного, представляет собой единый мозг. Единый! Каждый рождающийся мозг вливается в целое. Где возможность для протеста, для несогласия? Когда думаешь об истории человечества, то можешь представить человека, чьи взгляды не разделяло большинство и, может быть, осуждало общество, но который в конце концов победил и изменил мир. Что бы

мог поделать такой бунтарь здесь, на Гее?

— У нас есть внутренние конфликты, — сказала Блисс. — Не всякое мнение Геи обязательно безоговорочно принимается всеми.

— Наверняка конфликты сведены к минимуму, — сказал Тревайз. — Вы не можете себе позволить много сбоев внутри единого организма, иначе он не сможет нормально функционировать. Если прогресс и развитие и не остановятся, они, как минимум, должны замедлиться. Так что же, рискнуть? Взять вас за эталон и проделать такое со всей Галактикой? Со всем человечеством?

— Ты оспариваешь сейчас свое собственное решение? — бесстрастно спросила Блисс. — Ты передумал и теперь считаешь, что Гея — нежелательное будущее для человечества?

Тревайз поджал губы и на некоторое время умолк.

— Когда-нибудь, — наконец медленно сказал он, — это мне, может быть, и понравится, но — не теперь. Я принял свое решение на какой-то основе, какой-то подсознательной основе и до тех пор, пока не выясню, что это за основа, не смогу сказать, останусь при своем мнении или нет. А теперь давай вернемся к разговору о Земле.

— Где, как ты предчувствуешь, ты сможешь узнать правду? Так, Тревайз?

— Я предчувствую именно это. Впрочем, Дом говорит, что Гея и в самом деле не знает, где находится Земля. И ты согласна с ним, полагаю.

— Конечно, я согласна с ним. Я не меньше Гея, чем он.

— И ты утаиваешь знания от меня? Сознательно, я хочу сказать.

— Конечно, нет. Даже если бы Гея могла лгать, она не смогла бы солгать *тебе*. Прежде всего мы зависим от твоих решений, и нам необходимо, чтобы они были верны. Следовательно, в их основе должна лежать правда.

— В таком случае попробуем использовать твою всемирную память. Оглянись назад. Насколько глубоко ты можешь оглянуться?

Наступила пауза. Блисс не мигая, точно погрузившись в транс, глядела на Тревайза. Затем сказала:

— Пятнадцать тысяч лет.

— Почему ты не сразу ответила?

— Это требует времени. Древние воспоминания — самые древние — почти все лежат в недрах гор, и, чтобы вызволить их оттуда, нужно время.

— Значит, пятнадцать тысяч лет назад? Это время, когда была основана Гея?

— Нет, согласно нашим сведениям, это произошло примерно на три тысячи лет раньше.

— Почему ты не уверена? Ты — или Гея — не можешь вспомнить?

— Это было прежде, чем Гея развилась до стадии, когда память стала глобальным явлением.

— Тогда выходит, что, прежде чем вы смогли опираться на коллективную память, Гея должна была вести записи, Блисс. Записи в обычном смысле этого слова — летописи, магнитозаписи, фильмы и тому подобное.

— Наверное, так оно и было, но они вряд ли смогли сохраниться, учитывая, сколько времени прошло.

— Они могли быть скопированы или, еще лучше, переведены в глобальную память, как только она развилась.

Блисс замерла. На этот раз пауза длилась дольше.

— Я не нахожу следов тех ранних записей, о которых ты говоришь.

— Почему?

— Не знаю, Тревайз. Может быть, они оказались не особо важными. Мне кажется, что в то время, когда стало ясно, что ранние записи пришли в негодность, устарели, Гея сочла, что они больше не нужны.

— Ты не знаешь этого. Ты предполагаешь, тебе кажется, но ты не знаешь этого наверняка. Гея не знает этого.

— Должно быть, так, — потупилась Блисс.

— Должно быть? Я не часть Геи, и, следовательно, мне нет нужды думать так, как думает Гея, — вот тебе пример того, как важно уметь мыслить независимо. Я, как изолят, думаю совсем

о другом.

– О чём же?

– Во-первых, есть нечто, в чём я уверен. Существующие цивилизации не стремятся уничтожать все свои ранние записи. Вместо того, чтобы объявлять их устаревшими и ненужными, они относятся к ним с явной ревностью, стараются любой ценой сохранить их. Если геянские предглобальные записи были уничтожены, Блисс, вряд ли такое уничтожение было добровольным.

– Как же тогда можно объяснить все это?

– В Библиотеке на Тренторе все сведения о Земле были уничтожены кем-то или какой-то иной силой, не самими ли adeptами Второй Академии. Возможно, следовательно, что на Гее все сведения о Земле были удалены кем-то или чем-то другим, а не самой Геей.

– Как ты можешь утверждать, что в ранних записях упоминалась Земля?

– Судя по твоим словам, Гея была основана, по крайней мере, восемнадцать тысяч лет назад. Стало быть, в период перед созданием Галактической Империи, в период, когда колонистами заселялась Галактика. А первоисточником колонистов была Земля. Спроси у Пелората.

Пелорат, ошеломленный внезапной апелляцией к нему, взъерошился.

– Так в легендах, моя дорогая. Я воспринимаю их серьёзно и думаю, как и Голан Тревайз, что род человеческий был первоначально ограничен одной планетой, и этой планетой была Земля. Самые первые колонисты пришли с Земли.

– Следовательно, если Гея, – сказал Тревайз, – была основана в раннюю эру межпространственных путешествий, весьма вероятно, что колонизирована она была землянами или, возможно, уроженцами достаточно недавно заселенного мира, который незадолго до этого был колонизирован землянами. А значит, записи времен основания Геи и первых нескольких тысячелетий явно должны были упоминать Землю и землян. Эти записи пропали. *Что-то*, очевидно, есть в том, что Земля не упоминается нигде в архивах Галактики. И если так, у этого должна быть причина.

Блисс раздраженно проговорила:

– Это всего лишь предположения, Тревайз. У тебя нет доказательств.

– Но разве Гея не утверждает, что я обладаю удивительным даром приходить к правильным выводам, располагая неполными данными. В таком случае, если я в чём-нибудь твердо убежден, не говори, что у меня нет доказательств. – Блисс промолчала. Тревайз продолжал: – Тем больше причин для поиска Земли. Я настаиваю на отлете, как только «Далекая звезда» будет готова. Ну как? Полетите со мной?

– Да, – сразу сказала Блисс.

– Да, – сказал Пелорат.

Глава вторая На Компореллоне

5

Моросил мелкий дождь. Тревайз взглянул вверх, на низкое серовато-белое небо.

На нем была особая шляпа, для дождливой погоды. Капли отлетали от нее в разные стороны. Пелорат, стоящий чуть поодаль, был без шляпы.

– Зачем ты мокнешь, Джено? – спросил Тревайз.

– Это ничего, дружочек, – ответил Пелорат по обыкновению. – Дождь тихий и теплый. Да и ветра нет. И потом, как говорили – «в Анакреоне веди себя, как анакреонцы». – Он указал в сторону геянцев, молчаливо стоящих неподалеку от корабля. Те даже не шелохнулись, хотя были под дождем без головных уборов. Молчаливые, неподвижные – ни дать ни взять – рощица геянских деревьев.

– Наверное, – сказал Тревайз, – они не боятся дождя, потому что вес осталось на Гее тоже мокнет. Деревья, трава, почва – все, включая геянцев.

— Что же, по-моему, очень разумно, — заметил Пелорат. — Скоро выгляднет солнце, и все быстро высохнет. Одежда не помнется и не сядет, здесь нельзя замерзнуть, а поскольку здесь совершенно нет никаких болезнетворных микробов, никто не подхватит насморк, грипп или пневмонию. Зачем же горевать, если немного промокнешь?

Тревайз был согласен — все логично, но не желал сдаваться.

— И все-таки, зачем надо было устраивать дождь в день нашего отлета? Ведь дождь здесь управляем. На Гее не пойдет дождь, если она этого не пожелает. Она словно бы афиширует презрение к нам.

— Может быть, совсем наоборот? Может быть, и Гея скорбно оплакивает наш отлет?

— Она — может быть, но я — нет.

— Знаешь, — продолжал Пелорат, — на самом деле все, наверное, гораздо проще: почва здесь нуждается в увлажнении, и это — гораздо более важно, чем твое желание видеть ясное небо и солнце.

Тревайз улыбнулся.

— Похоже, тебе в самом деле нравится этот мир. Помимо Блисс, я хочу сказать.

— Да, — сказал Пелорат, словно оброняясь, — Я всегда жил тихой, упорядоченной жизнью и, думаю, смог бы прижиться здесь, где целый мир трудится над поддержанием покоя и порядка. Понимаешь, Голан, ведь когда мы строим дом — ну, или корабль, — мы пытаемся создать для себя самое лучшее убежище. Мы снабжаем его всем, в чем нуждаемся, мы обустраиваем его так, чтобы можно было регулировать температуру, качество воздуха, освещение и так далее, и Гея — всего лишь расширение этого стремления к комфорту и безопасности до размеров планеты. Что в этом плохого?

— Что в этом плохого? — переспросил Тревайз. — То, что мой дом или мой корабль построен так, чтобы они подходили мне, а не я им. Если бы я был частью Геи, то, как бы идеально ни старалась планета устраивать меня, меня бы все равно бесило то, что я должен устраивать ее.

Пелорат поморщился:

— Послушай, но ведь можно сказать, что любое общество формирует свое население в угоду себе. Развиваются устои, присущие данному обществу, и каждый индивидуум становится рабом общественного устройства.

— Ну, знаешь, в тех обществах, которые мне известны, кто-нибудь может, например, взять и взбунтоваться. Встречаются люди эксцентричные, даже преступники.

— Ты что хочешь, чтобы они были — чудаки и преступники?

— Почему бы и нет? Мы же с тобой — чудаки. Уж, конечно, мы не типичные представители населения Терминуса. Что до преступников, то все дело в определении. Но если преступники — цена, которую мы должны платить за существование бунтарей, еретиков и гениев, я готов платить. Я требую, чтобы эта цена была заплачена.

— Неужели, кроме преступников, за это нечем заплатить? Разве нельзя иметь гениев, не имея преступников?

— Найти гениев и святых можно лишь среди людей не совсем нормальных, а я не вижу, каким образом отклонения от нормы могут быть только в одну сторону. Должна быть симметрия. В общем, как бы то ни было, мне нужна более веская причина для решения избрать Гею в качестве модели будущего для человечества, чем всепланетный проект комфортабельного дома.

— Ах, дружочек, я вовсе не пытался убеждать тебя в правильности твоего решения. Я просто смотрел и ду...

Он не договорил. К ним спешила Блисс, ее темные волосы вымокли, платье прилипло к груди и широким бедрам. Блисс кивнула на ходу.

— Простите за опоздание, — сказала она, переведя дух. — Прощание с Домом затянулось. Нужно было кое-что уточнить.

— Неужели! — удивился Тревайз, — Ведь ты знаешь все, что знает он.

— Иногда мы расходимся в интерпретации. Мы не одинаковы, и мы об этом уже говорили. Взгляните, — сказала она несколько резковато, — у вас две руки. Каждая из них — часть вас, и они кажутся одинаковыми, но одна является зеркальным отображением другой. При этом вы не

пользуетесь ими совершенно одинаково, не правда ли? Есть вещи, которые чаще делаешь своей правой рукой, а другие – левой. Различия в интерпретации, так сказать.

– Положила на лопатки! – довольно крикнул Пелорат.

Тревайз кивнул:

– Эффектная аналогия, только вряд ли подходит к случаю. Ну да ладно. Не пора ли на корабль? *Дождь* идет все-таки.

– Да, да. Все наши ушли оттуда. Корабль в отличном состоянии. – Затем, с внезапным любопытством взглянув на Тревайза, Блисс заметила: – А ты совсем сухой. Капли на тебя не попадают.

– Угу, – буркнул Тревайз, – мокнуть неохота.

– Но разве не прекрасно иногда вымокнуть до нитки?

– Неплохо. Но, на мой вкус, не под дождем.

Блисс пожала плечами:

– Ну, дело твое. Багаж погружен, так что давайте войдем.

Все трое пошли к кораблю. Дождь утихал, но трава была совсем мокрой. Тревайз поймал себя на том, что боязливо ступает по ней, а Блисс сбросила тапочки, взяла их в руку и шлепала босиком.

– Восхитительное ощущение! – сказала она, поймав обращенный на ее ноги взгляд Тревайза.

– Не спорю, – сказал он рассеянно и тут же сердито поинтересовался: – А зачем тут собирались эти?

– Они будут записывать это событие, – ответила Блисс, – Гея находит его знаменательным. Ты для нас – очень важная фигура, Тревайз. Пойми, что, если ты изменишь свое мнение в результате этого путешествия и примешь решение против нас, мы никогда не превратимся в Галаксию и даже не останемся Геей.

– Следовательно, я олицетворяю собой жизнь и смерть Геи, целого мира.

– Мы думаем, что это именно так.

Тревайз внезапно остановился и снял шляпу. На небе появились голубые просветы. Он сказал:

– Но у вас уже есть мое слово в вашу пользу. Если вы убьете меня, я никогда не смогу изменить его.

– Голан, – обескураженно пробормотал Пелорат – что ты говоришь?

– Типичное мышление изолята, – холодно отозвалась Блисс. – Ты должен понять, Тревайз, что нас интересуешь не ты лично и не твое слово, а истина, действительное положение дел. Ты нужен только как проводник к истине, и твой голос – ее знак. Вот то, чего мы хотим от тебя, и, если мы убьем тебя, чтобы ты не смог изменить свое решение, мы просто скроем истину от самих себя.

– Если я скажу, что истина – это не Гея, вы с радостью согласитесь умереть?

– Не очень радостно, пожалуй, но хотелось бы именно так держаться под конец.

– Если что-нибудь и должно убедить меня в том, – покачал головой Тревайз, – что Гея ужасна и *должна* умереть, так это то самое, что ты только что сказала.

Затем, посмотрев в сторону бесстрастно наблюдавших, а может быть, и слушавших геянцев, он сердито спросил:

– Почему они так стоят? И почему их так много? Если один из них посмотрит на это событие и сохранит все в своей памяти, не будет ли этого достаточно? Разве воспоминание об отлете не сможет храниться в миллионах мест, если вы этого захотите?

– Каждый из тех, кто наблюдает это, воспринимает все по-своему, сохранит память об этом в своем сознании, не похожем на другие. Когда все наблюдения изучат, станет очевидным, что произшедшее может быть лучше понято из синтеза всех наблюдений, чем из любого, взятого отдельно.

– Целое – больше, чем сумма его частей, иначе говоря.

– Точно. Ты уловил смысл основного принципа существования Геи. Ты, как многоклеточный организм, состояишь примерно из пятидесяти триллионов клеток, но как личность более важен, чем эти пятьдесят триллионов в сумме их собственных значений.

Наверняка ты не станешь с этим спорить.

— Да, — сказал Тревайз, — с этим я согласен.

Он поднялся по трапу и у самого люка резко обернулся, чтобы еще раз взглянуть на Гею. Короткий дождь принес свежесть и благоухание. Перед Тревайзом лежал зеленый, тихий, мирный, цветущий мир, безмятежный сад посреди мятежной, измученной Галактики.

Но Тревайз всей душой надеялся, что никогда не увидит его вновь.

6

Когда люк шлюза захлопнулся позади них, Тревайзу показалось, словно он проснулся не то чтобы после кошмара, но после чего-то настолько ненормального, что ему было тяжело дышать.

Он не забывал, что элемент этой ненормальности все еще находился рядом с ним в лице Блисс. Пока она тут, Гея рядом. А еще он знал, что ее присутствие — не мелочь. Черный ящик заработал снова, и Тревайз горячо надеялся, что не купится на суждения этого ящика.

Он осмотрел судно и не нашел, к чему придраться. Оно принадлежало только ему с тех пор, как Мэр Академии Харла Бранно засунула его в этот корабль и отправила в межзвездную ссылку — громоотвод для себя, приманку для тех, кого считала врагами Академии. Ее задание выполнено, но корабль остался у него, и он не собирался его возвращать.

Корабль принадлежал ему не больше нескольких месяцев, но уже стал его домом, и теперь он с трудом мог вспомнить, какой же у него был дом на Терминусе.

Терминус! Далекая столица Академии, призванная, согласно Плану Селдона, основать новую, величайшую Империю через пять столетий — согласно Плану, который Тревайз пустил под откос. Своим личным решением он превращал Академию в ничто и взамен открывал новый путь развития общества, новую схему жизни, самую жуткую революцию из всех, что происходили со времен начала развития разумной жизни.

И вот он отправился в новое путешествие — для того, чтобы доказать самому себе, что сделал правильный выбор.

Тревайз прогнал мрачные мысли и поспешил в рубку. Компьютер еще находился на своем месте. Компьютер сверкал, искрился. Да, собственно, сверкало все. Здесь провели очень тщательную уборку. Все системы работали безукоризненно и, казалось, более легко, чем прежде. Вентиляционная система функционировала беззвучно, и Тревайз недоверчиво приложил руку к вентилятору, чтобы почувствовать поток воздуха.

Пучок света зазывно притягивал. Тревайз коснулся его, и свет разлился по поверхности пульта, очертив контуры ладоней. Голан судорожно вздохнул. Надо же — он, оказывается, от волнения задержал дыхание. Геянцы ничего не знали о технике Академии и могли запросто повредить компьютер безо всякого злого умысла. Правда, на вид все было, как обычно.

Тревайз на мгновение замер. Он узнает, почти наверняка, если что-нибудь будет не так; однако если окажется, что так оно и есть, что он сможет поделать? Для ремонта нужно будет вернуться на Терминус, но, если он это сделает, Мэр Бранно его оттуда точно не выпустит. А если он не вернется...

Он почувствовал, как колотится сердце. Нет, хватит ждать.

Тревайз вытянул руки и совместил их с контурами на пульте. И тут же возникла иллюзия, что их сжала другая пара рук. Интенсивность его чувств возросла — теперь он мог видеть Гею со всех сторон — зеленую планету, еще не высохшую после дождя, глядящих в небо геянцев. Когда он посмотрел вверх, он увидел небо в густых облаках. По его мысленному приказу небо приблизилось, облака исчезли и возникла ясная синева и круг геянского солнца.

Еще одно мысленное усилие — и синева исчезла. Тревайз увидел звезды.

Но вот исчезли и они, и Тревайз увидел Галактику, подобную сжатой спирали. Голан проверил компьютерное изображение, меняя его ориентацию, манипулируя в зависимости от времени, заставляя Галактику вращаться сперва в одном направлении, затем — в другом. Он нашел солнце Сейшелла, ближайшую к Гее звезду; потом — солнце Терминуса, потом Трентора. Он путешествовал от звезды к звезде, по карте Галактики, скрытой внутри компьютера.

Потом он отнял руки от пульта и вернулся в реальный мир — и обнаружил, что простоял

все это время, полусогнувшись над компьютером. Мышцы у него одеревенели, и ему пришлось потянуться перед тем, как сесть.

Тревайз смотрел на компьютер с чувством искреннего облегчения. Он работал исправно. Нет, чувство Тревайза называлось иначе – его можно было назвать любовью. Ведь в то время, когда он клал руки на контуры ладоней (он пытался отбросить мысль о том, что представляет, будто это женские руки), они становились одним целым, и его воля направлялась, контролировалась, испытывалась и превращалась в часть чего-то большего. Тревайз с неожиданным беспокойством подумал, что он и компьютер, наверное, чувствовали (в ничтожно малой степени) то объединение, что чувствовала гораздо сильнее Гея.

Он сердито тряхнул головой. Нет! В случае с компьютером он, Тревайз, владел ситуацией целиком и полностью. Компьютер был просто покорным, послушным созданием.

Он встал и прошел коротким коридором в салон. Здесь хранилось достаточное количество самой разнообразной нищи и соответствующие устройства для замораживания и быстрого разогрева.

Открыв дверь в свою комнату, Тревайз уже заметил, что библиофильмы стояли на своих местах, и он был почти уверен – нет, всецело уверен, что личная библиотека Пелората образцово сохранена. Однако, для верности, об этом нужно спросить у него самого.

Пелорат! Тревайз кое-что вспомнил и зашел в каюту Пелората.

– А здесь хватит места для Блисс, Дженов?

– О да, вполне.

– Можно было бы устроить спальню для нее в общей каюте.

Блисс, широко раскрыв глаза, снизу вверх взглянула на Тревайза.

– Мне не нужна отдельная спальня. Мне и тут будет очень хорошо с Пелом. Впрочем, я надеюсь, что смогу при необходимости пользоваться другими помещениями. Спортивным залом, например.

– Конечно. Любым помещением, кроме моей каюты.

– Хорошо. Так и я предложила бы расположиться, если бы это зависело от меня. Ну, а ты к нам не входи без стука.

– Естественно, – сказал Тревайз, опустил взгляд и понял, что стоит на пороге. Он сделал полшага назад и мрачно буркнул: – Тут не номер для новобрачных, Блисс.

– Да уж. Тут тесновато, хотя Гея в половину расширила эту каюту.

Тревайз, стараясь сдержать улыбку, проговорил:

– Вам придется не ссорится.

– А мы и не ссоримся, – сказал Пелорат, которому явно неловко было от темы разговора, – но, правда, дружочек, покинул бы ты нас, мы уж как-нибудь устроимся.

– Устраивайтесь, – медленно проговорил Тревайз. – Но уясните, что здесь не место для медового месяца. Я не возражаю против всего того, что вы будете делать по взаимному согласию, но вы должны понять, что уединиться здесь невозможно. Я надеюсь, это понятно, Блисс.

– Здесь есть двери, – сказала Блисс, – и я полагаю, ты не будешь тревожить нас, когда они будут заперты, – само собой, за исключением случаев реальной опасности.

– Не буду. Однако здесь нет звукоизоляции.

– Ты хочешь сказать, Тревайз, что сможешь ясно услышать любой наш разговор и любые звуки, которые мы можем производить в порыве страсти?

– Да, именно это я хочу сказать. Принимая это во внимание, я ожидаю, что вы постараетесь вести себя потише. Может, вам это не по душе, но я прошу прощения – такова ситуация.

Пелорат откашлялся и негромко проговорил:

– Действительно, Голан, это проблема, с которой я уже столкнулся. Понимаешь, ведь любое ощущение, которое испытывает Блисс, когда она вместе со мной, охватывает всю Гею.

– Я думал об этом, Дженов, – сказал Тревайз, с трудом скрывая отвращение, – мне не хотелось говорить об этом, но, видишь, ты сам сказал.

– Да, дружочек.

– Не делайте из этого проблемы, Тревайз, – вмешалась Блисс. – В любое мгновение на Гее

тысячи людей занимаются сексом; миллионы едят, пьют, занимаются чем угодно. Это вносит вклад во всеобщую ауру удовольствия, которое чувствует Гея, каждая ее частица. Низшие животные, растения – все испытывают свои маленькие радости, вливающиеся во всеобщую радость, которую Гея чувствует всегда, всеми своими частицами, и этого нельзя ощутить в другом мире.

– У нас свои собственные радости, – ответил Тревайз, – которые мы вольны делить с другими, следя моде, или утаить, если не хотим огласки.

– Если бы ты мог чувствовать так, как мы, то понял бы, как обделены в этом отношении вы, изоляты.

– Откуда тебе знать, что и как мы чувствуем?

– Я не знаю, что чувствуешь ты, но резонно предположить, что мир всеобщей радости наверняка более изощрен, чем мир радости одного человека.

– Возможно, но пусть мои радости и скучны, я предпочитаю довольствоваться ими, оставаясь самим собой, а не кровным братом холодного булыжника.

– Не издевайся, – сказала Блисс. – Ты же ценишь каждый атом в своих косточках и не желаешь, чтобы хоть один из них повредился, хотя в них не больше сознания, чем в таком же точно атоме камня.

– Это, в общем, верно, – неохотно согласился Тревайз, – но мы ушли от темы разговора. Мне нет дела до того, что вся Гея делит твою радость, Блисс, но я не желаю разделять ее. Мы будем жить здесь в соседних каютах, и я не желаю, чтобы меня вынуждали участвовать в ваших забавах даже косвенно.

– Это спор ни о чем, дружочек, – сказал Пелорат. – Я не менее тебя озабочен нарушением твоей уединенности. Как и моей, впрочем. Блисс и я будем сдерживаться, не правда ли, Блисс?

– Все будет, как ты пожелаешь, Пел.

– В конце концов, – сказал Пелорат, – мы проведем гораздо больше времени на планетах, чем в космосе, а на планетах препятствий для уединения…

– Мне до лампочки, чем вы будете заниматься на планетах, – оборвал его Тревайз, – но на этом корабле я главный.

– Конечно, конечно, – поспешил согласиться Пелорат.

– Ну, раз мы это утрясли, пора трогаться.

– Но подожди. – Пелорат схватил Тревайза за рукав. – Трогаться. Куда? Где находится Земля, не знаем ни ты, ни я, ни Блисс, не знает и твой компьютер. Ведь ты давно говорил мне, что в нем отсутствует всякая информация о Земле. Что ты намерен предпринять? Ты же не можешь дрейфовать наугад по всему космосу, дружочек.

Тревайз на это только улыбнулся. Впервые с тех пор, как он попал в объятия Геи, он чувствовал себя хозяином своей судьбы.

– Уверяю тебя, – сказал он, – что дрейф не входит в мои намерения, Джено. Я точно знаю, куда направляюсь.

7

Не дождавшись ответа на свой робкий стук в дверь, Пелорат тихонько вошел в рубку. Тревайз был поглощен внимательным изучением звездного пространства.

– Голан, – окликнул его Пелорат и остановился в ожидании.

Тревайз обернулся.

– Джено! Присаживайся. А где Блисс?

– Спит. Мы уже в космосе, как я погляжу.

– Ты прав, – кивнул Тревайз.

Он не был удивлен неведением друга. В этих новых гравитационных кораблях просто невозможно было заметить взлет. Никаких побочных явлений – ни перегрузок, ни шума, ни вибрации.

Обладая способностью отталкиваться от внешних гравитационных полей с какой угодно, вплоть до полной, интенсивностью, «Далекая звезда» поднималась с поверхности планеты, как бы скользя по некоему космическому морю. И пока она это проделывала, действие гравитации

внутри корабля, как это ни парадоксально, оставалось нормальным. Конечно, пока корабль находился в атмосфере, не было нужды в ускорении, так что вой и вибрация быстро рассекаемого воздуха отсутствовали. Но, как только атмосфера оставалась позади, можно было начинать разгон, и притом довольно быстрый, не тревожа пассажиров.

Это было исключительно удобно, и Тревайз не видел, как еще можно усовершенствовать способ передвижения, если только люди не найдут возможности махнуть сквозь гиперпространство совсем без корабля, наплевав на любые, даже самые сложные гравитационные поля. Сейчас же «Далекой звезде» нужно было удирать от Геи в течение нескольких дней, пока интенсивность гравитационного поля не ослабнет и можно будет совершить Прыжок.

— Голан, дружочек, — сказал Пелорат, — могу я минуту-другую поговорить с тобой? Ты не слишком занят?

— Я совсем не занят. Компьютер делает все сам, после того как я его соответственно проинструктирую. А временами кажется, что он предугадывает мои инструкции и выполняет их прежде, чем я сформулирую приказ. — Тревайз любовно провел ладонью по поверхности пульта управления.

— Мы очень подружились, Голан, за то короткое время, что знаем друг друга, хотя, должен признать, я с трудом верю, что прошло так мало времени. Так много всего случилось. Это так удивительно... Когда я думаю об этом, то получается, что половина всех событий, которые я пережил за свою жизнь, произошла в последние несколько месяцев. Или это только кажется. Я готов сказать...

Тревайз протестующе поднял руку.

— Дженов, ты отвлекаешься. Ты начал с того, что мы с тобой быстро сдружились. Да, это так, и мы все еще друзья. Однако ты знаешь Блисс совсем недавно и с ней еще крепче подружился.

— Тут другое дело, — сказал Пелорат, смущенно кашлянув.

— Конечно. И что же следует из нашей недолгой, но крепкой и выстраданной дружбы?

— Если, дружочек, мы все еще друзья, как ты только что сказал, то я хотел бы поговорить о Блисс, которая, как ты верно отметил, особенно дорога мне.

— Я понимаю. И что из этого?

— Я знаю, Голан, ты не любишь Блисс, но ради меня, я хотел бы...

Тревайз взмахнул рукой.

— Минутку, Дженов. Я не в восторге от Блисс, но я не ненавижу ее. Ей-богу, у меня нет к ней враждебного чувства. Она привлекательная молодая женщина, и, даже если бы она такой не была, я готов был считать ее таковой ради тебя. Я не люблю Гею.

— Но Блисс — это и есть Гея.

— Знаю, Дженов. Именно это так осложняет дело. Пока я думаю о Блисс как о человеке — нет проблем. Как только я вижу в ней Гею — они появляются.

— Но ты не дал Гее ни единого шанса, Голан. Послушай, дружочек, позволь мне признаться кое в чем. Когда Блисс и я занимались любовью, она порой позволяла мне подключиться к ее сознанию на минуту-другую. Не дольше, так как считает меня слишком старым, чтобы адаптироваться к этому. Ах, не ухмыляйся Голан, ты, должно быть, тоже слишком стар для такого. Если изолят, такой, как ты и я, станет частью Геи более чем на минуту или две, наш мозг может быть поврежден, а если это продолжится пять-десять минут, то приведет к необратимым изменениям. Если бы ты только мог испытать это, Голан!

— Что? Необратимое повреждение мозга? Нет уж, спасибо.

— Голан, ты нарочно не хочешь понять меня. Я имел в виду только тот краткий миг единения. Ты даже не представляешь, что теряешь. Это неописуемо. Блисс говорит, что это ощущение радости. Это все равно что говорить о радости, когда наконец выпьешь глоток воды после того, как чуть не умер от жажды. Я не могу даже придумать сравнения. Ты разделяешь все радости, которые миллиард человек испытывают по отдельности. Это не постоянная радость — будь это так, ты бы быстро перестал чувствовать ее. Это пульсирует... мерцает... такой дивный пульсирующий ритм, который не позволяет оторваться. Это большая — нет, не большая — лучшая радость, чем я когда-либо мог ощущать сам по себе. Мне хотелось плакать,

когда она закрывала передо мной двери...

Тревайз покачал головой.

– Ты потрясающе красноречив, мой друг, но это звучит очень похоже на то описание состояния псевдоиндорфинной зависимости или действия других наркотиков, которые дарят краткую радость, за которую приходится потом платить непрекращающимся кошмаром. Это не для меня! Я не собираюсь продавать свою индивидуальность за короткие вспышки радости.

– Я пока свою индивидуальность не потерял, Голан.

– Но надолго ли ты сохранишь ее, если будешь продолжать в том же духе, Дженов? Ты будешь желать еще и еще этого дурмана – до тех пор, пока в конце концов твой мозг не разрушится. Дженов, ты не должен позволять Блисс пропадывать такое с тобой. Наверное, лучше мне самому поговорить с ней об этом.

– Нет! Не надо! У тебя не хватит душевного такта, ты же знаешь, а я... я не хочу ее обидеть. Уверяю тебя, она сильнее беспокоится обо мне, чем ты можешь себе вообразить. Ее гораздо сильнее пугает возможность повреждения моего мозга, чем меня, не сомневайся.

– Ну, тогда, Дженов, я бы посоветовал тебе больше не ставить экспериментов. Ты прожил пятьдесят два года, зная другие способы испытывать удовольствие и радость, и твой мозг привык к ним. Не поддайся новому, экзотическому пороку. За это придется расплачиваться, если не сейчас, то потом.

– Но, Голан, – сказал Пелорат тихо, глядя себе под ноги. – Можно на это и так посмотреть. А представь, если бы ты был одноклеточным существом...

– Я понимаю, к чему ты клонишь, Дженов. Забудь это. Блисс и я уже апеллировали к этой аналогии.

– Да, но ты подумай все-таки. Допустим, мы вообразили одноклеточный организм с человеческим уровнем сознания и способностью мыслить. А теперь представь, что ему выпала возможность стать многоклеточным организмом. Не будет ли одноклеточное оплакивать потерю своей индивидуальности и горячо протестовать от мысли о предстоящем насилиственном режиме работы клеток во всем организме? И будет ли оно право? Может ли отдельная клетка даже вообразить, какова мощь человеческого мозга?

Тревайз резко тряхнул головой.

– Нет, Дженов, это порочная аналогия. Одноклеточный организм не может обладать сознанием и всякой способностью мыслить, а если может, то способность эта так бесконечно мала, что ее возможно приравнять к нулю. Для таких существ утрата индивидуальности – это утрата того, чего у них, в сущности, никогда и не было. У человека, однако, есть и должна быть способность мыслить. Он на самом деле обладает сознанием и если теряет его, то теряет свой независимый разум. Так что аналогия – на двоечку.

На некоторое время воцарилось молчание, почти гнетущая тишина, и наконец Пелорат, пытаясь сменить тему разговора, спросил:

– А зачем ты смотришь на экран?

– Привычка, – ответил Тревайз, кисло улыбнувшись, – Компьютер сообщает мне, что нас не преследуют геянские корабли и что сейшельский флот не вылетел нам навстречу. Так что я смотрю на обзорный экран для самоуспокоения – нет ли где чужих кораблей. Правда, компьютерные сенсоры в сотни раз зорче и чувствительнее моих глаз. Более того, компьютер способен воспринимать некоторые свойства пространства очень тонко – такие свойства, которые мои органы чувств не могут ощутить ни при каких условиях. Знаю и все-таки смотрю.

– Голан, если мы, правда, друзья... – проговорил Пелорат.

– Обещаю, я не сделаю ничего, что может обидеть Блисс, по крайней мере, насколько позволят обстоятельства.

– Тогда другой вопрос. Ты скрываешь от меня цель нашего путешествия, словно не доверяешь мне. Куда мы направляемся? Ты думаешь, что знаешь, где находится Земля?

Тревайз взглянул на него, удивленно подняв брови.

– Прости. Похоже, будто я не хочу поделиться с тобой своей тайной?

– Да. Почему?

– И правда, почему? Не кажется ли тебе, друг мой, что все дело в Блисс?

– Блисс? Значит, ты не хочешь, чтобы она знала? Поверь, дружочек, ей можно доверять

целиком и полностью.

– Не в этом дело. Что толку что-то скрывать от нее? Уверен, она может выудить любую тайну из моего сознания, если пожелает. Прости, это просто я, наверное, в детство впал. Мне казалось, что ты уделяешь внимание только ей, а я больше для тебя не существую.

– Но это неправда, Голан! – ужаснулся Пелорат.

– Знаю. Просто, я пытаюсь понять собственные чувства. Вот ты сейчас пришел ко мне, потому что испугался за нашу дружбу, и, теперь поразмыслив, я понимаю, что у меня были такие же страхи. Я не мог честно признаться себе в этом, но думаю, я чувствовал себя неинтересным тебе из-за Блисс. Возможно, я пытался поквитаться, из каприза скрывая от тебя правду. Да, вышло по-детски.

– Голан!

– По-детски, ну и что? Но покажи мне человека, который время от времени не вел бы себя так? Тем не менее мы друзья. Это решено, значит, я не должен больше играть в эти игры. Мы направляемся на Компореллон.

– Компореллон? – переспросил Пелорат, не сразу вспомнив, о чем речь.

– А ты вспомни моего бывшего приятеля-предателя Мунна Ли Компора. Того самого, которого мы встретили на Сейшельсе.

Пелорат облегченно вздохнул.

– Конечно, помню. Он родом с Компореллона.

– Если это правда. Нельзя верить всему, что сказал Компор. Но Компореллон – общеизвестный мир, а Компор говорил, что его обитатели знают о Земле. Вот мы и отправимся туда и наведем справки. Наш визит может ничего не дать, но пока это единственная отправная точка, которая у нас есть.

Пелорат кашлянул и покачал головой:

– Ах, дружочек, ты так думаешь?

– Что тут думать? Есть единственная отправная точка, и, как бы сомнительна она ни была, у нас нет иного пути, кроме как следовать к ней.

– Да, но если мы делаем это, полагаясь на слова Компора, тогда, наверное, следует учесть все, что он сказал. Как я припоминаю, он заявил нам, очень решительно, что Земли как пригодной для жизни планеты больше не существует – ее поверхность радиоактивна и там нет никакой жизни. А если это так, то лететь на Компореллон бессмысленно.

8

Все трое обедали в крохотной столовой, которая с трудом вмещала даже такую небольшую компанию.

– Отлично, – похвалил еду Пелорат. – Это часть наших запасов с Терминуса?

– Нет, что ты, – ответил Тревайз. – Они давно кончились. Это из тех припасов, купленных на Сейшельсе до того, как мы направились к Гее. Забавно, не правда ли? Какие-то дары моря. Что же касается этого блюда, я думал, это капуста, когда покупал ее, но на вкус – ничего подобного.

Блисс слушала и помалкивала, брезгливо ковыряясь вилкой в тарелке.

– Ты должна поесть, дорогая, – нежно сказал Пелорат.

– Знаю, Пел, я и ем.

– У нас есть геянская еда, Блисс, – сказал Тревайз с некоторым раздражением.

– Я знаю, – сказала Блисс, – но я предпочитаю приберечь ее. Мы ведь не знаем, как долго будем путешествовать. В конце концов я должна научиться есть пищу изолятов.

– Неужели она так плоха? Или Гея должна есть только Гею?

– Верно, – вздохнула Блисс, – у нас есть поговорка, которая гласит: «Когда Гея ест Гею, никто ничего не теряет и не приобретает». Просто перемещение разума вверх и вниз по шкале. Все, что я ем на Гее, *является* Геей, и когда большая часть этого усваивается и становится мной – это по-прежнему Гея. При этом в процессе еды часть того, что я ем, имеет возможность стать частью более развитого разума, в то время как другая ее часть превращается в разного рода отбросы и, следовательно, опускается вниз по шкале разума. – Она взяла очередной кусок

с тарелки, энергично пожевала его некоторое время, а затем продолжила: – Это – всемирный круговорот. Растения растут и поедаются животными. Животные едят и сами бываются съедены. Любой погибший организм поглощается плесенью, гнилостными бактериями, и так далее – словом, Геей. В этом громадном круговороте сознания участвует даже неорганическая природа, и все обладает возможностью стать частью высокоинтенсивного разума.

– Такое, – возразил Тревайз, – можно сказать о любом мире. Каждый атом во мне имеет долгую историю. Некогда он мог быть частью многих живых существ, включая людей, а когда-то мог быть каплей океанской воды, жить в обломке угля, камня, летать по свету под порывами ветра.

– На Гее, однако, – сказала Блисс, – все атомы являются также неотъемлемыми частицами высшего, планетарного сознания, о котором ты не знаешь ничего.

– Ладно. А что же произойдет с этими сейшельскими овощами, которые ты съела? Станут ли они частью Геи?

– Станут, но очень медленно. И мои испражнения постепенно перестанут быть частью Геи. В конце концов, то, что покидает меня, навсегда теряет связь с Геей. И не участвует даже в менее непосредственном гиперпространственном контакте, который я могу поддерживать с Геей благодаря высокому уровню моего разума. Именно этот гиперпространственный контакт приводит к тому, что не-геянская пища становится Геей – очень медленно – после того, как я съем ее.

– Ну, а геянская пища в нашей кладовой? Становится ли она постепенно не-Геей? Если так, лучше уж съешь ее, пока не поздно.

– Нет нужды беспокоиться об этом. Наши геянские продукты обработаны таким образом, что могут довольно долгое время оставаться частью Геи.

– А что случится, если мы съедим геянскую пищу? – неожиданно спросил Пелорат. – Мы ведь ели геянскую пищу на Гее. Не превратились ли мы сами постепенно в Гею?

Блисс покачала головой, и необычно тревожное выражение промелькнуло по ее лицу.

– Нет. То, что ели вы, было потеряно для нас. Или, по крайней мере, та часть, что была усвоена вашими организмами, была потеряна для Геи. То, что вы не усвоили, осталось Геей или постепенно стало ею, так что в принципе баланс сохранился, но ряд атомов Геи стал не-Геей в результате вашего визита к нам.

– Это почему? – спросил Тревайз с любопытством.

– Потому что вы не могли бы перенести превращение, даже частичное. Вы были нашими гостями, прибывшими в наш мир поневоле, так сказать, и мы должны были защитить вас от опасности даже ценой потери некоторой части Геи. Это цена, уплаченная нами добровольно, но без особого восторга.

– Искренне сожалеем, – сказал Тревайз, – но ты уверена, что не-геянская пища, или какой-нибудь вид не-геянской пищи, не может, в свою очередь, повредить *тебе*?

– Нет, – ответила Блисс. – То, что съедобно для тебя, должно быть съедобно и для меня. У меня, безусловно, есть кое-какие трудности в усвоении такой пищи и превращении ее в Гею, как и в мои ткани. Это создает психологический барьер, который слегка портит мне радость от еды и заставляет меня есть медленно, но я преодолею это со временем.

– А как же инфекции? – восхликал Пелорат в тревоге. – Как же я не подумал об этом раньше, Блисс! В любом мире, где мы приземлимся, наверняка есть микроорганизмы, против которых ты беззащитна. Ты можешь умереть от обыкновенной простуды. Тревайз, мы должны вернуться.

– Не паникуй, Пел, дорогой, – улыбаясь, сказала Блисс. – Микроны тоже ассилируются Геей, проникая в мое тело каким-либо путем. Если окажется, что они приносят вред, они ассилируются быстрее; и как только станут Геей, больше не причинят мне зла.

Трапеза подходила к концу. Пелорат прихлебывал подогретую смесь фруктовых соков со специями.

– Дружочек, – сказал он, облизав губы, – я думаю, пора сменить тему. Похоже, мое единственное занятие на борту этого корабля – смена тем разговоров. Почему бы это?

– Потому что Блисс и я все время вредничаем, – торжественно произнес Тревайз, – о чем бы ни говорили, даже о смерти. Мы зависим от тебя, ты спасаешь нас от безумия. О чём ты

хотел поговорить, старина, сменив тему на сей раз?

— Я просмотрел свои справочные материалы по Компореллону. Весь сектор, частью которого он является, богат древними легендами. Они относят свои поселения к довольно давним временам — к первому тысячелетию гиперпространственных путешествий. На Компореллоне толкуют даже о легендарном основателе по имени Бенбелли, хотя не могут точно сказать, откуда он появился. Говорят, что первоначальное название их планеты было «Мир Бенбелли».

— Как ты думаешь, много ли в этом правды, Дженов?

— Как и во всякой легенде — зернышко, да есть.

— Я никогда не слыхал ни о каком Бенбелли, вошедшем в историю. А ты?

— Я тоже. Но ты же знаешь, что в конце Имперской эры отмечалось старательное замалчивание пред-Имперской истории. Императоры в последние беспокойные века Империи были озабочены подавлением местного патриотизма, считая его, видимо, фактором, несущим дестабилизацию. Почти в каждом секторе Галактики, следовательно, истинная история с полными записями и точной хронологией существовала лишь с момента его присоединения к тренторианской Империи или аннексии ею.

— Я не подозревал, что историю так легко уничтожить, — сказал Тревайз.

— Далеко не всегда это происходит таким образом, — ответил Пелорат, — однако решительно настроенное и мощное правительство может сильно исказить историю. В таких случаях ранняя история сводится к рассеянным материалам, вырождается в устные предания. Как правило, такие легенды полны преувеличений и стремятся выставить сектор более древним и могущественным, чем он есть. И неважно, насколько наивны некоторые легенды или насколько невероятны описываемые в них события, эти предания становятся предметом патриотизма среди местного населения, верящего в них. Я мог бы показать тебе рассказы из каждого уголка Галактики, в которых говорится о первоначальной колонизации, начавшейся непосредственно с самой Земли, хотя это не всегда то имя, которое дают планете предков.

— Как еще называют ее?

— Как угодно. Иногда они называют ее «Единственной», а временами — «Старейшей». Или зовут ее «Лунным миром», что, согласно некоторым авторитетам, служит упоминанием о ее гигантском спутнике. Другие утверждают, что это означает «Утерянный мир» и что «Лунный» — вариант слова «Утерянный».

— Дженов, остановись! — мягко сказал Тревайз. — Ты можешь без конца цитировать авторитетов и их противников. Ты говоришь, эти легенды повсеместны?

— О да, мой друг. Именно так. Нужно только разобраться в них, для того чтобы понять эту способность человека — начать с малейшего зернышка правды и накручивать вокруг него слой за слоем совершеннейшее вранье — подобно моллюску Rhamopora, который наслаждается жемчугом на обломок камня. Я пришел к этой точнейшей метафоре только тогда, когда...

— Дженов! Погоди! Скажи, а есть ли что-нибудь в компореллонских легендах, что отличает их от других?

— О! — Пелорат бросил отрешенный взгляд на Тревайза. — Отличия? Ну, например, они утверждают, что Земля относительно близка. Это странно. На большинстве планет, где рассказывают о Земле, каким бы именем ее ни называли, есть тенденция туманно указывать ее местоположение — размещая ее бесконечно далеко или вообще, как говорится, в стране «никогда-никогда».

— Ну да, как некоторые сейшеллы, которые говорили нам, что Гея находится в гиперпространстве.

Блисс рассмеялась.

Тревайз бросил на нее быстрый взгляд:

— Честно-честно. Именно так нам и говорили.

— Да нет, я верю. Просто забавно. Мы не хотим, чтобы нам мешали, и вера сейшеллов в недостижимость Геи — то, что нужно. Где бы мы могли быть в большей безопасности, чем в гиперпространстве? И если люди полагают, что мы находимся там, — это почти то же самое, как если бы Гея там и находилась.

— Да, — сказал Тревайз сухо, — и похоже, есть что-то подобное, что заставляет людей

полагать, что Земли не существует, или что она безумно далеко, или что ее поверхность радиоактивна.

— За исключением, — отметил Пелорат, — компореллонцев, которые утверждают, что она относительно недалеко от них.

— И тем не менее приписывают ей радиоактивную поверхность. Так или иначе, каждый народ, имеющий легенду о Земле, считает ее недостижимой.

— Более или менее так, — сказал Пелорат.

— Многие на Сейшелле говорили, что Гея недалеко от них. Некоторые даже верно определяли ее звезду, но все считали ее недостижимой. Может оказаться, что некоторые компореллонцы, настаивающие на радиоактивности Земли, смогут указать ее звезду. Тогда мы сумеем добраться до этой планеты, даже если они считают ее недостижимой. Добрались же до Геи.

— Гея хотела принять тебя, Тревайз, — возразила Блисс. — Вы были беспомощны в наших объятиях, но мы не думали причинять вам зла. Но что, если Земля столь же могущественна, но не благосклонна? Что тогда?

— Я должен все равно попытаться достичнуть ее и готов к любым последствиям. Однако это моя проблема. Как только я найду Землю и решу направиться к ней, вам будет еще не поздно покинуть корабль. Я высажу вас на ближайшей планете Академии или доставлю обратно на Гею, если пожелаете, а затем отправлюсь к Земле один.

— Дружочек, — с укором проговорил Пелорат, — не говори так. Я не хочу расставаться с тобой.

— А я — с Пелом, — сказала Блисс, нежно коснувшись рукой щеки Пелората.

— Ну что ж, хорошо. Вскоре мы будем готовы к Прыжку на Компореллон, а затем, надеюсь, и к Земле.

Часть вторая Компореллон

Глава третья На орбитальной станции

9

— Тревайз сказал тебе, что мы в любой момент должны быть готовы к Прыжку и полету через гиперпространство? — спросила Блисс, зайдя в каюту. Пелорат оторвался от дисплея и взглянул на нее.

— Да, он только что заглянул и предупредил: «в течение получаса».

— Мне так неприятно, Пел. Терпеть не могу Прыжки. Будто меня наизнанку выворачивает. Пелорат выглядел слегка удивленным.

— Вот уж не думал, что ты — космический путешественник, Блисс, дорогая.

— Я не так уж опытна и не столь самостоятельна. У Геи не было причин для регулярных космических полетов. По своей природе я/мы/Гея не нуждаемся в исследованиях, торговле и других связях через пространство. Но остается необходимость кому-то дежурить на орбитальных станциях...

— Как тогда, когда мы имели счастье встретиться с тобой?

— Да, Пел. — Она нежно улыбнулась ему, — Но иногда приходится посещать Сейшелл и другие звездные системы с разными целями, как правило, тайно. Но, как бы то ни было, Прыжки делать приходится, и, конечно, когда любая часть Геи совершает Прыжок, вся Гея чувствует это.

— Наверное, это не слишком приятно, — посочувствовал Пел.

— Могло быть и хуже. Большая часть Геи не участвует в Прыжке, так что ощущения

получаются, так сказать, разбавленными. Однако я, похоже, более чувствительно воспринимаю Прыжки, чем большая часть Геи. Я уже пыталась объяснить Тревайзу, хотя все на Гее – Гея, отдельные компоненты не идентичны. У нас есть различия, и я по каким-то причинам особенно чувствительна к Прыжкам.

– Постой, – сказал Пелорат, внезапно припоминая, – Тревайз объяснял мне однажды. Это в обычных кораблях ты испытываешь ужасные ощущения. В обычных кораблях ты покидаешь Галактическое гравитационное поле при входе в гиперпространство и возвращаешься в него, выходя в обычное пространство. Именно уход и возвращение приводят к таким ощущениям. Но «Далекая звезда» – гравитационный корабль. Он не зависит от гравитационного поля и, собственно говоря, не покидает его и не возвращается в него. По этой причине мы не почувствуем ровным счетом ничего. Поверь моему опыту.

– Но это просто замечательно. Как жаль, что я не додумалась сказать тебе об этом раньше. Не пришлось бы мучиться и переживать.

– У нашего корабля есть и другое преимущество, – продолжал Пелорат, взяв на себя необычную роль крупного специалиста по вопросам астронавтики. – Обычные корабли в обычном пространстве должны удалиться от объектов с крупной массой, типа звезд, на довольно большое расстояние, для того чтобы произвести Прыжок. Отчасти потому, что чем больше интенсивность гравитационного поля звезды, тем болезненнее ощущения от Прыжка, отчасти потому, что чем сильнее гравитационное поле, тем сложнее системы уравнений, от решения которых зависит безопасность Прыжка и определение точки выхода в обычное пространство. На гравитационном судне, однако, отсутствуют, как я уже сказал, любые ощущения Прыжка. К тому же, корабль снабжен компьютером, который по совершенству значительно превосходит обычные и может решать сложнейшие уравнения с необычайным умением и быстротой. В итоге, вместо того чтобы улетать от звезды пару недель только из-за необходимости выбора безопасной и удобной для Прыжка дистанции, «Далекая звезда» проделывает это всего за два-три дня.

– Это прекрасно, – сказала Блисс. – Трев молодец, может управлять таким необыкновенным кораблем.

Пелорат едва заметно нахмурился:

– Пожалуйста, Блисс, зови, его Тревайз.

– Да, да. Его здесь нет, и я немножко забылась.

– Не стоит. Пусть это войдет у тебя в привычку, милая. Ему не нравится, когда…

– Дело не в имени. Ему не нравлюсь я.

– Это неправда, – горячо возразил Пелорат. – Я говорил с ним о тебе. Подожди, подожди, не хмурься. Я был осторожен и вежлив, детка. Он уверил меня, что дело не в том, что ты ему не нравишься. Он с сомнением относится к Гее и удручен тем, что был вынужден назвать ее будущим человечества. Мы должны считаться с этим. Он наверняка передумает, по мере того как со временем осознает преимущества Геи.

– Надеюсь, что так и будет, но дело не только в Гее. Что бы он тебе ни говорил, Пел, не забывай, что он очень привязан к тебе и не хочет делать тебе больно – он не любит меня.

– Нет, Блисс. У него нет для этого никаких причин.

– Меня не обязаны любить все только потому, что любишь ты, Пел. Дело в том, что Трев, то есть Тревайз, думает, что я робот.

Пелорат необычайно изумился.

– Не может быть. Искусственным человеческим существом? Не может быть!

– Почему ты так удивлен? Гея была создана при помощи роботов. Это общеизвестный факт.

Роботы могли помогать людям, как могут помогать машины, но Гею основали *люди*, люди с Земли. Именно так думает Тревайз. Я точно знаю.

– Но в памяти Геи нет ничего о Земле, я так и сказала тебе и Тревайзу. Однако в древнейших воспоминаниях есть роботы, работающие даже спустя три тысячи лет над задачей превращения Геи в обитаемый мир. В то же время мы формировали Гею как планетарное сознание. Это отнимало много времени, Пел, милый, и стало еще одной причиной того, почему наши ранние воспоминания смутны, и, возможно, дело тут вовсе не во вмешательстве Земли и

уничтожении упоминаний о себе. Тревайз...

— Послушай, Блесс, — сказал озабоченно Пелорат, — но куда же девались роботы?

— Когда создание Геи завершилось, роботы ушли. Мы не хотели, чтобы они оставались на Гее, чтобы стали ее частицами. Мы были убеждены и остаемся при этом мнении сейчас, что длительное присутствие роботов вредно для человеческого общества независимо от того, изоляты люди или планетары. Я не знаю, откуда взялось такое утверждение, но возможно, что оно имеет в своей основе события, датирующиеся очень ранними временами галактической истории, а память Геи не простирается так далеко в прошлое.

— Но если роботы ушли...

— А вдруг некоторые остались? Вдруг я — одна из них? Вдруг мне пятнадцать тысяч лет? Тревайз так думает.

Пелорат обескураженно покачал головой.

— Но ведь это не так.

— А ты в этом уверен?

— Конечно, уверен. Ты не робот.

— Откуда ты знаешь?

— Блесс, я знаю, В тебе нет ничего искусственного. Если уж я не знаю ничего такого, то и никто не знает.

— Но разве не может быть так, что абсолютно во всем, от общего облика до мельчайших подробностей, я неотличима от настоящего человека? Если я такова, как ты сможешь найти различие между мной и настоящим человеком?

— Не думаю, чтобы ты могла быть столь мастерски изготовлена.

— Ну, а если это было возможно, несмотря на то что ты думаешь?

— Я просто не могу поверить.

— Тогда посмотри на это как на гипотезу. Если бы я была неотличимым от человека роботом, как бы ты к этому отнесся?

— Ну, я... я...

— Ну, еще точнее. Допустим, занимался любовью с роботом? Что скажешь?

Пелорат неожиданно щелкнул пальцами.

— А знаешь, есть такие легенды — о женщине, влюбившейся в искусственного мужчину, и... и наоборот. Я-то думал, что это всего лишь аллегория, и никогда не мог вообразить, что эти истории могут иметь отношение к правде. Ни Голан, ни я даже не слышали слова «робот» до тех пор, пока не оказались на Сейшелье, но теперь я понимаю, что упоминаемые в легендах искусственные мужчина и женщина наверняка и были роботами. По-видимому, такие роботы действительно существовали в древние времена. Это означает, что отношение к таким легендам как к вымыслу должно быть пересмотрено...

Он внезапно умолк и, когда Блесс резко хлопнула в ладоши, испуганно вздрогнул.

— Пел, дорогой, ты углубился в мифологию, чтобы уйти от ответа. Я повторяю: как бы ты отнесся к тому, чтобы заниматься любовью с роботом?

Пелорат обескураженно посмотрел на нее.

— Совсем-совсем неотличимым роботом? Таким, что похож на человека, как две капли воды?

— Да.

— Ну... тогда я скажу так: робот, который неотличим от человека, является человеком. Если бы ты даже и была таким роботом, для меня ты все равно останешься человеком.

— Именно это я и хотела от тебя услышать, Пел.

Пелорат немного помолчал и спросил:

— Ну, а теперь, дорогая, может быть, ты скажешь, что ты — настоящий человек и мне не нужно решать эту гипотетическую проблему?

— Нет. Не скажу. Ты определил настоящего человека как объект, имеющий все свойства человеческого существа. Если тебя устраивает то, что я обладаю всеми этими свойствами, тогда дискуссия окончена. Мы пришли к рабочему определению и не нуждаемся в ином. Кроме всего прочего, как я могу узнать, что ты, например, не робот, которому посчастливилось оказаться неотличимым от человека?

– Но я же сказал тебе, что я не робот.

– О, но если бы ты был таким роботом, то мог бы быть устроен так, чтобы утверждать, будто ты – настоящий человек, и мог бы даже быть запрограммирован на веру в это утверждение. Рабочее определение – вот все, что у нас есть, и все, что у нас может быть.

Она обвила шею Пелората руками и поцеловала его. Поцелуй становился все более страстным и продолжался, пока Пелорат не оторвался от губ Блисс и не сказал вполголоса:

– Мы обещали Тревайзу не смущать его, превращая полет в свадебное путешествие.

– Давай не будем думать об этих обещаниях, – умоляюще проговорила Блисс.

– Не могу, дорогая, – покачал головой Пелорат. – Знаю, это обидит тебя, Блисс, но я все время думаю... Словом, я не могу позволить эмоциям захватить меня целиком. Эта черта характера развивалась во мне всю мою жизнь и, вероятно, досаждает окружающим. Я никогда не жил бы с женщиной, которая бы начинала возражать, против этого рано или поздно. Моя первая жена... но я полагаю, что это не совсем подходящая тема для разговора...

– Да, не очень-то, но... Впрочем, ты не первый мой любовник.

– О! – сказал Пелорат в замешательстве, но затем, заметив добрую улыбку Блисс, продолжил: – Я хочу сказать, что все понимаю. Конечно, нет. Я даже не задумывался, какой я у тебя по счету. Все равно моя первая жена этого терпеть не могла.

– А я – наоборот. Ты мне очень нравишься такой... задумчивый.

– Не могу поверить. Но я о другом. Робот или человек – не важно. Тут мы согласны. Однако я изолят, и ты знаешь это. Я не часть Геи, и, когда мы ласкаем друг друга, ты разделяешь чувства с не-Геей. Даже когда ты позволяешь мне стать частью Геи на краткий миг, это не могут быть столь же сильные эмоции, какие ты испытываешь, когда Гея любит Гею.

– Любить тебя, Пел, – в этом есть своя прелест. Я не заглядываю дальше в будущее.

– Но это ведь не только твое дело, что ты любишь меня. Ты – это не только ты. Что, если Гея считает подобное поведение извращением?

– Если бы дело обстояло так, я бы знала: ведь я – Гея. А так как мне приятно быть с тобой, Гея это тоже приятно. Когда мы занимаемся любовью, вся Гея разделяет мои ощущения в той или иной степени. Когда я говорю, что я люблю тебя, это означает, что Гея любит тебя, хотя только одна ее часть, которую я собой представляю, принимает в этом непосредственное участие. Ты смущен?

– Я изолят, Блисс, и не совсем улавливаю смысл всего этого.

– Можно представить это в виде аналогии с телом изолята. Когда ты насвистываешь мелодию, все твое тело, весь твой организм, хотел бы свистеть, но непосредственная задача производить звуки доверена твоим губам, языку и легким. Твой правый большой палец в этом не участвует, верно?

– Он может отстукивать ритм.

– Но это не нужно для свиста. Отстукивание ритма – не само действие, но отклик на действие, и, наверное, все части Геи могут откликнуться так или иначе на мои эмоции, как я откликаюсь на твои.

– Значит, мне не стоит мучиться и смущаться?

– Конечно, нет.

– Но у меня все равно какое-то странное чувство ответственности. Когда я пытаюсь доставить тебе счастье, то, оказывается, должен осчастливить распоследний организм на Гее.

– Распоследний атом, если точнее, но ты так и делаешь. Ты добавляешь к чувству общей радости то, что я позволяю тебе ненадолго разделить со мной. Я полагаю, твой вклад слишком мал, для того чтобы его легко было измерить, но он есть, и знание этого должно усилить твою радость.

– Эх, знать бы наверняка, что Голан погружен в маневрирование в гиперпространстве и еще в рубке.

– Хочешь устроить медовый месяц?

– Верно.

– Тогда возьми лист бумаги и напиши: «Медовый месяц, не беспокоить!» Прикрепи его снаружи на двери, и если он захочет войти, то это его проблема.

Пелорат так и сделал, и все дальнейшее происходило уже во время совершения Прыжка.

Но ни Пелорат, ни Блисс не заметили при этом ничего необычного, да и не смогли бы заметить, даже если бы и очень старались.

10

Всего лишь несколько месяцев прошло с того времени, когда Пелорат познакомился с Тревайзом и впервые в жизни покинул Терминус. До той поры, больше пятидесяти лет (галактических стандартных лет), он не расставался с родной планетой.

Думая о себе, он считал, что стал за эти месяцы старым космическим волком. Он повидал из космоса уже три планеты: сам Терминус, Сейшелл и Гею. А сейчас на обзорном экране он видел четвертую, правда, пока через компьютерную телескопическую установку. Этой планетой был Компореллон.

И вновь, уже в четвертый раз, Дженоу был немного разочарован. Несмотря ни на что, он все еще ожидал, что, глядя на обитаемую планету из космоса, можно увидеть очертания ее континентов, окруженных морем, или, если это относительно безводная планета, очертания ее озер, окруженных сушей.

И никогда не видел ничего подобного.

Если планета была обитаема, она имела как атмосферу, так и гидросферу, а если там были вода и воздух – были и облака, заслонявшие обзор. И теперь Пелорат, глядя вниз, наблюдал лишь белые клочья туч с бледно-голубыми или ржаво-коричневыми проблесками.

Он удивлялся, как можно идентифицировать планету, наблюдая ее с расстояния в триста тысяч километров. Как можно отличить одно скопление облаков от другого?

Блисс взглянула на Пелората с некоторым недоумением:

– Что с тобой, Пел? У тебя такой огорченный вид.

– Думаю о том, что все планеты из космоса выглядят одинаково.

– Что ж из того, Дженоу? – спросил Тревайз. – Любые побережья на Терминусе выглядят совершенно одинаково, пока они едва видны на горизонте, до тех пор пока ты не отыщешь какую-нибудь необычную горную вершину или прибрежный островок характерной формы.

– Наверное, – с явным неудовлетворением проговорил Пелорат, – но что можно высмотреть в массе несущихся облаков? И даже если попытаешься, то, прежде чем сможешь что-то разглядеть, наверняка уже окажешься надочной стороной.

– А ты приглядись получше, Дженоу. Если рассмотришь внимательно облачный покров, то увидишь, что облака стремятся сложиться в узор, покрывающий всю планету, и этот узор движется вокруг центра. А центр находится, как правило, поблизости от одного из полюсов.

– Какого из них? – с интересом спросила Блисс.

– Так как, с нашей точки зрения, планета вращается по часовой стрелке, мы смотрим, по определению, на южный полюс. Центр здесь смешен примерно на пятнадцать градусов от терминатора – планетарной линии тени – и ось вращения планеты наклонена на двадцать один градус от перпендикуляра к плоскости вращения, значит, мы либо в середине весны, либо в середине лета. Компьютер может вычислить орбиту и сообщить мне краткие данные, если я попрошу его. Столица находится в северном полушарии, так что там середина осени или зимы.

Пелорат нахмурился.

– Ты можешь определить все это?

Он смотрел на слой облаков, словно ожидая, что они могут поведать нечто подобное и ему, но этого, конечно, не произошло.

– Да, и не только это, – кивнул Тревайз. – Если посмотришь на полярные области, то увидишь, что здесь нет разрывов в облачном слое, в отличие от областей, удаленных от полюсов. На самом деле здесь заметны разрывы, но сквозь них ты видишь лед, то есть белое на белом.

– О! – воскликнул Пелорат. – А я думал, так должно быть только на полюсах.

– На обитаемых планетах, безусловно. Безжизненные планеты могут быть безвоздушными или безводными, а могут иметь характерные признаки, указывающие, что их облака состоят не из водяного пара, а лед состоит не из воды. На этой планете такие признаки отсутствуют, так что мы можем быть уверены, что здешние облака насыщены водой и лед состоит из нее. Кроме

того, можно отметить размер области сплошной белизны на дневной стороне терминатора, и наметанный глаз определит, что она больше средней. Затем можно различить явственный оранжевый отблеск (хотя и довольно слабый) отраженного света, и это означает, что солнце Компореллона существенно холоднее солнца Терминуса. Хотя Компореллон ближе к своей звезде, чем Терминус к своей, но близок не настолько, чтобы компенсировать ее более низкую температуру. Следовательно, Компореллон – холодный мир, хотя и обитаемый.

– Ты, дружочек, читаешь планету как книгу! – восхищенно проговорил Пелорат.

– Не обольщайся, – улыбнулся Тревайз. – Компьютер выдает мне запрошенные статистические данные о планете, включая и сведения о немного пониженной средней температуре. А из этого легко вывести остальные параметры. Фактически Компореллон находится в преддверии ледникового периода и уже переживал бы его, если бы конфигурация его континентов более соответствовала этим условиям.

Блисс прикусила губу.

– Мне не нравятся холодные планеты.

– У нас есть теплая одежда, – ответил Тревайз.

– Это не имеет значения. Люди по своей природе не адаптированы к холодной погоде. У нас нет ни теплой шкуры, ни перьев, ни подкожного жира. Холодные планеты, видимо, совершенно равнодушны к благополучию своих составных частей.

– Разве Гея однородно теплый мир?

– По большей части, да. Там есть холодные области для холодолюбивых растений и животных, есть жаркие – для тептолюбивых, но большая ее часть – теплая, где никогда не бывает чрезмерно жарко или холодно, – там живут все остальные, включая людей.

– Ну да, включая людей. Все части Геи равны, но некоторые, вроде людей, видимо, более равны, чем другие.

– Не язви. Это глупо, – сердито сказала Блисс. – Важны только уровень и мощность сознания и разума. Человек – более полезная часть Геи, чем камень той же массы; и свойства, и функции Геи как целого, естественно, смешены в направлении удовлетворения потребностей людей, но не настолько, однако, как на планетах, где обитают изоляты. Более того, бывают периоды, когда функции смешены в другую сторону – когда это необходимо Гее в целом. Не исключено их смещение на длительный период в сторону удовлетворения потребностей горных массивов. Иначе, в случае пренебрежения их потребностями, все части Геи могут пострадать. Нам ведь ни к чему неожиданные извержения вулкана, не правда ли?

– Нет, – согласился Тревайз, – и ожидаемые тоже, на мой взгляд.

– Я тебя не убедила, похоже?

– Пойми, – сказал Тревайз. – У нас есть планеты холоднее среднего и теплее; планеты, где широко раскинулись тропические леса; планеты – сплошные саванны. Нет двух одинаковых, но каждая из них – дом для тех, кто там живет. Я привык к относительной теплоте Терминуса – мы укротили его погоду почти так же, как вы на Гее, но мне нравится время от времени менять обстановку. Что у нас есть, Блисс, и чего нет у Геи – это разнообразие. Если Гея разрастется до Галаксии, не будет ли каждый мир превращен в теплицу? Однообразие может стать поистине непереносимым.

– Если случится такое и если кто-то пожелает разнообразия, оно может быть запрограммировано.

– В качестве подарочка от мозгового центра, так сказать? – ехидно спросил Тревайз. – И ровно столько, чтобы не подумали отделиться? Уж лучше оставить все, как было.

– Но ведь вы сами не оставляете все, как было! Каждая обитаемая планета в Галактике подверглась переделке. До колонизации все они были в первозданном состоянии, которое не устраивало людей, и в итоге все планеты переделывали под себя, на свой вкус. Если этот мир холоден, то лишь потому, уверен, что его обитатели не могут согреть его сильнее без больших, непомерных затрат. И даже если так, значит, те области, которые заселены, наверняка искусственно подогреваются в холодные периоды. Так что не стоит восхвалять свои добродетели, говоря о сохранении первозданности миров.

– Ты говоришь от имени Геи, я полагаю.

– Я всегда говорю от имени Геи. Я – Гея.

– Тогда, раз Гея так уверена в своем совершенстве, на что вам сдалось мое решение? Почему вы не можете обойтись без меня?

Блисс помолчала, словно собираясь с мыслями. Затем сказала:

– Потому что глупо и безрассудно чрезмерно доверять самим себе. Мы, конечно, видим свои добродетели более ясно, чем пороки. Мы думаем о том, верно ли то, что мы делаем. Не то, что кажется нам правильным, а то, что объективно правильно, если такое понятие, как объективная истина, существует. Ты оказался наилучшим проводником к объективной истине, какую мы смогли найти. Так что ты указываешь нам путь.

– Объективная истина в том, – печально сказал Тревайз, – что я сам не понимаю сути своего решения и ищу ему оправдание.

– Ты найдешь его.

– Надеюсь.

– Знаешь, дружочек, – вставил Пелорат, – мне кажется, что в последнем споре выиграла Блисс. Почему бы тебе не признаться в том, что ее аргументы оправдывают твоё решение: Гея – будущее человечества?

– Потому что, – резко сказал Тревайз, – я понятия не имел об этих аргументах в то время, когда принимал решение. Я не знал ничего такого о Гее. Что-то еще влияло на меня, по крайней мере, подсознательно, что-то, что не зависело от знаний о Гее. Должно было быть что-то гораздо более важное. Именно это я должен отыскать и понять.

– Не горячись, Голан, – успокаивающе поднял руку Пелорат.

– Я не горячусь. Я просто вне себя. Я не желаю взваливать на себя всю Галактику.

– Я не виню тебя за это, Тревайз, – сказала Блисс, – но и я не виновата, что у тебя такой характер. Когда мы сможем опуститься на Компореллон?

– Через три дня, – ответил Тревайз, – и только после стоянки на одной из орбитальных станций.

– С этим не будет никаких проблем? – спросил Пелорат.

Тревайз пожал плечами.

– Это зависит от количества кораблей, прибывающих на планету, числа орбитальных станций приема, а главным образом, от особенностей правил, регламентирующих доступ в этот мир. Может, сюда вообще запрещено приземляться.

– То есть – как это? – негодующе спросил Пелорат. – Как они могут не пустить к себе граждан Академии? Разве Компореллон не доминион Академии?

– И да, и нет. Это деликатный правовой вопрос, и я точно не знаю, как Компореллон интерпретирует его. Не исключена такая возможность, что посадка будет нам запрещена, но вряд ли.

– А если запретят, что будем делать?

– Что толку гадать, – пожал плечами Тревайз. – Подождем, поглядим. Не стоит ломать голову и строить поспешные планы.

11

Теперь они находились достаточно близко от Компореллона, и планета была видна без телескопического увеличения. Однако, когда такое увеличение включили, стали видны орбитальные станции. Они располагались на большем удалении от планеты, чем другие орбитальные объекты, и были хорошо освещены.

Подлетая к Компореллону, подобно «Далекой звезде», со стороны южного полюса планеты можно было заметить, что половина этих станций постоянно освещена солнцем. Орбитальные станции наочной стороне были видны, естественно, более отчетливо – вспышки света, равномерно расположенные по дуге вокруг планеты. Шесть из них были ясно различимы (остальные шесть находились с дневной стороны) и все кружили вокруг планеты с одинаковой скоростью.

– А другие огоньки, ближе к планете? Что это? – спросил Пелорат, испытывая нечто вроде благоговения при виде такого зрелища.

– Я не так хорошо знаю эту планету, так что не могу поручиться за точность, – сказал

Тревайз. – Может быть, это орбитальные заводы, лаборатории, обсерватории или даже обитаемые города-спутники. Некоторые планеты предпочитают держать все орбитальные объекты на теневой стороне, за исключением станций. Как на Терминусе, к примеру. Компореллон, очевидно, придерживается более свободных принципов.

– А к какой станции мы направимся, Голан?

– Это зависит от хозяев. Я послал запрос о посадке на Компореллон, и мы, вероятно, вскоре получим указания, к какой станции нам лететь и когда. Многое зависит от того, сколько прибывших кораблей хотят в данный момент приземлиться. Если к каждой станции стоит в очередь дюжина кораблей, у нас нет другого выбора, кроме как терпеть и ждать.

– Раньше я всего дважды удалялась на расстояние Прыжка от Геи, и оба раза вблизи Сейшелла. Но так далеко никогда не бывала, – проговорила Блисс.

Тревайз пристально посмотрел на нее.

– Это имеет значение? Ты все еще Гея, не так ли?

На мгновение Блисс нахмурилась, но затем немного смущенно улыбнулась.

– Сейчас ты подловил меня, Тревайз, что да, то да. У слова «Гея» – двойное значение. Оно может быть использовано для обозначения планеты как твердого сферического объекта в космосе. Также можно использовать его и для обозначения живого объекта, входящего частью в эту сферу. Честно говоря, мы вынуждены пользоваться одним словом для этих двух различных понятий, но геянцы обычно понимают из контекста, о чем речь. Я вполне допускаю, что временами изоляты могут быть озадачены из-за таких разнотечений.

– Ну, в таком случае, поставим вопрос так, – сказал Тревайз, – сейчас ты находишься в тысячах парсеков от Геи как сферы; остаешься ли ты при этом все еще частью планетарного организма Геи?

– Если речь об организме, я все еще Гея.

– Без ослабления связи с ней?

– Без особо существенного. Я ведь уже говорила тебе: существует некоторая сложность в том, чтобы оставаться Геей, поддерживая связь с ней через гиперпространство; но я остаюсь ею.

– А тебе не приходило в голову, – спросил Тревайз, – что Гею можно представить в виде Галактического Кракена – мифического монстра, чьи длинные щупальца раскинуты во все стороны? Вам вполне достаточно лишь заслать по несколько геянцев на каждую из населенных планет – вот вам Галаксия и притом прямо сейчас. Собственно говоря, вы, скорее всего, этим не брезгуете. Куда уже засланы геянцы? Наверняка пара-тройка есть на Терминусе и на Тренторе не меньше. Как далеко это зашло?

Блисс явно чувствовала себя неловко.

– Я сказала, что не могу лгать тебе, Тревайз, но это не значит, что я чувствую себя обязанной выкладывать всю правду. Есть вещи, которые тебе знать ни к чему. В том числе – местонахождение и приметы отдельных представителей Геи.

– Могу я хотя бы узнать, зачем они нужны, эти щупальца, Блисс, не зная, куда они тянутся?

– По мнению Геи, ты не должен этого знать.

– Не должен знать! Ну-ну. Догадаться нетрудно. Вы небось считаете себя хранителями Галактики.

– Мы заботимся о покое и безопасности Галактики, Галактики мирной и процветающей. План, разработанный Гэри Селдоном, предназначен для создания Второй Галактической Империи, более устойчивой и жизнеспособной, чем Первая. План, постоянно совершенствуемый Второй Академией, неплохо работает до сих пор.

– Но если откровенно, Гея не стремится к созданию Второй Галактической Империи, верно? Вы хотите создать Галаксию – живую Галактику.

– Если ты согласишься на это, мы надеемся со временем создать Галаксию. Если ты откажешься, мы поможем созданию Второй Галактической Империи, Империи Селдона, и обеспечим ее безопасность, насколько сумеем.

– Но что плохого... – Тут до слуха Тревайза донеслась тихая трель сигнала. – Компьютер зовет, – объяснил Тревайз. – Скорее всего, получены указания насчет подлета к станции. Я

быстроенько.

Голан вошел в рубку, положил ладони на контуры на пульте и обнаружил, что и в самом деле направление на определенную орбитальную станцию получено. Тревайз начал сближение по предписанной траектории подлета.

Подтвердив получение сообщения, Тревайз откинулся на спинку кресла и задумался.

План Селдона! Он так давно не думал о нем... Первая Галактическая Империя распалась, за пятьсот лет выросла и развилась Академия, сперва – в состязании с Империей, потом – на ее руинах, и все в соответствии с Планом.

Произошла, правда, заминка из-за Мула, который грозил разбить План вдребезги, но Академия одолела и его – не исключено, что с помощью вечно потаенной Второй Академии, а может, и с помощью еще более потаенной Геи.

Теперь Плану грозило нечто пострашнее Мула. История отклонялась от обновления Империи к чему-то совершенно непохожему на все известное ранее – Галаксии. И он сам согласился на это.

Но почему? Был ли в Плане изъян? В самых его основах?

На один-единственный, молнией промелькнувший момент Тревайзу показалось, что этот изъян действительно существует, что он знает, в чем этот изъян, знал, когда принимал решение, – но знание... или иллюзия его... исчезло так же быстро, как и пришло, и оставило наедине с пустотой.

Возможно, все это всегда было только иллюзией; и тогда, когда он принял решение, и сейчас. Ведь, честно говоря, он не знал почти ничего о Плане, не считая основных положений, которые стали краеугольными камнями психоистории. Подробности ему были неведомы, не говоря уже о математических тонкостях.

Он закрыл глаза и сосредоточился.

Ничего не вышло.

Может, компьютер поможет? Тревайз положил руки на пульт и ощутил тепло от соприкосновения с компьютером. Он закрыл глаза и снова сосредоточился.

И снова ничего не вышло.

12

Компореллонец, прибывший на борт корабля, предъявил голограммическую идентификационную карточку. На ней его округлое, с короткой бородкой лицо было передано с потрясающей точностью. Внизу стояло имя: А. Кендрей.

Он был невысокого роста. Вся фигура у него была такая же округлая, как физиономия. Глаза его глядели весело, вел он себя обходительно, а корабль осматривал с нескрываемым удивлением.

– Как это вам удалось так быстро снизиться? Мы ожидали вас не раньше, чем через два часа.

– Корабль новой модели, – дипломатично ответил Тревайз.

Однако Кендрей только с виду казался невежественным юнцом. Войдя в рубку, он поинтересовался:

– Гравитационный?

Тревайз не видел смысла отнекиваться и небрежно кивнул:

– Да.

– Очень интересно. Слышать-слышали, а видеть как-то не доводилось. Двигатели в обшивке?

– Попали в точку.

Кендрей взглянул на компьютер.

– Системы компьютера тоже?

– Да. По крайней мере, мне так говорили. Сам я их никогда не видел.

– Ну да. Будьте добры, я должен взглянуть на судовую документацию: номера двигателей, место производства, идентификационный код и все такое прочее. Уверен – у вас загнано все это в компьютер, Чистая формальность, на полсекунды.

Но процедура заняла гораздо больше времени. Кендрей оглянулся и спросил:

– На борту три человека?

– Да.

– Какие-нибудь животные? Растения? Состояние здоровья?

– Нет. Нет. Хорошее, – отчетливо отвечал Тревайз.

– Угу, – сказал Кендрей, делая пометки. – Не будете ли вы столь любезны приложить сюда вашу руку? Чистая формальность. Правую руку, пожалуйста.

Тревайз взглянул на прибор без особой радости. Он использовался все более и более широко и быстро совершенствовался. Об отсталости планеты можно было теперь запросто судить по качеству микрорадара. В нескольких новых мирах, совсем отсталых, их вообще не имели. Начало этому было положено во времена окончательного распада Империи, когда каждый ее осколок стал проявлять все более растущую озабоченность в самозащите от инфекций и чуждых микроорганизмов.

– Что это? – тихо, но с любопытством спросила Блисс, наклонившись над прибором и оглядев его со всех сторон.

– Микрорадар, – сказал Пелорат, – наверное, так он называется.

– Ничего загадочного, – добавил Тревайз. – Он автоматически проверяет кусочек вашего тела, изнутри и снаружи, на присутствие микроорганизмов, способных вызывать болезни.

– Он способен также классифицировать микроорганизмы, – уточнил Кендрей с нескрываемой гордостью. – Он разработан здесь, на Компореллоне. Если вы не против, я все еще в ожидании.

Тревайз протянул правую руку и стал смотреть, как серия маленьких красных точек затанцевала вдоль ряда горизонтальных линий, Кендрей прикоснулся к кнопке, из прибора выпала цветная копия этой картинки.

– Будьте добры подписать здесь, сэр, – сказал он.

Тревайз подписал.

– Ну как? – спросил он. – Надеюсь, я не слишком опасен?

– Я не физиолог, так что не могу сказать точно, но отметок, при наличии которых вы должны быть отправлены назад или поставлены на карантин, я не вижу. Это все, что меня интересовало.

– Просто подарок судьбы, – сухо сказал Тревайз, тряхнув затекшей рукой.

– Теперь вы, сэр.

Пелорат сунул руку в щель детектора немного боязливо, а затем подписал копию.

– Вы, мэм?

Спустя мгновение Кендрей, глядя на результат, ошеломленно проговорил:

– Никогда не видел ничего подобного... – Он восхищенно взглянул на Блисс. – Все анализы отрицательны! Все до одного!

Блисс очаровательно улыбнулась:

– Как замечательно!

– Да, мэм. Я завидую вам. – Он снова взглянул на первую копию. – Вашу идентификационную карточку, мистер Тревайз.

Тревайз протянул ему карточку. Кендрей заглянул в нее и удивленно посмотрел на Тревайза.

– Советник Магистратуры Терминуса?

– Совершенно верно.

– Высокопоставленный чиновник Академии?

– Совершенно верно, – холодно сказал Тревайз. – Если позволите, давайте побыстрее закончим.

– Вы капитан корабля?

– Да, я.

– Цель визита?

– Безопасность Академии – вот все, что я могу вам ответить. Надеюсь, это ясно.

– Да, сэр. Как долго вы намерены здесь пробыть?

– Не знаю. Возможно, неделю.

– Очень хорошо, сэр. А другой джентльмен?

– Это доктор Дженов Пелорат. У вас есть его подпись, и я ручаюсь за него. Он ученый с Терминуса и мой помощник в том деле, ради которого я здесь.

– Я понимаю, сэр, но я должен посмотреть его идентификационную карточку. Закон есть закон, увы. Надеюсь, вы меня понимаете, сэр.

Пелорат протянул свой документ.

Кендрей кивнул.

– А вы, мисс?

Тревайз сказал тихо:

– Нет нужды беспокоить леди. Я ручаюсь и за нее тоже.

– Да, сэр, но мне нужна идентификационная карточка.

– Я сожалею, но у меня нет никаких документов, сэр, – сказала Блисс.

Кендрей нахмурился.

– Прошу прощения!

– Эта юная леди не успела ничего взять с собой. По оплошности. С ней все в порядке, Тут я несу полную ответственность.

– Я хотел бы позволить вам это, но не могу. Ответственность здесь несу я. Но это не так уж важно. Получить дубликат несложно. Юная мисс, я полагаю, с Терминуса?

– Нет.

– Но хотя бы с территории Академии?

– Нет.

Кендрей пристально посмотрел на Блисс, затем на Тревайза.

– Это усложняет дело, Советник. Получение дубликатов с планеты, не входящей в пределы владений Академии, потребует дополнительного времени. Мисс Блисс, назовите планету, откуда вы родом, и мир, гражданкой которого вы являетесь. Затем придется ждать получения дубликата идентификационной карточки.

– Погодите, мистер Кендрей, – сказал Тревайз. – Я не вижу причин для задержки. Я высокопоставленный чиновник Академии и здесь с миссией огромной важности. Меня не должна задерживать бумажная рутинा.

– Я не виноват, Советник. Если бы это зависело от меня, я позволил бы вам опуститься на Компореллон прямо сейчас, но надо мной висит толстенный свод правил. Я должен поступать согласно этому своду, или он обрушится на меня. Наверное, на Компореллоне вас ожидает важная персона. Если вы скажете мне, кто это, я свяжусь с этим человеком, и если мне прикажут пропустить вас, я так и сделаю.

Тревайз мгновение помедлил.

– Это будет недипломатично, мистер Кендрей. Могу я поговорить с вашим непосредственным начальником?

– Конечно, можете, но вряд ли вам удастся увидеться с ним немедленно.

– Я уверен, что он придет сразу же, когда поймет, что будет говорить с чиновником из Академии.

– Пожалуй, – сказал Кендрей, – но, между нами говоря, это только ухудшит положение дел. Мы не часть территории метрополии Академии, как вам должно быть известно. Мы присоединились к ней как союзная планета и воспринимаем это исключительно серьезно. Люди беспокоятся, как бы Компореллону не превратиться в марионетку Академии – так у нас говорят, уж вы простите, и демонстративно выдерживают дистанцию между Компореллоном и Академией, выказывая свою независимость. Мой начальник заработает в глазах планеты больше очков, если воспротивится предоставлению особых привилегий чиновнику из Академии.

Тревайз помрачнел.

– И вы тоже?

Кендрей покачал головой.

– Я вне политики, сэр. Никто ни за что мне никаких очков не начислит. Я буду счастлив, если мне хотя бы выплатят жалование. Получить я ничего не получу, а вот разжаловать могут и очень даже просто.

– Но, учитывая мой пост, я смог бы позаботиться о вас.

– Нет, сэр. Извините, если это звучит дерзко, но я не думаю, что вам это под силу. И еще, сэр, мне даже неловко говорить, только, пожалуйста, не предлагайте мне ничего цепного. Известны примеры, когда наши чиновники принимали подобные предложения, а когда все это раскрывалось, им не поздоровилось.

– Я и не думал давать вам взятку. Я только представил, что мэр Терминуса может сделать с вами, если вы помещаете моей миссии.

– Советник, я в совершенной безопасности до тех пор, пока мне порукой свод правил. Если члены Президиума Компореллона получат какой-либо выговор от Академии, это их забота, а не моя. Единственное, чем могу помочь, сэр, так это пропустить на корабле вас и доктора Пелората. Если вы оставите мисс Блисс на орбитальной станции, мы задержим ее здесь ненадолго и отправим на Компореллон, как только прибудет дубликат ее бумаг. Если ее документы по какой-либо причине не прибудут, мы будем вынуждены отправить ее назад, на ее планету, с торговым кораблем. Боюсь, впрочем, что в этом случае кому-нибудь придется оплатить ей дорогу.

Тревайз заметил, как отреагировал на это заявление Пелорат, и сказал:

– Мистер Кендрей, могу я поговорить с вами с глазу на глаз в рубке?

– Хорошо, но я не могу слишком долго оставаться на борту, иначе это вызовет законное подозрение.

– Это совсем ненадолго, – заверил Тревайз. Войдя в рубку, Тревайз демонстративно закрыл поплотнее дверь и проговорил вполголоса:

– Я бывал во многих местах, но нигде не встречал таких суровых требований по соблюдению выполнения мельчайших подробностей правил иммиграции, особенно для граждан Академии и ее чиновников.

– Но юная леди не из Академии.

– Ну и что?

– Порядок есть порядок. У нас, видите ли, вышло несколько крупных скандалов, и теперь все очень ужесточилось. Если вы вернетесь к нам через год, вы, скорее всего, не встретите никаких затруднений, но сейчас я ничего не могу поделать.

– Попытайтесь, мистер Кендрей, – сказал Тревайз, его голос стал гораздо мягче. – Я готов положиться на ваше милосердие. Давайте поговорим как мужчина с мужчиной. Пелорат и я выполняем эту миссию уже довольно давно. Он и я. Только он и я. Мы добрые друзья, но одиночество оказывается, если вы меня правильно понимаете. Не так давно Пелорат познакомился с этой миленькой леди. Не буду говорить вам, что и как произошло, но мы решили взять ее с собой. Общение с ней в известном смысле поддерживает наше здоровье. Вопрос, однако, в том, что Пелорат связан узами брака на Терминусе. Я свободен, но Пелорат старше и вошел в тот возраст, когда мужчин тянет на «подвиги». В такие лета стремятся вернуть назад молодость и все с ней связанное. Он не может ее бросить. В то же время, если она будет фигурировать официально, хорошенъкая встреча ожидает старину Пелората, когда он вернется на Терминус. Никакого вреда от нее не будет, вы же понимаете. Мисс Блисс, как она себя называет, – славненькое имечко, учитывая ее профессию, – не блещет умом; мы не за это ее взяли с собой. Стоит ли вам вообще упоминать ее? Не могли бы вы внести в список только меня и Пелората? Первоначально ведь только мы в них и значились, когда покидали Терминус. Не стоит официально включать в список женщину. Кроме всего прочего, она абсолютно стерильна. Вы сами это установили.

Лицо Кендрея приняло официальное выражение.

– Я на самом деле не хочу причинять вам неудобства. Я готов войти в ваше положение и, поверьте, сочувствую вам. Послушайте, если вы думаете, что нести месяцами вахту на этой треклятой станции – шуточное дело, то вы жестоко ошибаетесь. И дело тут не в воспитании, это же Компореллон. – Он покачал головой. – И у меня тоже есть жена, так что я понимаю. Но поймите и вы, даже если я пропущу вас, как только обнаружится, что – уфф! – леди без документов, ее арестуют, у вас и мистера Пелората будут неприятности и вы будете вынуждены вернуться на Терминус. А сам я, как пить дать, полечу с работы.

– Мистер Кендрей, – сказал Тревайз, – положитесь на меня. Как только я окажусь на

Компореллоне, я буду в безопасности. Я смогу поговорить о моей миссии с нужными людьми, и, когда это будет сделано, неприятностей больше уже ни за что не возникнет. Я принимаю на себя полную ответственность за все, что произойдет, если произойдет, в чем я сильно сомневаюсь. Более того, я порекомендую повысить вас в должности, и вы обязательно получите повышение. Терминус всегда поддерживает нужных людей. А заодно дадим Пелорату поразвлечься.

Кендрей замялся, затем сказал:

– Ладно. Так и быть. Я пропущу вас, но предупреждаю: с этого момента я буду настаивать на своем алиби. Придется спасать свою шкуру, если все выплынет. Я пальцем не пошевелью, учтите, чтобы спасти ваши. Кроме того, я знаю, как обстоят дела на Компореллоне, а вы – нет; а Компореллон – жесток с теми, кто преступил закон.

– Благодарю вас, мистер Кендрей, – сказал Тревайз. – Моя шкура примет огонь на себя. Будьте покойны.

Глава четвертая На Компореллоне

13

Их пропустили. Орбитальная станция маленькой звездочкой растаяла позади. Через пару часов корабль должен был пройти сквозь облачный слой.

Гравитационному кораблю не было нужды гасить скорость на спиральной орбите, но все-таки он не мог сразу нырнуть вниз. Свобода от гравитации – это одно, но сопротивление воздуха остается, и никуда от него не денешься. Корабль мог спускаться по прямой, соблюдая при этом определенную осторожность: этот маневр нельзя было осуществлять на слишком большой скорости.

– Где мы спустимся? – озабоченно спросил Пелорат. – Я не могу отличить сквозь облака одно место от другого.

– Я тоже, не переживай, – успокоил его Тревайз, – но у нас есть официальная голограммическая карта Компореллона, на которой виден рельеф материков и океанского дна – и политическое деление, кстати, тоже. Карта занесена в память компьютера, и это позволит сохранить ориентацию. Он совместит узор материков и морей планеты с картой, правильно сориентирует корабль и доставит нас к столице по спиральной траектории.

– Если мы появимся в столице, то немедленно попадем в атмосферу политических интриг. Раз там так сильны антиакадемические настроения, как говорил таможенник, нас могут ждать неприятности.

– Верно, но столица – это интеллектуальный центр планеты, и нужную информацию мы найдем либо здесь, либо нигде. Даже если тут недолюбливают Академию, сомневаюсь, что они чересчур откровенно высказывают эту нелюбовь. Мэр не питает ко мне большой и светлой любви, но все равно не позволит пренебрежительно обращаться с Советником, возникновения прецедента не допустит.

Блисс вышла из туалета с влажными после мытья руками, оправила платье, нисколько не смущаясь от присутствия мужчин, и спросила:

– Надеюсь, экскременты включены в замкнутый цикл?

– Несомненно, – ответил Тревайз. – Как ты думаешь, надолго ли хватило бы нам запаса воды без переработки экскрементов? На чем, по-твоему, растут эти изысканно приправленные дрожжевые брикеты, которые мы едим, чтобы добавить пикантности нашим замороженным продуктам? Я не испортил тебе аппетит, Блисс?

– Вовсе нет. Откуда, по-твоему, пища и вода появляются на Гее? Или на этой планете? Или на Терминусе?

– Ну, на Гее, конечно, – хмыкнул Тревайз, – экскременты такие же живые, как и вы.

– Не живые. Обладающие сознанием. В этом вся разница. Уровень сознания, естественно, очень низкий.

Тревайз брезгливо фыркнул, но ничего не ответил. Он только сказал:

— Я иду в рубку составить компанию компьютеру. Хотя он, честно говоря, в ней не нуждается.

— Может мы присоединиться к компании, которая ему не нужна? — спросил Пелорат. — Я не могу успокоиться и окончательно поверить, что компьютер может доставить нас вниз самостоятельно, что он способен чувствовать близость других судов, приближение шторма или что там еще.

Тревайз широко улыбнулся.

— Зря сомневаешься. Компьютер управляет кораблем намного лучше меня. Ладно, пошли. Пожалуй, вам стоит посмотреть.

Они находились над солнечной стороной планеты; как объяснил Тревайз, карта в компьютере легче совмещается с реальным рельефом при солнечном свете, чем в темноте.

— Это очевидно, — сказал Пелорат.

— Не так уж и очевидно. Компьютер почти столь же быстро может сканировать местность и в инфракрасном свете, который поверхность излучает даже в темноте. Однако большая длина волн инфракрасного диапазона не позволяет компьютеру добиться такого же разрешения, как в диапазоне видимого света. Это означает, что компьютер не может видеть так же отчетливо в инфракрасных лучах, и, когда это не сверхнужно, я предпочитаю облегчить ему работу.

— А что, если столица наочной стороне?

— Шансы примерно равные, — сказал Тревайз, — но если и так, то, как только карта будет совмещена с поверхностью при дневном свете, мы сможем совершенно уверенно спуститься к столице даже в полной темноте. И задолго до того, как мы к ней приблизимся, нас перехватят микроволновые лучи и сориентируют на наиболее удобный космопорт. Беспокоиться совершенно не о чем.

— Ты уверен? — спросила Блисс. — Ведь я без документов. Я обязана, как меня проинструктировали, ни в коем случае нигде не упоминать Гею. И что же мы будем делать, если у меня попросят документы, как только мы ступим на поверхность?

— Этого не должно случиться, — сказал Тревайз. — Все будут думать, что проверку мы прошли на орбитальной станции.

— А если все-таки потребуют?

— Будет день — будет пища. А пока и гадать не стоит.

— Знаешь, когда мы столкнемся лицом к лицу с трудностями, может оказаться слишком поздно.

— Я полагаюсь на мою изобретательность.

— Кстати, об изобретательности. Как ты ухитрился протащить нас через орбитальную станцию?

Тревайз взглянул на Блисс, и его губы медленно расплылись в загадочной улыбке, он стал похож на проказливого ребенка.

— Ум, ребята, с которым у меня все в порядке.

— Чем ты взял, дружочек? — спросил Пелорат.

— Все дело было в том, чтобы представить таможеннику ситуацию в нужном свете. Пытался запугать поначалу, сулил взятку. Я апеллировал к его разуму, лояльности к Академии. Ничего не вышло, и пришлось выложить последний козырь. Я сказал, что мы все дружно обманываем твою жену, Пелорат.

— Мою жену? Но, дружочек дорогой, у меня нет сейчас никакой жены.

— Я-то знаю, а он — нет.

— Под женой, я полагаю, вы подразумеваете некую женщину, которая является единичной, постоянной партнершей мужчины? — спросила Блисс.

— Поднимай выше, Блисс, — ответил Тревайз. — Постоянной партнершей с преимущественными правами, вытекающими из этого партнерства.

— Блисс, у меня *действительно* нет никакой жены, — занервничал Пелорат. — Раньше была, но теперь нет, притом довольно давно. Если ты желаешь совершил законный ритуал...

— О, Пел, — сказала Блисс и словно отмахнулась от чего-то, — зачем мне это? У меня неисчислимое множество партнеров, так же близких мне, как одна твоя рука близка другой. Это

только изоляты чувствуют себя настолько отчужденными, что нуждаются в заключении искусственных договоренностей в целях иллюзорной замены истинного чувства партнерства.

— Но я изолят, Блисс, дорогая.

— Ты можешь со временем стать меньшим изолятом, чем теперь, Пел. Возможно, ты никогда не вольешься до конца в Гею, но уже и не будешь в полном смысле слова изолятом. Ты поймешь это, когда ощутишь заливающий тебя поток любви.

— Мне нужна только ты, Блисс.

— Это потому, что ты ничего об этом не знаешь. Но ты сможешь узнать.

Тревайз во время этого диалога не спускал сосредоточенного нетерпеливого взгляда с обзорного экрана. Облачное покрывало приближалось, и спустя мгновение все поле зрения окутал густой серый туман.

«Микроволновый диапазон», — мысленно скомандовал он, и компьютер немедленно переключился на распознавание отраженных сигналов радара. Облака вскоре исчезли, и на экране появилась поверхность Компореллона, окрашенная в разные цвета. Границы между областями с различной поверхностью слегка расплывались и подрагивали.

— Так и будет? — с некоторым разочарованием спросила Блисс.

— Да, пока не опустимся ниже облаков. А потом снова увидим все при солнечном свете.

И стоило ему только это сказать, как засияло солнце и нормальная видимость восстановилась.

— Понятно, — сказала Блисс, глядя на экран. Потом, повернувшись к Тревайзу, продолжила: — Зато непонятно другое. Почему для таможенника с орбитальной станции было так важно, обманывает ли Пел свою жену?

— А я сказал тому парню, Кендрею, что, если он отправит тебя назад, этот слух долетит до Терминуса и, естественно, до жены Пелората. Пелорат вследствие этого может попасть в пикантное положение. Я не уточнял, какого sorta неприятности его ожидали, но я старался, чтобы прозвучало так, словно дело его будет совсем худо. Есть такая штука — мужское братство, — ухмыльнулся Тревайз, — и один мужчина никогда не выдаст другого. Даже поможет, если нужно. Все очень просто! В другой раз они запросто могут поменяться ролями. Есть у меня подозрение, — сказал он с напускной серьезностью, — что подобное братство существует и у женщин, но, будучи женщиной, я никогда не смогу в этом убедиться наверняка.

Лицо Блисс стало похоже на хорошенкую грозовую тучку.

— Это что, шутка? — обеспокоенно спросила она.

— Нет. Я серьезен, как никогда, — ответил Тревайз. — Я не утверждаю, что Кендрей разрешил нам посадку на Компореллон только ради того, чтобы спасти Дженона от гнева супруги. Мужская солидарность могла просто стать последней каплей в чаше моих аргументов.

— Но это же ужасно! — воскликнула Блисс. — Законы, именно законы помогают сплочению общества и связывают его воедино. Неужели это так легко и просто — пренебречь законами из-за таких пустяков?

— Ну, — протянул Тревайз, мгновенно перейдя к обороне, — некоторые из этих законов сами по себе пустяшны. Кое-какие планеты жутко ревниво относятся к посещениям своих секторов даже во времена мира и коммерческого процветания, какое сейчас царит благодаря Академии. Компореллон по каким-то причинам выделяется из общей массы. Внутренняя политика — дело темное. С какой же стати мы должны из-за этого страдать?

— Ты увиливаешь от ответа. Если мы будем повиноваться только тем законам, которые считаем справедливыми и разумными, то законов не останется совсем, потому что нет закона, который хотя бы кто-нибудь не счел несправедливым. И если только пожелаем, то всегда сумеем найти причины не исполнять те или иные законы. А там недалеко до анархии и катастрофы, даже для самого ловкого проныры, не пережить катаклизма беззакония.

— Общество так легко не рушится, — сказал Тревайз. — Ты говоришь как Гея, а Гея, вероятно, не может понять тонкости сообщества свободных индивидуумов. Законы, установленные справедливо и разумно, могут без труда выжить и сохраниться при любой погоде, но могут оставаться в силе и по инерции. Раз так, нарушать эти законы даже полезно — в знак признания того, что они стали больше не нужны или даже вредны.

— Тогда даже вор и убийца может утверждать, что он действует на пользу общества.

— Ты кидаешься в крайность. В суперорганизме Геи законы принимаются по всеобщему согласию, и никому не приходит в голову их нарушать. Можно сказать, что Гея живет как растение. В свободном сообществе присутствует элемент беспорядка, но это цена, которую приходится платить за способность создавать что-то новое и меняться. В целом, это разумная цена.

Блисс заметно повысила голос:

— Ты абсолютно неправ, если думаешь, что Гея живет как растение. Наши поступки, критерии, взгляды постоянно находятся под контролем. Гея развивается, переживая и думая, и, следовательно, меняется при необходимости.

— Если даже все обстоит именно так, как ты говоришь, ваши самоконтроль и развитие наверняка слабы, потому что на Гее нет ничего, кроме Геи. У нас же, даже когда почти все согласны, обязательно отыщется несколько упрямцев, и порой именно они оказываются правы. Если же они достаточно умны, энергичны и правы, они могут в конце концов победить и стать героями в будущем — подобно Гэри Селдону, который, создав психоисторию, противопоставил свою идею воззрениям всей Галактической Империи и победил.

— Он был победителем только до последнего времени, Тревайз, — возразила Блисс. — Вторая Империя, задуманная им, не родится. Вместо нее родится Галаксия.

— Родится ли? — мрачно буркнул Тревайз.

— Это твое решение, и, как бы ты ни спорил со мной о преимуществах изолятов, об их свободе становиться глупцами и преступниками, что-то, скрытое в тайниках твоего сознания, заставило тебя выбрать Гею.

— Сейчас в тайниках моего сознания, — еще более мрачно сказал Тревайз, — весьма приземленные соображения. Для начала — вот это, — кивнув в сторону экрана, на котором огромный город раскинулся до горизонта, добавил он.

Посреди кварталов приземистых строений, окруженные коричневыми полями, покрытыми легким туманом, торчали отдельные небоскребы.

Пелорат покачал головой.

— Как жаль. Я к тому, как трудно вас примирить, но вы втянули и меня в свой спор.

— Не переживай, Дженов, — сказал Тревайз. — Можешь возобновить попытки, когда мы уберемся отсюда. Я клянусь держать рот на замке, если ты постараешься убедить Блисс заняться тем же самым.

«Далекая звезда» послала микроволновый луч, запрашивая разрешение на посадку в космопорте.

14

Кендрей, вернувшись на орбитальную станцию, угрюмо наблюдал, как мимо проплывает «Далекая звезда». Он явно не был доволен собой.

Он садился ужинать, когда один из его напарников, тощий парень с широко поставленными глазами, жидкими светлыми волосами и белесыми бровями, вошел и уселся рядом.

— Что стряслось, Кен?

Кендрей скривился.

— Этот корабль, Гейтис, ну, который только что пролетел, — гравилет.

— Ты про тот странный, с нулевой радиоактивностью?

— Он и не мог быть радиоактивен. Он не нуждается в топливе. Гравилет, говорю же.

Гейтис кивнул.

— Это о нем нас предупреждали, верно?

— Верно.

— И он достался тебе. Счастливчик ты.

— Не сказал бы. У них на борту была женщина без документов, а я не сообщил о ней.

— Что? Заткнись. Я ничего не слышал. Ни слова больше. Хоть ты мне друг, но я не собираюсь задним числом становиться твоим соучастником.

— А я и не боюсь. Бояться-то особо нечего. Я должен был пропустить корабль на

Компореллон. Им нужен был этот гравильт – или любой гравильт. Ты это знаешь.

– Верно, но ты мог бы, по крайней мере, сообщить о женщине.

– Не хотелось. Она незамужем. Ее просто подобрали для… для… ну, ты понимаешь.

– Сколько мужчин на борту?

– Двое.

– И они просто прихватили ее для… для этого? Они, должно быть, с Терминуса.

– Так и есть.

– Чего они только там, на Терминусе, не выделывают.

– Это точно. Что хотят.

– Мерзость какая. И они взяли ее с собой?

– Один из них женат и не хотел, чтобы его жена узнала про все такое… Если бы я сообщил о женщине на борту, его жене все стало бы известно.

– Но ведь эта дамочка не вернется на Терминус?

– Конечно, но его-то жена может узнать.

– Стоило ли тогда проявлять мужскую солидарность?

– Может, и не стоило, но отвечать-то не мне.

– Да тебя в порошок сотрут за то, что ты не сообщил о ней. Забота об этом развратнике – не извинение.

– Может, *ты* сообщишь?

– Наверное, я должен это сделать.

– А вот и не должен. Правительству нужен этот корабль. Если бы я настаивал на включении сведений о женщине в рапорт, экипаж мог бы передумать насчет посадки и махнуть к какой-нибудь другой планете. Наверное, правительству это бы не понравилось.

– А они тебе поверили? Клюнули?

– Думаю, да. Очень милая дамочка, кстати. Представь, такая красотка полетела с двумя мужиками, и чтобы женатый не воспользовался таким случаем… Знаешь, это соблазнительно.

– Сомневаюсь, что ты не против, чтобы твоя мадам узнала о таких словах – да даже о таких мыслях.

– И кто же бросится уведомить ее? Не ты ли? – вызывающе спросил Кендрей. – Давай. Ты знаешь много чего про меня.

Возмущение в глазах Гейтиса сразу угасло, и он сказал, покачав головой:

– То, что ты пропустил их, не принесет этим парням ничего хорошего, да ты и сам все понимаешь.

– Понимаю.

– Там, внизу, дамочку быстренько обнаружат. Тебе это, может, сойдет с рук, а вот им – навряд ли.

– Знаю, – вздохнул Кендрей. – Я виноват перед ними. Чего бы им ни стоило присутствие женщины на борту, это ничто по сравнению с тем, что может случиться из-за корабля. Капитан кое-что сболтнул…

Кендрей умолк, и Гейтис поторопил его:

– Что сболтнул?

– Да так… Только если это выплынет, отвечать придется мне.

– Хорошо. Не хочешь – не говори.

– Не буду. Но я виноват перед этими мужиками с Терминуса.

15

Для любого, кто бывал в космосе и на себе испытал его однообразие, настояще возбуждение от полета приходит во время посадки на очередную планету. Ее поверхность бежит под вами, вы ловите взглядом мельчание земли и воды, геометрических фигур и линий, может быть, это города и дороги. Вы узнаете зелень лесов и травы, серую краску бетона, коричневую – открытой земли, белую – снега. Больше всего вас волнуют населенные участки; города, которые на каждой планете имеют свою планировку и архитектурные особенности.

Будь корабль обычным, и снижение, и посадка были бы более волнующими. «Далекая

«звезда» – дело другое. Она плыла сквозь атмосферу, снижая скорость благодаря мастерской манипуляции сопротивлением воздуха и гравитацией, и наконец замерла над космопортом. Дул порывистый ветер, а это сильно осложняло посадку. Двигатели «Далекой звезды» при посадке почти не оказывали сопротивления гравитационному полю планеты, вследствие чего и вес, и масса корабля снижались, и притом значительно. Если бы масса оказалась близкой к нулю, корабль снесло бы легким порывом ветра. При посадке поле гравитации планеты компенсируется, а вспомогательные реактивные двигатели включаются на небольшую мощность, создавая сопротивление не только притяжению планеты, но и порывам ветра. Без соответствующего компьютера это невозможно было бы сделать с такой точностью.

Вниз, вниз... с неизбежными небольшими смещениями, корабль дрейфовал, пока не опустился на очерченный участок взлетно-посадочного поля.

По бледно-голубому небу плыли легкие белые облака. Ветер дул резкими порывами даже у самой поверхности и, хотя больше не создавал особого риска для навигации, принес с собой холод. Тревайз вздрогнул и поежился, поняв, что их одежда совершенно не годится для компореллонской погоды.

Пелорат, наоборот, с радостью глядел по сторонам, глубоко вдыхал носом этот удивительный воздух и был не против немного охладиться. Он даже нарочно распахнул куртку, чтобы почувствовать ветер грудью. Он понимал, что скоро ему придется застегнуться и повязать шарф, но сейчас ему хотелось ощущать присутствие атмосферы – настоящей, какой не было и не могло быть на корабле.

Блисс поплотнее закуталась в пальто, надела перчатки и натянула на уши шапку. Вид у нее был совсем несчастный – казалось, она вот-вот заплачет.

– Этот мир злой, – пробормотала она. – Он не любит нас. Он нас не хочет.

– Ну почему, Блисс? – возразил Пелорат. – Уверен – местные жители любят свой мир, и он – э-э – любит их, если тебе так больше нравится. Не горюй, мы скоро окажемся в помещении, а там будет теплее.

Сообразив наконец, что словами не согреешь, Пелорат укутал ее курткой, а она крепко прижалась к его груди.

Тревайзу было некогда переживать из-за погоды. Он получил магнитную карточку от портовой службы, проверил ее в своем карманном компьютере и убедился, что она содержит необходимые подробности: номер и место его стоянки, номер и название двигателей корабля и так далее. Проверил еще раз на всякий случай, чтобы убедиться, включена ли охранная сигнализация, застрахован ли корабль по максимуму против всевозможных напастей (дело это было, в принципе, совершенно лишнее, поскольку корабль был абсолютно неуязвим при любых происках компореллонцев с их уровнем техники, а уж, если бы «Далекая звезда» пропала, от страховки не было бы никакого толку).

Тревайз нашел стоянку такси там, где она и должна была быть. (Ряд служб в космопортах по всей Галактике был стандартизован в смысле размещения, внешнего вида и функции. Это было настолько необходимо, принимая во внимание разношерстность прибывающей клиентуры.)

Он вызвал такси, обозначив направление лаконично: «Город».

Такси скользнуло к нему на диамагнитных полозьях, слегка покачиваясь под порывами ветра и дрожа от вибрации своего, прямо скажем, не слишком бесшумного двигателя. На темно-сером корпусе выделялись лишь белые знаки на задних дверцах. На водителе было темное пальто и белая меховая шапка.

Пелорат, кашлянув для уверенности, шепнул:

– Похоже, любимые цвета на этой планете – черный и белый.

– В городе может оказаться повеселее, – предположил Тревайз.

– Прокатимся до города, ребята? – дружелюбно поинтересовался водитель через маленький микрофон, может быть, для того чтобы не открывать окна.

В его выговоре слышалась довольно милая нежная напевность, и понимать его было не так уж трудно – что само по себе очень неплохо на чужой планете.

– Можно, – согласился Тревайз.

Задняя дверь открылась. Блисс, а за ней Пелорат с Тревайзом уселись в такси. Дверь закрылась, и откуда-то сверху хлынул теплый воздух.

Блисс растерла руки и облегченно вздохнула.

Такси медленно тронулось. Водитель спросил:

- А корабль-то ваш – гравилет, небось?
- Если вы видели, как он приземлялся, сомнений у вас быть не должно, – сухо проговорил Тревайз.
- Стало быть, с Терминуса?
- А вы знаете другую планету, где могут собрать такой корабль?

Водитель, похоже, усваивал эту информацию, пока такси набирало скорость. Затем спросил:

- А вы всегда так – вопросом на вопрос?

Тревайз не сдавался:

- Почему бы и нет?
- В таком случае интересно, что вы ответите мне, если я спрошу прямо: «Ваше имя Голан Тревайз?»
- Я могу спросить: «Зачем вам это знать?»

Такси затормозило на окраине космопорта, и водитель сказал, вздернув брови:

- Здорово! Я попробую еще разок: «Вы – Голан Тревайз?»

Голос Тревайза стал холодным и враждебным:

- Какое вам до этого дело?
- Послушайте, – сказал водитель, – мы не двинемся с места, пока вы не ответите на мой вопрос. И если в течение двух секунд вы не дадите ясного ответа – «да» или «нет», – я выключу обогрев салона и подожду. Вы – Голан Тревайз, Советник Терминуса? Если ответ будет отрицательным, вам придется предъявить ваши идентификационные документы.
- Да, я – Голан Тревайз и как Советник Академии требую, чтобы со мной обращались со всей учтивостью, приличествующей моему рангу. Ваша манера обращения со мной может дорого вам обойтись.
- Скажу напрямик. – (Такси снова тронулось.) – Я старательно выбирал своих пассажиров, но предполагал посадить только двух мужчин. Женщина оказалась для меня сюрпризом, и я подумал – вдруг ошибся. Но, поскольку выяснилось, что я все же угадал, попрошу объяснить присутствие женщины, как только мы доберемся до места назначения.
- Вы не можете знать, куда мне нужно.
- Представьте себе, знаю. Вы направляетесь в Департамент Транспорта.
- Вовсе нет.
- Все не так просто, Советник. Если бы я был водителем такси, я бы доставил вас, куда вам угодно. Поскольку я им не являюсь, мы едем туда, куда мне угодно.
- Простите, – сказал Пелорат, наклонившись к водителю, – вы так похожи на водителя такси. И ведете именно такси.
- Кто угодно может вести такси. Но не каждый имеет на это лицензию. И не каждый автомобиль, выглядящий как такси, является таковым.
- Хватит болтать, – прервал его Тревайз. – Кто вы и что вам нужно? Помните, вы ответите за все перед Академией.
- Не я, – ответил водитель. – Мои начальники – возможно. Я всего-навсего агент Службы Безопасности Компореллона. Я выполняю приказ: обращаться с вами со всем почтением к вашему рангу, но везти туда, куда нужно. Советую вам вести себя осторожно. Машина вооружена, а у меня приказ – обороняться в случае нападения.

16

Машина, достигнув крейсерской скорости, двигалась совершенно бесшумно, и Тревайз сидел в этой тишине, как замороженный. Он был уверен, даже не глядя в сторону Пелората, что тот сейчас смотрит на него взволнованно, с застывшим в глазах немым вопросом: «Что нам делать? Пожалуйста, ответь!»

Тревайз украдкой глянул на Блисс. Та сидела спокойно и казалась совершенно беззаботной. А как иначе! Она несла в себе целый мир. Вся Гея, пусть их разделяли громадные

расстояния, умещалась в ней. У Блисс были резервы, которые она могла призвать на помощь в случае реальной опасности.

Но что же произошло?

Ясно, чиновник с внешней станции, следуя заведенному порядку, отослал свой рапорт, не включив в него сведений о Блисс, и это вызвало интерес людей из КСБ и, кроме того, Департамента Транспорта. Почему?

Время было мирное, и Тревайз не слышал ни о каких особых трениях между Компореллоном и Академией. Он сам был важным чиновником Академии...

Так-так... Он сказал таможеннику с орбитальной станции – Кендрей, так его вроде бы звали, – что у него важное дело к правительству Компореллона. Он упирал на это, добиваясь права на посадку. Кендрей наверняка должен был сообщить об этом, а это, должно быть, вызвало такой пристальный интерес властей.

Тревайз не предвидел подобного развития событий, а ведь должен был, по идее.

Куда же девался его так называемый дар провидца? Или он уже сам поверил, что он – черный ящиц, как им его числила Гея? Сел в лужу, поддавшись растущей самоуверенности, основанной на глупом чужом суеверии?

Как он мог себе такое позволить! Неужели он ни разу в жизни не ошибался? Разве он когда-нибудь знал, какая завтра будет погода? Разве он хоть раз выигрывал круглые суммы в лотерею? Нет, нет и нет. Ну, тогда... может, только в великих, глобальных, галактического масштаба делах он мог оказаться прав? Как он мог судить?

Ладно, судить! Это все лирика. В конце концов одно только то, что он заявил о важном государственном деле – нет, он сказал, что речь идет «О безопасности Академии»...

Хорошо. Значит, тот факт, что он появился здесь по делу, касающемуся безопасности Академии, но вел его в тайне, не разглашая его сути... наверняка должен был привлечь внимание здешних властей. Да, но до тех пор пока они не знали, что это за дело, Служба Безопасности должна была действовать очень осмотрительно. Они должны были вести себя учтиво и обращаться с ним, как с важным сановником. Они не должны были похищать его и прибегать к угрозам.

А они именно это и сделали. Почему?

Что заставило их почувствовать себя настолько могущественными, чтобы позволить себе обращаться с Советником с Терминуса подобным образом?

Может быть, дело в Земле? Работала ли сейчас та самая сила, которая скрыла планету-праородительницу так умело даже от величайших менталистов Второй Академии? Не она ли перехватила его на самой первой стадии поисков Земли? Была ли Земля всезнающей? Всемогущей?

Тревайз покачал головой. Нет, это верный путь к паранойе. Винить Землю во всем? Неужели каждый поступок, каждый поворот пути, каждое стеченье обстоятельств – результат тайных действий Земли? Стоило ему начать думать в таком духе, как у него просто руки опускались.

Тут Тревайз почувствовал, что машина тормозит, и от толчка вернулся к реальности.

Они уже долго ехали по городу, а он даже не удосужился посмотреть в окно. Тревайз спешно перевел взгляд па дорогу. Здания были невысокими, но на холодной планете большая часть строений, вероятно, уходила под землю.

Тут не было и в помине ярких цветов – все серое и белое. Это как-то не вязалось с привычками людей.

По улицам брели редкие прохожие, кутаясь в теплую одежду. Правда, основная масса людей могла находиться тоже, по большей части, под землей.

Такси остановилось перед приземистым, широким зданием, построенным в углублении, dna которого Тревайз разглядеть не мог. Прошло некоторое время, но машина оставалась на месте и сам водитель не двигался. Шерстинки меха его высокой белой шапки почти касались потолка салона машины.

Тревайз, неизвестно почему, задумался: как водитель ухитряется входить и выходить из машины, не сбивая при этом шапку с головы? Наконец, с трудом сдерживая возмущение, как и подобало надменному и презирающему всех, кто ему не ровня, сановнику, он прошел сквозь

зубы:

– Ну, водитель, долго мы тут будем торчать?

Компореллонская версия силовой перегородки, отделяющей водителя от пассажиров, была не такой уж примитивной. Звуковые волны могли свободно проникать сквозь нее, но Тревайз не сомневался, что материальные объекты, обладающие солидным запасом энергии, пройти сквозь нее не смогут.

– Сейчас кто-нибудь поднимется и встретит вас, – сказал водитель. – Сидите и не дергайтесь.

Как только он это сказал, над краем углубления, в котором стоял дом, медленно и плавно появились три головы. Вслед за ними вскоре показалось и остальное. По-видимому, новые действующие лица поднимались на каком-то подобии эскалатора, но оттуда, где сидел Тревайз, деталей этого устройства видно не было.

Как только эти трое приблизились, дверь салона такси распахнулась и внутрь хлынул поток холодного воздуха.

Тревайз вышел наружу, подняв воротник куртки. Остальные последовали за ним – Блисс с явной неохотой.

Трое компореллонцев выглядели довольно смешно – на всех были забавные надутые костюмы, вероятно, с электрическим подогревом. Тревайзу стало жалко компореллонцев. Такие костюмы были не в ходу на Терминусе, и однажды ему случилось одолжить пальто с подогревом, когда выпало зимовать на одной из планет Анакреона. Он обнаружил тогда, что нагревается пальто крайне медленно, а когда понимаешь, что тебе стало слишком тепло, ты уже мокрый с ног до головы.

Когда компореллонцы приблизились, Тревайз с гневом обнаружил, что они вооружены. Они и не пытались скрыть это. Напротив, бластер в кобуре у каждого из них болтался поверх одежды.

Один из подошедших, остановившись напротив Тревайза, грубо сказал: «Прошу прощения, Советники, а затем резким движением распахнул на нем куртку. Протянув руки, он быстро провел вверх и вниз по груди и спине Тревайза, затем по бокам и бедрам, затем обыскал куртку. Тревайз был настолько обескуражен, смущен и удивлен, что понял, что это обыск, только тогда, когда все кончилось.

Пелорат, с перекошенным от возмущения и удивления ртом, выдержал обыск, произведенный вторым компореллонцем.

Третий приблизился к Блисс, но она не стала ждать, когда он до нее дотронется. Понимая, что от нее нужно, она сбросила пальто и осталась в легкой одежде под пронизывающим ветром.

– Видите? Я не вооружена, – холодно, под стать погоде, сказала она.

И действительно, это было видно любому. Компореллонец встремился к пальто, словно по его весу мог понять, есть ли там оружие – а может быть, он и вправду мог – и отступил назад.

Блисс накинула пальто, запахнула его, и на мгновение Тревайз восхитился ее поступком. Он знал, как Блисс относится к холоду, но ведь смогла заставить себя не дрожать, стоя на ветру в тонкой блузке и брюках. (Потом он, правда, подумал, не могла ли она при необходимости согреться теплом всей Геи.)

Один из компореллонцев махнул рукой, дав знак прибывшим следовать за ним. Двое других сопровождали их сзади. Пара-тройка прохожих, шедших мимо, не обратили никакого внимания на происходящее. То ли они были привычны к такому зрелищу, то ли (что вернее) их больше занимала проблема того, как бы поскорее попасть в помещение.

Подойдя ближе к краю углубления, Тревайз понял, что их конвоиры поднялись на подъемной рампе. В шестером они тем же путем спустились вниз и миновали шлюз почти такой же сложный, как на космическом корабле. Конечно, он предназначался для удержания внутри не воздуха, а тепла.

И тут они вдруг сразу оказались внутри огромного здания.

Глава пятая Борьба за корабль

Первое впечатление Тревайза было таково, словно он оказался участником гипервизионной драмы – по заурядному историческому роману времен Империи. Здесь все напоминало декорации, что использовались каждым продюсером гипервизионных драм (скорее всего, все они использовали один и тот же комплект декораций), представляющие великий город-планету Трентор, город-повелитель Галактики, во всем его блеске и величии.

Здесь были и просторные площади, и оживленные потоки пешеходов, и юркие машины, несущиеся куда-то по отведенным для них трассам.

Тревайз посмотрел ввысь, почти увереный в том, что увидит аэротакси, исчезающие в туннелях, но не увидел. И вообще стоило первой вспышке удивления угаснуть, как стало ясно, что на самом деле здание значительно меньше, чем то, которое могло бы выситься на Тренторе. Это было всего лишь здание, а не часть неразрывного комплекса, простирающегося на многие тысячи миль во всех направлениях.

Иными оказались и цвета. В гипервизионных драмах Трентор обычно демонстрировали в кричащих тонах, а одежда персонажей была абсолютно несуразна и неудобна. Однако и яркие краски, и причудливые одежды, по задумке, служили чисто символической цели – показать во всей красе упадок (непрекращаемая точка зрения по нынешним временам) Империи и в особенности Трентора.

Однако, если так оно и было на самом деле, Компореллон являл собой полную противоположность этому упадку. Приглушенная цветовая гамма, на которую обратил внимание Пелорат еще в космопорту, полностью сохранилась и здесь.

Темно-серые стены, белые потолки, черная, белая и серая одежда. Часто попадались встречные в абсолютно черных костюмах, еще чаще – в серых, а вот в чисто-белых Тревайз никого не замечал. Фасоны были, правда, различные. Видимо, люди, лишенные возможности пользования красками, все-таки пытались найти способы отстоять свою индивидуальность.

Лица прохожих были невыразительны или, на худой конец, мрачны. У женщин волосы были коротко острижены, а у мужчин – подлиннее, на затылке скрепленные а короткий хвостик. Проходя мимо, никто не смотрел друг на друга. Казалось, тут у каждого на уме некое важное дело и нет в голове места ни для чего больше. Мужчины и женщины, одетые почти одинаково, отличались только длиной волос, выпуклостью груди и шириной бедер.

Троих гостей (или пленников!) провели в лифт, который опустил их на пять уровней. Затем их проводили до двери, на которой мелкими неприметными буквами, белым по серому, значилось: «Мица Лайзалор, МинТранс».

Возглавлявший процессию компореллонец коснулся таблички, которая спустя мгновение вспыхнула. Дверь отворилась, и они вошли.

Кабинет был большой и просторный. Отсутствие обстановки служило, возможно, сознательному воздействию на посетителей и демонстрировало могущество хозяина! кабинета.

Двое охранников стали у дальней стены, с каменными лицами. Их глаза зорко следили за каждым движением вошедших. Большой стол, немного отодвинутый назад, занимал центр кабинета. За столом сидела, по всей видимости, Мица Лайзалор – пышнотелая, с гладкой, холеной кожей, темноглазая. Две ее мускулистые ловкие руки с длинными, приплюснутыми на подушечках пальцами покоились на столе.

МинТранс – «Министр Транспорта», – предположил Тревайз. На ее сером костюме выделялись широкие, ослепительно белые лацканы. Двойная белая полоса пересекалась на груди. Тревайз видел, что, хотя костюм был скроен таким образом, чтобы скрыть выпуклости грудей, белое X невольно влекло к ним взгляд.

Министр, несомненно, была женщиной. Даже не глядя на ее груди, об этом можно было догадаться по коротким волосам; и хотя косметики на ее лице не было, черты его были явно женскими.

Голос у Министра тоже оказался женским – богатым, глубоким контральто.

– Добрый вечер, – сказала она. – Не часто мы удостаиваемся чести принимать у себя людей с Терминуса. А также незарегистрированных женщин.

Ее взгляд скользил с одного на другого, затем остановился на Тревайзе, стоявшем подчеркнуто прямо, не скрывая недовольства.

— К тому же один из вас — член Совета.

— Советник Академии, — сказал Тревайз, стараясь, чтобы голос его гневно звенел. — Советник Голан Тревайз по заданию Академии.

— По заданию? — Министр вздернула брови.

— По заданию, — повторил Тревайз. — Почему же с нами здесь обращаются как с преступниками? Почему нас взяли под стражу вооруженные охранники и доставили сюда, словно пленников? Совету Академии, как вы, надеюсь, понимаете, это не понравится.

— И потом, — вмешалась Блисс, и ее голос прозвучал молодо и звонко по сравнению с голосом Министра, — мы что, так и будем стоять?

Министр окинула Блисс пристальным ледяным взглядом, затем подняла руку и приказала:

— Три стула сюда! Быстро!

Дверь открылась, и трое мужчин, одетых в полном соответствии со скромной компореллонской модой, поспешили внести три стула. Гости сели.

— Теперь, — спросила Министр с ледяной ухмылкой, — вам удобно?

«Вот уж нет», — подумал Тревайз. Стулья подали жесткие, плоские, холодные, и сидеть на них оказалось жутко неудобно.

— Почему мы здесь? — спросил он.

Министр заглянула в бумаги, лежащие перед ней.

— Объясню, как только получу подтверждение имеющимся у меня данным. Ваш корабль — «Далекая звезда» с Терминуса. Это верно, Советник?

— Верно.

Министр выразительно взглянула на Тревайза.

— Я использовала ваш титул, обратившись к вам, Советник. Будьте так добры, используйте и вы мой.

— Будет ли достаточно «Мадам Министр»? Или нужно что-то еще позaborистее?

— Ничего особенного, сэр, и вам даже не нужно использовать оба эти обращения. Или «Министр», или «Мадам», если хотите сэкономить время.

— Тогда я отвечу: «Да, Министр».

— Капитан корабля — Голан Тревайз, гражданин Академии и член Совета Терминуса — новоиспеченный Советник, правда? Вы — Тревайз. Я верно все называла, Советник?

— Да, Министр. И так как я гражданин Академии...

— Я еще не закончила, Советник. Возражать потом будете. Вас сопровождает Дженов Пелорат, ученый-историк, гражданин Академии. Это вы, не так ли, доктор Пелорат?

— Да, это так, моя до... — Он сконфуженно умолк и ответил снова: — Да, это так, Министр.

Министр сцепила пальцы.

— В сообщении со станции, которое передали мне, нет упоминания о женщине. Она тоже член экипажа?

— Да, Министр, — твердо произнес Тревайз.

— Тогда я обращаюсь к ней. Ваше имя?

— Я известна под именем Блисс, — ответила Блисс, сидя прямо и говоря спокойно просто, — хотя мое полное имя длиннее, Мадам. Вы хотите услышать его целиком?

— Пока хватит и так. Вы гражданка Академии, Блисс?

— Нет, Мадам.

— Гражданкой какого мира вы являетесь, Блисс?

— У меня нет документов, подтверждающих гражданство какого-либо мира, Мадам.

— Нет документов, Блисс? — Министр сделала какую-то пометку в бумагах. — Я это отметила. Что вы делали на борту корабля?

— Я пассажир. Мадам.

— Потребовали ли Советник Тревайз или доктор Пелорат ваши документы, прежде чем взять вас на борт, Блисс?

— Нет, Мадам.

— Поставили ли вы их в известность об отсутствии у вас документов, Блисс?

– Нет, Мадам.

– В чем заключались ваши функции на борту корабля, Блисс? Соответствует ли ваше имя этим функциям?

– Я пассажир и не имела других функций, – гордо сказала Блисс.

– С какой стати вы привязались к нашей пассажирке. Министр? – вмешался Тревайз. – Какой закон она нарушила?

Взгляд Министра Лайзалор скользнул с Блисс на Тревайза.

– Вы здесь впервые, Советник, – сказала она, – и не знаете наших законов. Тем не менее вы становитесь их субъектом, если прибываете в наш мир. Вы не приносите с собой свои законы; это общая установка Галактического права, я полагаю.

– Вы правы, Министр, но я все равно не понял, какие из ваших законов она нарушила.

– В Галактике общепринято, Советник, что визитер с планеты, расположенной вне доминионов того мира, который он посещает, обязан иметь при себе документы, удостоверяющие его личность. Многие миры беззаботны в этом отношении – живут за счет туризма или безразличны к порядку. Мы на Компореллоне не таковы. У нас здесь правовое общество. Эта дама – лицо без гражданства и, как таковое, нарушает наш закон.

– У нее не было выбора, – сказал Тревайз. – Я pilotировал корабль. Я привез ее на Компореллон. Она вынуждена была сопровождать нас, Министр, или вы полагаете, она должна была попросить нас вышвырнуть ее в космос?

– Это означает, что вы тоже нарушили наш закон, Советник.

– Нет, это не так, Министр. Я не чужак какой-нибудь. Я – гражданин Академии, а Компореллон с принадлежащими ему мирами входит в территорию Академии на правах ассоциированного члена. Как гражданин Академии я могу свободно путешествовать по Компореллону.

– Конечно, Советник, до тех пор, пока у вас есть документы, подтверждающие ваше гражданство.

– У меня они есть, Министр.

– Но даже будучи гражданином Академии, вы не имеете права нарушать наши законы, привозя с собой лицо без гражданства.

Тревайз помедлил. Ясно: таможенник Кендрей не сдержал слова, так что не было нужды выговаривать его. Он сказал:

– Нас не задержали на иммиграционной орбитальной станции, и я усмотрел в этом позволение взять эту женщину с собой на планету, Министр.

– Это правда, вас не задержали, Советник. Это правда, что о женщине не сообщили служащие иммиграционной станции и она была пропущена. Я могу предположить, однако, что таможенник решил – и совершенно справедливо, – что гораздо более важно пропустить ваш корабль на поверхность и тем самым заполучить его, чем беспокоиться о лице без гражданства. То, что они сделали, прямо скажем, нарушение таможенных правил, и вопрос этот должен быть и будет рассмотрен, безусловно, в соответствующем порядке, но у меня нет сомнений, что решение будет такое: нарушение в данном случае было оправданным. У нас мир твердых законов, Советник, но мы учитываем обстоятельства.

– Тогда я попросил бы объяснить причину вашей суровости, Министр, – немного помолчав, сказал Тревайз, – Если вы действительно не получали информации с орбитальной станции о присутствии лица без гражданства на борту корабля, тогда вы не знали и не могли знать, что мы нарушаем какой-либо закон в то время, покуда шли на посадку. И тем не менее вы были готовы взять нас под стражу, как только мы сели, да вы, собственно, так и сделали. Почему вы это сделали, если у вас не было причин подозревать, что какой-либо закон нарушен?

Министр улыбнулась.

– Мне понятны ваши сомнения, Советник. Уверяю вас, откуда бы мы ни получили подобные сведения касательно вашей пассажирки без документов, они не имеют никакого отношения к тому, что вас взяли под стражу. Мы действуем от имени Академии, с которой, как вы указали, мы состоим в договорных отношениях.

– Но это невозможно, Министр! – уставился на нее Тревайз. – Хуже того, это нелепо.

Министр медоточиво, негромко засмеялась и сказала:

— Вот забавно — почему вы решили, что нелепо хуже, чем невозможнo, Советник? Впрочем, теоретически я с вами согласна. Однако, к несчастью для вас, ни то, ни другое места не имеет. Невозможнo? Нелепо? Почему?

— Потому что я член правительства Академии и выполняю его задание, и невозможнo, чтобы правительство захотело арестовать меня. Да и захоти, оно бы не смогло сделать этого, так как я обладаю парламентской неприкосновенностью.

— Ах, вы опустили мой титул, но вы сильно расстроены, и я вас прощаю. Однако будем точны. Меня не просили вас арестовывать. Я поступила так только для того, чтобы выполнить одну просьбу, Советник.

— Какую, Министр? — спросил Тревайз, стараясь не выйти из себя под испепеляющим взглядом демонической женщины.

— Конфисковать ваш корабль, Советник, и возвратить его Академии.

— Что?

— Вы опять не произнесли мой титул, Советник. Это большая ошибка. Подобная забывчивость не поможет решению вашего дела. Этот корабль не ваш личный, я полагаю. Ведь не вы же его спроектировали, не вы собрали, не вы приобрели?

— Конечно, нет, Министр. Он был передан мне правительством Академии.

— Тогда, вероятно, правительство Академии имеет полное право забрать его у вас, Советник. Видимо, это ценный корабль. — Тревайз промолчал. Министр продолжала: — Это гравилет, Советник. Их не может быть много даже у Академии. Там, должно быть, теперь сожалеют, что отдали вам один из этих немногих кораблей. Может быть, вы сумеете уговорить правительство предоставить вам другой, менее ценный корабль, который тем не менее вполне сгодится для вашего задания. Но тот корабль, на котором вы появились, мы обязаны конфисковать.

— Нет, Министр, я не могу отдать вам корабль. И не могу поверить, что Академия попросила вас об этом.

Министр усмехнулась.

— Не только меня, Советник. И не только Компореллон. У нас есть причины подозревать, что такая просьба была передана в каждый мир и регион, находящиеся под юрисдикцией Академии, или в каждый из союзничавших с ней. Из этого я заключаю, что Академия не в курсе ваших планов и упорно разыскивает вас. Вами недовольны, Советник. Из чего я далее заключаю, что у вас нет задания на Компореллоне от имени Академии, так как в этом случае ваши люди должны были бы знать, где вы находитесь, и связаться с нами особо. Короче, Советник, вы солгали мне.

— Я хотел бы взглянуть на копию запроса, который вы получили от Совета Академии, Министр, — сказал Тревайз в некотором замешательстве. — Думаю, я имею на это право.

— Конечно, если все пойдет согласно официальной процедуре. Мы относимся к процессуальным формальностям очень серьезно, Советник, и ваши права будут полностью защищены, уверяю вас. Однако будет гораздо лучше и легче, если мы с вами договоримся здесь и сейчас — без огласки и необходимости в официозе. Мы предпочитаем, чтобы все сложилось именно так, и, я уверена, того же хочет и Академия. Она явно не желает, чтобы вся Галактика узнала о беглом Советнике. Это может выставить Академию в нелепом свете, а мы с вами не так давно пришли к согласию, это будет хуже, чем нелепо, — гораздо хуже, чем невозможнo.

Тревайз снова промолчал.

Министр подождала мгновение, затем продолжила, так же невозмутимо, как прежде:

— При любом раскладе, Советник, корабль мы намерены забрать. А вот наказание за провоз пассажирки без гражданства будет зависеть от того, какой путь мы изберем. Потребуете соблюдения законности, и это станет пунктом обвинения против вас, и все вы можете подвергнуться полному наказанию за это преступление, а оно может оказаться тяжелым, уверяю вас, Договоримся — ваша пассажирка может улететь торговым рейсом, куда пожелает, и вы, при желании, сможете к ней присоединиться. Либо, если Академия пожелает, мы можем снабдить вас одним из наших собственных кораблей в пригодном для полета состоянии при условии, конечно, что Академия возместит нам расходы, передав в наше распоряжение эквивалентный корабль. Либо, если по какой-либо причине вы не пожелаете вернуться на

контролируемую Академией территорию, мы можем предложить вам убежище, а возможно, и постоянное компореллонское гражданство. Как видите, у вас есть много недурных вариантов, если вы склонитесь к дружескому соглашению, но их не будет вовсе, если вы продолжите настаивать на ваших официальных правах.

– Министр, вы слишком резвы, – усмехнулся Тревайз. – Вы обещаете невозможное. Вы никак не можете предложить мне убежище, если Академия требует от вас моей выдачи.

– Советник, я никогда не обещаю невозможного, – невозмутимо ответила Министр. – Требования Академии касаются только корабля, а не вас лично или кого-либо еще на борту. Их единственная просьба – вернуть судно.

Тревайз быстро взглянул на Блисс и сказал:

– Позвольте мне, Министр, коротко переговорить с доктором Пелоратом и мисс Блисс?

– Конечно, Советник. Пятнадцать минут вам достаточно?

– Да, Министр, но с глазу на глаз.

– Вас отведут в комнату и спустя пятнадцать минут приведут обратно, Советник. Вам не будут мешать и, уверяю, не станут подслушивать. Я даю вам слово и сдержу его. Однако вы будете под охраной, так что не будьте настолько глупы, чтобы думать о побеге.

– Не будем, Министр.

– А когда вы вернетесь, я буду ждать от вас добровольного согласия отдать корабль. В противном случае в действие вступит закон, и это будет гораздо хуже для вас, Советник. Понятно?

– Понятно, Министр, – ответил Тревайз, сдерживая гнев. Злиться было в высшей степени бесполезно.

18

Их отвели в маленькую, но хорошо освещенную комнату. Там стояли диван и два стула. Слышалось тихое урчание вентиляции. В целом, тут было намного более уютно, чем в грандиозном стерильном кабинете Министра.

Угрюмый высокий охранник сопроводил их сюда, по дороге не убирая руки с приклада бластера. Он остался за дверью, когда они вошли, и грозным голосом напомнил:

– У вас пятнадцать минут.

Как только он это сказал, дверь скользнула по пазам и с глухим стуком захлопнулась.

– Будем надеяться, что нас не подслушивают, – сказал Тревайз.

– Она дала слово, Голан, – упрекнул друга Пелорат.

– Ты судишь о других по себе, Джено. Ее так называемое «слово» не стоит ни гроша. Она нарушит его не задумываясь, если этого пожелает.

– Ну, тогда, – сказала Блисс, – я могу экранировать эту комнату.

– У тебя с собой экранирующее устройство? – изумился Пелорат.

– Разум Геи – экранирующее устройство, Пел, – улыбнулась Блисс, сверкнув белыми зубами. – Это потрясающий разум.

– Мы торчим здесь, – сердито буркнул Тревайз, – из-за тупости этого потрясающего разума.

– Ты о чём? – спросила Блисс.

– После ликвидации противостояния вы стерли меня из памяти и нашего мэра, и Оратора Второй Академии Гендибала. Никто из них теперь не вспомнит меня, разве только косвенно и абсолютно равнодушно. Я был предоставлен самому себе.

– Мы вынуждены были сделать это, – сказала Блисс. – Ты наш главный козырь.

– Ну-ну. Голан Тревайз, который-никогда-не-ошибается. Но вы не удосужились заодно стереть мой корабль из их памяти, верно? Мэр Бранно не вспомнила обо мне, я ей не интересен, но зато она вспомнила о корабле. Его она не забыла.

Блисс нахмурилась.

– Подумай об этом, – сказал Тревайз. – Гея, вероятно, предположила, что я и мой корабль – нечто единое. Если Бранно не будет думать обо мне, стало быть, она не будет думать и о корабле. Беда и промашка в том, что Гея не представляет себе, что такая индивидуальность.

Она считает меня и корабль единым организмом и жестоко ошибается.

– Это возможно, – тихо сказала Блисс.

– Хорошо. Тогда дело твоей чести исправить эту ошибку, – решительно сказал Тревайз. – Я должен вернуть себе гравилет и компьютер. Этого достаточно. Следовательно, Блисс, устрой все так, чтобы корабль остался у меня. Ты ведь можешь управлять чужим сознанием.

– Да, Тревайз, но мы не так уж легко справляемся с этим. Во время тройного противостояния нам это удалось, но знаешь ли ты, как долго планировалось это противостояние, рассчитывалось, взвешивалось? На это ушли долгие годы. Я не могу просто подойти к женщине и перевернуть ее сознание на чай-то лад.

– Но разве сейчас не время…

Блисс яростно продолжила:

– Знаешь, так можно далеко зайти. Я могла воздействовать на сознание таможенника с орбитальной станции, и он, не раздумывая, разрешил бы нам посадку; могла бы воздействовать на сознание агента, и он позволил бы нам уйти…

– Хорошо, если на то пошло, почему ты этого не сделала?

– Потому что мы не знали, к чему это могло привести. Мы не представляли, какие могут быть последствия. Можно было с тем же успехом все испортить. Если я вмешаюсь в сознание Министра сейчас, это может оказаться на ее отношениях с теми, с кем она вступит в контакт, а так как она высокопоставленный чиновник в своем правительстве, это может повлиять на межпланетные отношения. До тех пор пока не будем точно знать всех тонкостей, мы не имеем права вмешиваться в ее мысли.

– Тогда зачем ты с нами?

– Затем, что может настать мгновение, когда в опасности окажется твоя жизнь. Тогда я должна буду любой ценой защищать ее, даже ценой жизни Пела или моей. Тебе ничто не грозило на орбитальной станции. Ничто не грозит тебе и сейчас. Ты должен выпутаться сам и поступать так до тех пор, пока Гея не оценит последний необходимых действий, а оценив, не предпримет их.

Тревайз обдумал сказанное Блисс.

– В таком случае придется постараться. Есть одна задумка. Не знаю, проскочит или нет.

Дверь открылась, уйдя в пазы с таким же шумом, как и тогда, когда закрывалась.

– Выходите, – приказал охранник.

По дороге Пелорат прошептал:

– Что ты задумал, Голан?

Тревайз покачал головой и прошептал в ответ:

– Точно не знаю. Попробую сымпровизировать на ходу.

19

Министр Лайзалор все еще сидела за столом, когда трое путешественников вернулись в ее кабинет. При виде входящих по ее лицу пробежала мрачная ухмылка.

– Надеюсь, Советник Тревайз, вы вернулись, чтобы сообщить мне, что добровольно покидаете корабль Академии.

– Я вернулся, Министр, – спокойно возразил Тревайз, – обсудить условия.

– Какие условия? Какое обсуждение, Советник? Судебное разбирательство, если вы на нем настаиваете, может быть начато очень быстро и проведено еще быстрее. Я гарантирую вам осуждение даже при соблюдении справедливости, так как ваша вина в том, что особа без гражданства проникла на Компореллон, очевидна и неоспорима. Затем мы совершенно легально отберем корабль и вы все трое подвернетесь тяжкому наказанию. Не навлекайте на себя это наказание. Мы ничего, кроме времени, не потеряем, поймите.

– А у меня такое мнение, что нам все-таки есть что обсудить, Министр, потому что независимо от того, как скоро вы осудите нас, вы не сможете захватить корабль без моего согласия. Любая попытка, какую вы предпримете для вторжения на борт без меня, приведет к гибели корабля, а с ним – и всего космопорта, и любого человека, который окажется поблизости. Это наверняка разгневает Академию, как бы вы потом ни выкручивались. Угрозы,

принуждение открыть корабль наверняка противоречат вашим законам. И если вы от безысходности нарушите свои собственные законы и подвергнете нас пыткам или отправите в тюрьму, Академия узнает об этом и разбушуется еще сильнее. Как бы они ни хотели заполучить корабль, они не могут позволить подобного обращения с гражданином Академии. Так мы обсудим условия?

— Все это — чушь, — сердито нахмурившись, процедила сквозь зубы Министр. — Если понадобится, мы можем связаться с Академией. Они должны знать, как открывается их собственный корабль, а если нет, то смогут заставить вас открыть его.

— Вы не произнесли мой титул, Министр, но вы волнуетесь, так что я вас прощаю. Вы отлично понимаете, что последнее, на что вы пойдете, — это не то, чтобы связаться с Академией, потому что у вас нет никакого желания передавать ей корабль.

Лицо Министра посувровело:

— Что за дребедень, Советник?

— Такая дребедень, Министр, которую остальным, возможно, и слушать ни к чему. Позвольте моему другу с дамой устроится в каком-нибудь уютном отеле и обрести заслуженный после долгого пути отдых, отошлите охрану. Они могут остаться снаружи, а вам пусть оставят бластер. Вы не хрупкая женщина и, обладая бластером, сможете не бояться. Я безоружен.

— Я вас и без бластера не боюсь, — заявила Министр, наклонившись к Тревайзу через стол.

Не оборачиваясь, она подозвала одного из охранников. Тот подошел и остановился сбоку от Министра, прищелкнув каблуками. Министр отдала распоряжение:

— Охранник, доставьте эту парочку в номер. Пусть там у них будут все удобства и охрана. Вы несете ответственность за любую несправедливость по их адресу, так же как и за любое нарушение порядка с их стороны.

Министр встала, и, как ни старался Тревайз сохранять самообладание, он не удержался и чуть-чуть отшатнулся. Лайзалор оказалась очень высокого роста, не ниже, по крайней мере, Тревайза, возможно, даже на несколько сантиметров выше. У нее была тонкая талия, а две белые полосы, скрещивающиеся на груди и опускающиеся ниже, охватывая талию, делали ее на вид еще стройнее. Однако в фигуре Лайзалор была какая-то слоновья грация, и у Тревайза мелькнула мысль, что ее утверждение о том, что она его не боится, не лишено справедливости. «Случится подраться, — подумал он, — она без труда положит меня на лопатки».

— Пойдемте со мной, Советник, — сказала она. — Если вы собираетесь и дальше нести чепуху, тогда, как вы верно выразились, чем меньше народа вас услышит, тем лучше.

Она резво зашагала прочь из кабинета. Тревайз последовал за ней, чувствуя себя пигмеем в ее массивной тени — такого он никогда не испытывал прежде с женщиной.

Они вошли в кабину лифта, и, как только дверь закрылась, Лайзалор сказала:

— Мы теперь одни и, если у вас еще есть иллюзии, Советник, что вы можете померяться со мной силой, дабы чего-либо добиться, рекомендую оставить их. — И немножко мягче добавила: — На вид вы не слабак, Советник, но уверяю вас, мне ничего не стоит сломать вам руку — или хребет, если понадобится. Я вооружена другим, поэтому оружие мне не понадобится.

Тревайз задумчиво потер щеку, оценивающе смерив министершу взглядом.

— Министр, я могу одержать победу в схватке с любым мужчиной моей весовой категории, но с вами я заранее отказываюсь драться. Я не дерусь, когда уверен в проигрыше.

— Вот и славно, — кивнула Министр. Было заметно, что она польщена.

— Куда мы направляемся, Министр, если не секрет?

— Вниз. Довольно глубоко. Однако не переживайте. В гипервизионных драмах героев всегда отводят в темницу, полагаю, но у нас на Компореллоне темниц нет — только обычные тюрьмы. Мы направляемся в мои личные покои. Там не так романтично, как в темнице старых грозных имперских времен, зато гораздо более комфортабельно.

По подсчетам Тревайза, они опустились не меньше, чем на пятьдесят метров ниже поверхности планеты, когда дверь остановившейся кабины скользнула в сторону и они вышли из нее.

Тревайз с нескрываемым удивлением огляделся по сторонам.

– Вам не нравится у меня, Советник? – спросила Министр.

– Нет, почему же, Министр. Наоборот, я поражен. Я не ожидал ничего подобного. Впечатление, которое я получил от вашего мира за то короткое время, что нахожусь здесь, от того немного, что я видел и слышал, – это мир строгости, умеренности, а уж никак не томной роскоши.

– Так оно и есть, Советник. Наши ресурсы ограничены, и наша жизнь должна быть так же сурова, как и наш климат.

– Но все это, Министр… – И Тревайз развел руками, словно пытаясь обнять комнату, где, впервые на этой планете, увидел разные цвета, где на кушетке лежало множество мягких подушек, где от стен струился нежный свет, где устланный коврами пол приглушал звук шагов. – Это же настоящая роскошь.

– Мы отвергаем, как вы верно подметили, Советник, бесполезную роскошь, кичливую роскошь, излишне дорогостоящую роскошь. Тут же роскошь в чистом виде, которая к тому же полезна. Я много работаю и несу большую ответственность. Мне необходимо место, где я могу расслабиться, забыть ненадолго о тяготах, связанных с работой на посту Министра.

– И что же, все компореллонцы живут так же, когда за ними не подсматривают, Министр?

– Все зависит от степени ответственности и важности работы. Немногие могут позволить себе подобное, заслужить такое или, в соответствии с нашим моральным кодексом, возжелать этого.

– Но вы, Министр, можете позволить и то, и другое, и третье?

– Ранг имеет свои привилегии. – Лайзалор уселась на кушетку, которая заметно прогнулась под ее основательным весом, и указала на мягкий стул, стоявший рядом. – А теперь усаживайтесь, Советник, и откройте мне все ваши безумные мысли.

Тревайз сел и расслабился.

– Безумные, Министр?

– В приватной беседе нет нужды слишком пунктуально соблюдать формальности, – вальяжно промурлыкала министерша, облокотившись о подушку. – Можете называть меня Лайзалор. Я буду называть вас Тревайзом. Скажите мне, что у вас на уме, Тревайз. Давайте выкладывайте.

Тревайз положил ногу на ногу и откинулся на спинку стула.

– Поймите, Лайзалор, вы предоставляете мне выбор: либо согласитесь покинуть корабль добровольно, либо стать подсудимым на официальном процессе. В обоих случаях вы в конце концов завладеете кораблем. Правда, вы убедительно советуете мне склониться к первой альтернативе. Вы готовы предложить мне другой корабль взамен нынешнего, на котором, как вы говорите, друзья и я можем отправиться куда угодно. Можем даже остаться здесь, на Компореллоне, и ходатайствовать о гражданстве, если пожелаем. Что касается не таких ответственных решений… вы охотно позволили мне пятнадцать минут посоветоваться с друзьями. Вы даже привели меня сюда, в ваши личные покои, а мои друзья находятся сейчас, по-видимому, в комфорtabельных номерах. Короче, вы подкупаете меня, Лайзалор, и притом откровенно, чтобы гарантировать себе обладание кораблем без необходимости судебного разбирательства.

– Послушайте, Тревайз, вы что, не считаете меня способной на обычные человеческие порывы? Думаете, не они мной движут?

– Представьте, думаю именно так.

– Или сомневаетесь в том, что добровольная капитуляция быстрее и удобнее, чем судебное разбирательство?

– Да! Есть у меня одно подозрение.

– Какое же?

– Суд имеет один недостаток – публичность. Вы несколько раз упоминали добросовестную правовую систему вашего мира, и смею предположить, вам будет затруднительно организовать процесс так, чтобы он не был целиком и полностью записан. А если так, то Академии все станет известно, корабль ускользнет из ваших рук, как только

процесс закончится.

– Конечно, – без всякого выражения сказала Лайзалор. – Владелец корабля – Академия.

– С другой стороны, – продолжал Тревайз, – договоренность со мной не должна официально регистрироваться. Вы получите корабль и, поскольку Академия ничего не узнает, – они ведь даже не ведают, что мы находимся на этой планете, – Компореллон сможет оставить его себе. Уверен, это именно то, что вы собираетесь провернуть.

– Зачем нам это, как вы думаете? – усмехнулась Лайзалор. Она все еще сохраняла бесстрастность. – Разве мы не часть конфедерации Академии?

– Не совсем. Ваш статус – ассоциированный член. На карте Галактики, где миры – члены конфедерации Академии показаны красным, Компореллон и зависимые от него планеты окрашены в бледно-розовый цвет.

– Даже если и так, то, будучи ассоциированным членом, мы призваны верно сотрудничать с Академией.

– Призваны? Разве Компореллон не грезит о полной независимости и о господстве? Вы – древний мир, Почти все миры объявляют себя старше, чем есть на самом деле, но Компореллон-то действительно древний мир.

Министр Лайзалор позволила себе холодную улыбку.

– Старейший, если верить некоторым из наших патриотов.

– Разве не было такого времени, когда Компореллон действительно был во главе пускай и небольшой группы миров? Неужели вы до сих пор не мечтаете о возвращении этого положения и былого могущества?

– Зачем мечтать о несбыточном? Я назвала ваши мысли безумными, когда вы еще рта не раскрыли, и как вижу, не ошиблась.

– Мечты могут быть несбыточными, но все, так или иначе, о чем-то мечтают. Терминус расположен на самом краю Галактики. Его пяти вековая история короче истории любого другого мира. И он правит фактически всей Галактикой. Почему это недоступно Компореллону? А? – Тревайз улыбнулся.

– Терминус достиг такого положения, – не обратив внимания на его улыбку, сказала Лайзалор, – насколько мы понимаем, выполняя план Гэри Селдона.

– План – психологическая опора превосходства Терминуса и продержится, скорее всего, лишь до тех пор, пока люди верят в План. Возможно, само Компореллонское правительство в действительности не верит во все это. Кроме того, Терминус обладает еще одной опорой – техникой. Гегемония Терминуса в Галактике, несомненно, основана на его превосходстве в технике, в качестве образчика которой вы так страстно желаете заполучить мой гравилет. Ни один мир, кроме Терминуса, не располагает гравилетами. Если Компореллон сможет завладеть кораблем и разобраться в принципах его действия, это поможет вам совершить гигантский технологический скачок. Уверен, это не позволит вам уйти из-под власти Терминуса, но ваше правительство, вероятно, надеется именно на это.

– Вы шутите, Тревайз? Любое правительство, захватившее этот корабль, тогда как Академия стремится во что бы то ни стало вернуть его, навлечет на себя гнев Академии. А история показывает, что Академия в гневе страшна.

– Гнев Академии может вспыхнуть только в том случае, если она знает, из-за чего и на кого ей гневаться.

– В этом случае, Тревайз, если предположить, что предложенный вами анализ – не безумие, разве не выгодно вам передать нам корабль и провернуть тем самым выгодную сделку? Мы хорошо заплатим за то, что все останется в тайне, и обсудим ваши условия.

– А вдруг я возьму да и сообщу обо всем Академии?

– Ни за что. Вы не сможете скрыть свою роль в этом деле.

– Я могу объяснить, что действовал под принуждением.

– Можете. Тем не менее здравый смысл подсказывает вам, что ваш мэр не поверит ни единому вашему слову. Ну, соглашайтесь же.

– Не могу, мадам Лайзалор, – покачал головой Тревайз. – Корабль мой и должен остаться моим. Как я уже сказал, если вы попытаетесь силой проникнуть внутрь, может произойти мощный взрыв. Уверяю вас, это чистая правда. Не надейтесь на то, что я блефую.

– Вы можете разблокировать корабль и перепрограммировать компьютер.

– Несомненно, но я и не подумаю этого делать.

Лайзалор глубоко вздохнула.

– Вы знаете, что мы можем заставить вас передумать. Поговорим по душам, если не с вами, так с вашими друзьями – доктором Пелоратом и юной леди.

– Пытки, Министр? И это – ваша законность?

– Нет, Советник. Нам нет нужды прибегать к настолько примитивным методам. Всего-навсего психозондирование.

Впервые с момента прихода к Министру Тревайз похолодел. Было чего испугаться.

– Вы и этого не имеете права сделать. Использование психозонда для любых целей, кроме медицинских, считается противозаконным во всей Галактике.

– Но если ситуация продиктует такую необходимость...

– Я готов рискнуть, – сказал Тревайз, – но это не даст вам ровным счетом ничего. Мое стремление сохранить корабль настолько глубоко, что психозонд разрушит мой мозг раньше, чем перестроит его настолько, чтобы я отдал корабль вам. – («Это блеф», – подумал он и похолодел сильнее.) – И даже если вы будете настолько искусны, что переориентируете, убедите меня, не разрушив моего сознания, и если я разблокирую корабль, разоружу и передам его вам, все равно толку вам от этого не будет. Корабельный компьютер – вещь еще более совершенная, чем сам корабль, и он как-то устроен – я сам точно не знаю как, – чтобы работать с полной отдачей только со мной. Что-то вроде персонального компьютера в буквальном смысле.

– Предположим тогда, что вы передадите нам корабль, но останетесь его пилотом. Согласитесь пилотировать его для нас – как почетный гражданин Компореллона? Высокая оплата. Роскошь в пределах разумного для вас и ваших друзей.

– Нет.

– Что же вы думаете? Что мы дадим возможность вам и вашим друзьям сесть на корабль и покинуть планету? Предупреждаю вас: прежде чем мы позволим сделать это, мы сообщим Академии, что вы были здесь на своем корабле, а они уж пускай дальше сами решают, как с вами быть.

– И потеряете корабль?

– Если уж нам суждено его потерять, то пусть уж лучше он достанется Академии, чем наглому чужаку.

– Тогда позвольте изложить мой собственный вариант.

– Вариант? Хорошо, послушаю. Приступайте.

– Я выполняю важное задание, – тщательно подбирая слова, начал Тревайз. – Оно началось при поддержке Академии. Поддержка исчезла, но миссия не стала от этого менее важной. Предоставьте мне взамен поддержку Компореллона, и, если я добьюсь успеха, Компореллон только выиграет.

– И ты не вернешь корабль Академии? – с нескрываемым сомнением, неожиданно переходя на «ты», спросила Лайзалор.

– И не собиралсяся. Академия, уверяю вас, не искала бы корабль так рьяно, если бы они не догадывались, что никакого намерения возвращать его у меня нет, а если это и произойдет, то лишь случайно.

– Однако это далеко не то же самое, что твое согласие передать корабль нам.

– Как только я завершу свою миссию, корабль мне, больше не понадобится, я не стану возражать – пусть Компореллон забирает его. Все может быть.

Они оба молча некоторое время смотрели друг на друга.

– Вы использовали сослагательное наклонение, – взяла себя в руки Лайзалор. – Что значит «может быть»? Мы не можем считать это обещанием.

– Я мог бы и поклясться, но что толку? Да, мои обещания осторожны и скромны, но как раз в этом залог их искренности.

– Умно, – сказала Лайзалор, кивнув. – Мне нравится. Ну, а в чем заключается ваша миссия и какой от нее прок Компореллону?

– Нет, нет, теперь ваша очередь, – покачал указательным пальцем Тревайз. – Поддержите

меня, если я докажу вам, что моя миссия важна и для Компореллона?

Министр Лайзалор встала с кушетки и сразу заполнила собой пространство.

— Я голодна, Советник Тревайз. Нет сил говорить на пустой желудок. Давайте перекусим, потом покончим с делами.

Тревайз на краткое мгновение поймал в ее взгляде что-то хищное. Улыбнуться ему удалось с невероятным трудом.

21

Угощение оказалось сытым, но жутко невкусным. Главным блюдом было вареное мясо под горчичным соусом с гарниром из листьев какого-то растения, но какого, Тревайз не смог распознать. Они не понравились ему горько-соленым вкусом. Позднее он узнал, что это какие-то морские водоросли.

Потом были поданы ломтики фруктов, по вкусу напоминавших яблоки с привкусом персика (довольно вкусные), и горячий темный напиток, настолько горький, что Тревайз осилил только половину и спросил, нельзя ли ему выпить просто холодной воды. Все порции оказались небольшими, но сейчас Тревайзу было не до сытости.

Обед проходил в интимной обстановке, без прислуги. Министр собственоручно разогрела еду, сервировала стол и сама убрала тарелки и приборы.

— Надеюсь, вам понравилось, — сказала Лайзалор, когда они покинули столовую.

— Очень вкусно, — отозвался Тревайз без всякого энтузиазма.

Министр снова устроилась на кушетке.

— Вернемся к нашему прерванному разговору. Вы сказали, что Компореллон может возмутиться тем, что Академия лидирует в технике и владычествует в Галактике. В общем-то, все так, но это может интересовать только тех, кого интересует межзвездная политика, а таких сравнительно мало. Что гораздо более важно, так это то, что среднего компореллонца приводит в ужас безнравственность, царящая в Академии. Безнравственность сейчас процветает в большинстве миров, но на Терминусе — это уж слишком. Я бы сказала, что любые антирелигиозные настроения, существующие в нашем мире, происходят, скорее, из этого, чем из каких-либо абстрактных материй.

— Безнравственность? — удивленно сказал Тревайз. — Какие бы ошибки Академии вы ни имели в виду, она управляет своей частью Галактики добросовестно, успешно и согласно законам. Гражданские права в целом не нарушаются и...

— Советник Тревайз, я говорю о сексуальной нравственности.

— В таком случае я понимаю вас еще меньше. В сексуальном плане мы абсолютно нравственное общество. Женщины у нас полноценно представлены во всех сферах общественной жизни. Наш мэр — женщина, и Совет почти наполовину состоит из...

По лицу Министра проскользнула раздраженная гримаса.

— Советник, вы смеетесь надо мной? Наверняка вы знаете, что означает сексуальная нравственность. Является ли брак таинством на Терминусе?

— Что вы подразумеваете под таинством?

— Существует ли официальная церемония бракосочетания?

— Конечно, если люди хотят этого. Такая церемония упрощает денежные и наследственные проблемы.

— Но разводы имеют место?

— Конечно. Безнравственно связывать людей друг с другом, если...

— Разве не существует религиозных ограничений?

— Религиозных? Некоторые разводят философию вокруг древних культов, но что общего это может иметь с браком?

— Советник, здесь, в Компореллоне, каждый аспект секса строго контролируется. Никакого секса вне брака. Его внешние проявления ограничены даже в браке. Нас просто шокируют те миры — и Терминус в особенности, — где секс, по-видимому, рассматривается больше как публичное наслаждение. Причем вам не особенно важно, где, как и с кем предаваться удовольствию без оглядки на религиозные ценности.

— Простите, — пожал плечами Тревайз, — но при всем желании я не могу учинить реформу в масштабе Галактики или даже Терминуса — и потом, какое отношение все это имеет к вопросу о моем корабле?

— К вопросу о вашем корабле имеет отношение общественное мнение, и оно ограничивает мои возможности свести дело к компромиссу. Граждане Компореллона ужаснутся, если узнают, что ты взял на борт молодую привлекательную женщину для удовлетворения похотливых желаний, твоих и твоего спутника. И именно в интересах безопасности всех вас я настаиваю на том, чтобы ты предпочел мирную капитуляцию открытому судебному процессу, — взъярилась Лайзалор.

— Как я понимаю, вы использовали обед, чтобы прибегнуть к угрозам после угощения... Что? Опасаться суда Линча?

— Я всего-навсего описала возможные опасности. Будете ли вы отрицать, что женщина, приглашенная вами на борт корабля, взята с какой-либо иной целью?

— Конечно, буду, могу опровергнуть это. Блисс — подруга моего друга доктора Пелората. Кроме нее, у него никого нет. Может быть, по вашим законам, их связь браком не является, но я уверен, что, по мнению Пелората и Блисс, они женаты на все сто.

— Хотите сказать, что не имеете с ней никаких отношений?

— Конечно, нет, — выпалил Тревайз. — За кого вы меня принимаете?

— Трудно сказать. Я не знаю, каковы ваши понятия о нравственности.

— Тогда позвольте объяснить, что мои понятия о нравственности диктуют мне непозволительность покушения ка любую собственность моего друга — в частности, на его подружку.

— Вы даже не испытываете такого искушения?

— Искушение искушением, но соблазнить меня невозможно.

— Совсем невозможно? А, наверное, вас не интересуют женщины.

— Ну что вы! Очень даже интересуют.

— Сколько времени прошло с тех пор, как вы были близки с женщиной?

— Несколько месяцев. Этого не было с тех пор, как я покинул Терминус.

— Наверняка это вас не радует.

— Еще бы, — с чувством воскликнул Тревайз, — но ситуация такова, что у меня нет выбора.

— Наверняка ваш друг Пелорат, заметив ваши страдания, был бы рад поделиться с вами своей женщиной.

— Я ему про свои мучения не докладывал, но, если бы и так, он не захотел бы делить со мной Блисс. И она, я думаю, не согласилась бы. Я ей не нравлюсь.

— Вы это говорите потому, что уже пытались проверить на практике?

— Не пытался. Мне не нужна проверка на практике. Да и она мне не особенно нравится.

— Удивительно! Она хороша собой и должна привлекать внимание мужчин.

— Внешне она на самом деле привлекательна. Но во мне она никаких порывов не будит.

Может быть, из-за того, что слишком юна, в некотором смысле еще совсем ребенок.

— Значит, вы предпочитаете зрелых женщин?

Тревайз замолк. Ловушка?

— Мне попадались и зрелые женщины — я ведь и сам не мальчик, — уклончиво ответил он. — А какое отношение это имеет к моему кораблю?

— Да забудьте вы про свой корабль хоть ненадолго! Мне сорок шесть лет, и я незамужем. Я все время была слишком занята, чтобы выйти замуж.

— В таком случае, по компореллонским правилам, вы должны были всю вашу жизнь посвятить воздержанию. Поэтому вы спрашивали, когда я последний раз был близок с женщиной? Хотели моего совета? Если так, я скажу, что это не еда и не вода. Это неприятно — обходиться без секса, но возможно.

Министр улыбнулась, и снова в ее взгляде мелькнуло что-то хищное.

— Зря вы так думаете обо мне, Тревайз. У каждого ранга — свои привилегии, особенно если вести себя осмотрительно. Я не так уж целомудренна. Тем не менее компореллонские мужчины не удовлетворяют меня. Я согласна с тем, что нравственность — абсолютное благо, но мужчины из-за своих понятий чувствуют себя виноватыми и в постели трусливы и неизобретательны.

Долго раскачиваются, а потом спешат – словом, не мастера.

– Но я-то что могу с этим поделать? – исключительно осторожно спросил Тревайз.

– Хочешь сказать, – снова резко перешла на «ты» Лайзалор, – что это моя вина? Что я непривлекательна?

Тревайз протестующе поднял руку.

– Я вовсе не это хотел сказать!

– Ну, а как бы ты себя повел, представься тебе случай. Ты – мужчина из безнравственного мира, который, должно быть, имел богатую сексуальную практику и вдобавок, перенес несколько месяцев вынужденного воздержания в присутствии юной очаровательной женщины. Как бы ты повел себя с такой женщиной, как я, зрелой, которые, как ты сам признался, тебе по вкусу?

– Я вел бы себя с уважением и благопристойностью, приличествующей вашему высокому положению.

– Не дури! – прошептала Министр. Ее левая рука скользнула направо, к талии. Белая полоска вокруг нее ослабла и спала с груди и шеи. Черная ткань платья обвисла свободными складками.

Тревайз застыл. Было ли это у нее на уме... и с каких пор? Или это была взятка, чтобы добиться того, чего она не смогла добиться угрозами?

Платье соскользнуло с плеч Лайзалор. Ее груди оказались такими же, как она сама, – массивными, упругими, могучими.

– Ну? – сказала она.

– Великолепно! – совершенно откровенно восхитился Тревайз.

– И что же ты будешь делать?

– А как же моральный кодекс Компореллона, мадам Лайзалор?

– Что до него мужчине с Терминуса? Каков твой моральный кодекс? Не тяни. Моя грудь холодна и жаждет тепла.

Тревайз встал и начал раздеваться.

Глава шестая Природа Земли

22

Тревайз, объятый чувством, похожим на наркотический дурман, гадал, сколько же прошло времени.

Рядом с ним лежала Мица Лайзалор, Министр Транспорта, на животе, повернув голову набок, с открытым ртом и громко храпела. Тревайз с облегчением понял, что ока спит, и как только проснется, надеялся он, поймет, что спала.

Тревайз хотел еще поспать, но понимал, как важно отказаться от этого удовольствия. Проснувшись, она не должна увидеть его спящим. Мица должна поверить, что, когда она погрузилась в бессознательный транс, он еще бодрствовал. Ей и следовало ожидать такой прыти от терминусского распутника, и, пожалуй, лучше ее не разочаровывать.

Между прочим, он был на высоте. Он верно угадал, что Лайзалор, обладающая такими формами и силой, и политической властью, презирающая компореллонских мужчин, с которыми ей случалось быть в связи, и в то же время завороженная кошмарными историями (что же она слышала? – недоумевал Тревайз) о сексуальных подвигах развратников с Терминуса, будет стремиться доминировать. Скорее всего, она этого и ждала.

Тревайз пошел, на всякий случай, ей навстречу и, к счастью, оказался прав. («Тревайз-который-никогда-не-ошибается» – поддразнил он себя.) Это доставило Мице удовольствие, а Тревайзу дало возможность сберегать силы, пока она истощала свои.

Ему пришлось нелегко. У министерши оказалось изумительное тело (сорок шесть, сказала она, но за такое не стыдно было бы двадцатипятилетней гимнастке) и поистине неисчерпаемый запас энергии – энергии, уступавшей только той беззаботности, с которой она ее тратила.

«Честное слово, – думал Тревайз, – если ее немного обуздать, обучить (правда, останусь ли я жив после таких сеансов?), дать ей понять, чего она стоит и, что еще более важно, чего стою я, она могла бы стать неплохой любовницей».

Храп внезапно прекратился, и Лайзалор пошевелилась. Тревайз коснулся ее плеча и ласково погладил. Глаза Мицы открылись. Тревайз приподнялся на одном локте и постарался принять вид полного сил и энергии мужчины.

– Я рад, что ты спала, дорогая, – сказал он. – Тебе нужно было отдохнуть.

Она сонно улыбнулась, и на мгновение Тревайз ужаснулся: вдруг Лайзалор захочет вернуться к прерванному занятию, но она лишь вяло приподнялась и перевернулась на спину, сказав нежным и довольным голосом:

– Я не ошиблась в тебе. Ты – король секса.

Тревайз попытался состроить из себя скромника.

– Наверное, я перестарался.

– Нет, ты был то, что нужно. Я боялась, что ты обманул меня и все-таки был близок с этой женщиной, но ты доказал мне, что я зря боялась. Это правда, скажи?

Разве я был похож на полупресыщенного любовника?

– Нет, что ты! – И она громко рассмеялась.

– Ты все еще думаешь о психозондировании?

– Ты что, с ума сошел? – вновь рассмеялась она. – Могу же я думать о том, чтобы потерять тебя теперь?

– Знаешь, для тебя, пожалуй, было бы даже лучше терять меня время от времени...

– Что! – выдохнула Лайзалор.

– Если я буду торчать здесь все время, моя... моя прелесть, сколько пройдет времени, прежде чем глаза увидят, а рты зашептут? Если же я продолжу свою миссию, я буду время от времени возвращаться для доклада, и будет только естественно, что мы будем какое-то время проводить наедине. Пойми, моя миссия на самом деле исключительно важна.

Она задумалась, рассеянно поглаживая кроткое бедро, и наконец сказала:

– Наверное, ты прав, Мне не хочется думать об этом, но... Наверное, ты прав.

– И не бойся, что я не вернусь, – сказал Тревайз. – Я не такой дурак, чтобы забыть, что ожидает меня здесь.

Мица улыбнулась ему, нежно коснулась его щеки и спросила, глядя в глаза:

– Тебе было хорошо, любовь моя?

– Больше, чем хорошо, моя прелесть.

– А ведь ты – мужчина в расцвете сил с самого Терминуса. Ты, должно быть, знал самых разных женщин, истинных мастериц своего дела.

– Но ни одной – ни одной – похожей на тебя, – произнес Тревайз убежденно и легко, ведь в конце концов он говорил чистую правду.

– Хорошо, если ты меня не обманываешь, – благодушно проворковала Лайзалор. – Но все-таки старые привычки отмирают нелегко, и я не думаю, что смогу заставить себя доверять тебе на слово, просто так. Ты и твой друг Пелорат сможете продолжить вашу миссию, как только я ознакомлюсь с ней и сочту возможным одобрить, но задержу вашу спутницу здесь. Не волнуйся, с ней будут хорошо обходиться, но думаю, твой друг будет скучать по ней, а значит, захочет чаще возвращаться на Компореллон, чтобы увидеться с ней, даже если ты с головой уйдешь в дела.

– Но, Лайзалор, это невозможно.

– Неужели? – подозрительно прищурилась она. – Почему же невозможно? Зачем тебе нужна эта женщина?

– Не для секса. Я не лгал тебе и сейчас не лгу. Она не принадлежит Пелорату, и я ею не интересуюсь. С другой стороны, я уверен, что она просто сломается, если попытается проделать то, что вытворяла ты.

Лайзалор готова была улыбнуться, но, сдержав улыбку, строго спросила:

– Что же тогда тебе горевать из-за того, что она останется на Компореллоне?

– Потому что она – не последнее звено в успехе нашего дела. Мы обязательно должны взять ее с собой.

– Ну, тогда скажи наконец, в чем заключается ваша миссия? По-моему, пора бы открыться.

Тревайз ответил не сразу. Отвечать надо было честно. Он не мог придумать более эффектной лжи.

– Послушай, – сказал он. – Компореллон – древний мир, даже один из древнейших, но он не может быть самым древним. Человеческая жизнь зародилась не здесь. Первые человеческие существа пришли сюда из какого-то другого мира, и, возможно, жизнь человеческая зародилась даже не там, но была принесена с еще одной, более древней планеты. Очевидно, впрочем, что эта ретроспектива должна где-то оборваться, и мы должны в конце концов добраться до самого первого мира, мира, где появился человек. Я ищу Землю.

Перемена, внезапно произошедшая с Мицей Лайзалор, сильно смущила Тревайза.

Она выпучила глаза, задышала тяжело и неровно, каждый ее мускул, казалось, напрягся, хотя она лежала по-прежнему на спине. Она резко взмахнула руками и скрестила на обеих указательный и средний пальцы.

– Ты произнес ее имя, – хрипло прошептала она.

23

Больше она ничего не сказала, даже не взглянула на него. Ее руки медленно опустились, ноги скользнули к краю постели. Мица села спиной к Тревайзу. Он застыл, не шевелясь.

Тревайзу казалось, будто он отчетливо слышит слова Мунна Ли Компора, произнесенные им в безлюдном туристском центре на Сейшелле. Тот говорил о планете своих предков – той самой, на которой Тревайз находился сейчас. «У компореллонцев полно предрассудков насчет Земли. Всякий раз, когда при них или они сами упоминают это слово, они вскidyвают обе руки с перекрещенными пальцами, чтобы отвести беду». Увы, вспомнил он о словах Компора поздновато.

– Что я такого сказал, Мица? – пробормотал он. Она покачала головой, встала и пошла в ванную.

Спустя мгновение раздалось журчание воды.

Оставалось только ждать. И Тревайз ждал, гадая, не пойти ли за Мицей в ванную. Подумав, он окончательно решил, что этого делать не стоит. Но как только решил, так ему сразу нестерпимо захотелось попасть туда.

Мица наконец вышла и молча принялась одеваться.

– Ты не возражаешь, если я... – робко показал на душевую Тревайз.

Она промолчала, и он принял молчание за согласие.

Тревайзу хотелось пройти по комнате гордо и высокомерно, но чувствовал он себя почти так, как в те далекие дни, когда мать, обиженная каким-нибудь его проступком, наказывала не иначе, как молчанием, заставляя съеживаться от стыда.

Он оглядел изнутри кабину с голыми стенами. Тревайз присмотрелся внимательнее – ничего, то есть совсем ничего.

Он приоткрыл дверь, высунулся и спросил:

– Слушай, а как у тебя душ включается?

Она отставила дезодорант (по крайней мере, Тревайз предположил, что она пользовалась именно дезодорантом), прошествовала в душевую и, все еще не глядя на него, ткнула пальцем. Тревайз посмотрел в ту сторону и заметил пятнышко на стене – круглое, бледно-розовое, едва заметное, словно дизайнер был сердит на то, что вынужден нарушить совершенную белизну стен из-за столь пустяковой причины.

Тревайз недоуменно пожал плечами, дотянулся до стены и коснулся пальцами пятна. Вероятно, это и надлежало сделать с самого начала, так как моментально поток тонких струй ледяной воды обрушился на него со всех сторон. Сдержав вопль, он вновь прикоснулся к розовому кружку, и душ выключился.

Он снова приоткрыл дверь, понимая, что выглядит теперь еще более жалко, так как сильно дрожал и даже не мог внятно выговаривать слова. Он только сумел проквакать:

– А как же включается горячая вода?

Мица наконец удостоила его взглядом. Вид Тревайза был настолько жалок, что она не выдержала – прыснула и громко расхохоталась.

– Какая горячая вода? – отсмеявшись, спросила она. – Не думаешь ли ты, что мы будем тратить энергию на то, чтобы греть воду для мытья? Вода теплая, то есть не очень холодная. Чего еще тебе надо? Ах ты, неженка! Ну-ка иди мойся!

Тревайз замялся, но ненадолго, так как выбора у него не было.

Он неохотно коснулся розового кружка и попытался мысленно подготовить свое тело к готовым хлынуть ледяным струям. Теплая вода? Он почувствовал, как кожа покрывается мыльной пеной, и поспешно стал тереть себя с ног до головы, решив, что тут, скорее всего, существует некий заданный цикл подачи воды и, судя по всему, не особенно длинный.

Затем начался цикл ополаскивания. Теплая – ну, если не теплая, то все-таки не такая холодная вода омыла его совершенно промерзшее тело.

Стоило Тревайзу подумать о том, чтобы опять нажать на розовый кружочек, дабы выключить воду, и удивиться, как это могла Лайзалор выйти из ванной сухой – ведь здесь не было ни полотенца, ни чего-либо, хотя бы смутно его напоминающего, – вода перестала литься. А потом подуло, да так, что вполне могло бы сбить с ног, если бы не дуло со всех сторон сразу.

Воздух, в отличие от воды, оказался горячим, слишком горячим. Тревайз решил, что это потому, что для нагрева воздуха необходимо гораздо меньше затрат энергии, чем для нагрева воды. Горячий воздух испарил с него воду, и через несколько минут он вышел таким же сухим, словно никогда в своей жизни близко не подходил к воде.

Лайзалор на вид совершенно пришла в себя.

– Как себя чувствуешь?

– Здорово, – ответил Тревайз. Он и в самом деле чувствовал себя поразительно – бодро и свежо. – Мне нужно было только морально подготовиться к такой температуре. Ты ведь меня не предупредила…

– Неженка, – презрительно фыркнула Лайзалор.

Тревайз побрызгался ее дезодорантом и начал одеваться, внутренне страдая от того, что у него нет чистого белья.

– Как я должен называть… эту планету? – осторожно спросил он.

– Мы называем ее «Старейшая».

– Откуда я мог знать, что произнесенное мной название запрещено? Разве ты мне сказала?

– Разве ты спросил?

– Откуда мне знать, что нужно спрашивать?

– Зато теперь знаешь.

– Я могу и забыть.

– Лучше не забывать.

– Но в чем крамола? – Тревайз почувствовал, как разгорается в душе азарт спорщика. – Это же просто слово, сочетание звуков.

– Есть слова, которые не произносят, – угрюмо проговорила Лайзалор. – Разве ты произносишь все слова, какие знаешь, при любых обстоятельствах?

– Некоторые слова вульгарны, некоторые неподходящи, другие в какой-то ситуации могут оказаться жестокими. К каким из них относится слово, которое я произнес?

– Это слово печальное и торжественное. Оно обозначает планету, являющуюся прародиной для всех нас и более не существующую. Это трагично, и мы чувствуем это особенно, потому что она недалеко от нас. Мы предпочитаем не говорить о ней, а если вынуждены говорить, не произносим ее названия.

– А перекрещивание пальцев? Это что – облегчает боль и печаль?

Лайзалор вспыхнула.

– Это бессознательная реакция, и я не скажу тебе спасибо за то, что ты принудил меня к ней. Есть люди, которые верят, что это слово, даже произнесенное мысленно, приносит несчастье, а этим жестом они отводят его.

– Ты тоже веришь, что скрещивание пальцев помогает избежать несчастья?

– Нет… Или да, иногда. Мне будет не по себе, если я не сделаю этого. – Она отвела взгляд. Потом, словно стремясь сменить тему, быстро спросила: – И какое же значение имеет

эта черноволосая женщина для успеха вашей миссии – достижения... той планеты, которую ты упомянул?

– Говори «Старейшей». Или ты предпочитаешь не говорить о ней даже так?

– Я предпочла бы не обсуждать это совсем, но я задала тебе вопрос.

– Видишь ли, у ее народа есть кое-какие традиции, которые, как она говорит, являются ключом к пониманию Старейшей, но только если мы доберемся до нее и сможем изучить тамошние записи.

– Она лжет.

– Возможно, но мы обязаны проверить это.

– Хорошо, у вас есть эта женщина с ее проблематичными, на мой взгляд, знаниями, и вы хотите попасть на Старейшую с ней. Почему вы очутились на Компореллоне?

– Для того, чтобы узнать местоположение Старейшей. У меня был один приятель... он, как и я, гражданин Академии. Предки его, однако, происходили с Компореллоном, и он уверял, что многое из истории Старейшей было хорошо известно здесь.

– Неужели? А рассказывал он тебе что-нибудь из этой истории?

– Да, – сказал Тревайз, вновь возвращаясь к честности. – Он сказал, что Старейшая – мертвая планета с сильнейшей радиацией. Он не знал, откуда она взялась, но думал, что это могло быть результатом ядерных взрывов. Во времена войны, вероятно.

– Нет! – воскликнула Лайзалор импульсивно.

– Нет – войны не было? Или нет – Старейшая не радиоактивна?

– Она радиоактивна, но войны никакой не было.

– Тогда как же она стала такой? Она не могла быть радиоактивна изначально, так как жизнь людей началась на Старейшей. В этом случае на ней никогда не смогла бы возникнуть жизнь.

Казалось, Лайзалор впала в замешательство. Она стояла, выпрямившись, и глубоко дышала, словно ей не хватало воздуха.

– Это в наказание, – сказала она наконец. – На этой планете пользовались роботами. Ты знаешь, что такое роботы?

– Да.

– У людей там были роботы, и за это они были наказаны. Каждый мир, имевший роботов, наказан и больше не существует.

– Кто наказал их, Лайзалор?

– Тот-Кто-Наказывает. Силы истории. Я не знаю, – она отвела взгляд, словно чувствуя себя неловко, затем тихо проговорила: – Спроси других.

– Я бы хотел, но кого я должен спросить? Есть ли на Компореллоне люди, которые изучают древнюю историю?

– Есть. Они не популярны среди нас – средних компореллонцев. Но Академия, ваша Академия, призывает к интеллектуальной свободе, как они это называют.

– Неплохой призыв, на мой взгляд, – заметил Тревайз.

– Все плохо, что навязывается извне, – парировала Лайзалор.

Тревайз пожал плечами. Спорить не имело смысла.

– Мой друг доктор Пелорат изучает древнюю историю. Он был бы рад, я уверен, познакомиться со своими компореллонскими коллегами. Можешь устроить, Лайзалор?

– Есть такой историк, Бэзил Дениадор. Он работает в Университете, здесь, в городе, – кивнула она. – Он уже не преподает, но, возможно, сумеет тебе помочь.

– А почему он не преподает?

– Не то чтобы ему запрещают, просто студенты не хотят изучать его курс.

– Я полагаю, – сказал Тревайз, стараясь, чтобы в его словах не прозвучал сарказм, – что студентов подбивают не изучать его.

– Зачем он им нужен? Он скептик. У нас такие попадаются, знаешь ли. Гордецы, противопоставляющие свой образ мыслей общепринятым, высокомерные, думают, что только они правы, а все остальные ошибаются.

– Разве не может быть так, что они действительно правы кое в чем?

– Никогда! – огрызнулась Лайзалор с такой твердой уверенностью, что стало ясно: дальше

спорить – пустое дело. – Но, несмотря на весь свой скептицизм, он будет вынужден сказать тебе то же самое, что и любой компореллонец.

– И что же?

– А то, что, если ты ищешь Старейшую, ты не найдешь ее.

24

Пелорат задумчиво выслушал Тревайза, при этом его вытянутое серьезное лицо оставалось бесстрастным. И лишь после того, как Тревайз закончил, он сказал:

– Бэзил Дениадор? Что-то не припомню. Правда, возможно, вернувшись на корабль, я смогу найти его статьи в моей библиотеке.

– Ты уверен, что не слышал о нем? Подумай!

– Нет, не слышал. По крайней мере, сейчас вспомнить не могу, но, вообще говоря, дружочек дорогой, существуют сотни достойных уважения ученых, о которых я и слыхом не слыхивал, а если слышал, то не могу вспомнить.

– Значит, он не из разряда светил, иначе ты бы знал о нем.

– Изучение Земли...

– Лучше говорить «Старейшей», Джен. В противном случае ты сильно осложнешь себе жизнь.

– Изучение... Старейшей, – продолжил Джейнов, – неблагодарное занятие, так что первоклассные ученые, даже в области первобытной истории, не стремятся найти призвание в нем. Или, говоря другими словами, те, кто уже занимается Землей, не сделают себе такого громкого имени, чтобы равнодушный мир признал их светилами, даже если они таковы. Любой скажет, что бывают специалисты и получше меня, я уверен.

– Я бы сказала, что ты самый лучший, – нежно произнесла Блисс.

– Да, конечно, ты бы так сказала, моя дорогая, – отозвался Пелорат, мило улыбнувшись, – но ты не можешь судить обо мне как об ученом.

Судя по времени, приближалась ночь, и Тревайз чувствовал, как терпение оставляет его. Это происходило с ним всегда, когда Блисс и Пелорат начинали говорить друг другу всякие нежности.

– Я попытаюсь организовать встречу с этим Дениадором завтра, – сказал он, – но если он знает о том, что нас интересует, столько же, сколько Министр, мы не продвинемся вперед ни на йоту.

– Возможно, он направит нас к кому-нибудь, кто окажется более полезен, – предположил Пелорат.

– Сомневаюсь. Отношение этой планеты к Земле – нет, я лучше закреплю привычку – отношение этой планеты к Старейшей – глупость и суеверие. – Он отвернулся. – Но день был трудный, и нам пора подумать об ужине, если мы сможем переварить их сомнительную стряпню, и потом надо будет подумать о том, как бы немного поспать. Вы уже познакомились со здешним душем?

– Дружочек, – ответил Пелорат, – с нами обходились очень вежливо. Мы выслушали уйму всевозможных наставлений, большинство из которых нам не пригодилось.

– Послушай, Тревайз, – сказала Блисс, – а что с кораблем?

– А что?

– Компореллонское правительство конфисковало его?

– Нет, я не думаю, что они осмелятся это сделать.

– О, очень приятно. А почему?

– Потому что я убедил Министершу изменить ее планы.

– Удивительно, – сказал Пелорат. – Мне она не показалась такой уж говорчивой дамой.

– Я не знаю, – сказала Блисс. – Из структуры ее сознания стало ясно, что Тревайз будет подходящей кандидатурой в любовники.

Тревайз ошеломленно глянул на Блисс.

– Так это ты подстроила все это, Блисс?

– Ты о чем, Тревайз?

– Я имею в виду вмешательство в ее...

– Я не вмешивалась, Однако, когда я заметила, что ее влечет к тебе, я не могла удержаться, чтобы не снять кое-какие психологические барьеры. Они рухнули бы в любом случае, но мне показалось важным увериться в том, что она исполнена добрых чувств к тебе.

– Добрых чувств? Более чем исполнена! Она смягчилась, да, но уже потом, после того, как...

– Наверняка ты не хочешь сказать, дружочек...

– Почему бы и нет? – вопросом ответил Тревайз. – Она не первой молодости, но зато с опытом. Министерша не новичок, уверяю тебя. Не мог же я разыгрывать джентльмена и отказывать dame. Это была ее идея, но я и сам не устоял бы. Слушай, Джен, не гляди на меня как пуританин. Прошли месяцы с тех пор, как у меня была подобная возможность. У тебя... – И он неопределенно махнул рукой в сторону Блисс.

– Поверь мне, Голан, – сказал Пелорат смущенно, – если ты думаешь, что я осуждаю тебя, ты ошибаешься. Я совсем, совсем не против. Какой я пуританин?

– Но она пуританка, – сказала Блисс. – То есть я не предполагала пробудить в ней добрые чувства к тебе посредством пароксизма страсти.

– Но именно этого ты и добилась, маленькая, во все вмешивающаяся Блисс, – сказал Тревайз. – Министерше необходимо играть пуританку на публике, но если так, это, похоже, только подлило масла в огонь.

– Но если так, значит, она, разжигаемая страстью, способна предать Академию...

– Она должна была это сделать в любом случае, – ухмыльнулся Тревайз. – Она хотела получить корабль... – Он запнулся и спросил шепотом: – Нас не подслушивают?

– Нет!

– Ты уверена?

– Совершенно. Нельзя повлиять на сознание Геи любым недозволенным образом без того, чтобы Гея не заметила этого.

– В нашем случае Компореллон желает заполучить корабль для себя как ценную прибавку к своему флоту.

– Но Академия наверняка не позволит этого.

– Компореллон не горит желанием сообщать об этом Академии.

– В этом все вы, изоляты, – вздохнула Блисс. – Министерша готова предать Академию во имя Компореллона, но, отдавшись Тревайзу, незамедлительно предала также и Компореллон. А Тревайз, он рад продать свои мужские услуги, чтобы спровоцировать предательство. Что за беспорядок повсюду в вашей Галактике? Что за хаос?!

– Ты ошибаешься, девочка... – холодно сказал Тревайз.

– То, что я только что сказала, я сказала не как девочка, а как Гея. Я – вся Гея.

– Значит, ты ошибаешься, Гея. Я не продавал своих услуг. Я дарил ей радость. Я осчастливили ее и никому не принес вреда. Что касается последствий, то они оказались удачными для меня и я принял их. И если Компореллон жаждет получить корабль для своих собственных целей, как тут решить – кто прав, кто неправ? Корабль принадлежит Академии, а мне предоставлен для поисков Земли. Следовательно, он мой, пока я не завершу поиски. Стало быть, Академия неправа, отменяя свое же распоряжение. Что же до Компореллона, он не желает быть доминионом Академии и мечтает о независимости. По-своему он прав, поступая так и обманывая Академию, поскольку для него это не государственная измена, а проявление патриотизма. Кому судить?

– Точно. Кому судить? В Галактике, где царит анархия, можно ли отличить разумные поступки от неразумных? Как решить; что правильно, а что нет, что добро, а что зло, как отличить правосудие от преступления, полезное от бесполезного? А как объяснить предательство Министром своего собственного правительства, когда она позволяет тебе оставить корабль? Тоской по собственной независимости в мире, где независимость угнетается? Предательница она или просто человек, просто женщина, отстаивающая право быть самой собой?

– По правде говоря, – сказал Тревайз, – я не уверен, что она решила оставить мне корабль только из благодарности за доставленное удовольствие. И вообще, у меня сильное подозрение,

что она приняла это решение только после того, как я сказал ей, что ищу Старейшую. Эта планета – для нее знак, а значит, и мы, и корабль, на котором мы странствуем в поисках ее, тоже несут отпечаток этого знака. Ей, вероятно, кажется, что, пытаясь добыть этот корабль, она навлекает несчастье на себя и свой мир, и теперь она с ужасом думает обо всем, и ей кажется, что, отпустив нас вместе с кораблем на все четыре стороны, она отведет от Компореллона беду, а это, по ее понятиям, проявление патриотизма.

– Если бы все так и было, в чем я лично сомневаюсь, Тревайз, источником этого решения оказался предрассудок. Ты согласен?

– Согласен не согласен – какая разница? Предрассудки обычно правят людьми при отсутствии достоверных знаний. Академия верит в План Селдона, хотя никто в нашем мире не может ни понять его, ни вникнуть в его детали, ни воспользоваться им для предсказаний. Мы следуем ему слепо, полагаясь только на веру. Разве это не предрассудок?

– Да, возможно, так оно и есть.

– А Гея что? Вы уверены, что я вынес правильное решение, объявив, что Гея должна поглотить Галактику и переродиться в один огромный организм, но вы не знаете, почему я прав и насколько безопасны для вас последствия моего решения. Вы стремитесь пойти по этому пути, отметая все мои попытки найти факты, которые рассеяли бы неведение и помогли бы обойтись без слепой веры. Разве это не предрассудок?

– Мне кажется, он положил тебя на лопатки, Блисс, – заметил Пелорат.

– Вовсе нет, – сказала Блисс. – Эти поиски либо вовсе ни к чему не приведут, либо Тревайз найдет что-нибудь такое, что укрепит его в верности принятого решения.

– Опять одно и то же – смесь невежества и веры. Предрассудок, как ни крути.

25

Бэзил Дениадор оказался человеком маленького роста, с мелкими чертами лица и имел обыкновение смотреть на всех исподлобья, не поднимая головы. Все это, в сочетании с мимолетной улыбкой, время от времени освещавшей его лицо, создавало впечатление, что он молча посмеивается над всем и всеми на свете.

Его кабинет оказался длинным и узким, от пола до потолка забитым лентами с какими-то записями. Казалось, они находятся в диком беспорядке, но это была лишь иллюзия, так как ленты всего-навсего стояли в своих нишах, придавая полкам вид челюстей, владельцу которых, мягко говоря, не помешало бы обратиться к ортодонту. Три кресла, на которые учений указал своим посетителям, принадлежали разным гарнитурам и носили следы недавней, но не очень тщательной чистки от пыли.

– Джэн Пелорат, Голан Тревайз и Блисс... – я не знаю вашей фамилии, мадам, – сказал он.

– Блисс, – сказала она, садясь в кресло, – чаще меня зовут так, и этого достаточно.

– Я думаю, этого вполне достаточно, – поклонившись ей, резюмировал Дениадор. – Вы достаточно привлекательны, чтобы вовсе не иметь имени.

Все рассмеялись.

– Я слышал о вас, доктор Пелорат, хотя мы никогда не переписывались, – продолжил Дениадор. – Вы из Академии, не так ли? С Терминуса?

– Да, доктор Дениадор.

– А вы – Советник Тревайз. Я, вроде бы, слыхал, что недавно вас исключили из Совета и выслали. Правда, я не понял и вряд ли пойму, почему.

– Не исключили, сэр. Я все еще член Совета, хотя и не знаю, когда смогу вернуться к своим обязанностям. Меня не выслали, а послали с миссией, касательно которой мы хотели бы проконсультироваться с вами.

– Чем смогу – помогу, – улыбнулся Дениадор. – А божественная леди? Она тоже с Терминуса?

– Неважно, откуда она, доктор, – быстро вмешался Тревайз.

– О, как, наверное, прекрасен этот мир – «Неважно-откуда», если все там так красивы. Но так как двое из вас из столицы Академии, Терминуса, а третья – хорошенькая женщина, невесть откуда, как случилось, что Мица Лайзалор, известная своей нелюбовью к чужеземцам, так

радушно препоручила вас моим заботам?

— Думаю, — сказал Тревайз, — это была попытка избавиться от нас. Чем скорее вы поможете нам, тем раньше мы покинем Компореллон.

Дениадор с интересом уставился на Тревайза, просияв улыбкой, и сказал:

— Конечно, энергичный молодой человек, такой, как вы, например, мог привлечь ее, откуда бы ни был родом. Ей неплохо удается роль холодной весталки, но играет она все же с толикой фальши.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — холодно промолвил Тревайз.

— Тем лучше. При посторонних, по крайней мере. Но я — скептик и профессионально не расположен верить в то, что лежит на поверхности. Вернемся к делу, Советник. В чем состоит ваша миссия? Позвольте мне узнать, смогу ли я помочь вам?

— Это вопрос к доктору Пелорату.

— У меня нет никаких возражений. Итак, доктор Пелорат?

— Если говорить откровенно, уважаемый доктор, — начал Пелорат, — я всю сознательную жизнь пытался подобраться как можно ближе к основному ядру утверждений, касающихся планеты, где возник род человеческий; и меня послали в путь с моим добрым другом Голаном Тревайзом — хотя, если быть точным до конца, мы тогда были едва знакомы, — чтобы найти, если удастся... э-э... Старейшую, как я полагаю, вы называете ее.

— Старейшую? — переспросил Дениадор. — Я так понимаю, вы имеете в виду Землю?

У Пелората просто-таки отвисла челюсть. Затем он сказал, слегка заикаясь:

— У меня создалось впечатление... то есть мне дали понять... что никто не...

Он довольно беспомощно оглянулся на Тревайза.

— Министр Лайзалор сказала мне, что этим словом не пользуются на Компореллоне, — пояснил Тревайз.

— Вы хотите сказать, что она изобразила вот это? — Рот Дениадора скривился, нос сморщился, и доктор, энергично выбросив руки вперед, скрестил по два пальца на каждой руке.

— Да, — подтвердил Тревайз. — Именно это я хотел сказать.

Дениадор откинулся на спинку кресла и рассмеялся.

— Ерунда, джентльмены. Мы делаем это по привычке; в глубине сознания, правда, кто-то может воспринимать это серьезно, но: в общем, это не имеет значения. Я не знаю ни одного компореллонца, кто не мог бы сказать «Земля» с досады или в испуге. Это наиболее распространенное ругательство.

— Ругательство? — почти шепотом переспросил Пелорат.

— Бранное слово, если вам так больше нравится.

— Тем не менее, — сказал Тревайз, — Министр очень расстроилась, когда я произнес это слово.

— Ну да, она же горянка, это понятно.

— Что это значит, сэр?

— То и значит: Мица Лайзалор родом с Центрального Горного Хребта. Дети из тех мест воспитываются в так называемом «старом добром духе», что означает: какое бы блестящее образование они ни получили, вы никогда не сможете отбить у них привычку скрещивать пальцы.

— А вас слово «Земля» совсем не задевает, не так ли, доктор? — поинтересовалась Блесс.

— Не совсем так, милочка. Я — скептик, только и всего.

— Я знаю, что означает слово «скептик» на галактическом стандарте, — сказал Тревайз, — но что понимаете под ним вы?

— То же самое, что и вы, Советник. Я принимаю только то, что вынужден, если имеются разумные и достоверные доказательства, и все принятые на веру служит для меня истиной до появления новых доказательств. Такое мировоззрение не придает нам, скептикам, популярности.

— Почему же? — спросил Тревайз.

— Мы обречены на непопулярность. Вы можете представить себе мир, где люди не предпочитают удобную, приятную и твердую веру, пусть нелогичную, холодным, пронизывающим ветрам неуверенности? Не нужно далеко ходить, ведь вы же верите в План

Селдона? Ведь верите – без доказательств?

– Да, – сказал Тревайз, рассматривая кончики своих пальцев, – я тоже привел этот довод вчера в качестве примера.

– Могу я вернуться к предмету разговора, дружочек? – вмешался Пелорат и обратился к Дениадору: – Что известно о Земле такого, что может принять скептик на веру?

– Очень мало, – сказал Дениадор. – Мы можем предположить, что существует единственная планета, на которой развился род человеческий. Ведь совершенно невероятно, что существа, настолько похожие, что могут давать потомство друг от друга, могли независимо развиться на разных планетах или хотя бы на двух. Эту планету-праматерь мы называем Землей, На Компореллоне общепринято убеждение, что Земля находится в нашем секторе Галактики, поскольку миры здесь необычайно древние, и, похоже, издревле заселенные миры были, скорее, ближе к Земле, чем удалены от нее.

– А имела ли Земля какие-либо уникальные особенности, кроме того, что была планетой-праматерью? – спросил Пелорат нетерпеливо.

– У вас есть какая-то догадка? – задал встречный вопрос Дениадор, улыбнувшись.

– Я думаю о ее спутнике, который некоторые называют Луной. Должно быть, он необычен, не правда ли?

– Это основной вопрос, доктор Пелорат. Вы словно читаете мои мысли.

– Я не сказал, из-за чего именно Луна необычна.

– Из-за размеров, конечно. Я прав? Да, я вижу, что это так. Все легенды о Земле повествуют об огромном разнообразии фауны на ней и о ее гигантском спутнике – не то три тысячи, не то три с половиной тысячи километров в диаметре. Огромное разнообразие жизни легко объяснить следствием длительной биологической эволюции, если то, что мы знаем об этом процессе, верно. Гигантский же спутник вообразить гораздо труднее. Ни у одной обитаемой планеты в Галактике нет такого спутника. Большие спутники неизменно сопутствуют необитаемым газовым гигантам. Следовательно, как скептик я предпочитаю не верить в существование Луны.

– Если Земля уникальна обладанием миллионами видов жизни, разве не может она быть уникальна и своим гигантским спутником? Одна уникальность могла породить другую.

– Я не понимаю, – продолжал улыбаться Дениадор, – как существование миллионов видов на Земле могло сотворить гигантский спутник из ничего.

– А вы взгляните с другой стороны – возможно, гигантский спутник мог способствовать зарождению этих миллионов видов.

– Все равно не понимаю, как это возможно.

– А что вы скажете относительно истории о радиоактивности Земли? – спросил Тревайз.

– Это общеизвестно: все об этом говорят и все в это верят.

– Но Земля не могла быть настолько радиоактивной, чтобы помешать зарождению жизни и ее поддержанию в течение миллиардов лет. Как же она стала радиоактивной? Ядерная война?

– Это наиболее распространенная гипотеза, Советник Тревайз.

– По тону, каким вы это сказали, можно предположить, что вы в это не верите.

– Нет доказательств, что такая война была. Общая вера, даже тотальная, сама по себе – не доказательство.

– Что же еще могло случиться?

– Нет доказательств, что вообще что-либо случилось. Радиоактивность может быть такой же ни на чем не основанной легендой, как и огромный спутник.

– Такова общепринятая версия, – кивнул Пелорат. – Я собрал множество легенд о происхождении человечества. Многие из них связаны с планетой под названием «Земля». Но у меня нет ни одной компореллонской – ничего, кроме туманного намека на Бенбэли, который явился ниоткуда, – вот и все, что говорят компореллонские легенды.

– Неудивительно: мы обычно стремимся не распространять наши легенды, и я поражен, что вы нашли записи о Бенбэли. Все те же суеверия.

– Но вы не суеверны и вы не отказались бы поговорить об этом, а?

– Это верно, – сказал историк-коротышка, взглянув на Пелората. – Если я так поступлю, это не добавит мне непопулярности; но вы скоро покидаете Компореллон, и я расскажу вам все,

что знаю, если вы никогда не проговоритесь, что информация поступила от меня.

– Мы даем вам честное слово, – быстро произнес Пелорат.

– Тогда вкратце о том, что, по предположениям, произошло, если очистить эту историю от всякой мистики и моралите. На протяжении неопределенного периода времени Земля была единственной планетой, населенной людьми, а затем, примерно двадцать – двадцать пять тысяч лет назад, люди начали межзвездные путешествия с помощью гиперпространственных Прыжков и колонизировали несколько планет. Поселенцы на этих планетах стали использовать роботов, которые первоначально были придуманы на Земле до внедрения гиперпространственных перелетов, и... знаете ли вы, кстати, что собой представляют роботы?

– Да, – сказал Тревайз. – Нас не раз спрашивали об этом. Мы знаем, что такие роботы.

– Поселенцы, чье общество было чрезвычайно роботизировано, развили высокую технологию, добились необычайной продолжительности жизни и презирали мир своих предков. Согласно более драматической версии, они даже взяли власть над ним и держали его в повиновении. В конце концов Земля выслала новую группу поселенцев, которым было запрещено пользоваться роботами. Компореллон был одной из первых планет, которые они заселили. Наши патриоты настаивают, что он был самым первым, но этому нет доказательств, какие могли бы убедить скептика. Первая партия поселенцев вымерла и...

– Почему первая партия вымерла, доктор Дениадор? – спросил Тревайз.

– Почему? Как правило, наши романтики объясняют, что они были наказаны за неповиновение «Тем, Кто Наказывает», хотя ни один не позаботился уточнить, почему «Он» ждал так долго. Но принимать всерьез подобные сказочки не стоит. Легко доказать, что общество, зависящее во всем от роботов, становится слабым, изнеженным, сокращается и вымирает от скуки или, что точнее, от потери воли к жизни.

Вторая волна поселенцев, не имеющая роботов, выжила, и люди рассеялись по всей Галактике, но Земля стала радиоактивной и постепенно потеряла свое значение. Причина, приводимая для объяснения этого, обычно следующая: на Земле тоже были роботы, так как первая волна получила их там.

Блисс, которая все это время внимательно следила за беседой, вмешалась:

– Хорошо, доктор Дениадор, была ли радиоактивность или нет и сколь бы ни было волн поселенцев, но вопрос остается: где именно расположена Земля? Каковы ее координаты?

– Ответ прост: я не знаю, – признался Дениадор. – А не пора ли перекусить? Мы сможем еще поговорить о Земле за едой.

– Вы не знаете?! – удивился Тревайз нарочито громко.

– Вообще-то, насколько мне известно, этого не знает никто.

– Но это невозможно!

– Советник, – сказал Дениадор, вздохнув, – если вы хотите называть правду невозможной – это ваше право, но это вам ничего не дает.

Глава седьмая Прощание с Компореллоном

26

Ленч состоял из горки нежных мучных шариков, покрытых корочкой различного цвета и содержащих разнообразную начинку.

Дениадор взял со стола небольшой предмет, который, будучи развернутым, оказался парой тонких прозрачных перчаток, и надел их. Гости последовали его примеру.

– Что внутри этих шариков? – спросила Блисс.

– Розовые наполнены рубленой рыбой со специями, лучшим нашим деликатесом. Желтые – с сыром, очень нежным и вкусным. В зеленых – овощная смесь. Ешьте, пока они не остывли. Попозже будет горячий миндальный пирог и напитки. Рекомендую отведать горячего сидра. У нас холодно, и мы стараемся подогревать пищу, даже десерт.

– Неплохо придумано, – похвалил Пелорат. – И как красиво сервировано!

— Я просто стараюсь быть гостеприимным, — ответил Дениадор. — Что до меня, то я нуждаюсь в немногом.

Тревайз попробовал розовый шарик. Внутри действительно оказалась рыба, приправленная специями, приятными на вкус, но настолько острыми, что их привкус запросто мог отравить жизнь до конца дня, а возможно, и на всю ночь.

Отложив надкусенный шарик, он заметил, что края корочки сжались. Здесь берегли продукты. А еще он подивился назначению перчаток. Казалось, не было никакой возможности намочить или испачкать руки, даже не пользуясь перчатками, и Тревайз решил, что они нужны для перестраховки. Перчатки заменяли мытье рук в отсутствие воды, но никто, вероятно, не настаивал на их употреблении, если руки были вымыты. (Лайзалор не надевала перчатку, когда они вместе обедали днем раньше. Может быть, потому, что была родом с гор.)

— А удобно ли говорить о делах за едой? — спросил он. — Принято ли это?

— По компореллонскому этикету, не очень, Советник, но вы — мои гости, и мы будем себя вести по-вашему. Если вы желаете говорить серьезно и не думаете — или не боитесь, — что это испортит вам удовольствие от еды, то, пожалуйста, говорите, а я присоединюсь.

— Благодарю. Министр Лайзалор высказала предположение... нет, она прямо утверждала, что возврения скептиков у вас непопулярны. Это так?

Хорошее настроение Дениадора еще больше улучшилось, как ни странно.

— Конечно. Мы бы сильно огорчились, будь это не так. Компореллон, видите ли, мир, утративший былое могущество. Коротко говоря, существует общепринятое убеждение, будто бы некогда, много тысяч лет назад, когда обитаемая часть Галактики была невелика, в ней главенствовал Компореллон. Мы никогда не забываем об этом, и тот факт, что теперь мы не лидеры, воспринимается нами болезненно, вызывает у нас... то есть, точнее, у народа, что-то вроде... чувства несправедливости. Но что тут поделаешь? Когда-то правительство было вынуждено сделать Компореллон лояльным вассалом Императора, а теперь — лояльным союзником Академии. И чем больше мы осознаем нашу подчиненность, тем сильнее вера в возможное возвращение к великим, единственным дням прошлого. Но на что способен Компореллон? Он никогда не решался бросить открытый вызов Империи, а теперь не может игнорировать Академию. Так что большая часть населения отводит душу, нападая на нас, потому как мы не верим в легенды и смеемся над суевериями. Тем не менее, мы не опасаемся худшего — то есть открытого преследования. Под нашим контролем наука, мы работаем на факультетах Университета. Правда, кое-кому из нас, кто особенно резко высказывается, становится трудно преподавать. Я тоже, к примеру, испытываю подобные затруднения, хотя у меня есть студенты и я провожу занятия приватно, вне Университета. А вот если мы действительно будем изолированы, наука придет в упадок и Университет потеряет свой авторитет в Галактике. Вероятно, такова уж глупость человеческая: перспектива интеллектуального самоубийства может не удержать их от уголения своей ненависти. Но Академия поддерживает нас. Следовательно, нас постоянно бранят, осмеивают, обвиняют, но никогда не трогают.

— Неужели общественное мнение удерживает вас от того, чтобы сообщить нам, где находится Земля? — воскликнул Тревайз. — Неужели вы боитесь, что, несмотря ни на что, ура-патриотические настроения могут стать слишком агрессивными, если вы зайдете чересчур далеко?

Дениадор покачал головой.

— Нет. Координаты Земли неизвестны. Я ничего не скрываю от вас из страха или по любой другой причине.

— Но послушайте, — сказал Тревайз настойчиво. — В этом секторе Галактики определенное число планет, обладающих физическими свойствами, делающими их пригодными для обитания, и почти все они должны быть не просто пригодны для обитания, но и заселены, и, что вполне вероятно, хорошо вам известны. Неужели трудно будет исследовать сектор в поисках планеты, которая была бы пригодна для обитания, если бы не ее радиоактивность? Кроме того, необходимо искать планету с огромным спутником. Имея такие признаки, Землю опознать несложно и ее не пропустить даже при поиске наугад. На это уйдет некоторое время, но особых трудностей возникнуть не должно.

— Точка зрения скептиков такова, — сказал Дениадор, — что и гигантский спутник, и радиоактивность Земли — просто легенды. Искать ее — все равно что искать птичье молоко и рыбий мех.

— Возможно, но не должно же это удерживать Компореллон хотя бы от попытки поиска. Если бы вы отыскали радиоактивную планету с большим спутником и пригодную для обитания, то это придало бы достоверности компореллонским легендам.

— Очень может быть, — усмехнулся Дениадор, — что Компореллон ничего не ищет как раз по этой самой причине. Если мы ничего не найдем или обнаружим Землю, но она окажется не похожей на ту, что описывается в легендах, произойдет прямо противоположное. Компореллонские легенды будут уничтожены дочиста и станут мишенью для насмешек. Компореллон не может пойти на такой риск.

Тревайз нетерпеливо выслушал и вернулся к своим рассуждениям:

— С другой стороны, даже если мы просчитаемся по этим двум редчайшим признакам — есть третий признак, который должен существовать по определению, безо всякой оглядки на легенды. Земля должна обладать либо поразительно разнообразной цветущей жизнью, либо остатками таковой, ну, или, по крайней мере, ее ископаемыми останками.

— Советник, — сказал Дениадор, — пока Компореллон действительно не занимался организованными поисками, но мы время от времени все-таки совершили космические путешествия, и у нас есть сообщения с кораблей, которые по той или иной причине сбивались с курса. Прыжки вовсе не так уж точны, это вы и сами знаете. Тем не менее, среди этих сообщений нет сведений о каких-либо планетах, которые по характеристикам напоминали бы легендарную Землю, или о планетах, настолько богатых формами жизни. И это при том, что любой корабль с готовностью садится на планету, кажущуюся пригодной для жизни, чтобы экипаж мог заняться разведкой залежей полезных ископаемых. И если, впрочем, за тысячи лет ничего подобного не нашли, я могу не сомневаться, что найти Землю невозможно, потому что Земли здесь нет.

— Но Земля должна где-то быть, — раздраженно воскликнул Тревайз. — Где-то есть планета, на которой зародилось и эволюционировало человечество и все известные формы жизни, сопровождающие человека. Если Земля не в этом секторе Галактики, она должна быть где-то еще.

— Возможно, — хладнокровно произнес Дениадор, — но в настоящее время она не обнаружена нигде.

— Наверное, потому, что ее никто не искал.

— Ну, теперь этим занимаетесь вы. Я от души желаю вам удачи, но никогда не рискнул бы поспорить с кем-то насчет вашего успеха.

— А были ли попытки, — спросил Тревайз, — определить вероятные координаты Земли косвенным способом? Каким-либо иным методом, нежели прямой поиск?

— Да, — ответили два голоса одновременно. Дениадор — один из голосов принадлежал ему — повернулся к Пелорату: — Вы, наверное, о проекте Яриффа?

— Да.

— Тогда не объясните ли его суть Советнику? Я думаю, он скорее поверит вам, чем мне.

— Видишь ли, Голан, на закате Империи «Поиск Праородины», как его называли, был чем-то вроде популярного хобби и, возможно, помогал людям отвлечься от тягот суровой действительности. В то время Империя была на грани гибели, ну, да это ты и сам знаешь.

Ливианский историк Хамбалу Ярифф выдвинул гипотезу о том, что где бы ни была расположена планета предков, она, скорее всего, раньше колонизировала бы ближайшие планеты и только потом отдаленные. Словом, чем дальше находится планета от Земли, тем позже она заселена.

Далее, предположим, что записываются даты заселения всех обитаемых миров в Галактике и выбираются только те, чей возраст — несколько тысяч лет. Затем из них выбираются те, что старше десяти тысяч лет, среди оставшихся — те, что старше пятнадцати, и так далее. Каждая выборка теоретически должна приблизительно укладываться в некое подобие кольца, и эти кольца должны быть почти концентрическими. Более древние выборки должны представлять собой кольца меньшего диаметра, чем более молодые. И, если определить центры

всех колец, они должны оказаться на сравнительно небольшом участке пространства, который и заключает в себе планету предков... Землю. – Лицо Пелората все сильнее разгоралось, пока он изображал руками концентрические круги. – Понимаешь, Голан?

– Да, – кивнул Тревайз. – Но, судя по всему, гипотеза оказалась не работающей.

– Теоретически должна была сработать, старина. Единственное препятствие представляла неточность дат основания поселений на планетах. Каждый мир в той или иной степени преувеличивал свой возраст, и было трудно отделить правду от вымысла.

– А по распаду углерода-14 в ископаемом дереве? – спросила Блисс.

– Конечно, дорогая, – сказал Пелорат, – но нужно было добиться от миров сотрудничества, а это не удалось. Ни один мир не пожелал отказаться от своих претензий на завышенный возраст, а Империи тогда было попросту не до того. У нее своих забот хватало. Все, что сумел сделать Ярифф, – это отобрать планеты с возрастом не более двух тысяч лет, даты основания поселений на которых были зафиксированы. Таких оказалось немного, и расположены они были примерно по кольцу, а центр кольца оказался достаточно недалеко от Трентора, Имперской столицы, поскольку именно отсюда стартовали колонизационные экспедиции к этим относительно немногочисленным планетам. Это, безусловно, представляет собой новую проблему. Земля являлась не единственной отправной точкой миграции к другим планетам, Время шло, и старейшие миры отправляли собственные экспедиции, и во времена расцвета Империи Трентор стал довольно активным источником таких экспедиций. Яриффа, увы, несправедливо осмеяли, и его профессиональная репутация сильно пострадала.

– Все ясно, Джэн. Доктор Дениадор, неужели же нет совсем ничего, за что можно было бы уцепиться, никакого проблеска надежды? Нет ли какой-нибудь другой планеты, где, возможно, хранятся хоть какие-нибудь сведения о Земле?

Дениадор глубоко задумался и наконец, с трудом подбирая слова, заговорил:

– Ну-у... как скептик, я обязан сказать, что не уверен в существовании Земли, равно как и в том, что она вообще когда-либо существовала. Однако... – он снова умолк.

– Видимо, – не выдержала Блисс, – вы задумались о чем-то очень важном, доктор?

– Важном? Да не то чтобы... – пробормотал Дениадор. – Но, возможно, удивительном. Дело в том, что Земля не единственная планета, чье местонахождение – загадка. Существуют планеты первой волны миграции, так называемые «космонитские». Кое-кто, правда, именует их «запретными». Последнее сейчас употребляется чаще. Во времена славы и величия, как гласят легенды, космониты добились необычайной продолжительности жизни и запретили посещать свои планеты нашим предкам, не умевшим жить так долго. После того как мы взяли верх, ситуация изменилась с точностью до наоборот. Мы брезговали общаться с ними, бросили их на произвол судьбы, запретив пилотам и торговым кораблям иметь с ними дело. С тех самых пор их планеты и стали запретными. Мы не сомневались, как утверждают легенды, что «Тот-Кто-Караает» уничтожит их и без нашей помощи, и, судя по всему, он так и сделал. По крайней мере, насколько нам известно, космониты не появлялись в Галактике много тысячелетий подряд.

– Так вы думаете, космониты могли что-то знать о Земле? – спросил Тревайз.

– Вероятно, так как их миры старше любого из наших, то есть могли бы знать, если бы существовали, а это навряд ли.

– Даже если их нет, сохранились планеты, где могли остаться их записи.

– Остается только найти эти планеты.

Тревайз раздраженно резюмировал.

– Вы клоните к тому, что секрет местонахождения Земли можно найти только на планетах космонитов, местонахождение которых тоже неизвестно.

– Мы не имели с ними дела двадцать тысяч лет, – пожал плечами Дениадор. – И не задавались подобными мыслями. Они ведь тоже, подобно Земле, ушли в туман небытия.

– А сколько было у космонитов планет?

– Легенды говорят, что пятьдесят – подозрительно круглое число. Скорее всего, их было намного меньше.

– И вы не знаете, где находится хотя бы одна из пятидесяти?

– Ну, вообще-то, вроде бы...

– Что вам кажется?

– Поскольку древняя история – мое хобби, как и хобби доктора Пелората, я время от времени исследовал архивные документы в поисках чего-либо, более достоверно описывающего старину, чем легенды. Год назад я разбирал документы, найденные на древнем корабле, которые с трудом поддавались дешифровке. Они датировались очень отдаленными временами, когда наш мир еще не назывался Компореллоном. Там употреблялось название «Мир Бейли», которое, что не исключено, может быть даже более ранним, чем «Мир Бенбэли» наших легенд.

– Вы опубликовали свои выводы? – громко и взволнованно спросил Пелорат.

– Нет, – покачал головой Дениадор. – Я не люблю нырять, пока не удостоверюсь, есть ли вода в плавательном бассейне, как говорится в старой пословице. Видите ли, в документах было записано, что капитан корабля посетил космонитскую планету и забрал с собой космонитскую женщину.

– Но вы сказали, – встрепенулась Блисс, – что космониты никого к себе не пускали.

– Совершенно верно. Вот потому-то я и не стал публиковать эти материалы. Уж больно невероятно получалось. Есть туманные сказания, которые можно интерпретировать как имеющие отношение к космонитам и их конфликту с поселенцами – нашими прямыми предками. Такие сказания существуют не только на Компореллоне, но и на многих других планетах во множестве вариантов, но все они непререкаемо согласны в одном аспекте. Две группы – космониты и поселенцы – не смешивались. Раз социальных контактов между ними не было, остаются только межполовые, и, очевидно, капитана поселенцев и женщину космонитов связали узы любви. Это настолько невероятно, что я не вижу, как еще можно поверить в эту историю, как не счесть ее отрывком из исторического романа.

Тревайз нахмурился.

– И это все?

– Нет, Советник, есть кое-что еще. Мне попались на глаза какие-то цифры, видимо, оставшиеся от вычислений курса корабля, которые могут, вероятно, представлять собой пространственные координаты. Если это так и есть – но дабы не уронить чести скептика, я вынужден повторить, что это может быть безнадежно далеко от правды, – то интуитивное чутье подсказывает мне, что это пространственные координаты трех космонитских планет. Одна из них может быть той самой, где побывал капитан и откуда он похитил женщину.

– Не может ли оказаться так, что вся история – выдумка, а координаты настоящие? – спросил Тревайз.

– Все может быть, – ответил Дениадор. – Я могу передать вам эти цифры, и вы вольны использовать их, как вам будет угодно, да вряд ли это вам что-то даст. Но у меня странное предчувствие, – улыбнулся старый скептик.

– Какое же? – поторопил его Тревайз.

– А вдруг какие-то координаты принадлежат Земле?

Ярко-оранжевое солнце Компореллона казалось на вид больше солнца Терминуса, но стояло ниже над горизонтом и не так сильно грело. Ветер на сей раз, к общей радости, слабый, коснулся щеки Тревайза ледяным дыханием.

Он дрожал, хотя был одет в пальто с электроподогревом – подарок Мицы Лайзалор, которая стояла рядом с ним.

– Ну хоть когда-нибудь бывает у вас тепло, Мица? – зябко поежился Тревайз.

Мица бросила рассеянный взгляд на небо. Высокая и пышнотелая, она была одета гораздо легче, чем Тревайз, но если и ощущала холод, то относилась к этому с полным безразличием.

– У нас прекрасное лето, – сказала она. – Не слишком долгое, но наши культурные растения адаптированы к здешнему климату. Сорта семян тщательно отбираются в ходе селекции и в результате быстро дают всходы и устойчивы к заморозкам. У наших домашних животных густой мех, и компореллонская шерсть, по всеобщему признанию, – лучшая в Галактике. Кроме того, на орбите вокруг Компореллона есть фермы, где выращиваются

тропические фрукты. Мы даже экспортируем очень вкусные консервированные ананасы. Большинство людей, думающих, что Компореллон – холодная планета, об этом и не догадываются.

– Спасибо, Мица, что пришла проводить нас, и за то, что решила помочь нам. Однако ради моего собственного спокойствия я просто обязан спросить, не грозят ли тебе неприятности из-за этого?

– Нет! – она надменно покачала головой. – Никаких неприятностей. Во-первых, меня никто не спросит. Я распоряжаюсь транспортом. Это означает, что я единолично устанавливаю правила как для этого космопорта, так и для всех остальных; для орбитальных станций; для кораблей, что прибывают и улетают. Во всем этом премьер-министр полагается на меня и только рад оставаться в стороне от всех деталей. И даже если меня спросят, мне не требуется говорить ничего, кроме правды. Правительство только устроит мне овацию за то, что я не вернула этот корабль Академии. Народ поступит точно так же, если ему сообщат. А Академия не узнает ничего.

– Да, не спорю, ваше правительство было бы не прочь удержать корабль, не возвращая его Академии, но одобрит ли оно то, что ты позволила нам улететь на нем?

– Какой ты порядочный, Тревайз, – улыбнулась Лайзалор. – Так упорно сражался за свой корабль, а теперь, когда он у тебя, проявляешь трогательную заботу обо мне.

Она любовно потянулась к нему, но сумела сдержаться.

– Пусть только попробуют хоть слово сказать, – сказала она, вздернув подбородок. – Мне только и надо будет объяснить, что вы искали и продолжаете искать Старейшую, тогда они вздохнут с облегчением и скажут, что я правильно поступила, быстренько избавившись от всех вас и от вашего корабля. Ну, разве что начнут махать руками и гневно вопрошать, как это вам было позволено совершить посадку, хотя иного способа узнать, кто вы такие и чем занимаетесь, попросту не было.

– Значит, на самом деле боишься, что я самим своим присутствием мог навлечь и на тебя, и на всю планету беду?

– Конечно, – уверенно ответила Лайзалор. Затем немного смущенно добавила: – Ты уже принес мне горе; теперь, когда я узнала тебя, компореллонские мужчины будут казаться мне еще более никудышными. Я буду страдать от неутоленной страсти. «Тот-Кто-Караает» уже успел позаботиться об этом.

Тревайз помолчал и сказал:

– Конечно, я хочу, чтобы ты думала иначе, но не хочу, чтобы ты без нужды боялась чего-то. Пойми: мысль о том, что я принес тебе горе, – чистой воды суеверие.

– Тебе это скептик сказал?

– Я и без него это знал.

Лайзалор смахнула снег с густых бровей и ресниц и сказала:

– Конечно, есть такие, кто думает, что это суеверие. Но то, что Старейшая приносит беду, – это точно. Тому было много подтверждений, и все заумные доводы скептиков не могут затмить правду. – Она резко протянула Тревайзу руку: – Прощай, Голан. Ступай на корабль, к своим спутникам, пока не замерз.

– Прощай, Мица. Я надеюсь увидеть тебя, когда вернусь.

– Да, ты обещал вернуться, и я всеми силами хотела поверить, что так оно и будет. Я даже подумывала о том, не следует ли мне вылететь тебе навстречу, чтобы беда досталась мне одной, а не всей моей планете, но ты не вернешься, я знаю.

– Почему? Я обещаю! Не думай, что я сказал так только для того, чтобы обмануть и утешить тебя.

В это мгновение Тревайз был твердо уверен, что говорит чистую правду.

– Пусть так, мой милый, но тем, кто отправляется на поиски Старейшей, не суждено возвратиться куда бы то ни было. Я сердцем чувствую это.

Тревайза била дрожь, у него зуб на зуб не попадал. Как ему не хотелось, чтобы Мица подумала, что это от страха.

– Это тоже суеверие, – сказал он.

– И все-таки правда, – обреченно проговорила она.

28

Как приятно было снова очутиться в рубке «Далекой звезды» – тесноватой, похожей на тюремную камеру в безбрежном космосе, но такой знакомой, дружелюбной и теплой.

– Ну, наконец-то, – сказала Блисс. – А я гадала, долго ли еще ты простояшь там с Министершей.

– Там долго не простояшь, – ответил Тревайз. – Жутко холодно.

– А мне уже начало казаться, – усмехнулась Блисс, – что ты готов остаться с ней и отложить поиск Земли. Мне не хотелось как-либо вмешиваться в твоё сознание, но я боялась за тебя: искушение, которому ты подвергся, словно захлестнуло меня.

– Ты не ошиблась. Мгновение, по крайней мере, я боролся с искушением. Министерша – восхитительная женщина, я таких раньше не встречал. А ты не помогла ли, случаем, мне в этой борьбе, Блисс?

– Я много раз говорила тебе, что я не имею права вмешиваться в твоё сознание, Тревайз. Ты отбросил искушение, как мне кажется, из-за того, что у тебя есть четкое чувство долга.

– Нет, вряд ли. – Он криво усмехнулся. – Ничего такого возвышенного и благородного. Я выиграл битву с искушением по одной простой причине – было ужасно холодно, а еще меня подгоняла мысль о том, что останься я, Министерша быстренько угробила бы меня. Я не выдержал бы такого напора.

– Ну, как бы то ни было, теперь ты на борту и в безопасности, – улыбнулся Пелорат. – Что дальше?

– Прежде всего – как можно быстрее уйти за пределы планетной системы в пространство, а когда окажемся достаточно далеко от солнца Компореллона, сможем совершить Прыжок.

– Ты думаешь, нас могут задержать или установить за нами слежку?

– Нет. Уверен, Министершу заботит только одно: чтобы мы убрались как можно быстрее и по возможности подальше, дабы месть «Того-Кто-Караает» не постигла всю планету. На самом деле...

– Да?

– Она верит, что кара наверняка не минует нас. Она твердо убеждена, что нам ни за что не вернуться. Это, поспешу добавить, не из-за того, что она не сомневается в моей неверности. Она не вправе об этом судить. Она имела в виду, что Земля – настолько ужасный источник бед, что любой, кто разыскивает ее, должен умереть, независимо от того, найдет он ее или нет.

– Сколько же обитателей Компореллона не вернулось с поисков Земли, что она так твердо убеждена в этом? – поинтересовалась Блисс.

– Сомневаюсь, чтобы вообще хоть один компореллонец рискнул на такое путешествие. Я сказал Мице, что ее страхи по большей части – суеверие.

– А сам-то ты действительно уверен в этом или позволил ей поколебать твои убеждения?

– Я знаю, что ее страхи в той форме, в которой она выразила их, чистейшей воды суеверия, но они могут быть не беспочвенны.

– Ты хочешь сказать, что радиоактивность Земли может убить нас, если мы попытаемся приземлиться?

– Я не верю, что Земля радиоактивна. Во что я действительно верю, так это в то, что Земля сама защищает себя. Вспомните: все материалы о Земле из библиотеки Трентора были изъяты. Вспомните: поразительная память Геи, сформированная всей планетой вплоть до гор и огненного ядра, обрывается, не углубляясь так далеко в прошлое, чтобы поведать нам что-либо о Земле.

Ясно, что Земля достаточно могущественна, чтобы сделать такое, она, очевидно, способна и заставить поверить в свою радиоактивность и, таким образом, застраховать себя от всяких посещений. Возможно, поскольку Компореллон недалеко от Земли, он может представлять для нее особую опасность, потому что здесь сильнее угроза проявления любопытства. Дениадор, хоть он и скептик, и ученый, бесповоротно убежден в тщетности поисков Земли. Он утверждает, что ее нельзя обнаружить. И именно поэтому суеверия Министерши могут быть обоснованы. Если Земля так стремится спрятаться, разве не предпочтет она прикончить нас

или извратить наше сознание, нежели позволить нам найти себя?

Блисс нахмурилась и проговорила:

— Гея...

— Только не говори, что Гея способна защитить нас, — резво откликнулся Голан. — Раз Земля оказалась в силах стереть ранние воспоминания Геи, ясно, что, возникни любое противоречие, и Земля выиграет.

— Откуда тебе знать, — холодно ответила Блисс, — что воспоминания были стерты? Может статься, что просто Гее потребовалось время для формирования планетарной памяти, и теперь мы можем изучать прошлое только до периода этого формирования. И если даже воспоминания были стерты, как ты можешь быть уверен, что это проделки Земли?

— Я ничего не знаю наверняка, — пожал плечами Тревайз. — Я просто высказал предположение.

— Если Земля столь могущественна, — робко вмешался Пелорат в их спор, — и так стремится сохранить свою неприкословенность, что толку от наших поисков? Ты, похоже, считаешь, что Земля не позволит нам преуспеть в этом и убьет нас, если понадобится. В таком случае стоит ли нам искать ее?

— Пожалуй, действительно может показаться, что мы должны все бросить, но я убежден, что Земля существует и что я должен ее найти. И я найду ее. И Гея утверждает, что, когда я твердо уверен в чем-либо, я чаще всего оказываюсь прав.

— Но как мы сможем остаться в живых, после того как найдем Землю, дружочек?

— Может статься, — сказал Тревайз полуслышально, — что Земля также осознает бесценность моей потрясающей способности оказываться правым и предоставит меня самому себе. Но я не могу быть уверен в том, что вы тоже уцелеете, и это мучает меня. Это давно не дает мне покоя, но сейчас особенно, и мне кажется, что я должен отвезти вас обоих обратно на Гею и только потом самостоятельно продолжить полет. Это не ты, не забывай, не ты, а я в ссылке. Значит, я один и должен рисковать. Согласен, Джэн?

Пелорат опустил голову, подбородок его прижался к шее, и от этого его лицо стало как бы еще длиннее.

— Не скажу, что мне не страшно, Голан, но мне будет стыдно тебя покинуть. Я изменю себе, если так поступлю.

— Блисс, что скажешь?

— Гея не может покинуть тебя, Тревайз, что бы ты ни делал. Если окажется, что от Земли будет исходить опасность, Гея защитит тебя, насколько это будет возможно. И потом: я, Блисс, не покину Пела, и если он хочет быть с тобой, то я хочу быть с ним.

— Ну что же, — угрюмо кивнул Тревайз. — Я дал вам шанс передумать. Значит, продолжаем поиск вместе.

— Вместе, — сказала Блисс.

Пелорат улыбнулся и обнял Тревайза за плечи:

— Вместе. Всегда.

29

— Взгляни-ка сюда, Пел, — позвала Блисс.

Она вручную наводила корабельный телескоп, скорее всего, ради баловства, чтобы отвлечься от мифологической библиотеки Пелората.

Пелорат подошел, обнял ее за плечи и посмотрел на обзорный экран. В поле зрения находился один из газовых гигантов Компореллонской планетной системы, увеличенный почти до своих реальных размеров, нежно-оранжевый с более бледными полосами. Видимый с плоскости эклиптики и более удаленный от центрального светила, чем корабль, газовый гигант казался почти идеальным светящимся кругом.

— Красиво! — восхищенно проговорил Пелорат.

— А центральная полоса больше диаметра планеты, Пел, посмотри-ка.

Пелорат сосредоточился.

— Да, Блисс, и мне так кажется.

– А это не оптический обман?

– Не уверен, Блисс. Я такой же новичок в космосе, как и ты. Голан!

Тревайз отозвался нехотя:

– Что там еще? – и вошел в рубку, немного растрепанный, словно только что вздрогнул, не раздеваясь, да, собственно, так оно и было. – Пожалуйста, не балуйтесь с приборами, – сердито буркнул он.

– Да мы только в телескоп смотрим, – оправдываясь, проговорил Пелорат. – Посмотри сам.

Тревайз подошел поближе.

– Это газовый гигант под названием Галлия, судя по имеющимся у меня данным.

– Как ты можешь судить с первого взгляда?

– Во-первых, – сказал Тревайз, – я сужу на основании удаленности нашего корабля от Солнца, учитывая размер планет и их положение на орбите, которые я изучал при прокладке курса. Это – единственная планета, которую вы сейчас можете разглядывать при таком увеличении. Во-вторых, вокруг нее кольцо.

– Кольцо? – заинтересованно переспросила Блисс.

– Оно видно почти в горизонтальной плоскости, потому и кажется тонкой полоской. Мы можем выйти за пределы эклиптики, и тогда обзор будет лучше. Хочешь?

– Я не хочу утруждать тебя перерасчетами курса, Голан.

– Да ну, компьютер может сделать это за меня без всякой натуги.

Тревайз сел к компьютеру и положил руки на световые контуры. Компьютер, тончайшим образом адаптированный к мысленным приказам Тревайза, сделал все, что было нужно.

«Далекая звезда», не знавшая трудностей с топливом и не изнурявшая от перегрузок, быстро набрала скорость. И вновь Тревайз ощущал прилив неподдельной любви к кораблю и компьютеру, который так отвечал ему, словно это его мысль питала и направляла судно, словно оно было могучим и послушным исполнителем его воли.

Неудивительно, что Академия так хотела вернуть себе корабль; неудивительно, что Компореллон хотел захватить его. Удивительно было то, что силы предрассудков оказалось достаточно для того, чтобы заставить Компореллон отказаться от корабля.

Будь на корабле соответственное вооружение, он мог бы без труда обогнать или победить в бою любой корабль в Галактике и даже целую эскадру – при единственном условии: если не встретит другой такой же корабль.

Но о соответственном вооружении не могло быть и речи. Мэр Бранно, вручая ему корабль, в одном, как минимум, по осторожничала, оставил его невооруженным.

Пелорат и Блисс внимательно следили за тем, как планета Галлия неторопливо поворачивалась перед ними. Вскоре обозначился какой-то из полюсов, окруженный широкой полосой вихрей. Другого полюса не было видно.

Верх полушария темной стороны планеты постепенно входил в зону оранжевого света, и идеальный кружок становился все более ущербным.

Но особое впечатление произвела центральная бледная полоса. Она больше не была прямой, а искривлялась, подобно другим полосам на юге и севере, но гораздо заметнее их.

Теперь полоса явно выходила за края планеты и узкими петлями загибалась по обе ее стороны. Ясно, это не был оптический обман. Вокруг планеты вращалось вполне материальное кольцо.

– Ну, для общего впечатления хватит, – сказал Тревайз, – Если бы мы летели над планетой, вы бы увидели кольцо в виде концентрической окружности вокруг планеты, нигде ее не касающееся. Вы, вероятно, заметили, что это не одно кольцо, а несколько концентрических.

– Я и не думал, что такое возможно, – ошеломленно проговорил Пелорат. – Что же удерживает их в пространстве?

– То же самое, что удерживает в пространстве спутники, – ответил Тревайз. – Кольцо состоит из мелких частиц, каждая из которых движется по орбите вокруг планеты. Кольца настолько близки к планете, что центробежная сила не дает им слипнуться.

Пелорат тряхнул головой.

– Просто потрясающе, если задуматься, дружок, как это я, ученый, ухитрился прожить

жизнь, так мало зная об астрономии?

— А я совсем ничего не знаю о мифах. Нельзя объять необъятное. Дело в том, что в этих кольцах нет ничего необычного. Они есть почти у каждого одинокого газового гиганта хотя бы в виде тонкой полосы пыли. Так уж вышло, что в планетной системе солнца Терминуса нет настоящего газового гиганта, и если бы терминусианцы не летали в космос или не располагали знаниями по астрономии, они бы ничего о планетных кольцах не знали. Кольца, широкие и яркие, как у этой планеты, — вот что действительно необычно. Это кольцо прекрасно. Должно быть, его ширина не меньше пары сотен километров.

Пелорат прищелкнул пальцами и воскликнул:

- Это именно то, о чем я думал.
- О чём, Пел? — поразилась Блисс.

— Я изучал однажды фрагменты поэмы, очень древней, написанной на архаичной версии галактического языка, так что читать было трудно, но именно это служило надежным доказательством ее древности. Хотя... мне ли жаловаться на архаизмы, дружочек. Моя работа превратила меня в эксперта по разнообразным вариациям древнегалактического, чему я благодарен, даже если и не нахожу этому применения помимо моей работы. Так о чём я говорил?

— О древнем поэтическом отрывке, Пел, милый.

— Спасибо, Блисс, — сказал он и пояснил Тревайзу: — Она следит за моей речью, чтобы вернуть меня назад, если я сбьюсь с курса, что частенько происходит.

— Это придает тебе очарование, Пел, — нежно улыбнулась Блисс.

— Словом, оказалось, что в этом отрывке описана планетарная система, частью которой была Земля. Почему — не знаю, так как целиком поэма не сохранилась, по крайней мере, я так и не смог разыскать ее. Только этот единственный отрывок и уцелел — может быть, из-за астрономического содержания. В общем, там говорится о сверкающем тройном кольце шестой планеты «both brade and lange, sae the woruld shronk in comparisoun»¹⁰. Как ни странно, я сумел его процитировать. Я не понимал, что это может быть за планетное кольцо. Я, помнится, думал о трех кругах, расположенных в ряд по одну сторону от планеты. Это казалось так бессмысленно, что я даже не включил этот отрывок в мою библиотеку. Какой позор, какое невежество. — Он сокрушенно покачал головой. — Быть мифологом в современной Галактике — такая редкая специальность, что порой забываешь о том, что не грех проконсультироваться у других специалистов.

— Не суди себя строго, Джэн, — попытался утешить друга Тревайз. — Это ошибка — принимать буквально поэтические образы.

— Но ведь подразумевалось именно это, — возразил Пелорат, показывая на экран. — Именно об этом говорилось в поэме. Три широких кольца, концентрических, больше, чем сама планета.

— Я никогда не слышал о таком, — сказал Тревайз. — И не думаю, что кольца могут быть столь широки. По сравнению с планетой они обычно очень узкие.

— Между прочим, мы никогда не слышали об обитаемой планете с гигантским спутником. Или с радиоактивной поверхностью. Вот вам и уникальность номер три. Если мы найдем радиоактивную планету, которая, вероятно, раньше была обитаема, с гигантским спутником, неподалеку от которой находится планета с огромным кольцом, не останется сомнений, что мы нашли Землю.

— Согласен, Джэн, — улыбнулся Тревайз. — Если мы найдем все три признака, мы сможем быть уверены, что обнаружили Землю.

— Если!.. — вздохнула Блисс.

30

Позади осталось большинство планет системы. Проскочив между двумя самыми

¹⁰ «Яркое и широкое, заставляющее саму планету померкнуть в сравнении с собой» — Пер. с древнегалактического. — Примеч. автора.

большими планетами, корабль мчался вперед. Теперь в пределах полутора миллиардов километров не было крупных объектов. Впереди лежало только обширное кометное облако, в гравитационном отношении опасности не представляющее.

Скорость «Далекой звезды» возросла до 0,1 с. Тревайз хорошо знал, что теоретически корабль мог быть разогнан почти до скорости света, но он также знал, что 0,1 с было вполне достаточно.

При такой скорости можно было избежать столкновения с любым объектом со значительной массой, но не было возможности избавиться от неисчислимых космических пылинок, в особенности от гораздо чаще попадающихся на пути отдельных атомов и молекул. На очень большой скорости даже такие крохотные частички могут нанести кораблю вред, царапая и скребя корпус корабля. При скорости, близкой к световой, каждый атом, попадающий в корпус корабля, обладает свойствами частиц космических лучей, а под воздействием проникающей космической радиации всякий бы недолго протянул на борту корабля.

Далекие звезды неподвижно застыли на обзорном экране, и, хотя корабль летел со скоростью тридцать километров в секунду, казалось, что он стоит на месте.

Компьютер сканировал пространство на большую глубину в поисках любого встречного объекта, представляющего опасность при столкновении с кораблем. И слегка лавировал, когда это было необходимо, чтобы избежать подобной встречи. Учитывая ничтожно малые размеры любого встречного объекта, скорость корабля и отсутствие эффекта инерции в результате изменения курса, было невозможно понять, происходило ли в действительности что-либо вроде того, что зовется «звонками с того света».

Тревайз, впрочем, совсем не беспокоился о таких вещах или вспоминал о них очень редко. Он полностью погрузился в размышления о трех системах координат, которые ему передал Дениадор, в особенности о той, что указывала ближайший к кораблю объект.

— Что-нибудь напутано в цифрах? — озабоченно спросил Пелорат.

— Пока не могу сказать. Координаты сами по себе бесполезны, пока не знаешь точку отсчета и принцип построения системы — направление, в котором считывается расстояние, чему равняется нулевой меридиан и так далее.

— Как же ты собираешься определить все это? — удивился Пелорат.

— Я нашел координаты Терминуса и некоторых других планет относительно Компореллона. Если я введу их в компьютер, он сможет определить принципы построения этих координат, если координаты Терминуса и прочие координаты указаны верно. Я просто пытаюсь собраться с мыслями, чтобы поточнее запрограммировать компьютер. Как только принцип будет определен, цифры, имеющие отношение к Запретным мирам, вероятно, обретут смысл.

— Всего лишь вероятно? — спросила Блесс.

— Боюсь, что так, — ответил Тревайз, — И потом, это старые расчеты, предположительно — компореллонские, но не на сто процентов. Что, если расчеты основаны на других принципах?

— Что тогда?

— Тогда перед нами всего-навсего бессмысленные цифры. Была не была, посмотрим.

Пальцы Тревайза запорхали над приглушенными светящимися клавишами компьютера, вводя нужную информацию. Затем он положил руки на контуры пульта и стал ждать, пока компьютер выработает и выдаст принципы построения координат известных планет, затем интерпретирует координаты ближайшей из запретных планет на основе этих же принципов и, наконец, найдет эти координаты на хранящейся в его памяти карте Галактики.

На экране звездное поле возникло и быстро задвигалось, занимая правильное положение. Когда картинка остановилась, пошло увеличение. Звезды бледнели по мере удаления от центра, покуда почти все не исчезли. Наконец их осталось совсем немного. Глаз не мог уследить за всеми быстрыми изменениями, подобными мерцанию светящихся крапинок. И вот остался лишь квадрат с длиной стороны в одну десятую парсека, судя по цифрам внизу. Дальнейших изменений не происходило, и только полдюжины тусклых огоньков вносило некоторое оживление в темноту на экране.

— Которая из них Запретная Планета? — негромко спросил Пелорат.

— Никакая, — ответил Тревайз. — Четыре из них — красные карлики, один —

недоформировавшийся красный карлик, а остальные – белые карлики. На орбите вокруг любого из них возможно обнаружить пригодный для обитания мир.

– А как ты, только взглянув на экран, узнал, что это красные карлики?

– Мы же смотрим не на реальные звезды; мы смотрим на часть карты Галактики, хранящейся в памяти компьютера. Каждая имеет обозначение. Вам обозначения не видны, и чаще всего я тоже их не вижу, а только тогда, когда мои руки лежат на клавишах компьютера, как сейчас. Тогда я узнаю довольно многое о любой звезде, на которой остановится взгляд.

– Значит, все координаты бесполезны и бессмысленны, – страдальчески вымолви. Пелорат.

– Не спеши, Джен, – взглянул на него Тревайз. – Я не закончил. Это еще и вопрос времени. Координаты Запретной Планеты были записаны двадцать тысяч лет назад. Все это время и Компореллон, и эта планета вращались вокруг центра Галактики, и с таким же успехом они могли вращаться с другой скоростью, иметь иной наклон орбиты и эксцентриситет. Следовательно, со временем два мира могли как приблизиться друг к другу, так и отдалиться, и за двадцать тысяч лет Запретная Планета могла совершить дрейф в любом направлении на расстояние от полутора до пяти парсеков от отмеченной точки. Тогда, очевидно, он может не попасть в квадрат со стороной в одну десятую парсека.

– И что же нам делать?

– Мы заставим компьютер перенести Галактику на двадцать тысяч лет назад относительно Компореллона.

– Он и такое может? – спросила Блисс с нескрываемым благоговением.

– Ну, не саму Галактику, а содержащуюся в его памяти карту.

– А можем мы увидеть, как это происходит?

– Смотрите, – сказал Тревайз.

Звезды очень медленно поползли по экрану. Вдруг слева появилась звезда, которой прежде не было на экране, и Пелорат радостно воскликнул:

– Вот она! Вот!

– Извини, – сказал Тревайз. – Еще один красный карлик. Их очень много. По крайней мере, три четверти звезд в Галактике – красные карлики.

Изображение на экране сдвинулось вниз и замерло.

– Ну? – нетерпеливо проговорила Блисс.

– Ну вот, – сказал Тревайз. – Вот вам вид на данный участок Галактики, каким он был двадцать тысяч лет назад. В самом центре экрана точка, где должна была бы находиться Запретная Планета, если бы дрейфовала с некоторой средней скоростью.

– Должна была быть, но ее нет, – выпалила Блисс.

– Нет, – бесстрастно согласился Тревайз.

Пелорат только грустно вздохнул.

– Ах, какая досада, Голан.

– Погоди, не отчайвайся. Я не ожидал увидеть здесь эту звезду.

– Не ожидал? – удивленно спросил Пелорат.

– Нет. Я же сказал тебе, что это не сама Галактика, а компьютерная ее карта. Если реальная звезда не нанесена на карту, мы не увидим ее. Если планета зовется «запретной» и называлась так двадцать тысяч лет, велика вероятность того, что ее не нанесли на карту. И это так и есть, поскольку мы не видим ее.

– Но мы можем не видеть ее еще и потому, что ее не существует, – возразила Блисс. – Легенды Компореллона могут лгать, а координаты быть ошибочными.

– Не исключено. Однако теперь компьютер может оценить, каковы должны быть координаты Запретной Планеты в наше время, поскольку нашел точку, где ее звезда находилась прежде. Используя скорректированные по времени координаты (такую коррекцию я могу сделать только при помощи звездной карты), мы можем сейчас переключиться на реальную картину звездного поля.

– Но ты только предположил, какова могла быть средняя скорость дрейфа Запретной Планеты. Что, если она была другой? Тогда тебе не скорректировать координаты.

– В общем, ты права, но коррекция с учетом предполагаемой средней скорости почти

наверняка приблизит нас к реальному положению звезды, чем тогда, когда бы мы вообще не проводили временной коррекции.

— Ну, это ты только надеешься, — с сомнением сказала Блисс.

— Совершенно верно, — подтвердил Тревайз. — Надеюсь. А сейчас давайте взглянем на реальную Галактику.

Пелорат и Блисс, с трудом сдерживая нетерпение, смотрели на экран, пока Тревайз (возможно, чтобы унять собственное волнение и оттянуть решающий момент) неторопливо, словно читал лекцию, пояснял:

— Наблюдать реальную Галактику очень сложно. Карта в компьютере — искусственное творение. Свечение звезд на ней далеко от истинного. Если поле зрения заслоняет туманность, я могу убрать ее. Если для моих наблюдений не годится угол зрения, я могу изменить его, и так далее. Реальную Галактику, однако, я должен принимать такой, какова она есть, и, если я хочу изменений, я должен физически двигаться сквозь пространство, что может отнять намного больше времени, чем применение карты.

Пока он говорил, экран заволокла такая густая пелена звезд, что отдельные светила казались беспорядочным облаком светящейся пудры.

— Это общий вид части Млечного Пути, — пояснил Тревайз, — и я пожелал, естественно, передний план. Если я его увеличу, то задний план в сравнении с ним может стать практически не различим. Координаты нужной точки довольно близки к Компореллону, так что я все-таки могу увеличить изображение до размеров, которые мы видели на карте. Погодите, я попытаюсь уговорить компьютер, если мой организм еще сможет работать. Ну вот.

Звездный узор рывком увеличился, так что тысячи звезд исчезли за краями экрана, давая наблюдателям настолько реальное ощущение движения к экрану, что все трое автоматически отклонились назад, словно по инерции.

На экране возник прежний вид, но картина была не такая темная, как на карте, а с полудюжиной звезд, показанных такими, какими они выглядели на самом деле. А еще здесь, ближе к центру, горела другая звезда, гораздо более яркая, чем остальные.

— Это она.. — испуганным шепотом произнес Пелорат.

— Возможно. Я попросил компьютер определить ее спектр и проанализировать его. — После довольно долгой паузы Тревайз продолжил: — Спектральный класс G-4, значит, она лишь ненамного тусклее и меньше, чем солнце Терминуса, но гораздо ярче, чем солнце Компореллона. К тому же звезды класса G не должны быть пропущены в компьютерной карте Галактики. Так как она отсутствует, это явный признак того, что именно вокруг нее вращается Запретная Планета.

— А не может быть так, что у этой звезды вообще нет планет? — спросила Блисс.

— Может быть. Тогда мы попытаемся найти две других запретных планеты.

— А если другие две тоже обманут наши ожидания? — упорствовала Блисс.

— Тогда мы попытаемся придумать что-нибудь еще.

— Что, например?

— Я и сам хотел бы знать, — мрачно ответил Тревайз.

Часть третья Аврора

Глава восьмая Запретная планета

— Голан, — спросил Пелорат. — Ничего, если я посмотрю? Не помешаю?

— Вовсе нет, Джэн.

– Можно спросить?

– Валяй.

– Чем ты занят?

Тревайз оторвался от дисплея.

– Собираюсь измерить расстояние до каждой звезды, которая на экране кажется близко расположенной к Запретной Планете, и тогда смогу определить, насколько она близка к ней на самом деле. Важно узнать параметры их гравитационных полей, а для этого мне нужно выяснить значение их массы и расстояние до них. Не располагая такими сведениями, нельзя точно рассчитать Прыжок.

– И как ты этого добьешься?

– Ну... каждая звезда, которую я вижу, имеет свои координаты в банке памяти компьютера, и они могут быть переведены в систему координат, принятую на Компореллоне. Полученные данные можно, в свою очередь, немного подкорректировать с учетом положения «Далекой звезды» в пространстве относительно солнца Компореллона, и это даст мне возможность определить расстояние до каждого светила. Все эти красные карлики выглядят на экране довольно близко расположенными к Запретной Планете, но некоторые могут быть намного ближе к ней, а другие – намного дальше. Видишь ли, нам необходимы их пространственные координаты.

Пелорат кивнул и спросил:

– И ты уже определил координаты Запретной Планеты?

– Да, но этого мало. Мне необходимо знать расстояние до других звезд с точностью до сотых. Воздействие их гравитационных полей неподалеку от Запретной Планеты настолько ничтожно, что небольшая погрешность не сделает погоды. Солнце, вокруг которого вращается Запретная Планета – вернее, может вращаться, – создает сильнейшее гравитационное поле рядом с планетой, и мне необходимо знать расстояние между ними с точностью, возможно, в тысячи раз большей, чем до соседних звезд. Одних только координат для этого мало.

– Что же ты будешь делать?

– Я измерю кажущееся расстояние от Запретной Планеты, вернее, от ее звезды – до трех ближайших звезд, которые настолько тусклы, что придется прибегнуть к значительному увеличению, дабы сделать их видимыми. Предположительно, все три звезды очень отдалены. Мы располагаем одну из них в центре экрана и прыгаем на одну десятую парсека в направлении, перпендикулярном воображаемой прямой, соединяющей «Далекую звезду» и Запретную Планету. Это мы можем проделать без особых опасений, даже не зная расстояний до сравнительно далеких звезд.

Звезда, которая находится в центре экрана, должна, оставаться на своем месте и после Прыжка. Две другие тусклые звезды, если все три действительно очень далеки, серьезно не изменят своего положения. Запретная Планета, однако, достаточно близка, чтобы изменить видимую позицию из-за сдвига параллакса. На основании значения параллакса можно определить расстояние до нее. Если нужна более высокая точность, я могу выбрать другие три звезды и попытаться повторить все снова.

– И сколько времени все это займет?

– Не очень много. Черную работу сделает компьютер, Я лишь отдаю ему распоряжения. Что действительно потребует времени, так это проверить результаты и убедить себя в том, что они верны и что в мои инструкции компьютеру не вкрадась какая-нибудь ошибка. Если бы я был одним из тех сорви-голов, что на все сто верят себе и компьютеру, это могло бы быть проделано за пару минут.

– Просто удивительно. Подумать только, как много компьютер делает для нас.

– Я тоже не устаю удивляться.

– Что бы ты без него делал?

– А что бы я делал без гравилета? Что бы я делал без своей практики астронавта? Что бы я делал без двадцати четырех лет опыта гиперпространственной технологии за плечами? Я таков, каков есть. Здесь и сейчас. Попробуем вообразить себя через двадцать тысяч лет. За какие чудеса мы тогда благодарили бы науку и технику? Правда, может случиться так, что через двадцать тысяч лет человечества уже не будет.

— Вряд ли, — сказал Пелорат. — Вряд ли человечества не станет. Далее если мы не станем частью Галаксии, нас все равно будет направлять психоистория.

Тревайз отвернулся от пульта и сложил руки на груди.

— Пусть поработает — уточнит расстояние, проверит все несколько раз. Спешить не стоит. — Вопросительно посмотрев на Пелората, он хмыкнул: — Психоистория! Ты знаешь, Джен, эта тема дважды затрагивалась на Компореллоне, и оба раза психоистория выставлялась как суеверие. Однажды это сказал я сам, а потом то же самое повторил Дениадор. В конце концов, как еще можешь ты определить психоисторию, кроме как суеверие, бытующее в Академии? Разве это не вера без доказательств? Что скажешь, Джен? Это скорее твоя область, чем моя.

— Почему ты говоришь, что нет доказательств, Голан? Образ Гэри Селдона появлялся в Склепе и высказывался о случившемся. Он не мог знать в свое время, что за события произойдут в будущем, если бы не был способен предсказывать их на основании психоистории.

Тревайз кивнул.

— Звучит впечатляюще. Он, правда, промахнулся в случае с Мулом, но, даже невзирая на это, все равно впечатляюще. И все же есть во всем этом какой-то неприятный осадок таинственности. Любой фокусник может проделывать подобные трюки.

— Ни один фокусник не может предсказать события на столетия вперед.

— Ни один фокусник не может на самом деле делать то, что, как тебе кажется, он вытворяет.

— Послушай, Голан. Я не могу вообразить ни одного трюка, с помощью которого я бы мог предсказать, что случится через пять столетий.

— Ты не можешь представить и трюк, который позволил бы фокуснику прочитать текст сообщения, спрятанного в псевдотессеракт¹¹ на необитаемом орбитальном спутнике. А я своими глазами видел человека, который сделал это. Откуда ты знаешь, что склеп, в котором появляется образ Гэри Селдона, куплен правительством.

Пелорат взглянул на Тревайза, словно это предположение вызвало у него содрогание.

— Они не посмеют этого сделать! — Тревайз презрительно фыркнул. — Их бы поймали за руку, попытайся они сделать такое, — добавил Пелорат.

— Вот уж не уверен. Ну да ладно, дело-то не столько в этом, сколько в том, что мы совсем не знаем, как работает психоистория.

— Я не знаю, как работает компьютер, но знаю, что он работает.

— Это потому, что другие знают, как. А если никто не знает, как он работает? Тогда, случись ему сломаться, никто не сможет его починить. А теперь представим на месте компьютера психоисторию.

— Вторая Академия знает о психоистории все.

— Откуда тебе это известно, Джен?

— Так говорят.

— Сказать можно все что угодно. А, прости, компьютер заговорил. Так... Он определил расстояние до звезды Запретной Планеты и, надеюсь, очень точно. Дай-ка подумать.

Тревайз глядел на цифры довольно долго, беззвучно шевеля губами, словно что-то подсчитывал про себя. Наконец, не отрывая глаз от экрана, спросил:

— А Блисс что поделывает?

— Отсыпается, дружочек, — ответил Пелорат. Затем, словно желая защитить ее, добавил: — Ей необходим сон, Голан. Поддерживать с Геей непосредственный контакт через гиперпространство — на это нужны силы.

— Не спорю, — кивнул Тревайз, положил руки на пульт и пробормотал: — Попробую несколько раз, проверю и перепроверю. — Оторвав руки от пульта, он обернулся. — Я серьезно, Джен. Что ты на самом деле знаешь о психоистории?

Пелорат не без труда вернулся к прерванному разговору.

— Ничего. Историк и психоисторик — это огромная разница. Конечно, два

¹¹ Псевдочетырехмерный куб. — Примеч. пер.

фундаментальных постулата психоистории мне известны, но они известны каждому.

— Даже мне. Первое требование — количество людей, вовлеченных в исторический процесс, должно быть достаточно велико, чтобы результаты статистических подсчетов были достоверными. Но что такое «достаточно велико»? Сколько?

— По последней оценке, население Галактики — что-то около десяти квадриллионов, и это, вероятно, заниженные цифры. Наверняка это и есть «достаточно великой».

— Как ты можешь судить?

— Поскольку психоистория действительно работает, Голан. Как бы ты ни изощрялся в логике, она действительно работает.

— А второе требование, — сказал Тревайз, — заключается в том, чтобы люди пребывали в неведении относительно существования психоистории, и тогда знание будущего не извратит их поведения. Но они не пребывают в неведении, вот ведь какое дело.

— Но ведь все знают только одно, что она в принципе существует, дружочек. Это не в счет. Второе требование на самом деле заключается в том, чтобы люди не были осведомлены о предсказаниях психоистории, — и они-таки ничего о них не знают, за исключением адептов Второй Академии, но о них разговор особый.

— И только на этих двух постуатах зиждется вся психоистория? Верится с трудом.

— Не только, — сказал Пелорат. — В ее основе лежат передовые и тщательно разработанные метафизические и статистические методы, Традиционная версия такова: якобы Гэри Селдон изобрел психоисторию, взяв за модель кинетическую теорию газов. Каждый атом и молекула в газе движется настолько беспорядочно, что невозможно вычислить положение или скорость любой из них. Тем не менее, с помощью статистики можно выработать законы, довольно точно диктующие образ поведения в целом. Селдон стремился разработать подобные этим законам обобщенные принципы поведения человеческого общества, пускай и не приложимые к поведению отдельных людей.

— Возможно. Однако люди — не атомы.

— Верно. Человек обладает сознанием, и его поведение значительно сложнее. Существует так называемая свобода воли. Как Селдон справился с этим, я не имею понятия, и уверен, что не смог бы понять, даже если бы специалист-профессионал попытался объяснить — но ему это удалось.

— И все зависит от поведения множества ни о чем не подозревающих людей? Не кажется ли тебе, что грандиозное математическое здание психоистории построено на песке? Если постулаты сформулированы неверно, оно должно рухнуть...

— Не рухнуло же до сих пор.

— ...Либо, если постулаты не так уж ошибочны или неадекватны, а просто недостаточно устойчивы, психоистория могла работать без перебоев целые столетия, а потом, по достижении какого-нибудь очередного кризиса, рухнуть — как, собственно, и случилось в эпоху Мула. Или... вдруг существует третий постулат?

— Какой еще третий постулат? — оторопело спросил Пелорат.

— Я не знаю, — сказал Тревайз. — Всякое доказательство может казаться безупречно логичным и элегантным и все-таки содержать скрытые допущения. Может быть, третий постулат как раз и представляет собой допущение, настолько принимаемое на веру, что никто и не думал упоминать о нем.

— Допущение, которое так аксиоматично, как правило, исключительно верно, иначе оно не было бы таким само собой разумеющимся.

Тревайз фыркнул.

— Если бы ты знал историю науки так же хорошо, как и обычную историю, Джен, ты бы понял, как жестоко ошибаешься. Так... Похоже, приближаемся к солнцу Запретной Планеты.

И действительно, в центре экрана сияла яркая звезда — настолько яркая, что компьютер автоматически убавил яркость до такой степени, что все остальные звезды угасли.

пользование водой обычно сводилось к минимуму во избежание перегрузки систем очистки. Тревайз строго напоминал об этом и Пелорату, и Блисс.

Но даже в таких условиях Блисс всегда выглядела свежей и чистенькой: ее темные длинные волосы всегда блестели, а ногти были старательно ухожены.

– Вот вы где! – воскликнула она, войдя в рубку.

Тревайз взглянул на нее исподлобья и хмыкнул:

– Где же нам еще быть? Мы вряд ли могли покинуть корабль, а за полминуты нас можно легко найти внутри, даже если ты и не можешь засечь нас мысленно.

– Это всего-навсего форма приветствия, и нет нужды воспринимать ее буквально, как ты прекрасно понимаешь, – сказала Блисс. – Где мы? Только не говори «в рубке».

– Блисс, милая, – сказал Пелорат, подняв руку, – мы внутри планетарной системы ближайшей из трех запретных планет.

Блисс подошла, встала сбоку и коснулась рукой плеча Пелората. Он обнял ее за талию.

– Вряд ли тут так уж запретно, – сказала Блисс. – Никто не остановил нас.

– Планета запрещена лишь постольку, поскольку Компореллон и другие миры второй волны колонизации намеренно прервали отношения с мирами первой волны – Внешними. Если мы сами не чувствуем себя связанными этими запретами, что может удержать нас? – сказал Тревайз.

– Но космониты, если кто-либо из них еще жив, могли также разорвать связь с мирами второй волны. То, что нас не заботит наше вторжение к ним, вовсе не означает, что и им нет дела до нас.

– Верно, – сказал Тревайз, – если они сохранились. Но до сих пор мы даже не знаем, есть ли хотя бы одна планета, на которой они могли бы жить. Пока мы видим обычные газовые гиганты. Их два, и не особенно крупные.

– Но это не означает, что космонитской планеты не существует! – выпалил Пелорат. – Любая обитаемая планета должна быть гораздо ближе к солнцу и меньше по размерам. И очень трудно различить ее в солнечном сиянии на таком расстоянии. Нам нужно совершить микропрыжок к центру системы, чтобы обнаружить такую планету. – Он, казалось, прямо-таки лучился гордостью, говоря как испытанный космический путешественник.

– Если так, – сказала Блисс, – почему бы нам, и правда, не подойти поближе?

– Не сразу, – ответил Тревайз. – Мне необходимо произвести компьютерное сканирование в поисках каких-либо искусственных объектов. Затем мы двинемся вперед скачками – десятком скачков, проверяя все досконально на каждом этапе. Я не хочу попасть в ловушку, как это случилось при первом нашем приближении к Гее. Помнишь, Джен?

– Ловушки, подобные той, могут подстерегать нас хоть каждый день. Та, на Гее, подарила мне Блисс. – Пелорат нежно посмотрел на возлюбленную.

– Ты хочешь сказать, что каждый день надеешься получать по новой Блисс? – ухмыльнулся Тревайз.

Пелорат, похоже, был не на шутку задет, а Блисс с досадой проговорила:

– Дружочек, или как там Пел тебя называет, ты можешь без опаски двигаться гораздо быстрее. Пока я с тобой, ты не попадешь в ловушку.

– Это Гее по силам?

– Определить присутствие чужого сознания? Конечно.

– Ты уверена, что достаточно сильна, Блисс? Думаю, тебе нужно немного отдохнуть, чтобы с новыми силами поддержать контакт с большой Геей. Насколько я могу положиться на твои способности? Вряд ли они такие уж большие на таком расстоянии от источника?

– Сила связи не ослабевает, – вспыхнула Блисс.

– Не обижайся, – сказал Тревайз. – Я просто поинтересовался. Не кажется ли тебе, что быть Геей не так уж хорошо? Я не Гея. Я самодостаточная и независимая личность. Это значит, что я могу улететь так далеко от моей планеты и моего народа, как пожелаю, и все-же оставаться Голаном Тревайзом. Какими бы способностями я ни обладал, они остаются при мне, где бы я ни был. Если бы я был один-одинешенек в космосе, на много парсеков от любого человеческого существа, лишенный какой-либо связи с людьми, не мог бы разглядеть искорку хотя бы одной звездочки во мраке небес, я бы все равно остался Голаном Тревайзом. Пусть бы

я не смог выжить и умер, но я бы умер Голаном Тревайзом.

— Один в космосе, вдалеке от всех на свете, ты не мог бы позвать на помощь своих друзей, возвратить к их талантам и знаниям, не похожим на твои. Ты был бы свободен и независим, но страдал бы от осознания своей ничтожности по сравнению с тем, что ты мог бы совершить, оставаясь частью интегрированного сообщества. Ты должен это понимать.

— И все-таки моей ничтожности было бы далеко до твоей. Связь, существующая между тобой и Геей, гораздо сильнее, чем между мной и моими собратьями; эта связь тянется через гиперпространство и требует энергии для своего поддержания, так что ты должна психологически буквально задыхаться в попытке удержать эту связь, наверняка ты должна чувствовать себя ничтожной и одинокой гораздо сильнее, чем я при подобных обстоятельствах.

Юное лицо Блисс стало по-взрослому суровым. Сейчас на Тревайза скорее смотрела Гея, а не Блисс.

— Даже если все, что ты сказал, правда, Голан Тревайз, — сказала она, — то так есть, было и будет, и тут нечего прибавить и отнять. Даже если все так и есть, не кажется ли тебе, что за выгодное преимущество нужно заплатить? Разве не лучше быть теплокровным существом — таким, как ты, а не холоднокровным, вроде рыбы или еще кого-нибудь.

— Черепахи тоже холоднокровные, — сказал Пелорат. — На Терминусе их нет, но они обитают на некоторых планетах. Это существа, покрытые панцирем, очень медленно передвигающиеся, но зато долго живущие.

— Но разве не лучше быть человеком, чем черепахой? Разве не лучше двигаться быстро при любой температуре, а не замедленно? Разве не лучше развивать высокую активность, иметь быстро сокращающиеся мышцы, быстро функционирующие нервные волокна, интенсивные и широкие умственные способности, чем еле-еле ползать, мало что чувствовать и получать лишь смутное представление об окружающем мире? Разве не так?

— Ну, так. И что из этого?

— А разве ты не знаешь, чем ты должен заплатить за свою теплокровность? Для того чтобы поддерживать температуру своего тела на более высоком уровне, чем температура окружающей среды, ты должен расходовать энергию гораздо интенсивнее, чем черепаха. Ты должен есть почти непрерывно, чтобы твое тело получало энергию так же быстро, как она покидает его. Ты вынужден стареть гораздо быстрее, чем черепаха, и умереть раньше. Что, предпочтишь ли стать черепахой и жить медленнее, но дольше? Или ты предпочитаешь заплатить положенную цену и быть подвижным, чувствительным и разумным организмом?

— Разве это верное сравнение, Блисс?

— Нет, Тревайз, потому что в случае с Геей все более выгодно. Мы не тратим излишнего количества энергии, когда мы все вместе. Лишь тогда, когда часть Геи находится на гиперпространственном расстоянии от большой Геи, затраты энергии существенно возрастают. И вспомни — то, что ты высказал, — не просто большая Гея, не просто большая отдельная планета. Ты выбрал Галаксию, огромный комплекс звезд и планет. Повсюду в Галактике ты будешь частицей Галаксии, окруженной другими ее частицами — частицами громадной Галаксии, связь между которыми тянется от каждого межзвездного атома до центра черной дыры. Тогда для поддержания единства потребуется мизерное количество энергии, ни одна частица никогда не будет на большом расстоянии от остальных частиц. Вот что ты выбрал, Тревайз. Как можешь ты сомневаться, что твой выбор верен?

Тревайз в задумчивости склонил голову. Наконец он поднял взгляд и сказал:

— Возможно, я сделаю правильный выбор, но я должен быть уверен в этом, Решение, которое я принял, самое важное в истории человечества, и мне мало, что я или кто-то другой считает его верным. Я должен наверняка знать, что оно верно.

— Разве тебе мало того, о чём я сказала?

— Окончательный ответ я найду на Земле, — заявил Тревайз.

— Голан, звезда уже видна в виде диска, — прервал их Пелорат.

Так оно и было. Компьютер делал свое дело, и его не заботили никакие споры, бушевавшие вокруг него. Он приближался к звезде поэтапно и теперь достиг точки, указанной для него Тревайзом.

Они все еще продолжали оставаться вне плоскости эклиптики, и компьютер вывел на

экран каждую из трех малых внутренних планет.

На самой близкой к солнцу температура поверхности была в пределах, позволяющих воде находиться в жидком состоянии, и планета имела кислородную атмосферу.

Тревайз подождал расчета орбиты, и предварительные оценки показались ему обнадеживающими. Он продолжал вычисления, так как чем дольше наблюдалось движение планеты, тем точнее рассчитывались элементы ее орбиты.

Наконец Тревайз довольно хладнокровно произнес:

– В поле нашего зрения – планета, подходящая для обитания. И это почти наверняка она.

– Ах! – восторженно воскликнул Пелорат, отбросив обычную серьезность.

– Впрочем, я опасаюсь, – сказал Тревайз, – что здесь нет гигантского спутника. То есть пока не обнаружено ни одного спутника. Так что – это не Земля. По крайней мере, если верить традиции.

– Не огорчайся, Голан, – сказал Пелорат. – Я понял, что мы не найдем здесь Земли, когда увидел, что ни у одного из газовых гигантов нет той самой необычной системы колец.

– Ну, ладно, – кивнул Тревайз. – Следующий шаг – выяснить природу жизни на этой планете. Она имеет кислородную атмосферу, значит, мы можем быть абсолютно уверены, что на ней есть растения, а вот...

– Животная жизнь тоже есть, – внезапно прервала его Блесс. – И довольно обильная.

– Что? – повернулся к ней Тревайз.

– Я чувствую это. Очень слабо на таком расстоянии, но планета, несомненно, не только пригодна для обитания, но и обитааема.

33

«Далекая звезда» летела по полярной орбите вокруг Запретной Планеты, на достаточно большом расстоянии от поверхности. Период обращения составлял шесть с половиной дней. Тревайз, казалось, не торопился покидать орбиту.

– Поскольку планета обитааема, – объяснял он, – и поскольку, согласно рассказу Дениадора, она была когда-то заселена людьми, преуспевающими в технике, – представителями первой волны колонизации, так называемыми космонитами, они могут опережать нас в своем развитии и не питать большой любви к нам, представителям второй волны, которые некогда вытеснили их. Я предпочитаю, чтобы они проявили себя сами, первыми. Тогда мы могли бы хоть немного изучить их повадки и настроения, прежде чем рискнуть совершить посадку.

– Они могут и не знать, что мы здесь, – сказал Пелорат.

– Было бы наоборот – мы бы знали.

– Следовательно, я должен предполагать, что, если здесь есть люди, они наверняка попытаются войти с нами в контакт. Могут даже попытаться захватить нас.

– Но, если они действительно выступят против нас, будучи сильнее технически, мы можем оказаться беспомощными при...

– Не верится, – покачал головой Тревайз.

– Техническое превосходство не может быть обязательно во всем сразу. Они могли с самого начала быть далеко впереди нас в некоторых областях, но одно ясно: они не преуспевают в межзвездных перелетах. Колонизировали Галактику мы, а не они, и во всей истории Империи нет ни единого упоминания о том, что они покидали свои миры и как-то напоминали нам о себе. Если они не практикуют космических перелетов, как можно ожидать от них серьезных достижений в астронавтике? А если так, у них не может быть ничего, подобного гравилету. Мы совершенно безоружны, но даже если они пустят против нас боевой корабль, то не смогут догнать нас. Нет, мы не должны оказаться беспомощными.

– Их превосходство может оказаться ментальным. Вдруг Мул был космонитом?

Тревайз раздраженно пожал плечами.

– Мул не мог быть тем, и тем, и этим одновременно. Геянцы считают его отщепенцем с Геи, его еще числили экстраординарным мутантом...

– Наверняка существовало также мнение – не принимаемое, конечно, всерьез, – что он был искусственно созданным существом. Роботом, другими словами, хотя его так и не

называли.

– Если здесь есть что-нибудь, что представляет ментальную опасность, нам остается положиться на то, что Блисс нам поможет. Она могла бы... Кстати, она спит сейчас?

– Спала, – кивнул Пелорат, – но уже просыпалась, когда я уходил.

– Просыпалась? Ну, она бы сразу вскочила, случись что-то нехорошее. Ты бы заметил это, Джен.

– Да, Голан, – тихо проговорил Пелорат.

Тревайз переключил свое внимание на экран компьютера.

– Единственное, что меня смущает, – это орбитальные станции. Обычно они служат верным признаком того, что планета заселена людьми с высоким уровнем техники. Но эти...

– С ними что-нибудь не так?

– Сразу несколько странностей. Во-первых, они жутко устаревшие, возможно, им несколько тысяч лет. Во-вторых, они ничего не излучают, кроме обычных инфракрасных лучей.

– Что это значит?

– Термальное излучение сопровождает любой объект, несколько более теплый, чем окружающая среда. Если налишествует только оно – это явный признак того, что с объектом все кончено. Термальное излучение – это целый спектр излучений с зависящим от температуры распределением. Если бы на борту этих станций стояли работающие приборы, это неизбежно приводило бы к выбросам упорядоченного нетермального излучения. Так как обнаружено только термальное, можно предположить, что либо станции пусты, и пусты, возможно, не одну тысячу лет; либо, если они обитаемы, но обитаемы людьми с высокоразвитой техникой, не допускающей подобных утечек.

– А может быть, на планете – высокоразвитая цивилизация, – предположил Пелорат, – а орбитальные станции пусты, так как планету так давно оставили и с тех пор не посещали поселенцы нашей волны, что здешних жителей больше не беспокоит возможность чьего-либо прибытия.

– Может и так. А может, это какая-то приманка.

Вошла Блисс; Тревайз, заметив ее краем глаза, проворчал:

– Да, вот они мы.

– Вижу, – улыбнулась Блисс, – и все на той же орбите. Может, уже хватит?

– Голан осторожен, дорогая. Орбитальные станции на вид не обитаемы, и мы не совсем понимаем, что это означает, – поспешил объяснил Пелорат.

– Нечего тут понимать, – безразлично проговорила Блисс. – На планете, вокруг которой мы летим, нет различимых признаков разумной жизни.

Тревайз, обернувшись, с удивлением уставился на нее.

– О чём это ты? Ты же сама сказала.

– Я сказала, что на планете есть животная жизнь. Так оно и есть, но где это видано в Галактике, чтобы животная жизнь обязательно включала человека?

– Почему же ты не сказала этого сразу, когда обнаружила животных?

– Потому, что оттуда я не могла этого четко различить. Я могу отчетливо обнаружить явный всплеск животной нейроактивности, но никоим образом не могу при столь малой интенсивности отличить бабочку от человека.

– А сейчас?

– Сейчас мы гораздо ближе. Наверное, вы думали, что я уснула, но это не так, – если я спала, то совсем недолго. Я... как бы это сказать, вслушивалась изо всех сил в поисках какого-нибудь признака ментальной активности, достаточно сложной для того, чтобы означать присутствие разума.

– И ничего не услышала?

– Позволю себе предположить, – осторожно произнесла Блисс, – что, если я ничего не почувствовала на таком расстоянии, на планете не может находиться более нескольких тысяч человек. Подойдем поближе – скажу точнее.

– Ну... это меняет дело, – сказал Тревайз с некоторым смущением.

– Вот-вот, – тряхнула головой Блисс, выглядевшая сильно заспанной и раздраженной, – а потому ты можешь уже бросить всю эту ерунду – анализ излучения, выводы, дедукцию, и кто

знает, чем еще ты мог заниматься. Мои геянские чувства сделали эту работу гораздо точнее. Думаю, ты понимаешь теперь, что я имею в виду, когда говорю, что лучше быть геянцем, чем изолятом.

Прежде чем ответить, Тревайз выждал, явно стараясь сдержаться. Заговорил он в вежливом, почти формальном тоне:

— Я благодарен тебе за информацию. Тем не менее, ты должна понимать, что, прибегая к сравнению, мысль о преимуществе усовершенствования моего обоняния была бы для меня незначительным мотивом, чтобы решиться отбросить мою человеческую природу и стать, скажем, гончим псом.

34

Запретная Планета лежала внизу, совсем близко. Корабль опустился ниже слоя облаков и проходил сквозь атмосферу. Планета выглядела забавно — казалось, она была побита молью.

Как и следовало ожидать, полярные области были покрыты льдом, но площадь обледенения была невелика. Встречались также не поражавшие размерами и высотой бесплодные горные районы с редкими пробелами глетчеров. Были тут и небольшие пустыни, довольно равномерно рассеянные по поверхности планеты.

И все-таки планета была по-своему красива, Берега крупных материков, которые были причудливо изрезаны заливами, белели пляжами, за полосами которых простирались широкие прибрежные низменности. Тянулись пояса тропических и умеренных лесов, окаймленные степями; и все же всё казалось каким-то потрепанным.

В лесных массивах то тут, то там виднелись проплешины, а область степей поражала скучностью растительности.

— Какая-то болезнь растений? — удивленно спросил Пелорат.

— Нет, — медленно проговорила Блисс. — Что-то похуже, чем болезнь. Более давнее и постоянное.

— Я видел разные планеты, — нахмурился Тревайз, — но ни одной похожей на эту.

— Я видела очень мало планет, — сказала Блисс, — но мне порукой опыт и мысленные возможности Геи. Перед нами то, что можно ожидать от планеты, с которой люди уже ушли.

— Почему? — спросил Тревайз.

— А ты возьми и подумай, — с сарказмом ответила Блисс, — Ни на одной из обитаемых планет нет истинного экологического равновесия. На Земле такое равновесие должно было существовать с самого начала, поскольку если именно на ней появились люди, то до их появления довольно долго не было ничего и никого, способного развивать технику и вызывать изменения окружающей среды.

В то время естественное равновесие — постоянно меняющееся, конечно, — должно было существовать. На всех иных обитаемых планетах люди тщательно переделывали среду на земной манер, насаждали растительную и животную жизнь. Но экосистемы, которые они создавали, не отличались равновесием. Они могли включать в себя лишь ограниченное число видов — только те, что были нужны людям, или те, что никак нельзя было не включить в экосистему...

— Знаешь, что это мне напомнило? — встрял Пелорат. — Прости, Блисс, что перебил, но сходство так поразительно, что я не могу устоять. Надо сказать тебе прямо сейчас, пока не забыл. Это древний миф о творении, на который я однажды наткнулся. Там говорится о зарождении жизни на одной планете, жизнь там состояла из ограниченного числа видов, точно так же, как ты сказала, — полезных или приятных для людей. А потом первые люди совершили какую-то глупость — Неважно, какую именно, дружочек, потому что эти старые мифы чаще всего символичны, и голова идет кругом, если их воспринимать буквально, — и почва планеты была проклята. «*Thorns also and thistles shall it forth to thee*»¹², — так звучит это проклятие, хотя на древнегалактическом получается гораздо красивее. Вопрос, однако, в том, проклятие ли это

¹² «Да родятся из нее для вас только тернии да чертополох» — Примеч. пер.

было? Ведь то, чего люди не любят и не хотят, вроде колючек и чертополоха, может быть необходимо для сбалансирования экологии.

— Просто потрясающе, Пел, — улыбнулась Блисс, — у тебя в памяти есть легенды на все случаи. Легенды порой просто замечательны. Люди, переделывая планеты на свой вкус, забывают про колючки, чертополох, тому подобные вещи, а потом должны вновь трудиться, чтобы сохранить жизнь на планете. Это не саморегулирующийся организм, вроде Геи. Это скорее разнообразная коллекция изолятов, причем коллекция недостаточно разнообразная, чтобы сколь угодно долго поддерживать экологическое равновесие. Если руки исчезают, а с ними вместе исчезают их заботливые руки, картина жизни всей планеты неизбежно начинает рассыпаться. Планета пере-переделывает сама себя.

— Если все так и есть, — скептично проговорил Тревайз, — это может происходить слишком быстро. На этой планете, вероятно, людей нет уже двадцать тысяч лет, и все-таки большая ее часть выглядит довольно неплохо.

— Верно, — сказала Блисс, — но это зависит от того, насколько хорошо было установлено с самого начала экологическое равновесие. Если это действительно хорошее равновесие, оно могло сохраняться долгое время и без человека. Кроме всего прочего, двадцать тысяч лет — хоть и долгий срок по людским меркам, но всего лишь краткий миг по сравнению со временем существования планеты.

— Думаю, — сказал Пелорат, вглядываясь в панораму планеты, — если планета деградирует, мы можем быть уверены, что люди с нее ушли.

— Я все еще не могу обнаружить ментальной активности, соответствующей человеку, и позволю себе предположить, что людей на планете нет совсем. В наличии непрерывный гул и жужжание созданий с низшими уровнями сознания, однако уровни эти достаточно высоки, чтобы принадлежать птицам и млекопитающим. Впрочем, я не уверена, что процесс, обратный терроформированию, — безоговорочный показатель того, что люди отсюда исчезли. Планета может деградировать и тогда, когда люди еще живут на ней, если само людское сообщество становится порочным и не может понять важности охраны окружающей среды.

— Такое сообщество, — сказал Пелорат, — наверняка не может долго просуществовать. Не верю, что люди могут не понимать важности сохранения всего, что поддерживает их жизнь.

— У меня нет твоей розовой веры в человеческий разум, Пел, — покачала головой Блисс. — Мне кажется вполне уместным, что в планетарном сообществе, состоящем только из изолятов, местнические и даже индивидуальные интересы могут без особого труда взять верх над общепланетными.

— Я не думаю, что это возможно, — сказал Тревайз. — Скорее, прав Пелорат. В самом деле, ведь населенных людьми планет миллионы, и ни одна из них не выродилась, не растерроризировалась, так что твоя боязнь изоляционизма наверняка преувеличена, Блисс.

Корабль тем временем перелетел из дневного полушария в ночное. Следствием этого стали быстро сгустившиеся сумерки, а затем — полная тьма снаружи. Лишь там, где небо было ясным, светили звезды.

Корабль точно выдерживал высоту, тщательно отслеживая параметры атмосферного давления и силы притяжения. Полет протекал на большой высоте, чтобы не задеть горные вершины: на планете не так давно прошла очередная стадия горообразования. И все же компьютер на всякий случай прощупывал путь впереди микроволновым локатором.

Тревайз взгляделся в бархатную черноту и задумчиво проговорил:

— Для меня наиболее убедительный признак необитаемости планеты — это отсутствие искусственной освещенности наочной стороне. Ни одна технологически развитая цивилизация не будет мириться с темнотой. Как только покажется дневная сторона, мы спустимся ниже.

— Какой будет от этого толк? — спросил Пелорат. — Здесь ничего и никого нет.

— Кто сказал, что здесь ничего нет?

— Блисс. И ты.

— Нет, Джэн. Я сказал, что здесь нет излучений техногенной природы, а Блисс утверждает, что здесь нет признаков ментальной активности людей, но это не означает, что здесь вообще ничего нет. Если даже на планете нет людей, здесь наверняка должны быть какие-нибудь

реликты. Мне необходима информация, Джен, и остатки техносфера могут в этом смысле представлять собой определенную ценность.

— Спустя двадцать тысяч лет? — дрожащим голосом произнес Пелорат. — Как ты думаешь, что может пережить такой срок? Здесь не может быть ни фильмов, ни рукописей, ни книг — металл заржавел бы, дерево сгнило, пластик рассыпался бы в порошок. Даже камень растрескался бы и выветрился.

— Может быть, прошло не двадцать тысяч лет, — спокойно сказал Тревайз. — Я назвал этот срок как максимальный, потому что легенды Компореллона повествуют о ее процветании в те времена. А вдруг последние люди умерли, или исчезли, или улетели отсюда только тысячу лет назад.

Корабль пересек границуочной стороны. Разгорелась заря, и почти мгновенно засиял солнечный свет.

«Далекая звезда» опускалась ниже, замедляя скорость, пока не стали ясно видны детали поверхности. Теперь можно было отчетливо видеть и маленькие острова, рассыпанные вдоль берегов материков. Большинство из них было покрыто зеленым ковром растительности.

— Пожалуй, — сказал Тревайз, — особенно внимательно следует изучить пустынные области. Мне кажется, что в тех местах, где люди жили особенно скученno, больше пострадало и экологическое равновесие. Эти места могут быть и центрами распространяющейся волны растерроформирования. Что скажешь, Блисс?

— Возможно. В любом случае, при отсутствии точных знаний, мы можем осмотреть то, что легче всего осмотреть. Степи и леса могли скрыть большинство следов обитания человека, так что высадка там может оказаться пустой тратой времени.

— Меня поражает то, — сказал Пелорат, — что планета постепенно восстанавливает равновесие, располагая и тем, что на ней осталось. Могут образоваться новые виды, и эти пораженные области будут снова заселены, только по-другому.

— Все может быть, — кивнула Блисс. — Это зависит прежде всего от того, насколько разбалансирована была эта планета. И для того чтобы мир исцелил себя сам и достиг нового равновесия в ходе эволюции, потребовалось бы намного больше двадцати тысяч лет. Может быть, миллионы лет.

«Далекая звезда» больше не кружила над планетой. Она медленно дрейфовала над протянувшейся на пятьсот километров саванной с редкими купами деревьев.

— Что вы на это скажете? — внезапно спросил Тревайз, указывая вниз. Корабль перестал дрейфовать и повис в воздухе. Слышалось лишь тихое, но непрерывное гудение гравитаторов, почти полностью нейтрализующих силу притяжения планеты.

Ничего особенного там, куда указывал Тревайз, не было видно. Обрывистые холмы с выветренной почвой и редкой травой — вот и все.

— Мне сказать нечего, — пожал плечами Пелорат.

— А ты посмотри повнимательнее на расположение холмов. Ведь это параллельные линии. А еще линии потоньше, и они пересекаются под прямыми углами. Видишь? Видишь?! Ты не встретишь такого ни в одной природной формации. Это человеческая архитектура, остатки фундаментов и стен, такие же ясные, словно они вес еще стоят здесь.

— Предположим, это так, — сказал Пелорат. — Но это всего лишь руины. Если бы мы должны были проводить археологические исследования, нам пришлось бы тут копать и копать. Профессионалам потребовались бы годы и годы, чтобы проделать все это по правилам...

— Да, но у нас нет времени, чтобы делать все по правилам. Здесь мог стоять древний город, и что-нибудь от него могло остаться. Проследим за этими линиями и посмотрим, куда они нас приведут.

Вскоре на краю одной области, неподалеку от места, где деревья росли не так густо, они увидели полуразрушенную стену.

— Неплохо для начала. Садимся, — сообщил Тревайз.

Глава девятая Встреча со стаей

35

«Далекая звезда» опустилась у подножия небольшой возвышенности холма на совершенно плоской равнине. Тревайз сделал это, почти не задумываясь, считая само собой разумеющимся, что лучше, чтобы корабля не было видно на милях со всех сторон.

— Температура снаружи — двадцать четыре градуса, — сообщил он, — скорость ветра около одиннадцати километров в час с запада, переменная облачность. Компьютер еще недостаточно знает об общей схеме круговорота воздуха, чтобы уверенно предсказать погоду. Однако, поскольку влажность около сорока процентов, дождь вряд ли пойдет. В общем, мы, похоже, выбрали подходящую широту и время года, и после Компореллона это радует.

— Думаю, — сказал Пелорат, — если на планете продолжится деградация, климат со временем станет более контрастным.

— Я просто уверена в этом, — кивнула Блисс.

— Будь уверена, в чем хочешь, — сказал Тревайз. — У нас в запасе еще тысячи лет. Сейчас же это — приятная планета и останется такой, покуда мы живы, и даже столетия после нас.

Произнося эту тираду, он застегивал на поясе широкий ремень.

— А это что, Тревайз? — довольно резко спросила Блисс.

— Ничего особенного. Старая привычка — со времен службы во флоте. Я не выхожу в неизвестный мир безоружным.

— Ты что, серьезно намереваешься взять оружие?

— Совершенно серьезно. Здесь, справа, — он хлопнул по кобуре, в которой находился массивный пистолет с широким дулом, — мой бластер, а здесь, слева — пистолет поменьше с тонким глухим стволом — нейрохлыст.

— И то, и другое несет смерть, — недовольно проговорила Блисс.

— Только один. Убивает бластер. Нейрохлыст не для этого. Он лишь раздражает болевые окончания, и это настолько ужасно, что сам будешь молить о смерти; по крайней мере, так мне говорили. По счастью, в меня никогда не целились из этой штуковины.

— Зачем ты берешь их?

— Я же сказал тебе. Это — чужая планета.

— Тревайз, это пустая планета.

— Да, здесь нет техногенной цивилизации, очевидно, но что, если здесь остались забывшие технику дикари? У них вряд ли есть что-то получше дубинок и камней, но и они могут убивать.

Блисс выглядела раздраженной, но сказала негромко, стараясь оставаться рассудительной.

— Я не обнаружила человеческой нейроактивности, Тревайз. Значит, тут нет никаких дикарей.

— Значит, у меня не будет нужды использовать оружие, — пожал плечами Тревайз. — Послушай, какой вред в том, чтобы взять его? Оно только добавит мне немного веса, а так как сила тяжести на поверхности планеты примерно девяносто один процент от терминусской, я могу себе это позволить. Пойми, корабль может быть безоружен сам по себе, но на нем есть необходимый арсенал ручного оружия. Я полагаю, вы двое тоже...

— Нет, — сразу же сказала Блисс. — Я даже пальцем не пошевелю ради убийства или для причинения кому-то боли, что в принципе одно и то же.

— Дело не в том, чтобы убивать, а в том, чтобы не погибнуть самому, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Я смогу защитить себя по-своему.

— Джэн?

Пелорат колебался.

— Мы же не брали с собой оружия, когда высаживались на Компореллоне.

— Послушай, Джэн, Компореллон — известная планета, состоящая в союзе с Академией. Кроме того, нас сразу же арестовали. Если бы у нас было оружие, его бы отобрали. Хочешь бластер?

— Я никогда не служил во флоте, дружочек, — покачал головой Пелорат. — Я даже не знаю, как пользоваться такими предметами, и в случае опасности я ни за что вовремя об этом не

вспомню. Я просто побегу – и буду убит.

– Ты не будешь убит, Пел, – энергично сказала Блисс. – Гея взяла тебя под мою/ее защиту. И этого напыщенного героя-вояку тоже, – презрительно добавила она.

– Хорошо, – сказал Тревайз. – У меня нет возражений против такой защиты, но при чем тут напыщенность? Я просто предпочитаю иметь лишнюю страховку, и, если мне так и не придется дотронуться до этих вещичек, я буду совершенно доволен, обещаю тебе. Но все же я должен иметь их при себе. – Он ласково погладил обе кобуры и продолжил: – А теперь пошли. Шагнем на поверхность планеты, где уже тысячи лет не ступала нога человека.

36

– Почему-то у меня такое чувство, – сказал Пелорат, – что уже довольно поздно, хотя солнце стоит достаточно высоко и похоже на полдень.

– Я думаю, – сказал Тревайз, до сих пор молча смотревший по сторонам, – что это чувство возникает у тебя из-за оранжевого оттенка солнца, создающего иллюзию заката. Если бы мы оказались здесь во время настоящего заката и при соответствующей облачности, мы наблюдали бы гораздо более багровый диск солнца, чем привыкли. Не знаю, покажется ли это тебе прекрасным или, наоборот, угнетающим. По той же причине закат на Компореллоне был, вероятно, еще более багровым, но там мы все время находились в помещениях.

Он медленно повернулся, осматривая пейзаж. Кроме поразительной странности света, здесь ощущался отчетливый запах этой планеты – или этой его части. Как бы немного затхлый, но не настолько, чтобы быть неприятным.

Ближние деревья были не слишком высоки и казались старыми; то ли из-за преобладающих ветров, то ли из-за особенностей почвы, их стволы, покрытые потрескавшейся корой, были наклонены в одну сторону. Вид этих деревьев вызывал ощущение опасности. А может быть, оно исходило еще откуда-то?

– Что ты намерен делать, Тревайз? – прервала молчание Блисс. – Мы ведь проделали такой путь не для того, чтобы любоваться пейзажем?

– Да, пожалуй, пора браться за дело. Я предложил бы, чтобы Джен осмотрел это место. Руины остались в той стороне. А ты, Джен, единственный среди нас, кто может судить о ценности любых найденных записей. Я надеюсь, ты сумеешь понять надписи на старогалактическом или фильмы. Про себя я точно знаю, мне это не по зубам. А еще я думаю, Блисс, что тебе надо пойти с ним, чтобы защитить его. Что касается меня, я остаюсь здесь, чтобы прикрыть вас в случае чего.

– От кого? От дикарей с дубинками и камнями?

– Может быть. – Улыбка, игравшая на губах Тревайза, исчезла, и он признался: – Довольно странное чувство, Блисс. Мне малость не по себе здесь. Но почему – не могу понять.

– Пошли, Блисс, – сказал Пелорат. – Я был кабинетным коллекционером древних преданий всю свою жизнь, так что никогда сам не держал в руках древних документов. Только представь, если мы сможем найти...

Тревайз проводил друзей взглядом. Голос Пелората становился все тише. Он торопливо шагал к руинам, Блисс грациозно вышагивала рядом.

Тревайз некоторое время глядел им вслед, потом повернулся и продолжил осмотр окрестностей. Что же здесь было такого, что вызывало опасения?

Он действительно никогда не ступал на не обитаемую людьми планету, но видел много таких сверху, из космоса. Обычно это были небольшие планеты, недостаточно массивные, чтобы удержать воду или воздух, и использовали их как ориентиры мест встречи при военных маневрах (на памяти Тревайза войн не было. Их не было уже за сто лет до его рождения – но маневры проводились) или как тренажеры при отработке аварийных ситуаций. Корабли, на которых он летал, кружили на орbitах вокруг таких планет или даже опускались на них, но выйти из корабля в то время ему никогда не доводилось.

В чем же тут дело? В том ли, что он сейчас действительно стоял на пустой планете? Ощущал бы он то же самое, если бы стоял на одной из многих маленьких, безвоздушных планет, на которые мог попасть в годы учебы – и потом, позже?

Тревайз покачал головой. Там такого не было бы. Он был уверен в этом. На нем был бы скафандр, как тогда, когда он выходил из корабля в открытый космос. Все было бы привычно, и от прикосновения к камням ничего ужасного не произошло бы. Наверняка! Правда, сейчас он был без скафандра. Тревайз стоял на пригодной для жизни планете, такой же приятной для пребывания, как Терминус, и гораздо более приятной, чем Компореллон. Он чувствовал прикосновение ветра к своим щекам, тепло солнца, согревавшего спину, слышал, как поскрипывают деревья. Все казалось знакомым, но здесь, на этой планете, не было людей – по крайней мере, уже не было.

В чем же все-таки дело? Почему планета кажется такой угрюмой? Потому ли, что она не просто не обитаема, а оставлена людьми?

Он никогда прежде не бывал на покинутых планетах. Даже не слышал о таких; никогда не думал, что планета может быть брошенной. Все известные ему до сих пор планеты, стоило на них появиться людям, оставались населенными навсегда.

Он посмотрел вверх, на небо. Прочие обитатели как будто никуда не делись. В небе летела одинокая птица и казалась почему-то более естественной, чем ярко-синее небо с оранжеватыми облаками, обещавшими хорошую погоду. (Тревайз не сомневался – проведи он здесь несколько дней, цвета неба и облаков стали бы привычными и перестали бы удивлять.)

Он слышал трели птиц в ветвях деревьев, приглушенный стрекот насекомых. Блисс говорила о бабочках, и их тут действительно оказалось великое множество – всех цветов радуги.

В густой траве под деревьями раздавались время от времени осторожные шорохи, но Тревайз не мог точно сказать, кто именно там шуршал.

Но не очевидное присутствие живого в окрестностях путало Тревайза. Как сказала Блисс, терроформированные миры прежде всего исключали опасных животных. Действия волшебных сказок детства и героических фантазий юности разворачивались в легендарном мире, черты которого, должно быть, были списаны с туманных преданий о Земле. Голографические гапердрамы кишили монстрами – львами, единорогами, драконами, китами, медведями. Их были десятки – Тревайз не помнил, как они все назывались. Были животные поменьше, которые кусались и жалили, были даже растения, которые опасно было трогать, но все вымышленные. Он как-то слыхал, будто древние пчелы сильно жалили, но в это трудно было поверить, так как нынешние пчелы были совершенно безобидными.

Он медленно пошел направо, в обход холма. Трава, высокая и густая, росла отдельными островками, Тревайз вошел в заросли между деревьев, которые тоже росли отдельными рощицами.

Немного погодя он зевнул. Похоже, ничего особо выдающегося встретиться не могло, и Тревайз подумал, не вернуться ли на корабль и не вздренуть ли немного. Нет, немыслимо. Ясно, он должен оставаться на страже. Наверное, ему надо вести себя на манер образцового часовного – маршировать: раз-два, раз-два, поворачиваясь со щелчком и совершая сложные приемы с парадным электрохлыстом. (Это было оружие, не использовавшееся в войне уже три столетия, но все еще абсолютно незаменимое при муштре, а почему – вряд ли кто мог бы объяснить.)

При этой мысли Тревайз усмехнулся, а потом подумал, не догнать ли Пелората и Блисс в руинах. Но зачем? Какой там толк от него?

А вдруг он увидит что-нибудь такое, что Пелорат случайно пропустит? Ерунда. Можно сходить туда потом, когда Пелорат вернется. Если здесь есть что-либо, что видно с первого взгляда, пусть уж Пелорат сам сделает открытие.

А вдруг они попали в беду? Глупости! В какую беду можно попасть?

Да и случись что, они бы крикнули, позвали бы на помощь.

Тревайз остановился и прислушался. Тишина. И опять к нему вернулась неотвязная мысль об обязанностях часового – и он не без удивления понял, что марширует, чеканя шаг, воображаемый электрохлыст снят с плеча, развернут, выброшен вперед, развернут опять в прежнее положение и принят на другое плечо. Довольно улыбнувшись, Тревайз посмотрел туда, где стоял корабль (теперь до него было довольно далеко). И вот тут-то он просто окаменел, и вовсе не из подражания часовому. Он был не один.

До сих пор он не видел ни одного живого существа, кроме растений, насекомых и птиц. Он никого не видел, не слышал ничьих шагов, но теперь между ним и кораблем стояло какое-то животное.

Тревайз настолько был удивлен, что не сразу сумел понять, кого именно видит. Лишь спустя некоторое время он понял, кто перед ним. Это была всего-навсего собака.

Тревайз собак особо не жаловал. У него никогда не было своей, а чужие не вызывали у него теплых чувств. Не испытал он таких чувств и сейчас.

Не без брезгливости он подумал о том, что не было планеты, на которой эти животные не жили бы рядом с людьми. Существовало бесчисленное множество пород собак, и Тревайзу давно казалось, что на каждой планете имелась, по крайней мере, одна характерная для нее порода. Тем не менее все породы собак были схожи в одном: для чего бы они ни содержались – для развлечения, выставок или какой-нибудь полезной работы, – они воспитывались в любви и доверии к человеку.

А как раз эти любовь и доверие Тревайз никогда не ценил. Он однажды жил с женщиной, у которой была собака. Этот пес, которого Тревайз терпел ради подруги, его просто обожал, повсюду за ним таскался, укладывался отдохнуть к нему на колени (а в нем было не меньше пятидесяти фунтов веса), облизывал его в самые неожиданные моменты и, сидя под дверью, скулил, в то время как Тревайз и его приятельница пытались предаться любви.

Из этой истории Тревайз вынес твердое убеждение о том, что по каким-то причинам, ведомым только собачьим мозгам и их способности анализировать запахи, он является объектом страстной привязанности представителей собачьего рода.

Однако, как только первоначальное удивление отхлынуло, Тревайз разглядел пса повнимательнее, без предубеждения. Это был крупный пес, поджарый и стройный, с длинными крепкими лапами. Он смотрел на Тревайза без явного обожания. Пасть собаки была приоткрыта, словно в доброжелательной усмешке, но зубы ее были так устрашающи, что Тревайз сразу решил, что ему было бы гораздо уютнее, если бы никакой собаки здесь не стояло.

Затем он подумал: может быть, эта собака никогда не видела человека и бесчисленные поколения ее предков тоже в глаза не видели людей. Пса могло точно так же смутить внезапное появление человека, как Тревайза – внезапное появление собаки. Тревайз, по крайней мере, сразу понял, кто перед ним, а вот поняла ли собака? Она все еще была удивлена и, возможно, встревожена.

Явно небезопасно было заставлять нервничать такого крупного зверя с такими жуткими зубами. Тревайз понял, что рано или поздно придется сойтись с ним покороче.

Медленно, осторожно он пошел к псу (стараясь не делать резких движений). Вытянув руку в знак готовности дать ее обнюхать, он принялся приговаривать что-то вроде «Славная собачка» и чувствовал себя в высшей степени по-дурацки.

Пес, не спуская глаз с Тревайза, постепенно попятился на пару шагов. Но вот он сердито сморщил нос и угрожающе зарычал. Хотя Тревайзу никогда не попадались собаки, ведущие себя подобным образом, он не мог объяснить подобные действия ничем иным, как выражением угрозы.

Тревайз тут же остановился и замер. Поймав краешком глаза какое-то движение сбоку, он медленно повернул голову и увидел еще двух псов. Вид у них был такой же убийственный, как и у первого.

«Убийственный»? Это слово пришло ему на ум только теперь, и, увы, смысл его был жуть как точен.

Сердце Тревайза часто забилось. Путь к кораблю был отрезан. Бежать бессмысленно – собаки настигнут его через несколько ярдов. Если он будет стоять на месте как вкопанный и начнет палить из бластера, то, пока он прикончит одного пса, два других уже будут рядом с ним. Издалека подходили все новые и новые собаки. Умели ли эти твари общаться между собой? Охотились ли они стаями?

Тревайз медленно шагнул влево, туда, где не было видно собак – пока. Медленно. Очень медленно.

Собаки повторили его движения. Тревайз решил, что от немедленного нападения его спасает только то, что собаки не видели раньше никого похожего на него. У них не было

выработано рефлекса, которому они могли последовать в такой ситуации.

А вот если он побежит, это как раз и будет сигналом для собак. Они наверняка знают, что им делать, если некто размером с Тревайза испугается и побежит. Они тоже побегут, только быстрее.

Тревайз продолжал красться к ближайшему дереву. У него возникло жуткое желание как можно скорее забраться повыше – туда, где собаки не смогут его достать. Пока же они двигались следом за ним, негромко ворча. Все три пса, приближаясь, неотрывно смотрели на Тревайза. Еще две твари вскоре присоединились к ним. Издали мало-помалу подходили другие. Еще немного, совсем чуть-чуть, и нужно будет сделать рывок. Ни медлить, ни торопиться нельзя. И то, и другое может стоить жизни.

Вперед!

Он, вероятно, установил личный рекорд в беге на короткую дистанцию и все равно еле-еле успел. Он услышал, как лязгнули челюсти по каблуку, на мгновение тот даже задержался в пасти пса, но затем зубы соскользнули с прочного керамиода.

Тревайз не слишком ловко лазал по деревьям. Последний раз он забирался на дерево в десятилетнем возрасте, и, насколько он мог припомнить, попытка окончилась полным фиаско. В данном случае на счастье ствол дерева был не таким уж ровным, а сучки и корявая кора давали возможность хвататься руками. Вдобавок, Тревайза толкала вверх насущная необходимость – просто потрясающе, чего можно добиться при нужде!

Через несколько мгновений Тревайз сидел в развилке ветвей, метрах в десяти от земли. Вид ободранной и кровоточащей руки не вызывал у него ни боли, ни огорчения.

Под деревом уселись пять оскалившихся собак и пялились вверх, изредка вываливая красные языки. Они, похоже, подготовились ждать.

Что же будет?

37

Тревайз был не в том положении, чтобы обдумать ситуацию логически и детально. Мысли мелькали в странной и искаженной последовательности. Имей он возможность упорядочить их, вышло бы примерно вот что: Блесс говорила о том, что, терроформируя планету, люди должны создать уравновешенную экологию, которую они способны удержать от спада только беспрестанным трудом. К примеру, колонисты никогда не брали с собой крупных хищников. Правда, от мелких вредителей избавляться возможности не было. Насекомые, паразиты, даже небольшие ястрыбы, землеройки и тому подобные существа неизменно сопровождали людей.

А жуткие твари из легенд и туманных литературных описаний – тигры, гризли, медведи, орки, крокодилы? Кому бы взбрело в голову таскать их с планеты на планету, даже если бы в этом был какой-то смысл? И почему в этом мог быть смысл?

Это означало, что люди становились единственными крупными хищниками, и их задачей было собирать дань со всех растений и животных, которые, будучи оставленными на произвол судьбы, погибли бы от собственной избыточности.

А если люди почему-либо исчезли, их место должны занять другие хищники. Но какие? Единственными более или менее крупными существами были кошки и собаки, приученные и живущие рядом с человеком.

Что, если не останется людей, чтобы кормить их? Они тогда должны будут сами искать пищу, чтобы выжить, а также ради того, чтобы не вымирали те, кого они поедают: ведь чтобы не произошло превышения оптимальной численности популяции за счет естественного вымирания, потребуется гораздо более высокая смертность, чем тогда, когда за дело берутся хищники. В итоге размножаются собаки. Большие псы нападают на крупных, беззаботных травоядных; маленькие – на птиц и грызунов. Кошки могут охотиться ночью, а собаки – днем; первые – в одиночку, вторые – стаями.

Возможно, эволюция постепенно разовьет больше видов, чтобы заполнить пустующие экологические ниши. Может быть, какие-нибудь из собак мало-помалу приучатся питаться рыбой, а кто-то из кошек видоизменится так, что сумеет летать и охотиться на птиц в воздухе так же, как и на земле?

Все эти блестящие озарения мелькали в голове у Тревайза, пока он собирался с мыслями и соображал, что может сделать.

Собак становилось все больше. Под деревом Тревайз насчитал двадцать три, еще несколько псов приближалось. Сколько же их в стае? Хотя какое это имеет значение? Тех, что были здесь, хватало выше головы.

Тревайз вытащил из кобуры свой бластер, но привычная тяжесть приклада в ладони все же не давала ему того чувства безопасности, которое его удовлетворило бы. Когда он последний раз менял в нем батареи? Сколько раз он может выстрелить? Наверняка не двадцать три.

Что же с Блисс и Пелоратом? Если они появятся, бросятся ли собаки на них? Все ли будет в порядке, даже если его спутники и не придут сюда? Если собаки учуяют запах двух человек в руинах, что сможет помешать им напасть на людей прямо там? Наверняка в развалинах нет ни дверей, ни каких-то других препятствий, способных удержать злобную свору.

Может ли Блисс остановить их и даже прогнать прочь? Может ли она сконцентрировать силы, передаваемые ей через гиперпространство, до необходимой интенсивности? И как долго сможет она поддерживать эту интенсивность?

Может, позвать на помощь? Прибегут ли они, если он крикнет, и убегут ли собаки, не выдержав взгляда Блисс? (Надо ли ей смотреть на собак или это будет просто психологическое воздействие, не видимое никому из тех, кто не обладает такими же способностями?) А вдруг Блисс и Пелорат будут разорваны на части на глазах у Тревайза, вынужденного беспомощно наблюдать жуткое зрелище, пребывая в относительной безопасности на дереве?

Нет, все-таки без бластера не обойтись. Если удастся убить одну собаку, а остальных распугать хотя бы ненадолго, можно будет слезть с дерева, позвать Пелората и Блисс, прикончить еще какого-нибудь пса, если обнаглеют, и тогда все трое смогут прорваться к кораблю.

Тревайз вывел мощность микроволнового луча на отметку 3/4. Этого должно было хватить для того, чтобы пса разорвало на куски. Шум взрыва поможет отпугнуть собак, и не придется зря тратить энергию.

Он старательно прицелился в тварь в середине стаи, в ту, что показалась ему наиболее опасной, поскольку она не бесновалась, а, наоборот, сидела более спокойно, а потому просто-таки излучала хладнокровную уверенность в достижении цели. Пес не отрывал глаз от оружия. Смотрел он так, словно разгадал худшие намерения Тревайза и презирал его за это.

Тревайз вдруг вспомнил, что никогда не стрелял из бластера по человеку и даже не видел, чтобы это делали другие. Во время тренировок стрельба велась по наполненным водой кожаным или пластиковым манекенам; вода от выстрела почти мгновенно нагревалась до точки кипения и со взрывом разрывала оболочку.

Но кто в мирное время станет стрелять в человека? И какой человек может выстоять против бластера и силы, заложенной в нем? Только здесь, на планете, ставшей без людей враждебной...

Сознание – удивительная штука. Неизвестно почему, Тревайз заметил, что солнце скрылось за тучей, и выстрелил.

В воздухе яркая вспышка, тоненькая нить, на мгновение протянулась от дула бластера к собаке. Светило бы солнце – вспышки и видно не было.

Пес, скорее всего, сразу ощутил поток тепла и успел дернуться, словно хотел отпрыгнуть. Но, как только часть его крови и клеточной жидкости превратилась в пар, он взорвался.

Взрыв получился разочаровывающе тихим, поскольку шкура собаки была просто не настолько прочна, как оболочка манекенов, на которых они в свое время практиковались. Однако кожа, мясо, кровь и кости разлетелись в стороны, и у Тревайза противно засосало под ложечкой.

Собаки отпрянули, напуганные посыпавшимся на них градом из мелких кусков горячей плоти. Но это было, однако, лишь мимолетное замешательство. Псы тут же собрались в кучу и принялись пожирать то, что им перепало. Тревайзу стало мерзко. Какой ужас! Он не отпугнул их, он их просто подкормил. Так они никогда не уберутся. Хуже того, запах свежей крови и теплого мяса может привлечь еще больше собак и мелких хищников в придачу.

Вдруг его окликнули:

– Тревайз, что... тут...

Тревайз оглянулся. Блисс и Пелорат спешили к нему со стороны руин. Блисс резко остановилась, протянула руки, чтобы удержать Пелората. Она смотрела на собак. Все было яснее ясного. Что тут спрашивать?

– Я пытался прогнать их, чтобы они не тронули тебя и Джена, – крикнул Тревайз. – Можешь сдержать эту свору, Блисс?

– Вряд ли, – ответила Блисс так тихо, что Тревайз с трудом рассышал ее, хотя рычание собак утихло, словно на них было на брошено звукопоглощающее покрывало.

– Их слишком много, – сказала Блисс, – и я не знакома с таким типом нейроактивности. У нас на Гее нет таких страшилищ.

– На Терминусе тоже нет! И на любой цивилизованной планете, – крикнул Тревайз, – тоже нет. Я перестреляю столько, сколько смогу, а ты попытайся справиться с остальными. Может, тебе станет легче, когда их станет поменьше.

– Нет, Тревайз. Убийство этих зверюг только привлечет других. Встань позади меня, Пел. Ты все равно не сумеешь защитить меня. Тревайз, твое другое оружие!

– Нейрохлыст?

– Да. Он причиняет боль. Но на малой мощности. На малой!

– Ты что, боишься сделать им больно? – в гневе бросил упрек Тревайз. – Разве сейчас время думать о том, что жизнь этих тварей драгоценна?

– Жизнь Пела драгоценна. И моя. Делай, как я говорю. На малой мощности, и стреляй только по одной собаке. Я не смогу сдерживать их слишком долго.

Собаки отошли от дерева и теперь окружили Блисс и Пелората, стоявших спиной к полуразвалившейся стене. Ближайший к ним пес сделал нерешительную попытку подойти поближе, негромко, но нервно поскуливая, словно пытаясь понять, что же сдерживает его и его сородичей, хотя они не чувствуют никакой угрозы. Некоторые псы безуспешно пытались взобраться на стену и напасть сзади.

Дрожащей рукой Тревайз настроил нейрохлыст на малую мощность. Он потреблял гораздо меньше энергии, чем бластер, и одной батареи хватало на сотню разрядов, подобных ударам кнута, но, если подумать, он и этим оружием в последний раз пользовался неизвестно когда.

Точность прицела была не так уж важна. Поскольку используемая энергия была не так велика, Тревайз мог стрелять широким пучком по всей массе собак. Именно так и разгоняли нейрохлыстами толпы людей, затевавших беспорядки.

Однако Тревайз послушался совета Блисс. Он прицелился в одну из собак и выстрелил. Пес перевернулся на спину, задергал лапами, громко, пронзительно завизжал.

Остальные собаки отпрянули от визжащего сородича, в страхе прижав уши. Потом, завизжав хором на разные голоса, развернулись и побежали прочь – сперва медленно, затем быстрее и, наконец, во всю прыть. Последним, скуля, ковыляя на подгибающихся лапах, захромал пес, попавший под удар хлыста.

Визг затих в отдалении, и Блисс, тяжело дыша, проговорила:

– Нам лучше уйти на корабль. Они могут вернуться. Или придут другие.

Тревайз подумал, что никогда прежде он так быстро не управлял входным механизмом корабля. И вряд ли сумел бы повторить это в другой раз.

Только ближе к ночи Тревайз почувствовал себя лучше. Небольшая полоска синтекожи, наклеенная на оцарапанную руку, немного снижала боль, но вот израненную психику залечить было не так-то просто.

Дело было не в пережитой опасности. Опасность для Тревайза значила не больше, чем для любого храброго мужчины. И не потому, что опасность возникла из совершенно непредвиденного стечения обстоятельств. Дело было в ощущении нелепости происходящего. Как бы выглядел Тревайз, если бы кто-то узнал, что его загнали на дерево рычащие собаки?

Вряд ли это было бы позорнее, чем если бы его обратил в бегство щебет разъяренных канареек.

Шли часы, а Тревайз все вслушивался – не вернутся ли собаки, не начнут ли свой жуткий вой, не станут ли царапать когтями обшивку корабля.

Пелорат вроде бы совсем не нервничал.

– Я не сомневался, дружочек, что Блисс все уладит, но должен сказать, что ты здорово управлялся с нейрохлыстом.

Тревайз пожал плечами. Он был не в настроении обсуждать происходящее.

Пелорат держал в руках свою библиотеку – единственный компакт-диск, на котором хранились все материалы, собранные посредством исследований мифов и легенд, – с ним он и удалился в свою каюту, где находился его небольшой терминал.

Пелорат, похоже, был собой вполне доволен. Тревайз заметил это, но не спросил о причине. Времени для этого будет достаточно и потом, когда он сумеет забыть о собаках.

Когда они с Блисс остались наедине, она довольно робко спросила:

– Ты, наверное, испугался?

– Угу, – громко признался Тревайз. – Кто бы мог подумать, что при виде собаки – собаки! – я так позорно побегу?

– Двадцать тысяч лет без людей – это уже не просто собаки. Эти твари теперь – доминирующие крупные хищники.

– Я понял это, пока сидел на ветке в качестве доминирующей жертвы, – кивнул Тревайз. – Ты была совершенно права насчет нарушения экологического равновесия.

– Оно нарушено, конечно, но только с точки зрения человека. Подумай, ведь собаки отлично делают свое дело. Я не удивлюсь, если Пел окажется прав, предполагая, что экология может самоуправляться и различные ниши будут заполнены эволюционирующими видами тех немногих животных, которых когда-то завезли на эту планету.

– Как ни странно, – заметил Тревайз, – и я об этом подумал.

– Все может быть, но лишь в том случае, если нарушение равновесия не зашло слишком далеко и на его выправление не нужно слишком много времени. Планета может погибнуть окончательно гораздо раньше, чем это случится. – Тревайз хмыкнул. – А почему ты решил вооружиться? – прищуриваясь, спросила Блисс.

– Толку-то от моего оружия. Если бы не твои способности...

– Не только в них дело. Мне необходимо было твое оружие. Короче говоря, одного только гиперпространственного контакта с Геей при таком количестве незнакомых мне типов сознания было мало, и я бы ничего не сумела сделать без твоего нейрохлыста.

– А бластер оказался бесполезен. Я пробовал – бессмысленно.

– С помощью бластера, Тревайз, ты просто уничтожил собаку как факт. Остальные могли удивиться, но не испугались.

– Хуже, – буркнул Тревайз, – они поедали останки. Вышло так, что я сам уговаривал их остьаться.

– Да, понимаю. Другое дело – твой нейрохлыст. Он причиняет боль, собака от боли испуганно вопит, это хорошо понимают остальные, которые хотя бы на основании условного рефлекса сами чувствуют испуг. С собаками, уже предрасположенными к испугу, мне было легче справиться: я просто слегка усилила страх в их сознании, и они убежали прочь.

– Да, но ты поняла, что хлыст более действенное оружие в данном случае, а я – нет.

– Потому что я привыкла иметь дело с сознанием, а ты – нет. Именно поэтому я просила тебя дать разряд малой мощности по одной собаке. Я не хотела, чтобы боль была чересчур велика, чтобы пес умер, стало быть, затих. Не нужна была и слабая боль, от которой он только заскулил бы. Нужна была сильная, сконцентрированная в одной точке боль.

– И ты получила ее, Блисс, – кивнул Тревайз. – Сработало, как часы. Я очень тебе благодарен.

– Ты завидуешь, – задумчиво покачала головой Блисс, – тебе кажется, что ты опростоволосился. И все же, повторяю: я не смогла бы ничего сделать без твоего оружия. А вот чего я не могу понять, так это то, почему ты все-таки вооружился, несмотря на мои уверения насчет отсутствия здесь людей, – в этом я до сих пор уверена. Ты что, предвидел, что тут окажутся собаки?

– Нет, что ты. Не сознательно, по крайней мере. И привычки вооружаться до зубов у меня нет. Мне никогда не приходило в голову взять с собой оружие на Компореллоне. Но я не склонен считать, что произошло чудо. Ерунда. Немыслимо, Я думаю, что, как только мы начали говорить о нарушениях в местной экологии, я вдруг на мгновение представил себе, почти неосознанно, животных, ставших опасными в отсутствие человека. Это очень просто понять теперь, задним умом – это что касается предвидения, если оно у меня было. Чепуха.

– Не такая уж чепуха. Я, как и ты, участвовала в разговоре об экологии, но у меня не возникло никакого предвидения. Это твой дар, за который тебя так ценит Гея. И еще я вижу, что это раздражает тебя. Раздражает то, что у тебя есть скрытый дар предвидения. Природу его понять ты не можешь и действуешь решительно, но без явных причин.

– На Терминусе это называется «действовать интуитивно».

– На Гее мы говорим «знать, не думая». Тебе не нравится знать, не думая, не правда ли?

– Верно, это беспокоит меня. Я не люблю действовать под влиянием какого-то необъяснимого порыва. Я чувствую, что за порывом скрывается какая-то причина, но незнание ее заставляет думать, что я не хозяин своего собственного сознания – нечто вроде тихого помешательства.

– Значит, когда ты выбрал Гею и Галаксию, ты действовал импульсивно, а теперь ищешь причину.

– Я повторял это не меньше десятка раз.

– А я не принимала твоих слов буквально. Прости. Я больше не буду спорить с тобой об этом. Правда, я надеюсь, что могу продолжать приводить доводы в пользу Геи.

– Сколько угодно, если ты, в свою очередь, поймешь, что я могу не согласиться с твоими доводами.

– Скажи, а тебе не кажется, что эта планета постепенно дичает и, возможно, в конце концов станет совершенно необитаемой из-за того, что на ней не стало единственного вида, способного действовать как разумная направляющая сила? Если бы эта планета была Геей или, что еще лучше, если она была бы частью Галаксии, такого бы не могло произойти. Разумная сила осталась бы в единой Галаксии, и экология, как бы и по каким причинам она ни расшаталась, снова пришла бы в равновесие.

– Означает ли это, что собаки перестали бы питаться?

– Нет, они питались бы точно так же, как люди. Но питались бы они не бесцельно, а в интересах поддержания экологического равновесия в определенных рамках, без всяких случайностей.

– Утрата индивидуальности, – проворчал Тревайз, – для собак ровным счетом ничего не значит. Собаки не люди. А что, если все люди исчезнут – повсюду, а не просто на одной или нескольких планетах? Что, если в Галаксии вообще не останется людей? Сохранится ли тогда направляющий разум? Будут ли все остальные формы жизни и неживая материя способны собрать воедино свою разумность и выполнить стоящие перед ним цели?

Блисс задумалась.

– Такое, – сказала она наконец, – еще никогда не происходило. И, похоже, вряд ли произойдет в будущем.

– Послушай, но неужели для тебя не очевидно то, что разум человека качественно отличен от всех других, и, если он отсутствует, сумма всех других сознаний не сможет заменить его? Разве это неправда, что люди – нечто совершенно особенное, и говорить о них можно только в этом ключе. Их друг с другом соединить невозможно, не говоря уже обо всем остальном, к людям отношения не имеющем.

– И все же ты выбрал Галаксию.

– Да, но вот почему, никак не пойму.

– А может быть, потому, что понимал, что такое несбалансированная экология? Разве ты не понимаешь, что каждая планета в Галактике балансирует на острие ножа, и только Галаксия может предотвратить такую катастрофу, какая случилась на этой планете, не говоря уж о бесконечных страданиях людей от войн и ошибок правителей? Не в этом ли причина твоего решения?

– Нет. Я тогда об экологии не думал.

— Как ты можешь быть в этом уверен?

— Я могу не знать, что именно я предвидел, но, если потом что-то случается, я понимаю, что это действительно то самое, что я предвидел. Вот сейчас, к примеру, мне кажется, что я вполне мог предвидеть, что на этой планете есть хищники.

— Вот и получается, — улыбнулась Блисс, — что мы могли бы погибнуть из-за этих ужасных хищников, если бы не сочетание наших талантов: твоего дара предвидения и моей ментальной силы. Так давай же не будем больше ссориться.

— Давай попробуем, — кивнул Тревайз.

Сказано это было, однако, с прохладцей, и Блисс нахмурилась, но в это мгновение в каюту влетел Пелорат.

— Я думаю, — выпалил он, отдохнувшись, — мы кое-что нашли.

39

Тревайз вообще-то не верил в легкие победы, но, как любой человек, был готов поверять тому, в чьей компетенции не сомневался. Сердце его часто забилось, дыхание перехватило, но он взял себя в руки и спросил:

— Координаты Земли? Ты их нашел, Джейнов? Пелорат несколько мгновений, не мигая, смотрел на Тревайза и вдруг покраснел и смущился.

— Нет, нет, — пристыженно пробормотал он. — Не то чтобы совсем уж так. Точнее, Голан, совсем не так. Об этом я забыл. Я нашел в развалинах кое-что другое. Наверное, ничего такого особенного.

Тревайз глубоко вздохнул и попытался успокоить друга:

— Пустяки, Джен. Любая находка важна. О чем ты хотел рассказать?

— Ну, собственно говоря... ты же понимаешь, что здесь почти ничего не сохранилось. Двадцать тысяч лет, бури и ветра сделали свое дело. Ну, а еще растения и животные вносили свою лепту в постепенное разрушение, но все это не важно. Дело в том, что «почти ничего» — не то же самое, что «ничего». Скорее всего, там когда-то стояло какое-то большое общественное здание — мы видели несколько поваленных камней или бетонных блоков с высеченными на них надписями. Трудно было что-то прочесть, дружок, ты понимаешь, но я сделал фотографии с помощью одной из тех камер, которые есть у нас на борту, — ну, знаешь, со встроенным компьютерным оптимизатором. Я не спросил у тебя разрешения взять ее, Голан, но это было очень важно, и...

— Давай дальше, — нетерпеливо отмахнулся Тревайз.

— Я смог разобрать некоторые из надписей, и они оказались очень древними. Даже с помощью компьютерной обработки к притом, что я неплохо умею читать подобные надписи, было невозможно разобрать большинство из них, за исключением одной короткой фразы. Здесь буквы оказались крупнее и несколько отчетливей, чем остальные. Вероятно, они были высечены глубже, поскольку представляли собой название планеты. Фраза читается: «Планета Аврора», и поэтому мне кажется, что эта планета, на которой мы находимся, называется или называлась «Авророй».

— Должна же от как-то называться, — пожал плечами Тревайз.

— Да, но названия крайне редко выбираются случайно. Я провел тщательные поиски в моей библиотеке и обнаружил две старые легенды с двух далеких друг от друга планет, так что вполне резонно предположение об их независимом заселении, если вспомнить, что... ну, да ладно. В обеих легендах «Аврора» — название зари. Можно предположить, что слово «Аврора» в самом деле означало утреннюю зарю в каком-то протогалактическом языке. Довольно часто слова, обозначающие рассвет или зарю, использовались в названиях космических станций или других сооружений, которые являлись первыми в своем роде. Если этим словом обозначали зарю в каком-то языке, эта планета может в каком-то смысле оказаться первой.

— Ты готов предположить, что эта планета — Земля, что «Аврора» — другое ее название, потому что обозначает зарю жизни и человечества?

— Я не осмелился зайти так далеко, Голан.

— Еще бы, — сказал Тревайз с легкой горечью в голосе, — здесь нет радиоактивной

поверхности, нет гигантского спутника, нет поблизости газового гиганта с огромными кольцами.

— Точно. Но Дениадор с Компореллона, похоже, думал, что это — одна из планет, заселенных первой волной колонистов — космонитами. Если это так, то ее название — «Аврора» — может означать, что это первая из космонитских планет. Может быть, мы сейчас находимся на старейшей из планет Галактики, населенных некогда людьми, не считая самой Земли. Разве это не восхитительно?

— Во всяком случае, интересно, Джен, но не хватил ли ты через край, выводя все это из одного только названия — «Аврора»?

— Есть кое-что еще, — возбужденно выпалил Пелорат. — Насколько я мог проверить по своим записям, сегодня в Галактике планеты с названием «Аврора» нет, и я уверен, что твой компьютер подтвердит это. Как я сказал, есть множество планет и космических объектов, называемых «Заря» на различные лады, но нигде не используется это слово — «Аврора».

— Ну и что? Если это протогалактическое слово, оно не должно быть особенно распространенным.

— Но названия остаются даже тогда, когда становятся бессмысленными. Если это первая колонизированная планета, она должна была иметь широкую известность; она могла быть некоторое время главной планетой Галактики. Наверняка должны были существовать другие планеты, называвшие себя «Новая Аврора», или «Малая Аврора», или еще как-нибудь в этом роде. А затем другие...

— Но, может быть, это вовсе не первая колонизированная планета, — прервал его Тревайз. — Может быть, она никогда не представляла из себя ровным счетом ничего особенного.

— Есть, по-моему, и более важные доказательства, друг мой.

— Какие же, Джен?

— Если первая волна поселенцев была побеждена и вытеснена второй волной, которой сейчас принадлежат все планеты Галактики, как утверждал Дениадор, значит, весьма вероятно, что существовал период времени, когда эти волны враждовали между собой. Вторая волна, люди, давшие названия планетам, не использовали имена, данные мирами людьми первой волны. Таким образом, исходя из того, что название «Аврора» нигде больше не употреблялось, мы можем заключить, что две волны поселенцев существовали, а это — планета первой волны.

— Краткий курс в творческую лабораторию мифолога, — улыбнулся Тревайз. — Ты, Джен, строишь восхитительную суперструктуру, но она может оказаться воздушным замком, Легенды сообщают нам, что поселенцев первой волны сопровождали многочисленные роботы, и это, вероятно, явилось ошибкой поселенцев. Так вот, если мы сможем найти на этой планете робота, я буду готов принять все эти гипотезы о первой волне, но нельзя же ожидать, что через двадцать тысяч...

Пелорат, беззвучно шевеля губами, пытался вставить слово. Наконец ему это удалось.

— Но, Голан, разве я не сказал тебе? Нет, конечно, не сказал. Я так волнуюсь, что не могу изложить все в нужной последовательности. Там был робот.

40

Тревайз потер лоб, словно у него заболела голова.

— Робот? Там был робот?

— Да, — сказал Пелорат, подтверждающе кивая головой.

— Откуда ты знаешь?

— Ну, это же был робот. Как я мог его не узнать, если я его видел?

— А ты когда-нибудь видел робота раньше?

— Нет, но это был металлический объект, который был похож на человека. Голова, руки, ноги, туловище. Правда, я говорю «металлический», но он почти целиком проржавел, и, когда я подошел к нему, видимо, вибрация от моих шагов на него так повлияла... в общем, когда я попытался прикоснуться к нему...

— Зачем тебе понадобилось его трогать?

— Ну, наверное, я не мог до конца поверить собственным глазам. Это произошло

бессознательно. Как только я коснулся его, он рассыпался. Правда...

– Ну?

– Прежде чем это произошло, его глаза вроде бы едва заметно блеснули и он издал какой-то звук, словно хотел что-то сказать.

– Ты имеешь в виду, что он все еще функционировал ?

– Едва-едва, Голан. Потом он просто рассыпался.

– Так все и было? – спросил Тревайз, обернувшись к Блисс.

– Там был робот, и мы его видели, – кивнула она.

– И он все еще работал?

– Когда он рассыпался, – равнодушно отозвалась Блисс, – я уловила слабый всплеск нейроактивности.

– Откуда могла взяться нейроактивность? У робота нет органического мозга, построенного из клеток.

– Я думаю, это был компьютерный эквивалент человеческого мозга. Разницу я чувствую.

– Значит, ты ощущала именно ментальность робота, а не человека?

Блисс, поджав губы, ответила:

– Ментальность была слишком слабой, чтобы сказать что-то определенное, кроме того, что она была.

Тревайз перевел взгляд с Блисс на Пелората и вздохнул:

– Это меняет дело.

Часть четвертая Солярия

Глава десятая Роботы

41

За обедом Тревайз молчал, и Блисс сосредоточилась на еде.

Пелорат, наоборот, был необычайно разговорчив. Начал он с того, что, если планета, на которой они находятся, Аврора, следовательно, первая колонизированная планета, она должна располагаться довольно близко к Земле.

– Может быть, стоит прочесать ближайшие звезды? – сказал он. – Придется просмотреть самое большое несколько сотен звезд.

Тревайз пробурчал что-то вроде того, что метод тыка – занятие для дураков и что он предпочитает узнать о Земле как можно больше, прежде чем высаживаться на нее, даже если он ее найдет. Больше он ничего не сказал, и Пелорат, явно уязвленный, тоже умолк.

Поскольку Тревайз после еды как в рог воды набрал, Пелорат неуверенно спросил:

– Мы задержимся здесь?

– Переночуем, во всяком случае, – ответил Тревайз. – Мне нужно кое-что обдумать.

– Это безопасно?

– Даже если здесь и появится что-нибудь пострашнее собак, на корабле мы в полной безопасности.

– Как быстро удастся взлететь, если здесь есть что-то похуже собак?

– Компьютер находится в стартовой готовности. Я думаю, на взлет уйдет от двух до трех минут. Случится что-то непредвиденное – компьютер нас оповестит. Нам всем стоит как следует выспаться. Утром я решу, что нам делать дальше.

«Легко сказать – решу», – думал Тревайз, глядя в темноту. Не раздеваясь, он свернулся калачиком на полу отсека управления. Лежать было неудобно, но он был уверен, что в кровати ему сейчас все равно не заснуть, а здесь он, по крайней мере, может предпринять немедленные

действия, если компьютер подаст сигнал тревоги.

Вдруг он услышал звук шагов и резко сел, стукнувшись головой о край стола, — голову не рассек, но ушибся здорово.

— Джэн? — спросил Тревайз, потирая ушибленную макушку.

— Нет. Это я, Блисс.

Тревайз приподнялся и, нащупав, нажал кнопку на панели компьютера; в мягком свете возникла фигура Блисс в бледно-розовой накидке.

— В чем дело?

— Я заглянула в твою каюту и не нашла тебя. Однако твоя нейроактивность безошибочно привела меня сюда. Почувствовала, что ты не спишь, и вошла.

— Ладно. Чего тебе нужно?

Блисс села на пол у стены, обхватив колени руками.

— Не волнуйся. На остаток твоей невинности я покушаться не намерена.

— Мне это и в голову не пришло, — сардонически хмыкнул Тревайз. — Почему ты не спишь? Тебе это даже нужнее, чем нам.

— Поверь мне, — сказала Блисс тихо и очень искренне, — я жутко устала после этой сцены с собаками.

— Верю. Понимаю.

— И я хотела поговорить с тобой, когда Пел заснет.

— О чём?

— Когда он рассказал о работе, ты заявил, что это все меняет. Что ты имел в виду?

— А ты сама не понимаешь? У нас три набора координат; три запретных планеты. Я хочу посетить все три, чтобы узнать как можно больше о Земле, прежде чем попытаюсь добраться до неё.

Тревайз немного пододвинулся к Блисс, чтобы можно было говорить потише, но тут же резко отпрянул.

— Слушай, я не хочу, чтобы Джэн пришел и застал нас вот так. Что ему может взбрести в голову?

— Он не придет. Пел крепко спит, и я немного помогла ему в этом. Стоит ему пошевелиться, я это сразу замечу. Продолжай. Ты хочешь посетить все три планеты. Но что-то изменилось. Что?

— Я не намерен без толку тратить время на каждой планете. Если эта планета, Аврора, покинута людьми двадцать тысяч лет назад, значит, вряд ли здесь сохранилась какая-либо ценная информация. Я не желаю торчать тут недели, месяцы, тупо ковыряясь в развалинах, сражаясь с собаками, кошками, быками, — мало ли кто тут еще мог одичать и стать опасным! — в надежде найти обрывки необходимых сведений среди пыли, ржавчины и гнили. А вдруг на одной или на обеих других запретных планетах еще есть люди и нетронутые библиотеки? Словом, я поначалу хотел как можно скорее убраться отсюда. Мы были бы сейчас в космосе, если бы я так и сделал, и мирно спали бы в теплых постельках.

— Но?

— Но если на этой планете еще есть функционирующие роботы, они могут владеть важной информацией, которая нам может понадобиться. С ними иметь дело безопаснее, чем с людьми, поскольку, как я слышал, они должны подчиняться приказам и не могут причинить вред человеку.

— Значит, ты изменил свои планы и готов теперь терять время на этой планете в поисках роботов.

— Нет, Блисс. Не совсем так. Мне кажется, что роботы не могут просуществовать двадцать тысяч лет без ухода за ними. Хотя... раз ты видела робота с проблесками активности, ясно, что на мои логические представления о роботах полагаться нельзя. На невежестве далеко не уедешь. Роботы могут оказаться более крепкими ребятами, чем я о них думал. А может быть, у них есть определенный потенциал самосохранения.

— Послушай меня, Тревайз... только прошу тебя, пусть это останется между нами.

— Между нами? — удивленно и довольно громко переспросил Тревайз. — А от кого у нас могут быть секреты?

— Тс-с! От Пела, конечно. Так вот, тебе не стоит менять планы. Ты был прав. Здесь нет действующих роботов. Я ничего не обнаружила.

— Одного обнаружила, а это уже кое-что.

— Ничего я не нашла. Этот робот бездействовал. Давно бездействовал.

— Ты сказала...

— Я знаю, что я сказала. Пелу показалось, будто он видел какое-то движение и слышал звук. Пел — романтик. Он всю свою сознательную жизнь занимался сбором информации, а таким путем трудно сказать свое слово в науке. Он наверняка мечтает лично сделать важное открытие. Он обнаружил название планеты — «Аврора», это бесспорно, и он так счастлив — ты просто представить себе не можешь, как он счастлив. И ему отчаянно хотелось найти что-нибудь еще.

— Ты что, хочешь сказать, что он так жаждал совершить открытие, что убедил себя в том, что нашел функционирующего робота? А на самом деле что он нашел?

— Он нашел глыбу ржаного металла, в которой разума не больше, чем в камне, на котором она лежала.

— Но ты подтвердила его рассказ!

— Я не могла заставить себя лишить Пела радости открытия. Он мне так дорог...

Тревайз с минуту молча смотрел на Блисс. Наконец он спросил:

— Послушай, давай начистоту. Чем он тебе так дорог? Что ты в нем нашла? Я хочу понять. Честно и откровенно — хочу понять. Тебе он должен казаться стариком — безо всякой там романтики. Он — изолят, а ты презираешь изолятов. Ты юна и прелестна, наверняка на Гее есть молодые крепкие мужчины. С ними ты можешь поддерживать такие отношения, которые, будучи пропущены через Гею, могут унести к высотам экстаза. Так что же ты нашла в Джене?

— Разве ты не любишь его? — пристально посмотрела Блисс на Тревайза.

— Я? Люблю, конечно, — пожал плечами Тревайз. — По-братьски.

— Ты знаешь его не так уж давно, Тревайз. Почему же ты любишь его этой своей братской любовью?

Тревайз не сумел сдержать искренней улыбки.

— Ну, знаешь, он такой чудак. Я, честно говоря, готов поверить, что никогда в жизни он не думал о себе. Ему приказали отправиться вместе со мной — и он отправился. Без возражений. Он хотел, чтобы мы полетели на Трентор, но, когда я сказал, что хочу лететь на Гею, он не стал спорить. И теперь он странствует со мной в поисках Земли, хотя понимает, как это опасно. Я уверен, что, если потребуется пожертвовать жизнью за меня или за кого-нибудь, он пожертвует. Без раздумий.

— А ты отдашь свою жизнь за него, Тревайз?

— Могу, если у меня не будет времени подумать. Если оно у меня будет, я могу растеряться. Я не такой добрый, как он. И из-за этого у меня такое ужасное желание защищать и охранять его. Я не хочу, чтобы Галактика перевоспитала его. Понимаешь? И я должен защищать его от тебя, особенно от тебя. Мне нестерпима мысль о том, что ты бросишь его, когда он, старый чудак, перестанет тебя забавлять.

— Я так и думала. Значит, угадала. Но почему ты не можешь поверить, что я вижу в Пеле то же самое, что видишь в нем ты, — и даже больше, чем ты, так как я могу непосредственно контактировать с его сознанием? Неужели я веду себя так, словно хочу сделать ему больно? Разве поддержала бы я его фантазию о действующем роботе, если бы не желала ему добра? Тревайз, я привыкла к тому, что ты зовешь добротой; ведь каждая частица Геи готова пожертвовать собой ради целого. Мы не знаем, не понимаем иного образа действий. Но при этом мы ничего не теряем, поскольку каждая частица сохраняется в целом, хотя тебе это не понять. А Пел — он совсем другой.

Блисс не смотрела на Тревайза. Казалось, она говорила сама с собой.

— Он — изолят. Он — альтруист. Он не думает о себе, но не потому, что является частицей чего-то большего. Он альтруист просто потому, что он таким родился. Понимаешь? Он способен потерять все и ничего не обрести, и все же он таков, каков есть. Мне стыдно перед ним из-за того, что я живу без страха потерять, а он таков, каков есть, — без надежды на обретение чего-либо.

Блисс вновь взглянула на Тревайза. Во взгляде ее горело торжество.

— Да знаешь ли ты, насколько лучше тебя я понимаю Пела? И ты всерьез опасаешься, что я могу хоть как-то обидеть его?

— Блисс, вот ты сегодня сказала: «Слушай, давай не будем ссориться», а я ответил: «Как хочешь». Это вырвалось у меня потому, что я все время волновался за Джена. Теперь моя очередь. Слушай, Блисс, будем друзьями. Ты вольна убеждать меня в преимуществах Галаксии, я оставляю за собой право спорить с тобой, но все равно и несмотря ни на что — будем друзьями, — сказал Тревайз и протянул Блисс руку.

— Конечно, Тревайз, — улыбнулась Блисс, и их руки встретились в крепком рукопожатии.

42

Тревайз мысленно усмехнулся. Когда он работал с компьютером в поисках звезды, задав первую комбинацию координат, и Пелорат, и Блисс не отходили от него и засыпали вопросами. Теперь же они мирно спали в своей каюте или, по крайней мере, отдыхали и оставили Тревайза наедине с компьютером.

В каком-то смысле это льстило Тревайзу — ему казалось, что теперь его спутники наконец признали, что он знает, что делает, и не нуждается в понуждении или надзоре. Тревайз, успешно осуществив первую попытку, теперь больше полагался на компьютер и подозревал, что может не то чтобы совсем устраниться, но, как минимум, гораздо меньше присматривать за его работой.

На экране появилась новая звезда — очень яркая и, как и предыдущая, не отмеченная на карте Галактики. Она оказалась ярче той, вокруг которой вращалась Аврора, а самое главное — ее не было в памяти компьютера.

Тревайз думал о странностях древних традиций. Целые века могли с одинаковым успехом либо препарироваться до мелочей, либо напрочь выбрасываться из памяти. Целые цивилизации могли оказаться низвергнутыми в небытие. И все-таки из тьмы веков доходили, неведомо как уцелев, отрывочные знания, вспоминаемые без искажений, такие, как, например, эти координаты.

Пару дней назад он заговорил об этом с Пелоратом, и тот сказал, что именно это и делает изучение легенд и мифов таким благодатным полем в деле исследования прошлого. «Хитрость состоит в том, — сказал Пелорат, — что нужно решить или угадать, какие именно фрагменты легенды представляют собой неискаженную, хотя и замаскированную истину. Это не так легко, и разные мифологии чаще всего выбирают разные фрагменты, как правило, те, что подтверждают избранные концепции или варианты интерпретации».

Во всяком случае, звезда была именно там, где ей и положено было быть, согласно координатам Дениадора, скорректированным во времени. Тревайз сейчас готов был заключить пари на кругленькую сумму насчет того, что и третья звезда окажется на месте. А если так, Тревайз готов был допустить, что легенды правы и в остальном, то есть в том, что некогда существовало пятьдесят запретных планет (каким бы подозрительно круглым ни казалось это число). Где же остальные сорок семь?

Вокруг звезды вращалась вполне подходящая для обитания запретная планета — на сей раз ее наличие ни капли не удивило Тревайза. Он был непоколебимо уверен в том, что такая планета здесь окажется. Он вывел «Далекую звезду» на планетарную орбиту.

Слой облаков оказался достаточно тонким, и поверхность планеты хорошо просматривалась с большой высоты. На планете, как почти на всех обитаемых планетах, были обширные водные пространства — один тропический океан и два полярных. В средних широтах одного из полушарий лежал спиралеобразный материк, опоясывающий планету. Берега его были изрезаны заливами и беспорядочно разбросанными узкими перешейками. В другом полушарии суши была разбита на три большие части. Все эти материки расширялись к югу, в отличие от противолежащего континента.

Тревайз жалел, что не слишком хорошо знал климатологию, и не мог определить на глаз, какие сейчас на планете температура и время года. На мгновение ему показалась забавной мысль подсунуть эту задачку компьютеру. Но, увы, сейчас было не до климата.

Гораздо важнее было то, что компьютер вновь не обнаружил излучения техногенного происхождения. Телескоп свидетельствовал, что планета целехонька и здесь нет признаков запустения. Проплывшая под кораблем суша пестрила разными оттенками зеленого цвета, но ничего похожего на города на дневной стороне, ни огней на ночной стороне видно не было.

Опять зоопарк – и нет людей?

Тревайз осторожно постучал в дверь каюты Пелората и Блисс.

– Блисс? – позвал он тихим шепотом и снова постучал. Послышался шелест простыни, и голос Блисс произнес:

– Да?

– Можешь выйти? Мне нужна твоя помощь.

– Подожди немножко; я только приведу себя в порядок.

Когда она наконец вышла, Тревайз не заметил ничего особенного. Блисс выглядела, как всегда. «Чем она там занималась. Торчишь тут, ждешь… Ну, да ладно, – решил Тревайз, – мы теперь друзья и надо сдерживаться».

– Чем я могу помочь тебе, Тревайз? – сказала Блисс, ласково улыбаясь.

Тревайз кивнул в сторону экрана:

– Как видишь, мы летим над поверхностью планеты, а по виду с ней все в порядке – растительность буйная и все такое. Однако здесь нет ни огней на ночной стороне, ни техногенного излучения. Посмотри, будь добра, нет ли здесь какой-нибудь животной жизни. Мне показалось, что я в одном месте видел табун пасущихся животных, но я не уверен. Это мог быть как раз тот случай, когда видишь то, что хочешь увидеть.

Блисс «прислушалась». Наконец ее лицо озарилось любопытством.

– О да, здесь богатая фауна, – сказала она.

– Млекопитающие?

– Должно быть.

– Люди?

Казалось, теперь она сконцентрировалась сильнее. Прошла целая минута, затем другая, и наконец Блисс вздохнула.

– Не могу точно сказать. Только на миг мне показалось, что я уловила всплеск активности разума, достаточно интенсивный, чтобы принадлежать человеку. Но так слабо и так коротко, что, может быть, и я почувствовала то, что хотела почувствовать. Понимаешь…

Она замолчала и задумалась, и Тревайз был вынужден поторопить ее.

– Ну??!

– Дело в том, – продолжила Блисс, – что я, похоже, нашла что-то еще. Что-то незнакомое, но это не может быть чем-то другим…

Ее лицо вновь стало отрешенным, и она стала «вслушиваться» еще внимательнее.

– Ну??! – не выдержал Тревайз. Блисс расслабилась.

– Я не могу объяснить это ничем иным, кроме как присутствием роботов.

– Роботов??!

– Да. Но если я обнаружила их, я должна была бы обнаружить и людей. Но не могу.

– Роботы! – повторил Тревайз и нахмурился.

– Да, – подтвердила Блисс, – и, насколько я могу судить, их тут множество.

43

Пелорат, узнав новость, воскликнул «Роботы!» почти так же, как Тревайз. Смущенно улыбнувшись, он проговорил:

– Ты был прав, Голан, а я ошибался, сомневаясь в тебе.

– Что-то не припоминаю, когда это ты во мне сомневался, Джэн.

– О нет, дружочек, я не в том смысле! Я так и говорил. Я только в глубине души полагал, что нам не стоило покидать Аврору. Я думал, вдруг нам там удастся побеседовать с каким-нибудь уцелевшим роботом. Но теперь мне ясно: ты знал, что здесь роботов будет намного больше.

– Вовсе нет, Джэн. Я ничего не знал. Просто надеялся на удачу. Блисс говорит, что

ментальные поля здешних роботов таковы, что они кажутся ей активно функционирующими, и мне сдается, что они не могут функционировать так активно без помощи и заботы людей. Правда, признаков присутствия людей она пока не обнаружила, но все может быть.

Пелорат задумчиво изучал обзорный экран.

– Похоже, тут сплошные леса, верно?

– Лесов больше. Но кое-где есть участки, похожие на степи. Беда в том, что я не вижу ни городов, ни ночного освещения – ничего, кроме теплового излучения.

– Значит, людей здесь все-таки нет?

– Если бы я знал. Блисс уединилась в камбузе, пытается сосредоточиться. Я установил произвольный нулевой меридиан, теперь компьютер может разработать для планеты систему координат: долготу и широту. У Блисс есть небольшой приборчик, на котором она нажимает кнопку, как только замечает концентрацию ментальной активности роботов – похоже, слово «нейроактивность» тут не годится – или хоть какие-то следы человеческого разума. Прибор связан с компьютером, который зафиксирует все отмеченные Блисс точки. Потом мы дадим ему волю, пусть сам выберет подходящее место для посадки.

Пелорат, похоже, был шокирован.

– Разумно ли доверять выбор компьютеру?

– Почему нет, Джэн? У нас очень умный компьютер. Да и потом, не можешь выбрать сам – почему не положиться на компьютер?

Лицо Пелората просветлело.

– А в этом что-то есть, Голан. В кое-каких древнейших легендах встречаются рассказы о людях, которые совершили выбор, бросая на землю кубики.

– Правда? Это как?

– На каждой грани кубика были выгравированы варианты решения: «да», «нет», «возможно», «не стоит» – и так далее. Какой бы гранью вверх ни упал кубик, его совету свято следовали. А еще запускали шарик по диску с прорезями, а разные решения были записаны под этими щелочками. Шарик попадал в щелочку – это и было верное решение. Кое-кто из мифологов думает, что это больше смахивает на азартную игру, чем на лотерею, но, по-моему, это одно и то же.

– Стало быть, – усмехнулся Тревайз, выбирая место посадки, – мы играем в азартную игру.

Блисс, выйдя из камбуза, услышала остроту Тревайза.

– Никакая это не азартная игра, – возразила она. – Было несколько «может быть», а потом один раз совершенно точно выпало «да», вот там мы и должны сесть.

– И что означает это «да»? – спросил Тревайз.

– Я уловила проблеск человеческого разума. Точно. Сомнений нет.

44

Недавно прошел дождь – трава намокла. По небу неслись тучи, но время от времени в них появлялись просветы.

«Далекая звезда» опустилась вблизи зарослей деревьев. («На случай, если здесь окажутся дикие собаки», – подумал Тревайз почти без юмора.) Местность казалась похожей на пастбище, а с высоты Тревайз видел нечто вроде фруктовых садов и засеянных полей, а еще – на этот раз он не сомневался – пасущихся животных.

Но никаких построек – ничего искусственного, кроме аккуратной посадки деревьев в садах и отчетливых границ, разделяющих поля. Правда, все это по уровню искусственности не уступало бы микроволновой антенне, принимающей энергию с орбитальной станции, окажись она здесь.

Однако мог ли этот уровень искусственности быть создан одними роботами? Без людей?

Тревайз спокойно застегивал ремень с амуницией. Теперь он точно знал, что оба вида оружия в рабочем состоянии и заряжены на полную катушку. На мгновение он поймал взгляд Блисс и замешкался.

– Давай-давай, – сказала она. – Не думаю, что от оружия будет толк, но, правда, я думала

так и в прошлый раз.

— А ты не хочешь вооружиться, Джэн?

— Нет, спасибо. — Пелорат поежился. — Зачем? У тебя оружие, у Блисс — ментальное поле, так что мне с вами рядом не страшно. Наверное, мне должно быть совестно прятаться за вашими спинами, но я так вам благодарен, так благодарен, и это чувство сильнее стыда. Вы избавляете меня от тревоги и необходимости сражаться.

— Ясное дело, — кивнул Тревайз. — Только не отходи никуда один. Если Блисс и я разойдемся, держись с кем-нибудь из нас и не бросайся никуда опрометью, как бы ни хотелось.

— Не волнуйся, Тревайз, — сказала Блисс. — Это я беру на себя.

Тревайз первым вышел из корабля. Дул свежий ветер, и немного похолодало после дождя, но Тревайзу это даже понравилось. Перед дождем, наверное, было слишком влажно и душно.

Он сделал вдох и удивился. Запах планеты был восхитителен. У каждой планеты — свой аромат, Тревайз это знал; аромат всегда чужой и, как правило, неприятный — может быть, только из-за того, что чужой? Но может ли незнакомый запах оказаться приятным? Или это всего лишь случайность — может, они попали на планету сразу после дождя в определенное время года? Как бы то ни было...

— Выходите, — позвал он спутников. — Тут просто великолепно.

— Великолепно — самое подходящее слово, — согласился Пелорат, выйдя из люка. — Ты думаешь, здесь всегда так пахнет?

— Какая разница? Через часок мы так привыкнем, что наши обонятельные рецепторы перегружаются и мы не будем ощущать никакого запаха.

— Жаль, — огорчился Пелорат.

— Трава сырья, — проворчала Блисс.

— Ну и что? В конце концов у вас на Гее тоже бывают дожди, — сказал Тревайз. И тут золотистые лучи солнца на мгновение блеснули сквозь маленький просвет в тучах. Скоро, должно быть, станет теплее.

— Да, бывают, — согласилась Блисс, — но мы знаем, когда пойдет дождь, и готовимся к этому.

— Просто ужасно, — поморщился Тревайз. — Никаких неожиданностей. Скучно.

— Может быть, ты прав. Я постараюсь не вспоминать Гею так часто.

Пелорат огляделся по сторонам и разочарованно протянул:

— Похоже, тут нет ничего интересного.

— Только похоже, — отозвалась Блисс. — К нам кто-то приближается из-за того холма. — Она взглянула на Тревайза. — Как думаешь, может, пойти им навстречу?

— Нет, — покачал головой Тревайз. — Мы шли к ним навстречу многие парсеки. Пусть они пройдут остаток пути. Мы подождем их здесь.

Никого видно не было, но вскоре, с той стороны, куда Блисс показывала пальцем, появилась фигура, постепенно вырастая над вершиной холма. Потом вторая, третья.

— Видимо, пока все, — сказала Блисс.

Тревайз с любопытством наблюдал. Хотя ему никогда раньше не приходилось видеть роботов, он совершенно не сомневался, что это они и есть. Их фигуры напоминали человеческие. Чем ближе они подходили, тем меньше казалось, что они сделаны из металла. Поверхность роботов была тусклой и казалась мягкой, словно покрытой плюшем.

Но как знать, иллюзия это или нет? Тревайзу вдруг нестерпимо захотелось потрогать этих медлительных роботов. Если это на самом деле Запретная Планета и ни один корабль никогда даже не приближался к ней — а это наверняка так и было, поскольку ее солнце не значилось на карте Галактики, — то «Далекая звезда» и люди, которых она привезла, должны быть чем-то таким, чего роботы никогда не видели. Но они шли к людям так уверенно, словно для них это было самым обычным делом.

— Здесь мы можем добыть такие сведения, — негромко проговорил Тревайз, — каких нигде в Галактике не найти. Мы можем спросить их о расположении их планеты относительно Земли, и если они знают, то скажут нам. Ведь неизвестно, сколько им лет. Они могут обладать колоссальными знаниями. Представляете?

— И наоборот, — охладила его пыл Блисс, — они могут быть сделаны недавно и не знать

ровным счетом ничего.

– Или, – добавил Пелорат, – могут знать все, но отказаться разговаривать с нами.

– Вряд ли они откажутся, – сказал Тревайз, – если только не получили приказа не отвечать нам. А откуда взяться такому приказу, если никто на этой планете никак не мог ожидать нашего появления?

Не дойдя до людей метров трех, роботы остановились. Они молчали и не шевелились.

Держа руку на приладе бластера и не отрывая глаз от роботов, Тревайз спросил Блесс:

– Можешь определить, что у них на уме?

– У меня нет никакого опыта контактов с подобным сознанием, Тревайз, но ничего похожего на враждебность я не чувствую.

Тревайз убрал правую руку с гашетки бластера, а левую поднял ладонью к роботам и сказал, медленно выговаривая слова:

– Я приветствую вас. Мы пришли на эту планету как друзья.

Робот, стоявший посередине, отвесил короткий и неуклюжий поклон – пожалуй, большой оптимист мог бы почтеть это движение за знак мира – и что-то проговорил.

У Тревайза от удивления отвисла челюсть. В мире трансгалактических коммуникаций кто бы мог подумать о таком нелепом затруднении? Увы, робот говорил не на стандартном галактическом – его речь даже смутно не напоминала общепринятый язык. Тревайз не понял ни единого слова.

45

Пелорат удивился не меньше Тревайза, но одновременно чему-то обрадовался.

– Ну не странно ли?! – воскликнул он. Тревайз повернулся к нему и довольно резко возразил:

– Не странно. Ужасно.

– Вовсе нет. Это галактический язык, но очень древний. Несколько слов я разобрал. Я, вероятно, мог бы легче понять, если бы то, что он сказал, было написано. Ведь я никогда не слышал, как говорят на этом языке.

– Ну и что же он сказал?

– Я думаю, он сказал, что не понял твоих слов.

– Я не поняла, что он сказал, – вмешалась Блесс, – но в его сознании чувствую удивление и ничего больше. Надеюсь, вы верите, что я способна анализировать эмоции роботов – если такое понятие, как эмоции роботов, вообще существует.

Очень медленно и с явным трудом Пелорат произнес несколько слов, и три робота дружно кивнули.

– Что ты им сказал? – спросил Тревайз.

– Я сказал, что не умею хорошо изъясняться на их языке, но попытаюсь. Я попросил их немного подождать. Блесс, милая, Голан, дружочек, это безумно интересно.

– А по-моему, все это безумно разочаровывает, – пробормотал Тревайз.

– Понимаете, – продолжал Пелорат, – каждая обитаемая планета в Галактике стремилась создать свой собственный вариант галактического, и потому существуют миллионы диалектов, которые порой с трудом понимаемы, но при разработке стандартного галактического все они были собраны воедино. Если предположить, что эта планета пребывала в изоляции двадцать тысяч лет, здешний язык изменился и теперь значительно отличался бы от остальных языков Галактики. Этого не произошло, вероятно, из-за того, что здесь обитают только роботы, которые могут понимать только такой разговорный язык, какой был заложен в них при программировании. Если их не перепрограммировать, язык остается неизменным, и то, что мы слышим сейчас, – не что иное, как архидревний галактический.

– Замечательный пример того, как в роботизированном обществе может начаться застой, а после него – деградация, – сказал Тревайз.

– Но, дружочек, – возразил Пелорат, – относительная неизменность языка вовсе не является признаком деградации. В этом есть свои преимущества. Ведь при этом документы, хранимые веками, тысячелетиями, не утрачивают смысла и придают историческим записям

жизненность и авторитет. Повсюду в Галактике, например, язык Имперских эдиктов времен Гэри Селдона уже сейчас начинает звучать неуклюже.

— А ты на самом деле знаешь этот древнегалактический язык?

— Не то чтобы я его знал, Голан. Просто, штудируя древние мифы и легенды, я уловил, в чем тут хитрость. Словарный запас не слишком отличается от нашего, но склонения выглядят иначе, встречаются идиоматические выражения, каких мы давно уже не употребляем, и, как я уже сказал, у нас в корне изменилось произношение. Я могу попробовать поработать переводчиком, но вряд ли у меня так уж хорошо получится.

Тревайз глубоко и с облегчением вздохнул.

— Все равно это лучше, чем ничего. Давай, Джэн, беседуй.

Пелорат повернулся было к роботам, но замешкался и растерянно обернулся к Тревайзу:

— А что я должен им сказать?

— Не будем рассусоливать. Спроси их прямо, где находится Земля.

Пелорат произнес фразу, тщательно выговаривая слова и усиленно жестикулируя.

Роботы переглянулись и издали несколько звуков. Средний, тот, что уже говорил с Пелоратом, развел руками, словно растягивал резиновую ленту, и ответил, так же тщательно произнося слова.

Пелорат выслушал ответ и обратился к Тревайзу:

— Я не уверен, смог ли я точно выразить, что понимаю под словом «Земля». Полагаю, они подумали, что я имею в виду какую-то область на их планете и сказали, что не знают такой области.

— А они не сказали, как называется их планета, Джэн?

— Если я правильно понял, их планета называется Солярия.

— Тебе попадалось такое название в легендах?

— Нет. Впрочем, «Аврора» мне тоже не попадалась.

— Ладно. Теперь спроси их, есть ли какое-нибудь место, называемое «Земля», в небе — среди звезд. Покажи вверх.

Произошел обмен фразами, наконец Пелорат обернулся и сказал:

— Они говорят, что в небе вообще ничего нет. Это все, чего я смог от них добиться, Голан.

— Спроси роботов, — вмешалась Блесс, — сколько им лет. Или нет, лучше так: сколько лет они функционируют.

Пелорат покачал головой:

— Я не знаю, как сказать «функционируют». Слишком современное слово. На самом деле я даже не уверен, смогу ли произнести: «сколько вам лет». Никудышный из меня переводчик.

— Постарайся, как сумеешь, Пел, дорогой. После серии вопросов и ответов Пелорат объявил:

— Они функционируют двадцать шесть лет.

— Двадцать шесть лет, — недовольно проворчал Тревайз. — Да они твои ровесники, Блесс.

— Знаешь что... — вдруг вспыхнула Блесс.

— Прости, ошибочка вышла. Ты — Гея, которой тысячи лет. В любом случае, эти роботы ничего не могут сказать о Земле на основании личного опыта. Их банки данных явно не включают ничего кроме того, что нужно для работы. Например, они полные профаны в астрономии.

— Здесь где-нибудь могут быть другие роботы, — возможно, более старые, самые первые, — высказал предположение Пелорат.

— Сомневаюсь, — хмыкнул Тревайз, — но спроси их об этом, если сумеешь, Джэн.

На сей раз разговор с роботами продолжался гораздо дольше. Наконец Пелорат прервал его. Он покраснел и явно расстроился.

— Голан, — сказал он, — я не все понял, но похоже, что старейшие роботы здесь используются на черных работах и ничего не знают. Если бы этот робот был человеком, я сказал бы, что он отзыается о них презрительно. Эти трое — домашние роботы. Так они сказали. Им не положено стареть — просто их меняют время от времени. Они единственные, кто знает что к чему — это не я говорю, это они так сказали.

— Да уж. Много же они знают, — пробурчал Тревайз. — По крайней мере совсем не то, что

нам нужно.

Пелорат вздохнул.

— Как жаль, что мы так поспешно покинули Аврору. Если бы мы нашли там уцелевшего робота — а мы наверняка нашли бы его, поскольку в том, которого я нашел, еще теплилась жизнь, — мы узнали бы от него о Земле. Тамошние роботы могли помнить о ней.

— При условии, что их память не повреждена, Джэн. Мы всегда можем вернуться туда, и если понадобится, то, честное слово, — гори огнем тамошние псы — мы так и сделаем. Но раз эти роботы сделаны всего пару десятков лет назад, здесь должны быть те, кто сделал их, и создатели эти, по идеи, должны быть людьми. — Он повернулся к Блисс: — Ты уверена, что почувствовала только...

Блисс подняла руку, не дав Тревайзу договорить. Лицо ее стало чужим, отстраненным.

— Кто-то идет, — тихо сказала она.

Тревайз обернулся к холму. На вершине появилась и стала спускаться к ним фигура, несомненно принадлежащая человеку. Человек был бледен, его длинные светлые волосы странно топорщились за ушами. Лицо незнакомца было угрюмо, а когда он подошел поближе, стало ясно, что он довольно молод. Худые руки и ноги человека были обнажены.

Роботы расступились перед ним, а он, не останавливаясь, прошел вперед.

И сказал чистым, приятным голосом, немного вычурно, но на вполне понятном стандартном галактическом:

— Приветствую вас, гости из космоса. Что вам угодно от моих роботов?

46

Реакция Тревайза не сделала ему чести.

— Вы... говорите на галактическом? — спросил он совершенно по-дурацки.

— А почему бы и нет? Ведь я не немой, — с ухмылкой ответил солярианин.

— А они? — Тревайз показал пальцем на роботов.

— Они роботы. Они говорят на нашем языке, как и я. Но я — солярианин. Я слушаю гиперпередачи иных миров и изучил вашу речь так же, как и мои предшественники. Мои предшественники оставили описание этого языка, но я постоянно слышу новые слова и выражения, которые изменяются год от года. Такое впечатление, что вы не можете навести порядок в своем языке так же, как с планетами. Почему же ты так удивлен, что мне понятен ваш язык?

— Да-да, я не должен был удивляться, — сказал Тревайз. — Прошу прощения. Просто после разговора с роботами я уже не ожидал услышать галактический на этой планете.

Он с любопытством разглядывал солярианина. На том была легкая белая туника, чуть присобранныя на плечах, с широкими прорезями для рук и большим вырезом. Костюм солярианина дополняли набедренная повязка и пара легких сандалий.

Тревайз вдруг понял, что не может определить пол солярианина. Торс у того был явно мужской, но на груди не росли волосы, а под набедренной повязкой вроде бы ничего мужского не было.

Тревайз повернулся к Блисс и шепнул:

— Должно быть, это робот, но очень похожий на человека, оде...

— У него разум человека, а не робота, — ответила Блисс, едва шевеля губами.

Тут солярианин снова обратился к ним:

— Вы не ответили на мой вопрос. Я готов простить вам замешательство, приписав его удивлению. Теперь я спрашиваю вас вновь, и вы должны ответить. Что вам угодно от моих роботов?

— Мы путешественники. Мы ищем знания, которые помогли бы нам добраться до цели нашего путешествия, — ответил Тревайз. — Мы спросили ваших роботов о том, что могло бы помочь нам, но они этого не знают.

— Какие знания вы ищете? Может быть, я сумею помочь вам?

— Нас интересует местоположение Земли. Можете ли вы сказать нам, где она находится?

Солярианин вздернул брови.

— А я думал, что первым объектом вашего любопытства буду я. И я отвечу, хотя вы меня и не спросили. Я — Сартон Бандер, а вы стоите на территории поместья Бандера, которая простирается до горизонта и даже дальше. Я не могу сказать, что рад видеть вас, поскольку, явившись сюда, вы преступили закон. Вы — первые поселенцы, ступившие на поверхность Солярии впервые за много тысяч лет, и, оказывается, вы явились сюда только затем, чтобы узнать, как вам лучше добраться до другой планеты. В старые добрые времена и вы и ваш корабль были бы уничтожены в мгновение ока.

— Это был бы варварский поступок. Так не принято обращаться с людьми, которые никому не желают зла, — осторожно проговорил Тревайз.

— Согласен. Но тогда, когда представители расширяющегося сообщества ступают на планету, где обитает сообщество беззащитное и статичное, само их появление несет в себе потенциальное зло. Пока мы боялись этого зла, мы были готовы немедленно уничтожить тех, кто осмелится прийти сюда. Теперь нам нечего бояться. Мы, как видите, согласны даже говорить с вами.

— Я признателен вам за сведения, — сказал Тревайз, — которые вы нам так любезно сообщили, хотя и не ответили на мой вопрос. Я повторю его. Можете ли вы сказать нам, где находится планета Земля?

— Под «Землей», как я понимаю, ты подразумеваешь планету, на которой зародился род человеческий и различные виды растений и животных? — Солярианин красиво повел рукой, будто хотел показать гостям свои владения.

— Да, я подразумеваю именно ее, сэр.

Лицо солярианина брезгливо скривилось.

— Будьте добры, называйте меня просто Бандером, если уж вам так необходимо использовать какую-то форму обращения. Не применяйте в обращении ко мне никаких слов, несущих признак пола. Я не мужчина и не женщина. Я — целое. Если я говорю о себе в мужском роде, то лишь потому, что я — человек. Совершенный человек. Солярианин.

Тревайз кивнул (он-таки оказался прав).

— Как вам будет угодно, Бандер. Так где же находится Земля, наша общая прародина?

— Я этого не знаю, — отрезал Бандер. — И знать не желаю. Но если бы даже знал, это не принесло бы вам ничего хорошего, поскольку Земли как обитаемой планеты больше не существует. — Ах! Как славно греет солнце, — проговорил он, раскинув руки в стороны. — Я не часто появляюсь на поверхности и лишь тогда, когда светит солнце. Я послал моих роботов поприветствовать вас, пока солнце еще скрывалось за облаками. Сам же я последовал за ними только тогда, когда облака рассеялись.

— Но почему на Земле больше нет жизни? — настойчиво спросил Голан, заранее смиряясь с необходимостью снова выслушивать историю о радиации.

Бандер, однако, проигнорировал его вопрос или, вернее, решил пока не отвечать.

— Слишком долгая история, — сказал он, — Ты заявил мне, что вы пришли с миром.

— Верно.

— Почему же ты вооружен?

— Простая предосторожность. Я не знал, что и кто мне может встретиться.

— Это не имеет значения. Твое ничтожное оружие не представляет для меня опасности. И все же мне интересно. Я, конечно, много слышал о вашем оружии и вашей удивительно варварской истории, которая, похоже, почти всецело зиждется на вооружении. Но я никогда не видел никакого оружия. Могу я посмотреть на твое?

Тревайз сделал шаг назад.

— Боюсь, что нет, Бандер.

Бандер, похоже, здорово удивился.

— Я спросил только из вежливости. Мне и не нужно твое позволение.

Он протянул руку, и из правой кобуры Тревайза сам по себе выскоцил бластер, а из левой — нейрохлыст. Тревайз машинально потянулся за оружием, но почувствовал, что руки словно связаны сзади тугими эластичными веревками. Пелорат и Блисс тоже качнулись вперед — стало ясно, что их тоже связали.

— Не утруждайте себя, — посоветовал Бандер, — и не пытайтесь сопротивляться. Вам это не

удастся. – Оружие оказалось в его руках, и он внимательно осмотрел его. – Это, – сказал он, показывая на бластер, – видимо, микроволновый излучатель, который генерирует тепло и, следовательно, способен взорвать любое тело, содержащее жидкость. Другое – более слабое. Должен признаться, с первого взгляда не могу понять, как оно действует. Однако, раз вы никому не желаете зла, вам ни к чему оружие. Я могу разрядить энергетические батареи вашего оружия, что я и сделаю. Оно станет безвредным, если только вы не вздумаете превратить одно или другое в дубинку, но для этого они не слишком хороши.

Солярианин выпустил из рук оружие, и бластер с нейрохлыстом по воздуху вернулись к Тревайзу и улеглись на свои места. Тревайз, почувствовав, что его больше не связывают невидимые путы, выхватил бластер, но грозное оружие бездействовало. Контактная кнопка свободно болталась я гнезде, а батарея явно была разряжена. То же самое произошло и с нейрохлыстом.

Он взглянул на Бандера, а тот, посмеиваясь, проговорил:

– Ты совершенно беспомощен, пришелец. Если я пожелаю, то могу так же легко уничтожить ваш корабль, да и вас в придачу.

Глава одиннадцатая Подземелье

47

Справившись с потрясением, Тревайз обернулся и посмотрел на Блисс.

Она стояла, обняв Пелората за талию, словно хотела защитить его, и с виду была совершенно спокойна. Она еле заметно улыбнулась и тихонько, успокаивающе кивнула.

Тревайз обернулся к Бандеру. Расценив поведение Блисс как спокойствие и искренне надеясь, что поступает правильно, он вежливо спросил:

– Как вы это делаете, Бандер?

– Скажи мне, ничтожный пришелец – спросил Бандер, надменно улыбаясь, – веришь ли ты в колдовство? В магию?

– Нет, не верю, ничтожный солярианин, – огрызнулся Тревайз.

Блисс дернула Тревайза за рукав и прошептала:

– Не серди его. Он опасен.

– Сам вижу, – ответил Тревайз, с трудом переходя на шепот. – Сделай же что-нибудь.

– Не теперь, – еле слышно сказала Блисс. – Он будет менее опасен, если будет думать, что ему ничто не грозит.

Не обращая внимания на перешепtyвающихся пришельцев, Бандер беззаботно повернулся к ним спиной. Роботы расступились перед хозяином.

Обернувшись, он поманил пришельцев пальцем:

– Следуйте за мной. Все трое. Я расскажу вам историю, которая, может быть, вам не покажется интересной, но зато очень интересует меня. – И он двинулся вперед прогулочной походкой.

Тревайз какое-то время не двигался с места, размышляя, слушаться Бандера или нет. Но Блисс пошла за Бандером и повела за собой Пелората. Что оставалось Тревайзу? Общество троих роботов? Он вздохнул и поплелся за товарищами.

– Может быть, Бандер будет так любезен, – бросила Блисс, – и на ходу поведает нам историю, которая не стоит нашего интереса?

Бандер остановился, обернулся и внимательно посмотрел на Блисс, словно впервые увидел ее.

– Ты – женская половина человека, не правда ли? Слабая половина?

– Слабая половина, Бандер. Верно.

– Следовательно, эти двое – мужские половины человека?

– Именно так.

– А есть у тебя дети, женщина?

- Меня зовут Блисс, Бандер. У меня пока нет ребенка. Это – Пел. Это – Тревайз.
- И который же из них поможет тебе, когда придет время? Оба? Или ни один из них?
- Пел поможет мне, Бандер.

Бандер переключил внимание на Пелората.

- У тебя, как я вижу, белые волосы.

– Да.

- Это обычный цвет?

– Нет, Бандер, они становятся такими с возрастом.

- А сколько тебе лет?

– Пятьдесят два, – ответил Пелорат и поспешил добавил. – Стандартных галактических.

Бандер двинулся дальше («Наверное, ведет нас к дому», – предположил Тревайз), но немного медленнее.

– Я не знаю продолжительности стандартного галактического года, – сказал он, – но она не может значительно отличаться от длительности нашего года. А сколько тебе будет, Пел, когда ты умрешь?

- Не знаю. Надеюсь прожить еще лет тридцать.

Следовательно, восемьдесят два года. Вы мало живете и разделены на две половины. Невозможно. Непостижимо. А ведь мои далекие предки были подобны вам и жили на Земле. Но некоторые из них покинули Землю, чтобы основать новые поселения на планетах у новых звезд – чудесные миры. Их было множество, и все прекрасно управлялись.

- Не такое уж множество. Всего пятьдесят, – нарочито громко возразил Тревайз.

Бандер бросил на Тревайза взгляд, в котором несколько поубавилось надменности.

- Тревайз. Так тебя зовут?

– Голан Тревайз мое полное имя. Я говорю о том, что космонитских планет было пятьдесят. Число наших планет измеряется миллионами.

– Значит, ты знаешь историю, которую я хотел поведать вам? – чуть растерянно спросил Бандер.

– Если смысл истории состоит в том, что существовало только пятьдесят Внешних миров, то нам она известна.

– Для нас дело не только в количестве, ничтожный получеловек. Для нас важно еще и качество. Их было пятьдесят, но таких, что всем вашим миллионам за ними не угнаться. А Солярия была пятидесятой, последней, следовательно, самой лучшей. Солярия во всем превосходила другие космонитские планеты, а они все превосходили Землю.

И только мы здесь, на Солярии, поняли, как должна быть прожита жизнь. Мы не толпимся, не бродим стадами, как животные и как люди на ваших планетах и на Земле, и даже как те, что жили на других космонитских планетах. Мы живем каждый сам по себе, у всех есть роботы-помощники, а друг друга видим только по видео и лишь тогда, когда пожелаем. В непосредственный контакт друг с другом мы вступаем крайне редко. Прошло много лет с тех пор, как я видел перед собой человека так, как теперь вижу вас, но, впрочем, вы – всего лишь полулюди, и, следовательно, ваше присутствие вовсе не ограничивает мою свободу – не более, чем ее может ограничить корова или робот.

Справедливости ради надо сказать, что когда-то мы тоже были полулюдьми. Хоть и совершенствовали мы свою свободу, хоть и становились единоличными хозяевами множества роботов – свобода наша все же не была абсолютной. Для воспроизведения детей нужно было спаривание. Можно было, конечно, взяв у людей сперму и яйцеклетки, проводить процесс оплодотворения *in vitro*, а последующий рост эмбрионов поддерживать искусственно в автоматическом режиме. Детям для полноценного воспитания вполне хватило бы заботы роботов. Все это было вполне осуществимо, но полулюди не пожелали отказываться от побочных радостей оплодотворения, вследствие которых развивается извращенная чувственная привязанность, лишающая людей свободы. Надеюсь, вам понятно, что с этим нельзя мириться.

- Нет, Бандер, – ответил Тревайз, – потому что мы не меряем свободу на ваш лад.

– Это из-за того, что вы не знаете, что такое свобода. Вы никогда не жили иначе как в толпе, и вы не знаете иного образа жизни, кроме постоянного рабства – даже по пустякам унижаетесь то перед одним, то перед другим, или, что столь же подло, заставляете других

исполнять вашу волю. Откуда здесь возьмется какая-то свобода? Свобода – возможность жить так, как ты хочешь! Только так, как хочешь. Но я отвлекся.

Затем настало время, когда люди с Земли вновь стали странствовать и просто заполонили космос. Другие космониты, пусть не столь обуреваемые стадными инстинктами, как земляне, пытались конкурировать с ними.

Мы, соляриане, не пытались. Мы предвидели неизбежный крах такого образа жизни. Мы ушли под землю и прервали все контакты с Галактикой. Мы решили остаться самими собой, чего бы то ни стоило. Мы создали роботов и оружие, защищающее кажущуюся пустой поверхность планеты, и оно превосходно сделало свою работу. Прилетавшие корабли уничтожались, а потом перестали прилетать. Планету сочли покинутой и забыли, на что мы и надеялись.

А тем временем мы работали под землей над решением наших задач. Мы осторожно, ювелирно изменяли наши гены. Мы терпели неудачи, но добивались успехов и продвигались вперед. На это ушло много столетий, но в конце концов мы стали полноценными человеческими существами, соединившими мужское и женское начала в одном теле. Мы умеем испытывать полное удовлетворение по собственному желанию и производить детей, когда захотим, оплодотворяя яйцеклетки для последующего развития под заботливым надзором роботов.

– Гермафродиты, – резюмировал Пелорат.

– Так это называется на вашем языке? – равнодушно откликнулся Бандер. – Я никогда не слышал такого слова.

– Гермафродизм – мертворожденная ветвь на древе эволюции, – сказал Тревайз. – Любой ребенок становится генетическим дубликатом своего родителя-гермафродита.

– Послушайте, – сказал Бандер, – вы смотрите на эволюцию как на игру с попаданиями и промахами. Мы же можем моделировать своих детей, если пожелаем. Мы можем изменять и улучшать гены и порой так и делаем. Ну вот мы и пришли. Войдемте. День кончается. Солнце уже не греет так, как надо, и нам будет намного удобнее внутри.

Замка на двери не было. Она распахнулась, как только Бандер и трос гостей приблизились, и сразу же захлопнулась позади. Внутри не было окон, но, как только вошедшие направились в большую комнату, напоминавшую пещеру, стены ожили и засветились. Покрытый коврами пол мягко пружинил под ногами. Вдоль стен стояли неподвижные роботы.

– Это, – пояснил Бандер, показывая на противоположную двери стену, с виду ничем не отличавшуюся от других, – мой обзорный экран. С его помощью я могу наблюдать за планетой, но это никоим образом не ограничивает мою свободу, поскольку никто не заставляет меня им пользоваться.

– А если вы пожелаете видеть кого-то на своем экране, а он, допустим, этого не хочет, – вы же не можете его заставить, – заметил Тревайз.

– Заставить? – недоуменно переспросил Бандер. – Каждый может делать, что ему вздумается, если это не будет мешать мне делать то, что я хочу.

У экрана стояло единственное кресло, в которое и уселся Бандер.

Тревайз оглянулся, гадая, не появятся ли в комнате еще кресла. Но откуда им было взяться? Разве что из-под пола.

– Вы позволите нам присесть? – спросил он у Бандера.

– Как вам угодно.

Блисс улыбнулась и села на пол. Пелорат последовал ее примеру. И только Тревайз упрямо продолжал стоять.

– Скажи же, Бандер, – сказала Блисс, – сколько людей живет на вашей планете?

– Говори «соляриан», получоловек Блисс. Слово «люди» осквернено. Так называют себя полулюди. Мы могли бы называть себя «совершенными людьми», но это звучит громоздко. «Соляриане» – самое подходящее слово.

– Хорошо. Сколько соляриан живет на планете?

– Точно не знаю. Нам нет нужды считать. Около двенадцати сотен.

– Только двенадцать сотен на всей планете?

– Целых двенадцать сотен. Вот опять вы за свое. Для вас важно количество, а для нас –

качество. Вы не в силах понять истинной свободы. Если бы другой солярианин взялся оспаривать мое абсолютное господство над любым участком моего поместья, роботами, животными или постройками, моя свобода была бы ограничена. Поскольку другие соляриане существуют, ограничения свободы сведены к минимуму за счет расселения всех таким образом, чтобы контактов между нами не происходило. В условиях, близких к идеальным, на Солярии может разместиться ровно двенадцать сотен соляриан. Станет больше – свобода сразу ограничится и жизнь будет невыносимой.

– Это означает, что у вас каждый ребенок должен быть на счету и смертность равна рождаемости, – неожиданно заявил Пелорат.

– Естественно. Это условие необходимо соблюдать на всякой планете мира со стабильной численностью населения – даже на ваших, скорее всего.

– Безусловно, – кивнул Пелорат и умолк.

– Мне вот что интересно, – сказал Тревайз. – Каким образом вы заставили мое оружие парить в воздухе? Вы не объяснили этого.

– Я предложил тебе поверить в колдовство или чудо. Но ты ведь отказался принять такое объяснение?

– Еще бы. За кого вы меня принимаете?

– Может быть, тогда ты согласишься поверить в сохранение энергии и необходимый рост энтропии?

– Да, пожалуй. Не могу же я поверить, что за двадцать тысяч лет вы изменили эти законы или хотя бы переделали.

– Конечно нет, получеловек. А теперь вдумайся. Там, снаружи, светит солнце. – Бандер грациозно повел рукой. – Но не везде. Есть и тень. На солнце теплее, чем в тени, и тепло самопроизвольно передается от освещенных мест к затененным.

– Не надо мне лекции читать, – буркнул Тревайз. – Это я знаю.

– Но, вероятно, ты знаешь это так хорошо, что не задумываешься об этом. А ночью поверхность Солярии теплее, чем объекты за пределами ее атмосферы, так что тепло самопроизвольно излучается поверхностью планеты в космос.

– Это я тоже знаю.

– И днем и ночью внутренняя часть планеты теплее, чем ее поверхность. Следовательно, тепло самопроизвольно передается от внутренних областей к поверхности. Думаю, это тебе тоже известно.

– И что же из этого, Бандер?

– Перетекание тепла из более теплых мест к более холодным, происходящее на основе второго закона термодинамики, может использовано для работы.

– Теоретически – да, но солнечный свет рассеян, поверхностное тепло рассеяно еще больше, а скорость, с которой тепло покидает внутреннюю область планеты, делает его еще более рассеянным. Количества тепла, которое можно использовать, вряд ли будет достаточно для того, чтобы поднять камешек.

– Все зависит от того, какими устройствами пользоваться, – возразил Бандер. – Наше собственное устройство совершенствовалось тысячи лет, и теперь это не что иное, как часть нашего мозга.

Бандер приподнял волосы на висках, повертел головой и стало видно, что за ушами у него находятся выступы, размерами и формой напоминающие тупой конец куриного яйца.

– Эта часть моего мозга, отсутствующая у вас, и есть то, что отличает соляриан от полулюдей.

Тревайз то и дело бросал взгляды на Блисс, которая не спускала глаз с Бандера, Тревайз почти уверился в том, что понимает, что происходит.

Бандер, несмотря на весь свой пиетет перед свободой, не в силах был устоять перед таким уникальным случаем. Он ведь не мог на равных беседовать с роботами, не говоря уже о животных. Беседы со своими собратьями, солярианами, могли быть ему порой неприятны, и

какой бы ни была связь, она всегда оказывалась вынужденной, а не добровольной.

Что касается Тревайза, Блисс и Пелората, то для Бандера они, полулюди, не более нарушали его свободу, чем роботы или козы – но тем не менее были интеллектуально равны ему (или почти равны), и возможность говорить с ними стала той необъяснимой роскошью, которой он никогда прежде не имел.

«Неудивительно, – думал Тревайз, – что Бандер дал себе такую поблажку». А Блисс (в этом Тревайз не сомневался) поощряла его, корректно управляя сознанием Бандера и заставляя его делать то, чего тот и так страстно желал.

Блисс, вероятно, предполагала, что если Бандер хорошоенько разговорится, то может выполнить что-нибудь о Земле. А потому Тревайз решил, что, даже если предмет дискуссии ему будет совершенно до лампочки, он все равно должен стараться поддержать разговор.

– И как же работают эти доли мозга? – спросил он.

– Они служат преобразователями, – ответил Бандер. – Активизируются потоком тепла и превращают его в механическую энергию.

– Я не могу в это поверить. Ведь поток тепла крайне незначителен.

– Ничтожный получеловек, ты даже думать не умеешь. Если бы все соляриане сбились в кучу и каждый попытался бы использовать поток тепла, тогда, конечно, энергии было бы недостаточно. Но я один владею более чем сорока тысячами квадратных километров поверхности, и они мои, только мои. Я могу собирать поток тепла с любой площади моего владения, и никто не посмеет помешать мне – так что энергии достаточно. Теперь понимаешь?

– Так ли это просто – собрать поток тепла с такой большой площади? Сама концентрация теплового потока, должно быть, требует больших затрат энергии.

– Возможно, но мне об этом думать не приходится. Мои преобразователи сами непрерывно концентрируют тепловой поток, и как только возникает необходимость произвести работу, она производится. Когда я передвигал твоё оружие по воздуху, определенный объем прогретой солнцем атмосферы потерял некоторые излишки тепла, вместо того чтобы передать его затемненным областям. Мне помогла солнечная энергия. Мне не потребовалось никакие механические или электронные приборы, я использовал свое нейронное устройство. – Бандер любовно коснулся одного из выростов за ушами. – Оно работает быстро, эффективно, постоянно – и никаких усилий.

– Невероятно... – пробормотал Пелорат.

– Почему же невероятно? – удивился Бандер. – Подумай лучше о тонкости строения глаз и ушей, о том, что они способны превращать ничтожные количества фотонов и воздушных колебаний в ценную информацию. Это может показаться невероятным, если никогда прежде ни с чем подобным не встречался. Мои преобразователи не более невероятны и не показались бы вам такими, если бы не были так непривычны.

– И как же вы используете эти постоянно работающие мозговые преобразователи? – спросил Тревайз.

– Мы правим планетой, – ответил Бандер, – Каждый робот в моем огромном поместье получает энергию от меня или, вернее, от природного теплового потока. Нажимает ли робот кнопку или валит дерево – энергия поступает от ментального преобразователя – моего ментального преобразователя.

– А когда вы спите?

– Процесс преобразования происходит независимо от того, бодрствую я или сплю, презренный получеловек, – сказал Бандер. – Разве ты перестаешь дышать, когда спишь? Разве твое сердце перестает биться? Ночью мои роботы работают за счет некоторого охлаждения недр Солярии. В глобальном масштабе изменение ничтожно мало, а нас здесь только двенадцать сотен, так что вся энергия, которую мы используем, не может ощутимо сократить жизнь нашего солнца и истощить запасы внутреннего тепла планеты.

– А не приходило ли вам в голову использовать их как оружие?

Бандер посмотрел на Тревайза так, словно вопрос показался ему в высшей степени идиотским.

– Видимо, ты хотел сказать, что Солярия может противостоять другим планетам, обладая оружием, основанном на преобразовании тепла? Зачем нам это? Даже если бы мы создали

оружие, которое превосходит изготовленное на основании других принципов – нам бы это наверняка удалось, – что бы мы приобрели? Власть над другими планетами? Какое нам дело до других планет, когда у нас есть собственная, идеальная? Разве мы жаждем владычества над полулюдьми? Зачем они нам? Использовать их на принудительных работах? У нас есть роботы, более пригодные для этих целей, чем полулюди. У нас есть все. Мы не хотим ничего – только бы нам никто не мешал. А теперь слушай – я расскажу тебе другую историю.

– Давайте, – кивнул Тревайз.

– Двадцать тысяч лет назад, когда полусущества с Земли ринулись в космос, а мы ушли под землю, другие Внешние миры решили бороться с притоком новых колонистов с Земли. И они нанесли удар по Земле.

– По Земле, – эхом отозвался Тревайз, пытаясь скрыть радость от того, что разговор перешел в нужное русло.

– Да, прямо в центр миши. Разумно в каком-то смысле. Если вы хотите кого-нибудь убить, то метите не в палец, не в колено, а прямо в сердце. И наши собратья космониты, не менее вспыльчивые, чем земляне, ухитрились сжечь с помощью радиации поверхность Земли, так что планета стала совершенно непригодна для жизни.

– Так вот что произошло! – Пелорат сжал кулак и стукнул им по полу. – Я знал, что это не могло быть природным явлением. Как же они это сделали?

– Не имею понятия, – равнодушно ответил Бандер, – но ничего хорошего из этого не вышло. В том-то и смысл моей истории. Поселенцы продолжали плодиться, а космониты вымирали. Они пытались бороться – и исчезли. Мы, соляриане, отступили, отказались от борьбы – и все еще живы.

– Поселенцы тоже, – не без сарказма заметил Тревайз.

– Да, но так не будет вечно. Полулюди могут сражаться и суетиться, но в конце концов обречены на вымирание. Пусть пройдут десятки тысяч лет. Мы можем подождать. А когда они вымрут, мы, соляриане, полноценные, совершенно свободные, обретем всю Галактику. И сможем присоединить к нашей планете любую, какую пожелаем.

– А эта история о Земле, – вмешался Пелорат, нетерпеливо щелкая пальцами, – та, что вы нам рассказали, – легенда или правда?

– Кто может сказать наверняка, получеловек Пелорат? Вся история – легенда, более или менее.

– А что говорят об этом ваши записи? Мог бы я просмотреть их, Бандер? Пожалуйста, поймите меня. Легенды, мифы, древние сказания – моя специальность. Я – ученый, это предмет моих исследований, и в особенности – все, имеющее отношение к Земле.

– Я просто повторяю то, что слышал. – Бандер пожал плечами. – Никаких записей об этом нет. Наши записи касаются только Солярии, а другие планеты упоминаются в них постольку, поскольку имеют к нам какое-то отношение.

– Но Земля наверняка имела к вам отношение.

– Может быть. Но если и так, то было давным-давно, а из всех планет Земля нам была наиболее неприятна. Если у нас и были когда-то какие-то записи о Земле, уверен, они уничтожены в порыве отвращения.

Тревайз сердито скрипнул зубами.

– Неужели вы сами уничтожили записи?

Бандер обернулся к Тревайзу:

– Кроме нас некому.

Пелорат не пожелал оставлять тему разговора.

– Что еще вы слышали о Земле?

Бандер ненадолго задумался и ответил:

– В молодости я слышал от робота историю о землянине, который посетил Солярию, и о солярианской женщине, которая улетела с ним и стала важной фигурой в Галактике. Однако, по-моему, эта история – выдумка.

– Вы уверены? – Пелорат закусил губу.

– Как тут можно в чем-то быть уверенным? Тем более что это почти немыслимо – чтобы землянин осмелился явиться на Солярию и чтобы Солярия допустила такое вторжение. Еще

менее вероятно, что солярианка – мы тогда, правда, были полулюдьми, но это все равно – могла добровольно покинуть нашу планету. А теперь пойдемте, я покажу вам мой дом.

– Ваш дом? – удивилась Блисс. – Разве мы не у вас дома?

– Не совсем. Это всего лишь прихожая. Зал связи. Здесь я вижу других соляриан, когда мне необходимо. Они появляются на экране или в трехмерном изображении перед экраном. Эта комната – своего рода место встреч и не является частью моего дома. Следуйте за мной.

Бандер зашагал вперед, не оборачиваясь. Четыре робота вышли из своих ниш, и Тревайз понял, что, если он и его спутники не пойдут за Бандером по доброй воле, роботы вежливо, но настойчиво заставят их это сделать.

Блисс и Пелорат поднялись с пола. Тревайз шепотом спросил у Блисс:

– Ты заставляешь его говорить?

Блисс сжала его руку и кивнула.

– Я еще не уверена в его намерениях, – тревожна прошептала она.

49

Вес трое последовали за Бандером. Роботы выдерживали корректную дистанцию, но их присутствие постоянно ощущалось.

Шагая по длинному коридору, Тревайз уныло пробормотал:

– Здесь нет ничего, что помогло бы нам в поисках Земли. Я уверен. Всего лишь очередная вариация на тему радиоактивности. – Он пожал плечами и добавил: – Мы должны отправиться туда, куда указывает третий набор координат.

Через некоторое время они подошли к двери, за которой оказалась небольшая комната.

– Входите, полулюди, – произнес Бандер, – я хочу показать вам, как мы живем.

– Он радуется, как мальчишка, – прошипел Тревайз. – Так и хочется врезать ему как следует.

– Держи себя в руках. Не впадай хоть ты в детство, – предостерегающе проговорила Блисс.

Следом за Бандером все трое вошли в комнату. За ними последовал один из роботов. Солярианин жестом отоспал остальных прочь. Дверь закрылась.

– Лифт, – радуясь сделанному открытию, проговорил Пелорат.

– Верно, – подтвердил Бандер. – С тех пор как мы ушли под землю, мы, как правило, не поднимались на поверхность. Да, собственно, и не хотели, хотя я нахожу приятным время от времени видеть солнечный свет. Я не люблю облачную погоду, не люблю оставаться ночью под открытым небом. Возникает такое чувство, что ты под землей, хотя на самом деле это не так – если вы понимаете, что я имею в виду. Что-то вроде обмана зрения, и мне это очень не нравится.

– На Земле люди тоже строили подземелья, – сказал Пелорат. – Стальные пещеры – так они называли свои города. И Трентор в старые имперские времена большей частью тоже строился под землей. А на Компореллоне строительство под землей идет и сейчас. Это общая тенденция, пожалуй, и...

– Полулюди, роящиеся под землей, и мы, живущие в великолепном уединении, – далеко не одно и то же, – оборвал его Бандер.

– На Терминусе, – вставил Тревайз, – жилые здания расположены на поверхности.

– И подвергаются воздействию погоды, – добавил Бандер. – Крайне примитивно.

Поначалу Пелорату показалось, что лифт падает, но вскоре это ощущение исчезло. Интересно, подумал Тревайз, как глубоко мы опустились? – но тут внезапно возникло краткое чувство, словно их прижало к полу, и дверь кабины открылась.

Перед ними была большая, изысканно обставленная комната. Источник тусклого света не был виден. Казалось, слабо светится сам воздух.

Бандер ткнул пальцем в пространство, и там, куда он показал, свет разгорелся ярче. Указал в другую сторону – произошло то же самое. Опершись левой рукой о невысокий столбик у двери, он широко повел правой – и вся комната осветилась, словно озарилась солнцем – только это солнце не грело.

Тревайз скривился и вполголоса сказал:

– Да он шарлатан.

– Солярианин! – отрезал Бандер. – Мне неведомо значение слова «шарлатан», но судя по твоей интонации, это что-то оскорбительное.

– Так называют того, кто обманывает других, – пояснил Тревайз, – кто прибегает к эффектным трюкам, чтобы сделанное им производило яркое впечатление. Показуха.

– Признаю, – согласился Бандер, – я люблю эффекты, но то, что я сделал, – не обман. Это реальность. – Он похлопал по столбику. – Это теплопроводный стержень. Он уходит на несколько километров вниз. Таких стержней у меня в поместье много. Я знаю, что они есть и в других поместьях. Они увеличивают скорость истечения тепла из недр Солярии на поверхность и облегчают его превращение в работу. На самом деле я мог бы не двигать руками, чтобы зажечь свет, но это эффектно и, пожалуй, действительно производит впечатление обмана. Мне это доставляет истинное наслаждение.

– И часто вы испытываете наслаждение от таких маленьких спектаклей? – поинтересовалась Блисс.

– Нет, – ответил Бандер, качая головой. – На моих роботов такие вещи не производят никакого впечатления. Как и на других соляриан. Какая удача – встретить полулюдей и показать им это – просто... замечательно.

– Когда мы вошли, в комнате тускло горел свет. Он так горит все время? – спросил Пелорат.

– Да. Для этого не нужно много энергии – как и для поддержания роботов в рабочем состоянии. Все мое поместье всегда в действии, а неработающие части поддерживаются в готовности.

– И вы беспрерывно обеспечиваете энергией все свое огромное поместье?

– Солнце и ядро планеты обеспечивают его энергией. Я – всего лишь проводник. Но не все у меня в поместье продуктивно. Я оставил большую часть территории в первозданном виде. Во-первых, так легче защищать свои границы, а во-вторых, я получаю от этого эстетическое наслаждение. На самом деле мои поля и фабрики невелики. Они нужны только для удовлетворения моих личных потребностей и для кое-какого обмена. У меня есть роботы, которые могут производить и устанавливать теплопроводные стержни. Многие соляриане в этом смысле зависят от меня.

– А ваш дом? – спросил Тревайз. – Он большой?

Видимо, Тревайз попал в точку – Бандер просиял.

– Очень большой. Думаю, он один из самых больших на планете. Он тянется на километры во всех направлениях. Для обслуживания дома у меня под землей столько же роботов, сколько на тысячах квадратных километров поверхности.

– Но вы не можете жить во всех комнатах сразу, – поразился Пелорат.

– Очень может быть, что у меня есть помещения, где я никогда не бывал, – ну и что? – Бандер пожал плечами. – Роботы поддерживают порядок всюду. Прошу сюда.

Они вышли через другую дверь и снова попали в коридор, где стояла небольшая открытая гусеничная машина.

Бандер указал гостям на машину, и они друг за другом забрались в нее. Для четверых здесь было тесновато, да еще и робот втиснулся. Пелорат и Блисс прижались друг к другу, чтобы дать место Тревайзу. Бандер с комфортом уселся впереди, робот – рядом с ним, и машина тронулась с места. Бандер управлял ею, время от времени плавно шевеля рукой.

– Просто специальный робот в виде машины, – небрежно пояснил Бандер.

Машина двигалась медленно, плавно. Двери открывались при ее приближении и закрывались за ней. Все двери были украшены разными рисунками, словно роботам было дано указание украшать их как попало.

И впереди и позади было темно. Но машину все время сопровождало свечение, подобное солнечному, но не дающее тепла. Как только двери открывались, в комнатах тотчас же становилось светло. И всякий раз Бандер медленно и грациозно поводил рукой.

Казалось, путешествию не будет конца. Время от времени машина поворачивала, и довольно долго казалось, что подземный особняк находится на одном уровне. Но в одном месте

обозначился пологий спуск.

Везде, где бы они ни проезжали, им встречались роботы, – их было десятки, сотни – и все занимались работой, смысл которой Тревайз понимал с трудом. Машина проехала через большой зал, где много роботов сидели за рядами столов.

– Что они делают, Бандер? – спросил Пелорат.

– Ведут учет, – ответил Бандер. – Статистические записи, финансовые счета и все такое прочее, во что, к счастью, мне нет нужды вникать. У меня не такое уж бездействующее поместье. Примерно четверть площади занята садами, десятая часть – зерновыми, но основная моя специализация – все-таки сады. Мы выращиваем лучшие фрукты в Галактике и вывели множество различных сортов. Персики Бандера – настоящие солярианские персики. Мало кто еще здесь выращивает персики. У нас – двадцать семь сортов яблок и... и так далее. Роботы могут проинформировать вас точнее.

– И что же вы делаете со всеми этими фруктами? – спросил Тревайз. – Вы же не можете съесть все сами?

– Конечно. Выращивание фруктов – мое маленькое увлечение. Я торгую ими с другими поместьями.

– И на что же вы их меняете?

– Главным образом на минеральное сырье. В моем поместье нет сколько-нибудь ценных месторождений. Кроме того, я вымениваю многое другое, что необходимо для поддержания здорового экологического равновесия. У меня здесь очень много растений и животных.

– Видимо, обо всем этом заботятся роботы, – высказал предположение Тревайз.

– Именно. И весьма успешно.

– И все это для одного-единственного солярианина?

– Все это – для поместья и его экологической устойчивости. Я единственный из соляриан лично осматриваю все свое поместье, когда пожелаю, а это – часть моей абсолютной свободы.

– Вероятно, – сказал Пелорат, – другие соляриане тоже поддерживают местное экологическое равновесие и владеют болотами, горными районами или морским побережьем.

– Скорее всего, – ответил Бандер. – Подобные вопросы решаются у нас на конференциях, посвященных решению планетарных проблем.

– И как часто вам приходится собираться? – спросил Тревайз.

Машина ехала по довольно узкому коридору, длинному, без дверей. Тревайз предположил, что это туннель, проложенный в твердых породах и служащий переходом между двумя частями поместья.

– Слишком часто, – ответил Бандер. – Почти каждый месяц мне приходится посвящать часть своего времени собраниям одного из комитетов, членом которых я состою. И все же, хотя в моем поместье и нет гор или болот, мои фруктовые деревья, рыбные садки и ботанические сады – лучшие на планете.

– Но дружочек... то есть прошу прощения, Бандер, – извинился Пелорат, – я думал, что вы никогда не покидаете своего поместья и не навещаете других...

– Конечно, нет, – оскорбленно отозвался Бандер.

– Я ведь только так подумал... – успокоил его Пелорат. – Но в таком случае как вы можете быть уверены, что у вас все самое лучшее, если никогда не изучали и даже не видели другого?

– Я сужу об этом по спросу на мои товары в межсоларианской торговле.

– А как насчет промышленности? – поинтересовался Тревайз.

– Есть поместья, производящие оборудование и механизмы. Как я уже говорил, в моем поместье делают теплопроводные стержни, но это довольно просто.

– И роботов.

– Роботов производят всюду. Солярия всегда была лидером Галактики в конструировании самых умных роботов.

– Вы и теперь лидеры, похоже, – сказал Тревайз. Это прозвучало скорее как утверждение, а не вопрос.

– Теперь? – удивился Бандер. – С кем же нам теперь состязаться? Роботов сейчас делают только соляриане. На ваших планетах их не производят, если я верно понимаю то, что слышу на

гиперволнах.

- А другие космонитские планеты?
- Я же сказал. Они больше не существуют.
- Совсем?
- Не думаю, что где-нибудь, кроме Солярии, остались живые космониты.
- Значит, здесь никто не знает о местонахождении Земли.
- Кому это нужно?
- Мне, – вмешался Пелорат. – Это область моих исследований.

– Тогда, – сказал Бандер, – я бы посоветовал тебе сменить область исследований. Я ничего не знаю о местонахождении Земли и не знаю никого, кто бы знал – я не дал бы даже кусочка металла, из которого делают роботов, – ответ на этот вопрос.

Машина остановилась, и Тревайзу показалось, что Бандер обиделся. Однако, выйдя из машины, солярианин снова принял обычный самодовольный вид и дал остальным знак выходит.

Освещение в комнате, куда они попали, осталось немного приглушенным даже после пассов Бандера. Дверь вывела их в коридор, по обе стороны которого находились комнаты поменьше. В каждой из них стояли одна или две расписные вазы. Около некоторых стояли устройства, судя по всему – фильмопроекторы.

- Что это, Бандер? – спросил Тревайз.
- Место упокоения предков, Тревайз, – ответил Бандер.

50

Пелорат с интересом огляделся:

- Здесь предан земле прах ваших предков?

– Если под словами «предан земле» ты имеешь в виду захоронение в почве, то ты не совсем прав, – ответил Бандер. – Мы под землей, но это – моя усадьба, мой дом, и прах находится в нем, как и мы сейчас. В нашем языке существует выражение «предать дому». – Он помедлил и добавил: – «Дом» – древнее слово, означающее «особняк».

- И здесь все ваши предки? – спросил Тревайз. – Сколько их?

– Около сотни, – ответил Бандер, не стараясь скрыть гордости. – Девяносто четыре, если точнее. Конечно, самые древние – не истинные соляриане; по крайней мере, не в современном смысле этого слова. Они были полулюдьми – мужчинами и женщинами. Прах этих полупредков помещен их непосредственными потомками в урны неподалеку отсюда. Естественно, я не захожу в те комнаты. Это «стыдостранно». Так это чувство называется по-соляриански, но как это перевести, я не знаю. У вас может и не быть такого понятия.

- А фильмы? – поинтересовалась Блисс. – Как я понимаю, вот это – кинопроекторы?

– Дневники, – ответил Бандер. – Жизнеописания. Сцены их бытия, заснятые в самых любимых уголках поместья. Это означает, что они в каком-то смысле не умерли совсем. Часть их сохранилась, и это часть моей свободы. Я могу присоединиться к ним, когда пожелаю, и посмотреть тот или иной кусочек фильма.

- Но не из этих «стыдостранных», да?

Бандер отвел взгляд.

- Да, – признался он, – но у всех нас были такие предки. Это общее несчастье.

- Общее? У других соляриан тоже есть такие склепы? – спросил Голан.

- О да, у всех, но мой – самый лучший, самый красивый и ухоженный.

- А ваш собственный склеп уже подготовлен?

– Конечно. Давно построен. Это стало моей первой заботой, как только я унаследовал это поместье. И когда я лягу во прах, выражаясь поэтически, мой наследник должен будет заняться постройкой своего склепа – и это будет его первая забота.

- У вас есть наследник?

– Будет, когда придет время. Я могу еще долго прожить. Когда я должен буду уйти, у меня будет взрослый наследник, вполне созревший для того, чтобы управлять поместьем, с хорошо развитыми долями мозга, преобразующими энергию.

– Это будет ваше дитя?

– О да.

– А вдруг случится что-нибудь непредвиденное? – Тревайз прищурился. – Думаю, от случайностей и несчастий не застрахована даже Солярия. Что произойдет, если солярианин ляжет во прах преждевременно, не имея наследника, или его наследник слишком молод для управления поместьем?

– Такое случается редко. В моем роду это произошло только однажды. В таких случаях имущество передают наследникам, подрастающим в других поместьях. Некоторые из них вполне взрослые, чтобы исполнить роль наследника, а их родитель еще достаточно молод и может произвести на свет второго потомка и дождаться, пока тот не повзрослеет. Один из таких наследников может быть назначен моим преемником.

– Кто же его назначит?

– У нас есть правительство, обязанностью которого является подобное назначение наследников в случае преждевременной смерти хозяев поместий. Вся эта деятельность, естественно, осуществляется с помощью головизионной связи.

– Но как же так? – изумился Пелорат. – Если соляриане никогда не видятся друг с другом, как кто-то может узнать, что кто-либо где-либо – скоропостижно или в свой срок, неважно, – обратился во прах?

– Когда один из нас умирает, – принял объяснить Бандер, – снабжение поместья энергией прекращается. Если наследника, который должен немедленно взять на себя управление, нет – нарушение нормы заметят сразу же, и будут приняты соответствующие меры. Уверяю вас, наша социальная система работает без перебоев.

– А нельзя ли посмотреть некоторые из этих фильмов? – спросил Тревайз.

Бандер окаменел. После довольно продолжительной паузы он ответил:

– Только твое невежество извиняет тебя. То, что ты сказал, – грубо и пошло.

– Прошу прощения. Я не хотел вас обидеть, но мы уже объясняли, что нам крайне необходимы сведения о Земле. Я думаю, что самые старые фильмы могли быть сняты в те времена, когда Земля еще не была радиоактивной. Следовательно, она может быть там упомянута. Могут проскользнуть какие-нибудь подробности. Мы ни в коей мере не посягаем на вашу собственность, но, может быть, вы или ваш робот все-таки покажете нам эти фильмы, и, тем самым, позволите нам получить какую-нибудь достоверную информацию? Естественно, если вы с пониманием отнесетесь к нашему желанию, а мы, со своей стороны, приложим все усилия и постараемся не задеть ваши чувства, то разрешите нам самим заняться просмотром фильмов.

– Видимо, вы и понятия не имеете, что ведете себя все более и более вызывающе, – холодно ответил Бандер. – Однако хватит об этом. Я заверяю вас, что фильмов о жизни моих древних предков-полулюдей нет.

– Ни одного?! – не скрывая разочарования, воскликнул Тревайз.

– Они были, эти фильмы. Но даже вы можете себе представить, что они собой представляли. Двоих полулюдей, проявляющие интерес друг к другу или даже... – он прокашлялся и с трудом договорил: – ...взаимодействующие! Естественно, все фильмы о полулюдях были уничтожены много поколений назад.

– А у других соляриан?

– Все уничтожено.

– Вы уверены?

– Нужно быть сумасшедшим, чтобы не уничтожить их.

– Но, может быть, некоторые соляриане как раз и оказались сумасшедшими, сентиментальными, забывчивыми? Надеюсь, вы будете так любезны и покажете нам дорогу к ближайшим поместьям?

Бандер изумленно глянул на Тревайза:

– Ты думаешь, другие будут так же терпимы к вам, как я?

– Почему бы и нет, Бандер?

– Вы быстро поймете, что это не так.

– Придется рискнуть.

– Нет, Тревайз, нет. Слушайте меня.

Из-за спины Бандера вышли роботы. Бандер умолк.

– В чем дело, Бандер? – встревоженно спросил Тревайз.

– Я развлекся беседой с вами и насмотрелся на вашу... странность. Это уникальный случай. Мне было очень интересно, но я не могу отразить нашу встречу ни в моем дневнике, ни в памятном фильме.

– Почему же?

– Я говорил с вами, слушал вас, я привел вас в мой особняк и даже сюда – в склепы предков. Все это – крайне постыдные действия.

– Но ведь мы не соляриане. Мы значим для вас так же мало, как и роботы, не так ли?

– Только это меня и утешает. Но сей факт может не оправдать меня в глазах других соляриан.

– Какое вам до всего этого дело? Вы обладаете абсолютной свободой и делаете то, что хотите, не правда ли?

– Даже наша свобода имеет предел. Если бы я был единственным солярианином на планете, то мог бы совершенно свободно совершать даже постыдные поступки. Но на планете есть другие соляриане, а потому моя личная свобода только приближается к недостижимому идеалу. На планете обитают двенадцать сотен соляриан, и они станут презирать меня, если узнают о том, что я сделал.

– А зачем им об этом узнавать?

– Верно. Незачем. Эта мысль не давала мне покоя с того самого мгновения, как вы появились. Я думал об этом все время, пока получал удовольствие от общения с вами. Другие соляриане не должны узнать об этом.

– Если вы боитесь, что, посетив другие поместья в поисках сведений о Земле, мы можем навредить вам, – вмешался Пелорат, – то, естественно, мы никому ни слова не скажем о том, что сперва посетили вас. Это само собой разумеется.

– Я обязан исключить даже малейшую случайность, – покачал головой Бандер. – Сам, конечно, буду молчать. Мои роботы – тоже. Кроме того, им будет дан приказ даже не вспоминать о вашем визите. Ваш корабль можно опустить под землю и исследовать для получения дополнительной информации, которая нам может понадобиться, и...

– Постойте, – сказал Тревайз, – вы что, думаете, мы можем долго гостить здесь, пока вы будете инспектировать наш корабль? Нет. Это немыслимо.

– Ничего немыслимого тут нет, и говорить об этом нечего. Жаль. Очень жаль. Я хотел бы подольше поговорить с вами и обсудить множество разных вопросов, но, видите ли, ситуация становится все более опасной.

– Почему? – восхитился Тревайз.

– Я сказал «опасной», ничтожный получеловек. Боюсь, настало время, когда я должен наконец сделать то, что мои предки сделали бы сразу. Я должен убить вас, всех троих.

Глава двенадцатая

Наверх

51

Тревайз резко обернулся к Блисс. Она спокойно, но напряженно-строго смотрела на Бандера, так, словно забыла обо всем на свете, кроме него.

Пелорат стоял, широко раскрыв полные изумления глаза.

Тревайз, не понимая, что хочет сделать Блисс, попытался справиться с жутким отчаянием (его не так пугала самая мысль о смерти, сколько мысль о том, что он умрет, так и не узнав, где находится Земля и почему он выбрал Гею в качестве будущего для человечества). Он решил, что должен выиграть время, и, стараясь говорить спокойно, четко сказал:

– Вы показали себя учтивым и обходительным солярианином, Бандер. Вы не рассердитесь на нас за то, что мы вторглись в ваш мир. Вы были исключительно любезны – показали нам

свое поместье и особняк, отвечали на наши вопросы. Позвольте нам покинуть вас немедленно – это будет больше похоже на вас. Никто даже не узнает, что мы побывали на вашей планете, а причин возвращаться сюда у нас нет. Мы явились к вам с вполне невинными намерениями – всего лишь в поисках информации.

– Верно говоришь, – равнодушно бросил Бандер. – До сих пор я вас не трогал. Но вы были обречены уже тогда, когда ваш корабль вошел в нашу атмосферу. Я мог бы – и должен был – убить вас сразу. Затем я должен был приказать роботам-специалистам анатомировать ваши тела, чтобы добыть для меня информацию о пришельцах. Но я не сделал этого. Я удовлетворял свое любопытство, уступал своему легкомыслию – но с меня довольно. Хватит. Я бы подверг Солярию опасности, если бы в порыве слабости позволил уговорить себя отпустить вас, потому что другие ваши сородичи наверняка последовали бы сюда за вами, несмотря на все ваши обещания, что этого не будет.

По крайней мере одно я вам обещаю: ваша смерть будет безболезненной. Я просто слегка подогрею ваш мозг и доведу его до инактивации. Вы не почувствуете боли. Просто перестанете жить. Затем, когда завершится анатомирование и изучение ваших тел, я превращу вас в пепел с помощью сильного теплового удара – и все будет кончено.

– Если мы должны умереть, то я не имею ничего против быстрой и безболезненной смерти, но почему мы должны умирать, не совершив никакого преступления? – не сдавался Тревайз.

– Преступлением было само ваше появление здесь.

– Бессмысленно. Лишено всякой логики. Мы не могли знать, что это преступление.

– Общество всегда само решает, что считать преступлением. Вам это может казаться нелогичным, проявлением произвола, но мы так не считаем. Это наша планета, где мы имеем полное право решать любые вопросы. Вы причинили зло и должны умереть. – Бандер улыбнулся, словно говорил о чем-то приятном, и продолжил: – Впрочем, вы не имеете никакого права жаловаться, судя по вашим собственным моральным установкам. У вас – бластер, микроволновый луч которого несет мощный смертельный поток тепла. Именно такой луч я намерен использовать, но ваше оружие, я уверен, работает гораздо более грубо и причиняет боль. Вы бы не замедлили испробовать его на мне прямо сейчас, если бы я не разрядил его или оказался бы настолько глуп, что дал бы вам возможность вытащить оружие из кобуры.

Боясь взглянуть на Блисс, чтобы не привлечь к ней внимания, Тревайз в отчаянии воскликнул:

– Прошу вас, будьте милосердны! Не делайте этого!

– В первую очередь я должен быть милосерден к себе и своей планете, – внезапно помрачнев, ответил Бандер, – и поэтому вы должны умереть.

Он поднял руку – и Тревайз мгновенно погрузился в кромешную тьму.

52

На миг Тревайзу показалось, что мрак душит его, и в голове у него пронеслась дикая мысль: «Это и есть смерть?»

И словно эхо, он услышал шепот Пелората:

– Это и есть смерть?

Тревайз попробовал шевельнуть губами и обнаружил, что это ему удается.

– Что за вопрос? – проговорил он с чувством огромного облегчения. – Раз ты можешь спросить об этом, значит, еще не смерть.

– В древних легендах говорится, что есть жизнь после смерти.

– Чушь, – пробурчал Тревайз. – Блисс! Ты здесь, Блисс?

Никто не отозвался.

И вновь, словно эхо, раздался голос Пелората:

– Блисс! Блисс! Что случилось, Голан?

– Должно быть, Бандер мертв, – ответил Тревайз. – Только по этой причине могло прекратиться энергоснабжение поместья. Свет погас – понимаешь?

– Но как могло... Ты хочешь сказать, что это сделала Блисс?

— Думаю, да. Надеюсь, она не пострадала. Тревайз встал на четвереньки и пополз, сам не зная куда, в полной темноте, которую нарушали случайные, едва видимые вспышки от распада радиоактивных атомов в стенах.

Вдруг его рука наткнулась на что-то теплое и мягкое. Он ощупал свою находку и сообразил, что это нога, но слишком маленькая, чтобы принадлежать Бандеру.

— Блисс?

Нога вздрогнула, и Тревайз отдернул руку.

— Блисс! — позвал он. — Скажи что-нибудь.

— Я жива, — послышался странно искаженный голос Блисс.

— С тобой все в порядке?

— Нет.

В это мгновение комната слабо осветилась. Стены как-то вяло ожили, совершенно беспорядочно загораясь и потухая.

Бандер лежал, скрючившись, на полу. Рядом, обхватив его голову, сидела Блисс.

Она смотрела на Тревайза и Пелората.

— Солярианин мертв, — сказала она, и на щеках ее блеснули слезы.

— Почему же ты плачешь? — обескураженно спросил Тревайз.

— Как же мне не плакать, если я убила живое существо — мыслящее и разумное? Я не хотела этого.

Тревайз нагнулся, чтобы помочь ей подняться, но она его оттолкнула.

Пелорат опустился рядом с Блисс на колени и тихо сказал:

— Пожалуйста, Блисс, не надо. Даже ты не можешь вернуть его к жизни. Скажи нам, что случилось.

Блисс с помощью друзей наконец поднялась с пола и печально проговорила:

— Гея умеет делать то, что делал Бандер. Гея умеет использовать хаотично рассеянную энергию Вселенной и передавать ее для производства нужной работы одной только силой мысли.

— Знаю. — Тревайз от всей души хотел утешить ее, но не знал, как это лучше сделать. — Я хорошо помню нашу встречу в космосе, когда ты — или скорее Гея — захватила наш корабль. Я подумал об этом, когда он обездвижил меня после того, как забрал оружие. Тебя он тоже обездвижил, но я почему-то не сомневался, что ты сможешь освободиться, если пожелаешь.

— Нет. У меня бы ничего не вышло. Когда твой корабль был в моих — или наших с Геей — руках, — сказала она с досадой, — я и Гея действительно составляли одно целое. Сейчас гиперпространственный разрыв ограничивает мою — или нашу с Геей — силу. И потом, Гея действует за счет объединения большого числа разумов. Но даже сила объединенных разумов уступает возможностям мозговых преобразователей одного солярианина. Мы не можем пользоваться энергией так же изобретательно, эффективно и непрерывно, как он. Вы же видите, я не могу заставить стены светиться ярче. Я даже не знаю, надолго ли меня хватит, чтобы обеспечивать хотя бы такое освещение. Он же мог снабжать энергией все это огромное поместье, даже когда спал.

— Но ты остановила его.

— Потому что он не догадывался о моих способностях. Я вела себя так, чтобы не дать ему повода заподозрить неладное. Поэтому он не обращал на меня особого внимания. Сосредоточился Бандер исключительно на тебе, Тревайз, — потому что ты был вооружен. Смотри, как нам опять помогла твоя привычка вооружаться. А мне осталось только уловить момент и обезвредить его одним быстрым и неожиданным ударом. Когда он был готов убить нас, когда все его внимание сосредоточилось только на тебе — только тогда я смогла нанести удар.

— Красиво у тебя получилось.

— Откуда в тебе столько жестокости, Тревайз? Ведь я хотела только остановить его, блокировать работу его преобразователей. Я рассчитывала, что захвачу его врасплох — собираясь воздействовать на него, как только он начал бы, как обещал, подогревать нас на медленном огне и обнаружил бы, что не может этого сделать. Тогда я заставила бы его крепко и надолго уснуть и ослабила бы действие его мозговых преобразователей. Тогда

энергоснабжение поместья не прекратилось бы и мы бы смогли выбраться отсюда, найти корабль и покинуть планету. Я надеялась сделать так, что, когда он проснулся бы, то забыл бы обо всем, что случилось с того момента, как он увидел нас. У Геи нет стремления убивать, если добиться желаемого можно иным способом.

– Что же случилось, Блисс? – осторожно спросил Пелорат.

– Я никогда не встречала ничего похожего на эти преобразователи энергии, а времени разбираться и изучать их работу у меня не было. Я просто нанесла сильный блокирующий удар, и, как видите, получилось не то, чего я хотела. Я блокировала не подвод энергии к долям мозга Бандера, а отвод ее. Энергия непрерывно вливается в преобразователи с ужасающей скоростью, но, как правило, мозг охраняет себя, столь же быстро отдавая энергию, А как только я заблокировала отвод, энергия моментально переполнила доли мозга, и в доли секунды температура его поднялась до точки, при которой белковое вещество мозга стремительно разлагается, – и Бандер умер. Свет погас, я немедленно прекратила блокаду, но, как оказалось, поздно.

– По-моему, ты сделала все, что могла, дорогая, – сказал Пелорат.

– Что толку в рассуждениях, если я совершила убийство?

– Бандер сам собирался убить нас, – напомнил Тревайз.

– Ему надо было помешать, убивать его я не хотела.

Тревайз задумался. Он не хотел выказывать растущего нетерпения, потому что боялся еще больше огорчить Блисс, которая теперь была их единственной защитой во враждебном мире.

– Блисс, хватит печалиться о Бандере. Надо думать о будущем, – сказал он. – Поскольку он мертв, энергоснабжение поместья прекратилось. Это будет замечено – и скорее рано, чем поздно, – другими солярианами. Они будут вынуждены разобраться в чем дело. Я не думаю, что ты сможешь сдержать их объединенную атаку. И, как ты сама призналась, ты не способна долго поддерживать ограниченный приток энергии, который сейчас генерируешь. Поэтому нам необходимо незамедлительно вернуться на поверхность и на корабль.

– Но как нам это сделать, Голан? – недоуменно спросил Пелорат. – До поверхности многие километры извилистых проходов. Похоже, здесь, внизу, целый лабиринт. Что касается меня, то я понятия не имею, куда идти, чтобы выбраться на поверхность. У меня всегда было плохо с ориентацией.

Оглядевшись по сторонам, Тревайз понял, что Пелорат прав.

– Думаю, должно быть несколько выходов на поверхность, – сказал он, – и нам не обязательно искать именно тот, через который мы вошли.

– Но мы не знаем, где другие выходы. Как же мы найдем их?

Тревайз вновь повернулся к Блисс:

– Можешь ли ты при помощи своих ментальных способностей помочь нам найти выход?

– Роботы повсюду бездействуют. Я чую прямо над нами какой-то тихий шелест. Это что-то живое, но не обладающее разумом. Однако это всего лишь доказательство, что поверхность планеты наверху, а это мы и так знаем.

– Ну, тогда нам остается только искать выход, – вздохнул Тревайз.

– Наугад? – ужаснулся Пелорат. – Так нам никогда не удастся выбраться.

– Удастся, Джэн, – сказал Тревайз. – Если мы будем искать, то появится пусть и небольшой, но шанс. Что еще остается? Оставаться здесь? Тогда уж нам точно никогда не выбраться. Пошли. Маленький шанс все-таки лучше, чем ничего.

– Подождите, – сказала Блисс. – Я что-то чувствую.

– Что?

– Сознание.

– Разумного существа?

– Да. Но не очень развитого, похоже. Правда, кое-что я чувствую очень отчетливо.

– Что? – с трудом сдерживаясь, спросил Тревайз.

– Страх! Невыносимый страх! – прошептала Блисс.

Тревайз обескураженно огляделся. Он знал, как они сюда вошли, но не надеялся, что вспомнит проделанный путь. Он ведь не обращал внимания на повороты и извины коридоров. Кто мог подумать, что им придется возвращаться одним, без посторонней помощи и почти в полной темноте?

— Думаешь, тебе удастся оживить машину, Блисс? — спросил Тревайз.

— Уверена, что удастся, но я не умею управлять ею.

— Наверное, Бандер управлял ею мысленно, — заметил Пелорат.

— Я видел — он ни к чему не прикасался, пока мы ехали.

— Да, — согласилась Блисс, — он делал это мысленно, Пел, — но как? Но даже если бы он вел машину руками, нам это не помогло бы. Ведь я не знаю, как пользоваться механизмом управления.

— Ты можешь попытаться, — возразил Тревайз.

— Если я попытаюсь, мне придется целиком отдаться этому занятию, и тогда я вряд ли смогу поддерживать освещение. В темноте от машины толку не будет, даже если я научусь управлять ею.

— Значит, мы должны идти пешком?

— Боюсь, что так.

Тревайз взгляделся в густую непроницаемую тьму, лежащую сразу за крутом тусклого света. Он не услышал и не увидел ничего.

— Блисс, ты все еще чувствуешь чей-то страх?

— Да.

— Можешь сказать, где это? Можешь привести нас туда?

— Ментальное чувство идет по прямой. Мысленные волны не ослабляются обычной материей, так что я могу сказать точно. Ощущение исходит оттуда. — Она указала на светящееся на стене пятнышко и добавила: — Но мы не можем пройти сквозь стену. Лучшее, что мы можем сделать, — пойти по коридору и попытаться найти ход, ведущий приблизительно в направлении источника ощущения. Короче, мы должны сыграть в «горячо-холодно».

— Тогда пошли скорее.

— Постой, Голан, — Пелорат покачал головой. — Мы действительно хотим найти это существо, кем бы оно ни было? Если оно испугано, может статься, что у нас тоже появится причина для страха.

— У нас нет выбора, Джэн. — Тревайз нетерпеливо мотнул головой. — Это разум. Испуган его владелец или нет, он может — или будет вынужден — показать нам путь наверх.

— И что же, мы так и бросим Бандера здесь? — растерянно спросил Пелорат.

— Послушай, Джэн, — сказал Тревайз, схватив друга за локоть, — у нас нет выбора. Пройдет время, и какой-нибудь солярианин оживит здесь все. Роботы найдут Бандера и позаботятся о нем — искренне надеюсь, что это случится не раньше, чем мы окажемся далеко отсюда — и в безопасности.

Тревайз предоставил Блисс самой выбирать дорогу. Рядом с ней свет разгорался ярче, а она останавливалась перед каждой дверью, перед каждым разветвлением коридора, пытаясь отыскать дорогу к тому месту, откуда исходил страх. Порой она входила в дверь, поворачивала за угол, а потом снова возвращалась и опять искала дорогу, и Тревайз не в силах был помочь ей. Каждый раз, когда Блисс уверенно шагала в том или ином направлении, свет двигался впереди нее. Тревайз заметил, что он казался теперь намного ярче — то ли потому, что глаза привыкли к полумраку, то ли потому, что Блисс лучше научилась управлять преобразованием энергии. Проходя мимо металлического стержня, уходящего вниз, в недра планеты, Блисс положила на него руку — и свет стал намного ярче. Явно довольная собой, она кивнула.

Все казалось незнакомым. Похоже, они шли по той части запутанного подземного лабиринта, в которой еще не были.

Тревайз пытался обнаружить коридоры, ведущие вверх, и поглядывал на потолки в поисках потайного люка. Однако ничего подобного им не встречалось, и неизвестно кому принадлежащий испуганный разум оставался их единственной надеждой на спасение.

Все трое молчали. Тишину нарушал лишь звук шагов; они шли и шли сквозь мрак в круге тусклого света, сквозь смерть, — здесь все было мертвое, кроме них самих. Порой они различали

во мраке призрачные фигуры, замершие сидя и стоя. Один робот лежал на боку. Руки и ноги его были странно скрючены. Потерял равновесие, подумал Тревайз, когда прекратилась подача энергии, и упал. Бандер, живой или мертвый, уже не мог влиять на силу притяжения. Наверное, во всем огромном поместье Бандера роботы стояли и валялись в бездействии, и скоро это будет замечено.

А может, и не будет, внезапно подумал Тревайз. О том, что кто-то из них должен скоро умереть от старости и физического истощения, соляриане наверняка знали заранее. И вся планета была обеспокоена и готова к этому событию. Бандер же умер внезапно, в самом расцвете сил. Кто мог знать об этом, ожидать этого? Кто мог заметить, что в поместье прекратилась всякая жизнь?

Нет. Нет. Тревайз отмел оптимистическое убаюкивание – оно могло привести к ненужной самоуверенности. Соляриане могут заметить полное отсутствие активности в поместье Бандера и быстро принять соответствующие меры. Все они слишком заинтересованы в успешном функционировании поместья и вряд ли останутся равнодушными, заметив неладное.

– Вентиляция отключилась, – тоскливо пробормотал Пелорат. – Такое место обязательно должно вентилироваться, Бандер обеспечивал это своей энергией. Теперь все остановилось.

– Ничего страшного, Джэн, – отозвался Тревайз. – Здесь, в пустом подземелье, воздуха хватит не на один год.

– Все равно. Психологически невыносимо.

– Пожалуйста, Джэн, не хватало тебе еще заболеть клаустрофобией. Блисс, мы хоть немного продвинулись к цели?

– Значительно, Тревайз. Ощущение сильнее, и я уточнила расположение источника.

Блисс шла вперед все уверенней и реже задерживалась по пути.

– Здесь! Здесь! – воскликнула она наконец, – Я очень хорошо чувствую!

– Теперь и я чувствую. Точнее – слышу, – сухо заметил Тревайз.

Все трое остановились и безотчетно затаили дыхание. Стал слышен тихий плач, прерываемый всхлипами.

Они вошли в большую комнату и, когда стало светлее, увидели, что она, в отличие от всех прежде виденных, богато и броско обставлена.

В центре комнаты стоял робот. Он немного наклонился вперед, вытянув руки, словно хотел кого-то обнять.

Из-за робота послышался шелест одежды. Выглянул чей-то круглый, испуганный глаз. Душераздирающие рыдания звучали, не прекращаясь.

Тревайз направился было к роботу, но стоило ему приблизиться, как сбоку с пронзительным криком выскочила маленькая фигурка. Существо споткнулось, упало, закрыло глаза и, продолжая кричать, стало колотить по полу ногами, словно отбиваясь от кого-то.

– Это ребенок! – воскликнула Блисс, но это и так было ясно.

54

Тревайз, пораженный до глубины души, отшатнулся. Что здесь мог делать ребенок? Бандер так гордился своим абсолютным уединением, так пекся об этом...

Пелорат, менее склонный отказываться от логики в странных ситуациях, нашел ответ сразу:

– Видимо, это наследник.

– Ребенок Бандера, – согласилась Блисс, – но, видимо, слишком маленький, чтобы стать наследником. Соляриане должны будут найти другого.

Она смотрела на ребенка, но не сердито, а нежно, гипнотизирующее, и постепенно рыдания утихли. Он открыл глаза и посмотрел на Блисс, изредка тихо всхлипывая.

Блисс стала говорить ему ласковые слова, не особо наполненные смыслом, но усиливающие успокаивающее действие потока ее мыслей. Казалось, она ментально прикасается к незнакомому ей сознанию ребенка и старается пригладить взъерошенные эмоции.

Через некоторое время, не отрывая взгляда от Блисс, ребенок поднялся, мгновение постоял, покачиваясь на месте, потом бросился к безмолвному, оцепеневшему роботу и обнял

его мощную ногу, словно само прикосновение было надеждой на защиту.

— Наверное, этот робот — его нянька или гувернер, — сказал Тревайз, — Думаю, солярианин не стал бы заботиться о другом солярианине, даже родитель ребенка.

— А я думаю, — заявил Пелорат, — что ребенок — гермафродит.

— Кем он еще может быть, — согласился Тревайз.

По-прежнему не спуская глаз с ребенка, Блисс медленно пошла к нему, вытянув руки ладонями вперед, словно показывая, что у нее нет намерения схватить малыша. Ребенок молчал, глядя на Блисс, только крепче вцепился в ноту робота.

— Ну-ну, детка теплый, маленький... все хорошо... не страшно... детка... не бойся... не бойся, — тихо приговаривала Блисс.

Остановившись и не оглядываясь, она негромко попросила:

— Пел, поговори с ним на его языке. Скажи, что мы роботы и пришли позаботиться о нем, потому что отключилась энергия.

— Роботы?! — испуганно воскликнул Пелорат.

— Мы должны притвориться роботами. Он не боится их. Он ведь никогда не видел человека — может быть, даже не имеет понятия о существовании людей.

— Не знаю, смогу ли я подобрать нужные слова... — смутился Пелорат. — Я не знаю древнего эквивалента слова «робот».

— Тогда говори просто «робот», Пел. Если это не сработает, попытайся сказать «металлическое существо». Скажи, что сможешь.

Медленно, подбирая слова, Пелорат начал что-то говорить на древнем языке. Ребенок взглянул на него, напряженно нахмурившись, словно пытался понять.

— Можешь еще спросить его, как выбраться отсюда, раз уж на то пошло, — сказал Тревайз.

— Нет, Пока рано, — вмешалась Блисс, — сперва — доверие, потом — вопросы.

Ребенок, который теперь смотрел на Пелората, нерешительно отпустил ногу робота и заговорил высоким музыкальным голосом.

— Он говорит слишком быстро. Не успеваю, — расстроился Пелорат.

— Попроси его повторить помедленней, — предложила Блисс. — А я пока успокою его.

Пелорат снова выслушал ребенка и сказал:

— Похоже, он спрашивает, почему Джемби остановился. Должно быть, этого робота так зовут.

— Проверь и убедись в этом, Пел.

Пелорат сказал что-то, выслушал ответ и заключил:

— Да, Джемби — робот. А ребенка зовут Фаллом.

— Хорошо! — Блисс ласково и весело улыбнулась ребенку, показала на него и проговорила:

— Фаллом. Хороший Фаллом. Храбрый Фаллом. — Потом положила руку себе на грудь: — Блисс.

Ребенок улыбнулся. Улыбка была ему очень к лицу.

— Блисс, — повторил он, чуточку пришепетывая.

— Блисс, — обратился к ней Тревайз, — если бы ты могла оживить этого робота, Джемби, может быть, он сумел бы показать нам дорогу наверх. Пелорат сможет поговорить с ним так же, как с ребенком.

— Нет, — ответила Блисс. — Этого делать нельзя. Главная обязанность робота — защищать дитя. Если он заработает, то тут же обнаружит наше присутствие — присутствие чужих людей, и тогда может немедленно напасть на нас. Здесь не должно быть чужих. Если мне потом придется отключить его, мы никаких сведений не получим, а ребенок, увидев, что снова остановился его любимый робот — единственный родитель, которого он знает... Короче, я этого делать не буду.

— Но ведь нам говорили, что роботы не могут причинить зла человеку, — осторожно возразил Пелорат.

— Да, нам так говорили, — отозвалась Блисс, — но мы не знаем, каких именно роботов производят соляриане. И даже если этот робот не способен причинить зло, ему пришлось бы сделать выбор между ребенком и тремя существами, которые, по его понятиям, для него и не люди вовсе, а просто чужие — воры, убийцы, да мало ли кто. Естественно, он предпочтет защитить ребенка и нападет на нас. — Блисс снова обратилась к ребенку. — Фаллом, — сказала она, — Блисс, — И, показав на остальных, назвала их имена: — Пел... Трев.

— Пел, Трев, — послушно повторил ребенок. Блисс подошла поближе, заботливо протянув руки к ребенку. Тот следил за ней и отступил на шаг.

— Спокойно, Фаллом, — приговаривала Блисс. — Хороший Фаллом. Иди ко мне, Фаллом. Умница, Фаллом.

Ребенок шагнул к ней, и Блисс снова похвалила его:

— Умница, Фаллом.

Она нежно коснулась обнаженной руки Фаллома — он, как и его родитель, был одет только в тунику с вырезом на груди и набедренную повязку. Блисс отняла руку, подождала и снова прикоснулась к руке Фаллома, тихо поглаживая ее.

Ребенок прикрыл глаза. Ментальное поле Блисс явно действовало на него успокаивающее.

Блисс медленно, нежно вела руками, едва касаясь кожи, вверх к плечам ребенка, шее, ушам, затем — под длинные русые волосы немного выше ушей.

Опустив руки, она сообщила:

— Преобразователи энергии еще невелики. Соответствующие части черепных костей еще не развились. Пока у него здесь только ороговевший слой кожи, который постепенно разрастется и заменится костью, после того как соответствующие доли мозга полностью разовьются. Это означает, что ребенок пока не может управлять энергией на территории поместья и даже оживить своего личного робота. Спроси, сколько ему лет, Пел.

— Ему четырнадцать, если я правильно понял, — ответил Пелорат после переговоров с Фалломом.

— А выглядит на одиннадцать, — заметил Тревайз.

— Длительность года на этой планете может не соответствовать Стандартному Галактическому, — предположила Блисс, — И потом, вспомните, считалось, что космониты жили дольше. Если соляриане подобны в этом другим космонитам, у них может быть длиннее и период развития. Тут по возрасту судить трудно.

— Довольно антропологии, — сказал Тревайз, нетерпеливо прищелкнув языком. — Мы должны выбраться на поверхность, а пока мы тут возимся с ребенком, время уходит без толку. Вряд ли он знает дорогу наверх. Скорее всего, никогда и не бывал там.

— Пел! — воскликнула Блисс.

Пелорат понял, чего она хочет, и завел с Фалломом довольно длинный разговор.

— Ребенок знает, что такое солнце, — сообщил он наконец. — Говорят, что видел его. Я думаю, он видел и деревья. Он вроде бы не очень понимает, что означает это слово — или, по крайней мере, то слово, которое я использовал...

— Хорошо, Джэн, — кивнул Тревайз, — только не тяни.

— Я сказал Фаллому, что, если он сможет вывести нас наружу, мы, наверное, сумеем включить робота. То есть, если точнее, я сказал, что мы сумеем его включить. Как вы думаете, мы сумеем?

— Об этом позже. Он сказал, что проведет нас?

— Да. Я подумал, что ребенок сделает это с большей охотой, понимаешь, если я пообещаю включить робота. Но мы рискуем его разочаровать...

— Пошли, — сказал Тревайз, — пора наверх. Все это останется болтовней, если нас схватят здесь, в подземелье.

Пелорат что-то сказал ребенку. Тот двинулся с места, но тут же остановился и оглянулся на Блисс.

Блисс взяла его за руку, и дальше они пошли вместе.

— Я — новый робот, — сказала она, улыбаясь.

— Похоже, ему это нравится, — заметил Тревайз, Фаллом вприпрыжку шел по коридорам, и у Тревайза мелькнула мысль: был ли ребенок счастлив только из-за того, что над ним поработала Блисс, или он волновался потому, что хотел оказаться наверху, а может быть, радовался, что у него теперь целых три новых робота, а может, был счастлив от того, что его приемный отец Джемби снова будет с ним. Впрочем, все это не имело значения — по крайней мере сейчас, пока Фаллом вел их наружу.

Казалось, ребенок знал дорогу. Там, где коридоры скрещивались, он без колебания выбирал поворот. Знал ли он действительно, куда идти, или это просто было ему совершенно

безразлично? Может, он просто играл, сам не понимая, куда и зачем идет?

Однако довольно скоро Тревайз почувствовал, что запыхался. Они точно шли вверх. Ребенок, сосредоточенно подпрыгивая, вдруг остановился, указал куда-то перед собой и что-то быстро залопотал.

Тревайз взглянул на Пелората, Тот откашлялся и перевел:

– Думаю, он сказал «дверь».

– Надеюсь, ты думаешь правильно, – буркнул Тревайз.

Ребенок отпустил руку Блисс, пробежал немного и показал на участок пола, более темный, чем соседние, фаллом встал на темный квадрат, подпрыгнул несколько раз, потом обернулся и что-то капризно пронзительно проверещал.

– Я должна передать ему энергию, – поморщилась Блисс. – Как я устала.

Ее лицо слегка покраснело. Свет померк, и прямо перед Фалломом открылась дверь. Он радостно рассмеялся.

Ребенок выбежал, мужчины последовали за ним. Блисс вышла последней и обернулась. Свет внутри погас, дверь закрылась. Блисс постояла, чтобы отдохнуть. Вид у нее был утомленный.

– Ну, – сказал Пелорат, – вот мы и вышли. Где же корабль?

Окрестности были погружены в тихие сумерки. – Мне кажется, – пробормотал Тревайз, – что он где-то там.

– Мне тоже так кажется, – сказала Блисс. – Пошли? – и она протянула руку Фаллому.

Было тихо. Только ветер шелестел травой, и где-то далеко бродили и перекликались звери. В одном месте путники прошли мимо робота, неподвижно застывшего у дерева и державшего в руках какой-то странный предмет.

Пелорат шагнул было к роботу, но Тревайз резко остановил его.

– Это не наше дело, Джен. Вперед.

Издалека они увидели еще одного робота. Этот лежал на земле ничком.

– Сколько же их тут валяется… – пробормотал Тревайз и тут же победно воскликнул: – А вот и корабль!

Все зашагали быстрее, но вскоре резко остановились. Фаллом возбужденно вскрикнул.

Рядом с кораблем стояло нечто, напоминающее примитивное воздушное судно – с винтом, ужасно неказистое и к тому же хрупкое на вид. У судна, загородив дорогу маленькому отряду пришельцев, стояли четыре человеческие фигуры.

– Поздно, – пробормотал Тревайз, – мы потеряли слишком много времени. Ну, что теперь?

– Четыре солярианина? – удивился Пелорат. – Не может быть! Ведь они не могут вступать в физический контакт. Может быть, это голограммические образы?

– Они абсолютно материальны, – сказала Блисс. – Я уверена. Впрочем, это не соляриане. Судя по типу сознания, это роботы.

55

– Ну, тогда вперед! – устало сказал Тревайз и уверенно зашагал к кораблю. Остальные последовали за ним.

– Что ты намерен делать? – задыхаясь, спросил Пелорат.

– Если они роботы, то должны подчиниться приказам.

Роботы ждали людей, а Тревайз на ходу разглядывал их все внимательнее.

Да, это были роботы. Их лица, казавшиеся покрытыми кожей, были лишены всякого выражения. Роботы были одеты в форму, закрывавшую все тело, кроме лица. Даже руки скрывали тонкие, но плотные перчатки.

Тревайз попытался жестами дать понять роботам, чтобы те отошли в сторону.

Но роботы не сдвинулись с места.

Тогда он тихонько сказал Пелорату:

– Прикажи им, Джен. Да построже.

Пелорат откашлялся и непривычным баритоном медленно произнес несколько слов,

показывая в сторону, как перед этим Тревайз. Один из роботов, который был чуть выше других, что-то ответил бесстрастным грудным голосом.

Пелорат повернулся к Тревайзу:

- Я думаю, он сказал, что мы пришельцы.
- Скажи ему, что мы – люди и нас нужно слушаться.

Неожиданно робот ответил на искаженном, но понятном галактическом:

- Я понимаю тебя, пришелец. Я говорю на галактическом. Мы – роботы Охраны.

– Значит, вы слышали, что мы – люди, а вы, следовательно, должны выполнять наши приказы.

– Мы запрограммированы на подчинение только Правителям, пришелец. Вы не Правители и не соляриане. Правитель Бандер не отозвался в обычное время Контакта, и мы прибыли, чтобы узнать в чем дело. Это наш долг. Мы обнаружили несолярианский космический корабль, наличие нескольких пришельцев и то, что роботы Бандера выведены из строя. Где находится Правитель Бандер?

Тревайз покачал головой и медленно, отчетливо проговорил:

– Мы не знаем ничего из того, о чем вы говорите. Наш корабельный компьютер не в порядке. Мы оказались около этой незнакомой планеты не по своей воле и совершили посадку, чтобы установить свое местоположение. Все роботы уже бездействовали. Мы понятия не имеем о том, что тут могло произойти.

– Это неправдоподобное объяснение. Если все роботы поместья не действуют и вся энергия отключена, Правитель Бандер, должно быть, мертв. Нелогично предполагать, что по какому-то совпадению он умер в тот самый момент, когда вы приземлились. Здесь должна быть какая-то причинно-следственная связь.

Тревайз попытался запутать роботов, сделав вид, что он понятия не имеет, что произошло. Он пожал плечами и сказал:

– Но энергия не отключена. Вы же действуете.

– Мы – роботы Охраны, – ответил робот. – Мы не принадлежим никому из Правителей. Мы принадлежим всей планете. Правители нас не контролируют, а энергию мы получаем от атомных элементов. Я вновь спрашиваю: где находится Правитель Бандер?

Тревайз оглянулся. Пелорат явно испугался. Блисс крепко сжала губы, но казалась спокойной. Фаллом весь дрожал, но рука Блисс коснулась его плеча, и он замер.

– Последний раз спрашиваю: где Правитель Бандер? – повторил робот.

– Не знаю, – мрачно ответил Тревайз.

Робот кивнул, и двое его спутников быстро ушли. Он пояснил:

– Мои товарищи, Охранники, обыщут особняк. А вы будете задержаны для допроса. Передай мне вещи, которые висят у тебя на поясе.

Тревайз отступил назад.

– Они не опасны.

– Стой и не двигайся. Я не спрашиваю, опасны они или нет. Я попросил отдать их.

– Нет.

Робот резко шагнул вперед и выбросил вперед руку так быстро, что Тревайз не успел понять, что случилось. Рука робота легла ему на плечо и сильно надавила – Тревайз упал на колени.

– Вещи! – произнес робот и протянул другую руку.

– Нет, – прохрипел Тревайз.

Блисс бросилась к нему, выхватила его бластер из кобуры – робот крепко держал Тревайза, тот не смог помешать ей – и протянула бластер роботу.

– Возьмите, Охранник, – сказала она, – подождите... возьмите и это. А теперь отпустите моего спутника.

Взяв оружие, робот шагнул назад, а Тревайз медленно поднялся, растирая левое плечо и морщась от боли.

Фаллом тихо хныкал. Пелорат растерянно обнял ребенка и прижал к себе.

– Зачем ты сопротивлялся? – гневно прошептала Блисс. – Он мог убить тебя одним пальцем.

Тревайз тяжело вздохнул и прощедил сквозь зубы:

– А ты почему не помешала ему?

– Я пытаюсь. Но на это нужно время. Его сознание устойчиво, жестко запрограммировано и не поддается внешнему воздействию. Я должна изучить его. Попытайся выиграть время.

– Не надо его изучать. Просто уничтожь и все, – почти беззвучно проговорил Тревайз.

Блисс незаметно взглянула на робота. Тот внимательно разглядывал оружие, а его напарник просто смотрел на пришельцев. Казалось, их обоих нисколько не интересует перешептывание Тревайза и Блисс.

– Нет. Никаких уничтожений. Мы убили одну собаку и ранили другую на предыдущей планете. Что случилось здесь, ты отлично знаешь. – Блисс снова бросила быстрый взгляд на охранников. – Гея не уничтожает жизнь и разум бессмысленно. Мне необходимо время, чтобы проделать это мирно.

Она шагнула назад, пристально глядя на робота.

– Это – оружие, – произнес робот.

– Нет, – возразил Тревайз.

– Да, – сказала Блисс, – но оно больше не действует. Оно лишено энергии.

– Это действительно так? Почему же вы носите оружие, в котором нет энергии? А может, она еще есть? – Робот зажал в кулаке рукоятку нейрохлыста и осторожно положил палец на гашетку. – Таким образом оно включается?

– Да, – подтвердила Блисс, – если нажать сильнее, оно могло бы включиться, будь в нем заряд энергии. Но его там нет.

– Это точно? – Робот прицелился в Тревайза. – Так ты говоришь, что, если я нажму сейчас, оно не сработает?

– Оно не может сработать, – ответила Блисс. Тревайз застыл на месте, лишившись дара речи.

После того как Бандер разрядил бластер, он проверял его и убедился, что оружие обезврежено, но робот держал нейрохлыст. Его Тревайз не проверил.

Если там осталась хоть капля энергии, ее может оказаться достаточно для стимуляции болевых рецепторов, и тогда железная хватка робота покажется дружеским похлопыванием по плечу по сравнению с тем, что почувствует Тревайз.

В пору муштры в академии флота Тревайза подвергали слабому нейроудару, как и всех курсантов. Это делали для того, чтобы курсанты получили представление о том, что при этом чувствуют люди. Тревайз не горел желанием испытать это еще раз.

Робот нажал на гашетку, и на мгновение Тревайз болезненно напрягся – и медленно расслабился. Хлыст тоже был полностью разряжен.

Робот посмотрел на Тревайза и отбросил оружие в сторону.

– Как оно оказалось разряженным? – спросил робот. – Если оно бесполезно, зачем ты носил его?

– Я привык и носил его просто так.

– Это бессмысленно. Вы все арестованы и будете задержаны для допроса. Если Правители решат, впоследствии вы будете уничтожены. Как открывается корабль? Мы должны обыскать его.

– Это вам ничего не даст, – сказал Тревайз. – Вы ничего там не поймете.

– Если не я, то Правители поймут.

– Они тоже не поймут.

– Тогда ты объяснишь так, чтобы они поняли.

– Нет.

– Тогда вас уничтожат.

– Это вам не поможет. Впрочем, я думаю, что меня уничтожат, даже если я все объясню.

– Продолжай в том же духе, – пробормотала Блисс, – я начинаю разбираться в работе его мозга.

Робот не обращал на Блисс никакого внимания. («Ее это работа или нет?» – думал Тревайз и страстно на это надеялся.)

Обращаясь исключительно к Тревайзу, робот проговорил:

— Если вы станете сопротивляться, то мы уничтожим вас частично. Мы повредим вас, и тогда вы скажете нам то, что мы хотим знать.

— Подождите! — воскликнул Пелорат каким-то страшным сдавленным голосом. — Вы не можете сделать этого! Охранник, вы не имеете права!

— Я получил точные инструкции, — хладнокровно отозвался робот, — и могу сделать это. Безусловно, я нанесу вам настолько незначительные повреждения, насколько будет необходимо для получения нужных сведений.

— Но вы все равно не имеете права! Никакого! Я — чужестранец, как и двое моих спутников. Но этот ребенок, — Пелорат взглянул на Фаллома, которого прижал к себе, — солярианин. Он скажет вам, что делать, и вы должны подчиниться.

Фаллом взглянул на Пелората круглыми, ничего не понимающими глазами.

Блисс резко качнула головой, но Пелорат явно ее не понял.

Робот перевел взгляд на Фаллома.

— Ребенок не имеет никакого значения, — сказал он. — У него нет мозговых преобразователей.

— Эти преобразователи у него пока полностью не развиты, — сказал Пелорат, — но со временем разовьются. Это солярианский ребенок.

— Это ребенок, но пока его преобразователи не развиты полностью, он не солярианин. Я не обязан ни выполнять его приказы, ни оберегать его от опасности.

— Но это отпрыск Правителя Бандера.

— Неужели? Откуда вам это известно?

— К-какой другой ребенок мог бы оказаться в его поместье? — заикаясь, как это порой с ним случалось в минуты горячности, выговорил Пелорат.

— Откуда ты знаешь, что их здесь не десяток?

— А вы видели других?

— Здесь я задаю вопросы!

В этот момент робота отвлек его спутник, коснувшись его руки. Двое роботов, посланных в особняк, бежали обратно — быстро, но как-то неровно.

До тех пор пока они не приблизились, все молчали. Подбежав, один из роботов что-то сказал по-соляриански. Это известие вызвало странную реакцию — казалось, из всех четырех выпустили воздух.

— Они нашли Бандера, — догадался Пелорат, прежде чем Тревайз успел дать ему знак молчать.

Робот медленно повернулся и сказал, растягивая слоги:

— Правитель Бандер мертв. Из того, что ты сейчас сказал, нам ясно, что вы знали об этом. Как это произошло?

— Откуда мне знать? — огрызнулся Тревайз.

— Вы знали, что он мертв. Вы знали, что его найдут. Откуда бы вы знали это, если не вы лишили его жизни?

Робот уже говорил, как обычно. Он справился с шоком и приспособился к изменившейся обстановке.

— Как бы, интересно, мы могли убить Бандера? — ответил Тревайз вопросом на вопрос. — С помощью мозговых преобразователей он мог в мгновение ока уничтожить нас.

— Откуда ты знаешь, что могут и чего не могут мозговые преобразователи?

— Вы только что упомянули о них.

— Не более чем упомянул. Я не описал их свойства и способности.

— Знание пришло к нам во сне.

— Это неправдоподобный ответ.

— Предположение, что мы явились причиной смерти Бандера, тоже неправдоподобно, — заявил Тревайз.

— В любом случае, — добавил Пелорат, — если Правитель Бандер мертв, значит, нынешний хозяин поместья — Правитель Фаллом. Здесь находится Правитель, и вы должны подчиняться ему.

— Я уже объяснял, — сказал робот, — что отпрыски с недоразвитыми преобразователями —

не соляриане. Он не может быть наследником, и как только мы сообщим всем печальную новость, сюда прибудет другой наследник подходящего возраста.

— А Правитель Фаллом?

— Он не Правитель Фаллом. Он всего лишь ребенок, а у нас — избыток детей. Он будет уничтожен.

— Вы не посмеете! Это ребенок! — яростно воскликнула Блисс.

— Не обязательно мне придется это сделать, — пояснил робот, — и уж, конечно, не я приму такое решение. Все будет так, как решат Правители. Однако сейчас детей слишком много, и я могу предположить, какое решение ими будет принято.

— Нет! Говорю зам — нет!

— Это будет безболезненно... А вот и другой воздухолет. Теперь мы должны пойти в бывший особняк Бандера и связаться по головизору с Советом, который назначит наследника и решит, что с вами делать. Дайте мне этого ребенка.

Блисс вырвала Фаллома, который, похоже, был в полуубмороочном состоянии, из рук Пелората и крепко обняла ребенка.

— Не прикасайтесь к нему!

Робот выбросил вперед руку и шагнул к Фаллому. Опередив его, Блисс тоже шагнула вбок. Робот продолжал двигаться, словно Блисс все еще стояла перед ним, И вдруг, судорожно согнувшись, он повалился ничком. Троє его спутников стояли как каменные и смотрели прямо перед собой пустыми глазами.

Блисс горько и гневно заплакала.

— Я уже... почти поняла... какими ими управлять, но мне не хватило времени... У меня не было выбора... пришлось отключить их и теперь все четверо... бездействуют. Пойдемте скорее на корабль, пока не подоспели другие. Я слишком устала и не перенесу новой встречи с роботами.

Часть пятая Мельпомена

Глава тринадцатая Прочь от Солярии

56

Дальше все было, как во сне. Тревайз подобрал свое бесполезное оружие, открыл люк, и все ввалились внутрь. До тех пор пока корабль не взлетел, Тревайз даже не заметил, что вместе с ними на борту находится Фаллом.

Они, вероятно, не успели бы взлететь вовремя, если бы соляриане не были такими профанами в воздухоплавании. Их космический аппарат словно завис в воздухе. А компьютер «Далекой звезды» практически мгновенно поднял гравилет ввысь.

И хотя присутствие гравитационного взаимодействия, а следовательно, и инерции от сопротивления воздуха устранило неизбежные в ином случае и непереносимые эффекты ускорения, которые сопутствовали бы такому стремительному взлету, деваться было некуда. Температура обшивки росла явно быстрее, чем это допускали нормы космофлота да и сама конструкция корабля.

Корабль уже взлетел, когда неуклюжее солярианское судно приземлилось. Потом подлетело еще несколько таких же. Тревайз подумал о том, сколько роботов могла бы еще вывести из строя Блисс, и решил, что их всех наверняка схватили бы, пробудь они на поверхности Солярии еще минут пятнадцать.

Выйдя в космос (точнее, в сильно разреженные слои атмосферы), Тревайз переместил корабль на ночную сторону планеты. Поскольку они поднялись с поверхности в сумерках,

лететь пришлось совсем недолго. В темноте «Далекая звезда» могла бы остыть быстрее. Вскоре корабль стал уходить от планеты по широкой спирали.

Пелорат вышел из каюты, которую делил с Блисс.

— Ребенок крепко спит, — сообщил он. — Мы показали ему, как пользоваться туалетом, и он понял это без особого труда.

— Ничего удивительного. У них в особняке должны были быть подобные удобства.

— Я не нашел, хотя и искал, — с чувством сказал Пелорат. — Мы очень даже вовремя вернулись на корабль.

— Да уж. И не только в смысле туалета. Но зачем мы захватили на борт ребенка?

Пелорат смущенно пожал плечами:

— Блисс не оставила бы его, как будто хотела спасти чью-то жизнь взамен той, которую забрала. Она не может вынести...

— Знаю.

— Очень странный ребенок.

— Ясно, ведь он гермафродит.

— Представляешь, у него есть яички.

— Вряд ли он смог бы обойтись без них.

— И еще что-то вроде маленького влагалища.

— Отвратительно, — скривился Тревайз.

— Вовсе нет, Голан, — запротестовал Пелорат. — Все приспособлено к его нуждам. Он может произвести на свет оплодотворенную яйцеклетку или очень маленький зародыш, который затем развивается в лабораторных условиях, опекаемый, осмелюсь предположить, роботами.

— А что случится, если их роботизированная система даст сбой? Если это произойдет, они больше не смогут получать жизнеспособное потомство.

— Любой мир может оказаться в беде, если его социальная структура совершенно разрушится.

— Честно говоря, я не стану рыдать и рвать на себе волосы, если у соляриан такое случится.

— Ну, — сказал Пелорат, — я согласен, эта планета не особенно симпатична — для нас, я имею в виду. Но этому виной люди и социальная структура. Да, там все не так, как у нас, дружочек. Убери людей и роботов, и ты получишь планету, которая иначе бы...

— Рассыпалась бы в порошок, как Аврора, — закончил за него Тревайз. — Как там Блисс, Джен?

— Боюсь, она просто в изнеможении. Сейчас спит. Всем пришлось очень худо, Голан.

— Я тоже не в восторге от пережитого. Тревайз закрыл глаза и решил, что неплохо бы ему вздрогнуть. Он еще не был уверен окончательно, что соляриане не догонят их в космосе, но пока компьютер ничего не сообщал о наличии искусственных объектов в окружающем корабль пространстве.

Он с горечью вспомнил об обеих космонитских планетах, которые они посетили. Злобные дикие псы — на одной, враждебные гермафродиты-отшельники — на другой, и ни малейшего намека на местоположение Земли. Единственный трофей, добытый в результате двух визитов, — это Фаллом.

Тревайз открыл глаза. Пелорат все еще сидел в кресле напротив и печально смотрел на Тревайза.

— Мы должны были оставить этого солярианского ребенка на его планете, — неожиданно убежденно заявил Тревайз.

Пелорат покачал головой:

— Они убили бы его.

— Пусть так. Его место там. Он — часть их системы. Быть убитым из-за того, что оказался лишним — в порядке вещей для рожденного на Солярии.

— О, дорогой дружочек, как это жестоко!

— Этоrationально. Мы не знаем, как о нем заботиться. Он помучается с нами, и так или иначе умрет. Что он ест?

— Видимо, то же, что и мы, дружочек. Кстати, а как у нас дела с тем, что мы едим? Сколько у нас осталось припасов?

— Достаточно. Вполне достаточно. Хватит даже на прокорм нашего нового пассажира.

Новость не заставила Пелората прыгать до потолка.

— Как-то мы скучно питаемся. Однообразно, — поморщился он. — Надо было запастись чем-нибудь на Компореллоне — несмотря даже на то, что стряпают там так себе.

— Не могли мы там запасаться. Мы стартовали, если помнишь, довольно поспешно, примерно так же, как с Авроры и Солярии. Да и потом, подумаешь — «однообразно». Согласен — радости мало, но жить-то можно.

— А мы пополним запасы, если возникнет нужда?

— В любое время, Джин. При наличии гравилета и гиперпространственных двигателей Галактика становится необычайно мала. За день мы сумеем перенестись куда угодно. Но дело в том, что половина планет страстно желает обнаружить наш корабль. Я предпочел бы некоторое время держаться от них в стороне.

— Наверное, ты прав. А... Бандер, похоже, вовсе не заинтересовался кораблем.

— Скорее всего, он даже не понял, что это такое. Подозреваю, соляриане давным-давно отказались от космических полетов. Их главное желание — быть предоставленными самим себе, и они вряд ли сумели бы в полной мере наслаждаться одиночеством, постоянно выходили бы в космос и демонстрировали свое присутствие.

— Что же мы будем делать дальше, Голан?

— Осталась третья планета.

Пелорат покачал головой:

— Судя по первым двум, от нее многоного ждать не приходится. Лично я не жду.

— Я пока тоже, но как только немного посплю, посижу за компьютером, чтобы проложить курс к третьей планете.

57

Тревайз проспал значительно дольше, чем собирался, но не особенно огорчился. Здесь на корабле не было ни дня, ни ночи, в привычном смысле и суточные биоритмы время от времени сбивались. Часы устанавливались произвольно, и Тревайз с Пелоратом (а особенно Блесс) частенько спали и ели в разное время.

Тревайз, вытираясь полотенцем (необходимость экономии воды вынуждала стирать с себя пену), уже подумывал о том, не поспать ли ему еще час-другой, когда обернувшись обнаружил, что перед ним стоит Фаллом. Совершенно голый, как и он сам.

Тревайз инстинктивно попятился, стукнулся, естественно, обо что-то — ведь санузел был крохотный — и негромко выругался.

Фаллом, с любопытством глядя на Тревайза, показал на его половой член. При этом что-то сказал. Тревайз не понял слов, но и так было видно, что ребенок не верит своим глазам. Тревайз не придумал ничего лучшего, как стыдливо прикрыться руками.

А Фаллом проговорил тоненьким голоском:

— Приветствую.

Тревайз вздрогнул, поскольку не ожидал, что Фаллом заговорит на галактическом, но, по-видимому, тот просто запомнил звучание слова.

— Блесс — говорит — ты — мыть — меня, — продолжил Фаллом, с непосильным трудом выговаривая слова.

— Вот как! — Тревайз положил руки на плечи Фаллома. — Ты — стой — здесь.

Он ткнул пальцем вниз, в пол, и Фаллом, конечно, тут же уставился на то место. Он Тревайза явно не понял.

— Не двигайся, — сказал Тревайз, прижимая руки ребенка к туловищу, словно пытаясь сообщить ему состояние неподвижности, а сам второпях вытерся и натянул трусы и брюки.

Выходя из санузла, Тревайз заорал:

— Блесс!

Поскольку на «Далекой звезде» трудно было отдалиться от кого-либо свыше четырех

метров, Блисс тотчас же вышла из двери своей каюты.

— Ты звал меня, Тревайз? — улыбаясь спросила она, — или это нежный ветерок прошумел в траве?

— Шутки в сторону, Блисс. Что это такое? — Он показал большим пальцем назад.

Блисс заглянула в санузел и сказала:

— Ну... это похоже на юного солярианина, которого мы вчера взяли на борт.

— Ты взяла на борт. С какой радости я должен мыть его?

— Я подумала, что ты не откажешься. Он очень мил. Так быстро схватывает галактический, стоит только раз объяснить. Я помогаю ему, как ты понимаешь.

— Естественно.

— Да. Я успокаиваю его. Я держала его под гипнозом почти все время на Солярии. Я следила за тем, чтобы он крепко спал на борту корабля, и пытаюсь понемногу отвлечь его от мысли об утраченном роботе Джемби, которого он, похоже, очень сильно любит.

— Словом, ты хочешь, чтобы ему здесь было хорошо?

— Конечно. Он очень восприимчив, потому что еще маленький, и я поощряю это, насколько могу осмелиться, влияя на его мозг. Я собираюсь научить его говорить на галактическом.

— Вот ты сама и мой его, ясно?

— Вымою, если ты настаиваешь, — пожала плечами Блисс, — но я хотела бы, чтобы он подружился с каждым из нас. Было бы хорошо, чтобы мы все исполняли родительские функции. Наверняка ты тоже можешь в этом поучаствовать.

— Но не в такой же степени!.. И когда закончишь мыть, избавься от него. Я хочу с тобой поговорить.

— Что ты этим хочешь сказать — «избавься от него»? — спросила Блисс с внезапной враждебностью.

— Я не имел в виду «выкинь его через шлюз». Я хотел сказать — отведи его в свою каюту. Усади в уголок. Я хочу поговорить с тобой.

— Всегда к вашим услугам, — холодно произнесла Блисс.

Некоторое время Тревайз смотрел ей вслед, пытаясь успокоиться, а потом прошел в рубку и включил обзорный экран.

С левой стороны в виде темного кружка со светлым серпиком сбоку красовалась Солярия. Тревайз положил руки на пульт, входя в контакт с компьютером, и обнаружил, что раздражение мгновенно улетучилось. Для полноценной связи мозга и компьютера необходимо было спокойствие, и условный рефлекс связал между собой прикосновение к контактам и успокоение.

Вокруг корабля до самой планеты не было никаких искусственных объектов. Соляриане (а скорее, роботы) не желали или не могли преследовать их.

Ну и прекрасно. Теперь он мог выйти из тени Солярии. В любом случае, если продолжать удаляться от планеты, тень исчезнет, поскольку видимые размеры Солярии на расстоянии уменьшаются по сравнению с более далеким, но и более крупным ее солнцем.

Он дал компьютеру команду вывести корабль из плоскости эклиптики, так как это давало возможность более безопасно перейти в режим ускорения. Так они быстрее достигнут области, где кривизна пространства будет достаточно малой для осуществления Прыжка.

И, как часто бывало в таком случае, он принялся наблюдать звезды. Они словно гипнотизировали его своей спокойной неизменностью. Все их истинные смещения и вращения исчезли, благодаря огромному расстоянию, превращавшему их в простые пятнышки света.

Одно из этих пятнышек могло быть солнцем, вокруг которого вращается Земля, — тем Солнцем, под лучами которого зародилась жизнь и по чьей милости развилось человечество.

Наверняка, если Внешние миры вращались вокруг звезд, бывших яркими и удаляющимися представителями звездного семейства и тем не менее не включенных в компьютерную карту Галактики, то же самое могло произойти и с Солнцем.

Или только солнца Внешних миров отсутствовали на карте из-за какого-то древнего договора, согласно которому они были предоставлены самим себе? Может быть, Солнце Земли есть на карте Галактики, но ничем не отличается от подобных ему, но не имеющих на своих

орбитах пригодных для обитания планет?

В конце концов, в Галактике насчитывалось около тридцати миллиардов солнцеподобных звезд, но только у одной из тысячи имелись подходящие для обитания планеты. В радиусе нескольких сот парсеков вокруг корабля могли находиться тысячи таких обитаемых планет. Неужели придется по одной прочесывать эти солнцеподобные звезды в поисках таких планет?

А может, то первое и главное Солнце находится даже не в этом районе Галактики? Мало ли где непоколебимо уверены, что Солнце – одна из их ближайших звезд? Что именно они были первопоселенцами?

Тревайзу нужна была информация, но ее до сих пор не было.

Он сильно сомневался, дало ли бы даже самое тщательное исследование тысячелетних руин на Авроре какую-нибудь информацию о местоположении Земли. Еще сильнее он сомневался, что можно было выудить такие сведения у соляриан.

И потом, если все сведения о Земле исчезли из огромной библиотеки на Тренторе, если никаких воспоминаний о Земле не осталось в коллективной памяти Геи, то, похоже, найти сведения на затерянных мирах космонитов шансов было маловато.

А если ему посчастливится все-таки найти земное Солнце и, следовательно, Землю, не заставят ли его даже не понять, что он нашел? Не абсолютна ли самооборона Земли? Не непрекращающимся ли ее стремление оставаться неприкасаемой?

Что же он искал? Землю? Или изъян в Плане Селдона, который, как он думал (без особых на то причин), ему удастся обнаружить на Земле?

План Селдона работал уже пять столетий и мог в конце концов привести человечество в спокойную гавань (так говорили, по крайней мере) в океане Второй Галактической Империи, более могущественной, чем Первая, более благородной и свободной – и все-таки он, Тревайз, проголосовал против нее, за Галаксию.

Галаксия должна была стать единым колоссальным организмом, в то время как Вторая Галактическая Империя, как бы велики ни были ее размеры, оставалась бы не более чем союз индивидуумов микроскопического размера по сравнению с ней самой. Вторая Империя могла бы быть еще одним примером того типа союзов индивидуальностей, какие человечество основывало с тех пор, как стало человечеством. Вторая Галактическая Империя могла бы стать величайшим и лучшим из таких союзов, но все равно оставалась бы не более чем еще одним членом в их ряду.

А для того чтобы Галаксия – пример организации абсолютно другого типа – превзошла Вторую Империю в совершенстве, в План должна была вкрасться ошибка, нечто такое, чего не предусмотрел сам великий Гэри Селдон.

Но если Селдон что-то упустил, как мог Тревайз поправить дело? Он не был математиком; не знал ничего, абсолютно ничего о тонкостях Плана; более того – не мог бы в этом ничего понять, даже если бы ему объяснили.

Он знал только о наличии допущений: во-первых, необходимость количества людей для расчетов, и во-вторых, их неведение относительно результатов этих расчетов. Первое допущение не могло не быть аксиомой, если учесть, как велико население Галактики, а второе стало аксиомой, поскольку только adeptы Второй Академии знали детали Плана и при этом старательно держали их при себе.

Следовательно, должно было существовать еще одно неизвестное допущение – само собой результирующееся, причем настолько, что его нигде не упоминали и даже не думали о нем, хотя оно могло оказаться сложным. Это допущение, если оно было ложным, могло бы изменить генеральный вывод Плана и привести к тому, что Галаксия стала бы более предпочтительным вариантом, чем Империя.

Но если это допущение было таким очевидным и таким само собой разумеющимся, что о нем даже не упоминали, как оно могло быть ложным? А если никто не упоминал о нем, не думал о нем, откуда Тревайзу знать, что оно вообще существует, или иметь хоть какое-то понятие о его природе, раз уж он предположил, что оно существует?

Был ли он тем самым, кем его считала Гея – с ошибочной интуицией? Действительно ли он знал, как правильно поступить, даже не понимая, почему делает это?

Теперь он занялся посещением всех космонитских планет, которые ему были известны.

Верный ли путь он избрал? Здесь ли ответ? Ну хотя бы начало ответа?

Что там было на Авроре, кроме руин и диких собак? Может быть, другие смертельно опасные хищники? Бешеные быки? Крысы-переростки? Коварные зеленоглазые тигры? Солярия оказалась живой, но что было там, кроме роботов и энергопреобразующих людей? Какое отношение имела каждая из этих планет к Плану Селдона, если они не хранили секрета местонахождения Земли?

А если хранили, какое Земля имела отношение к Плану? Не безумие ли все это? Может, он слишком долго и слишком серьезно прислушивался к фантазиям о собственной непогрешимости?

Жуткий стыд тяжелой волной залил его. Казалось, еще чуть-чуть, и он захлебнется. Тревайз взглянул на звезды – далекие, равнодушные – и подумал: «Я, должно быть, величайший глупец в Галактике».

58

Его размышления прервал голос Блисс.

– Ну, Тревайз, зачем ты хотел меня видеть? – бодро начала она, но тут же спохватилась. – Что-нибудь не так?

Тревайз взглянул на Блисс и на мгновение почувствовал, как ему трудно скрыть свое настроение. С полминуты он молча смотрел на нее, потом ответил.

– Нет-нет, Все в порядке. Я… я просто задумался. Мне свойственно, знаешь ли, время от времени думать.

Ему было немного не по себе от сознания того, что Блисс может прочесть его эмоции. Правда, она дала ему слово, что добровольно отказывается от всякого наблюдения за его сознанием.

Похоже, его ответ ее удовлетворил.

– Пелорат занимается с Фаллом, – сообщила она, – учит его галактическому. Вроде бы наша пища ребенку не вредит. Но из-за чего ты хотел меня видеть?

– Скажу, только не здесь. Сейчас компьютер во мне не нуждается. Пройдем ко мне? Кровать прибрана, и ты устроишься на ней, а я сяду на стул. Или наоборот, как хочешь.

– Все равно, – ответила Блисс.

Они прошли в каюту. Блисс пристально разглядывала Тревайза.

– А ты как будто уже не бесишься, – сказала она.

– Копаешься у меня в сознании?

– Вовсе нет. По лицу видно.

– Я и не бесился. Могу, правда, на мгновение выйти из себя, но это не то же самое, что взбеситься. Послушай, если ты не против, я хотел бы задать тебе кое-какие вопросы.

Блисс уселась на край кровати Тревайза, выпрямив спину. Темно-карие глаза ее смотрели серьезно. Длинные до плеч черные волосы были аккуратно причесаны. Тонкие руки спокойно лежали на коленях. От Блисс веяло тонким ароматом духов.

– Ты сделала из себя просто куколку, – улыбнулся Тревайз. – Наверное, решила, что я не отважусь орать на юную и прелестную леди.

– Можешь орать сколько угодно, если тебе от этого легче. Я только не хочу, чтобы ты орал на Фаллома.

– Не собираюсь. Честно говоря, и на тебя я не собирался орать. Разве мы не решили стать друзьями?

– Гея никогда не испытывала к тебе, Тревайз, никаких иных чувств, кроме дружеских.

– Я не говорю о Гее. Я знаю, что ты часть Геи, что ты Гея. Но все же существует некая часть тебя, которая является личностью, хотя бы отчасти. Я обращаюсь к этой части. Я обращаюсь к женщине по имени Блисс без оглядки – или с минимальной оглядкой – на Гею. Разве мы не решили быть друзьями, Блисс?

– Да, Тревайз.

– Тогда скажи, как случилось, что ты замешкалась с роботами на Солярии, после того как мы покинули усадьбу и добрались до корабля? Меня унизили, опустили на колени, но ты

пальцем не шевельнула. Несмотря на то что в любой момент могли появиться новые роботы и превзойти нас числом, ты не сделала ровным счетом ничего.

Блисс серьезно поглядела на него и сказала, но не оправдываясь, а объясняя:

— Я не бездействовала, Тревайз. Я изучала сознание роботов охраны и пыталась понять, как управлять ими.

— Знаю. То есть ты мне сказала. Только я не вижу в этом смысла. Зачем тебе нужно было управлять их сознанием, когда ты бы могла запросто его разрушить, что ты в конце концов и сделала.

— Думаешь, это так просто — уничтожить разумное существо?

Тревайз презрительно поморщился.

— Подожди, Блисс. Разумное существо? Это же всего-навсего робот.

— «Всего-навсего робот!» — в голосе Блисс зазвучали гневные нотки. — Так всегда. Всего-навсего! Всего-навсего! А почему солярианин Бандер не убил нас сразу? Мы ведь для него были всего-навсего людьми без мозговых преобразователей. Почему без угрызения совести не бросить Фаллома на произвол судьбы? Он ведь всего-навсего солярианин и притом маленький. Если начнешь ко всему на свете прицеплять табличку со словами «всего-навсего», то сумеешь уничтожить всех, кого пожелаешь.

— Не надо придиরаться к словам, — махнул рукой Тревайз. — Я ничего такого не сказал. Робот — всего-навсего робот. Ты не можешь отрицать этого. Это не человек. Это не разумное существо в нашем понимании. Это машина, имитирующая проявления разумности.

— Как легко ты говоришь, ничего не зная об этом, — укоризненно проговорила Блисс. — Я Гея. Да, я также и Блисс, но я — Гея. Я мир, который считает каждый свой атом значимым и необходимым, а любую совокупность атомов еще более необходимой и значимой. Я/мы/Гея не можем с легкостью уничтожить организованную совокупность атомов, хотя мы были бы рады включить ее во что-нибудь более сложное, стараясь, безусловно, не навредить целому.

Наивысшая из известных нам форм такой организации обладает разумом, и только в чрезвычайных обстоятельствах позволительно уничтожить разумное существо, механическое или биологическое — не имеет значения. У робота охраны был разум такого типа, какого я/мы/Гея никогда не встречали. Изучить его было восхитительно. Уничтожить его — немыслимо, за исключением момента прямой угрозы для нашей жизни.

— Ты рисковала тремя более разумными существами, — сухо заметил Тревайз, — собой, Пелоратом — человеком, которого ты любить, и, уж прости за откровенность, мной.

— Четырьмя. Ты все время забываешь о Фалломе. А риска практически не было, насколько я могла судить. Пойми... представь, ты увидел картину, настоящий шедевр, существование которого грозит тебе гибелью. Тебе достаточно было бы махнуть по холсту широкой кистью с краской как попало, и картина была бы уничтожена навеки, а ты — спасен. А теперь представь, что вместо этого ты внимательно изучаешь картину и делаешь мазки то здесь, то там, а где-то соскребаешь немного слоя старой краски — тем самым, ты можешь достаточно сильно изменить картину для того, чтобы избежать смерти, и все же сохранить ее как шедевр. Естественно, необходимо старателльное предварительное изучение. На это уйдет время, но наверняка, если бы оно у тебя было, ты попытался бы спасти картину так же, как и свою жизнь.

— Может быть, — кивнул Тревайз. — Но в конце концов ты таки уничтожила этот шедевр, рассмотрев его со всем вниманием. Широкая кисть опустилась на холст и зачеркнула все чудесные мельчайшие оттенки цветов и нежные сочетания форм и образов. И сделала ты это мгновенно, когда под угрозой оказалась жизнь маленького гермафродита, в то время как опасность для нас с Пелоратом и тебя самой тебя на это не подвигла.

— Нам, чужестранцам, немедленная гибель не грозит, а вот Фаллому, мне показалось, наоборот. Я была вынуждена выбирать между роботами охраны и Фалломом. И, не имея в запасе времени, я выбрала Фаллома.

— Неужели это так и было, Блисс? Быстрый подсчет и взвешивание в пользу одного и другого разума, стремительное вынесение приговора по делу столь сложному и важному?

— Да.

— А я тебе вот что скажу. Дело может быть совсем в другом. Рядом с тобой был ребенок, обреченный на смерть. Тебя охватило инстинктивное чувство материнства, и ты спасла дитя,

тогда как раньше ты лишь просчитывала степень риска, которому подвергались трое взрослых.

Блисс залилась легким румянцем.

— Возможно, нечто подобное и было, но не в таком карикатурном виде. За этим тоже стояли вполне рациональные причины.

— Интересно! Если за этим стояли вполне рациональные причины, ты же должна была сделать другой вывод. Этому ребенку суждено было встретить судьбу, неизбежную в его обществе. Кто знает, сколько тысяч детей было убито, чтобы поддерживать постоянно число жителей, которое соляриане считают оптимальным для своего мира.

— Не совсем так, Тревайз. Ребенок был бы убит из-за того, что оказался слишком молод для наследования. А это произошло потому, что его родитель умер преждевременно, потому что я его убила.

— В тот миг, когда мы стояли перед выбором — убить его или погибнуть самим.

— Не важно. Я убила его родителя. Я не могла стоять рядом и смотреть, как по моей вине убивают ребенка... И потом, это дает возможность изучить сознание такого типа, какой никогда прежде не изучался Геей.

— Сознание ребенка.

— Он недолго останется таким. Он разовьет мозговые преобразователи. Они дают солярианам такие способности, каких Гея достичь не может. Одно лишь поддержание тусклого света и включение механизма открывания двери полностью меня истощило. Бандер же мог снабжать энергией все свое поместье, настолько же большое и сложное, как город, который мы видели на Компореллоне, — и делал это даже во сне.

— Следовательно, ты смотришь на этого ребенка как на важный вклад в фундаментальные исследования сознания.

— Да, пожалуй.

— Я так не думаю. Мне сдается, на борту у нас появилась опасность. Большая опасность.

— Какая опасность? Фаллом может отлично приспособиться — с моей помощью. Он разумен и, похоже, уже немного привязался к нам. Он ест, когда мы едим, ходит за нами, и я/мы/Гея можем получить знания неоценимой важности, исследуя его мозг.

— А что, если он родит детеныша? Ему не нужен партнер — он сам себе и муж и жена.

— Пройдет еще много лет, пока он достигнет половой зрелости. Космониты живут столетиями, а соляриане не горели желанием увеличивать свою численность. Задержка воспроизведения, вероятно, генетически заложена у всех них. У Фаллома еще долго не будет детей.

— Откуда ты знаешь?

— Я не говорю, что знаю. Просто пытаюсь рассуждать логически.

— А я говорю тебе, что Фаллом может оказаться опасным.

— Ты не знаешь этого наверняка. И ты как раз рассуждаешь без всякой логики.

— Я чувствую это, Блисс, безо всяких на то причин. Ведь это ты утверждаешь, что моя интуиция непогрешима.

Блисс нахмурилась и смущалась.

59

Пелорат задержался у двери рубки и робко заглянул внутрь. Казалось, он пытается понять, сильно занят Тревайз или нет.

Руки Тревайза лежали на пульте, как всегда, когда он входил в контакт с компьютером. Смотрел он на обзорный экран. Пелорат решил, что Тревайз таки занят сильно и стал терпеливо ждать, стараясь не шевелиться, чтобы не помешать.

Наконец Тревайз заметил Пелората. Правда, посмотрел он на него довольно-таки отрешенно. Глаза его смотрели отстранение взгляд блуждал. Как будто во время контакта с компьютером он видел, думал, жил несколько иначе, чем обычно.

Однако он медленно кивнул Пелорату, словно образ друга, с трудом проникая в сознание, произвел наконец какое-то воздействие на те участки мозга, что отвечают за распознавание зрительных образов. Затем, спустя мгновение он отнял руки от пульта, улыбнулся и вновь стал

самим собой.

– Боюсь, я оторвал тебя от дела, Голан, – извиняющимся тоном проговорил Пелорат.

– Ничего страшного, Джен. Я просто производил проверку готовности к Прыжку. Теперь мы готовы, но я думаю, что выжду еще несколько часов, на всякий случай.

– Разве случайности имеют к этому какое-то отношение?

– Да нет. Это всего лишь поговорка, – улыбаясь ответил Тревайз, – хотя от случайностей никто не гарантирован, по крайней мере, теоретически, Ну, что стряслось?

– Могу я сесть?

– Конечно, но давай лучше пройдем в мою каюту. Как там Блисс?

– Прекрасно. – Он откашлялся. – Она снова спит. Она должна выпасть, ты же понимаешь.

– Естественно. Гиперпространственный разрыв. Понимаю.

– Верно, дружочек.

– А Фаллом?

Тревайз устроился на кровати, предложив стул Пелорату.

– Помнишь те книги из моей библиотеки, которые ты распечатал через компьютер для меня? Сказки и предания. Он читает их. Конечно, он слабо понимает галактический, но, кажется, ему доставляет удовольствие произносить слова вслух. Но... почему-то я говорю о нем в мужском роде. Почему бы это, как ты думаешь?

– Возможно, потому, что ты сам мужчина, – пожал плечами Тревайз.

– Может быть. Он страшно умный, знаешь ли.

– Я просто уверен в этом.

Пелорат замялся.

– Я вижу, тебе не очень-то нравится Фаллом.

– Ничего не имею против него лично, Джен. У меня никогда не было детей, и я, в общем, никогда не питал к ним особо нежных чувств. А у тебя вроде бы были дети, насколько я помню?

– Сын. Знаешь, это такое удовольствие – иметь сына, особенно когда он еще маленький. Может быть, именно поэтому я невольно считаю Фаллома мальчиком. Это возвращает меня на четверть века назад.

– У меня нет никаких возражений из-за того, что он тебе нравится, Джен.

– Ты тоже полюбишь его, если только попробуешь отнести к нему непредвзято.

– Думаю, что да, Джен, и в один прекрасный день я, может быть, попробую.

Пелорат помолчал немного и сказал:

– Ты, наверное, уже стал спорить с Блисс.

– На самом деле мне не кажется, что мы так уж много спорим, Джен. Мы с ней в действительности вполне нормально сотрудничаем. Вчера мы даже очень конструктивно побеседовали – без криков, без взаимных упреков – насчет того, почему она не сразу вывела из строя роботов охраны. В конце концов она продолжает спасать нам жизнь, так что я не могу предложить ей что-либо, кроме дружбы, не правда ли?

– Да, понимаю. Только я не про это. Я про споры, а не про «ссоры». Я про ваше постоянное расхождение во мнениях о Галаксии как противоположности индивидуальности.

– Ах это! Я полагаю, эти дискуссии продолжатся, но будут корректными.

– А что ты скажешь, Голан, если я приведу аргумент в пользу Галаксии?

– Никаких возражений. Только скажи: это твое личное мнение или ты просто чувствуешь себя счастливым, когда соглашаешься с Блисс?

– Это мое мнение, честное слово. Я думаю, Галаксия – это самое логичное будущее. Ты сам выбрал это направление развития человечества, и я все больше убеждаюсь в том, что оно верно.

– Потому что я выбрал его? Это не аргумент. Что бы Гея ни говорила, я способен ошибаться, ты же знаешь. Так что не позволяй Блисс убеждать себя в преимуществах Галаксии на этом основании.

– Я думаю, что ты не ошибся. Это мне доказала Солярия, а не Блисс.

– Каким образом?

– Ну, во-первых, мы изоляты, ты и я.

– Это ее термин, Джен. Я предпочитаю думать, что мы личности.

– Это просто вопрос семантики, дружочек. Называй, как хочешь, но мы заключены в наши собственные шкуры, окружающие наши собственные мысли, думаем сперва и прежде всего о самих себе. Самосохранение для нас первый и главный закон природы, даже тогда, когда это означает, что всем остальным на свете будет причинено зло.

– Известны люди, отдавшие свои жизни за других.

– Это редкое явление. Гораздо больше известно людей, покушающихся на насущнейшие нужды других ради какой-нибудь собственной глупейшей прихоти.

– И какое отношение это имеет к Солярии?

– Ну, на Солярии мы могли видеть, во что могут превратиться отдельные независимые личности, если тебе так больше нравится. Соляриане с трудом смогли разделить между собой целую планету. Они решили, что жизнь в полнейшей изоляции есть совершенная свобода. Они не привязаны даже к своим собственным отпрыскам и убивают их, если их слишком много. Они окружили себя роботами-рабами, которых обеспечивают энергией, и когда солярианин умирает, все поместье символически умирает вместе с ним. Разве это достойно восхищения, Голан? Разве это можно сравнить с тонкостью, добротой, заботой, царившими на Гее? Блесс вовсе не обсуждала это со мной. Это мои собственные мысли и чувства.

– Да, они похожи на твои, Джен. И я их разделяю. Я тоже думаю, что соляриансское общество ужасно, но оно не всегда было таким. Они не произошли от землян, близкими их предками были космониты, которые жили гораздо дольше, чем обычные люди. Соляриане почему-то выбрали путь, приведший к крайности, но нельзя судить по крайностям. Во всей Галактике с ее миллионами обитаемых планет известна ли тебе хоть одна планета, теперь или в прошлом, имеющая общество, подобное солярианскому? Или хотя бы отдаленно напоминающая его? И смогла бы Солярия создать его, если бы не заигралась с роботами? Сомнительно, чтобы общество, состоящее из личностей, могло превратиться в такое вот солярианско средоточие ужаса без роботов.

– Ты всегда находишь дырочку, Голая, – поморщился Пелорат, – ну, то есть я хотел сказать, тебе ничего не стоит защитить тот тип Галактики, против которого ты проголосовал.

– Ты меня неверно понимаешь. Разумный довод в пользу Галаксии существует и когда я найду его, когда узнаю, в чем он состоит, я соглашусь и сдамся. Или точнее говоря, если найду.

– Ты думаешь, что тебе это может и не удастся?

– Откуда я знаю? – пожал плечами Тревайз. – Ты, к примеру, понимаешь, почему я жду несколько часов, прежде чем совершил Прыжок, и почему мне так и хочется уговорить себя подождать несколько дней?

– Ты сказал, что подождать – это безопаснее.

– Да, я так сказал, но никакой опасности нет и теперь. Чего я действительно боюсь, так это того, что космонитские планеты, чьи координаты у нас есть, все хором обманули наши ожидания. У нас только три набора координат; и на двух планетах мы уже побывали, и оба раза еле ноги унесли. При этом мы все еще не получили ни единого намека на расположение Земли или даже на то, существует ли она вообще. Сейчас я использую третий и последний шанс. А что, если и здесь нас ждет провал?

– Знаешь, – вздохнул Пелорат, – есть одна старая сказка, она, кстати, есть среди тех, что я дал Фаллому, чтобы он попрактиковался в языке; так вот... там кому-то дали возможность загадать три желания, но только три. «Три» в таких делах – число особенное, возможно, потому, что оно первое простое число, наименьшее простое число после единицы. Ну, и одно из трех сбывается. Но в сказках получается так, что от желаний – никакого толку. Никто их не загадывает правильно, что, как я думаю, является отражением древней мудрости: удовлетворение желаний дается трудом, а не... – Пелорат смущился и не закончил фразу. – Прости, дружочек, я отвлекаю тебя. Я становлюсь болтливым, когда речь заходит о моем увлечении.

– Мне всегда интересно с тобой, Джен. Тогда попытаюсь найти тут аналогию. У нас было три желания, мы использовали два, но это не принесло нам ничего хорошего. Осталось одно. Отчего-то я уверен, что нам вновь не повезет, а мне этого жутко не хочется. Вот потому-то я

так и тяну с Прыжком.

— Что ты будешь делать, если ожидания будут вновь обмануты? Вернешься на Гею? На Терминус?

— О нет, — прошептал Тревайз, качая головой. — Поиск надо продолжать... но если б я только знал как.

Глава четырнадцатая Мертвая планета

60

Тревайз устал. Те немногие победы, что он одержал с начала поиска, были далеки от совершенства — скорее, они просто на время отодвигали поражение.

Теперь же он так оттянул Прыжок к третьей космонитской планете, что его тревога передалась другим. Когда же он наконец решил, что должен дать компьютеру команду перебросить корабль через гиперпространство, Пелорат с озабоченным видом встал у двери рубки, а Блисс — позади, сбоку от него. И Фаллом был с ними. Моргая, как сова, он глядел на Тревайза, одной рукой крепко сжимая пальцы Блисс.

Тревайз оторвался от компьютера и довольно грубо бросил:

— Ну, вся семейка в сборе!

Однако неудобство от сказанного испытал только он сам.

Он задал компьютеру параметры Прыжка таким образом, чтобы выйти в обычное пространство на большем расстоянии от звезды, чем требовалось. Он убеждал себя: это потому, что он научился осторожности в результате событий на первых двух космонитских планетах, но сам не верил в это. В глубине души он знал, что надеется вынырнуть в пространстве на достаточно большом расстоянии от звезды, чтобы оставаться неуверенным в том, есть ли вокруг нее пригодные для жизни планеты или нет. Тогда у него было бы еще несколько дней на полет, прежде чем он сможет обнаружить их (или нет) и (возможно) взглянуть горькой правде в лицо.

И вот под взглядами «дружной семейки» он поглубже вздохнул, задержал дыхание, а затем со свистом выдохнул, дав компьютеру окончательные инструкции.

Звездный узор заскользил в бесконечном безмолвии, и обзорный экран почти опустел, показывая область пространства с редкими звездами. А одна ярко сияла совсем рядом с центром экрана.

Тревайз довольно усмехнулся — победа, в некотором роде. В конце концов третий набор координат мог оказаться ошибочным и не привести корабль к подходящей звезде класса G. Он посмотрел на своих спутников и сказал:

— Вот она. Звезда номер три.

— Ты уверен? — негромко спросила Блисс.

— Смотрите! Я переключу экран компьютера на соответствующий участок карты Галактики, и, если эта яркая звезда исчезнет, значит, она не нанесена на карту, а стало быть, она-то нам и нужна.

Компьютер выполнил его команду, и звезда мгновенно погасла. Казалось, ее никогда и не было, а остальные звезды горели там же, где и раньше, в величественном равнодушии.

— Она самая, — сказал Тревайз.

И все-таки задал «Далекой звезде» скорость чуть больше половины той, которую мог легко поддерживать. Присутствие или отсутствие обитаемых планет все еще вызывало сомнения. Он не торопился отвечать на этот вопрос. Даже после трехдневного приближения нечего еще было сказать об их возможном наличии.

Хотя... возможно, кое-что было уже сейчас. Звезду сопровождал крупный газовый гигант. Он вращался очень далеко от своего солнца и испускал бледный желтый свет, отражавшийся от его дневной стороны, которая была видна на экране в виде тонкого полумесяца.

Тревайзу не понравился его вид, но он постарался не показать этого и объяснил небрежно, словно по путеводителю:

— Это газовый гигант. Довольно эффектный. У него пара тонких колец и два приличных спутника, которые со временем можно будет разглядеть.

— Большинство систем включает газовые гиганты, верно? — спросила Блисс.

— Да, но этот очень крупный. Судя по расстоянию от него до спутников и по периоду их обращения, этот гигант, должно быть, почти в две тысячи раз массивней, чем пригодная для жизни планета.

— Какая разница? — пожала плечами Блисс. — Газовый гигант — это газовый гигант, и не имеет значения, какого он размера, правда? Обычно они находятся на больших расстояниях от звезды, вокруг которой обращаются, и ни один из них не годится для жизни из-за своих размеров и удаленности. Надо подойти к звезде поближе и поискать планеты, годные для жизни людей.

Тревайз растерялся, а потом решил все выложить в открытую.

— Дело в том, — сказал он, — что газовые гиганты стремятся как бы чисто-начисто поднести все близлежащие пространства. Та материя, что они не смогли вобрать в себя, может срастись в довольно большие тела, которые становятся его спутниками. Это предотвращает образование других космических тел даже на значительных расстояниях от гигантов, так что чем он больше, тем более вероятно, что вокруг данной звезды вращается только одна крупная планета. Здесь же вполне может оказаться лишь этот газовый гигант и астероиды.

— Ты имеешь в виду, что здесь нет подходящих для жизни планет?

— Чем больше газовый гигант, тем меньше вероятность встретить такие планеты, а этот так массивен, что тянет на карликовую звезду.

— А можно посмотреть? — спросил Пелорат.

Все трое приникли к экрану (Фаллома Блисс отвела в каюту читать).

Увеличение планеты продолжалось до тех пор, пока светящийся серп не заполнил весь экран. На некотором расстоянии от центра его пересекала тонкая темная линия — тень системы колец, которые были видны за краем поверхности планеты в виде сверкающей дуги, протянувшейся на темную сторону.

— Ось вращения планеты наклонена примерно на тридцать пять градусов к плоскости эклиптики, — сказал Тревайз, — кольца расположены в экваториальной плоскости. Так что звездный свет при данном положении планеты отбрасывает тень колец практически на экватор.

— Кольца тонкие, — не отрывая глаз от экрана, заметил Пелорат.

— Немного поменьше средних размеров, — уточнил Тревайз.

— Согласно легенде, кольца вокруг газового гиганта в планетарной системе Земли гораздо шире, ярче и более отчетливы, чем эти. Такие кольца, что в сравнении с ними газовый гигант кажется карликом.

— Я не удивлен, — сказал Тревайз. — Когда история передается от человека к человеку тысячи лет, вряд ли в ней что-либо уменьшается при пересказе.

— Прекрасно... — произнесла Блисс. — Когда смотришь на серп, кажется, что он переливается и изгибаются прямо на глазах.

— Атмосферные бури, — пояснил Тревайз. — В общем-то можно рассмотреть их получше, если выбрать подходящую длину световых волн. Сейчас попробую, — Он положил руки на пульт и приказал компьютеру пройтись по спектру и остановиться на оптимальной частоте.

Нежно-светящийся серп планеты стал менять свою окраску, причем так быстро, что стало темно в глазах. Наконец серп стал красно-оранжевым, и по нему заплавали отчетливые спирали, закручиваясь и раскручиваясь по мере движения.

— Невероятно... — пробормотал Пелорат.

— Восхитительно... — прошептала Блисс.

Вполне вероятно, горько думал Тревайз. И вовсе не восхитительно. Ни Пелорат, ни Блисс, погруженные в созерцание этого великолепия, не подумали о том, что планета, которой они восторгались, уменьшает шансы разгадать ту тайну, что мучила Тревайза. Но, впрочем, почему они должны думать об этом? Обоих вполне удовлетворяет то, что решение Тревайза правильно, и они сопровождают его в его поисках, не переживая так эмоционально, как он сам. Бесполезно обижаться на них за это.

— Ночная сторона кажется темной, — сказал он, — но, если бы наши глаза могли

воспринимать инфракрасное излучение, мы бы увидели ее красной, глубоко и злобно красной. Планета очень сильно излучает в инфракрасном диапазоне, поскольку она достаточно велика, чтобы быть нагретой почти докрасна. Это больше чем газовый гигант – это субзвезда. – Он подождал немного и продолжал: – А теперь выкинем этот объект из головы и поищем подходящую для жизни планету, которая, может быть, здесь есть.

– Наверное, она есть, – улыбнулся Пелорат. – Не сдавайся, дружочек.

– Я не сдаюсь, – не без особого энтузиазма возразил Тревайз. – Образование планет – слишком сложное дело, чтобы для этого существовали жестокие правила. Мы говорим только о вероятностях. При наличии этого чудовища вероятность уменьшается, но не до нуля.

– Почему бы тебе не подумать немного иначе? – вмешалась Блисс. – Поскольку первые два набора координат дали тебе две обитаемые планеты космонитов, то третий, который уже дал тебе подходящую звезду, тоже приведет к обитаемой планете. Зачем рассуждать о вероятностях?

– Хотел бы надеяться, что ты права, – ответил Тревайз, вовсе не чувствуя себя утешенным. – Сейчас стартуем из плоскости эклиптики по направлению к звезде.

Компьютер позабочился об этом почти в тот же миг, как прозвучали эти слова. Тревайз откинулся на спинку пилотского кресла и решил, что единственный недостаток пилотирования гравилета с такими современными компьютерами – то, что испытавший это не захочет никогда – никогда – пилотировать корабль любого другого типа.

Разве он сумеет снова вынести такую муку – самостоятельные расчеты? Разве сумеет думать об ускорении, ограничивать его разумными пределами? Скорее всего, он позабыл бы об этом и такое бы отколол, что и сам, и все на борту размазались бы по внутренним переборкам.

А этим кораблем будет управлять – или другим, в точности подобным ему, если только сумеет вынести все эти перемены, – всегда.

И поскольку Тревайз хотел отвлечься от вопроса о наличии обитаемых планет, он сосредоточился на том, чтобы вывести корабль над плоскостью, а не под нее. При отсутствии какой-либо веской причины выходить под плоскостью пилоты почти всегда выбирали первый вариант. Почему?

Кстати, почему рассматривают одно направление как верх, а другое – как низ? В симметричном космосе это чистейшая условность.

Точно так же он обычно обращал внимание на то, в каком направлении врачаются наблюдаемые им планеты вокруг своей оси и вокруг звезды. Если оба направления оказывались против часовой стрелки, то поднятая рука означала север, а под ногами находился юг. Север в Галактике воспринимался как верх, а юг – как низ. Точнее, чистейшая условность, возникшая во мгле прошлого, но которой рабски следовали до сих пор. Если кто-нибудь увидит перевернутой югом вверх знакомую карту, вряд ли сможет узнать ее. Карту потребовалось бы перевернуть, чтобы она обрела свой смысл. И все, что на ней обозначено, стало бы ясным, стоило лишь сориентировать ее на север – «верхом вверх».

Тревайз вспомнил о сражении, данном Белом Риозом, генералом Империи, три века назад. В критический момент он развернул свою эскадру, вывел ее под плоскость эклиптики и застал врасплох эскадру вражеских судов, которые, ожидая нападения, были готовы к отражению атаки с этого направления. Этот маневр сочли бесчестным. Кто? Проигравшие, естественно.

Условность, столь могущественная и столь древняя, должно быть, возникла на Земле... и мысли Тревайза снова вернулись к обитаемым планетам.

Пелорат и Блисс продолжали разглядывать газовый гигант, который медленно поворачивался на экране, постепенно откатываясь назад. Часть, освещенная солнцем, расширялась, и, так как Тревайз продолжал наблюдение в оранжево-красном диапазоне волн, вихревая картина ураганов на поверхности гиганта становилась все более безумной и гипнотической.

Тут пришел Фаллом, и Блисс решила, что ему пора спать, да и ей самой сон тоже не помешает.

– Я увожу корабль от газового гиганта, Джэн, – сказал Тревайз оставшемуся с ним Пелорату. – Я хочу переключить компьютер на поиск гравитационных возмущений от планет нужных нам размеров.

– Конечно, дружочек, конечно.

Но задача на самом деле была более сложной. Компьютер должен был искать планеты не только подходящих размеров, но и находящиеся на нужном расстоянии от звезды. Должно было пройти несколько дней, прежде чем Тревайз мог обрести полную уверенность.

61

Тревайз вошел в свою каюту хмурый, серьеzyный, мрачнее тучи, и застал у себя гостей. Его ждала Блисс, а рядом с ней – Фаллом. Его набедренная повязка и остальная одежда были чисто выстираны и отутюжены. Подросток в своей одежде выглядел лучше, чем в одной из укороченныхочных рубашек Блисс.

– Я не хотела мешать тебе, но послушай. Начинай, Фаллом.

Своим высоким музыкальным голосом Фаллом произнес:

– Приветствуя тебя, опекун Тревайз. Мне очень приятно, что я се... су... сопровождаю тебя в этом корабле. Я счастлив также, видя доброе отношение ко мне моих друзей, Блисс и Пела.

Фаллом закончил и очаровательно улыбнулся. Тревайз подумал: «Кто для меня этот ребенок? Мальчик или девочка? Или оба вместе? А может, ни то ни другое».

– Очень хорошо вызубрено, – кивнул он. – Почти верно произнесено.

– Вовсе не вызубрено, – возразила Блисс. – Фаллом составил предложения сам и спросил, можно ли сказать тебе. Я не знала даже, что скажет ребенок, пока сама не услышала.

– В таком случае, очень хорошо, – выдавил улыбку Тревайз.

Он заметил, что Блисс хоть и говорит о Фалломе, как Пелорат, в мужском роде, но местоимением «он» не пользуется.

– Я говорила, что Тревайзу понравится, – обернулась к Фаллому Блисс. – Теперь иди к Пелу и можешь еще почитать, если хочешь.

Фаллом кивнул и выбежал, а Блисс сказала Тревайзу:

– Просто удивительно, как быстро Фаллом освоился с галактическим. У соляриан, должно быть, особые способности к языкам. Вспомни, как хорошо говорил Бандер, а ведь он только прослушивал гиперпространственные передачи. Соляриансское сознание наверняка способно не только к преобразованию энергии.

Тревайз что-то буркнул себе под нос.

– Не говори мне, что тебе все еще неприятен Фаллом, – настаивала Блисс.

– Не то чтобы он был мне неприятен, но и особой любви к нему я не испытываю. Это существо просто доставляет мне неудобство. Кроме того, это просто противно – иметь дело с гермафродитом.

– Тревайз, это попросту смешно. Фаллом – вполне нормальное живое существо. Подумай, какими отвратительными должны казаться гермафродитам мы – просто мужчины и женщины. Каждый – лишь половина целого, а для воспроизведения должно происходить временное и неуклюжее слияние воедино.

– Ты против этого, Блисс?

– Не прикидывайся, что не понимаешь, Тревайз. Я пытаюсь представить, как мы выглядим с точки зрения гермафродитов. Им это, должно быть, кажется исключительно отталкивающим; нам – вполне естественным. Так, Фаллом кажется отталкивающим тебе, но это всего лишь недальновидный, обывательский взгляд.

– Честно говоря, – сказал Тревайз, – надоедает не использовать в общении с этим существом местоимения. Это мешает думать, и в разговоре запинаешься на местоимениях.

– Но это просто недостаток нашего языка, а не Фаллома. Ни один человеческий язык не развивался с учетом гермафродизма. И я рада, что ты затронул эту тему, потому что я сама уже думала об этом. Говорить «оно» не выход. Это местоимение для предметов, у которых пол не может быть установлен, а местоимения для тех, ктоексуально активен в обоих смыслах, в нашем языке отсутствуют. Почему бы тогда не выбрать одно из местоимений произвольно? Я думаю о Фалломе, как о девочке. Высокий голос, способность давать потомство, что является жизненным определением женственности. Пелорат согласен, почему бы тебе не сделать то же

самое? Пусть будет «она».

— Хорошо, — пожал плечами Тревайз. — Это будет звучать странно, учитывая, что у нее есть яички, но пускай, мне-то что.

— У тебя противная привычка все обращать в шутку, — вздохнула Блисс, — но я знаю, как ты нервничаешь, и прощаю тебя. Только, говоря о Фалломе, подразумевай, что это — девочка.

— Ладно, — Тревайз замялся, но был не в силах сдержаться: — Чем дальше, тем больше Фаллом начинает казаться мне твоим приемным ребенком всякий раз, как я вижу вас вместе. Не потому ли это, что ты хочешь детей? А не лучше ли подумать о том, что Джен может дать тебе хотя бы одного?

Глаза Блисс широко распахнулись.

— При чем тут дети! Неужели ты думаешь, что я использую его как удобный инструмент для обзаведения ребенком? В любом случае, мне не время пока заводить детей. Но когда такое время настанет, это будет гейнский ребенок, а Пел для этого не подходит.

— То есть Джен будет отвергнут?

— Вовсе нет. Ну разве что на время. Это может быть даже проведено путем искусственного осеменения.

— Я полагаю, ты только тогда сможешь иметь ребенка, когда Гея решит, что это необходимо — когда возникнет вакансия из-за смерти одной из уже существующих частей Геи.

— Безумное объяснение, но достаточно правдивое. Гея должна быть пропорциональной во всех своих частях и взаимосвязях.

— Ну прямо как Солярия.

Губы Блисс сжались, а лицо слегка побледнело.

— Совсем не так. Соляриане производят детей больше, чем им необходимо, и уничтожают лишних. Мы же рожаем ровно столько, сколько нужно, и у нас нет необходимости никого лишать жизни — скажем, как у тебя замещается отмирающий верхний слой кожи на новый, и ни одной клеткой больше.

— Я понял. Надеюсь, правда, что тебе небезразличны чувства Джена.

— В связи с моим возможным ребенком? Об этом у нас никогда не заходил разговор да и не зайдет.

— Нет, не об этом. Меня удивляет то, что ты все больше и больше увлекаешься Фалломом. Джен может почувствовать себя покинутым.

— Я вовсе не пренебрегаю им, и сам он тоже интересуется Фалломом. Она — еще одна точка взаимного увлечения, и это сближает нас еще сильнее. Может быть, это ты чувствуешь себя покинутым?

— Я? — удивился Тревайз.

— Да, ты. Я не больше понимаю изолятов, чем ты — Гею, но у меня такое чувство, что тебе доставляет удовольствие быть в центре внимания на этом корабле, и тебе может казаться, будто Фаллом занял твоё место.

— Глупости.

— Не больше чем твое предположение, что я пренебрегаю Пелом.

— Тогда заключим перемирие и хватит об этом. Я попытаюсь считать Фаллома девочкой и не буду черезчур беспокоиться о том, что ты равнодушна к чувствам Джена.

— Спасибо, — улыбнулась Блисс. — Тогда все отлично.

Тревайз повернулся было к экрану, но Блисс окликнула его:

— Подожди!

— Да! — немного устало сказал он обернувшись.

— Я прекрасно вижу, что ты грустен и угнетен. Я не имею права вторгаться в твой разум, но ты мог бы поведать мне, что случилось. Вчера ты сказал, что в этой системе есть подходящая планета, и казалось, это тебя обрадовало. Надеюсь, планета никуда не исчезла! Ты не ошибся, правда?

— В системе обнаружена подходящая планета, и она никуда не делась.

— Она нужного размера?

Тревайз кивнул.

— Раз подходящая, естественно, она нужного размера. И кроме того, находится на

приемлемом расстоянии от звезды.

– Ну а что же тогда не в порядке?

– Сейчас мы подошли достаточно близко к планете, чтобы проанализировать ее атмосферу. Оказалось, что говорить о ней нечего.

– Нет атмосферы?

– Не о чем говорить. Эта планета не пригодна для жизни, а другой, обращающейся вокруг этого солнца и имеющей хотя бы малейший шанс быть обитаемой, нет. В нашей третьей попытке результат нулевой.

62

Пелорат, печально стоя у двери рубки, боялся заговорить с хмуро молчавшим Тревайзом, надеясь, что тот сам начнет разговор.

Тревайз как в рот воды набрал. Если молчание можно назвать упрямым, он молчал именно так.

Наконец Пелорат не выдержал и довольно робко спросил:

– Чем мы занимаемся?

Тревайз посмотрел на Пелората, еще немного помолчал, отвернулся и ответил:

– Начинаем отсчет времени перед посадкой на планету.

– Но раз здесь нет атмосферы...

– Это компьютер говорит, что здесь нет атмосферы. До сих пор он обычно сообщал мне то, что я хотел услышать, и я принимал его ответы. Теперь он сообщил мне то, чего я слышать не желаю, и я должен проверить это. Если компьютеру когда-нибудь суждено ошибаться, я хочу, чтобы это произошло именно сейчас.

– Ты думаешь, он действительно ошибся?

– Нет, не думаю.

– Ты можешь представить себе какую-нибудь причину, по которой он мог бы ошибаться?

– Нет, не могу.

– Тогда в чем же дело, Голан?

Тревайз повернулся в кресле и оказался лицом к лицу с Пелоратом. Лицо его было полно отчаяния.

– Неужели ты не видишь, Джин, что я просто больше ничего не могу придумать? Что касается Земли, мы вытащили пустые билетики на первых двух планетах, а теперь и эта оказалась пустышкой. Что я должен делать? Порхать от планеты к планете, приставать ко всем и спрашивать: «Простите, где тут Земля?» Земля слишком хорошо замела все свои следы, не оставив нигде ни намека о себе. А это, видимо, означает, что мы вряд ли заметили бы такой намек, даже если бы он существовал.

– Я и сам думал об этом, – кивнул Пелорат. – Может, поговорим? Я знаю, ты в отчаянии, дружочек, и не хочешь разговаривать... в общем, если хочешь, чтобы я оставил тебя в покое, я могу уйти.

– Да говори, говори... – почти простонал Тревайз. – На что я еще способен, кроме как слушать? Давай, поехали.

– Я так понял, что ты все-таки не очень настроен слушать, ну да ладно. Попробую. Пожалуйста, останови меня в любой момент, если тебе надоест моя речь... Мне кажется, Голан, что Земле нет нужды предпринимать только пассивные и негативные меры, скрывая себя. Ей нужно было не просто уничтожить сведения о себе. Не могла ли она взять и подбросить фальшивую информацию и активно распространять ее, тем самым скрывая правду?

– Как ты себе это представляешь?

– Ну... мы много раз слышали о радиоактивности Земли, и такой слух мог быть распространен, чтобы заставить любого отказаться от всяких попыток отыскать ее. Если Земля действительно радиоактивна, значит, она совершенно неприступна. Если это так, то мы не смогли бы шагнуть на ее поверхность. Даже исследовательские роботы, если бы они у нас были, не вынесли бы радиации. Вот и получается – зачем ее искать? А если она не радиоактивна, натолкнуться на нее можно только случайно, и тогда у нее должна быть другая причина прятаться.

— Как ни странно, Джен, — вымучил улыбку Тревайз, — эта мысль и мне приходила в голову. Мне даже представлялось, что сведения о невероятно огромном спутнике могли быть нарочно внедрены во всемирные легенды. Что касается газового гиганта с чудовищной системой колец, это точно так же маловероятно и точно так же может оказаться выдуманным для отвода глаз. И все это, возможно, предназначено именно для того, чтобы заставить нас искать нечто несуществующее, так что мы спокойно пройдем мимо нужной планетной системы, поглядим на Землю, но не обратим на нее никакого внимания, так как на самом деле у нее нет ни большого спутника, ни кузена с тремя кольцами, ни радиоактивной поверхности. Следовательно, мы не узнаем ее и даже не подумаем, что смотрим на нее. И даже хуже.

— Разве может быть хуже? — ошарашенно спросил Пелорат.

— Запросто. Хуже — это когда сходишь с ума по ночам и начинаешь рыскать по безграничным просторам фантазии, пытаясь найти хоть что-нибудь, от чего становится еще страшнее. Что, если Земля обладает исключительной способностью маскироваться? Что, если мы загипнотизированы? Что, если мы могли пройти мимо Земли, у которой есть гигантский спутник с громадными кольцами, и не увидеть ничего из этого? Что, если это уже произошло?

— Но если ты веришь в это, почему же мы тогда...

— Я не сказал, что верю в это. Я говорю о сумасшедших фантазиях. Мы продолжаем поиски.

— Сколько же можно искать, Тревайз? — помедлив, спросил Пелорат. — Когда-нибудь нам наверняка придется бросить все это.

— Никогда! — рассвирепел Тревайз. — Если мне суждено провести остаток жизни, скитаясь от планеты к планете, оглядываясь и спрашивая: «Простите, сэр, не подскажете, где тут Земля?» — так тому и быть. В любое время я могу доставить тебя, Блисс и даже Фаллом, если ты пожелаешь, обратно на Гею, а затем продолжать поиск самостоятельно.

— О нет! Ты знаешь, я не брошу тебя, Голан, и Блисс не бросит тоже. Мы будем скитаться от планеты к планете вместе с тобой, если так надо. Но зачем?

— Затем, что я должен найти Землю и найду ее. Не знаю как, но найду... А теперь смотри. Я пытаюсь достичь точки, откуда смогу изучить освещенную сторону планеты, но так, чтобы солнце не находилось слишком близко... Погоди немного.

Пелорат замолчал, но не ушел, а стал смотреть на экран. Тревайз изучал изображение наполовину освещенной планеты. Пелорат не видел ничего особенного, но знал, что Тревайз, связанный с компьютером, рассматривает ее более зорко.

— Дымка... — прошептал Тревайз.

— Значит, здесь все-таки есть атмосфера?

— Но не слишком плотная. Недостаточная для поддержания жизни, однако способная создавать слабый ветер, который может поднять пыль. Это общеизвестный признак планет с разреженной атмосферой. Здесь даже могут быть маленькие полярные ледяные шапки. Ну знаешь, немного заледеневших водяных паров, сконденсировавшихся на полюсах. Планета слишком теплая для образования твердой углекислоты... Так. Я должен переключиться на радиолокационное картографирование. Тогда мне будет гораздо легче работать наочной стороне.

— Правда?

— Да. Я должен был сделать это с самого начала, но планета практически безвоздушна и, следовательно, безоблачна, мне представилось естественным попытаться рассмотреть все в видимом свете.

Тревайз надолго замолчал, а на экране возникло столь причудливое переплетение радарных импульсов, что абстрактная картина планеты казалась нарисованной мастером Клеонского периода. Затем он выразительно протянул:

— Та-ак... — и вновь замолчал.

— Что — «так»? — не вытерпел Пелорат.

Тревайз мельком взглянул на него.

— Я не вижу кратеров.

— Нет кратеров? Это хорошо?

— Совершенно неожиданно, — сказал Тревайз и широко улыбнулся. — Очень хорошо. То

есть просто великолепно.

63

Фаллом стояла, прижавшись носом к иллюминатору, через который маленький участок Вселенной был виден точно в той же форме, в какой его видно было бы невооруженным глазом – без компьютерного увеличения и настройки.

Блисс, пытавшаяся объяснить Фаллом, что та видит, вздохнула и тихо шепнула Пелорату:

– Не знаю, что из всего этого ей понятно, Пел, дорогой. Для нее особняк ее родителя и та часть поместья, на которой он расположен, были всей Вселенной. Я не думаю, что она когда-либо выходила на поверхность ночью и видела звезды.

– Ты действительно так думаешь?

– Да. Я не отваживалась показать ей все это, пока она не накопила достаточный словарный запас, чтобы хоть немного понимать меня – и какое счастье, что ты можешь говорить с ней на ее собственном языке.

– Вся беда в том, что я не особенно силен в нем, – виновато возразил Пелорат. – А Вселенную действительно очень трудно воспринять, если она наваливается на тебя так неожиданно. Она сказала мне, что если эти маленькие огоньки – гигантские миры, каждый из которых подобен Солярии, на самом деле они даже намного больше ее, то они не могут висеть в пустоте. «Они должны упасть», – сказала Фаллом.

– И она права, исходя из того, что ей известно. Она задает разумные вопросы и мало-помалу начинает понимать, что к чему. По крайней мере, она заинтересована, а не испугана.

– Понимаешь, Блисс, я тоже заинтригован. Посмотри, как Голан изменился, как только обнаружил, что на планете, к которой мы направляемся, нет кратеров. У меня нет ни малейшего понятия, какое это имеет значение. А у тебя?

– Абсолютно никакого. Он все-таки разбирается в планетологии гораздо лучше нас. Мы можем только предполагать, что он знает, что делает.

– Мне бы тоже хотелось знать, что он делает.

– Ну так спроси его.

– Я все время боюсь рассердить его, – смущенно сморщился Пелорат. – Я уверен: он думает, что я должен знать всякие такие вещи и без его объяснений.

– Это глупо, Пел. Он же не стесняется спрашивать тебя обо всех нюансах легенд и мифов Галактики, которые, по его мнению, могут быть полезными для дела. Ты всегда готов ответить и объяснить ему все это, так почему же он должен вести себя иначе? Пойди и спроси его. Если рассердится, получит повод попрактиковаться в коммуникабельности, и это пойдет ему на пользу.

– А ты пойдешь со мной?

– Нет, конечно. Нет. Я хочу остаться с Фаллом и продолжить попытки объяснить ей понятия Вселенной. Поговори с Голаном сам, а потом мне расскажешь.

64

Пелорат неуверенно вошел в рубку, и страшно обрадовался: Тревайз весело насвистывал и явно пребывал в хорошем настроении.

– Голан, – окликнул его Пелорат так беззаботно, как сумел.

Тревайз оглянулся.

– Джэн! Вечно ты входишь на цыпочках, словно думаешь, что мешать мне – преступление. Закрой дверь и садись. Садись! Полюбуйся-ка! – Он ткнул пальцем в планету на экране и пояснил: – Я обнаружил не больше двух или трех кратеров, и все маленькие.

– Это что-то меняет, Голан? В самом деле?

– Меняет? Конечно. Как ты можешь спрашивать?

– Для меня все это – тайна, покрытая мраком, – беспомощно развел руками Пелорат. – Я в колледже изучал преимущественно историю. В дополнение к ней я проштудировал социологию

и психологию, а также языки и литературу, в основном древнюю, и специализировался в университете по мифологии. Я никогда близко не касался планетологии или любой другой естественной науки.

— Это не преступление, Джэн. Я предпочитаю, чтобы ты знал то, что знаешь. Твои способности к древним языкам и знание мифологии приносят нам огромную пользу. Ты это сам отлично понимаешь. А когда дело доходит до планетологии — тут уж мне карты в руки... Понимаешь, Джэн, — продолжал он, — планеты образуются путем постепенного слипания мелких объектов. Последние из них уже наталкиваются на основную массу и оставляют после себя отметины в виде кратеров. Потенциально то есть. Если планета достаточно велика, для того чтобы стать газовым гигантом, она состоит в основном из жидкости под газовой атмосферой, и последние коллизии представляют собой всего лишь всплески и не оставляют никаких следов. Меньшие планеты — твердые, покрытые камнем или льдом, должны иметь кратеры, и они существуют неопределенно долгое время, пока появятся факторы, способствующие их уничтожению. Уничтожение бывает трех типов. Во-первых, планета может быть покрыта коркой, под которой плашется океан. В этом случае любой столкнувшийся с поверхностью объект пробивает лед и расплескивает воду. Затем лед вновь намерзает и залечивает, так сказать, рану. Такая планета или спутник должны быть холодными и не являются тем, что мы понимаем под «пригодными для жизни»... Во-вторых, если планета вулканически очень активна, то постоянные лавовые потоки или выбросы пепла постепенно заполняют или хоронят под собой любые кратеры. Однако такая планета или спутник тоже вряд ли могут быть населены... Третий случай — обитаемая планета. Такая планета может иметь полярные ледяные шапки, но большая часть ее океана должна быть свободна ото льдов. Она может иметь вулканы, но их не должно быть много. Такие планеты не способны ни залечить кратеры, ни заполнить их. Однако существует эрозия. Ветер и текучая вода могут источить кратеры, а если на планете есть еще и жизнь, то деятельность живых существ тоже сильно влияет на эрозию местности. Понимаешь?

Пелорат поразмыслил над этим, а затем сказал:

- Но, Голан, я совсем тебя не понимаю. Планета, к которой мы приближаемся...
- Мы садимся на нее завтра, — бодро заявил Тревайз.
- Эта планета, к которой мы приближаемся... на ней нет океана?
- Только довольно тонкие полярные шапки.
- И плотной атмосферы.
- Только одна сотая плотности атмосферы Терминуса.
- И жизни.
- Я, по крайней мере, не обнаружил.
- Тогда что же могло разрушить эти кратеры?

— Океан, атмосфера, жизнь, — ответил Тревайз. — Пойми, если эта планета с самого начала была безвоздушна и безводна, любые прежние кратеры все еще существовали бы, и ее поверхность была бы ими покрыта. Отсутствие кратеров доказывает, что она не могла быть безвоздушной и безводной с момента возникновения и в недавнем прошлом могла даже иметь плотную атмосферу и океан. С другой стороны, здесь есть огромные впадины, видимые с орбиты, которые, должно быть, заключали в себе озера и океаны; не говоря уже о том, что отчетливо видны русла высохших рек. Следовательно, эрозия здесь была и видоизменилась не так уж давно, так как новые кратеры еще не успели образоваться.

— Я, конечно, не планетолог, — недоверчиво проговорил Пелорат, — но мне кажется, что, если планета достаточно велика, чтобы удерживать плотную атмосферу миллиарды лет, она же не может так внезапно потерять ее, верно?

— Вряд ли. И я так думаю. Но эта планета, несомненно, была обитаема до того, как атмосфера исчезла. Очень может быть, что здесь жили люди. Думаю, планета перенесла терраформирование, как почти все заселенные людьми планеты Галактики. Вся загвоздка в том, что мы не знаем, какой она была до прихода человека, что было сделано для того, чтобы превратить ее в удобный для жизни людей мир, не знаем и того, по какой причине жизнь здесь прекратилась. Могла произойти катастрофа, высосавшая атмосферу и положившая конец человеческой жизни. Или же на планете мог существовать какой-то странный разбаланс,

который люди контролировали, пока жили здесь, и который дал порочный цикл исчезновения атмосферы, как только люди исчезли. Может быть, мы найдем ответ, когда приземлимся, а может быть, и нет. Это не имеет значения.

– Но тогда не имеет значения и то, была ли здесь вообще жизнь, раз ее нет сейчас. Какая разница, была ли планета всегда необитаема или она необитаема только теперь?

– Если она необитаема только теперь, тогда здесь могут сохраниться руины.

– На Авроре тоже были руины.

– Точно, но на Авроре двадцать тысяч лет шел дождь и снег, вся таяло и замерзало, дул ветер и менялась температура. И там была жизнь – не забывай про жизнь. Там уже не было людей, но жизнь продолжалась. Руины эродировали точно так же, как кратеры. И спустя двадцать тысяч лет для нас осталось мало чего полезного. Здесь, на этой планете, двадцать тысяч лет, а возможно, и меньше, прошло без ветров, без бурь, без жизни. Максимум – менялась температура, вот и все. Руины должны хорошо сохраняться.

– Если только они здесь есть, – с сомнением проворчал Пелорат. – Может, здесь никогда не было жизни, или никакой разумной жизни, и само отсутствие атмосферы было той самой причиной, по которой люди никогда не жили здесь.

– Нет, нет. Не корчи из себя пессимиста. Не выйдет. Уже отсюда вижу остатки того – я уверен, – что было некогда городом. Так что завтра мы садимся.

65

– Фаллом убеждена, что мы вернем ее обратно к Джемби, ее роботу, – озабочено сказала Блисс.

– Хм-м... – промычал Тревайз, не отрывая глаз от планеты, проплывающей под парящим над ней кораблем. Он долго молчал, а потом взглянул на Блисс так, словно только что услышал ее слова. – Ну, это же был единственный... опекун, которого она знала, не так ли?

– Да, конечно, но она думает, что мы вернулись на Солярию.

– Разве эта планета похожа на Солярию?

– Откуда ей знать?

– Скажи ей, что это не Солярия. Постой, я дам тебе пару подходящих библиофильмов с графическими иллюстрациями. Покажи ей виды нескольких обитаемых планет. И объясни, что их миллионы. У тебя есть для этого время. Я понятия не имею, как долго мы с Дженом прородим после посадки.

– Вы с Дженом?

– Да. Фаллом не может пойти с нами, даже если бы я очень хотел этого, хотя я еще не сошел с ума. Для посещения этой планеты необходимы скафандрсы, Блисс. Здесь нет пригодного для дыхания воздуха. А у нас нет подходящего скафандра для Фаллом. Так что она останется на корабле с тобой. – Тревайз невесело улыбнулся. – Признаться, с тобой мне было бы спокойнее, но мы не можем оставить Фаллом одну на корабле. Она может что-нибудь испортить, пусть даже ненарочно. А Джен обязательно должен пойти со мной, потому что он хорошо разбирается в древних надписях. Вдруг они здесь окажутся. Значит, остаться с Фаллом придется тебе. Думаю, ты и сама не против. – Блисс выглядела так, словно Тревайз ее не убедил. – Послушай, это ты хотела, чтобы Фаллом улетела с нами, а не я. Я предупреждал, что от нее будут одни неудобства. Итак, ее присутствие вызывает трения, и ты должна смириться с этим. Она останется на корабле, так что и тебе придется оставаться. Вот такие дела.

– Понятно, – вздохнула Блисс.

– Ну и славненько. А где Джен?

– Он с Фаллом.

– Очень хорошо. Смени его. Я хочу с ним поговорить.

Тревайз все еще изучал поверхность планеты, когда появился Пелорат и кашлянул, сообщая о своем приходе.

– Что-нибудь не так, Голан? – спросил он.

– Не то чтобы не так, Джен. Просто я сомневаюсь. Это – странная планета. Ума не приложу, что с ней стряслось. Моря тут наверняка были обширными, судя по оставшимся от

них впадинам, но мелкими. Насколько я могу судить, это была планета с системой охлаждения водоемов и каналов, или, возможно, моря были не особенно соленые. Этим можно объяснить отсутствие во впадинах солевых отложений. Или... вот что. Когда океаны исчезли, соль исчезла вместе с ними — тогда это выглядит делом рук человека.

— Прости мое невежество в подобных вещах, Голан, — нерешительно начал Пелорат, — но какое отношение это имеет к тому, что мы ищем?

— Я полагаю, никакого, но я не могу сдержать любопытства. Если бы я только знал, каким образом терраформировали эту планету и какой она была до того, тогда я, возможно, смог бы понять, что случилось с ней, после того как она опустела — или перед этим. А если мы сумеем узнать, что с ней случилось, мы сможем подготовиться к неприятным сюрпризам.

— Каким сюрпризам? Это же мертвая планета, верно?

— Достаточно мертвая. Очень мало воды; разреженная, не годная для дыхания атмосфера; а Блесс не обнаружила следов ментальной активности.

— Чего же еще?

— Отсутствие ментальной активности не гарантирует отсутствия жизни.

— Но означает отсутствие опасной жизни.

— Не знаю. Но об этом я хотел поговорить с тобой. Здесь есть два города, которые мы можем посетить. Они, похоже, довольно крупные, как, впрочем, и все города. То, что уничтожило воздух и океан, вероятно, не затронуло городов. В любом случае, эти два особенно велики. Большой, однако, кажется, каким-то приземистым из-за своего расположения на голой равнине. За его чертой находится космодром, но в самом городе ничего подобного нет. В том, что поменьше, тоже есть космодром, маленький и пустой, но, впрочем, кому теперь о нем заботиться?

— Ты хочешь, чтобы я принял решение, Голан? — испуганно сдвинул брови Пелорат.

— Нет, решение я сам приму. Просто я хочу знать, что ты об этом думаешь.

— Судя по виду, большой город, должно быть, торговый или промышленный центр. Меньший, вероятно, административный центр. Нам ведь он и нужен? Там есть монументальные здания?

— То есть?

— Вряд ли я сумею объяснить, — улыбнулся Пелорат. — Архитектура их меняется со временем и варьирует на разных планетах. Впрочем, я полагаю, что они обычно громоздкие, бесполезные и дорогие. Вроде того, где нас принимали па Компореллоне.

Тревайз не смог сдержать улыбки.

— Глядя сверху, сказать трудно. И на взлете и при посадке их вовсе не разглядишь. А почему ты предпочитаешь административный центр?

— Именно там мы скорее обнаружим центральный музей, библиотеку, архивы, университет и так далее.

— Хорошо. Значит, именно туда мы и направимся: в меньший город. Глядишь, и найдем что-нибудь. У нас уже было два промаха, не может, нам повезет на этот раз.

— Бог троицы любит.

— Откуда ты выкопал эту мысль? — поднял брови Тревайз.

— Это древняя поговорка. Я нашел ее в древних легендах. Как я думаю, это означает, что успех приходит с третьей попытки.

— Звучит правдоподобно. Прекрасно — тогда «Бог троицы любит», Джэн.

Глава пятнадцатая Мох

Тревайз выглядел довольно нелепо в своем скафандре. Снаружи остались только кобуры, да и то не те, что он обычно пристегивал к ремню, а более увесистые, составляющие часть его костюма. В правую руку он с осторожностью поместил бластер, а в левую — нейрохлыст.

Оружие снова было заряжено и на этот раз, с ухмылкой подумал Голан, никто у него ничего не отнимет.

Блисс улыбнулась:

— Неужели ты потащишь оружие даже на планету, где нет воздуха и... Ладно, не обращай внимания! Я не собираюсь с тобой спорить.

— Ну и хорошо, — сказал Тревайз и повернулся к Пелорату, чтобы помочь ему подогнать гермошлем, прежде чем надеть свой.

Пелорат, никогда прежде не надевавший скафандр, с опаской поинтересовался:

— А что, я действительно смогу дышать в этой штуковине, Голан?

— Обещаю, сможешь.

Блисс, обняв за плечи Фаллом, наблюдала за тем, как мужчины делали последние приготовления. Юная солярианка явно встревоженно смотрела на две фигуры в скафандрах. Она дрожала, руки Блисс обнимали ее нежно и успокаивающе.

Дверь люка открылась, и Тревайз с Пелоратом вошли внутрь. Их неуклюже раздувшиесь руки помахали на прощание. Люк закрылся. Крышка внешнего люка отъехала в сторону, и Тревайз, а за ним Пелорат неловко ступили на поверхность мертвого мира планеты.

Светало. Небо, естественно, было безоблачным, фиолетового оттенка, но солнце еще не взошло. Вдоль светлеющего горизонта, откуда оно должно было появиться, стелилась легкая дымка.

— Холодно, — сказал Пелорат.

— Ты чувствуешь холод? — удивился Тревайз.

Скафандры отличались хорошей изоляцией, и проблема состояла, в основном, в удалении время от времени излишнего тепла, выделяющегося телом.

— Да нет, но посмотри...

Голос Пелората ясно звучал в наушниках Тревайза. Тот посмотрел туда, куда Джен указывал пальцем: в розовом свете зари сверкал иней. Им был покрыт шероховатый камень фронтона здания, к которому они приближались.

— Из-за разреженной атмосферы здесь ночью должно быть гораздо холоднее, чем ты можешь представить, — пояснил Тревайз, — а днем гораздо жарче. Сейчас — самая холодная часть суток, и пройдет еще несколько часов, прежде чем станет слишком жарко, чтобы мы могли оставаться на солнце.

И, словно Тревайз произнес магическое заклинание, шар солнца в тот же миг появился над горизонтом.

— Не смотри на него, — посоветовал Тревайз Пелорату, — хотя в твоем шлеме — отражающее и не пропускающее ультрафиолет стекло, все же это может оказаться опасным.

Он повернулся к восходящему солнцу спиной, и его длинная тень упала на стену. Под лучами светила иней исчезал прямо на глазах. Уже через несколько мгновений стена потемнела из-за остатков влаги, но затем и влага исчезла.

— Вблизи здания выглядят не так хорошо, как с орбиты. Они растрескались и осыпаются. Это результат колебаний температуры, я думаю, а также того, что остатки воды замерзают каждую ночь и тают днем вот уже двадцать тысяч лет.

— Тут на стене вырезаны какие-то буквы. Над входом, видишь? — отозвался Пелорат. — Но камень так растрескался, что их трудно разобрать.

— Попробуй, Джен.

— Какое-то финансовое учреждение. По крайней мере, я вижу слово, похожее на «Банк».

— Что это такое?

— Дом, в котором хранили, выдавали, вкладывали, давали взаймы и пускали в оборот деньги, если это действительно то, о чем я думаю.

— Целое здание, для такой ерунды? Без компьютеров?

— Может быть, тут были компьютеры, но они не производили все операции.

Тревайз пожал плечами. Такие факты древней истории его не вдохновляли.

Они пошли дальше, все быстрее и быстрее, делая краткие остановки у каждого дома. Тишина, мертвая тишина просто угнетала. Медленное, растянувшееся на тысячелетия разрушение, в которое они вторглись, делало это место похожим на скелет. Ничего не осталось

от города, кроме останков.

Друзья находились в умеренной температурной зоне, но Тревайзу все время казалось, что спиной он чувствует жар солнца.

Пелорат, шедший метров на сто правее, вдруг громко крикнул:

– Посмотри сюда!

У Тревайза зазвенело в ушах.

– Не ори, Джен. Я так же ясно услышу и твой шепот, несмотря на то что ты далеко от меня. Что это?

– Это здание – «Зал Планет», – приглушил голос Пелорат. – По крайней мере, я думаю, так читается эта надпись.

Тревайз подошел к другу. Перед ними возвышалось трехэтажное сооружение. Край крыши был завален крупными обломками камня. Вероятно, какие-то скульптуры, стоявшие наверху, разбились на куски.

– Ты уверен?

– Если мы войдем внутрь, то сможем убедиться.

В пять широких шагов друзья пересекли пустую площадь. В разреженной атмосфере их металлические подошвы производили скорее колебания на уровне шепота, чем полновесные звуки.

– Теперь мне ясно, что ты имел в виду под «громоздкими, бесполезными и дорогостоящими» зданиями, – пробормотал Тревайз.

Они вошли в обширный и высокий зал, освещенный солнцем сквозь узкие окна. Внутренняя обстановка четко была видна там, куда падали солнечные лучи, а ее остальная часть скрывалась в тени. Разреженная атмосфера слабо рассеивала свет.

В центре стояла фигура человека, много больше натуральных размеров, выполненная из чего-то вроде синтетического камня. Одна рука статуи отвалилась, другая треснула у плеча, и Тревайз почувствовал, что, если он резко топнет, эта рука тоже отломится. Он сделал шаг назад, борясь с искушением проявить столь неподобающее варварство.

– Интересно, кто это такой, – сказал Тревайз. – Нигде никаких надписей. Я думаю, те, кто установил статую, считали его имя настолько нарицательным, что оно не нуждается в напоминании. Но сейчас... – Он сдержал себя, опасаясь углубиться в пространные разглагольствования, и переключил свое внимание на другие подробности интерьера.

Пелорат смотрел вверх, и Тревайз направил взгляд туда же. Там, на стене, было что-то высечено – какие-то знаки, которые Тревайз не мог прочитать.

– Поразительно, – пробормотал Пелорат. – Им двадцать тысяч лет... или больше... а здесь, отчасти защищенные от солнца и влаги, они еще вполне разборчивы.

– Не для меня, во всяком случае.

– Это написано древним шрифтом, и даже для него излишне витиевато. Позволь, я посмотрю... сейчас... семь-один-два... – голос Пелората перешел в бормотание, но вскоре он опять громко произнес: – Здесь пятьдесят названий, очевидно, принадлежащих пятидесяти космонитским планетам, и это – «Зал Планет». Я полагаю, названия перечислены в порядке очередности заселения. Аврора – первая, а Солярия – последняя. Если ты обратил внимание, здесь семь колонок с семью названиями в первых шести и восемью – в седьмой. Словно бы планировали таблицу семь на семь, а затем добавили Солярию, как свершившийся факт. Я полагаю, старина, что этот список относится к тому времени, когда Солярия еще не была терраформирована и заселена.

– И какая из них – планета, на которой мы находимся? Ты понял это?

– Посмотри на пятое название в третьей колонке, то есть – девятнадцатое, высеченное буквами намного более крупными, чем другие. Писавшие это, кажется, были достаточно себялюбивы, чтобы выделить свою планету. С другой стороны...

– Как читается это название?

– Насколько я могу воспроизвести его звучание, это – Мельпомена. Мне это название совершенно незнакомо.

– Может ли оно соответствовать слову «Земля»?

Пелорат усиленно замотал головой. Это, конечно, не было видно, но Тревайз услышал его

слова:

– В древних легендах для обозначения Земли существуют десятки слов. Гея – одно из них, как ты знаешь. Также используются Терра, Эрда и так далее. Они все довольно короткие. Мне не известно ни одного длинного названия Земли или какого-либо слова, напоминающего укороченную версию «Мельпомены».

– Значит, мы находимся на Мельпомене, и это не Земля.

– Да. С другой стороны, можно еще с большей уверенностью говорить, что это Мельпомена, опираясь не на увеличенные буквы, а на координаты – 0;0;0. Таковы и должны быть координаты, соответствующие какой-либо собственной планете.

– Координаты? – Тревайз чувствовал себя полным идиотом. – Этот перечень и координаты дает?

– В перечне – три числа для каждой планеты, и я готов предположить, что это – координаты. Чем же еще они могут быть?

Тревайз не ответил. Он открыл небольшую книжку в той части скафандра, что защищала его правое бедро, и вытащил компактный прибор, соединенный кабелем со скафандром. Он приложил его к глазам и старательно навел на настенную надпись; негнущиеся пальцы в перчатках затрудняли дело, а ведь в принципе работа была минутная.

– Камера? – неизвестно зачем уточнил Пелорат.

– Она может передавать изображение прямо в корабельный компьютер.

Тревайз сделал несколько снимков в разных ракурсах, после чего обратился к Пелорату:

– Погоди, я должен забраться повыше. Помоги мне, Джэн!

Пелорат сцепил кисти рук, изобразив из себя лестницу, но Тревайз покачал головой:

– Ты не выдержишь моего веса. Встань лучше на четвереньки.

Пелорат с трудом опустился на пол, и Тревайз, вновь затолкав камеру на место, с неменьшим трудом встал на плечи Пелората и перебрался на пьедестал статуи. Он осторожно постучал по камню скульптуры, проверяя его прочность, закинул ногу на колено каменной фигуры, используя его как опору для того, чтобы подняться выше, и ухватился за безрукое плечо. Уцепившись ногами за какие-то незаметные выступы на груди, он подтянулся и наконец после нескольких попыток уселся на плече статуи. Тем давно умершим людям, кто почитал эту статую и того, кого она олицетворяла, сделанное Тревайзом, наверное, могло показаться богохульством. Тревайзу было не по себе от этой мысли, и он старался сидеть аккуратнее.

– Ты свалившись и разобьешься, – взволнованно крикнул Пелорат.

– Я не собираюсь падать и разбиваться, а вот ты можешь оглушить меня.

Тревайз вынул камеру и снова навел на резкость. Сделав несколько снимков, он закрыл ее и осторожно спустился на пьедестал. Затем спрыгнул на пол, и вибрация от его приземления стала, очевидно, той последней каплей, которой не выдержала треснувшая рука. Она отвалилась и, упав, превратилась в кучу щебня у подножия статуи. Причем все это произошло совершенно беззвучно.

Тревайз замер. Его первым импульсом было найти место, где можно спрятаться, пока не прибежал сторож и не схватил его. Поразительно, думал он впоследствии, как быстро оживают дни детства в ситуациях вроде этой: когда случайно разобьешь что-нибудь весьма ценное. Длится это только мгновение, но задевает до печени.

– Ну... ну, все в порядке, Голан. – Голос Пелората звучал глухо и смущенно – так и следовало говорить человеку, ставшему свидетелем и даже подстрекателем варварского деяния, но пытавшемуся найти слова утешения. – Так или иначе, она бы сама вот-вот отломилась.

Он подошел к осколкам у пьедестала, словно хотел доказать это, дотянулся до одного из самых крупных, поднял его и позвал друга:

– Голан, иди-ка сюда.

Тревайз подошел, и Пелорат, указывая на кусок камня, который явно был частью руки, раньше державшейся на плече, спросил:

– Что это такое?

Тревайз пригляделся. Это был клочок чего-то пушистого, ярко-зеленого. Он осторожно поцарапал рукой в перчатке, и без труда отскреб этот пух.

– Смахивает на мох, – сказал он.

– Та самая неразумная жизнь, про которую ты говорил?

– Уверен, что совсем неразумная. Блисс, думаю, будет настаивать на том, что мох обладает разумом, но ведь она наверняка заявит, что и камень им обладает.

– Ты думаешь, этот мох и разрушил камень?

– Не удивлюсь, если он этому разрушению помог. В этом мире много солнечного света и осталось немного воды. Половину той атмосферы, что есть у планеты, составляет водяной пар. Остальное – азот и инертные газы. Также остались следы двуокиси углерода, что заставляет предположить отсутствие растительности, но может оказаться, что углекислого газа мало из-за того, что он фактически весь заключен в коре. И если в этих камнях имеется немного карбонатов, возможно, мох разрушает их, выделяя кислоты, а затем использует полученную при этом двуокись углерода. Может статься, что мох – доминирующая форма жизни, оставшаяся в этом мире.

– Восхитительно.

– Несомненно, – сказал Тревайз, – но только в некотором смысле. Координаты Внешних миров гораздо более интересны, но нам нужны координаты Земли. Если их нет здесь – они могут быть где-нибудь еще в этом здании или в каком-нибудь другом. Пошли, Джэн.

– Но знаешь… – начал было Пелорат.

– Нет, нет, – нетерпеливо оборвал его Тревайз. – Потом поговорим. Лучше посмотрим, что еще можно заполучить нам в этом месте. Становится все теплее. – Он взглянул на маленький датчик температуры, встроенный с тыльной стороны левой перчатки. – Пошли, Джэн.

Шагая, они подняли небольшое облачко пыли, которая, правда, быстро осела из-за разреженности атмосферы. Позади них протянулись цепочки следов.

Время от времени в каком-нибудь темном углу то один, то другой замечали островки росшего там мха. Они не ощущали особой радости от присутствия здесь чего-то живого, своей примитивностью лишь усиливавшего мрачное, угнетающее чувство от прогулки по мертвой планете, особенно по такой, где на каждом шагу все напоминало о том, что когда-то, давным-давно, здесь кипела жизнь и развивалась цивилизация.

– Я думаю, здесь была библиотека, – произнес внезапно Пелорат.

Тревайз с любопытством огляделся. В зале стояло множество полок, и когда он приглядился к ним внимательнее, то заметил, что принятые им было за украшения элементы могли с таким же успехом оказаться и библиофилемами. Стараясь не дышать, он вытащил одну кассету. Она была массивной, и Тревайз быстро понял, что это только футляр. Он вскрыл его неуклюжими из-за перчаток пальцами и увидел внутри несколько дисков. Они тоже были довольно толстыми, но казались хрупкими. Проверять Тревайз не решился.

– Невероятно примитивно, – заметил он.

– Им тысячи лет, – с упреком, словно оберегая мельпомениан от обвинений в отсталой технике, возразил Пелорат.

Тревайз показал на центр диска, где проступали завитки древних замысловатых букв.

– Это название? Что оно означает?

Пелорат пристально рассмотрел диск.

– Не уверен, дружочек, но думаю, одно из этих слов относится к микроорганизмам. Наверное, это специфический термин микробиологии, который я не понял бы и на стандартном галактическом.

– Вероятно, – угрюмо проговорил Тревайз. – И столь же вероятно, что это не даст нам ровным счетом ничего, далее если мы сможем прочесть название. Нас не интересуют микробы. Сделай одолжение, Джэн. Просмотри несколько книг и отбери те, у которых достаточно интересные заглавия. Пока ты займешься этим, я взгляну на считывающие устройства.

– Это они? – удивленно спросил Пелорат. Устройства были приземистые, кубической формы, увенчанные наклонным экраном с закругленными выступами сверху, которые могли бы служить подставками для локтей или же местом, куда ставился электроблокнот, если таковые существовали бы на Мельпомене.

– Если это библиотека, – сказал Тревайз, – то должны быть и различного вида считывающие устройства, и, кажется, вот эти вполне подходят.

Он осторожно стер пыль с экрана и обнаружил – какая разница, из чего тот сделан, – что

поверхность его не разрушилась от прикосновения. Тревайз покрутил ручки одну за другой – ничего не произошло. Он испробовал следующий прибор, затем следующий, результат все тот же.

Он не удивился. Даже если прибор оставался в рабочем состоянии в течение двадцати тысяч лет в столь разреженной атмосфере и был влагонепроницаемым, оставалась еще и проблема источников питания. Запасенная энергия утекала, что бы ни предпринимали для предотвращения этого – еще один аспект всеобъемлющего, непререкаемого второго закона термодинамики.

Пелорат подошел к нему сзади.

– Голан.

– Да.

– У меня здесь книгофильм…

– Какой?

– Похоже, история космических полетов.

– Великолепно, но это ничего нам не даст, если я не заставлю проклятый считыватель работать.

Он от злости сжал кулаки.

– Мы можем взять микрофильм с собой на корабль.

– Я понятия не имею, как приспособить эту кассету к моему компьютеру. Она не подойдет к нему, и наша сканирующая система наверняка с ней несовместима.

– Но разве это действительно необходимо, Голан? Если мы…

– Это действительно необходимо, Джен. Не перебивай меня. Я пытаюсь придумать, что делать. Попробую добавить немного энергии этому устройству. Может быть, это все, что нужно.

– Откуда ты ее возьмешь?

– Ну… – Тревайз вытащил свое оружие, быстро взглянул на него, затем убрал бластер обратно в кобуру, вскрыл отсек питания нейрохлыста и проверил заряд. Заряд был максимальным. Тревайз рас простерся на полу, запустил руки за считыватель (продолжая считать, что это именно он) и попытался двинуть его на себя. Прибор слегка сдвинулся, и Тревайз стал изучать то, что при этом обнаружилось.

Один из проводов должен был подводить питание, и наверняка это был тот, что выходил из стены. Но ни вилки, ни соединения. (Как можно понять чужую, к тому же древнейшую культуру, в которой совершенно не признаются такие простейшие меры безопасности?)

Он осторожно потянул на себя кабель, потом потянул чуть сильнее. Повертел туда-сюда, нажал стену вблизи его выхода и затем осмотрел полу вскрытыю заднюю стенку прибора, но не обнаружил ничего, что помогло бы ему привести считыватель в рабочее состояние.

Опершись одной рукой на пол, он встал и потянул кабель. Тревайз не мог понять, как удалось освободить его. Однако вот он и совершенно не поврежден. И установка, кажется, в полном порядке. В стене осталось лишь аккуратное отверстие.

– Голан, могу я… – осторожно сказал Пелорат.

Тревайз отмахнулся от него и безапелляционно заявил:

– Не сейчас, Джен. Прошу тебя!

Он внезапно обнаружил на складке своей левой перчатки пятно от зеленого мха. Наверное, подцепил его за прибором и вытащил на свет. Перчатка сперва была слегка влажной, но на глазах Тревайза мх высох, и из зеленоватого превратился в коричневый.

Тревайз снова стал разглядывать конец провода и увидел два отверстия. Вот везение – сюда же можно воткнуть другие провода.

Тревайз вновь уселся на пол и открыл отсек питания своего нейрохлыста. Осторожно отсоединил один из проводков. Потом медленно и осторожно вставил его в одно из отверстий провода считающего аппарата. И проталкивал до упора. После этого он попытался потихоньку вытащить его обратно, но провод не поддавался, словно что-то его зажало. Тревайз с трудом справился с желанием выдернуть провод силой. Было ясно, что им можно-таки замкнуть цепь и снабдить энергией считыватель.

– Джен, – сказал Тревайз, – ты имел дело с уймой библио фильмов. Посмотри, нельзя ли

каким-то образом вставить этот считыватель.

– Если это действительно необ...

– Прошу тебя, Джен, постараися не задавать лишних вопросов. Мы потеряли уже уйму времени! Я не хочу торчать здесь до ночи, ожидая того момента, когда здание достаточно остынет, чтобы можно было вернуться.

– Он должен вставляться вот так, но...

– Хорошо. Если это история космических полетов, значит, она должна начинаться с Земли, поскольку именно там были изобретены космические корабли. Теперь посмотрим, работает ли эта штука.

Пелорат несколько неуклюже вставил библиофильм в щель приемника и принялся изучать обозначения около различных клавиш, пытаясь понять, на которую из них нужно нажать.

Ожидая результатов, Тревайз негромко, отчасти для того чтобы немного успокоиться, проговорил:

– Наверное, тут где-то есть и роботы – по идее, в полном порядке и блеске, ведь здесь почти полный вакуум. Беда лишь в том, что их источники энергии давно иссякли, и если их снова зарядить, что будет с их мозгом? Рычаги и шестеренки могли выдержать груз прошедших тысячелетий, но что за это время случилось с какими-нибудь микрореле и позитронными цепочками у них в мозгу? Они наверняка вышли из строя, а если даже и нет, что они могут знать о Земле? Что они могут...

– Считыватель работает, дружочек, – обрадовался Пелорат. – Смотри.

Экран вскоре тускло замерцал, правда, еле-еле. Но Тревайз слегка повернул регулятор мощности нейрохлыста, и экран засветился ярче. Из-за разреженности воздуха в местах, куда не попадали лучи солнца, стоял полумрак, и свет от экрана на темном фоне казался сильнее.

Экран продолжал мерцать. По нему проплывали бесформенные тени.

– Нужно отладить изображение, – сказал Тревайз.

– Знаю, – ответил Пелорат, – но это максимум, чего я смог добиться. Сама пленка, должно быть, испорчена.

Тени задвигались быстрее. Периодически на экране появлялось что-то, смутно напоминающее печатный текст. На мгновение возникло резкое изображение и тут же исчезло.

А Пелорат и сам уже занялся этим. Он прогнал запись назад, затем вперед и наконец нашел и остановил кадр.

Тревайз мучительно пытался прочесть текст, по вскоре в отчаянии спросил у Пелората:

– А ты понимаешь, что здесь написано, Джен?

– Не совсем, – не спуская глаз с экрана, ответил Пелорат. – Что-то об Авроре. Это точно. Похоже, тут речь идет о первой гиперпространственной экспедиции – как тут сказано «о первом броске».

Он пустил пленку дальше, и экран вновь замигал.

– Во всех кусках, – сказал Пелорат немного погодя, – которые я смог разобрать, упоминаются только Внешние миры, Голан. О Земле – ни слова.

– И быть не может, – с горечью констатировал Тревайз. – На этой планете все сведения уничтожены, как и на Тренторе. Выключи эту штуку.

– Но это не имеет значения... – начал Пелорат, выключая прибор.

– Потому что мы можем попытать счастья в другой библиотеке? Там тоже все окажется уничтоженным. Везде одно и то же. Знаешь... – сказал он и, в ужасе глядя на Пелората, оборвал начатую фразу.

– Что у тебя со шлемом, Джен? – наконец выдавил Тревайз.

Пелорат машинально коснулся рукой в перчатке лицевого стекла скафандра, затем отдернул ее и посмотрел на пальцы.

– Что это? – удивился он. Затем взглянул на Тревайза и пронзительным от волнения голосом проговорил: – У тебя со шлемом, Голан, тоже что-то странное.

Тревайз растерянно огляделся по сторонам, ища, нет ли где зеркала. Зеркала не было, да и

будь оно тут, без дополнительного освещения рассмотреть себя в нем было бы все равно невозможно.

— Пошли к свету, — буркнул Тревайз.

Он полузывел, полузыткнул Пелората на солнце, бьющее из ближайшего окна. Несмотря на изолирующее действие скафандра, Тревайз уже ощущал, как жарко греют лучи.

— Повернись лицом к солнцу, — приказал он. — Закрой глаза.

Теперь стало ясно, что случилось с лицевым стеклом шлема Пелората: там, где оно соединялось с металлизированной тканью самого скафандра, вырос пышный мох. Лицевое стекло окантовал зеленый пух. Тревайз понял, что сам выглядит точно так же.

Он провел пальцем по мху на шлеме Пелората. Часть этого мха легко стерлась. Раздавленная зелень осталась на перчатке. Даже теперь она влажно блестела на солнце, однако уже казалась жестче и суще. Тревайз потер ее, и на этот раз мох рассыпался, стал коричневым и сухим. Протер края лицевого стекла Пелората, нажимая пальцами как можно сильнее.

— Теперь ты меня почисти, Джэн, — попросил он... — Все? Хорошо, спасибо. Пошли. Я думаю, нам здесь больше ничего делать.

Солнце в небе над мертвым городом палило нещадно. Стены зданий блестели ярко, до рези в глазах. Тревайз, щурясь, старался двигаться по теневой стороне улиц. Остановившись около трещины в фасаде одного из зданий, достаточно широкой, чтобы просунуть в нее палец, Тревайз так и сделал — вытащил палец, взглянул на него, пробормотал «мох», неторопливо подошел к границе тени и некоторое время подержал палец на солнце.

— Углекислота, — сказал он, — вот слабое место. Повсюду, где найдется углекислота — разрушающийся камень, — везде он будет расти. Мы, кстати, прекрасный источник углекислого газа, вероятно, более богатый, чем что-либо еще на этой почти мертвой планете, и, видимо, часть этого газа просачивается по краям лицевых стекол.

— И поэтому там вырастает мох?

— Да.

Обратный путь к кораблю казался нестерпимо долгим, и, конечно, теперь было намного жарче, чем на заре. Корабль, на счастье, все еще оставался в тени, когда они добрались до него; Тревайз на это рассчитывал и не ошибся.

— Смотри! — воскликнул Пелорат.

Тревайз увидел, что по всему периметру шлюзового люка идет кайма зеленого мха.

— Еще большая утечка углекислоты? — спросил Пелорат.

— Конечно. Но количество газа незначительно. Этот мох, похоже, является лучшим индикатором следов двуокиси углерода из всех, что я видел. Его споры, должно быть, рассеяны повсюду, и где бы ни обнаружилось хотя бы несколько молекул углекислоты, они прорастают. — Тревайз настроил свое радио на волну корабля и произнес: — Блисс, ты слышишь меня?

— Да, — прозвучал в его наушниках голос Блисс. — Вы готовы войти? Нашли что-нибудь?

— Мы снаружи. Но не открывай люка. Мы откроем его отсюда. Повторяю, не открывай люка.

— Почему?

— Блисс, делай только то, что я прошу, хорошо? Все объясним потом.

Тревайз вынул свой бластер, осторожно уменьшил его мощность до минимума и неуверенно посмотрел на оружие. Ему еще никогда не приходилось использовать бластер на минимальной мощности. Огляделся. Кругом, как назло, не валялось никакого подходящего обломка камня, на котором можно было бы испробовать бластер.

В полном отчаянии он повернулся и направил бластер на каменистый склон холма, в тени которого стояла «Далекая звезда». Мишень не раскалилась докрасна под действием теплового луча. Тревайз подошел и пощупал пятно от выстрела. Нагрелся камень или пет, сказать точно было трудно — мешала теплоизоляция скафандра.

Тревайз немного подумал и решил, что обшивка корабля должна быть не менее устойчива к действию тепла, чем камень. Он направил бластер на край люка и, затаив дыхание, резко нажал спуск.

Несколько сантиметров мохоподобной растительности мгновенно побурело. Он маxнул

рукой около этого участка, и даже малейшего дуновения, возникшего в почти безвоздушном пространстве, хватило для того, чтобы легкий бурый порошок рассеялся без следа.

— Сработало? — озабоченно спросил Пелорат.

— Вроде получается.

Тревайз обработал всю окружность люка — зелень немедленно побурела. Тогда он постучал по люку, и бурый порошок осыпался на грунт — пыль была настолько мелкой, что даже повисла в разреженном мельпоменском воздухе.

— Пожалуй, теперь молено открыть люк, — сказал Тревайз и, нажав несколько кнопок на запястье, набрал комбинацию радиоволн, активировавшую механизмы шлюза. Появилась щель, и не успел люк и наполовину открыться, как Тревайз подтолкнул Пелората: — Не стой столбом, Джэн, входи. Не жди трапа. Влезай, быстро!

Тревайз последовал за другом, не переставая обрабатывать лучом края люка. Он также тщательно прожарил трап, как только тот опустился. Затем Тревайз дал сигнал закрытия люка и продолжал прогревать крышку, пока та не захлопнулась полностью.

— Мы в шлюзе, Блисс, — сообщил Тревайз по радио. — Пробудем здесь еще несколько минут. Не волнуйся и ничего не делай!

— Ну скажи хоть словечко! — умоляюще проговорила Блисс. — С вами все в порядке? Как там Пел?

— Я здесь, Блисс. Все нормально, — отозвался Пелорат. — Не волнуйся, милая!

— Я верю, Пел, раз ты так говоришь, Но потом обязательно все объясните. Объяснить придется.

— Обещаю, — ответил Тревайз и включил свет. Двое в скафандрах стояли лицом к лицу в тесном шлюзе.

— Мы должны выкачать весь воздух, по возможности, так что придется подождать, — объяснил Тревайз.

— А корабельный воздух? Мы напустим его сюда?

— Не сразу. Мне точно так же невтерпеж избавиться от скафандра, как и тебе, Джэн. Я просто хочу убедиться, что мы избавились от всех спор, которые проникли сюда вместе с нами — или на нас.

В шлюзе было не только тесно, но и не очень светло, к тому же Тревайз с бластером повернулся к внутренней стороне люка и нажал на спуск. Старатально прогрел пол, стены и еще раз пол.

— Теперь твоя очередь, Джэн. — Пелорат засуетился, но Тревайз успокоил его: — Ты только почувствуешь тепло. Больше ничего. Если станет неприятно, сразу скажи. — Он провел невидимым лучом по лицевому стеклу шлема Пелората, особенно тщательно — по краям, затем постепенно по всей остальной поверхности скафандра. — Подними левую руку, Джэн, — бормотал он. — Теперь правую. Обопрись на мои плечи и подними ногу — я должен обработать подошвы, теперь другую. Тебе не слишком жарко?

— Не сказал бы, что меня обдувает прохладный ветерок, Голан.

— Ну, теперь дай и мне испробовать мое собственное средство на себе. Поработай надо мной.

— Я никогда не держал в руках бластера.

— Придется подержать. Вот так. Большими пальцем нажми на эту кнопку, и крепко сожми рукоятку. Правильно. Теперь прогрей лицевое стекло. Двигай бластером. Джэн, не целься долго в одно место. Давай. Еще по шлему немного, а потом вниз по всему скафандру.

Тревайз показывал Пелорату, куда направлять бластер, и только когда основательно вспотел, забрал оружие и проверил заряд батарей.

— Больше половины израсходовано, — отметил он и вновь тщательно прогрел стены, пол и потолок шлюзовой камеры, пока не кончился заряд.

Оружие и само здорово нагрелось. Тревайз наконец засунул бластер в кобуру и только тогда подал сигнал для входа в корабль. Обрадовался свисту воздуха, устремившегося в шлюзовую камеру, как только открылся внутренний люк. Теперь его прохладные струи быстро остынут скафандр — гораздо быстрее, чем он остыл бы снаружи. Наверное, это была иллюзия, но Тревайз почти мгновенно почувствовал охлаждающий эффект. Пусть это был плод

воображения, все равно приятно.

– Сними скафандр, Джен, и оставь его здесь, в шлюзе.

– Если ты не против, я хотел бы прежде всего принять душ.

– Не прежде всего. До этого и даже раньше, чем ты сможешь опорожнить свой исстрадавшийся мочевой пузырь, ты должен поговорить с Блисс.

Блисс, конечно, ждала их с нетерпением. Позади нее, выглядывая сбоку, стояла Фаллом, крепко вцепившись пальцами в левую руку Блисс.

– Что случилось? – строго спросила Блисс. – Что произошло?

– Предохранительные меры против инфекции, – сухо ответил Тревайз. – А еще я включу ультрафиолетовые лампы. Наденьте темные очки. Быстрее, пожалуйста. – В ультрафиолетовом свете, добавившемся к обычному свечению стенных панелей, Тревайз стащил с себя влажную от пота одежду, встряхнул и повертел, внимательно осматривая. – Из чистой предосторожности, – сказал он. – Советую то же самое сделать и тебе, Джен. И еще... Блисс, я должен раздеться догола. Если тебе это неприятно, пройди в свою каюту.

– Мне ни неприятно, ни неудобно. Я достаточно хорошо представляю, как ты выглядишь, думаю, что ничего нового не увижу. А что за инфекция?

– Да так, мелочь, – стараясь говорить равнодушно, произнес Тревайз. – Однако, если этой пакости дать волю, она может причинить большой вред человечеству.

68

Официально, согласно содержанию комплекса фильмов с информацией и инструкциями, которые имелись на «Далекой звезде» и которые Тревайз обнаружил еще тогда, когда впервые ступил на борт этого корабля, ультрафиолет предназначался именно для дезинфекции. Тревайз предполагал, правда, что этот свет является и источником великого искушения, и временами этому искушению уступали, используя ультрафиолет для получения загара, уроженцы планет, где в моде была смуглая кожа. Но для чего бы им ни пользовались, он все равно дезинфицировал помещения корабля.

Корабль покинул планету, и Тревайз занялся маневрами вблизи солнца Мельпомены, делая все, что мог, чтобы не причинить неприятностей и не доставить лишних неудобств экипажу за счет непрерывных поворотов. Тревайз хотел на все сто увериться, что вся обшивка корабля омыта ультрафиолетовым излучением звезды. Напоследок из шлюза извлекли скафандры и осматривали их до тех пор, пока Тревайз не удовлетворился их состоянием.

– И все это, – сказала наконец Блисс, – из-за мха? Ты же так сказал, Тревайз? Мох?

– Я назвал эту дрянь мхом, потому что она мне его напоминала. В конце концов я не ботаник. Все, что я могу сказать, так это то, что это – ярко-зеленая растительность и, вероятно, она может существовать при очень слабом освещении.

– Почему?

– Мох чувствителен к ультрафиолету, и он может расти или сохранять жизнеспособность под прямыми солнечными лучами. Его споры – повсюду, и он растет в укромных уголках, а трещинах статуй, на нижних сторонах различных предметов, питаясь энергией рассеянных фотонов везде, где есть источники двуокиси углерода.

– Я поняла так, что ты считаешь его опасным.

– Это не исключено. Если бы хоть несколько спор проникли с нами, когда мы вошли, они бы нашли на корабле вполне подходящее освещение, без примеси вредного ультрафиолета, воду и неиссякаемый источник углекислого газа.

– Только три сотых процента в нашей атмосфере, – заметила Блисс.

– Им хватит за глаза. Добавь еще четыре процента в выдыхаемом нами воздухе. Что, если споры мха проросли бы у нас в ноздрях и на коже? Что, если бы они съели и испортили пищевые запасы? Что, если они производят токсины, способные нас убить? Даже если бы мы бросили все силы на уничтожение этих спор, но все же оставили хоть несколько, этих оставшихся могло бы оказаться достаточно, когда они вместе с нами попадут на другие планеты, чтобы заразить их, а оттуда перенестись на следующие. Кто знает, какой вред они могут причинить?

— Жизнь не обязательно опасна только потому, что она отличается от обычной, — покачала головой Блисс. — Как же ты любишь убивать.

— Это слова Геи, — буркнул Тревайз.

— Конечно. Но я надеюсь, они не лишены смысла. Мох привык к условиям этого мира. Поэтому он использует свет в небольших количествах, но гибнет при его избытке; поэтому он использует малейшие дозы двуокиси углерода, но может погибнуть при больших его концентрациях. Он может оказаться безопасным на любой другой планете, кроме Мельпомены.

— Ты хочешь, чтобы я дал мху шанс попытать счастья? — с возмущением сказал Тревайз.

— Да нет, — пожала плечами Блисс. — Не кипятись. Я тебя понимаю. Ты изолят, и у тебя, видимо, не было другого выбора, кроме как поступить так, как ты поступил.

Тревайз хотел было что-то ответить, но его прервал чистый, пронзительный голосок Фаллом. Она что-то сказала на своем языке.

— Что она говорит? — спросил Тревайз у Пелората.

— Она говорит, что... — начал Пелорат, но не договорил.

Фаллом, видимо, решив, что ее язык понять нелегко, начала снова:

— Был ли там Джемби, там, где вы были?

Фаллом произнесла слова так старательно, что Блисс просияла:

— Разве не прекрасно она говорит на галактическом? И как быстро выучилась!

— Я все перепутаю, — тихо сказал Тревайз, — если попытаюсь объяснить сам, но ты скажи ей, Блисс, что мы не нашли роботов на этой планете.

— Я сам, — вмешался Пелорат. — Послушай, Фаллом, — он нежно положил руку на плечо подростка, — пойдем в нашу каюту, и я дам тебе почитать еще одну книгу.

— Книгу? О Джемби?

— Не совсем... — улыбнулся Пелорат, уводя Фаллом, и дверь за ними закрылась.

— Знаешь, — сказал Тревайз, проводив их недовольным взглядом, — мы тратим время зря, играя в нянек этого ребенка.

— Зря? Разве это мешает тебе в поисках Земли, Тревайз? Нет. То, что ты называешь «игрой в нянек», на самом деле укрепляет наши отношения, снимает страх, создает любовь. Разве это такая уж чепуха?

— Ты вновь говоришь устами Геи.

— Да, — согласилась Блисс, — А теперь о деле. Мы посетили три из древних космонитских планет и ничего не добились.

— Все правильно, — кивнул Тревайз.

— Фактически мы обнаружили, что все они по-своему опасны, верно? На Авроре — дикие собаки; на Солярии — странные, агрессивные люди; на Мельпомене — несущий угрозу всем обитаемым планетам мох. Очевидно, когда планета остается предоставленной самой себе, обитаема она людьми или нет, она все равно становится опасной для межзвездного сообщества.

— Это нельзя возводить в ранг всеобщего закона.

— Трое из трех — это впечатляет.

— И как же это впечатляет тебя, Блисс?

— Я скажу тебе. Только, пожалуйста, выслушай меня без предубеждений. Если в Галактике существуют миллионы взаимодействующих планет — так оно и есть на самом деле, — и если каждая из них населена исключительно изолятами, что тоже так и есть, то на каждой планете доминируют люди, и они могут навязать свою волю другим формам жизни, неживым геологическим образованиям и даже себе подобным. Галактика, следовательно, на сегодняшний день является вполне примитивным, некоординированным и плохо функционирующим миром. Начатком, зародышем объединения. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Я понял, к чему ты клонишь, но это не означает, что я должен с тобой соглашаться.

— А ты послушай. Соглашаться или нет, дело твое, но выслушай меня. Галаксия может родиться только изproto-Галаксии и, чем меньше будет «proto», чем больше «Галаксии», тем лучше. Галактическая Империя была попыткой создать сильную proto-Галаксию. Когда она раскололась, сразу настали плохие времена, и возникло стремление усилить концепциюproto-Галаксии. Конфедерация Академии является воплощением этого стремления. Таким же воплощением была и Империя Мула. Такова и планируемая Второй Академией Новая Империя.

Но даже если бы не было таких империй или конфедераций, но будь вся Галактика сумасшедшим домом, это был бы взаимосвязанный сумасшедший дом, в котором между собой общались бы отдельные миры, пусть даже только враждебно. Это было бы все равно некое единение, и не самое худшее.

– Куда уж хуже?

– Ты знаешь ответ, Тревайз. Ты видел его своими глазами. Если населенная людьми планета будет брошена на произвол судьбы, становясь истинным изолятом, если она теряет все связи с другими населенными мирами, она развивается, но развивается злокачественно.

– Наподобие раковой клетки?

– Да. Не такова ли Солярия? Она противостоит всем мирам. Там каждый против всех остальных. Ты видел это. А если люди исчезают совсем, испаряются последние следы дисциплины, Каждый-против-каждого – этот принцип становится инстинктивным, как у собак, или просто законом природы, как в мире мхов Мельпомены. Понимаешь, я думаю, что чем ближе мы к Галакции, тем совершеннее сообщество. Тогда зачем останавливаться за несколько шагов до цели?

Тревайз некоторое время молча смотрел на Блисс.

– Я думаю об этом, – сказал он наконец. – Но зачем предполагать, что увеличение дозы лекарства – единственный выход, что если немного – это хорошо, что больше – лучше, и все это – лучшее из возможного? Разве ты сама не говорила, что мох, возможно, так адаптировался к очень малому содержанию двуокиси углерода, что ее богатое содержание может убить его? Человек ростом в два метра лучше, чем ростом с метр, но он лучше и трехметрового великаны. Мыши не станет лучше, если она вырастет до размеров слона. Ей просто не выжить. Да и слону не станет лучше, если он уменьшится до размеров мыши.

Существуют естественные размеры, естественная сложность, какое-то оптимальное качество для всего – звезда это или атом, и это, очевидно, столь же истинно для живых существ и их сообществ. Я не говорю, что старая Галактическая Империя была идеальной и, безусловно, вижу ошибки в деятельности Конфедерации Академии, но я не могу заявить что, поскольку тотальный изоляционизм плох, хороша тотальная Унификация. Крайности могут быть ужасны как та, так и другая, и старая добная Галактическая Империя, пусть и несовершенная, могла бы быть нам меньшим из зол.

– Сомневаюсь, – покачала головой Блисс, – веришь ли ты сам себе, Тревайз. Станешь ли ты доказывать, что и вирус, и человек равно неудовлетворительны, и возжелаешь стать чем-то промежуточным – вроде скользкой плесени?

– Нет. Но я могу спорить, что и вирус, и суперчеловек одинаково плохи, и предпочесть остаться чем-то средним – обычным человеком. Да спорить-то пока не о чем. Я вынесу решение, когда найду Землю. На Мельпомене мы нашли координаты остальных сорока семи космонитских планет.

– И ты посетишь их все?

– Каждую, если понадобится.

– Все время рискуя жизнью?

– Да, если это потребуется, чтобы найти Землю.

Пелорат вышел из каюты, где оставил фаллом, и только успел рот раскрыть, как угодил в перепалку между Блисс и Тревайзом. Он смотрел то на одного, то на другую, пока они перебрасывались репликами.

– Сколько же времени это займет?

– Сколько бы ни потребовалось. Мы можем найти то, что ищем, прямо на следующей планете.

– Или ни на одной из них.

– Этого мы не сможем узнать, пока не посетим все.

Тут наконец Пелорат попытался вставить словечко.

– Но послушай, Голан! У нас же есть ответ.

Тревайз нетерпеливо отмахнулся, но вдруг замер, повернулся к нему лицом и бессмысленно уставился на друга:

– Что?

— Я сказал, у нас есть ответ, Я пытался сказать тебе это, по крайней мере, раз пять на Мельпомене, но ты был так занят, что...

— Что за ответ? О чем ты говоришь?

— О Земле. Я думаю, мы знаем, где она.

Часть шестая Альфа

Глава шестнадцатая Центр миров

69

Тревайз смотрел на Пелората долго и с явным недовольством. Наконец спросил:

— Было ли там что-нибудь, что ты видел, а я нет, и о чем ты не сказал?

— Нет-нет, — покачал головой Пелорат. — Ты тоже видел это, и, как я только что сказал, я пытался заговорить с тобой, но ты отмахнулся.

— Хорошо, попробуй снова. Попытка не пытка.

— Не дразни его, Тревайз, — возмутилась Блесс.

— Я не дразню его, я хочу получить от него информацию. И не считай его ребенком.

— Прошу вас, — умоляюще проговорил Пелорат, — слушайте меня, если можете, а не друг друга. Помнишь, Голан, мы раньше говорили о попытках установить происхождение рода человеческого? Проект Яриффа — помнишь? Он пытался установить времена основания различных миров, предполагая, что планеты заселялись равномерно во всех направлениях от центра расселения — мира-прадорины.

— Насколько я помню, — нетерпеливо кивнул Тревайз, — гипотеза сработала из-за того, что все даты были ненадежны.

— Верно, дружок. Но планеты, которые брал в расчет Ярифф, были основаны второй волной переселенцев. Тогда же развились и усовершенствовались гиперпространственные перелеты, и поселения возникали и росли совершенно беспорядочно. Преодолевать даже очень большие расстояния стало совсем просто, и картина образования поселения перестала представлять собой правильную расширяющуюся сферу. Вот еще одна сложность в добавок к недостоверным датам основания колоний...

А теперь, Тревайз, задумайся на мгновение о том, как заселялись космонитские планеты. Это была первая волна переселенцев: ранние гиперпространственные полеты были еще очень несовершенными и мало напоминали наши Прыжки. В то время как миллионы планет второй волны заселялись, по всей вероятности, довольно хаотично, пятьдесят первых наверняка заселялись в определенном порядке. Планеты второй волны заселялись целых двадцать тысяч лет, а пятьдесят первых были колонизированы за какие-то несколько веков — почти мгновенно, по сравнению с поселенческими планетами. Эти пятьдесят, вместе взятые, должны располагаться сферично вокруг планеты, с которой они все ведут свое происхождение.

У нас есть координаты пятидесяти миров. Ты сфотографировал их — помнишь, со статуи? Кто бы это ни был — тот, кто уничтожил все сведения о Земле, он все же проглядел эти координаты, или не подумал о том, что из них можно извлечь необходимую информацию. Все, что тебе нужно сделать, Голан, это учесть смещения звезд за двадцать тысяч лет и, скорректировав эти координаты, найти центр сферы. В результате вычислений ты получишь точку, достаточно близкую к земному Солнцу или, по крайней мере, к его положению двадцать тысяч лет назад.

Рот Тревайза не закрывался от удивления все время, пока продолжался этот подробный рассказ, и только через несколько секунд после того, как Пелорат умолк, Тревайз обрел дар речи.

— Почему же я не подумал об этом? — воскликнул он наконец.
— Я пытался сказать тебе все это еще тогда, когда мы были на Мельпомене.
— Я верю тебе. И прости дурака, Джэн, за то, что отказался тебя выслушать. Мне тогда и в голову не пришло... — Он смущенно умолк.

— Что я могу сказать что-нибудь толковое? — тихо усмехнулся Пелорат. — Чаще всего так и бывает, но видишь ли, это было как-никак по моей специальности. Большой частью ты прав, когда затыкаешь мне рот.

— Ничего подобного! — запротестовал Тревайз. — Это не так, Джэн. Я чувствую себя идиотом, и получил по заслугам. Еще раз извини — я должен поспешить к компьютеру.

Они с Пелоратом прошли в рубку, и Пелорат, как обычно, стал с изумлением и недоверием одновременно наблюдать за тем, как руки Тревайза опустились на пульт и Тревайз превратился в единый человеко-компьютерный механизм.

— Придется сделать определенные допущения, Джэн, — сказал Тревайз, не глядя на Пелората. Как всегда, когда он работал с компьютером, лицо его было бесстрастным, отрешенным. — Я предположил, что первое число — дистанция в парсеках, а два других — углы в радианах, и первый из них — вертикальный, второй же — горизонтальный. Я также думаю, что использование плюса-минуса к углам отвечает галактическим стандартам и что точка — 0,0,0 — это солнце Мельпомены.

— Звучит довольно правдоподобно, — кивнул Пелорат.

— Неужели? Существуют шесть возможных способов расположения чисел, четыре — знаков; расстояние может быть указано в световых годах, а не в парсеках, углы — в градусах, а не в радианах. Итого девяносто шесть различных вариантов. Прибавь к этому то, что, если для обозначения расстояния используются световые годы, я не могу быть уверен в том, какова величина светового года, принятая здесь. Добавь и то, что я не знаю действовавшего тогда принципа измерения углов — в первом случае наверняка от экватора Мельпомены, ну а во втором — ее нулевой меридиан?

— А теперь, — растерялся Пелорат, — все звучит совершенно безнадежно.

— Не безнадежно, Аврора и Солярия включены в этот список, а я знаю их расположение в пространстве. Я использую координаты и посмотрю, смогу ли совместить их. Если компьютер выдаст мне неправильное расположение этих планет, я скорректирую координаты и буду продолжать подбирать варианты, пока не добьюсь успеха. Тогда я смогу понять, какие из моих первоначальных допущений ошибочны по отношению к стандарту. Как только все допущения окажутся верными, я смогу найти центр сферы.

— Так много неясностей. Тебе будет трудно решить, что делать?

— Что? — переспросил Тревайз. Он весь ушел в работу с компьютером. После того как Пелорат повторил вопрос, он ответил: — А? Нет, шансы на то, что координаты заданы в соответствии с галактическим стандартом, высоки, и привязка их к неизвестному нулевому меридиану не составит большого труда. Эта система локализации точек в пространстве была разработана давным-давно, и большинство астрономов вполне уверены, что она предшествовала эпохе межзвездных перелетов. Люди ведь очень консервативны в определенных вещах и практически никогда не меняют достигнутых соглашений, касающихся измерений. Мне думается, многие порой даже впадают в заблуждение, считая их законами природы. Какие уж тут законы, когда каждая планета имеет свои собственные системы измерений, которые меняются каждое столетие. Правда, я искренне надеюсь, что научные изыскания в этой области когда-нибудь завершатся и система измерений будет унифицирована. — Тревайз говорил, продолжая работать, и речь его постоянно прерывалась. Немного погодя он пробормотал: — А сейчас — тихо... — Тревайз напрягся, нахмурился и только спустя несколько минут откинулся в кресле, глубоко вздохнул и еле слышно проговорил: — Все правила соблюdenы. Данные места положения Авроры совпали с ее истинными координатами. Один к одному. Видишь?

Пелорат посмотрел на звездный узор и на яркую точку вблизи центра:

— Ты уверен?

— При чем тут я? Это компьютер уверен. Кроме того, мы были на Авроре. Нам известны ее характеристики: диаметр, температура, масса, альбедо, спектр, не говоря уже о расположении

соседних звезд. Компьютер утверждает, что это – Аврора.

– Ну, выходит, что эта планета и есть Аврора.

– Поверь мне, это так. Сейчас я настрою экран, и компьютер начнет работу. У него – пятьдесят наборов координат, и в его силах обработать их одновременно. – Тревайз занялся настройкой экрана. Компьютер спокойно работал в четырехмерном пространстве-времени, но наблюдателю-человеку редко требовалось больше двух измерений. Сейчас же казалось, что экран превратился в некий темный колодец, глубокий и широкий. Тревайз приглушил до минимума освещение рубки, чтобы было легче наблюдать звездное поле на экране. – Сейчас начнется, – прошептал он.

Через какое-то мгновение на экране вспыхнула звезда, затем еще одна и еще. Изображение на экране сдвигалось при появлении очередной звезды так, чтобы все они были видны. Казалось, что весь космос отодвигался от них и перед глазами разворачивалась все более и более широкая панорама. Добавьте к этому еще и сдвиг вверх-вниз и вправо-влево...

Наконец все пятьдесят светил яркими точками повисли в пространстве.

– Я-то надеялся получить восхитительную сферу, – сказал Тревайз, – но это больше походит на остатки снежка, который второпях слепили из слишком жесткого и рассыпчатого снега.

– И это все портит?

– Это создает определенные трудности, но без них, я думаю, не обойдешься. Сами заезды распределены вовсе не равномерно, и наверняка то же самое можно сказать о пригодных для жизни планетах, и с этим, естественно, связана неравномерность в заселении новых миров. Компьютер рассчитывает для каждой из звезд ее современное положение, согласно ее наиболее вероятному смещению за последние двадцать тысяч лет – даже учет такого большого срока не займет много времени – и затем разместит их по «оптимальной сфере». Другими словами, он найдет сферическую поверхность, от которой расстояние до всех светил будет минимальным. Затем мы отыщем центр этой сферы, и Земля должна оказаться где-то вблизи этой точки. По крайней мере, будем на это надеяться. Скоро все станет видно на экране.

70

Так оно и вышло. Даже Тревайз, казалось бы, привыкший к компьютерному волшебству, удивился тому, как мало времени потребовал расчет.

Тревайз запрограммировал компьютер на выдачу нежной, выбирирующей ноты после получения координат центра сферы. В принципе, это ничего не значило, кроме удовольствия от самого звука и сознания того, что долгие поиски, может быть, завершены.

Звук возник примерно через минуту и был подобен нежному, прозрачному тону звучного гонга. Звук нарастал до тех пор, пока Тревайз и Пелорат физически не ощутили его вибрацию, а затем постепенно угас.

В это время вошла Блисс.

– Что это? – спросила она, широко открыв глаза. – Тревога?

– Вовсе нет, – отозвался Тревайз.

– Мы, наверное, нашли Землю, Блисс, – постепенно объяснил Пелорат. – Этим звуком компьютер сообщил об окончании расчетов.

– Могли бы предупредить, – укоризненно проговорила Блисс.

– Извини, Блисс, – сказал Тревайз. – Я не думал, что сигнал окажется таким громким.

Фаллом вошла следом за Блисс и спросила:

– Зачем этот звук?

– Смотри-ка – интересуется! – хмыкнул Тревайз и устало вздохнул.

Теперь следовало бы тестировать результаты относительно реальной Галактики, сфокусировать координаты центра сферы Внешних миров и посмотреть, нет ли вблизи звезды класса G. А он снова тянул время, не делал того, что логично было бы сделать, не в силах заставить себя подвергнуть результаты последней, критической проверке.

– Конечно, интересуется, – сказала Блисс с вызовом. – Почему бы и нет? Она такой же человек, как и мы.

— Ее родитель был на этот счет совсем другого мнения, — рассеянно заметил Тревайз. — Я беспокоюсь за нее. Это плохая новость для ребенка.

— С чего ты это взял? — поинтересовалась Блисс.

— Просто предчувствие, — развел руками Тревайз.

Блисс одарила его презрительным взглядом и повернулась к Фаллом:

— Мы пытаемся найти Землю, Фаллом.

— Что такое Земля?

— Другая планета. Особенная. Это мир, откуда явились наши предки. Ты уже знаешь из разных книг, что означает слово «предки»?

— Означает ли это...? — Последнее слово прозвучало не на галактическом.

— Это древнее слово, — пояснил Пелорат. — Ближе всего по смыслу к нему наше «предшественники».

— Ну да, — просияла Блисс. — Земля — это мир, откуда явились наши предшественники, Фаллом. Твои, и мои, и Пела, и Тревайза.

— Твои, Блисс, и мои тоже? — Фаллом явно была потрясена. — И те, и другие?

— Были только одни предшественники. Они у нас одни и те же, у всех.

— Похоже, малышка очень хорошо знает, что непохожа на нас, — вставил Тревайз.

— Не говори так, — понизив голос, сказала ему Блисс. — Она не должна понимать этого. По крайней мере, она не должна думать, что разительно отличается от нас.

— Мне кажется, гермафродизм — это значительное отличие.

— Я говорю о разуме.

— Мозговые преобразователи — тоже существенное отличие.

— Тревайз, перестань. Она разумное существо, человек, несмотря на некоторые особенности.

Блисс обернулась к Фаллом и сказала:

— Подумай спокойно, Фаллом, и пойми, что это значит для нас. У тебя и меня были одни и те же предшественники. Все люди, на всех планетах — многих-многих планетах — все они имели одних предшественников, и эти предшественники жили раньше на планете Земля. Это означает, что все мы — родственники, верно? А теперь иди в каюту и подумай над услышанным.

Фаллом, бросив на Тревайза задумчивый взгляд, вышла из рубки.

— Пожалуйста, — обернулась Блисс к Тревайзу, — обещай мне, что не будешь в ее присутствии отпускать никаких реплик, которые могли бы навести Фаллом на мысли о ее отличии от нас.

— Ладно, обещаю. Я не собирался вмешиваться в процесс воспитания, но ты ведь знаешь, она действительно отличается от нас.

— В некотором смысле. Как я отличаюсь от тебя, как Пел.

— Не будь наивной, Блисс. Различие в случае с Фаллом куда серьезнее.

— Ненамного. Сходство важнее. Уверена, в один прекрасный день она и ее народ смогут стать частью Галаксии, и очень полезной частью.

— Хорошо. Не будем спорить. — Тревайз повернулся к компьютеру, явно оттягивая контакт. — И все же, боюсь, мне придется все-таки проверить предполагаемое положение Земли в реальном пространстве.

— Боишься?

— Ну, — Тревайз пожал плечами, пытаясь обратить все в шутку, — вдруг там нет подходящей звезды?

— Нет, значит, нет, — Блисс тоже пожала плечами.

— Вот я и думаю... — стоит ли сейчас проверять? Мы все равно не сможем совершиТЬ Прыжок еще несколько дней.

— Зачем ты меня мучаешь? Займись вычислениями. Ожидание ничего не изменит.

Тревайз несколько мгновений молчал, сжав губы, и наконец изрек:

— Ты права. Прекрасно. Тогда... поехали.

Он положил руки на контуры пульта. Экран почернел.

— Я, пожалуй, пойду, — сказала Блисс. — Ты будешь нервничать, если я останусь.

Она ушла, помахав на прощание рукой.

— Дело в том, — проворчал Тревайз, — что мы должны сперва проверить компьютерную карту Галактики. Даже если Солнце Земли находится в нужной точке, карта может не включать его. Но тогда мы...

Он удивленно прервался. Экран озарился огнями звезд. Их было множество — тусклых и ярких, искрящихся, рассеянных по поверхности экрана. Но вблизи центра сияла звезда, более яркая, чем остальные.

— Мы сделали это! — ликовал Пелорат. — Это она, она, дружочек! Посмотри, какая она яркая!

— Любая звезда в центре координат выглядела бы ярче остальных, — остудил его пыл Тревайз, пытаясь побороть в себе любое проявление необоснованного восторга.

— Эта картина, между прочим, соответствует взгляду с расстояния в один парсек от центра координат. И все-таки эта звезда в центре не красный карлик, не красный гигант, не горячая бело-голубая. Подожди, сейчас компьютер проверит свой банк данных и выдаст информацию. — На несколько секунд воцарилось молчание, затем Тревайз продолжил: — Спектральный класс G-2, — после паузы: — диаметр: миллион четыреста тысяч километров; масса — одна целая и две сотых массы терминусианского солнца; температура поверхности — шесть тысяч по абсолютной шкале; вращение медленное, около одного оборота за тридцать дней, нет необычной активности или нерегулярности.

— Разве все это не типично для звезд, около которых могут находиться пригодные для жизни планеты?

— Типично, — кивнул Тревайз. — И, следовательно, звезда похожа на Солнце Земли. Если именно здесь возникла и развивалась жизнь, солнце должно соответствовать обычным стандартам.

— Значит, вполне вероятно, что здесь могут быть подходящие планеты.

— Нам нет нужды строить на этот счет догадки, — сказал Тревайз, в голосе которого звучало неподдельное изумление. — На галактической карте звезда отмечена как обладающая планетой, населенной людьми, правда, со знаком вопроса.

Энтузиазм Пелората еще более возрос.

— Это именно то, чего следовало ожидать, Голан! Здесь есть населенная планета, но этот факт пытаются скрыть, поставив на карте знак, который заставляет компьютер сомневаться.

— Нет, тут что-то не так, — возразил Тревайз. — Это не то, чего мы должны были ожидать. Ожидать мы должны были большего. Учитывая старание, с которым уничтожены данные о Земле, картографы не должны были знать о существовании жизни в этой системе, тем более о поселениях людей. Они не должны были знать даже о существовании Солнца Земли. Миров космонавтов на карте нет. Почему же есть Солнце Земли?

— Ну вот, опять... Что толку спорить об этом? А какая еще информация об этой звезде имеется в компьютере?

— Название.

— О! Какое же?

— Альфа.

После короткой паузы Пелорат нетерпеливо сказал:

— Это она, стариk. Это последнее доказательство. Судя по тому, что это значит.

— Разве оно что-то значит? Название как название, и довольно странное. Никакого намека на галактический язык.

— Оно и не из галактического. Оно из доисторического языка Земли — того самого, что дал название «Гея» планете Блесс.

— И что же означает «альфа»?

— Альфа — первая буква алфавита древнего языка. Это одно из наиболее достоверных сведений о нем, которые у нас есть. В древности слово «альфа» использовали для обозначения чего-то первого в своем роде. Название солнца — «альфа» — подразумевает, что это первое солнце. А разве не вокруг первого солнца вращалась планета Земля, на которой впервые возникли люди?

— Ты уверен в этом?

— Абсолютно.

— А есть ли что-либо в ранних легендах — ты ведь мифолог, верно? — что приписывает Солнцу Земли какие-нибудь очень необычные признаки?

— Нет, что ты! Оно должно быть стандартным по определению, и характеристики, выданные нам компьютером, я полагаю, стандартны настолько, насколько возможно. Разве нет?

— Солнце Земли, согласно мифам, одиночная звезда?

— Да, конечно! Насколько я знаю, все обитаемые планеты врачаются около одиночных звезд.

— И я так думал. Беда в том, что эта звезда в центре экрана — не одиночная звезда; она двойная. Более яркая из двух — действительно стандартная, и о ней компьютер выдал нам все данные. На орбите вокруг этой звезды с периодом обращения порядка восьми лет кружится, однако, другая звезда с массой в четыре пятых первой. Мы не можем видеть их раздельно невооруженным глазом, но если увеличить изображение, то различим их.

— Это точно, Голан? — сдавленным голосом спросил Пелорат, внезапно вернувшись с небес на землю.

— Это сообщил мне компьютер. Раз это двойная звезда, значит, это не Солнце Земли.

71

Тревайз прервал контакт с компьютером и включил обычное освещение.

Поэтому, очевидно, Блисс решила, что можно вернуться. Фаллом, словно хвостик, вошла следом.

— Ну и каковы результаты? — спросила Блисс.

— Несколько разочаровывающие, — равнодушно сообщил Тревайз. — Там, где я ожидал найти Солнце Земли, я обнаружил бинарную систему. Солнце Земли — одиночная звезда, так что в центре не оно.

— И что же теперь, Голан? — спросил Пелорат.

— Собственно говоря, — пожал плечами Тревайз, — я и не надеялся увидеть Солнце Земли строго в центре. Даже космониты не могли основать колонии таким образом, чтобы они образовывали правильную форму. Аврора, старейшая из космонитских планет, могла посыпать по свету собственных мигрантов, от этого сфера могла исказиться. И потом, Солнце Земли могло смещаться не с точно такой же скоростью, как планеты и звезды космонитов.

— То есть, Земля может оказаться где угодно, — резюмировал Пелорат. — Ты это хочешь сказать?

— Нет. Вовсе не «где угодно». Все эти возможные источники погрешностей не могут привести к большим отклонениям. Солнце Земли должно быть в окрестностях этих координат. Та звезда, которую мы выловили почти с уверенностью, должна быть соседкой Солнца. Просто поразительно, что могла существовать соседняя звезда, так похожая на Солнце Земли, но двойная — так оно и есть.

— Но тогда бы мы видели Солнце Земли на карте, не так ли? Я имею в виду — вблизи Альфы.

— Нет, поскольку я уверен, что солнца на карте нет. Моя уверенность рассыпалась в прах, когда мы впервые увидели Альфу. Сколь сильно бы она ни напоминала Солнце Земли, простой факт, что она обозначена на карте, вынудил меня предположить ошибочность наших надежд.

— Хорошо, — сказала Блисс. — Почему тогда не сосредоточиться на тех же самых координатах в реальном пространстве? Если рядом с Альфой есть какая-либо яркая звезда, не обозначенная на компьютерной карте, и если она очень напоминает своими характеристиками Альфу, но является одиночной, разве она не является Солнцем Земли?

— Будь это так, — вздохнул Тревайз, — я поставил бы половину моего состояния, каким бы оно ни было, на то, что вокруг той звезды, о которой ты говоришь, обращается планета Земля. И снова мне страшно проверять.

— Боишься ошибиться?

Тревайз кивнул.

— Тем не менее, — сказал он, — дайте мне минутку — отдохнусь и заставлю себя сделать это.

А пока трое взрослых смотрели друг на друга, Фаллом пробралась к пульту управления, с

любопытством уставилась на контур для рук оператора и потянулась к нему, но Тревайз резко загородил пульт и прикрикнул:

– Не трогай, Фаллом!

Юная солярианка испугалась не на шутку и бросилась в спасительное объятие Блисс.

– Мы должны посмотреть правде в глаза, Голан, – сказал Пелорат. – Что, если ты ничего не обнаружишь в реальном пространстве?

– Тогда придется вернуться к прежнему плану, – ответил Тревайз, – и посетить каждую из сорока семи оставшихся космонитских планет.

– А если и это ничего не даст?

Тревайз нервно мотнул головой, словно хотел вытряхнуть оттуда пессимистические мысли, пока не успели укорениться. Уставившись в пол, он сказал, как отрезал:

– Тогда я придумаю что-нибудь еще.

– А что, если планеты предшественников вообще нет?

Тревайз резко обернулся на звук дрожащего голоса.

– Кто это спросил? – проговорил он, на самом деле довольно быстро поняв кто.

– Я, – призналась Фаллом.

Тревайз поглядел на нее, слегка нахмурясь.

– Ты понимаешь, о чем идет речь?

– Вы ищете планету предшественников, но вы все еще не нашли ее. Может быть, такой планеты совсем не существует.

– Нет, Фаллом, – серьезно ответил Тревайз. – Ее просто очень старались спрятать. А раз старались, значит, было что прятать. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

– Да, – ответила Фаллом. – Вы не позволили мне положить руки на пульт. Раз вы мне не позволили этого, значит, это очень важно.

– Ага, только тебе нельзя его трогать, Фаллом. Блисс, ты сотворила монстра, который всех нас доведет до могилы. Никогда не пускай ее сюда, если меня нет за пультом. И даже когда я здесь, лучше подумай, стоит ли ей входить, ладно?

Эта маленькая перепалка, как ни странно, каким-то образом развеяла его нерешительность.

– Очевидно, – сказал Тревайз, – мне лучше заняться работой. Если я буду престо сидеть здесь и гадать, что мне делать, это маленькое страшилище завладеет кораблем.

Свет померк. Блисс тихонько сказала:

– Ты же обещал, Тревайз. Не называй Фаллом монстром и страшилищем в ее присутствии.

– Тогда не спускай с нее глаз и научи вести себя прилично. Скажи ей, что детей не должно быть слышно, а еще лучше, чтобы и видно не было.

Блисс нахмурилась.

– Как ты жесток к детям, Тревайз! Это ужасно!

– Может быть, но сейчас не время об этом спорить.

Через пару минут голосом, в котором одинаково сильно чувствовалось удовлетворение и облегчение, он произнес:

– Вот Альфа в реальном пространстве. А слева от нее, чуть выше, почти столь же яркая звезда, и ее нет на компьютерной карте. Это и есть Солнце Земли. Я готов поставить на это все свое состояние.

– Ну а теперь, – поинтересовалась Блисс, – когда от твоего состояния ничего не останется, если ты проиграешь, что tolku медлить? Давай стартуем к этой звезде, как только все будет готово к Прыжку.

– Нет, – покачал головой Тревайз. – На этот раз дело не в нерешительности и не в страхе. Необходимо соблюдать осторожность. Три раза мы высаживались на неизвестные планеты и три раза уносили ноги из-за неожиданной опасности. Более того, все три раза мы улепетывали с этих планет сломя голову. Теперь положение критическое, и я не желаю снова играть в темную или, по крайней мере, хочу знать хоть какие-то из тех карт, что у меня на руках. До сих пор все,

чем мы располагали, были слухи о радиоактивности Земли, но этого мало. По странному стечению обстоятельств, которого никто не мог предвидеть, всего лишь на расстоянии парсека от Земли есть планета, населенная людьми...

— Ты в самом деле знаешь, что Альфа населена людьми? — вмешался Пелорат. — Ты же сказал, что компьютер поставил около нее знак вопроса.

— Даже если так, имеет смысл поглядеть своими глазами. Если там действительно есть люди, попробуем узнать, что они помнят о Земле. Для них, кроме всего прочего, Земля — не далекий мир легенд; это — соседняя планета, а солнце Земли — яркая и заметная в небе звезда.

— Неплохая идея, — задумчиво произнесла Блисс. — Еще я думаю, что, если Альфа обитаема и ее жители не закоренелые изоляты, они могут оказаться дружелюбно настроенным, и тогда нам удастся раздобыть, в обмен на что-нибудь, приличную еду.

— И познакомиться с приятными людьми, — добавил Тревайз, — Не забывай об этом. Согласен, Джэн?

— Тебе решать, дружочек. Куда ты, туда и я.

— А мы найдем там Джемби? — неожиданно спросила Фаллом.

Блисс торопливо, не дожидаясь ответа Тревайза, сказала:

— Мы его поищем, Фаллом. Обязательно.

А Тревайз объявил:

— Тогда решено. На Альфу.

73

— Две большие звезды, — сказала Фаллом, указывая на экран.

— Точно, — согласился Тревайз. — Две. Блисс приглядывай за ней. Тут не игрушки.

— Она очарована механизмами и приборами, — возразила Блисс.

— Вижу, но я не очарован ее очарованием. Хотя, по правде сказать, я восхищен не меньше чем Фаллом. Звезды и впрямь великолепны.

Пара звезд была достаточно яркой, чтобы каждая из них выглядела маленьким диском. Компьютер автоматически ввел дополнительные фильтры, чтобы избавиться от проникновения жесткой радиации, и пригасил свечение экрана, оберегая от повреждения сетчатку глаз. В итоге ярких звезд осталось немного, двойная звезда воцарилась на экране в гордом одиночестве.

— Дело в том, — признался Тревайз, — что я никогда так близко не подбирался к двойным звездам.

— Правда? — удивился Пелорат. — Как же это?

Тревайз усмехнулся:

— Я поколесил по Галактике, но я не такой уж закоренелый космический бродяга, как ты думаешь.

— Я никогда не был в космосе, пока не повстречал тебя, Голан, но всегда думал, что каждый, кто хоть однажды отважился в него выйти...

— Должен побывать всюду. Знаю. Это довольно естественно. Вся трудность общения с людьми-домоседами состоит в том, что, сколько бы разум ни твердил обратное, их воображение просто не в силах нарисовать истинных размеров Галактики. Можно скитаться по ней всю жизнь, но не увидишь большую ее часть. И потом, системы двойных звезд популярностью у космонавтов не пользуются.

— Почему? — нахмурилась Блисс. — Мы на Гее плохо знаем астрономию по сравнению с вами, непоседливыми изолятами, но у меня такое впечатление, что двойные звезды — вовсе не редкость.

— Это так, — согласился Тревайз. — Двойных звезд существенно больше, чем одиночных. Однако формирование двух звезд в непосредственной близости друг от друга нарушает обычные процессы возникновения планет. Двойные звезды обладают меньшим количеством пригодного для строительства планет материала, чем одиночные. Даже если вокруг них возникают планеты, они часто имеют относительно нестабильные орбиты, и среди них крайне редко встречаются пригодные для жизни.

Пионеры космоплавания, видимо, изучили с близкого расстояния множество двойных

звезд, но потом, для целей заселения, стали выбирать только одиночные. И, конечно, как только Галактику достаточно плотно заселили, практически все путешествия ограничились торговыми экспедициями или почтовыми маршрутами, пролегавшими между населенными планетами, обращавшимися вокруг одиночных звезд. Ко времени войн, вероятно, на небольших или необитаемых планетах, обращавшихся вокруг одной из двойных звезд, расположенных в стратегически важных районах, основывались военные базы; но по мере развития гиперпространственных полетов такие базы потеряли свое развитие.

— Как же я невежествен, просто поразительно, — смущенно пробормотал Пелорат.

— Ладно тебе, Джэн, — усмехнулся Тревайз. — Когда я служил во флоте, мы прослушали дикое количество лекций о вышедшей из моды военной тактике, которую уже никто не применял и не стремился использовать, но по инерции ее изучали. Я сейчас всего-навсего воспроизвел кусок одной из таких лекций. Вспомни только, сколько всего ты знаешь о мифологии, фольклоре и древних языках, чего не знаю я и что известно только тебе да еще нескольким ученым.

— Пусть так, но эти две звезды составляют двойную систему, и около одной из них — обитаемая планета, — заметила Блисс.

— Надеюсь, это так, — сказал Тревайз. — Но везде бывают исключения. А тут еще этот официальный вопросительный знак, еще одна загадка... Нет, Фаллом, эти кнопки не игрушки. Блисс, или надень на нее наручники, или уведи отсюда.

— Она ничего не испортит, — защищая Фаллом, ответила Блисс, прижав девочку к себе. — Если ты так интересуешься обитаемой планетой, почему мы еще не там?

— По одной простой причине. Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Я восхищаюсь видом двойной звезды с такого расстояния. И потом мне, как всякому человеку, свойственна осторожность. Как я уже объяснял, с тех пор как мы покинули Гею, не произошло ничего такого, что заставило бы меня плюнуть на нее.

— Какая из этих звезд — Альфа? — спросил Пелорат.

— Мы не заблудимся, Джэн. Компьютер точно знает, какая из них — Альфа, а потому знаем и мы. Так как она больше, то горячее и более желтая. Сейчас та, что справа, имеет явный оранжевый оттенок и напоминает солнце Авроры. Видишь?

— Да, теперь вижу, когда ты обратил на это мое внимание.

— Прекрасно. Это та, что меньше. Какая там вторая буква в том древнем языке, о котором ты говорил?

Пелорат на мгновение задумался, а затем ответил:

— Бета.

— Тогда назовем оранжевую звезду Бетой, а бело-желтую — Альфой, и направимся к ней.

Глава семнадцатая Новая земля

74

— Четыре планеты, — пробормотал Тревайз. — Все небольшие, да еще несколько астероидов. Газовых гигантов нет.

— Ты разочарован? — спросил Пелорат.

— Пожалуй, нет. Это следовало ожидать. Двойные звезды, врачающиеся на малом расстоянии друг от друга, не могут иметь планет, вращающихся вокруг только одной из них. Планеты могут обращаться исключительно вокруг центра масс обеих звезд, но очень маловероятно, что такие планеты будут пригодны для жизни — слишком далеки они будут от источников света и тепла.

С другой стороны, если компоненты двойной звезды достаточно удалены друг от друга, у каждой из них могут существовать планеты со стабильными орбитами, если они близки к одной из двух звезд. По данным компьютера, среднее расстояние между этими светилами — 350 миллионов километров, и даже в перигастрии они не сходятся ближе, чем на 170 миллионов

километров. Положение планет, чьи орбиты отдалены менее чем на 200 миллионов километров, может оставаться стабильным, но на более удаленных орбитах планеты не могут существовать. Это означает отсутствие газовых гигантов, поскольку они должны располагаться дальше двухсот миллионов километров от своей звезды, но какая, собственно, разница? На газовых гигантах жить невозможно.

— А одна из этих четырех планет может быть пригодна для жизни?

— На самом деле единственный возможный вариант — вторая планета. По одной простой причине — только она достаточно велика, чтобы иметь атмосферу.

Корабль быстро приближался ко второй планете, и за два дня пути ее изображение на экране заметно увеличилось: сперва — величественно и постепенно, а затем, когда стало ясно, что никакого корабля-перехватчика нет и в помине — со все возрастающей, почти пугающей скоростью.

«Далекая звезда» неслась по временной орбите в тысяче километров от слоя облаков, когда Тревайз с усмешкой сказал:

— Теперь ясно, почему в банке данных компьютера после замечания об обитаемости планеты поставлен знак вопроса. Здесь нет следа ни от излучения — нет освещения в ночном полушарии, — ни от радиоволн.

— Тут такая плотная облачность, — заметил Пелорат.

— Она не может поглощать радиоволны.

Они наблюдали за планетой, вращающейся внизу, за симфонией вихрей белых облаков, в редких разрывах которых мелькали синеватые пятна океана.

— Облачный слой слишком плотный для обитаемой планеты, — сказал Тревайз. — Планета, должно быть, довольно мрачная. Но что беспокоит меня гораздо больше, — добавил он, как только корабль вновь вошел в ночную тень, — это отсутствие вызовов с орбитальных станций.

— Как на Компореллоне?

— Как около любой обитаемой планеты. Нас должны были бы остановить для обычной проверки документов, груза, виз и так далее.

— Может быть, нас вызывают, но мы не заметили? — предположила Блисс.

— Наш компьютер принял бы вызов на любой длине волны, которую для этого пожелали бы использовать местные жители. Кроме того, мы непрерывно посыпаем свои собственные сигналы, но они никого не заинтересовали. Нырять под слой облаков без переговоров со службами орбитальных станций — нарушение космической этики, но я не вижу другого выхода.

«Далекая звезда» сбавила скорость, одновременно увеличивая нагрузку на антигравитаторы, чтобы не потерять высоту. Корабль снова вышел на освещенную сторону и продолжил снижение скорости. Тревайз вместе с компьютером обнаружил подходящий по размерам разрыв в облаках. Корабль накренился и проник сквозь разрыв. Внизу раскинулся океан, волнуемый свежим ветром. Его ребристая поверхность, испещренная редкими полосами белой пены, находилась не расстоянии нескольких километров.

Прокочив разрыв а облаках, корабль теперь скользил под облачным покровом. Воды океана сразу же стали грифельно-серыми, и заметно упала температура.

Фаллом, глядя на обзорный экран, что-то произнесла на своем богатом согласными звуками языке, но тут же перешла на галактический. Голос ее дрожал:

— Что это, что я вижу под нами?

— Это океан, — успокоила ее Блисс. — Очень много воды.

— А почему она не высыхает?

Блисс посмотрела на Тревайза. Тот ответил:

— Здесь слишком много воды, чтобы она могла высохнуть.

— Я не хочу столько воды, — вполголоса произнесла Фаллом. — Давайте уйдем отсюда.

Тоненъко взвигнула, и «Далекая звезда» ушла вверх, в самую гущу грозовых туч.

Экран стал молочно-белым и покрылся отметинами от дождевых капель.

Огни в рубке померкли, корабль затрясло.

Тревайз в ужасе оглянулся и крикнул:

— Блисс, твоя Фаллом уже достаточно выросла, чтобы управлять энергией! Она использует электрическую сеть корабля, пытаясь взять его под свой контроль. Останови ее!

Блисс обхватила Фаллом руками и крепко сжала ее.

— Все в порядке, Фаллом, не бойся. Здесь нечего бояться. Это просто другая планета, вот и все. Их на свете много, в том числе и таких.

Фаллом несколько расслабилась, но продолжала дрожать.

— Ребенок никогда не видел океана, — обратилась к Тревайзу Блисс, — и возможно, судя по тому, что я знаю о ней, никогда не попадала в туман или под дождь. Не мог бы ты проявить хоть немного сочувствия?

— Нет, ведь она вмешивается в управление кораблем. Значит, она опасна для всех нас. Отведи ее в каюту и успокой.

Блисс коротко кивнула.

— Я пойду с тобой, Блисс, — сказал Пелорат.

— Нет, нет, Пел, — отозвалась она. — Останься здесь. Я успокою Фаллом, а ты утешь Тревайза, — сказала она и вышла.

— Не нужны мне никакие утешения, — проворчал Тревайз. — Прошу прощения за то, что не смог сдержаться, но мы не должны позволять ребенку играть с пультом управления, верно?

— Конечно, не должны, но Блисс не успела среагировать, настолько неожиданно все произошло. Она все-таки справляется с Фаллом, которая ведет себя просто замечательно для ребенка, увезденного из дома, от любимого робота, и вовлеченного, волей-неволей, в такую жизнь, которой совершенно не понимает.

— Да знаю я! Но вспомни, ведь это не я хотел взять ее с собой. Это Блисс так решила.

— Да, но в противном случае ребенка убили бы.

— Хорошо. Извинюсь перед Блисс позже. Перед ребенком тоже.

Но Тревайз явно еще не отошел от страха за «Далекую звезду», и Пелорат тихо спросил:

— Голан, дружочек, что еще беспокоит тебя?

— Океан, — отозвался Тревайз.

Корабль давно покинул зону шторма, но все еще находился в тени облаков.

— Что с ним не так?

— Его слишком много, вот и все.

Пелорат непонимающе смотрел на него, и Тревайз со вздохом пустился в объяснения:

— Нет суши. Мы до сих пор не видели никакой суши. Атмосфера совершенно нормальная, кислород и азот в подходящей пропорции, так что планета явно искусственно обустроена, и где-то должна быть растительность, поддерживающая содержание кислорода. В естественном состоянии такие атмосферы не встречаются — за исключением, возможно, Земли, где она Бог знает как сформировалась. Но тогда, раз планетаterraформирована, здесь должна быть определенная площадь суши — от одной трети поверхности и не менее одной пятой. Так как же эта планета может быть переделана и не иметь суши?

— Может быть, — задумчиво проговорил Пелорат, — поскольку эта планета — часть системы двойной звезды, она совершенно нетипична. Может быть, она не terraформирована, а атмосфера сформировалась в результате такого процесса, который совершенно не встречается на планетах возле одиночных звезд. Возможно, и жизнь здесь развивалась независимо, как это однажды произошло на Земле, но только морская жизнь.

— Даже если допустить такое, — сказал Тревайз, — это не даст нам ничего. Обитатели океана не могут развивать технику. Техника всегда основана на применении огня, а огонь в океане... ты ведь понимаешь. Планета с жизнью, но без технологически развитой цивилизации — это не то, что нам нужно.

— Понимаю, понимаю, но я только высказываю предположение. Кроме всего прочего, насколько нам теперь известно, технику создали только единожды — на Земле. А переселенцы разнесли ее с собой по Галактике. Нельзя говорить о технике «всегда», если тебе известен только один ее тип.

— Передвижение в воде требует обтекаемой формы. Морские животные не могут иметь неправильную форму и конечности наподобие рук.

— У осьминогов есть щупальца.

— Фантазировать можно сколько угодно, но если ты в силах представить интеллигентных головоногих моллюсков, без взаимосвязи эволюционировавших где-то в Галактике и

разработавших технику, исключающую применение огня, на мой взгляд, у тебя извращенное воображение.

— На твой взгляд, — осторожно уточнил Пелорат.

Тревайз ни с того ни с сего расхохотался.

— Лихо, Джэн! Как я посмотрю, ты часто пренебрегаешь логикой, ради того чтобы я успокоился после стычки с Блисс. Здорово у тебя получается. Я обещаю тебе, что, если не найду сушу, мы просеем весь океан на предмет наличия цивилизованных осьминогов.

Пока он говорил, корабль снова оказался надочной стороной планеты, и обзорный экран потемнел.

Пелорат вздрогнул.

— Я вот думаю... Безопасно ли это?

— Что именно?

— Мчаться сквозь тьму, как ты мчишься сейчас? Можно ведь во что-нибудь врезаться или нырнуть в океан и погибнуть.

— Совершенно невозможно, Джэн. Что ты! Компьютер ведет корабль вдоль эквипотенциальных линий гравитационного поля. Другими словами, он летит так, чтобы сила притяжения была постоянной, то есть остается практически на одной высоте над уровнем моря.

— Но на какой?

— Около пяти километров.

— Это меня не успокаивает, Голан. Разве не можем мы долететь до земли и врезаться в горы, которых не заметим?

— Мы не заметим — корабельный радар заметит, и компьютер заставит корабль обогнуть их или перелететь через них.

— А что, если суша здесь очень ровная? Мы можем проглядеть ее в темноте.

— Нет, Джэн, не можем. Отражение сигнала радара от воды совсем не похоже на отражение от суши. Водная поверхность плоская, а поверхность суши, как правило, нет. А потому отражение от нее гораздо более рассеянное, чем от воды. Компьютер распознает отличие и даст мне знать, если внизу покажется суша. Даже днем, при солнечном освещении он распознает сушу раньше меня.

Оба умолкли. Через несколько часов вновь показалось солнце, океан внизу снова монотонно катил свои волны, и лишь тогда, когда «Далекая звезда» пересекала очередной грозовой фронт, его просторы пропадали из виду. Один из штормовых вихрей даже отклонил корабль от курса. Тревайз объяснил, что компьютер уступил напору ветра, чтобы не допустить бессмысленного расхода горючего и свести к минимуму риск физических повреждений. Затем, когда воздушная круговерть осталась позади, «Далекая звезда» легла на прежний курс.

— Вероятно, это была граница циклона, — пояснил Тревайз.

— Послушай, дружочек, мы же просто летим с запада на восток или с востока на запад. Так мы кроме экватора ничего не увидим.

— Это было бы глупо, верно? На самом деле мы облетаем планету по наклонной орбите с северо-запада па юго-восток. Таким образом, минуя тропики и зоны умеренного климата, с каждым новым витком мы смещаемся на запад, поскольку планета вращается под нами вокруг своей оси. Мы планомерно осматриваем ее. Сейчас, поскольку мы до сих пор не видели суши, шансы наличия здесь крупного материка по данным компьютера — меньше чем один из десяти, а острова — меньше чем один из четырех. Шансы падают с каждым нашим новым витком вокруг планеты.

— Знаешь, как бы я поступил? — медленно произнес Пелорат, когда вокруг корабля вновь сгустился мрак ночи. — Я остался бы на достаточно большом расстоянии от планеты и с помощью радара обшарил бы все полушарие, обращенное ко мне. Облака не помешали бы мне, так ведь?

— А потом перелетел бы на другую сторону, — подхватил Тревайз, — и проделал бы то же самое там. Или просто подождал, когда повернется сама планета. Хорошо думать задним умом, Джэн. Кто бы мог ожидать, приближаясь к обитаемой планете, что его не остановят орбитальные станции и не укажут траекторию посадки или запретят ее? А потом, миновав слой облаков, так и не встретишься со станциями. Кто мог ожидать, что не найдет тотчас же сушу?

Обитаемые планеты, это... это суша!

– Но не только же суша! – не согласился Пелорат.

– Я не об этом! – с внезапным возбуждением воскликнул Тревайз. – Я хотел сказать, что мы нашли сушу! Тихо!

Затем, стараясь изо всех сил справиться с волнением, Тревайз положил руки на пульт и соединился с компьютером.

– Это остров, – сообщил он, – около двухсот шестидесяти километров в длину и около шестидесяти пяти в ширину. Площадь, стало быть, примерно семнадцать тысяч квадратных километров. Небольшой, но и не маленький. Больше, чем просто точка на карте. Погоди-ка...

Свет в рубке померк, а затем вообще выключился.

– Что такое? – спросил Пелорат, инстинктивно перейдя на шепот, словно сама темнота была чем-то хрупким, что можно было разбить.

– Ждем, когда глаза привыкнут к темноте. Корабль завис над островом. Сиди и смотри. Видишь что-нибудь?

– Нет. Вроде бы слабые пятнышки света. Но я не уверен.

– Я тоже вижу их. Сейчас попробую включить телескоп.

И они увидели свет! Ясные, беспорядочно разбросанные точки.

– Остров обитаем, – заключил Тревайз. – Возможно, это единственное населенное людьми место на этой планете.

– И что же мы будем делать?

– Подождем наступления дня. Несколько часов можно отдохнуть.

– А они не могут напасть на нас?

– Как? Я не обнаружил почти никакого излучения, кроме видимого света и инфракрасных лучей. Планета обитаема, ее обитатели явно разумны. У них развита техника, но, очевидно, на доэлектронном уровне, так что я не думаю, что здесь нам стоит чего-нибудь опасаться. Даже если я не прав, компьютер заблаговременно предупредит меня.

– А когда настанет день?

– Мы приземлимся, естественно.

75

Корабль пошел на снижение, когда первые лучи утреннего солнца сквозь разрывы в тучах осветили видимую часть острова – ярко-зеленую, с цепью низких, округлых холмов, посередине вытянувшихся к горизонту и исчезающих в лиловой дымке.

Когда корабль подлетел к острову, стали видны отдельные купы деревьев, разбросанные там-сям сады, но большую часть острова занимали ухоженные фермы. Прямо под кораблем, на юго-восточном побережье, раскинулся серебристый пляж, огражденный прерывистой линией валунов, за которой начинался луг. Время от времени попадались отдельные дома, но они не группировались во что-либо подобное городу.

Там стала видна тонкая сеть дорог, кое-где проходивших мимо жилищ. Потом увидели вдалеке аэрокар, парящий в прохладном утреннем воздухе. От птицы на таком расстоянии он отличался лишь своими маневрами в воздухе. Это был первый несомненный признак разумной жизни, который путешественники увидели на планете.

– Наверное, он автоматический, если только такое возможно без электроники, – сказал Тревайз.

– Наверное, – отозвалась Блесс. – Мне кажется, если бы им управлял человек, он направился бы к нам. Нас, должно быть, прекрасно видно... Интересно смотреть, как мы садимся без пламени из сопел или реактивного торможения.

– Картина непривычная, что ни говори, – задумчиво кивнул Тревайз. – Не так уж много найдется планет, где видели бы, как приземляется гравилет. Этот пляж мог бы стать прекрасным местом для посадки, но если поднимется ветер... Я не хочу, чтобы корабль хлестнуло. Мне больше нравится лужок по ту сторону валунов.

– Хорошо, – встярал в разговор Пелорат, – что гравилет не может спалить частную собственность при посадке.

Сели они мягко, на четыре медленно выехавших наружу во время последней стадии приземления широкие опоры. Они вдавились в почву под весом корабля, и «Далекая звезда» замерла.

— Наверное, мы все-таки оставим здесь отметины, — вдохнул Пелорат.

— По крайней мере, климат здесь ровный, я бы даже сказала, теплый. — В голосе Блисс проскользнули не совсем одобрительные нотки.

На траве стоял человек и следил за кораблем, не проявляя, впрочем, ни страха, ни удивления. На его лице отражались только восхищение и интерес.

При ближайшем рассмотрении человек оказался женщиной, очень легко одетой, что подтверждало оценку климата, данную Блисс. Сандалии на женщине, похоже, были из парусины, а вокруг бедер был обернут, наподобие юбки, кусок ткани с цветастым рисунком, составлявший всю ее одежду.

Волосы женщины были темными, длинными, блестящими и струились волнами почти до пояса. Кожа смуглая, глаза миндалевидные.

Тревайз оглядел окрестности — других людей поблизости видно не было. Он пожал плечами и сказал:

— Ну... раннее утро, как-никак. Местные жители, наверное, сидят по домам, а может, и спят еще. В общем, я бы не сказал, что это густонаселенный район. — Он обернулся к остальным: — Пойду потолкую с дамой. Глядишь, добьюсь чего-нибудь вразумительного. А вы...

— Я думаю, мы тоже можем выйти, — твердо проговорила Блисс. — Женщина на вид совершенно безопасна, и в любом случае я хотела бы размяться, подышать свежим воздухом. Может быть, удастся договориться насчет местных продуктов. Я хочу, чтобы Фаллом вновь ощутила под собой твердую почву, и думаю, Пел будет рад посмотреть на эту женщину поближе.

— Кто? Я? — зардевшись, вскричал Пелорат. — Вовсе нет, Блисс, но ведь я... как-никак переводчик у нас в отряде.

Тревайз пожал плечами:

— Пошли. Пошли вместе. Все же, хотя она и безопасна с виду, я намерен взять с собой оружие.

— Сомневаюсь, — заметила Блисс, — что у тебя возникнет потребность его использовать против этой юной женщины.

— Хорошенькая, верно? — ухмыльнулся Тревайз.

Он первым покинул корабль, за ним сошла Блисс вместе с Фаллом, обнимая ее одной рукой. Пелорат шел последним.

Юная черноволосая женщина продолжала с интересом рассматривать их, не отступив ни на дюйм.

— Ну, попробуем, — пробормотал Тревайз. Он отвел руки от оружия и произнес:

— Здравствуй.

Юная женщина, казалось, некоторое время размышляла над этим, а затем ответила:

— Приветствуя тебя, чужеземец. Приветствуя и твоих спутников.

— Чудесно! — обрадовался Пелорат. — Она говорит на классическом галактическом и с правильным произношением!

— Я тоже понял ее, — кивнул Тревайз. — Хоть говорит она витиевато. Надеюсь, она понимает меня.

Он улыбнулся и, придав своему лицу самое дружелюбное выражение, продолжал:

— Мы прибыли через космос, мы пришли с другой планеты.

— Это хорошо, — сказала юная женщина ясным чистым сопрано. — Прибыл ли твой корабль из Империи?

— Он прибыл с далекой звезды, и сам называется «Далекая звезда».

Туземка посмотрела на надпись на корабле.

— Гласит ли написанное то, что ты изрек? Если это так и если первая буква — F, тогда, о чужеземец, она написана задом наперед.

Тревайз готов был возразить, но Пелорат, впавший от радости и экстаза, воскликнул:

— Она права, права! Буква *F* перевернулась примерно двести лет назад. Какой восхитительный случай — изучить классический галактический как живой язык!

Тревайз же изучал юную островитянку. Ростом она была не выше полутора метров. Правда, девочкой ее назвать было трудно. Груди красивой формы были невелики. Соски были большими и темными, — может быть, оттого, что девушка была так смугла.

— Меня зовут Голан Тревайз, — сказал он, — моего друга — Джэн Пелорат, женщину — Блисс, а ребенка — Фаллом.

— По обычанию, следовательно, на далекой звезде, откуда вы появились, мужчины обладают двойным именем? Я — Хироко, дочь Хироко.

— А твой отец? — внезапно вмешался Пелорат.

В ответ Хироко равнодушно пожала плечами:

— Имя его, как говорила моя мать, Смул, но это не важно. Я не знаю его.

— А где остальные? — спросил Тревайз. — Похоже, ты одна встречаешь нас.

— Многие из мужчин — на рыбачьих лодках, многие из женщин — на полях. Я два дня свободна, и посему мне посчастливилось узреть ваш величественный корабль. Впрочем, корабль ваш можно было узнать даже издалека. Люди любопытны и вскоре прибудут сюда.

— А много этих других на острове?

— Их двадцать тысяч и еще пять, — с гордостью сообщила Хироко.

— В океане есть другие острова?

— Другие острова, благородный господин? — спросила она удивленно.

Тревайз счел, что это ответ. Этот остров — единственное место на этой планете, где живут люди.

— А как вы называете свою планету?

— Она именуется Альфа, благородный господин. Нас учили тому, что полное ее название — альфа Центавра, если это о чем-то тебе говорит, но мы зовем ее просто Альфа, и, как видите, это благообразная планета.

— Какая-какая? — непонимающе переспросил Тревайз и обернулся к Пелорату.

— Она имела в виду «прекрасная».

— Это точно, — согласился Тревайз, — по крайней мере, здесь и сейчас. — Он взглянул на нежно-голубое утреннее небо с редкими облаками. — Будет чудесный солнечный день, Хироко, но я думаю, такие не часты на Альфе.

— Столько, сколько нам потребно, господин, — холодно ответила Хироко. — Облака могут являться, когда нам потребен дождь, но большую часть дней нам лучше, когда небо ясное. Конечно, доброе небо и тихий вечер гораздо более желаемы в те дни, когда в море выходят рыбачьи суда.

— Следовательно, ваш народ управляет погодой, Хироко?

— Не поступай мы так, господин Голан Тревайз, мы бы вымокли до нитки под дождем.

— Но как вы это делаете?

— Не будучи обученным инженером, господин, я не в силах этого объяснить.

— Да будет мне позволено узнать название этого острова, на котором живешь ты и остальные люди? — поинтересовался Тревайз, неожиданно для себя переключившись на обороты классического языка и отчаянно гадая, правильно ли он говорит.

— Мы зовем наш благословенный остров посреди безбрежного моря Новой Землей, — ответила Хироко.

Тревайз и Пелорат обменялись удивленными и восторженными взглядами.

76

Переспрашивать времени не было. Появились другие люди. Десятки людей. «Должно быть, — подумал Тревайз, — это те, кто не ушел в море на лодках, не работал в поле, те, кто оказался неподалеку от места посадки». Большую часть пути люди явно прошли пешком, хотя видны были и два автомобиля — довольно старых и затрапезных.

Ясно, цивилизация тут была в техническом отношении слаборазвитая, но все же погодой местные жители управляли.

Известно, что техника вовсе не обязательно развивается во всех направлениях одинаково; отсутствие успехов в какой-либо области не исключает наличия значительных достижений в других, но наверняка данный пример неравномерности развития являлся необычным.

Из тех, кто сейчас рассматривал корабль, по крайней мере, половину составляли старики и старухи; были и дети – трое-четверо. Остальные, в основном, женщины помоложе. Непохоже, чтобы островитяне были напуганы.

– Ты что, управляешь ими? – шепотом спросил Тревайзу Блисс. – Они кажутся такими умирающими.

– Я и не думала прикасаться к их сознанию. Я делаю это в самых крайних случаях. А сейчас я забочусь только о Фаллом.

Всякому, кто повидал зевак, показалось бы, что у корабля собралась жалкая горстка людей, но для Фаллом это было непривычно. Она и к трем взрослым на «Далекой звезде» только-только начала привыкать. Солярианка часто, коротко дышала, полуприкрыв глаза. Казалось, еще чуть-чуть, и наступит обморок.

Блисс ласково гладила волосы Фаллом и что-то успокаивающе шептала. Тревайз не сомневался, что Блисс при этом самым деликатным образом убаюкивает сознание солярианки.

Фаллом неожиданно глубоко вздохнула – почти всхлипнула, и вздрогнула. Подняла голову, посмотрела вокруг почти отстраненным взглядом, но тут же спрятала лицо, уткнувшись в грудь Блисс.

Блисс ласково сжала плечи девочки, словно подтверждая свое присутствие и защиту. Пелорат переводил благоговейный взгляд с одного альфианина на другого.

– Голан, они такие непохожие, – сказал он наконец.

Тревайз тоже заметил это. Тут были люди с разными цветом кожи и волос. У одного туземца была ярко-рыжая шевелюра, синие глаза и вся физиономия в веснушках. Двое-трое взрослых были одного роста с Хироко, а парочка – выше Тревайза. У некоторых мужчин и женщин разрез глаз был таким же, как у Хироко, и Тревайз вспомнил, что на одной густонаселенной торговой планете сектора Файли такие глаза, по слухам, отражали лица всех местных жителей, но самого его никогда туда не заносило.

На всех альфианах выше пояса не было никакой одежды. Все женщины, как на подбор, – с маленькой, просто-таки девичьей грудью. Вот и все, что было у туземцев общего.

– Мисс Хироко, – неожиданно обратилась к островитянке Блисс, – моя девочка не привыкла к длительным полетам. Она увидела столько нового, что больше уже не в силах впитать. Нельзя ли ее усадить где-нибудь и, если можно, дать ей немного поесть и попить?

Хироко нахмурилась. Пелорат повторил для нее слова Блисс, но на более замысловатом галактическом среднеимперского периода. Рука Хироко вспорхнула к губам, и островитянка опустилась на колени:

– Я молю о пощаде, уважаемая госпожа! Я не подумала ни о нуждах этого ребенка, ни о твоих. Необычайность происшедшего излишне очаровала меня. Не будете ли вы так добры – вы все – стать нашими гостями и пройти в дом для утренней трапезы? Будет ли нам позволено присоединиться к вам, дабы мы смогли прислуживать вам как хозяева?

– Ты очень добра, – сказала Блисс. Она говорила медленно, старательно выговаривая слова, надеясь, что так ее легче понять. – Хотя было бы лучше, если ты одна будешь прислуживать нам – ради спокойствия ребенка, непривычного к большому стечению народа.

Хироко поднялась с колен.

– Да будет так, как ты сказала, – ответила она, склонив голову, и легкой походкой зашагала по траве.

Другие альфиане подошли поближе. Они, похоже, особенно интересовались одеждой незнакомцев. Тревайз снял с себя легкую куртку и протянул мужчине, который подошел сбоку и ткнул в куртку пальцем.

– Вот, – сказал он, – посмотри, но потом верни. – Затем он обратился к Хироко: – Проследи, чтобы я получил ее назад, мисс Хироко.

– Вне всяких сомнений, вещь будет возвращена, благородный господин, – сказала та и уверенно кивнула.

Тревайз улыбнулся и пошел дальше. Ему было гораздо легче шагать без куртки под

легким теплым ветерком.

Он не заметил оружия у окружавших их людей. Вот забавно – никто, казалось, не обнаруживал ни страха, ни стесненности при виде оружия Тревайза. Островитяне даже не проявляли к нему особого любопытства. Впрочем, они просто могли не принимать эти штуки за оружие. Судя по тому, что увидел Тревайз, Альфа могла оказаться планетой, совершенно лишенной какого бы то ни было насилия.

Одна из женщин обогнала Блисс, обернулась, с пристрастием уставилась на ее блузку и спросила:

– Есть ли у тебя груди, уважаемая госпожа?

И, словно не в силах была дождаться ответа, протянула руку и недоверчиво провела по груди Блисс.

Блисс улыбнулась и ответила:

– Как ты смогла убедиться, они у меня есть. Возможно, они не такие красивые, как твои, но я скрываю их не по этой причине. В моем мире обнажать грудь считается непристойным.

– Как тебе мой классический галактический? – шепнула Блисс Пелорату.

– У тебя вполне прилично получается, Блисс.

Трапезная оказалась большим помещением с длинными столами, вдоль которых тянулись скамьи. Очевидно, альфиане предпочитали есть сообща.

Тревайз почувствовал угрызения совести. Из-за просьбы Блисс оставить их одних они оказались в огромном зале в пятером и вынудили большинство альфиан остаться снаружи. Однако некоторые из них расположились на небольшом расстоянии от окон (которые представляли собой всего лишь отверстия в стенах, не прикрыты даже ставнями), так чтобы иметь возможность наблюдать за тем, как едят чужестранцы.

«А если бы шел дождь?» – подумал Тревайз. Но, вероятно, дождь здесь начинался только тогда, когда в нем возникала нужда, причем дождь, наверное, редкий и теплый, без сильного ветра. Более того, дождь, видимо, начинался в определенное время, так что альфиане, решил Тревайз, успели бы к нему подготовиться.

Окна выходили на море. Далеко на горизонте Тревайз как будто разглядел грозовые тучи, вроде тех, что почти целиком затягивали небо над планетой, кроме этого крохотного райского островка.

В этом и состояло преимущество управления погодой.

Вскоре им стала прислуживать юная девушка, ходившая вокруг стола на цыпочках. Она не спрашивала, чего бы им хотелось, а просто накрывала на стол. Девушка поставила перед каждым по небольшому стакану с молоком, побольше – с виноградным соком, еще больше – с водой. Обед каждого состоял из двух больших зажаренных яиц с ломтиками белого сыра. Кроме того, стояли большие блюда с отварной рыбой и маленькие – с жареным картофелем, разложенным на холодных, зеленых листьях латука.

Блисс потрясенно смотрела на такое количество еды и явно растерялась – с чего бы начать. Фаллом не испытывала подобных затруднений. Она жадно и с явным удовольствием выпила стакан сока, затем перешла к рыбе и картофелю. Фаллом попыталась запустить в еду пальцы, но Блисс протянула ей большую ложку с заостренными краями, которая могла служить и вилкой. Фаллом взяла ее.

Пелорат довольно улыбнулся и принялся за яйца.

– А я, оказывается, забыл, – заметил Тревайз, – каковы на вкус настоящие яйца.

Хироко, забыв о своем собственном завтраке, в восторге глядела на то, как едят гости (даже Блисс наконец начала кое-что пробовать, и видно было, что ей нравится), и наконец спросила:

– Хороша ли еда?

– Просто прекрасна! – ответил Тревайз, прожевав очередной кусок. – На этом острове, судя по всему, нет богатых источников продовольствия. Или вы подали нам больше, чем едите сами, просто из вежливости?

Хироко слушала, внимательно глядя на него, и, видимо, уловила смысл вопроса:

– О нет, благородный господин. Наша страна щедра, а наше море – еще щедрее. Наши утки несут яйца, наши козы дают молоко, и мы делаем сыр, колосятся наши нивы. В океане –

бесчисленные виды рыбы, и нет им числа. Вся Империя могла бы делить с нами трапезу и не истощить запасов рыбы в нашем море.

Тревайз неуверенно улыбнулся. Ясно, молодая альфианка не имела ни малейшего понятия об истинных размерах Галактики.

— Ты, Хироко, назвала этот остров Новой Землей, — сказал он. — Где же тогда Старая Земля?

Она в замешательстве посмотрела на Тревайза.

— Вы сказали *Старая* Земля? Я прошу простить меня, господин. Я не поняла смысла этих слов.

— Прежде чем возникла эта Новая Земля, ваши люди должны были где-то жить. Где же было это место, откуда они явились?

— Мне ничего не ведомо об этом, благородный господин, — с трогательной серьезностью ответила Хироко. — Эта страна была моей всю мою жизнь, это страна моей матери, и бабушки, и, несомненно, их бабушек и прабабушек. Никакие другие страны мне не ведомы.

— Но, — попытался осторожно поспорить Тревайз, — ты говоришь о своей стране как о *Новой* Земле. Почему ты называешь ее именно так?

— Потому, благородный господин, — ответила Хироко негромко, — что она так зовется всеми, и ни одна женщина не находит это странным.

— Но это *Новая* Земля, следовательно, более поздня. Должна быть и *Старая* Земля, предшествовавшая этой, в честь которой ваш мир и был назван. Каждое утро наступает новый день, и это означает, что раньше него был старый день, прошедший. Разве ты не понимаешь, что так и должно быть?

— Нет, благородный господин. Мне ведомо только, как называется наша страна. Я не знаю более ничего и не могу уследить за твоими рассуждениями, которые, на мой взгляд, напоминают то, что мы зовем здесь болтологией. Прости, я не хотела тебя обидеть, господин.

Тревайз покачал головой — никакого толку.

77

Тревайз наклонился к Пелорату и прошептал:

— Куда бы мы ни попадали, что бы мы ни делали — никакой информации.

— Мы знаем, где Земля, так в чем же дело? — ответил Пелорат, едва шевеля губами.

— Я хочу знать хоть что-нибудь о ней.

— Эта женщина очень молода. Вряд ли она располагает необходимыми знаниями.

Тревайз подумал немного и кивнул:

— Правильно, Джэн.

Он повернулся к Хироко и сказал:

— Мисс Хироко, вы так и не поинтересовались, зачем мы здесь, в вашей стране.

Хироко потупила глаза и объяснила:

— Я не смею высказывать никакого интереса, исходя из вежливости и гостеприимства, до тех пор пока вы все не поедите и не отдохнете, благородный господин.

— Но мы уже поели, можно считать, и отдыхали перед посадкой, так что я скажу тебе, зачем мы здесь. Мой друг, доктор Пелорат, — известный ученый в нашем мире, образованный человек. Он — мифологист. Ты знаешь, что это такое?

— Нет, благородный господин. Не знаю.

— Он изучает древние предания, те, которые рассказывают на разных планетах. Эти предания называются мифами или легендами, и они интересуют доктора Пелората. Есть ли на Новой Земле кто-нибудь, кто знает ваши предания?

Хироко слегка наморщила лоб, задумалась и сказала:

— Я в этом не искусна. В этой части острова есть старик, который любит говорить о былых временах. Откуда он мог все это узнать, мне не ведомо, и думаю, он либо сам все выдумал, либо услыхал от других выдумщиков. Возможно, это именно то, что твой ученый друг хотел бы услышать, хотя я могла и неверно понять тебя. Сама я думаю, — она огляделась по сторонам, словно не желая, чтобы ее кто-то услышал, — что старик этот — просто болтун, хотя многие

охотно его слушают.

– Нам как раз такая болтовня и нужна, – кивнул Тревайз. – Не могла бы ты отвести моего друга... к этому старику?

– Он называет себя Моноли.

– ...К Моноли. А как ты думаешь, Моноли согласится поговорить с моим другом?

– Он? Согласится ли поговорить? – презрительно скривилась Хироко. – Вы бы лучше спросили, согласится ли он когда-нибудь перестать говорить. Он всего лишь мужчина и, следовательно, может проболтать до третьих петухов, не закрывая рта, не в обиду ему будет сказано, благородный господин.

– Так можешь ты прямо сейчас отвести моего друга к Моноли?

– Это может сделать любой и когда угодно. Старик всегда дома и всегда готов приветствовать слушателей.

– И, возможно, какая-нибудь пожилая женщина не прочь пообщаться с госпожой Блисс. Она должна заботиться о ребенке и не сможет далеко от него отходить. Ей понравилось бы, если бы ей составили компанию; женщины, как ты знаешь, рады...

– Посплетничать? – удивилась Хироко. – Впрочем, так считают мужчины, хотя я не раз наблюдала, как сами же мужчины оказывались гораздо большими болтунами. Дайте им только вернуться после рыбалки, и они начнут соперничать друг с другом в полете фантазии, расписывая свою добычу. Никто не может ни проверить их, ни поверить, но это, впрочем, их не останавливает. Но довольно и мне болтать. У моей матери есть подруга, ее я сейчас узрела в окно, которая может составить компанию госпоже Блисс и ее ребенку, но раньше может проводить твоего друга, уважаемого доктора, к Моноли. Если твой друг столь же горазд слушать, как Моноли – говорить, тогда ты вряд ли сможешь разлучить их в этой жизни. А теперь, с вашего позволения, я покину вас на минуту.

Когда она ушла, Тревайз обратился к Пелорату:

– Послушай, выжми все, что сможешь, из этого старика; а ты, Блисс, выпытай как можно больше от той, что придет посидеть с тобой. Все о Земле.

– А ты? – спросила Блисс. – Что собираешься делать ты?

– Я останусь с Хироко и попытаюсь найти третий источник информации.

– Ну да, – понимающе улыбнулась Блисс. – Пел будет говорить со стариком. А ты, так уж и быть, останешься с хорошенькой полуоголой девушкой. Разумное распределение труда, ничего не скажешь.

– Выходит так, Блисс, что это *действительно* разумно.

– Но тебя не огорчает, что труд распределится именно так, а не иначе?

– Нет, конечно. Почему это должно меня огорчать?

– Действительно, почему?

Вернулась Хироко и, сев на скамью, сообщила:

– Все устроилось. Уважаемый доктор Пелорат будет сопровожден к Моноли; благородная госпожа Блисс, вместе с ее ребенком, обретет компаньонку. Теперь я могу надеяться, благородный господин Тревайз, продолжить столь приятную моему сердцу беседу с тобой, быть может, даже об этой Старой Земле, о которой ты...

– Болтал? – копируя ее, пошутил Тревайз.

– Нет! – смеясь, возразила Хироко. – Но ты славно передразнил меня. Я проявила к тебе неуважение, отвечая на эти вопросы в дурном тоне. Я стражду принести извинения и исправить свою ошибку.

– «Стражду»? – Тревайз оглянулся на Пелората.

– «Жажду», – негромко перевел Пелорат.

– Мисс Хироко, я не почувствовал неуважения, но, если тебе станет легче, я рад буду поговорить с тобой.

– Ты несказанно добр. Благодарю тебя, – сказала Хироко вставая.

Тревайз тоже поднялся.

– Блисс, – позвал он, – удостоверься, что Джен в безопасности.

– Предоставь это мне. у тебя есть... – Блисс красноречиво взглянула на оружие Тревайза.

– Не думаю, что оно понадобится, – проворчал Тревайз.

Он последовал за Хироко, вышедшей из трапезной. Солнце поднялось уже высоко, и стало еще теплее. Ощущался, как всегда, запах новой планеты. Тревайз припомнил, что на Конпореллоне почти ничем не пахло, вспомнил слегка затхлый запах Авроры, довольно приятный – Солярии, (На Мельпомене они были в скафандрах и могли чувствовать лишь запах собственных тел.) В каждом случае к запаху они привыкали буквально за несколько часов, как только насыщались обонятельные рецепторы носа.

Здесь, на Альфе, приятно пахло травой, нагретой солнцем, и Тревайзу стало грустно – этот запах ему нравился.

Они приближались к небольшому домику, построенному, похоже, из бледно-розовой глины.

– Это, – показала рукой Хироко, – мой дом. Некогда он принадлежал младшей сестре моей матери.

Она вошла внутрь и жестом пригласила Тревайза за собой. Дверь была открыта – точнее, как заметил Тревайз, проходя сквозь дверной проем, – ее не было вовсе.

– А что же вы делаете, когда идет дождь? – поинтересовался он.

– Мы всегда готовы к этому. Дождь длится два дня, по три часа на заре, когда холоднее и когда он способен увлажнить почву наиболее щедро. Тогда я просто натягиваю на проем этот полог, тяжелый и отталкивающий воду.

Этим она и занялась, не прекращая своих объяснений. Полог был сделан из прочного, похожего на парусину, материала.

– Я оставлю его так, – продолжала она. – И все будут ведать, что я дома, но не желаю, чтобы меня беспокоили, поскольку я сплю или занята важными делами.

– Не слишком надежная защита от непрошеных гостей.

– Но почему же? Смотри, вход закрыт.

– Но любой может отодвинуть полог и войти.

– Не согласуясь с волей хозяина? – Хироко была потрясена подобным предположением. – И такое может произойти в твоем мире? Какое варварство!

– Я просто спросил, – усмехнулся Тревайз.

Хироко провела его в дальнюю комнату, и, повинувшись ее приглашению, Тревайз уселся в мягкое кресло. В маленькой полутемной комнате он ощущал что-то вроде приступа клаустрофобии, но, видимо, дом их и предназначался только для уединения и отдыха. Окна были невелики и располагались почти под потолком, но по стенам были выложены узоры из тусклых зеркальных полосок, отражающих падающий на них свет в разные стороны. Из щелей в полу тянуло холодком. Признаков искусственного освещения Тревайз не нашел и задался вопросом, не встают ли альфиане с рассветом и не ложатся ли с закатом?

Вопрос уже готов был сорваться с его губ, но Хироко опередила его:

– Госпожа Блисс – твоя женщина?

Тревайз осторожно переспросил:

– Ты хотела узнать, не является ли она моей сексуальной партнершей?

– Умоляю тебя, соблюдай приличия ведения вежливой беседы, – покраснела Хироко. – Я действительно имела в виду телесные радости.

– Нет, Она женщина моего ученого друга.

– Но ведь ты моложе и более хорош собой.

– Ну, спасибо за комплимент, однако Блисс так не думает. Ей нравится доктор Пелорат и гораздо сильнее, чем я.

– Это очень удивляет меня. А он не готов поделиться с тобой?

– Я не спрашивал, но уверен, что он делиться не пожелает. Впрочем, я и не стремлюсь к этому.

– Тебя можно понять, – рассудительно кивнула Хироко. – У нее слишком фундаментальная...

– Что-что фундаментальное?

– Ты понимаешь. Вот это, – и Хироко грациозно шлепнула себя пониже спины.

– Ах это! Теперь я понял. Да, Блисс щедро наделена тем, что называется бедрами. – Он изобразил руками нечто округлое и подмигнул. Хироко рассмеялась. – Тем не менее многие

мужчины находят великолепной подобную округлость фигуры.

– Не могу поверить в это. Наверное, это извращение – желать того, что превосходит некий приятный средний уровень. Разве ты стал бы лучшего мнения обо мне, если бы мои груди были массивными, с отвисшими сосками? Я сама, по правде говоря, видела таких женщин, хотя и не замечала, чтобы мужчины толпились вокруг них. Несчастная женщина, которую так покарала судьба, поистине должна прикрывать свое уродство – как это делает госпожа Блисс.

– Такая гипертрофированность меня тоже не привлекает, хотя я уверен, что Блисс прикрывает грудь вовсе не из-за того, что она у нее некрасива.

– Следовательно, ты не испытываешь отвращения, глядя на меня?

– Я безумец. Ты прелестна.

– А что ты делал для своего удовольствия на этом корабле, когда летал от одной планеты к другой, – ведь госпожа Блисс отказывала тебе?

– Ничего, Хироко. С этим ничего не поделаешь. Я время от времени думал об удовольствиях, и в этом были свои неудобства, но все, летающие в космосе, хорошо знают: бывают времена, когда приходится обходиться без этого. Страсти можно предаться по возвращении.

– А если воздержание мучительно, как можно все исправить?

– Я чувствую гораздо большее мучение оттого, что ты затронула эту тему. Не думаю, что это вежливо – интересоваться тем, как можно исправить подобное.

– Будет ли неучтиво с моей стороны сделать предложение?

– Это будет зависеть исключительно от того, что это будет за предложение.

– Я хочу предложить, чтобы мы получили удовольствие друг от друга.

– Ты привела меня сюда для этого, Хироко?

– Да! – призналась Хироко с довольной улыбкой. – Это одновременно и мой долг вежливости как хозяйки, и мое искреннее желание.

– В таком случае, я готов признать, что это также и мое желание. В самом деле, я очень благодарен тебе за это. Я... как это... стражду доставить тебе удовольствие.

Глава восемнадцатая Музыкальный праздник

78

Обед был подан в том же самом помещении, где они завтракали. Теперь тут было полно альфиан, и среди них Тревайз и Пелорат, которых угощали напропалую. Блисс и Фаллом ели отдельно, более или менее уединенно, в маленькой пристройке.

На столе стояли блюда с разной рыбой, супница с бульоном, в котором плавало нечто напоминающее кусочки вареной молодой козлятины. Лежали нарезанные каравай хлеба, масло и джем. Салаты подали потом, а вот на десерт не было ничего, хотя фруктовые соки гуляли по столам в казавшихся бездонными кувшинах. Оба гражданина Академии ели мало, поскольку не так давно сытно позавтракали, а остальные уплетали обед за обе щеки.

– Как они только ухитряются не толстеть? – удивленно шепнул Пелорат.

– Наверное, трудятся в поте лица, – пожал плечами Тревайз.

Никто явно не заботился о соблюдении строгого этикета. В трапезной было шумно, то и дело слышались смех, стук о столы толстых, очевидно, небьющихся чашек. Женщины вели себя столь же шумно, как мужчины, только голоса у них были попискливее.

Пелорат поморщился, но Тревайз (временно, по крайней мере) избавленный от того неудобства, о котором беседовал с Хироко, чувствовал себя прекрасно и благодушествовал.

– Честное слово, – сказал он, – такая жизнь имеет свои прелести. Вот люди, которые радуются жизни и у которых совсем мало забот. Погода стоит такая, какую они пожелаю, еда обильна и вкусна. У них поистине золотой век, который просто не прекращается.

Тревайз почти кричал, чтобы его было слышно, Пелорат прокричал в ответ:

– Да... Только уж очень шумно.

– Они так привыкли, наверное.

– Я удивляюсь, как они могут понимать друг друга в этом бедламе.

Конечно, им обоим было трудно разобрать смысл разговоров. Странное произношение, устаревшая грамматика и порядок слов языка альфиан мешали восприятию речи, особенно в таком гаме. Им казалось, что они попали в зоопарк, где по клеткам мечутся испуганные звери.

Только после обеда они встретились с Блисс в маленькой пристройке, которая напомнила Тревайзу домик Хироко. Здесь им всем предстояло временно разместиться. Фаллом уединилась в дальней комнате и, по словам Блисс, собиралась вздремнуть.

Пелорат посмотрел на дверной проем в стене и неуверенно произнес:

– Не очень-то уютное жилье. Как же мы сможем свободно поговорить?

– Уверяю тебя, – отозвался Тревайз, – стоит нам натянуть полог в дверях и нас никто не потревожит. Никому и в голову не придет войти – таковы тут обычаи.

Пелорат перевел взгляд на оконные проемы. – Нас можно легко подслушать.

– Что мы, кричать будем? Альфиане не подслушивают. Даже когда они стояли напротив окон трапезной во время нашего завтрака, они выдерживали вежливую дистанцию.

– Ты так много узнал об альфианских обычаях, – улыбнулась Блисс, – за то время, что провел наедине с нежной маленькой Хироко, и так уверен теперь в воспитанности местных жителей. Что произошло?

– Если ты заметила, что картина моего сознания изменилась в лучшую сторону, и интересуешься причиной этого, я могу только попросить тебя оставить мое сознание в покое.

– Ты прекрасно знаешь, что Гея не тронет твоего сознания ни при каких обстоятельствах, исключая лишь опасность для жизни, и ты знаешь почему. Но я не слепая. Я могу ощутить то, что происходит на километр вокруг. Это что, неотъемлемая часть твоих космических странствий, мой друг-эротоман?

– Эротоман? Помилуй, Блисс. Второй раз за вес время! Второй!

– Мы посетили всего лишь две планеты, на которых живут нормальные женщины, и на каждой из них мы пробыли лишь несколько часов.

– Тебе хорошо известно, что на Компореллоне у меня не было выбора.

– Не спорю. Я помню, какова она была внешне. – На несколько мгновений Блисс расплылась в улыбке. – А вот представить, что Хироко сжала тебя, беспомощного, в своих мощных объятиях и сломила железной волей твое слабое тело...

– Конечно, нет. Я сам этого хотел. Но предложение исходило от нее.

– Неужели у тебя так всегда получается, Голан? – с ноткой зависти в голосе спросил Пелорат.

– Конечно, так оно и должно быть, – усмехнулась Блисс, – женщины к нему так и льнут, не в силах противиться его обаянию.

– Хотел бы я, чтобы это было так, – вздохнул Тревайз. – Но это далеко от истины. И я рад. Есть много другого в жизни, чем заняться. Но на этот раз я *действительно* не сопротивлялся. В конце концов мы были первыми людьми с другой планеты, которых когда-либо видела Хироко да, пожалуй, и никто из ныне живущих на Альфе. Я понял из того, что она не хотела обсуждать, из случайных замечаний, что Хироко предполагала, будто обнаружит у меня необычайные анатомические подробности или дождется какой-нибудь изысканной техники, но я не оправдал ее надежд. Боюсь, она была разочарована.

– О! Неужели? А ты?

– Я – нет. Я бывал на многих планетах, и у меня есть определенный опыт. Оказалось, что люди есть люди, а секс есть секс, где бы нее это ни происходило. Если и есть какие-то отличия, они обычно тривиальны и часто неприятны. Каких только ароматов я в свое время не нанюхался! Одна дама так просто ничего не позволяла, пока не начинала играть громкая музыка, приправленная отчаянными воплями. Но когда она включала эту музыку, я был бессилен. Уверяю тебя, если все складывается, будто в добрые старые времена, меня это вполне устраивает.

– Кстати, о музыке, – сказала Блисс, – после ужина мы приглашены на музыкальное представление. Очевидно, в нашу честь. Похоже, альфиане очень гордятся своей музыкой.

– Их гордость вряд ли сделает звуки музыки приятнее для нашего слуха, – поморщился

Тревайз.

— Дослушай меня. Я поняла так, что гордятся они в основном тем, что играют исключительно на древних инструментах. Очень древних. Мы можем узнать что-нибудь о Земле, познакомившись с ними.

Тревайз нахмурился:

— Интересная мысль. Кстати, может быть, вы что-нибудь разузнали? Джен, ты виделся с этим... Моноли, о котором говорила Хироко?

— Да, виделся. Я проговорил с ним три часа. Хироко не преувеличивала. Непрерывный монолог. Когда я собрался обедать, он вцепился в меня и не давал мне уйти, пока я не пообещал вернуться, когда смогу, чтобы послушать его еще.

— А он действительно сказал что-то интересное?

— Ну, он тоже, как и все, настаивал на полной и смертоносной радиоактивности Земли; на том, что предки альфиан последними покинули ее и что, если бы не это, все они умерли бы. И, Голан, он так убежден в этом, что я не мог не поверить ему. Я пришел к выводу, что Земля в самом дюле мертва и что все наши поиски оказались в итоге бесполезными.

79

Тревайз опустился на стул, глядя на Пелората, сидящего на узкой койке. Блисс встала и молча посмотрела по очереди на мужчин.

— Позволь мне судить, бесполезны были наши поиски или нет, Джен, — смог наконец выговорить Тревайз. — Лучше скажи, что натрапал тебе этот болтун только покороче.

— Я делал пометки по ходу беседы. Это помогло произвести на старика впечатление ученого, но мне нет нужды заглядывать в них. Его речь была непрерывным потоком сознания. О чем бы он ни заговорил, это тут же напоминало ему о чем-то еще, но, конечно, я потратил бы всю жизнь, пытаясь переварить эту информацию в поисках надежных и состоятельных сведений, так что моя задача сейчас — суметь преобразовать длинные и бессвязные рассуждения...

— Во что-нибудь столь же длинное и бессвязное? Ближе к делу, Джен, дружище, — вежливо перебил его Тревайз.

Пелорат откашлялся и продолжил:

— Да, конечно, дружок. Я попытаюсь сделать связный и хронологически верный отчет из всего услышанного. Итак, Земля была родным домом человечества и миллионов видов животных и растений. Так продолжалось бесконечное число лет, пока не начались гиперпространственные полеты. Тогда и были заселены Внешние миры. Они откололись от Земли, развив свою собственную культуру, и стали презирать и угнетать планету-праматерь.

После пары столетий таких отношений Земля сумела вернуть себе свободу, хотя Моноли так и не объяснил, каким образом это произошло, а я не решился расспросить поподробнее. Даже если бы он и позволил мне прервать его, что маловероятно, это могло просто увести старика в новые дебри воспоминаний. Он, кстати, упомянул исторического героя по имени Элайдж Бейли, но упоминания о нем столь характерны для попытки приписать одной личности все достижения целого поколения, что не было смысла пытаться...

— Пел, дорогой, тут все ясно, — оборвала его Блисс.

Пелорат умолк на полуфразе, пытаясь сосредоточиться.

— Конечно. Извините. С Земли ушла вторая волна поселенцев, основав множество новых миров и на новый лад. Новая группа поселенцев, действуя более энергично, чем космониты, вытеснила, разгромила и пережила их и, наконец, создала Галактическую Империю. Во времена войн между поселенцами и космонитами — нет, не войн... он использовал слово «конфликты» — Земля и стала радиоактивной.

— Это же нелепо, Джен! — с явным раздражением заявил Тревайз. — Как могла целая планета стать радиоактивной? Каждая планета в той или иной степени радиоактивна с момента своего образования, и эта радиоактивность постепенно снижается. Стать радиоактивной невозможно.

— Я лишь передаю тебе слова Моноли, — пожал плечами Пелорат. — А он рассказал мне

только то, что сам слышал – от кого-то, кто рассказал ему, что он слышал – и так далее. Это – народные предания, передающиеся от поколения к поколению, из уст в уста, кто знает, с какими искажениями, возникающими при каждом очередном пересказе.

– Я понимаю, но разве здесь нет книг, документов, древних летописей, которые сохранили историю былых времен и которые могли бы дать нам что-нибудь поточнее, чем современные сказки?

– Я спросил старика и об этом, но ответ был – нет. Он туманно объяснил, что были книги в давние времена, но что они давным-давно утеряны, но тем не менее все сказанное им содержалось в тех книгах.

– Да, славная работа. И здесь та же самая история. На каждой планете, которую мы посетили, записи, касающиеся Земли, так или иначе исчезли. Хорошо. Так откуда, он сказал, взялась радиоактивность Земли?

– Он не привел никаких подробностей. Максимум, что он сказал, так это – что космониты были благоразумны, а потом стал утверждать обратное – что космониты были теми злыми демонами, которых люди Земли винили во всех напастях. Радиоактивность… В это мгновение его перебил звонкий голосок.

– Блисс, я – космонитка?

Фаллом со взъерошенными волосами стояла в узком дверном проеме между двумя комнатами. Ночная рубашка (предназначенная для более пышных форм Блисс) соскользнула с одного ее плечика, обнажив неразвитую грудь.

– Мы беспокоились о неожиданных визитерах снаружи, – сказала Блисс, – и забыли об одном внутри. Ну, Фаллом, почему ты спрашиваешь?

Она встала и подошла к подростку.

– У меня нет того, что есть у них, – заявила Фаллом, показав на мужчин, – или того, что есть у тебя, Блисс. Я… другая. Это потому, что я – космонитка?

– Да, Фаллом, – успокаивающе произнесла Блисс, – но небольшие отличия не страшны. Ступай обратно в постель.

Фаллом стала покорной, как всегда, когда Блисс хотела этого. Девочка повернулась и уходя, словно разговаривая сама с собой, пробормотала:

– Я – демон? Что же такое – демон?

Блисс, бросив через плечо: «Подождите меня минутку, я скоро вернусь», – вышла вслед за ней.

Она вернулась через пять минут, качая головой:

– Теперь она будет спать, пока я не разбуджу ее. Я должна была это сделать раньше, но любое вмешательство в сознание должно проводиться лишь в самом крайнем случае. – Словно оправдываясь, она добавила: – Я не могу избавить ее от размышлений о различиях между ее гениталиями и нашими.

– В один прекрасный день она все-таки узнает, что она – гермафродит, – заметил Пелорат.

– Но не теперь, – возразила Блисс. – Продолжай свой рассказ, Пел.

– Да, – поддержал Тревайз, – пока еще кто-нибудь не помешал нам.

– Хорошо. Земля стала радиоактивной или, по крайней мере, ее поверхность. Тогда на Земле жило огромное население, сосредоточенное в гигантских городах, размещавшихся по большей части под землей…

– Ну уж это, – вставил Тревайз, – точно вранье. Должно быть, из местного патриотизма они превозносят золотой век родной планеты, а все подробности – просто-напросто искаженные воспоминания о Тренторе времен его золотого века, когда он был столицей Империи, раскинувшейся на всю Галактику.

– Послушай, Голан, – после некоторого раздумья ответил Пелорат, – ты не должен меня учить, как заниматься моим делом. Мы, мифологисты, хорошо знаем, что мифы и легенды содержат заимствования, морали, природные циклы и сотни других включений и искажений. Но мы трудимся над тем, чтобы их отсеять и добратся до того, что может оказаться сердцевиной, правдой. Фактически, те же приемы могут быть применены и к самым достоверным историям, поскольку никто не пишет явную и очевидную правду, хотя и говорят, что она существует. В конце концов сейчас я рассказываю вам то, что говорил мне Моноли,

хотя, полагаю, и я внес свои собственные искажения, несмотря на все мои попытки избежать этого.

— Хорошо, хорошо, — согласился Тревайз. — Продолжай, Джен. Я не хотел тебя ни в чем упрекать.

— Я не в обиде, дружок. Так вот. Огромные города (примем за истину их существование) разрушались и становились меньше по мере того, как радиоактивность все более и более возрастала, пока население, вернее то, что от него осталось, постепенно не было вытеснено в относительно свободные от радиации области. Численность его была сокращена посредством контроля над рождаемостью и убийством людей старше шестидесяти лет.

— Ужасно, — негодующе произнесла Блисс.

— Несомненно, — согласился Пелорат, — но именно так они поступали, по словам Моноли, и это могло быть правдой, хотя и не красит землян. И непохоже, чтобы такая нелестная характеристика могла быть выдумана. Люди Земли, презираемые и угнетаемые космонитами, не испытывали презрения и гнета Империи, хотя... здесь может иметь место преувеличенная жалость к себе — очень соблазнительное чувство. Это случай...

— Да, да, Пелорат, но в другой раз. Пожалуйста, продолжай о Земле.

— Простите. Империя, сделав благородный жест, согласилась заменить импортированной, свободной от радиации, почвой верхний зараженный слой Земли и вывезти его прочь. Нет нужды говорить, что эта грандиозная задача вскоре утомила Империю, особенно из-за того, что именно в то время (если мои догадки верны) произошло свержение Кандора V, после чего у Империи появилось много гораздо более важных забот, чем забота о Земле. Радиоактивность все росла, население все сокращалось, и наконец Империя, в новом порыве благотворительности, предложила перевезти остатки населения на новую планету — короче говоря, сюда. Задолго до этого, оказывается, какая-то экспедиция засеяла океан, так что со временем, когда были разработаны планы переселения сюда землян, здесь уже была кислородная атмосфера и достаточное количество пищи. Никто из миров Галактической Империи больше не претендовал на Альфу из-за определенной антипатии к планетам, обращающимся вокруг двойных звезд. Видимо, в подобных системах существовало так мало пригодных для жизни планет, что к ним не приближались из-за подозрений, что на них что-то нечисто. Это общепринятый предрассудок. Был хорошо известный случай...

— Расскажешь о нем потом, Джен. Давай про перевозку людей.

— Осталось подготовить сушу, — в спешке глотая слова, продолжил Пелорат. — Была обследована наиболее мелкая часть океана и подняты осадочные породы с более глубоких участков, чтобы нарастить шельф и в конце концов создать остров — Новую Землю. Потом к нему добавились валуны и кораллы, зацепленные драгами, насадили растения, способствовавшие укреплению почвы. И вновь Империя взвалила на себя непосильную ношу. Возможно, вначале планировалось сотворить на Альфе целые континенты, но со временем, когда успели создать только один остров, имперская благотворительность иссякла. На остров перевезли уцелевших землян. Имперский флот увез своих людей и машины, и больше никогда не возвращался. Земляне, живущие на Новой Земле, оказались в полной изоляции.

— Полной?! — усомнился Тревайз. — Моноли действительно утверждает, что никто из всей Галактики не появлялся здесь до нашего прилета?

— Почти полной. Я полагаю, здесь нет ничего такого, ради чего стоило бы прилетать, даже если оставить в стороне суеверную неприязнь к системам двойных звезд. Случайные корабли понапачу могли время от времени залетать сюда, как наш, например, но в конце концов про Альфу совсем забыли, прилетавшие сюда раз больше не возвращались. Вот и все.

— Ты спросил Моноли, где расположена Земля?

— Конечно, спросил. Он не знает.

— Как может он столько знать об истории Земли, не ведая, где она находится?

— Я специально спросил его, Голан, не та ли звезда примерно в парсеке от Альфы — именно то солнце, вокруг которого обращается Земля. Он не знал, что такое парсек, и я объяснил, что с точки зрения астрономов это очень небольшое расстояние. Большое или нет, сказал Моноли, но он не знает, где Земля, и не знает никого, кто бы знал. И, по его мнению, ничего хорошего попытка найти ее не принесет. Ей должно быть позволено, заявил он, до

скончания времен плыть в покое и одиночество через пространство.

– Ты согласен с ним?

– Не то чтобы... – печально покачал головой Пелорат. – Но он сказал, что при той скорости, с которой нарастила радиоактивность, планета должна была стать совершенно непригодной для жизни вскоре после переселения остатков людей и что сейчас она должна настолько интенсивно излучать, что никто не сможет к ней приблизиться.

– Чепуха, – уверенно заявил Тревайз. – Планета не может стать радиоактивной и, даже если так, не может постоянно наращивать свою радиоактивность. Радиоактивность способна только спадать.

– Но Моноли так в этом уверен! Столько людей говорили нам одно и то же на разных планетах – что Земля радиоактивна. Скорее всего, продолжать поиски бесполезно.

80

Тревайз глубоко вздохнул, затем, старательно взвешивая слова, сказал:

– Чепуха, Джен. Выдумки.

– Но послушай, дружочек, нельзя же верить во что-то только потому, что хочется в это верить.

– Мои желания тут совершенно ни при чем. Мы обыскивали планету за планетой и обнаружили, что все сведения о Земле изъяты. Зачем это сделано, если скрывать нечего, если Земля – мертвый радиоактивный мир, к которому даже приблизиться нельзя?

– Я не знаю, Голан.

– Нет, знаешь. Когда мы приближались к Мельпомене, ты сказал, что радиоактивность может оказаться обратной стороной медали. Уничтожение записей, чтобы сделать недоступными точные сведения; создание легенд о радиации, чтобы внести дезинформацию – и то, и другое могло у любого отбить охоту искать Землю, но мы не должны поддаваться панике и разочарованию.

– Слушай, – вмешалась в их диалог Блисс, – ты, кажется, думал, что ближайшая звезда – Солнце Земли. Зачем тогда продолжать спор о радиоактивности? В чем проблема? Почему просто не слетать туда и не посмотреть, Земля ли это? И если это она, что с ней такое?

– Потому что земляне, – ответил Тревайз, – должны быть по-своему могущественны, и я предпочел бы появиться там хоть с какими-то знаниями об их планете и о них самих. Поскольку же я продолжаю оставаться в неведении о том, что творится на Земле, приближение к ней остается опасным. Предлагаю вам остаться на Альфе, а сам я двинусь к Земле. Хватит одной жизни. Это рискованно.

– Нет, Голан, – горячо возразил Пелорат. – Блисс и ребенок могут ждать здесь, но я должен лететь с тобой. Я занимался поисками Земли еще до того, как ты появился на свет, и не вправе отступить.

– Блисс и ребенок не будут ждать здесь, – заявила Блисс. – Я Гея, а Гея может защитить всех нас даже от Земли.

– Надеюсь, ты права, – мрачно отозвался Тревайз, – но Гея не смогла предотвратить уничтожения всех ранних записей о роли, сыгранной Землей в ее основании.

– Это произошло на заре истории Геи, когда она еще не была столь хорошо организована, столь развита. Теперь дело обстоит иначе.

– Надеюсь, это так. Или это сведения о Земле, которые ты почерпнула только утром и еще не поделилась с нами? Ты ведь говорила с кем-то из этих старушек, и что-то из сказанного может нам пригодиться.

– Так оно и есть.

– И что же ты узнала?

– Ничего о Земле. Тут все покрыто мраком.

– А-га...

– Но альфияне – потрясающие биотехнологи.

– О!

– На этом маленьком острове они вырастили и проверили бесчисленные сорта растений и

животных; достигли поразительного экологического баланса, стабильного и самоподдерживающегося, несмотря на скучность видов, с которыми они начинали свою работу. Альфиане улучшили виды океанической фауны, обнаруженные в самом начале несколько тысяч лет назад, повысили их питательность, сделали вкуснее. Это биотехника сделала планету подлинным рогом изобилия. У них есть планы и в отношении самих себя.

— Что за планы?

— Альфиане прекрасно осознают, что не могут существенно увеличить свою численность при современных обстоятельствах, живя, как теперь — на небольшом клочке земли. Они мечтают стать амфибиями.

— Стать чем?

— Амфибиями. Они собираются отрастить себе жабры вдобавок к легким. Они мечтают о возможности проводить значительную часть жизни под водой, найти мелководные участки и возвести постройки на дне океана. Старушка сияла от гордости, говоря об этом, хотя призналась, что альфиане добиваются этой цели уже несколько столетий, но успех пока невелик, если вообще есть.

— Получается, — резюмировал Тревайз, — они, возможно, опередили нас по двум направлениям: в управлении погодой и биотехнологии. Хотел бы я знать, что представляет собой их техника.

— Придется искать специалистов, — сказала Блисс, — но они могут не пожелать распространяться о своих достижениях.

— Для нас лично это не главное, но Академии явно имеет смысл попытаться изучить этот миниатюрный мир.

— Мы тоже управляем погодой, — присоединился к разговору Пелорат, — на Терминусе, например, и вполне успешно.

— Такое управление хорошо поставлено на многих планетах, — согласился Тревайз, — но, как правило, контролируется погода на всей планете в целом. Здесь же альфиане управляют погодой лишь на ограниченном участке планеты и, должно быть, обладают такой техникой, какой у нас нет. Что-нибудь еще, Блисс?

— Общественные собрания. Кажется, эти люди устраивают праздники все время, когда могут оторваться от сельхозработ и рыбной ловли. После обеда, ночью, состоится музыкальный праздник. Завтра днем — пляжный праздник. Очевидно, по всему побережью острова все, кто сможет уйти с полей, соберутся и будут радоваться солнцу и воде, поскольку потом, вероятно, пару дней будет идти дождь. Затем, на следующее утро, вернется рыболовная флотилия, хлынет дождь, а вечером будет праздник пищи, сортировка улова.

— Еда и так уже обильна — дальше некуда, — простонал Пелорат. — Какой может быть праздник пищи?

Видимо, его особенность будет состоять не в количестве еды, а в ее разнообразии. В любом случае, мы все четверо приглашены принять участие в этих праздниках, особенно в музыкальном сегодня ночью.

— Обещают игру на древних инструментах? — спросил Тревайз.

— Да.

— Что же делает их такими древними? Примитивность компьютеров?

— Нет, нет. Дело в том, что это вовсе не электронная музыка, а механическая. Они мне ее описали. Они щиплют струны, дуют в трубы и стучат по барабанам.

— Надеюсь, ты просто чего-то недопоняла, — ужаснулся Тревайз.

— Нет, все правильно. И я поняла, что твоя Хироко будет дудеть в одну из этих труб... забыла ее название... и ты обязан стерпеть это.

— Она не «моя Хироко», — холодно сказал Тревайз. — Но ты думаешь, это будут инструменты того типа, что когда-то использовались на Земле?

— Так мне кажется. По крайней мере, альфианка сказала, что они были изобретены задолго до прихода сюда их предков.

— В таком случае, возможно, имеет смысл послушать весь этот концерт, какую бы информацию о Земле он ни дал.

— Что касается меня, — заявил Пелорат, — я с радостью пойду. Я очень мало знаю о

примитивной музыке и хотел бы услышать ее.

81

Как ни странно, больше всех в восторг от предвкушения музыкального вечера пришла Фаллом. Они с Блисс купались в маленькой пристройке за их домом. Там была ванна с проточной водой, горячей и холодной (или, вернее, теплой и прохладной), умывальник и комод. Все чистое, удобное и весело сияющее в лучах послеполуденного солнца.

Как обычно, Фаллом заинтересовалась грудью Блисс, и та вынуждена была сказать (поскольку теперь Фаллом понимала галактический), что в ее мире таким образом и выглядят люди. На что последовал неизбежный вопрос Фаллом «почему?» – и Блисс, после некоторого раздумья, решила, что нет иного разумного пути ответить на него, и прибегла к универсальному во всех отношениях ответу «потому!»

Когда они закончили мыться, Блисс помогла Фаллом надеть белье, присланное им альфианами, и разбралась в способе, которым поверх надевалась юбка. Выше пояса Фаллом осталась обнаженной, что было вполне логично. Сама Блисс, ниже пояса облачившаяся в альфианскую одежду (довольно узкую для ее бедер), надела и свою блузку. Возможно, это было глупо – прикрывать грудь в обществе, где никто из женщин этого не делает, особенно если ее собственная была вполне нормальной и той же формы, как и у большинства виденных Блисс женщин. И все-таки...

Мужчины приводили себя в порядок в другой пристройке. Тревайз ворчал, говоря то, что обычно говорят мужчины по поводу времени, необходимого женщинам для одевания.

Блисс повернулась к Фаллом, чтобы убедиться, что юбка хорошо сидит на ее мальчишеских бедрах и ягодицах. Наконец она сказала:

– Просто прелестная юбка, Фаллом. Тебе нравится? Фаллом поглядела в зеркало и ответила:

– Да. Но не будет ли холодно? – и провела рукой по обнаженной груди.

– Не думаю, Фаллом. Здесь вообще тепло, – Но на тебе кое-что надето.

– Да. Так принято у меня на родине. Теперь вот что, Фаллом. Мы встретимся со множеством альфиан во время ужина и потом. Как думаешь, сможешь ты вытерпеть все это? – На лице Фаллом появилась гримаска страдания, и Блисс продолжила: – Я буду сидеть справа и возьму тебя за руку. Пел сядет с другой стороны, а Тревайз – напротив тебя. Говорить с тобой мы никому не позволим.

– Я попытаюсь, Блисс, – тоненько пропищала Фаллом.

– После этого некоторые альфиане будут для нас музенировать на свой особый манер. Ты знаешь, что такое музыка?

Она напела, как смогла, нечто, имитирующее электронную гамму.

Лицо Фаллом осветилось.

– Ты имеешь в виду... – последнее слово было из ее родного языка, и солярианка громко запела.

Глаза Блисс удивленно расширились. Это была прекрасная мелодия, пусть и диковатая, по богатая звонкими, виртуозными трелями.

– Правильно. Это музыка, – сказала она.

Фаллом возбужденно начала:

– Джемби... – Она помедлила, но затем все же решила использовать слово из галактического, – музенировал постоянно. Он играл на... – и снова слово на солярианском.

– На «фифьюле»? – в сомнении повторила это слово Блисс.

– Не на «фифьюле», а на... – Фаллом рассмеялась.

Когда оба слова произносились подряд, Блисс могла уловить различие, но отчаялась воспроизвести второе. Тогда она спросила:

– А на что она похожа?

Но поскольку Фаллом была еще ограничена в знании галактического, то не могла дать точного описания, а ее жесты не сумели внести ясность в представление Блисс об этом инструменте.

— Он показывал мне, как пользоваться ею, — гордо заявила Фаллом. — Я делала пальцами в точности так же, как Джемби, но он сказал, что вскоре они мне не понадобятся.

— Это чудесно, дорогая. После ужина мы посмотрим, столь ли искусны в музике альфиане, как твой Джемби.

Глаза фаллом искрились. Приятные мысли о том, что будет после, помогли ей пережить обильный ужин, несмотря на скопление народа, смех и шум вокруг нее. Только однажды, когда случайно опрокинулось блюдо, вызвав вблизи их компании возбужденные крики, Фаллом испугалась, и Блисс проворно прижала ее к себе теплым, оберегающим от всего на свете объятием.

— Я вот думаю, нельзя ли договориться, чтобы мы питались отдельно, — пробормотала она, обращаясь к Пелорату. — Иначе придется улетать отсюда. Есть эти животные белки само по себе отвратительно, но я должна хотя бы есть эту пищу в покое.

— Да ведь шум — от хорошего настроения, — заметил Пелорат, который готов был стерпеть что угодно, если имелся шанс изучить примитивное поведение или веру.

Наконец ужин завершился, и объявили, что вскоре начнется музыкальный праздник.

82

Зал, в котором он должен был состояться, оказался почти столь же велик, как и обеденный. Здесь стояли складные сиденья (довольно неудобные, как выяснил Тревайз) примерно на сто пятьдесят человек. Как почетных гостей их провели в первый ряд, и множество альфиан вежливо и восхищенно обсуждали их одежду.

Оба гостя, по здешнему обычанию, обнажились выше пояса. При мысли об этом Тревайз напрягал пресс и в самодовольном восхищении поглядывал вниз, на заросшую темными волосами грудь. Пелорат, с восторгом глазевший по сторонам, был безразличен к своей внешности. Блузка Блисс вызвала косые удивленные взгляды, но вслух никто ничего не говорил.

Тревайз заметил, что зал заполнен только наполовину и что большую часть аудитории составляли женщины, поскольку, вероятно, многие мужчины рыбачили В море.

Пелорат шепнул Тревайзу:

— У них есть электричество.

Тревайз бросил взгляд на вертикальные трубы на стенах и горизонтальные на потолке. Они мягко светились.

— Флуоресценция, — сказал он. — Весьма примитивно.

— Да, но они работают. Такие же штуки есть в наших комнатах и в пристройках. Я думал, это просто Декоративные элементы. Если мы найдем, как их включать, нам не надо будет сидеть в темноте.

— Могли бы и просветить, — пробурчала Блисс.

— Они думают, что мы знаем как, — вступил Пелорат, — что каждый должен знать это.

Из-за ширмы появились четыре женщины и уселись группой перед зрителями. Каждая держала лакированный деревянный инструмент. Все инструменты были похожи, но разного размера. Один из них был очень мал, два — чуть больше, а четвертый — значительно больше трех других. Каждая женщина держала в свободной руке длинную палочку.

Зрители тихо засвистели, как только показались музыкантши. В ответ женщины поклонились. Их груди были туго подвязаны полосками прозрачной ткани, вероятно, чтобы легче было играть.

Тревайз, расцепив свист как знак одобрения в предвкушения удовольствия, счел уместным добавить к хору и свой собственный свист. Фаллом тоже решила не оставаться в стороне и испустила трель, звучавшую намного громче, чем общий свист. Зрители начали оборачиваться. Блисс нежно сжала руку Фаллом, и та умолкла.

Три женщины подняли инструменты под подбородки, а самый большой зажала в коленях четвертая музыкантша. Длинные палочки в руках женщин заходили поперек струн, натянутых почти по всей длине инструментов, а пальцы левых рук быстро запорхали по верхним концам струн.

Это, подумал Тревайз, и был «скрип», которого он ожидал, но звучало это намного нежнее скрипа. Нежно и мелодично пели ноты; каждый инструмент вносил что-то свое, и все сливалось в нечто восхитительное.

Тут не было и в помине бесконечной сложности электронной музыки («настоящей музыки», как продолжал думать о ней Тревайз), и чувствовалось некоторое однообразие. Но прошло какое-то время, и его слух приспособился к такой странной системе подачи звука – он начал различать неуловимые оттенки. Это оказалось утомительно, и Тревайз с тоской вспомнил об электронной музыке – холодной, математически просчитанной и с обнаженностью реальности. Но ему показалось, что, если он довольно долго будет слушать такую музыку, она сможет ему в конце концов понравиться.

Концерт шел уже минут сорок пять, когда на сцену вышла Хироко. Она заметила в первом ряду Тревайза и улыбнулась ему. Он чистосердечно присоединился к одобрительно засвистевшей аудитории. Хироко выглядела прелестно в длинной, искусно сшитой юбке, с большим цветком в волосах и с обнаженной грудью, – видимо, ее игре это не было помехой.

Ее инструментом была темная деревянная трубка, примерно в две трети метра длиной и почти два сантиметра толщиной. Она поднесла ее к губам и дунула в отверстие вблизи одного из концов, взяв высокую нежную поту, меняющуюся по высоте, когда ее пальцы бегали по металлическим клапанам вдоль трубки.

При первых же звуках Фаллом вцепилась в рукав Блисс и зашептала:

– Блисс, это... – и Блисс опять послышалось «фильтю».

Блисс покачала головой, но Фаллом настаивала:

– Но это она!

Альфиане уже начали оглядываться на Фаллом. Блисс ладонью прикрыла ей рот и наклонившись пробормотала «тише» прямо в ухо солярианки.

После этого Фаллом слушала игру Хироко молча, но ее пальцы периодически двигались, словно работали с клапанами инструмента.

Последним выступающим на концерте был пожилой мужчина, игравший на инструменте с гофрированными боками, висевшем на его плечах. Он то сдвигал, то раздвигал его, в то время как одна рука мужчины двигалась вдоль ряда белых и черных клавиш, нажимая их поодиночке и по несколько раз.

Тревайз нашел эти звуки особенно утомительными, варварскими и неприятными, напоминающими вой диких собак с Авроры. Не то чтобы они были так уж похожи, но вызываемые ими эмоции совпадали. Блисс выглядела так, словно предпочла бы заткнуть пальцами уши, а лицо Пелората застыло в каком-то непередаваемом выражении. Похоже, это доставляло удовольствие только Фаллом, поскольку она притопывала ногой, и Тревайз, заметив это, понял, к своему удивлению, что она отбивает такт.

Наконец концерт завершился и поднялся громовой свист, сквозь который отчетливо пробивались звонкие трели Фаллом.

Затем слушатели разделились на маленькие группы, громко заговорили и вновь превратились в шумных и крикливых альфиан, какими они, казалось, были при большом скоплении людей. Музыканты, игравшие на концерте, стояли у стены, беседуя с подошедшими поблагодарить их.

Фаллом выскоцила из рук Блисс и подбежала к Хироко.

– Хироко, – воскликнула она задыхаясь, – позволь мне посмотреть.

– Что, дорогая? – не поняла Хироко.

– Вещь, на которой ты играла.

– Ах, – рассмеялась Хироко. – Это – флейта, маленькая флейта.

– Могу я потрогать ее?

– Разрешаю только взглянуть. – Хироко открыла футляр и вынула инструмент. Он состоял из трех частей, но она быстро собрала их вместе и протянула Фаллом: – Подуй в это отверстие.

– Я знаю, знаю, – нетерпеливо бросила Фаллом и схватила флейту.

Машинально Хироко отдернула ее и взяла покрепче.

– Дунь, но не прикасайся к ней.

Фаллом казалась разочарованной.

– Могу я тогда поглядеть на нее подольше? Я не прикоснусь к ней.

– Конечно, дорогая.

Она скова протянула флейту, и Фаллом пристально уставилась на инструмент.

И вдруг свет в зале померк, и в шуме людских голосов раздался немного неуверенный и дрожащий звук флейты.

Хироко от удивления чуть не выронила флейту, а Фаллом воскликнула:

– Получилось, получилось! Джемби говорил, что когда-нибудь у меня получится.

– Это ты вызвала звук флейты? – спросила Хироко.

– Да, я, я!

– Но как же ты это сделала, детка?

– Я виновата, Хироко, – вмешалась красная от смущения Блисс. – Я уведу ее отсюда.

– Нет, – возразила Хироко. – Я хочу, чтобы она сделала это еще раз.

Несколько альфиан приготовились слушать. Фаллом нахмурила брови, словно в большом напряжении. Свет померк, и вновь возник звук флейты, только более чистый и уверенный. Затем он стал меняться, по мере того как металлические клапаны вдоль флейты двигались, сами складывая аккорды.

– Это не похоже на то, как... – Фаллом слегка задыхалась, словно это ее дыхание привело флейту в действие, а не движимый энергией Фаллом воздух.

– Она, должно быть, черпает энергию от электрического тока, питающего лампы, – шепнул Тревайзу Пелорат.

– Еще, еще раз, – хрипло проговорила Хироко.

Фаллом закрыла глаза. Звук теперь стал сильнее, но мягче, чувствовалась большая уверенность. Флейта играла сама по себе, а клапанами двигали не пальцы, а энергия, передаваемая через пока недоразвитые частички мозга Фаллом. Возникшая почти случайно, звуки складывались в музыкальную последовательность, и постепенно все зрители собрались вокруг Хироко и Фаллом, наблюдая, как Хироко осторожно держит флейту большим и указательным пальцами за концы, а Фаллом, закрыв глаза, управляет потоками воздуха и движением кнопок.

– Это фрагмент того, что я играла, – прошептала Хироко.

– Я запомнила, – торопливо кивнула Фаллом и снова сосредоточенно сдвинула брови.

– Ты не сделала ни единой ошибки, – сказала Хироко, когда музыка стихла.

– Но это неправильно, Хироко. Надо играть по-другому.

– Фаллом! – возмутилась Блисс. – Это невежливо! Ты не должна...

– Пожалуйста, – повелительно сказала Хироко, – не надо мешать. Почему неправильно, дитя?

– Потому что я бы сыграла иначе.

– Покажи как.

И вновь зазвучала флейта, но более затейливо, поскольку та сила, что нажимала клапаны, делала это теперь быстрее, в стремительной последовательности и более продуманных сочетаниях, чем прежде. Музыка стала сложнее, эмоциональнее и живее. Хироко стояла прямо, как натянутая струна, в зале воцарилась гробовая тишина.

Даже после того как Фаллом перестала играть, никто не проронил ни слова, пока Хироко не произнесла, глубоко вздохнув:

– Малышка, ты когда-нибудь играла это раньше?

– Нет, – сказала Фаллом, – прежде я могла играть только пальцами, а ими я не смогла бы извлечь ничего подобного. – Затем добавила, простодушно и без следа превосходства: – И никто не сможет.

– Сыграй что-нибудь еще!

– Я могу что-нибудь придумать.

– То есть, сымпровизировать?

Фаллом нахмурилась, не поняв слова, и оглянулась на Блисс. Та кивнула, и Фаллом ответила:

– Да.

– Тогда, пожалуйста, сделай это.

Фаллом на пару минут задумалась, затем медленно заиграла, начав с очень простой последовательности звуков – что-то раздумчивое, мечтательное. Флуоресцентные огни меркли и разгорались вновь, когда количество энергии, забираемое Фаллом, увеличивалось или уменьшалось. Казалось, никто этого не замечал, словно мерцание огней сопровождало музыку, словно электрические искры возгорались от заклинания звуков.

Сочетания нот затем повторились, но более четко, а потом – усложнено. Возникли вариации, не заслоняющие собой основной композиции, мелодия становилась все более пламенной, возбуждающей – настолько, что просто дух захватывало. И наконец музыка зазвучала еще громче, так что когда мелодия стихла, это произвело на слушателей впечатление внезапного падения с небес на землю.

Альфияне очнулись и разразились оглушительным свистом. И даже Тревайз, привыкший к совершенно другой музыке, с грустью подумал: «Как жаль, ведь я никогда больше этого не услышу...»

Когда альфияне более или менее утихомирились, Хироко протянула флейту Фаллом:

– Возьми, Фаллом. Она твоя!

Фаллом жадно потянулась к флейте, но Блисс перехватила протянутые руки девочки и сказала:

– Мы не можем принять флейту, Хироко. Это очень ценный инструмент.

– У меня есть другая, Блисс. Правда, не такая хорошая, но быть посему. Этот инструмент должен принадлежать тому, кто играет на нем лучше. Я никогда не внимала такой музыке, и было бы несправедливо, если бы я обладала инструментом, которым не владею в совершенстве. Хотела бы я знать, как можно играть на нем, не касаясь пальцами.

Фаллом взяла флейту и радостно, крепко прижала к груди.

83

В каждой из двух комнат горела флуоресцентная лампа. Пристойку освещала третья. Свет они давали тусклый, неудобный для чтения, но, по крайней мере, в комнатах теперь было не так уж темно.

Но все же они вышли наружу. В небе сияло множество звезд, что совершенно очаровало уроженцев Терминуса, где в ночном небе почти не было звезд, а виднелась только слабо светящаяся туманность.

Хироко проводила их до дома из страха, что они могут заблудиться в темноте или оступиться. Всю дорогу она держала Фаллом за руку и потом, после того как зажгла в доме свет, осталась с гостями снаружи, все еще не в силах расстаться с солярианкой.

Ясно было, что Хироко обуревали противоречивые чувства, и Блисс еще раз попыталась помочь ей:

– Правда, Хироко, мы не можем взять твою флейту.

– Нет, на ней должна играть Фаллом, – проговорила Хироко, с трудом шевеля губами.

Тревайз не отрываясь глядел в ночное небо. Ночь была темная, и эту темноту практически не нарушали ни три светильника, горевшие в доме, ни огоньки в других домах, стоявших вдалеке.

– Хироко, видишь эту яркую звезду? – спросил он. – Как она называется?

Хироко глянула вверх и без особого интереса сказала:

– Это – спутник.

– Почему его так назвали?

– Он кружит около нашего Солнца с периодом в восемь Стандартных Лет. Это – вечерняя звезда в нынешнее время года. Вы можете увидеть ее и днем, когда она низко над горизонтом.

«Хорошо, – подумал Тревайз. – Она не совсем невежественна в астрономии».

– Ты знаешь, – спросил он, – что у Альфы есть еще один спутник, очень маленький, тусклый? Он дальше, чем эта яркая звезда. Ты не можешь увидеть его без телескопа. (Он и сам его не видел и не позаботился отыскать, но корабельный компьютер имел соответствующую информацию в своем банке данных.)

– Нам говорили об этом в школе, – равнодушно отозвалась она.

- А это что? Видишь? Вот шесть звезд, образующих что-то вроде зигзага.
- Это Кассиопея.
- Да? – удивился Тревайз. – Какая из них?
- Все они. Весь зигзаг. Это и есть Кассиопея.
- А почему они так называются?
- Не ведаю. Я ничего не ведаю об астрономии, благородный господин Тревайз.
- А видишь самую нижнюю звезду зигзага, ту, что ярче других? Что это?
- Звезда. Мне не ведомо ее название.
- Но, за исключением двух звезд-спутников, это ближайшая к Альфе из всех звезд. До нее всего около парсека.
- Вот как? Я этого не ведала.
- Не может ли она быть той звездой, вокруг которой вращается Земля?
- Хироко поглядела на звезду с некоторым интересом:
- Нет, не ведаю. Я ни от кого не слыхала ничего подобного.
- Ты думаешь, что это не так?
- Откуда я могу ведать? Никому не ведомо, где может быть Земля. Я... я должна покинуть вас теперь. Завтра утром мой черед трудиться в поле, до пляжного праздника. Я увижу вас всех там, сразу после обеда. Да? Да?
- Конечно, Хироко.
- Она быстро, почти бегом бросилась во тьму. Тревайз поглядел ей вслед, затем вместе со всеми вошел в тускло освещенный дом.
- Можешь определить, лжет Хироко или нет, говоря о Земле? – спросил он Блисс.
- Не думаю, чтобы она лгала, – покачала та головой. – Она находится в огромном напряжении. Хотя такого я не чувствовала в ней до окончания концерта. А ведь оно существовало еще до того, как ты спросил ее о звездах.
- Из-за того, что отдала свою флейту?
- Возможно. Точно не могу сказать. – Она повернулась к Фаллом. – Теперь, Фаллом, я хочу, чтобы ты шла в свою комнату. Когда подготовишься ко сну, сходи в пристройку, вымой руки, лицо и зубы.
- Я предпочла бы поиграть на флейте, Блисс.
- Тогда недолго, и очень тихо. Поняла, Фаллом? И ты должна перестать играть, как только я скажу тебе.
- Да, Блисс.
- Теперь взрослые остались одни; Блисс села на стул, а мужчины расселись на своих койках.
- Есть ли какой-то смысл еще задерживаться на этой планете? – спросила Блисс.
- Тревайз пожал плечами:
- Мы не спрашивали о том, как связана Земля с древнейшими музыкальными инструментами. Может, тут что-то и есть. Возможно, полезно дождаться возвращения рыболовецкой флотилии. Рыбаки могут знать что-нибудь, чего не знают домоседы.
- Крайне маловероятно, на мой взгляд, – возразила Блисс. – Ты уверен, что не темные глаза Хироко удерживают тебя здесь?
- Я не понимаю, Блисс, – нетерпеливо сказал Тревайз, – какое тебе дело до моей личной жизни? Почему ты присваиваешь себе право морального суда надо мной?
- Я вовсе не озабочена твоей моралью. Но это влияет на нашу экспедицию. Ты хочешь найти Землю, чтобы наконец решить, был ли ты прав, выбирая Галаксию, а не миры изолятов. Я хочу, чтобы ты поскорее пришел к такому решению. Ты говоришь, что для этого необходимо посетить Землю, и ты вроде бы уверен, что Земля вращается вокруг той яркой звезды, Тогда отправимся туда. Я согласна, было бы неплохо заполучить какие-нибудь сведения о ней, прежде чем мы полетим туда, но мне ясно, что таких сведений здесь не добыть. И я больше не желаю оставаться здесь только из-за того, что тебе нравится Хироко.
- Может, мы и улетим, – сказал Тревайз. – Дай мне подумать об этом, но Хироко тут совершенно ни при чем, уверяю тебя.
- Я чувствую, – сказал Пелорат, – что мы должны лететь к Земле хотя бы только для того,

чтобы посмотреть, радиоактивна она или нет. Не вижу смысла оставаться здесь.

— А ты уверен, что не прекрасные глаза Блисс тянут тебя отсюда? — съязвил Тревайз, но совладал с собой и извинился: — Беру свои слова обратно, Джен, Я опять повел себя по-детски. Все-таки Альфа — очаровательная планета, даже помимо Хироко, и я вам честно скажу: при иных обстоятельствах я непременно задержался бы здесь. Не кажется ли тебе, Блисс, что Альфа нарушает стройность твоей теории об изолятах?

— Каким образом? — спросила Блисс.

— Ты утверждала, что любая по-настоящему обособленная планета становится опасной и враждебной.

— Даже Компореллон не избежал этого, — спокойно проговорила Блисс, — который стоит всего поодаль от основного русла Галактической активности, несмотря на то что теоретически является ассоциированным членом Федерации Академии.

— Но не Альфа. Эта планета живет в полной изоляции, но можешь ли ты пожаловаться на их дружелюбие и гостеприимство? Они кормят нас, одевают, дают нам кров, устраивают в нашу честь праздники, просят нас оставаться. К чему здесь можно придраться?

— Ни к чему, ты прав. Хироко даже подарила тебе свое тело.

— Блисс, какое тебе до этого дело? — рассердился Тревайз. — Она не подарила мне свое тело. Мы подарили друг другу наши тела. Это было исключительно взаимно и исключительно приятно. Не станешь же ты утверждать, что мучаешься сомнениями, решая, дать ли кому-то свое тело, когда сама хочешь этого?

— Прошу тебя, Блисс, — вмешался Пелорат, — Голан совершенно прав. Не стоит обсуждать его личные дела.

— До тех пор пока они не касаются нас всех, — упрямо проговорила Блисс.

— Это никак не касается наших поисков. Мы улетим, уверяю вас. Скорее всего, дальнейшие поиски сведений продлятся недолго.

— Все же я не доверяю изолятам, даже когда они приходят с дарами.

— Сделать вывод, — всплеснул руками Тревайз, — а потом перетасовать доказательства. Как это похоже на...

— Не говори так! — в ярости воскликнула Блисс. — Я не женщина, я — Гея. Это Гея, а не я так упрямая.

— Нет причин... — начал Тревайз, и в этот миг что-то зашуршало за дверью.

Тревайз замер.

— Что это? — прошептал он.

Блисс передернула плечами.

— Открой полог и посмотри. Ты утверждал, что это добрая планета, где нет никаких опасностей.

Тревайз все же помедлил, пока не услышал нежный голос Хироко из-за двери:

— О господи! Это я!

Это был голос Хироко. Тревайз отдернул полог. Хироко быстро вошла в дом. Ее щеки блестели от слез.

— Задерни полог... — всхлипнула она.

— Что случилось? — спросила Блисс.

Хироко буквально вцепилась в Тревайза.

— Я не могу! Я пыталась, но не вынесла этого! Уходи, и вы все тоже уходите. Пожалуйста, увозите скорее ребенка. Забирайте ваш корабль — и прочь, прочь от Альфы, пока не поздно.

— Но почему? — спросил Тревайз.

— Потому что иначе вы умрете, вы все.

Трое гостей замерли, глядя на Хироко, и довольно долго никто не мог вымолвить ни слова. Наконец Тревайз спросил:

— Ты хочешь сказать, что ваши люди убьют нас?

— Ты сам уже на пути к смерти, благородный Тревайз, — сказала Хироко. Слезы катились

по ее щекам. – И твои спутники тоже. Давным-давно кто-то из ученых мужей вывел вирус, безвредный для нас, но смертельный для пришельцев. У нас к нему иммунитет. – Она в замешательстве схватила руку Тревайза. – Ты заражен.

– Каким образом?

– Когда мы предавались удовольствию. Это единственный способ заражения.

– Но я чувствую себя совершенно正常ально!

– Вирус пока не активирован. Он активируется ко времени возвращения рыбаков. По нашим законам, все должны принимать решение в таком деле – даже мужчины. Но все наверняка решат, что это должно быть сделано, и мы задержим вас здесь до того времени, которое настанет через два утра. Бегите же теперь, пока еще темно и никто этого не ожидает.

– Почему же ваши люди так мерзко поступают? – резко спросила Блисс.

– Ради нашей безопасности. Нас мало, но мы владеем многим. Мы не желаем нашествия пришельцев. Если явится один, а затем поведает о наших землях, то придут другие; поэтому, когда изредка к нам прибывает корабль, мы должны быть уверены, что он не уйдет от нас.

– Но тогда, зачем ты предупредила нас? – спросил Тревайз.

– Не спрашивайте меня, Нет! Но я скажу вам, потому что опять внимаю этим звукам... Слушайте... – Из соседней комнаты донеслись нежные звуки флейты. – Я не смогла бы вынести гибели этой музыки, поскольку и ребенок тоже умер бы, – призналась Хироко.

– Так ты поэтому дала флейту Фаллом? – сурово спросил Тревайз. – Ты знала, что получишь ее обратно, как только она умрет?

– Нет, этого и в мыслях у меня не было! – ужаснулась Хироко. – А когда я это уразумела, я поняла, что это не должно произойти. Бегите же с ребенком, возьмите флейту, и пусть я не увижу ее никогда более. Вы будете в безопасности там, в космосе, и, оставшись неактивированным, вирус со временем погибнет в вашем теле. Взамен я прошу, чтобы никто из вас никогда не говорил об этой планете, чтобы никто больше не мог о ней проводить.

– Мы не скажем о ней никому, – пообещал Тревайз.

Хироко посмотрела на него и тихо произнесла:

– Не позволено ли мне будет поцеловать тебя один только раз, прежде чем ты покинешь меня?

– Нет, – наотрез отказался Тревайз. – Меня уже инфицировали один раз, и наверняка этого достаточно. – Но затем уже грубо добавил: – Не плачь. Люди могут спросить тебя, почему ты плачешь, а ты не сможешь объяснить им. Я прощаю тебя за то, что ты сделала со мной, из благодарности за эту попытку спасти всех нас.

Хироко выпрямилась, старательно вытерла щеки тыльной стороной ладони, глубоко вздохнула и сказала:

– Благодарю тебя за это. – И поспешило ушла.

– Включим свет, – распорядился Тревайз, – подождем немного, и... уберемся отсюда. Блисс, скажи Фаллом, чтобы она перестала играть. Не забудь захватить флейту. Давайте быстрее пробираться к кораблю, если сможем, конечно, найти его в темноте.

– Я найду его, – сказала Блисс. – На борту осталась моя одежда, она, пусть в небольшой степени, тоже Гея. Гее нетрудно отыскать Гею. – И она скрылась в соседней комнате, чтобы собрать Фаллом в дорогу.

– Как ты думаешь, альфиане не могли повредить наш корабль, чтобы удержать нас на планете? – спросил Пелорат.

– У них нет техники, способной сделать это, – хмуро проговорил Тревайз.

Когда появилась Блисс, держа за руку Фаллом, он выключил свет.

Они тихо сидели во тьме, и им казалось, что прошло почти полночи, а может быть – лишь полчаса. Затем Тревайз медленно и бесшумно отворил дверь. Показалось, стало больше облаков, но в разрывах между ними по-прежнему сияли звезды. Высоко в небе стояло созвездие Кассиопеи, включавшее звезду, которая могла быть солнцем Земли. Стояла тишина – ни ветерка, ни звука.

Тревайз крадучись вышел из дома и махнул рукой остальным, чтобы они шли следом. Рука его почти автоматически легла на рукоятку нейрохлыста. Он был уверен, что пользоваться им не придется, но...

Блисс возглавила процессию, взяв Пелората за руку, а Пелорат сжал руку Тревайза. Другой рукой Блисс держала руку Фаллом, та свободной рукой сжимала флейту. Осторожно ступая в почти полной темноте, Блисс тянула всех за собой, туда, где она ощущала, пусты и очень слабо, свою гейянскую одежду, оставшуюся на борту «Далекой звезды».

Часть седьмая Земля

Глава девятнадцатая Радиоактивна?

85

«Далекая звезда» бесшумно взлетела и покинула слой атмосферы, оставив внизу темный силуэт острова. Несколько тусклых пятнышек света померкли и исчезли. По мере того как с высотой нарастала разреженность атмосферы, скорость корабля увеличивалась, а звезды становились все многочисленнее и ярче.

Время от времени путешественники погладывали вниз, на Альфу, которая теперь представляла собой полумесяц, почти целиком окутанный облаками.

– Наверное, у альфиан нет мощной космической техники. Они не смогут преследовать нас, – сказал Пелорат.

– Не сказал бы, что это снимает камень с моей души, – мрачно отозвался Тревайз, – Я заражен.

– Неактивированным штаммом, – уточнила Блисс.

– Штамм может быть активирован. Альфиане знают, как это делать. Знать бы, как?

Блисс пожала плечами:

– Хироко говорила, что вирус в неактивированной форме постепенно погибнет в организме, не привыкнем к нему, – в твоем, например.

– Да? – яростно воскликнул Тревайз. – Откуда ей знать? И потом, если на то пошло, откуда мне знать, не были ли заверения Хироко ложью во спасение? И разве активация не может произойти естественным путем? Кто знает, что способно пробудить дремлющий вирус? Какое-нибудь химическое соединение, воздействие определенного излучения или... или... да мало ли что? Я могу заболеть внезапно, а потом и вы трое тоже умрете. А если это случится после того, как мы доберемся до населенной планеты, там вспыхнет ужасная эпидемия, которую беглецы разнесут по всей Галактике.

Он взглянул на Блисс:

– Ты можешь что-нибудь сделать?

Блисс медленно покачала головой:

– Это нелегко. На Гее есть паразиты – микроорганизмы, черви. Эти частицы экологического равновесия живут и вносят свой вклад в планетарное сознание, но никогда не размножаются сверх меры. Их существование не наносит заметного вреда. Беда в том, Тревайз, что вирус, поразивший тебя, не часть Геи.

– Ты сказала «нелегко», – нахмурившись, проговорил Тревайз. – Но раз уж так вышло, может, все-таки попытаешься сделать это, даже если работа окажется тяжелой? Можешь найти во мне вирус и убить его? Если это не удастся, можешь, по крайней мере, повысить мою сопротивляемость?

– Ты понимаешь, о чем просишь, Тревайз? С микрофлорой твоего тела я незнакома. Я просто не смогу отличить вирус в клетках твоего тела от здоровых генов. Еще сложнее будет отличить те вирусы, к которым ты уже привык, от тех, которыми заразила тебя Хироко. Я попробую, Тревайз, но это потребует времени и может ничего не дать.

– Пусть так. Попытайся.

— Хорошо.

— Если Хироко сказала правду, — вмешался Пелорат, — ты, Блисс, может быть, сумеешь найти вирусы, которые уже начали утрачивать жизнеспособность, и сможешь ускорить их гибель.

— Попробую. Это интересная мысль.

— А ты не передумаешь? — сказал Тревайз. — Ведь убивая вирусы, ты уничтожишь совершенное творение эволюции.

— Опять язвишь, Тревайз? — усмехнулась Блисс. — Но все равно это правда. Как бы там ни было, ты мне дороже вирусов. Я убью их, если повезет, не сомневайся. И потом, ведь если я не помогу тебе, — Блисс сжала губы, словно пыталась сдержать улыбку, — то тогда окажутся в опасности Пелорат и Фаллом, а ты мог уже убедиться в моих чувствах к ним. Да я и сама рисковую, если на то пошло.

— Маловато я верю в твое себялюбие, — проворчал Тревайз. — Ты всегда готова отдать жизнь за какую-нибудь высокую идею. Забота о Пелорате — это другое дело. Погоди, я не слышу флейты. С Фаллом все в порядке?

— Да. Она спят. Самый что ни на есть естественный сон. И я предлагаю, чтобы после того как ты рассчитаешь Прыжок к звезде, которую мы принимаем за солнце Земли, мы тоже выспались. Мне это крайне необходимо, да и тебе тоже, Тревайз.

— Да, если смогу заснуть. А знаешь, ты была права.

— В чем, Тревайз?

— В отношении изолятов. Новая Земля не рай, хотя и походила на него. Это гостеприимство — все, что сперва показалось гостеприимством, — предназначалось для того, чтобы усыпить в нас любые подозрения, а потом одного из нас заразить. А все эти фигли-мигли, все эти праздники им нужны были, чтобы задержать нас на Альфе до возвращения рыбаков, когда появится возможность провести активацию вируса. Так бы оно и вышло, если бы не Фаллом и ее музыка. Возможно, ты была права и в этом.

— Насчет Фаллом?

— Да, я не хотел брать ее с нами и не радовался ее присутствию на корабле. Это твоя, Блисс, заслуга, что она здесь и именно она — я не шучу — спасла нас. И все же...

— Все же что?

— Несмотря на это, я все еще ощущаю тревогу оттого, что она на корабле. А почему — не знаю.

— Если тебе от этого станет легче, Тревайз, признаюсь: я не уверена в том, что честь нашего спасения целиком и полностью принадлежит Фаллом. Хироко ухватилась за музыку Фаллом, чтобы оправдаться перед самой собой в том, что другие альфияне наверняка назвали бы изменой. Она могла даже в это поверить, но в ее сознании было что-то еще. Что-то, что я различала с трудом и не могла точно определить; что-то, чего, возможно, она слишком стыдилась, чтобы позволить этому всплыть на поверхность сознания. У меня такое впечатление, что она прониклась искренним чувством к тебе и не хотела, чтобы ты погиб, независимо от Фаллом и ее музыки.

— Ты и вправду так думаешь? — улыбнулся Тревайз — впервые со времени отлета с Альфы.

— Да. Ты, должно быть, обладаешь определенным даром в обращении с женщинами. Ты убедил министершу Лайзалор позволить нам забрать корабль и покинуть Компореллон, ты помог нам спастись своим влиянием на Хироко. Мы все в долгу перед тобой.

Тревайз улыбнулся шире.

— Ну ладно. Если ты так считаешь... Тогда — к Земле, — твердо проговорил он и прогулочным шагом отправился в рубку.

Пелорат задержался и спросил:

— Все-таки ты убаюкала его тревогу, Блисс?

— Нет, Пелорат. Я не прикасалась к его сознанию.

— Наверняка ты это проделала, когда так откровенно польстила его мужскому тщеславию.

— Исключительно косвенно, — улыбнулась Блисс.

— Даже если так, спасибо тебе, Блисс.

После Прыжка звезда, которая вполне могла быть земным Солнцем, все еще находилась на расстоянии в одну десятую парсека от корабля. Это был теперь самый яркий объект на экране, но все еще не более чем звезда.

Тревайз слегка приглушил ее свет, чтобы легче было наблюдать, и с мрачным видом разглядывал.

– Нет сомнения, что это фактически двойник Альфы, звезды, вокруг которой обращается эта Новая Земля, хотя Альфа обозначена на карте в компьютере, а эта звезда – нет. Мы не знаем ее названия, у нас нет ее характеристики, отсутствует любая информация касательно ее планетной системы, если она у нее есть.

– Разве не этого мы ожидали в том случае, если вокруг этого солнца действительно вращается Земля? – спросил Пелорат. – Такой пробел в сведениях вполне укладывается в общую картину уничтожения сведений о Земле.

– Да. Но это может просто оказаться космонитской планетой, почему-либо не попавшей в перечень на стене того здания на Мельпомене. Мы ведь не можем быть уверены, что перечень полный. А может, около этой звезды нет планет, и поэтому, возможно, ее не сочли достойной для внесения в карты Галактики, которые в основном используются в военных и коммерческих целях. Джэн, есть ли в каких-нибудь легендах упоминания о том, что солнце Земли имеет двойника менее чем в парсеке от себя?

– Извини, Голан, но такого я не встречал, – покачал головой Пелорат. – Хотя, может быть, что-то и есть об этом. Память у меня неважная. Я покопаюсь в записях.

– Не обязательно. Есть ли у солнца Земли какое-нибудь название?

– Названия разные. Я думаю, в каждом языке было свое.

– Все время забываю, что на Земле их было множество.

– Так и должно было быть. Это единственный способ докопаться до сути многих легенд.

– Ну хорошо, и что же нам делать? – постепенно раздражался Тревайз. – Мы ничего не можем сказать о планетарной системе с такого расстояния и должны подойти поближе. Я предпочел бы соблюдать осторожность, но есть и другая крайность – трусость, а никаких признаков опасности я не вижу. Вероятно, нечто столь могущественное, чтобы убрать во всей Галактике информацию о Земле, столь же сильно, чтобы стереть нас в порошок даже на таком расстоянии, если всерьез заинтересовано в том, чтобы не дать себя обнаружить. Но ничего не случилось. В таком случае, что толку торчать здесь только из-за того, что что-либо может случиться, если мы подойдем ближе, верно?

– Я попросила бы компьютер проверить, нет ли там чего-то, что может представлять опасность, – предложила Блесс.

– Когда я говорю, что не вижу опасности, я говорю это, опираясь на данные компьютера. Естественно, я ничего не могу, да и не ожидаю увидеть невооруженным глазом.

– Я сказала это, заметив, как ты ищешь поддержки, принимая рискованное решение. Но если так, то все в порядке. Я – за. Мы ведь зашли так далеко, не для того чтобы повернуть назад без особых на то причин, верно?

– Верно, – ответил Тревайз. – А что скажешь ты, Пелорат?

– Я двинулся бы дальше только из любопытства. Было, бы невыносимо вернуться, не зная, нашли ли мы Землю.

– Ну тогда, – подытожил Тревайз, – единогласно.

– Нет, – возразил Пелорат. – Есть еще Фаллом.

– Ты предлагаешь, спросить совета у ребенка? – удивился Тревайз. – Какое значение может иметь ее мнение, даже если оно у нее есть? И потом – ведь она больше всего хочет вернуться домой, на родную планету.

– Не судить же ее за это, – мягко проговорила Блесс.

И из-за того, что разговор зашел о Фаллом, Тревайз вдруг услышал флейту, которая играла бодрый марш.

– Потрясающе, – сказал Тревайз, – где она могла слышать что-либо в ритме марша?

– Возможно, их играл для нее Джемби.

— Сомневаюсь, — покачал головой Тревайз. — Ну колыбельные там, танцы. Послушайте, Фаллом по-прежнему меня тревожит. Она учится слишком быстро.

— Я помогаю ей, — заявила Блисс. — Не забывай об этом. Кроме того, она очень умна, и ее очень подстегивает общение с нами. Новые ощущения переполняют ее мозг. Она видит космос, различные планеты — и все это впервые.

Марш Фаллом стал несколько диковатым и бравурным.

— Ну ладно, — вздохнул Тревайз, — она здесь, и играет музыку, казалось бы, преисполненную оптимизма и удовольствия от приключений. Я считаю, что это ее голос в пользу приближения к Солнцу. Давайте осторожно подойдем поближе и поглядим на его планетную систему.

— Если она у него есть, — уточнила Блисс.

— Есть, — хитро улыбнулся Тревайз, — Спорим? Ваша ставка, госпожа Блисс?

87

— Ты проиграла, — рассеянно заметил Тревайз. — Сколько ты решила поставить?

— Нисколько. Я никогда не держу пари.

— Что ж, прекрасно. Все равно я не взял бы с тебя денег.

Они находились на расстоянии около десяти миллиардов километров от Солнца. Оно все еще походило на звезду и было почти в четыре тысячи раз тусклее, чем среднее солнце при взгляде на него с обитаемой планеты.

— При увеличении две планеты видны уже сейчас, — сообщил Тревайз. — Судя по их диаметру и спектру отраженного света, это явно газовые гиганты.

Корабль находился вне плоскости эклиптики, и Блисс с Пелоратом, глядя поверх плеча Тревайза на обзорный экран, видели два тоненьких зеленоватых полумесяца. Меньший находился в несколько иной фазе, чем больший, и выглядел шире.

— Джэн! — воскликнул Тревайз. — Не правда ли, что у земного Солнца должно быть четыре газовых гиганта?

— Согласно легенде, это так.

— Ближайший к Солнцу — самый большой, а у следующего — кольцо. Так?

— Большие широкие кольца, Голан. Да. В точности так, дружочек, но учти возможные преувеличения при многократном пересказе легенды. Если мы не найдем такой планеты, то я не думаю, что стоит серьезно воспринимать это как аргумент против наших предположений. То есть что эта звезда — Солнце Земли. Тем не менее те два гиганта, что мы видим, могут оказаться более дальними, а два ближних к Солнцу могут находиться сейчас по другую его сторону и слишком далеко от нас, чтобы их можно было различить на фоне звезд. Мы должны подойти еще ближе и осмотреть Солнце с другой стороны.

— Разве можно проделать такое в присутствии столь близкой и большой массы, как эта звезда?

— Уверен, компьютер, с разумной осторожностью, может осуществить такой Прыжок. Однако если он решит, что опасность слишком велика, то откажется от быстрого способа передвижения, и мы будем приближаться к Солнцу осторожно, маленькими шажками.

Внимание Тревайза переключилось на компьютер — и звездный узор на обзорном экране изменился. Звезда ярко вспыхнула и исчезла с экрана, поскольку компьютер, выполняя команду, общаривал небо в поисках других газовых гигантов. И небезуспешно.

Все трое замерли. Наконец Тревайз, почти беспомощный от удивления, отдал команду компьютеру еще сильнее увеличить изображение.

— Невероятно, — выдохнула Блисс.

88

Перед ними на экране повис газовый гигант, видимый под таким углом, что его поверхность оказалась почти полностью освещена Солнцем. Вокруг гиганта кружились широкие сверкающие кольца, наклоненные так, что видны были блики света на их боковых

сторонах. Они сияли ярче, чем сама планета, и были разделены тонкой линией примерно в треть их собственной ширины.

Тревайз затребовал у компьютера максимальное разрешение, и кольца превратились в колечки – узкие, концентрические, блестящие под лучами Солнца. Теперь лишь часть системы колец умещалась на экране, да и сама планета с него исчезла. Еще одна команда Тревайза – и в углу экрана возникла вставка, демонстрирующая планету и ее кольца в миниатюре.

– Это часто встречается? – благоговейно спросила Блисс.

– Нет, – ответил Тревайз. – Почти у каждого газового гиганта есть кольца из различных обломков, но они, как правило, тусклые и узенькие. Я лишь однажды видел такой, у которого кольца были узкими, но яркими. Но я никогда не видел ничего подобного этой планете, даже не слышал о такой.

– Перед нами явно тот самый окольцованный гигант, о котором говорит легенда. Если подобные вещи действительно уникальны... – Пелорат захлебывался от восторга.

– Естественно, уникальны! Насколько мне известно. Или, точнее, насколько известно компьютеру.

– Тогда это наверняка планетная система, включающая Землю. Никто не смог бы придумать такую планету. Такое нужно видеть, чтобы описать в легендах.

– Я готов теперь поверить всему, о чем говорят твои легенды. Это – шестая планета, а Земля должна быть третьей?

– Верно, Голан.

– Тогда я должен объявить, что мы мене чем в полутора миллиардах километров от Земли, а нас еще никто не остановил. Гея остановила нас, когда мы приблизились.

– Вы были ближе к Гее, когда вас остановили, – заметила Блисс.

– Ага, – кивнул Тревайз, – но это – лишнее подтверждение моего мнения о том, что Земля могущественнее, чем Гея; и я считаю это добрым предзнаменованием. Если нас все еще не задержали, то, возможно, Земля вовсе не возражает против нашего прибытия.

– Или что это – не Земля, – сказала Блисс.

– Еще одно пари? – ухмыляясь, спросил Голан.

– Как я понял, Блисс хотела сказать, – вмешался Пелорат, – что Земля может оказаться радиоактивной, как все говорят, и что никто не остановил нас из-за отсутствия на ней всякой жизни вообще.

– Нет, – сказал Тревайз, – я верю всему, что говорится о Земле, только не этому. Теперь мы вблизи нее и можем убедиться во всем сами. И у меня такое чувство, что нам не помешают.

89

Газовые гиганты остались позади. Ближе к Солнцу лежал пояс астероидов (он был большим и содержал множество обломков – все как в легендах).

Внутри пояса астероидов кружились четыре планеты.

Тревайз внимательно изучил их.

– Третья – самая большая, размеры ее вполне подходящие, как и расстояние от Солнца. Она может оказаться обитаемой.

Пелорат уловил нотку неуверенности в его словах.

– У нее есть атмосфера? – спросил он.

– О да. У второй, третьей и четвертой планет есть атмосфера. И, как в старой сказке для детей, у второй она слишком плотная, у четвертой – слишком разреженная, у третьей – в самый раз.

– Значит, ты думаешь, что это может быть Земля?

– Думаю? – почти взорвался Тревайз. – Мне нет нужды думать. Это – Земля. У нее – гигантский спутник, о котором ты мне твердил.

– Спутник? – Лицо Пелората расплылось в такой широкой улыбке, какой Тревайз еще никогда не видел.

– Все в точности! Вот, взгляни при максимальном увеличении.

Пелорат увидел два полумесяца, причем один был значительно больше и ярче второго.

– Меньший, как я понимаю, и есть тот спутник?

– Да. Он дальше от планеты, чем можно было бы ожидать, но, несомненно, обращается вокруг нее. Он размером с малую планету; на самом деле – меньше любой из четырех внутренних планет. Тем не менее он велик для спутника. Не меньше двух тысяч километров в диаметре, что делает его сопоставимым с самыми большими спутниками газовых гигантов.

– Всего-то? – Пелорат был искренне разочарован. – Это не гигантский спутник?

– Гигантский. Спутник с диаметром в две или три тысячи километров, врачающийся вокруг огромного газового гиганта, – это одно. Тот же самый спутник небольшой, твердой, обитаемой планеты – совсем другое. Диаметр спутника составляет около четверти диаметра Земли. Где еще ты слышал о подобном? Да это лее, считай, двойная планета.

– Я профан, сознаю, – смущенно проговорил Пелорат.

– Тогда поверь мне на слово, Джен. Подобный спутник – уникальное явление. Мы смотрим на нечто, являющееся практически двойной планетой, а ведь обитаемых планет, вокруг которых летает что-нибудь крупнее нескольких камней, очень мало. Если ты сопоставишь этот газовый гигант с его огромной системой колец, являющейся шестой планетой, и этот громадный спутник у третьей – о которых правдиво, вопреки всем ожиданиям, говорили легенды, тогда планета, на которую ты сейчас смотришь, должна быть Землей. Немыслимо, чтобы она оказалась чем-то иным. Мы нашли ее, Джен, мы нашли ее!

90

Шел второй день постепенного приближения к Земле. За обедом Блисс зевнула.

– Мне кажется, мы только и делаем, что подлетаем к той или иной планете, а потом столь же медленно от нее удаляемся. Недели тратим, целые недели.

– Отчасти это потому, – стал объяснять Тревайз, – что Прыжок опасно совершать слишком близко к звезде. Но мы так плетемся потому, что я не хочу оказаться перед лицом очередной возможной опасности слишком быстро.

– Помнится, ты уверял: «Я чувствую, что нас не остановят».

– Это так, но я не хочу во всем полагаться на предчувствия. – Голан посмотрел на содержимое ложки, прежде чем отправить ее в рот, и сказал: – Что-то я заскучал по альфианской рыбке. Мы ведь там только три раза попировали.

– Жаль, – согласился Пелорат.

– Что поделаешь, – пожала плечами Блисс, – мы побывали на пяти планетах и покидали каждую из них столь поспешно, что не имели времени пополнить запасы пищи или как-либо их разнообразить. Даже тогда, когда продукты можно было без проблем раздобыть, как, например, на Компореллоне или Альфе, и, вероятно...

Она не договорила, поскольку Фаллом, бросив на Блисс быстрый взгляд, закончила за нее:

– На Солярии. Вы не пробовали нашу еду? Там она прекрасна. Так же, как на Альфе. И даже еще лучше.

– Я знаю это, Фаллом, – ответила ей Блисс. – Но на это просто не было времени.

Фаллом печально посмотрела на нее:

– Увижу ли я Джемби когда-нибудь вновь, Блисс? Скажи мне правду.

– Увидишь, если мы вернемся на Солярию.

– А мы когда-нибудь туда вернемся?

– Я не могу так сразу сказать, – замялась Блисс.

– Сейчас мы летим к Земле, верно? Это та планета, откуда, как ты говорила, мы все ведем свое происхождение?

– Откуда ведут свое происхождение наши предшественники.

– Я уже знаю слово «предки».

– Да, мы летим к Земле.

– Зачем?

– Разве не хотел бы любой человек увидеть мир своих предков?

– Я думаю, это скорее касается вас. Вы все так взволнованы.

– Мы никогда не были здесь раньше. Мы не знаем, чего ожидать от Земли.

— Мне кажется, тут что-то большее.

Блисс улыбнулась:

— Ты уже поела, Фаллом, милая, так почему бы тебе не пойти в свою каюту и не порадовать нас небольшой серенадой на флейте? Ты все прелестней на ней играешь. Давай, давай. — Она легонько подтолкнула Фаллом, и та вышла, но в дверях обернулась и задумчиво взглянула на Тревайза.

Он посмотрел ей вслед с явной неприязнью:

— Это существо, что же, мысли читает?

— Не называй ее «существом», Тревайз, — резко сказала Блисс. — Она что, читает твои мысли? Ты можешь ответить?.. Нет, не читает. И Гея тоже. Это недоступно даже адептам Второй Академии. Чтение мыслей в прямом смысле невозможно и не будет возможно в ближайшем будущем. Мы можем распознавать и интерпретировать эмоции и, в некоторой степени, управлять ими, но и это не простое дело.

— Откуда ты знаешь, что ей неподвластно то, что тебе кажется невозможным?

— Я имею право так утверждать, поскольку обладаю определенными способностями.

— Возможно, она просто управляет тобой, так что ты остаешься в неведении о том, на что она способна.

— Образумься, Тревайз! — воскликнула Блисс, закатив глаза. — Даже если она обладает необычными способностями, она ничего не может сделать со мной, ведь я не только Блисс, но и Гея. Ты по-прежнему забываешь об этом. Ты представляешь себе, что такая ментальная инертность целой планеты? Неужели ты думаешь, что один изолят, каким бы талантливым он ни был, мог преодолеть ее?

— Ты не знаешь всего, Блисс, так что не будь столь самоуверенна, — угрюмо пробурчал Тревайз. — Эта тв... Она с нами не так уж давно. Я за такое время только научился бы слова составлять, а она уже в совершенстве владеет галактическим и фактически освоила почти весь его словарный запас. Знаю, ты помогала ей, но я хотел бы, чтобы ты это прекратила.

— Да, я говорила тебе, что помогаю ей, но я также сказала, что она удивительно умна. Настолько умна, что я рада была бы, чтобы она стала частицей Геи. Если мы присоединим ее к себе, пока она еще достаточно молода, то сможем многое узнать о солярианах, так чтобы постепенно ассоциировать всю Солярию. Это было бы очень полезно для нас.

— И тебя не беспокоит, что соляриане — патологические изоляты, даже по моим понятиям?

— Они не будут такими, став частью Геи.

— Я думаю, ты ошибаешься, Блисс. Я думаю, что солярианский ребенок опасен и что мы должны избавиться от нее.

— Как? Выбросить ее через шлюз? Убить ее, размельчить и добавить к нашим запасам пищи?

— Ох, Блисс, ну что ты такое говоришь! — всплеснул руками Пелорат.

А Тревайз поморщился:

— Да уж, действительно, сказанула. — Он прислушался на минуту; флейта играла и играла, и Тревайз перешел на полуслепот. — Когда все это кончится, мы должны вернуть ее на Солярию и лишний раз убедиться, что соляриане навечно отрезаны от Галактики. Мне было бы еще спокойнее, если бы они были уничтожены. Я не доверяю им и боюсь их.

Блисс ненадолго задумалась и сказала:

— Тревайз, я знаю, что ты обладаешь умением приходить к правильному решению, но я также знаю, что ты с самого начала испытывал антипатию к Фаллом. Я полагаю, это может быть следствием того унижения, которое ты пережил на Солярии и из-за которого возненавидел планету и ее жителей. Поскольку я не имею права вмешиваться в твое сознание, я не могу это утверждать наверняка. Пожалуйста, пойми, что, если бы мы не взяли Фаллом с собой, мы до сих пор оставались бы на Альфе — наверное, нас бы уже похоронили.

— Я все понимаю, Блисс, но даже так...

— А ее разум достоин восхищения, а не зависти.

— Я не завидую ей. Я боюсь ее.

— Ее ума?

— Нет, не только, — в задумчивости закусил губу Тревайз.

– Чего же тогда?

– Я не знаю, Блисс. Если бы я знал, чего я боюсь, я бы смог побороть страх. Это что-то, чего я не могу до конца понять. – Его голос стал тише, словно он разговаривал сам с собой. – Галактика, как оказалось, переполнена вещами, которых я не понимаю. Почему я выбрал Гею? Почему я должен искать Землю? Было ли забыто еще одно допущение психоистории? Если да, то какое? И в завершение всего: почему Фаллом так действует мне на нервы?

– К несчастью, я не могу ответить на твои вопросы, – сказала вставая Блисс и вышла из каюты.

Пелорат посмотрел ей вслед:

– На самом деле все обстоит не столь мрачно, Голан. Мы подлетаем все ближе и ближе к Земле и как только доберемся до нее, все загадки наконец разрешатся. И до сих пор никто, похоже, не делает никаких попыток остановить наше к ней приближение.

Тревайз только моргал, глядя на Пелората, но потом тихо сказал ему:

– А я бы хотел, чтобы кто-нибудь попытался.

– Да? Почему ты этого хочешь?

– Честно говоря, я рад был бы хоть какому-то признаку жизни.

Пелорат широко открыл глаза:

– Ты наконец обнаружил, что Земля – радиоактивна?

– Не то чтобы... Но она теплая. Намного теплее, чем я ожидал.

– Это плохо?

– Необязательно. Она может быть довольно теплой, но это вовсе не должно сделать ее непригодной для жизни. Облачный покров плотный, определенно присутствуют водяные пары, так что эти облака, вместе с водами океана, могут поддерживать жизнь, несмотря на температуру, которую мы вычислили, исходя из микроволнового излучения. Впрочем, я не могу быть уверен. Разве что только...

– Да, Голан.

– Ну, если бы Земля была радиоактивной, этим может объясняться большая, чем мы ожидали, температура.

– Но это не противоречит и первому, не правда ли? Если она теплее, чем ожидалось, это не означает, что она должна быть радиоактивной.

– Нет, не означает. – Тревайз попытался выдавить улыбку. – Нам нет нужды гадать, Джейнав. Через день-другой я смогу больше сказать об этом, и мы узнаем все наверняка.

91

Фаллом сидела на койке в задумчивости, когда в каюту вошла Блисс. Фаллом коротко взглянула на нее, затем снова уставилась в пол.

– В чем дело, Фаллом? – тихо сказала Блисс.

– Почему я так не нравлюсь Тревайзу, Блисс?

– Что навело тебя на подобные мысли?

– Он смотрит на меня нетерпеливо – это правильное слово?

– Возможно.

– Он нетерпеливо смотрит на меня, когда я вблизи него. Его лицо немного кривится.

– У Тревайза сейчас множество забот. Фаллом.

– Потому что он ищет Землю?

– Да.

Фаллом немного подумала и сказала:

– Он особенно нетерпелив, когда я привожу что-нибудь в движение.

Губы Блисс сжались.

– Послушай, Фаллом, разве я не говорила тебе, что ты не должна этого делать, особенно в присутствии Тревайза?

– Ну, это было вчера, в этой каюте, он стоял в дверях, а я не заметила. Я не знала, что он наблюдает. Это был всего лишь один из библиофильмов Пела, и я пыталась заставить кассету встать на ребро. Я не сделала ничего плохого.

— Это нервирует нашего друга, Фаллом, и я хотела бы, чтобы ты не делала ничего подобного, вне зависимости от того, видит он тебя или нет.

— Это нервирует его, потому что сам он ничего похожего не может?

— Возможно.

— А ты можешь?

— Нет, я не могу, — медленно покачала головой Блисс.

— Но тебя же не нервирует, когда я так делаю. И Пела тоже.

— Все люди разные.

— Я знаю, — сказала Фаллом с внезапной уверенностью, которая и удивила Блисс, и привела ее в замешательство.

— Что ты знаешь, милая моя девочка?

— Я — другая.

— Конечно, я так и сказала. И Пелорат другой.

— У меня другие формы тела. И я умею двигать вещи.

— Это правда.

— Мне необходимо двигать вещи, — продолжила Фаллом с вызовом в голосе. — Тревайз не должен сердиться на меня за это, ты не должна останавливать меня.

— Но зачем это тебе нужно?

— Это — тренировка. Упражнение — это правильное слово?

— Не совсем. Упражнение.

— Да. Джемби постоянно твердил, что я должна постоянно тренировать мои... мои...

— Мозговые преобразователи?

— Да. И делать их сильнее. Тогда, когда я вырасту, я смогу управлять всеми роботами.

Даже Джемби.

— Фаллом, кто управляет всеми роботами, когда тебя нет?

— Бандер. — Фаллом словно бы просто констатировала факт.

— Ты знаешь Бандера?

— Конечно. Я видела его много раз. Я должна была стать следующим главой поместья.

Поместье Бандера станет поместьем Фаллом. Так говорил мне Джемби.

— Ты имеешь в виду, что Бандер приходил в твою...

Фаллом в ужасе открыла рот и сказала каким-то приданным голосом:

— Бандер никогда не мог бы прийти к... — Фаллом стало трудно дышать, она запнулась и замолчала. Потом она успокоилась: — Я видела изображение Бандера.

— А как Бандер к тебе относился? — нерешительно спросила Блисс.

Фаллом поглядела на нее, сощурив от удивления глаза:

— Бандер мог спросить меня, в чем я нуждаюсь, удобно ли мне. Но Джемби всегда был рядом, так что я никогда ни в чем не нуждалась и мне всегда было удобно.

Она наклонила голову и уставилась в пол. Потом закрыла глаза ладонями и еле слышно произнесла:

— Но Джемби остановился. Я думаю, это из-за того, что Бандер тоже остановился.

— Почему ты так говоришь?

— Я думала об этом. Бандер управлял всеми роботами, и, если Джемби остановился и все остальные роботы тоже, должно быть, остановился и Бандер. Разве это не так?

Блисс промолчала.

— Но когда вы вернете меня назад, на Солярию, я смогу обеспечить энергией Джемби и всех остальных роботов и буду вновь счастлива.

Она всхлипнула.

— Разве ты не счастлива с нами, Фаллом? Хоть немного? Иногда?

Фаллом подняла залитое слезами лицо к Блисс и, покачав головой, дрожащим голосом выпалила:

— Я хочу Джемби.

В порыве нежности Блисс обхватила ее руками.

— Ох, Фаллом, как бы я хотела, чтобы я могла вновь соединить тебя и Джемби! — И внезапно обнаружила, что и сама плачет вместе с Фаллом.

Такими их и увидел вошедший в каюту Пелорат. Он застыл у двери и спросил:

– Что случилось?

Блисс отстранилась от Фаллом и потянулась за носовым платком, чтобы вытереть заплаканные глаза. Она тряхнула головой, и Пелорат озабоченно повторил:

– Но все-таки, что случилось?

– Фаллом, успокойся, – сказала Блисс. – Я придумаю что-нибудь, чтобы тебе стало хоть немного легче. Помни – я люблю тебя так же, как любил Джемби.

Она взяла Пелората за локоть и вытолкнула в обеденный отсек, повторяя:

– Это так, ничего, Пел. Пройдет.

– Это из-за Фаллом, верно? Она все еще жалеет о Джемби.

– Ужасно. И мы ничего не можем с этим поделать. Я могла только сказать ей, что люблю ее – и в самом деле, это так. Как можно не любить такое нежное и разумное дитя? Удивительно разумное. Тревайз думает, что даже слишком разумное. Она видела Бандера в свое время или, скорее, его голограммическое изображение. Однако эти воспоминания ее не трогают, она очень спокойно и рассудительно говорила о нем, и я могу понять почему. Их связывало лишь то, что Бандер был владельцем поместья и что Фаллом должна была стать следующим его хозяином. Других отношений между ними не существовало.

– А понимала ли Фаллом, что Бандер – ее отец?

– Ее мать. Если уж мы согласились рассматривать фаллом как женщину, так же следует думать и о Бандере.

– Неважно, Блисс. Знает ли Фаллом об их родственных связях?

– Я не уверена, что она поняла бы, что это такое. Вероятно, она может знать, но не придает этому никакого значения. Однако, Пел, она пришла к выводу, что Бандер мертв, поскольку ее озарило: выключение Джемби должно быть результатом прекращения подачи энергии, а так как этим занимался Бандер… Все это пугает меня.

Пелорат задумчиво сказал:

– Почему, Блисс? В конце концов это всего лишь логический вывод.

– Потому что другой логический вывод может последовать из самого факта его смерти. На Солярии, с ее долгоживущими и одинокими космонитами, смерть – нечто редкое и отдаленное. Представление о естественной смерти должно существовать лишь у немногих из них, и, вероятно, совсем отсутствовать у солярианских детей возраста Фаллом. Если она продолжит размышлять о смерти Бандера, она наконец начнет гадать, почему он умер, и то, что это случилось, когда мы, чужаки, появились на их планете, наверняка наведет ее на мысль о возможной причине и следствии.

– Что мы убили Бандера?

– Это не мы убили Бандера, Пел. Это была я.

– Она не догадается.

– Но я должна буду сказать ей об этом. Она обижается на Тревайза, а ведь он – руководитель экспедиции. Фаллом может решить, что, возможно, именно он повинен в гибели Бандера, а как я могу позволить, чтобы на Тревайза кто-то возвел напраслину?

– Стоит ли беспокоиться обо всем этом, Блисс? Ребенок не испытывал никаких чувств к своему от… матери. Только к своему роботу Джемби…

– Но смерть ее матери означает и смерть ее робота. Я почти готова уже признаться в своей ответственности за это. Я испытываю огромное искушение.

– Почему?

– Так я смогу объяснить это в нужном свете. Так я смогу успокоить Фаллом, предупредив ее собственное открытие этого факта в процессе размышлений. Сама она может не найти оправданий убийству Бандера.

– Но оправдание существует! Это была самооборона. Спустя мгновение мы были бы мертвы, не решишь ты на крайнюю меру.

– Именно это я и должна бы сказать, но не могу заставить себя объясняться. Я боюсь, что

она не поверит мне.

Пелорат, покачивая головой, сжал зубы.

— Ты думаешь, было бы лучше, если бы мы не привели ее на «Далекую звезду»? Теперь ты так несчастна...

— Нет, — рассердилась Блисс, — не говори так! Я была бы бесконечно более несчастна, если бы мы сидели сейчас и вспоминали оставленного нами невинного ребенка, осужденного на безжалостную смерть из-за того, что мы натворили на Солярии.

— Такова планета Фаллом.

— Послушай, Пел, только наш разговор не передавай Тревайзу. Изоляты находят возможным соглашаться с подобными вещами и не думать больше о них. Мораль же Геи — спасение жизни, а не уничтожение ее. Жизнь во всех ее проявлениях должна, как мы знаем, заканчиваться, чтобы другая жизнь могла начаться, но никогда — без пользы, без смысла, без конца. И смерть Бандера, пусть и неизбежную, довольно трудно перенести. Смерть же Фаллом была бы просто невыносима.

— Ну хорошо. Думаю, ты права. Но в любом случае, я пришел к тебе не с заботами о проблемах Фаллом. Дело касается Тревайза.

— Что с ним?

— Блисс, я беспокоюсь за него. Он ждет установления параметров Земли, и я не уверен, что он сможет перенести такое напряжение.

— Я не боюсь за него. С ума он не сойдет.

— У каждого из нас есть предел выносливости. Послушай, планета Земля оказалась теплее, чем он ожидал; так он сказал мне. Полагаю, он думает о том, что она может быть слишком теплой для существования там жизни, хотя явно старается убедить себя, что это не так.

— Быть может, он прав. Может, она не слишком горяча для жизни.

— Кроме того, он допускает, что, возможно, это тепло можно объяснить наличием радиоактивной поверхности, но тоже отказывается в это верить. Через день-другой мы подойдем достаточно близко к Земле, так что станет ясным истинное положение вещей. Что, если Земля действительно радиоактивна?

— Тогда ему останется только смириться с этим.

— Но — я не знаю, как сказать... — что, если в его мозгу...

Блисс подождала, а затем криво усмехнулась:

— Полетят предохранители?

— Да. Полетят предохранители. Не могла бы ты предпринять что-нибудь, чтобы поддержать его? Держать его под контролем и в уравновешенном состоянии, так сказать?

— Нет, Пел. Я не могу поверить, что он так слаб, и, кроме того, существует твердое решение Геи: его сознание неприкосновенно.

— Но сейчас особые обстоятельства. У него есть эта необычная «правота» или как ты ее там называешь. Шок от полного провала его проектов в тот момент, когда все, казалось бы, успешно завершено, способен пусть и не уничтожить его мозг, но разрушить его «правоту». Он обладает очень необычным талантом. Разве не может этот талант оказаться необычайно хрупким?

Блисс на миг задумалась, пожала плечами и сказала:

— Ну что же, возможно, мне и следует присмотреть за ним.

93

Следующие тридцать шесть часов Тревайз смутно ощущал, что Блисс и, в меньшей степени — Пелорат, ходят за ним по пятам. Впрочем, это было не так уж необычно на таком компактном корабле, да и занимали его ум совсем другие вещи.

Теперь, сидя за компьютером, он был уверен, что Блисс с Пелоратом стоят у двери. Тревайз обернулся и испытуемое уставился на них.

— Ну? — очень тихо спросил он.

— Как ты себя чувствуешь, Голан? — довольно неуклюже попытался вывернуться Пелорат.

— А ты у Блисс спроси, — ответил Тревайз. — Она часами с меня глаз не спускает. Должно

быть, насквозь видит мой мозг. Не так ли, Блисс?

– Нет. Нет, – спокойно сказала Блисс, – но если ты чувствуешь, что нуждаешься в моей помощи, я могу попробовать... Тебе нужна помошь?

– Это еще зачем? Оставьте меня в покое. Оба.

– Пожалуйста, скажи нам, что происходит, – попросил Пелорат.

– Спрашивай!

– Является ли Земля...

– Да, является. То, на чем настаивали все в разговорах с нами, – истинная правда. – Тревайз махнул в сторону экрана, на котором виднелась ночная сторона Земли, затмившей Солнце. Она выглядела резко очерченным кружком темноты на фоне звездного неба, а окружность сияла прерывистым ореолом оранжевого света.

– Этот оранжевый свет – радиоактивность? – спросил Пелорат.

– Нет. Просто отраженный свет Солнца в атмосфере. Ореол был бы сплошным, если бы не сильная облачность. Радиоактивность мы видеть не можем. Различные излучения, даже гамма-лучи, поглощаются атмосферой. Однако они порождают вторичное излучение, сравнительно слабое, хотя компьютер может его обнаружить. Оно невидимо для глаз, но компьютер способен преобразовать в фотоны видимого света каждую частицу или волну, принятую его детекторами, и Земля предстанет окрашенной в условные цвета. Взгляните.

И черный кружок расцвел голубыми красками.

– И насколько сильная здесь радиоактивность? – тихо спросила Блисс. – Достаточная для того, чтобы человек здесь не мог существовать?

– Вообще никакая жизнь. Планета не пригодна для обитания, Последняя бактерия, последний вирус давно погибли.

– А сможем мы исследовать ее? – спросил Пелорат. – Я имею в виду, в скафандрах?

– Лишь несколько часов – иначе вернемся с необратимыми радиационными поражениями.

– Тогда что же мы будем делать, Голан?

– Делать? – Тревайз безо всякого выражения поглядел на Пелората. – Ты знаешь, что я собираюсь делать? Я возьму тебя и Блисс – и ребенка, естественно, – и верну вас на Гею, и оставлю там всех троих навсегда. Потом я вернусь на Терминус и сдам корабль. Подам в отставку из Совета, что должно сильно обрадовать мэра Бранно. А потом буду жить на пенсию, пошлю Галактику куда подальше вместе с Планом Селдона, нашей Академией, Второй Академией и Геей. Галактика не маленькая, сама выберет, как ей жить. Почему я должен беспокоиться о том, что случится после меня? Я еще пожить хочу.

– Наверняка ты так не думаешь, Голан, – настойчиво сказал Пелорат.

Тревайз посмотрел на него и глубоко вздохнул.

– Нет, не думаю, но ох как хотелось бы, чтобы я смог сделать точно так, как только что сказал тебе.

– Никогда бы я в это не поверил. Ну а что ты собираешься предпринять на самом деле?

– Вывести корабль на околоземную орбиту, отдохнуть, выйти из шока и подумать о том, что делать дальше. Да и вообще...

– Да?

И Тревайз сорвался:

– Что я могу предпринять еще? Что еще я могу осмотреть? Что здесь еще искать?

Глава двадцатая Соседняя планета

После этого Пелорат и Блисс видели Тревайза только четыре раза и то только за обеденным столом. Все остальное время он находился либо в рубке, либо в своей каюте. За едой молчал. Ел мало.

В четвертый раз, однако, Пелорату показалось, что необычная суворость покинула

Тревайза. Пелорат дважды кашлянул, словно хотел что-то сказать да передумал.

Наконец Тревайз обвел своих спутников взглядом и произнес:

- Ты что-то желаешь сказать, Джен?
- Ты… ты обдумал создавшееся положение, Голан?
- Почему ты задаешь такой вопрос?
- Ты уже вроде бы в норме.
- Да такой же, как и был, но я кое-что придумал. Правда, с трудом.
- Можно узнать, что?

Тревайз коротко взглянул на Блисс. Она упорно смотрела в тарелку, храня осторожное молчание, словно чувствовала, что Пелорат добьется большего в этот щекотливый момент, чем она.

– Тебе тоже любопытно, Блисс?

– Да, конечно. – На мгновение она подняла взгляд. Фаллом, болтая ногой, пнула ножку стула и спросила:

– Мы нашли Землю?

Блисс сжала ее плечо; Тревайз же не обратил на ее вопрос никакого внимания.

– Начнем с самого начала, – сказал он. – Итак, все сведения о Земле были изъяты на самых разных планетах. Это неизбежно приводит нас к определенному заключению. Что-то на Земле скрывается. И все же, наблюдая Землю, мы видим: она настолько мертва и радиоактивна, что все находящееся на ней автоматически скрыто – и навечно. Никакой корабль не может сесть на эту планету, а с такого расстояния – с внешней границы магнитосферы – нам ничего на ней не разглядеть.

– Ты уверен? – мягко спросила Блисс.

– Я торчал все это время за компьютером, анализируя Землю всеми методами, какими только мог. И ничего. Более того, я чувствую, что здесь ничего нет. Почему же тогда были стерты все данные, касающиеся Земли? Наверняка то, что нужно было спрятать, нельзя спрятать более эффективно, чем сейчас; эффективней и вообразить нельзя. И нет никакой необходимости делать этот кусок масла еще более масляным.

– Может оказаться, – предположил Пелорат, – что что-то действительно было скрыто на Земле еще в то время, когда она не была столь радиоактивна, какой нашли ее мы. В то время люди Земли могли бояться, что кто-либо отважится сесть здесь и найти это, чем бы оно ни было. И тогда Земля попыталась скрыть информацию, касающуюся ее. То, что мы имеем сейчас, – призрачные останки того тревожного времени.

– Нет, я так не думаю, – возразил Тревайз. – Изъятие информации из Галактической библиотеки на Тренторе, вероятно, произошло совсем недавно. – Он резко повернулся к Блисс. – Я прав?

Блисс спокойно ответила:

– Я/мы/Гея извлекли это по большей части из сознания находящегося в замешательстве адепта Второго Основания Тендцобали, когда он, ты и я встретились с мэром Терминуса.

– Значит, что бы там ни было скрыто, сейчас существует возможность раскрыть тайну Земли, несмотря на ее радиоактивность.

– Но как? – спросил Пелорат.

– Предположим, – начал рассуждать Тревайз, – что нечто, некогда бывшее на Земле, больше там не находится, а было перепрятано, когда возросла радиационная опасность. И хотя этого секрета больше нет на Земле, может статься, что, уж если мы смогли найти саму Землю, мы сумеем отыскать и место, куда перепрятали секрет. Будь это так, подступы к Земле все еще оставались бы закрытыми.

И тут послышался голос Фаллом:

– Если мы не найдем Землю, Блисс говорила, что ты вернешь меня к Джемби.

Тревайз повернулся к Фаллом и пристально уставился на нее. Блисс тихо сказала девочке:

– Я говорила: «может быть». Поговорим об этом после. А теперь иди к себе и почитай, или поиграй на флейте, или займись чем-нибудь еще, что тебе по душе. Давай беги…

Фаллом, выскоцив из-за стола, оставила их.

– Но как же так, Голан? – нахмурил брови Пелорат. – Мы здесь, мы нашли Землю, сейчас

можем определить, где этот секрет, если его нет на Земле?

Тревайз некоторое время молчал, пытаясь прогнать мысли о Фаллом. Наконец он сказал:

– Почему бы и нет? Вообрази, что радиоактивность земной коры все нарастает. Население постепенно сократилось из-за смертей и эмиграции. А тайна, вне зависимости от ее содержания, находится во все возрастающей опасности.

Кто мог остаться, чтобы охранять ее? По идее, тайну нужно было переправить на другую планету или же польза от нее, чем бы ни была эта тайна, оказалась бы утерянной для Земли. Видимо, вопрос о перемещении рассматривался с большой неохотой, это произошло более или менее недавно. А теперь, Джэн, вспомни старика с Новой Земли, рассказавшего тебе свою версию истории Земли.

– Моноли?

– Да. Именно его самого. Не сказал ли он, упоминая об основании Новой Земли, что те из землян, что остались в живых, были перевезены на их планету?

– Ты хочешь сказать, дружочек, что предмет наших поисков находится сейчас там? Взят с собой покидающими Землю последними людьми?

– Могло ли быть иначе? Вряд ли Новая Земля лучше известна Галактике, чем старая, а ее обитатели настойчиво стремятся держать подальше всех инопланетников.

– Мы были там, – вмешалась Блисс. – И ничего не нашли.

– Мы и не искали ничего, кроме сведений о местоположении Земли.

Теперь удивился Пелорат:

– Но ведь мы-то ищем что-то такое... высокоразвитое, передовое... сверхразумное – то, что могло бы изъять информацию из-под самого носа Второй Академии и даже из-под носа – прости меня, Блисс, – Геи. Эти люди с Новой Земли, может быть, и способны управлять погодой над своим клочком суши, и владеют развитой биотехнологией, но, я думаю, ты согласишься, что их уровень развития в целом очень низок.

– Я согласна с Пелом, – кивнула Блисс.

– Мы судим лишь по немногим деталям, – сказал Тревайз. – Мы так и не увидели мужчин из рыболовецкой флотилии, не видели других частей острова, кроме того места, где совершили посадку. Кто знает, что бы мы могли найти, исследуй мы планету более тщательно? Кстати говоря, мы не узнали флуоресцентные светильники, пока не увидели их в действии, и если нам казалось, что техника там была неразвита, я повторяю...

– Что, что, Голан? – явно заинтересованная его монологом, торопила Блисс.

– Тогда все это могло быть лишь частью маскировки, призванной скрыть правду.

– Невозможно, – как отрубила Блисс.

– Невозможно?! Это ты говорила мне, еще на Гее, что на Тренторе вся цивилизация искусно поддерживается на примитивном уровне, чтобы скрывать ее достижения от Второй Академии. Почему та же самая тактика не может быть использована на Новой Земле?

– Следовательно, ты предлагаешь, чтобы мы вернулись на Новую Землю и вновь встретились с инфекцией? На этот раз ее уж точно активируют. Половой акт, несомненно, исключительно приятный способ заразиться, но он может оказаться не единственным.

– Я не жажду вернуться на Новую Землю, – возразил Тревайз, – но, может быть, придется...

– Может быть или придется?

– Может быть! В конце концов есть еще одна вероятность.

– Какая же?

– Новая Земля обращается вокруг Альфы. Но Альфа – часть двойной системы. Не может ли существовать пригодная для жизни планета на орбите вокруг спутника Альфы?

– Слишком уж он тусклый, – не согласилась Блисс. – Его яркость составляет лишь четверть яркости Альфы.

– Тусклый, но не слишком. Если планета расположена близко к этой звезде, будет в самый раз.

– А компьютер знает что-нибудь о планетах этой звезды-спутника? – вставил свой вопрос Пелорат.

– Я уже проверял, – мрачно ухмыльнулся Тревайз. – Там пять планет средних размеров.

Газовых гигантов нет.

– А хоть одна из этих планет обитаема?

– У компьютера нет информации о них, кроме количества и того факта, что они невелики.

– Ох! – разочарованно вздохнул Пелорат.

– Не стоит расстраиваться. Ни одной космонитской планеты вообще не было в памяти компьютера. Информация о самой Альфе – минимальна. Все эти сведения тщательно скрывались, и если почти ничего не известно о спутнике Альфы, это, вероятно, можно рассматривать как добрый знак.

– Тогда что ты собрался делать, – деловым тоном поинтересовалась Блисс, – посетить спутник и, если этот номер окажется пустым, – вернуться к Альфе?

– Да. И на этот раз, когда мы доберемся до Новой Земли, мы будем подготовлены ко всему. Мы скрупулезно исследуем весь остров, прежде чем сделать посадку, и, Блисс, я надеюсь на твои ментальные способности как на защиту от…

И вдруг «Далекая звезда» слегка накренилась и вздрогнула, Тревайз вскрикнул в гневе и растерянности:

– Кто за пультом?

И спрашивать было нечего. Он отлично знал кто.

95

Фаллом, стоя перед пультом управления, была совершенно поглощена связью с компьютером. Она широко развела маленькие руки с длинными пальцами, чтобы ими накрыть слабосветящиеся контуры на панели. Казалось, ее ладони почти слились с пультом, хотя было ясно, что он сделан из твердого и скользкого материала.

Она несколько раз видела, что Тревайз держал руки именно так и больше ничего не делал, хотя было совершенно ясно, как он управляет кораблем.

Фаллом видела и то, как Тревайз закрывал при этом глаза, и сама зажмурилась. Спустя пару минут она ощутила нечто вроде тихого, далекого голоса, зазвучавшего в голове. Как она смутно догадывалась, ей помогали мозговые преобразователи. Они оказались даже более важны, чем руки. Фаллом напряглась, пытаясь разобрать слова.

– Распоряжения, – говорил голос почти умоляюще. – Какие будут распоряжения?

Фаллом ничего не ответила. Она никогда не замечала, чтобы Тревайз что-либо говорил компьютеру, но знала, чего ей хотелось всем сердцем: она мечтала вернуться на Солярию, в удобное пространство особняка, к Джемби… Джемби… Джемби…

Она хотела гуда и, как только подумала о любимой планете, вообразила ее на обзорном экране, там же, где она видела другие планеты, к которым не стремилась. Фаллом открыла глаза и посмотрела на экран, желая, чтобы там оказалась ненавистная ей Земля; глядя на то, что она там видела, Фаллом представила на месте этой планеты Солярию. Она ненавидела огромную Галактику, в которую попала против своей воли. Слезы заволокли ее глаза. Корабль дрогнул.

Она почувствовала эту дрожь, и сама задрожала.

А потом Фаллом услышала громкий топот в коридоре, открыла глаза, и увидела перед собой искаженное лицо Тревайза, заслонившее обзорный экран, на котором возникло то, чего она так хотела. Тревайз что-то кричал, но Фаллом было все равно. Это он забрал ее с Солярии, убив Бандера, это он мешал ей вернуться, думая только о Земле, и она не желала слушать его.

Она хотела увести корабль к Солярии. Отвечая на ее решимость, «Далекая звезда» содрогнулась вновь.

96

Блисс в отчаянии схватила за руку Тревайза:

– Нет! Не надо! – Она его сдерживала, не подпуская к Фаллом, а сконфуженный Пелорат в полной растерянности застыл у нее за спиной.

– Убери руки от компьютера! – кричал Тревайз. – Блисс, не мешай. Иначе я буду вынужден сделать тебе больно.

— Не срывай гнев на ребенке! — измученным голосом просила Блисс. — Иначе буду вынуждена я сделать больно тебе, несмотря на все договоренности.

Взгляд Тревайза дико метался между Фаллом и Блисс.

— Тогда уведи ее прочь, Блисс. Немедленно! Блисс оттолкнула его с удивительной силой. (Наверное, у Геи позаимствовала, подумал потом Тревайз.)

— Фаллом! — приказала она. — Убери руки с пульта!

— Нет! — пронзительно вскрикнула Фаллом. — Я хочу, чтобы корабль летел на Солярию. Я хочу, чтобы он летел туда. Туда. — Она кивнула в сторону экрана, не убирая рук с пульта.

Но как только руки Блисс коснулись плеч Фаллом, та вся задрожала, обмякла и расплакалась. Блисс стала нежно приговаривать:

— Давай, Фаллом, скажи компьютеру, чтобы он сделал все, как было, и пойдем со мной. Пойдем со мной, — говорила Блисс и гладила истерически рыдавшего ребенка.

Руки Фаллом упали, она покачнулась, и Блисс, подхватив ее под мышки, прижала к груди и дала выплакаться.

Обращаясь к Тревайзу, загородившему дверь, Блисс сказала:

— Уди с дороги и не дотрагивайся до нас.

Тревайз мгновенно отступил в сторону.

Блисс на секунду остановилась и зловеще прошептала:

— Я была вынуждена вмешаться в ее сознание, пусть и ненадолго. Если я причинила ей хоть какой-то вред, я этого тебе не прощу.

Первым порывом Тревайза было заявить Блисс, что ему совершенно безразлично сознание Фаллом, что он боялся только за компьютер. Однако под пристальным взором Геи (наверняка это была не только Блисс, поскольку одно только выражение ее лица заставило его мгновенно похолодеть от ужаса), Тревайз промолчал.

Он молчал и не двигался довольно долго, даже после того как Блисс и Фаллом исчезли в своей каюте. Стоял и молчал, пока Пелорат робко не окликнул его:

— Голан, с тобой все в порядке? Она ведь ничего не сделала тебе, правда?

Тревайз энергично замотал головой, словно старался стряхнуть охватившее его оцепенение.

— Со мной все в порядке. Вопрос в том, все ли в порядке с пультом.

Он сел за пульт и положил руки туда, где только что лежали руки Фаллом.

— Ну? — поторопил его Пелорат.

— Вроде бы откликается нормально, — успокоился Тревайз. — Может, потом что-то проявится, но сейчас, похоже, все в полном порядке. — И затем более сердито: — Компьютер не должен эффективно работать с любыми другими руками, кроме моих, но тут, с этой гермафродиткой... тут были не только руки. Мозговые преобразователи, я уверен, тоже поучаствовали.

— Но что заставило корабль вздрагивать? Он не должен был так вести себя, не правда ли?

— Нет. Это — гравильт, и у него должны отсутствовать подобные инерционные эффекты. Но эта монстриха... — Он умолк, вновь не в силах справиться с гневом.

— Ну что ты замолчал? Продолжай, Голан.

— Видимо, она подала компьютеру два взаимоисключающих приказа, и каждый настолько беспрекословный, что у компьютера не было иного выхода, кроме как попытаться выполнить их одновременно. Пытаясь сделать невозможное, он, должно быть, на какое-то мгновение не смог удержать корабль в безынерционном состоянии. По крайней мере, мне кажется, что случилось именно это. — Его лицо постепенно смягчилось. — И это, возможно, даже хорошо, поскольку сейчас я понял, что все мои речи об альфе Центавра и ее спутнике были идиотской болтовней. Теперь я знаю, где Земля должна была спрятать свои тайны.

Пелорат уставился на Тревайза, по затем, игнорируя его замечание, вернулся к тому, что его поразило раньше:

— Каким образом Фаллом могла попросить что-то взаимоисключающее?

– Ну... Она сказала, что хочет, чтобы корабль летел к Солярии.

– Да, конечно, она должна была это сказать.

– Но что она подразумевала под Солярией? Она не могла узнать Солярию из космоса. То есть она никогда и не видела ее из космоса. Фаллом спала, когда мы в спешке покидали эту планету. И, несмотря на все, что она вычитала в твоей библиотеке, и то, что сказала ей Блесс, думаю, она вряд ли реально представляет себе истинную картину Галактики. То есть то, что в ней сотни миллиардов звезд и миллионы населенных планет. Выросшая в подземелье, в одиночестве, она еще могла с трудом представить, что существуют другие планеты – но сколько их? Две? Три? Четыре? Для нее любая планета, которую она видела, походила на Солярию и, повинувшись силе ее желания, становилась ею. А поскольку я предполагаю, что Блесс пыталась утешить Фаллом, обещая вернуть ее обратно на Солярию, если мы не найдем Землю, она могла даже прийти к выводу, что эти планеты довольно близки друг другу.

– Но почему ты так говоришь, Голан? Что заставляет тебя так думать?

– Она сама сказала нам это, Джен, когда мы ворвались сюда. Она кричала, что хочет на Солярию, и затем добавила «туда, туда», кивая на экран. А что на экране? Спутник Земли. Его там не было, когда я уходил на обед; была Земля. Но Фаллом, должно быть, представила спутник в уме, когда просила Солярию, и компьютер сфокусировал телескоп на спутнике. Поверь мне, Джен, я знаю, как эта штука работает. И кто может знать лучше?

Пелорат посмотрел на тонкий полумесяц света на обзорном экране и задумчиво произнес:

– Он должен называться «Moon», по крайней мере, на одном из языков Земли; Луна – на другом. Вероятно, у него было много и других названий. Вообрази, дружочек, неудобства планеты, где несколько языков – непонимание, сложности...

– Луна? – сказал Тревайз. – Хорошо. Это достаточно простое название. Слушай, продолжая размышлять о случившемся, я могу предположить также, что, возможно, Фаллом инстинктивно пыталась сдвинуть корабль при помощи своих мозговых преобразователей, используя собственные энергетические источники корабля, и это, вероятно, привело к временному нарушению безынерционного полета. Но это ладно, Джен. Что существенно, так это то, что все вместе взятое привело к появлению Луны – да, мне нравится это название – на экране, и увеличению ее изображения. Я смотрю сейчас на нее и поражаюсь.

– Поражаешься чему, Голан?

– Ее размерам. Мы привыкли игнорировать спутники, Джен. Они такие маленькие. А этот совсем другой. Целая планета. Ее диаметр – около трех с половиной тысяч километров.

– Планета? Наверное, ты не должен называть ее так. Она не может быть пригодна для жизни. Даже такой диаметр слишком мал. У нее нет атмосферы. Это же и так видно. Нет облаков. Край диска – резкий, как и линия термиатора.

– Ты становишься настоящим космическим волком, Джен, – кивнул Тревайз. – Ты прав. Нет воздуха. Нет воды. Но это означает только, что Луна не обитаема снаружи. А вот внутри...

– Внутри? – с сомнением переспросил Пелорат.

– Да. Внутри. Почему бы и нет? Земные города находились под поверхностью планеты, ты сам говорил. Мы знаем, что Трентор тоже размещался под корой. Большая часть столицы Компореллона расположена под землей. Особняки соляриан почти полностью подземные. Это вполне обычное дело.

– Но, Голан, в каждом из этих случаев люди жили на пригодной для обитания планете. Поверхность тоже была обитаема, да и атмосфера, и моря. Можно ли жить внутри планеты, если поверхность абсолютно безжизненна?

– Слушай, Джен, подумай хорошенько! Где мы живем сейчас? «Далекая звезда» – крошечный мирок с не пригодной для жизни поверхностью. Там, снаружи, нет ни воздуха, ни воды. И все же мы живем здесь со всеми удобствами. Галактика полна космических станций и поселений, совершенно необитаемых за исключением внутренних помещений. Представь, что Луна – гигантский космический корабль.

– С экипажем внутри?

– Да. Там могут жить миллионы людей, исходя из того, что нам известно – растения и животные, передовая технология. Подумай, Джен, разве это лишено здравого смысла? Если Земля в свои последние дни могла выслать партию колонистов на планету возле альфы

Центавра и если, с помощью Империи, те предприняли попытку терраформировать ее, заселить ее океаны и создать сушу там, где ее не было, разве не могла она также послать часть людей на свой спутник и терраформировать его изнутри?

— Возможно и так, — с неохотой уступил Пелорат.

— Это должно было произойти. Если Земле было что скрывать, зачем посыпать это что-то через парсеки пространства, когда можно все укрыть на планете, находящейся настолько ближе Альфы. И Луна была бы более подходящим местом для этого еще и с точки зрения психологии. Никто и не подумает о возможной связи спутника с жизнью, исчезнувшей с Земли. Например, мне это и в голову не приходило. Луна висела на экране в дюйме от моего носа, а мои мысли унеслись к Альфе. Если бы не Фаллом... — он сжал челюсти и помотал головой. — Теперь уж я точно в долгу перед ней. И перед Блисс.

— Но послушай, дружочек, если что-то и спрятано под поверхностью Луны, как мы сможем обнаружить это? Площадь ее поверхности составляет, должно быть, миллионы квадратных километров.

— Около сорока миллионов.

— И мы должны будем обшарить их все, в поисках неизвестно чего? Отверстия? Шлюза?

— Если идти по такому пути, то это действительно покажется нелегкой задачей. Но мы будем искать не просто какие-то сооружения, а жизнь и жизнь разумную. И у нас есть Блисс, чей талант — обнаруживать разум, не так ли?

98

Блисс сердито смотрела на Тревайза:

— Я наконец смогла усыпить ее. Мне пришлось нелегко. Она стала совершенно неуправляемой. К счастью, я не думаю, что причинила ей вред.

— Советую тебе попытаться ослабить ее привязанность к Джемби, — холодно выдавил слова Тревайз, — поскольку я не намереваюсь когда-либо вернуться га Солярию.

— Ослабить привязанность? Убить совсем? Думаешь, это легко? Что ты знаешь о таких вещах, Тревайз? Ты, никогда не ощущавший чужого сознания! У тебя нет и малейшего представления о том, как это трудно. Если бы ты знал хоть что-то об этом, ты не говорил бы об удалении привязанности так, словно это все равно, что джем из банки вынуть.

— Ну, по крайней мере, ослабь ее.

— Я могу немного ее ослабить, но на это уйдет целый месяц, в течение которого нужно будет заниматься штопкой ее сознания.

— Что еще за штопка?

— Тому, кто этого не знает, объяснять бесполезно.

— А сейчас? Что ты думаешь делать с этим ребенком сейчас?

— Еще не знаю. Надо подумать.

— В таком случае, позволь сказать тебе, что мы собираемся делать с кораблем.

— Я знаю, что ты собираешься делать. Вернуться на Новую Землю и встретиться с любвеобильной Хироко, если она пообещает не заражать тебя на этот раз.

Тревайз сохранил невозмутимое выражение лица.

— Нет, дело обстоит иначе. Я изменил свои намерения. Мы отправляемся на Луну — таково название спутника Земли, если верить Джену.

— Спутник? Потому что он близко? Я и не подумала об этом.

— Я тоже. Никто об этом не догадывался. Нигде в Галактике нет спутника, о котором стоило бы говорить, но этот, будучи таким огромным, уникален. Более того, анонимность Земли бросает на него тень. Тот, кто не смог найти Землю, не найдет и Луну.

— Она обитааема?

— Не на поверхности — нет, но она не радиоактивна, совершенно! Так что Луна не абсолютно непригодна для жизни. На ней может существовать жизнь — самая настоящая, но под поверхностью. И, конечно, ты сможешь сказать, есть ли она там, как только мы подойдем к Луне достаточно близко.

— Я попытаюсь, — пообещала Блисс. — Но, послушай, откуда у тебя эта идея — исследовать

спутник?

— Да так... — тихо проговорил Тревайз. — Спасибо Фаллом, ее рук дело.

Блисс помолчала, ожидая продолжения, но, не дождавшись, пожала плечами:

— Ну вот. А ты ее убить был готов.

— Да не хотел я ее убивать, Блисс!

— Ладно, — отмахнулась Блисс. — Хорошо. Значит, мы летим к Луне?

— Да. Из осторожности я не приближаюсь к ней слишком быстро, но если все пойдет нормально, мы окажемся рядом с ней через тридцать часов.

99

Луна оказалась пустынной. Тревайз обозревал ее освещенную Солнцем поверхность, проплывавшую внизу. Перед его глазами расстилалась однообразная панорама кратерных цирков и горных районов. Черные тени лежали там, куда не попадали лучи Солнца. Цветовые оттенки поверхности изменялись почти неуловимо. Время от времени попадались области относительно ровные, нарушаемые лишь небольшими кратерами.

По мере того как корабль подлетал кочной стороне, тени становились длиннее и наконец слились воедино. Позади еще какое-то время сияли на солнце отдельные пики, похожие на лучи звезд. Затем и они исчезли, и остался лишь слабый свет Земли, большой голубовато-белой сферы, освещенной почти наполовину. В конце концов и она ушла за горизонт, светилась лишь звездная пыль, а внизу все погрузилось в непроглядную тьму. Но для Тревайза, выросшего в беззвездном мире Терминуса, даже такое небо казалось удивительным.

Затем появились новые яркие звезды, сперва — одна или две, потом еще, расширяясь и расплываясь, пока наконец не соединились в одну. И вот корабль вновь перелетел через терминатор и оказался над дневной стороной. Солнце светило ярко, компьютер сменил угол обзора, оберегая глаза людей от адского сияния, и ввел поляризующие фильтры, чтобы уменьшить силу света, отраженного от поверхности Луны.

Тревайз отлично понимал, что бесполезно надеяться найти какой-нибудь вход в обитаемые глубины, осматривая огромный спутник невооруженным глазом.

Он повернулся к Блисс. Она не смотрела на экран — сидела с закрытыми глазами, опустив плечи.

Тревайз, думая, уж не заснула ли она, тихо спросил:

— Еще что-нибудь почувствовала?

Блисс едва заметно качнула головой.

— Нет, — шепнула она. — Только слабый всплеск, Лучше вернись туда. Ты помнишь, где расположено то место?

— Компьютер запомнил.

Дальнейшее было похоже на стрельбу по мишени с целью попасть в яблочко. Корабль, казалось, передвигался ползком. Загадочная область находилась в глубине ночной стороны, и, несмотря на сияние низко стоящей в небе Земли, заливавшей своим пепельным светом поверхность там, где ее ничто не затеняло, ничего невозможного было разглядеть, даже когда потушили свет в рубке для лучшей видимости.

Пришел Пелорат и, переминаясь с ноги на ногу у двери, спросил хриплым шепотом:

— Нашли что-нибудь?

Тревайз поднял руку, призывая друга молчать. Он наблюдал за Блисс. Он знал, что пройдут дни, прежде чем сюда вернется Солнце, но он знал также, что для Блисс и того, что она чувствовала, свет был безразличен.

— Это здесь, — сказала она вдруг.

— Ты уверена?

— Да.

— И это единственная точка?

— Это единственная точка, которую я обнаружила. Ты прошел над всей поверхностью Луны?

— Мы пролетели над значительной ее частью.

— Значит, это все, что я обнаружила на этой значительной части, Оно сильнее сейчас, словно оно обнаружило нас, и не кажется опасным. Я ощущаю что-то вроде приглашения.

— Ты уверена?

— Я так чувствую.

— Не может ли это быть ловушкой? — спросил Пелорат.

— Я ощутила бы обман, уверяю тебя, — с оттенком обиды в голосе сказала Блисс.

Тревайз проворчал что-то насчет чрезмерной самоуверенности, затем громко спросил:

— То, что ты обнаружила, разумно, я надеюсь?

— Я чувствую сильнейший разум. Только... — Ее голос звучал как-то странно.

— Только что?

— Ш-ш. Не мешай мне. Дай сосредоточиться, — произнесла она одними губами. И, с трудом скрывая удивление, добавила: — Это не человек.

— Не человек? — гораздо сильнее удивился Тревайз. — Мы снова имеем дело с роботами? Как на Солярий?

— Нет, — улыбнулась Блисс. — Это не совсем робот.

— Одно из двух — или робот, или человек.

— Ни то ни другое. — Она довольно прищелкнула языком. — Это не человек и все же не похож ни на одного робота, какого я знала раньше.

— Вот бы посмотреть! — воскликнул Пелорат, широко раскрыв глаза. — Это восхитительно! Так ново, необычно!

— Новое... Новое, — пробормотал Тревайз, — и вспышка неожиданного прозрения,казалось, осветила его изнутри.

100

Экипаж ликовал. Корабль приближался к поверхности Луны. Даже Фаллом присоединилась к взрослым и с детской непосредственностью подпрыгивала от радости, словно и вправду возвращалась на Солярию.

Что до Тревайза, то он чувствовал, что здравый смысл говорит о странности поведения Земли или того, что оставалось от нее на Луне. Она предприняла такие меры, чтобы держать всех как можно дальше, а теперь сама звала их к себе. Не могла ли ее цель оставаться той же самой? Не обстояло ли дело так: «Если не можешь прогнать, замани и уничтожь»? Разве не останутся тогда тайны Земли неприкословенными?

Но эта мысль вскоре утихла и утонула в потоке радости, что захлестывала Тревайза тем сильнее, чем ближе была поверхность Луны. А еще Тревайз пытался вернуть миг озарения.

Похоже, он не сомневался в том, куда вести корабль. «Далекая звезда» повисла над вершинами невысокой горной гряды, и Тревайзу расхотелось отдавать команды компьютеру. Он чувствовал, будто его вместе с компьютером ведут куда-то, и было так приятно, что тяжелая ноша ответственности упала с его плеч.

Корабль скользнул параллельно поверхности к скалам, вставшим, словно барьер, слабо светящийся в сиянии Земли и свете прожекторов «Далекой звезды». Вероятность столь очевидного столкновения, казалось, совсем не пугала Тревайза, и он не удивился, увидав, как часть скалы перед кораблем отъехала в сторону, и перед глазами путешественников озарился искусственным освещением туннель.

Корабль снизил скорость — казалось, сам по себе, точно вписался в отверстие-вход и вплыл в туннель. Скалы сомкнулись, а корабль через туннель попал в гигантский зал.

«Далекая звезда» замерла. Все они нетерпеливо кинулись к шлюзу. Никому из них, даже Тревайзу, и в голову не пришло проверить, есть ли снаружи пригодная для дыхания атмосфера или любая атмосфера вообще.

Однако, здесь был воздух, вполне пригодный для дыхания. Путешественники смотрели по сторонам с чувством людей, которые наконец-то попали домой, и не сразу заметили человека, вежливо ждавшего их приближения.

Он был высок и серьеzen. Коротко подстриженные волосы отливали бронзой. Скулы широкие, глаза блестели, а одежда на нем была того фасона, какой можно встретить на

иллюстрациях в древнейших исторических книгах. Хотя он казался крепким и энергичным, в нем чувствовалась какая-то внутренняя усталость.

Первой очнулась Фаллом. С громким визгом она бросилась к мужчине, размахивая руками и задыхаясь от крика:

— Джемби! Джемби!

Она мчалась со всех ног, но когда подбежала вплотную, мужчина остановил ее и поднял на руки. Она обвила руками его шею, всхлипывая и не переставая повторять:

— Джемби! Джемби!

Остальные приблизились более спокойно, и Тревайз медленно и отчетливо произнес (гадая, понимает ли этот человек галактический):

— Мы просим прощения, сэр. Этот ребенок потерял своего воспитателя и отчаянно его ищет. То, что она так обрадовалась вам, удивляет нас, поскольку она ищет металлического робота.

В ответ человек заговорил. Его голос был скорее механическим, чем музыкальным, в речи проскачивали архаизмы, но говорил он на галактическом свободно.

— Я приветствую вас всех, — сказал он вполне дружелюбно, несмотря на то что его лицо продолжало сохранять серьезное выражение. — Что касается ребенка, — продолжал он, — то он, возможно, продемонстрировал большую проницательность, чем вы думаете, поскольку я и есть робот. Меня зовут Р. Даниел Оливо.

Глава двадцать первая Поиск окончен

101

Тревайз не верил собственным ушам. Он избавился от странной эйфории, которую чувствовал перед посадкой на Луну, — эйфории, как он думал теперь, внушенной ему этим удивительным роботом.

Тревайз по-прежнему изумленно смотрел на все окружающее. Несмотря на то что его разум вновь стал совершенно нормальным и не подвергался уже постороннему влиянию, он все еще не мог прийти в себя от удивления. Он что-то говорил, поддерживая беседу, вряд ли понимая, что произносит или слышит, и продолжал искать хоть что-нибудь во внешности этого явно человеческого существа, в его поведении, в манере говорить, что выдало бы в нем робота.

Неудивительно, думал Тревайз, что Блисс обнаружила что-то, что не было ни роботом, ни человеком, а, по словам Пелората, «чем-то новым». Впрочем, это тогда направило мысли Тревайза по другому, более ясному пути. Но теперь они копошились где-то на задворках его сознания.

Блисс и Фаллом прогуливались, осматривая зал. Предложила походить Блисс, но Тревайзу почудилось, что эта идея возникла после молниеносного обмена взглядами между ней и Дэниелом. Когда Фаллом отказалась и попросилась остаться с существом, которое она по-прежнему называла «Джемби», какого-то серьезно сказанного слова и поднятого пальца оказалось достаточно, чтобы она тут же рысцой побежала к Блисс. Тревайз и Пелорат остались рядом с Дэниелом.

— Они не из Академии, — сказал робот так, словно это все объясняло. — Одна — Гея, другая — космонитка.

Тревайз молчал, пока все не уселись на простые стулья под деревом, повинувшись жесту робота. Тогда он наконец спросил:

— Ты действительно робот?

— Правда, сэр.

Лицо Пелората вспыхнуло от радости.

— В древних легендах есть упоминания о роботе по имени Дэниел. Ты назван в его честь?

— Я и есть тот самый робот. Это не легенда.

— О нет. Если ты тот самый робот, тебе, должно быть, тысяча лет.

— Двадцать тысяч, — тихо произнес Дэниел.

Пелорат растерялся и взглянул на Тревайза, а тот сердито проговорил:

— Если ты робот, я приказываю тебе говорить правду.

— Нет нужды заставлять меня говорить только правду, сэр. Я должен это делать. Сэр, вам предстоит решить задачу, имеющую три возможных решения: или я человек, который лжет вам, или я робот, который запрограммирован верить, что ему двадцать тысяч лет, но на самом деле это не так, или я робот и мне действительно двадцать тысяч лет. Вы должны решить, какой вариант выбрать.

— Я это выясню в ходе дальнейшей беседы, — сухо сказал Тревайз. — Что касается обстановки, то трудно поверить, что мы внутри Луны. Ни свет (говоря это, он посмотрел вверх, поскольку свет был столь же мягким, рассеянным, хотя его и не было на небе, а, кстати, самого неба не было видно) ... ни гравитация не кажется лунными. Поверхностная гравитация здесь должна быть меньше 0,2 g.

— Нормальное притяжение на поверхности — 0,15 g, сэр. Обычное притяжение, однако достигается тем же самым способом, который дает вам на вашем корабле ощущение нормальной силы тяжести, даже когда вы находитесь в состоянии свободного падения или ускорения. Другие энергетические потребности, включая освещение, удовлетворяются также за счет гравитации, хотя мы используем и солнечную энергию там, где это удобно. Все наши нужды в материалах обеспечивают лунные породы, за исключением легких элементов — водорода, углерода и азота, которых здесь практически нет. Мы получаем их, перехватывая случайные кометы. Одной такой кометы в столетие более чем достаточно, чтобы удовлетворять наши потребности в этих элементах.

— Я так понимаю, что Земля бесполезна как источник ресурсов.

— К несчастью, это так, сэр. Наши позитронные мозги столь же чувствительны к радиации, как и человеческие белки.

— Ты использовал множественное число, и это сооружение вокруг нас кажется большим, прекрасным и детально продуманным — по крайней мере, на первый взгляд. Есть ли другие существа на Луне? Люди? Роботы?

— Да, сэр. У нас здесь на Луне создана совершенная экосистема и огромные, сложные пустоты, внутри которых она существует. Однако разумные существа здесь — только роботы, более или менее похожие на меня. Впрочем, вы не увидите ни одного из них. Что касается этого помещения, им пользуюсь только я, и с самого начала определилось, что оно спроектировано для одного меня, когда я поселился здесь двадцать тысяч лет назад.

— Которые вы помните во всех деталях, да?

— Совершенно верно, сэр. Я был смонтирован и существовал некоторое время — какое короткое время, как мне кажется теперь! — на космонитской планете Аврора.

— На той, где... — Тревайз замялся.

— Да, сэр. На той, где дикие собаки.

— Ты знаешь об этом?

— Да, сэр.

— Как же ты попал сюда, если сначала жил на Авроре?

— Сэр, это произошло при попытке предотвратить превращение Земли в радиоактивную планету; я появился здесь в самом начале колонизации Галактики. Со мной был другой робот, которого звали Жискар, и он мог воспринимать и изменять мысли людей.

— Как Блесс?

— Да, сэр. Мы потерпели поражение, и Жискар прекратил свое существование. Но перед этим, однако, он передал мне свой талант и оставил меня заботиться о Галактике, и особенно — о Земле.

— Почему о Земле?

— Отчасти из-за человека по имени Элайдж Бейли, землянина.

Пелорат нетерпеливо прервал их диалог:

— Это собирательный образ, о котором я упоминал некоторое время тому назад, Голан.

— Собирательный образ, сэр?

— Доктор Пелорат имеет в виду, — пояснил Тревайз, — что Элайдж — некая личность,

которой очень многое приписывается и которая может быть лишь квинтэссенцией множества людских судеб в реальной истории, а то и просто выдуманной фигурой.

Дэниел какое-то время размышлял над сказанным, а затем совершенно спокойно произнес:

— Это не так, сэр. Элайдж Бейли был реальным человеком, и он был только им. Я не знаю, что говорят о нем ваши легенды, но в действительности Галактику могли бы никогда и не колонизировать без его участия. В память о его деяниях я пытался сделать все, что мог, чтобы спасти Землю, после того как она стала превращаться в радиоактивную свалку. Мои друзья-роботы разбрелись по Галактике, чтобы попытаться повлиять на нужных людей то там, то здесь. Сперва я предпринял попытку заменить почву Земли. Позже я попытался организовать терраформирование мира около ближайшей звезды, называемой сейчас Альфой. Ни в том, ни в другом случае мне не удалось довести начатое до конца. Я никогда не мог изменить мысли людей в точности так, как хотел, поскольку всегда был риск, что я могу нанести вред всем этим людям, вмешиваясь в их сознание. Я был связан, вы понимаете, — и связан по сей день — законами роботехники.

— Да?

Не было нужды обладать ментальной мощью Дэниела, чтобы уловить в этом «да» недоверие.

— Первый Закон, — сказал он, — таков, сэр: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Второй Закон: «Робот должен повиноваться приказам человека, если эти приказы не противоречат Первому Закону». Третий Закон: «Робот должен заботиться о собственной безопасности, насколько это не противоречит Первому и Второму Законам». Естественно, я привел эти законы приблизительно, насколько их возможно сформулировать на вашем языке. Фактически они представляют собой сложнейшие математические выражения в схемах позитронного мозга.

— Ты считаешь, что трудно поступать в соответствии с ними?

— Но я должен, сэр. Первый Закон — абсолютен. Он почти запрещает использование моего ментального таланта. Когда имеешь дело со всей Галактикой, маловероятно, что любой образ действий не принесет никому вреда. Вероятно, что некоторые люди, а возможно, многие, могут пострадать, так что робот должен выбирать наименьшее из зол. Хотя сложность всех вариантов такова, что для выбора требуется время, и даже тогда ты не вполне уверен в его правильности.

— Понимаю, — согласился Тревайз.

— Все время, пока длится история Галактики, я пытался сгладить худшие стороны споров и бедствий, постоянно дававших о себе знать в Галактике. Иногда мне это удавалось случайно и лишь в некоторой степени, но если вы знаете вашу историю, то должны понимать и то, что успех мне сопутствовал не часто, да и тот оказывался невелик.

— По большей части так оно и было, — криво улыбнулся Тревайз.

— Только перед своей кончиной Жискар вывел закон, превосходящий даже Первый. Мы назвали его «Нулевым Законом», не сумев придумать другое название, имевшее смысл. Он гласит: «Робот не может причинить вред человечеству или своим бездействием допустить, чтобы человечеству был причинен вред». Это автоматически означает, что Первый Закон должен быть изменен так: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред, поскольку это не противоречит Нулевому Закону». И соответствующие изменения должны быть внесены во Второй и Третий Законы.

— Но как вы решаете, — нахмурился Тревайз, — что может причинить вред человечеству в целом, а что нет?

— Резонный вопрос, сэр. Теоретически Нулевой Закон решает все наши проблемы. На практике же, мы никогда не можем быть совершенно уверены. Человек — конкретный объект. Вред, нанесенный ему, может быть рассмотрен и оценен. Человечество же — абстракция. Как можно рассматривать вред, нанесенный абстракции?

— Я не знаю, — сказал Тревайз.

— Подождите, — вмешался Пелорат. — Вы можете превратить человечество в единый организм. Как Гею, например.

— Это именно то, что я пытаюсь сделать, сэр. Я возглавлял создание Геи. Если

человечество может быть преобразовано в единый организм, оно станет вполне конкретным объектом и с ним можно будет иметь дело. Оказалось, что создать суперорганизм не так легко, как я надеялся. Во-первых, это не может быть сделано, пока люди не предпочтут его своей индивидуальности, и я хотел бы создать в них такой образ мыслей, который позволял бы это. Много времени прошло, пока я не подумал о законах роботехники.

— А, значит, генияне действительно роботы. Я предполагал это с самого начала.

— На этот раз вы предположили неправильно, сэр. Они люди, но в их мозги прочно внедрен эквивалент законов роботехники. Они ценят жизнь. Действительно ценят. Но даже после этого оставалась серьезная проблема. Суперорганизм, состоящий только из людей, нестабилен. Он не может оставаться в первозданном состоянии. Должны быть добавлены другие животные, затем растения, затем и неорганические компоненты. Наименьший стабильный суперорганизм — это целая планета, достаточно большой и сложный мир, чтобы иметь устойчивую экосистему. Потребовалось немало времени, чтобы понять это, и только несколько столетий назад Гея полностью устоялась и стала способной двигаться дальше — к Галаксии. Но даже при таком положении дел это займет много времени. Возможно, не так много, сколько потребовал пройденный этап, поскольку мы теперь знаем все правила.

— Но вам был нужен я, чтобы принять за вас решение. Это так, Дэниел?

— Да, сэр. Законы роботехники не позволили бы ни мне, ни Гее принять решение и рискнуть и, возможно, причинить вред человечеству. И тем не менее пять столетий назад, когда мне казалось, что я никогда не найду способа преодолеть все сложности, что возникали на путях становления Геи, я обратился ко второму, несколько худшему варианту и помог вызвать к жизни психоисторию.

— Я должен был догадаться... — пробормотал Тревайз. — Знаешь, Дэниел, я начинаю верить, что тебе в самом деле двадцать тысяч лет.

— Благодарю вас, сэр.

— Подождите, — сказал Пелорат. — Мне кажется, я начинаю что-то понимать. Вы ведь сами — часть Геи, Дэниел? Именно так вы узнали о собаках на Авроре? Через Блисс?

— В каком-то смысле, сэр, вы правы. Я связан с Геей, хотя и не являюсь ее частью.

Брови Тревайза поползли вверх.

— Это похоже на Компореллон — планету, которую мы посетили сразу после отлета с Геи. Там настаивают на том, что Компореллон не входит в Конфедерацию Академии, а лишь ассоциирован с ней.

— Я полагаю, что эта аналогия верна, сэр, — медленно кивнул Дэниел. — Я могу как ассоциированный с Геей организм знать то, что знает Гея, — например, в лице женщины Блисс. Гея, однако, не может знать того, что знаю я, так что я сохраняю свободу действий. Это необходимо, пока Галаксия как следует не устоялась.

Тревайз некоторое время в упор смотрел на робота, а затем спросил:

— И ты использовал свою осведомленность для того, чтобы организовывать соответствующие события во время нашего путешествия, делая его таким, каким оно тебе больше нравилось?

Дэниел, на манер человека, вздохнул, что получилось очень любопытно.

— Я не мог слишком много сделать, сэр. Законы роботехники обычно сдерживали меня. И все же я уменьшил нагрузку на мозг Блисс, приняв часть ответственности на себя, так что она могла разобраться с собаками Авроры и космонитами на Солярии быстрее и с меньшим вредом для себя. Кроме того, через Блисс я повлиял на женщин на Компореллоне и на Новой Земле, чтобы они обратили на тебя внимание, и в результате ты смог продолжать свое путешествие.

Тревайз с легкой печальной усмешкой сказал:

— Я должен был знать, что это не моя заслуга.

Дэниел отнесся к его утверждению совершенно серьезно, не обратив внимания на содержащуюся в нем печальную самоиронию.

— Напротив, сэр, — сказал он, — большая часть заслуг в этом ваша. Каждая из двух женщин изначально относились к вам благосклонно. Я просто усилил уже имевшееся влечение — насколько это можно было проделать в рамках законов роботехники. Из-за этих ограничений, а также по ряду иных причин, прибегая лишь к косвенным воздействиям, я с большим трудом

смог привести вас сюда. И при этом на некоторых этапах моей операции существовала опасность потерять вас навсегда.

— И теперь я здесь, — сказал Тревайз. — Что же ты хочешь от меня? Подтверждения моего выбора в пользу Галаксии?

На лице Дэниела, обычно лишенном всякого выражения, казалось, промелькнуло отчаяние.

— Нет, сэр. Простого решения больше недостаточно. Я собрал вас здесь, сделав все, что смог в моем теперешнем состоянии, из-за возникновения более отчаянной ситуации. Я умираю.

102

Возможно, из-за того тона, которым Дэниел сообщил это, возможно, из-за того, что жизнь длиной в двадцать тысяч лет делала смерть чем-то не похожим на трагедию для того, кто жил менее половины процента этого времени, но, в любом случае, Тревайз не испытывал в этот момент никакой симпатии к Дэниелу.

— Умираешь? Как может машина умирать?

— Я могу прекратить существовать, сэр, называйте это, как вам нравится. Я стар. Ни один свидетель моего появления в Галактике, когда во мне впервые пробудилось сознание, не дожил до настоящего дня — ни органическое создание, ни робот. Даже сам я не существовал непрерывно.

— Каким образом?

— Не осталось ни одной материальной части моего тела, сэр, которая не избежала бы неоднократной замены. Даже мой позитронный мозг заменяли пять раз, каждый раз переписывая его содержимое до последнего позитрона. При этом новый мозг отличался от предыдущего большей мощностью и сложностью, так что появлялось дополнительное место для воспоминаний, возможность ускорения решений и действий. Но...

— Но?

— Чем более прогрессивен и сложен мозг, тем он более нестабилен и тем быстрее выходит он из строя. Мой современный мозг в сотни тысяч раз чувствительней первого и в десять миллионов раз мощнее. Но в то время как первый мозг служил мне больше десяти тысяч лет, настоящий работает лишь шесть сотен лет и, несомненно, начинает уже отказывать. За двадцать тысяч лет он переполнен воспоминаниями, да и механизмы их поиска тоже занимают много места. Возникла все более усиливающаяся неспособность принимать решения; еще быстрее нарушается возможность контролировать и влиять на умы на гиперпространственных расстояниях. Я не могу разработать и шестой мозг. Дальнейшая миниатюризация разбивается о стену принципа неопределенности, а дальнейшее усложнение приведет к почти мгновенному его разрушению.

Пелорат, казалось, впал в отчаяние:

— Но, Дэниел, Гея наверняка сможет продолжить начатое и без тебя. Теперь, когда Тревайз рассудил и выбрал Галаксию...

— Просто процесс потребовал слишком много времени, сэр, — как обычно без эмоций продолжил Дэниел. — Я дождался полного становления Геи, несмотря на встающие передо мной трудности. К тому времени когда был найден человек — мистер Тревайз, способный принимать ключевые решения, было уже слишком поздно. Не думайте, впрочем, что я не предпринимал никаких мер, чтобы продлить свою жизнь. Мало-помалу я уменьшил свою активность, чтобы сохранить, что только возможно, для чрезвычайных ситуаций. Когда я больше уже не мог полагаться на активные действия, обеспечивавшие сохранение изоляции Земли и Луны, я перешел к пассивным. В течение ряда лет человекоподобные роботы, работавшие со мной, были отзваны домой один за другим. Их последней задачей было изъятие всех упоминаний о Земле из планетных архивов. И в лице меня и моих друзей-роботов Гея утратила значительную силу, способствовавшую развитию Галаксии в разумный промежуток времени.

— И ты знал все это, — спросил Тревайз, — когда я принимал свое решение?

— Задолго до этого, сэр. Но Гея, конечно же, не знала.

— Но тогда, — рассердился Тревайз, — что толку было пробираться сквозь эту шараду? Кому это нужно? После принятия мной решения я общарил Галактику в поисках Земли и того, что считал ее «тайной», — для подтверждения своего выбора — не зная, что тайна — это ты. Хорошо, я подтвердил его. Я понял, что Галаксия абсолютно необходима. И теперь оказывается, что все это — впустую. Почему бы тебе не предоставить Галактику самой себе, а меня — мне самому?

— Потому что, сэр, я искал выход и не терял надежды, что смогу его найти. И думаю, что нашел. Вместо того чтобы менять свой мозг на еще один позитронный, совершенно непрактичный, я могу вместо этого слиться с мозгом человека; его мозг не подвержен действию Трех Законов и может не только добавить мощности моему, но помочь мне выйти на новый уровень способностей. Именно поэтому я и привел вас сюда.

— Ты имеешь в виду, — ужаснулся Тревайз, — что планируешь встроить человеческий мозг в свой? Он должен потерять свою индивидуальность, так что ты превратишься в некую двухголовую Гею?

— Да, сэр. Это не сделает меня бессмертным, но позволит прожить достаточно долго, чтобы успеть установить Галаксию.

— И ты привел меня сюда для этого? Ты хочешь получить мою независимость от Трех Законов и мое чувство правоты, сделать их частью себя ценой подавления моей индивидуальности? Ну уж нет!

— Хотя ты заявил мгновением раньше, что Галаксия необходима для лучшего будущего человечества...

— Даже если и так, это займет много времени, и я смогу остаться личностью всю оставшуюся мне жизнь. С другой стороны, если она установится быстро, то вся Галактика потеряет свою индивидуальность, и моя потеря окажется лишь малой частью невообразимо огромного целого. Я, однако, никогда не соглашусь потерять свою индивидуальность, пока остальная Галактика сохраняет свои.

— Все обстоит именно так, как я и думал. Твой мозг не способен полностью слиться с другим и, в любом случае, будет лучше, если ты сохранишь способность к независимым суждениям.

— Когда ты успел изменить свое решение? Ты сказал, что привел меня сюда для слияния.

— Да, и только огромным напряжением своих угасающих сил. Но когда я сказал «именно поэтому я привел вас сюда», ты должен вспомнить, что в стандартном галактическом слово «вы» имеет значение как единственного числа, так и множественного. Я имел в виду всех вас.

Пелорат выпрямился на своем стуле.

— В самом деле? Скажи мне тогда, Дэниел, сможет ли человеческий мозг, слившись с твоим, разделить все его воспоминания, все двадцать тысяч лет, вплоть до легендарных времен?

— Конечно, сэр.

Пелорат глубоко вздохнул.

— Это завершит поиск, которому я посвятил жизнь, и за это я с радостью отдал бы мою индивидуальность. Пожалуйста, даруй мне эту привилегию — разделить с тобой твой мозг.

— А Блисс? Что будет с ней? — мягко спросил Тревайз.

Пелорат замялся лишь на мгновение.

— Блисс поймет, — сказал он. — Ей в любом случае будет лучше без меня. Спустя некоторое время.

Дэниел покачал головой:

— Ваше предложение, доктор Пелорат, великодушно, но я не могу принять его. Ваш мозг стар и не сможет прожить больше двух-трех десятилетий, даже слившись с моим. Мне необходимо нечто иное. Смотрите! — показал он и пояснил: — Я позвал ее назад.

Блисс возвращалась, счастливая, веселая.

Пелорат судорожно вскочил и крикнул:

— Блисс? О нет!

— Не тревожьтесь, доктор Пелорат, — сказал Дэниел. — Использовать Блисс я не могу. Это соединило бы меня с Геей, а, как я уже объяснял вам, я должен сохранять независимость от нее.

— Но в таком случае, — удивился Пелорат, — кто...

А Тревайз, посмотрев на тоненькую фигурку, бегущую за Блисс, произнес:
– Все это время, Джен, роботу была нужна Фаллом.

103

Блисс улыбалась, испытывая огромное удовольствие.

– Мы не могли выйти за границы этого зала, но все вокруг очень напоминает мне Солярию. Фаллом, конечно, уверена, что это – и в сомом деле Солярия. Я спрашивала ее, не думает ли она, что Дэниел внешне отличается от Джемби – кроме всего прочего, Джемби был металлическим, – и Фаллом ответила «нет, на самом деле – нет». Я не знаю, что она подразумевала под этим «на самом деле».

Она глянула в центр помещения, где Фаллом теперь играла на флейте, а Дэниел внимательно слушал и временами одобрительно кивал. Звуки инструмента иногда доносились и до них, тонкие, ясные и нежные.

– Ты знал, что она взяла флейту с собой, когда мы покидали корабль? – спросила Блисс. – Я полагаю, мы теперь довольно долго не сможем разлучить ее с Дэниелом.

Замечание это было встречено тяжелым молчанием, и Блисс с внезапной тревогой посмотрела на двух мужчин:

– В чем дело?

Тревайз махнул в сторону Пелората. «Это вопрос к нему», казалось, говорил этот жест.

Пелорат откашлялся и сказал:

– Послушай, Блисс, я думаю, что Фаллом будет лучше навсегда остаться у Дэниела.

– Навсегда? – Блисс, напрягшись, качнулась в сторону Дэниела, но Пелорат поймал ее за руку.

– Блисс, дорогая, ты не можешь ничего сделать. Он могущественнее, чем Гея даже сейчас, и Фаллом должна остаться с ним, если мы хотим становления Галаксии в будущем. Позволь, я объясню – Голан, пожалуйста, поправь меня, если я в чем-либо ошибусь.

Блисс вслушивалась в объяснения, и по выражению ее лица можно было понять, что она близка к отчаянию.

Тревайз вмешался в их разговор, пытаясь привнести толику холодного разума.

– Посмотри, как обстоят дела, Блисс. Ребенок – космонит, а Дэниел был спроектирован и собран космонитами. Ребенок воспитан роботом и не знает ничего, кроме своего поместья, столь же пустого, как и эти места. Фаллом обладает способностью преобразовывать энергию, в которой нуждается Дэниел, и может прожить три или четыре столетия. Возможно, этого хватит для создания Галаксии.

Блисс, чьи щеки пылали, а глаза были мокры от слез, сказала:

– Я полагаю, что робот таким образом направлял наше путешествие к Земле, чтобы мы не миновали Солярию. И все для того, чтобы добыть этого ребенка.

– Он мог просто использовать благоприятное стечние обстоятельств, – пожал плечами Тревайз. – Я не думаю, что его мощь сейчас настолько велика, что сделала из нас марионеток на гиперпространственных расстояниях.

– Нет. Это было целенаправленно. Он был уверен, что я настолько привяжу к ребенку, что скорее возьму его с собой, чем брошу на верную смерть; что я буду защищать Фаллом даже от тебя, в то время как ты не станешь проявлять ничего, кроме негодования и раздражения от ее присутствия среди нас.

– С тем же успехом это может быть твоим чувством геянской этики, – сказал Тревайз, – которое Дэниел лить слегка усилил, как мне кажется. Послушай, Блисс, так ты ничего не добьешься. Предположим, ты сможешь забрать отсюда Фаллом. Что ты можешь дать ей взамен, чтобы сделать столь же счастливой, как здесь? Вернешь ли ты ее на Солярию, где она будет безжалостно убита; возьмешь ли на Гею, где ребенок захочет от тоски по Джемби; или на какой-нибудь перенаселенный мир, где Фаллом ослабеет и умрет; или в бесконечное странствие по Галактике, где она будет считать каждый новый мир ее Солярией? А сможешь ли ты найти подходящую замену для Дэниела, чтобы он смог закончить становление Галаксии?

Блисс печально молчала.

Пелорат робко протянул к ней свою руку.

— Блисс, — сказал он, — я добровольно предложил, чтобы мой мозг соединился с мозгом Дэниела. Он не принял это, сказав, что я слишком стар. Хотел бы я, чтобы это произошло, если таким образом мог бы спасти Фаллом.

Блисс схватила его руку и поцеловала ее.

— Благодарю тебя, Пел, но цена была бы слишком высока, даже за Фаллом. — Она глубоко вздохнула и попыталась улыбнуться. — Возможно, когда мы вернемся на Гею, в ее глобальном организме найдется место и для моего ребенка — и я назову его в честь Фаллом.

Дэниел в это время шел к ним, словно уверенный, что все разрешилось, а рядом весело прыгала Фаллом.

Она сорвалась на бег и первой подоспела к ним, сказав Блисс:

— Благодарю тебя за то, что ты вернула меня домой к Джемби и за заботу обо мне там, на корабле. Я всегда буду вспоминать тебя.

Она прильнула к Блисс, и они сжали друг друга в крепких объятиях.

— Я надеюсь, ты всегда будешь счастлива, — сказала Блисс. — Я тоже буду вспоминать тебя, милая Фаллом, — и с неохотой отпустила ее.

Фаллом повернулась к Пелорату:

— Благодарю и тебя, Пел, за позволение читать твои библиофильмы. — Затем, без лишних слов и слегка помедлив, протянула тонкую девичью руку Тревайзу. Он на мгновение взял ее, а затем отпустил.

— Удачи, Фаллом, — пробормотал он.

— Благодарю вас всех за то, что вы сделали. Все вы вольны покинуть меня сейчас, поскольку ваш поиск окончен. Что касается моей работы, она тоже будет окончена, и теперь — успешно, — торжественно произнес Дэниел.

Но Блисс все же сказала:

— Подожди. Это еще не все. Мы еще не знаем, по-прежнему ли Тревайз считает, что лучшее будущее для человечества — Галаксия, а не огромный конгломерат изолятов.

— Он уже объявил свое решение некоторое время назад и высказался в пользу Галаксии.

Губы Блисс сжались.

— Я предпочла бы услышать это от него. Это так, Тревайз?

— А что ты хотела, Блисс? — спокойно ответил Тревайз. — Если бы я высказался против Галаксии, ты могла бы получить Фаллом обратно.

— Я Гея. Я должна знать, что ты решил и причины твоего решения ради выяснения истины и ничего более.

— Скажите ей, сэр, — попросил Дэниел. — Ваш разум, как об этом и заботилась Гея, остается нетронутым.

И Тревайз сказал:

— Мое решение — это Галаксия. У меня больше нет сомнений по этому поводу.

104

Блисс застыла на время, за которое можно было сосчитать до пяти, причем не торопясь. Казалось, она ждала, пока информация дойдет до всех частей Геи, и лишь затем спросила:

— Почему?

— Послушай меня, — сказал Тревайз. — Я с самого начала знал, что существовали два возможных будущих для человечества: Галаксия или же Вторая Империя — венец Плана Селдона. И мне казалось, что это взаимоисключающие возможности развития. То есть мы не смогли бы установить Галаксию, если по какой-то причине План Селдона не содержал бы в себе какой-нибудь фундаментальной ошибки. К несчастью, я ничего не знал о Плане Селдона, за исключением двух аксиом, которые лежали в его основе: одна — для возможности рассмотрения человечества как группы случайно взаимодействующих индивидуумов, то есть статистически: в рассмотрение должно быть принято достаточно большое количество людей; и вторая — человечество не должно знать результаты психоисторических исследований, пока эти результаты не воплотятся в жизнь. Уже высказавшись в пользу Галаксии, я понимал, что

должен был быть подсознательно уверен в порочности Плана Селдона, а его ошибки могли возникнуть только из-за аксиом, поскольку это было все, что я знал о нем. Хотя я и не мог обнаружить их ошибочность. Тогда я пустился на поиски Земли, чувствуя, что без нужды ее не стали бы так тщательно скрывать. Я хотел выяснить, с какой целью ее так прятали. У меня не было реальных причин ожидать, что обнаружение Земли автоматически решит эту проблему, но я был в отчаянии и не мог больше ни о чем думать. Возможно, стремление Дэниела получить ребенка с Солярии усилило мою тягу к путешествиям.

Во всяком случае, мы наконец достигли Земли, а затем и Луны, и Блисс обнаружила сознание Дэниела, которое он, конечно, преднамеренно обнаружил. Она описывала этот разум как нечто не человеческое, но и не относящееся к роботам. Задним числом это утверждение имело смысл, так как мозг Дэниела далеко превосходит мозг любого из существовавших роботов и не должен восприниматься как простой разум робота. Однако он ни в коем случае не напоминает человеческий. Пелорат охарактеризовал его как «нечто новое», и это стало толчком для моего собственного «чего-то нового» – новых мыслей.

Точно так же, как давным-давно Дэниел со своим коллегой выработали четвертый Закон роботехники, более фундаментальный, чем три других, так и я смог внезапно увидеть третью базисную аксиому психоистории, более фундаментальную, чем две другие; настолько фундаментальную, что никто даже и не позабылся упомянуть ее.

Вот она. Две известные аксиомы касаются людей, и они основаны на той невысказанной аксиоме, что люди – единственные разумные существа в Галактике и, следовательно, единственные, чьи действия имеют значение для развития истории и общества. Итак, неизвестная аксиома: «В Галактике есть только одно разумное существо и это – Homo Sapiens». Если бы возникло «что-то новое», если бы нашлись другие разумные формы жизни, отличные от людей по своей природе, тогда их поведение не описывалось бы точно математическим аппаратом психоистории и План Селдона не имел бы смысла. Понимаешь? – Тревайз чуть не дрожал от сильнейшего стремления быть правильно понятым. – Понимаешь? – повторил он.

– Да, понимаю, но как адвокат дьявола, дружочек.

– Да? Давай.

– Человек – действительно единственное разумное существо в Галактике.

– А работы? – предположила Блисс. – А Гея?

Пелорат призадумался, а затем медленно произнес:

– Роботы не играют заметной роли в истории человека с момента исчезновения космонитов. Гея не имела значения до недавнего времени. Роботы – творение человека, а Гея – творение роботов, и роботы и Гея, поскольку они связаны Тремя Законами, не имеют иного выбора, кроме как покоряться воле человека. Несмотря на двадцать тысяч лет работы Дэниела и долгое развитие Геи, одно-единственное слово Тревайза, человеческого существа, могло положить конец и этой работе, и этому развитию. Из этого следует, что человечество – единственный, имеющий значение вид разумной жизни в Галактике, и психоистория остается в силе.

– Единственная форма разумной жизни, – медленно повторил Тревайз. – Я согласен. Хотя мы так много и часто говорим о Галактике, что не можем понять, что это еще не все. Галактика – это не вся Вселенная. Есть и другие галактики. – Пелорат и Блисс насторожились. Дэниел, как всегда серьезный, слушал Тревайза, медленно поглаживая волосы Фаллом. – Слушайте дальше, – продолжил Тревайз. – За пределами Галактики находятся Магеллановы Облака, в которые еще не проникали наши корабли. За ними – другие небольшие галактики, а неподалеку – гигантская Туманность Андромеды, которая больше нашей. И дальше – миллиарды других.

В нашей Галактике развилась только одна форма разума, достаточно мощного, чтобы построить технологическое общество, но что мы знаем о других? Наша может оказаться нетипичной. В некоторых других – возможно, даже во всех – могут быть различные конкурирующие разумные расы, сражающиеся друг с другом, и каждая – непостижима для нас. Возможно, эта взаимная борьба полностью поглощает их внимание, но что, если в одной из галактик какая-либо из рас добьется преобладания над остальными и затем получит время поразмышлять над возможностью проникновения в другие галактики?

В гиперпространстве галактика – только точка – как и вся Вселенная. Мы не бывали в

иных галактиках, и, насколько нам известно, ни один разумный организм из другой галактики никогда не появлялся в нашей, но такое положение вещей может в один прекрасный день измениться. И если пришельцы явятся, они постараются найти способы повернуть каких-либо людей против всего человечества. До сих пор только мы использовали это в наших междоусобных ссорах. Пришельцы, обнаружившие нас разделенными и воюющими друг с другом, смогут покорить нас всех или вообще уничтожить. Единственная надежная защита – установление Галаксии, которая не может обратиться против самой себя, но встретит пришельцев всей своей мощью.

– Ты нарисовал пугающую картину, – сказала Блисс. – Будет ли у нас время сформировать Галаксию?

Тревайз поглядел вверх, словно пронзая взглядом толстый слой лунных скал, отделяющий его от поверхности и от космоса, словно пытаясь увидеть эти отдаленнейшие галактики, медленно плывущие сквозь невообразимые дали космоса.

– За всю историю человечества, – сказал он, – ни одна другая разумная раса, насколько мы знаем, не нападала на нас. Нам нужно выстоять еще только несколько столетий, возможно, меньше одной десятитысячной того времени, что уже существует наша цивилизация, и мы будем в безопасности. Кроме всего прочего, – и тут Тревайз почувствовал внезапное сомнение, которым все же заставил себя пренебречь, – ведь сейчас среди нас еще нет врагов.

Но он не посмотрел вниз. Иначе бы встретился глазами с пристальным взглядом Фаллом – гермафродита, способного преобразовывать энергию и вообще не похожего на людей.